Петроградъ, ул. Гоголя (бывшая М. Морская), № 22.

Оглавленіе „НИВЫ“ за 1917 годъ.

СТРАН.

I. Повѣсти, разсказы, стихотворенія и пр.

II. Очерки и статьи.

III. Текущія событія.

IV. Политическое обозрѣніе.

(Очерки проф. К. Н. Соколова).

V. Великая Европейская война.

VI. Моды.

VII. Картины, рисунки и иллюстраціи.

а) Картины и рисунки.

б) Иллюстраціи.

1. Великая европейская война.

2. Разныя иллюстраціи.

VIII. Карты.

IX. Портреты и біографіи.

НИВА

1917 г. № 1

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVIII г. изданія

Выданъ 7-го января 1917 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ 1/4 ширины страницы: передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагаются „Полн. собр. соч. М. Горькаго“ кн. 1 и „Для дѣтей“ № 1.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ИГРАТЬ НА ПІАНИНО И РОЯЛѢ

МОЖЕТЪ выучиться каждый въ самый короткій срокъ безъ помощи учителя и безъ всякой предварительной музыкальной подготовки только по новой, очень легкой и понятной системѣ „ЭВРИКА“.

Въ самоучитель „ЭВРИКА“ входятъ вальсы: **„Осенній сонъ“**, **„Надъ волнами“**, романсъ **„Не оставь меня“** и друг. 4461

Вышли изъ печати альбомы 1-й, 2-й, 3-й, и 4-й по той же системѣ, въ которые входятъ: **„Хризантемы“**, **„Чайка“**, **„Бѣлая акація“**, **„Какъ хороши тѣ очи“**, **„Жаворонокъ“** муз. Глинки, знам. **„Мазурка“** Венявскаго, **„Краковякъ“**, **„Вальсъ Интермеццо“**, маршъ **„Тоска по родинѣ“**, **„Умеръ бѣдняга въ больницѣ военной“**, **„Гусары-усачи“** и мн. друг.

Имѣется много одобрительныхъ отзывовъ. Свидѣтельство заявлено въ министерствѣ Т. и Пр.

Цѣна самоучителя «Эврика» 6 руб. 50 коп. ■ Цѣна каждаго альбома 3 руб. 50 коп. ■ Высылается налож. платеж.

АДРЕСЪ: автору-издателю **С. К. ХАНБЕКОВУ, Москва,** *Петровскія Ворота, 2-й Знаменскій, 7, кв. 125.*

ПЕРУИНЪ-ПЕТО

СРЕДСТВО ДЛЯ ВОЛОСЪ

продается вездѣ.

УГРИНЪ

ОТЪ УГРЕЙ И ПРЫЩЕЙ

продается вездѣ.

ПИЛЮЛИ „АРА“

СЛАБИТЕЛЬНЫЯ

продаются вездѣ.

ПЕТРОГРАДЪ, НЕВСКІЙ, 20, **БАЗАРЪ МАРОКЪ.**

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

Художественный стѣнной

КАЛЕНДАРЬ на 1917 г.

Цѣна 1 р. 50 к., 4465

изданный въ пользу сиротъ воиновъ

КОМИТЕТОМЪ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ.

Адмиралтейская наб., д. 12.

Заказы исполняются немедленно.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья

ПЕТРОГРАДЪ

4462

УЧАЩИМСЯ,

Пособія для сочиненій, разборы классиковъ. Ломоносовъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Крыловъ, Бѣлинскій, Жуковскій, Гоголь, Аксаковъ, А. Толстой, Некрасовъ, Достоевскій, Тургеневъ, Островскій, Гончаровъ, Майковъ, Григоровичъ, Чеховъ и Л. Толстой, сост. А. Н. Новиковымъ. Каждое изъ нихъ содержитъ біографію, разборъ главн. произвед., темы и планы, содержаніе ихъ, полныя характеристики дѣйствующихъ лицъ, значеніе въ литературѣ разбир. произведенія. Нѣкоторые изъ плановъ настолько обширны по содержанію, что изъ каждаго изъ нихъ можно черпать матеріалъ для нѣсколькихъ сочиненій на различныя темы. Предвидя большой спросъ и желая дать возможность пріобрѣсти каждому,— назначены доступныя цѣны по 60 и 80 коп. за каждое. Высылаются наложеннымъ плат. Выписывающіе изъ склада А. Загряжскаго (Петроградъ, Разъѣзжая, 14—А) на сумму не менѣе четырехъ рублей за пересылку не платятъ. Поступила въ продажу того же автора: руководство къ составленію сочиненій, для самостоятельн. подготовки и для самообразов. книга: **КАКЪ ПИСАТЬ СОЧИНЕНІЯ.** Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к. За двѣ десятикопеечныя марки высылается указатель учебныхъ пособій. Указатель содержитъ перечисленіе существующихъ рѣшеній, конспектовъ, повторительныхъ курсовъ, переводовъ-подстрочниковъ, словарей, программъ и др. подобныхъ изданій съ указаніемъ цѣнъ. 4460

Августъ Эриксонъ

хронометровыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеръ Николаевской Главной Астрономической Обсерваторіи въ Пулковѣ, Императорскаго Россійскаго флота и пр. и пр.

СУЩ. СЪ 1865 Г.

ХРОНОМЕТРЫ и ЧАСЫ.

Петроградъ, Невскій пр., № 13.

4453 9-8

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ЬЯ

ПЕТРОГРАДЪ.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

4464 1-1

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Контора журнала „Нива“, объявивъ въ 1915 году о продажѣ подписчикамъ „Нивы“ двухъ картинъ-олеографій проф. К. Е. Маковскаго: „Бабушкина сказка“ и „Гаданье“, получила такое большое количество требованій на эти картины, что вторая изъ нихъ „Гаданье“ была быстро распродана. Этотъ успѣхъ далъ Конторѣ журнала „Нива“ увѣренность, что значительная часть подписчиковъ, **не получившая своевременно художественныхъ премій, дававшихся въ прежніе годы въ приложеніе къ журналу „Нива“, нынѣ** пожелала бы **восполнить этотъ пробѣлъ и** выписать отдѣльныя картины и художественныя произведенія изъ богатой коллекціи премій „Нивы“ прежнихъ лѣтъ.

Идя навстрѣчу этому желанію подписчиковъ, Контора журнала „Нива“ рѣшила предоставить право за плату получить слѣдующія художественно исполненныя картины, печатанныя масляными красками и красками съ акварелей и офорты:

I. **Портретъ Ея Императорскаго Величества ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.** Размѣръ портрета 14 × 18 в. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

II. **Художеств. альбомъ „Нивы“,** въ изящной папкѣ, 10 × 8 в.—выпускъ II-ой, 1892 г. Въ выпускѣ 10 акварелей извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ: **И. К. Айвазовскаго** „Лунная ночь на берегу Чернаго моря на Кавказѣ“, **А. Н. Бенуа** „Вечеръ“, **А. П. Боголюбова** „Морской каналъ въ Петербургѣ“, **Д. Н. Дмитріева-Оренбургскаго** „У колодца“, **Н. Зихеля** „Фатьма“, **А. М. Котляревскаго** „Спряталась“, **Н. А. Кошелева** „Изъ дѣтства Петра Великаго“, **Л. Ф. Лагоріо** „Близъ Ай-Петри въ Крыму“, **К. Е. Маковскаго** „Бояринъ“ и **В. И. Навозова** „У яблоковъ“. Цѣна альбома 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

III. **Картина, печатанная масляными красками:** „Бабушкина сказка“, проф. **К. Е. Маковскаго**, 14½ × 18½ в. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

IV. **Картины, печатанныя красками съ акварелей:**

1) „Свиданіе въ осажденномъ городѣ“ **М. Зичи.** Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к.

2) „Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники“ и „Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти“, двѣ картины проф. **А. Д. Кившенко**, 14 × 10½ в. Цѣна обѣихъ картинъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

3) „Черкесы въ горахъ“, картина академика **П. Н. Грузинскаго** и „Нерo-фіордъ въ Норвегіи“, картина художн. **Расмуссена**, 11½ × 8¾ в. Цѣна обѣихъ картинъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

V. **Офорты на цинкѣ.** „Дубовая роща Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ“ и „Лѣсная рѣчка“, проф. **И. И. Шишкина**, 11½ × 8¾ в. Цѣна обоихъ офортовъ на цинкѣ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

При совмѣстной выпискѣ двухъ [illegible], а четырехъ и болѣе картинъ въ 1 рубль.

Новѣйшія моды.

№№ 1—2. Блузки изъ этамина и крепдешиня.

№ 3. Блузка изъ тафты.

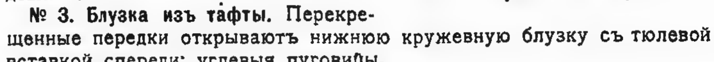
Напрасно упрекаютъ моду въ непостоянствѣ, она не такъ скоро измѣняется, какъ кажется. Въ наступившемъ новомъ году мы встрѣчаемся въ модахъ съ тѣми же самыми формами, какъ и въ истекшемъ году. Тѣ же широкія сборчатыя, или расширенныя книзу юбки годе, тѣ же корсажи-блузки самыхъ разнообразныхъ видовъ. Несомнѣнно, есть нѣкоторыя перемѣны, — юбки, напримѣръ, дѣлаютъ немного длиннѣе прежняго, появляются различныя отдѣлки на подолѣ, въ большомъ ходу вышивки въ тонъ матеріи; для корсажей кружевные воротники болѣе и болѣе замѣняются бѣлыми батистовыми воротниками съ цвѣтнымъ батистовымъ же или тафтянымъ кантикомъ подъ ажурной строчкой. Такіе воротники дѣлаютъ подвижными и приметываютъ ихъ къ лифу или блузкѣ.

Манто и пальто, также и жакеты у тальеровъ, по большей части стягиваются въ таліи кушаками или полукушаками.

Перейдемъ къ описанію помѣщенныхъ въ настоящемъ нумерѣ картинокъ:

№№ 1—2. Блузки изъ этамина и крепдешиня. Первая блузка изъ этамина сплисована долевыми складками; воротникъ, манжеты, переднее жабо въ видѣ отворотовъ изъ той же матеріи отдѣланы рюшью изъ чернаго тюля. — Вторая блузка изъ крепдешиня, открытая на нижней блузкѣ изъ бѣлаго муслина, отдѣлана на вырѣзныхъ передкахъ черными кружевными отворотами; коротенькая баска; передняя часть кушака изъ крепдешиня соединяется съ кушакомъ изъ чернаго атласа. Большой отложной воротникъ изъ крепдешиня.

№ 3. Блузка изъ тафты. Перекрещенные передки открываютъ нижнюю кружевную блузку съ тюлевой вставкой спереди; угловыя пуговицы.



№№ 4—6. Зимнія манто для дѣвочекъ.

№ 7. Нарядное платье. Съ приложеніемъ 10 выкроекъ въ уменьшенныхъ чертежахъ, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сант.

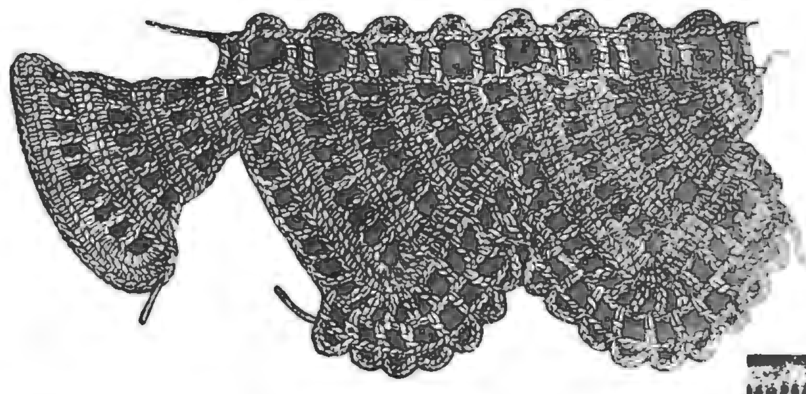
№ 8. Полудлинное пальто для гулянья.

№№ 4—6. Зимнія манто для дѣвочекъ. Первая модель изъ котика отдѣлана горностаемъ; басонныя пуговицы. — Вторая модель изъ тисненаго плюша отдѣлана шелковымъ галуномъ.—Третье манто изъ гладкаго плюша отдѣлано скунксомъ.

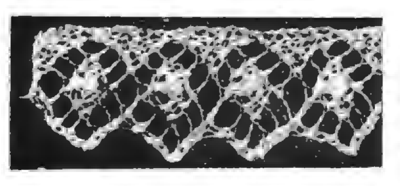
№ 7. Нарядное платье. Съ приложеніемъ 10 выкроекъ въ уменьшенныхъ чертежахъ, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ. Фиг. 1 и 2—передъ и половина спинки подкладки. Фиг. 3 и 4—передъ и половина спинки блузки. Фиг. 5 и 6 — нижній и верхній рукавъ. Фиг. 7—половина воротника Фиг. 8—половина баски. Фиг. 9 и 10—половина юбки.

Юбка годе изъ тафты отдѣлана на подолѣ рюшью изъ шелковой кисеи въ тонъ матеріи; полоса этой же тафты нашита на нижнемъ кружевномъ лифчикѣ (Фиг. 1 и 2). Верхняя блузка изъ шелковой кисеи съ такой же баской; вышивка въ тонъ вокругъ проймы и на баскѣ; тафтяная отдѣлка.

№ 8. Полудлинное пальто для гулянья. Пальто изъ выхухоля подъ котикъ; такой же кушакъ охватываетъ талію только сзади и на бокахъ, останавливаясь у передныхъ выточекъ свободныхъ передковъ; воротникъ и обшлага изъ того же матеріала. Муфта-баллонъ изъ голубой лисицы.



№ 9. Узоръ тамбурнаго кружева.



№ 10. Узоръ кружева на спицахъ.

№ 11. Узоръ кружева на спицахъ.

№ 9. Узоръ тамбурнаго кружева. Это простое кружево вяжется сначала поперечными рядами, а нижній и верхній бортики подвязываются потомъ вдоль. Начинаютъ накидкой въ 10 воздушныхъ петель и вяжутъ 1 столбикъ въ первую петлю. *1 рядъ:* 2 воздушныхъ петли, 8 столбиковъ въ дужку. *2 рядъ:* 4 воздушныхъ петли по 1 столбику черезъ петлю предыдущаго ряда. *3 рядъ:* 2 воздушныхъ петли, 12 столбиковъ на петляхъ предыдущаго ряда. *4 рядъ:* 2 воздушныхъ петли, повторить шесть разъ по 1 столбику и по 2 воздушныхъ петли черезъ петлю. *5 рядъ:* 2 воздушныхъ петли, 18 столбиковъ. *6 рядъ:* 2 воздушныхъ петли и повторить 9 разъ по 1 столбику и по 2 воздушныхъ петли черезъ петлю. *7 рядъ:* 2 воздушныхъ петли, 24 столбика до 9 столбика предыдущаго ряда; 9 столбиковъ на дужкѣ изъ четырехъ воздушныхъ петель и 14 столбиковъ до перваго ряда. *8 рядъ:* 2 воздушныхъ петли; 18 разъ по 2 воздушныхъ петли и по 1 столбику.

Вязанье бортиковъ такъ просто, что не требуетъ никакихъ объясненій.

№№ 10—11. Узоры кружева на спицахъ. Кружево, вязанное на спицахъ, отличается мягкостью и прочностью; поэтому оно очень практично для отдѣлки бѣлья. Данные здѣсь два узора исполняются легко и скоро и не требуютъ объясненій, такъ какъ каждая петля отчетливо видна на рисункѣ.

№№ 12—16. Нарядныя платья для дѣвочекъ.

№ 12. Платье для маленькой дѣвочки. Сдѣлано изъ бѣлой мушчатой кисеи съ инкрустаціями изъ ирландскаго гипюра, вшитыми ажуромъ сбоку таліи маленькая муслиновая роза.

№ 13 Платье для дѣвочки 12—14 лѣтъ. Изъ бѣлой кисеи, инкрустованной валансьеновымъ кружевомъ; отдѣлка изъ голубыхъ лентъ-пико, на концахъ кушака маленькія розы.

№ 14. Платье изъ бѣлаго бумажнаго крепа. Воланы, съ рубцами изъ тонкаго розоваго полотна, пришитыми ажуромъ; матросскій воротникъ и манжеты изъ розоваго полотна; бантъ изъ чернаго фая.

№ 15. Платье изъ тафты цвѣта шампанскаго покрыто воланами изъ кремоваго тюля, вышитаго бѣлымъ, фестончатые края обшиты тюлевыми воланчиками. Перекрещенный корсажъ изъ тафты на тюлевой блузкѣ.

№ 16. Платье изъ свѣтло-голубого линона. Воланы, вырѣзанные прямыми паттами, отдѣланы мушчатымъ бордюромъ; вырѣзныя патты можно замѣнить петельками изъ той же матеріи или изъ лентъ.

№№ 12—16. Нарядныя платья для дѣвочекъ.

Вегетаріанскій рецептъ.

Рѣпа съ каштанами. Отваривъ въ водѣ 1 фунтъ каштановъ, очищаютъ отъ скорлупы и внутренней кожицы. Нѣсколько маленькихъ разрѣзанныхъ пополамъ или кусочками рѣпъ также отвариваютъ въ водѣ и вмѣстѣ съ каштанами складываютъ, по слоямъ, въ кастрюлю, подправляютъ 1/4 ф. масла и бѣлымъ соусомъ. Подаютъ съ омлетомъ или съ поджаренными гренками.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 1. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 7 янв. 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на ½ года—7 р., на ¼ года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

Ратникъ. (Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ). *П. В. Носко.*

Кровавый бандуристъ.

Новыя страницы **Н. В. Гоголя.**

Проблема большого романа изъ героическаго прошлаго Запорожья, изъ „лѣтописей страны, терпѣвшей кровавыя жатвы", занимала Н. В. Гоголя съ первыхъ лѣтъ его творчества.

Какъ бы приготовляясь къ будущей эпопеѣ, онъ грезами своими объ украинской старинѣ одухотворяетъ пестрый узоръ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки", невольно осложняетъ ими спеціальныя изысканія о Малороссіи, а въ родномъ эпосѣ — вѣковой сокровищницѣ повѣрій, преданій и пѣсенъ — все болѣе постигаетъ исторію, „живую, яркую, исполненную красокъ, истины, обнажающую всю жизнь народа".

Почерпнутыя отсюда свѣдѣнія, образы и оцѣнки, характеризуя небывалый подъемъ историческихъ интересовъ Гоголя, постепенно лишь были претворены синтезомъ геніальнаго романиста. О художественной реализаціи замысловъ его въ этой области до „Тараса Бульбы" приходилось только догадываться: такъ, въ альманахѣ пушкинской плеяды „Сѣверные цвѣты" за 1831 годъ онъ помѣщаетъ „Главу изъ историческаго романа", черезъ четыре года присоединяетъ къ ней „Плѣнника", и обѣ эти главы комментируются имъ, какъ листы изъ занимавшаго его произведенія „Гетманъ".

„Первая часть его была написана и сожжена, потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ: двѣ главы, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ, помѣщаются въ этомъ собраніи", — разъяснялъ въ своихъ „Арабескахъ" Гоголь, не касаясь съ тѣхъ поръ ни въ печати ни въ перепискѣ столь странно оборваннаго имъ плана.

Общая концепція романа представлялась всѣмъ крайне загадочной и сложной, самый сюжетъ его, поскольку опредѣлялся онъ даннымъ Гоголемъ заголовкомъ, былъ споренъ, никакой связи между напечатанными главами не замѣчалось, о „Гетманѣ" ни въ одной изъ нихъ не было рѣчи, наконецъ, ссылка Гоголя на прежнее появленіе отрывковъ въ печати въ отношеніи „Плѣнника" оказалась ложной: до „Арабесокъ" послѣдній нигдѣ помѣщенъ не былъ.

Кое-что для иллюстраціи замысла, казалось, могли дать опубликованные по смерти Гоголя его племянникомъ Трушковскимъ фрагменты шести главъ изъ „Неоконченной повѣсти", героемъ которой былъ одинъ изъ популярныхъ казацкихъ вождей первой половины XVII столѣтія — Остраница. И дѣйствительно, послѣдніе изслѣдователи и редакторы гоголевскихъ твореній (Н. А. Котляревскій, И. Н. Каманинъ, Н. И. Коробка, В. В. Каллашъ) съ большей или меньшей категоричностью стали пріурочивать эту „Неоконченную повѣсть" къ „Гетману". Твердыхъ основаній для отожествленія этихъ произведеній у нихъ все-таки не было, тѣмъ болѣе, что и при этой гипотезѣ всѣ недоумѣнія относительно главъ „Гетмана" въ „Арабескахъ" попрежнему оставались въ силѣ.

Сопоставляя прежнія „главы" съ „Неоконченной повѣстью", приходилось считать „Плѣнника" или остаткомъ какого-то иного произведенія, ничего общаго съ „Гетманомъ" не имѣвшимъ (такъ поступилъ И. Каманинъ въ трудѣ „Научн. и литер. произв. Гоголя по исторіи Малороссіи", Кіевъ, 1902 и В. В. Каллашъ, редакторъ соч. Гоголя въ изд. Брокгаузъ-Ефрона), или, вслѣдъ за Н. И. Коробкой (Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя, изд. „Дѣятель", III, 564), признавъ „здѣсь одну изъ заключительныхъ сценъ романа", видѣть въ плѣнникѣ схваченнаго поляками гетмана Остраницу.

Такимъ образомъ реконструкція „Гетмана" была поставлена въ связь съ тѣмъ или инымъ истолкованіемъ „Плѣнника".

Въ самой постановкѣ вопроса изслѣдователи, дѣйствительно, не ошиблись, ибо, благодаря именно этой главѣ, при свѣтѣ нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ, мы нынѣ документально можемъ возстановить контуры сожженной части романа. Ключъ къ исторіи ея даютъ найденныя нами при разборѣ разрозненныхъ дѣлъ архива СПБ. Цензурнаго Комитета *) неизвѣстныя страницы Гоголя о „Кровавомъ бандуристѣ", въ которыя полностью входилъ и необъяснимый до сихъ поръ отрывокъ „Плѣнникъ".

Произведеніе это, задержанное уже въ корректурахъ (вотъ источникъ ошибочнаго утвержденія Гоголя о напечатаніи „Плѣнника" до „Арабесокъ"), представляло собою вполнѣ законченный эпизодъ романа „Гетманъ" и, какъ таковой, должно было появиться въ журналѣ „Библіотека для Чтенія" въ февралѣ 1834 года въ одной книжкѣ съ пушкинской „Пиковой дамой".

Въ виду того, что какъ разъ въ запрещенныхъ сценахъ „Кроваваго бандуриста" дѣйствуютъ и упоминаются всѣ виднѣйшіе персонажи „Нѣсколькихъ главъ изъ неоконченной повѣсти" („Галюночка", Остраница, начальникъ отряда коронныхъ войскъ), мы получаемъ точное представленіе какъ о началѣ, такъ и о трагическомъ финалѣ перваго недовершеннаго романа Гоголя.

Уясняется и хронологія его, такъ какъ проф. Н. С. Тихонравовъ, опредѣляя дату „Нѣсколькихъ главъ изъ неоконченной повѣсти" путемъ тщательнаго анализа прежняго положенія ихъ въ рукописи, указалъ 1831—1832 годъ. Относить работу надъ „Гетманомъ" къ болѣе позднему времени, въ самомъ дѣлѣ, было бы невозможно, такъ какъ въ 1833 году широко задуманная эпопея начинаетъ замыкаться въ болѣе тѣсныя рамки, заданія ея упрощаются, и художественный матеріалъ набросанныхъ раньше главъ романа (бытовой фонъ мирной жизни казачества, нѣкоторые типическіе его представители, судьба женщины-матери въ эту суровую пору, трагическая коллизія любви и долга и многія другія детали) уже эксплуатируется Гоголемъ для первой редакціи „Тараса Бульбы". Остается только объяснить, какъ начало „Гетмана", которымъ мы должны теперь считать „Нѣсколько главъ изъ неоконченной повѣсти", могло появиться позже своего продолженія — главъ, датированныхъ въ „Арабескахъ" 1830 годомъ, т.-е. возможно ли, чтобы сюжетъ, еще даже не намѣченный, могли развивать уже предварительно написанныя „главы".

Противорѣчіе здѣсь, однако, легко можетъ быть устранено. Во-первыхъ, „Глава изъ историческаго романа", безспорно написанная въ 1830 году, совершенно не примыкаетъ къ основному стержню романа „Гетманъ". Ея содержаніе схематически сводится къ тому, что шляхтичъ Лапчинскій, отправленный королемъ изъ Варшавы съ важнымъ порученіемъ къ миргородскому полковнику Глечику, неожиданно узнаетъ его въ возвращающемся съ ярмарки „дюжемъ пожиломъ селянинѣ", къ которому заѣхалъ переночевать послѣ случайной встрѣчи въ степи.

Такимъ образомъ, главу эту можно разсматривать лишь какъ одинъ изъ подготовительныхъ этюдовъ къ „Гетману", впослѣдствіи и получившій бы въ послѣднемъ какое-либо чисто-эпизодическое значеніе.

Что̀ же касается второго отрывка — „Плѣнникъ", то его датѣ, уже и раньше вызывавшей сомнѣніе (см. Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя подъ ред. Коробки, III, 564) и поставленной Гоголемъ, вѣроятно, для большей связи съ предыдущей главой, мы рѣшительно противопоставляемъ дату „Кроваваго бандуриста" — 1832 годъ, какъ указанную до „Арабесокъ" и не вызывающую возраженій по существу.

Героемъ „Гетмана", итакъ, былъ Остраница, тотъ „молодой, но сильный духомъ гетманъ Остраница", который въ послѣдней главѣ Тараса Бульбы „предводилъ всею несмѣтною казацкою силою".

Какъ извѣстно, избранный въ 1638 г. на Сѣчи гетманомъ, Остраница весной съ успѣхомъ поднялъ знамя мятежа въ Украйнѣ, нанесъ нѣсколько сильныхъ пораженій полякамъ, но послѣ первыхъ удачъ — 14-го іюня былъ разбитъ на-голову при м. Жовнинѣ; о дальнѣйшей судьбѣ его источники говорятъ различно: по свѣдѣніямъ лѣтописей онъ удалился на богомолье въ Каневъ, тамъ былъ вѣроломно схваченъ, увезенъ въ Варшаву и колесованъ, а по актовымъ даннымъ — бѣжалъ на Донъ, гдѣ близъ Чугуева въ 1641 г. былъ убитъ казаками.

Но не историческій Остраница занималъ Гоголя въ его „Гетманѣ": важнѣйшія перипетіи романа долженъ былъ опредѣлять типическій образъ вождя народныхъ движеній, и въ имени Остраницы Гоголь, какъ французскіе классики въ прошломъ, искалъ лишь „garantie de possibilité" развиваемаго имъ сюжета. Въ связи съ этимъ еще не обозначились для Гоголя ясно хронологическія перспективы романа, и, какъ позднѣе въ „Тарасѣ Бульбѣ", гдѣ дѣйствіе колеблется въ предѣлахъ трехъ столѣтій, онъ начало „Гетмана" пріурочиваетъ къ серединѣ XVII вѣка, а затѣмъ неожиданно поминаетъ 1543 годъ.

Чтобы нѣсколько ввести читателей въ содержаніе „Кроваваго бандуриста", напомнимъ тѣ моменты „Неоконченной повѣсти", въ которыхъ Гоголь намѣчалъ завязку первыхъ главъ своего „Гетмана".

Къ пасхальной заутренѣ 1645 г. въ церкви села Комишны появляется только-что возвратившійся изъ Запорожья и всѣми уже здѣсь забытый Остраница. Зорко слѣдя за растущимъ броженіемъ въ Украйнѣ, онъ знаетъ о близкой мести „компанейства" „за ругательства надъ Христовой вѣрой и за безчестье народу", но пока съ трудомъ сдерживаетъ себя и невольно повинующуюся ему толпу отъ мелкихъ вспышекъ противъ поработителей. Грубое оскорбленіе „стодвадцатилѣтняго старца" начальникомъ отряда коронныхъ войскъ настолько, однако, поражаетъ Остраницу, что онъ въ гнѣвѣ обрываетъ у жестокаго поляка усъ. Старый казакъ Пудько узнаетъ „рыцаря", вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, слышитъ, что изъ товарищей Остраницы „Дигтяй сидитъ на колу

*) Все, касающееся цензурныхъ установленій до 1863 года, благодаря энергіи новаго начальника архива — А. С. Николаева, сосредоточивается постепенно въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

у турецкаго султана, а Кузубія гуляетъ съ рыбами на днѣ Сиваша и тянетъ гнилую воду вмѣсто горѣлки". Но бесѣду Остраница долженъ скоро прервать, такъ какъ онъ спѣшитъ увидѣть еще любимую дѣвушку.

Послѣдняя очерчена была Гоголемъ очень рельефно: „Не прошло нѣсколько минутъ, какъ мелькнула между деревьевъ бѣлая сорочка, и дѣвушка лѣтъ осьмнадцати стала спускаться къ греблѣ. Шелковая плахта и кашемировая запаска туго обхватывали станъ ея, такъ что формы ея были какъ будто отлиты. Стройная роскошь совершенно нѣжныхъ членовъ не была скрыта. Широкіе рукава, шитые краснымъ шелкомъ и всѣ въ мережкахъ, спускались съ плеча, и обнаженное плечо, слегка зарумянившееся, выказывалось мило, какъ спѣющее яблоко, тогда какъ подъ сорочкою упруго трепетали молодыя перси. Сходя на плотину, она подняла дотолѣ опущенную голову, и черныя очи и брови мелькнули, какъ молнія. Это не была совершенно правильная голова, правильное лицо, совершенно приближавшееся къ греческому: ничего въ ней не было законно, прекрасно правильно: ни одна черта лица, ничто не соотвѣтствовало съ положенными правилами красоты. Но въ этомъ своенравномъ, нѣсколько смугловатомъ лицѣ что-то было такое, что вдругъ поражало, всякій взглядъ ея полонилъ сердце, душа занималась, и дыханіе отрывисто становилось"... Остраница умоляетъ свою „Галю, Галюночку, Галочку" бѣжать съ нимъ, но она отказывается оставить теперь „престарѣлую, бѣдную мать", для которой безъ нея „нѣтъ ничего и не будетъ уже ничего въ мірѣ"...

Лишь ночью попадаетъ Остраница на родной хуторъ, но, несмотря на страшную усталость, долго не можетъ уснуть: „сонъ убѣгалъ его, а думы незваныя приходили и силою ложились въ его мозгу". („О, какъ чудно, какъ странно создана женщина! Какъ приводить она въ бѣшенство! Весь горишь! Пламень въ сердцѣ, душно, тоска, агонія... а сама она, можетъ, и не знаетъ, что творитъ въ насъ: она себѣ такъ, какъ ни въ чемъ не бывало: глядитъ безпечно и не знаетъ, что за муку произвела!")

Сомнѣнія, наконецъ, одолѣваютъ его, онъ готовъ бросить свою боевую жизнь („отецъ Галькинъ держитъ вражью сторону"), ѣхать къ королю, „добыть грамоту и королевское прощеніе"—и утромъ объявляетъ вызванному имъ запорожскому атаману, что „теперь уже онъ оставляетъ свое предпріятіе, и, стало-быть, помощь его больше не нужна".

„Кровавый бандуристъ" не оставляетъ, однако, сомнѣній, что не на этомъ обрывалась сожженная часть романа „Гетманъ".

Съ внѣшней стороны „Кровавый бандуристъ" представляетъ собою корректурный оттискъ изъ II тома отдѣленія перваго журнала „Библіотека для Чтенія" за 1834 годъ. Въ немъ 11 печатныхъ страницъ (первыя восемь нумерованы—стр. 221—228), исправленныхъ и дополненныхъ самимъ Гоголемъ. Рукою редактора журнала О. И. Сенковскаго въ корректурѣ сдѣлано нѣсколько помѣтокъ техническаго свойства и слѣдующее любопытное заключеніе на первой страницѣ: „Поставивъ пробѣлы и абзацы, перейдетъ строкъ десятокъ на 12-ю страницу. Нельзя ли, чтобы авторъ прибавилъ въ концѣ еще строкъ десятокъ или пятнадцать, а то никакъ не выходятъ листы въ наборѣ".

Запрещенъ „Кровавый бандуристъ" по представленію А. В. Никитенко, докладъ котораго сохранился въ „дѣлѣ о запрещенныхъ цензурою СПБ. Комитета рукописяхъ. Нач. 24 генв. 1834. Конч. 4 декабря. На 13 листахъ".

„Мнѣніе цензора экстра-ординарнаго профессора Никитенко о статьѣ подъ названіемъ „Кровавый бандуристъ":

„Прочитавъ статью, назначенную для напечатанія въ „Библіотекѣ для Чтенія" подъ названіемъ: „Кровавый бандуристъ", глава изъ романа, я нашелъ въ ней какъ многія выраженія, такъ и самый предметъ, въ нравственномъ смыслѣ, неприличными. Это картина страданій и уничиженія человѣческаго, написанная совершенно въ духѣ новѣйшей французской школы, отвратительная, возбуждающая не состраданіе и даже не ужасъ эстетическій, а просто омерзѣніе.

„Посему, имѣя въ виду распоряженіе высшаго начальства о воспрещеніи новѣйшихъ французскихъ романовъ и повѣстей я тѣмъ менѣе могу согласиться на пропускъ русскаго сочиненія, написаннаго въ ихъ тонѣ.

„Цензоръ проф. Никитенко.

„27 февраля 1834".

Въ тотъ же день это „мнѣніе" было заслушано въ засѣданіи Комитета, который за подписью попечителя князя Дондукова-Корсакова и скрѣпой секретаря Семенова опредѣлилъ: „удержать статью сію при дѣлахъ Комитета и о запрещеніи оной увѣдомить прочіе цензурные Комитеты".

Чрезмѣрно строгое отношеніе А. В. Никитенко къ произведенію Гоголя вызвано было, полагаемъ, не столько самимъ содержаніемъ его, сколько соображеніями совсѣмъ иного порядка. (Любопытно, что имени автора въ офиціальномъ представленіи о „Кровавомъ бандуристѣ" Никитенко не упоминаетъ и даже въ дневникѣ своемъ этого эпизода не касается). Министръ народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уваровъ, желая во что бы то ни стало устранить Сенковскаго отъ редакціи „Библіотеки для Чтенія", предложилъ цензурѣ какъ можно строже слѣдить за книжками руководимаго имъ журнала. „Приказаніе это такого рода,—писалъ 16-го января Никитенко,—что, если исполнять его въ точности, то Сенковскому лучше итти куда-нибудь въ писаря, чѣмъ оставаться въ литературѣ".—и „Кровавый бандуристъ", какъ помѣщаемый въ „Библіотекѣ", принесенъ былъ въ жертву этой прихоти министра.

Юліанъ Оксманъ.

Въ 1543 году, въ началѣ весны, ночью, тишина маленькаго городка Лукомья была смущена отрядомъ реестровыхъ коронныхъ войскъ. Ущербленный мѣсяцъ, вырѣзываясь блестящимъ рогомъ своимъ сквозь безпрерывно обступавшія его тучи, на мгновеніе освѣщалъ дно провала, въ которомъ тѣпился этотъ небольшой городокъ. Къ удивленію немногихъ жителей, успѣвшихъ проснуться, отрядъ, котораго одно уже появленіе служило предвѣстіемъ буйства и грабительствъ, ѣхалъ съ какою-то ужасающею тишиною. Замѣтно было, что всю силу напряженнаго вниманія его останавливалъ тащившійся среди его плѣнникъ, въ самомъ странномъ нарядѣ какой когда-либо налагало насиліе на человѣка: онъ былъ весь съ ногъ до головы увязанъ ружьями, вѣроятно, для сообщенія неподвижности его тѣлу. Пушечный лафетъ былъ укрѣпленъ на спинѣ его. Конь едва ступалъ подъ нимъ. Несчастный плѣнникъ давно бы свалился, если бы толстый канатъ не прирастилъ его къ сѣдлу. Освѣтить бы мѣсячному лучу хоть на минуту его лицо—и онъ бы, вѣрно, блеснулъ въ капляхъ кроваваго пота, катившагося по щекамъ его! Но мѣсяцъ не могъ видѣть его лица, потому что оно было заковано въ желѣзную рѣшетку. Любопытные жители, съ разинутыми ртами, иногда рѣшались подступить поближе, но, увидя угрожающій кулакъ или саблю одного изъ провожатыхъ, пятились и бѣжали въ свои тщедушные домики, закутываясь покрѣпче въ наброшенные на плеча татарскіе тулупы и продрагивая отъ свѣжести ночного воздуха.

Отрядъ минулъ городъ и приближался къ уединенному монастырю. Это строеніе, составленное изъ двухъ совершенно противоположныхъ частей, стояло почти въ концѣ города на косогоркѣ. Нижняя половина церкви была каменная и, можно сказать, вся состояла изъ трещинъ, обожжена, закурена порохомъ, почернѣвшая, позеленѣвшая, покрытая крапивою, хмелемъ и дикими колокольчиками, носившая на себѣ всю лѣтопись страны, терпѣвшей кровавыя жатвы. Верхъ церкви, съ тѣми изгибистыми деревянными пятью куполами, которые установила испорченная архитектура византійская, еще болѣе изуродованная варваризмомъ подражателей, былъ весь деревянный. Новыя доски, желтѣвшія между почернѣлыми старыми, придали ей пестроту и показывали, что еще не такъ давно она была починена богомольными прихожанами. Блѣдный лучъ серпорогаго мѣсяца, продравшись сквозь кудрявыя яблони, укрывавшія вѣтвями въ своей гущѣ часть зданія, упалъ на низкія двери и на выдавшійся надъ ними вызубренный карнизъ, покрытый небольшими своевольно выросшими желтыми цвѣтами, которые на тотъ разъ блестѣли и казались огнями или золотою надписью на дикомъ карнизѣ. Одинъ изъ толпы съ неизмѣримыми, когда-либо виданными усами, длиннѣе даже локтей рукъ его, котораго, по замашкамъ и дерзкому повелительному взгляду, признать можно было начальникомъ отряда, ударилъ дуломъ ружья въ дверь. Дряхлыя монастырскія стѣны отозвались и, казалось, испустили умирающій голосъ, уныло потерявшійся въ воздухѣ. Послѣ сего молчаніе снова заступило свое мѣсто. Брань на разныхъ нарѣчіяхъ посыпалась изъ-подъ огромнѣйшихъ усовъ начальника отряда. „Терем-те-те, поповство проклятое! Ато я знаю, чѣмъ васъ разбудить!" Раздался пистолетный выстрѣлъ, пуля пробила ворота и шлепнулась въ церковное окно, стекла котораго съ дребезгомъ посыпались во внутренность церкви. Это произвело смятеніе въ кельяхъ, которыя примыкали къ церкви: показались огни: связка ключей загремѣла: ворота со скрипомъ отворились—и четыре монаха, предшествуемые игуменомъ, предстали блѣдные, съ крестами въ рукахъ.

— Изыдите, нечистые! кромѣшники!—произнесъ едва слышнымъ дрожащимъ голосомъ настоятель.—Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, изыди, діаволъ!"

Венусъ. (Эпоха Петра I). (Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ). *В. Кучумовъ.*

— Але то еще и брешетъ, поганый,—прогремѣлъ начальникъ языкомъ, которому ни одинъ человѣкъ не могъ бы дать имени: изъ такихъ разнородныхъ стихій былъ онъ составленъ.—То брешешь, лайдакъ, же говоришь, что мы дьяволы; а то мы не дьяволы, мы—коронные.

— Что вы за люди? я не знаю васъ! Зачѣмъ вы пришли смущать православную церковь?

— Я тебѣ, псяюха, порохомъ прочищу глаза! Давай намъ ключи отъ монастырскихъ погребовъ.

— На что вамъ ключи отъ нашихъ погребовъ?

— Я, глупый попъ, не буду съ тобой говорить. А если ты хочешь, басамазенята, поговори зъ моимъ конемъ!

— Принеси имъ, антихристамъ, ключи, братъ Касьянъ!—простоналъ настоятель, оборотившись къ одному монаху.—Только у меня нѣтъ вина! Какъ Богъ святъ, нѣтъ! Ни одной бочки, ни боченка и ничего такого, что бы вамъ было нужно.

— А мнѣ какое дѣло? Ребята хотятъ пить. Я тебѣ говорю, если ты, глупый попъ, сѣна, стойла и пшеницы не дашь лошадямъ, то я ихъ въ костелъ вашъ поставлю и тебя сапогомъ до морды.

Настоятель, не говоря ни слова, возвелъ на нихъ оловянные свои глаза, которые, казалось, давно уже не принадлежали міру сему, потому что не выражали никакой страсти, и встрѣтился съ злобно устремившимися на него глазами іезуита. Онъ отворотился отъ него и остановилъ ихъ на странномъ плѣнникѣ съ желѣзнымъ наличникомъ. Видъ этотъ, казалось, поразилъ почти безчувственнаго ко всему, кромѣ церкви, старца.

— За что вы схватили этого человѣка? Господи, накажи ихъ трехъипостасною силою своею! Вѣрно, опять какой-нибудь мученикъ за вѣру Христову!

Плѣнникъ испустилъ только слабое стенаніе.

Ключи были принесены, и при свѣтѣ сонно горѣвшей свѣтильнь вся эта ватага подошла ко входу пещеры, находившейся за церковью. Какъ только опустились они подъ земляные безобразные своды, могильная сырость обдала всѣхъ. Въ молчаніи шелъ начальствовавшій отрядомъ, и непостоянный огонь свѣтильни, окруженный туманнымъ кружкомъ, бросалъ въ лицо ему какое-то блѣдное привидѣніе свѣта, тогда какъ тѣнь отъ безконечныхъ усовъ его подымалась вверхъ и двумя длинными полосами покрывала всѣхъ. Однѣ только грубо закругленныя оконечности лица его были опредѣлительно тронуты свѣтомъ и давали разглядѣть глубоко-безчувственное выраженіе его, показывавшее, что все мягкое умерло и застыло въ этой душѣ, что жизнь и смерть—трынъ-трава, что величайшее наслажденіе—табакъ и водка, что блаженство тамъ, гдѣ все дребезжитъ и валится отъ пьяной руки. Это было какое-то смѣшеніе пограничныхъ націй: родомъ сербъ, буйно искоренившій изъ себя все человѣческое въ венгерскихъ попойкахъ и грабительствахъ, по костюму и нѣсколько по языку полякъ, по жадности къ золоту жидъ, по расточительности его казакъ, по желѣзному равнодушію дьяволъ. Во все время казался онъ спокоенъ; по временамъ только шумѣла между усами его обыкновенная брань, особенно когда неровный земляной полъ, часъ отъ часу уходившій глубже внизъ, заставлялъ его оступаться. Тщательно осматривалъ онъ находившіяся въ земляныхъ стѣнахъ норы, совершенно обсыпавшіяся, служившія когда-то кельями и единственными убѣжищами въ той землѣ, гдѣ въ рѣдкій годъ не проходило по степямъ и полямъ разрушеніе, гдѣ никто не строилъ крѣпкихъ строеній и замковъ, зная, какъ непрочно ихъ существованіе. Наконецъ показалась деревянная, заросшая мхомъ, зацвѣтшая гнилью, дверь, закиданная тяжелыми бревнами и каменьями. Передъ ней остановился онъ и оглянулъ ее значительно снизу доверху. „А ну!“—сказалъ онъ, мигнувши бровью на дверь, и отъ его волосистой брови, казалось, пахнулъ вѣтеръ. Нѣсколько человѣкъ принялись и не безъ труда отваливали бревна. Дверь отворилась. Боже, какое ужасное обиталище открылось глазамъ! Присутствовавшіе взглянули безмолвно другъ на друга, прежде нежели осмѣлились войти туда. Есть что-то могильно-страшное по внутренности земли. Тамъ царствуетъ въ оцѣпенѣломъ величіи смерть, распустившая свои костистые члены подъ всѣми цвѣтущими весями и городами, подъ всѣмъ веселящимся, живущимъ міромъ. Но если эта дышащая смертью внутренность земли населена еще живущими, тѣми адскими гномами, которыхъ одинъ видъ уже наводитъ содроганіе, тогда она еще ужаснѣе. Запахъ гнили пахнулъ такъ сильно, что сначала заняло у всѣхъ духъ. Почти исполин-

скаго роста жаба остановилась, неподвижно выпучивъ свои страшные глаза на нарушителей ея уединенія. Это была четырехугольная, безъ всякаго другого выхода, пещера. Цѣлые лоскутья паутины висѣли темными клоками съ земляного свода, служившаго потолкомъ. Обсыпавшаяся со сводовъ земля лежала кучами на полу. На одной изъ нихъ торчали человѣческія кости; летавшія молніями ящерицы быстро мелькали по нимъ. Сова или летучая мышь были здѣсь красавицами.

— А чѣмъ не свѣтлица? Свѣтлица хорошая!—проревѣлъ предводитель.—Але тебѣ, псяюхѣ, тутъ добре будетъ спать. Самъ ложись спать на ковалки, а подъ голову подмости ту жабу, али возьми за жёнку на ночь!

Одинъ изъ коронныхъ вздумалъ-было засмѣяться на это, но смѣхъ его такъ страшно-беззвучно отдался подъ сырыми сводами, что самъ засмѣявшійся испугался. Плѣнникъ, который стоялъ до того неподвижно, былъ столкнутъ на середину и слышалъ только, какъ захрипѣла за нимъ дверь и глухо застучали заваливаемыя бревна. Свѣтъ пропалъ, и мракъ поглотилъ пещеру.

Несчастный вздрогнулъ. Ему казалось, что крышка гроба захлопнулась за нимъ, и стукъ бревенъ, заваливших входъ его, показался стукомъ заступа, когда страшная земля валится на послѣдній призракъ существованія человѣка, и могильно-равнодушная толпа говоритъ, какъ сквозь сонъ: „Его нѣтъ уже, но онъ былъ". Послѣ перваго ужаса, онъ предался какому-то безсмысленному вниманію, бездушному существованію, которому предается человѣкъ, когда ударъ бываетъ такъ ужасенъ, что онъ даже не собирается съ духомъ подумать о немъ, но вмѣсто того устремляетъ глаза на какую-нибудь бездѣлицу и разсматриваетъ ее. Тогда онъ принадлежитъ къ другому міру и ничего не раздѣляетъ человѣческаго: видитъ безъ мыслей; чувствуетъ, не чувствуя; странно живетъ. Прежде всего вниманіе его впилось въ темноту. Все было на время забыто—и ужасъ ея, и мысль о погребеніи живого. Онъ всѣми чувствами вселился въ темноту. И тогда предъ нимъ развернулся совершенно новый, странный міръ: ему начали показываться во мракѣ свѣтлыя струи,—послѣднее воспоминаніе свѣта! Эти струи принимали множество разныхъ узоровъ и цвѣтовъ. Совершеннаго мрака нѣтъ для глаза. Онъ всегда, какъ ни зажмурь его, рисуетъ и представляетъ цвѣты, которые видѣлъ. Эти разноцвѣтные узоры принимали или видъ пестрой шали, или волнистаго мрамора, или, наконецъ, тотъ видъ, который поражаетъ насъ своею чудною необыкновенностью, когда разсматриваемъ въ микроскопѣ часть крылышка или ножки насѣкомаго. Иногда стройный переплетъ окна—котораго,—увы! не было въ его темницѣ, проносился передъ нимъ. Лазурь фантастически мелькала въ черной его рамѣ, потомъ измѣнялась въ кофейную, потомъ исчезала совсѣмъ и обращалась въ черную, усѣянную или желтыми, или голубыми, или неопредѣленнаго цвѣта крапинами. Скоро весь этотъ міръ началъ исчезать: плѣнникъ чувствовалъ что-то другое. Сначала чувствованіе это было безотчетное; потомъ начало пріобрѣтать опредѣлительность. Онъ слышалъ на рукѣ своей что-то холодное; пальцы его невольно дотронулись къ чему-то слизкому. Мысль о жабѣ вдругъ осѣнила его!.. Онъ вскрикнулъ и разомъ переселился въ міръ дѣйствительный. Мысли его окунулись въ весь ужасъ существенности. Къ тому еще присоединилось изнуреніе силъ, ужасный спертый воздухъ: все это повергло его въ продолжительный обморокъ.

Между тѣмъ отрядъ коронныхъ войскъ размѣстился въ монастырскихъ кельяхъ, какъ дома, высылалъ монаховъ подчищать конюшни и пировалъ, радуясь, что, наконецъ, схватилъ того, кто былъ имъ нуженъ *).

*) Этотъ „отрывокъ изъ историческаго романа" подъ названіемъ „Плѣнникъ" помѣщенъ въ полномъ собраніи сочиненій Н. В. Гоголя, изд. А. Ф. Маркса, подъ редакціей проф. Н. С. Тихонравова. Слѣдующій далѣе текстъ мы даемъ въ его окончательномъ видѣ, не отмѣчая вставокъ, исправленій и другихъ особенностей оригинала.

Бой богатырей съ татарами. (Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ). *С. Архиповъ.*

— Попался, псякжа!—говорилъ усастый предводитель.— Хотѣлъ бы я знать, чего они такъ быстры на ноги, собачьи дѣти? Пойдемъ, хлопцы, довѣдаемся, кто съ нимъ былъ, лысый бѣсъ пачкай ему въ кашу!

Жолнеры опустились внизъ и нашли плѣнника, лежащаго безъ чувствъ.

— Дай ему понюхать чего-нибудь!

Одинъ изъ нихъ немедленно насыпалъ ему на руку, къ которой прислонилась его голова, пороху и зажегъ его. Плѣнникъ чихнулъ и поднялъ голову, будто послѣ безпокойнаго сна.

— Толкните его дубиной! Разсказывай, Терем-те-те, бабій сынъ! Але кто съ тобою разбойничалъ? Двѣнадцать дьябловъ твоей маткѣ! Гдѣ твои ребята?

Плѣнникъ молчалъ.

— А то я тебя спрашиваю, псяюха! Скиньте съ него наличникъ! Сорвите съ него эпанчу! А то лайдакъ! Але то я знаю добре твою морду: зачѣмъ ее прячешь?

Жолнеры принялись, разорвали верхнюю эпанчу тонкаго чернаго сукна, которою закрывался плѣнникъ, сорвали наличникъ... и глазамъ ихъ мелькнули двѣ черныя косы, упавшія съ головы на грудь, очаровательная бѣлизна лица, блѣднаго, какъ мраморъ, бархатъ бровей, обмершія губы и дѣвственныя обнаженныя груди, стыдливо задрожавшія, лишенныя покрова.

Начальникъ отряда коронныхъ войскъ окаменѣлъ отъ изумленія, команда тоже.

— Але то баба?—наконецъ обратился онъ къ нимъ съ такимъ вопросомъ.

— Баба!—отвѣчали нѣкоторые.

— А то какъ могла быть баба? Мы козака ловили.

Предстоящіе пожали плечами.

— На цугундру бабу! Какъ ты—глупая баба, дьяволъ бы тебя!..—Але какъ ты смѣла?.. Разсказывай, гдѣ тотъ псяюха, гдѣ Остржаница?

Полуживая не отвѣчала ни слова.

— То тебя заставятъ говорить, лысый бѣсъ пачкай тебѣ въ кашу!—кричалъ въ ярости воевода.—Ломайте ей руки!

И два жолнера схватили ее за обнаженныя руки, бѣлизною равнявшіяся пыли волнъ. Раздирающій душу крикъ раздался изъ устъ ея, когда они стиснули ихъ жилистыми руками своими.

— Что? Скажешь теперь, бѣсова баба?

— Скажу!—простонала жертва.

— Оставь ее! Разсказывай, гдѣ тотъ бабій сынъ, сто дьябловъ его маткѣ!

— Боже!—проговорила она тихо, сложивъ свои руки,— какъ мало силъ у женщины! Отчего я не могу стерпѣть боли!

— То мнѣ того не нужно! Мнѣ нужно знать, гдѣ онъ?

Губы несчастной пошевелились и, казалось, готовы были что-то вымолвить, какъ вдругъ это напряженіе ихъ было прервано неизъяснимо страннымъ происшествіемъ: изъ глубины пещеры послышались довольно внятно умоляющія слова: „не говори, Ганулечка! Не говори, Галюночка!“ Голосъ, произнесшій эти слова, несмотря на тихость, былъ невыразимо пронзителенъ и дикъ. Онъ казался чѣмъ-то среднимъ между голосомъ старика и ребенка. Въ немъ было какое-то, можно сказать, нечеловѣческое выраженіе, слышавшіе чувствовали, какъ волосы шевелились на головахъ и холодъ трепетно бѣгалъ по жиламъ; какъ будто бы это былъ тотъ ужасный *черный голосъ*, который слышитъ человѣкъ передъ смертью.

Допросчикъ содрогнулся и положилъ невольно на себя крестъ, потому что онъ всегда считалъ себя католикомъ. Минуту спустя, уже ему показалось, что это только почудилось.

Жолнеры обшарили углы, но ничего не нашли, кромѣ жабъ и ящерицъ.

— Говори!—проговорилъ снова неумолимый допросчикъ, однакожъ не присовокупивъ на этотъ разъ никакой брани.

Она молчала.

— А ну, принимайтесь!—При этомъ густая бровь воеводы мигнула предстоящимъ.

Исполнители схватили ее за руки.

И тѣ снѣжныя руки, за которыя бы сотни рыцарей переломали копья, тѣ прекрасныя руки, поцѣлуй въ которыя уже даритъ столько блаженства человѣку, эти бѣлыя руки должны были вытерпѣть адскія мученія! Немногіе глаза выдержали бы то ужасное зрѣлище, когда одинъ изъ нихъ съ варварскимъ звѣрствомъ свернулъ ей два пальца, какъ перчатку. Звукъ хрустѣвшихъ костей былъ тихъ, но его, казалось, слышали самыя стѣны темницы. Сердцу съ не совсѣмъ оглохлыми чувствами не достало бы силъ выслушать этотъ звукъ. Страшно внимать хрипѣнію убиваемаго человѣка; но если въ немъ повержена сила, оно можетъ вынести и не тронуться его страданіями. Когда же врывается въ слухъ стонъ существа слабаго, которое ничто предъ нашею силою, тогда нѣтъ сердца, котораго бы даже сквозь самую ярость мести не ужалила ядовитая змѣя жалости.

Плѣнница ни звука не издала. Лицо ея только означилось мгновеннымъ судорожнымъ движеніемъ муки—и губы задрожали.

— Говори, я тебя!.. поганая лайдачка!..—произнесъ воевода, которому муки слабаго доставляли какое-то сладострастное наслажденіе, которое онъ могъ только сравнить съ дорого доставшеюся рюмкою водки.

Но только-что онъ произнесъ эти слова, какъ снова тотъ же нестерпимый голосъ такъ же явственно раздался и такъ же невыносимо жалобно произнесъ: „не говори, Ганулечка!“

На этотъ разъ страхъ запалъ глубже въ душу начальника.

Всѣ обратились въ ту сторону, откуда послышался этотъ странный голосъ—и что же?.. Ужасъ оковалъ ихъ. Никогда не могъ предстать человѣку страшнѣйшій фантомъ!.. Это былъ... ничто не могло быть ужаснѣе и отвратительнѣе этого зрѣлища! Это былъ... у кого не потряслись бы всѣ фибры, весь составъ человѣка! Это былъ... ужасно!—это былъ человѣкъ... но безъ кожи. Кожа была съ него содрана. Весь онъ былъ закипѣвшій кровью. Однѣ жилы синѣли и простирались по немъ вѣтвями!.. Кровь капала съ него!.. Бандура на кожаной ржавой перевязи висѣла на его плечѣ. На кровавомъ лицѣ страшно мелькали глаза...

Невозможно было описать ужаса присутствовавшихъ. Все обратилось, казалось, въ неподвижный мраморъ со всѣми знаками испуга на лицахъ. Но, къ удивленію, это появленіе, отнявши силу у сильныхъ, возвратило ее слабому. Собравши всю себя, всю душевную крѣпость, молодая узница тихо поползла къ дверямъ и вступила въ земляной коридоръ, котораго гнилой воздухъ показался ей райскимъ въ сравненіи съ ея темницей...

Гоголь.

1832 годъ.

Плѣнные гусары. (Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ). *К. Трофименко.*

Германцы.

Повѣсть **Георгія Павлова.**

I.

Штабъ дивизіи помѣщался въ зданіи городовой ратуши Сенъ-Вильера, поврежденномъ бомбардировкой, какъ и всѣ другіе дома этого фландрскаго городка, столько разъ переходившаго изъ рукъ въ руки. Утвердившись наконецъ въ Сенъ-Вильерѣ, германцы считались тѣмъ не менѣе съ возможностью новаго отхода и не спѣшили приводить въ порядокъ полуразрушенныя строенія и мостовую, изрытую снарядами. Въ самой ратушѣ, пострадавшей менѣе серьезно, были только вставлены новыя стекла въ окнахъ и кое-какъ возстановлено электрическое освѣщеніе: двѣ лампочки подъ зелеными колпаками скупо освѣщали большую мрачную залу со сводами, похожую скорѣе на церковь, чѣмъ на канцелярію дивизіоннаго штаба,—залу, въ которой сѣрые силуэты германцевъ заканчивали рядъ послѣдовательно смѣнявшихся тѣней въ латахъ средневѣковыхъ рыцарей, испанскихъ плащахъ временъ Альбы, шелковыхъ кафтанахъ съ фижмами—и, наконецъ, въ прозаическихъ современныхъ сюртукахъ, ушедшихъ отсюда такъ недавно.

Вокругъ стола, заваленнаго картами и планами, нѣсколько человѣкъ офицеровъ выслушивали донесеніе мотоциклиста, который только-что прибылъ съ позицій. Новости были не изъ пріятныхъ. Командиръ 118-го Бреславльскаго полка, расположеннаго на правомъ флангѣ, съ трудомъ сдерживалъ натискъ англичанъ; онъ нуждался въ подкрѣпленіяхъ, а между тѣмъ дать ихъ было не легко, такъ какъ всѣ участки фронта оказывались одинаково угрожаемыми. Послѣ долгаго затишья на французскомъ театрѣ союзники опять проявляли энергичную дѣятельность. Безпрерывные дожди размыли дороги, передвиженіе артиллеріи и обозовъ происходило съ большимъ трудомъ и задержками. Съ востока приходили вѣсти о томъ, что наступленіе германцевъ на русской территоріи пріостановлено, о жестокихъ бояхъ въ Галиціи и Волыни, о неудачахъ подъ Ригой и неприступности двинскихъ позицій. Каждый день уводились неизвѣстно куда новыя и новыя войсковыя части, и положеніе германцевъ во Фландріи становилось все болѣе затруднительнымъ.

— Кончится тѣмъ, что насъ все-таки погонятъ отсюда,—сказалъ майоръ фонъ-Ховенъ, съ шумомъ отодвигая свой стулъ.—И, честное слово, не мы будемъ въ томъ виноваты. Можно воевать съ цѣлой Европой,—но только на одномъ, а не на сорока фронтахъ.

Съ поля сраженія канонада доносилась глухо, задыхаясь въ вечернемъ воздухѣ, сыромъ и тяжеломъ, какъ намокшая вата. Казалось, что стрѣляютъ гдѣ-то очень далеко. На столѣ, среди бумагъ, зазвонилъ телефонъ, майоръ взялъ трубку.

— Алло... Штабъ дивизіи. Майоръ Ховенъ. Барона нѣтъ, онъ уѣхалъ осматривать позиціи, я исполняю его обязанности.—Что такое?—Не можемъ дать ни одного человѣка.—Переговорить съ Домкапелле?—Хорошо, постараюсь.

Онъ положилъ трубку телефона на мѣсто и посмотрѣлъ на часы. Было безъ четверти десять.

— Англичане наступаютъ по всему правому флангу. Функе проситъ подкрѣпленій, а въ Домкапелле испорченъ аппаратъ. Надо послать туда ординарца...

Молодой лейтенантъ, съ красивымъ подвижнымъ лицомъ южнаго типа, внимательно изучавшій карту, поднялъ голову.

— Не годится, Эрикъ, — сказалъ онъ. — Ординарцу отвѣтятъ такъ же, какъ ты отвѣтилъ сейчасъ Функе. Я поѣду самъ въ автомобилѣ; думаю, что мнѣ удастся проскочить благополучно.

Получивъ необходимыя инструкціи, офицеръ вышелъ. У подъѣзда уже дожидался автомобиль; шоферъ, закутанный въ непромокаемый плащъ, жался подъ крышей, спасаясь отъ проливного дождя. Экипажъ пошелъ тихимъ ходомъ, лавируя въ кривыхъ и тѣсныхъ переулкахъ городка, утопавшаго во мракѣ. На площади онъ все же едва не налетѣлъ на двухъ всадниковъ, совѣщавшихся о чемъ-то среди необъятной лужи, въ которой лошади стояли по колѣно.

Послышалось энергичное ругательство, экипажъ остановился. Верховой офицеръ подъѣхалъ къ дверцѣ автомобиля и безцеремонно заглянулъ внутрь.

— Отто Рюлингъ! Къ какимъ вѣдьмамъ на шабашъ ты отправляешься?

Голосъ отвѣчавшаго глухо донесся изъ-за стекла. Не долго думая, всадникъ соскочилъ съ лошади, бросивъ поводья солдату, и пересѣлъ въ автомобиль.

— Я съ тобой, старина,—сказалъ онъ.—Вдвоемъ веселѣе ѣхать, не правда ли?

Пріятели обмѣнялись рукопожатіемъ. Майоръ Трейчке уже зналъ о начавшемся наступленіи англичанъ, которые двинулись

совершенно неожиданно — „словно ихъ блоха укусила“, по выраженію Трейчке и почти безъ артиллерійской подготовки.

— Можетъ-быть, это и хитрость, — заключилъ онъ, а скорѣе просто недостатокъ снарядовъ. Прислушайся: вѣдь это говорятъ наши пушки. Англичане не отвѣчаютъ.

Канонада усиливалась. Вправо темное небо освѣщалось непрерывно багровымъ зловѣщимъ свѣтомъ, похожимъ на блескъ молній. Иногда вѣтеръ доносилъ оттуда перекаты отдаленнаго „hurra“ англичанъ. Сраженіе, повидимому, принимало значительные размѣры, и было мало надежды на то, что подкрѣпленія изъ Домкапелле подоспѣютъ во-время.

— Я получилъ сегодня письмо отъ моего замѣстителя, — снова заговорилъ Трейчке. — На заводѣ неспокойно. Рабочіе волнуются, требуютъ повышенія заработной платы и хотятъ, чтобы убрали старшаго мастера изъ рельсопрокатнаго отдѣленія.

— Ну, что же. Если бъ ты былъ среди нихъ, то навѣрное поддержалъ бы эти требованія.

— Возможно, но только не теперь. Сейчасъ необходимо бросить всѣ эти домашнія дрязги. Я знаю, мои ребята не станутъ горланить по пустякамъ, но дѣло не въ этомъ. Въ настоящее время не до предъявленія экономическихъ требованій; мы поговоримъ съ господами капиталистами послѣ войны.

— Очевидно, они разсуждаютъ иначе, — отозвался Рюлингъ. — Если имъ нечего ѣсть...

— Всей Германіи скоро нечего будетъ ѣсть, мой милый. Забастовками и волненіями тутъ не поможешь, — напротивъ. Нужна побѣда, побѣда во что бы то ни стало, и какъ можно скорѣе. Въ ней наше единственное спасеніе. Мы идемъ неуклонно къ своей цѣли: установленію соціальнаго равенства и торжеству организованнаго труда надъ капиталомъ. Вдругъ на пути встрѣчается препятствіе — война. Что нужно дѣлать? Ясно, обойти препятствіе какъ можно скорѣе.

Шрапнельный снарядъ разорвался неподалеку отъ автомобиля. На темномъ небѣ вдругъ зажглась ярко-зеленая звѣзда, очень красивая; щелкнулъ выстрѣлъ, звѣзда разлетѣлась цѣлымъ букетомъ искръ, и пули зашлепали по жидкой грязи. Экипажъ достигъ опаснаго мѣста, близкаго къ линіи боя. Отворивъ оконце, Рюлингъ приказалъ шоферу дать полный ходъ, хотя при этомъ они и рисковали сломать машину. Автомобиль помчался полнымъ ходомъ, раскачиваясь на ухабахъ, какъ ладья въ сильную бурю. Вспаханная разрывами бомбъ, испорченная чудовищными колесами тяжелой артиллеріи, дорога находилась въ невозможномъ состояніи, а между тѣмъ еще въ началѣ войны это шоссе считалось однимъ изъ самыхъ благоустроенныхъ во Фландріи. Наконецъ впереди замелькали огоньки — деревня Домкапелле была близко.

— Чортъ побери, а вѣдь мы опоздали! — воскликнулъ Трейчке. — Посмотри-ка, они уже выступаютъ!

Дѣйствительно, по дорогѣ молча, какъ тѣни, двигались безконечные ряды войскъ. Они шли туда, гдѣ рвалась шрапнель, гдѣ канонада гремѣла, не умолкая; шли по грязи, подъ проливнымъ дождемъ, насмѣшливо журчавшимъ въ сточныхъ канавахъ вдоль дороги. Выйдя изъ экипажа, остановившагося, чтобы пропустить идущихъ, Отто стоялъ, приложивъ руку къ козырьку фуражки. Онъ торжественно и горделиво салютовалъ этимъ солдатамъ, отбивавшимъ мѣрно тактъ своими десятифунтовыми тирольскими сапогами, — спокойнымъ, безстрастнымъ и храбрымъ, символизировавшимъ въ его глазахъ несокрушимую мощь Германіи.

И въ эту минуту ему было пріятно сознавать, что самъ онъ тоже принадлежитъ къ ихъ числу.

II.

Послѣ короткаго періода боевъ на фронтѣ опять наступило затишье. Тревогу и оживленіе смѣнила скука — тихія ночи и однообразные дни, которые нечѣмъ было заполнить. Въ окопахъ нижніе чины развлекались пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ, пьянствомъ и мародерскими набѣгами на фермы окрестныхъ жителей. Впрочемъ, большинство послѣднихъ было уже давно разграблено: сломанный заборъ, нѣсколько кочней капусты подъ грудами обломковъ, одичавшій и тощій поросенокъ, забытый въ углу хлѣва, — вотъ все, на что въ лучшемъ случаѣ могли разсчитывать мародеры. Но томительное однообразіе траншейной жизни заставляло ихъ предаваться съ увлеченіемъ этимъ поискамъ.

Офицеры одинаково скучали и на позиціяхъ и въ штабѣ. Картежная игра давно успѣла надоѣсть имъ: проигрывали безъ сожалѣнія, равнодушно пожимая плечами. Почта съ родины приходила рѣдко, и въ получаемыхъ письмахъ не было ничего радостнаго. Сквозь синеву химическаго цензурнаго карандаша проступали постоянно однѣ и тѣ же жалобы: вздорожаніе жизни, полицейскія репрессіи, общая усталость отъ затянувшейся войны — вотъ чѣмъ жила Германія, объявившая войну всей Европѣ. И часто, глядя на завѣшенный сѣрыми тучами горизонтъ тамъ, на западѣ, офицеры спрашивали себя, гдѣ лучше: въ окопахъ, гдѣ они дѣлили время между смертью и скукой — или дома, въ опустошенной и впавшей въ глубокое уныніе родинѣ.

Въ одинъ изъ такихъ скучныхъ вечеровъ Рудольфъ Трейчке зашелъ къ своему пріятелю. Лейтенантъ Рюлингъ занималъ комфортабельную комнату въ зданіи ратуши, съ мебелью, реквизированной изъ сосѣдней квартиры, владѣльцы которой получили уплату „въ свинцовой валютѣ“, т.-е. попросту были разстрѣляны. Отто занимался одинъ; его сожители, лейтенанты Гессеръ и Фоссау, ушли играть въ карты.

— А ты, разумѣется, предпочелъ остаться наединѣ со своими мечтами? — насмѣшливо заговорилъ Трейчке, садясь на табуретъ возлѣ стола.

Отто поспѣшно отодвинулъ въ сторону разложенные передъ нимъ листы бумаги.

— Что это? Секреты? Любовная переписка?

Свѣчи въ старинномъ бронзовомъ канделябрѣ освѣщали ряды нотныхъ линеекъ, испещренныхъ вереницами значковъ, точно іероглифами, въ которыхъ непосвященный не могъ разобрать ничего.

— Вѣдь ты все равно не поймешь, — сказалъ Отто. — Удивительно остроумно: смѣяться надъ тѣмъ, что выше нашего пониманія.

— Выше или ниже — это другой вопросъ; но я вовсе не смѣюсь надъ тобой. Лучше сочинять оперу, чѣмъ пьянствовать двадцать четыре часа въ сутки или драться изъ-за какой-нибудь скверной бабы. Къ тому же, вообще хорошо работать по своей спеціальности. Если бъ я кончилъ консерваторію, да еще лауреатомъ, какъ ты, — я навѣрное дѣлалъ бы то же самое.

— Плохо только то, — заговорилъ смягченный этой похвалой композиторъ, — что теперь почти нѣтъ надежды пристроить оперу. Я написалъ уже увертюру и заканчиваю первый актъ. Ахъ, Рудольфъ, ты не повѣришь, до чего я поглощенъ этимъ сюжетомъ... Представь себѣ: старый король. Онъ чувствуетъ близость смерти, раскаивается во всѣхъ своихъ грѣхахъ и ошибкахъ и спѣшитъ воспользоваться послѣдними днями, чтобы совершить какъ можно больше добра. И вотъ, онъ встрѣчаетъ дѣвушку, прекрасную дѣвушку съ голубыми глазами...

— Страннымъ образомъ похожую на кого-то изъ обитательницъ Мюнхена, правда?

Отто покраснѣлъ.

— Перестань... Съ тобой ни о чемъ нельзя говорить серьезно. Эту дѣвушку зовутъ, положимъ...

— Мицци, — насмѣшливо подсказалъ инженеръ.

— Ну, хотя бы и такъ. Развѣ это имя недостаточно красиво? Дѣло вѣдь не въ томъ, какъ ее зовутъ. Однимъ словомъ, король чувствуетъ, что въ немъ пробуждается любовь. Онъ предлагаетъ дѣвушкѣ раздѣлить съ нимъ дѣло служенія людямъ, но она отвѣчаетъ, что королямъ слишкомъ трудно дѣлать добро. Этимъ заканчивается первое дѣйствіе... Что такое? Что нужно?

Онъ обернулся съ досадой. На порогѣ стоялъ сержантъ, появленіе котораго прервало фантазію увлекшагося композитора.

— Наши поймали женщину у самой линіи окоповъ, господинъ лейтенантъ. Она не отвѣчаетъ на вопросы — должно-быть, француженка. Мнѣ приказано доставить ее къ вамъ. Господинъ баронъ занятъ сейчасъ въ штабѣ, я докладывалъ ему по телефону.

— Хорошо. Приведите.

— Лестное довѣріе, — усмѣхнулся Трейчке, когда сержантъ вышелъ. — Ты положительно дѣлаешься адъютантомъ при его превосходительствѣ. И это несмотря на то, что ты пишешь оперу.

— Искусство искусствомъ, а служба службой.

Двое солдатъ ввели дѣвушку лѣтъ восемнадцати, здоровую и свѣжую, которая могла бы быть красивой, если бъ не ея костюмъ, представляющій причудливую и жалкую смѣсь безпорядочно напутанныхъ лохмотьевъ. Она была блѣдна, какъ статуя; руки ея дрожали, дыханіе было прерывистымъ и тяжелымъ, — но пронизывающій взглядъ офицера не заставилъ ее опустить глазъ.

— Скажите, фрейленъ, что вы дѣлали въ нашемъ расположеніи? — спросилъ Отто по-нѣмецки.

Дѣвушка молчала. Рюлингъ перешелъ на французскій языкъ, которымъ владѣлъ свободно.

— Я полагаю, вы навѣстили насъ не ради простой прогулки: для нея не стоило забираться такъ далеко и вдобавокъ въ такую погоду. Вы знаете, что жителямъ оккупированныхъ областей запрещено приближаться къ нашимъ укрѣпленнымъ линіямъ, подъ страхомъ строгаго взысканія. Вамъ это извѣстно, не правда ли?

— Да, извѣстно.

Дѣвушка старалась быть спокойной, но ея голосъ вибрировалъ, какъ альтовая струна віолончели. Отто хладнокровно занимался обрѣзываніемъ сигары, солдаты стояли у дверей неподвижными манекенами, пружина которыхъ отработала и остановилась.

— Предупреждаю васъ, — продолжалъ Рюлингъ, — что всякое запирательство безполезно. Обмануть насъ нельзя; мы видимъ сквозь стѣны и землю и такъ или иначе доберемся до правды. Вы, вѣроятно, очень устали, — прервалъ онъ самого себя, — у васъ подгибаются ноги, какъ я вижу. Ламие, подать барышнѣ стулъ!

Эта любезность инквизитора подѣйствовала на дѣвушку, словно ударъ по лицу. Она выпрямилась, ея глаза засверкали такимъ огнемъ, что солдатъ остановился со стуломъ въ рукѣ, не рѣшаясь приблизиться къ француженкѣ.

— Вы хотите знать, зачѣмъ я здѣсь? Вы это узнаете! Я пришла посмотрѣть на убійцъ, разстрѣлявшихъ моего отца. Его звали Фелисьенъ Дарю; онъ былъ казненъ вами на городской площади недѣлю тому назадъ. Я пришла бросить вамъ въ лицо ваше имя: вы — палачи и звѣри!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Подъ Новый годъ.

Разсказъ **Б. Никонова.**

I.

...Сердце у меня невольно замирало. Какъ это ни странно, но предпринятое мною приключеніе не на шутку волновало меня. Я поднялся по чужой лѣстницѣ, въ чужую квартиру. Я позвонился у чужой для меня двери. Я никогда не бывалъ здѣсь, и мнѣ не слѣдовало приходить сюда, потому что здѣсь, за этой дверью, жили люди, болѣе чѣмъ чужіе для меня: тутъ жили люди, когда-то для меня очень близкіе...

Но я давно отошелъ отъ нихъ, и между нами опустилась черная завѣса спокойнаго забвенія и равнодушія. И тѣмъ страннѣе было для меня, что я все-таки волновался, идя сюда. Сердце у меня билось, когда я думалъ, что черезъ нѣсколько секундъ я увижу ее... Ее и ея ребенка — моего сына, котораго я уступилъ ей пять лѣтъ тому назадъ, послѣ того, какъ состоялся нашъ разводъ.

Уступить можно вещь, деньги, земельную собственность. Въ моей печальной жизни мнѣ пришлось узнать, что иногда можно уступать и живого человѣка и даже своего собственнаго ребенка... Я узналъ, что въ жизни иногда человѣкъ приравнивается къ неодушевленному предмету. И это бываетъ именно тогда, когда рушится семья, когда исчезаетъ нравственная связь между ея членами, и когда въ нее вторгаются законъ и судъ.

У насъ этой связи не было. Не было и семьи. Семья распалась, едва только возникла. Моего сына въ послѣдній разъ я видѣлъ, когда ему не было еще года. Недолгая брачная жизнь прошла для меня, какъ туманъ, какъ недолговременное, но тяжелое ненастье, словно кошмаръ, отъ котораго я тогда постарался какъ можно скорѣе проснуться. Я отдалъ ей ребенка и ушелъ отъ нея — и семья исчезла. Остались только одни воспоминанія, частью оскорбительныя и нехорошія, частью безразличныя. Самымъ безразличнымъ было воспоминаніе о ребенкѣ: я никакъ не могъ представить себѣ его, какимъ онъ былъ тогда. Я тогда слишкомъ мало обращалъ на него вниманія, въ тѣ печальные дни.

Въ условія нашего развода не входило никакихъ ограниченій относительно моего доступа къ ребенку. Значитъ, я имѣлъ сейчасъ право пойти взглянуть на него? Значитъ, этотъ предпринятый мною неожиданный и довольно нелѣпый визитъ могъ имѣть кое-какое формальное оправданіе? Хорошо! Я такъ и скажу ей, что я пожелалъ взглянуть на своего сына... И вотъ я стоялъ предъ дверьми ея квартиры и нерѣшительно звонился.

Пять лѣтъ я не былъ въ этомъ городѣ. Какъ она жила? Въ какой обстановкѣ? Съ кѣмъ? Ничего этого я не зналъ. Мы не освѣдомляли другъ друга съ тѣхъ поръ ни о чемъ, и я со своей стороны ни разу не пытался узнать, что съ ней сталось. Адресъ ея я узналъ совершенно случайно и единственно только адресъ ея я и зналъ. Мнѣ было совершенно невѣдомо, одинока ли она или замужемъ. Я не зналъ даже, живъ ли мой ребенокъ.

Почему мнѣ вздумалось пойти къ ней? Я самъ хорошенько не могъ себѣ объяснить этого. Быть-можетъ, отчасти потому, что сегодня былъ канунъ Новаго года, а я былъ одинокъ—а въ праздникъ одиночество чувствуется какъ-то особенно сильно... А можетъ-быть, и оттого, что, едва я пріѣхалъ въ этотъ городъ, какъ меня охватили старыя воспоминанія.

Рис. *А. Кудрявцевъ.*

Мнѣ довольно долго не отпирали, и я уже подумывалъ, не уйти ли мнѣ во-свояси... Наконецъ за дверями послышались шаги, и звякнула дверная цѣпочка. Я машинально ощупалъ въ боковомъ карманѣ шубы коробку конфетъ: тутъ ли она? Я не хотѣлъ приходить съ пустыми руками къ ребенку...

И вотъ дверь отворяется...

— Здѣсь живетъ госпожа Соболева?

Въ полутьмѣ неосвѣщенной передней я не вижу, кто мнѣ отворилъ дверь. Быть-можетъ, сама госпожа Соболева? Сердце у меня опять забилось. Но нѣтъ. Это прислуга.

— Вамъ кого угодно?

— Анну Сергѣевну.

— Барыни нѣтъ дома.

— Жаль,—промолвилъ я.— А мнѣ бы нужно ее видѣть.

О ребенкѣ, о мальчикѣ, о моемъ сынѣ я не спросилъ. Мнѣ вдругъ стало жутко: можетъ-быть, его совсѣмъ нѣтъ...

Горничная немного поколебалась и сказала:

— Барыня скоро вернется. Подождите ее, если желаете.

У меня опять забилось сердце.

— Хорошо, я подожду.

Я раздѣлся и прошелъ въ маленькую гостиную.

Обстановка простенькая, безъ претензій. Чѣмъ она занимается? Что̀ дѣлаетъ? Что̀ она такое — эта чужая для меня женщина, съ которой я когда-то жилъ въ такой близости?

За дверями въ сосѣдней комнатѣ послышался топотъ дѣтскихъ ножекъ. Я невольно вздрогнулъ.

Въ минуты боевого затишья. По фот. *Н. Сенковскаго.*

Дверь пріотворилась, и выглянулъ мальчикъ лѣтъ пяти-шести. Выглянулъ и спрятался. Очевидно, это былъ онъ.

За дверью послышался шопотъ и переговоры. Затѣмъ дверь снова пріотворилась, и мальчикъ вышелъ и остановился въ дверяхъ, глядя на меня.

У него было худенькое и блѣдное лицо, обрамленное вьющимися волосами. Я вспомнилъ, что у нея тоже вились волосы. Походилъ ли онъ на меня? Я не могъ рѣшить этого.

— Здравствуй!—сказалъ я мальчику.

Онъ пріободрился и совсѣмъ вошелъ въ комнату.

— Здравствуй!—отвѣтилъ онъ дружелюбнымъ тономъ.

— Вѣдь ты Сережа?

— Да, Сережа,—отвѣтилъ мальчикъ, заложивъ руки за спину и внимательно глядя на меня снизу вверхъ.—А вы къ мамѣ?

— Да, къ мамѣ.

— А ея нѣтъ дома.

Мальчикъ подошелъ ко мнѣ еще поближе и промолвилъ таинственно-довѣрчивымъ тономъ, переходя на „ты“:

— А знаешь, куда она ушла?

— Нѣтъ, не знаю, — отвѣтилъ я, невольно улыбаясь. — Куда-нибудь по дѣламъ?

— Нѣтъ, она ушла покупать мнѣ подарокъ. Она мнѣ ничего не сказала — взяла и ушла. А я все-таки знаю, что это она за подаркомъ ушла. Мнѣ сказала Домаша.

Я всталъ и подошелъ къ мальчику.

— Послушай, Сережа,—обратился я къ нему,—а ты знаешь, кто я такой?

Мальчикъ снова поднялъ на меня глаза, внимательно поглядѣлъ на меня и спокойно отвѣтилъ:

— Не знаю.

— Ну, а какъ ты думаешь?

— Маминъ знакомый,—отвѣтилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.

И, минуя этотъ совершенно для него неинтересный вопросъ, онъ продолжалъ инымъ—оживленнымъ—тономъ:

— У насъ сегодня будетъ елка. У насъ елка нынче запоздала, потому что въ сочельникъ я хворалъ. Ты оставайся на елку.

— Постараюсь остаться, — улыбнулся я. — Если только твоя мама позволитъ.

— Навѣрное позволитъ,—рѣшительнымъ тономъ заявилъ онъ.— Ты попроси ее, и она пуститъ тебя на елку.

— А знаешь, Сережа, я такъ и думалъ, что у васъ сегодня елка, и даже принесъ тебѣ подарокъ.

Сережа недовѣрчиво взглянулъ на меня. Чтобы разсѣять его недовѣріе, я вышелъ въ переднюю, досталъ заготовленную коробку конфетъ и вручилъ ему.

— Ты знаешь, что̀ тутъ такое?

— Знаю,—отвѣтилъ онъ, блеснувъ глазами.—Конфеты.

Онъ взялъ коробку и проворно убѣжалъ съ нею въ сосѣднюю комнату. И я услышалъ тамъ возбужденное шушуканье. Вѣроятно, Сережа дѣлился впечатлѣніями съ няней Домашей.

Дверь тихонько скрипнула, но не отворилась. Я догадался, что кто-то смотритъ на меня въ дверную скважину. Должно-быть, сама няня Домаша. Рѣшительно, я произвелъ здѣсь своимъ появленіемъ и поведеніемъ сенсацію.

II.

Немного погодя Сережа явился ко мнѣ и сталъ занимать меня разговорами. Онъ уже нисколько не стѣснялся меня, и мы бесѣдовали, какъ старые пріятели.

— Какъ долго мама не приходитъ,—посѣтовалъ онъ.

— Да, долго,—согласился я. — Я, пожалуй, не буду дожидаться ея и пойду домой.

Мальчикъ встрепенулся.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходи! Ты обѣщался быть на елкѣ.

— Развѣ я обѣщался?— разсмѣялся я.

— Обѣщался, обѣщался! Мама скоро придетъ и устроитъ намъ елку. А мы пока посмотримъ картинки. Хочешь?

— Ну, хочу, — согласился я.

— У меня есть большая книга съ картинками,—продолжалъ Сережа. — Я сейчасъ ее принесу. Тамъ война нарисована. Очень интересно.

Смеркалось. Въ окна медленно вползалъ тусклый зимній вечеръ и обволакивалъ маленькую, скромно обставленную комнату расплывающимися тѣнями. Не вѣрилось, что завтра праздникъ: казалось, что празднику неоткуда было взяться — такъ сумрачно было за окнами, въ громадномъ и холодномъ городѣ, гдѣ скитаются мимо чужихъ оконъ одинокіе люди.

Вошла няня Домаша, недоумѣнно поклонилась мнѣ и зажгла на преддиванномъ столѣ лампу. Вбѣжалъ Сережа съ толстымъ томомъ журнала. Его оживленное личико сіяло, глаза сверкали. И я подумалъ, что, если новому году и новому счастью дѣйствительно суждено откуда-нибудь взяться, то развѣ только изъ этихъ сверкающихъ весельемъ дѣтскихъ глазъ.

Мы усѣлись за столомъ другъ возлѣ дружки, облокотились и стали разсматривать картинки. Сережа свѣтло взглянулъ на меня и промолвилъ:

— Я очень люблю смотрѣть картинки. Мама уходитъ на службу, а я сижу и смотрю.

— А развѣ твоя мама ходитъ на службу?

— А какъ же? Она каждый день уходитъ на службу. Приходитъ домой сердитая. Бранитъ меня. Но я не сержусь. Это просто потому, что она очень устаетъ и поэтому сердится. А потомъ цѣлуетъ и проситъ прощенія, чтобы я не сердился на нее и пожалѣлъ ее.

— И ты ее жалѣешь, Сережа?

— Конечно, жалѣю,—просто отвѣтилъ мальчикъ и сталъ объяснять мнѣ картинку, на которой было изображено какое-то сраженіе.

Изъ этого разговора у меня стало складываться кое-какое представленіе о томъ, какъ теперь живетъ моя бывшая жена.

Стало-быть, она теперь служитъ,—несетъ нелегкую трудовую лямку, она—привыкшая въ прежнее время къ праздности, къ разсѣянной жизни. И, значитъ, она любитъ мальчика и смогла воспитать въ немъ любовь. И они живутъ дружно, и мальчикъ научился не обращать вниманія на ея „сердитость“. А въ прежнее время она не желала и не могла жить дружно со мной, и оба мы никакъ не могли научиться не обращать вниманія на нашу общую сердитость—иной разъ совершенно случайную, и придавали значеніе—и какое значеніе!—всякой мелочи, каждой вспышкѣ раздраженія.

— Знаешь, Сережа,—промолвилъ я,—а вѣдь я видѣлъ такія сраженія своими глазами.

Мальчикъ удивленно вскинулъ на меня свои большіе глаза.

— Я былъ на войнѣ,—продолжалъ я.—Я докторъ, лѣчу раненыхъ. И вотъ такое сраженіе я видѣлъ. Я былъ въ госпиталѣ, подъ горой.

— На которой? На этой? Или на этой?—быстро спросилъ онъ, показывая на рисунокъ.

— Ужъ не помню... Кажется, на этой.

И я сталъ разсказывать ему о томъ, что̀ я видѣлъ тамъ, на войнѣ. Сережа не спускалъ съ меня восхищенныхъ глазъ, и едва я замолкалъ, какъ онъ нетерпѣливо толкалъ меня локтемъ и умолялъ:

— Разсказывай!

И я разсказывалъ дальше. Мнѣ казалось какимъ-то страннымъ сномъ все это: и что я сижу бокъ о бокъ съ этимъ мальчикомъ, и что этотъ мальчикъ мой сынъ, и что лампа свѣтитъ намъ такъ тепло, а въ комнатѣ такъ уютно. И что тьма уже не заглядываетъ къ намъ снаружи, но отвернулась и ушла, какъ отворачивается и уходитъ отъ людей смерть, ослѣпленная ихъ любовью.

— Ты умѣешь рисовать?—спрашиваетъ Сережа.—А я умѣю. Хочешь, я тебѣ нарисую поѣздъ съ паровозомъ?

Онъ принесъ карандашъ и бумаги и опять взгромоздился на

стулъ рядомъ со мной. И опять я почувствовалъ его теплое дыханіе и увидѣлъ его мягкій и пытливый взглядъ.

Онъ съ великимъ усердіемъ и стараніемъ, отдуваясь отъ усилій, нарисовалъ и паровозъ, и поѣздъ, и пассажировъ.

— Постой,—сказалъ я,—ты не совсѣмъ вѣрно рисуешь. Дай-ка, я тебѣ нарисую.

И я въ свою очередь нарисовалъ длиннѣйшій поѣздъ со спальными вагонами, съ рестораномъ, съ громаднымъ паровозомъ, и даже изобразилъ на заднемъ фонѣ какой-то фантастическій вокзалъ. И, каюсь, самъ увлекся этой работой. Сережа совершенно и окончательно плѣнился моими талантами. Онъ вздохнулъ отъ полноты чувствъ, положилъ голову на столъ и, глядя на меня и на мой рисунокъ сбоку, промолвилъ:

— Ты долго будешь у насъ сидѣть сегодня?

— А что?—спросилъ я.

— Ты не уходи. Ты останься совсѣмъ!

— Нѣтъ, Сережа, я уйду,—серьезно промолвилъ я. — Мнѣ нельзя.

— Ну что, право! — протянулъ онъ, и въ глазахъ у него сверкнули слезинки. — Посидишь, посидишь, да опять и уходишь...

Мнѣ захотѣлось его утѣшить, и я сталъ рисовать ему громадный американскій пароходъ. И мы снова увлеклись этимъ дѣломъ...

Вдругъ кто-то появился около нашего стола. Сережа поднялъ голову и радостно воскликнулъ:

— Мама!

Я растерянно вскочилъ съ кресла... Какъ могло случиться, что я прозѣвалъ ея появленіе? Почему я не слышалъ звонка? Отчего она вошла такъ тихо въ комнату?

Я такъ растерялся отъ неожиданности, что въ первое мгновеніе не нашелъ ни единаго слова. Я не сказалъ ей ничего и ничѣмъ не объяснилъ своего появленія здѣсь. И не придумалъ ничего лучшаго, какъ снова сѣсть за столъ къ начатому рисунку...

Она слабо усмѣхнулась при видѣ этой идилліи и спросила:

— Чему я обязана этимъ посѣщеніемъ?

Я уловилъ въ ея голосѣ стараніе показаться надменной и иронической. Она сильно измѣнилась, похудѣла, поблѣднѣла, въ глазахъ у нея мерцало что-то болѣе глубокое и серьезное, чѣмъ прежде. Одѣта она была въ скромное темное платье, въ какомъ я прежде ея не видывалъ.

За меня неожиданно вступился Сережа.

Съ восхищеніемъ въ голосѣ и въ глазахъ онъ бросился къ матери и заявилъ:

— Мама, онъ просится къ намъ на елку! Можно?

Я невольно разсмѣялся.

— Что это вамъ вздумалось?—спросила она, улыбнувшись.— Я этого никакъ не ожидала... А вы съ Сережей уже познакомились?

— Я былъ съ нимъ немного знакомъ и раньше,—возразилъ я.—Лѣтъ пять тому назадъ.

Она ничего не отвѣтила на это и, помолчавъ, прибавила усталымъ тономъ:

— Ну, что жъ, будьте гостемъ, если вамъ это такъ нравится.

Она не могла скрыть своего смущенія, и я прочелъ все это слишкомъ ясно на ея разстроенномъ лицѣ.

— Простите меня,—сказалъ я ей.—Я поступилъ, кажется, очень глупо. Но эту глупость можно поправить. Я ухожу, и если вамъ такъ лучше, я больше никогда не явлюсь къ вамъ.

Я наклонился къ Сережѣ:

— Прощай, мальчуганъ!

Темные, полные слезъ глаза были мнѣ отвѣтомъ. Никакого другого отвѣта я не получилъ: Сережа стремглавъ убѣжалъ въ другую комнату. Она,—моя бывшая жена,—тревожно ушла туда же вслѣдъ за нимъ. Я стоялъ съ шапкой въ рукахъ посреди комнаты въ довольно нелѣпой, растерянной позѣ. Мнѣ было грустно... Мнѣ было жаль мальчика... Если мнѣ почему-либо и казалось тяжело уйти сейчасъ отсюда, то только изъ-за Сережи, изъ-за его полныхъ слезами глазъ...

Черезъ минуту она вышла ко мнѣ.

— Вы уходите?—обратилась она ко мнѣ.—Если это вамъ нетрудно, то останьтесь у насъ еще немного. Онъ плачетъ. Онъ говоритъ, что вы хотѣли остаться на елку... Елку мы сейчасъ зажжемъ...

И вдругъ она близко подошла ко мнѣ и прошептала, стиснувъ руки:

На англійскомъ фронтѣ.

„Томми" дуются въ карты, усѣвшись на сложенныхъ ручныхъ гранатахъ.

— Какъ вамъ не стыдно! Какъ вамъ не совѣстно! Такъ дразнить ребенка и такъ травить меня... И для чего? Зачѣмъ вы пришли? Изъ пустого любопытства? Ради насмѣшки? Неужели вы не понимаете, каково мнѣ было войти сюда и увидѣть, что вы сидите тутъ... за столомъ, съ Сережей...

У нея оборвался голосъ, и она заплакала. Я молчалъ.

— Но разъ вы явились сюда,—продолжала она, — то хоть по крайней мѣрѣ не мучьте ребенка. Хоть его-то пожалѣйте... Останьтесь!

Я молча кивнулъ головой. Мнѣ стало невыразимо тяжело, и хотѣлось разувѣрить ее, убѣдить ее, что она ошибается, и что я вовсе не ради простого любопытства явился сюда... Но я не былъ въ состояніи разувѣрять ее.

Я остался. Мы втроемъ—я, она и Сережа—зажгли маленькую елку и разложили на столѣ подарки: книжку переводныхъ картинъ, новое маленькое ружье и мои конфеты... Сережа снова расцвѣлъ отъ радости и безъ умолку болталъ, не отпуская меня ни на шагъ. Она была грустна и старалась не глядѣть на меня. И я избѣгалъ ея взглядовъ.

Елка догорѣла... Въ окна опять, какъ мнѣ показалось, заглядывала жуткая ночная темнота, и опять мнѣ казалось непонятнымъ, гдѣ же тамъ можетъ скрываться праздникъ. Какой можетъ таиться тамъ Новый годъ? Развѣ могутъ быть какіе-нибудь новые годы въ нашей жизни? Я сидѣлъ за стаканомъ чаю, разсѣянно помѣшивалъ его и думалъ о томъ, что вотъ сейчасъ мнѣ нужно ужъ въ самомъ дѣлѣ уходить. Она ушла укладывать Сережу спать. Я сожалѣлъ, что не нашелъ момента уйти немного ранѣе.

Она появилась въ дверяхъ и сказала:

— Сережа васъ зоветъ.

Я всталъ. Она провела меня въ дѣтскую. И я очутился тамъ, въ нѣдрахъ ея домашней жизни, въ маленькой бѣлой комнаткѣ, освѣщенной голубымъ фонаремъ. Сконфуженный тѣмъ оборотомъ, который принималъ мой визитъ, я нерѣшительно подошелъ къ дѣтской кроваткѣ. Сережа приподнялся на локоть и смотрѣлъ на меня блестящими отъ слезъ глазами.

— Ты не кончилъ разсказывать о войнѣ, — обратился онъ ко мнѣ, улыбаясь сквозь слезы.—Мама говоритъ, что ты ужъ больше не придешь къ намъ. Разскажи до конца.

Я молча взглянулъ на нее. Она стояла у кровати, блѣдная и разстроенная, и, какъ мнѣ показалось, у нея тоже блестѣли слезы. Я хотѣлъ спросить ее, можно ли мнѣ докончить разсказъ, но она поняла меня и безъ словъ и кивнула мнѣ, приглашая сѣсть.

Я началъ свой разсказъ. И странное дѣло: по мѣрѣ того, какъ я говорилъ, мнѣ все болѣе и болѣе казалось, что я одинокъ и обокраденъ жизнью, и что все это тепло и уютъ семейнаго очага могли бы быть моими, но они не мои, и я пользуюсь ими сейчасъ, не имѣя на нихъ никакого права.

Я кончилъ. Сережа держалъ меня за руку, прильнувъ къ ней всѣмъ своимъ существомъ. Мнѣ стало грустно.

Какъ часто бываетъ въ жизни, что встрѣтится намъ гдѣ-нибудь чужой ребенокъ и вдругъ ни съ того ни съ сего потянется на чужія руки и начнетъ улыбаться, и нельзя понять, откуда взялась у него симпатія къ этому случайно встрѣтившемуся съ нимъ чужому человѣку. Или подойдетъ и начнетъ ласкаться чужая собака, или пристанетъ къ намъ иное малое и беззащитное существо и проситъ ласки и привѣта. И, какъ придорожные цвѣты на пыльномъ пути нашей жизни, насъ то здѣсь, то тамъ встрѣчаетъ эта неожиданная любовь. И какъ часто мы равнодушно проходимъ мимо нея и топчемъ ея цвѣты и убиваемъ ее. И сколько такихъ незримыхъ убійствъ совершаемъ мы въ жизни. И кто знаетъ, что тяжелѣе и преступнѣе, убить ли человѣка, или убить и отвергнуть любовь?

И вотъ сейчасъ предо мною вспыхнула такая любовь, и эта любовь, жадно ищущая моей руки, моихъ глазъ, моихъ словъ, есть мой сынъ, мой ребенокъ. Такъ какой же кары достоинъ буду я, если я отвергну и эту любовь?

Я поднялся и тихонько освободилъ свою руку. Она тоже поднялась и повернула ко мнѣ блѣдное заплаканное лицо. И я вдругъ увидѣлъ въ ея лицѣ тѣ же черты и то же выраженіе, которыя такъ понравились мнѣ сегодня въ лицѣ и глазахъ ея сына... нашего сына.

„Неужели между нами нѣтъ ничего общаго?—подумалъ я.— Вѣдь это прежде не было ничего общаго. А теперь? Развѣ этотъ мальчикъ не есть то общее, что можетъ насъ соединить, быть-можетъ, ужъ навсегда?“

Должно-быть, то же самое мелькнуло въ мысляхъ и у нея. Она протянула мнѣ руку и прошептала:

— Не уходите.

И, обратясь къ мальчику, прибавила дрогнувшимъ голосомъ:

— Знаешь, Сережа, кто это?

Мы молчали

— Помнишь, я говорила, что твой папа ушелъ отъ насъ. А вотъ онъ взялъ да и... вернулся.

Голубой фонарь мягко свѣтилъ намъ. Восхищенные дѣтскіе глаза сіяли навстрѣчу моимъ глазамъ и моему размягченному сердцу. И я всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, что я переживаю канунъ большого и радостнаго праздника въ моей жизни.

Для меня, для насъ, въ самомъ дѣлѣ, наступалъ Новый годъ...

Цвѣты жизни. По фот. *С. Корсакова.*

Передъ слѣдующимъ годомъ испытаній.

Очеркъ **К. Шумскаго.**

I.

Хотя считается, что война длится два съ лишнимъ года,—тѣмъ не менѣе нынѣ, 1-го января 1917 года, мы можемъ считать, что истекъ уже третій годъ войны. Во всякомъ случаѣ, три крупныхъ лѣтнихъ періода миновали, и такъ какъ именно въ эти лѣтніе періоды и ведутся главныя операціи въ каждомъ году, въ „стратегическомъ календарѣ“ всѣ три года войны отмѣчены уже полностью.

Эти три года войны—кампанія 1914 года, кампанія 1915 года и кампанія 1916 года. Три раза подъ рядъ противникъ дѣлалъ попытки выиграть сильными ударами войну, но можно было уже со второго удара наблюдать, какъ каждый послѣдующій натискъ былъ слабѣе предыдущаго. Первый натискъ—кампанія 1914 г.—далъ самый опасный для союзниковъ моментъ войны, ибо противникъ, какъ мы знаемъ, во всеоружіи своихъ силъ и опираясь на свою 40-лѣтнюю подготовку, имѣлъ въ теченіе первыхъ 60 дней передъ собою одного только противника — Францію. Заранѣе учтя громадныя пространства Россіи, малоразвитость рельсовой сѣти и ожидавшееся вслѣдствіе этого окончаніе русскихъ вооруженій и мобилизаціи лишь на 50-й день со дня начала войны, — 122-милліонная Австро-Германія увѣренно шла къ своей задачѣ — раздавить единственнаго въ то время готоваго противника, 45-милліонную Францію.

Этотъ напряженный моментъ,—первые два мѣсяца войны,—съ которымъ такъ искусно справились союзники, безусловно былъ въ свое время и критическимъ и опаснымъ. Расчеты противника казались точными и вполнѣ обоснованными, ибо 122 милліона Австро-Германіи могли разсчитывать сломить 45 милліоновъ Франціи, при равной степени культуры, при теоретически равной талантливости руководителей, при равномъ вооруженіи, подготовкѣ и проч. Элементы, входящіе въ составъ европейскихъ армій обѣихъ сторонъ, Франціи и Австро-Германіи, почитались равноцѣнными во всѣхъ отношеніяхъ, и, очевидно, рѣшающую роль должна была сыграть та разница въ коэффиціентахъ,—„122“ и „45“,—которая давала перевѣсъ въ первые 60 дней противнику. Поэтому всѣми справедливо признавалось, что въ первые дни войны Франція выдержала на себѣ всю тяжесть этого опаснѣйшаго для союзниковъ момента войны.

Мы знаемъ, что наши союзники учли тѣ два крупнѣйшіе промаха нѣмцевъ, о которыхъ намъ приходилось уже неоднократно упоминать: раздѣленіе массъ противника на двѣ части, вслѣдствіе чего противникъ наступалъ противъ главнаго объекта—Франціи—лишь съ половиной своихъ силъ одними германскими войсками, и затѣмъ сомнительный маневръ нѣмцевъ, обходившихъ сѣверное французское крыло вмѣсто попытки прорвать противоположное, южное, крыло гдѣ-либо у Вердена, къ каковому маневру противникъ перешелъ уже потомъ, черезъ два года войны. Какъ бы то ни было, коэффиціенты оказались не тѣ, которые ожидались, и, вмѣсто „122“, когда вдобавокъ еще у нѣмцевъ осталось нѣсколько корпусовъ на русской границѣ, коэффиціентъ могъ быть обозначенъ въ то время цифрой, примѣрно, въ „60“. Такіе коэффиціенты, какъ „60“ и 45“, давали уже не тройное превосходство, а лишь полуторное, и у французскаго высшаго командованія, вслѣдствіе этого, являлась возможность искуснымъ маневромъ парализовать этотъ уже меньшій „привѣсокъ“. Это показалъ Жоффръ на Марнѣ.

Послѣ того, какъ первая нѣмецкая волна, наиболѣе сильная и наиболѣе опасная, отхлынула, проигравъ кампанію 1914 года, вторая нѣмецкая волна, раскатившаяся въ 1915 году на нашемъ фронтѣ, уже ни въ коемъ случаѣ не могла привести войну къ окончанію. Общественное мнѣніе, правда, съ тревогой въ то время смотрѣло на очищеніе Польши, но стратегіи было извѣстно, что противникъ занимаетъ лишь то, что онъ долженъ былъ, по расчету, занять въ первые дни войны и притомъ почти безъ всякаго труда,—почему занятіе этой территоріи лишь на второй годъ войны, вдобавокъ со значительными жертвами, само по себѣ показывало, что весь планъ войны далъ у противника трещину, и первыя части этого плана выполняются въ непомѣрно большіе сроки. Если противникъ для выполненія первыхъ шаговъ своего плана войны у насъ затратилъ вмѣсто пяти недѣль годъ, то это само по себѣ обнаруживало, что уже весь планъ, полностью, не можетъ быть осуществленъ.

Вслѣдствіе этого, уже третій годъ войны долженъ былъ впервые показать болѣе рельефно полное крушеніе нѣмецкихъ надеждъ на побѣду надъ коалиціей и начало того ослабленія, которое должно было явиться результатомъ чрезвычайныхъ, но оказавшихся безплодными, усилій въ предыдущіе два года войны.

Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михаиловичъ, *производящій смотръ авіаціонному отряду. По поводу Высочайшаго назначенія Его Императорскаго Высочества полевымъ генералъ-инспекторомъ военнаго воздушнаго флота при Верховномъ Главнокомандующемъ.*

II.

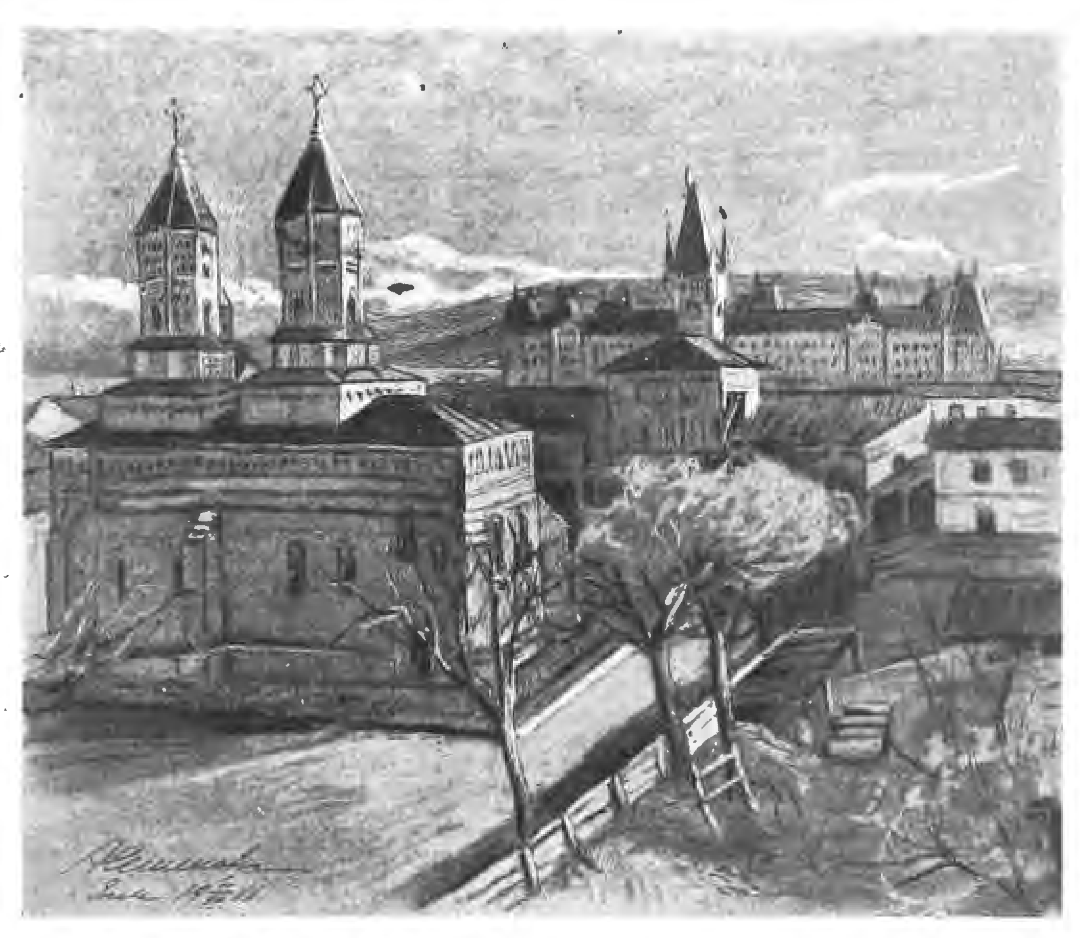
Выждавъ два года—кампанію 1914 и 1915 годовъ—въ положеніи стратегически обороняющейся стороны, союзники начали истекшій третій годъ войны уже съ попытокъ къ наступленію почти на всѣхъ фронтахъ, и попытокъ, какъ мы знаемъ, удачныхъ. Этого не могла не ожидать въ началѣ 1915 года и германская стратегія, ибо она понимала, что, послѣ двухъ неудачныхъ наступательныхъ кампаній армій центральной коалиціи, надлежитъ ждать первыхъ шаговъ перехода въ наступленіе армій державъ согласія.

При такихъ условіяхъ, противникъ въ началѣ третьяго года войны рѣшилъ вырвать иниціативу изъ рукъ союзниковъ и, какъ мы знаемъ, началъ кампанію этого года съ наступленія подъ Верденомъ. На этотъ разъ для того, чтобы предупредить наступленіе союзниковъ на различныхъ фронтахъ своимъ наступленіемъ, нѣмцы, повидимому, признали необходимымъ избрать такой участокъ фронта, ударъ на который могъ бы имѣть значительныя послѣдствія, въ расчетѣ, что такой ударъ въ важномъ направленіи привлечетъ вниманіе союзниковъ и вынудитъ ихъ отложить всѣ наступательныя попытки.

Однимъ изъ такихъ важныхъ пунктовъ фронта былъ Верденъ, потеря котораго означала бы брешь въ оборонительной стѣнѣ крѣпостей Франціи на восточной границѣ, въ томъ „желѣзномъ барьерѣ“ изъ крѣпостей Верденъ, Туль, Эпиналь и Бельфоръ, который былъ созданъ въ долгіе годы подготовки Франціи къ войнѣ, какъ оплотъ, прикрывающій восточную границу отъ вторженія изъ Германіи. Кромѣ того, ударъ въ этомъ направленіи могъ вывести противника въ обходъ Парижа съ юга и, какъ мы уже неоднократно указывали, могъ закрыть для французскихъ армій югъ Франціи,—эту богатѣйшую часть страны, важнѣйшій источникъ снабженій.

Однако, несомнѣнно, наступленіе противника на Верденъ, съ чего началась третья кампанія нынѣшней великой войны, все же далеко не носило того опаснаго характера, какъ наступленіе нѣмцевъ въ первые дни войны во Францію. Верденъ удалось удержать въ первые самые серьезные дни, благодаря энергіи и героическому рѣшенію генерала Кастельно, нашедшаго талантливыхъ исполнителей въ лицѣ генераловъ Бальфурье (командира 20-го корпуса) и Петэна (командующаго верденской арміей). Тѣмъ не менѣе, если даже допустить, что было бы приведено въ исполненіе первое распоряженіе объ очищеніи верденскихъ фортовъ и объ отходѣ за рѣку Маасъ, то все же это не могло бы имѣть значительныхъ стратегическихъ послѣдствій.

Противникъ долженъ былъ бы удовлетвориться моральнымъ успѣхомъ,—занятіемъ верденскихъ фортовъ, но такъ какъ на это потребовалось бы нѣкоторое время, то при дальнѣйшемъ развитіи своей операціи,—уже за Верденомъ,—противникъ встрѣтилъ бы неисчислимыя трудности. Занятіе Вердена само по себѣ во всякомъ случаѣ не могло бы дать противнику „прорыва фронта“, ибо, какъ мы знаемъ, фронты обѣихъ сторонъ на западѣ укрѣплены на большую глубину, и надлежитъ брать для прорыва фронта цѣлый рядъ оборонительныхъ линій, которыя въ свою



Яссы. Королевскій дворецъ и церковь трехъ святителей (XVII ст.). Рис. нашего корреспондента *А. Семенова.*

При такихъ благопріятныхъ для союзниковъ условіяхъ начался истекшій третій годъ войны. Противникъ, сознававшій надвигавшееся наступленіе союзниковъ на различныхъ фронтахъ, пытался вырвать инициативу и предупредить наступленіе союзниковъ своимъ наступленіемъ, но первыми своими операціями подчеркнулъ, что никакіе отчаянные и смѣлые удары не могутъ вернуть его къ тому выигрышному положенію, которое онъ занималъ въ первые 60 дней войны, когда онъ могъ имѣть „тройное превосходство" противъ Франціи и 60 дней былъ спокоенъ за свой тылъ.

Уже въ первые дни февральскаго наступленія у Вердена противникъ долженъ былъ сознавать, что его верденская операція не удалась. Однако, какъ мы знаемъ, онъ упорствовалъ, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо отказъ сразу отъ этого плана представлялся для противника въ то время немыслимымъ. Мы знаемъ, что и раньше противникъ испытывалъ иногда неудачи въ своихъ отдѣльныхъ наступательныхъ попыткахъ на западномъ фронтѣ, какъ, напримѣръ, при наступленіи на Калэ, но тогда нѣмцы могли сравнительно легко отказываться отъ намѣченнаго предпріятія. Между тѣмъ отказъ сразу отъ верденской операціи означалъ бы, что нѣмцы окончательно признаютъ невозможность для себя добиться чего-либо на англо-французскомъ фронтѣ и вполнѣ опредѣленно сознаются въ проигрышѣ войны на западѣ.

Кромѣ того, этотъ планъ былъ твореніемъ Фалькенгайна, а въ его прошломъ былъ планъ успѣшнаго наступленія лѣтомъ 1915 года, и, очевидно, Фалькенгайнъ, невзирая на первыя неудачи у Вердена, продолжалъ пользоваться довѣріемъ Вильгельма, полагавшаго, вѣроятно, что въ концѣ концовъ Фалькенгайнъ добьется цѣли. Ожидать же отказа Фалькенгайна отъ верденской операціи нельзя было, ибо для послѣдняго это было равносильно крушенію всей его репутаціи и несомнѣнно было бы связано съ удаленіемъ его со сцены.

При такихъ условіяхъ, гдѣ рѣшающую роль играли соображенія отнюдь не стратегическаго, а моральнаго, частью политическаго и частью даже личнаго (для Фалькенгайна) характера, мы наблюдали продолженіе верденской операціи почти въ теченіе полугода. Однако уже самое крушеніе верденской операціи въ первые же дни показывало, что противнику не удалось главное,—не удалось предупредить ту будущую наступательную попытку союзниковъ на всѣхъ фронтахъ, которую нѣмцы всемѣрно хотѣли локализовать своимъ раннимъ февральскимъ наступленіемъ у Вердена. Мы наблюдали какъ наступленіе англо-французовъ на Соммѣ, такъ и извѣстное майское наступленіе генерала Брусилова, такъ и, наконецъ, извѣстное наступленіе итальянцевъ, закончившееся взятіемъ Горицы. Для германской стратегіи это было опаснымъ симптомомъ того „общаго перелома" въ ходѣ войны, который являлся непосредственнымъ результатомъ всѣхъ двухлѣтнихъ неудачъ противника и ослабленіемъ его силъ, и который показывалъ, насколько трудно будетъ въ дальнѣйшемъ нѣмцамъ удерживать въ своихъ рукахъ „инициативу". Между тѣмъ „удержаніе инициативы" было главнѣйшей обязанностью германской стратегіи, ибо въ томъ „центральномъ" положеніи, которое занимали арміи нашихъ противниковъ, они ни на минуту не могли выпустить изъ своихъ рукъ „инициативы нападенія", рискуя, въ противномъ случаѣ, быть сжатыми съ нѣсколькихъ сторонъ. Только непрерывное нападеніе то на одномъ, то на другомъ участкѣ фронта, привлекая къ пункту удара силы и вниманіе союзниковъ, давало имъ возможность временно избѣгать „сжатія" того круга, внутри котораго находились арміи центральной коалиціи.

очередь состоятъ каждая изъ отдѣльныхъ рядовъ оборонительныхъ траншей и укрѣпленій.

На примѣрѣ Соммы мы знаемъ, что паденіе даже цѣлой оборонительной линіи, состоящей изъ цѣлаго ряда параллельныхъ траншей и укрѣпленій, не мѣняетъ взаимнаго стратегическаго положенія сторонъ, и одинаковые результаты наблюдали бы нѣмцы и у Вердена, въ томъ крайнемъ случаѣ, если бы генералъ Кастельно не отмѣнилъ распоряженія объ очищеніи верденскихъ фортовъ, и послѣдніе были бы заняты противникомъ, а французы отошли бы за рѣку Маасъ, на ея лѣвый берегъ.

Такимъ образомъ, ударъ противника на Верденъ, хотя и направлялся на весьма важный пунктъ всего стратегическаго фронта французовъ на западѣ, тѣмъ не менѣе въ этомъ ударѣ нельзя было усмотрѣть столь чрезвычайной опасности,—какъ для положенія французовъ на западѣ, такъ и для общаго стратегическаго положенія всѣхъ союзниковъ,—каковая опасность усматривалась, напримѣръ, въ первые дни войны. Прорыва фронта, во всякомъ случаѣ, не получилось бы, и въ крайнемъ случаѣ могло бы получиться лишь нѣкоторое отодвиженіе фронта назадъ, исчисляемое обыкновенно нѣсколькими километрами. Соотвѣтственно этому, не только рѣшительной побѣды не могли найти нѣмцы подъ Верденомъ, но и вообще французскій фронтъ не могъ испытать тамъ сколько-нибудь серьезнаго потрясенія.

Правда, къ тому времени была сгруппирована вторая значительная масса—на сѣверѣ Франціи—противъ англійскаго фронта. Однако и тамъ, при томъ колоссальномъ сосредоточеніи англійскихъ войскъ, которое въ то время наблюдалось во Франціи, при громадномъ сосредоточеніи на англійскомъ фронтѣ орудій, снарядовъ и всякихъ техническихъ средствъ,—мало было основаній ожидать также и возможности прорыва англійскаго фронта на сѣверѣ.

Изъ этого можно видѣть, что нѣмецкій планъ второго наступленія во Францію въ февралѣ, хотя и обнаруживалъ „грозныя" намѣренія противника, но не былъ достаточно обоснованъ, ибо зиждился на недостаточныхъ факторахъ силы, на недостаточномъ превосходствѣ германскихъ силъ во Франціи, какъ въ численномъ отношеніи, такъ и въ матеріальномъ и моральномъ. Генералъ Кастельно погубилъ нѣмецкій планъ въ первые дни его выполненія,—однимъ удачнымъ взмахомъ талантливой мысли, не давъ ему даже и развиться. Но общая несостоятельность этого плана была заранѣе гарантирована, какъ непосредственное слѣдствіе двухъ предыдущихъ кампаній, 1914 и 1915 годовъ. Противникъ, потерявъ часть своихъ силъ за два года войны, уже не былъ достаточно силенъ для осуществленія прежнихъ грандіозныхъ замысловъ и, именно вслѣдствіе потери силъ за два года войны, не былъ силенъ и подъ Верденомъ.

III.

Мы знаемъ, конечно, что результаты первыхъ наступательныхъ попытокъ союзниковъ дали пока лишь относительно небольшое продвиженіе на отдѣльныхъ участкахъ фронта. Однако надлежитъ имѣть въ виду, что и нельзя было ожидать съ первыхъ дней перехода въ наступленіе союзниковъ,—послѣ двухлѣт-

ней обороны,—рѣшительнаго „сжатія“ круга, внутри котораго находится Австро-Германія. Это были лишь „первые опыты“, позволившіе прежде всего вырвать иниціативу у противника и затѣмъ обнаружившіе, что фронтъ противника, несмотря на всю силу его укрѣпленій, въ общемъ уязвимъ. Очевидно, предстояла относительно медленная работа въ дальнѣйшемъ „наступательномъ“ періодѣ дѣйствій союзниковъ,—быть-можетъ, связанная съ довольно продолжительнымъ временемъ, но во всякомъ случаѣ обѣщающая, при извѣстной согласованности и организованности дѣйствій, окончательный успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, мы знаемъ, что союзники къ концу второго года войны не только вырвали иниціативу изъ рукъ противника, но и добились значительнаго ослабленія, главнымъ образомъ, Австро-Венгріи.

Какъ ни медлительно шествіе союзниковъ, но все же общіе стратегическіе факторы существенно мѣнялись, невзирая на отдѣльные успѣхи нѣмцевъ, и, параллельно съ крайнимъ ослабленіемъ Австро-Венгріи, силы союзниковъ возрастали до колоссальныхъ размѣровъ: англійская армія, насчитывавшая въ началѣ войны 150 тысячъ во Франціи, къ осени 1916 года насчитывала во Франціи 1½ милліона, т.-е. возросла въ 10 разъ, а о ростѣ вооруженныхъ силъ 180-милліонной Россіи и говорить не приходится. Это настолько существенно мѣняло положеніе по сравненію съ періодомъ перваго полугодія войны, когда противникъ не могъ достигнуть успѣха, имѣя въ тылу себя еще неготовую Россію, а передъ собой французскую армію, усиленную лишь 150 тысячами англичанъ, что противникъ не могъ съ этимъ серьезно не считаться.

Выступленіе Румыніи еще болѣе осложнило положеніе противника, вынуждая его выдѣлить часть и безъ того ослабленныхъ силъ для румынскихъ фронтовъ. Правда, противнику удалось нѣсколько исправить это положеніе, сведя румынскіе фронты къ линіи длиною всего лишь верстъ въ 250. Однако это означало лишь, что „привѣсокъ“, утяжелившій положеніе противника, и безъ того крайне тяжелое, оказался нѣсколько меньшимъ, чѣмъ можно было ожидать. Но общее стратегическое положеніе противника, будучи тяжелымъ еще до румынскаго выступленія, продолжало быть не менѣе, если не болѣе тяжелымъ и послѣ румынскаго выступленія, особенно въ связи съ необходимостью выдѣлить новыя силы для обороны румынскаго фронта, хотя бы и 250-верстнаго.

Такимъ образомъ, въ окончательномъ итогѣ истекшій третій годъ войны ознаменовался тремя крупными неудачами противника — у Вердена, на волынско-галиційскомъ фронтѣ и на итальянскомъ фронтѣ, у Горицы. Параллельно съ этими неудачами противника, нѣмцы могли зарегистровать одинъ плюсъ — „румынскую операцію“, но такъ какъ румынскій фронтъ, хотя бы и меньшаго, 250-верстнаго, размѣра, все же былъ лишней тяжестью для германской стратегіи, то положеніе противника, ставшее весьма тяжелымъ еще до румынскаго выступленія, продолжало быть также крайне тяжелымъ даже и послѣ успѣшной „румынской операціи“.

Въ итогѣ коалиція центральныхъ державъ къ концу третьяго года войны перегородила укрѣпленной стѣной поперекъ Европу отъ моря до моря въ двухъ мѣстахъ: на западѣ — отъ Сѣвернаго моря до Швейцаріи, на востокѣ — отъ Балтійскаго моря до Чернаго моря. Для успѣшной обороны двухъ длинныхъ, громадныхъ фронтовъ силы противника должны быть весьма значительны, чего, какъ мы знаемъ, не наблюдалось. Кромѣ того, на этихъ фронтахъ имѣются болѣе слабые участки, какъ, напримѣръ, австрійскій участокъ восточнаго фронта.

Правда, противникъ могъ бы прибѣгнуть къ своему излюбленному способу обороны — къ активнымъ операціямъ, къ какой-нибудь крупной наступательной попыткѣ на одномъ изъ фронтовъ. Однако, на западѣ это, повидимому, исключено, а наступленіе на востокѣ, въ настоящихъ условіяхъ, потребовало бы весьма значительнаго расхода силъ, еще болѣе могущаго приблизить противника къ полному истощенію. Кромѣ того, какъ мы знаемъ, при нынѣшнихъ согласованныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ, противникъ не имѣетъ возможности сосредоточить особенно большія силы на востокѣ, ибо немедленные удары на западномъ фронтѣ, а возможно и на итальянскомъ фронтѣ, сейчасъ же должны отвлечь туда силы.

IV.

Такимъ образомъ, противнику къ третьему году войны приходится учитывать четыре фактора: во-первыхъ, сильнѣйшее ослабленіе Австро-Венгріи, вынуждающее нѣмцевъ тратить свои войска и на австрійскій фронтъ, во-вторыхъ, увеличеніе въ десять разъ англійскихъ вооруженныхъ силъ и непрерывный ростъ русскихъ силъ, въ-третьихъ, необходимость оборонять крайне длинные фронты, тогда какъ оборона длинныхъ фронтовъ является дѣломъ вообще малосостоятельнымъ, наконецъ, въ-четвертыхъ, невозможность произвести крупную операцію на какомъ-либо изъ фронтовъ, частью вслѣдствіе недостатка силъ для крупнаго стратегическаго предпріятія, частью вслѣдствіе согласованныхъ дѣйствій союзниковъ, опредѣленно мѣшающихъ теперь всегда сосредоточенію непріятельскихъ силъ противъ одного изъ союзниковъ.

Такая обстановка прежде всего исключаетъ для противника возможность достигнуть тѣхъ цѣлей войны, во имя которыхъ онъ создалъ нынѣшнее великое европейское столкновеніе. Въ свою очередь, столь опредѣленно обнаружившаяся невозможность достигнуть цѣлей войны естественно дѣлаетъ для него безполезнымъ дальнѣйшее продолженіе войны.

Однако, полагая, что его вооруженныя силы еще достаточны для продолжительной обороны и длительнаго сопротивленія, противникъ пытается использовать „психологическій“ моментъ и то свое положеніе, которое онъ опредѣляетъ такъ называемой „военной картой“. Въ результатѣ, къ концу третьяго года войны мы и имѣли такъ называемыя „мирныя предложенія“ противника, которыя являются тѣмъ ближайшимъ выводомъ, къ которому пришелъ противникъ, признавъ невозможнымъ для себя достигнуть намѣченныхъ цѣлей войны. Предложенія эти, обоснованныя на увѣренности противника, что онъ можетъ еще долго удержаться, заключали въ себѣ опредѣленныя требованія территоріальныхъ и иныхъ гарантій. Противникъ, сознавая невозможность достигнуть цѣлей войны, въ то же время какъ бы угрожаетъ „затяжкой войны“, перенесеніемъ ужасовъ войны на нейтральныя страны (нападенія подводныхъ лодокъ на нейтральныя суда), и это, по существу, является тѣмъ главнымъ „мотивомъ“, которымъ подкрѣпляются „предложенія“ противника.

Съ другой стороны, если противникъ пришелъ къ убѣжденію, что достигнуть для него цѣлей войны невозможно при настоящей

Церковь св. Саввы въ Яссахъ. Рис. нашего корреспондента *А. Семенова.*

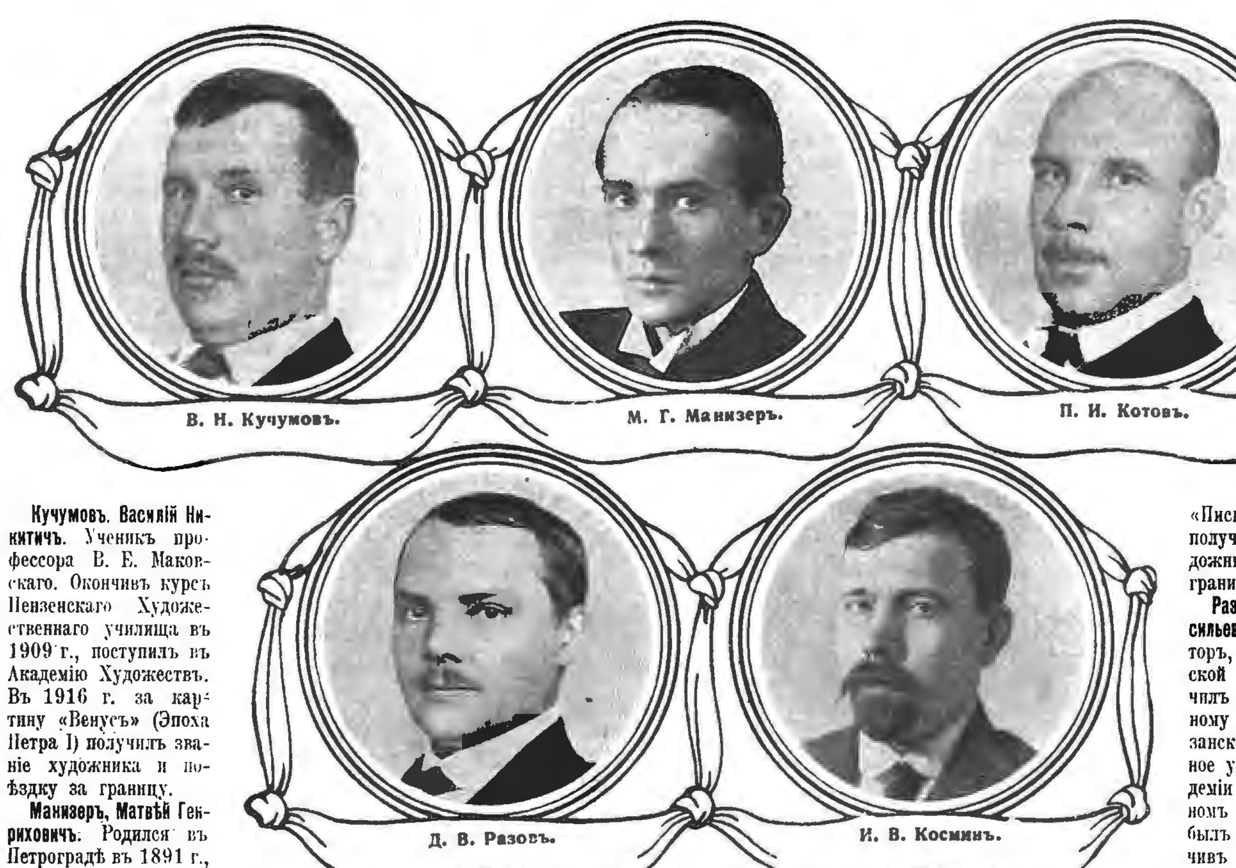
стратегической обстановкѣ, то союзники далеко еще не отказались окончательно отъ надежды сломить сопротивленіе Австро-Германіи. Противникъ можетъ противъ этого возражать и увѣрять въ „неодолимости“ центральной коалиціи. Съ этимъ могутъ спорить и скептики, но во всякомъ случаѣ,—такъ или иначе,—надлежитъ считаться со столь опредѣленной психологіей воюющей стороны. Разъ послѣдняя не потеряла еще надеждъ выиграть войну, то вполнѣ естественно, что она отказывается отъ ея окончанія, -тѣмъ болѣе въ такой моментъ, когда противникъ признаетъ свое стратегическое положеніе благопріятнымъ и намѣренъ изъ этого извлечь реальныя политическія выгоды.

Вообще, если представить себѣ возможныя будущія перспективы, то можно, въ крайнемъ случаѣ, допустить еще отдѣльные частные успѣхи противника, но ничего крупнаго отъ него ожидать нельзя ни на одномъ изъ фронтовъ. Стратегическое положеніе противника, а также его экономическое положеніе, въ связи съ этой невозможностью достигнуть чего-либо крупнаго и въ связи съ общимъ ослабленіемъ, а въ частности въ особенности съ ослабленіемъ Австро-Венгріи,—должно ухудшаться. Поэтому союзники могутъ не отказываться отъ своего выжидательнаго положенія, съ какими бы экономическими трудностями оно ни было связано, ибо, несомнѣнно, каждый годъ войны будетъ понижать требовательность Германіи,—какъ мы то уже наблюдали и до сихъ поръ, при сравненіи прошлогодняго выступленія въ рейхстагѣ Бетмана-Гольвега съ предложеніемъ о мирѣ и нынѣшнихъ „мирныхъ предложеній“. Остріе германской стратегіи уже притупилось и не можетъ угрожать союзникамъ, и вопросъ весь сводится къ простой длительности войны, при которой союзники гарантированы отъ серьезныхъ ударовъ противника, тогда какъ послѣдній имѣетъ нѣкоторыя основанія опасаться за прочность своего положенія въ будущемъ.

Эти общіе итоги являются результатомъ почти трехлѣтней борьбы, и они даютъ основаніе разсчитывать, что, сколь ни силенъ противникъ, эти итоги будутъ расти и, возможно, достигнутъ того предѣла, когда центральная коалиція признаетъ вполнѣ опредѣленно невозможность для нея продолженія дальнѣйшей борьбы.

Съ этими перспективами мы и вступаемъ въ новый, четвертый годъ войны. Напряженіе несомнѣнно растетъ, тяжелое бремя увеличивается, но мы будемъ вѣрить, что, какъ когда-то говорилъ Гамбетта,—„нѣтъ такого народа на европейскомъ материкѣ, который бы не видѣлъ на своей землѣ чужеземцевъ, не терпѣлъ бы ихъ долго и, наконецъ, все-таки не выгналъ бы ихъ“.

Художники-лауреаты на конкурсѣ въ Императорской Академіи Художествъ.


В. Н. Кучумовъ. М. Г. Манизеръ. П. И. Котовъ. Д. В. Разовъ. И. В. Косминъ.

Кучумовъ, Василій Никитичъ. Ученикъ профессора В. Е. Маковскаго. Окончивъ курсъ Пензенскаго Художественнаго училища въ 1909 г., поступилъ въ Академію Художествъ. Въ 1916 г. за картину «Венусъ» (Эпоха Петра I) получилъ званіе художника и поѣздку за границу.

Манизеръ, Матвѣй Генриховичъ. Родился въ Петроградѣ въ 1891 г., сынъ художника Г. М. Манизера, окончилъ курсъ наукъ на естественномъ отд. Петроградскаго университета въ 1914 г. и поступилъ въ Академію. Ученикъ проф. Г. Р. Залемана и В. А. Беклемишева. Въ 1916 г. удостоенъ званія и поѣздки за границу за барельефъ «Изъ Иліады».

Котовъ, Петръ Ивановичъ. Ученикъ проф. Н. С. Самокиша, родился въ 1889 г., окончилъ Казанскую Художественную школу; въ 1909 г. поступилъ въ Академію Художествъ и за картины «Сборъ на охоту» и «Письмо съ родины» получилъ званіе художника и поѣздку за границу.

Разовъ, Дмитрій Васильевичъ. Архитекторъ, уроженецъ Вятской губерніи, окончилъ по архитектурному отдѣленію Казанское Художественное училище. Въ Академіи на архитектурномъ отдѣленіи пробылъ 7 лѣтъ и, окончивъ по мастерской проф. А. Н. Бенуа, удостоенъ званія художника и командировки за границу за программу «Инвалидный домъ».

Косминъ, Иванъ Владиміровичъ. Сынъ крестьянина села Слѣпухи, Елецкаго уѣзда, Орловской губерніи. Окончилъ курсъ уѣзднаго училища въ Воронежѣ, потомъ Пензенскаго Художественнаго училища и поступилъ въ Академію. Въ 1916 г. окончилъ курсъ со званіемъ художника и за портретъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Викторіи Ѳеодоровны (см. «Нива» № 49 1916 г.) получилъ золотую медаль имени Виже Лебренъ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго“ книга 1 и ежемѣс. иллюстрир. приложеніе ДЛЯ ДѢТЕЙ № 1.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1917 г.
№ 2

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVIII г. изданія

Выданъ 14-го января 1917 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 8 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. С. Я. Надсона" кн. 1.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Руководство для газетныхъ **КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ** Постоянн. крупн. побочн. заработокъ. Цѣна 1 руб. **Москва**, изд—ство „ЛУЧЪ", Печатниковъ пер., 18/2.

4386 (5)

Домашнее изготовленіе сахара

на всюду имѣющихся матеріаловъ, безъ особыхъ приспособленій, въ обыкновенной домашней посудѣ. Доступно всѣмъ. Цѣна руководства **три р.** 25 к. **Москва**, изд-ство „Лучъ". Печатниковъ пер., 18/2.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.

РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА.

АРТЕРІОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.

ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Русское Агентство фирмы **ШАТЕЛЕНЪ** въ Парижѣ. Москва, Петровскій пассажъ, № 38, отд. Б.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ, предупреждаетъ его повтореніе.

4471

КООРИН

ПРОТИВЪ ЗАПОРОВЪ РАБОТАЕТЪ ПОКА ВЫ СПИТЕ.

Примите на ночь двѣ таблетки и каждое утро Вашъ желудокъ будетъ освобождаться легко и пріятно «Кооринъ» оздоровляетъ желудокъ и пріучаетъ его къ аккуратному дѣйствію. Превосходно дѣйствуетъ при застарѣлыхъ запорахъ, атоніи, вялости кишекъ, катаррѣ, геморроѣ, головныхъ боляхъ и дурномъ настроеніи. Прекращаетъ тошноту, изжогу и пученіе живота газами. «КООРИНЪ» абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ.

Обращайте вниманіе на оригин. коробку «Кооринъ СТАТ».

ТАБЛЕТКИ по 0.5

ДАРОМЪ.

Требуйте сегодня открыткой безплатную брошюру изъ Главнаго Склада «КООРИНЪ», Москва, Мясницкая, Милютин. пер., 3/4.

Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться промышленностью, долженъ выписать книгу: **„Я самъ-хозяинъ"**, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый. Цѣна 2 р. 75 к. **МОСКВА, изд—ство. „ЛУЧЪ", Печатниковъ пер., 18/2.**

4302 (8)

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скоропис. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 384 стр. убористаго шрифт. Цѣна съ пер. 2 р. 50 к.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 398 стран. Цѣна 3 р. 50 к.

(8) 4489

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.

При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ"—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

старческая дряхлость,

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПрофессоръД-ръ ПЕЛЬ и С-вья. ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

1 внутренній 5% съ выигрышами заемъ 1864 г. 104 тиражъ 2-го января 1917 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
169	19	500	2415	36	500	4368	30	500	6520	43	500	8186	37	5000
237	34	500	2525	19	500	4383	13	500	6695	25	500	8224	33	500
267	36	500	2566	24	1000	4468	28	500	6704	8	500	8252	21	500
290	11	500	2586	48	5000	4492	16	500	6743	31	1000	8288	47	500
305	10	500	2600	46	500	4522	40	500	6817	22	500	8329	7	500
370	19	500	2613	47	500	4629	17	500	6900	43	500	8340	16	500
629	3	500	2742	13	500	4632	35	500	6957	2	500	8365	44	8000
629	14	500	2755	50	500	4735	8	500	6961	45	500	8663	23	500
738	6	500	2923	25	500	4798	39	500	7019	30	25000	8685	19	8000
862	48	500	2950	36	500	4840	39	1000	7239	44	500	8770	11	1000
1016	8	500	2975	40	500	4924	50	1000	7376	23	500	8814	27	500
1056	4	500	2984	12	500	5310	10	500	7399	32	500	8837	47	500
1222	50	500	3065	29	500	5345	18	5000	7434	29	500	8917	44	500
1374	7	500	3068	37	500	5402	45	500	7455	27	500	9010	48	500
1668	38	500	3168	5	500	5402	46	500	7483	42	500	9021	28	500
1751	50	500	3307	33	500	5497	20	500	7498	20	500	9194	28	500
1758	2	500	3487	1	500	5602	22	500	7550	2	500	9264	42	500
1837	2	500	3509	49	500	5644	32	500	7561	16	500	9269	6	500
1885	42	1000	3722	35	500	5743	40	1000	7625	44	500	9322	13	500
1891	40	5000	3981	20	500	5826	26	500	7626	30	500	9357	24	5000
2026	45	500	4001	36	500	5869	2	500	7647	5	10000	9388	5	500
2074	15	500	4023	35	500	5932	15	500	7785	23	500	9527	11	500
2092	19	500	4058	46	500	5935	28	500	7825	21	500	9533	38	500
2154	1	500	4068	17	500	6012	47	500	7835	3	500	9539	12	500
2174	8	500	4150	37	500	6027	13	500	7836	46	500	9551	11	500
2252	46	1000	4168	2	1000	6202	43	1000	7985	6	500	9734	34	500
2295	16	500	4187	4	500	6263	17	500	8098	18	500	9911	10	500
2328	18	500	4196	12	500	6298	16	1000	8109	33	500	10077	46	5000
2376	48	500	4200	43	500	6313	10	500	8133	27	500	10159	22	500
2412	11	500	4332	22	500	6312	5	500	8161	45	500	10187	47	500

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
10188	11	500	11872	18	500	14092	29	500	15901	35	500	18388	34	500
10206	41	1000	11952	49	500	14103	24	500	16083	12	500	18428	8	500
10232	37	500	11991	37	500	14120	8	500	16105	17	500	18510	4	500
10308	15	40000	12088	44	500	14209	46	500	16151	14	500	18645	32	8000
10335	7	1000	12126	33	500	14327	7	500	16168	35	500	18772	7	500
10370	43	500	12131	23	75000	14331	48	500	16252	25	500	18842	37	500
10534	11	500	12182	4	500	14371	11	500	16253	41	500	18872	20	500
10673	30	500	12188	19	500	14392	26	500	16301	47	500	18896	13	1000
10684	26	500	12453	4	500	14421	24	500	16367	49	10000	18906	33	500
10837	34	500	12630	30	500	14470	34	500	16408	23	500	18941	29	5000
10870	4	500	12644	25	500	14533	17	500	16772	8	500	18945	35	500
10891	5	500	12710	26	500	14580	31	500	16804	12	500	18952	26	500
10993	11	500	12720	2	500	14599	28	500	16888	7	500	19030	37	500
10997	25	10000	12794	9	500	14694	1	500	16925	31	500	19121	28	500
11031	16	500	12807	37	500	14740	19	500	17061	10	500	19150	20	500
11042	46	500	12873	14	500	14796	19	500	17134	24	500	19230	28	500
11081	18	500	12927	9	500	14862	2	500	17145	20	1000	19256	6	500
11103	26	500	12931	11	8000	14933	36	500	17152	34	500	19276	14	500
11178	12	8000	12945	10	500	14950	40	500	17405	49	500	19409	18	500
11364	10	500	13227	12	500	14958	11	500	17453	48	200000	19438	40	500
11379	40	500	13497	45	500	15026	17	500	17457	29	500	19448	41	500
11394	9	500	13738	42	500	15085	16	500	17656	29	500	19464	2	500
11397	35	500	13753	30	500	15129	36	500	17760	7	1000	19482	45	500
11446	49	500	13753	40	500	15162	43	500	17823	48	500	19549	2	500
11493	4	5000	13870	2	1000	15603	50	500	17865	1	500	19631	35	1000
11526	45	500	13908	26	500	15606	28	500	17891	39	500	19720	4	500
11580	12	500	13931	20	500	15659	20	500	18057	5	500	19742	36	500
11664	36	500	13954	14	1000	15731	12	500	18161	38	500	19743	23	500
11722	44	500	14070	21	500	15786	12	1000	18163	21	500	19791	13	500
11846	26	500	14075	2	500	15887	33	500	18260	23	500	19883	34	500

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія: 2, 97, 260, 267, 337, 538, 629, 666, 731, 738, 797, 799, 986, 1016, 1097, 1211, 1363, 1406, 1414, 1509, 1540, 1646, 1672, 1906, 2013, 2076, 2084, 2126, 2133, 2227, 2257, 2336, 2428, 2448, 2464, 2566, 2669, 2850, 2919, 2945, 3069, 3163, 3171, 3302, 3489, 3518, 3560, 3562, 3647, 3685, 3827, 3840, 3852, 3946, 4068, 4143, 4200, 4277, 4372, 4387, 4399, 4552, 4798, 4961, 5025, 5082, 5093, 5101, 5149, 5219, 5268, 5322, 5413, 5648, 5725, 5784, 5793, 5834, 5844, 5866, 6056, 6185, 6310, 6420, 6457, 6619, 6624, 6661, 6786, 6791, 6830, 6880, 7072, 7256, 7269, 7340, 7412, 7451, 7502, 7588, 7685, 7788, 7812, 7815, 7999, 8162, 8246, 8258, 8301, 8357, 8397, 8398, 8431, 8620, 8725, 8755, 8948, 9069, 9100, 9127, 9194, 9431, 9503, 9541, 9620, 9626, 9795, 9817, 9826, 9936, 9978, 10135, 10253, 10256, 10412, 10548, 10553, 10621, 10729, 10922, 10977, 11108, 11163, 11173, 11208, 11260, 11294, 11358, 11410, 11418, 11455, 11483, 11515, 11668, 11671, 11696, 11714, 11724, 11763, 11793, 11891, 12076, 12111, 12159, 12336, 12378, 12491, 12826, 12995, 13007, 13024, 13039, 13059, 13113, 13118, 13199, 13253, 13304, 13343, 13350, 13405, 13497, 13617, 13630, 13780, 13852, 13877, 13899, 14244, 14309, 14332, 14342, 14386, 14432, 14442, 14462, 14533, 14586, 14692, 14753, 14808, 14835, 14847, 14861, 14877, 14898, 14989, 15133, 15141, 15162, 15236, 15434, 15460, 15606, 15703, 15795, 15862, 15926, 15968, 15982, 16117, 10250, 16466, 16698, 16729, 16807, 16826, 17020, 17029, 17167, 17254, 17273, 17420, 17465, 17678, 17697, 17767, 17780, 17814, 17845, 17858, 17914, 17980, 18023, 18035, 18142, 18248, 18254, 18265, 18276, 18313, 18329, 18384, 18391, 18425, 18461, 18492, 18510, 18555, 18694, 18758, 18913, 18960, 19035, 19274, 19381, 19180, 19554, 19676, 19842, 19864, 19874.

Всего 272 серіи, составляющихъ 13.600 билетовъ, на сумму 1.972.000 рублей.

ШАХМАТЫ

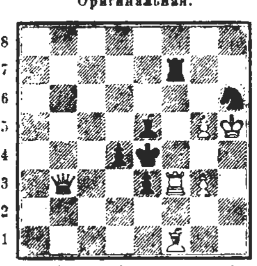
подъ редакціей Евг. А. Зноско-Боровскаго.

Письма адресуются въ редакцію журнала „Нива“ (по шахматному отдѣлу).

Задача № 1.

М. Н. Башкатовъ (Карак. Алашк.).

Оригинальная.



Бѣлые: Кр h5, Ф b3, Л f3, С f1, П g3, g5.

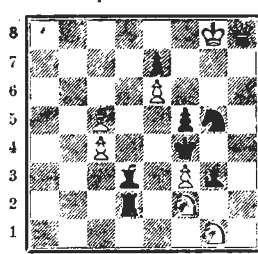
Черные: Кр e4, Л f7, С e5, К h6, П d4, e3.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 2.

Н. Н. Карцовъ (Одесса).

Оригинальная.



Бѣлые: Кр g8, Ф h8, С c5, К f2, g1, П c4, e6, f3.

Черные: Кр f4, Л d2, С d3, g3, К g5, П e7, f5.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 3.

А. И. Куличихинъ (Моршанскъ).

Оригинальная.

Бѣлые: Кр f8, Ф f7, Л e5, К g2, П c2, g6.

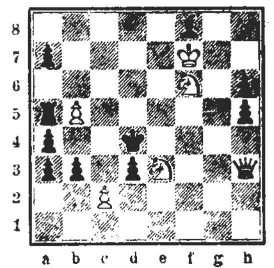
Черные: Кр d6, Л g5, П c5, c6, e6, e4, f6, g4, g3.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 4.

I. Scheel.

I пр. въ конк. „Pittsb. Gaz. Times“ I пр.



Бѣлые: Кр f7, Ф h3, К e3, f6, П b5, c2.

Черные: Кр d4, Л a5, С f8, П a3, a4, a7, b3, d3, h6, h5.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 5.

A. I. Fink.

Бѣлые: Кр d8, Ф e8, Л e4, f6, С b6, e2, К c8, e4, П d6.

Черные: Кр d5, Ф g2, Л a5, h5, С f2, g8, К b5, f3, П c3, h4.

Матъ въ 2 хода.

Этюдъ № 1. К. А. Л. Куббель (изъ „Нов. Вр.“). ♔ b7 ♗ d6, f7 ♙ a3, b2, e3, f3, g2 ♚ g5 ♛ h8 ♟ b5, d7, h7, h6.—Выигрышъ.

Рѣшенія задачъ и этюдовъ.

№ 51. Н. Н. Карцовъ. 1. К f3—h4.

№ 52. Н. А. Снаксаревъ. 1. d5—d6.

№ 53. В. И. Гофманъ. 1. Л e6—e5.

№ 54. Dr. Palkoska. 1. h2—h3, d5; 2. К g8+; 1. . . . C c6; 2. Кр g3; 1. . . . C a8; 2. Кр f2.

№ 55. A. G. Corrias. 1. К f7—e5, Кр : e5, 2. C a2; 1. . . . Кр : d5; 2. e4+; 1. . . . de; 2. К c6×.

№ 56. C. D. Locock. 1. Ф b6—e3, Кр : e6; 2. Ф : h3; 1. . . . gh: 2. К g5; 1. . . . Кр : g6; 2. К f8+; 1. . . . n2; 2. Ф f3+.

№ 57. Н. А. Снаксаревъ. 1. Ф g1—f2, Кр : g5; 2. Ф : h4+; 1. . . . Кр e5; 2. К : f3+; 1. . . . К : g5; 2. К e2+; 1. . . . C e6; 2. К : e6+; 1. . . . ∾; 2. Ф d2+.

№ 58. Н. Н. Карцовъ. 1. Кр a8—b8, C : c7+; 2. Ф : c7+; 1. . . . Кр f4; 2. C : d6+, 1. . . . Ф c5; 2. Ф e3+; 1. . . . ∾; 2. C : d6+.

№ 59. А. И. Куличихинъ. 1. К c5—b3, Кр : d5; 2. Ф b5+; 1. . . . Кр d3; 2. Ф b5+; 1. . . . c2; 2. Ф c5+; 1. . . . e2; 2. К e3+; 1. . . . e6; 2. Ф a6+.

№ 60. G. Heathcote. 1. C f2—e3, Кр d6; 2. d5; 1. . . . d6; 2. C d2.

№ 61. I. I. Wainwright. 1. К d3—e1.

№ 62. Dr. I. I. O'Keefe. 1. Л e2—d2.

№ 10. H. Rinck. 1. Ф h1—h7+, Кр a6 (Кр b6; 2. Ф c7+, Кр b5; 3. Ф c5+, Кр a6; 4. Ф c6+), 2. Ф d3+, Кр a7 (Кр b6; 3. Ф b3+; Кр a5; 4. Ф c3+, Л b4; 5. Ф c5+); 3. Ф b5, Л f4 (Л e4; 4. Ф c4+; 3. . . . Л b4; 4. Ф a5+, Кр b7; 5. Ф d5+, Кр a7; 6. Ф f7+, Кр a6; 7. Ф a2+, Кр b7; 8. Ф g2+, Кр b8; 9. Ф g3+; 3. . . . Л a1, a2, a3; 4. Ф c5+, Кр b7; 5. Ф c6+, Кр a7; 6. Кр c7, Л b8; 7. Ф c5+, Кр a8; 8. Ф d5+, Кр a7; 9. Ф d4+); 4. Ф a5+, Кр b7; 5. Ф d5+, Кр b8 (Кр a7; 6. Кр c7); 6. Ф e5, Лa a5 (Л f6+; 7. Кр d7+; 6. . . . Л c4; 7. Ф b5+; 6. . . . Л f7; Ф e8+; 6. . . . Л b4; 7. Кр c5+): 7. Кр c6+, Кр a8; 8. Ф e8+, Кр a7; 9. Ф d7+ и матъ въ 2 хода.

№ 11. H. Rinck. 1. Л c7—h7+, Кр g8; 2. Лh e7, Кр h8; 3. Лb c7, Кр g8 (Ф g8; 4. Кр f1, Ф f8+: 5. Л f7, Ф g8; 6. Кр f2, Ф e8; 7. Л b7+); 4. Л a7, Кр h8; 5. Л f7, Ф e8+ (Ф g8; 6. Кр f2); 6. Кр f2, Кр g8; 7. Л g7+, Кр f8; 8. Л h7, Кр g8; 9. Лa g8+, Кр f8; 10. Л h8+ и выигр.

№ 12. H. Rinck. 1. Л e3—e6+, Кр b5; 2. Л e5+, Кр a4; 3. Л e4+, Кр a3; 4. Кр c4+, Кр a4; 5. Кр d5+, Кр b5; 6. Л b3+, и выигр. (3. . . . Кр b5; 4. Л h5+, Кр c6; 5. Л e6+, Кр d7; 6. Л h7).

№ 13. К. А. Л. Куббель. 1. К g5—e4+, Кр c4; 2. Л d8 (2. Л : d4, Кр : d4; 3. К d2+, Кр d5—ничья), d1 Ф; 3. Л c8+, Кр d5 (Кр b5; 4. К d6+ и 5. Л a8×; 3. . . . Кр d3: 4. К f2+); 4. К c3+, dc; 5. Л d8+ и выигр.

Правильныя рѣшенія прислали: С. Вильнеръ (Козловъ)—№№ 51—57, 59—62, 10, 12, 13: С. Шнейдеръ (Елисаветградъ)—№№ 51—53, 55, 57, 59—61: Т. Гольманъ (Самара)—№№ 51—56; В. В. Сидоровъ (Петроградъ) — №№ 51, 53, 55, 56; С. и Б. Левманы (Витебскъ)—№№ 51—55, 58—62, 12, 13; Шахм. гимназ. Кружокъ (Маріуполь)—№№ 51—57, 59—62, 13: Д. Г. Френкинъ (Харьковъ) — №№ 51—56, 59—61; В. Г. (Москва)—№№ 51—57, 59—62, 10—13: Ф. Пѣтуховъ (Votk. зав.) — №№ 51—55, 57, 59—62; Д. Г. Шмелькинъ (Екатеринославъ) — №№ 51, 53—62, 10—13; В. А. Вдовинъ (Пермь) — №№ 51—57, 59—62, 10—13; П. Дунаевскій (Петроградъ) — №№ 51, 53, 55, 59—62: Я. Рабиновичъ (Староконстантиновъ)—№№ 51, 55, 12: Т. А. Соколенко (Одесса) — №№ 51—56, 12, 13; Н. Е. Полищукъ (Кіевъ)—№№ 51—55, Б. Сельскій (Польна)—№№ 51, 52, 12; А. В. Ярославскій (д. армія)—№№ 51, 53, 62; А. Вязниковецъ (Москва), В. Н. Кутейниковъ (Гатчина), В. Некрасовъ (Слобода), Ф. Чернышевъ (Москва) — №№ 51—53; Ад. Эйдеманъ (Залисмюнде)—№№ 51, 53, 56; М. Левинъ (Карасу-базаръ)—№№ 51, 52; А. А. Мартыновъ (Козловъ) — № 52; А. И. Лупановъ (Петроградъ), А. К. Трапезниковъ (Чита)—№ 51; И. Р. Пельцль (Байсаровка), Г. Винбергъ (Петроградъ) — №№ 51—53; М. Шапиро (Геническъ)—№ 61.

№ 1. ЗАЩИТА 2-я КОНЯМИ.

Турниръ въ Трибергѣ 1916 г.

	Малютинъ.	Селезневъ.
1.	e2 — e4	e7 — e5
2.	К g1 — f3	К b8 — c6
3.	C f1 — c4	К g8 — f6
4.	d2 — d4	e5 : d4
5.	0 — 0	К f6 : e4
6.	Л f1 — e1	d7 — d5
7.	C c4 : d5	Ф d8 : d5
8.	К b1 — c3	Ф d5 — a5
9.	К c3 : e4	. . .

Кромѣ этого, у бѣлыхъ здѣсь имѣются два продолженія: 9. К f3 : d4, К c6 : d4; 10. Ф d1 : d4, f7 — f5; или 9. Л e1 : e4+, C c8 — e6: 10. К f3 : d4, 0—0—0.

9.	. . .	C c8 — e6
10.	C c1 — g5	h7 — h6
11.	C g5 — h4	g7 — g5

Этотъ ходъ является изобрѣтеніемъ Е. Д. Боголюбова, который весьма подробно изслѣдовалъ весь методъ защиты черныхъ въ данномъ варіантѣ.

12. К f3 : d4 . . .

Если 12. C h4 — g3, то 0—0—0: если же 12. К e4 — f6+, то Кр e8 — e7; 13. К f3 : d4, К c6 : d4; 14. Ф d1 : d4, C f8 — g7. Въ виду этого, бѣлые пускаются въ сложныя комбинаціи.

12. . . . 0 — 0 — 0

Если Л a8 — d8, то 13. К d4 : c6, b7 : c6; 14. Ф d1 — h5, C f8 — b4: 15. К e4 — c3; если же 12. . . . g5 : h4, то 13. К d4 : e6, f7 : e6; 14. К e4 — f6+, Кр e8 — f7; 15. Ф d1 — d7+ и выигрыв.

13.	К d4 : c6	b7 : c6
14.	Ф d1 — h5	C f8 — b4
15.	Л e1 — d1	g5 : h4
16.	Ф h5 : h4	Ф a5 — e5
17.	К e4 — g3	Л d8 : d1+
18.	Л a1 : d1	Ф e5 : b2

Бѣлые сдались.

Б. Е. Малютинъ въ „Brit. Ch. Magaz.“ дѣлаетъ къ этой партіи такое замѣчаніе: „Я рискую утверждать, что она рѣшительно опровергаетъ весь планъ игры, возникающій изъ 4. d2 — d4, и ниспровергаетъ вслѣдствіе этого репутацію защиты двухъ коней. Дѣйствительно, такъ какъ всѣ ходы послѣ 11. . . . g7 — g5 форсированы, а относительно лучшій ходъ 9. Л e1 : e4+ приводитъ къ выгодѣ черныхъ, — весь варіантъ долженъ былъ бы исчезнуть изъ игры маэстро, включая и остроумныя комбинаціи, возникающія изъ 4. . . . e5 : d4; 5. 0 — 0, C f8 — c5; 6. e4 — e5, d7 — d5. Такъ торжествуетъ неумолимая логика шахматъ!“.

Переписка.

В. Х. (Богородицкъ). Въ Россіи издается одинъ шахматный журналъ—„Шахм. Вѣстникъ“, Москва, Гранатный пер., 2. Ц. 6 р.

Д. Френкинъ (Харьковъ, Столярный пер., 2) каждые 2 мѣс. устраиваетъ конкурсы рѣшенія задачъ.

А. Фирсовъ (Саратовъ, Введенская, 13) и А. Рясъ (Саратовъ, Московская ул., 44, кв. 2, желаютъ играть по перепискѣ, послѣдній преимущественно съ саратовцами.

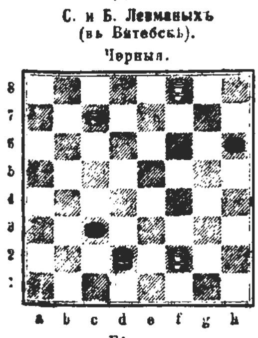
ШАШКИ

подъ редакціей В. И. Шошина.

Этюдъ № 1.

С. и Б. Левманыхъ (въ Витебскѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Выигрышъ.

Этюдъ № 2.

А. Ф. Врагова (въ Пензѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Выигрышъ.

Задача № 1.

А. Н. Шмалько (въ Екатеринодарѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть простую.

Задача № 2.

Н. А. Кожевникова (въ Козловѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть простую.

Задача № 3.

С. Л. Калмановскаго (въ Могилевѣ).

Черныя.

Бѣлыя

Запереть дамку и простую.

Окончаніе партіи № 1. В. К. Лисенко. ⛀ a3, c5, d4, e3, f2, g1, g3 ⛂ a7, b8, c7, e7, f8, h6, g5.—Выигрышъ.

ПАРТІЯ № 1.

Играна въ Харьковѣ въ 1908 г.

	В. К. Лисенко. Бѣлыя.	М. У — нъ. Черныя.
1.	c3 — d4	b6 — a5
2.	d4 — c5	d6 : b4
3.	a3 : c5	f6 — e5
4.	g3 — f4	e5 : g3
5.	h2 : f4	g7 — f6
6.	b2 — c3	f6 — e5
7.	f4 : d6	c7 : e5
8.	e3 — f4	e5 : g3
9.	f2 : h4	b8 — c7
10.	a1 — b2	h8 — g7
11.	c3 — d4	g7 — f6
12.	d2 — e3	c7 — b6
13.	e1 — f2	h6 — g5
14.	b2 — c3	

Ходъ на ловушку, въ которую черныя и попались.

14. . . . d8 — c7?

Слѣдовало играть 14. . . . e7 — d6: 15. c5 : e7, f8 : d6 и если 16. f2 — g3, то f6 — e5. Сдѣланный ходъ даетъ бѣлымъ возможность быстро и красиво выиграть партію.

15.	e5 — f4!	g5 : e3
16.	h4 — g5!	f6 : h4
17.	c3 — b4!	a5 : e5
18.	f2 : d8	b6 : d4
19.	d8 : f2	Сдались.

Рѣшенія этюдовъ и задачъ.

— № 13. А. В. Харьнова. 1. h4 — d8, c7 — a5 (1. . . . c7 — b8; 2. d8 — c7 и выигр.): 2. c1 — b2! e5 — d4 (если 2. . . . a5 — e1. то вар. А; если 2. . . . a5 — d2, то 3. f8 — d6 и выигр.: если 2. . . . e5 — f4, то 3. f8 — d6, f4 — e3: 4. d6 — c5, e3 — d2; 5. c5 — b6 и выигр.). 3. f8 — h6, a5 — e1 (если 3. . . . a5 — b4, то вар. В; если 3. . . . a5 — c3, то 4. d8 — a5; 5. a5 — c3 6. h6 — c1); 4. d8 — h4, e1 — a5 (если 4. . . . e1 — b4, то 5. h6 — e3 и выигр.); 5. h4 — e1. a5 — c7 (если 5. . . . a5 — d8 (b6), то 6. e1 — c3 и выигр.): 6. h6 — e3 и выигрыв. Вар. В) 3. . . . a5 — b4; 4. d8 — h4, b4 — e1 (если 4. . . . b4 — d6, то 5. h4 — f6 и выигр.; если 4. . . . b4 — a5 то 5. h4 — e1 и какъ въ томъ); 5. h6 — c1, e1 — a3; 6. h4 — e1 и какъ въ томъ. Вар. А) 2. . . . a5 — e1: 3. d8 — h4, e1 — a5 (если 3. . . . e1 — d2, то 4. h4 — f6 и выигр.; если 3. . . . e5 — f4, то 4. f8 — d6, f4 — e3; 5. d6 — c5,

e3 — d1; 6. c5 — f2 и выигр.; если 3. . . . e5 — d4, то 4. f8 — h6 и какъ въ томъ); 4. h4 — e1, a5 — d8 (если 4. . . . a5 — b6, то 5. f8 — h6 и т. д.: если 4. . . . a5 — c7. то 5. f8 — d6 и выигр.: если 4. . . . e5 — d4, то 5. f8 — c5; 6 b2 — c3 и выигр.); 5. f8 — h6, d8 — h4 (если 5. . . . d8 — f6, то 6. h6 — f4 и выигр.; если 5. . . . d8 — b6, то 6. e1 — c3 и выигр.); 6. h6 — e3, h4 — d8; 7. e1 — c3, d8 — f6; 8. e3 — d4 и выигрываютъ.

— № 14. А. Ф. Брагова. 1. a7 — b8, d2—e1 (если 1. . . . d2—e1, то 2. . . . b8—e5 и выигр.); 2. g3—h4, e3—f2 (если 2. . . . e3 — d2, то 3. a3 — c1, a5 — b4; 4. c1 — e3, e1 — c3; 5. e3 — c5 и выигр.: если 2. . . . e1 — c3, то 3. b8—f4 и выигр.; если 2. . . . e1 — d2, то 3. b8 — e5 и выигр.): 3. a3—c5, f2—g1 (если 3. . . . a5 — b1, то 4. c5 :g1 и выигр.); 4. b8—a7; 5. a7 : f2; 6. h4 : e1 и выигрываютъ.

— № 28. М. И. Билецкаго. 1. a5—b4, g5—f4 (A); 2. b2—c3; 3. c1—b2; 4. h8—g7; 5. d6 — e7; 6. g1—c8; 7. c5—g1 и 8. c3—b2. A) 1. . . . g5—h4; 2. e1—f2; 3. g1—h2; 4. d6—e7; 5. h8—g7; 6. b4—c3; 7. c8—e5; 8. e5—d4: 9. b1 — c8 и т. д.

— № 29. П. Я. Березнеговскаго. 1. d6—c7, h8—g7 (A, B); 2. g1—f2; 3. c7—d8; 4. d8—b6 и 5. f8—e7. A) 1. . . . e3—d2; 2. b4 : e1; 3. e1—d2; 4. b6—g7; 5. d2—b6; 6. b6—a7; 7. h6—g5; 8. f8—c5; 9. c5—f2 и 10. g1—f2. B) 1. . . . e3 — f2; 2. g1 : e3. 3. e3 — d4; 4. h6 — g7; 5. f8 — d6; 6. b6 — a7, g7—f6 (6. . . . g7—h6; 7. b4—e1; 8. d6—f4; 9. e1—h4; 10. h4—g3; 11. g3 — h2; 12. h2 — g1 и т. д.); 7. d4 — e5; 8. b4 — e3; 9. d6 — c5 и т. д. Этотъ варіантъ рѣшается, какъ указываютъ С. и Б. Левманы, самыми разнообразн. способами.

Рѣшили: С. и Б. Левманы (Витебскъ), Н. В. Ярославскій (дѣйст. армія), А. К. Мишинъ (Сергіевъ посадъ), В. В. Локотьяновъ (Петроградъ), М. И. Билецкій (ст. Милорадовка), А. И. Алексѣевъ (с. Сорочинское) и А. Ф. Браговъ (Пенза)—всѣ; В. Г. Стоговъ (Самара)—№№ 14, 28 и 29; Н. Крутиковъ (Петроградъ) и Н. А. Грибковъ (Москва)—№№ 14 и 29; В. Г. Филипповъ (Петрогр.)—№ 14; М. Н. Кадухинъ (Богородскъ)—№№ 26 и 27.

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ И РЕБУСЫ

подъ редакціей Н. В. Панкова.

Нашимъ читателямъ.

Редакція журнала «Нива», по примѣру прошлыхъ лѣтъ, объявляетъ и въ 1917 г. для своихъ подписчиковъ **конкурсъ рѣшеній и задачъ** на такихъ же **условіяхъ**, какъ и въ **1916 г., а именно: 1)** каждому лицу, приславшему правильное рѣшеніе задачи изъ числа помѣщенныхъ за этотъ годъ, засчитывается одно очко (или болѣе, смотря по трудности задачи), если это рѣшеніе поступитъ въ контору журнала не позднѣе **шести недѣль** со дня получения подписчикомъ нумера журнала, въ которомъ задача напечатана, и 2) каждому, приславшему для журнала задачу (съ рѣшеніемъ), въ случаѣ ея помѣщенія, засчитывается отъ двухъ и болѣе очковъ, смотря по достоинству задачи.

По окончаніи года между тѣми читателями, которымъ будетъ зачтено за рѣшенія или задачи число очковъ, не менѣе половины числа всѣхъ напечатанныхъ въ году задачъ, будутъ распредѣлены призы, состоящіе изъ различныхъ по цѣнности изданій Т-ва А. Ф. Марксъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній необходимо, чтобы на **каждомъ письмѣ** съ рѣшеніями или съ предложеніемъ задачъ были **четко обозначены имя, отчество, фамилія подписчика** и нумеръ подписного билета, если журналъ получается безъ доставки; выписывающіе журналъ по почтѣ благоволятъ прилагать печатные адреса съ бандеролей, а получающіе журналъ по коллективной подпискѣ — указывать соотвѣтствующее лицо или учрежденіе, черезъ которое журналъ ими получается.

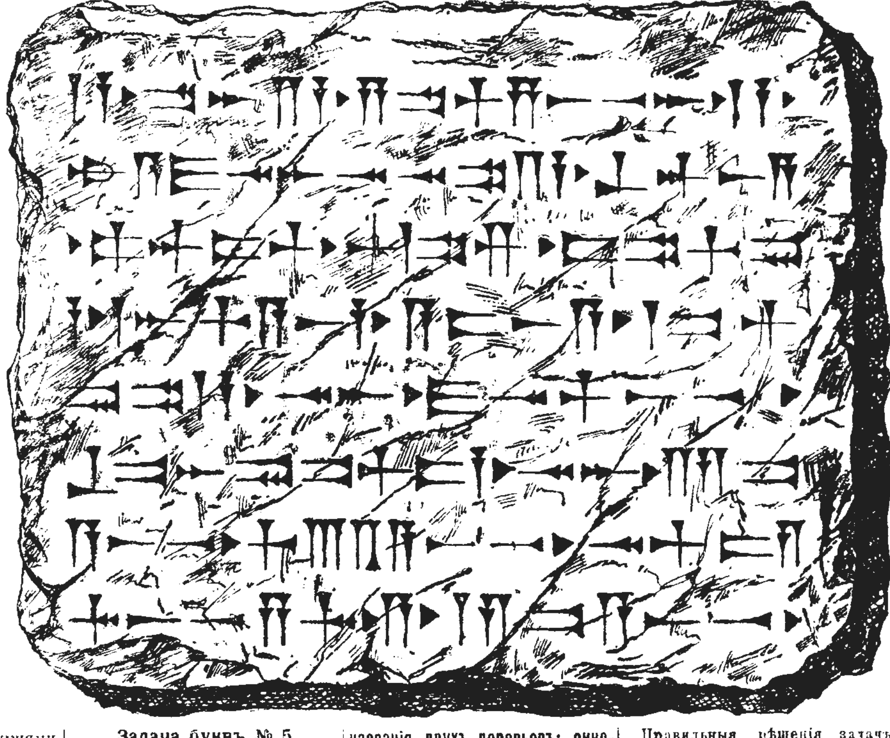
Всю корреспонденцію, касающуюся отдѣла «задачъ, загадокъ и ребусовъ» надлежитъ адресовать въ контору журнала «Нива» на имя ведущаго этотъ отдѣлъ.

Желающіе получить отвѣты на свои запросы по почтѣ благоволятъ прилагать марки или же оплаченныя открытыя письма съ написанными на нихъ адресами.

Задача-шутка № 1.

У меня въ карманѣ деньги въ двухъ кошелькахъ, всего 12 рублей. Если изъ перваго кошелька взять 2 рубля, то въ обоихъ кошелькахъ денегъ останется поровну; если же изъ второго взять 3 рубля, то въ первомъ кошелькѣ будетъ на 2 рубля больше, чѣмъ во второмъ. Сколько у меня денегъ въ каждомъ изъ кошельковъ?

Криптограмма № 2.
Н. В. П.



На рисункѣ изображена древняя плита съ надписью, сдѣланной ассирійскими гвоздеобразными знаками. Особенность этой надписи состоитъ въ томъ, что если замѣнить знаки въ ней, кромѣ треугольныхъ, соотвѣтствующими буквами, проставляя на мѣстахъ однородныхъ знаковъ одинаковыя буквы, то изъ этихъ буквъ составится четверостишіе одного русскаго поэта, при чемъ каждое слово четверостишія окажется отдѣленнымъ отъ слѣдующаго треугольнымъ знакомъ.

Читателямъ предлагается 1) прочесть это четверостишіе и 2) указать его автора.

Примѣчаніе. Гвозди, соединенные другъ съ другомъ головками, или касающіеся одинъ другого стержнями, входятъ въ составъ одного и того же знака.

За правильное рѣшеніе того и другого вопроса будетъ зачтено по одному очку.

Алгебраическая задача № 3.
М. П. Аристова (въ Москвѣ).

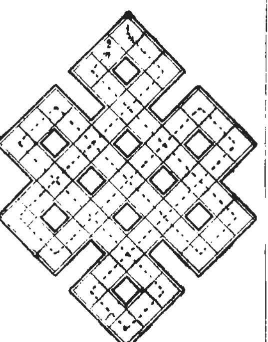
Когда у одного господина спросили нумеръ его телефона, то онъ отвѣтилъ: «У меня два телефона, и нумеръ каждаго изъ нихъ обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что число, состоящее изъ первыхъ трехъ его цифръ, представляетъ собою произведеніе двухъ нѣкоторыхъ чиселъ, а число, состоящее изъ двухъ послѣднихъ цифръ, — ихъ сумму, при чемъ сумма трехзначнаго и двухзначнаго чиселъ равна 247.» Какіе же у этого господина нумера телефоновъ?

Головоломка № 4.
А. Н. Сергѣева (въ Москвѣ).

Даны два равныхъ куба и третій кубъ, поверхность котораго равновелика суммѣ поверхностей двухъ первыхъ кубовъ. Оба малыхъ куба оклеены бумагой. Предлагается, сдѣлавъ ножомъ прорѣзы по нѣкоторымъ изъ реберъ этихъ малыхъ кубовъ, снять бумагу, т. - е. произвести сплошную развертку кубовъ, и двумя получившимися кусками бумаги, не разрѣзая ихъ на части, оклеить третій кубъ. Какъ это сдѣлать?

За правильное рѣшеніе этой задачи будетъ зачтено два очка.

Задача буквъ № 5.
А. А. Вейгертъ.



Данныя 55 буквъ: 12 а, 1 б, 1 в, 2 г, 2 д, 3 е, 1 з, 5 и, 4 к, 2 л, 1 м, 2 н, 7 о, 1 п, 5 р, 2 т, 1 у, 1 ф, 1 х, и 1 ь предлагается разставить въ квадратахъ изображенной фигуры въ такомъ порядкѣ, чтобы при чтеніи этихъ буквъ I) начиная съ квадрата, отмѣченнаго цифрой 1, въ направленіи стрѣлки получились слова, означающія: **императорскій титулъ; синонимъ слова «куча»; учебное пособіе; вьющіеся волосы; женское имя; человѣка, измѣнившаго изъ корыстныхъ цѣлей своимъ убѣжденіямъ; стихію; упаковку товара; кушанье; миѳическаго героя; часть рыцарскихъ доспѣховъ; извѣстную въ древности царицу** и II) начиная съ квадрата, отмѣченнаго цифрой 2, въ обратномъ направленіи получились новыя слова, означающія: **полюсъ гальванической цѣпи; изображеніе божества; родъ телѣги; синонимъ словъ «образъ, видъ»; названія двухъ деревьевъ; синонимъ слова «война»; союзъ** (часть рѣчи); **городъ въ Германіи; военный чинъ; лѣчебный напитокъ; иностранную золотую монету; водяное животное; народное развлеченіе; имя дѣйствующаго лица въ драмѣ «Власть тьмы» Л. Н. Толстого.**

Показать, какъ нужно разставить данныя буквы, и перечислить всѣ составляющіяся изъ нихъ слова при чтеніи въ указанныхъ направленіяхъ.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 30 (помѣщенной въ „Литер. Приложеніяхъ“ за ноябрь 1916 г.)

Обозначивъ черезъ x и y числа, составленныя изъ двухъ первыхъ и двухъ послѣднихъ цифръ искомаго числа, составляемъ уравненіе $x^3 - y^2 = 100x + y$. Такъ какъ $y < 100$, то $y^2 < 10000$; замѣняя $(100x+y)$ и y^2 въ уравненіи большими значеніями, получимъ неравенство $x^3 < 20000$, откуда $x < 28$. Представимъ уравненіе въ такомъ видѣ: $x^3 - 100x = y^2 + y$; такъ какъ $(y^2 + y)$ всегда число четное, то и $(x^3 - 100x)$ — четное число, а равно и x. Слѣдов., x можетъ имѣть только значенія: 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 24 и 26. Рѣшая уравненіе относительно y и отбрасывая отрицательное значеніе, получаемъ

$$y = \frac{-1 + \sqrt{1 + 4x(x+10)(x-10)}}{2}.$$

Для того, чтобы y былъ раціональнымъ, подкоренное количество должно быть цѣлымъ квадратомъ. Подставляя теперь для x значенія въ предѣлахъ четныхъ чиселъ отъ 10 до 26 включительно, находимъ, что только при $x = 10$ и $x = 18$ значенія y также раціональны, а именно, при $x = 10$, $k = 0$, а при $x = 18$, $y = 63$. Итакъ, искомыя числа: 1000 и 1863.

Правильныя рѣшенія задачъ за 25-е ноября 1916 г. доставили: №№ 25, 26, 30, 31, 32 и 33 — А. А. Огіевичъ; №№ 25, 26, 30, 32 и 33—Э. Б. Томасевичъ; №№ 18, 26 (а и б), 27 и 28—И. Агроянскій; №№ 28, 29, 30 и 33—Н. Г. Симоновъ; №№ 28, 30, 31 и 33—Ф. З. Фокинъ; №№ 30, 31, 32 и 33 — А. Г. Левитская, А. В. Радецкій — Микуличъ и А. Н. Сергѣевъ; №№ 25, 26 (а и б) и 27—М. Х. Юрьевъ; №№ 25, 27 и 28—П. И. Кальсбергъ; №№ 25, 28 и 30 — Н. М. Хайкинъ (за № 30—3 очка); №№ 28, 29 и 31—Н. С. Шепелевъ (за № 31 — 3 очка); №№ 28, 29 и 32— С. В. Мордвиновъ (за № 32—3 очка); №№ 28, 30 и 31—Н. Н. Поповъ; №№ 28, 30 и 32 — И. А. Мокреевъ; №№ 30, 31 и 32 — Э. Д. Яхонтова; №№ 30, 31 и 33 — К. И. Степановъ; №№ 30, 32 и 33 — Я. В. Артюховъ; №№ 25 и 26 (а) — О. А. Губаржевскій: №№ 25 и 26 (а и б)—А. А. Поповъ; №№ 28 и 29—Ф. И. Земанъ, В. В. Кутузовъ, З. А. Никитскій и Б. В. Роде; №№ 28 и 30 — Ф. К. Кетлеръ и К. В. Лукинъ; №№ 28 и 31—А. К. Хиничъ; №№ 29 и 33—А. А. Вейгертъ (за № 33—3 очка): №№ 30 и 31—В. И. Абрютинъ и Д. Заринь; №№ 30 и 33—А. Розенпвайгъ; № 25—Н. И. Клюшина, Н. И. Матвѣевъ и Н. Е. Фридрихъ: № 28 — Е. Безирганова В. Вайзбергъ, Е. I. Гаусманъ, Н. С. Ивановъ, А. Г. Карпенко, А. Х. Киселевъ, М. Г. Королевъ, Престинъ, Б. Серебряковъ, Б. В. Смирновъ, Д. И. Собянинъ, Я. Г. Тихоновъ, Д. Френкинъ, Ѳ. I. Ясинскій и В. Р. Яхимовичъ; № 29—А. А. Баскаковъ, К. П. Гусева, Ѳ. И. Кушнировъ и А. В. Невскій; № 30 — В. Г. Серебряковъ: № 31—Е. П. Всеволожская; № 33—Ф. Н. Ходашевъ и Я. Ш. Шифринъ.

Корреспонденція.

П. Бѣлякову. Старо.

Н. Е. Алферову, Е. П. Всеволожской, З. А. Никитскому и Ѳ. I. Ясинскому. Присланное не пригодилось для печати.

№ 2. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 14 января 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Сильная женщина.

Повѣсть **Бориса Лазаревскаго.**

I.

Андрей Григорьевичъ Лихоненко рѣдко бывалъ дома,—всегда ему приходилось куда-то ѣхать, о чемъ-то хлопотать и чего-то добиваться, и не только для себя и своихъ близкихъ, а и для всей области. То необходимо было добиться въ Петроградѣ разрѣшенія на постройку новой желѣзной дороги, то хотѣлось въ нѣсколько мѣсяцевъ оборудовать огромный заводъ для заготовки въ армію сухарей, то онъ брался поставить три тысячи лошадей въ драгунскій полкъ.

Большой кабинетъ въ деревенскомъ домѣ, на хуторѣ, почти всегда пустовалъ. На покрытомъ темно-краснымъ сукномъ письменномъ столѣ лежали пачки нераспечатанныхъ газетъ, счеты, и стояли два портрета: въ круглой рамочкѣ жены и въ небольшой серебряной — замужней дочери въ малороссійскомъ костюмѣ съ надписью на лицевой сторонѣ: „Твоя доня“.

Надъ диваномъ висѣла большая фотографія отца Лихоненка, — онъ умеръ въ семидесятыхъ годахъ, дождавшись правнуковъ, и незадолго передъ смертью снялся въ первый и послѣдній разъ въ жизни, нахмуривъ сѣдыя брови, во весь ростъ, въ шубѣ и шапкѣ. Но глаза на портретѣ глядѣли совсѣмъ по-молодому,—насмѣшливо-упрямые и гордые, они говорили: „Все, что есть вокругъ, это я создалъ своими руками. Это я научилъ своихъ дѣтей уважать слово „трудъ“ и теперь знаю, что и земля и заводы и доходы,—все это въ ихъ рукахъ удесятерится, и еще знаю, что скажутъ мнѣ спасибо не одни мои потомки, но и многіе другіе и въ чужихъ губерніяхъ...“

И когда Лихоненко-сынъ глядѣлъ на казацкіе усы отца и на волевыя черты дорогого лица, ему иногда хотѣлось произнести вслухъ:

— Ты не ошибся, батько!..

Противъ письменнаго стола, правѣе несгораемаго шкапа, висѣлъ въ черной рамѣ еще одинъ портретъ юноши съ нѣжными, женственными линіями носа и рта и голубыми глазами. Изображеніе немного теряло оттого, что фотографія была раскрашена, и виднѣлось въ этихъ зрачкахъ и нѣжномъ цвѣтѣ кожи что-то неуловимое, но ясно говорившее, что этого человѣка уже нѣтъ на землѣ.

Каждое утро въ пустой кабинетъ Андрея Григорьевича приходила горничная Варвара и сметала пыль съ портретовъ, со стола, съ американскаго бюро и мебели. Каждую субботу снимались съ пола дорогіе текинскіе ковры и натирался паркетъ, но когда посторонній переступалъ порогъ этой свѣтлой комфортабельной комнаты, ему невольно приходило въ голову, что здѣсь уже давно никто не живетъ, и давно не бьется пульсъ

Неожиданная встрѣча. *И. Владиміровъ.*

личной жизни, и что лучше всего въ этой комнатѣ думать и вспоминать о тѣхъ милыхъ, которые уже не вернутся сюда никогда.

Лихоненко предпочиталъ работать въ другихъ своихъ имѣніяхъ, или въ директорскомъ помѣщеніи одного изъ заводовъ, а здѣсь, въ созданномъ для жены и дѣтей хуторѣ, его дѣловой мозгъ иногда путалъ цифры, и недостаточно внимательно слушали уши доклады управляющаго. Кивнувъ ему головой въ знакъ того, что аудіенція окончена, Лихоненко шелъ черезъ гостиную въ огромную, похожую на каютъ-компанію парохода, столовую, или на веранду пить чай и встрѣчалъ здѣсь отца жены, всегда улыбающагося, хотя и разбитаго параличомъ старика.

Затѣмъ приходила завѣдывавшая домашнимъ хозяйствомъ худенькая, коричневая, съ большими сѣрыми глазами Нина Евдокимовна, разливала чай, накладывала на тонкія фарфоровыя тарелочки клубнику, ставила холодныя сливки и смотрѣла испуганно.

Десять лѣтъ назадъ, во время революціи, при ней зарѣзали ея мужа; зрачки Нины Евдокимовны тогда расширились, и выраженіе ужаса и вопроса осталось въ нихъ на всю жизнь.

Ровно и ясно раздавались шаги спускавшейся со второго этажа по деревянной лѣстницѣ жены Андрея Григорьевича, Надежды Ѳедоровны. Чуть покачиваясь, всегда въ простомъ свѣтломъ платьѣ и въ бѣлыхъ полотняныхъ безъ каблуковъ туфляхъ, она казалась гораздо моложе своихъ лѣтъ и совсѣмъ не была похожа на бабушку; съ отцомъ и мужемъ говорила ласково и шутила, но съ тѣхъ поръ, какъ началась война,—больше молчала.

Жужжалъ комаръ, звякала чайная ложечка. Когда темнѣло, гдѣ-то, во второмъ дворѣ, начиналъ барабанить моторъ динамо-машины, и зажигались надъ столомъ пять лампочекъ, но лица двухъ женщинъ и двухъ мужчинъ не оживлялись, и еще яснѣе дѣлалась тишина и читались чужія мысли.

„Завтра ѣду на паровую мельницу,—думалъ Лихоненко,—нужно повидать двухъ главныхъ акціонеровъ и поговорить съ ними, какъ будетъ съ пшеницей, а сегодня напишу еще письмо Микѣ въ дѣйствующую армію, затѣмъ спать...“

Надежда Ѳедоровна посмотрѣла на мужа и спросила:

— Ты Микѣ перевелъ триста рублей?

— Я велѣлъ управляющему перевести четыреста.

— Хорошо сдѣлалъ...

„Если я попрошу еще тарелочку клубники,—думалъ отецъ Надежды Ѳедоровны,—Надя, пожалуй, не разрѣшитъ,—скажетъ: „на ночь вредно...“ И не такъ жаль, что случился этотъ „кондрашка“, какъ досадно, что ничего нельзя ѣсть, нужно электризоваться и точно малому ребенку слушаться уже не старшихъ, а младшихъ: напримѣръ, какую-то глупую монахиню, приставленную за мной ухаживать... Смерти я не боюсь, а умирать все-таки не хочется...“

„Что будетъ дѣлать Лиза послѣ окончанія института?—думала Нина Евдокимовна о своей дочери, которая училась въ Петроградѣ,—и разрѣшитъ ли мнѣ Надежда Ѳедоровна взять ее сюда на каникулы?.. Господи, сдѣлай, чтобы жизнь Лизы не была похожа на мою...“

Черезъ часъ на верандѣ и во всемъ домѣ гасилось электричество, вдругъ умолкалъ моторъ, и становилось слышно, какъ стрекотали въ саду цикады. Бѣлѣли стволы березовой аллеи, и серебрились верхушки тополей. По временамъ лаяли собаки, и черезъ окно было видно, какъ закуриваетъ папиросу сторожъ-казакъ...

Время бѣжало. Крикнулъ фазанъ въ глубинѣ парка, и пропѣлъ пѣтухъ на птичьемъ дворѣ, за нимъ второй, третій. Короткая іюньская ночь кончалась. Поблѣднѣло небо, и росою покрылась вездѣ трава. Поднялся надъ прудомъ туманъ, какъ лиловая паутина.

Укладываясь въ постель, Андрей Григорьевичъ часто приказывалъ самому себѣ: открыть глаза ровно въ пять часовъ утра, и никогда не просыпалъ, и теперь вскочилъ, точно молодой, отворилъ окно и приказалъ все еще бродившему возлѣ дома съ колотушкой въ рукахъ казаку:

— Пойди скажи Климу, чтобы запрягъ въ фаэтонъ сѣрыхъ, нужно на станцію къ почтовому поѣзду.

Затѣмъ умылся и началъ быстро одѣваться. Позвонилъ, велѣлъ принести молока, выпилъ два стакана, вытеръ усы и, указавъ горничной на желтый чемоданчикъ съ мѣдными застежками, вышелъ на крыльцо.

Два пойнтера завиляли хвостами, но подойти близко не посмѣли.

Серьезный кучеръ Климъ молча снялъ фуражку и также молча надѣлъ ее. Казакъ положилъ ему въ ноги чемоданчикъ, фаэтонъ безшумно тронулся, выѣхалъ со двора и покатился между неналившимися еще, безконечными, покрытыми росой колосьями пшеницы.

Фіолетовой лентой вился проселокъ, и нѣжно-голубыми тонами виднѣлись долины Кубани.

Пшеница вдругъ кончилась, и не высоко еще поднявшееся, свѣжее, точно умытое, ярко-красное солнце освѣтило золотое море подсолнечниковъ,—всѣ они повернулись къ нему своими яркими лепестками и жмурились отъ наслажденія. Въ этомъ мѣстѣ подсолнечниковъ было немного—всего десятинъ пятьсотъ, а казалось, что больше. Затѣмъ начались заливные свѣтло-желтые луга, а за лугами снова пшеница; но нельзя было охватить глазами всѣхъ пятнадцать тысячъ десятинъ лихонинской пахоти и нѣсколькихъ тысячъ десятинъ степей.

Зажмурился хозяинъ этого богатства и задумался подъ мѣрный топотъ рысаковъ.

„Дочь замужемъ—отрѣзанный ломоть, старшій сынъ неизвѣстно почему наложилъ на себя руки,—должно-быть, заболѣлъ,—и спитъ мирно въ склепѣ въ саду... Рано я далъ ему свободу, да за дѣлами не было времени самому глазѣть... Прости, Господи, прости, Господи... Но еще три сына остались, полныхъ жизни, и не пропадутъ дѣдовскіе и отцовскіе труды даромъ, и засіяетъ счастье дѣтей моихъ на хуторѣ, который мы съ женой такъ любовно создавали...“

Андрей Григорьевичъ оглянулся,—усадьба еще была видна. Кровавымъ пятномъ играло солнце на зеркальномъ стеклѣ башенки на второмъ этажѣ, гдѣ помѣщалась половина Надежды Ѳедоровны. И ясно представилъ онъ себѣ жену еще съ молодою поступью, съ гордо поднятой головой, не умѣющую плакать и не умѣющую никого бояться...

„Спитъ еще“,—подумалъ Андрей Григорьевичъ о ней.

И вдругъ вспомнилъ похороны старшаго сына, вспомнилъ ужасъ, который былъ на лицахъ провожавшихъ тѣло, и вспомнилъ, что не плакала одна Надежда Ѳедоровна, только блѣднѣе была, чѣмъ всегда. Цѣлый день не ложилась и не садилась, но не жаловалась. Сама наблюдала за постройкой склепа и велѣла продѣлать окошечко изъ часовенки, чтобы гробъ былъ виденъ.

Крестьяне, казаки и рабочіе боялись этого мѣста. Одна мать приходила сюда и, при свѣтѣ лампады, все думала, все рѣшала, какъ это могло случиться. Однажды, вернувшись съ могилы, сказала мужу:

— Это было первое предупрежденіе, чтобы мы знали и помнили, что и самый богатый и самый умный не все можетъ...

Андрей Григорьевичъ опять ясно представилъ жену, облегченно вздохнулъ и подумалъ: „съ ней жить не страшно, она убережетъ остальныхъ“.

Усадьба уже скрылась.

Когда до полустанка оставалось съ версту, справа, далеко на изгибѣ, показался бѣлый дымъ, кусочекъ трубы паровоза и крыши вагоновъ.

Климъ сдѣлалъ движеніе локтями, и фаэтонъ полетѣлъ впередъ еще ровнѣе, и еще быстрѣе опять замелькали желтые подсолнухи, точно привѣтствуя своего хозяина. Лошади остановились передъ платформой раньше, чѣмъ успѣлъ длинный почтовый поѣздъ перейти первую стрѣлку.

II.

Въ десять часовъ утра, какъ и всегда, на веранду пришелъ въ бѣлоснѣжной курткѣ и свѣжемъ фартукѣ поваръ-грузинъ Сандро и минутъ десять ожидалъ Надежду Ѳедоровну. Увидѣлъ ее, поклонился и, блеснувъ зубами, спросилъ:

— Что будемъ дэлать завтраку?

— Ничего, Сандро, не будемъ дѣлать, свари мнѣ молочную кашу съ рисомъ.

— А старый баринъ что будетъ кушать?

— И старый баринъ то же самое.

— А на обѣдъ?

— Ну, сдѣлай какой-нибудь супъ, чихиртму, что ли. Ступай себѣ...

Придерживая кожаный футляръ съ ножами, болтавшимися у него на поясѣ, Сандро сдѣлалъ полупоклонъ и удалился.

— Въ одиночествѣ мнѣ никогда не хочется ѣсть,—сказала Надежда Ѳедоровна Нинѣ Евдокимовнѣ.—Налейте мнѣ кофе и дайте одинъ пирожокъ съ творогомъ.

Краснолицая монахиня вывела изъ комнатъ старика, отца Надежды Ѳедоровны, и, усадивъ его въ кресло, уплыла.

Ѣли и пили молча. Надежда Ѳедоровна боялась потолстѣть и послѣ утренняго чая, съ палочкой въ рукахъ, всегда совершала прогулку по усадьбѣ. Она не любила слишкомъ правильной, съ большимъ трудомъ разведенной, березовой аллеи и, придерживая юбку, пошла прямо по травѣ въ другой конецъ парка, гдѣ начинались тополи.

Однажды Андрей Григорьевичъ сказалъ, что необходимо нѣкоторые изъ нихъ срубить, потому что они слишкомъ выросли и закрываютъ видъ съ башенки на степь и зеленые луга. Всегда спокойная Надежда Ѳедоровна въ этотъ разъ заволновалась и торопливо сказала:

— Нѣтъ, ради Бога, не нужно трогать тополей, я помню, какъ мы начали ихъ садить: первые въ тотъ годъ, когда родился Володя, и остальные еще черезъ два года, когда родился Костя, и послѣдній, когда родился Мика...

— Нельзя, такъ и нельзя,—отвѣтилъ мужъ и больше не поднималъ объ этомъ вопроса.

Ни въ чемъ и никогда онъ ей не отказывалъ.

Медленной походкой проходила Надежда Ѳедоровна между нѣжно-зеленоватыхъ стволовъ, и ласкали ея слухъ тихо переговаривавшіеся между собою глянцевитые,—каждый, точно вырѣзанный ножницами,—листочки тополей.

Заѣзжалъ когда-то въ усадьбу художникъ, скромный несчастный учитель рисованія, и захотѣлъ отблагодарить хозяйку за гостепріимство: написалъ эту самую тополевую аллею масляными

Подвигъ поручика А. Рудина. Захватъ германской батареи у озера Нарочь. *М. Авиловъ.*

Командиръ N пѣхотнаго полка полковникъ Петровъ съ полковымъ адъютантомъ поручикомъ А. В. Рудинымъ узнали отъ развѣдчиковъ, гдѣ стоятъ нѣмецкія батареи, и въ ночь на 18-е сентября 1915 г., съ двумя ротами своего полка, пройдя по грудь въ водѣ озеро Нарочь, зашли въ тылъ противнику. На разсвѣтѣ, выслѣдивъ заставу нѣмцевъ и переколовъ ее, бросились на батарею въ штыки, гдѣ захватили внезапнымъ ударомъ болѣе 150 человѣкъ плѣнными и 14 орудій, изъ нихъ половина крупнаго калибра. Видя бѣгущаго непріятеля, поручикъ Рудинъ, первымъ добѣжавъ до орудія, вмѣстѣ съ подошедшими подпрапорщикомъ и нижнимъ чиномъ, повернулъ орудіе въ сторону противника и далъ четыре выстрѣла, чѣмъ усилилъ панику въ тылу врага.

красками, только ничего у него не вышло: подъ ранжиръ выстроилъ хоть и зеленыя, но точно мертвыя деревья. Съ перспективой кое-какъ справился, да не сумѣлъ уловить серебристыхъ тоновъ, а главное—не сумѣлъ дать жизни къ небу тянувшимся гордымъ тополямъ.

Надежда Ѳедоровна снова пошла по травѣ и свернула въ особо огороженныя двѣ десятины парка. Здѣсь не только не было дорожекъ, но никогда не косилась трава, и жили дикій козелъ съ двумя козами, а въ особомъ курятникѣ-домикѣ фазаны.

Красноголовый пѣтушокъ прошелестѣлъ своимъ длиннымъ переливчатымъ хвостомъ возлѣ самыхъ ея ногъ и затихъ гдѣ-то въ лопухахъ. Вскочилъ, шарахнулся и убѣжалъ широкими прыжками козелъ, а козочка позволила даже погладить себя по нѣжной, будто шелковой мордочкѣ.

Фазаны плодились, но не размножались,—цыплятъ или уносилъ коршунъ, или крали крестьяне изъ ближайшаго мужичьяго села и говорили на казаковъ, но ближайшая станица была верстъ за десять.

Надежда Ѳедоровна поглядѣла на двухъ сидѣвшихъ на яйцахъ фазанокъ и пошла обратно къ форточкѣ, сдѣланной въ изгороди, заперла ее на замокъ, поговорила съ садовникомъ Иваномъ и велѣла ему распорядиться, чтобы налили воды фазанкамъ и подсыпали корму.

Хотѣла вернуться въ домъ, но пошла по направленію къ склепу, здѣсь поправила лампадку, поглядѣла на цинковую крышку гроба и долго сидѣла на скамеечкѣ. Вспомнила, что передъ тѣмъ, когда случился этотъ первый въ ея жизни ужасъ, она увидѣла во снѣ, будто сломался и упалъ самый близкій къ дому тополь, и стало ей такъ жаль этого дерева, что она, никогда не плакавшая наяву, разрыдалась во снѣ, и когда раскрыла глаза, подушка была мокрая...

И не хотѣлось никому разсказывать объ этомъ сновидѣніи.

Вспомнила, какъ не очень давно ночью вышла на балконъ своей башенки, и не то ей показалось, не то послышалось, что внизу какіе-то люди говорятъ, будто склепъ выстроенъ такой крѣпкій, и сдѣлано въ немъ окошечко потому, что въ гробу сына старикъ Лихоненко спряталъ цѣлый милліонъ денегъ. Надежда Ѳедоровна прислушалась и еще съ полчаса стояла и глядѣла внизъ, но больше ничего не услышала и не увидѣла. Снова легла въ постель и проспала до утра.

Теперь она почему-то не думала о сынѣ, останки котораго покоились возлѣ нея, не думала и о другомъ женатомъ сынѣ Володѣ, и о третьемъ Костѣ, запасномъ кавалерійскомъ офицерѣ, который жилъ въ Москвѣ, а не выходилъ у нея изъ головы самый младшій—Мика, больше всѣхъ на нее похожій, съ такими же карими глазами и темнымъ пушкомъ надъ верхней губой. Отецъ отвезъ его въ Швейцарію и отдалъ въ какой-то пансіонъ, въ которомъ Микѣ ужасно понравилось.

Тамъ не только учили, но и заботились о физическомъ развитіи юношей, и маленькій, ловкій, выросшій подъ кубанскимъ солнцемъ, хохолъ вдругъ нашелъ примѣненіе для своей безконечной энергіи. Черезъ мѣсяцъ-два онъ сдѣлался первымъ гребцомъ и первымъ футболистомъ, и очень этимъ гордился.

Часто присылалъ домой фотографическія группы своей команды, а къ Новому году прислалъ аттестатъ объ успѣхахъ: и въ наукахъ онъ былъ первымъ.

Надежда Ѳедоровна даже почувствовала что-то въ родѣ ревности къ тому учебному заведенію, которое такъ полюбило и отличило Мику.

Разговаривая съ мужемъ, она какъ-то сказала, что, вѣроятно, если бы и старшаго они воспитывали за границей, то не случилось бы того, что случилось.

Вспомнила первый пріѣздъ Мики, какъ онъ обрадовался тополямъ, лошадямъ и безкрайной степи, какъ весело и ласково разговаривалъ съ конюхами и съ горничными, какъ жадно интересовался всѣми новостями въ усадьбѣ и какъ художественно разсказывалъ обо всемъ, что видѣлъ за границей.

Надежда Ѳедоровна глядѣла на полудѣтскія, полумужскія брови сына и его каріе, сіяющіе глаза, и ей казалось, что теперь только она поняла всю важность и всю радость своего материнства. И еще поняла, что этотъ самый Мика помогъ ей пережить первую страшную потерю.

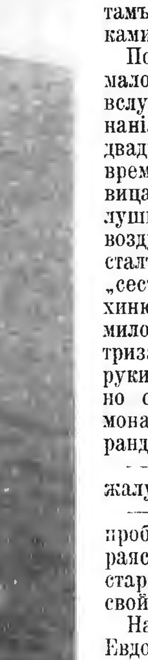
Сознаніе, что Мика, —въ этомъ году немного запоздавшій, — черезъ двѣ недѣли опять будетъ здѣсь, бодрило и радовало. И слышался знакомый топотъ крѣпкихъ ногъ, бѣгущихъ по ступенькамъ съ веранды къ ней въ садъ.

Встряхнула свои мысли, обернулась на склепъ, перекрестилась и пошла къ дому. Опять встрѣтила садовника и спросила, распорядился ли онъ, чтобы дали корму и воды фазанкамъ.

— Та все время не було, я приказывалъ, чтобы дівчата, когда кончатъ полоть, принесли воды, а вони...

Надежда Ѳедоровна покраснѣла и окинула взглядомъ всю фи-

На позиціи. *М. Грековъ.*



На салоникскомъ фронтѣ. *Обстрѣлъ. Очень рѣдкій по отчетливости моментальный снимокъ разрыва снаряда.*

гуру садовника. Это былъ одинъ изъ тѣхъ немного отшлифовавшихся, очень старательныхъ крестьянъ, которые однако дальше какого-нибудь опредѣленнаго дѣла ничего не умѣютъ, боятся лишній разъ переспросить и теряются при всякомъ новомъ приказаніи. Пиджакъ на садовникѣ былъ съ господскаго плеча, и даже цѣпочка висѣла на жилетѣ, но брюки болтались, какъ у мужика. Голубые водянистые глаза мигали, а жесты рукъ выражали неувѣренность.

— Ты, Иванъ, ужасная размазня, и неудивительно, что дѣвки тебя не слушаютъ. Иди и еще разъ скажи, чтобы фазанкамъ отнесли воды.

— Слушаю, барыня.

Надежда Θедоровна успокоилась и медленно пошла къ дому, поглядѣла на цвѣтники передъ верандой, сдѣланные руками садовника, и подумала, что талантливые люди иногда бываютъ ужасно безпомощны.

Иванъ зналъ только цвѣтоводство; вставалъ до восхода солнца и работалъ самъ, хотя въ его распоряженіи были дівчата, но онъ боялся ихъ шутокъ и предпочиталъ помощниковъ-мужчинъ. Больше всего на свѣтѣ Иванъ любилъ тишину, запахъ цвѣтовъ и одиночество. Ночью часто можно было видѣть его фигуру, бродившую по саду. Казаки и дівчата за глаза, а иногда и въ глаза называли его „придурковатымъ“, но онъ не обижался.

На верандѣ сидѣла въ одиночествѣ Нина Евдокимовна и что-то шила. Увидѣвъ Надежду Θедоровну, она отложила работу и спросила:

— Кушать будете?

— Да... велите подать, что тамъ есть, и клубники со сливками, и позовите папу.

Послѣ обѣда разговаривали мало, одинъ Θедоръ Карповичъ вслухъ предавался воспоминаніямъ о томъ, какъ лѣтъ двадцать назадъ въ это самое время весело проходила косовица, и какія вкусныя галушки варились на открытомъ воздухѣ для косарей. Затѣмъ сталъ жаловаться на свою „сестру милосердія“, монахиню, что очень ужъ она немилосердно производитъ электризацію его парализованныхъ руки и ноги. Легкая напоминѣ, но очень грузная съ виду, монахиня заглянула на веранду и сказала:

— Θедоръ Карповичъ, пожалуйте пользоваться.

— Ничего не подѣлаешь,— пробормоталъ старикъ и, опираясь лѣвой рукой о столъ, старался нащупать правой свой костыль.

Надежда Θедоровна и Нина Евдокимовна еще долго сидѣли и разговаривали безъ словъ. Обѣ думали о Микѣ, который теперь ѣдетъ изъ Швейцаріи, и чувствовали, что, полный жизни, онъ вдохнетъ и въ нихъ часть своей энергіи, что начнутъ пріѣзжать гости, вернется изъ Москвы Константинъ, и тогда съ удовольствіемъ можно будетъ заказывать повару Сандро самыя разнообразныя кушанья и устраивать пикники. Пріѣдетъ, пожалуй, и Владиміръ Андреевичъ съ женой.

Надежда Θедоровна вздохнула и сказала:

На западномъ фронтѣ. *Голосъ смерти. Гигантское орудіе въ моментъ выстрѣла.*

— Мнѣ кажется, что у каждой личности и даже у каждой семьи жизнь идетъ такъ, что послѣ большихъ несчастій всегда являются большія радости; то, что пережили вы, какъ женщина, и я, какъ мать,—безконечно ужасно, но, вотъ увидите, судьба насъ еще приласкаетъ...

— Я что-то не вѣрю въ ея ласки,—коротко отвѣтила Нина Евдокимовна.

— Я тоже иногда не вѣрю, но никогда ея не боюсь: моя совѣсть ея не боится...

Еще съ полчаса обѣ женщины посидѣли молча, а затѣмъ Надежда Ѳедоровна поднялась къ себѣ наверхъ и сѣла писать письмо Микѣ, а Нина Евдокимовна пошла пересчитывать принесенное изъ прачечной столовое бѣлье.

Надежда Ѳедоровна вынула листъ почтовой бумаги и вдругъ вспомнила, что, если Мика ѣдетъ, то письма этого, конечно, не получитъ, и начала писать Костѣ въ Москву, чтобы онъ не очень увлекался игрой на бѣгахъ и скорѣй возвращался въ имѣніе.

Къ вечеру стало прохладнѣе, и началъ моросить дождикъ. Поужинали рано. Въ девять часовъ Надежда Ѳедоровна приказала погасить электричество въ комнатахъ и опять ушла къ себѣ наверхъ, но спать ей долго не хотѣлось. Пробовала читать, и не читалось.

Въ Трапезундѣ. *У храма Богородицы „Златоглавъ", передъ могилой основателя храма императора Алексѣя Комнена,—академикъ Ѳ. И. Успенскій и археологъ О. М. Миллеръ.*

III.

Часа два ходила взадъ и впередъ по комнатѣ Надежда Ѳедоровна и думала о дѣтяхъ.

Сильная, молодая духомъ, она безсильно опустилась на стулъ, и хотя всѣ окна и двери были открыты, ей начало казаться, что въ будуарѣ душно. Вышла на балконъ. Меленькій дождикъ не прекращался, отдѣльныхъ капель нельзя было уловить. Въ темномъ, черномъ воздухѣ чувствовалась мокрота, и влажными были перила. Не выдѣлялись верхушки деревьевъ, и нельзя было даже уловить глазомъ, гдѣ тополи.

Сырая бездна кругомъ тихо дышала.

Явилось желаніе пройтись по саду и еще острѣе почувствовать свое одиночество,—тогда каждая мысль дѣлалась особенно ясной. Надежда Ѳедоровна любила это состояніе духа и не боялась его. Спокойными, ровными шагами начала она спускаться внизъ по винтовой лѣстницѣ, постояла въ березовой аллеѣ, обождала, пока глаза начали различать бѣлые стволы, и тихо двинулась впередъ.

Показалось, что гдѣ-то что-то рухнуло, и послышались человѣческіе голоса. Опять остановилась и прислушалась. Тихо было кругомъ, даже цикады молчали, и не пищали комары.

Изъ темноты, изъ глубины аллеи, ясно раздался топотъ человѣческихъ ногъ, а затѣмъ еще яснѣе точно вздохи.

Надежда Ѳедоровна остановилась и поняла, что это не показалось, а на самомъ дѣлѣ. Уже былъ слышенъ свистъ чьего-то дыханія, и глаза угадывали приближавшуюся человѣческую фигуру.

Кто-то толкнулъ Надежду Ѳедоровну, и вдругъ заохалъ и зашепталъ:

— Ой-ой-ой... Это вы, барыня?

Надежда Ѳедоровна скорѣе угадала, чѣмъ узнала голосъ садовника и отрывисто спросила:

— Что съ тобой, Иванъ?

Пугаться, какъ и плакать, она не умѣла.

Садовникъ покачнулся и пробормоталъ:

— Возлѣ склепа, возлѣ могилы, сейчасъ я видѣлъ...

Надежда Ѳедоровна вспылила и почти крикнула:

— Ничего ты не видѣлъ!..

— Барыня голубочка, видѣлъ, такое видѣлъ...

Онъ зашатался и чуть не упалъ. Ей стало особенно больно и непріятно оттого, что какой-то суевѣрный мужикъ хочетъ сказать явную глупость о святомъ для нея мѣстѣ, и, не ожидая

Въ Трапезундѣ. *Профессоръ академикъ Ѳ. И. Успенскій и Ѳ. М. Морозовъ, работающіе надъ распознаніемъ древностей греческаго храма въ Трапезундѣ. Посрединѣ—сундукъ съ письменами. На немъ черепъ императора Алексѣя Комнена, основателя храма; справа—инкрустаціонная дверь работы турокъ-сельджуковъ и турецкая грамота, тончайшей работы акварель съ накладнымъ золотомъ. Слѣва—мраморная капитель болѣе древняго происхожденія, чѣмъ храмъ.*

дальнѣйшихъ его словъ, Надежда Θеодоровна громко и строго произнесла:

— Мертвые изъ гробовъ не встаютъ,—тебѣ показалась какая-нибудь чепуха.

— Ой, не чепуха, навѣрное грабители... кирпичи сыпались, и меня хотѣли убить, тамъ ихъ двое или трое... Скорѣе людей нужно позвать, бѣжимте, барыня!

Садовникъ опять весь затрясся, началъ тяжело дышать и, дернувъ руками, ринулся въ темноту, впередъ.

Она, насколько могла быстро, тоже пошла, стараясь сообразить, что могло случиться. Припомнила голоса, которые слышала давно съ балкона, припомнила слово „деньги", и сама, невольно задыхаясь, ускорила шаги. Пришло въ голову, что не нужно будить Нину Евдокимовну.

Надежда Θеодоровна очутилась во дворѣ опять возлѣ садовника и сторожа-казака, который произносилъ одну фразу:

развороченные ломомъ кирпичи и сдвинутую крышку гроба, а явилось и ударило по сердцу чувство горькой обиды и за себя и за тѣхъ, кто это сдѣлалъ.

Она больше, чѣмъ кто-нибудь, знала, что деньги не даютъ настоящаго счастья.

Знала она также навѣрное, что трупъ—это только трупъ и къ личности умершаго имѣетъ не большее отношеніе, чѣмъ его сапоги. И поняла, что обидѣли не ея сына, а ее самоё. Перекрестилась и пошла обратно.

Дома сама по телефону сказала уряднику о происшествіи и послала двухъ людей (дівчата не хотѣли итти), чтобы перенесли всѣ вѣнки въ комнаты.

Уже взошло солнце, но его не было видно. По небу плавали дымчатыя облака, и казалось, что вдругъ наступилъ сентябрь.

Вышла къ утреннему чаю Нина Евдокимовна и только теперь узнала о томъ, что случилось ночью. Поблѣднѣла, и зрачки ея

Въ Трапезундѣ. *Мечеть, устроенная турками-сельджуками въ старинной греческой церкви XIII вѣка. Слѣва—турецкій алтарь, справа—проповѣдническая каѳедра.*

— Первымъ дѣломъ собакъ... Первымъ дѣломъ собакъ...

Протянулось минутъ пять, пока разбудили еще двухъ казаковъ, кучера Мехтодія и конюховъ и зажгли фонарь.

Съ ружьями, стараясь не шумѣть, хотя это плохо удавалось, вмѣстѣ съ собаками всѣ опять ушли въ темноту.

Надежда Θеодоровна осталась и, слушая біеніе своего сердца, сѣла на ступенькахъ веранды. Рѣшительно ничего не было слышно, кромѣ далекаго лая собакъ. Только черезъ полчаса люди вернулись, и сторожъ хриплымъ голосомъ разсказалъ, что въ часовнѣ пробита стѣна склепа и потревоженъ гробъ, что на мокрой землѣ видны слѣды человѣческихъ ногъ, а затѣмъ трава, и ничего незамѣтно...

— Это изъ мужичьяго села... Казаки скорѣе на убійство пойдутъ, а на такое дѣло нѣтъ,—добавилъ онъ и засопѣлъ.

— А иконы цѣлы?—спросила Надежда Θеодоровна.

— Цѣлы, и вѣнки цѣлы...

— А тамъ винковъ, мабуть, тыщи на пивторы,—отозвался Мехтодій.

— Небось, подумали, что жестяные,—сказалъ другой казакъ.

Надежда Θеодоровна приказала поставить возлѣ склепа двухъ людей съ ружьями. Въ своей комнатѣ она зажгла всѣ свѣчи, и до разсвѣта просидѣла за письменнымъ столомъ, стараясь понять тѣхъ, кто пошелъ на грабежъ могилы.

Небо просвѣтлѣло, но не порозовѣло, и не прекращался дождикъ. Надежда Θеодоровна умылась и твердыми шагами пошла къ склепу. Не волновалась. И не было ужаса, когда она увидѣла

глазъ стали еще шире, точно у ангела на картинѣ Катарбинскаго. Когда наливала кофе, руки у нея дрожали.

Дѣдушка Θеодоръ Карповичъ тоже только утромъ узналъ о грабежѣ и сказалъ:

— Вотъ бы выпороть, вотъ бы выпороть!

Примчался на бѣговыхъ дрожкахъ урядникъ, взялъ понятыхъ и началъ производить „слѣдствіе". Къ завтраку явился и настоящій слѣдователь, и цѣлый день прошелъ въ суетѣ.

Андрей Григорьевичъ пріѣхалъ черезъ два дня, пошелъ, поглядѣлъ и вернулся мрачный. Цѣлый день онъ ничего не говорилъ и ничего не ѣлъ. Погода оставалась такой же сѣрой и равнодушной ко всему, что произошло въ печальной усадьбѣ.

Прошла недѣля.

Какъ тоненькій яркій лучъ темноту, освѣтила вдругъ весь домъ телеграмма Мики: „Буду завтра".

И на дворѣ случайно вдругъ засіяло солнце, залетали надъ цвѣтами пчелы, застучалъ ножами на кухнѣ Сандро, и ласково заулыбались лица казаковъ и дівчатъ. Веселѣе стала даже Нина Евдокимовна.

Радостно волновалась Надежда Θеодоровна, и отложилъ свою дѣловую поѣздку Андрей Григорьевичъ.

Вечеромъ Климъ и Мехтодій готовили тройку бѣлыхъ и фаэтонъ. Ночью всѣ звѣзды были на небѣ, и четко выступали силуэты любимцевъ Надежды Θеодоровны,—тополей,—на фонѣ темнаго сада.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Почему хлопокъ объявленъ военною контрабандою?

Хлопокъ объявленъ военною контрабандою, т.-е. такимъ товаромъ, который, въ случаѣ захвата, напримѣръ, нагруженнаго имъ судна, считается военною добычею того, кто захватилъ судно. Многимъ можетъ показаться страннымъ и непостижимымъ, изъ-за чего простая вата, такой невинный прядильный матеріалъ, попала въ число опасныхъ военныхъ припасовъ. Но дѣло объясняется очень просто. Вата, надлежащимъ образомъ и извѣстными пріемами обработанная смѣсью азотной и сѣрной кислотъ, оставаясь на видъ тою же ватою, превращается въ совершенно новое вещество, съ иными, далеко не „ватными“ свойствами. Простая вата, если къ ней поднести зажженную спичку, тихо вспыхиваетъ и потомъ медленно тлѣетъ; вата же послѣ обработки кислотами мгновенно вспыхиваетъ и сгораетъ безъ остатка: а будучи вложена въ дуло ружья, даетъ взрывъ, какъ обыкновенный порохъ. Такая вата называется нитроцеллюлозою, нитроклѣтчаткою, пироксилиномъ, гремучею ватою. Бездымный порохъ, извѣстный теперь каждому охотнику, потому что онъ почти вытѣснилъ старый черный порохъ, готовится именно изъ этой гремучей ваты. Ее превращаютъ, путемъ извѣстной обработки, въ студенистую прозрачную массу, которая по высушиваніи дробится въ крупинки разной величины, или, если порохъ предназначается для крупныхъ орудій, формуется въ цилиндры, либо ленты, которыя связываются въ пучки.

Но вата есть не что иное, какъ клѣтчатка, древесная масса, поэтому ее можно замѣнить клѣтчаткою всякаго иного происхожденія, напримѣръ, размолотою древесиною, волокнами разныхъ растеній льна, пеньки, оческами хлопка и т. д. Все это и было уже испробовано и частью оказалось матеріаломъ вполнѣ пригоднымъ для замѣны ваты при изготовленіи пироксилина.

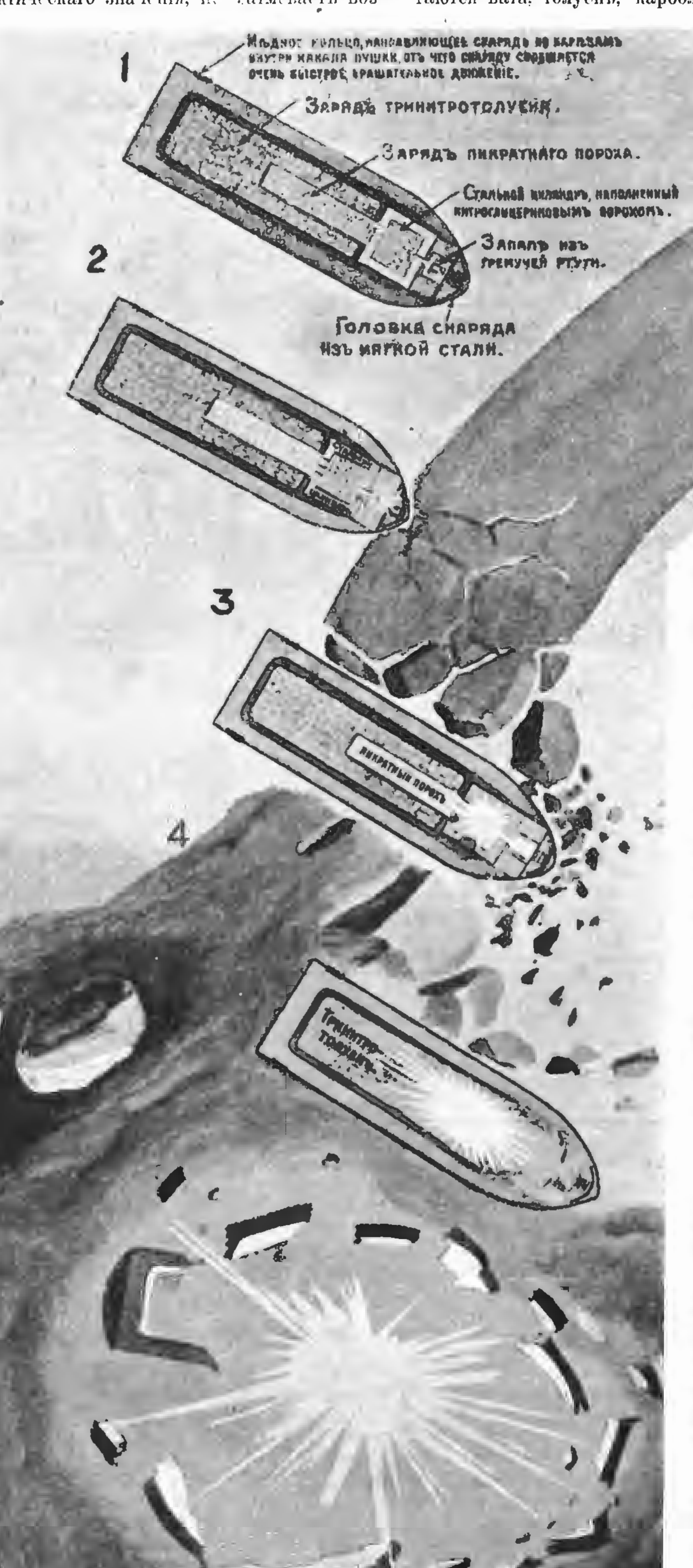
Для того, чтобы дать понятіе объ использованіи пироксилина въ современной артиллеріи, мы опишемъ здѣсь въ общихъ чертахъ работу большихъ германскихъ пушекъ съ короткими каналами, такъ называемыхъ гаубицъ. Главныя части этихъ орудій и ихъ снаряды представлены на воспроизводимыхъ рисункахъ.

Орудіе устанавливается на станкѣ или лафетѣ очень сложнаго устройства, допускающемъ легко и быстро производить всякія движенія этой громадной стальной массы. Каждый, кому случалось стрѣлять изъ ружья, знаетъ, что такое отдача, т.-е. тотъ реактивный толчокъ, который испытываетъ ружье при выстрѣлѣ, и который чувствительно ощущается плечомъ стрѣлка. Легко представить себѣ силу этого отката, получающагося при стрѣльбѣ изъ гигантской пушки. Для смягченія этого ужаснаго толчка при тяжелыхъ орудіяхъ у нѣмцевъ устраивается пневматическій накатникъ, — труба съ поршнемъ внутри; ея дѣйствіе въ основѣ такое же, какъ у тормоза, который устанавливается около дверей съ пружинами: поршень, входя въ цилиндръ и сжимая воздухъ, смягчаетъ толчокъ, и тотъ же сдавленный воздухъ потомъ выталкиваетъ поршень.

Зарядъ пушки гаубицы состоитъ изъ двухъ частей (рис. 1): патрона съ порохомъ изъ пироксилина, обычно употребляемаго для этихъ крупныхъ орудій въ видѣ длинныхъ, узкихъ полосокъ, соединенныхъ въ пучки, и разрывного снаряда. У патрона имѣется запалъ сзади, со стороны казенной части орудія. Послѣ выстрѣла этотъ патронъ, — т.-е. его оболочка, гильза, — остается на мѣстѣ, снарядъ же выкатывается силою взрыва заряда и летитъ со скоростью 2.500 футовъ въ секунду. На одинъ зарядъ большой гаубицы, смотря по ея размѣрамъ, идетъ отъ 600 до 1.000 фунтовъ пироксилиноваго пороха; такой зарядъ можетъ бросить снарядъ на разстояніе отъ 7½ до 13 верстъ.

Хлопчатобумажный порохъ бездыменъ, т.-е., конечно, не до такой степени бездыменъ, чтобы послѣ выстрѣла не оставалось ни малѣйшей мути въ воздухѣ, но муть эта такъ ничтожна по сравненію съ клубами дыма, которое изрыгали прежнія пушки, заряжавшіяся чернымъ порохомъ (смѣсью селитры, сѣры и угля), что она не имѣетъ практическаго значенія, не затмеваетъ воздуха, не мѣшаетъ смотрѣть и прицѣливаться въ непріятеля. На рис. 1 (стр. 24) представленъ снимокъ со снаряда въ самый моментъ его вылета изъ орудія: фотографическая пластинка запечатлѣла на себѣ струйчатость воздуха, производимую неимовѣрно быстрымъ движеніемъ снаряда.

Теперь разсмотримъ самый разрывной снарядъ германской крупповской (потому что онѣ сооружаются на знаменитомъ заводѣ Круппа) гаубицы. Англичане прозвали эти снаряды „угольными ящиками", „Джекъ-Джонсонами" и „Черными Маріями". Оболочка снаряда сдѣлана изъ твердой стали и при его разрывѣ даетъ тучу осколковъ, разящихъ на смерть все, что окажется въ кругу ихъ разлета. Внутри снаряда заложено три заряда, изъ трехъ родовъ взрывчатыхъ веществъ. Главный зарядъ состоитъ изъ сотни фунтовъ такъ называемаго тротила или тринитротолуена: это вещество готовится изъ толуена, получаемаго изъ каменноугольнаго дегтя; толуенъ—жидкость, по химической природѣ сходная съ бензиномъ. Если его подвергнуть такой же обработкѣ, какой подвергается вата для полученія пироксилина, то онъ обращается въ тринитротолуенъ. Внутрь этого главнаго заряда (фиг. 1, рис. 3 на этой стр.) вставляется гораздо меньшаго размѣра зарядъ изъ пикриновой кислоты: эта кислота представляетъ собою карболовую кислоту, обработанную такъ же, какъ обрабатываются вата и толуенъ. Къ концу этого пикратнаго заряда приставляется зарядъ изъ нитроглицерина,—продукта такой же обработки глицерина, какой подвергаются вата, толуенъ, карболовая кислота. Наконецъ къ нитроглицериновому заряду прилаживается запалъ—родъ пистона, начиненнаго гремучею ртутью,—тѣмъ самымъ веществомъ, какимъ начинены пистоны охотничьихъ ружей.



Весь снарядъ вѣситъ 600 фунтовъ: конечно, бываетъ и больше и меньше, смотря по размѣру гаубицы; такой вѣсъ имѣетъ снарядъ, вмѣщающій 100 фунтовъ тротила.

На фиг. 2 (рис. 3) снарядъ представленъ въ моментъ соприкосновенія съ бетонною кладкою въ 4 фута толщины, возводимою въ защитныхъ сооруженіяхъ—фортахъ, окопахъ. Мягкій стальной носокъ снаряда не ломается, не крошится при ударѣ о бетонъ, а, наоборотъ, самъ его крошитъ, ввинчиваясь въ него. Каждому охотнику, владѣющему нарѣзнымъ ружьемъ, извѣстно, что пуля, продвигаясь по нарѣзамъ дула, проложеннымъ спиралью, пріобрѣтаетъ отъ этого чрезвычайно быстрое вращательное движеніе; это усиливаетъ ея способность проникновенія въ цѣль, куда она не просто ударяется, а какъ бы ввертывается, ввинчивается. Въ моментъ удара запалъ гремучей ртути воспламеняется и сообщаетъ огонь нитроглицериновому заряду: отъ него запалъ распространяется черезъ узкое отверстіе на пикриновый зарядъ, который въ свою очередь взрывается въ то мгновеніе, когда снарядъ уже пробилъ всю толщу бетона, какъ это показано на фиг. 3 (рис. 3). Наконецъ, когда снарядъ уже пролетѣлъ сквозь бетонную стѣну, взрывъ сообщается тротилу, и онъ разноситъ снарядъ на осколки, которые вмѣстѣ съ кусками бетона разлетаются во всѣ стороны, производя свою опустошительную работу. Въ бетонной стѣнѣ, послѣ взрыва такого снаряда, остается кратеръ или воронка, около трехъ саженъ въ поперечникѣ.

Не надо забывать только, что все это совершается не болѣе какъ въ одну сотую долю секунды; т.-е. мы подъ этимъ „все" подразумѣваемъ работу снаряда съ момента проникновенія его носка въ бетонъ (фиг. 2) до разрыва снаряда по ту сторону бетонной стѣны (фиг. 4).

Итакъ, изъ разсказаннаго здѣсь должно стать яснымъ, почему хлопокъ и всѣ подобные ему продукты объявлены военною контрабандою. Изъ нихъ готовится тотъ бездымный порохъ, которымъ начиняются патроны ружей и снаряды пушекъ, и котораго на одинъ пушечный зарядъ идетъ по нѣскольку сотъ фунтовъ. А сколько поглощаютъ его полевыя орудія, пулеметы, ружья, особенно при современномъ „ураганномъ" огнѣ?..

На западномъ фронтѣ. *Плѣнные германцы.*

Германцы.

Повѣсть **Георгія Павлова.**

(Продолженіе).

По знаку Отто, остававшагося совершенно спокойнымъ, солдаты приступили къ дѣвушкѣ и начали тутъ же раздѣвать ее, не потрудившись даже вывести въ другую комнату. Лохмотья, липкія и тяжелыя отъ дождя, одно за другимъ передавались на столъ, гдѣ Трейчке, заинтересовавшійся допросомъ, изслѣдовалъ ихъ съ сосредоточенной миной оцѣнщика въ ломбардѣ. Дѣвушка стояла посреди комнаты, кутаясь въ плащъ своихъ распустившихся волосъ, вся дрожа и, казалось, не понимая, что съ ней происходитъ. Ледяное спокойствіе, разлитое вокругъ, было слишкомъ ужасно,—ужаснѣе побоевъ и оскорбленій, даже надругательства. Если бъ низменные инстинкты проснулись въ этихъ мужчинахъ, если бъ сидѣвшій противъ нея офицеръ бросился на нее—это было бы отвратительно, но по крайней мѣрѣ понятно. Она ожидала отъ германцевъ грубаго насилія, которое было бы проявленіемъ первобытной и низменной, но все же людской природы. Вмѣсто того, ее окружали страшныя оживленныя куклы изъ паноптикума, недоступныя ни для какого человѣческаго порыва. И она чувствовала съ ужасомъ, какъ вся душа ея каменѣетъ подъ гнетомъ этого страшнаго фантасмагорическаго спокойствія.

Поиски Трейчке увѣнчались успѣхомъ: онъ вырѣзалъ изъ подкладки въ юбкѣ сложенную вчетверо бумагу, которую ему удалось прощупать сквозь грубое толстое сукно, и передалъ ее товарищу. Оба офицера наклонились надъ столомъ, разсматривая находку.

— Я предвидѣлъ нѣчто подобное съ самаго начала,—сказалъ Трейчке. — Такія вещи почему-то зашиваются обыкновенно въ юбку,—вѣроятно, въ расчетѣ на неприкосновенность этой части туалета.

— Намъ очень жаль, сударыня,—обратился Рюлингъ къ плѣнницѣ, — но мы должны разстрѣлять васъ. Лампе, вызови полувзводъ! Я думаю, Рудольфъ, мы можемъ не дожидаться барона, разъ онъ поручилъ мнѣ покончить это дѣло.

Дѣвушка смотрѣла на германцевъ широко открытыми потемнѣвшими глазами, какъ будто недоумѣвая, такъ ли она поняла то, что ей сказали.

— Повторяю, намъ очень жаль,— продолжалъ Отто. — Вы молоды и привлекательны, ваша дорога могла бы быть иной,—но что же дѣлать, вы сами избрали себѣ именно эту. Что касается насъ, то мы не можемъ поступить иначе. Война—это война, какъ говорятъ ваши же соотечественники.

Онъ не издѣвался. Онъ говорилъ совершенно серьезно, участь дѣвушки въ самомъ дѣлѣ вызывала его сочувствіе. Но это сочувствіе и форма его выраженія только еще рѣзче подчеркивали страшную неотвратимость того, что должно было совершиться. Солдаты взяли француженку подъ руки и повлекли ее къ двери: сама она не была бы въ силахъ сдѣлать ни шагу. Допросъ былъ конченъ.

— Пойдемъ?—сказалъ Трейчке.

— Мнѣ не хотѣлось бы. Я чувствую, что, если не схвачу сейчасъ своей мелодіи, то потомъ это мнѣ уже не удастся. Къ тому же ты старше чиномъ и можешь съ полнымъ правомъ подписать рапортъ вмѣсто меня.

Оставшись одинъ, композиторъ снова погрузился въ свои ноты. Передъ нимъ лежалъ текстъ аріи, въ которой прекрасная незнакомка предлагала королю смѣнить свой золотой вѣнецъ на терніи служенія народу. Образъ француженки съ ея глубокими темными глазами сталъ передъ нимъ: улыбаясь и напѣвая, онъ быстро заносилъ на бумагу такты. Когда послѣдній изъ нихъ былъ написанъ, со двора донесся отдаленный залпъ, какъ заключительный аккордъ. Не дрогнувъ, Рюлингъ приступилъ къ оркестровкѣ записанной мелодіи.

— Все кончено,—сказалъ Трейчке, возвращаясь въ комнату.— Дѣвица держала себя храбро. И зачѣмъ только давать глупымъ дѣвчонкамъ такія отвѣтственныя порученія!..

III.

Въ штабъ дивизіи прибылъ транспортъ герметически закупоренныхъ ящиковъ, которые приняли съ поѣзда ночью, со всѣми предосторожностями и соблюденіемъ строгой тайны. При разгрузкѣ присутствовалъ самъ начальникъ штаба, генералъ Лерхе и только нѣкоторые изъ офицеровъ. Ящики сейчасъ же прослѣдовали на позиціи, въ сопровожденіи инструкторовъ, державшихся, какъ авгуры. Въ сущности, вся эта церемонія сводилась къ секрету полишинеля, потому что каждый изъ штабныхъ писарей, не говоря уже объ офицерахъ, отлично зналъ, что заключается въ ящикахъ. Но приказъ начальника корпуса требовалъ соблюденія тайны, и желѣзная дисциплина не позволяла отступить отъ его буквы, хотя бы только формально.

— Предстоитъ интересное зрѣлище,—сказалъ майоръ Трейчке своему другу, который не присутствовалъ при пріемкѣ секретнаго транспорта.—Я собираюсь посмотрѣть его: такія спектакли повторяются не часто.

— Новое примѣненіе газовъ?

— Примѣненіе старое, но рецептъ новый и чрезвычайно интересный. Поѣдемъ вмѣстѣ? Ты вѣдь тоже не долюбливаешь англичанъ; тебѣ пріятно будетъ полюбоваться на ихъ физіономіи при этомъ сюрпризѣ.

Когда стемнѣло, они собрались и поѣхали втроемъ съ Ховеномъ. Поѣздка была молчаливой; изъ этихъ троихъ людей ни одинъ не отличался разговорчивостью. Впрочемъ, они давно свыклись другъ съ другомъ и не нуждались въ бесѣдахъ, чтобы не скучать вмѣстѣ. Автомобиль быстро домчалъ ихъ до передовой линіи окоповъ, оборудованныхъ по послѣднему слову техники: то былъ рядъ настоящихъ укрѣпленій, передъ которыми въ любую изъ прежнихъ войнъ остановилась бы въ затрудненіи самая могущественная армія. Былъ свѣтлый лунный вечеръ, позволявшій видѣть все поле впереди, до самаго англійскаго расположенія, мерцавшаго своими огнями на горизонтѣ, какъ оживленная желѣзнодорожная линія. Безконечные ряды колючей проволоки, по которой во время штурма пропускается электрическій токъ высокаго напряженія, уходили вдаль, точно покрытая рябью поверхность моря, сѣрыми прибрежными скалами возвышались надъ нимъ блиндажи передового окопа, защищеннаго слоемъ набитыхъ землею мѣшковъ, которые приняли въ свою податливую грудь уже не одну сотню снарядовъ. Изъ-подъ нихъ отвѣсно падали внизъ несокрушимыя бетонныя стѣны, у подножья которыхъ, на днѣ глубокихъ ходовъ сообщеній, тускло мерцали фонари. Трейчке окинулъ довольнымъ взглядомъ это грандіозное сооруженіе.

— Все техника, мои милые,—сказалъ онъ своимъ друзьямъ.— Вотъ чѣмъ держимся мы до сихъ поръ въ борьбѣ чуть не съ цѣлымъ міромъ.

— Вздоръ!—отозвался Ховенъ.—Наши молодцы брали и не такія укрѣпленія.

Майоръ фонъ-Ховенъ, прямолинейный и грубый пруссакъ, котораго товарищи прозвали Фридрихомъ Великимъ, былъ убѣжденный солдатъ въ душѣ, притомъ солдатъ стараго закала, консервативный и скептическій, съ нескрываемымъ недовѣріемъ относившійся къ современной военной техникѣ. По его мнѣнію, послѣдняя только искажала и профанировала благородное искусство убивать въ бою себѣ подобныхъ, низводя его до какой-то разновидности фабрично-заводскаго дѣла. Но Трейчке не былъ склоненъ продолжать споръ: его интересовалъ результатъ предстоящаго опыта, который онъ называлъ научнымъ.

Отто Рюлингъ не дождался этого опыта. Буква приказа требовала примѣненія газовъ только при атакѣ англичанъ,—а они, какъ на зло, не хотѣли выходить изъ своихъ окоповъ. Отто вспомнилъ о партитурѣ, оставшейся на его столѣ, пожалъ руки товарищамъ и уѣхалъ, оставивъ ихъ ожидать развязки.

Дорога показалась ему короткой: онъ всецѣло отдался своимъ мечтамъ. Окружающая темнота освѣтилась въ его воображеніи огнями опернаго театра; вотъ онъ, во фракѣ, торжественный и серьезный, занимаетъ свое мѣсто за дирижерскимъ пультомъ. Онъ непроницаемо-спокоенъ, какъ Никишъ; не даромъ въ немъ находятъ сходство съ великимъ артистомъ. Пріемъ публики не интересуетъ его. Онъ будетъ играть для самого себя—и еще для кого-то тамъ, въ темной залѣ, кто ждетъ съ замирающимъ сердцемъ первыхъ тактовъ его увертюры...

Мысли офицера потекли другой дорогой. Вынувъ изъ бумажника письмо, давно заученное наизусть, онъ освѣтилъ карманнымъ электрическимъ фонаремъ его строки, какъ будто доискиваясь въ нихъ новаго, еще не разгаданнаго смысла. Война перестала существовать для Отто; онъ весь ушелъ въ свои воспоминанія. то сладкія, то меланхолическія,—и тѣ и другія были одинаково пріятными для его сентиментальной натуры. Онъ очнулся только тогда, когда автомобиль остановился у подъѣзда Сенъ-Вильерской ратуши. Принявъ въ канцеляріи бумаги для подписи отъ дежурнаго фельдфебеля, Отто прошелъ къ себѣ, но его рабочее настроеніе пропало: онъ чувствовалъ себя утомленнымъ и ослабѣвшимъ отъ грезъ, какъ отъ теплой ванны. Кровать манила его; онъ прилегъ и сейчасъ же заснулъ крѣпкимъ здоровымъ сномъ, которому однако не суждено было продолжаться долго.

— Вставай скорѣе!—услышалъ онъ надъ собой голосъ Трейчке, безцеремонно тормошившаго его за ноги.—Да открывай же глаза, говорятъ тебѣ—ты, старый король!

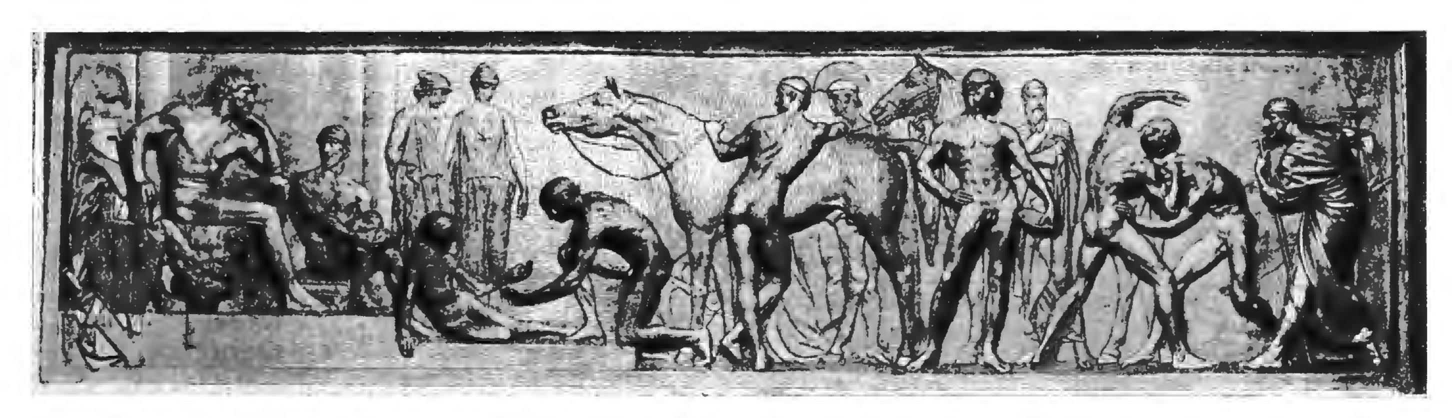
— Что случилось?

— Ужасное насчастіе... Газы... Идіоты, ихъ всѣхъ надо отдать подъ судъ...

Отто сидѣлъ на кровати, щурясь отъ яркаго свѣта; въ его сознаніи слова инженера причудливо переплетались съ обрывками мелодій и еще чѣмъ-то, чего онъ не могъ вспомнить. Газы? Какіе газы?

Понемногу онъ началъ соображать, но Трейчке все-таки при-

Дѣйство Страшнаго Суда. (Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ). *В. Кучумовъ.*



„Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!..“ („Иліада“ Гомера, пѣснь I, ст. 1). (Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ). *М. Манизеръ.*

шлось повторить свой разсказъ съ начала. Оказалось, что опытъ закончился самымъ неожиданнымъ и плачевнымъ образомъ: газы, природа которыхъ была, повидимому, недостаточно изслѣдована, распространились на большое разстояніе назадъ, обращаясь противъ оперировавшихъ ими и расположенныхъ поблизости частей. Вѣроятно, они не только боялись противнаго вѣтра, но и требовали обязательно попутнаго—такъ, по крайней мѣрѣ, предполагалъ Трейчке.

— Впрочемъ, я еще не увѣренъ, что это именно такъ,—говорилъ майоръ. — Очевидно только то, что нельзя было давать намъ въ руки оружія, съ которымъ никто не умѣлъ обращаться какъ слѣдуетъ. Англичане отлично все поняли; я слышалъ своими ушами, какъ они завыли отъ радости, точно шакалы. Вѣдь это опять скандалъ на всю Европу! Кромѣ того, мы потеряли ни за что ни про что чуть не весь 146-й полкъ. Если бъ ты видѣлъ, что это была за картина! У меня далеко не слабые нервы, но я готовъ былъ бѣжать оттуда, не оглядываясь.

Отто слушалъ спокойно. Онъ зналъ, что такіе случаи имѣли мѣсто и раньше, и не видѣлъ причины особенно ужасаться этимъ, не первымъ и не послѣднимъ также.

— Это потому, что ты не былъ тамъ, — стоялъ на своемъ майоръ.—Тебѣ слѣдовало бы самому увидѣть это зрѣлище.

IV.

Отто Рюлингу пришлось его увидѣть.

Онъ былъ назначенъ принимать поѣздъ съ трупами жертвъ неудавшейся газовой операціи. Весь путь слѣдованія грузовиковъ былъ очищенъ отъ постороннихъ зрителей; на пріемной платформѣ не было никого, кромѣ Рюлинга съ его взводомъ автомобилистовъ. Первый грузовикъ подошелъ замедленнымъ ходомъ. Сѣрый брезентъ, покрывавшій его, приподнимался съ боковъ, открывая неподвижныя торчащія ноги вперемежку съ коротко остриженными головами. Трупы были уложены вплотную, какъ шпалы, которыя еще наканунѣ перевозила эта же самая машина. По распоряженію офицера брезентъ былъ поднятъ, и глазамъ присутствующихъ представилось ужасное зрѣлище.

Сто двадцать труповъ лежали плечомъ къ плечу, все отборные молодцы не старше двадцати пяти лѣтъ,—крѣпкіе, точно сколоченные изъ дуба, померанскіе крестьяне, въ новыхъ мундирахъ, не нюхавшіе пороха: пострадавшій полкъ, только недавно сформированный, не принималъ еще участія ни въ одномъ дѣлѣ. На лицахъ мертвецовъ, почернѣвшихъ, какъ уголь, былъ написанъ дикій, нечеловѣческій ужасъ. Полуоткрытыя губы, судорожно выпяченныя въ тщетныхъ поискахъ воздуха, открывали ряды зубовъ, жутко сверкавшихъ своей бѣлизной на этихъ эбеново-черныхъ лицахъ. Глаза были устремлены къ небесамъ, какъ будто въ послѣдній моментъ увидѣли въ ихъ глубинѣ что-то, поражающее послѣднимъ, уже неземнымъ страхомъ. Дѣйствіе газа, повидимому, не пріостанавливалось смертью: первый же человѣкъ, котораго начали снимать съ платформы, развалился буквально по кускамъ. Голова подкатилась къ ногамъ Отто, глядя на него вопросительно и какъ будто иронически. Онъ не выдержалъ этого взгляда и отвернулся...

Приказанія отдавались вполголоса, точно ихъ могли услышать тѣ, которые лежали на грузовикахъ, подходившихъ одинъ за другимъ, одинъ за другимъ — безъ конца. Потери были колоссальны: приходилось удивляться, какъ противникъ не успѣлъ занять всю линію пораженныхъ газомъ окоповъ, гдѣ ему все равно некому было оказать сопротивленія. Грузовики проходили теперь дальше, не останавливаясь, и исчезали, точно проваливались сквозь землю. Были приняты всѣ мѣры, чтобы вѣсть о катастрофѣ не получила распространенія, — такъ какъ въ противномъ случаѣ можно было опасаться настоящей паники.

На слѣдующее утро въ штабѣ было назначено совѣщаніе, на которомъ дивизіонный врачъ Блюме долженъ былъ сдѣлать докладъ о причинахъ несчастнаго случая. Офицеры собирались мрачные и подавленные: неудача, которой никто не ждалъ, казалась многозначительнымъ и грознымъ предзнаменованіемъ. Одинъ только Ховенъ не скрывалъ своего торжества.

— Не военное это дѣло — химія,—сказалъ онъ Рюлингу.—Что касается меня, то я никогда не прощу проклятымъ пачкунамъ, что по ихъ милости мы потеряли столько здороваго молодого народа. Это научитъ кое-кого быть умнѣе и не слишкомъ полагаться на спринцевальные баллоны.

Въ своемъ докладѣ докторъ Блюме исходилъ изъ того, что, для установленія точныхъ данныхъ, которыя могли бы служить опорой въ борьбѣ съ ужаснымъ обратнымъ дѣйствіемъ газовъ, необходимо предварительно испытать это дѣйствіе на живомъ человѣческомъ существѣ. Онъ говорилъ нерѣшительно, какъ будто боясь высказать до конца свою мысль. Но Трейчке оказался смѣлѣе.

— Это вполнѣ возможно,—объявилъ онъ.—Въ нашемъ распоряженіи есть нѣсколько плѣнныхъ-инвалидовъ: что мѣшаетъ испробовать на нихъ дѣйствіе газовъ?

Наступило короткое молчаніе. Никто изъ этихъ людей не задумывался надъ принципами гуманности; ихъ интересовало другое—формальная, юридическая сторона дѣла. Пререканія были непродолжительными. Всѣ согласились съ тѣмъ, что не представлялось необходимости оглашать экспериментъ, жертва котораго всегда могла умереть своей смертью. Выборъ объекта поручили доктору Блюме, который долженъ былъ произвести свой опытъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Трейчке, любознательный и интересующійся всѣмъ, что такъ или иначе соприкасалось съ областью науки, нетерпѣливо ждалъ этого опыта.

Для опыта былъ избранъ солдатъ бельгіецъ, тяжело раненый въ обѣ ноги съ поврежденіемъ позвоночника. Докторъ Блюме самъ наложилъ ему противогазовую повязку,—хотя всѣ отлично знали, что она не защититъ обреченнаго. Было выпущено минимальное количество газа, послѣ чего жертву, въ состояніи глубокаго обморока, доставили въ прозекторскую полевого дивизіоннаго госпиталя. Всѣ мѣры, принятыя докторомъ съ добросовѣстностью серьезнаго ученаго, не привели ни къ чему— „объектъ“, какъ прозвали несчастнаго бельгійца офицеры, не выжилъ и трехъ часовъ. И послѣ, вспоминая этого солдата, Отто Рюлингъ безконечно радовался, что не видѣлъ его лица.

На другой день въ штабъ прибылъ транспортъ спеціальныхъ противогазовъ, запозданіе которыхъ и явилось причиной катастрофы со 146-мъ полкомъ. Но Трейчке, не довѣряя имъ, разработалъ свой собственный проектъ, который „обязывался доложить его превосходительству начальнику штаба въ личной аудіенціи, если это будетъ признано желательнымъ“.

Баронъ Лерхе принялъ его немедленно. Старый рубака относился съ большимъ уваженіемъ къ инженеру и всегда внимательно выслушивалъ его совѣты, которые обыкновенно оказывались на практикѣ весьма разумными и полезными.

Докладъ Трейчке занялъ немного времени. Дивизія обременена весьма значительнымъ количествомъ туберкулезныхъ больныхъ: люди эти для арміи не только безполезны, но и вредны, такъ какъ требуютъ хлопотъ по уходу и лѣченію. Почему не организовать изъ нихъ спеціальнаго кадра для обслуживанія газовыхъ баллоновъ?

Генералъ молча смотрѣлъ на своего собесѣдника. Онъ былъ уже старъ, и интересы службы не подавляли для него въ такой чудовищной степени соображеній элементарной гуманности.

— Майоръ, но вѣдь это наши солдаты... германцы?

— Они будутъ счастливы умереть за Германію, ваше превосходительство,—отвѣчалъ спокойно Трейчке.—Наше отечество въ такомъ положеніи, что гуманныя чувства...

Трейчке почтительно выждалъ паузу. Убѣдившись, что возраженія не будетъ, онъ сказалъ твердо и вѣско, какъ всегда:

— Если вашему превосходительству угодно выслушать мое мнѣніе, то на войнѣ ничего не бываетъ вреднѣе такъ называемыхъ гуманныхъ чувствъ, и Германія до сихъ поръ была сильна именно тѣмъ, что очень мало о нихъ заботилась. Одно изъ двухъ: или воевать, или заниматься альтруизмомъ; то и другое понятія несовмѣстимы и взаимно уничтожаются, какъ плюсъ и минусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Отъ Риги до Пелопонеса.

Новый календарный годъ смѣнилъ старый подъ грохотъ пушекъ въ двухъ раіонахъ—на рѣкѣ Серетѣ и у Риги. Въ то же время былъ опубликованъ офиціальный отвѣтъ державъ согласія на „мирное предложеніе“ центральныхъ имперій, содержащій

На рижскомъ фронтѣ. *Штабъ генерала Радко-Дмитріева.*

въ себѣ весьма опредѣленный отказъ вступить въ какіе бы то ни было переговоры впредь до достиженія тѣхъ цѣлей, во имя которыхъ вступили въ войну союзники.

Наконецъ къ крупнымъ военно-политическимъ событіямъ нужно отнести и событія, происходящія въ Греціи.

На главномъ румынскомъ фронтѣ противникъ продолжалъ развивать свою наступательную операцію въ Молдавіи, при чемъ, повидимому, его ближайшей задачей была переправа черезъ рѣку Серетъ. Общій широкій стратегическій смыслъ этой операціи заключался въ стремленіи противника выдвинуться къ пограничной рѣкѣ Пруту. Причины, въ силу которыхъ противникъ намѣтилъ себѣ такую задачу, весьма разнообразны, и въ нихъ можно найти всякаго рода мотивы—и стратегическіе, и политическіе, и экономическіе. Оставляя въ сторонѣ политическія и экономическія соображенія противника, мы отмѣтимъ лишь тѣ вѣроятные стратегическіе мотивы, которыми руководился въ данномъ случаѣ противникъ.

Для этого, прежде всего, надо исходить изъ той извѣстной аксіомы, что на длинномъ фронтѣ успѣшная оборона невозможна, ибо атакующій всегда сумѣетъ заблаговременно сосредоточить свои силы въ какомъ-либо пунктѣ фронта и предупредить въ этомъ отношеніи обороняющагося. При такихъ условіяхъ для нѣмецкаго штаба желательно, повидимому, занять угрожающее положеніе въ такихъ раіонахъ, которые сами по себѣ „чувствительны“. Такимъ раіономъ нѣмецкій штабъ, очевидно, считаетъ молдаво-бессарабскую границу, почему и стремится здѣсь непрерывно сохранять инициативу. Этимъ и объясняется продолженіе его наступательной операціи въ Румыніи, и, слѣдовательно, въ ней надо видѣть намѣреніе противника, поддерживая непрерывное наступленіе, избѣжать невыгодной обороны на длинномъ фронтѣ.

Въ виду важнаго значенія оборонительной линіи рѣки Серета, особую крупную роль играли три „узла обороны“, имѣющіеся на этой рѣкѣ: Фокшаны—на правомъ флангѣ, Немолоса—въ центрѣ и Галацъ—на лѣвомъ флангѣ. Въ свою очередь изъ этихъ трехъ пунктовъ наиболѣе важными были укрѣпленные Фокшаны.

Это объясняется тѣмъ, что только отъ Фокшанъ шли наиболѣе выгодные и удобные пути къ пограничному Пруту. Отъ другихъ пунктовъ—отъ Немолосы и Галаца—пути шли къ нижнему теченію пограничнаго Прута, которое было окаймлено широкими (въ 6—8 верстъ шириной) непроходимыми болотами. Слѣдовательно, наступленіе къ Галацу и Немолосѣ, хотя также и приводило къ пограничному Пруту, но приводило къ его нижнему теченію, представлявшему нѣкоторый „стратегическій тупикъ“, кладущій предѣлъ всякому дальнѣйшему движенію противника. Нѣчто подобное мы наблюдали и въ Добруджѣ, гдѣ армія Тошева, дойдя до болотистаго устья Дуная, также уперлась въ „стратегическій тупикъ“ и далѣе продвинуться не могла.

Изъ этого можно видѣть, что Галацъ и Немолоса были важны лишь въ томъ отношеніи, что представляли собою укрѣпленные пункты оборонительной линіи рѣки Серета, и очищеніе этихъ пунктовъ „компрометировало бы“ стратегически оборону Серета. Съ очищеніемъ этихъ пунктовъ могла быть очищена только линія рѣки Серета, но непосредственной угрозы пограничной рѣкѣ Пруту еще не было бы, ибо Прутъ противъ Немолосы и Галаца окаймленъ непроходимыми болотами.

Такимъ образомъ весь центръ тяжести операціи сосредоточился на томъ участкѣ Серета, который расположенъ противъ Фокшанъ. Однако и здѣсь очищеніе Фокшанъ, послѣдовавшее въ канунъ Рождества, не могло имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ Фокшаны находятся еще впереди Серета верстахъ въ 15-ти. Рѣшающее значеніе могла имѣть только переправа черезъ Серетъ „за“ Фокшанами, и поэтому противникъ, послѣ занятія Фокшанъ, произвелъ рядъ попытокъ переправиться здѣсь черезъ Серетъ. Попытки эти до Новаго года успѣха не имѣли, и всѣ атаки были отбиты нашимъ огнемъ и контръ-атаками. Тогда противникъ попробовалъ повести атаки противъ средняго участка рѣки Серета, у Немолосы, но и здѣсь его наступленіе успѣха не имѣло. Только въ нижнемъ теченіи рѣки Серета противнику удалось, послѣ занятія Браилова, подойти къ устью Серета, верстахъ въ восьми отъ Галаца.

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи оставались обѣ стороны на рѣкѣ Серетѣ до Новаго года. Повидимому, противникъ производилъ нѣкоторую перегруппировку, и въ первыхъ числахъ января надлежало ожидать дальнѣйшихъ попытокъ противника переправиться черезъ Серетъ и подойти къ пограничному Пруту. Однако эта операція должна была быть во всякомъ случаѣ очень длительной, ибо главныя силы противника были сосредоточены у Фокшанъ, а отъ Фокшанъ до пограничнаго Прута оставалось не менѣе 80 верстъ.

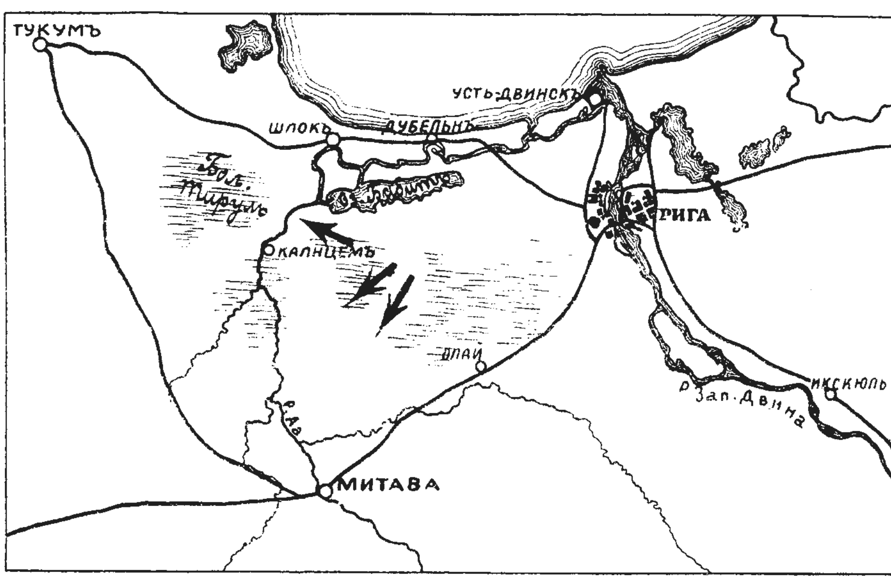
Герой послѣдняго наступленія на рижскомъ фронтѣ — *генералъ Радко-Дмитріевъ.*

Въ самый разгаръ операціи на рѣкѣ Серетѣ начались довольно неожиданно бои на другой оконечности восточнаго фронта, болѣе чѣмъ за 1000 верстъ отъ Серета, на Западной Двинѣ. Бои начались съ того, что нѣмцы, повидимому, съ цѣлью нащупать наше расположеніе, атаковали островъ на Западной Двинѣ между Ригой и Двинскомъ (въ 22 верстахъ къ сѣверу отъ Двинска). Въ этомъ мѣстѣ обѣ стороны были раздѣлены лишь рѣкою, и неожиданная атака противника вначалѣ имѣла успѣхъ.

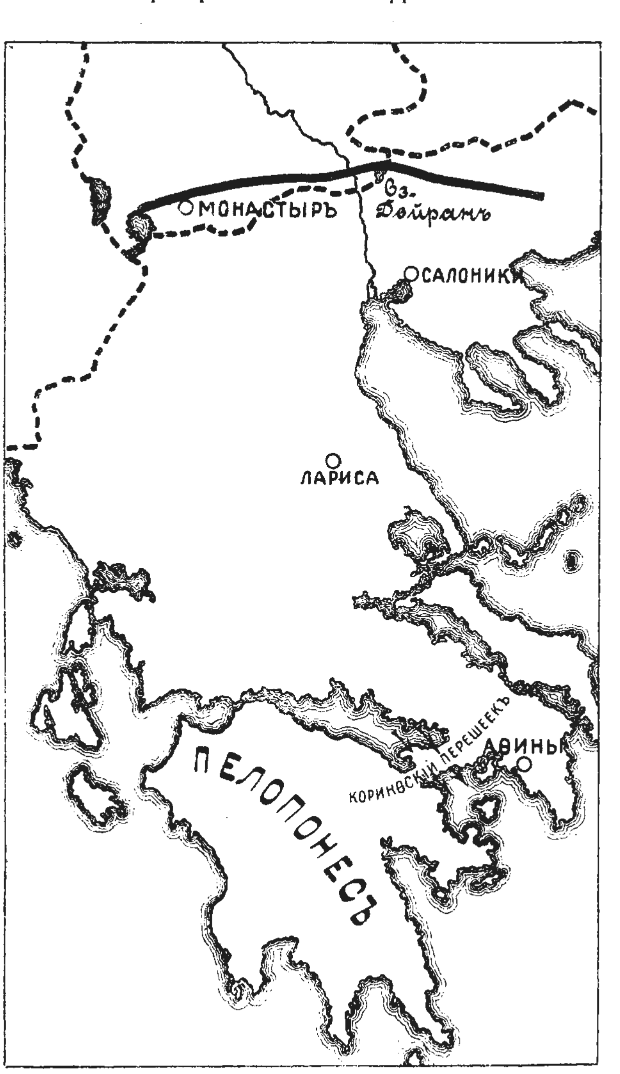
Вполнѣ естественно, что это неожиданное оживленіе на столь чувствительномъ фронтѣ, какъ риго-двинскій, привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе. Однако, по существу, дѣло это являлось лишь небольшимъ эпизодомъ, не имѣвшимъ серьезнаго значенія. Вслѣдствіе сосредоточенія значительныхъ силъ противника на румынскомъ фронтѣ, а также и по многимъ другимъ причинамъ, нельзя было ожидать, чтобы на риго-двинскомъ участкѣ фронта у противника были значительныя силы. Сами нѣмцы въ своемъ офиціальномъ донесеніи о боѣ за этотъ островъ упоминали, что атаку велъ одинъ резервный полкъ. Дѣло это, сопровождавшееся большой шумихой, было быстро ликвидировано. Черезъ нѣсколько дней наши войска контръ-атакой вернули утерянный островъ на Двинѣ, захвативъ при этомъ пулеметы, оружіе и проч.

Еще до этой атаки наши войска въ тотъ періодъ, когда нѣмцы занимали островъ на Западной Двинѣ, отвѣтили на непріятельскую атаку своимъ наступленіемъ къ западу отъ Риги. 23-го декабря на этомъ участкѣ фронта, гдѣ болѣе 15 мѣсяцевъ не было никакихъ крупныхъ боевъ, сибирскія части изъ числа войскъ, находившихся подъ командой генерала Радко-Дмитріева, атаковали деревню у юго-западной оконечности озера Бабитъ и послѣ ожесточеннаго боя заняли два ряда окоповъ, въ шести верстахъ восточнѣе деревни Калнцемъ, въ 20-ти верстахъ юго-западнѣе Риги, захвативъ при этомъ плѣнныхъ и пулеметы. Послѣ этого наши войска двинулись далѣе, достигли рѣки Аа, овладѣли позиціей юго-восточнѣе деревни Калнцемъ, захвативъ въ общемъ 32 орудія, изъ коихъ 21 тяжелое, 11 зарядныхъ ящиковъ, два прожектора и до 1000 плѣнныхъ. Одновременно наши части овладѣли также послѣ упорнаго боя непріятельской позиціей между болотомъ Тируль и рѣкою Аа.

Этотъ крупный боевой эпизодъ имѣлъ значеніе въ томъ отношеніи, что показалъ возможность успѣшной атаки укрѣпленій, возводившихся у Риги нѣмцами въ теченіе болѣе года. Конечно, противникъ тотчасъ же сосредоточилъ къ раіону атаки различныя части съ другихъ участковъ фронта, — за отсутствіемъ резервовъ, — и повелъ рядъ контръ-атакъ. Всѣ контръ-атаки были отбиты, и къ Новому году наше сообщеніе отмѣтило положеніе у Риги „безъ перемѣнъ“.



Карта риго-двинскаго фронта.



Карта салоникскаго фронта.

Такимъ образомъ дальнѣйшаго развитія эта операція не получила, но вообще возможность крупныхъ боевъ на риго-двинскомъ фронтѣ, повидимому, далеко не исключена. Вмѣстѣ съ румынскимъ участкомъ фронта риго-двинскій участокъ представляютъ собою двѣ весьма чувствительныя оконечности громаднаго русскаго театра. Значеніе этихъ „оконечностей“ всецѣло опредѣляется важностью операціонныхъ направленій. Такъ, на риго-двинскомъ фронтѣ нѣмцы прикрываютъ кратчайшее 100-верстное разстояніе до германской границы, и въ то же время наши войска, какъ извѣстно, прикрываютъ важнѣйшіе сѣверные пути черезъ Ригу и Двинскъ къ нашему важнѣйшему центру. Одинаково и на другой оконечности громаднаго русскаго театра проходятъ: съ одной стороны, операціонное направленіе черезъ Болгарію къ проливамъ, а съ другой стороны, операціонное направленіе къ молдаво-бессарабской границѣ.

Такимъ образомъ обѣ оконечности длиннаго русскаго фронта представляютъ собою какъ бы двѣ весьма удаленныя другъ отъ друга педали, нажимъ на каждую изъ которыхъ какой-либо изъ сторонъ имѣетъ весьма существенное и важное значеніе. Въ то же время весь громадный центръ русскаго театра, гдѣ линія соприкосновенія обѣихъ сторонъ уткнулась въ озера (Свѣнцянскій раіонъ) и болота (Пинскій раіонъ), не прикрываетъ столь важныхъ операціонныхъ направленій ни для одной изъ сторонъ. Отсюда явствуетъ, что тѣ бои у Риги и на Серетѣ, съ которыхъ начался 1917 годъ, имѣютъ весьма показательное значеніе и даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что будущая большая весенняя и лѣтняя кампанія разыграется именно на этихъ двухъ оконечностяхъ русскаго театра: на риго-двинскомъ фронтѣ и на путяхъ, ведущихъ отъ молдаво-бессарабской границы.

Въ нѣкоторой связи съ событіями, происходившими на румынскомъ фронтѣ, все время находятся событія, происходящія въ Греціи.

Для арміи Саррайля было всегда важно получить извѣстную оперативную свободу, но, конечно, особенно важно было для салоникской арміи союзниковъ получить оперативную свободу именно въ тотъ періодъ, когда нѣмцы вели свое наступленіе въ Румыніи. Поэтому двусмысленное поведеніе грековъ, благодаря которому армія Саррайля должна была испытывать опасенія за свой тылъ, слишкомъ опредѣленно связывало салоникскую армію союзниковъ, и въ этомъ отношеніи Греція оказывала прямое содѣйствіе германскому штабу.

Всѣ предположенія о томъ, что нѣмцы послѣ румынской операціи обратятся противъ арміи Саррайля, какъ и слѣдовало ожидать, не осуществились. Нѣмцы считали, что армія Саррайля и такъ сдерживается Греціей, почему и заявляли, что со стороны арміи Саррайля имъ ничто не угрожаетъ до тѣхъ поръ, пока

Греція придерживается своей нынѣшней линіи поведенія. При такихъ условіяхъ естественно, что нѣмецкій штабъ не считалъ необходимымъ тратить свои силы на салоникскую армію союзниковъ, исходя изъ такой откровенной точки зрѣнія, какъ то, что со стороны македонскаго фронта германо-болгарскимъ войскамъ и такъ не угрожаетъ никакой опасности.

Такая невыгодная стратегическая обстановка вынудила наконецъ державы согласія приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ.

Послѣ длинной дипломатической переписки и обмѣна нотъ союзники потребовали отъ Греціи: во-первыхъ, представленія нѣкоторыхъ „гарантій“, а во-вторыхъ, выполненія нѣкоторыхъ особыхъ пунктовъ, предусматривающихъ, главнымъ образомъ, наказаніе виновныхъ въ нападеніи 23-го ноября на союзные отряды въ Пиреѣ и виновныхъ въ насиліи надъ сторонниками Венизелоса.

Съ точки зрѣнія стратегической представляютъ весьма большой интересъ тѣ „гарантіи“, которыя были изложены въ первой части ультиматума. Союзники отнюдь не потребовали отъ грековъ выдачи всего оружія и полнаго разоруженія, какъ то ранѣе предполагалось, а нашли форму болѣе мягкую и болѣе щадящую національное самолюбіе грековъ, но въ то же время обезпечивающую для арміи Саррайля необходимую ей свободу дѣйствій.

Членъ Государственнаго Совѣта князь Н. Д. Голицынъ, назначенный предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

Э. Б. Кригеръ-Войновскій, назначенный управляющимъ министерствомъ путей сообщенія.

Сенаторъ Николай Александровичъ Добровольскій, назначенный управляющимъ министерствомъ юстиціи.

Заслуженный профессоръ Н. К. Кульчицкій, назначенный управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Сущность этихъ „гарантій“ сводится къ тому, что греческія войска съ оружіемъ и снаряженіемъ должны удалиться въ южную часть Греціи, въ Пелопонесъ. Такъ какъ Пелопонесъ соединенъ съ остальной Греціей (тыломъ Саррайля) узкимъ Коринѳскимъ перешейкомъ, прорѣзаннымъ Коринѳскимъ каналомъ, то греческія войска, въ случаѣ удаленія въ Пелопонесъ, не могутъ выбраться оттуда въ остальную Грецію иначе, какъ черезъ узкій Коринѳскій перешеекъ. Между тѣмъ тылъ арміи Саррайля опирается на Ѳессалію, Эпиръ и Среднюю Грецію, т.-е. на тѣ области, куда изъ Пелопонеса путь идетъ по Коринѳскому перешейку.

Отсюда видно, что достаточно перегородить узкій пятиверстный Коринѳскій перешеекъ и заслонить его относительно небольшимъ числомъ войскъ для того, чтобы греческія войска, удаленныя въ Пелопонесъ, не имѣли возможности оттуда выбраться въ тылъ арміи Саррайля, въ случаѣ, если бы вздумали произвести какія-либо непріязненныя дѣйствія противъ союзниковъ. Кромѣ того, Коринѳскій перешеекъ находится подъ „стратегическимъ контролемъ“ союзнаго флота и, представляя собою тѣснину въ 5 верстъ шириной, легко можетъ быть обстрѣлянъ съ обѣихъ сторонъ артиллерійскимъ огнемъ съ судовъ союзниковъ.

Греки долго медлили съ выполненіемъ этого требованія, и только въ началѣ января греческое правительство изъявило согласіе на выполненіе ультиматума союзниковъ. Поэтому въ ближайшемъ будущемъ, съ удаленіемъ греческихъ войскъ въ Пелопонесъ, армія Саррайля можетъ получить необходимую ей оперативную свободу, и это, въ свою очередь, можетъ замедлить темпъ операціи нѣмцевъ въ Молдавіи.

Подоходный налогъ.

Съ 1-го января 1917 года введенъ въ дѣйствіе установленный закономъ 6-го апрѣля 1916 г. подоходный налогъ. Новый законъ призываетъ къ участію въ исчисленіи налога самихъ плательщиковъ, предписывая имъ объявлять свой собственный доходъ.

Субъектомъ обложенія считается не семья, а каждый членъ ея, имѣющій самостоятельный источникъ дохода, въ виду установленной нашими гражданскими законами раздѣльности имуществъ супруговъ и дѣтей.

Налогъ имѣетъ всеобщій характеръ. Изъятію отъ него подлежатъ только: Государь Императоръ, Государыня Императрица, Наслѣдникъ Престола, его супруга и несовершеннолѣтнія дѣти Государя и Наслѣдника.

Налогу подлежатъ лица физическія и нѣкоторыя юридическія, какъ публично-правового, такъ и частно-правового характера. Изъ юридическихъ лицъ публично-правового характера признаются подлежащими налогу: а) удѣльное вѣдомство; б) сословныя общества и установленія; волостныя же, сельскія, станичныя, хуторскія и соотвѣтствующія имъ инородческія общества, а также войсковыя установленія казачьихъ войскъ изъемлются отъ обложенія, въ цѣляхъ освобожденія отъ налога малоимущихъ классовъ населенія, входящихъ въ составъ этихъ обществъ и установленій; в) биржевыя общества и иныя

С. Г. Ѳеодосьевъ, назначенный государственнымъ контролеромъ.

по торговлѣ, промышленности и сельскому хозяйству организаціи, за исключеніемъ совѣта торговли и мануфактуръ, московскаго его отдѣленія и комитетовъ торговли и мануфактуръ, а равно духовныя установленія всѣхъ исповѣданій, христіанскихъ и не христіанскихъ; и г) всякаго рода благотворительныя, ученыя, просвѣтительныя и художественныя общества и установленія, въ виду тѣхъ общеполезныхъ цѣлей, для которыхъ они учреждены.

Изъ установленій частно-правового характера къ обложенію налогомъ привлекаются акціонерныя общества и компаніи, а также паевыя и иныя товарищества по участкамъ кредитныя установленія, общества взаимнаго страхованія, за исключеніемъ обществъ предпринимателей по взаимному страхованію рабочихъ и служащихъ, а также основанныхъ на началахъ взаимопомощи всякаго рода вспомогательныхъ, больничныхъ, похоронныхъ, пенсіонныхъ, эмеритальныхъ и тому подобныхъ кассъ; общества рысистаго коннозаводства и скаковыя, устраивающія бѣговыя и скаковыя испытанія; потребительныя и подобныя имъ экономическія общества и спортивныя общества, клубы и подобныя имъ общественныя собранія.

Объектомъ обложенія является совокупный доходъ даннаго лица, извлекаемый отъ всякаго рода источниковъ, какъ то: отъ недвижимой собственности, отъ денежныхъ капиталовъ, отъ всякаго рода торговыхъ, промышленныхъ и иныхъ, приносящихъ выгоды предпріятій, съ вознагражденія за службу и за трудъ по найму, отъ профессіональныхъ, личныхъ, промысловыхъ и иныхъ, приносящихъ выгоды, занятій и т. п. Случайныя поступленія, не носящія періодическаго характера, равно какъ и выгоды отъ пріобрѣтенія и отчужденія имуществъ, предпринимаемыхъ не въ цѣляхъ спекуляціи, не причисляются къ доходу. Въ виду того, что доходомъ признается вся совокупность денежныхъ и натуральныхъ поступленій, какъ полученныхъ, такъ и причитающихся къ полученію, всякаго рода безденежныя полученія, какъ, напримѣръ, пользованіе квартирой, личными услугами и т. п., по оцѣнкѣ ихъ на основаніи данныхъ о среднихъ мѣстныхъ цѣнахъ, включаются въ сумму облагаемаго дохода. Равнымъ образомъ подлежатъ включенію и суммы, имѣющія поступить за продажу въ кредитъ продуктовъ производства и т. п.

Не причисляется къ облагаемому доходу: 1) доходъ отъ предпріятій и недвижимыхъ имуществъ, находящихся въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ или за границею, за исключеніемъ доходовъ, принадлежащихъ учрежденнымъ въ Имперіи акціонернымъ обществамъ и паевымъ и инымъ товариществамъ по участкамъ и частнымъ кредитнымъ установленіямъ; 2) расходуемые на благоугодныя, благотворительныя и просвѣтительныя цѣли доходы духовныхъ установленій, сословныхъ и биржевыхъ обществъ; 3) служебное вознагражденіе назначенныхъ въ составъ дѣйствующихъ арміи и флота чиновъ арміи и флота, и священнослужителей за время нахожденія въ составѣ частей, приведенныхъ на военное положеніе, а равно вознагражденіе за то же время личнаго состава всѣхъ учрежденій, отчисленныхъ къ дѣйствующимъ арміи и флоту, какъ правительственныхъ, такъ и содержащихся на общественныя и частныя средства; 4) пенсіи, назначаемыя Александровскимъ и Алексѣевскимъ комитетами, и другія имъ подобныя пенсіи и пособія на погребеніе чиновъ семьи плательщиковъ.

Подлежащими же исключенію расходами признаются: 1) расходы по полученію, обезпеченію и сохраненію дохода, а также уплачиваемые плательщикомъ прямые, государственные (за исключеніемъ квартирнаго и основного промысловаго налога на личныя промысловыя занятія) и мѣстные налоги и входящіе въ стоимость продуктовъ производства акцизы; въ цѣляхъ же поощренія мелioрацій—расходы на осушеніе, орошеніе, облѣсеніе земель, укрѣпленіе овраговъ и песковъ—въ размѣрѣ не свыше 20% валовыхъ полученій собственно отъ сельскаго хозяйства; 2) расходы на улучшеніе быта служащихъ, рабочихъ и членовъ ихъ семействъ; 3) ежегодныя, соотвѣтствующія среднему годовому обветшанію и обезцѣненію, отчисленія на погашеніе стоимости имуществъ, запасовъ, привилегій и срочныхъ правъ на эксплуатацію; 4) дѣйствительные убытки отъ уничтоженія имуществъ, поскольку они не покрываются страховымъ вознагражденіемъ, а также безнадежные долги; 5) выплачиваемые плательщикомъ проценты роста по долгамъ, а равно всякаго рода обязательныя для плательщика уплаты; 6) обязательные для плательщика взносы за него самого и за членовъ его семьи въ пенсіонныя, эмеритальныя, страховыя, больничныя и похоронныя кассы; 7) кромѣ того, въ видахъ развитія и поощренія страхованія жизни, добровольные взносы въ страховыя учрежденія по страхованію капиталовъ и доходовъ на случай смерти и на доживѣтіе самого плательщика и членовъ его семьи, но не болѣе 300 руб.

Обложеніе производится по доходу, полученному въ предшествующемъ окладному календарномъ или операціонномъ году.

Размѣръ обложенія построенъ на прогрессивномъ началѣ, причемъ минимальный размѣръ дохода, выше котораго начинается обязанность уплаты налога, опредѣляется въ 850 руб., ставки же налога постепенно повышаются по мѣрѣ увеличенія размѣра облагаемаго дохода (въ рубляхъ):

Размѣръ дохода.

Свыше	Налогъ.	Свыше	Налогъ.
850	6	4.500	100
900	7	5.000	116
1.000	8	5.500	132
1.100	9	6.000	150
1.200	11	6.500	168
1.400	14	7.000	188
1.600	17	7.500	208
1.800	20	8.000	230
2.000	25	8.500	252
2.300	31	9.000	276
2.600	38	9.500	300
2.900	45	10.000	352
3.200	55	11.000	408
3.600	67	12.000	468
4.000	82		

Съ высшихъ суммъ дохода сумма взимаемаго налога прогрессивно возрастаетъ. Доходъ, превышающій 400.000 руб., облагается въ размѣрѣ 48.000 руб., съ прибавленіемъ къ этой суммѣ по 1.250 руб. на каждыя полныя 10.000 руб. дохода сверхъ 400.000 рублей.

Для плательщиковъ, на попеченіи которыхъ находятся не имѣющіе самостоятельнаго дохода члены семейства, не достигшіе 21 года, или неспособные къ труду вслѣдствіе болѣзни, а также за достиженіемъ 60-лѣтняго возраста, окладъ налога, если облагаемый доходъ не превышаетъ 4.000 руб., можетъ быть пониженъ на одну степень на каждаго такого, сверхъ двухъ, члена семьи, но не болѣе, какъ на три степени. Во вниманіе же къ такимъ особымъ обстоятельствамъ, какъ продолжительная болѣзнь и исключительно несчастные случаи, окладъ съ плательщиковъ, доходъ коихъ не превышаетъ 6.000 руб., можетъ быть еще пониженъ на три степени, независимо отъ пониженія по семейному положенію.

Плательщики обязываются подавать къ опредѣленному сроку заявленія о своихъ доходахъ (декларація). Эти заявленія служатъ главнѣйшимъ матеріаломъ для установленія дохода плательщика и причитающагося съ него оклада налога. Участковое присутствіе а) не въ правѣ отвергнуть показанія плательщика или замѣнить ихъ, не заявивъ объ этомъ послѣднему или не потребовавъ отъ него объясненій; б) въ своемъ требованіи къ плательщику присутствіе обязано указать, какія именно изъ его показаній возбудили въ немъ сомнѣнія, по какимъ основаніямъ, и что именно должно быть объяснено и доказано плательщикомъ, наконецъ, в) всѣ тѣ показанія плательщика, по поводу которыхъ вовсе не было заявлено сомнѣній, не подлежатъ измѣненію при опредѣленіи дохода. Показаніе плательщика перестаетъ имѣть указанное для присутствія значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда и послѣ данныхъ плательщикомъ объясненій у присутствія не устранятся сомнѣнія въ правильности сдѣланныхъ въ заявленіи показаній.

Недовольнымъ постановленіемъ участковаго присутствія предоставляется подавать жалобы до 15-го октября въ губернское или областное по подоходному налогу присутствіе. Жалобы на постановленія губернскаго или областного присутствія приносятся въ мѣсячный срокъ въ Правительствующій Сенатъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій С. Я. Надсона" книга 1.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Выданъ 21-го января 1917 г. Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина Сибиряка“ кн. 35.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Контора журнала „Нива“, объявивъ въ 1915 году о продажѣ подписчикамъ „Нивы“ двухъ картинъ-олеографій проф. **К. Е. Маковскаго:** „Бабушкина сказка“ и „Гаданье“, получила такое большое количество требованій на эти картины, что вторая изъ нихъ „Гаданье“ была быстро распродана. Этотъ успѣхъ далъ Конторѣ журнала „Нива“ увѣренность, что значительная часть подписчиковъ, **не получившая своевременно художественныхъ премій, дававшихся въ прежніе годы въ приложеніе къ журналу „Нива“, нынѣ** пожелала бы **восполнить этотъ пробѣлъ и** выписать отдѣльныя картины и художественныя произведенія изъ богатой коллекціи премій „Нивы“ прежнихъ лѣтъ.

Идя навстрѣчу этому желанію подписчиковъ, Контора журнала „Нива“ рѣшила предоставить право за плату получить слѣдующія художественно исполненныя картины, печатанныя масляными красками и красками съ акварелей и офорты:

I. **Портретъ Ея Императорскаго Величества** ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ. Размѣръ портрета 14 × 18 в. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

II. **Художеств. альбомъ „Нивы“,** въ изящной папкѣ, 10 × 8 в.—выпускъ II-ой, 1892 г. Въ выпускѣ 10 акварелей извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ: **И. К. Айвазовскаго** „Лунная ночь на берегу Чернаго моря на Кавказѣ“, **А. Н. Бенуа** „Вечеръ“, **А. П. Боголюбова** „Морской каналъ въ Петербургѣ“, **Д. Н. Дмитріева-Оренбургскаго** „У колодца“, **Н. Зихеля** „Фатьма“, **А. М. Котляревскаго** „Спряталась“, **Н. А. Кошелева** „Изъ дѣтства Петра Великаго“, **Л. Ф. Лагоріо** „Близъ Ай-Петри въ Крыму“, **К. Е. Маковскаго** „Бояринъ“ и **В. И. Навозова** „У яблоковъ“. Цѣна альбома 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

III. **Картина, печатанная масляными красками:** „Бабушкина сказка“, проф. **К. Е. Маковскаго,** $14\frac{1}{2} \times 18\frac{1}{2}$ в. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

IV. **Картины, печатанныя красками съ акварелей:**

1) „Свиданіе въ осажденномъ городѣ“ **М. Зичи.** Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к.

2) „Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники“ и „Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти“, двѣ картины проф. **А. Д. Кившенко,** $14 \times 10\frac{1}{2}$ в. Цѣна обѣихъ картинъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

3) „Черкесы въ горахъ“, картина академика **П. Н. Грузинскаго** и „Неро-фіордъ въ Норвегіи“, картина художн. **Расмуссена,** $11\frac{1}{2} \times 8\frac{3}{4}$ в. Цѣна обѣихъ картинъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

V. **Офорты на цинкѣ.** „Дубовая роща Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ“ и „Лѣсная рѣчка“, проф. **И. И. Шишкина,** $11\frac{1}{2} \times 8\frac{3}{4}$ в. Цѣна обоихъ офортовъ на цинкѣ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

При совмѣстной выпискѣ двухъ и трехъ картинъ пересылка обойдется въ 75 коп., а четырехъ и болѣе картинъ въ 1 рубль.

Новѣйшія моды.

№ 1. Блузка изъ клѣтчатой матеріи. Эту простую домашнюю блузку можно сдѣлать изъ шерстяной или бумажной матеріи съ пикейнымъ или кашемировымъ жилетомъ. Наша, болѣе элегантная, модель сдѣлана изъ клѣтчатой тафты съ жилетомъ изъ бѣлаго шелка; муслиновый воротникъ подметывается отдѣльно. Широкая полоска изъ той же матеріи, на нижней части блузки, пристрачивается на 1/2 сантиметра отступя отъ края, отчего образуется кругомъ какъ бы кантикъ; передніе концы ея, заостренные въ видѣ патты, прикрѣпляются къ передкамъ блузки пуговицей съ вышитой петлей; такая же пуговица на манжетахъ.

№ 2. Манто изъ котиковаго плюша. Широкая юбка-годе отрѣзная и пришита, сантиметровъ на 12—15 ниже таліи, къ гладкой верхней части съ цѣльными полками; пришивка скрыта кушакомъ изъ того же матеріала; передніе края юбки, которые останавливаются у цѣльныхъ передковъ, собраны въ головку, образуя прорѣшку для внутренняго кармана; вшитые въ пройму рукава собраны къ обшлагу съ свободнымъ отворотомъ. Высокій отогнутый воротникъ изъ серебристой лисицы. Пуговицы обтянуты тѣмъ же плюшемъ.

№ 3. Костюмъ для гулянья и визитовъ. Платье изъ сукна шампиньоноваго цвѣта; юбка-годе; обтяжной гладкій корсажъ съ длинной баской, которая кроится вмѣстѣ съ корсажемъ и сзади имѣетъ круглую форму, а передніе концы немного заострены и закончены кистями изъ крученаго шелка въ тонъ матеріи; гладкіе узкіе въ плечахъ рукава къ кисти расширены и гарнированы отворотомъ съ кистью. Костюмъ дополняется красивой мѣховой парюрой съ пышными хвостами. Высокая шляпа, съ очень маленькими полями, обтянута вгладь атласомъ въ тонъ матеріи платья; спереди положены стойкомъ два тѣневыхъ страусовыхъ пера; поля подбиты синимъ бархатомъ.

Въ настоящемъ нумерѣ мы помѣщаемъ нѣсколько рисунковъ дамскихъ рукодѣлій, изъ которыхъ очень красива модель наволочки для маленькой головной подушки въ 35—50 сант. величины. Наволочка дѣлается изъ тонкаго бѣлаго полотна и украшается, какъ показываетъ рисунокъ №. 6, рѣшетками по выдернутымъ въ полотнѣ ниткамъ и двумя розетками работой Тенерифъ. Эта интересная работа была у насъ подробно описана въ октябрьскомъ нумерѣ „Новѣйшихъ Модъ“ за истекшій годъ. Здѣсь мы только вкратцѣ напомнимъ главные пріемы работы, которая исполняется на металлическихъ формахъ различнаго вида — круглыхъ овальныхъ или четыреугольныхъ—смотря по формѣ мотива. Такъ какъ такія формы не всегда можно достать, особенно въ настоящее время, то ихъ можно съ успѣхомъ замѣнить формами, вырѣзанными изъ картона. Эти послѣднія имѣютъ еще то преимущество, что на нихъ натягиваемыя нитки укрѣпляются не на булавкахъ, а на петляхъ, которыя прошиваются въ картонѣ. Дѣлается это такъ: въ обозначенныхъ по наружному контуру точкахъ толстой штопальной иглой прокалываютъ въ картонѣ дырочки и черезъ нихъ, толстой ниткой, обшиваютъ весь контуръ стежками въ строчку. Затѣмъ, начиная отъ середины, натягиваютъ работающую нитку крестъ-накрестъ черезъ всѣ петли контура. Когда основа такимъ образомъ будетъ натянута, приступаютъ (по предварительно переведенному на картонную форму рисунку) къ перештопыванію, перевиванію, перекидыванію нитокъ.

Данная у насъ розетка имѣетъ въ окружности 60 петель. Когда основныя нитки будутъ натянуты, начинаютъ работу съ середины, проштопывая кругъ въ 3 ряда передвижными стежками, т.-е. такъ, чтобы стежки одного ряда приходились между стежками предыдущаго ряда; послѣ этого начинаютъ, какъ видно на рисункѣ, перештопывать по 5 паръ нитокъ вмѣстѣ, образуя такимъ образомъ 12 лучей, изъ которыхъ состоитъ розетка. На полотнѣ, то мѣсто, гдѣ на разстояніи 6 сантиметровъ отъ края должна помѣщаться розетка, отмѣчаютъ наметочными стежками и выдергиваютъ въ полотнѣ нитки для хорошенькой рѣшетки снопиками, состоящими изъ 5 перештопанныхъ посерединѣ прядокъ по 4 нитки каждая. Розетки пришиваются на полотно тонкой частой выметкой, послѣ чего полотно изъ-подъ розетки осторожно вырѣзается.

Можно розетки Тенерифъ замѣнить розетками, связанными въ тамбуръ изъ тонкаго кроше или тонкихъ кружевныхъ нитокъ. Можно также воспользоваться данной моделью наволочки для чехла на небольшую диванную подушку; въ такомъ случаѣ матеріаломъ можетъ служить тонкое небѣленое полотно, или цвѣтное кустарное, окрашенное въ нѣжные тона; для такого чехла пойдетъ и бѣлый линонъ съ валансьеновыми прошивками вмѣсто мережекъ и кружевными мотивами въ углахъ.

Остальные рисунки, №№ 7—9 представляютъ узоры крестомъ для фоновъ, которые можно исполнять въ одинъ или въ два цвѣта.

№ 1. Блузка изъ клѣтчатой матеріи.

№ 2. Манто изъ котиковаго плюша.

Хозяйственные совѣты.

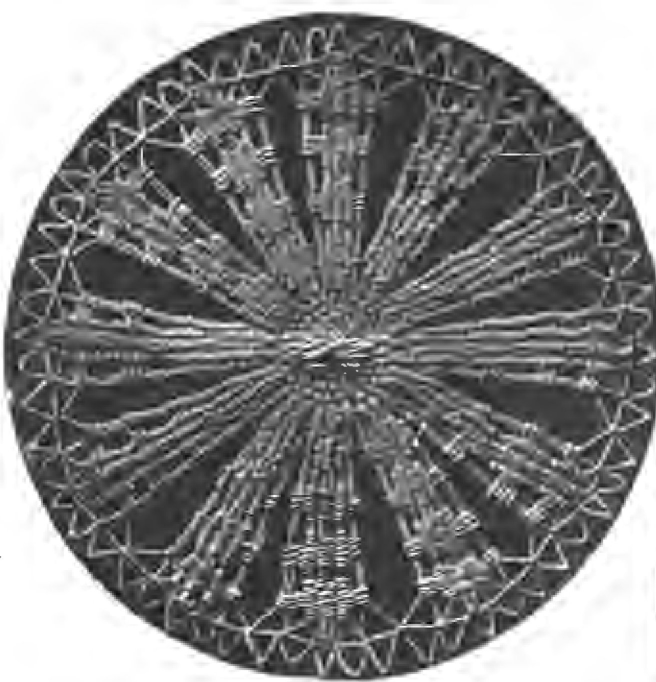
Поддѣлки пищевыхъ продуктовъ.

Какъ узнать, не поддѣлана ли мука? Если хотятъ испытать цвѣтъ и тонкость муки, то кладутъ рядомъ нѣсколько листовъ синеватой почтовой бумаги и на каждый листъ насыпаютъ мучную пробу; если прикрыть муку пальцемъ, то легко можно увидѣть ея составъ. Хорошая пшеничная мука должна имѣть извѣстный блескъ, если сжать нѣкоторое ея количество въ горсти; при явственной сухости она образуетъ комокъ, который держится крѣпко, если его даже положить на столъ. Съ мукой болѣе дурного качества этого не будетъ,—она выскользнетъ изъ руки, хотя вообще будетъ суха. Если на мельницѣ мука была перегрѣта, то она

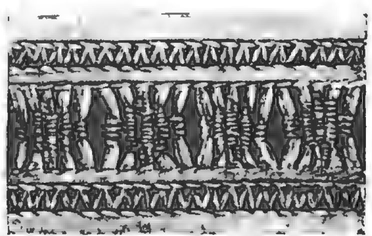
№ 3. Костюмъ для гулянья и визитовъ.

не связывается въ варкѣ, сваливается комками, образуетъ какъ бы скользкую клецку или разсыпающееся въ крошки тѣсто. Если мука чрезмѣрно блеститъ, можно подозрѣвать въ ней примѣсь муки изъ стручковыхъ плодовъ; если она неровнаго цвѣта—сѣровата, усѣяна точками, то въ ней есть примѣсь ржаной муки. Если разболтать муку въ холодной водѣ и мучная вода вспѣнится, если въ нее брызнуть нѣсколько капель сѣрной кислоты, то это обнаружитъ присутствіе въ ней мѣла. Если красная лакмусовая бумага въ ней посинѣетъ, значитъ, есть примѣсь извести или гипса. Ржаная мука прежде всего не должна имѣть фіолетовыхъ точекъ, что указываетъ на увеличеніе ея количества ядовитой головнистою рожью. Хорошая неподмѣшанная ржаная мука должна плотно держаться на жестяной ложкѣ, должна совершенно сжигаться въ золу, давая только 1 процентъ остатка. Ячменная мука при долгой варкѣ скомкивается въ нерастворимую массу, между тѣмъ какъ остальные сорта муки вполнѣ растворимы.

Какъ распознать поддѣлку шоколада? Чистый шоколадъ приготовляется изъ бобовъ какао, сахара и пряностей. Но въ продажѣ есть много сортовъ шоколада, содержащаго большое количество муки, крахмала, молотой шелухи, декстрина, воска, стеарина, парафина, бараньяго и телячьяго жира. Вмѣсто дорогой ванили въ него кладутъ перувіанскій бальзамъ или росный ладанъ. Чтобы увеличить вѣсъ шоколада, прибавляютъ къ нему инфузоріеву землю, болюсъ и т. п. Поддѣльный шоколадъ узнается по тѣстообразности. Если его размягчить въ молокѣ или въ водѣ, то онъ будетъ похожъ на тѣсто. Очень хорошій способъ распознаванія поддѣлки слѣдующій: надо два стакана молока съ однимъ лотомъ шоколада варить въ теченіе 5 минутъ и потомъ прибавить немного іода, — чистый шоколадъ сдѣлается свѣтло-зеленаго цвѣта, содержащій крахмалъ—синяго, содержащій примѣсь декстрина—каштаново-коричневаго.



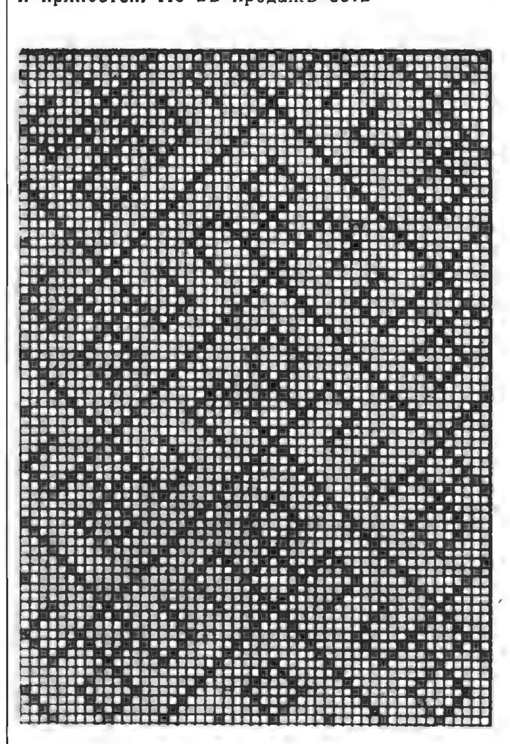
№ 4. Угловая розетка работой Тенерифъ для наволочки на подушку № 6.



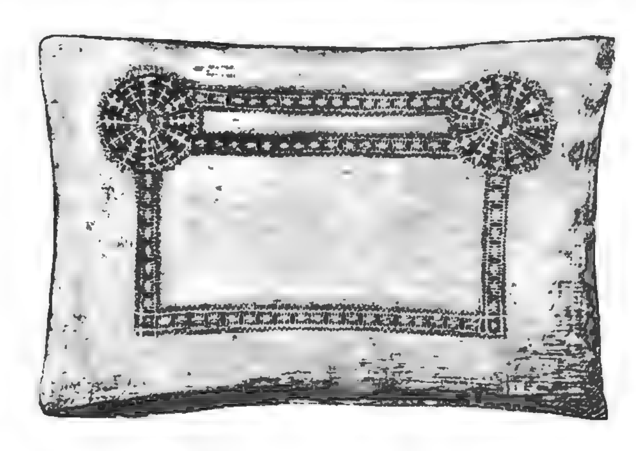
№ 5. Узоръ сквозной рѣшетки для наволочки къ подушкѣ № 6.

Вегетаріанскій рецептъ.

Фрикасе изъ яицъ по-англійски. Варятъ въ мѣшочекъ 6—8 яицъ и, вычистивъ, разрѣзаютъ въ длину пополамъ. Яйца ставятъ въ теплое мѣсто, чтобы не простыли, и приготовляютъ слѣдующій соусъ: 1/4 фунта масла размѣшиваютъ съ 1 чашкой мелко нарѣзанныхъ шампиньоновъ, небольшимъ количествомъ бѣлаго перца и 1 мелко нарѣзанной шарлоткой; затѣмъ прибавляютъ 1/2 фунта сметаны и ложку муки; прокипятивъ минуты двѣ, всыпаютъ ложку изрубленной зелени петрушки или шнитлука и обливаютъ положенныя на блюдо яйца. Подаютъ горячимъ на столъ.

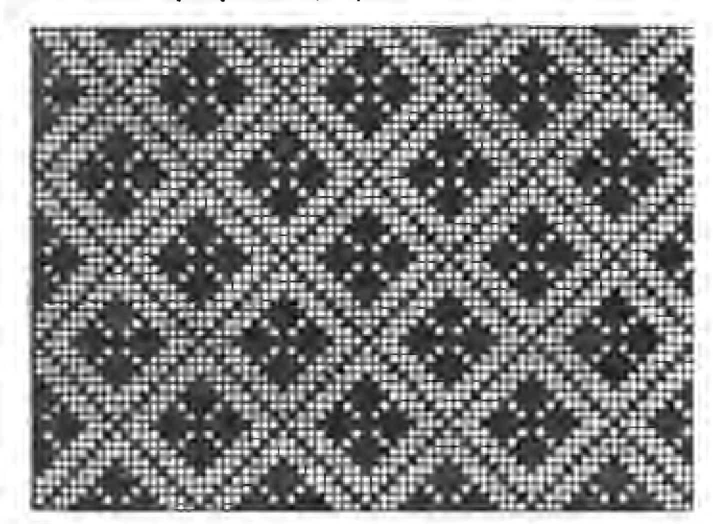


№ 7. Узоръ крестомъ для фона.

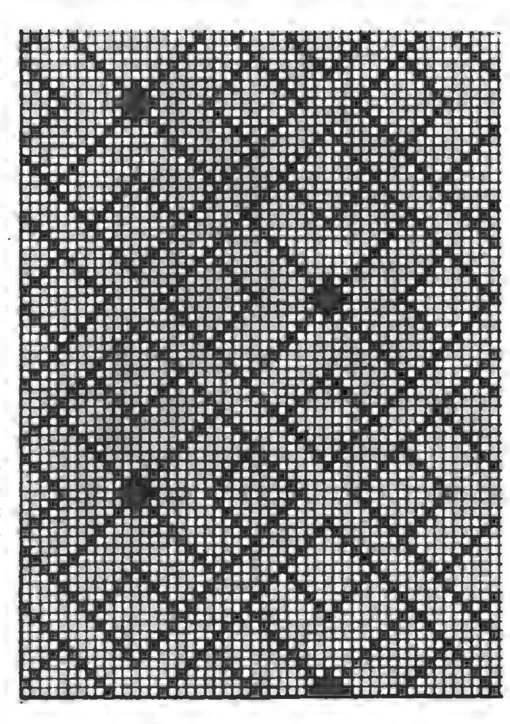


№ 6. Наволочка на маленькую подушку.

Брюссельская капуста. 1 1/2 фунта вычищенной и вымытой брюссельской капусты варятъ въ соленой водѣ. Въ кастрюлю кладутъ 1 ложку масла и 1/2 ложки муки, хорошо стираютъ вмѣстѣ, прибавляютъ чашку навара отъ капусты, 1/2 чашки сливокъ, немного сахару, соли и, по желанію, немного мускатнаго цвѣта. Заливаютъ этимъ соусомъ капусту, все хорошо тушатъ и подаютъ, огарнировавъ маленькими поджаренными картошками.



№ 8. Узоръ крестомъ для фона.



№ 9. Узоръ крестомъ для фона.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 3. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА и СЕРВАНТЕСА и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Выданъ 21 января 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на ½ года—7 р., на ¼ года—3 р. 50 к. Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

Гумье Магометъ Лаидъ.

Разсказъ В. Ропшина.

I.

Въ Геджасской кофейнѣ было полутемно и сильно пахло опіумомъ и белладоной. На полу, въ кружокъ, сидѣли незнакомые Магомету Лаиду люди,—торговцы съ запада и горные пастухи. Онъ присѣлъ на корточки у фонтана и сталъ слушать, что говорятъ побывавшіе въ Марокко, въ Ливіи и въ Сахарѣ арабы.

— Молчаніе!.. Мы—мусульмане. Можетъ ли наше сердце оставаться спокойнымъ, когда наши братья страдаютъ въ Турціи и въ Египтѣ?.. Но развѣ человѣкъ живетъ однимъ сердцемъ? Что будетъ, если турки придутъ сюда?.. Гдѣ твоя слава, господинъ нашъ Абдулъ-Гамидъ? Твои слуги заключили тебя въ темницу, и арабы въ Сиріи отказались итти на войну... Горе туркамъ! Константинополь будетъ сожженъ!..

— Константинополь не будетъ сожженъ...

— Молчаніе!.. Исламу поставлена западня... Насъ обманули, сказавъ, что нѣмецкій султанъ—мусульманинъ. Вчера онъ молился христіанскому Богу, а завтра, быть-можетъ, будетъ молиться Богу евреевъ... Насъ обманули, сказавъ, что въ Оранѣ арабы убиваютъ французовъ... Насъ обманули, сказавъ, что французы одни, и что они просятъ мира... Кто можетъ побѣдить ихъ союзниковъ-англичанъ?.. Правда сіяетъ, какъ солнце. Константинополь будетъ сожженъ!..

— Константинополь не будетъ сожженъ...

— Молчаніе!.. Я говорю: турки жили на французскія деньги, а теперь сражаются противъ Франціи. Не берите примѣра съ турокъ. Пророкъ сказалъ: „Война спитъ, и проклятъ тотъ, кто разбудитъ ее..." Не мы разбудили ее... Пророкъ сказалъ также: „Рай находится подъ тѣнью мечей..." Если между нами есть воинъ, пусть онъ запомнитъ эти слова... Сынъ шейха Мокрани поступилъ солдатомъ въ двѣнадцатый полкъ спаги.

Магомету Лаиду понравилась эта рѣчь. Нѣмцевъ онъ не зналъ вовсе, а о туркахъ слышалъ только въ кофейняхъ. Но онъ былъ готовъ воевать съ кѣмъ угодно и гдѣ угодно. Онъ поднялъ голову и спросилъ:

— Ты говоришь, что сынъ шейха Мокрани поступилъ во французскія войска?

— Да, Эль-Азари это сказалъ.

— Но есть люди, которые говорятъ, что Константинополь не будетъ сожженъ?..

— Въ пустынѣ много неразумныхъ людей...

— Значитъ, хорошій мусульманинъ долженъ итти воевать?

— Да, хорошій мусульманинъ долженъ итти воевать.

На западномъ фронтѣ. *Окурки смерти.*

Магометъ Лаидъ всталъ и вышелъ на площадь. Вечеромъ, у уличнаго писца, онъ написалъ письмо въ Константину:

„Господинъ!"

„Пророкъ сказалъ: „Война спитъ, и проклятъ тотъ, кто разбудитъ ее". Но пророкъ сказалъ также: „Рай находится подъ тѣнью мечей".

„Господинъ!

„Я кланяюсь тебѣ, потому что я тотъ, который желаетъ служить французамъ. Я здоровъ, умѣю ѣздить верхомъ и стрѣлять изъ винтовки. Я дамъ 50 франковъ моимъ друзьямъ, и они будутъ радоваться, что Магометъ Лаидъ—французскій солдатъ.

„Господинъ!

„Я хочу воевать противъ тѣхъ, которые разбудили войну, и я хочу попасть въ рай.

„Магометъ Лаидъ-бенъ-Брагимъ".

II.

Въ Марселѣ было знойно и душно, и отъ каменной мостовой поднималась раскаленная пыль. Эта ѣдкая пыль была непохожа на золотистый песокъ пустыни. Въ пустынѣ люди дышатъ свободно. Въ городѣ имъ нечѣмъ дышать. Въ городѣ нѣтъ родниковъ. Въ городѣ нѣтъ палатокъ. Дома закрываютъ солнце, и фабричныя трубы закрываютъ дома. Есть только уголь и горячіе камни. И для того, чтобы это увидѣть, надо проѣхать страну Ву-Саада и страну Ву-Зейана, и еще страну Мзила, и потомъ запереться въ тѣсный вагонъ желѣзной дороги, и потомъ долго качаться на пароходѣ, какъ качаются пальмы, когда дуетъ восточный вѣтеръ. Развѣ не правъ Эдъ-Тураи: „Пусть отважный бросается въ бездну славы, ты же довольствуйся скромной и тихой жизнью!.."

Магометъ Лаидъ поправился на сѣдлѣ и сверху внизъ посмотрѣлъ на городскую толпу. Если бы въ Геджасѣ онъ не послушался неизвѣстнаго человѣка онъ бы велъ теперь спокойную жизнь. Онъ не былъ бы солдатомъ. Онъ оставался бы въ пустынѣ и собиралъ финики—„гаръ", „гамераетъ" и „сафрайю", плоды, дарованные Аллахомъ. Но что дѣлать?.. Судьба. Воинъ помнитъ слова пророка.

У вокзала арабы остановились. Магометъ Лаидъ обернулся назадъ и увидѣлъ безконечные ряды кроваво-алыхъ бурнусовъ. Ему показалось, что это не его 16-й полкъ, а двадцать гумовъ Сахары. Неужели всѣ хорошіе мусульмане уже переправились черезъ море? Съ тротуаровъ женщины бросали цвѣты, и онъ поймалъ одну розу и прикрѣпилъ ее къ уздечкѣ коня. Его сѣрый въ яблокахъ жеребецъ насторожилъ точеныя уши и прислушивался къ крикамъ толпы.

— Да здравствуетъ Франція!

— Да здравствуютъ гумье!

— Да здравствуютъ африканскія войска!

Магометъ Лаидъ понялъ, что всѣ эти люди, - мужчины, женщины, дѣти, старики и уличные мальчишки, — привѣтствуютъ его, Магомета Лаида, и привѣтствуютъ потому, что онъ идетъ воевать. Ему стало весело.

И, толкнувъ колѣномъ сосѣда, такого же бронзоваго съ оливковыми глазами гумье, онъ сказалъ, улыбаясь:

— Ла-илахъ Магометъ рассулъ Аллахъ... Французы радуются, что арабы пришли къ нимъ на помощь...

Въ Бельгіи Магометъ Лаидъ сначала не понималъ ничего. Воевать, это значитъ на всемъ скаку застрѣлить изъ винтовки кабила. Воевать, это значитъ ночью напасть на французскій лагерь и угнать верблюдовъ и лошадей. Воевать, это значитъ устроить на дорогѣ засаду и неожиданно броситься на неосмотрительнаго врага. Но развѣ стоило итти на войну, чтобы жить въ бельгійской деревнѣ, слушать пушку, зябнуть подъ осеннимъ дождемъ и не видѣть нигдѣ нѣмцевъ? Особенно скучно бывало по вечерамъ. Огни тушились. Падала беззвѣздная ночь. Въ конюшняхъ лошади, безпокоясь, фыркали и стучали ногами, и Магометъ Лаидъ, шлепая по дождевымъ лужамъ, проходилъ къ своему жеребцу и разговаривалъ съ нимъ о Геджасѣ. Лошадь больше понимаетъ, чѣмъ человѣкъ, только надо научиться съ ней говорить... А потомъ онъ молился: „О, господинъ мой, Абделькадеръ Джилани, султанъ святыхъ. Ты ѣздишь на красной кобылѣ, ты охраняешь знамя пророка, ты спасаешь людей въ несчастьѣ, и ты угоденъ Аллаху... Помолись за меня"... На улицѣ барабанилъ дождь, въ щели дуло, на полу вповалку спали арабы, и когда Магометъ Лаидъ засыпалъ, ему снился сыпучій песокъ пустыни и яркія звѣзды.

Такъ прошло десять дней. А потомъ полкъ выдвинули на передовыя позиціи. На лѣсной опушкѣ разставили часовыхъ, и Магомету Лаиду лейтенантъ указалъ его мѣсто, — за деревьями, у поворота шоссе. Справа и слѣва былъ лѣсъ,—густой, зеленый кустарникъ. Впереди дорога загибалась колѣномъ, и въ концѣ ея были нѣмцы. День былъ пасмурный, и вѣтеръ шумѣлъ въ лѣсу. Магометъ Лаидъ стоялъ неподвижно, не думая ни о чемъ и слушая, какъ лѣниво шепчутся листья. Онъ бросилъ поводья, и его жеребецъ, нагнувъ шею, пощипывалъ высокій ковыль и позвякивалъ желѣзными удилами. Къ вечеру стало тихо,—такъ тихо, какъ бываетъ въ пальмовой рощѣ, когда солнце еще не зашло, но уже окончился день. Магометъ Лаидъ пригнулся къ сѣдлу и на минуту закрылъ глаза. И сейчасъ же раскрылъ ихъ и замеръ. Изъ-за поворота дороги показалась гнѣдая лошадь и на ней человѣкъ безъ бурнуса, въ сѣрой курткѣ и съ длинной пикой въ рукѣ. Человѣкъ этотъ несся прямо на Магомета Лаида. Тогда Магометъ Лаидъ ударилъ каблукомъ своего жеребца, и жеребецъ взвился на дыбы и круто повернулся на заднихъ ногахъ. Пика зазвенѣла о стремя и разорвала алый бурнусъ. Сѣрый человѣкъ промахнулся. Промахнувшись, онъ не удержался въ сѣдлѣ и упалъ черезъ голову на дорогу. Онъ упалъ не одинъ. Магометъ Лаидъ упалъ на него и, схвативъ его лѣвой рукой за горло, вынулъ изъ-за пояса ножъ. Нѣмецъ прохрипѣлъ:

— Камрадъ...

Магометъ Лаидъ почти не понималъ по-

На салоникскомъ фронтѣ. *Итальянскія войска, прибывшія на транспортѣ въ Салоники.*

французски, но слово „камрадъ“ онъ слышалъ еще въ Марселѣ. Онъ догадался, что нѣмецъ проситъ пощады, и вспомнилъ, что лежачаго бить нельзя. Кромѣ того, онъ подумалъ, что лейтенантъ, навѣрное, будетъ доволенъ, если онъ приведетъ къ нему плѣннаго нѣмца. Онъ спряталъ ножъ и сказалъ:

— Плѣнникъ.

Нѣмецъ радостно закивалъ головой:

— Да... да... камрадъ...

Тогда Магометъ Лаидъ связалъ нѣмцу руки и, приказавъ ему не двигаться ни на шагъ, направился къ лошадямъ. Гнѣдая лошадь еще дрожала всѣмъ тѣломъ. Онъ разнуздалъ ее и погладилъ по шеѣ. Лошадь была высокая, крѣпкая, и Магомету Лаиду было пріятно, что онъ даромъ пріобрѣлъ такого коня. Потомъ онъ вернулся къ нѣмцу.

— Нѣмецъ?

— Да, нѣмецъ.

Магометъ Лаидъ улыбнулся.

— А я арабъ.

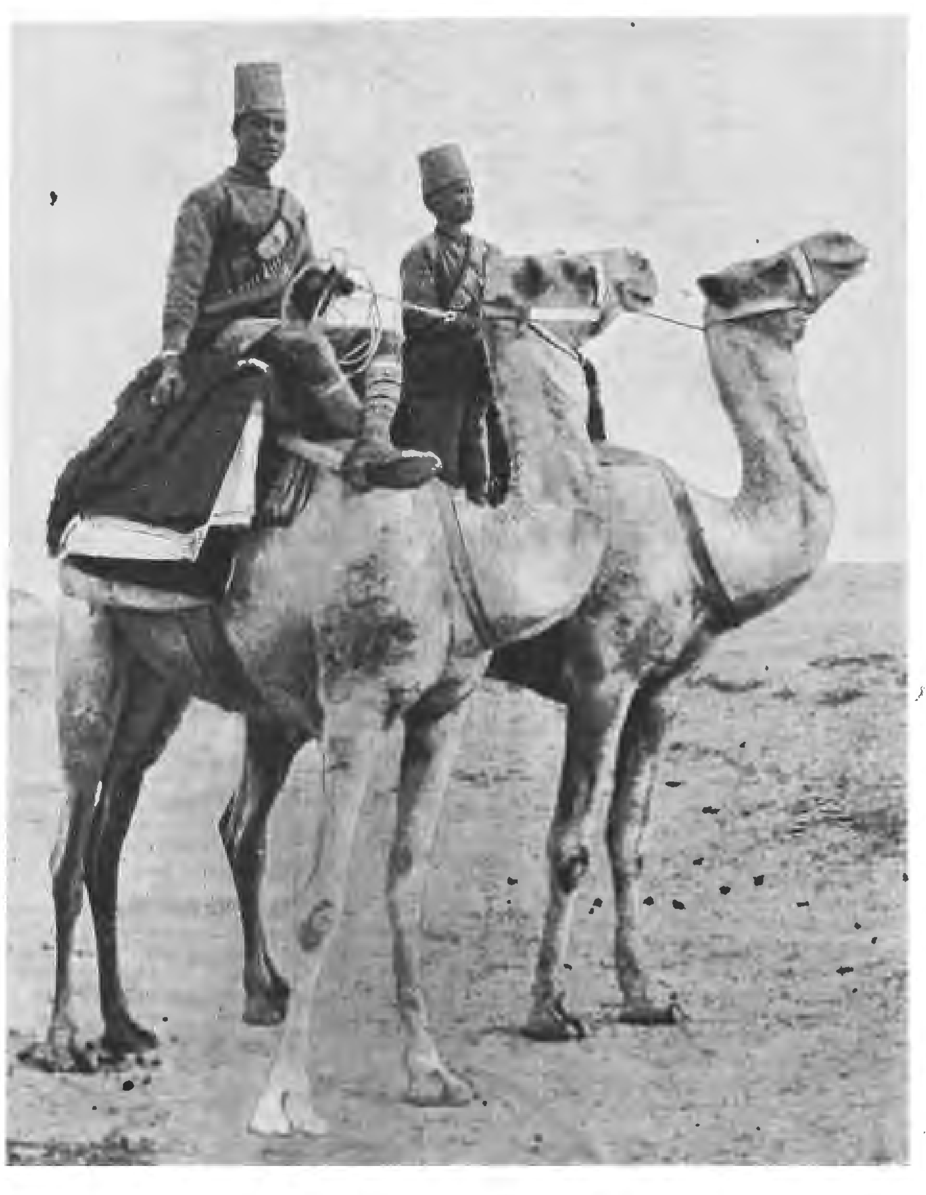
— Мусульманинъ?

— Да, мусульманинъ.

Больше было не о чемъ говорить. Нѣмецъ со связанными руками покорно сѣлъ на траву, а Магометъ Лаидъ снова сталъ у поворота дороги. Онъ помнилъ, что онъ часовой и не имѣетъ права отлучаться съ поста. Такъ его училъ лейтенантъ. Пули не убиваютъ, убиваетъ судьба... Судьба его, Магомета Лаида, стоять въ лѣсу на часахъ. Судьба плѣнника—терпѣливо ждать смѣны. Тогда его отведутъ къ лейтенанту, а лейтенантъ закуетъ его въ цѣпи и посадитъ въ тюрьму. Арабу — война. Иностранцу—темница. „Мектубъ“.

Въ этотъ день Магометъ Лаидъ былъ счастливъ. Вѣдь на свѣтѣ есть только двѣ хорошія вещи: хорошая палатка въ пустынѣ и хорошее единоборство съ врагомъ.

Черезъ недѣлю было большое сраженіе, то сраженіе, о которомъ мечтаютъ правовѣрные мусульмане: „Я хочу открытаго боя, въ которомъ каждый рискуетъ жизнью. Пусть семь пуль попадутъ въ меня, и семь пуль въ моего коня, и семь пуль въ моего врага. И пусть уйдетъ иноземецъ...“ Но когда было приказано спѣшиться и оставить лошадей у деревни, а самимъ лечь въ канаву, Магометъ Лаидъ удивился. Арабъ сражается на конѣ и никогда не прячется въ ямѣ... Но раздалась команда: „огонь“, и впереди, въ маисовомъ полѣ, онъ увидѣлъ бѣгущихъ на него нѣмецкихъ солдатъ. Онъ гордился тѣмъ, что безъ промаха попадалъ въ газель. Въ газель труднѣе попасть, чѣмъ въ бѣгущаго человѣка... И онъ началъ стрѣлять и стрѣлялъ до тѣхъ поръ, пока винтовка не накалилась. А потомъ было приказано отступать къ лошадямъ. Когда сѣли на лошадей, то вдали на шоссе показался голубоватый туманъ, какой въ полдень встаетъ въ Сахарѣ. Лейтенантъ выстроилъ эскадронъ и скомандовалъ: „Впередъ!.. Рысью маршъ!..“ Съ рыси кони незамѣтно перешли на галопъ, и жеребецъ Магомета Лаида началъ просить поводьевъ. Но Магометъ Лаидъ выпустилъ его во весь махъ только тогда, когда замѣтилъ перваго нѣмца. Этотъ нѣмецъ былъ офицеръ. Онъ не принялъ открытаго боя. Онъ повернулъ свою лошадь и сталъ уходить налѣво, къ синѣвшей на горизонтѣ рощѣ. Черезъ двѣ минуты жеребецъ Магомета Лаида вспотѣлъ, и по тому, какъ онъ часто дышалъ боками, Магометъ Лаидъ понялъ, что онъ усталъ. Роща все приближалась, и уже можно было различить орѣховые кусты. Магометъ Лаидъ ясно видѣлъ спину уходившаго офицера, его рейтузы и бѣлокурый, остриженный подъ гребенку, затылокъ. Офицеръ иногда оборачивался назадъ и потомъ опять пригибался къ сѣдлу. Лошадь у него была вороная, лучше, чѣмъ у Магомета Лаида, но уставшая еще больше, чѣмъ его жеребецъ. Она скакала, тяжело взрывая землю ногами и спотыкаясь о свекловичные корни. Магометъ Лаидъ притронулся къ ушамъ своего жеребца, и сейчасъ же разстояніе начало уменьшаться. Догнавъ наконецъ офицера, онъ поднялъ руку и замахнулся. Но тутъ случилось то, чего онъ не ожидалъ. Онъ выронилъ саблю и зашатался въ сѣдлѣ. „Пусть семь пуль попадутъ въ меня“, — подумалъ онъ и больше не почувствовалъ ничего... На шоссе кучка всадниковъ въ алыхъ бурнусахъ шагомъ возвращалась въ деревню. По истоптанному конями полю носился сѣрый въ яблокахъ жеребецъ, и у рощи, почти у самыхъ кустовъ, лежало неподвижное тѣло. Магометъ Лаидъ вошелъ въ рай.



„Корабли пустыни“ на стражѣ „владычицы морей“. *Въ Египтѣ. Суданцы, несущіе охрану британскихъ постовъ на верблюдахъ.*

III.

Только черезъ годъ, къ концу Рамадана, въ Геджасѣ узнали о смерти Магомета Лаида. Его мать, старуха Фафаннъ, плакала во весь голосъ:

„Гдѣ онъ?
„Его лошадь вернулась, но онъ не вернулся,
„Его ружье вернулось, но онъ не вернулся,
„Его сабля вернулась, но онъ не вернулся,
„Его шпоры вернулись, но онъ не вернулся.
„Говорятъ, что онъ умеръ въ назначенный ему день, —
„Умеръ отъ пули.
„Говорятъ, что онъ умеръ въ назначенный ему день...
„Аллахъ да благословитъ гумье Магомета Лаида.
„О, мой сынъ, Магометъ Лаидъ,
„Я выбрала для тебя двухъ женъ. Будь счастливъ. Онѣ не найдутъ лучшаго супруга, чѣмъ ты.
„О, мой сынъ, ты самый храбрый изъ всѣхъ людей, живущихъ въ пустынѣ...
„Мое сердце никогда не забудетъ тебя...
„О, мой сынъ, Магометъ Лаидъ!..“

А въ Геджасской кофейнѣ проѣзжіе люди, говоря о войнѣ, вздыхали:

— Въ Марокко, въ Ливіи и въ Сахарѣ женщины плачутъ о своихъ сыновьяхъ. Убитъ Бухалла-бенъ-Эмбаркъ, и Годжибенъ-Ларби, и Аберрахманъ-бенъ-Али, и Магометъ Лаидъ-бенъ-Брагимъ, и многіе другіе хорошіе мусульмане. Аллахъ вознаградитъ ихъ въ раю... Если будетъ воля Аллаха, Франція побѣдитъ, и Константинополь будетъ сожженъ... И когда Франція побѣдитъ, она вспомнитъ, что арабы сражались съ Вильгельмомъ-пашой...

„Человѣкъ — только легкое пламя, а пламя превращается въ пепелъ. Не надо плакать о погибшихъ въ бою, ибо рай находится подъ тѣнью мечей“...

Такъ говоритъ Пророкъ.

Незамѣтные герои фронта.*).

Старый полковникъ.

Отставной полковникъ Адамъ Адольфовичъ Мацѣевскій, задолго до начала міроваго пожара оставившій свой родной полкъ, при первой вѣсти о войнѣ рѣшилъ, во что бы то ни стало, добиться назначенія въ дѣйствующую армію.

На второй день мобилизаціи, въ девять часовъ утра, онъ былъ уже въ тѣсной пріемной Главнаго Штаба, съ прошеніемъ объ опредѣленіи на строевую службу въ дѣйствующую армію. Не такъ-то легко ему удалось добиться назначенія; а когда послѣ долгихъ мытарствъ ему посчастливилось получить желанное предписаніе, полкъ, въ который онъ былъ назначенъ, уже былъ въ Восточной Пруссіи, и полковникъ Мацѣевскій едва-едва поспѣлъ къ первому серьезному бою, передъ которымъ принялъ въ командованіе батальонъ.

Батальономъ онъ командовалъ недолго; всѣмъ было ясно, что узкія рамки дѣятельности батальоннаго командира сковываютъ героя и не даютъ въ полной мѣрѣ развернуться его таланту.

Послѣ перваго же боя онъ былъ назначенъ командиромъ полка той же дивизіи. Этотъ полкъ въ предшествующихъ бояхъ сильно пострадалъ и нуждался въ отдыхѣ. Однако новый командиръ сумѣлъ такъ воодушевить людей, что они не чувствовали усталости и продолжали лихо драться съ врагомъ, слѣдуя за своимъ командиромъ, который неизмѣнно шелъ впереди своего полка.

Скоро полку пришлось участвовать въ первыхъ бояхъ подъ Варшавой.

Германцы лихо были отброшены нашими войсками отъ города въ тотъ день, когда они готовились вступить въ столицу Царства Польскаго.

На кавказскомъ фронтѣ. *Скованные льдомъ.*

На сѣверномъ фронтѣ. *Какими возвращаются зимой наши миноносцы съ моря.*

Во время этого памятнаго дѣла, когда полковникъ Мацѣевскій подъ шрапнельнымъ и пулеметнымъ огнемъ противника шелъ во главѣ своего полка противъ непріятеля, онъ случайно замѣтилъ, что одинъ молодой, только-что прибывшій въ полкъ и необстрѣлянный прапорщикъ нѣсколько растерялся, смутился и дѣлалъ не то, чего требовала начавшаяся уже атака. Объяснять молодому офицеру не было времени, да и взволнованный, растерявшійся молодой человѣкъ могъ и не понять смысла словъ. Между тѣмъ примѣръ его могъ дурно повліять на нижнихъ чиновъ, могло произойти замѣшательство, и Богъ вѣсть чѣмъ бы это кончилось.

Полковникъ Мацѣевскій быстро оцѣнилъ все это и со свойственнымъ ему хладнокровіемъ подошелъ къ прапорщику, взялъ подъ руку и потянулъ его впередъ, говоря:

— Идемъ, мой другъ, ей-Богу, не убьютъ!

И дѣйствительно, ни прапорщикъ ни Мацѣевскій тогда не были убиты. Хладнокровіе командира, его увѣренность быстро передались офицеру. Онъ собрался съ духомъ и своимъ дальнѣйшимъ образомъ дѣйствій показалъ, что достоинъ служить подъ начальствомъ своего героя-командира. Въ этотъ день полковникъ Мацѣевскій все время находился впереди своего полка и поражалъ всѣхъ безстрашіемъ. Временами казалось, что онъ безъ нужды рисковалъ собой. Но въ тотъ періодъ борьбы необходимо было воодушевить солдатъ, и это было достигнуто блестяще. Орденъ св. Георгія былъ единогласно присужденъ Георгіевской Думой полковнику Мацѣевскому за его поразительную храбрость, отвагу и неустрашимость.

Но эта же отвага и погубила героя. Онъ никогда не выходилъ изъ передовыхъ окоповъ своего полка, день и ночь неотступно находился среди своихъ солдатъ, подбадривая ихъ и бесѣдуя съ ними. И вотъ 8-го ноября, когда противникъ началъ обстрѣливать наши окопы тяжелыми снарядами, Мацѣевскій, произведенный уже въ генералъ-маіоры, не усидѣлъ въ землянкѣ и пошелъ посмотрѣть, гдѣ рвутся снаряды. Шальная граната разорвалась отъ него всего въ четырехъ шагахъ и смертельно ранила доблестнаго воина.

Полковникъ Г. П.

*) Подъ этимъ заглавіемъ мы будемъ продолжать помѣщать на страницахъ „Нивы" начатые еще въ прошломъ году очерки извѣстнаго знатока военнаго дѣла—полковника Г. П. Очерки эти имѣютъ цѣлью дать галлерею героевъ нынѣшней войны, подвиги которыхъ незамѣтны въ общей грандіозной картинѣ міроваго столкновенія народовъ, но заслуживаютъ общественнаго вниманія, какъ подлинныя, строго, фактически установленныя проявленія героизма русскаго духа.

Сильная женщина.

Повѣсть **Бориса Лазаревскаго.**

(Продолженіе).

IV.

Мика пріѣхалъ неузнаваемый: коротко остриженный, въ какомъ-то полуспортсменскомъ костюмѣ, — настоящій иностранецъ, только глаза остались хохлацкіе да черныя брови. Пушокъ надъ верхней губой сталъ замѣтнѣе, но все-таки это былъ еще полуребенокъ, полумужчина. Узналъ о происшествіи съ могилой брата, нахмурился и сказалъ по адресу грабителей:

— Идіоты...

Мика сначала обѣгалъ весь домъ, чуть не сбилъ съ ногъ попавшуюся ему навстрѣчу Нину Евдокимовну, которую почему-то называлъ „скорбная Николія", затѣмъ осмотрѣлъ всѣ конюшни, разспросилъ казака-сторожа о каждой собакѣ, побывалъ у дѣдушки въ старомъ домѣ.

Надежда Өедоровна едва успѣла его задержать послѣ вечерняго чая и подробно разспросить о заграничной жизни.

Мика былъ очень доволенъ своей школой, разсказывалъ, что встрѣтили его сначала недовѣрчиво, и что русскихъ въ Швейцаріи вообще не очень любятъ, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался первымъ футболистомъ, началось къ нему всеобщее уваженіе.

Здѣсь, дома, Мика все дѣлалъ, чтобы прослыть легкомысленнымъ, но это ему плохо удавалось, и люди и животныя чуяли, что онъ мыслитъ глубоко, и самой Надеждѣ Өедоровнѣ казалось, что Мика всегда угадываетъ, въ какомъ она настроеніи, и умѣетъ какъ-то шутливо подбадривать и отводить отъ скучной повседневщины.

Пріѣхали братья и дяди съ двоюродными сестрами и дѣтьми. Всѣ комнаты были заняты, и весь домъ помолодѣлъ. Дѣдушка Өедоръ Карповичъ все время улыбался и, при помощи Мики, получалъ иногда лишнюю порцію ягодъ.

Въ іюлѣ каждый день ѣздили на охоту, и собаки, увидя, что поданъ огромный бѣлый автомобиль, первыя вскакивали въ него и весело лаяли. Мика съ братомъ возвращались иногда мокрые и усталые, но всегда веселые.

За ужиномъ Мика ѣлъ за троихъ, а послѣ ужина устраивалъ танцы и торопилъ поскорѣе убирать со стола. — Однажды потянулъ за собою скатерть и перебилъ много посуды, но ни у кого не хватило духу разсердиться. Только одна Нина Евдокимовна выкрикнула:

— Боже мой, что вы надѣлали?

— Милая Николія, — увѣряю васъ, что ничего особеннаго,— отвѣтилъ Мика, схватилъ ее, пожилую и скорбную, на руки и поднялъ высоко-высоко, точно молоденькую.

Теперь Надеждѣ Өедоровнѣ казалось, что она была глубоко не права, когда думала, что въ жизни все хорошее—только случайность, и сдѣлалось ясно, что настоящее счастье бываетъ, и такіе люди, какъ Мика, свѣтятъ и согрѣваютъ другихъ.

Кучера, конюхи и рабочіе знали, что у Мики для каждаго найдется и веселое слово, и хорошая папироса, и острая шутка. И вездѣ онъ былъ свой, и вездѣ его любили.

Вторая половина іюня и начало іюля прошли не какъ цѣлый мѣсяцъ, а какъ одна недѣля, — такъ показалось Надеждѣ Өедоровнѣ. Андрей Григорьевичъ попрежнему уѣзжалъ или къ нему пріѣзжали какіе-то дѣловитые люди, и попрежнему газеты и журналы лежали не распечатанные въ кабинетѣ на столѣ.

О томъ, что объявлена война, узнали отъ проѣзжаго казака. Никто ему не повѣрилъ, но когда на слѣдующій день привезли почту, Надежда Өедоровна вскрыла мѣстную газету и, пробѣжавъ первую страницу, поняла, что начинается міровой пожаръ, который будутъ тушить всѣ.

Часто бывая за границей, она хорошо знала нѣмцевъ, знала ихъ главное правило: „цѣль оправдываетъ средства". И почуяла мать, что тушить этотъ пожаръ придется не одному Костѣ — офицеру запаса, а даже и Микѣ, — но не испугалась и не пожалѣла, только подумала: „и я буду съ ними".

Черезъ сутки пріѣхалъ Костя уже въ формѣ прапорщика, веселый, но спокойный, ругалъ дипломатовъ, за обѣдомъ выпилъ много водки и много говорилъ:

— Ну и накладемъ же мы нѣмцамъ! Я увѣренъ, что сначала будетъ ихъ верхъ,—ужъ слишкомъ они долго готовились,—ну а затѣмъ, когда наши очнутся и перестанутъ горячиться, тогда нѣмцамъ придется на это дѣло плюнуть. Объ одномъ Бога молю, чтобы здѣсь, въ тылу, поменьше кричали „ура" и поменьше воровали.

Хозяюшка. (Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ). *А. Уханова.*

— Это правда, — отозвался Андрей Григорьевичъ и спросилъ Мику:

— Ну а какъ же ты поѣдешь въ свою Швейцарію?

Въ первый разъ юноша отвѣтилъ, не улыбаясь:

— Ни въ какую Швейцарію я не поѣду, а поѣду съ Костей въ полкъ.

Никто ничего ему не отвѣтилъ, только зрачки Нины Евдокимовны расширились, загорѣлись и потухли, а затѣмъ по всему лицу ея пробѣжала дымка жалости.

Дѣдушка проглотилъ ложку борща, вытеръ усы салфеткой и сказалъ:

— Молодчина Михаилъ.

Числился бѣлобилетникомъ Владиміръ, и о немъ никто не говорилъ.

Городокъ, въ которомъ стоялъ полкъ Кости, былъ отъ хутора въ тридцати верстахъ: торговый, очень богатый, набитый армянами и пыльный, пыльный. Когда по главной улицѣ шелъ эскадронъ, то казалось, что идетъ цѣлый полкъ, а издали, будто въ городѣ начался пожаръ.

Провожали паничей въ городъ безъ всякой помпы, только Костя и Мика за обѣдомъ выпили лишнее, но совсѣмъ не опьянѣли. Поѣхала и Надежда Өедоровна устраивать сыновьямъ настоящую квартиру.

Полкъ считался во второй очереди, и говорили, что его двинутъ не раньше, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ.

Первыми ушли осетинскія сотни. Коней за пылью не было видно. Переливались на солнцѣ рыжія бараньи шапки. Три пѣсенника выводили свой особенный восточный мотивъ, остальные галдѣли. Безъ умолку стучалъ бубенъ и пищала какая-то дудочка. Точно водопадъ рокотали копыта лошадей. Весело и съ большимъ интересомъ къ будущему ѣхали и солдаты на войну; вся масса чувствовала, какъ одинъ человѣкъ, что перестрѣлять ихъ можно, а испугать или остановить невозможно.

Мика стоялъ у воротъ своей квартиры и жадно глядѣлъ на казаковъ, даже машинально бросилъ на землю бывшія у него въ рукахъ сѣмечки. Почувствовалъ духоту и разстегнулъ мундиръ. Когда прошла послѣдняя сотня, онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ въ комнату и, увидѣвъ брата, плачущимъ голосомъ произнесъ:

— Я буду просить о переводѣ въ маршевой эскадронъ, а то и на войну попаду Богъ знаетъ когда, — можетъ, къ шапочному разбору.

Константинъ закурилъ папиросу, положилъ на плечо брату руку и отвѣтилъ:

— Помни главное правило военной службы: ни отъ чего не отказываться и никуда не напрашиваться. А затѣмъ, хорошо ѣздить верхомъ еще не значитъ быть кавалеристомъ, жокеи тоже ѣздятъ... нужно поучиться еще. Дождись хотя двухъ нашивокъ на погонахъ и тогда думай о переводѣ.

— Не могу я.

— А ты черезъ не могу. Помни, что до шапочнаго разбора ой-ой сколько еще осталось.

И Мика, не любившій молчать, ничего не возразилъ.

Въ первыя недѣли тяжеловато бывало иногда, не выпивъ кофе, спѣшить верхомъ на плацъ и здѣсь безъ сѣдла ѣздить по кругу разными аллюрами, рубить шашкой соломенное чучело и колоть пикой такое же чучело, поставленное на уровнѣ всадника, между двумя палками. Но уже черезъ мѣсяцъ стало видно, что Мика продѣлываетъ все это не только лучше солдатъ, но и лучше инструкторовъ.

Эскадронный командиръ совѣтовалъ ѣхать въ училище, но Микѣ не хотѣлось еще полгода жить подъ тяжелымъ режимомъ. Здѣсь все начальство его полюбило, и офицеры относились, какъ къ равному, и съ великимъ одобреніемъ глядѣли на его вольтижировку.

Главное же, не хотѣлось Микѣ уѣзжать далеко отъ полка и отъ матери. Когда его произведутъ въ офицеры, ему, въ сущности, было все равно, — лишь бы скорѣе на войну.

Жилось очень хорошо.

Бывало, Мика расшалится въ офицерской компаніи, тогда Константинъ отводилъ его въ сторону и шепталъ:

— Мика, помни, что на тебѣ погоны нижняго чина.

Для Мики въ полку каждый человѣкъ былъ интересенъ. Онъ загорѣлъ, поправился, а Костя иногда скучалъ и по вечерамъ сильно игралъ въ карты. Больше всего его мучила невозможность жить въ Москвѣ и слѣдить за бѣгами и скачками. Онъ любилъ своихъ лошадей и совершенно искренно былъ убѣжденъ, что англійская лошадь нисколько не глупѣе человѣка.

Однажды, въ концѣ августа, когда въ Москвѣ должны были бѣжать его лошади, Константинъ цѣлыя сутки не снималъ сапогъ и все ходилъ по комнатѣ и курилъ, только подъ утро грохнулся на кровать и спалъ до полудня, а когда открылъ глаза, лицо у него было веселое. Онъ потянулся такъ сладко и крѣпко, что затрещала кровать, повернулъ голову къ брату, который уже сидѣлъ передъ зеркаломъ и брился, и проговорилъ:

— Знаешь, что я видѣлъ во снѣ?

— Что?—спросилъ Мика и отложилъ въ сторону бритву.

— Будто мой „Бѣлякъ" взялъ второй тысячерублевый призъ.

— Ну, это только тебѣ снилось.

— А я не сомнѣваюсь, что такъ было и на самомъ дѣлѣ.

— Блаженъ, кто вѣруетъ...—пропѣлъ Мика и опять началъ бриться.

Былъ праздникъ, и занятія въ этотъ день не производились. Братья хотѣли ѣхать на хуторъ и телефонировали, чтобы за ними выслали автомобиль, но управляющій отвѣтилъ, что дорога очень грязная, и, безъ риска застрять трудно ѣхать, а затѣмъ добавилъ, что сама Надежда Ѳедоровна собирается сегодня въ городъ по желѣзной дорогѣ.

— Ну и къ лучшему!—крикнулъ въ телефонъ Костя.

Денщикъ услыхалъ, что пріѣдетъ барыня, и началъ приводить въ порядокъ квартиру: подмелъ паркетъ, разостлалъ свѣжую скатерть на столѣ и спряталъ вездѣ валявшіеся рейтузы и сапоги. Когда все приняло благоприличный видъ, Костя сказалъ:

— Довольно ужъ возиться, сдѣлай-ка лучше ты мнѣ яичницу.

Въ это время внизу раздался звонокъ.

— Вотъ и мама,—отозвался изъ другой комнаты Мика.

— Нѣтъ, это не маминъ звонокъ.

— Значитъ, принесли приказъ.

— Приказа въ это время не носятъ,—отвѣтилъ Костя и пошелъ навстрѣчу денщику, побѣжавшему отворять двери.

— Телеграмма, ваше благородіе.

Константинъ схватилъ пакетъ, разорвалъ его, прочелъ, поцѣловалъ бумагу и почти крикнулъ:

— „Бѣлякъ" взялъ второй призъ, вчера...

Мика даже ротъ раскрылъ отъ удивленія.

У Надежды Ѳедоровны и у Кости была врожденная способность видѣть во снѣ будущее.

Андрей Григорьевичъ посмѣивался, когда ему говорили объ этомъ, и называлъ жену и Костю „старыми бабами".

Когда пріѣхала мать, Константинъ показалъ ей телеграмму и разсказалъ, что видѣлъ во снѣ этотъ самый текстъ.

Мика подтвердилъ. Надежда Ѳедоровна не удивилась и отвѣтила:

— Я иногда и сама не знаю, радоваться мнѣ или печалиться нашему съ тобой умѣнію видѣть на разстояніи, я это считаю особымъ даромъ Божіимъ.

— А я думаю, что это вполнѣ естественное явленіе,—задумчиво произнесъ Константинъ,—такое же, какъ, напримѣръ, радіотелеграфъ. Но говорить объ этихъ вещахъ съ людьми, не имѣющими этой способности, никогда не нужно, они все равно не повѣрятъ на слово и ничего не поймутъ, какъ не пойметъ никогда слѣпой, что молоко бѣлое. Всего двадцать лѣтъ назадъ были ученые теоретики, которые отвергали всякую возможность летать на предметѣ болѣе тяжеломъ, чѣмъ воздухъ, а теперь они же, отвергавшіе, катаются на аэропланахъ и произвольно передаютъ свои мысли куда угодно безъ всякихъ проволокъ... Наша способность знать, что дѣлается за тысячу верстъ, тоже не всегда оправдывается, вотъ иногда я стараюсь угадать, куда ушелъ мой денщикъ, и не могу.

Костя разсмѣялся, а Мика серьезно заговорилъ:

— Я думаю, что это зависитъ отъ состоянія нервной системы въ извѣстный день; со мной такихъ штукъ почти не случается, тѣмъ не менѣе, сидя въ Люцернѣ, я часто зналъ, что мама въ

Ярмарка. (Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ). *Т. Катуркинъ.*

это время пишетъ мнѣ письмо, и даже иногда отмѣчалъ у себя въ записной книжкѣ, а потомъ оказывалось, что дата на письмѣ была та самая. Но все-таки я не вѣрю...

Денщикъ принесъ изъ клуба обѣдъ и началъ разставлять тарелки. Поваръ въ клубѣ былъ не важный, но ѣли съ большимъ аппетитомъ, шутили и смѣялись. Надежда Ѳедоровна поглядѣла на Константина и спросила:

— Ну, а сегодня ты можешь угадать, что̀ я собираюсь сдѣлать?

— Нѣтъ, мамочка, не могу.

— Собираюсь ѣхать въ Ростовъ и тамъ обучаться медицинѣ, а затѣмъ на фронтъ...

— Въ твои годы... Тамъ и безъ тебя много сестеръ,—произнесъ Костя.

— Чувствую себя бодрой, — это разъ: а во-вторыхъ, мнѣ хочется лично поглядѣть, въ чемъ дѣло, а главное, понять это дѣло...

— Ну что̀ жъ, похудѣешь, — отвѣтилъ Константинъ,—а вотъ, когда мы двинемся, совершенно неизвѣстно.

— Когда прикажутъ, — сказала мать, вытерлась салфеткой и добавила: — ну, я сыта и буду собираться домой. Если бы можно было вернуться на автомобилѣ, посидѣла бы еще, а поѣзду вѣдь не прикажешь. Но мы все-таки будемъ видѣться часто, я буду пріѣзжать каждое воскресенье на хуторъ или къ вамъ.

Выпили кофе и пошли пѣшкомъ на вокзалъ.

Здѣсь купили свѣжихъ газетъ и погуляли на платформѣ. Былъ седьмой часъ, но солнце еще грѣло. Суетились пассажиры третьяго класса, пахло человѣческимъ потомъ, и тянуло нефтью отъ товарнаго паровоза. Поѣздъ, какъ и всегда, опоздалъ, и, какъ всегда, даже и въ первомъ классѣ не было мѣста. Костя засуетился и хотѣлъ бѣжать къ начальнику станціи, но мать его остановила.

— Ничего, полчаса могу постоять и на площадкѣ, даже будетъ прохладнѣе.

Съ вокзала Константинъ взялъ извозчика и поѣхалъ въ клубъ играть, а Микѣ—съ нимъ это рѣдко бывало—захотѣлось побыть совсѣмъ одному, и онъ пошелъ безъ цѣли внизъ, по широкому проспекту. Мостовая кончилась, и началась грязь, но справа и слѣва люди уже успѣли протоптать тропинки съ горы къ рѣкѣ, и опять стало сухо.

Внизу голубоватой лентой вилась Кубань, и видны были фигуры купавшихся. Когда Мика подошелъ къ берегу, его освѣтило заходившее солнце, и вода въ рѣкѣ изъ голубой обратилась въ розовую.

Мужчины и женщины раздѣвались совсѣмъ близко другъ отъ друга и почти не стѣсняясь. Мика прошелъ мимо нихъ и замѣтилъ, что даже среди дѣвушекъ нѣтъ ни одной красивой:—всѣ худыя, коричневыя, иногда съ кривыми ногами, и всѣ кричали и галдѣли. Дальше казаки-осетины запасной сотни тоже кричали, пищали и гоготали, точно взрослыя дѣти. Лошади высоко поднимали головы, боялись опускаться въ быструю воду, храпѣли и фыркали. Коричневый и волосатый, какъ обезьяна, осетинъ, стоя босыми ногами на крупѣ, понукалъ молодую кобылку, другой, тоже весь голый и волосатый, неожиданно ударилъ ее сзади, и стоявшій джигитъ, при общемъ хохотѣ, кувыркнулся въ воду.

Кобылка выскочила на берегъ и, мотая недоуздкомъ, помчалась вдоль рѣки, но ее сейчасъ же поймали.

Мика сѣлъ на большой камень и съ завистью глядѣлъ на этихъ полудикарей. Думалъ о томъ, что врядъ ли у нихъ есть способность предвидѣть будущее, и что это лучше. Вспоминалъ Базель, Люцернъ, —слишкомъ не похожа была жизнь, которая сейчасъ кипѣла передъ нимъ, на ту, какой онъ жилъ цѣлую зиму, весну и начало лѣта. Старался угадать свое будущее,—пойдетъ ли онъ послѣ перваго января въ дѣйствующую армію? И ничего не могъ предположить. Пришло въ голову: „значитъ, и я такой же, какъ они“...

— И эта мысль не опечалила, а даже обрадовала.

Осетины одѣлись и сѣли верхомъ на лоснившихся, мокрыхъ лошадей. Безъ команды, медленно, одинъ за однимъ, они начали подниматься въ гору. Когда скрылся послѣдній, Мика тоже всталъ и, побрякивая шпорами, развалистой походкой пошелъ въ городъ.

По грязной, узкой Лермонтовской улицѣ брели буйволы и жалобно, нараспѣвъ хрюкали.

„Среднее между коровой, верблюдомъ и свиньей,—пришло Микѣ въ голову,—но для здѣшняго народа звѣрь самый подходящій: выносливый и самостоятельный“.

Музыканты на еврейской свадьбѣ. (Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ). *М. Шатанъ.*

V.

До Новаго года время шло ужасно однообразно: днемъ ученье, а по вечерамъ разговоры о войнѣ, лошадяхъ и картахъ. Завидовали тѣмъ, которые уже были на фронтѣ.

Надежда Ѳедоровна кончила свой курсъ и пріѣхала повидаться съ сыновьями. Въ сѣромъ коломянковомъ платьѣ и въ бѣломъ передникѣ она была похожа на большую куропатку-насѣдку, которая ходитъ и прислушивается, не грозитъ ли опасность ея дѣтямъ.

Черезъ два дня опять уѣхала куда-то за Варшаву—подъ Сохачевъ. Сначала писала только открытки, а затѣмъ стали получаться и длинныя письма. Выражалась она ясно, просто и картинно. Мика любилъ перечитывать эти листы почтовой бумаги и старался представить себѣ мать, привыкшую къ самому утонченному комфорту, такой, какой она стала теперь: въ высокихъ сапогахъ, возлѣ грязныхъ, залитыхъ кровью раненыхъ... И зналъ навѣрное, что тѣхъ, которые попали къ ней, можно считать счастливыми, и что за каждымъ она ухаживаетъ точно такъ, какъ ухаживала бы за Костей или за нимъ.

Въ одномъ изъ писемъ Надежда Ѳедоровна писала: „Недавно пришлось мнѣ обмывать и перевязывать уже немолодого казака; рана была легкая, т.-е. для жизни не опасная,—но мучительная. Докторъ собирался вынимать у него изъ руки частички раздробленной кости. Казака хотѣли хлороформировать, но онъ умолялъ этого не дѣлать и говорилъ: „Какъ засну, такъ и не проснусь“, и чуть не плакалъ, такъ что даже было смѣшно. Ну и сдѣлали безъ хлороформа. Онъ ни разу не крикнулъ, только скрипѣлъ зубами, а потомъ сталъ жаловаться, что ему холодно. Я дала ему изъ собственной фляги коньяку и укутала его своимъ одѣяломъ, онъ спалъ, не просыпаясь, часовъ пятнадцать, а когда проснулся и я сдѣлала ему перевязку, долго смотрѣлъ на меня и спросилъ: „Вы, барыня, сами откуда?“ Я очень удивилась тому, что онъ назвалъ меня не сестрицей, а барыней, и отвѣтила, что съ Кубани. „Простите, барыня, ваша фамилія не Лихоненко?“—спросилъ меня казакъ. Я отвѣтила, что да. „Такъ я жъ Явтухъ Чепурный, и у васъ въ экономіи пастухомъ служилъ, когда былъ еще мальчикомъ“. И такъ мнѣ стало радостно, точно я своего сына увидѣла. Теперь его уже эвакуировали. Прощаясь, Явтухъ Чепурный все мнѣ удивлялся и говорилъ: „Эхъ, барыня, при вашемъ богатствѣ и зачѣмъ вамъ было сюда ѣхать, вѣдь вы жъ и у себя, на родинѣ, можете собственный лазаретъ устроить и командовать, а здѣсь вы сами портянки разматываете“... Затѣмъ спрашивалъ меня о сыновьяхъ и, когда узналъ, что вы оба тоже пойдете, только помоталъ головой и произнесъ: „Ну і німецъ... Заваривъ кашу тай крутую“...

Мика еще разъ прочелъ письмо матери и отвѣтилъ ей, что казакъ правъ, и что больше будетъ пользы, если она вернется и устроитъ свой госпиталь. И закончилъ: „скучно безъ тебя, мама, и я объ одномъ Бога молю, скорѣе бы произвели меня въ прапорщики и скорѣе бы назначили въ маршевой эскадронъ“.

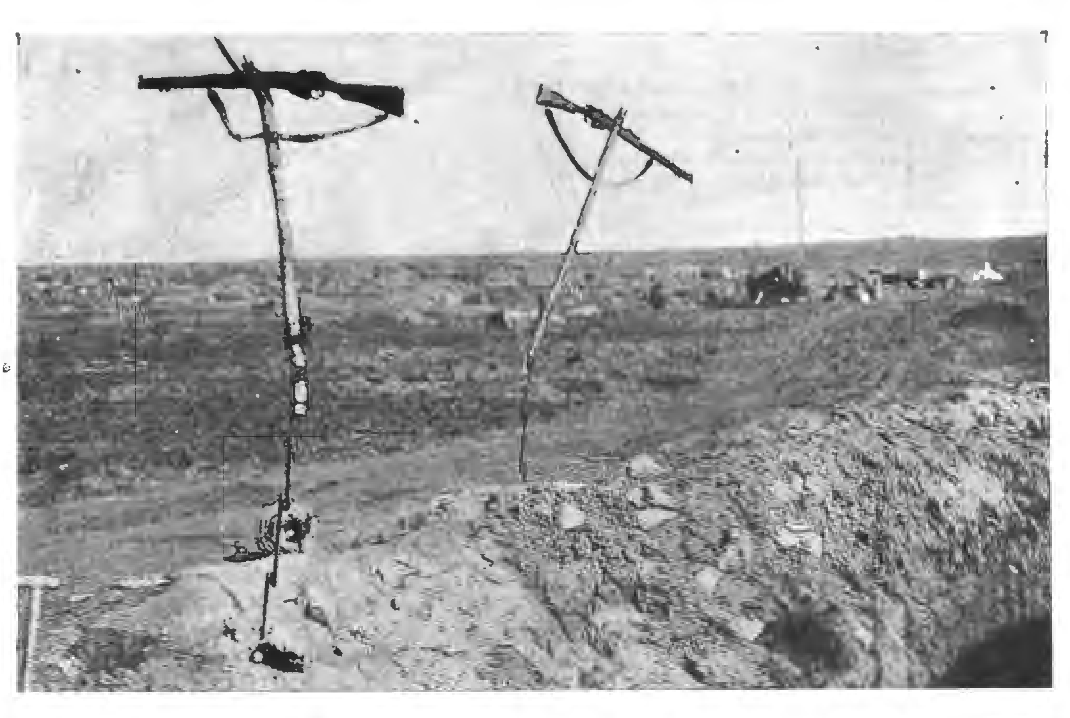
Весной Мика форменно мучился и просилъ, чтобы его отправили нижнимъ чиномъ. Обѣщали, что послѣ Пасхи пошлютъ въ дикую дивизію, но все-таки почему-то не назначили въ маршевой эскадронъ, хотя Мика былъ на отличномъ счету и давно уже носилъ на погонахъ два басона.

Жалѣли.

Надежда Өедоровна пріѣхала неожиданно,—загорѣла, похудѣла, но помолодѣла. Умоляла Мику не стремиться на позиціи, а онъ и слушать не хотѣлъ.

Шестого мая его произвели въ прапорщики.

Нужно было вспрыснуть офицерскіе погоны. Это событіе праздновали на хуторѣ цѣлыхъ три дня. И родныхъ, и офицеровъ, и просто гостей собралось много. Вечеромъ пѣли и танцовали. Мрачный деревенскій домъ снова помолодѣлъ и самъ этому удивлялся. Ѣздили на тройкахъ и катались въ автомобиляхъ. Радовался и Мика и уже на правахъ офицера сказалъ своему эскадронному:



На англо-французскомъ фронтѣ. *На полѣ битвы.*

— Если меня не отправятъ теперь же весной, я все равно застрѣлюсь.

Сказалъ тихо, вполнѣ дисциплинарно, но особымъ тономъ. И ротмистръ понялъ, что Мика не шутитъ и непремѣнно это сдѣлаетъ.

Надежда Өедоровна случайно услыхала фразу сына и вся похолодѣла. Вспомнила старшаго и потомъ цѣлую ночь не могла заснуть. На слѣдующій день она сама попросила командира своднаго полка назначить Мику въ маршевой эскадронъ, который долженъ былъ итти на турецкій фронтъ.

Когда приказъ о назначеніи состоялся, снова праздновали и сумасшествовали. Мать знала, что это дѣло уже рѣшенное, и удивлялась себѣ: прежній страхъ за Мику вдругъ исчезъ. Голова понимала, что онъ идетъ на войну, а сердце не безпокоилось и безъ всякихъ основаній настойчиво твердило, что Мика скоро возвратится.

И на вокзалѣ, провожая эшелонъ, Надежда Өедоровна поцѣловала сына очень спокойно и перекрестила только одинъ разъ.

Вернулась домой, легко поужинала и легла спать. Ничего не приснилось. На слѣдующій день она встала въ шесть часовъ и пошла въ садъ, встрѣтила и побранила заспаннаго садовника, показала дівчатамъ, гдѣ нужно полоть, и пошла къ склепу старшаго сына.

Здѣсь все было въ порядкѣ, не лежали только вѣнки. Надежда Өедоровна обошла вокругъ могилы и поднялась на высокій курганъ, съ котораго были видны поля и степь. Трава давно была скошена, и на зеленомъ фонѣ шевелились, точно бактеріи подъ микроскопомъ, овцы. Въ этомъ стадѣ ихъ было тысячи три. Крупныя рыжеватыя собаки, забѣгая то справа, то слѣва, загоняли отбившихся отъ стада, но ихъ лай не былъ слышенъ.

Маячили фигуры подпасковъ, и облокотился на свой посохъ старый пастухъ.

Пришелъ на память почему-то необъятный пожаръ, который Надежда Өедоровна видѣла въ Польшѣ, какъ горѣли скирды хлѣба и дымили на полнеба, и сворачивалась и гудѣла раскаленная крыша великолѣпнаго палаца—гораздо большаго, чѣмъ ихъ домъ. Затѣмъ ясно нарисовался походный лазаретъ и лежащій въ углу Явтухъ Чепурный.

Пришло въ голову, что этотъ самый Явтухъ лѣтъ пятнадцать, а можетъ, и двадцать ходилъ за овцами по этой самой степи и, вѣроятно, и не предполагалъ, что когда-то будетъ такая война, что ему искалѣчатъ руку, и что сама барыня Лихоненко будетъ за нимъ ухаживать.

„Нужно разыскать этого человѣка",—подумала Надежда Өедоровна, встала, перекрестилась на склепъ и пошла къ дому.

Опять на цѣлую недѣлю онѣ остались вдвоемъ съ Ниной Евдокимовной. Опять обѣдали и завтракали молочной кашей и ягодами и больше думали, чѣмъ говорили.

Вернувшись съ фронта, Надежда Өедоровна поняла только одно: что великій пожаръ не по волѣ человѣческой начался и не по волѣ человѣческой и окончится, и казалось ей, что жизнь каждаго государства очень похожа на жизнь отдѣльной личности.

Можетъ-быть, поэтому она теперь не могла выносить, если въ ея присутствіи начинались споры о томъ, какъ и когда окончится битва народовъ.

Но письмамъ отъ Мики всегда очень радовалась и досадовала только, что онъ не ставитъ на нихъ числа.

Чаще стала молиться,—не словами, а мысленно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Германцы.

Повѣсть **Георгія Павлова.**

(Продолженіе).

V.

Во время одной изъ прогулокъ, которыя Отто Рюлингъ ежедневно предпринималъ въ окрестностяхъ Сенъ-Вильера, онъ зашелъ черезчуръ далеко, заблудился и вышелъ къ самому расположенію англичанъ. Офицера замѣтили, обстрѣляли и, въ концѣ концовъ, едва не захватили въ плѣнъ: онъ растерялся въ самый рѣшительный моментъ, на него нашелъ какой-то столбнякъ, странное состояніе безразличія, растерянности и непонятной усталости. Подоспѣвшіе солдаты выручили его какъ разъ во-время; какъ именно—онъ не могъ вспомнить. Трейчке, узнавъ объ этомъ эпизодѣ, счелъ себя въ правѣ хорошенько отчитать товарища.

— Что это съ тобой сдѣлалось, дорогой мой? Честное слово, если бъ я не зналъ тебя такъ хорошо, я подумалъ бы, что тебѣ захотѣлось побывать въ Лондонѣ.

Отто отвѣчалъ разсѣянно и апатично. Онъ все еще не успѣлъ отдѣлаться отъ своего припадка, котораго не могло разсѣять даже волненіе.

— Ты усталъ,—болѣе мягкимъ тономъ предположилъ Трейчке.— Вмѣсто того, чтобы спать по ночамъ, ты предпочитаешь корпѣть надъ своими мелодіями. Офицеръ долженъ беречь свои силы и расходовать ихъ экономно.

Рюлингъ пожалъ плечами. Дѣло было совсѣмъ не въ этомъ: за послѣднее время съ нимъ вообще происходило что-то странное. Отто Рюлингъ хорошо зналъ себя, и это состояніе, котораго онъ не могъ себѣ объяснить, раздражало его уже не первый день.

— Я становлюсь трусомъ, старина,—отвѣчалъ онъ съ кислой улыбкой.

Это было преувеличеніемъ. Лейтенантъ Рюлингъ былъ и оставался храбрымъ офицеромъ, не презирающимъ опасности, но умѣющимъ смотрѣть ей прямо въ глаза. Его военная служба не вся протекла въ штабѣ; онъ принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ, обнаруживая подъ огнемъ хладнокровіе и выдержку, во всякомъ случаѣ, не обязательныя для человѣка, болѣе привыкшаго къ звукамъ Баха и Моцарта, чѣмъ къ однообразной и тоскливой мелодіи пуль. На свою службу онъ смотрѣлъ какъ на ремесло, ему не симпатичное, потому что это ремесло было слиш-

комъ далекимъ отъ его призванія и интересовъ. Но врожденная аккуратность заставляла его не менѣе тщательно относиться къ дислокаціямъ и атакамъ, чѣмъ къ прихотливымъ извивамъ контрапункта. Вдобавокъ онъ былъ самолюбивъ, подобно всѣмъ одареннымъ натурамъ, и не оставался равнодушенъ къ мнѣнію о немъ начальства, которое въ свою очередь умѣло цѣнить храбраго, исполнительнаго и усерднаго офицера.

Но за послѣднее время онъ пересталъ узнавать себя. Мертвая почернѣвшая голова солдата, убитаго ядовитыми газами, открыла ему глаза на что-то, чего онъ не замѣчалъ раньше. Какъ пробуждающійся отъ долгаго сна, онъ впервые начиналъ сознавать, что происходитъ на этихъ клочкахъ земли, запутавшейся въ колючей проволокѣ. Пробужденіе его мысли начиналось густымъ туманомъ, въ которомъ еще не было видно ничего, но безсознательно угадывались какія-то ужасныя, чудовищныя очертанія.

— Все это философія, — заявилъ Трейчке, не понявъ отвлеченныхъ метафоръ, которыми Отто пытался охарактеризовать свои чувства. — Я тоже предпочелъ бы работать сейчасъ у себя въ мастерской, а не сидѣть здѣсь, въ сущности, безъ всякаго дѣла. Но этого хочетъ Германія — стало-быть, разговорамъ конецъ, точка.

— Дѣло не въ томъ, — возразилъ Отто. — Вотъ эти оторванныя головы и тѣла, распадающіяся по кускамъ. Развѣ они нужны были Германіи?

— А кому нужны несчастные случаи на заводахъ? Они непріятны и нежелательны, но согласись, что нелѣпо искать въ нихъ элементовъ причинности и логики.

— А не кажется ли тебѣ, что вся эта война вообще — несчастная случайность?

Инженеръ отвѣтилъ ругательствомъ.

— Дуралей, здѣсь стѣны имѣютъ уши! Что же, ты хочешь быть разстрѣляннымъ, что ли?

Отто замолчалъ, потому что продолжать разговоръ не имѣло смысла. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могли понимать его другіе, — его, который не понималъ самъ себя? Не обращая вниманія на Трейчке, занявшагося газетой, онъ всталъ, чтобы выйти на свѣжій воздухъ, но въ дверяхъ неожиданно столкнулся съ Ховеномъ. Майоръ потрясалъ надъ головой листкомъ бумаги; онъ казался необыкновенно оживленнымъ, и вдобавокъ отъ него издалека пахло виномъ, — что случалось не часто. Повидимому, произошло нѣчто особенное.

— Дивизію переводятъ на русскій фронтъ! — кричалъ онъ, не обращаясь ни къ кому въ отдѣльности. — Приказъ только-что подписанъ. Да здравствуетъ Германія!

— Отто не порадуется этому, — язвительно замѣтилъ Трейчке. — Отто Рюлингъ сдѣлался антимилитаристомъ.

Но Ховенъ даже не разслышалъ этой насмѣшки. Ему не было никакого дѣла до Рюлинга и перемѣнъ въ міросозерцаніи послѣдняго; онъ былъ весь поглощенъ предстоящимъ переѣздомъ и сейчасъ же принялся укладывать свой скудный багажъ, напѣвая подъ носъ солдатскую пѣсенку. Онъ былъ счастливъ и веселъ, потому что въ воздухѣ запахло кровью, а для майора Ховена не существовало ничего болѣе пріятнаго. Отто смотрѣлъ на него и думалъ о томъ, насколько, въ сущности, чуждымъ ему былъ этотъ человѣкъ, считавшійся однимъ изъ его немногихъ друзей; теперь онъ видѣлъ этого друга возбужденнымъ и счастливымъ и при всемъ желаніи не могъ раздѣлить его радости.

Дивизія выступила въ ту же ночь. Посадка въ вагоны шла быстро, въ полномъ молчаніи. Солдаты, привыкшіе къ этимъ путешествіямъ съ одного фронта на другой, покорялись своей участи съ тупой исполнительностью хорошо выдрессированныхъ животныхъ. Никто изъ этихъ убійцъ-гастролеровъ, совершавшихъ свое кровавое турнэ по Европѣ, не стремился особенно впередъ, никому не было жаль Сенъ-Вильера, остававшагося чужимъ для нихъ, навсегда оторванныхъ отъ родины.

Трое друзей очутились въ одномъ купе. Трейчке и Ховенъ сейчасъ же легли спать, Отто стоялъ у окна въ коридорѣ вагона. Съ глубокимъ волненіемъ всматривался онъ въ непроглядный ночной мракъ, ожидая, когда же наконецъ заблестятъ среди этого мрака мимолетные огни Германіи. Суждено ли ему увидѣть эти огни еще разъ, — при другихъ обстоятельствахъ? Онъ думалъ о томъ, какъ привольно и счастливо текла его жизнь до того дня, когда свою романтическую бархатную куртку музыканта онъ смѣнилъ на китель защитнаго цвѣта. Въ порывѣ патріотическаго одушевленія, охватившаго тогда его родной Мюнхенъ, онъ вѣрилъ, что тамъ, на поляхъ битвъ, его ждетъ не только слава, но и неисчерпаемый источникъ для вдохновеннаго творчества. Онъ вѣровалъ въ правоту нѣмецкаго дѣла просто, какъ въ непре-

На западномъ фронтѣ. На Соммѣ.

Нѣмецкія ружья, отобранныя на полѣ сраженія въ очищенныхъ непріятелемъ траншеяхъ.

ложный догматъ, и до сихъ поръ былъ чуждъ всякихъ разъѣдающихъ думъ и сомнѣній. Не этимъ ли только и удавалось ему спасать до сихъ поръ свое душевное спокойствіе?

Годъ войны утомилъ его, какъ безконечный путь безъ цѣли,— онъ только теперь начиналъ чувствовать это. Другіе, быть-можетъ, почувствуютъ позже; если нѣтъ, тѣмъ лучше для нихъ. Вотъ Рудольфъ мирно похрапываетъ на своемъ диванѣ, старина Трейчке, его товарищъ по гимназіи, инженеръ до мозга костей и, въ сущности, настоящій филистеръ, хотя и на ницшеанской закваскѣ. Что-то снится ему теперь? Забастовки въ рельсопрокатномъ отдѣленіи, испытанія паровыхъ котловъ или соціалистическій партейтагъ, на которомъ онъ съ пѣной у рта отстаиваетъ интересы рабочихъ? Ему легко считать себя незамѣтнымъ винтикомъ въ машинѣ, исполнителемъ чужой коллективной воли; онъ спокойно умретъ за благо грядущихъ поколѣній и никогда не узнаетъ о томъ, что̀ ожидаетъ въ будущемъ страну, которую онъ любитъ такой примитивной любовью,—страну, погруженную въ глубокій мракъ, съ пустыми платформами по пути слѣдованія ея сыновъ къ новымъ искупительнымъ жертвамъ.

Никто не знаетъ будущаго Германіи. Но колеса поѣзда выстукиваютъ его лейтмотивъ, мрачный и грозный, отъ котораго сердце сжимается жгучей тоскою. Отто вслушивается въ эту зловѣщую мелодію, и его пальцы, отвыкшіе ради винтовки и палаша отъ любимыхъ клавишъ, когда-то разсказывавшихъ ему другія, сладкія сказки, сжимаютъ наболѣвшую голову жестомъ безконечной усталости и отчаянія.

VI.

Прямо изъ вагона дивизія пошла въ бой.

Отто Рюлингъ еще не бывалъ на русскомъ фронтѣ, и эта таинственная страна манила его, какъ роковая загадка сфинкса. Былъ блѣдный, холодный разсвѣтъ на аспидно-сѣромъ небѣ, и желтые просвѣты въ обложившихъ его облакахъ казались вскрывшимися гнойниками на тѣлѣ ночи. Вверху, надъ полемъ далекаго боя, висѣлъ на большой высотѣ сигарообразный цеппелинъ; партія раненыхъ въ кровавыхъ повязкахъ брела по дорогѣ, въ отдаленіи безъ умолку грохотали орудія. Война, казавшаяся едва ли не отвлеченной формулой тамъ, въ Сенъ-Вильерѣ, здѣсь ощущалась явственно, какъ просачивающійся сквозь гробовыя доски запахъ тлѣнія.

Штабъ дивизіи, расположившійся черезчуръ близко отъ линіи боя, оказался подъ обстрѣломъ русскихъ. Это было ощущеніе, отъ котораго Отто успѣлъ отвыкнуть, — да и не онъ одинъ, впрочемъ. Снаряды сверлили воздухъ со стономъ, похожимъ на грохотъ проносившагося курьерскаго поѣзда, и было странно, какъ можно не видѣть этихъ чудовищъ, безъ умолку поющихъ свою грозную пѣснь надъ срѣзанными вершинами деревьевъ. Ховенъ былъ въ восторгѣ.

— Вотъ это война, это я понимаю! — радостно говорилъ онъ, потирая руки. — Люблю русскихъ за то, что не теряютъ даромъ времени! Здѣсь того и гляди прихлопнетъ тридцатью фунтами стали. Какъ ты полагаешь, музыкантъ: что̀ отъ тебя останется послѣ этого?

— Количество матеріи, равное твоему мозгу, — съ досадой отвѣтилъ Отто. — Чему тутъ радоваться, скажи на милость? Вѣдь намъ не продержаться такимъ образомъ и до полудня.

— Посмотримъ!

Они вышли изъ халупы. Разсвѣтъ разгорался, пушки ревѣли еще ожесточеннѣе, какъ будто привѣтствуя близкій восходъ солнца. Ховенъ сдѣлалъ широкій жестъ рукой въ воздухѣ.

— Взгляни, вотъ наковальня будущаго міроваго владычества Германіи. Вотъ плацдармъ величайшей схватки народовъ. А, чортъ возьми, паркетные шаркуны не осмѣлятся утверждать больше, что раса солдатъ вымираетъ! Пофилософствуемъ. Время и мѣсто самыя подходящія. Чувствуешь ли ты теперь, что вся жизнь—борьба, что въ мірѣ есть только свои или враги, никакихъ другихъ подраздѣленій не существуетъ? Помогать первымъ и уничтожать вторыхъ: вотъ единственная радость и единственный смыслъ бытія. Передъ тобой врагъ, врагъ—какое дивное, музыкальное слово. Бросайся же на врага, бей, коли, рѣжь, обжигай ему лобъ въ упоръ порохомъ твоего пистолета! Приходилось тебѣ слышать трескъ раскалывающагося черепа? При нѣкоторомъ навыкѣ его можно слышать даже среди сильнаго шума. А стоны раненыхъ! А дикій, звѣриный вой бѣгущихъ! А музыка и клики побѣды! Развѣ есть въ мірѣ что-нибудь болѣе захватывающее? Вотъ мы стоимъ здѣсь, на вершинѣ холма, возлѣ жалкой литовской деревушки. Но тамъ, за нами,—вся Германія, обнажившая мечъ...

Наши и англійскія войска въ Персіи. Въ Исфаганѣ.

Группа русскихъ и англійскихъ офицеровъ у губернаторскаго шатра на Шахской площади послѣ парада.

Наши и англійскія войска въ Персіи. Въ Исфаганѣ. *Группа начальствующихъ лицъ: 1) начальникъ русскаго отряда войсковой старшина Б. и 2) начальникъ великобританскаго отряда генералъ С. передъ фронтомъ общаго парада.*

— По милости такихъ фанатиковъ, какъ ты,—прервалъ его Отто. — Молчи и берегись лучше. Это что? Ага! Не понравилось?

Неподалеку разорвался снарядъ. Упряжка, мчавшаяся на позиціи, была перевернута, какъ клочокъ ваты дуновеніемъ ребенка; черный столбъ дыма, осѣдавшаго къ землѣ, скрывалъ агонію лошадей и прислуги, уничтоженныхъ однимъ ударомъ. Осколокъ пробилъ щеку Ховена; отчаянно ругаясь, онъ выплевывалъ кровавую слюну.

— Чортъ побери, заставляютъ меня хвалить ихъ мѣткость!—кричалъ онъ.—Что же наши батареи, заснули, или провалились сквозь землю?

Примчался ординарецъ изъ штаба корпуса съ распоряженіемъ объ отводѣ дивизіоннаго штаба въ болѣе безопасное мѣсто. Но Ховенъ не хотѣлъ и слушать объ „отступленіи". Кое-какъ перевязавъ рану своими средствами, онъ пустился внизъ по склону холма, въ сторону боя, встрѣчавшаго его привѣтственнымъ салютомъ всѣхъ своихъ громовъ и молній.

VII.

Инженеръ Трейчке нашелъ на новомъ фронтѣ широкое поле дѣятельности. Во время боевого крещенія вновь переведенной дивизіи онъ все время присутствовалъ на одной изъ батарей, спокойный и внимательный, тщательно осматривая слѣды русскихъ попаданій и тѣ изъяны, которые они причиняли. Онъ много разъ рисковалъ жизнью, но мысль объ опасности даже не приходила ему въ голову. Послѣ боя онъ резюмировалъ свои впечатлѣнія—коротко и ясно, какъ всегда.

— Все это никуда не годится,—объявилъ онъ.—Бетонъ скверный, все сооружено наспѣхъ, видно, что здѣшніе инженеры больше волочатся за польками, чѣмъ дѣлаютъ дѣло.

— Что же, прими свои мѣры,—посовѣтовалъ ему Ховенъ.

— Да только это и остается.

Добившись назначенія на отвѣтственную должность, которое развязывало ему руки, Рудольфъ Трейчке приступилъ къ укрѣпленію оборонительной линіи сообразно со своими планами. Онъ нашелъ наконецъ примѣненіе для своихъ познаній и кипучей энергіи и съ головою ушелъ въ любимое дѣло. Товарищи не видали его по цѣлымъ недѣлямъ; онъ возвращался поздно вечеромъ весь въ пыли и грязи и сейчасъ же засыпалъ мертвымъ сномъ, а утромъ первые лучи разсвѣта уже заставали его кровать пустою.

Онъ поставилъ себѣ цѣлью воздвигнуть такую преграду русскому натиску, передъ которой укрѣпленія Сенъ-Вильера казались бы не болѣе, какъ дѣтскимъ сооруженіемъ изъ подушекъ и стульевъ—и, по обыкновенію, неуклонно и методически шелъ къ этой цѣли.

Онъ обратилъ вниманіе на природу почвенныхъ отложеній на откосѣ обрывистаго берега рѣки. Призвавъ на помощь одного изъ лейтенантовъ, спеціалиста по техно-химическому дѣлу, Трейчке вдвоемъ съ нимъ составилъ рецептъ новаго цемента, сообщавшаго бетону несокрушимую прочность. Первые опыты увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Съ разрѣшенія начальника штаба, Трейчке приступилъ тогда къ капитальному ремонту всей укрѣпленной линіи, поручившись своимъ словомъ, что возведенные имъ блиндажи выдержатъ какой-угодно натискъ.

— Прекрасно,—поддразнивалъ его Ховенъ.—Твое слово должно оказаться сильнѣе огня русскихъ. Но я предпочелъ бы все-таки еще лишнихъ полка два подкрѣпленій; если насъ здѣсь опрокинуть, что очень возможно, твое слово не спасетъ насъ отъ большихъ непріятностей.

— Посмотримъ!—уклончиво отвѣчалъ Трейчке.

Трейчке стоялъ на вершинѣ обрывистаго берега рѣки, откуда могъ наблюдать за ходомъ работъ на всемъ участкѣ. У его ногъ извивались рельсы узкоколеекъ, дымились кузницы, грузовики зарывались въ облака желтой пыли, люди копошились, какъ муравьи, копая, свозя землю, стуча молотками безъ устали. Это былъ цѣлый фабричный городъ, словно изъ-подъ земли возникшій среди пустынныхъ полей, которыя до сихъ поръ не видѣли ничего, кромѣ неба. Впереди линія русскихъ окоповъ хранила зловѣщее молчаніе. Ни одного дымка не поднималось оттуда, не было слышно ни одного выстрѣла,—а между тѣмъ кипучая дѣятельность германцевъ не могла не привлечь вниманія противника. Трейчке инстинктивно чувствовалъ, что тамъ, въ молчаніи, готовится что-то чувствовалъ, какъ странную необъяснимую злобу противъ этой защищенной полоски земли, которую ему хотѣлось бы снести однимъ ударомъ какого-нибудь чудовищнаго, еще не изобрѣтеннаго орудія. Впрочемъ, эти предчувствія мало смущали его; онъ слишкомъ вѣрилъ въ себя и въ полный успѣхъ своего дѣла.

Наши и англійскія войска въ Персіи. Въ Исфаганѣ.

Взводъ нашей легкой батареи на общемъ парадѣ съ частями англійскаго отряда.

VIII.

Ховенъ подалъ рапортъ объ отчисленіи отъ штаба и уже съ недѣлю находился со своимъ полкомъ на передовыхъ позиціяхъ. Но точно на зло ему, затишье продолжалось изо дня въ день, и трудно было предвидѣть, когда оно кончится. Даже столкновенія развѣдчиковъ почти прекратились; орудія молчали и съ той и съ другой стороны, и—по выраженію майора—„штыки покрывались ржавчиной“. Эрикъ фонъ-Ховенъ томился и скучалъ, стараясь утѣшить себя тѣмъ, что на русскомъ фронтѣ, гдѣ событія вообще развертываются болѣе быстрымъ темпомъ, особенно продолжительнаго затишья не бываетъ, и что каждый день можно ожидать перехода противника въ наступленіе.

Осень подходила между тѣмъ къ концу. Дороги, разливавшіяся озерами жидкой грязи, начинали отвердѣвать по утрамъ, на пожелтѣвшей травѣ хрустѣлъ тонкій слой инея. Вѣтеръ тревожно рыскалъ въ опустошенныхъ деревьяхъ, на которыхъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ листковъ еще напоминали объ ушедшемъ лѣтѣ, которое принесло Германіи столько несбывшихся надеждъ и столько обидныхъ разочарованій.

Здѣсь, въ траншеяхъ первой линіи, можно было наблюдать, насколько утомила война даже такихъ каменныхъ истукановъ, какъ германскіе солдаты. Побѣды, доставшіяся нѣмцамъ вначалѣ съ такой подозрительной легкостью, не радовали ни солдатъ ни офицеровъ. Ховенъ, блестящій знатокъ военной исторіи, невольно вспоминалъ Бонапарта, также ожидавшаго послѣ скороспѣлыхъ побѣдъ желаннаго голубя мира. И снова, какъ тогда, столица Россіи отвѣчала молчаніемъ, которое угнетало, какъ сырой туманъ Пинскихъ болотъ, поднимавшійся по вечерамъ вокругъ позицій. Молчаливый окопъ впереди, попрежнему не подававшій никакихъ признаковъ жизни, казался символомъ этого загадочнаго безмолвія врага, отошедшаго, но не разбитаго, бездѣйствовавшаго, но не желавшаго признать себя побѣжденнымъ — таинственно готовившаго въ тишинѣ новые удары, силу которыхъ пришельцы уже не разъ испытали на себѣ. Неизвѣстность нервировала всѣхъ, еще болѣе удлиняя и безъ того томительно-скучные дни ожиданья.

Тѣмъ не менѣе докладъ генералъ-ревизора былъ, повидимому, принятъ сочувственно: два полка изъ дивизіи Лерхе получили предписаніе выступить на югъ, черезъ Венгрію—на балканскій фронтъ, какъ легко можно было догадаться. На смѣну имъ было обѣщано прибытіе вновь сформированныхъ ландверныхъ частей, но когда именно? Этотъ вопросъ оставался открытымъ.

Полкъ Ховена оставался на мѣстѣ, и майоръ былъ очень доволенъ этимъ. Балканскій фронтъ всегда представлялся ему второстепеннымъ; онъ предвидѣлъ, что рѣшительныя событія разыграются именно здѣсь, на этихъ унылыхъ сѣрыхъ поляхъ, по которымъ вѣтеръ рыскалъ съ жалобнымъ воемъ, какъ будто оплакивая заранѣе будущихъ жертвецовъ. Ради дисциплины онъ не рѣшался критиковать при младшихъ офицерахъ распоряженія штаба главнокомандующаго, но потомъ, въ бесѣдѣ съ Трейчке и Рюлингомъ, далъ полную волю своему негодованію.

— Даже завоеваніе всей Сербіи не стòитъ въ моихъ глазахъ этого участка,—сказалъ онъ.—Помяни мое слово, мы проиграемъ войну изъ-за нашихъ корпусныхъ дипломатовъ, которые на все смотрятъ сквозь розовыя очки.

Трейчке его успокаивалъ.

— Не бойся, старина. Эти позиціи неприступны, даже если останутся съ одной ротой. Ихъ взять нельзя,—такъ же, какъ Дарданеллы.

Отто Рюлингъ не принималъ участія въ этихъ преканіяхъ. Его прострація все еще продолжалась. Онъ попрежнему автоматически исполнялъ свои обязанности, но пачка нотной бумаги на столѣ композитора покрывалась толстымъ слоемъ пыли: его вдохновеніе исчезло безслѣдно, онъ не могъ связать больше двухъ тактовъ. Отто Рюлингъ, никогда не знавшій, что такое болѣзнь или безсонница, теперь плохо спалъ по ночамъ, утратилъ аппетитъ и похудѣлъ до неузнаваемости. Одинъ изъ товарищей лейтенанта, ѣздившій на нѣсколько дней въ Мюнхенъ, тайкомъ передалъ ему нѣсколько писемъ, и эти письма подѣйствовали на Отто, какъ ударъ, хотя и не неожиданный, но тѣмъ не менѣе жестокій. Онъ узналъ, что призракъ нищеты и голода заглядываетъ въ самые глаза Германіи, узналъ о лишеніяхъ и скорби своихъ близкихъ, призывающихъ, какъ избавленье, конецъ этой ужасной войны, — конецъ, о которомъ нечего было и думать. Передъ Рюлингомъ съ отвратительной яркостью вставала галлюцинація, не покидавшая его всѣ эти дни: почернѣвшій трупъ, распадающійся по кускамъ. И снова онъ почувствовалъ болѣзненные симптомы, неразрывно связанные съ этой галлюцинаціей—головокруженіе и тошноту.

Онъ обратился къ Блюме, сознавая самъ, насколько трудно опредѣлить его болѣзнь. Налицо оказались признаки переутомленія, но и только. Пьянство, которому онъ пробовалъ предаваться, приносило лишь мимолетное облегченье, да и то приходилось покупать слишкомъ дорогой цѣной, потому что потомъ онъ чувствовалъ себя еще хуже. Временами ему казалось, что онъ сходитъ съ ума.

Приглядываясь подъ вліяніемъ этой мысли къ своимъ товарищамъ, Отто скоро пришелъ къ убѣжденію, что, въ сущности, окруженъ ненормальными. Всѣ эти люди, выгнанные безпощаднымъ бичомъ войны изъ своихъ рабочихъ кабинетовъ, магазиновъ, театральныхъ уборныхъ, заводовъ и конторъ и запертые въ землянки безъ свѣта и воздуха, несомнѣнно блуждали подъ знакомъ безумія. Они напоминали звѣрей въ клѣткахъ зоологическаго сада, оторванныхъ отъ привычной обстановки и погибающихъ среди общаго равнодушія. Развѣ нормаленъ, напримѣръ, Ховенъ съ его маніей убійства ради убійства? Или Трейчке, утверждающій съ настойчивостью типичнаго маніака, что всѣ войска міра не смогутъ преодолѣть воздвигнутыхъ имъ укрѣпленій? Въ каждомъ изъ нихъ таилось скрытое безуміе, ожидая только подходящаго случая, чтобы прорваться наружу.

Это открытіе заставило Рюлинга, вѣрившаго въ заразительность душевныхъ заболѣваній, сторониться отъ окружающихъ еще болѣе, чѣмъ онъ инстинктивно дѣлалъ это раньше. Онъ жилъ въ своей халупѣ, словно въ берлогѣ, не принимая участія въ безобразныхъ оргіяхъ, которыми его сослуживцы старались скрасить свое жалкое существованіе. Такая обособленность бросалась въ глаза, и Трейчке однажды обратилъ вниманіе друга на то, что офицеръ не можетъ такъ демонстративно подчеркивать свою непріязнь къ товарищамъ. Рюлингъ не сталъ увѣрять его, что дѣло тутъ вовсе не въ непріязни, но все же принялъ къ свѣдѣнію слова инженера и рѣшилъ взять себя въ руки хотя бы настолько, чтобы не служить предметомъ пересудовъ и сплетенъ въ штабѣ.

Случай представился скоро. Трейчке и Ховенъ собрались развлекаться и позвали его съ собой. Машинально одѣвшись и сунувъ въ карманъ револьверъ, онъ послѣдовалъ за ними, не спрашивая даже, куда его везутъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Германіи.

Мы знали—наше дѣло право,
За насъ и Богъ, и міръ, и честь!
Пылай, воинственная слава,
Свершится праведная месть.

Германія, твой императоръ,—
Въ какую вѣрилъ онъ звѣзду,
Когда, забывъ о днѣ расплаты,
Зажегъ всемірную вражду?

Онъ на Парижъ стопою грузной
Повелъ свинцовый ужасъ свой,
Но крылья арміи союзной
Отбили натискъ роковой.

Вы тщетно подъ Верденомъ бились
И разоряли города,
За вашей арміей влачились
Братоубійство и вражда.

Вы чуждыми остались Польшѣ,
И жребій вашъ убогъ и сиръ.
Когда надеждъ не стало больше,
Произнесли вы слово: миръ!

Неправый вождь! Ты слишкомъ поздно
Сознался, что борьба невмочь...
Для насъ—въ грядущемъ небо звѣздно,
Твой черный жребій кроетъ ночь.

Миръ! Всѣмъ священно это имя,
И всѣмъ его желанна вѣсть,
Но не кровавыми твоими
Ее устами произнесть!

Вѣдь жизни всѣхъ, кто легъ со славой,
Вся кровь, пролитая въ бою,
Вильгельмъ Второй, Вильгельмъ Кровавый,
Падетъ на голову твою!

Недолго ждать! Близка расплата!
Намъ—часъ веселья, вамъ—тоски.
Предъ мощью нашего солдата
Блѣднѣютъ прусскіе полки!

Они давно устали биться,
И доблесть имъ давно чужда.
Они идутъ... Имъ вслѣдъ влачится
Братоубійство и вражда.

Германія! Предъ славой нашей
Склони безсильное копье
И переполненною чашей
Испей безславіе свое.

Тогда, позабывая бѣды,
Мы вамъ даруемъ честный миръ
И бросимъ къ алтарю побѣды
Вильгельма глиняный кумиръ.

Георгій Ивановъ.

На рижскомъ фронтѣ.

Высочайшій рескриптъ,

данный на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ, члена Государственнаго Совѣта, сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Голицына.

Князь Николай Дмитріевичъ. Возложивъ на васъ отвѣтственныя обязанности Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Я признаю за благо указать вамъ тѣ ближайшія задачи, на разрѣшеніе которыхъ должны быть направлены основныя заботы правительства.

Нынѣ, на переломѣ великой войны, всѣ помыслы русскихъ людей, безъ различія народностей и сословій, обращены къ доблестнымъ, покрытымъ славою защитникамъ нашей Родины, въ суровомъ напряженіи ожидающимъ рѣшительнаго столкновенія съ врагомъ. Въ полномъ единеніи съ нашими вѣрными союзниками, не допуская мысли о заключеніи мира ранѣе окончательной побѣды, Я твердо вѣрую, что народъ русскій, самоотверженно несущій бремя войны, исполнитъ свой долгъ до конца, не останавливаясь ни передъ какими жертвами. Природные запасы нашего Отечества неисчерпаемы и устраняютъ опасность того истощенія страны, которое, видимо, наступаетъ для нашихъ противниковъ. Но тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ упорядоченіе продовольственнаго дѣла, столь важнаго и сложнаго при настоящихъ условіяхъ.

Поэтому первѣйшею задачею объединяемаго въ вашемъ лицѣ Правительства поставляю заботу какъ о снабженіи продовольствіемъ доблестныхъ Моихъ армій, такъ и о возможномъ смягченіи въ тылу неизбѣжныхъ при міровой борьбѣ народовъ продовольственныхъ затрудненій. Я ожидаю, что на широкомъ осуществленіи и развитіи мѣръ, которыя въ послѣднее время въ этихъ цѣляхъ предприняты, будетъ сосредоточена общая работа всего Правительства. Въ дѣлѣ снабженія армій и населенія необходима согласованность распоряженій какъ всѣхъ властей фронта и тыла, такъ и отдѣльныхъ вѣдомствъ, объединяемыхъ руководствомъ Совѣта Министровъ.

Другая задача, которой Я придаю такое же преобладающее значеніе, — это дальнѣйшее улучшеніе какъ желѣзнодорожныхъ, такъ и рѣчныхъ перевозокъ. Совѣту Министровъ надлежитъ выработать рѣшительныя въ этой области мѣры, обезпечивающія всемѣрное использованіе перевозочныхъ средствъ, и установить твердую планомѣрность перевозокъ для своевременнаго снабженія всѣмъ необходимымъ армій и тыла, при полной согласованности дѣйствій всѣхъ вѣдомствъ.

Предуказывая эти ближайшія задачи предстоящей работы, Я хочу вѣрить, что дѣятельность Совѣта Министровъ подъ вашимъ предсѣдательствомъ встрѣтитъ помощь въ средѣ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, объединяясь единодушнымъ и горячимъ желаніемъ довести войну до побѣднаго конца. Благожелательное, прямое и достойное отношеніе къ законодательнымъ установленіямъ Я ставлю въ непремѣнную обязанность призванныхъ Мною къ государственному служенію лицъ.

Въ предстоящей дѣятельности по устройству хозяйственной жизни страны незамѣнимою опорою Правительства явятся земства, которыя работою своею какъ въ мирное время, такъ и въ годину войны доказали, что въ нихъ неугасимо сохраняются свѣтлые завѣты устроителя земской жизни, незабвеннаго Моего Дѣда, Императора Александра Второго.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Царское Село. 6-го января 1917 года.

На рижскомъ фронтѣ. *Станція Икскюль.*

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Выжидательное положеніе.

Въ началѣ января на всѣхъ фронтахъ отмѣчалось выжидательное затишье, и даже на румынскомъ фронтѣ, гдѣ операціи за зиму получили столь интенсивное развитіе, бои стали затихать. На этомъ послѣднемъ фронтѣ войска противника, подойдя къ Серету, сдѣлали цѣлый рядъ попытокъ переправиться черезъ эту рѣку и у Галаца, и у Фокшанъ, и у Немолосы, но всѣ первыя попытки переправиться потерпѣли неудачу.

Въ результатѣ, къ началу января бывшая столь настойчивой и интенсивной операція Фалькенгайна никакъ не могла получить дальнѣйшаго развитія. Нѣмцы, отбитые на трехъ важнѣйшихъ направленіяхъ—у Галаца, Немолосы и Фокшанъ, пріостановились, заняли выжидательное положеніе, и прежніе горячіе бои на румынскомъ фронтѣ смѣнились слабой перестрѣлкой и обычными поисками развѣдчиковъ.

Помимо того, что на пріостановку наступленія Фалькенгайна къ молдаво-бессарабской границѣ оказало весьма существенное вліяніе сопротивленіе нашихъ войскъ,—въ пріостановкѣ этой операціи сыграли существенную роль общія условія политическаго и стратегическаго момента. Прежде всего нѣкоторое вліяніе должна была оказать неудача такъ называемаго „мирнаго предложенія" Германіи. Въ связи съ этой неудачей, у нѣмцевъ уже не было нужды подкрѣплять свою дипломатическую позицію военными успѣхами,—что въ концѣ концовъ и было въ свое время одной изъ причинъ того, что противникъ, уже достигнувъ „сокращенія фронта" въ Румыніи, все же продолжалъ пытаться наступать далѣе, хотя никакихъ особенныхъ побудительныхъ причинъ стратегическаго свойства" на это не было.

Нельзя не учесть также и того, что противникъ долженъ былъ готовиться къ предстоящимъ крупнымъ событіямъ, т.-е. къ надвигающейся весенней кампаніи. Въ прошломъ году эта весенняя кампанія открылась довольно рано,—какъ мы знаемъ, 7-го февраля, когда началось наступленіе нѣмцевъ у Вердена. Это раннее выступленіе противника въ прошломъ году объяснялось тѣмъ, что нѣмцы торопились „предупредить" союзниковъ, ибо полагали, что съ началомъ прошлогодней весенней кампаніи союзники также перейдутъ въ наступленіе.

На рижскомъ фронтѣ. *Генералъ Т., командиръ корпуса, раздаетъ Георгіевскіе кресты геройскимъ латышскимъ батальонамъ на И. предмостномъ укрѣпленіи.*

Каково будетъ положеніе въ нынѣшнемъ году,—трудно сказать, но можно уже и сейчасъ отмѣтить появившееся въ газетахъ извѣстіе о совѣщаніи союзниковъ, имѣвшемъ мѣсто въ Римѣ, на которомъ были приняты важныя стратегическія и политическія рѣшенія. Очевидно, нѣмцы не могли не учитывать этихъ фактовъ, и вполнѣ естественно, что, ожидая новаго натиска союзниковъ съ началомъ весенней кампаніи 1917 года, противникъ долженъ былъ всемѣрно готовиться. Поэтому нѣмцы и должны были пріостановить свои операціи на румынскомъ фронтѣ, ибо обстановка, складывавшаяся въ началѣ 1917 года, въ связи съ ожидающимися крупными событіями, вынуждала ихъ скорѣе къ сбереженію резервовъ, нежели къ ихъ расходованію.

Румынская операція вызвала исключительное напряженіе противника и весьма большой расходъ силъ, почему вполнѣ понятно, что, когда противникъ въ началѣ января началъ считаться съ приближеніемъ крупныхъ событій на другихъ фронтахъ, его энергія на румынскомъ театрѣ должна была ослабѣть.

Изъ этого видно, что, какъ энергичное сопротивленіе нашихъ войскъ, такъ и та угроза наступленія союзниковъ, признаки которой можно было подмѣтить въ цѣломъ рядѣ фактовъ, сыграли свою рѣшающую роль на главномъ румынскомъ театрѣ въ томъ смыслѣ, что наступленіе противника пріостановилось передъ Серетомъ. Благодаря этому, расположеніе противника на главномъ румынскомъ театрѣ оказалось совершенно „случайнымъ", и вмѣсто того, чтобы занимать нѣкоторую естественную оборонительную линію, фронтъ противника оказался „передъ" этой линіей. Такъ же, какъ и на риго-двинскомъ фронтѣ, гдѣ противникъ занимаетъ линію „передъ" Западной Двиной, а означенную рѣку занимаютъ наши войска,—такъ и на

На рижскомъ фронтѣ. *Командиръ доблестнаго латышскаго батальона (стоитъ слѣва) у И. предмостнаго укрѣпленія.*

Генералъ-отъ-инфантеріи М. А. Бѣляевъ, назначенный военнымъ министромъ.

другой оконечности русскаго театра, на югѣ, противникъ оказался также „передъ“ Серетомъ, а эту важную оборонительную линію продолжали занимать наши войска.

Очевидно, что и здѣсь, какъ и на риго-двинскомъ фронтѣ, расположеніе противника могло быть прикрыто только „искусственной“ линіей, а не „естественной“, т.-е. могло быть прикрыто только укрѣпленіями.

Какъ только закончилась операція на румынскомъ фронтѣ и въ связи съ этимъ наступило затишье на всемъ громадномъ театрѣ отъ Балтійскаго моря до Чернаго, положеніе стало особенно неопредѣленнымъ и особенно напряженнымъ. Пока шла румынская операція, положеніе было болѣе или менѣе ясно въ томъ отношеніи, что центръ тяжести операцій, районы сосредоточенія значительныхъ силъ обѣихъ сторонъ болѣе или менѣе опредѣлились. Было понятно, что, при общемъ затишьѣ на всемъ восточномъ театрѣ, главнымъ очагомъ борьбы является румынскій театръ. Зато совершенно иное дѣло получилось, когда румынская операція прекратилась.

Съ прекращеніемъ этой операціи наступилъ тотъ „выжидательно-напряженный“ моментъ, когда районы предстоящей новой операціи еще не опредѣлились, и неясно представлялись тѣ пункты, гдѣ наиболѣе сосредоточиваются силы обѣихъ сторонъ для предстоящихъ новыхъ большихъ ударовъ. Такое положеніе, представляясь вообще напряженнымъ, особенно напряженно чувствуется на столь длинныхъ фронтахъ, которые характеризуютъ русскій театръ. Гдѣ возникнетъ новая операція,—на сѣверномъ театрѣ, на центральномъ ли, на южномъ, а въ отдѣльности на этихъ театрахъ, въ какомъ именно районѣ,- такой вопросъ естественно всегда возникаетъ передъ обѣими сторонами въ минуты затишья. Если же принять во вниманіе, что въ данномъ случаѣ періодъ затишья неизбѣжно долженъ предшествовать ожидающимся крупнымъ событіямъ весенней кампаніи, то ясно, что напряженіе должно было еще болѣе возрасти.

При такихъ условіяхъ получили большое развитіе частыя столкновенія на фронтѣ между развѣдывательными частями, усиленный артиллерійскій огонь, имѣющій цѣлью вызвать огонь батарей противной стороны и, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ опредѣлить „скелетъ“ непріятельскаго расположенія и т. п. Такого рода бои и стали отмѣчаться въ рядѣ сообщеній почти на всѣхъ театрахъ, а въ особенности на нашемъ, какъ имѣющемъ наибольшее протяженіе, и, слѣдовательно, гдѣ возможны самыя разнообразныя комбинаціи по сосредоточенію войскъ на самыхъ различныхъ участкахъ фронта.

Такое же выжидательное положеніе, какое наблюдалось на сухопутныхъ театрахъ въ началѣ января, можно было замѣтить и на моряхъ. Дѣйствительно, германскій флотъ послѣ всѣхъ многочисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ попытокъ сравнять свои силы съ англійскимъ,— которыя выразились и въ крейсерской войнѣ, и въ нападеніяхъ подводныхъ лодокъ, и въ нападеніяхъ миноносцевъ, и въ двухъ сраженіяхъ въ Сѣверномъ морѣ,—несомнѣнно готовился къ новымъ попыткамъ добиться какого-либо конкретнаго результата на морѣ. На этотъ разъ нѣмцы, повидимому, уже больше не возлагали особенныхъ надеждъ на свой надводный флотъ, на дредноуты,—послѣ неблагопріятнаго исхода боя 18-го мая у береговъ Ютландіи всѣ упованія нѣмцевъ были явно возложены на подводную войну. Горячія пренія въ рейхстагѣ по вопросу о подводной войнѣ, поставленныя на обсужденіе въ закрытомъ засѣданіи, и резолюціи, вынесенныя по этому вопросу, показали, что германскій народъ, въ лицѣ своихъ представителей, сочувствуетъ продолженію подводной войны. Хотя Бетманъ-Гольвегъ и побѣдилъ Тирпица, и послѣдній ушелъ,—тѣмъ не менѣе ясно было, что нѣмцы въ массѣ раздѣляютъ взгляды на подводную войну не имперскаго канцлера, а ушедшаго морского министра.

Изъ числа другихъ попытокъ нѣмцевъ проявить дѣятельность на морѣ можно отмѣтить довольно неожиданную попытку „возобновить“ крейсерскую войну. Это выразилось въ томъ, что въ началѣ января въ Атлантическомъ океанѣ появился германскій каперъ, а передъ этимъ у береговъ Южной Америки, близъ Пернамбуко, нѣмцы потопили 10 пароходовъ. Въ извѣстіяхъ о потопленіяхъ пароходовъ у Пернамбуко не было указано, были ли они потоплены подводными лодками или „вооруженными пиратами“.

По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, бывшимъ въ газетахъ, германскимъ каперомъ, появившимся въ Атлантическомъ океанѣ, былъ не кто иной, какъ старый „знакомецъ“, нѣмецкій вспомогательный крейсеръ „Мёве“. Этотъ крейсеръ уже выходилъ однажды въ Атлантическій океанъ,—въ декабрѣ 1915 года.

„Мёве“ былъ въ свое время передѣланъ изъ коммерческаго парохода „Понга“, строившагося въ Гестемюнде спеціально для перевозки фруктовъ изъ Западной Африки въ Европу. Этотъ пароходъ имѣлъ 4.500 тоннъ водоизмѣщенія и скорость хода около 14 узловъ. Его размѣры, солидность постройки и удовлетворительная скорость хода дали нѣмцамъ основаніе превратить его въ вспомогательный крейсеръ. Въ серединѣ декабря 1915 года „Мёве“ вышелъ изъ Киля, „загримировавшись“ коммерческимъ пароходомъ и поднявъ шведскій флагъ. Благодаря этому, ему удалось обмануть бдительность англійскихъ судовъ и проскочить въ Атлантическій океанъ.

„Мёве“ тогда разбойничалъ около двухъ мѣсяцевъ, при чемъ ему удалось потопить 14 пароходовъ, изъ которыхъ крупнѣе другихъ былъ англійскій пароходъ „Эппель“. Затѣмъ „Мёве“ удалось снова проскочить черезъ блокаду, и въ серединѣ февраля онъ вернулся въ Вильгельмсгафенъ.

Эта разбойничья экспедиція „Мёве“ вызвала въ свое время необыкновенный восторгъ среди нѣмцевъ, хотя казалось бы, что столь незначительные результаты, какъ потопленіе 14 пароходовъ, не только нисколько не мѣняли положенія на морѣ, но и сами по себѣ не могли быть основаніемъ для особаго удовлетворенія. Повидимому, учитывая этотъ восторженный пріемъ, сдѣланный „Мёве“, германскія морскія власти и выслали въ началѣ 1917 года этотъ вспомогательный крейсеръ снова въ океанъ. Въ этомъ нужно видѣть скорѣе одну изъ мѣръ германскаго правительства, спеціально направленную для поднятія настроенія въ нѣмецкой массѣ, послѣ неудачи „мирнаго предложенія“,—нежели что-либо серьезное. Дѣйствительно, если нѣмецкая крейсерская война, веденная въ первые дни войны, не дала никакихъ ощутительныхъ результатовъ, то чего можно было ожидать отъ дѣйствій одного вспомогательнаго крейсера, хотя бы и способнаго на самые отчаянные поступки.

Въ началѣ войны для поимки 10—12 нѣмецкихъ крейсеровъ

Принцъ Кароль. Румынскій премьеръ-министръ Братіано.

Прибытіе наслѣдника румынскаго престола Его Королевскаго Высочества принца Кароля въ Петроградъ. *Августѣйшій Гость и встрѣтившій Его Королевское Высочество на вокзалѣ Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ.*

союзниками было сосредоточено въ океанахъ около 70 крейсеровъ—англійскихъ, французскихъ, русскихъ и японскихъ, и, конечно, союзники всегда обладали и обладаютъ достаточными средствами для того, чтобы ликвидировать новую попытку нѣмцевъ „возобновить“ крейсерскую войну, во много разъ болѣе слабую, чѣмъ ихъ первыя попытки.

Такимъ образомъ, оцѣнивая первыя новыя попытки нѣмцевъ выйти изъ выжидательнаго положенія на морѣ, обнаружившіяся съ началомъ 1917 года, мы безъ всякаго пристрастія должны признать ихъ во много разъ болѣе ничтожными, чѣмъ то, что нѣмцы показывали раньше. Правда, разговоры о новыхъ большихъ орудіяхъ, которыя нѣмцы якобы ставятъ на судахъ, о новыхъ громадныхъ подводныхъ лодкахъ водоизмѣщеніемъ до 5.000 тоннъ, о томъ, что нѣмцы намѣрены увеличить свой подводный флотъ до 170 лодокъ (одинъ корреспондентъ „махнулъ“ даже до 1.000 лодокъ).—не прекращались. Однако такіе разговоры шли и раньше, и не было никакихъ основаній ожидать, что противникъ вдругъ теперь покажетъ что-либо такое въ области морской техники, что якобы, по словамъ нѣмцевъ, должно измѣнить въ корнѣ положеніе обѣихъ сторонъ на морѣ.

„Книжная Лѣтопись“.

31-го декабря 1916 г. исполнилось десять лѣтъ съ того момента, какъ Главное Управленіе по дѣламъ печати, по иниціативѣ бывшаго его начальника, сенатора А. В. Бельгарда, для регистраціи всѣхъ выходящихъ въ Россіи произведеній печати, начало издавать еженедѣльный библіографическій журналъ, подъ названіемъ „Книжная Лѣтопись“. Регулярно занося на свои страницы все, что въ продолженіе десяти лѣтъ выпускалъ на свѣтъ Божій русскій печатный станокъ, это скромное, мало замѣтное справочное изданіе дѣлало крупное культурное дѣло: оно наглядно показало, чѣмъ жили умъ и сердце страны за истекшее десятилѣтіе, каковъ былъ ростъ просвѣщенія на Руси, насколько богатѣла ея книжная сокровищница. За десять лѣтъ своего существованія „Книжная Лѣтопись“ зарегистровала 266.000 названій книгъ, изданныхъ на 85 языкахъ и нарѣчіяхъ, въ количествѣ свыше одного милліарда экземпляровъ, на сумму болѣе 300 милліоновъ рублей.

В. П. Преображенскій. В. В. Лебедевъ. С. В. Недачинъ. А. Д. Тороповъ. М. И. Макаревскій. З. Ш. Шамиль. В. Я. Криницкій.

Редакція журнала „Книжная Лѣтопись“ (1906—1916).

Не ограничиваясь одной систематической регистраціей произведеній печати, редакція „Книжной Лѣтописи“, при содѣйствіи А. В. Бельгарда, осуществила счастливую мысль—устраивать ежегодныя выставки всѣхъ произведеній печати, вышедшихъ въ Россіи за годъ. Эти выставки дали возможность всему русскому обществу воочію убѣдиться въ ростѣ и совершенствованіи книжнаго дѣла на Руси. Хотя идея устройства такихъ спеціально-книжныхъ выставокъ являлась совершенно новою не только у насъ, но и въ Европѣ, однако редакція удачно справилась съ этой задачей: каждый посѣтитель выставокъ, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ, уходилъ оттуда вполнѣ удовлетвореннымъ. И всѣ многочисленные отзывы прессы единогласно сходились въ признаніи за выставками огромнаго культурнаго значенія. Выставки печати,—по образному выраженію одной газеты,—какъ бы вскрывали ежегодно черепъ многомилліоннаго народа и многоязычнаго государства и говорили каждому: „смотри, чѣмъ жила цѣлый годъ страна, смотри, какой духовной пищей питалась она“...

Кромѣ того, устроители выставокъ не пропускали ни одного выдающагося юбилея, какъ, напримѣръ, юбилеи Гоголя, Толстого, 19-го февраля 1861 года, 1812-го года, 300-лѣтія Дома Романовыхъ и др. Устраивая на выставкахъ печати еще эти спеціально-юбилейныя выставки, они наглядно показывали, какъ то или иное общественное юбилейное событіе отражалось въ произведеніяхъ печати и особыхъ иллюстраціяхъ.

Выставокъ печати было устроено всего 13, изъ нихъ 9—въ Петроградѣ, 1—въ Москвѣ и 3—за границей. Выставки всюду пользовались большимъ успѣхомъ и заслужили даже „почетные отзывы“.

Издаваясь по программѣ, вполнѣ удовлетворяющей и ученыхъ книговѣдовъ, и книжниковъ-торговцевъ, и обыкновеннаго обывателя-книголюба, „Книжная Лѣтопись“, аккуратно выходившая каждую субботу въ теченіе десяти лѣтъ, сдѣлалась незамѣнимою настольною справочною книгою для лицъ, причастныхъ книжному дѣлу.

Редакторомъ этого журнала со дня основанія „Книжной Лѣтописи“ состоитъ извѣстный библіофилъ Андрей Дмитріевичъ Тороповъ, основатель перваго въ Россіи „Библіографическаго Общества“ при Московскомъ университетѣ, редакторъ московскаго журнала „Книговѣдѣніе“ (1894—1896 г.), авторъ большого библіографическаго труда: „Систематическій Указатель литературнаго и художественнаго содержанія журнала „Нива“ за 30 лѣтъ (1870—1899 г.) и Перваго прибавленія къ нему за 5 лѣтъ (1900—1904 г.).

Ближайшими помощниками А. Д. Торопова по редакціи „Книжной Лѣтописи“ и устройству выставокъ печати были: А. И. Гейдукевичъ, К. Ю. Геруцъ, Н. Д. Грибоѣдовъ, В. Я. Криницкій, М. И. Лаппо, В. В. Лебедевъ, М. И. Макаревскій, С. В. Недачинъ, В. П. Преображенскій, И. В. Цвѣтковъ и З. Ш. Шамиль.

Вполнѣ присоединяясь къ тѣмъ привѣтствіямъ, какія журналъ получилъ въ день скромнаго празднованія своего десятилѣтія—2-го января 1917 года, мы желаемъ „Книжной Лѣтописи“ еще много, много лѣтъ служить на пользу родного просвѣщенія и книжнаго дѣла.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 35.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ. Петроградъ Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1917 г. № 4

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVIII г. изданія

Выданъ 28-го января 1917 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (⅓ ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается соч. Сервантеса „Донъ-Кихотъ“ кн. 1.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Контора журнала „Нива", объявивъ въ 1915 году о продажѣ подписчикамъ „Нивы" двухъ картинъ-олеографій проф. К. Е. Маковскаго: „Бабушкина сказка" и „Гаданье", получила такое большое количество требованій на эти картины, что вторая изъ нихъ „Гаданье" была быстро распродана. Этотъ успѣхъ далъ Конторѣ журнала „Нива" увѣренность, что значительная часть подписчиковъ, **не получившая своевременно художественныхъ премій, дававшихся въ прежніе годы въ приложеніе къ журналу „Нива", нынѣ** пожелала бы **восполнить этотъ пробѣлъ и** выписать отдѣльныя картины и художественныя произведенія изъ богатой коллекціи премій „Нивы" прежнихъ лѣтъ.

Идя навстрѣчу этому желанію подписчиковъ, Контора журнала „Нива" рѣшила предоставить право за плату получить слѣдующія художественно исполненныя картины, печатанныя масляными красками и красками съ акварелей и офорты:

I. **Портретъ Ея Императорскаго Величества ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.** Размѣръ портрета 14 × 18 в. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

II. **Художеств. альбомъ „Нивы"**, въ изящной папкѣ, 10 × 8 в.—выпускъ II-ой, 1892 г. Въ выпускѣ 10 акварелей извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ: **И. К. Айвазовскаго** „Лунная ночь на берегу Чернаго моря на Кавказѣ", **А. Н. Бенуа** „Вечеръ", **А. П. Боголюбова** „Морской каналъ въ Петербургѣ", **Д. Н. Дмитріева-Оренбургскаго** „У колодца", **Н. Зихеля** „Фатьма", **А. М. Котляревскаго** „Спряталась", **Н. А. Кошелева** „Изъ дѣтства Петра Великаго", **Л. Ф. Лагоріо** „Близъ Ай-Петри въ Крыму", **К. Е. Маковскаго** „Бояринъ" и **В. И. Навозова** „У яблоковъ". Цѣна альбома 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

III. **Картина, печатанная масляными красками:** „Бабушкина сказка", проф. **К. Е. Маковскаго**, 14½ × 18½ в. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

IV. **Картины, печатанныя красками съ акварелей:**

1) „Свиданіе въ осажденномъ городѣ" **М. Зичи.** Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к.

2) „Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники" и „Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти", двѣ картины проф. **А. Д. Кившенко**, 14 × 10½ в. Цѣна обѣихъ картинъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

3) „Черкесы въ горахъ", картина академика **П. Н. Грузинскаго** и „Неро-фіордъ въ Норвегіи", картина художн. **Расмуссена**, 11½ × 8¾ в. Цѣна обѣихъ картинъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

V. **Офорты на цинкѣ.** „Дубовая роща Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ" и „Лѣсная рѣчка", проф. **И. И. Шишкина**, 11½ × 8¾ в. Цѣна обоихъ офортовъ на цинкѣ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

При совмѣстной выпискѣ двухъ и трехъ картинъ пересылка обойдется въ 75 коп., а четырехъ и болѣе картинъ въ 1 рубль.

БИБЛІОГРАФІЯ.

(Книги, поступившія въ редакцію для отзыва).

С. Сергѣевъ-Ценскій. «Наклонная Елена». Разсказы. Т. VII. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. Цѣна 1 руб. 35 коп.

Сергѣевъ-Ценскій—одинъ изъ тѣхъ писателей, которые не могутъ писать такъ, чтобы не захватить души читателя, не подчинить его невольно себѣ, хотя бы въ самомъ незначительномъ на первый взглядъ наброскѣ. А „Наклонная Елена", это — большая повѣсть, занимающая почти весь названный томъ. Здѣсь было гдѣ развернуться психологическому таланту автора. Но психологизмъ Сергѣева-Ценскаго особенный: онъ не дробитъ для него явленій внѣшняго міра, не копается въ душѣ героевъ, онъ прямо чертитъ душевныя переживанія, вынося ихъ на страницы своей книги въ поступкахъ и дѣйствіяхъ героевъ и создавая такимъ образомъ настроеніе всего цѣлаго. Гармонія цѣлаго, слитость частей при ихъ прихотливомъ сплетеніи—въ этомъ основная художественная красота произведеній Сергѣева-Ценскаго.

Такою художественною цѣльностью проникнута вся „Наклонная Елена". Отъ начала до конца звучитъ одинъ гармоническій мотивъ.

„Молодой горный инженеръ Матіецъ, завѣдующій шахтой „Наклонная Елена", рѣшилъ застрѣлиться 6-го мая въ 11 час. вечера, и рано утромъ въ субботу, подымаясь привычно по гудку, онъ старался какъ можно тверже прочертить въ сознаніи послѣдовательность того, что нужно сегодня сдѣлать..."

Такъ начинаетъ авторъ свою повѣсть. Сѣрыя тяжелыя будни труда, полоса безнадежности тянется отъ начала до конца повѣсти, обрывающейся вдругъ примирительнымъ аккордомъ: человѣкъ взглянулъ на жизнь иными глазами, и все вокругъ измѣнилось: эта самая дѣйствительность переродила его, подчинила себѣ.

„Поэзія труда, грубо-грубѣйшаго земного труда", въ которую Матіецъ повѣрилъ, измѣнила все направленіе его жизни, клонившейся было по наклонной плоскости. Для молодого, еще не обтерпѣвшагося въ жизненной борьбѣ человѣка работа въ шахтѣ „Наклонная Елена" была тѣмъ клочкомъ сѣрыхъ будней, съ которымъ не могло примириться еще настроенное идеалистически сознаніе. Окружающая обстановка съ ея грубостью, жестокая правда жизни, требующая напряженнаго вниманія, и борьба съ мелочами, съ шахтерами, коногонами и т. п., ставящая отъ этого на карту человѣческую жизнь, помимо необходимости служить „хозяину",—всего этого не можетъ еще принять молодая душа, жаждущая любви, ласки и яркаго солнечнаго свѣта. Только страданіе и боль заглушаютъ эти стремленія, и Матіецъ приходитъ въ себя лишь послѣ опасности, угрожавшей его жизни. „Божокъ"—коногонъ чуть не убилъ Матійца, но онъ тѣмъ воскресилъ его душу, давая въ страданіи то необыкновенное, что примирило его съ окружающимъ. „Онъ что-то нашелъ прочное, и, пожалуй, у него уже дѣйствительно больше не забурится вагонъ",—заканчиваетъ авторъ свою повѣсть.

Въ другихъ разсказахъ этого тома—„Лерикъ", „Около моря", „Благая вѣсть"—Сергѣевъ-Ценскій даетъ небольшіе психологическіе этюды.

Измайловъ, А. „Чеховъ. Жизнь — личность — творчество". Москва. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Авторъ весьма скромно назвалъ свою книгу „біографическимъ наброскомъ". „Набросокъ" этотъ однако представляетъ собою громадный убористый томъ около 600 страницъ.

Трудъ А. А. Измайлова охватываетъ собою, какъ указано въ

подзаголовкѣ, три сферы: жизнь Чехова, его личность, его творчество. Изъ этого біографическаго триптиха всего легче и проще для біографа первая часть—внѣшняя сторона жизни Чехова. Въ самомъ дѣлѣ, Чеховъ жилъ еще въ наше время, у многихъ современниковъ на виду, послѣ него осталось много точно-провѣренныхъ воспоминаній, много свидѣтелей его бытія. Собрать и систематизировать матеріалъ, относящійся къ внѣшней біографіи Чехова, такимъ образомъ не такъ уже мудрено. И эта часть въ книгѣ А. А. Измайлова самая обстоятельная и исчерпывающая. Читатель найдетъ здѣсь кое-что новое, еще недостаточно освѣщенное дотолѣ въ печати, напримѣръ, нѣкоторыя подробности дѣтской жизни Чехова, его школьные годы и проч. Много интереснѣйшихъ подробностей и деталей о семейномъ укладѣ тогдашней жизни Чехова также едва ли не впервые появляются здѣсь въ освѣщеніи А. А. Измайлова.

Ярко выявлена А. А. Измайловымъ и личность Чехова. Характеръ знаменитаго писателя, его отношенія къ окружающимъ—все это почерпнуто изъ многочисленныхъ (такихъ яркихъ!) писемъ самого Чехова и изъ воспоминаній о немъ многочисленныхъ лицъ. Иныя изъ этихъ воспоминаній (напримѣръ, принадлежащія А. И. Куприну) чрезвычайно ярки и художественны, другія (Елпатьевскаго), обрисовывающія общественную сторону дѣятельности Чехова, очень обстоятельны, и изъ нихъ образъ пѣвца „Сумерекъ" вырисовывается почти съ пластической опредѣленностью. Чехову вообще въ біографическомъ отношеніи повезло: рѣдкій, даже изъ современныхъ большихъ писателей, оставилъ послѣ себя такъ много провѣреннаго и доброкачественнаго біографическаго матеріала. Зависѣло это, конечно, прежде всего оттого, что Чеховъ былъ окруженъ людьми, умѣвшими его понять и оцѣнить и сумѣвшими потомъ фиксировать свои воспоминанія о немъ. Зависитъ это также и отъ обилія писемъ самого Чехова: въ нихъ онъ обрисовывается на рѣдкость ярко. Это поистинѣ лучшій автобіографическій матеріалъ. И если въ художественныхъ произведеніяхъ Чехова мало чисто-автобіографическихъ чертъ, то письма Чехова съ избыткомъ восполняютъ это, и А. А. Измайловъ, умѣло и любовно воспользовавшись ими, взялъ изъ нихъ для своей книги очень многое.

Труднѣе сказать что-либо болѣе или менѣе исчерпывающее о творчествѣ Чехова, какъ съ субъективной, такъ и съ объективной стороны. Въ этомъ отношеніи даже такой благодарный матеріалъ, какъ письма Чехова, даютъ сравнительно немногое. Однако и въ этой сферѣ А. А. Измайлову удалось нарисовать довольно опредѣленную и ясную картину, пользуясь раскиданными то тамъ, то здѣсь замѣтками и штрихами изъ писемъ Чехова, изъ воспоминаній о немъ его братьевъ, и даже изъ репликъ беллетриста Тригорина („Чайка"). И читатель получаетъ представленіе не только о томъ, что и когда писалъ Чеховъ, но и какъ писалъ, и какъ чувствовалъ свое творчество.

Читать написанную А. А. Измайловымъ книгу о Чеховѣ—большое наслажденіе для всякаго, кому дорогъ Чеховъ и его творчество. Въ этой книгѣ такъ много подлиннаго чеховскаго, такъ ярко встаетъ предъ нами его живое остроумie, его умъ и талантъ, и она вся такъ согрѣта любовью и уваженіемъ къ Чехову, что трудно оторваться отъ ея страницъ и нельзя не цѣнить ихъ.

Толстой, А. Н. гр. „Въ Англіи, на Кавказѣ, по Волыни и Галиціи". Т. VI. Изданіе 2-е. Москва. Цѣна 2 рубля.

Гр. А. Н. Толстой былъ однимъ изъ тѣхъ избранниковъ, которые путешествовали въ прошломъ году, въ качествѣ представителей русской журналистики и литературы, въ Англію и на западно-европейскій фронтъ, будучи приглашены туда англійскимъ правительствомъ. Начальные очерки въ его книгѣ представляютъ собою какъ бы отчетъ объ этомъ путешествіи.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что авторъ недаромъ пользуется извѣстностью, какъ талантливый беллетристъ: его очерки читаются легко и съ большимъ интересомъ. Сказывается настоящій художникъ, подмѣчающій характерныя мелочи и штрихи и рисующій ихъ легко и быстро. Кромѣ того, сказывается блестящій стилистъ и художникъ рѣчи. Такимъ образомъ предъ нами не простой отчетъ, а художественный, заслуживающій серьезнаго вниманія.

То же самое слѣдуетъ сказать и объ остальныхъ помѣщенныхъ въ этой книгѣ очеркахъ, посвященныхъ изображенію нашего военнаго фронта на Кавказѣ и на западѣ. И здѣсь читатель постоянно встрѣчаетъ мѣткія замѣчанія, художественно-набросанные эскизы и картинки, живо схваченныя сценки и типы. Мѣстами „корреспонденція" талантливаго автора превращается въ настоящій разсказъ, дающій цѣльное и сильное впечатлѣніе.

Очеркамъ гр. А. Н. Толстого вредитъ разбросанность, отрывочность и мѣстами мелочность изображаемаго. Онъ способенъ, напримѣръ, останавливать вниманіе на какомъ-нибудь недостаткѣ туалета у своего товарища по путешествію (въ Англію) въ то время, когда описываетъ пріемъ у короля, или иное торжественное событіе. Что сказалъ король—это не такъ важно, а вотъ что у товарища не оказалось запонки на видномъ мѣстѣ—это удивительно для автора и смѣшно. Иное изображено въ утрированно-простомъ видѣ (напримѣръ, портреты нѣкоторыхъ англійскихъ дѣятелей), иное носитъ явный характеръ карикатуры (разсказъ о человѣкѣ съ выдающимся подбородкомъ). Но въ то же время попадаются страницы на рѣдкость яркія и законченныя, напримѣръ, визитъ къ извѣстному англійскому писателю Уэльсу.

Въ общемъ книга производитъ впечатлѣніе нѣкоторой разманистости. У писателя, менѣе одареннаго, эта разманистость показалась бы непріятной, но въ книгѣ гр. А. Н. Толстого она въ значительной степени поглощается положительными качествами его таланта. Широкой обобщающей картины того или иного фронта военныхъ дѣйствій она, конечно, не даетъ, но художественной правды въ ней все же много, и читатель по многимъ намекамъ и эскизамъ можетъ составить себѣ извѣстное понятіе о цѣломъ. Хороши описанія природы (Кавказъ). Въ нихъ чувствуется рука мастера.

И. Тимковскій. „Дворянская берлога". Романъ. Книга VIII. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ своемъ романѣ Н. Тимковскій даетъ картину полнаго упадка, разложенія и вырожденія дворянской помѣщичьей семьи. Это дѣйствительно „дворянская берлога", такъ какъ нѣтъ человѣческаго въ ея обитателяхъ, а скорѣе нѣчто звѣриное: нравственная распущенность калѣчитъ и ломаетъ вокругъ себя все. Изъ образованной и интеллигентной женщины, благодаря неудачному замужеству, Елена Юрьевна превращается въ выжигу-кулака, вытягивающаго послѣдніе соки изъ подвластнаго ей экономически крестьянина.

Героиня Лили, выросшая среди нравственной распущенности и безпринципности, вышла взбалмошной дѣвушкой безъ какихъ-либо нравственныхъ принциповъ, съ душой, измятой еще до расцвѣта и наполовину опустошенной. Въ ней погибаетъ богато одаренная натура. Въ своихъ метаніяхъ она не находитъ нравственнаго критерія, который указалъ бы ей границы, и сходитъ съ ума.

Ея отецъ, Левъ Борисовичъ Кайсаровъ, типичная фигура дворянскаго вырожденства. У него нѣтъ ничего святого. Его жизнь послѣ женитьбы—сплошной пьяный разгулъ, но, когда надо, онъ могъ быть и блестящимъ свѣтскимъ человѣкомъ. Мачеха Лили, Софья Федоровна, по-собачьи преданное существо, слѣпо вторитъ ему и переноситъ возмутительныя оргіи мужа.

Несчастная Аграфена, замученная Кайсаровымъ, развращенная дворня, управляющій Соломятинъ, „бывшій барынинъ полюбовникъ", какъ говоритъ Аграфена, няня Липатовна, какъ Софья Федоровна мужу, по-собачьи преданная госпожѣ,—все это живыя фигуры, группирующіяся вокругъ дворянской берлоги, зараженныя ея гніеніемъ и гибнущія такъ или иначе. Цвѣтъ дворянства, собранный на обѣдѣ у Лили, говоритъ о томъ же упадкѣ и вырожденіи. Гиперболической кажется лишь фигура Африканова, говорящаго съ церковнаго амвона проповѣди объ уваженіи къ дворянству и праву собственности.

Въ общемъ Н. Тимковскій хорошо знаетъ провинцію и помѣщичій бытъ ея. Въ романѣ чувствуется нѣкоторая тенденціозность, но есть въ немъ и много художественно-вѣрнаго и мѣткаго.

Жоржъ Роденбахъ. „Агоніи городовъ". Москва. Цѣна 1 рубль.

Изящно изданная книга въ авторизованномъ переводѣ М. Веселовской представляетъ тотъ интересъ, что принадлежитъ она перу бельгійскаго писателя,—страны, восхищающей всѣхъ своимъ геройствомъ и самообладаніемъ. Переводу предшествуетъ біографическая статья Анны Роденбахъ, указывающая главные моменты творчества писателя, ихъ связь съ его жизнью.

Въ книгѣ проходитъ передъ нами рядъ умирающихъ городовъ, съ ихъ угасающимъ величіемъ, съ ихъ памятниками. Душа города подъ перомъ Жоржа Роденбаха трепещетъ и бьется. Встаютъ живые образы, живыя лица и постепенно тускнѣютъ и блекнутъ вмѣстѣ съ потухающей жизненной энергіей города, которымъ они жили.

Въ главѣ „Брюгге" авторъ сразу вводитъ читателя въ міръ своего творчества. „Города часто напоминаютъ женщинъ: они имѣютъ свою пору молодости и расцвѣта: затѣмъ наступаетъ упадокъ, и съ каждымъ днемъ увеличивающіяся вдоль стѣнъ трещины надѣляютъ морщинами ихъ печальную старость". Сравнивая ихъ съ бабушками, которыя озлобляются въ своей печали, авторъ говоритъ: „Большинство изъ нихъ обратились къ мистицизму и стали религіозными городами, которые, по вечерамъ, словно перебираютъ желѣзныя четки на своихъ колоколахъ". Одно уже это начало даетъ понятіе объ образности стиля Жоржа Роденбаха.

Въ случайномъ прозаикѣ сказывается поэтъ Божьей милостью, котораго никогда не покинетъ гармонія созвучій и красокъ. Брюгге, островъ Вальхеренъ, Сенъ-Мало, Гентъ — оживаютъ, разбуженные поэтическими чарами Жоржа Роденбаха, въ своемъ прежнемъ блескѣ и постепенномъ угасаніи.

Переводъ Маріи Веселовской бережно передаетъ поэтическое сокровище, но изданіе, къ сожалѣнію, грѣшитъ опечатками, приводящими порою въ недоумѣніе читателя.

В. Ропшинъ. „То, чего не было". Романъ въ 3-хъ частяхъ. Книгоиздательство „Задруга" Изд. 2-е. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Романъ В. Ропшина, такъ много нашумѣвшій въ свое время, является отраженіемъ бурнаго періода, недавно пережитаго русскимъ обществомъ. Эпическая манера письма автора сближаетъ этотъ романъ по внѣшней формѣ съ „Войной и Миромъ" Л. Толстого. Въ фигурахъ семьи Николая Степановича Болотова смѣшались элементы семьи Ростовыхъ и Болконскихъ „Войны и Мира". Андрей Болотовъ напоминаетъ нѣсколько Андрея Болконскаго, Наташа, сестра его,—Наташу Ростову. Николай Степановичъ Болотовъ, старикъ, напоминаетъ стараго князя Болконскаго.

Но если внѣшняя сторона романа близка къ роману Толстого, то внутренняя, самое содержаніе и духъ его, ближе къ Достоевскому. Постоянная наклонность къ самоанализу у героевъ, проблемы человѣческаго и божескаго, муки карамазовскаго инкви-

зитора, мелькающія то тамъ, то сямъ—все это напоминаетъ писателя-психолога.

Прекрасно подмѣчено авторомъ, что тамъ, гдѣ кончается активность, начинается раздумье,—и тогда уже нѣтъ мѣста дѣлу. Все это сплетается въ одинъ клубокъ. Движеніе въ Москвѣ, разгромъ партіи, провозгласившей „За землю и волю", ея разложеніе и постепенный распадъ—прекрасно отмѣчены В. Ропшинымъ. Фигуры предателей Берга, Кольки, самого полковника—художественно выдержаны. Съ глубокимъ художественнымъ мастерствомъ обрисованъ типъ одного изъ главарей партіи, Александра Болотова, тѣ мучительныя противорѣчія, которыя раздирали его мягкую, но мужественную душу.

Примирительный аккордъ звучитъ въ концѣ романа. Ваня, извѣстившій Наташу о гибели брата, покончившаго самоубійствомъ во время ареста, возвращаясь на станцію, встрѣчаетъ артельщиковъ, и одинъ изъ пильщиковъ оказался похожимъ на знаменитаго члена партіи—экспропріатора Володю. Онъ увидѣлъ „рабочую Русь, Русь необозримыхъ, распаханныхъ, орошенныхъ потомъ полей, заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ, Русь не студентовъ, не офицеровъ, не программъ, не собраній, не комитетовъ и не праздную, легкоязычную, празднословную Русь, а Русь пахарей и жнецовъ, Русь трудовую, непобѣдимую, великую Русь... И сразу стало легко. Онъ понялъ, что и чиновничій комитетъ, и хулиганство, и провокація, и безсильныя баррикады, и дерзость Володи, и преданность Ипполита, и мужество Александра и сомнѣнія Андрея—только пѣна народнаго моря, только взбрызги мятущихся волнъ. Онъ понялъ, что ни министры, ни комитеты не властны измѣнить ходъ событій, какъ не властны матросы успокоить бушующій океанъ. И онъ почувствовалъ, какъ на днѣ утомленной души чистымъ пламенемъ снова вспыхнула вѣра, вѣра въ народъ, въ дѣло освобожденія, въ обновленный, на любви построенный, міръ. Вѣра въ вѣчную правду..."

Второе изданіе романа В. Ропшина пришлось въ новую тяжкую пору, и проблемы, выдвигаемыя имъ, живы и для нашего времени.

И. Н. Игнатовъ. „Театръ и зрители". Москва. Цѣна 3 рубля.

Для всякаго любителя и историка сценическаго искусства изслѣдованіе И. Н. Игнатова представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ по новизнѣ затронутаго вопроса, такъ и по обстоятельности и добросовѣстности самой работы. Обширный трудъ И. Н. Игнатова, иллюстрированный рисунками, заимствованными изъ рѣдкихъ старинныхъ изданій, обнимаетъ эпоху первой половины XIX столѣтія. Исторія отношеній зрителя къ театру доведена И. Н. Игнатовымъ вплоть до появленія на сценѣ бытовыхъ драмъ Островскаго. Въ высшей степени интересно прослѣдить взаимодѣйствія зрителя и сцены на почвѣ смѣняющихся театральныхъ настроеній—царства быта, реалистической драмы, возврата къ романтизму и переходной стадіи модернистическихъ исканій. Зритель, какъ и читатель, есть всегда коллективный незнакомецъ, однакоже до извѣстной степени вліяющій на репертуаръ. Кто за кѣмъ идетъ? Театръ за зрителемъ или наоборотъ? Авторъ тщательно анализируетъ самый составъ этого таинственнаго коллективнаго незнакомца, и это одна изъ самыхъ цѣнныхъ главъ его труда. Книга написана живымъ увлекательнымъ языкомъ. Черновая кропотливо-добросовѣстная работа историка облечена въ легко-читаемые очерки, какъ будто написанные беллетристомъ. Книга эта интересна даже и для лицъ, далеко стоящихъ отъ театра.

М. В. Новорусскій. „Что дѣлать народному учителю". Руководство къ оборудованію своей школы. Петроградъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Принципъ нагляднаго обученія прочно завоевалъ себѣ право гражданства въ начальной школѣ. Но наглядное обученіе требуетъ оборудованія училищъ школьными пособіями, различными коллекціями, безъ которыхъ обойтись невозможно. При скудномъ бюджетѣ нашихъ начальныхъ училищъ трудно расчитывать на то, чтобы содержащія и субсидирующія школы учрежденія могли дать имъ достаточное оборудованіе необходимыми пособіями. Волей-неволей учитель долженъ самъ позаботиться о томъ, чтобы восполнить пробѣлы снабженія школьными пособіями, а въ особенности коллекціями.

Книжка М. В. Новорусскаго написана для того, чтобы помочь учителю въ этомъ. Исходя изъ положенія, что „всякій предметъ, какъ бы онъ ни былъ ничтоженъ съ общежитейской точки зрѣнія, можетъ служить въ качествѣ образчика предметовъ этого міра"; авторъ указываетъ, какъ при самыхъ незначительныхъ затратахъ можно составить огромнѣйшее количество самыхъ разнообразныхъ коллекцій, была бы только охота и энергія. Книжка эта необходима для каждой учительской библіотеки народной школы. Она будитъ самодѣятельность и даетъ массу чисто-дѣловыхъ указаній для народнаго учителя.

Вадимъ Бѣловъ. „Разумѣйте языцы". Издательство „Лукоморье". Петроградъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Книга этого автора, имя котораго часто встрѣчается въ періодической печати—хотя и не выдающійся, но пріятный вкладъ въ военную литературу. Рядомъ безпретенціозно написанныхъ разсказовъ Вадимъ Бѣловъ запечатлѣваетъ милые, родные намъ образы сѣрыхъ героевъ войны, прежде всего подчеркивая ту, изумляющую весь міръ, кроткую, ясную простоту, съ которой нашъ солдатъ идетъ на подвигъ, на страданія, на смерть. Наравнѣ съ этой чертой оттѣняетъ онъ и чувство юмора, не оставляющее русскаго воина даже въ самыя трагическія минуты его боевой жизни. Легко, бодро, почти весело идетъ подъ вражескія пули „нестроевой" кашеваръ Митрохинъ лишь для того, чтобы любимые однополчане не остались безъ обѣда („Смертью храбрыхъ"); безстрашно ищетъ въ виду непріятельскихъ позицій свою завѣтную „гармошку" гармонистъ Кривцовъ; безоружный Вавиловъ бросаетъ въ непріятельскіе окопы чайникъ съ кипяткомъ, искренно извиняясь передъ товарищемъ за утрату послѣдняго („Незадача"). Случайно забѣжавшая въ наши окопы коза—служитъ источникомъ громаднаго удовольствія добродушнымъ солдатикамъ. Таково большинство разсказовъ.

С. А. Левитинъ. „Школа будущаго". Книгоиздательство „Практическія знанія". Цѣна 1 руб. 75 коп.

Идея автора не новая. Симпатіи къ трудовой школѣ, къ системѣ, основанной на демократизаціи знаній и вообще широкаго примѣненія ихъ, уже давно обозначились въ русской педагогической литературѣ. Интересно лишь то, что постановка вопроса о трудовой школѣ оберегается авторомъ отъ филантропическихъ поползновеній обратить трудовую школу въ одну изъ мѣръ благотворительнаго воспитанія народа. Дѣло народнаго образованія С. А. Левитинъ ставитъ въ прямую связь съ общественнымъ укладомъ и политическими идеалами. Въ интересахъ будущаго государственнаго и общественно-демократическаго строя С. А. Левитинъ отстаиваетъ право на самое широко-распространенное существованіе трудовой школы, въ которой всѣ дѣти учились бы и физическому труду. Теперь, когда скоро понадобятся новые строители жизни, подчеркиваніе этого принципа имѣетъ существенное значеніе.

Характерно и то, что лишь мимоходомъ задѣваетъ авторъ: умственный трудъ важенъ, умственное развитіе необходимо, но тащить за уши, насильно, неспособныхъ учениковъ это лишь непроизводительная трата времени и силъ. Вотъ здѣсь-то знакомство съ физическимъ трудомъ и является необходимымъ. Авторъ, высказывая въ своей книгѣ большую компетентность въ области педагогики, знакомитъ читателя съ исторіей вопроса, съ представителями данной теоріи на Западѣ.

Азбукинъ, В. И. А. Гончаровъ въ русской критикѣ (1847—1912). Орелъ. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
Алексѣева, П. В. и Бренко. А. А. „Нужда и совѣсть". М. 1916. Ц. 1 р.
Альбрехтъ, Ф. И. Цвѣты запоздалые. Воронежъ. 1917. Ц. 1 р.
Альманахъ „Стремнины". М. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
Арброва, Т. Сестрица Ольга. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 50 к.
Асѣевъ, Н. Оксана. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
Бобровъ, С. Н. М. Языковъ о міровой литературѣ. М. 1916. Ц. 50 к.
Богдановъ, Ал. Подъ ласковымъ солнцемъ. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 50 к.
Бунинъ, И. Господинъ изъ Санъ Франциско. М. 1917. Ц. 2 р.
Вальденбергъ, Над.- Державинъ. 1816—1916. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 20 к.
Вербицкій, М. К., д-ръ. Туберкулезъ легкихъ и его предупрежденіе. Пгр. 1916. Ц. 1 р.
Габо, В. О. Нарвскіе водопады и Иматра. Оттискъ изъ „Бюллетеня" №№ 3—4 Х. О. Л. П. за 1916 г.
Гандеръ, К. В. Текущіе счета Государственнаго Банка и чековое обращеніе. Пгр. 1916. Ц. 30 к.
Гриневская, И. Бабъ. Пгр. 1916—1917. Ц. 1 р. 50 к.
Гусевъ-Оренбургскій, С. И. Надъ поемой. Пгр. 1917. Ц. 2 р.
Дмитренко, Л. Ф. Смѣны души. Одесса. 1916. Ц. 2 р.
Журавлевъ, А. Права членовъ кооперативно-строительныхъ товариществъ на квартиры въ кооперативныхъ домахъ. Пгр. 1916.
Каменевъ, Ю. Экономическая система имперіализма. Пгр. 1916. Ц. 1 р.
Корнѣевъ, Б. Юность. Пгр. 1916. Ц. 60 к.
Коровинъ, Е. Мой уголокъ. М. 1916. Ц. 1 р.
Круковскій, А. Забытые критики. М. 1916.
Лейбовичъ, Н. Послѣ плача земли. Одесса. 1916. Ц. 35 к.
Ленскій, Р. А. Адресная книга великобританскихъ фабрикантовъ и экспортеровъ для торговли съ Россіей. Лондонъ. 1915.
Маковскій, Я. Д. Условіе наибольшаго благопріятствованія въ торговыхъ договорахъ. М. 1917. Ц. 1 р. 50 к.
Милютинъ, В. П. Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Пгр. 1917. Ц. 1 р.
Минцловъ, С. Р. Статистическій очеркъ Трапезондскаго округа. Трапезондъ. 1916.
Моровъ, В. На литературномъ пути. М. 1917. Ц. 40 к.
Мйжель, В. Опустошеніе. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 50 к.
Некрасовъ, П. А. Средняя школа, математика и научная подготовка учителей. Пгр. 1916.
Орканъ, В. Любовь и голодъ. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
Петроградскій Мировой Судъ за пятьдесятъ лѣтъ 1866—1916. Въ 2 т. Пгр. 1916. Ц. за оба тома 10 р.
Политуръ, Н. Р. Страшнѣе смерти. Пгр. 1916. Ц. 75 к.
Поясненія къ картинамъ Давида Бурлюка, находящимся на выставкѣ. Уфа. 1916. Ц. 20 к.
Рунова, О. Лунный свѣтъ. Пгр. 1917. Ц. 2 р.
„Russian Empire", ежемѣс. журн. New York (годъ I). Подп. цѣна въ годъ 7 долл.
Серафимовичъ, А. 1) Воробьиная ночь. М. 1917. Ц. 65 к., **2) Затерянные огни.** Ц. 1 р. 65 к. и **3) Клубокъ.** Ц. 1 р. 60 к.
Сиротининъ, А. Съ родныхъ полей. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 25 к.
Скороходовъ, М. Пѣсня первая. Пгр. 1916. Ц. 70 к.
Смирновъ, П. Среди родной природы. Изд. 3-е. М. 1916. Ц. 1 р. 75 к.
Стратоновъ, Е. Систематическій курсъ русской исторіи. Ч. II. Орелъ. 1916. Ц. 1 р. 20 к.
Суражевскій, Д. Тишина. М. 1916. Ц. 1 р.
Суриновъ, И. З. Избранныя стихотворенія. М. 1917. Ц. 75 к.
Туфановъ, А. Эолова арфа. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 35 к.
Фриче, В. Итальянская литература XIX вѣка. Ч. 1-я. М. 1916. Ц. 2 р.
Хирьяковъ, А. Десять лѣтъ Трудовой Группы. Пгр. 1916. Ц.
Хребтовъ, А. А. Памятники природы на островахъ Эзеля, Абро и Руно. Феллинъ. 1916.
Шиловъ, А. Къ вопросу объ укрѣпленіи трезвости. М. 1917. Ц. 30 к.
Шмелевъ, И. Человѣкъ изъ ресторана. М. 1917. Ц. 1 р. 75 к.
Ягодовскій, К. П. О преподаваніи естествознанія. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 50 к.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркса, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 4. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ**.

Выданъ 28 января 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на ½ года—7 р., на ¼ года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Джемаръ-Любимый.

Сказка Н. **Тэффи.**

У самаго берега моря, между Джеффедомъ и южной Калигурдіей, гдѣ теперь, кажется, ровно ничего нѣтъ, находилась когда-то чудесная страна Боббитау.

Мѣсто само по себѣ было красивое и плодородное, но жители Боббитау были хвастуны и лѣнтяи, цѣлые дни толклись на базарѣ, пили краденый кофе изъ плоскихъ глиняныхъ чашечекъ да валялись на солнцепекѣ на душистомъ морскомъ песочкѣ.

И на базарѣ толклись тоже не для дѣла: соберутся вокругъ какого-нибудь облѣзлаго пѣтуха, галдятъ, теребятъ, дразнятъ птицу, пока она, осердившись, не клюнетъ кого-нибудь. Тогда всѣ надъ нимъ потѣшаются и щелкаютъ его по носу.

А умнѣе этой игры ничего и придумать не могли—до того долѣнились.

Да и нечего.

Товару у нихъ никакого не было, ѣсть было нечего, а работать лѣнь.

Правители Боббитау были все люди безтолковые, вели неудачныя войны и разорили страну въ конецъ.

Въ такомъ безотрадномъ видѣ досталась Боббитау новому правителю, завоевавшему ее королю южной Калигурдіи.

Самъ король въ Боббитау не пріѣхалъ, а послалъ править ею намѣстника своего, юнаго принца.

Звали его Джемаръ, прозывали—Любимый.

Былъ Джемаръ совсѣмъ молодой, языка боббитаускаго не понималъ и всего боялся. Заперся у себя во дворцѣ, никто его и не видѣлъ.

Знали о немъ только всего, что молодой, и что ничего съ собой не привезъ, кромѣ большого пустого сундука, и въ немъ была всего маленькая глиняная дудочка. Иногда ночью черезъ ограду дворцоваго сада слышно было, какъ звенитъ-переливается принцева дудочка, да боббитауцы мало на это обращали вниманія. Принцъ ихъ не трогалъ, и они его не трогали.

Вотъ однажды собрались лѣнтяи на базарѣ, начали своего облѣзлаго пѣтуха дразнить. А пѣтухъ, неизвѣстно отчего—отъ жары ли отъ злости ли—взялъ да и взбѣсился. Взбѣсился, заоралъ во всю глотку и полетѣлъ прямо на принцевъ дворецъ. Толпа за нимъ. Орутъ, галдятъ, скачутъ, сами, какъ бѣшеные.

А пѣтухъ подлетѣлъ да со всего размаха бацъ въ окно, стеклышки цвѣтныя такъ и задребезжали-посыпались.

А за окошкомъ самъ Джемаръ-Любимый сидѣлъ.

Удивился, испугался, на улицу выглянулъ, кличетъ своихъ совѣтниковъ.

А совѣтниковъ у него было два: враль Гумбаба и Фаники-лихоимецъ.

И спрашиваетъ принцъ у совѣтниковъ:

— Что это за оборванцы? Отчего они такіе страшные? Зачѣмъ мой народъ позволяетъ такимъ безобразнымъ людямъ по улицамъ шумѣть? Отчего не стыдится и на замокъ ихъ не запираетъ?

Совѣтники поклонились принцу, какъ полагается, сто одиннадцать разъ и отвѣчали:

— Не оборванцы это, великій и мудрый, а дозволишь доложить тебѣ, что это и есть твой народъ. Видъ у него непривлекательный, оттого что одѣться ему не во что, а галдитъ онъ, оттого что

Протопопъ Аввакумъ. *К. Вещиловъ.*
(Выставка этюдовъ и эскизовъ Товарищества Передвижныхъ выставокъ).

дѣлать ему нечего, и дуракъ онъ по той же причинѣ. Все по одной.

— По какой?—спросилъ Джемаръ-Любимый.

— Потому что онъ бѣденъ.

Удивился принцъ.

— А почему же онъ бѣденъ?

— Потому что у него нѣтъ денегъ.

Принцъ удивился еще больше.

Ничего этого онъ не зналъ.

— А если имъ дать денегъ, они перемѣнятся?

— Перемѣнятся,—отвѣчали совѣтники.—Начнутъ торговать, сосѣдей надувать, учиться, рядиться, дѣтей воспитывать. Счастливыми и красивыми будутъ.

Задумался Джемаръ-Любимый. Такъ задумался, что, можетъ-быть, не все и слышалъ, что ему совѣтники объясняли.

Думалъ долго, а потомъ сказалъ:

— У меня ничего нѣтъ, но я дамъ имъ то, что имъ нужно.

Совѣтники низко склонились и попятились къ двери: пятились долго, пока не вылѣзли въ другую комнату, а тамъ опрометью побѣжали трезвонить о принцевомъ обѣщаніи.

А Джемаръ-Любимый взялъ свою дудочку и пошелъ въ садъ. Тамъ пробылъ онъ всю ночь, заперевъ калитку тройнымъ пѣвучимъ замкомъ.

Бродили у калитки враль Гумбаба и Фаники-лихоимецъ, бродили, подслушивали, замокъ обнюхивали—ничего не узнали. Слышали только, какъ соловей поетъ, и какъ тихо-тихо звенитъ Джемарова дудочка.

А на утро вернулся Джемаръ изъ сада, позвалъ слугъ своихъ и сказалъ:

Капризница. *Н. Касаткинъ.*
(Выставка этюдовъ и эскизовъ Т-ва Передвижныхъ выставокъ. Пріобрѣтена для Музея Императорской Академіи Художествъ).

У Доминика. *В. Маковскій.*
(Выставка этюдовъ и эскизовъ Т-ва Передвижныхъ выставокъ).

— Возьмите мой большой пустой сундукъ и несите его на дворцовое крыльцо и скликайте народъ.

Вынесли слуги сундукъ, созвали народъ.

Пришли рваные-драные, немытые, нечесаные, рты распялили, глаза выпучили—стоятъ.

Вышелъ принцъ, глаза опустилъ—видно, и глядѣть на нихъ боится.

— Милый народъ мой! Ты очень бѣдный. Вотъ тебѣ драгоцѣнности, чтобъ ты былъ счастливымъ.

И велѣлъ раскрыть пустой сундукъ.

Раскрыли сундукъ. Опустилъ въ него Джемаръ обѣ руки и вынулъ двѣ полныя горсти самокатнаго жемчуга. Вынулъ и бросилъ въ народъ.

Завопили боббитауцы, загалдѣли, задрались, заползали.

Усмѣхнулся принцъ, опустилъ снова руки въ пустой сундукъ и снова бросилъ толпѣ горсти жемчуга. И такъ бросалъ онъ и черпалъ снова и снова до самаго вечера.

А вечеромъ снова пошелъ въ садъ, заперъ калитку тройнымъ пѣвучимъ замкомъ, и всю ночь подслушивали враль Гумбаба и Фаники-лихоимецъ, какъ пѣлъ соловей и звенѣла Джемарова дудочка.

А на утро снова велѣлъ принцъ вынести пустой сундукъ и снова до вечера черпалъ изъ него безцѣнный самокатный жемчугъ.

Такъ и пошло.

Богатѣли боббитауцы не по днямъ, а по часамъ. Торговали съ сосѣдями жемчугомъ, вели обмѣнъ и торговлю съ Джеффедомъ на шелкъ и бирюзу, богатѣли, надували, учились, рядились и дѣтей воспитывали.

Джемара-Любимаго хвалили. Не нравилось только, что блѣдный онъ и молчитъ и глазъ никогда не подымаетъ. И что по ночамъ соловья слушаетъ, тоже не нравилось.

— Настоящій правитель по ночамъ отдыхать долженъ, а онъ съ соловьемъ дудочкой разговариваетъ. Этакъ, ночи не спавши, недолго и умереть.

— А еще лучше, коли ему не спится, пусть и по ночамъ изъ сундука черпаетъ. Мы бы тогда вдвое богаче были. А этакъ онъ со своей проклятой дудкой только народъ обкрадываетъ, половину дохода отъ него вытягиваетъ.

Потолковали-потолковали и разлюбили принца.

Наигрываетъ. *В. Маковскій.*
(Выставка этюдовъ и эскизовъ Т-ва Передвижныхъ выставокъ).

Позвали казначеевъ и счетчиковъ, велѣли имъ сосчитать, сколько принцъ у нихъ своей дудкой за годъ чистаго дохода выдудитъ.

Засчитали казначеи и счетчики, засчитали, подсчитали, бородами затрясли.

— Ужасно, говорятъ, много.

Ахнули боббитауцы и составили заговоръ:

— Убить принцева соловья.

Сказано—сдѣлано.

Привезли съ пловучихъ острововъ зеленую кошку-соловьѣдку и перекинули ее черезъ ограду въ принцевъ садъ. Выползла кошка на закатѣ, довольная, все ползетъ, и глаза у нея сытые.

Пошелъ въ садъ Джемаръ-Любимый принцъ. Заперъ калитку тройнымъ пѣвучимъ замкомъ.

А враль Гумбаба и Фаники-лихоимецъ, царскіе совѣтники, вокругъ ограды ходятъ, подслушиваютъ, замокъ обнюхиваютъ.

Слышутъ—зазвенѣла дудочка, помолчала. Зазвенѣла снова—точно спросила что. Помолчала. А потомъ заплакала тонкимъ свирѣльнымъ плачемъ и оборвалась.

Испугались совѣтники, убѣжали.

А утромъ рано-рано вышелъ принцъ на крыльцо. Вынесли слуги пустой сундукъ, опустилъ въ него руки Джемаръ—и не вынулъ ничего.

Раскинулъ пустыя руки, поднялъ ихъ высоко надъ толпою и засмѣялся. И взора своего не опустилъ, а смотрѣлъ прямо и просто, и глаза у него были простые человѣчьи, какъ у всѣхъ людей.

Еще долго жилъ потомъ принцъ Джемаръ-Любимый, жилъ и правилъ, какъ всѣ правители, не хуже, не лучше.

И послѣ его смерти еще долго жили боббитауцы, торговали, плутовали, рядились, учились, дѣтей воспитывали. Какъ и другіе—не хуже, не лучше.

А потомъ исчезла страна Боббитау, какъ и другія исчезли и исчезнутъ.

Не хуже, не лучше.

Сильная женщина.

Повѣсть **Бориса Лазаревскаго.**

(Продолженіе).

VI.

Больше всѣхъ офицеровъ своднаго полка любилъ и зналъ лошадей Константинъ Андреевичъ Лихоненко: онъ не очень удивился, но и не обрадовался, когда среди лѣта его назначили начальникомъ конскаго запаса. Это значило, что Костя могъ и совсѣмъ не попасть на войну.

Въ субботу съ вечера, по телефону, онъ велѣлъ прислать за нимъ въ воскресенье тройку бѣлыхъ. Тридцать верстъ до хутора сдѣлали въ два часа, а мѣстами ѣхали шагомъ. Серьезный кучеръ Климъ, подкатывая къ воротамъ, выговорилъ:

— Если бы приказали, такъ могли бы добѣжать и за полтора...

Весь въ пыли, Костя прежде всего умылся, увидѣлъ мать, поцѣловалъ ее, звякнулъ шпорами и, точно начальству, доложилъ о своемъ новомъ назначеніи. Надежда Өедоровна перекрестилась.

— Ну и слава Богу,—мучиться за одного все-таки легче, чѣмъ за двоихъ...

— Можетъ-быть,—отвѣтилъ Костя,—хотя я не скажу, чтобы ужъ такъ радостно было сидѣть за тысячу верстъ отъ Москвы и за пятьсотъ отъ войны и глотать пыль нашего удивительнаго города... Но я твердо и на всю жизнь рѣшилъ и другимъ совѣтую: никогда ни отъ чего не отказываться и никуда не напрашиваться... Да, мама... А что у насъ сегодня на обѣдъ? Молочная каша?

— Будетъ все, что ты хочешь...

— Отлично, а только салатъ изъ помидоровъ и огурцовъ я самъ сдѣлаю...

Дѣдушка Өедоръ Карповичъ обрадовался внуку, постукивалъ своимъ костылемъ и улыбался, сидя въ саду на скамеечкѣ подъ березками.

Неожиданно пріѣхалъ и Андрей Григорьевичъ, привезъ почту и письмо-открытку отъ Мики, коротенькую, но веселую и жизнерадостную.

Надежда Өедоровна чувствовала себя крѣпкой, бодрой, суетилась и распоряжалась

Будущій воинъ. *Н. Богдановъ-Бѣльскій.*
(Выставка этюдовъ и эскизовъ Т-ва Передвижныхъ выставокъ).

Бретань. *В. Тиховъ.*
(Выставка этюдовъ и эскизовъ Товарищества Передвижныхъ выставокъ).

Получила письмо отъ дочери и Нина Евдокимовна, и ея глаза перестали тревожиться.

Синее небо не обѣщало дождя, и грѣло солнце. На верандѣ опустили шторы. Сдѣлалось прохладнѣе. Пріѣхалъ изъ города докторъ-армянинъ, очень смуглый низенькій человѣкъ въ высокихъ сапогахъ, больной катаромъ желудка, но всегда улыбавшійся. Было что-то трагикомическое въ его акцентировкѣ, и смотрѣлъ онъ на Костю своими карими глазами, точно преданная собака.

Константинъ любилъ его, какъ незамѣнимаго товарища на охотѣ. Все печальное на время отлетѣло. Поваръ Сандро радовался, что есть передъ кѣмъ показать свое искусство, бѣгалъ изъ ледника въ кухню и обратно и тоже улыбался своими бѣлыми зубами, какъ докторъ.

Костя ходилъ по верандѣ и трясъ между двумя тарелками нарѣзанные помидоры и огурцы съ прованскимъ масломъ,— закуску.

Сѣли обѣдать ровно въ два.

Андрей Григорьевичъ закрылся салфеткой и сказалъ:

— Ну-съ, рабочій вопросъ улаженъ. Для сада мнѣ дали десять человѣкъ австрійцевъ, а для запашки подъ озимые и для подсолнечниковъ—двѣсти человѣкъ плѣнныхъ турокъ.

— А не разбѣгутся они? —спросилъ Θедоръ Карповичъ.

— Отъ нашей пищи не убѣгутъ, я пробовалъ ихъ борщъ съ бараниной, такъ и Сандро такого не изготовитъ.

Дѣдушка по этому поводу предался вслухъ воспоминаніямъ о томъ, какіе борщи варились въ прежнія времена и какіе дѣлались вареники изъ гречневой муки. Онъ сложилъ два кулака и показалъ ихъ:

— Во! А теперь вотъ такусенькіе,— и онъ показалъ кончикъ указательнаго пальца.— Позавчера поваръ сдѣлалъ съ вишнями... Θедоръ Карповичъ вдругъ разсмѣялся, закашлялся и добавилъ:—Я съѣлъ пять, такъ и не распробовалъ даже. Дома никого не было, а монахиня мнѣ больше не дала—сказала: вредно! А вечеромъ сама ихъ подобрала со сметаной, должно-быть, штукъ пятнадцать, а можетъ, и всю сотню, да на свою голову,—потомъ цѣлую ночь бѣгала, думала, что холера приключилась...

— Ну, папа, объ этомъ за обѣдомъ можно было бы и не разсказывать,—произнесла Надежда Θедоровна.

— Это Богъ наказалъ твою монахиню, дѣдушка, за жадность,—сказалъ Костя, поперхнулся и налилъ водки себѣ и доктору.

Затѣмъ дѣдушка разсказалъ, какъ онъ былъ редакторомъ и былъ даже оштрафованъ.

— Въ нашемъ городѣ, значитъ, наши писатели сдѣлали газету, а сами не хотѣли подписываться... Тамъ былъ такой жуликъ, ну, началъ онъ меня уговаривать, что я лицо почетное, и что мнѣ губернаторъ разрѣшитъ изданіе газеты, и далъ подписать какое-то прошеніе, а объ остальномъ просилъ не безпокоиться... Я и не безпокоился и газеты даже той не видалъ. Вдругъ является приставъ и говоритъ: „пожалуйте!“...

— А я объ этомъ и не зналъ,— проговорилъ Андрей Григорьевичъ.

Пришла горничная Варвара и сказала, что пріѣхалъ отъ Михаила Андреевича какой-то раненый солдатъ, и подала письмо—маленькую секретку. Надежда Θедоровна, волнуясь, оборвала края по зубчикамъ и прочла вслухъ: „Живъ, здоровъ, чего и вамъ желаю, черезъ подателя сего пришлите мнѣ двѣ шелковыхъ рубахи. Напойте, накормите и разспросите“. Письмо было помѣчено гораздо болѣе позднимъ числомъ, чѣмъ то, которое пришло по почтѣ. Надежда Θедоровна перекрестилась и сказала горничной:

— Сейчасъ же отправить этого солдата на кухню и дать ему пообѣдать съ нашего стола.

— Э, э... Постой, дай ему стаканчикъ водки,— сказалъ Костя и налилъ большую винную рюмку.

Затѣмъ ѣли наскоро и уже не слушали дѣдушки. Надежда Θедоровна не вытерпѣла и сама пошла къ солдату, онъ оказался армяниномъ и очень плохо говорилъ по-русски. Пожималъ плечами и повторялъ:

— Баринъ веселый, хорошій баринъ. Наши совсѣмъ турка побили, побѣжали они, Богъ знаетъ, куда они забѣжали. У насъ только десять человѣкъ ранили, меня въ бокъ прострѣлилъ, нельзя верхомъ ѣздить—печенка болитъ. А здѣсь докторъ говоритъ: можно, назадъ ступай... Я самъ здѣшній, жену видѣлъ, дѣти видѣлъ...

Для Надежды Θедоровны было самымъ важнымъ, что этотъ человѣкъ видѣлъ Мику и скоро опять увидитъ. Солдата одарили деньгами и пищей и на слѣдующій день отпустили. Армянинъ докторъ тоже обрадовался этому человѣку и долго говорилъ съ нимъ на своемъ языкѣ и трепалъ его по плечу.

На слѣдующій день всѣ опять разъѣхались.

Надежда Θедоровна даже была рада одиночеству. Ходила и думала, поѣхать ей самой къ Микѣ, или не поѣхать? Какъ сестра милосердія, она могла попросить назначенія въ одинъ изъ

Другъ. *А. Маковскій.*
(Выставка этюдовъ и эскизовъ Товарищества Передвижныхъ выставокъ).

кавказскихъ летучихъ госпиталей, и ей не отказали бы. Изъ предыдущаго письма она знала, что Мика теперь состоитъ адъютантомъ при генералѣ, который его очень любитъ, и почти внѣ опасности, но за будущее нельзя было ручаться, и тянуло ее туда...

Затѣмъ цѣлыхъ три недѣли отъ Мики не было извѣстій. Въ началѣ августа получилась открытка съ неизмѣнными двумя словами: „живъ, здоровъ". Стало обидно и досадно, думалось: „неужели онъ не могъ выбрать времени, чтобы написать побольше?" Мать сама написала ему цѣлыхъ восемь страницъ съ легкимъ укоромъ. Оставаться одной въ усадьбѣ стало тяжелѣе. Надежда Ѳедоровна на цѣлый мѣсяцъ уѣхала въ Кисловодскъ. Здѣсь больше сидѣла у себя въ номерѣ или на балконѣ и глядѣла на разношерстную толпу, въ которой трудно было отличить порядочныхъ женщинъ отъ непорядочныхъ и людей, пріѣхавшихъ лѣчиться, отъ профессіональныхъ альфонсовъ и шуллеровъ. Здѣсь за одинъ сезонъ проживались и наживались цѣлыя состоянія. Въ ресторанахъ кормили плохо, и люди, привыкшіе къ большому комфорту, ютились въ каморкахъ и все-таки ѣхали сюда и ѣхали...

Такъ уже было рѣшено судьбой, чтобы здѣсь возлѣ голубыхъ горъ и яркаго неба, на чистомъ воздухѣ и около быстраго и чистаго Терека развлекались и веселились нечистые физически или нравственно.

Сначала всѣ эти господа и госпожи интересовали и развлекали, а затѣмъ сдѣлалось противно это массовое бездѣліе, и снова потянуло на хуторъ, къ тишинѣ.

Надежда Ѳедоровна заѣхала на три дня къ Костѣ и погостила въ офицерскомъ обществѣ. Затѣмъ вызвала по телефону автомобиль, закутала голову вуалью и въ облакѣ пыли умчалась по нагрѣтому солнцемъ проселку.

Березовая аллея стала желтоватой, и чистенькіе стволы выдѣлялись еще ярче. Широколистые клены казались совсѣмъ золотыми. Только красавцы-тополи не поддавались приближенію зимы и тихо шумѣли своими глянцевитыми листиками. Въ паркѣ дівчата гребли второй разъ скошенное сѣно и громко пѣли. Плѣнные австрійцы подчищали вѣтви старыхъ деревьевъ; виноградъ еще не весь собрали,—тяжелыя кисти тянулись къ сухой землѣ. Пріятно все это было видѣть, но все-таки думалось: „для кого?"

Вспоминался старшій сынъ, и страшно стало за Мику.

Надежда Ѳедоровна пошла къ склепу и увидѣла, что все здѣсь въ порядкѣ, и лампадка горитъ ровно и ясно.

Посидѣла, подумала и, печальная и не радостная, пошла назадъ. Увидѣла группу австрійцевъ, сидѣвшихъ на травѣ. Нѣкоторые ѣли хлѣбъ, нѣкоторые курили. Должно-быть, чутьемъ угадали, что идетъ хозяйка, встали и вѣжливо приподняли свои сѣрыя кепи.

Съ однимъ изъ нихъ, молодымъ и печальнымъ, чѣмъ-то неуловимо напоминавшимъ Мику, она заговорила по-нѣмецки. Плѣнный отвѣчалъ, коверкая слова, и, видимо, не все понималъ, что слышалъ, хотя говорила она правильно.

— Вы какой національности?—спросила Надежда Ѳедоровна.

Солдатъ печально улыбнулся и, дѣлая удареніе на „о", произнесъ по-русски:

— Я естъ полякъ, съ Познани.

Пять другихъ плѣнныхъ оказались румынами изъ Трансильваніи, остальные были чехи, и всѣ очень плохо говорили по-нѣмецки.

— Что жъ, вы понимаете теперь, что русскіе вамъ ближе, чѣмъ нѣмцы?—спросила она поляка.

— Якъ кто мае глову,—тенъ разуме же такъ.

— Ну что, хорошо васъ кормятъ?—спросила она снова.

— Хвала Богу, добже. Дзенькуемъ.

Вечеромъ, за часмъ, Надежда Ѳедоровна разговаривала съ Ниной Евдокимовной о томъ, что лучше для солдата: умереть или попасть въ плѣнъ?

— Смотря для какого солдата, напримѣръ, для эльзасца попасть въ плѣнъ къ французамъ же, это не такъ плохо, ну, а для русскаго—убѣжденнаго воина попасть къ нѣмцамъ... Конечно, лучше умереть.

— А вѣдь Мика убѣжденный воинъ,—сказала, ни къ кому не обращаясь, Надежда Ѳедоровна, встала и хотѣла итти къ себѣ, но въ это время затрещалъ телефонъ, и она подошла къ аппарату сама.

— Кто говоритъ?

— Константинъ Андреевичъ. Это ты, мама?

— Я.

— Слушай, только ради Бога не пугайся: я получилъ телеграмму: Мика не раненъ, и ничто его жизни не грозитъ, но онъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью и повредилъ ногу, теперь ѣдетъ домой къ тебѣ, его генералъ отпустилъ.

Надежда Ѳедоровна стала дышать чаще и, стараясь говорить ровнѣе, спросила:

— Откуда телеграмма?

— Изъ Баку, помѣчена вчерашнимъ числомъ, значитъ, онъ можетъ быть сегодня ночью. Я тебѣ совѣтую, на всякій случай вышли на полустанокъ кучера, а я пріѣду завтра.

Надежда Ѳедоровна сейчасъ же распорядилась, чтобы Климъ запрягъ большую коляску четверикомъ, и поѣхала сама.

Успокаивалъ рокотъ рессоръ и мѣрный бѣгъ лошадей. Успокаивали тихія звѣзды. Небо по-южному было прозрачное, и долго еще виднѣлись башенка и верхушки тополей усадьбы.

VII.

Три поѣзда пропустила мимо себя Надежда Ѳедоровна, сидя на платформѣ полустанка. Никто не вышелъ ни изъ одного. Не замѣтила, какъ начался разсвѣтъ. Стало очень свѣжо,—и этого не замѣтила. Климъ дремалъ на козлахъ. Побрякивали уздечками застоявшіеся кони.

Лѣниво встало солнце и осыпало красноватой золотою пылью степь. Заблестѣли рельсы, и легли на нихъ яркіе блики.

Въ пять часовъ утра подошелъ и остановился тотъ поѣздъ, который здѣсь обыкновенно никогда не останавливался. Никто и ничего не сказалъ Надеждѣ Ѳедоровнѣ, но она уже знала, что сейчасъ увидитъ Мику.

Опираясь на плечо денщика, вышелъ онъ, весь темно-бронзовый, съ провалившимися, но блестящими глазами. Въ правой рукѣ у Мики была палка. Увидалъ мать и улыбнулся уголками рта и еще сильнѣе заблестѣвшими глазами. Въ первыя минуты не говорилось. Только когда отъѣхали съ полверсты, Мика вздохнулъ и произнесъ:

— Какъ хорошо,—совсѣмъ другой воздухъ.

Послѣ этого Надежда Ѳедоровна не вытерпѣла и попросила:

— Ну, разсказывай ради Бога, что тамъ съ тобой случилось?

— Въ томъ-то и дѣло, что ничего не случилось, а не везетъ мнѣ адски. Ночью поѣхалъ съ приказаніемъ... Взялъ съ собой казака. Подо мною былъ „Соколъ"—отличная умная лошадь, и вдругъ и ста саженей мы не отъѣхали, какъ „Соколъ" свалился со всѣхъ четырехъ ногъ и встать не можетъ, а я подъ нимъ. Боль въ ногѣ такая, что дурно сдѣлалось. Кое-какъ казакъ меня выручилъ и далъ знать въ штабъ. Послали другого офицера, а у „Сокола" въ ногѣ оказался огромный кусокъ битаго стекла, и откуда взялось это стекло, чортъ его знаетъ. Не везетъ мнѣ, мама.

Comtesse de-Robien. *Г. Дерюжинскій.*
(Выставка этюдовъ и эскизовъ Т-ва Передвижныхъ выставокъ).

На западномъ фронтѣ. *Гигантскій катокъ равняетъ почву, устраивая дорогу. Земля изрыта до того, что катокъ ушелъ глубоко въ землю, и ему приходится подсоблять.*

Осмотрѣлъ меня докторъ и сказалъ:—переломъ. Затѣмъ гипсъ и все такое. А потомъ полкъ мой ушелъ впередъ, и генералъ мой уѣхалъ, а я вотъ назадъ.

А можетъ-быть, не бывать бы счастью, да несчастье помогло.

Мика махнулъ рукой.

— Какое тамъ счастье, кто изъ насъ Лихоненковъ видѣлъ это счастье?.. Развѣ послѣ пяти рюмокъ водки... Я боялся тебя потревожить и потому протелеграфировалъ Костѣ.

Онъ сегодня пріѣдетъ.

Но видно было, что Мика очень обрадовался и дому и всей усадьбѣ. Злился только, что нельзя ходить на охоту. Докторъ запретилъ даже ѣздить на автомобилѣ.

А осень была замѣчательная, и дичи было особенно много, потому что всѣхъ охотниковъ услали на фронтъ.

Нога Мики поправлялась медленно. Онъ капризничалъ и спорилъ съ Костей и только въ концѣ октября началъ гулять безъ палки. Два раза съѣздилъ въ городъ повидаться съ офицерами запаснаго эскадрона, но вернулся чѣмъ-то недовольный и долго сидѣлъ молча.

Вечеромъ Надежда Ѳедоровна попробовала съ нимъ пошутить и сказала:

— Ты теперь немного похожъ на Лермонтова.

Мика усмѣхнулся и отвѣтилъ стихомъ:

Нѣтъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ.

Опять засмѣялся и заговорилъ, какъ будто серьезно:

— Только избранникъ не Божій... Ужъ я и не знаю чей. Какой-то Вельзевулъ вставляетъ мнѣ палки въ колеса. Хотѣлъ ѣхать на фронтъ нижнимъ чиномъ—не пускали, пока двухъ нашивокъ не получилъ... Наконецъ назначили и снова не послали. Сталъ прапорщикомъ, дождался похода и попалъ въ штабъ, а изъ штаба прямо въ госпиталь. Ты женщина, а больше меня видѣла войну, но я еще увижу и увижу какъ слѣдуетъ, и ничего мнѣ не сдѣлается. Помни, что я черезъ двѣ недѣли уѣду, и никакіе доктора меня не удержатъ, и ты не удержишь.

— Я и не собираюсь удерживать. Ты знаешь, какъ я вѣрю въ судьбу...

Чтобы перемѣнить разговоръ, Мика обернулся и сказалъ жалобно-шутливымъ голосомъ вошедшей Нинѣ Евдокимовнѣ:

— Милая Ниnолія, прикажите сварить чернаго кофейку для меня, бѣднаго калѣки.

Съ этого дня матери казалось, что время полетѣло гораздо быстрѣе, а Мика, наоборотъ, говорилъ, что дни и часы ползутъ, горячился и посылалъ срочныя телеграммы своему начальству.

Наконецъ объявилъ, что уѣзжаетъ пятнадцатаго ноября. Тогда Надежда Ѳедоровна отвѣтила:

— Ну что жъ, и я съ тобой, вѣдь штатная сестра милосердія, и мнѣ вездѣ найдется работа.

— Какъ хочешь, мама, а только по-моему не нужно, а то меня начнутъ дразнить мамашенькинымъ сынкомъ, а я въ этомъ смыслѣ никогда имъ не былъ, хотя и очень тебя люблю.

Мать почуяла, что, если поѣдетъ, то для сына будутъ отравлены многіе дни, и что ему, какъ молодому соколенку, хочется еще разъ попробовать свои собственныя крылья и побороться съ тѣмъ Вельзевуломъ, который не даетъ ему сдѣлаться настоящимъ воиномъ.

Провожала—не плакала, но перекрестила трижды.

Костя былъ веселъ. Отецъ и дѣдушка шутили, а Мика по-настоящему былъ счастливъ. Уже возлѣ окна вагона онъ говорилъ матери:

— Ради Бога не жди частыхъ писемъ и помни, что почта ходитъ медленно, и даже телеграммы передаются не по аппарату, а съ поѣздами...

Помахалъ чистенькимъ платочкомъ, кивнулъ головой, улыбнулся зрачками и скрылся вмѣстѣ съ окномъ вагона за деревомъ, которое росло у станціи. Промелькнуло еще четыре коричневыхъ вагона и послѣдній съ равнодушной физіономіей кондуктора.

Въ усадьбѣ показалось черезчуръ пусто и мучительно одиноко. Андрей Григорьевичъ уѣхалъ на дальній хуторъ, Костя въ автомобилѣ улетѣлъ въ городъ. Въ домѣ сиротливо путались горничныя. Надежда Ѳедоровна прошла къ Нинѣ Евдокимовнѣ и застала ее въ слезахъ.

— О чемъ вы?

— Такъ, сама не знаю,—скверное настроеніе...

Надежда Ѳедоровна нахмурилась. Она не любила печальныхъ лицъ, показалось, что эта преданная ей женщина чуетъ, что молодая радость сюда больше не вернется, и не потому, что Мику могутъ убить.

Снова захотѣлось самой уѣхать на войну. Нужно было хлопотать и побывать сначала въ Петроградѣ.

Здѣсь жизнь показалась черезчуръ легкомысленной, и было противно глядѣть на столичную публику въ театрахъ и на праздношатающихся по Невскому.

Начальство отнеслось къ ея желанію стать во главѣ санитарнаго отряда несочувственно и предложило ѣхать на общихъ основаніяхъ.

Самолюбивая и властолюбивая Надежда Ѳедоровна перестала ходить по канцеляріямъ, собралась и взяла билетъ до Двинска, но ее туда не пустили безъ какого-то особаго разрѣшенія.

Она немного обидѣлась и снова вернулась въ столицу.

Падалъ снѣгъ пополамъ съ дождемъ, и плакала природа надъ этимъ городомъ грязными, холодными слезами. Люди торговали совѣстью и продуктами, суетились, бѣгали и опять торговали и собой и разными товарами, нужными для арміи. Телефонныя барышни падали отъ усталости. И вездѣ звенѣло слово „проценты“.

Въ театрахъ было еще полнѣе: публика искала забвенія. Гордо расхаживали штатскіе чиновники въ военной формѣ. Молодые, путающіеся въ собственной шашкѣ, они, никогда не ѣздившіе верхомъ, звякали шпорами и хлопотали, чтобы остаться здѣсь. Такихъ было не очень много, но глядѣть на нихъ было очень противно, и Надежда Ѳедоровна съ удовольствіемъ вернулась на хуторъ.

И здѣсь уже побѣлилъ землю морозъ, но небольшой, здоровый и сухой. Не шлялись бездѣльники. Огромная хозяйственная машина, точно оркестръ подъ дирижерской палочкой Андрея Григорьевича, работала, давая хлѣбъ тысячамъ людей.

Деньги текли, но не бросалось ни одного шальнаго гривенника. И даже много тратившій Костя имѣлъ на это право, потому что очень внимательно слѣдилъ и за цѣнами на лошадей и за качествомъ ихъ.

А Мика понесъ свою жизнь.

Онъ писалъ гораздо чаще, чѣмъ обѣщалъ.

Нина Евдокимовна тоже часто получала отъ дочери письма и въ эти дни казалась моложе, и глаза ея бывали не такъ печальны. Однажды она сказала Надеждѣ Өедоровнѣ:

— Мнѣ бы ужасно хотѣлось, чтобы моя Лиза пріѣхала сюда поглядѣть на вашъ хуторъ и на Кубанскія степи. Вы разрѣшите это?

— Какъ вамъ не стыдно спрашивать! Конечно, ну, конечно, и отчего вы раньше этого не сдѣлали?

— Да ихъ изъ института отпускаютъ только въ послѣднее лѣто передъ выпускомъ...

Это было не совсѣмъ такъ, но Надежда Өедоровна больше не разспрашивала, а Нинѣ Евдокимовнѣ не хотѣлось разсказывать о своемъ самомъ дорогомъ, интимномъ. Теперь съ нетерпѣніемъ начали ожидать новой весны и новаго лѣта.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Германцы.

Повѣсть **Георгія Павлова.**

(Окончаніе).

IX.

Автомобиль примчалъ офицеровъ въ полуразрушенную деревушку, въ непосредственной близости отъ окоповъ. Такіе визиты повторялись довольно часто, поэтому путешественники хорошо знали дорогу.

Въ одной изъ халупъ, сохранившихся лучше, чѣмъ другія, былъ устроенъ походный кафе-шантанъ, при просвѣщенномъ содѣйствіи австрійцевъ, расположеніе которыхъ начиналось неподалеку. Внутренность халупы была убрана зеленью и національными флагами: столики, сооруженные изъ всевозможныхъ обломковъ, но зато покрытые чистыми салфетками, группировались передъ примитивной эстрадой для этуалей, выписанныхъ изъ Варшавы, Вѣны и Кракова. Главной приманкой заведенія служили однако не пѣвицы, довольно зрѣлаго возраста и вдобавокъ слишкомъ доступныя, а мѣстныя крестьянки, которыхъ ухитрялись разыскивать спеціальные поставщики. Эти свѣжія деревенскія дѣвушки, отчаянно сопротивлявшіяся насильникамъ, пользовались среди офицеровъ большимъ успѣхомъ, и „кафеконцертъ", какъ его называли, не могъ пожаловаться на равнодушіе къ нему кліентовъ.

На этотъ разъ, впрочемъ, зала была пуста: трое друзей явились слишкомъ рано. Прислуга—кельнеры изъ нестроевыхъ и инвалидовъ—бросилась будить спавшихъ этуалей, на столѣ появилось шампанское воспоминаніе о разграбленныхъ погребахъ Сенъ-Вильера. Ховенъ опьянѣлъ скорѣе своихъ собутыльниковъ и началъ стучать кулакомъ по столу, доказывая, что война, въ сущности, уже выиграна. Трейчке посмѣивался надъ нимъ, закутываясь въ облака сигарнаго дыма.

— Эй, пѣвицы! Скоро вы тамъ?—рявкнулъ Ховенъ такъ, что стекла задрожали. Онъ не любилъ терять времени понапрасну.

Этуали, какъ будто только и ожидавшія этого своеобразнаго приглашенія, появились немедленно. Начался концертъ, отъ котораго при всякихъ другихъ условіяхъ Отто Рюлингъ бросился бы вонъ, затыкая уши. Но здѣсь, на чужбинѣ, родные напѣвы трогали его до слезъ, какъ воспоминаніе о невозвратно ушедшихъ счастливыхъ дняхъ. Чтобы не слишкомъ распускать свои нервы, онъ усиленно занялся шампанскимъ, которое должно было привести его подъ конецъ въ состояніе полнаго столбняка.

Въ комнату, гремя шпорами и саблями, вошло нѣсколько человѣкъ австрійцевъ. Даже въ этотъ, болѣе чѣмъ скромный кафе-шантанъ на позиціяхъ вѣнскіе щеголи сочли долгомъ явиться въ своихъ расшитыхъ золотомъ доломанахъ и блестяще-вычищенныхъ ботфортахъ,—совершенно такъ же, какъ явились бы въ самый фешенебельный ресторанъ гдѣ-нибудь на Пратерѣ. Обмѣнявшись сдержаннымъ поклономъ съ нѣмцами, они заняли отдѣльный столикъ, не обнаруживая никакого намѣренія вступать въ общій разговоръ. Это не понравилось Ховену.

— Господа австрійцы чуждаются насъ,—сказалъ онъ какъ можно громче.—Разумѣется, въ кабакѣ мы не такъ нужны, какъ на полѣ сраженія.

Гусары дипломатично сдѣлали видъ, что не слышатъ, но когда Ховенъ былъ пьянъ, его воинственный задоръ не проходилъ такъ скоро. Приказавъ музыкантамъ замолчать, онъ всталъ и направился къ австрійскому столу, раскачиваясь, какъ морякъ въ бурю. Трейчке съ ироническимъ любопытствомъ слѣдилъ за нимъ, Отто искалъ забвенія въ обществѣ какой-то этуали, которую видѣлъ здѣсь впервые, и которая показалась ему интересной.

— Что вамъ угодно?—сдержанно спросилъ старшій изъ австрійцевъ, съ погонами ротмистра.

— Мнѣ угодно побесѣдовать съ вами о поляхъ Буковины и о прочемъ такомъ,—заявилъ пруссакъ, тяжело опускаясь на свободный стулъ. Кромѣ того, мнѣ нравятся ваши красные штаны. Во время бѣгства въ нихъ очень удобно всадить пулю пониже поясницы.

— Милостивый государь,—началъ австріецъ, но Ховенъ прервалъ его ударомъ кулака по столу.

— Молчать!—заревѣлъ онъ.—Извольте сейчасъ же отдать мнѣ отчетъ, мнѣ, офицеру его величества, императора Вильгельма Второго, какъ смѣли вы отдать русскимъ Львовъ и Галицію въ четырнадцатомъ году?

Отто спустилъ на полъ испуганно завизжавшую дѣвушку и направился къ буяну, чтобы успокоить его. Но было уже поздно. Зазвенѣли сабли, вытаскиваемыя изъ ноженъ, стаканы и стулья полетѣли на полъ—схватка была неизбѣжна.

— Ко мнѣ!—закричалъ Ховенъ.—Насъ меньше, но каждый нѣмецъ стоитъ десяти проклятыхъ австрійскихъ бѣгуновъ.

У австрійцевъ было только холодное оружіе: Трейчке, хотя и пьяный, сразу сообразилъ это. Раздался выстрѣлъ изъ его браунинга, ротмистръ былъ убитъ наповалъ. Остальные гусары бросились-было къ дверямъ, не думая о сопротивленіи, но Трейчке успѣлъ повернуть въ замкѣ ключъ и вынуть его. Австрійцы оказались въ западнѣ.

Тогда началась кошмарная сцена. Трейчке и Ховенъ одинъ за другимъ, не спѣша, давали выстрѣлъ за выстрѣломъ, съ равными интервалами, какъ на ученіи, стараясь попасть въ австрійцевъ, буквально летавшихъ по комнатѣ. Разбитыя стекла со звономъ сыпались на улицу, но окна были слишкомъ малы, и спастись черезъ нихъ было невозможно. Женщины, запертыя между

Машина смерти. *Одно изъ англійскихъ тяжелыхъ орудій.*

Сестры у братской могилы.

палачами и ихъ жертвами, извивались по полу, какъ змѣи, оглашая воздухъ дикими истерическими воплями. Бойня приближалась къ концу: изъ пяти австрійцевъ трое были убиты, остальные подняли руки вверхъ, вѣроятно, воображая, что передъ ними русскіе. Это не спасло ихъ. Первый свалился на землю, тяжело раненый,—второй съ мужествомъ отчаянія, которому уже нечего терять, бросился на Ховена, разстрѣлявшаго всѣ патроны. Они схватились въ рукопашную: каждый старался приподнять противника и бросить его навзничь. Трейчке выстрѣлилъ и пробилъ голову гусара въ двухъ сантиметрахъ отъ виска Ховена. Пруссакъ сразу отрезвился.

— Идіотъ, чортъ бы тебя побралъ—вѣдь ты могъ убить меня... Что ты дѣлаешь, сумасшедшій?

Трейчке, блѣдный, какъ известка, съ трясущейся челюстью, выпускалъ послѣднія пули въ женщинъ, сгрудившихся въ углу какимъ-то безформеннымъ комкомъ обнаженныхъ, дико визжащихъ тѣлъ. Онъ былъ охваченъ жаждой убійства во что бы то ни стало, онъ не видѣлъ и не слышалъ ничего кругомъ. Отто Рюлингъ бросился къ нему и выбилъ браунингъ изъ его рукъ. Они стояли другъ противъ друга, скрестивъ взгляды, какъ шпаги. Минутная пауза тянулась безъ конца въ этой комнатѣ, гдѣ страшное молчаніе внезапно смѣнило крики и выстрѣлы. Еще секунда, и Отто бросился бы на инженера: безуміе, сверкавшее въ глазахъ Трейчке, передавалось и ему. Его лицо начинало такъ же судорожно подергиваться. Медленно, точно раздумывая, онъ вытаскивалъ изъ кармана свой револьверъ...

Но внезапно, снаружи, за окномъ, бухнулъ пушечный выстрѣлъ, далеко раскатившійся среди тишины. Офицеры сразу пришли въ себя, кошмаръ разсѣялся. Двери были открыты не безъ труда, дрожащія руки Трейчке никакъ не могли справиться съ замкомъ. Спѣша и толкаясь, всѣ трое побѣжали по сѣнямъ и бросились въ автомобиль, дожидавшійся у халупы.

Впереди лучи прожекторовъ бороздили темное небо, взвивались ракеты, и, покрывая трескъ пулеметовъ, тяжко стонали колокола орудійныхъ залповъ.

Заговорили русскія пушки.

X.

Атака, начатая внезапно, была полной неожиданностью для германцевъ. Канонада скоро смолкла: таинственная линія окоповъ врага выбросила всего нѣсколько молній, потомъ лавина сѣрыхъ рубахъ вылилась изъ береговъ этой загадочной рѣки и неудержимымъ потокомъ хлынула на проволочныя загражденія нѣмцевъ.

Ее встрѣтилъ выдержанный пулеметный огонь. Столбы и проволока скоро исчезли подъ грудами труповъ, но остановить штурмующихъ было уже нельзя. Новые и новые ряды безостановочно двигались впередъ. „ура" перекатывалось надъ ними, то замирая, то усиливаясь вновь, какъ хлопанье обрывковъ знамени по вѣтру.

Трейчке находился на линіи огня, любуясь атакой, какъ художникъ любуется удачно выбраннымъ мѣстомъ для своей картины на выставкѣ. Онъ ждалъ ее давно, онъ ее призывалъ въ своихъ мечтахъ и теперь въ послѣдній разъ окидывалъ горделивымъ любовнымъ взглядомъ свои укрѣпленія, которымъ предстояло выдержать этотъ бурный натискъ. Его успокаивало еще и то обстоятельство, что штурмъ былъ пѣхотнымъ, почти безъ всякаго участія артиллеріи. Нѣмецкіе пулеметы тараторили безъ умолку, ружейные залпы трещали одинъ за другимъ, а русскіе все шли да шли впередъ, и казалось, не было такой силы, которая могла бы задержать это неестественно-упорное наступленіе. Лерхе, озабоченный и хмурый, стоялъ возлѣ начальника дивизіи, глядя, какъ русскіе устремляются, чтобы въ шестой или седьмой разъ обрушиться на врага. Сзади къ нимъ непрерывно подходили подкрѣпленія,—можно было подумать, что изъ пробудившихся наконецъ окоповъ выступаютъ сразу всѣ милліонные резервы Россіи. Отто Рюлингъ былъ посланъ впередъ, съ приказаніемъ держаться до послѣдней крайности: самому ему предписывалось въ случаѣ нужды „исполнить всѣ требованія, предъявляемыя германскому офицеру долгомъ присяги".

И вдругъ — Отто не успѣлъ даже понять, какъ именно — случилось нѣчто неожиданное, невѣроятное, невозможное. Пулеметы замолчали разомъ, ихъ словно залило водой. „Ура" загремѣло совсѣмъ близко, при свѣтѣ ракетъ съ сосѣднихъ участковъ тускло блеснули штыки, и показались разстроенные ряды германцевъ, приближавшихся бѣглымъ шагомъ.

Сомнѣній не могло быть—первая линія пала подъ натискомъ врага.

Неприступная позиція Трейчке была взята штурмомъ, чуть не голыми руками. Желѣзная стѣна германцевъ оказалась прорванной въ двухъ или трехъ мѣстахъ сразу, русскіе разливались неудержимо, какъ волны разливаются между непроницаемыми переборками корабля послѣ удара мины. Примчался ординарецъ съ извѣстіемъ, что сосѣдній австрійскій полкъ разгромленъ совершенно: въ самомъ дѣлѣ, вѣтеръ доносилъ оттуда гиканье казаковъ—очевидно, австрійцы находились въ паническомъ бѣгствѣ...

Въ штабѣ никто не понималъ, что собственно происходитъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, истинное значеніе которыхъ опредѣляется только впослѣдствіи, но которые кажутся участникамъ началомъ конца. Дисциплина дрогнула такъ же, какъ ряды спаянныхъ ею солдатъ. Германцы бѣжали или сдавались съ готовностью, которая прежде была бы совершенно немыслимой: они были слишкомъ ошеломлены для того, чтобы проявлять свою обычную стойкость, и считали, что сопротивляться уже не имѣетъ смысла.

Полковой священникъ у разрушенной снарядами братской могилы.

Ховенъ ожесточенно сражался во главѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, которые очутились въ самой толщѣ русскихъ рядовъ и теперь были окружены со всѣхъ сторонъ. Его горсточка таяла съ каждой минутой: онъ самъ убивалъ тѣхъ, кто хотѣлъ сдаваться. Пулевая рана въ плечѣ сильно кровоточила, туманъ застилалъ его глаза, онъ дрался, какъ въ бреду, сознавая только, что сейчасъ упадетъ въ обморокъ. Увидя направленное на него въ упоръ дуло револьвера, онъ уже не нашелъ въ себѣ силы сопротивляться.

Майоръ Эрикъ фонъ-Ховенъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Къ этому времени сраженіе было почти закончено. Подоспѣвшіе резервы могли только остановить бѣгущихъ, но вернуть утраченное нечего было и думать. — германское расположеніе оказалось отброшеннымъ далеко назадъ. Въ дивизіонномъ штабѣ толпились ординарцы, телефонъ работалъ безпрерывно. Понемногу выяснялось, что прорывъ произошелъ на не широкомъ фронтѣ, и что битва была мѣстной и не представляла крупнаго стратегическаго значенія. Но потери у нѣмцевъ оказывались тѣмъ не менѣе значительными. Особенно много было захваченныхъ въ плѣнъ и пропавшихъ безъ вѣсти: подсчитать убыль убитыми и ранеными было трудно, такъ какъ позиціи остались въ рукахъ русскихъ. Большинство офицеровъ было перебито. Относительно Ховена очевидцы показали, что онъ взятъ въ плѣнъ, майоръ Трейчке и лейтенантъ Рюлингъ пропали безъ вѣсти.

Долой бѣлоручекъ! Женскій трудъ въ Англіи.

Англійскія аристократки за работой на фермѣ. Уходъ за скотомъ.

Но Трейчке не былъ взятъ въ плѣнъ, не былъ ни убитъ ни раненъ. Онъ появился въ канцеляріи, когда генералъ Лерхе отпустилъ послѣдняго докладчика и съ тупымъ равнодушіемъ смертельной усталости смотрѣлъ на рапортъ, котораго не имѣлъ силъ подписать. Скрипъ отворившейся двери заставилъ его поднять голову: вытянувшись во фронтъ, передъ нимъ стоялъ Рудольфъ Трейчке. Одежда его была вся изорвана и перепачкана, какъ у послѣдняго изъ его рабочихъ. Блѣдное лицо своей странной, окаменѣлой серьезностью напоминало маску. Но вотъ по губамъ скользнула улыбка, остановилась, стала разгораться все шире, растягивая ротъ, опуская внизъ подбородокъ, чернѣя, какъ пасть, откуда на Лерхе повѣяло мертвящимъ холодомъ.

— Ничего,—сказалъ онъ.—Не плачь, старина: это дѣло можно поправить. Видишь ли, я изобрѣлъ сейчасъ новый пулеметъ, выстукивающій веселенькую мелодію,—вотъ, слушай...

И, дирижируя въ воздухѣ сжатымъ кулакомъ, сверкая глазами, горѣвшими, точно уголья, на неподвижномъ блѣдномъ лицѣ, опять окаменѣвшемъ въ своей неестественной серьезности, онъ хрипло запѣлъ что-то дикое, ужасное—безумное...

XI.

Отто Рюлингъ былъ около него въ тотъ моментъ, когда, вмѣстѣ съ укрѣпленіями, созданными инженеромъ Трейчке, рушился и его разсудокъ. Пораженный ужасомъ, лейтенантъ бѣжалъ прочь отъ товарища, оставшагося среди бетонныхъ стѣнъ, попрежнему несокрушимыхъ, но уже безполезныхъ. Это зрѣлище было для Рюлинга послѣдней каплей, переполнившей чашу.

Онъ не замѣтилъ, какъ очутился далеко отъ поля сраженія. Онъ шелъ, точно автоматъ, все глубже забираясь въ нѣдра пустынныхъ полей, надъ которыми уже рѣяли черныя крылья осенней ночи. Тамъ, позади, куда онъ не хотѣлъ оглянуться, битва еще догорала, какъ разбросанные уголья, но ему было все равно. Онъ дезертировалъ съ поля битвы, но дезертировалъ шагомъ церемоніальнаго марша, какъ будто проводилъ за собою невидимыя колонны мертвецовъ на парадѣ передъ ея величествомъ смертью.

Передъ нимъ неотступно стоялъ образъ Трейчке, улыбающагося страшной улыбкой сумасшедшаго и дирижирующаго въ тактъ своему безумію. Онъ видѣлъ только голову; тѣло, руки и ноги давно разсыпались прахомъ,—какъ тамъ, у молчаливой платформы грузовика въ Сенъ-Вильерѣ. Вотъ и еще одинъ мертвецъ прибавился къ тѣмъ, которые ушли въ вѣчность подъ сѣрымъ брезентомъ вмѣсто флага и въ гробовомъ молчаніи вмѣсто музыки и салютовъ. Кто же убилъ ихъ? Война? Нѣтъ. Война здѣсь ни при чемъ. Ряды войскъ, пальба, развѣвающіяся знамена—все это, если не красиво, то просто и понятно. Въ тѣ времена, когда все сводилось только къ этому, Отто Рюлингъ былъ бы не послѣднимъ солдатомъ. Вотъ онъ идетъ по темному полю, гдѣ его ежеминутно могутъ убить, но страха онъ не испытываетъ. Но то, что ему пришлось пережить за послѣдніе мѣсяцы, превосходитъ и его пониманіе и его силы.

Онъ не злодѣй, или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не считалъ себя злодѣемъ. Онъ послушался призыва родины, оставилъ дѣло, къ которому лежала его душа, и пошелъ ковать могущество и славу Германіи. Но онъ не хочетъ лгать и обманы-

Долой бѣлоручекъ! Женскій трудъ въ Англіи.

Англійскія аристократки за работой на фермѣ. Передъ доеньемъ.

вать самого себя — хотя бы здѣсь, подъ этимъ сумрачнымъ небомъ его послѣдняго боя. Слава и могущество Германіи разваливаются по кускамъ, какъ черныя лохмотья тѣхъ, которые погибли отъ своихъ же отравленныхъ газовъ. Онъ не злодѣй: такъ ли это? Онъ разстрѣливалъ стариковъ и женщинъ. Онъ присутствовалъ при истязаніяхъ плѣнныхъ. Онъ санкціонировалъ своимъ участіемъ самую гнусную бойню, въ которой жестокость выступала во всеоружіи точнаго знанія. На его глазахъ кара уже постигла Трейчке. Инженеръ былъ ницшеанцемъ: съ его точки зрѣнія, онъ сдѣлался жертвой несчастной случайности — не больше. Но какъ трагически-справедливо завершала эта катастрофа цѣпь дѣяній Трейчке, если смотрѣть на нихъ не съ надменной вершины сверхчеловѣчества, а ближе и проще. Онъ убилъ въ себѣ все живое, этотъ изслѣдователь газовъ на тѣлѣ плѣнныхъ, этотъ утонченный палачъ въ маскѣ труженика лабораторіи; свою совѣсть, свою душу онъ запряталъ въ казематъ изъ непроницаемаго бетона и считалъ себя неуязвимымъ. Но вотъ люди, которые слишкомъ вѣрятъ въ правоту своего дѣла, чтобы подняться — или унизиться — до сверхчеловѣческихъ пріемовъ борьбы, пришли и смахнули эту преграду, болѣе крѣпкую, чѣмъ гранитъ, однимъ дуновѣніемъ своей воли. И вмѣстѣ съ нею пала и скорлупа ницшеанства Трейчке, открывая свое жалкое ядро — горсточку чернаго пепла безумія...

На западномъ фронтѣ. *Военное „серсо"—круги проволоки для загражденій.*

Справа и слѣва какія-то угрожающія руки протягиваются къ офицеру: первыя деревья лѣса. Онъ идетъ все прямо. Его душа ищетъ темноты, самой глубокой, какую только можно себѣ представить. Онъ знаетъ, что кара ждетъ и его, что раскаиваться уже поздно, ибо правосудіе рока неумолимо. И отъ этой неизбѣжной кары онъ хочетъ спрятаться подъ обваливающимися горами тьмы, еще болѣе черной, чѣмъ его злодѣянія.

Отто ускоряетъ шаги, и вдругъ нога его скользитъ внизъ, не чувствуя подъ собою опоры. Болото. Онъ попалъ въ болото, — одно изъ тѣхъ, въ которыхъ погибло столько его товарищей; въ таинственную лѣсную могилу, которая не ждетъ смерти обреченнаго, чтобы сомкнуться надъ его головою.

Безумная жажда жизни вдругъ просыпается въ Рюлингѣ. Онъ напрягаетъ всѣ силы, чтобы вырваться, чтобы вернуть себѣ свободу, еще сейчасъ казавшуюся ни на что ненужной. Только бы жить! Онъ искупитъ все, въ чемъ виноватъ онъ, всѣ они, вся Германія. Онъ пойдетъ туда, во дворецъ, за стѣнами котораго не слышны стоны страдальцевъ; онъ обломаетъ ногти объ его запертыя двери и будетъ кричать, пока хватитъ легкихъ, чтобы прекратился этотъ кровавый кошмаръ. Если его все-таки не услышатъ,—онъ протянетъ братскія объятія тѣмъ, кто гніетъ по тюрьмамъ за правду; онъ скажетъ имъ...

Все глубже и глубже. Поздно. Онъ уже ничего не скажетъ больше. Трясина засосала его уже до пояса. Руки подняты вверхъ, въ правой онъ ощущаетъ что-то тяжелое и холодное. Это револьверъ. Онъ хочетъ послать послѣдній прощальный привѣтъ отчизнѣ, но губы не повинуются ему и шепчутъ слово, отъ котораго въ страхѣ бѣжитъ самый вѣтеръ этого ужаснаго лѣса. Съ нимъ сливается выстрѣлъ, прекращая трагедію еще одного изъ милліоновъ человѣческихъ существъ, погибающихъ на землѣ въ эту ночь.

На разсвѣтѣ первые лучи солнца еще видятъ голову съ прострѣленнымъ вискомъ, торчащую изъ болота. Черезъ нѣсколько часовъ и она безслѣдно уходитъ на дно трясины.

XII.

Майоръ фонъ-Ховенъ, раненый въ предплечье навылетъ, былъ помѣщенъ въ полевомъ лазаретѣ возлѣ одной изъ небольшихъ желѣзнодорожныхъ станцій. Благодаря отчасти хорошему уходу, отчасти своей богатырской натурѣ, онъ довольно скоро оправился отъ раны настолько, что непосредственная опасность для него во всякомъ случаѣ миновала. Онъ былъ еще слабъ, но находился уже на пути къ выздоровленію.

Но это не вліяло на подавленное и мрачное настроеніе майора. Для солдата-фанатика, какъ онъ, плѣнъ безспорно былъ худшимъ несчастьемъ,— въ особенности плѣнъ, осложненный лазаретной койкой и дѣлавшій его вдвойнѣ зависимымъ отъ враговъ.

Да, враговъ: онъ ни на минуту не забывалъ этого. Его отношеніе къ окружающимъ, къ врачебному персоналу и сестрамъ милосердія было презрительнымъ и грубымъ тѣмъ болѣе, чѣмъ внимательнѣе относились они къ раненому плѣннику, забывая объ его происхожденіи. Ему казалось, что эта гуманность, постигнуть которой онъ не могъ своимъ одностороннимъ умомъ, продиктована насмѣшкой или позорной слабостью. Первое было оскорбленіемъ для него, второе онъ считалъ отвратительнымъ.

На салоникскомъ фронтѣ. *Транспортированіе съ горъ раненыхъ сербскихъ солдатъ.*

— Послушайте,—обратился онъ однажды къ сестрѣ милосердія, которая за нимъ ухаживала,—неужели вы совсѣмъ не способны ненавидѣть? Неужели не вспомните хотя на минуту, что передъ вами—врагъ?

— Лежали бы вы лучше смирно,—посовѣтовала ему сестра.—Какой же вы врагъ теперь, когда не можете даже приподняться?

— Тогда вамъ слѣдовало меня прикончить.

— Это ужъ вы проповѣдуйте тамъ, у себя,—нахмурилась дѣвушка.—Мы, русскіе, не занимается добиваніемъ раненыхъ.

Майоръ долго и напряженно думалъ надъ этими словами, благо, въ его положеніи и не оставалось ничего другого, какъ думать. Ему нельзя было отказать въ извѣстной логичности, хотя и грубой и жестокой. Съ его точки зрѣнія, не имѣло смысла уродовать людей для того, чтобы потомъ лѣчить ихъ: солдаты своей арміи—это еще куда ни шло: ихъ можно было „починять" въ видахъ сохраненія и ремонтированія живой силы, если они не безнадежны, разумѣется. Но солдаты-враги? Какую пользу можно извлечь изъ нихъ? Это было совершенно непонятно. Быть-можетъ, ихъ готовили для какихъ-нибудь опытовъ, подобныхъ тому, который докторъ Блюме произвелъ въ Сенъ-Вильерѣ надъ своимъ бельгійцемъ? Для пытокъ наконецъ? Для позорной казни?

Онъ пожалъ плечами. Ему много приходилось слышать о невѣроятной жестокости русскихъ по отношенію къ плѣннымъ, но теперь та самая элементарная логика, во имя которой онъ грубилъ докторамъ и сестрамъ, отказывалась поддерживать эту мысль. Совершенно очевидно, что пытка мучительнѣе для больного, чѣмъ для здороваго, и, чтобы распилить человѣка на зубчатомъ колесѣ, не имѣетъ смысла заниматься его лѣченіемъ.

Онъ былъ уже почти совсѣмъ здоровъ и предназначался къ отправкѣ внутрь страны. Промелькнули еще два дня, похожихъ на предыдущіе, какъ и всѣ здѣсь, и наступила послѣдняя ночь въ лазаретѣ. Майоръ Ховенъ лежалъ на своей койкѣ безъ сна, думы роемъ вились вокругъ его изголовья. Онъ все время обдумывалъ планъ бѣгства...

Внезапно глухой ударъ извнѣ заставилъ его подняться на койкѣ. Его привычное ухо не обмануло: то былъ взрывъ бомбы—правда, на довольно большомъ разстояніи. Лазаретъ мгновенно поднялся на ноги: ночные налеты непріятеля — вещь, къ которой трудно привыкнуть. Взрывъ повторился еще разъ, уже ближе. Больные тревожно метались на своихъ койкахъ, сестры, блѣдныя и дрожащія, успокаивали ихъ, какъ могли. Палату освѣтили, во всѣхъ комнатахъ и коридорахъ взволнованные голоса сливались со стонами больныхъ, разбуженныхъ внезапно и еще не успѣвшихъ отдѣлаться отъ гнета ночныхъ кошмаровъ.

Ховенъ стоялъ у окна, прильнувъ лицомъ къ запотѣвшему стеклу. Германцы! Германцы близко, здѣсь, надъ его головой... Это ихъ бомбы взрываются въ тишинѣ ночи, освѣщая бѣглымъ заревомъ станціонныя строенія тамъ, вдали...

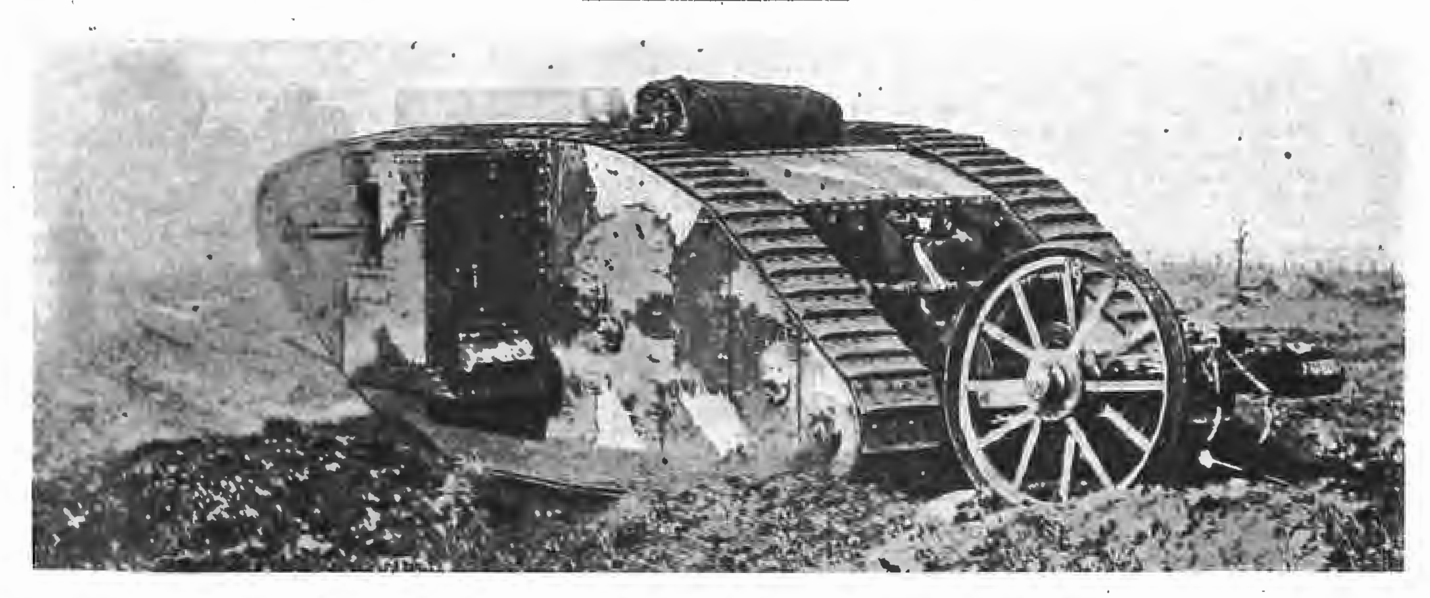
Но ни гордости ни захватывающаго восторга убійства въ немъ нѣтъ. Бомбы, падающія сверху, каждую минуту могутъ прервать и его жизнь. Темный ужасъ пробуждается въ немъ при этой мысли. Впервые въ жизни онъ чувствуетъ, что у него есть своя маленькая личная жизнь, которую родина отвергаетъ теперь презрительно, какъ ненужную ветошь. Онъ, дѣлившій все человѣчество на „своихъ" и „враговъ", не принадлежитъ теперь ни къ первымъ ни ко вторымъ: онъ повисъ надъ черной пропастью,—отверженный, выброшенный изъ жизни раньше, чѣмъ смерть смежила его глаза.

Взрывъ рядомъ. Въ сосѣднемъ баракѣ обваливается потолокъ, грохотъ обломковъ сливается съ воплями ужаса. Ховенъ не хочетъ умирать такъ,—не можетъ, не долженъ. Онъ честно заслужилъ право на другой конецъ. Остановитесь же вы, убійцы! Онъ мечется по комнатѣ, не зная, гдѣ найти пріютъ и спасеніе; окруженный такими же блѣдными и трепещущими, онъ сливается съ ними въ одной мысли, въ одномъ порывѣ души, объединяющемъ больше, чѣмъ всѣ громкія фразы его теоріи, которая сейчасъ будетъ похоронена подъ обломками рухнувшаго потолка.

Бомба пробиваетъ балки, какъ пуля, и разрывается посреди палаты. Молоденькая сестра милосердія, отброшенная силой взрыва къ стѣнѣ, видитъ въ дыму и пламени фигуру германца, угрожающе поднявшаго руку вверхъ къ небесамъ. И лицо его страшнѣе всего, что происходитъ кругомъ въ эту страшную минуту.

А послѣ, когда все уже успокоилось, онъ лежитъ на исковерканной койкѣ, прикрытый простыней, какъ девять другихъ труповъ рядомъ. Подъ складками полотна кое-какъ собрано тѣло, разорванное ударомъ бомбы. Но лицо уже спокойно, и такъ странно и рѣзко выдѣляются на этомъ спящемъ смугломъ лицѣ волосы, бѣлые, какъ налетъ инея, — серебряный вѣнокъ послѣдняго страданія, вѣнчающій смертный сонъ Ховена.

Это сонъ о Германіи, которую онъ любилъ, и которая такъ щедро заплатила ему за это.



„Лохань" („tank")—*новый англійскій бронированный автомобиль, не знающій преградъ.*

Семь дней въ „лохани".

Въ „Нивѣ" были недавно помѣщены (въ № 52 за истекшій годъ) изображенія изобрѣтеннаго англійскими военными инженерами гигантскаго бронированнаго автомобиля. Безстрашный и неуязвимый, устремляется онъ всей своей громадой въ самую кипень боя, подъ снаряды и пули, свободно беретъ вражьи окопы, какъ пустое, незначащее препятствіе, и, посѣявъ вокругъ себя разрушеніе и смерть, преспокойно возвращается въ свой полкъ. Англійскіе солдаты назвали этого своего новаго боевого товарища „лоханью" („tank"—„тэнкъ").

Давая здѣсь еще одно фотографическое изображеніе „лохани", только-что полученное нами съ англійскаго фронта, приводимъ интересный дневникъ австралійскаго солдата, проведшаго семь дней въ „тэнкѣ".

Понедѣльникъ. Моя первая поѣздка. Странное чувство. Хуже, чѣмъ въ подводной лодкѣ. Пули застучали въ гальванизованную крышу сначала, какъ градъ, а потомъ, какъ сотни молотковъ. Мы прошли сквозь этотъ ураганъ невредимые. Вдругъ страшный толчокъ. Я думалъ, насъ разбили пополамъ. Но наблюдающій сказалъ, что мы врѣзались въ окопы врага. „Дайте имъ хорошую порцію!"—громко закричалъ офицеръ. Мы дали имъ хорошую порцію. Какъ пошли наши орудія палить: направо и налѣво, направо и налѣво — начисто вымели вражьи траншеи. У нѣмцевъ затрещали пулеметы. Тра-та-та — по нашей скорлупѣ. Но никакихъ результатовъ. Стали разрываться гранаты. Мы кинулись на перепуганныхъ гунновъ. Они поскакали, какъ зайцы. Офицеры пробовали ихъ останавливать. Они подождали минутку, но потомъ поскакали опять. Наше появленіе ихъ изумляетъ. Разѣваютъ рты, выпучиваютъ глаза, но все же ничего не понимаютъ. Нельзя сказать, чтобы первое пребываніе въ „тэнкѣ" доставило мнѣ удовольствіе. Меня тошнило,—настоящая морская болѣзнь.

Вторникъ. Снова въ „тэнкѣ". Нѣмцы опять посыпаютъ насъ перцемъ. Казалось, мы потонемъ въ этомъ ливнѣ пуль. Но скоро глупцы успокоились. Побѣжали кто куда, вразсыпную. Вдругъ наша „лоханка" какъ прыгнетъ. „Ну, — подумалъ я, — прощай,

бѣлый свѣтъ!" Нѣтъ, это мы наткнулись на цѣлую гору убитыхъ. Въ щелканіи пуль есть ритмъ, и скоро мы привыкли къ нему. А это что такое? Ай-ай-ай! Вотъ такъ толчокъ! Меня чуть изъ кожи не вытряхнуло. Мы только переглянулись: въ чемъ дѣло? Слава Богу, что крышка надъ нами цѣла. Какъ будто мы скачемъ по дублинской скалистой дорогѣ. Оказалось, что это нѣмецкій окопъ. Наши пушки открыли огонь—и вымели вокругъ все живое.

Среда. Выѣхали рано. Никогда еще не былъ въ такой передѣлкѣ. Волны огня. Страшный трескъ. Потомъ опять и опять. Потомъ тихо. Навстрѣчу намъ изъ деревни—кучка нѣмцевъ. Впереди пожилой толстякъ. Можетъ-быть, это городской голова и другія важныя персоны вышли къ намъ съ хлѣбомъ-солью, съ поклономъ? Нисколько. Правда, они оказали намъ горячій пріемъ, но другого свойства, чѣмъ я ожидалъ. Вмѣсто хлѣба-соли—пулеметы. Мы засмѣялись. Наши пушки отвѣтили ихнимъ. Депутація именитыхъ гражданъ бросилась бѣжать, сверкая пятками. На мѣстѣ остался толстякъ. Ротъ разинутый, рожа отъ ярости красная—и вдругъ какъ пустится бѣжать за остальными. Забавно, какъ бѣгъ въ мѣшкѣ. Потомъ шлепнулся на землю и знаками показалъ, что сдается.

Четверіъ. Мы влетѣли въ деревню и пронеслись среди полуразрушенныхъ домовъ. Сотни нѣмцевъ повыбѣгали изъ погребовъ и подваловъ, чтобы на насъ поглядѣть. Смотрятъ, какъ ошлашенные: глаза вылѣзаютъ на лобъ.

Пятница. Выѣхали рано. Обычный дождь пуль и пять или шесть снарядовъ. Врѣзались въ нѣмецкую траншею—прямо черезъ парапетъ, и на нихъ! Нѣмцы пробовали бѣжать, но напрасно. Стали сдаваться десятками. Одинъ плѣнный сказалъ, что безполезно сопротивляться нашему желѣзному чудищу, и что мы-де не имѣемъ права пускать въ ходъ такое оружіе. „Извини, пожалуйста, что мы не спросились у вашего кайзера",—сказалъ одинъ изъ нашихъ въ отвѣтъ. Нѣмецъ не понялъ шутки. Мы взяли около 200 плѣнныхъ. Ужасно устали къ концу.

Суббота. Тронулись въ путь послѣ завтрака. Нѣмцы готовились напасть врасплохъ на іоркширцевъ и уже вышли изъ траншей для атаки, когда на нихъ налетѣли мы. Они готовили сюрпризъ намъ, а получили сюрпризъ отъ насъ. Никогда я не видѣлъ такихъ испуганныхъ и удивленныхъ людей. Они пробовали остановить насъ пулеметнымъ огнемъ, но іоркширцы, съ нашей помощью, захватили и ихъ и ихъ пулеметы.

Воскресенье. Выстрѣлы гунновъ для насъ то же, что гусю вода. Какъ дрожатъ несчастные Фрицы, когда мы забираемъ ихъ въ плѣнъ. Они думаютъ, что нашъ „тэнкъ"—мясорубка, что мы намѣреваемся приготовить изъ нихъ сосиски. Мы съ трудомъ объяснили имъ, что, чуть они сдались, они невредимы. Ну вотъ и кончилась недѣля о „тэнкѣ". Было много забавнаго, но все же я ужасно усталъ. Теперь необходимо отдохнуть.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Второе „мирное предложеніе".

I.

Изъ числа событій истекшаго 1916 года однимъ изъ наиболѣе яркихъ было выступленіе центральныхъ державъ съ такъ называемымъ „мирнымъ предложеніемъ". Само по себѣ стремленіе противника къ миру не было новостью, ибо о желаніи центральныхъ державъ покончить войну давно уже поговаривали, а въ ноябрѣ 1916 года Бетманъ-Гольвегъ, какъ извѣстно, выступилъ въ рейхстагѣ съ изложеніемъ тѣхъ общихъ условій, на которыхъ тогда, по его мнѣнію, центральныя державы могли бы заключить миръ.

Однако все же, хотя стремленія Германіи уйти благополучно и, по возможности, скорѣе изъ завязаннаго ею міроваго столкновенія и были давно извѣстны, тѣмъ не менѣе открытое выступленіе центральныхъ державъ съ предложеніемъ мира настолько характерно для переживаемаго стратегическаго и политическаго момента, что на немъ нельзя не остановиться болѣе внимательно и вдумчиво. Прежде всего, прежде нежели обсудить самое „мирное предложеніе", невольно напрашивается параллель между тѣмъ „неофиціальнымъ" предложеніемъ мира, которое мы имѣли со стороны нѣмцевъ въ 1915 году, и тѣми офиціальными „мирными нотами", которыя были разосланы нейтральнымъ державамъ въ 1916 году.

Какъ тогда, такъ и теперь, эти „предложенія мира" встрѣтили къ себѣ, какъ мы знаемъ, одинаково отрицательное отношеніе во всѣхъ странахъ союзниковъ, и, какъ тогда, такъ и теперь, всѣмъ было понятно, что періоды, когда противникъ занимаетъ чужую территорію, являются именно тѣми періодами, когда менѣе всего возможны разговоры о мирѣ,—когда народное достоинство, наоборотъ, требуетъ продолженія войны до конца.

Римляне всегда твердо придерживались принципа „никогда не заключать мира при невыгодныхъ обстоятельствахъ", и именно соблюденію этого принципа всемірная Римская имперія болѣе всего была обязана своимъ существованіемъ. Повидимому, этого правила стремится придерживаться и противникъ, и мы наблюдаемъ, что въ обоихъ случаяхъ,—и въ 1915 году и въ 1916 году,—нѣмцы выступали съ мирными предложеніями въ тѣ моменты, которые они для себя считали наиболѣе благопріятными въ стратегическомъ отношеніи. Мы знаемъ, что въ 1915 году противникъ избралъ для „мирнаго выступленія" періодъ послѣ большого лѣтняго наступленія на нашемъ фронтѣ, а въ нынѣшнемъ году—моментъ послѣ занятія Букареста.

Однако, несомнѣнно, имѣется весьма существенная разница въ обоихъ „мирныхъ предложеніяхъ" 1915-го и 1916-го года, и очевидно, что эта разница зависитъ всецѣло отъ разницы между тѣми стратегическими положеніями, въ которыхъ находилась Германія въ 1915 г. и 1916 г. Вообще всякое предложеніе о мирѣ, какъ извѣстно, съ одной стороны опирается на достигнутые въ войнѣ результаты, а съ другой—на открывающіяся при дальнѣйшемъ продолженіи войны перспективы. Бросается въ глаза существенная разница въ „тонѣ" и „содержаніи" обоихъ заявленій Бетмана-Гольвега, раздѣленныхъ другъ отъ друга годомъ времени.

„Мирное выступленіе" Бетмана-Гольвега въ 1915 году носило исключительно претенціозный и надменный характеръ. Центромъ этого заявленія, какъ извѣстно, была знаменитая „военная карта", о которой говорилъ Бетманъ-Гольвегъ, какъ о „базѣ" для мирныхъ переговоровъ. Одинаково хорошо памятно и заявленіе Бетмана-Гольвега о „воротахъ въ Германію"—Бельгіи и Польшѣ, которыя, по мнѣнію германскаго канцлера, должны быть „закрыты".

Въ 1915 году Бетманъ-Гольвегъ выступилъ съ цѣлой „программой" мирныхъ условій и вполнѣ опредѣленно излагалъ тѣ стратегическія границы, на которыя претендовала Германія. Когда Бетманъ-Гольвегъ говорилъ, что Германія не желаетъ, чтобы на востокѣ „противникъ владѣлъ воротами для наступленія въ Германію", то это его заявленіе, послѣ расшифрованія, вполнѣ ясно обозначало, что нѣмцы протендуютъ на границу впереди Нѣмана и Буга. Одинаково и по отношенію къ западному фронту было ясно, что подъ „воротами для вторженія въ Германію" Бетманъ-Гольвегъ подразумѣваетъ Бельгію, хотя онъ и заявлялъ, что считаетъ сейчасъ неудобнымъ говорить, „какія гарантіи императорское правительство потребуетъ, напримѣръ, въ вопросѣ о Бельгіи".

Эта претенціозная, полная захватныхъ намѣреній „мирная программа", съ которой выступилъ Бетманъ-Гольвегъ въ 1915 году, уже совершенно исчезла изъ „мирнаго предложенія" Германіи 1916 года. Въ послѣднемъ мы уже не встрѣчаемъ ни „военной карты" ни заявленій нѣмцевъ, что, „какъ на востокѣ, такъ и на западѣ наши нынѣшніе противники впредь не должны располагать воротами для вторженія въ Германію".

Еще далѣе можно вспомнить, что въ германскомъ „мирномъ предложеніи" 1915 года имѣлась столь надменная угроза, какъ заявленіе Бетмана-Гольвега, что, въ случаѣ отказа союзниковъ, „новыя гарантіи, которыя нѣмцы потребуютъ потомъ, будутъ шире". Этого заявленія также нѣтъ въ „мирномъ предложеніи" 1916 года, хотя въ нѣкоторыхъ другихъ заявленіяхъ противника имѣются намеки на новыя угрозы, какъ то: на „расширеніе подводной войны". Однако угроза „расширить подводную войну" уже много разнится отъ той угрозы потребовать болѣе „широкихъ компенсацій" отъ союзниковъ, въ случаѣ нежеланія послѣднихъ пойти навстрѣчу предложеніямъ Германіи, о которой говорилъ Бетманъ-Гольвегъ въ 1915 году.

II.

Причины, въ силу которыхъ въ послѣднемъ германскомъ „мирномъ предложеніи" отсутствовали тѣ претенціозныя формулы и требованія, которыми изобиловало предыдущее германское „мирное предложеніе", весьма многообразны. Несомнѣнно, частью это было сдѣлано въ угоду нѣмецкимъ оппозиціоннымъ партіямъ, и можно вспомнить, что еще въ 1915 году многія нѣмецкія газеты сами выражали недоумѣніе по поводу тѣхъ непомѣрныхъ претензій, съ которыми выступилъ тогда Бетманъ-Гольвегъ. Извѣстная нѣмецкая газета **„Berliner Tageblatt"** иронизировала по этому поводу, говоря, что, согласно заявленіямъ Бетмана-Гольвега, „необходимо завоевать полъ-Европы для того, чтобы обезпечить границы Германіи".

Однако, независимо отъ этого, Бетманъ-Гольвегъ въ своихъ „пониженныхъ" предложеніяхъ не могъ не исходить также изъ тѣхъ незначительныхъ стратегическихъ „результатовъ", которые были достигнуты нѣмцами въ 1916 году по сравненію съ 1915 годомъ, а также изъ тѣхъ все ухудшающихся „перспективъ", которыя должны были открыться передъ Германіей въ случаѣ дальнѣйшаго продолженія войны, по сравненію съ тѣми „перспективами", на которыя могла надѣяться Германія въ предыдущемъ 1915 году. Одинаково и „результаты" и „перспективы",—тѣ основныя данныя, на которыхъ базируется всякое „мирное предложеніе",—были, если можно такъ выразиться, „слабѣе", чѣмъ годъ тому назадъ. Если въ 1915 году „результатами" были лѣтнее наступленіе на востокѣ и „сербскій походъ", то въ 1916 году Бетманъ-Гольвегъ долженъ былъ учитывать не только успѣхи, но и неуспѣхи, одинъ „плюсъ"—румынскую операцію и четыре крупныя неудачи,—„Верденъ", „Сомма", второй разгромъ австрійцевъ и неудачное наступленіе австрійцевъ въ Италію въ маѣ мѣсяцѣ.

Если таковы „скромные“ стратегическіе „результаты“, на которые опиралось послѣднее предложеніе Бетмана-Гольвега, то еще скромнѣе „перспективы“, которыя открывались, въ случаѣ дальнѣйшаго продолженія войны и затяжки ея на 1917 годъ, и съ которыми также должно было считаться „мирное предложеніе“ Германіи. Это сознавалъ и самъ Бетманъ-Гольвегъ, и въ этомъ можно убѣдиться изъ того, что въ германскомъ „мирномъ предложеніи“ нѣтъ уже опредѣленныхъ „захватныхъ претензій“, а это „предложеніе“ говоритъ лишь о томъ, что нѣмцы могутъ въ дальнѣйшемъ „выдержать натискъ“, что союзники не могутъ разсчитывать на „сокрушеніе силы сопротивленія центральныхъ державъ“. Рѣчь идетъ уже не объ угрозахъ завоевать еще что-либо въ случаѣ, если союзники откажутся, а нѣмцы говорятъ лишь о томъ, что они способны на дальнѣйшую „оборону“.

Такимъ образомъ, по самому тексту ноты можно видѣть, что годъ войны понизилъ претенціозныя требованія Германіи, и въ этомъ отношеніи стратегическіе итоги истекшаго года надо признать положительными. Независимо отъ этого, пониженіе германскихъ требованій косвенно доказываетъ торжество той общей формулы, которая говоритъ, что „каждый годъ войны неизбѣжно ухудшаетъ положеніе центральныхъ державъ“.

Отсюда, естественно, есть основаніе ожидать, что еще черезъ годъ третье мирное предложеніе нѣмцевъ,—„мирное предложеніе 1917 года“, — при такой послѣдовательности, будетъ еще скромнѣе, и что настанетъ наконецъ моментъ, когда центральныя державы признаютъ тщетность всѣхъ усилій вырвать что-либо у союзниковъ.

III.

Изъ этого можно видѣть, что одни уже общія условія,—постепенное ухудшеніе положенія Германіи съ каждымъ годомъ,—должны были диктовать союзникамъ необходимость дальнѣйшаго выжиданія, дальнѣйшей выдержки, а, слѣдовательно, и подразумѣвали отказъ союзниковъ вступить въ какіе-либо переговоры съ Германіей, впредь до дальнѣйшаго ухудшенія положенія центральныхъ державъ, впредь до наступленія того момента, когда будетъ сломлено окончательно сопротивленіе противника... Однако не только эти общія условія, но и цѣлый рядъ другихъ данныхъ не оставлялъ сомнѣнія въ томъ, что такъ называемое „мирное предложеніе“ Германіи будетъ отвергнуто.

Изъ числа этихъ „другихъ данныхъ“ можно указать на то, что, хотя германское „мирное предложеніе“ не заключало въ себѣ никакихъ конкретныхъ условій мира, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя свѣдѣнія, поступавшія отъ нейтральныхъ, указывали, что нѣмцы не отказались окончательно отъ своихъ претензій, а лишь ихъ „сократили“.

Такъ, спустя нѣкоторое время послѣ опубликованія германской „мирной ноты“, въ нашихъ газетахъ появились кое-какія свѣдѣнія относительно условій, на которыхъ Германія намѣревается „заключить миръ“. Условія эти предусматривали ни болѣе ни менѣе, какъ „удержаніе Литвы и Курляндіи“ съ обязательствомъ лишь очистить Бельгію и занятые департаменты Франціи. Конечно, о непріемлемости таких условій нечего и говорить, но они представляютъ все же нѣкоторый „академическій“ интересъ—съ точки зрѣнія тѣхъ стратегическихъ выгодъ, на которыя втайнѣ разсчитывалъ противникъ, намѣчая такія „условія мира“.

Для того, чтобы оцѣнить смыслъ этихъ „претензій“ противника, нужно исходить исключительно изъ событій нынѣшней войны, и прежде всего изъ того непреложнаго факта, что исключительно необходимость вести войну на два фронта помѣшала нѣмцамъ достигнуть цѣлей войны. Ударъ по Восточной Пруссіи въ тотъ моментъ, когда нѣмцы углубились во Францію, какъ мы знаемъ, сыгралъ свою крупную роль въ крушеніи нѣмецкаго плана разгромить Францію. Стремленіе обезпечить свою восточную границу вызвало необходимость держать часть нѣмецкихъ корпусовъ на востокѣ, а съ ними и всю австрійскую армію, и такимъ образомъ германскій штабъ былъ лишенъ возможности „сосредоточить на французскомъ фронтѣ въ первые дни войны такія превосходныя въ числѣ силы, которыя дали бы возможность 122-милліонной Австро-Германіи раздавить 45-милліонную Францію“.

Послѣдующія событія въ теченіе двухъ лѣтъ войны должны были доказать противнику, что, при условіи веденія войны на два фронта, его задачи остаются невыполнимыми. Отсюда естественное стремленіе внести въ это положеніе „поправки“ и создать въ будущемъ такія условія, когда возможно было бы свести войну къ борьбѣ только за одинъ фронтъ. Отсюда идея Польскаго королевства—буфера, зависимаго отъ Германіи въ военномъ отношеніи.

Не приходится особенно подробно доказывать, что такой буферъ является отнюдь не угрозой Россіи, а Франціи и Англіи, ибо создаетъ такія условія, когда Германія можетъ, нисколько не опасаясь за свой тылъ, обезпеченный „польскимъ буферомъ“, навалиться всѣми силами на Францію. Одинаково и „Литва“ и „Курляндія“ должны, по мнѣнію нѣмцевъ, образовать такой же буферъ по отношенію къ той Восточной Пруссіи, разгромъ которой въ началѣ войны вынудилъ нѣмцевъ бросить свой важнѣйшій основной планъ и пожертвовать тѣмъ наиболѣе благопріятнымъ моментомъ для выигрыша войны, когда Россія еще въ теченіе первыхъ 60 дней не была готова.

Можно ни на минуту не сомнѣваться, что такія „условія мира“ подразумѣваютъ не что иное, какъ созданіе обстановки, благопріятной для будущаго нападенія на нашихъ западныхъ союзниковъ. Можно даже въ общихъ чертахъ нарисовать себѣ ту стратегическую и политическую обстановку, которая создалась бы черезъ нѣсколько лѣтъ, при осуществленіи такихъ „условій“. 100-милліонная Германія съ Польшей, Литвой и Курляндіей, въ союзѣ съ 50-милліонной Австро-Венгріей, выросшей Болгаріей и Турціей, съ многочисленнымъ флотомъ, надводнымъ и подводнымъ, имѣла бы передъ собою лишь Англію и 45-милліонную Францію. Германскій тылъ былъ бы обезпеченъ „буферомъ“, въ свою очередь, усиленнымъ крупнѣйшими оборонительными линіями рѣкъ Вислы, Нѣмана и Буга, болотистыми раіонами Пинскихъ болотъ. При той чудовищной техникѣ, которую проявилъ противникъ въ теченіе нынѣшней войны, сила всѣхъ этихъ оборонительныхъ линій должна была бы быть громадной, и такой „польско-литовско-курляндскій буферъ“ являлся бы стратегическимъ препятствіемъ исключительно прочнымъ.

Гофмейстеръ С. Д. Сазоновъ, *назначенный чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при Его Величествѣ королѣ Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, императорѣ Индіи.*

IV.

Такимъ образомъ окончаніе борьбы въ настоящій моментъ означало бы лишь временный перерывъ и, сверхъ того, созданіе такой обстановки, которая создавала бы весьма благопріятныя условія для новаго нападенія противника на нашихъ западныхъ союзниковъ. Это, естественно, слишкомъ расходилось съ тѣми цѣлями, во имя которыхъ вступили въ войну державы согласія, съ той идеей сокрушенія „германскаго милитаризма“ и устраненія „германской опасности“, которая является самой основной задачей союзниковъ. Формулы „германскій милитаризмъ“ и „германская опасность“ въ концѣ концовъ не представляются лишь громкими лозунгами, а имѣютъ самое конкретное содержаніе. Дѣйствительно, уже во время нынѣшней войны можно было наблюдать, съ какими чрезвычайными усиліями удалось союзникамъ сдержать ринувшуюся на всю Европу Германію. Только плотное кольцо всѣхъ почти народовъ Европы, вооружившихся съ ногъ до головы, могло удержать этого опаснаго, сильнаго и хищнаго противника.

При этомъ нельзя не имѣть въ виду, что германская угроза опредѣленно обрисовывалась не только на сушѣ, но и на моряхъ, и это послѣднее особенно должно было вынуждать Англію къ безусловному продолженію войны, хотя бы „во имя чувства самосохраненія“. Помимо той обстановки, которую мы обрисовали выше, въ случаѣ созданія 100-милліонной Германіи съ Польшей, Литвой и Курляндіей, Австріей, Болгаріей и Турціей,—помимо этого не менѣе серьезная обстановка могла бы создаться на морѣ. Если англійскому флоту удалось прочно „зажать“ въ теченіе нынѣшней войны германскій флотъ, то все же возникалъ вопросъ, были ли бы достаточны черезъ 5—10 лѣтъ морскія силы Великобританіи для того, чтобы противостоять непрерывно растущему германскому надводному флоту и зарекомендовавшему себя столь отчаянной дѣятельностью германскому подводному флоту, если бы въ теченіе нынѣшней войны германское морское могущество не было бы сломлено.

Англійскіе политическіе дѣятели, при ихъ прозорливости, не могутъ не считаться съ реальной опасностью для Великобританіи, отдѣльныя части которой связаны морями. Англичане хорошо понимаютъ, что въ тотъ день, когда германскій флотъ окажется хозяиномъ на моряхъ, существованіе Британской имперіи, раздѣленной морями на части, можетъ заколебаться, и

На рижскомъ фронтѣ. *Освященіе памятника на братскомъ кладбищѣ.*

потому мы не можемъ себѣ представить даже той „базы", на которой въ настоящее время можно было бы примирить интересы Англіи и Германіи.

Поэтому, для Англіи, во всякомъ случаѣ, продолженіе войны необходимо просто во имя чувства самосохраненія, и до тѣхъ поръ, пока морское могущество Германіи не будетъ сломлено, Англія не можетъ закончить нынѣшнюю войну, ибо до тѣхъ поръ она всегда будетъ видѣть и чувствовать угрозу. Если даже на минуту условно допустить, что противникъ отказался бы рѣшительно отъ всѣхъ своихъ „захватныхъ претензій" на западѣ и на востокѣ, и примирился бы съ возвращеніемъ къ границамъ, существовавшимъ до войны, то все же и это не могло бы закончить нынѣшнюю войну, ибо кромѣ всего этого есть „угроза Европѣ", есть то, что именуется „германскимъ милитаризмомъ" и „германской опасностью". Именно это послѣднее должно быть сломлено, ибо понятіе о „германскомъ милитаризмѣ" и „германской опасности", повторяемъ, заключаетъ въ себѣ самое конкретное содержаніе и дѣйствительно представляетъ угрозу существованію народовъ Европы.

Въ то же время нельзя не признать и нельзя не подчеркнуть того, что нѣтъ никакихъ основаній ожидать, чтобы нѣмцы отказались въ дальнѣйшемъ отъ расширенія своихъ границъ,—тѣхъ границъ, которыя они называютъ „невыносимо тѣсными" для все растущаго германскаго населенія и для все развивающейся германской промышленности. Германія опредѣленно считаетъ, что ея положеніе въ центрѣ Европы является исключительно стѣсненнымъ, ибо естественный ростъ страны неизбѣжно ведетъ, по мнѣнію нѣмцевъ, къ завоевательной политикѣ за счетъ сосѣдей.

Соединенными усиліями Европы Германію сдержали на сушѣ и на морѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стало вполнѣ ясно, что при другихъ условіяхъ политической и стратегической обстановки справиться съ новыми завоевателями будетъ трудно. Самое естественное благоразуміе требуетъ дальнѣйшаго продолженія войны. Нынѣшній политическій моментъ аналогиченъ тому психологическому моменту, который наступаетъ въ бою, когда силы противника впервые начинаютъ замѣтно слабѣть. Въ этотъ моментъ военное искусство требуетъ обязательно дальнѣйшаго развитія усилій и, какъ говорилъ Драгомировъ, необходимо помнить, что „то, что можетъ быть достигнуто сегодня, завтра уже можетъ быть достигнуто съ трудомъ, а послѣзавтра уже можетъ быть совсѣмъ не достигнуто". Полнѣйшую аналогію съ этимъ моментомъ боя можно найти и въ нынѣшнемъ психологическомъ моментѣ войны: „то, что можетъ быть достигнуто въ нынѣшній періодъ войны,—черезъ годъ, въ случаѣ заключенія преждевременнаго мира, окажется трудно-достижимымъ, а черезъ 5—10 лѣтъ окажется совсѣмъ недостижимымъ".

Незамѣтные герои фронта.

Полковой священникъ—герой.

6-го августа 1915 г. полковой священникъ 149-го пѣхотнаго Черноморскаго полка, о. Александръ Вознесенскій, отслуживъ обѣдню и въ 11 час. утра отправился въ окопы передовыхъ линій. Съ крестомъ въ рукахъ обходилъ онъ роту за ротой, поздравлялъ сѣрыхъ героевъ съ праздникомъ, освящалъ яблоки и бесѣдовалъ со сторожевыми ротами.

Неоднократно сопровождавшіе офицеры убѣждали его укрыться въ окопы и итти подъ прикрытіемъ бруствера, но о. Александръ безстрашно шелъ по открытому полю. Непріятельскія пули, какъ пчелы, жужжали вокругъ него. До австрійскихъ окоповъ было всего какихъ-нибудь шестьсотъ шаговъ. Но батюшка продолжалъ съ крестомъ въ рукахъ свой обходъ. Въ тотъ моментъ, когда о. Александръ приближался уже къ послѣдней ротѣ, вражеская пуля скосила его. Такъ погибъ полковой пастырь, неоднократно въ предшествующихъ бояхъ проявлявшій величіе духа и героизмъ.

Еще въ началѣ войны, 13-го августа, въ бою подъ Тарновадкой, когда Черноморскій полкъ наступалъ, гоня передъ собой врага, цѣплявшагося за каждую горку, за каждую опушку лѣса, о. Александръ проявилъ необычайный героизмъ.

Кипѣлъ жаркій бой. Вотъ передовыя роты бросаются съ крикомъ „ура!" на окопы австрійцевъ. Отступившій противникъ обрушивается своимъ артиллерійскимъ огнемъ на только-что оставленное имъ мѣсто и засыпаетъ его пулями и снарядами. Шрапнель реветъ, стонетъ и визжитъ; кругомъ стоитъ какой-то адъ, и вдругъ среди этого ада звуковъ раздается пѣніе молитвы „Спаси, Господи, люди Твоя!"—это о. Александръ съ крестомъ въ рукахъ, съ поднятыми къ небу глазами, быстро идетъ въ гору вмѣстѣ съ ротами полка, вмѣстѣ со своей паствой. Непріятель направляетъ на него пулеметный огонь, но не боится вражескаго огня герой-священникъ — онъ геройски идетъ впередъ, воодушевляя и благословляя идущихъ въ атаку, утѣшая раненыхъ и напутствуя умирающихъ...

27-го августа у дер. Андреевки шелъ кровопролитный бой. Наступившая ночь прекратила его. Что было въ теченіе этой ночи, отошелъ ли противникъ, подошли ли къ нему подкрѣпленія, или произошло какое-нибудь измѣненіе въ общей обстановкѣ, но только съ разсвѣтомъ Черноморскому полку было

Новый французскій военный министръ Ліотэ.

приказано отойти назадъ. Офицеры полка недоумѣвали,—отходъ этотъ былъ имъ непонятенъ. Сосѣднiе участки оставались на мѣстѣ, а потому было основанiе предполагать, что противникъ не отступилъ. Навстрѣчу отступающему полку на повозкѣ попадается о. Александръ съ псаломщикомъ.

— Вы куда же, батюшка?—спрашиваетъ его офицеръ.

— А на старыя ваши позицiи, тамъ вѣдь остались убитые!

— Да ихъ похоронили, батюшка.

— А панихиду надо отслужить, на могилкѣ крестъ поставить, безъ этого будетъ нехорошо.

— Да вѣдь опасно, батюшка, тамъ противникъ можетъ быть.

— Я этого не боюсь, боюсь неисполненiя своего долга,—отвѣчаетъ батюшка и ѣдетъ дальше.

11-го октября 1914 г. полкъ готовился къ наступленiю на дер. Брзезовку. На ходу батальоны перестраивались въ строй поротно; спѣша, обгоняетъ роты, сильно прихрамывая, о. Александръ, а спустя нѣкоторое время впереди разсыпавшихся цѣпей виднѣется освѣщенная лучами заходящаго солнца знакомая, родная всему полку фигура о. Александра въ полномъ облаченiи. На ходу служитъ онъ напутственный молебенъ: а коварный врагъ уже наводилъ въ это время на черноморцевъ орудiя притаившейся невдалекѣ батареи.

Не перечислить всѣхъ дѣлъ, въ которыхъ о. Александръ съ крестомъ въ рукахъ принималъ участiе, напутствуя своихъ дорогихъ сердцу солдатъ.

Часовой не имѣетъ права покинуть свой постъ.

Весной прошлаго года, когда наши войска стояли еще на Дунайцѣ, Миргородскiй полкъ занималъ участокъ фронта у самой рѣки. Вода ежечасно прибывала. Рѣка вздувалась и неслась со стремительной быстротой, ломая на своемъ пути всѣ постройки и деревья. Зима была снѣжная, и прибыль воды исключительная. Однако это обстоятельство не препятствовало противнику время отъ времени безпокоить наши передовыя части, а поэтому намъ приходилось, невзирая на трудности, создаваемыя половодьемъ, высылать часовыхъ на самый берегъ рѣки, особенно, когда ночи были темныя, иначе противникъ могъ бы внезапнымъ нападенiемъ причинить намъ много бѣдъ.

Такъ было и въ ночь на 2-е апрѣля. Отъ второй роты Миргородскаго полка на правый берегъ Дунайца былъ высланъ караулъ въ составѣ четырехъ рядовыхъ: Нестора Тарасенкова и Якова Порожнева, Кiевской губ., Каневскаго уѣзда; Егора Головнева и Василiя Яковлева, Смоленской губернiи, Рославльскаго уѣзда. Лишь только смерклось, караулъ отправился въ назначенное мѣсто.

Ночью вода въ Дунайцѣ поднялась настолько, что нашимъ солдатикамъ пришлось стоять по колѣно въ водѣ. Сойти же съ мѣста они не считали возможнымъ,—нужно было зорко слѣдить за противникомъ. Мѣсто, назначенное караулу, было для этого очень удобно, и стояли они скрытно отъ взоровъ противника подъ деревомъ.

Вода все прибывала. Двое изъ часовыхъ подъ утро забрались на дерево и оттуда продолжали наблюдать за противникомъ, другiе двое стояли уже по поясъ въ водѣ. Каждый мигъ стремительная пучина готова была ихъ поглотить. Вода все прибывала и прибывала. Помощи ждать было неоткуда. Спастись можно было, только покинувъ свой постъ. Этого сдѣлать миргородцы не могли—долгъ русскаго солдата считали они выше собственной жизни.

Начало свѣтать. Изъ расположенiя противника замѣтили нашихъ часовыхъ, сидѣвшихъ на деревьяхъ. Немедленно по нимъ былъ открытъ убiйственный артиллерiйскiй и ружейный огонь. Несмотря на это, часовые оставались на своемъ посту.

Фельдфебель Русановскiй, посланный повѣрить караулы, видѣлъ нашихъ героевъ, находившихся въ безвыходномъ положенiи, но помочь имъ не было никакой возможности. Они сигналами сообщили фельдфебелю о расположенiи противника, условными знаками передали все, что они видѣли, донести словесно о своихъ впечатлѣнiяхъ они уже не могли.

Вскорѣ всѣ четверо геройски погибли на своемъ посту.

Вотъ они незамѣтные, никому невѣдомые, сѣрые герои фронта! Долгъ для нихъ выше жизни! Они не ушли со своего поста, когда еще была возможность спастись, они оставались на немъ до тѣхъ поръ, пока двухъ изъ нихъ не поглотила разъяренная пучина, а двухъ другихъ не сразилъ вражескiй огонь.

Полковникъ Г. П.

Эдуардъ Эррiо.

Въ ряду министровъ преобразованнаго кабинета Брiана появилось лицо, никогда не державшее въ рукахъ министерскаго портфеля, никогда не входившее въ составъ ни одного правительственнаго кабинета, и сразу занявшее совершенно исключительный постъ. Это—Эдуардъ Эррiо, глава вновь организованнаго во Францiи министерства продовольствiя и транспорта. Вмѣстѣ съ генераломъ Лiотэ, новымъ военнымъ министромъ, Эррiо держитъ въ рукахъ судьбы всей Францiи.

Довольно сказать, что въ кругъ заботъ и вѣдомства новаго министра Эррiо входятъ интендантство, гражданское продовольствiе, желѣзныя дороги, почта, торговые порты, рудники—однимъ словомъ, все, чѣмъ движется жизнь. Право на эти диктаторскiя полномочiя дала Эррiо его выдающаяся парламентская и общественная дѣятельность, и выборъ Брiана былъ сочувственно встрѣченъ всей Францiей, знающей своихъ общественныхъ работниковъ и цѣнящей ихъ на всѣхъ поприщахъ.

Примѣръ Эррiо доказалъ, что Францiя цѣнитъ людей и не желаетъ знать никакихъ iерархическихъ лѣстницъ, выслуги лѣтъ и чинопроизводства. Довольно сказать, что Эдуарду Эррiо всего 45 лѣтъ. Во всѣхъ учрежденiяхъ, куда ни выбирали Эррiо, онъ оказывался самымъ молодымъ: когда его выбрали мэромъ

Эдуардъ Эррiо, *глава вновь организованнаго во Францiи министерства продовольствiя и транспорта.*

города Лiона, онъ оказался самымъ молодымъ мэромъ во Францiи, когда онъ былъ избранъ въ сенатъ, онъ оказался самымъ молодымъ сенаторомъ, теперь—онъ самый молодой изъ всѣхъ министровъ кабинета Брiана. И всюду этотъ самый молодой былъ самый богатый инициативой, отличающiйся исключительной трудоспособностью и организаторскимъ талантомъ, одинъ изъ лучшихъ ораторовъ парламентской Францiи, блестящiй публицистъ и широко-образованный писатель и въ довершенiе всего—человѣкъ рѣдкаго обаянiя.

Въ лицѣ Эдуарда Эррiо мы видимъ идеалъ энциклопедиста, не желающаго знать „шоръ“ спецiальности, а открытаго душою интересамъ всего человѣчества, одинаково ревностно работающаго и отдающаго всего себя и завѣдыванiю обширнымъ и сложнымъ хозяйствомъ города Лiона, и организацiи франко-русскаго Общества помощи русскимъ военноплѣннымъ въ Германiи, ускоренiю дѣла продовольствiя армiи и историко-литературному изслѣдованiю о m-me Рекамье, организацiи во время войны союзной торговой ярмарки въ Лiонѣ и созданiю первой во Францiи школы для физическаго перевоспитанiя увѣчныхъ и школъ на открытомъ воздухѣ для болѣзненныхъ дѣтей. Всѣ эти учрежденiя и работы онъ первый призвалъ къ жизни, и они сохранили свое первостепенное значенiе и, благодаря его инициативѣ и работѣ, вошли крупными культурными факторами въ жизнь страны.

Сейчасъ Эдуардъ Эррiо — надежда всей Францiи, ждущей отъ него того, что уже далъ родинѣ Ллойдъ-Джорджъ, душа организаторской, огнедышащей Англiи.

Намъ, русскимъ, Эррiо особенно дорогъ, какъ искреннiй, горячiй другъ Россiи, изучившiй нашу страну, нашу общественность, нашу литературу.

Пріютъ для дѣтей интеллигентныхъ бѣженцевъ въ Петроградѣ.

Война съ ея неумолимой жестокостью выкинула за бортъ гражданскаго обихода великое множество дѣтворы.

Дѣти зажиточныхъ людей стали нищими уличными побирушками. Дѣти бѣдноты превратились въ маленькихъ уличныхъ преступниковъ, воришекъ, хулигановъ. Тысячи дѣтей потеряли родителей, а съ родителями и свое званіе, положеніе и даже самое имя: въ разоренныхъ селеніяхъ и въ толпахъ бѣженцевъ нерѣдко встрѣчались дѣти, не могущія сказать, какъ ихъ зовутъ, кто ихъ родители, и откуда они. Война отняла у этихъ маленькихъ людей все то, что уже дала имъ гражданственность: они оказались въ положеніи лишенныхъ правъ—мало того, въ положеніи „бродягъ, не помнящихъ родства"...

Такихъ бездомныхъ и безыменныхъ дѣтей подбираютъ и вводятъ вновь въ гражданское бытіе многочисленныя благотворительныя организаціи (Татіанинскій комитетъ и др.). Уже не мало появилось пріютовъ, убѣжищъ, яслей для всей этой безвинно пострадавшей дѣтворы. Къ числу такихъ учрежденій относится и недавно основанный въ Петроградѣ пріютъ для дѣтей интеллигентныхъ бѣженцевъ.

Особенностью пріюта является то обстоятельство, что онъ предназначенъ для дѣтей интеллигентныхъ бѣженцевъ. Здѣсь собраны дѣти чиновниковъ, общественныхъ дѣятелей, журналистовъ, адвокатовъ и т. п. Большинство дѣтей изъ Западнаго края: русскіе, поляки, литовцы, латыши, евреи, эстонцы—всѣ эти маленькіе люди слились здѣсь въ одну большую разноплеменную семью. Кое у кого есть родители. Но у многихъ и многихъ нѣтъ ихъ: они убиты, умерли или потерялись, т.-е. дѣти не могутъ назвать ихъ, и прервалась нить, соединявшая семью... Быть-можетъ, потомъ эта нить снова возстановится.

Данный пріютъ является пока единственнымъ въ своемъ родѣ. Онъ основанъ по иниціативѣ акад. В. М. Бехтерева, при содѣйствіи и непосредственномъ участіи г-жи Э. М. Гедиминъ. Пріютъ былъ открытъ на частныя, вначалѣ весьма небольшія средства, основнымъ фондомъ для которыхъ явился сборъ со спектакля въ Маріинскомъ театрѣ (этотъ спектакль былъ устроенъ въ прошломъ году извѣстнымъ артистомъ Императорскаго балета М. М. Фокинымъ). Но уже вскорѣ пріютъ пришлось расширить, въ виду значительнаго наплыва дѣтей, и тогда по ходатайству В. М. Бехтерева на помощь пріюту пришелъ Татіанинскій комитетъ. Пріютъ получилъ 5.000 р. единовременно и ежемѣсячную субсидію въ 1.260 рубл. Когда по прошествіи года количество призрѣваемыхъ дѣтей увеличилось вдвое, субсидія была увеличена до 2.160 рублей.

Въ настоящее время въ пріютѣ призрѣвается свыше 115 дѣтей, въ возрастѣ приблизительно до 12 лѣтъ. При пріютѣ имѣется интернатъ на 70 кроватей, приготовительная школа, а въ послѣднее время, кромѣ того, открыто высшее начальное училище, въ которомъ, помимо обязательныхъ предметовъ, введено счетоводство, рисованіе и шитье для дѣвочекъ.

Пріютъ для дѣтей интеллигентныхъ бѣженцевъ въ Петроградѣ. *Въ центрѣ группы — попечитель пріюта академикъ В. М. Бехтеревъ. Среди участвующихъ: учредительница-завѣдующая пріютомъ Э. М. Гедиминъ, школьный врачъ А. Колчина, предсѣдатель дѣтской группы русскаго отдѣла Союза городовъ А. И. Вукотичъ, члены-жертвователи артисты Императорскихъ театровъ В. П. Фокина и М. М. Фокинъ и артистка Лапина.*

Въ пріютѣ и интернатѣ широко развитъ принципъ трудовой самопомощи. Дѣти сами выполняютъ всѣ работы по домоводству: сами стряпаютъ, стираютъ, моютъ, обшиваютъ себя (при пріютѣ имѣется мастерская). Кромѣ того, старшія дѣвочки взяли на себя уходъ за маленькими: каждая ведетъ своего питомца, слѣдитъ за нимъ и еженедѣльно даетъ отчетъ надзирательницѣ интерната. Такимъ образомъ въ пріютѣ введена и педагогическая самопомощь.

Благодаря этому, въ многолюдномъ пріютѣ оказалось возможно обходиться одной няней, одной горничной, одной кухаркой и одной прачкой.

Въ будущемъ предположено дополнить четырехклассное училище до полнаго гимназическаго курса.

Дѣти въ пріютѣ чувствуютъ себя, какъ въ своей семьѣ. Къ инымъ приходили родители и хотѣли взять ихъ къ себѣ. Дѣти отказывались:

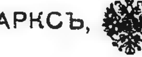
— Намъ здѣсь больше нравится!

Лучшей аттестаціи для пріюта, чѣмъ это дѣтское заявленіе, конечно, нельзя и придумать.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается соч. Сервантеса „Донъ-Кихотъ" книга 1.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.



Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ВОЕННЫЙ ЗАЕМЪ

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ

1916 г.

Мы не въ холодныхъ окопахъ. Надъ нами не рѣютъ стальныя вражескія птицы. Намъ не угрожаетъ ураганный огонь непріятеля...

Мы дома, пользуемся обычными удобствами жизни, имѣемъ хорошій заработокъ, нерѣдко извлекаемъ крупные барыши...

Но помнимъ ли мы о нашемъ долгѣ, когда идетъ подписка на военный заемъ?

Бухгалтерія. Курсы бухгалтеріи вполнѣ замѣняетъ наша книга. Масса задачъ, примѣр., образц. книгъ. Около 700 стр., ц. 5 р. 50 к. Безъ зад. не выс. Катал. безпл. Адр.: Москва, Б. Гнѣздник. пер., изд-ство Д. Куманова

ПИСАТЬ (6)

красиво и скоро будете, выписавъ „Механическую пропись“. Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколъ“, Печатниковъ п., 18/2.

БУДУЩЕЕ

каждаго человѣка мгновенно и безошибочно раскрываютъ магическія карты. Полная колода съ наставленіемъ 1 р. 50 к.
Москва, ред. журн. „Соколъ“, Печатниковъ пер., 18/2.

НА ГИТАРѢ

въ нѣск. дней, безъ знанія нотъ, каждый можетъ легко научиться играть аріи, романсы, танцы и пьесы. Полн. заочный курсъ съ безпл. прилож. альбома модн. пьесъ за три руб. Москва, ред. журн. „Соколъ“, Печатниковъ пер., 18/2. (7)

4 46

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ.

Самая полная книга. Каждый можетъ легко научиться. (5)
Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколъ“, Печатниковъ пер., 18/2.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 р. 25 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. убористъ. шрифт. Цѣна съ пер. 2 р. 50 к. на лучшей бумагѣ 3 р.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран. Цѣна 3 р. 50 к. (4) 4469

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.
При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

„ВѢЧНАЯ СПИЧКА“
ВПЕРВЫЕ ВЪ РОССІИ.

Англійская новинка—изящная **СТѢННАЯ** зажигалка. Незамѣнима въ городѣ и въ деревнѣ въ каждомъ домѣ: въ пріемной, въ кабинетѣ, въ кухнѣ, въ кафе, въ ресторанѣ и т. п. Снимаетъ съ хозяйки и курильщика всякую заботу о спичкахъ, давая **ГРОМАДНУЮ ЭКОНОМІЮ.** Высылается почт. посылкой налож. платежомъ за 4 р. 25 к. Перепродавцамъ, выписывающимъ дюж., скидка 20%.

Единственная продажа на всю Россію.
Адресъ: Депо заграничныхъ и русскихъ новинокъ, Петроградъ, Преображенская, 27, кв. 14.

УЧАЩИМСЯ,

Пособія для сочиненій, разборы классиковъ. Ломоносовъ, Фонвизинъ, Державинъ, Карамзинъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Крыловъ, Бѣлинскій, Жуковскій, Гоголь, Аксаковъ, А. Толстой. Некрасовъ, Достоевскій, Тургеневъ, Островскій, Гончаровъ, Майковъ, Григоровичъ, Чеховъ и Л. Толстой, сост. А. И. Новиковымъ. Каждое изъ нихъ содержитъ біографію, разборъ главн. произвед., темы и планы, содержаніе ихъ, полныя характеристики дѣйствующихъ лицъ, значеніе въ литературѣ разбир. произведенія. Нѣкоторые изъ плановъ настолько обширны по содержанію, что изъ каждаго изъ нихъ можно черпать матеріалъ для нѣсколькихъ сочиненій на различныя темы. Предвидя большой спросъ и желая дать возможность пріобрѣсти каждому,— назначены доступныя цѣны по 60 и 80 коп. за каждое. Высылаются наложеннымъ плат. Выписывающіе изъ склада А. Загряжскаго (Петроградъ, Разъѣзжая, 14—А) на сумму не менѣе четырехъ рублей за пересылку не платятъ. Поступила въ продажу того же автора: руководство къ составленію сочиненій, для самостоятельн. подготовки и для самообразов. книга: **КАКЪ ПИСАТЬ СОЧИНЕНІЯ.** Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к. За двѣ десятикопеечныя марки высылается указатель учебныхъ пособій. Указатель содержитъ перечисленіе существующихъ рѣшеній, конспектовъ, повторительныхъ курсовъ, переводовъ-подстрочниковъ, словарей, программъ и др. подобныхъ изданій съ указаніемъ цѣнъ. 4450

КООРИНЪ
ПРОТИВЪ ЗАПОРОВЪ
РАБОТАЕТЪ ПОКА ВЫ СПИТЕ.

Примите на ночь двѣ таблетки и каждое утро Вашъ желудокъ будетъ освобождаться легко и пріятно «Кооринъ» оздоровляетъ желудокъ и пріучаетъ его къ аккуратному дѣйствію. Превосходно дѣйствуетъ при застарѣлыхъ запорахъ, атоніи, вялости кишекъ, катаррѣ, геморроѣ, головныхъ боляхъ и дурномъ настроеніи. Прекращаетъ тошноту, изжогу и пученіе живота газами. «КООРИНЪ» абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ.

Обращайте вниманіе на оригин. коробку «Кооринъ СТАТ».

ТАБЛЕТКИ по 05

ДАРОМЪ.

Требуйте сегодня открыткой безплатную брошюру изъ Главнаго Склада «КООРИНЪ», Москва, Мясницкая, Милютин. пер., 3/4.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья
ПЕТРОГРАДЪ

4460

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, д. 22.

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ.

РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ ОБУВИ ПРОСТОЙ и ИЗЯЩНОЙ ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ и ДѢТСКОЙ ПО НОВОЙ, ЛЕГКОЙ и СКОРОЙ МЕТОДѢ.

5-е изданіе.

Отд. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ библіот. ремесл. учебн. заведеній; Учебн. Отд. Мин. Торг. и Пр. допущено въ библіот. низшихъ учебн. заведеній.

Цѣна книги 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

Имѣя въ Донецкомъ Бассейнѣ лѣсные склады,

ЖЕЛАЮ КУПИТЬ

при желѣзной дорогѣ или сплавной рѣкѣ

КРУПНЫЙ ЛѢСЪ

на 5—10-лѣтнюю рубку. Предложенія прошу адресовать:
Юзовка, А. С. АЛЬТШУЛЕРУ.

ЖЕЛУДОЧНЫЙ НАБОРЪ ТРАВЪ.

Способъ употребленія набора травъ *МЕНЗЕЛИНЦЕВА* высылается безплатно. МОСКВА, Мясницкая, 50. Изобрѣтатель МЕНЗЕЛИНЦЕВЪ.

УГРИ,

прыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. безслѣдно въ 1—2 недѣли моимъ безвредн. домашнимъ средств. Большой флаконъ, съ наставл., хватающ. на все время, высылаю немедл. наложен. плат. за 2 р. 75 к. съ перес. и упак. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прошу вѣрить, оно **ИСКРЕННО и ЧЕСТНО.** Адресъ: Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 93.
4472 Марія Егоровна Чурбанова. 12 2

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

Мезько, Н. СТИХОТВОРЕНІЯ. Съ предисловіемъ К. Р. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

КНИГИ А. С. РЕЗАНОВА.

Нѣмецкія звѣрства. Изданіе 2-е дополненное. Петроградъ. 1915; изданіе М. А. Суворина, цѣна 1 р. 50 к. Книга составлена по разсказамъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ, а также по оффиціальнымъ документамъ.

Нѣмецкое шпіонство. Петроградъ. 1915; изданіе М. А. Суворина. Цѣна 1 р. 50 к. Книга составлена по даннымъ судебной практики и другимъ источникамъ.

Солдатская памятка о нѣмецкихъ звѣрствахъ. „Самъ погибай, а товарища выручай“ Изданіе 5-е. Петроградъ. 1915. Цѣна 25 коп.

Армія и толпа. Опытъ военной психологіи въ связи съ психологіей толпы. Варшава. 1910. Цѣна 75 коп. 4497 2-1

Продаются во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

СЕРДЕЧНЫЯ — ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, преждеврем. безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-РЪ ПЕЛЬ и С-вья
ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

4463 13-8

Новѣйшія моды.

Въ настоящемъ нумерѣ мы даемъ нѣсколько моделей прелестныхъ блузокъ, которыя, повидимому, никогда не выйдутъ изъ моды. Дѣйствительно, ничего не можетъ быть практичнѣе этого рода корсажа какъ для нарядного туалета, такъ и для простого домашняго платья. Блузка представляетъ уже то большое преимущество, что ее, даже нарядную, можно сшить дома, чего нельзя сказать объ обтяжномъ корсажѣ, безукоризненное исполненіе котораго требуетъ спеціальнаго искусства. Благодаря этимъ качествамъ, блузки не только не выходятъ изъ моды, но съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе совершенствуются, доходя до невѣроятнаго разнообразія въ фасонахъ, въ матеріяхъ, въ отдѣлкахъ.

Въ настоящее время нарядныя вечернія блузки больше всего дѣлаютъ изъ крепдешина, тюля, муслина, шелковаго вуаля или изъ кружева; черезъ эти прозрачныя ткани просвѣчиваетъ нижній лификъ, гладкій или также сблузованный. Эти лифики украшены кружевными инкрустаціями или тонкой вышивкой; очень эффектны лифики съ продернутыми черезъ прошивки цвѣтными лентами, придающими прозрачности бѣлой ткани нѣжный цвѣтной оттѣнокъ. Для отдѣлки этихъ изящныхъ лификовъ могутъ пригодиться всякіе остатки хорошей вышивки или кружева. Болѣе солидныя блузки дѣлаютъ изъ шелка, бархата, изъ тафты. Менѣе нарядныя, но тѣмъ не менѣе прелестны блузки изъ маркизета, органди, крепа, легкихъ шерстяныхъ матерій; ихъ также отдѣлываютъ кружевомъ, валансьеновыми прошивками, вышивками суташемъ или гладью.

Въ настоящемъ нумерѣ первое мѣсто занимаютъ три модели нарядныхъ блузокъ.

№ 1. Блузка изъ шелковаго вуаля. Нижняя сплисованная часть блузки пришита къ кокеткѣ изъ вышитаго тюля, заходящей ниже проймы; глубокій вырѣзъ ворота открываетъ шемизетку изъ муслина съ круглымъ отложнымъ жабо, соединеннымъ, такъ же, какъ и кокетка, бантикомъ изъ узенькихъ бархатныхъ лентъ. На рукавъ, между кружевной манжетой-митенью и такимъ же кружевнымъ браслетомъ, выпущена маленькая буфа изъ муслина.

№ 2. Черная кружевная блуза на бѣломъ шифонѣ. Цѣльный передокъ блузки вырѣзанъ почти отъ самаго ворота широкой проймой съ выступомъ изъ чернаго кружева; остроконечный вырѣзъ ворота, съ атласнымъ выступомъ, открываетъ вставку изъ такого же кружева; полудлинный рукавъ изъ шифона у локтя собранъ воланомъ съ атласнымъ рубцомъ.

№ 3. Блузка изъ тонкаго кружева и тафты, покрытой муслиномъ. Середина блузки перерѣзана кружевной прошивкой; рукава изъ тафты книзу расширены и инкрустованы кружевными мотивами; по фестончатому нижнему контуру нашито кружево.

№ 4. Нарядный туалетъ для молодой дѣвицы. Платье изъ мягкаго атласа цвѣта слоновой кости; очень широкая прямая юбка густо собрана какъ въ таліи, такъ и въ подолѣ; сборки послѣдняго подогнуты внизъ. Гладкій корсажъ, удлиненный спереди, украшенъ вышивкой шелкомъ золотого цвѣта; рукава и воротникъ изъ шифона въ тонъ матеріи.

№ 5. Нарядный дамскій туалетъ. Платье изъ блѣдно-розоваго атласа; сборчатая юбка съ высокимъ бордюромъ, вышитомъ шелкомъ цвѣта розовой герани; такая же вышивка на корсажѣ-кимоно; на драпированномъ трэнѣ разбросаны отдѣльные вышитые мотивы; лѣвая сторона трэна, въ таліи, доходитъ до праваго бока и прикрѣпляется букетикомъ герани.

№№ 6—7. Простыя платья для молодыхъ дѣвицъ. Первая модель № 6, изъ шерстяной матеріи; длинный тюникъ, разрѣзанный и закругленный спереди, открываетъ только высокій рубецъ юбки, такъ, что эта послѣдняя, если матерія не прозрачная, можетъ быть фальшивой; корсажъ-блузка гарнированъ, по краямъ открытыхъ на жилетѣ изъ бѣлой тафты передковъ широкой полосой тафты въ тонъ матеріи; узкіе локтевые рукава, съ тафтянымъ обшлагомъ; на жилетѣ двойной рядъ жемчужныхъ пуговокъ. Гладкій отложной воротникъ изъ вышитаго линона.

№№ 1—3. Нарядныя блузки.

№ 7. Платье изъ шерстяного вуаля. Съ 12-ю выкройками въ уменьшенныхъ чертежахъ:

Фиг. 1. Передъ блузки.
„ 2. Половина спинки блузки.
Фиг. 3. Передъ шемизетки.
„ 4. Половина спинки шемизетки.
Фиг. 5. Половина воротника.
„ 6. Половина рукава.
„ 7. Половина сплисованнаго кушачка.
„ 8. Половина приподнятаго кушака.
„ 9. Передняя часть кокетки юбки.
„ 10. Половина задней части кокетки.
„ 11. Половина переда юбки.
„ 12. Половина зада юбки.

Сборчатая юбка съ кокеткой, украшенной двойнымъ рядомъ пуговицъ съ вышитыми петлями; такія же пуговицы на приподнятыхъ концахъ кушака. Воротъ блузки, открывающій шемизетку изъ бѣлаго маркизета, гарнированъ бордюромъ, вышитымъ гладью или суташемъ. Полудлинные рукава закончены воланомъ изъ той же матеріи.

№ 8. Дамскій визитный туалетъ. Платье изъ свѣтло-сѣраго шелковаго сукна; прямая сборчатая юбка спереди пришита къ кокеткѣ, вышитой по сѣрому муслину гладью въ тонъ матеріи съ легкой примѣсью серебра; отъ боковъ падаетъ прямой сборчатый тюникъ, обшитый на подолѣ широкой мѣховой полоской. Корсажъ-блузка; цѣльный передокъ соединяется еъ муслиновой кокеткой, вышитой шелкомъ съ серебромъ и вмѣстѣ съ нею наложенъ сверхъ боковыхъ частей блузки изъ сплисованнаго муслина; такая же спинка. Высокій отстающій отъ шеи, вышитый такъ же, какъ кокетка, воротникъ, слегка открытый спереди, по верхнему контуру обшитъ узкой полоской мѣха,—внутри подшитъ

№ 4. Нарядный туалетъ для молодой дѣвицы.

№ 5. Нарядный дамскій туалетъ.

кружево. Свободные рукава изъ муслина съ вышитымъ высокимъ отворотомъ. Кушакъ изъ мѣховой полоски. Вся вышивка, такъ же, какъ и сплисованныя части корсажа, сдѣланы на подкладкѣ изъ серебристо-сѣраго атласа. Вышивка по муслину можетъ быть замѣнена вышивкой по самой матеріи.

Предлагаемая модель будетъ также очень эффектна, если скопировать ее изъ чернаго атласа, а для отдѣлки взять черный брокаръ, прошитый серебромъ или цвѣтными шелками; хорошъ также черный шелкъ съ цвѣтнымъ узоромъ въ японскомъ стилѣ; изъ нихъ очень красивы разноцвѣтныя крупныя хризантемы по черному фону, или другіе экзотическіе цвѣты въ чрезвычайно гармоничномъ сочетаніи тоновъ. Соединеніе въ одномъ костюмѣ разныхъ матерій даетъ прекрасные эффекты, особенно тамъ, гдѣ блестящая матерія смягчается матовой, или какая-нибудь искусно брошенная яркая черта оживляетъ однообразіе гладкаго фона.

Мѣхъ—одна изъ любимыхъ отдѣлокъ настоящаго сезона; мѣхомъ отдѣлываютъ не только платья изъ тяжелыхъ матерій, но и легкіе вечерніе туалеты. На тончайшихъ блузкахъ свободный воротъ обшиваютъ мѣховой полоской, которая повторяется также на манжетахъ, а, если блузка надѣвается сверхъ юбки, то и наподолѣ блузки; отдѣлка дѣлается какъ изъ темныхъ, такъ и изъ свѣтлыхъ мѣховъ,—это послѣдняя новость.

№№ 6—7. Простыя платья для молодыхъ дѣвицъ.
Къ № 7 приложены 12 выкроекъ въ уменьшенныхъ чертежахъ, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сант.

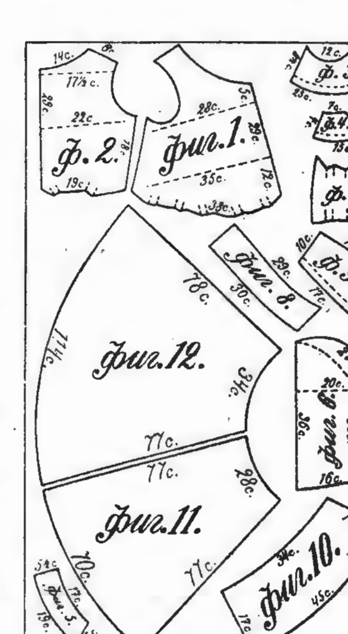
Вегетаріанскіе рецепты.

Недостатокъ, а часто и полное отсутствіе мяса для многихъ хозяекъ составляетъ большое затрудненіе относительно придумыванія обѣденныхъ меню. Чтобы помочь этому, мы будемъ, по мѣрѣ возможности, помѣщать рецепты вегетаріанскихъ блюдъ, вкусныхъ и питательныхъ. Напримѣръ:

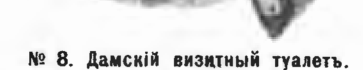
Голубцы. Кочанъ капусты сварить въ соленомъ кипяткѣ, отдѣлить листья; если средній стержень слишкомъ толстъ, то половину его срѣзать. Каждый листъ отдѣльно наполнить сваренными вкрутую и изрубленными яйцами, къ которымъ прибавить растопленнаго чухонскаго масла, соли и рубленой зелени петрушки, а еще лучше укропа. Круто свернуть наполненный этимъ фаршемъ капустный листъ въ трубку, перевязать ниткой. Всѣ приготовленные такимъ образомъ голубцы сложить рядышкомъ на сковороду съ распущеннымъ горячимъ масломъ, слегка поджарить ихъ, а потомъ облить молокомъ съ разболтаннымъ яйцомъ и поставить въ духовую печь, чтобы голубцы въ ней хорошенько попрели. Переложить на горячее блюдо. Подавать съ соусомъ изъ растопленнаго столоваго масла со сметаной.

Вмѣсто яичнаго, можно сдѣлать грибной фаршъ съ рисомъ и поджареннымъ и мелко изрубленнымъ лукомъ. Можно также сдѣлать фаршъ изъ гречневой каши съ рублеными яйцами и лукомъ.

Лапша съ шампиньонами. Полфунта вермишели или домашней лапши варятъ до мягкости въ соленой водѣ, сливаютъ воду, кладутъ въ вермишель кусокъ масла. Между тѣмъ 1/2 ф. отваренныхъ шампиньоновъ тушатъ съ масломъ, рубятъ, прибавляютъ немного бульона, въ которомъ варились шампиньоны, и укладываютъ въ форму, смазанную масломъ и обсыпанную сухарями, слой вермишели и слой грибовъ, пока наполнится форма — верхній рядъ долженъ быть изъ вермишели. Залить все молокомъ съ разболтаннымъ яйцомъ и поставить въ духовой шкапъ. Подаютъ съ соусомъ изъ шампиньоновъ, который приготовляется такъ: размѣшавъ въ кастрюлѣ ложку масла съ ложкой муки, растираютъ до гладкости и разбавляютъ грибнымъ бульономъ, кладутъ въ приготовленный соусъ сваренные и изрубленные шампиньоны и заправляютъ двумя-тремя ложками хорошей сметаны.



Сырники. 1 фунтъ хорошо отжатаго творогу протираютъ сквозь сито, перемѣшиваютъ съ 1/4 ф. растопленнаго масла, небольшимъ количествомъ соли, 4 яйцами, 1 чашкой толченыхъ сухарей и 1 чашкой муки. Все это мѣшаютъ въ одну сторону. Изъ этой массы дѣлаютъ сырники, величиною съ куриное яйцо и отвариваютъ въ соленомъ кипяткѣ. Подаютъ съ подрумяненнымъ масломъ.



№ 8. Дамскій визитный туалетъ.

№ 5. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 4 февраля 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1917 г.

Нападеніе германскаго хищника на нашъ транспортъ раненыхъ. Разрывъ бомбы, брошенной съ аэроплана.

И. Владиміровъ.

Сильная женщина.

Повѣсть **Бориса Лазаревскаго.**

(Окончаніе).

VIII.

Миндаль зацвѣлъ въ концѣ февраля, рѣдко такъ случалось прежде. Воздухъ былъ особенно ласковый. Въ мартѣ уже начались полевыя работы.

Садовникъ Иванъ цѣлый день размѣрялъ и отмѣчалъ на землѣ круги для новыхъ цвѣтниковъ и газоновъ.

Ночи стояли еще свѣжія, но прозрачныя и лунныя. Съ башенки было видно кругомъ верстъ на восемь.

Въ комнатѣ не сидѣлось, и Надежда Θедоровна подолгу стояла у себя на балконѣ, глядѣла съ вышки на широкія степи и думала о Микѣ.

Ни съ того ни съ сего начала тревожиться опять, и захотѣлось поѣхать къ нему, куда-то далеко, на персидскую границу.

Пришло письмо—не открытка, а запечатанное. Съ великой радостью Мика сообщалъ, что былъ ужъ въ дѣлѣ, только въ не совсѣмъ настоящемъ,—кавалерію послали преслѣдовать уже бѣгущихъ турокъ, а они сдались въ плѣнъ.

„Грязные, вонючіе, голодные... Злобы у меня противъ нихъ, мамочка, нѣтъ, но есть страстное желаніе, чтобы этотъ народъ наконецъ понялъ, что, связавшись съ нѣмцами, онъ самъ на себя и на свою страну наложилъ руки. Хотѣлось бы, чтобы они скорѣе опомнились и запросили мира. Вѣдь ясно, какъ шоколадъ, что воевать съ Россіей они, вымирающіе, не могутъ, но пока они этого не поймутъ, будемъ гнать ихъ и гнать и гнать"...

Послѣ этого письма еще сильнѣе захотѣлось поѣхать туда къ нему, и еще яснѣе стало, что это невозможно и ненужно.

Надежда Θедоровна начала капризничать и бывала несправедлива къ окружающимъ. Особенно не взлюбила она монахиню, ухаживавшую за Θедоромъ Карповичемъ,—толстую и глупую. Андрей Григорьевичъ посовѣтовалъ женѣ съѣздить въ Кисловодскъ. Съѣздила, но тамъ показалось невыносимо скучно. Затѣмъ съѣздила въ Ростовъ и тоже черезъ три дня вернулась.

Не находила себѣ мѣста.

Знала, что полкъ, въ которомъ находится Мика, теперь почти внѣ опасности, знала свои крѣпкіе нервы, знала, что, если Мику убьютъ,—она сумѣетъ принести эту жертву спокойнѣе, чѣмъ другія матери, и все-таки мучилась.

Совсѣмъ заскучала.

И опять по цѣлымъ часамъ стояла на вышкѣ. Хотѣлось плакать, и не умѣла.

Однажды поднялся къ женѣ Андрей Григорьевичъ и сталъ рядомъ, прищурился по-стариковски, поглядѣлъ вокругъ и сказалъ:

— Вѣдь этакая красота... А вотъ тополи, когда совсѣмъ распустятся, весь видъ закроютъ съ этой стороны.

Надежда Θедоровна вдругъ покраснѣла и холодно и жестко произнесла:

— Опять за свое. Если ты собираешься ихъ рубить, такъ лучше прежде меня заруби.

Лихоненко съ удивленіемъ посмотрѣлъ на жену.

— Что съ тобой? Безъ твоего согласія я бы никогда этого не сдѣлалъ, я отлично понимаю, какъ они тебѣ дороги, и хорошо помню то время, когда мы ихъ садили и намѣчали будущую усадьбу. Не забылъ...

— Ну такъ и не нужно объ этомъ говорить.

И вдругъ успокоилась, а черезъ минуту совсѣмъ другимъ голосомъ, нѣжнымъ и печальнымъ, попросила:

— Андрей Григорьевичъ, отпусти меня къ Микѣ.

— Я не могу тебя ни пускать ни не пускать,—ты человѣкъ самостоятельный, а только не посовѣтую этого дѣлать, ибо никуда ты не доѣдешь, тамъ не только желѣзныхъ дорогъ нѣтъ, а никакихъ дорогъ, а если отправишься съ отрядомъ Краснаго Креста, то будешь не тамъ, гдѣ захочешь, и не тамъ, гдѣ Мика, а гдѣ прикажутъ... Ты ужъ не молоденькая, и у тебя еще есть дѣти, есть и внуки.

— Силъ хватитъ, а другимъ дѣтямъ и внукамъ,—ты самъ знаешь,—я уже врядъ ли нужна.

— Я не совѣтую... Ну, мнѣ нужно ѣхать на станцію. Прости, если чѣмъ обидѣлъ.

— Ничѣмъ ты меня не обидѣлъ, а только не понимаешь души моей... Впрочемъ, въ послѣднее время я сама себя не понимаю, и мнѣ хорошо бываетъ только здѣсь, на вышкѣ, да возлѣ склепа.

— Старость?—полушутливо спросилъ Андрей Григорьевичъ и поцѣловалъ женѣ руку.

— Нѣтъ, до настоящей старости еще далеко,—отвѣтила она серьезно и замолчала.

Когда мужъ уѣхалъ, опять затосковала и не находила себѣ мѣста. Вечеромъ пошла къ склепу и неожиданно встрѣтила безрукаго казака Явтуха Чепурнаго, но не обрадовалась ему, и показалась ей эта встрѣча дурнымъ предзнаменованіемъ.

Явтухъ снялъ лѣвой здоровой рукой папаху и поцѣловалъ Надеждѣ Θедоровнѣ ладонь, точно родной матери.

— А я къ вашей милости пришелъ работы попрохать... Дома для земли уже не гожуся, а безъ діла надокучило сидѣть... А въ усадьбѣ на что-нибудь и сдамся,—хоть въ сторожа.

Улыбнулся опять радостно и оскалилъ бѣлые, точно у восемнадцатилѣтняго юноши, зубы.

— Найдемъ, Явтухъ, мѣсто, найдемъ...

— Я зналъ, что не откажете. Ну, какъ же тамъ Михайло Андреевичъ?

— Да на турецкомъ фронтѣ—уже прапорщикъ.

— Ну и слава Богу. Турокъ онъ хоть и въ родѣ звѣря, а только не такой звѣрь, какъ німецъ... Тамъ наши були, такъ и сказывали, воевать веселѣе, только переходы тяжкіи, какъ зимой по снѣгу... Ну да драгуны, это не пѣхота...

— Ты вотъ что, Явтухъ, поди на старую усадьбу, на кухню и скажи, чтобы тебя хорошо накормили.

— Да я, благодарить Бога, не голодный.

— У меня дѣло есть сейчасъ, а вечеромъ мы еще поговоримъ, а можетъ, я уѣду въ городъ...

Было немного неловко такъ наскоро кончать разговоръ съ этимъ милымъ человѣкомъ, но еще сильнѣе хотѣлось остаться одной.

Явтухъ почуялъ ея настроеніе, еще разъ снялъ папаху, обождалъ полминуты, повернулся налѣво кругомъ и зашагалъ по направленію ко двору, размахивая здоровой рукой.

Первый разъ въ жизни одиночество такъ сильно давило Надежду Θедоровну, но и къ чужимъ людямъ не хотѣлось. Думала поѣхать въ городъ къ сыну Костѣ,—сообразила, что, если къ вечеру поѣдетъ, то навѣрное его не застанетъ. Опять прошлась по темному саду и вернулась къ себѣ наверхъ, почувствовала физическую усталость и обрадовалась этому. Раздѣлась, легла и сразу заснула.

Опять увидѣла себя на вышкѣ, и тополи были передъ глазами, недавно распустившіеся, зеленые, зеленые. Дальше Надежда Θедоровна увидѣла ужасное: какіе-то чужіе люди, со звѣрскими лицами, пришли и, мелькая блестящими топорами, начали рубить тополевую аллею. Главный ужасъ былъ въ томъ, что не находилось силъ не только двинуться съ мѣста, но даже крикнуть или протянуть руку къ звонку. Любимое рушилось и погибало на глазахъ. Съ трескомъ и стономъ падали стволы другъ на друга, ломая свои вѣтви, и летѣли еще влажныя щепки. Нужно было глядѣть на это не отрываясь,—никакъ нельзя было повернуть головы...

Рубились тополи быстро, а время тянулось медленно, какъ для

На кавказскомъ фронтѣ. *У костра.*

На кавказскомъ фронтѣ. *Батарея въ лунную ночь.*

человѣка, который долженъ простоять три минуты подъ револьверомъ,- цѣлая безконечность. Когда осталось только три тополя, вдругъ стало легче. Надежда Ѳедоровна глубоко потянула въ себя воздухъ, рванулась впередъ и что-то крикнула.

Проснулась.

Сердце сильно билось, и на лбу оказался потъ. Въ окнахъ уже было свѣтло, и громко кричали галки. Однимъ ударомъ Надежда Ѳедоровна толкнула и отворила дверь на балконъ, увидѣла, что тополи цѣлы, и еще разъ вздохнула. Не замѣтила утренней свѣжести. Выпила воды и опять легла въ постель.

Было понятно, что сонъ этотъ приснился подъ вліяніемъ вчерашняго разговора съ мужемъ. но еще трудно было окончательно овладѣть собой и окончательно увѣрить себя, что все видѣнное только кошмаръ.

Почувствовала, что уже не заснетъ, и хотя былъ только шестой часъ, сошла внизъ, разбудила громко храпѣвшую Варвару и велѣла сварить кофе. Дверь осталась открытой. Ласковое дыханіе молодой весны залетѣло въ комнату, и опять захотѣлось въ степь.

Обыкновенной рысью такъ называемыя разъѣздныя лошади бѣжали до города три часа. Надежда Ѳедоровна приказала, чтобы подалъ фаэтонъ не Климъ, а Мехтодій—угрюмый хохолъ изъ переселенцевъ, который навѣрное за всю дорогу не скажетъ ни одного слова.

Когда она выѣхала, пѣли жаворонки. Красный кругъ солнца не грѣлъ, но сверкалъ яркими бликами на молодой и на прошлогодней травѣ, гдѣ лежала еще сѣдая роса.

Захотѣлось ѣхать какъ можно дольше, и когда спустились въ долину, Надежда Ѳедоровна прикоснулась къ синему вылинявшему поясу Мехтодія и сказала:

— Пусти шагомъ...

„Если бы фаэтонъ могъ двигаться такъ цѣлый день,—подумала она.—и чтобы ѣхать, ѣхать и никуда не пріѣхать и никого не встрѣчать"...

Но въ одиннадцатомъ часу колеса загремѣли по мостовой. Былъ праздникъ, и на базарной площади толкалось много народу. Крутилась карусель. Противно было смотрѣть на этихъ людей.

Константина она застала уже одѣтымъ. Онъ ждалъ къ себѣ товарищей, чтобы продолжать вчерашнюю игру, но матери обрадовался и сказалъ:

— Ну, вотъ и отлично, ты у насъ будешь за хозяйку, а то денщики ни черта въ этомъ дѣлѣ не понимаютъ.

Она позаботилась, чтобы столъ былъ накрытъ чистой скатертью, и показала, какъ надо рѣзать хлѣбъ. Когда пришли офицеры, немного развлеклась, но просила не говорить о войнѣ. Во время завтрака старалась быть любезной. Затѣмъ сѣли играть въ карты, и опять ей стало скучно и даже противно. Снова потянуло въ степь, и когда Надежда Ѳедоровна приказала денщику, чтобы онъ велѣлъ Мехтодію запрягать,—Костя даже разсердился и, не отрываясь отъ картъ, пробормоталъ:

— И что это ты, ей-Богу, себѣ мѣста не можешь найти? То она въ городъ, то она изъ города...

— А не могу...

Надежда Ѳедоровна наскоро попрощалась и опять приказала Мехтодію ѣхать шагомъ.

„Я просто нервно больна, думала она,—нужно съѣздить въ Ростовъ и посовѣтоваться съ докторами".

IX.

Нина Евдокимовна вышла навстрѣчу, точно больная или недавно проснувшаяся, и сказала:

— Утромъ послѣ вашего отъѣзда верховой привезъ телеграмму, я сначала думала, что дѣловая, и хотѣла отослать въ контору управляющему, но на телеграммѣ ваше имя, отчество и фамилія, и я положила ее въ будуарѣ на столикъ.

Эти лѣниво сказанныя слова обожгли сердце Надежды Ѳедоровны, и она, не снимая пальто, быстро пошла, почти побѣжала къ себѣ наверхъ. Разорвала пакетъ, и бѣлая бумага показалась зеленоватой, а наклеенныя на бумажной лентѣ буквы заколебались:

„Михаилъ Андреевичъ опасно боленъ, остался въ городѣ".

Дальше было названіе города и фамилія генерала, при штабѣ котораго прежде находился Мика. Нервы и сердце сказали Надеждѣ Ѳедоровнѣ, что уже случилось непоправимое, а разумъ твердилъ, что боленъ — не значитъ умеръ, и хотѣлъ понять, почему телеграфируетъ генералъ, а не эскадронный командиръ, или не самъ Мика, который давно отчисленъ отъ штаба.

Теперь уже не могло найтись такого человѣка, который бы запретилъ или не посовѣтовалъ ѣхать. Да она никого и не спрашивала.

У Надежды Ѳедоровны была особенность характера: мелкія непріятности и несчастія раздражали и часто приводили въ отчаяніе, а всякія крупныя бѣды вдругъ отрезвляли ее и заставляли дѣйствовать благоразумно и спокойно.

Спустилась внизъ и сказала Нинѣ Евдокимовнѣ:

— Дайте мнѣ кофе. Телеграмма отъ Мики, онъ боленъ. Я ѣду скорымъ. Попросите управляющаго, чтобы сейчасъ же протелеграфировалъ въ Ростовъ, пусть мнѣ оставятъ купе, или, по распоряженію управляющаго, прицѣпятъ салонъ предсѣдателя правленія къ бакинскому поѣзду.

Нина Евдокимовна чуть поблѣднѣла и отвѣтила:

— Сейчасъ...

Она хорошо знала, что разспрашивать ни о чемъ не слѣдуетъ. Надежда Ѳедоровна сдѣлала нѣсколько глотковъ кофе и, когда Нина Евдокимовна вернулась, твердо и просто произнесла:

— Нужно приготовить мнѣ бѣлый и запасный костюмъ сестры милосердія. Не забудьте положить два термометра и термозъ. Положите также нераспечатанную бутылку одеколона, а главное, скажите на полустанокъ, чтобы остановили курьерскій поѣздъ, впрочемъ, я это я сама скажу. Я выѣду въ одиннадцать, хоть поѣздъ проходитъ въ часъ ночи. Да, я хотѣла еще оставить письмо Андрею Григорьевичу, но вы ему передайте все на словахъ, онъ и такъ пойметъ.

Только передъ самымъ отъѣздомъ Надежда Ѳедоровна вызвала по телефону Константина и сказала ему, что получена телеграмма, и что она сама хочетъ сегодня уѣхать. Не удержалась и добавила:

— Чудится мнѣ, что его больше нѣтъ въ живыхъ.

— Да оставь ты, мама, со своими предчувствіями!—прожужжало въ трубкѣ телефона.

А затѣмъ всѣ событія, которыя происходили наяву, оставили впечатлѣніе менѣе ясное, чѣмъ если бы она пережила ихъ во снѣ.

Въ вагонѣ и на пароходѣ трудно было сообразить, которыя сутки она въ дорогѣ. Хотя Надежда Ѳедоровна вела себя такъ, что ни одинъ человѣкъ не могъ бы заподозрѣть, зачѣмъ она ѣдетъ. На станціяхъ даже покупала книги и читала, хотя не понимала прочитаннаго.

На другомъ берегу Каспійскаго моря стало тяжелѣе владѣть собою, но и здѣсь терпѣливо сидѣла она уже въ общемъ купэ и только думала:

„И отчего это поѣзда здѣсь ходятъ такъ медленно?"

А поѣздъ бѣжалъ очень быстро, обгоняя караваны верблюдовъ. Садилось кровавое солнце и уходило за песчаный горизонтъ, а Надеждѣ Ѳедоровнѣ казалось, что это утро, и оно восходитъ. Хотѣлось увидѣть во снѣ Мику, но мысли путались, и грезилась какая-то чепуха.

Яснѣе всего помнился первый человѣкъ, съ которымъ она заговорила о Микѣ,—пожилой офицеръ, не то адъютантъ, не то дѣлопроизводитель. Сразу почувствовала, что онъ хочетъ позолотить пилюлю, и когда офицеръ началъ говорить что-то о болѣзни Мики, Надежда Ѳедоровна сразу отчеканила:

— Я уже знаю, что его нѣтъ въ живыхъ, и вы меня очень обяжете, если скажете, гдѣ находится, и какъ я могу получить его тѣло.

Офицеръ дернулъ плечомъ и отвѣтилъ:

— Ахъ, если уже вамъ сообщили, въ такомъ случаѣ я, конечно, обязанъ...

Затѣмъ протянулось два очень тяжелыхъ дня.

Цинковый гробъ уже былъ задѣланъ въ деревянный ящикъ, грубо и наскоро сбитый. Надежда Ѳедоровна потребовала столяра и слесаря, и былъ сдѣланъ новый ящикъ.

Какъ и гдѣ погибъ Мика, никто сказать не могъ. Говорили только, что тѣло прислано по приказанію генерала, и уже здѣсь былъ выписанъ цинковый гробъ, который получился только черезъ пять дней.

Никто не могъ даже сказать, гдѣ теперь находится полкъ. Надежда Ѳедоровна протелеграфировала генералу и командиру по условному военному адресу, но отвѣта не получила.

Затѣмъ телеграфировала мужу и дѣтямъ, и поѣхала въ обратный путь, едва добившись, чтобы товарный вагонъ съ гробомъ прицѣпили къ этому же поѣзду.

И опять спуталось время.

Все яснѣе стало, когда пароходъ пришелъ въ Баку. Здѣсь ее встрѣтилъ Андрей Григорьевичъ, поцѣловалъ и заплакалъ, но только на одну минуту, потомъ быстро овладѣлъ собою. Тяжелѣе всего былъ путь на лошадяхъ,—всего тридцать верстъ отъ того города, гдѣ стоялъ запасный эскадронъ, до хутора. Вѣнковъ было видимо-невидимо. На похороны пріѣхали знакомые и незнакомые, и всѣ, здороваясь, прикладывались къ рукѣ и говорили фразы сочувствія, очень похожія одна на другую. Барышни плакали и сморкались.

Только слезы Явтуха Чепурнаго замѣтила Надежда Ѳедоровна, и тронулъ онъ ея душу. Моргалъ глазами и плакалъ курносый Мехтодій.

Нина Евдокимовна тоже владѣла собою прекрасно и сумѣла пригласить тѣхъ, кого было нужно, и устроить для многихъ ночлегъ. Андрей Григорьевичъ согнулся,ходилъ и молчалъ, а затѣмъ самъ началъ распоряжаться, когда начали возводить новую стѣну въ склепѣ.

Вѣнки черезъ нѣсколько дней унесли и размѣстили въ гостиной. Константинъ прожилъ цѣлую недѣлю дома и дѣлалъ видъ, что владѣлъ собою, но какъ-то за ужиномъ прошепталъ сидѣвшему рядомъ доктору:

— Бываютъ моменты, когда я завидую моимъ обоимъ уже несуществующимъ братьямъ, но на самоубійство я все-таки никогда не былъ бы способенъ.

Въ понедѣльникъ утромъ онъ уѣхалъ въ городъ, а во вторникъ вызвали, по дѣлу, телеграммой Андрея Григорьевича.

И все пошло въ усадьбѣ по-старому. Надежда Ѳедоровна велѣла сдѣлать возлѣ склепа новую скамеечку и столикъ и часто тамъ сидѣла, и казалось ей, что она ни о чемъ не думаетъ, но она все время думала о своей смерти и о томъ, есть ли *тамъ* что-нибудь или ничего нѣтъ.

Однажды утромъ она замѣтила вырѣзанную на столикѣ возлѣ склепа фразу: „Dolce et decorum est pro patria mori".

Эту надпись сдѣлалъ какой-то изъ работавшихъ въ саду плѣнныхъ,— трансильванецъ.

Когда наступило лѣто, никто не замѣтилъ, но въ апрѣлѣ уже было жарко, и на поляхъ высоко поднялась пшеница. Надежда Ѳедоровна чувствовала, что ей надо уѣхать, но было тяжело покидать свѣжую могилу.

Андрей Григорьевичъ старался чаще оставаться дома и относился къ женѣ съ особымъ вниманіемъ. Однажды она его спросила:

— Ты для меня все сдѣлаешь?

— Все.

— Знаешь, мнѣ бы здѣсь на курганѣ возлѣ склепа хотѣлось выстроить такую круглую башню и поселиться въ ней навсегда, никого не знать и никого не видѣть, только не теперь, а когда я сдѣлаюсь уже совсѣмъ старой, и чтобъ мнѣ туда приносили пищу. Вѣдь въ концѣ концовъ на этомъ свѣтѣ рѣшительно нѣтъ ничего интереснаго, или я это интересное уже видѣла... Обѣщаешь?

— Конечно, денегъ хватитъ и на башню...—отвѣтилъ Андрей Григорьевичъ и не улыбнулся.

— И еще нужно выстроить училище имени Мики для дѣтей казаковъ-кубанцевъ, среднюю школу особаго типа...

— И это сдѣлаемъ.

Костя пріѣзжалъ чаще и тоже бывалъ съ матерью особенно внимателенъ. Въ началѣ іюня пріѣхала изъ Петрограда Лиза, дочь Нины Евдокимовны, скромненькая умненькая блондиночка. Она гуляла по усадьбѣ и удивлялась богатству и особенно количеству лошадей.

Мать глядѣла на нее съ умиленіемъ и отвѣчала на безчисленные вопросы.

Однажды Лиза спросила:

— Скажи, мама, отчего здѣсь есть все, но не чувствуется счастья. Я понимаю, что послѣ недавней смерти не можетъ быть другого настроенія, но мнѣ почему-то кажется, что и прежде здѣсь было очень мало личнаго счастья, а всѣ занимались какимъ-то огромнымъ дѣломъ: не для себя, а для другихъ...

— Не знаю я. Ничего тебѣ не умѣю отвѣтить. Чувствую, что ты права, а вотъ не знаю, что сказать по этому поводу. Вѣдь и у меня же было все для счастья, а въ концѣ концовъ мы съ тобой остались на всемъ свѣтѣ однѣ,—и тоже должны будемъ работать для другихъ.

По ночамъ, если никого не было дома, въ пустыхъ комнатахъ Лизѣ казалось страшно, и она долго не могла уснуть, слушая лай собакъ и шаги сторожа-казака.

На поляхъ жатва была въ полномъ разгарѣ. Дни стояли жаркіе, а ночи велоколѣпныя, лунныя.

На „Петра и Павла" пріѣхалъ съ дочерьми племянникъ Андрея Григорьевича. Прикатилъ на тройкѣ Костя съ товарищемъ-офицеромъ и съ докторомъ.

И казалось, что усадьба снова ожила. Цѣлый день звенѣли молодые голоса, и за обѣдомъ было какъ будто весело. Лиза нагнулась къ матери и прошептала:

— Вотъ сегодня хорошо, и думается, что вокругъ сейчасъ нѣтъ ни одного человѣка, которому было бы грустно.

Вечерній чай пили въ березовой аллеѣ. Чтобы не кусались комары, принесли и поставили подъ столомъ поднос съ углями, посыпанными ельникомъ. Пахучій смолистый дымъ выплывалъ со всѣхъ сторонъ. Изъ-за конюшенъ подымалась огромная красная луна. Звѣздъ было мало.

Костя повелъ барышень осматривать лошадей. Каждое стойло было похоже на комнату и освѣщалось электрической лампочкой. Костя отворялъ двери и показывалъ каждаго коня, а барышни глядѣли на красивыхъ животныхъ и гладили ихъ возлѣ ноздрей по нѣжной, точно лайковой кожѣ. Кучера и два конюха шли за бариномъ, отвѣчали на его вопросы и запирали стойла.

Все было въ образцовомъ, удивительномъ порядкѣ.

Слѣдующая огромная конюшня, для рабочихъ лошадей, была теперь пустая и освѣщалась одной только лампочкой. Черезъ открытыя ворота виднѣлись фигуры собиравшихся спать плѣнныхъ турокъ. И во дворѣ ихъ было много, они сидѣли и лежали на землѣ и слушали какого-то своего пѣвца, выкрикивавшаго жалобнымъ теноромъ чужія здѣсь слова.

Когда офицеры, доктора и барышни подошли, турки вдругъ замолчали, а сидѣвшіе и лежавшіе поднялись. Лунный свѣтъ падалъ на бронзовыя лица и замотанныя башлыками головы.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось еще услышать ихъ пѣніе,—сказала одна изъ барышень.

Костя обернулся и сказалъ Климу:

— Ну-ка попроси, чтобы этотъ, который завывалъ, спѣлъ еще что-нибудь.

Климъ потрепалъ по плечу одного, затѣмъ другого, сказалъ что-то по-русски, помоталъ головой и протянулъ голосомъ дрожащую ноту.

— Ага! — отвѣтилъ турокъ и въ свою очередь кивнулъ головой и закричалъ:—Эметъ, Эметъ!

Изъ толпы высунулась физіономія и блеснула бѣлками и зрачками глазъ.

Кто-то изъ своихъ сказалъ ему что-то по-турецки.

Эметъ утвердительно кивнулъ головой, взялся рукой за голову, вытянулъ шею и, раскачиваясь, заголосилъ что-то печальное, безконечное, одинаково похожее и на пѣсню и на жалобу...

На салоникскомъ фронтѣ. *На позиціи.*

Изъ походнаго альбома. Дорога раненыхъ. *Л. Р. Сологубъ.*

Мученики плѣна.

Очерки **В. Брусянина.**

I.

Два мѣсяца я жилъ какой-то особенной и необычной жизнью. Какъ будто я видѣлъ долгій и непрерывный сонъ и просыпался только для того, чтобы и при свѣтѣ дня снова переживать воспринятое въ сновидѣніяхъ. Два мѣсяца мимо меня проходили люди, побывавшіе въ бояхъ и заглянувшіе въ глаза смерти. И смерть заглянула имъ въ глаза и оставила въ выраженіи этихъ глазъ свою особую печать вѣчнаго молчанія и невѣдомой тайны. Въ чертахъ ихъ лицъ—физическое утомленіе, иногда на этихъ лицахъ слѣды раненій, иногда печать недомоганія, съ которымъ вернулись къ намъ инвалиды, побывавшіе въ германскомъ или австрійскомъ плѣну. У многихъ изъ нихъ нѣтъ рукъ или ногъ, тѣ вернулись слѣпыми, другіе съ контузіями въ голову и ходятъ теперь съ какой-то безпрерывной ноющей болью подъ черепнымъ покровомъ и съ вѣчнымъ шумомъ въ ушахъ.

— Гудитъ чтой то и шумитъ... Сижу—гудитъ, лежу—гудитъ, а сплю—и тоже будто гудитъ чтой-то...

Вотъ что сказалъ мнѣ одинъ изъ инвалидовъ, контуженный въ голову. И выраженіе глазъ его такое странное, какъ будто онъ прислушивается къ чему-то и все не можетъ наслушаться.

Меня поразило одно явленіе. У офицеровъ и солдатъ, побывавшихъ на передовыхъ позиціяхъ и въ бою, особыя лица и особенное выраженіе глазъ. Въ гостиной, въ трамваѣ, на улицѣ по выраженію глазъ можно отличить „побывавшаго". Трудно описать или разсказать, въ чемъ эта особенность, но это особенное легко замѣтить, отличить. Очевидно, это и есть печать смерти, заглянувшей въ глаза человѣку, который хочетъ жить и борется за жизнь и въ бою и въ мирной обстановкѣ тыла. Очевидно, это и есть то, чего намъ, людямъ, не побывавшимъ въ бою, никогда не понять.

Наблюдая инвалидовъ, вернувшихся изъ германскаго плѣна, я примѣтилъ и еще одну особенность. Часто мнѣ казалось, что эти люди разучились смѣяться. Это не значитъ, чтобы я не слышалъ ихъ смѣха, но этотъ ихъ смѣхъ тоже какой-то особенный. Получается такое впечатлѣніе: лицо, и раньше привыкшее выражать смѣхъ, смѣется, а глаза, — зеркало души, — остаются серьезными, вдумчивыми, съ особеннымъ выраженіемъ, котораго также не передашь словами. Только разъ я видѣлъ, какъ плакалъ одинъ инвалидъ тихими, беззвучными слезами, но объ этомъ я разскажу въ своемъ мѣстѣ. Не слышалъ я, чтобы инвалиды особенно злобно отзывались о нѣмцахъ или австрійцахъ, хотя и называли ихъ своими мучителями. Разсказывали просто, не повышая голоса, не желая разжалобить своими разсказами или удивить ими. Судя по тому, что они испытали въ германскомъ и австрійскомъ плѣну, можно бы было навсегда озлобить душу, потерять вѣру въ человѣка, его чувства, разумъ и дѣла. Всѣ же они вернулись къ намъ больными или искалѣченными, усталыми или молчаливыми, но всѣ какіе-то кроткіе, тихіе и словно еще не опредѣлившіе дальнѣйшихъ путей своей жизни. Дня черезъ два по водвореніи въ лазаретъ, а особенно въ день отправки на родину, въ каждомъ инвалидѣ замѣчалось что-то такое, что ихъ дѣлало похожими на всѣхъ людей, но въ первые дни ихъ пребыванія въ условіяхъ родной жизни, — въ эти дни всѣ они походили на какихъ-то немощныхъ дѣтей, которымъ нужна ласка.

Въ тишинѣ и покоѣ лазаретныхъ палатъ я вслушивался въ разсказы недавнихъ плѣнниковъ вражескихъ намъ странъ и думалъ: отчего они вернулись къ намъ такими кроткими и всепрощающими? Отчего они не хотятъ разжалобить меня своими разсказами, а говорятъ и словно имѣютъ въ виду кого-то другого, кого имъ жалко? Отчего они не озлобились, не проклинаютъ тѣ мучительства, о которыхъ говорятъ? Я бы сдѣлалъ это. Всѣ же они, за исключеніемъ двухъ-трехъ, кротки и печальны, беззлобные и всепрощающіе. И, вспоминая или начиная разсказъ о плѣнѣ, или кончая разсказъ, только тяжело вздыхаютъ или тихо покашливаютъ нездоровымъ кашлемъ людей, „больныхъ на грудь", какъ говорили мнѣ многіе о своемъ недомоганіи.

Большинство плѣнниковъ, вырвавшихся изъ нѣмецкаго плѣна, больны туберкулезомъ. И они, простые люди деревни, часто не грамотные, знаютъ это страшное слово—туберкулезъ.

Туберкулезъ и тифъ, ангину и воспаленіе въ легкихъ и гангрену нѣмцы сдѣлали своими союзниками въ борьбѣ съ врагомъ на своемъ восточномъ фронтѣ, и если русскій солдатъ не былъ сраженъ на позиціяхъ, его доводили до состоянія негодности въ концентраціонныхъ лагеряхъ для плѣнныхъ, дѣйствуя по какой-то одной указкѣ, или въ согласіи съ духомъ того „устава внутренней службы", который дѣйствуетъ въ нѣмецкихъ войскахъ, и чего не знаютъ наши солдаты.

И если можно сказать, что нѣмецкіе лейтенанты и унтера побѣдили тѣло нашего плѣнника, то имъ не удалось побѣдить его души. Вернувшись изъ нѣмецкаго плѣна, люди эти даже не озлобились, а остались такими же, какими шли въ призывные участки въ первые дни мобилизаціи годъ или два года тому назадъ.

За два мѣсяца наблюденій чужихъ страданій я видѣлъ сотни инвалидовъ, съ каждымъ изъ нихъ побесѣдовалъ, каждаго изъ нихъ, что называется, „пыталъ словомъ", наводилъ

Изъ походнаго альбома. Санитаръ. *Л. Р. Сологубъ.*

на нужные мнѣ пути выводовъ и старался быть объективнымъ при оцѣнкѣ сообщаемаго, какъ стараюсь быть правдивымъ и теперь, когда пишу эти строки.

II.

Первыя десять партій инвалидовъ, въ среднемъ по 250 человѣкъ, состояли исключительно изъ плѣнниковъ Германіи, послѣднія же партіи—двѣнадцать—состояли наполовину изъ плѣнныхъ нѣмецкихъ лагерей и плѣнниковъ, томившихся въ лагеряхъ Австро-Венгріи.

Взвѣшивая безногихъ, безрукихъ, туберкулезныхъ и слѣпыхъ сѣрыхъ героевъ, вернувшихся изъ австрійскаго плѣна, врачи и сестры въ одинъ голосъ радостно восклицаютъ:

— Ого! Вѣсъ большой!.. Смотрите — въ немъ четыре пуда два фунта!

Я смотрю на человѣка, у котораго ампутирована правая нога. Сидитъ онъ въ одномъ бѣльѣ на стулѣ, поставленномъ на вѣсахъ. Сидитъ онъ, конфузливо посматриваетъ на сестеръ и сидѣлокъ, и я вижу, по выраженію его глазъ угадываю, что ему неудобно и непривычно сидѣть на стулѣ съ одной ногой. И уцѣлѣвшая нога какъ-то странно виситъ, словно подчеркивая отсутствіе другой ноги и тѣмъ какъ бы нарушая гармонію красиваго человѣческаго тѣла. Я только въ эту минуту понялъ, какъ должно быть неудобно человѣку съ одной ногой или рукой.

А безногій человѣкъ улыбается, можетъ-быть, потому, что какъ-то добродушно и мягко улыбаются и докторъ, и сестры, и сидѣлки. Въ эту минуту всѣ мы почувствовали, что можемъ и мы улыбаться въ лазаретѣ для инвалидовъ, гдѣ все такъ печально; этотъ безногій человѣкъ далъ намъ всѣмъ право на улыбку радости и сочувствія: въ немъ, безногомъ, возвратившемся изъ австрійскаго плѣна, все же сохранилось вѣсу четыре пуда и два фунта!

Потомъ изъ разсказовъ сестры узнаю, что почти всѣ плѣнники, возвратившіеся изъ Австріи, вѣсятъ больше, по сравненію съ тѣми, которые вернулись изъ Германіи. И не такъ они измучены, и не такъ пониженъ у нихъ процессъ питанія. Они какъ будто даже веселѣе, чаще улыбаются.

— Что же, развѣ имъ лучше жилось въ Австріи?—спрашиваю доктора.

— Послушайте, что разсказываютъ, — отвѣчаетъ онъ, — по-моему, одно и то же.

Изъ разспросовъ не одного десятка инвалидовъ узнаю, что имъ, дѣйствительно, немного лучше жилось въ австрійскомъ плѣну, нежели тѣмъ, которые попали въ нѣмецкіе лагери.

Потомъ, немного позже, прапорщикъ Б—нъ, отбывшій австрійскій плѣнъ и вернувшійся контуженнымъ и раненымъ, разувѣрилъ меня:

— Почему-то всѣ говорятъ, что въ австрійскомъ плѣну лучше жилось. Я только проѣхалъ черезъ Германію инвалидомъ и по разсказамъ товарищей-плѣнныхъ могу судить, что и въ Германіи и въ Австріи одинаково плохо плѣннымъ, ибо мы—плѣнные. Въ одномъ случаѣ въ Германіи легче, въ другомъ случаѣ—въ Австріи и обратно. Скажу только, что о чехахъ у меня останутся лучшія воспоминанія: жалѣли они насъ.

И плѣнникамъ въ Австріи, такъ же, какъ и плѣннымъ въ Германіи, приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, пока не были выстроены бараки. И австрійскимъ плѣнникамъ и германскимъ давали по полуфунту хлѣба въ сутки, и хлѣбъ этотъ былъ выпеченъ изъ кукурузной муки пополамъ съ картофелемъ.

— Главное, сырой онъ, хлѣбъ-то,—разсказывалъ одинъ изъ инвалидовъ объ австрійскомъ хлѣбѣ, — а иной разъ и такъ, что солома въ хлѣбѣ, а ничего не подѣлаешь: ѣшь, коли не хочешь умирать съ голоду.

И обѣды плѣнниковъ были скудны: кукурузная жижица подъ названіемъ „мамалыга“, а ужинъ — жидкій кофе безъ сахару и безъ хлѣба. О мясѣ или о какихъ-либо другихъ питательныхъ приправахъ къ супу нечего и говорить.

— Набросаютъ въ жижицу картошки нечищеной, вотъ тебѣ и хлебово. А то и траву какую-то накрошатъ... Пѣсенку объ ихъ обѣдахъ сочинили наши, — улыбнувшись и сощуривъ глаза, добавилъ инвалидъ и, наклонившись въ мою сторону, продекламировалъ:

Давали намъ «германы» хлѣба—
Паекъ съ дѣтскій кулачокъ.
И давали вмѣсто обѣда
Супъ-болтушку черпачокъ.
Не кормили «бураками»,
Не кормили колбасой,
Угощали кулаками...

Дальше-то ужъ запамятовалъ... Извините...

Изъ походнаго альбома. Передохнуть! *Л. Р. Сологубъ.*

— Какое тамъ мясо, — перебиваетъ сосѣдъ, — они и своихъ-то солдатъ давно не кормятъ мясомъ. Еще на передовыхъ позиціяхъ варятъ „свѣжину“, да и то больше конское мясо. И хлѣба у нѣмцевъ и у австрійцевъ—нема... Кукуруза, картофель—и вся ѣда...

О такомъ же скудномъ питаніи разсказывали и инвалиды, прибывшіе изъ Бранденбурга, Франкфурта, Котбуса и другихъ нѣмецкихъ лагерей. Отнынѣ всѣ эти „цитадели подъ открытымъ небомъ“ останутся свидѣтелями того, какъ тамъ жили наши сѣрые герои. Но подробности этой жизни — пока еще тайна для русскаго общества, и хочется хотя бы отчасти вскрыть эту тайну, повѣствуя о ней по разсказамъ испытавшихъ мученичества германскаго и австрійскаго плѣненія.

Съ цѣлью обслѣдованія тѣхъ условій, въ которыхъ русскимъ войскамъ приходилось сражаться съ германцами и австрійцами, а также и для обслѣдованія условій жизни русскихъ воиновъ въ плѣну организована специальная чрезвычайная слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго сенатора А. Н. Кривцова. Члены этой комиссіи опрашиваютъ прибывшихъ изъ германскаго и австрійскаго плѣна и заносятъ въ протоколы ихъ показанія. Труды этой комиссіи опубликовываются частями и въ будущемъ составятъ черную книгу германскихъ звѣрствъ.

Мнѣ удалось побесѣдовать съ нашими „мучениками плѣна“, и испытавшіе то или иное „мучительство“, какъ говорятъ они сами, въ своихъ разсказахъ очень повторяются. Часто инвалиды, прожившіе по году въ разныхъ лагеряхъ и на разныхъ концахъ Германіи, здѣсь въ лазаретѣ, съ изумленіемъ слушаютъ другъ друга и повторяютъ:

— И у насъ такъ же было...

— И у насъ распинали людей...

Вырисовывается какая-то общая картина одного фона съ разными случайными деталями. Очевидно, всѣмъ дѣломъ содержанія плѣнныхъ руководила общая инструкція не только для всей Германіи, но даже и для Австріи. Долженъ однако оговориться, что инвалиды сами вносятъ поправки и заявляютъ, что въ каждомъ лагерѣ все же порядки содержанія плѣнныхъ зависѣли отъ личности коменданта. Одни и тѣ же плѣнные, напримѣръ, свидѣтельствуютъ, что до такого-то мѣсяца было сносно жить, потому что комендантомъ былъ „этотъ толстый съ усами“, а какъ „бритый“ пріѣхалъ, тутъ и началась сама смерть. Дѣлается сравненіе и между „унтерами“, „вахмистрами“, которые ближе стояли къ командамъ плѣнныхъ. И эти люди вносили въ распорядокъ жизни нѣчто свое, смотря по тому, „добренькій“ унтеръ или „злющій“.

Но эти гуманные люди, повидимому, не могли измѣнить общаго режима содержанія плѣнныхъ по установленной инструкціи, такъ что все же общая картина получается мрачной, несмотря на отдѣльные рѣдкіе проблески.

III.

Эти люди дѣйствительно мученики плѣна... Безстрашные передъ лицомъ смерти на полѣ брани, настоящій ужасъ войны пережили они въ нѣмецкихъ городахъ и лагеряхъ и даже въ нѣмецкихъ лазаретахъ.

На вопросъ, какъ лѣчили въ нѣмецкихъ лазаретахъ, всѣ эти люди въ одинъ голосъ отвѣчали:

— Какъ лѣчили?.. Такъ и лѣчили, — перевязку сдѣлаютъ, а потомъ и говорятъ: „Немного полѣчимъ, чтобы ноги не отгнили, а тамъ ужъ въ Россіи васъ долѣчатъ“.

Изъ походнаго альбома. *Л. Р. Сологубъ.*

Изъ походнаго альбома. *Л. Р. Сологубъ.*

Такъ, по словамъ инвалидовъ, отвѣчали нѣмецкіе врачи своимъ паціентамъ-мученикамъ. И опять нѣкоторые изъ нихъ добавляли, что попадались врачи и добрые и заботливые, но только не часто.

— Всякіе, вѣрно, люди бываютъ, что говорить, — закончилъ свой разсказъ о нѣмецкихъ врачахъ одинъ изъ „безногихъ“. — Меня вонъ хорошо лѣчили, тоже съ груди сталъ припадать, ногу тоже вонъ какую хорошую дали...

Онъ указалъ въ уголъ палаты, около койки, гдѣ стояла его нога изъ желѣзныхъ прутьевъ, сгибающаяся на шарнирахъ и въ колѣнѣ и въ ступнѣ. То мѣсто, куда вставляется обрубокъ ноги, сдѣлано изъ толстой кожи, прошито толстыми нитками и съ ремнями. Любуясь своимъ протезомъ, инвалидъ говорилъ:

— Ну, а кому и просто однѣ деревяжки дали, а кто и самъ смастерилъ себѣ ногу...

Я видѣлъ эти самодѣльныя ноги. Это обыкновенные костыли, грубо, самодѣльно выструганные, сколоченные гвоздями и даже не окрашенные. Хорошо оборудованные протезы мнѣ приходилось видѣть и у другихъ инвалидовъ, но не часто. Очевидно, германскіе лазареты недостаточно располагали такими усовершенствованными протезами, чтобы снабдить ими нашихъ инвалидовъ.

Въ той же палатѣ, гдѣ помѣщался инвалидъ съ желѣзной ногой, лежалъ на койкѣ немолодой уже человѣкъ, съ сѣдѣющими усами. Съ лица онъ былъ худъ, глаза пристально всматривались въ окружавшее какимъ-то утомленнымъ взоромъ. Положивъ голову на руку, опертую въ смятую подушку, онъ молча и издали разсматривалъ усовершенствованную нѣмецкую ногу и молчалъ. И только, когда я всталъ со стула, чтобы уйти, онъ спросилъ:

— А намъ, господинъ, скоро выдадутъ ноги? У меня вонъ какая, нога-то...

Онъ отвернулъ край одѣяла и показалъ мнѣ свою пра-

вую ногу, которая оканчивалась деревянной толстой палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ.

— Говорять, и намъ выдадутъ настоящія ноги, — продолжалъ онъ свои мысли вслухъ.

Я сказалъ, что̀ зналъ по этому поводу, но онъ съ сомнѣніемъ въ голосѣ воскликнулъ:

— Не скоро, должно, дадутъ-то?.. А мнѣ бы хоть только въ избу дали войти, а то больно совѣстно передъ бабой: ввалишься этакимъ, а она тебя и любить перестанетъ...

И съ прежнимъ сомнѣніемъ, но съ новой тревогой въ глазахъ онъ проводилъ меня изъ палаты.

Трудно, почти невозможно въ краткихъ словахъ передать ихъ разсказы о жизни въ плѣну. Попытаюсь сдѣлать это съ ихъ же помощью,—ихъ творчествомъ. Съ какимъ-то изумительнымъ добродушіемъ плѣнники-инвалиды сочинили пѣсенки-частушки о житьѣ-бытьѣ у „германа". Вотъ одна изъ такихъ частушекъ, записанная мною со словъ двоихъ:

Не у чорта, не у турки—
Дѣло было въ Бранденбургѣ,
Дѣло плѣнниковъ, друзья;
Не у волка въ хищныхъ зубьяхъ,
У германскаго царя.
Насъ на холодѣ держали
Не считали за людей,
А когда мы умирали,
Хоронили поскорѣй.
Дѣло было въ Шнейдемюлѣ,
Дѣло горькое, друзья,
Насъ „германы" изводили,
Не давали намъ житья.
Мы изъ ружей не стрѣляли,
Не кричали мы „ура!"
Въ Шнейдемюлѣ мы страдали
У германскаго царя.

Съ плѣнниковъ снимали прежде всего сапоги и шинели, изъ сумокъ выворачивался незатѣйливый багажъ солдата, отбиралось бѣлье, при чемъ отбирали и послѣдніе штаны и рубаху. Но сапоги и шинели, повидимому, были предметомъ особеннаго вниманія нѣмецкихъ солдатъ. На глазахъ у „нашихъ" нѣмецкіе солдаты надѣвали русскіе сапоги и шинели, замѣняя ихъ своими „башмаками" или шинелями. Къ русскому мундиру нѣмецкіе солдаты относились съ уваженіемъ: „мундировъ не сымали". Зато рылись въ карманахъ, опустошали кошельки.

Это первое, съ чего начиналось плѣненіе. Затѣмъ, босыхъ, полураздѣтыхъ плѣнниковъ гнали къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, размѣщали въ товарныхъ вагонахъ, не отдѣляя больныхъ и раненыхъ отъ здоровыхъ, и увозили. О питаніи плѣнниковъ въ пути, а также въ продолженіе остановокъ на разныхъ станціяхъ, лейтенанты, сопровождавшіе эшелоны, и не заботились.

— За водой съ чайникомъ и то не дозволяли выйтить. Такъ и ѣхали безъ ѣды и питья... Извините ужъ, и за нуждой тутъ же приходилось ходить: заперто кругомъ, и везутъ неизвѣстно куда...

Въ городахъ плѣнниковъ сортировали, какъ скотъ, подгоняя палками и прикладами: раненыхъ увозили въ лазареты, а здоровыхъ загоняли во дворы казармъ или выгоняли на открытыя площади, гдѣ намѣчался пунктъ для будущаго лагеря военноплѣнныхъ. Иногда эти намѣченныя площади уже заранѣе были обнесены столбами съ обвитой между ними колючей проволокой. Загнавъ плѣнниковъ въ такой четырехугольникъ, конвойные

Изъ походнаго альбома. *Л. Р. Сологубъ.*

занимали свои посты, а плѣнники предоставлялись самимъ себѣ. Передаю дословный разсказъ одного изъ плѣнниковъ о началѣ плѣненія.

— Согнали насъ,—душъ тысячи полторы,—какъ скотъ, на поле и все тутъ. А дѣло къ вечеру, въ октябрѣ было это. Какъ тутъ быть, дождь моросить, ѣсть хочется, холодно. У кого шинель уцѣлѣла, а у кого—мундиръ да картузъ, да штаны, а ноги босы или въ портянкахъ, обвитыхъ веревочками. Земля-то песчаная попалась въ лагерѣ, теплая, мягкая. Давай мы тутъ каждый для себя ямку рыть въ пескѣ, а кто и по-двое и по-трое себѣ логовище дѣлаетъ. Вырыли ямки и полегли на ночь, а дождикъ все пуще и пуще. Зубъ на зубъ не попадалъ, а что̀ подѣлаешь—война, плѣнъ!.. Поутру доски привезли, столбы, лопаты, кирки. Заставили насъ перво-наперво кухню для себя дѣлать. Тутъ и печники нашлись и плотники. Работа живо пошла, а унтера только подгоняютъ. Въ обѣдъ немного покормили всѣхъ насъ: на лошадяхъ да автомобиляхъ привезли похлебку и хлѣба по полфунтику выдали, а послѣ обѣда опять всѣхъ на работу. Дня черезъ два котлы вмазали, печь снарядили, и стала у насъ своя кухня, а ночевать все негдѣ, въ тѣхъ же ямкахъ спали-ночевали. Да такъ мы еще съ мѣсяцъ въ ямкахъ и прожили. Привезли нѣмцы и палатки, да немного: по очереди въ палаткахъ отогрѣвались. А тамъ сами смастерили себѣ бараки изъ досокъ и стали жить-поживать, нѣмца проклинать да родныхъ вспоминать... А заболѣетъ кто — въ лазаретъ увезутъ, а умретъ кто—на кладбище. А умирали страсть сколько, потому и изъ окоповъ-то

Изъ походнаго альбома. *Л. Р. Сологубъ.*

люди застуженные въ плѣнъ попали: у кого ноги ноютъ, у кого ранены, да не омыты... Бараки выстроили себѣ сами, а тутъ нѣмцы и лавочку устроили: молъ, кто хошь, покупай, чего хошь. Ужъ и драли съ насъ за хлѣбъ, за табакъ съ папиросами, за спички. Живемъ, ходимъ по кордѣ нашей, а къ изгороди поближе подойдешь, и сейчасъ тебѣ „германъ"-часовой винтовкой грозитъ: молъ, не подходи близко, пулю всажу!.. Собрались мы и депутатовъ къ унтеру послали: молъ, неладно выходитъ—бараки выстроили, а народъ не знаетъ, куда за нуждой ходить... Заставили ямы копать, забориками обносить. И это дѣло сдѣлали, а дальше что?.. Да то же: больныхъ въ лазаретъ, умершихъ-усопшихъ—на кладбище, и вся жизнь, а здоровый кто—живи да голодай, да проклинай судьбу-матку. А тутъ глядишь—выхватятъ изъ всѣхъ человѣкъ сто или двѣсти и увезутъ куда-то, а намѣсто ихъ — новыхъ съ позицій... Такъ круговоротомъ и жили...

Въ этомъ „круговоротѣ жизни" съ однообразными и скудными впечатлѣніями бытія, съ голодовкой, въ холодѣ и подъ угрозой ежедневной расправы и жили наши плѣнные.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Близъ фронта.

Разсказъ С. Караскевичъ.

I.

Въ коридорѣ, прижатыя съ обѣихъ сторонъ грудами корзинъ и чемодановъ, стояли двѣ дѣвушки,—высокая, въ большой бѣлой шляпѣ, и маленькая, покрытая бѣлой сестринской косынкой.

— А! Товарищъ! Какъ-то нашъ институтъ поживаетъ?

— Вы тоже медичка?

— Да! И, какъ вы,—второкурсница.

— Почемъ вы узнали? Развѣ на насъ, медичкахъ, есть „особый отпечатокъ"?

— Да вѣдь вы — съ поличнымъ: вонъ „физіологія Микѣшиной" изъ корзинки выглядываетъ.

— Вотъ ужъ поистинѣ сдѣлала глупость! Вообразила, что, какъ въ милыя мирныя времена, заберусь на верхнюю полку и буду зубрить. А теперь не то что „Микѣшиной" — и самой приткнуться некуда.

— Вамъ еще полбѣды: потеряете ее въ суматохѣ или воръ, не доглядѣвъ, украдетъ, другая „Микѣшина" въ Питерѣ найдется. А вотъ я въ качествѣ „питательной" сестры везу на ближнія чортовы кулички всѣ тѣ сокровища, какихъ ни за какія деньги тамъ не купить: кофе, какао, шоколадъ и вино, спички и свѣчи... Пришлось десятокъ корзиночекъ и коробочекъ съ собою въ вагонъ взять, а тутъ Богъ послалъ еще двухъ Коробочекъ... гоголевскихъ.

И сестрица показала смѣющимися глазами въ глубину переполненнаго купэ, гдѣ у окна, приминая одна другую широкими боками, хлопотали двѣ старыя дамы, разсовывая корзинки, кадочки и банки,—всю ту съѣдобную осеннюю кладь, съ которою не могутъ разстаться хозяйки, несмотря на всю трудность и тяготу дальняго пути во время войны.

— Одну изъ этихъ Коробочекъ уступите мнѣ по праву перваго захвата: дама въ сѣромъ—моя родная мать, и всѣ ея узелки на моей заботѣ и отвѣтственности. А черную, такъ и быть, берите себѣ...

Сестрица слегка смутилась и замолкла. Зато старыя дамы живо познакомились и заговорили такъ, будто вѣкъ жили добрыми сосѣдками.

— Такъ у васъ сынъ на войнѣ? И у меня на войну идетъ. Ой! Какъ же я рада, что разрѣшили выѣздъ изъ нашихъ мѣстъ! Подумайте только! Сынъ намъ пишетъ, что его уже забрали въ солдаты. А онъ — студентъ. У него нѣтъ съ собою ни теплаго бѣлья ни постели. А отъ насъ выѣхать не вольно... Пока я до коменданта, пока до воинскаго начальника, — читаемъ въ газетахъ, что ужъ выѣздъ разрѣшили. То я сейчасъ собралась и полетѣла.

Живая рѣчь высокой сѣдой дамы, ея кокетливая, взбитая прическа, какія были въ модѣ лѣтъ двадцать тому назадъ, неправильныя ударенія и полонизмы говорили объ ея польской національности.

— Наше имѣніе на самой границѣ... То Боже мой милый! Два раза нѣмцы стояли у насъ въ деревнѣ и два раза — русскіе. Дѣтей, сыновъ, и не зовемъ въ гости: сохрани Боже, чтобъ не пришлося брату итти на брата. А сами мы, старые, какъ тѣ дубы,—буря можетъ насъ сломать и повалить на ту или на другую сторону. А корень все-таки останется въ родной польской землѣ, которая родила хлѣбъ для насъ, для отцовъ и дѣдовъ нашихъ.

— А я съ дочкой пріѣхала на лѣто къ себѣ въ деревню да и закаялась. Еще всѣ знакомые въ Петроградѣ говорили: „какъ вы не боитесь?" А мнѣ чего бояться?! Когда жили мы всею семьею,—такъ домъ гудѣлъ, какъ улей: дочка съ племянницей наверху, сыновья съ товарищами—внизу. Гости съѣдутся,—въ клуню подушки тащимъ. А теперь, вѣрите ли, какъ склепъ какой! Я да дочка, да прислуга, да древняя старуха въ кухонной хатѣ,—вотъ и всѣхъ людей въ усадьбѣ... А кругомъ до пятаго двора солдатки съ малыми дѣтьми... И съ самой весны слухи пошли про шайку воровъ. Я, было, и не вѣрила, да пришлось повѣрить, когда къ намъ въ окно ломились. Да еще какъ! Съ потайными электрическими фонариками, съ фомками и отмычками...

— Іезусъ—Марія!

— Господь спасъ... Помѣщикъ-сосѣдъ помѣшалъ. За полночь возвращался изъ города.

II.

Поѣздъ давно уже несся среди широкихъ опустѣлыхъ полей, кое-гдѣ перехваченныхъ зелеными ланами свекловицы и пестрыми загонами не свезенныхъ частыхъ копенъ.

Неожиданно громко и тоскливо завылъ локомотивъ, и среди чистаго поля, у полустанка, гдѣ по расписанію стоянки не полагалось, поѣздъ замедлилъ ходъ.

Въ вагонъ вошелъ новый пассажиръ,—офицеръ съ двумя звѣздочками на защитномъ погонѣ и маленькимъ кожанымъ саквояжемъ въ рукахъ. Видно было съ перваго взгляда, что онъ очень усталъ. Едва протиснувшись по коридору, онъ бросилъ „извините", привалился плечомъ къ косяку отворенной двери и закрылъ глаза.

— Съ фронта, должно-быть, — шепнула мать высокой дѣвушки.

Изъ походнаго альбома. У деревни Тристень.

Л. Р. Сологубъ.

Изъ походнаго альбома. *Л. Р. Сологубъ.*

— А конечно, съ фронта: и шинелька солдатская вся обмялась, и сапоги сбились. Утомился, совсѣмъ утомился бѣдняжка!

И старая пани встала и пошла къ подпоручику.

— Панъ офицеръ! Панъ поручникъ! Будьте такъ ласковы,— садитесь.

Онъ устало открылъ глаза, сказалъ: „очень благодаренъ" и не шелохнулся.

— Какъ же можно, чтобъ господинъ офицеръ стоялъ. Прошу садиться на мое мѣсто: я, солдатская мать, не могу сидѣть, если вы будете стоять.

— Да и мнѣ не усидѣть: все мнѣ сдается, что мой Мишенька прямо изъ окопа пришелъ, болятъ у него съ устатку руки и ноги, и отдохнуть ему негдѣ.

И обѣ старыя женщины вытянулись по сторонамъ вагоннаго столика.

— Видно, какъ-никакъ, утрястись надо,—рѣшилъ пожилой, бородатый пассажиръ въ сапогахъ бутылками.

И „утряслись": молоденькій прапорщикъ, чистенькій, съ иголочки, полѣзъ на верхнюю полку, гимназисты перебрались оттуда на третью и примостились между чемоданами. Пожилой пассажиръ бросилъ диванную боковую подушку за спину офицера. Тотъ сѣлъ,— и разомъ заснулъ. И во снѣ вся его крупная, богатырская фигура расправлялась, раскидывалась, съ выраженіемъ блаженнаго покоя: свободно упали руки вдоль стана, протянулись поперекъ купэ ноги въ походныхъ сапогахъ, на которыхъ еще не высохла дорожная грязь; голова склонилась на плечо, и губы сложились въ широкую ласковую улыбку.

А люди кругомъ приспособлялись къ дальней дорогѣ. Первыми затихли гимназисты на верхнихъ полкахъ. Внизу слышались разговоры, и отъ скуки путники то и дѣло открывали корзинки съ дорожными запасами. Далеко на горизонтѣ садилось солнце, и его яркіе, еще по-лѣтнему теплые лучи залили золотомъ тѣсное купэ. Радужнымъ столбомъ засверкала пыль, загорѣлись искрами кудри „сестрицы", собиравшей свои узелки; и навстрѣчу закатному лучу широко и удивленно открылись глаза спящаго офицера. Онъ выпрямился, провелъ рукою по лбу, сдвинувъ на затылокъ фуражку; но, казалось, все еще не очнулся, принимая за сонъ окружавшую его пеструю явь.

Спутники захохотали.

— О! Какъ панъ офицеръ удивленъ! — сказала его сѣдая сосѣдка.

— Конечно, удивленъ! Все еще кажется, что я сплю... и все кругомъ радостный сонъ: и ребеночекъ въ красной шапочкѣ, и вы, и гимназическая фуражка на крючкѣ, и... и... и...

Онъ запнулся, глядя широко открытыми, восхищенными глазами на сидящихъ противъ него дѣвушекъ, перебравшихся въ купэ, пока онъ спалъ.

Кругомъ опять засмѣялись.

— Да ужъ договаривайте:—„и мои сосѣдки!" И согласитесь, что сонъ не плохой: такія яркія, противоположныя другъ другу дѣвичьи лица и во снѣ не часто увидишь. У „сестрицы" каріе глазки и золотистые волосы, а у ея сосѣдки—темныя длинныя косы и глаза—вонъ какъ то дальнее небо.

Старуха засмѣялась мягкимъ, ласковымъ смѣхомъ. А молодой подпоручикъ пристально глянулъ въ глаза дѣвушки, и въ отвѣтъ его взгляду загорѣлся отвѣтной лаской лучистый, глубокій и радостный дѣвичій взглядъ.

И оба разомъ отвели глаза въ сторону, смутились и покраснѣли.

— Чтобы убѣдиться, что это не сонъ, отвѣдайте нашихъ деревенскихъ пирожковъ,—вывела изъ неловкаго молчанія мать голубоглазой дѣвушки.

Онъ даже не пробовалъ отнѣкиваться: чудесными ему казались и пирожки, и яблоки, и вся эта обстановка, такъ непохожая на то, что онъ оставилъ тамъ, далеко, за линіей темнаго лѣса, за верхушки котораго кроваво и пышно закатилось солнце.

III.

Онъ едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы.

Да, онъ ѣдетъ съ фронта. О, нѣтъ, не въ отпускъ. Онъ посланъ за пополненіемъ, далеко, за Волгу. Къ матери онъ заѣхать не можетъ: это совсѣмъ не по пути. Да если бы и могъ,— такъ не заѣхалъ бы. Что ей дадутъ эти нѣсколько часовъ, украденныхъ у судьбы?

— Какъ что дадутъ? Господи! Кабы мой сынокъ хоть на одинъ часъ пріѣхалъ! Мнѣ кажется, что за этотъ часъ мы сказали бы другъ другу самое нужное, самое важное слово...

— Вѣрьте,—ничего вы не скажете, потому что то, что онъ пережилъ тамъ, откуда я ѣду, не выговаривается никакими словами. Только одно мы имѣемъ право вамъ писать: „живъ, здоровъ". Такъ я и написалъ сегодня. Сухо прибавилъ: „ѣду за пополненіемъ". Не надо было и этого прибавлять: пусть она ничего не знаетъ, пусть ждетъ...

Изъ походнаго альбома.
Пьетъ.
Л. Р. Сологубъ.

— Да есть ли ей съ кѣмъ ждать? Есть ли у васъ братья и сестры?

— Сестеръ Богъ не далъ. Два брата есть: одинъ, какъ я, на фронтѣ. Другой— пятнадцатилѣтній гимназистъ: убѣжать на фронтъ собирается.

— О, Господи! Господи! Что̀ это дѣлается на свѣтѣ! Вѣдь и у меня двое, и оба ушли. Только дочка одна осталась — только дочка насъ со старикомъ пожалѣла: отказалась отъ завѣтной мечты,—ѣхать весною поближе къ фронту. Живетъ съ нами... работаетъ и въ лазаретѣ и въ своемъ институтѣ... дожидается, куда Богъ ея братьевъ повернетъ.

— Такъ вы тоже „сестрица"?

— Какъ водится теперь: обѣ мы и „сестры" и медички. Да и и вы навѣрное офицеръ и тоже кто-нибудь „бывшій".

— Какъ вы узнали?

— „Есть въ васъ что-то такое... университетское",—какъ говорилъ отдѣленный юнкеръ моему брату въ училищѣ.

— Почти что такъ: я студентъ-путеецъ. На второмъ курсѣ былъ, не собирался на войну... Проводилъ брата, поѣхалъ въ Петроградъ,—и вдругъ получаю письмо, что нашъ фольваркъ сожженъ нѣмцами. Пишетъ мать, что ночью въ проливной дождь ушли изъ дома, держась за грядку телѣги, въ которую сложили изъ скарба, что̀ было поцѣннѣе. И вдругъ до ужаса ясно мнѣ представилось, какъ дюжій нѣмецкій денщикъ раздуваетъ сапогомъ бабушкинъ самоваръ на нашемъ деревенскомъ крыльцѣ. Не могъ же я это стерпѣть! Въ тотъ же день уѣхалъ въ Гродну проститься съ родителями.

— То панъ изъ Гродна? Полякъ?

— Литвинъ наполовину. Мать русская. Крестили въ православіе, а имя дали польское: Владиславъ... Охута,—прибавилъ онъ, взглянувъ на дѣвушекъ.—И вы мнѣ скажите ваши фамиліи... Пожалуйста... пожалуйста! Мнѣ очень хочется остаться въ живыхъ. Вѣдь, правда, это можетъ случиться? О! Не подумайте, что я надѣюсь. Нѣтъ! Я знаю, что логика войны проста: тотъ, кто идетъ убивать, и самъ можетъ быть убитъ. Но вѣдь я такой молодой: мнѣ только девятнадцать лѣтъ. И мнѣ хочется, ахъ, какъ хочется еще пожить! И вотъ приду я живой, въ цѣломъ видѣ, къ вамъ въ институтскую столовку, сниму шапку (вѣдь я тогда опять студентомъ буду) обѣими руками и скажу: „здравствуйте, сестрицы!"

Бѣлокурая сестра заторопилась:

Къ теплу—къ людямъ. *Дикая козочка, прирученная сестрами милосердія передового пункта.*

— Берите же скорѣй карандашъ и пишите... Сейчасъ моя станція.

Молодежь, нагруженная свертками и коробками „сестры", убѣжала, и видно было, какъ подруги обнялись на прощанье.

— До свиданія! Тамъ... тамъ, въ Петроградѣ!

Офицеръ махнулъ купленной новой газетой, посылая прощальный привѣтъ, и вскочилъ на ступеньку вагона уже движущагося поѣзда.

IV.

А когда онъ со своей спутницей вошелъ въ купэ, старая полька говорила своей сосѣдкѣ:

— И эти воры не ночью ходятъ, а среди бѣла дня. Придетъ, возьметъ самое дорогое изъ вашего дома, самое лучшее и любимое. Увезетъ и спасиба не скажетъ. И не поможетъ тутъ никакой случайный сосѣдъ, потому что всѣ сосѣди, ближніе и дальніе, съѣдутся къ вамъ великою толпою, будутъ топтаться на мѣстѣ, улыбаться и васъ же поздравлять съ радостью... Я сама это испытала, я знаю...

Старуха лукаво посмотрѣла на молодую пару. но они не слышали или не поняли намека, увлеченные своимъ разговоромъ.

— Я вамъ обѣщаю, что поѣдемъ. Вы будете инженеромъ, я— врачомъ.

— Ты куда это ѣхать собираешься?

— Въ Японію, мама! Владиславъ Александровичъ говоритъ, что это — истинная страна чудесъ.

— Мало того: страна многовѣковой, утонченной и глубокой культуры, которая одинаково проникла всѣ слои населенія. И объ этой культурѣ мы ничего не знаемъ.

— Я за всю жизнь только одного японца видѣла, да и тотъ оказался поддѣльнымъ.

— Какъ поддѣльнымъ?

— Тутъ цѣлая исторія! У брата есть товарищъ, тоже горнякъ,— настоящій мистификаторъ, талантъ Божіею милостью... И вотъ увѣрилъ онъ насъ, что у него есть знакомый японецъ, Наканидзе Лапарака, студентъ университета. По-русски говоритъ очень хорошо, но человѣкъ до дикости скромный, застѣнчивый и обидчивый. Если замѣтитъ, что на него, какъ желтокожаго, обращено особое вниманіе, — обидится и уйдетъ. А мнѣ до смерти захотѣлось увидѣть японца! И вотъ въ какой-то семейный праздникъ, когда у насъ было много народу, является Лапарака... И мы всѣ и гости дѣлаемъ усилія, чтобы и не глянуть лишній разъ въ сторону маленькаго черноволосаго студента.

— Кѣмъ же онъ оказался?

— Да поповичемъ изъ Калужской губерніи, — Николаемъ Лопаревымъ.

— Нѣтъ! Мы поѣдемъ въ самую настоящую Японію. Въ такую, гдѣ видна отовсюду бѣлоголовая Фузи-яма. Мы научимся японскому языку, узнаемъ обычаи, культъ, литературу...

— О, Господи! — вздохнула мать дѣвушки. — На что вамъ такъ далеко ѣхать за чужимъ бытомъ, когда вы своего русскаго не знаете. Да и развѣ одинъ русскій бытъ станетъ у васъ на дорогѣ, пока доберетесь до Японіи! Вѣдь у насъ, въ Россіи, сто народовъ. А много ли вы знаете ихъ языковъ и литературъ?

На позиціяхъ. *Друзья.*

Пекутъ картофель.

— Да, да!—согласилась старая полька.—Вотъ вы изъ Гродна, стороны польско-литовской. А знаете ли польскую литературу? А литовскую?

— Старую, кажется, знаю: отецъ на память читаетъ Мицкевича и до сихъ поръ.

— О! Это слишкомъ старо. Съ тѣхъ поръ народились десятки новыхъ поэтовъ.

— И новыхъ немного читалъ... Въ переводѣ больше.

— Вотъ это уже стыдно! Развѣ можно переводомъ, да еще стихотворнымъ передать красоту поэтической рѣчи. Помните Тетмайера?

— Нѣтъ, не помню.

— Это красиво: слушайте!

И сѣдая пани стала декламировать поэму счастья и любви.

Дѣвушка не знала польскаго языка. Она смутно улавливала смыслъ чужой, но все же славянской рѣчи, и румянецъ заливалъ ея нѣжное лицо до корней темныхъ волосъ.

— Панъ поручикъ переведетъ вамъ лучше меня,—обратилась къ ней старая дама.

Ясный мѣсяцъ давно уже сталъ надъ полями, въ которыхъ кое-гдѣ темнѣли еще копны хлѣба. Громыхая, несся поѣздъ среди гулкой ночной тишины, и люди въ немъ спали, истомленные трудной дорогой.

И въ душномъ полумракѣ переполненнаго купэ слышался молодой, прерывистый голосъ, переводившій стихи польскаго поэта.

— ... „Мы пойдемъ, молчаливые отъ счастья, подъ тихими сводами старыхъ аллей... Я увѣнчаю золото твоихъ кудрей синими васильками и молодымъ папоротникомъ, — и обрадую міръ твоею красою“.

Переводъ былъ нѣсколько далекій отъ оригинала, но правдою дышало молодое чувство, звучавшее въ голосѣ студента-офицера, и въ отвѣтъ ему тихимъ пожатіемъ дрожали тонкіе пальцы дѣвушки въ его горячей рукѣ.

Бѣлымъ разсвѣтомъ поѣздъ подошелъ къ большой узловой станціи. Видно было, что ей не подъ силу было справляться съ великой задачей, выпавшей на ея долю. Десятки рельсовъ убѣгали отъ вокзала далеко въ поле, теряясь у разъѣздовъ и тупиковъ. Тамъ и здѣсь среди старыхъ, закоптѣлыхъ кирпичныхъ зданій бѣлѣли свѣжіе, наскоро сбитые дощатые бараки. Офицеръ долженъ былъ сойти на этой станціи. Но онъ все еще не вѣрилъ возможности разлуки.

— Есть еще другой, новый путь. Нѣтъ, нѣтъ! Я еще не прощаюсь! Я сейчасъ вернусь: только справлюсь, есть ли пересадка въ N-скѣ на новую вѣтку.

Онъ быстро прошелъ по спящему вагону, соскочилъ на платформу, и дѣвушка увидѣла его лицо, — ласковое, растерянное, съ дрожащей улыбкой на устахъ. Онъ поклонился, оглянулся еще разъ, — и утонулъ въ волнующемся морѣ людскомъ: бѣжали мимо носильщики и пассажиры, сшибались встрѣчные потоки бѣженцевъ, понуро шли сѣрыя колонны плѣнныхъ. Удалая пѣсня грянула близко, и мимо оконъ поплылъ воинскій поѣздъ съ сотнями живыхъ, улыбающихся лицъ, — съ сотнями жизней... И поѣзда уходили и приходили одинъ за другимъ, гремѣли вокзальные звонки... И когда дрогнулъ и двинулся ея поѣздъ, дѣвушка долго смотрѣла назадъ, въ бѣлесый утренній туманъ, клубившійся за тусклыми огнями семафоровъ, туда, гдѣ исчезъ ея случайный спутникъ, тотъ, кто шелъ умирать и такъ радостно, такъ свѣтло рвался къ жизни, къ далекому, свѣтлому будущему...

Варево.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

„Ничѣмъ неограниченная" подводная война.

18-го января германское и австрійское правительства рѣшились на новый, весьма серьезный шагъ. Они разослали всѣмъ нейтральнымъ державамъ ноты, коими объявили имъ, что съ 1-го февраля новаго стиля (19-го января) Германія и Австро-Венгрія „будутъ безусловно препятствовать всѣми своими вооруженными силами всякому судоходству въ предѣлахъ водной территоріи, заключенной между опредѣленными градусами широты и долготы вокругъ Великобританіи, Франціи, Италіи, а также въ восточной части Средиземнаго моря".

Такимъ образомъ Германія и Австро-Венгрія объявили еще одну „блокаду"—четвертую или пятую. На этотъ разъ онѣ заявили о блокадѣ громаднаго воднаго пространства, включающаго воды, омывающія побережья Англіи, Франціи, Италіи, Египта, Малой Азіи, Балканскаго полуострова и острововъ, занятыхъ союзниками въ Средиземномъ морѣ.

Какъ извѣстно, международное право требуетъ, чтобы всякая блокада была, прежде всего, „дѣйствительной", то-есть, чтобы она поддерживалась достаточнымъ числомъ судовъ. Число этихъ судовъ должно быть, примѣрно, такое, чтобы ни одинъ корабль не могъ проскочить между разставленными судами. Между тѣмъ, какъ извѣстно, германскій флотъ, а также и австрійскій давнымъ-давно заперты въ своихъ портахъ, почему вся печать сразу обратила вниманіе на то, что флотъ, спрятавшійся въ свои порты и лишенный, слѣдовательно, возможности поддержать блокаду, заявляетъ вдругъ о своемъ намѣреніи выполнить столь нелегкую операцію, какъ блокада цѣлаго ряда морей.

Правда, противникъ, повидимому, самъ понималъ, что его надводный флотъ не можетъ помышлять ни о какой блокадѣ, и, въ данномъ случаѣ, очевидно, рѣчь шла о блокадѣ при помощи подводныхъ лодокъ. Въ нашихъ предыдущихъ статьяхъ, помѣщенныхъ на страницахъ „Нивы" въ прошломъ году, намъ приходилось отмѣчать прежнія попытки нѣмцевъ „блокировать" Англію. Напомнимъ, что 5-го февраля 1915 года нѣмцы объявили, что будутъ топить всякій коммерческій корабль, идущій въ Англію или выходящій изъ англійскаго порта. Тогда, какъ видно, рѣчь шла о „блокадѣ" одной только Англіи, а никакъ не цѣлаго ряда морей, какъ это нѣмцы претендуютъ продѣлать въ настоящемъ случаѣ.

Генералъ Нивелль, *командовавшій французской арміей подъ Верденомъ, назначенный нынѣ главнокомандующимъ, вмѣсто генералиссимуса Жоффра, маршала Франціи.*

Результаты этой „блокады" извѣстны, и за годъ такой „блокады" нѣмцы топили въ среднемъ нѣсколько болѣе одного парохода въ сутки. Одна англійская газета тогда вычислила, что за одинъ только мартъ мѣсяцъ въ одинъ только изъ портовъ восточнаго берега Англіи пришло и вышло болѣе 1.500 пароходовъ. Это показывало, какое громадное количество пришедшихъ и ушедшихъ пароходовъ приходится на всѣ англійскіе порты.

Поэтому неудивительно, что нѣмцы черезъ годъ послѣ объявленія своей первой „блокады" признали такіе результаты, какъ одинъ потопленный пароходъ въ сутки, весьма ничтожными. Послѣдовала послѣ этого новая декларація нѣмцевъ, гдѣ объявлялась такъ называемая „безпощадная" подводная война. Согласно этому новому германскому „блефу", объявлялось, что съ 16-го февраля 1916 года они будутъ топить всякое торговое судно, разъ оно будетъ вооружено орудіями. Такъ какъ нѣмцы при этомъ не обязывались осматривать торговыя суда, а слѣдовательно, и не имѣли въ виду убѣждаться въ томъ, вооружено ли торговое судно или нѣтъ, то изъ этой новой декларации нѣмцевъ можно было усмотрѣть, что они заявляютъ о своемъ намѣреніи топить рѣшительно всякое торговое судно,—независимо отъ того, вооружено оно или нѣтъ, будетъ ли оно союзнымъ или нейтральнымъ.

Прошелъ еще годъ, и новая подводная война, веденная съ максимумомъ „безпощадности", дала нѣмцамъ столь же ничтожные результаты, и, какъ заявляли французскіе государственные дѣятели въ парламентѣ, потери французскаго торговаго флота исчислялись не болѣе, чѣмъ въ полъ-процента отъ всего тоннажа. Въ то же время ходъ войны на сухопутномъ театрѣ показалъ нѣмцамъ, что снабженіе союзниковъ не только не уменьшилось послѣ введенія нѣмцами усиленной подводной войны, но, наоборотъ, возросло до весьма большихъ размѣровъ. Тогда уже въ Германіи стали раздаваться голоса о необходимости развить подводную войну до самыхъ крайнихъ предѣловъ, не считаясь абсолютно ни съ чѣмъ.

Голоса эти становились все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе, и, въ результатѣ, въ самой Германіи началась борьба между „знаменитымъ" вдохновителемъ и творцомъ подводной войны, адмираломъ Тирпицемъ, и имперскимъ канцлеромъ Бетманомъ-Гольвегомъ, изъ которыхъ послѣдній высказывался противъ усиленія подводной войны, опасаясь новыхъ осложненій съ нейтральными, главнымъ образомъ съ Соединенными Штатами. Борьба эта продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ и закончилась уходомъ въ отставку фонъ-Тирпица, почему тогда и казалось, что сторонники развитія подводной войны потерпѣли фіаско, а побѣдила группа болѣе благоразумныхъ государственныхъ дѣятелей.

Однако вскорѣ различнаго рода статьи въ нѣмецкой печати, а также резолюціи, вынесенныя главнѣйшими партіями въ парламентѣ, показали, что не только германское правительство, но и германскій народъ, въ лицѣ своихъ виднѣйшихъ представителей, стоитъ за продолженіе и развитіе подводной войны. Не только крайнія партіи въ парламентѣ вынесли резолюцію съ требованіемъ самой безпощадной подводной войны, но даже и умѣренныя партіи настаивали на продолженіи и усиленіи подводнаго террора.

Консерваторы и въ рейхстагѣ и въ ландстагѣ заявляли „о готовности германскаго народа принять всѣ послѣдствія ничѣмъ неограниченной подводной войны" въ томъ случаѣ, „если военныя власти, верховное командованіе и императоръ признаютъ нужнымъ и своевременнымъ прибѣгнуть къ ней". Націоналъ-либералы не менѣе опредѣленно заявили, что они настаиваютъ на томъ, чтобы рейхстагъ, „въ виду принятія Англіей весьма рѣшительныхъ мѣръ, съ цѣлью воспрепятствовать снабженію Германіи сырьемъ и предметами первой необходимости", предложилъ правительству не вступать съ другими государствами ни въ какія соглашенія, которыя могли бы мѣшать самому неограниченному примѣненію подводныхъ лодокъ. При этомъ націоналъ-либералы настаивали на томъ, чтобы подводными лодками пользовались, какъ оружіемъ, „не только противъ военныхъ, но и противъ торговыхъ судовъ".

Партія центра въ своей резолюціи заявила, что, такъ какъ подводныя лодки являются наиболѣе чувствительнымъ орудіемъ борьбы съ Англіей, то рейхстагъ выражаетъ надежду, что въ переговорахъ съ иностранными государствами по вопросу „о примѣненіи этого орудія борьбы, еще не урегулированному международнымъ правомъ, Германія сохранитъ за собою неограниченную свободу пользованія имъ".

Изъ этого видно, что въ то время, когда главный вдохновитель и руководитель подводной войны, адмиралъ Тирпицъ, сходилъ со сцены, населеніе Германіи высказывало полное сочувствіе не только продолженію подводной войны, но и развитію ея до самыхъ неограниченныхъ предѣловъ. Не торжествовавшій побѣду имперскій канцлеръ, а уходившій въ отставку адмиралъ Тирпицъ оказался истиннымъ выразителемъ жестокихъ чувствъ и пожеланій германскаго народа.

При такихъ условіяхъ, чувствуя за собой поддержку и въ рейхстагѣ, и въ ландстагѣ, и въ печати, германское правительство съ осени 1916 года приступило къ ряду подготовительныхъ мѣръ, прежде чѣмъ объявить „ничѣмъ неограниченную" подводную войну. Изъ числа такихъ мѣръ важнѣйшими надлежитъ считать посылку германской коммерческой подводной лодки въ Балтимору и появленіе германской подводной лодки „U 53" въ американскомъ порту Ньюпоръ, близъ Нью-Іорка, а также такъ называемое

„мирное предложеніе“ Германіи. Конечно, было вполнѣ ясно, что германская коммерческая подводная лодка „Дейтчландъ“ прибыла въ Америку отнюдь не для того, чтобы доставить грузъ красокъ, а для того, чтобы испытать двигатели, моторы и проч., однимъ словомъ, произвести опытъ дальнихъ экспедицій, при которыхъ лодка могла бы находиться долго въ морѣ, не заходя въ свою базу.

Лодка „Дейтчландъ“, водоизмѣщеніемъ около двухъ тысячъ тоннъ, совершила переходъ въ Америку въ 22 дня, показавъ этимъ, что подводная лодка можетъ находиться въ морѣ, не заходя въ свою базу, около трехъ недѣль. Правда, нѣмцы заявляли, что лодка можетъ находиться въ морѣ до 66 дней, при чемъ указывали на приказъ Вильгельма, что командиръ одной изъ подводныхъ лодокъ, капитанъ Валентинеръ, былъ награжденъ орденомъ именно за то, что лодка его якобы пробыла 66 дней въ морѣ, не заходя въ свою базу. Эти „нѣмецкія цифры“ представляются явно преувеличенными, и, вѣроятно, эта лодка капитана Валентинера снабжалась въ морѣ какимъ-либо „нейтральнымъ“ пароходомъ.

Почти одновременно съ появленіемъ „Дейтчланда“ произвела другой „опытъ“ военная лодка „U 53“. Какъ извѣстно, президентъ Вильсонъ въ свое время заявилъ Германіи, что „Соединенные Штаты прервутъ дипломатическія сношенія, въ случаѣ, если Германія будетъ продолжать далѣе беззаконную подводную войну“. Вслѣдъ затѣмъ президентъ Вильсонъ потребовалъ отъ Германіи „оказанія уваженія жизни сѣверо-американскихъ гражданъ въ открытомъ морѣ“, подчеркнувъ, что этого онъ требуетъ „независимо отъ какихъ бы то ни было условій“.

На рижскомъ фронтѣ. *Раздача знаковъ боевыхъ отличій. На боевыхъ позиціяхъ знаки отличія раздаются въ пакетикахъ, на которыхъ значатся имя и фамилія награжденнаго.*

Опытъ лодки „U 53“, какъ извѣстно, заключался въ томъ, что она потопила пять пароходовъ у американскаго побережья, изъ нихъ—одинъ пароходъ „Стеффенсъ“, принадлежащій англійскому Красному Кресту, на которомъ находилось 30 американскихъ гражданъ, а также женщины и дѣти. Американскіе миноносцы лишь приняли мѣры къ спасенію тонувшихъ, а затѣмъ наблюдали, какъ нѣмецкая лодка сначала неудачно пыталась потопить пароходъ выстрѣлами изъ орудій, а затѣмъ уже потопила его миной.

Послѣ этихъ опытовъ нѣмцы, очевидно, пришли къ заключенію, что, во-первыхъ, лодки эти могутъ держаться довольно долгое время въ морѣ, и, во-вторыхъ, что Америка едва ли пойдетъ на разрывъ съ Германіей, въ случаѣ развитія послѣднею „ничѣмъ неограниченной“ подводной войны. Затѣмъ уже послѣдовало „мирное предложеніе“, которое, по мысли нѣмцевъ, должно было показать нейтральнымъ, что, несмотря на желаніе Германіи примириться, ее ставятъ отказомъ въ столь отчаянное положеніе, что она, якобы во имя самосохраненія, имѣетъ нравственное право прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ—въ родѣ „ничѣмъ неограниченной“ подводной войны.

Послѣ такой „подготовки“ и послѣдовало объявленіе „блокады“ чуть ли не всей Европы и, въ придачу, нѣкоторыхъ участковъ побережья Азіи и Африки. По смыслу нѣмецкой деклараціи, они заявили о своемъ намѣреніи топить рѣшительно всякій пароходъ, всякое судно, будь оно союзнымъ или нейтральнымъ, вооруженнымъ или нѣтъ, пассажирскимъ или коммерческимъ, съ военной контрабандой или съ самымъ невиннымъ грузомъ.

Такъ какъ нѣмцы и ранѣе топили при всякой возможности суда союзниковъ, и коммерческія и пассажирскія, то, очевидно, новая декларація нѣмцевъ касалась преимущественно нейтральныхъ, и именно по нимъ долженъ былъ прійтись новый нѣмецкій ударъ. Американцамъ и голландцамъ „разрѣшалось“ лишь по одному пароходу въ недѣлю въ обѣ стороны, — въ Англію и обратно, съ тѣмъ, чтобы они входили въ опредѣленныя англійскія гавани и по дорогѣ заходили бы въ опредѣленные пункты, указанные нѣмцами.

Эта новая „блокада“ вызвала взрывъ негодованія во всѣхъ нейтральныхъ странахъ, и особенно Америка, которая такимъ требованіемъ нѣмцевъ лишалась сношеній и грандіознаго товарообмѣна съ Европой, высказывалась по поводу этой „блокады“ самымъ рѣзкимъ образомъ.

Это настроеніе американскаго общества скоро нашло себѣ вѣрное отраженіе въ рѣшительныхъ мѣрахъ правительства. Вильсонъ рѣзко отвѣтилъ на вызывающую выходку Германіи перерывомъ дипломатическихъ сношеній, и передъ зарвавшейся Германіей сталъ призракъ еще одной войны — съ послѣдней изъ крупныхъ державъ міра, до сихъ поръ стоявшей еще выжидательно, въ сторонѣ отъ мірового пожара.

Для союзниковъ же положеніе относительно мало мѣнялось, — тѣмъ болѣе, что естественно ожидать, что союзники примутъ свои контръ-мѣры противъ новой „блокады“ нѣмцевъ, такъ же, какъ они и ранѣе удачно парировали прежнія объявленія нѣмцевъ о „подводной войнѣ“, „безпощадной подводной войнѣ“ и проч. Напомнимъ, что, незадолго до объявленія Германіей „новой блокады“, состоялась морская конференція союзниковъ, на которой, по сообщеніямъ газетъ, были приняты весьма важныя рѣшенія.

Весь міръ противъ нѣмцевъ.

(Политическое обозрѣніе).

Миролюбивая нота президента С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Вильсона, истолкованная германскою печатью, какъ дипломатическое заступничество за нѣмцевъ, высоко подняла упавшій духъ императора Вильгельма и подтолкнула его на дерзостное выступленіе противъ всего свѣта по вопросу о безпощадной подводной войнѣ. Германская нота съ предупрежденіемъ всѣхъ нейтральныхъ державъ о томъ, что отнынѣ нѣмецкія подводныя лодки будутъ нападать на каждое торговое судно и топить его безъ предупрежденія, вызвала единодушный протестъ во всѣхъ странахъ. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты отвѣтили на германскую ноту разрывомъ дипломатическихъ сношеній съ державой, которая сама себя поставила внѣ законовъ Божескихъ и человѣческихъ. Американцы, такъ много разсуждавшіе теоретически о гуманности и миролюбіи, на себѣ испытали все удобство имѣть дѣло съ озатанѣвшимъ народомъ и правительствомъ, не признающимъ ничьихъ правъ ни на морѣ ни на сушѣ. Президентъ Вильсонъ вручилъ германскому послу въ Нью-Іоркѣ его паспорта, а своему посольству въ Берлинѣ приказалъ выѣхать изъ предѣловъ Германіи.

Разрывъ дипломатическихъ сношеній еще не война, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ является какъ бы преддверіемъ близкой войны. Сейчасъ у Америки нѣтъ главнаго, что необходимо для начала войны,—сколько-нибудь значительной арміи, но примѣръ Англіи показалъ, что неистощимая энергія англо-саксовъ не останавливается передъ препятствіями и способна въ нѣсколько мѣсяцевъ собрать милліонную армію, для созданія которой другимъ народамъ необходимы десятки лѣтъ. Даже не участвуя сами въ войнѣ, американцы могутъ много содѣйствовать окончательному разгрому Германіи, помогая снаряженію союзническихъ армій. Они придутъ на помощь Европѣ не столько своими солдатами, сколько своею промышленностью, своимъ капиталомъ, своимъ кредитомъ, своими снарядами и своими долларами. При финансовомъ истощеніи обѣихъ борющихся сторонъ неожиданное союзничество Америки предрѣшаетъ скорый исходъ борьбы въ нашу пользу. Еще крупнѣе моральное значеніе разрыва. Своимъ призывомъ нейтральныхъ державъ послѣдовать его примѣру Вильсонъ ставитъ Германію какъ бы внѣ общенія съ людьми, выбрасываетъ ее изъ семьи народовъ. Германія, какъ отверженецъ человѣческаго общества, становится въ положеніе бѣшеной собаки, въ равной мѣрѣ опасной для всякаго.

На юго-западномъ фронтѣ. *Городъ Бучачъ.*

Всемірная коалиція противъ нея образуется во имя общественной безопасности. Нѣмцамъ не остается иного выхода, какъ или положить оружіе или быть истребленными до послѣдняго.

Первымъ актомъ послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній со стороны Штатовъ была конфискація германскихъ судовъ, интернированныхъ въ американскихъ портахъ. Война застигла почти половину всего состава германскаго торговаго флота въ американскихъ водахъ. Интернированныя суда стоятъ безъ движенія въ гаваняхъ: теперь они займутся перевозкою снарядовъ, орудій и продуктовъ для противогерманской коалиціи и съ лихвой возмѣстятъ тотъ ущербъ, который успѣли и еще успѣютъ нанести враждебному торговому флоту нѣмецкія подводныя лодки. Около 200 тысячъ тоннъ водоизмѣщенія германскихъ судовъ застряли въ портахъ Южной Америки, но, повидимому, тоже не надолго. Примѣръ сѣверныхъ сосѣдей сразу пробудилъ воинственный духъ въ Южной Америкѣ, Аргентинѣ, Бразиліи и др. Печать и общество этихъ странъ требуютъ немедленнаго вмѣшательства въ войну на сторонѣ державъ согласія и конфискаціи германскихъ пароходовъ, охраняемыхъ нейтралитетомъ.

Не забудемъ, что населеніе Южной Америки преимущественно латинской расы. Не мудрено, что сердцемъ своимъ оно всецѣло на сторонѣ родственныхъ странъ—Италіи и Франціи, ведущихъ кровавую борьбу съ тевтонами. Испанія покамѣстъ ограничивается однимъ только дипломатическимъ протестомъ противъ германской ноты о подводной войнѣ, но трудно ручаться за то, чтобы и она не была увлечена общимъ теченіемъ міровыхъ событій. Общеевропейская война угрожаетъ превратиться въ міровую, въ кровавую борьбу славянской, англо-саксонской и латинской расъ съ германской расой во всѣхъ частяхъ свѣта. Чувство расовой солидарности толкаетъ Сѣверную Америку на поддержку Англіи, а Южную Америку на поддержку Франціи, Италіи и Португаліи. Раскрылась и совершенно ясно обозначилась внутренняя сущность войны. Она стала тѣмъ, чѣмъ была по идеѣ своей съ самаго начала, — союзомъ всего человѣчества противъ извергомъ человѣчества, крестовымъ походомъ всѣхъ народовъ на защиту права и цивилизаціи, нагло попираемыхъ забывшими Бога міровыми насильниками.

Взрывъ горна.

Ночь. Отъ стужи цѣпенѣя,
Часовой въ снѣгу уснулъ...
А въ подземной галлереѣ
Отдаленный слышенъ гулъ.

Тамъ, подъ мерзлою корою,
Люди движутся впередъ,
И, лопатой землю роя,
Каждый трудится, какъ кротъ.

Въ глубинѣ земли пустынной
Каждый гнется отъ труда.
Тамъ, закладывая мины,
Укрѣпляютъ провода.

Съ каждымъ мигомъ гибель ближе
Подбирается къ врагу.
Галлерея вьется ниже:
Наверху—окопъ въ снѣгу.

Близокъ часъ неотвратимый,
Умолкаетъ стукъ лопатъ.
Облака огня и дыма
Съ гулкимъ грохотомъ взлетятъ.

И готовые къ атакѣ
Молодецкіе полки
На врага, таясь во мракѣ,
Лихо бросятся въ штыки!

Яковъ Годинъ.

На юго-западномъ фронтѣ. *Долина рѣки Серета.*

Незамѣтные герои фронта.

На плоту черезъ Дунаецъ.

Въ мартѣ 1915 года М —— скій полкъ занималъ позицію на правомъ берегу Дунайца въ Галиціи: противникъ же расположился въ окопахъ на лѣвомъ берегу, приблизительно въ тысячѣ шаговъ отъ берега. Ближе онъ расположиться не могъ, такъ какъ вся прибрежная полоса была низменная и затоплялась при каждой прибыли воды на большомъ пространствѣ, а въ это время года вода постоянно то прибывала, то вновь убывала, вслѣдствіе таянія снѣговъ на Карпатахъ.

Такое сравнительно удаленное расположеніе окоповъ противника, отдѣленнаго отъ насъ рѣкой, нисколько не

обезпечивало насъ отъ внезапныхъ его нападеній. Поэтому, въ цѣляхъ охраненія, а также и для наблюденія за дѣятельностью противника, на лѣвый берегъ рѣки, посмѣнно, на недѣлю, высылался унтеръ-офицерскій караулъ, состоявшій изъ шести рядовыхъ, одного ефрейтора и одного унтеръ-офицера, начальника караула. Люди брали съ собой небольшой запасъ провіанта, темной ночью незамѣтно перебирались на другой берегъ рѣки и занимали указанное мѣсто; также подъ покровомъ ночи имъ доставляли туда иногда горячую пищу.

Въ серединѣ марта въ одинъ изъ такихъ карауловъ, высланныхъ отъ пятой роты М —— скаго полка, былъ назначенъ унтеръ-офицеръ Филиппъ Бортяной изъ запасныхъ Кіевской губерніи, Васильковскаго уѣзда, села Потіевки.

Перебравшись по разрушенному мосту со своимъ карауломъ черезъ Дунаецъ, Бортяной сейчасъ же разставилъ посты и сталъ зорко слѣдить за противникомъ, неустанно провѣряя своихъ часовыхъ. Четыре дня онъ почти не спалъ и слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что происходило у противника, передавая обо всемъ условными знаками въ свою роту.

На пятый день Бортяной, обходя посты, случайно обратилъ вниманіе, что вода въ рѣкѣ значительно прибыла и снесла остатки моста; его караулъ оказался совершенно отрѣзаннымъ отъ роты. Съѣстные припасы къ тому времени совершенно истощились, и получить что-нибудь ночью изъ роты уже не было никакой возможности. Положеніе становилось критическимъ. Унтеръ-офицеръ Бортяной собралъ всѣхъ своихъ караульныхъ и разъяснилъ имъ опасность положенія, подтвердивъ, что, несмотря на это, они должны такъ же честно и самоотверженно нести свою службу, забывъ о себѣ, а памятуя лишь о служебномъ долгѣ.

Къ утру слѣдующаго дня вода настолько прибыла, что окопъ, въ которомъ помѣщался нашъ караулъ, былъ совершенно залитъ. Нашимъ солдатамъ пришлось покинуть это убѣжище отъ снарядовъ противника, и они продолжали нести свою тяжелую службу, сидя уже прямо въ болотѣ. Къ вечеру вода затопила всю прибрежную полосу вплоть до окоповъ австрійцевъ; нашимъ миргородцамъ приходилось или оставаться на мѣстѣ, стоя по поясъ въ водѣ, или взбираться на деревья; они избрали второе.

Такъ прошла ночь. На утро противникъ замѣтилъ нашихъ солдатъ сидящими на вѣткахъ деревьевъ и открылъ по нимъ артиллерійскій и пулеметный огонь.

Нужно было, во что бы то ни стало, установить связь съ ротой. Бортяной опросилъ своихъ нижнихъ чиновъ, не возьмется ли кто-нибудь изъ нихъ перебраться на правый берегъ рѣки съ донесеніемъ къ ротному командиру, но охотниковъ итти на совершенно безнадежное предпріятіе не оказалось. Всѣ въ одинъ голосъ говорили, что, при страшной быстротѣ теченія и ширинѣ рѣки, перебраться на тотъ берегъ вплавь нѣтъ никакой возможности.

Тогда самъ Бортяной, оставивъ вмѣсто себя старшимъ въ караулѣ ефрейтора Венедикта Красножена, въ одномъ бѣльѣ вплавь пустился съ донесеніемъ къ ротному командиру. Съ невѣроятными трудностями, коченѣя отъ ледяной воды, рискуя каждую минуту быть поглощеннымъ разсвирѣпѣвшей стихіей, Бортяной переплылъ черезъ Дунаецъ, добрался до окоповъ роты и подробно доложилъ ротному командиру обо всемъ случившемся. Ротный командиръ приказалъ Бортяному снять караулъ и попытаться вернуться съ нимъ къ своей ротѣ.

Снова пустился Бортяной въ опасное плаваніе по Дунайцу. Рѣка бушевала еще больше, но смѣлый пловецъ, воодушевляемый необходимостью спасти своихъ товарищей и подчиненныхъ, преодолѣлъ всѣ препятствія и вернулся къ своему караулу.

Подъ огнемъ противника Бортяной вдвоемъ съ Красноженомъ натаскали къ берегу почти на глазахъ противника подручнаго матеріала и стали мастерить плотъ. Гвоздей у нихъ не было, проволоки и веревокъ точно также. Тогда Бортяной и бывшій съ нимъ Красноженъ сняли бѣлье, изорвали его на узкія полосы и скрутили ихъ въ видѣ веревокъ. Этими импровизированными веревками они связали плотъ, работая все время подъ не прекращающимся огнемъ противника.

На этомъ импровизированномъ, готовомъ каждую минуту развалиться, зыбкомъ плоту вмѣстѣ съ Красноженомъ Бортяной пустился снимать съ деревьевъ часовыхъ; но быстрымъ теченіемъ плотъ навалило на одну изъ свай разрушеннаго моста. Отъ толчка Красноженъ упалъ въ воду и началъ тонуть; однако Бортяной не растерялся, ловко вытащилъ Красножена изъ воды и благополучно доставилъ его на правый берегъ. Скрѣпивъ тамъ расшатанный плотъ, Бортяной снова пустился въ путь и, не теряя ни минуты времени, снялъ съ деревьевъ всѣхъ караульныхъ и благополучно, несмотря на убійственный огонь противника, переправилъ всѣхъ на правый берегъ къ своей ротѣ.

За этотъ подвигъ Бортяной былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ третьей степени.

Во все время нашего отхода отъ Дунайца до Слонима Бортяной находился въ строю пятой роты М —— скаго полка. Четыре раза онъ былъ раненъ, получивъ семь ранъ. Послѣ каждаго раненія, почувствовавъ малѣйшее облегченіе, онъ спѣшилъ возвратиться изъ лазарета въ свою роту и продолжалъ проявлять чудеса храбрости. Но вотъ 4-го сентября прошлаго года, во время жаркаго дѣла у города Слонима, Бортяной былъ убитъ. Миръ праху твоему, незамѣтный герой. Тобой будутъ гордиться односельчане, но и Россія не забудетъ тебя, одного изъ доблестныхъ своихъ сыновъ.

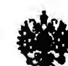
Полковникъ Г. П.

Статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, д. т. с. А. С. Ермоловъ, бывшій 12 лѣтъ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ († 4-го января 1917 г.).
Портретъ работы *Д. Кардовскаго*.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Сильная женщина. Повѣсть Бориса Лазаревскаго. (Окончаніе).—Мученики плѣна. Очерки В. Брусянина.—Близъ фронта. Разсказъ С. Караскевичъ.—Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.—Весь міръ противъ нѣмцевъ. (Политическое обозрѣніе).—Незамѣтные герои фронта. Полковника Г. П.—Объявленія.—Новѣйшія моды.
РИСУНКИ: Разрывъ бомбы, брошенной съ аэроплана. Рис. И. Владимірова.—На кавказскомъ фронтѣ (2 рис.).—На салоникскомъ фронтѣ.—Изъ походнаго альбома Л. Р. Сологуба (10 рис.).—На позиціяхъ.—Къ теплу—къ людямъ.—Пекутъ картофель—Варево.—Генералъ Нивелль, командовавшій французской арміей подъ Верденомъ, назначенный нынѣ главнокомандующимъ, вмѣсто генералиссимуса Жоффра.—На рижскомъ фронтѣ.—На юго-западномъ фронтѣ (2 рис.).—Статсъ-секретарь А. С. Ермоловъ, бывшій 12 лѣтъ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 36 и ежемѣс. иллюстрир. прилож. ДЛЯ ДѢТЕЙ № 2

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ**. Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ**.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ  Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1917 г. № 6

XLVIII г. изданія

Выданъ 11-го февраля 1917 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.: на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“. кн. 37.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

„ПАРОХОДЪ-КУРОРТЪ“.

Подъ этимъ наименованіемъ учреждается паевое предпріятіе (Акціонерное О-во), уставъ котораго утвержденъ. Учредителями являются: **Н. В. Ждановъ** (врачъ, членъ Государственной Думы III созыва), **У. А. Монастыревъ** (инженеръ), **И. В. Поповъ** (коммерсантъ) и **Ф. З. Чембуловъ** (географъ).

ЗАДАЧА ОБЩЕСТВА—ОРГАНИЗАЦІЯ ПЛОВУЧИХЪ КУРОРТОВЪ и САНАТОРІЙ.

Обществомъ уже детально разработанъ особый типъ **пассажирскаго парохода-курорта** для поѣздокъ по **Волгѣ** и другимъ рѣкамъ Волжско-Камскаго бассейна. Пароходъ будетъ снабженъ всѣми усовершенствованіями и приспособленіями, въ цѣляхъ **туризма, отдыха и лѣченія естественными силами природы**, и оборудованъ по послѣднему слову гигіены, комфорта и уюта.

Рейсы продолжительностью 20—22 дня, съ **остановками-экскурсіями** для ознакомленія съ Волгой, ея красотами и богатствомъ. Первый пароходъ разсчитанъ на 600 мѣстъ. Отдѣльныхъ помѣщеній 232 въ 1, 2, 3 комнаты. Нѣкоторыя съ отдѣльными балконами, уборными и ваннами. Богатая библіотека, читальни, салоны, открытыя и закрытыя столовыя. Обширный концертный залъ. Организація всевозможныхъ развлеченій. Безплатная медицинская помощь. Физіо- и діэто-терапія. (Водо- свѣто- электролѣченіе, солнечныя и воздушныя ванны, массажъ). Безукоризненный столъ. **Всѣ акціонеры** какъ **хозяева предпріятія** пользуются всѣми правами и преимуществами, устанавливаемыми ими самими на общихъ собраніяхъ.

АКЦІИ ПО 100 РУБЛЕЙ.

Подписка на акціи и взносъ денегъ принимается уполномоченнымъ учредителей, инженеромъ Уалентомъ Александровичемъ **Монастыревымъ**, по адресу: **Москва, Солянка, д. 12** (Императорскій Воспитательный домъ). Телефонъ 1-94-63.

Для вступленія въ Общество достаточно письменнаго заявленія о подпискѣ, съ указаніемъ числа требуемыхъ акцій и времени взноса по нимъ денегъ.

Руководство для газетныхъ **КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ** Постоянн. крупн. побочн. заработокъ
4386 Цѣна 1 руб. **Москва**, изд—ство „**ЛУЧЪ**“, Печатниковъ пер., 18/2. (6)

Съ прибылями 2,000—8,000 рублей

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ДОХОДНЫХЪ ДѢЛЪ.

Книга завѣтныхъ стремленій человѣка: создать себѣ жизнь по душѣ, устроиться своимъ доходнымъ дѣломъ, имѣть обезпеченіе... Изд. „Энциклоп.“ въ 2-хъ книг., 12-ти частяхъ. Указываетъ **многія дѣла** на 1—8.000 руб. дохода, любое изъ которыхъ можно начать **съ грошей**. А чтобы получить **вѣрную** прибыль — даны подробныя наставленія веденія и дешеваго устройства (съ 100 руб.) каждаго дѣла. Есть легкія сезонн. дѣла, что за 3 м-ца работы даютъ вѣрнаго 1—3 тыс. дохода. Цѣна 2-мъ книг. „Энциклоп.“ 3 р. 95 к. съ перес.
Масса благодарностей! Книжн. скл. „**Новая Жизнь и Наука**“, **Москва**, Средн. Переславская, 3-31.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источникамъ и содержитъ въ себѣ множество удивительныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жаркое лѣтнее время. Заставить снѣгъ горѣть въ блюдѣ. Произвести молнію въ комнатѣ, не причиная никому вреда. Вырастить бобы въ полчаса. Разрѣзать ниткой стекло. Получить облако въ комнатѣ. Взять голыми руками раскаленное желѣзо. Карточные фокусы Эти замѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Превратить желѣзный прутъ въ свѣчу. Зажечь сухія дрова водой—и множество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фокусовъ каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Новѣйшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ около 300. Цѣна съ пересылкой налож. платеж. 1 р. 85 к. Адресъ: Петроградъ, Съѣзжинская ул., № 40—12, въ редакцію журнала „Отклики Жизни“. 4 0

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО?

Руководство къ приготовл. вкусн., сытн. и дешев. блюдъ безъ мяса. Цѣна 1 р. **Москва**, изд—ство „**ЛУЧЪ**“, Печатниковъ пер., 18/2.

Во всѣхъ лучшихъ книжныхъ и художественныхъ магазинахъ продается изданное Обществомъ имени А. И. Куинджи

РОСКОШНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ

А. И. КУИНДЖИ

художественная монографія
со статьями **И. Е. Рѣпина** и **М. П. Невѣдомскаго**.

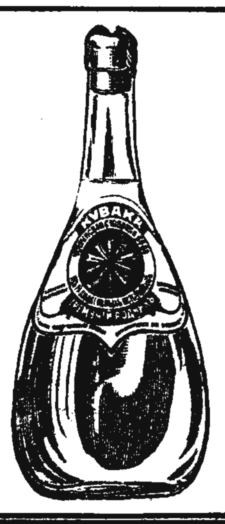
... „Имя Куинджи должно войти въ исторію русскаго искусства, какъ имя художника-новатора, затѣмъ учителя, создавшаго цѣлую плеяду выдающихся художниковъ и, наконецъ, какъ имя общественнаго дѣятеля на пользу роднаго искусства“...

Изданіе отпечатано на роскошной бумагѣ и содержитъ свыше ста красочныхъ и однотонныхъ репродукцій, исполненныхъ всевозможными способами графическаго искусства.

Цѣна экземпляра 15 руб., въ изящномъ переплетѣ—18 руб.

Книга продается въ конторѣ издательства «Свободное Искусство» (Петроградъ, Б. Казачій пер., 9, тел. 684-36) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ и художественн. магазинахъ Имперіи. Въ провинцію высылается наложеннымъ платежомъ.

НАИЛУЧШАЯ РУССКАЯ
НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ СТОЛОВАЯ ВОДА



ИЗЪ РАДІОАКТИВНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ

Телефоны для пріема заказовъ 663-45, 272-80, Правленія 48-50. 4367 (2)

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—55.

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя, 22.

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ.

РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ ОБУВИ ПРОСТОЙ и ИЗЯЩНОЙ ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ и ДѢТСКОЙ :: :: ПО НОВОЙ, ЛЕГКОЙ и СКОРОЙ МЕТОДѢ.

5-е изданіе.

Отд. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ библіот. ремесл. учебн. заведеній; Учебн. Отд. Мин. Торг. и Пр. допущено въ библіот. низшихъ учебн. заведеній.

Цѣна книги 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1917** ГОДЪ.

ХУТОРЯНИНЪ

Еженедѣльный иллюстриров. журн., посвященный интересамъ сел. хоз., кооперац., промышленн. и торговли.

Издается Полтавскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства съ 1896 года.

ГОДОВАЯ ПОДПИСКА съ ПЕРЕСЫЛКОЙ и ДОСТАВКОЙ **3 р. 60 к.**

Въ теченіе 1917 года подписчики получатъ:

40 номеровъ (около 2-хъ листовъ каждый, что за годъ составитъ томъ свыше 1200 страницъ текста съ иллюстраціями). **Сборникъ с.-х. статей.** Календарь „**ХУТОРЯНИНЪ**“ на 1917 годъ. (Свыше 200 стран. текста, съ массой рисунк., цѣна въ отдѣльной продажѣ 40 коп.). О сборникахъ имѣются самые лучшіе отзывы. **Выпускъ библіотеки „ХУТОРЯНИНА“. „Великая Европейская война“** Еженедѣльное прибавленіе (до окончанія войны) въ размѣрѣ 1/2 печатнаго листа, съ рисунками, портре ами и картами, что въ концѣ года составитъ иллюстрированную исторію войны, въ объемѣ около 20 печатныхъ листовъ.

Кромѣ того всѣ подписавшіеся до 1-го января получатъ:

Десять сортовъ сѣмянъ. Сѣмена заказаны въ одномъ изъ лучшихъ сѣмянныхъ хозяйствъ и будутъ разосланы въ началѣ марта всѣмъ подписав. до 1-го января 1917 г. **Редакціи журнала въ теченіе послѣднихъ лѣтъ присуждены три ЗОЛОТЫЯ медали. На южно-русской облаcтн. выставкѣ въ Екатериносл. въ 1910 г. изъ всѣхъ с.-х. журн. только ред. журн. „ХУТОРЯНИНЪ“ получила ЗОЛОТУЮ мед.** Спеціально избранная комиссія Одесскаго отд. Императорскаго Техническаго О-ва признала изданіе чрезвычайно полезнымъ для улучшенія и развитія мелкаго крестьянскаго хозяйства Малороссіи и заслуживающ. полнаго одобренія.

Журналъ „ХУТОРЯНИНЪ“ допущенъ въ безпл. библіотеки-читальни и въ библіот. сельско-хозяйственныхъ учебн. завед. Минист. Земледѣлія. Требуйте безплатно проспекты для ознакомленія, номера и смѣты на объявленія.

Адресъ: Полтава, Пушкинская ул., д. Полт. общ. сел. хоз., ред. „ХУТОРЯНИНЪ“.
Отвѣтств. редак. Презид. Пол. общ. сел. хоз., заслуженн. проф. А. П. Шимковъ.
Секретарь редакціи Д. О. Ярошевичъ.

ЗАЧѢМЪ ПЛАТИТЬ 50-60 коп. за фунтъ

МЫЛА

КОГДА МОЖНО ЗАМѢНИТЬ ЕГО РАВНО-ДѢЙСТВУЮЩИМЪ, ИСПЫТАННЫМЪ БЕЗВРЕДНЫМЪ СТИРОЧНЫМЪ СРЕДСТВОМЪ

ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ

СТОЮЩИМЪ **25-30** КОП. за ФУНТЪ

→ ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ ←

ТРЕБУЙТЕ на КАЖДОЙ ПАЧКѢ ФИРМУ **Т-ВО ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ** ПЕТРОГРАДЪ ПЕТРОВСКІЙ пр. соб. д-мъ

которое высылаетъ желающимъ, по полученіи 10 руб. 40 фунтовыхъ пачекъ лессива фениксъ казеннымъ и общественнымъ учрежденіямъ и организаціямъ, а равно торговцамъ лессивъ фениксъ отпускается по особо пониженной оптово-фабричной цѣнѣ. 4344 1-10

КНИГИ А. С. РЕЗАНОВА.

Нѣмецкія звѣрства. Изданіе 2-е дополненное. Петроградъ. 1915; изданіе М. А. Суворина, цѣна 1 р. 50 к. Книга составлена по разсказамъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ, а также по оффиціальнымъ документамъ.

Нѣмецкое шпіонство. Петроградъ. 1915; изданіе М. А. Суворина. Цѣна 1 р. 50 к. Книга составлена по даннымъ судебной практики и другимъ источникамъ.

Солдатская памятка о нѣмецкихъ звѣрствахъ. „Самъ погибай, а товарища выручай“ Изданіе 5-е. Петроградъ. 1915. Цѣна 25 коп.

Армія и толпа. Опытъ военной психологіи въ связи съ психологіей толпы. Варшава. 1910. Цѣна 75 коп. 4407 2-2

Продаются во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

5. a3 — b4! h6 — g5
6. f4 : h6 b8 — a7
7. b4 — c5! d6 : b4
8. e3 — f4 Сдались.

Если 8. . . . c7 — d6, то 9. d4 — c5, b6 : b2; 10. c1 : g5 и выигр.

Рѣшенія задачъ и этюдовъ.

— № 15. А. К. Мишина. 1. d6 — b8, f8 : e1 (1. . . . f8 : d2. 2. f2 — b6; 3. b8 : c1 и выигр.); 2. g3 — h4; 3. b8 : h2, h6 — g5 (если 3. . . . a5 — b4 или d8 — e7, то 4. h4 — g5 и выигр.; если 3. . . . d8 — c7, то 4. h2 : b8 и выигр.); 4. h4 : f6, a5 — b4. 5. f6 — g7, b4 — c3; 6. h2 — e5, c3 — d2; 7. e5 — c3; 8. g7 — h8 и выигр.

— № 16. С. А. Вильнера. Въ этомъ этюдѣ, какъ указываютъ Н. А. Кожевниковъ и М. И. Билецкій, бѣлыя не могутъ достигнуть ничьей, а обязательно проигрываютъ. Выигрышъ черныхъ въ этомъ положеніи будетъ указанъ впослѣдствіи.

— № 30. С. и Б. Левманыхъ 1. d8 — f6, g1 — h2 (A); 2. c5 — d6; 3. f2 — g3; 4. f6 — e5; 5. g7 — f8, h2 — a1; 6. d4 — e5; 7. h8: b2 и 8. f8 : a3. A) 1. . . . b2 — a1; 2. g7 — h6; 3. h8 : b2; 4. e3 — d4; 5. d4 — b2 и 6. h6 : c1.

— № 31. В. І. Заневскаго. 1. e5 — f6, g7 : g3 (A); 2. d6 — e5; 3. g1 — f2; 4. d8 — g5; 5. b8 — e5; 6. d2 — e3 и 7. a1 — b2. A) 1. . . . g7 : a5; 2. a1 — b2; 3. d8 — g5; 4. f4 — e5; 5. d2 — c3; 6. b8 — f4; 7. f4 — h6 и 8. h6 — d2.

Рѣшили: Н. А. Кожевниковъ (Козловъ), Г. Н. Родіоновъ (Москва), М. И. Билецкій (ст. Милорадовка), С. и Б. Левманы (Витебскъ), В. Г. Стоговъ (Самара), А. Ф. Враговъ (Пенза), А. К. Мишинъ (Сергіевъ посадъ) и Н. Ярославскій (дѣйст. армія) — всѣ: Н. Крутиковъ (Петроградъ) и Н. А. Грабковъ (Москва) — №№ 15 и 30; В. Г. Филипповъ (Петроградъ), М. Киселевъ (Симбирскъ, и А. И. Виноградовъ (Тула) — № 15; М. Н. Кадухинъ (Богородскъ) — №№ 13, 16, 28 31.

Корреспонденція.

— А. П—ву (Петроградъ) и М. Киселеву (Симбирскъ). Шашечные журналы можно выписать: „Шашки" 1897 — 1901 гг. отъ П. Н. Бодянскаго (Кіевъ, 3 мужская гимназія), „Шашечный Листокъ" 1903 г. отъ В. И. Шошина (Петроградъ, Караванная, 26), „Листокъ Шашиста" 1909 г. отъ В. В. Локотьянова (Петроградъ, М. Разночинная, 6, кв. 15).

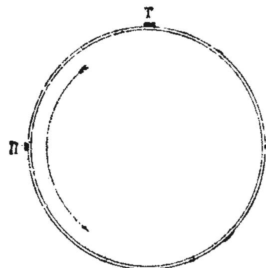
ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ И РЕБУСЫ

подъ редакціей Н. В. Панкова.

Задача чиселъ № 6.
А. Н. Сергѣева.

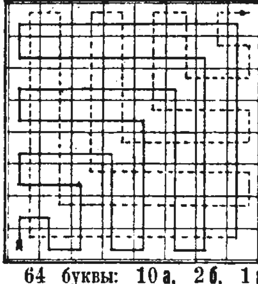
Въ кружкахъ данной фигуры были разставлены числа отъ 1 до 15 включительно такимъ образомъ, что въ каждыхъ пяти кружкахъ, расположенныхъ на одной прямой, суммы чиселъ были одинаковы. Случайно чертежъ этой фигуры былъ залитъ чернилами такъ, что можно было разобрать только указанныя на немъ четыре числа: 4, 5, 9 и 13. Предлагается возстановить остальныя числа.

Математическая задача № 7.
В. Г. Серебрякова.



На одноколейной окружной желѣзной дорогѣ находятся на разстояніи четверти окружности другъ отъ друга пассажирская (П) и товарная (Т) станціи, откуда ежедневно и притомъ одновременно начинаютъ свои рейсы два поѣзда—пассажирскій и товарный—въ направленіи, показанномъ на чертежѣ стрѣлкой. Средняя скорость пассажирскаго поѣзда вдвое больше средней скорости товарнаго поѣзда. Предлагается указать, гдѣ нужно устроить пути въ двѣ колеи для обгона товарнаго поѣзда пассажирскимъ, и чрезъ какіе промежутки времени будутъ повторяться эти обгоны?

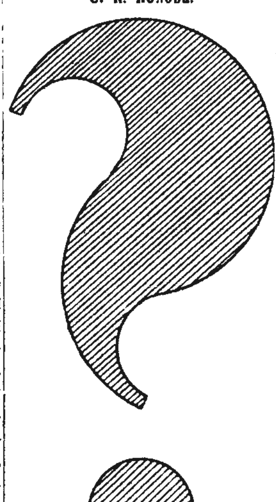
Задача буквъ № 8.
Н. М. Хайкина.



64 буквы: 10 а, 2 б, 1 в, 1 г, 1 е, 1 з, 8 и, 4 к, 3 л, 1 м, 6 н, 3 о, 1 п, 3 р, 3 с, 4 т, 3 у, 1 ф, 1 щ, 5 ъ и 2 ь предлагается разставить въ клѣткахъ даннаго квадрата такъ, чтобы при чтеніи этихъ буквъ въ направленіи, указанномъ ломаной линіей, получились слова, означающія: 1) птицу, 2) млекопитающее животное, 3) нефтяной продуктъ, 4) пряность, 5) часть древняго вооруженія, 6) рыбу, 7) часть войска, 8) древне-римскую одежду, 9) имя индусскаго законодателя, 10) родъ смолы, 11) губернскій городъ, 12) мужское имя, 13) область въ Россіи, 14) рыбу, 15) рѣку въ Африкѣ, 16) змѣю, 17) кухонную принадлежность, 18) дерево, 19) городъ во Франціи, 20) рѣку въ Россіи. 21) другой городъ во Франціи, 22) имя древне-греческой поэтессы, 23) городъ въ Палестинѣ и 24) часть корабля.

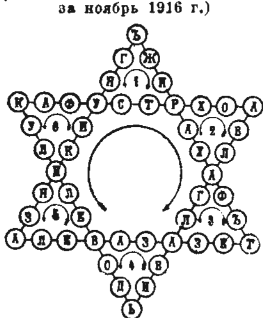
Показать, какъ нужно разставить данныя буквы, и перечислить составляющіяся изъ нихъ слова.

Головоломка № 9.
С. К. Попова.



Данную фигуру, имѣющую форму вопросительнаго знака, предлагается разрѣзать на возможно меньшее число частей и составить изъ нихъ кругъ. Какъ это сдѣлать?

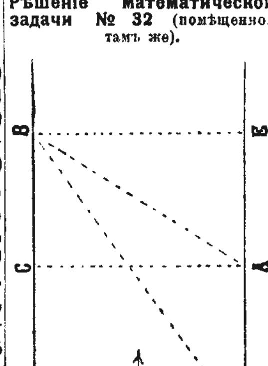
Рѣшеніе задачи буквъ № 31
(помѣщенной въ „Литер. Прилож за ноябрь 1916 г.)



Слова по периметрамъ треугольниковъ: 1-го — гну, стрижъ, 2-го — охра, халва, 3-го — глазеть, фа, 4-го — заводь, ива, 5-го — линза, леве и 6-го — Уфа, кулики.

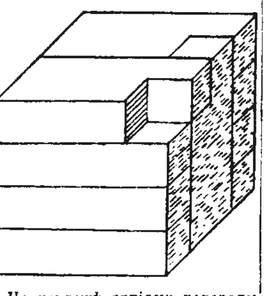
Пословица при чтеніи буквъ по периметру шестиугольника: „У страха глаза велики".

Рѣшеніе математической задачи № 32 (помѣщенной тамъ же).



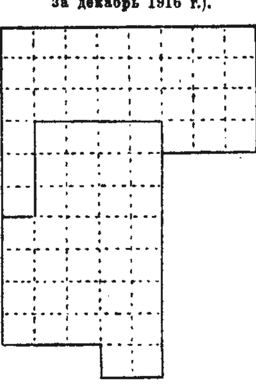
Обозначимъ двумя параллельными линіями берега рѣки, точкой A — пристань, отъ которой отправился гребецъ, стрѣлкой — направленіе теченія рѣки и черезъ x — ширину рѣки. Не будь теченія, лодка гребца пристала бы къ противоположному берегу въ точкѣ C; но такъ какъ гребецъ, плывя перпендикулярно берегамъ рѣки, съ каждой секундой отклонялся отъ линіи AC на 3 фута, то мѣстомъ остановки лодки на противоположномъ берегу должна быть точка B, отстоящая отъ C на $^3/_5 x$. По условію задачи гребецъ обратный путь къ пристани A сдѣлалъ въ кратчайшій промежутокъ времени; для этого онъ долженъ былъ плыть по прямой AB и, чтобы не отклоняться отъ этого направленія, ему надлежало избрать исходной точкой—точку D, отстоящую отъ A на 357 ($=3 \times 119$) фут. вверхъ по теченію. Для опредѣленія x опустимъ изъ точки B перпендикуляръ на AD (BE). Тогда изъ прямоугольнаго треугольника BED имѣемъ $BE^2+DE^2=BD^2$; но $BE=x$, $DE= =AD+AE=357+\frac{3}{5}x$, $BD=595$. Слѣдов., $x^2+(357+\frac{3}{5}x)^2=595^2$. Приведя это уравненіе къ виду $x^2+315x-166600=0$, имѣемъ положительное значеніе для $x=280$. Ширина рѣки составляла 280 фут. или 40 саж.

Рѣшеніе головоломки № 33
(помѣщенной тамъ же).



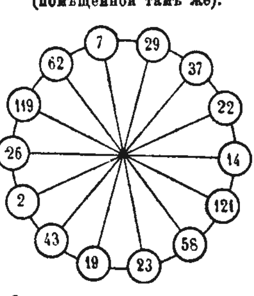
На чертежѣ линіями показаны разрѣзы куба; всѣ части, на которыя онъ распадается, одинаковы, и каждая состоитъ изъ 7 равныхъ кубиковъ.

Рѣшеніе задачи № 34 (помѣщенной въ „Литер. Приложеніяхъ" за декабрь 1916 г.).



Данная фигура рѣжется всего на двѣ части, какъ показано на рисункѣ.

Рѣшеніе задачи чиселъ № 35
(помѣщенной тамъ же).



Обозначимъ черезъ x и y числа, стоящія въ двухъ смежныхъ кружкахъ, а черезъ x_1 и y_1 — числа, находящіяся въ кружкахъ, діаметрально имъ противоположныхъ. По условію $x^2+y^2=x_1^2+y_1^2$ или $x^2-x_1^2=y_1^2-y^2$. На данномъ примѣрѣ $7^2+29^2=23^2+ +19^2$ и, слѣдовательно, $29^2- -19^2=23^2-7^2=480$. Но $x^2- -x_1^2=(x+x_1)(x-x_1)$; отсюда имѣемъ неопредѣленное уравненіе $(x+x_1)(x-x_1)=480$. Имѣя въ виду, что x и x_1 — числа цѣлыя и положительныя и что $x > x_1$, находимъ слѣдующія значенія для $(x+x_1)$: 240, 120, 80, 60, 48, 40, 30 и 24, а для $(x-x_1)$ слѣдующія: 2, 4, 6, 8, 10, 12, 16 и 20; отсюда уже получаемъ рядъ значеній для x и x_1, а именно 1) 121 и 119, 2) 62 и 58, 3) 43 и 37, 4) 34 и 26, 5) 29 и 19, 6) 26 и 14, 7) 23 и 7 и 8) 22 и 2. Условію задачи удовлетворяютъ всѣ группы найденныхъ чиселъ, кромѣ 4-й или 6-й, въ которыхъ встрѣчается одно и то же число 26. На прилагаемомъ рисункѣ дано одно изъ расположеній чиселъ; всѣхъ же различныхъ разстановокъ чиселъ, если считать данныя числа 7, 29, 19 и 23 неподвижными, — 240 (= 1. 2. 3. 4. 5. 2).

Рѣшеніе математической задачи № 36 (помѣщенной тамъ же).

Обозначимъ большее трехзначное число черезъ x; тогда меньшее число выразится черезъ $x-715$. Согласно условію задачи имѣемъ уравненіе $1000x+ +(x-715)=6[1000(x-715)+x]$ или $5005x=4289285$, откуда $x=857$. Итакъ, большее изъ искомыхъ трехзначныхъ чиселъ 857, а меньшее 142.

Рѣшеніе математической задачи № 37 (помѣщенной тамъ же).

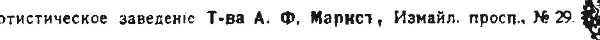
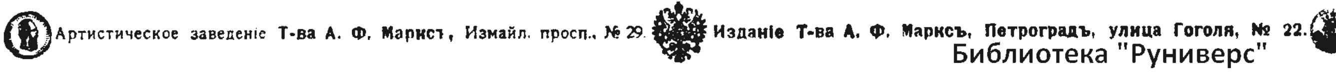
Предположимъ, что торговецъ A продалъ $Б$ x ящиковъ нѣкотораго товару за x^2 рублей, $Б$ продалъ $В$ y ящиковъ за y^2 рублей, а $В$, въ свою очередь, продалъ z ящиковъ за z^2 рублей; твердая цѣна на ящикъ товару, слѣдов., выразится черезъ $\frac{x+y}{2}$ рублей. Согласно условію задачи имѣемъ три уравненія: $\frac{z(x+y)}{2}=z^2-234$ (I); $z^2=x^2+y^2$ (II) и $x= 5(z-y)$ (III). Подставивъ значеніе $z=y+\frac{x}{5}$ изъ III уравненія въ I и II уравненія, получаемъ $25y^2-10xy-3x^2=11700$ и $5y=12x$, откуда и находимъ $x=10$, $y=24$ и $z=26$. Твердая цѣна на товаръ была 17 руб. за ящикъ.

Правильныя рѣшенія задачъ по 31-е декабря 1916 г. доставили: №№ 22, 24, 30, 32, 34, 35, 36 и 37 — В. Р. Яхимовичъ; №№ 29, 30, 31, 32, 34, 35, 36 и 37 — И. Агронскій; съ № 30 по № 37 — А. Ф. Балахнинъ, В. В. Кутузовъ, М. В. Лапина, А. Ф. Мерингъ и В. П. Поповъ; №№ 30, 31, 32, 33, 35, 36 и 37 — К. Ю. Теуфель; №№ 30, 31, 33, 34, 35, 36 и 37—В. Я. Васильевъ, Н. С. Ивановъ, Ѳ. И. Кушнировъ, С. В. Мордвиновъ, Б. Н. Роде, Я. Г. Тихоновъ, Н. Е. Фридрихъ. Л. Н. Церковницкій и А. Д. Черницкая; №№ 30, 32, 33, 34, 35, 36 и 37— Престинъ; №№ 30, 31, 33, 35, 36 и 37 — В. Г. Бабина; №№ 30, 32, 34, 35, 36 и 37—Ѳ. В. Кононовъ и И. И. Лобковскій; №№ 30, 31, 32, 34, 35, 36 и 37 — А. А. Вейгертъ; №№ 30, 31, 35, 36 и 37— К. А. Угрюмовъ; №№ 31, 32, 35, 36 и 37 — Ѳ. П. Шипулинскій; №№ 31, 33, 35, 36 и 37 — Н. Е. Градищевъ и Ф. К. Кетцлеръ; №№ 32, 33, 35, 36 и 37—И. Г. Воскобойниковъ; №№ 32, 34, 35, 36 и 37 — К. В. Лукинъ; №№ 30, 31, 32 и 33—І. С. Рудницкій; №№ 30, 35, 36 и 37 — З. Б. Слуцкій; №№ 34, 35, 36 и 37 — А. Г. Левитская, С. В. Проскуряковъ, А. В. Радецкій-Микуличъ, А. Н. Сергѣевъ, В. Г. Серебряковъ, Ф. З. Фокинъ и Ѳ. І. Ясинскій; №№ 17, 31 и 33—Н. М. Хайкинъ; №№ 28, 31 и 33 — Ѳ. А. Губаржевскій: №№ 30, 31 и 33—А. А. Баскаковъ, Ф. И. Земанъ, А. И. Метлинъ, А. В. Невскій, С. К. Поповъ и К. Г. Якобсонъ; №№ 31, 32 и 33—А. Г. Карпенко; №№ 31, 32 и 36—С. А. Модестовъ; №№ 34, 36 и 37 — А. Антовиль и И. А. Мокреевъ; №№ 35, 36 и 37 — Д. Н. Заринъ, А. Розенцвайгъ, С. Д. Смирновъ, К. И. Степановъ, Л. Г. Ханинъ, А. К. Хиничъ; А. С. Шмуренковъ и Р. И. Яворовскій; №№ 28 и 29 — А. А. Поповъ и М. Х. Юрьевъ; №№ 29 и 30 — П. И. Кальсбергъ; №№ 30 и 31— А. Апрѣлевъ, В. М. Глухаревъ и Е. І. Гаусманъ; №№ 30 и 32 — М. П. Аристовъ; №№ 31 и 33 — К. В. Ежовскій и Н. Н. Русиновъ; №№ 35 и 36—В. И. Абрютинъ, В. Верещагинъ и Н. Соминскій; №№ 36 и 37 — Я. В. Артюховъ, М. В. Чижевскій и Я. Ш. Шифринъ; № 29 — Р. М. Ундрицевъ; № 30 — А. Х. Киселевъ, М. С. Прясловъ и Х. Б. Фрайманъ; № 31—Б. Н. Биркинъ и М. Г. Королевъ; № 32 — И. С. Сувировъ; № 33 — Н. С. Шепелевъ; № 36 — С. С. Кричевскій, К. Лузина, А. І. Полозовъ и В. А. Станишевскій (3 очка); № 37—Е. К. Дитрихъ (3 очка).

Корреспонденція.

Всѣхъ читателей, приславшихъ мнѣ поздравленія съ праздниками и Новымъ годомъ, искренно благодарю за вниманіе.

В. Г. Серебрякову, И. С. Сувирову и Н. М. Хайкину. Кое-что изъ присланнаго матеріала предполагаю напечатать.



Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ШАХМАТЫ

подъ редакціей Евг. А. Зноско-Боровскаго.

Письма адресуются въ редакцію журнала „Нива“ (по шахматному отдѣлу).

Этюдъ № 2.

К. А. Л. Куббель (Петроградъ).
Оригинальный.

Бѣлые: Кр d1, С g5, К d3, П b2, b3, e2, h2, h4.
Черные: Кр g4, Ф d7, П a7, d6, e6, g6.

Выигрышъ.

Задача № 6.

Dr. E. Palkoska.
I пр. въ междунар. конкурсѣ памяти Райса

Бѣлые: Кр h1, Ф b5, С f5, К c6, h8, П e2, f4, g7, h6.
Черные: Кр g8, Л e8, e4, К a2, П b6.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 7.

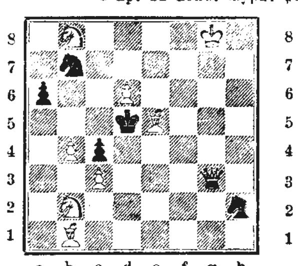
G. Heathcote.
II пр.

Бѣлые: Кр h6, Ф b5, С a8, g5, К d3, h1, П d4, g6.
Черные: Кр g4, С g1, П d6, e6, e4, h2.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 8.

P. G. L. F.
I пр. въ конк. журн. „Family Herald“



Бѣлые: Кр g8, Ф g3, С b1, e5, К b2, b8, П b4, c3, d6.
Черные: Кр d5, К b7, h2, П a6, c4.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 9.

T. E. Vokes.
II пр.

Бѣлые: Кр a4, Ф f3, Л g7, К e6, П b3, c2, d5, g3, g4, h6.
Черные: Кр e5, К f2, h3, П h7.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 10. J. Möller (конгрессъ Сѣвернаго шахм. союза). ♔ h8 ♕ h2 ♘ c5, d7 ♙ b5, b6, c7, e4, g4, h4 ♚ f7 ♛ a7 ♜ a6, b8 ♟ a2, b3, c6, e3, e5, e7.—Матъ въ 3 хода.

№ 2. ИСПАНСКАЯ ПАРТІЯ.
1-я партія матча 1916 г.

Таррашъ.	Ласкеръ.
1. e2 — e4	e7 — e5
2. К g1 — f3	К b 8— c6
3. С f1 — b5	a7 — a6
4. С b5 — a4	К g8 — f6
5. 0 — 0	С f8 — e7
6. Л f1 — e1	b7 — b5
7. С a4 — b3	d7 — d6
8. c2 — c3	К c6 — a5
9. С b3 — c2	c7 — c5
10. d2 — d4	Ф d8 — c7
11. a2 — a4	. . .

Съ непосредственной угрозой a4 : b5 и b2 — b4.

11. . . .	b5 — b4
12. c3 : b4	c5 : b4
13. h2—h3	. . .

Иначе послѣдуетъ С c8 — g4

13. . . .	0 — 0
14. С c1 — g5	Л f8 — e8

Черные играютъ очень не энергично. Ферзевый флангъ ихъ еще не развитъ, линія с неиспользована.

15. К b1 — d2	К f6 — d7
16. С g5 : e7	Л e8 : e7
17. Л a1 — c1	Ф c7 — b6
18. К d2 — f1	С c8 — b7
19. К f1 — e3	g7 — g6

Вотъ послѣдствія слабой игры черныхъ: пункты d5 и f5 требуютъ постоянной защиты.

20. d4 : e5	d6 : e5
21. К e3 — d5	c6 : d5
22. Ф d1 : d5	. . .

Положеніе бѣлыхъ теперь превосходно, черныя фигуры всѣ плохо стоятъ.

22. . . .	Л a8 — d8
23. С c2 — b1	Л e7 — e6
24. Л e1 — d1	К a5 — b7
25. Ф d5 — c4	. . .

Предупреждая Л e6 — d6 и угрожая Ф c4 — c7.

25. . . .	К d7 — f8

Единственный способъ защитить пѣшку. Если К d7 — c5 то 26. Л d1 : d8 +, Ф b6 : d8; 27. Ф c4 : b4, Л e6—b6; 28. Ф b4—c4 съ различными угрозами.

26. Л d1 : d8	К b7 : d8
27. Ф c4 — c7	Ф b6 : c7
28. Л c1 : c7	Л e6 — d6
29. С b1 — a2	К f8 — e6

Черные искусно защищаютъ пѣшки e5 и f7, переводя атаку бѣлыхъ на пѣшку a6.

30. Л c7 — c8	Л d6 — d1+
31. Кр g1—h2	Кр g8 — g7
32. С a2 — c4	. . .

Бѣлые могли играть и 32. К f3:e5, Л d1—d2; 33. К e5 : f7, Кр g7 : f7 (К d8 : f7; 34. С a2 : e6; или 33. . . . Л d2 : b2; 34. К f7 : d8, К e6 : d8; 35. С a2 — d5): 34. Л c8 : d8 и т. д. Теперь еще сильнѣе грозитъ К f3 : e5 : f7, почему черные не могутъ итти a6 — a5. Однако лучше всего было 32. С a2 — d5 и конь d8 отрѣзанъ, а пѣшка b2 защищается ходомъ b2 — b3.

32. . . .	Кр g7 — f6

Хорошо. Послѣ 33. С c4 : a6, Л d1 — b1; 34. Л c8 — c2, b4—b3; 35. Л c2 — d2, К d8 — c6 — d4, черные освобождаютъ свою игру и грозятъ выиграть пѣшку a4 (Л a1) или b2 (К c2), но все же, сыгравъ 34. С a6—c4, Л b1 : b2; 35. a4—a5, Л b2—b1, 36. a5—a6, Л b1 — a1; 37. Л c8 — b8 и 38. Л b8—b6, бѣлые выиграли бы.

33. b2 — b3	К d8 —b7

Вотъ освобождающій ходъ. Пѣшки e4 и b3 требуютъ защиты.

34. С c4 : a6	К b7 — d6
35. Л c8 — b8	К d6 : e4
36. С a6 — e2	Л d1 — a1
37. Л b8 : b4	К e4 : f2
38. Кр h2 — g3	К f2 — h1+
39. Кр g3 — h2	К h1 — f2
40. Кр h2 — g3	К f2 — h1+

Ничья.

Бѣлые не могутъ измѣнить ходовъ изъ-за угрозы К e6 — f4, а если Л b6, то Л a1 — h1 +; Кр h2 — g3, К f2 — e4+съ матовыми угрозами. Кто бы могъ подумать, что рѣшающую роль сыграютъ два черныхъ коня, грозящихъ матомъ бѣлому королю въ его собственномъ лагерѣ, въ положеніи рокеровки!

Извѣстія. Берлинъ. Ласкеръ выигралъ небольшой матчъ у Тарраша съ результатомъ + 3 = 1. Таррашъ выигралъ матчъ у Мизеса +7—2=4.

Миланъ. Въ національномъ турнирѣ мастеровъ побѣдителемъ оказался Реджіо.

Америка. Ежегодный чемпіонатъ западнаго шахм. союза С. Ш. С. А. выигралъ Эдуардъ Ласкеръ+16½ изъ 19, вторымъ оказался Шовальтеръ+16.

Палермо. „L'Eco degli Scacchi“ и въ 1917 г. будетъ выходить на 3 языкахъ: итальянскомъ, французскомъ и англійскомъ, давая очень много матеріала. Ц. въ годъ съ перес. 10 франковъ. Адресъ: Палермо, Vicolo Colluzio 49, Италія, изд. Cav. Nicolo Davi de Cordova.

Переписка. Н. С. (Пермь), Адресъ „Шахм. Вѣстн.“: Москва. Гранатный пер. 2, ц. въ годъ съ перес. 6 р. Журналъ, насколько мнѣ извѣстно, еще не открылъ подписки на 1917 г., т. к. не вышли всѣ №№ за 1916 г. Л. В. (Сквира). Не имѣю мѣста для печатанія столь несущественныхъ сообщеній; вызовъ же опредѣленнаго игрока на матчъ лучше всего сдѣлать непосредственно, а не черезъ журналъ.—Г. Ш. (Екатеринбургъ). Названные вами мои доклады напечатаны не были. — Любителю (Могилевъ). Ходъ 14 . . . К c6 извѣстенъ теоріи и преимуществъ чернымъ не даетъ.—С. А. (Керчь). „Пути развитія шахм. игры“ распроданы и въ продажѣ не имѣются. — И. Ш. (Печара), В. К. (Кіевъ). Задачъ не помѣщу.

С. С. Миротворскій (Стрѣльна, Вѣринская, 13) объявилъ 60-й турниръ по перепискѣ для 20 участн. по 2 п. взносъ 13 р., призы 60, 50, 40, 30, 25, 20, 15 р. и за лучшій результатъ съ призерами 7 р.

Желаютъ играть по перепискѣ безъ ставки М. Бинъ (Саратовъ, Московская ул. уг. Гимназической; Лазаретъ В. С. Г. № 20) и со ставкой 3-5 р. П. Воротилинъ (Петроградъ, Можайская ул. 28, кв. 16).

Исправленіе. Во избѣжаніе побочнаго рѣшенія въ задачѣ V. de Barbieri № 47 (августъ 1916 г.) слѣдуетъ прибавить ♟ на f6.

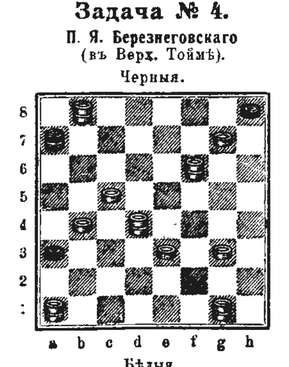
ШАШКИ

подъ редакціей В. И. Шошина.

Задача № 4.

П. Я. Березнеговскаго (въ Верх. Тоймѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку.

Задача № 5.

М. И. Билецкаго (ст. Милорадовка).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

Задача № 6.

Я. Г. Тихонова (въ пос. Реутово).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и 2 прост.

Этюдъ № 3.

А. Ф. Врагова (въ Пензѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Выигрышъ.

Этюдъ № 4.

М. И. Туманова (въ Сызрани).

Черныя.

Бѣлыя

Выигрышъ.

Помѣщенный въ ноябрьск. кн. „Литер. Прил.“ за прошлый годъ **этюдъ № 14, А. Ф. Врагова,** въ темѣ имѣетъ побочное рѣшеніе (1. a7—b8, d2—e1; 2. g3—e5, e1—h4; 3. b8—a7 и т. д.). Авторъ исправляетъ этотъ этюдъ слѣдующимъ образомъ: ⛁ b8, h4 ⛀ e7 ⛃ b4 ⛂ a5, e3.—Выигрышъ.

ПАРТІЯ № 2.
Играна въ Харьковѣ въ 1910 г.

И. К—въ. Бѣлыя.	В. К. Лисенко. Черныя.
1. e3 — d4	f6 — e5
2. d4 : f6	g7 : e5
3. f2 — e3	e5 — f4
4. e3 : g5	h6 : f4
5. g3 : e5	d6 : f4
6. c3 — b4	b6 — c5
7. b4 : d6	c7 : e5
8. g1 — f2	h8 — g7
9. f2 — g3	e7 — f6
10. e1 — f2	a7 — b6
11. b2 — c3	b6 — c5
12. c3 — b4	d8 — e7
13. b4 : d6	e7 : c5
14. a1 — b2	f8 — e7
15. b2 — c3	e7 — d6
16. c1 — b2	

Ошибочный ходъ, погубившій партію. Слѣдовало играть 16. c3 — b4 и бѣл. достигали ничьей.

16. . . .	f6 — g5!
17. g3 — h4	

Послѣ этого хода черныя быстро и красиво выигрываютъ партію. Если 17. f2 — e3, то g5 — h4; 18. e3 : g5, h4 : f2; 19. g5 — f6, f2 — e1; 20. f6 ∞, b8 — a7 и выигр. Если же 17. c3 — b4, то g5 — h4: 18. b2 — c3, g7 — h6; 19. d2 — e3 (если 19. b4 — a5, то b8 — c7; 20. c3—b4, h6 — g5: 21. d2 — c3, c5 — d4 и выигр.) f4 : d2; 20. c3 : e1, h6 — g5. 21. e1 — d2, g5 — f4; 22. b4 — a5. b8 — c7 и выигр.

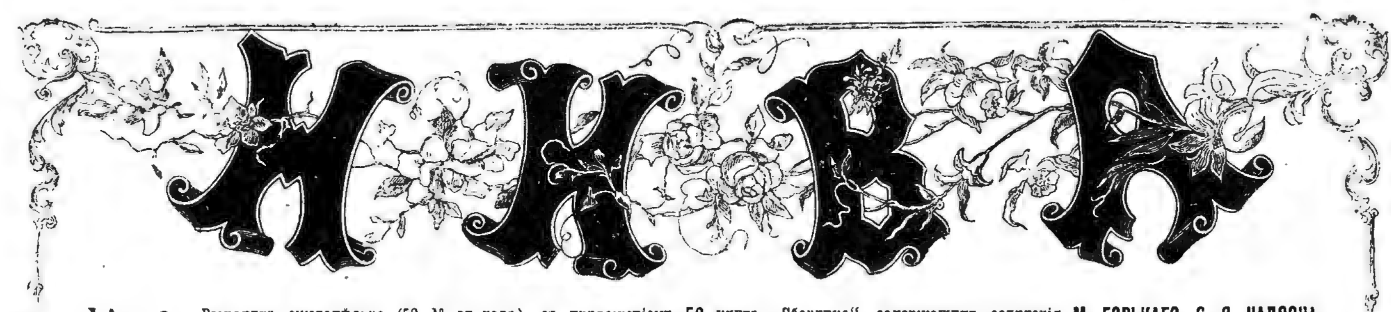
17. . . .	c5 — d4!
18. h4 : h8	f4 — e3
19. d2 : f4	e5 : a5
20. h8 : c3	a5 : e1

Бѣлыя сдались.

ПАРТІЯ № 3.
Играна въ Невелѣ въ октябрѣ 1916 г.

Стернъ. Бѣлыя.	Лисявскій. Черныя.
1. c3 — d4	d6 — e5
2. b2 — c3	e7 — d6
3. e3 — f4	b6 — a5
4. f2 — e3	a7 — b6?

Слѣдовало ходить 4. . . . c7 — b6.



№ 6. Выходятъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**
Выданъ 11 февраля 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—**14 р.**, на $1/2$ года—**7 р.**, на $1/4$ года—**3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Ея голосъ!

Разсказъ **Пьера Вальдана.**

На одномъ вечерѣ у своей старой пріятельницы, госпожи Реальмонъ, Эдмондъ Сольтеръ встрѣтился впервые съ Бланшъ Легавръ, красивой и стройной молодой дѣвушкой, умъ и грація которой сразу произвели на него сильное впечатлѣніе. Сольтеръ долго разговаривалъ съ m-lle Легавръ, но вполнѣ разобрался въ своихъ ощущеніяхъ только тогда, когда она запѣла.

Чары человѣческаго голоса, чары музыки! Душа Сольтера была потрясена. Теплота тембра, нѣжность нюансовъ глубоко тронули его; онъ почувствовалъ, что его неотразимо и таинственно влечетъ къ пѣвицѣ. Величественная музыка Глюка превратила въ этотъ моментъ Бланшъ Легавръ для Сольтера въ живую эмблему всей любви, всей тоски человѣческой. Пѣніе ее взволновало. Онъ понялъ, что обожаетъ молодую дѣвушку, и чувствовалъ, что Бланшъ Легавръ тоже полюбитъ его.

На слѣдующій же день онъ опять былъ въ обществѣ госпожи Легавръ и ея дочери, затѣмъ, увѣренный въ своемъ чувствѣ, объяснился, былъ выслушанъ благосклонно и началъ ухаживать.

Прошло два очаровательныхъ мѣсяца.

Сольтеръ и Бланшъ удивительно подходили другъ къ другу. Они принадлежали къ одному обществу; m-lle Легавръ была, правда, богаче своего жениха, но онъ, инженеръ въ видномъ металлургическомъ предпріятіи, зарабатывалъ уже большія деньги.

Госпожа Легавръ обожала своего будущаго зятя, отецъ Бланшъ цѣнилъ его по достоинству. Когда въ одно свѣтлое апрѣльское утро 1914 года молодые люди вышли изъ церкви св. Франциска, казалось, что идетъ само счастье.

Они и познали счастье; ихъ союзъ заключилъ все земное блаженство; но особенно вечерами, послѣ дня тяжелой работы, слушая пѣніе жены, Сольтеръ чувствовалъ, что сердце его полно восторга и любви.

Однако въ августѣ того же года разразилась война, разлучившая молодоженовъ. Сольтеръ надѣлъ офицерскіе погоны и, въ чинѣ капитана артиллеріи, отправился къ мѣсту назначенія. Бланшъ держалась бодро до самаго прощанія, потомъ упала безъ чувствъ на руки матери, не скрывавшей собственныхъ слезъ.

И для молодой госпожи Сольтеръ началась жизнь созданныхъ войною полувдовъ, дни которыхъ полны тревоги и преклоненія предъ постоянной угрозой судьбы.

Кто можетъ представить или, еще болѣе, повѣдать тѣ проявленія нѣжности, на которыя способно женское сердце? Кто сумѣетъ описать

Аллегорія. *С. Соломко.*
XXXVI выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

эти драгоцѣнныя „посылки“, въ которыхъ каждая вещица, предугреждая желаніе далекаго героя, ярко доказываетъ ему, какъ о немъ думаютъ!

Бланшъ Сольтеръ придумывала для мужа самые нѣжные, самые трогательные подарки, и однажды ей пришла въ голову совершенно исключительная идея, которую она не задумалась привести въ исполненіе.

Въ одно прекрасное утро капитанъ Сольтеръ получилъ тщательно упакованный ящикъ, вмѣстѣ съ письмомъ отъ жены, въ которомъ она писала:

„Посылаю тебѣ фонографъ послѣдней конструкціи и серію валиковъ... Слушай ихъ только тогда, когда будешь совершенно одинъ. Я сама напѣла ихъ, напѣла для тебя, вообразивъ въ эти мгновенія, что ты меня слушаешь. Это нѣсколько любимыхъ тобою пѣсенъ. Послушай ихъ, онѣ напомнятъ тебѣ тѣ сладостные, чудесные вечера, когда мы были вмѣстѣ...“

И съ тѣхъ поръ, каждый разъ, какъ въ бояхъ наступало затишье, капитанъ Сольтеръ запирался въ своей землянкѣ и, закрывъ глаза, упивался глубокими, нѣжными, полными любви звуками обожаемаго, волнующаго голоса.

Изъ этихъ таинственныхъ сеансовъ онъ выходилъ еще болѣе мужественный, подкрѣпленный любовью, которую такимъ рѣдкимъ, такимъ удивительно нѣжнымъ образомъ выражала ему Бланшъ.

Съ тѣхъ поръ Бланшъ Сольтеръ регулярно пѣла передъ большой трубой фонографа и посылала своему мужу, подъ грохотъ нѣмецкихъ снарядовъ, свой живой и чистый голосъ, ту эманацію ея самой, то волнующее, полное интимныхъ тайнъ, что кроется въ любимомъ голосѣ.

Такимъ образомъ Бланшъ проникла къ мужу въ землянку, проникла не въ воспоминаніи, не въ символѣ, а дѣйствительно и, я сказалъ бы, ощутимо.

Два новыхъ валика прибыли къ Сольтеру, когда задолго предвидѣнная нѣмецкая атака заставила его перемѣнить мѣстоположеніе своихъ батарей. Потомъ настало нѣсколько дней интенсивныхъ сраженій.

Когда врагъ былъ отброшенъ, Сольтеру пришлось снова сорганизоваться, и онъ устроился въ другомъ мѣстѣ, на этотъ разъ довольно комфортабельно, какъ вдругъ получилъ одновременно три письма отъ господина Легавръ,—три письма, которыя онъ перечелъ много разъ,—такъ возставало все его возмущенное существо противъ возможности происшедшаго.

Итакъ онъ, постоянно подверженный обстрѣлу, ежеминутно подстерегаемый смертью, онъ невредимъ. А въ Парижѣ Бланшъ, его жена, единственная любимая имъ на свѣтѣ, попала на перекресткѣ подъ автомобиль и умерла, не приходя въ сознаніе!

Сольтеръ не хотѣлъ этому вѣрить! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. И когда повѣрить наконецъ пришлось, въ немъ поднялось такое возмущеніе противъ слѣпой судьбы, такой протестъ всей его мужской логики, такое отчаяніе, что ему захотѣлось пустить себѣ пулю въ лобъ, разъ нѣмецкіе снаряды упорно щадили его.

Но и это рѣшеніе не было ему дозволено. Надъ его скорбью возвышался долгъ. Своей жизнью онъ обязанъ былъ Франціи, одной Франціи... и хотя бы сердце его разрывалось, онъ долженъ былъ сохранить себя для родины. Но въ такомъ случаѣ, поскорѣе, поскорѣе... поскорѣе!

Недѣлю спустя, несмотря на безпрестанную бомбардировку, несмотря на все безразсудство и отчаянный героизмъ, Сольтеръ еще жилъ.

Снова наступило затишье... Уединившись въ своемъ убѣжищѣ, Сольтеръ дико смотрѣлъ на завернутые еще валики, послѣдніе валики, которые отправила ему Бланшъ совсѣмъ наканунѣ катастрофы... И вдругъ ему захотѣлось послушать ихъ.

Есть испытанія свыше силъ человѣческихъ.

Въ этотъ день нѣсколько товарищей Сольтера, безпокоясь, что его не видно, бродили вокругъ его землянки. Они услыхали глухіе стоны и вошли. Сольтеръ, слезъ котораго никто до тѣхъ поръ не видалъ, лежалъ ничкомъ и отчаянно рыдалъ. Глаза его были безумны. Его напряженный мозгъ не выдержалъ хаоса мыслей: онъ услышалъ живымъ и трепещущимъ страстью голосъ умершей.

Струсила.

Разсказъ **Рони-Старшаго.**

Избушка лѣсного сторожа стояла на опушкѣ лѣса, у пруда. На другомъ берегу находился домикъ старой Евфразіи. Евфразія была вдовою прежняго сторожа. Владѣлецъ зàмка оставилъ ей, кромѣ избы, клочокъ пахотной земли и право собирать хворостъ въ лѣсу и пасти корову. Сверхъ того, онъ назначилъ ей небольшое пособіе и покупалъ у нея землянику, малину, овощи. У нея была крѣпкая грудь, ястребиное зрѣніе, слухъ, какъ у оленя, и чистая душа, не знавшая старости, никогда не думавшая о смерти.

Стоялъ сентябрь 1914 года. Евфразія пила утромъ кофе и вдругъ услыхала шумъ стрѣльбы. Она не удивилась, — ей было извѣстно, что нѣмцы поблизости.

Около сотни сѣрыхъ людей вдругъ появилось у избушки сторожа. Онъ собирался уйти, но остановился въ нерѣшимости... Пять-шесть солдатъ бросились на него, межъ тѣмъ какъ длинный лейтенантъ выступилъ впередъ и началъ допросъ. Все произошло быстро и жестоко; сторожъ не былъ даже разстрѣлянъ: его убили прикладами ружей.

Старая Евфразія, не пролившая ни одной слезы за четверть вѣка, безумно разрыдалась. Міръ показался ей ужаснымъ. Все, что она любила, окуталось точно туманомъ, и она поняла, что не сможетъ жить съ сознаніемъ, что на одной землѣ съ ней живетъ этотъ лейтенантъ. Страшный гнѣвъ охватилъ ея душу. Она сняла со стѣны карабинъ своего мужа, который все время съ любовью берегла, взяла обойму съ патронами и скрылась между деревьями, безшумно, какъ лѣсной звѣрь.

Никѣмъ не замѣченная, она обогнула прудъ и вошла въ чащу лѣса. Тамъ она на нѣсколько минутъ задумалась, потомъ сотворила крестное знаменіе.

Она стала ждать.

Офицеръ вошелъ въ избу.

Тамъ были окорока, маленькій боченокъ съ пивомъ, бутыль вина, масло, яйца, свѣжій хлѣбъ, фрукты и варенье. Онъ забралъ себѣ кое-что „на память“, заказалъ солдату-повару яичницу, выпилъ двѣ кружки пива и много вина, потомъ разрѣшилъ покурить своимъ людямъ. Все это продолжалось съ часъ. По лѣсу проходили патрули; нѣсколько разъ Евфразіи казалось, что ее открыли. Наконецъ лейтенантъ подалъ знакъ къ выступленію и вышелъ на крыльцо.

Лицо его покраснѣло отъ вина. На немъ появилось что-то въ родѣ улыбки, къ которой примѣшивалось гордое сознаніе своей силы и жестокое удовольствіе. Евфразія быстро прицѣлилась.

Она стрѣляла такъ же, какъ браконьеръ Виронъ, лучшій стрѣлокъ въ лѣсу. Послышался сухой трескъ. Раненый въ голову лейтенантъ повернулся трижды на мѣстѣ и упалъ... Страшный крикъ раздался среди нѣмцевъ. Евфразія испытала огромное облегченіе. Міръ не былъ такъ ужасенъ. И она сказала себѣ:

— У меня хватитъ времени уложить еще двухъ-трехъ!

Началась стрѣльба. Нѣмцы стрѣляли наугадъ, въ деревья. Пули свистѣли между листьями. Въ этой суматохѣ Евфразія спокойно цѣлилась. Одинъ за другимъ упало пять человѣкъ...

Тогда случилось что-то удивительное. Человѣкъ пятьдесятъ солдатъ побросали свое оружіе и закричали, межъ тѣмъ какъ остальные продолжали лихорадочно стрѣлять:

— Камрадъ! Камрадъ!

Но Евфразія все стрѣляла... Упали еще два солдата. Началась паника. Сѣрые люди побѣжали вдоль пруда, разсыпались въ ивнякѣ, скользили между холмами...

Евфразія больше часа оставалась въ своемъ убѣжищѣ. Она была увѣрена, что нѣмцы вернутся. Наконецъ послышались быстрые шаги. Тогда только она подумала о бѣгствѣ. Но глаза ея широко раскрылись. Тамъ, въ старомъ лѣсу, она увидала красныя пятна. Ей не пришлось смотрѣть долго, чтобы узнать французскихъ солдатъ.

Она вышла изъ лѣсной чащи, оставивъ свой карабинъ, въ тотъ моментъ, когда одинъ изъ передовыхъ появился у пруда.

— Здѣсь дрались!—радостно вскричалъ молоденькій капралъ при видѣ труповъ.—И даже побѣдили! Масса трофеевъ!—продолжалъ онъ.

Собрали сорокъ восемь ружей, двадцать ранцевъ и даже каски... Капитанъ учинилъ допросъ Евфразіи.

— Ихъ было больше сотни, господинъ капитанъ! Въ нихъ стрѣляли изъ лѣса... Тогда они бѣжали... Вонъ туда... по направленію къ Сомбьеру...

— А кто стрѣлялъ въ нихъ?

Страшная робость охватила Евфразію. И, понимая, что поступокъ ея невѣроятенъ, она, покраснѣвъ, пролепетала:

— Не знаю... Стрѣляли изъ лѣса... Я спряталась...

Капитанъ снисходительно улыбнулся.

— Это вполнѣ понятно... Вы струсили...

— Еще бы!..—скромно отвѣтила Евфразія.—Вообразите себя на моемъ мѣстѣ!..

Атака. Л. Р. Сологубъ.

Стальной хищникъ.

Очеркъ В. Островскаго.

Заря взошла надъ трупами.

Взошла и залилась яркимъ румянцемъ при видѣ того, что сдѣлали новѣйшія орудія вѣковой человѣческой борьбы.

Задолго до разсвѣта нѣмецкая артиллерія смертью и ужасомъ дохнула на наши окопы. Обстрѣлъ былъ короткій, но частый. Въ хаосѣ огня и взрывовъ каждый изъ защитниковъ окоповъ дѣйствовалъ лишь по внутреннему чувству; для внѣшнихъ чувствъ давно была превзойдена всякая мѣра.

Душа отказывалась различать и сознавать отдѣльные звуки, вспышки, взрывы и громы.

Она жила однимъ лишь общимъ сознаніемъ того, что нужно стоять и отбить.

И въ этомъ сознаніи, казалось, тѣсно слились и сѣрыя шинели, и винтовки, и окопы, и самый мракъ ночи.

Все это, разнородное и разрозненное, отлилось въ нѣчто единое и стало твердыней.

Три раза ходили нѣмцы въ атаку.

Три раза они клали на алтарь своего стараго бога обильныя жертвы крови и тѣла человѣческаго, и три раза, какъ разбившаяся о скалу волна, откатывались назадъ, разстроенные, умаленные.

И когда солнце, поднявшись изъ-за спинъ русскихъ богатырей, взглянуло на землю,— она была усѣяна исковерканными стальными оболочками ядеръ и такими же тѣлесными оболочками... человѣческихъ душъ.

Еще не успѣли затихнуть послѣдніе звуки боя; еще то, тамъ, то тутъ раздавались одиночные запоздалые выстрѣлы, а навстрѣчу свѣтлому солнцу понеслась съ запада огромная стальная птица.

Точно удивленная стойкостью противника, она бросилась въ опасный путь, чтобы развѣдать, въ чемъ его сила, чтобы поближе присмотрѣться къ нему, взглянуть ему въ глаза.

Летитъ, кружится нѣмецкій аэропланъ, выстукиваетъ свой жуткій, однообразный мотивъ.

Гулко отдается въ душѣ зловѣщее: та-та-та...

Зато какъ пріятна энергичная работа своихъ пулеметовъ, старающихся снять съ голубого неба мощную птицу.

Но она уже почувствовала то, что зовется силой противника, и повернула на западъ, утонувъ въ воздушной дали.

Затихли пулеметы.

Въ утреннемъ воздухѣ послышалась живая человѣческая рѣчь.

Вотъ простонала плетущаяся „шинель“ съ окровавленнымъ рукавомъ, вотъ загромыхала санитарная линейка, вотъ послышались удары лопатъ по холодной землѣ.

— Могила готова,—докладываетъ солдатъ.

Священникъ надѣваетъ ризу и идетъ къ тому страшному мѣсту, гдѣ кончается жизненный путь всякаго смертнаго.

Рубежъ земного бытія—холодная братская могила. Послѣдняя печать силы и величія духа, послѣдняя страница славной поэмы русскаго солдата.

У могилы на землѣ лежатъ два молодыхъ трупа, прикрытыхъ шинелями. Вокругъ боевые товарищи. Скорбны, но спокойны ихъ лица. Великая тайна смерти имъ понятнѣе и доступнѣе, чѣмъ всѣмъ философамъ міра, не видѣвшимъ лица войны.

Хрипло, но задушевно поетъ дьячокъ печальныя пѣсни печальнаго обряда.

Кадильный дымъ взвивается вверхъ надъ прахомъ погибшихъ и таетъ, какъ скорбный вздохъ сердца.

А надъ головами молящихся вновь слышится щемящее: та-та-та...

Хищная птица, прикрывшаяся крестомъ, облеченнымъ въ черный цвѣтъ — цвѣтъ тьмы и мрака, замѣтила собравшихся у свѣжей могилы. Кружится, высматриваетъ. Спускается ниже. Вотъ уже отчетливо видна ей риза священника и вырытая яма. Еще одинъ кругъ...

Дьячокъ продолжаетъ пѣть.

Сверкнуло что-то въ воздухѣ серебристымъ блескомъ, мелькнуло, и... въ нѣсколькихъ саженяхъ позади священника раздался взрывъ бомбы.

Вздрогнула земля, но спокойны лица молящихся.

Священникъ медленно поднялъ вверхъ глаза, съ грустью взглянулъ на хищника и опять опустилъ ихъ.

— „Со святыми упокой“,—поетъ дьячокъ.

Печально никнутъ головы солдатъ. Имъ нѣтъ дѣла до хищника, который, описавъ кругъ, вновь проносится надъ ихъ головами.

— „Аллилуія, аллилуія“,—несется по глухому полю.

Опять серебристый блескъ и новый взрывъ..., теперь уже сбоку, совсѣмъ близко.

Вздрогнулъ священникъ, страдальческая тѣнь прошла по его лицу. И снова онъ спокоенъ.

Пропѣта вѣчная память.

Отдано землѣ земное. Сначала тихо, а потомъ сильнѣй и сильнѣй работаютъ лопаты, закрывая священную рану въ сердцѣ земли.

Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ. *Бревенчатая дорога.*

Дѣвочка-румынка Рис. нашего военнаго корресп. *А. Н. Семенова.*

Мученики плѣна.

Очерки **В. Брусянина.**

(Окончаніе).

IV.

Около Гроссина, по разсказамъ инвалидовъ, концентраціонный лагерь для плѣнниковъ возникалъ при худшихъ условіяхъ.

Возникновеніе этого лагеря таково. Пригнали на открытую болотистую площадь толпу плѣнныхъ въ 4.400 человѣкъ, окружили конвойными и приказали садиться. Приказаніе это, пожалуй, было и излишнимъ: уставшіе въ пути голодные люди и сами повалились на сырую землю, какъ подкошенные.

Началось обычное. Кого изъ плѣнниковъ заставили рыть ямы для столбовъ огражденія, кого послали за нѣсколько верстъ за столбами; нѣсколько группъ выдѣлили для того, чтобы рыть канавы и немного осушить болотистую мѣстность. Песчаные „бугорки" среди болота плѣнники предназначили для жилья, и опять каждый для себя, а то подвое или по-трое стали рыть ямки. Вырыли ямки, забросали сверху кое-чѣмъ и начали новую жизнь подъ открытымъ небомъ.

— А ночи холодныя пошли, — продолжалъ разсказчикъ, — а шинели и сапоги отобрали и дали вмѣсто сапогъ деревянныя сандаліи. Кормили совсѣмъ, можно сказать, плохо. Ночь придетъ, ляжемъ другъ около друга и грѣемся, а поутру встанешь, и въ грудяхъ боль, и кашель одолѣваетъ. Соберутъ насъ тутъ кучками человѣкъ по пятьдесятъ да и погонятъ на водопой. Недалеко такъ отъ загорожи проволочной ручеекъ протекалъ, къ этому ручейку на водопой, какъ скотъ какой, насъ и гоняли. За „нуждой" тоже въ одно мѣсто кучками гоняли: „кто хошь—становись въ шеренгу!.." Смѣхота, бывало, а жить надо какъ-нибудь. Тутъ, сколько-то прошло время, привезли нѣмцы тесъ, столбы и заставили нашихъ бараки себѣ строить. Работа закипѣла. Каждому для себя хотѣлось поскорѣе жилье выстроить. Только бараки успѣли выстроить — дожди пошли, а тутъ и снѣгъ повалилъ. А печей въ баракахъ не поставили. Такъ въ холоду и жили. Привезли нѣмцы стружку съ завода съ какого-то, навалили сосновую стружку на полъ и ложись — спи хоть цѣлыми днями! А утро придетъ, стали намъ давать по черпачку кофею и по полфунту хлѣба. Кофей этотъ самый гуща одна, черная, сахару нѣтъ, и забѣлить нечѣмъ. Помочишь хлѣбца въ гущу эту самую и ѣшь. Солнышко на обѣдъ поманитъ, ждемъ обѣда, а обѣда нѣтъ. Такъ до вечера лежишь голодный, и заснуть нѣтъ силъ. Хоть бы заснуть, а то нѣтъ: брюхо свое проситъ. Опять же насчетъ холода бѣда была. Бараки въ одну доску, съ крыши льетъ, въ щели дуетъ. И начали мы тутъ хворать: кто на грудь жалуется, кто брюхомъ совсѣмъ изошелъ, а потомъ горла заболѣли, а тутъ... пожалуйте... тифъ!.. Вѣрно, испугались нѣмцы, сейчасъ это печи въ бараки поставили, а больныхъ въ одинъ баракъ, и чтобы изъ этого барака никто ни ногой: часовыхъ разставили. Нѣмецкіе доктора тоже не являлись, а прислали откуда-то нашихъ тоже плѣнныхъ докторовъ, наши же солдаты и пищу больнымъ носили и убирали, и все. Очень боялся нѣмецъ, какъ бы этотъ тифъ самый въ ихъ казармы не забрался, да кабы онъ въ городъ къ вольнымъ людямъ не пробрался, а городъ верстахъ въ пяти, не больше...

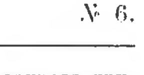
И долго тянулся разсказъ этого инвалида изъ Гроссина о „круговоротѣ" ихъ жизни.

Жили подъ открытымъ небомъ въ теченіе октября и ноября и въ лагерѣ близъ Бранденбурга. Въ этомъ злополучнѣйшемъ изъ всѣхъ лагерей было сосредоточено плѣнныхъ до 10 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отъ тифа умерло 900 человѣкъ.

Лагерь въ Бранденбургѣ возникъ при тѣхъ же условіяхъ: пригнали людей на открытую площадь, обнесли мѣстность столбами и проволокой и стали строить бараки, а пока бараки строились, жили подъ открытымъ небомъ.

Въ Бранденбургѣ же при постройкѣ бараковъ разыгралась кровавая трагедія... Небольшая группа плѣнниковъ, измученная жизнью въ холодныхъ землянкахъ, задумала устроить побѣгъ. Поздно ночью, когда большая часть плѣнниковъ спала въ своихъ землянкахъ, отважившіеся на побѣгъ люди съ заступами и топорами набросились на часовыхъ, вырвались въ ворота и бросились къ лѣсу. Часовые открыли пальбу по убѣгающимъ, поднялась тревога и среди спящихъ и среди караулящихъ. Часовые перестрѣляли двѣнадцать человѣкъ да человѣкъ съ десять переранили, и никто не убѣгъ. Раненыхъ тутъ же прикалывали и пристрѣливали по приказанію спѣшно вызваннаго по телефону

На румынскомъ фронтѣ. Рис. нашего военнаго корресп. *А. Н. Семенова.*



На румынскомъ фронтѣ.
Яссы. Монастырь Четацуя.
Архитектура конца XVII вѣка.

Рис. нашего военнаго корресп.
А. Н. Семенова.

коменданта. За эту безумную попытку небольшой группы людей весь лагерь былъ наказанъ: въ теченіе двухъ дней никому не давали ни куска хлѣба, и порціи супа на обѣдъ были уменьшены вдвое. Помимо того, послѣ этой безумной ночи въ лагерѣ начались и строгости. Часовые размѣщались и внутри загородки, ходили по ночамъ среди землянокъ и наблюдали за поведеніемъ плѣнныхъ.

— Такая тутъ мука началась, что упаси Господи! А бараки выстроили, и тутъ строгость пошла. Разбили насъ по ротамъ, человѣкъ по четыреста, и надъ каждой ротой фельдфебеля поставили, а надъ фельдфебелемъ „переводчика“ поставили, изъ нашихъ же солдатъ, кто по-ихнему говорить могитъ. А „переводчики“—хуже всякаго начальства! Въ походѣ-то онъ, можетъ, послѣднимъ солдатомъ былъ, а тутъ его въ начальники. Чѣмъ не угодишь ему, онъ пойдетъ, пошепчется-пошепчется съ нѣмцами, а тебѣ наказаніе.

„Переводчики“, по показаніямъ инвалидовъ, даже и надъ фельдфебелями командовали, завели сношенія съ нѣмецкими лагерными лавочками и занялись скупкой солдатскихъ вещей и продажей. Скупали по дешевкѣ, а продавали все втридорога. Личное недовольство по отношенію кого-либо изъ инвалидовъ „переводчики“ также старались использовать въ свою пользу, прибѣгая иногда къ недостойной мести. „Переводчиками“ въ большинствѣ случаевъ являлись нѣмцы-колонисты изъ южныхъ губерній или изъ Саратовской и Самарской губерній.

V.

Встрѣтилъ я и такихъ инвалидовъ, которые были испытаны судьбою и въ другихъ войнахъ. У нихъ есть запасъ матеріала для сравненія германцевъ и австрійцевъ съ японцами и китайцами.

На койкѣ предо мною сидитъ человѣкъ лѣтъ сорока, онъ невысокаго роста, плотный, сѣдоусый и широкоплечій сибирякъ. Его фамилія Ивановскій, онъ—рядовой изъ запаса, раненъ въ правое плечо и въ ногу. Большіе, сѣрые глаза его спокойны, и только иногда, когда онъ вдругъ закашляется и покраснѣетъ съ лица, на эти глаза навертываются слезы.

— Грудь, вотъ, застудилъ—плохо... а ѣхать мнѣ далече: въ Томскую губернію, въ самую настоящую Сибирь.

— Что же, въ Сибири лучше или въ Германіи? — шутливо спросилъ мой товарищъ по обходу палатъ.

И спросившій улыбается, и спрошенный забылъ о своемъ нудномъ кашлѣ и тоже улыбается, и говоритъ весело сильнымъ и немного сиповатымъ голосомъ человѣка простуженнаго:

— Всѣ нашу Сибирь ругаютъ, а по мнѣ—хуже Германіи и быть ничего не можетъ!..

Онъ круто оборвалъ свою рѣчь и осмотрѣлся. А мнѣ показалось, что ему очень хотѣлось выкрикнуть какое-нибудь сибирское ругательство. Но черезъ койку отъ его ложа молоденькая женщина-врачъ въ пенснэ осматривала другого больного, и, очевидно, близость женщины заставила сибиряка притаить въ себѣ желанное крѣпкое ругательство.

— Я вонъ и въ Китай ходилъ и съ японцами воевалъ,—продолжалъ Ивановскій.— Злой народъ — эти желтолицые хунхузы, а скажу вамъ, у нихъ, въ странѣ ихней, не доводилось видѣть такого, что въ Германіи этой самой видѣлъ. А на хунхузовъ-то мы тоже походомъ шли, не мало уложили ихъ и пулей и штыкомъ... Пулеметовъ-то этихъ въ ту пору и въ поминѣ не было. Конешно, и съ хунхузомъ не встрѣться гдѣ-нибудь въ гаолянѣ, потому на волѣ и онъ—звѣрь, а тутъ, въ Германіи-то этой, не лѣсъ какой-нибудь, не степь наша сибирская... Я вонъ и въ городѣ Франкфуртѣ пожилъ и въ Гессинѣ, а товарищи мои и въ самой ихней столицѣ пожили, въ Берлинѣ, и тоже говорятъ: „звѣрь народъ, эти германцы“... И что они съ нами дѣлали...

Онъ не долго говорилъ о томъ, что ему пришлось вынести въ нѣмецкомъ плѣну. Должно-быть, ему надоѣло говорить объ этомъ. Онъ только-что до обѣда былъ на допросѣ у членовъ чрезвычайной слѣдственной комиссіи и тамъ, повидимому, разсказалъ все, что надо было разсказать.

— Да-а, „германы“—звѣрь-народъ, хошь и учены. А съ японцами я воевалъ, и ничего. Жидковатъ японецъ въ битвѣ, ну коли разсердится, то и съ нимъ жарко борись. А въ плѣнъ къ нимъ попадешь, и ничего себѣ, ничего не сдѣлаютъ. Самъ-то я не бывалъ у японцевъ въ плѣну, но изъ нашего селенія люди попали. Они и говорили, что, молъ, ничего у японца въ плѣну: кормятъ, обуваютъ, одѣваютъ и боли никакой отъ нихъ не видно... Пріѣду вотъ домой, разскажу, — каково у нѣмцевъ въ плѣну, лучше и не сдавайся, а смерть прими!

VI.

— И сколько бумаги изъ-за насъ изводятъ, сколько хлопотъ,— слышу замѣчаніе изъ угла палаты.— Въ Германіи черезъ три комиссіи прошли, сколько тамъ писали, и здѣсь все пишутъ да опрашиваютъ... а жизни-то мнѣ, можетъ, немного и осталось...

Всматриваюсь, чтобы узнать, кому принадлежитъ этотъ не громкій, немного насмѣшливый голосъ. Этотъ голосъ показался мнѣ знакомымъ.

Да, это онъ, рядовой С. К—инъ, у котораго обѣ ноги ампутированы.

Въ плечахъ онъ широкъ: плотникомъ былъ до войны и грудь хорошо развилъ, а съ лица, какъ больной ребенокъ—уставшій какой-то, пожелтѣвшій. Вынесъ муки германскаго плѣна и три операціи перенесъ въ трехъ различныхъ лагеряхъ, и теперь похожъ на больного ребенка этотъ еще такъ недавно большой и рослый плотникъ.

Часъ назадъ онъ разсказывалъ мнѣ исторію своего раненія. Раненъ онъ былъ подъ Краковомъ и два дня и двѣ ночи провалялся въ окопахъ, съ ногами, перебитыми пулеметнымъ огнемъ. Потомъ его подобрали „свои санитары“, врачъ сдѣлалъ перевязку и сказалъ, что пули навылетъ, и особенно безпокоиться нечего: „Ноги будутъ у тебя цѣлы, хоть и плохо будешь владѣть ими, потому—жилы перебиты“.

— Докторъ-то вонъ какъ сказалъ, а вышло вонъ что,—тянулъ онъ съ неудовольствіемъ въ голосѣ и указывалъ на свои укороченныя ноги. — Перевязку мнѣ сдѣлали, напоили-накормили, въ топленую халупу вмѣстѣ съ товарищами положили. А на дворѣ-то октябрь мѣсяцъ—студено! Думалъ, въ окопахъ помру, отъ стужи захолодаю, замерзну, анъ счастье и мнѣ выпало. Положили насъ въ халупу въ какомъ-то селеніи,—шутъ его знаетъ, чье оно,— положили въ халупу, а на утро—отступленіе... Нѣмецкіе снаряды на деревню полетѣли, пожары начались, а въ деревнѣ— ни души, только мы, раненые, въ халупѣ. И наши санитары отступили, потому раненыхъ надо было спасать. Лежало насъ въ халупѣ человѣкъ съ двадцать: кто ногу поджимаетъ, стонетъ, кто—руку, а у кого голова контужена, и мечется этакій человѣкъ, точно пчела его въ голову ужалила—мѣста головѣ не найдетъ. Тоже и слѣпой одинъ съ нами былъ. Грянуло ему осколками снаряда въ лицо и глаза вышибло. О слѣпомъ мы заботу на себя взяли, потому—слѣпецъ: ни ему двинуться куда, ни ему что взять. И готовое не можетъ взять въ руки, коли въ пальцы ему не сунешь. Лежимъ мы такъ въ халупѣ и ждемъ смерти, а земля дрожитъ отъ снарядовъ, и халупа наша дрожитъ. А тутъ и стекла всѣ вынесло изъ оконъ и оглушило насъ... Глядимъ —а халупа наша вся въ огнѣ. Повскакали, кто какъ могъ, да въ дверь, такъ другъ черезъ друга и барахтаемся, а я, безногій, ползу, а черезъ

меня другіе лѣзутъ. Всячески кое-какъ вылѣзли... Слѣпой-то нашъ только не вылѣзъ. Видалъ я его, какъ онъ метался по халупѣ, да все руки впередъ и пальцами словно что ловитъ. Кричу ему: „направо! налѣво! къ двери держи! къ печкѣ-то не лѣзь погибнешь!..“ А тутъ меня и самого дымомъ-гарью обдало, чуть не задохнулся да и поползъ, а слѣпой-то, вѣрно, сгорѣлъ, нигдѣ я его не видѣлъ послѣ. Тоже и еще одинъ „тяжелый“ въ той халупѣ былъ, въ грудь раненый,— вѣрно, и онъ не выбрался—сгорѣлъ. На носилкахъ его въ халупу принесли, а вынести некому было, такъ, вѣрно, и сгорѣлъ...

Послѣ этой страшной сцены въ халупѣ, подожженной нѣмецкими снарядами, самъ К—инъ, по его словамъ, сталъ какой-то безпокойный. Вдругъ ему почему-то домой захотѣлось:

— Домой и домой, въ слезы готовъ удариться, а домой... потому все равно для войны-то я не годенъ сталъ. А Господь-то, вѣрно, по-своему рѣшилъ. Выползли мы изъ сгорѣвшей халупы да еще два дня въ сараѣ пролежали, безъ пищи и воды. Придутъ нѣмцы, поглядятъ—лежимъ мы безъ рукъ, безъ ногъ—и уйдутъ. На третій день и насъ нѣмцы подобрали и въ плѣнъ къ себѣ. „Ну, —говоримъ себѣ,—берите, ничего не подѣлаешь: безъ рукъ—безъ ногъ мы и воевать не можемъ, и оружіе у насъ поотобрано.“ Взяли насъ нѣмцы въ плѣнъ, на носилки положили и понесли, и опять безъ пищи и питья. А тамъ на телѣги положили, да и еще такъ насъ два дня везли, везли-трясли по дорогамъ. Хлѣбова дали и хлѣба по маленькому ковалочку. Поѣли мы немножко и ждемъ, что дальше будутъ нѣмцы дѣлать. А въ городъ какой-то привезли, въ лазаретъ въ ихній положили, а доктора нѣмецкіе говорятъ: молъ, ноги мои загнили... Что тутъ дѣлать?.. Отрѣзали мнѣ ноги ниже колѣнъ, подержали съ недѣлю въ лазаретѣ и въ другой лазаретъ повезли, а тамъ опять, гляжу, головами мотаютъ нѣмцы да что-то лопочутъ по-своему. А вышло такъ: ноги мои, отрѣзанныя ниже колѣна, опять дальше гнить стали. Вѣрно, не въ томъ мѣстѣ тотъ проклятущій нѣмецъ отрѣзалъ. А боль въ ногахъ страсть какая, и такъ-то чуть что слабну—духъ выходитъ. Только вышло такъ. Просыпаюсь утромъ, а ноги мои по-другому забинтованы, будто и еще короче стали. А какъ разбинтовали ноги мои и вижу: выше колѣна обѣ ноги мои отрѣзаны. Тутъ меня опять куда-то повезли. Везли по желѣзной дорогѣ въ вагонѣ. А въ вагонѣ чисто, тепло и свѣтло, голодно только: и въ свѣтломъ вагонѣ нѣмцы не кормятъ. „У насъ,—говорятъ,—и самимъ ѣсть нечего“. Что тутъ сдѣлаешь, коли и самимъ ѣсть нечего. Привезли меня въ нѣмецкій городъ Бранденбургъ и въ лазаретъ положили. Тутъ получше кормили, только вотъ насчетъ ногъ вышло опять плохо... Опять онѣ, ноги-то, у меня еще дальше загнили... Тутъ ужъ мнѣ отхватили обѣ ноги цѣликомъ... Вонъ какія стали...

Ноги у К—ина ампутированы въ верхней трети бедра, и самъ онъ теперь похожъ на обрубокъ. На лазаретномъ языкѣ К—инъ — „носилочный“, т.-е. человѣкъ, котораго можно только переносить. И такъ на всю остальную жизнь онъ останется „носилочнымъ“, и трудно представить себѣ, какъ же этотъ человѣкъ-обрубокъ будетъ доживать конецъ жизни?

Но жива въ этомъ человѣкѣ-обрубкѣ безпокойная и бодрая мысль.

— Руки у меня здоровыя — ни одной царапины. И нутро здоровое, и голова на плечахъ... Если мнѣ, примѣрно, до бревна добраться да топоръ въ руки — обчешу бревно не хуже кого другого! — говоритъ онъ твердо и увѣренно.

VII.

Все крестьяне и крестьяне среди инвалидовъ... Какъ будто на войнѣ только одна наша многострадальная деревня. Изрѣдка попадаются мѣщане, иногда—разночинецъ, совсѣмъ рѣдко—почетный гражданинъ, а купцы и дворяне — исключительныя одиночки. Встрѣтилъ я и инвалидовъ духовнаго вѣдомства: рясофорнаго монаха, бывшаго архіерейскаго пѣвчаго, и „внѣштатнаго псаломщика“, какъ назвался человѣкъ, раненый въ животъ пулей навылетъ.

Шутливымъ голосомъ, посмѣиваясь, онъ сказалъ:

— Хорошо, что глотка осталась цѣла, а то какъ бы я сталъ продолжать свое духовное служеніе.

Подумалъ немного и добавилъ:

— Да вотъ еще ногу правую жаль... Танцовать я люблю, а какъ теперь будешь танцовать? Пожалуй, и всѣ невѣсты отъ меня въ сторону... Гы-гы-гы!..—какъ-то странно большимъ своимъ кадыкомъ разсмѣялся онъ.

Помнится, и рясофорный монашекъ тоже пожалѣлъ о своей ампутированной правой рукѣ. Съ дѣтства монашекъ любитъ рыбу удить и теперь хочетъ приспособиться къ новымъ обстоятельствамъ своей жизни.

— Ну-у, ничего... Научусь рыбу и лѣвой рукой „подсѣкать“,— съ улыбкой заявилъ онъ, какъ будто вся его жизнь только и свелась къ тому, чтобы рыбу „подсѣкать“.

Мечтая о новомъ способѣ уженія, монашекъ какъ-то особенно махнулъ рукою, показывая, какъ надо подсѣкать клюнувшую рыбу.

На лазаретной койкѣ монашекъ вспоминалъ о какомъ-то большомъ и свѣтломъ озерѣ, верстахъ въ пяти отъ ихъ Х-ой пустыни. Разсказывалъ онъ, какая красивая дорога отъ ихъ пустыни до озера, какіе обрывистые берега у озера. И камыши въ тихихъ заводяхъ вспоминались ему, и лѣтнія зори на берегу озера вспоминались ему...

— Костерикъ этакъ горитъ, комары и мошкара надъ огнемъ вьются, а спать не хочется, потому—утро, заря... Чайничекъ поставишь къ огню, умоешься студеной водой, а тамъ и... здравствуйте, утро красное!..

Глаза его блестѣли при этихъ воспоминаніяхъ, и въ голосѣ слышалось что-то нѣжное, донесенное имъ съ береговъ того неизвѣстнаго мнѣ свѣтлаго озера.

Говорилъ онъ и о своей жизни въ пустыни до войны, осуждалъ строгаго игумена, который къ нему „всегда несправедливъ“, бранилъ и архіерея.

— А мобилизовался я, и нашъ о. Никодимъ подобрѣлъ.— „На-ка, говоритъ, тебѣ трешницу, отъ трудовъ праведныхъ обители: годится на войнѣ-то... Бога-то только не забывай“. А потомъ перекрестилъ и сказалъ: „иди съ Богомъ!“ И пошелъ я въ мобилизацію. Крестьяниномъ былъ — землю пахалъ, монашкомъ былъ—Господа прославлялъ и рыбку удилъ, а на войну пошелъ—изъ винтовки сталъ стрѣлять. Такъ и пошло одно къ одному, для чего человѣкъ надобенъ...

Вспоминаются мнѣ и разсказы внѣштатнаго псаломщика о его пребываніи въ духовномъ училищѣ, откуда онъ „несвоевременно“ вышелъ за „гусара“ спящему надзирателю. А потомъ начался разсказъ о послѣдующей жизни.

— Село у насъ большое, приходъ богатый, жаль только— батька нашъ жаденъ... Мать у меня въ селѣ и старшій братъ

На румынскомъ фронтѣ.
Городъ Текучіу. Городская площадь.

Рис. нашего военнаго корресп. *А. Н. Семенова.*

дьякономъ въ другомъ уѣздѣ: женатъ, пятеро ребятъ, и всѣ ужъ учатся. А я до войны не женился, да и теперь, вѣрно, не женюсь, потому какая невѣста на меня позарится...

Очевидно, у этого человѣка есть одна непоборимая мечта жизни—жениться. Я видѣлъ, какъ въ день прибытія партіи инвалидовъ внѣштатный псаломщикъ поспѣшилъ выбрить себѣ подбородокъ, немного подстригъ вихры своихъ рыжеватыхъ волосъ, а теперь сидитъ предо мною и крутитъ кончики красивыхъ темноватыхъ усовъ.

— А скоро ли нась, господинъ, домой отправятъ?—спросилъ онъ меня, не переставая крутить усъ.

— Вѣроятно, скоро,—отвѣчаю я,—это будетъ зависѣть отъ постановленія комиссіи.

— Какъ такъ?

— Она опредѣлитъ: кого—на излѣченіе, кого—на родину.

— Навсегда отъ военной службы?—съ какой-то поспѣшностью спросилъ онъ.

— Васъ, вѣроятно, навсегда.

— Куда же мнѣ!—съ улыбкой воскликнулъ онъ и, сидя на койкѣ, съ вытянутыми ногами, поглаживалъ свою контуженную и искривленную ногу.

— Танцовать трудно, а воевать еще труднѣе съ такой ногой!—пошутилъ онъ.

— Разумѣется,—согласился и я.

Когда я отходилъ отъ койки внѣштатнаго псаломщика, онъ вытащилъ изъ-подъ подушки два письма, запечатанныя въ конверты, и попросилъ:

— Опустите въ ящичекъ: маменькѣ пишу, что, молъ, живъ и здоровъ. О ногѣ не хочу писать—что ужъ тамъ безпокоить...

Другое письмо было адресовано какому-то Ивану Лукичу въ село Б., С—кой губерніи.

— Петроградъ вотъ тоже хотѣлось бы поглядѣть. Никогда не видѣлъ... А? Какъ вы думаете—пустятъ?

— Кто же запретитъ? Когда поѣдете на родину, то и увидите.

— Погляжу непремѣнно,—сказалъ онъ и улыбнулся,—письма-то не забудьте въ ящичекъ опустить, а то мать-то вѣдь семь мѣсяцевъ ничего обо мнѣ не слышала. Писалъ изъ плѣна, а отвѣта не получилъ. Да и жива ли она—Богъ вѣсть...

И глаза его опечалились.

Бывшій архіерейскій пѣвчій X.—культурнѣе монашка и внѣштатнаго псаломщика. Говоритъ онъ увѣренно и старается показать, что человѣкъ не простой. Онъ изъ мѣщанъ губернскаго города Р.

— Въ Р... родился, туда и умирать ѣду,—говорилъ онъ, отвѣчая на мои офиціальные вопросы статистика.

— Зачѣмъ же умирать?—старался я развѣять худыя мысли архіерейскаго пѣвчаго.

— Да это я такъ, къ слову... У меня вотъ только правая рука не дѣйствуетъ.

Лѣвой рукой онъ сдвинулъ къ плечу широкій рукавъ халата, вытянулъ изуродованную кисть. Разрывной пулей архіерейскій пѣвчій былъ раненъ въ ладонь. На ладони остались черные рубцы и впадины, пальцы посинѣли, высохли и навсегда скрючились, какъ будто обладатель такой руки держитъ что-то въ пальцахъ, чего и самъ не имѣетъ.

— Пальцы не разгибаются, почернѣли, высохли, — говоритъ онъ, — а пуля-то вонъ куда угодила, а потомъ и прошла къ локтю, — водитъ онъ пальцами по синей волнообразной чертѣ отъ кисти къ локтю. — Изуродовали руку, что подѣлать.

— Чѣмъ же вы занимались до войны?—задаю я офиціальный вопросъ.

— Въ архіерейскомъ хорѣ пѣлъ, въ Р...

— Вы изъ духовныхъ?

— Мѣщанинъ.... за хорошій голосъ меня въ хоръ архіерейскій выбрали, такъ этимъ и кормился. Теноръ у меня, первый. Мальчикомъ былъ—„исполатчикомъ“ былъ, а выросъ и тоже остался въ хорѣ: привыкъ, и никакой жизни мнѣ больше не надо. Въ плѣну горло простудилъ, думалъ: ну, пропалъ мой голосъ. Нѣмцы думали — дифтеритъ со мной или скарлатина, и въ заразный баракъ отправили, но оказалась обыкновенная ангина.

— Что же, голосъ не потеряли?

— Нѣтъ. У нѣмцевъ въ лагеряхъ пѣлъ.

— Позволяли?

— Позволяли, когда сами слышали,—съ нѣкоторымъ самоудовлетвореніемъ отвѣтилъ пѣвчій,—потому, отчего и не дозволять, все для насъ это было развлеченіемъ. Я еще и хоръ собралъ, выучивалъ пѣть, и хорошо пѣли. Нѣмцы же, бывало, и слушали. Слушали и хвалили. А что вы думаете, караульные эти, какъ узнали, что я пѣть умѣю хорошо, то и ко мнѣ лучше стали относиться.

— А плохо было въ плѣну?

— И не спрашивайте! Такъ плохо, что хоть кончай самоубійствомъ. А развѣ мало у насъ перевѣшалось, двое утопилось.

— Гдѣ?

— Въ рѣкѣ. А, можетъ-быть, и не утопились, а утонули—плавать не могли. Холодно ужъ очень было, въ сентябрѣ мѣсяцѣ

— Зачѣмъ же купались въ холодъ?

— Нѣмцы насильно гнали. Это, видите ли, у нихъ банями называется. А не мыться тоже нельзя—вши заѣли, бѣлье мѣсяцами не мѣняли, да и нечего было смѣнять-то. У меня, какъ на позицію пошли, въ чемоданѣ три рубахи было и трое кальсонъ. Передъ боемъ у мѣстечка Б. сбросилъ грязное бѣлье, надѣлъ чистое, и остались у меня двѣ рубахи и двое кальсонъ. А тутъ, какъ забрали въ плѣнъ, то изъ сумы у меня и послѣднюю рубаху съ кальсонами нѣмцы отобрали. Такъ и у каждаго отбирали почти все, а были и такіе добренькіе, по рубахѣ съ кальсонами оставятъ, а остальное все заберутъ.

Разсказчика перебилъ инвалидъ, сидѣвшій на койкѣ рядомъ:

— У меня тоже новые сапоги сняли. Отступали отъ мѣстечка М., командиръ приказалъ выдать всѣмъ новые сапоги. Хорошіе и мнѣ сапоги попали, думаю—ноги отдохнутъ немного. А тутъ нѣмцы сняли съ меня новые сапоги и старые надѣли. Короткіе попали—пальцы свернуло, въ подъемѣ жметъ.

Спокойно выслушалъ пѣвчій замѣчаніе сосѣда и продолжалъ:

— Ну, вотъ, и погнали насъ въ баню. А бани какія у нихъ, развѣ сравнить съ нашими русскими, хотя въ самой глухой деревнѣ!.. Поставили на берегу рѣчки бочки съ водою, мыла зеленаго дали. Лопаточкой почерпнутъ изъ ведра мыла жидковатаго да на тебя и польютъ, а ты ужъ самъ голову три, тѣло три этимъ мыломъ. Ну, какое же мытье: вода холодная въ бочкахъ и въ рѣчкѣ не тепла. А передъ мытьемъ выстроили насъ по четверо въ рядъ, а рубашки, кальсоны, штаны и мундиры отобрали да въ особыя дезинфекціонныя печки унесли. Стоимъ голые на вѣтру, на холодѣ—зубъ на зубъ не попадаетъ, а когда

На румынскомъ фронтѣ.
Въ офицерской халупѣ.

Рис. нашего военнаго корресп.
А. Н. Семенова.

очередь придетъ - по одному къ каждой бочкѣ и подходишь, влѣзешь въ бочку и моешься, а передъ тобой-то, можетъ-быть, въ этой бочкѣ ужъ не одинъ десятокъ людей вымылся, такъ въ бурой да грязной водѣ и моешься. А потомъ, мыльныхъ-то, въ рѣку гонятъ, а вода холоднущая. А кто боится холодной воды, на берегу мнется, не рѣшается въ воду броситься, того унтеръ резиновой или камышевой палкой подгоняетъ. Ну, и пойдешь и въ холодную воду влѣзешь. Такъ-то вотъ двое и утонуло въ холодной водѣ, а я зазябъ и простудился—воспаленіе легкихъ или бронхитъ схватилъ, да, слава Богу, скоро оправился. И вѣдь еще что:—изъ рѣчки-то выйдешь—ни полотенца у тебя, ни простыни, такъ голымъ стоишь и ждешь, пока изъ дезинфекціонной печи принесутъ тебѣ и рубаху съ кальсонами и штаны съ мундиромъ... Вотъ вѣдь какія нѣмецкія-то бани: мучительство, а не бани.

Мы помолчали.

— Я ругался съ докторомъ нѣмецкимъ: „зачѣмъ, говорю, вы портите насъ въ холодной водѣ? Сколько, говорю, послѣ такого купанья людей переболѣетъ. Какъ вамъ не стыдно!..

— А вы говорите по-нѣмецки?

— Да нѣтъ же, не говорю... Нѣмецъ докторъ былъ, а порусски хорошо говорилъ. До войны-то онъ въ Москвѣ жилъ и практику хорошую имѣлъ. Самъ мнѣ разсказывалъ. Я ему и говорю: „какъ же это вы, въ Москвѣ жили, русскимъ хлѣбомъ питались, а насъ здѣсь въ холодной водѣ простужаете?“—„А какъ же, говоритъ, быть-то? Вы тутъ обовшивите, въ грязи-то, хуже заболѣете“.—„Такъ сдѣлали бы настоящую баню, мы бы сами вамъ ее и построили“. Только рукой махнулъ русскій нѣмецъ и отошелъ отъ меня.

— А меня все-таки нѣмецкій докторъ этотъ пожалѣлъ,—продолжалъ онъ,—очень ужъ старался онъ бронхитъ мой излѣчить. „Ты, говоритъ, поешь хорошо, жаль, если голосъ потеряешь“.

Вечеромъ, когда инвалиды были собраны въ сосѣдній коридоръ на молитву около большого образа съ теплящейся лампадой, я слышалъ, какъ заливался своимъ первымъ теноромъ архіерейскій пѣвчій изъ города Р. Его красивый и высокій голосъ выдѣлялся изъ не совсѣмъ стройнаго хора простыхъ не обработанныхъ голосовъ.

Послѣ молитвы мы опять повстрѣчались съ нимъ въ коридорѣ, и я сказалъ:

— Я ходилъ слушать, какъ вы пѣли.

Онъ улыбнулся и что-то сказалъ мнѣ, но я не разслышалъ его словъ. Гулъ голосовъ возвращавшихся съ молитвы инвалидовъ, шарканье ногъ заглушили его мягкій и нѣжный голосъ.

Буковина. *Православная церковь въ Карпатахъ.*

Польша.

О, Польша, сколько испытаній
Судьбой назначено тебѣ!
Расцвѣтовъ сколько, отцвѣтаній
Въ твоей измѣнчивой судьбѣ!
О, сколько разъ заря блистала,
И снова дѣлалось темно,
Ты въ небо высоко взлетала,
Срывалась, падала на дно!..
Но времени потокъ холодный
Отваги пламенной не смылъ...
Свободы обликъ благородный,
Какъ прежде, цѣлъ, какъ прежде, милъ:
Не высохла живая лава,
И не развѣялась тоска.
Все та же честь и та же слава
Пылаютъ въ сердцѣ поляка!
Но вотъ свершилось! Вызовъ брошенъ.
Постыдную играя роль,
Въ Варшаву, не званъ и не прошенъ,
Вступить сбирается король!
И на твоемъ старинномъ тронѣ,
Поправъ славянства свѣтлый стягъ,
Въ твоей порфирѣ и коронѣ
Надменно встанетъ гордый врагъ...
Нѣтъ! Я не вѣрю! Быть не можетъ!
Богъ святотатцу отомститъ,
Вамъ Ченстоховская поможетъ,
И Остробрама защититъ.
Поляки! Недругу не вѣрьте!
Нужна тевтонамъ ваша кровь.
Свобода ихъ чернѣе смерти,
Отравы горче ихъ любовь!
...И слышитъ Русь далекій голосъ
Своей страдающей сестры:
„Моихъ полей растоптанъ колосъ,
Деревни польскія—костры.
Въ плѣну мои томятся дѣти,
Рѣкою льется кровь моя,
И униженія, и плети,
И слезы испытала я.
Съ любовью къ польскому народу
Они сжигали города,
И я славянскую свободу
Продамъ тевтонамъ?—Никогда!“

Георгій Ивановъ.

Буковина. *Сельская церковь въ Карпатахъ.*

Страна золота и налоговъ.

Очеркъ З. Рагозиной.

Весь міръ кричитъ о томъ, какъ Америка богатѣетъ отъ войны. Дѣйствительно. Америка или, вѣрнѣе, та часть ея промышленности, которая работаетъ на войну, наживается колоссально. Но,

На англійскомъ фронтѣ. *Англійскіе солдаты въ захваченныхъ у германцевъ блиндажахъ.*

какъ извѣстно, медаль имѣетъ и оборотную сторону. Эта сторона—предстоящая налоговая реформа,—предстоящая и даже уже отчасти начавшаяся. Такъ называемый „пересмотръ доходности страны" („Revision of the Revenue plan"), въ сущности, никогда не снимается съ программы занятій конгресса, и одной изъ послѣднихъ проведенныхъ имъ мѣръ была отмѣна нѣкоторыхъ мелочно придирчивыхъ налоговъ. всего на 20 милліоновъ долларовъ. и введеніе новыхъ или увеличеніе существующихъ болѣе, чѣмъ на 200 милліоновъ.

Когда отмѣнили взимаемый съ телеграммъ и телефонныхъ разговоровъ на небольшую дистанцію одинъ сентъ (около трехъ копеекъ). всѣ были очень рады. Не то заговорили, когда были значительно увеличены подоходный налогъ и налогъ на наслѣдства. Но это еще только начало. Теперь уже извѣстно, что съ 1917-го года (и тутъ уже выступаетъ оборотная сторона военной наживы), по примѣру Великобританіи и Канады, производители всякаго рода военнаго матеріала будутъ платить въ казну 12½%, т.-е. одну восьмую часть всей чистой прибыли съ такого производства. Корпораціямъ предложатъ платить подать за право „дѣлать дѣла", содержателямъ театровъ и всякихъ увеселительныхъ учрежденій — за право увеселять публику. Фабриканты табачныхъ издѣлій будутъ платить акцизъ съ количества выпускаемаго товара. а пивовары и винокуры со степени крѣпости своихъ продуктовъ.

Однимъ словомъ, готовится обширная и всесторонняя система извлеченія излишковъ изъ обывательскаго кармана на общественныя нужды, какъ видно изъ обстоятельной финансовой статьи, появившейся въ недавнемъ нумерѣ ежемѣсячнаго нью-іоркскаго „Обозрѣнія" („The American Review of Reviews").

Нѣтъ неблагодарнѣе должности, выпавшей на долю лицамъ, которымъ поставлена задача оформить это извлеченіе. Какъ ни признаётъ разумъ въ принципѣ необходимость даннаго налога, а на практикѣ справедливаго его распредѣленія, когда дѣло доходитъ до личнаго примѣненія, не въ натурѣ человѣческой не почувствовать себя обижаемымъ и какъ бы обираемымъ. На этой почвѣ выходятъ странныя несообразности, противорѣчія. Такъ, никто не станетъ оспаривать превосходства, въ смыслѣ справедливости, прямого обложенія надъ косвеннымъ. Однако подоходный налогъ, когда въ Америкѣ пытались его ввести въ концѣ истекшаго XIX вѣка, до того возмутилъ общественное чувство. что верховный судъ объявилъ его противнымъ конституціи, и онъ тогда былъ отмѣненъ. Казалось бы, менѣе обременительнаго и болѣе справедливаго налога быть не можетъ. какъ налогъ на наслѣдство: однако онъ въ Америкѣ далеко непопуляренъ. А кто не проклиналъ таможни, вмѣстѣ съ тѣмъ признавая ее охранительницей и воспитательницей отечественной промышленности, этой основы общаго благоденствія страны. Разгадка въ томъ, что прямые налоги именно непріятно, „прямо" врываются въ частную жизнь, тогда какъ налогъ на предметъ потребленія нечувствительно, „косвенно" вкрадывается въ нее.

До сравнительно недавняго времени государственная казна въ Америкѣ наполнялась почти исключительно косвенными налогами и неимовѣрно высокими таможенными пошлинами. Истощившая ее междоусобная война потребовала значительнаго увеличенія государственныхъ доходовъ, и были приняты къ тому разныя мѣры, а къ концу истекшаго XIX вѣка, послѣ длительныхъ горячихъ преній въ конгрессѣ, послѣдовалъ неудачный опытъ съ подоходнымъ налогомъ. Но съ началомъ новаго вѣка страна вступила на новый путь и съ большей рѣшимостью отнеслась къ быстро возрастающимъ общественнымъ и правительственнымъ нуждамъ. Оказавшійся неизбѣжнымъ пересмотръ таможеннаго тарифа, хотя исполненный далеко не въ радикальномъ духѣ, сильно однако отразился на бюджетѣ. Таможня, въ 1910 г. приносившая 333.683.000 долларовъ, за прошлый бюджетный годъ дала уже только 210.000.000. Въ этомъ пониженіи немалую роль сыграла, конечно, война, уменьшивъ ввозъ товаровъ изъ-за границы, особенно изъ Германіи. Это, повидимому, дало окончательный толчокъ въ сторону прямого обложенія, тѣмъ болѣе, что въ томъ же направленіи дѣйствуетъ примѣръ европейскихъ странъ, въ особенности Великобританіи. Знаменательна настойчивость, съ которой лидеры партій въ обѣихъ палатахъ безпрестанно указываютъ на то, какими методами Англія вотъ уже много лѣтъ покрываетъ свои текущіе расходы, усиленно подчеркивая тотъ фактъ, что до 1914 г. она 58% всего государственнаго дохода получала отъ налоговъ на доходы и наслѣдства.

Съ другой стороны, конгрессъ проявилъ замѣчательную независимость отъ европейскихъ финансовыхъ методовъ, упорно отказываясь увеличить весьма незначительный національный долгъ. Въ междоусобную войну Америка волей-неволей вошла въ громадные долги,—„неоплатные", какъ, не безъ ехидства, съ притворнымъ соболѣзнованіемъ указывали ея сомнительные доброжелатели. Цѣной большихъ усилій справившись съ этой обузой въ удивившій всѣхъ короткій срокъ, она, повидимому, рѣшила въ будущемъ избѣгать повторенія ея. „Пользуясь лучшимъ въ мірѣ кредитомъ,—пишетъ авторъ приводимой статьи,—и при національномъ долгѣ, совокупность котораго не оплатила бы содержаніе нынѣ воюющихъ армій въ теченіе одного мѣсяца, мы предпочитаемъ покрывать наши расходы изо дня въ день собираемыми наличными деньгами, не увеличивая нашихъ обязательствъ. Въ 1875 г. (вскорѣ по окончаніи междоусобной войны) мы платили процентовъ по національному долгу слишкомъ 2 доллара съ души населенія, теперь же платимъ всего 23 сента".

Въ настоящее время это принципіальное отвращеніе къ займамъ сказывается весьма рѣшительно. Казенный сундукъ требуетъ немедленнаго восполненія въ небывалыхъ размѣрахъ. Во-первыхъ, оказывается дефицитъ: во-вторыхъ, готовится увеличеніе расходовъ, ни съ какими прецедентами несообразное. Дефицитъ довольно значительный: 469 милліоновъ. Замѣтную роль въ немъ играетъ пересмотръ возмущавшаго всѣхъ чрезмѣрнаго таможеннаго тарифа. Затѣмъ мексиканская экспедиція поглотила большія, непредвидѣнныя въ бюджетѣ 1916 года, наличныя суммы: около 130 милліоновъ на сооруженіе самой экспедиціи, слишкомъ 320 милліоновъ добавочныхъ на содержаніе арміи и флота, 20 милліоновъ на укрѣпленія и т. д. Такъ что говорятъ даже о возможности внутренняго займа. Но если эта мѣра и состоится, она будетъ лишь временная и частич-

ная. Во внутренней политикѣ страны происходитъ переломъ, обусловливаемый признанной наконецъ необходимостью оборонительнаго вооруженія ея, достаточнаго для отраженія любого нападенія, а можетъ-быть, дастъ Богъ, для предотвращенія таковго. Этотъ переломъ, воплощаемый въ одномъ словѣ: „подготовленность" („preparedness"), обязываетъ къ немедленному принятію финансовыхъ мѣръ, самыхъ широкихъ и рѣшительныхъ, на почвѣ, конечно, соотвѣтственнаго налоговаго обложенія. Въ основу его кладется принципъ наивозможно-меньшаго обремененія неимущихъ и трудящихся (чѣмъ исключаются новые налоги на предметы потребленія), и примѣненія въ обширныхъ размѣрахъ обложенія, падающаго на богатыхъ и наживающихся. Разрѣшить эту задачу можно единственно только радикальной переработкой и значительнымъ расширеніемъ подоходнаго налога, съ распространеніемъ его не только на „незаработанную прибыль", но и на чрезмѣрные барыши, получаемые хотя бы отъ усиленной работы. Косвенный налогъ допускается, поскольку онъ падаетъ на предметы, явно составляющіе роскошь, и на увеселенія.

Подоходный налогъ за 1915 г. принесъ слишкомъ 43 милліона долларовъ, а налогъ на корпораціи—почти 40 милліоновъ. Въ этотъ періодъ входило первое полугодіе войны, время для Америки очень тяжелое, когда во всей странѣ чувствовалось удрученіе и застой въ дѣлахъ и промышленности, при большихъ убыткахъ и прямыхъ личныхъ потеряхъ. Но пошли военные заказы—и все измѣнилось съ молніеносной быстротой. Кончавшійся въ іюнѣ истекшаго 1916 года бюджетный годъ завершилъ собою годъ небывалой урожайности и небывалаго промышленнаго (собственно, военно-промышленнаго) напряженія, оплачиваемаго притомъ по небывалому масштабу. Одинъ подоходный налогъ за іюнь мѣсяцъ 1916 г. далъ 96 милліоновъ долларовъ — почти въ два съ половиной раза столько, сколько совокупность всѣхъ прочихъ налоговъ за тотъ же мѣсяцъ, вмѣстѣ взятыхъ. Къ этому же времени подоспѣла вызванная тяжкимъ чужимъ опытомъ агитація о необходимости всенародной военно-оборонительной „подготовленности", приведшая къ рѣшенію немедленно приступить къ оборудованію ея въ широчайшихъ размѣрахъ, а затѣмъ—къ постоянному содержанію ея въ полномъ порядкѣ. Обезпечить требующіяся на такую программу колоссальныя наличныя и постоянно прибывающія суммы—такова задача, разрѣшенія которой страна ожидаетъ отъ своего конгресса. Что разрѣшеніе будетъ найдено, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и не въ мѣру нажившимся заводчикамъ, фабрикантамъ, посредникамъ, подрядчикамъ и прочему люду, причастному къ этой гигантской мобилизаціи труда и капитала, придется поступиться крупной долею добытой прибыли. А человѣкъ такъ ужъ созданъ, что, признавая въ теоріи необходимость той или другой сопряженной съ общественными жертвами мѣры, когда дѣло доходитъ до практическаго примѣненія, каждый считаетъ, что другимъ такъ и надо, но себя чувствуетъ такъ или иначе обиженнымъ.

Итакъ, начнемъ съ подоходнаго налога. Въ настоящемъ видѣ закона, съ дохода свыше 3.000 долларовъ для безбрачныхъ и 4.000 для женатыхъ, до 20.000, взимается 1 долларъ съ 1.000: впредь будетъ взиматься 2 доллара. Свыше 20.000 „къ нормальному налогу набавлено 10 долларовъ съ каждой тысячи". Кромѣ того, „тяжелый добавочный налогъ" будетъ взиматься съ доходовъ, превышающихъ 100.000, а доходъ съ 2-хъ милліоновъ платитъ 13%. Отъ этого усиленнаго налога ожидаютъ въ грядущемъ году отъ 25 до 30 милліоновъ долларовъ. „Трудно впередъ разсчитать, сколько долженъ принести налогъ на наслѣдства, такъ какъ это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ смертности среди богачей. Полагаютъ, что, когда налогъ будетъ урегулированъ и начнетъ дѣйствовать въ полной силѣ, онъ дастъ не меньше 50 милліоновъ, а можетъ-быть, и всѣ 65. Съ наслѣдства, не превышающаго 50.000 долларовъ или соотвѣтствующей стоимости, будетъ взиматься 1%; отъ 50.000 до 150.000—2%; отъ 150.000 до 250.000—3%—и т. д. до 10% съ наслѣдства, оцѣненнаго въ 5 милліоновъ и больше". Хорошо, что этотъ налогъ, въ сущности, ложится только на богатыхъ и очень богатыхъ.

Всѣхъ менѣе возраженій встрѣчаетъ предполагаемое обложеніе прибыли отъ производства всякаго рода снарядовъ и военнаго матеріала. Справедливость такого налога признается всѣми; притомъ онъ долженъ прекратиться въ годовой срокъ послѣ выпуска президентомъ прокламаціи, возвѣщающей, что война кончилась. Полагаютъ, что за бюджетный годъ, кончающійся 30-го іюня 1917 года, онъ дастъ не меньше 70 милліоновъ. Налогу будетъ подлежать выдѣлка пороха и всякихъ взрывчатыхъ веществъ, патроновъ, метательныхъ снарядовъ, гранатъ, торпедъ, шрапнели и сооруженіе всякаго огнестрѣльнаго оружія, какъ то: револьверовъ, винтовокъ, пулеметовъ, всѣхъ калибровъ орудій, а также штыковъ.

Предметы перваго разряда (порохъ и снаряды) будутъ платить съ валового дохода до одного милліона 5%, а съ суммы, превышающей милліонъ—8%; предметы второго разряда (орудія и огнестрѣльное оружіе) платятъ 2% съ валового дохода до 250 тыс. долл.,—3% до 350 тыс. долл.,—5% съ милліона и больше. Кромѣ того, устанавливается добавочный налогъ на мѣдную руду, на мѣдь, чистую и съ примѣсью другихъ металловъ: 1% съ валового отъ продажи этихъ матеріаловъ до одного милл., 2% до 10 милл. и 3% отъ продажи выше этой суммы. Въ случаѣ же, если бы чистый доходъ отъ продажи или употребленія ихъ не достигалъ 10% съ затраченнаго капитала, налогъ не взимается. Теперь жалѣютъ, что съ этимъ налогомъ нѣсколько опоздали. Будь онъ установленъ годомъ раньше, онъ далъ бы еще не такіе результаты, какихъ теперь отъ него ожидаютъ. Взрывчатыя вещества, вывезенныя изъ Америки въ бюджетный годъ, окончившійся 30-го іюня 1916 г., оцѣниваются въ 467.081.000 долл. (почти 934.162.000 руб. по нормальному курсу). Мѣди одной было вывезено свыше 700 милл. фунтовъ, что представляетъ денежную стоимость въ 159.491.000 долл. (478.473.000 руб.). Въ настоящее же время заказы и вывозъ нѣсколько уменьшились. Такой же налогъ уже дѣйствуетъ въ Канадѣ, Великобританіи, Франціи, Италіи, Даніи и Швеціи, также и въ Германіи.

Таковы главныя намѣченныя черты налоговой программы.

Въ видѣ прибавленія и для иллюстраціи невѣроятно быстраго развитія этой удивительной республики, авторъ даетъ рядъ таблицъ, показывающихъ государственные приходы и расходы по разнымъ вѣдомствамъ отъ 1800 г. до 1915 г. включительно, для сравненія раздѣливъ эти 115 лѣтъ, покрывающихъ въ сущности все ея существованіе, на нѣсколько меньшихъ періодовъ: 1800—1825, 1850—1865 и т. д. За многіе такіе періоды приходы и расходы болѣе чѣмъ удваиваются. Сопоставленіе цифръ прихо-

Твердая опора.

Англійскіе солдаты у склада боевыхъ снарядовъ и ручныхъ гранатъ. Ручныя гранаты съ тесьмами для метанія съ руки, „прослоенныя" рядами снарядовъ.

На западномъ фронтѣ. Смерчъ войны. *Здѣсь была деревня Лонгваль.*

довъ и расходовъ за первый и послѣдній изъ отмѣчаемыхъ годовъ наглядно, въ общихъ цифрахъ, показываетъ баснословный ростъ страны. Вотъ эти цифры:

Приходъ за 1800 г.: 10.089.000 долл. За 1915 г.: 625.455.000 долл.
Расходъ за 1800 г.: 10.811.130 долл. За 1915 г.: 702.643.000. долл.

Положимъ, что въ 1800 г. штатовъ было всего одиннадцать, и что деньгамъ въ ту пору цѣна была не та, что нынѣ. Но возьмемъ таблицу за послѣднія пятнадцать лѣтъ, по краснорѣчивости своей не требующую комментарій.

	Расходъ.	Приходъ.
1900 г.	487.713.792 долл.	567.240.852 долл.
1910 „	659.705.391 „	675.511.715 „
1915 „	731.527.572 „	695.663.190 „

Въ 1917 году ожидается прихода 967.000.000, а расходовъ намѣчено на 1.126.243.000. Разницу въ 159.243.000 предполагается покрыть: 130 милліоновъ внутреннимъ займомъ, а 29.243.000 взять изъ запаснаго фонда.

Жизнь вещей.

Разсказъ **В. Свѣтлова.**

Весны нѣтъ какъ нѣтъ... Сѣро-зеленое небо подъ цвѣтъ защитныхъ рубахъ той безконечной массы людей, которая, какъ многоводные и безчисленные рѣки и ручейки, вливается въ Галицію по ея шоссейнымъ и проселочнымъ дорогамъ изъ таинственной необъятной дали, которая зовется Россіей. По краямъ этихъ покрытыхъ глубокою грязью дорогъ высятся горы снѣга, высокія горы, и когда онѣ растаютъ подъ этимъ сѣрымъ небомъ—Богъ вѣсть! А за ними бѣлѣютъ галиційскія поля. Кое-гдѣ тянутся возы, запряженные волами, и за ними хмуро и понуро идутъ русины въ дубленыхъ полушубкахъ, расшитыхъ цвѣтными узорами.

— Слава Іисусу Христу!—говорятъ они при встрѣчѣ.

— Слава вовѣки,—отвѣчаютъ имъ.

При встрѣчѣ съ автомобилемъ лошади ихъ начинаютъ шарахаться въ сторону, бѣсятся въ паническомъ ужасѣ, становятся поперекъ дороги, и нужно долго и много кричать, чтобы заставить русина встать съ возка и взять лошадей подъ уздечку.

Небо хмурится, и снѣгъ сыплетъ, сыплетъ безъ конца; холодный рѣзкій вѣтеръ забирается въ рукава, знобитъ ноги, врывается подъ бурку.

Но вотъ безконечный снѣжный туннель окончился. Влѣво отъ дороги, на обширномъ плато стоитъ каменная вилла, окруженная садомъ. Передъ виллой, очевидно, были куртины цвѣтовъ, газонъ, аллеи. У виллы на высокомъ шестѣ значокъ полка. У каменной лѣстницы, ведущей въ вестибюль,—денежный ящикъ. А по дорожкѣ взадъ и впередъ ходитъ часовой въ черкескѣ съ обнаженной шашкой. Стоитъ нѣсколько лошадей подъ казачьими сѣдлами. И нѣсколько всадниковъ, прибывшихъ съ донесеніями.

Вилла эта, занятая сейчасъ штабомъ полка, принадлежитъ австрійскому офицеру. Онъ полякъ и ушелъ на войну. Сражается въ рядахъ австрійскихъ войскъ противъ насъ. Онъ покинулъ свой богатый домъ, ничего не прибравъ, на руки экономки и мальчика-слуги Юзека.

Вилла превосходно устроена. Обширный вестибюль въ два свѣта. По верху идетъ галлерея, за рѣшеткой которой помѣщается канцелярія полка. Цѣлый день стучитъ пишущая машина.

Огромныя, точно въ костелѣ, стекла изъ литого фигурнаго стекла пропускаютъ матово-болѣзненный свѣтъ. Стоитъ разстроенный отъ долгаго молчанія вѣнскій рояль. На суконной, вышитой шелками покрышкѣ лежатъ въ безпорядкѣ ноты. Все больше венгерскія народныя пѣсни въ легкой аранжировкѣ, австрійскіе марши, вѣнскіе вальсы.

Кто-то взялъ нѣсколько аккордовъ, и рояль зазвучалъ хрипло, болѣзненно, фальшиво, какъ разбуженный неосторожной рукой тяжко больной. Сдѣлалось жутко и непріятно. На каминѣ дорогіе англійскіе часы съ разными затѣями. Когда-то они показывали время и мѣсяцы и недѣли и дни, а музыкальный валикъ игралъ каждый часъ старинныя англійскія мелодіи. Но они давно замолкли, съ первымъ грохотомъ пушекъ. Теперь они молчатъ, и стрѣлки ихъ безжизненно остановились на пяти часахъ.

Я тронулъ маятникъ и валикъ. Маятникъ закачался, валикъ издалъ жалобный звукъ, и все опять замолкло. И я понялъ, что не надо тревожить души вещей, жизнь которыхъ угасла.

Я прошелъ въ свою комнату. Она увѣшена фотографіями въ большихъ, тяжелыхъ и безвкусныхъ рамахъ. Это все полуобнаженныя женщины. На одномъ изъ столиковъ Empire сиротливо стоитъ портретъ хорошенькой танцовщицы съ надписью по-англійски: „Люби меня, мой дорогой“. На трюмо старинный альбомъ съ выцвѣтшими фотографіями польскихъ актрисъ—очевидно, знаменитостей—въ старомодныхъ платьяхъ. На другомъ столикѣ раскрытая французская книжка. Разсказы Мопассана! Послѣднія двѣ строки разсказа „Découverte“ подчеркнуты.

„Tu ne te figures pas comme ça peut être bête quelquefois, une femme“.

Мы пошли въ столовую ужинать. Столовая—обширная комната съ окномъ во всю стѣну, прямо на дорожку, обсаженную соснами, а можетъ-быть, продѣланную среди бора.

Стѣны украшены тарелками и блюдами Saxe. Буфетъ полонъ дорогого богемскаго хрусталя. На столѣ цвѣты изъ оранжерей помѣстья. Экономка съ Юзекомъ принесла ихъ, чтобы украсить офицерскую походную трапезу, подлаживаясь подъ новый строй, или желая заслужить благоволеніе „завоевателей“, или, можетъ-быть, просто, чтобы цвѣты зря не пропали—все равно ихъ дѣвать некуда. Юзекъ шлепалъ босыми ногами съ черными, какъ земля, пальцами и таскалъ горшки; экономка украшала ими столъ. Это — не старая женщина, блондинка съ ярко-красными щеками. Она иногда злоупотребляла остатками помѣщичьяго виннаго погреба. Одиночество, тоска о прошлой счастливой жизни или ворвавшаяся, какъ ураганъ, новая жизнь, воцарившаяся въ заброшенной усадьбѣ, заставила ее искать забвенія въ живительныхъ струяхъ токайскихъ и венгерскихъ винъ и медовъ.

Въ углу стоялъ граммофонъ, а на полубуфетѣ въ ужасающемъ изобиліи лежали пластинки. И тутъ все больше марши и вальсы, итальянскія аріи въ исполненіи Слезака и Карузо, венгерскіе танцы.

Ужинать кончили рано, и всѣ разошлись по комнатамъ. И когда я вошелъ въ спальню австрійскаго офицера и вновь увидѣлъ раскрытый разсказъ Мопассана съ подчеркнутыми словами, и портреты полуобнаженныхъ женщинъ, и фотографію танцовщицы въ полусвѣтѣ догоравшей подъ краснымъ абажуромъ лампы, я ощутилъ странное чувство: какъ будто я ворвался въ чужую интимную жизнь или, притаившись за замочной скважиной, безмолвно подсматриваю, что творится за дверью. И мнѣ казалось, что я вижу и знаю этого австрійскаго офицера, этого богатаго помѣщика съ его легкими вѣнскими вкусами, съ его любовью

къ легкой и пошловатой музыкѣ, къ легкимъ и красивымъ женщинамъ, общеніе съ которыми породило въ немъ неуваженіе къ нимъ. И ему пришлась по душѣ такъ созвучно отвѣтившая его настроеніямъ подчеркнутая имъ фраза изъ разсказа Мопассана. Покинутая и заброшенная усадьба, покрытыя пылью безмолвныя вещи говорятъ иногда больше, чѣмъ личное знакомство съ ихъ хозяиномъ. И вотъ сейчасъ, въ эту ночь, хмурую и холодную, онъ сидитъ гдѣ-нибудь въ окопѣ, по ту сторону Днѣстра, въ суровыхъ и тяжелыхъ условіяхъ боевой жизни и, можетъ-быть, грезитъ о той сытой и легкой жизни, которую велъ въ своей богатой загородной виллѣ.

Съ этими мыслями я сталъ засыпать на его кровати. Но вдругъ раздался чей-то сладостный голосъ. Знакомые звуки. Пѣла женщина... Что-то близкое, много разъ слышанное. Какъ странно, какъ жутко! Среди глухого ночного безмолвія жалостливая предсмертная арія. Да, это арія Мими изъ „Богемы"! И вдругъ раздирающій, рѣзко фальшивый звукъ, потомъ другой, третій...

Бѣдная, милая „красавица Мими"! Что это съ нею?

Не въ мѣру „утѣшившаяся" въ этотъ вечеръ экономка усадьбы вздумала развлекаться граммофономъ и поставила пластинку съ предсмертной аріей Мими изъ „Богемы". И пластинка оказалась испорченной. Ужасающіе фальшивые выкрики умиравшей Мими разбудили весь домъ. Экономка пыталась оправдываться: запасныхъ иголокъ у нея не было подъ рукой, и она поставила иглы отъ акацій. Онѣ лучше стальныхъ—меньше слышно шипѣніе.

Насилу ее прогнали.

И вновь наступаетъ мрачная тишина. Мимо окна ходитъ часовой у денежнаго ящика. Среди холоднаго безмолвія ночи издалека бухаетъ послѣдній глухой выстрѣлъ орудія, заканчивающаго дневной бой.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Можно ли ожидать нарушенія нейтралитета Швейцаріи.

I.

Изъ года въ годъ періодъ зимней подготовки къ предстоящимъ весной крупнымъ событіямъ вмѣстѣ съ тѣмъ является періодомъ всевозможныхъ слуховъ и гаданій на тему о томъ, на какомъ фронтѣ слѣдуетъ ожидать развитія большихъ боевъ. Въ прошломъ году передъ тѣмъ, какъ началось наступленіе противника у Вердена,—что и слѣдуетъ считать началомъ большой кампаніи прошлаго года, въ печати также циркулировали всевозможные слухи и объ ожидающемся весною наступленіи противника у Риги и Двинска, и о неизбѣжномъ наступленіи германо-болгарскихъ войскъ на салоникскую армію Саррайля, и о намѣреніи противника прорваться въ направленіи къ Калэ и т. п.

Въ нынѣшнемъ году, съ окончаніемъ румынской операціи, стали циркулировать такіе же слухи, при чемъ „версіи" были одинаковы съ прошлогодними. Однако затѣмъ, совершенно неожиданно, сталъ циркулировать слухъ о возможномъ нарушеніи нѣмцами швейцарскаго нейтралитета.

Очевидно, основаніемъ для такого слуха послужила вполнѣ выяснившаяся невозможность для нѣмцевъ прорвать англо-французскій фронтъ. Хотя уже послѣ Марны и послѣ сраженія на Изерѣ можно было не сомнѣваться въ томъ, что нѣмцы не въ состояніи создать для себя какой-либо крупный успѣхъ на англо-французскомъ фронтѣ,—тѣмъ не менѣе для многихъ это раньше представлялось не совсѣмъ яснымъ и, повидимому, даже для самихъ нѣмцевъ. Понадобилась цѣлая кампанія 1916 г., понадобились „Верденъ" и „Сомма", чтобы наконецъ стало уже для всѣхъ вполнѣ яснымъ, что никакого прорыва англо-французскаго фронта нельзя ожидать въ теченіе всей нынѣшней войны.

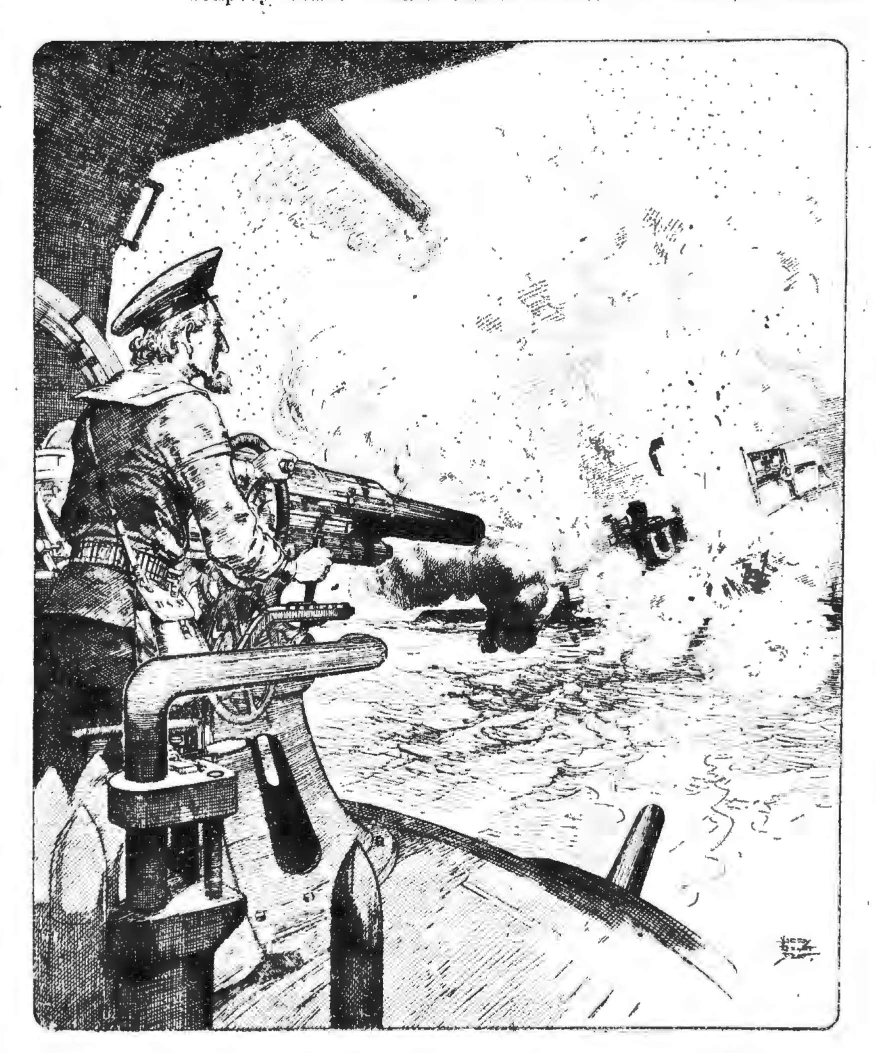
Однако было также ясно, что для нѣмцевъ выгоднѣе прежде всего искать рѣшительнаго исхода на западномъ фронтѣ, а только потомъ уже на восточномъ. Въ связи съ этимъ и возникли слухи о намѣреніи нѣмцевъ нарушить нейтралитетъ Швейцаріи для того, чтобы такимъ путемъ обойти англо-французскій фронтъ. Правда, эта идея, — о возможности нарушенія нѣмцами нейтралитета Швейцаріи для обхода англо-французскаго фронта,—и ранѣе обсуждалась въ печати, съ самаго начала войны, послѣ того, какъ нарушеніе нейтралитета Бельгіи обнаружило готовность противника исключительно считаться со стратегическими соображеніями, откидывая въ сторону, въ случаѣ надобности, всякія международныя обязательства.

Тѣмъ не менѣе эти слухи никогда еще не повторялись такъ упорно и настойчиво, какъ въ нынѣшнемъ году, когда неудача противника у Вердена обнаружила, что прямымъ путемъ, фронтальнымъ ударомъ, нѣмцы ничего не могутъ сдѣлать на Западѣ, почему и слѣдуетъ якобы ожидать, что они будутъ искать обходныхъ путей черезъ Швейцарію.

Конечно, никто не знаетъ истинныхъ намѣреній противника,—тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время нѣмцы окружаютъ свои планы большой тайной и особенно стараются затемнить положеніе всякаго рода демонстративными боями на различныхъ фронтахъ. Однако это не исключаетъ возможности объективно оцѣнить обстановку и на основаніи этихъ данныхъ сдѣлать выводъ о томъ, выгоденъ ли противнику данный маневръ, возможность котораго приписываютъ ему, или невыгоденъ. Если такой маневръ выгоденъ, — онъ вѣроятенъ, если невыгоденъ, — онъ весьма маловѣроятенъ, ибо мы не имѣемъ основаній приписывать противнику стремленіе ввязываться въ невыгодныя для него предпріятія, дѣлать себѣ что-либо во вредъ, рискуя при такомъ способѣ разсужденія забраться лишь въ самыя непроходимыя дебри.

Именно съ этой точки зрѣнія, — выгодно или невыгодно для противника нарушить нейтралитетъ Швейцаріи,- мы должны считать, что такой шагъ противника въ высшей степени маловѣроятенъ. Это, конечно, не потому, что противникъ былъ бы неспособенъ нарушить нейтралитетъ Швейцаріи, ибо слишкомъ хорошо извѣстно, что нѣмцы своимъ образомъ дѣйствій доказали противное,—а исключительно потому, что нарушать нейтралитетъ Швейцаріи для противника нѣтъ абсолютно никакого расчета.

Нѣмцы сами до войны довольно откровенно намекали на предстоящее нарушеніе нейтралитета Бельгіи, и это можно было ясно видѣть изъ различнаго рода предположеній и сужденій нѣмецкой военной литературы по вопросу о будущей войнѣ. Что же касается нарушенія нейтралитета Швейцаріи, то по этому вопросу также высказывались взгляды въ нѣмецкой военной



Новый Свѣтъ въ міровой войнѣ.

литературѣ, при чемъ нѣмцы заявляли, что нарушеніе нейтралитета Швейцаріи не можетъ представить для нихъ стратегическихъ выгодъ.

Конечно, не это заявленіе нѣмцевъ о невыгодѣ для нихъ нарушить нейтралитетъ Швейцаріи должно насъ убѣдить въ томъ, что нарушенія швейцарскаго нейтралитета не произойдетъ, хотя вообще можно видѣть, что нѣмцы всегда довольно откровенно обсуждали всякаго рода стратегическія комбинаціи, намѣчавшіяся ими для будущей европейской войны. Эта откровенность частью объясняется тѣмъ, что въ широкомъ смыслѣ планъ кампаніи скрыть вообще трудно, такъ какъ очертаніе границъ, расположеніе крѣпостей, направленіе желѣзнодорожныхъ путей, оборонительныхъ линій рѣкъ и горъ, мирная дислокація войскъ и проч. всегда рисуютъ въ общихъ абрисахъ основную идею плана войны еще и въ мирное время.

II.

Какъ бы то ни было,—совершенно не считаясь даже съ тѣми взглядами, которые высказывались въ нѣмецкой военной литературѣ по вопросу о нарушеніи нейтралитета Швейцаріи,—мы все же должны прійти къ выводу, что вся обстановка, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ, говоритъ за то, что у нѣмцевъ нѣтъ никакихъ основаній произвести маневръ черезъ нейтральную Швейцарію. Прежде всего хорошо извѣстно, что для современныхъ армій съ ихъ громадными грузами гористые районы представляютъ большія трудности и въ смыслѣ движенія и въ смыслѣ маневрированія, а въ особенности такой гористый районъ, какимъ являются Швейцарскія Альпы и рядомъ съ ними пограничная между Швейцаріей и Франціей горная цѣпь Юра. Даже и въ самомъ ходѣ войны на западномъ фронтѣ можно найти еще одно лишнее подтвержденіе этой „формулы"—о недоступности горныхъ районовъ для большихъ массъ современныхъ армій.

Такъ, напримѣръ, крупныя силы обѣихъ сторонъ въ нынѣшней войнѣ были сосредоточены и вели бои исключительно на сѣверной половинѣ англо-французскаго фронта, т.-е. на участкѣ между Верденомъ и Сѣвернымъ моремъ, гдѣ мѣстность относительно доступна. Южная половина фронта, прилегающая къ Эльзасу, все время была райономъ лишь второстепенныхъ дѣйствій, столкновеній лишь относительно небольшихъ группъ войскъ, что прежде всего объясняется тѣмъ, что въ такой гористой мѣстности крайне трудны дѣйствія значительныхъ массъ.

Правда, могутъ возразить, что второстепенный характеръ операцій на южной половинѣ французскаго фронта можетъ быть объясненъ тѣмъ, что тамъ расположенъ „желѣзный барьеръ" — крѣпости Бельфоръ, Эпиналь и Туль. Однако едва ли эти крѣпости могли сыграть столь значительную роль. Нѣмцы всегда знали, что на путяхъ во Франціи будутъ находиться крѣпости, и, какъ мы знаемъ, приготовили для этого свою знаменитую 42-сантиметровую артиллерію, считая необходимымъ, если понадобится, сломить эти преграды и пойти непремѣнно по тому пути, который имъ будетъ подсказанъ стратегическими расчетами,—невзирая на наличіе тамъ сильныхъ укрѣпленій.

Такимъ образомъ, противъ возможности нарушенія нѣмцами нейтралитета Швейцаріи говоритъ не только гористый характеръ Швейцарскихъ Альпъ и пограничной Юры, но и то непомѣрное „удлиненіе фронта", съ которымъ былъ связанъ „швейцарскій маневръ" нѣмцевъ. Намъ уже на примѣрѣ „румынской операціи" пришлось наблюдать, какія чрезвычайныя усилія дѣлаетъ противникъ для того, чтобы „сократить" свои громадные фронты, и, по существу, вся „румынская операція" была не чѣмъ инымъ, какъ „операціей по сокращенію фронта". Вполнѣ естественно, что противникъ не можетъ не учитывать двухъ „параллельныхъ" данныхъ: съ одной стороны — неизбѣжное постепенное уменьшеніе „живой силы" центральныхъ имперій, а съ другой стороны — непрерывное увеличеніе фронтовъ, благодаря постепенному присоединенію къ державамъ согласія сначала Италіи, а затѣмъ и Румыніи. Послѣднее вызываетъ необходимость увеличивать число войскъ на фронтахъ, вслѣдствіе удлиненія самихъ фронтовъ, а между тѣмъ естественная убыль въ теченіе войны уменьшаетъ эти силы и требуетъ, наоборотъ, „сокращенія фронта".

Изъ этого можно видѣть, что имѣется и вторая причина, которая должна остановить нѣмцевъ отъ соблазна нарушить нейтралитетъ Швейцаріи, а именно—неизбѣжное новое „удлиненіе фронта", тогда какъ противнику приходится стремиться къ обратному, къ „сокращенію фронта", дабы имѣть возможность съ оставшимися убывающими силами оборонять многочисленные театры европейской войны.

Еще далѣе, разбираясь въ этомъ вопросѣ, мы должны отмѣтить, что французы еще въ мирное время учли всѣ возможныя и невозможныя комбинаціи и въ томъ числѣ столь маловѣроятную возможность, какъ движеніе нѣмцевъ въ обходъ черезъ Швейцарію. Извѣстно, что, въ силу этого, французы еще задолго до нынѣшней войны преградили всѣ пути въ обходъ самой южной французской крѣпости Бельфора цѣлымъ рядомъ фортовъ: фортъ Монъ-Водуа, близъ Герикура, фортъ Шо, близъ Монбельяра и фортъ Ломонъ. Форты эти заграждаютъ всѣ пути, ведущіе въ обходъ Бельфора съ южной стороны, на тотъ случай, если бы противникъ почему-либо рѣшилъ нарушить нейтралитетъ Швейцаріи.

Независимо отъ этихъ „передовыхъ" фортовъ, расположенныхъ близъ самой границы, у французовъ имѣется недалеко отъ швейцарской границы „извѣстная крѣпость" Безансонъ. Крѣпость Безансонъ расположена въ 63 верстахъ отъ швейцарской границы и въ 75 верстахъ за Бельфоромъ. Цѣлый рядъ фортовъ, расположенныхъ на командующихъ возвышенностяхъ, образуетъ большой крѣпостной районъ въ нѣсколько оборонительныхъ линій съ бастіонной оградой вокругъ города.

Такимъ образомъ, помимо фортовъ, преграждающихъ пути въ обходъ Бельфора съ юга, черезъ Швейцарію, имѣется на границѣ Швейцаріи и Франціи оборонительная линія, образуемая труднодоступной цѣпью горъ Юры, а сзади этой горной цѣпи находится „центральный узелъ обороны" — большая крѣпость Безансонъ.

Еще далѣе отмѣтимъ большую крѣпость Лангръ, прикрывающую выходъ изъ долины Рейна въ долину Марны. Это также большая крѣпость, расположенная на обширномъ плато, которая на высотѣ свыше 60 саженъ командуетъ окружающими ее долинами рѣкъ Марны и Боннель. Вмѣстѣ съ тѣмъ она расположена на линіи желѣзной дороги изъ Бельфора въ Парижъ и является узломъ трехъ другихъ желѣзнодорожныхъ путей, изъ которыхъ одинъ идетъ на Нанси.

Вслѣдъ за Безансономъ и Лангромъ отмѣтимъ весьма обширную французскую крѣпость Дижонъ, препятствующую противнику обойти крѣпость Лангръ съ юга и двинуться на Парижъ долиной Іоны.

Наконецъ всѣ эти три крѣпости—Безансонъ, Дижонъ и Лангръ находятся въ нѣкоторой стратегической связи другъ съ другомъ и образуютъ громадный маневренный районъ, опираясь на который, войска всегда могутъ преградить путь движенія противника черезъ Швейцарію въ южную Францію.

Изъ этого видно, что позади швейцарской границы на французской территоріи французами заблаговременно, еще въ мирное время, поставлена столь серьезная преграда, на случай попытки противника прорваться во Францію черезъ Швейцарію, что уже одна эта преграда дѣлаетъ маловѣроятными всякія предположенія о возможности нѣмецкаго „маневра" черезъ швейцарскую территорію для вторженія во Францію. Если противникъ оказался не въ состояніи прорваться на сѣверной половинѣ французскаго фронта, невзирая на то, что тамъ оборона французовъ зиждется на укрѣпленіяхъ, возведенныхъ во время войны, то тѣмъ болѣе нѣмцы не могутъ разсчитывать на успѣхъ движенія черезъ швейцарскую границу, за которой во Франціи имѣется столь основательная и столь продуманная система крѣпостей, какъ Безансонъ, Лангръ и Дижонъ.

III.

Ко всему этому необходимо добавить, что, при движеніи нѣмцевъ черезъ Швейцарію, имъ пришлось бы считаться съ сопротивленіемъ швейцарской арміи. Правда, Швейцарія выставляетъ лишь милицію, но, какъ извѣстно, въ настоящее время во всѣхъ арміяхъ имѣется громадное число людей, не получившихъ въ мирное время подготовки, а получившихъ таковую во время войны. Кромѣ того, швейцарская армія, хотя и милиціоннаго характера, но подготовлена къ дѣйствіямъ въ горахъ, а подъ высшимъ руководствомъ опытныхъ французскихъ военачальниковъ она, несомнѣнно, должна представить собою весьма полезную вспомогательную силу, численность которой должна быть не менѣе 200 тысячъ человѣкъ, а можетъ-быть, и значительно болѣе.

Въ Швейцаріи обязаны службой всѣ граждане отъ 17 лѣтъ. Первыя 12 лѣтъ военнообязанные зачисляются въ войска первой линіи, затѣмъ 8 лѣтъ числятся въ ландверѣ и 8 лѣтъ въ ландштурмѣ. Кромѣ того, всѣ способные носить оружіе и почему-либо не попавшіе въ войска, въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ, также могутъ быть призваны для службы въ ландштурменныхъ частяхъ.

Милиціонный характеръ швейцарской арміи подразумѣваетъ весьма короткіе сроки обученія: 65 дней въ пѣхотѣ, въ пѣшей артиллеріи и въ инженерныхъ войскахъ, 75 дней въ полевой артиллеріи и 90 дней въ кавалеріи. Эти сроки разбиваются на нѣсколько лѣтъ, но, сверхъ того, имѣются еще учебные и повторительные сборы. Въ общемъ, за 28 лѣтъ состоянія въ числѣ военнообязанныхъ, граждане привлекаются для всякаго рода сборовъ—учебныхъ, повторительныхъ и контрольныхъ, въ общей сложности на 173 дня, т.-е. срокъ обученія швейцарской милиціи—полгода, разбитый при этомъ на длинный періодъ въ 28 лѣтъ.

Въ мирное же время швейцарская армія насчитываетъ только 218 человѣкъ, — корпусъ инструкторовъ (офицеры и унтеръ-офицеры).

Въ военное время, по расчетамъ швейцарскаго генеральнаго штаба, перволинейная армія должна выставить 6 дивизій пѣхоты, 3 горныя бригады и 4 бригады кавалеріи. Каждая дивизія состоитъ изъ 3-хъ бригадъ по 2 полка, и сверхъ того къ дивизіи должно быть придано 6 батарей полевой артиллеріи, 2 батареи тяжелой артиллеріи, 1 батальонъ саперовъ и 1 рота велосипедистовъ.

Горныя бригады должны состоять въ военное время изъ 2-хъ или 3-хъ батальоновъ горной пѣхоты, 2-хъ горныхъ батарей и 1 роты саперовъ.

При такой организаціи перволинейная армія Швейцарской республики должна, по расчету, выставить 106 батальоновъ пѣхоты, 40 батарей легкой артиллеріи, 12 батарей тяжелой артиллеріи, 6 горныхъ батарей и 24 эскадрона конницы. Общее число войскъ перволинейной арміи Швейцарской республики предполагается, приблизительно, въ 140 тысячъ человѣкъ. Сверхъ того предполагаются вспомогательныя части, которыя должны формироваться ландверомъ. Эти вспомогательныя части предназначаются для укрѣпленій С.-Готарда и другихъ укрѣпленій, а также и для нѣкоторыхъ другихъ цѣлей. Всего намѣчено организовать изъ ландвера 60 батальоновъ и 24 эскадрона—нѣсколько болѣе 50 тысячъ человѣкъ.

Считая же съ обученнымъ ландштурмомъ, швейцарская армія съ ландверомъ можетъ выставить до 220—230 тысячъ человѣкъ. Этимъ, конечно, не исчерпываются всѣ силы, которыя могутъ быть выставлены Швейцаріей, ибо, какъ извѣстно, при наибольшемъ напряженіи, даже большія страны, какъ это показалъ опытъ послѣднихъ войнъ, могутъ выставить до 16 процентовъ отъ населенія. Въ Швейцаріи же, при населеніи нѣсколько менѣе 4-хъ милліоновъ, это даетъ цифру болѣе полумилліона, и есть полное основаніе ожидать, что, въ случаѣ надобности, Швейцарія можетъ дать это число людей.

IV.

Съ началомъ нынѣшней войны въ Швейцаріи были призваны на службу нѣкоторыя части относительно небольшое число людей, и лишь въ послѣднее время было мобилизовано около двухъ дивизій, и сверхъ того частично мобилизованы еще двѣ дивизіи. Въ общемъ это можетъ дать не болѣе 50 тысячъ человѣкъ, т.-е. около $^1/_3$ перволинейной арміи и около $^1/_5$ всѣхъ вооруженныхъ силъ, выставляемыхъ въ военное время Швейцаріей.

Такого рода мѣры отнюдь нельзя назвать тѣми рѣшительными военными мѣрами, той полной „мобилизаціей", къ которой столь неизбѣжно прибѣгаютъ въ минуты серьезной опасности. Это объясняется тѣмъ, что швейцарское правительство само не вѣритъ въ возможность нарушенія Германіей нейтралитета Швейцаріи, учитывая какъ тѣ данныя, которыя мы приводили выше, и которыя опредѣленно указываютъ, что для нѣмцевъ нѣтъ никакихъ выгодъ нарушать нейтралитетъ Швейцаріи, а также, вѣроятно, учитывая и тѣ особыя свѣдѣнія, которыми располагаютъ швейцарскія власти. Президентъ Швейцарской республики съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но весьма опредѣленно заявилъ журналистамъ, что онъ „удивляется слухамъ и страхамъ, довольно часто возникающимъ насчетъ возможности нарушенія нейтралитета Швейцаріи", что онъ „убѣжденъ, что никто изъ воюющихъ и не думаетъ о вторженіи", и что „къ тому же это вторженіе не представило бы никакой выгоды ни одной изъ воюющихъ сторонъ".

Президентъ Швейцарской республики при этомъ добавилъ, что онъ вѣритъ въ силу сопротивленія швейцарской арміи и всего швейцарскаго народа. Выше мы указывали, что швейцарская армія, опираясь исключительно на трудныя условія мѣстности, можетъ оказать серьезное сопротивленіе, а въ особенности подъ высшимъ руководствомъ опытнаго и талантливаго французскаго высшаго командованія,- но дѣло, конечно, не въ этомъ. Если бы только одна швейцарская армія удерживала Германію отъ нарушенія швейцарскаго нейтралитета, то можно было бы предположить, что силы, выставляемыя столь крупной державой, какъ Германія, могутъ сломить въ концѣ концовъ такую преграду. Однако дѣло въ томъ, что, независимо отъ того сопротивленія, которое должна оказать швейцарская армія, для противника, какъ мы видѣли, самое прохожденіе черезъ Швейцарію не можетъ дать никакихъ выгодъ. Дѣйствительно, какой смыслъ предполагаемаго движенія противника черезъ Швейцарію?

Очевидно, такое движеніе можетъ быть вызвано стремленіемъ обойти съ юга линію труднодоступнаго англо-французскаго фронта. Этого соображенія предполагать у нѣмцевъ нельзя, ибо какой смыслъ обходить линію труднодоступнаго фронта для того, чтобы упереться еще въ не менѣе грозную стѣну—Дижонъ, Лангръ, Безансонъ? Если же добавить остальныя невыгоды, перечисленныя выше, то можно, во-первыхъ, съ большимъ основаніемъ сомнѣваться въ возможности нарушенія нейтралитета Швейцаріи, а во-вторыхъ, въ маловѣроятномъ случаѣ такого ложнаго шага противника, нисколько этого не опасаться, при тѣхъ мѣрахъ, которыя были уже приняты во Франціи 20 лѣтъ тому назадъ на этотъ случай, и которыя, вѣроятно, дополнены новыми мѣрами теперь.

Петръ Петровичъ Гнѣдичъ. Портретъ работы *Е. Н. Клакачевой.*

По поводу 40-лѣтія литературной дѣятельности.

П. П. Гнѣдичъ.

Къ 40-лѣтію литературной дѣятельности.

11-го февраля исполнилось 40-лѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго беллетриста и драматурга, Петра Петровича Гнѣдича.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ февральскихъ нумеровъ „Нивы" появился разсказъ „Во тьмѣ", подписанный этимъ, еще неизвѣстнымъ тогда, именемъ. Впрочемъ, фамилія Гнѣдичъ была хорошо знакома и тогдашнимъ знатокамъ литературы, но знали другого Гнѣдича—извѣстнаго переводчика „Иліады". Это былъ двоюродный дядя начинавшаго писателя.

Такимъ образомъ нашему журналу выпала честь первому пріютить молодого талантливаго беллетриста и помочь ему найти свою настоящую жизненную дорогу. А въ выборѣ этой дороги П. П. Гнѣдичъ тогда еще колебался: по образованію, по характеру своего воспитанія, по предварительно намѣченному направленію, онъ долженъ былъ бы стать художникомъ не пера, а кисти. Онъ окончилъ курсъ Академіи Художествъ и даже получилъ серебряную медаль за ученическую композицію „Смерть Іоанна Грознаго". Его этюды и рисунки говорили о большомъ талантѣ рисовальщика и колориста.

Но въ то же время въ немъ просыпался другой художникъ,—художникъ слова, писатель. И этотъ второй художникъ преодолѣлъ перваго. П. П. Гнѣдичъ отошелъ въ сторону отъ мольберта и палитры, хотя и не забрасывалъ ихъ совершенно. Живопись и рисовальное искусство стали потомъ играть въ его художественной дѣятельности служебную роль: въ особенности это сказалось тогда, когда онъ сталъ писать и работать для театра. Ему принадлежатъ почти всѣ макеты и эскизы декорацій къ написаннымъ имъ пьесамъ. Но и помимо того Академія Художествъ осталась глубоко въ его душѣ и въ культивируемой имъ литературѣ: П. П. Гнѣдичъ навсегда остался дѣятельнымъ почитателемъ и большимъ знатокомъ графическихъ искусствъ. Ярче и главнѣе всего это сказалось въ томъ, что онъ еще въ 1885 году занялся исторіей искусствъ и написалъ цѣнную монографію „Исторія искусствъ съ древнѣйшихъ временъ". Позднѣе эта монографія послужила основою для извѣстнаго труда его „Исторія искусствъ", изданнаго А. Ф. Марксомъ.

Знакомство съ искусствами, съ міромъ художниковъ, съ бытомъ академической богемы сказалось также въ большинствѣ беллетристическихъ произведеній П. П. Гнѣдича.

Въ беллетристикѣ ему удалось завоевать весьма видное мѣсто. Какъ романистъ, П. П. Гнѣдичъ отличается всѣми качествами писателя-художника, для котораго неотдѣлимы содержаніе отъ формы, идея отъ ея детализаціи. Въ каждой страницѣ его про-

изведеній чувствуется писатель не только талантливый, но и сумѣвшій культивировать свой талантъ до послѣдней черты, и не только не зарывшій своего богатства въ землю, но использовавшій его съ лихвою, съ богатымъ приростомъ, который получается отъ соединенія природнаго дара съ умѣлымъ и внимательнымъ воспитаніемъ этого дара.

Какъ беллетристъ, П. П. Гнѣдичъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе своимъ блестящимъ стилемъ. Рѣдкій изъ нашихъ писателей такъ легко читается, какъ онъ: живое остроуміе, мѣткія и образныя выраженія, тонкій и отточенный діалогъ — придаютъ его повѣствованіямъ особый ароматъ и особенное искристое сверканіе. Характерно то, что въ творчествѣ П. П. Гнѣдича, какъ беллетриста, постоянно сказывается его близкое родство съ живописью и съ театромъ: любому изъ его произведеній беллетристическаго характера свойственны точный, опредѣленный рисунокъ, заимствованный почти непосредственно изъ области графики, и удивительная сценичность описываемаго дѣйствія. Благодаря этой сценичности и, такъ сказать, пластикѣ изображенія, а въ особенности благодаря живому діалогу, большинство романовъ и повѣстей П. П. Гнѣдича кажется написанными не только для чтенія, но и для сцены. Ихъ можно наполовину играть на сценѣ.

Не меньшую извѣстность, чѣмъ беллетристъ, П. П. Гнѣдичъ сумѣлъ создать себѣ своими драматическими произведеніями. Театръ вообще играетъ громадную роль въ его жизни, и можно сказать, что театру П. П. Гнѣдичъ, пожалуй, столь же обязанъ своей извѣстностью, какъ и беллетристикѣ. Его пьесы всегда встрѣчаютъ горячій пріемъ въ публикѣ и не сходятъ съ репертуара. Даже старыя его произведенія, которыми онъ дебютировалъ, какъ драматургъ, донынѣ съ успѣхомъ ставятся въ столицахъ и въ провинціи.

Какъ драматургъ, П. П. Гнѣдичъ выступилъ въ 1881 году своей первой пьесой „На хуторѣ". Эта пьеса выдержала сотни представленій и создала драматургу прочную популярность. За нею появились: „Горящія письма", „Старая сказка", „Венецейскій истуканъ", „Завѣщаніе" и др. Въ болѣе позднее время П. П. Гнѣдичъ сталъ усиленно разрабатывать въ своихъ пьесахъ историческій русскій бытъ и рисовать широкія картины той или иной эпохи. Таковы, напримѣръ: „Ассамблея", „Холопы", „Предъ разсвѣтомъ".

Венизелосъ, глава свободной Греціи, *вмѣстѣ съ двумя другими членами національнаго тріумвирата — генераломъ Данглисомъ и адмираломъ Кундуріотисомъ, бесѣдуютъ въ Салоникахъ съ генераломъ Цимбрококисомъ, помощникомъ военнаго министра временнаго правительства.*

Въ 1890 году П. П. Гнѣдичъ основалъ совершенно особый, единственный въ Россіи журналъ „Иллюстрированный Ежегодникъ Императорскихъ театровъ", представляющій собою въ своемъ родѣ лѣтопись упомянутыхъ театровъ. Журналъ этотъ, интересно составлявшійся и богато иллюстрировавшійся снимками со сценическихъ постановокъ и портретами, позднѣе перешелъ въ собственность дирекціи Императорскихъ театровъ, но и тогда П. П. Гнѣдичъ остался однимъ изъ его дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ.

Въ настоящее время П. П. Гнѣдичъ занятъ новымъ трудомъ по исторіи нашего театра — возстановленіемъ той эпохи, которая не освѣщена еще никакими систематическими обзорами и хрониками. Богатый матеріалъ собирается и систематизируется имъ, и въ будущемъ мы, по всей вѣроятности, будемъ имѣть, кромѣ „Исторіи искусствъ", еще и исторію русскаго театра.

За сорокъ лѣтъ своей литературной дѣятельности П. П. Гнѣдичъ создалъ множество произведеній въ области беллетристики и театра. Перечислять ихъ было бы затруднительно, въ виду ихъ обилія.

Въ нашемъ журналѣ въ теченіе долгаго ряда годовъ печатались его романы, повѣсти и разсказы, и читателямъ „Нивы" хорошо извѣстенъ и близокъ писательскій обликъ П. П. Гнѣдича. Обликъ этотъ остается и нынѣ неизмѣннымъ, равно какъ остается въ прежней силѣ и самый талантъ юбиляра. И мы надѣемся, что еще много новыхъ произведеній, яркихъ и колоритныхъ, подаритъ намъ этотъ талантъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „НИВЫ".

Весьма многіе подписчики, при обращеніи въ контору журнала „Нива" за справками о неполученіи нумеровъ, съ заявленіями о перемѣнѣ адреса и проч., несмотря на предупрежденіе, отпечатанное на бандероли, что при всякомъ сношеніи съ конторою слѣдуетъ прилагать печатный адресъ, не сопровождаютъ свои заявленія приложеніемъ таковаго.

Между тѣмъ, при громадномъ количествѣ подписчиковъ и массовомъ ежедневномъ поступленіи корреспонденціи, приложеніе печатнаго адреса не только значительно облегчаетъ наведеніе всякой справки, но иногда даетъ **единственную возможность** отыскать № абонемента, что необходимо конторѣ **при всякомъ заявленіи** подписчика.

Поэтому контора журнала „Нива" вновь имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что неисполненіе правила о приложеніи печатнаго адреса **во всѣхъ случаяхъ на очень большой срокъ задерживаетъ** разсмотрѣніе заявленій и очень часто является **единственной причиной оставленія ихъ безъ удовлетворенія.**

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Ея голосъ! Разсказъ **Пьера Вальдана.** — Струсила. Разсказъ **Рони-Старшаго.** — **Стальной хищникъ.** Очеркъ **В. Островскаго.** — **Мученики плѣна.** Очерки **В. Брусянина.** — **Польша.** Стихотвореніе **Георгія Иванова.** — **Страна золота и налоговъ.** Очеркъ **З. Рагозиной.** — **Жизнь вещей.** Разсказъ **В. Свѣтлова.** — **Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.** — **П. П. Гнѣдичъ.** Къ 40-лѣтію литературной дѣятельности. — **Заявленіе.** — **Объявленія.** — **Шахматы.** — **Шашки.** — **Задачи, загадки, ребусы.**
РИСУНКИ: **Аллегорія. С. Соломко.** — **Атака. Л. Р. Сологуба.** — **Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ.** — Рисунки нашего военнаго корреспондента **А. Н. Семенова. На румынскомъ фронтѣ** (5 рис.). — **Буковина** (2 рис.). — **На англійскомъ фронтѣ** (2 рис.). — **На западномъ фронтѣ.** — **Новый Свѣтъ въ міровой войнѣ.** — **Петръ Петровичъ Гнѣдичъ. По поводу 40-лѣтія литературной дѣятельности.** Портретъ работы **Е. Н. Кликачевой.** — **Венизелосъ, глава свободной Греціи, вмѣстѣ съ двумя другими членами національнаго тріумвирата.**

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" книга 37.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,** Петроградъ, Измаиловскій проспектъ, д. № 29.

Выданъ 18-го февраля 1917 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб. на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. М. Горькаго". кн. 2.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

КООРИН

КООРИН

ПРОТИВЪ ЗАПОРОВЪ

РАБОТАЕТЪ

пока вы спите.

Примите на ночь таблетку Кооринъ, и каждое утро Вашъ желудокъ будетъ освобождаться легко, нормально и пріятно. Кооринъ оздоровляетъ желудокъ и пріучаетъ его къ аккуратному дѣйствію. Прекращаетъ тошноту, изжогу и пученіе живота газами. Превосходно дѣйствуетъ при катарѣ, атоніи, вялости кишекъ, при застарѣлыхъ запорахъ, геморроѣ, головныхъ боляхъ и дурномъ настроеніи. Онъ абсолютно безвреденъ и отпускается **изъ всѣхъ аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ.**

Обращайте вниманіе на оригин. упаковку Кооринъ-Статъ.

ДАРОМЪ Требуйте сегодня открыткой безплатную брошюру. Главный складъ Кооринъ. Москва, Мясницкая, Милютинскій пер., 3. Отд. 4.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля", новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья
ПЕТРОГРАДЪ

Если вы желаете понимать всѣхъ людей земного шара, то изучайте сами и побуждайте къ тому другихъ

ВСЕОБЩІЙ ЯЗЫКЪ ЭСПЕРАНТО,

послѣдуйте совѣту великаго нашего мыслителя и учителя Л. Н. Толстого, который еще въ 1894 году писалъ объ этомъ языкѣ: „Легкость изученія его такова, что, получивъ лѣтъ шесть тому назадъ Эсперантскую грамматику, словарь и статьи, написанныя на этомъ языкѣ, я послѣ не болѣе двухъ часовъ занятій былъ въ состояніи если не писать, то свободно читать. Во всякомъ случаѣ жертвы, которыя принесетъ каждый человѣкъ, посвятивъ нѣсколько времени на изученіе этого языка, такъ незначительны, **а послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ усвоенія всѣми этого языка, такъ огромны, что нельзя не сдѣлать этой попытки".**

Пособіемъ къ изученію Эсперанто можетъ служить книга:

ВЕСЬ ЯЗЫКЪ ЭСПЕРАНТО.

1. Основной курсъ; 2. Ключъ-самоучитель; 3. Esperanta Krestomatio; 4. Esperanto-rusa frazlibro; 5. Эсперанто-русскій словарь; 6. Русско-эсперантскій словарь.

Составилъ **А. А. САХАРОВЪ**, преподават. яз. Эсперанто въ Моск. Инст. Эсперанто.

448 стр. Ц. 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 85 к., налож. плат. 1 р. 95 к.

Складъ: Книжн. магаз. „ЭСПЕРАНТО".

Москва, Лубянскій пр., 3.

4514 Каталогъ и проспектъ безплатно.

ЗАЧѢМЪ ПЛАТИТЬ 50-60 коп. за фунтъ МЫЛА

КОГДА МОЖНО ЗАМѢНИТЬ ЕГО РАВНО-ДѢЙСТВУЮЩИМЪ, ИСПЫТАННЫМЪ БЕЗВРЕДНЫМЪ СТИРОЧНЫМЪ СРЕДСТВОМЪ

ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ

СТОЮЩИМЪ **25-30** КОП. ЗА ФУНТЪ

→ ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ ←

ТРЕБУЙТЕ НА КАЖДОЙ ПАЧКѢ ФИРМУ **Т-ВО ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ** ПЕТРОГРАДЪ ПЕТРОВСКІЙ ПР. СОБ. ДОМЪ

КОТОРОЕ ВЫСЫЛАЕТЪ ЖЕЛАЮЩИМЪ, ПО ПОЛУЧЕНІИ 10 РУБ. 40 ФУНТОВЫХЪ ПАЧЕКЪ ЛЕССИВА ФЕНИКСЪ КАЗЕННЫМЪ И ОБЩЕСТВЕННЫМЪ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ И ОРГАНИЗАЦІЯМЪ, А РАВНО ТОРГОВЦАМЪ ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ ОТПУСКАЕТСЯ ПО ОСОБО ПОНИЖЕННОЙ ОПТОВО-ФАБРИЧНОЙ ЦѢНѢ 4504 10-2

НА ГИТАРѢ

въ нѣск. дней, безъ знанія нотъ, каждый можетъ легко научиться играть аріи, романсы, танцы и пьесы. Полн. заочный курсъ съ безпл. прилож. альбома модн. пьесъ за **три руб. Москва**, ред. журн. **„Соколъ"**, Печатниковъ пер., 18/2. 4 46 (8)

БУДУЩЕЕ

каждаго человѣка мгновенно и безошибочно раскрываютъ магическія карты. Полная колода съ наставленіемъ 1 р. 50 к.

Москва, ред. журн. „Соколъ", Печатниковъ пер., 18/2.

„ШТУРМЪ",

военная игра для дѣтей. Составительницей А. Н. Алышевой пожертвована **„Комитету единовременныхъ пособій больнымъ и раненымъ воинамъ Имени Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича и Вел. Князя Алексѣя Николаевича".**

Цѣна 5 р. Продается: Петроградъ, Сергіевская, 61, кв. 11. тел. 3-80. 4513 8-1

Практическое руководство (ЭНЦИКЛОПЕДІЯ)

ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Необходимо какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ.

Искусство быть занимательнымъ въ обществѣ, пользоваться успѣхомъ въ жизни. Интересный собесѣдникъ. Хорошій тонъ. Секретъ красоты. Образцы различн. писемъ. Рѣчи, тосты и проч. на разные случаи. Краткое содержаніе: Обращеніе кавалера съ дамой. Обращеніе дамы съ кавалеромъ. Игры и забавы въ обществѣ. Розыгрышъ и выкупъ фантовъ. Искусство говорить рѣчи и тосты. Сборникъ интересныхъ стихотвореній. Афоризмы о женщинахъ. Афоризмы о мужчинахъ. Любовныя примѣты. Секреты красоты. Совѣты и указанія желающимъ пользоваться успѣхомъ. 1) Совѣтъ женщинамъ. 2) Совѣтъ мужчинамъ. Практич. совѣты во всѣхъ случаяхъ жизни. Нѣсколько словъ о бракѣ. Образцы различн. писемъ. **Цѣна 2 руб. 50 коп., перес. 50 коп.**

4515 Требов. адресов: Москва, Тверская, 13/0., Т-во „АКЦІОНЕРЪ" 4-1

УЧАЩИМСЯ,

Пособія для сочиненій, разборы классиковъ. Ломоносовъ, Фонвизинъ, Державинъ, Карамзинъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Крыловъ, Бѣлинскій, Жуковскій, Гоголь, Аксаковъ, А. Толстой, Некрасовъ, Достоевскій, Тургеневъ, Островскій, Гончаровъ, Майковъ, Григоровичъ, Чеховъ и Л. Толстой, сост. А. Н. Новиковымъ. Каждое изъ нихъ содержитъ біографію, разборъ главн. произвед., темы и планы, содержаніе ихъ, полныя характеристики дѣйствующихъ лицъ, значеніе въ литературѣ разбир. произведенія. Нѣкоторые изъ плановъ настолько обширны по содержанію, что изъ каждаго изъ нихъ можно черпать матеріалъ для нѣсколькихъ сочиненій на различныя темы. Предвидя большой спросъ и желая дать возможность пріобрѣсти каждому, — назначены доступныя цѣны по 60 и 80 коп. за каждое. Высылаются наложеннымъ плат. Выписывающіе изъ склада А. Загряжскаго (Петроградъ, Разъѣзжая, 14—А) на сумму не менѣе четырехъ рублей за пересылку не платятъ. Поступила въ продажу того же автора: руководство къ составленію сочиненій, для самостоятельн. подготовки и для самообразов. книга: **КАКЪ ПИСАТЬ СОЧИНЕНІЯ.** Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к. За двѣ десятикопеечныя марки высылается указатель учебныхъ пособій. Указатель содержитъ перечисленіе существующихъ рѣшеній, конспектовъ, повторительныхъ курсовъ, переводовъ-подстрочниковъ, словарей, программъ и др. подобныхъ изданій съ указаніемъ цѣнъ. 4516

ТЕХНИКА! Поян. курсъ для самоподготовки на электротехн.—6 р. 30 к., автомобил.—8 р. 50 к., кино-механ.—8 р., парох. мех. — 8 р. ж.-д. машин.—9 р., авіатора—7 р. 50 к. Катал. безпл. Безъ зад. не высыл. Адр: Москва, Б. Гнѣздник., 10. изд ство Д. Куманова.

ШТЕМПЕЛЯ и ПЕЧАТИ изготовляетъ и высылаетъ налож. плат. эвакуиров. Сѣдлецкая фабрика штемпелей. **Я. Лернера** въ Екатеринославѣ, Базарная 38Н.

Настоящій **КРЫСОГУБИТЕЛЬ** знаменитаго спеціалиста

Д. ЛАБКОВА,

удостоенн. золот. медал. и почетн. крест. Немедленно истребл. **крысъ и мышей.** Высыл. немедленно по полученіи денегъ или требованія. Но въ виду неимовѣрн. вздорож. всѣхъ состав., входящихъ въ крысогубитель, цѣны значит. повышены.

1 пудъ—50 р., 20 ф.—30 р., 10 ф.—15 р. 50 к., 5 ф.—9 р., 3 ф.—6 р., 2 ф.—4 р., 1 ф.—2 р. 20 к.

Адресъ для писемъ и денежн. переводовъ: **г. Полтава, собств. Лабораторія Д. Лабкова.** 4508

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ.

РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ

ОБУВИ простой и изящной дамской, мужской и дѣтской

ПО НОВОЙ, ЛЕГКОЙ и СКОРОЙ МЕТОДѢ.

5-е изданіе.

Отд. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ библіот. ремесл. учебн. заведеній; Учебн. Отд. Мин. Торг. и Пр. допущено въ библіот. низшихъ учебн. заведеній.

Цѣна книги 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

Новѣйшія моды.

№ 1. Прическа съ гладкими буклями.

№ 2. Прическа со взбитыми буклями.

№№ 1—2. Двѣ прически съ буклями. Въ первой изъ этихъ двухъ модныхъ прическъ букли ровно, гладкими волнами, облегаютъ голову, придавая ей красивый правильный контуръ; концы длинныхъ среднихъ буклей низко падаютъ на лобъ; съ праваго бока проборъ. Вторая прическа состоитъ изъ пышно взбитыхъ буклей, которыя мѣстами также спущены на лобъ. Эта прическа дѣлается безъ пробора.

Для подобнаго рода прическъ съ завивками большею частью пользуются готовыми паричками, которые прекрасно держатся на головѣ, очень легки и долго сохраняютъ свой видъ безъ поправки.

№№ 3—7. Дѣтскіе костюмы.

№ 3. Нарядный костюмъ для дѣвочки отъ 13—15 лѣтъ. Юбка изъ бархата цвѣта „головы негра“ въ таліи собрана тройнымъ рядомъ кулиссе, замѣняющимъ кушакъ. Тюлевый корсажъ-блузка въ цвѣтъ бархата отдѣланъ высокой бертой изъ свѣтло-охроваго кружева; бархатныя бретели на спинкѣ перекрещиваются, а спереди продолжены двумя длинными концами, которые заходятъ на юбку и, перекрещиваясь, проводятся назадъ, гдѣ перекидываются одинъ черезъ другой. Спереди бретели стянуты подъ двумя туфами золотыхъ розъ. Широкіе сборчатые рукава съ узкой манжетой съ свободнымъ бархатнымъ отворотомъ.

№ 4. Нарядное платье для дѣвочки отъ 7—10 лѣтъ. Платье изъ бархата голубого „королевскаго“ цвѣта; юбка клошъ; слегка напущенный на кушакъ лифъ отдѣланъ вокругъ низко вырѣзаннаго ворота сплисованной рюшью изъ тюля бисоваго цвѣта, пришитой подъ узенькой мѣховой полоской; полудлинные рукава съ тюлевой манжетой, состоящей изъ тюлевой буфочки и рюши, перехваченныхъ мѣховымъ браслетомъ. Подъ подолъ юбки, обшитый мѣховой полоской, подметана рюшь изъ бисоваго тюля.

№ 5. Манто для ребенка отъ 4—6 лѣтъ. Съ 5-ю выкройками въ уменьшенныхъ чертежахъ, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ.

Фиг. 1. Передъ.
„ 2. Половина спинки.
„ 3. Половина рукава.
„ 4. Половина обшлага.
„ 5. Половина воротника.

Наша модель сдѣлана изъ темно-краснаго бархата; такія же большія обтяжныя пуговицы; воротникъ и обшлага изъ чернаго барашка. Кушакъ изъ черной лакированной кожи какъ спереди, такъ и сзади, пропускается черезъ прорѣзы въ круглыхъ складкахъ; эти послѣднія, отъ ворота до кушака, скрѣпляются съ лѣвой стороны, а книзу расширяются и остаются свободными.

Фасонъ этого манто подходитъ какъ для дѣвочки, такъ и для маленькаго мальчика, а матеріаломъ можетъ служить любая подходящая матерія—вельветинъ, сукно, шевіотъ и т. п.

№ 6. Платье изъ полосатаго тяжелаго фая или изъ шерстяной матеріи съ темно-голубыми и коричневыми полосками. Передъ платья цѣльный,—отъ бочковъ юбка сдѣлана отдѣльно отъ лифа и пришита къ нему подъ кушачкомъ изъ голубой полосы матеріи; кушакъ останавливается подъ передкомъ, прикрѣпляясь поверхъ передка двумя пуговицами. Воротникъ матросской формы и верхняя часть рукавовъ изъ линона цвѣта слоновой кости, вышитаго бѣлымъ, нижняя часть рукавовъ изъ полосатой матеріи, съ горизонтальнымъ направленіемъ полосъ; воротникъ обшитъ голубой полоской матеріи, если платье изъ шелка, или, если матерія шерстяная, голубой тафтой или лентой.

№ 7. Платье ленжри для дѣвочки отъ 2—6 лѣтъ. Цѣльное платье изъ кремоваго шелковаго полотна; низъ украшенъ высокимъ бордюромъ, верхній контуръ котораго обрисовываетъ большие зубцы, обведенные прошивкой изъ венеціанскаго кружева, остальной бордюръ вышитъ гладью, насыпью мелкими зернышками. Такой же, какъ бордюръ, большой воротникъ-берта; воротъ и короткій сбуфованный рукавчикъ обшиты мѣховой узенькой полоской.

№ 8. Костюмъ для гулянья. Платье изъ сукна цвѣта шведской кожи. Оригинальнаго фасона гладкій лифъ, съ короткой таліей, образуетъ спереди длинный шнипъ, конецъ котораго приходится между двумя передними круглыми складками юбки. Передки лифа сходятся край къ краю и украшены двойнымъ рядомъ пуговицъ съ шнурочными перетяжками. На бокахъ юбки, поверхъ круглыхъ складокъ, нашиты два большихъ наружныхъ кармана, также заложенныхъ круглыми складками. Отдѣлка изъ котиковаго мѣха, плюша, или изъ коричневаго бархата.

№ 9. Дамскій нарядный туалетъ. Платье изъ нинона шампиньоноваго цвѣта. Драпированный корсажъ опоясанъ кордельерой изъ жемчужныхъ бусъ; въ верхней половинѣ корсажа просвѣчиваетъ положенное снизу легкое золотое кружево; такіе же два просвѣта на туникѣ, волнистый нижній контуръ котораго обрисованъ двойнымъ рядомъ марабу; такая же полоса марабу на задней половинѣ глубоко вырѣзаннаго ворота. Широкіе сквозные рукава собраны къ манжетѣ.

№№ 10—12. Дѣтскій капоръ. Представленный здѣсь капоръ можно сдѣлать изъ различнаго рода матеріи, смотря по времени года, изъ фланели, шелка; батиста и т. п. Капоръ сшивается изъ куска матеріи въ 25—35 сант.; передній край украшается прошивкой Тенерифъ, которая исполняется по приложенному рисунку № 11. Прошивки пойдетъ 35 сант. Рюшь и завязки дѣлаютъ изъ шелка или батиста. На рисункѣ № 12 показанъ, въ значительно уменьшенномъ видѣ, способъ исполненія этой легкой работы. Послѣ того, какъ рисунокъ будетъ переведенъ на бумагу и, отъ исходныхъ точекъ, натянуты основныя нитки, начинаютъ работу съ середины, перевязывая узелками

№№ 3—7. Дѣтскіе костюмы.
Къ № 5 приложены 5 выкроекъ въ уменьшенныхъ чертежахъ съ обозначеніемъ размѣровъ въ сант.

№ 8. Костюмъ для гулянья.

три среднихъ ряда, потомъ переходятъ къ зубчатымъ бортикамъ и, послѣ всего, проштопываютъ вѣерообразные мотивы.

Для исполненія этой прошивки можетъ служить различный матеріалъ, бѣлыя или цвѣтныя нитки или шелкъ. Можно для основы взять металлическія нитки, а для перевязки цвѣтной шелкъ.

Полезные совѣты.

Выводъ различныхъ пятенъ изъ бѣлья.

Прежде всего надо замѣтить, что чѣмъ пятно свѣжѣе, тѣмъ легче его вывести, поэтому никогда не слѣдуетъ запускать пятенъ, а, по возможности, выводить ихъ немедленно. Также надо взять за правило, послѣ выводки пятенъ, тотчасъ же хорошенько прополоскать въ мягкой водѣ то мѣсто, гдѣ было пятно, чтобы не оставалось никакого слѣда тѣхъ веществъ, которыя употреблялись для чистки, такъ какъ, не вполнѣ удаленные, остатки нѣкоторыхъ изъ нихъ могутъ оказать дурное вліяніе на прочность ткани.

Пятна отъ сырости и леженія исчезаютъ отъ нашатырнаго спирта и полосканія въ холодной мягкой водѣ. Если пятно не исчезнетъ, надо повторить этотъ пріемъ и въ мыльной водѣ, прибавивъ къ ней немного поташа.

Пятна отъ различныхъ втираній, употребляемыхъ больными, натираютъ чернымъ мыломъ, оставляютъ лежать такъ сутки и бѣлятъ на воздухѣ.

Пятна отъ фруктовъ и вина сухо натираютъ съ обѣихъ сторонъ бычачьимъ саломъ, покрываютъ густой мыльной пѣной и даютъ мокнуть сутки въ водѣ.

Пятна отъ рыбьяго жира вымачиваютъ на ночь въ мыльной водѣ, въ которой растворены 1 часть нашатырнаго спирта и 6 частей скипидара.

Раковыя пятна слѣдуетъ попробовать вывести уксусомъ, лимоннымъ сокомъ или крѣпкимъ виннымъ спиртомъ. Такъ же выводятся и *сельдяныя пятна.*

Пятна отъ іода удаляютъ, смачивая запятнанную вещь холодною водою, и натираютъ ее комочкомъ обыкновеннаго сырого картофельнаго крахмала. Пятно становится послѣ этого темно-лиловымъ; затѣмъ его прополаскиваютъ въ холодной водѣ и снова натираютъ картофельнымъ крахмаломъ. При новомъ прополаскиваніи пятно исчезаетъ, послѣ чего вещь моютъ въ водѣ съ мыломъ. Если пятно очень велико и застарѣло, то, можетъ-быть, натираніе крахмаломъ и прополаскиваніе придется повторить нѣсколько разъ.

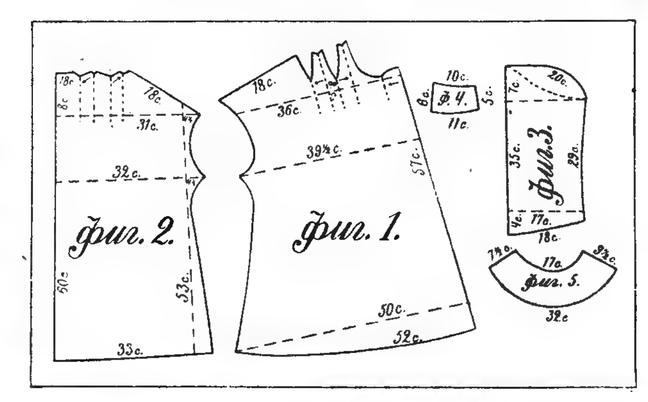
Масляныя пятна, образовавшіяся на матеріи при шитьѣ бѣлья на швейной машинѣ, удаляютъ такъ: нужно наложить на жирное пятно кашицы изъ магнезіи, смѣшанной съ эфиромъ, и оставить, пока эфиръ не улетучится совершенно и не останется одинъ лишь порошокъ (магнезія), который легко счищается.

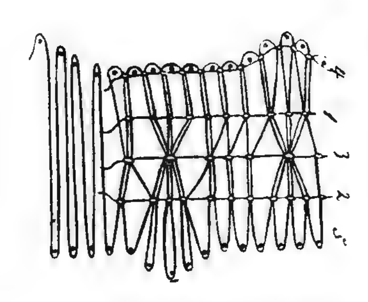
Пятна отъ кислотъ выводятъ промываніемъ слабымъ растворомъ соды.

Пятна отъ кофе и шоколада удаляются смазываніемъ ихъ яичнымъ желткомъ и глицериномъ и отмываніемъ затѣмъ теплой водой.

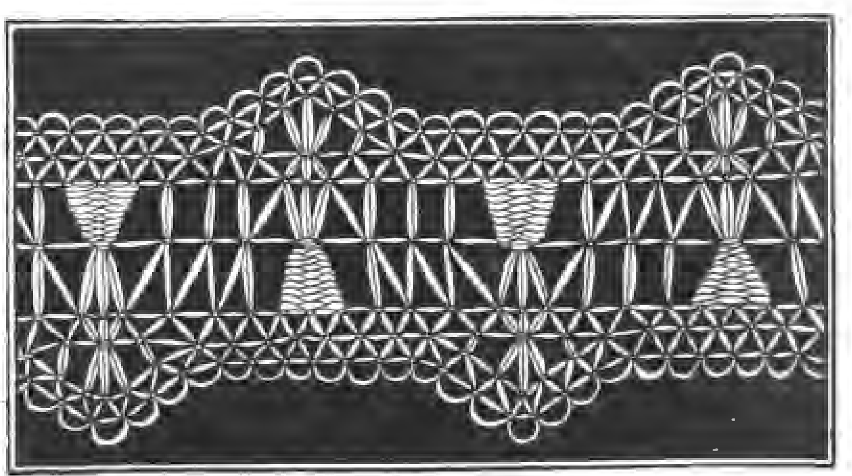
№ 9. Дамскій нарядный туалетъ.

№ 10. Дѣтскій капоръ.





12. Способъ исполненія рошивки Тенерифъ № 11.



№ 11. Прошивка Тенерифъ къ дѣтскому капору.

№ 7. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 18 февраля 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—**14 р.**, на 1/2 года—**7 р.**, на 1/4 года—**3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

Рядовой Николаевъ.

(Сильна, какъ смерть).

Повѣсть **П. Н. Краснова.**

Перу этого автора принадлежитъ рядъ талантливыхъ повѣстей, разсказовъ и очерковъ, изображающихъ его переживанія на фронтѣ и въ тылу во время послѣдней войны на Дальнемъ Востокѣ и составившихъ ему имя въ общей и спеціальной военной прессѣ. Нынѣшнюю великую войну генералъ П. Н. Красновъ переживаетъ съ самаго начала на фронтѣ, лицомъ къ лицу съ врагомъ, и, руководя крупною воинскою частью—дивизіей—имѣетъ возможность охватить широкое поле военныхъ дѣйствій и изучить психологію войсковыхъ массъ и характеры отдѣльныхъ ихъ героевъ. Повѣсть, которую мы начинаемъ печатать, интересна именно, какъ результатъ творческой работы талантливаго беллетриста надъ этимъ богатымъ матеріаломъ, открытымъ его широкому кругозору.

I.

— Владиміръ Петровичъ, васъ командиръ полка къ себѣ требуетъ,—проговорилъ, просовываясь въ дверь небольшой и тѣсной избы, полковой адъютантъ поручикъ Репьевъ.

Яковлевъ оторвался отъ вѣдомости, которую онъ заполнялъ цифрами, щелкая временами на счетахъ, и повернулъ голову къ говорившему. Сухое, тонкое лицо, съ прямымъ изящно обрисованнымъ носомъ, съ острыми, блестящими, темно-синими глазами, съ густыми волосами, волнами темно-каштановыхъ кудрей спускавшимися на лобъ, съ длинными пушистыми усами, падавшими внизъ на красиво очерченный ротъ, съ чисто выбритымъ сухимъ подбородкомъ, было сурово.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на вошедшаго и, не здороваясь, спросилъ:

— Въ чемъ дѣло?

Репьевъ фыркнулъ отъ смѣха давно сдерживаемаго, видимо, мучившаго его еще у командира полка.

— Тамъ вольнопёръ у командира! Ну, поклянусь, женщина. Да какая! Нашъ Павелъ Николаевичъ ажъ взопрѣлъ съ нею

Балъ въ Москвѣ въ двадцатыхъ годахъ. *Д. Кардовскій.*

X выставка „Новаго Общества художниковъ“ Собственность издательства І. Кнебель въ Москвѣ.

или съ нимъ, уже и не знаю, какъ и назвать. За вами послалъ. Видно—въ васъ послѣдняя надежда.

Яковлевъ нахмурился.

— Не говорите глупостей, Репьевъ,- сказалъ онъ,- вы уже не мальчикъ.

Ну, ей-Богу, не вру, Владимиръ Петровичъ. Да что мнѣ! Правда же, сами увидите.

Откуда же она взялась?

Сегодня пріѣхала. Въ папахѣ, шинели. На телѣгѣ пріѣхала. и бумага у нея отъ какого-то важнаго генерала. Ну, вы Реброва знаете. Съ одной стороны женоненавистникъ, Шопенгауера цитируетъ кстати и некстати, съ другой—„бамага" отъ начальства. Ничего не пронишешь! Послалъ за вами. Видно, вамъ въ роту.

— Этого еще не доставало,—сказалъ Яковлевъ и поднялся съ ящика, служившаго ему вмѣсто стула.

Теперь онъ весь заполнилъ собою избу. Немного выше средняго роста, худощавый, статный, былъ онъ весь какъ бы вылитъ изъ бронзы, весь въ мускулахъ; въ ловкихъ, отчетливыхъ движеніяхъ чувствовалась сила гимнаста. Настоящій военный, отлично выправленный пѣхотный солдатъ. И одѣтъ онъ былъ съ тѣмъ изящнымъ военнымъ щегольствомъ, съ какимъ теперь почти никто не одѣвается. Все отъ воротника его защитнаго форменнаго кителя до носковъ сапогъ, широкихъ, по описанію сшитыхъ, было образцомъ формы. Все было не новое, сильно поношенное. Подъ правой мышкой была аккуратно, треугольникомъ вшита заплата, металлическіе, золотые съ алымъ просвѣтомъ и вышитой шифровкой погоны чуть сморщились и потемнѣли отъ времени, пыли и дождей, шаровары, той же матеріи, что и китель, свободно охватывали стройныя, сухія и мускулистыя ноги и уходили въ высокіе, черные, блестящіе смазные сапоги, плотно облегавшіе икры и подъемъ. Матерія его одежды, кожа сапогъ, казалось, сжились съ этимъ ловкимъ и сильнымъ человѣкомъ, составили съ нимъ одно цѣлое.

— Пойдемте,—сказалъ онъ, и, накинувъ ловкимъ движеніемъ кавказскую папаху серебристо-сѣраго каракуля, онъ нагнулся въ дверяхъ и вышелъ на улицу.

Шла дружная польская весна. На голыхъ вѣтвяхъ раскидистыхъ яблонь и вишенъ, росшихъ передъ избой, дружнымъ хоромъ, наперебой чирикали воробьи. Солнце сверкало съ голубого неба, и на солнечной сторонѣ была черная липкая грязь. Вдоль домовъ солдатами была натоптана узкая тропинка, блестѣвшая на солнцѣ, точно смазанная чѣмъ-то жирнымъ.

Недалеко отъ канцеляріи на выступѣ избы сидѣли офицеры 1-го батальона. Они поклонились Яковлеву и поздоровались съ нимъ. Разговоръ, шедшій бойко, при его приближеніи стихъ. Видно, говорили про него.

Едва онъ прошелъ, какъ разговоръ возобновился, голоса загудѣли.

— Ну и везетъ Яковлеву!—воскликнулъ плотный и толстый поручикъ Пышкинъ, командиръ второй роты.—Какъ нить дать, этакую кралю ему въ роту дадутъ.

Дама съ пудреницей. *Е. Праведниковъ.*
X выставка „Новаго Общества художниковъ"

— А ты, Пышкинъ, увѣренъ, что это дѣвушка, а не юноша?—слегка заикаясь, сказалъ Сабуловъ.

Онъ былъ трижды раненъ, трижды эвакуированъ и возвращался всякій разъ въ свой полкъ. Онъ былъ рыжій, съ длинной несуразной головой, безцвѣтными глазами, непріятнымъ на видъ, краснымъ лицомъ, но любимъ товарищами за храбрость, а начальствомъ за исполнительность. Онъ уже семнадцатый годъ служилъ въ полку, былъ въ немъ самымъ старымъ офицеромъ и на-дняхъ ожидалъ подполковничьяго чина—„за раны и долготерпѣніе",—какъ онъ говорилъ.

— А еще бы!—живо возразилъ Пышкинъ и въ лицахъ началъ изображать только-что прибывшаго вольноопредѣляющагося.—Я же его первый встрѣтилъ. Ну сами посудите, ну какой-таки вольнопёръ, какой онъ развязный ни будь, полѣзетъ прямо къ офицеру съ разспросами. А этотъ—соскочилъ, знаете, съ телѣги и прямо ко мнѣ. Правую лапку вотъ этакъ, лодочкой къ папахѣ, и говоритъ:—„Ваше благородіе, будьте добры, скажите, гдѣ я найду здѣсь командира Эмскаго полка полковника Реброва?"—„А вамъ на что?"—спрашиваю я, а самъ слушаю и умиляюсь. Не говоритъ, а поетъ, голосишко такъ и звенитъ.—„Я назначенъ къ вамъ въ полкъ охотникомъ". А я, понимаете, догадываюсь, какой тутъ шоколадъ, и говорю:—„Воевать захотѣлось?"—„Да, очень!" И, знаете, такъ у него это „очень" по-женски вышло, что уже сомнѣнія мои начали разлетаться—женщина и только, а тутъ она сама начала—„я, говоритъ, и стрѣлять умѣю, изъ ружья... я учился, и я все знаю, что строя касается"... Ахъ, думаю, какая милая „стрѣлять", „изъ ружья". Vous comprenez, господа, что такъ только двѣнадцатилѣтній мальчикъ скажетъ, а не вольнопёръ, идущій въ солдаты. Ну я ему сейчасъ и вопросъ:—„А какъ васъ зовутъ?" Понимаете, не какъ фамилія, и не на „ты", а просто, какъ дѣвицъ спрашиваютъ—„Какъ васъ зовутъ?" Вообразите, и глазомъ не моргнулъ,—„Терентій Николаевъ". Терентій,—чортъ, думаю, и имя глупое, пожалуй, что барышня на таковомъ бы и не остановилась.—„У меня, говоритъ, бумаги". Что же, думаю, бумаги. A vrai dire, мнѣ-то какое дѣло! Показалъ я ей дорогу, иду съ нею и все думаю—женщина или нѣтъ? Но только, господа, навѣрно женщина.

Д. Н. Кардовскій. Портретъ работы *О. Делла-Восъ-Кардовской.*
X выставка „Новаго Общества художниковъ".

Старыя письма. *Е. Праведниковъ.*
X выставка „Новаго Общества художниковъ".

— А волосы у нея какъ?—спросилъ прапорщикъ Ганжумовъ, здоровый дѣтина, недавно прибывшій въ полкъ изъ школы.

— Волосы?—переспросилъ Пышкинъ.—Обыкновенно какъ: острижены подъ гребенку. По формѣ.

— Ну-у...—протянуло нѣсколько голосовъ съ полнымъ разочарованіемъ.—Какая же женщина острижетъ свои волосы. Просто хорошенькій мальчикъ, а вамъ и пригрезилось.

— Ну, только ежели мальчикъ, такъ ужъ очень хорошенькій,—съ какимъ-то сожалѣніемъ, что его опровергли, проговорилъ Пышкинъ.—Но, господа, постойте, другое. Почему же послали за Яковлевымъ?

— А что твой Яковлевъ?—задорно спросилъ Ганжумовъ.

— Яковлевъ что?.. Яковлевъ это не ты. Это святой человѣкъ. Ему хоть ангела въ роту пусти, не соблазнитъ.

— Да ангелъ-то не соблазнитъ, конечно,—засмѣялся хриплымъ смѣшкомъ Сабуловъ,—онъ не на то созданъ, а ты ему Венеру подведи и посмотри, устоитъ или нѣтъ.

— Хоть сто Венеръ!—воскликнулъ задорно Пышкинъ.—Яковлеву это все равно что ничто.

— Только, господа, если это женщина,—сказалъ штабсъ-капитанъ Подрядчиковъ,—то Яковлевъ откажется взять ее къ себѣ въ роту. Зачѣмъ ему пакостить свою лихую третью.

— Ну, братъ, ты Реброва плохо знаешь. Прикажетъ и баста. Вѣдь разъ у него бумаги есть, надо полагать, баба съ протекціей,—возразилъ Сабуловъ.

— И почему вы говорите, испакоститъ роту?—горячо воскликнулъ Ганжумовъ.—Женщина, напротивъ, внесетъ чистоту и благородство въ нашу среду.

— Слыхали мы эти пѣсни,—сказалъ Сабуловъ.

— А сестры?!

— Ну что сестры?—спокойно глядя на Ганжумова своими сѣрыми глазами въ красныхъ вѣкахъ безъ рѣсницъ, проговорилъ Сабуловъ.

Ганжумовъ даже вскочилъ.

— Какъ что!—воскликнулъ онъ и захлебнулся.—Помилуй Богъ! Да вѣдь сколько въ нихъ святого, чистаго. Это такая прелесть!

— Да ты не „кипятись", погоди. Нашего генерала знаешь?

— Ну?

— Ну вотъ. Докладываютъ ему: пріѣхали сестры. А онъ, знаешь, своимъ немного хриплымъ такимъ голосомъ и спрашиваетъ: „А что, онѣ доступныя или недоступныя? Потому, ежели доступныя, такъ еще туда-сюда, ну а ежели недоступныя, такъ у меня вся дивизія повлюбляется и начнетъ по лазаретамъ бѣгать".

— Ахъ, оставь, пожалуйста. Нашъ генералъ—извѣстный циникъ.

— Нѣтъ, другъ мой, не циникъ онъ, а просто старый солдатъ и знаетъ, что отъ этого товара на войнѣ добра мало бываетъ. Вотъ и теперь, ежели это доброволецъ-женщина, хорошаго мало будетъ.

— Но постой, Миша, неужели ты не допускаешь хорошихъ побужденій въ женщинѣ? Наконецъ, вѣдь есть же натуры, въ которыхъ больше мужского, нежели женскаго, натуры, гдѣ „м" преобладаетъ надъ „ж"; ну и такимъ натурамъ, понятно, невмоготу теперь оставаться въ тылу. Каждому хочется пріобщиться къ этому великому святому дѣлу,—серьезно заговорилъ Пышкинъ.

— Господа, а кто моего Вейнингера зачиталъ?—воскликнулъ худощавый поручикъ Бурицкій.—Навѣрно у тебя, Пышкинъ, что ты заговорилъ такимъ языкомъ.

— Нѣтъ, я Реньеву отдалъ,—быстро отвѣтилъ Пышкинъ Бурицкому и продолжалъ:—Вотъ и этотъ доброволецъ, допустимъ, тоже въ женской оболочкѣ имѣетъ мужскую душу.

Эхъ, и жалѣю же я Яковлева, ежели эта мужская душа въ женской оболочкѣ да попадется къ нему въ роту. Вѣдь вотъ ты говоришь пріобщиться къ великому святому дѣлу. Есть! Правильно, именно такъ, потому что нѣтъ болѣе святого, болѣе великаго дѣла, какъ то, которое дѣлаемъ мы—сѣрая, безотвѣтная, многострадальная пѣхота... Но вѣдь это издали. На этотъ подвигъ надо любоваться со стороны, а ужъ мы-то лучше кого-либо знаемъ и нашу далеко не поэтичную, хотя и великую вонь солдатскую, и грязь траншей, и вшей, которыя буквально ѣдятъ человѣка живьемъ. Душу онѣ не съѣдятъ, но тѣлу, грѣшному тѣлу, ухъ, какъ достается. А потомъ въ этомъ громадномъ сѣромъ стадѣ развѣ можно ручаться, что не найдется паршивой овцы, которая и обидитъ, и насмѣется, и оскорбитъ... Да нѣтъ, дорогой мой, наше дѣло, это—тяжелый, страшный долгъ, а не игрушка... И потомъ, какая польза отъ того, что mademoiselle X или madame Y, вдругъ почуявъ, что въ ней „м" больше, нежели „ж", возьметъ ружье и пойдетъ въ окопы „стрѣлять нѣмцевъ". Ни силенокъ у нея нѣтъ, чтобы окопаться какъ слѣдуетъ, чтобы не спать ночами, чтобы недѣлями стоять по колѣно въ водѣ. Она зачахнетъ и умретъ безъ пользы. А вѣдь есть у нея кто-нибудь, кто ее любитъ, кому она безумно дорога...

— Но, Сабуловъ, вѣдь и мы дороги. И у насъ есть кому о насъ поплакать,—сказалъ Подрядчиковъ.

— Ахъ, не то, мой милый, не то. Ну да чортъ съ ней! И

Автопортретъ. *О. Делла-Восъ-Кардовская.*
X выставка „Новаго Общества художниковъ".

командиръ полка отлично дѣлаетъ, что назначаетъ ее въ третью роту. У Яковлева она и школу хорошую получитъ да и Яковлева не совратитъ. Кремень-человѣкъ.

— А, однако, и долго командиръ его наставляетъ, — сказалъ Пышкинъ.—Уже обѣдать время, а Владиміра Петровича не видать. Хорошо что праздникъ, а то рота по немъ наплачется.

— Ну ужъ надоѣлъ онъ ей со своими занятіями, — сказалъ Ганжумовъ.

— Ахъ, прапорщикъ, прапорщикъ, — покачивая головою, произнесъ Сабуловъ, — не знаете вы настоящей службы. Помнишь, Саша, какъ нашъ рыжій Семенъ гоняетъ, бывало, по военному полю роту. „Ноги нѣту! Гонять буду! Рота кругомъ!" и гоняетъ, гоняетъ во взводной колоннѣ часами, ажъ пятки заболятъ.

— Помню, — улыбаясь, отвѣтилъ Подрядчиковъ. — А еще „дрючилу" помнишь? „Я васъ вздрючу-съ!" Скомандуетъ на караулъ да пойдетъ равнять штыки и приклады. Минутъ сорокъ продержитъ. „Доверните прикладъ! Разверните прикладъ! Чуть лѣвую руку пониже, пальцы прямѣе". А, чортъ!

— Ну и что же, — горячо воскликнулъ Ганжумовъ, — неужели вотъ теперь, на войнѣ, вы мнѣ скажете, что это нужно?

Сабуловъ не сразу отвѣтилъ. Онъ долго смотрѣлъ своими безцвѣтными сѣрыми глазами прямо въ лицо Ганжумову, вскидывалъ ими на его университетскій знакъ, потомъ опять смотрѣлъ въ лицо, будто изучалъ его, будто хотѣлъ проникнуть въ его мысли и рѣшить, пойметъ ли онъ то, что онъ скажетъ, и вдругъ сказалъ:

— А вѣдь нужно было. Это была гимнастика для тѣла и души. Это была выработка воли, желѣзной дисциплины и стойкости. Грубая система, но система.

— Фридриховщина,—пробормоталъ невнятно Ганжумовъ.

— Ахъ, юноша, юноша! — сказалъ Сабуловъ и перевелъ глаза на небо, на грязную улицу, на которой глубокія колеи чернѣли и наливались водою, на рыхлый талый снѣгъ, лежавшій искрящимися на солнцѣ бороздами, потомъ перевелъ взглядъ на темный лѣсъ, синѣвшій за деревней, на небо, по которому, по-весеннему яркія, пучились тучи, и тихо проговорилъ: — Не стрѣляютъ что-то сегодня. Отдохнетъ мало-мало второй батальонъ.

И при этомъ напоминаніи о томъ, что позиція тутъ недалеко, всего въ шести верстахъ, что тамъ есть участки, гдѣ ежедневно при обстрѣлѣ убиваютъ и ранятъ людей, что на эти участки скоро и имъ придется итти, что каждую минуту ихъ — полковой резервъ — могутъ потребовать туда, гдѣ свистятъ пули, гдѣ рвется шрапнель, всѣ примолкли, и, глядя на синее небо, каждый, казалось, думалъ свою думу и чутко, сторожко прислушивался къ тому, что дѣлалось за лѣсомъ.

Но тамъ было тихо. Небо разверзалось за лѣсомъ голубою далью. И была эта голубая даль какою-то странною. Была чужою. Потому что тамъ была „его" позиція. Туда нельзя было просто встать и пойти.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Художникъ М. А. Врубель. *Л. Шервудъ.*
(Гипсъ).
X выставка „Новаго Общества художниковъ".

Смерть Петронія.

Разсказъ **Луи Соноле.**

Его звали виконтъ де-Клери, но мы называли его Петроніемъ. Онъ дѣйствительно очень напоминалъ знаменитаго римскаго **Arbiter elegantiarum** изысканностью, какую вносилъ въ свою жизнь и въ свою одежду.

Однако ничего фатовского или вычурнаго не было въ этомъ красивомъ и изящномъ двадцатипятилѣтнемъ молодомъ человѣкѣ. Его любили въ художественныхъ и спортивныхъ кругахъ, гдѣ онъ бывалъ. Никто не могъ назвать его возлюбленной, какъ будто чары и прелесть одной женщины не въ состояніи были удовлетворить его стремленія къ красотѣ въ цѣломъ. Онъ любилъ горячо только свою мать, вдову, единственнымъ сыномъ которой онъ былъ.

Когда началась война, онъ былъ призванъ и въ чинѣ сержанта пѣхоты бодро отправился въ походъ. Его кампанія длилась недолго. Въ концѣ августа въ Ленуа баварскій снарядъ раздробилъ ему правую ногу, и онъ былъ эвакуированъ въ большой парижскій госпиталь.

Мать лихорадочно поспѣшила къ его изголовью; потомъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ ласки и утѣшенія, покинувъ большую бѣлую залу, она спросила у старшаго врача, попавшагося ей навстрѣчу, возможны ли какія-либо тяжелыя осложненія. Докторъ со смущеннымъ видомъ погладилъ свою сѣдѣющую бородку и въ сдержанныхъ словахъ объяснилъ ей, что рана ея сына внушаетъ серьезныя опасенія, и что, вѣроятно, придется прибѣгнуть къ ампутаціи, чтобы спасти его.

Двухъ дней оказалось достаточно, чтобы убить оставшуюся надежду. Госпожѣ де-Клери объявили, что у раненаго обнаружилась гангрена, и что операція, теперь неизбѣжная, можетъ быть отложена не болѣе, чѣмъ на одинъ день. Кто сообщитъ несчастному ужасную вѣсть, тѣмъ болѣе страшную для этого совершеннаго образчика человѣчества, для этого Петронія, такъ влюбленнаго въ свою красоту, такъ заботящагося о ней?

Тэди. *О. Делла-Вось-Кардовская.*
X выставка „Новаго Общества художниковъ"

Матери показалось, что она одна сумѣетъ обставить достаточной осторожностью жестокую миссію. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ, но рѣшившись, подсѣла она къ изголовью сына, голова котораго покоилась на подушкѣ, какъ всегда, безукоризненно причесанная.

Не находя словъ, госпожа де-Клери прибѣгла къ уловкѣ. Она разсказала сыну, что знала молодого человѣка однѣхъ лѣтъ съ нимъ и съ такой же раной. Ему пришлось отнять ногу, но теперь онъ очень хорошо ходитъ, благодаря превосходному протезу. „Это удивительно, — увѣряла она.—Никто даже не замѣчаетъ". Страшная тревога охватила душу раненаго. Кровь его похолодѣла, въ вискахъ застучало, голова безсильно упала на подушку: онъ понялъ.

— Этотъ молодой человѣкъ — я, мама?..

— Можетъ-быть, нѣтъ, — отвѣтила она задыхающимся голосомъ, отступая вдругъ предъ ужасной дѣйствительностью.—Еще неизвѣстно, дорогой мой. Докторъ сейчасъ придетъ поговорить съ тобой.

Мужество покинуло ее. Да, докторъ лучше ея сумѣетъ объяснить неизбѣжность ампутаціи, ея настоятельную необходимость. И она отправилась за нимъ.

Когда докторъ подошелъ къ виконту, Петроній, стараясь подавить волненіе, твердымъ голосомъ спросилъ:

— Итакъ, нѣтъ надежды, докторъ? Нужно сдѣлать выборъ между деревянной ногой и могилой?

Докторъ рѣшительно и безапелляціонно заявилъ, что наука не въ силахъ бороться съ болѣзнью, и что есть только одно спасенье — отрѣзать ногу. Но онъ знаетъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ мужественнымъ...

— Безусловно, — прервалъ Петроній, — ибо я выбираю смерть.

Пораженный докторъ сталъ убѣждать: такое рѣшеніе не можетъ быть серьезно. Никогда, за свою практику, онъ не встрѣчалъ паціента, отказывающагося хотя бы такимъ тяжкимъ способомъ сохранить жизнь.

Съ душераздирающей горечью въ голосѣ раненый отвѣтилъ:

— Я глубоко огорченъ тѣмъ, что доставлю огромное горе кто-нибудь помогъ ей въ ея усиліяхъ! Ей случалось думать: „Зачѣмъ нѣтъ у него любимой женщины, которая присоединила бы свои мольбы къ моимъ и, можетъ-быть, побѣдила бы его душу!“ Вечеръ второго дня, не обращая вниманія на проходящіе часы, на огни, потухавшіе на ночь въ залѣ засыпающихъ страдальцевъ, она до самаго разсвѣта оставалась у изголовья своего сына, изливаясь въ мольбахъ и просьбахъ. Слезы текли по похудѣвшему лицу Петронія, но стоическое рѣшеніе его оставалось неизмѣннымъ. На разсвѣтѣ онъ уснулъ.

Она еле дождалась часа врачебнаго обхода и изложила доктору идею, зародившуюся въ ея отчаявшемся мозгу... Что ей до попрековъ, которыми станетъ осыпать ее ея сынъ, лишь бы только онъ остался живъ! Онъ крѣпко спитъ! Пусть его скорѣе захлороформируютъ, сдѣлаютъ операцію и спасутъ, противъ его воли. Развѣ недостаточно для этого ея согласія, материнскаго?

Дѣвичья комната въ Смольномъ институтѣ. *Клара Цейдлеръ.*

X выставка „Новаго Общества художниковъ“. — Пріобрѣтена для Музея Императорской Академіи Художествъ.

матери, и очень виню себя за это. Но могу ли я ради нея принять жизнь, которая ежедневно, ежечасно была бы для меня мученіемъ?

Несмотря на всѣ свои доводы, докторъ не добился другого отвѣта. Когда часъ спустя онъ снова увидѣлъ госпожу де-Клери, она сразу угадала причину его волненія.

— Онъ хочетъ умереть, — сказала она, — я этого боялась.

Тяжелое рыданіе вырвалось изъ ея груди.

И до конца этого дня и весь слѣдующій день вела она самую нѣжную и самую горячую борьбу противъ того, кого любила больше всего на свѣтѣ. Съ неутомимымъ упорствомъ, съ страннымъ смѣшеніемъ убѣждающей силы и умоляющей кротости, она приводила ему всѣ доводы, всѣ мечты, всѣ воспоминанія, которыя могли еще убѣдить его жить.

Она говорила снова объ удивительномъ, усовершенствованномъ протезѣ ногъ, клялась своей безграничной материнской любовью, которая, несмотря ни на что, создастъ ему счастливую жизнь. Петроній слушалъ ее, несказанно тронутый до глубины души, но лишь безмолвно пожималъ все сильнѣе ея руку, которую она протянула ему, какъ бы боясь, что слова ея мало трогаютъ его сердце. Иногда и во взглядѣ сына читалась глубокая скорбь, и онъ говорилъ:

— Полно, мама, я страдаю не меньше тебя.

Время летѣло. Каждый часъ приближалъ съ собою смерть. Госпожа де-Клери продолжала героически бороться. О, если бъ

— Увы, нѣтъ, сударыня, — отвѣчалъ врачъ. — Для всякой операціи взрослаго человѣка требуется, по уставу, формальное согласіе съ подписью оперируемаго. Къ тому же, — понизивъ голосъ, значительно прибавилъ онъ, — теперь уже слишкомъ поздно.

Слишкомъ поздно! Черезъ нѣсколько часовъ ея дитя умретъ! Не поддаваясь душащей ее тоскѣ, сдерживая въ пылающемъ горлѣ тяжелыя рыданья, госпожа де-Клери пытается улыбнуться при послѣднемъ пробужденіи сына. Жалкая улыбка, окропленная слезами, не могущая обмануть его! Смерть уже легла на лицо его, искажая правильныя черты. Онъ долгимъ взглядомъ смотритъ на ту, которую покидаетъ по своей винѣ.

— Прости, мама.

Потомъ галантно цѣлуетъ руку молоденькой сестры, заботливо ухаживавшей за нимъ:

— Благодарю васъ.

Началась агонія. Когда все было кончено, сестра, по госпитальному обычаю, закрыла простыней тонкое лицо ушедшаго въ безконечность, и на эту простыню, точно мертвая, безсильно рухнула госпожа де-Клери.

Черезъ день мы слѣдовали за гробомъ Петронія, и я вспоминалъ обезображеннаго на войнѣ персами древне-греческаго атлета, который предпочелъ броситься съ утеса въ море, чѣмъ предстать предъ аѳинянами, столько разъ рукоплескавшими его красотѣ и силѣ.

Сиреневый конвертъ.

Я жду письма въ сиреневомъ конвертѣ,
Съ привычнымъ справа словомъ: „Лазаретъ"
Печальнѣй ивы и блѣднѣе смерти,
Я жду письма. — Письма все нѣтъ.

За облаками гдѣ-то солнце стынетъ.
Одѣлъ деревья голыя туманъ.
Безлюдный паркъ мнѣ кажется пустыней,
Гдѣ гибнетъ бѣлый караванъ.

Въ вѣтвяхъ звучатъ невидимыя арфы;
Вершины сосенъ сыплютъ снѣжный хмель,
Концами шелковаго шарфа
Играетъ блѣдная метель.

Мои слѣды вокругъ мохнатыхъ елокъ
Плетутъ затѣйливый узоръ.
Какъ странно: я не знала до сихъ поръ,
Что день январскій такъ бездонно-дологъ!

По вечерамъ я въ креслѣ у камина
Смотрю въ огонь кроваво-золотой,
И вечеръ, какъ и день, — такой бездонно-длинный
И пустой.

Отъ алаго огня камина
Моя щека суха и горяча.
Ползутъ и стынутъ слезы стеарина,
И вся въ большихъ слезахъ свѣча.

Но утромъ — вдругъ — ликующее солнце
Прорвало плѣнъ тяжелыхъ, мрачныхъ тучъ.
Зажегъ горячій длинный лучъ
На голубыхъ снѣгахъ червонцы.

Пусть близко смерть — пусть! Но пока
Нѣтъ больше мѣста страху смерти:
Въ моихъ слабѣющихъ рукахъ
Письмо въ сиреневомъ конвертѣ!

Лидія Лѣсная.

Генералъ-лейтенантъ А. А. Мосоловъ, состоящій посломъ при румынскомъ дворѣ. Портретъ работы *Д. Кардовскаго.*
(Изъ рисунковъ къ картинѣ „Балъ въ Дворянскомъ Собраніи въ 1913 г.").
выставка „Новаго Общества художниковъ"

Надъ замерзшей рѣкой.

Очеркъ **Алексѣя Липецкаго.**

Губернская земская больница — это цѣлый городокъ, ядромъ котораго является главный корпусъ — желтое, мрачное зданіе съ почернѣлымъ отъ времени крестомъ на фронтонѣ. Вокругъ этого корпуса, какъ подчиненные вокругъ короля, толпятся второстепенныя постройки: кладовыя, баня, изоляціонная, психіатрическое отдѣленіе и помѣщенія для служащихъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ оборудованъ на время войны, помимо главнаго земскаго лазарета, еще вспомогательный, нѣчто въ родѣ пересыльнаго барака, гдѣ помѣщаютъ испытуемыхъ, выздоравливающихъ солдатъ и такихъ больныхъ, лѣченіе которыхъ приняло затяжную форму. Помѣщеніе это черезъ дорогу отъ больничныхъ воротъ. Стоитъ оно на самомъ берегу рѣки, теперь покоящейся подъ снѣгомъ, и издали, благодаря стоящей рядомъ водонапорной башнѣ, похоже на средневѣковый замокъ. Въ зданіи этомъ три этажа: нижній занятъ кухней и инвентаремъ: два верхнихъ отведены для больныхъ.

Яркій, морозно-солнечный день.

Взглянуть изъ окна — глазамъ больно: отъ края до края небесъ все сверкаетъ, искрится, все бѣлое, только тѣни густо синѣютъ своимъ холоднымъ сапфиромъ, да сосновый лѣсъ янтарится вдали, какъ воткнутая въ снѣгъ роговая расческа.

По зигзагообразной лѣстницѣ вспомогательнаго лазарета, держась за поручни, подымаются два странныхъ существа: на нихъ длинныя песочнаго цвѣта одежды, въ родѣ тѣхъ, какія носили римскіе сенаторы, на ногахъ туфли, на головахъ мутно-зеленыя лепешки, когда-то бывшія солдатскими фуражками, но лица... лица такія, что, вырядись эти люди въ еще болѣе фантастическіе костюмы, все же безъ колебанія можно было бы остановить любого изъ нихъ и спросить: „Землякъ! Постой-ка! Ты не рязанскій, примѣрно, будешь?" И землякъ, широко осклабившись, отвѣтилъ бы: „Рязанскій не рязанскій, а близъ того: пензенскіе мы."

Странныя существа, одно съ трудомъ подымая ногу, другое бережно неся на косынкѣ обдѣланную въ лубокъ руку, достигаютъ верхней площадки лѣстницы и отворяютъ дверь.

Старинная усадьба (Калужской губ.). *А. Ростиславовъ.*
X выставка „Новаго Общества художниковъ".

А. В. Кривошеинъ. Портретъ работы *Д. Кардовскаго.* (Изъ рисунковъ къ картинѣ „Балъ въ Дворянскомъ Собраніи въ 1913 г.“). X выставка „Новаго Общества художниковъ“.

— Ну, нагулялись, гуляки? — съ улыбкой спрашиваетъ вошедшихъ сидѣлка Аннушка, бойкая, крѣпкая, какъ морской голышъ, молодка.

Принесенный ими острый щекочущій запахъ мороза, какъ хмель, шибаетъ Аннушкѣ въ ноздри. Она оставляетъ вязанье и сладко потягивается. Упавшій клубокъ, покатившись къ другой стѣнѣ, протягиваетъ черезъ коридоръ сѣрую пушистую нитку. У ногъ Аннушки, мурлыча такъ, словно онъ только-что вылокалъ корчажку сметаны, трется фаворитъ лазарета—полосатый красавецъ Васька.

— Велика прогулка — лѣстницу пройти и обратно,— отвѣчаетъ одинъ изъ вошедшихъ, волосомъ посвѣтлѣй, ростомъ повыше. Въ городъ бы — это еще ни то ни сё...

— Тебѣ еще домой бы. Экій ты, Замятинъ, прыткій. Давно ли съ костылемъ развѣнчался. Подожди! И въ городѣ побываешь... Да и чего наружи?—Стыть тамъ, а тутъ вишь теплынь, благодать...

Аннушка смотритъ вдоль коридора, гдѣ надъ аркой висятъ круглые часы, морщится, напрягая зрѣніе, и говоритъ, странно жуя губами точно она уже ѣстъ:

— Эге! Скоро обѣдать! Безъ четверти двѣнадцать...

— Да, не плохо, червячка заморить, — отвѣчаетъ другой раненый, все время молчавшій.

Аннушка, — она сегодня дежурная, — остается сидѣть у входа, а Замятинъ съ товарищемъ, перешагнувъ нитку, идутъ въ глубь коридора.

Коридоръ высокій, длинный и такой узкій, что въ сумеркахъ въ немъ бываетъ жутко: кажется, вотъ-вотъ стѣны сплюснутся и раздавятъ. По обѣ стороны коридора—палаты. Нѣсколько палатъ пустуетъ: въ нихъ прошедшимъ лѣтомъ помѣщались плѣнные: послѣ эвакуаціи плѣнныхъ въ Сибирь главный врачъ больницы распорядился палаты запереть. Въ дверныя скважины изъ этихъ пустыхъ палатъ, какъ изъ склеповъ, несетъ гнилью и холодомъ. Изъ занятыхъ палатъ сквозь затворенныя двери слышатся говоръ, смѣхъ, изрѣдка протяжный глухой стонъ.

Въ коридорѣ сейчасъ особенное оживленіе. Надъ провизіоннымъ столомъ хлопочутъ служанки (здѣсь ихъ зовутъ сидѣлками), готовя къ обѣду порціи. Кто рѣжетъ хлѣбъ, кто говядину (мелкими кусочками), кто шуршитъ мисками, приготовляя ихъ для разноски по палатамъ. Смѣхъ, шутки, веселый говоръ. Если бы не бѣлые халаты и повязки, можно было бы подумать, что дѣйствіе происходитъ гдѣ-нибудь въ кухнѣ большой гостиницы. Живая здоровая жизнь, какъ солнце, куда бы ни заглянула, вездѣ одинаково свѣтла и безгорестна.

Въ бѣлой толпѣ сидѣлокъ торчитъ, какъ огородное пугало, нелѣпый, высокій, въ порыжѣломъ драповомъ пальто, подпоясанномъ бинтомъ, сторожъ Сергѣй. Шея у Сергѣя набокъ, и одной ногой онъ „пристегиваетъ“. Это, впрочемъ, не помѣшало ему жениться и взять, по разсказамъ сидѣлокъ, жену-красавицу. У Сергѣя, говорятъ, есть деньжонки. Служитъ онъ въ лазаретѣ не изъ-за нужды, а изъ-за скупости. И, надо сказать, жаденъ человѣкъ чрезвычайно: онъ собираетъ по лазарету буквально всѣ отбросы, пряча ихъ въ особую корзину. Марля и вата, бинты и черствый ситный, сахаръ и остатки каши—все это у него хранится вмѣстѣ, плѣснѣетъ, пылится, ненужное и никогда изъ корзины не вынимаемое.

— Ну-ну, пъявойнѣй! — картавитъ Сергѣй, понукая сидѣлокъ.

Слушать его, конечно, никто не слушаетъ, но онъ уже усвоилъ себѣ такую манеру на всѣхъ и на все ворчать.

— Сергѣй, жена-то, говорятъ, съ драгуномъ сбѣжала? — подзадориваютъ его.

— У насъ не сбѣзытъ. Воёта на запойѣ...

Крутитъ бороденку, худой, длинный, не человѣкъ, не жердь, и втайнѣ презираетъ своихъ обидчицъ.

Замятинъ съ товарищемъ, ковыляя прострѣленной ногой, подходитъ къ сидѣлкамъ.

— Помогай Богъ.

— Не угодно ли съ нами?

— Вотъ Стрекачевъ мастеръ рѣзать,—говоритъ Замятинъ, кивая на товарища. — Такъ на позиціи строгалъ — чуть обѣ руки не отсадилъ. Ишь правую-то запеленалъ, въ родѣ какъ молодая баба ребенка...

Звонкій хохотъ сидѣлокъ невидимыми бубенчиками скачетъ вдоль коридора, нарушая его сѣрый каменный покой.

Вдали хлопаетъ дверь.

Двѣ здоровенныхъ бабы, сгорбившись подъ тяжестью переполненныхъ ведеръ, несутъ горячее и кашу. Вкусный ароматъ наваристыхъ мясныхъ щей забирается въ самую душу. Сергѣй да тоже и Замятинъ со Стрекачевымъ аппетитно облизываются.

— Ну, по мѣстамъ, по мѣстамъ...

Это говоритъ подошедшая къ столу надзирательница Ольга Ивановна, грузная, добродушно-ворчливая женщина. Она, какъ и сидѣлки, въ бѣломъ халатѣ, только безъ повязки. Полнота формъ и бѣлый халатъ дѣлаютъ Ольгу Ивановну похожей на снѣговую бабу, огромную, еле отесанную лопатой и потому особенно забавную.

Васильевская церковь близъ Старой Ладоги. *А. Ростиславовъ.* X выставка „Новаго Общества художниковъ“.

— Живо, живо!—шутливо-строгимъ тономъ понукаетъ она Замятина и его друга.—Вѣдь проголодались, небось?

— Малость есть.

Друзья, шлепая туфлями, ковыляютъ въ свою палату.

Сидѣлки начинаютъ разносить обѣдъ.

Всего въ верхнемъ этажѣ больныхъ, раненыхъ и испытуемыхъ около шестидесяти человѣкъ. Изъ нихъ двадцать съ лишнимъ человѣкъ бѣженцевъ. Бѣженцамъ отведена особая палата, самая большая. Подобрали этихъ людей: кого на постояломъ дворѣ, кого на улицѣ, кого на желѣзнодорожной платформѣ, подобрали, какъ упавшую съ воза промерзшую картошку, и привезли сюда медленно догнивать. Худыя, скрюченныя болѣзнью ноги острыми углами торчатъ изъ-подъ желтыхъ и сѣрыхъ одѣялъ, а съ бѣлаго полотна подушекъ глядятъ скорбныя, влажно влипшія въ нихъ воспаленныя головы. Глаза рѣдко у кого открыты: распухшія, посинѣлыя вѣки тяжело, какъ свинцовыя раковины, давятъ на зрачки, да и многимъ легче не смотрѣть, лежать безъ движенія, безъ мысли, только рѣдкимъ стономъ давая о себѣ знать. Чего смотрѣть, когда одна пустота осталась въ жизни, черная, непроглядная, какъ осенняя ночь, пустота. Вотъ около печки на койкѣ полусидитъ сгорбленный, сѣдой,—но видимо не отъ лѣтъ, а отъ горя,—человѣкъ. Давно небритый подбородокъ дѣлаетъ его похожимъ на репей. Онъ не знаетъ, гдѣ его жена и дѣти. По ночамъ, когда въ палатѣ стоитъ темная, жуткая, прерываемая стонами, тишина, человѣкъ этотъ забивается въ уголъ, садится на корточки и плачетъ, вѣрнѣе, скулитъ, какъ прибитый щенокъ. Или начнетъ собирать подъ койками туфли спящихъ и выстраивать ихъ на полу въ рядъ. Его потомъ отправили въ психіатрическое отдѣленіе. А вотъ мальчикъ Стась, до такой степени худенькій, слабенькій, что, кажись, возьми его въ руки, онъ разсыплется, какъ перегорѣлый ламповый колпачокъ. Стась по цѣлымъ днямъ глядитъ въ окно на небо и грезитъ ангелами. А когда на окнѣ узоры инея, мальчику кажется, что ангелы уже прилетѣли. Сердце ребенка замираетъ отъ счастья, но онъ молчитъ, онъ таитъ въ себѣ свой сладкій бредъ. Люди отняли отца и мать,—могутъ отнять и ангеловъ.

Въ палату бѣженцевъ рѣдко кто заходитъ, кромѣ врача и фельдшерицъ. Даже крѣпкая на нервы Ольга Ивановна, охотница поразспросить и поразсказать, и та заглядываетъ въ нее только по необходимости. Страданіе тутъ настолько глубоко и безысходно, что никакія утѣшенія не помогутъ, а разговоры о чемъ-либо постороннемъ могутъ только оскорбить это страданіе. Такъ и живутъ бѣженцы особнякомъ въ лазаретѣ, предоставленные сами себѣ и своимъ тѣлеснымъ и душевнымъ недугамъ.

Раненые и испытуемые размѣщены въ нѣсколькихъ палатахъ по другую сторону коридора, окнами на рѣку. Если у бѣженцевъ неизмѣнная гостья—скорбь, то у этихъ почти постоянные посѣтители—бодрость и смѣхъ, пусть нерѣдко больной, надрывный смѣхъ, иной разъ граничащій со слезами, но все же смѣхъ. И какъ будто не случайно солнце въ этой половинѣ гоститъ съ утра, а къ бѣженцамъ заглядываетъ только подъ вечеръ.

Люди, окунувшіеся съ головой въ непередаваемыя ощущенія войны, ежеминутныхъ страховъ, воплей, стоновъ, подвиговъ и злодѣйствъ, люди, не одинъ разъ сталкивавшіеся плечомъ къ плечу со смертью, словно заново родились, увидѣли свѣтъ Божій со всей его красотой, просторомъ и солнышкомъ, увидѣли и какъ будто обрадовались. А сознаніе выполненнаго передъ родиной долга! Развѣ оно не способно успокоить и согрѣть душу? У солдатъ совсѣмъ другое отношеніе къ своему отдыху, лѣченію, къ заботливости о нихъ со стороны мирныхъ подвижниковъ войны, чѣмъ у бѣженцевъ. У бѣженцевъ—только прошлое, у раненыхъ солдатъ—все въ будущемъ.

Самая оживленная палата, въ своемъ родѣ клубъ, театръ-миніатюръ лазарета, это палата № 9, въ которую пошли хромой Замятинъ и его землякъ Стрекачевъ. По первому взгляду какъ будто уныло. Большое, чуть не во всю стѣну, окно: голыя, бѣлыя съ темно-сѣрой панелью стѣны: пять коекъ, покрытыхъ сѣрыми одѣялами: три столика: на столикахъ кружка, деревянная ложка, недоѣденные куски ситнаго, папиросная коробка и прочая мелочь. На койкахъ,—частью въ сѣрыхъ, частью въ желтыхъ халатахъ,—люди, всего десять человѣкъ: пятеро своихъ, пятеро гостей—пришли изъ сосѣднихъ палатъ. Бѣлый и сѣрый цвѣтъ—какъ это похоже на скучный октябрьскій пейзажъ. Но солнечные блики? Но лица? Но говоръ и движенія?..

Сейчасъ идетъ одинъ изъ самыхъ комическихъ „номеровъ“. Татаринъ Баторшинъ, насквозь прострѣлянный, съ двумя костылями, черноголовый, краснолицый, съ глазами, какъ двѣ смородинки, никогда не унывающій человѣкъ, обучаетъ строевой службѣ испытуемаго Павлушу Растяпова.

Павлуша ростомъ съ добраго жандарма, руки—оглобли, а лицо почти дѣтское, безусое, съ подслѣповато-прищуренными глазами и такой глупой улыбкой, что невольно хочется смѣяться. Однако Павлуша не такъ глупъ, какъ кажется, и не настолько слѣпъ, какъ разсказывалъ его отецъ, когда сдавалъ сына на попеченіе Ольги Ивановны.

— Скажи на милость,—говорилъ мужикъ,—уронитъ Пашка рукавицу и ужъ шаритъ-шаритъ по землѣ,—никакъ не найдетъ.

А пожилъ Павлуша въ лазаретѣ дня два, увидѣлъ,—кормятъ хорошо, спать можно вдоволь—откуда и зрѣніе взялось: издали видитъ, какъ начнутъ утромъ разносить по столикамъ порціи сахару и ситнаго.

Баторшинъ сидитъ на койкѣ. Павлуша стоитъ въ проходѣ между койками, вытянувшись во „фрунтъ“ и держа на плечѣ швабру. На головѣ у него розовый капоръ изъ пряжи, принесенный кѣмъ-то изъ сидѣлокъ. Лицо серьезно и глупо.

— Шагамъ...—Арчъ!..—командуетъ съ койки Баторшинъ, заливаясь смѣхомъ.

Его черные глаза-смородинки—совсѣмъ исчезаютъ въ красныхъ, лоснящихся подушкахъ широкихъ скулъ. Кажется, что и костыли, и тѣ, заодно съ хозяиномъ, колышутся отъ смѣха.

Павлуша крѣпко, насколько позволяетъ мягкая лепешка туфли, ударяетъ лѣвой ногой объ полъ и шагаетъ къ двери. Для удобства Павлуша скинулъ халатъ. Тиковыя кальсоны, длинная бѣлая рубаха, женскій капоръ и швабра—что можетъ быть смѣшнѣй? Зрители хохочутъ неудержимо. Но Павлуша невозмутимъ.

— Стой!—хрипитъ Баторшинъ, когда Павлуша уткнулся носомъ въ самую дверь.

Туфли-шлепанцы пристываютъ къ полу.

— Маладецъ! Аправиться!

Павлуша отставляетъ швабру въ сторону и сморкается.

— Ай да Павлуша! Чѣмъ не солдатъ, даромъ что слѣпой,—еле передыхая отъ хохота, замѣчаетъ Замятинъ.

— Да это онъ такъ, притворяется только,—шутливо говоритъ нѣкто Потугинъ. Голова у Потугина въ бинтахъ. На борту халата оранжевая съ черными полосками ленточка.—Баторшина видишь?—спрашиваетъ онъ Павлушу.

— Нѣ...

— А ситный на столѣ?

Павлуша ухмыляется. Ситный онъ видитъ.

— Ой, попадешься на зубъ Черномору. Погоняетъ онъ тебя. Пойдешь служить.

Черноморомъ въ лазаретѣ и вообще по всей больницѣ зовутъ врача главнаго отдѣленія, человѣка стараго, суроваго, не дающаго никому поблажекъ.

— Ну, нечего зубы точить,—строго говоритъ Баторшинъ.—Дѣломъ надо заниматься. Смирна-а!..

Павлуша снова застываетъ.

—Гемнастика. Присѣданіе и выкидываніе ногъ... Дѣлай...

Длинная неподпоясанная рубаха Павлуши, какъ хвостъ у индюка, стелется по полу. Одна туфля летитъ прочь съ ноги. Павлуша нагибается, чтобы ее поднять, но Баторшинъ, давясь смѣхомъ, грозитъ костылемъ съ койки и кричитъ:

— А приказаніе подымать туфлю было? Не смѣй!..

Павлуша пятится, теряетъ равновѣсіе и растягивается во весь ростъ на полу.

— Ха-ха-ха!—покатывается со смѣху вся палата.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Войнѣ.

На небѣ времени безумная комета,
Въ багровомъ облакѣ проносится она...
И кисть художника и звонкій стихъ поэта
Твой обликъ отразятъ, Великая война!

Картины смѣнятся... И новаго столѣтья
Настанутъ мирные, цвѣтущіе года,
Но будетъ помнить міръ, какъ подъ твоею плетью
Соборы рушились и гибли города...

Какъ странно будетъ вамъ, грядущіе потомки,
Небрежно оборвавъ листокъ календаря,
Вдругъ вспомнить: „Въ этотъ день спокойныя потемки
Зажгла въ недобрый часъ кровавая заря!“

И, глядя на портретъ того, кто битву началъ,
Свершитъ потомство свой велицемѣрный судъ,—
Виновнику убійствъ, страданія и плача
Нетлѣнный приговоръ уста произнесутъ.

Война всемірная! Твой свѣтъ жестокъ и горекъ,
Но яснымъ маякомъ въ грядущемъ будешь ты,
И станетъ изучать внимательный историкъ
Жестокія твои и славныя черты.

Теперь—ты бичъ судьбы надъ родиною милой,
Но свѣтлой радостью заблещетъ русскій взоръ,
Когда постигнетъ онъ германскаго Атиллы
Безстрастнымъ временемъ отмѣченный позоръ.

Георгій Ивановъ.

ПОЛВѢКА ДЛЯ КНИГИ

И. Д. Сытинъ.

Біографія И. Д. Сытина есть вмѣстѣ съ тѣмъ біографія русской народной книги: исторія о томъ, какъ народная книга постепенно превращалась изъ убогой и безсодержательной лубочной „листовки" въ настоящее живое литературное слово и какъ сама она пришла къ своему читателю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ это есть исторія о томъ, какъ простой маленькій лубочный торговецъ превращался въ крупнѣйшаго культурнаго издателя.

Сытинъ и его книги шли вмѣстѣ одной дорогой — отъ тьмы къ свѣту, изъ глухихъ закоулковъ въ большія и свѣтлыя хоромы всея Руси. Шли они все время рядомъ съ народомъ, — даже съ самыми темными слоями деревенскаго люда, по глухимъ тропинкамъ, по окольнымъ дорогамъ, а то и прямо по цѣлинѣ, и мало-по-малу растеклись по всей странѣ, какъ растеклась со своими притоками сама царица русскихъ рѣкъ — Волга.

Мы не случайно привели это сравненіе: еще Несторъ говорилъ, что „словеса книжныя суть рѣки, наполняющія вселенную".

Дѣятельность И. Д. Сытина — это коробъ офени. Но коробъ, разросшійся до сказочныхъ размѣровъ. Да и самъ офеня видоизмѣнился до неузнаваемости: теперь уже не онъ ходитъ по селамъ и деревнямъ, а села и деревни идутъ къ нему, на широкій московскій дворъ.

А началось все-таки съ короба...

Сынъ крестьянина, онъ учился въ сельской школѣ. Когда мальчику минуло 12 лѣтъ, родной дядя увезъ его на Нижегородскую ярмарку — помогать ему торговать въ разносъ мѣховыми вещами.

Послѣ ярмарки мальчика хотѣли отдать въ Елабугу, въ ученье къ маляру. Но дядя отсовѣтовалъ и на слѣдующій годъ повезъ его опять на ярмарку въ Нижній-Новгородъ, и дѣла тамъ пошли у нихъ еще лучше. А въ концѣ ярмарки хозяинъ, у котораго забирали товаръ, предложилъ мальчику устроить его въ Москвѣ, въ мѣховой торговлѣ Шарапова. Четырнадцатилѣтній мальчикъ, уже понаторѣвшій въ торговлѣ, обрадовался этому предложенію и охотно согласился.

Хозяинъ уѣхалъ впередъ въ Москву, затѣмъ вернулся и съ прискорбіемъ сказалъ:

— Жалѣю тебя, Ваня! У моихъ друзей мѣста въ мѣховой торговлѣ нѣтъ, а есть въ книжной лавкѣ у Шарапова. Поступай къ нему.

Сожалѣніе было напрасное. Именно тутъ-то и сказался истинный „перстъ судьбы" для И. Д. Сытина: открылась книга его жизни.

Въ сентябрѣ 1866 года поступилъ онъ къ Шарапову въ его лавку у Ильинскихъ воротъ.

Когда И. Д. Сытину минуло 18 лѣтъ, ему положили первое жалованье — 5 рублей въ мѣсяцъ — и произвели въ приказчики.

Вмѣстѣ съ приказчичьей должностью пришла и значительная доля торговой самостоятельности. И тутъ-то И. Д. Сытину пришлось впервые проявить иниціативу въ книжномъ дѣлѣ. Съ этого времени, собственно, и начинается вся его дальнѣйшая дѣятельность, какъ „всероссійскаго офени".

Его назначили на Нижегородскую ярмарку помощникомъ завѣдующаго книжной и картинной торговлей. Торговля шла вяло, оборотъ былъ маленькій, и, по признанію Сытина, приходилось больше стоять безъ дѣла въ лавкѣ и „выдумывать купцовъ". Вотъ однажды онъ и „выдумалъ" такого купца. Это была удачная и знаменательная выдумка. Съ нея и началось сытинское пріобщеніе народа къ книгѣ.

И. Д. Сытинъ живо и образно разсказываетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ „Изъ пережитаго", помѣщенныхъ въ выпущенномъ къ его юбилею изданіи: „Полвѣка для книги".

„Воскресенье. Вотъ идетъ сѣрый мужикъ въ сермягѣ, крестится на выставленныя духовныя картины и ужасается вслухъ на чертей — Θеодорино мытарство.

„— Что, старецъ, ужасъ, знать, беретъ? — говорю ему.

„— Да, дѣтка, боязно умирать, если такимъ вотъ въ лапы попадешь.

„— А ты что дѣлаешь? — спрашиваю.

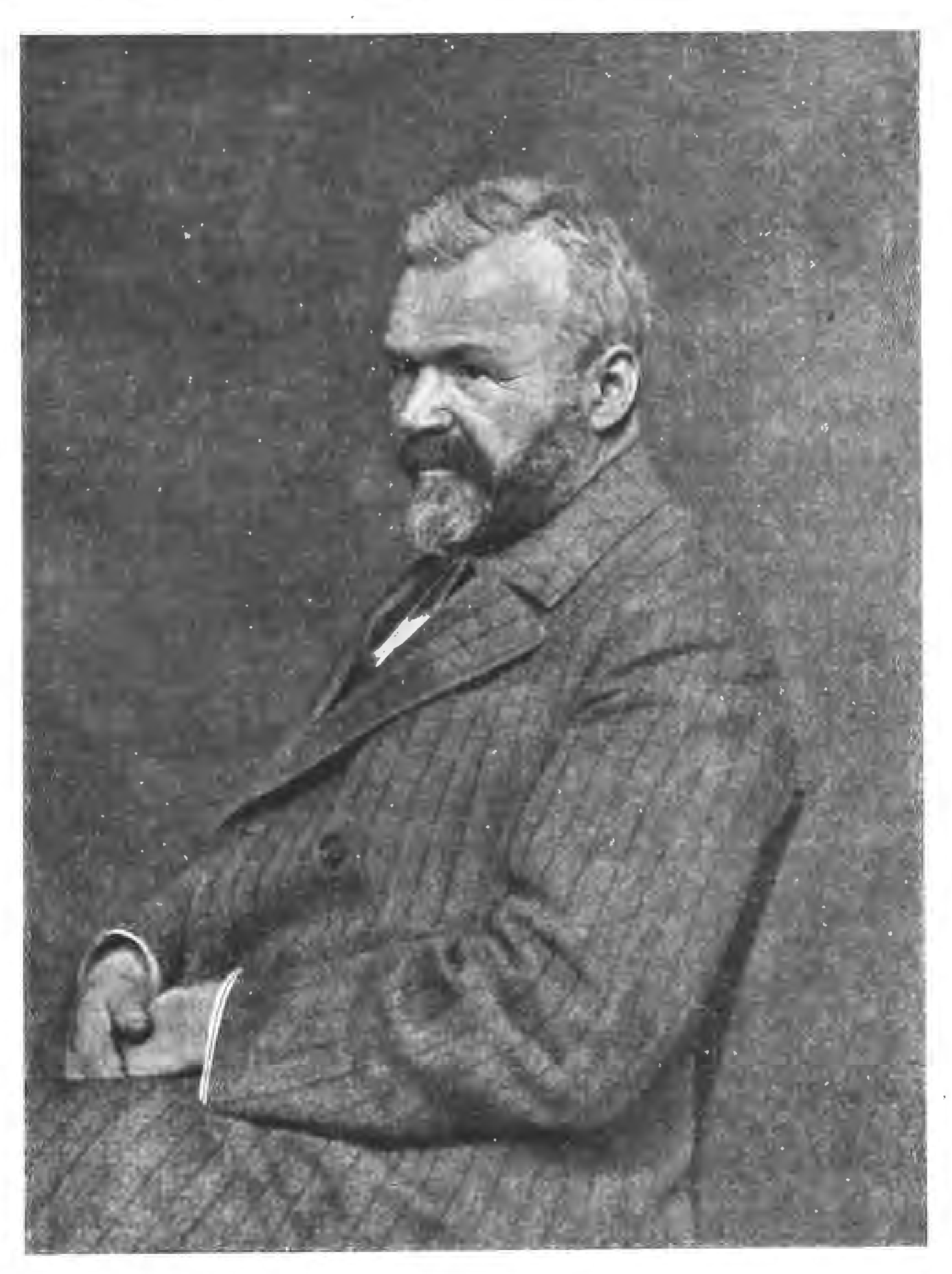
„— Я водоливъ на баржѣ. Сидимъ всю ярмарку на одномъ мѣстѣ, отливаемъ воду изъ баржи.

„— Хочешь, я выучу тебя торговать божественными картинами?

„— Ну, поучи, милый! Да только, какъ ты выучишь? Я неграмотный до старости дожилъ. И къ торговлѣ непривыченъ.

„— Пойдемъ въ лавку. Я подберу тебѣ картинъ на полтину серебра, и будешь купецъ. Продашь своимъ водоливамъ и барышъ получишь!

„Такъ мы согласились начать торговлю съ дядей Яковомъ. Прошла недѣля. Въ слѣдующее воскресенье вдругъ въ лавку весело влетаетъ онъ, молится Богу, жметъ руку:



Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ.

Книжная лавка. *Викторъ Васнецовъ.*

„— Спасибо, молодецъ, ты меня утѣшилъ, старика! Вѣдь я какъ бы и Богу послужилъ и себѣ прибыль сдѣлалъ: ребятенки мои все раскупили! Давай теперь на весь рубль!"

Съ этого и началась новая дѣятельность Сытина. Дядя Яковъ сталъ забирать у него товара все болѣе и болѣе, а въ концѣ ярмарки Яковъ уже со своей стороны самъ привлекъ къ этому дѣлу своего товарища, николаевскаго солдата Леонтія, и они рѣшили купить товара на зиму, чтобы торговать въ деревнѣ. И два офени съ коробами за спиной зашагали съ Нижегородской ярмарки въ села и деревни, въ Вятку, Слободской, Котельничъ, разнося лубочныя картинки и книжки въ такія мѣста, гдѣ случалось и книги не бывало еще ни разу...

Лѣтъ черезъ пять Леонтій и Яковъ обучили торговлѣ картинами и книгами свыше ста человѣкъ. Кліентура шараповскаго приказчика разраслась самымъ неожиданнымъ образомъ, и торговля офеней стала превращаться въ серьезное большое дѣло. На ярмарку офени пріѣзжали уже цѣлой компаніей. У Сытина не хватало товара для нихъ, такъ что офени иной разъ скупали недостающій товаръ у другихъ торговцевъ, чтобы не упустить покупателя къ чужому продавцу. Оборотъ съ офенями за шесть лѣтъ достигъ ста тысячъ рублей. Товаръ въ это время шелъ самый простой, лубочный: краткія житія святыхъ, сказки, пѣсенники, оракулы-снотолкователи.

Это была пора, когда царили „Милордъ глупый" и „Блюхеръ". Быть-можетъ, не одинъ разъ случалось, что офени съ шараповско-сытинскимъ товаромъ встрѣчались Некрасову, когда тотъ охотился гдѣ-нибудь въ Карабихѣ, или въ Грѣшневѣ, или на Волгѣ у Костромы. И поэтъ пренебрежительно усмѣхался навстрѣчу имъ и вздыхалъ:

Когда придетъ то времечко,
Когда мужикъ не Блюхера
И не Милорда глупаго—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ?..

Въ 1876 году И. Д. Сытинъ, по его словамъ, „попросилъ у хозяина позволенія жениться и получилъ согласіе". Но послѣ женитьбы пришлось жить уже не въ домѣ хозяина и не на его счетъ, а самостоятельно. Перебравшись на самостоятельное житье, на свою собственную квартиру, И. Д. Сытинъ не замедлилъ проявить самостоятельность и по отношенію къ своему торговому дѣлу: онъ завелъ съ благословенія хозяина собственную литографію. Это дѣло тоже загорѣлось въ искусныхъ, предпріимчивыхъ рукахъ.

Началась русско-турецкая война. По признанію Сытина, война „выручила" его: „Самыя лучшія, интересныя картины изъ военныхъ событій были наши". Блестящій успѣхъ имѣла и выпущенная тогда Сытинымъ карта военныхъ дѣйствій—новинка для той поры.

„Въ день объявленія войны, въ апрѣлѣ 1877 года, я побѣжалъ на Кузнецкій мостъ, купилъ карту Бессарабіи и Румыніи и велѣлъ мастеру въ теченіе ночи скопировать часть карты съ обозначеніемъ мѣста, гдѣ наши войска перешли черезъ Прутъ. Въ пять часовъ утра карта была готова и пущена въ машину съ надписью: „Для читателей газетъ. Пособіе". Карта была моментально распродана. По мѣрѣ движенія войскъ измѣнялась и карта. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я торговалъ одинъ: никто не думалъ мнѣ мѣшать".

Конкурентовъ тогда вообще было мало. Другіе торговцы, по словамъ Сытина, не рѣшались итти на рискъ и предоставляли энергичному предпринимателю полный просторъ для дѣйствія. Сытинъ выпускалъ одну картину за другою: тутъ были и осада Плевны, и взятіе Карса, и Бѣлый генералъ верхомъ на лошади, и русскіе солдаты, переправляющіеся черезъ Дунай. Вѣроятно, многіе изъ читателей еще помнятъ эти картины, продававшіяся тогда на каждомъ базарѣ, въ каждой лавкѣ и собиравшія вокругъ себя множество любопытныхъ.

Въ 1883 году Сытинъ рѣшился экспонировать свои картинки и книжки на бывшей тогда въ Москвѣ Всероссійской выставкѣ. Выставка принесла ему первый почетъ: ему дали серебряную медаль на станиславской лентѣ. „Большей награды я, какъ крестьянинъ, не могъ получить", — объясняетъ И. Д. Сытинъ.

Выставка показала ему, что надо расширять дѣло. Онъ спросилъ старика-хозяина, какъ онъ смотритъ на дальнѣйшее.

Сытинъ задумалъ для расширенія дѣла составить компанію въ видѣ товарищества, но Шараповъ на это не шелъ:

— Ты, братъ, неугомонный! — говорилъ онъ. — Тебѣ лучше одному работать. Духъ у тебя строптивый, требовательный. Ты будешь все дальше и дальше шагать. Мнѣ это не въ пору. Я буду потихоньку вести свое дѣло. Лучше давай разойдемся. Открывай свою лавку. Я тебѣ помогу, дамъ товару, благословлю—и дѣлай свое дѣло!

И. Д. Сытинъ послушался дружескаго совѣта и открылъ свою собственную торговлю на Старой площади, въ маленькой лавкѣ: „пять аршинъ въ ширину и десять въ длину".

„Неугомонный и строптивый духъ" сумѣлъ позднѣе превратить эти пять и десять аршинъ въ цѣлый фабричный городъ.

До сихъ поръ дѣятельность И. Д. Сытина, какъ книгоиздателя и литографа, была сужена рамками откровеннаго лубка, хотя и усовершенствованнаго. Большой настоящій писатель и художникъ къ народу еще не шли, хотя интеллигенція уже направлялась въ то время въ народъ—„учить" и „учиться". Съ народомъ въ литературной сферѣ имѣли дѣло лишь писатели-ремесленники, работавшіе по заказу мелкихъ лубочныхъ фирмъ и писавшіе всякій вздоръ. Писатели, уважающіе себя, считали за стыдъ не только печататься, но даже, по словамъ И. Д. Сытина, имѣть какую-либо близость къ Никольскому рынку, — этому центру народно-лубочныхъ издательствъ.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день И. Д. Сытинъ увидѣлъ въ своей лавкѣ неожиданнаго гостя.

„Ко мнѣ зашелъ молодой человѣкъ въ изящной дохѣ и предложилъ, не хочу ли я издавать для народа болѣе содержательныя книжки. Онѣ должны имѣть дешеваго потребителя и итти взамѣнъ существующихъ пошлыхъ изданій".

Предлагавшій эти условія былъ В. Г. Чертковъ—извѣстный другъ Л. Н. Толстого.

Чертковъ предлагалъ издать произведенія Толстого, Короленко, Лѣскова, Гаршина. Часть литературнаго матеріала (преимущественно со стороны Толстого) должна была итти безплатно, другая часть оплачивалась, но, такъ или иначе, книжки должны были итти въ народъ за ту же ничтожную цѣну (80 коп. за сотню), за какую шли въ народную гущу и обычныя лубочныя листовки. Расходы по оплатѣ гонорара уравновѣшивались безплатнымъ матеріаломъ. На Чертковѣ лежали работы по редакціи, корректурѣ и художественной части изданій.

И. Д. Сытинъ охотно согласился на новое предпріятіе. Такимъ образомъ возникла извѣстная фирма „Посредникъ", выпустившая въ теченіе первыхъ же четырехъ лѣтъ около 12 милліоновъ изящныхъ книжекъ съ произведеніями Толстого, Лѣскова и дру-

гихъ крупныхъ нашихъ писателей и съ рисунками на обложкѣ такихъ художниковъ, какъ Рѣпинъ, Кившенко, Савицкій.

Этотъ этапъ въ книгоиздательской дѣятельности И. Д. Сытина слѣдуетъ считать важнѣйшимъ. Далѣе происходило лишь все разраставшееся печатное дѣло: увеличивалось количество книгъ, картинъ, пособій, расширялась кліентура, среди которой потомъ появились учебныя заведенія и просвѣтительныя общества, требовавшія учебниковъ и пособій. Увеличились, разумѣется, и размѣры самой сытинской лавки, отошли въ преданіе ея „пять и десять аршинъ“ — но главное уже было сдѣлано И. Д. Сытинымъ.

Изъ дальнѣйшихъ этаповъ дѣятельности И. Д. Сытина слѣдуетъ отмѣтить затѣянныя имъ изданія „Библіотеки домашняго чтенія“ и „Народнаго Календаря“. Второе изъ этихъ изданій въ самомъ скоромъ времени сдѣлалось настольной книгой въ крестьянскомъ и мелкомъ мѣщанскомъ быту. Въ календарѣ этомъ появились впервые популярныя статьи по разнымъ отраслямъ знанія. Эту черточку въ книгоиздательствѣ Сытина тоже слѣдуетъ особо отмѣтить: это было начало распространенія въ народѣ научно-популярныхъ знаній, послѣ того, какъ въ народъ уже прошла настоящая изящная литература.

Въ послѣдующіе годы И. Д. Сытинъ сталъ издавать газету „Русское Слово“, быстро пріобрѣвшую популярность и сдѣлавшуюся однимъ изъ наиболѣе читаемыхъ печатныхъ органовъ въ Россіи.

И кто знаетъ,—быть-можетъ, дѣти тѣхъ, кто читалъ первыя сытинско-шараповскія „листовки“, читаютъ теперь „Русское Слово“ или учатъ своихъ дѣтей по издаваемымъ Сытинымъ учебникамъ. Между началомъ сѣятельской работы нашего „народнаго первоиздателя“ и ея расцвѣтомъ несомнѣнно таится глубокая и непрерывная связь жизни, связь поколѣній. Тотъ, кто сѣетъ на доброй почвѣ зерно, знаетъ, что, если не самъ онъ, то его дѣти снимутъ жатву. Но какъ счастливъ тотъ, кому суждено увидѣть плоды своихъ трудовъ.

Такой счастливецъ И. Д. Сытинъ.

Онъ посѣялъ книгу, и книга на его глазахъ выросла и растеклась по странѣ — та книга, которая идетъ къ самому народному сердцу, въ самыя глубины его.

Сытинъ и его книга—это одно и то же. И жизнь у нихъ одинаковая, и росли и совершенствовались они вмѣстѣ...

И почетъ имъ общій!

19-го февраля въ Москвѣ торжественно празднуется рѣдкій на Руси юбилей—юбилей книги: 50-лѣтіе существованія одного изъ крупнѣйшихъ русскихъ издательствъ—И. Д. Сытина.

Юбилей будетъ ознаменованъ большимъ практическимъ начинаніемъ, — основаніемъ „Общества для содѣйствія улучшенію и развитію книжнаго дѣла въ Россіи“.

Это Общество создаетъ въ Москвѣ „Домъ книги“.

„Домъ книги“ явится низшей, средней и высшей школой всѣхъ отраслей книжнаго производства,—академіей, университетомъ печатнаго дѣла.

Здѣсь будутъ приготовлять грамотныхъ умѣлыхъ наборщиковъ, работающихъ на усовершенствованныхъ наборныхъ машинахъ; искусныхъ метранпажей; печатниковъ, умѣющихъ исполнять тонкія работы; машинистовъ, знающихъ свои машины, уходъ за ними, ихъ монтировку, регулировку, ремонтъ; литографовъ, знакомыхъ съ тайной ихъ мастерства и искусства; цинкографовъ; книгопродавцевъ, знакомыхъ съ правильной современной постановкой книжной торговли и раціональными способами распространенія книги.

Идеаломъ, который себѣ ставитъ въ книжномъ дѣлѣ новое Общество, будетъ даже не Европа, а Америка, гдѣ „все дорого, кромѣ книги“.

Дешевизна и, какъ слѣдствіе ея, общедоступность книги, есть основа широкаго распространенія просвѣщенія. Заложить этотъ фундаментъ книжнаго дѣла въ Россіи ставитъ себѣ цѣлью „Домъ книги“.

Идея созданія „Дома книги“ встрѣтила живѣйшій откликъ въ кругахъ, причастныхъ къ дѣлу печати.

До настоящаго времени пожертвованія на „Домъ книги“ уже успѣли достигнуть солидной суммы въ милліонъ рублей. Въ Москвѣ уже пріобрѣтенъ большой участокъ земли въ центрѣ города, гдѣ будетъ построено это первое въ Россіи учрежденіе.

Офеня въ деревнѣ. *Н. Кошелевъ.*

Журналистика боевой линіи.

Французскіе военные журналы.

Очеркъ **Л. Евдокимова.**

Заголовокъ французскаго военнаго журнала „Marmita".

Наши друзья-союзники французы сумѣли наладить изданіе на позиціяхъ — въ траншеяхъ болѣе 60-ти журналовъ. И всѣ эти «journeaux du front et des tranchées» составляются, редактируются и «печатаются» *непосредственно* подъ недрёманнымъ окомъ непріятеля... Это если не лучшая, то единственная у нихъ «цензура».

Нѣсколько словъ объ *организаціи*—администраціи: издателями являются отдѣльныя части войскъ разныхъ численныхъ составовъ: роты, батальоны, батареи, полки, бригады, дивизіи и цѣлые корпуса, и просто «группы» то пѣхотницевъ, то циклистовъ; редакторы и сотрудники: репортеры, писатели, художники и артисты, «свои люди» — отъ маленькаго «poilu» (ласкательное прозвище пѣхотинца) до генерала и даже священника.

Подписки «на сторону», такъ сказать, для иногороднихъ, редакціи не объявляютъ, а для своихъ частей журналы безплатны. Объемъ и сроки выхода нумеровъ не зависятъ отъ главнаго редактора (rédacteur en chef), но не зависятъ и отъ «цензуры», ибо нерѣдко тотъ или другой журналъ выходитъ подъ громъ выстрѣловъ непріятеля. Нумеръ заканчивается подъ начинающуюся перестрѣлку, фальцовку (складываніе) же нумеровъ застаетъ уже канонада...

Бывало, нумеръ со статьей талантливаго автора—еще «теплый», только-что со станка, но авторъ уже тамъ, откуда нѣтъ возврата!..

Способы воспроизведенія: рукописаніе, пишущая машина, гектографъ, автокопистъ и т. п.; рѣдко литографія, еще рѣже типографія.

Направленіе: офиціальное (иногда) и «non officiel» (всегда): послѣднее отъ юмористическаго, литературно-артистическаго до «фантастическаго» и даже далѣе — «спиритическаго», но въ общемъ—воинственнаго—«guerrier».

Форматъ: въ зависимости не столько отъ запасовъ, сколько отъ *наличія* бумаги; малый (10×16 ст.) и большой (48×32 ст.) и какой случится.

Иллюстрированіе допускается штриховое.

Въ названіяхъ—заголовкахъ большинства журналовъ, а равно въ пояснительныхъ подзаголовкахъ, частью же въ редакціонныхъ указаніяхъ ярко выражается несмолкаемый, звонкій, неистощимый, блестящій, острый французскій юморъ.

Приводимъ перечисленіе «журналовъ фронта и траншей» наиболѣе типичныхъ по наименованіямъ и характерныхъ по имѣющимся къ нимъ поясненіямъ.

«Le Canard du boyau»—«Траншейная Утка»... Хотя эта «утка» настоящая газетная,—скорая на выдумку, но она считаетъ себя «офиціальнымъ» вѣстникомъ 74-й пѣхотной бригады.

Да она не единственная... «Le Canard poilu»—«Солдатская Утка» заявляетъ себя «журналомъ фронта»—для обличенья «бошей» (нѣмецкихъ солдатъ).

Этой «Уткѣ» помогаетъ своимъ перомъ «Кроликъ» («Le Lapin à plume»), составляя иллюстрированныя приложенія.

«Chat pelotant»—«Царапающаяся Кошка»... Живетъ при 373 пѣхотномъ полку и веселитъ сердца своихъ бравыхъ хозяевъ.

Неизбѣжна въ траншеяхъ «Вошь» («Le Pou»)... «Le Pou» — «офиціальный органъ» *пятнадцати* полковъ (пѣхоты); выходитъ при «каждой тревогѣ», при каждомъ пробужденіи...

«La Rascasse territoriale» — «Земleводная рыба» (скарпена);—показывается на сѣверѣ.

Имѣется еще «Селедка»... заправленная («Le Hareng Verni».) На вкусъ—чуть остра.

«Marmita»—цѣлое «revue» (обозрѣніе), издаваемое 267 пѣхотнымъ полкомъ: «журналъ анекдотическій и юмористическій». Приводимъ здѣсь его заголовокъ и образецъ карикатуры.

Но вотъ «La Voix du 75»,—это «Голосъ 75-мм. орудія»,—гордости и славы французской артиллеріи.

Этому мощному гласу отвѣчаетъ, конечно, *эхо*—въ разныхъ уголкахъ фронта и траншей; ближайшее — «L'Echo du 75», — журналъ 9-й артиллерійской дивизіи.

«Эхо снарядовъ» («L'Echo des Marmites»)—въ 309 пѣхотномъ полку. Благодаря имѣющемуся здѣсь «единственному на фронтѣ» *холодильнику* (appareil frigorique), во всѣ времена года получаются «самыя *свѣжія* новости», а передъ разсылкою онѣ все же еще «освѣжаются».

«Эхо» солдатъ 144-го линейнаго полка—непостоянное, но когда слышится, то «фантастично»...

«L'Echo des Gourbis» — анти-періодическій органъ «траншей и ходовъ, переходовъ»,—журналъ «троглодитовъ» (пещерныхъ жителей—régiments du Quercy et de Gascogne).

Рядъ журналовъ—«Эхо траншей» (des tranchées) и «Эхо траншейныхъ закоулковъ» (des boyaux) и даже цѣлаго «Траншейнаго Города» («L'Echo de Tranchéesville»)...

Журналъ «Эхо» — 17-го пѣхотнаго (территоріальнаго) полка заявляетъ, что «единственно», *онъ* восполняетъ свою «освѣдомленность» связью по спеціальному проводу—съ кухнями. Дѣйствительно, большинство войсковыхъ «эхъ» — журналовъ подчеркиваетъ «связь» съ позиціями, — «со всѣми линіями огня фронта» и даже «съ ходомъ» сраженій («Эхо 16-го пѣх. террит. полка»).

Такъ или иначе, но въ журналахъ — отголоскахъ жизни и смерти — вновь объявившихся «троглодитовъ» встрѣчаются разнообразнѣйшіе отдѣлы журналистики, и нумера журналовъ «по возможности» имѣютъ всѣ обычныя рубрики журналовъ.

«L'Echo du groupe cycliste de la 6-e division de cavalerie», — органъ 6-й кавалерійской дивизіи—группы циклистовъ—„солдатъ балагуровъ" (poilus rigolos): выходитъ «*аккуратно*» въ сроки совершенно неопредѣленные».

«Эхо» въ одномъ изъ близкихъ къ непріятелю овраговъ, 11-го полка стрѣлковъ, въ исключительной связи—«по острому проводу»—съ бошами (нѣмецкими солдатами)... Журналъ антиневростеничный.

И много другихъ подобныхъ.

Затѣмъ рядъ просто «траншейныхъ» журналовъ, безъ прибавленія слова «эхо».

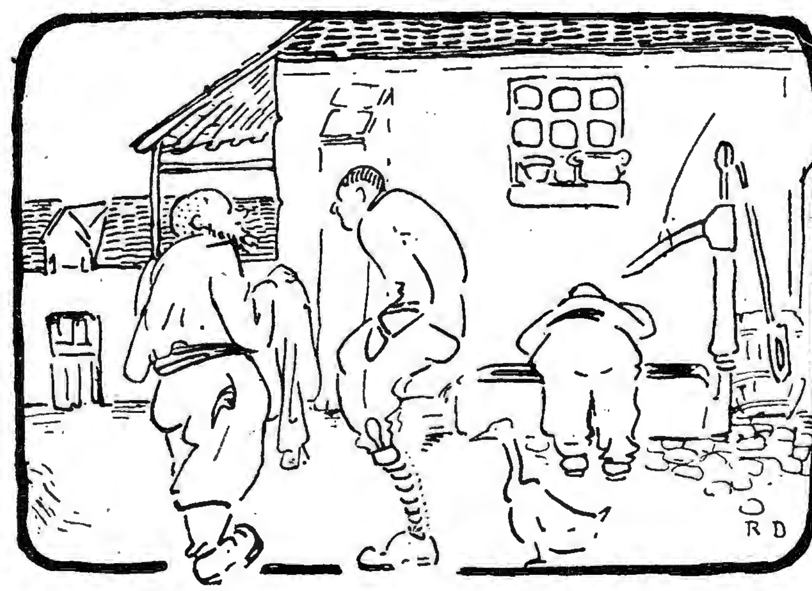
«Le Petit Boyau»,—одинъ изъ позиціонныхъ — траншейныхъ «проходовъ» подъ носомъ непріятеля: у него не только редакція, но и «печатня» подъ огнемъ...

Артиллеристы «сектора 55» издаютъ «Notre Rire» («Нашъ Смѣхъ»).

Много, много журналовъ *des poilus*—солдатъ малыхъ и большихъ частей войскъ.

Просто: «Le Poilu» — «Солдатъ», напримѣръ, въ полкахъ: 9, 108, 303 *), 320 или въ 9-й ротѣ 69-го батальона стрѣлковъ и проч.

*) Журналъ издается подъ Верденомъ, въ траншеяхъ, на гектографѣ.



Смерть врагамъ!..

— *Удача! Я, мой другъ, уже убилъ пять!*
— *Кого, бошей?*
— *Нѣтъ, вшей!*

(Карикатура изъ „Marmita").

„Веселящій газъ“.

Газъ, растекающійся по всѣмъ французскимъ траншеямъ со страницъ солдатскихъ журналовъ. Рисунокъ французскаго солдата въ одномъ изъ траншейныхъ журналовъ.

Однако попадаются разные по характеру солдаты, — разны и журналы...

Такъ, «Солдатъ озлобленный» (иначе—„сорвавшійся съ цѣпи“) издается въ 53 пѣхотномъ полку, что, конечно, не мѣшаетъ ему добродушно веселить товарищей, но отъ юмора онъ подчасъ переходитъ къ сарказму.

«Le Poilu» 108-го пѣхотнаго полка—журналъ «жизни троглодитовъ». Оказывается, что «пещерная»—подземная, въ траншеяхъ, жизнь веселая: «троглодиты» любятъ искусства, литературу, любятъ и посмѣяться. Журналъ выходитъ: «quand il pourra et où il pourra»,—когда и гдѣ только сможетъ объявиться своимъ читателямъ.

«Les poilus de la 9—ème» даетъ самыя сенсаціонныя извѣстія, имѣя «спеціальные провода изъ колючей проволоки отъ Сѣвернаго моря до Эльзаса»...

Журналъ «Les Poilus et Marie-Louise» единитъ въ своемъ именованіи poilu - французскаго солдата и нѣмецкую пушку «Марію Луизу» («42»): журналъ «почти ежедневный»—для всѣхъ и обо всемъ; издается 416 пѣхотнымъ полкомъ.

70-й пѣхотный полкъ назвалъ свой журналъ «Миноносцемъ».

10-я пѣхотная дивизія издаетъ журналъ «Бонъ-Шутъ» («Rigolboche»),—«наиболѣе освѣдомленный въ дѣлахъ тевтоновъ».

9-я батарея 45-й артиллерійской бригады печатаетъ «L'Indiscret»... Другой журналъ «L'Hasbani» еще болѣе откровененъ и болтливъ, являясь эхомъ сплетенъ «своей корпусной квартиры»: «въ виду спѣшности и неотложности сообщаемыхъ свѣдѣній», журналъ печатается на пишущей машинѣ. Разумѣется, все это — шутка: другого «печатнаго станка» нѣтъ у нихъ.

«Le Cri de guerre»—журналъ 103-й бригады, «оффиціальный и юмористическій»: направленіе этого «Военнаго Клика»—по стонамъ непріятеля... «Редакція» помѣщается на улицѣ Побѣды.

«Le Clairon territoriale» обѣщаетъ читателямъ выходить «jusqu'à la Victoire!»—до Побѣды!..

Есть и такой журналъ: «Le Diable au Cor ... 3-й бригады Альпійскихъ стрѣлковъ:—редакція бережетъ всѣ пробы пера (неудачныя произведенія) своихъ сотрудниковъ для непріятеля»... Въ устрашеніе?!..

Иногда добродушный юморъ переходитъ въ сарказмъ. Таково, напримѣръ, сообщеніе одного изъ «Poilu» о томъ, что «цѣна земли подъ Верденомъ растетъ съ головокружительной быстротой: нѣмцы платятъ за квадратный метръ по 666 жизней»... Нарочно, видимо, взято число звѣрино.

Французы вѣрятъ, что ихъ природное оружіе — живой, веселый смѣхъ, - такъ же сильно, какъ и оружіе матеріальное: нѣмцы это знаютъ, - французъ не унываетъ.

Вотъ превосходная къ этому иллюстрація *):

*) Съ обложки книги „Tous les journeaux du Front“, Berger-Levrault, Paris.

Нѣмецъ утекаетъ, потерялъ каску... А французъ знай поливаетъ — брызжетъ «Gaz'омъ Hilarant», — веселящимъ газомъ... Облака веселости, бодрости окутываютъ французскія позиціи!

Искры французскаго юмора залетѣли и въ нѣмецкія траншеи. Одинъ изъ журналовъ «боевой линіи» сталъ выпускать спеціальное изданіе для нѣмцевъ, къ которымъ нумера бросались привязанными къ камню. И нѣмцы не были безотвѣтны: завязалась полемика тяжеловѣснаго «Witz'a» съ легкимъ «Gaz Hilarant'омъ». И въ пылу словеснаго состязанія враги забывали о кровавой борьбѣ... Фіолетовая лента пишущей машины замѣняла смертоносную ленту пулемета...

Въ минувшую русско-японскую войну, несмотря на широкое общеніе съ дѣйствовавшими арміями, намъ лично удалось видѣть «летучку» — журналъ фронта — одного только полка — «Тарусинецъ», какъ помнится (по именованію полка); не пришлось слышать, чтобы кто-нибудь занимался у насъ коллекціонированіемъ подобныхъ листковъ прежде и теперь.

Во Франціи издательство «Berger-Levrault» (Парижъ) задалось цѣлью *собрать всю литературу и журналистику фронта* и посвятить этому собранію рядъ спеціальныхъ изданій — книгъ, по образцу помянутой нами выше книги «Tous les journeaux du Front», со снимками обложекъ, титульныхъ листовъ, рисунковъ и отдѣльныхъ страницъ, чѣмъ-либо замѣчательныхъ.

Появленіе журналовъ-газетъ, какъ произведеній творчества воиновъ-бойцовъ, любовно посвящающихъ свой досугъ порожденію «боевой прессы» и даже графики, фактъ большого моральнаго вліянія и непосредственно въ позиціонныхъ сферахъ для «читателей» изъ траншейныхъ жителей и въ тылу - для... пессимистовъ, сомнѣвающихся, брюзжащихъ, недовольныхъ и просто-напросто—«труса праздную щихъ».

«Люди тыла» или, по выраженію французовъ, les gens de l'arrière»... sont moroses (угрюмы); солдатъ же, знай, улыбается въ глаза смерти, готовый каждый мигъ умереть за отечество.

Не обязана ли страна *сохранить* солдатскую улыбку передъ лицомъ смерти ради нея и *помнить* эту улыбку въ вѣка грядущіе жизни и славы родины?

Гдѣ люди смѣются, тамъ чистое душевное настроеніе. Въ такомъ именно настроеніи творитъ французскій геній нынѣшніе «журналы фронта»—боевой линіи... линіи огня.

Французскій солдатъ (poilu) за работой для траншейнаго журнала.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Дипломатическій разрывъ или война?

Въ первое время послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній между Америкой и Германіей со дня на день ожидалось объявленіе войны. Однако прошло болѣе двухъ недѣль со дня дипломатическаго разрыва, но обострившіяся отношенія между обѣими странами все же не шли далѣе перерыва дипломатическихъ сношеній, и это, естественно, выдвигало вопросъ, слѣдуетъ ли дѣйствительно ожидать войны между Германіей и Америкой.

Въ сущности говоря, въ такъ называемой „ультимативной нотѣ" Вильсона отъ апрѣля прошлаго года содержалась лишь угроза „прервать дипломатическія сношенія", если „будетъ продолжаться веденіе подводной войны беззаконными способами", но прямой угрозы отвѣтить вооруженной силой на „беззаконную подводную войну" въ ней не было. Угрозу „прервать дипломатическія сношенія" американское правительство привело въ исполненіе, но далѣе цѣлый рядъ фактовъ обнаружилъ, что правительство Соединенныхъ Штатовъ соблюдаетъ крайнюю осторожность, прежде чѣмъ перейти отъ фазы дипломатическаго разрыва къ войнѣ.

Такъ, въ концѣ января, германская подводная лодка потопила почтово-пассажирскій пароходъ „Калифорнію", причемъ изъ общаго числа его команды въ 205 человѣкъ потонулъ 41 человѣкъ, и 4 человѣка были убиты взрывомъ. Оставшіеся въ живыхъ засвидѣтельствовали, что германская лодка выпустила мину „безъ всякаго предупрежденія".

Это нападеніе германской подводной лодки на почтово-пассажирскій пароходъ могло служить вполнѣ достаточнымъ поводомъ для Соединенныхъ Штатовъ, чтобы выступить съ оружіемъ въ рукахъ. Еще въ прошломъ году Вильсонъ высказалъ вполнѣ опредѣленно свой взглядъ на такіе случаи нападенія на пассажирскіе пароходы, и его извѣстная „ультимативная нота" Германіи была именно и вызвана потопленіемъ почтово-пассажирскаго парохода „Суссексъ". Одинаково и въ случаѣ съ „Калифорніей" было совершенно несущественно, были ли на немъ американскіе граждане или нѣтъ, ибо въ свое время Вильсонъ, въ случаѣ съ „Суссексомъ", весьма рѣзко протестовалъ противъ самаго факта потопленія не грузовыхъ, а пассажирскихъ пароходовъ, гдѣ никакой военной контрабанды не можетъ быть, и гдѣ никакія, даже самыя безцеремонныя военныя требованія не могли побудить къ тому, чтобы топить пароходъ, грузъ котораго составляли лишь пассажиры и почта.

Сами нѣмцы, послѣ случая съ „Суссексомъ", въ отвѣтъ на запросъ американскаго правительства, считали необходимымъ уклониться отъ обвиненія въ потопленіи пассажирскаго парохода. Въ то время германское правительство отвѣтило, что, хотя германская подводная лодка и потопила какой-то пароходъ, но, по имѣющимся въ распоряженіи германскаго правительства „неопровержимымъ доказательствамъ", подводной лодкой былъ атакованъ не пароходъ „Суссексъ". Только тогда, когда американцы черезъ посредство французовъ представили рядъ дѣйствительно неопровержимыхъ доказательствъ, что германская подводная лодка потопила именно пароходъ „Суссексъ", какъ то: винты и гайки отъ германскихъ минъ, найденные на „Суссексѣ", судовые документы, фамилію офицера, командовавшаго нѣмецкой лодкой, нумеръ лодки и др.,—только тогда нѣмцы оказались пойманными съ поличнымъ и болѣе не запирались.

Такимъ образомъ, потопивъ почтово-пассажирскій пароходъ „Калифорнію" въ январѣ 1917 г., нѣмцы снова безцеремонно повторили исторію „Суссекса" и вполнѣ опредѣленно обнаружили нежеланіе считаться съ тѣми категорическими заявленіями Вильсона, которыя были изложены въ его „ультимативной нотѣ" въ апрѣлѣ 1916 г. Въ силу этого и можно было ожидать, что случай съ „Калифорніей" поведетъ къ вооруженному столкновенію, но вскорѣ оказалось, что Соединенные Штаты продолжаютъ занимать все же выжидательную позицію.

Вслѣдъ затѣмъ, спустя нѣсколько дней, былъ потопленъ на высотѣ береговъ Сардиніи американскій пароходъ „Лиманъ". Экипажъ его состоялъ изъ 12 человѣкъ, изъ коихъ 10 было американскихъ гражданъ, а двое—англичанъ. Пароходъ былъ сначала остановленъ орудійнымъ выстрѣломъ, а затѣмъ, послѣ осмотра, былъ отпущенъ. Когда капитанъ отдалъ распоряженіе двинуться впередъ, ему было вдругъ приказано спустить экипажъ въ шлюпки, и затѣмъ пароходъ былъ, по однимъ свѣдѣніямъ, разстрѣлянъ изъ пушекъ, а по другимъ свѣдѣніямъ—взорванъ.

Это уже было не только пренебреженіемъ со стороны нѣмцевъ къ тому пункту ноты Вильсона, гдѣ говорилось объ обязательномъ „уваженіи правъ сѣверо-американскихъ гражданъ въ открытомъ морѣ", но и прямымъ оскорбленіемъ американскаго флага. Тѣмъ не менѣе и этотъ случай не повелъ за собою вооруженнаго столкновенія.

Независимо отъ той осторожности, какую проявило американское правительство и послѣ потопленія „Калифорніи" и послѣ потопленія „Лимана", со стороны Вильсона послѣдовалъ цѣлый рядъ распоряженій, которыя также указывали на стремленіе Америки избѣжать вооруженнаго конфликта. Это особенно ярко выразилось въ двухъ вопросахъ: въ вопросѣ о вооруженіи коммерческихъ судовъ и въ вопросѣ о военномъ конвоѣ для этихъ судовъ.

Когда впервые возникъ вопросъ о вооруженіи коммерческихъ судовъ, Германія категорически протестовала противъ этого, заявляя, что всякій вооруженный коммерческій корабль уже болѣе не коммерческій корабль, а представляетъ собою военное судно. Эта точка зрѣнія была неправильна потому, что, хотя, напримѣръ, вспомогательный крейсеръ также есть не что иное, какъ вооруженный коммерческій пароходъ, но разница между ними заключается прежде всего въ томъ, что на вспомогательномъ крейсерѣ командиръ и команда—моряки военнаго флота.

Можно было не сомнѣваться въ томъ, что нѣмцы отказывались признавать вооруженіе коммерческихъ пароходовъ исключительно потому, что это крайне стѣсняло дѣятельность ихъ подводныхъ лодокъ. Прежде всего вооруженный коммерческій пароходъ, имѣя возможность разстрѣлять лодку изъ своихъ орудій, вынуждаетъ ее держаться на значительномъ разстояніи. Кромѣ того, на коммерческихъ пароходахъ могутъ быть поставлены орудія болѣе сильныя и болѣе дальнобойныя, нежели на подводныхъ лодкахъ. На подводныхъ лодкахъ нѣмцы ранѣе ставили небольшія пушки, калибромъ сначала въ 1½ дюйма, затѣмъ — въ 3 дюйма и только въ послѣднее время, какъ говорятъ, у нихъ появились 4—5-дюймовыя орудія. Между тѣмъ на коммерческихъ судахъ, какъ извѣстно, съ самаго начала войны ставились орудія калибромъ до 6 дюймовъ.

При такихъ условіяхъ, подводная лодка должна избѣгать артиллерійскаго состязанія съ коммерческимъ пароходомъ и можетъ пользоваться лишь минами. Въ то же время подводная лодка, вслѣдствіе угрозы орудій коммерческаго парохода, должна выпустить мину съ дальняго разстоянія, когда мѣткость ея всегда бываетъ ничтожна.

Наконецъ, лишенная возможности пользоваться орудіями противъ коммерческихъ пароходовъ и вынужденная прибѣгать къ минамъ, подводная лодка вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается ограниченною въ своей дѣятельности, ибо число минъ на подводныхъ лодкахъ ранѣе колебалось отъ 4 до 6, и только теперь, какъ говорятъ, германскія подводныя лодки могутъ носить на себѣ до 12 минъ.

Въ силу этихъ причинъ нѣмцы и протестовали противъ вооруженія коммерческихъ судовъ и въ то же время стали топить всѣ суда безъ предупрежденія. Послѣднее объясняется тѣмъ, что для предупрежденія нужно сдѣлать орудійный выстрѣлъ, для чего необходимо лодкѣ подняться на поверхность, и если пароходъ оказывается вооруженнымъ, то подводная лодка въ этомъ случаѣ ставитъ себя въ опасное положеніе. Поэтому нѣмцы вообще рѣшили топить всякія коммерческія суда, и вооруженныя и не вооруженныя, безъ предупрежденія, ибо не рисковали приблизиться, чтобы убѣдиться, вооруженъ пароходъ или нѣтъ.

Соединенные Штаты въ этомъ вопросѣ заняли-было въ прошломъ году вполнѣ опредѣленную позицію, разрѣшивъ выходъ изъ одного американскаго порта вооруженному итальянскому пароходу „Джузеппе Верди", послѣ того, какъ шкиперъ парохода удостовѣрилъ, что орудія предназначены только для защиты. Когда нѣмцы объявили свою послѣднюю „блокаду" Англіи и побережья Средиземнаго моря, и когда, вслѣдствіе этого, прекратились временно рейсы американскихъ пароходовъ, возникъ вопросъ о вооруженіи американскихъ коммерческихъ судовъ. Вскорѣ изъ американскихъ портовъ въ Европу должны были выйти два парохода — „Рочестеръ" и „Орлеанъ", при чемъ Вильсонъ не разрѣшилъ вооружить эти пароходы. Затѣмъ обнаружилось, что американское правительство вообще избѣгаетъ вооруженія коммерческихъ пароходовъ. Еще далѣе стало извѣстно, что американское правительство также не соглашается дать военнаго конвоя для коммерческихъ судовъ.

Такъ какъ американское правительство не сочло необходимымъ отвѣтить вооруженной силой на потопленіе „Калифорніи" и „Лимана", то, очевидно, ближайшимъ поводомъ къ войнѣ могъ бы быть случай, когда германская подводная лодка встрѣтилась бы либо съ коммерческимъ пароходомъ, охраняемымъ военнымъ конвоемъ, либо съ американскимъ вооруженнымъ коммерческимъ пароходомъ. Въ случаѣ открытія огня по коммерческому судну, сопровождаемому военнымъ конвоемъ, послѣдній, согласно международнымъ обычаямъ, усматриваетъ въ этомъ оскорбленіе своего военнаго флага и въ правѣ вооруженной силой возстановить честь флага. Такое вооруженное столкновеніе между американскимъ военнымъ конвоемъ и германской подводной лодкой должно было бы, очевидно, служить поводомъ къ войнѣ. Одинаково и столкновеніе между германской подводной лодкой и вооруженнымъ американскимъ коммерческимъ пароходомъ.

Распоряженіе американскаго правительства, отказавшаго въ разрѣшеніи вооружать коммерческіе пароходы и не соглашавшагося дать имъ конвой, почти совершенно исключало такія возможности, которыя привели бы обѣ стороны къ войнѣ. Если американское правительство не отвѣтило вооруженной силой на

потопленіе „Калифорніи“ и „Лимана“ и ограничило возможность вооруженнаго столкновенія между американскими судами и германскими подводными лодками, то вообще крайне трудно представить себѣ такого рода случай, который бы служилъ рѣзкимъ поводомъ къ войнѣ. Конечно, при желаніи, поводъ всегда можетъ найтись, но въ упомянутыхъ выше фактахъ настолько опредѣленно сказалось осторожное отношеніе Соединенныхъ Штатовъ къ вопросу о войнѣ, что пока нужно было прійти къ выводу о весьма малой ея вѣроятности.

Годовщина взятія Эрзерума.

3-го февраля с. г. опубликованъ приказъ Августѣйшаго Главнокомандующаго кавказской арміей.

„Кавказская армія! Сегодня первая годовщина взятія Эрзерума. Возблагодаримъ Бога за дарованную побѣду, вознесемъ молитвы о павшихъ герояхъ на полѣ брани, подъ стѣнами главной турецкой твердыни — Эрзерума. Этими героями вписана въ боевую золотую лѣтопись новая выдающаяся достославная страница.

„Чудо-богатыри геройской сверхъ-доблестной кавказской арміи! Пятидневный штурмъ укрѣпленной позиціи, завершенный взятіемъ Эрзерума, удостоился милостивѣйшей благодарности Нашего Обожаемаго Державнаго Вождя Государя Императора.

„Вѣсть о взятіи Эрзерума была встрѣчена всей Россіей съ ликованіемъ. Кавказская армія получила множество радостныхъ привѣтствій и изъявленій признательности. Наши доблестные союзники восторженно привѣтствовали своихъ соратниковъ. Слава о подвигѣ кавказской арміи прогремѣла на весь міръ.

„Годъ тому назадъ въ моемъ приказѣ по арміи вмѣстѣ со словами восторга и благодарности я сказалъ: „Держите твердо Эрзерумъ“. Вы это исполнили. Вы даже сдѣлали много больше, взявъ Трапезундъ, Байбуртъ, Эрзинджанъ и цѣлую область, и этимъ мощно закрѣпили одержанную побѣду.

„Счастливъ, что имѣю честь быть вашимъ Главнокомандующимъ. Высоко цѣня вашу доблесть и заслуги, шлю вамъ, герои славной побѣды, отъ глубины души и любящаго васъ сердца мою горячую благодарность. Молю Бога, да ниспошлетъ Онъ вамъ здоровье и силы съ Его всемогущею помощью побѣдоносно довершить начатое святое дѣло на радость и счастье Царя и Россіи и на благо союзныхъ намъ государствъ.

„Генералъ-адъютантъ

НИКОЛАЙ“.

Къ первой годовщинѣ взятія Эрзерума.
Августѣйшій Главнокомандующій кавказской арміей Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ.

Незамѣтные герои фронта.

Развѣдчикъ Забѣлинъ.

Въ Полѣсьѣ зима стояла гнилая: снѣгъ, если и выпадалъ, то сейчасъ же и таялъ; почва обратилась въ какое-то непролазное болото; рѣка Шара взбухла и тихо катила свои мутныя воды по илистому руслу.

На лѣвомъ берегу рѣки были наши окопы, на правомъ, близъ опушки лѣса, ютились въ своихъ земляныхъ норахъ германцы. Сѣверо-восточнѣе Л. наша передовая линія въ концѣ ноября занималась Д—скимъ полкомъ, сильно безпокоившимъ противника. Каждую ночь лихіе кавказцы то здѣсь, то тамъ подбирались къ непріятельскимъ окопамъ, внося своимъ появленіемъ переполохъ и панику въ непріятельскіе ряды. Германскіе окопы были настолько близко отъ нашихъ, что невооруженнымъ глазомъ можно было разсмотрѣть фигуры отдѣльныхъ солдатъ.

Такая близость противника не только не облегчала развѣдки, а, напротивъ, дѣлала ее слишкомъ рискованной, такъ какъ врагъ всегда могъ замѣтить всякое движеніе въ нашихъ окопахъ и принять извѣстныя мѣры предосторожности; но это ничуть не останавливало нашихъ смѣльчаковъ, и они, несмотря на зоркіе нѣмецкіе караулы и тщательно замаскированные секреты, постоянно охотились за противникомъ съ цѣлью достать плѣннаго.

На одну изъ такихъ рискованныхъ развѣдокъ добровольно вызвался 26-го ноября прошлаго года унтеръ-офицеръ Павелъ Забѣлинъ. Ему хотѣлось, во что бы то ни стало, достать „языка“, т.-е. плѣннаго, который далъ бы нужныя свѣдѣнія. Съ нимъ вызвалось итти еще шесть развѣдчиковъ.

Лишь только смерклось, наши смѣльчаки стали готовиться къ развѣдкѣ. Положивъ въ мѣшки ручныя гранаты, осмотрѣвъ винтовки, они безшумно выползли изъ окоповъ и медленно стали пробираться къ рѣкѣ. Когда-то поблизости былъ мостъ, отъ него остались лишь одиноко торчащіе устои да нѣсколько ветхихъ переводинъ, надломленныхъ, шаткихъ, готовыхъ каждую минуту рухнуть въ воду.

Наши развѣдчики, какъ кошки, вскарабкались одинъ за другимъ на верхнюю балку прибрежнаго устоя и оттуда, цѣпляясь и руками и ногами за скелетъ разрушеннаго моста, перебрались на вражескій берегъ. Дальше двигаться нужно было еще съ большей осторожностью.

Мѣсто расположенія секрета противника было выслѣжено Забѣлинымъ заранѣе, и теперь навѣрняка ползли д—цы по липкой болотистой почвѣ къ тому мѣсту, откуда противникъ долженъ былъ зорко ихъ выслѣживать. Они, затаивъ дыханіе, ползли, прислушиваясь къ каждому шороху, къ каждому звуку, раздававшемуся въ сторонѣ противника. Временами они, припавъ къ кочкѣ, неподвижно лежали по нѣскольку минутъ, чтобы не выдать врагу своего приближенія.

Часамъ къ десяти вечера развѣдчикамъ удалось приблизиться къ непріятельскому секрету на разстояніе приблизительно шаговъ двадцати. Отъ нашихъ окоповъ до этого секрета противника по прямой линіи было не больше тысячи шаговъ, а между тѣмъ наши развѣдчики потратили больше трехъ часовъ, чтобы только проползти это разстояніе. Но они не чувствовали усталости, они горѣли желаніемъ какъ можно скорѣе осуществить намѣченную цѣль.

Приблизившись еще на двадцать шаговъ и отдохнувъ нѣсколько минутъ, Забѣлинъ внезапно вскочилъ на ноги и бросилъ въ секретъ противника ручную гранату, которая съ страшнымъ трескомъ разорвалась въ срединѣ окопа. Германскіе солдаты, которыхъ было въ секретѣ человѣкъ десять, выскочили изъ окопа и, побросавъ винтовки, бросились бѣжать къ своимъ ротамъ, гдѣ, повидимому, услышали разрывъ гранаты, и поднялась тревога.

Забѣлинъ одинъ, несмотря на то, что германцевъ было много и что сзади него была рѣка съ крайне неудобной переправой, а

кругомъ находились караулы и секреты противника, бросился догонять убѣгавшихъ солдатъ. Около самыхъ проволочныхъ загражденій ему наконецъ удалось догнать отставшаго германскаго солдата, бѣжавшаго съ винтовкой въ рукахъ. Ловкимъ ударомъ приклада Забѣлинъ выбилъ у него изъ рукъ винтовку, схватилъ его за шиворотъ и потащилъ назадъ къ рѣкѣ, засыпаемый градомъ непріятельскихъ пуль. Захваченный солдатъ поднялъ крикъ, зовя своихъ товарищей на помощь, но, пока германцы опомнились, Забѣлинъ, при помощи поджидавшихъ его развѣдчиковъ, перетащилъ захваченнаго „языка“ въ бродъ черезъ рѣку, идя по поясъ въ студеной водѣ, и притащилъ въ наши окопы.

Эта удача „раздразнила“ Забѣлина, и когда черезъ нѣсколько дней ротѣ дана была такая же задача, онъ снова добровольно вызвался исполнить ее. Съ пятью развѣдчиками переправился онъ вновь по балкамъ разрушеннаго моста черезъ рѣку, снова поползъ съ ними по тому же пути къ непріятельскому секрету, и затѣмъ съ крикомъ „ура“ бросился на вражескій постъ въ штыки.

Америка противъ Германіи. *Вооруженная пулеметомъ американская моторная лодка, слѣдящая за интернированными въ Нью-Іоркскомъ порту германскими пароходами.*

Но противникъ, наученный горькимъ опытомъ, сталъ уже назначать въ секретъ значительно больше людей, и они встрѣтили нашихъ развѣдчиковъ сильнѣйшимъ огнемъ; однако это не устрашило д—цевъ, они ворвались въ непріятельскій окопъ и, работая штыками, стали выбивать оттуда противника, превосходившаго ихъ численностью въ нѣсколько разъ.

Такого дружнаго и стремительнаго напора германцы не ожидали и не выдержали. Потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми, бросились они бѣжать къ своимъ главнымъ окопамъ. Наши развѣдчики, охваченные боевымъ порывомъ, устремились преслѣдовать ихъ, но близъ проволочныхъ загражденій противника были встрѣчены выдержаннымъ залпомъ. Забѣлинъ былъ раненъ разрывной пулей въ грудь и черезъ нѣсколько мгновеній тутъ же передъ непріятельскимъ окопомъ скончался. Видя смерть своего храбраго товарища, наши развѣдчики остановились, подхватили его бездыханное тѣло и, несмотря на сильный ружейный огонь противника, доставили тѣло героя въ свою роту.

Безстрашные.

25-го ноября 1914 г., когда наши части стояли въ Галиціи и было сравнительное затишье, три смѣльчака одиннадцатой роты М—скаго пѣхотнаго полка унтеръ-офицеры Макаръ Шемберко, Аггей Руденко и ефрейторъ Брониславъ Шульцъ добровольно вызвались итти на развѣдку. Скучно имъ было сидѣть безъ дѣла. Австрійцы близко, и при извѣстной долѣ лихости и неустрашимости можно многое узнать да и плѣннаго „языка“ привести. Вотъ они и рѣшили, съ разрѣшенія начальства, произвести смѣлую развѣдку сторожевого охраненія противника.

Темной ночью, ползкомъ, безшумно направились они къ ротѣ австрійцевъ, находившихся въ заставѣ. Незамѣтно приблизившись къ заставѣ шаговъ на пятнадцать, наши смѣльчаки дали по ней три залпа и, замѣтивъ, что противникъ пришелъ въ смятеніе, съ крикомъ „ура“ бросились на непріятельскую заставу.

Австрійцы, видимо, не ожидали такого дерзкаго нападенія и, не зная, что противъ нихъ всего только три человѣка, въ паникѣ частью побросали свое оружіе и подняли руки кверху, а частью обратились въ безпорядочное бѣгство. Однако, скоро побросавшіе оружіе опомнились и, замѣтивъ, что противъ нихъ всего только три человѣка, хотѣли-было снова взяться за винтовки.

Тутъ Руденко и Шульцъ не растерялись, дружно съ крикомъ „ура“ бросились на австрійцевъ и семерыхъ изъ нихъ закололи на мѣстѣ, а остальнымъ же, которые взялись-было уже за винтовки, крикнули: „бросай оружіе!“, что тѣ безпрекословно исполнили.

Голоса нашихъ смѣльчаковъ были настолько увѣрены, лица ихъ настолько смѣлы и озлоблены, что противникъ ни на минуту не сомнѣвался, что наши солдаты способны сейчасъ переколоть ихъ всѣхъ, а въ случаѣ надобности даже задушить собственными руками. И вотъ двѣнадцать австрійцевъ, бросивъ оружіе, сдались въ плѣнъ двумъ унтеръ-офицерамъ.

Тутъ только наши смѣльчаки замѣтили, что нѣтъ съ ними Шемберко. Они осмотрѣлись—несчастный ихъ товарищъ, раненый, истекалъ кровью, подавая лишь слабые признаки жизни. Руденко и Шульцъ взяли его на руки и бережно понесли, гоня передъ собой двѣнадцать плѣнныхъ австрійцевъ.

Восторженно встрѣчены были наши смѣльчаки своими товарищами. Шемберко сталъ поправляться, а затѣмъ и совсѣмъ оправился отъ раны. За этотъ подвигъ всѣ трое были награждены Георгіевскими крестами. Но ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ въ своемъ подвигѣ чего-нибудь изъ ряда вонъ выходящаго, они считали это не героизмомъ, а простымъ исполненіемъ служебнаго долга. Вотъ нашъ сѣрый, скромный герой — таками полна армія, ими она должна гордиться.

Полковникъ Г. П.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго“ книга 2.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ. Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Выданъ 25-го февраля 1917 г. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“, кн. 38.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО“

ПЕТРОГРАДЪ, Б. КАЗАЧІЙ ПЕР., № 9Б. ТЕЛЕФОНЪ 684-36.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОНОГРАФІЯ

Н. К. РЕРИХЪ

со статьями Ю. Балтрушайтиса, Алекс. Бенуа, А. Гидони, А. Ремизова и С. Яремича. Книжныя украшенія Е. Нарбута.

Цѣна изданія: НУМЕРОВАННЫЙ ЭКЗ. 48 р., ЛЮБИТЕЛЬСКІЙ ЭКЗ. 85 р.

Изданіе вышло въ свѣтъ 15 Ноября 1916 года.

ВСѢ ЭКЗЕМПЛЯРЫ РАСПРОДАНЫ.

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЕЧАТАНІЕМЪ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ БУДЕТЪ РАЗОСЛАНО ПОДПИСЧИКАМЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ГРАФИКА

подъ редакціей С. К. МАКОВСКАГО, при участіи А. Арнштама, А. Бенуа, И. Билибина, М. Добужинскаго, Е. Лансере, Е. Нарбута, Н. Рериха, К. Сомова, С. Судейкина, С. Чехонина и др. Текстъ Н. Радлова.

ПОДПИСКА ЗАКРЫТА.

ВСѢ ПЕЧАТАЮЩІЕСЯ ЭКЗЕМПЛЯРЫ РАСПРОДАНЫ.

ОТКРЫТА ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПОДПИСКА НА ПЕЧАТАЮЩІЯСЯ ВЪ ОГРАНИЧЕННОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ

НОВЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ,

ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЯ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХЪ ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ КНИГЪ:

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОНОГРАФІЯ

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА

со статьями: кн. С. М. Волконскаго, М. Волошина, А. Я. Левинсона, Г. К. Лукомскаго, С. К. Маковскаго, А. А. Ростиславова, С. П. Яремича, Д. В. Философова; въ изданіе войдетъ также автобіографія Алекс. Бенуа. Редакція Г. К. ЛУКОМСКАГО.

Изданіе выходитъ въ свѣтъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ на бумагѣ лучшаго качества въ изящныхъ переплетахъ и папкахъ съ большимъ количествомъ красочныхъ воспроизведеній fac-simile картинъ А. Н. Бенуа и репродукціями, исполненными всевозможными способами графическаго искусства. Въ изданіе войдетъ до 50-ти воспроизведеній въ краскахъ, свыше 250 репродукцій и 10 гравюръ-меццотинто. Богатству иллюстрацій соотвѣтствуетъ и вся внѣшность изданія.

Подписная цѣна изданія въ художественномъ переплетѣ (съ 20 декабря повышена):

НУМЕРОВАННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ 48 руб., ЛЮБИТЕЛЬСКІЙ ИМЕННОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ 85 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ—15 руб.

РОСКОШНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ СЪ БОЛЬШИМЪ КОЛИЧЕСТВОМЪ ВОСПРОИЗВЕДЕНІЙ HORS TEXTE ВЪ КРАСКАХЪ, ГРАВЮРЪ-МЕЦЦОТИНТО и АВТОТИПІЙ

ГОСПОДИНЪ ВЕЛИКІЙ НОВГОРОДЪ

подъ художественной редакціей С. К. МАКОВСКАГО, при ближайшемъ участіи засл. проф. С. Ф. Платонова (историческое введеніе) и извѣстныхъ ученыхъ, историковъ искусства и художниковъ. Книжныя украшенія поручены лучшимъ русскимъ графикамъ: И. Я. Билибину, Е. И. Нарбуту и С. В. Чехонину.

Стоимость изданія (по предварительной подпискѣ):

НУМЕРОВАННЫЙ ЭКЗ. 90 руб., ЛЮБИТЕЛЬСКІЙ ЭКЗ. 130 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 30 руб.

РОСКОШНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

ДВОРЦЫ ВЪ РОССІИ

ЗОДЧЕСТВО И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ УБРАНСТВО.

подъ редакціей В. Я. КУРБАТОВА.

Изданіе охватываетъ художественную жизнь во дворцахъ нашихъ Императоровъ и Императрицъ, такъ и вельможъ XVIII и начала XIX вѣка и выйдетъ въ свѣтъ въ четырехъ частяхъ по типу лучшихъ западныхъ изданій этого типа.

„ДВОРЦЫ ВЪ РОССІИ“ представятъ собою изданіе исключительное по роскоши, полнотѣ и изяществу.

Стоимость изданія (по предварительной подпискѣ):

НУМЕРОВАННЫЙ ЭКЗ. 100 руб., ЛЮБИТЕЛЬСКІЙ ЭКЗ. 150 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 25 руб.

Большое художественное изданіе въ пяти частяхъ при ближайшемъ участіи АЛЕКС. БЕНУА, С. К. МАКОВСКАГО и Н. К. РЕРИХА

РУССКОЕ ТЕАТРАЛЬНО-ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО

подъ редакціей М. В. ДОБУЖИНСКАГО и Н. Н. ЕВРЕИНОВА.

Искусство театральной декораціи сдѣлало за послѣднюю четверть вѣка такіе громадные успѣхи, что заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ въ нашей памяти. Въ театрально-декоративномъ искусствѣ выявили однѣ изъ лучшихъ крупицъ своего таланта такіе крупные художники, какъ Анисфельдъ, Алекс. Бенуа, Бакстъ, Билибинъ, Врубель, Аполлин. Васнецовъ, Вик. Васнецовъ, Гончарова, Головинъ, Добужинскій, Коровинъ, Кустодіевъ, Полѣновъ, Рерихъ, Сапуновъ, Судейкинъ, Сѣровъ, кн. Шервашидзе и другіе. Книжныя украшенія А. Арнштама, Е. И. Нарбута и С. В. Чехонина.

Стоимость изданія (по предварительной подпискѣ):

НУМЕРОВАННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ 125 руб., ЛЮБИТЕЛЬСКІЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ 160 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ — 25 руб.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ

И. И. БРОДСКІЙ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕДАКЦІЯ И ТЕКСТЪ Г. К. ЛУКОМСКАГО.

Изданіе выходитъ въ свѣтъ въ ограниченномъ количествѣ нумерованныхъ экземпляровъ на лучшей бумагѣ, въ изящныхъ переплетахъ и папкахъ съ большимъ количествомъ красочныхъ воспроизведеній картинъ И. И. Бродскаго и репродукціями, исполненными всевозможными способами графическаго искусства.

Стоимость изданія (съ 10 Января повышена): НУМЕРОВАННЫЙ ЭКЗ. 35 руб., ЛЮБИТЕЛЬСКІЙ ИМЕННОЙ ЭКЗ. 45 руб.

Всѣ печатающіяся изданія будутъ исполнены съ небывалой до сихъ поръ въ Россіи роскошью и изяществомъ.

ПО ЗАКРЫТІИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПОДПИСКИ ЦѢНЫ ИЗДАНІЙ БУДУТЪ ПОВЫШЕНЫ.

Предварительная подписка на изданія принимается въ конторѣ издательства „СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО“, Петроградъ, Б. Казачій пер., 9Б, тел. 684-36 и 565-23 и во всѣхъ лучшихъ художественныхъ и книжныхъ магазинахъ Имперіи.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

КОЛОБОВЪ и БОБРОВЪ

4517 2-1

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 р. 25 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. убористъ. шрифт. Цѣна съ пер. 2 р. 50 к. на лучшей бумагѣ 3 р.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран. Цѣна 3 р. 50 к.

(5) 4469

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль. При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ"—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.

РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА.

АРТЕРІОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.

ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Русское Агентство фирмы **ШАТЕЛЕНЪ** въ Парижѣ. Москва, Петровскій пассажъ, № 38, отд. 5.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ, предупреждаетъ его повтореніе.

4519

Руководство для газетныхъ **КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ** Постоянн. крупн. побочн. заработокъ. Цѣна 1 руб. **Москва**, изд—ство **„ЛУЧЪ"**, Печатниковъ пер., 18/2.

4365 (7)

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО? Руководство къ приготовл. вкусн., сытн. и дешев. блюдъ безъ мяса. Цѣна 1 р. **Москва**, изд—ство **„ЛУЧЪ"**, Печатниковъ пер., 18/2.

Домашнее изготовленіе сахара

изъ всюду имѣющихся матеріаловъ, безъ особыхъ приспособленій, въ обыкновенной домашней посудѣ. Доступно всѣмъ. Цѣна руководства **три р.** 25 к. **Москва**, изд-ство **„Лучъ"**, Печатниковъ пер., 18/2.

„ПОДОХОДН. НАЛОГЪ"

2-ое дополн. изданіе

общедост. руководство для плательщиковъ. Сост. Москов. Под. Инсп. М. В. Ивановъ и В. Ф. Шиповъ.

Ц. 1 р., нал. пл. 1 р. 20 к. Скл. изд.: Москва, Спиридоновка, 16, кв. 7 у **И. Н. Соколова**. Выи. со скл. за перес. не платятъ. Кн-цамъ 25% скидки.

2-2 4517

Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться промышленностью, долженъ выписать книгу: **„Я самъ-хозяинъ"**, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый. Цѣна 2 р. 75 к. **МОСКВА**, изд—ство. **„ЛУЧЪ"**, Печатниковъ пер., 18/2.

4362 (9)

Изучайте языки! Самоучит. англ., франц., итал., исп., нѣм., польск., латин., румын., татар., китайск., япон., болг., серб., черн., перс. и др. яз. по **1 р. 45 к.** каждый. Катал. безпл. Безъ задат. не выс. Треб. адр.: Москва, Б. Гнѣздник., изд. Д. Куманова.

ЖЕЛУДОЧНЫЙ НАБОРЪ ТРАВЪ.

Способъ употребленія набора травъ ***МЕНЗЕЛИНЦЕВА*** высылается безплатно **МОСКВА, Мясницкая, 50.** Изобрѣтатель **МЕНЗЕЛИНЦЕВЪ.**

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія", Б. Ружейная, 7—55.

„ШТУРМЪ",

военная игра для дѣтей. Составительницей А. П. Алышевой пожертвована **„Комитету единовременныхъ пособій больнымъ и раненымъ воинамъ Имени Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича и Вел. Князя Алексѣя Николаевича".**

Цѣна 5 р. Продается: Петроградъ, Сергіевская, 61, кв. 11. тел. 3-80.

4618 2-2

ЗАЧѢМЪ ПЛАТИТЬ 50-60 коп. ЗА ФУНТЪ

МЫЛА

КОГДА МОЖНО ЗАМѢНИТЬ ЕГО РАВНО-ДѢЙСТВУЮЩИМЪ, ИСПЫТАННЫМЪ БЕЗВРЕДНЫМЪ СТИРОЧНЫМЪ СРЕДСТВОМЪ

ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ

СТОЮЩИМЪ **25-30** КОП. ЗА ФУНТЪ

→ ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ ←

ТРЕБУЙТЕ НА КАЖДОЙ ПАЧКѢ ФИРМУ **Т-ВО ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ** ПЕТРОГРАДЪ ПЕТРОВСКІЙ ПР. СОБ. Д.

КОТОРОЕ ВЫСЫЛАЕТЪ ЖЕЛАЮЩИМЪ, ПО ПОЛУЧЕНИИ 10 РУБ. 40 ФУНТОВЫХЪ ПАЧЕКЪ ЛЕССИВА ФЕНИКСЪ КАЗЕННЫМЪ И ОБЩЕСТВЕННЫМЪ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ И ОРГАНИЗАЦІЯМЪ, А РАВНО ТОРГОВЦАМЪ ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ ОТПУСКАЕТСЯ ПО ОСОБО ПОНИЖЕННОЙ ОПТОВО-ФАБРИЧНОЙ ЦѢНѢ

4304 10-3

Практическое руководство (ЭНЦИКЛОПЕДІЯ)

ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Необходимо какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ.

Искусство быть занимательнымъ въ обществѣ, пользоваться успѣхомъ въ жизни. Интересный собесѣдникъ. Хорошій тонъ. Секретъ красоты. Образцы различн. писемъ. Рѣчи, тосты и проч. на разные случаи. Краткое содержаніе: Обращеніе кавалера съ дамой. Обращеніе дамы съ кавалеромъ. Игры и забавы въ обществѣ. Розыгрышъ и выкупъ фантовъ. Искусство говорить рѣчи и тосты. Сборникъ интересныхъ стихотвореній. Афоризмы о женщинахъ. Афоризмы о мужчинахъ. Любовныя примѣты. Секреты красоты. Совѣты и указанія желающимъ пользоваться успѣхомъ. 1) Совѣтъ женщинамъ. 2) Совѣтъ мужчинамъ. Практич. совѣты во всѣхъ случаяхъ жизни. Нѣсколько словъ о бракѣ. Образцы различн. писемъ. **Цѣна 2 руб. 50 коп., перес. 50 коп.**

Требов. адресов: Москва, Тверская, 24/40 „Т-во „АКЦІОНЕРЪ".

4515 4-2

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, преждеврем. безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

4190 13-2

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

БИБЛІОГРАФІЯ.

(Книги, поступившія въ редакцію для отзыва).

А. Тришатовъ. „Молодое, только молодое“. Разсказы. Изд. „Новаго журнала для всѣхъ.“ Петроградъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Странное, двойственное впечатлѣніе остается отъ этой книги. Съ одной стороны—какъ будто и свѣжесть и теплота и подлинное чувствованіе „молодой, только молодой“ психологіи въ ея сложномъ, современномъ надрывѣ. Съ другой — чисто фельетонная легкость подхода къ темамъ, мѣстами претенціозная вычурность слога и нездоровый, патологическій налетъ надъ большинствомъ разсказовъ—дурное наслѣдіе многихъ „модныхъ“ беллетристовъ послѣдняго времени.

Самой искренней и, несмотря на свою эскизность, цѣльной вещицей въ книгѣ является „Совушка“, милыя, пропитанныя ароматомъ неподдѣльно-юныхъ переживаній страницы робкой, нѣжной, дѣвичьей любви. Женскій образъ здѣсь едва намѣченъ, но плѣнителенъ своей непосредственностью и чистотой, которыя, на фонѣ мягкихъ, красивыхъ картинъ деревенской природы, вѣютъ прелестью забытыхъ тургеневскихъ настроеній. Дальнѣйшая судьба Ани („Совушки“) подъ знакомъ вопроса, но читателю горячо хочется вѣрить, что ея прозрачной, легко затуманенной первой любовной неудачей души не коснутся грубые соблазны, тяжело нависшіе надъ „эмансипированной“ Вѣрой изъ „Одной единственной ночи“ и до конца погубившіе другую, безсильно и жалко ищущую въ своей грязной дѣйствительности „цѣломудреннаго мужчину“,—Вѣру изъ „Дѣвицы со странностями“. Симпатиченъ своей правдой и своимъ затушеванно-сдержаннымъ отчаяніемъ разсказъ „Безъ Бога, безъ ангеловъ“, рисующій растерянность современнаго оторваннаго отъ обезцѣненныхъ старыхъ традицій, но внутренно благороднаго идеалиста—юноши—передъ натискомъ стихійной, чувственной страсти. Самоубійство, разрѣшающее этотъ сложный конфликтъ, является, дѣйствительно, единственнымъ для подобнаго характера возможнымъ исходомъ. Къ сожалѣнію, настоящій разсказъ, такъ же, какъ и нѣкоторые другіе: заглавный, „Горькій чередъ“, и совсѣмъ уже явно и откровенно „М-me Красота“—испорчены упомянутымъ опредѣленно-патологическимъ духомъ. Авторъ, повидимому, самъ еще молодъ и художественно неопытенъ. Иначе онъ, конечно, не могъ бы забыть непреложный эстетическій законъ, безусловно исключающій изъ творческихъ заданій художника все носящее на себѣ печать психологической и тѣмъ болѣе патологической анормальности. Настроенія, подобныя восторгамъ „рыжаго“ въ „Красотѣ“ и Станевича въ „Безъ Бога“, несомнѣнно существуютъ и даже приводятъ людей, ими захваченныхъ, къ острѣйшимъ, трагическимъ развязкамъ. Мы знаемъ это изъ медицинскихъ книгъ, изъ судебной хроники. Но мы отказываемся знакомиться съ даже мягко и уклончиво выраженными проявленіями такихъ душевныхъ состояній въ формѣ художественной беллетристики, хотя бы и несравненно болѣе сильной и цѣнной, чѣмъ у настоящаго автора. А. Тришатовъ тѣмъ не менѣе даровитъ; вотъ почему хотѣлось бы скорѣе увидѣть его отрѣшившимся отъ своихъ печальныхъ, слишкомъ „современныхъ“ заблужденій.

Гр. Алексѣй Н. Толстой. „Искры“. Т. IX. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Духомъ романтизма проникнута значительная часть произведеній даннаго тома. Полна поэзіи и граціи небольшая повѣсть „Искры“. Разсказы: „Буря“, „Подъ водой“, „Прекрасная дама“ написаны на темы войны. Нѣсколько фельетонный характеръ носитъ разсказъ „Прекрасная дама“, въ которомъ фигурируетъ

нѣмецкая шпіонка и русскій офицеръ, героически вышедшій изъ испытанія. Зато художественно силенъ разсказъ „Подъ водой", гдѣ тоска одиночества, захваченная въ широкой перспективѣ, находитъ примирительный аккордъ въ любви.

Граціозными и нѣжными тонами обвитъ и разсказъ „Рожь", гдѣ любитель старинной живописи и фресокъ въ своихъ архивныхъ поискахъ наталкивается на живое чувство любви и приходитъ къ заключенію, что „всѣ фрески, споры и журналы" онъ „промѣнялъ бы на одно только слово, которое скажетъ сегодня Вѣра Ивановна учителю гдѣ-нибудь во ржи". Живое чувство любви къ человѣку и состраданіе къ нему побѣждаетъ всѣ теоретическія возвышенныя мысли и настроенія и въ разсказѣ „Дымъ".

Въ „Куликѣ" у А. Н. Толстого сказывается та нѣжность и чуткость въ изображеніи дѣтской души, та иронія въ описаніи обыденнаго, которыя характерны для писателя-романтика.

В. В. Брусянинъ. „Въ странѣ озеръ". Очерки изъ финляндской жизни. К-во „Жизнь и Знаніе". Цѣна 1 руб. 25 коп.

Открывающій настоящую книгу разсказъ „На чужомъ берегу" нѣсколько обманываетъ читателя относительно ея содержанія. Красивыя, мѣткія описанія сѣверной природы, согрѣтыя мягкими, грустными нотами искренняго лиризма, подчеркиваютъ въ авторѣ именно это послѣднее свойство и заставляютъ ожидать отъ него художественно-бытовыхъ картинъ Финляндіи въ освѣщеніи наблюдателя-поэта. Но разсказовъ подобнаго настроенія въ сборникѣ всего четыре: первый, уже названный, второй—„Камни", представляющій собою изящное стихотвореніе въ прозѣ, затѣмъ „Сѣверная дѣвушка" и „Одинокій Григорій". Разсказовъ этихъ было бы совершенно достаточно для опредѣленія подлиннаго лика автора со всѣми его достоинствами. Истинная душа хмураго финляндца, съ ея сдержанными, сильными страстями, живущая такъ созвучно съ окружающей холодно-могучей природой, до конца понята, прочувствована и выявлена Брусянинымъ въ указанныхъ простыхъ и четкихъ вещицахъ. Но во всѣхъ остальныхъ онъ, къ сожалѣнію, вдается въ тотъ тенденціозно-публицистическій тонъ, который былъ бы очень желателенъ и умѣстенъ въ „корреспонденціяхъ съ мѣста", но на страницахъ беллетристическаго сборника производитъ рѣзкое, дисгармоничное впечатлѣніе. Участіе финляндскихъ женщинъ въ выборахъ, разумѣется, явленіе прекрасное и свѣтлое, но благодарную тему эту хотѣлось бы увидѣть въ яркой, художественной обработкѣ, а не въ дешевой рамкѣ небрежно-фельетоннаго характера. Авторъ, повторяемъ, гораздо больше поэтъ, чѣмъ публицистъ: появившійся въ началѣ войны въ одномъ изъ мало-извѣстныхъ періодическихъ изданій прелестный разсказъ его „Добрая бабушка" раскрываетъ намъ такія его художественныя возможности, которыя заставляютъ ожидать отъ него несравненно большаго, чѣмъ настоящій, интересно задуманный, но испорченный тенденціозностью и навязчивой злободневностью сборникъ.

С. Гусевъ-Оренбургскій. „Надъ поемой" Т. VI. Петроградъ. 1917. Цѣна 2 рубля.

Сборникъ разсказовъ С. Гусева-Оренбургскаго опять воспроизводитъ передъ нами типы и картины изъ жизни духовенства. С. Гусевъ-Оренбургскій хорошо знаетъ эту среду, ея психологію, внутренній укладъ, не идеализируя и не утрируя, онъ рисуетъ ея темныя и свѣтлыя стороны, удѣляя много мѣста и ея идеологіи.

Тѣ разсужденія чисто отвлеченнаго характера, которымъ такъ часто отдаются герои С. Гусева-Оренбургскаго, не портятъ впечатлѣнія художественной правды и жизни. Близость этой среды къ народу даетъ возможность писателю захватить въ кругъ своего наблюденія и крестьянскую жизнь. Типы изъ народа живы и правдивы въ произведеніяхъ Гусева-Оренбургскаго. Встрѣчаются разсказы въ сборникѣ, гдѣ народная жизнь играетъ самодовлѣющую роль, какъ, напримѣръ: „Ветлы". Психологія человѣка изъ народа правдиво воспроизводится писателемъ во всей ея цѣльности и простотѣ.

И. Бунинъ. „Господинъ изъ Санъ-Франциско". Произведенія 1915—1916 гг. Кн-во писателей въ Москвѣ. Цѣна 2 рубля.

Поэтъ и беллетристъ И. Бунинъ ярко выдѣляется въ современной литературѣ чистотою языка, звучностью и легкостью его. Одинъ изъ немногихъ нашихъ писателей, остался онъ вѣренъ завѣту Тургенева: — беречь родной языкъ. „Господинъ изъ Санъ-Франциско" открываетъ въ талантѣ И. Бунина еще одну особенность—способность художника перевоплощаться въ характеры другихъ національностей. Характеръ американской аристократіи на кораблѣ „Атлантидѣ" въ разсказѣ „Господинъ изъ Санъ-Франциско", молдаванскіе мотивы въ „Пѣснѣ о Гоцѣ", психологія французской женщины въ разсказѣ „Сынъ"—выдержаны съ такою тонкостью, которая дается лишь писателю, обладающему истиннымъ художественнымъ талантомъ и воспріимчивою душою художника.

Граціозны небольшіе разсказы: „Грамматика любви", „Клаша", „Легкое дыханіе", но особенно хороши разсказы: „Казиміръ Станиславовичъ". „Аглая". Въ „Казимірѣ Станиславовичѣ" вложено много художественной интуиціи, тонкихъ художественныхъ штриховъ, воспринимаемыхъ между строкъ. „Аглая" какъ бы вышла изъ раскольничьихъ нѣдръ во всей своей простотѣ и наивности, въ томъ самогипнозѣ, который свойствененъ характерамъ сектантовъ.

Вторая часть сборника И. Бунина посвящается стихотвореніямъ. Разнообразіе въ настроеніи и темахъ, способность проникаться настроеніями разныхъ временъ и характеровъ, говорить ихъ языкомъ придаетъ большую художественную цѣнность этимъ высоко художественнымъ и по формѣ произведеніямъ.

Т. Арброва. „Сестрица Ольга". Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Петроградъ—Москва. 1917. Цѣна 2 руб. 50 коп.

„Сестрица Ольга" Т. Арбровой является продолженіемъ книги „Записки Оли Петровой". Правдивая повѣсть о бѣдной одинокой дѣвушкѣ, брошенной въ водоворотъ жизни безъ чьего бы то ни было руководительства и опеки, переходитъ въ литературно написанный романъ, гдѣ творческій вымыселъ первенствуетъ надъ жизненной правдой. Сопоставленіе этихъ двухъ книгъ даетъ ясно чувствовать, что талантъ автора—въ изображеніи жизни, какъ она есть.

Семья Дарьи Павловны, Груня, Суриковы—все это живыя лица и схвачены художественно вѣрно. Характеръ Лиды Суриковой, трагедія ея отца, честнаго рабочаго, убившаго инженера, который опозорилъ его дочь, и умершаго въ тюрьмѣ, вообще жизнь маленькихъ людей, сѣренькая для другихъ и полная смысла и движенія для человѣка, живущаго ею,—все это живо и интересно въ повѣствованіи Т. Арбровой. Жизнь лазарета схвачена авторомъ вѣрно, есть живыя наблюденія и умѣніе наблюдать.

Но обрисовка дѣятельности „сестрицы Ольги", несмотря на точныя свѣдѣнія героини по „оказанію первой помощи", вышла значительно блѣднѣе, чѣмъ все остальное. А романъ Оли и вовсе надуманъ.

Біеніе жизни все же чувствуется въ книгѣ, и потому читается она все же съ захватывающимъ интересомъ.

В. Муйжель. „Опустошеніе". Кн-во „Жизнь и знаніе". Петроградъ. 1917. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Книгу В. Муйжеля составляютъ повѣсть „Опустошеніе" и разсказъ „Одиночество". В. Муйжель по тону своего дарованія—писатель-бытовикъ, но въ данномъ сборникѣ писатель раскрываетъ полнѣе свое дарованіе, расширяя и углубляя кругъ наблюденій. Повѣсть „Опустошеніе" изображаетъ хорошо знакомый автору газетный міръ. Въ общемъ передъ нами въ большинствѣ опустошенныя души, которымъ нечѣмъ жить, потому что онѣ или растратили все, что было у нихъ святого, или ничего не имѣли. Положительныя же лица — Саганѣевъ, Людмила Федоровна, жена кутилы редактора, идущаго изъ-за этой слабости на постоянные компромиссы съ принципами, которыхъ у него въ сущности и нѣтъ, мало говорятъ за себя въ повѣсти.

Хорошъ по художественной выразительности разсказъ „Одиночество". Книга читается съ интересомъ.

Изабелла Гриневская. „Бабъ". Петроградъ. 1917. Цѣна 1 р. 50 коп.

„Бабъ", что значитъ „дверь истины"—основатель одной изъ самыхъ распространенныхъ когда-то въ Персіи сектъ. Онъ-то и является героемъ пьесы И. Гриневской. Въ основу этого произведенія положено серьезное знакомство съ ученіемъ данной секты. Пьеса не разъ уже ставилась на сценѣ и пользовалась успѣхомъ. Помимо сценичности привлекаетъ въ ней и яркая образность языка. Написана она вся стихами. Вездѣ выдержанъ духъ и характеръ дѣйствующихъ лицъ. Выпуская пьесу вторымъ изданіемъ теперь, И. Гриневская въ своемъ предисловіи къ книгѣ пишетъ: „Мнѣ думается, что именно въ эти минуты, когда ликъ войны наиболѣе грозенъ и насмѣшливъ, слѣдуетъ людямъ останавливаться въ раздумьи на вопросахъ важныхъ и всечеловѣческихъ, всегда утѣшающихъ и примиряющихъ, хотя и неразрѣшимыхъ".

Аржановъ, О. П. Среди водъ и болотъ Пгр. 1916 Ц. 2 р.

Боголѣповъ, О. И. Учебникъ коммерціи 3-е изд. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 20 к.

Боринъ, В. Художественно-археологическая дѣятельность Михаила Васильевича Ломоносова М. 1917.

Бѣляевъ, С. Семинарскіе очерки. 2-е изд. М. 1917. Ц. 1 р. 50 к.

Веригинъ, Н. Сборникъ примѣровъ и статей для диктанта и разбора. М. 1917. Ц. 75 к.

Вольпинъ, В. Обманный путь. Ташкентъ 1917. Ц. 30 к.

Въ годину Великой войны, календарь на 1917 г. Пгр. Ц. 20 к.

Галанинъ, Д. Д. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. М. 1916. Ц. 80 к.

Голубицкій, С. Кролики. М 1916. Ц. 3 р. 25 к.

Городецкій, С. Дальнія молніи. Пгр. 1916. Ц. 2 р.

Гусевъ-Оренбургскій, С. И. По теченію. Пгр. 1917. Ц. 10 к.

Завьяловъ, В. В. проф. **Краткій очеркъ физіологіи человѣка.** М. 1916. Ц. 3. р.

Ивневъ, Р. Несчастный ангелъ. Пгр. 1917. Ц. 2 р.

Каменскій, В. Книга о Евреиновѣ. Пгр. 1917. Ц. 2 р.

Кондратьевъ, Л. 1) **Великой войнѣ.** Владикавказъ. 2) Сборникъ стихотвореній. Эривань. 3) **Чернецъ.** Тифлисъ. 4) **Юсупъ.** Владикавказъ.

Коротковъ, Н. Семирамида. М. 1917. Ц. 1 р.

Кранихфельдъ, Вл. П. Въ мірѣ идей и образовъ. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю 1)**Бѣглецъ** Пгр 1917. Ц. 4 к. 2) **Тамань.** Ц. 8 к.

Лозина-Лозинскій, А. Благочестивыя путешествія. Пгр. 1916. Ц. 1 р.

Мариподовъ, К. Проселокъ. М. 1917. Ц. 1 р. 50 к.

Міръ глухонѣмыхъ. Ежемѣсячная газета № 1. Подп. цѣна 2 р.

Морозовъ, Н. Повѣсти моей жизни. М. 1916. Ц. 2 р. 50 к.

Недошивинъ, А. Новый языкъ для международныхъ сношеній. Пгр. 1916. Ц. 20 к.

Новый путь, еженедѣльникъ. № 1—3. М. 1917. Подп. ц. 9 р.

Пастернакъ, Б. Поверхъ барьеровъ. М. 1917. Ц. 1 р. 75 к.

Подхалюзинъ, Н Свадьба Гната и Любы. Лохвица. 1916.

Раненые о войнѣ Сборникъ 1-й. Пгр. 1917 Ц. 1 р. 20 к.

Скиталецъ. За тюремной стѣной. Пгр 1917. Ц. 1 р. 75 к.

Тарасовъ, И. Т. Самодержавіе и абсолютизмъ. М. 1917.

Черкасовъ, Н. Исканія духа. Пгр. 1917 Ц. 1 р. 20 к.

Черный, Б. Пятая тетрадь разсказовъ М. 1917. Ц. 75 к.

Эренбургъ, И. О жилетѣ Семена Дрозда. Paris. 1917.

Федоровъ, А. М. 1) **Камни.** Изд. 4-е М. 1916. Ц. 2 р. 2) **Степь сказалась.** Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 8. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА и СЕРВАНТЕСА и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія ДЛЯ ДѢТЕЙ.
Выданъ 25 февраля 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к. Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Запутанное дѣло.

Разсказъ **Ал. Богданова.**

Поѣздъ подходилъ къ станціи Бологое.

Въ третьемъ классѣ, по обыкновенію, было душно, тѣсно и накурено. Пассажиры, успѣвшіе перезнакомиться между собой, вели нескончаемую бесѣду.

Около самаго выхода изъ вагона въ дружной оживленной кучкѣ сидѣли: бѣлокровная болѣзненная женщина въ нанковой рыжей коротайкѣ и черномъ платочкѣ, съ ребенкомъ на рукахъ; плотный краснощекій мужичина въ поддевкѣ и ватномъ суконномъ картузѣ,—повидимому, прасолъ; солдатъ съ тремя медалями и Георгіемъ; неопредѣленный господинъ въ очкахъ и строгій благообразный старикъ съ библейской сѣдой бородой, бѣлыми пушинами бровей и длинными прядями волосъ, подстриженныхъ почти у плечъ. Старикъ походилъ на сектанта.

Бесѣдовали безъ опредѣленной темы. Солдатъ передавалъ впечатлѣнія войны и разспрашивалъ про урожай и про деревню, о которой онъ стосковался. Женщина жаловалась на дороговизну, ругала торговцевъ грабителями и кровопійцами. Прасолъ неловко кряхтѣлъ и, словно оправдываясь передъ кѣмъ-то, возражалъ сиплымъ фальцетомъ:

— Торговое сословіе не причинно!.. Тутъ надо тоже правильное пониманіе имѣть, въ чемъ главный корень оборотовъ... Первое дѣло разстройство транспорту, а второе курсъ рублю... На торговцевъ тоже, бываетъ, рубль на рубль накладываютъ.

— На васъ рубель, а вы два!..—горячилась женщина.—Набьете вотъ этакія пуза, и притка васъ не беретъ... Тыщи огребаете...

— Какъ кому посчастливитъ тоже!..—возражалъ прасолъ.—Кто огребаетъ, а кто въ трубу вылетаетъ... Пожалуй еще, и въ тюрьму ненарокомъ попадетъ.

— Кто совѣсть имѣетъ, тотъ не попадетъ...—строго и внушительно сказалъ сѣдобородый сектантъ.—А что многіе изъ васъ ради мірскихъ благъ сатанѣ душу продали—это тоже вѣрно!

Подъ станціей Бологое неопредѣленный господинъ въ очкахъ сошелъ. Освободилось мѣсто, на которое подсѣлъ новый пассажиръ, духовная особа въ синемъ поношенномъ подрясникѣ, войлочной шляпѣ, широкихъ сапогахъ и съ сѣрымъ брезентовымъ чемоданомъ. Прасолъ поморщился, но потѣснился, чтобы дать мѣсто. Ребенокъ заплакалъ.

— Нишкни ты!.. цыкнула на него женщина.—А то вотъ дьячокъ въ мѣшокъ посадитъ... Дьячокъ, посади моего Васеньку въ мѣшокъ!..

Духовная особа ласково нагнулась къ ребенку:

— Молчи, молчи, голубокъ!.. Видишь, какой у меня мѣшокъ большой!

Ребенокъ вытаращилъ глаза на его черную окладистую бороду и замолчалъ.

Пока у Бологого поѣздъ стоялъ, бесѣда прервалась. Смотрѣли въ окна на станціонное зданіе и на жандарма, расхаживавшаго по платформѣ. Солдатъ сбѣгалъ въ буфетъ за кипяткомъ, досталъ изъ холщеваго мѣшка хлѣбъ съ кусками ярко-красной, начавшей уже портиться колбасы и расположился пить чай.

— Ишь какая тѣснота!.. Не знаю, гдѣ и примоститься,—кипяточкомъ попариться!..

Послѣ долгихъ хлопотъ и приспособленій ему удалось устроиться. Онъ поставилъ свой жестяной чайникъ на полъ, на холщевый мѣшокъ положилъ хлѣбъ съ колбасой и на колѣняхъ приспособилъ бѣлую эмалированную кружку.

— По-походному!..

За книгой. *О. Делла-Вось-Кардовская.*

X выставка „Новаго Общества художниковъ".

Подруги. X выставка „Новаго Общества художниковъ“. *Н. Петровъ.*

— Ничего!..—благожелательно замѣтила женщина, отодвигая ноги дальше отъ чайника.—Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ...

Прасолъ поспѣшилъ завести знакомство съ духовной особой.

— Отецъ дьяконъ будете?..

Тотъ, кого приняли за дьякона или дьячка, отвѣтилъ не сразу. Вытеръ платкомъ лобъ, расправилъ плечи и сказалъ мягкимъ, добродушнымъ тономъ:

— Да въ родѣ какъ будто отца дьякона... Самъ вотъ не знаю, кто... дьяконъ или священникъ!..

Всѣ съ любопытствомъ повернулись въ его сторону.

— Удивленія даже достойно!..— подтвердилъ онъ.— Въ родѣ какъ бы по пословицѣ: ѣдетъ туда, самъ не знаетъ куда, ѣдетъ кто, самъ не вѣсть что... Но всякія коловратности происходятъ на свѣтѣ,—особенно, ежели принять во вниманіе военное время... И то, что случилось со мною, весьма даже назидательно...

Прасолъ и прочіе вытянули шеи и жадно приготовились слушать. Замѣтивъ это, духовная особа словоохотливо начала:

— Вотъ уже шестой разъ за время пути разсказываю я эту исторію... И всѣ, кто слышалъ ее, повергались въ изумленіе. Пожалуй, разскажу еще разъ вамъ. Все равно до Петрограда времени много...

— А вы въ Петроградъ, отецъ дьяконъ, ѣдете?..

— Въ Петроградъ... Во Святѣйшій Синодъ... Итакъ, приступаю... Надо вамъ замѣтить, что я рукоположенъ во дьяконы епископомъ Антоніемъ. Не слышали про таковаго?.. А до дьяконства я былъ псаломщикомъ въ селѣ Ланшевѣ, тамъ и прадѣдъ мой, и дѣдъ, и отецъ тоже въ дьячкахъ состояли, тамъ и померли... Образованія я маленькаго,—дошелъ только до второго класса семинаріи,—реторики, какъ по-старинному выражались. Такъ что искусства словесности тоже вкусилъ,—всякія тамъ понятія о тропахъ и метафорахъ и прочихъ украшеніяхъ рѣчи. И не по малограмотности курса не кончилъ, шелъ я по первому разряду, а обстоятельства семейной жизни такъ сложились. Умеръ папаша,—остались у меня двѣ сестры на рукахъ, одну меньшую, Оленьку, надо въ епархіальномъ учить, другая Варя—горбатенькая калѣка, замужъ такую не выдашь, да еще больная мамаша на рукахъ. Вотъ все сіе и связало меня по рукамъ. По успѣхамъ же моимъ меня на казенный бы счетъ въ бурсу взяли. И мамаша, будь она здорова, могла бы просфорней просуществовать не хуже другихъ. Только у мамаши грудная болѣзнь открылась, и посему долженъ былъ я сказать всѣмъ своимъ мечтамъ о священствѣ finis.

Женщина съ ребенкомъ вздохнула.

— Наша сестра обязательно такъ, черезъ дѣтей болѣетъ. Шутка молвить, вотъ у меня ихъ было девять человѣкъ... Ежели всѣхъ выносить, то никакого здоровья не хватитъ. Сколько васъ у вашей мамашеньки было?

— Да ни много ни мало какъ пять человѣкъ... Двое умерли, а трое въ живыхъ остались.

— Вотъ отъ этого и грудная болѣзнь!—убѣжденно замѣтила женщина.

Прасолъ недовольно покосился на нее и бросилъ фальцетомъ:

— А ты не перебивай!.. Лучше вонъ посмотри-ка на ребенка... Вишь изъ-подъ него моря протекли...

— Ахъ, ты, голопузый!..—засуетилась женщина.—Скажите на милость, какъ нарочно, замучилъ онъ меня всю дорогу!.. А я-то сижу—не догадываюсь, што колѣнкамъ больно горячо! Ужъ давѣ и не кормила его,—побоялась,—дала только сухого кренделька пожевать...

— Отъ кренделей въ такомъ возрастѣ и вредъ можетъ быть!.. — многозначительно сказалъ солдатъ.

Женщина начала перепеленывать ребенка, а дьяконъ продолжалъ:

— Итакъ, я распростился съ alma mater и отправился домой. Таково, значитъ, мнѣ предопредѣленіе свыше. И первое дѣло—женился, жену взялъ съ протекціей, дочь благочиннаго, отца Василія, изъ мѣстечка М-ва... Можетъ-быть, слышали про сіе мѣстечко, про него много писали?

Солдатъ поспѣшно откликнулся:

— Какъ же,—знаю... Сраженья поблизости были... Наши части около тѣхъ мѣстъ проходили, верстахъ въ сорока...

— Такія сраженья, такія сраженья!— подхватилъ дьяконъ.— Словно небесныя бездны разверзлись въ громахъ и молніяхъ!.. Ну, да объ этомъ послѣ... А теперь на чемъ, бишь, я остановился?..

— О благочинномъ говорили, отецъ дьяконъ,— напомнилъ прасолъ.—И еще хотѣлъ задать я вамъ вопросъ, если вамъ не трудно отвѣтить...

— Что такое?

— Насчетъ благочиннаго... Согласился отецъ благочинный принять васъ въ зятья?.. Вѣдь они, благочинные, гордые...

Дьяконъ оживился:

— Была тутъ заковыка,— ка-акъ же!.. Тесть мой, конечно, предпочелъ бы выдать свою дочь за студента, а тѣмъ паче за академика... Да, признаться, я и его дочь еще раньше знакомы были и уговоръ между собой имѣли, въ родѣ какъ бы обручились... Послѣ же моего увольненія я и говорю: „Соня, какъ же, молъ, теперь?.. Хотя мы и дали другъ другу обѣщаніе, но я не

подлецъ и напередъ тебѣ говорю, что никакого комфорта жизни предоставить не могу... Твоя полная воля, — можешь отъ своего слова отказаться!..“ Обидѣлась она. „Все равно. говорить, я ни за кого больше замужъ не пойду...“ „Папаша-то, -это, значить, отецъ Василій, - говорю, не согласится...“ „Все равно, - отвѣчаетъ. — Зачѣмъ намъ согласіе?.. Насъ дюдюшка отецъ Николай и такъ обвѣнчаетъ...“ Надо вамъ сказать, отецъ Николай любвеобильнѣйшей души человѣкъ и на всю епархію своей добротой извѣстенъ... Убѣдила она меня... Такъ мы и рѣшили вѣнчаться безъ отцовскаго согласія. Теперь многіе изъ молодежи такъ дѣлають, — не желають по старымъ указкамъ ходить...

Все время молчавшій и смотрѣвшій въ окно сектантъ повернулъ къ дьякону строгое, благообразное лицо и сказалъ:

— Нонѣшняя молодежь больно много воли себѣ взяла!.. Худо это!.. Кто отцу съ матерью ослушникъ, того Богъ наказываетъ... Можетъ, и васъ Господь за ослушаніе наказалъ!..

— Ослушаніе ослушанію разниствуетъ... -раздумчиво возразилъ дьяконъ.—Въ сущности говоря, тутъ съ нашей стороны никакого серьезнаго ослушанія даже не было, потому что папаша ея, отецъ Василій, насъ простили... Да... Повѣнчались мы, а потомъ съ повинной. Сперва Соня въ кабинетикъ къ нему прошла, а потомъ я, - прямо въ ноги бухъ... Не жестокосердый же онъ палачъ, чтобъ свое любимое чадо казнить... Волей-неволей пришлось простить... Она единственная дочь... Моя вина тоже не велика... Кабы я за неспособность, или за порочность былъ выгнанъ... А вѣдь я перворазрядникъ, въ академію могъ попасть и, если бы не семейныя обстоятельства, то даже до архіерея возвыситься, — это всѣмъ хорошо извѣстно... Посердились на насъ папаша, а потомъ въ приданое пятьсотъ рублей ей на обзаведеніе дали, а мнѣ на экипировку и прочее еще сто рублей...

— Л-ловко!.. — брякнулъ солдатъ.

Женщина съ ребенкомъ отъ удовольствія осклабила лицо:

— Счастье тебѣ!..

— Да, что касается семейной жизни, то не могу роптать на Господа Бога!..—подтвердилъ дьяконъ.—Такъ значитъ и зажили мы полнымъ домомъ, — пріобрѣли лошаденку, корову и прочее, что потребно для сельской жизни... Псаломщикомъ въ Лаишевѣ состоялъ я не долго, потому что у тестя протекція, и самъ преосвященный Антоній къ нему благоволеніе питалъ. Два года я провелъ въ Лаишевѣ, а потомъ въ М-вѣ освободилась дьяконская вакансія. Надѣлъ я сюртукъ, и поѣхали мы съ тестемъ въ консисторію хлопотать... Поклонились, попросили, одарили кого нужно — и мѣсяца не прошло, какъ меня поставили во дьяконы.

— Ой!.. — съ возрастающимъ удовольствіемъ воскликнула женщина. — Пра-аво, счастье!..

Прасолъ съ осужденіемъ метнулъ на нее недовольный взглядъ:

— Чего ойкаешь!..

— Переселился я съ мамашей подъ бокъ къ тестю, меньшую, Оленьку, въ епархіальное опредѣлили, Вареньку пристроили учительницей, и зажили душа въ душу... Миръ да лѣпота въ дому,— туки и прочее, иной священникъ въ хорошемъ приходѣ такого изобилія не имѣетъ... Чада появились, два мальчика да дѣвочка... И мамаша поправляться стали. — Голосъ дьякона отъ волненія задрожалъ.—Однако перехожу къ сути дѣла. Тутъ началась война. Истинно говорится, что никто не вѣсть ни дне ни часу, въ онь же пріидетъ... Не чаяли и мы никакой бѣды... Отецъ Василій, бывало, еще скажетъ: „До насъ далеко, — до насъ не дойдетъ...“ Исправляемъ мы требы чинъ чиномъ, моленія возносимъ о ниспосланіи побѣды... И вдругъ приказъ, - приготовляться на случай къ отъѣзду, всякія книги церковныя, утварь, старинныя иконы, серебряныя и иныя вещи, а если возможно, то и колокола не оставлять непріятелю. Стали мы собираться, не спѣша, — съ обстоятельностью. Полагаемъ, времени, молъ, еще много, авось и минуетъ насъ бѣда. Хозяйство большое, жалко бросать, въ потѣ лица все годами наживалось... Прикинешь одно, прикинешь другое,—не знаешь, за что и взяться, развѣ на возу цѣлый домъ увезешь?.

Портретъ графини Л. Е. Комаровской. *П. Нерадовскій.*
X выставка „Новаго Общества художниковъ“

— Это вѣрно!.. — сочувственно поддакнулъ прасолъ.

— Валандались мы такъ-то, валандались, и вдругъ новый приказъ, чтобы, значитъ, немедленно... Пальба поблизости пошла, словно левіафаны рыканіе извергаютъ... Вотъ тогда мы и схватились за головы безъ оглядки... У отца Василія двѣ лошади да у меня двѣ, — одну подводу подъ церковную утварь опредѣлили, одну для отца Василія, одну для моихъ вещей... Говорю женѣ: „Поѣзжай, Соня, съ ребятишками и съ папашей... И мамаша съ вами... А мнѣ надо поспѣшать къ Варенькѣ. Безъ меня пропадетъ она, не выберется... Въ такой горячкѣ гдѣ она подводу съ лошадью найдетъ? А я кстати остальныя вещи захвачу да слѣдомъ за вами... Въ городѣ встрѣтимся...“

„Заложилъ я свою вторую лошадь да къ сестрѣ, — верстъ за тридцать она проживала. Ѣду, а вдали брань кромѣшная: бухъ... бухъ!.. Точно молотки въ самыя уши ударяютъ... Кабы вѣдать все раньше!.. Дозорные на дорогѣ остановили. — „Куда?.. Тутъ нельзя!..“ — „Не могу же я сестру на погибель оставить... Я за сестрой ѣду...“ Не пропустили, вернули назадъ съ дороги... Однако я мѣстность хорошо знаю, — и въ объѣздъ лугами. Такъ вотъ и добрался до Вареньки. А тамъ уже наполовину селеніе пусто, ино разбѣжались, ино спрятались... Встрѣчаетъ меня Варя, мертвецъ мертвецомъ отъ душевнаго потрясенія... „Эка, говорю, голубка, досидѣлись мы!..“ Уложилъ я ея пожитки, - платьица да книжки, поѣхали мы... „Заступника Бога Вышняго, прими насъ подъ свой покровъ!“ Ѣдемъ среди пожарищъ, сами не знаемъ, какія испытанія впереди уготованы. Говоритъ Варенька: „Доберемся ли до дому?“—Успокаиваю ее: „Ничего, говорю, доберемся!..“ Успокаиваю, а у самого сердце — екъ-екъ, и сомнѣнія обуяли...

„Мнѣ бы ужъ не заѣзжать въ М-въ, а прямо въ городъ... Однако такой ужъ я упрямый человѣкъ... Надо, думаю, домъ провѣдать... Да... Пробрался сторонкой да лугами въ М-въ... Ночь... поздно... Только по небу синіе да красные огни полыхаютъ. „Ну, что жъ, Варенька, — давай, молъ, соснемъ часокъ, а потомъ чѣмъ свѣтъ встанемъ да и въ дорогу!..“ Легли мы... А въ окнахъ словно зори красныя играютъ и все бухаетъ: ба... ба-бахъ!..

„ — Нѣтъ, - говоритъ Варя, - не могу я спать!..“ Занавѣсили мы окна, какъ будто немного спокойнѣй на душѣ стало... Глазъ не смыкали, черезъ какой-нибудь часъ чѣмъ свѣтъ вышли изъ дому... Глядимъ, а на улицахъ отряды разъѣзжаютъ, куртки да каски. Варенька такъ и обомлѣла: „Братецъ, а вѣдь это, говоритъ, австрійцы!..“ Вижу и я, что австрійцы, но успокаиваю: — „Что ты, Варенька!.. Это же наши гвардейцы, форма у нихъ такая...“ Такъ и оказались мы въ плѣну.

— Охъ, ты, Господи!.. — жалостливо вырвалось у женщины.

— Ну, что же, — плѣнъ такъ плѣнъ, Божье произволеніе! Мнѣ-то ничего, я мужчина, а вотъ посматриваю я на Вареньку и думаю: не учинили бы надъ дѣвушкой какого злодѣйства. Одна надежда, что не польстятся на нее,—горбатенькая она да болѣзненная и лицомъ некрасива... Слава теперь Богу, ничего дурного ей не приключилось...

„Потребовали насъ къ начальству,—офицеръ австрійскій и при немъ переводчикъ. Тутъ увидѣлъ я, что не одинъ въ М-вѣ остался. Отошло у меня отъ сердца, — на міру-то и смерть красна...

„Выдали намъ австріяки бумажки, какъ бы разрѣшеніе на жительство, и стали наводить порядки.

„У меня лошадь отобрали, корову, куръ и прочее. Хранилось въ амбарѣ четверика два овса да мѣшка три ржи,—взяли, выдали квитанцію.—„Потомъ, говорятъ, наше австрійское правительство расплатится“... Берите, думаю, ваша сила, а самъ о Сонѣ и дѣтяхъ тоскую, доѣхали ли они до города.

„Поставили насъ на положеніе плѣнныхъ. Хорошо, что офицеръ особенный попался, не въ примѣръ прочимъ: обходительный и тихій. „Вамъ, говоритъ, никакого насилія не будетъ, на всякое же учиненное насиліе можете приносить мнѣ жалобу. Только требую точнаго соблюденія военной дисциплины. За малѣйшее нарушеніе ея буду строго карать по законамъ военнаго положенія, включительно до смертной казни. Для веденія

Портретъ А. Л. *С. Соринъ*
X выставка „Новаго Общества художниковъ".

своихъ общественныхъ дѣлъ выбирайте себѣ совѣтъ, а для охраны имущества разрѣшаю имѣть пять человѣкъ милиціи. Провіантъ вамъ будетъ выдаваться по карточкѣ, сколько опредѣлятъ на каждаго человѣка".

— У нихъ вездѣ такъ—карточки,—замѣтилъ солдатъ.—Только при этихъ карточкахъ съ голодухи подохнуть можно.

— Дѣйствительно, скудно!.. — подтвердилъ дьяконъ.—Три четверти фунта въ день хлѣба на человѣка. Ну, да въ плѣну не о сытости печешься, а о томъ, чтобы живому остаться.

„Выгнали всѣхъ, кто помоложе да поздоровѣй, на работу... Дороги да окопы да всякія сооруженія,—горы цементу навезли... На дорогахъ карауловъ понаставили...

„На третій или четвертый день приходитъ ко мнѣ мужикъ Мартьянъ, былъ у насъ такой старичокъ, бывшій сельскій староста.

„— Какъ, молъ, и ты, Мартьянъ, здѣсь остался?

„— Остался!..—отвѣчаетъ.—Старшій сынъ на заработки съ лошадью уѣхалъ, не довелось намъ выбраться... Съ нуждой до васъ, отецъ дьяконъ, пришелъ...

„— Что за нужда такая, разсказывай!..

„— Меньшого сына снарядомъ вдарило,—помираетъ онъ... Напутствовать бы его по христіанскому обычаю...

„— Какъ же—говорю,—вѣдь я не священникъ, а только дьяконъ. И правъ не имѣю... И благодати на мнѣ такой нѣтъ!.. Чѣмъ же я могу тебѣ пособить?

„— Окажите Божескую милость, отецъ дьяконъ... Помретъ Павелъ безъ покаянія...

„— Ничего,—говорю.—Ради мученической кончины Богъ грѣхи проститъ... Да и какіе у него грѣхи?..

„— Убивается, тоскуетъ парень.. Есть, говоритъ, на мнѣ одинъ особенный грѣхъ, великій грѣхъ... И сказать его мнѣ надо надуху... Истомилась душенька безъ покаянія...

„— Пойми же ты,—убѣждаю я его,— что не могу... На мнѣ благодать неполная...

„— Э-эхъ, отецъ дьяконъ!.. Все-таки вы духовное лицо... Къ кому же мнѣ обратиться теперь?..

„Говоритъ Мартьянъ, а самъ плачетъ...

„Такъ вотъ долго убѣждали мы другъ друга. „Богъ, говорю, меня осудитъ да и начальство, ежели узнаетъ, накажетъ. Исповѣдывать еще туда-сюда... Въ апостольскія времена и міряне другъ друга исповѣдывали... А вотъ какъ я святыхъ даровъ коснусь?.."

„А Мартьянъ все на своемъ стоитъ: „Развяжите парня, не томите душу..." Что тутъ будешь дѣлать?.. Раздумался я... Въ соборныхъ правилахъ я не силенъ, не знаю, какъ поступить. Однако рѣшаю, что, ежели не было рукоположенія во священническій санъ, то не могу же я его присвоить и превысить самъ себя передъ Богомъ.

„Одновременно и другія мысли приходятъ: „Ну, что же?.. Можетъ-быть, Богъ и проститъ... Кабы я по корысти или изъ-за честолюбія сіе сотворилъ... А то вѣдь я, такъ сказать, по человѣчеству... Кто азъ есмь?.. Одинъ изъ водителей церкви... И правъ ли буду, если откажу въ помощи пасомому..." И такъ жалко мнѣ старика, а онъ стоитъ да слезами обливается. Тутъ я,—ужъ и не знаю, какъ это случилось,—говорю:

„— Пожалуй, навѣдаюсь я къ тебѣ!.. Тамъ увижу, что дѣлать...

„Пошелъ я въ погребицу, гдѣ мы съ отцомъ Василіемъ церковныя облаченія схоронили. Вынулъ епитрахиль и прочее. Держу все въ рукахъ, словно тягу земную поднялъ...

„Въ концѣ концовъ рѣшился-таки, завязалъ все въ узелокъ и отправился къ Мартьяну. Свершилъ все, что полагается, и отпустительную молитву прочелъ... Вернулся домой, разсказываю Варенькѣ. „Такъ, молъ, и такъ... Грѣхъ я совершилъ, за священника требу исправилъ..." Выслушала она меня, оправдала: „Ничего, братецъ!.. Коли ради великой нужды, то Богъ проститъ!.." Извѣстное дѣло,—женщины больше отъ чувства разсуждаютъ, а не отъ разума".

— Што же, отецъ дьяконъ,—великій грѣхъ у парня былъ?—поинтересовалась женщина.

— Да, дѣйствительно великій...—отвѣтилъ дьяконъ.—Но по церковному уставу я не могу ничего о томъ говорить...

„Ну, такъ вотъ съ того дня и пошло. Ступилъ я единожды на сію стезю, потомъ совсѣмъ осмѣлѣлъ... Умеръ Павлуха, похоронилъ я его по христіанскому обряду... „Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего!.." Самочиннымъ, такъ сказать, образомъ началъ священствовать. Былъ въ селѣ начетчикъ Ермолай—въ иное время за обѣднями часы любилъ читать, а на утреняхъ шестопсалміе. Ермолай вмѣсто псаломщика сталъ со мною служить. Жители иначе и не обращались ко мнѣ, какъ—„батюшка, батюшка!" И самъ я сбился съ толку, не вѣдаю, кто азъ есмь, дьяконъ или священникъ, ибо по дѣламъ своимъ соприкоснулся со священнической благодатью..."

Солдатъ, слушавшій очень внимательно, замѣтилъ:

— Подобное и на военной службѣ бываетъ! Вотъ у насъ отъ

Портретъ артистки Л. Х. Дроботовой. *С. Соринъ.*
X выставка „Новаго Общества художниковъ". — Пріобрѣтенъ для Музея Императорской Академіи Художествъ.

батальона осталось всего тридцать шесть человѣкъ... Такъ я сперва за фельдфебеля командовалъ, а потомъ за офицера... Егорья за это самое получилъ... А то и такіе есть, что за батальоннаго орудуютъ...

— Ваше дѣло иное, — мірское!..—отвѣтилъ дьяконъ.—У васъ порядки, человѣками заведенные, въ моемъ же дѣлѣ нарушеніе Божескихъ установленій... Да...

„Итакъ, значитъ, оказался я въ положеніи священника. Жители ко мнѣ за разными надобностями обращаются, я не прекословлю, ибо надо же чѣмъ-нибудь ихъ тяжелое житіе облегчить... Одинъ разъ передъ австрійскимъ офицеромъ ходатайствовалъ, отъ обиды защищалъ. А то еще разъ пришелъ ко мнѣ мужикъ — проситъ, чтобы повѣнчать... „Въ своемъ ли ты разумѣ?—говорю.—Такое время, а ты о плотской похоти думаешь... Нехорошо сіе!..“ — „Такъ вѣдь я, говоритъ, батюшка, не для плоти своей, а для Катерины хочу,— Катериной невѣсту его звали,—боюсь, какъ бы австріяки дѣвку не забидѣли... Какъ я за ее заступлюсь? Ты, скажутъ, кто ей?.. Тебѣ што? Поди прочь!.. А будь мы въ законѣ, совсѣмъ другое дѣло, постоять за мужнюю жену я право имѣю...“—И его повѣнчалъ“.

Дьяконъ перевелъ духъ.

— Жилъ въ селѣ сапожникъ Казимиръ, — не то католикъ, не то лютеранинъ,—не знаю... Встрѣчаетъ онъ однажды меня и говоритъ:

„— Ну, pater!.. Передъ смертью обязательно тебя позову...

„— Такъ вѣдь ты, молъ, не православный?

„— Ничего, говоритъ... Богъ одинъ для всѣхъ... Кабы я басурманинъ былъ...“

— Это правильно!..—вставилъ свое слово сектантъ.—И никакого грѣха нѣтъ въ томъ, что ты священствовалъ. Всякій мірянинъ, если онъ достоинъ, имѣетъ ту же благодать, что и священникъ.

Дьяконъ ничего не возражалъ.

— Теперь заканчиваю свой разсказъ. Мѣсяца два такъ прошло, въ одно утро встаемъ мы съ Варенькой, смотримъ, что такое? На улицахъ суета, движеніе, патрули, повозки. Тогда намъ еще невѣдомо было значеніе сего событія. Еще дня два прошло. Бросили М-въ австрійцы. Казачьи отряды въѣхали. Господи, сколько радости!.. Варенька на шею мнѣ бросается да слезами заливается...

„Да, и радость и скорбь. Отправились мы пѣшкомъ въ городъ, гдѣ Соня съ ребятишками, и тесть, и мамаша. Иду я, размышляю и, чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ больше угрызенія совѣсти испытываю,—словно преступникъ...

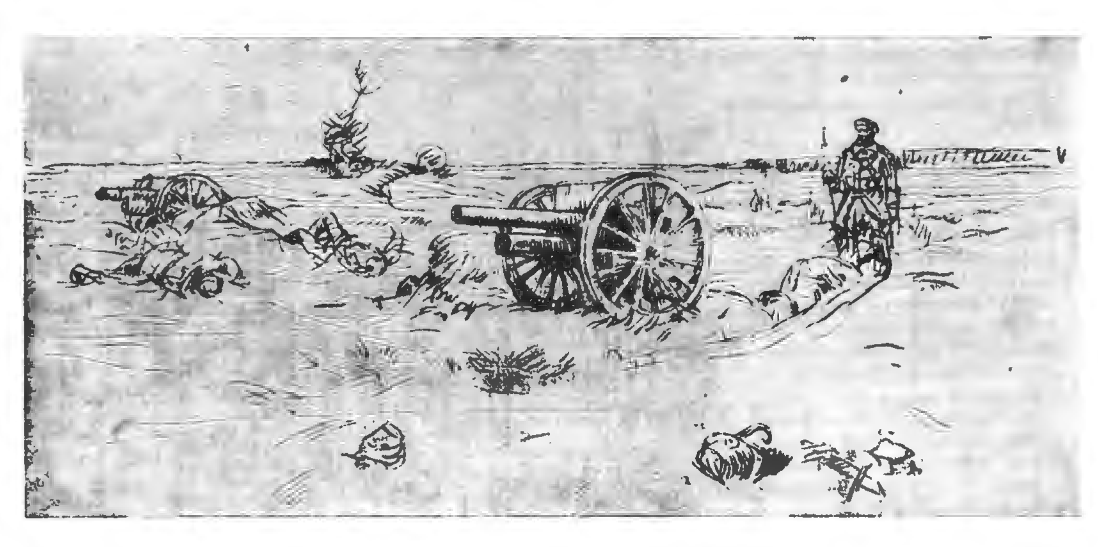
„Въ городѣ всѣ живы и здоровы... Цѣлуемся, не чаяли, что другъ друга увидимъ, — меня погибшимъ уже считали. Сонѣ я однако ни слова о томъ, какъ священствовалъ, не сказалъ. А вечеромъ улучилъ время и съ тестемъ наединѣ побесѣдовалъ. Раздумался онъ. „Запутанное, говоритъ, твое дѣло! Надо тебѣ повидать его преосвященство, но епископъ Антоній сейчасъ выбылъ въ Москву, когда вернется и вернется ли, неизвѣстно“.

„Пообсудили мы купно сіе запутанное дѣло и пришли къ рѣшенію, что мнѣ необходимо поставить о семъ въ извѣстность Святѣйшій Синодъ. Какъ Синодъ разрѣшитъ, такъ тому и быть“.

— Навѣрное оправдаетъ,—по человѣчеству!..—сердобольно сказала женщина...—Можетъ, еще священникомъ сдѣлаютъ.

— Ну, это неизвѣстно!..—возразилъ прасолъ.—Въ Синодѣ свои правила. Не по человѣчеству, а по церковнымъ уставамъ.

— Что же, — я готовъ понести наказаніе!..—пониженнымъ, тихимъ голосомъ сказалъ дьяконъ.—Пусть наложатъ эпитимію!.. Пусть въ монастырь ссылаютъ!.. Роптать на сіе не посмѣю, а понесу наказаніе съ полной покорностью, ибо почитаю себя виновнымъ.



Смолкшій врагъ. *Орудія австрійской батареи, взятыя на позиціяхъ, въ бояхъ подъ Б., К—мъ полкомъ.*

Рядовой Николаевъ.

(Сильна, какъ смерть).

Повѣсть **П. Н. Краснова.**

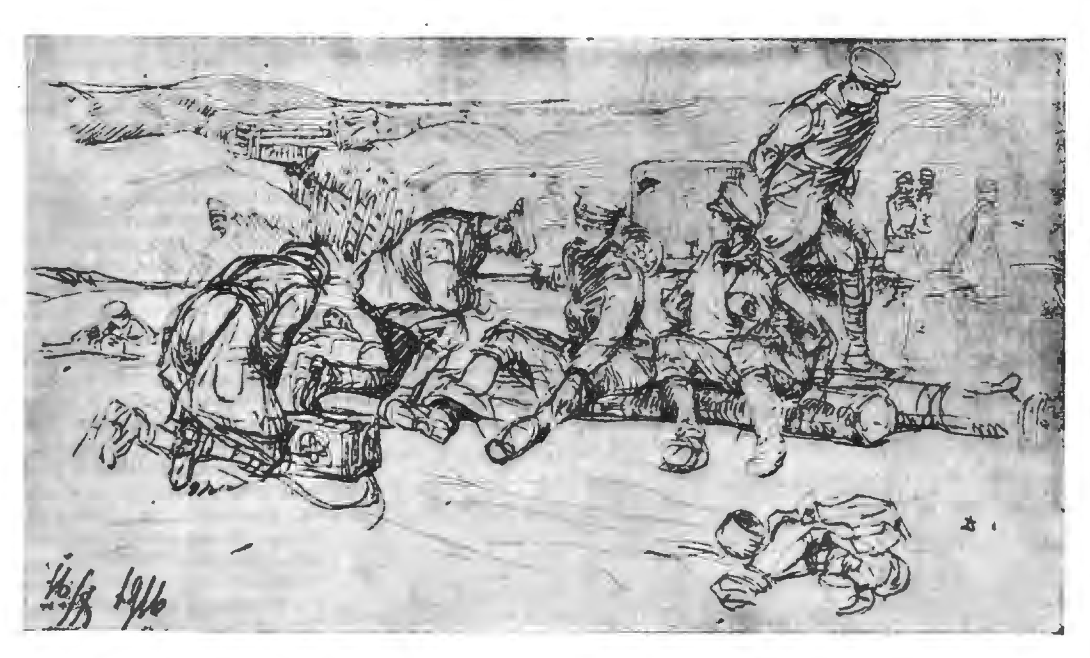
(Продолженіе).

II.

Въ маленькой избушкѣ съ четырьмя крошечными окошками, съ землянымъ, чисто усыпаннымъ бѣлымъ песочкомъ, поломъ, съ лавками вокругъ бревенчатыхъ стѣнъ, за столомъ, заваленнымъ бумагами, стоявшимъ возлѣ походной койки, чисто покрытой пестрымъ мѣховымъ одѣяломъ, съ большимъ знаменемъ въ чехлѣ, прислоненнымъ вдоль стѣны и упиравшимся золоченымъ копьемъ въ полку съ образами, сидѣлъ командиръ Эмскаго полка полковникъ Ребровъ.

Это былъ сѣдой, лысый человѣкъ небольшого роста, въ очкахъ, съ сѣдою бородою лопатой, аккуратно подстриженной. На немъ была черная шведская кожаная куртка на бараньемъ бѣломъ мѣху, надѣтая поверхъ суконной коричневатой рубахи. Куртка была разстегнута, и съ шеи на грудь, ровно настолько, чтобы борода его не закрывала, спускался Владиміръ съ мечами.

Противъ него, спиною къ окнамъ, заслоняя ихъ, стоялъ штабсъ-капитанъ Яковлевъ. Его сухая красивая голова была опущена, и непокорные вьющіеся волосы мелкими прядями упали на лобъ.



Послѣ боевъ подъ Я—цомъ. *Перевязка легко-раненыхъ на передовомъ пунктѣ П—го полка.*

На юго-западномъ фронтѣ. Въ Галиціи. Изъ альбома участника войны П. Добрынина.

Онъ только-что возразилъ командиру полка и теперь стоялъ противъ него и смотрѣлъ исподлобья на полковника.

— Зачѣмъ, зачѣмъ, господинъ полковникъ, они это дѣлаютъ!—вырвалось у него.

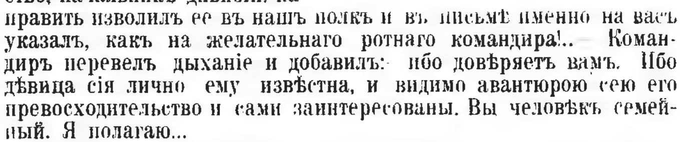
Полковникъ строго сквозь очки посмотрѣлъ на него и сухо проговорилъ:

— Судить не намъ-съ, Владиміръ Петровичъ. Наше дѣло только исполнить то, что написано. А написано ясно-съ. Разрѣшено... Понимаете ли вы: разрѣшено-съ...

И, торжественно развернувъ листъ бумаги и поднявъ указательный палецъ правой руки, онъ прочелъ:

— „...Разрѣшено дочери капитана въ отставкѣ, дворянкѣ, дѣвицѣ Татьянѣ Николаевнѣ Трубицыной поступить охотникомъ въ дѣйствующую армію подъ именемъ Терентія Николаева...“ Чувствуете, разрѣшено! Его превосходительство, начальникъ дивизіи, на-

Послѣ боевъ подъ Я—цомъ. *Полковые санитары за работой.*



править изволилъ ее въ нашъ полкъ и въ письмѣ именно на васъ указалъ, какъ на желательнаго ротнаго командира!.. — Командиръ перевелъ дыханіе и добавилъ: — ибо довѣряетъ вамъ. Ибо дѣвица сія лично ему извѣстна, и видимо авантюрою сею его превосходительство и сами заинтересованы. Вы человѣкъ семейный. Я полагаю...

Замѣтивъ, что Яковлевъ быстро вскинулъ голову, и что глаза его сверкнули, командиръ спросилъ:

— Вы гдѣ ее думаете помѣстить?

— Въ ротѣ,—быстро отвѣтилъ Яковлевъ.

Командиръ сморщилъ лобъ, морщины побѣжали вдоль къ самымъ вискамъ, лицо сдѣлалось старымъ, похожимъ на обезьянье лицо, но онъ сейчасъ же разгладилъ его и опять сталъ благообразно выглядывать.

— И отлично-съ. Ну-съ... Такъ я вамъ ее сейчасъ и пошлю. Имѣю честь кланяться.

Яковлевъ вышелъ и торопливо пошелъ къ избѣ, которую онъ занималъ. У всѣхъ домовъ, вызванные солнечнымъ яркимъ днемъ, сидѣли солдаты вперемежку съ жителями и бѣженцами изъ сосѣднихъ деревень, занятыхъ непріятелемъ. Нахмуривъ брови, разсѣянно отдавая честь, шелъ Яковлевъ, и нехорошо у него было на душѣ. Предчувствіе чего-то тяжелаго, непріятнаго залегло у него на сердцѣ и давило его. Ужъ очень хлопотливымъ казалось ему имѣть женщину-добровольца въ рядахъ своей роты, да еще, по всему видно — женщину образованную, хорошей семьи. „Ну,—рѣшилъ онъ, входя въ свою избу, — назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Хочешь служить въ пѣхотѣ—испытай все, а нѣтъ, прошу, матушка, избавить меня отъ своего присутствія“. Такъ и заявимъ, такъ и предупредимъ: — никакой пощады, никакого послабленія.

Онъ кликнулъ, входя во дворъ своей квартиры, денщика и вошелъ въ избу.

— Сюда придетъ вольноопредѣляющійся отъ командира полка, такъ проведи ко мнѣ,—сказалъ онъ денщику.

— Они уже здѣсь. Васъ ожидаютъ,—отвѣчалъ бравый солдатъ изъ казанскихъ татаръ.

— Ну и отлично, зови сюда.

— Понимаю!

Яковлевъ сѣлъ у лицевой стѣны на лавку, спиной къ окнамъ, и сталъ ждать.

Дверь отворилась, и, чуть согнувшись, въ комнату вошелъ вольноопредѣляющійся. Приложивъ руку къ папахѣ, онъ отчетливо отрапортовалъ:

— Ваше благородіе, честь имѣю явиться, охотникъ Терентій Николаевъ, назначенный во ввѣренную вамъ роту. По приказанію командира полка.

— Здорово, молодецъ!

— Здравія желаю, ваше благородіе.

Яковлевъ внимательно смотрѣлъ на добровольца. Руку у козырька держитъ неправильно. Лодочкой. Но что за ручка! Маленькая, нѣжная, съ длинными, изящными, породистыми пальчиками. Папаха надѣта съ чисто-женскимъ изяществомъ. Сидитъ безупречно. Лицо... Мальчикъ. Но какой красивый. Брови темныя, тонкія, точно очерченныя, глаза глубокіе, большіе, съ длинными густыми рѣсницами. Видно, уже въ дорогѣ она страдала и терпѣла лишенія и неудобства— глаза ввалились немного, кругомъ легла темная полоса, и отъ этого они казались еще глубже, еще красивѣе. Овалъ лица былъ нѣжный, безъ загара, и кровь то приливала къ нему, пурпуромъ наполняя щеки, пробиваясь къ самымъ ушамъ, маленькимъ и нѣжнымъ, то отливала, и тогда лобъ, шея и края щекъ становились бѣлыми. Губы тонкія, розовыя, покрываютъ рядъ ровныхъ и чистыхъ зубовъ. Да, красавица во всей прелести своей молодости, своихъ двадцати лѣтъ! Когда отвѣчаетъ, морщинка ложится на переносьѣ и дѣлаетъ лицо такъ мило озабоченнымъ. Какъ хороша должна была быть эта морщинка, когда къ ней и на нее набѣгали со лба упрямые завитки русыхъ волосъ!

Въ бояхъ подъ Я—цомъ. *Отправка тяжело-раненыхъ на автомобиляхъ.*

На юго-западномъ фронтѣ. Въ Галиціи. Изъ альбома участника войны П. Добрынина.

Легко-раненые въ бояхъ подъ Я—цомъ. *Въ пути на распредѣлительный пунктъ.*

Шинель пригнана аккуратно. Грудь, должно-быть, забинтована, ея не видно: талія слишкомъ тонка, бедра широковаты, и нога даже и въ тяжеломъ смазномъ сапогѣ слишкомъ мала. Сложена, должно-быть, удивительно. Длинная, тонкая, стройная. Діана... А такъ, издали... Первое впечатлѣніе, особенно съ этими подъ гребенку остриженными волосами—мальчикъ, очень юный, лѣтъ шестнадцати, очень хорошенькій, но мальчикъ.

Глаза серьезные, умные, вдумчивые, при всей ихъ красотѣ, были не женскіе. Темныя тучи чернѣли въ нихъ, молнія огневой искрой прорѣзывала ихъ, и были они временами почти злые, сердитые. Воля свѣтилась въ нихъ. Воля—частица божества разлита была во всей фигурѣ, такой нѣжной, слабой на видъ и такой полной рѣшимости.

Все это наблюдалъ и замѣчалъ Яковлевъ, зорко, пытливо вглядываясь въ своего новаго члена ротной семьи, и мысли вихремъ неслись въ его головѣ. Онъ ставилъ вопросы, получалъ отвѣты, а мысль опережала, отвѣты мчались дальше, впередъ, подсказывали многое недоговоренное.

— Опусти руку! Что же, ты рѣшилъ серьезно служить у насъ въ полку?

— Такъ точно, ваше благородіе!

— А готовъ ли ты ко всѣмъ трудностямъ нашей пѣхотной службы?

— Такъ точно.

— Вѣдь и поголодать иной разъ придется и, быть-можетъ, въ мокрой грязной одеждѣ, недѣлями не снимаемой, сидѣть въ окопахъ... Не спать ночей? Развѣ этого ты не боишься, ты, такой юный?!

— Мнѣ двадцать одинъ годъ!

— А пуль, а снарядовъ, а удушливыхъ газовъ, а штыка нѣмецкаго?.. А смерти ты не боишься?

Добровольцъ усмѣхнулся, и перламутръ зубовъ сверкнулъ изъ-подъ влажныхъ губъ, и милая ямочка легла у щеки, и опять лицо стало женскимъ, дѣвичьимъ славнымъ лицомъ, лицомъ балованной красавицы, лицомъ кокетки, играющей мужскими сердцами, и только глаза остались серьезными и смягчили вольность усмѣшки.

— Я ничего не боюсь, ваше благородіе, — тихо сказалъ Николаевъ.

И этотъ отвѣтъ прозвучалъ для Яковлева по-женски. Это русская женщина, великая русская женщина, женщина-работница, терпѣливая, трудолюбивая, смѣлая, безстрашная, отвѣтила ему, какъ бы говоря: „вы ошибаетесь, думая, что мужчина храбрѣе женщины. Женщина со своимъ великимъ сердцемъ, со своею любовью всегда и вездѣ будетъ смѣлѣе мужчины“. И Яковлеву почудился въ этихъ словахъ, и не такъ въ словахъ, какъ въ усмѣшкѣ, намекъ на многое, совершенное мужчинами противъ женщины. Ему вспомнились описанія гибели пароходовъ, пожаровъ театровъ, какого-то пожара базара, гдѣ мужчины отталкивали женщинъ и спасались сами, а женщины гибли въ морѣ, гибли въ огнѣ безъ плача, безъ проклятій. Въ самой любви, въ страсти увлеченія мужчинѣ—одно наслажденіе, женщинѣ — великія страданія родовъ, отвѣтственность и тяжкая работа кормленія и воспитанія дѣтей. И Яковлеву казалось, что добровольцъ и этой улыбкой и этимъ отвѣтомъ сказалъ ему: „если мы не боимся смерти, рожая дѣтей, если мы вѣчно ходимъ въ мірѣ слабыми, безпомощными, придавленными жизнью, неужели мы побоимся вашихъ мужскихъ страданій на войнѣ?“

— Я помѣщу тебя въ ротѣ съ солдатами. И во всемъ: въ пищѣ и въ одеждѣ, въ работѣ и въ бою, ты будешь имъ равенъ. Я не дѣлаю исключеній ни для кого. Это мое правило. Не поздно отказаться.

— Я на это и шелъ. Я иду воевать, —тихо отвѣтилъ Николаевъ.

— Еще одно. Ты человѣкъ образованный. Живя среди солдатъ, ты можешь принести и большую пользу имъ и большой вредъ. Помни одно: никакого осужденія распоряженіямъ старшихъ быть не можетъ и не должно. Какъ бы глупы они иногда тебѣ ни казались, какъ бы непонятны ни были, ты не имѣешь права разсуждать о нихъ съ солдатами. Вотъ и все... Да, вотъ еще—станетъ невмоготу, станетъ тяжело, приди и скажи. Глупить будешь, не пощажу!.. Гдѣ нужно, помогу...

— Понимаю.

Молчаніе воцарилось въ избѣ. Николаевъ стоялъ въ напряженной, слишкомъ натянутой позѣ, ожидая еще какихъ-либо указаній, Яковлевъ молчалъ, не спуская своихъ острыхъ, проницательныхъ глазъ съ лица своего добровольца. Заслоненное свѣтомъ, темное лицо Яковлева казалось сухимъ и окаменѣлымъ. Ни одинъ мускулъ на немъ не шевелился. Онъ изучалъ этого мальчика, онъ хотѣлъ проникнуть въ самое сердце этой женщины, ставшей солдатомъ.

Солнечный лучъ игралъ пылинками въ избѣ, за печкой тихо шуршали тараканы и робкая мышь высунулась изъ норы, посмотрѣла кругомъ и молніей понеслась черезъ избу.

Передовой перевязочный пунктъ N полка. *Деревня Л.*

На юго-западномъ фронтѣ. Въ Галиціи. Изъ альбома участника войны П. Добрынина.

— Я могу итти? — тихо спросилъ доброволецъ.

Яковлевъ вздрогнулъ отъ этого вопроса, отъ этого голоса, нарушившаго тишину избы. Да, голосъ выдавалъ больше всего. Такъ, глядя на эту сѣрую шинель, на папаху, на сапоги, онъ забылъ, что передъ нимъ женщина, и вотъ голосъ, глубокій, грудной, чисто-женскій, ему напомнилъ про это.

— Нѣтъ, погодите...

И вдругъ, весь перемѣнившись, сбросивъ съ себя маску суровости, Яковлевъ заговорилъ тихимъ, сердечнымъ, ласковымъ голосомъ.

— Татьяна Николаевна, я знаю, что вы дѣвушка, а не доброволецъ. Я, конечно, васъ не выдамъ, но, скажите, пожалуйста, скажите мнѣ, какъ отцу вы сказали бы, какъ сказали бы брату, старшему довѣренному брату, что̀ побудило васъ сдѣлать этотъ шагъ, какія обстоятельства, думы, мечты заставили измѣнить всю вашу жизнь и такъ ею рисковать?

Она молчала. Теперь пурпуръ краски залилъ все лицо ея, весь лобъ, всю шею, уши стали горѣть, и въ глазахъ свѣтилась чисто-женская мольба, и глаза стали блестѣть слезами.

— Постойте... Снимите шапку, вотъ такъ: пока никто насъ не видитъ, пока никто не знаетъ, разскажите мнѣ все... Вамъ жарко. Снимите шинель. Хорошо. Садитесь... Извините, стула у меня нѣтъ. Вотъ сюда на ящикъ. Вы понимаете, мнѣ нужно все знать. Потому что иначе... Иначе, вы понимаете, я могу на васъ смотрѣть нехорошо. Такъ много авантюристокъ идетъ въ армію. По слѣдамъ этой несчастной Дуровой, кавалеристъ-дѣвицы, пошло много-много Дуровыхъ. Но война тогда и война теперь,—это такая разница. Можетъ-быть, когда вы разскажете мнѣ все, я лучше пойму васъ и стану васъ меньше осуждать.

— А вы осуждаете меня?..

— Да, очень.

Она молчала. Будто собиралась съ духомъ. Онъ смотрѣлъ въ ея серьезные синіе глазки и, казалось, читалъ по нимъ ея мысли.

— Вы голодны?

— Да, я второй день ничего еще не ѣла.

— Ахъ, я идіотъ этакій. Ну, сейчасъ намъ Селимъ дастъ чаю. Это будетъ покамѣстъ, а черезъ полчаса и обѣдъ.

Яковлевъ вышелъ и распорядился насчетъ чаю и обѣда, а Татьяна Николаевна, глубже усѣвшись на ящикъ, начала свой разсказъ.

— Причинъ было много. Главная всеобъемлющая причина, причина душевная — это желаніе принести себя въ жертву родинѣ. Я не могла, понимаете вы, я не могла оставаться чуждой этому движенію, которое захватило всю Россію. Я должна была принять въ немъ непосредственное дѣятельное участіе.

Она остановилась, будто не знала, какъ продолжать.

— Ну, пошли бы въ сестры. Вѣдь онѣ такъ нужны здѣсь и такъ много добра дѣлаютъ для нашихъ страдальцевъ-солдатъ,— мягко проговорилъ Яковлевъ.

— Ахъ, нѣтъ. Не то, не то! Мнѣ хотѣлось именно убивать... Уничтожать... Бороться и побѣждать. Знаете, я не сразу пришла къ этой мысли. Я не сразу поняла все значеніе этой войны. А когда поняла, о, я прониклась такою злобою, такою сильною ненавистью къ нѣмцамъ, что я рѣшила жизнь свою отдать, но уничтожить ихъ!

Яковлевъ усмѣхнулся.

— Что̀ можетъ сдѣлать одна слабая женщина въ этомъ громадномъ дѣлѣ! Въ многомилліонной арміи рядовой Николаевъ растворится безъ остатка и слѣда.

— А вы не думаете, что, если этотъ рядовой Николаевъ пропитанъ ненавистью къ врагу, если онъ не боится смерти и вѣритъ, глубоко вѣритъ въ правоту своего дѣла, въ его святость, то онъ можетъ увлечь сотни другихъ Николаевыхъ, которымъ не дана ни такая глубокая страстная вѣра ни такая сильная женская душа!

Яковлевъ ничего не отвѣтилъ. Его собесѣдница преобразилась. Глазки метали молніи, темныя брови сошлись, морщинка легла между ними и придала лицу суровое выраженіе.

На кавказскомъ фронтѣ. Въ Черномъ морѣ.

Купанье лошадей, смѣнившихся послѣ тяжкой работы въ горахъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Въ Черномъ морѣ.

Буйволы, — эти „лошади юга“, главная двигательная грузовая сила Черноморья, — страстные любители морского купанья. Возницы ихъ въѣзжаютъ съ повозками въ море и цѣлыми часами въ безмолвномъ созерцаніи ждутъ, когда ихъ „кормильцы“ вдосталь насладятся морской прохладой.

Вошелъ денщикъ, подалъ двѣ кружки, чайникъ, мѣшочекъ съ сахаромъ и кусокъ чернаго хлѣба.

Тамъ печенье было, Селимъ. Подай!

— Понимаю.

Онъ налилъ ей мутный горячій чай, подвинулъ ближе жестянку печенья „Жоржъ", подалъ сахаръ.

Она съ удовольствіемъ прихлебнула чаю.

— Жанной д'Аркъ не всякой дано быть, да и времена не тѣ. Теперь не только рядовой боецъ, но часто даже генералъ безсиленъ что-либо сдѣлать. Идетъ борьба машинъ, уничтожающихъ людей. И для этихъ машинъ совершенно безразлично, какою душою обладаетъ ихъ жертва, лишь бы она умѣла ими управлять и не боялась бы ихъ,—сказалъ задумчиво Яковлевъ.

— Вѣрю и знаю. Много и читала и слышала про это, но думается мнѣ, что и теперь бываютъ такіе моменты, когда именно человѣкъ съ его безсмертнымъ духомъ сокрушаетъ машины. И я вѣрю, слышите, ваше благородіе, глубоко вѣрю, страстно, до глубины души вѣрю, что побѣдитъ не машина, а человѣкъ, что побѣдитъ тотъ, у кого больше будетъ людей съ могучимъ, бодрымъ духомъ, могущихъ увлечь за собою и людей-машинъ и самыя машины... И я рѣшила быть такой...

— Да, конечно, вы правы до нѣкоторой степени, Татьяна Николаевна. Но, вы—женщина, и, простите меня, я сомнѣваюсь, сможете ли вы сохранить вашу сильную душу до нужнаго момента. Война такъ длительна, такъ порою скучна, тяжела и однообразна, что не утратите ли вы пылъ молодой души прежде, чѣмъ судьба кинетъ васъ въ кипень боя, гдѣ личность уже будетъ преобладать надъ машиной...

— Въ этомъ порукой вамъ мое воспитаніе, мои годы юности, моя, выражаясь по-вашему, тренировка.

— Вы позволите еще налить вамъ чаю?

— О, благодарю васъ. Мнѣ стыдно, но мнѣ такъ хочется еще выпить чаю съ вашимъ вкуснымъ печеньемъ.

Она взяла двумя пальчиками, оттопыривъ мизинецъ, печенье и осторожно откусила отъ него кусочекъ. И была въ этомъ движеніи такая безсознательная женская грація, такъ не гармонировавшая съ обшлагомъ защитной рубахи грубаго холста, съ самой рубахой и защитными погонами, обшитыми пестрымъ кантомъ вольноопредѣляющагося.

— Мнѣ было шесть лѣтъ,—такъ начала Татьяна Николаевна,— когда я жила въ Портъ-Артурѣ съ матерью. У насъ не было квартиры. Моя мать со мною ютилась у одного полковника генеральнаго штаба, занимавшаго большую фанзу, передѣланную на европейскій ладъ, съ окнами, выходившими на тихій рейдъ и на Золотую Гору, за которой темно-синей пеленой плескался океанъ. Кого-кого только не жило въ этой фанзѣ у милаго радушнаго полковника! Тамъ останавливались проѣзжіе офицеры, тамъ жила одно время какая-то извѣстная пѣвица, учившая меня, скуки ради, лепетать дѣтскія пѣсенки. Я была одна среди взрослыхъ, одна среди офицеровъ, дѣловыхъ, занятыхъ, обращавшихъ на меня вниманія не больше, нежели на кошку или комнатную собачонку. Когда я попадалась некстати подъ ноги, меня гнали легкимъ пинкомъ, даже и шлепокъ иногда мнѣ доставался. Въ добрую минуту меня сажали на колѣни, кормили конфетами, совали въ ротъ папиросу. Я была вещью среди этихъ занятыхъ людей, но я-то уже многое понимала, а главное, наблюдала и наблюдала жизнь. Кто была моя мать, я затрудняюсь

На кавказскомъ фронтѣ. Истомились.

Солдаты у горнаго минеральнаго источника, по своимъ свойствамъ напоминающаго Боржомъ.

вамъ сказать. Любила она меня или нѣтъ, тоже не знаю. Я то была одѣта, какъ куколка, и каталась по рейду на китайской шампункѣ съ разряженной матерью и офицерами, то недѣлями ходила замарашкой въ компаніи китайскихъ мальчишекъ и съ ними вмѣстѣ бѣгала за офицерами и кричала: „шанго, капитана, деньги давай, дай копеечку!"... пока меня не подбиралъ кто-либо изъ постояльцевъ полковника и не относилъ къ нему или къ матери. Мнѣ мыли лапки, строго выговаривали за побѣгъ, полковникъ ссорился изъ-за меня съ моей матерью, и нѣкоторое время я была и одѣта и вымыта... Потомъ налетѣла война. Въ давкѣ и суетѣ мы уѣзжали изъ Портъ-Артура, и я видѣла солдатъ, солдатъ и солдатъ... Моя мать хотѣла сдѣлать изъ меня танцовщицу, меня ломали на гимнастикѣ, учили танцовать и пѣть. Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда я, живя съ матерью въ Парижѣ, босоножкой выступила въ школѣ у одной преподавательницы классическихъ танцевъ. Въ эту пору кончился разводъ моей матери съ отцомъ, и я попала къ отцу. Меня сейчасъ же заперли въ институтъ. Ахъ, какой я была тамъ бѣсенокъ! Сколько наказаній, штрафныхъ передниковъ, лишеній обѣдовъ я перенесла, но, сколько и желчи я разлила своимъ класснымъ дамамъ! Меня терпѣли за мои способности къ танцамъ, за мой голосъ и умѣнье пѣть. Я выручала на всѣхъ институтскихъ вечерахъ, концертахъ и спектакляхъ. Послѣ института я попала снова въ Парижъ, въ Латинскій кварталъ, и стала настоящей студенткой. Зажила богемой. О, ваша желѣзная кружка, ломоть чернаго хлѣба, сахаръ въ мѣшочкѣ меня не испугали... Но началась эта война. Сколько униженій, оскорбленій, сколько

Первая помощь крылатому хищнику.

гадкаго перенесли мы, бѣдныя русскія дѣвушки, когда ѣхали въ дни объявленія войны черезъ Германію. На насъ плевали солдаты и толпа, мы должны были сами переносить свои вещи, а отъ Эйдкунена до Вержболова мы шли пѣшкомъ... Встрѣченный нами разъѣздъ мы приняли. какъ избавителей. Мы готовы были цѣловать пыльные сапоги русскихъ уланъ... Я тогда же стремилась на войну. Но отецъ не пускалъ. Онъ требовалъ, чтобы я себя хорошенько провѣрила, чтобы взвѣсила все „за" и „противъ", чтобы подготовилась. Онъ училъ меня стрѣлять, училъ владѣть штыкомъ.

— Кто вашъ отецъ?—перебилъ Татьяну Николаевну Яковлевъ.

— Мой отецъ—бывшій пѣхотный офицеръ, капитанъ въ отставкѣ, богатый помѣщикъ Орловской губерніи. Онъ души во мнѣ не чаетъ, милый папочка!

— И онъ васъ отпустилъ?

— Отпустилъ и благословилъ. Развѣ может онъ не сдѣлать чего-либо, что я хочу!

Подали обѣдъ. Щи съ мясомъ: желѣзныя тарелки, ложки, ножи и вилки.

Яковлевъ наблюдалъ за своимъ добровольцемъ. Ни тѣни смущенья. Она ѣла съ аппетитомъ, но не смущалась ни сомнительной чистотой тарелокъ ни старыми, давно потерявшими блескъ и пожелтѣвшими ложками. Или она была не брезглива, или умѣла подавить брезгливость.

— Вашъ отецъ не взятъ на службу?

— Милый папа! Куда ему! Ему шестьдесятъ два года. Онъ больной. Но онъ сказалъ мнѣ на прощанье: „Богъ не далъ мнѣ сына, который могъ бы послужить Государю и родинѣ въ эту великую войну, я самъ старъ и никуда не годенъ. Иди, Татьяна, и отомсти за поруганныя церкви!" Онъ мнѣ все и устроилъ...

— А ваша мать?

Какая-то тѣнь пробѣжала по лицу Татьяны Николаевны, складка опять легла между бровей.

— Я не знаю, гдѣ и что моя мать. Я даже не знаю, кто она такая была. Отецъ никогда про нее не говоритъ.

Обѣдъ былъ конченъ. Несложный обѣдъ пѣхотнаго офицера, питающагося изъ ротнаго котла.

— Благодарю васъ.

— Не стоитъ.

Яковлевъ еще разъ съ грустной и нѣжной улыбкой посмотрѣлъ на Татьяну Николаевну, будто прощался съ прелестной дѣвушкой, а потомъ, нахмурившись, проговорилъ:

— Ну-съ, рядовой Николаевъ, я долженъ по приказу моего командира принять васъ въ роту на правахъ вольноопредѣляющагося добровольцемъ. Буду говорить вамъ „вы". Это единственное послабленіе, которое вы отъ меня получите. Можете итти въ роту... Селимъ!

— Чего изволите, ваше благородіе?—просовываясь въ дверь, спросилъ денщикъ.

— Проводи господина вольноопредѣляющагося въ роту...

И, не подавъ руки, поклономъ головы отпустилъ Татьяну Николаевну.

Долго ходилъ потомъ Яковлевъ по избѣ взадъ и впередъ и о чемъ-то напряженно думалъ. Потомъ отворилъ дверь и приказалъ Селиму пригласить къ себѣ прапорщика и фельдфебеля

(Продолженіе слѣдуетъ).

Надъ замерзшей рѣкой.

Очеркъ **Алексѣя Липецкаго.**

(Окончаніе).

На одной изъ коекъ хохолъ Клименко и блѣдный, зеленоглазый, съ овечьимъ выраженіемъ лица, еврей Цымкинъ играютъ въ шашки. Шашки самодѣльныя: на тройной дощечкѣ химическимъ карандашомъ нарисованы квадратики, а шашки не что иное, какъ засушенный мякишъ чернаго и бѣлаго хлѣба.

У Цымкина правая рука на косынкѣ. Перебита ниже локтя разрывной пулей. Долго болѣла, теперь срастается. Цымкинъ время отъ времени шевелитъ посинѣвшими затекшими пальцами этой руки и не знаетъ, вѣрить или нѣтъ, что рука будетъ дѣйствовать. По профессіи Цымкинъ золотошвецъ. Любимая его тема разговора—воспоминанія о своей работѣ, о заказчикахъ, о томъ, какъ все когда-то было хорошо.

— Былъ у насъ одинъ заказчикъ полковникъ, — говоритъ Цымкинъ нараспѣвъ.—И что же вы думаете?—онъ никогда не платилъ за работу. Хорошіе господа не любятъ платить денегъ. Зачѣмъ имъ платить, когда можно не платить. Но мои деньги все-таки мои, я ихъ заработалъ, и я хочу-таки ихъ получить. Прихожу я разъ къ этому полковнику на квартиру. „Виноватъ,—говорю,—ваше высокородіе, позвольте получить по счету и все прочее". И что же вы думаете, онъ заплатилъ? Ничего подобнаго. „А не знаешь,—говоритъ,—на циферблатѣ всего часовъ двѣнадцать. Даже двадцати четырехъ не дамъ—вышлю". Въ Галиціи потомъ мы съ нимъ встрѣтились. Узналъ меня. Я себѣ откозырялъ ему и иду себѣ, а онъ подозвалъ меня и говоритъ: „Ну, Цымкинъ, гдѣ твой счетъ? Распишись". Заплатилъ-таки... хорошій полковникъ... Да поздно я получилъ деньги... Все равно потерялъ...

Цымкинъ вздыхаетъ и двигаетъ по доскѣ свой бѣлый мякишъ.

— И много денегъ?—двигая черной и беря двѣ шашки, спрашиваетъ Клименко.

— Э! Вы не по совѣсти. Ну жъ, постойте, и я у васъ... Денегъ порядочно. Сто семьдесятъ пять рублей...

— Боже мой! Сто семьдесятъ пять. Пара добрыхъ воловъ, и потеряли вы. А-яй! Какъ же жъ такъ? Да вы бы на кресть.—выпаливаетъ Клименко, спохватывается и, дѣлая невѣрный ходъ, добавляетъ:—вокругъ себя обвязали бы.

— Текъ, текъ, дамочку я у васъ возьму въ плѣнъ... Что деньги?—вздыхаетъ Цымкинъ.—Долго ли нажить еще деньги. Былъ у меня папаша, такъ онъ говорилъ: „помни, Рувимъ, Богъ создалъ міръ затѣмъ, чтобы обратить его въ капиталъ. Живой человѣкъ всегда, если захочетъ, можетъ сдѣлаться капиталистомъ". Вотъ если бы только срослась рука. Ай, какъ бы я сталъ работать! Я бы женился, у меня были бы такія маленькія хорошенькія дѣтки... Ай...

Цымкинъ снова отдаетъ двѣ шашки, потомъ дамку—ему не до игры, онъ весь въ мечтахъ. Баторшинъ, Павлуша, Клименко и прочіе для него точно туманъ, надъ которымъ вспыхиваютъ его сладкія грезы. Какъ во снѣ, онъ достаетъ лѣвой рукой изъ кармана халата папиросу, зажимаетъ спичечную коробку между грудью и подбородкомъ, чиркаетъ спичкой и закуриваетъ.

Клименко тоже лѣзетъ въ карманъ за кисетомъ.

— А у насъ, знаете, хуторъ,—гудитъ Клименко.—Пашня есть, скотина есть, сбруя добрая. А на крышѣ въ колесѣ аистъ, птица Божія, каждую весну гнѣздо вьетъ... И ахъ! гарно было бы теперь до дому утекнуть. Жинка моя дуже скучае...

Клименко задумывается.

Шашки-мякиши двигаются по клѣткамъ лѣниво-лѣниво, точно вымазанныя патокой.

Баторшинъ и Павлуша отдыхаютъ.

Постепенно, одинъ за другимъ, собираются передъ окномъ. Необъятная снѣжная равнина слѣпитъ глаза. Сильно вправо, на высокомъ берегу рѣки горятъ на солнцѣ золоченые купола Казанскаго монастыря, а внизу, почти у самаго лазарета, пышно кудрявятся обсыпанныя инеемъ лозины. Кажется, что лазаретъ мягко утонулъ въ какихъ-то серебряныхъ блондахъ. Между лозинами заразное отдѣленіе для больныхъ арестантовъ. Передъ входомъ въ тулупѣ и валенкахъ взадъ-впередъ шагаетъ стражникъ съ винтовкой за спиной.

— И чего стеречь? Все равно не убѣгетъ. Умереть-то хоть дали бы на волѣ,—говоритъ Клименко.

— Все едино безъ памяти, небось, лежатъ. Хоть чорта приставь,—перебиваетъ Замятинъ.—Нѣтъ, вы гляньте лучше, ребята, ширь-то какая! Ажъ духъ занимаетъ.

— Да, далёко видно...

— Что тутъ весной бываетъ!—продолжалъ Замятинъ, устраивая поудобнѣе больную ногу.—Батюшки мои! Море сущее! Вонъ до того лѣса разливается вода. И, скажите, какъ это все Богомъ премудро устроено. Сейчасъ и похожаго ничего нѣтъ, а пригрѣетъ солнышко, заиграютъ ручейки, и пойдетъ потѣха... Люблю весну... Весной всякая букашка жизни радуется...

— На лодкѣ бы по половодью,—замѣчаетъ кто-то.

— Придетъ время—покатаемся,—слышится задушевная реплика.

Черезъ стѣну рядомъ поютъ что-то божественное.

Палата, изъ которой доносится пѣніе, по устройству точно такая же, какъ и № 9. Сейчасъ въ ней трое. Поющіе: раненый въ ногу съ переломомъ кости Гладышевъ, грамотный, знатокъ церковной службы, мужикъ и сидѣлка Ѳеклуша—пожилая, набожная женщина, воспитывающая безъ мужа въ гимназіи сынишку, и третье лицо—слушатель, высохшій въ щепку Фотьевъ, по профессіи бывшій шахтеръ. Фотьевъ раненъ пулей въ спину наискось. Одно отверстіе раны около ягодицы зажило, а другое, обнажавшее часть позвонка, не перестаетъ гноиться. Фотьевъ лежитъ неподвижно на одномъ боку уже другой годъ. У него никого нѣтъ: ни родныхъ, ни знакомыхъ; ни отъ кого онъ не получаетъ писемъ, да если бы и получалъ, все равно не могъ бы ни прочесть, ни отвѣтить—неграмотный. Была зима, лѣто, снова зима, много за это время перебывало въ лазаретѣ людей, а Фотьевъ все лежитъ и не знаетъ, когда будетъ конецъ этому лежанью. Отъ скуки онъ придумалъ себѣ занятіе: копить сахаръ. На сутки выдается три куска. Два онъ выпиваетъ съ чаемъ, а третій кладетъ въ мѣшочекъ и прячетъ подъ подушку. Иногда онъ этотъ мѣшочекъ вынимаетъ и слабой рукой начинаетъ пересчитывать сахаръ. Нѣтъ нужды, что куски пропитались іодоформомъ: вѣдь они живой, наглядный календарь его страданій: какъ кусокъ, такъ сутки, а этихъ сутокъ-кусковъ въ мѣшочкѣ свыше трехсотъ. Сторожъ Сергѣй не одинъ разъ скашивалъ глаза на подушку Фотьева.

Ѳеклуша съ Гладышевымъ поютъ „Не имамы иныя помощи". Склада большого въ ихъ пѣніи нѣтъ, но то чувство, съ которымъ они поютъ, искупаетъ недостатки этого пѣнія. Фотьевъ полузакрылъ глаза, подложилъ бѣлую, какъ высохшая березовая щепка, руку подъ голову и слушаетъ. Умилительно-грустный напѣвъ тянется куда-то далеко-далеко, тянется, какъ серебристая двойная нить (одна прядь этой нити потолще—басокъ Гладышева, другая тонкая, какъ стальная струна—голосъ Ѳеклуши), и хорошо мысленно брести вдоль этой нити. На пути рисуются ему картины прошлаго: мрачное сиротливое дѣтство, большой городъ Ростовъ, кабаки и ночлежки; черныя пасти угольныхъ шахтъ, непосильная каторжная работа, а потомъ мобилизація, земной адъ и огненная пчела, пригвоздившая къ койкѣ по сей день... Зачѣмъ жилъ, зачѣмъ остался жить человѣкъ? Не рѣшить, не додуматься Фотьеву. А Гладышевъ съ Ѳеклушей поютъ уже другое: „Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя". Ѳеклуша путаетъ слова, Гладышевъ перебиваетъ ее, останавливаются, начинаютъ снова, а Фотьевъ уже спитъ, и снится ему во снѣ та Владычица, кромѣ которой нѣтъ „иной помощи" „иной надежды".

Почти вся всенощная перепѣта. Гладышевъ умолкаетъ и смотритъ въ потолокъ, такъ похожій на снѣжное поле. Скучно лежать, а лежать, видно, еще долго: нога плохо срастается. Теперь бы розвальни да за дровами въ лѣсъ. Топоръ въ морозъ—что бритва, такъ и коситъ молоднякъ.

— Ну, разскажи, какъ тебя поранило,—говоритъ Ѳеклуша, облокотившись на подоконникъ и глядя въ даль на замерзшую рѣку: Ѳеклуша не одинъ уже разъ слыхала отъ Гладышева исторію его раненія, но ей снова хочется прослушать „захватывающій" разсказъ.

— Очень просто. Долго ли? Казенное имущество спасалъ,—отвѣчаетъ Гладышевъ такъ апатично, какъ будто это было не съ нимъ, а съ кѣмъ-то другимъ.—Я въ подвижномъ госпиталѣ ѣздовымъ былъ. Ну, приказали, значитъ, нашему госпиталю назадъ податься. Живымъ маneромъ собрались, уложились и гайда. А надо тебѣ сказать, ночь, темь,—хоть глазъ выколи, а къ тому же время осеннее. Ѣдемъ. Только на полдорогѣ—стопъ машина! Моя повозка, самая задняя (я отсталъ и взялъ маленько влѣво), возьми да и всадись въ какой-то овражекъ. Что ты тутъ будешь дѣлать? Насъ двое. Попробовали мы съ землякомъ подсобить лошади—чорта съ два! Сундукъ цинковый да и въ немъ все стальное, потому докторскій струментъ. А медлить нельзя,—австріецъ напираетъ. Товарищъ мой говоритъ: „отпрягемъ, говоритъ, лошадь и уѣдемъ верхомъ". А я говорю: „нѣтъ, имущества не брошу, жалко". Посуди сама: тамъ, можетъ, тысячъ на пятьдесятъ, да и дѣло важное, потому херургея. Это тебѣ не капусту для щей крошить. Однимъ словомъ, заупрямился, какъ чортъ. Не поѣду и только. Землякъ подумалъ, помялся, и все-таки сробѣлъ, ускакалъ,—заѣдай его лихоманка,—а я остался. Сижу на возу и жду,—авось, думаю, подъѣдетъ кто. И подъѣхали же, анаѳемы! Какъ зачали вливать! Мать честная! Долбануло меня осколкомъ—я такъ и остался на сундукѣ, въ родѣ какъ огородное пугало на жердинкѣ. А наутро наши санитары забрали меня вмѣстѣ съ сундукомъ. Для себя же, выходитъ, постарался: ногу-то этимъ самымъ струментомъ ковыряли.

— А какъ же ты къ австрійцамъ не попалъ, разъ, говоришь, ихнее наступленіе было?—спрашиваетъ Ѳеклуша.

— Антилерія наша подоспѣла. Не дали далѣе ходу.

— Страшно, небось?

— Всего было. А только ужъ такъ сотворенъ человѣкъ—ко всякому положенію привыкнуть можетъ...

Оба задумываются. Глухо, точно изъ-подъ спуда, доносится изъ монастыря вечерній благовѣстъ. Ѳеклуша крестится.

— Къ вечернѣ. То-то у насъ въ монастырѣ служба! Вотъ служба!—восторженно говоритъ она, зорко вглядываясь въ сторону монастыря, какъ будто видитъ тамъ сквозь стѣны эту необыкновенную службу.—А владыка! Слушаешь его и словно къ небушку возносишься. Однимъ словомъ, Господне благолѣпіе... Красота...

Зимнее солнце, едва-едва поднявшись до четверти небесной высоты, уже торопится на покой. Полнеба ярко пылаетъ холоднымъ золотомъ. Лиловыя и сизыя тѣни, все больше и больше вытягиваясь, ложатся по снѣжнымъ равнинамъ. Изъ окна коридора, выходящаго на югъ, открывается чудный видъ на городъ: дома, золоченыя луковки и кресты церквей, деревья въ инеѣ и дымящіеся трубы—все это въ ало-золотомъ свѣтѣ зари, точно причудливая восточная сказка, овѣянная сизымъ дымомъ куреній.

У этого окна, обнявшись, стоятъ двѣ сидѣлки Юля и Катя, совсѣмъ молоденькія дѣвушки, смотрятъ въ закатъ и тихо разговариваютъ.

— Знаешь, Юля, иной разъ мнѣ такъ становится его жалко, такъ жалко, прямо хоть бѣжи,—говоритъ Катя. Въ голубыхъ глазахъ дѣвушки отъ краснаго зарева заката точно по капелькѣ крови.

— Ну что же ты можешь сдѣлать? Ужъ, значитъ, такъ суждено,—утѣшаетъ подругу Юля.

Юля—бѣженка. Престарѣлые отецъ и мать ея гдѣ-то около Оренбурга, а она устроилась тутъ. Пишетъ родителямъ утѣшительныя письма, ухаживаетъ за больными и наивно ждетъ, что весной обязательно будетъ миръ, и можно будетъ вернуться домой, въ милую Ковенскую губернію.

— Бѣдный Румба,—шепчетъ Катя, склоняя голову на плечо подруги.—Никого у него нѣтъ. Умретъ на чужбинѣ, и, словно камень въ воду канулъ...

Іосифъ Румба—выходецъ изъ Галиціи. Онъ почти мальчикъ. По разсказамъ его, онъ—круглый сирота. Во время перваго наступленія русскихъ онъ присталъ къ одному нашему отряду, побывалъ въ Карпатахъ, служилъ за денщика у офицера, но однажды заблудился во время метели въ горахъ, отморозилъ ноги и былъ эвакуированъ въ Россію. Румба лежитъ въ отдѣльной палатѣ: отмороженныя ноги его, напоминающія теперь двѣ огромныхъ прѣлыхъ рѣдьки, издаютъ невыносимое зловоніе. Послѣдніе дни онъ все время безъ сознанія: водянка сдѣлала свое разрушительное дѣло. Три-четыре ложки микстуры, влитыхъ въ полуоткрытый ротъ, поддерживаютъ въ Румбѣ дотлѣвающую искорку жизни.

— Ну ужъ, такъ и умретъ. Богъ дастъ, живъ останется...

— А ты видѣла, какой онъ сталъ? Юля, скажи, ты любила кого-нибудь?

Юля молчитъ. Сегодня врачъ во время обхода сказалъ, чтобы завтра палату № 5, въ которой лежитъ Румба, продезин-

По когтямъ узнаетъ хищника. *Командующій батареей полковникъ N опредѣляетъ по осколкамъ разорвавшагося снаряда калибръ непріятельскаго орудія.*

фицировали. Ясно, что жить ему осталось всего нѣсколько часовъ. Юлѣ страстно жаль Румбу, жаль Катю, жаль всѣхъ, кому больно, всѣмъ бы она помогла, но что она можетъ? Что значитъ ея маленькая дѣвичья жизнь въ сравненіи съ необъятнымъ океаномъ общечеловѣческаго горя? Юлѣ отъ этой мысли даже жутко. Она крѣпко обнимаетъ руку подруги.

— Пойдемъ къ Румбѣ. Посмотримъ, какъ онъ...

Катя покорно слѣдуетъ за ней. Вспыхиваетъ электричество. Коридоръ точно вырастаетъ, раздается вширь и ввысь, но дѣлается короче. Вотъ навстрѣчу Сергѣй. Онъ только-что всталъ. Видъ у него помятый и заспанный. Въ волосахъ торчитъ какая-то пушинка.

— Гуяете?—картавитъ Сергѣй, струя сквозь нависшіе усы довольную улыбку. Сергѣй доволенъ, что хорошо поспалъ, и что скоро ужинать.

— Да, гуляемъ,—отвѣчаетъ Юля.

— Ну, гуяйте, а я пойду дьёвъ пьинесу...

Бой въ поднебесьѣ. *Навстрѣчу врагу.*

Выползаетъ изъ своей квартиры надзирательница Ольга Ивановна, за ней—хвостъ трубой—слѣдуетъ Васька. Котъ тоже, какъ и Сергѣй, съ нетерпѣніемъ ждетъ ужина, разсчитывая на хорошій кусокъ говядины.

Снова стучатъ ножи, миски и ложки. Кто живалъ въ лазаретѣ, тотъ знаетъ, какое это вноситъ оживленіе въ скучный, медленный темпъ лазаретной жизни. Чай, обѣдъ и ужинъ—только, въ сущности, и разнообразія. По смолкшимъ-было палатамъ снова загудѣли. Павлуша уже вооружился ложкой и ждетъ, когда принесутъ миску. Баторшинъ, по обыкновенію, шутитъ, словно и не бывало того времени, когда его еле живого въ теченіе мѣсяца поили молокомъ съ ложечки. Ужинаютъ, толпятся нѣкоторое время въ коридорѣ около квартиры надзирательницы, гдѣ хрипитъ граммофонъ, потомъ расходятся по мѣстамъ. Заботливая Ольга Ивановна, какъ дѣтей, укладываетъ своихъ питомцевъ пораньше.

А февральскій лунный вечеръ, все ярче и ярче рисуя вокругъ луны опаловое кольцо мороза, цвѣтетъ за окнами своей хризолитовой, безстрастной, какъ смерть, красотой и манитъ, манитъ куда-то и не даетъ забыться сномъ. Въ палатѣ № 12 особенно, повидимому, чувствительны люди къ этой холодной зимней красотѣ. Людей этихъ двое: одинъ студентъ, другой статистикъ мѣстнаго земства. Оба на испытаніи и живутъ во вспомогательномъ лазаретѣ, ожидая очереди, уже около мѣсяца. Они стоятъ на подоконникѣ и, открывъ форточку, сблизивъ головы, смотрятъ въ голубую лунную даль. За рѣкой ни звука ни тѣни, и сама рѣка спитъ въ хрустальномъ гробу, какъ сказочная царевна, ожидающая своего богатыря-избавителя.

— Какая тишь! Какая красота! И какъ хорошо думается!—говоритъ студентъ.

— Въ такую ночь можно уйти куда-нибудь въ поле, присѣсть на снѣгъ и застыть, какъ лунное изваяніе. Будешь сидѣть, а на тебя иней налипнетъ, а можетъ-быть, и снѣгъ къ утру пойдетъ, засыплетъ и—до весны...

Статистикъ—блѣдный безусый человѣкъ, въ своемъ желтомъ халатѣ похожій на выпь (и голосъ такой же низкій и глухой), вздыхаетъ и лѣзетъ въ карманъ за портсигаромъ.

— У васъ, Николай Ѳедоровичъ, удивительная склонность все въ мірѣ разрѣшать при помощи смерти.

— А развѣ смерть не госпожа жизни? Посмотрите, какъ она теперь распоряжается на нашемъ миломъ земномъ шарѣ.

— Не смерть распоряжается, а ею люди распоряжаются, это да,—возражаетъ студентъ. Онъ маленькаго роста, въ пенснэ, постоянно сползающемъ у него съ носа, и весь какой-то неспѣшный, вразвалку,—ходитъ, ѣстъ, думаетъ такъ, словно у него впереди цѣлая вѣчность: „успѣется, молъ“.—Да и нѣтъ, въ сущности, нѣтъ смерти-то. Есть только смѣна аналогичныхъ явленій...

— Парадоксальный парадоксъ. Жаль, что здоровье плохо, не доживу, а то я бы посмотрѣлъ, каковъ вы будете на своихъ собственныхъ похоронахъ. Впрочемъ, вотъ возьмутъ на войну... тамъ роли могутъ перемѣниться...

Но студентъ словно не слышитъ.

— Вотъ здѣсь, на этомъ вотъ самомъ лугу, когда-то была кровопролитная битва русскихъ съ татарами, продолжаетъ онъ. А теперь подобныя схватки происходятъ не на берегу Цны, а Днѣстра или Припяти, только не съ татарами, а съ нѣмцами...

— Ну, и что вы хотите этимъ сказать?

— А то, что и эта великая страшная война минуетъ, какъ и все въ мірѣ, и наши потомки, какъ вотъ мы теперь съ вами, будутъ приводить ее въ качествѣ историческаго факта для доказательства какой-нибудь теоріи. И, можетъ-быть, потомки эти будутъ до комизма похожи на насъ, и одинъ изъ нихъ такъ же, какъ я, будетъ учиться въ Юрьевскомъ университетѣ, а другой находиться въ подчиненіи у цифръ...

— Фантазеръ вы. Всѣ вы, словесники, такіе... Ну, скажите, пожалуйста. Вотъ сейчасъ тамъ, за нѣсколькими стѣнами отъ насъ, умираетъ Румба. Развѣ эта смерть не его смерть? И развѣ можетъ его жизнь повториться когда-нибудь при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, что теперь? Міръ каждую минуту новый. И мы съ вами въ слѣдующую секунду уже другіе.

— Но общее неизмѣнно. А, согласитесь сами, важно вѣдь только общее, какъ важенъ океанъ, въ который впадаетъ вотъ эта бѣгущая подо льдомъ рѣка. Будетъ океанъ, и рѣки будутъ. Есть жизнь въ мірѣ, нѣтъ смерти мѣста на землѣ. А явленія безусловно повторяются, какъ повторяется обмѣнъ океанской воды въ видѣ дождя и испареній.

— Ну, знаете, я бы такихъ повтореній, какъ эта война, не желалъ и въ будущемъ.

— А кто намъ съ вами можетъ рѣшительно сказать, что война—зло? Не были ли предыдущія войны кровавой купелью многихъ безсмертныхъ открытій, великихъ созданій литературы и искусствъ? А эта война! Вы, какъ статистикъ, знаете, какія, положимъ, цифры плѣнныхъ находятся у насъ, и сколько нашихъ пермяковъ да туляковъ гостятъ за границей. Что же, по-вашему, это пройдетъ безслѣдно? Нѣтъ, такая перетасовка многому научитъ народы. Враги у насъ, мы у нихъ кое-чему научимся, приглядимся попристальнѣе, какъ люди живутъ, вникнемъ поглубже въ жизнь. Господи! Да трудно сказать, что будетъ послѣ этой войны! Въ домѣ поставить новую мебель—и то какъ будто жизнь хозяевъ измѣнилась, а тутъ цѣлую Европу перекутыркнули... Если живы останемся, увидимъ...

Гдѣ-то въ глубинѣ коридора необычное движеніе: стучатъ, ходятъ, что-то берутъ. Статистикъ спрыгиваетъ съ подоконника, перебѣгаетъ залитую луннымъ свѣтомъ палату и отворяетъ въ коридоръ дверь. Сергѣй и Аннушка, что давеча зубоскалила съ Замятнымъ и Стрекачевымъ, несутъ куда-то носилки. Противъ палаты № 5 они останавливаются.

— Знаете, Румба умеръ,—говоритъ статистикъ сожителю, продолжающему стоять на подоконникѣ.

Студентъ оборачивается и, вѣроятно, не понявъ сказаннаго, восторженно восклицаетъ:

— Вы вотъ все каркаете: смерть, смерть... А развѣ эта вотъ самая рѣка останется вѣчно подо льдомъ? И развѣ вѣчно томиться въ этомъ лазаретѣ нашимъ милымъ раненымъ: Баторшину, Стрекачеву, Гладышеву и другимъ? Придетъ весна, вздуются воды, зазеленѣетъ даль, выѣдутъ на поля въ бѣлыхъ рубахахъ пахари. Ну-ка, жизнь, налаживайся на мирный ладъ! Запѣвайте, весенніе соловьи! Не все будетъ царствовать зима, не вѣчно длиться войнѣ... Жизнь побѣдитъ...

Студентъ тяжело, точно въ немъ вѣсу пудовъ девять, слѣзаетъ съ подоконника и идетъ въ коридоръ, гдѣ скрылся статистикъ.

А за окнами все свѣтлѣй, морознѣй и тише. Поля, лѣсъ, городъ—все спитъ подъ холодной снѣжной парчой, и какое дѣло этому спящему серебряному царству, что надъ замерзшей рѣкой въ лазаретѣ въ палатѣ № 5 лежитъ странно вытянувшійся стынущій предметъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ бывшій Іосифомъ Румба. Да, нѣтъ дѣла, но кому-то есть. Въ мірѣ есть одно существо, которое сейчасъ плачетъ, существо это—дѣвушка, и дѣвушка эта—сидѣлка Катя.

Что ожидается?

Очеркъ **К. Шумскаго.**

I.

Приближается періодъ большой весенней кампаніи, и въ связи съ этимъ вопросъ о томъ, гдѣ и на какомъ фронтѣ произойдутъ новыя, крупныя, быть-можетъ, рѣшительныя событія, продолжаетъ представлять наибольшій интересъ. Печать переполнена всевозможными версіями, при чемъ нетрудно замѣтить, что, въ концѣ концовъ, если считаться съ этими версіями, то наступленіе противника должно якобы произойти чуть ли не на всѣхъ фронтахъ войны.

Между тѣмъ, конечно, хорошо извѣстно, что двухъ или нѣсколькихъ главныхъ операцій не бываетъ вообще, а тѣмъ болѣе со стороны нѣмцевъ, чувствующихъ естественное ослабленіе силъ, можно ожидать крупныхъ операцій только на одномъ фронтѣ войны. Поэтому, учитывая обоснованность тѣхъ или иныхъ версій, мы, во всякомъ случаѣ, должны отдать предпочтеніе одной изъ нихъ, а не всѣмъ вмѣстѣ. При этомъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только предположительно, но отнюдь не опредѣленно и не категорически, а именно постольку, поскольку тѣ или иныя данныя обстановки подсказываютъ вѣроятность и выгоду для противника наступать на такомъ-то опредѣленномъ фронтѣ.

Въ одномъ изъ нашихъ предыдущихъ очерковъ (въ № 6 „Нивы“ с. г.) намъ пришлось говорить о версіи, имѣвшей одно время весьма большое распространеніе, — о „швейцарской версіи“, и мы могли видѣть, что данныя обстановки всецѣло говорятъ противъ якобы возможнаго нарушенія нѣмцами нейтралитета Швейцаріи. Это, конечно, не исключаетъ „абсолютно“ возможности нарушенія нѣмцами швейцарскаго нейтралитета, но исключаетъ постольку, поскольку нѣтъ вообще основаній предполагать, что противникъ совершалъ бы поступки, явно для себя невыгодные. Намъ уже приходилось отмѣчать, что всякаго рода стратегическія предположенія основываются на томъ, что со стороны противника ожидается, что онъ выберетъ для себя наиболѣе выгодную комбинацію: ибо, если предполагать, что противникъ будетъ дѣйствовать себѣ во вредъ, то такимъ путемъ можно лишь забрести въ непроходимыя дебри всякихъ необоснованныхъ догадокъ и болѣе всего уклониться отъ истинныхъ возможностей.

Между тѣмъ, еще не успѣла какъ слѣдуетъ „перевариться“ совершенно необоснованная „швейцарская версія“, какъ въ печати появилась уже новая версія—„голландская“. Въ голландскихъ газетахъ многозначительно указывалось, что нѣмцы усиленно сосредоточиваютъ войска на голландской границѣ, и что войска эти предназначены „не для наступленія на англо-французскомъ фронтѣ, а для наступленія въ совершенно иную сторону“. Неправдоподобность этой версіи была еще болѣе очевидна, нежели неправдоподобность „швейцарской версіи“.

Не говоря уже о томъ, что для нѣмцевъ, по многимъ причинамъ политическаго и экономическаго характера, нѣтъ расчета затѣвать войну еще и съ Голландіей, мы остановимся на той стратегической сторонѣ вопроса, которая дѣлаетъ совершенно невѣроятнымъ выступленіе Германіи противъ Голландіи въ настоящее время. Дѣло въ томъ, что нѣмцы, наоборотъ, скорѣе сами опасаются, при извѣстныхъ условіяхъ, движенія союзниковъ черезъ голландскую территорію. Въ томъ случаѣ, если расположеніе нѣмцевъ на западѣ будетъ сломлено, и союзники, занявъ Бельгію, продвинутся до линіи Рейна, нѣмцы сами считаютъ возможнымъ проходъ союзныхъ войскъ черезъ голландскую территорію. Они заявляютъ, что, такъ какъ линія рѣки Рейна весьма сильно укрѣплена хорошими крѣпостями, то союзники, по ихъ мнѣнію, не будутъ форсировать линію рѣки Рейна, а обойдутъ ее. Для обхода же единственный путь идетъ черезъ Голландію, гдѣ нижнее теченіе Рейна уже находится внѣ оборонительной системы рейнскихъ крѣпостей.

Такимъ образомъ, нарушеніе нѣмцами нейтралитета Голландіи трудно допустить уже по одному тому, что это дало бы полное основаніе союзникамъ воспользоваться въ будущемъ голландской территоріей для обхода сильнѣйшей оборонительной линіи Рейна, представляющей главную преграду для вторженія въ Германію съ запада. Поэтому и приходится отмѣчать, что „голландская версія“ еще менѣе обоснована, нежели „швейцарская версія“

II.

Кромѣ этихъ двухъ версій, въ печати по очереди появились версіи: „итальянская“, „русская“ и „французская“. Изъ нихъ особенно настойчиво подчеркивалась наиболѣе маловѣроятная, а именно- новое крупное наступленіе австрійцевъ въ Италію, аналогичное майскому наступленію 1916 г.

Маловѣроятность этой версіи находитъ себѣ всецѣло объясненіе въ томъ, что австрійскія силы слишкомъ недостаточны для того, чтобы вести сколько-нибудь серьезныя операціи одновременно на двухъ фронтахъ—на итальянскомъ и на нашемъ. Хорошо извѣстно, какъ дорого стоилъ австрійцамъ прошлогодній опытъ итальянскаго наступленія, закончившійся новымъ разгромомъ австрійской арміи на поляхъ Галиціи. Такіе разгромы безслѣдно не проходятъ, и мы могли въ этомъ убѣдиться хотя бы по тому, что бо́льшая часть австрійскаго фронта занята теперь германскими, турецкими и болгарскими войсками, вслѣдствіе недостатка австрійскихъ силъ.

Между тѣмъ за истекшій годъ войны австрійскій фронтъ удлинился, ибо прибавился румынскій театръ, и въ то же время силы Италіи продолжали возрастать, какъ вообще всѣ силы союзниковъ. На поддержку же германскихъ войскъ австрійцы могутъ разсчитывать все менѣе и менѣе, вслѣдствіе естественной убыли людского состава въ Германіи. Такимъ образомъ обстановка измѣнилась въ этомъ году для Австро-Венгріи къ худ-

Смерть врагу! *Англійскій офицеръ, мечущій ручную гранату.*

шему, и, если въ прошломъ году, при сравнительно лучшихъ условіяхъ, наступленіе австрійскихъ войскъ въ Италію закончилось пораженіемъ, то теперь австрійцы еще менѣе могутъ разсчитывать на достиженіе успѣха на итальянскомъ фронтѣ.

Наконецъ, итальянскій театръ по отношенію къ другимъ театрамъ является второстепеннымъ. Если даже допустить, условно, успѣхъ австрійцевъ на этомъ театрѣ, то онъ рѣшающаго значенія имѣть не можетъ: война къ окончанію не приблизится, и лишь силы австрійцевъ будутъ растрачены съ тѣмъ, чтобы ихъ оказалось еще менѣе на главныхъ фронтахъ войны.

Все это дѣлаетъ весьма маловѣроятной „итальянскую версію". Единственно, что можно предположить, это то, что австрійцы, сами опасаясь къ веснѣ удара итальянцевъ, предпримутъ какую-либо короткую активную операцію, чтобы избѣжать пассивной обороны. Другими словами говоря, со стороны австрійцевъ возможна лишь попытка активно обороняться на итальянскомъ фронтѣ, при помощи короткаго наступательнаго маневра, но совершенно невозможна какая-либо крупная наступательная операція, имѣющая цѣлью достиженіе въ Италіи крупныхъ стратегическихъ и политическихъ цѣлей.

На французскомъ фронтѣ. *Германскій товарный вагонъ съ патронами, въ который попалъ французскій снарядъ.*

III.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ упомянутыхъ выше трехъ версій остаются лишь версіи, имѣющія въ виду главные фронты: нашъ и англо-французскій. Относительно англо-французскаго фронта вначалѣ было мало слуховъ о возможности тамъ наступленія противника, и самые слухи носили характеръ далеко не категорическихъ завѣреній, какъ то можно было наблюдать по отношенію къ другимъ версіямъ. Лишь въ послѣднее время, повидимому, частью въ связи съ развитіемъ подводной войны, а частью съ нѣкоторыми маневрами, предпринятыми нѣмцами на западномъ фронтѣ, заявленія о возможности наступленія противника на англо-французскомъ театрѣ стали носить уже болѣе категорическій характеръ.

Въ Парижѣ. Дѣти войны. *Ясли для дѣтей работницъ, занятыхъ изготовленіемъ снарядовъ. Матери сдаютъ дѣтей на цѣлый день.*

7-го февраля исполнилась годовщина Вердена, отмѣченная рядомъ статей почти во всѣхъ органахъ союзной печати. Указывалось при этомъ, что, подобно тому большому удару, который нѣмцы намѣчали въ прошломъ году на западѣ, наступая у Вердена, надлежитъ ожидать, что и теперь противникъ заготовляетъ такой же ударъ, и весьма возможно, это будетъ послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ Германіи сломить сжимающее ее кольцо союзниковъ.

Извѣстный военный обозрѣватель „Таймса", полковникъ Репингтонъ однако высказался противъ возможности такого наступленія германцевъ на франко-британскомъ фронтѣ. Онъ считалъ такое наступленіе маловѣроятнымъ, во-первыхъ, вслѣдствіе горькаго для нѣмцевъ опыта Вердена и Соммы, а во-вторыхъ, потому, что моральное настроеніе Германіи уже не то, какъ въ 1916 году „до Вердена", и что на вторую такую попытку нѣмцы, по его мнѣнію, не пойдутъ. Онъ полагалъ, что задача германцевъ на англо-французскомъ фронтѣ будетъ собрать возможно большее число орудій, снарядовъ и людей, чтобы ихъ слабость тамъ была менѣе чувствительна. Наиболѣе же вѣроятной, по мнѣнію Репингтона, представляется попытка противника продолжать прерванное въ 1915 г. наступленіе въ Россію, со стороны которой, какъ выражался самъ Гинденбургъ, грозитъ наибольшая опасность.

Конечно, взгляды, высказываемые въ столь общей формѣ, хотя и представляютъ интересъ, но нуждаются въ подтвержденіи, основанномъ на болѣе реальныхъ данныхъ, нежели общія теоретическія предположенія. Намъ также представлялась маловѣроятной попытка новаго крупнаго наступленія на западномъ фронтѣ уже по одному тому, что опытъ всѣхъ предыдущихъ наступленій нѣмцевъ показалъ и полную невозможность для нихъ добиться успѣховъ на западѣ и исключительную трудность, которую представила бы въ этомъ случаѣ задача сломить сильно укрѣпленный фронтъ англо-французскихъ войскъ. Наши союзники достаточно подчеркнули свою способность оказывать сопротивленіе любого рода попыткамъ нѣмцевъ, и противникъ,

какъ мы знаемъ, потерпѣлъ на западѣ пораженіе и въ маневренной войнѣ (въ началѣ войны) и въ позиціонной войнѣ (Верденъ и Сомма). Въ то же время силы союзниковъ растутъ, въ особенности англичанъ, и, если до сихъ поръ нѣмцамъ не удалось за два съ половиной года войны достигнуть успѣха на западѣ, то теперь обстановка для нихъ измѣнилась къ худшему, и силы, которыя передъ ними стоятъ, во много разъ значительнѣе, чѣмъ раньше.

Однако, вполнѣ считаясь съ недостаточной убѣдительностью общихъ разсужденій, мы постараемся поискать отвѣтъ на вопросъ въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ конкретныхъ данныхъ, о которыхъ мы говорили выше, и прежде всего въ распредѣленіи силъ противника. Обращаясь къ распредѣленію непріятельскихъ силъ, мы, какъ это изложено будетъ ниже, увидимъ сразу разницу между тѣмъ распредѣленіемъ войскъ, которое замѣчалось у противника передъ весенней кампаніей 1916 г., и тѣмъ распредѣленіемъ войскъ, которое наблюдается нынѣ, передъ предстоящей весенней кампаніей 1917 г.

Въ прошломъ году, въ періодъ передъ весенней кампаніей, въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ, на западномъ фронтѣ было около 122 германскихъ дивизій. Что же касается нашего фронта, то въ прошломъ году, по исчисленіямъ того же полковника Репингтона, на восточномъ театрѣ находилось около 80—85 дивизій противника, изъ коихъ 45 дивизій германскихъ и 36—40 австрійскихъ. Какъ извѣстно, противникъ въ прошломъ году имѣлъ въ виду оборону на нашемъ театрѣ, чѣмъ объясняется оставленіе имъ на нашемъ фронтѣ всего 85 дивизій, что повело за собою второй разгромъ австро-германскихъ войскъ въ Галиціи. Если таково было расположеніе противника на двухъ главныхъ фронтахъ — нашемъ и англо-французскомъ въ прошломъ году, то въ нынѣшнемъ году полковникъ Репингтонъ насчитываетъ на англо-французскомъ фронтѣ нѣсколько большее число непріятельскихъ войскъ, а именно — 128 германскихъ дивизій. Это небольшое увеличеніе числа германскихъ дивизій—на 6 дивизій, конечно, не можетъ быть сочтено признакомъ того, что нѣмцы готовятъ тамъ новый „сокрушительный“ ударъ. Дѣйствительно, если въ прошломъ году нѣмцы имѣли на западномъ фронтѣ 122 дивизіи и потерпѣли полное фіаско въ своей попыткѣ большого наступленія на Верденъ, то, очевидно, для того, чтобы имѣть успѣхъ въ новомъ наступленіи, если таковое ими предполагается, они должны были бы увеличить число дивизій на западѣ не на 6 дивизій, а на нѣсколько десятковъ дивизій, а то и въ полтора раза. Кромѣ этого необходимо учесть то значительное усиленіе англійской арміи, о которомъ говорилось въ англійскомъ парламентѣ, гдѣ указывалось, что число англійскихъ войскъ возросло во Франціи до полутора милліоновъ. Это уже не тѣ 150 тысячъ англійскихъ войскъ, которыя имѣлись во Франціи въ началѣ войны, и не тѣ полмилліона англійскихъ войскъ, которыя имѣлись на западѣ въ періодъ Вердена. Это уже столь же колоссальная цифра дѣйствующихъ войскъ, какую мы наблюдаемъ у великихъ сухопутныхъ державъ. Она даетъ безъ малаго почти удвоеніе тѣхъ общихъ силъ союзниковъ по сравненію съ тѣми, которыя имѣлись на западѣ въ первый годъ войны.

Виконтъ Ушида, *новый японскій посолъ при Русскомъ Дворѣ, преемникъ маркиза Мотоно, много сдѣлавшаго для сближенія Россіи съ Японіей и нынѣ призваннаго на высшій постъ министра иностранныхъ дѣлъ.*

Отсюда ясно, что, если бы нѣмцы усилили свое прошлогоднее расположеніе на англо-французскомъ фронтѣ не на 6 дивизій, а на 12 и на 20, то и это едва ли сколько-нибудь компенсировало бы колоссальное усиленіе на западномъ фронтѣ нашихъ союзниковъ. Поэтому имѣется достаточно основаній утверждать, что то численное превосходство по отношенію къ силамъ союзниковъ, которое наблюдалось у нѣмцевъ въ прошломъ году и дало имъ нѣкоторое основаніе перейти въ наступленіе при помощи удара на Верденъ, нынѣ уже не существуетъ. Наоборотъ, число германскихъ войскъ по отношенію къ числу войскъ союзниковъ уменьшилось, и поэтому, при нынѣшнемъ соотношеніи силъ на западѣ, нѣтъ основаній ожидать новой попытки противника произвести большое наступленіе, не говоря уже вообще о трудности такого наступленія при тѣхъ условіяхъ позиціонной войны, которыя тамъ создались за два года.

Наконецъ, какъ справедливо замѣтилъ одинъ французскій генералъ, созданіе тѣхъ сильныхъ укрѣпленныхъ линій, которыя наблюдаются на западѣ, какъ бы указываетъ на намѣреніе обѣихъ сторонъ отгородиться другъ отъ друга, на нѣкоторое нежеланіе обѣихъ сторонъ вступить въ рѣшительную борьбу. Каждая сторона на западѣ считается съ силой другой стороны и, отгораживаясь отъ нея, этимъ какъ бы отказывается отъ рѣшительной схватки.

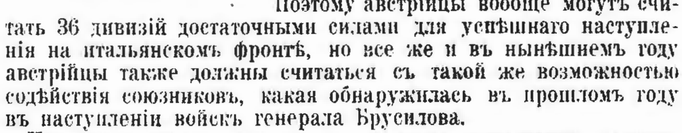
IV.

Если таково соотношеніе силъ на западномъ фронтѣ, то, обращаясь къ нашему фронту, полковникъ Репингтонъ въ нынѣшнемъ году, насчитываетъ уже не 80—85 дивизій, а 135 дивизій противника. Изъ нихъ полковникъ Репингтонъ насчитываетъ отъ Балтійскаго моря до Румыніи—106 дивизій (65 германскихъ, 39 австрійскихъ и 2 турецкихъ), а, далѣе, на румынскомъ фронтѣ онъ исчисляетъ число непріятельскихъ дивизій въ 29 (12 германскихъ, 11 австрійскихъ, 4 болгарскихъ и 2 турецкихъ),

Затѣмъ на македонскомъ фронтѣ насчитывается 12 дивизій (8 болгарскихъ, 3 германскихъ и 1 турецкая дивизія). Наконецъ, на итальянскомъ театрѣ—около 33 дивизій противника.

Такимъ образомъ, если расположеніе противника на западѣ не даетъ основаній ожидать возможности тамъ большого непріятельскаго наступленія, то расположеніе противника на остальныхъ фронтахъ войны уже имѣетъ нѣсколько иной смыслъ. Сначала отмѣтимъ, что 12 дивизій противника на македонскомъ фронтѣ, принимая во вниманіе численность сосредоточенной тамъ союзной арміи Саррайля, едва ли достаточны для обороны, и ни о какомъ наступленіи тамъ пока говорить не приходится.

Что же касается итальянскаго фронта, то въ прошломъ году, въ періодъ большого наступленія тамъ на австрійцевъ, на итальянскомъ фронтѣ находилось около 36—38 австрійскихъ дивизій. Въ январѣ же нынѣшняго года, какъ мы видѣли, на итальянскомъ фронтѣ находилось 33 дивизіи, т.-е. приблизительно то же число войскъ, что и въ прошломъ году. Въ данномъ случаѣ также надо предполагать, что, если въ прошломъ году 36 дивизій оказалось недостаточно для успѣшнаго наступленія австрійцевъ въ Италію, то 33 дивизіи, которыя имѣются у австрійцевъ на итальянскомъ фронтѣ въ нынѣшнемъ году, тѣмъ болѣе едва ли достаточны для наступленія. Правда, въ началѣ февраля сообщалось въ печати, что около 4 пѣхотныхъ дивизій съ конницей переброшены частью на итальянскій фронтъ, частью въ Эльзасъ, на французскій фронтъ. Однако усиленіе числа дивизій на 3—4, т.-е. доведеніе числа непріятельскихъ дивизій на итальянскомъ фронтѣ, примѣрно, до 36, даетъ ту же цифру непріятельскихъ войскъ въ Италіи, которую мы наблюдали въ періодъ прошлогодняго наступленія австрійцевъ на итальянскомъ фронтѣ.



Правда, нельзя не учитывать также и того обстоятельства, что 36 австрійскихъ дивизій, наступавшихъ въ прошломъ году въ Италіи, имѣли вначалѣ успѣхъ и затѣмъ потерпѣли неудачу, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ удара генерала Брусилова въ Галиціи. Поэтому австрійцы вообще могутъ считать 36 дивизій достаточными силами для успѣшнаго наступленія на итальянскомъ фронтѣ, но все же и въ нынѣшнемъ году австрійцы также должны считаться съ такой же возможностью содѣйствія союзниковъ, какая обнаружилась въ прошломъ году въ наступленіи войскъ генерала Брусилова.

Изъ этого можно видѣть, что и столь конкретныя данныя, какъ численность и группировка войскъ, также даютъ мало основаній разсчитывать на возможность наступленія противника на итальянскомъ фронтѣ. Одинаково и по отношенію къ итальянскому фронту можно сказать, что возможность наступленія противника здѣсь не исключена „абсолютно“, и лишь общія условія обстановки и расположенія силъ противника даютъ мало основаній отстаивать эту версію.

Наконецъ, на нашемъ фронтѣ число непріятельскихъ дивизій съ 80—85 въ прошломъ году возросло, какъ мы видѣли выше, до 135 въ нынѣшнемъ году. Это даетъ увеличеніе непріятельскихъ войскъ на нашемъ фронтѣ, по сравненію съ прошлымъ годомъ, на 60 процентовъ. Конечно, необходимо учесть при этомъ, что на восточномъ театрѣ у противника прибавился румынскій фронтъ. Однако, слишкомъ очевидно, что увеличеніе силъ противника на нашемъ театрѣ на 60 процентовъ произошло отнюдь не спеціально изъ-за румынской арміи, ибо послѣдняя не можетъ быть исчислена, какъ такой большой „привѣсокъ“ къ русскому фронту, какъ цѣлые 60 процентовъ.

Поэтому, если противникъ въ прошломъ году на нашемъ фронтѣ оборонялся, то теперь, увеличивъ здѣсь свои войска на 60 процентовъ, противникъ лишь часть этихъ силъ предназначилъ для компенсаціи того увеличенія войскъ, которое выразилось въ присоединеніи румынской арміи. Другая, большая часть новыхъ силъ противника, очевидно, предназначена имъ для какихъ-либо другихъ задачъ. И если въ прошломъ году противникъ съ 85 дивизіями оборонялся, то теперь, увеличивая свои

силы въ полтора раза, противникъ, весьма возможно, и намѣчаетъ большую наступательную попытку именно на нашемъ фронтѣ,—тѣмъ болѣе, что Гинденбургъ всегда утверждалъ, что „со стороны Россіи Германіи грозитъ наибольшая опасность“.

Конечно, это еще не основаніе утверждать категорически, что большое лѣтнее наступленіе противника произойдетъ непремѣнно на нашемъ фронтѣ. Можно лишь говорить, что общая обстановка, „склонность“ Гинденбурга къ русскому фронту, отсутствіе данныхъ, которыя указывали бы на возможность наступленія противника на другихъ фронтахъ войны, и, наконецъ, увеличеніе силъ противника на русскомъ театрѣ болѣе чѣмъ въ полтора раза,—дѣлаютъ наиболѣе вѣроятными изъ всѣхъ предположеній лишь тѣ, которыя намѣчаютъ возможность новой попытки противника перейти въ наступленіе на русскомъ театрѣ съ началомъ весны.

Незамѣтные герои фронта.

Герой-татаринъ.

Это было очень недавно. Наши войска непрестанно находились въ боевыхъ столкновеніяхъ съ турецкими сторожевыми постами. Это не были крупные бои, это не было нѣчто стратегическое, но это было тяжелое, безпокойное время. Приходилось напрягать всѣ усилія, чтобы преодолѣть не только стойкое сопротивленіе врага, но и силы природы: крутыя обледенѣлыя скалы, снѣжныя метели, морозы, доходящіе до сорока градусовъ,—вотъ та обстановка, въ которой приходилось нашимъ кавказскимъ частямъ совершать свое незамѣтное, но важное дѣло.

Объ атакахъ, которыя велись нашими кавказскими героями въ эти дни, мало кто знаетъ, но тѣмъ выше подвиги героевъ этой борьбы на орлиныхъ высотахъ. Особенно отличалась въ этихъ бояхъ наша, такъ называемая „стальная“ дивизія. Полки ея проявляли чудеса храбрости; каждый солдатъ дивизіи былъ героемъ. Трудно было бы сказать, кто изъ нихъ заслуживаетъ большей похвалы, если бы не свидѣтельство самихъ героевъ объ ихъ товарищахъ.

Особенно поразило всѣхъ геройство татарина - рядового Гильмадина Гильманова. Вотъ какъ объ его подвигѣ разсказываютъ товарищи.

Во время одной атаки, уже за проволочными загражденіями противника, осколкомъ разорвавшагося снаряда у Гильманова выбило изъ рукъ винтовку. Захваченный общимъ воодушевленіемъ и движеніемъ, Гильмановъ продолжалъ бѣжать впередъ, пока не натолкнулся на группу турокъ. Тѣ, замѣтивъ безоружнаго врага, кинулись на него.

Гильмановъ выдернулъ свою висѣвшую на поясѣ лопатку и, выждавъ моментъ, когда первый изъ нападавшихъ добѣжалъ до него, ловко отвелъ рукою штыкъ султанскаго гвардейца. Въ ту же минуту герой ударомъ лопаты раскроилъ черепъ турку. Воспользовавшись винтовкой убитаго, Гильмановъ застрѣлилъ второго непріятельскаго солдата, а затѣмъ заколол̃ъ еще двоихъ турокъ.

Въ очередь. *И. Ижакевичъ.*

Покончивъ дѣло съ первыми встрѣтившимися ему врагами, Гильмановъ бросился вновь впередъ и однимъ изъ первыхъ ворвался въ окопы противника. Здѣсь онъ дѣйствовалъ не менѣе энергично, сѣя вокругъ себя смерть при помощи ручныхъ гранатъ. Гильманову удалось убить и ранить еще нѣсколькихъ турокъ, обративъ въ бѣгство другихъ.

Затѣмъ герой вмѣстѣ со своей ротой пошелъ въ наступленіе на вторую укрѣпленную линію противника. Во время этой атаки Гильмановъ, оглушенный и контуженный разорвавшимся около него снарядомъ, потерялъ сознаніе, но, придя въ себя на перевязочномъ пунктѣ, онъ немедленно возвратился въ строй и занялъ мѣсто въ ряду защитниковъ завоеваннаго окопа.

Отличившагося героя-татарина немедленно представили къ наградѣ. Командиръ корпуса пожелалъ лично увидѣть его. Генералъ собственноручно надѣлъ молодцу на грудь Георгіевскій крестъ 3-й степени, поцѣловалъ Гильманова и благодарилъ за доблестную службу. Кромѣ того, за предшествовавшій бой Гильмановъ получилъ Георгіевскій крестъ 4-й степени и произведенъ командиромъ полка въ унтеръ-офицеры.

Вотъ какъ наши доблестные мусульмане отвѣчаютъ на призывъ своихъ единовѣрцевъ стать подъ зеленое знамя пророка. Русскіе мусульмане свято исполняютъ долгъ присяги, и беззавѣтно проливаютъ кровь за Россію наравнѣ съ прочими ея вѣрноподданными.

Полковникъ Г. П.

Содержаніе. **ТЕКСТЪ:**

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 38.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Весь настоящій нумеръ и значительная часть страницъ двухъ слѣдующихъ нумеровъ „Нивы“ были отпечатаны еще до наступленія новой эры государственной жизни Россіи.

Слѣдующіе нумера будутъ уже посвящены политическимъ событіямъ, переживаемымъ нашей родиной.

Надѣемся, что, съ возстановленіемъ нормальнаго хода работъ въ типографіи, выдача и разсылка 10-го и 11-го нумеровъ „Нивы“ послѣдуютъ въ скоромъ времени.

Новѣйшія моды.

№ 1. Шемизетка изъ вышитаго тюля.

№ 1. Шемизетка изъ вышитаго тюля отдѣлана такими же отворотами, окружающими воротъ и доходящими до самаго конца передковъ, гдѣ они слегка перекрещиваются. Края отворотовъ обшиты тюлевой рюшью и узенькой мѣховой полоской.

№ 2. Нарядный дамскій капотъ. Модель изъ крепдешиня; прямая юбка густо заложена круглыми складками вперемежку съ плоской складкой; къ лифу прикроенъ, почти сейчасъ отъ таліи, свободный рукавъ-кимоно, который оканчивается у локтя кружевнымъ воланомъ; по краямъ передковъ наложена отдѣлка въ видѣ драпированнаго фишю, изъ кремоваго шифона, обшитаго кружевнымъ воланомъ подъ ажурной строчкой.

Кушакъ изъ того же крепдешиня или изъ мягкой шелковой ленты.

Для этой модели очень идетъ густо-оранжевый или пунцовый крепдешинъ.

№ 3. Костюмъ для гулянья. Красивый костюмъ изъ мягкаго лазорево-голубого бархата съ отдѣлкой изъ выхухоля, которая окаймляетъ длинный прямой тюникъ, повторяясь на воротѣ и обшлагахъ прикроенныхъ широкихъ рукавовъ. Правый конецъ кушака, изъ той же матеріи, перекрещиваясь спереди, спускается на лѣвый бокъ юбки, гдѣ черезъ него перекинуты два конца,—одинъ коротк1й, другой длинный, и оба оканчиваются мѣховыми помпонами; по заднему краю боковыхъ складокъ юбки нашита группа обтянутыхъ бархатомъ пуговицъ. Шляпа изъ коричневаго бархата въ тонъ мѣховой отдѣлки.

№ 4. Шемизетка изъ кружева и шифона. Передки изъ наложеннаго вгладь кружева имѣютъ видъ жилета съ отложнымъ воротникомъ изъ такого же кружева; воротъ скошенъ. Боковыя части передковъ изъ шифона, зашитаго мелкими складочками; спинка гладкая.

Данныя у насъ двѣ модели шемизетокъ замѣняютъ, если ихъ надѣвать съ жакетомъ, блузку; точно также онѣ очень украшаютъ открытыя спереди блузки изъ шерстяной или какой-нибудь другой, непрозрачной, матеріи; самой простенькой блузкѣ такая шемизетка придаетъ нарядный видъ и дѣлаетъ ненужной всякую отдѣлку.

№№ 5—9. Костюмы для молодыхъ дѣвицъ отъ 16—18 л.

№ 5. Платье изъ шерстяного крепа; юбка заложена круглыми складками, которыя только на одну треть длины пристрочены по краямъ, а книзу распущены и только крѣпко наглажены; середина передника перерѣзана шелковымъ галуномъ болѣе темнаго тона; на бокахъ нашиты карманы, обрисованные по верхнему закругленному краю галуномъ, продолженнымъ до кушака изъ такого же галуна. Корсажъ-блузка отдѣланъ по краямъ перекрещенныхъ передковъ галуномъ и двумя группами пуговокъ, составляющими какъ бы продолженіе ряда такихъ же пуговокъ по срѣзанному краю кокетки, изъ-подъ котораго выступаютъ, какъ спереди, такъ и сзади, кончики, вышитые въ тонъ галуна по бѣлому шелку или бѣлому кашемиру; такая же отдѣлка на манжетахъ. Вышитые кончики можно замѣнить узорчатымъ шелкомъ.

№ 6. Костюмъ тальеръ изъ полосатаго шевіота—бѣлаго съ сѣрымъ. Съ приложеніемъ 8 выкроекъ въ уменьшенныхъ чертежахъ, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ:

Фиг. 1. Передъ жакета.
„ 2. Половина спинки.
„ 3. Половина воротника.
„ 4. Верхняя половина рукава.
„ 5. Нижняя половина рукава.
„ 6. Карманъ.
„ 7. Половина переда юбки.
„ 8. Половина зада юбки.

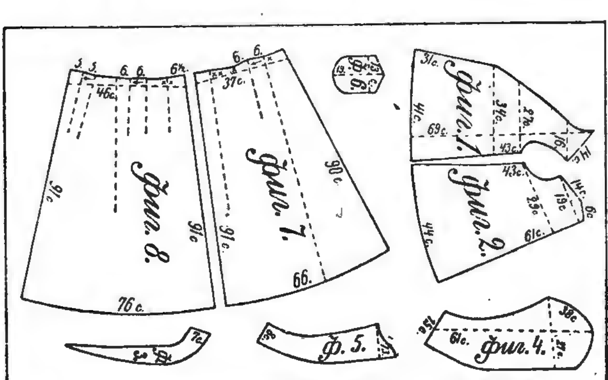
Юбка состоитъ изъ четырехъ полотнищъ и имѣетъ четыре шва: два на бокахъ, посерединѣ переда и посерединѣ зада; боковые швы должны приходиться подъ складками, которыя до половины длины юбки пристрачиваются по краямъ, а книзу остаются свободными и только наглаживаются. Жакетъ свободно стягивается въ таліи кушакомъ изъ той же матеріи, протянутомъ на передкахъ черезъ нашитыя сверху петли; концы кушака остаются свободными или перекидываются спереди одинъ черезъ другой. Никакой отдѣлки, кромѣ трехъ пуговицъ для передней застежки и по одной пуговицѣ на карманахъ. На рукавахъ строчка обрисовываетъ прямой обшлагъ.

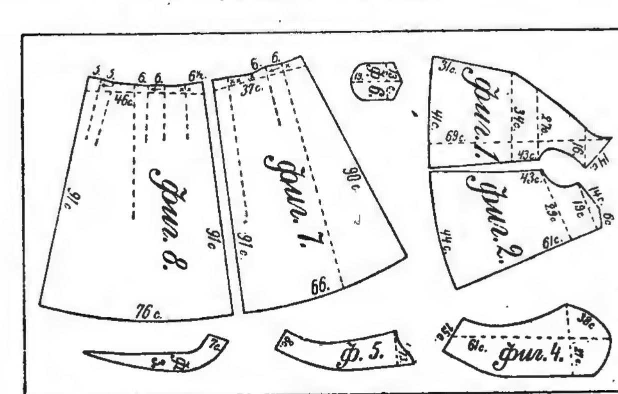
№ 7. Тальеръ изъ синяго шевіота діагональ. Юбка въ четыре полотнища; жакетъ съ рукавомъ въ стилѣ Регланъ; кушакъ изъ той же матеріи, отороченный чернымъ галуномъ, охватываетъ только спинку, останавливаясь на бокахъ въ видѣ паттъ, прикрѣпленныхъ группой изъ трехъ пуговокъ. Прямая застежка на четыре пуговицы большого размѣра съ прометанными петлями; скошенный воротъ гарнированъ отложнымъ чернымъ бархатнымъ воротникомъ. Всѣ контуры обрисованы галуномъ.

№ 8. Платье изъ мелко-клѣтчатой матеріи голубой съ бѣлымъ. Блузка, пришитая къ юбкѣ, вмѣстѣ съ этой послѣдней, застегивается внутренней застежкой на лѣвомъ боку; вся линія застежки украшена для вида двойнымъ рядомъ пуговицъ съ шнурочными перетяжками. Прямой рукавъ съ высокой манжетой-митенью, отдѣланной группой пуговицъ съ шнурочными перетяжками, скошенный воротъ открываетъ батистовую шемизетку съ отложнымъ воротникомъ, обшитымъ кружевомъ; такая же манжета; узкій драпированный кушакъ изъ той же матеріи.

№ 9. Платье изъ коричневаго кашемира. Это совсѣмъ простое платье назначается для школы. Никакой отдѣлки, кромѣ пуговицъ на рукавной манжетѣ и посерединѣ передковъ; на этихъ послѣднихъ онѣ нашиты въ два ряда. Бархатный или лакированный кушакъ съ пряжкой. Воротникъ и манжеты полотняные или батистовые.

№ 2. Нарядный дамскій капотъ.





№ 3. Костюмъ для гулянья.

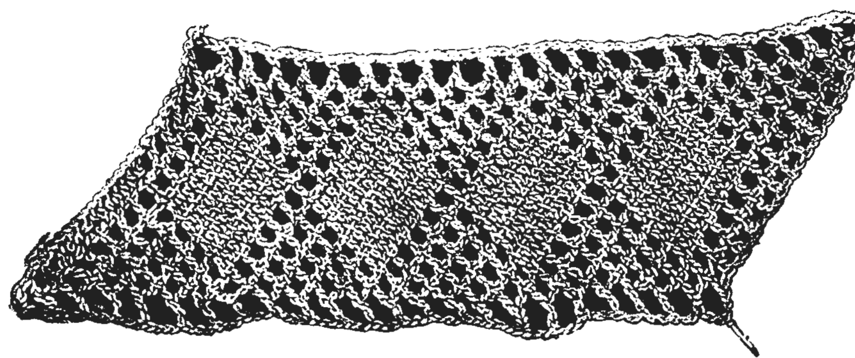
№ 4. Шемизетка изъ кружева и шифона.

№№ 5—9. Костюмы для молодыхъ дѣвицъ отъ 16—18 лѣтъ.
Къ № 6 приложены 8 выкроекъ въ уменьшенныхъ чертежахъ, съ обозначенiемъ размѣровъ въ сантиметрахъ.

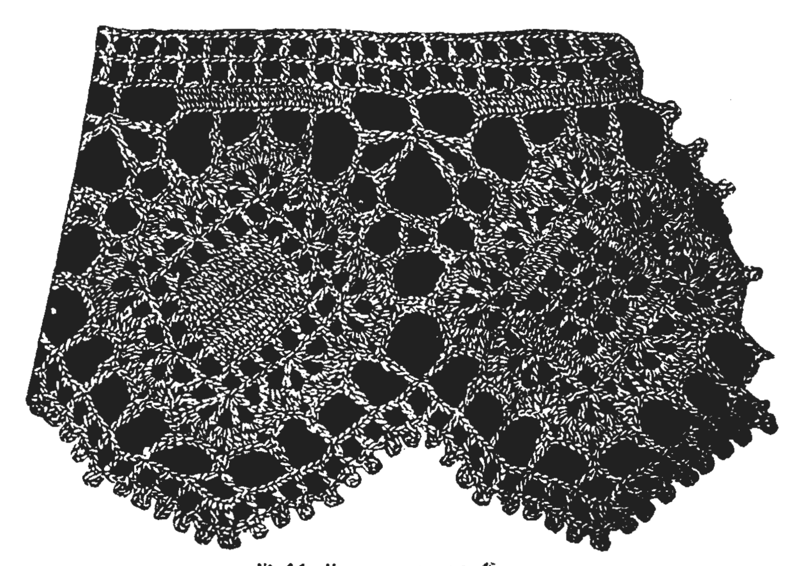
Дамскія рукодѣлія.

№ 10. Прошивка въ тамбуръ. Вязанiе идетъ косыми рядами, не переворачивая работы, въ родѣ тунисскаго вязанья. Начинаютъ съ накидки въ 26 воздушныхъ петель, 5 воздушныхъ петель на поворотъ къ первому ряду. Для 13 прозрачныхъ квадратиковъ вяжутъ въ первомъ ряду (отъ правой руки къ лѣвой) по 1 воздушной петлѣ и по 1 столбику черезъ петлю начальнаго ряда. Въ концѣ ряда дѣлается пятерной столбикъ (накидывая на крючокъ три раза), который берется въ 4 петлю пятернаго столбика предыдущаго ряда, а въ началѣ ряда каждый разъ во второй столбикъ предыдущаго ряда, отчего и получается косое направленiе рядовъ. Окончивъ рядъ, опять проводятъ работающую нитку къ началу, къ правой рукѣ, продергивая нитку черезъ двѣ петли, какъ въ тунисскомъ вязаньѣ.

№ 11. Кружево въ тамбуръ. Это кружево состоитъ изъ отдѣльныхъ квадратовъ, которые вяжутся каждый отдѣльно и соединяются пико. Квадратъ съ прозрачной серединой начинаютъ съ 12 петель накидки и вяжутъ четыре ряда клѣточекъ по 2 воздушныхъ петли. Образовавшiйся квадратъ обвязывается кругомъ столбиками, по 13 съ каждой стороны; между каждымъ рядомъ, въ углахъ, вяжутъ по 5 воздушныхъ петель; затѣмъ обвязывается еще два ряда вокругъ квадрата, какъ показываетъ рисунокъ, на которомъ отчетливо видна каждая петля. Середина другого квадрата, состоящая изъ столбиковъ, также начинается съ 12 петель. Когда все нужное число квадратовъ, смотря по желаемой длинѣ кружева, будетъ связано, верхнiй край обвязывается еще 4 долевыми рядами, а по нижнему вяжется 2 долевыхъ ряда съ пико.



№ 10. Прошивка въ тамбуръ.



№ 11. Кружево въ тамбуръ.

Вегетарiанскiй рецептъ.

Котлеты изъ фасоли. Отварить бѣлую фасоль въ соленомъ кипяткѣ до мягкости, слить лишнюю воду и хорошенько размять фасоль; между тѣмъ поджарить ложку муки съ двумя ложками масла и съ луковицей, положить въ фасоль, хорошенько смѣшать все вмѣстѣ, прибавивъ одно или два сырыхъ яйца. Изъ приготовленной массы надѣлать небольшихъ котлетъ и поджарить съ обѣихъ сторонъ. Подавать съ салатомъ изъ красной или изъ бѣлой шинкованной капусты, или съ салатомъ изъ маринованной свеклы.

Артистическое заведенiе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданiе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 9. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ**.

Выданъ 4 марта 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на ½ года—7 р., на ¼ года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 г.

Предчувствіе войны въ творчествѣ Н. К. Рериха.

(Съ 6 рис. на стр. 129—132).

Нѣкоторые истинные художники (все равно, будетъ ли то ваятель или живописецъ, поэтъ или музыкантъ) несутъ въ своей душѣ нѣкій даръ, нѣкое горѣніе, назвать которое точно очень трудно—назовемъ его хотя бы предчувствіемъ, духовнымъ зрѣніемъ... Душа такого художника живетъ не по тѣмъ же законамъ, что и наша, ея „ткань“ болѣе чувствительна не только къ формамъ матеріальнымъ, но и къ вліяніямъ и вѣяніямъ духовнымъ.

Одного такого художника знаетъ и современность—мы говоримъ о Николаѣ Константиновичѣ Рерихѣ.

Вотъ уже четверть вѣка, какъ онъ „ушелъ“ въ свою древнюю, чудесную страну. Затворился въ ней, погрузился весь въ таинственный міръ, гдѣ все движется по своимъ законамъ, и насельники его не таковы, „какъ всѣ“, и дѣла ихъ—не человѣческія дѣла. И съ силой истинно-видящаго, художникъ заставляетъ насъ вѣрить въ его страну, даже больше, заставляетъ прельститься ею, восхититься всею жизнью ея, заставляетъ отдать ей наше удивленіе и нашъ восторгъ.

Тамъ цвѣтутъ безкрайнія зеленыя долины со студеными сѣро-серебристыми озерами, подымаются великія горы, проходятъ тяжелые караваны солнечныхъ и влажныхъ облаковъ, мѣрнымъ строемъ набѣгаютъ волны на золотые прибрежные холодные пески. Тамъ по синимъ водамъ плывутъ красногрудыя ладьи, по небу пролетаютъ облачныя дѣвы, на зеленыхъ холмахъ залегли бурые медвѣди послушать игреца на жалейкѣ, а на берегу спокойныхъ водъ юноши бьютъ перелетныхъ лебедей, златокудрая царевна томится въ кольцахъ пламеннаго змія... и въ сумерки таинственныя сходбища древнихъ, незнаемыхъ людей—курганнаго народа... Много лѣтъ посвятилъ Рерихъ воспѣванію этого чудеснаго, ему открытаго міра, и много создано имъ отличныхъ картинъ, завоевавшихъ ему видное мѣсто въ современной русской живописи.

Но вдругъ этотъ мѣрный, широкій, ясный и въ своей тайнѣ потокъ нарушается, его теченіе становится безпокойнымъ, и въ его текучемъ зеркалѣ предстаютъ новыя видѣнія, грозныя и непонятныя.

Такъ, въ 1912 г. художникъ пишетъ „Мечъ мужества“—пламенный стражъ приноситъ къ воротамъ великаго, вознесшагося на горѣ зàмка, объятаго покоемъ и тишиной (у вратъ спитъ лѣнивый дозоръ), мечъ мужества, ибо скоро наступятъ сроки, когда онъ будетъ нуженъ... Тогда же художникомъ созданъ и „Ангелъ послѣдній“, сурово стоящій среди клубящихся огненныхъ облаковъ надъ великой землей, надъ всѣми ея городами, рѣками и горами, пылающими въ великомъ безысходномъ

Ангелъ послѣдній.

пожарѣ... Образы страшные и далекіе тогда.

Въ слѣдующемъ году Рерихъ пишетъ „Крикъ змія" — среди великихъ сумрачныхъ горъ, спокойныхъ изначальной тишиной, проснулся змій и, поднявъ голову, посылаетъ къ свѣтлымъ небесамъ жуткій, тревожный крикъ... Это словно предупрежденіе о бѣдѣ... Во всѣхъ этихъ трехъ картинахъ нельзя не видѣть нѣкоего яснаго предчувствія, нѣкоего яснаго символа тѣхъ страшныхъ событій, что вскорѣ должны были обрушиться на міръ. Всѣ знаютъ, какъ неожиданны были они, какъ непредвидѣнно подошла великая гроза, какимъ спокойнымъ днемъ жило человѣчество до самой минуты ея прихода.

Тѣмъ знаменательнѣе и таинственнѣе эти необъяснимыя предчувствія въ твореніи Рериха.

Съ началомъ 1914 г. эти настроенія все настойчивѣе и настойчивѣе, все тверже и опредѣленнѣе завладѣваютъ воображеніемъ художника. Онъ создаетъ одно за другимъ нѣсколько близкихъ другъ другу полотенъ.

Сначала „Короны", гдѣ въ окруженіи пустынной прекрасной страны клянутся на мечахъ три короля, а надъ ними, вверху, розовѣютъ три легкихъ облачныхъ короны... Чудится клятва сильная, кровная и неразрывная...

Затѣмъ художникъ видитъ „Градъ обреченный" — беззащитное, хрупкое человѣческое гнѣздо окружено великимъ зміемъ, и нѣтъ выхода, нѣтъ спасенія...

„Градъ обреченный" переходитъ въ „Зарево"—городъ уже объятъ огнемъ, подъ его нашествіемъ склоняется все, гибель и уничтоженіе на его пути, въ ярости кроваваго пламени погибаетъ міръ...

И наконецъ, какъ завершеніе этого жуткаго цикла, художникъ даетъ „Дѣла человѣческія" — градъ разрушенъ, отъ всего его строенія остались только немногіе, слабые и жалкіе, камни, и люди съ печалью и страхомъ взираютъ на нихъ.

Таковы видѣнія, представшія передъ смущеннымъ взоромъ художника въ послѣдніе дни мира и тишины.

19-го іюля 1914 г. показало—увы!—всю ихъ истинную пророчественность, ихъ предшествованіе событіямъ...

И, странно, какъ только разразилось то, что съ такою ясностью и настойчивостью предрекалъ Рерихъ, такъ сразу его душа освободилась отъ этихъ образовъ, сразу вернулась на свой прежній путь: передъ нимъ предстали снова его издавна любимые, издавна знакомые образы.

Такъ, въ 1916 году онъ создалъ три прекрасныхъ картины: „Три радости", въ которой художникъ вспоминаетъ народное преданіе о счастливомъ хозяинѣ, у котораго святой Илья рожь зажинаетъ, святой Егорій коней пасетъ, а святой Никола коровъ пасетъ, „Св. Пантелея Цѣлителя", весеннимъ солнечнымъ вѣтренымъ утромъ на богатомъ лугу собирающаго цѣлебныя травы, и „Николу", въ лѣтній ясный день вышедшаго изъ храма на зеленый лугъ посмотрѣть, все ли спокойно и тихо на землѣ.

Крикъ змія. *Н. Рерихъ.*

Короны. *Н. Рерихъ.*

Дѣла человѣческія. *Н. Рерихъ.*

Въ этомъ новомъ устремленіи художника, въ этихъ новыхъ замыслахъ его, хотя и находящихся въ большомъ согласіи и преемственности съ его прежними работами, также нельзя не видѣть опять-таки нѣкоего предчувствія, нѣкоего символа того, къ чему придетъ человѣчество, изстрадавшееся, измученное, потерявшее многія изъ своихъ сокровищъ, — въ свѣтлый Божій міръ, подъ святое покровительство неба вернутся усталые, потерпѣвшіе многое, путники.

С.

Рядовой Николаевъ.

(Сильна, какъ смерть).

Повѣсть **П. Н. Краснова.**

(Продолженіе).

III.

Рота капитана Яковлева была особенной и рѣзко отличалась отъ другихъ ротъ полка. За ней тянулись, ей подражали другіе ротные командиры, но достигнуть того щегольства въ пріемахъ, той „ноги" на маршировкѣ, той бойкости, развязности, того, что называется въ войскахъ „пулеватости" солдатъ, никто не могъ. Въ шутку называли ее гвардейской, лейбъ-гвардіи третьей ротой. И въ бою она была первая. Первая кидалась въ атаку, послѣдняя уходила, а когда сѣрымъ стадомъ гнали германцевъ, то можно было съ увѣренностью сказать, что въ плѣнъ ихъ взяла третья или, какъ говорили шутя, „лейбъ-третья" рота.

И сами солдаты этой роты серьезно считали, что они особенные, а капитанъ ихъ заговоренный. Почему они особенные— они не вдумывались и не разбирались, часто про себя даже роптали, что, когда у другихъ былъ отдыхъ, ихъ гоняли на ученье, и дулись на излишнюю, по ихъ мнѣнію, требовательность молодого капитана.

А былъ онъ очень требовательный. Въ грязныхъ, залитыхъ водою, заплывшихъ жидкой глиной, полныхъ мышей и лягушекъ, окопахъ онъ требовалъ, чтобы солдаты были всегда вымыты, по формѣ коротко острижены, имѣли бравый видъ, бойко отвѣчали, ремни амуниціи имѣли туго подтянутыми и сапоги вычищенными. Каждый солдатъ пополненія, являвшійся къ нему, въ первый же день получалъ пару погонъ съ отчетливо напечатаннымъ нумеромъ полка, а его шинель, рубаха, шаровары, фуражка, или папаха — глядя по времени года, иногда даже сапоги подвергались сначала жестокой начальнической критикѣ, а потомъ поступали къ ротному портному,

Градъ обреченный. *Н. Рерихъ.*

шапочнику, сапожнику и выходили отъ нихъ „офасоненными" такъ, какъ носятъ въ третьей ротѣ. И отъ этого его рота имѣла свое „лицо", и, надо отдать справедливость, это лицо было весьма и весьма благообразное.

— Почему,—говорилъ онъ своимъ офицерамъ, фельдфебелю, унтеръ-офицерамъ, или самому провинившемуся,—мы должны ходить грязно одѣтыми, а нѣмцы такіе чистенькіе и аккуратные? Развѣ нѣмцы лучше насъ? Да они намъ и въ подметки не годятся! Мало мы ихъ били, что ли? Да вѣдь мы, чортъ возьми, русскіе! Не такъ, что ли, Сиволдаевъ?

И Сиволдаевъ сконфуженно бормоталъ: „такъ точно", но отходилъ съ переродившейся душой и съ твердымъ желаніемъ стать тѣмъ особеннымъ русскимъ, русскимъ съ большой буквы „Р", о которомъ немолчно твердилъ Яковлевъ, и перестать быть небрежной распустехой съ девизомъ: авось, небось и какънибудь.

Иногда, въ товарищеской бесѣдѣ кто-либо изъ офицеровъ начиналъ доказывать ему, что побѣда не въ нумерочкѣ же на поежели увидитъ роту, выведенную на смѣну въ окопы въ нечищенныхъ сапогахъ, или неправильно одѣтыхъ фуражкахъ, или увидитъ на комъ-либо длинные, запущенные, лохматые волосы.

— Да вы,—закричитъ онъ,—кому роту на смотръ ведете? Небось, корпусному или начальнику дивизіи облизали бы раньше, нежели вывести, а Господу Богу на великій страшный смотръ смерти можно вести кое-какъ? Не взыщетъ, молъ, за это. Смотрите еще, какъ взыщетъ-то! Руку вывернетъ, а то и голову свернетъ.

Распустехи, олухи, неряхи, „михрютки", прибывавшіе съ командами пополненія, живо исчезали. Однихъ шлифовала, выправляла сама среда „лейбъ-третьей", и они перерождались, другіе заболѣвали, эвакуировались, переводились на нестроевыя должности, исчезали изъ бравой роты. Да такіе и шли къ нему неохотно. Слова капитана Яковлева шли за предѣлы его роты, и на разбивкѣ всякими правдами и неправдами михрютки, облѣнившіеся запасные „устраивались" въ другія роты.

Каждый поступавшій въ третью долженъ былъ имѣть какой-либо талантъ. Сама рота этого требовала. Безталанныхъ не при-

Зарево. *Н. Рерихъ.*

гонахъ, печатаніи съ носка при отданіи чести и лихомъ съ вывертомъ ружейномъ пріемѣ.

— Во всемъ-съ!—рѣзко отвѣтитъ Владиміръ Петровичъ и такъ взглянетъ гордо увѣренно, что у собесѣдника и охота спорить пройдетъ.

Числомъ рядовъ его рота была самая маленькая, количествомъ славныхъ дѣлъ, боевыхъ трофеевъ, забранныхъ плѣнныхъ самая большая. Потерь въ его ротѣ было всегда меньше, нежели въ другихъ, какъ-то само сказывалось суворовское правило: „тяжело на ученіи, легко на походѣ".

А на ученіи у него временами бывало и очень, очень тяжело. Онъ училъ всегда. Встрѣтитъ своего солдата, небрежно отдавшаго ему честь, и начнется ученье, поправка, разговоръ—гдѣ бы это ни было. Иногда въ обстрѣливаемой артиллеріей противника деревнѣ, гдѣ люди жмутся за домами, онъ гоняетъ провинившагося минутъ десять взадъ и впередъ, пока не добьется безупречнаго пріема.

Люди его боялись страшно, но и любили. Онъ не билъ, не наказывалъ почти никогда, не было случая, чтобы онъ предалъ солдата суду, онъ только требовалъ исполненія до мелочей каждаго правила военнаго устава.

— Почему, государь мой,—выговаривалъ онъ какому-либо молодому прапорщику, или рядовому изъ интеллигентовъ,—часовой гдѣ-либо у уѣзднаго казначейства, или у дома губернатора въ струнку стоитъ и честь отдаетъ и „все порученное его надзору" свято охраняетъ, не спитъ, не дремлетъ, глазами ѣстъ пространство, словомъ, молодчикъ да и только, а тотъ же часовой на форту и шинель распустилъ, и винтовку отставилъ, и дремлетъ, клюя носомъ. Первый охраняетъ какія-нибудь десятки тысячъ рублей или стоитъ для почета, а второй охраняетъ жизнь сотни людей, болѣе того—охраняетъ честь своего полка, честь русскаго знамени!..

Или вдругъ накинется на своего субалтерна, или фельдфебеля,

знавала. Взводный унтеръ-офицеръ, ефрейторъ пытали новичка, что умѣетъ. Грамотенъ — хорошо, не грамотенъ—все-таки что-либо ты знаешь, что-либо умѣешь. Ну, пѣсни играй, или на гармошкѣ... Не знаешь? Пляши. И плясать не умѣешь? Ну хотя что-либо да ты знаешь, чѣмъ-либо парнишкой да занимался... И у каждаго что-либо да находилось. Одного долго пытали—ничего не знаетъ. Извелся весь взводъ. „Да не можетъ того быть, чтобы такъ-таки ничего ты и не умѣлъ".

— Ничего, дяденьки, ей-Богу, правда! И тятька меня за то билъ, и мамка ругала. Ну, ей же ей, ничего.

Призадумался весь взводъ. Каждый что-либо дѣлалъ. Были художники, были пѣвцы, стихотворцы, гармонисты, сапожники, прачки, плясуны, каждый что-либо дѣлалъ либо на пользу, либо на потѣху товарищамъ. А этотъ вотъ ничего. Да не можетъ того быть.

— Ну по праздникамъ-то ты что-либо дѣлалъ? Или весной до полевыхъ работъ? Не все же скотину пасъ?

— Птицъ ловилъ,—скромно потупясь, заявилъ новичокъ.

Весь взводъ такъ и загудѣлъ одобрительно.

— Птицъ ловилъ, ахъ, ты! Чтобъ тебѣ! Поди, и клѣтки дѣлалъ?

— Дѣлалъ и клѣтки.

— Ты какъ же, на манку, на петлю, или клеемъ?

— Голосомъ подманивалъ на петельку.

— Ну и молодчина! Чего же ты не признавался?

— Не признавался-то чего? Да я думалъ, что вамъ надо что-нибудь военное. А это жъ такъ, пустяки.

— Пустяки! У нашего командира, знай, пустяковъ нѣтъ. Лови птицъ.

И въ ротѣ, да что въ ротѣ, въ полутемномъ блиндажѣ окопа защелкали клесты, засвистали снѣгири, сладко запѣла малиновка, зачирикали чижики.

Большое удовольствіе ротѣ доставилъ этотъ никчемный птицеловъ. Какъ жалѣла его рота, когда его въ бояхъ на Стыри

Церковь въ Костромѣ. *В. Плотниковъ.*
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ".

убили. Когда хоронили его, сосѣдъ принесъ на могилу всѣхъ птицъ, что наловилъ птицеловъ, и выпустилъ ихъ на волю. Летите, молъ, молитесь передъ Творцомъ за его святую душу. И долго и штабсъ-капитанъ и солдаты смотрѣли на отвыкшихъ летать, опьянѣвшихъ отъ воли пташекъ, пестрой стаею усѣвшихся на ближнемъ деревѣ и, торопливо перекликаясь, совершавшихъ свой туалетъ передъ свободнымъ полетомъ на розыски родного лѣса. И слезы были на глазахъ всего взвода.

И отъ этого вся рота была точно одна хорошая дружная семья, вѣчно веселая, никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не унывавшая. Молодецкая третья рота.

Ее всѣ знали. До командира корпуса включительно. И когда требовалось что-либо трудное, отвѣтственное, свыше говорили, какъ бы совѣтуя: „пошлите-ка третью. Она сдѣлаетъ"...

И она дѣлала.

Капитанъ Яковлевъ твердо вѣрилъ въ особую общую душу толпы. Вѣрилъ въ флюиды, излучаемые человѣкомъ, передающіеся на разстояніе и способные вліять на толпу, покорять ее. Не вполнѣ ясно представлялъ онъ себѣ все это, хотя и читалъ по этому поводу спеціальныя книги, увлекался „Темными силами" Ладыженскаго, но вѣрилъ, что что-то есть, и что извѣстнымъ напряженіемъ воли можно сдѣлать такъ, что будетъ „едино стадо и единъ пастырь", что его воля до мелочей будетъ передаваться его ротѣ. И такъ муштрой и воспитаніемъ, непрерывными ученьями онъ создавалъ свою молодецкую роту, молодецкую не только по внѣшнему виду, но и по своей боевой работѣ. Роту особенную.

Впрочемъ, и самъ онъ былъ человѣкъ особенный. И не каждому удалось бы сдѣлать то, что онъ дѣлалъ. Онъ былъ сыномъ небогатыхъ, но очень образованныхъ родителей, людей передовыхъ. Какъ всѣ передовые люди конца прошлаго вѣка, и его отецъ, образованный военный, бывшій артиллерійскій офицеръ, потомъ офицеръ генеральнаго штаба и профессоръ одной изъ Академій, не устоялъ противъ вѣяній времени, отрицалъ пользу военной службы, свысока относился къ кадетамъ, считая ихъ недоучками, а про строевое пѣхотное дѣло говорилъ: „sal métier".

Сына онъ отдалъ въ классическую гимназію. Мечталъ видѣть въ немъ профессора, математика, или естественника, знаменитаго разрѣшеніемъ какихъ-либо новыхъ проблемъ, или неутомимаго излѣдователя странъ, отыскивающаго новые виды растеній, животныхъ, насѣкомыхъ.

Онъ поощрялъ дачные поиски своего сына съ сѣткой изъ зеленой марли, съ жестянкой для растеній, поощрялъ его пытливыя наблюденія за тѣмъ, какъ гусеница прячется въ куколку, а куколка обращается въ бабочку.

И въ то же время не разъ зимними вечерами его сѣдая голова склонялась вмѣстѣ съ темно-русой головкой сына надъ стихами Гомера или Овидія, и въ плавномъ, непонятномъ ему скандированіи греческихъ и латинскихъ стиховъ съ условными удареніями старый профессоръ военной исторіи видѣлъ особую красоту и умилялся до глубины души, проникая въ самую толщу древняго классическаго міра.

Но, сказался ли тутъ атавизмъ, и передалась юношѣ Володѣ боевая солдатская душа его дѣда по отцу, или душа его матери, петербургской нѣмочки, въ которой нѣмецкаго были лишь ея фамилія, бѣлокурые волосы, аккуратность да сладостное умиленіе передъ всѣмъ военнымъ, или такъ Богу было угодно, но, вопреки уговорамъ отца, сынъ ушелъ изъ шестого класса гимназіи въ кадетскій корпусъ, съ твердымъ рѣшеніемъ сдѣлать своею карьерой „sal métier"—поступить въ пѣхоту.

Отецъ не стѣснялъ его воли. Было это ему очень больно. Крушеніе его идеаловъ, его мечтаній, но, проповѣдуя свободу, любя и признавая право человѣка свободно избирать свою профессію, онъ ничего не сказалъ, и самъ, благодаря своимъ связямъ, облегчилъ и ускорилъ переходъ сына изъ гимназіи въ корпусъ.

Гимназія съ ея латинскимъ и греческимъ языками, съ ея extemporalia, съ ея свободой развила умъ и волю Яковлева. Корпусъ, а потомъ военное училище дисциплинировали ихъ, а также развили и сдѣлали ловкимъ и гибкимъ его тѣло.

Незадолго до войны Яковлевъ прошелъ курсъ офицерской гимнастической школы, передъ войною былъ начальникомъ полковой учебной команды, собирался поступить въ авіаціонную школу, но война помѣшала. Уже въ августѣ 1914 года, послѣ жестокихъ, но и славныхъ боевъ, въ которыхъ полкъ потерялъ убитыми и тяжело ранеными командира полка и больше половины офицеровъ, молодой штабсъ-капитанъ Яковлевъ принялъ на законномъ основаніи третью роту, за боевыя отличія попалъ въ капитаны, за выслугу лѣтъ уже представленъ въ подполковники и вотъ второй годъ командуетъ славною третьей ротой.

Два бога. („Старый богъ" Германіи и Богъ всего человѣчества). *В. Берингеръ.*
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ".

Башня Потоцкихъ въ г. Летичевѣ, Подольской губ. (XV вѣка). *Д. Жудинъ.*
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ".

Его отецъ былъ космополитомъ. Онъ мечталъ о времени, когда всѣ народы станутъ братьями и будутъ говорить на одномъ языкѣ. Онъ былъ западникомъ, преклонялся передъ Наполеономъ, Фридрихомъ, Морицемъ Саксонскимъ, Евгеніемъ Савойскимъ. къ русскому военному искусству относился свысока, профессора Масловскаго, провозгласившаго его, считалъ утопистомъ. Благоговѣлъ передъ Клаузевицемъ, послѣднее время увлекался Бернгарди, нѣмцевъ считалъ превыше всего... Иногда въ душѣ какъ будто стыдился, что онъ русскій—варваръ.

Мать, напротивъ, до слезъ обижалась, когда ее за ея фамилію, за бѣлокурые волосы, за тонкій носъ и за тонкія губы называли нѣмкой. Лютеранской кирки она не посѣщала. Ее коробили тамъ и напыщенныя рѣчи пастора и то, что ей, съ музыкальнымъ слухомъ и недурнымъ голосомъ, всякій могъ прямо въ ухо пѣть псалмы, подтягивая не въ тонъ органу. Она почитала иконы, сама засвѣчивала въ спальной лампаду передъ ликомъ Спаса, ходила въ близлежащую церковь и ставила свѣчи передъ образомъ Богородицы. Передъ всѣмъ русскимъ она благоговѣла, испытывая чисто-священный трепетъ передъ великою Россіею и ея Царемъ.

И вотъ эта-то маленькая, худенькая, хорошенькая, какъ фарфоровая статуэтка, скромная петербургская нѣмочка, гимназистка по образованію, безъ всякихъ курсовъ занималась сама со своими пятерыми дѣтьми. Она учила ихъ складывать пальцы для молитвы, она терпѣливо долбила съ ними и самыя молитвы, и красотамъ великаго русскаго языка учила ихъ еще до гимназіи ихъ мама—по крови нѣмка, по религіи лютеранка.

И сынъ выросъ русскій. Безъ квасного патріотизма, безъ самохвальства, безъ лишней заносчивости, но съ такою глубокою вѣрою въ великое будущее Россіи, съ такою страстною къ ней любовью, что всѣ, кто сходился съ нимъ, проникались этимъ страстнымъ обожаніемъ Россіи.

У отца, почти атеиста, равнодушнаго къ вопросамъ религіи и вѣры, у матери-лютеранки выросъ глубоковѣрующій сынъ, православный по духу, тонкій знатокъ всей обрядовой стороны православной церкви, прекрасный церковный пѣвчій.

И наружностью онъ былъ русскій. Какъ пошла бы къ нему боярская шапка, или колпакъ рынды, или стрѣлецкая шапочка, какъ строенъ былъ бы онъ въ русскомъ кафтанѣ съ перехватомъ у тальи, съ юбкой со сборками сзади!

Какъ хорошъ онъ былъ и теперь въ фуражкѣ набокъ, сидящей на вьющихся кудряхъ, въ русской косовороткѣ, съ кителемъ поверхъ, разстегнутымъ на груди, съ нагайкой въ рукѣ среди своихъ пѣсенниковъ. И пѣлъ онъ хорошо. Пѣлъ пѣсни русскія, живыя, не нѣмецкія, золотыя, удалыя, молодецкія!..

Онъ былъ женатъ. Женитьба его была увлеченіемъ молодости, чистою первою любовью, зародившеюся подъ пѣніе соловья въ тѣнистой аллеѣ цвѣтущей сирени, при пряномъ благоуханіи бѣлой акаціи и отдаленныхъ звукахъ полкового оркестра, игравшаго тоскливый вальсъ „Березку".

Были первые поцѣлуи чистой и простенькой провинціальной барышни, дочери мѣстнаго чиновника, были первыя клятвы. Ужъ очень хорошъ былъ молодой подпоручикъ и очень свѣжа Наталья Павловна. Она такъ радостно выбѣгала къ нему навстрѣчу, когда онъ приходилъ къ нимъ на домъ, такъ наивно откровенно поднимала спереди юбочку, спускаясь съ лѣстницы и показывая упругія ножки въ фильдекосовыхъ чулочкахъ и кончики панталонъ съ самодѣльными кружевцами. И вѣяло отъ этихъ встрѣчъ такою чистою непосредственностью, такою невинностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ жаромъ пылали ея пухлыя, какъ у ребенка, щечки, такъ мило, бантикомъ, складывался ея ротикъ, а пышная грудь въ порывистомъ дыханіи такъ и рвалась изъ тонкаго покрова простенькой кофточки съ кисейными прошивками, что и у болѣе цѣломудреннаго юноши закружилась бы голова, а подпоручикъ Яковлевъ былъ далеко не святой.

Конечно, будь онъ болѣе опытнымъ, менѣе честнымъ, онъ легко сумѣлъ бы сорвать цвѣтокъ невинности, сдѣлать одной несчастной дѣвушкой въ гарнизонѣ больше, и конецъ. Свобода осталась бы за нимъ.

Въ плѣнъ. XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ". *И. Владиміровъ.*

Но она ему нравилась своею непосредственностью. Притомъ онъ даже и въ чинѣ подпоручика трезво смотрѣлъ на вещи и считалъ семью для себя обязательной. Онъ любилъ дѣтей, такъ какъ выросъ среди своихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ, и самъ мечталъ быть отцомъ. Притомъ молодому влюбленному сердцу показались поэтичными и фильдекосовые чулки, заштопанные въ пяткѣ, и скромныя блузки съ дешевыми валансьенами, а сквозящая сквозь нихъ на шейкѣ золотая цѣпочка крестика заставляла трепетать молодое сердце. Онъ едва дождался 23 лѣтъ, сдѣлалъ предложеніе и женился.

Проза жизни наступила на другое же утро послѣ свадьбы. Его Наташа лежала на постели, курила папироску и пѣла жиденькимъ фальшивымъ голоскомъ:

Не уходи, побудь со мною,
Здѣсь такъ отрадно и свѣтло!

За занавѣской чирикала ея канарейка, а рядомъ за перегородкой денщикъ съ шумомъ накрывалъ на столъ.

Изъ школы. XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ". *Ѳ. Сычковъ.*

Вмѣстѣ съ семейнымъ счастьемъ въ жизнь Яковлева ворвалась и вся грязь бѣдной казарменной жизни. Наташа показала себя во-всю очень скоро. Она стала „офицершей". По пальцамъ высчитывала, когда она будетъ „штабсъ-капитаншей", когда „командиршей", лежала цѣлыми днями въ капотикѣ на кушеткѣ и кушала шоколадныя конфеты. Это, по ея мнѣнію, было идеаломъ жизни офицерской жены. Курила тонкія папиросы и лѣниво читала приключенія Шерлока Хольмса. Иной литературы она не признавала.

Вечеромъ, нарядившись насколько можно, она шла въ кинематографъ или, смотря по погодѣ, кокетничала съ офицерами въ собраніи, или городскомъ саду.

Это она называла „флёртовать". Она „обожала" пиво и игру въ лото и способна была переставлять шашки или выкликивать нумера отъ сумерекъ до утренней зари.

Къ счастью, черезъ годъ у нея родилась дочь. Маленькая Алюся поглотила ее всю, и мать изъ нея вышла хорошая, а заботы о маленькой, ея кормленіе отвлекли ее отъ „флёрта" съ молодежью гарнизона и спасли семейное счастье поручика.

Еще черезъ годъ она попала въ Петроградъ съ мужемъ, поѣхавшимъ въ гимнастическую школу, и оттуда вернулась съ особымъ тономъ и шикомъ и говорила не иначе, какъ: „у насъ въ Петроградѣ", „когда мы были въ Петроградѣ", „это у меня изъ Петрограда".

Дома пѣли канарейки, шипѣло и пригорало подогрѣваемое на плитѣ молоко для Алюси, пахло стиркой, утюгами, и расплывшаяся Наталья Павловна, въ разстегнутомъ японскомъ, но сшитомъ гарнизонною портнихою, кимоно, лежала на кушеткѣ, командовала денщикомъ, или еще болѣе фальшивымъ голосомъ, чѣмъ раньше, напѣвала:

Какъ чайкѣ охотникъ, шутя и играя,
Онъ юное сердце навѣки разбилъ...

Немудрено, что поручика Яковлева все болѣе и болѣе тянуло въ роту, а потомъ въ учебную команду, и что за нимъ такъ прочно устанавливалась репутація образцоваго служаки.

Война захватила Алюсю на шестомъ году.

Наталья Павловна сейчасъ же послѣ мобилизаціи умчалась къ дядѣ, торговцу скобянымъ товаромъ, въ Нижній-Новгородъ, и большого патріотизма на проводахъ полка и мужа не проявила.

Это огорчило Яковлева. Огорчило его еще и то, что она не сказала ему словъ спартанской матери — „или со щитомъ, или на щитѣ", не перефразировала ихъ по-русски — или съ крестомъ, или подъ крестомъ. Но куда ей было, когда отъ всей исторіи у нея осталось одно воспоминаніе, что учитель ея — душка, и что „исторія мидянъ темна". Пелопоннесъ она путала съ Пенелопою, а про Пипина Короткаго думала, что это или костюмъ, или просто неприличное слово.

Огорчало Яковлева еще и то, что у него не было сына. Но, родивъ и нѣжно полюбивъ дочь, Наталья Павловна тѣмъ не менѣе категорически заявила, что довольно, и „больше вамъ дѣтей не будетъ!"

Такова была семья Яковлева, таковъ былъ самъ Яковлевъ, командиръ лихой „лейбъ-третьей" роты, въ которую въ званіи рядового попалъ волею судебъ Терентій Николаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Сестрица“. *Г. Свѣтлицкій.*
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ“.

Гансъ-Эмиль-Адольфъ.

Разсказъ **Пьера Милля.**

„Гансъ, бѣдный Гансъ, навѣрное былъ счастливѣе, когда назывался Эмилемъ!“

Такъ думалъ про себя Гансъ Випперманъ, рядовой 5-го Померанскаго полка. Трудно было бы подѣлиться этимъ размышленіемъ съ другими; онъ былъ совершенно одинъ на большой дорогѣ, заваленной обломками—слѣдами отступленія его армейскаго корпуса послѣ битвы при Уркѣ. Подобно всѣмъ своимъ товарищамъ, Гансъ въ первые мѣсяцы войны, въ началѣ сентября, былъ вполнѣ увѣренъ въ скоромъ вступленіи въ Парижъ; но у него было больше причинъ, чѣмъ у остальныхъ, радоваться этому. Пять лѣтъ прослужилъ онъ лакеемъ въ кафе „Робинзонъ“ близъ Со, тамъ, гдѣ на одномъ изъ старыхъ каштановъ, окаймлявшихъ дорогу, виднѣлась вывѣска, на которой былъ изображенъ прекрасный Робинзонъ съ попугаемъ на плечѣ.

Призванный съ перваго же дня мобилизаціи, онъ былъ отправленъ, какъ запасный, съ 5-мъ Померанскимъ полкомъ, и надѣялся, какъ и вся Германія, на недолгую и побѣдоносную кампанію; особенно же онъ радовался тому, что въ одно прекрасное утро явится къ владѣльцу „Робинзона“, въ своей остроконечной каскѣ, щегольскихъ сапогахъ, во всей своей рыжей кожаной амуниціи,— но на этотъ разъ уже въ качествѣ господина положенія, внушающаго почтительный страхъ.

Сколько, бывало, пилъ и ѣлъ патронъ! И какъ поживится онъ, Гансъ, насчетъ патрона!—„Эмиль!“—воскликнетъ пораженный владѣлецъ „Робинзона“.—„Нѣтъ, не Эмиль, а Гансъ Випперманъ, рядовой 5-го Померанскаго полка. Почтительнѣе, пріятель!“ Патронъ вытянется въ струнку и будетъ прислуживать ему, прислуживать по первому его мановенію, съ салфеткой подъ мышкой. Гансъ уже составилъ себѣ меню...

Но, вмѣсто того, чтобъ прійти кружнымъ путемъ въ Версаль и въ „Робинзонъ“, нѣмцы стали отступать! Гансъ слишкомъ хорошо зналъ окрестности Парижа, чтобы не отдать себѣ въ этомъ отчета раньше своего фельдфебеля, а, можетъ-быть, и самого лейтенанта. И такъ какъ онъ былъ утомленъ, и отрядъ его умиралъ съ голоду, а начальство, по мѣрѣ того, какъ ухудшалось положеніе, становилось все высокомѣрнѣе и строже, Гансъ воспользовался своимъ основательнымъ знаніемъ французскаго языка, чтобъ продѣлать отступленіе въ одиночествѣ: — рѣшилъ уйти въ сторону отъ дороги. Внѣ пути разбитыхъ армій легче было найти то, чего онъ искалъ.

Его надежда оправдалась: вскорѣ его глазамъ представилась красивая вилла, въ полутора верстахъ отъ большой деревни, удобно расположенная на лѣсистомъ холмѣ, надъ тихой рѣчкой, окаймлявшей садъ,—большой англійскій садъ, по своимъ размѣрамъ скорѣе паркъ. И, къ величайшему счастью, вилла была покинута! Точно въ волшебныхъ сказкахъ... Дверь рѣшетки была отперта; въ нижнемъ этажѣ было настежь открыто окно... Гансъ влѣзъ въ него и оказался въ бильярдной залѣ. Оба шара, бѣлый и красный, лежали еще на суккнѣ; кіи покоились въ ящикѣ: домъ не былъ даже разграбленъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше напоминало волшебную сказку: въ буфетной Гансъ обнаружилъ присутствіе большого, круглаго, начатаго, немного твердаго хлѣба и нѣсколько коробокъ съ консервами; въ погребѣ — почтенный запасъ бутылокъ и кучу картофеля. Первой заботой его было приготовить себѣ, скромно и благоразумно, маленькую закуску.

Утоливъ голодъ и жажду, Гансъ пустился въ дальнѣйшіе поиски. Нетрудно было найти комнату хозяина дома: она была несомнѣнно лучшая, въ первомъ этажѣ, съ уборной. Со вздохомъ удовольствія Гансъ снялъ сапоги. Потомъ скинулъ куртку и брюки. Его навело на мысль принять ванну: печка была въ полной исправности, онъ ее затопилъ и принялъ ванну.

Въ ту минуту, какъ онъ укладывался спать, пришлось выбирать между ночной рубашкой и шелковой „пижамой“: ящики большого комода между двухъ оконъ были полны богатѣйшей одеждой и бѣльемъ. Онъ выбралъ пижаму, какъ болѣе удобную, и спокойно и крѣпко уснулъ.

На слѣдующее утро Ганса разбудило пѣніе птичекъ. Кругомъ было тихо и поэтично, а главное—и это доставило ему больше всего удовольствія—безлюдно. Гансъ снова принялъ ванну,—это развлеченіе можно было доставлять себѣ вдоволь,—надѣлъ свою рубашку изъ грубой ткани и брюки. Но когда пришлось надѣвать сапоги, онъ вздохнулъ: какъ они были тверды, изношены, грязны! Насколько эти туфли, здѣсь, подъ кроватью, мягче и удобнѣе! Онъ сунулъ ноги въ туфли...

Остальное пришло само собой: двадцать минутъ спустя Гансъ переодѣлся въ одну изъ хозяйскихъ рубашекъ, шелковые носки, брюки изысканнаго покроя, лѣтній, необыкновенно изящный жилетъ и домашній пиджакъ изъ плотной голубой ткани. Гансъ вытащилъ даже изъ него портсигаръ, еще наполовину набитый гаваннами, и два-три письма, адресованныя на имя г. Адольфа Лепика.

— Адольфъ Лепикъ!—сказалъ себѣ Гансъ.—Шикарное имя!

Эти письма давали ему нѣкоторое соціальное положеніе. Онъ быстро рѣшился наполнить чемоданчикъ цѣнными и не тяжелыми вещами, пойти въ деревню, нанять тамъ повозку, выдавая себя за несчастнаго бѣженца изъ разоренныхъ провинцій, и скрыться въ Парижѣ, гдѣ онъ надѣялся вывернуться... Но прежде всего надо позавтракать: спѣшить ему некуда, а домъ хорошъ.

Это промедленіе привело къ развязкѣ, которая показалась Гансу ужасной: отрядъ, цѣлый отрядъ стрѣлковъ, безшумно подошелъ къ рѣшеткѣ, проникъ внутрь и принялъ предосторожности на случай нападенія, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по окнамъ.

Гансъ Випперманъ былъ пойманъ! Пойманъ, точно мышь въ мышеловку! Первымъ движеніемъ его было отчаяніе, смѣшанное съ огорченіемъ: онъ чувствовалъ себя такъ близко къ спасенію! Но усиліемъ воли онъ снова восторжествовалъ надъ обстоятельствами. Онъ самъ открылъ двери дома и поспѣшилъ къ рѣшеткѣ:

— Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Франція!

Его воздѣтыя къ небу руки и восхищенная физіономія дышали искренностью. Въ командовавшемъ отрядомъ лейтенантѣ не возникло подозрѣнія.

— Вы домовладѣлецъ?

— Да, г. лейтенантъ: я—Адольфъ Лепикъ. Хозяинъ дома—Адольфъ Лепикъ. Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Франція!

— Вамъ, вѣроятно, не легко пришлось?—сказалъ лейтенантъ.

— Нѣтъ, г. лейтенантъ, я не видѣлъ ни одного пруссака, но мои слуги бѣжали, они испугались и бросили меня... Ну что жъ! Вы здѣсь: да здравствуетъ Франція! Весь домъ въ вашемъ распоряженіи... Не хотите ли принять ванну?

— Сударь,—сказалъ растроганный лейтенантъ,—позвольте сказать вамъ: съ тѣхъ поръ, какъ мой отрядъ снова перешелъ въ наступленіе, я впервые встрѣчаю радушный пріемъ! О!.. Я видалъ добрыхъ французовъ, но вы—лучшій изъ нихъ!

— Видите ли,—отвѣтилъ сердечно Гансъ,—это оттого, что я живалъ въ Германіи. Я знаю нѣмцевъ: всѣ они—грубіяны! Особенно офицеры... О, г. лейтенантъ, эти офицеры!

Они обнялись.

II.

Въ немъ не сомнѣвались. Онъ рѣшительно и безъ труда былъ принятъ побѣдителями, какъ г. Адольфъ Лепикъ, рантье и домовладѣлецъ, французъ доброй закваски, французъ неоспорный!

чувство безопасности, о которой нѣсколько минутъ назадъ онъ едва смѣлъ мечтать, слегка опьянило его, преисполнило его дешевымъ благородствомъ,

— Весь домъ къ вашимъ услугамъ!—сказалъ онъ лейтенанту стрѣлковъ.—Устраивайтесь, какъ хотите; размѣстите, гдѣ угодно, вашихъ людей! Вотъ ключи отъ погреба: въ немъ есть еще нѣсколько добрыхъ бутылокъ. Пожалуйста, пожалуйста! Не стѣсняйтесь!.. Да здравствуетъ Францiя!

Лейтенантъ хотѣлъ выдать ему реквизицiонные боны: Гансъ съ достоинствомъ объявилъ, что это безполезно, что онъ ни за что не согласится взять что-либо отъ своихъ спасителей,—спасителей Францiи! Онъ обезумѣлъ отъ радости, а также отъ гордости: офицеръ говорилъ съ нимъ, какъ съ равнымъ, съ нимъ, Гансомъ Випперманомъ. Офицеръ настаивалъ на томъ, чтобы онъ оставилъ за собою свою комнату, прекрасную комнату въ первомъ этажѣ.

— И вашъ кабинетъ, сударь, рядомъ съ залой: онъ навѣрное нуженъ вамъ.

Такимъ образомъ Гансъ воцарился въ рабочемъ кабинетѣ г. Адольфа Лепика, возсѣдая передъ письменнымъ столомъ г. Адольфа Лепика, окруженный бумагами, письмами, договорами объ арендной платѣ,—всѣми подлинными документами, помогавшими ему принимать обликъ г. Адольфа Лепика,—окруженный всеобщей симпатiей. Онъ слышалъ, какъ солдаты говорили, что онъ—шикарный хозяинъ: именно то, что онъ самъ подумалъ о г. Адольфѣ Лепикѣ въ прошлую ночь.

Это доставило ему удовольствiе и навело на размышленiя, подобающiя его новому положенiю: ставъ французскимъ рантье, онъ былъ близокъ къ тому, чтобы дѣйствительно почувствовать себя французомъ, ощутить, что новая нацiональность пустила въ немъ корни въ тотъ моментъ, какъ ему свалилось съ облаковъ новое счастье.

„Я былъ Гансомъ,—думалъ онъ.—Дѣйствительно, когда-то, очень давно, жилъ въ Германiи бѣднякъ, по имени Гансъ Випперманъ. Потомъ я былъ лакеемъ въ кафе—Эмилемъ: это было уже лучше! Францiя—хорошая страна! Я сталъ снова Гансомъ, чтобъ дѣлать переходы по пятьдесятъ километровъ, подвергаться обстрѣлу изъ 75-мм. орудiй. Тяжелыя воспоминанiя. Теперь мое имя — Адольфъ Лепикъ, моя жизнь превосходна. Я хочу только одного—остаться Адольфомъ Лепикомъ до самой смерти".

Такъ размышлялъ онъ, прогуливаясь по большой аллеѣ, обсаженной платанами. Къ нему присоединился лейтенантъ стрѣлковъ.

— Что,—сердечно сказалъ ему Гансъ, указывая на одинъ изъ прекрасныхъ платановъ, со стволами въ бронзовыхъ и молочно-бѣлыхъ крапинкахъ,—у нихъ, у „бошей", нѣтъ подобныхъ!

Лейтенантъ разсыпался въ похвалахъ его владѣнiямъ.

Такъ прошло восемь дней, восемь безоблачно счастливыхъ дней. Отряды слѣдовали за отрядами и встрѣчали все такой же прiемъ. Гансъ питался теперь солдатскимъ „пайкомъ", такъ какъ у него провизiя была исчерпана: какъ не отблагодарить за широкое гостепрiимство этого сердечнаго человѣка, такъ кротко переносившаго неизбѣжныя маленькiя поврежденiя въ его хозяйствѣ: деревья, срубленныя на костры для варки пищи: стекла, разбитыя неловкимъ солдатомъ! Ганса не переставали благодарить, и эти выраженiя благодарности зародили въ изобрѣтательной головѣ его новую идею.

— Полно, не благодарите меня! Это вполнѣ естественно, я пожертвовалъ всѣмъ, что у меня есть здѣсь: я думалъ, что „боши" ничего не оставятъ. И въ моментъ вашего прибытiя я собирался уѣхать отсюда... Мнѣ дѣйствительно слѣдуетъ уѣхать: вы пришли вслѣдъ за нѣмцами, могутъ еще вернуться и нѣмцы. Не увѣряйте, не успокаивайте меня! На войнѣ ничего не можешь знать. Самое безопасное для меня вернуться въ Парижъ. Только вотъ что: раньше, чѣмъ покинуть домъ, я продамъ все, что можетъ вамъ въ немъ пригодиться: это все же будетъ нѣкоторый выигрышъ!..

Оставить занятую войсками мѣстность мѣшало Гансу до сихъ поръ то, что у него не было ни одного су французскихъ денегъ: вотъ онъ и нашелъ остроумное средство раздобыть ихъ себѣ.

Офицеръ, къ которому онъ обратился съ этимъ выгоднымъ для обѣихъ сторонъ предложенiемъ, не нашелъ ничего неудобнаго въ томъ, чтобы его люди воспользовались случаемъ запастись теплыми вещами къ приближавшейся зимѣ, нижнимъ бѣльемъ и кухонной утварью, которая могла бы пригодиться въ окопахъ: начинали поговаривать о продолжительной позицiонной войнѣ. Ну что жъ! Адольфъ Лепикъ—хозяинъ въ своемъ домѣ и воленъ располагать, какъ захочетъ, своимъ добромъ.

Съ этимъ мнѣнiемъ былъ вполнѣ согласенъ Гансъ. Онъ весело организовалъ публичный аукцiонъ.

— Три франка пятьдесятъ,—мѣдная кастрюля. Подумайте-ка, это недорого. Боши навѣрное дали бы больше. Четыре франка? Кто больше? Никто? За вами!

— Фланелевая рубашка, совсѣмъ цѣлая, почти новая, размѣръ 40, фирмы Льюисъ и Броунъ, поставщиковъ высшаго свѣта. Осмотрите-ка вещь, пустите по рукамъ. Три франка? Она стòитъ больше...

Гансъ составилъ уже себѣ изрядную сумму, когда передъ крыльцомъ остановилась тележка. Съ нея сошелъ пожилой господинъ съ живыми глазами на усталомъ лицѣ.

— Что это значитъ?—сказалъ вновь прибывшiй, съ негодованiемъ глядя на начало грабежа.—Французы, французскiе солдаты обираютъ мой домъ!—возмущенно прибавилъ онъ.—Я буду жаловаться въ дивизiю.

— Вашъ домъ!—недовѣрчиво возразилъ офицеръ, отодвигаясь, чтобы дать мѣсто поблѣднѣвшему Гансу.—Еще что выдумали! Вотъ г. Лепикъ...

— Это я—Адольфъ Лепикъ!—вскричалъ пожилой господинъ.—Вотъ мой паспортъ: Адольфъ Лепикъ! Такъ тамъ сказано?

Потомъ, взглянувъ на узурпатора, онъ скинулъ вдругъ свое пальто и пиджакъ, точно собираясь вступить съ нимъ въ борьбу. Но другая мысль осѣнила его.

— Онъ взялъ мою одежду и выдалъ себя за меня. Взгляните на воротникъ его жилета, вы найдете тамъ имя того же портного! Это воръ, мошенникъ... можетъ-быть, шпiонъ!

Мундиръ Ганса, его занумерованные сапоги, рубашка и брюки, найденные въ одномъ изъ комодовъ роскошной комнаты, гдѣ онъ провелъ нѣсколько счастливыхъ дней, положили конецъ исторiи. И Гансъ, плача, сознался:

— Нѣтъ,—говорилъ онъ,—я не Адольфъ!.. Но я—Эмиль! Увѣряю васъ, что я—Эмиль. Пусть меня отправятъ въ концентрацiонный лагерь, пусть меня посадятъ въ тюрьму, и я клянусь остаться Эмилемъ до конца моихъ дней. Я—Эмиль, лакей въ кафе „Робинзонъ". У меня были хорошiе аттестаты; я никогда, никогда не вернусь въ Германiю.

Офицеръ ничего не понялъ. Изъ таблички, найденной вмѣстѣ съ мундиромъ, все было ясно: передъ нимъ находился Гансъ Випперманъ, рядовой 3-го взвода 2-й роты 5-го Померанскаго полка, мародеръ, пойманный на мѣстѣ преступленiя; можетъ-быть, шпiонъ... Во всякомъ случаѣ кража движимости была налицо, и законы военнаго времени рѣшали вопросъ. Ганса съ завязанными глазами поставили у стѣны конюшни. Онъ въ ужасѣ молилъ:

—Позвольте мнѣ шпiонить для васъ! Я клянусь оказывать вамъ услуги.

— ...Все это не мѣняетъ однако того факта,—съ сожалѣнiемъ пробормоталъ одинъ изъ покупателей, когда черезъ нѣсколько минутъ уносили мертвое тѣло,—что, если бы не явился хозяинъ, я получилъ бы за три франка пятьдесятъ хорошую, мягкую, фланелевую рубашку!

Хозяинъ, слышавшiй это, отдалъ ее ему даромъ.

Былая мощь. *К. Лѣпиловъ.*
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ".

„Англія наканунѣ побѣды".

(К. Чуковскій. „Англія наканунѣ побѣды". Петроградъ. 1917. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Ц. 1 р. 50 к.).

I.

Весною прошлаго года русскіе писатели и журналисты были приглашены британскимъ правительствомъ въ Англію, чтобы показать имъ, что сдѣлано Англіей для войны, и какъ она готовится къ побѣдѣ. И французское правительство со своей стороны пригласило тѣхъ же лицъ на свой военный фронтъ. Такимъ образомъ представители русской прессы были ознакомлены съ „военными хлопотами" двухъ могущественнѣйшихъ нашихъ державъ-союзницъ.

Въ числѣ приглашенныхъ былъ К. И. Чуковскій. И вотъ сейчасъ предъ нами лежитъ написанная имъ книга — результатъ этой поѣздки, этого визита по ту сторону нѣмцевъ, къ громаднымъ горнамъ, гдѣ куется великая обще-европейская побѣда.

„Насъ встрѣтили радушно и шумно,— пишетъ К. И. Чуковскій, — банкетами и пышными спичами. Насъ принималъ самъ король. Намъ показали многомилліонную армію, показали изумительный флотъ и цѣлыя версты заводовъ, работающихъ на оборону страны. Насъ повезли на фронтъ и показали войну. Мы видѣли разрушенную Бельгію. По приглашенію французскаго правительства мы побывали и на французскихъ позиціяхъ, а нѣкоторые изъ насъ подъ Верденомъ".

„Мы бесѣдовали съ Китченеромъ, съ Джеллико, съ Греемъ, съ главнокомандующимъ англійскими арміями, съ виднѣйшими писателями, учеными, дѣятелями",—прибавляетъ К. И. Чуковскій, и это обстоятельство, конечно, придаетъ особый вѣсъ и значеніе всей поѣздкѣ русскихъ журналистовъ.

Въ книгѣ К. Чуковскаго мы находимъ рядъ очерковъ, прежде всего изображающихъ Англію и англійское общество во время войны. Измѣнилось ли лицо страны, лицо ея столицы—Лондона? Разумѣется, измѣнилось — и очень. Пріѣхавшему въ Лондонъ русскому человѣку прежде всего бросается въ глаза „засиліе" дѣтей и женщинъ. И тѣ и другія заступили мѣста тѣхъ, кто призванъ на войну, стали на ихъ мѣста и, такъ сказать, ведутъ себя не по-дѣтски и не по-женски.

„Маленькіе рыцари-бойскоуты" работаютъ въ лазаретахъ, охраняютъ мосты, берега, телеграфныя станціи. Подобно нашимъ гимназистамъ-дружинникамъ, они помогаютъ сельскимъ хозяевамъ въ уборкѣ хлѣбовъ, въ косьбѣ травы. „Если налетаетъ цеппелинъ, они первые прибѣгаютъ съ носилками"... А когда въ Англію „хлынули бельгійскіе бѣженцы, бойскоуты встрѣчали ихъ на каждомъ вокзалѣ, ухаживали за ихъ малышами, разносили имъ пищу"...

Такъ же измѣнили своему обычному положенію и своимъ обычнымъ работамъ и англійскія женщины.

Война остановила подвиги суффражистокъ и почти автоматически сразу на нѣсколько лѣтъ впередъ подвинула ихъ дѣло. То, чего тщетно добивалась мистрисъ Панкхерстъ со своими послѣдовательницами, было внезапно добыто англійской женщиной во время войны. Это была не безкровная, къ сожалѣнію, побѣда, но кровь была пролита не на улицахъ Лондона, не женской арміей, а на поляхъ битвъ во Франціи и Месопотаміи. И изъ этой мужской крови родилась женская свобода въ Англіи — родился женскій свободный трудъ, равный мужскому.

„Лондонъ сдался", — шутитъ К. Чуковскій,—женщины ворвались въ улицы покореннаго города и захватили тамъ всѣ магазины, конторы, банки, мастерскія, аптеки, клубы, рестораны, парикмахерскія. Женщины поступили на полицейскую службу. Женщины спустились въ кочегарни, женщины стали работать на судостроительныхъ заводахъ, на заводахъ по выдѣлкѣ боевыхъ снарядовъ. Великое множество шрапнелей и гранатъ прошло черезъ ихъ нѣжныя руки. Представительницы высшей англійской аристократіи пошли служить въ солдатскія харчевни простыми служанками.

Развѣ уже это одно не измѣнило физіономіи всей страны?

Шагъ за шагомъ К. И. Чуковскій ведетъ насъ въ глубь Англіи, въ нѣдра ея общественной жизни — и мы изумляемся тѣмъ колоссальнымъ перемѣнамъ, которыя произвело въ ней стремленіе къ побѣдѣ. Это стремленіе охватило весь народъ и проявилось въ тысячѣ мелочей и въ десяткѣ тысячъ крупныхъ фактовъ. Вооружился весь народъ, чего не бывало въ Англіи никогда, даже въ самыя воинственныя эпохи среднихъ вѣковъ. Вооружилась вся промышленность.

Года четыре тому назадъ странно было бы подумать, что въ Англіи можетъ когда-нибудь возникнуть цѣлый городъ, назначенный спеціально для муштровки новобранцевъ. Такой городъ теперь существуетъ: это Ольдершоттъ. Это — фабрика, по словамъ К. И. Чуковскаго: „фабрика для изготовленія солдатъ, работающая такъ же солидно и споро, какъ всякая англійская фабрика. Туда поступаетъ сырье,—сотни тысячъ фермеровъ, деревенскихъ обломовъ, студентовъ, углекоповъ, приказчиковъ, клерковъ, и тамъ изъ нихъ въ кратчайшее время вырабатывается конница, артиллерія, пѣхота. Всюду, куда ни пойдешь, люди фехтуютъ, стрѣляютъ, маршируютъ, гарцуютъ, атакуютъ, копаютъ. И фельдфебеля уже не лаютъ, а только безголосо хрипятъ, и на цѣлыя мили вокругъ все занято сплошными новобранцами".

Это заводъ для изготовленія солдатъ. А вотъ и заводы, гдѣ изготовляется все то, съ помощью чего солдаты пойдутъ на поля сраженій изготовлять побѣду:

„Въ Шеффильдѣ, въ Бирмингамѣ, въ Лидсѣ и въ десяткахъ другихъ городовъ сумасшедше вертятся колеса машинъ, вышвыривая милліарды снарядовъ, и кажется, что всѣ прачки, кухарки и модистки, сколько ихъ есть въ королевствѣ, сбѣжались туда на работу, чтобы колеса не останавливались ни на мигъ. Вотъ заводы величины потрясающей: въ милю ширины, въ двадцать миль длины — вчетверо длиннѣе, чѣмъ, напримѣръ, городъ Глазго. Ихъ не осмотришь и въ мѣсяцъ".

Такіе заводы обычно строятся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Англичане, подгоняемые желаніемъ побѣды, воздвигли ихъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Но въ Англіи, по словамъ К. И. Чуковскаго, вообще не осталось ни одного даже мелкаго промы-

К. И. Чуковскій на пути въ Англію, изъ Бергена въ Нью-Кастль. *Писатель въ каютѣ дѣлаетъ наброски для своей будущей книги „Англія наканунѣ побѣды".*

На пути въ Англію. *Русскіе писатели и журналисты на англійскомъ пароходѣ въ Сѣверномъ морѣ. Слѣва въ шубѣ — маститый беллетристъ, „Гомеръ послѣднихъ войнъ" - Вас. И. Немировичъ-Данченко, К. И. Чуковскій, Р. А. Вильтонъ, петроградскій корреспондентъ газеты „Times", руководившій поѣздкой, Е. А. Егоровъ.*

шленнаго предпріятія, которое не измѣнилось бы самымъ рѣшающимъ образомъ въ сторону войны:

„Вы проходите по улицѣ и видите вывѣску:

„Фабрика швейныхъ машинъ".

„Не вѣрьте: вмѣсто швейныхъ машинъ тамъ давно уже готовятъ пулеметы.

„Вотъ другая вывѣска:

„Вѣнскіе стулья".

„Но не вѣрьте и ей: вмѣсто стульевъ тамъ фабрикуютъ ручныя гранаты..."

II.

Все это дѣлается для того, чтобы возстановить преступно нарушенный нѣмцами миръ на землѣ и благо народовъ. А какъ именно было нарушено это благо, и какъ страшно, въ какіе кровавые клочья былъ разорванъ мирный укладъ Европы, показываетъ сочащаяся кровью Бельгія.

Предъ нами страшныя развалины — даже не развалины (развалины были годъ тому назадъ!), а какое-то археологическое небытіе — несчастный городъ Ипръ.

„Дома-калѣки, дома-мертвецы обступили насъ, — говоритъ К. И. Чуковскій. — И уже не разобрать, гдѣ была мостовая, а гдѣ внутренность домовъ и церквей: все смѣшалось... Желѣзныя стропила, какъ жилы, истерзаны, изорваны, скомканы..."

Но съ Ипромъ могло быть и хуже: онъ могъ стать добычей нѣмцевъ. Этого не случилось — у Ипра явились спасители, канадцы. И К. И. Чуковскій посвящаетъ цѣлый очеркъ этимъ „привознымъ" войскамъ, этимъ колоніальнымъ героямъ, которые сами, по доброй волѣ, пошли спасать Англію, Европу, культуру, поверженные идеалы, и среди которыхъ, по волѣ страннаго случая, оказались русскіе и даже какой-то Ивашко. По крайней мѣрѣ, такъ гласитъ надпись на могильномъ крестѣ надъ убитымъ героемъ-канадцемъ...

Такъ же пошли на подвигъ и далекіе австралійцы, и ихъ рисуетъ авторъ этихъ очерковъ живыми и яркими чертами и недоумѣвающе спрашиваетъ: „зачѣмъ они-то пошли? Что повлекло ихъ въ эту далекую и безконечно, казалось бы, чуждую имъ войну? Зачѣмъ даже какой-то островокъ, гдѣ живутъ всего 120 дикарей, послалъ отъ себя Англіи 50 рублей „на веденіе войны"?"

И отвѣтъ брезжится двоякій: или Англія привлекла ихъ симпатіи своей государственностью, или стихійно сказалось мужеское чувство, стремленіе къ борьбѣ, когда гдѣ-то началась страшная и потребовавшая отъ мужчинъ выявленія всего ихъ мужескаго инстинкта борьба.

Много страницъ авторъ посвящаетъ руссофильскимъ стремленіямъ англичанъ и рисуетъ отдѣльные, чрезвычайно интересные типы англичанъ-руссофиловъ.

Вотъ „высокій офицеръ съ моноклемъ", мистеръ Берингъ, извѣстный англійскій писатель, знатокъ русской литературы и жизни, выучившійся по-русски „въ Стокгольмѣ у дьячка". Вотъ Вильямъ-Джонъ Беркбекъ, встрѣтившій К. И. Чуковскаго привѣтствіемъ: „Радуйся, Невѣсто Неневѣстная!" и пріѣзжавшій въ Россію спеціально затѣмъ, чтобы побывать въ Москвѣ на пасхальной заутренѣ. Вотъ Гегбергъ Райтъ, постоянно хлопочущій о русскихъ плѣнныхъ въ Германіи. Каждый изъ нихъ необыкновенно цѣлостный типъ, и у всѣхъ своеобразная и живая любовь къ Россіи, которую они поняли и научились цѣнить.

А англо-русскій альянсъ? А англійскія симпатіи къ Россіи? О нихъ мы находимъ цѣлыя страницы у Чуковскаго. Англичане проявляютъ необычайный интересъ къ Россіи, интересъ любовный, интересъ свойственниковъ, неожиданно-близкихъ людей, смѣшанный съ острымъ вниманіемъ къ каждой мелочи русскаго уклада.

„Снова повторился потопъ, — говоритъ К. И. Чуковскій, — всю Англію залило книгами о Россіи, о русскомъ народѣ".

Вотъ „Современная Русь", вотъ „Вооруженная Русь", вотъ „Дружелюбная Русь". Въ послѣдней книгѣ цѣлая глава посвящена описанію именинъ нашего композитора Глазунова. Даже „Слово о Полку Игоревѣ" переведено на англійскій языкъ.

Къ руссофиламъ К. Чуковскій относитъ также и маленькихъ англійскихъ Джорджей и Алисъ: и они получаютъ удовлетвореніе въ видѣ вороха русскихъ сказокъ (конечно, переводныхъ). Наши домовые и лѣшіе, нашъ Конекъ-Горбунокъ и Коза-Дереза и Снѣгурочка явились въ дѣтскую англійскаго дома и стали тамъ хозяйничать, какъ у себя, въ Елабугѣ. Появились „Русскія народныя сказки", прекрасно изданныя Кеганомъ Полемъ, появились далѣе „Сказки великорусскихъ крестьянъ", „Книга русскихъ былинъ", „Еще Русскія Сказки съ картинками". Появился спросъ на русскій лубокъ.

Не думайте, что эти симпатіи къ Россіи не играютъ никакой роли въ подготовленіи побѣды. Очерки, посвященные этому мирному сюжету, — вовсе не диверсія въ сторону въ книгѣ К. Чуковскаго. Въ единеніи сила, а въ силѣ побѣда. А развѣ не ведутъ къ „тѣснѣйшему, къ задушевнѣйшему единенію Россіи съ Британіей и эти „Еще Русскія Сказки", и добрые глаза Вильяма Беркбека, и его своеобразное привѣтствіе русскому писателю, и пытливое изученіе великой и загадочной страны, называемой Святою Русью?.."

III.

И еще о многомъ говоритъ въ своихъ очеркахъ русскій писатель, занесенный силой союзнаго единенія на англійскій и французскій фронты — въ пекло войны и подготовки къ побѣдѣ.

Онъ говоритъ о чудовищныхъ побѣдахъ авіаціи, о побѣдѣ надъ воздухомъ, и намъ ясно, что и эта побѣда должна привести къ той настоящей великой побѣдѣ, о которой молится окровавленная Европа и, молясь, куетъ за мечомъ мечъ для грядущаго уничтоженія мечей. Воздухъ побѣжденъ, воздухъ къ услугамъ воюющихъ побѣдителей: летаютъ цѣлыя воздушныя крѣпости съ пушками. Мало того: летаютъ невидимые аэропланы, построенные изъ особаго стеклообразнаго вещества.

Къ слову сказать, многія изъ этихъ изумительныхъ новинокъ и вообще должны быть невидимы никому изъ постороннихъ людей: онѣ — военный секретъ, и лишь послѣ войны мы узнаемъ, сколько побочныхъ крупныхъ побѣдъ — надъ воздухомъ, надъ водой, надъ всѣмъ міромъ принесла европейская побѣда надъ нѣмецкими полчищами.

А пока авторъ снова ведетъ насъ въ Лондонъ и разсказываетъ о другихъ стремленіяхъ англичанъ къ побѣдѣ, о другихъ способахъ выработки побѣды.

Для побѣды нужны деньги. Надо не только добывать ихъ, надо ихъ и экономить!

Англія уже давно вступила на путь борьбы съ роскошью. Началась широкая общественная агитація за экономію всюду и во всемъ.

„Долой воротнички и манжеты! — призываетъ одна газета. — Откажитесь отъ крахмальнаго бѣлья! Вѣдь въ Англіи ежегодно крахмалится два съ половиною милліарда манишекъ и воротничковъ! Сколько тратится крахмала и угля!"

Въ другихъ газетахъ появились замѣтки:

„Какъ изъ старой шляпы сдѣлать новую".

„Какъ изъ газетной бумаги сшить себѣ матрацъ и одѣяло"

Возникли цѣлыя лиги экономіи. Возникли шумно, демонстративно, съ митингами, съ шествіями — какъ всегда это дѣлается въ Англіи. Въ публику бросались красноречивые листки, предъ толпой демонстрировались занимательныя и поучительныя діаграммы и выкладки: сколько снарядовъ можно изготовить за цѣну дамскаго туалета, сколько патроновъ дастъ стоимость бутылки шампанскаго. И мы не знаемъ, да и никогда не узнаемъ, сколько въ самомъ дѣлѣ снарядовъ, патроновъ, пулеметовъ, ружей было изготовлено въ великой фабрикѣ мобилизированнаго англійскаго домашняго быта изъ вина, шляпокъ, конфетъ, сардинокъ, трюфелей... Это — военный секретъ англійскаго обихода.

И изъ такихъ секретовъ, изъ великихъ и малыхъ условій обновленной и рѣзко измѣнившейся общественности постепенно и куется тотъ величайшій, покуда еще никѣмъ непознанный и необнародованный секретъ, который зовется побѣдой.

К. И. Чуковскій на французскомъ фронтѣ, *въ головномъ уборѣ (стальномъ шлемѣ) французскаго солдата.*

На англійскомъ фронтѣ.

Королевскіе стрѣлки на отдыхѣ.

Голосъ умирающаго.

Не за медомъ—за кровью моей
Прилетѣла пчела изъ траншей.
А весна-то, весна... Надъ землей
Такъ и льется струей золотой.
Жаворонокъ звенитъ... утонулъ
Онъ въ сіяньи, какъ вь морѣ огня.
Тотъ огонь... тотъ иначе сверкнулъ...
А пчела—здѣсь въ груди у меня...
Умираю я... Вижу,—туманъ
Скрылъ, какъ саванъ, нашъ братскій курганъ.
Годы мчатся... Забыта вражда...
По кургану прошла борозда.

Мирно брошено сѣмя въ нее.
Вотъ и колосъ ужъ спѣлый блеститъ;
Въ этомъ колосѣ—сердце мое.
Это голосъ мой такъ шелеститъ:
„Умиралъ онъ за родину-мать,
„Какъ судила она умирать.
„Было солнце тогда, но вдали
„Грозно черныя тучи ползли.
„Вмѣсто зеренъ геройскую кровь
„Сѣялъ щедро горячій свинецъ,
„Чтобы выросла въ полѣ любовь
„Изъ любившихъ отчизну сердецъ".

И услышитъ мой голосъ жнея;
Голубые глаза у нея,
Голубые глаза, какъ у той,
Что была мнѣ отчизной второй.
Тихо молвитъ она: „старина
Говоритъ на деревнѣ у насъ,
Здѣсь когда-то кипѣла война,
Кровь рѣкой молодая лилась".
И вздохнетъ поселянка,—о чемъ?
А о томъ, что подъ острымъ серпомъ
Будетъ больно колосьямъ, какъ мнѣ
Умирать было здѣсь по веснѣ.

Алексѣй Липецкій.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Большое наступленіе въ Месопотамію.

Еще въ декабрѣ прошлаго года стало обнаруживаться наступленіе англійскихъ войскъ въ Месопотаміи. Въ первое время бои на путяхъ къ Багдаду (въ раіонѣ Кутъ-Эль-Амары) носили преимущественно позиціонный характеръ, такъ какъ турецкій фронтъ здѣсь былъ заблаговременно укрѣпленъ и представлялъ собою нѣсколько рядовъ сильныхъ линій, но затѣмъ стало обозначаться, что завязавшіеся бои на месопотамскомъ фронтѣ намѣчаютъ далеко не позиціонную борьбу, а значительно болѣе широкія цѣли.

Послѣ мѣсяца упорной борьбы англичанамъ въ концѣ января удалось подойти къ Кутъ-Эль-Амарѣ, гдѣ были расположены, повидимому, главныя силы месопотамской арміи Халила-паши. Позиціи турокъ представляли собою рядъ сильныхъ укрѣпленій и траншей, расположенныхъ на параллельныхъ другъ къ другу плацдармахъ, образуемыхъ послѣдовательными изгибами Тигра. Каждый такой изгибъ приходилось брать послѣдовательно, при чемъ турки оказывали весьма упорное сопротивленіе.

Такимъ образомъ, черезъ годъ послѣ капитуляціи Таусенда, англичане снова возстановили энергичную дѣятельность въ Месопотаміи, при чемъ на этотъ разъ, учитывая неудачи прошлогодняго наступленія на Багдадъ, наши союзники организовали новое наступленіе уже весьма тщательно и съ достаточными силами. Хотя месопотамскій театръ военныхъ дѣйствій по отношенію къ важнымъ европейскимъ театрамъ имѣетъ второстепенное значеніе, тѣмъ не менѣе новая наступательная операція англичанъ должна была сыграть весьма важную роль.

Прежде всего для англичанъ было крайне важнымъ возстановить свой военный престижъ на Ближнемъ Востокѣ въ глазахъ подчиненныхъ Англіи мусульманскихъ народовъ. Прошлогодній случайный успѣхъ турокъ, которымъ удалось принудить къ сдачѣ послѣ 143-дневнаго упорнаго сопротивленія 9-тысячный англійскій отрядъ Таусенда въ Кутъ-Эль-Амарѣ, былъ страшно раздутъ нѣмцами и турками, при чемъ послѣдніе даже серьезно вѣрили, что нанесенъ первый непоправимый ударъ англійскому престижу въ глазахъ народовъ Ближняго Востока,—ударъ, за которымъ должны послѣдовать и другіе.

Англичане стоически перенесли это испытаніе, но, сознавая, насколько серьезно-необходимо имъ считаться со всякой попыткой противника „развѣнчать" ореолъ англійскаго могущества въ глазахъ подвластныхъ имъ народовъ, они признали необходимымъ принять самыя энергичныя мѣры, чтобы возстановить свое стратегическое и политическое положеніе на месопотамскомъ театрѣ. Было ясно, что неудача Таусенда находилась всецѣло въ зависимости отъ недостаточно совершенной организаціи похода.

Китченеръ въ своей рѣчи въ палатѣ общинъ заявилъ тогда, что сдавшіяся войска неповинны въ капитуляціи. „Я вѣрю,— говорилъ онъ,—что тѣ, кто держался такимъ образомъ, равно какъ и тѣ, кто напрягалъ свои усилія для освобожденія Кута, въ одинаковой степени заслуживаютъ нашего восхищенія и благодарности". Китченеръ сознавалъ, что успѣхъ турокъ является и случайнымъ и временнымъ, но что, если воображеніе турокъ слишкомъ переоцѣнило такую побѣду, гдѣ девять тысячъ англійскихъ войскъ послѣ 143 дней осады въ Кутѣ вынуждены были капитулировать передъ цѣлой месопотамской арміей турокъ, то все же и англичане не могутъ игнорировать такого неуспѣха, принимая во вниманіе важные политическіе и стратегическіе интересы Англіи въ Азіи.

Поэтому, въ теченіе восьми мѣсяцевъ послѣ паденія Кутъ-Эль-Амары и капитуляціи Таусенда англичане весьма тщательно подготовляли новую наступательную операцію въ Месопотаміи. Прежде всего было принято во вниманіе, что одной изъ причинъ, вынудившихъ Таусенда капитулировать, былъ недостатокъ силъ какъ отряда Таусенда, такъ и отряда генерала Лека, шедшаго на выручку войскъ Таусенда. Такая важная операція, какъ завоеваніе цѣлой области—Месопотаміи, прежде всего подразумѣвала необходимость двинуть достаточно многочисленныя силы для этой существенной и нелегкой цѣли, и поэтому для новой операціи, начатой въ декабрѣ 1916 года въ Месопотаміи, были уже собраны достаточныя силы. Это оказалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что, какъ извѣстно, въ истекшемъ 1916 году въ Англіи были приняты весьма рѣшительныя мѣры для привлеченія всѣхъ годныхъ мужчинъ въ армію, благодаря чему число англійскихъ войскъ было доведено до четырехъ милліоновъ, вслѣдъ затѣмъ были испрошены кредиты для призыва и пятаго милліона.

Обладая столь значительными контингентами войскъ, англичане могли безъ ущерба для главныхъ театровъ войны отдѣлить достаточныя силы для азіатскихъ театровъ, въ томъ числѣ и для месопотамскаго. Затѣмъ было организовано соотвѣтствующимъ образомъ снабженіе, ибо неудачное рѣшеніе этого вопроса въ прошломъ году также было одной изъ причинъ, ухудшившихъ положеніе генерала Таусенда и вынудившихъ его капитулировать послѣ 143 дней упорной, героической обороны.

Такимъ образомъ новая месопотамская операція англичанъ, начатая въ декабрѣ 1916 года, была сорганизована весьма основательно, при чемъ были приняты во вниманіе всѣ указанія прошлогодняго печальнаго опыта. Несомнѣнно, что и турки готовились къ англійскому „реваншу", но, въ силу неудовлетворительности общаго стратегическаго положенія, турки должны были ограничиться главнымъ образомъ тщательнымъ укрѣпленіемъ позицій на путяхъ къ Багдаду, впереди Ктизофона, а также и впереди Кутъ-Эль-Амары.

Какъ извѣстно, неудовлетворительность общаго стратегическаго положенія турокъ всецѣло зависитъ отъ слишкомъ большого протяженія ихъ угрожаемой границы, благодаря чему турецкимъ войскамъ приходится одновременно оперировать на цѣломъ рядѣ театровъ военныхъ дѣйствій. 19-милліонной Турціи приходится держать значительную армію на кавказскомъ фронтѣ, отдѣльную армію на месопотамскомъ фронтѣ, отдѣльную армію въ Персіи, отдѣльную армію на египетскомъ фронтѣ, отдѣльную армію въ раіонѣ проливовъ у Константинополя, нѣкоторое довольно значительное число войскъ для охраны побережья Малой Азіи. Если къ этому добавить, что турки вынуждены отдѣлять цѣлыя дивизіи для поддержанія австрійскаго фронта въ Галиціи, отдѣльныя части для поддержанія фронта въ Добруджѣ и на главномъ румынскомъ театрѣ, то станетъ яснымъ, насколько разбросаннымъ представляется все общее стратегическое положеніе турокъ, что и создаетъ крайнюю неудовлетворительность этого „общаго стратегическаго расположенія" турецкихъ войскъ на всѣхъ многочисленныхъ фронтахъ.

При такихъ условіяхъ,—при такомъ большомъ протяженіи границы и при такой многочисленности театровъ,—единственнымъ средствомъ было бы созданіе нѣкоего крупнаго стратегическаго резерва, который бы поспѣвалъ въ минуту необходимости на тотъ или другой угрожаемый театръ. Это, естественно, подразумѣваетъ хорошую систему путей сообщенія, но такъ какъ извѣстно, что пути сообщенія турокъ въ Азіи отвратительны, вслѣдствіе чего передвиженіе войскъ съ одного театра на другой тянется мѣсяцами, то ясно, что и способъ обороны границъ при помощи стратегическаго резерва также не можетъ быть использованъ турецкой стратегіей.

Поэтому, когда началось наступленіе англичанъ на месопотамскомъ театрѣ въ декабрѣ 1916 года, въ задачу арміи Халила-паши входила упорная оборона съ цѣлью задержать развитіе англійскаго наступленія по возможности дольше,—чтобы дать возможность прибыть подкрѣпленіямъ съ другихъ театровъ. Турки дѣйствительно весьма упорно обороняли подступы у Кутъ-Эль-Амары въ теченіе болѣе чѣмъ мѣсяца, послѣдовательно очищая линію за линіей своихъ траншей. Наконецъ въ концѣ января англичане рѣшительнымъ натискомъ съ нѣсколькихъ сторонъ вынудили турокъ очистить послѣднія позиціи впереди Кута, и вслѣдъ затѣмъ турецкія войска отошли и отъ самой Кутъ-Эль-Амары.

Такимъ образомъ турецкое расположеніе было сломлено, и турки отступали весьма поспѣшно къ сѣверу и къ западу, на путяхъ къ Багдаду, въ направленіи къ Ктизофону. За время этой операціи англичане взяли около 7.000 плѣнными, 28 ору-

дій, 19 мортиръ, три турецкихъ судна, два буксира, 10 шаландъ, 30 понтоновъ и много всякаго военнаго матеріала. Сверхъ того, въ руки англичанъ попали двѣ англійскія канонерки, захваченныя ранѣе турками въ періодъ операціи Таусенда.

Этотъ успѣхъ англичанъ создалъ дѣйствительную серьезную угрозу всей Месопотаміи, а въ частности и Багдаду. Тѣ силы, которыя находились въ распоряженіи Халила-паши, оказывались недостаточными для того, чтобъ остановить дальнѣйшее развитіе успѣха англичанъ, и въ то же время турецкія подкрѣпленія на помощь месопотамской арміи шли крайне медленно. Каждая попытка турокъ задержаться при отходѣ отъ Кутъ-Эль-Амары терпѣла неудачу, и въ результатѣ въ февралѣ мѣсяцѣ турки отошли, примѣрно, на разстояніе полупути между Кутъ-Эль-Амарой и Багдадомъ.

Авто-сани. *Подъемъ въ гору.*

Въ то время, когда начался отходъ турокъ отъ Кутъ-Эль-Амары къ Багдаду, обозначился новый ударъ, который пришлось испытать месопотамской арміи уже со стороны персидскаго фронта. Персидскій отрядъ генерала Баратова перешелъ въ наступленіе въ направленіи на Багдадъ и съ мѣста занялъ Хамаданъ и селеніе Хани-Кали, въ 35 верстахъ юго-западнѣе Биджара. Хамаданъ и Хани-Кали находятся другъ отъ друга на разстояніи 100 верстъ по воздушной линіи, и отъ обоихъ пунктовъ пути сходятся къ Керманшаху. Керманшахъ представляетъ собою слѣдующій крупный пунктъ на пути къ Багдаду, и далѣе за Керманшахомъ слѣдуетъ Ханекенъ и, наконецъ, Багдадъ.

Турки послѣ перваго удара отошли къ Керманшаху, прикрывая этимъ путь къ Багдаду. Однако, такъ какъ отрядъ генерала Баратова наступалъ къ Керманшаху съ двухъ сторонъ—прямо, со стороны Хамадана, и въ обходъ, со стороны Хани-Кали, то можно было надѣяться, что турки будутъ вынуждены очистить и Керманшахъ.

Необходимо отмѣтить, что 6 турецкихъ дивизій, составлявшихъ месопотамскую армію Халила-паши, должны были оборонять пути къ Багдаду какъ со стороны англичанъ отъ Кутъ-Эль-Амары, такъ и со стороны персидскаго фронта, противъ нашего отряда генерала Баратова. Это вынуждало турокъ раздѣлить свои силы на двѣ части—персидскую и месопотамскую, при чемъ каждая изъ нихъ въ отдѣльности оказывалась недостаточно сильной для того, чтобы противостоять русско-англійскому наступленію въ Месопотамію.

Изъ этого можно видѣть, что къ серединѣ февраля обозначилась чрезвычайно важная,—стратегически и политически,—операція, направленная, повидимому, къ нанесенію турко-нѣмцамъ весьма чувствительнаго удара,—къ занятію Месопотаміи. Въ соотвѣтствіи съ важностью поставленной цѣли на этотъ разъ были двинуты внушительныя силы, и приняты были всѣ мѣры для возможнаго обезпеченія успѣха. Передъ турками возникала серьезная угроза одной изъ важнѣйшихъ областей турецкой имперіи, богатому хлѣбомъ плодородному краю, въ которомъ, кромѣ турокъ, были непосредственно заинтересованы и нѣмцы.

Смыслъ этого удара заключался не только въ томъ, что англійскій успѣхъ возстанавливалъ военный престижъ Великобританіи на Востокѣ, смыслъ этого удара заключался также и въ томъ, что ударъ направлялся по важной цѣли, грозилъ Турціи весьма опасными послѣдствіями, долженъ былъ окончательно развѣять „мечту объ Египтѣ“ и долженъ былъ, наконецъ, отвлечь турецкія силы съ многихъ важныхъ театровъ войны, въ томъ числѣ и съ европейскихъ театровъ, и частью съ кавказскаго, а это послѣднее было весьма существеннымъ содѣйствіемъ для предстоящихъ крупныхъ весеннихъ операцій въ Европѣ. Можно смѣло сказать, что изъ всѣхъ областей турецкой имперіи, за исключеніемъ константинопольскаго района, ни одна область не имѣла такого важнаго и существеннаго значенія для турко-нѣмцевъ, какъ Месопотамія.

Авто-сани.

Авто-сани.

(Съ 2 рис. на стр. 142).

Автомобиль, ставшій въ Западной Европѣ и Америкѣ излюбленнымъ, доступнымъ средствомъ сообщенія, „экипажемъ для всѣхъ", и почти вытѣснившій въ городахъ живую лошадиную силу, пасовалъ предъ нашимъ бездорожьемъ, не справляясь съ нашими ухабами, застревая въ снѣгахъ. И скептики злорадно говорили, что автомобиль не про насъ писанъ, что онъ годится только за границей, гдѣ великолѣпныя укатанныя шоссейныя дороги, и что у насъ лошадь еще долго останется единственнымъ средствомъ передвиженія.

Учрежденія, заинтересованныя въ распространеніи въ Россіи автомобиля, и прежде всего Россійское автомобильное Общество, не могли примириться съ этимъ.

Россійское автомобильное Общество прежде всего обратило вниманіе на необходимость приспособленія механической тяги къ движенію по снѣгу, правильно считая, что у насъ въ Россіи, гдѣ въ теченіе долгой зимы необъятныя пространства покрыты снѣжнымъ покровомъ, удачное разрѣшеніе этого вопроса принесло бы неисчислимыя выгоды.

Нынѣ труды Общества увѣнчались успѣхомъ. Французъ Кегрессъ, послѣ многолѣтнихъ опытовъ, представилъ въ февралѣ 1915 года Обществу авто-сани своей системы, которыя можно признать вполнѣ удачнымъ рѣшеніемъ вопроса о приспособленіи самодвижущихся механизмовъ не только къ ѣздѣ по городскимъ улицамъ съ ихъ оживленнымъ движеніемъ и по нормальнымъ шоссейнымъ дорогамъ, лишеннымъ снѣгового покрова, но и къ передвиженію по снѣжной цѣлинѣ, по сугробамъ, пескамъ и т. п. При этомъ сани Кегресса покрыли 1 километръ ($^{14}/_{15}$ версты) въ 57,8 секунды, развивая, слѣдовательно, приблизительную скорость въ 58 верстъ въ часъ.

За установленіе россійскаго рекорда скорости Кегрессъ былъ въ 1913 году награжденъ серебрянымъ кубкомъ Россійскаго автомобильнаго Общества, а въ 1915 году, когда онъ представилъ свое усовершенствованное приспособленіе, Общество присудило ему серебряную медаль.

Членъ Государственной Думы тайный совѣтникъ М. М. Алексѣенко, предсѣдатель бюджетной комиссіи. † 18-го февраля с. г.

Комитетъ Россійскаго автомобильнаго Общества использовалъ изобрѣтеніе г. Кегресса для военныхъ цѣлей и оборудовалъ нѣсколько санитарныхъ автомобилей для вывоза раненыхъ съ такихъ участковъ боевой линіи, куда другіе экипажи не были въ состояніи проникнуть. По полученнымъ свѣдѣніямъ, результаты опыта превзошли всѣ ожиданія. Автомобили, оборудованные приспособленіями Кегресса, шли совершенно свободно по рыхлому снѣгу, преодолѣвали безъ затрудненій снѣжные бугры съ крутыми подъемами, легко переходили встрѣчавшіяся по пути канавы, при чемъ лежавшіе внутри автомобилей на носилкахъ раненые не испытывали ни рѣзкихъ толчковъ ни тряски.

Блестящій результатъ примѣненія авто-саней Кегресса открываетъ намъ самыя лучшія перспективы. Вѣдь и при самомъ усиленномъ строительствѣ придется еще долго ждать, пока Россія покроется достаточно густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ. При такихъ условіяхъ авто-сани, прекрасно приспособленныя къ нашимъ дорогамъ, должны сыграть немаловажную роль въ дѣлѣ сокращенія нашихъ разстояній, которымъ мы въ значительной степени обязаны нашей экономической отсталостью отъ Европы.

Незамѣтные герои фронта.

Подъ градомъ шрапнели.

Это было давно, въ далекіе августовскіе дни въ началѣ войны. Перешагнувъ черезъ окровавленную Золотую Липу, наши войска быстрымъ темпомъ приближались къ Львову. Австрійцы, оказывая упорное сопротивленіе, заняли заранѣе подготовленныя позиціи на западномъ берегу вздувшейся Гнилой Липы. Костромской полкъ, бывшій въ авангардѣ, переночевавъ въ открытомъ полѣ близъ горѣвшаго фольварка, утромъ 16-го августа подошелъ къ Гнилой Липѣ и тутъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ австрійцевъ перестроился въ боевой порядокъ. Съ цѣлью выяснить сложившуюся обстановку, приказано было завязать съ противникомъ огневой бой.

Быстро въ мелочахъ боевой обстановки прошелъ день, а къ вечеру въ полку было получено приказаніе стойти во вторую линію и образовать дивизіонный резервъ.

Вечерѣло. Теплые, мягкіе, ласкающіе лучи заходящаго солнца окрашивали въ какіе-то таинственные полутоны красивыя холмистыя окрестности мѣстечка Перемышляны. Рѣзкимъ диссонансомъ красиваго украинскаго вечера было завываніе шрапнели и зловѣщее пришептываніе гаубичныхъ бомбъ.

Сборнымъ мѣстомъ полка, отходившаго назадъ, былъ назначенъ обращенный въ нашу сторону пологій склонъ высоты, лежащей вблизи артиллерійской позиціи. Полкъ, идя въ назначенный ему пунктъ, долженъ былъ пройти вдоль всего этого склона.

Еще было свѣтло, когда командиръ полка полковникъ Никольскій съ двумя-тремя офицерами и нѣсколькими нижними чинами телефонистами вышелъ изъ лабиринта овраговъ къ назначенному мѣсту съ тѣмъ, чтобы здѣсь дождаться подхода полка, который въ это время, прикрываясь складками мѣстности, стягивался, крадучись, медленно и осторожно.

Замѣтили ли австрійцы группу офицеровъ съ полковникомъ Никольскимъ во главѣ, или предположили они, что въ этомъ мѣстѣ находятся наши резервы, но, какъ только эта группа сѣла у подошвы высоты, изъ-за горы раздался свистъ и трескъ. Взоры всѣхъ невольно обратились кверху. Тамъ, нѣсколько влѣво, разорвалась розовая австрійская шрапнель. Чрезъ мгновеніе второй такой же сухой разрывъ произошелъ уже надъ самой группой офицеровъ. Лошади, оставленныя на дорогѣ, бросились въ сторону. Съ дороги поднялся клубъ пыли, указывающій мѣсто паденія шрапнельныхъ пуль.

Еще, еще и еще свистъ, разрывъ и пыль. Повидимому, австрійцы не жалѣли снарядовъ.

Офицеры и телефонисты инстинктивно прилегли, но противникъ не прекращалъ своего обстрѣла. Всѣ разрывы приходились какъ разъ надъ лежащими офицерами и нижними чинами, которые лежали теперь въ самомъ створѣ австрійскихъ шрапнельныхъ разрывовъ. Противникъ по какой-то необъяснимой причинѣ не переносилъ огня ни вправо ни влѣво, онъ стрѣлялъ все по одной линіи, и стрѣльба его, методичная и упорная, явно велась по одному направленію, „по ниточкѣ", и на эту ниточку оказались какъ бы нанизанными всѣ офицеры и телефонисты.

Огонь все усиливался и усиливался. Укрытій поблизости не было никакихъ, скатъ былъ ровный и гладкій. Туземецъ-хлѣборобъ старательно сжалъ весь хлѣбъ, покрывавшій лѣтомъ это открытое мѣсто. Куда-нибудь перебѣжать было положительно невозможно. Противникъ замѣтилъ бы, сталъ бы стрѣлять по бѣгущимъ, а затѣмъ перенесъ бы огонь туда, куда перемѣстились наши офицеры. Уйти?—но это значило покинуть свой постъ, бросить полкъ на произволъ судьбы!

Когда одинъ изъ офицеровъ попробовалъ доложить о такомъ способѣ самосохраненія полковнику Никольскому, тотъ не захотѣлъ и слушать, сдѣлавъ строгое замѣчаніе говорившему. Но тотъ и самъ зналъ, что уйти съ назначеннаго мѣста только изъ-за того, что ихъ засыпаютъ шрапнелью, невозможно для русскаго офицера. Лучше всего было остаться на мѣстѣ, отдавъ себя въ руки слѣпой судьбы.

Одинъ изъ офицеровъ, бывшихъ въ этой группѣ, впослѣдствіи такъ описывалъ свое состояніе.

„Шрапнели сыпались кругомъ насъ, какъ градъ въ іюльскій день; я легъ на животъ, мнѣ почему-то казалось, что въ такомъ положеніи я буду въ наибольшей безопасности. Въ тотъ моментъ я считалъ животъ самымъ опаснымъ и уязвимымъ мѣстомъ. Много позднѣе на Карпатахъ мнѣ пришлось прійти къ обратному выводу, увидѣвъ, какъ тяжелы бываютъ раны въ спину. Но тогда, я это отчетливо помню, меня усиленно занимала мысль прикрыть именно животъ.

„Безконечно длинными казались минуты. Нервы притупились. Нами всѣми овладѣло какое-то безразличіе, и на свистящіе возлѣ лица осколки шрапнели каждый изъ насъ начиналъ смотрѣть съ какимъ-то необъяснимымъ любопытствомъ. Полковникъ Никольскій лежалъ около меня на спинѣ. Мы молчали.

„Артиллерійская вилка становилась все уже и уже. Недолеты и перелеты, такъ ясно различаемые нами вначалѣ, все болѣе сливались, и нужно было большое напряженіе вниманія и слуха, чтобы рѣшить, куда упалъ снарядъ: впереди насъ, или позади. Австрійцы уже явно пристрѣлялись и били въ одно мѣсто. Воздухъ вокругъ насъ былъ пропитанъ порохомъ и запахомъ какой-то гадкой вонючей примѣси. Нѣсколько лошадей было ранено.

„Среди телефонистовъ, лежавшихъ поблизости, вдругъ послышался тихій и плаксивый стонъ: затѣмъ застоналъ другой; видно было, какъ они, лежа, стараются перевязать свои раны.

„Я посмотрѣлъ на полковника Никольскаго: онъ совершенно спокойно, даже не измѣнившись въ лицѣ, лежалъ на спинѣ и

Полковникъ Константинъ Владиміровичъ Никольскій (нынѣ генералъ-маіоръ).

смотрѣлъ въ ту сторону, откуда, по его расчетамъ, должны были показаться роты.

„— Лягте на грудь, господинъ полковникъ!—крикнулъ я ему.

„Полковникъ взглянулъ на меня, задумался на мгновеніе.

„— Не стоитъ, право, — отвѣтилъ онъ.

„Уже начинало темнѣть. Вдругъ я почувствовалъ, что черезъ меня кто-то перелѣзаетъ и направляется къ командиру полка. Я сталъ присматриваться. Вижу, это телефонистъ Ефременко. Онъ осторожно подползъ къ командиру и легъ на него всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ.

„— Ты что?—спросилъ командиръ полка.

„— Лежите, ваше высокоблагородіе, лежите, я ничего, такъ только.

„Видя, что командиръ полка можетъ быть каждую минуту убитъ, телефонистъ Ефременко подползъ къ нему, чтобы своимъ тѣломъ прикрыть его и защитить отъ непріятельской шрапнели.

„Я помню, въ тѣ тяжелыя минуты на душѣ стало сразу легко. Особый приливъ силъ, особенную увѣренность въ нашей конечной побѣдѣ вселилъ въ насъ поступокъ телефониста Ефременки. Цѣной своей жизни пришелъ онъ спасти своего командира. Тѣломъ своимъ прикрылъ онъ его отъ раскаленнаго вражескаго желѣза.

„Мало-по-малу стало смеркаться. Противникъ, повидимому, пришелъ къ заключенію, что мы всѣ перебиты, и прекратилъ убійственный обстрѣлъ. Изъ-за поворота дороги наконецъ показались роты полка. Группа начальниковъ поднялась и пошла навстрѣчу къ сѣрымъ героямъ, смѣненнымъ съ передовой линіи другимъ полкомъ".

Неоднократно потомъ въ дни разочарованій, въ дни тяжелыхъ испытаній, вспоминали офицеры телефониста Ефременку, этого незамѣтнаго героя, съ его простодушными сѣрыми глазами и виноватой улыбкой. Воспоминаніе о немъ каждый разъ поднимало духъ и укрѣпляло вѣру въ нашу конечную побѣду. Съ такими беззавѣтно преданными солдатами нельзя не побѣдить!

Юный герой.

Во время прошлогодняго нашего отхода въ Галиціи особенно трудная задача выпала на доблестный кавказскій корпусъ генерала Ирманова. Однако, несмотря на всѣ трудности положенія, на недостатокъ боевыхъ припасовъ, кавказцы не только сдерживали натискъ противника, а подъ Синявой, перейдя въ наступленіе, даже нанесли ему жестокое пораженіе. Въ непрерывныхъ бояхъ проходило лѣто у полковъ этого корпуса. Не было дня, чтобы въ томъ или другомъ изъ кавказскихъ полковъ не былъ отмѣченъ геройскій подвигъ офицера или солдата. Съ этимъ такъ свыклись, сжились, подвигъ считали за такое обыденное явленіе, что о немъ даже не говорили. Если у кого-нибудь изъ чиновъ корпуса не было двухъ-трехъ боевыхъ наградъ, заслуженныхъ не въ штабѣ, а на бранномъ полѣ, то такого несчастливца даже и своимъ не считали.

Однако, несмотря на такое своеобразное отношеніе къ подвигамъ, въ Лорійскомъ полку долгое время съ увлеченіемъ разсказывали другъ другу объ исключительномъ мужествѣ юнаго героя.

Съ начала войны добровольцемъ въ пулеметную команду Лорійскаго полка поступилъ тринадцатилѣтній мальчикъ Иванъ Соболевъ, сынъ казака Томской губерніи, станицы Антоновской, Степана Соболева, который съ самаго начала войны былъ призванъ на службу въ Хоперскій казачій полкъ.

Все время Иванъ Соболевъ находился при полку, участвуя во многихъ лихихъ развѣдкахъ.

Во время одного изъ боевъ на Санѣ Соболевъ вмѣстѣ съ пулеметной командой слѣдовалъ за полкомъ. Вдругъ тяжелымъ артиллерійскимъ снарядомъ разбило нѣсколько пулеметныхъ двуколокъ, а у одной изъ нихъ убило ѣздового, двуколка же осталась цѣла. Увидѣвъ это, Иванъ Соболевъ, невзирая на опасность,—кругомъ рвались шрапнели, и царилъ невообразимый адъ отъ гула тяжелыхъ снарядовъ, — бросился къ лошадямъ, чтобы скорѣе вывести пулеметную двуколку изъ-подъ непріятельскаго огня.

Едва онъ успѣлъ вскочить на козлы, какъ осколокъ тяжелаго снаряда пролетѣлъ мимо него и причинилъ ему тяжелую контузію въ голову, но это нисколько не остановило рѣшимости Соболева выполнить свой планъ. Онъ ударилъ по лошадямъ и рысью направился къ полку. Но вотъ по дорогѣ онъ увидѣлъ мчавшуюся безъ сѣдока лошадь съ сѣдломъ. Иванъ Соболевъ, испытывая сильную боль отъ контузіи, соскакиваетъ съ двуколки, бѣжитъ навстрѣчу къ лошади, хватаетъ ее за поводъ, привязываетъ къ двуколкѣ, снова взбирается на козлы и во весь духъ мчится къ сборному пункту. Кругомъ все время рвутся шрапнели, гудятъ „чемоданы", но сознаніе долга придаетъ смѣлость юному герою.

Прибывъ на сборный пунктъ испытывая сильную боль отъ контузіи и сильное волненіе отъ пережитыхъ минутъ, онъ все же не выпускаетъ изъ рукъ вожжей, пока не подходитъ къ нему фельдфебель, и, только получивъ отъ него приказаніе, отдаетъ лошадей пулеметчику, не будучи въ состояніи уже произнести ни одного слова. Однако, когда Соболеву сказали, чтобы онъ отправлялся въ лазаретъ, онъ категорически отказался отъ этого и остался въ строю пулеметной команды до тѣхъ поръ, пока полкъ не вышелъ изъ боя. Тутъ только онъ былъ отведенъ въ полковой лазаретъ, гдѣ его обласкали и успокоили. За этотъ подвигъ Соболевъ былъ награжденъ Георгіевской медалью

Полковникъ Г. П.

Юный герой. *Доброволецъ лорійскаго полка Иванъ Соболевъ.*

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій С. Я. Надсона" книга 2 и ежемѣс. иллюстрир. приложеніе ДЛЯ ДѢТЕЙ № 3.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ. Петроградъ Измайловскій проспектъ, д. № 29

1917 г. № 10

XLVIII г. изданія

Выданъ 18-го марта 1917 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарели въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.: на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.: на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. М. Горькаго“, кн. 3.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1917 года къ 1 марта слѣдовало внести **не менѣе 5 руб.**

Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **скорѣйшею присылкою** слѣдующаго взноса, согласно условіямъ разсрочки. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 50 коп. и печатный адресъ.

Ко дню 50-лѣтняго юбилея дѣятельности

Ивана Дмитріевича СЫТИНА

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ КНИГА:

„ПОЛВѢКА ДЛЯ КНИГИ“.

Художественно-литературный сборникъ,

посвященный личности юбиляра, исторіи развитія созданнаго имъ книгоиздательства и вообще книжному дѣлу въ Россіи.

Въ литературномъ отдѣлѣ Сборника нашли себѣ мѣсто статьи, воспоминанія, мысли и изреченія слѣдующихъ лицъ: чл. Гос. Думы Аджемова, Х. Алчевской, В. Ананьина, Ю. Балтрушайтиса, Ѳ. Батюшкова, проф. М. Бернацкаго, акад. В. Бехтерева, П. Бирюкова, Ѳ. Благова, докт. мед. А. Богаевскаго, проф. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Я. Борисова, В. Брянскаго, А. Будищева, акад. И. Бунина, П. Бурышкина, Г. Бьеркенгеймъ, И. Бѣлоусова, Л. Бѣльскаго, Д. Варапаева, С. Варшавскаго, И. Василевскаго-Буквы, акад. живоп. Ап. Васнецова, Э. Вахтеровой, В. Вахтерова, проф. С. Венгерова, А. Вернера, В. Верховскаго, Б. Веселовскаго, А. Вишнякова, Л. Вольфъ, пр.-доц. В. Воробьева, Б. Вострякова, Н. Второва, А. Галунова, Л. Гальберштадта, докт. мед. Вас. Гиляровскаго, Вл. Гиляровскаго, Н. Глобы, Ю. Гольденштейна, проф. I Гольдштейна, Н. Городецкаго, М. Горькаго, Ѳ. Грекова, проф. Н. Гредескула, А. Грузинскаго. проф. Г. Гурина, А. Гусева, С. Гусева, проф. М. Довнаръ-Запольскаго, Е. Долговой, С. Долгова, В. Дорошевича, С. Дрожжина, Н. Дучинскаго, А. Еранцева, проф. Желѣзнова, Н. Живаго, И. Жилкина, А. Заборскаго, А. Игельстромъ, В. Игнатьева, барон. В. Икскуль, Н. Іорданскаго, А. Каарана, А. Калмыковой, А. Карташева, А. Касаткина, П. Кашкина, свящ. I. Кедрова, чл. Гос. Думы Е. Ковалевскаго, сенат. А. Кони, чл. Гос. Думы А. И. Коновалова, А. А. Коновалова, Н. Карабчевскаго, Ф. Корша, кн. А. Кропоткина, А. Крылова, А. Куприна. А. Левенсона, В. Левинскаго, А. Ледницкаго, Л. Лидановой, П. Лидова, Кл. Лукашевичъ, кн. М. Львовой, кн. Г. Львова, Д. Любченко, К. Мазинга, М. Макаревскаго, чл. Гос. Думы В. Маклакова, Д. Маковскаго, П. Макушина, Э. Маттерна, Д. Мережковскаго, В. Миловидова, архим. Михаила, А. Насимовича, Вас. Немировича-Данченко, проф. А. Нечаева, В. Никольскаго, чл. Гос. Думы М. Новикова, проф. Д. Овсянико-Куликовскаго, Л. Огородникова, акад. С. Ольденбурга, А. Павельева, Г. Петрова, Э. Пименовой, проф. В. Половцова, Вас. Попова, Вл. Попова, Г. Пузыревскаго, А. Ремизова, акад. Н. Рериха, проф. М. Ростовцева, Н. Рубакина, А. Руманова, П. Сафронова, М. Семенова, П. Сергѣенко, А. Скугаревскаго, Е. Смирнова, проф. С. Созонова, А. Соколинскаго, М. Соловьева, Ю. Струве. проф. Б. Сыромятникова, Н. Телешова, Н. Тесленко, Е. Тихомировой, гр. И. Толстого, К. Тренева, еписк. Трифона, И. Троцкаго. И. Трояновскаго, Н. Тулупова, Л. Урусова, И. Флора, проф. А. Фортунатова, Л. Хавкиной, М. Челнокова, В. Черткова, С. Чефранова, Н. Чехова, Э. Шидловскаго, С. Шиль, С. Шохоръ-Троцкаго, Т. Щепкиной-Куперникъ, Д. Щепкина, С. Щукина, Е. Эртель, П. Юницкаго.

Художественная часть Сборника представлена снимками съ картинъ слѣдующихъ художниковъ: Н. Богатова, Н. Богданова-Бѣльскаго, А. и В. Васнецовыхъ, А. Гаушъ, М. Гермашева, И. Грабаря, Н. Касаткина, Н. Кошелева, С. Малютина, А. Моравова, М. Нестерова, В. Никольскаго, И. Павлова, Л. Пастернака, В. Полѣнова, Н. Рериха, Н. Соболева, В. Сурикова, В. Сѣрова, К. Юона, С. Ягужинскаго и учен. худож.-рис. школы Т-ва И. Д. Сытина В. Баюскина.

Въ Сборникѣ 110 портретовъ ученыхъ, литераторовъ, художниковъ и общественныхъ дѣятелей.

Виньетки художниковъ: Г. Алексѣева, С. Ягужинскаго и ученик. худож.-рис. школы Т-ва И. Д. Сытина.

Переплетъ по рисунку художника С. В. Малютина.

Разм. 30 × 20 сант. 38 печатн. листовъ (608).

Цѣна Сборника 40 рублей. Второе изданіе Сборника на болѣе легкой бумагѣ — 20 рублей.

Весь доходъ отъ Сборника поступаетъ въ фондъ на учрежденіе въ Москвѣ „Дома Книги“.

Лица, желающія получить Сборникъ, благоволятъ обращаться въ книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина: въ Москвѣ: (1) Маросейка, д. 7; 2) Тверская, д. 48; 3) Никольская, д. 12): въ Петроградѣ (Невскій, д. 68).

При выпискѣ наложеннымъ платежомъ необходимо высылать задатокъ въ размѣрѣ 10-ти рублей за дорогое изданіе и 5-ти рублей — за дешевое.

КОЛОБОВЪ и БОБРОВЪ

4517 2-2

СТЕНОГРАФІЯ полный, самый лучшій и доступный курсъ. Ц. 4 р. 50 к. Безъ зад. не выс. Каталоги безплатно. Адр.: Москва, Б. Гнѣздн. пер., изд-ство Д. Куманова.

КРАСИВО и СКОРО ПИСАТЬ въ 8 ур. и дв. ит. бухгалтеріи обучаю важдаго заочно. Удост. 5 зол. мед. и 5 поч. крест. за заслуги. Образцы шрифт., учен. раб. и усл. выс. за 3—10 к. мар. **Одесса,** Ришельевская, ч. Н. №12. Проф. калигр. **Ш. КРУКУ.**

Имѣя въ Донецкомъ Бассейнѣ лѣсные склады, при желѣзной дорогѣ или сплавной рѣкѣ **ЖЕЛАЮ КУПИТЬ Крупный лѣсъ** на 5—10-лѣтнюю рубку. Предложенія прошу адресовать: **Юзовка, А. С. АЛЬТШУЛЕРУ.**

4523 **МАШИНКИ** для стрижки волосъ 6 р., для бороды 7 р.— Запасныя пружины къ нимъ 25 коп. шт.— Англійскія бритвы отъ 2 до 6 руб. штука. Ко Эксцельзіоръ. Москва, Б. Луб. 2/90. 3-7

4524 **ЭКОНОМІЮ ТОПЛИВА, ПРОДУКТОВЪ на 50-75%** 2-2

ПОЛУЧИТЕ при руководствѣ свѣдѣніями къ устройству простѣйш. техническ. приспособленій и указаніями къ примѣненію новѣйшихъ научныхъ методовъ хозяйств. домоводства и кулинаріи, доступныхъ вездѣ и каждому. Предложеніе вполнѣ серьезное **ЗАТРАЧИВАЯ 1 РУБЛЬ, ЭКОНОМИТЕ ПРИ ЦАРЯЩЕЙ ДОРОГОВИЗНѢ СОТНИ РУБЛЕЙ.** Стоимость можно перес. марк. Адрес.: Москва. Царскій пр., д. 16. кв. 3. Н. И. Попову

Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться промышленностью, долженъ выписать книгу: **„Я самъ-хозяинъ“**, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый. Цѣна 2 р. 75 к. **МОСКВА,** изд—ство. „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2. 4761 (10)

Августъ Эриксонъ

хронометровыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеръ Николаевской Главной Астрономической Обсерваторіи въ Пулковѣ, Россійскаго флота и пр. и пр.

СУЩ. СЪ 1865 Г.

ХРОНОМЕТРЫ и ЧАСЫ.

Петроградъ, Невскій, № 13.

ПАТЪ-НИППОНЪ

(КРЕМЪ ДЛЯ ЛИЦА — ШЕДЕВРЪ КОСМЕТИКА).

„ПАТЪ НИППОНЪ" предохраняетъ кожу отъ огрубѣнія и растрескиванія, отъ вліянія рѣзкихъ, холодныхъ и пыльныхъ вѣтровъ, онъ устраняетъ загаръ.

„ПАТЪ НИППОНЪ" слѣдуетъ употреблять вездѣ, гдѣ свѣтитъ солнце и дуетъ вѣтеръ — никакая вуаль не можетъ защитить такъ, какъ „ПАТЪ НИППОНЪ".

„ПАТЪ НИППОНЪ" дѣлаетъ и сохраняетъ кожу чистой, мягкой и бархатистой. Онъ даетъ ощущеніе чистоты. Употреблять его не трудъ, а удовольствіе.

Продается во всѣхъ аптекахъ, парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ „ПАТЪ НИППОНЪ". ПУДРА, МЫЛО и КРИСТАЛЛЫ НИППОНЪ (для ваннъ).

Переводы, запросы, требованія и корреспонд. адресовать въ ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ „Т-ВО НИППОНЪ", ПЕТРОГРАДЪ, Коломенская, д. 10, кв. 16, телеф. № 213-07.

Оптово-розничная продажа 2—5 ч. дня.

По сообщеніи адреса высылается безплатно книга японки Іоначивары Масакадо — „Отчего я такъ красива и молода?" 4541

МАРКИ покупка и продажа
каталогъ за 20 коп.
И. Д. КРУПЕНИНЪ.
п. т. от. Ивановское, Тверск. губ.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія", Б. Ружейная, 7—55.

ШАЛОСТИ УМЕНЬШАЮТСЯ

дайте дѣтямъ
занятія и забаву

За 3 р. 50 к. высылаю почтов. налож. плат. для вырѣзыв. и склеиван.: 1) Русск. войско, союзники, враги (ок. 220 фигуръ) или 2) Аэро-гидропланъ, санит. повозки, бронир. автомобиль, дредноутъ, крейсеръ, пароходъ, пушки, миноносецъ, санит. автомоб. и вагонъ, изъ жизни народ., птицы, звѣри, животныя.

Отд. 17 „Занятія и Забава", г. Гатчина, Петр. губ., Баггов. ул. 57. 4518 3—2

Покупайте во время!! 30 различныхъ военныхъ марокъ всѣхъ странъ 1 р., 50 марокъ — 3 р., 100 марокъ — 15 р. безъ пересылки. Уплата новыми почт. марками. Покупка и продажа всѣхъ марокъ. Каталогъ безплатно. **Биржа марокъ В. Вальтеръ (V. Walter), Копенгагенъ.** Письма въ Копенгагенъ оплачиваются 10 к. маркой.

Руководство для газетныхъ **КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ** Постоянн. крупн. побочн. заработокъ. Цѣна 1 руб. **Москва,** изд—ство **„ЛУЧЪ",** Печатниковъ пер., 18/2. 4366 (8)

Домашнее изготовленіе сахара

изъ всюду имѣющихся матеріаловъ, безъ особыхъ приспособленій, въ обыкновенной домашней посудѣ. Доступно всѣмъ. Цѣна руководства **три р.** 25 к. **Москва,** изд-ство **„Лучъ",** Печатниковъ пер., 18/2.

ОДЕССК. СРЕДН. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННО-ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ,

Учр. И. И. Хойна

Съ правами казенн. средн. учебн. завед. ОДЕССА, Троицкая 25. Пріемъ производ. въ подготовит. и первый классъ.

Проспекты высыл. за 5 2-коп. марокъ.

Тамъ же **ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ.** 4536

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 р. 25 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. убористо шрифт. Цѣна съ пер. 2 р. 50 к. на лучшей бумагѣ 3 р.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран. Цѣна 3 р. 50 к. (5) 4469

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.

При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ"—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

ЖЕЛУДОЧНЫЙ НАБОРЪ ТРАВЪ.

Способъ употребленія набора травъ *МЕНЗЕЛИНЦЕВА* высылается безплатно МОСКВА, Мясницкая, 50. Изобрѣтатель **МЕНЗЕЛИНЦЕВЪ.**

Требуйте почтою налож. плат. не засыхающее тѣсто для истребленія крысъ и мышей 1 р. 50 к. фун. 5 фун. 6 р. Пересыл. только по стоимост. Адр.: О. Великсонъ, Смоленскъ.

Только 15 или 20 рублей (на короткій срокъ) портретъ **масляными красками на полотнѣ** съ фотографическ. карточки, бюсть, натур. велич. разм. 10×12 вершк. 20 руб., 7×9 вершк. 15 рублей. При заказѣ слѣдуетъ обозначить цвѣтъ лица, глазъ, волосъ, и т. д. Заказы исполняются при задаткѣ 5 рублей на портретъ. **Зодчество** на мраморѣ съ фотографической карточки, бюстъ разм. 7×9 вершк. 35 р., 10×12 вер. 50 р. Высѣченные барельефы годны также для памятниковъ. При заказѣ задаточ. 15 руб. Адр.: гор. Вознесенскъ, Херс. губ. А. С. Егудину, Александровск. улица.

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО? Руководство къ приготовл. вкусн., сытн. и дешев. блюдъ безъ мяса. Цѣна 1 р. **Москва,** изд—ство **„ЛУЧЪ",** Печатниковъ пер., 18/2.

Вы сдѣлаете доброе дѣло,

пріобрѣтши изданіе **СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА** помощи раненымъ и увѣчнымъ воинамъ, въ которомъ описывается день за днемъ исторія **Великой Европейской Войны.** Описаніе иллюстрировано множествомъ (около 400) рисунковъ и рѣдкихъ фотографическихъ снимковъ, произведенныхъ **монопольно** на театрѣ военныхъ дѣйствій сотрудниками **Скобелевскаго Комитета.** Объемистое изданіе, вѣсомъ до 2 фунтовъ. Цѣна всего 2 рубля. Съ требов. обращаться исключительно по адресу: **Москва,** въ **„Московскую Книжную Экспедицію",** Глинищевскій пер., 8/2.

МІРЪ ТАИНСТВЕННАГО

Новая книга: МОГУЩЕСТВО ЧЕЛОВѢКА.

Практическая магія, по указаніямъ которой кажд. можетъ достигнуть **необычайной власти** надъ физич. и психич. **силами** человѣка и природы, **обладать** могуществомъ и **дѣйствовать** наравнѣ съ чудесными. Съ прилож. сочин.: **„ДЕРЕВЕНСКАЯ МАГІЯ": чародѣйство, знахарство и народные заговоры** на **всѣ жизненные случаи** (привлеченіе и чары любви; угадываніе чужихъ тайнъ и мыслей; счастливые на выигрыши талисманы; живая вода; ключи Соломона; вызываніе духовъ защиты; **цѣлебн.** растенія и пр.). **Всѣ тайн. посвященія въ могущество...** 1-е въ Россіи **науч.** изд. Ц **2 р. 85 к.** съ перес. Адр.: **Кн-во „ОККУЛЬТИСТЪ", МОСКВА, 4-я Мѣщанская, д. 1 кв. 29.** 4580

старческая дряхлость,

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, преждеврем. **безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе** съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья.
ПЕТРОГРАДЪ.

ШАХМАТЫ

подъ редакціей Евг. А. Зноско-Боровскаго.

Письма адресуются въ редакцію журнала „Нива" (по шахматному отдѣлу).

Всѣ пять задачъ этого нумера — оригинальныя, печатаются впервые.

Задача № 11.

К. А. Л. Куббель (Петроградъ).

Бѣлые: Кр b8, Ф f3, Л b3, h7, П e2.
Черные: Кр c4, Л d4, К c8, П c5, c6, f5, g6.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 12.

Д. Ѳ. Павловъ (Кіевъ).

Бѣлые: Кр h1, С b1, e1, К d3, П h2.
Черные: Кр f1, П e2, f5.

Обратный матъ въ 5 ходовъ.

Задача № 13.

С. Бандтке (Кишиневъ).

Бѣлые: Кр d8, Ф a2, Л e3, g5, К c4, f5, П e6, g3.
Черные: Кр e5, Ф h1, С g8, Кh2, П b4, c3.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 14.

М. Н. Башкатовъ (Караклиса Алашк.).

Бѣлые: Кр c7, Ф f2, С b1, h6, К d5, П f5, h3.
Черные: Кр e5, С e4, П f6.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 15.

Н. Н. Карцовъ (Одесса).

Бѣлые: Кр h3, Ф f3, С c5, Кh 8, П g4.
Черные: Кр h6, С c1, f7, К f8, П e6, e7, h7.

Матъ въ 2 хода.

Этюдъ № 3. Л. Б. Залкиндъ („Tidskr. för Schack"). ♔ c5 ♘ e7. f6 ♚ f4 ♞ e2 ♟ b3.—Ничья.

Рѣшенія задачъ и этюдовъ.

№ 63. М. В. Троновъ. 1. d7—d8 К, c4; 2. Ф e4+, К : e4; 3. К d7+; 1. . . . С g3; 2. Ф c4; 3. Ф d5, 2. . . . f2; 3. Ф e6; 2. . . . К : g4; 3. К d7+; 1. . . . fg; 2. Ф e3+; 3. Ф e4; 1. . . . ∾; 2. Ф f5, К : f5; 3. К c6+.

№ 64. К. Грабовскій. 1. Кр e8—e7, f4; 2. ab; 1. . . . Кр : e5; 2. Ф f6+; 1. . . . Кр c5; 2. Ф a7+; 1. . . . ba; 2. Ф a4+; 1. . . . К ∾; 2. К c6+.

№ 65. М. Б. Нейманъ. 1. f4—f5, Кр e4; 2. Ф f4+; 1. . . . e2; 2. Ф d2+; 1. . . . ∾; 2. Ф e3 (+).

№ 66. Н. К. Малаховъ. 1. Ф g2—d2, С : d2; 2. С c4; 1. . . . Кр : b5: 2. К c3 +; 1. . . . С : b5; 2. К b2+; 1. . . . ∾; 2. Ф : c3.

№ 67. А. В. Галицкій. 1. С c5—a7, Кр f4; 2. Ф b6; 1. . . . С d5; 2. Ф c5; 1. . . . ∾; 2. Ф e7+.

№ 68. Б. П. Палецкій. 1. С g6—c2, Л : g3; 2. К f7+; 1. . . . Л a7; 2. Ф d2+; 1. . . . ∾; 2. Ф g8+.

№ 69. Арк. И. Ломакинъ. 1. Кр d3—c3.

№ 70. В. И. Гофманъ. 1 Л c7—c3, Ф : e2; 2. Л d3; 1. . . . Ф h5; 2. Л e3; 1. . . . Ф. d7; 2. Ф : d7: 1. . . . Ф f5; 2. ef; 1. . . . Ф f3; 2. ef×; 1. . . . Ф ∾; 2. e3+.

№ 71. Б. В. Аргуновъ. 1. Ф f6—f5, Кр : a7; 2. Ф b5; 1. . . . ∾: 2. Ф c8 (+).

№ 72. W. J. Mac Arthur. 1. С c3—e1, К : c3; 2. С g3+; 1. . . . Кр d6; 2. С b4+; 1. . . . К f4; 2. К f3+; 1. . . . К : e1; 2. c5; 1. . . . ∾; 2. С g3+.

№ 73. Б. П. Палецкій. 1. С f3—e4, Кр d4; 2. С d3; 1. . . . Кр : e4; 2. К f3; 1. . . . К d4; 2. К d3+; 1. . . . ∾; 2. К f3+.

№ 74. Эд. Кабель. 1. Ф g6—h7, Кр c6, f5; 2. Ф : e7; 1. . . . К b5; 2. К : f6+; 1. . . . fe; 2. К d6; 1. . . . d2, Ф h1; 1. . . . ∾; 2. К : c3+.

№ 75. G. Guidelli и E. E. Westbury. 1. Ф a5—b4.

№ 14. J. A. J. Drewitt. 1. С h2—g1, Кр : f4; 2. С : c5, С h6; 3. С d6+, Кр f5; 4. c5. С e3; 5. c6, С b6; 6. С b8, С d8; 7. Кр d6, Кр e4; 8. С c7, С h4; 9. Кр e6, С g5; 10. С b6, С f4; 11. С d8, Кр d4; 12. С e7, С c7; 13. Кр d7, С h2; 14. С d6 и выигрыв.

Правильныя рѣшенія прислали: С. А. Вильнеръ (Козловъ)—№№ 64, 65, 67—69, 73—75, 15; В. А. Вдовинъ (Пермь)—№№ 63—71, 73—75; Д. Д. Протопоповъ (Кашинъ)—№№ 70, 71, 73—75; В. Г. (Москва) — №№ 69, 71, 73—75; М. Финкель (Озеричи) — №№ 69, 71, 73—75; Ф. Пѣтуховъ (Вотк. зав.) — №№ 65—67, 69, 71—75; М. Юрьянъ (Гатчина) — № 69; П. Бутми (Херсонъ) — №№ 69, 71, 73; Г. и В. Равинскіе (Петроградъ) — №№ 69, 75; Н. В. Ярославскій (д. армія) — №№ 69, 75; Е. Чаликъ (Елисаветградъ) — №№ 69, 71; Л. А. Штернбергъ (Красиловъ)—№№ 69, 75; П. Беккеръ (Тучинъ), В. Б. Бергманъ (Михайловское)—№ 69.

Переписка. Н. К. (Уфа). См. отдѣлъ за январь. — Прап. М. (д. армія). Моего шахматнаго учебника не существуетъ.—В. Г. (Лальскъ). Выпишите себѣ „Самоучитель шахм. игры" Шифферса, Ц. 3 р. (изд. Т-ва А. Ф. Марксъ Петроградъ, ул. Гоголя, 22). — Б. Г. (Городница). Присылка задачъ желательна на діаграммахъ, подобныхъ печатаемымъ въ журналѣ. — А. Д. (Лубны). Морфи 1837—1884, Андерсенъ 1818—1879. — Л. Ш. (Красиловъ). Партія помѣщена не будетъ.—Прап. М. (д. армія). Въ задачахъ и этюдахъ всегда, если спеціально не оговорено, начинаютъ бѣлые, при чемъ по общимъ правиламъ игры идутъ съ 1 ряда на 8-й.—А. Д. (Петроградъ). Гамб. Эванса играется не для того, чтобы заставить слона c5 отступить на b6 и добиться этого цѣною потери двухъ темповъ (a3 и b4) выгода, конечно, не большая, ходъ a3 плохъ. — В. В. (Пермь), Ф. П. (Вотк. зав.). Вы правы, указывая, что задача № 58 Н. Карцова (октябрь) не рѣшается при 1. Кр b8, d4.—В. Ч. (Витебскъ), Б. К. (Витебскъ), Л. Ф. и И. С. (Голта). Задачъ не помѣщу. — Подп. Х. (Ивенецъ). См. предыдущіе отдѣлы 1917 г.

П. Е. Зотовъ (Саратовъ, Астраханская, 12) устраиваетъ 2 турнира по перепискѣ по 5 участн. по 3 п., призы—книги, и по 4 п., при взносѣ 2 р., призы—6 и 4 р.

№ 3. ФРАНЦУЗСКАЯ ПАРТІЯ.

2-я партія матча 1916 г.

	Ласкеръ.	Таррашъ.
1.	e2 — e4	e7 — e6
2.	d2 — d4	d7 — d5
3.	К b1 — c3	К g8 — f6
4.	С c1 — g5	С f8 — b4
5.	f2 — f3	. . .

Словно нарочно, Ласкеръ всегда играетъ дебютъ очень плохо. Настоящее изобрѣтеніе его не заслуживаетъ подражанія.

5.	. . .	h7 — h6

Угрожая пѣшкѣ e4 при отходѣ слона.

6.	С g5 : f6	Ф d8 : f6
7.	К g1 — e2	. . .

Бѣлые сами отняли у своего коня лучшее поле f3. Если 7. e4 — e5, то Ф f6 — e7, и пѣшка f3 теряетъ свой смыслъ; если же 7. С f1 — d3, то c7 — c5 съ угрозами: на 8. К g1 — e2, c5 — c4, на 8. d4 : c5, С b4 : c3+, на 8. e4 — e5, Ф f6 — h4+.

7.	. . .	d5 : e4
8.	f3 : e4	e6 — e5

Если черные могутъ во французской партіи сдѣлать этотъ ходъ, то этимъ опровергается весь способъ развитія бѣлыхъ.

9.	a2 — a3	С b4 : c3+
10.	b2 : c3	С c8 — g4
11.	Ф d1 — d3	0 — 0
12.	h2 — h3	С g4 : e2
13.	С f1 : e2	К b8 — c6
14.	Л h1 — f1	Ф f6 — h4+
15.	g2 — g3	Ф h4 — e7

Въ неудовлетворительномъ положеніи бѣлые предлагаютъ жертву пѣшки ради атаки: Ф h4 : h3; 16. 0 — 0 — 0, Л a8 — d8; 17. d4 — d5, К c6 — e7; 18. Л f1 — h1 и т. д. Особенныхъ опасностей для черныхъ не видно, но, имѣя лучшую игру, они предпочитаютъ спокойные варіанты.

16.	d4 — d5	К c6 — b8

Конь стремится на c5, для освобожденія каковаго пункта черные и вынуждали d4 — d5 своимъ 13-мъ ходомъ.

17.	Ф d3 — e3	К b8 — d7
18.	c3 — c4	Ф e7 — c5
19.	Ф e3 : c5	К d7 : c5

Превосходство положенія черныхъ теперь очевидно.

20.	С e2 — d3	Л a8 — d8
21.	Кр e1 — d2	Л d8 — d6
22.	Кр d2 — e3	g7 — g6
23.	g3 — g4	Кр g8 — g7
24.	Л a1 — b1	Л d6 — f6
25.	Л b1 — b5	b7 — b6
26.	Л b5 — b1	Л f6 : f1
27.	Л b1 : f1	Л f8 — d8
28.	h3 — h4	Л d8 — d6
29.	g4 — g5	h6 : g5
30.	h4 : g5	f7 — f6
31.	Л f1 — g1	f6 : g5
32.	Л g1 : g5	К c5 — d7

Ошибка. Партія черныхъ выиграна. Вызывая размѣнъ ладей или отстраняя короля отъ пѣшки g6, они безъ труда выигрывали. Напримѣръ, Кр g7 — f6; 33. Л g5 — g1, Л d6 — d8; 34. Л g1 — h1, Кр f6 — g7, затѣмъ Л d8 — h8 и т. д. Ускореніе выигрыша ведетъ къ проигрышу.

33.	c4 — c5	. . .

Прекрасно. Вдругъ всѣ фигуры бѣлыхъ получаютъ активность, а черныхъ — неподвижность.

33.	. . .	b6 : c5
34.	С d3 — b5	Кр g7 — f6
35.	Л g5 — g1	К d7 — f8
36.	a3 — a4	Л d6 — b6
37.	Кр e3 — d3	. . .

Король устремляется на пѣшку c5.

37.	. . .	К f8 — h7
38.	Кр d3 — c4	К h7 — g5
39.	a4 — a5	Л b6 — d6
40.	Л g1 — g4	К g5 — f7
41.	Кр c4 : c5	. . .

Теперь пѣшка g6 безсильна, и игра переходитъ на ферзевый флангъ, гдѣ всѣ шансы у бѣлыхъ, такъ какъ здѣсь ихъ король и пѣшка c2 грозитъ продвиженіемъ

41.	. . .	g6 — g5
42.	Л g4 — g1	К f7 — h6
43.	С b5 — e2	Кр f6 — g6
44.	c2 — c4	К h6 — g8
45.	С e2 — g4	К g8 — e7
46.	С g4 — e6	Л d6 — a6
47.	Кр c5 — b5	Л a6 — d6
48.	Л g1 — b1	. . .

Угрожая пѣшкамъ a7 и c7.

48.	. . .	a7 — a6+
49.	Кр b5 — c5	Л d6 : e6

Нѣтъ защиты противъ Л b7.

50.	d5 : e6	g5 — g4
51.	Л b1 — f1	Кр g6 — h5
52.	Л f1 — f7	g4 — g3
53.	Л f7 : e7	Сдался.

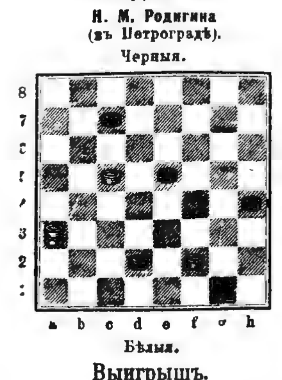
ШАШКИ

подъ редакціей В. И. Шошина.

Этюдъ № 5.

Н. М. Родигина (въ Петроградѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Выигрышъ.

Этюдъ № 6.

А. Ф. Врагова (въ Пензѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Выигрышъ.

Задача № 7.

Н. А. Кожевникова (въ Козловѣ).

Черныя.

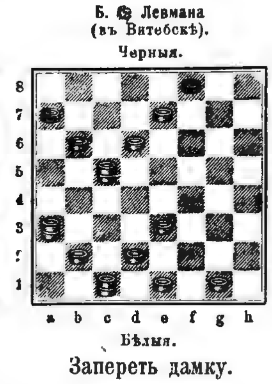
Бѣлыя.

Запереть простую.

Задача № 8.

Б. Ѳ. Левмана (въ Витебскѣ).

Черныя.



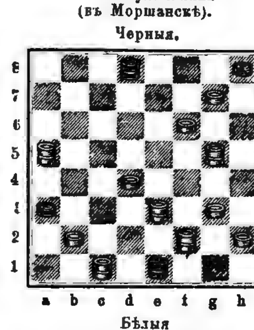
Бѣлыя.

Запереть дамку.

Задача № 9.

А. И. Куличихина (въ Моршанскѣ).

Черныя.



Бѣлыя

Запереть дамку и 2 прост.

Окончаніе партіи № 2. В. К. Лисенко. a7, c1, c3, e3, f4, g1, h4 b6, b8, c5, c7. d6, e7, f6, h6.—Выигрышъ.

ПАРТІЯ № 4.

Играна въ 14-мъ турнирѣ по перепискѣ съ 6 декабря 1910 г. по 11 іюня 1911 г.

В. Г. Погорѣловъ (Москва). Бѣлыя.		А. А. Оводовъ (Епифань). Черныя.
1.	c3 — d4	d6 — c5
2.	b2 — c3	c7 — d6
3.	c3 — b4	b6 — a5
4.	d4 : b6	a5 : c7
5.	b4 — c5	d6 : b4
6.	a3 : c5	f6 — g5
7.	d2 — c3	g5 — h4
8.	a1 — b2	g7 — f6
9.	c3 — b4	h8 — g7
10.	b2 — a3	c7 — b6
11.	e3 — f4	b6 : d4
12.	f4 — g5	h6 : f4
13.	g3 : c3	a7 — b6
14.	c3 — d4	b7 — a5
15.	b4 — c5	g7 — h6
16.	f2 — e3	f6 — g5
17.	g1 — f2	g5 — f4
18.	e3 : g5	h4 : f6
19.	f2 — e3	f6 — e5
20.	d4 : f6	e7 : g5
21.	c1 — d2	f8 — e7
22.	e1 — f2	e7 — f6
23.	h2 — g3	

Если 23. e3 — d4, то d8 — e7: 24. d2 — e3 (если 24. h2 — g3, то a5 — b4; 25. c5 — b6, b8 — a7; 26. a3 : c5, e7 — d6: 27. c5 : e7, a7 : g1 и черн. должны выиграть), g5—h4; 25. e3—f4 (если 25. f2—g3, h4 : f2; 26. e3 : g1, то b8—a7 и затѣмъ 27. . . . a5—b4 и выигр.), a5 — b4; 26. c5 — b6, b8 — a7: 27. a3 : c5, e7 — d6, 28. c5 : g5, a7 : g1; 29. g5—f6, g1—c5 и выигрываютъ. Если же 23. d2—c3, то очевидно a5—b4; 24. c3 : a5 f6 — e5 и черныя, имѣя сильное положеніе, должны выиграть.

23. . . . d8 — e7

Если 23. . . . f6—e5, то 24. c5—d6. e5 : c7; 25. g3 — h4, g5 — f4: 26. e3 : g5, h6 : f4; 27. f2—e3. f4 — g3; 28. h4 : f2 и сводится къ ничьей. Если же 23. . . . a5 — b4. то 24. c5 — d6 (при 24. c5—b6, очевидно, послѣдовало бы 24. . . . f6 — e5; 25. a3 : c5. g5 — f4; 26. e3 : g5. h6 : h2 и черн. должны выиграть) d8 — c7; 25. a3 : c5, c7 : e5; 26. d2 — c3 (при 26. c5—b6 очевидно b8—c. и 27. . . . g5 — h4; 28. . . . h6 : h2 и выигр.), b8 — c7: 27. e3 — d4 (если 27. c5 — d6, то c7 — b6; 28. d6 : f4, g5 — h4; 29. c3 — d4, f6 — g5 и черн. получаютъ сильное положеніе въ партіи), g5 — f4; 28. c5 — d6, f4 : h2; 29. d6 : b8, h2 — g1: 30. b8 — g3, g1 : a7; 31. c3 — b4 и ничья.

24. g3 — h4

Если 24. g3 — f4, то a5 — b4: 25. c5 — b6, b8 — a7; 26. a3 : c5, e7 — d6; 27. c5 : e7, f6 : d8: 28. d2 — c3, a7 : c5; 29. f2 — g3 и ничья.

24. . . . g5 — f4

Если 24. . . . a5 — b4, то 25. c5 — b6 и если g5 — f4; 26. e3 : g5, h6 : f4; 27. a3 : c5, f4 — g3, то 28. f2 — e3, g3 — h2: 29. e3 — f4 и выигр. Если же 24. . . . b8 — a7, то очевидно 25. c5 — d6, e7 : c5; 26. d2 — c3 и выигрываютъ.

25. e3 : g5 h6 : f4
26. c5 — d6

Если 26. f2 — e3, то a5 — b4: 27. e3 : g5, b4 : d6; 28. a3 — b4 или d2 — c3 и сводится къ ничьей.

26. . . . e7 : c5
27. f2 — e3 f4 — g3

Если 27. . . . f6 — e5: 28. e3 : g5, c5 — d4, то 29. d2 — c3, d4 : b2; 30. a3 : c1, e5 — d4: 31. g5 — f6, d4 — e3; 32. f6 — g7, e3 — f2; 33. g7 — h8, f2 — e1; 34. h4 — g5, e1 — b4; 35. g5 — h6, b4 — f8 и сводится къ ничьей.

28.	h4 : f2	f6 — e5
29.	d2 — c3	b8 — c7
30.	f2 — g3	a5 — b4
31.	c3 : a5	e5 — d4
32.	e3 — f4	d4 — c3
33.	f4 — g5	c3 — d2
34.	g5 — f6	d2 — e1
35.	g3 — h4	e1 — f2

Если 35. . . . e1 — d2, то бѣлымъ нужно играть 36. f6 — e7 (если 36. f6 — g7, то d2 — c3 и выигр.), d2 — c3; 37. h4 — g5 и ничья.

36. f6 — g7

При 36. f6 — e7 очевидно послѣдовало бы 36. . . . c7 — b6; 37. a5 : c7, c5—b4; 38. a3 : c5, f2 : f6 и выигрываютъ,

36.	. . .	c7 — b6
37.	a5 : c7	c5 — b4
38.	a3 : c5	f2 : d8

Ничья.

Рѣшенія задачъ и этюдовъ.

— № 1. С. и Б. Левманыхъ. 1. c7—b8, d2—g5 (если 1. . . . d2 — c1, то 2. b8 — e5, c1 — b2 [2. . . . c3 — d2; 3. f2 — e1 и выигр.]; 3. f8 — b4; 4. e5 : a1 и выигр.; если 1. . . . d2 — e1, то 2. f8 — d6; 3. b8 : a1 и выигр.; если 1. . . . d4 — c3, то 2. f2 — d4 и если b2 — a1, то 3. f8 — d6; 4. b8 : c1 и выигр., а если 2. . . . b2 — c1, то 3. d4 — b2; 4. b8 — d6; 5. f8 : e1 и выигр.; если же 1. . . . h6 — g5, то 2. f2 — d4; 3. b8 : c1 и выигр.); 2. f8 — g7; 3. f2 — d4; 4. b8 : h6 и выигрываютъ.

— № 2. А. Ф. Врагова. 1. g3 — h4, g5 — h6 (если 1. . . . g5 — d8, то 2. h2 — g1 и если e3 — d2, то 3. g1 — b6; 4. f8 — e7: 5. h4 : e1 и выигр.); 2. h4 — g5; 3. h2 : e5, e3 — f2 (если 3. . . . e3 — d2, то 4. e5 — c3; 5. f8 : a3 и выигр.): 4. e5 — g3; 5. f8 — d6 и выигрываютъ.

— № 1. А. Н. Шмалько. 1. e3 — f4, c5 — b6 (A); 2. a7 : c5: 3. c5 — d6; 4. d4 — c5; 5. f4 — g5; 6. d6 — e7 и т. д. A) 1. . . . c7 — d6; 2. e5 : c7; 3. f4 — e5: 4. g7 — e5; 5. d4 — e5; 6. f2 — g3 и 7. a7 — g1.

— № 2. Н. А. Кожевникова. 1, e3 — f2, a5 — b4 (A); 2. e7 : a3: 3. a7 — b6; 4. d4 — c5; 5. f4 — g5; 6. a3 — c5; 7. f2 — h4; 8. h4 — g3 9. c5 — g1. A) 1. . . . b8 — c7; 2. a7 — b6, c7 — d6 (2. . . . a5 — b4; 3. e7 : a3; 4. d4 — c5 и т. д.); 3. e7 : a3; 4. a3 — d6; 5. d4 — c5; 6. f4 — g5 и 7. d6 — g3.

— № 3. С. Л. Калмановскаго. 1. a7 — g1, g5 — f4 (A); 2. e1 — g3: 3. f6 — g7; 4. c3 — e5; 5. h4 — g3 и 6. d2 : f4. A) 1. . . . g5 — e3; 2. g1 : b6; 3. e7 — d6; 4. d2 — e3; 5. c3 — a5; 6. a5 — b6; 7. h4 — f6; 8. e1 — a5; 9. c1 — d2; 10. a5 — b4 и 11. f6 — b2. Имѣетъ побочное рѣшеніе (1. c3 — e5), во избѣжаніе котораго дамку a7 слѣдуетъ переставить на d4.

— № 1. В. К. Лисенко. 1. c5 — b6, c7 : a5 (1. . . . a7 : c5; 2. d4 : h4 и выигр.); 2. a3 — b4; 3. e3 — f4; 4. f2 : d8 и выигрываютъ.

Рѣшили: М. П. Шаршуковъ (Москва), И. Ритовъ (Петроградъ), А. К. Мишинъ (Сергіевъ посадъ), Н. А. Кожевниковъ (Козловъ), Я. Г. Тихоновъ (пос. Реутово), В. В. Локотьяновъ (Петроградъ), Н. Ф. Русаковъ (Коломна), Θ. З. Пѣтуховъ (Воткинскій заводъ), Н. В. Ярославскій (д. армія), М. Н. Кадухинъ (Богородскъ), В. Г. Стоговъ (Самара). Г. Н. Родіоновъ (Москва), М. И. Билецкій (ст. Милорадовка) и А. Ф. Враговъ (Пенза) — всѣ; М. Киселевъ (Симбирскъ)—этюды №№ 1, 2 и оконч. № 1; А. Гиржевъ (д. армія) — задачи №№ 1, 2 и оконч. № 1; Н. Д. Дорофеевъ (Петроградъ)—этюдъ № 2 и оконч. № 1; А. Эйкстремъ (Залисмюнде)—этюдъ № 1; С. и П. Чистяковы (Козловъ) — зад. № 1; Павликъ Кузнецовъ (Петроградъ) — оконч. № 1; А. И. Алексѣевъ (с. Сорочинское) — №№ 15, 16, 30 и 31; З. Ф. Марьямовъ (Тарховка) — № 15.

Желаетъ играть въ шашки по перепискѣ начинающій любитель Г. Тимонинъ (Петроградъ, Слѣдственная часть Петроградскаго почтамта).

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ И РЕБУСЫ

подъ редакціей Н. В. Панкова.

Результаты конкурса задачъ и рѣшеній задачъ, помѣщенныхъ въ „Литерат. Прилож.“ Нивы за 1916 г.

Въ 1916 г. приняли участіе въ конкурсѣ **514** лицъ; изъ нихъ, согласно условіямъ конкурса, удостоены награжденія призами слѣдующія: 1) **А. А. Вейгертъ** (Петроградъ). 47 очковъ — К. Гоголинъ, собраніе сочиненій въ 12 том.; 2) **А. Н. Сергѣевъ** (Москва), 44 очка — Н. Н. Полевой „Исторія русской словесности“, иллюстр.; 3) **В. В. Кутузовъ** (Пенза), 43 — то же изданіе; 4) **А. А. Огіевичъ** (Новгородъ), 41—Гете „Лисъ Патрикѣичъ“, иллюстр.; 5) **С. В. Мордвиновъ** (Чугуевъ), 39—то же изданіе; 6) **I. С. Рудницкій** (Острогъ), 39 — П. Н. Полевой „Сказки братьевъ Гриммовъ“, большое изданіе; 7) **М. Х. Юрьевъ** (Одесса), 37—А. Волынскій „Леонардо да-Винчи“; 8) **С. К. Поповъ** (Владиміръ), 37—Г. Гейне, собраніе сочиненій въ 6 том.; 9) **И. Агронскій** (Чугуевъ), 35 — „Альбомъ украинской старины“; 10) **В. П. Поповъ** (Кіевъ) — то же изданіе; 11) **А. В. Невскій** (Петроградъ) — Ф. Мартинъ „Три царства природы“; 12) **Б. Н. Роде** (Петроградъ)—Р. И. Сементковскій, сочиненія въ 3 том.; 13) **Л. Н. Церковницкій** (Кирилловъ), 34—Н. В. Гоголь, письма въ 4 том.; 14) **А. Ф. Балахнинъ** (Петроградъ), 32—то же изданіе; 15) **А. Ф. Мерингъ** (Петроградъ) — Н. П. Вагнеръ „Картины изъ жизни животныхъ“; 16) **Н. М. Хайкинъ** (Самара), 31—то же изданіе; 17) **Θ. В. Кононовъ** (Петроградъ)—Θ. Э. Ромеръ, сочиненія въ 4 том.; 18) **И. И. Лобковскій** (Петроградъ), 30—К. Линдеманъ „Общія основы энтомологіи“; 19) **Э. Б. Томасевичъ** (Тверь)—то же изданіе; 20) **П. И. Кальсбергъ** (ст. Мотовилиха)—П. Д. Боборыкинъ, сочиненія въ 12 томахъ; 21) **А. В. Радецкій-Микуличъ** (Петроградъ), 29 — то же изданіе; 22) **Е. I. Гаусманъ** (Петроградъ)—Я. Б. Шницеръ „Иллюстрированная исторія письменъ“; 23) **В. Р. Яхимовичъ** (Пенза). 28 — то же изданіе; 24) **Г. М. Драгунъ** (Витебскъ) — К. Линдеманъ „Основы сравнительной анатоміи“; 25) **К. Ю. Теуфель** (Сумы) — то же изданіе; 26) **А. Г. Карпенко** (Томскъ) — Л. Н. Майковъ „Батюшковъ, его жизнь и сочиненія“; 27) **А. Д. Мухинъ** (Петроградъ)—П. П. Гнѣдичъ „Песьи мухи“, разсказы, 2 тома; 28) **А. А. Поповъ** (Одесса)—то же изданіе; 29) **Ф. И. Земанъ** (Харьковъ), 27—А. Купенъ „Причудливыя животныя“; 30) **А. Г. Левитская** (Конотопъ)—то же изданіе; 31) **В. Я. Васильевъ** (Коломна)—А. Луговой „Добей его“, иллюстр.; 32) **С. А. Модестовъ** (Звенигородъ) — Хр. Деветъ „Борьба буровъ съ Англіей“; 33) **Н. С. Ивановъ** (Реутово) — то же изданіе; 34) **Я. Г. Тихоновъ** (Реутово — Вс Соловьевъ „Изгнанникъ“, ром.; 35) **Э. Д. Яхонтова** (Петроградъ)—то же изданіе; 36) **А. К. Хиничъ** (Старица), 26 — А. Шопенгауэръ „О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія“; 37) **Ф. З. Фокинъ** (Николаевъ)—то же изданіе; 38) **А. Д. Черницкая** (Глинскъ)—П. Полевой „Непокупное“, илл., 39) **М. Г. Королевъ** (Тула), 25 — П. П. Гнѣдичъ, Повѣсти и разсказы; 40) **М. В. Лапина** (Петроградъ)—А. Луговой „Грани жизни“, ром.; 41) **Престинъ** (Гельсингфорсъ), 24 — то же изданіе; 42) **З. А. Никитскій** (Телавъ)—П. П. Гнѣдичъ „Черезъ Черное море“ съ рис.; 43) **К. А. Угрюмовъ** (Архангельскъ) — то же изданіе 44) **Н. Е. Фридрихъ** (Нижній-Новгородъ) — А. Молль „Врачебная этика“; 45) **Н. С. Шепелевъ** (Самара) — то же изданіе; 46) **К. В. Лукинъ** (Петроградъ), 23 — „XIX вѣкъ“, иллюстр.; 47) **М. А. Кишиловъ** (Петроградъ) — то же изданіе; 48) **А. А. Баскаковъ** (Екатеринодаръ), 22 — А. Шопенгауэръ „Міръ, какъ воля и представленіе“; 49) **К. Г. Якобсонъ** (Хайларъ) — то же изданіе; 50) **Д. Н. Заринъ** (Выборгъ)—А. Арсталь „Семья и ея задачи“; 51) **Ф. К. Кетцлеръ** (Петроградъ) — то же изданіе; 52) **Р. М. Ундринцевъ** (Асхабадъ), 21—К. Линдеманъ „Основы общей зоологіи“; 53) **Л. И. Жукова** (Саратовъ)—то же изданіе: 54) **А. М. Антовиль** (Орелъ)—Л. Н. Толстой „Воскресеніе“, иллюстр. ром.; 55) **Θ. А. Губаржевскій** (Петроградъ)—то же изданіе; 56) **Н. П. Клюшина** (Златоустъ) — П. И. Вейнбергъ стихотворенія; 57) **Θ. И. Кушнировъ** (Троицкъ)—то же изданіе; 58) **О. А. Лебедева** (Петроградъ)—А. Луговой „Тенета“, ром.; 59) **А. И. Метлинъ** (ст. Максатиха) — Масловъ „Изъяны воли“, ром.: 60) **А. Г. Антимоновъ** (Златоустъ) — Θ. Э. Ромеръ „Бесѣды о практическомъ плодоводствѣ“; 61) **Θ. П. Шипулинскій** (Москва), 20—К. К. Случевскій „Пѣсни изъ уголка“; 62) **М. П. Аристовъ** (Москва), — то же изданіе; 63) **З. Б. Слуцкій** (Рогачевъ) — В И. Немировичъ - Данченко „На пути къ счастью“. ром.; 64) **К. П. Славницкій** (ст. Сейма)—то же изданіе; 65) **К. И. Степановъ** (Солигаличъ), 19 — К. Баранцевичъ „Свободные сны“, разсказы; 66) **С. П. Гернетъ** (Петроградъ)—то же изданіе; 67) **В. М. Глухаревъ**, (Лотошино) — П. П. Гнѣдичъ „Бѣглые“, пов. и разск. 68) **А. Т. Щегловъ** (Енакіево) — то же изданіе. 69) **Н. Е. Градищевъ** (Москва)—Ф. Шпильгагенъ „Про что щебетала ласточка“ и 70) **К. П. Гусева** (Юрьевскій заводъ), 19 очковъ—то же изданіе;

Лица, проживающія въ Петроградѣ, приглашаются за полученіемъ призовъ въ контору журнала, иногороднимъ же книги будутъ высланы почтой.

Желающіе замѣнить назначенныя имъ по списку изданія другими (равноцѣнными или же съ доплатой разницы въ стоимости) благоволятъ **немедленно** заявить о томъ въ контору журнала (на имя управляющаго).

Выборъ можетъ быть сдѣланъ только изъ числа вышепоименованныхъ изданій.

Къ задачѣ № 9. При составленіи круга части фигуры (вопросит. знака) не должны быть повертываемы на изнанку.

Задача № 10.

Предлагается разставить на шахматной доскѣ **четыре** ферзя (королевы) такъ, чтобы число клѣтокъ, не находящихся подъ ударами этихъ королевъ, было наименьшимъ.

Примѣчаніе. Королева можетъ угрожать всякой фигурѣ, стоящей на одной съ нею линіи вертикальной или горизонтальной или же наклонной (діагональной).

За каждое правильное рѣшеніе этой задачи будетъ зачтено по очку, при чемъ симметричныя рѣшенія будутъ считаться за одно.

Геометрическая задача № 11. А. Н. Сергѣева.

Два брата получили отъ отца въ наслѣдство участокъ земли площадью въ 27 десятинъ, имѣвшій форму прямоугольной трапеціи, параллельныя стороны которой относились, какъ 23 къ 7. Желая раздѣлиться, братья стали обсуждать вопросъ, гдѣ слѣдуетъ провести границу, и остановились на томъ рѣшеніи, при которомъ оказалось возможнымъ раздѣлить участокъ на двѣ **равныя** части.

Предлагается опредѣлить всѣ стороны участка и показать на чертежѣ, какъ было произведено размежеваніе его.

Задача буквъ № 12.

Данные отрѣзки съ буквами предлагается сложить вмѣстѣ такъ, чтобы **ходомъ коня** можно было прочесть цитату изъ одного русскаго поэта?

Какую нужно для этого сложить изъ отрѣзковъ фигуру, и что это за цитата?

Рѣшеніе задачи-шутки № 1 (помѣщ. въ № 2 „Нивы“ за 1917 г.).

Данная задача не разрѣшима, если допустить, что деньги лежали въ двухъ отдѣльныхъ кошелькахъ. Шутка и заключается въ томъ, что деньги были положены: 2 руб. въ большой и 10 руб. въ маленькій кошелекъ, при чемъ маленькій находился внутри большого. Содержимое большого кошелька въ этомъ случаѣ должно разсматриваться въ связи съ содержимымъ маленькаго, въ немъ находившагося.

Рѣшеніе криптограммы № 2 (помѣщенной тамъ же).

Для удобства замѣнимъ знаки надписи числами, обозначая одинаковые знаки одинаковыми же числами, а треугольники—чертой. Надпись тогда представится въ слѣдующемъ видѣ:

1 . 2 — 3 . 4 . 5 . 2 — 6 . 3 .
7 . 6 . 8 . 9 . 4 — 1 . 2 — 10 .
11 . 12 . 13 . 4 . 13 . 13 . 14 .
5 . 2 — 15 . 16 . 8 . 11 — 17 .
16 . 18 . 7 — 8 . 1 . 14 . 19 —
18 . 14 . 20 . 21 . 2 — 1 . 4 .
20 . 11 . 8 . 2 — 11 . 18 . 8 .
11 — 1 . 22 . 7 . 21 . 14 . 1 . 2
— 13 . 4 — 12 . 13 . 7 . 8 . 9
— 15 . 22 . 4 . 21 . 22 . 7 .
18 . 2 — 13 . 4 — 5 . 23 .
22 . 11 . 8 . 9 — 20 . 24 . 25 .
11 . 8 . 9 — 13 . 7 . 18 . 21 .
26 . 8 . 9 . 6 . 26 — 11 — 1 .
23 . 22 . 11 . 8 . 9 —

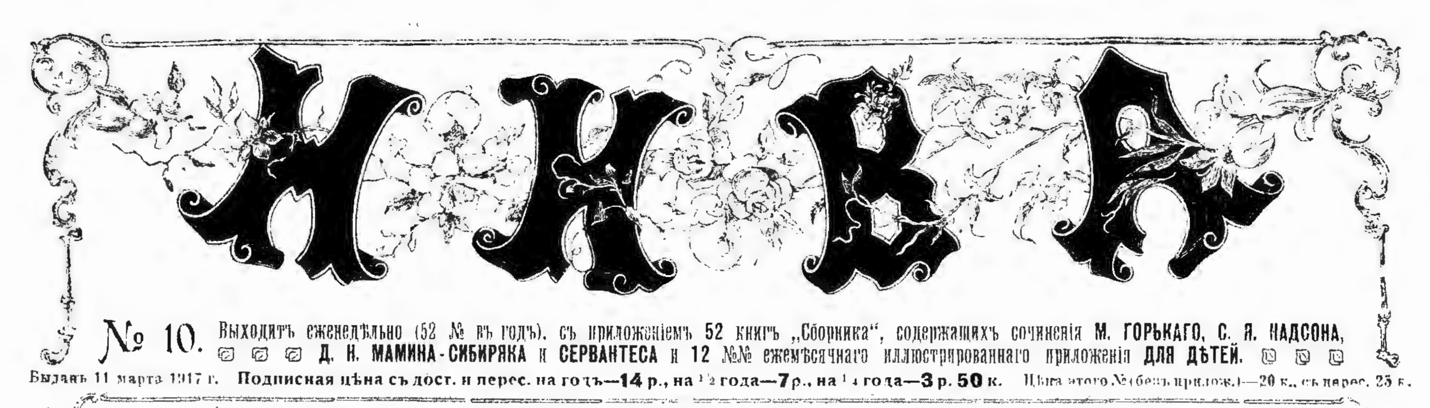
Замѣняя теперь постепенно числа буквами, получимъ слѣдующее четверостишіе А. Н. Майкова:

„Въ чемъ счастье?.. Въ жизненномъ пути,
Куда твой долгъ велитъ—идти,
Враговъ не знать, преградъ не мѣрить,
Любить, надѣяться и—вѣрить.“

Рѣшеніе алгебраической задачи № 3 (помѣщенной тамъ же).

Обозначимъ части нумера каждаго телефона черезъ xy и $(x+y)$, гдѣ x и y — два цѣлыхъ и положительныхъ числа. По условію $xy + x + y = 247$. Представимъ это неопредѣленное уравненіе въ видѣ $x(y+1) = 247 - y$, откуда $x = \frac{247 - y}{y+1} = \frac{247 + 1 - y - 1}{y+1} = \frac{248}{y+1} - 1$. Число $(y+1)$ должно быть дѣлителемъ числа 248, иначе x будетъ числомъ дробнымъ. Число 248 имѣетъ дѣлителей: 1, 2, 4, 8, 31, 62, 124 и 248; изъ нихъ 1, 2, 124 и 248 исключаются, какъ не удовлетворяющія условію задачи. При $y+1=4$, $x=61$ и $y=3$; при $y+1=8$, $x=30$ и $y=7$; при $y+1=31$, $x=7$ и $y=30$, и, наконецъ, при $y+1=62$, $x=3$ и $y=61$. Отсюда находимъ и нумера телефоновъ: 183 — 64 и 210—37.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.



№ 10. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА и СЕРВАНТЕСА и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Выданъ 11 марта 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на ½ года—7 р., на ¼ года—3 р. 50 к. Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Мундиръ безстыдства.

Разсказъ Ю. Волина.

I.

Михаилу Павловичу удалось занять столикъ хоть и не у самаго окна, но близко отъ него. Съ этого пункта можно было видѣть всѣхъ проходящихъ по тротуару и всѣхъ входящихъ въ широкія двери „Метрополя“.

Онъ пришелъ въ кафе на часъ раньше назначеннаго времени, но съ первой минуты сосредоточилъ свое вниманіе на окнѣ и настроился выжидающе и возбужденно-тревожно: какъ бы не пропустить.

Огромное, во всю стѣну, зеркало при каждомъ случайномъ взглядѣ напоминало ему, что онъ другой, новый и неузнаваемый даже для самого себя. Та, кого онъ ждетъ, конечно, не найдетъ его, если онъ самъ не пойдетъ ей навстрѣчу. Вѣдь, разставаясь съ ней вчера вечеромъ, онъ даже не намекнулъ на возможность такого маскарада. Могъ ли онъ ждать, что утромъ придетъ фантазія переодѣться въ штатское?

Къ его столику подошелъ какой-то господинъ и, не спросивъ разрѣшенія, шумно отодвинулъ стулъ и грузно усѣлся.

Михаилъ Павловичъ поморщился: что за безцеремонность! Но въ непривычномъ и къ тому же чужомъ костюмѣ Михаилъ Павловичъ чувствовалъ себя какъ-то стѣсненно, не собою, и это отняло у него обычную ясную простоту въ обращеніи съ людьми: не хватило смѣлости сказать этому господину, что мѣсто за столикомъ предназначено для дамы, и что, во всякомъ случаѣ, занимать безъ спроса мѣсто у чужого стола, по меньшей мѣрѣ, невѣжливо. Къ тому же, Михаилъ Павловичъ подумалъ, что до прихода Колокольцовой еще цѣлый часъ, не стòитъ поднимать исторіи.

Господинъ, оказавшійся сосѣдомъ Михаила Павловича, имѣлъ круглую бритую голову на толстой шеѣ, „американскіе“ усики, массивную золотую цѣпь черезъ всю грудь, широкіе увѣренные жесты и громкій голосъ.

Усѣвшись, онъ сталъ стучать кольцомъ по мраморной доскѣ стола, подзывая официанта, и одновременно заговорилъ, глядя на Михаила Павловича поверхъ золотого пенснэ:

— Если не ошибаюсь, вы работаете съ желѣзомъ?

Михаилъ Павловичъ не понялъ вопроса, но ничего не сказалъ.

— А если съ углемъ, то это мнѣ тоже интересно. Покупаете или продаете?

Михаилъ Павловичъ вспыхнулъ. Его принимаютъ за какого-то маклера или спекулянта!

Онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и уже собрался рѣзко отвѣтить этому упитанному нахалу.

Но въ тотъ самый моментъ взглядъ Михаила Павловича упалъ на зеркало. Онъ увидѣлъ толпу людей въ визиткахъ и смокингахъ, суетящихся вокругъ столиковъ. И въ этой толпѣ онъ увидѣлъ себя, тоже въ визиткѣ и въ золотомъ пенснэ, ничѣмъ не отличающагося отъ нихъ... Можетъ ли онъ сердиться на развязнаго господина, принявшаго его за одного изъ своихъ?

— Вы ошибаетесь,— спокойно сказалъ Михаилъ Павловичъ. — Я не продаю и не покупаю. Не „работаю“ ни съ желѣзомъ ни съ углемъ. Я вообще ничего общаго съ коммерціей не имѣю.

Толстый господинъ отъ неожиданности и изумленія уронилъ пенснэ. Потомъ, послѣ долгой паузы, въ теченіе которой пенснэ было вновь возстановлено на горбикѣ носа, человѣкъ съ толстой шеей и золотой цѣпью пристально посмотрѣлъ на Михаила Павловича и въ раздумьѣ заговорилъ:

— Значитъ, вы, молодой человѣкъ, совсѣмъ не...—но, не находя нужнаго слова, а можетъ-быть, рѣшивъ, что въ такомъ случаѣ и разговаривать не стòитъ, толстякъ такъ и оборвалъ на „не“ и совершенно неожиданно поднялся, почти сорвался съ мѣста и помчался къ противоположному углу залы.

Михаилъ Павловичъ послѣ этого инцидента уже не могъ отдаться бездумному ожиданію. Взглядъ его только изрѣдка напра-

Портретъ пѣвца народныхъ пѣсенъ Мезенцева, награжденнаго за боевые подвиги солдатскимъ Георгіемъ.

П. Бучкинъ. XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ“.

влялся въ сторону окна. Его заинтересовали окружающая обстановка и суетящіеся вокругъ люди.

На фронтѣ, откуда только вчера вернулся Михаилъ Павловичъ Травскій, много было разговоровъ о жизни въ тылу. Изъ газетъ и писемъ знали тамъ о волнѣ спекуляціи, разлившейся по странѣ. Молодые офицеры и врачи, среди которыхъ вращался Травскій, возмущались низменной жестокостью тыла. Они оставили свои семьи, своихъ близкихъ, свои любимыя дѣла. Они живутъ мѣсяцы—уже годы!—въ суровой обстановкѣ окоповъ, переходовъ, развѣдокъ, наступленій, перестрѣлокъ, смертей, раненій, лазаретовъ. Они цѣлые мѣсяцы—уже годы! не видѣли улыбки любимой женщины, не слышали дѣтскаго смѣха. Вечеръ въ оперѣ или простая прогулка пѣшкомъ, объ руку съ женой въ городскомъ саду представляется имъ, истосковавшимся и замерзшимъ безъ ласки, неземнымъ счастьемъ. А тамъ, въ тылу, гдѣ все это есть: и женщины, и дѣти, и улыбки, и пѣніе, и тихая нѣга мирныхъ дѣлъ, тамъ забыли о нихъ! Тамъ отдались жадной наживѣ, наглому разгулу. Могли ли они не возмущаться?

И вотъ онъ, Михаилъ Павловичъ Травскій, неожиданно для себя самого очутился въ одномъ изъ большихъ гнѣздъ спекуляціи. Теперь онъ вспомнилъ, что о „Метрополѣ“, какъ сборномъ пунктѣ темныхъ дѣльцовъ, онъ читалъ даже какъ-то въ газетѣ. Зачѣмъ назначилъ онъ именно здѣсь свиданіе Лидіи Львовнѣ? Это вышло совершенно случайно. Оба они мало знали городъ. На вокзалѣ стали условливаться, гдѣ бы встрѣтиться. Травскій вспомнилъ о „Метрополѣ“, просто самое названіе запомнилось. На томъ и остановились.

Теперь стало досадно. Захотѣлось даже выйти на улицу, подождать ее у входа, увести ее отсюда,—ее, чистую, благородную, вѣрующую въ людей.

II.

Михаилъ Павловичъ уже поднялся съ мѣста. Неожиданно окликнулъ его кто-то:

— Миша! Мишель! Травскій!

Мишелемъ называли его только въ студенческіе годы, въ пріятельскомъ кругу, для отличія отъ другого Миши.

Травскій съ нѣкоторымъ испугомъ, все время помня, что онъ одѣтъ не по формѣ, сталъ оглядываться.

Въ высокомъ, сутуловатомъ, узкогрудомъ и, несмотря на безукоризненный костюмъ, кажущемся грязнымъ и лохматымъ, человѣкѣ Михаилъ Павловичъ сразу узналъ Васю Ломтева, университетскаго товарища.

— Здравствуй, старикъ! — весело привѣтствовалъ онъ пріятеля,

На Верденскомъ подъемѣ. Художникъ-карикатуристъ *Пэмъ*.
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ“.

котораго не видѣлъ лѣтъ пятнадцать. — Ты что здѣсь дѣлаешь? Откуда взялся?

Ломтевъ сначала осмотрѣлъ Травскаго съ ногъ до головы, потомъ усѣлся и только послѣ этого заговорилъ.

— Я-то здѣсь давно. А ты откуда и какимъ образомъ? Слышалъ я, ты былъ призванъ?

— Въ первую мобилизацію.

— Ну, а потомъ?

— Что жъ потомъ? Такъ до сихъ поръ и служу.

— Это въ визиткѣ да въ лакированныхъ ботинкахъ? — усмѣхнулся Ломтевъ.

Михаилъ Павловичъ смутился, вспомнивъ о своемъ костюмѣ, и оправдывающимся тономъ объяснилъ:

— Ну, это ничего... Это такъ себѣ, шутка. Только сегодня такъ одѣлся.

— Гдѣ же ты служишь?

— Врачомъ при санитарномъ поѣздѣ. Все время въ пути. Подъѣзжаемъ къ самому фронту, забираемъ раненыхъ и развозимъ по лазаретамъ. Вотъ и вчера привезли около ста человѣкъ сюда. Но здѣсь мнѣ придется пробыть дней пять. Маленькій ремонтъ поѣзда. А здѣсь у меня двоюродный братецъ живетъ, адвокатъ. Я къ нему заѣхалъ, увидѣлъ у него лишній костюмъ, ну и вздумалъ пощеголять въ штатскомъ. Уже отвыкъ, захотѣлось вспомнить, какъ чувствуетъ себя человѣкъ въ визиткѣ. Вотъ и все. Ну, а ты какъ, старикъ? О себѣ разскажи!

— Загорѣлъ ты, Мишель! — не отвѣчая на вопросъ и все продолжая разглядывать Травскаго, сказалъ Ломтевъ. — Молодцомъ! Визитка тебѣ не подходитъ, въ военномъ, должно-быть, лучше, а въ общемъ молодцомъ, смотрѣть пріятно. Бодрость чувствуется. Ты что, женатъ?

— Нѣтъ... То-есть, сейчасъ не женатъ... — почему-то смутившись, отвѣтилъ Травскій. И для того, чтобы подавить свое смущеніе, заговорилъ быстро и оживленно: — Не удалась моя семейная жизнь. Женился я на Вѣрочкѣ Навроцкой. Ты долженъ ее помнить. Кажется, и ты за ней ухаживалъ. Ну да, даже портретъ ея писалъ! Еще студентомъ будучи, женился. Почти сейчасъ послѣ того, какъ ты бросилъ университетъ и поѣхалъ въ Питеръ въ академію. Прожили мы съ ней только три года. Начались нелады, недовольство другъ другомъ. Ты знаешь, я не люблю недомолвокъ и путаницы, и не даю развиваться трагедіямъ. Ну, поговорили по душамъ и разстались добрыми друзьями. Даже переписывались. А два года тому назадъ Вѣрочка заболѣла тифомъ и умерла. Теперь я вдовецъ. А ты?

— Женатъ и даже очень. Четверо дѣтей, Мишель!

Не клюетъ. Художникъ-карикатуристъ *Пэмъ*.
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ“.

Плѣнные. *И. Владиміровъ.*
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ".

— А какъ живешь-то?
— Да помаленьку. Въ послѣднее время даже недурно.
— Имя твое мнѣ приходилось встрѣчать. Ты на выставкахъ выставлялъ, и тебя хвалили.
— Да, было, — съ мрачной усмѣшкой подтвердилъ Ломтевъ.
— Почему въ прошедшемъ времени?
— Надо бы даже въ плюсъ-квамъ-перфектумѣ.
— Развѣ бросилъ? — съ тревогой и сожалѣніемъ, уловивъ въ словахъ Ломтева скрытую боль, спросилъ Михаилъ Павловичъ. А, старикъ? Говори! Бросилъ живопись, что ли? Думаю, что нѣтъ. Ни на что другое ты вѣдь и не способенъ. Не спекуляціей же ты занялся, въ самомъ дѣлѣ?
— А почему бы нѣтъ? — усмѣхнулся художникъ. Чѣмъ я хуже этихъ всѣхъ?
— Не хуже, а лучше, старина! Потому и не вѣрю, что считаю тебя лучше... Нѣтъ, ты серьезно говори, вѣдь друзьями были, не изъ любопытства спрашиваю.
— Да я совершенно серьезно, Мишель. Иначе не назовешь того, что я нынче дѣлаю, какъ спекуляціей. Конечно, живопись-то я не бросилъ, ни на что другое не способенъ, это ты вѣрно сказалъ. Да только вѣдь и живопись разная бываетъ. Кончено, братъ! Для выставокъ больше не работаю. Для „Метрополя" пишу!
— Какъ для „Метрополя"? Потолокъ раскрашиваешь или панно пишешь?
— И это тоже. Но это ничего. Стыда въ этомъ никакого. Наверху можешь мое панно видѣть, горжусь имъ. Но главное-то, братецъ, въ томъ, что я для публики „Метрополя" работаю. Однимъ словомъ, въ нѣкоторомъ родѣ спекулирую. Не понимаешь? Я объясню. Видишь весь этотъ сбродъ? Среди нихъ многіе уже въ милліонахъ. Два года тому назадъ мелкими маклерами были, клубными „арапами", ну, а теперь персоны! Жены въ брильянтахъ, собственные автомобили, а сами, видишь ли, меценатствовать изволятъ! Безъ картинъ жить не могутъ. Чтобы въ столовой непремѣнно натюръ-мортъ, въ гостиной нѣсколько пейзажей, въ кабинетѣ портретъ господина новоиспеченнаго милліонера и его супруги. И чтобы все было, какъ въ лучшихъ домахъ. Непремѣнно оригиналы! Они, видишь ли, такъ любятъ искусство!.. Ну, а я, видишь ли, считаюсь моднымъ художникомъ, почти знаменитостью, во всякомъ случаѣ, сказать: „у меня есть настоящій Ломтевъ", это у нихъ шикъ. Ну, я и произвожу для нихъ „настоящихъ Ломтевыхъ". Ясное дѣло, на-спѣхъ работаю. Надо же всѣхъ удовлетворить, да и самъ жаденъ сталъ, во вкусъ вошелъ. Безъ зазрѣнія совѣсти копирую себя самого. Одинъ пейзажъ въ шести экземплярахъ на прошлой недѣлѣ продалъ, и всѣ за оригиналы!..
— Что жъ ты такъ, старикъ? печально и мягко-укоризненно сказалъ Травскій. Самъ вѣдь говоришь, нехорошо? Зачѣмъ же ты это?.. Ну, понимаю, изголодался, хорошимъ заработкомъ соблазнился. Но вѣдь поправилъ свои дѣла, ну и брось! Стыдно вѣдь!
— Эхъ, братъ, да какъ стыдно то!
Худое и длинное лицо художника подергивалось, глаза сузились и покраснѣли.
— Нѣтъ оправданія, Мишель!—нѣсколько заглушенно произнесъ онъ послѣ долгой паузы. Ужъ я и такъ и этакъ себя оправдывалъ. Софизмы все. Конечно, можно такъ сказать: „время такое! Кому нужно искусство?" Да и художникъ вѣдь тоже живой человѣкъ! Развѣ могу я творить попрежнему, по-настоящему? Искать новыхъ сочетаній красокъ для изображенія захода солнца и считать это самымъ важнымъ, самымъ нужнымъ дѣломъ? Вѣдь и моя мысль и моя душа захвачены великой тревогой... Ну, а жить-то надо! И малюешь по заказамъ поставщиковъ и спекулянтовъ. Правильно?
— До извѣстнаго предѣла, - спокойно отозвался Михаилъ Павловичъ.
— Вотъ и я такъ говорю: до извѣстнаго предѣла, и въ этомъ софизмѣ есть правда. Но предѣлъ сей уже перейденъ, другъ мой! Дѣла мои, такъ сказать, въ блестящемъ состояніи. Даже домишкомъ собственнымъ обзавелся!.. А остановиться не могу! Жаденъ сталъ. Отъ почтенныхъ заказчиковъ и меценатовъ набрался алчности. А можетъ-быть, опять-таки время такое, и не во мнѣ вина. Вѣдь ты, пожалуй, понятія не имѣешь о томъ, что дѣлается у насъ въ тылу?
— Это ты о чемъ?
— Чрево заполонило, вотъ что я скажу тебѣ, Мишель! Искусство! Кто теперь говоритъ объ искусствѣ? Теперь, братъ, о мясѣ говорятъ, о сахарѣ, о керосинѣ... Знаешь, Мишель, вѣдь я же не сентиментальная барышня какая-нибудь. Я, братъ, великолѣпно понимаю значеніе всѣхъ этихъ продовольственныхъ вопросовъ. Но и тутъ долженъ быть предѣлъ! Вѣдь повѣришь, собирается кружокъ художниковъ, такъ и то никакихъ другихъ разговоровъ, какъ о сахарѣ и мясѣ! Тьфу! Самъ начинаешь чувство-

Вкусные трофеи. *И. Владиміровъ.*
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ".

вать себя первобытнымъ человѣкомъ и удивляешься, что у тебя въ рукахъ кисть, а не ножъ для потрошенія свиньи!

— Да, неважно у васъ здѣсь, въ тылу! задумчиво сказалъ Травскій.

— Не знаю, какъ въ деревнѣ,— оживленно подхватилъ Ломтевъ, но въ большихъ городахъ дышать тяжело именно отъ этого, отъ „продовольствія"... Не оттого, что дорого или недостача, а оттого, что только объ этомъ говорятъ и думаютъ и не стыдятся этого и даже считаютъ чуть ли не гражданской доблестью эту тыловую борьбу во имя чрева... Душно, Мишель, у насъ! Какая работа? Какое искусство? Блеешь, какъ и всѣ овцы въ обывательскомъ стадѣ, и думаешь о кормѣ...

— Эхъ, старикъ! Проѣхался бы ты на позиціи!

— Это въ качествѣ чего? Не добровольца ли? Кистью стрѣлять, что ли?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Въ качествѣ художника. За настроеніемъ. Ты, старикъ, не думай, что это все преувеличенное, что разсказываютъ о фронтѣ. Конечно, разныя бываютъ настроенія. Но одно тамъ есть несомнѣнное, постоянное, свойственное самой природѣ воинской жизни. Это свѣтъ духовный во взглядахъ и думахъ. Передъ тайной смерти стоятъ люди, и какіе бы ни были они, тамъ они всѣ новые, просвѣтленные, знающіе что-то, здѣсь невѣдомое, презрѣвшіе мелкую суету бытія, ощущающіе ежеминутно величіе міровой катастрофы, въ которой они участвуютъ. Тебѣ, художнику, надо побывать тамъ, право, старикъ! А то вѣдь, дѣйствительно, можно прійти къ выводу, что погибло все возвышенное, что люди одичали и превратились всѣ въ жадныхъ акулъ въ родѣ вотъ этихъ.

Ломтевъ долго собирался отвѣчать. Не успѣлъ освоиться съ новой для него мыслью Михаила Павловича, или не находилъ сразу словъ для возраженія.

Такъ и не пришлось ему отвѣтить на предложеніе пріятеля, потому что въ эту минуту въ дверяхъ „Метрополя" показалась женская фигура, и Травскій быстро всталъ.

— Ну, прости, братъ! Мнѣ пора! — и онъ протянулъ руку художнику.— Надо бы намъ еще повидаться. Ты позвони мнѣ по телефону моего кузена, тоже Травскій, присяжный повѣренный. Хорошо?

— Непремѣнно позвоню. Я такъ радъ, что мы встрѣтились,— отвѣтилъ Ломтевъ и поднялся для того, чтобы посмотрѣть на даму, пришедшую къ Михаилу Павловичу.

III.

Михаилъ Павловичъ съ большимъ трудомъ пробрался къ дверямъ и подошелъ къ Колокольцовой. Она не узнала его издалека, несмотря на всѣ его попытки дать знать о себѣ. Она все еще продолжала оглядываться во всѣ стороны, и въ ея слегка прищуренныхъ глазахъ уже мелькали тѣни тревоги.

— Лидія Львовна!— окликнулъ ее Травскій, подойдя совсѣмъ близко.

Она вздрогнула и отступила на шагъ.

Но Михаилъ Павловичъ не далъ ей говорить. Онъ схватилъ ея руку и повелъ ее въ вестибюль.

— Идемте отсюда, Лидія Львовна! Здѣсь душно и шумно. И вообще не мѣсто намъ здѣсь!

Въ вестибюлѣ онъ на минутку оставилъ ее, чтобы одѣться, волнуясь и спѣша, почти выхватилъ изъ рукъ швейцара пальто и шляпу, снова подхватилъ ее подъ руку и вывелъ на улицу.

Очутившись на улицѣ, они посмотрѣли другъ на друга, и оба сразу расхохотались.

— Что за маскарадъ, милостивый государь?

— Что за маскарадъ, милостивая государыня?

— Я думала васъ поразить, Михалъ Павлычъ!

— А я думалъ васъ поразить, Лидія Львовна!

— Но вѣдь это нарушеніе правилъ, докторъ!

— Вотъ именно нарушеніе правилъ, сестрица!

— Нѣтъ, серьезно, Михалъ Павлычъ, какъ это чудно вышло! Не сговорившись!

— Геніальныя идеи зарождаются одновременно иногда на разныхъ концахъ свѣта.

— Но мнѣ это болѣе простительно, чѣмъ вамъ, Михалъ Павлычъ.

— По шляпкѣ съ плерезомъ соскучились?

— Нѣтъ, шляпка препротивная, и я никогда бы ея не надѣла, если бы у Кротовой нашлась другая. Но мнѣ, Михалъ Павлычъ, иначе нельзя. Вѣдь мы условились побывать въ театрахъ, въ ресторанахъ. Какъ же я въ костюмѣ сестры милосердія? И неудобно и, пожалуй, опасно. Вѣдь, кажется, даже запрещено... Ну, а вамъ это совсѣмъ не зачѣмъ. Вамъ, ваше высокоблагородіе, это совсѣмъ непростительно.

— А мнѣ просто захотѣлось побывать денекъ въ шкурѣ совершенно штатскаго человѣка! Развѣ это такой грѣхъ, Лидія Львовна? Если вы скажете „да", я сейчасъ же отдамся первому городовому: „арестуй меня, братецъ, за ношеніе неприсвоенной формы", или созову народъ, стану на колѣни: „простите, люди добрые, грѣшника окаяннаго!" Сдѣлать такъ?

— Да ужъ Богъ съ вами! Не выдамъ васъ! Только скажу вамъ по правдѣ, Михалъ Павлычъ, вы ужасно себя обезобразили этимъ дурацкимъ котелкомъ.

— А вы, Лидія Львовна, очаровательны въ этой милой шляпкѣ!

Колокольцова густо покраснѣла.

Это былъ первый комплиментъ, сказанный ей Травскимъ за двухлѣтнее знакомство.

Она хорошо знала и тамъ, въ поѣздѣ, что нравится Михаилу Павловичу. Онъ и не скрывалъ этого не только отъ нея, но и отъ второго врача, Стерлигова, отъ фельдшеровъ, санитаровъ и сестеръ милосердія.

Однако ни разу не сказалъ онъ ей тамъ, въ поѣздѣ, комплимента: ей, 22-лѣтней дѣвушкѣ съ красивыми лучистыми глазами, маленькимъ нѣжнымъ ротикомъ и прекрасными свѣтло-каштановыми волосами, а не сестрѣ милосердія Лидіи Колокольцовой. Ту, сестру милосердія, онъ хвалилъ часто за усердіе, вниманіе, способности. А эту, нѣжную дѣвушку, тайно влюбленную въ него, онъ какъ-то осторожно обходилъ, боялся встрѣтиться съ ней взглядами и мало съ ней говорилъ.

Колокольцова знала, что придетъ часъ, когда Михаилъ Павловичъ взглянетъ на нее открытымъ, яснымъ взглядомъ и заговоритъ съ ней языкомъ любящаго. И оттого, что она въ этомъ не сомнѣвалась, она съ волненіемъ ждала этого часа, ждала цѣлый годъ изо дня въ день, не уставая отъ ожиданія и не озлобляясь, не разочаровываясь: вѣдь это будетъ!

Жизнь въ санитарномъ поѣздѣ протекала дѣловито, дружно и интересно.

Одна только сестра Бондарева жаловалась иногда на однообразіе. Но эта Бондарева была сама однообразна, скудна и безцвѣтна. Она пошла въ сестры милосердія

Охота. Художникъ-карикатуристъ *Пэмъ*.
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ".

потому, что ей надо было куда-нибудь дѣвать себя, одинокую, нелюбимую и къ тому еще бѣдную. И къ дѣлу относилась, какъ къ „долгу службы“, была аккуратна и исполнительна, но холодна и скучна. И больные казались ей однообразными, какъ тѣ бумаги, которыя она раньше въ качествѣ конторской барышни изо дня въ день выстукивала на машинкѣ, не вникая въ ихъ содержаніе.

Лидія Львовна Колокольцова сдѣлалась сестрой милосердія по порыву къ жертвѣ, къ участію въ грозномъ народномъ дѣлѣ. Она просилась на фронтъ, но когда съ этимъ вышла неудача, она не пала духомъ и даже не огорчилась. Вѣдь и работа въ санитарномъ поѣздѣ, забиравшемъ раненыхъ съ фронта, была участіемъ въ войнѣ. И въ повышенномъ настроеніи, никогда не теряя ощущенія связи своей работы съ тѣмъ, что дѣлается на позиціяхъ, отдалась она своему дѣлу.

У нея однажды вышелъ даже серьезный конфликтъ съ Бондаревой. Почти скандалъ. Все изъ-за жалобъ бывшей ремингтонистки на „однообразіе“. Лидія Львовна не выдержала, обрушилась на жалкую Бондареву почти съ ненавистью. Однообразіе? Но развѣ за два года не сдѣлали они ста маршрутовъ? Развѣ на Двинѣ и на Нѣманѣ, на Вислѣ и на Дунаѣ не побывали они за это время? Развѣ не перевезли они почти пятнадцать тысячъ раненыхъ? Пятнадцать тысячъ воиновъ, изъ которыхъ каждый былъ одинъ единственный, неповторяемый!.. Ссора вышла крупная и рѣзкая, и кончилась бы непріятно для Колокольцовой, если бы не заступничество Михаила Павловича.

Всѣ въ поѣздѣ: начальникъ поѣзда капитанъ Бородкинъ, врачи Травскій и Стерлиговъ, сестры, фельдшера и санитары, даже поваръ и поѣздная прислуга настолько сжились другъ съ другомъ, что чувствовали себя какъ въ семьѣ, знали вкусы и слабости другъ друга, вмѣстѣ работали и вмѣстѣ коротали рѣдкіе досуги. Въ свободные часы капитанъ Бородкинъ съ докторомъ Стерлиговымъ усаживались за шахматы, сестры шили, Травскій рисовалъ, а Лидія Львовна разговаривала съ больными. Тысячи исторій выслушала она, и каждая казалась ей новой, необычной, какъ и самому разсказчику. И за это вниманіе любили ее больные и, перейдя съ поѣзда въ лазаретъ, вспоминали ее и писали ей письма.

Всѣ любили ее, и всѣ о своей любви говорили ей. Только Михаилъ Павловичъ ни разу не сказалъ ей, что любитъ ее. Можетъ-быть, потому, что онъ одинъ по-настоящему и любилъ, и что его признанія она больше всего ждала.

Но когда стало извѣстно, что имъ предстоитъ нѣсколько дней отдыха, почему-то особенно сильно заволновались они двое: Колокольцова и Травскій. И оба видѣли волненіе другъ друга, и оба поняли его, но все же ничего другъ другу не сказали.

Только въ послѣдній моментъ, уже прощаясь на станціи, Травскій спросилъ:

— У васъ здѣсь есть кто-нибудь въ городѣ?

— Почти никого,— отвѣтила Колокольцова. Подруга по институту, Кротова, но мы съ ней не дружны, и она меня мало интересуетъ... А у васъ, Михалъ Павлычъ?

— А у меня двоюродный братецъ, который меня также очень мало интересуетъ!

— Въ общемъ, будетъ скучно... —тихо сказала дѣвушка.

— Давайте встрѣтимся, Лидія Львовна! обрадовавшись, подхватилъ Травскій. — Хотите?.. Ну, хотя бы завтра вечеромъ... Нѣтъ! Зачѣмъ вечеромъ? Завтра въ полдень!.. Гдѣ? Скажемъ, въ „Метрополѣ“. Хорошо?

О перемѣнѣ одежды они не условливались. Надумали каждый въ отдѣльности, и оттого вышло забавно и радостно: значитъ, есть что-то общее въ ихъ мысляхъ и настроеніяхъ, какая-то загадочная и волнующая связь!

IV.

Три дня прожили Травскій и Колокольцова въ качествѣ штатскихъ людей.

Все было ново для нихъ.

Казалось, они никогда не были штатскими, никогда не жили въ уютѣ мирныхъ будней!

Ихъ удивляло все: то, что жизнь течетъ, какъ будто нѣтъ войны, что люди продаютъ и покупаютъ, женятся и рожаютъ дѣтей, работаютъ и веселятся. И то, что люди умираютъ. Умираютъ не отъ шрапнели или гранаты, не отъ ранъ или ядовитыхъ газовъ, а просто такъ, отъ смерти, какъ будто смерть не вся ушла на поля битвъ! И то, что люди чего-то добиваются, спорятъ, крадутъ, судятся, болѣютъ, веселятся... Все удивляло ихъ.

Два года жизни въ санитарномъ поѣздѣ наложили свой отпечатокъ на душу. Если бы поѣздъ былъ отдѣленъ отъ жизни, если бы они провели эти годы гдѣ-нибудь въ захолустномъ лазаретѣ, ихъ томила бы оторванность отъ міра, они всегда помнили бы о жизни, текущей вдали отъ нихъ. Но поѣздъ былъ всегда въ движеніи, переносился изъ Галиціи въ Литву, изъ одного города въ другой. И временными жильцами поѣзда перебывали тысячи людей—населеніе большого города. Постоянная смѣна мѣстъ стоянки и безпрерывное теченіе людской волны черезъ двери ихъ поѣзда создавали впечатлѣніе бодрой жизни, самостоятельнаго міра. И забывалось о существованіи иной жизни, о мирныхъ городахъ и не воюющихъ людяхъ.

Городъ, въ которомъ привелось имъ прожить три дня „штатской жизни“, былъ большимъ южнымъ городомъ, центромъ промышленности и торговли богатаго края. Въ годы войны городъ еще больше выросъ, сталъ оживленнѣе и богаче, благодаря массѣ состоятельныхъ бѣженцевъ, оживившейся промышленности и шумливой, яркой, нагло-пестрой спекуляціи.

Были будничные дни, но на улицахъ казалось, что городъ празднуетъ какое-то торжество. Съ гикомъ мчались лихачи, съ ревомъ сирены проносились автомобили, и въ экипажахъ, развалясь, сидѣли пышно-нарядныя дамы и щеголеватые мужчины. Витрины магазиновъ сверкали образцами дорогихъ товаровъ. Театры были полны. Въ ресторанахъ шелъ разгулъ.

Михаилъ Павловичъ и Лидія Львовна сразу какъ-то сжались, присмирѣли.

— Что же это?—тихо спрашивала Колокольцова.—Какъ же это?.. Развѣ это другая планета? Другая страна?.. Вѣдь это же братья, сестры, отцы, матери тѣхъ, нашихъ!.. Вѣдь не чужіе!.. Какъ же это?

Травскій не отвѣчалъ.

О, эта чистенькая визитка и великолѣпный галстукъ двоюроднаго братца: они связали его, пріобщили къ чужому, враждебному міру, лишили его ненависти.

— Нехорошо это придумали мы!—сказалъ онъ въ первый же вечеръ, въ театрѣ.

Она взглянула на него и сразу поняла, о чемъ онъ говоритъ.

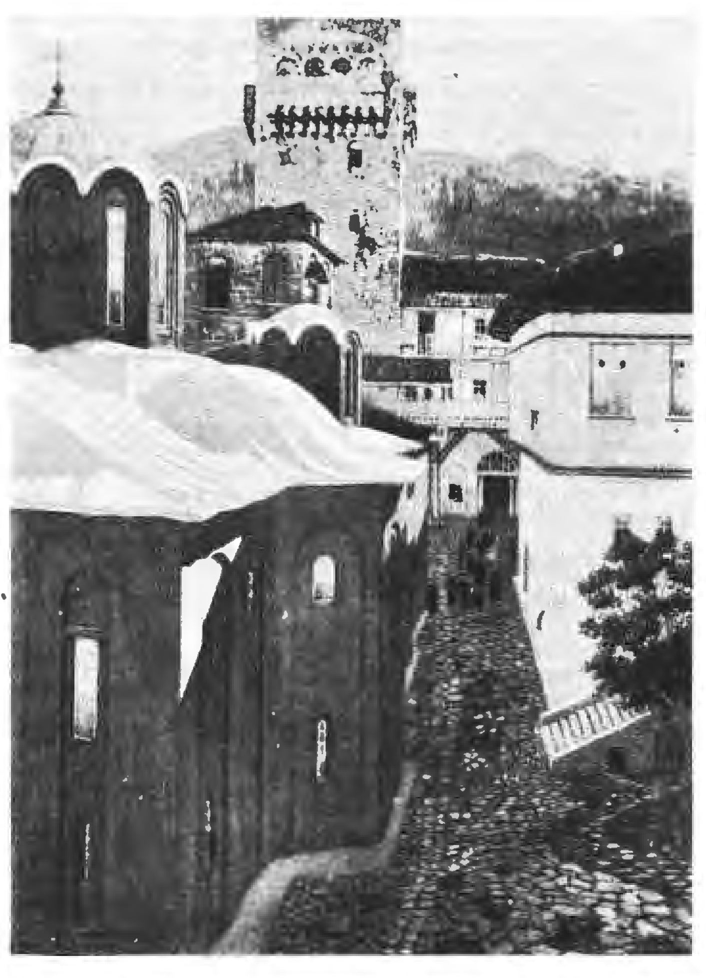
— Да, мы, какъ всѣ! —печально подтвердила она.

Они шли среди нарядной толпы по фойе и въ зеркалахъ не могли отличить себя отъ другихъ. И отъ этого становилось жутко и обидно.

Раньше, до войны, у Травскаго было предубѣжденіе противъ формы. Даже студенческая форма стѣсняла его когда-то. Казалось обиднымъ, что при встрѣчѣ прохожіе думаютъ: „идетъ студентъ“, студентъ —безличное, общее тысячамъ другихъ. А онъ, Михаилъ Павловичъ Травскій, чувствовалъ себя отличнымъ отъ другихъ, единственнымъ... Темно-сѣрый армейскій мундиръ казался ему совсѣмъ обезличивающимъ. Нѣтъ больше Михаила Павловича Травскаго, человѣка съ оригинальными мыслями, съ завѣтными собственными мечтами и стремленіями; есть солдатъ, одинъ изъ милліоновъ.

Но теперь, снявъ форму и одѣвшись въ штатское, Михаилъ Павловичъ почувствовалъ какъ разъ обратное. Именно это штатское платье—визитка, лакированные ботинки, пышный галстукъ лишили его самостоятельности въ мышленіи и поступкахъ, сдѣлали его однимъ изъ толпы, изъ чужой и ненавистной толпы.

„Мундиръ безстыдства“,— подумалъ Травскій о своей визиткѣ, и, подумавъ такъ, обрадовался, потому что эта мысль объясняла ему его робость, его подавленность.



Во дворѣ монастыря Каракаллы (Аѳонская гора). *В. Косяковъ.*
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ“.

Въ „мундирѣ безстыдства“ могъ ли онъ чувствовать себя собою, тѣмъ вчерашнимъ Травскимъ, бодрымъ, честнымъ, увлеченнымъ работой?

Въ „мундирѣ безстыдства“ могъ ли онъ негодовать и возмущаться, напоминать ликующимъ о страдающихъ, думать о томъ дѣлѣ, отъ котораго онъ ушелъ вчера и къ которому завтра вернется?

Въ „мундирѣ безстыдства“ сталъ онъ однимъ изъ толпы, воспринялъ ея вкусы, ея убогую близорукость, не видящую дальше городской черты и дальше сегодняшняго дня, ея приподнятую, слегка искусственную, не чуждую истеріи, разгульную веселость.

V.

— Михалъ Павлычъ!—нѣсколько разъ начинала Колокольцова, но не продолжала и, будто вспомнивъ что-то, переходила на другую тему.

— Лида! иногда вырывалось у Травскаго, но онъ сейчасъ же поправлялся: Лидія Львовна!

Такъ и не сказали они другъ другу того, что собирались сказать.

Цѣлый годъ выжидали они этихъ дней отпуска, чтобы имѣть право поговорить не о дѣлѣ, а о своемъ, личномъ, чтобы найти слова, которыя дали бы жизнь неуловимымъ и неопредѣленнымъ, сладостно-томительнымъ ощущеніямъ, зарождавшимся каждый разъ, когда они оказывались рядомъ или когда думали другъ о другѣ.

Тамъ, въ поѣздѣ, за работой, некогда и нельзя было говорить объ этомъ.

Тамъ не было и не могло быть Михаила и Лидіи, влюбленнаго мужчины и трепетно ждущей признанія дѣвушки. Тамъ были докторъ и сестра милосердія. Напряженная дѣловитость, сосредоточенная серьезность, неизмѣнная корректность.

Конечно, и тамъ, въ поѣздѣ, выпадали часы, когда можно было уйти отъ дѣла. Но они знали, что придутъ дни въ сторонѣ отъ дѣла, дни въ тылу, дни полнаго заслуженнаго отдыха. И они ждали. У коекъ больныхъ, передъ лицомъ смерти и потрясающихъ увѣчій—развѣ могутъ они говорить о любви, о себѣ, о счастьѣ?.. Будутъ дни, будутъ дни...

И вотъ пришли дни.

И вотъ прошли дни.

— Михалъ Павлычъ!—нѣсколько разъ начинала Колокольцова.

— Лидія! —начиналъ Травскій.

И оба обрывали на полусловѣ.

И прошли дни, и не было высказано то, что должно было окрасить эти дни, сдѣлать ихъ вѣчными, незабвенными, яркими и сладкими.

А виною этому былъ невинный маскарадъ, который они придумали, какъ шалость.

Въ „мундирѣ безстыдства“—развѣ могли они высказать слова своей ясной и честной любви?

Если неумѣстными казались имъ рѣчи о счастьѣ среди стоновъ раненыхъ, то совсѣмъ отвратительнымъ, наглымъ, безсовѣстнымъ представлялось имъ щебетаніе влюбленныхъ въ обстановкѣ крикливаго, наряднаго, кровью упитаннаго тылового безстыдства! И то, что они были одѣты, какъ всѣ, то, что въ зеркалахъ витринъ, театровъ, ресторановъ не могли они отдѣлить себя отъ ненавистной толпы, то, что они слились съ толпой и жили ея жизнью, наполнило душу стыдомъ и неловкостью. Слова любви родятся въ бодрой душѣ и свѣтломъ сознаніи.

Дни прошли, и самое важное не было высказано.

Гнусность. *С. Соломко.*
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ“.

А на четвертый день Михаилъ Павловичъ Травскій и Лидія Львовна Колокольцова встрѣтились въ поѣздѣ: онъ въ формѣ военнаго врача, она въ костюмѣ сестры милосердія.

Встрѣтились весело. Посмотрѣли другъ на друга и разсмѣялись.

— А васъ бы, сестрица, слѣдовало подвергнуть наказанію за переодѣваніе! пошутилъ Травскій.

— И васъ, докторъ, тоже!—въ тонъ отвѣтила Колокольцова.— Вотъ погодите. Я доложу начальнику поѣзда, и онъ напишетъ рапортъ.

— А, впрочемъ... съ внезапнымъ налетомъ грусти сказалъ Травскій,—мы съ вами, Лидія Львовна, и такъ наказаны... Больно наказаны...

Дальше разговоръ не продолжался. Пришли капитанъ Бородкинъ, докторъ Стерлиговъ, сестра Бондарева. Началась дѣловая жизнь санитарнаго поѣзда...

Богородица Утра.

Изъ Пьера Нотомба (бельгійскаго поэта).

Ты не являешься въ дни мая,
Какъ Мать, что ангеловъ страшитъ
И Сына бережно хранитъ,
Его съ любовью пеленая.
Ты—не испуганная Мать,
Которая пришла въ тревогѣ
Межъ мудрецами синагоги
Ребенка дивнаго искать.
Не та, что падаетъ съ рыданьемъ
На руки вдовъ, безъ силъ почти,
Идя по скорбному пути
Передъ послѣднимъ испытаньемъ.
Ты—не Великая Жена,
Что у креста, на мѣстѣ казни,
Стоитъ, тверда и безъ боязни,
Чтобъ чашу золъ испить до дна.
Ты—Дѣва съ дѣтскою душою,
Еще не знаешь мукъ и зла,
Когда звонятъ колокола
Поутру, свѣжею весною.
Ты въ этотъ часъ небесныхъ сновъ
Идешь съ молитвой безмятежной,—
И воздухъ музыкою нѣжной
Звучитъ вокругъ твоихъ шаговъ.
Ты птичкамъ пѣть велишь,—и птица
Хвалебный гимнъ тебѣ поетъ;
Сонмъ ангеловъ глядитъ съ высотъ
И красотѣ твоей дивится.
Весь воздухъ пѣньемъ напоенъ;
Отдать хотѣли бъ все дыханье
И все свое благоуханье
Тебѣ цвѣты со всѣхъ сторонъ.
Въ благоуханьяхъ оживаютъ
Аккорды бѣлые: въ ключахъ
При вешнихъ солнечныхъ лучахъ
Лазурь и золото играютъ.
Зарею розовою ты
Идешь, дитя съ душою чистой,
И мнится, ткутъ покровъ лучистый
Твои воздушные персты.
Въ лазури воздуха струятся,
Волнуясь, волосы твои,
Какъ кудри блѣдные зари,
И раннимъ солнцемъ золотятся.
Къ тебѣ моленія летятъ
Дѣтей съ невинно-яснымъ взоромъ,
Сердецъ нетронутыхъ, которымъ
Еще невѣдомъ жизни ядъ.
То грезу дѣвъ простыхъ и свѣтлыхъ,
То душу маленькихъ дѣтей
Ты пьешь въ сіяніи лучей,
Вдыхаешь въ вѣтрахъ чуть замѣтныхъ.
Съ улыбкою нездѣшнихъ мѣстъ,
Съ лазурнымъ взоромъ, неба краше,
Ты слушаешь молитвы наши
За нашихъ маленькихъ невѣстъ...

С. Головачевскій.

Рядовой Николаевъ.

(Сильна, какъ смерть).

Повѣсть **П. Н. Краснова.**

(Продолженіе).

IV.

Тусклый весенній день склонялся къ вечеру. По небу курились тяжелыя, сѣрыя, напоенныя влагой тучи. Онѣ спускались низко, низко и точно траурною пеленою захватывали высокія вершины елей и соснъ темнаго сырого лѣса. Вѣтви деревьевъ, блестящія отъ водяной капели, осѣвшей на нихъ, набухшія отъ внутреннихъ соковъ, висѣли тяжелыя и неподвижныя. На деревенской улицѣ стояла непролазная, глубокая, липкая грязь, по колеямъ тянулась вода, сливаясь на серединѣ деревни въ одну большую, темную, отливающую перламутромъ, глубокую лужу. Но за деревней уже весело зеленѣли по скатамъ холмовъ ожившія озими, робко блѣдными иголочками пробивалась трава, да на холмахъ песчаныхъ, желтыхъ, изрытыхъ прошлогодними окопчиками одиночныхъ стрѣлковъ,—здѣсь осенью были полевые бои, было совершенно сухо.

На одномъ изъ такихъ холмовъ училась третья рота. Она только-что составила ружья, сняла шинели и съ веселыми шутками и гомономъ устанавливалась по группамъ на гимнастику. Группы были разныя. Однѣ состояли изъ людей, умѣющихъ дѣлать самыя сложныя упражненія подъ музыку, съ ружьями и безъ ружей, другія только начинали сложныя движенія, третьи еще ничего не знали, и съ ними занимался бравый унтеръ-офицеръ Дмитрій Сорока. Сорока еще до войны служилъ въ полку и заработалъ унтеръ-офицерскія нашивки. Потомъ въ октябрѣ 1914 года во время тяжелыхъ боевъ на Вислѣ былъ раненъ, эвакуированъ, но поправился и добился въ госпиталѣ, чтобы его вернули въ родной полкъ. Онъ во всемъ подражалъ своему командиру,—въ манерѣ одѣваться, носить папаху, заламывать ее по-кабардински, дѣлая плоскій верхъ, даже выраженіями старался походить на своего капитана.

Въ группѣ у Сороки былъ и доброволецъ Николаевъ.

— Ну теперь, баринъ, я займусь съ вами отдѣльно. Ужъ больно способности въ васъ много къ этому дѣлу. Настоящій гимнастъ изъ васъ выйдетъ. Призовой!

Николаева солдаты называли бариномъ, барчукомъ; кто былъ изъ южныхъ губерній, звалъ его панычомъ. Догадывались они, что онъ дѣвушка, или нѣтъ? Какъ будто нѣтъ. Дѣвичью застѣнчивость его, то, что онъ никогда донага не раздѣвался при нихъ, они считали деликатностью избалованнаго барчука, нѣжностью дворянчика, подшучивали надъ этимъ, но съ особою деликатною чуткостью, свойственною совершенно простымъ сердцамъ, они не задѣвали сильно его дѣвичьей стыдливости, не допытывались и насколько могли сдерживались и сами при немъ отъ грубыхъ шутокъ.

Съ перваго дня веселый, любезный, хорошо грамотный барчукъ Николаевъ заслужилъ любовь и уваженіе всей роты, пріобрѣлъ себѣ множество защитниковъ и покровителей. У него столько оказалось талантовъ! Какъ ни у кого! Онъ столько умѣлъ! И пѣлъ, и танцовалъ, и письма писалъ для неграмотныхъ, и газеты читалъ, и про нѣмца разсказывалъ такъ подробно, что можно было подумать, что онъ самъ тамъ былъ, и даже картинки рисовать умѣлъ. Сороку съ его двумя георгіевскими крестами такъ изобразилъ, что любо-дорого было посмотрѣть. Портретъ, настоящій портретъ. Прямо фотографія. Сорока домой послалъ женѣ. Пусть полюбуется. И никогда ни для кого не было отказа. Придетъ кто къ нему съ солдатской простой просьбой, подниметъ Николаевъ свою хорошенькую головку, улыбнется такой милой, доброй улыбкой, скажетъ: „Ну, хорошо!“ и сдѣлаетъ то, что его попросятъ.

Такой славный былъ барчукъ!

Такъ вотъ, баринъ Николаевъ, мы съ вами во что попробуемъ,—говорилъ Сорока, глядя своими сѣрыми глазами прямо въ глаза Николаеву, и какая-то усмѣшка свѣтилась въ этихъ глазахъ, и отъ этой усмѣшки лицо Николаева заливало кровью, и тревожная мысль молніей проносилась: „неужели догадывается, неужели догадается?“

— Глядите на меня. Первое: полъ-выпада, руки вверхъ, пальцы въ кулаки, такъ! разъ! второе — поворотъ налѣво, руки въ стороны — два и третье стать на правое колѣно, руки на бедра — три, стать въ положеніе смирно — четыре. Начинаемъ!

Рядовой Николаевъ точно и безошибочно повторилъ всѣ несложныя движенія Сороки. Ему ли, танцовавшему пластическіе танцы, ошибиться въ пріемахъ сокольской гимнастики!

— Чортъ! Ловко. Правильно. На второмъ пріемѣ немного неладно вышло,—говорилъ Сорока, и опять въ его сѣрыхъ глазахъ игралъ не то удивленный, не то насмѣшливый огонекъ, бросая въ краску Николаева. — На второмъ пріемѣ остановка.

Николаевъ продѣлалъ и остановился съ раскинутыми руками, пальцами, сжатыми въ крошечные кулачки, и разставленными въ широкій шагъ ногами.

— Ну во! Невѣрно и есть. Мордочка налѣво, въ сторону движенія, и подбородокъ кверху, а ноги чуть пошире.

И Сорока своими толстыми, кривыми, грязными пальцами, пахнущими землей, взялъ Николаева за тонкій, изящно обточенный подбородокъ и повернулъ голову налѣво.

— Вотъ такъ ладно будетъ. Хворменно. А кожа у васъ, баринъ, прямо какъ у бабы, нѣ-ѣ-жная!

Холодные мураши побѣжали по тѣлу Николаева, отъ самаго затылка, по спинѣ, къ ногамъ. „Догадался, понялъ, догадался,— сверлила мысль. — Что теперь будетъ?.. Неужели насмѣшки, травля, можетъ-быть, хуже—ухаживанья...“ Но нѣтъ.

— Продолженіе! — командуетъ Сорока и повторяетъ снова и толкуетъ новый пріемъ.

Справа бойкими, четкими голосами, сильно звучащими въ вечернемъ влажномъ воздухѣ, съ ровными ритмическими промежутками раздается:

— Разъ, два, три-и!.. Разъ, два, три-и!

Тамъ уже поучившіеся дѣлаютъ гимнастику съ ружьями, счетъ вслухъ.

И отъ этихъ криковъ команды, отъ этого дружнаго хорового счета глухая деревушка, утонувшая въ лѣсахъ и болотахъ широкаго русскаго простора, кажется густо населенной, культурной, людной и веселой.

Хриплый горнъ играетъ сборъ. Сейчасъ бѣгъ на минуты. Это то, что больше всего полюбилъ Николаевъ. Такъ легко бѣжать на упругихъноскахъ, едва касаясь кончиками пальцевъ земли, въ

Козьмодемьянскъ на Волгѣ. *В. Плотниковъ.*

XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ“.

тактъ съ другими людьми, такъ свободно врывается въ широкія легкія вечерній свѣжій воздухъ, по всему тѣлу торопливо переливается кровь, и забывается постоянный зудъ искусаннаго насѣкомыми, давно немытаго тѣла, всѣми своими нѣжными порами протестующаго противъ этой грязи, этого сна вповалку, не раздѣваясь, на жесткомъ полу, чуть прикрытомъ соломой, съ мѣшкомъ подъ головою, покрывшись шинелью, въ общей грудѣ безпорядочно разметавшихся руками и ногами тѣлъ.

О, эти ночи были самымъ ужаснымъ въ теперешней жизни рядового Николаева. Ночи стояли холодныя, морозныя. Лужи покрывались льдомъ, и нечего было и думать спать на воздухѣ, да это возбудило бы и подозрѣнія и нехорошіе толки и разспросы. Оставалось терпѣть. Маленькую избушку, кромѣ хозяевъ и пяти бѣженокъ да двухъ стариковъ, занимало полвзвода второго взвода, въ которомъ находился и Николаевъ, иными словами, 12 человѣкъ солдатъ. На ночь женщины, дѣти и старики-хозяева ложились на печи и на лавкахъ, а также на единственномъ столѣ и покрывались зипунами, а все полвзвода располагалось на полу вповалку. Солдаты раздѣвались до нижняго бѣлья, изъ шинели устраивали койку и ложились тѣсно одинъ къ другому. Едва всѣ улягутся, какъ старшій звена скупой ефрейторъ Карпенко гасилъ огарокъ, и изба погружалась въ непроницаемый мракъ. Разговоръ утихалъ. Слышались вздохи женщинъ, кряхтѣнье стариковъ, а немного спустя все это покрывалось здоровымъ мѣрнымъ храпомъ уснувшихъ солдатъ.

Николаевъ не спалъ. Какъ ни уставалъ онъ за день, но тѣло его не могло привыкнуть къ жесткому, усыпанному пескомъ, полу, онъ инстинктивно сторонился отъ раскинувшихся кругомъ тѣлъ, рукъ и ногъ, его бросало въ жаръ и потъ, и вотъ въ это время онъ начиналъ чувствовать, что по его тѣлу ползутъ насѣкомыя. Они забирались глубоко, вызывали зудъ и чесотку и окончательно прогоняли сонъ. Съ тоскливыми неопредѣленными мыслями въ головѣ томился Николаевъ, ворочаясь съ боку на бокъ, и чувствовалъ, какъ насыщался тяжелыми испареніями людей воздухъ, становился густымъ, такимъ, что не продохнешь.

Въ горлѣ спирало, мучительный кашель душилъ, и голова кружилась.

Николаевъ пробовалъ ложиться у двери. Но отъ неплотно прикрытой двери тянула ледяная морозная струя, и Николаевъ боялся схватить сильную простуду. Притомъ ночью люди часто выходили. Босыя грязныя ноги въ темнотѣ касались его лица, наступали ему на тѣло, на ноги, на руки, грозили раздавить. Люди были спросонокъ, они на его протесты только тупо, по-животному сопѣли, и сна не было всю ночь.

Теперь онъ забивался въ самый уголъ избы, подъ лавку. Тутъ по крайней мѣрѣ никто не трогалъ его, никто не толкалъ. Но до глубокой ночи уснуть онъ не могъ. Онъ слышалъ бредъ людей, непонятныя слова, храпъ то тихій, то заливистый, задыхающійся, человѣка, уснувшаго на спинѣ, въ неудобной позѣ, съ запрокинутымъ назадъ затылкомъ и широко открытымъ ртомъ.

Иногда дѣтскій плачъ, жалобный, безпомощный, прорѣзывалъ монотонное дыханіе спящихъ. Никто кромѣ матери не просыпался. Она одна что-то шептала, кормя и убаюкивая дитя, и слышались ея вздохи и мольбы и укоры Пречистой Богоматери.

Во мракѣ избы тусклыми сѣрыми квадратами рисовались окна. За ними шумѣлъ дождь, вѣтеръ хлесталъ голыми вѣтками, или, насупившись, стучалъ морозъ, и искрились на черномъ небѣ серебряныя звѣзды.

Уткнется глазами въ эти кроткія звѣзды рядовой Николаевъ, умчится мыслями въ безконечную даль, къ неисчислимому міру міровъ, унесется мольбой къ Вседержителю Творцу и уснетъ крѣпкимъ, крѣпкимъ, но такимъ короткимъ сномъ.

Задолго до разсвѣта надо встать и бѣжать въ лѣсъ къ недальнему ручью, чтобы умыться и сдѣлать свой несложный туалетъ.

Отъ ледяной воды стынутъ руки, горитъ лицо и грудь и шея, является бодрость, и чувствуетъ всѣмъ молодымъ упругимъ своимъ тѣломъ рядовой Николаевъ, что даже и тотъ коротенькій, но такой крѣпкій сонъ влилъ необходимую бодрость въ его жилы.

Въ избѣ уже вставали. Грѣли чай. Въ широкомъ устьѣ печи весело пылалъ огонь, дверь была раскрыта настежь, и холодный воздухъ клубами пара врывался въ избу. Солдаты потягивались, одѣваясь. Очередной приносилъ воду, доставали чай, сахаръ, корки чернаго хлѣба.

Со сна говорили мало. Больше кряхтѣли да почесывались въ ожиданіи чаю.

А потомъ утренній осмотръ, на которомъ, протягивая свои маленькія, словно точеныя лапки унтеръ-офицеру Сорокѣ, рядовой Николаевъ съ грустью убѣждался, что „трауръ по китайскомъ императорѣ“ все сильнѣе и сильнѣе покрываетъ когда-то розовые, шлифованные ноготки.

Послѣ шли ученья. Отбивали по песку ногу, дѣлали ружейные пріемы, перебѣгали, прыгали, кололи, ложились, ползали, бросали гранаты, быстро надѣвали противогазы и крались въ нихъ на воображаемаго врага.

Надо отдать справедливость капитану Яковлеву, онъ умѣлъ учить солдатъ. Его ученья не были ни нудными ни безполезными. Онъ такъ воодушевлялъ солдатъ, что даже и ружейные пріемы и печатаніе съ носка казалось имъ необходимо нужнымъ.

Яковлевъ не обращалъ вниманія на Николаева.

Точно и не было этой милой дѣвушки-добровольца въ рядахъ его роты. Точно и не онъ такъ кротко разговаривалъ съ нею, выпытывая ея исповѣдь, узнавая самыя сокровенныя ея мысли. Никогда не спроситъ рядового Николаева, какъ онъ спалъ, какъ ѣлъ, не усталъ ли. Нѣтъ, ровно столько же вниманія къ нему, какъ ко всѣмъ остальнымъ своимъ двумстамъ двадцати пяти солдатамъ! Разъ какъ-то крикнулъ на ротномъ ученіи, когда ходили взадъ и впередъ во взводной колоннѣ: „Николаевъ, голову выше и подтяните прикладъ!“ и только.

Но иногда, когда стояли „вольно“ и люди отбѣгали на шагъ отъ строя, чтобы оправиться, рядовой Николаевъ подмѣчалъ на себѣ кроткій, сочувствующій взглядъ сѣрыхъ глазъ, и тогда, отвѣчая ему глубокимъ взглядомъ своихъ синихъ глазокъ, рядовой Николаевъ со всей нѣжностью глубокой женской души думалъ: „милый, милый!“...

—

— Рота, шагомъ... маршъ!... Тверже ногу, головнымъ дать темпъ. На носокъ!..

Гулко гудитъ утрамбованная влажная земля подъ топотомъ сотенъ ногъ, и плавно колыхается рота.

— Р-р-ро-т-та... Ст-о-й!.. Оправиться! Пѣсенники, выходи.

И капитанъ вошелъ въ среду солдатъ.

Ученье кончилось. Суровый начальникъ обратился въ брата, товарища, отца-командира. Послышались шутки, разспросы, разговоры.

— Ваше благородіе, что, правду говорятъ, наши на югѣ въ наступленіе пошли?—спросилъ Сорока и этимъ завязалъ общій разговоръ.

— Сказываютъ, Станиславовъ уже нашъ. Къ Галичу идутъ.

— Да, вѣрно, вѣрно... Артельщикъ, ваше благородіе, къ Сарнамъ ѣздилъ, раненыхъ видалъ, говоритъ, мало-мало кавалерія наша во Львовъ не вошла.

— То-то славно забрать бы!

— Теперь бы не отдали.

— Сказывали тоже, дюже хорошо артиллерія наша работала въ этихъ бояхъ. Будто пѣхота, стоя, рѣзала проволоку. Никого уже „его“ въ окопахъ не осталось.

— Убегъ совсѣмъ.

— Убѣжишь, какъ засыпятъ. Тоже не сладко.

— Казаки догонютъ.

— Эти могутъ.

— Отчаянный народъ. И почему, ваше благородіе, они такіе? Словно и не наши.

— Наши православные, я же знаю. Самъ съ Донской области.

— Ну, только очень на все отважные.

— Ваше благородіе,—вдругъ высунулся еврей Мойше Мандельторгъ изъ Замостья,—ну и когда Замостье возьмемъ? У мене тамъ домъ, тамъ и Хайка и Цурка остались.

— Возьмемъ, Мойше. Ты, того, не безпокойся, не скули. Придетъ время, возьмемъ.

— Отъ-то ладно будетъ!

— И Цурку увидишь и Хайку. Много ли Цуркѣ лѣтъ-то?

— И всѣ шесть было.

— Ну ладно. Увидишь ее, Богъ не оставитъ.

— Ваше благородіе, а вы знаете, у насъ у ротѣ большущій талантъ. Рядовой Николаевъ уфъ какъ ладно поетъ. Такъ запѣваетъ—одна прелесть.

— А ну, Николаевъ, покажите ваши способности, улыбаясь, говоритъ Яковлевъ.

И чувствуетъ Николаевъ, что отказаться нельзя, что вся рота на него смотритъ, а ноги точно приросли къ землѣ, тронуться не можетъ, и румянецъ залилъ загорѣлое исхудалое личико, и глаза налились слезами. Ни одной ноты не возьмешь.

— Становись, пѣсенники, по голосамъ, —командуетъ фельдфебель Иванъ Павловичъ,—у кругъ...

Стали. Надо начинать.

Николаевъ вышелъ впередъ, обернулся къ хору, такъ легче, когда не смотритъ онъ своими сѣрыми, стальными, все понимающими, все знающими глазами.

Изъ-за острова, на стрѣжень,
На просто-оръ рѣчной волны!..

„Какое могучее, сочное контральто, какія бархатныя низкія ноты! Да ей въ оперѣ пѣть, а не съ солдатами вшей собою кормить,—думаетъ Яковлевъ, —и осанка какая! Вотъ вамъ и женщина“.

Выплываютъ расписные
Острогрудые челны,—

мягко подхватываетъ хоръ.

Въ весеннемъ воздухѣ трогательно звучатъ голоса. Голосъ Николаева, глубокій и звонкій, временами покрываетъ хоръ и исправляетъ ошибки, съ ней вмѣстѣ нѣжнымъ теноромъ поетъ Мандельторгъ. Кончили эту пѣсню, откашлялись и запѣли всѣмъ хоромъ:

Раздайтесь, напѣвы побѣды,
Пусть русское сердце вздрогнетъ,
Припомнимъ, какъ бились дѣды
Въ великій двѣнадцатый годъ...

Сумерки спускаются на землю. Сѣдой туманъ клубится надъ болотомъ и рѣчкой, рѣзче пахнетъ дымомъ костровъ и нечистотами бивуака. Пахнетъ, какъ выражается капитанъ Сапуновъ, „человѣчиной".

— Въ ружье! —раздается команда.

Разобрались и стали.

Яковлевъ вышелъ передъ роту. Лицо ясное, смѣлое, почти веселое.

— Завтра, ребята, ночью пойдемъ въ окопы. Смѣнять эмцевъ. Нашей ротѣ — въ „Орлиное гнѣздо". Смотри, осмотрись хорошенько. Бѣлье перемѣни, смѣну чистую возьми, да, взводные, противогазы провѣрить! Нынче нѣмцу плохо, серьезенъ сталъ. Ко всему надо быть готовымъ. Поняли?

— Такъ точно. Понимаемъ, — гудитъ рота.

Лица серьезны. Кое-кто поблѣднѣлъ. Новички тревожно переглядываются. Ротный все это видитъ.

— Ну, запѣвай маршевую! По квартирамъ!

Звучитъ старая балканская пѣсня, передѣланная на новый ладъ, и въ тактъ ей колыхаются съ бока на бокъ сѣрыя спины солдатъ.

Гремитъ слава трубой,
Мы дрались, германъ, съ тобой,
По горамъ твоимъ Карпатскимъ
Раздалась слава про насъ...

Этою ночью долго не спятъ. При свѣтѣ тускло мерцающаго огарка переодѣваются. Мелькаютъ бѣлыя груди, желтоватыя, длинныя, мускулистыя спины, волосатыя руки и ноги, розовыя, синія, коричневыя рубахи и бѣлые портки, пахнетъ кислымъ потомъ, пахнетъ живымъ человѣческимъ тѣломъ. Откровенно почесываются.

Этотъ переплетъ полуголыхъ тѣлъ, освѣщенныхъ бликами, пятнами мерцающаго желтаго свѣта огарка, кажется рядовому Николаеву Дантовымъ адомъ. Точно мертвые воскресли и торопливо одѣваются, спѣша на Страшный Судъ.

— Это что же „Орлиное гнѣздо"? — спрашиваетъ вновь прибывшій бѣлобилетчикъ.

— А вотъ увидишь: тамъ, братъ, ходить надо чисто, а то тебѣ жука въ лобъ прямо влѣпятъ.

— Да, поютъ пчелки, ажъ день и ночь...

— Ну, это неважно. Вотъ поросенка бросятъ, это хужѣе уже будетъ.

— Помнишь, какъ Каменскаго убило. Вразъ! И охнуть не успѣлъ.

— А Петрушинъ, дурья голова, хотѣлъ въ щелку стального щита посмотрѣть, прямо въ глазъ, и не охнулъ.

— Да, ловко.

— У него тамъ винтовка на станкѣ. И часовой стоитъ.

— И не заснетъ?

— Онъ не спитъ. У него заснешь развѣ? Его лейтенантъ сейчасъ палкой.

— Какую-то погоду Господь дастъ. Бѣда, сжели дожди. Зальетъ.

— Да, тамъ мамашу вспомнишь.

Каѳедральный соборъ (Смоленскъ). *Д. Савицкій.*
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ".

Портретъ барона П. Н. Врангеля. *Д. Бенкендорфъ.*
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ".

— Полировка хорошая. А какъ Семенченкову руку-то оторвало! Такъ и полетѣла. Я поднялъ, чижелая, фунтовъ десять, пра слово.

— Вы, баринъ, смотрите тамъ, — говоритъ старшій Карпенко, — поаккуратнѣй будьте, меня о всемъ спросите, а то какъ бы не того... Да вы что же не переодѣваетесь-то? Туда надо все чистое. Тамъ все одно, какъ у Бога. Тамъ и покойнички лежатъ на кладбищѣ вмѣстѣ съ нами.

— Я завтра. Завтра утромъ, — пробормоталъ Николаевъ.

— Ну, ладно. Лучше сегодня бы. Завтра еще что будетъ-то. А то все одно. Такъ я гашу свѣчу-то.

И опять темнота, въ которую постепенно проглядываютъ тусклыя, сѣрыя, запотѣлыя окна.

Завтра въ окопы. Такъ вотъ оно начинается, это страшное, это завѣтное, этотъ подвигъ, ради котораго Николаевъ шелъ на эти муки безсонныхъ, душныхъ, страшныхъ ночей.

V.

На позицію выступили часа за полтора до сумерекъ, по-батальонно. Каждый батальонъ по своей дорогѣ. Прошли по одному по натоптанной среди грязи деревенской улицы тропинкѣ вдоль домовъ, вышли на то мѣсто, гдѣ дорога поднимается на песчаный бугоръ, остановились, подтянулись, построили колонну по отдѣленіямъ и пошли не столько строемъ, сколько толпою. Только третья рота несла вся ружья на плечо и шла почти все время въ ногу. Скоро вошли въ лѣсъ, и сырая темнота понемногу окутала всю колонну. Сумерки подвигались быстро. Ночь обѣщала быть темной, накрапывалъ дождь. Шли то по песку, то подъ ногами хлюпала вода, нога увязала въ илистой грязи, потомъ чувствовались круглые стволы поваленныхъ деревьевъ, шли по частямъ. Въ этой полной темнотѣ дорогу скорѣе угадывали, нежели видѣли. По сторонамъ черной непроницаемой стѣной стоялъ лѣсъ. Тамъ капала съ вѣтокъ вода, и слышался тихій, таинственный шорохъ. Кое-гдѣ поблескивали полоски талаго снѣга, да въ придорожныхъ канавахъ бѣлый ледъ обозначалъ направленіе дороги.

До опушки лѣса, за которой была позиція, считали всего пять верстъ, немного болѣе часа ходу, но въ темнотѣ и ночью, да еще по незнакомымъ мѣстамъ, дорога показалась Николаеву безконечной.

Но вотъ впереди забрезжилъ просвѣтъ. Синеватый, фосфорическій свѣтъ освѣщалъ, дрожа и угасая и снова возрождаясь, впереди лежащее пространство. Казалось, что тамъ свѣтила полная луна, какимъ-то чудомъ появившаяся на небѣ, или то было зарево тысячи электрическихъ фонарей, зарево большого города. Сѣрыя тучи въ томъ мѣстѣ сверкали фіолетовою парчою, и временами четко рисовались печальными силуэтами отдѣльныя сосны и молодыя елочки лѣсной опушки.

Николаевъ еще не успѣлъ спросить, что это такое, какъ его сосѣдъ проговорилъ:

— Ракеты пущаетъ. Боится, видно. Сегодня, значитъ, ничего. Безпокоить не будетъ.

— Кто пускаетъ? Наши? — спросилъ Николаевъ.

— Нѣ... Наши зря не пускаютъ. Германъ пускаетъ. Онъ, какъ темная ночь, всю ночь свѣтитъ. Не жалѣетъ, значитъ. Боится, чтобы наши развѣдчики не подошли. Онъ вѣдь, нѣмецъ-то, ничего. Пугливый. Ночью особенно. И наступаетъ когда, больше пьяный. Во! И стрѣляетъ...

Тамъ, на горизонтѣ, гдѣ черное небо сливалось съ еще болѣе черными холмами, точно зарница сверкнула. Одна, другая, третья, четвертая...

— Всѣ четыре, — сказалъ тотъ же солдатъ равнодушнымъ голосомъ, — на томъ же мѣстѣ его батарея, гдѣ и прошлый разъ стояла.

И вскорѣ, лѣвѣе колонны верстахъ въ двухъ, въ темномъ небѣ высоко-высоко, таинственно сверкнули четыре ярко-бѣлыхъ огонька, сверкнули и погасли, разсыпавшись градомъ темно-красныхъ точекъ, утонувшихъ въ прозрачной вышинѣ. А затѣмъ послышался свистящій, все приближающійся звукъ и такъ громко, что Николаевъ невольно пригнулся отъ неожиданности, бахнули глухіе короткіе удары и эхомъ прокатились по лѣсу.

Художникъ Н. Н. Бажинъ.
(† 12-го января 1917 г.).

— Ты не бойся, — сказалъ солдатъ, и теперь Николаевъ узналъ ефрейтора Мухортова, георгіевскаго кавалера, человѣка солиднаго, лѣтъ сорока, уроженца Рязанской губерніи. Три дня тому назадъ Николаевъ писалъ ему письмо, передавая безчисленные поклоны всей роднѣ. — Теперь уже она прошла. Которая тебя вдаритъ, тую не увидишь. А эти вонъ гдѣ всплеснули-то... далеко. На пустомъ мѣстѣ. По позиціи перелетъ, а по намъ, значитъ, съ версту не долетѣло. А что громко такъ, — это отъ лѣса. На позиціи, къ примѣру, ночью иной разъ и совсѣмъ не слыхать, какъ рвется. Командиръ говоритъ, что акустика ему мѣшаетъ. А тутъ, въ лѣсу-то, значитъ, уже совсѣмъ другая акустика.

Теперь рота вышла на опушку и остановилась. Былъ данъ привалъ. Собрали взводныхъ унтеръ-офицеровъ. При ротѣ остался прапорщикъ Мракобѣсовъ.

Лѣсъ обрывался ровной полосой и тянулся вправо и влѣво на многія версты. Впереди были поля. Тамъ и тамъ подымались на этихъ поляхъ небольшіе песчаные бугры, за ними мѣстность поднималась, образуя довольно высокіе холмы, кое-гдѣ поросшіе сосновымъ лѣсомъ. Холмы были заняты противникомъ. Тамъ поминутно, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, оставляя за собою яркій свѣтъ, ложившійся крутою дугою, взлетали ракеты, поднимались высоко въ небо, вспыхивали яркою звѣздочкой и, медленно качаясь въ воздухѣ, упадали на землю, далеко разливая синевато-бѣлый свѣтъ. И отъ этого свѣта вся окрестность казалась какою-то неземною, фееричною. Ясно видны были небольшіе перелѣски, вдругъ показывался въ полѣ одинокій всадникъ, или кухня, или лазаретная повозка маячили, колеблясь, въ этомъ мертвенномъ блѣдномъ свѣтѣ и исчезали, чтобы возродиться снова при новой ракетѣ, уже на другомъ мѣстѣ.

Еще и еще разъ, но теперь уже одинокія, вспыхнули зарницы, и разорвались яркими точками шрапнели, наполнивъ на секунду лѣсъ раскатами грома и трескомъ.

То и дѣло то тутъ, то тамъ слышались двойные отчетливые выстрѣлы винтовокъ.

— Та-ту! и опять черезъ роковой промежутокъ времени: та-ту...

— Это тамъ австріецъ балуется, — сказалъ Мухортовъ. — Тамъ его пѣхота стоитъ. Ландштурмъ, а еще дальше польскіе легіонеры. Дрянной, жалкій народъ. А ужъ нужливый!!! Всю ночь стрѣлять будетъ.

Въ портерной за газетой. *Н. Бажинъ.*

Рядовой Николаевъ отошелъ къ недалекому пеньку и присѣлъ на него, какъ зачарованный, глядя на всю эту волшебную, фееричную картину. Странное волненіе охватило его всего. Странное сознаніе, что вотъ онъ стоитъ на какомъ-то рубежѣ, на краю чего-то страшнаго, трудно одолимаго, чего-то волшебнаго и непонятнаго. Вотъ она, та „позиція", попасть на которую онъ такъ стремился, вотъ онъ и врагъ, еще незримый, еще таинственный...

Къ нему подошелъ Мракобѣсовъ.

— Какъ красиво! Боже, какъ красиво, — невольно вырвалось у Николаева.

— Вы находите, Николаевъ? — насмѣшливо, глухимъ, не своимъ голосомъ проговорилъ Мракобѣсовъ.

— Ну развѣ, господинъ прапорщикъ, неправда? — сказалъ Николаевъ, поднимаясь передъ прапорщикомъ.

— Сидите, сидите, пожалуйста. И я тутъ прилягу. Ужасно, скажу я вамъ, а не красиво.

На минуту воцарилась тишина. Въ ротѣ, усѣвшейся и улегшейся по опушкѣ, никто не разговаривалъ, и только черезъ ровные промежутки все на томъ же мѣстѣ стучали одиночные выстрѣлы — та-ту, та-ту, да тихо, какъ какія-то страшныя змѣи, ползли на небо блестящія ракеты.

Николаевъ зналъ Мракобѣсова больше другихъ офицеровъ. Воспитанникъ учительской семинаріи, онъ пошелъ на военную службу прапорщикомъ лишь потому, что иначе пришлось бы итти по набору. Войну онъ отрицалъ, всякое убійство считалъ грѣхомъ. Начитанный, образованный человѣкъ, потерявшій за книгами зрѣніе, въ очкахъ, сутулый, съ нездоровымъ землистымъ цвѣтомъ изрытаго оспою лица, безъ усовъ и бороды, онъ производилъ далеко не воинственное впечатлѣніе. Отъ солдатъ Николаевъ слышалъ, что Мракобѣсовъ „отчаянный", что ему долженъ былъ выйти орденъ св. Георгія, да „слыхать, Дума отказала", но что онъ странный — „съ нимъ, — говорили солдаты, — никогда не знаешь, побѣжишь впередъ или назадъ".

Глядя теперь на его далеко не воинственную фигуру, съежившуюся подъ кустомъ, видимо зазябшую, Николаевъ никакъ не могъ понять, какъ Мракобѣсовъ могъ совершить такой подвигъ, за который его представили къ Георгіевскому кресту.

— Ужасно! — повторилъ Мракобѣсовъ. — Вѣдь это все, Николаевъ, смерть, раны, увѣчье. Вотъ мы пошли сюда ровно двѣсти двадцать два человѣка, я самъ, по приказанію ротнаго, считалъ, а черезъ двѣ недѣли, когда насъ смѣнятъ, дай Богъ, — двѣсти. Двадцать два, а можетъ, и больше, будетъ искалѣчено, будетъ страдать.

— На то война, — тихо сказалъ Николаевъ.

— Война, вотъ вы говорите, война. А я часто задаю вопросъ, да гдѣ же милосердный Богъ, ежели такое творится?.. Я иду въ эти окопы съ ужасомъ. Вы знаете, тамъ, въ одномъ мѣстѣ, они прорѣзали старое кладбище. И вотъ изъ земли торчатъ остатки гробовъ, доски, кости скелетовъ. Ночью они свѣтятся. Въ оттепель тамъ пахнетъ тлѣніемъ. Ужасъ! Ужасъ! И не минуты, не часы намъ тамъ приходится сидѣть, а недѣли... Вы понимаете, съ самаго декабря мы здѣсь...

Онъ всталъ и прошелся взадъ и впередъ. Неуклюже большими казались его ноги въ высокихъ сапогахъ съ нелѣпо напяленными на нихъ резиновыми калошами. Чѣмъ-то глубоко штатскимъ, миролюбивымъ вѣяло отъ всей его фигуры, отъ резиноваго макинтоша, надѣтаго поверхъ шинели и амуниціи.

— Вы понимаете, я дохожу здѣсь почти до сумасшествія.

Онъ остановился противъ Николаева, широко разставивъ

свои кривыя ноги. Взлетѣвшая ракета освѣтила его лицо и блеснула огоньками въ стеклахъ очковъ. Большой широкій ротъ былъ искривленъ въ нелѣпую, непроизвольную усмѣшку.

Помню, разъ три солдата четвертой роты, два поляка и одинъ русскій, вдругъ встали днемъ изъ окопа и пошли къ непріятелю. Намъ въ бинокль отлично ихъ было видно. Пошли къ стогу. Мы понять не могли сначала, что̀ такое. Не за сѣномъ же? За стогомъ остановились. Долго о чемъ-то говорили. Точно спорили. Потомъ русскій пошелъ назадъ. А тѣ привязали платки къ штыкамъ и пошли къ непріятелю. Нашъ капитанъ приказалъ стрѣлять по нимъ изъ пулемета. Куда! Ушли...

Ранняя весна. (Третьяковская галлерея). *Н. Бажинъ.*

— Что̀ вы!—съ ужасомъ и отвращеніемъ проговорилъ Николаевъ.

— Это психозъ. Вы понимаете—это значитъ, не могу больше! Не могу больше ждать смерти, прислушиваться къ каждой шрапнели, бомбѣ, или пулѣ. Не могу... Вы понимаете это чувство, когда все равно что̀—только не это. Поляки были Сѣдлецкой губерніи. Они къ себѣ шли. Вы понимаете—вѣдь ихъ домъ былъ тамъ, „у него"...

— Нѣтъ, что̀ вы говорите, Аполлонъ Ивановичъ? Вѣдь это... Я словъ не нахожу этому сраму, этому позору... Какъ вы!.. Вѣдь я слыхалъ, что вы подвигъ совершили. Васъ хотѣли наградить орденомъ святого Георгія.

— И хорошо сдѣлали, что не наградили, — криво усмѣхаясь всѣмъ своимъ большимъ и плоскимъ ртомъ, сказалъ Мракобѣсовъ.

— Почему?

— Потому,—шопотомъ отвѣтилъ Мракобѣсовъ,—что это не подвигъ былъ, а трусость. Вы знаете, я со взводомъ, дѣлая перебѣжки, вскочилъ на холмъ. Вдругъ слѣва меня стали обстрѣливать. Да какъ! На прямой выстрѣлъ! Что̀ ни щелкнетъ, бацъ—кто-нибудь уже стонетъ, или корчится, или уже и затихъ совсѣмъ. Насъ тридцать человѣкъ всего. Остальная рота далеко сзади осталась. Я думаю—еще такъ полежать, всѣхъ перебьютъ. И меня тоже. Ужасъ охватилъ меня. Вы понимаете, такой ужасъ, равнаго не бываетъ. Оглянулся назадъ. Слышите,—я вамъ честно говорю,—у меня мысль была не впередъ итти, а назадъ. Смотрю, еще хуже. Мѣсто ровное. Тутъ не убѣжишь. Версты полторы по чистому надо итти. Всѣхъ перебьютъ. Какъ куропатокъ. Въ засаду, значитъ, мы попали. Не знаю, что̀ со мною сталось. Такъ захотѣлось жить! Все вспомнилось въ эту минуту. Вся жизнь. Побои дѣтскіе и горе со слезами и то милыми стали... Ну, глянулъ впередъ. Зажмурился, поднялъ голову изъ окопчика и открылъ глаза. Батюшки! Тутъ онъ. Шаговъ полтораста, не больше! Ну, всталъ я и „ура!.." Они, какъ увидали, руки вверхъ. Всѣ сдались до единаго. Сто тридцать три человѣка и два кадета. Мнѣ ихъ кадетъ, славный такой русинъ, потомъ говорилъ, что онъ, какъ насъ увидалъ, то же испыталъ. „Кабы, говоритъ, вы не кинулись, я бы кинулся". И знаете что̀?—И Мракобѣсовъ, нагнувшись къ Николаеву, шопотомъ проговорилъ: — Я не ручаюсь... Кабы онъ кинулся—я бы сдался... Есть такой моментъ...

Николаевъ отшатнулся отъ него. Въ его женскомъ сердцѣ не умѣщалось это чувство страха.

— Да, — повторилъ глухимъ голосомъ Мракобѣсовъ, — вы говорите, красота! Ужасъ! Мерзость. Адъ. Хуже ада...

— Красота всегда останется красотою, гдѣ бы она ни была. И вѣчная природа красива, — звучнымъ груднымъ голосомъ сказалъ Николаевъ.—И наша смерть пустяки. Впереди вѣчная жизнь, впереди, вслѣдъ за подвигомъ—рай.

— Вы вѣрите?..

— Вѣрю,—твердо и ясно выговорилъ Николаевъ.

— Счастливецъ... — и, закрывъ голову своими большими руками, какъ бы спасаясь отъ чего-то, Мракобѣсовъ отошелъ отъ Николаева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Садъ Плюшкина. *Н. Бажинъ.*
(Изъ „Мертвыхъ душъ"—иллюстрир. изданія А. Ф. Маркса).

Н. Н. Бажинъ.

1857—1917.

Семидесятые годы прошлаго столѣтія въ жизни русскаго искусства были эпохой рѣшительной, открытой борьбы только-что нарождавшагося національнаго теченія съ умиравшимъ академическимъ классицизмомъ. Въ этой борьбѣ за „новое слово", ставшее въ наши дни трюизмомъ, покрылись славой уцѣлѣвшіе побѣдители, но среди піонеровъ новаго движенія не мало погибло сѣрыхъ героевъ, убитыхъ въ первыхъ же схваткахъ, раненыхъ, искалѣченныхъ и безъ вѣсти пропавшихъ.

Первая же Передвижная выставка, проникшая въ глубь провинціи, разбудила и вызвала къ жизни не одно яркое дарованіе, и уже въ 1872 г. изъ глухихъ трущобъ хлынули въ Академію десятки самобытной, талантливой молодежи. Эти представители „черноземной силы",—страстные, неукротимые, дикіе, рвавшіеся къ свѣту, кипучему живому дѣлу и знанію, — встрѣтили въ Академіи царство тихой старческой дремы, безпросвѣтную тьму мертвыхъ традицій, механическую муштру, сухой формализмъ и, взамѣнъ вниманія, участія, поддержки или хотя бы только простого интереса, чуждую среду и настороженное, опасливое, почти враждебное отношеніе къ себѣ. Разочарованіе было слишкомъ острымъ, неожиданнымъ, роковымъ. Первая живая волна разбилась о глухую стѣну холоднаго академическаго режима и отхлынула.

разсыпавшись въ брызги. Разрозненные, одинокіе, непонятые, предоставленные собственнымъ силамъ они погибли почти всѣ, такъ же рѣшительно порвавъ съ искусствомъ, какъ страстно потянулись къ нему изъ своихъ угловъ. Одни спились, посходили съ ума, другіе стали босяками, матросами, конскими барышниками или вернулись на родину къ будничному дѣлу. Лишь немногіе остались въ Академіи, въ ихъ числѣ и Н. Н. Бажинъ. Созерцатель по натурѣ, тихій мечтатель, поэтъ-лирикъ, влюбленный только въ природу, застѣнчивый, скромный и нетребовательный въ жизни, онъ не замѣчалъ ея уколовъ и ударовъ, не страдалъ въ той атмосферѣ враждебнаго равнодушія и отчужденности, въ которой задыхались и гибли его болѣе страстные и жизненные сверстники. Продолжая числиться ученикомъ Академіи, онъ только по возможности сторонился отъ ея жизни и въ одиночествѣ отдавался самостоятельной работѣ, въ которой вскорѣ у него нашлись новые товарищи.

Слѣдующая волна, хлынувшая на смѣну первой, была значительно сильнѣе и не только проникла въ Академію, но и задержалась въ ней. Старые профессора уже нѣсколько пообвоились съ необычностью молодыхъ новаторовъ и хотя косились на нихъ, но терпѣли, подкупленные свѣжестью крупныхъ дарованій; не любили, а только терпѣли. Эти новые ученики Академіи, живые и дѣятельные, не ограничивались традиціонными сухими классными занятіями, а сосредоточили всѣ силы на самостоятельныхъ внѣклассныхъ занятіяхъ, основали свою постоянную ученическую выставку, гдѣ появлялись и нарасхватъ пріобрѣтались любителями ихъ первыя, свѣжія, овѣянныя жизнью произведенія. Здѣсь появились и первыя картины Н. Н. Бажина, вначалѣ изображавшаго бытовыя сцены, часто не лишенныя юмора и острой наблюдательности, но это были лишь первыя исканія, и вскорѣ потомъ онъ „нашелъ себя" и всецѣло отдался пейзажу.

Ученическая выставка, хотя и явилась первой связью съ жизнью и обществомъ, все же эта связь была слишкомъ неустановившейся, слабой, а гнетъ академическихъ традицій и требованій слишкомъ отталкивающимъ и сильнымъ для того, чтобы способствовать полному проявленію неокрѣпшихъ еще дарованій. Многіе не дали и десятой доли того, что они могли бы создать при иныхъ условіяхъ, и только исключительная чуткость Третьякова, сосредоточенно слѣдившаго за первымъ же проблескомъ таланта и отводившаго ему мѣсто въ своей галлереѣ, помогла тому, что они не прошли такъ же безслѣдно, какъ ихъ предшественники.

Лишь слѣдующее поколѣніе, вступившее въ Академію во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, встрѣтило нѣсколько болѣе благопріятныя условія. И для нихъ Академія была такой же мачехой,—чужой, равнодушной, далекой, но они застали почву уже подготовленной усиліями первыхъ піонеровъ, видѣли ихъ картины на ученической выставкѣ, встрѣчались съ тѣми изъ нихъ, которые не покинули еще Академіи. Передвижныя выставки заняли прочное положеніе и стали силой, съ которой глухо, но безплодно боролась старая Академія. Пресса съ рѣдкимъ единогласіемъ защищала и поддерживала новое движеніе. Появились статьи Крамского о „протестѣ 13-ти" и образованіи художественной артели, уяснившія многое, что лишь смутно и безсознательно ощущалось молодежью. Все это помогло новымъ ученикамъ Академіи, тяготившимся ея мертвящимъ режимомъ, опредѣлить новыя задачи и объединить общія стремленія. Болѣе активные изъ нихъ сплотились въ отдѣльную группу и сняли для самостоятельной работы „Общую комнату", куда къ нимъ заходили и давали совѣты Рѣпинъ, Крамской и Куинджи. Живое дѣло увлекало, захватывало, Академія становилась все болѣе несносной, и постепенно почти всѣ члены кружка порвали послѣднія связи съ ней. Просуществовавъ нѣсколько лѣтъ, кружокъ распался, для каждаго изъ участниковъ началась самостоятельная жизнь, но они уже были подготовлены къ ней, и погибли немногіе, наоборотъ, нѣкоторые заняли видное положеніе въ обновленной Академіи, другіе—на выставкахъ.

Къ кружку „Общей комнаты" присоединился и Н. Н. Бажинъ; вмѣстѣ съ младшими товарищами онъ оставилъ Академію въ 1882 г. и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ впервые выступилъ на XVII Передвижной выставкѣ. Первая же его картина „Ранняя весна" была пріобрѣтена Третьяковымъ, что въ то время являлось полнымъ признаніемъ и значительнымъ успѣхомъ. Но по всему складу своего характера онъ не способенъ былъ использовать этотъ успѣхъ для его дальнѣйшаго развитія и продолжалъ выставлять скромные, не бьющіе на эффектъ пейзажи, оставаясь такимъ же простымъ, непритязательнымъ, вполнѣ удовлетворяясь условіями жизни артистической богемы, счастливый только возможностью отдаваться любимому дѣлу. Эти незатѣйливыя, но поэтичныя и тонкія по глубинѣ настроенія картины, какъ и рядъ пейзажныхъ иллюстрацій къ „Мертвымъ душамъ" Гоголя создали ему добрую славу среди цѣнителей и коллекціонеровъ, не гоняющихся за громкими именами, но чуткихъ къ истинно-художественному.

Въ послѣднія 10—15 лѣтъ жизнь искусства въ Россіи пошла усиленнымъ темпомъ, протекала при иныхъ, новыхъ условіяхъ, созданныхъ усложнившейся, обостренной борьбой за существованіе, и требовала отъ художника не только художественнаго таланта, но и практической хватки, искусства, ловкости и жестокости борца. Все это было слишкомъ чуждо пассивной и мягкой натурѣ Бажина, всегда безпечнаго къ матеріальнымъ запросамъ реальной жизни съ ея будничными интересами, все это пугало, отталкивало его. Постепенно онъ сталъ выставлять рѣже и рѣже и наконецъ вовсе ушелъ со сцены, и о немъ забыли.

12-го января Н. Н. Бажинъ умеръ отъ тифа. Хворалъ онъ не долго, все время не переставая работать. Онъ умеръ, какъ жилъ. Въ теченіе всей жизни онъ оставался истиннымъ художникомъ, для котораго все счастье, всѣ наслажденія и радость бытія сосредоточивались исключительно въ любимой работѣ, въ возможности отдаваться ей всецѣло и безраздѣльно.

М. Далькевичъ.

Лисица.

На раздробленной ногѣ приковыляла,
У норы свернулася въ кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмежевала
На снѣгу дремучее лицо.
Ей все бластился въ колючемъ дымѣ выстрѣлъ,
Колыхалася въ глазахъ лѣсная топь.
Изъ кустовъ косматый вѣтеръ взбыстрилъ
И разсыпалъ звонистую дробь.

Какъ желна, надъ нею мгла металась,
Мокрый вечеръ липокъ былъ и алъ.
Голова тревожно подымалась,
И языкъ на ранѣ застывалъ.
Желтый хвостъ упалъ въ метель пожаромъ,
На губахъ, какъ прѣлая морковь...
Пахло инеемъ и глинянымъ угаромъ,
А въ ощуръ сочилась тихо кровь.

Сергѣй Есенинъ.

Два крика въ ночи.

Разсказъ **Вальми Бесъ.**

„По выходѣ изъ окопа строиться попарно, другъ за другомъ слѣдовать на разстояніи тридцати шаговъ".

Приказъ, отданный ротнымъ командиромъ, передавался изъ устъ въ уста.

Это были запасные, которымъ перевалило уже за сорокъ лѣтъ, мощные, покорные; они шли медленно, съ лопатой или киркой на правомъ плечѣ. Они возвращались съ работы: пять часовъ труднаго пути по дорогамъ и тропинкамъ, изрытымъ воронками отъ снарядовъ, и три часа напряженной работы подъ непріятельскимъ обстрѣломъ. Каждая ночь заставала ихъ на этой трагической высотѣ.

За ними, на всѣхъ вершинахъ, по склонамъ высотъ, на которыхъ они только-что работали, вспыхивали огоньки, за которыми, нѣсколько секундъ спустя, слѣдовалъ глухой трескъ. Потомъ число стрѣляющихъ орудій стало съ каждой минутой расти, и вся тьма кругомъ озарилась непрерывнымъ свѣтомъ. Неясный, похожій на грохотъ и раскаты грома, гулъ ширился, становился громче, и къ нему присоединился протяжный ревъ орудій.

Теперь передъ ними разстилался ночной путь, еще болѣе темный среди двойного ряда деревьевъ, не освѣщеннаго бомбардировкой. Они шли медленными, молчаливыми тѣнями, и съ ними встрѣчались другія тѣни, болѣе многочисленныя, живыя и проворныя: шедшія на смѣну саперныя роты или пѣхотные полки, отправлявшіеся въ атаку, точно предсказываемую безпрестанно растущей яростью орудій.

Запасные достигли городскихъ воротъ и пошли по узкой улицѣ, окаймленной разрушенными домами, все болѣе стѣсненные въ своемъ движеніи спѣшившими къ выходу пѣхотными частями.

Какой-то сержантъ крикнулъ:

— Правѣе!

Запасные послушно повиновались командѣ, но молодые, заносчивые, веселые, упорно держались середины улицы. Они привѣтствовали старшихъ, тронутые въ глубинѣ души тѣмъ, что они, такіе молодые, встрѣтили на своемъ пути въ эту ночь бомбардировки усталыхъ, простодушно храбрыхъ стариковъ.

— Здорово, папаши... Вы оттуда?.. А мы... туда... въ дѣло, знаете...

Одинъ изъ запасныхъ, наклонившись, разобралъ нумеръ на галунѣ.

— Стой!.. Какой полкъ?

Это былъ извѣстный полкъ; нумеръ его прозвучалъ, какъ трубный гласъ, пробѣжалъ по рядамъ.

Изъ отряда запасныхъ послышался голосъ, хриплый, тревожный:

— Которая рота?

Съ десятокъ голосовъ звонко отвѣтило:

— Седьмая, старикъ!

— А восьмая?

— Вслѣдъ за нами, папаша.

Въ то время какъ оба отряда продолжали проходить одинъ мимо другого, запасный ежеминутно повторялъ свой вопросъ:

— Восьмая? Это восьмая проходитъ?

Наконецъ кто-то отвѣтилъ:

— Есть. Кому нужна восьмая?

Взволнованный голосъ запаснаго спросилъ:

— Что, рядовой Д. здѣсь?

Скоро послышался юный, звонкій отвѣтъ:

— Д... 3-го взвода? Здѣсь.

Тогда голосъ старика, окрѣпшій, торжествующій, позвалъ:

— Гдѣ ты, сынъ мой?

И запасный, покинувъ свою часть, направился къ молодымъ.

— Гдѣ ты, родной мой?—повторилъ онъ.

Одна тѣнь остановилась.

— Ты, отецъ?—глухо, удивленно прозвучалъ юный голосъ.

— Милый мой!

Тѣни обнялись. Оба отряда остановились на одинъ мигъ и затѣмъ продолжали свой путь.

Послышалось:

— Счастливаго пути, сынъ мой!

— Счастливаго пути, отецъ!

Старикъ-запасный остался одинъ. слѣдя за сыномъ, который бѣгомъ догонялъ товарищей. Улица дѣлала крутой поворотъ; весь пѣхотный полкъ прошелъ; слышно было, какъ шаги молодыхъ затихали во мракѣ ночи.

Предсѣдатель Совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ князь Г. Е. Львовъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милюковъ.

Министръ путей сообщенія Н. В. Некрасовъ.

Министръ юстиціи А. Ф. Керенскій.

Военный и морской министръ А. И. Гучковъ.

Министръ финансовъ М. И. Терещенко.

Министръ просвѣщенія А. А. Мануиловъ.

Государственный контролеръ И. В. Годневъ.

Министръ по дѣламъ Финляндіи Ѳ. И. Родичевъ.

Министръ земледѣлія А. И. Шингаревъ.

Оберъ-прокуроръ св. синода Вл. Н. Львовъ.

Министръ торговли и промышленности А. И. Коноваловъ.

Министры перваго Общественнаго Кабинета. По фот. *Н. Ольшанскаго.*

Великая хартія свободы.

Актъ объ отреченіи Императора Николая II отъ престола и о сложеніи съ себя верховной власти.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новыя тяжкія испытанія. Начавшіяся внутри народа народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Жестокій врагъ напрягъ послѣднія усилія, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками можетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и въ согласіи съ Государственной Думой признали Мы за благо отречься отъ престола государства Россійскаго и сложить съ себя верховную власть.

Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, Мы передали наслѣдіе наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляемъ его на вступленіе на престолъ государства Россійскаго.

Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываю всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ повиновеніемъ царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Подписалъ: *Николай.*

2-го марта 1917 года, 15 часовъ, городъ Псковъ.
Скрѣпилъ министръ императорскаго двора графъ Фредериксъ.

Актъ объ отказѣ великаго князя Михаила Александровича отъ воспріятія верховной власти.

Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшаго мнѣ императорскій всероссійскій престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненій народа.

Одушевленный со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо родины нашей, принялъ я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому и надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи установить образъ правленія и новые основные законы государства Россійскаго.

Призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ державы Россійской подчиниться временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

Подписалъ: *Михаилъ.*

3-го марта 1917 года.
Петроградъ.

Народное правительство.

Граждане!

Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы при содѣйствіи и сочувствіи столичныхъ войскъ и населенія достигъ въ настоящее время такой степени успѣха надъ темными силами стараго режима, который дозволяетъ ему приступить къ болѣе прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цѣли Временный Комитетъ Государственной Думы назначаетъ министрами перваго общественнаго кабинета слѣдующихъ лицъ, довѣріе къ которымъ страны обезпечено имъ прошлой общественной и политической дѣятельностью:

Предсѣдатель Совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ—князь **Г. Е. Львовъ** (бывшій членъ 1-й Гос. Думы, предсѣдатель главнаго комитета всероссійскаго земскаго союза).

Министръ иностранныхъ дѣлъ—**П. Н. Милюковъ** (членъ Гос. Думы отъ г. Петрограда).

Министръ военный и морской—**А. И. Гучковъ** (членъ Госуд. Совѣта, предсѣдатель центр. военно-промышленнаго комитета).

Министръ путей сообщенія — **Н. В. Некрасовъ** (товарищъ предсѣдателя Гос. Думы).

Министръ торговли и промышленности —**А. И. Коноваловъ** (членъ Гос. Думы отъ Костромской губ.).

Министръ просвѣщенія — **А. А. Мануиловъ** (бывшій членъ Госуд. Совѣта, бывшій ректоръ Московскаго университета).

Министръ финансовъ—**М. И. Терещенко.**

Министръ земледѣлія—**А. И. Шингаревъ** (членъ Гос. Думы отъ г. Петрограда).

Министръ юстиціи—**А. Ф. Керенскій** (членъ Гос. Думы отъ Саратовской губ.).

Оберъ-прокуроръ св. синода — **Вл. Н. Львовъ** (членъ Гос. Думы отъ Самарской губ.).

Государственный контролеръ—**И. В. Годневъ** (членъ Гос. Думы отъ Казанской губ.).

Министръ по дѣламъ Финляндіи—**Ѳ. И. Родичевъ** (членъ Гос. Думы отъ г. Петрограда).

Программа перваго общественнаго кабинета.

1) Полная и немедленная амнистія по всѣмъ дѣламъ политическимъ и религіознымъ, въ томъ числѣ террористическимъ покушеніямъ, военнымъ возстаніямъ и аграрнымъ преступленіямъ и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ, съ распространеніемъ политическихъ свободъ на военнослужащихъ въ предѣлахъ, допускаемыхъ военно-техническими условіями.

3) Отмѣна всѣхъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій.

4) Немедленная подготовка къ созыву на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія Учредительнаго Собранія, которое установитъ форму правленія и конституцію страны.

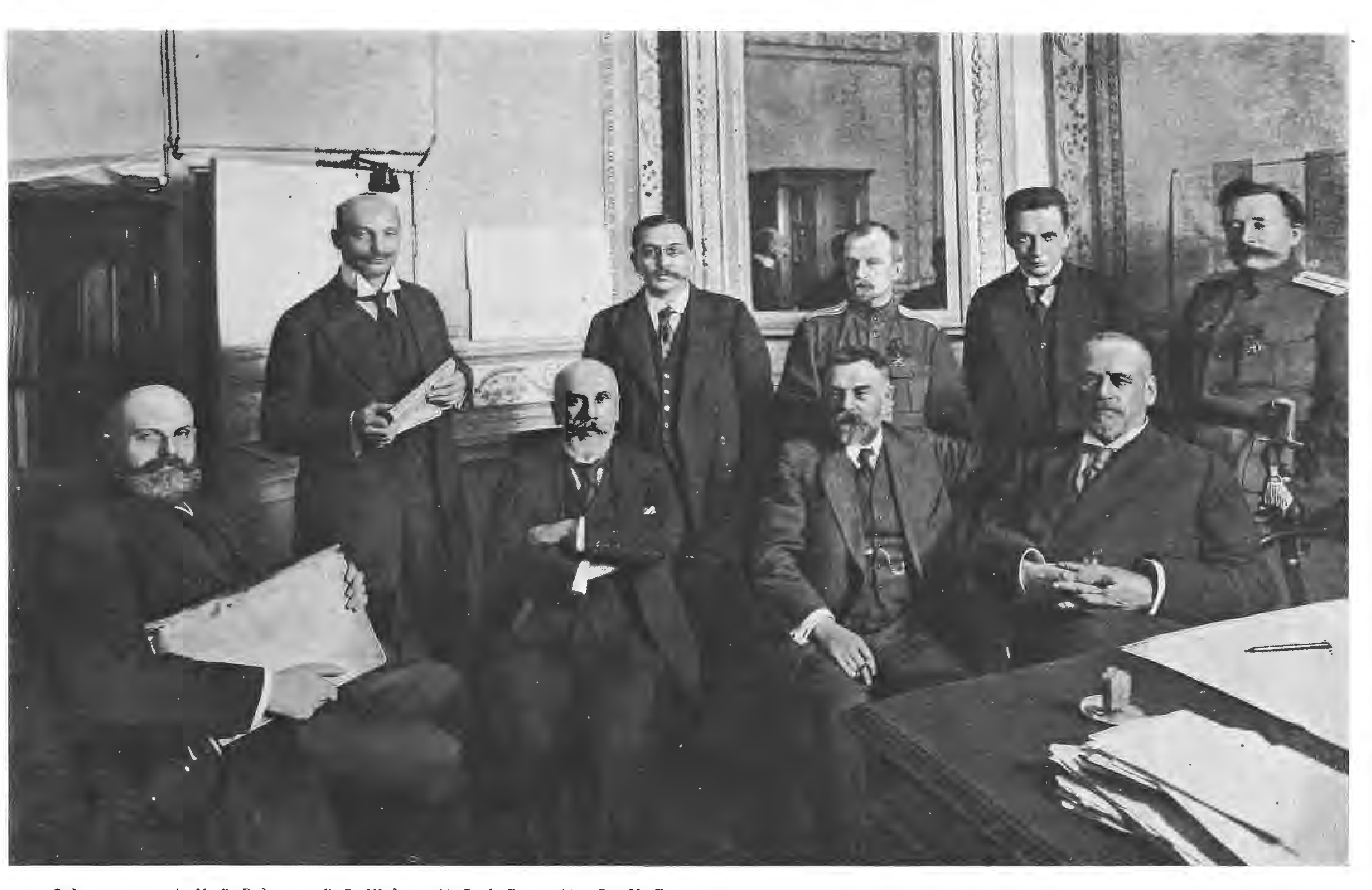
5) Замѣна полиціи народной милиціей съ выборнымъ начальствомъ, подчиненнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія.

6) Выборы въ органы мѣстнаго самоуправленія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

7) Неразоруженіе и невыводъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи.

8) При сохраненіи строгой воинской дисциплины въ строю и при несеніи военной службы—устраненіе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи общественными правами, предоставленными всѣмъ остальнымъ гражданамъ.

Предсѣдатель Гос. Думы **М. Родзянко.**
Предсѣдатель Совѣта министровъ **кн. Львовъ.**
Министры: **Милюковъ, Некрасовъ, Коноваловъ, Мануиловъ, Терещенко, Вл. Львовъ, Шингаревъ, Керенскій.**



Сидятъ (справа): М. В. Родзянко, С. В. Шидловскій, В. А. Ржевскій и Вл. Н. Львовъ.
Стоятъ (слѣва): В. В. Шульгинъ, И. И. Дмитрюковъ, полковн. генер. штаба Б. А. Энгельгардтъ (комендантъ петроградск. гарнизона), А. Ф. Керенскій и М. А. Карауловъ.

Временное Правительство. Исполнительный Комитетъ Государственной Думы. По фот. К. Булла.

Россія свободна!

Всѣмъ намъ, русскимъ людямъ, выпало на долю великое счастье—стать творцами новой русской эры.

Въ вешніе февральскіе дни, на нашихъ глазахъ въ великой книгѣ судебъ нашей родины перевернута послѣдняя страница былого невозвратнаго строя...

Вооруженный народъ, отстаивающій грудью родину отъ врага, руками своихъ братьевъ отвоевалъ себѣ свободу и принесъ ее, пылающую, на красныхъ знаменахъ къ Дворцу народной свободы—къ Таврическому дворцу, въ Государственную Думу къ народнымъ избранникамъ. На нихъ, этихъ лучшихъ людей, въ лучшіе дни народной жизни возложена великая, многотрудная задача—построить новую жизнь на основѣ свободы, равенства и братства.

И они благоговѣйно приняли на себя строительство новой свободной Россіи и призываютъ всѣхъ русскихъ гражданъ къ единенію, порядку и работѣ, работѣ за себя и за нашихъ братьевъ и близкихъ на фронтѣ, которымъ не суждено было быть свидѣтелями этихъ красныхъ дней.

Красная недѣля... Такъ, въ Москвѣ, въ канунъ недѣли краснаго звона, въ Свѣтлую заутреню, первый ударъ колокола раздается съ Ивана Великаго, и ему отвѣчаютъ хоромъ всѣ сорокъ-сороковъ Москвы.

Въ Красную недѣлю нашей свободы первый салютъ ей далъ Петроградъ, и ему дружно отвѣтила вся Россія.

Всѣ ея взоры, всѣ ея надежды и упованія направлены къ сѣверной столицѣ, метрополіи народной свободы, къ государственному разуму страны, въ Думу, гдѣ засѣдаетъ нынѣ рядомъ съ избранными избранныхъ—Исполнительнымъ Комитетомъ и Министрами новаго Временнаго Правительства—Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ!

3-го марта изъ радіотелеграфнаго отдѣленія отправлена радіодепеша слѣдующаго содержанія:

„Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ. 27-го февраля, вечеромъ, председатель Гос. Думы получилъ Высочайшій указъ объ отсрочкѣ засѣданій до апрѣля. Въ тотъ же день утромъ нижніе чины Волынскаго и Литовскаго полковъ вышли на улицу и устроили рядъ демонстрацій въ пользу Гос. Думы. Къ вечеру того же дня волненіе въ войскахъ и населеніи приняло крайне тревожные размѣры,

Члены Гос. Думы, собравшись на частное совѣщаніе, поручили Совѣту старѣйшинъ немедленно выработать мѣры для возстановленія порядка. Совѣтъ старѣйшинъ избралъ для этой цѣли, а также для сношеній съ организаціями и лицами Временный Комитетъ изъ 12 членовъ, которому и передалъ выпавшую изъ рукъ правительства власть.

Послѣ продолжительнаго обсужденія, Временный Комитетъ, во главѣ съ предсѣдателемъ Думы Родзянко, рѣшилъ принять на себя функціи исполнительной власти. Въ ближайшіе дни волненія перебросились изъ столицы на окрестности, и опасность приняла угрожающіе размѣры. Съ цѣлью предупрежденія полной анархіи Временное Правительство взяло на себя возстановленіе военной власти, принявъ рядъ мѣръ для возстановленія нормальной связи между нижними чинами и офицерами.

Въ короткій срокъ, при единодушномъ настроеніи всей арміи въ пользу переворота, Комитету и сгруппировавшемуся вокругъ него петроградскому гарнизону удалось мало-по-малу пріостановить уличные эксцессы и возстановить порядокъ въ столицѣ. Рядъ общественныхъ зданій однакоже пострадалъ отъ господствовавшей одно время анархіи. Количество человѣческихъ жертвъ, по счастью, оказалось не столь значительно, какъ можно было бы опасаться.

Серьезное осложненіе создалось подъемомъ общественнаго настроенія и энергичной дѣятельностью лѣвыхъ политическихъ организацій. Временному Комитету однако удалось вступить въ сношенія съ наиболѣе вліятельной изъ нихъ—Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, избраннымъ въ кратчайшее время петроградскими фабриками и заводами. Рабочее населеніе Петрограда проявило большое политическое благоразуміе и, понявъ опасность, грозившую столицѣ и странѣ, въ ночь на 2-е марта сговорилось съ Временнымъ Комитетомъ Думы какъ относительно предполагаемаго направленія реформъ и политической дѣятельности послѣдняго, такъ и относительно собственной поддержки будущаго правительства въ предѣлахъ объявленныхъ имъ политическихъ намѣреній.

Вечеромъ 2-го марта, послѣ продолжительнаго обсужденія въ тысячной аудиторіи рабочихъ, проекты, выработанные обѣими сторонами, получили одобреніе громаднаго большинства всѣхъ противъ 15 голосовъ. Соглашеніе это обѣщаетъ окончательно остановить печальныя явленія на улицахъ столицы, рѣзко осуждаемыя въ выпущенномъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ воззваніи.

Изъ ряда городовъ получаются сообщенія о присоединеніи ихъ къ дѣйствіямъ Временнаго Комитета Гос. Думы и о созданіи подобныхъ же временныхъ органовъ власти. Въ Царскомъ Селѣ всѣ войска примкнули къ движенію. Попытки послать противъ столицы воинскія части изъ мѣстностей, близкихъ къ Петрограду, окончились полнѣйшей неудачей, такъ какъ посылаемыя войска немедленно переходили на сторону Государственной Думы.

Возстановивъ нѣкоторый порядокъ и убѣдившись въ прочности достигнутаго успѣха, Временный Комитетъ постановилъ организовать Временное Правительство, въ составѣ предсѣдателя Совѣта министровъ и министра внутреннихъ дѣлъ кн. Львова, военнаго и морского Гучкова, министра иностранныхъ дѣлъ Милюкова, министра торговли и промышленности Коновалова, министра финансовъ Терещенко, министра юстиціи, соціалистическаго депутата Керенскаго, министра земледѣлія Шингарева, министра путей сообщенія Некрасова и оберъ-прокурора Синода В. Львова.

Послы англійскій, французскій и итальянскій признали народное правительство, спасшее страну отъ тяжелой разрухи и возстановившее вѣру въ боевую способность страны и арміи.

Въ числѣ задачъ ближайшей дѣйствительности выпущенное 3-го марта правительственное воззваніе упоминаетъ общую амнистію, свободу собраній, союзовъ, совѣсти и печати, подготовку къ созыву Учредительнаго Собранія для выработки формы правленія и конституціи страны, отмѣну національныхъ и религіозныхъ ограниченій, неудаленіе изъ Петрограда перешедшихъ на сторону движенія воинскихъ частей, сохраненіе за нижними чинами, при соблюденіи ими строгой воинской дисциплины въ строю и во время военныхъ порученій, общихъ гражданскихъ правъ.

Энтузіазмъ населенія по поводу совершающагося даетъ полную увѣренность не только въ сохраненіи, но и въ громадномъ увеличеніи силы національнаго сопротивленія. Къ тому же приходятъ и выпущенныя Комитетомъ Государственной Думы заявленія, въ которыхъ постоянно упоминается о твердомъ рѣшеніи народнаго представительства и національнаго правительства сдѣлать всѣ усилія и принести всѣ жертвы для достиженія рѣшительной побѣды надъ врагомъ“.

Радіотелеграмма составлена Павломъ Николаевичемъ Милюковымъ и разослана отъ имени Временнаго Правительства.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго“ книга 3.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1917 г. № 11 и 12

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVIII г. изданія

Выданъ 25-го марта 1917 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“, кн. 39 – 40.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1917 года къ 1 апрѣля слѣдуетъ внести **не менѣе 7 руб.**

Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **скорѣйшею присылкою** слѣдующаго взноса, **согласно условіямъ разсрочки, во избѣжаніе остановки** въ высылкѣ журнала съ **8-го апрѣля**—съ **14-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **50 коп.** и **печатный адресъ.**

Торжественная присяга Временнаго Правительства.

15-го марта состоялась торжественная присяга, принятая полнымъ составомъ министровъ Временнаго Правительства.

Въ 10 час. утра полный составъ сенаторовъ занялъ свои мѣста въ общемъ залѣ перваго департамента Сената. Предсѣдательствовалъ первоприсутствующій С. Б. Враскій. Въ залѣ присутствовалъ весь составъ прокурорскаго надзора и вся канцелярія Сената. Къ 11 час. изъ кабинета оберъ-прокурора вышелъ Совѣтъ министровъ съ княземъ Львовымъ во главѣ и занялъ мѣста въ центрѣ, у особаго стола.

Первоприсутствующимъ громко, внятно и ясно былъ прочитанъ текстъ присяги, повторявшійся всѣми членами Совѣта министровъ.

Текстъ присяги.

По долгу члена Временнаго Правительства, волею народа по почину Государственной Думы возникшаго, обѣщаюсь и клянусь передъ Всемогущимъ Богомъ и своей совѣстью служить вѣрою и правдою народу Державы Россійской, свято оберегая его свободу и права, честь и достоинство, ненарушимо соблюдая во всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ моихъ начала гражданской свободы и гражданскаго равенства и всѣми, предоставленными мнѣ мѣрами подавляя всякія попытки, прямо или косвенно направленныя къ возстановленію стараго строя.

Клянусь приложить все разумѣніе мое и всѣ мои силы для осуществленія въ полнотѣ всѣхъ обязательствъ, Временнымъ Правительствомъ всенародно на себя принятыхъ.

Клянусь принять всѣ мѣры для созыва въ возможно кратчайшій срокъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія Учредительнаго Собранія, передать въ руки его полноту власти, мною совмѣстно съ другими членами Правительства временно осуществляемую, и преклониться предъ выраженною симъ Собраніемъ народною волею объ образѣ правленія и основныхъ законовъ Россійскаго Государства.

Въ исполненіи сей моей клятвы да поможетъ мнѣ Богъ.

Подписали: министръ-предсѣдатель **кн. Львовъ**, министръ иностранныхъ дѣлъ **П. Милюковъ**, министръ земледѣлія **А. Шингаревъ**, министръ путей сообщенія **Н. Некрасовъ**, военный и морской министръ **А. Гучковъ**, министръ торговли и промышленности **А. Коноваловъ**, министръ народнаго просвѣщенія **А. Мануйловъ**, государственный контролеръ **И. Годневъ**, министръ финансовъ **М. Терещенко**, министръ юстиціи генералъ-прокуроръ **А. Керенскій**; предсѣдательствующій сенаторъ **Степанъ Враскій**, исполняющій обязанности оберъ-прокурора сенаторъ **А. Руадзе**.

Декларація писателей.

Представители Литературнаго фонда, Всероссійскаго общества писателей, петроградскихъ ежемѣсячныхъ журналовъ и ежедневныхъ газетъ, собравшіеся 9-го марта для возстановленія закрытаго въ 1901 году Союза русскихъ писателей, сочли необходимымъ предварительно выразить свой взглядъ на роль русской литературы въ подготовленіи февральской революціи и обратиться съ привѣтствіемъ къ ея дѣятелямъ въ нижеслѣдующей декларацiи. Передъ прочтеніемъ деклараціи составителемъ ея С. А. Венгеровымъ была высказана та мысль, что не литература присоединяется нынѣ къ революціи, а революціонная Россія осуществила теперь на дѣлѣ то, что проповѣдуется русскою литературою уже болѣе 100 лѣтъ. Декларація принята съ дополненіями Н. И. Iорданскаго, А. М. Рѣдько, Е. А. Ляцкаго, А. В. Амфитеатрова, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.

„Восторженно привѣтствуетъ весь міръ своеобразнѣйшее политическое творчество Россіи. Ликуетъ и трепетно волнуется Россія на всемъ своемъ великомъ протяженіи. Присоединились къ новому строю цѣлыя арміи и отдѣльныя воинскія части, области и города, вѣдомства и учрежденія.

И могутъ ли въ эти великіе дни не быть переполненными радостью безмѣрною и энтузіазмомъ безграничнымъ сердца писателей русскихъ при видѣ величайшаго торжества свободы, при созерцаніи чудеснѣйшаго изъ всѣхъ извѣстныхъ всемірной исторіи переворотовъ?

Но не могутъ русскіе писатели просто присоединиться къ общему ликованію. Съ чувствомъ сладостнѣйшаго душевнаго удовлетворенія взираетъ русское литературное сознаніе на происходящее, и радостно ему видѣть, что пышно взошли теперь сѣмена, впервые брошенныя именно русскою литературною мыслью. Установлено и никѣмъ не оспаривается то положеніе, что русская литература всегда была каѳедрой, съ которой раздавалось учительное слово, и звало всегда это учительное слово къ подвигу общественному и къ самопожертвованію. Писатель Радищевъ первый развернулъ въ Россіи знамя свободы. Первую оду вольности сложилъ Пушкинъ. Злая сатира Грибоѣдова и горькій смѣхъ Гоголя нанесли смертельные удары дореформенному строю. Гоголь же назвалъ братомъ ничтожнѣйшаго представителя соціальнаго уклада нашего, и изъ этого вышелъ Достоевскій, пѣвецъ бѣдныхъ людей, заступникъ униженныхъ и оскорбленныхъ, проникновенно разглядѣвшій прекрасную человѣческую душу на самой послѣдней, казалось, ступени паденія. Тургеневъ былъ апостоломъ освобожденія крестьянъ, Некрасовъ—истинный Тиртей русской революціи, на призывахъ котораго уже 60 лѣтъ воспитывается рядъ поколѣній борцовъ за свободу. Геніальная сатира Салтыкова сдѣлала русскую бюрократію всеобщимъ посмѣшищемъ. Революціонную русскую мысль, при ослѣпительномъ успѣхѣ которой мы теперь присутствуемъ, создали Бѣлинскій, Чернышевскій, Писаревъ, Михайловскій. Разрушила твердыню лживаго офиціальнаго ханжества великая совѣсть Толстого. А зарубежная литература, созданная великими изгнанниками Герценомъ и Лавровымъ, несмотря на почти непреодолимыя трудности, съ которыми она проникала въ Россію, явилась могущественнѣйшимъ факторомъ русскаго освободительнаго движенія и основоположницею—въ лицѣ нѣкоторыхъ, нынѣ здравствующихъ дѣятелей—цѣлыхъ эпохъ въ исторіи русской политической мысли.

Въ этомъ сознаніи великихъ заслугъ великихъ учителей нашихъ передъ русской свободой, мы, нынѣшніе писатели, шлемъ братскій привѣтъ всѣмъ творцамъ могучей февральской революціи. Да здравствуетъ Государственная Дума, стойко оставшаяся на своемъ посту. Да здравствуютъ петроградскіе рабочіе, самоотверженно пошедшіе подъ пулеметы въ героической рѣшимости положить жизнь свою для ниспроверженія деспотическаго строя! Да здравствуютъ петроградскіе полки, благодаря которымъ кровавая баня, уготованная русской свободѣ, превратилась въ величайшее ея торжество! Да здравствуетъ Временное Правительство, сумѣвшее, въ единеніи съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, объединить страну и ввести грозный девятый валъ русской революціи въ русло государственности! Вѣруемъ и исповѣдуемъ, что свободный народъ сумѣетъ отстоять свободную Россію отъ посягательства на ея землю. Вѣруемъ и исповѣдуемъ, что по минованіи грозной внѣшней опасности нашу дорогую родину ждетъ небывалый расцвѣтъ всѣхъ ея необъятныхъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ. Долгіе годы отличительнымъ признакомъ русской литературы была Великая Печаль ея, пусть смѣнитъ ее теперь Великая радость".

Все для побѣды.

Сорокъ тысячъ рабочихъ въ г. Николаевѣ (Херс. губ.) показали Россіи, какъ нужно ознаменовать завоеванную свободу. Получивъ радостную вѣсть, они постановили въ этотъ день отказаться отъ обѣденнаго перерыва и полагающійся отдыхъ посвятить работѣ для блага освобожденной родины.

Эту же мысль высказали въ краснорѣчивыхъ призывахъ маститые наши писатели: В. Г. Короленко и Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Приводимъ ихъ вдохновенныя слова:

„Тревога звучитъ, ширится, облетаетъ страну. Я желалъ бы, чтобы голосъ печати звучалъ, какъ труба на зарѣ, чтобы подхватить ее, передать дальше, разнести всюду до самыхъ дальнихъ угловъ, заронить въ наименѣе чуткія сердца, въ самыя безпечныя души. Тревога! Тревога! Смотрите въ одну сторону. Дѣлайте въ эти дни одно дѣло, имъ довлѣющее. Съ запада идетъ туча, какая когда-то надвигалась на Русь съ востока. И она готова опять покрыть своею тѣнью родную землю, надъ которой только-что засіяло солнце свободы.

„До сихъ поръ я не написалъ еще ни одного слова съ такимъ призывомъ, но не потому, чтобы я и прежде не считалъ обязательной защиту родины. Нужно быть на стражѣ великаго сокровища — мира, которое не сумѣли сберечь для насъ правительства королей и дипломатовъ. Когда это несчастье готово было разразиться (я говорю это искренно и съ сознаніемъ всего значенія слова), я не пожалѣлъ бы отдать остатокъ жизни тѣмъ, кто могъ бы съ какимъ-нибудь вѣроятіемъ успѣха противопоставить этому безумію дѣятельную идею человѣческаго братства. Она давно зародилась въ благороднѣйшихъ умахъ и пускала уже ростки въ человѣчествѣ. Да, за это дѣло стоило бы отдать жизнь, если бы была малѣйшая надежда удержать море вражды и крови. Но ростки международнаго братства еще безсильны, какъ игрушечныя плотинки передъ порывомъ моря, и ничего удержать не могли. Это не упрекъ идеѣ международнаго братства. Слабая вначалѣ идея часто современемъ завоевываетъ міръ. Но теперь, пока она слаба въ дѣйствительности, она можетъ служить опорой благородной мечты, утѣшеніемъ, но не средствомъ защиты. Это дальній огонь, но не указаніе ближайшихъ путей въ виду страшной опасности.

„А рѣчь идетъ именно о томъ, что надвигается, что уже близко, что закрываетъ намъ свѣтъ, требуетъ немедленнаго отвѣта. Оно можетъ на столѣтіе наложить тяжкій гнетъ на жизнь поколѣній. Вотъ почему я чувствую повелительную обязанность заговорить о предметѣ, мнѣ не свойственномъ въ обычные дни, чтобы передать моимъ согражданамъ свою тревогу. Россія только-что совершила великое дѣло—свергла вѣковое иго. Однимъ деспотизмомъ стало меньше, одной свободой больше на свѣтѣ. Еще недавно союзъ съ нами враги ставили въ упрекъ нашимъ союзникамъ и свою борьбу выставляли, какъ борьбу съ деспотіей. Теперь всѣ народы обращаются къ нашей родинѣ съ восхищеніемъ и надеждой, потому что юная свобода въ моментъ рожденія имѣетъ волшебную силу омолаживать свободу другихъ народовъ, придавать ей новую свѣжесть и жизнь.

„Вотъ что значитъ для насъ защита родины. Нужная всегда, теперь она вдвое нужнѣе. Съ нею мы защищаемъ новую свободу, которой внѣшнее нашествіе грозитъ смертельной опасностью. Если бы теперь нѣмецкое знамя развернулось надъ нашей

землей, то всюду рядомъ съ нимъ развернулось бы также мрачное знамя реставраціи, знамя возстановленія деспотическаго строя...

„Гогенцоллерну нужно, чтобы Россія надолго оставалась подавленной и темной. Неужели это не ясно? Для отраженія этой опасности Россія должна стать у своего порога съ удвоенной, съ удесятеренной энергіей. Передъ этой грозой забудемъ распри, отложимъ споры о будущемъ. Долой партійное мѣстничество. Долой призывъ къ раздорамъ. Пусть историческая роковая минута застанетъ Россію готовой. Пусть всѣ смотрятъ въ одну сторону, откуда раздается тяжелый топотъ германца и грохотъ его орудій. Задача ближайшаго дня—отразить нашествіе, оградить родину и ея свободу.

„Оставимъ же будущему дню его злобу и его вопросы. Теперь одно вниманіе, вниманіе въ этотъ великій рѣшительный часъ. Нужно не только радоваться и пользоваться свободой, но и заслужить ее до конца. А заслужить можно однимъ послѣднимъ усиліемъ для отраженія противника. Работа на фронтѣ и въ тылу, во всякомъ мѣстѣ, до отраженія опасности, до конца великой войны.

„Можетъ-быть, это время уже близко; близокъ день, когда на великое совѣщаніе мира явятся въ семью европейскихъ народовъ делегаты Россіи и скажутъ: мы вошли въ войну рабами, но къ концу ея приходимъ свободными. Выслушайте же голосъ свободной Россіи. Она скажетъ теперь не то слово, которое сказали бы царскіе дипломаты. У свободной Россіи есть что̀ сказать на великомъ совѣщаніи народовъ, которое должно положить основы долгаго прочнаго мира".

Владиміръ Короленко.

Къ гражданамъ-солдатамъ!

„Товарищи!

Сорокъ лѣтъ назадъ на Шипкѣ и подъ Плевною я уже получилъ право такъ называть нашего солдата и офицера. Теперь, какъ товарищъ къ товарищамъ, я обращаюсь къ революціонной арміи, въ нѣсколько часовъ сокрушившей трехвѣковой гнетъ замученной Россіи. Я прожилъ долгую жизнь. Помню искупительную Голгоѳу Севастополя. При мнѣ освободился нашъ крестьянинъ, а сейчасъ раскрѣпощается все наше многоплеменное отечество. Время великое и грозное. Равнаго ему не было. Время великое, а еще вчера правили нами люди малые и жалкіе, но хищные и злобные. Время великое — люди малые, а выросли передъ ними такія гигантскія задачи борьбы со всемірнымъ кошмаромъ, которыхъ, казалось, не осилить и былиннымъ богатырямъ. Малые люди были и глупыми и подлыми людьми. Они замѣшивали родною кровью, какъ дрождями, свое личное благополучіе, продавали отечество и оптомъ и въ розницу. Къ ужасу полуистребленныхъ и преданныхъ, въ жертву германскому палачу народовъ, къ негодованію нашихъ союзниковъ, въ гнѣздѣ правившей нами бездарности зашевелились убійственныя кольца змѣиной измѣны. Одурѣвшая отъ ненависти, ослѣпшая отъ мстительной трусости власть въ эту мучительную всенародную страду сводила съ лучшими людьми Россіи и съ скудными завоеваніями ея вольностей ростовщичьи счеты...

Вы, офицеры и солдаты, умирали на фронтѣ, мерзли и голодали въ окопахъ. Самоотверженные полки пятикратно смѣняли командный и боевой составъ. А въ тылу остервенѣлые палачи торопились вспахать желѣзными плугами священныя нивы крови, обильно засѣвая ихъ рабствомъ, невѣжествомъ, безмолвіемъ.

Товарищи!

Вы прозрѣли, когда все спало или металось, не понимая, что̀ творится кругомъ. Вы смѣло взяли въ мощныя руки дѣло и на время спасли отечество. Вы почти раздавили гидру самовластія, рабства, невѣжества. Говорю „почти", потому что она еще дышитъ. Полурастоптанная здѣсь, она живетъ въ германскихъ полчищахъ. Разрозненныя кольца сказочной змѣи ждутъ минуты, чтобы оттуда и отсюда срастись и вновь обвить сегодняшняго Георгія Побѣдоносца удавьими петлями...

Да! Долой войну! И всѣ мы восторженно крикнемъ это послѣ величайшей изъ побѣдъ, когда въ самомъ центрѣ Европы будетъ уничтожена вѣчная угроза свободѣ и независимости. Долой войну, и да здравствуетъ вѣчный миръ, когда у ехидны будетъ вырвано ея жало. Васъ увѣряли, что Гогенцоллернъ убитъ, а Берлинъ такъ же, какъ и Петроградъ, ликуетъ на крестинахъ народной воли. Все это оказалось злонамѣренной ложью. Мы теперь знаемъ, что еще не было времени грознѣй сегодняшняго. Адскія изголодавшіяся дружины завоевателя, освобождая Западный фронтъ, идутъ на насъ. Онѣ учитываютъ нашу рознь. Думаютъ, что мы ослабѣли въ роковомъ ударѣ по сгнившей стари, и что насъ легко отбросить чуть не за Волгу, и потомъ вернуться на расправу съ нашими союзниками. Тысячи шпіоновъ среди насъ сѣютъ взаимное недовѣріе, распри, усобицу. Мы сами помогаемъ имъ криками: „Долой войну", открываемъ двери врагу, смыкаемъ его желѣзный кулакъ, чтобы сквозь него брызнула живая кровь Россіи...

Товарищи!

Вспомните горчайшую участь растерзанной Бельгіи, умерщвленной Сербіи, захлебнувшейся въ собственной крови Арменіи, ограбленной до тла Румыніи, выжженной, растоптанной и порабощенной Польши. Что̀ дѣлали лучшіе люди Германіи, ея соціалисты, когда прусскій катъ совершалъ эти народныя казни? Багровый отсвѣтъ горѣвшихъ Лувена, Термонда, Реймса, Ипра, Бѣлграда пробудилъ ли въ нихъ сожалѣніе о погибающей цивилизаціи? Кровь мирныхъ жителей и вопли женщинъ и дѣтей вызвали ли въ ихъ потрясенныхъ сердцахъ отвѣтный крикъ: „Довольно крови!"? Кричали ли они изъ Берлина, Дрездена, Мюнхена, Вѣны, Будапешта: „Долой войну!"? Нѣтъ!

Хотите ли вы, чтобы населеніе Германіи насъ всѣхъ выморило голодомъ? Чтобы русскаго рабочаго и солдата закрѣпостили въ германскіе рудники и на ихъ заводы, какъ они приковываютъ цѣпями къ пулеметамъ своихъ воиновъ?..

Спросите великомучениковъ, вернувшихся изъ тевтонскаго плѣна, были ли такіе пытки, позоръ и униженія, которымъ не подвергались наши искалѣченные братья въ звѣриныхъ лапахъ германцевъ, съ молчаливаго согласія нѣмецкихъ соціальныхъ и прогрессивныхъ партій.

„Долой войну!". И когда же? Наканунѣ побѣды!..

Мы ищемъ не завоеваній, а свободы. Мы не нападаемъ, а защищаемся. Намъ нужна свѣтлая, въ полнотѣ права и независимости, работа дома. Мы хотимъ жить сами и давать жить другимъ. Мы должны воскресить растерзанные за насъ малые народы, вернуть имъ все, что̀ они утратили, ставъ рядомъ съ нами, довѣрясь намъ.

Товарищи! Семья наша раздвинулась. Теперь въ ней одинаково свои и полякъ, и финнъ, и татаринъ, и армянинъ, и бельгіецъ, и сербъ, и еврей, и французъ, и англичанинъ. Нельзя великое, величайшее за все время существованія Россіи, дѣло окончить подлою измѣною и нашимъ союзникамъ и своему собственному народу. Россія сейчасъ—гордость міра—не дѣлайте ее его позоромъ, иначе имена наши въ далекіе вѣка перейдутъ, какъ имена презрѣнныхъ и подлыхъ предателей.

Весь міръ съ трепетомъ восторга и обожанія смотритъ на васъ! Впередъ, товарищи, на послѣдній бой! Всѣ за работу и на рубежахъ, и въ тылу!

Сомкнемъ ряды, чтобы не впустить въ измученную родину палачей и насильниковъ Вильгельма. Не бросимъ нашу общую мать ему подъ ноги, да не будетъ розни между нами! Всѣ за каждаго и каждый за всѣхъ.

И когда совершится великая побѣда свободы, правды и свѣта — вся великая Россія милліонами грудей крикнетъ привѣтъ всѣмъ народамъ:

Долой войну, и да живетъ вѣчный миръ!.."

Вас. Немировичъ-Данченко.

Работать, радоваться и молиться.

Въ „Рѣчи" помѣщенъ призывъ ко всѣмъ русскимъ людямъ. Въ немъ много горькой правды и чувства гражданственности. Пусть прочтетъ его каждый.

„Печальное и даже отвратительное въ наши дни зрѣлище — революціонная обывательщина...

Обыватель — это существо, которое не умѣетъ и не можетъ ничему радоваться, ни во что вѣрить, ни передъ чѣмъ — благоговѣть. Послѣ разговора съ нимъ—точно грѣхъ на душѣ. Грѣхъ—потому что сейчасъ нельзя, недопустимо по-обывательски относиться къ жизни. Обыватель долженъ исчезнуть вмѣстѣ съ самодержавіемъ. Сейчасъ надо или быть у самаго дѣла, агитировать, спорить, бороться, или съ удвоенной энергіей взяться за свою работу, вѣруя въ Россію, потому что безъ вѣры этой нельзя жить теперь. Нѣтъ оправданія человѣку, который въ такой грозный для Россіи часъ занятъ скептической рефлексіей въ своихъ четырехъ стѣнахъ. Точно онъ—самъ по себѣ, точно Россія—его сосѣдка, о которой можно посплетничать на досугѣ, да и забыть. Если сомнѣніе твое велико, если гнѣвъ твой глубокъ—иди туда, говори, спорь, доказывай. Если нѣтъ—займись своимъ мирнымъ дѣломъ. Но тогда не смѣй сомнѣваться, потому что малое сомнѣніе, самовольная сплетня хуже большого преступленія!

Надо же понимать, что̀ дѣло гражданскаго и культурнаго строительства — не только митинги, выборы, рѣчи. Теперь надо особенно бережно относиться къ дарованію и къ работѣ. Вѣдь Россія все-таки ждетъ личностей! Пусть призванные идутъ въ политику — другіе должны умѣть (и болѣе, чѣмъ когда-либо) остаться за своимъ рабочимъ столомъ.

Сейчасъ можно работать, радоваться и молиться. Работать — кто, гдѣ и какъ можетъ, а радоваться, надѣяться и молиться всѣмъ вмѣстѣ".

Воззваніе Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Граждане, старые хозяева ушли, послѣ нихъ осталось огромное наслѣдство. Теперь оно принадлежитъ всему народу.

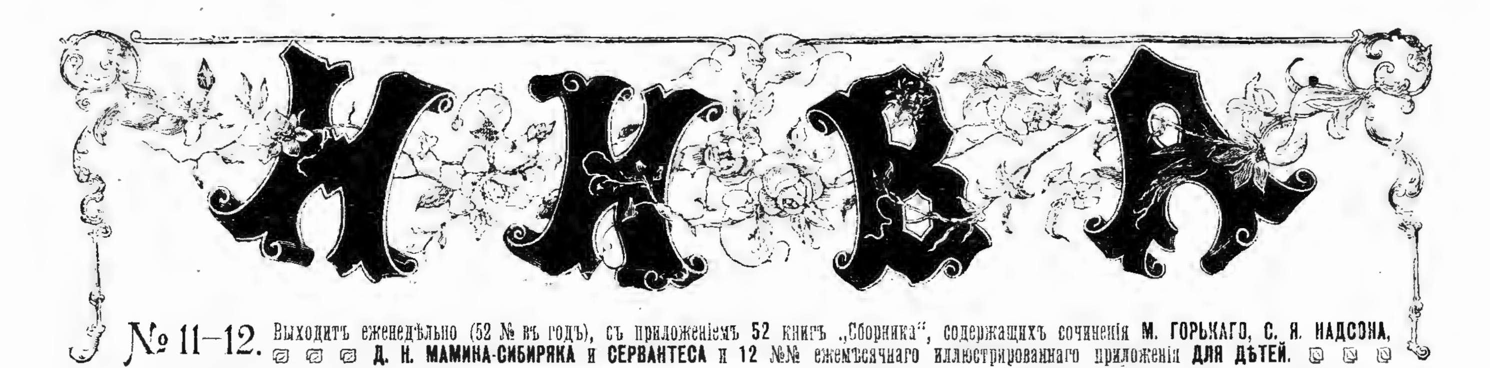
Граждане, берегите это наслѣдство, берегите дворцы, они станутъ дворцами вашего всенароднаго искусства, берегите картины, статуи, зданія—это воплощеніе духовной силы вашей и предковъ вашихъ.

Искусство это то прекрасное, что̀ талантливые люди умѣли создать даже подъ гнетомъ деспотизма, и что̀ свидѣтельствуетъ о красотѣ, о силѣ человѣческой души.

Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, зданія, старыя вещи, документы—все это ваша исторія, ваша гордость. Помните, что все это почва, на которой выраститъ ваше новое народное искусство.

Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.



№ 11—12. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА и СЕРВАНТЕСА и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія ДЛЯ ДѢТЕЙ.
Выданъ 25 марта 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на ½ года—7 р., на ¼ года—3 р. 50 к. Цѣна этого № (безъ прилож.)—30 к., съ перес. 40 к.

Бипланъ „HF 117".

Разсказъ **В. Ропшина.**

6-го іюля.

Пасмурно, собирается дождь. Я въ десятый разъ осматриваю свою машину—бипланъ „HF 117". Я съ любовью смотрю на узкій стволъ пулемета, на стальной стотридцатисильный моторъ, на бѣлоснѣжныя крылья и на легкія, какъ у велосипеда, колеса. Я провѣряю каждую мелочь: компасъ, счетчикъ, часы, аппаратъ для метанія бомбъ, браунингъ, патроны и карту. Я провѣряю также мой амулетъ: на борту, по правую руку, я прикрѣпилъ фарфоровую игрушку—индійскаго, съ уродливымъ лицомъ, бога. Суевѣренъ ли я? Не знаю. Но я привыкъ къ индійскому богу. Мнѣ кажется, что, если бы я его потерялъ, мой бипланъ пересталъ бы жить. Онъ бы сдѣлался неодушевленной машиной. А теперь онъ живетъ помимо меня,—своей самостоятельной, незамѣтной для равнодушнаго глаза, жизнью. Машины, какъ люди: чтобы понимать ихъ, надо любить.

Въ авіаціонномъ лагерѣ тихо. Не слышно шутокъ: сегодня утромъ разбился лейтенантъ Дюплесси. Вѣроятно, человѣку свойственно предчувствіе смерти. Во всякомъ случаѣ, какъ объяснить, что, улетая, Дюплесси былъ увѣренъ, что не вернется? За завтракомъ онъ сказалъ, что сегодня его послѣдній полетъ. Мы смѣялись... Чему? Вѣдь мы, какъ гладіаторы на аренѣ. Сегодня Дюплесси, завтра я. Не о насъ ли сказано: „morituri"?

7-го іюля.

— Вставайте! Вставайте! Вставайте!

Я чувствую, что кто-то трясетъ меня за рукавъ, и съ усиліемъ открываю глаза. Надо мной бѣлѣетъ крыло, и подъ бѣлымъ крыломъ колеблется чья-то тѣнь. Въ темнотѣ я узнаю моего механика Тардивеля.

— Тардивель, оставьте меня въ покоѣ!

— Лейтенантъ, васъ зоветъ полковникъ.

Дѣлать нечего: я встаю. Мы идемъ по авіаціонному полю,—по сырой и мягкой травѣ. Свѣтаетъ. Слѣва громоздятся автомобили—дивизіонный обозъ. Справа, какъ часовые, вытянулись палатки. Въ палаткахъ аэропланы. Подъ аэропланами спятъ ихъ хозяева, такіе же пилоты, какъ я.

У безпроволочнаго телеграфа меня ожидаетъ полковникъ Дюбрейль.

— Лейтенантъ Ледюкъ, это вы?

— Да, это я, полковникъ.

— Необходимо взорвать полотно желѣзной дороги Сарребрюкъ-Метцъ. Нѣмцы подвозятъ свои войска изъ Биркенфельда, Кайзерлаутерна и Карлсруэ. Если уничтожить Сарребрюкскій вокзалъ, ихъ резервы будутъ остановлены, по крайней мѣрѣ, на сутки. Намъ нужны эти сутки. Когда вы будете готовы къ полету?

— Черезъ пятнадцать минутъ, полковникъ.

— Теперь четыре часа. Надѣюсь, вы вернетесь къ восьми.

Сонъ прошелъ. Я кланяюсь и возвращаюсь къ биплану. Мнѣ весело. Я подсчитываю въ умѣ:

Я и Тардивель	150 кило
Бензинъ и масло	160 „
9 бомбъ	90 „
Итого	400 кило

— Тардивель!

— Я здѣсь, лейтенантъ.

— Снимите всѣ запасные инструменты. Вмѣсто нихъ положите еще 4 бомбы. И торопитесь: черезъ пять минутъ мы летимъ.

Четвертая нашивка. Рис. *Л. Сабатье.*

Мой бипланъ нагруженъ, какъ обозный автомобиль. Онъ съ трудомъ отдѣляется отъ земли и съ еще большимъ трудомъ взлетаетъ надъ окаймляющими шоссе тополями. Я слушаю размѣренное дыханіе мотора. Онъ стучитъ безъ хрипа и перебоевъ. Это—главное. Я поднимаюсь на 1.000 метровъ и взглядываю на счетчикъ. Счетчикъ показываетъ 1.100 оборотовъ въ минуту. Тогда я по компасу опредѣляю мой путь: на картѣ краснымъ карандашомъ отмѣчена линія черезъ Тіокуръ и Ремильи въ Сарребрюкъ. Я устанавливаю уголъ отклоненія биплана: 51° на сѣверъ. Потомъ я говорю Тардивелю:

— Вы провѣрили резервуары?

— Провѣрилъ, лейтенантъ.

— И крылья?

— И крылья.

— Вы знаете, куда мы летимъ?

— Въ Нанси? Въ Эпиналь?

— Въ Германію, въ Саррребрюкъ.

— Тѣмъ лучше, лейтенантъ.

Онъ улыбается: онъ доволенъ, что бомбы упадутъ на нѣмецкую землю. Я тоже доволенъ. Какое ясное утро... Направо сверкаетъ лента Мааса, и рядомъ съ нею змѣятся тонкіе, едва замѣтные рельсы. Впереди Верденскія башни утопаютъ въ голубоватомъ туманѣ. Слѣва тянутся темно-зеленыя, заросшія сосновымъ лѣсомъ, Аргонны. Все уменьшенное, все невѣрное, все мѣняющееся, какъ рисунокъ въ калейдоскопѣ. Вотъ Вилеттъ, Дюньи и Виллеръ. У Виллера я замѣчаю группу всадниковъ въ синихъ шинеляхъ и узнаю эпинальскихъ драгунъ. Они меньше, чѣмъ тѣ игрушечные солдаты, которыхъ продаютъ въ магазинахъ. На кусочкѣ картона я наскоро пишу донесеніе:

„Командиру эскадрона драгунъ.

Бипланъ „НF 117“.

На горизонтѣ непріятеля нѣтъ.

Пилотъ, лейтенантъ Ледюкъ“.

Кусочекъ картона кружится, какъ опадающій листъ, потомъ секунду стоитъ неподвижно и наконецъ медленно, зигзагами, опускается на шоссе. Донесеніе—вѣжливость, авіаціонный поклонъ. Я поднимаюсь выше, на 2.200 метровъ. Мнѣ холодно. Теперь драгуны кажутся муравьями. Въ ушахъ свиститъ вѣтеръ, и ровно стучитъ моторъ. На востокѣ, изъ-за Маасскихъ холмовъ, встаетъ іюльское солнце. Оно озаряетъ траншеи. Я знаю ихъ наизусть. Я изучилъ ихъ четкія линіи, ихъ изломы, ихъ запутанные узлы. Онѣ сплетаются вмѣстѣ, расходятся, пересѣкаютъ другъ друга и чертятъ сложный узоръ. Солдатъ я не вижу. Выстрѣловъ я не слышу. Я догадываюсь, что нѣмцы стрѣляютъ въ меня, потому что въ небесахъ, подо мною, то и дѣло вырастаютъ тускло-сѣрыя пятна. Эти пятна постепенно блѣднѣютъ и, поблѣднѣвъ, остаются висѣть, какъ клочки разорванной ваты. Но вѣдь нужно исключительное несчастіе, чтобы въ аэропланъ попалъ артиллерійскій снарядъ... О пуляхъ я не думаю вовсе. Вѣроятно, нѣмцы открыли огонь изъ винтовокъ. Я не опасаюсь его: я двигаюсь со скоростью 110 километровъ. Какой баварскій стрѣлокъ сумѣетъ взять меня на прицѣлъ?

Мы миновали траншеи и круто повернули на югъ. На сѣверѣ очертились горы—Метцкія укрѣпленія. Съ горькимъ чувствомъ,—чувствомъ ненависти и гнѣва,—я смотрю на эти угрожающіе форты. Мы въ Германіи. Но развѣ это Германія? Развѣ это не Лотарингія, не родная, французская, поруганная и растоптанная земля?.. Мы огибаемъ Метцъ съ юга и приближаемся къ Ремильи. У Ремильи тѣснятся десятки автомобилей. Тардивель, не отрывая глазъ отъ бинокля, трогаетъ меня за плечо:

— Лейтенантъ, это тяжелая артиллерія...

Я молчу: я догадываюсь, о чемъ попроситъ меня Тардивель.

— Лейтенантъ...

— Что?

— Какая удивительная мишень...

Соблазнъ великъ, но я помню объ отвѣтственномъ порученіи. Я дорожу каждой бомбой. Каждая бомба пригодится намъ въ Сарребрюкѣ. Я волнуюсь. Я говорю очень громко:

— Мы летимъ въ Саррербрюкъ, Тардивель.

Онъ вздыхаетъ. Ремильи уже давно исчезло изъ виду—скрылось въ утренней мглѣ. Подъ бипланомъ богатыя, еще не убранныя поля,—четырехугольникъ зеленаго и желтаго цвѣта. Я различаю большую дорогу по параллельнымъ линіямъ березъ. Мы летимъ уже больше часа. Я снова взглядываю на счетчикъ: 1.200 оборотовъ въ минуту. Моторъ стучитъ, какъ и прежде. Вѣтеръ — легкій нордъ-остъ. Черезъ сорокъ минутъ,—я надѣюсь,—мы будемъ надъ Сарребрюкомъ.

Линія Метцъ—Сарребрюкъ заполнена поѣздами. Вьется синій дымокъ, ползетъ игрушечный поѣздъ, — игрушечный паровозъ и игрушечные вагоны. Это нѣмцы подвозятъ свои резервы. Я смотрю на нихъ сверху, и мнѣ кажется, что мы застыли на мѣстѣ. Бипланъ не движется, онъ распласталъ свои крылья, онъ потерялся въ голубомъ океанѣ... Но я знаю, что это обычное навожденіе,—обычный авіаціонный обманъ. Я описываю кривую и, обогнувъ Сарребрюкъ, спускаюсь къ вокзалу. Я вижу крыши домовъ, вокзальныхъ строеній, паровозныхъ депо и, между крышами, скрещенные рельсы, — паутинную нить сверкающей стали. Я вижу также людей. Они суетятся, ползаютъ взадъ и впередъ, расползаются, какъ черные муравьи, и, вѣроятно, стрѣляютъ изъ пушекъ: клочки разорванной ваты со всѣхъ сторонъ повисаютъ надъ нами. Я говорю Тардивелю:

— Вы приготовили бомбу?

— Приготовилъ, лейтенантъ.

— Огонь?

— Подождите, лейтенантъ.

И онъ командуетъ:

— Лѣвѣе, по направленію къ собору... Вотъ такъ... Еще 15/10 налѣво...

Я кружусь надъ вокзаломъ. Альтиметръ показываетъ 850. Я опускаюсь ниже и ниже. На высотѣ 300 метровъ, когда внизу мелькнули красные диски, — станціонная сигнальная будка,—я услышалъ, какъ заскрипѣлъ у Тардивеля въ аппаратѣ песокъ. Я вздрогнулъ.

Иродъ („Кошмаръ Вильгельма“). Рисунокъ извѣстнаго голландскаго художника *Луи Ремекера.*

Я наклонился. Я увидѣлъ яркое пламя. Оно сейчасъ же погасло. Отъ земли взвился темный дымъ.

Я былъ счастливъ,—счастливъ своей побѣдой.

Мы бросили девять бомбъ — девяносто кило динамита. Когда мы бросили послѣднюю бомбу, я поднялся почти на два километра. Я ждалъ, летая надъ Сарребрюкомъ, когда разсѣются багрово-дымныя облака. Но на станціи начались пожары. Дымъ сталъ гуще и тяжелѣе, и я не успѣлъ замѣтить, взорвано ли желѣзнодорожное полотно. Тардивель увѣрялъ, что видѣлъ вырытую нами воронку на скрещеніи Мальштадтъ-Саррегеминъ. Я не видѣлъ ея, но я знаю, что уничтожена сигнальная будка, и что загорѣлось зданіе вокзала. Мнѣ кажется, что „HF 117" сдѣлалъ все, что было возможно сдѣлать.

Въ половинѣ восьмого мы спустились на авіаціонное поле. Я доложилъ полковнику о результатахъ нашей атаки. Онъ поздравилъ меня и поблагодарилъ Тардивеля. Когда онъ жалъ мою руку, я почему-то думалъ о Дюплесси...

9-го іюля.

Вотъ что случилось сегодня.

Въ 5 часовъ по безпроволочному телеграфу намъ сообщили изъ Главнаго Штаба, что къ Парижу приближается „Альбатросъ". Черезъ полчаса на востокѣ показалась чуть видная жужжащая муха — нѣмецкій аэропланъ. Два пилота, лейтенантъ Вогюэ и сержантъ Галліаръ, сейчасъ же полетѣли ему навстрѣчу. Я помню, что на прощаніе, уже поднимаясь на воздухъ, лейтенантъ Вогюэ обернулся и махнулъ намъ рукой:

— Пожелайте мнѣ хорошей охоты!

Охоты не было. Мы видѣли, какъ оба биплана, — двойники „HF 117", — сверкнули серебромъ въ вечернихъ лучахъ и почти рядомъ, почти касаясь другъ друга, взяли курсъ на востокъ. Завидѣвъ ихъ, „Альбатросъ" повернулъ на сѣверъ. Они погнались за нимъ. Но погоня длилась недолго. Двѣ черныхъ точки на секунду соединились въ одну и на нашихъ глазахъ распались. Мы поняли, что произошло столкновеніе.

Одинъ пилотъ полетѣлъ внизъ, какъ камень. Мы узнали потомъ, что это былъ лейтенантъ Вогюэ. Другой, сержантъ Галліаръ, попытался бороться. Падая, онъ выпрямилъ свой бипланъ, и одно мгновеніе казалось, что онъ сумѣетъ спастись. Я закрылъ глаза: я былъ не въ силахъ смотрѣть.

Все кончено. Небеса сіяютъ прозрачною синевой, но въ ихъ затуманенной глубинѣ уже нѣтъ серебряныхъ крыльевъ. Оба биплана разбились. Отъ быстрыхъ птицъ остался сломанный желѣзный скелетъ, обломки дерева и куски изорванной парусины. Течетъ бензинъ, сочится по каплѣ масло. Они лежатъ вмѣстѣ, — въ разстояніи 20 метровъ. Вмѣстѣ лежатъ и пилоты. Растекается кровь.

Мы стоимъ съ обнаженными головами. Вотъ жестокій урокъ. Вотъ кругъ нашей жизни. Мы летаемъ по воздушнымъ дорогамъ, и намъ знакомы невѣдомые пути. Намъ знакомы всѣ небесныя тайны, но незнакома одна. Ее знаютъ тѣ, кого нѣтъ: Дюплесси, Вогюэ, Галліаръ.

За палатками пыхтятъ, содрогаясь, моторы. Два биплана готовятся улетѣть. Это — наслѣдники, солдатская смѣна. Они постараются отомстить. Они догонятъ нѣмецкій аэропланъ. Догонятъ ли? Отомстятъ ли?.. На авіаціонное поле легли вечернія тѣни. Сгущается полумракъ.

11-го іюля.

Знаете ли вы, что такое туманъ, — тотъ туманъ, который вы называете облаками? Утромъ я улетѣлъ съ Тардивелемъ, когда на поляхъ разстилалась легкая мгла. На высотѣ 200 метровъ эта мгла сгустилась въ кисейную пелену, въ непроницаемый, холодный и липкій, саванъ. Такой саванъ закрываетъ въ ноябрѣ Лондонъ. Но въ Лондонѣ вы ощущаете землю. Такой саванъ опускается иногда въ океанѣ. Но въ океанѣ вы на палубѣ корабля. Въ небесахъ нѣтъ точки опоры. Въ небесахъ вы одни. Туманъ съ вами, надъ вами, онъ съ боковъ, онъ спереди и внизу. Нѣтъ мигающихъ фонарей. Нѣтъ мачты. Нѣтъ спасательныхъ лодокъ. Есть скользящій, мутный, бѣлесоватый миражъ. — не вода и не суша. Трепещутъ крылья, напрягается обезсиленный влагой моторъ, съ пулемета струятся капли, и бипланъ устало ныряетъ въ волнахъ. Неудачливый кормчій, я напрасно ищу выхода. Я спускаюсь къ землѣ. Я взлетаю почти на 3 километра. Я поворачиваю на сѣверъ, потомъ на югъ, потомъ на востокъ. Я кружусь въ лабиринтѣ. Мнѣ жутко. Тардивель говоритъ:

— Лейтенантъ, держите на сѣверо-западъ.

— Почему, Тардивель?

— На сѣверо-западѣ свѣтлая полоса.

Я вглядываюсь: сверху и слѣва маячитъ тусклый просвѣтъ,— нелѣпый и робкій отблескъ. „HF 117" склоняется на крыло, крыло описываетъ дугу, и вотъ уже засіяло надъ нами солнце... Какъ глубоко дышитъ грудь! Какъ ослѣпительны омытыя дождемъ небеса, и какъ послушенъ мой ожившій бипланъ... Мнѣ стыдно признаться: я благодарю индійскаго бога.

Букетъ Смерти. *Луи Ремекеръ.*

Мы продолжаемъ развѣдку. Мы опять идемъ на востокъ, но идемъ по ровной дорогѣ. Туманъ остался внизу, и на немъ рисуется наша тѣнь — огромный очеркъ невиданной птицы. И вотъ снова страхъ охватываетъ меня. Страхъ безмолвія. Страхъ одиночества. Мнѣ кажется, что я никогда не опущусь на твердую землю, никогда не увижу людей, никогда не услышу ихъ голосовъ, и что дни мои окончатся здѣсь, на этомъ хрупкомъ бипланѣ. Но Тардивель окликаетъ меня:

— Лейтенантъ, направо солнечный лучъ.

Въ туманѣ — колодецъ. На днѣ колодца — земля. Я почти отвѣсно падаю внизъ. Снизу поднимается разноцвѣтный коверъ,— невысокіе, поросшіе виноградомъ, холмы. На холмахъ я различаю траншеи. Надъ траншеями—привязанный шаръ, нѣмецкій, наблюдающій „Drachen". За „Drachen'омъ" — знакомая мнѣ деревня. Мы въ Шампани, въ окрестности Реймса. Я опускаюсь на 400 метровъ. У меня за спиной Тардивель поспѣшно щелкаетъ фотографическимъ аппаратомъ.

Я вернулся на авіаціонное поле и передалъ полковнику снимокъ. Я ему ничего не сказалъ о туманѣ. Я промолчалъ о своемъ—не малодушномъ ли?—страхѣ.

15-го іюля.

— Цеппелинъ былъ замѣченъ въ Парижѣ въ 3 ч. 15 минутъ. Значитъ, около 5 онъ будетъ надъ Эпернэ. Изъ Эпернэ у него двѣ дороги: одна на Мезьеръ, другая на Метцъ. Три биплана, „HF 114", „115" и „116" будутъ ждать его возлѣ Реймса, три другихъ — „HF 117", „118" и „119"—у Шалона на Марнѣ. Вы поняли, господа?

Полковникъ Дюбрейль отдаетъ послѣднія приказанія. Мы готовимся въ путь: провѣряемъ крылья, винты, моторы и пулеметы. На зарѣ авіаціонное поле пустѣетъ. Одинъ за другимъ мы поднимаемся въ небеса. Одни улетаютъ на сѣверъ, другіе,—и я въ томъ числѣ,—летятъ къ Шалону и Сентъ-Менегу.

Мой бипланъ летитъ первымъ. Сзади — „HF 118", лейтенантъ Дюбуа. Позади Дюбуа—„HF 119", сержантъ Сенешаль. Проходитъ полчаса, потомъ часъ, но цеппелина не видно. Мы описываемъ круги отъ Марны до Сентъ-Илера. Воздухъ чистъ и прозраченъ. Подъ нами Марнскій каналъ, южнѣе Шалонъ, еще южнѣе Витри. Здѣсь два года назадъ были нѣмцы. Они отступили. Остались выжженные дома, разграбленныя деревни и кресты на вино-

Молитва Бельгіи. *Луи Ремекеръ.*

градныхъ поляхъ. Я смотрю на опустошенную равнину Шампани, и опять знакомое чувство, - неразсуждающая, почти животная злоба, — постепенно овладѣваетъ мной. Но вотъ Тардивель наклоняется ко мнѣ и кричитъ:

— Лейтенантъ, смотрите, смотрите!..

Солнце слѣпитъ глаза. Я вижу только синее небо. Въ его лазури нѣтъ ничего. Я говорю Тардивелю:

— Я не вижу. Дайте бинокль.

Въ бинокль я увидѣлъ. Я увидѣлъ великолѣпный воздушный корабль, — побѣдоносный и торжествующій цеппелинъ. Сегодня ночью онъ бомбардировалъ предмѣстья Парижа. Кровь бросается мнѣ въ лицо: неужели онъ безнаказанно вернется домой?

— Тардивель, гдѣ „HF 118" и „119"?

— Они слѣдуютъ за нами, лейтенантъ.

— Сигнализуйте: высота 2.000, скорость 125.

Онъ сигнализуетъ, потомъ говоритъ:

— Лейтенантъ, вы видите на мостикѣ пушки?

— Конечно.

— Ихъ двѣ?

— Да, ихъ двѣ.

— На какое разстояніе онѣ могутъ стрѣлять?

— На такое же, какъ и пулеметы.

Онъ задумался и молчитъ.

— Лейтенантъ, а я все-таки предпочитаю аэропланъ...

Я тоже предпочитаю аэропланъ... Какая огромная цѣль этотъ медлительный цеппелинъ... Онъ ясно виденъ на горизонтѣ. Попутный вѣтеръ уноситъ его къ Шалону. Но онъ поворачиваетъ налѣво, по направленію къ Сентъ-Менегу. У него знаменитый „Дизель", трехсотсильный, не знающій перебоевъ, моторъ. Онъ не хочетъ принять сраженія. Онъ надѣется уйти къ нѣмецкимъ траншеямъ. Но мы догонимъ его. Черезъ десять минутъ мы откроемъ пулеметный огонь.

— Лейтенантъ, онъ стрѣляетъ!

На кормѣ цеппелина загораются бѣглые огоньки. Они перебѣгаютъ, какъ искры, и до меня доносится отрывочный гулъ. Я спрашиваю у Тардивеля:

— Тардивель, все готово?

— Готово, лейтенантъ.

— Разстояніе 2.500 метровъ, пачками по 200 патроновъ... Огонь!..

Сзади меня трещитъ пулеметъ, сухо щелкаютъ патронныя гильзы. „HF 117" вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ. Дрожатъ крылья, дрожатъ винты, дрожитъ компасъ, счетчикъ и карта, и танцуетъ на пулеметѣ прицѣльная мушка. Тардивель волнуется:

— Невозможно стрѣлять...

— Цѣльтесь въ руль... Стрѣляйте! Стрѣляйте!..

Я догналъ цеппелинъ. Я обогнулъ его справа. Я увидѣлъ его команду, его пушки, его блестящую броню и громадный, тяжелый, сигарообразный, въ шелковой оболочкѣ, шаръ. Мнѣ показалось, что цеппелинъ замедлилъ свое движеніе. Корма его опустилась. Онъ какъ будто потерялъ равновѣсіе. Тогда я поднялся вверхъ и съ высоты 200 метровъ почти упалъ на него. Тардивель бросилъ бомбу.

Я замѣтилъ дымъ на кормѣ. Но больше я ничего не замѣтилъ... „HF 117" качнулся, потомъ выпрямился, потомъ закачался снова. Я едва не утратилъ сознанія. Оглушительно-звонкій взрывъ потрясъ воздухъ и отбросилъ насъ, какъ песчинку. Изо всѣхъ моихъ силъ я нажалъ на руль глубины, стараясь вырваться изъ этого вихря. Я почувствовалъ, что мы падаемъ внизъ, и что бипланъ не слушается меня. Но послѣднимъ усиліемъ я остановилъ головокружительное паденіе. Я оглянулся кругомъ. Уже не было цеппелина. Высоко, въ сіяющихъ небесахъ, кружились двѣ четырехкрылыя птицы: „HF 118" и „119".

Я, безъ мотора, медленно спустился на землю. Со всѣхъ сторонъ спѣшили солдаты. Въ открытомъ, желтомъ, маисовомъ полѣ лежалъ побѣжденный нами корабль. Не корабль, а дымящаяся груда желѣза. Я хотѣлъ подойти, но мнѣ стало грустно. Отчего? Я не знаю... Я слышалъ, какъ офицеры поздравляли меня, и какъ Тардивель разсказывалъ о нашемъ удачномъ взрывѣ. Уничтоженъ одинъ цеппелинъ. Однимъ разбойникомъ стало меньше. Это — крупный успѣхъ. Это, конечно, побѣда. Такъ отчего же мнѣ грустно?

18-го іюля.

Сегодня съ утра сѣетъ дождь. Палатки размокли. Автомобили нахмурились и зябко жмутся другъ къ другу. Аэропланы закрыты брезентомъ. На авіаціонномъ унылом полѣ угрюмо торчитъ одинокая мачта: безпроволочный, никогда не умолкающій, телеграфъ.

Мнѣ нечего дѣлать. Я отъ скуки пишу письмо:

„Я привыкъ къ моему ремеслу. Я сторожъ. Я — воздушный хранитель. Когда вы спите, я выхожу на развѣдку. Я ищу „Альбатроса". Я не хочу, чтобы „Альбатросъ" нарушилъ вашъ сонъ. Въ облакахъ я говорю себѣ: я бодрствую, зато Парижъ можетъ спать.

„Мнѣ странно думать о людяхъ, которые не покидаютъ земли. Они во власти пространства. Я не знаю, что такое пространство. Сегодня я въ Лиллѣ, завтра въ Метцѣ, послѣзавтра въ Аррасѣ. А главное, — сегодня я вмѣстѣ съ вами, далеко за линіей огня, а завтра я слышу пушку и съ аэроплана вижу войну. Сегодня я—лейтенантъ Жоржъ Ледюкъ, а завтра— цѣль для мѣткой винтовки.

„Я не спрашиваю себя, какъ вы, побѣдимъ ли мы или нѣтъ. Я знаю, что мы не можемъ не побѣдить. Я знаю это не разсужденіемъ, а тѣмъ инстинктомъ, который пріобрѣтается на войнѣ. Я бы хотѣлъ внушить его вамъ.

„Мои товарищи погибаютъ одинъ за другимъ. Приходятъ люди и уходятъ неизвѣстно куда. Не только люди, но и машины. Мой бипланъ еще живъ. Кто погибнетъ раньше, онъ или я? Или мы оба вмѣстѣ погибнемъ?

„Въ борьбѣ радость. Но моя радость омрачена. Что это? Предчувствіе? Утомленіе? Или необманывающее сознаніе, что мы не болѣе, какъ „morituri"?

„Не забывайте меня..."

Приходитъ вагмейстеръ. Я отдаю ему неоконченное письмо. И, отдавъ, жалѣю о написанныхъ строкахъ.

20-го іюля.

Альтиметръ показываетъ 2.200, часы — 8 ч. 42 минуты, счетчикъ — 1.150. Вѣтеръ —свѣжій нордъ-остъ. Тардивель командуетъ:

— Направо!.. Еще направо!.. Держите прямо на Реймскій соборъ... Насъ относитъ вѣтромъ, лейтенантъ...

Подо мной соборныя башни—многострадальный, почти разрушенный Реймсъ. Мы минуемъ его и летимъ къ Ретелю. У Ретеля, въ Люки, штабъ нѣмецкой дивизіи. Наша задача бомбардировать этотъ штабъ.

Мы летимъ вдоль Эны и желѣзной дороги. Уже блеститъ, приближаясь, неширокая Во, и Тардивель вынимаетъ бомбы. Вдругъ я чувствую не сильный толчокъ.

— Мы падаемъ! Мы погибли!

Это закричалъ Тардивель. Я не понялъ сперва, въ чемъ дѣло. Я не повѣрилъ въ несчастье. Но, взглянувъ на счетчикъ, я увидѣлъ цифру 700.

Что дѣлать? Есть два рѣшенія. Продолжать нашъ путь къ бельгійской границѣ и, опустившись гдѣ-нибудь за Седаномъ, попробовать починить моторъ. Либо повернуть обратно къ французскимъ траншеямъ.

Я колеблюсь секунду, потомъ круто поворачиваю на западъ. Въ моторѣ что-то хрипитъ непрерывнымъ и болѣзненнымъ хрипомъ. Счетчикъ скачетъ съ 500 на 600 и потомъ опять на 500. Высота 1.750. Мы выбрасываемъ всѣ бомбы и рвемъ журналъ наблюденій. Тардивель осматриваетъ машину. Масло течетъ, какъ всегда. Радіаторы умѣренно горячи. Девять проволокъ магнето въ порядкѣ. Бензина 60 литровъ. Что случилось? Тардивель не можетъ мнѣ объяснить. Но счетчикъ продолжаетъ скакать, и

альтиметръ уже показываетъ 1.200. „Мектубъ" — судьба, а отъ судьбы не уйдешь. На этотъ разъ индійскій богъ меня не спасетъ. „HF 117" содрогается въ смертельной борьбѣ. Онъ предчувствуетъ свой конецъ. Онъ подпрыгиваетъ, какъ мячикъ, и дрожитъ лихорадочной дрожью. 9 ч. 15 минутъ. Высота 450, потомъ 400, потомъ 300... Уже виденъ Реймскій соборъ. Еще немного, и мы будемъ у себя дома. Мы опустимся въ свои линіи. Теперь нѣмцы стрѣляютъ изъ пулеметовъ. Но на выстрѣлы я не обращаю вниманія. Миновавъ фортъ Беррю, я говорю Тардивелю:

— Мнѣ кажется, что мы спасены...

Я не услышалъ его отвѣта. „HF 117" вздрогнулъ и внезапно остановился. У меня захватило дыханіе... А потомъ я пришелъ въ себя и понялъ, что лежу на землѣ. Я всталъ. Я увидѣлъ пшеничное поле, неглубокій ровъ, во рву Тардивеля и возлѣ него, на шоссе, то, что только-что было бипланомъ. Крылья сломались, колеса разбились, и моторъ съ размаху врѣзался въ землю. Я посмотрѣлъ на „HF 117" и наклонился надъ Тардивелемъ. Тардивель удивленно взглянулъ на меня:

— Вы не ранены, лейтенантъ?

Я ничего не отвѣтилъ. Мы оба остались въ живыхъ, но „HF 117", мой бипланъ, мой товарищъ и вѣрный слуга, погибъ безвременной смертью...

Я никогда не забуду его.

Позиція на Соммѣ.

Очеркъ участника боевъ, англійскаго офицера

Дениса Гарстина.

Переводъ съ рукописи.

Уже болѣе полугода прошло съ тѣхъ поръ, какъ французы и англичане начали громадный бой на Соммѣ, — бой, который каждую недѣлю поглощаетъ милліоны снарядовъ. Иной кропотливый критикъ, измѣривъ по картѣ ихъ продвиженіе впередъ за все это время, пожалуй, подивится: изъ-за чего союзники такъ торжествуютъ, чѣмъ они такъ особенно довольны? Вѣдь за всѣ эти мѣсяцы страшныхъ усилій и героизма они очень мало продвинулись впередъ: — гдѣ были, тамъ почти и остались. И однакоже эти нѣсколько верстъ, отвоеванныхъ у германцевъ, поставили непріятеля въ положеніе до такой степени опасное, что едва ли ему удастся выбраться изъ него.

Вся исторія народовъ показываетъ, что веденіе войнъ и результаты побѣдъ всегда такъ направляются, чтобы довести дѣло до эффектнаго, бьющаго въ глаза, конца, т.-е. до занятія обширныхъ областей, взятія городовъ. Мы, по привычкѣ, и представить себѣ не можемъ побѣды, одержанной безъ всякаго измѣненія географической карты. Но нынѣшняя траншейная война заставляетъ насъ круто измѣнить нашъ привычный взглядъ на дѣло, и особенно такая траншейная война, какая ведется во Франціи, и которая опрокидываетъ всю до сихъ поръ существовавшую теорію войны.

Когда, два года тому назадъ, германцы наносили тяжкіе удары англійскому фронту на Ипрѣ, ихъ успѣхи могли быть истолкованы, какъ рѣшительное пораженіе союзныхъ армій. У нихъ было нѣчто, что есть и у насъ теперь, а тогда у насъ ничего не было, кромѣ неглубокаго фронта людей въ слабыхъ окопахъ, двухъ крупныхъ орудій на каждый полкъ да нѣсколькихъ полевыхъ орудій. Намъ пришлось отступать, суживая свой фронтъ, и намъ все же не хватало людей. И если нѣмцы, со всѣми ихъ пушками и безчисленными полчищами, не могли прорвать этотъ слабый фронтъ, то развѣ это не побѣда, если союзники съ силами, не превышающими непріятельскія, заставили медленно и систематически отступить цѣлую армію, изобильно снабженную всѣми боевыми припасами и засѣвшую въ окопахъ, совершенство которыхъ доведено до предѣла того, чего только можетъ пожелать человѣкъ?

Нѣмцы, сознавъ всю жизненную важность позицій на Соммѣ, около двухъ лѣтъ направляли всѣ свои усилія на то, чтобъ покрыть всю эту мѣстность не только перепутанною сѣтью окоповъ и траншей, но и обширными, недоступными для дѣйствія снарядовъ, глубоко врытыми въ землю ходами, туннелями, бетонными сооруженіями и приспособленіями для удобнѣйшей установки и маневрированія самыми крупными орудіями и пулеметами. Эти сооруженія считали неодолимыми не только сами нѣмцы, но даже нѣкоторые генералы союзниковъ. Но слабая сторона всѣхъ такихъ особо „несокрушимыхъ" позицій состоитъ въ томъ, что, если врагъ одолѣетъ ихъ, то онъ въ нихъ пріобрѣтаетъ чрезвычайно солидную силу.

Теперь вся горная гряда отъ Тіепваля до Перонна въ рукахъ союзниковъ. Съ нея открывается видъ на живописную волнистую мѣстность, на которой природа ничего не предоставляетъ на помощь тѣмъ, кто ее занимаетъ, потому что все, что они дѣлаютъ,

На Соммѣ. *Все рѣшила артиллерія.*

остается на виду. Здѣсь естественная линія обороны тянется къ сѣверу отъ Вердена, вдоль рѣки Мааса къ Антверпену. Если бы нѣмцамъ снова удалось ее занять, они могли бы стойко держаться съ небольшими силами, и потому-то союзники и не даютъ нѣмцамъ овладѣть ею. Бой на Соммѣ—главная операція союзниковъ, но все же не единственная. По всей линіи западнаго фронта союзники поддерживаютъ сокрушительное надавливаніе. Блестящее продвиженіе впередъ французовъ подъ Верденомъ показываетъ, какъ трудно непріятелю удерживаться на своихъ позиціяхъ. Какъ только онъ гдѣ-либо ослабляетъ свой фронтъ, тотчасъ же энергичныя атаки даютъ ему знать объ опасности такого ослабленія. Летчики союзныхъ армій, невзирая на претерпѣваемыя ими потери, совершаютъ въ большомъ числѣ ежедневные воздушные полеты надъ непріятельскимъ фронтомъ, разрушая базы и склады и выслѣживая всѣ передвиженія непріятеля. Въ отвѣтъ на каждый аэропланъ, залетающій на нашъ фронтъ, взлетаетъ не менѣе 200 французскихъ или британскихъ летчиковъ, такъ что имъ удается услѣдить за всякою попыткою непріятеля выйти изъ своихъ окоповъ.

Теперь положеніе, въ общемъ, представляется въ такомъ видѣ. Союзники не только врѣзались клиномъ въ германскій фронтъ, но, въ силу условій мѣстности, которую они заняли, они пріобрѣли возможность господствовать надъ каждымъ движеніемъ германскихъ войскъ. Усилія ихъ направлены не столько къ тому, чтобъ оттѣснить непріятеля назадъ, сколько къ тому, чтобъ держать его въ постоянномъ напряженіи, безпокоить, истощать, утомлять его. Пользуясь выгодами своей позиціи, они могутъ наносить непріятелю гораздо болѣе чувствительныя потери, нежели терпятъ сами, а вся суть войны вѣдь и сводится къ тому, чтобъ убивать, брать въ плѣнъ, вообще выводить изъ строя какъ можно болѣе людей, доводя этимъ непріятеля до невозможности поддерживать свой фронтъ на всемъ его протяженіи. Въ этомъ смыслѣ позиція союзниковъ на Соммѣ замѣчательно благопріятна. Отъ Арраса до Тіепваля германскій фронтъ жестоко пострадалъ вслѣдствіе его изолированности. Онъ не можетъ отступить, потому что за каждымъ его движеніемъ слѣдятъ неусыпно, и ему приходится отражать направленныя на него атаки. По словамъ генерала Брусилова, „нѣмцы теперь увидѣли, что окопы, которые составляли всю ихъ силу, могутъ обратиться для нихъ въ ловушку, потому что они не могутъ ихъ оставить, не понеся тяжкихъ потерь“.

И вотъ имъ приходится направлять все больше и больше людей на Сомму и выдерживать ужасные бои, чтобъ охранять нерушимою линію своего фронта. Имъ грозитъ та великая опасность, что въ одинъ прекрасный день у нихъ не окажется больше людей въ запасѣ, некого будетъ сюда больше посылать, и имъ придется сдѣлать отчаянную попытку отступленія. А что этотъ день придетъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, ибо, какъ бы ни были тяжки наши потери, ихъ потери все же вдвое больше, и люди, которыхъ они посылаютъ на замѣну павшихъ, берутся откуда попало: тутъ и старики, и мальчики, и больные, и худо обученные. Нѣмцы очень желали бы отступить, это ясно, и ихъ газеты подготовляютъ общество къ такому шагу, выставляя на видъ всю его стратегическую выгоду. Но они уже не разъ прибѣгали къ такому предвозвѣщенію крупныхъ передвиженій своихъ полчищъ: только не такъ-то легко ихъ выполнить на дѣлѣ. Даже передвиженіе одного батальона изъ передовыхъ окоповъ въ задніе, на протяженіе нѣсколькихъ десятковъ саженъ, подъ артиллерійскимъ огнемъ сопряжено съ величайшими затрудненіями. Можно себѣ представить, въ какое смущеніе придетъ германскій генеральный штабъ, когда онъ станетъ лицомъ къ лицу съ неимовѣрною задачею—передвинуть милліонъ солдатъ, раскинутыхъ на пространствѣ сотенъ верстъ, на новый фронтъ, отстоящій за сотни верстъ отъ прежняго, на виду у недремлющаго, полнаго силъ врага, имѣющаго въ своемъ распоряженіи численный перевѣсъ и въ людяхъ, и въ аэропланахъ, и въ вооруженіи, и, что всего существеннѣе, вполнѣ увѣреннаго въ побѣдѣ. Окопы германцевъ становятся ихъ могилою; они сами заготовили ее для себя, и союзникамъ остается только уморить ихъ въ этихъ окопахъ.

Рядовой Николаевъ.

(Сильна, какъ смерть).

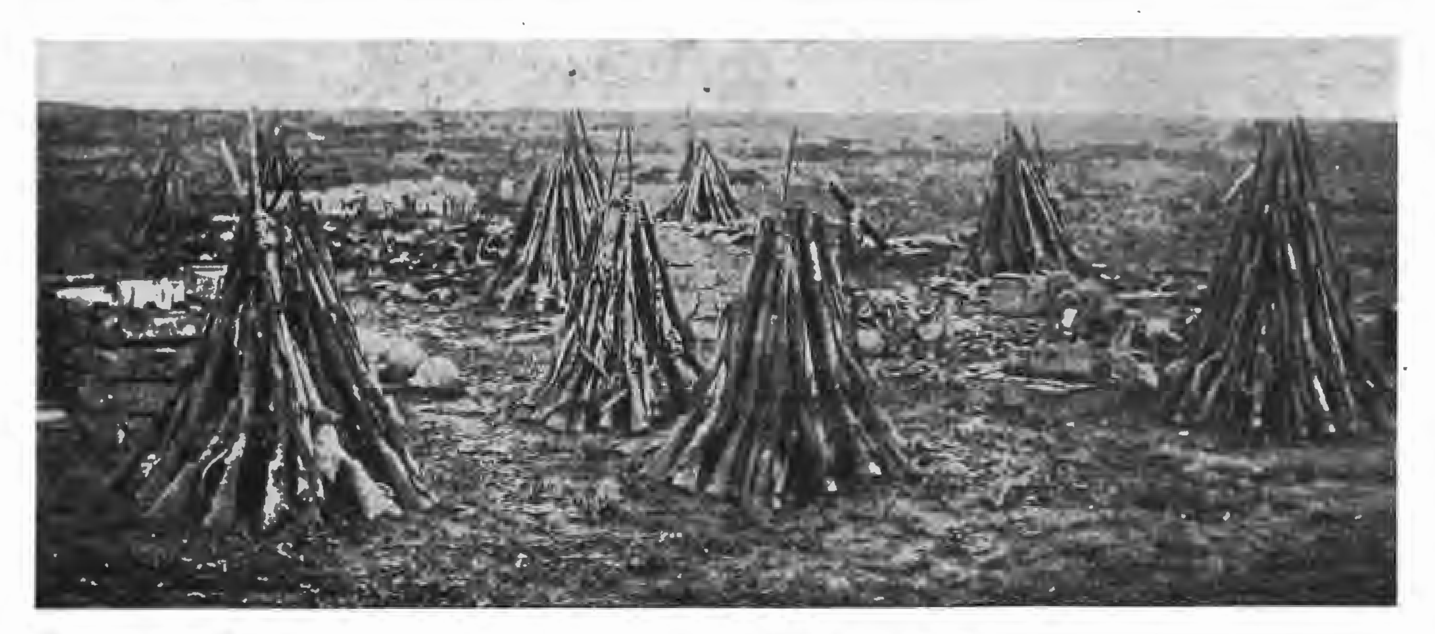
Повѣсть **П. Н. Краснова.**

(Продолженіе).

Странное глухое волненіе охватило сердце Николаева. Вотъ такъ бы взялъ и задушилъ этого толстаго несуразнаго человѣка въ макинтошѣ и резиновыхъ калошахъ, уничтожилъ бы его съ его тяжелыми черными мыслями. Какъ терпитъ такого Яковлевъ! Какъ долженъ онъ дурно вліять на людей самыми мыслями своими, самымъ анализомъ того, что не поддается анализу, о чемъ нельзя ни думать ни соображать. Война отъ Бога. Мелькнуло въ памяти печальное пѣснопѣніе панихиды: „Бога человѣку невозможно видѣти, на Него же нельзя взирати... Такъ и войну понять нельзя, и не человѣческому уму охватить это великое, страшное, но не ужасное... Такое, гдѣ все человѣческое становится такимъ ничтожнымъ, и своего „я“ нѣтъ...

— Баринъ Николаевъ, баринъ Николаевъ, гдѣ вы? Тутъ?—услыхалъ онъ голосъ ефрейтора Карпенки.—Пошли уже. Идемте!

И дѣйствительно рота уже вытягивалась повзводно, змѣйками, по одному, направляясь къ песчанымъ буграмъ.



Жатва смерти. Снопы. *Поле битвы послѣ наступленія. Непріятельскія ружья.*

— Отомкнуть штыки!—шопотомъ передали команду.
— Это зачѣмъ?—тихо спросилъ Николаевъ.
— Чтобы не блеснули, а то увидитъ, огонь откроетъ. У него уже тутъ все пристрѣляно,—такъ же шопотомъ отвѣтилъ Карпенко.

Молча расходились змѣйки. Звякнетъ изрѣдка неловко пригнанный котелокъ, споткнется кто-либо о кремень, и камень полетитъ съ тихимъ шорохомъ по песку. То видны освѣщенныя синеватымъ свѣтомъ ракетъ спины солдатъ въ ранцахъ-мѣшкахъ, и чудится, что и непріятель ихъ видитъ, то снова темнота, а видны только два-три впереди идущихъ.

Вотъ пропѣла, точно слабо натянутая струна прозвучала, пуля и щелкнула гдѣ-то сзади о дерево, переломивъ сучокъ. Николаевъ нагнулся.

— А ты той, що пропѣла, не бойся,—услышалъ онъ сзади ободряющій голосъ Карпенки, — та, що пропѣла, та уже не ушибетъ.

И ему стало мучительно стыдно, и кровь залила его лицо пурпуромъ смущенія. Но вѣдь онъ первый разъ. Вѣдь онъ даже не зналъ, что это пуля, такъ, инстинктивно нагнулся. А далеко, должно-быть, была...

И, точно отвѣчая на его мысли, Карпенко проговорилъ:
— Пулеметная. Это съ лѣсного поста...

Вошли въ ходъ сообщенія и погрузились въ глубокую узкую канаву. Вотъ ушли въ нее съ головою. Теперь шли тихо. Подъ ногами хлюпала вода. Ходъ извивался зигзагомъ, и съ непривычки у Николаева кружилась голова. Пахло землею, сыростью, мѣстами нестерпимо пахло „человѣчиной"... Но вотъ ходъ сталъ шире. За песчанымъ бугромъ, куда не могли залетать пули, была врыта въ землю землянка. Тамъ у самой земли стояли кучки людей. Это были эмцы, которыхъ пришла смѣнить третья рота.

— Рано пришли, молодчики. Всего одиннадцатый часъ,—услышалъ Николаевъ чей-то голосъ.—Капитана Яковлева рота, что ль?
— Его,—отвѣчали изъ рядовъ.
— Ну, это и видно. Спасибо, не задержали. До свѣта дома будемъ. А гдѣ командиръ?
— Я здѣсь,—отозвался Яковлевъ.

Онъ уже прошелъ гдѣ-то прямо, минуя ходъ сообщенія, и былъ здѣсь скорѣе своихъ людей.
— Это вы, Стрёмхекъ?
— Я,—отвѣтилъ кто-то съ финскимъ акцентомъ.
— Ну, что новаго?
— Ничего,—торжественно напирая на „о", сказалъ финляндецъ.—Немножко пострѣливаетъ. Ну, мы еще сорокъ щитовъ поставили. Теперь ничего. У меня благополюшно. Только одна бомба на прошлой недѣлѣ троихъ убила. А такъ все благополюшно. Вы часовыхъ послали?
— Послалъ.
— Ну, такъ я могу собираться. Счастливой службы! Давай Богъ, чтобы тоже благополюшно. Рота, за мной!..

И въ то время, какъ одни входили, заполняя площадку, направляясь на давно знакомыя мѣста, другіе выходили скорымъ торопливымъ шагомъ, съ видимымъ облегченіемъ покидая окопы, торопясь на отдыхъ, торопясь въ баню помыться и спать, спать, спать, все забывая, ни о чемъ не думая.

Вилла на озерѣ Комо. *Р. Берггольцъ.*
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ".

Николаевъ стоялъ одинъ въ темнотѣ среди песчаныхъ бугровъ и ямъ, не зная, куда ему приткнуться. Рота расходилась по какимъ-то узкимъ щелямъ и исчезала. И Николаеву стало страшно, что онъ остался одинъ, что онъ никуда не пошелъ. Можетъ-быть, нужно куда-либо итти? Но куда? Онъ не знаетъ.

И опять заботливый Карпенко вспомнилъ о немъ.
— Пойдемте, баринъ,—сказалъ онъ.

Онъ провелъ его тѣснымъ ходомъ мимо кадки съ водой, мимо площадки, гдѣ уже были составлены ружья въ пирамидѣ, указалъ, куда поставить ружье, открылъ дверь въ какое-то подземелье и ввелъ туда Николаева.

Душный, прѣлый, сырой воздухъ охватилъ всего Николаева. Онъ наткнулся на людей, и всюду были люди, всюду стояли, сидѣли, лежали солдаты. Ничего не было видно. Но куда ни протягивалъ руку Николаевъ, онъ натыкался на лица, груди, сапоги, подошвы, руки.

— Постойте, я посвѣчу, и сядемъ, — сказалъ Карпенко.

Онъ зажегъ спичку, и теперь Николаевъ увидѣлъ, что подземелье представляло собою довольно обширную комнату со стѣнами изъ тонкихъ стволовъ сосенъ, что въ немъ были сдѣланы въ два яруса нары, а на этихъ нарахъ сидѣли и лежали солдаты его второго взвода.

— Дайте, ребятки, барину мѣсто,—сказалъ Карпенко.

Тяжелый Мухортовъ посторонился, и Николаевъ подошелъ къ нему.
— Садись, баринъ, до утра посидимъ...

Телефонисты. XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ". *И. Владиміровъ.*

И только Николаевъ сѣлъ, какъ спичка погасла, и мракъ окуталъ ихъ.

Но постепенно глаза стали различать предметы. Вотъ длинное узкое окно подъ потолкомъ. Оно то становится свѣтлѣе, и тогда отчетливо видно всѣми своими стеклышками это, значитъ, свѣтитъ ракета. То снова станетъ темнымъ и чуть сѣрѣетъ, отражая темное, тучами заложенное, небо. Вотъ прямоугольникомъ рисуется неплотно притворенная дверь, ведущая наружу. Когда глядѣть на окно или на дверь, то видны становятся и темные силуэты сидящихъ и лежащихъ солдатъ. Иногда зарождается разговоръ, зародится и стихнетъ. Въ углу кто-то разсказывалъ про свое дѣло.

— Да ты докладалъ ему?—спрашивалъ собесѣдникъ.

— Докладалъ.

— А писать, писалъ?

— Писалъ.

— Не иначе, какъ надоть прошеніе подавать.

— Что прошеніе! Прошеніе одна канитель.

— А ты какъ думаешь?

— Думаю-то какъ? А вотъ, погоди, съ войны приду, я ему морду набью, онъ тогда всѣ свои пакости вспомнитъ.

— Ему что морда. Не купленая. Не впервой.

— Да какъ же такъ можно!..

Въ глухомъ углу кто-то разсказывалъ сказку, какъ были посланы ходоки отъ царя правду искать.

„Вѣдь гдѣ-нибудь же есть правда, говоритъ имъ царь Максиміанъ, ищите эту правду повсюду. Ищите ее у богатыхъ людей, ищите по городамъ и селамъ, ищите по деревнямъ, по лѣсамъ и пустынямъ глухимъ..."

— Не иначе, какъ у бѣдныхъ, ее найдутъ,—догадывается кто-то изъ слушателей.

— „Потому,—говоритъ Максиміанъ,—знаемо намъ, что она есть, эта правда Божія на землѣ, только схоронилась она невѣсть гдѣ, неизвѣстно какой и чей обликъ она приняла..."

Вдругъ, прерывая разсказчиковъ, гдѣ-то совсѣмъ недалеко что-то ухнуло тяжело и отрывисто, раздался сильный, шипящій, усиливающійся со страшной быстротой звукъ, и сейчасъ же вся землянка дрогнула, и песокъ посыпался сквозь бревна потолка на сидѣвшихъ, и яркое пламя освѣтило блѣдныя лица.

Николаевъ такъ весь и сжался. Сердце упало куда-то, и онъ былъ близокъ къ обмороку.

— Съ бомбомета кинулъ,—услышалъ онъ рядомъ съ собою равнодушный голосъ Мухортова.

— Штуки четыре за ночь кинетъ, какъ и тотъ разъ,—соннымъ голосомъ отозвался какой-то солдатъ, лежавшій у ихъ ногъ.

— А близко?..

— Нѣ-е. Это по четвертому взводу.

Николаеву казалось, что должны были встать, побѣжать, узнать, куда попало, что случилось, но никто не шевельнулся, и тотъ же голосъ въ углу продолжалъ сказку.

„Слышали мы, что скрывается она въ образѣ старушки Божіей, говоритъ Максиміанъ".

Дверь открылась, и съ темноты землянки стало видно хмурое ночное небо и силуэтъ солдата.

— Чуриловъ, Аксеновъ, Матюхъ и Выродовъ! Раненыхъ убрать!

Тѣ, кого назвали, встали и направились къ выходу.

— А кого зацѣпило? спросилъ кто-то равнодушно.

— Шабанова да Вѣтренку.

— А что, сильно?..

— Шабановъ какъ бы не кончился, а тотъ ничего, дышитъ.

И опять дверь затворилась, и мракъ окуталъ людей.

Разсказчикъ сказки ушелъ выносить раненыхъ, и въ землянкѣ царила теперь полная тишина, прерываемая вздохами да храпомъ уснувшихъ солдатъ.

Николаевъ сидѣлъ, прислонившись къ Мухортову и не сознавалъ, живетъ онъ, или это грезится ему. Темная ночь, мракъ землянки, переполненной людьми, и эта смерть, уже прошедшая такъ близко, близко...

И опять ухнуло и опять загудѣло, но теперь это ударило гдѣ-то далеко и глухо.

— Энта мимо. На шестой гати.

— А то и за ней.

— Пожалуй, что такъ...

Что это,—жизнь? Или кошмаръ, или сонъ. Все тѣло ломитъ, сырыя ноги прѣютъ въ тепломъноскѣ, и истома охватываетъ все существо.

Какія-то искры пошли передъ глазами, чей-то голосъ напряженно шепталъ: „на то воина, на то война"... Потомъ институтскій хоръ запѣлъ: „Бога человѣку невозможно видѣти", и все затянулось сѣрой полосой. Хоръ продолжалъ пѣть, но все хуже и хуже, вотъ онъ уже не поетъ, а читаетъ, какъ дьячокъ, скороговоркой: „Бога человѣку невозможно видѣти, на Него же нельзя взирати... Со святыми упокой, Господи"...

Николаевъ испуганно открылъ глаза. Блѣдное утро свѣтило въ оконца. Дверь была открыта, и въ нее были видны свѣжевырытая могила и солдатъ, торопливо читающій молитвы надъ убитымъ.

Подлѣ сидѣлъ Карпенко и топоромъ строгалъ крестъ.

Увидѣвъ, что Николаевъ пошевелился, онъ сказалъ:

Раненый. *С. Соломко.*
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ".

— Васъ на часы вызывали, баринъ, да вы такъ славно спали, что мы не будили. Мухортовъ за васъ пошелъ. Отдыхайте! Еще натерпитесь за двѣ-то недѣли.

„Двѣ недѣли! думалъ Николаевъ.—Неужели двѣ недѣли!? Такихъ, какъ эта ночь, четырнадцать ночей?! Неужели я перенесу это?!"

VI.

Зима вдругъ сразу повернула на весну. Третій день стояло тепло. По голубому небу тихо бродили небольшія облака, деревья покрывались почками, всѣ поля зазеленѣли, въ лѣсу изъ-подъ моха выпустили свою скромную лиловую головку фіалки, а бѣлыя анемоны точно снѣгомъ покрыли поляны. Къ гомону веселыхъ пташекъ, задорно перекликавшихся на вѣткахъ, точно споривших, гдѣ лучше вить гнѣзда, присоединилъ свой ликующій гимнъ весны только-что прилетѣвшій дальній путешественникъ-жаворонокъ и лилъ и лилъ гимны Богу и солнцу съ небесной вышины, говоря о любви, о счастьѣ, о грядущей веснѣ съ ея тепломъ, ароматами цвѣтовъ, зеленью деревьевъ, съ ея радостями жизни...

Приближалась Пасха...

Но въ окопахъ все было безъ перемѣнъ. Только днемъ солдаты не спали вповалку, въ два яруса въ блиндажахъ тяжелымъ дневнымъ сномъ послѣ безсонной ночи, а грѣлись на солнышкѣ, покрывая размаявшимися тѣлами своими ходы сообщенія и всѣ свободныя ямы. Здѣсь сильнѣе пахло „человѣчиной", да на участкѣ, прорѣзывавшемъ кладбище, запахъ тлѣнія становился иногда тошнотворнымъ, и даже сильные люди избѣгали тамъ стоять. Днемъ оттуда убирали гарнизонъ, а ночью часовыхъ смѣняли черезъ часъ.

Приспособлялись. Этой приспособляемости людского организма какъ удивлялся порою Николаевъ. Спали днемъ. Обѣдали, пили чай, закусывали ночью. Въ темнотѣ землянки, при свѣтѣ одинокаго огарка, свѣтившаго только четыремъ-пяти ближайшимъ къ нему, чуть не ощупью ѣли ароматныя щи, сладко чавкали ртами, обсасывая „порціи", засалившіяся, полухолодныя,—вѣдь кухня останавливалась едва не за версту у хода сообщенія, и оттуда несли въ котелкахъ на палкѣ щи и мясо. Потомъ долго жгали чай, и пили его, заваренный на сальной, вонючей водѣ, заѣдая сухарями. Днемъ спали, просыпались, томились, маялись и опять спали. Передъ вечеромъ грѣли чай одиночными котелками изъ здѣшней окопной воды и пили его, потомъ умывались, приводили себя въ порядокъ. Приходилъ командиръ, бывала бесѣда,

иногда чтеніе телеграммъ и даже газетъ, — ихъ присылали изъ штаба полка,—разговоры, нарядъ часовыхъ на ночь.

Непріятель обстрѣливалъ окопы все въ одни и тѣ же часы. и на это время прятались по блиндажамъ и по убѣжищамъ, и за насыпью оставались только однѣ головы. Передъ полуднемъ нѣмцы выпускали снарядовъ двадцать, а потомъ та же порція шла вечеромъ.

Николаевъ стоялъ нѣсколько разъ на часахъ, всматриваясь то въ щелку амбразуры, то черезъ перископъ на окопы непріятеля. Ничего не было видно. Казалось, что тамъ, за длинными рядами колючей проволоки, за песчаными буграми никого нѣтъ. Но иногда тамъ поднимался таинственный дымъ.

— Каву себѣ варитъ,—говорили солдаты.

При малѣйшей неосторожности свистала пуля, или вдругъ совсѣмъ неожиданно, такъ что невольно вздрогнешь, щелкала въ насыпь бруствера и поднимала облачко песку. Потомъ уже слышался сухой и, казалось, совсѣмъ близкій выстрѣлъ изъ ружья. Часто стрѣляли разрывными пулями. Тогда что-то хлопало подлѣ рѣзкимъ щелчкомъ, и днемъ былъ виденъ бѣлый дымокъ, а ночью синее пламя разрыва.

Въ тихую погоду тамъ, „у него“, были слышны голоса, пѣніе, иногда кто-то игралъ на гармоникѣ, и была та музыка особенная, не наша.

Странно было подумать, что тамъ тоже живутъ люди. Что они ѣдятъ, пьютъ, варятъ себѣ „каву“, что они поютъ и играютъ. И оттого, что ихъ не видѣли, они казались таинственными, какими-то особенными, для иныхъ страшными, для другихъ недостойными жалости. Иногда показывалась надъ гребнемъ плоская фуражка,—то лучшіе стрѣлки старались попасть и убить „его“ часового.

Иногда далеко въ тылу, за его окопами появлялись маленькія команды его людей, ѣхала повозка, шли подкрѣпленія, или смѣна. Тогда телефонили на батарею, и откуда-то сзади изъ лѣса гремѣли выстрѣлы, и бѣлые мѣшки вспыхивали надъ этою кучкою, и она разбѣгалась.

— Что, досталось?—раздавались голоса.—А одинъ упалъ.

— Да не одинъ, двое...

И эти возгласы были полны радости.

Весь міръ здѣсь дѣлился на „его“ и „наше“. „Это наша стрѣляетъ“, „а вотъ и онъ заговорилъ“, „тоже невкусно“...

И такъ шли дни за днями, вѣрнѣе, ночи за ночами. И никто не зналъ, какой это день, какое число, потому что дни были совершенно одинаковы, и отличали ихъ лишь какими-либо событіями.

— Это было тогда, когда Шабанова убили, — говорилъ кто-либо.

— Нѣтъ, позже. Помнишь, когда два поляка-легіонера къ намъ перебѣжали.

— Да нѣтъ. Это тогда, когда землянку засыпало.

Таково было счисленіе. Знали и то не все, а скорѣе угадывали день смѣны и его ждали.

Если тамъ, въ резервѣ, въ деревнѣ, насѣкомыя мучили Николаева, то тутъ они съѣдали его, доводя до невозможныхъ мученій.

Часто въ солнечные дни, когда тепломъ пригрѣвало землю, онъ видѣлъ солдатъ, раздѣтыхъ донага и занимающихся чисткой своего платья и бѣлья. Какъ завидовалъ онъ имъ въ эти минуты.

Но вѣдь не могъ же онъ заняться тѣмъ же, потому что не было тутъ мѣста, гдѣ бы можно было остаться одному на болѣе или менѣе продолжительное время. Утренній туалетъ былъ кратокъ и тороплив. Кое-какъ у лужи воды весьма сомнительной чистоты, какой-то жирной и желтой, удавалось помыть лицо и руки...

И съ грустью видѣлъ Николаевъ, что его маленькія ручки чернѣли и, оставаясь все такими же мягкими и нѣжными, пріобрѣтали тотъ же землистый запахъ и цвѣтъ, какъ и руки унтеръофицера Сороки, и невольно онъ думалъ: „земля еси и въ землю отъидеши!..“

По его счисленію, смѣна была близка, и съ тоскою онъ думалъ о деревнѣ, о возможности на зарѣ побѣжать къ лѣсному ручью и помыться, какъ слѣдуетъ, и переодѣться, и ждалъ нетерпѣливо этой смѣны.

Дня за три до смѣны съ юга, со стороны противника, потянулъ ровный теплый вѣтеръ. Ночью голоса нѣмцевъ были слышнѣе. И они какъ-то больше говорили по ночамъ, иногда слышались команды и лязгъ желѣза.

— Безпремѣнно строютъ что-либо,—говорили солдаты.

Доложили Яковлѣву, онъ вышелъ на окопъ и до зари просидѣлъ на брустверѣ, къ чему-то прислушиваясь, и когда утромъ онъ возвратился въ свою землянку, лицо его было блѣдное, хмурое и задумчивое.

Наступилъ вечеръ, а за нимъ и ночь. Пріѣхала, какъ всегда, кухня, люди пообѣдали, приготовились къ ночи, и ночные секреты пошли впередъ. Все шло обычнымъ порядкомъ. Только по случаю теплой, почти лѣтней погоды дверь въ землянку была открыта, и потому не было такъ душно. Тамъ шли обычные разговоры, и подъ нихъ Николаевъ, хорошо устроившійся съ вечера въ уголку, сладко уснулъ.

Ему снилась его комнатка въ имѣніи отца. Чистая, свѣтлая комнатка, обитая розовымъ кретономъ. Тѣмъ же кретономъ обита и мебель, и туалетъ, и зеркало—все въ бѣлыхъ кружевахъ. И отъ этого комната кажется коробочкой, нарядной бомбоньеркой. Французское многостекольное окно доходитъ до самаго пола. Въ него бьютъ вѣтки цвѣтущей сирени, бѣлой акаціи, и длинныя гроздья лиловой глициніи,—гордость отца,—спускаются на него. И Николаеву снится, что онъ не рядовой Николаевъ, а попрежнему милая, хорошенькая Таня, пріѣхавшая къ отцу изъ института, съ головкой въ золотыхъ кудряхъ и личикомъ херувима.

Она сидитъ у раскрытаго окна и читаетъ книгу. Она только-что взяла ванну, и все ея тѣло охватываетъ пріятное сознаніе физической чистоты и свѣжести. Вечеръ тихо догораетъ, и въ густыхъ липахъ сада уже два раза щелкнулъ соловей.

И вдругъ небо потемнѣло, стало чернымъ, но не отъ тучъ, а отъ громадной стаи дьяволовъ. Страшные, черные, съ большими черными крыльями, съ рогами на худыхъ козлиныхъ лицахъ, съ тонкими руками и ногами, они ворвались въ окно и схватили и ввергли Таню въ адъ.

И она увидѣла темное, мрачное подземелье и тысячи людей, мучащихся въ немъ. Какой-то противный запахъ душилъ ее, кругомъ раздавались стоны и проклятія, и въ полномъ мракѣ корчились и извивались, подобно змѣямъ, люди. И всюду она видѣла тѣла, и всюду слышались стоны, и какія-то свиныя морды лѣзли другъ на друга и препирались между собою...

Вдругъ цѣлая толпа грѣшниковъ набросилась на нее, схватила и потащила на страшныя муки.

Таня испугалась, вскрикнула и проснулась...

Проснулся вмѣстѣ съ нею и рядовой Николаевъ. Но сонъ продолжался...

Адъ былъ кругомъ въ темномъ, мрачномъ подземельѣ.

Въ Галиціи. У колодца. *И. Владиміровъ.*
XXXVI выставка „Общества русскихъ акварелистовъ“.

На кавказскомъ фронтѣ. *Маскированное орудіе.*

VII.

— Газы!.. Удушливые газы!..—крикнулъ кто-то съ ружьемъ, подбѣгая къ дверямъ, и поспѣшно сталъ надѣвать на себя очки и маску.

Этотъ крикъ разбудилъ всѣхъ спящихъ. Отъ этого крика, какъ отъ электрическаго удара, вскочилъ и Николаевъ.

Кругомъ былъ мракъ. Кругомъ было движеніе торопливыхъ рукъ, искавшихъ, разрывавшихъ мѣшки, ронявшихъ, поднимавшихъ какіе-то предметы.

Громовой голосъ унтеръ-офицера Сороки разсѣкъ воздухъ громкой командой:

— Маски!

Дальше уже не было голосовъ. Маски заглушали ихъ, и было только невнятное бормотаніе, и слова скорѣе угадывались, нежели были слышны.

Сорока зажегъ огарокъ. Неясный свѣтъ свѣчи освѣтилъ странныя лица въ большихъ очкахъ и длинныхъ марлевыхъ маскахъ, надѣтыхъ на рты и носы и дѣлавшихъ людей похожими на какія-то сверхъестественныя существа. Они бормотали команды. Помогали другъ другу завязывать тесемки очковъ и противогазовъ.

Запахъ хлора, противный, терпкій аптечный запахъ, вливался въ землянку и вызывалъ уже тошноту. Но маска преградила ему доступъ, и Николаевъ опять почувствовалъ себя лучше.

— Намочить палатку!.. Завѣсить двери!..—слышались задушенные голоса.—Зажигайте костры... Смазать винтовки!.. Въ ружье... По бойницамъ...

Скорѣе угадывалось значеніе этого бормотанія, нежели слышны были слова.

И вдругъ плачъ, почти женскій, тонкій, рѣзкій, съ причитаніями, разсѣялъ глухое бормотаніе.

То плакалъ Мандельторгъ.

— Ой вей! Я умираю! О, тателе! мамеле! Ну и гдѣ мой противогазъ! Ой, у менe нѣтъ моего противогаза! Ой, Боже мой, Боже жъ мой! Пришла моя кончина! Ой, я задыхаюсь!

А въ это время раздался изъ-подъ маски тревожный голосъ Сороки:

— На телефонъ! Скорѣй на телефонъ! Безъ маски! Сообщить въ резервъ...

Прошла секунда гробового молчанія. Слышно было только, какъ стоналъ и плакалъ, причитая, Мандельторгъ. Эта секунда показалась Николаеву вѣчностью. Никто не отзывался на призывъ Сороки, никому не хотѣлось снимать теперь маску, когда газы густою пеленою наполнили землянку. И сердце сжималось тоскою, и было больно, мучительно стыдно и за себя и за другихъ. Мысли летѣли молніями. Неужели не дадутъ знать въ резервъ, неужели для нихъ, спокойно спящихъ, этотъ сонъ будетъ послѣднимъ?

И вдругъ смѣлый, мужественный голосъ проговорилъ:

— Я схожу на телефонъ. Молитесь за мою душу!

Это былъ Мухортовъ.

Кинулъ маску и очки Мандельторту, пошелъ твердою спокойною походкою къ телефону.

Десятки рукъ потянулись помогать Мандельторту надѣть очки и маску. Его, уже задыхающагося, положили на лавку, отливали водой, и онъ сопѣлъ благодарно, и изъ-подъ маски слышались полузадушенныя слова:

— Ой, Боже жъ мой! Боже мой! Богъ Авраама, Исаака и Іакова, не оставь этого человѣка! Ой, Боже мой! Боже жъ мой!..

Вызовъ телефона... Еще... Еще... Голосъ твердый, рѣшительный.

— Второй батальонъ?.. Да... Третья рота... Вы слышите?..

Голосъ прерывается... Отчаянный крикъ...

— Нѣмцы! Газы... Удушливые газы... Маски!..

Паденіе тѣла...

Тишина...

Эта тишина говорила больше, чѣмъ тысячи рѣчей.

Десятки рукъ потянулись ко лбу, и люди въ маскахъ, не похожіе на людей, съ тяжкимъ, глубокимъ вздохомъ перекрестились.

Въ эту минуту въ дверяхъ появился Яковлевъ. Всѣ его узнали по его росту, по величественной, спокойной осанкѣ. Такая же маска, какъ у солдатъ, скрывала его носъ и ротъ, большія очки прикрывали глаза. Онъ уже обошелъ первый и второй взводы и навелъ тамъ порядокъ.

— Въ ружье!—послышался его голосъ изъ-подъ маски.—По мѣстамъ! Взять ручныя гранаты и не стрѣлять, пока я не махну рукой.

Одинъ за однимъ, крестясь, переходили черезъ лежащаго подъ телефономъ Мухортова солдаты и шли по ходу сообщенія къ бойницамъ.

Ночь была въ полной силѣ. Ясная, теплая, весенняя ночь. Звѣзды искрились на небѣ, и луна на ущербѣ поднялась высоко надъ ними. Отъ луннаго свѣта было почти свѣтло. Странный, неестественный туманъ покрывалъ долину и шелъ впередъ и впередъ, гонимый ровнымъ теплымъ вѣтромъ.

Отъ противника шло шипѣніе, будто десятки паровозовъ выпускали пары.

И вдругъ съ нашей стороны тревожно бахнула пушка. Со скрежетомъ пролетѣла граната надъ головами и разорвалась, блеснувъ желтымъ пламенемъ, у противника. Другая, третья...

Противникъ сталъ отвѣчать. Онъ открылъ заградительный огонь, и ряды шрапнелей пучками стали рваться за нашими окопами. А наши пушки отвѣчали и отвѣчали все чаще и громче, все сильнѣе и сильнѣе развивая огонь. Предсмертныя слова Мухортова были услышаны, резервъ проснулся, и огонь артиллеріи стремился разбить баллоны съ газами противника и помѣшать его работѣ. По ходамъ сообщенія торопливо шли люди въ маскахъ, тащили пулеметы и длинною змѣею вливались въ окопы.

Люди пятой роты, неузнаваемые въ маскахъ, заполняли пустоты между людьми третьей, шестая, седьмая и восьмая ложились сзади, готовясь для контръ-атаки.

Лѣсъ гудѣлъ непрерывнымъ эхомъ, отзываясь на пушечную пальбу, громко ухалъ бомбометъ и взрывалъ землю окоповъ, поражая людей, осыпая ихъ пескомъ и землею.

Но люди, сѣрые люди въ длинныхъ маскахъ, въ очкахъ, люди, не похожіе на людей, стояли у бойницъ, положивъ ружья, и вглядывались въ лунную даль.

Передъ ними четко рисовались колья проволоки, самыя проволоки, а дальше была пелена серебристой парчи луннаго свѣта, которая колебалась, тихо надвигаясь на окопы.

И проходила одна полоса, и за ней шла, колеблясь, другая, а люди все стояли въ маскахъ и смотрѣли сквозь мутныя стекла очковъ впередъ и впередъ.

Шли минуты. Ихъ ходъ по секундамъ отбивалъ пульсъ, ударявшій въ виски. Проходили часы. И было это какое-то небытіе. Стояла вѣчность передъ глазами, и пораженный мозгъ смотрѣлъ сквозь тѣлесныя очи на незримое, на свое будущее. И казалось, что прекрасный міръ съ его тѣнистыми прохладными лѣсами, съ его пѣсней жаворонка остался гдѣ-то далеко, тамъ, позади, быть-можетъ, погибъ безвозвратно, а тутъ передъ ними клубился хаосъ.

И четко стояли колья проволочныхъ загражденій, и клубился туманъ, и гудѣли голоса пушекъ, а тутъ кругомъ была такая тишина. Тутъ кругомъ была только парча луннаго свѣта, шипѣніе баллоновъ съ газомъ и надвигающаяся, приближающаяся смерть и небытіе...

Слѣва дали раздались, и небо посвѣтлѣло. Зато еще темнѣе стали дали на западѣ. Но свѣтъ шелъ съ востока, и гасли звѣзды, и золотомъ брызнули на небо первые солнечные лучи. Газъ сталъ виденъ.

Желтоватой полосой онъ шелъ на окопы, какъ море тумана, какъ тонкое облако идетъ на горный утесъ, и, гонимый легкимъ вѣтеркомъ, газъ шелъ впередъ, заливалъ окопы и уходилъ далеко, къ самому лѣсу.

Пятая волна газа.

И за нею показались люди. Въ сѣрыхъ каскахъ, въ очкахъ, въ противогазахъ. Не люди, а демоны.

Рѣзкій свистокъ прорѣзалъ воздухъ. Всѣ по привычкѣ повернули головы назадъ. Капитанъ Яковлевъ стоялъ съ поднятой рукой. Всѣ знали, когда онъ опуститъ—можно стрѣлять.

А демоны выходили цѣпь за цѣпью. Они шли спокойные, увѣренные, шли на мертвыхъ, задушенныхъ людей.

Чуткое ухо улавливало ихъ мѣрный тяжелый шагъ. Между касокъ видны были и плоскія сѣрыя фуражки, сталъ виденъ ихъ красный околышъ, узкій, не похожій на нашъ.

Съ рокотомъ и скрежетомъ пронеслись надъ головами шрапнели. Наши шрапнели. Стаей бѣлыхъ мячиковъ лопнули и брызнули металломъ по нѣмцамъ.

Цѣпи легли. И снова встали и идутъ.

Такъ близко теперь. Отчетливо видны маски, видны сѣрые бушлаты, сѣрые штаны и тяжелые сапоги. Или кажется такъ, или точно слышенъ ихъ мѣрный шагъ, тяжелый топотъ нѣмецкихъ сапоговъ.

„Какъ страшно! Боже, какъ страшно,—сверлитъ мысль въ головѣ у Николаева.—И почему нельзя стрѣлять, я бы попала... Вонъ въ того толстаго, или вотъ въ этого, что нахально заложилъ ружье на ремень и идетъ, держа руки въ карманахъ. Ахъ, пора, пора! И что онъ! Противный. Не успѣемъ перестрѣлять. Ахъ, Боже мой! Я не выдержу! Я не могу“.

На секунду туманъ застлалъ глаза Николаева. Точно обморокъ охватилъ его, и онъ чуть не упалъ.

Короткій свистокъ пробудилъ его.

Рука Яковлева рѣзко упала. Отодвинувъ маску, онъ крикнулъ:

— Огонь!...

Весь окопъ затрещалъ и ожилъ. Не было слышно отдѣльныхъ выстрѣловъ, но лишь непрерывное воркованіе винтовокъ. Четкіе звуки пулеметовъ иногда вырывались изъ нихъ, и снова ворковали винтовки, да часто, часто вспыхивали съ трескомъ разрывы шрапнелей.

Николаевъ стрѣлялъ выстрѣлъ за выстрѣломъ. „Кажется, попалъ. Нѣтъ. Да въ кого же я цѣлю? Опять... Нѣтъ, упалъ...“

— Не торопись, баринъ, спокойнѣй, поспѣешь!—слышитъ онъ слѣва отъ себя голосъ.

Это говоритъ Карпенко. Онъ уже снялъ противогазъ и очки и садитъ пулю за пулей, какъ въ мишень, со спокойствіемъ стараго ученаго солдата.

Нѣмцы на проволокахъ.

Лежатъ. Корчатся, затихаютъ... Нѣтъ, рѣжутъ, рѣжутъ проволоку...

— Гранаты!..

Кто это крикнулъ „гранаты“?,—подумалъ Николаевъ. — Какой славный голосъ! Голосъ героя. Да вѣдь всѣ они герои! Вотъ оно, что значитъ быть героемъ. И онъ, Николаевъ, герой. А видитъ ли меня онъ? Тотъ, кто такъ властно крикнулъ: „гранаты“?“

Николаевъ обернулся на то мѣсто, гдѣ былъ Яковлевъ, но тамъ его не было.

Гдѣ же онъ?

Онъ впереди, за брустверомъ. Что это!? Всѣ вскочили за нимъ, всѣ бѣгутъ къ проволокѣ. Гранаты летятъ по нѣмцамъ... Лопаются...

— Бѣгутъ!.. Бѣгутъ!..

Какая музыка въ этихъ словахъ! Какая радость!

— Бѣгутъ, бѣгутъ!

Залпы!.. Залпы!..

— Второй взводъ...—Это Сорока командуетъ. Торопливо щелкаютъ затворы...—Пли...

Какая чудная музыка въ этомъ трескѣ согласныхъ ружей! Какая прелесть! Какая радость! Залпы... Залпы...

И побѣда!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

На кавказскомъ фронтѣ. *Подъемъ полевыхъ орудій на высоту 2.500.*

Въ Екатерининскомъ залѣ Таврическаго Дворца. Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко среди чиновъ арміи и флота, перешедшихъ на сторону Временнаго Правительства. По фот. *К. Булла.*

Въ залѣ засѣданій Государственной Думы. Засѣданіе Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ. По фот. *К. Булла.*

Мои 20.000 компаньоновъ.

Подъ этимъ заглавіемъ „стальной король“ Чарльзъ М. Швабъ въ нью-іоркскомъ журналѣ „The American Magazin“ разсказываетъ, на какихъ началахъ поставленъ и ведется его знаменитый сталелитейный и рельсопрокатный заводъ въ Виѳлеемѣ (въ штатѣ Пенсильваніи).

Тридцать лѣтъ стоитъ онъ во главѣ этого громаднаго заводскаго предпріятія, и онъ съ гордостью заявляетъ, что нигдѣ не встрѣчалъ такой энергичной, знающей свое дѣло, симпатичной, крѣпко сплоченной рабочей семьи, какъ у него въ Виѳлеемѣ, и приписываетъ это придуманной имъ системѣ вознагражденія рабочихъ и служащихъ его завода. Онъ убѣжденъ, что, если бы эту систему въ ея основныхъ чертахъ распространить на весь торгово-промышленный міръ, то было бы устранено несоотвѣтствіе между трудомъ и вознагражденіемъ за него.

Въ этой системѣ никакой роли не играетъ слѣпое, поголовное увеличеніе заработной платы или содержанія, какъ уравнивающее вознагражденіе за неравныя заслуги. „Я не сторонникъ крупныхъ жалованій,—говоритъ Швабъ. — Я держусь того, что трудъ каждаго человѣка долженъ быть вознаграждаемъ сообразно своей производительности. Изъ нашего высшаго служащаго персонала въ Виѳлеемѣ рѣдкій, и даже высшій служащій, получаетъ больше ста долларовъ въ недѣлю: но ихъ конверты ломятся отъ премій, разсчитанныхъ единственно на основаніи вводимыхъ ими по своимъ отраслямъ улучшеній и сбереженій“.

Въ Виѳлеемѣ работаютъ и служатъ 22.000 человѣкъ: изъ нихъ около 80 процентовъ входятъ въ систему премій. Исключены нѣкоторые поденщики, которыхъ грубая работа не подходитъ подъ такую систему, и такіе, работа которыхъ, исключительно сложная и тонкая, расцѣнивается особо.

По тщательно составленной схемѣ, на каждую опредѣленную работу полагается извѣстное число часовъ, по расчету, предполагающему недюжиннаго рабочаго.

Возьмемъ рабочаго, получающаго, скажемъ, 40 сентовъ (около рубля) въ часъ, независимо отъ скорости работы, и поставленнаго на работу, на выполненіе которой полагается 20 часовъ. Если онъ хорошо исполнитъ ее въ этотъ срокъ, онъ получитъ прибавку (премію, bonus) въ 20 проц., т.-е. вмѣсто 8 долларовъ—9 долл. 60 сент. (въ долларѣ 100 сентовъ). Если онъ исполнитъ работу въ 12 часовъ, то получитъ тѣ же 9 д. 60 сен. и можетъ, если хочетъ, приняться за другую, на тѣхъ же условіяхъ. Такимъ образомъ малѣйшая проявляемая рабочимъ инщіатива въ изобрѣтеніи способовъ сокращенія работы, или энергія сверхъ средней въ исполненіи ея превращается въ капиталъ, приносящій ему проценты.

Весь заводъ состоитъ подъ строгимъ статистическимъ контролемъ, которымъ завѣдуетъ особое Бюро, и работою его неоспоримо установленъ фактъ, что продуктивность каждой человѣческой единицы удвоилась съ тѣхъ поръ, какъ введена система премій.

Подъ эту систему подведены рѣшительно всѣ работы, отъ самой сложной до самой грубой, въ родѣ возки тачки или орудованія лопатой. На всѣ виды такой черной работы установленъ масштабъ времени, съ положенной платой по часамъ. Во избѣжаніе очень распространеннаго на заводахъ безчеловѣчнаго понуканія рабочими, масштабъ этотъ установленъ на 40% ниже принятаго въ большинствѣ заводовъ.

Петроградъ, 1-го марта. Школа прапорщиковъ у Таврическаго Дворца, пришедшая одной изъ первыхъ воинскихъ частей въ Государственную Думу. По фот. *Я. Штейнберга*.

Есть, конечно, множество работъ, въ оцѣнкѣ которыхъ важно не столько время исполненія, сколько доброкачественность продукта; таковы, напримѣръ, стальныя брони. За такія работы преміи выдаются сообразно качеству, установленному строгими испытаніями. Если бы примѣнять къ нимъ обычный масштабъ времени, рабочіе могли бы соблазняться скоростью въ ущербъ качеству, и приходилось бы выкидывать массу готовыхъ издѣлій.

Трудно перечислить всѣ подробности этой, простой въ принципѣ, но сложной въ примѣненіи системы. Нѣтъ такой минимальной заслуги, которая осталась бы не награжденной. Такъ, если рабочій содержитъ ввѣренную ему машину въ такомъ видѣ, что она требуетъ очень мало ремонта, или достигаетъ тѣхъ же результатовъ съ тратою топлива меньше положенной, онъ награждается. Принимается въ расчетъ малѣйшее улучшеніе, или сбереженіе, зависящее отъ личной иниціативы, изобрѣтательности, энергіи или ловкости рабочаго.

Во многихъ отдѣленіяхъ единицей себѣстоимости берется одинъ долларъ. Надзиратель или завѣдующій, если понизитъ стоимость до 95 сентовъ, получаетъ 1 процентъ сбереженной суммы; если понизитъ ее до 90 сентовъ, получаетъ 2 проц., если понизитъ до 85—3 проц., и т. д. въ той же пропорціи. „Напримѣръ,—поясняетъ Швабъ,—мы говоримъ завѣдующему доменными печами: „Вотъ норма стоимости ввѣряемой вамъ операціи. Изъ всего, что вы сбережете отъ этого нормальнаго расхода, вы получите свою

Петроградъ, 1-го марта. Перешедшія на сторону Временнаго Правительства войска съ краснымъ флагомъ подходятъ къ Государственной Думѣ. По фот. *Я. Штейнберга.*

Петроградъ, 1-го марта. Полкъ въ полномъ составѣ, съ офицерами во главѣ, перешедшій на сторону Временнаго Правительства, передъ Государственной Думой. По фот. *Я. Штейнберга.*

Предсѣдатель Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Н. С. Чхеидзе.

В. А. Маклаковъ.

В. М. Вершининъ.

И. Н. Ефремовъ.

Г. Х. Еникеевъ.

А. Г. Ратьковъ-Рожновъ.

Г. А. Фирсовъ.

долю. Чѣмъ больше вы заработаете, тѣмъ больше заработаемъ и мы, тѣмъ довольнѣе будутъ всѣ".

Работа высшихъ служащихъ и главныхъ руководителей, какъ работа головная, созидательная, разумѣется, вознаграждается также свыше положеннаго содержанія, въ зависимости отъ большей или меньшей даровитости исполняющей ее личности, приносящей своими изобрѣтеніями, своей выдумкой значительную прибыль всему предпріятію. „Если бы м-ръ Грэсъ (Grace), управляющій виѳлеемскимъ заводомъ, пишетъ Швабъ,—заработавшій за истекшій годъ круглую цифру—милліонъ, получалъ только нормальное содержаніе, онъ могъ бы получить 30—40.000 долларовъ. Но я душевно радъ, что онъ заработалъ милліонъ. Если бы онъ заработалъ два милліона, для предпріятія было бы еще выгоднѣе".

„...У насъ въ Виѳлеемѣ установленъ минимумъ, ниже котораго нѣтъ жалованія. Но главный доходъ работающихъ у насъ состоитъ изъ премій. Замѣчено, что, если у человѣка нѣтъ достаточно энергіи или находчивости, чтобы обезпечить себѣ премін, онъ недолго у насъ остается. Я гордъ и счастливъ сознаніемъ, что во всей сталелитейной промышленности въ Америкѣ нѣтъ заводскаго персонала, столь щедро оплачиваемаго, какъ мои виѳлеемцы".

„Стальной король" Швабъ не одобряетъ примѣняемой съ нѣкоторыхъ поръ въ довольно многочисленныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ системы отсчитыванія въ пользу служащихъ извѣстнаго процента съ чистаго дохода, безразлично и независимо отъ личныхъ заслугъ. Не одобряетъ онъ эту систему главнымъ образомъ на томъ основаніи, что она дозволяетъ лѣнивцу пользоваться плодами работы трудолюбиваго, притомъ даетъ хозяевамъ удобный предлогъ при случаѣ сокращать плату. Свою же систему онъ считаетъ возможнымъ видоизмѣнять согласно условіямъ другихъ отраслей промышленности. Одинъ банкиръ въ бесѣдѣ съ нимъ выразилъ увѣренность, что виѳлеемская система неприменима къ банкамъ. Швабъ въ опроверженіе его взгляда самъ составилъ схему, которая была съ успѣхомъ испытана и въ настоящее время находится въ полномъ ходу во многихъ американскихъ банкахъ. Онъ совѣтуетъ примѣнять ее и въ частныхъ хозяйствахъ и приводитъ интересный примѣръ изъ собственной домашней практики.

„Не такъ давно,—разсказываетъ онъ,—расходъ по моему нью-іоркскому хозяйству достигъ совершенно невозможной цифры. Я позвалъ домоправителя. „Джорджъ,—сказалъ я ему,—давайте, заключимъ съ вами уговоръ. Я вамъ дамъ 10 процентовъ съ первой тысячи долларовъ, которую вы сбережете въ мѣсячномъ бюджетѣ, 25 процентовъ со второй тысячи, и половину съ третьей и всѣхъ слѣдующихъ". Со слѣдующаго же мѣсяца расходъ по хозяйству сократился наполовину".

„Стальной король", впрочемъ, не ограничиваетъ своихъ добрыхъ отношеній къ своимъ подчиненнымъ и сотрудникамъ одной денежной оцѣнкой ихъ служенія: неменьшую важность придаетъ онъ нравственной сторонѣ и, прежде всего — справедливости.

„Работающіе,—говоритъ онъ,—весьма тонкіе наблюдатели. Никогда вы не увѣрите въ томъ, что интересуетесь ими, если этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Они сразу разберутъ, искреннее ли ваше участье, или напускное. Честнымъ отношеніемъ къ себѣ своихъ рабочихъ пользуется прежде всего тотъ хозяинъ, который извѣстенъ своей справедливостью. Ни на что они такъ непосредственно не откликаются, какъ на прямоту и справедливость.

Огромное значеніе Чарльзъ Швабъ придаетъ умѣнію вліять на людей, тому, что у англичанъ называется „личнымъ магнетизмомъ", что присуще всѣмъ народнымъ вождямъ, тянетъ за собой людей, вызываетъ въ нихъ любовь къ дѣлу, готовность радостно отдавать дѣлу лучшія свои силы. Этимъ драгоцѣннымъ даромъ природы никто изъ такъ называемыхъ промышленныхъ вождей, по мнѣнію Шваба, не обладаетъ въ такой мѣрѣ, какъ Эндрю Карнеги. „Всѣ работающіе у Карнеги,—говоритъ онъ,— восторженно относятся къ нему. Это, въ полномъ смыслѣ, большой человѣкъ, съ широкими взглядами, чуждый всякой мелочности. Когда Эндрю Карнеги сдѣлалъ меня управляющимъ завода, его наставленіемъ мнѣ было: „Не придирайтесь къ рабочимъ за всякую мелочь. Это ихъ обезкураживаетъ". Я это запомнилъ. Если я кѣмъ недоволенъ, я молча прохожу по его отдѣленію. Это для моихъ служащихъ и рабочихъ хуже всякаго выговора".

Изъ всего этого видно, что психологія въ значительной мѣрѣ входитъ въ систему управленія умнаго „стального короля". Разбирая соображенія, насколько то или другое явленіе приноситъ пользы или вреда дѣлу, составляющему содержаніе всей его жизни, онъ удѣляетъ большое вниманіе домашней обстановкѣ служащихъ, работающихъ у него, особенно ихъ супружескимъ отношеніямъ. „Я на своемъ вѣку,—пишетъ онъ,—видѣлъ больше карьеръ, загубленныхъ отъ поведенія женъ въ первые годы замужества, чѣмъ отъ совокупности всѣхъ другихъ причинъ вмѣстѣ взятыхъ. Если у человѣка на умѣ домашнія дрязги, его цѣнность для дѣла уменьшается наполовину: не говоря о томъ, что первопричиной всякихъ „растратъ" и другихъ денежныхъ злоупотребленій по большей части бываетъ необходимость удовлетворять чрезмѣрныя вожделѣнія тщеславной женщины по части туалета и вообще образа жизни не по средствамъ. Съ другой стороны, ничто такъ не располагаетъ человѣка къ ровной, продуктивной работѣ и приложенію къ ней лучшихъ своихъ физическихъ и умственныхъ силъ, какъ душевное спокойствіе, возможное только при счастливой семейной обстановкѣ".

Швабъ не скупится на отпуски и такія просьбы охотно исполняетъ даже въ неурочное время, зная, что упущенное болѣе чѣмъ наверстается освѣженнымъ мозгомъ и обновленными силами. Съ особеннымъ удовольствіемъ даетъ онъ отпускъ на болѣе или менѣе, предпочтительно даже на болѣе, далекія путешествія. Онъ за

Исполнительный Комитетъ Государственной Думы.

свою долгую практику подмѣтилъ, что возвращающійся изъ путешествія вноситъ новыя идеи, новые пріемы,—плоды его наблюденій въ чужихъ мѣстахъ.

Онъ охотно и самъ слѣдуетъ своей теоріи и неоднократно наблюдательнымъ туристомъ ѣздилъ по Европѣ. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—пишетъ онъ,—я въ Австріи осматривалъ сталелитейные заводы и послѣ того получилъ аудіенцію у императора Франца-Іосифа.

— Что можете вы найти интереснаго въ нашихъ маленькихъ, сравнительно малопродуктивныхъ предпріятіяхъ, — замѣтилъ императоръ, — когда у васъ въ Америкѣ имѣются такіе громадные, великолѣпные заводы?

— На худой конецъ, ваше величество, я могу подмѣтить то, чего слѣдуетъ избѣгать.

Герой нынѣшней войны, призванный съ фронта Временнымъ Правительствомъ въ главнокомандующіе войсками Петроградскаго Военнаго Округа, генералъ-лейтенантъ Л. Г. Корниловъ.

Солдаты Народной Арміи и Граждане Свободной Россіи!

По зову Новаго Правительства прибылъ я сегодня въ Петроградъ и вступилъ въ командованіе войсками Петроградскаго Военнаго Округа. Къ вамъ обращаюсь теперь, доблестныя войска: Великій Русскій Народъ далъ Родинѣ свободу — Русская Армія должна дать ей побѣду! Отъ васъ зависитъ приблизить этотъ желанный день. Народъ вамъ много далъ, но и многаго ожидаетъ отъ васъ. Въ этотъ великій историческій моментъ тѣснѣе сомкните ряды и, сильные своей дисциплиной и единомысліемъ, явитесь радостнымъ оплотомъ своему Новому Правительству и надежной поддержкой бойцамъ, грудью своей геройски защищающимъ отчизну. Твердо вѣрю, что только въ единеніи и неустанной работѣ почерпнемъ мы силы для того великаго труда который требуетъ отъ насъ Родина. Да поможетъ намъ Богъ!

Главнокомандующій войсками Петроградскаго Военнаго Округа
генералъ-лейтенантъ КОРНИЛОВЪ.

Начальникъ штаба генералъ-маіоръ Рубецъ-Масальскій.

5-го марта 1917 года. Гор. Петроградъ.

Политическое обозрѣніе.

Государственный переворотъ.

Въ серединѣ XIX столѣтія знаменитый французскій политикъ и публицистъ Токвиль писалъ:

„Было бы совершенно неправильно думать, будто огромная власть царя покоится только на силѣ. Она покоится главнымъ образомъ на желаніяхъ и горячихъ симпатіяхъ русскихъ: ибо начало народнаго верховенства лежитъ въ основѣ всякаго правительства и скрыто за всякими, даже наименѣе свободными государственными учрежденіями“.

Эти слова проницательнаго французскаго писателя выражаютъ глубокую истину, давно усвоенную наукой государственнаго права. Обыватель обыкновенно судитъ о государствѣ по чисто внѣшнимъ признакамъ. Государство для него это городовой, стоящій на перекресткѣ и регулирующій движеніе, это армія, организованная и дисциплинированная, готовая каждую минуту броситься на внѣшняго или внутренняго врага, это чиновники, хранящіе тайны государственной власти. Обыватель видитъ на мѣстахъ городового и околоточнаго, солдатъ и офицеровъ, губернаторовъ и министровъ, и ему кажется, что все обстоитъ благополучно, что государство здорово и могущественно.

Но въ минуты такъ называемыхъ политическихъ кризисовъ, потрясающихъ государственныя учрежденія до основанія, самому безразличному и легкомысленному человѣку становится ясно, что одной только голой физической силы для существованія и благополучія государства недостаточно. Правительство есть всегда сравнительно незначительное меньшинство, управляющее народомъ, т.-е. огромнымъ большинствомъ. Физическая сила всегда на сторонѣ большинства, и потому послѣднимъ основаніемъ всякой власти, всякаго правительства являются, какъ правильно говорилъ Токвиль, „желанія и горячія симпатіи“ народа. Пользуется данное правительство признаніемъ народа,—тогда правительственный механизмъ работаетъ успѣшно и нормально, но стоитъ этой внутренней духовной связи между правительствомъ и народомъ ослабѣть, и государственная машина начинаетъ давать перебои. Если же связь эта вовсе исчезаетъ, „огромная власть“ сразу превращается въ ничто, и самое величественное государственное зданіе рушится въ прахъ. Таковъ сокровенный смыслъ всѣхъ міровыхъ революцій. Революція совершается въ умахъ, въ сознаніи гражданъ, и правительство гибнетъ, благодаря своему отчужденію отъ народа.

Русское неограниченное самодержавіе надолго пережило западно-европейскій монархическій абсолютизмъ. Въ Европѣ послѣднія абсолютныя монархіи преобразовались въ конституціонно-представительныя въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ Россіи возникновеніе представительныхъ учрежденій въ лицѣ Государственной Думы относится къ 1905 году. Если русское самодержавіе обнаружило такую долговѣчность, то, конечно, потому, что оно отвѣчало „желаніямъ“ и пользовалось „горячими симпатіями“ народа. Русскій народъ, только въ 1861 году получившій свободу

Февральскіе дни въ Петроградѣ. *Развѣдочный автомобиль.*

Февральскіе дни въ Петроградѣ. *Перешедшія на сторону Временнаго Правительства войска съ краснымъ флагомъ идутъ по Невскому проспекту, близъ Аничковскаго дворца.* По фот. К. Булла.

отъ крѣпостной зависимости, благоговѣлъ въ своемъ большинствѣ передъ царемъ-батюшкой и добровольно покорялся его „огромной власти". Русская монархія жила капиталомъ народнаго сочувствія и довѣрія. Трагическая ея ошибка, на нашихъ глазахъ приведшая ее къ гибели, заключалась въ томъ, что она думала, что этотъ капиталъ неисчерпаемъ, и что его можно безнаказанно расточать.

Въ 1905 году самодержавіе получило у насъ грозное историческое предостереженіе. Политическое движеніе, охватившее всѣ слои населенія, воочію показало, что русскій народъ переросъ формы своего государственнаго строя, что онъ стремится къ свободѣ и самоуправленію. Власть была испугана и пошла на уступки народнымъ требованіямъ. Были созданы законодательныя палаты, были обѣщаны гражданскія свободы и намѣчены широкія преобразовательныя мѣропріятія. Если бы эти уступки были сдѣланы искренно, а данныя подъ напоромъ революціи обѣщанія честно сдержаны, между „исторической властью" русскихъ царей и выросшимъ нравственно и политически русскимъ народомъ могло бы наладиться новое соглашеніе. Преобразовавшись соотвѣтственно „желаніямъ" народа, русская монархія могла бы опять заслужить его „горячія симпатіи" и почерпнуть въ нихъ силы для новой жизни; на дѣлѣ вышло иначе.

Въ скоромъ времени оказалось, что „историческая власть" ничего не забыла и ничему не научилась, и что она поставила

Февральскіе дни въ Петроградѣ. *Баррикады на Литейномъ проспектѣ.* По фот. Я. Штейнберга.

себѣ цѣлью борьбу съ общественною самодѣятельностью и возстановленіе бюрократическаго деспотизма. Первыя двѣ Гос. Думы, стремившіяся провести коренныя преобразованія, были распущены, избирательный законъ былъ произвольно измѣненъ, всякое проявленіе свободной общественной мысли было подавлено. Наступившее въ качествѣ реакціи, послѣ революціоннаго подъема, внѣшнее успокоеніе укрѣпило правительство въ заблужденіи насчетъ настроеній и намѣреній народа. Правительство рѣшило, что народъ обезсиленъ и обезвреженъ, и что никакія опасности не угрожаютъ его безудержному своевластію. Взятая въ ежовыя рукавицы цензуры печать едва подавала голосъ протеста и критики. Самоуправляющіяся мѣстныя организаціи, земства и города изнемогали подъ бременемъ чиновничьей опеки. Все, что было живого и дѣятельнаго въ странѣ, подверглось безжалостному гоненію. Россія раздвоилась, раскололась на двѣ части. Внизу огромная масса народа, скованная желѣзными цѣпями полицейскаго произвола, глухо роптала. Наверху ничтожная кучка карьеристовъ и проходимцевъ, опираясь на „огромную власть“ царя, занималась устройствомъ своихъ личныхъ дѣлъ и преслѣдованіемъ своихъ эгоистическихъ интересовъ.

Стражи порядка новагѳ строя въ Петроградѣ. *Городскіе милиціонеры.* По фот. Я. Штейнберга.

Великая война, которая во всѣхъ другихъ странахъ приводила къ тѣсному сближенію между властью и народомъ, у насъ еще болѣе углубила и обострила это раздвоеніе. Война потребовала чудовищнаго напряженія народнаго самопожертвованія и труда. Въ великолѣпномъ патріотическомъ порывѣ русскій народъ далъ государству и то и другое. Но драгоцѣнные народные дары безсовѣстно растрачивались преступными временщиками, облѣпившими тронъ малодушнаго монарха. Во главѣ русскаго правительства въ критическую минуту національной исторіи происками придворной партіи ставились жалкія бездарности или мелочные интриганы, въ родѣ Горемыкина, Штюрмера и Голицына. Мы пережили позоръ сухомлиновщины и маклаковщины. Казнокрадство достигло еще небывалыхъ размѣровъ. Измѣна и предательство гнѣздились въ царскихъ покояхъ. Случайный шарлатанъ изъ полуграмотныхъ сибирскихъ мужиковъ возвысился до роли наперсника взбалмошной нѣмецкой принцессы, презиравшей Россію и русскій народъ. Распутинъ назначалъ и увольнялъ министровъ и вліялъ на рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики. Россія въ ужасѣ отшатнулась отъ этого видѣнія разврата и безчестія. И Царское Село стало какимъ-то зачумленнымъ островомъ среди чуждой ему, отвергающей и ненавидящей его народной стихіи.

Вотъ почему, когда продовольственныя затрудненія и кризисъ топлива вызвали рабочій людъ столицы на уличныя манифестаціи, такъ скоро и просто было свергнуто иго Царскаго Села. 23-го февраля, въ четвергъ, начались народныя волненія, въ понедѣльникъ 27-го къ народу присоединились войска Петроградскаго гарнизона. 2-го марта, ровно черезъ недѣлю послѣ начала революціи, было сформировано Временное Правительство, и Николай II отрекся отъ престола, а вся Россія безъ колебаній признала новый порядокъ. Въ нѣсколько дней величественное нѣкогда зданіе русской монархіи было снесено до послѣдняго кирпича. Организація власти, лишившаяся народнаго признанія, погибла среди общаго презрѣнія и равнодушія.

Но крушеніе монархіи не сопровождалось крушеніемъ государства, потому что въ Россіи нашелся новый центръ общественно-признанной власти. „Желанія и горячія симпатіи“ русскаго народа влекли его къ Государственной Думѣ. Вокругъ Гос. Думы сплотилась свободная Россія. Вокругъ Таврическаго дворца началось созиданіе новаго Россійскаго Государства.

Проф. К. Соколовъ.

Штабъ начальника милиціи въ Городской Думѣ. Среди сидящихъ за столомъ (второй отъ стѣны)—начальникъ городской милиціи Петрограда, гласный Думы Д. А. Крыжановскій. По фот. К. Булла.

Отмѣна смертной казни.

Исполнилась одна изъ крупнѣйшихъ реформъ, воплотилась свѣтлая греза лучшихъ умовъ нашего народа—отмѣна смертной казни.

Творя новую жизнь Россіи во имя высшаго нравственнаго закона свободы, новое правительство наше во главу угла,—краснаго угла русской жизни,—поставило святость, неприкосновенность жизни. И немедленно, энергично расчищая почву для насажденія всѣхъ свободъ, объявило первой своей крупнѣйшей реформой, ввело въ жизнь отмѣну смертной казни. Такой вѣрности идеалу свободы—высшаго закона любви къ ближнему нѣтъ примѣра въ міровой исторіи революцій европейскихъ странъ.

Въ заревѣ долголѣтней кровавой войны, въ догорающемъ пламени уже свершившагося переворота былого кроваваго строя, повергнувъ своихъ гонителей, народъ, въ лицѣ своей Державной Думы, давшей государству первыхъ народныхъ правителей—министровъ, объявляетъ первымъ принципомъ народоправства: „жизнь священна!“

Исторія занесла уже на скрижали свершившееся въ Россіи: великій образъ безкровной русской революціи будетъ навѣки въ ореолѣ ея перваго свѣтлаго начинанія—отмѣны смертной казни.

8-го марта, въ 1 час. 8 мин., министръ юстиціи А. Ф. Керенскій скрѣпилъ декретъ Совѣта Министровъ объ отмѣнѣ навсегда въ Россіи смертной казни.

Декретъ объ отмѣнѣ смертной казни прошелъ всѣ инстанціи съ исключительной быстротой и вызванъ требованіемъ момента.

По предложенію министра юстиціи, законопроектъ былъ спѣшно разработанъ, при чемъ редакція его была поручена профессору уголовнаго права, находившемуся во время разработки законопроекта въ помѣщеніи министерства юстиціи. Декретъ отличается необычайной краткостью и состоитъ изъ трехъ пунктовъ. Онъ предусматриваетъ отмѣну смертной казни въ судахъ не только гражданскихъ и военныхъ, но и во всякихъ исключительныхъ судахъ, какъ военно-полевыхъ, и судахъ, дѣйствующихъ на фронтѣ во время войны.

Въ 4 часа дня 8-го марта декретъ объ отмѣнѣ смертной казни былъ отправленъ изъ министерства юстиціи для распубликованія, при чемъ министръ юстиціи А. Ф. Керенскій, передавая этотъ историческій документъ, обратился къ окружающимъ со слезами на глазахъ и сказалъ:

— Я счастливъ, что мнѣ выпало на долю подписать указъ объ отмѣнѣ смертной казни въ Россіи навсегда.

Народный судъ. *Первый опытъ преобразованнаго коллегіальнаго мирового суда въ Петроградѣ, состоящаго изъ прежняго мирового судьи, выбираемаго гласными Городской Думы, выборнаго судьи отъ солдатъ и выборнаго судьи отъ рабочихъ.*

Въ Петроградѣ открыта 21 камера „народныхъ“ судовъ. Имъ подсудны дѣянія, направленныя противъ личной и имущественной безопасности гражданъ, противъ общественнаго порядка и спокойствія. Судъ имѣетъ право налагать: выговоръ, замѣчаніе, внушеніе, штрафъ не свыше 10 тыс. рубл., арестъ не свыше 3 мѣсяцевъ, тюремное заключеніе не свыше 1 года и 6 мѣсяцевъ. На тѣ же суды возлагается обязанность заботиться, чтобы никто не содержался подъ стражей безъ надлежащаго постановленія Временнаго Правительства. Всѣхъ неправильно задержанныхъ судъ немедленно освобождаетъ. Засѣданія судовъ не должны прекращаться ранѣе 5 часовъ дня, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней. Предсѣдательствованіе возлагается на мирового судью. Производство въ судахъ устное и публичное. Приговоры объявляются именемъ Временнаго Правительства Россіи и приводятся въ исполненіе немедленно.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 39—40.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1917 г. № 13

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVIII г. изданія

Выданъ 1-го апрѣля 1917 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.: на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.: на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагаются соч. Сервантеса „Донъ Кихотъ“ кн. 2 и „Для дѣтей“ № 4.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

СЧАСТЬЕ ЖЕНЩИНЫ въ ЕЯ РУКАХЪ.

Достаточно одной банки **ПАТЪ-НИППОНЪ**

(особый японскій кремъ для лица),

ЧТОБЫ СДѢЛАТЬСЯ КРАСИВОЙ.

Требуйте во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ:

„ПАТЪ-НИППОНЪ“,
„МЫЛО-НИППОНЪ“,
„ПУДРУ-НИППОНЪ“,
„КРИСТАЛЛЫ-НИППОНЪ“
ДЛЯ ВАННЪ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ Т-въ **„НИППОНЪ“, Коломенская, 10, кв. 16.**

Тлф. 213-07. Оптово-розничная продажа отъ 2—5 час. дня.

Требуйте брошюру знаменитой японки ЮНОЧЕВАРА МАСАКАДО: „Отчего я такъ красива и молода?“, которая высылается я безплатно. Переводы, запросы, требованія и корреспонденцію адресовать: ПЕТРОГРАДЪ, Коломенская, 10, Т-ву „НИППОНЪ“.

Адресъ для телегр.: **ПетроградЪ — НИППОНЪ.**

4556

МАРКИ почт., альб. съ коллекц. покупаю: за старинн. русск., финл. плачу дорого. Мѣняюсь дублик. Томскъ, Ефремовская, 7, Романовскому. Сообщ. письм.

Бухгалтерія. Курсы бухгалтеріи вполнѣ замѣняетъ наша книга. Масса задачъ, примѣр., образц. книгъ. Около 700 стр., ц. 5 р. 50 к. Безъ зад. не выс. Катал. безпл. Адр.: Москва, Б. Гнѣздник. пер., изд-ство Д. Куманова.

ЖЕЛУДОЧНЫЙ НАБОРЪ ТРАВЪ.

Способъ употребленія набора травъ ***МЕНЗЕЛИНЦЕВА*** высылается безплатно. МОСКВА, Мясницкая, 50. Изобрѣтатель **МЕНЗЕЛИНЦЕВЪ.**

ВОЗЗВАНІЕ.

4557

Помогите, добрые люди, соорудить инвалидный домъ съ домовою церковью во имя Св. Николая Чудотворца, въ Ѳаворской Спасо-Преображенской мужской новообщежительной пустыни, Пермской Епархіи Осинскаго уѣзда; (почт. адресъ: почт. отдѣл. Елово, Перм. губ.) Настоятель Ѳаворской пустыни. Архимандритъ Ювеналій.

БУДУЩЕЕ

каждаго человѣка мгновенно и безошибочно раскрываютъ магическія карты. Полная колода съ наставленіемъ 1 р. 50 к. **Москва, ред. журн. „Соколъ“, Печатниковъ пер., 18/2.**

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, добрые люди, достроить и благоукрасить храмъ Господень во славу Рождества Пр. Богородицы. **Адресъ: г.** Лихвинъ, Калужской губ., село Жеремино, церковно-приходскому Попечительству, или 4616 Священнику Александру Смирнову.

Съ 1-го мая въ Москвѣ начнетъ выходить двухнедѣльный журналъ подъ названіемъ:

БОГАТСТВА ДЕРЕВНИ.

Цѣль журнала—давать деревенскому жителю практическіе совѣты по всѣмъ вопросамъ хозяйственной жизни, дабы онъ могъ извлекать изъ хозяйства возможно больше благъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подробно знакомить его съ тѣми мѣрами, которыя принимаетъ теперь новое народное правительство въ области улучшенія сельскаго быта.

Журналъ будетъ детально освѣщать дѣятельность министерства земледѣлія, будетъ удѣлять много вниманія волостной и земской жизни, будетъ широко разъяснять значеніе и необходимость полезныхъ для деревни преобразованій.

Журналъ будетъ представлять интересъ для каждаго сельскаго хозяина, для каждаго владѣльца хотя бы клочка земли. Жизнь деревни вступаетъ въ новую теперь область.

Жизнь призываетъ насъ приступить къ разработкѣ безчисленныхъ богатствъ деревни Богатства деревни — ея продукты. Деревня даетъ намъ хлѣбъ, мясо, овощи. Деревня даетъ намъ массу сырья. Деревня обладаетъ колоссальными богатствами, разработка которыхъ теперь крайне нужна. Заря новой жизни Россіи сулитъ деревнѣ счастье, если сельскіе хозяева будутъ всячески стараться извлекать изъ земли возможно больше богатствъ, извлекать правильно, научно, чтобы отъ этого земля только цвѣла и расцвѣтала.

Прійти на помощь сельскому хозяину—такова задача журнала „Богатства Деревни“.

Подписная цѣна—12 р. 50 к. за годъ (съ 1-го мая 1917 г. по 1-е мая 1918 г.)

За доплату въ 4 рубля подписчики могутъ получить два приложенія: 1) „Домашній скотолѣчебникъ“ и 2) Охота съ ружьемъ и собакой. Оба приложенія составятъ цѣнные труды, очень полезные каждому.

№ 1 желающіе могутъ получить за 50 коп.—Налож. платежомъ не высылается.

Подписывайтесь заблаговременно, теперь же. 4555

Адресъ: Москва, Б. Гнѣздниковскій 10, изд-ству Д. М. Куманова.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Мезько, Н. СТИХОТВОРЕНІЯ. Съ предисловіемъ К. Р. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—55.

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО? Руководство къ приготовл. вкусн., сытн. и дешев. блюдъ безъ мяса. Цѣна 1 р. **Москва,** изд—ство **„ЛУЧЪ“,** Печатниковъ пер., 18/2.

Руководство для газетныхъ **КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ** Постоянн. крупн. побочн. заработокъ 4365 Цѣна 1 руб. **Москва,** изд—ство **„ЛУЧЪ“,** Печатниковъ пер., 18/2. (9)

Домашнее изготовленіе сахара

изъ всюду имѣющихся матеріаловъ, безъ особыхъ приспособленій, въ обыкновенной домашней посудѣ. Доступно всѣмъ. Цѣна руководства 1 р. 75 коп. 4526 **Москва,** Тверская, 24-40, изд-ство **„Акціонеръ“.** 2-2

УЧАЩИМСЯ и ГОТОВЯЩИМСЯ

высылается по требованію безплатно

КАТАЛОГЪ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ:

литер. пособ., темниковъ, разборовъ, рѣшеній ко вс. задачн., пособій по матем., ключей-переводовъ, консп., самоучит. иностр. язык., словарей, справочн., программъ и проч. пособ. Книжн. скл. **А. И. Назарова,** Москва, Тверская, Леонтьевскій, 17.

4549 2-2

ШАЛОСТИ УМЕНЬШАЮТСЯ

дайте дѣтямъ занятія и забаву

За 3 р. 50 к. высылаю почтов. налож. плат. для вырѣзыв. и склеиван.: 1) Русск. войско, союзники, враги (ок. 220 фигуръ) или 2) Авро-гидропланъ, санит. повозки, бронир. автомобиль, дредноутъ, крейсеръ, пароходъ, пушки, миноносецъ, санит. автомоб. и вагонъ, изъ жизни народ., птицы, звѣри, животныя.

Отд. 17 „Занятія и Забава“, г. Гатчина, 4518 Петр. губ., Багговутовская ул. 57. 3—3

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, 22.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА

СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО И ЮЖНАГО ТЕАТРА

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Франція, Англія, Бельгія, Сербія, Черногорія, Австро-Венгрія, Германія, Турція, Италія, Греція, Болгарія, Румынія, Албанія и Швейцарія).

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ

всѣхъ (болѣе 18.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Въ 6 красокъ. Размѣръ 112×134 сант., въ масштабѣ 50 верстъ въ дюймѣ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. Шокальскаго.**

Цѣна съ пересылкою два рубля.

СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА

ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

Россія, Великобританія, Италія, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).

Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ

всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Въ 6 красокъ. Размѣръ 82×134 сант., въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. Шокальскаго.**

Цѣна съ пересылкою два рубля.

Новѣйшія моды.

№ 1. Нарядная блузка. Верхняя часть блузки сдѣлана изъ бѣлаго гипюра,—драпированная группами сборокъ нижняя часть изъ шелковой кисеи; такіе же широкіе сборчатые рукава пришиты подъ прикроенной къ гипюровому верху эполетой, обшитой мелко сплисованной полоской изъ шелковой кисеи; такая же сплисованная полоска, немного пошире, заканчиваетъ рукава внизу, составляя головку къ браслету изъ вышитаго галуна. Отдѣлка изъ двойного ряда такого же галуна на плечахъ прерывается плоскими бантиками изъ лентъ одинаковой ширины съ галуномъ; концы бантиковъ прикрѣплены къ галуну кистями съ басоннымъ мотивомъ; спереди конецъ второго ряда галуна продолженъ на нижнюю часть блузки, а сзади онъ останавливается у нижняго контура гипюровой части; какъ спереди, такъ и сзади, отдѣлка соединяется плоскимъ бантикомъ изъ лентъ; передъ ворота глубоко вырѣзанъ, на спинкѣ только слегка вырѣзанный воротъ отдѣланъ двойной стоячей рюшью изъ шелковой кисеи.

№ 1. Нарядная блузка.

№№ 2—3. Костюмы для мальчиковъ отъ 3—6 л.

№ 2. Короткія панталоны и длинная блуза съ кушакомъ изъ той же матеріи—шевіота, саржи фланелета и т. п. Прямая застежка на рядъ пуговицъ, останавливающійся у кушака; на лѣвомъ передкѣ наружный карманъ; слегка скошенный воротъ съ отложнымъ полотнянымъ воротникомъ.

№ 3. Короткія панталоны изъ блѣдно-голубого фланелета и *прямая свободная блуза изъ коричневаго вельветина*, надѣвающаяся черезъ голову; прямая передняя прорѣшка съ пристроченной паттой застегивается только на одну пуговицу у ворота; рукава собраны къ такой же бархатной манжетѣ. Батистовый отложной воротникъ.

№№ 2—3. Костюмы для мальчиковъ отъ 3—6 л.

№№ 4—5. Костюмы для мальчика и для дѣвочки отъ 2—4 лѣтъ.

№ 4. Костюмъ для мальчика. Широкія прямыя панталоны до колѣнъ изъ сѣраго фланелета пришиты вгладь къ гладкому же лифику-безрукавкѣ съ высокой спинкой и вырѣзнымъ цѣльнымъ передкомъ, открывающимъ рубашечку изъ мягкаго бѣлаго полотна кустарной работы, застегнутую на рядъ перламутровыхъ пуговицъ; маленькій отложной круглый воротникъ, рукава собраны къ обшивкѣ. Настроченные на лификѣ наплечники прикрѣплены обтяжной пуговицей. Застежка сзади.

№ 5. Костюмъ для дѣвочки. Точно такой же лификъ, какъ въ предыдущемъ костюмѣ для мальчика; сборчатая юбка годе. Матеріаломъ для платья служитъ красный шерстяной крепъ или другая шерстяная матерія, для рубашечки—батистъ, полотно, бѣлый шерстяной или бумажный крепъ и т. п.

№№ 4—5. Костюмы для мальчика и для дѣвочки отъ 2—4 лѣтъ.

№№ 6—10. Дѣтскіе передники.

№ 6. Передникъ для маленькой дѣвочки. Модель изъ бордюрнаго кретона; четырехугольный вырѣзъ ворота и полукушачокъ обшиты по... бордюра,—кушачокъ, кромѣ того, украшенъ вышивкой, которую можно исполнить крестикомъ.

№№ 7—8. Передники для большихъ дѣвочекъ. Первая модель изъ альпага; передъ юбки заложенъ двумя круглыми складками, задъ собранъ; круглая гладкая кокетка соединяется сзади широкими завязками изъ сатина; на бокахъ юбки, у самой кокетки, настрочены два кармана. Вторая модель изъ полотна; сборчатая юбка съ заостренной шнипомъ кокеткой, соединенной сзади широкими завязками изъ той же матеріи; на бокахъ юбки два большихъ вырѣзныхъ кармана.

№№ 9—10. Передники изъ полосатаго зефира для маленькихъ дѣвочекъ. Къ № 9 приложена 1 выкройка.

Фиг. 1а. Половина передника.

Передникъ этотъ очень практиченъ для маленькихъ дѣтей, такъ какъ онъ надѣвается прямо черезъ голову; плечики образуютъ бретели, которыя сзади прикрѣпляются пуговицей къ юбочкѣ, соединенной швомъ. Отдѣлка изъ узкой полоски той же матеріи окаймляетъ широкую пройму и плечи, образуя на послѣднихъ патты; такая же надстрочка на самомъ подолѣ и сант. на 20 отступя отъ него, гдѣ она обрисовываетъ фестончатой линіей какъ бы головку волана.

№ 10. Передникъ для маленькой дѣвочки или мальчика. Полосатый передникъ украшенъ въ овальномъ вырѣзѣ ворота вставкой изъ гладкаго полотна съ вышитымъ мотивомъ; такіе же карманы.

№№ 6—10. Дѣтскіе передники.

Къ № 9 приложена 1 выкройка въ уменьшенномъ чертежѣ, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ.

№№ 11—19. Блузки, шемизетки, воротники, жилеты, фишю.

№№ 11—12. Полотняный воротникъ (передній и задній видъ). Воротникъ дѣлается изъ двойного ряда полотна; передніе, далеко отстающіе одинъ отъ другого концы закруглены, середина зада заострена мысикомъ. Передніе концы соединяются бархатной лентой, которая продергивается черезъ воротникъ и завязывается сзади.

№ 13. *Жилетъ подъ блузки и корсажи.* Модель изъ бѣлаго шелка съ прямой застежкой на прометанныя петли; прямой стоячій воротникъ обшитъ біэ изъ яркой тафты; такой же бантъ сзади.

№ 14. Жилетъ подъ блузки, жакеты и корсажи. Жилетъ изъ бѣлаго шелка застегивается на жемчужныя пуговки; высокій стоячій воротникъ съ небольшимъ раструбомъ обшитъ узенькой мѣховой полоской; вокругъ ворота цвѣтная лента съ такимъ же бантикомъ спереди.

№ 15. Нарядное фишю изъ тюля цвѣта сливочнаго масла; кругомъ узенькая сплисованная рюшь, пришитая подъ ажурной строчкой; вокругъ вырѣза такая же рюшь, расширенная сзади, окружена небрежно положенной лентой.

№ 16. Модная шемизетка изъ тюля цвѣта сливочнаго масла на розовомъ муслинѣ. Спинка и передки собраны къ рукаву Регланъ; стоячій воротникъ съ высокой сплисованной рюшью; расходящіеся передніе концы воротника соединены перетяжкой изъ цвѣтной ленты, изъ-подъ которой падаютъ на передъ два длинныхъ конца, перехваченныхъ внизу прикрѣпленной къ правому передку паттой, пристегнутой на лѣвомъ передкѣ пуговицей; такая же

№№ 11—20. Блузки, шемизетки, воротники, жилеты, фишю.

патта стягиваетъ низъ рукава, законченнаго сплисованнымъ жабо.

№ 17. Блузка изъ голубой шелковой кисеи и голубой тафты. Сверхъ сборчатой муслиновой блузки надѣта тафтяная безрукавка съ баской, которая внизу перекрещивается и застегивается на двѣ пуговицы, пришитыя на гладкомъ кушакѣ изъ той же матеріи. Высокій воротъ муслиновой блузки обшитъ черной атласной лентой съ бантикомъ спереди; высокій стоячій воротникъ съ отложными кончиками изъ бѣлаго линона.

№ 18. Блузка изъ бѣлой тафты съ кружевными инкрустаціями. Передки этой нарядной блузки слегка открыты на жилетѣ изъ бѣлаго тонкаго линона, застегнутомъ на группы пуговокъ; широкій разрѣзъ проймы какъ спереди, такъ и сзади выметанъ фестонами съ вышитыми гладью горошинками. Кружевной рукавъ митеня вшитъ въ пройму подкладки. Высокій линоновый стоячій воротникъ съ заостренными отогнутыми концами, соединяющимися сзади съ сплисованнымъ отворотомъ, обшитъ яркой шелковой ленточкой, которая сзади продергивается черезъ складки плиссе.

№ 19. Шемизетка изъ тафты морского синяго цвѣта. Передъ зашитъ тремя группами складочекъ, — средняя заканчивается внизу вышитымъ мотивомъ, двѣ боковыя слѣдуютъ контуру широкой проймы; такая же группа складочекъ вдоль локтевой линіи рукавовъ, которые вшиваются въ пройму подкладки. Отложной воротникъ съ узенькимъ выступомъ изъ бѣлаго линона, украшенъ вышивкой и соединяется бантикомъ изъ черныхъ бархатныхъ лентъ. Колье изъ черной бархатинки съ брошью.

№ 20. Шемизетка изъ шелковаго полотна. Передки зашиты на плечахъ двумя группами складочекъ, которыя спереди, на половинѣ длины передковъ, сходятъ на нѣтъ, а на спинкѣ продолжены до таліи. Прикроенный рукавъ собранъ къ сплисованной манжетѣ съ тюлевымъ жабо; воротъ, съ прикроеннымъ отогнутымъ воротникомъ, застегивается на одну пуговицу, откуда передки слегка вырѣзаются на тюлевой вставкѣ и потомъ перешнуровываются лентами черезъ прометанныя на передкахъ дырочки. Кушакъ изъ мягкаго шелка.

№ 21. Модный ватерпруфъ. Съ приложеніемъ 4-хъ выкроекъ въ уменьшенныхъ чертежахъ, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ:

Фиг. 1. Передъ.
„ 2. Половина спинки.
„ 3. Обшлагъ къ рукаву.
„ 4. Половина отогнутаго воротника.

Ватерпруфъ дѣлается изъ непромокаемой матеріи, но эта модель можетъ служить и для обыкновеннаго манто; особенно оно практично для путешествія. Передки закладываются въ таліи двумя встрѣчными складками, которыя соединяются тремя пуговицами, пришитыми къ задней изъ складокъ, и петлями-жгутиками, подшитыми подъ передней складкой.

Вегетаріанскіе рецепты.

Жареныя земляныя груши. Очистивъ груши, немного поварить ихъ въ соленой водѣ, послѣ чего, сливъ воду, обвалять каждую грушу въ мелко истолченныхъ сухаряхъ или въ мукѣ. Распустивъ на сковородѣ масло, поджарить груши со всѣхъ сторонъ.

Жареные баклажаны. Очистить съ баклажанъ кожу и сейчасъ же положить ихъ въ холодную воду; нарѣзать вдоль ломтями, посолить, черезъ короткое время отжать, обвалять въ мукѣ и поджарить въ кипящемъ маслѣ.

№ 21. Модный ватерпруфъ
Съ приложеніемъ 4-хъ выкроекъ въ уменьшенныхъ чертежахъ, съ обозначеніемъ размѣр. въ сант.

№ 13. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА и СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 1 апрѣля 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Въ дни революціи. Ловля полицейскихъ по чердакамъ. *В. Сварогъ*

Въ дни революціи. Погоня. *В. Сварогъ.*

Содержаніе.

Къ этому № прилагается соч. Сервантеса „Донъ-Кихотъ“ книга 2 и ежемѣс. иллюстрир. приложеніе ДЛЯ ДѢТЕЙ № 4.

Политическое обозрѣніе.

Государственная Дума.

Государственная Дума четвертаго созыва, по своему происхожденію и составу, казалось, была менѣе всего призвана къ выпавшей ей исторической роли организаціоннаго центра русской революціи. Избранная въ 1912 году на основаніи антиконституціоннаго положенія 3-го іюня, она представляла собою собраніе, съ политической точки зрѣнія, очень умѣренное, съ замѣтнымъ преобладаніемъ октябристовъ и примыкавшихъ къ нимъ справа партій. Но поучительною особенностью политическаго движенія послѣднихъ лѣтъ явилось то, что страна, которая была гораздо „лѣвѣе“ Думы, инстинктивно тяготѣла къ ней, какъ бы смутно сознавая, что, въ случаѣ взрыва и гибели стараго порядка, Дума понадобится новой государственности, какъ центральный политическій авторитетъ. Страна критиковала Думу, ворчала на нее за ея чрезмѣрную осторожность, требовала отъ нея большей энергіи въ борьбѣ съ правительствомъ. Но все-таки берегла и поддерживала ее и окружала почти мистическимъ ореоломъ. Оглядываясь теперь на революціонную недѣлю, нужно безпристрастно признать, что четвертая Гос. Дума оказалась на высотѣ положенія. Дума не сдѣлала революціи. Судьбу революціи рѣшили войска петроградскаго гарнизона, но, присоединяясь къ народному возстанію, Дума спасла дѣло революціи. Безъ Думы революція могла бы выродиться въ кровавую междоусобицу. Не будь Думы, петроградской революціи угрожала бы опасность быть непонятой и непризнанной остальной Россіей.

Гос. Дума едва ли была бы въ состояніи сослужить отечеству эту великую службу, если бы въ ней самой, подъ впечатлѣніемъ военныхъ неудачъ и роста оппозиціоннаго настроенія въ народѣ, не совершился процессъ внутренней организаціи. Организація эта выразилась въ созданіи и такъ называемаго „прогрессивнаго блока“. Этимъ именемъ было названо соглашеніе шести (впослѣдствіи, въ виду выхода изъ блока прогрессистовъ, пяти) думскихъ группъ отъ прогрессивныхъ націоналистовъ до фракціи народной свободы. Соглашеніе было подписано 24-го августа 1915 года и объединило на ряду съ большинствомъ Думы и прогрессивное большинство Гос. Совѣта. Исходя изъ убѣжденія, что только сильная, твердая и дѣятельная власть можетъ привести отечество къ побѣдѣ, блокъ требовалъ прежде всего созданія объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и согласившихся съ законодательными учрежденіями относительно выполненія въ ближайшій срокъ опредѣленной политической программы, и рѣшительнаго измѣненія пріемовъ управленія, основывавшихся на недовѣріи къ общественной самодѣятельности. Въ дальнѣйшемъ программа блока содержала перечисленіе ряда назрѣвшихъ внутреннихъ реформъ. При свѣтѣ завоеванной Россіей полной политической свободы этотъ перечень кажется скромнымъ и блѣднымъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ правильно намѣчалъ путь къ мирному обновленію Россіи. Если бы на основѣ его произошло сближеніе между царской властью и Думой, надвигавшійся кризисъ могъ бы быть предотвращенъ.

Но въ своемъ безумномъ ослѣпленіи Николай II не воспользовался и этимъ послѣднимъ случаемъ заключить честный миръ съ русскимъ народомъ. Между блокомъ и правительствомъ завязалась глухая борьба, и хотя по формѣ Дума боролась съ министрами, всѣмъ было ясно, что по существу шла борьба съ самимъ царемъ. Въ силу обстоятельствъ времени, обѣ стороны чувствовали себя не вполнѣ свободными въ своихъ движеніяхъ. Желая до послѣдняго момента остаться на почвѣ законности, Дума умѣряла энергію своего натиска на правительство. Вынужденный считаться съ арміей и съ союзниками, Николай II избѣгалъ рѣшительныхъ мѣръ противъ Думы. Дума ограничивалась обличительными рѣчами и протестующими резолюціями. Царь то созывалъ, то прерывалъ, то закрывалъ думскія сессіи и безпрестанно смѣнялъ своихъ министровъ, которые были объединены только въ одномъ отношеніи. Они одинаково не пользовались довѣріемъ страны и не хотѣли или не думали наладить совмѣстную работу съ Думой.

При такихъ условіяхъ, среди грозныхъ признаковъ продовольственной разрухи и разстройства транспорта, прошло больше года. Съ открытіемъ Думы 1-го ноября 1916 года дѣло стало явно приближаться къ развязкѣ, и въ воздухѣ запахло порохомъ. Тонъ думскихъ рѣчей и резолюцій поднялся до того предѣла, дальше котораго нельзя уже было итти. Но и царская власть заняла твердую позицію и какъ будто рѣшилась больше не уступать. На сторонѣ Царскаго Села къ этому времени особенно выдѣлились двѣ фигуры, тѣсный союзъ которыхъ сыгралъ огромную роль въ дальнѣйшемъ ходѣ событій—императрица Александра Ѳедоровна и А. Д. Протопоповъ. Молодая императрица сдѣлалась главной вдохновительницей политики сопротивленія Думѣ и странѣ, Протопоповъ, самъ вышедшій изъ думскихъ рядовъ, былъ ея постояннымъ совѣтчикомъ и исполнителемъ ея предначертаній. Усиліями этихъ двухъ фатальныхъ людей была ликвидирована „ошибка“ царя, пожертвовавшаго Государственной Думѣ Штюрмеромъ. Быстро промелькнуло премьерство А. Ф. Трепова, безпомощно метавшагося между Царскимъ Селомъ и Таврическимъ дворцомъ. Во главѣ правительства былъ поставленъ никому невѣдомый кн. Голицынъ—человѣкъ Александры Ѳедоровны. Дума была закрыта, созвана на январь и снова отсрочена до 14-го февраля. Даже сановно-бюрократическій Гос. Совѣтъ подвергся разгрому за принятіе резолюціи прогрессивнаго блока. Предсѣдателемъ его назначили И. Г. Щегловитова, его правыя кресла заполнили послушными правительству чиновниками-карьеристами. Всевозможныя общественныя организаціи, до объединеннаго дворянства включительно, поддерживавшія Думу, тщетно взывали къ послѣднимъ остаткамъ разума и совѣсти власти.

Царская власть, которая именно въ союзѣ съ Думой должна была бы искать себѣ спасенія, сама же толкнула ее на союзъ съ революціей. 27-го февраля, когда войска петроградскаго гарнизона уже выходили изъ казармъ и захватывали правительственныя учрежденія, сталъ извѣстенъ указъ царя о закрытіи Думы. Николай II остался вѣренъ себѣ до конца. Онъ не распу-

стилъ Думы, онъ только прервалъ ея засѣданія до апрѣля, „въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ". Но было уже поздно. „Чрезвычайныя обстоятельства" революціи властно указывали Думѣ ея мѣсто во главѣ возставшей столицы. Утромъ въ Таврическомъ дворцѣ собрался Совѣтъ старѣйшинъ и постановилъ: „Гос. Думѣ не расходиться. Всѣмъ депутатамъ оставаться на своихъ мѣстахъ".

Дума наконецъ сошла съ почвы старой законности. Она ослушалась царя, и таинственная магія царской власти исчезла. У революціи появилась своя власть—власть Думы.

Словно притягиваемые этой новою властью, потянулись къ Таврическому дворцу люди и вещи революціи. Въ Думѣ засѣдалъ Временный Комитетъ подъ предсѣдательствомъ М. В. Родзянки, въ теченіе нѣсколькихъ дней бывшій единственнымъ правительствомъ Россіи. Здѣсь обосновался Совѣтъ рабочихъ депутатовъ—руководящій органъ петроградскаго рабочаго движенія.

Въ Думу являлись одна за другой присоединявшіяся къ революціи воинскія части. Въ Думу со всѣхъ сторонъ города везли продовольственные запасы, оружіе, медикаменты. Въ Думу приводили арестованныхъ министровъ и городовыхъ. Солдаты, рабочіе, журналисты, чиновники, женщины, дѣти—всѣ стремились къ Думѣ, облѣпляли рѣшетки, запружали улицы и дворы, заполняли коридоры и залы.

Дума одновременно была мѣстопребываніемъ правительства, штабъ-квартирой революціонныхъ войскъ, провіантскимъ складомъ, арсеналомъ, арестнымъ домомъ. Въ случаѣ неудачи революціи, она была бы ея осажденной цитаделью.

Былъ великій хаосъ въ Думѣ. Но среди шума и криковъ, за пестрой толпой обывателей, студентовъ, интеллигентовъ, простолюдиновъ, нѣсколько храбрыхъ, умныхъ и честныхъ людей день и ночь упорно дѣлали гигантскую организаціонную работу. Изъ хаоса революціи уже выступали первыя очертанія новаго правительства свободной Россіи.

Проф. К. Соколовъ.

Молитва.

Боже, спаси мою родину милую,
Дай ей великое сердце въ вожатые,
Вооружи ее мирною силою,
Нивы хлѣбами покрой ея сжатыя!
Рѣки ея напои изъ небеснаго
Моря лазурнаго влагою чистою,
Въ дебри спаленныя края безлѣснаго
Вѣтромъ сосну занеси золотистую!
Долго родную безвинно кровавили,
Скорбно кресты обнялись по окраинамъ...
Сгибли ея льнянокудрые Авели,
Смерти законъ созидается Каиномъ...
Но до конца ея кладъ не расхитили,
Цѣлы сокровища Богу угоднаго...
Знать, отъ бѣды защитили святители—
Свѣтлые кладези горя народнаго;
Знать, матерей безутѣшныхъ моленія,
Слезы горючія, стоны сердечные
Ночь донесла въ неземныя селенія
Передъ щедроты Твои безконечныя.
Глянулъ съ Престола Ты внизъ на вселенную,
Землю увидѣлъ—горошину малую,
Русь-государство—вдовицу смиренную,
Ризу—сермягу отъ крови всю алую,—
Сжалился Ты надъ страданьями крестными,
Счастья ростокъ посадилъ надъ могилою...
Боже, овѣй его снами чудесными,
Боже, утѣшь мою родину милую!

Алексѣй Липецкій

Въ дни революціи. Ведутъ переодѣтыхъ полицейскихъ. *В. Сварогъ.*

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Заканчивая въ ближайшихъ нумерахъ печатаніе повѣсти П. Н. Краснова „Рядовой Николаевъ“, ярко и правдиво рисующей боевую жизнь нашего фронта, мы начнемъ въ слѣдующемъ нумерѣ „Нивы“ печатаніе другой большой повѣсти,—талантливаго произведенія французскаго писателя ***Ренэ Бенжамэна „Гаспаръ“,*** *рисующаго страдную жизнь на союзномъ французскомъ фронтѣ и напоминающаго глубиной и тонкимъ реализмомъ переживаній героя повѣсти—Гаспара, „солдата великой войны“—лучшіе образцы Мопассана, посвященные франко-прусской войнѣ.*

Въ дни революціи. Революціонный патруль контролируетъ проѣзжающіе автомобили. *В. Сварогъ.*

* * *

Не забывайте о побѣдѣ,
Не забывайте о войнѣ!
Тяжелый грохотъ вражьей мѣди
Должны мы слышать и во снѣ.

Солдатъ на фронтѣ и рабочій
У орудійнаго станка,
Пусть будутъ зорки ваши очи,
Спокоенъ умъ, тверда рука!

Друзья, мужайтесь! Врагъ не дремлетъ,
Ему мила безправья ночь.
Мольбамъ низвергнутыхъ онъ внемлетъ
И злу готовится помочь.

Нѣтъ, братья, этого не будетъ,
Въ насъ голосъ чести не умолкъ!
Народъ свободный не забудетъ
Свой первый, свой священный долг

Россія, жребій твой чудесенъ,
Судьба прекрасна и свѣтла!
Достойны мрамора и пѣсенъ
Тобой свершенныя дѣла.

Твои сыны неколебимы,
Испытанъ въ битвахъ тяжкій мечъ
За славу родины любимой
Готовы всѣ костями лечь.

Тебя свобода увѣнчала
Своимъ сіяющимъ вѣнцомъ
И въ немъ начнешь ты жизнь сначала,
Съ открытымъ, радостнымъ лицомъ.

Теперь же въ грохотаньи мѣди
Всѣ силы напряжемъ вдвойнѣ:
Не забывайте о побѣдѣ,
Не забывайте о войнѣ!

Георгій Ивановъ.

Театръ переживаній.

Пасхальный разсказъ **П. П. Гнѣдича.**

I.

На деревянномъ городскомъ театрѣ, на вывѣскѣ, что закрывала всю верхнюю половину его фасада, было изображено:

Профессоръ Круксъ.

Метапедохромоферальный театръ переживаній.

Что это обозначало?

Этого никто не зналъ. Мѣстный полицеймейстеръ спросилъ у представившаго эту вывѣску на его утвержденіе пріѣзжаго антрепренера, человѣка съ длиннымъ носомъ и черной бородой:

— Въ какомъ смыслѣ?

Антрепренеръ не смутился. Онъ поджалъ грязный указательный палецъ и отвѣтилъ:

— Пантомима.

— Но почему же она такъ называется? Я допустить не могу столь сложнаго наименованія.

— Но вѣдь, полковникъ (полицеймейстеръ былъ подполковникъ), надо же какъ-нибудь назвать пьесу?

— Надо, но болѣе вразумительно. „Аскольдова могила", „Птички пѣвчія". Это понятно. Но что обозначать можетъ это халдейское слово? Прошу объяснить!

— Это объяснить, господинъ полковникъ, затруднительно.

— Тогда оставьте афишу до завтра. Я наведу справки.

И навелъ. Сперва онъ посовѣтовался съ мѣстнымъ архіереемъ. Тотъ трижды прочелъ длинное названіе и задумался.

— Какъ бы и по-гречески,—сказалъ онъ,—но смыслъ какъ бы ускользаетъ.

Потомъ онъ обратился къ профессору химіи, Стульченкѣ. Стульченко тоже серьезно пожевалъ губами и сказалъ:

— Перевести вамъ не могу, а потому едва ли это нецензурно.

Ночь полицеймейстеръ спалъ неспокойно. „Разрѣшать или не разрѣшать? Съ одной стороны, ужъ если столь ученый человѣкъ, какъ Стульченко, не могъ разъяснить, что это такое, значитъ, это совершенно безопасно. Съ другой,—чѣмъ чортъ не шутитъ! Быть-можетъ, тутъ кроется такой смыслъ, что потомъ и не расхлебаешь каши?"

Рабиновичъ (такова была фамилія антрепренера) божился, что въ пьесѣ ничего нѣтъ, что бы расшатывало основы.

— Вы представьте, господинъ полковникъ,—Арлекинъ признается въ любви Коломбинѣ, и все такое. А у нея мамаша—госпожа Кассандра, и папаша, ужъ я не помню, какъ его зовутъ. Они тоже танцуютъ. Потомъ полишинель. Знаете, такія красныя большія пуговицы на животѣ, бѣлая кофта и широкія панталоны. Очень смѣшно, и все такое...

— А при чемъ же тутъ профессоръ Круксъ?—строго спросилъ представитель власти.

— На этотъ счетъ я ничего не могу сказать,—печально отвѣтилъ Рабиновичъ.—Но когда я купилъ за большія деньги право на представленіе этой пантомимы, то мнѣ было поставлено условіемъ, чтобъ я вездѣ заявлялъ: „театръ профессора Крукса". Но если вамъ это обидно, господинъ полковникъ, я готовъ уступить вамъ эту фамилію и не ставить ея вовсе.

Полицеймейстеръ махнулъ рукой.

— Все равно, ставьте!

И подписалъ.

II.

Итакъ, „Метапедохромоферальный театръ переживаній" профессора Крукса появился на площади. Появленіе вывѣски, написанной на бѣломъ холстѣ зелеными буквами, вызвало своего рода волненіе. Всѣ притворились, что понимаютъ, что это значитъ. У кого были энциклопедическіе словари, кинулись рыться въ нихъ, но поиски эти были безрезультатны. Ни греческій словарь Синайскаго ни латинскій Кроненберга не помогли дѣлу. „Словарь живого русскаго языка" Даля для этого дѣла совсѣмъ оказался непригоднымъ. Вице-губернаторъ, длинный, вѣжливый, гибкій, всегда улыбающійся, когда привлекли его въ эксперты, чтобы онъ опредѣлилъ, что значитъ это названіе, замѣтилъ:

— Дичь!

— То-есть какъ дичь?

— Ну, такъ. Абракадабра.

Подозрительные люди на этомъ не успокоились. Особенно тѣ, кто занималъ отвѣтственныя должности.

— Смотрите: вдругъ окажется подвохъ!

Въ дни революціи. *Возставшія войска на грузовикѣ.*

Но подвоха такъ и не оказалось. По сценѣ двигались трусцою какіе-то жрецы съ черными бородами, сіяніемъ вокругъ головы, и въ длинныхъ синихъ балахонахъ. На фонѣ краснаго ада (что достигалось при помощи дымнаго и вонючаго бенгальскаго огня) кривлялись и бѣгали какіе-то чертенята. Арлекиномъ стрѣляли изъ пушки, разрѣзавъ его предварительно на куски. Зрители были довольны. Одинъ баронъ съ рыжими усами даже говорилъ:

— Я, знаете, понимаю болѣе такое представленіе, чѣмъ то, когда у насъ въ театрѣ играютъ „Горе отъ ума". Тутъ все мнѣ понятно, все просто. Я вижу, что у Коломбины прыгаютъ груди, и что она хорошенькая. А когда актриса Свистулькина изображаетъ Софи Фамусову, мнѣ дѣлается тошно,—такъ она пыжится. Я понимаю, чего хочетъ Арлекинъ, и не могу понять, чего хочетъ Чацкій.

— Конечно, прямолинейно,- согласился съ нимъ начальникъ казенной палаты.

— Подборъ красокъ на костюмахъ недуренъ,—говорилъ архитекторъ Хмуравинъ.

— А главное, пріятно, что ни говорить,—заканчивалъ полицеймейстеръ,—что всѣ переживанія производятся только при помощи жестовъ. А то все теперь пошли намеки и намеки на что-то

III.

Во время Пасхальной недѣли давали два утреннихъ и два вечернихъ спектакля въ „Театрѣ переживаній". Театръ представлялъ собою деревянное зданіе, гдѣ весной, лѣтомъ и осенью появлялись то фокусники-персы, то туманныя картины, то дрессированные слоны, то клоуны со свиньями и пѣтухами, то какія-то лекторши, читавшія о Японіи, гдѣ ихъ болѣе всего поразили орхидеи и корилопсисы. Разъ даже заѣзжій изъ столицы поэтъ долженъ былъ читать лекцію о „Новѣйшихъ теченіяхъ". Но лекція не состоялась, потому что поэтъ, хотя и держался на каѳедрѣ, схватившись за нее крѣпко обѣими руками, но, несмотря на всѣ усилія, не могъ произнести ни одного слова, а только водилъ мутнымъ взглядомъ по рядамъ собравшейся публики. Въ „театрѣ" этомъ зимой нельзя было играть—тамъ стоялъ нестерпимый холодъ. Но къ веснѣ, когда снѣга стаивали, уже можно было начинать представленія. Поэтому театръ этотъ назывался „лѣтнимъ". Рабиновича предупреждали, что на Пасхѣ играть еще рано, но онъ возражалъ:

— И ничего не рано! Надо только потеплѣе одѣться и не снимать верхняго платья, — сидѣть въ шляпахъ и калошахъ.

— А какъ же ваши артисты?

— Они двигаются. Въ движеніи не чувствуешь холода. Да и легкость ихъ одеждъ кажущаяся. Вы знаете, все подстегано на ватонахъ. И у кого худенькія ноги, какъ ножницы, тѣ отъ публики кажутся такими пухленькими.

Въ театрѣ было шесть ложъ. Онѣ были расположены впереди, у самой сцены, какъ въ циркѣ. Онѣ напоминали низкія стойла въ конюшнѣ. Открытыя ихъ пасти выходили въ широкій проходъ, устланный сомнительной чистоты и добротности коврикомъ-дорожкой. За коврикомъ помѣщался первый рядъ креселъ. За этимъ первымъ рядомъ шла высокая перегородка, и за ней начиналось 1-е мѣсто, 2-е мѣсто, и такъ далѣе. Нѣкоторое недоумѣніе вызывала надпись: „Дѣтское мѣсто", но билеты, чтобъ попасть туда, продавались по гривеннику, и желающихъ подростковъ всегда оказывалось достаточное количество. Здѣсь сверкали дѣтскіе глаза такимъ наслажденіемъ, какого нельзя было замѣтить ни въ первомъ мѣстѣ ни въ креслахъ, а ужъ тѣмъ наипаче въ ложахъ. Здѣсь все вызывало восторгъ: и мохнатые черти, и деревья, больше похожія на кочни капусты, и мельникъ-полишинель. А бедра Коломбины, на которыя по преимуществу обращалось вниманіе креселъ и ложъ, здѣсь совсѣмъ не имѣли успѣха.

IV.

Но больше всѣхъ горѣли любопытствомъ и восхищеніемъ глаза у Ѳедьки Коптягина, что въ тиковомъ халатикѣ и калошахъ на босу ногу тоже прибѣгалъ на площадь и читалъ по складамъ: „Метапедо-хромо"...

У него не было гривенника на „дѣтское мѣсто". Ему было одиннадцать лѣтъ, онъ былъ ученикъ въ слесарно-лудильной мастерской. Когда отворялась дверь въ театръ, а изъ освѣщенной краснымъ огнемъ керосиновыхъ лампъ „залы" вываливалась толпа, оживленная, возбужденная, онъ забѣгалъ то вправо, то влѣво, и старался уловить хоть что-нибудь изъ волшебнаго царства, таинственно прекраснаго, что помѣщалось тамъ, за этими дощатыми дверьми. Онъ любилъ, когда начиналось представленіе, стоять у стѣны театра, и дрогнуть, и не чувствовать холода отъ полноты охватывавшихъ его ощущеній. Онъ слышалъ глухіе раскаты смѣха нѣсколькихъ сотенъ людей и думалъ:

„Смѣшное что... Ишь, прорвало..."

Иногда смѣхъ прерывался дружнымъ взрывомъ хлопанья въ ладоши. И у Ѳедьки навертывались слезы:

„Что тамъ такое?.. Чудно, должно..."

Разъ ему пришло въ голову:

„Украду гдѣ гривенникъ. Хозяинъ придетъ пьяный когда.. Можетъ, и не замѣтитъ".

Но онъ никогда не кралъ еще. Ему мать говорила, отпуская его изъ деревни въ ученье:

Въ дни революціи. *Избранный командующій войсками московскаго военнаго округа подполковникъ артиллеріи А. Е. Грузиновъ говоритъ рѣчь народу. Въ рукахъ у него красные цвѣты, сброшенные съ аэроплана — привѣтъ авіаціонной роты народу.*

— Не воруй, Ѳеденька, — грѣхъ!

„Грѣхъ,—повторялъ онъ про себя, — грѣхъ... Да вѣдь гривенникъ, — никто и не узнаетъ! Увижу, по крайности!.."

И глаза его наливались слезами все больше и больше.

V.

Среди театра былъ узкій проходъ, куда могло протиснуться узенькое тѣльце Ѳедьки. Когда валомъ сыпался народъ изъ балагана, онъ наперерѣзъ толпѣ прошмыгивалъ въ этотъ узкій проходъ и, повернувъ за уголъ, забирался наверхъ, по мусору и стружкамъ, до какой-то крохотной щелки. Въ щелку виденъ былъ кусокъ чего-то краснаго съ золотомъ, и шумно лились вопли оркестра. Главный инструментъ его были мѣдныя тарелки. Онѣ заглушали все прочее, и даже ревъ зловѣщихъ трубъ какъ-то меркнулъ и ежился передъ ихъ шипящими ударами. Словно дьяволъ билъ въ какія-то чудовищныя кастаньеты во время отчаяннаго адскаго танца. Но именно это-то и было хорошо. И было такъ увлекательно, такъ призывно-заманчиво, и такъ подходило къ названію: „Метахромо..."

Ѳедька урывками убѣгалъ изъ мастерской, пользовался каждой свободной минутой и приникалъ то глазомъ, то ухомъ къ завѣтной щелкѣ. Его такъ мучило, что онъ не можетъ увидѣть того, что происходитъ ниже краснаго пятна съ золотомъ... И вдругъ яркая мысль осѣнила его:

„А если взять тихонько большой буравъ, — тотъ буравъ, что всегда стоитъ въ углу на окнѣ у хозяина?.. Тихонько, чтобъ никто не замѣтилъ... И провернуть здѣсь дырку? Буравъ возьметъ двухдюймовку свободно. Ежели поздно ночью? Провертѣть дыру и смотрѣть и видѣть и слышать?.."

Бу-умъ! Это стрѣляетъ пушка. Сейчасъ публика захохочетъ. Чего же она молчитъ? Молчитъ, молчитъ... Ага, вотъ засмѣялась. Вотъ захлопала...

VI.

Темная ночь съ холоднымъ весеннимъ заморозкомъ. Звѣзды мигаютъ какъ-то слѣпо. Буравъ вертится. Опилки сыплются струею. Буравъ слегка шипитъ, разогрѣвается, онъ совсѣмъ горячій. А доска крѣпкая, неподатливая, даромъ что не дубовая. Чего добраго, въ обѣ стороны сыплются опилки, и внутрь и наружу. Замѣтятъ, забьютъ, чего добраго? А ежели старой чуркой прикрыть дыру? На шпилькахъ? Шпильки можно потомъ вытащить...

Ѳедька смотритъ въ дыру. Темно, совсѣмъ темно. Ничего не видно. Изъ щели пахнетъ помѣщеніемъ, гдѣ горѣли сотни керосиновыхъ лампъ, дышали и потѣли сотни человѣческихъ тѣлъ. Къ этому примѣшивается запахъ крашенаго холста и красокъ и запахъ выпитыхъ бутылокъ. Сюда приносятъ зрители заднихъ

мѣсть за пазухой не только лукъ, яйца и хлѣбъ, но и пиво и квасъ и пьютъ ихъ прямо изъ горлышка и оставляютъ потомъ подъ скамейками.

Черезъ какое-то отверстіе смотритъ луна, и четырехугольное пятно, молочно серебристое, ползетъ по стѣнѣ. Какіе-то тихіе шуршащіе звуки слышатся иногда: должно, это кошка возится съ мышами. А мыши пришли доѣдать остатки той снѣди, что валяется подъ ногами — наполовину растоптанной, смѣшанной съ грязью.

Ѳедька выбирается изъ тѣснаго закоулка, крѣпко прижимая буравъ къ груди. Сердчишко бьется.

„Еще поймаютъ, — думаетъ онъ. — Накладутъ по сихъ поръ... А, ей-Богу, чтобъ воровать, да никогда!.. Дырочку провертѣть только...“

Онъ бѣжитъ черезъ площадь, шаркая своими калошами, чтобъ не потерять ихъ. А вдругъ хозяинъ: — „куда съ буравомъ ходилъ?“ Скажу, шляпка вертится, такъ къ Михалъ Нефедычу носилъ. — „Ночью?“ — „Какая же ночь — десять. Дома не засталъ, къ Ванькѣ Сидорову побѣгъ, думалъ, онъ придѣлаетъ...“ — „А зачѣмъ ломалъ, паршивецъ?“ — „Я не ломалъ...“

VII.

Опять день. Опять наяриваютъ тарелки. Опять какая-то дудка такъ и пищитъ и пищитъ. Ѳедька ждетъ, когда уйдетъ хозяинъ.

— Хотѣлъ тебя, Ѳедька, отпустить на гулянку, — говоритъ онъ, — да кумъ съ кумой придетъ сегодня, такъ отпустить тебя несподобно. Подать, — принять, сбѣгать. А потому ты нонче въ безотлучіи.

И вотъ идетъ рыжій кумъ, у котораго отъ ознобовъ всѣ пальцы перекорчило. Потомъ плыветъ за нимъ, переваливаясь, кума, — и лицо у нея всегда лоснится, какъ послѣ бани.

— Это отъ святости свѣтится, — шутятъ надъ ней.

— Отъ чистоты, миленькіе, отъ чистоты, — увѣряетъ она.

Усаживаются за столъ. Пироги напекла стряпуха Анисья. Пекла пироги, а вышла покрышка на горшки, — такіе твердые. По пословицѣ пирогъ — обѣду ворогъ. Только не такіе, какъ сегодня вышли.

Хозяинъ говорилъ Анисьѣ:

— Ежели тебя ими по темени бить, такъ за смертоубійство въ Сибирь сошлютъ. Стряпала два дня, а ѣсть нечего. И на что тебѣ было родиться, чтобъ никуда не годиться!

А рыжій кумъ разсказываетъ:

— Были мы вчерась на представленіи на площади. Весьма занятно. Пляшутъ, ногами машутъ. Особливо одна дѣйствовала...

Кума плюнула.

— Совсѣмъ безстыжая. Ноги голыя, а плечами такъ и вихляетъ, и вихляетъ.

— Какъ этимъ арлекиномъ пушку заряжаютъ, — продолжаетъ кумъ, — разрѣзали на куски, стрѣльнули, а онъ живой изъ прицѣли какъ выпрыгнетъ! Весьма занятно...

VIII.

Уходятъ они, кумъ и кума, совсѣмъ пьяные. И хозяинъ пьянъ. Кумъ идетъ, шатается, изъ кармана его деньги сыплются. Ѳедька подбираетъ, всѣ подобралъ, думалъ пятиалтынный въ кулакъ зажать, да совѣсть зазрила: отдалъ. А кумъ за то ему двѣ копейки далъ... Что двѣ копейки?

Идетъ Ѳедька назадъ и видитъ: изъ щели еще двугривенный торчитъ. Дыханье сперло. „На послѣднее представленіе пойти? Хозяинъ спать ляжетъ?..“

Въ дни революціи. Въ Государственной Думѣ. *Преображенцы, первые несшіе караулы въ Таврическомъ дворцѣ. Среди преображенцевъ комендантъ Таврическаго дворца, полковникъ Г. Г. Перетцъ.*

Бѣжитъ онъ къ „Театру“, крѣпко двугривенный держитъ. У кассъ народу ужъ тьма. Онъ лѣзетъ и важно такъ, показывая выщербленный зубъ, требуетъ:

— Билетъ мнѣ.

— Нѣтъ билетовъ больше, всѣ полно, — отвѣчаютъ ему.

И вдругъ земля покатилась-покатилась подъ его ногами. Еле онъ за притолоку удержался.

— Какъ нѣтъ? Да мнѣ одинъ!

— Проваливай, проваливай.

— У тебя, малецъ, двугривенный есть, — совѣтуетъ кто-то. — Вали въ двугривенныя мѣста.

Онъ рвется къ другой кассѣ. Ему даютъ грязный, захватанный сальный билетъ на толстомъ картонѣ, у котораго каждый уголъ торчитъ, какъ хвостъ у бѣлки.

— Да ты никакъ безъ штановъ? Нельзя!

— У меня штаны-то есть, а только коротенькіе.

— Спусти пониже.

И онъ спускаетъ ихъ низко-низко, къ самымъ калошамъ.

IX.

Завѣтный, чудный міръ открылся передъ нимъ. На занавѣси намалеваны какіе-то голубые быки, бронзовые, стоящіе длинной шеренгой передъ какимъ-то длиннымъ домомъ. Изъ нихъ бѣ-

Воскресеніе Христово. *И. Ижакевичъ.*

гутъ струи воды, бѣгутъ, бѣгутъ неудержимо. Вокругъ Ѳедьки щелкаютъ орѣхи, крѣпкіе, прошлогодніе. Но и зубы ихъ щелкаютъ крѣпкіе: лущатъ сѣмечки, ѣдятъ пряники, рожки. Пахнетъ виномъ отъ послѣобѣденной полупьяной толпы.

Еще за обѣдомъ дома Ѳедькѣ изъ его угла казалось, что у кума два носа. И пальцевъ на рукахъ у него было много. Да и у самого Ѳедьки пальцы были не тѣ, какъ постоянно, а двигались какъ-то странно, и тоже было ихъ что-то много. Вотъ теперь быки: нарисовано ихъ столько, или это только кажется Ѳедькѣ? И публики много или мало? И коптитъ правая лампа отъ края, или, можетъ-быть, это вчера она коптѣла на кухнѣ?

Голова горячая. Сегодня Ѳедька не ѣлъ ничего. А вчера проглотилъ только двѣ ложки щей, что плеснула ему стряпка. И глаза слипаются. Спать бы теперь да спать. Но нѣтъ,—вѣдь онъ сидитъ въ сказочномъ царствѣ, гдѣ не спятъ, а только смѣются.

Вотъ входитъ въ ложу офицеръ въ красной фуражкѣ и съ гусарскими жгутами. Съ нимъ дама въ пышной такой шубѣ. И другая дама, постарше. И какой-то господинъ въ котелкѣ. Ѳедька помнитъ его, знаетъ. Это вице-губернаторъ. И бѣлая мохнатая собака съ ними, со стриженнымъ задомъ.

„Собаку пускаютъ, это вице-губернаторская,—думаетъ Ѳедька.— Онъ завсегда съ ней".

Въ глазахъ плаваютъ какія-то странныя мутныя пятна. Хозяинъ проснется, ругаться будетъ. Стѣна боковая у театра то покосится, то станетъ прямо. Середь музыкантовъ сидитъ какой-то черный, усатый, въ мохнатой шапкѣ. Онъ выше всѣхъ—старшій. А вонъ дырка, что онъ сверлилъ. И глазъ чей-то: кто-то пристроился.

X.

Оркестръ грянулъ. Забили тарелки, заиграли трубы, загремѣлъ турецкій барабанъ. Руки пьяныхъ музыкантовъ едва держатъ смычки. Ну, да послѣдній день, послѣднее представленіе!

Занавѣсъ съ быками сгибается пополамъ и исчезаетъ... Облака. На облакахъ въ кисеѣ, съ золотой палочкой въ рукахъ и высокомъ колпакѣ стоитъ дѣвица и весело улыбается, смотря прямо на гусара. Одна щека у нея красная, другая бѣлая. Стерлась ли, или иное что, Ѳедька не знаетъ.

Кто-то длинный идетъ вдоль сцены. То сдѣлается маленькимъ-маленькимъ, то вытянется подъ самое небо. Кто-то желтый, большой, корявый дразнитъ Ѳедьку широкимъ, горячимъ языкомъ,—а у кума валятся двугривенные, двугривенные, двугривенные, вотъ какъ эта вода.

Выбѣгаетъ въ коротенькой юбкѣ черненькая и начинаетъ дрыгать ногами: то направо, то налѣво. И гусаръ ей хлопаетъ, и всѣ, кто сидятъ въ ложахъ, хлопаютъ. Она смѣется, а грудь у нея такъ и ходитъ-ходуномъ, такъ и вылѣзаетъ изъ платья.

„Хромо-педе"...—припоминаетъ Ѳедька и не можетъ припомнить. Онъ ничего не помнитъ, все путается, все уходитъ куда-то, все дѣлается маленькимъ, далекимъ...

А потомъ онъ помнитъ желѣзную перекладину въ ногахъ больничной койки и чей-то голосъ, что говоритъ кому-то:

— На головѣ все время ледъ держите, все время...

Рабиновичъ удостовѣряетъ:

— Позвольте,—у меня осталось за всѣми расходами 1.248 рублей. Что? А вы говорили, что въ лѣтнемъ театрѣ нельзя на Пасхѣ! Что?

Святая ночь.

Очеркъ **В. Свѣтлова.**

Холодная, рѣзко холодная ночь. Звѣздами, яркими, сверкающими усѣяно черное небо. Зги не видать. Тихо-тихо, словно все вымерло вокругъ на единственной уличкѣ поселка. Безмолвно и бесшумно медленно проѣзжаетъ дозоръ изъ нашихъ всадниковъ. Канонады не слышно. Она смолкла передъ наступленіемъ Святой ночи. Наша Пасха совпала съ австрійской.

Въ нашемъ полуразрушенномъ домикѣ, гдѣ въ трехъ комнаткахъ помѣщается весь штабъ полка съ канцеляріей и четырьмя офицерами, а въ остальныхъ трехъ устроены конюшни, идетъ приготовленіе къ празднику — кто бреется у импровизированнаго столика, кто надѣваетъ новые сапоги, кто умывается. Можете себѣ представить крохотную комнатку, установленную вьючными койками, а въ ней толпятся три офицера и три денщика. Полковой врачъ, милый человѣкъ, хозяинъ нашего „офицерскаго собранія" — если можно такъ назвать единственную комнату со столомъ и четырьмя стульями (докторъ спитъ въ этой же комнатѣ) — хлопочетъ устроить мало-мальски приличный пасхальный столъ. Но главнаго украшенія этого стола и нѣтъ: ни кулича ни пасхи. Нѣсколько крашеныхъ яицъ, окорокъ ветчины, за которымъ мы ѣздили въ ближайшій городишко; жареный барашекъ и утка, да еще кое-что присланное кое-кому изъ офицеровъ ихъ домашними. Ни вина ни цвѣтовъ. Докторъ разставляетъ эти несложныя яства и такъ и этакъ. Мы думаемъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы эта постановка напоминала хотя приблизительно то, что называется пасхальнымъ столомъ. Но какъ-то ничего не выходитъ. Докторъ пріунылъ. Онъ вообще въ послѣднее время ходитъ унылый. Послѣ долгаго пребыванія на войнѣ онъ вдругъ загрустилъ по Самарѣ.

— Волга-то, поди, скоро вскроется... разольется. Ахъ, и хорошо же въ это время въ Самарѣ.

Онъ ложится на кровать въ какой-то прострацiи и долго смотритъ въ потолокъ.

— Въ Самару бы теперь съѣздить.

И черезъ нѣкоторое время опять:

— Весна ужъ очень хороша въ Самарѣ. Лѣтомъ хуже. Жарко и пыльно.

Мы всѣ его любимъ, этого милаго, простого, обязательнаго „Яшу", и всѣ, конечно, сочувствуемъ ему. Онъ ни одного дня не отлучался отъ полка, всюду съ нимъ дѣлилъ и радость и невзгоды, и ни на минуту не покидало его хорошее, ровное, какое-то умиротворяющее настроеніе духа. Но въ эту ночь онъ загрустилъ по своей Самарѣ. Ужъ очень торжественная ночь. Мы было начали подтрунивать надъ нимъ, но какъ-то такъ случилось, что его настроеніе передалось и намъ.

— А теперь въ Петроградѣ то что дѣлается! — вздохнулъ одинъ изъ офицеровъ.— Цѣлый день накупали, бѣгали по магазинамъ, а вотъ сейчасъ жена устраиваетъ столъ. И на немъ много-много розъ. Мы такъ любимъ розы... Вотъ вы все о Самарѣ, докторъ, а вѣдь эта ночь и въ Петроградѣ хороша. Давно ужъ я тамъ не былъ, и когда еще попадешь!..

— У меня тамъ матушка и сестры живутъ,—съ кровати отвѣтилъ врачъ.—И въ Петроградъ хорошо бы...

Настроеніе стало минорнымъ. Мнѣ вспомнились милыя три сестры Чехова съ ихъ трогательными мечтами о далекой Москвѣ, съ ихъ томительнымъ кличемъ: „въ Москву, въ Москву!", съ ихъ смутнымъ влеченіемъ къ этому городу, какъ къ нѣкоему таинственному, невидимому, но страстно желанному граду. Великій знатокъ тайниковъ человѣческаго духа былъ этотъ писатель.

Отъ бригаднаго пришелъ вѣстовой и принесъ подарокъ: шоколадъ, печеніе, сласти. Изъ штаба дивизіи пришелъ другой вѣстовой и принесъ посылку изъ Петрограда на имя командира полка.

„Яша" оживился. Разставилъ подарки бригаднаго и вскрылъ посылку командира.

— Ничего, — возражалъ онъ на наши упреки. — Командиръ добрѣйшей души человѣкъ и ничего противъ имѣть не будетъ.

И онъ вытащилъ изъ корзины фрукты, сыръ, бутылку вина, папиросы, хотѣлъ даже вытащить окорокъ, но мы помѣшали. У насъ и свой былъ. Столъ вдругъ принялъ болѣе соотвѣтствующій видъ. Освѣщеніе было плоховато — одна керосиновая лампа и одна свѣча въ походномъ подсвѣчникѣ. Но что же дѣлать, вѣдь мы на войнѣ. Мы какъ-то полюбили этотъ нашъ домикъ. Когда мы пришли въ это мѣстечко, намъ отвели всего одну комнатку въ домикѣ польскаго судьи, состоявшемъ всего изъ двухъ жилыхъ комнатъ: въ одной помѣщался судья съ женой, а въ другой насъ четверо. Было тѣсно, стѣснительно, прямо ужасно. Жена судьи очень хотѣла отъ насъ отдѣлаться и указала на домикъ рядомъ. Но тамъ стояли въ трехъ комнатахъ лошади, а въ остальныхъ трехъ былъ полный развалъ и жестокій холодъ. Благодаря энергіи и настойчивости нашего полковника, помощника командира полка, намъ удалось все это привести въ порядокъ. Мы собрали своихъ денщиковъ. Они три дня мыли, чистили, топили день и ночь помѣщеніе, и когда мы туда переѣхали, то почувствовали блаженство и нѣкоторую гордость. У насъ стало тепло и уютно. И пасхальный столъ придалъ еще больше уюта этому созданному изъ ничего жилищу.

Пора было итти къ заутренѣ. Взяли походный электрическій фонарь и при помощи его прожектора, пронизывавшаго тьму пасхальной ночи, отправились въ путь. Пришлось итти далеко. Гдѣ-то за мѣстечкомъ стоялъ недоконченный постройкой „народни дім" (народный домъ)—длинное деревянное зданіе съ эстрадой для публичнаго чтенія. На эстрадѣ поставили столикъ со всѣмъ необходимымъ для церковной службы. Стѣны украсили вѣтвями елокъ, такъ что убранство это скорѣе давало картину Рождества, а не Пасхи. И вотъ это и была наша церковь. Служилъ дивизіонный батюшка, помогалъ ему плѣнный австрійскій псаломщикъ, пѣли довольно нестройно солдаты, въ залѣ стоялъ пронизывающій холодъ. Но когда у псаломщика затеплились свѣчи, стало и теплѣе и уютнѣе. Служба длилась долго, почти до двухъ часовъ утра: вслѣдъ за заутреней батюшка началъ обѣдню. Какъ эта заутреня не похожа была на то торжественное служеніе, къ которому мы всѣ привыкли съ дѣтства! Полуумиленные, полугрустные расходились мы изъ церкви. Ночь стала еще холоднѣе, и еще ярче горѣли звѣзды. Мчались автомобили съ яркими фонарями, развозя штабныхъ.

Докторъ ушелъ немного раньше и уже хлопоталъ у стола, распорядившись приготовить горячій чай. Пришло нѣсколько человѣкъ офицеровъ. Христосовались, „разговлялись", хотя никто, конечно, не постился по невозможности имѣть спеціальный постный столъ, разговаривали. Но разговоръ какъ-то плохо вязался. У каждаго были свои думы и свои воспоминанія.

О чемъ разсказываютъ намъ дневники въ лазаретахъ*).

Очеркъ **Марiи Веселовской.**

За время войны вышло въ свѣтъ на Западѣ много книгъ, освѣщающихъ страшную картину войны: большей частью это записки и воспоминанія участниковъ сраженій, то поражающія, то трогающія до слезъ, разсказывающія или о совершавшихся тамъ геройскихъ подвигахъ или объ учиненныхъ нѣмцами звѣрствахъ. Но есть въ этой „военной“ литературѣ особаго рода книги, представляющія исключительный интересъ, это — дневники, писанные въ лазаретахъ сестрами или священниками. Одною изъ подобныхъ интересныхъ книгъ, разсказывающей жизнь одного изъ безчисленныхъ лазаретовъ, гдѣ лежали французы и англичане, является книга аббата Клейна, извѣстнаго эльзасскаго писателя, передающаго свои впечатлѣнія искренно, правдиво, съ глубокой вѣрой въ окончательную побѣду надъ врагомъ.

По старой традиціи, какъ и въ 1870 г., такъ и теперь, американская колонія во Франціи имѣетъ свои лазареты, и въ одномъ изъ такихъ лазаретовъ въ Нейльи (Neuilly sur Seine) аббатъ Клейнъ былъ священникомъ и тамъ писалъ свои записки.

Какъ только была объявлена война, американской колоніи послѣ долгихъ переговоровъ съ городскими властями въ Нейльи и при помощи военной власти удалось получить для лазарета зданіе Пастеровскаго лицея. Несмотря на всю обширность, это зданіе, стоящее до пяти милліоновъ и ожидавшее первыхъ учениковъ въ октябрѣ того года, не было приспособлено для жилья; обширныя аудиторіи, лабораторіи, центральное отопленіе, электричество, все годилось для лазарета, но не было кухонь, не было ваннъ, подъемныхъ машинъ. Американцамъ пришлось многое передѣлать, привезти необходимую мебель, на что средства нашлись въ Нью-Іоркѣ и другихъ американскихъ городахъ. Медицинскій персоналъ былъ взятъ частью изъ постоянной американской больницы, частью пополненъ французами: сестрами явились, большею частью, англичанки и американки, а затѣмъ выписали сестеръ изъ Швейцаріи. Въ первые дни лазаретъ имѣлъ 200 кроватей, затѣмъ число ихъ разрослось до 500, а иногда, во время сильныхъ сраженій, доходило до 615. Аббату Феликсу Клейну предложили сдѣлаться священникомъ при этомъ американскомъ лазаретѣ, и дѣла у него оказалось очень много.

Когда привозятъ раненыхъ, аббатъ всегда здѣсь: онъ причащаетъ тѣхъ, кто этого желаетъ, онъ сидитъ и напутствуетъ тѣхъ, въ комъ едва теплится жизнь отъ тяжелыхъ ранъ, весь, всей душой сливается онъ съ душой умирающаго при его послѣдней агоніи, часто онъ пишетъ письма за неграмотныхъ или за тѣхъ, которые не могутъ двигать рукою, и если иные изъ нихъ не могутъ диктовать, онъ самъ предлагаетъ имъ выразить извѣстныя мысли, которыя онъ излагаетъ по-своему, часто прибавляя отъ себя, какъ отъ священника, нѣсколько словъ утѣшенія. По праздникамъ или въ простые дни онъ служитъ обѣдню, участвуетъ въ похоронахъ умершихъ раненыхъ и является тяжелымъ свидѣтелемъ семейныхъ драмъ, которыя разыгрываются въ пріемныхъ или часовнѣ, когда пріѣзжаютъ родственники убитыхъ или безнадежно больныхъ. Ночью постоянно будятъ его, если кто-либо изъ раненыхъ очень плохъ и зоветъ его, такъ какъ во время войны французы оказались столь же религіозными, какъ и храбро настроенными... Въ свободное время аббатъ идетъ въ лазаретъ, усаживается среди раненыхъ, и между ними завязывается дружеская бесѣда; раненые разсказываютъ ему свои впечатлѣнія, переживанія. Иногда онъ провожаетъ уже выздоровѣвшихъ у нихъ солдатъ, отправляющихся снова на фронтъ, охваченныхъ воинственнымъ энтузіазмомъ, восторженной любовью къ Франціи. Нѣсколько разъ аббатъ ѣздилъ съ автомобилями, которые лазаретъ посылаетъ за ранеными иногда къ самому полю сраженія, чтобы перевозить ихъ скорѣе въ санитарные поѣзда и оттуда въ лазареты. Много разъ ему приходилось имѣть дѣло съ ранеными плѣнными нѣмцами, записывать ихъ имущество, не входя въ разсмотрѣніе того, принадлежало ли это имъ еще въ Германіи или было украдено ими въ Бельгіи и во Франціи.

По стопамъ Христа. Архіепископъ Бельгіи — кардиналъ Мерсье. *Л. Бенаръ.*

Аббатъ Клейнъ говоритъ въ своемъ дневникѣ: „Это не раненые, такъ какъ слово не передаетъ всей картины, это изувѣченные люди,—настолько ужасно состояніе ихъ тѣла и того, что въ нихъ осталось. Какъ-то даже мы не смѣемъ желать ихъ выздоровленія, такъ какъ невольно думаемъ, какую же жизнь могутъ они вести. Ихъ муки нельзя описать, и они принимаютъ все съ терпѣніемъ, и передъ тѣмъ, какъ ихъ несутъ въ операціонную, они получаютъ отъ меня св. причастіе. Какъ ужасно смотрѣть на этого блѣднаго, худого страдальца, съ длинной бородой, точно это ликъ Христа. У него спина въ ужасномъ видѣ, и онъ можетъ двигать только головой и руками. Онъ одинъ изъ самыхъ вѣрующихъ: я причащаю его два раза въ недѣлю, и онъ никогда не жалуется. Онъ тоже одинъ изъ нашихъ храбрецовъ, такъ какъ получилъ военную медаль, и когда я спросилъ его, за что ему дали отличіе, онъ, скромно и держа меня за руку, сказалъ мнѣ: „Мнѣ ее дали за 8-е октября. Я долженъ былъ выполнить довольно трудное порученіе“.

Черезъ нѣсколько дней, къ сожалѣнію, мы находимъ въ запискахъ аббата извѣстіе о кончинѣ героя. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, такимъ образомъ, онъ ужасно страдалъ и никогда не жаловался. „Можно вполнѣ сказать,—пишетъ аббатъ,—что онъ пролилъ всю свою кровь за Францію. Послѣ первыхъ капель крови, которыя показались у него изъ раны въ ту героическую ночь, у него текла кровь, капля за каплей, истощая его, и вчера утромъ у него такъ сильно хлынула кровь, что онъ

*) L'Abbé F. Klein. „La guerre vue d'une ambulance“. — O. S. Watkins. „Avec les Francais en France et en Flandre“. — Duchesse de Sutherland. „Six semaines à la guerre“.—Violetta Thurstan. „Aventures d'une infimiere anglaise en Belgique et sur le front russe“.

послалъ за мною. Подавая ему причастіе, я говорилъ съ нимъ о возможной кончинѣ, я самъ волновался сильнѣе, чѣмъ онъ. Я обѣщалъ ему, въ случаѣ его смерти, посвятить обѣдню его памяти, но я не предполагалъ, что это произойдетъ такъ быстро. Онъ давалъ мнѣ распоряженія и просилъ передать роднымъ, что онъ скончался, какъ добрый христіанинъ и патріотъ... Затѣмъ мы его похоронили. Его отсутствіе было замѣтно всѣмъ, и всѣ выражали участіе его роднымъ. Я подразумѣваю его дядей и тетокъ. Его отецъ и мать находятся въ той части Франціи, которая занята нѣмецкой арміей: въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, когда онъ болѣлъ, никакъ нельзя было имъ дать знать. А онъ былъ единственнымъ сыномъ, и какимъ сыномъ!"

Иногда аббату Клейну приходится брать на себя печальную миссію извѣщать родныхъ о кончинѣ раненыхъ или приготовлять ихъ къ неизбѣжной роковой развязкѣ.

Подъ датой 7-го октября аббатъ разсказываетъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ сценъ во всей книгѣ: „Въ два часа ночи меня зовутъ къ одному капитану, котораго привезли къ намъ девять дней тому назадъ съ тремя серьезными ранами и воспаленіемъ легкихъ. Я нахожу возлѣ него его родную сестру. „Развѣ онъ въ опасности?" — спрашиваетъ она, увидѣвъ меня. Увы, мнѣ представляется, что его положеніе очень серьезно. Для большей увѣренности, я спрашиваю по-англійски санитара, который говоритъ мнѣ, что капитанъ протянетъ не болѣе трехъ-четырехъ часовъ. Сестра не сводитъ съ него глазъ. Зачѣмъ обманывать ее? Все равно, она узнаетъ правду, и если она не подготовится, ей будетъ еще мучительнѣе. Я молчу, и этого съ нея достаточнѣ. Я вижу, что она вотъ-вотъ крикнетъ отъ горя. Я показываю ей на другихъ больныхъ и увожу ее на дворъ. Послѣ долгихъ уговариваній и призывовъ къ вѣрѣ она начинаетъ успокаиваться. Она хочетъ снова видѣть брата. „Хорошо,—говорю я ей,—но при условіи, что вы будете тверды. Еще есть надежда, а волненіе можетъ погубить его. Вашъ братъ нашелъ въ себѣ силы переносить безъ жалобъ всю эту мучительную агонію. Онъ обнаружилъ высокую вѣру и покорность, онъ принялъ съ благочестіемъ причастіе, будьте достойны его!" Она, бѣдняжка, обѣщаетъ все на свѣтѣ. Дѣйствительно, вернувшись къ брату, она молчитъ, но она бросается къ больному съ такимъ волненіемъ, цѣлуетъ его такъ, что онъ начинаетъ волноваться. Невозможно оставить ее здѣсь. Я предлагаю ей отправиться въ часовню помолиться, и она соглашается. Въ то время, когда она молится въ часовнѣ, я возвращаюсь къ умирающему. Умилительная агонія! Сколько бы онъ ни бредилъ, сколько бы ни приходилъ въ себя, онъ неизмѣнно говорилъ со мной только о Франціи и о Богѣ. Даже когда онъ бредилъ, онъ читалъ отрывки молитвъ или отдавалъ приказанія сражаться. Дѣйствительно, этотъ доблестный солдатъ пожертвовалъ своею жизнью за родину. Въ половинѣ пятаго, когда я увидѣлъ, что конецъ совсѣмъ близокъ, я иду въ часовню и раньше положеннаго часа начинаю служить обѣдню. Рѣдко молился я съ такимъ подъемомъ. Было еще совсѣмъ темно. Кромѣ сестры умирающаго, никого не было. Затѣмъ я провожаю ее, успокоенную, подкрѣпленную, къ постели умирающаго; меня отзываютъ еще къ другому, и когда я возвращаюсь черезъ два часа, постель уже пуста"...

Часто аббату приходится переживать подобныя сцены. Почти всегда пріѣхавшихъ родныхъ, у которыхъ кто-нибудь скончался, направляютъ къ нему въ часовню, и ему приходится разсказывать подробности страданій раненыхъ, ихъ кончину, послѣднія распоряженія, затѣмъ хлопотать съ родными по поводу похоронъ или увоза дорогого тѣла на родину, на далекое кладбище.

Иногда у аббата не хватаетъ мужества огорчить раненыхъ которымъ придется ослѣпнуть отъ раненія; онъ никакъ не рѣшается вырвать у нихъ изъ души послѣднюю надежду, пока они ходятъ еще всѣ забинтованные...

Въ концѣ концовъ аббатъ приходитъ къ заключенію, что за всѣ долгіе мѣсяцы его работы въ американскомъ лазаретѣ онъ видѣлъ только превосходныхъ людей, кто бы они ни были, офицеры, солдаты, профессора, доктора, коммерсанты, земледѣльцы и проч. И, конечно, все это потому, что „они вполнѣ ясно сознаютъ важность того дѣла, которому служатъ, и оно захватываетъ ихъ до энтузіазма. Они знаютъ, что они сражаются не только за законную охрану матеріальныхъ интересовъ, но и за независимость ихъ собственной родины и всей Европы, чтобы сохранить ихъ сыновьямъ и человѣческому роду лучшую форму жизни..."

Нѣсколько въ иномъ духѣ пишетъ свои записки англійскій священникъ-протестантъ Уаткинсъ, бывалый человѣкъ на войнѣ, участвовавшій въ экспедиціи на Нилѣ, затѣмъ въ Южной Африкѣ въ 1899—1900 г. Священникъ Уаткинсъ находится въ полку и лазаретѣ съ самаго начала войны, часто совершаетъ длинные переходы съ полкомъ или подбираетъ вмѣстѣ съ санитарами раненыхъ на полѣ сраженія, иногда ѣздитъ по сосѣднимъ городамъ и селамъ добывать провизію, принимаетъ вмѣстѣ съ сестрами раненыхъ, совершаетъ службы, если это бываетъ возможно, говоритъ трогательныя проповѣди, исповѣдуетъ и причащаетъ солдатъ передъ боемъ, дежуритъ возлѣ больныхъ и умирающихъ, пишетъ письма, раздаетъ подарки, которые присылаются на фронтъ, и проч. Въ его запискахъ можно прослѣдить всю жизнь ихъ полка и отряда съ той минуты, когда они сѣли въ Англіи на пароходъ, высадились въ Гаврѣ и отправились сражаться на французской и бельгійской земляхъ. Они проходили по нѣскольку десятковъ километровъ въ день, мимо селеній, гдѣ французы съ восторгомъ встрѣчали ихъ, бросали имъ цвѣты, раздавали имъ фрукты, шоколадъ, хлѣбъ съ масломъ, папиросы и проч. Крестьяне встрѣчали ихъ, какъ освободителей, такъ какъ нѣмцы были уже недалеко; иногда многіе дежурили цѣлую ночь, чтобы только не пропустить англичанъ, за что тѣ, въ видѣ благодарности, распѣвали „Марсельезу" и кричали: „Vive la France!" По дорогѣ они встрѣчали печальныя толпы бѣженцевъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ, испуганно шедшихъ по дорогѣ неизвѣстно куда; эти несчастные несли съ собой все, что могли захватить самаго цѣннаго, жалобно плакали, иногда падали отъ изнеможенія по дорогѣ, разсказывали ужасающія исторіи о томъ, что происходитъ тамъ, гдѣ все горитъ и умираетъ... Отрядъ, въ которомъ былъ Уаткинсъ, находился при полку, направленномъ въ Монсъ для поддержки англичанъ, но послѣдніе уже отходили оттуда, такъ какъ силы были неравны, и небольшой горсти англичанъ приходилось бороться съ цѣлыми дивизіями нѣмцевъ. Все же очень скоро имъ пришлось вынести сраженіе при Като (Cateau), и священнику приходилось руководить уборкой раненыхъ, смотрѣть за тѣмъ, какъ ихъ перевозили въ санитарныхъ поѣздахъ, или ѣздить верхомъ взадъ и впередъ по дорогѣ, отъ раскинутыхъ палатокъ перевязочной и операціонной до вокзала, умоляя многихъ, кто могъ итти пѣшкомъ, ускорить шагъ, или реквизировать для нихъ повозки фермеровъ, попадавшихся на пути.

Въ книгѣ англійскаго священника Уаткинса есть много интересныхъ разсказовъ; напримѣръ, описаніе похоронъ юнаго мотоциклиста. Оно прямо-таки трогательно. Въ англійской арміи мотоциклистами служатъ молодые люди изъ лучшихъ семействъ Англіи, студенты Оксфордскаго или Кембриджскаго университетовъ. Въ городѣ Дуэ, куда пріѣхалъ Уаткинсъ со своимъ отрядомъ, ему показали убитаго юношу-мотоциклиста. Крестьяне разсказали ему, что юноша заблудился въ темнотѣ, успѣлъ проѣхать два селенія, занятыя уже нѣмцами, но въ Дуэ погибъ отъ пули въ самое сердце. Послѣ ухода нѣмцевъ крестьяне подняли его и перенесли въ домикъ, гдѣ они его застали. Онъ былъ покрытъ бѣлой простыней; на груди у него лежалъ букетъ цвѣтовъ, его лицо носило спокойное и рѣшительное выраженіе. Они отнесли его на кладбище. Во время шествія женщины выходили изъ домовъ и украшали прахъ цвѣтами; старики, несшіе гробъ, съ трудомъ взбирались въ гору. Вдали раздавался грохотъ пушекъ: недалеко шла, видимо, перестрѣлка. Бѣднаго юношу опустили въ могилу, и крестьяне съ непокрытой головой слушали торжественныя слова заупокойной службы на непонятномъ для нихъ языкѣ. Передъ самымъ концомъ церемоніи снаряды стали попадать на этотъ холмъ, но никто не двинулся съ мѣста, и послѣ разрѣшительнаго „Аминь", одинъ изъ стариковъ, бросивъ горсть земли въ могилу, обратился къ умершему со слѣдующими словами: „Вы — другъ нашъ, вы храбрый солдатъ, и вы отдали свою жизнь за спасеніе нашей родины. Мы благодаримъ васъ. Пусть будетъ вамъ легка земля нашей дорогой Франціи", и всѣ присутствующіе произнесли за нимъ: „Аминь!.."

Появленіе въ печати дневника англійской сестры, герцогини Сютерлендской, было привѣтствовано въ литературныхъ кругахъ Франціи. Авторъ ихъ—очень извѣстная въ Англіи аристократка. Герцогиня Сютерлендская извѣстна своей благотворительною дѣятельностью; она учредила и содержитъ въ своихъ замкахъ нѣсколько больницъ и ассоціацій для рабочихъ. Какъ членъ французскаго Краснаго Креста, герцогиня, съ первыхъ же дней объявленія войны Франціи съ Германіей, рѣшила ѣхать на фронтъ и основать тамъ собственный лазаретъ. Въ Парижѣ она узнала, что Бельгія нуждается въ лазаретахъ, и она сейчасъ же уѣзжаетъ въ Брюссель, затѣмъ въ Намюръ, гдѣ въ старинномъ монастырѣ устраиваетъ лазаретъ, выписавъ изъ Англіи предварительно доктора и восемь сестеръ. Монахини, которыхъ въ этомъ монастырѣ было около 200, помогали ей, и такимъ образомъ онѣ принесли много пользы въ Намюрѣ, преимущественно бельгійскимъ и французскимъ раненымъ, выдержали стойко всю ужасную бомбардировку этой крѣпости и города, подвергались опасностямъ, пожару и принуждены были, въ концѣ концовъ, уѣхать изъ Намюра по требованію нѣмецкихъ властей. Проѣхавъ черезъ Голландію и Англію, онѣ снова очутились во Франціи и теперь въ Дюнкирхенѣ организовали лазаретъ.

Съ 21-го августа 1914 г., когда герцогиня покинула Англію, она вела дневникъ во время своего пребыванія въ Бельгіи, когда нѣмецкія полчища сжигали, грабили, уничтожали мирные города и селенія. По ея дневнику, который часто писался въ погребѣ монастыря, мы можемъ прослѣдить всѣ скитанія герцогини,—ея короткое пребываніе въ Парижѣ, когда весь городъ былъ охваченъ необычайнымъ подъемомъ и волненіемъ, вылившимся, какъ извѣстно, въ упорную и дружную работу для достиженія побѣды надъ врагомъ. Затѣмъ мы находимъ въ запискахъ ея пріѣздъ въ Брюссель, послѣ паденія Льежа, когда враговъ ждали съ минуты на минуту; здѣсь герцогиню поражаетъ прекрасно оборудованная сѣть лазаретовъ, здѣсь она встрѣчаетъ случайно барона Бейана, бельгійскаго посланника въ Берлинѣ, который разсказываетъ ей обо всѣхъ издѣвательствахъ нѣмцевъ по отношенію къ нему въ бытность его въ Германіи, о затрудненіяхъ, которыя онъ испыты-

Разрушенная снарядами церковь у передовыхъ позицій.

Рис. нашего корреспондента *А. Семенова.*

Я задавала себѣ вопросъ, не должны ли мы покинуть зданіе и вынести раненыхъ на улицу. Къ намъ пришелъ священникъ и сталъ успокаивать раненыхъ. Въ то время, какъ мы рѣшали, что съ нами будетъ, раздался рѣзкій звонокъ, и кто-то сталъ наносить сильные удары въ дверь монастыря: какой-то голосъ кричалъ по-нѣмецки дерзкимъ, повелительнымъ тономъ: „откройте, откройте!" Я убѣдила одну изъ монахинь отворить дверь. Докторъ, я и нѣсколько сестеръ выстроились у двери. Черезъ отпертую дверь мы видѣли, какъ языки огня поднимались кверху, какъ дымъ заволакивалъ все кругомъ: вдали раздавался грохотъ канонады. У двери, снаружи, стоялъ изящный автомобиль, переполненный вооруженными солдатами, подъ предводительствомъ нѣмецкаго офицера, очень похожаго на кронпринца. Онъ казался очень раздраженнымъ и, нервничая, спрашивалъ у насъ дорогу въ крѣпость. Монахиня, которую я послала, отвѣчала ему, что единственная возможность проникнуть туда, это — миновать ратушу. Онъ гнѣвно крикнулъ, что ѣхать по этому направленію нельзя, такъ какъ тамъ все въ огнѣ. Онъ посмотрѣлъ на меня и потребовалъ, чтобы я отправилась съ нимъ и показала ему дорогу. Я спокойно замѣтила ему, что я иностранка, англичанка, что я никогда въ жизни не была въ крѣпости, почему и не могу исполнить его требованія. Онъ заявилъ намъ, что весь городъ будетъ сожженъ, такъ какъ жители-бельгійцы стрѣляли изъ неосвѣщенныхъ оконъ въ нѣмецкихъ солдатъ. Онъ былъ сильно взбѣшенъ, но все же счелъ долгомъ увѣрить насъ, что всѣ лица, принадлежащія къ Красному Кресту, находятся въ безопасности, особенно женщины. Затѣмъ онъ уѣхалъ, можетъ-быть, на вѣрную смерть. Намъ посчастливилось находиться съ той стороны города, которая подходитъ къ рѣкѣ Маасъ. Несмотря на то, что огонь двигался къ намъ, насъ раздѣляли казармы, занятыя нѣмецкими войсками, и, конечно, солдаты должны были вскорѣ потушить огонь въ этомъ направленіи. Набатъ раздавался всю ночь"...

Въ своемъ дневникѣ герцогиня описываетъ нѣсколько встрѣчъ и разговоровъ, — поневолѣ, разумѣется, — съ нѣмцами, изъ которыхъ многіе говорили на прекрасномъ англійскомъ языкѣ, а многихъ она встрѣчала до войны въ высшемъ англійскомъ обществѣ. Прежнія связи герцогини съ нѣмцами не помогли ей, когда она очутилась въ числѣ ихъ враговъ, и нѣмецкія власти, отобравъ у нея раненыхъ и сдѣлавъ ихъ плѣнными, принудили ее уѣхать въ Голландію со всѣмъ составомъ лазарета. Въ Гаагѣ и Роттердамѣ герцогиня была поражена мирной картиной Голландіи, которая, хотя и вооружилась, но продолжала свою тихую жизнь, оказывая помощь тысячамъ бельгійскихъ бѣженцевъ.

Дневникъ другой англійской сестры, Violetta Thurstan, члена Интернаціональнаго Комитета Краснаго Креста, представляетъ еще большій интересъ, такъ какъ англійская миссъ была сестрой не только въ Бельгіи и во Франціи, но и у насъ, въ Варшавѣ, и работала вообще на русскомъ фронтѣ.

Когда была объявлена война, миссъ Тэрстанъ ѣдетъ въ Бельгію, работаетъ тамъ, затѣмъ, какъ плѣнница, попадаетъ вмѣстѣ съ другими англійскими сестрами въ Германію, отправляется затѣмъ въ Данію, а оттуда въ Петроградъ, гдѣ ее устраиваютъ работать на русскомъ фронтѣ. Побывавъ въ Варшавѣ, Лодзи, она работаетъ около Радзивиллова и тамъ ранена осколкомъ снаряда, заболѣваетъ плевритомъ: за время болѣзни у нея было время привести въ порядокъ свой дневникъ. Передъ нами проходятъ живо написанныя картины перевязочныхъ, санитарныхъ поѣздовъ, лазаретовъ, траншей, жизни солдатъ и раненыхъ...

Послѣдовательно мы присутствуемъ при всѣхъ скитаніяхъ англійской сестры, начиная съ Лондона и кончая Петроградомъ. На первомъ мѣстѣ—картины Лондона, когда возвращались территоріальныя войска съ маневровъ, а поѣзда были переполнены добровольцами, сестрами, имѣющими уже свидѣтельства, членами всевозможныхъ вспомогательныхъ обществъ. На англійскую сестру была возложена миссія отправиться съ нѣсколькими сестрами въ Бельгію и тамъ устроить ихъ въ лазаретахъ. Мы находимъ въ дневникѣ картину оживленнаго и возбужденнаго еще Брюсселя съ воззваніями бургомистра Макса, развѣвающимися повсюду флагами, хорошо оборудованными лазаретами. Въ Брюсселѣ сестру вмѣстѣ съ другими направляютъ въ Шарлеруа, въ то время, когда городъ весь горѣлъ, уничтожены были магазины, банки, богатые дома, и хозяйничали тамъ уже нѣмцы. Ихъ опредѣлили въ окрест-

валъ при отъѣздѣ, о грубыхъ выходкахъ нѣмецкихъ дамъ на вокзалѣ, и т. д. Въ дневникѣ герцогини приведены описанія и другихъ городовъ несчастной Бельгіи и сѣверной части Франціи, уже послѣ разгрома ихъ нѣмцами, когда страшная бомбардировка скашивала дома, фермы, когда испуганные бѣженцы скрывались въ лѣсахъ, безъ куска хлѣба. Мы читаемъ въ дневникѣ подробности разрушенія Динана, убійства взятыхъ нѣмцами заложниковъ, мрачныя картины Шарлеруа, но самое интересное въ книгѣ, это—главы, посвященныя пребыванію герцогини въ Намюрѣ, въ монастырѣ „des Soeurs de Notre Dame", гдѣ сто лѣтъ тому назадъ, въ 1814—1815 г., послѣ разгрома Наполеона подъ Ватерло, французскія, а затѣмъ союзныя войска занимали тѣ же стѣны. Въ то далекое время основательница монастыря, по имени Jgnatius, писала свои воспоминанія о наполеоновской эпопеѣ; прошло сто лѣтъ, и англійская герцогиня часто заносила на свои страницы почти тожественныя описанія. Условія жизни ихъ лазарета становились все тяжелѣе съ каждымъ днемъ: газъ и электричество уже не работали, провизія изсякала, молока не было, постоянно раздавались взрывы мостовъ, которые рушили уходившіе бельгійцы, слышался грохотъ приближающейся канонады, и наконецъ появлялись раненые цѣлыми рядами, на автомобиляхъ, въ фургонахъ и на носилкахъ. Многіе падали здѣсь же отъ утомленія, такъ какъ провели въ траншеяхъ три дня безъ сна и пищи; всѣ поражали герцогиню стойкостью и готовностью жертвовать своей жизнью за родину. Затѣмъ начинаются въ Намюрѣ самые страшные дни: бомбардировка продолжается безъ перерыва, раненые, которые могутъ двигаться, укрываются въ погреба. Сестры и герцогиня остаются все время съ тяжело ранеными. Снаряды летаютъ и надъ монастыремъ, на улицахъ происходитъ перестрѣлка, затѣмъ начинается дефилированіе по городу нѣмецкихъ войскъ. Но это только начало. Если бомбардировка кончилась, то наступаетъ пора пожаровъ, всѣ дома въ предмѣстіяхъ Намюра горятъ. Нѣмцы реквизируютъ припасы, отнимаютъ даже у лазаретовъ запасы муки. Нѣмцы поджигаютъ въ одну страшную ночь городъ съ нѣсколькихъ концовъ. Герцогиня съ докторомъ часто выходятъ на улицу. „Ратуша, крытый рынокъ,—пишетъ она въ своихъ запискахъ,—все было въ огнѣ, говорили, что горитъ арсеналъ, но пороховые погреба были опустошены. Всѣ говорили, что нѣмцы подожгли городъ съ четырехъ концовъ. Одна изъ частей нашего монастыря могла устоять противъ пожара, и раненые, находившіеся тамъ, слѣдовательно, были въ безопасности; однако около ста изъ нихъ находилось въ дортуарѣ, очень старинной части монастыря и расположенной ближе къ огню. Пожаръ направлялся къ намъ, и искры падали къ намъ на крышу. Къ счастью, монастырь былъ окруженъ садами. На небѣ было яркое зарево. Это была ужасная минута, когда мы были безсильны. Монахини мужественно утѣшали раненыхъ и убѣждали ихъ оставаться въ постели и не волноваться. Я не могла ни о чемъ думать.

ности Шарлеруа въ лазаретъ, гдѣ находилось очень много раненыхъ французовъ и англичанъ почти безъ помощи. Сначала съ ними работали бельгійскіе доктора, а затѣмъ приходилъ каждый день нѣмецъ-хирургъ, который считалъ своимъ долгомъ каждый разъ разсказать сестрамъ о пораженіи англичанъ. Черезъ нѣсколько дней изъ лазарета эвакуировали раненыхъ нѣмцевъ, даже бывшихъ въ очень тяжеломъ состояніи, такъ что многіе по дорогѣ на вокзалъ умирали. „Но когда было заявлено, что и французскіе раненые,—разсказываетъ миссъ Тэрстанъ,—и англичане будутъ увезены въ Германію, насъ охватило полное отчаяніе. Одинъ изъ французовъ совсѣмъ умиралъ: многіе тоже не могли двигаться, двое были парализованы, большинство еще не вставало съ постели. Мнѣ было такъ жаль ихъ, что я упросила бельгійскаго доктора отправиться къ нѣмецкому коменданту просить, чтобы намъ оставили самыхъ тяжелыхъ. Онъ вернулся безъ результата; они должны были ѣхать... Въ концѣ концовъ, когда уѣзжали отъ насъ нѣмцы, они возвращались къ себѣ на родину, но эти несчастные страдальцы, больные и раненые, увозились, какъ плѣнные, и, можетъ-быть, принуждены были умереть тамъ въ чужой странѣ... отъ врага, который не знаетъ пощады".

Черезъ нѣсколько дней англійская сестра обязана была отправиться провѣдать другихъ сестеръ, которыя работали на другомъ концѣ Бельгіи, въ Тирлемондѣ. Это путешествіе по занятой уже нѣмцами территоріи было полно приключеній. Въ Брюсселѣ ей посовѣтовали, что лучше всего отправиться пѣшкомъ черезъ Малинъ, и она вмѣстѣ съ другой сестрой отправилась. По дорогѣ онѣ наткнулись на одно селеніе, занятое нѣмцами, которые пропустили ихъ, затѣмъ онѣ проходили съ трудомъ черезъ проволочныя загражденія, которыя только-что соорудили нѣмецкіе солдаты, и когда онѣ вошли въ Малинъ, то попали въ моментъ перестрѣлки между бельгійскими и нѣмецкими передовыми отрядами. Онѣ бѣжали въ гостиницу, чтобы укрыться отъ пуль, но всѣ двери были заперты, и замѣтившій ихъ случайно докторъ изъ Краснаго Креста проводилъ ихъ въ монастырь, гдѣ жили французскія монахини. Имъ предлагали устроить на ночь, но сестры рѣшили лучше вернуться въ Брюссель, такъ какъ двигаться дальше было опасно. Монахини указали сестрамъ тропинку, которая ведетъ сокращеннымъ путемъ въ Брюссель, и по которой онѣ и отправились. Дойдя до перекрестка, онѣ, вѣроятно, повернули не туда, куда слѣдуетъ, такъ какъ очень скоро передъ ними выросъ, какъ изъ-подъ земли, нѣмецкій часовой. Сестры указали на свой красный крестъ на рукавѣ и отправились дальше. Черезъ нѣсколько минутъ онѣ очутились въ нѣмецкомъ лагерѣ, среди палатокъ, фургоновъ, пушекъ, тысячъ солдатъ. Офицеръ подошелъ къ нимъ и спросилъ по-нѣмецки, что имъ надо. Онѣ отвѣчали по-французски, что онѣ сестры изъ Брюсселя. Офицеръ велѣлъ осмотрѣть ихъ и отпустилъ. Когда онѣ уже подходили къ Брюсселю, къ нимъ галопомъ подскакалъ какой-то нѣмецкій офицеръ, соскочилъ съ лошади и сталъ задавать вопросы. Миссъ сказала ему, что онѣ англійскія сестры. Тогда онъ по-англійски долго разспрашивалъ ихъ, какъ очутились онѣ на этой дорогѣ, и въ концѣ концовъ ускакалъ назадъ.

Около этого времени нѣмецкія власти отдали приказъ, что англійскіе лазареты, съ докторами и сестрами изъ Англіи, должны покинуть Бельгію, выѣхать на родину черезъ Голландію, въ спеціальномъ поѣздѣ. Но этотъ поѣздъ повезъ ихъ почему-то не въ Голландію, а черезъ Германію въ Данію, откуда онѣ могли ѣхать, куда угодно. По дорогѣ всѣ присутствующіе въ поѣздѣ подвергались всевозможнымъ мытарствамъ: на границѣ Бельгіи и Германіи у нихъ осматривали багажъ и конфисковали хирургическіе инструменты, медикаменты, затѣмъ въ Кёльнѣ грубые кельнера издѣвались надъ ними и у каждаго прибора клали по нумеру иллюстрированнаго журнала съ глупой карикатурой на Англію: въ Гамбургѣ на вокзалѣ огромная толпа, ожидавшая ихъ, смѣялась надъ ними, свистала, плевала на нихъ. Здѣсь на вокзалѣ произошелъ любопытный случай. Одинъ молодой нѣмецкій офицеръ подошелъ къ сестрамъ и на прекрасномъ англійскомъ языкѣ спросилъ ихъ, не можетъ ли онъ быть имъ полезенъ, такъ какъ онъ былъ, въ свое время, хорошо принятъ въ Англіи и теперь хотѣлъ бы чѣмънибудь отблагодарить англичанъ. Его благодарность началась съ того, что онъ сильно ударилъ по лицу одного изъ кельнеровъ за его грубые пріемы, затѣмъ принесъ сестрамъ фруктовъ и шоколаду, сколько могъ найти на вокзалѣ. Изъ Гамбурга ихъ повезли черезъ Кильскій каналъ въ Данію, въ Копенгагенъ, гдѣ жители встрѣчали ихъ съ распростертыми объятіями, приносили конфеты, фрукты, цвѣты, показывали имъ городъ, музеи, лазареты, устраивали въ честь ихъ музыкальные и литературные вечера. Изъ Даніи англійская миссъ съ другими тремя сестрами получила разрѣшеніе вступить въ русскій Красный Крестъ и черезъ Швецію, Финляндію поѣхала въ Петроградъ... Начавъ учиться русскому языку и занимаясь въ одномъ петроградскомъ лазаретѣ, чтобы усвоить русскіе пріемы, докторъ и англійскія сестры хлопочутъ устроиться на фронтѣ. Черезъ нѣкоторое время онѣ уѣзжаютъ въ Варшаву, работаютъ тамъ въ лазаретѣ, затѣмъ ихъ переводятъ въ Лодзь, когда городъ уже бомбардировали нѣмцы, а раненые все прибывали. Здѣсь сестрамъ приходилось много работать, и въ очень тяжелыхъ условіяхъ, пока не былъ данъ приказъ эвакуировать изъ Лодзи всѣ лазареты. Англійскія сестры очутились снова въ Варшавѣ, затѣмъ переѣзжали изъ Скерневицъ въ Радзивилловъ, потомъ въ Жирардовъ, гдѣ миссъ Тэрстанъ была ранена осколкомъ снаряда и чуть не была убита бомбою, брошенною съ нѣмецкаго аэроплана. „Я шла,—разсказываетъ она,—по открытому мѣсту, никого не видя и не спѣша, какъ вдругъ услыхала шумъ мотора надо мной: я не успѣла одуматься, какъ упала бомба, и, когда разошелся дымъ, я очутилась на краю огромной ямы. Бомба упала въ липкую грязь. Солдаты, которые работали вблизи, подбѣжали ко мнѣ, думая, что я убита, но я осталась цѣла,—у меня въ ногѣ была небольшая рана. Плевритъ, который я схватила впослѣдствіи, хуже терзалъ меня. Я долго лежала въ постели и только, поправляясь, могла взяться за дневникъ"...

Гдѣ находится теперь эта англійская сестра, на какомъ фронтѣ работаетъ она? За какими ранеными ухаживаетъ она сейчасъ?..

Во всякомъ случаѣ, ея книга и другіе дневники, написанные въ лазаретахъ, говорятъ намъ о необыкновенномъ героизмѣ, который проявляется въ ихъ стѣнахъ. Мы видимъ въ нихъ женъ, матерей и невѣстъ, которыя отправляютъ близкихъ имъ людей спасать родину и встрѣчаютъ ихъ потомъ въ лазаретахъ, иногда мертвыми, иногда изувѣченными; встрѣчаемъ солдатъ и ихъ начальниковъ, которые проливаютъ свою кровь за отчизну; находимъ самоотверженно работающихъ сестеръ и санитаровъ, которые вытаскиваютъ раненыхъ подъ огнемъ или ухаживаютъ за ними дни и ночи въ лазаретахъ. И, можетъ-быть, именно у нихъ мы можемъ найти указаніе, какъ намъ жить въ тылу, учиться у нихъ подвигу самоотреченія и долгу, а главное, вѣрить, подобно имъ, въ окончательную побѣду надъ врагомъ.

Разрушенный непріятельскими снарядами костелъ.

Рис. нашего корреспондента *А. Семенова*

Рядовой Николаевъ.

(Сильна, какъ смерть).

Повѣсть **П. Н. Краснова.**

(Продолженіе).

VIII.

Днемъ германцы, какъ бы въ отместку за неудавшуюся атаку, обстрѣливали наши позиціи артиллерійскимъ огнемъ. Возлѣ проволокъ, позади ихъ, корчились и стонали нѣмецкіе раненые, но вынести ихъ не было возможности. Страшные мертвецы лежали вдоль всего проволочнаго загражденія.

Въ окопахъ шла работа по очисткѣ отъ газовъ землянокъ и ходовъ сообщенія, газъ выжигали кострами, заливали водой. Не спавшіе всю ночь люди не спали и днемъ. Слишкомъ много было работы. Ночью готовились выносить убитыхъ и раненыхъ нѣмцевъ и для нихъ съ полудня начали рыть обширную братскую могилу. Ихъ было такъ много: насчитали ихъ болѣе семисотъ. Ночью предстояло собрать ружья, потомъ вынести и похоронить мертвыхъ, живыхъ отправить на перевязочный пунктъ.

Но эту работу не пришлось дѣлать третьей ротѣ. Послѣ полуночи ее смѣнили эм-цы, а ей приказано было итти далеко въ тылъ, за рѣку, на отдыхъ, но люди роты уже были посланы на работы по сбору оружія, а потому смѣна затянулась, и уже свѣтало, когда по ходамъ сообщенія солдаты начали выбираться къ спасительному лѣсу, на живительное солнце, туда, гдѣ можно двигаться, пѣть, слушать жаворонковъ...

Кладбище австрійцевъ. Рис. нашего корреспондента *А. Семенова.*

Когда изъ глубокаго хода сообщенія вылѣзли на поле, его не узнали.

Солнце уже поднялось. Голубое небо было безъ облака, легкій туманъ клубился надъ землею, обѣщая жаркій день, но ни жаворонки не пѣли, ни воробьи не чирикали, привѣтствуя дневное свѣтило. Мертвая тишина стояла въ убитой природѣ. Молодая травка луговъ, уже поднявшіяся озими лежали, поникнувъ головками къ землѣ, желтыя и мертвыя. И ихъ убилъ нѣмецкій газъ. Жаворонки, застигнутые въ своихъ полевыхъ гнѣздахъ, погибли, и мертвый заяцъ лежалъ въ межѣ у дороги. Газъ уничтожилъ на далекомъ разстояніи ежей, кротовъ, полевыхъ мышей, убилъ птицъ. Онъ докатился до самаго лѣса, ожегъ деревья до ихъ вершинъ, передушилъ пѣвчихъ птичекъ, и здѣсь только былъ разорванъ вѣтромъ и началъ испаряться...

Когда шли, то такъ казалось или и дѣйствительно ощущался запахъ хлора, и многіе солдаты инстинктивно надѣли противогазы.

Поэтому шли, не останавливаясь, не собираясь въ батальоны, шли торопливымъ шагомъ, спѣша за лѣсъ.

На первой полянѣ все было по-старому. На солнечномъ пригрѣвѣ цвѣли анемоны, въ мшистыхъ закоулкахъ пахло фіалками, и птицы весело перекликались, перепархивая съ вѣтки на вѣтку.

Рота остановилась. Дано было оправиться. Приказано скатать шинели.

На поискахъ воды, гдѣ бы умыться, Николаевъ, - онъ вторыя сутки не умывался и чувствовалъ себя совершенно разбитымъ, - углубился далеко въ лѣсъ и, когда вернулся на дорогу, рота уже уходила, и онъ вмѣсто своего взвода пристроился къ четвертому, въ хвостѣ роты.

У перекрестка Яковлевъ пропускалъ роту мимо себя и, привѣтливо кивнувъ головою Николаеву, пошелъ рядомъ съ нимъ.

Дорога была песчаная, тяжелая, люди шли медленно. Яковлевъ умышленно отсталъ, и Николаевъ, равнявшійся по нему, отсталъ тоже.

— Ну что,—тихо сказалъ Яковлевъ,—не раскаиваетесь въ принятомъ рѣшеніи, послѣ всего пережитаго?

Николаевъ поднялъ на Яковлева свою милую головку. Загорѣлое, горящее отъ свѣжей воды, отъ утомленія, съ большими, воспаленными, дивно красивыми глазами личико прямо и открыто посмотрѣло въ лицо капитану.

— Ой! Что вы!—воскликнулъ Николаевъ.- Я такъ счастливъ. Вы знаете, несмотря на безсонныя ночи, на весь этотъ пережитый ужасъ, мнѣ такъ легко, легко. Я точно переродился.

— Да, вы правы. И это такъ понятно.

— Понятно?.. Но почему? Мнѣ совершенно непонятно.

— Вотъ почему. Вы испытали сладость побѣды. А знаете ли вы, что слаще и выше этого чувства нѣтъ чувства для человѣка?

— Мнѣ кажется, что да. Вы правы Это самое главное.

— Да, — продолжалъ Яковлевъ,— и, знаете, не только побѣда на войнѣ насъ такъ очаровываетъ и заколдовываетъ, но всюду и вездѣ побѣда— это все. Стремленіе къ побѣдѣ, жажда ея, упоеніе ею заложено Божественнымъ Промысломъ въ сердце человѣка вообще и мужчины особенно.

Онъ помолчалъ немного.

— Вѣдь вся жизнь, это—стремленіе къ побѣдѣ и наслажденіе побѣдой. Потому что жизнь есть борьба.

— Далеко не у всѣхъ, — сказалъ Николаевъ.

— Ну, кто не борется и не побѣждаетъ, тотъ и не живетъ. Это уже жалкое, скучное существованіе. Вѣдь и въ любви главное—побѣда...

И Яковлевъ такъ взглянулъ на Николаева, какъ будто онъ любилъ его, какъ будто бы онъ хотѣлъ и его побѣдить.

— По существу, — продолжалъ онъ, — не все ли равно, кого любить. Любить можно и тѣхъ, кто легко доступенъ, обладаніе кѣмъ не требуетъ борьбы. Но вѣдь любишь и наслаждаешься лишь тогда, когда стремишься къ невозможному. Когда судьба ставитъ тысячи препятствій по пути къ достиженію цѣли любви, только тогда наслаждаешься побѣдой,—побѣдой любви.

И Яковлевъ вспомнилъ свою побѣду надъ Натальей Павловной. Какъ легко она ему далась! Познакомились, поговорили, и черезъ день уже было и свиданье и поцѣлуи и клятвы любви. Бытьможетъ, потому и любовь эта не дала того неземного наслажденія и упоенія, которое намъ даетъ настоящая побѣда. И опять онъ взглянулъ на Николаева.

Папаха у Николаева сдвинулась на затылокъ, открывая лобъ и края отросшихъ и чуть завившихся русыхъ волосъ. Въ изгибахъ завитковъ они отливали червоннымъ золотомъ. Лицо загорѣло и приняло матовый оттѣнокъ, какой бываетъ у женщинъ далекаго юга. Черты лица обострились, носъ сталъ тоньше, большіе голубые глаза такимъ очаровательнымъ контрастомъ глядѣли изъ темныхъ вѣкъ, среди коричневато-розовыхъ щекъ. Точно горныя озера среди скалъ. И пурпуръ губъ и перламутръ зубовъ стали болѣе рѣзкими, болѣе пріятными, еще болѣе женственными.

Свободно колыхалась на ходу ея маленькая фигурка. Фигура мальчика. Казалось, ружье раздавитъ ее и не удержится этими маленькими ручками съ точеными тонкими пальчиками. Ранцевая сумка оттягивала плечи, длинные патронташи, полные патроновъ, давили бедра и грудь. Скатка и патроны скрадывали бедра, и не было замѣтно въ нихъ ничего женскаго. Но очаровательная прелесть была во всемъ этомъ маленькомъ изящномъ солдатѣ. Тонкій женскій умъ, тотъ умъ, который околдовываетъ и покоряетъ мужчину еще болѣе, нежели красота, былъ въ ея лучистыхъ глазахъ, былъ виденъ во всѣхъ ея поступкахъ, полныхъ такта женщины, понимающей всякую обстановку.

— Вы знаете,—понизивъ голосъ, проговорилъ Яковлевъ,—никто не догадывается, что вы женщина.
— И слава Богу...
— Изъ солдатъ, можетъ-быть, вашъ взводный, Сорока. Но вѣдь это мой ученикъ. Кремень. Умретъ, а не выдастъ.
— А офицеры?
— Сначала было большое подозрѣніе. Но командиръ полка положилъ конецъ всѣмъ толкамъ. Вы—недоучившійся кадетъ и мой дальній родственникъ. Вотъ и весь сказъ.
Онъ помолчалъ немного и потомъ тихимъ, задушевнымъ голосомъ спросилъ:
— А что, очень было трудно?
— Да,—чистосердечно сказалъ Николаевъ.—Но зато я сталъ совсѣмъ другой.
— Сталъ... другой,—подчеркнулъ Яковлевъ мужскія окончанія.
Николаевъ не разсердился.
— Я и думать стараюсь въ мужскомъ родѣ. Иногда это мнѣ удается. Иногда нѣтъ. Но въ разговорѣ ни разу не ошибся.
— У васъ мужская душа.
— Вы считаете мужскую душу выше женской?
— Не знаю... Не знаю... Да. Раньше считалъ.
Разговоръ на минуту пресѣкся.
Рота шла впереди. Шла сонная, вялая, тихая. Тяжелая песчаная дорога, начавшееся тепло, запахъ сосны и можжевельника размаривали людей. Многіе спали на ходу.
— Да, я сталъ совсѣмъ другой,—повторилъ Николаевъ.—Какая это страшная и чудная школа, наше „Орлиное гнѣздо". Вотъ куда посылать нашу публику изъ тыла, которая жалуется, что нѣтъ сахару, что хлѣбъ выпекается не такой вкусный, что стало грязнѣе на улицахъ Петрограда, что нѣтъ извозчиковъ. Пусть двѣ недѣли поживутъ этой жизнью въ маленькомъ окопѣ, гдѣ между ходами сообщенія гуляетъ смерть, гдѣ нѣтъ спокойствія, нѣтъ отдыха. Пусть посидятъ съ простымъ русскимъ народомъ, послушаютъ его нехитрыя сказки, которыя они разсказываютъ въ темныя ночи, прислушиваясь къ свисту пуль... Вотъ лѣчебница для ипохондриковъ!
— Да, школа хорошая.
— А какую чудную сказку я слышалъ. Про то, какъ пришла правда на землю, и какъ ее всюду искали и,—до чего мѣтокъ нашъ народъ!—вѣдь правды-то никто не нашелъ.
— Мнѣ кажется, я читалъ эту сказку у Льва Толстого.
— Ахъ, нѣтъ! Тутъ совсѣмъ это иначе выходило. И, пожалуй, даже лучше.
— Занятно. Я не слыхалъ этой сказки.
— Вы знаете, я бы въ эти окопы посылалъ тѣхъ, кому жизнь не удается, кто хочетъ по Ницше попробовать смерть.
— Да, если бы смерть можно было только попробовать. Но вѣдь возьмешь ее себѣ въ помощники, и кончено. И навсегда.
— А вотъ мнѣ показалось, что за эти двѣ недѣли въ „Орлиномъ гнѣздѣ", съ этою ужасною газовою атакою, съ этими многими смертями, мы, которыхъ Господь сохранилъ, именно попробовали смерть, но остались живы. И зато, какъ теперь полюбили жизнь! Какъ цѣнимъ мы и солнце, и воздухъ, и этотъ лѣсъ, какъ довольны мы самымъ малымъ. Самый мрачный самоубійца, переживъ все это, выздоровѣлъ бы отъ своихъ думъ. Это такая прекрасная полировка крови.
— Вы думаете? А мнѣ кажется, что вы ошибаетесь. Вамъ это такъ показалось потому, что молодая силушка по вашимъ жилкамъ живчикомъ переливается, что вы и безъ этого созданы для того, чтобы жить, радоваться и давать радость и счастье другимъ. А посмотрите, вонъ тамъ, въ головѣ роты, вы видите эту мрачную фигуру, несмотря на жару, идущую въ шинели въ рукава, и подъ солнцемъ въ макинтошѣ и калошахъ, заложивъ руки въ карманы и опустивъ голову такъ, какъ будто онъ ищетъ грибы?..
— Прапорщикъ Мракобѣсовъ!—смѣясь, воскликнулъ Николаевъ.
— Да, именно онъ. Вы думаете, свѣтло у него на душѣ, послѣ пережитаго? Радуется онъ этому солнечному свѣту?
— Но неужели его не трогаетъ это солнце, голубое небо? Пѣніе птичекъ? Смотрите, какой красавчикъ тамъ на вѣткѣ.
— Щегленокъ. Ихъ тутъ много. Ничто его не радуетъ. Онъ идетъ и считаетъ наши потери. Онъ забываетъ, что нашъ полкъ потерялъ убитыми всего пятнадцать человѣкъ да ранеными шестьдесятъ семь, а нѣмцы, такъ вѣрившіе въ побѣду, потеряли около восьмисотъ только убитыхъ. Да сколько раненыхъ ушло!.. Онъ идетъ теперь и думаетъ, что пора заключать миръ... Завтра, а, можетъ-быть, уже даже и сегодня онъ подастъ мнѣ рапортъ съ ходатайствомъ о назначеніи комиссіи на предметъ его эвакуаціи для лѣченія и поѣдетъ въ тылъ.
— И вы этому не будете препятствовать?
— Сохрани Боже! Скатертью дорога. И чѣмъ дольше онъ будетъ странствовать изъ госпиталя въ госпиталь, всюду разнося заразу своего неудовольствія, тѣмъ для роты лучше. Онъ всю войну проводитъ такъ—отъ боя и до боя... И что замѣчательно—я увѣренъ, что именно его, такъ боящагося смерти и ранъ, или убьетъ гдѣ-либо, или ранитъ.
— Какъ это ужасно!
— Что подѣлаешь, Николаевъ. Такимъ людямъ не мѣсто въ строю.
— Почему же ихъ берутъ?
— Потому что законъ равенъ для всѣхъ. Потому что слишкомъ легко смотрятъ въ обществѣ на обязанности и на долгъ офицера.
— Но вѣдь такіе люди вредны.
— И очень... Впрочемъ, и я и вы, мы оба извлечемъ изъ него маленькую пользу.
— Какимъ образомъ?
— Я отбираю отъ него его походную койку, одѣяло и подушку для васъ.
— О нѣтъ, нѣтъ,—ни за что. Я хочу до конца...

Брошенные непріятелемъ окопы. Рис. нашего корреспондента *А. Семенова.*

— Постойте, милая... милый юноша! Постойте, не горячитесь и не ерепеньтесь. Сознайтесь, что грязь и насѣкомыя, плохіе ночлеги—это самое тяжелое, что вы пока перенесли. Тяжелѣе даже газовой атаки, потому что длительнѣе и потому еще, что отразить свирѣпую атаку—геройство, а томиться по ночамъ и страдать отъ укусовъ только гадко. Вѣдь да?
— Да,—чуть слышно отвѣтилъ Николаевъ.
— Я достаточно испыталъ васъ. Почти мѣсяцъ. Да раньше это было и неудобно. Возбудило бы разговоры. И вы меня недостаточно знали. А теперь... Сегодня Мракобѣсовъ уѣдетъ въ штабъ полка, и вы займете его мѣсто. Это никого не удивитъ. Это такъ естественно, что ротный, занимая комнату, даетъ въ ней мѣсто своему младшему офицеру, а если его нѣтъ, то вольноопредѣляющемуся, человѣку одного съ нимъ круга. Мой Селимъ приготовитъ вамъ горячей воды, кадки, и вы умоетесь и отдохнете, какъ слѣдуетъ, и если что будетъ подозрительно, такъ это только то, что я подъ предлогомъ лихорадки откажусь отъ бани, а вамъ придется прогнать Селима, который будетъ навязывать свои услуги попарить васъ... Вотъ и все...
При мысли о возможности въ теплой и, почему-то Николаеву казалось, непремѣнно чистой избѣ помыться съ мыломъ въ горячей водѣ, выбросить все это почти истлѣвшее на тѣлѣ бѣлье, которое онъ, не снимая, носилъ мѣсяцъ, глаза заискрились чисто-животною радостью, и улыбка счастья освѣтила милое лицо.
„И какой онъ милый, догадливый, заботливый,—подумалъ Николаевъ,—какъ чутко все понимаетъ"...
— За это время, милый юноша,—подчеркивая слово „юноша" и

Праздникъ на позиціяхъ. *Отдыхъ въ звукахъ.*

дельтортъ. Его лицо было зеленовато-бѣлымъ. Глаза блуждали. Онъ все еще не оправился отъ отравленія.

— Владиміръ Петровичъ, — не вставая съ пенька, на которомъ сидѣлъ, обратился къ Яковлеву Мракобѣсовъ, — вы знаете, я, должно-быть, отравился. Я попрошу разрѣшенія лечь въ лазаретъ. И голова болитъ, и тутъ плохо, и тутъ.

Яковлевъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сѣлъ у дороги и задумался, глядя на роту. И противъ воли взоръ его искалъ милую фигурку стройнаго мальчика.

И когда онъ нашелъ его спящимъ на скаткѣ рядомъ съ Карпенкой, лицо его просвѣтлѣло. Стало легко, хорошо на душѣ, и противъ воли онъ улыбнулся. Мракобѣсовъ, все время разсказывавшій о своихъ недугахъ, принялъ эту улыбку на свой счетъ.

— Вотъ вы не вѣрите, — сказалъ онъ, — не вѣрите. А вѣдь, ей-Богу, правда. Ну вотъ честное слово офицера.

— Прапорщика, — улыбаясь, поправилъ Яковлевъ, — да вѣрю вамъ, Аполлонъ Ивановичъ, вѣрю и отпускаю на всѣ четыре стороны. Лѣчитесь, поправляйте свои нервы, свою голову, свою печень и еще что тамъ...

— Кажется, почки! — жалобно воскликнулъ Мракобѣсовъ.

— Ну вотъ и почки. А теперь пойдемте дальше. Рота, въ ружье!..

И въ солнечномъ пригрѣвѣ жаркаго утра по узкой лѣсной дорогѣ опять зашаталась, переваливаясь съ ноги на ногу, длинная и узкая сѣрая колонна третьей роты.

Почти всѣ люди спали на ходу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

смѣясь глазами, сказалъ Яковлевъ, — мы такъ много пережили вмѣстѣ, что стали настоящими товарищами. Я устрою васъ хорошо, и, какъ ни пріятно вамъ было общество солдатъ, какъ ни были они, я въ этомъ увѣренъ, вполнѣ деликатны къ вамъ, но, я надѣюсь, что со мною вамъ тоже будетъ не худо.

— О, ваше благородіе, я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— „Ваше благородіе", милый юноша, хотя меня и коробитъ, и у васъ звучитъ далеко неувѣренно, придется оставить, потому что иначе мы можемъ выдать нашъ секретъ. Итакъ, по рукамъ!

И Яковлевъ осторожно пожалъ маленькую ручку Николаева, а затѣмъ бодрымъ и веселымъ голосомъ крикнулъ:

— Рота, стой, оправиться!

И было время. Прошли по песку цѣлыхъ пять верстъ, послѣ безсонныхъ ночей люди стали уставать.

— Садись, кури!

Съ глухимъ гомономъ рота разсѣлась по сторонамъ дороги. Задымили папиросы и козьи ножки. Яковлевъ прошелъ въ голову роты, а Николаевъ въ свой взводъ.

— Ну что, баринъ, отошелъ? — весело сказалъ ему Сорока, и опять искра насмѣшки сверкнула въ его сѣрыхъ глазахъ.

— Да я ничего, — сконфуженно проговорилъ Николаевъ.

— И правда, молодцомъ! Не испужался. Я на тебя радовался.

И Карпенко участливо смотрѣлъ на Николаева.

— Вы, баринъ, скатку подложите, а то сыро, земля-то она таё еще, значитъ, не просохла. Со скаткой-то ладнѣй.

И, живо скинувъ свою скатку, онъ подложилъ ее услужливо Николаеву.

— Вотъ такъ и славно будетъ. Отдохните, баринъ. Тоже нелегкое пережили.

Неподалеку сидѣлъ и Ман-

Праздникъ на пути къ позиціямъ. *Отдыхъ въ пляскѣ.*

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Отъ Государственнаго Банка.

Для покрытія вызванныхъ войной чрезвычайныхъ расходовъ на ряду съ займами долгосрочнаго характера выпускаются также **5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства** на сроки до 12 мѣсяцевъ. Эти обязательства имѣются въ продажѣ срокомъ на 1-е число каждаго мѣсяца.

5% обязательства выпускаются достоинствомъ отъ 1.000 р. до 1 милліона рублей и могутъ пріобрѣтаться во всѣхъ учрежденіяхъ Государственнаго Банка и Казначействахъ.

Проценты по обязательствамъ выплачиваются покупателю **впередъ** при самой покупкѣ, въ размѣрѣ 5% годовыхъ, безъ удержанія сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

При наступленіи срока обязательства, за него выплачивается въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ полная **номинальная его стоимость.**

До наступленія срока обязательства могутъ быть **учитываемы** въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ **изъ $5\frac{1}{8}\%$**; кромѣ того, владѣльцемъ обязательствъ можетъ быть получена подъ залогъ ихъ ссуда въ размѣрѣ до 95% номинала изъ $5\frac{1}{2}\%$ годовыхъ.

При желаніи покупателя обязательства могутъ быть обращаемы **въ именныя.**

5% обязательства принимаются въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка и Казначействахъ **на безплатное** храненіе и управленіе, причемъ **гербовый сборъ** по вкладнымъ роспискамъ относится **на счетъ Банка.**

Управляющій *И. Шиповъ.*

МАРКИ

почт., бывш. въ употребл., покупаю въ люб. колич. Зак. листъ выс. по получ. 4 к. марки. Петрогр. Заротная 9. Овдѣнко. 4580

СТЕНОГРАФІЯ полный, самый лучшій и доступный курсъ. Ц. 4 р. 50 к. Безъ зад. не выс. Каталоги безплатно. Адр: Москва, Б. Гнѣздн. пер., изд-ство Д. Куманова.

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, добрые люди, достроить и благоукрасить храмъ Господень во славу Рождества Пр. Богородицы. **Адресъ:** г. Лихвинъ, Калужской губ., село Жеремино, церковно-приходскому Попечительству, или 4546 Священнику Александру Смирнову.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 урокахъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 десятикоп. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Професс. каллиграф. Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская, д. № 19.

ЗАЧѢМЪ ПЛАТИТЬ 50-60 коп. за фунтъ МЫЛА

когда можно замѣнить его равно-дѣйствующимъ испытаннымъ безвреднымъ стирочнымъ средствомъ

ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ

стоющимъ **25-30** коп. за фунтъ

→ ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. Остерегайтесь подделокъ ←

Требуйте на каждой пачкѣ фирму **Т-во ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ** Петроградъ, Петровскій пр. соб. домъ

которое высылаетъ желающимъ, по полученіи 10 руб. 40 фунтовыхъ пачекъ лессива феникса казеннымъ и общественнымъ учрежденіямъ и организаціямъ, а равно торговцамъ лессивъ феникса отпускается по особо пониженной оптово-фабричной цѣнѣ. 4596 10-7

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 р. 25 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. убористаго шрифт. Цѣна съ пер. 2 р. 50 к. на лучшей бумагѣ 3 р.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран. Цѣна (5) 3 р. 50 к. 4469

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль. При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ"—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.

РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА. АРТЕРІОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.

ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Русское Агентство фирмы **ШАТЕЛЕНЪ** въ Парижѣ. Москва, Петровскій пассажъ, № 38, отд. 5.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ, предупреждаетъ его повтореніе.

4548 4-3

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, въ Петроградѣ.

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ.

РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ

ОБУВИ

ПРОСТОЙ и ИЗЯЩНОЙ ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ и ДѢТСКОЙ

по новой, легкой и скорой методѣ.

5-е изданіе.

Отд. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ библіот. ремесл. учебныхъ заведеній: **Учебн. Отд. Мин. Торг. и Пром. допущено** въ библіот. низшихъ учебн. заведеній.

Цѣна книги 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля", новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья
ПЕТРОГРАДЪ

4460

ЖЕЛУДОЧНЫЙ НАБОРЪ ТРАВЪ.

Способъ употребленія набора травъ *МЕНЗЕЛИНЦЕВА* высылается безплатно. МОСКВА, Мясницкая, 50. Изобрѣтатель МЕНЗЕЛИНЦЕВЪ.

Желаемъ немедленно купить за высокую цѣну

ХОРОШУЮ КОЛЛЕКЦІЮ МАРОКЪ.

Магазинъ марокъ

Эвальдъ Эйхенталь.

Невскій, 40. 4563

Одесск. Средн. Сельскохозяйственно-

ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ,

учр. И. И. ХОЙНА,
съ правами казенн. ср. уч. заведен.
ОДЕССА, Троицкая, 25.

Пріемъ производ. въ подготов. классъ.
Проспекты высыл. за 5 двухкоп. марокъ.

Тамъ же **ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ** 4534

Старческая дряхлость,

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, преждеврем. безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля **не** имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья.
ПЕТРОГРАДЪ.

4470 13-4

Крестовый походъ народовъ.

То, что было предрѣшено почти цѣлые полтора года назадъ, наконецъ осуществилось: Америка объявила войну Германіи. Уже съ самаго начала европейской войны германскіе пріемы военныхъ дѣйствій и на сушѣ и на морѣ производили впечатлѣніе дерзкаго вызова, брошеннаго цѣлому міру. Разстрѣлъ мирныхъ городовъ, разрушеніе историческихъ храмовъ-святынь и памятниковъ, массовыя насилія надъ жителями, казни безъ счета и смысла, грабежи, возведенные въ систему, нарушеніе нейтралитета, полное неуваженіе ко всѣмъ договорамъ—все это не могло не сдѣлать Германію предметомъ ненависти и возмущенія для всѣхъ народовъ. Американцы, самые миролюбивые на свѣтѣ купцы и промышленники, долго крѣпились, отдѣленные отъ обагренной кровью Европы океаномъ, настойчиво увѣряли себя, что ихъ „хата съ краю", и что насилія германскаго вооруженнаго кулака въ Европѣ ихъ не касаются, но когда нѣмцы объявили подводную блокаду всей Европы и стали топить американскихъ гражданъ и американскіе пароходы подводными лодками, тогда и практическому купеческому миролюбію насталъ конецъ, американцы почувствовали себя солидарными съ европейскими народами и вмѣстѣ съ ними возстали съ оружіемъ въ рукахъ на защиту нагло попираемаго нѣмцами права. Разумѣется, кромѣ солидарности безцеремонно попираемыхъ нѣмцами правовыхъ интересовъ, вступленіе американцевъ въ войну объясняется также и національною солидарностью съ Англіею, которой германская блокада наноситъ существенный ущербъ. Кровное родство съ одной изъ воюющихъ странъ дѣлало неизбѣжнымъ участіе въ войнѣ „заатлантическихъ кузеновъ" съ того момента, какъ военныя дѣйствія примутъ рѣшительный оборотъ.

„Время — деньги". Сколько стоитъ секунда войны?
(Каждый секундный размахъ маятника часовъ стоитъ теперь Англіи 66 ф. стерл. (около 1.000 р.); часъ войны обходится въ 3.600.000 р., а сутки—86.400.000 р.).

Окончательному рѣшенію президента Вильсона много помогла и русская революція. Она заставила ясно почувствовать, что съ переходомъ Россіи къ правовому порядку внутренней жизни борьба съ Германіей идетъ уже за новый строй всей Европы, наиболѣе соотвѣтствующій, между прочимъ, и американскимъ интересамъ. Германія идетъ противъ всего міра, и весь міръ объединился противъ Германіи. Всѣ народы опол-

Подводная война и вступленіе Америки въ союзъ державъ, воюющихъ съ Германіей

чились на защиту международнаго права и объявили крестовый походъ противъ варваровъ XX вѣка. По примѣру Америки объявила себя въ состоянiи войны съ Германiею и Кубинская республика. Китайскiй посланникъ въ Берлинѣ возвратилъ германскому министерству иностранныхъ дѣлъ вѣрительныя грамоты и покинулъ нѣмецкую столицу. Всѣ германскiя промышленныя предпрiятiя въ Китаѣ, всѣ германскiя суда въ китайскихъ портахъ переходятъ въ наслѣдство китайцамъ. Быть-можетъ, этимъ захватомъ только и выразится война китайцевъ съ нѣмцами, но и онъ нанесетъ нашимъ врагамъ значительный матерiальный ущербъ. Съ присоединенiемъ Америки и Китая война дѣйствительно становится всемiрной. Въ ней участвуютъ почти цѣликомъ всѣ части свѣта. Вся Европа (кромѣ Швейцарiи, Испанiи, Нидерландовъ и Скандинавскихъ государствъ), вся Австралiя, вся Африка, вся Сѣверная Америка, съ почти готовымъ присоединенiемъ Южной, и наконецъ почти вся Азiя, въ лицѣ Японiи, Китая, англiйской Индiи, французской Индiи и русской Сибири. Весь шаръ земной — противъ нѣмцевъ и грозитъ раздавить ихъ своею тяжестью. При такомъ оборотѣ дѣлъ дальнѣйшая борьба становится для германской коалицiи безнадежной. Сломленная въ Месопотамiи и Малой Азiи соединенными силами русскихъ и англичанъ, вытѣсняемая англо-французскими армiями съ запада, выпираемая растущимъ напоромъ съ Балканъ, она можетъ имѣть мимолетный успѣхъ развѣ только на русскомъ фронтѣ, временно ослабленномъ переформированiемъ внутренней государственной и военной организацiи, но небольшiе успѣхи не могутъ измѣнить роковыхъ для Германiи общихъ итоговъ войны, заранѣе предопредѣленныхъ рѣзкою несоразмѣрностью и военныхъ, и финансовыхъ, и экономическихъ, и техническихъ силъ обѣихъ борющихся сторонъ. Выступленiе Америки съ ея колоссально развитою промышленностью, съ ея неисчислимыми продовольственными и матерiальными запасами, съ ея пятимиллiарднымъ золотымъ запасомъ, предрѣшаетъ исходъ побѣдной борьбы и скорое заключенiе мира. Побѣда союзниковъ надъ германскою коалицiею создастъ прочныя гарантiи вѣчнаго мира и обезпечитъ свободу народовъ отъ какихъ бы то ни было завоевательныхъ покушенiй со стороны вооруженныхъ насильниковъ. Цѣлью такой войны, въ которой приняло участiе все человѣчество, могутъ служить не мелкiя политическiя выгоды, не завоеванiя территорiй, но единственно только обезпеченiе права и безопасности освобожденныхъ народовъ.

Обращенiе Временнаго Правительства къ Россiйскимъ Гражданамъ.

Граждане!

Временное Правительство, обсудивъ военное положенiе русскаго государства, во имя долга передъ страной рѣшило прямо и открыто сказать народу всю правду.

Свергнутая нынѣ власть оставила дѣло обороны страны въ тяжеломъ разстроенномъ положенiи. Своимъ преступнымъ бездѣйствiемъ и своими неумѣлыми мѣрами она внесла разруху въ наши финансы, въ дѣло продовольствiя и перевозокъ, въ дѣло снабженiя армiи. Она подорвала нашъ хозяйственный строй.

Временное Правительство, при живомъ и дѣятельномъ содѣйствiи всего народа, положитъ всѣ силы на дѣло исправленiя этихъ тяжкихъ послѣдствiй стараго режима. Но время не ждетъ. Кровь многихъ сыновъ родины безъ мѣры лилась за эти два съ половиною долгихъ года войны, но страна все еще остается подъ ударомъ сильнаго врага, захватившаго цѣлыя области нашего государства и нынѣ, въ дни рожденiя русской свободы, грозящаго намъ новымъ рѣшительнымъ напоромъ.

Оборона во что бы то ни стало собственнаго родного достоянiя и избавленiе страны отъ вторгнувшагося въ наши предѣлы врага—первая насущная и жизненная задача нашихъ воиновъ, защищающихъ свободу народа.

Предоставляя волѣ народа въ тѣсномъ единенiи съ нашими союзниками окончательно разрѣшить всѣ вопросы, связанные съ мiровою войной и ея окончанiемъ, Временное Правительство считаетъ своимъ правомъ и долгомъ нынѣ же заявить, что цѣль свободной Россiи—не господство надъ другими народами, не отнятiе у нихъ нацiональнаго ихъ достоянiя, не насильственный захватъ чужихъ территорiй, но утвержденiе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленiя народовъ. Русскiй народъ не добивается усиленiя внѣшней мощи за счетъ другихъ народовъ, онъ не ставитъ своею цѣлью ничьего порабощенiя и униженiя. Во имя высшихъ началъ справедливости имъ сняты оковы, лежавшiя на польскомъ народѣ. Но русскiй народъ не допуститъ, чтобы родина его вышла изъ великой борьбы униженной и подорванной въ жизненныхъ своихъ силахъ. Эти начала будутъ положены въ основу внѣшней политики Временнаго Правительства, неуклонно проводящей волю народную и ограждающей права нашей родины, при полномъ соблюденiи обязательствъ, принятыхъ въ отношенiи нашихъ союзниковъ.

Временное Правительство свободной Россiи не въ правѣ скрывать истину отъ народа. Государство въ опасности. Нужно напрячь всѣ силы для его спасенiя. Пусть отвѣтомъ страны на сказанную правду будетъ не безплодное уныние, не упадокъ духа, а единодушный порывъ къ созданiю единой народной воли. Она дастъ намъ новыя силы къ борьбѣ и приведетъ насъ къ спасенiю.

Въ часъ суроваго испытанiя пусть вся страна найдетъ въ себѣ силы закрѣпить завоеванную свободу и отдаться неустанной работѣ на благо свободной Россiи. Временное Правительство, давшее торжественную клятву служить народу, твердо вѣритъ, что, при общей и единодушной поддержкѣ всѣхъ и каждаго, и само оно будетъ въ состоянiи выполнить свой долгъ передъ страной до конца.

Подписалъ министръ-предсѣдатель кн. *Г. Е. Львовъ*

Резолюцiя Петроградскаго гарнизона.

Воинскiе чины Петроградскаго гарнизона всѣхъ званiй послѣ общаго обмѣна мнѣнiй постановили довести до свѣдѣнiя Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и вручить Временному Правительству слѣдующую резолюцiю:

„Солдаты и офицеры 89-ти частей Петроградскаго гарнизона, уполномоченныя делегацiи отъ частей фронта: 15-й стрѣлковой Сибирской дивизiи, 2-го моторно-понтоннаго батальона, гвардейскаго Павловскаго полка, 3-го Донского пѣхотнаго полка, вернувшiеся изъ германскаго плѣна инвалиды, постановили считать необходимымъ:

1) довести войну до обезпеченiя завоеванной народомъ и армiей свободы;

2) довести войну до побѣднаго конца, ибо армiя считаетъ, что даже миръ, которымъ бы возстановились прежнiя границы государства, миръ безъ согласiя союзниковъ, — явится миромъ позорнымъ, угрожающимъ русской свободѣ, отдѣляющимъ насъ пятномъ измѣны и предательства отъ свободной Англiи, республиканской Францiи, разбитыхъ и поруганныхъ за други своя Бельгiи, Сербiи, Черногорiи и Румынiи, отъ клятвеннаго обѣщанiя возстановить свободную Польшу изъ нѣмецкихъ и русскихъ земель.

Для достиженiя этихъ цѣлей собравшiеся воинскiе чины предъявляютъ требованiя:

Требованiя къ Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

1) Объединиться въ возможно кратчайшiй срокъ во всероссiйскiй совѣтъ рабочихъ депутацiй и обще-армейскiй совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, ибо только въ такомъ видѣ совѣты будутъ представлять голосъ всего рабочаго класса, всей страны и голосъ всей армiи.

2) Стоять на стражѣ интересовъ пролетарiата и доносить Временному Правительству о всѣхъ уклоненiяхъ органовъ какъ центральной, такъ и мѣстной власти, о пути къ осуществленiю народной свободы и о требованiяхъ рабочаго класса и армiи.

3) Весь авторитетъ употреблять на поддержку Временнаго Правительства, поскольку оно стоитъ на стражѣ интересовъ народа и способно внести необходимый въ данный моментъ порядокъ.

4) Осуществлять свои требованiя только черезъ Временное Правительство *какъ единственный органъ государственной власти*, на вѣрность которому присягала страна и армiя.

5) Прекратить немедленно всѣ распри какъ внутри рабочей массы, такъ и съ администрацiей и техническимъ персоналомъ фабрикъ и заводовъ, такъ какъ дезорганизацiя промышленности грозитъ неисчислимыми бѣдствiями армiи.

6) Передавать свои экономическiя требованiя на разсмотрѣнiе согласныхъ камеръ и, какъ высшую инстанцiю, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, не прерывая ни въ какомъ случаѣ теченiя работъ, необходимыхъ для обороны страны.

7) Ради увеличенiя производительности работъ на оборону отложить осуществленiе 8-часового рабочаго дня, доведя длину его и напряженiе до высшихъ предѣловъ и памятуя, что, защищая нашу свободу, армiя работаетъ въ окопахъ безсмѣнно и что днемъ и ночью льется драгоцѣнная народная кровь.

Къ солдатамъ и офицерамъ.

1. Напрячь всѣ усилiя для подготовки къ боевой работѣ, помня, что каждый солдатъ и офицеръ должны быть готовы въ любую минуту замѣнить павшихъ въ бою съ врагомъ товарищей и отдать свою жизнь за свободу и счастье родины.

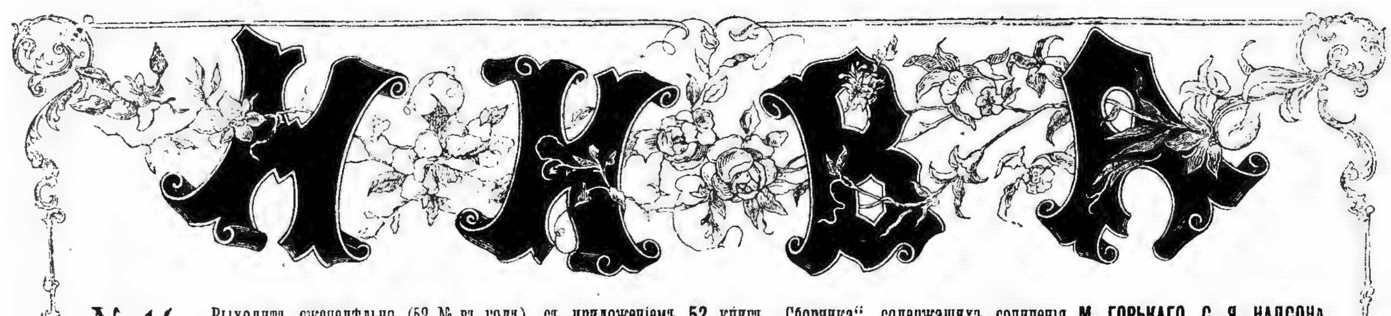
2. Освободившись отъ повиновенiя изъ-подъ палки, солдаты должны возстановить самую строгую дисциплину на основѣ новаго демократическаго строя войсковой жизни и твердо помнить, что только спаянная дисциплиной армiя опасна врагу, а не толпа вооруженныхъ людей.

3. Исполненiе присяги, данной свободному народу въ лицѣ Временнаго Правительства, и безпрекословное повиновенiе начальникамъ вмѣняется въ первѣйшiй долгъ воинскимъ чинамъ всѣхъ званiй.

4. Солдаты должны оказывать полнѣйшее довѣрiе офицерамъ.

5. Ротные, батальонные и полковые комитеты должны неукоснительно стоять на стражѣ новыхъ демократическихъ началъ войсковой жизни.

Артистическое заведенiе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданiе Т-ва А. Ф. Маркса, Петроградъ, Улица Гоголя, № 22.



№ 14. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 8 апрѣля 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть **Ренэ Бенжамэна.**

Авторизованный переводъ съ французскаго **М. П. Благовѣщенской.**

Повѣсть „Гаспаръ“—лучшее произведеніе современной французской литературы, посвященной войнѣ. Это признали французскіе писательскіе круги, увѣнчавъ ее преміей Академіи Гонкуровъ; это засвидѣтельствовали читательскіе круги Франціи: повѣсть „Гаспаръ“ въ нѣсколько мѣсяцевъ выдержала сто семь изданій.

Такой неслыханный успѣхъ повѣсти объясняется тѣмъ, что автору ея удалось создать образъ истиннаго героя великой войны — солдата Гаспара, веселаго, жизнерадостнаго, свято исполняющаго свою честную воинскую работу и шутливымъ настроеніемъ какъ бы скрывающаго величіе жертвы, значеніе и силу совершаемаго имъ подвига самоотверженія. Въ этомъ единеніи комическаго съ трагическимъ — на полѣ сраженія, въ окопахъ и госпиталяхъ — правдиво представленъ ликъ войны,—ликъ жертвы и разрушенія, страданія и торжества.

Скованная мысль (Прометей). *М. Блохъ.*

Скульптура удостоена преміи въ 2.000 рубл. на Всероссійскомъ Конкурсѣ въ Обществѣ Поощренія Художествъ въ 1917 г.

I.

Была великая недѣля августа 1914 года, когда каждая область предоставляла Франціи полкъ. А..., главный городъ Нормандіи, долженъ былъ также собрать и экипировать свой полкъ.

А между тѣмъ ни въ домахъ ни въ жителяхъ этого городка нѣтъ ничего воинственнаго. Народъ — по преимуществу практическій. Вы ясно читаете въ глазахъ каждаго, что дважды два — четыре, а въ нѣкоторыхъ глазахъ сожалѣніе, что дважды два не пять. Солдатскія казармы гдѣ-то запрятались: безъ посторонней помощи ихъ и не найти, необходимо, чтобы васъ туда свелъ солдатъ. Одна казарма, бывшій старинный монастырь, — въ одномъ тупикѣ. Вторая казарма, зданіе прошлаго столѣтія, — въ другомъ тупикѣ.

Когда солдаты не пользуются отпускомъ, когда улицы пусты, жители сидятъ по домамъ, въ особенности лѣтомъ въ два часа пополудни, когда городъ погруженъ въ тяжелую дрему, а по небу лѣниво плывутъ облака, — въ такія минуты почти невозможно представить себѣ, что изъ А... могъ выйти настоящій полкъ, обученный и дисциплинированный, марширующій въ ногу и равномѣрно отбивающій дробь подбитыми желѣзомъ башмаками.

Гарантія мира. *Языкъ пушекъ.*

И все-таки это чудо совершилось.

Началось съ того, что въ дверяхъ своихъ лавокъ появились лавочники. Господинъ Ромарэнъ, парикмахеръ съ Большой улицы, вышелъ первый. Высоко поднявъ руку, словно размахивая знаменемъ, онъ дѣлалъ знаки господину Клопюрту, торговцу колоніальными товарами, что онъ уходитъ. Господинъ Клопюртъ также уходилъ, но не съ такимъ восторгомъ, какъ парикмахеръ, онъ предпочелъ бы даже лучше остаться. Какъ знать, чего можно ожидать впереди? Правда, на улицахъ только-что расклеили утѣшеніе президента республики: „Граждане, мобилизація не есть еще война“...

— Чего тамъ!.. Стара штука! Это называется — заговаривать зубы, — сказалъ со злымъ смѣхомъ старшій клеркъ адвоката Фарса. Онъ, повидимому, нервничалъ.

Онъ прошелъ черезъ площадь д'Армъ и повстрѣчался съ господиномъ Фоссомъ, торговцемъ галантерейными товарами.

— Ну что, улыбается вамъ перспектива дать себя искалѣчить?

Господинъ Фоссъ, нѣсколько блѣдный, съ пересохшимъ горломъ, пробормоталъ:

— Господи, тутъ ужъ ничего не подѣлаешь...

Эти четыре человѣка, сами того не подозрѣвая, представляли собою четыре различныхъ образа мыслей, наиболѣе распространенныхъ въ этотъ драматическій моментъ среди обывателей города А...

Одинъ изъ нихъ, юный и горячій, кричалъ: „Да здравствуетъ Франція!“ Мысленно онъ представлялъ себѣ эльзасскихъ женщинъ, какихъ онъ видѣлъ на открыткахъ. И на лбу у него все время приплясывала прядка бѣлокурыхъ волосъ.

Господинъ Клопюртъ былъ лысый и худой. Лысина у него была такая же гладкая и блестящая, какъ его свѣчи, тѣло — такое же сухое и тощее, какъ его метлы. Онъ смотрѣлъ на войну, какъ на новую аферу, и уже заблаговременно приспособлялся къ ней. Господинъ Клопюртъ — это была молчаливая надежда на порогѣ бакалейной лавки.

Старшій клеркъ, напротивъ, представлялъ собою полное замѣшательство и разрушеніе. Это былъ настоящій карточный домикъ. Но онъ фыркалъ, хихикалъ, искалъ поддержки. Увидя господина Фосса, онъ вспомнилъ съ болью въ сердцѣ продавщицу въ его магазинѣ, мадемуазель Романсъ, которая уже начала поддаваться на его ухаживанія и назначала ему по воскресеньямъ свиданія на берегу рѣки. Внутренно онъ говорилъ себѣ съ содроганіемъ: „Прощай, любовь!.. Война... сраженія... смерть“... Онъ былъ совсѣмъ еще юный! Отъ этихъ мыслей по тѣлу его пробѣгали мурашки.

Что же касается господина Фосса, то онъ былъ весь проникнутъ чувствомъ долга, а съ этимъ чувствомъ не стоило бороться. Онъ былъ сыномъ преподавателя математики, который привыкъ всю свою жизнь производить четыре дѣйствія и провѣрять ихъ. Господинъ Фоссъ обладалъ особенною способностью запоминать итоги счетовъ и даты. „Второе августа: мобилизація“, — это производило на него впечатлѣніе, и онъ блѣднѣлъ, но горькаго осадка въ сердцѣ у него не было. Половина А... думала, какъ эти четыре человѣка. Вторая половина ничего не думала.

Какъ бы то ни было, но вечеръ былъ прекрасный. Заходящее солнце окрашивало крыши домовъ въ розовый цвѣтъ. Веселые лучи точно ласкали дома. Синева небесъ рѣдѣла, становилась легче и какъ бы окрыляла мягкій вечеръ. А теплый воздухъ точно сулилъ что-то.

На слѣдующій день на улицахъ появились крестьяне, оторванные прямо отъ сохи. Они прибыли во множествѣ, — въ каріолкахъ, по желѣзной дорогѣ, на велосипедахъ, пѣшкомъ, — все молодые парни съ окрестныхъ фермъ на разстояніи десяти льё въ окружности. Они тяжело шагали по улицамъ, и отъ нихъ пахло конюшней. Башмаки, подбитые гвоздями, штаны въ клѣтку, мягкія шляпы, короткія куртки... Эти поселяне производили впечатлѣніе совершенно иной расы, не имѣющей ничего общаго съ обывателями мирнаго городка. Это были настоящіе „хлѣборобы“. Они только-что разстались со своими яблонями, своимъ скотомъ и своими женами, и казались нѣсколько ошеломленными и удивленными, но они оживлялись при встрѣчѣ другъ съ другомъ:

— Э! Да вѣдь это Пинсеру! Ахъ, ты, старая корова!

— Какъ живешь, пріятель? Что же, идешь на убой, что ли?

— Все можетъ быть. Какъ знать?

— Да, эти трубные звуки не очень-то вкусно пахнутъ.

— Ничего не подѣлаешь. Сзываютъ на охоту, а мы дичь.

— Дичь-то дичь, мой милый, но вѣдь и тѣ тоже дичь.

— Ну, само собою разумѣется. Э, да лучше наплевать на все это и не думать!

— Конечно, ужъ лучше думать о любви.

— Эхъ, какъ вспомнишь!.. Этакая пухленькая дѣвочка... Какъ обнимешь, такъ почувствуешь, что у тебя охапка полна.

— Ну, чего ты! Небось, и тамъ найдутся подходящія!

И они добродушно хохотали, переходя съ одного тротуара на другой на этихъ узкихъ улицахъ, гдѣ для ихъ деревенскихъ ногъ не было достаточно простора. Эти крѣпкіе, рослые крестьяне представляли собою силу. Принявъ ихъ въ свои нѣдра, А... пріобрѣлъ извѣстный характеръ. Какъ-то особенно ясно чувствовалась твердость мостовой. Городокъ принялъ физіономію этого населенія провинціи, съ префектурой, отдаленной отъ границы, — этого населенія, мускулистаго и упрямаго, здороваго, выросшаго на чистомъ воздухѣ, не обладающаго пылкостью, но и не отличающагося геніальностью, осторожнаго, недовѣрчиваго и знающаго наперечетъ всѣхъ своихъ земляковъ чуть не поименно. Это населеніе будетъ горевать и оплакивать тѣхъ, кто не вернется больше въ свои края.

Хорошая погода предыдущаго дня установилась, и теперь солнце свѣтило ярко и придавало горячій колоритъ маленькимъ круглымъ облачкамъ, въ которыхъ не было ничего поэтическаго.

Но ночью вѣтеръ перемѣнился, и надъ городомъ вдругъ разразился ливень. И все-таки городъ проснулся снова подъ голубымъ, яснымъ небомъ. Однако небо оставалось яснымъ не долго. Вѣтромъ нагнало цѣлыя полчища маленькихъ, быстрыхъ тучекъ. Вскорѣ небо потемнѣло и приняло грозный видъ, и опять полилъ ливень, наводняя улицы. А черезъ нѣсколько времени, точно какимъ-то чудомъ, могучее и тароватое солнце снова прорвало тучи, и подъ его лучами весело засверкали мокрыя крыши и лужи. Трудно было рѣшить, улыбается погода или плачетъ. Утро нервное и своевольное, гнѣвное и сіяющее.

Вдругъ распространился слухъ, что на станцію прибылъ поѣздъ съ парижанами.

Нормандцы посмѣивались:

— Парижанинъ да парижанинъ —это не то, что два деревенскихъ парня.

Казалось, будто они чего-то боятся или чему-то завидуютъ.

Не успѣлъ парижскій поѣздъ остановиться, какъ раздались восклицанія, не то восторженныя, не то ироническія... не то радостныя, не то презрительныя.

Начальникъ станціи прохаживался по дебаркадеру. Первый, выскочившій изъ вагона, подбѣжалъ къ нему:

— Ну, что, товарищъ, въ твоемъ порту заходили волны?

Начальникъ станціи сдѣлалъ попытку засмѣяться, но на лицѣ его появилась гримаса, и онъ ушелъ къ себѣ въ контору. Онъ видѣлъ только одного парижанина.

Всѣхъ ихъ было отъ семи до восьми сотъ. И все изъ кварталовъ Монпарнасъ, съ Avenue de Maine, съ улицы de la Gaîté. Они пріѣхали, чтобы присоединиться къ парнямъ изъ провинціи Першъ, хитрымъ, но медлительнымъ. Но это ничего, потому что парижане всегда являются вожаками полка, они идутъ во главѣ, они отбиваютъ тактъ ногами.

Что касается этихъ пріѣзжихъ парижанъ, то можно было подумать, что ихъ не нѣсколько сотъ человѣкъ, а нѣсколько тысячъ, до того они галдѣли. Они готовы были разговаривать со станціей, съ улицами, съ облаками, и кричали во всю глотку:

— Здравствуй, добрый, старый А...! Наконецъ-то мы опять въ этомъ захолустьѣ!

Толстый продавецъ винъ на станціонной площади махалъ салфеткой и отвѣчалъ, стоя въ дверяхъ своей лавки:

— Вотъ они, молодцы! Наконецъ-то они здѣсь! Значитъ, XIV-й все еще на своемъ мѣстѣ?

Парижане бросились къ нему:

— Да ты, кажется, тоже изъ Пантрюша *)? Правда?..

— Въ этомъ родѣ, милый мой. Я десять лѣтъ жилъ на улицѣ Gaîté.

— На улицѣ Gaîté? Тамъ же, гдѣ и Гаспаръ? Ты знаешь Гаспара?

— Очень можетъ быть, что и знаю. А какой онъ съ виду?

— Гаспаръ-то? Эй, Гаспаръ! Да куда же онъ запропастился, этотъ болванъ?...

И человѣкъ пятнадцать, не дожидаясь, пока появится самъ Гаспаръ, стали наперерывъ описывать его наружность и разсказывать объ его подвигахъ.

— Послушай... такой потѣшный... рожа на боку. Онъ былъ въ одномъ вагонѣ съ ними... такъ тамъ всю ночь помирали со смѣху.

— А, вотъ какъ, — проговорилъ торговецъ винами. — А какимъ ремесломъ онъ занимается?

— Онъ торгуетъ улитками... Сперва торговалъ въ Центральномъ рынкѣ... потомъ онъ былъ грузчикомъ... Ну, и потѣшный парень!

— Да неужели?—удивился торговецъ винами. — Надо будетъ познакомиться съ этой диковинной птицей.

Но Гаспара нигдѣ не было видно. Всѣ проходили, только не онъ.

Рабочіе, торговцы, въ фуражкахъ, въ шляпахъ, прошелъ долговязый Роктонъ, обойщикъ, машинистъ Моро. Послѣдній указывалъ своимъ землякамъ на одного маленькаго толстенькаго человѣка въ соломенной шляпѣ „канотье“, слишкомъ маленькой для его большой головы.

— Вотъ посмотрите,—говорилъ Моро,— это журналистъ. Онъ живетъ на улицѣ Мэнъ. Это человѣкъ хоть куда... А говорить онъ какъ умѣетъ!

*) Парижъ.

Изъ толпы раздалось нѣсколько голосовъ:

— А какъ его зовутъ?

— Не знаю... Гаспаръ знаетъ... это однокашникъ Гаспара.

Все время Гаспаръ, Гаспаръ. Впрочемъ, журналистъ тоже разыскивалъ его. Онъ вернулся на станцію и тамъ, наконецъ, увидѣлъ Гаспара, который сцѣпился съ желѣзнодорожнымъ служащимъ. Послѣдній нашелъ оскорбительнымъ для желѣзнодорожной компаніи, что Гаспаръ, выйдя изъ вагона, распѣвалъ на мотивъ пѣсенки „Petit Navire“ *): „Начальникъ станціи рогатъ, да, рогатъ...“ Услыша это, служащій сказалъ громко:

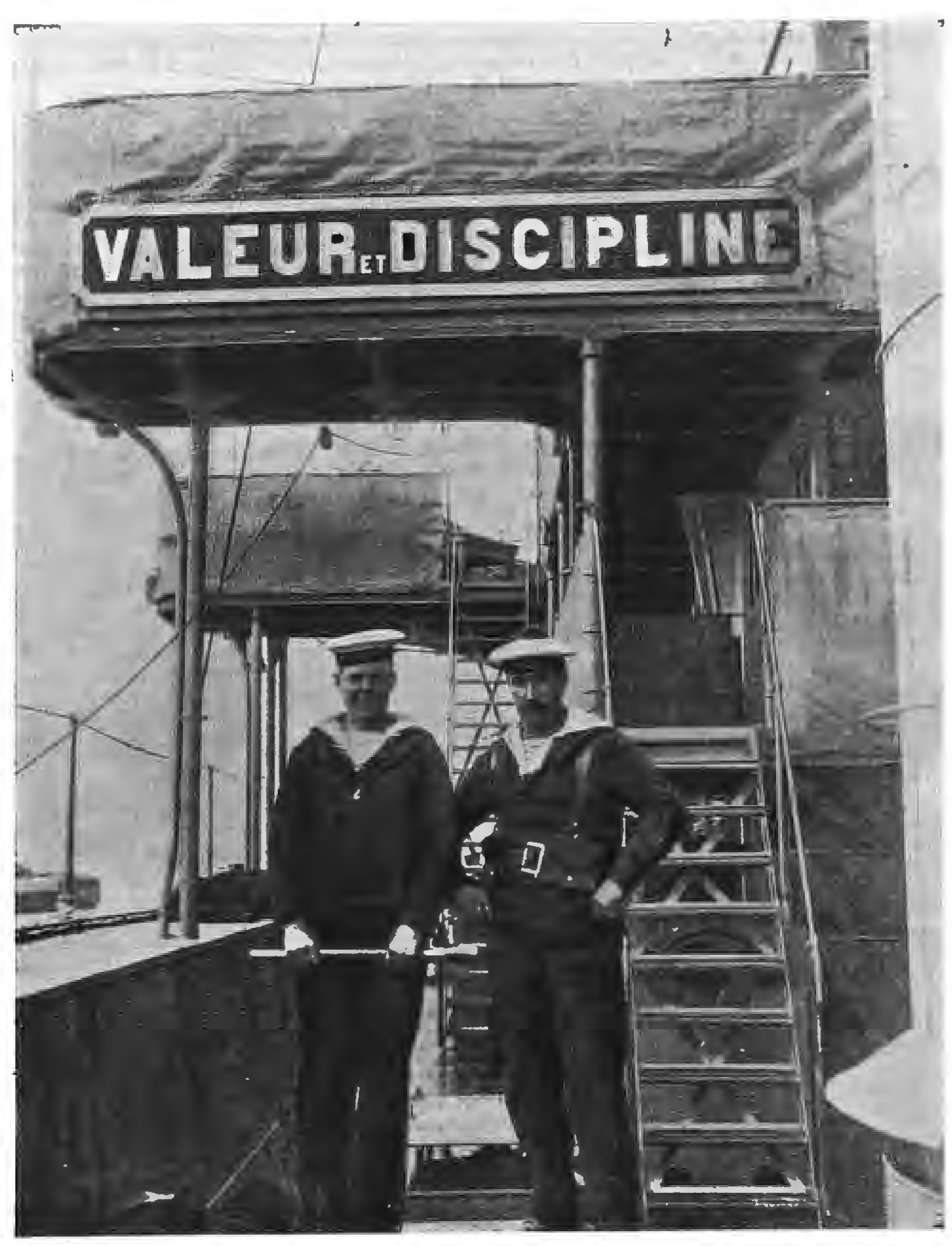
— Видно, что собирается полкъ. Какъ только французы становятся солдатами, они начинаютъ вести себя, какъ настоящіе хулиганы.

— Какъ кто?... Повтори-ка! А хочешь, я тебѣ всѣ печенки отобью?—крикнулъ Гаспаръ.

И въ теченіе пяти минутъ въ воздухѣ висѣла ругань и угрозы, которыми Гаспаръ осыпалъ злополучнаго служащаго.

Ужъ не думаешь ли ты, что, разъ у тебя фуражка съ околышемъ, такъ тебѣ все можно? Наплевать мнѣ на околыши и на галуны! Мнѣ ихъ даромъ не надо... И нечего тебѣ тыкать намъ въ носъ твоей паршивой желѣзной дорогой, по которой мы ползли двѣнадцать часовъ изъ Пантрюша... Я буду говорить о станціонныхъ начальникахъ и пѣть о нихъ, сколько моей душѣ угодно. А мнѣ наплевать, что тебѣ это непріятно... А непріятно тебѣ это, можетъ-быть, потому, что изъ-за тебя-то смотритель и сталъ рогатымъ, понимаешь? Такъ лучше заткни свою глотку, пометъ ты кроличій... Мы идемъ сражаться... мы идемъ на смерть. А ты съ твоей паршивой фуражкой... ты будешь себѣ продолжать пробивать дырки въ билетахъ... Такъ молчи же... Слышишь, молчи!..

*) Популярная дѣтская пѣсенка.



Сила и дисциплина. *На союзномъ крейсерѣ.*

„Сигналы Марса“. *Матросы союзнаго флота на Салоникскомъ рейдѣ слѣдятъ за сигнализаціей непріятельскаго аэроплана.*

И у него явилось безотчетное желаніе слѣдовать за Гаспаромъ и пріобрѣсти его дружбу.

Но Гаспаръ ничего не замѣчалъ. въ немъ не было ни довольства ни смущенія. Онъ не обратилъ даже вниманія на то, что клеркъ присоединился къ его компаніи. Онъ шествовалъ по улицамъ А..., какъ человѣкъ, который знаетъ каждый домъ. каждый переулокъ. Все старые знакомые, — онъ побывалъ уже три раза въ этой „дырѣ“, для отбыванія воинской повинности. Казалось, будто онъ говорилъ самому себѣ: „Ничего, провинція—это мы... Надо приспособиться“.

На углу улицы Сэнтъ-Элуа онъ услыхалъ:

— Э, да вѣдь это Гаспаръ!

Онъ повернулъ голову:

— Капитанъ!.. Да вѣдь это мой капитанъ!.. Какъ поживаете, капитанъ?

— А ты?

— Я? Понемножку... Такъ, значитъ, это рѣшено?.. Мы имъ зададимъ трепку?

— Съ помощью Гаспара.

— Въ такомъ случаѣ, дѣло въ шляпѣ! Гаспаръ не отказывается отъ этой чести! Къ тому же намъ платятъ одинъ су въ сутки! Это великолѣпно! Можно накопить цѣлое состояніе!

Глаза его такъ и сіяли отъ счастья, что онъ увидалъ своего капитана. Онъ думалъ: „Это добрый малый, онъ любитъ, чтобы его ребята были по его вкусу... Ну, а онъ за спину другихъ не прячется“. Довольный и счастливый, онъ тотчасъ же предложилъ свои услуги:

— Капитанъ... скажите-ка... не могу ли я на что пригодиться?... Я къ вашимъ услугамъ.

Капитанъ отвѣтилъ:

— Ты одѣнешь мою роту.

— Идетъ! А гдѣ скарбъ?

— Тебѣ покажутъ. Пойдемъ со мной.

Гаспаръ былъ польщенъ. Онъ пошелъ рядомъ съ капитаномъ. Что же, оба они изъ Парижа, они понимаютъ другъ друга!.. Когда часовой у воротъ казармъ отдалъ капитану честь ружьемъ, на лицѣ Гаспара появилась самодовольная улыбка.

Капитанъ показалъ Гаспару кучку людей, столпившихся въ одномъ углу казармы, и сказалъ:

— Вотъ это наши.

Въ этой группѣ были и крестьяне, и горожане изъ провинціи, и парижане. Два дня спустя, благодаря Гаспару, вся рота была экипирована.

Онъ началъ съ того, что, получивъ отъ капитана ордеръ, захватилъ три реквизированныя тележки и принялся опустошать склады. Чтобы дѣло шло скорѣе, онъ выбралъ себѣ въ помощники исключительно парижанъ. И тѣ работали съ усердіемъ и жаромъ. Работа кипѣла, тележки нагружались прямо изъ оконъ складовъ. Шинели, брюки, кепи, мѣшки, ремни, манерки — все это подхватывалось на лету и сваливалось на перегруженныя тележки.

Гаспаръ подбодрялъ работающихъ:

— Пожалуйте, почтенные покупатели! Берите товаръ въ руки, осматривайте!

Бюреттъ, съ полной охапкой въ рукахъ, подхватывалъ:

— Товаръ—первый сортъ! Цѣны самыя низкія!

У этого журналиста была необыкновенно располагающая внѣшность, нѣсколько щеголеватая, открытое лицо съ дѣтскими глазами, которые съ восторгомъ смотрѣли на Гаспара. Онъ говорилъ ему въ тонъ:

— Ахъ, эти боши *)! Такъ они хотятъ воевать? Великолѣпно! Вотъ мы и покажемъ имъ, чѣмъ пахнетъ война!... Хорошо обмундированные, хорошо обутые, хорошо вооруженные... Не зѣвайте, не зѣвайте, работайте живѣе!... Ахъ, эти свиньи!

— Что касается меня, такъ мнѣ не зачѣмъ даже мѣнять моего ремесла,—сказалъ Моро, механикъ изъ Шателэ.— Мнѣ приходилось ставить много феерій. Знаю, что значитъ работать на-спѣхъ. Мнѣ этотъ переполохъ хорошо знакомъ: въ одинъ мигъ на сценѣ чистая перемѣна!

— И я съ удовольствіемъ жду балета, — сказалъ Гаспаръ. — Танцовать будемъ мы съ нѣмочками.

— А я что буду дѣлать?—спросилъ Бюреттъ.

— Ты? Ты появишься въ апоѳеозѣ!

Раздался взрывъ хохота, и одновременно три пачки бумажныхъ

— Довольно, довольно, Гаспаръ,—сказалъ журналистъ, подходя къ расходившемуся товарищу.

— Ты пришелъ во-время, Бюреттъ... Уведи меня, не то я натворю бѣды.

Они вышли вмѣстѣ.

На площади ихъ встрѣтили криками:

А, вотъ онъ! Ты не очень-то торопишься, Гаспаръ!

— А зачѣмъ мнѣ торопиться?—огрызнулся Гаспаръ.—И чего надо отъ меня этимъ дуракамъ?

Онъ злобно отплюнулся и продолжалъ:

— Съ какой стати они меня ждутъ? Эй, идите себѣ впередъ. Я всегда васъ нагоню... Въ Берлинъ? Ну, и идите напрямикъ и безъ оглядки!

И его зеленые глаза сверкали, какъ у волка.

Вдругъ онъ прыснулъ и расхохотался. Шаря въ карманѣ, онъ показалъ журналисту Бюретту нѣсколько монетъ и сказалъ:

— А здорово я заткнулъ глотку тому болвану... Послушай... надо воспользоваться первыми доходами съ войны. Не безпокойся, голубчикъ, мы хорошо кутнемъ.

Это былъ Парижъ. Парижъ, который вторгся въ скромную провинцію.

Камень, прыгающій рикошетомъ по поверхности стоячаго болота... Дудка, насмѣхающаяся надъ большимъ барабаномъ... Чучело, господствующее надъ капустнымъ полемъ... Это былъ народный духъ, онъ говорилъ: „Не забывайте меня въ этомъ захолустьѣ“. Это было самолюбіе страны, иногда хвастливое, чаще изворотливое, никогда не плоское, всегда веселое, смѣшной жесть во время сраженія... широкій взмахъ крыльями побѣды. Это было—для начала войны—заключительное слово, которое какъ бы приноравливалось...

Гаспаръ высокаго роста, какимъ и надо быть, чтобы насмѣхаться надъ маленькими и мѣряться съ другими. Руки, какъ у человѣка, который не работаетъ головой, но зато голова, умѣющая пользоваться руками. Губы—влажныя, взглядъ—пытливый и пронизывающій, непослушные всклоченные волосы, маленькіе усики, а главное, комичный носъ,—длинный, кривой, но честный носъ, любопытный, съ подвижными ноздрями, свѣшивающійся влѣво, точно для того, чтобы вылавливать изъ сердца мысли и слова.

Старшій клеркъ адвоката Фарса, стоявшій у вокзала, смотрѣлъ на Гаспара съ такимъ удивленіемъ, что на минуту даже замеръ на мѣстѣ. Онъ почувствовалъ къ нему вдругъ непреодолимое влеченіе, смѣшанное съ недовѣріемъ. Но въ головѣ у него пронеслось: „Этого ничѣмъ не удивишь!“ Потомъ онъ подумалъ съ нѣкоторой тревогой: „Это—рабочій... у него нѣтъ галстука“. Рабъ гербовой бумаги судилъ о народѣ по-своему. Контора маленькаго провинціальнаго городка разглядывала предмѣстье столицы.

— Эй, ты, „господинъ“! Ты тоже берешь билетъ въ Берлинъ?—крикнулъ ему Гаспаръ.

Тотъ вздрогнулъ:

— Разумѣется!

*) Нѣмцы.

шапокъ вывалились изъ окна, точно и онѣ покатывались со смѣху.

— Это что такое? Ночные колпаки? Лѣтомъ?—удивился Моро.— Зачѣмъ это?

— Это колбасы какія-то, — замѣтилъ Гаспаръ.—Можетъ-быть, это мѣшки для кофе?

Работа кончилась. Цейхгаузъ былъ опустошенъ. Повсюду царила пустота, точно все выскребли. Гаспаръ взялъ дощечку, на которой былъ написанъ нумеръ роты, и повѣсилъ ее на окно, предварительно надписавъ на ней: „Отдается комната съ мебелью“.

Когда всѣ вещи были сложены въ казармѣ, Гаспаръ быстро и ловко привелъ все въ порядокъ. Его неутомимость и быстрота поражали капитана, человѣка спокойнаго и медлительнаго.

— Пожалуйста, капитанъ, не утруждайте себя напрасно, — сказалъ Гаспаръ.—Посылайте мнѣ по очереди вашихъ молодцовъ, а я ужъ позабочусь обо всемъ.

Капитанъ покорился. А Гаспаръ, съ растерзанной грудью, съ вылѣзшей изъ-подъ кушака рубахой, подбоченившись, распоряжался и командовалъ:

— Надѣвай это! Да пошевеливайся. Что же, хорошо? Великолѣпно!

— Коротковато...—рѣшался робко замѣтить примѣряющій.

— Коротковато?... Въ такую-то жару? Такъ тебѣ хочется еще больше потѣть?

Являлся слѣдующій:

— Живѣе примѣряй! Да не спи!... Скогсшибательно! Точно на заказъ!

— Длинновато...—нерѣшительно замѣчалъ солдатъ.

— Длинновато?... А что ты будешь дѣлать, когда наступятъ холода? Небось, потребуешь надставки?

Только когда дошла очередь до Бюретта, онъ измѣнилъ свой тонъ. Теперь Бюреттъ говорилъ:

— Отлично! Увѣряю тебя, что это какъ разъ на меня...

— Молчи! Ничего ты въ этомъ не понимаешь! Ты журналистъ, куда ужъ тебѣ! Нѣтъ, я наряжу тебя по своему вкусу, потому что ты мой однокашникъ, и потому что ты не важничаешь, хотя ты бакалавръ... Я тебя хорошо знаю, и знаю, какъ ты говоришь...

— Право, не стоитъ такъ возиться...

— Не разговаривай и одѣвайся!... Да не торопись... Не горитъ... Нѣтъ, сними это!

— Ужъ не хочешь ли ты все перевернуть вверхъ дномъ?

— Я сдѣлаю то, что надо сдѣлать! Говорятъ тебѣ, что ты мой однокашникъ: значитъ, я и веду себя, какъ однокашникъ. Ужъ не думаешь ли ты, что, разъ война, такъ всѣ чувства къ черту полетѣли... Вотъ возьми эту кацавейку... Теперь ты прямо великолѣпенъ!... Нѣтъ, для меня однокашникъ — это нѣчто святое... какъ моя старуха и мой мальчишка... Теперь примѣрь эту шинель... Да и моя жена также, хотя... а ужъ моя бѣдная старуха... Да, вотъ мы тутъ шутимъ и зубоскалимъ... а третьяго-дня, знаешь, я чувствовалъ, что у меня сердце ушло въ пятки!... Сними, это слишкомъ широко... Когда я взялъ на руки своего мальчугана и поцѣловалъ его, а онъ мнѣ сказалъ: „Папа, ты уходишь?“... знаешь, я подумалъ... Вотъ эта какъ разъ по твоему росту, напяливай!.. Да, такъ я подумалъ: „Чортъ возьми, хотѣлъ бы я быть соціалистомъ!“

Онъ вдругъ сѣлъ на кучу одежды и, устремивъ взглядъ на полъ, тихо покачивалъ головой. Съ минуту оба молчали. Наконецъ Бюреттъ тихо заговорилъ:

— Если бы ты даже былъ соціалистомъ, ты не отказался бы.

Гаспаръ засмѣялся:

— Господи, тутъ ужъ и вправду ничего не подѣлаешь! Вѣдь эти свиньи вошли уже въ Бельгію... Отлично, эта шинель тебѣ какъ разъ впору. Что тебѣ еще надо?... У тебя нѣтъ кепи? Вотъ возьми это... А твоя жена очень огорчилась, когда узнала, что ты уходишь?

— Самъ понимаешь...

— А она хорошенькая, твоя жена?

— Лучше трудно себѣ представить.

— Счастливецъ! Ну, про мою нельзя сказать, чтобы она была хорошенькая... Но она чистенькая. И за мальчуганомъ она хорошо ухаживаетъ. Право, онъ такъ хорошъ, хоть на выставку.

— Браво... И... ты женатъ?

— Женатъ?... Н-нѣтъ, у мэра мы не вѣнчались... но я все-таки женатъ... въ моемъ воображеніи.

— Да... но отъ этого у тебя не легче было на душѣ, когда ты уѣзжалъ.

— Чортъ возьми, разумѣется!

— Да еще въ это время года, когда женщины носятъ прозрачныя блузы.

— Ахъ, лучше не говори.

— А вечеромъ какъ пріятно выпить стаканъ холодненькаго со льдомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Молчи! Не говори объ этомъ. Не то я дезертирую... Э, уже пять часовъ. Идемъ! Надо поѣсть чего-нибудь. Я тебя угощаю.

И они вышли вмѣстѣ.

Они пошли по Большой улицѣ, которая ведетъ къ префектурѣ. Они увидѣли издали, что улица полна солдатъ. Торговецъ колоніальными товарами Клопюртъ стоялъ въ дверяхъ своей лавки, облаченный въ мундиръ. Въ мягкомъ освѣщеніи этого прекраснаго лѣтняго вечера какъ-то особенно отчетливо выдѣлялись свѣжіе тона мундировъ солдатъ и веселили и ласкали глазъ своими яркими „французскими“ красками. Благодаря этому, казалось, будто въ этомъ углу города справляютъ національный праздникъ. Передъ зданіемъ префектуры столпившіеся люди чуть не дрались, протискиваясь впередъ, чтобы прочесть телеграмму, вывѣшенную на стѣнѣ. Одинъ кюрэ, стоявшій впереди, предложилъ прочесть телеграмму вслухъ для тѣхъ, кто стоялъ дальше. Раздались аплодисменты, потомъ наступила тишина. Кюрэ началъ читать дрожащимъ голосомъ, выкативъ большіе глаза. Его розовое и молодое еще лицо производило странное впечатлѣніе, такъ какъ на затылкѣ и на вискахъ волосы у него были совсѣмъ бѣлые, бѣлые, какъ снѣгъ, и такіе пушистые, что все время шевелились, пока онъ читалъ: „Германія объявила войну Бельгіи. Тогда Англія объявила войну Германіи...“ Когда онъ замолкъ, раздались новые аплодисменты.

Всѣ переглядывались, подталкивали другъ друга. Всѣ кричали:

— Они сошли съ ума! Взбѣсились! Всѣ противъ нихъ! О чемъ они думаютъ?

Гаспаръ сказалъ, обращаясь къ Бюретту:

— Пойдемъ ѣсть. Говорю тебѣ, что они сошли съ ума.

Бюреттъ весь сіялъ.

— Это продолжится не больше мѣсяца. Ихъ сейчасъ же скрутятъ. Насядутъ на нихъ со всѣхъ сторонъ. Не пройдетъ и трехъ недѣль, какъ они взмолятся и будутъ просить о пощадѣ.

— То-то будетъ весело!—сказалъ Гаспаръ.

Они пошли съ Бюреттомъ на небольшую площадь передъ вокзаломъ, гдѣ Бюреттъ, любившій поѣсть, уже облюбовалъ скромный ресторанъ. Этотъ ресторанъ содержала старая повариха, которая двадцать лѣтъ служила въ кухаркахъ у богатыхъ людей. Тамъ они застали одного солдата изъ ихъ роты, котораго Гаспаръ только-что одѣлъ, и тучнаго мясника изъ Вожирара, брюхо котораго не могло помѣститься ни въ одной шинели. Увидя ихъ, мясникъ вскочилъ, подкинулъ свою фуражку и крикнулъ:

— Однокашники! Давно бы пора! А то я подыхаю съ тоски!

Дѣло въ томъ, что у его товарища видъ былъ далеко не веселый.

У нашихъ союзниковъ-англичанъ.

На побѣдной колесницѣ. „Томми“ торжественно везутъ своихъ отличившихся въ бою командировъ въ занятую деревню.

На западномъ фронтѣ. *Колоколъ въ окопахъ. Нѣмецкіе газы приближаются!*

ливымъ возлѣ женщины. И теперь онъ съ довольнымъ видомъ покручивалъ усики. Кромѣ того, онъ любилъ садиться за трапезу. Онъ посмотрѣлъ на паръ, поднимавшійся изъ миски съ супомъ, на свѣжій хлѣбъ, на сладкій сидръ и сказалъ:

— Ну, давайте ѣсть, не будемъ говорить о войнѣ!

— О войнѣ? — повторилъ мясникъ, набивая себѣ ротъ телятиной.—Есть о чемъ говорить! Мы даже и не увидимъ бошей!

Бюреттъ былъ почти согласенъ съ этимъ. Но Гаспаръ нашелъ, что это ужъ черезчуръ. И онъ замѣтилъ серьезнымъ тономъ:

— А на чемъ ты основываешься, говоря такъ?

Мясникъ подмигнулъ однимъ глазомъ:

— На чемъ? А ты читать умѣешь?

— Немножко, племянникъ.

— Такъ читай, дядя. Читай то, что пишутъ въ газетахъ. Въ Берлинѣ бунтъ. Въ Вѣнѣ сумятица... А Вильгельмъ... на него не стоитъ обращать вниманія... его усы ему не пригодятся въ сраженіяхъ!

Онъ замолкъ на минуту, щедро налилъ себѣ въ тарелку супа, набилъ себѣ щеки и проглотилъ все заразъ. Потомъ онъ произнесъ заключительныя слова:

— А кромѣ того, я имъ покажу себя...

И онъ торжественно снялъ кепи и обнажилъ голову, настолько чисто выбритую, что на ней не было и признака волосъ. Но по его желанію парикмахеръ оставилъ посреди темени маленькую прядку, слегка вьющуюся и уморительную, которая подпрыгивала, какъ перо, при каждомъ движеніи головы. Эта прядка произвела потрясающій эффектъ, и Гаспаръ вполнѣ согласился съ тѣмъ, что непріятель замретъ на мѣстѣ и не двинется больше впередъ, когда увидитъ эту голову. Онъ хохоталъ, хохоталъ до упаду, ударяя кулакомъ по столу, и въ горлѣ у него клокотало.

— Нѣтъ... нѣтъ... онъ уморитъ меня, этотъ парень!... Послушай, старина!

— Что?

— Присоединяйся къ нашей компаніи, а? Ты тоже однокашникъ, да всѣ мы здѣсь однокашники. И журналистъ Бюреттъ тоже, онъ хорошій однокашникъ.

— Нѣтъ, братъ, изъ этого ничего не выйдетъ,— отвѣтилъ мясникъ важно.—Я приставленъ къ мясу.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ его Гаспаръ.

— Оммажъ.

— Откуда ты выудилъ такое имя? Чѣмъ ты занимался до призыва?

— Служилъ управляющимъ недвижимостью.

— Вотъ какъ. А почему у тебя такая похоронная рожа сегодня? Кто-нибудь умеръ у тебя?

— Нѣтъ, такъ... Мнѣ нездоровится.

— Что же у тебя?

— У меня эндокардитъ.

— Индо... индо... Какъ?

— Мнѣ ужъ не придется участвовать въ походѣ...

— Ну, такъ и оставайся у себя на покоѣ, тебя не тронутъ.

Покончивъ съ нимъ, онъ обернулся къ толстяку:

— Что сегодня здѣсь ѣдятъ?

— Гороховый супъ,—отвѣтилъ мясникъ.

Мясникъ представлялъ собою замѣчательную фигуру. Громадная голова, напоминающая голову быка. Плоскій, широкій носъ, какъ у быка. Маленькіе глазки, тонущіе въ жиру, придавали ему сходство съ боровомъ. Мясистыя, лоснящіяся щеки не имѣли ничего общаго съ человѣческимъ лицомъ. Никакого лба—волосы начинались съ того мѣста, гдѣ обыкновенно растутъ брови. Ни тѣни подбородка, такъ какъ ротъ прятался гдѣ-то въ жирной шеѣ. Разсудокъ говорилъ, что это человѣкъ, но стоило только взглянуть на него, какъ получалось представленіе о какомъ-то уродѣ, смѣшномъ и необычайномъ. Кто могъ бы подумать, что это боецъ, который всю свою жизнь только и дѣлалъ, что убивалъ?... Онъ былъ болтливый, забавный и развратный. Онъ умѣлъ закатывать глаза, свертывать языкъ въ трубочку, шевелить ушами. Гаспаръ не пробылъ съ нимъ и пяти минутъ, какъ повторялъ, положивъ локти на столъ:

— Да онъ преуморительный, этотъ парень!

Толстякъ привыкъ къ успѣху. Онъ пощекоталъ служанку и спросилъ:

— Какъ васъ зовутъ, моя милая? Прюдансъ? Ахъ, какое миленькое имя. Вотъ такъ и меня сперва звали. Цѣлый годъ думали, что я дѣвочка...—И онъ докончилъ глубокимъ басомъ:—Я былъ такой хорошенькій и такой нѣжненькій.

Служанка смѣялась и краснѣла. Бюреттъ тоже былъ доволенъ. Служанка или не служанка—онъ всегда чувствовалъ себя счаст-

Это сообщеніе чуть не привело Гаспара въ уныніе. Онъ почесалъ себѣ голову и нѣсколько разъ повторилъ:

— Чортъ возьми... не повезло!

Во время обѣда его смѣха больше не было слышно.

Придя въ казармы и укладываясь спать, онъ ворчалъ.

По казармамъ прошелъ фельдфебель и опросилъ у всѣхъ адреса родныхъ, чтобы въ случаѣ смерти можно было оповѣстить когонибудь. У Гаспара сжалось сердце.

— Однако, это уже слишкомъ!... Это противно! Что это за манера! Ничего не имѣю противъ того, чтобы меня убивали, но пусть мнѣ не напоминаютъ объ этомъ... Если бы я далъ себѣ волю, я сунулъ бы имъ невѣрную справку, потому что... чортъ возьми... потому что это свинство!

Къ счастью, августовскія ночи коротки, и черныя мысли неизбѣжно разсѣиваются, когда встаетъ солнце во всемъ своемъ ослѣпительномъ сіяніи, заливая сперва небо багровой зарей, а потомъ щедро разсыпая по землѣ всѣ свои лучи, которые проникаютъ всюду, разыскиваютъ даже спящаго на соломѣ, падаютъ прямо на его закрытые глаза, будятъ его фанфарой, ярко освѣщаютъ всѣ его мысли. Эти животворящіе лучи заглянули и въ мрачныя казармы, гдѣ люди бродили среди множества такихъ же людей, и каждый вздыхалъ, что онъ одинокъ. И вдругъ солнце ярко освѣщаетъ это безотрадное мѣсто, и одинокій замѣчаетъ свою вѣрную тѣнь, которой можно довѣриться.

Полкъ, наполовину сформированный, наполовину экипированный, полусонный, вышелъ на дворъ по барабанному сигналу. Солнце удвоило и удлинило на землѣ неуклюжіе силуэты людей, которые съ такимъ довѣріемъ давали себя обливать животворящимъ и многообѣщающимъ лучамъ.

Формировались отдѣленія, взводы. Товарищи сзывали другъ друга: „Эй, иди сюда, пріятель! Надо держаться вмѣстѣ, хотя бы ради харчей!“ Собрались отдѣльныя группы нормандцевъ и парижанъ. Первые имѣли видъ заговорщиковъ, точно они боялись, что ихъ кто-нибудь увидитъ. Парижане, напротивъ, держали себя шумно и радовались, что на нихъ обращаютъ вниманіе. Унтеръофицеры переходили отъ одной группы къ другой и уговаривали полусердито, полудобродушно:

— Идите, идите, становитесь же въ очередь! Надо, наконецъ, составить ваши списки!

Гаспаръ крикнулъ съ другого конца:

— Я съ Бюреттомъ! Бюреттъ мой однокашникъ!
Бюреттъ отвѣтилъ ему весело:
— Будь покоенъ! Умремъ вмѣстѣ на полѣ битвы!
Наконецъ были выбраны унтеръ-офицеры и выдѣлены полувзводы. Солдаты стали перешептываться по поводу своихъ ближайшихъ начальниковъ:
— Здорово намъ повезло!
— А ты его знаешь?
— Еще бы! Это не человѣкъ, а золото!
— И онъ весельчакъ!
— И молодчина!... Не то, что тотъ, вонъ тамъ!
И солдаты изъ одной группы съ состраданіемъ смотрѣли на другихъ, какъ бы сочувствуя ихъ неудачѣ, а тѣ въ свою очередь смотрѣли на первыхъ свысока, увѣренные, что имъ особенно повезло.
По отношенію къ ротнымъ командирамъ установилась такая же точка зрѣнія. Каждая рота находила, что ея ротный лучше всѣхъ другихъ. Но изъ всѣхъ ротъ командиръ 24-й, т.-е. роты Гаспара, былъ первый изъ всѣхъ. Когда Гаспаръ произносилъ: „Пюшъ", то это было то же самое, какъ если бы онъ произносилъ: „Богъ".
— Этотъ человѣкъ въ грязь лицомъ не ударитъ! Для него похлебка прежде всего. О, съ Пюшемъ работать хорошо!
Да и съ нимъ самимъ работать было можно. Онъ былъ уже опять въ цейхгаузѣ и выдавалъ штаны, галстуки, погоны, бляхи, шнуры, куски фланели, пряжки для ремней. Потомъ онъ вышелъ на дворъ съ мѣшками, наполненными кофе, сахарнымъ пескомъ, сухарями, консервами, перевязочнымъ матеріаломъ. Онъ заставилъ всѣхъ выстроиться и проходилъ вдоль рядовъ, обливаясь потомъ:
— Твои лапы! Скорѣе, твои лапы! Вотъ еще одинъ, который не сомнѣвается въ томъ, что придутъ боши!
— Куда придутъ?
— Къ твоей женѣ!.. Ну, пошевеливайся!...
Онъ былъ уже популяренъ. Въ немъ чувствовался вожакъ, ощущалась твердая рука.
Подчеркивая каждое свое дѣйствіе крѣпкимъ словцомъ, имѣющимъ опредѣленный смыслъ, онъ входилъ во все, и черезъ двадцать четыре часа онъ сдѣлался совѣтчикомъ и повѣреннымъ всей роты. Его вліяніе, какъ человѣка практическаго, усугублялось еще моральнымъ вліяніемъ. Тѣмъ, кто хныкалъ и ворчалъ, онъ говорилъ:
— Ахъ, ты, молокососъ, перестань нюни распускать! Тебя отведутъ въ деревню, и будешь объѣдаться кушаньями Гаспара.
Но кого онъ не любилъ, такъ это болтуновъ, назойливыхъ и пустыхъ:
— Проглоти свой языкъ! Это, по крайней мѣрѣ, насытитъ тебя! А говорить ты будешь, если только умѣешь говорить, когда поработаешь. Тебѣ платятъ одинъ су въ день не даромъ. Переколоти-ка сперва пруссаковъ. За одинъ су—сотня... вотъ имъ цѣна!
Одинъ изъ солдатъ сталъ ему жаловаться:
— Мое кепи мнѣ мало...
— Идемъ со мной, посмотримъ!
И Гаспаръ передалъ недовольнаго въ руки парикмахера:
— Ротный приказалъ обрить этого лохматаго, у него голова слишкомъ велика.
Во время смотра, передъ самымъ выступленіемъ полка, лошадь командира все время становилась на дыбы. Гаспаръ подошелъ къ ней и сталъ нѣжно шептать ей на ухо:
— Пегасъ... тише, тише, Пегасъ!... полно, Пегасъ!..—И лошадь, успокоенная его лаской, перестала биться.
Знамя застряло въ чехлѣ, и не было никакой возможности вытащить его. Правда, оно находилось въ рукахъ маленькаго, слабосильнаго знаменщика. Это былъ какой-то намекъ на знаменщика, но такими должны были бы быть всѣ знаменщики, чтобы видны были только національные цвѣта Франціи съ золотой бахромой. Однако для того, чтобы видны были цвѣта, ихъ надо развернуть. И тутъ на помощь знаменщику пришелъ Гаспаръ. Крѣпко держа древко въ своихъ сильныхъ рукахъ, онъ все время злобно приговаривалъ:
— А, скотина... Точно оно не знаетъ, что у насъ война. — Въ концѣ концовъ ему удалось развернуть знамя.
Однимъ словомъ, когда выступалъ полкъ, всѣ солдаты, не исключая и самыхъ закоренѣлыхъ нормандцевъ, хотѣли итти рядомъ съ нимъ. Но онъ былъ неумолимъ:
— Нѣтъ, въ первую голову пойдетъ улица de la Gaîté.
Онъ произносилъ это съ гордостью и, называя улицу, проходившую позади вокзала Монпарнасъ, съ множествомъ ресторановъ, винныхъ лавочекъ, закусочныхъ, онъ ясно рисовалъ ее въ своемъ воображеніи. Тамъ протекаетъ жизнь всего квартала, тамъ развлекаются, тамъ питаются всѣ. По вечерамъ она вся залита ослѣпительнымъ свѣтомъ, и на ней раздается неумолчный гулъ граммофоновъ.
Гаспаръ, торговецъ улитками на улицѣ de la Gaîté, повторялъ растроганнымъ голосомъ:
— Впередъ... молодцы нашей улицы!
И механикъ Моро, выступившій впередъ съ видомъ адъютанта, сталъ по правую руку своего начальника.
Бюреттъ сталъ слѣва. Гаспаръ посмотрѣлъ на него:
— Ты не съ нашей улицы, но ты мой однокашникъ, а это все равно. Ну, а теперь въ Берлинъ!.. Дай адресъ полковнику.
Полкъ выстроился по четверо въ рядъ. Офицеры свистнули. Полкъ двинулся въ путь.
Двѣ тысячи человѣкъ въ этомъ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, сонномъ и будничномъ! Какъ-то вдругъ здѣсь собралось двѣ тысячи человѣкъ, на шинеляхъ которыхъ была одна и та же цифра, на погонахъ—одинъ и тотъ же значокъ. Двѣ тысячи человѣкъ, на лицахъ которыхъ былъ написанъ одинъ и тотъ же вопросъ: „Такъ значитъ... мы идемъ?" И они отвѣчали другъ другу: „Да, идемъ!" Этотъ нѣмой вопросъ и отвѣтъ у однихъ выражалъ подъемъ духа, у другихъ затаенную боль въ сердцѣ.
Что больше всего придаетъ своеобразной красоты выступающему полку, такъ это обмундировка, поражающая глазъ реальнымъ проявленіемъ дисциплины. Но подъ одинаковыми кепи дѣлаются одинаковыми также и мысли. Каждому начинаетъ казаться, что онъ ступилъ на путь рока, едва только раздается команда: „Шагомъ... маршъ!" и унтеръ-офицеры начинаютъ повторять: „Разъ, два"... Куда дѣваются любовь, интересы, опасенія—въ этомъ общемъ маршѣ, когда равномѣрное движеніе тѣла поглощаетъ всѣ мысли?
Дѣти и женщины любятъ смотрѣть на марширующихъ солдатъ, но и солдаты въ такой же степени любятъ быть солдатами, которые марширують. Вотъ ихъ подхватила движущаяся толпа. Несетъ ихъ толпа, или это они двигаютъ толпу? Они не сознаютъ этого. Они не принадлежатъ себѣ больше. Въ ихъ мысляхъ нѣтъ больше „я", они превратились въ „мы". И сердца ихъ расширяются, энергія возрастаетъ... Тѣ, кто никогда не служили въ солдатахъ, не проходили по городу съ мѣшкомъ на спинѣ,—не испытали одного изъ самыхъ сильныхъ чувствъ, какія только можетъ испытывать человѣкъ: сознаніе того, что ты являешься въ соціальной машинѣ лишь крошечнымъ колесикомъ, находящимся въ полной зависимости отъ всего механизма. Но это сознаніе своей подчиненности облагораживаетъ человѣка, потому что оно пробуждаетъ въ немъ національное сознаніе. Вооруженный человѣкъ, шагающій въ ногу, проявляетъ извѣстную силу и проникается сознаніемъ, что онъ несетъ опредѣленную миссію. Онъ уже не дѣйствуетъ по личной иниціативѣ, онъ пре-

На западномъ фронтѣ. *Сигнальный у барабана (гонга) стерегущій приближеніе нѣмецкихъ газовъ.*

вращается въ символъ. Обмундировка его состоитъ изъ національныхъ цвѣтовъ, и онъ хорошо чувствуетъ всю важность момента, когда выступаетъ полкъ.

Сквозь толпу къ Бюретту и Гаспару протискался одинъ солдатъ безъ ружья:

— До свиданія, господа... Желаю вамъ удачи!

Это былъ господинъ Оммажъ, управляющій недвижимостью, который страдалъ эндокардитомъ. Майоръ прикомандировалъ его къ военному депо, гдѣ онъ могъ спокойно киснуть. Бюреттъ, при всемъ своемъ добродушіи, попрощавшись съ этимъ человѣкомъ, не могъ удержаться отъ того, чтобы не сказать Гаспару:

— Помнишь... послѣднія двѣ недѣли?.. Ты говорилъ, что, если разразится война, то ты предоставишь расплачиваться своей шкурой капиталистамъ. Ты говорилъ, что имъ придется отстаивать свои мошны. А я не тронусь съ мѣста, увѣрялъ ты, мнѣ нечего защищать... И что же, Гаспаръ?... Ты двинулся съ мѣста, а тотъ, капиталистъ, остался на мѣстѣ.

— Подожди... подожди,—отвѣтилъ Гаспаръ.—Мои соображенія, видишь ли, оказались неправильными. У меня ничего нѣтъ, но мнѣ нечего и терять. А потому я и не раздумываю, я спокойно иду на убой. Ну, а тотъ, тотъ любитъ свои денежки. Такъ пусть ужъ остается тутъ. У него есть что беречь!

Въ одну минуту здравый смыслъ этого простосердечнаго человѣка создалъ мирную теорію, и это въ самый разгаръ войны!

Полкъ вышелъ изъ воротъ казарменнаго двора. Барабаны забили, горнисты затрубили, и солдаты зашагали по улицамъ.

Стоялъ великолѣпный день, живительно-теплый, и казалось, будто воздухъ слегка трепещетъ отъ волненія, охватившаго весь городъ.

Лавочницы выходили съ цвѣтами въ рукахъ. Гаспаръ махалъ своими цвѣтами и кричалъ женщинамъ:

— То-то будемъ цѣловаться, когда мы вернемся!

Разнеслась новость, что сто тысячъ германцевъ легло подъ Льежемъ. Сто тысячъ! Казалось, будто германцевъ вовсе не осталось больше. Солдаты шагали широко.

— Поѣздъ въ Берлинъ! Поѣздъ въ Берлинъ!

А когда они увидѣли поѣздъ, то что за крики раздались въ воздухѣ!

Площадь передъ вокзаломъ была биткомъ-набита людьми. Всѣ хотѣли посмотрѣть, какъ солдаты будутъ уѣзжать. Было воскресенье. Всѣ женщины были въ свѣтлыхъ платьяхъ, въ новыхъ башмакахъ, въ шляпахъ съ цвѣтами. Тутъ была жена господина Фосса, мадемуазель Романсъ, мадамъ Клопюртъ, жена полковника.

— Ахъ, какая досада, — сказалъ Бюреттъ, — что моей женки нѣтъ среди нихъ!

Гаспаръ замѣтилъ:

— Глазѣй на другихъ и утѣшайся этимъ.

Самъ онъ все время перемигивался съ женщинами и дѣлалъ имъ знаки.

Полковникъ, прямой, нервный, шагалъ по дебаркадеру, словно хотѣлъ пріучить свои башмаки къ ходьбѣ. Его жена, полная женщина, съ бюстомъ, какъ у статуи „Побѣды“, протягивала черезъ барьеръ розы капитану съ веселыми глазами и смотрѣла на него черезъ лорнетъ.

Наконецъ солдатъ усадили въ вагоны. Они были распредѣлены по группамъ и пересчитаны заранѣе. Имъ оставалось только войти въ вагонъ съ опредѣленнымъ нумеромъ. Въ пять минутъ весь полкъ исчезъ въ маленькихъ черныхъ и коричневыхъ ящикахъ, которые должны были перенести двѣ тысячи человѣкъ на границу. Теперь только головы солдатъ видны были въ отверстіяхъ вагоновъ, въ дверяхъ толпилось ихъ ближайшее начальство — сержанты и капралы, которые хотѣли показывать себя и на другихъ смотрѣть до послѣдней минуты.

Однако въ этомъ отношеніи представлялъ собою исключеніе вагонъ, въ которомъ помѣщался Гаспаръ. Тутъ онъ, Бюреттъ и Моро стояли въ дверяхъ, а „начальство“ толпилось позади нихъ.

Ровно въ три часа поѣздъ тронулся. Раздались крики:

— Ура! Ура! Въ Берлинъ!... Долой Вильгельма!... До свиданія, друзья!... Добрый вечеръ, толстая блондинка!... Въ Берлинъ... въ Берлинъ!

Провожавшіе отвѣчали:

— Счастливаго пути!... Желаемъ удачи!... Убейте ихъ побольше!.. Возвращайтесь скорѣе!

Жена полковника, не отнимая отъ глазъ лорнета, бросила еще цвѣтовъ, которые поймалъ на лету одинъ молодой поручикъ.

Локомотивъ свистѣлъ, свистѣлъ... Это было трепещущее „прости“ Нормандіи. Начальникъ станціи стоялъ на дебаркадерѣ, помахивая флагомъ. И вдругъ раздался задорный голосъ, пропѣвшій на мотивъ пѣсенки „Petit Navire“: „Начальникъ станціи рогатъ, да, рогатъ...“

Это былъ Гаспаръ... который ѣхалъ сражаться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Рядовой Николаевъ.

(Сильна, какъ смерть).

Повѣсть **П. Н. Краснова**.

(Продолженіе).

IX.

— Ну вотъ и хорошо. Въ окнамъ пришпилимъ газеты. Вотъ такъ!

— Ахъ, ваше благородіе, мнѣ, право, такъ совѣстно, что же вы сами-то? Позвольте,—я...

— Да вѣдь я столько же для себя стараюсь, сколько и для васъ. Обоимъ уютнѣе будетъ, когда окна будутъ занавѣшены. Я вѣдь большой сибаритъ... „Въ постели мягкой и сухой люблю понѣжиться порой. Я обожаю, обожа—аю“...—шутливо запѣлъ Яковлевъ.

— Ну ужъ такъ я вамъ и повѣрилъ... Вы... такой спартанецъ!

— Эхъ, милый юноша, не мы спартанцы, а служба наша спартанская, святая пѣхотная служба...

— Святая пѣхотная служба,—задумчиво повторилъ Николаевъ.— Да, когда вспомню Мухортова, вѣрю, что, разъ есть такіе люди, такіе подвиги, то сильна и незыблема и непобѣдима Россія... Я не могъ возвыситься до этого... Тогда я не могъ снять противогазъ... А что, ваше благородіе, Мухортовъ зналъ, что онъ идетъ на вѣрную смерть?

— Конечно, зналъ...

— Удивительно... Какъ не повѣрить въ святость людей, въ подвижниковъ... А вѣдь, поди, и имя его позабудутъ...

— Позабудутъ потому, что такихъ подвиговъ ежедневно русскій солдатъ совершаетъ тысячи, и имя этимъ мученикамъ— легіонъ.

— Я бы не могъ,—повторилъ Николаевъ.

— А я скажу вамъ: еще не пришелъ часъ вашъ. Потому, милый юноша, что въ бою иной разъ такое сотворишь, что и самъ на себя дивишься... Когда надо... Ну, милый юноша, все готово. Селимъ, оставь господина вольноопредѣляющагося одного. И никого къ нему не пускай, пока онъ моется. Онъ вѣдь у насъ стыдливъ, какъ барышня.

— Ой!—вскрикнулъ Николаевъ, и краска залила его лицо.

— Ну-съ, а revidercі, какъ говорятъ наши новые союзники. Ровно въ одиннадцать я приду сюда въ объятія господина Храповицкаго. Теплая вода есть, мыло, мочала, простыни... все. Прямо сорокакопеечная баня на Бассейной. Шикъ...

И Яковлевъ, сдѣлавъ прощальный жестъ рукой, вышелъ на дворъ, плотно притворивъ дверь избы, которую онъ занималъ на правахъ ротнаго командира.

Прохладная сырая весенняя ночь окутала его. Было совершенно темно. Въ большомъ селеніи почти нигдѣ не было видно огней. Послѣ всего пережитаго, послѣ безсонныхъ ночей, весь полкъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Каждый зналъ, что отдыхъ не можетъ быть продолжителенъ, и каждый торопился нагнать время и набраться силъ на новые труды.

Яковлевъ тихими шагами пошелъ по улицѣ и вскорѣ вышелъ за селеніе. Широкая, обсаженная могучими липами дорога вела къ господскому дому, гдѣ стоялъ теперь командиръ и штабъ полка. Здѣсь было сухо и подъ сводомъ голыхъ вѣтвей казалось теплѣе и уютнѣе.

„Вѣдь и я усталъ,—думалъ Яковлевъ.—О, съ какимъ бы наслажденіемъ помылся я. Сталъ бы тамъ въ жарко натопленной избѣ ногами въ плоскую кадку и сталъ бы лить, лить на себя горячую воду и тереть себя мочалой и мыломъ, а потомъ сѣлъ бы въ кадку и погрузился въ теплую воду по горло и испыталъ это блаженное чувство мягкаго прикосновенія воды, испыталъ бы эту теплую ласку водяной влаги...“

И ему представился моющійся Николаевъ... До боли ясно увидѣлъ онъ, но не „милаго юношу“, а дѣвушку Татьяну Николаевну. Кровь прилила къ головѣ, и въ воспаленномъ мозгу стали рисоваться соблазнительныя картины прелестной купальщицы.

Яковлевъ снялъ папаху и свѣжею отъ сырости холодною рукою провелъ по лбу и волосамъ.

Яковлевъ гналъ отъ себя соблазнительный образъ, а онъ не уходилъ, маячилъ передъ воспаленными мысленными глазами, и въ памяти вставало все прелестное, все женское, что было въ Татьянѣ Николаевнѣ.

„Ваше благородіе“... Какъ мило у нея это звучитъ. И какъ неувѣренно. Говоритъ почтительно „ваше благородіе“, держитъ милую ручонку у края папахи, а въ глазахъ играетъ женскій бѣсенокъ, тотъ самый, который изводилъ ея классныхъ дамъ въ институтѣ, и чуетъ она, что она власть имѣетъ надъ нимъ. Слабый полъ! Какая это ложь! Слабый полъ командуетъ ими всѣми и покоряетъ. Вотъ и его покоряетъ. И кто же? Доброволецъ Николаевъ!...“

Всенародныя похороны жертвъ борьбы за свободу. *Петроградъ, 23-го марта. Траурное шествіе Невскаго раіона по Невскому проспекту, у Литейнаго проспекта.* По фот. 1. Оцупа.

Какой срамъ! Да такъ ли онъ молодъ? Ему тридцать одинъ... А вѣдь и не старъ? Да развѣ старо это гибкое его тѣло, тѣло гимнаста и спортсмена, смѣлое, увѣренное въ точной работѣ каждаго мускула? Ему въ его тѣлѣ все покорно.

Да и воля у него сильная. И эта воля прогонитъ прелестныя мечты объ обнаженной Татьянѣ Николаевнѣ и на мѣсто ея поставитъ опять сѣраго загорѣлаго мальчика, „милаго юношу" Николаева.

Сталъ думать о женѣ. Вѣдь любилъ же онъ ее когда-либо? Ну тогда, когда въ густыхъ кустахъ гарнизоннаго сада прижималъ ея головку къ своей груди и цѣловалъ свѣжія полураскрытыя губки. Она казалась тогда прелестной, казалась неземной. Тогда...

Теперь вспомнилось, что и тогда отъ нея пахло дешевыми духами и пудрой Велютинъ. На лбу былъ прыщикъ... Подъ мышками на блузкѣ были темныя пятна.—„Я бѣжала къ тебѣ, Володя, такъ вспотѣла! И такъ волновалась! Боялась, папочка увидитъ!"

Тогда это было мило. И пудра Велютинъ такъ сладко пахла... Потомъ вспомнилась она послѣ свадьбы.

Всенародныя похороны жертвъ борьбы за свободу. *Исполнительный Комитетъ Государственной Думы съ М. В. Родзянко во главѣ и Временное Правительство у братской могилы на Марсовомъ полѣ.* По фот. Я. Штейнберга.

Наталью Павловну ея папаша, а за нимъ и старые подполковники за ея свѣжесть и бьющее черезъ край здоровье звали „бутономъ". И правда, въ розовомъ платьѣ, вся розовая, съ розовой шеей, руками, грудью, съ пылающими полными щеками, съ алымъ ртомъ бантикомъ, она походила на только-что лопнувшій бутонъ розовой розы. Она расточала улыбки, картавила нарочно, капризничала, а старые подполковники, толстенькій директоръ мѣстной гимназіи таяли и вздыхали:—„Ахъ, бутонъ, очаровательный бутонъ!... Бутонъ, не сердитесь!"... „Какой вы счастливецъ, Владиміръ Петровичъ, что ваша жена такой прелестный бутонъ".

Увы, обладатель розоваго бутона зналъ, что розы имѣютъ шипы.

Въ ротѣ была собака. Простая и довольно безобразная дворняжка, обыкновенная ротная собака, ее звали „Бутономъ"... И Яковлеву непріятна стала и самая собака.

Что такое женщины? Вонъ ихъ старшій адъютантъ дивизіоннаго штаба капитанъ Марченко говоритъ, что женщины—животныя. Доказывалъ это даже ссылками на ученыхъ философовъ. Цитировалъ Шопенгауера и Вейнингера.

Но къ образу милаго юноши никакъ не подходила мѣрка, которую прилагалъ Марченко ко всѣмъ дамамъ ихъ маленькаго гарнизона.

Сталъ думать объ Алюсѣ. Славный ребенокъ. Обвила ручонками его шею, прижалась хорошенькой головкой къ его лицу и говоритъ: „папочка, не уходи! Развѣ такъ надо?" А потомъ—„ну, хорошо... Только ты побѣди ихъ. Непремѣнно, слышишь, папочка. Они худые!"—И эти слова маленькой дочки прозвучали Яковлеву, какъ „на щитѣ, или со щитомъ".

Успокоился... Повернулъ къ дому, засвѣтилъ электрическій фонарикъ, посмотрѣлъ на часы. Было одиннадцать. Пошелъ къ своей хатѣ.

Николаевъ оставилъ ему зажженую свѣчку. Въ избѣ все было чисто прибрано, только полъ былъ сырой, и пахло горячей водой, мыломъ, и еще пахло неуловимо, но такъ, что Яковлевъ сейчасъ же схватилъ этотъ запахъ — пахло женскимъ тѣломъ.

И опять поплыли мысли.

Какъ воръ, сконфуженно и робко взглянулъ на Николаева. Онъ лежалъ, завернувшись въ одѣяло Мракобѣсова, видимо раздѣтый, потому что сапоги, рубаха и шаровары были сложены рядомъ на лавкѣ. Николаевъ крѣпко спалъ. Губы были сомкнуты, глаза нахмурены, темная тѣнь рѣсницъ дѣлала ихъ удивительно глубокими. Голова была покрыта мелкими завитками волосъ. Щеки покраснѣли, и маленькая рука въ мужской съ рукавами до кисти рубашкѣ была протянута ладонью кверху. И ладонь была пухлая, розовая... Такъ хотѣлось прильнуть губами къ этой маленькой розовой ладони.

Вздрогнулъ... Поспѣшно задулъ свѣчу. Сталъ думать о другомъ. Раздѣлся тихо-тихо и залѣзъ на свою койку подъ одѣяло. Было стыдно...

Усталое тѣло съ наслажденіемъ протянулось вдоль койки, но сонъ не пришелъ на выручку. Онъ бѣжалъ отъ глазъ.

„Что это,—съ испугомъ думалъ Яковлевъ,—какъ я переродился! Вѣдь это только чувственность, это только вожделѣніе голоднаго самца. Какой срамъ, къ этому юному чистому ребенку... Его и звѣрь бы не тронулъ".

„Да я и не трону!—обиженно возразилъ онъ самъ себѣ и опять задалъ вопросъ:—такъ зачѣмъ же думаешь?"

И вдругъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

„Затѣмъ, что люблю"...

Нервно засмѣялся. „Мѣсяцъ вижу, да и то какъ — мелькомъ. Поговорилъ только сегодня и уже люблю. Ерунда. Ничего подобнаго. Хочу—не значитъ, что люблю".

Но сердце упрямо повторило:—„нѣтъ, любишь"... И стало доказывать.

Яковлевъ любилъ военную службу, любилъ строй, любилъ фронтъ. Николаевъ оказался дивнымъ строевикомъ, образцовымъ, изящнымъ солдатомъ. И онъ полюбилъ его, какъ молодчика-рядового. Какъ на немъ всегда все было пригнано! Какой онъ всегда былъ чистый. Никто не мылъ и не чистилъ котелковъ — у Николаева онъ всегда, какъ жаръ, горѣлъ. А сапоги!... Откуда бралъ онъ смазку?...—но всегда они были у него чистые. Аккуратный солдатъ... Да, онъ любилъ его за это.

Тамъ, въ страшномъ „Орлиномъ гнѣздѣ", онъ видѣлъ, какъ торопливо, но спокойно стрѣляетъ Николаевъ по нѣмцамъ, какъ, несмотря ни на что, онъ ловко дѣлалъ свое дѣло, и родилось уваженіе.

Это уваженіе толкнуло на разговоръ, а сегодня вечеромъ, заботливо приготовляя баню Николаеву, онъ почувствовалъ, что это женщина, и полюбилъ ее, не его, не добровольца Николаева, а дѣвушку Татьяну Николаевну.

Но онъ боролся. Думалъ, переворачивалъ въ памяти своей всѣ женскіе образы, старался ими вытѣснить этотъ новый и не могъ.

Повернулся лицомъ къ ней. Сквозь газетную бумагу въ окна прорывались лучи ликующаго весенняго утра, птицы начинали

свои утреннія пѣсни, и гдѣ-то мычала корова. Пропѣлъ пѣтухъ. Ясный свѣтъ сдѣлалъ эту маленькую голову еще красивѣе, чѣмъ показалась она ему при свѣтѣ одинокой свѣчи, и образъ Татьяны Николаевны сталъ впереди всѣхъ прочихъ образовъ, сталъ ликующій, побѣдоносный.

„И что за славное имя! Воистину славное... Потому что воспѣто Пушкинымъ? Потому что такое русское? Потому, что такое милое во всѣхъ измѣненіяхъ“.

— Таня!—тихо прошепталъ онъ.

Вспомнилъ Агренева-Славянскаго, котораго слышалъ въ дѣтствѣ.

Въ селѣ маломъ Ванька жилъ.
Ванька Таньку полюбилъ...

Нѣтъ, не понравилось. Нехорошо. „Тата“ не худо, но лучше всего „Татьяна“. Впрочемъ, нѣтъ—„Таня“ лучше.

— Таня, я васъ люблю!—прошепталъ онъ и застыдился...

„Что это я? Какъ гимназистъ. Съ ума сошелъ. Капитанъ Яковлевъ, командиръ лихой третьей роты, стыдно, стыдно-съ... Герой, отбившій газовую атаку нѣмцевъ на „Орилное гнѣздо“. Пожалуй, орденъ дадутъ. Павелъ Николаевичъ очень доволенъ. Сіялъ при смѣнѣ, какъ мѣдный грошъ. Его-то въ генералы, а намъ что?...“

Чѣмъ это вы, милый юноша, занимаетесь?—спросилъ у него Яковлевъ.

— Я придумалъ рядъ очень красивыхъ движеній, — сказалъ, беря подъ козырекъ, Николаевъ,—вѣдь я занимался этимъ... въ корпусѣ, ваше благородіе.

— Ну ладно. Продолжайте! Вы занимались этимъ въ корпусѣ?

— Такъ точно, ваше благородіе,—уже увѣренно отвѣтилъ Николаевъ.

— Ну покажите.

Николаевъ отчетливо и поразительно красиво продѣлалъ сложное движеніе: „метаніе копья“.

— Онъ, ваше благородіе, проговорилъ Сорока,—пошустрѣй Ларивонова будетъ. Отчетливый солдатъ.

— Да,- сказалъ Яковлевъ равнодушно и пошелъ въ сторону.

X.

— Не сегодня, такъ завтра большое „ломайло“ будетъ,—говорили въ арміи.

Никто не говорилъ о наступленіи сверху. Самые приказы отдавались весьма секретно, сотнями предписаній и телеграммъ подтверждалась необходимость самой страшной тайны, старшіе начальники, смотря по темпераменту, или упорно отмалчивались,

Всенародныя похороны жертвъ борьбы за свободу. *Временное Правительство у братской могилы на Марсовомъ полѣ.* ***Министры:*** *А. И. Коноваловъ, А. И. Шингаревъ, кн. Г. Е. Львовъ, И. В. Годневъ и П. Н. Милюковъ.* По фот. Я. Штейнберга.

Припомнилъ слова Кента въ шекспировскомъ королѣ Лирѣ:

Признать заслуги значитъ
Ихъ наградить...

А ихъ признали. Ну, значитъ, и довольно.

Опять улыбнулся счастливой, довольной улыбкой, прошепталъ: „Таня“ и вдругъ заснулъ крѣпкимъ, здоровымъ утреннимъ сномъ.

Когда Яковлевъ проснулся, Николаева въ избѣ не было. Его постель была аккуратно застлана, а на деревенскомъ столѣ, на чистомъ полотенцѣ, постланномъ, какъ скатерть, и висѣвшемъ вышитыми концами по обѣимъ сторонамъ, были поставлены кружки, мѣшочекъ съ сахаромъ, положенъ хлѣбъ и ножикъ.

Это было ново. Селимъ никогда этого не дѣлалъ.

Яковлевъ посмотрѣлъ на часы. Былъ десятый на исходѣ.

„Однако, долго же я проспалъ,—подумалъ Яковлевъ и началъ одѣваться.—Сегодня непремѣнно схожу въ баню. Тутъ есть, говорятъ, баня Союза городовъ. Надо помыться, а то прямо все тѣло саднитъ“.

— Селимъ!—крикнулъ онъ.

Селимъ явился съ неизмѣнной улыбкой на кругломъ лицѣ.

— Селимъ, умываться. А баринъ гдѣ?

— Барчукъ въ роту пошла.

И это „пошла“, которое Селимъ неизмѣнно говорилъ про всѣхъ офицеровъ и солдатъ, имѣло теперь особенное, острое, полное глубокаго смысла значеніе.

И Яковлевъ повторилъ вполголоса:—„барчукъ въ роту пошла. „Милая“ барчукъ!“

Онъ напился чаю и тоже пошелъ въ роту.

Фельдфебель по своему усердію, не получивъ приказаній отъ капитана, занималъ людей гимнастикой.

Въ одной группѣ стоялъ Николаевъ и уже самъ училъ лучшихъ гимнастовъ красивымъ пластическимъ движеніямъ.

или прямо отрицали какое бы то ни было наступленіе, говорили, что все это передвиженіе войскъ, вся эта кутерьма только такъ, обычная перегруппировка силъ, но имъ никто не вѣрилъ. Шила въ мѣшкѣ не утаишь, и сосредоточеніе трехъ корпусовъ, слишкомъ полутораста тысячъ въ одномъ мѣстѣ, невозможно было скрыть.

Госпитали Краснаго Креста, различные передовые, отряды, летучки всевозможныхъ союзовъ получили приказъ развернуться, приготовиться къ работѣ, и къ большой работѣ, и не скрывали этого. „Мы ждемъ много раненыхъ... Будетъ большая работа“,—говорили врачи и уполномоченные, раскидывая въ лѣсу госпитальныя палатки, раскладывая инструменты, распаковывая ящики съ марлей, ватой и бинтами.

Бѣленькія и черненькія сестры суетливо бѣгали, угощали проходившихъ и проѣзжавшихъ офицеровъ чаемъ, молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ, пытливо взглядывали имъ въ глаза и спрашивали: „когда же наступленіе? Завтра... Да, завтра? Ахъ, Господи, какіе вы! Вѣдь мы же отлично знаемъ, что завтра. Не секретъ. У насъ уже приказъ есть...“

И такимъ образомъ съ одной стороны была мертвая тайна, никто ничего не говорилъ, никто, даже начальники дивизій, ничего не зналъ и только догадывался по намекамъ и приготовленіямъ, съ другой—шла откровенная болтовня врачей, сестеръ и санитаровъ. Пересчитывали полки, строили предположенія, и тихими майскими вечерами старшій врачъ госпиталя, никогда военнымъ дѣломъ не занимавшійся, съ видомъ опытнаго стратега развивалъ свои планы, двигалъ войска и, сообразно со своимъ характеромъ, раскатывалъ нѣмцевъ въ пухъ и прахъ и гналъ ихъ чуть не до Берлина, или нарывался на хитроумные планы Гинденбурга, разбивался о неприступныя позиціи, и все наступленіе выходило ни къ чему.

Заѣзжіе прапорщики, пріѣзжавшіе проститься съ сестрами,

У братской могилы на Марсовомъ полѣ. *Рамишвили, предсѣдатель похоронной комиссіи (бывшій членъ 2-й Государственной Думы, томившійся въ ссылкѣ) и извѣстная дѣятельница освободительнаго движенія Вѣра Засуличъ.* По фот. І. Оцупа.

слушали благоговѣйно эти лекціи и приносили ихъ домой, и всѣ до послѣдняго солдата безъ всякаго приказа знали, что завтра „большое ломайло" будетъ...

Иные нервничали, томились предчувствіями, откровенно хандрили, другіе бодрились и съ наиграннымъ молодечествомъ строили планы побѣдъ.

Сѣрая солдатская среда была тиха. Чутко прислушивалась она къ каждому слуху, искала старыхъ коренныхъ полковыхъ офицеровъ и только имъ и вѣрила.

Все остальное вздоръ, зря болтаютъ.

Лѣса были полны бивуаками пѣхоты и конницы. Днемъ стояли, обѣдали у дымящихся кухонь, двигались по ночамъ. По ночамъ всѣ дороги были полны сѣрыми колоннами, которыя молча стремились все въ одномъ направленіи на юго-западъ. Громыхала и звенѣла артиллерія. Медленно ползли по песчанымъ дорогамъ запряженныя громадными лошадьми тяжелыя пушки, и въ темнотѣ лошади казались особенно большими, какими-то сказочными чудовищами.

Потомъ опять шла пѣхота. Молча, безъ пѣсенъ, густымъ сѣрымъ потокомъ въ облакахъ пыли стремились люди, и количество ихъ казалось несчетнымъ. А сзади шли обозы. Трещали, издали напоминая ружейную перестрѣлку, двуколки, за ними ѣхали парныя повозки, обывательскія подводы, везли принадлежности канцелярій, собраній: какъ-то, къ удивленію Николаева, провезли клѣтку съ курами, въ другомъ полку на подводѣ путешествовала кровать съ пружиннымъ матрацомъ. Денщики на цѣпочкахъ и шнуркахъ вели за подводами дорогихъ псовъ, ѣхали на подводахъ сестры или какія-то женщины въ косынкахъ и передникахъ съ краснымъ крестомъ. И снова шла пѣхота, заливая людскимъ потокомъ сплошь всю дорогу, не оставляя мѣста никому. Иногда сзади въ красивой коляскѣ, въ дорогой польской упряжи на кровныхъ лошадяхъ, ѣхалъ генералъ, или командиръ полка, а чаще начальникъ обоза, и снова пѣхота...

Какъ ея много было! Никогда раньше Николаевъ не видалъ такого множества войскъ. Онъ чувствовалъ себя такой маленькой песчинкой, затерявшейся среди моря песковъ, и первый разъ почувствовалъ, какъ правъ былъ Яковлевъ, когда говорилъ, что онъ растворится въ арміи безъ остатка и безъ пользы.

Николаевъ сидѣлъ у дороги въ лѣсу, гдѣ только-что бивуакомъ сталъ его полкъ, и мимо него проносился этотъ потокъ людей.

Какъ какое-то непонятное допотопное чудовище, не то слонъ, не то гиппопотамъ исполинскихъ размѣровъ, сѣрый, колеблющійся, несомый солдатами, на веревочныхъ оттяжкахъ проходилъ привязной шаръ. „Колбаса",—какъ его называли солдаты.

И снова пѣхота.

Кто-нибудь изъ солдатъ полка Николаева, лежавшихъ у костра, спрашивалъ: „какой полкъ?"—и изъ рядовъ лѣниво, не сразу, отвѣчали:

— Сто восьмой...

Другой разъ спросили:

— Кто спрашиваетъ?

— Эм-цы.

— А...—отвѣчалъ сонный голосъ.—А мы пѣхотный полкъ.

И засмѣялись...

Нѣкоторое время движеніе прекратилось. Николаевъ заснулъ у костра, и когда проснулся, чуть свѣтало. Мимо молча, тихо скользя, какъ привидѣнія, шли казаки.

Пики были заброшены за плечо. Укутанные въ сѣрыя непромокаемыя накидки, видимо усталые, разморившіеся долгимъ походомъ, они ѣхали, бросивъ поводья на шеи своимъ маленькимъ лошадкамъ съ косматыми гривами и маленькими ушами на большихъ головахъ. Мелькали кое-гдѣ на казакахъ желтые лампасы. Круглыя монгольскія лица съ косыми глазами, темныя, съ кирпичнымъ румянцемъ на щекахъ, смотрѣли равнодушно.

— Баринъ, гляньте,—сказалъ Николаеву старый солдатъ Рыжовъ, бывшій въ японскую войну,—настоящіе японцы.

— Это кто же?—спросилъ Николаевъ.

— Буряты. Забайкальцы...

А они шли полкъ за полкомъ, и казалось, конца имъ не будетъ. Между полками шла артиллерія. Пушки везли большія, рослыя лошади, и прислуга вокругъ на маленькихъ лошадкахъ казалась игрушечной...

Наступилъ день. Сѣрый, хмурый, тоскливый день. Сѣдые туманы встали съ болотъ и обрывками тянулись по лѣсамъ, а казаки все шли, и сѣрыя, гнѣдыя, рыжія и вороныя маленькія лошадки мелькали и казались не живыми. Иногда Николаеву думалось, что это безконечный кинематографъ, и въ глазахъ у него рябило отъ этой вереницы тонкихъ лошадиныхъ ножекъ, переступавшихъ по дорогѣ.

Потомъ шли вьюки, опять тянулись обозы и за ними снова казаки.

— Эка благодать какая,—сказалъ Сорока,—что туманъ.

— А что?—спросилъ Николаевъ.

— Ероплань не летаютъ. Онъ не видитъ.

— Все одно, шпіоны скажутъ.—проговорилъ кто-то со злобою изъ дальнихъ группъ лежащихъ солдатъ.—Развѣ убережешься отъ нихъ?

Теперь мимо шли кавказцы. Въ одинаковыхъ сѣрыхъ черкескахъ, въ черныхъ папахахъ съ бѣлыми верхами, съ алыми башлыками за плечами, на легкихъ лошадяхъ, быстро идущихъ, свободные, щеголеватые въ одѣяніи горца, съ таліями, перетянутыми въ рюмочку, они шли, словно на парадъ.

У братской могилы на Марсовомъ полѣ. По фот. *Я. Штейнберга.*

— Эка, народъ какой!—проговорилъ, любуясь, Сорока.—и защитнаго не признаютъ. Ничего не боятся.

— Въ цѣпь, небось, такъ не пойдутъ?—замѣтилъ хмуро Рыжовъ.

— А идутъ. Ей-Богу, видѣлъ, идутъ. Ему что—наплевать. Онъ подолгу не лежитъ. Все идетъ впередъ и впередъ.

— И красный башлыкъ на немъ?—съ сомнѣніемъ въ голосѣ спросилъ Рыжовъ.

— И красный башлыкъ.—отвѣчалъ Сорока.

За кавказцами шли донцы. На большихъ одномастныхъ по сотнямъ лошадяхъ, съ пиками за плечами, они долго тянулись, перекидываясь въ сыромъ воздухѣ словами.

А потомъ опять артиллерія...

Днемъ подъ непрерывный трескъ колесъ обозовъ, звонъ проходящихъ мимо пушекъ, мѣрный топотъ пѣхоты, солдаты спали въ лѣсу, и съ ними спалъ и Николаевъ. Обѣдъ былъ во-время, вкусный, жирный, съ большой порціей мяса. Вечеромъ роздали консервы, но хлѣба не дали. Не успѣли доставить хлѣбъ къ полкамъ, дороги были запружены войсками.

Въ два часа ночи уснувшаго подъ палаточнымъ полотнищемъ Николаева разбудили. Полкъ выступилъ куда-то впередъ.

— Говорятъ, атака будетъ,—переговаривались солдаты.

— Погоди, еще рѣку надо перейти.

— Перейдемъ, небось. Не такъ страшно. Сказываютъ, казаки уже на томъ берегу.

— Они на лошадяхъ переплыли.

— А мы и такъ перебредемъ. Тутъ сегодня женщины однѣ проходили. Бѣженки. Такъ сказываютъ. можно перейти. Проходъ есть. По грудь, не больше.

— А вы, баринъ, плавать умѣете?—освѣдомился Карпенко.

— Переплыву,—спокойно отвѣтилъ Николаевъ и самъ удивился своему спокойствію.

Онъ шелъ въ рядахъ съ солдатами, съ ружьемъ и сумкой за плечами, шелъ ровнымъ спокойнымъ шагомъ, шелъ неизвѣстно куда, неизвѣстно зачѣмъ и не боялся. Какое-то отупѣніе владѣло всѣмъ его организмомъ. Сонъ не во-время въ лѣсу. на мягкомъ мху, безконечная панорама идущихъ войскъ, сознаніе, что здѣсь въ лѣсу живетъ и дышитъ и гомонитъ цѣлая армія, сознаніе своего ничтожества какъ-то убили въ Николаевѣ всѣ чувства, и онъ шелъ, какъ машина, не сознавая, ни куда ни зачѣмъ.

Погода исправилась. Полная луна мягко свѣтила, звѣзды тихо мерцали на синемъ небѣ, и въ воздухѣ была разлита чисто-лѣтняя теплота.

На недалекомъ болотѣ и въ придорожныхъ канавахъ неугомонно квакали лягушки. И было что-то мистическое, таинственное и великое въ этомъ полномъ равнодушіи природы къ тому, что совершалось людьми кругомъ. Люди сами по себѣ, а природа тоже сама по себѣ. Люди идутъ на смерть, идутъ сами убивать, идутъ потрясать громомъ пушекъ небеса, палятъ огнемъ, а природа тихо млѣетъ, земля живетъ и дышитъ и продолжаетъ свое громадное дѣло возобновленія жизни, побѣды надъ смертью, вѣчнаго нарожденія новыхъ существъ на смѣну отжившимъ, на смѣну погибшимъ.

Передъ разсвѣтомъ подошли къ опушкѣ. Здѣсь на песчаной полянѣ построили батальонныя колонны, развели по-ротно и приказали окопаться.

И, когда солнце поднялось надъ лѣсомъ, весь полкъ спалъ крѣпкимъ сномъ въ глубокихъ канавахъ, съ траверсами, прикрытыхъ песчаными брустверами. За канавами, накопанными въ нѣсколько рядовъ, шеренга за шеренгой, была небольшая поросль мѣшаннаго лѣса, за ней болото, черезъ которое саперы поспѣшно устраивали гать. Еще дальше, невидная, была рѣка. За рѣкой былъ непріятель, котораго завтра должны были атаковать...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Всенародныя похороны жертвъ борьбы за свободу. *Петроградъ, 23-го марта.* *Братская могила.*

Политическое обозрѣніе.

Временное Правительство.

Временное Правительство, которое взяло выпавшую изъ рукъ стараго правительства власть и тѣмъ обезпечило непрерывность работы государственной машины, образовывалось постепенно. Совѣщаніе членовъ Думы, состоявшееся днемъ 27-го февраля, постановило организовать Временный Исполнительный Комитетъ и выборы его поручило произвести совѣту старѣйшинъ. Ровно въ 12 часовъ ночи съ 27-го на 28-е февраля организація Комитета была закончена. Въ него вошли представители думскаго президіума и по одному члену отъ каждой фракціи Думы. Президіумъ былъ представленъ предсѣдателемъ М. В. Родзянко, товарищемъ его Н. В. Некрасовымъ, секретаремъ И. И. Дмитрюковымъ и старшимъ товарищемъ секретаря В. А. Ржевскимъ. Представителями фракцій были: отъ соціалъ-демократовъ Н. С. Чхеидзе, отъ трудовиковъ А. Ф. Керенскій, отъ партіи народной свободы П. Н. Милюковъ, отъ прогрессистовъ А. И. Коноваловъ, отъ народной группы М. А. Карауловъ, отъ октябристовъ С. И. Шидловскій, отъ группы центра В. Н. Львовъ и отъ прогрессивныхъ націоналистовъ В. В. Шульгинъ. Правые націоналисты уполномочили В. В. Шульгина быть также представителемъ ихъ фракціи. Остались внѣ Комитета только крайніе правые, которые въ моментъ переворота безслѣдно исчезли съ политической сцены. Черезъ два часа послѣ своего сформированія Временный Комитетъ выпустилъ два воззванія—къ жителямъ Петрограда и къ населенію и арміи. Онъ призывалъ жителей столицы къ сохраненію порядка и спокойствія, у народа и арміи онъ просилъ помощи въ трудной задачѣ созданія новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ народа и могущаго пользоваться довѣріемъ страны. Одновременно М. В. Родзянко обратился по телеграфу къ главнокомандующимъ флотами и сухопутными арміями. Извѣщая ихъ о переходѣ правительственной власти къ думскому Комитету, М. В. Родзянко приглашалъ дѣйствующую армію и флотъ стойко и мужественно продолжать дѣло защиты родины.

Оффиціально задачи Исполнительнаго Комитета Гос. Думы опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: онъ былъ избранъ „для поддержанія порядка въ Петроградѣ и для сношеній съ различными учрежденіями и лицами". Чтобы выполнить эти задачи, Комитетъ нуждался въ органахъ, которые установили бы связь между нимъ и обезглавленными революціей отдѣльными частями правительственнаго механизма. Поэтому Комитетъ немедленно предпринялъ цѣлый рядъ назначеній, выбирая своихъ довѣренныхъ лицъ изъ числа членовъ Думы. Такъ, охрана порядка въ столицѣ до назначенія общественнымъ градоначальникомъ проф. В. А. Юревича была поручена М. А. Караулову. Обязанности коменданта петроградскаго гарнизона были возложены на члена Думы, полковника Б. А. Энгельгардта. Особые комиссары были назначены въ министерства, въ сенатъ, на почту и телеграфъ, въ градоначальство и въ телеграфное агентство. Комиссары Временнаго Комитета были посланы и въ особо важные пункты ближайшихъ окрестностей столицы, въ Кронштадтъ и Царское Село. Усиліями всѣхъ этихъ представителей Гос. Думы въ теченіе трехъ дней былъ возстановленъ, по крайней мѣрѣ, внѣшній порядокъ въ столицѣ и налажено сотрудничество старыхъ правительственныхъ органовъ съ новымъ центромъ государственной власти. Но было ясно, что на этомъ формированіе новой власти не могло остановиться, и что ей предстояло выдѣлить изъ себя настоящее правительство, которое унаслѣдовало бы всѣ права и обязанности прежняго Совѣта министровъ.

Всенародныя похороны жертвъ борьбы за свободу. *Рабочіе типографіи Товарищества А. Ф. Марксъ („Нива") у зданія типографіи на Измайловскомъ проспектѣ, участвовавшіе въ траурной процессіи отъ Московскаго района.* По фот. Г. П. Волкова.

Если бы революція была совершена Гос. Думой и всѣ революціонныя силы находились въ подчиненіи у ея Исполнительнаго Комитета, замѣна старыхъ царскихъ министровъ новыми — народными была бы произведена легко и скоро. На дѣлѣ положеніе осложнилось тѣмъ, что у рабочаго класса и возставшихъ войскъ столицы былъ свой руководящій органъ, Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, приказаніямъ котораго повиновались и рабочіе и солдаты. Совѣтъ этотъ засѣдалъ въ зданіи Таврическаго дворца, и думскому Временному Комитету было необходимо выяснить свои отношенія съ нимъ.

Какъ это обыкновенно бываетъ съ революціонными организаціями, возникающими въ самомъ процессѣ революцій, Совѣтъ образовался явочнымъ порядкомъ. „Днемъ 27-го февраля,— разсказываютъ революціонныя „Извѣстія“,—въ помѣщеніи Гос. Думы собрались представители рабочихъ и солдатъ и нѣсколько общественныхъ дѣятелей. Составился Временный Исполнительный Комитетъ, который приступилъ къ организаціи Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, для чего и предложилъ заводамъ избрать по одному депутату на каждую тысячу рабочихъ, а войскамъ по одному представителю на роту. Возникшій такимъ образомъ Совѣтъ на другой день опубликовалъ воззваніе къ населенію столицы. Въ воззваніи говорилось, что „для успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать свою собственную властную организацію“, что Совѣтъ назначилъ раіонныхъ комиссаровъ для установленія народной власти въ „раіонахъ Петрограда“, и что населеніе должно немедленно, „сплотившись вокругъ Совѣта, образовать мѣстные комитеты въ раіонахъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами“.

Само собой понятно, что, если бы и въ дальнѣйшемъ думскій Комитетъ и рабочій Совѣтъ продолжали дѣйствовать параллельно, то получились бы рядомъ двѣ „властныхъ организаціи“. Одна, думская, не была бы авторитетна для тѣхъ круговъ столичнаго населенія, которые слушались Совѣта. Другая, совѣтская, не заслужила бы признанія тѣхъ, которые подчинялись Думѣ. Установилось бы двоевластіе, разразилась бы междоусобица, и дѣлу революціи угрожала бы гибель. Къ счастію для Россіи, благодаря проницательности думскаго Комитета и политической выдержкѣ рабочаго Совѣта, этого не случилось. Комитетъ и Совѣтъ столковались. Совѣтъ понялъ, что по логикѣ исторіи власть въ государствѣ должна была перейти не къ революціонному пролетаріату, а къ либеральной буржуазіи. Онъ уступилъ власть Думѣ, но настоялъ на томъ, чтобы составъ думскаго правительства и его программа были опредѣлены по соглашенію съ нимъ. Къ вечеру 2-го марта это соглашеніе было достигнуто по обоимъ пунктамъ. Тогда же думскій Комитетъ назначилъ министровъ Временнаго Правительства. На другой день, 3-го марта, Временное Правительство обнародовало свою программу.

Считая комиссара по дѣламъ Финляндіи Ѳ. И. Родичева, новый Совѣтъ министровъ состоялъ изъ 12 членовъ, во главѣ съ министромъ-предсѣдателемъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, кн. Г. Е. Львовымъ. Изъ нихъ восемь министровъ прошли изъ рядовъ Думы, одинъ былъ членомъ Гос. Совѣта, трое принадлежали къ числу видныхъ общественныхъ дѣятелей. Съ партійной точки зрѣнія,—слѣва направо,—въ Совѣтъ министровъ вошли: одинъ трудовикъ, пять членовъ партіи народной свободы, одинъ прогрессистъ, два октябриста, одинъ членъ группы центра и два безпартійныхъ. Если соединить всѣ эти признаки, то получается слѣдующій списокъ министровъ:

1. Министръ-предсѣдатель и мин. вн. дѣлъ, кн. Г. Е. Львовъ — безпарт., предсѣдатель всероссійскаго земскаго союза.
2. Министръ иностр. дѣлъ П. Н. Милюковъ—нар. своб., членъ Гос. Думы.
3. Министръ юстиціи А. Ф. Керенскій—труд., членъ Гос. Думы.
4. Министръ путей сообщенія Н. В. Некрасовъ — нар. своб., членъ Гос. Думы.
5. Министръ торговли и промышленности А. И. Коноваловъ — прогресс., членъ Гос. Думы.
6. Министръ народнаго просвѣщенія А. А. Мануиловъ — нар. своб., профессоръ.
7. Военно-морской министръ А. И. Гучковъ—окт., членъ Гос. Совѣта.
8. Министръ земледѣлія А. И. Шингаревъ—нар. своб., членъ Гос. Думы.
9. Министръ финансовъ М. И. Терещенко—безпарт., крупный промышленный дѣятель.
10. Государственный контролеръ И. В. Годневъ — окт., членъ Гос. Думы.
11. Оберъ-прокуроръ Св. Синода В. Н. Львовъ—группа центра, членъ Гос. Думы.
12. Комиссаръ по дѣламъ Финляндіи Ѳ. И. Родичевъ—нар. своб., членъ Гос. Думы.

Не можетъ быть двухъ мнѣній насчетъ того, что представляло собою Временное Правительство такого состава. Это было то самое министерство общественнаго довѣрія, котораго тщетно добивался отъ Николая II думскій блокъ. То, въ чемъ отказывало Россіи безумное упорство царской власти, дала ей политическая мудрость Революціи.

Проф. **К. Соколовъ.**

У братской могилы на Марсовомъ полѣ. *Члены Временнаго Правительства, Исполнительнаго Комитета и Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ у знамени учениковъ Академіи Художествъ, на которомъ нарисованъ масляными красками академическій знакъ: Прометей, освобожденный отъ цѣпей; у ногъ его — орелъ и поверженная корона. Вверху начертано: „Свободныя художества“.* По фот. К. Булла.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Въ періодъ революціоннаго движенія, на главныхъ фронтахъ войны, а также и на второстепенныхъ, произошло нѣсколько крупныхъ и важныхъ событій, которыя, несомнѣнно, имѣли весьма серьезное значеніе для дальнѣйшаго хода войны. На англо-французскомъ фронтѣ обозначилось отступленіе германскихъ войскъ, а на месопотамско-персидскомъ фронтѣ былъ занятъ англичанами Багдадъ, и, въ связи съ наступленіемъ войскъ ген. Баратова въ Персіи, очутилась въ весьма затруднительномъ положеніи турецкая месопотамско-персидская армія Халиля-паши, сжатая между англійской арміей Мода и русскимъ отрядомъ генерала Баратова.

Возможныя послѣдствія этого успѣха представляются весьма значительными. Конечно, слишкомъ поспѣшнымъ является высказанное гдѣ-то мнѣніе, что черезъ Месопотамію и Малую Азію можно добраться до Константинополя, но все же самый фактъ занятія большей части Месопотаміи наноситъ непоправимый ущербъ турецко-германскимъ интересамъ. Это хотя бы уже по

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки Вудро Вильсонъ.

«Я, Вудро Вильсонъ, президентъ Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, симъ объявляю во всеобщее свѣдѣніе, что между Соединенными Штатами и германскимъ императорскимъ правительствомъ объявлено состояніе войны, и прошу всѣхъ лицъ, состоящихъ какъ на гражданской, такъ и на военной службѣ, приложить величайшую бдительность и усердіе при исполненіи ихъ обязанностей, вытекающихъ изъ такого состоянія войны.

«Кромѣ того, я горячо взываю ко всѣмъ американскимъ гражданамъ, чтобы они, одушевленные искренней преданностью къ своей странѣ, которая съ самаго начала своего существованія защищала принципы свободы и справедливости, поддержали законы страны и оказали единодушную поддержку тѣмъ мѣрамъ, которыя могутъ быть приняты конституціонной властью въ цѣляхъ доведенія войны до успѣшнаго исхода и достиженія прочнаго и справедливаго мира».

одному тому, что Багдадъ является конечнымъ пунктомъ Багдадской желѣзной дороги, что Месопотамія— одна изъ самыхъ богатыхъ хлѣбныхъ областей въ свѣтѣ, и, наконецъ, потому, что съ видами на Месопотамію связаны тѣ важнѣйшіе германскіе интересы, которые привели Германію къ нынѣшней войнѣ.

Если таково крупное значеніе успѣха союзниковъ на месопотамско- персидскомъ театрѣ, то не менѣе крупную роль въ общемъ ходѣ войны должно сыграть то отступленіе германскихъ силъ на западномъ фронтѣ, которое стало отмѣчаться уже съ конца февраля.

Прежде всего слишкомъ ясно было, что нѣмцы отступаютъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, приводя въ исполненіе какой-то весьма важный стратегическій планъ. Въ чемъ же могъ заключаться этотъ важный для всего дальнѣйшаго хода войны планъ Гинденбурга?

На этотъ вопросъ давало почти готовый отвѣтъ сообщеніе Временнаго Правительства о сосредоточеніи значительныхъ нѣмецкихъ силъ на петроградскомъ направленіи нашего сѣвернаго фронта. Сопоставляя цѣлый рядъ данныхъ, мы могли прійти къ заключенію, что противникъ „укорачиваетъ" свой фронтъ на французскомъ театрѣ, съ цѣлью „съэкономить" дивизіи для русскаго фронта, гдѣ, очевидно, предполагается нанесеніе рѣшительнаго удара и достиженіе быстраго и важнаго успѣха.

Назначеніе Гинденбурга можно разсматривать, какъ признаніе нѣмцами ошибокъ прежняго начальника генеральнаго штаба Фалькенгайна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ нѣкоторое косвенное указаніе на возможность германскихъ операцій на русскомъ фронтѣ.

Дальнѣйшія событія мало-по-малу подтверждали это „косвенное указаніе". Прежде всего уже въ январѣ мѣсяцѣ стало извѣстно, что на французскомъ фронтѣ нѣмцы держатъ 120 съ лишнимъ дивизій, т.-е. то количество войскъ, которое у нихъ было въ періодъ „Вердена". Это было уже весьма показательно, ибо, если нѣмцы въ прошломъ году со 120 дивизіями не добились на французскомъ фронтѣ успѣха, то, если бы они въ нынѣшнемъ году предполагали наступать, они должны были увеличить число своихъ дивизій, по крайней мѣрѣ, на 20—30 дивизій, т.-е. довести число дивизій на западномъ фронтѣ грубо приблизительно до 150.

Однако, такъ какъ по сравненію съ періодомъ „Вердена" еще и англійскія силы возросли въ 3—4 раза, то число нѣмецкихъ дивизій должно было быть увеличено также еще особо, соотвѣтственно этому усиленію англійскихъ войскъ. Это уже давало бы грубо приблизительно 170—180 нѣмецкихъ дивизій (цифры эти, конечно, только для иллюстраціи положенія).

Такимъ образомъ, оставляя прежнія 120 съ лишнимъ дивизій на англо-французскомъ фронтѣ, Гинденбургъ явно подчеркивалъ свою оборонительную тенденцію, свои оборонительныя намѣренія на западномъ фронтѣ.

Поэтому также въ свою очередь можно было ожидать, что наступленіе противника будетъ произведено на русскомъ фронтѣ.

Это также нашло себѣ дальнѣйшее подтвержденіе и въ другихъ данныхъ, а именно въ значительномъ увеличеніи силъ противника на нашемъ фронтѣ.

Уже въ январѣ мѣсяцѣ оказалось, что, вмѣсто 80—85 австро-германскихъ дивизій, бывшихъ въ прошломъ году на нашемъ фронтѣ, Гинденбургъ въ нынѣшнемъ году сосредоточилъ до 135 дивизій. Такимъ образомъ силы противника на нашемъ фронтѣ возросли на 60%.

Изъ этого можно видѣть, что на западномъ фронтѣ,— пропорціонально увеличенію англійскихъ войскъ,— нѣмецкія силы уменьшились, а на нашемъ фронтѣ уже въ январѣ мѣсяцѣ возросли на 60%. Это давало уже достаточно основаній, въ связи съ двумя неудачами нѣмцевъ во Франціи, назначеніемъ Гинденбурга, отходомъ нѣмцевъ на западномъ фронтѣ и проч., ожидать наступленія противника на нашемъ фронтѣ.

Вслѣдъ затѣмъ параллельно стали поступать двоякаго рода данныя. Во-первыхъ, нѣмцы отходили все болѣе и болѣе на западномъ фронтѣ, во-вторыхъ, параллельно съ отходомъ нѣмцевъ на западѣ, перебрасывалось значительное число нѣмецкихъ дивизій на русскій театръ. Указывалось на пересылку на русскій театръ не менѣе 20 новыхъ германскихъ дивизій, что давало уже свыше 150 дивизій на русскомъ фронтѣ; *это было уже увеличеніе силъ противника на нашемъ фронтѣ почти вдвое*, по сравненію съ тѣми силами, которыми располагалъ противникъ на нашемъ фронтѣ въ прошломъ году, въ періодъ своей обороны.

Такимъ образомъ картина складывалась довольно ясно и опредѣленно, и было весьма много основаній предполагать, что противникъ, и ранѣе намѣчавшій наступленіе въ этомъ году на русскомъ фронтѣ, теперь, въ расчетѣ, что событія внутри Россіи ослабятъ мощь нашего сопротивленія, намѣревается произвести рѣшительный, весьма крупный и весьма важный ударъ, повидимому, въ направленіи къ нашей сѣверной столицѣ.

Отсюда ясно видно, насколько серьезно сложилось положеніе на войнѣ въ первый періодъ обновленія нашей государственной жизни.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій С. Я. Надсона" книга 3.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1917 г.
№ 15
Выданъ 15-го апрѣля 1917 г.
XLVIII г.
изданія
Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.
ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.
Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“, кн. 41.
Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, въ Петроградѣ.

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ.

РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ
ОБУВИ
ПРОСТОЙ и ИЗЯЩНОЙ ДАМСКОЙ МУЖСКОЙ и ДѢТСКОЙ
по новой, легкой и скорой методѣ.

5-е изданіе.

Отд. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ библіот. ремесл. учебныхъ заведеній: Учебн. Отд. Мин. Торг. и Пром. допущено въ библіот. низшихъ учебн. заведеній.

Цѣна книги 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

Одесск. Средн. Сельскохозяйственно-

ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ,

учр. И. И. ХОЙНА,
съ правами казенн. ср. уч. заведен.
ОДЕССА, Троицкая, 25.

Пріемъ произвед. въ подготов. классъ.
Проспекты высыл. за 5 двухкоп. марокъ.

Тамъ же ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ. 4534

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 р. 25 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. убористншрифт. Цѣна съ пер. 2 р. 50 к. на лучшей бумагѣ 3 р.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран. Цѣна (5) 3 р. 50 к. 4469

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль. При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ"—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

ПОЛЕЗНЫЯ РУКОВОДСТВА.

4571 1) Какъ сдѣлаться шоффером?—60 к. 2) Какъ сдѣлаться мотоциклистомъ?—60 к. 3) Какъ поступить въ школу прапорщиковъ?—80 к. 4) Какъ сдѣлаться техникомъ путей сообщенія (прав. и прогр.)?—75 к. 5) Какъ сдѣлаться техникомъ-строителемъ?—95 к. 6) Какъ сдѣлаться бухгалтеромъ?—50 к. 7) Полное собр. книгъ для подготовки на электротехника—6 р. 90 к. 8) Энциклопедическій словарь, больш. томъ—5 р. 75 к. Безъ зад. не выс. Адресъ: Москва, Тверская, д. Нирнзее, ред. „Новый Журналъ". 4-1

КНИГИ для домашнихъ библіотек предлагает кн. скл. Ал. Бурцева. Пгр., Лиговская ул. 217, соб. дом. Каталог высылается за 15 коп. 4568

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ". Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

ТЕХНИКА! Полн. курсъ для самоподготовки на электротехн.—6 р. 30 к., автомобил.—8 р. 50 к., кино-механ.—8 р., парох. мех.—8 р. ж.-д. машин.—9 р., авіатора—7 р. 50 к. Катал. безпл. Безъ зад. не высыл. Адр: Москва, Б. Гнѣздник., 10. изд-ство Д. Куманова.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія", Б. Ружейная, 7—55.

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю заочно каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 десятик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Проф. Каллиграфіи Адольфъ Коссодо. Дерибасовская, д. № 19.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА
РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.
РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА. АРТЕРІОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.
ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Русское Агентство фирмы ШАТЕЛЕНЪ въ Парижѣ. Москва, Петровскій пассажъ, № 38, отд. 5.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ, предупреждаетъ его повтореніе.

4549 4-4

ЗАЧѢМЪ ПЛАТИТЬ 50-60 КОП. ЗА ФУНТЪ **МЫЛА** когда можно замѣнить его равно-дѣйствующимъ испытаннымъ безвреднымъ стирочнымъ средствомъ

ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ

стоющимъ 25-30 коп. за фунтъ

→ ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ ←

ТРЕБУЙТЕ НА КАЖДОЙ ПАЧКѢ ФИРМУ Т-во ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ ПЕТРОГРАДЪ ПЕТРОВСКІЙ ПР. СОБ. ДОМЪ

Которое высылаетъ желающимъ, по полученіи 10 руб. 40 фунтовыхъ пачекъ лессива фениксъ казеннымъ и общественнымъ учрежденіямъ и организаціямъ, а равно торговцамъ лессивъ фениксъ отпускается по особо пониженной оптово-фабричной цѣнѣ. 4504 10-8

ПИСАТЬ (9)

красиво и скоро будете, выписавъ „Механическую пропись". Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколъ", Печатниковъ п., 18/2.

НА ГИТАРѢ

въ нѣск. дней, безъ знанія нотъ, каждый можетъ легко научиться играть аріи, романсы, танцы и пьесы. Полн. заочный курсъ съ безпл. прилож. альбома модн. пьесъ за три руб. Москва, ред. журн. „Соколъ", Печатниковъ пер., 18/2. 4846 (11)

ПЕРХОТЬ И ВЫПАДЕНІЕ ВОЛОСЪ.

Новое руководство для излѣченія перхоти и укрѣпленія волосъ. Общедоступные рецепты средствъ лучшихъ силъ медицины. Цѣна съ перес. 1 р. 75 к. Треб. адр.: ПЕТРОГРАДЪ, Литейный 59—9. Редакція „СИЛЫ". 4563

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, преждеврем. безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за **четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".**

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья ПЕТРОГРАДЪ. 4417 13-4

ШАХМАТЫ

подъ редакціей Евг. А. Зноско-Боровскаго.

Письма адресуются въ редакцію журнала „Нива" (по шахматному отдѣлу).

Всѣ пять задачъ этого нумера — оригинальныя, печатаются впервые.

Задача № 16.

К. А. Л. Куббель (Петроградъ).

Бѣлые: Кр a8, Л b5, C a1, c6, К d8, e1, П c3, f5.
Черные: Кр c4, С a7, П a2, a3, c5, c7, f6.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 17.

А. И. Куббель (Петроградъ).

Бѣлые: Кр b8, Ф h7, С g8, П b4, c2, d6, e3, f6.
Черные: Кр e5, С h8.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 18.

Б. П. Палецкій (Херсонъ).

Бѣлые: Кр b1, К d5, d8, П b7, c5, e4, e7, f4, g4.
Черные: Кр e8, Л h8, h4, С a6, f8, К c8, П b5, e5, h3.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 19.

Б. Г. Менцель (д. армія).

Бѣлые: Кр d6, Л h6, С d3, К c3, e4, П g6, h2.
Черные: Кр f5, Л f4, g7, П e3, f6, f7.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 20.

М. Орѣховъ (Петроградъ).

Бѣлые: Кр e8, С a6, К d4, d3, П c5, e2, g4, g5.
Черные: Кр d5, П e3.

Матъ въ 2 хода.

Этюдъ № 4. Н. Rinck („Brit. Ch. Magaz."). ♔ e4 ♕ g1 ♗ d8 ♚ e6 ♛ c8.— Выигрышъ.

Этюдъ № 5. Н. Rinck („Brit. Ch. Magaz."). ♔ d1 ♕ g4 ♘ e7 ♚ b8 ♛ b2.— Выигрышъ.

Извѣстія. Берлинъ. Въ матчѣ Ласкеръ—Таррашъ были сыграны еще двѣ партіи, обѣ выигранныя Ласкеромъ, который въ окончательномъ итогѣ имѣетъ +5—0=1.

Буда-Пештъ. Въ двух-круговомъ турнирѣ маэстро результатъ оказался слѣдующій: Брейеръ 5 (всѣ! одна партія съ Баллой не была играна, какъ не имѣвшая значенія), Балла 2½, Рети 2, Эссеръ 1½.

Америка. Яновскій выигралъ матчъ у Шовальтера съ результатомъ +7—2=2.

Переписка. А. Е. (Москва). Послѣ 9. d4, Ф : e2+; 10. С : e2, съ угрозой К e4, К : d6+ и С : f4, у бѣлыхъ прекрасная игра. — Ю. М. (Елисаветградъ). См. мартовскій отдѣлъ. — Д. Ф. (Харьковъ), Г. В. (Екатеринодаръ), Я. Б. (Маріуполь), А. Т. (Москва). Задачъ не помѣщу.

Б. Аргуновъ (Москва) обращаетъ вниманіе, въ партіи № 1 Малютинъ—Селезневъ, на слѣдующій варіантъ: 12. К e4 — f6+, Кр e8—e7; 13. b2—b4, Ф a5—f5; 14. b4 — b5, g5 : h4 (Ф : b5; 15. С g3); 15. b5 : c6, Ф f5 : f6; 16. c6 : b7, Л a8—b8; 17. К f3—e5. Совѣтуемъ читателямъ разсмотрѣть получающіяся отсюда интересныя комбинаціи.

В. Н. Шайкевичъ (Москва, за Преображенской заставой, Некрасовская ул., 19, кв. 2), И. Ан. Бабичъ (ст. Милорадовка, Екатериносл. ж. д.) и Я. Каганъ (Москва, Тверская ул., Дегтярный пер., д. 3, кв. 4) желаютъ играть по перепискѣ безъ ставки.

Д. Френкинъ (Харьковъ, Столярный пер., 2) устраиваетъ третій турниръ по перепискѣ для 10 участн., по 2 п., взносъ 5 р., призы 18, 14, 10 и 8 рублей.

С. С. Антоновъ (Псковъ, Казначейство) устраиваетъ два турнира по перепискѣ: для 5 участн. по 2 п., взносъ 7 р., пр. 20 и 15 р., и для 11 участн. по 1 п., взносъ 3 р., призы 15, 12 и 6 р.

Н. А. Краузъ (Одесса, Прохоровская ул. 20, кв. 1) устраиваетъ рядъ турнировъ по перепискѣ 5—27 участн., по 1 и 2 п., взносы 2—5 р., призы 14—2 р.

№ 4. ФРАНЦУЗСКАЯ ПАРТІЯ.

Третья партія матча, получившая призъ (судья — д-ръ Ласкеръ) за лучшую партію матча.

	Таррашъ.	Мизесъ.
1.	d2 — d4	e7 — e6
2.	e2 — e4	d7 — d5
3.	К b1 — c3	d5 : e4
4.	К c3 : e4	К b8 — d7
5.	К g1 — f3	К g8 — f6
6.	С f1 — d3	С f8 — e7

Въ другой партіи матча Мизесъ игралъ К : e4; 7. С : e4, К f6: 8. С g5, С e7; 9. С : f6, gf: 10. Ф e2. Блэкбернъ противъ Тарраша въ Гэстингсѣ 1895 г. игралъ 6. c7 — c5

7.	0 — 0	К f6 : e4
8.	С d3 : e4	К d7 — f6
9.	С e4 — d3	b7 — b6

Плохой ходъ. Лучше сразу 0—0.

10.	К f3 — e5	. . .

Препятствуя угрозой С b5+ ходу С c8 — b7.

10.	. . .	0 — 0
11.	К e5 — c6	Ф d8 — d6
12.	Ф d1 — f3	С c8 — d7
13.	К c6 : e7+	Ф d6 : e7
14.	С c1 — g5	Л a8 — c8
15.	Л f1 — e1	Л f8 — e8

На c7—c5 бѣлые грозили играть 16. d4—d5, но лучше было h7—h6.

16.	Ф f3 — h3	Ф e7 — d6

На h7 — h6 теперь слѣдуетъ 17. С : h6, gh (e5; 18. Ф g3, К h5; 19. Ф f3); 18. Ф : h6 и 19. Л e3.

17.	С g5 : f6	g7 : f6
18.	Ф h3 — h6	f6 — f5
19.	Л e1 — e3	Ф d6 : d4
20.	c2 — c3	Сдался.

№ 5. ДЕБЮТЪ ФЕРЗЕВЫХЪ ПѢШЕКЪ.

Третья партія матча.

	Яновскій.	Шовальтеръ.
1.	d2 — d4	d7 — d5
2.	С c1 — f4	e7 — e6
3.	К g1 — f3	С f8 — d6
4.	С f4 — g3	. . .

Яновскій очень любитъ за бѣлыхъ такіе спертые варіанты въ ферзевомъ дебютѣ.

4.	. . .	К g8 — f6
5.	К b1 — d2	0 — 0
6.	e2 — e3	c7 — c5
7.	c2 — c3	К b8 — c6
8.	С f1 — d3	Ф d8 — e7

Партію черныхъ нельзя не предпочесть.

9.	К f3 — e5	С d6 : e5
10.	d4 : e5	К f6 — d7
11.	f2 — f4	f7 — f5

Положеніе бѣлаго слона g3 теперь довольно плачевное.

12.	С g3 — f2	Ф e7 — f7
13.	g2 — g4	. . .

Не имѣя никакой солидной игры, бѣлые начинаютъ смѣлую атаку, совсѣмъ не подготовленную.

13.	. . .	f5 : g4
14.	С f2 — g3	c5 — c4
15.	С d3 — c2	h7 — h5

Такъ какъ теперь бѣлые уже грозили взять пѣшку g4, что прежде, при положеніи слона на f2, изъ-за угрозы К d7 : e5, было невозможно.

16.	Ф d1 — e2	b7 — b5
17.	h2 — h3	g4 : h3
18.	К d2 — f3	. . .

Бѣлые отдаютъ всѣ пѣшки надѣясь на открытыя линіи.

18.	. . .	К d7 — c5
19.	С c2 — h7+	Кр g8 — h8
20.	К f3 — g5	Ф d7 — e8
21.	0 — 0 — 0	g7 — g6

Послѣ этого положеніе бѣлыхъ почти безнадежно.

22.	Л h1 : h3	Кр h8 — g7

Съ угрозой Л f8 — h8 : h7.

23.	Л h3 : h5	. . .

„Безумство храбрыхъ"...

23.	. . .	g6 : h5
24.	Л d1 — g1	Л f8 — h8
25.	С g3 — h4	Кр g7 — f8
26.	Ф e2 — g2	Ф e8 — d7
27.	С h7 — g6	Ф d7 — g7

Атака бѣлыхъ кончилась. Черные спокойно обезпечиваютъ свой выигрышъ.

28.	К g5 — f7	Л h8 — g8
29.	К f7 — d6	К c6 — e7
30.	Ф g2 — g5	С c8 — d7
31.	Ф g5 : h5	Л g8 — h8
32.	Ф h5 — g4	К e7 : g6
33.	С h4 — f6	Ф g7 — h7
34.	С f6 : h8	К g6 : h8
35.	Ф g4 — g5	К c5 — e4
36.	К d6 : e4	d5 : e4
37.	Ф g5 — f6+	К h8 — f7
38.	Л g1 — d1	Л a8 — d8
39.	b2 — b3	Ф h7 — h6

Бѣлые сдались.

ШАШКИ

подъ редакціей В. И. Шошина.

Этюдъ № 7.

А. Н. Шмалько (дѣйств. армія).

Черныя.

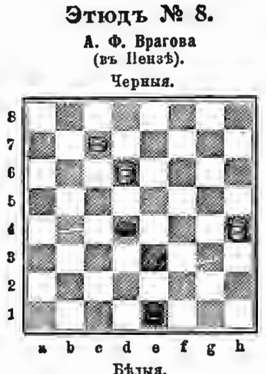
Бѣлыя.

Выигрышъ.

Этюдъ № 8.

А. Ф. Врагова (въ Пензѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Выигрышъ.

Задача № 10.

Р. В. Серапіонова (въ Москвѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и 2 прост.

Задача № 11.

Я. Г. Тихонова (пос. Реутово).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

Задача № 12.

М. И. Билецкаго (ст. Милорадовка).

Черныя.

Бѣлыя

Запереть дамку и простую.

Нижепомѣщаемая партія взята нами изъ журнала „Шашечница" 1891 г. Эта партія весьма интересна и поучительна, знать ее необходимо каждому любителю шашечной игры и въ особенности—начинающимъ.

ПАРТІЯ № 5.

Играна въ Москвѣ 5-го апрѣля 1891 г.

	Д. И. Саргинъ Бѣлыя.	Capt. Nemo. Черныя.
1.	g3 — f4	f6 — g5
2.	c3 — b4	g7 — f6
3.	b2 — c3	b6 — c5
4.	c3 — d4	g5 — h4
5.	d4 : b6	a7 : c5

Этими, или точнѣе, какъ намъ думается, первыми тремя ходами характеризуется партія, носящая на языкѣ московскихъ игроковъ названіе „косякъ", „игра на косякъ". Это начало, какъ будетъ видно далѣе, весьма выгодно для бѣлыхъ, такъ какъ даетъ мѣсто для такихъ ходовъ черныхъ, которые не кажутся дурными, — а между тѣмъ ведутъ къ окончательному проигрышу партіи.

6.	a1 — b2	h8 — g7

Этотъ, казалось бы, не дурный ходъ — ведетъ черныхъ къ безусловному проигрышу партіи при правильномъ продолженіи со стороны бѣлыхъ.

7.	d2 — c3!	f6 — e5

Если 7. . . . f6 — g5, то 8. e1—d2, e7—f6 (c7—b6 или g7—f6; 9. f2 — g3); 9. h2 — g3, d6 — c5. 10. b4 : d6, c7—b6; 11. a3—b4, e5 : c7; 12. f4 — e5, f6 : d4; 13. e3 : a7 и, имѣя лишнюю шашку, бѣлыя должны выиграть. На 9. . . . b8—a7 или f8—e7 слѣдуетъ 10. f4—e5; — на 9. . . . d8 — e7; 10. c3 — d4, c7 — b6; 11. b4—a5; — на 9. . . . c7—b6: 10. b4 — a5, d8 — c7 или b8 — c7 (f6 — e5; 11. a5 : c7, d8 : b6; 12. e5—d4); 11. c3—d4 и черныя не имѣютъ сноснаго хода.

8.	c1 — d2!	. . .

Въ этомъ варіантѣ бѣлымъ легко запомнить ходъ именно шашкой c, а не — e1, при перестановкѣ же ходовъ черныхъ, именно сперва 6. . . . f6 — e5 и послѣ мѣны 7. d2—c3; e5 : g3; 8. h2 : f4, — h8—g7, (что приводитъ къ положенію партіи)—бѣлымъ возможно ошибиться и сдвинуть шашку e1, что не даетъ имъ выигрыша.

8.	. . .	e5 : g3
9.	h2 : f4	e7 — f6

Единственный ходъ. На c7 — b6 или g7 — f6 бѣлыя играютъ 10. f2—g3, а на 9. . . . b8—a7; 10. f4—e5.

10.	f4 — g5	h6 : f4
11.	e3 : e7	d8 : f6
12.	d2 — e3!	f8 — e7

Если g7 — h6 или c7 — b6, то 13. f2 — g3 и выигр.; если 12. . . . b8 — a7, то 13. e3 — f4, f6 — e5 (c7 — b6; 14. b4 — a5!); 14. g1—h2, e5 : g3; 16. h2 : f4,

c7 — b ; 16. b4 — a5 и выигрываютъ.

13. e3 — f4 f6 — e5

Если b8 — a7 или g7 — h6, то 14. f4—e5.

14. f2 — e3!! e5 : g3
15. c3 — d4 c7 — b6
16. d4 — e5 d5 : d2
17. b4 : c1 и выигрываютъ.

Эта партія можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ необходимости той осмотрительности, съ которою надо дѣлать извѣстные ходы. Чернымъ, чтобы не проиграть партіи, послѣ 6-го хода бѣлыхъ слѣдуетъ продолжать 6. . . . f6 — e5, затѣмъ послѣ 7. d2 — c3, e5 : g3; 8. h2 : f4—ходить e7—f6! и потомъ мѣняться d6—e5 тотчасъ же, или послѣ вторичнаго f6—e5.

Рѣшенія задачъ и этюдовъ

—№ 4. И. Я. Бережеговскаго 1. 1. . . . b5, a3 : c5 (A). 2 f6—g5 3. d4—c3; 4. a1 : d4 и 5. g1 : c . A) 1. . . . a7 : c5; 2. d4 : b6 3. f6—d4; 4. d4 ; h8; 5. g1—f2 6. h8—d4; 7. a1—c3; 8. d4—e3 и 9. b8 — h2. Къ сожалѣнію, тема задачи допускаетъ побочное рѣшеніе (1. . . . a3 : c5; 2. g1—f2; 3. a1—c3, a7 : c5 [3. . . . b4 : b . 4. d4 — c5; 5. f2 — e3 и т. д.] 4. d4 : a7; 5. a7—e3 и 6. b8—h2.

— №5. М. И. Билецкаго. 1. g7 — h6, b8 — c7 (A); 2. c3 — d4; 3. b2—c3; 4. h6—d2; 5. f2—e3; 6. e5—d6; 7. e3—d2 и 8. a1 : c3. A) 1. . . . b8 — a7; 2. d2 — e3; 3. e3—d4; 4. d4 : b6; 5. e5—d6; 6. c3—d4; 7. g1—h2; 8. b2—a3; 9. a1—b2; 10. a3—b2; 11. h6—d2 и 12. d2—e1.

— № 6. Я. Г. Тихонова. 1. c5—d6, g3—f2 (A); 2. d6—g3; 3. b2—c3; 4. f8—b4; 5. c1—a3; 6. a3—c5 и 7. c5—b4. A) 1. . . . g3 — h2; 2. d6 — f4; 3. d4 — e5; 4. f8—h6; 5. f4—g5; 6. b6—a5; 7. d2 — e3; 8. c1 — d2, a3 : c1 (8. . . . f2 — d4; 9. g1 — f2; 10. h6—e3 и 11. a5—e1): 9. c5—b4; 10. g1—f2; 11. h6—e3 и 12. b4—e1.

— № 3. А. Ф. Врагова. 1. f8—g7, h8—a7 (если 1. . . . e3—d2, то 2. g7—c3; 3. a3 : d6; 4. h2 : d6 и выигр.; если 1. . . . e3 — f2, то 2. g7—d4, f2—e1 [если 2. . . . f3 — g1, то 3. d4 — a7 и выигр.; если же 2. . . . a5—b4, то 3. d4 : g1, b4 — c3; 4. g1 — e3 и выигр.]: 3. d4—c3; 4. a3 : a5; 5. h2 : d6 и выигр.); 2. c3 — c1, e3 — f2: 3. h2 — g1. f2 — e1; 4. g7 — c3; 5. c1 — e3; 6. g1 : a3 и выигрыв.

— № 4. М. И. Туманова. 1. f8—h6, d2—e1 (если 1. . . . d2—c3, то 2. h6—f4; 3. c5—d6 и выигр.; если 1. . . . d2—c1, то 2. c5—e3 и выигр.; если 1. . . . d2—a5, то 2. c5—b6; 3. d8 : b6 и выигр.); 2. d8 — h4, g3 — h2 (если 2. . . . g3—f2, 3. c5 : g1, e1—c3, то 4. h6—d2; 5. g1—f2 и выигр.); 3. c5 — g1, e1 — a5 (если 3. . . . e1—c3 или b4, то 4. h6—g3 и выигрыв.); 4. h4—e1, a5—d8; 5. h6—c1, d8—h4 (если 5. . . . d8—f6, то 5. e1—g3 и выигр.; если 5. . . . d8—a5, то 6. c1 — d2 и т. д.); 6. c1 — d2, h4 — d8; 7. e1 — h4, d8 — a5; 8. d2—e1, a5—c7 (если 8. . . . a5—d8, то 9. e1—a5 и выигр.): 9. h4—g3; 10. g1—e3 и 11. e1 : d8.

— № 14. А. Ф. Врагова. 1. e7—f8, b4—e1 (если 1. . . . b4—a3, то 2. b8 — d6 и выигр.); 2. f8—a3 и т. д., какъ было указано въ № 2 журн. „Нива“.

Рѣшили: Я. Г. Тихоновъ (пос. Реутово), С. и Б. Левманы (Витебскъ), А. Ф. Враговъ (Пенза), М. И. Билецкій (ст. Милорадовка), А. К. Мишинъ (Сергіевъ посадъ), Н. А. Кожевниковъ (Козловъ), Г. Н. Родіоновъ (Москва), М. Н. Кадухинъ (Богородскъ), Н. В. Ярославскій (Петроградъ) и В. Г. Стоговъ (Самара) — всѣ; А. Поповъ (Москва)—этюды №№ 3 и 4; М. Киселевъ (Симбирскъ)—этюдъ № 3; Е. Рихтеръ (Харьковъ) — этюды №№ 1 и 2, зад. №№ 1 — 3 и оконч. № 1; А. И. Алексѣевъ (с. Сорочинское) — этюдъ № 2, зад. №№ 2, 3, 4, 5 и оконч. № 1; М. И. Тумановъ (Сызрань) — этюды №№ 1—4 и зад. №№ 1—6.

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ И РЕБУСЫ

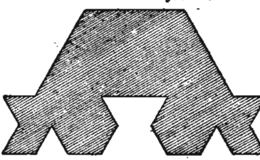
подъ редакціей Н. В. Панкова.

Алгебраическая задача № 13.
Э. Э. Томасевича (въ Твери).

Предлагается найти такое шестизначное число, у котораго сумма чиселъ, образуемыхъ первыми тремя и послѣдними тремя цифрами, представляла бы собой квадратный корень искомаго шестизначнаго числа.

Необходимо полное рѣшеніе задачи съ указаніемъ, одно или же нѣсколько чиселъ удовлетворяютъ данному условію.

Геометрическая головоломка № 14. І. С. Рудницкаго.



Предлагается разрѣзать данную фигуру на возможно меньшее число частей и сложить изъ отрѣзковъ правильный равновеликій ей по площади треугольникъ.

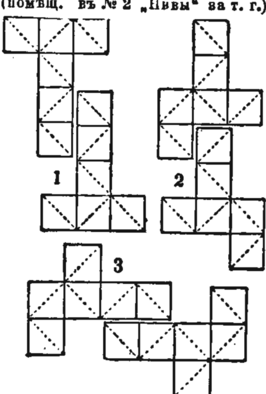
Какъ это сдѣлать?

Ариѳметическая задача № 15.
С. А. Модестова.

Ровно въ полдень отъ пристани *А* отправился вверхъ по рѣкѣ къ пристани *Б* пароходъ. Черезъ 25 минутъ по выходѣ изъ *А* онъ встрѣтилъ плывшіе по направленію къ *А* плоты, а черезъ 20 минутъ послѣ этого—вторые такіе же плоты. У пристани *Б* пароходъ оставался 1 ч. 25 мин. На обратномъ пути онъ обогналъ вторые плоты въ 9 верстахъ отъ *А* и прибылъ въ *А* въ 7 час. 5 мин. вечера, одновременно съ первыми плотами.

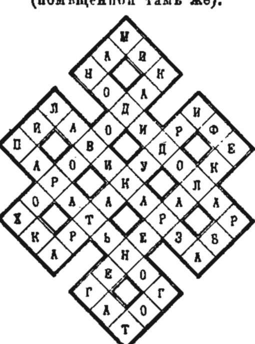
Предлагается опредѣлить (ариѳметическимъ путемъ) разстояніе между пристанями *А* и *Б*.

Рѣшеніе головоломки № 4
(помѣщ. въ № 2 „Нивы“ за т. г.).



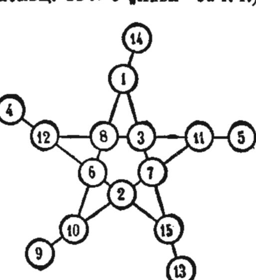
Принявъ ребро малаго куба за единицу, найдемъ, что поверхность двухъ малыхъ кубовъ равна 12 квадратнымъ единицамъ, а ребро большого куба, подлежащаго оклейкѣ, составляетъ $\sqrt{2}$, т.-е. равно діагонали квадрата—грани малаго куба. Развертка кубовъ можетъ быть произведена различными способами; изъ нихъ приводимъ здѣсь три (см. чертежъ). Пунктиромъ обозначены мѣста сгибовъ бумаги при оклейкѣ большого куба.

Рѣшеніе задачи буквъ № 5
(помѣщенной тамъ же).



Разстановка данныхъ 55 буквъ показана на прилагаемомъ чертежѣ. При чтеніи этихъ буквъ, начиная съ квадрата № 1 по направленію стрѣлки (см. № 2 журнала), получаются слова: **микадо, ворох**(ъ), **карта, кудри, Фекла, ренегат**(ъ), **огонь, тара, пилав**(ъ), **Икар**(ъ), **забрало, Дидона**; при чтеніи же въ обратномъ порядкѣ, начиная съ квадрата № 2, получаются слѣдующія слова: **анод**(ъ), **идол**(ъ), **арба, зрак**(ъ), **ива, липа, рать, но, Гота, генерал**(ъ), **кефир**(ъ), **дукат**(ъ), **рак**(ъ), **хоровод**(ъ), **Аким**(ъ).

Рѣшеніе задачи чиселъ № 6
(помѣщ. въ № 6 „Нивы“ за т. г.).



Обозначимъ сумму 5 чиселъ въ кружкахъ, расположенныхъ на одной прямой, черезъ S, а сумму 5 чиселъ, расположенныхъ во внѣшнихъ кружкахъ, черезъ x. Имѣя въ виду, что сумма 15 первыхъ чиселъ составляетъ 120 и что $5S$ (сумма 25 чиселъ въ 5 прямыхъ рядахъ) заключаетъ въ себѣ а) сумму чиселъ въ 5 внѣшнихъ кружкахъ и б) удвоенную сумму остальныхъ 10 чиселъ, т.-е. $5S = x + 2(120 - x)$, находимъ $x = 5(48 - S)$. Отсюда ясно, что x должно быть числомъ кратнымъ 5, и потому въ пятомъ внѣшнемъ кружкѣ фигуры должно стоять или 4, или 9, или 14. Но 4 и 9 даны въ условіи задачи, а потому въ упомянутомъ кружкѣ должно быть только число 14. Итакъ $x = 4 + 5 + 9 + 13 + 14 = 45$, а $S = (240 - 45) : 5 = 39$. Остальныя числа въ фигурѣ могутъ быть разставлены различно. Здѣсь приведено, для примѣра, одно такое расположеніе чиселъ.

Правильныя рѣшенія послѣднихъ задачъ за 1916 г. доставили: **съ № 30 по № 37**—З. А. Никитскій; **№№ 22, 23, 24, 34, 35, 36 и 37** — Н. М. Хайкинъ; **№№ 30, 31, 33, 34, 35, 36 и 37** — А. А. Поповъ и М. Х. Юрьевъ; **№№ 30, 31, 33, 35, 36 и 37** — Р. М. Ундринцевъ; **№№ 30, 34, 35, 36 и 37** — С. В. Тигровъ; **№№ 30, 31, 35, 36 и 37** — А. Т. Щегловъ; **№№ 32, 35, 36 и 37** — Л. И. Жукова и К. К. Серебряковъ; **№№ 33, 34, 35 и 36** — Н. И. Кальсбергъ; **№№ 34, 35, 36 и 37** — А. Г. Антимоновъ, А. А. Басковъ, Е. І. Гаусманъ, С. П. Гернетъ, Г. М. Драгунъ, Ф. И. Земанъ, М. Кишиловъ, Н. П. Клюшина, А. В. Невскій, А. А. Огіевичъ, С. К. Поповъ, І. С. Рудницкій, К. П. Славницкій, Э. Томасевичъ, К. Г. Якобсонъ и Э. Д. Яхонтова; **№№ 34, 35 и 36** — Б. В. Смирновъ; **№№ 35, 36 и 37** — М. П. Аристовъ, С. П. Добровольскій, А. Г. Карпенко, А. Х. Киселевъ, И. Я. Комаровъ, А. И. Метлинъ и Н. С. Шепелевъ; **№№ 30 и 32** — В. Безирганова; **№№ 34 и 37** — С. А. Модестовъ; **№№ 35 и 36** — К. В. Ежовскій и М. Г. Королевъ; **№№ 36 и 37** — А. Апрѣлевъ и Б. Бенкинъ; **№ 34** — К. Ю. Теуфель; **№ 35** — Н. С. Любановъ и Я. Ш. Шифринъ; **№ 36** — М. А. Каменецкій и „Кіево-Воронежскіе математики“.

Правильныя рѣшенія задачъ по 7-е марта с. г. доставили: **№№ 1, 2 (а), 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9** — А. Н. Сергѣевъ (за №№ 4 и 6 по 3 очка) **№№ 1, 2 (а и б), 3, 4, 5, 6, 7 и 8** — Ф. К. Кетцлеръ; **№№ 1, 2 (а), 3, 4, 5, 6, 7 и 8** — В. М. Кононова и И. И. Лобковскій; **№№ 1, 2 (а), 3, 4, 5, 7, 8 и 9** — А. Ф. Балахнинъ; **№№ 2 (а и б), 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9** — В. В. Снѣжко-Блоцкая; **№№ 2 (а), 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9** — Н. С. Ивановъ, В. П. Поповъ и Я. Г. Тихоновъ; **№№ 1, 2 (а), 3, 5, 6, 7 и 8** — Т. М. Щеголева; **№№ 2 (а и б), 3, 4, 5, 6, 7 и 8** — В. В. Епанечниковъ; **№№ 2 (а), 3, 4, 5, 6, 7 и 8** — Б. Крыжановскій, О. А. Лебедева, А. Рабиновичъ и В. А. Титковъ, **№№ 2 (а), 3, 5, 6, 7, 8 и 9** — А. В. Радецкій-Микуличъ; **№№ 2 (а и б), 3, 4, 5, 7 и 8** — Н. Е. Градищевъ; **№№ 2 (а), 3, 4, 5, 6 и 7** — П. А. Нейбергъ, А. У. Розенцвайгъ и Э. Д. Яхонтова; **№№ 1, 2 (а и б), 3, 4 и 5** — П. А. Копановъ, В. В. Кутузовъ, С. А. Модестовъ, В. С. Мордвиновъ, Ф. В. Покровскій и Л. Н. Церковницкій; **№№ 1, 2 (а), 3, 4 и 5** — А. А. Вейгертъ (за № 5—3 очка), С. Жудро, А. Ф. Мерингъ, М. Певзнеръ, А. И. Соколовъ и и К. И. Степановъ; **№№ 2 (а), 3, 4, 5 и 6** — И. И. Алимовъ; **№№ 2 (а), 3, 4, 5 и 7** — Н. Витренко и И. Г. Воскобойниковъ; **№№ 2 (а и б), 3, 4, 5 и 8** — В. І. Вайзбергъ и А. И. Сысоевъ; **№№ 2 (а и б), 3, 5, 7 и 8** — Н. Н. Русиновъ; **№№ 2 (а), 3, 4, 6 и 7** — Э. Э. Томасевичъ; **№№ 2 (а), 4, 5, 6 и 8** — Г. Шаршаткинъ; **№№ 3, 4, 5, 6 и 7** — П. П. Воронинъ; **№№ 1, 2 (а), 4 и 5** — Д. А. Петровъ; **№№ 1, 3, 4 и 5** — Т. М. Лиловъ; **№№ 1, 3, 5 и 7** — С. Фридманъ; **№№ 2 (а и б), 3, 4 и 5** — А. П. Александровъ, П. В. Васильевъ, П. Волочковъ, А. Я. Гарбургеръ, Е. А. Гейнцъ, Н. А. Добровольскій, А. Л. Дробязко, Н. Н. Зыкѣевъ, П. Г. Куликовскій, А. Г. Левитская, М. И. Маркевичъ, А. Марковъ, Н. Д. Матвѣевъ, К. И. Меркульевъ, А. П. Попова, Э. Р. де-Сикаръ, М. К. Словиковскій и С. Д. Смирновъ; **№№ 2 (а), 3, 4 и 5** — М. А. Абрамовъ, В. А. Арсеневичъ, К. Ф. Бѣлоглазовъ, Е. І. Гаусманъ, Л. Гершоновичъ, Головнинъ, В. С. Горшешниковъ, Л. Горѣловъ, К. В. Ежовскій, М. Е. Жемчужина, Н. Д. Звягинъ, Е. С. Зотовъ, А. М. Каздобинъ, А. Г. Карпенко, В. Ф. Кербицкій, К. Ф. фонъ-Клаусъ, В. Г. Ковалевичъ, А. А. Козохотская, Л. О. Кольбе, Кузнецовъ, С. Г. Кузьменко-Гвоздевичъ, Ѳ. И. Кушнировъ, Е. Лапшинъ, С. К. Лешкевичъ, Е. В. Лихачева, В. Н. Лодочниковъ, М. А. Лучинская, Н. П. Марковъ, И. И. Матвѣевъ, А. И. Метлинъ, К. Моренъ, А. В. Невскій, С. И. Овчинниковъ, М. Престинъ, А. Ѳ. Протопоповъ, Ѳ. и К. Пѣтуховы, П. В. Рахмановъ, Б. Н. Роде, В. Родовичъ, З. И. Селова, К. В. Синюгина, Я. С. Таракановъ, А. Ф. Тимофеевъ, Ф. З. Фокинъ, А. Д. Черницкая, М. Г. Четыркина и Н. И. Ширягинъ; **№№ 2 (а), 3, 4 и 6** — Я. К. Ажоткинъ. **№№ 2 (а), 3, 6 и 7** — И. Н. Барабошинъ; **№№ 3, 4, 5 и 7** — В. Г. Серебряковъ (за № 7—3 очка); **№№ 3, 4, 6 и 7** — Н. Г. Симоновъ; **№№ 3, 5, 6 и 7** — А. П. Ильенковъ; **№№ 1, 2 (а) и 5** — І. Г. Земляковъ; **№№ 1, 3 и 4** — А. В. Яроцкій; **№№ 1, 4 и 5** — Н. М. Устиновъ; **№№ 2 (а и б), 3 и 4** — Я. В. Артюховъ; **№№ 2 (а), 3 и 4** — Н. Вишнева и А. Л. Ганжинъ; **№№ 2 (а и б), 3 и 5** — Н. Н. Гребенникова, С. Ѳ. Коробкинъ и З. Б. Слуцкій; **№№ 2 (а), 3 и 5** — Р. Адливанкина, Адрицкій, Ш. Боонсъ, А. З. Гандкинъ, Я. Т. Гилевичъ, С. Глѣбовъ, Г. Г. Гойтманъ, Г. В. Державинъ, Я. Л. Злотинъ, Ф. А. Калакинъ, П. Г. Каминъ, А. Г. Конюковъ, К. А. Крыжановскій, П. И. Мезринъ, Л. П. Мирошниченковъ, И. З. Мостинская и Н. Н. Поповъ; **№№ 2 (а), 3 и 6** — Н. Г. Мironковъ; **№№ 2 (а и б), 4 и 5** — А. И. Пальминъ. Н. А. Студицкій и Ф. Э. Шелинъ; **№№ 2 (а), 4 и 5** — М. Л. Заблудовскій, Е. И. Ключаревъ, Н. С. Любановъ, Назаровъ, неизвѣстный (Кіевъ), М. Н. Новолѣтова, С. Г. Смирновъ, К. Ѳ. Степановъ, И. Н. Сѣриковъ, К. К. Теуфель, В. И. Фаворскій и И. А. Шашеловъ; **№№ 2 (а и б), 5 и 8** — А. Ф. Дальштремъ; **№№ 2 (а), 6 и 7** — И. А. Матисенъ; **№№ 3, 4 и 5** — Е. М. Бѣлкинъ, И. А. Егеверъ, Н. Н. Зиновьевъ, Е. Е. Климовъ, Г. П. Кульбушъ, Д. Лурье, Э. У. С., И. О. Сильманъ, М. Сольницкій, Л. Г. Ханинъ и Г. Шильманъ; **№№ 3, 5 и 7** — Н. Шейнинъ; **№№ 4, 5 и 7** — П. И. Польевко; **№№ 4, 6 и 7** — П. Г. Нифонтовъ; **№№ 5, 6 и 7** — С. Э. Перчикъ; **№№ 5, 7 и 8** — И. Э. Бюстремъ: **№№ 6, 7 и 8** — С. Глѣбовъ; **№№ 2 (а и б) и 3** — И. Г. Аннусъ; **№№ 2 (а) и 3** — Баскаковъ, О. А. Демина, А. М. Супкина и И. Д. Фалько; **№№ 2 (а и б) и 4** — А. М. Тышовъ; **№№ 2 (а) и 4** — В. Э. Гамбургеръ и Н. К. Коваленко; **№№ 2 (а и б) и 5** — К. І. Борисовъ, А. А. Вейсманъ, Г. А. Вислоухъ, А. и Т. Никифоровы, А. Г. Руденко, Н. И. Сердюковъ, М. В. Смирновъ, Н. И. Сомовъ, И. Н. Тютчевъ и З. В. Явицъ; **№№ 2 (а) и 5** — М. А. Алексѣева, Е. М. Антсонъ, С. В. Бобровъ, М. А. Бровцына, Б. М. Бѣляцкій, А. С. Винецкій, В. В. Груздевъ, П. А. Дегтяревъ, П. Дерингъ, Н. Е. Ермиловъ, Л. В. Загонъ, Е. И. Иващенко, А. Т. Кузьминъ, Б. Б. Максимовъ, Н. К. Моисеевъ, П. Ф. Поповъ, Ф. П. Поповъ, Х. В. Прушанскій, В. В. Соколовъ, І. Д. Соловьевъ, Д. Н. Хватовъ и В. В. Холявскій; **№№ 2 (а и б) и 6** — В. В. Волковъ; **№№ 2 (а) и 6** — С. Л. Земкевичъ, **№№ 3 и 4** — С. И. Архиповъ, Т. С. Горжковскій, кн. М. Л. Дабижъ, А. Г. Ермолаева и Л. П. Очередная; **№№ 3 и 5** — А. А. Батманова, И. Бишенковъ, Н. В. Блиновъ, П. А. Бозовъ, Е. Н. Бѣлинская, Э. С. Гальберштадтъ, А. Д. Гинзбургъ, С. Б. Гориновичъ, Н. Д. Дорофеевъ, И. В. Егоровъ, В. А. Ефимовъ, Г. А. Закржевскій, В. С. Захаровъ, Т. Н. Ивановъ, А. Х. Киселевъ, П. А. Крупковъ, Михалевичъ, Николаева, А. П. Носовъ, Н. Н. Панфиловъ, Г. И. Пидьмозерскій, Б. М. Соколовъ и А. Флинкъ; **№№ 3 и 7** — С. В. Вильчинскій и Я. И. Лейбензонъ; **№№ 4 и 5** — Г. Грѣховъ, Е. М. Короткова и А. П. Крыловъ; **№№ 4 и 7** — И. А. Мокреевъ; **№№ 5 и 7** — М. С. Митропольскій, С. М. Своехотова и М. Н. Хрусталевъ; **№№ 6 и 7** — В. Антоновъ, А. Беланинъ и А. А. Левитскій; **№ 2 (а и б)** — М. І. Крсекъ, М. И. Рукосуевъ, А. Н. Соловьевъ и Е. И. Хавскій; **№ 2 (а)** — Е. А. Б—а, С. А. Дамская, Л. Н. Ефеминъ, командиръ 3 роты 413 Порхов. пѣх. полка, А. В. Рясенскій и Б. А. Яковлевъ; **№ 3** — М. П. Аристовъ (3 очка), В. А. Бѣлорусовъ, С. Л. Волисъ, В. М. Лейсманъ, Д. Джаксонъ, И. Ѳ. Ельницкій, С. І. Карнѣевъ, П. С. Кацъ, С. А. Крупченко, И. М. Левантъ, Э. Г. Маргенсъ, И. С. Рудановскій, Л. Н. Терентьева и Ф. Г. Эйшинскій; **№ 4** — Верещагинъ, Е. И. Волковичъ, М. В. Жарновскій, И. З. Мостинская, А. И. Никифоровъ, В. Д. Пиратинъ, С. Д. Синицынъ, П. Судаковъ и Т. В. Шадура; **№ 5** — Александровъ, Н. И. Алексѣевъ, В. Барабановъ, Б. С. Бать, Б. И. Беринскій, М. С. Борзовъ, А. П. Бурцевъ, Е. Ѳ. Булыгина, С. А. Бѣлинскій, П. Н. Вишняковъ, А. И. Востокова, Б. Э. Гальперинъ, Э. Р. Ганзенъ, З. Гуревичъ, В. Г. Ерофеевъ, А. И. Замятинъ, Г. С. Каганъ, А. С. Карельскій, М. С. Климовицкая, В. А. Корчинская, В. З. Кричевскій, В. Кулешовъ, В. Л. Курочкинъ, Г. А. Неумывака, І. Д. Нѣжный, А. Н. Ракушанъ, С. П. Романычева, Р. П. Рындина, Е. Сапрыкинъ, П. И. Свѣдомскій, В. Х. Соловьевъ, А. А. Угинчусъ, А. Д. Фатальчукъ, Н. Г. Хитровъ, С. Н. Холявинскій, А. И. Цыбульскій, П. Цыпленковъ, И. П. Чиковъ, М. Т. Шафранъ, А. С. Шмуренковъ, А. Штальбергъ, Э. К. Шульцъ и П. Я. Яковлевъ; **№ 6** — Д. М. Исаевъ и С. Д. Синицынъ; **№ 7** — А. А. Брауде, Н. Т. Войлоковъ, Я. Кириловскій, И. И. Коневецкій, Л. К. Пильцвейгъ, А. І. Полозовъ, П. П. Рѣпинъ, Н. Г. Хайкинъ, Л. Н. Штейнъ и З. Б. Шубертъ; **№ 8** — Н. М. Хайкинъ (4 очка); **№ 9** — Ващенко и С. К. Поповъ (3 очка).

Корреспонденція.

А. А. Пономареву и Э. Томасевичу. Кое-что изъ присланнаго будетъ напечатано.

П. А. Вишнякову, В. С. Захарову, Г. А. Зотову, И. В. Костенкову, Р. М. Ундринцеву и М. Т. Шафрану. Присланное не пригодилось.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22

Артистическое завед. Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

№ 15. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 15 апрѣля 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Георгій Валентиновичъ Плехановъ.

Освобожденный русской революціей отъ 40-лѣтняго „изгнанничества“ за границей и вернувшійся на освобожденную родину, маститый вождь русской соціалъ-демократіи собралъ вокругъ себя всѣ зиждительныя силы народнаго освобожденія и сталъ во главѣ освободительнаго органа „Единство“. Приводимъ его вдохновенныя слова изъ рѣчи, сказанной въ засѣданіи Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ: „Да здравствуетъ Россія вольная, независимая, избавленная отъ эксплуатаціи какъ со стороны внутренняго врага, такъ и врага внѣшняго! Товарищи, было время, когда казалось, что защищать Россію—значило защищать царя. Это было ошибочно по той причинѣ, что царь не хотѣлъ защищать Россію: царь и его приспѣшники на каждомъ шагу измѣняли ей. Они портили національную защиту. Но у насъ теперь есть, что защищать. Теперь мы сдѣлали революцію и должны помнить, что, если нѣмецъ побѣдитъ насъ, то это будетъ означать не только наложеніе на насъ ига нѣмецкихъ эксплуататоровъ, но и большую вѣроятность возстановленія стараго режима. Вотъ почему намъ надо всемѣрно бороться какъ противъ врага внутренняго, такъ и противъ врага внѣшняго“.

Политическое обозрѣніе.

Ликвидація монархіи.

Въ положеніи Временнаго Правительства была еще одна неясность, устранить которую было настоятельно необходимо. Временное Правительство имѣло революціонное происхожденіе. Оно получило власть отъ Временнаго Комитета Гос. Думы, поддержаннаго представителями петроградскихъ рабочихъ и солдатъ. Но въ моментъ его возникновенія не былъ еще формально упраздненъ другой центръ власти, отъ котораго вело свои полномочія старое правительство. Формально Россія продолжала оставаться монархіей, и Николай II, фактически уже обезсиленный, продолжалъ формально нести титулъ императора. Величайшая опасность такого состоянія заключалась въ томъ, что вокругъ формы или фикціи царской власти могли объединиться всѣ враждебныя дѣлу революціи и свободы силы.

Временный Комитетъ Думы договорился съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Теперь ему и назначенному имъ правительству предстояло такъ или иначе покончить съ монархіей. Передъ Гос. Думой открывались здѣсь двѣ возможности: Дума могла вступить съ монархіей въ соглашеніе, и она могла упразднить монархію. Въ кругахъ Думы и думскаго правительства были сторонники и того и другого рѣшенія вопроса. Одни полагали, что, въ интересахъ мирнаго завершенія переворота, нужно было бы остаться въ рамкахъ монархическаго строя. Конечно, рѣчь шла здѣсь не о сохраненіи на престолѣ Николая II, обманувшаго народъ и опозорившаго династію. Насчетъ неизбѣжности устраненія этого монарха всѣ были единодушны, и, если бы онъ не отрекся отъ престола, онъ былъ бы несомнѣнно низложенъ. Но сторонникамъ монархіи казалось, что, если бы подъ давленіемъ революціи власть, отнятая у Николая II, перешла къ другому члену дома Романовыхъ, то былъ бы достигнутъ вдвойнѣ цѣнный результатъ. Преемство власти не нарушилось бы, а новый монархъ, возведенный на престолъ народомъ, естественно сталъ бы строго ограниченнымъ въ своихъ правахъ, истинно конституціоннымъ монархомъ. Второе теченіе, встрѣчавшее самую энергичную поддержку населенія возставшей столицы, находило, напротивъ, что революція не только уничтожила власть Николая II, но и убила самую идею монархіи. Сторонники этого теченія доказывали, что революціонный народъ не пожелаетъ примириться ни съ какой формой монархической организаціи, и что навязывать ему монархію значило бы подвергать страну бѣдствіямъ новыхъ междоусобій и потрясеній.

Членъ Государственной Думы А. А. Бубликовъ въ кругу своихъ помощниковъ (Ю. В. Ломоносова, А. С. Тухина, П. П. Карелина, Е. Ф. Седельникова, Г. В. Лебедева, С. М. Тюменева, Б. А. Перлова), организовавшій желѣзнодорожное движеніе въ первые дни революціи, въ качествѣ Комиссара Государственной Думы. Благодаря энергіи и распорядительности А. А. Бубликова, пассажирское и транспортное движеніе на фронтѣ ни на минуту не прерывалось, и не дана была возможность использовать желѣзныя дороги во вредъ интересамъ всенароднаго дѣла освобожденія Родины

Въ концѣ концовъ и между обоими этими теченіями былъ найденъ разумный компромиссъ. Сторонники монархіи и республики сошлись въ признаніи, что Петроградъ не въ правѣ безповоротно рѣшать вопросъ о формѣ государственнаго устройства всей Россіи. Они условились передать рѣшеніе этого вопроса на свободное голосованіе народа и обязались, независимо отъ своихъ личныхъ взглядовъ, подчиниться державной волѣ Россіи. Такой именно путь предусматривался въ программѣ Временнаго Правительства, которая обѣщала созывъ Учредительнаго Собранія для установленія формы правленія и конституціи страны. Оставалось согласовать съ этимъ компромиссомъ положеніе Николая II и другихъ членовъ царствующаго дома, которые могли бы заявить претензіи на наслѣдованіе престола.

Императоръ Николай II уѣхалъ изъ Царскаго Села въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго въ среду 22-го февраля, какъ разъ наканунѣ начала народнаго движенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что передъ отъѣздомъ онъ подписалъ указъ о закрытіи сессіи законодательныхъ палатъ и одобрилъ выработанный А. Д. Протопоповымъ планъ подавленія возстанія. Увѣренный въ силѣ самодержавія и въ преданности ему петроградскихъ войскъ, онъ спокойно ждалъ въ Могилевѣ развитія событій. Первое предостереженіе было ему подано телеграммой предсѣдателя Думы отъ 26-го февраля. М. В. Родзянко, рисуя положеніе вещей въ столицѣ, писалъ царю: „Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣнценосца“. Предостереженіе не имѣло послѣдствій. 27-го февраля М. В. Родзянко послалъ царю вторую телеграмму, сухую и грозную. „Положеніе ухудшается, — говорилось въ ней, — надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи“. И эта телеграмма не произвела на царя впечатлѣнія. Повидимому, только къ вечеру 28-го, получивъ изъ Царскаго Села извѣстія объ успѣхахъ революціи, онъ почувствовалъ серьезность момента и бросился изъ Ставки въ направленіи къ столицѣ. Но и въ это свое послѣднее путешествіе въ званіи императора Всероссійскаго Николай II отправился не съ добрыми намѣреніями. Онъ назначилъ состоявшаго при немъ генерала Иванова главнокомандующимъ войсками петроградскаго округа, и въ сопровожденіи отборнаго батальона георгіевскихъ кавалеровъ новый „диктаторъ“ поѣхалъ въ Петроградъ. Самъ царь рѣшилъ добраться до Царскаго Села.

Но въ пути Николаю II пришлось воочію убѣдиться, что власть выпала изъ его рукъ. На желѣзныхъ дорогахъ былъ уже признанъ новый порядокъ. Всѣмъ желѣзнодорожнымъ движеніемъ распоряжался комиссаръ Думы А. А. Бубликовъ. Были приняты мѣры къ недопущенію въ Петроградъ эшелоновъ съ фронта. Царскій поѣздъ находился подъ бдительнымъ надзоромъ желѣзнодорожныхъ властей. Нѣкоторое время царь безпомощно метался между станціями Дно и Бологое. Онъ узналъ, что въ Петроградѣ борьба кончена, что гарнизонъ Царскаго Села перешелъ на сторону революціи, и что Россія подчинилась думскому правительству. Царскій поѣздъ встрѣтился съ поѣздомъ генерала Иванова. „Диктаторъ“ призналъ дѣло царя проиграннымъ. Тогда, вѣроятно, въ настроеніи Николая II произошелъ переломъ. Безумное упрямство смѣнилось тупою покорностью судьбѣ. Николай II проѣхалъ во Псковъ и здѣсь, подъ вліяніемъ телеграммъ генерала Алексѣева и всѣхъ главнокомандующихъ фронтами, примирился съ мыслью о неизбѣжности отреченія. Вечеромъ 27-го марта во Псковъ прибыли военный министръ А. И. Гучковъ и членъ Временнаго Комитета Думы В. В. Шульгинъ, и послѣ разговора съ ними между 11 и 12 часами ночи на 3-е марта Николай II подписалъ актъ отреченія отъ престола за себя и за своего сына Алексѣя. Передавая престолъ своему брату, онъ заповѣдывалъ великому князю Михаилу Александровичу „править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народными въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены“. Первый этапъ ликвидаціи монархіи былъ такимъ образомъ пройденъ.

Прохожденіе второго этапа было облегчено благороднымъ поведеніемъ великаго князя Михаила Александровича. Вмѣсто того, чтобы цѣпляться за власть и карабкаться на расшатанный его братомъ тронъ, онъ честно присоединился къ рѣшенію Временнаго Правительства отсрочить опредѣленіе вопроса о формѣ правленія и предоставить это рѣшеніе волѣ русскаго народа. Утромъ 3-го марта великій князь принялъ членовъ Временнаго Правительства и представителей думскаго Комитета и подписалъ актъ, въ которомъ обязался въ томъ лишь случаѣ воспринять верховную власть, если такова будетъ воля великаго русскаго народа. Народная молва въ краткихъ словахъ такъ выразила созданное этимъ актомъ государственно-правовое положеніе: „Царь отрекся въ пользу Михаила, а Михаилъ въ пользу народа“.

Общее согласное признаніе народнаго верховенства всѣми представителями „историческихъ правъ“ и правъ революціи — вотъ что было конечнымъ результатомъ ликвидаціи монархіи. Государственная власть вернулась къ своему первоисточнику. Россія стала народоправствомъ.

Проф. **К. Соколовъ.**

Русская революція.

Словно сто лѣтъ прошло, а всего недѣля!
Какое, недѣля... двадцать четыре часа!
Самъ Сатурнъ удивился: никогда доселѣ
Не вертѣлась такой вертушкой его коса.
Ечера еще народъ стоялъ темной кучей,
Изрѣдка шарахаясь и смутно крича,
А Аничковъ дворецъ красной и пустынной тучей
Слалъ залпъ за залпомъ съ продажнаго плеча.
Вѣсти (такія обычныя вѣсти!)
Змѣями ползли: „тамъ пятьдесятъ, тамъ двѣсти
Убитыхъ..." Двинулись казаки.
„Они отказались... стрѣлять не будутъ!.." —
Шипятъ съ поднятыми воротниками шпики.
Сегодня... сегодня солнце, вставъ.
Увидѣло въ казармахъ отворенными всѣ ворота.
Ни караульныхъ, ни городовыхъ, ни заставъ,
Словно никогда и не было охранника, ни пулемета.
Играетъ музыка. Около Кирочной бой,
Но какъ-то исчезла послѣдняя тѣнь испуга.
Войска за свободу! Боже, о, Боже мой!
Всѣ готовы обнимать другъ друга.
Вспомните это утро послѣ чернаго вчера,
Это солнце и блестящую мѣдь,
Вспомните, что̀ не снилось вамъ въ далекія вечера,
Но что̀ заставляло ваше сердце горѣть!
Вѣсти все радостнѣй, какъ стая голубей...
„Взята Крѣпость... Адмиралтейство пало!"
Небо все яснѣе, все голубѣй,
Какъ будто Пасха въ посту настала.
Только къ вечеру чердачныя совы
Начинаютъ перекличку выстрѣловъ,
Съ тупымъ безуміемъ до конца готовы
Свою наемную жизнь выстрадать.
Мчатся грузовые автомобили,
Мальчики везутъ министровъ въ Думу,
И къ быстрому шуму
„Ура" льнетъ, какъ столбъ пыли.
Смѣхъ? Но къ чему же постныя лица,
Мы не только хоронимъ, мы строимъ новый домъ.
Какъ всѣмъ въ немъ размѣститься,
Подумаемъ мы потомъ.
Помните это начало совѣтскихъ депѐшъ,
Головокружительное: „Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ!"
Словно голодному говорятъ: „ѣшь!"
А онъ, улыбаясь, отвѣчаетъ: „ѣмъ".
По словамъ прошелъ крѣпкій наждакъ
(Обновители языка, нате-ка!),
И слово „гражданинъ" звучитъ такъ,
Словно его впервые выдумала грамматика.
Русская революція,—юношеская, цѣломудренная, благая, —
Не повторяетъ, только брата видитъ въ французѣ,
И проходитъ по тротуарамъ, простая,
Словно ангелъ въ рабочей блузѣ.

М. Кузминъ.

Первые дни свободы въ Петроградѣ. На „Площади революціи"—у Казанскаго собора. *А. Ф. Максимовъ.*

Съ войны.

Пережитое.

Очеркъ **Бориса Курскаго.**

Мы лежали въ окопѣ: немолодой уже штабсъ-капитанъ, нашъ ротный, и я...

Шагахъ въ десяти справа и слѣва отъ насъ лежала рота, вѣрнѣе, лежали остатки роты: бой продолжался уже трое сутокъ, и смерть не мало людей вывела изъ строя.

Былъ уже поздній вечеръ, почти ночь.

Тьма еще не наступила, но приближеніе ея чувствовалось во всемъ... даже въ томъ, что артиллерійскій огонь началъ ослабѣвать.

Правда, нѣтъ-нѣтъ да и прорѣжетъ вечерній сумракъ яркій свѣтъ отъ летящаго раскаленнаго „чемодана", а затѣмъ грохнетъ, покрывая весь остальной шумъ и трескъ, разрывъ снаряда, но жара огня, жара битвы уже не чувствовалось.

Лежать было тоскливо и нудно.

Только часъ-два тому назадъ перестал лить дождь, и свѣже вырытая земля окопа превратилась въ мерзѣйшую липкую грязь.

Мы курили, молчали и думали.

— З-з-з... б-бумъ!.. тра, тра, тра-хъ!.. — грянула надъ самымъ почти окномъ шрапнель.

— Ишь, рветъ какъ!.. И, главное, рветъ безъ всякой цѣли: вѣдь на дворѣ тьма наступаетъ, ничего-то не видно, а они садятъ да садятъ... Дурачье!..

Выругавшись, Павелъ Васильевичъ умолкъ, а затѣмъ вдругъ обратился ко мнѣ:

— Послушайте, другъ мой! Если меня убьютъ раньше, чѣмъ васъ, окажите мнѣ одну услугу...

— Какую, Павелъ Васильевичъ?.. Да что это вы сегодня завели панихидное?

— Такъ ужъ... На душѣ сквернота... А услугу простую... Портсигаръ у меня есть, женщина подарила... Ну, такъ вы ей его отошлите съ краткимъ, ну, описаніемъ, что ли (какъ тамъ у васъ, у писателей, называется?), моей „преждевременной" и въ общемъ довольно своевременной кончины... Померъ-де „онъ" сирѣчь на своемъ посту...

— А адресъ-то скажите все же, а то вѣдь я-то этой таинственной дамы вашего сердца не знаю! — попробовалъ сказать я шутливымъ тономъ, что удалось слабовато.

— Конечно, конечно... Запишите... Впрочемъ, не запишите, а возьмите у меня книжку, такъ въ ней на первой страницѣ онъ записанъ... Ольга Михайловна... Ну, и фамилія тамъ... Все въ полномъ порядкѣ... Д-да... Что, чай, тамъ, въ темнотѣ, улыбаетесь?.. Вотъ, чай, думаете, сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро?.. А вы смѣйтесь... Какъ это поется: „ахъ, Ольга, я тебя любилъ"... Я ее дѣйствительно любилъ, хотя и не говорилъ ей объ этомъ... Впрочемъ, она знала... хорошо знала, но... молчала и виду мнѣ не показывала... Было это такъ... Когда я попалъ въ тотъ городъ, гдѣ она жила и живетъ, былъ я совсѣмъ еще молодъ, ну, и преисполненъ былъ всякихъ тамъ лучшихъ мыслей и стремленій... даже въ запасъ хотѣлъ уйти... ей-Богу, хотѣлъ!.. Такъ какъ въ запасъ-то я только все мечталъ уйти, а въ самомъ дѣлѣ преспокойнѣйшимъ образомъ служилъ и, къ тому же, служилъ весьма исправно, то стало мнѣ скоро скучно... до того скучно, что глаза на лобъ вылѣзти готовы были... И придумалъ я себѣ забаву: провелъ къ себѣ въ квартиру телефонъ и началъ со всѣми именитыми горожанами по телефону разговаривать... Потѣшно было и въ достаточной степени весело... И вотъ телефонъ-то меня и погубилъ... Звоню однажды часовъ этакъ въ 11 вечера въ № 195... Ну, натурально: „Кто у телефона?"—„Я",— говорю.—„А вы кто?"—„А я, говоритъ, Ольга Михайловна". Ну, и началъ я съ этой Ольгой Михайловной чуть ли не ежедневно разговоры разговаривать... Женщина она, скажу вамъ, была преоригинальная... и адски умная... О чемъ я только съ ней ни разговаривалъ!.. И планы свои разсказывалъ и мечтанія тамъ всякія... Ну, конечно, разговора черезъ четыре даже отрекомендовался, что я-де такой-то. А о ней тоже все узналъ... Жена она была нѣкоего провинціальнаго бюрократа и особа, какъ говорили, грандъ-дамъ, но только въ разговорахъ ничего этого „грандамистаго" въ ней совсѣмъ не было... Любилъ я ея голосъ... Было у нея въ жизни, какъ она сказала, меццо-сопрано, а въ телефонъ я слышалъ контральто, но такое нѣжное-нѣжное... прямо бархатное... А какъ она смѣялась!.. Вдругъ словно проволока-то телефонная серебряной станетъ и смѣхъ серебряный передаетъ... Я часто приходилъ съ занятій усталымъ, измученнымъ и злымъ, но стоило только позвонить въ телефонъ, услышать ея голосъ, и сразу становилось легко и радостно... Правда, это похоже на плохой газетный романъ... Но... повѣрьте, я говорю только то, что было... И вотъ наконецъ, въ одно прекрасное утро, лежа у себя на постели, окинувъ взглядомъ всю свою убогую комнату армейскаго подпоручика, понялъ я, что влюбленъ. Подумалъ еще немного и понялъ, что даже больше — не влюбленъ, а люблю... Оно, понятно, смѣшно, и я васъ понимаю (я совсѣмъ не смѣялся, и Павелъ Васильевичъ злостно клеветалъ на меня), но все же дослушайте... Черезъ нѣсколько дней я съ ней познакомился черезъ посредство одной милой дамы... Знаете, когда я приложилъ руку къ папахѣ и назвалъ свою фамилію, у меня духъ замеръ, и земля завертѣлась подъ ногами... Дѣло было зимой, и представленіе мое произошло при температурѣ градусовъ этакъ въ 15, но мнѣ стало до того жарко, что я готовъ былъ сбросить съ себя шинель... Ну-съ... идемъ это мы, разговоры самые такіе незначительные разговариваемъ, а только чувствую я, что хочется мнѣ на всю улицу крикнуть: „люблю тебя, Ольга!" и никакъ не могу ей впопадъ отвѣчать... Поняла она, что ли, что я переживаю, но только скоро распрощалась съ нами и поѣхала на извозчикѣ домой, а я, бросивъ даму-покровительницу, кинулся въ... какой-то не то шантанъ, не то кабакъ... Забрался за столикъ... Попросилъ чего-то себѣ питейнаго, а потомъ... дѣвица подошла, и стали пить вдвоемъ... Напились до осточертѣнія... Пили и плакали пьяными слезами и что-то другъ другу разсказывали...

„Потомъ... потомъ я съ Ольгой Михайловной ни на улицѣ не встрѣчался ни по телефону не разговаривалъ... Почему?.. А просто не могъ, отчего-то... Иной разъ, повѣрите, объ стѣну головой бился отъ безумнаго желанія услышать ея голосъ, но... такъ и не услыхалъ до послѣдней встрѣчи...

„Д-да... тяжко было... Ночью, бывало, возьму гитару и начну играть:

Ночь тиха, ночь тепла.
Не могу я уснуть...

„Потомъ брошу гитару и позову денщика:

„— Никифоръ, какъ ты думаешь, ежели я повѣшусь, хорошо будетъ?

„— Никакъ нѣтъ, вашбродь!.. Совсѣмъ даже скверно... смерть собачья!..

„— Ну, иди къ чорту, Никифоръ...

„Скучно было, молодой человѣкъ, совсѣмъ скучно...

„Одинъ разъ, мѣсяца черезъ четыре, она сама мнѣ позвонила.

„— Ваше благородье, тамъ васъ въ телефонъ дама, Ольга Михайловна, спрашиваютъ!—доложилъ Никифоръ.

„Я вскочилъ... ошалѣлъ отъ радости и... велѣлъ сказать, что меня нѣтъ дома...

„И такимъ-то манеромъ прошло двѣнадцать лѣтъ... Я уже успѣлъ забыть и Ольгу Михайловну, и всякія мечтанія и планы, и вмѣсто двухъ на погонахъ уже четыре звѣздочки поблескивали... Ходилъ въ офицерское собраніе, на бильярдахъ постукивалъ и изъ-за каждаго неудачнаго шара готовъ былъ чуть-чуть не на дуэль партнера вызвать... Ну, конечно, и службу несъ, и попрежнему преисправно... И все такое прочее... Только вотъ не женился.

„И вотъ началась эта война.

„Стали мы въ походъ собираться. Всѣ волнуются, суетятся, кто о чемъ, а я хоть бы что... Чего мнѣ, старому холостяку, волноваться?.. Убьютъ — хорошо, а не убьютъ — тоже не плохо!.. Никого вѣдь у меня нѣтъ... Будь я охотникъ, хоть бы песъ былъ, а то и пса нѣтъ...

„И вдругъ вспомнилъ я объ... Ольгѣ Михайловнѣ... Какъ никого?.. А она?.. Подошелъ къ телефону,—телефонъ я, хоть и звонить некуда, не убиралъ, да и въ комнатѣ все той же жилъ уже четырнадцать лѣтъ, благо, хозяева были не квартиранты, а сами домохозяева,—и звоню, даже въ книжку не заглядывая, 195... Оказывается, тамъ ея уже нѣтъ, а гдѣ она, то-есть, вѣрнѣе, супругъ ея, неизвѣстно...

„Началъ рыться въ книжкѣ и нашелъ.

„Представьте! У нея даже голосъ не измѣнился.

„То же контральто, только чуть посочнѣй стало... А серебристость сохранилась вполнѣ... Узнала она меня не сразу, а все же узнала и... удивилась...

„— Я, говоритъ, думала, что васъ ужъ нѣтъ давно...

„— Нѣтъ, отвѣчаю, пока я есть, а вотъ завтра на войну ухожу, такъ, можетъ, и не будетъ...

„Ну, разговорились и говорили часа полтора... Душу я всю свою выложилъ... Ну, и подъ конецъ попросилъ я ее сдѣлать мнѣ какой-нибудь подарокъ на дорогу... хоть шпильку подарить...

„— Я, говоритъ, провожу васъ...

„Отказался.

„— Не къ чему, говорю, а подарокъ въ напутствіе пришлите! До смерти сохраню!..

„Вотъ она и прислала мнѣ портсигаръ на другой день... прямо къ поѣзду... а въ портсигарѣ надпись внутри, на крышкѣ: „Телефонъ 195. Храни васъ Господи!" Правда, сентиментально?!."

Павелъ Васильевичъ вздохнулъ и... выругался: въ окопѣ

„Бабушка русской революціи“—„русская Луиза Мишель“,
Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская на Съѣздѣ делегатовъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Россіи въ Государственной Думѣ, 29-го марта с. г. Рядомъ съ Е. К. Брешко-Брешковской, слѣва отъ нея: Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенскій, отдавшій распоряженіе объ ея освобожденіи; справа—М. И. Скобелевъ.

Освобожденная революціей послѣ 40-лѣтняго заключенія въ тюрьмѣ, на каторгѣ и тяжкой ссылки въ безкрайнихъ даляхъ Сибири, олицетвореніе русскаго народничества за истекшіе полвѣка, Е. К. Брешко-Брешковская сохранила въ свои 74 года рѣдкую силу духа и на протяженіи всѣхъ 5.000 верстъ пути слѣдованія изъ студенаго Минусинска въ пламенѣющія свободой столицы была встрѣчаема восторженными оваціями. Апогея оваціи достигла встрѣча маститой народоволицы въ стѣнахъ Государственной Думы, гдѣ она обратилась къ делегатамъ съ горячимъ призывомъ къ единенію и работѣ для побѣды.

раздался храпъ, молодецкій здоровый храпъ уставшаго солдата.

— Эй, ты тамъ!.. Взводный!.. Смотри, чтобы не спали!..

Больше мы съ нимъ почти не говорили въ эту ночь... Каждый занялся собственными мыслями...

На утро, когда мы пошли въ наступленіе, Павелъ Васильевичъ подошелъ ко мнѣ, крѣпко сжалъ мою руку и сказалъ:

— Вы ужъ простите меня за сентименты! И... очень прошу... не болтайте объ этомъ: право, не стоитъ... А ей можете разсказать... она не посмѣется и пойметъ... и портсигаръ передайте...

Прошло нѣсколько дней... Тяжелыхъ дней боевой жизни... Рѣдѣли наши ряды, но рѣдѣли и ряды противника.

Такъ и стояли окопъ противъ окопа, угрюмые, полные грязи и крови.

Все угрюмѣе и суровѣе дѣлались лица солдатъ.

Чувствовалась близость чего-то рѣшающаго и рѣшительнаго: конца или жизни...

И день насталъ... Павелъ Васильевичъ былъ тяжело раненъ. Живымъ я его уже не видалъ, такъ какъ времени навѣщать раненыхъ тогда не было.

Потомъ, когда бой утихъ, я пошелъ въ лазаретъ и спросилъ о вещахъ штабсъ-капитана.

Ихъ мнѣ отдали: серебряный портсигаръ съ шестью папиросами, которыя я бережно переложилъ въ свой кожаный, и записную книжку, но адресъ въ ней былъ написанъ карандашомъ, который отъ пота и грязи совершенно стерся.

Исполнить просьбу Павла Васильевича я, значитъ, не могу инымъ путемъ, какъ написавъ этотъ правдивый разсказъ, измѣнивъ только имя штабсъ-капитана.

Можетъ-быть, Ольга Михайловна случайно и прочтетъ его... И пожалѣетъ того, кто такъ ее любилъ...

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть **Ренэ Бенжамэна**.

Авторизованный переводъ съ французскаго **М. П. Благовѣщенской**.

(Продолженіе).

II.

Скотскіе поѣзда. Что можетъ быть мизернѣе и непригляднѣе! Нужна была война для того, чтобы они вдругъ ожили и сдѣлались предметомъ самыхъ восторженныхъ овацій во всей Франціи. Женщины привѣтствовали ихъ радостными кликами, когда они проносились мимо. Онѣ смѣялись при видѣ надписи на вагонахъ: „Увеселительная прогулка въ Берлинъ“. А солдаты кричали имъ: „Здравствуй, Мари!.. Какъ поживаешь, Марго?“ Женщины махали платками, бросали солдатамъ цвѣты.

Гаспаръ, Бюреттъ и Моро никогда такъ весело не проводили времени.

Мало-по-малу, благодаря тому, что они чаще другихъ подходили къ двери, чтобы подышать воздухомъ или посмотрѣть на свѣтъ Божій, и слѣзали на каждой остановкѣ, они окончательно завладѣли дверью въ своемъ скотскомъ вагонѣ, и никто и ничто уже не могло больше заставить ихъ уступить это мѣсто комунибудь. Когда другіе заявляли претензіи по этому поводу, Гаспаръ огрызался:

— Оставь насъ въ покоѣ! А если тебѣ это не нравится, такъ иди жалуйся капитану, да упомяни обо мнѣ—тогда посмотришь, чѣмъ это кончится... Потому что Гаспаръ работалъ до седьмого пота, а ты въ это время воронъ гонялъ. Такъ вотъ, мнѣ кажется, что я имѣю полное право ѣхать такъ, какъ мнѣ нравится ѣхать... Гаспаръ — одно, а ты — другое, понимаешь?.. Нельзя смѣшивать гвоздя съ панихидой или ушка отъ сапога съ беременной женщиной!

— Ну, а тѣ двое?—продолжалъ ворчать недовольный.

— Тѣ двое? Это мои однокашники... А кромѣ того, Богъ троицу любитъ... Однимъ словомъ, заткни глотку!.. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, куда лѣзетъ этотъ неучъ, этотъ чурбанъ?.. Какой-то нормандецъ, нищій, мышь полевая... у него только и есть имущества, что коровій навозъ, куриный пометъ да птичье гуано... а туда же! Требуетъ, чтобы журналистъ и механикъ уступили ему свое мѣсто. Нѣтъ, это прямо-таки противно!

— Послушай... послушай, — говорилъ Бюреттъ примирительнымъ тономъ,—я могъ бы на нѣсколько минутъ...

— Ты останешься здѣсь!—рычалъ на него Гаспаръ.—Или ты мнѣ не однокашникъ.

— Правильно!—одобрялъ Моро.— Однокашники... такъ ужъ однокашники.

— И наконецъ я помираю отъ жажды! — добавлялъ Гаспаръ, какъ бы приводя послѣдній аргументъ.

Онъ сидѣлъ на полу въ дверяхъ, съ высунутыми наружу ногами, а потому моментально спрыгивалъ на землю каждый разъ, какъ только поѣздъ останавливался. Товарищи кричали ему:

— Ты чего? Вѣдь сигнала не давали. Смотри, тебѣ влетитъ отъ полковника.

— Ничего, можно всегда вывернуться... пошелъ освѣжиться.

Растерзанный, безъ шинели, съ разстегнутой на груди рубашкой, открывавшей волосатую грудь, поминутно подтягивая сползающіе съ бедръ штаны, съ полдюжиной манерокъ, висящихъ на плечѣ, онъ спрыгивалъ на насыпь, перебѣгалъ черезъ полотно, стучалъ въ двери сторожекъ, въ дома, кричалъ, потомъ снова бѣжалъ къ поѣзду и говорилъ съ яростью:

— Дальше я не ѣду! Если насъ не будутъ поить, я не двинусь больше съ мѣста!

Но за него двигался поѣздъ. Новая остановка. Гаспаръ снова бѣжалъ. Товарищи кричали ему издали и подбадривали его. Вдругъ онъ исчезъ, точно крыса въ норѣ. Бюреттъ волновался и бѣсился: „Онъ опоздаетъ... Онъ застрянетъ...“ Ничего подобнаго. Едва поѣздъ двигался съ мѣста, какъ справа или слѣва вдругъ появлялся Гаспаръ, почти всегда до пояса мокрый.

Глаза его сверкали. Онъ былъ счастливъ и доволенъ.

— Я сунулъ башку подъ насосъ... Вотъ здорово!

И, говоря это, онъ протягивалъ товарищамъ переполненныя манерки.

Разъ какъ-то Бюреттъ сказалъ съ сладострастнымъ выраженіемъ въ глазахъ:

— Добрую кружку пива - вотъ чего мнѣ до смерти хочется!

Гаспаръ посмотрѣлъ на него:

— Н-да, у тебя губа не дура.

Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ поѣздъ въѣхалъ подъ навѣсъ большой станціи. По другую сторону отъ станціи на платформѣ Гаспаръ замѣтилъ небольшой боченокъ съ пивомъ. Вѣдь бываютъ же чудеса на свѣтѣ!.. Повидимому, Гаспаръ былъ искренно убѣжденъ въ томъ, что этотъ боченокъ никому не принадлежитъ: на немъ ничего не было написано. Онъ крикнулъ: „Моро... вали сюда!“ День склонялся къ вечеру, офицеровъ нигдѣ не было видно, и они вдвоемъ подкатили боченокъ къ своему вагону.

Фоссъ, ихъ сержантъ, запротестовалъ:

— Гаспаръ... нѣтъ, это слишкомъ... вѣдь это воровство...

— Воровство? - удивился Гаспаръ.—Право, меня теперь ничуть не удивляетъ, что ты попалъ въ сержанты. Только сержанты могутъ говорить такую чепуху.

И онъ изо всѣхъ силъ сталъ ударять своимъ штыкомъ по дну боченка, чтобы вскрыть его.

— Воровство! На полотнѣ казенной желѣзной дороги? Казна - это государство. А что такое государство? Это мы. Значитъ, я ѣду по нашей желѣзной дорогѣ, и если я нахожу вотъ такую штуку, то она наша... Эй, тяните ваши лапы, давайте манерки!

Бюреттъ протянулъ свою манерку, какъ и всѣ остальные, но, какъ бы въ свое оправданіе, онъ сказалъ, обращаясь къ сержанту Фоссу:

— Война... Тамъ будетъ еще больше кутерьмы.

— Нечего тебѣ тамъ! — крикнулъ Гаспаръ. — Пей, бери еще, а объ остальномъ не думай!

На каждаго вышло по три литра. Къ счастью, чуть ли не треть всего пива вылилась на полъ. Солдаты шлепали ногами по пѣнѣ. Это былъ настоящій кутежъ—море по колѣно.

Единственно, что всѣхъ волновало и безпокоило, такъ это вопросъ: куда ихъ везутъ? На западъ? На сѣверъ? Всѣ увѣряли, что на сѣверъ. Потомъ стали говорить, что на западъ. Вотъ уже обогнули Парижъ и проѣхали пригородъ Шампиньи.

Всѣ мосты охраняли часовые. Солдаты кричали имъ:

— Здравствуй, Грегуаръ! Скрутили тебя? Ничего!

Солдаты закусывали, дѣлили другъ съ другомъ сардины, крутыя яйца, колбасу, шоколадъ... Потомъ всѣ засыпали, убаюканные равномѣрнымъ движеніемъ поѣзда. Всѣ лежали вповалку, чуть ли не другъ на другѣ, храпѣли, икали, снова просыпались и ругали эту ужасную клѣтку для скота, которая трещала, лязгала, и колеса которой при каждой остановкѣ, казалось, готовы были разлетѣться въ разныя стороны.

Черезъ двадцать четыре часа поѣздъ остановился передъ вокзаломъ въ Реймсѣ.

— Когда же насъ наконецъ высадятъ? — спросилъ Моро. — Вѣдь не заставятъ же насъ сейчасъ же драться? Мы запасные... отцы семействъ... Какого чорта, въ такомъ случаѣ, будутъ дѣлать молодые?

— Ну,—замѣтилъ спокойно Бюреттъ,—ты разсуждаешь, какъ неразумный ребенокъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — Моро съ раздраженіемъ пожалъ плечами.—Скажи, ты какъ подписывался въ газетахъ?

— Я писалъ подъ псевдонимомъ „Сократъ“.

— Сократъ... здорово... Знаешь, было бы лучше, если бы ты подписывался „Простофиля“. Потому что, понимаешь ли, разъ человѣкъ журналистъ, то онъ долженъ разсуждать, какъ умный человѣкъ, или же на его мнѣніе плюютъ.

— А я все-таки повторяю: завтра мы будемъ на границѣ.

Они были на границѣ въ этотъ же вечеръ.

Моро выругался и сказалъ:

— Во всемъ виноватъ Сократъ. Это онъ накликалъ на насъ несчастье!

— Вздоръ. Все идетъ великолѣпно!—возразилъ Гаспаръ, пріободряясь.—Право, можно подумать, что ты, Богъ знаетъ, откуда, а не съ улицы de la Gaîté... Ты ведешь себя, какъ баба... Разъ мы отправились на войну, такъ не сидѣть же намъ сложа руки. Что касается меня, такъ я предпочитаю поскорѣе увидать этихъ дьяволовъ, — и конецъ! Первый же бошъ, который попадется мнѣ въ руки, сейчасъ же узнаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Я съ нимъ раздѣлаюсь по-свойски, не буду церемониться и разспрашивать, не депутатъ ли онъ, и нѣтъ ли у него рекомендаціи. Я живо приготовлю тебѣ изъ него колбасу.

Произнося эти слова, полныя мужества и отваги, Гаспаръ ступилъ на землю въ Лотарингіи.

Но слова его не встрѣтили должнаго сочувствія. Была темная ночь, во мракѣ раздался раздраженный голосъ офицера:

— Тише, чортъ бы васъ подралъ! Не время теперь зубоскалить, вѣдь васъ укокошатъ, какъ зайцевъ.

— Укокошатъ... — пробормоталъ Моро. — Значитъ, началось... Они тутъ... Въ хорошую передѣлку мы попали.

Солдатъ, уже и безъ того разбитыхъ путешествіемъ, длившимся почти двое сутокъ, да еще въ скотскихъ вагонахъ, охватило гнетущее оцѣпенѣніе. Они выходили изъ поѣзда глубокой ночью на дебаркадеръ, погруженный въ полный мракъ, въ неизвѣстной мѣстности, про которую знали только, что это „граница“. Съ раскрытыми отъ недоумѣнія ртами, они поднимали головы и смотрѣли на безпредѣльную синеву неба. На немъ мерцали далекія туманныя звѣзды. По листвѣ высокихъ тополей пробѣгалъ вѣтерокъ... Для утомленныхъ глазъ горизонтъ представлялся черной линіей, за которой поднимался отвѣсный холмъ, точно стѣна... а за этой стѣной, казалось, стоитъ непріятель.

Тихо и молча новоприбывшій полкъ отправился въ путь. Перешли черезъ рѣку, отъ которой поднимался туманъ... прошли черезъ мостъ, минированный и оберегаемый часовыми. Черезъ мостъ шли по-двое, и очень осторожно. На этотъ разъ дѣйствительно чувствовалась настоящая война, полная трагизма. Сержантъ Фоссъ шелъ, вытянувшись во весь ростъ,—онъ началъ исполнять свой долгъ. Нормандцы шагали вяло, подозрѣнія не покидали ихъ, и они старались быть осторожными. Бюереттъ думалъ о своей женѣ: одиннадцать часовъ вечера, часъ, когда онъ цѣловалъ ее нѣжнѣе обыкновеннаго, прежде чѣмъ укладываться спать... Гаспаръ шагалъ, по своему обыкновенію, покачиваясь изъ стороны въ сторону, походкой истаго парижанина, и внутренно только спрашивалъ себя: „Куда мы идемъ? Что все это означаетъ?“

Полкъ прошелъ черезъ двѣ деревни, въ которыхъ уже приняты были мѣры къ оборонѣ. Въ одномъ мѣстѣ на дорогѣ были навалены старыя телѣги въ видѣ баррикадъ. Время отъ времени съ какого-нибудь поля или дороги въ низинѣ вдругъ выскакивалъ патруль драгуновъ. Лошади неслись во весь опоръ, а всадники пригибались къ самымъ ихъ спинамъ. Пѣхотинцы отскакивали въ сторону, ругались, сдваивали ряды, потомъ бѣглымъ шагомъ догоняли колонну.

Моро ворчалъ:

— Чего они носятся, какъ угорѣлые, на своихъ клячахъ!

Однако немного спустя усталость убила всѣ мысли. Послѣ трехчасового быстраго, почти бѣглаго марша, отъ котораго солдаты задыхались, они перестали думать о невидимомъ непріятелѣ и думали только о своихъ ногахъ, о поясницахъ и объ отдыхѣ.

— Нѣтъ, это невѣроятно,—сказалъ Гаспаръ,—но эти дьяволы просто удрали. Завтра утромъ мы будемъ уже въ Берлинѣ!

— Ты, пожалуй, усталъ?—спросилъ его капитанъ Пюшъ.

— Я-то?.. Ну... устать я не усталъ... Я это сказалъ... такъ, для краснаго словца.

Но когда на разсвѣтѣ въ одной деревнѣ была сдѣлана остановка и когда роты были размѣщены по сѣноваламъ и сараямъ, Гаспаръ повалился ничкомъ, уткнулся носомъ въ солому, не разбирая, гдѣ, съ ружьемъ и всей амуницией, и не обращая никакого вниманія на ругань товарищей:

— Здѣсь нѣтъ больше мѣста...: Да убери ты свою арматуру... А еще говоришь о другихъ... Этакая свинья, онъ хоть бы что! Вотъ онъ ужъ и храпитъ.

Даже Бюереттъ, и тотъ пришелъ въ ярость.

— Да вѣдь онъ забралъ себѣ всю солому... Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!.. Я ложусь на него!

Гаспаръ и не шелохнулся. Онъ видѣлъ во снѣ свою лавку съ улитками на улицѣ de la Gaîté, глубоко вздыхалъ и иногда бормоталъ безсвязно:

— Вотъ сѣрыя... сѣ... сѣренькія... сѣренькія...

Черезъ два часа вставать. Приказаніе полковника.

— Полковникъ? Какого чорта мнѣ до полковника? ворчалъ Гаспаръ.

— Пусть кто-нибудь попробуетъ до меня дотронуться, — хорохорился Моро, — я запущу ему въ морду всѣми моими пожитками.

— Кажется, намъ и безъ того приходится не очень-то сладко,—замѣтилъ Бюереттъ.—Хорошо было бы, если бы намъ принесли шоколаду.

— Да, какъ бы не такъ! Послѣ дождика въ четвергъ!—поддразнивалъ Гаспаръ.

Фоссъ, съ соломой въ волосахъ, съ распухшими глазами, осипшій, пошатываясь спросонокъ, сказалъ примирительнымъ тономъ:

— Послушайте, будьте же благоразумны... Надо бы сварить кофе... Гаспаръ...

— Гаспаръ? Гаспаръ дрыхнетъ.

— Вы меня удивляете, Гаспаръ... Вы парижанинъ...

— Ахъ, оставь Парижъ въ покоѣ! Да знаешь ли ты хоть, что такое Парижъ? Въ Парижѣ люди спятъ по-человѣчески. Въ Парижѣ у тебя на шеѣ не сидятъ сержанты. Въ Парижѣ... да чего тамъ, въ Парижѣ живешь, какъ человѣкъ, а здѣсь съ тобой обращаются, какъ со скотиной! Нѣтъ, ужъ лучше о Парижѣ и не заикайся.

— Что за недомысліе... Да вѣдь мы на войнѣ, чортъ возьми!

— А мнѣ наплевать... я дрыхну!

— Смирно!

Капитанъ заглянулъ въ полуотворенную дверь.

— Гаспаръ здѣсь?

— Здѣсь... Вотъ я.

— Я разсчитываю на тебя, голубчикъ... насчетъ чашечки хорошаго кофе, а?

— Къ вашимъ услугамъ, капитанъ.

— Такъ ты мнѣ принесешь кофе?

— Слушаю.

— И лейтенанту также?

— Не безпокойтесь, все будетъ сдѣлано.

Какъ только капитанъ исчезъ, Фоссъ замѣтилъ:

— Да, вотъ, когда капитанъ...

Гаспаръ посмотрѣлъ на него вызывающе.

— Ужъ не хочешь ли ты равняться? Онъ человѣкъ воспитанный и вѣжливый. Онъ умѣетъ обращаться съ людьми.

— Да, конечно, онъ сдѣлалъ вамъ честь, попросивъ васъ приготовить кофе.

— А ты думаешь, чего добраго, что, если бы ты попросилъ меня...

— Я про себя не говорю...

— Ну, конечно, потому что твои нашивки, понимаешь ли, ничуть не пугаютъ меня.

— Ну, довольно!—сказалъ съ раздраженіемъ Фоссъ.—Не выводите меня изъ себя, не то я...

— Нѣтъ, серьезно, ужъ не хочешь ли ты изображать начальство?..

— Готовьте вашъ кофе!

— Ты разговариваешь не съ мальчишкой какимъ-нибудь!

— Готовьте кофе!

— Слава Богу, я, кажется, отецъ семейства... А кромѣ того, я сложа руки не сижу...

— Довольно!..

Крикнувъ это, Фоссъ вышелъ, сверкая глазами и сжимая кулаки. Гаспаръ посмотрѣлъ на Моро.

— Онъ спятилъ, этотъ болванъ! Не очень-то пріятно итти воевать вмѣстѣ съ такими дураками!

Бюереттъ потянулся и спросилъ:

— А сахаръ для кофе у тебя есть?

— Еще чего захотѣлъ!

— А водка? Ты видѣлъ здѣшнихъ жителей?

— Надо пойти поразнюхать.

Гаспаръ вышелъ. Бюереттъ крикнулъ ему вдогонку:

— Кстати, если ты найдешь хорошенькую женщину...

— Такъ я приберегу ее для себя!

Гаспаръ сварилъ-таки кофе. Два часа спустя онъ приготовилъ похлебку. Вечеромъ онъ приготовилъ обѣдъ. А на другой день онъ началъ все сызнова.

Полкъ стоялъ въ ста метрахъ отъ берега Мааса въ бѣдной деревушкѣ съ плоскими крышами, красныя черепицы которыхъ были какъ будто навалены какъ попало неловкими руками. Дома вдоль улицы стояли тоже какъ попало, точно случайно заброшенные сюда. Колокольня надъ игрушечной церковью покосилась. Передъ жалкими лачугами были навалены кучи навоза. Вся эта картина, непригдядная и вопіющая о нуждѣ, производила въ это тревожное время особенно гнетущее впечатлѣніе. Ожиданіе новыхъ невзгодъ и бѣдствій вызывало въ памяти все, что уже раньше претерпѣла эта несчастная страна. Вѣчная жертва войны, она точно привыкла къ нашествію враговъ, какъ привыкаютъ къ бурямъ, и даже не удивлялась больше, когда въ нее вторгался вооруженный непріятель. Да и застраивалась-то она на скорую руку, какъ бы для того, чтобы скорѣе и безъ особыхъ страданій снова превратиться въ груду развалинъ при первомъ же толчкѣ. На лицахъ жителей, неподвижныхъ и серьезныхъ, была написана покорность судьбѣ. Солдаты, уроженцы болѣе счастливыхъ мѣстъ провинцій, не понимали, что неподвижность и суровость жителей является слѣдствіемъ пережитыхъ ими страданій, а не ихъ непріязненности.

Гаспаръ, перебѣгавшій отъ одной двери къ другой, требуя, гдѣ масла, гдѣ луку, гдѣ вертелъ, гдѣ кастрюлю, возвратился злой, проклиная весь міръ:

— Идіоты! Ослы!.. Что мнѣ противнѣе всего, такъ это то, что я долженъ итти на смерть изъ-за этихъ паршивцевъ!

Впрочемъ, своей злобой и своимъ раздраженіемъ онъ могъ подѣлиться только со своимъ котломъ, потому что всѣ его товарищи, во главѣ съ капитаномъ, отправились на берегъ рѣки и производили тамъ ученье, какъ въ обычное мирное время.

Приказъ былъ общій для всего полка. Но капитанъ Пюшъ такъ спокойно и такъ методично исполнялъ всѣ приказы, что необходимо здѣсь, какъ бы въ скобкахъ, нѣсколько ближе познакомиться съ этой оригинальной личностью.

Полковой командиръ и всѣ остальные офицеры за послѣдніе пять дней не выходили изъ состоянія какого-то экстаза. На языкѣ у нихъ всегда были готовы патріотическія изліянія. Что же касается капитана Пюша, то онъ ни разу даже не говорилъ ни съ кѣмъ о войнѣ. Онъ шелъ на войну безъ особаго волненія, но это великое событіе не порождало въ немъ никакихъ пламенныхъ рѣчей. Онъ былъ не адвокатомъ, а капитаномъ. Другими словами, онъ прежде всего думалъ о сраженіи, которое и для него, какъ и для всѣхъ его солдатъ, представляется чѣмъ-то неизвѣстнымъ. Онъ говорилъ себѣ: „Мой первый долгъ—это позаботиться о томъ, чтобы они хорошо ѣли и чтобы они тренировались“. А потому онъ не произносилъ такихъ словъ, какъ: „солдаты“... „дорогая родина“... „слава“... „знамя“... „проливать кровь“... Нѣтъ, онъ говорилъ: „Ребята, достаточно ли у васъ филонода *)? Сварена ли картошка? Всѣ ли получили запасной паекъ?“

Къ сожалѣнію, этой заботливости ротнаго не понимали. Французы любятъ выспреннія и громкія слова. Этотъ начальникъ съ чуткой совѣстью, всегда поглощенный будничными заботами, не удовлетворялъ въ этихъ двухстахъ солдатахъ пристрастія къ внѣшнему блеску, которое является чѣмъ-то врожденнымъ въ парижанахъ. Онъ докучалъ имъ своими разспросами. И они не понимали настоящей подкладки этого контроля, этого внимательнаго отношенія къ нимъ

*) Мазь для ногъ.

Когда, на разстоянiи нѣсколькихъ километровъ отъ непрiятеля, онъ приказалъ производить военное ученье съ такимъ равнодушiемъ и съ такимъ спокойствiемъ, словно война была лишь смутнымъ предположенiемъ въ отдаленномъ будущемъ, онъ натолкнулся на недоброжелательство солдатъ. Они ворчали:

— Здравствуйте! Развѣ мы здѣсь для того, чтобы хороводы водить?.. Чего добраго, онъ заставитъ насъ еще чистить пуговицы!

Къ счастью, порошка для чистки пуговицъ не было, иначе, пожалуй, капитанъ и вправду заставилъ бы солдатъ чистить пуговицы... Потому что для него чистка являлась проявленiемъ дисциплины, самымъ вѣрнымъ средствомъ обучить ей свою роту и заставить ее слушаться приказанiй безпрекословно. Каждый разъ, когда онъ приводилъ солдатъ на какую-нибудь стоянку, онъ отдавалъ слѣдующiй приказъ, сходя съ лошади:— „Чистка всѣхъ вещей и кожъ! Я самъ осмотрю, все ли въ порядкѣ“. Это приказанiе отдавалось хотя и добродушнымъ тономъ, но серьезнымъ, не терпящимъ возраженiя.

Война ничуть не измѣнила этого страннаго человѣка. Въ Лотарингiи онъ оставался точь въ точь тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ тихомъ кварталѣ, гдѣ помѣщалась Ecole Militaire, и гдѣ онъ по вечерамъ составлялъ списки солдатскихъ рубахъ или башмаковъ. Онъ представлялъ собою какъ бы образецъ мѣщанской добродѣтели, въ силу которой запасливые люди заготовляютъ лѣтомъ варенье для зимы и, всегда оставаясь практичными, въ самые великiе моменты жизни продолжаютъ вѣрить въ необходимость всякихъ мелочей жизни. Эти заботы, такiя мелочныя на первый взглядъ, возмущаютъ умы, спосоoные къ экзальтацiи. Они не понимаютъ пользы и значенiя офицера-чиновника, который остается на своемъ мѣстѣ и не выходитъ за предѣлы своихъ обязанностей, не увлекается болѣе высокими и болѣе широкими задачами... задачами, быть-можетъ, въ большинствѣ случаевъ выливающимися лишь въ форму пустопорожнихъ разглагольствованiй. Война, жизнь, смерть—все это безспорно прекрасныя темы для разсужденiй и для размышленiй, но лучше предоставить ихъ людямъ, не облаченнымъ въ военный мундиръ: у тѣхъ болѣе свободнаго времени для размышленiй. Ротному же не до того. Онъ долженъ думать о „будничномъ“, заботясь о благополучiи своихъ солдатъ. Желудки и ноги—вотъ его первѣйшая забота. Превратности судьбы, трагическiя положенiя, безконечный рядъ мучительныхъ вопросовъ, которые порождаетъ война,—все это относится къ философамъ... не призваннымъ на военную службу. Военный мундиръ представляетъ собою хорошую защиту отъ увлеченiя неразрѣшимыми проблемами. Солдатъ дѣйствуетъ—онъ не размышляетъ. Если онъ начнетъ предаваться размышленiямъ, непрiятель сядетъ ему на шею. Первѣйшее условiе въ войнѣ—это заставить замолчать свое воображенiе, надѣть узду на свои мысли. Капитанъ Пюшъ, который, повидимому, не обладалъ ни живымъ воображенiемъ ни любовью къ пустымъ мечтамъ, былъ незамѣнимымъ начальникомъ.

А между тѣмъ никто изъ его солдатъ, даже Бюреттъ, въ первые дни не оцѣнили его достоинствъ. Гаспаръ, который, кстати сказать, не ходилъ на ученье, такъ какъ не отходилъ больше отъ котла, уже окрестилъ на своемъ жаргонѣ обывателя парижскаго предмѣстья эти ротныя ученiя: „Византiйское ученiе!“ Этимъ презрительнымъ словечкомъ онъ хотѣлъ сказать: „старая погудка на новый ладъ“. Онъ пояснялъ:

— Тутъ нечего стараться понимать. Онъ нашъ хозяинъ, а мы для него только нумера въ спискѣ.

— Ну,—говорилъ Моро,—это ужъ слишкомъ.

Ромарэнъ, помощникъ парикмахера въ А..., замѣтилъ съ раздраженiемъ:

— Я здѣсь для того, чтобы сражаться, и я требую, чтобы мнѣ дали возможность сражаться.

Бакалейный торговецъ Клопюртъ не выражалъ никакого мнѣнiя.

Иногда деревенскiй парень Пинселу, съ красной рожей, точно поджаренный на солнцѣ, говорилъ, сунувъ руки въ карманы и покачиваясь своимъ неуклюжимъ тѣломъ:

— Да, пожалуй, мы этихъ самыхъ бошей и въ глаза не увидимъ.

— Какъ бы не такъ, держи карманъ шире,—отвѣчалъ Гаспаръ.

— Ну, тутъ, братъ, дѣло не въ карманѣ... Вѣдь мы въ резервѣ.

— Продолжай, продолжай, это интересно.

— Если бы „дѣйствующая“ исполняла свое дѣлю какъ слѣдуетъ...

— Ахъ, ты, простота! Откуда ты? Не выскочилъ ли ты изъ какой-нибудь китайской вазы?

— Ну, что касается смекалки, такъ я не глупѣе тебя, братецъ.

— Дѣло не въ томъ, что ты глупъ, а въ томъ, что ты чурбанъ.

— А все-таки... вотъ мы уже тутъ пять дней, а эти черти точно провалились куда-то. А почему они провалились?..

— Скажи, ты откуда?—спросилъ Гаспаръ.

— Изъ Пэнъ-ла-Гареннъ, братецъ.

— Интересно, почемъ въ твоей деревнѣ фунтъ дурака?

Въ сарай вбѣжалъ сержантъ Фоссъ.

— Мы выступаемъ! Черезъ четверть часа всѣ должны быть готовы.

— Куда мы идемъ?—спросилъ Моро.

— На этотъ разъ идемъ, куда слѣдуетъ. Собирайте ваши пожитки.

— Да неужто?—крикнулъ Гаспаръ.—Ты въ этомъ увѣренъ

— Да, полковникъ при мнѣ сказалъ это Пюшу.

— Здорово! Вотъ это такъ жизнь!

Гаспаръ бросился къ Пинселу и сталъ его мять изо всѣхъ силъ.

— Ну что же, голубчикъ, вѣрно ты, что ли, угадалъ?

Пинселу поблѣднѣлъ. Бакалейщикъ Клопюртъ также. Ромарэнъ просiялъ. Гаспаръ подхватилъ Бюретта и сталъ плясать съ нимъ.

— Послушай, ты оглохъ, что ли?

— Я слышалъ, я слышалъ.

— И ты недоволенъ?

— Я доволенъ.

— Такъ надо веселиться. Теперь, по крайней мѣрѣ, мы увидимъ, что такое бошъ—сплошной кусокъ сала или свинья.

И въ его движенiи, когда онъ принялся укладывать свой мѣшокъ, весело приговаривая: „Ну, Гаспаръ, теперь не ударь лицомъ въ грязь“,—было столько непринужденности и столько искренней радости, что самые робкiе устыдились. А онъ смотрѣлъ на нихъ блестящими глазами и говорилъ, прищелкивая языкомъ:

— Наконецъ-то можно будетъ подраться безъ того чтобы въ это вмѣшались фараоны!

Полкъ выступилъ.

Стояла хорошая, мягкая погода съ легкимъ вѣтеркомъ, который подбодрялъ эти колонны свѣжихъ войскъ, совершенно новыхъ, въ первый день ихъ испытанiй. Гаспаръ курилъ, болталъ, пѣлъ, ѣлъ на ходу. Время отъ времени онъ шелъ, держа на обоихъ плечахъ по ружью. Моро трясъ въ это время сливовое дерево у дороги. Немного спустя, онъ возвратился въ ряды съ наполненнымъ сливами кепи. Двадцать рукъ протянулись къ нему, раскрылось двадцать ртовъ, а потомъ все выплевывалось на дорогу,—сливы оказались незрѣлыми.

Потомъ Моро въ свою очередь шелъ, нагруженный двумя мѣшками. Гаспаръ исчезъ въ какой-то придорожной фермѣ. Онъ появился вскорѣ, весь обливаясь потомъ, быстро попыхивая своей трубкой, взялъ отъ товарищей свой мѣшокъ и съ гордостью сказалъ, показывая на свою добычу:

— Вотъ масло, да, настоящее масло! Да вы понюхайте, оно ничѣмъ не пахнетъ... А это... а это... отгадайте, что это?.. Абсентъ, голубчики мои, это абсентъ!

— Э,—радовался Моро,—да вѣдь это совсѣмъ, какъ на улицѣ avenue du Maine.

Да, это было настолько похоже на avenue du Maine, что они встрѣтили даже парижскiе автобусы, цѣлую вереницу изъ двѣнадцати автобусовъ, съ продовольствiемъ. Гаспаръ сталъ безпокоиться относительно „остановки“. Тогда Моро изобразилъ толстую даму: „Кондукторъ, будьте повѣжливѣе!“ Даже деревенскiе парни, не забывшiе еще своего путешествiя въ столицу,—на выставку или на свадьбу какого-нибудь родственника,—развеселились, услыша знакомыя шутки этихъ парижанъ. И на мгновенiе забывалась тяжесть мѣшка при подъемѣ на гору.

Даже Клопюртъ и Пинселу развеселились, потому что о непрiятелѣ не было и помину, и, повидимому, никто не помышлялъ объ атакѣ. Мѣстность производила отрадное впечатлѣнiе въ этотъ хорошiй день, который все оживлялъ. Холмы были отлогiе, а склоны ихъ широкiе, и полкъ легко спускался и затѣмъ поднимался въ гору подъ пѣсню, которую Гаспаръ весело распѣвалъ, поднявъ носъ кверху:

Маркитантка, трамъ-тамъ-тамъ,
Вся въ родинкахъ—здѣсь и тамъ...
Сзади, спереди—вездѣ...
Много всячины у ней...
Сами, братцы, разумѣй...

Вдругъ—едва онъ докончилъ послѣднiй куплетъ—воздухъ сотрясся, словно отъ удара въ гонгъ, отдаленный и гигантскiй, и эхо раскатилось по землѣ, точно глухое рычанiе. Всѣ крикнули въ одинъ голосъ:

— Пушка!

Гаспаръ фыркнулъ. Ловкимъ движенiемъ бедра онъ встряхнулъ свой мѣшокъ, такъ что котелокъ и лопатка задребезжали, и сказалъ нараспѣвъ:

— Бумъ! Валяйте, валяйте! Можетъ-быть, вамъ и удастся посадить кому-нибудь шишку на лобъ.

Его шутка не имѣла успѣха. Несмотря на то, что солдаты шли безъ передышки шесть часовъ, всѣ были въ бодромъ настроенiи, болтали и чему-то радовались. Впрочемъ, по рядамъ солдатъ ходила прiятная новость: въ Германiи вспыхнула революцiя... да, революцiя. Солдаты подталкивали другъ друга локтями: „А, каково?“ Но они не были особенно удивлены, такъ какъ это предвидѣлось уже со второго августа. Вѣдь это въ порядкѣ вещей, что народъ обрушился на правительство, возстановившее противъ себя всѣхъ сосѣдей.

— Это уже давно предсказалъ мой однокашникъ Бюреттъ,—замѣтилъ Гаспаръ.—Ну, онъ таковскiй, что все знаетъ.

— Иначе и быть не могло,—сказалъ Бюреттъ спокойно, лицо у него все сiяло, а кепи съѣхало на одно ухо.—Всѣ газеты это знали, да и вообще всякiй это понималъ. Коалицiя противъ Германiи—это равносильно внутренней междоусобицѣ, полному банкротству или голоду не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ!

— И великолѣпно!—воскликнулъ Гаспаръ.—Придется имъ жрать свои собственныя подошвы, круто посыпанныя солью.

Капитанъ проѣзжалъ вдоль колонны верхомъ на лошади.

— Капитанъ... правда, что въ Германiи революцiя?

Пюшъ отвѣтилъ просто: „Такъ говорятъ!“—и больше онъ ничего не сказалъ, потому что его лошадь вдругъ занервничала и порывалась стать на дыбы.

— Тише, Кокоттъ... полно, Кокоттъ...

Гаспаръ засмѣялся:

— Пишь каналья, увильнулъ-таки!

Часъ спустя полкъ пришелъ въ деревню. Остановка, расквартированiе. Пушекъ не было больше слышно.

— А что, развѣ я не говорилъ?—похвасталъ Пинселу.—Бошей мы такъ и не увидимъ.

И дѣйствительно, эта новая лотарингская деревушка произво-

В. Д. Набоковъ. Д. М. Щепкинъ. А. А. Мануиловъ. И. А. Годневъ. М. И. Терещенко. А. Ф. Керенскiй. Г. Е. Львовъ. П. Н. Милюковъ. Н. В. Некрасовъ. А. И. Шингаревъ. А. И. Коноваловъ.

Засѣданiе Временнаго Правительства въ Марiинскомъ дворцѣ. Присутствуютъ министры (за исключ.емъ А. И. Гучкова и Вл. Н. Львова), товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Д. М. Щепкинъ, исполняющiй обязанности министра внутреннихъ дѣлъ, и управляющiй совѣта Министровъ, членъ 1-й Государственной Думы В. Д. Набоковъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Князь Львовъ
Министръ иностранныхъ дѣлъ П. Милюковъ
Министръ земледѣлiя А. Шингаревъ
Министръ путей сообщенiя Н. Некрасовъ
Военный и Морской Министръ А. Гучковъ
Министръ торговли и промышленности Коноваловъ
Министръ народнаго просвѣщенiя А. Мануиловъ
Государственный контролеръ И. Годневъ
Министръ финансовъ Терещенко
Оберъ-Прокуроръ Св. Синода Вл. Львовъ
Министръ Юстицiи Генералъ-прокуроръ А. Керенскiй

Подписи министровъ, начертанные актомъ присяги 1-го марта с. г.

Первые дни свободы въ Петроградѣ.

Парадъ войскамъ на площади Зимняго дворца, у Александровской колонны.

этихъ тушъ и кусковъ окровавленнаго мяса онъ производитъ эту рѣзню на потѣху публикѣ. Движенія у него были мягкія и плавныя, глаза свѣтились юморомъ, и время отъ времени онъ быстрымъ движеніемъ руки вытиралъ рукавомъ носъ, съ котораго катился потъ.

— Для меня постарайся выбрать кусочекъ посмачнѣе, — сказалъ Гаспаръ. — Антрекотъ... да съ жиркомъ.

— А вы завѣдуете кухней? — спросилъ вѣжливо мясникъ.

— Да, немножко. — отвѣтилъ Гаспаръ. — Другіе не хотятъ для этого и пальцемъ шевельнуть.

Онъ произнесъ это съ гордостью, потому что хорошо зналъ, что въ ротѣ двѣ важныхъ персоны: капитанъ и кашеваръ. Ну, онъ былъ кашеваромъ.

Война для солдата, для человѣка, который находится на положеніи раба въ самомъ буквальномъ значеніи этого слова, представляетъ собою главнымъ образомъ безконечный рядъ всякаго рода физическихъ лишеній и страданій: длинные переходы съ тяжелымъ грузомъ на спинѣ, недосыпаніе, жара, холодъ, а главное, главное, голодъ, который наравнѣ со смертью является первымъ врагомъ солдата. Но развѣ солдатъ думаетъ о смерти, когда его плечи рѣжутъ ремни, на которыхъ виситъ тяжелый мѣшокъ, когда ему кажется, что ноги его налиты свинцомъ? Къ тому же смерть приходитъ часто неожиданно, и человѣкъ умираетъ моментально, безъ всякихъ страданій, тогда какъ голодъ подвергаетъ армію медленной пыткѣ изо дня въ день. Голодъ не терроризируетъ, не убиваетъ сразу. Онъ доводитъ до отчаянія, до потери разсудка. А люди, замученные голодомъ и доведенные до полнаго отупѣнія, не обращаютъ больше вниманія на тяжелые снаряды и пули непріятеля — это представляется имъ уже пустяками. И вполнѣ понятно, что солдатъ очень цѣнитъ и высоко ставитъ человѣка, который заботится о его прокормленіи, — человѣка, который даетъ ему горячую похлебку, и благодаря которому забывается усталость, преодолѣвается сонливость, приходитъ на умъ веселая шутка... выступаютъ слезы на глазахъ отъ счастья.

Гаспаръ чувствовалъ это, и его самолюбіе парижанина было польщено. Ему пріятно было сознавать, что онъ важная персона, что безъ него не обойдутся, и онъ входилъ въ роль повара и говорилъ:

— Будьте спокойны... Я вамъ приправлю это щавелемъ.

У него не было ни малѣйшей склонности къ кулинарному искусству. Правда, онъ былъ очень изворотливъ, но нѣкоторый навыкъ покупать и приготовлять улитки ничуть не помогалъ ему варить похлебку. По крайней мѣрѣ, его супы были ужасны и скорѣе походили на помои. Гаспаръ не жалѣлъ воды, и мясо его было всегда переварено. Тѣмъ не менѣе въ голосѣ его слышалось сознаніе своего достоинства, когда онъ не безъ гордости возвѣщалъ:

— Готово! Лопайте!

И солдаты, хорошо знавшіе, какимъ чувствительнымъ самолюбіемъ обладаютъ кашевары, не скупились на похвалы. Съ набитыми ртами они переставали жевать и говорили:

— Замѣчательно...

— Что, — радовался Гаспаръ, — умѣю я изворачиваться? Вѣдь мнѣ удалось-таки раздобыть масла и луку! Надо думать, что тутъ всего достаточно, разъ похлебка вышла ничего.

Солдаты наполняли себѣ желудки горячей жижицей и похваливали:

— Что и говорить... Прямо удивительно!.. Здорово!.. Ты таки молодчина!

Одного только не хватаетъ, — говорилъ Бюреттъ, — маленькой рюмочки испанскаго вина.

Онъ нѣжился, лежа врастяжку на соломѣ, ноги у него были босыя, и онъ шевелилъ пальцами, чтобы размять онѣмѣвшіе члены. Онъ задумчиво обводилъ глазами громадный сарай съ запыленными стѣнами, покрытыми плѣсенью балками и громадными паутинами, такими густыми, что нѣкоторыя изъ нихъ напоминали грязныя тряпки, свѣшивавшіяся съ крыши. Сарай изобиловалъ всякими уголками и закоулками, темными дырами, походившими на норы. Повсюду валялось сѣно, благоухающее и опьяняющее, это былъ цѣлый скошенный лугъ, сваленный въ сарай. Надвигалась ночь. Ворота сарая были закрыты, и на солдатъ падалъ лишь слабый свѣтъ сквозь щели. Въ этомъ полумракѣ головы и тѣла ихъ принимали фантастическія очертанія. Въ глубинѣ сарая нѣкоторые уже храпѣли. Гаспаръ снова запѣлъ свою игривую пѣсню про маркитантку.

Солдаты засыпали съ веселымъ смѣхомъ.

дила такое впечатлѣніе, будто она была вдали отъ сраженій: въ ней царили миръ и покой. Она была такъ же бѣдна, какъ и первая, стѣны домовъ были всѣ въ трещинахъ, на улицахъ валялся навозъ, но лѣтній день былъ такой погожій, что скрашивалъ всю эту убогость, и покосившіяся хижины скорѣе казались странными, чѣмъ жалкими.

— Гдѣ мы? — спросилъ Гаспаръ одну старуху, пытавшуюся отпереть заржавленнымъ ключомъ сѣновалъ.

— Гдѣ?.. Да у насъ, чтобъ вамъ пусто было! — ворчала старуха.

— А... далеко отъ нихъ?

— Отсюда до Меца восемь лье.

— Восемь лье! О, великолѣпно... Вѣдь мы въ резервѣ... Пока еще волноваться нечего... Эй, товарищи, послушайте, мы успѣемъ сварить себѣ добрую горячую похлебку!

На каждой стоянкѣ Гаспаръ сейчасъ же бросалъ въ какой-нибудь уголъ ружье и мѣшокъ и говорилъ: „Ну, я оставляю свои пожитки! Бюреттъ, присмотри за ними“. И онъ бѣжалъ промышлять „завтракъ“, какъ онъ говорилъ.

Въ этотъ вечеръ онъ рѣшилъ, что пойдетъ самъ на раздачу мяса, чтобы получить хорошій кусокъ. Вѣдь въ А... онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ мясникомъ, такъ неужели же тотъ не постарается угодить ему? О, это парень хоть куда!

Телѣги съ продовольствіемъ стояли на площади передъ церковью. Въ одной телѣгѣ съ навѣсомъ, устроенной въ видѣ ларька, висѣли громадныя бычачьи туши, и тамъ хозяйничалъ тотъ самый мясникъ, съ которымъ обѣдалъ Гаспаръ. Никто изъ столпившихся вокругъ ларька солдатъ не могъ безъ смѣха смотрѣть на это чудище съ бритой головой и маленькимъ уморительнымъ хохолкомъ на темени. Онъ то исчезалъ, то снова появлялся среди всѣхъ этихъ окровавленныхъ тушъ, кусковъ мяса и костей. Съ засученными выше бицепсовъ рукавами, онъ ловко снималъ туши, отрубалъ куски, взвѣшивалъ и снова вѣшалъ тушу на крюкъ. И онъ точно нырялъ въ громадное раскрытое нутро тушъ, потомъ пилилъ и рубилъ, и казалось, что среди всѣхъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жаръ-птица.

Поймана Жаръ-птица
Сильною рукой.
Надо ей свѣтлицу
Съ дверцей золотой,
Съ золотого поля
Надобно зерна,
Чтобы ночь-неволя
Не была черна:
Пышущее жаромъ,
Чтобы ни одно
Не упало даромъ
Перышко на дно.
Найдена Свобода,
Пали цѣпи въ прахъ,
Пали... У народа
Пѣсня на устахъ.
Надо гостьѣ чудной
Теремъ-теремокъ,—
Слишкомъ многолюдно,
Божій міръ широкъ.
Какъ бы на просторѣ
Вѣтромъ ей не стать
Не разгнѣвать море,
Тучи не нагнать.
Ну, какъ сгубитъ всходы
Градомъ, что серпомъ?
Добрый для Свободы
Нуженъ, братцы, домъ,
Чтобы изъ оконца
Ясною красой
Грѣла вмѣсто солнца
Осенью сырой,
А въ метель, въ сугробы,
Въ часъ ночныхъ погонь
Зажигала чтобы
У воротъ огонь,
Чтобъ плѣненнымъ глушью,
Сбившимся съ пути
Было гдѣ радушье
И пріютъ найти.

Алексѣй Липецкій.

Рядовой Николаевъ.

(Сильна, какъ смерть).

Повѣсть **П. Н. Краснова.**

(Продолженіе).

XI.

На вышкѣ, искусно устроенной между деревьевъ въ густомъ лѣсу, была установлена стереотруба, рогатый бинокль на подставкѣ, и на небольшой площадкѣ толпились командиръ Эмскаго полка, артиллерійскій полковникъ Лисенко и полковникъ Чернозубовъ, командиръ казачьяго полка, плотный мужчина съ сѣдыми усами на мѣдно-красномъ, сильно загорѣломъ лицѣ. Въ стереотрубу отчетливо были видны германскіе окопы, и было видно, какъ по нимъ справа налѣво непрерывно перебѣгали маленькія фигурки. И хотя онѣ были также одѣты во все сѣрое защитное, хотя на нихъ были фуражки безъ козырька, было ясно видно, что это не наши, что это германцы, германская пѣхота.

— Такъ и перебѣгаютъ, такъ и перебѣгаютъ,—отрываясь отъ трубы, проговорилъ полковникъ Чернозубовъ.—Накапливаются... Что же это Павелъ Николаевичъ?!

— Ничего не подѣлаешь, Семенъ Гавриловичъ. Ничего не подѣлаешь! Всякій разъ, какъ я веду боевыя операціи, мнѣ вспоминается изреченіе Клаузевица: „война—это есть работа среди сильно противодѣйствующей среды". И, вы знаете, легче самому везти по глубокому песку тяжелый возъ, нежели двигать людей въ наступленіе.

— Что же, задора, что ли, нѣтъ?

— Нѣтъ, не скажу. Но разъ залегли, окопались, явилось чувство безопасности, часто совершенно фальшивое, трудно поднять. Не встаютъ. Идутъ отдѣльные смѣльчаки. Роты разбиваются на кучки. Это уже не атаки. Нуженъ личный примѣръ офицеровъ... А офицеровъ жалко. Ихъ и такъ мало... Есть такой моментъ. Надо рѣшиться, ну, и рѣшились, и тогда пошло.

— Опять летятъ,—хмурымъ басомъ проговорилъ Лисенко.

— Гдѣ?—спросилъ Ребровъ.

— Да вонъ. Смотрите. Гусемъ летятъ въ кильватерной колоннѣ. Сколько ихъ! Разъ, два, три... еще, еще! Двѣнадцать!

— Ну, бомбы бросать будутъ,—сказалъ Ребровъ.

— Лошадей жалко. Ихъ не укроешь. У меня вчера бомба попала прямо въ урядника. И, знаете, такъ странно было. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ человѣкъ, облако дыма, огонь... И ничего. Потомъ отыскали только голову.

Первые дни свободы въ Петроградѣ. *Парадъ войскамъ на площади Зимняго дворца, у Главнаго Штаба.*

— Эти они мои батареи ищуть,—сказалъ Лисенко,—не найдутъ. Хорошо запрятаны. Надо сказать только, чтобы, кромѣ противоаэропланныхъ, пока никто не стрѣлялъ.

И Лисенко спустился внизъ.

Въ раннемъ утрѣ тихаго яснаго дня, обѣщавшаго быть жаркимъ, каждыя полминуты ударяли пушки, скрипѣлъ снарядъ и облакомъ чернаго дыма взрывался на окопахъ непріятеля.

— Вы помните въ училищѣ Сычева?—спросилъ Чернозубовъ.

— А какъ же,—отвѣчалъ Ребровъ,—его еще звали „шестидюймовый кнышъ укороченнаго образца 1866 года"... Онъ такой маленькій былъ, короткій, несуразный. Четвертой роты.

— Убитъ.

— Что вы!.. Да, жалко. Онъ славный былъ. Ну, пойду, потороплю своихъ.

И, спустившись внизъ къ телефону, онъ взялъ трубку.

— Первый батальонъ? Ну что?.. Надо, надо итти, батенька. Что? Люди не ѣли? Ничего не пропишешь. Тамъ какъ-нибудь я вамъ доставлю хлѣба... Тутъ неглубоко... Ну, попробуйте третью роту. Капитана Яковлева спрашивали?.. Говоритъ, глубоко... И топко... Ммъ!..—и Ребровъ недовольно замычалъ.

— Ну, что тамъ?—спросилъ Лисенко, только-что передавшій по телефону приказаніе не стрѣлять, пока не пролетятъ аэропланы.

— Не продвигаются. Залегли на берегу. Страшно высокій камышъ. Человѣка не видно. Наступать—боится роту растерять. Впереди вода. И лежатъ въ водѣ. Окопаться невозможно.

— Что же вы будете дѣлать?

— Да вѣдь надо итти-то впередъ.

— Ну?

— И пойдемъ,—и, взявъ снова трубку, онъ заговорилъ опять:— Второй батальонъ? Да, густыми цѣпями. Такъ внушительнѣй. Постройте въ каждой ротѣ взводную колонну и, не останавливаясь... Это ничего... Потери? Что же подѣлаешь... Вы говорите, кубанцы?.. Ну вотъ и отлично... Давай Богъ полнаго успѣха.

И, опять перемѣнивъ трубку, заговорилъ:

— Первый батальонъ!.. Кронидъ Кронидовичъ, вы? Да. Сейчасъ идетъ второй батальонъ. Онъ васъ подопретъ. Что? Пулеметы?.. Потонутъ?.. Ну что же дѣлать... Нельзя... Надо... Надо... Такъ съ Богомъ!.. Ну что аэропланы?—спросилъ онъ слѣдившаго за стойкой вражескихъ аэроплановъ Чернозубова.

— Полетѣли на югъ. Они тамъ госпиталямъ пропишутъ.

— Да, бѣдныя сестры и санитары, они вѣчныя жертвы этихъ пиратовъ.

— Да, народъ неблагородный! И, вы знаете, странный нашъ солдатъ. Такая злоба, такое негодованіе въ нихъ было къ летчикамъ за то, что они истребляютъ раненыхъ и не имѣютъ уваженія къ Красному Кресту, что клялись, коли поймаютъ германскихъ летчиковъ, повѣсить ихъ, какъ шпіоновъ. И что же? На третьей недѣлѣ наша артиллерія подбила германскій фоккеръ, и онъ снизился. Гляжу—наши святые солдатики угощаютъ летчиковъ чаемъ. Даже разсердился. „Вы что же, говорю, такіе-сякіе, онъ въ васъ бомбы швыряетъ, раненыхъ, женщинъ да дѣтей бьетъ, а вы его чаемъ..." Сконфузились. „Ужъ очень храбро леталъ, говорятъ, весь въ шрапнельныхъ пуляхъ аппаратъ..."

— А вѣдь и правда, Семенъ Гавриловичъ, въ нашемъ солдатѣ такъ много рыцарства...

— Посмотрите, какая красота! Идутъ, какъ на маневрѣ. Ахъ, да и молодцы же. И гляньте, какъ осыпаетъ ихъ шрапнелями, а, слава Богу, никто не падаетъ!—воскликнулъ Чернозубовъ.

— И мои пошли. Второй батальонъ. Увлеклись... Ну, что Богъ дастъ! Что-то Богъ дастъ!

А картина была удивительная. Густой и большой лѣсъ обрывался поляной, спускавшейся къ рѣкѣ. За поляной, вся въ камышахъ, блестѣла на утреннемъ солнцѣ пятью рукавами текущая рѣка. На одномъ изъ островковъ былъ песчаный холмъ и на немъ обсаженное старыми вѣковыми соснами кладбище, за нимъ былъ тотъ берегъ, гдѣ вдоль песчаной гряды желтѣли „его" окопы. Тамъ видна была дорога, обсаженная деревьями, большія купы старыхъ липъ господскаго сада, каменныя постройки разрушеннаго господскаго дома и кирпичное зданіе винокуреннаго завода.

Изъ-за аллеи часто бахали теперь его пушки, посылая очередь за очередью шрапнели, рвавшіяся бѣло-оранжевыми дымками надъ лѣсной опушкой.

А изъ лѣсной опушки на поляну быстрою скорою рысью высыпали казаки.

Первымъ на великолѣпномъ, рослом, гнѣдомъ венгерскомъ конѣ выскочилъ тонкій, сухой офицеръ-горецъ. Молодое безъ усовъ и бороды лицо, тонкій носъ, какъ у хищной птицы, ярко горящіе глаза, талія тонкая, вся посадка своеобразно красивая обличали въ немъ жителя горъ. Это былъ войсковой старшина Лакербай, черкесъ по происхожденію. Съ лихимъ урядникомъ-ординарцемъ, неотступно слѣдовавшимъ за нимъ, онъ широкими скачками рослой, могучей лошади пронесся черезъ лугъ, влетѣлъ въ камыши, и виденъ былъ лишь его алый башлыкъ да черная папаха; перешелъ черезъ рѣку, и среди сосенъ и песчаныхъ бугровъ сельскаго кладбища показалась на минуту его стройная, живописная фигура. Потомъ онъ и его ординарецъ скрылись въ густыхъ камышахъ.

За нимъ рысью вылетѣла одна сотня, и только голова ея колонны коснулась поляны, какъ легкимъ галопомъ вправо и влѣво стали разсыпаться въ широкую лаву казаки. Всѣ въ сѣрыхъ черкескахъ, всѣ съ алыми башлыками за спиною, всѣ въ черныхъ барашковыхъ шапкахъ съ бѣлыми верхами.

Надъ ними, за ними, среди нихъ рвались бѣлыми мячиками германскія шрапнели, а они шли, и казалось, все вниманіе ихъ было обращено на то, чтобы равняться, чтобы брать интервалы, шли рысью, стремясь въ камыши, въ рѣку.

За первой сотней вылетѣла вторая, потомъ и третья... Съ краю на вьюкахъ везли пулеметы.

Красивый стройный офицеръ съ длинными русыми усами, на великолѣпной сѣрой лошади, проскакалъ влѣво. Сейчасъ за нимъ взорвалась граната и бросила груды земли, песку и уныло визжащихъ осколковъ. Онъ и не оглянулся. И сотня его не остановилась. Метнулись въ сторону испуганныя лошади, и такъ же ровно шла сотня, и безупречно было ея равненіе. Одинъ казакъ остался лежать на пескѣ, а лошадь его бѣжала, опустивъ голову, все на томъ же мѣстѣ, равняясь съ остальными лошадьми.

И въ этомъ движеніи сотенъ, ровномъ, быстромъ и спокойномъ, въ этомъ сверканіи на солнцѣ красныхъ башлыковъ и черныхъ папахъ, въ этомъ легкомъ движеніи лошадей навстрѣчу шрапнелямъ и загоравшемуся ружейному огню было столько красоты, удали и великолѣпія, что врагъ видимо растерялся и притаился за своими буграми. И только артиллерія его стрѣляла все чаще, все нервнѣе.

Казаки, дойдя до рѣки, ринулись въ воду, перешли по крупъ лошади черезъ первый рукавъ и исчезли въ камышахъ.

И за ними, какъ стѣна, поднялся весь первый батальонъ и въ въ какомъ-то вдохновеніи бросился въ воду.

И съ нимъ вмѣстѣ вошелъ въ теплыя воды рѣки и маленькій стройный доброволецъ Николаевъ.

Вода поднялась до живота, захватила дыханіе, поднялась до груди, инстинктивно поднялъ Николаевъ руку съ ружьемъ надъ головой и побрелъ черезъ воду.

Онъ видѣлъ впереди себя мокрые, черные, блестящіе крупы лошадей, которыя уже вылѣзали на берегъ и встряхивались тамъ, и отъ тысячи мелкихъ брызгъ на солнцѣ надъ крупами ихъ играла радуга, вѣрнѣе, сотни маленькихъ радугъ.

Кругомъ, сопя и задыхаясь, ухая и охая, шли другіе солдаты третьей роты, а нѣсколько впереди Николаевъ видѣлъ такъ любимую имъ коротко остриженную голову Яковлева, который, такъ же, какъ и другіе офицеры полка, шелъ съ винтовкой въ рукѣ.

За казаками густыми и частыми цѣпями, покрывъ все поле чисто равняющимися шеренгами, шелъ второй батальонъ, за нимъ подходили къ опушкѣ лѣса третій и четвертый батальоны. Отъ начальника дивизіи по телефону передали, что лѣвѣе началась переправа эм-цевъ.

И въ этомъ стремленіи живой людской силы было что-то удивительно могучее. И какъ ни часто рвались шрапнели, какъ ни жестокъ былъ ружейный и пулеметный огонь по водѣ, люди быстро переходили рѣку.

Иногда вдругъ чья-либо голова и руки погружались въ воду... Изъ воды шли пузыри... Раненый тонулъ раньше, нежели успѣвали его подхватить товарищи.

По лазамъ, протоптаннымъ въ камышахъ казаками, шли цѣпи, спускались во второй, третій рукава, входили въ самый глубокій пятый и вылѣзали на „его" берегъ.

На пятомъ рукавѣ Николаевъ почувствовалъ, что дно уходитъ подъ его ногами, что надо плыть, а какъ поплывешь въ тяжелыхъ, набухшихъ сапогахъ, съ винтовкою въ рукѣ: онъ сдѣлалъ шагъ и ушелъ подъ воду; чья-то сильная рука схватила его за шиворотъ и вынесла на мелкое.

Онъ взглянулъ мокрыми глазами и увидѣлъ блѣдное, серьезное лицо Карпенки. Онъ никогда не видѣлъ его такимъ. Оно было бѣло, какъ бумага, и глаза стали огромными и глубоко ввалившимися. Онъ оглянулся кругомъ. И кругомъ были такія же блѣдныя лица и большіе, блестящіе, точно видящіе что-то, чего нельзя видѣть обыкновенному человѣку, глаза.

— Держись, баринъ, держись! Тутъ мелко...—проговорилъ глухимъ голосомъ Карпенко.

И было дѣйствительно мелко. Они были на томъ берегу, у непріятеля.

Первое впечатлѣніе было ужасное, томительное. Казалось, что они одни вылѣзли на берегъ, что ихъ сейчасъ всѣхъ перебьютъ, окружатъ, заберутъ въ плѣнъ. Кругомъ визжали и щелкали пули. Пули невидимыхъ враговъ. Шрапнель рвалась надъ камышами, полными людей, и ея пули со страшною силою били по камышу и косили его верхушки. И казалось, что тутъ все погибнетъ.

Николаевъ въ ужасѣ закрылъ глаза. Хотѣлъ молиться. Но молитвы вылетѣли изъ памяти, и только мысленно проговорилъ: „Господи помилуй. Пресвятая Богородица, спаси насъ. Да будетъ воля Твоя!"

Стало спокойнѣе. Залегъ со всѣми. Яростно схватился за лопату. Оглянулся кругомъ.

Влѣво, всего въ двадцати шагахъ, за маленькимъ изъ мокраго торфа сложеннымъ валикомъ лежали казачьи пулеметчики. Красные башлыки откровенно алѣли за землею, а пулеметъ непрерывно щелкалъ, и изъ него вылеталъ легкій, какъ паръ, дымокъ.

Присяга Временному Правительству: „клянусь честью солдата"... *На фронтѣ.*

Было что-то успокоительное въ этомъ щелканіи пулемета. Оглядѣлся еще разъ, вздохнулъ, легче стало на душѣ. Особенно, когда увидѣлъ, что помощникъ наводчика, казакъ, спокойно сидитъ, даже не укрываясь. Сталъ оглядываться. Дальше былъ второй, потомъ третій и четвертый пулеметы, и всѣ дымились отъ выстрѣловъ. Еще дальше лежали темныя промокшія фигуры пѣхотныхъ солдатъ. Ихъ было очень много. Длинной непрерывной линіей лежали они вдоль всего берега и уходили въ камыши. „Должно-быть, эм-цы",—подумалъ Николаевъ, вспомнивъ, что Яковлевъ говорилъ, что лѣвѣе ихъ будутъ переправляться эм-цы.

Теперь Николаевъ совершенно успокоился. Сталъ ощущать холодокъ отъ налипшаго платья, цыганскій ознобъ сталъ пронибать. Ноги и спину ломило отъ усталости. Только теперь созналъ онъ, что ему холодно, что одежда облипла его юное тѣло и стѣсняетъ его, что мокрая скатка душитъ его, а ноги въ мокрыхъ сапогахъ такъ нудно ноютъ. Опять схватился за лопату, но руки не повиновались. Тонкіе пальчики едва охватывали рукоятку лопаты, и она падала изъ рукъ.

— Баринъ, ползите ко мнѣ... услышалъ онъ шопотъ подлѣ, справа.

Онъ взглянулъ: ловкій и спорый Карпенко сильными мужицкими руками привычнаго землекопа уже ушелъ въ сырую землю, дошелъ до песчанаго грунта, укрылся совсѣмъ и теперь расширялъ окопъ для Николаева.

Николаевъ переползъ къ нему, и они легли рядомъ. Запахъ мужицкаго пота и тепло вспотѣвшаго подъ мокрой одеждой Карпенки охватили его. Они лежали другъ подлѣ друга и согрѣвались. Окопъ совершенно укрывалъ ихъ отъ пуль, которыя нѣтъ-нѣтъ да и проносились надъ головами. Чуть приподнявъ голову, Николаевъ видѣлъ, что всѣ кругомъ окапывались и уходили въ мокрую вязкую землю. Солдаты не походили на людей. Илъ и глина облѣпили сильно намокшія рубахи и шаровары, лица были запачканы грязью, мокрыя сморщенныя фуражки грязными блинами лежали на головахъ.

Впередъ не было ничего видно. Берегъ поднимался полого наверхъ, и было видно только сначала мокрый лугъ, на которомъ окапывались, да полоски песка, поросшаго рѣдкою, наполовину скошенною рожью. Непріятель былъ невидимъ. Сзади въ камышахъ копошились люди. Иногда оттуда слышались стоны. Тамъ стучали топоры. Третій и четвертый батальоны наводили мосты.

Сколько прошло времени, который теперь можетъ быть часъ, Николаевъ не соображалъ. Онъ ощущалъ пріятное тепло отъ солнечныхъ лучей и отъ горячаго Карпенки, который то лежалъ подлѣ, тяжело дыша, то становился на колѣно и сильными бросками лопаты выкапывалъ изъ-подъ себя мокрый песокъ и бросалъ его впередъ, расширяя брустверъ.

Казачьи пулеметы то затихали, то снова начинали свою суетливую дробь. И когда они затихали, чаще свистали пули, а когда они стрѣляли, то противникъ переставалъ стрѣлять.

Николаевъ пытался сообразить и вспомнить все, что произошло за этотъ день.

Пошли они до разсвѣта. Было восемь часовъ, когда подошли къ рѣкѣ. Потомъ пролетали аэропланы. Кто-то, кажется, Сорока, сказалъ еще: „какъ поздно нынче, уже девять часовъ!"... А потомъ... А потомъ шли черезъ рѣку, пробирались сквозь камыши, опять спускались въ воду. Было это долго или нѣтъ? Нѣсколько часовъ или нѣсколько минутъ?

Николаевъ взглянулъ на солнце. Оно было высоко и немилосердно палило своими лучами. Но отъ этихъ лучей высыхала его одежда и сапоги.

— Который теперь можетъ быть часъ?—спросилъ Николаевъ у Карпенки.

— Да за два,— отвѣчалъ тотъ, поглядѣвъ на небо. Вишь солнышко переваливаетъ къ „нему".

Какъ скоро прошло время! И отъ сознанія, что день уже перевалилъ за полдень, и прошло время обѣда, захотѣлось ѣсть.

Должно-быть, тѣ же мысли пришли на умъ и Карпенкѣ, потому что онъ досталъ изъ сумки жестянку съ мясомъ и ловко вскрылъ ее.

— Баринъ, хотите?

— У меня есть,—отвѣчалъ Николаевъ.

— Теперь можно. Теперь кухню сюда не скоро подадутъ.

— А что же мы?..

— Будемъ лежать. Окапываться надоть ладнѣе. Какъ бы онъ въ атаку не перешелъ.

Николаевъ пальцами доставалъ изъ жестянки тушоное мясо. И какимъ вкуснымъ казалось оно ему.

Новая присяга.

„Клянусь честью офицера (солдата и гражданина) и обѣщаюсь передъ Богомъ и своею совѣстью быть вѣрнымъ и неизмѣнно преданнымъ Россійскому Государству, какъ своему отечеству. Клянусь служить ему до послѣдней капли крови, всемѣрно способствуя славѣ и процвѣтанію Русскаго Государства. Обязуюсь повиноваться Временному Правительству, нынѣ возглавляющему Россійское Государство, впредь до установленія образа правленія волею народа при посредствѣ Учредительнаго Собранія. Возложенный на меня долгъ службы буду выполнять съ полнымъ напряженіемъ силъ, имѣя въ помыслахъ исключительно интересъ Государства и не щадя жизни ради блага отечества. Клянусь повиноваться всѣмъ постановленнымъ надо мною начальникамъ, чиня имъ полное послушаніе во всѣхъ случаяхъ, когда это потребуетъ мой долгъ (офицера, солдата, гражданина) передъ отечествомъ. Клянусь быть честнымъ, добросовѣстнымъ, храбрымъ (офицеромъ, солдатомъ), не нарушать своей клятвы изъ-за корысти, родства, дружбы и вражды. Въ заключеніе данной мною клятвы осѣняю себя крестнымъ знаменіемъ и нижеподписываюсь".

Присяга Временному Правительству: „въ заключеніе данной мною клятвы осѣняю себя крестнымъ знаменіемъ и нижеподписываюсь". *На фронтѣ.*

Въ дни революціи въ Москвѣ. *Раздача „Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ".*

— Погоди, баринъ, темно станетъ, мы до луны и чайку согрѣемъ. Теперь луна раньше полночи не встанетъ.

— А какъ же непріятель?—спросилъ Николаевъ.

— Что непріятель?—спросилъ Карпенко такимъ тономъ, будто разговоръ шелъ про добраго сосѣда. И онъ себѣ „каву" варить будетъ. Вы о немъ не думайте, и онъ не станетъ думать.

— А какъ же атака?

— Погоди, баринъ. На голодное брюхо солдатъ не пойдетъ. Сперва накормить надо. Еще и развѣдчики не ходили. Это дѣло не скорое.

— Да вѣдь мы близко отъ него? спросилъ Николаевъ.

— Шаговъ пятисотъ не будетъ. Вотъ пуля его не визжитъ даже, а прямо щелкаетъ. Близко. Да не подойдешь. Вишь, какъ открыто. Развѣ что ночью.

Консервы были съѣдены, и Николаевъ лежалъ съ Карпенкой и прислушивался къ перестрѣлкѣ, къ артиллерійскому жестокому бою, къ свисту пуль. „Та, что просвистала, та не тронетъ",—вспоминалъ онъ. Иногда пуля щелкала съ силой по песку бруствера, зарывалась въ него, иногда разрывная съ трескомъ въ немъ лопалась, но задѣть закопавшихся въ землю солдатъ пули уже не могли.

— А ночью,—говорилъ Карпенко, мы и отъ шрапнели закопаемся.

Мимо проползла мокрая, темная фигура. Она ползла впередъ и въ ней Николаевъ узналъ Яковлева.

— Гляньте, баринъ, ротный нашъ. На развѣдку, значитъ. Ничего онъ не боится. То-есть вотъ ничего ровно... И пуля его не беретъ. Заговоренный...

Прилегши подъ бруствером, широко раскрытыми влюбленными глазами женщины слѣдилъ Николаевъ за каждымъ движеніемъ капитана. Вотъ онъ уперся локтями о землю, вотъ изогнулся всѣмъ тѣломъ, оперся носками о кочку, выпрямился и подался впередъ на всю длину своего тѣла. И опять и опять, нервно, быстро, сильно.

„Какъ не боится онъ! — думаетъ Николаевъ. — Пули свистятъ и щелкаютъ. Здѣсь въ землѣ страшно, лежать, укрывшись бруствером, укрывшись этимъ валикомъ песка и торфа, а онъ совсѣмъ открытый. Боже, какъ страшно и... какъ хорошо!"

Тогда, когда сквозь ихъ лежащія цѣпи проносились казаки на своихъ могучихъ караковыхъ и гнѣдыхъ лошадяхъ и бросались въ рѣку, въ брызги разбивая воду, тогда они казались сверхъестественными героями... Въ нихъ была красота, удаль и молодечество!

Теперь этотъ грязный, облѣпленный иломъ и пескомъ, мокрый до послѣдней нитки офицеръ, одиноко ползшій по скату луга, туда, гдѣ начинался песокъ, къ той полосѣ, откуда будетъ видно „его", показался ей красивѣе въ своемъ одинокомъ, молчаливомъ подвигѣ, чѣмъ всѣ всадники міра, чѣмъ всѣ блестящіе рыцари средневѣковья.

И раньше Николаевъ слышалъ разговоры и разсказы о тяжелой службѣ пѣхоты, о подвигахъ ротныхъ командировъ, но никогда онъ не думалъ, что этотъ подвигъ такъ величаво простъ и такъ красивъ.

„О, милый! милый!.. Храни Тебя Господь! Обороны святымъ покровомъ Пречистая Матерь... Какъ я люблю тебя! Прекрасный рыцарь! Герой! Чего бы ты ни потребовалъ отъ меня, чего бы ни попросилъ, я все исполню для тебя, мой великолѣпный, дорогой. Любовь моя!"

А грязная, заваленная иломъ и пескомъ, въ черной отъ воды рубахѣ и штанахъ, фигура человѣка ползла и ползла къ самому краю горизонта. И вотъ легла и смотритъ въ бинокль.

Кругомъ щелкаютъ пули. Ихъ видно по тѣмъ дымкамъ песку, которые онѣ поднимаютъ.

Но почему у Николаева такъ сильно бьется сердце, почему похолодѣли руки и ноги, почему румянецъ то сбѣжитъ съ лица, то снова пурпуромъ зальетъ свѣжія отъ воды щеки? Почему почти вылѣзъ онъ изъ окопа и смотритъ своими большими, чудными, голубыми дѣвичьими глазами все въ одну точку, все на него?..

Да потому, что онъ любитъ его... Любитъ давно своимъ еще не знавшимъ любви дѣвичьимъ сердцемъ, любитъ и готовъ отдать ему все свое женское „я" и стать рабою его такъ полно, какъ можетъ покориться мужчинѣ только женщина.

Вотъ теперь въ эти минуты, когда Николаевъ смотритъ на капитана, лежащаго одиноко подъ пулями, онъ сознаетъ во-всю, сознаетъ, что во всемъ мірѣ для него есть только одно существо, ради котораго стоитъ жить, и это существо—Владиміръ Петровичъ Яковлевъ.

— Любовь моя!—тихо шепчетъ Николаевъ и чувствуетъ, что это шепчетъ не рядовой Николаевъ, а милая, чистая дѣвушка Татьяна Николаевна.

Онъ всталъ. Онъ бѣжитъ зигзагомъ подъ горку, а бѣшеный огонь его провожаетъ. Онъ спрятался сзади въ небольшую яму. Тамъ у него уже есть телефонъ...

— Спасенъ...

— Штабъ полка?.. Штабъ полка?.. Вы, господинъ полковникъ?.. Да... Шестьсотъ шаговъ. Нѣтъ. Проволоки нѣтъ. Можетъ-быть, кое-гдѣ одинъ рядъ. Что? Невозможно. Надо накормить людей. Да... Окопались. Полежимъ въ болотѣ. Мокро? Нѣтъ. Я думаю, на разсвѣтѣ лучше. Теперь? Нѣтъ. Не подымешь. Устали. Голодные. Вы подвозите кухни къ рѣкѣ. Что мостки? Хорошо. Казаки строятъ мостъ? Отлично... Буду ждать... Не подсчитывалъ. Немного. Человѣкъ двадцать. Въ камышахъ много лежитъ. Надо послать санитаровъ. Да. Дурное впечатлѣніе. Покормимъ, тогда пойдемъ. Возьмемъ... Понимаю... Покорно благодарю... Радъ стараться... Да, мы первые. Мы и кубанцы... Понимаю... Слушаю... Хорошо... Счастливо оставаться.

— Вишь ты! Я знаю,—говоритъ Карпенко, онъ душу нашу понимаетъ отлично. Покорми, тогда и айда впередъ... А то какъ же на голодное брюхо. Ну, ложитесь, баринъ. Подремлемъ, пока кухня придетъ...

Карпенко укладывается комочкомъ и засыпаетъ.

„Какъ спать, какъ спать теперь, думаетъ Николаевъ, когда міръ такъ дивно прекрасенъ? Когда есть герои на землѣ, и когда этотъ герой—мой ротный командиръ. Мой милый Владиміръ Петровичъ..."

Артиллерія бьетъ теперь сосредоточеннымъ огнемъ по рѣкѣ, гдѣ казаки и пѣхотные саперы наводятъ мостъ. Наша отвѣчаетъ по его окопамъ, да то умолкаютъ, то снова трещатъ казачьи пулеметы...

А день идетъ и идетъ, и солнце уже свѣтитъ въ глаза, и сумерки надвигаются, страшныя сумерки вблизи отъ непріятеля, въ открытомъ полѣ. Сумерки, а затѣмъ и ночь въ бою...

— Боже! Какъ я люблю его! шепчетъ Николаевъ и свертывается комочкомъ подлѣ Карпенки.

Кислый, прѣлый мужицкій запахъ охватываетъ его, давитъ горло. Но усталость беретъ свое, и онъ засыпаетъ крѣпкимъ сномъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ночь, въ которую не стрѣляютъ.

Разсказъ **В. Свѣтлова.**

Тѣсно въ халупѣ. Воздухъ такой, что не дай Господи! И немудрено: на пространствѣ шести квадратныхъ аршинъ помѣщаются: начальникъ боевого участка, старый подполковникъ; при немъ полевой адъютантъ, телефонистъ у трубки, баба-хозяйка, двое ея дѣтей въ коростѣ, кошка и собака. И всѣ неистово курятъ, кромѣ, конечно, бабы, ребятъ и животныхъ. Всѣ жизненныя функціи совершаются тутъ же, безъ всякаго стѣсненія, съ первобытной простотой, на глазахъ другъ друга: моются, одѣваются, ложатся спать, варятъ пищу... Баба чиститъ картофель, который съ трудомъ находитъ въ опустошенныхъ поляхъ, и дѣлаетъ изъ него какую-то весьма непривлекательную тюрю. Это и есть обѣдъ ея и дѣтей, а иногда и ея гостей—двухъ-трехъ бабъ, халупы которыхъ сожжены снарядами или окончательно пришли въ негодность, вслѣдствіе разобранныхъ соломенныхъ крышъ, отсутствія стеколъ въ окнахъ или пошедшихъ на топливо дверей. Бабы приходятъ къ хозяйкѣ на обѣдъ. Ѣдятъ молча, истово, сосредоточенно, какъ бы отправляютъ нудную, но необходимую службу. Мы ихъ подкармливаемъ, чѣмъ можемъ. Въ особенности дѣтей: блѣдныхъ, заморенныхъ, больныхъ, съ нездоровымъ кашлемъ и зеленоватымъ цвѣтомъ кожи, покрытой коростой. Бѣлые, какъ ленъ, волосы, давно немытые, свалялись въ комки, воспаленные бѣлки глазъ красны, и тяжелый, не дѣтскій взоръ у дѣтей. Мы имъ даемъ нашихъ щей хоть что-нибудь горячее!—много чаю, а если есть леденцы или что-нибудь сладкое, то и это въ изобиліи.

Женщины тяжело молчатъ. Иногда вздохнутъ, скажутъ: „Господи Іисусе!“ и замолчатъ. Жутко молчатъ. Иногда съ утра до вечера. Дважды прошли наши и австрійскія войска по ихъ полямъ. Все, что можно было съѣсть,—съѣдено и уничтожено. Имъ платятъ. По крайней мѣрѣ, мы платимъ, а какъ австрійцы—не знаю. Но что сдѣлаешь съ этими желтыми и зелеными бумажками, когда купить на нихъ нечего да и негдѣ!

Война!

„Человѣки“ ихъ забраны австрійцами. Остались старики и дѣти подъ начальствомъ войта, выжившаго изъ ума старика, который представляется нѣмымъ или глухимъ, смотря по обстоятельствамъ.

Молчатъ бабы. Да и какъ имъ говорить при насъ? И о чемъ? О своихъ мужьяхъ и братьяхъ, которые сражаются противъ насъ? Друзья мы или враги для этихъ бабъ? Мы ихъ кормимъ и поимъ, жалѣемъ ихъ дѣтей. Но вѣдь халупы-то ихъ разорены, поля не убраны и обезображены безконечными окопами, волчьими ямами, колючей проволокой, кольями, воронками отъ тяжелыхъ снарядовъ, шрапнельными стаканами, неразорвавшимися гранатами. Мы не желаемъ зла этимъ бабамъ и старикамъ, это-то они видятъ и чувствуютъ. Но вѣдь безъ насъ они жили мирно и сносно. А вотъ мы пришли и отобрали у нихъ мужей и братьевъ. Недавно въ полѣ ребятишки возились съ найденной гранатой: мальчику оторвало два пальца на лѣвой рукѣ, а дѣвочкѣ размозжило пятку. Мы ихъ отправили на перевязочный пунктъ, а оттуда въ городъ. На прошлой недѣлѣ наши развѣдчики поймали собаку, прибѣжавшую „съ той стороны“ съ запиской къ войту. Войтъ написалъ свою записочку, и собака побѣжала обратно. Когда она вновь вернулась оттуда, то ее застрѣлили, а войта отправили подъ конвоемъ въ тылъ. Бабы плакали по войтѣ, а ребятишки по собакѣ.

Передъ „штабной“ халупой на версту тянется кукурузное поле. Въ концѣ его идутъ окопы примитивной профили. Въ окопахъ сидятъ наши всадники. Изрѣдка узкая линія окопа расширяется и углубляется въ землю. Это норки-землянки для офицеровъ. Проволоки нѣтъ передъ окопами. Въ нѣсколькихъ шагахъ впереди, въ какихъ-то низкихъ, колючихъ кустахъ скрыты наши секреты. Далѣе идетъ „нейтральная зона“, не ихняя и не наша,—а за нею въ обратномъ порядкѣ: секреты противника, его окопы, а за ними верстахъ въ полутора большая деревня или мѣстечко съ высокой фабричной трубой, а справа—кладбище.

Между нашими и ихними окопами много непогребенныхъ труповъ австрійцевъ. Въ самыхъ невѣроятныхъ скрюченныхъ позахъ. Можетъ-быть, ближе къ ихъ окопамъ, есть и наши

Въ дни революціи въ Москвѣ. *На Красной площади. Парадъ войскамъ.*

Подполковникъ, благочестивый человѣкъ, рѣшилъ предать землѣ этихъ „забытыхъ". Но какъ это сдѣлать? Едва кто высунется на нейтральную зону изъ окопа, такъ и прожужжитъ мимо него проклятая пуля, а то вдругъ и шрапнелью угодятъ: тогда еще „у нихъ" было, видимо, много снарядовъ, и они не жалѣли ихъ даже для отдѣльнаго человѣка.

Думали, рѣшали и остановились на томъ, чтобы послать „имъ" записку.

Написали:

„Австрійцы! Между вашими и нашими окопами лежитъ много труповъ непогребенныхъ героевъ. Мы—враги, но какъ мы, такъ и вы—христіане. Предадимъ землѣ павшихъ за родину. Мы не будемъ стрѣлять по вашимъ рабочимъ, а вы не стрѣляйте по нашимъ. Начальникъ русскаго боевого участка".

Написали мы это по-нѣмецки на большомъ листѣ бумаги, прикрѣпили его къ шесту. Вызвалось двое охотниковъ. Соорудили бѣлый флагъ и понесли плакатъ на нейтральную зону. Распорядились по линіи, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ не стрѣлять. Смотримъ въ бинокли изъ окоповъ. Тучи, густыя, свинцовыя, мрачныя низко ползутъ по горизонту, и на ихъ темномъ фонѣ рѣзко бѣлѣетъ полотнище парламентерскаго флага. Чернѣютъ все уменьшающимися силуэтами наши охотники. Зашевелились у противника въ окопахъ. Выскочили люди, съ любопытствомъ смотрятъ въ бинокли. Не стрѣляютъ. Охотники дошли до середины нейтральной зоны и водрузили въ землю шестъ съ плакатомъ. И ушли. Ни одной пули не прожужжало въ воздухѣ.

Подполковникъ еще разъ послалъ ординарцевъ по боевой линіи со строгимъ приказаніемъ не стрѣлять.

И опять смотримъ въ бинокли изъ окоповъ. Вотъ собралась на той сторонѣ кучка людей и отправилась къ шесту. Сняли шестъ съ плакатомъ и унесли. Тѣмъ все и кончилось на сегодняшній день.

Къ вечеру сильно засвѣжѣло. Подулъ рѣзкій вѣтеръ.

Ночью было жутко, безмолвно. Ни одного выстрѣла. Только вѣтеръ пронзительно свисталъ надъ полями.

Къ утро небо казалось уже сплошной свинцовой стѣной. Вѣтеръ, постепенно превращаясь въ ураганъ, дико носился по полямъ. Ходуномъ-ходило поле, и земля словно дрожала.

И вотъ надъ непріятельскимъ окопомъ поднялось два силуэта. Они несли длинный шестъ съ придѣланной къ нему доской. У одного изъ нихъ былъ бѣлый флагъ. Вѣтеръ неистово рвалъ его изъ стороны въ сторону.

И начальникъ боевого участка вновь, въ третій разъ, отдалъ по телефону распоряженіе на участки не стрѣлять и для вѣрности разослалъ еще ординарцевъ.

Но когда австрійцы стали укрѣплять отвѣтный шестъ, въ воздухѣ пронесся подозрительный звукъ.

—Вжж...

Мы такъ и ахнули.

Такъ и есть: изъ какой-то винтовки вырвалась пуля и помчалась по полю. Одинъ изъ австрійцевъ зашатался, качнулся раза два и упалъ вмѣстѣ съ шестомъ. Потомъ поднялся при помощи товарища и побрелъ во-свояси. Казалось, онъ ползъ на четвереренькахъ. Шестъ остался лежать на полѣ.

— Ахъ... чтобъ ихъ разорвало!—выругался подполковникъ.— Я такъ и зналъ. Три раза приказывалъ—и вотъ! Развѣ всадника нашего удержишь?! Теперь „они" въ правѣ считать насъ предателями и думать, что мы имъ устроили ловушку. Вѣдь этакая гадость!.. Тищенко!—сказалъ онъ телефонисту,—спроси по участкамъ, чтобы мнѣ немедленно донесли, какой негодяй стрѣлялъ.

Но это такъ и не выяснилось. Гдѣ же?! Люди разставлены рѣдко, далеко другъ отъ друга. Ихъ мало, а боевая линія длинная-длинная.

— Ну, теперь надо ждать мщенія,—проворчалъ подполковникъ.—И по-дѣломъ!

Но, къ удивленію, ни одного выстрѣла не раздалось отъ противника. Такъ прошелъ часъ и другой, такъ прошелъ и весь день.

— Плохо,—нахмурившись, проговорилъ подполковникъ.—Вовсе плохо. Что-нибудь затѣваютъ. Надо быть на чеку.

Наступила ночь. Зловѣщая, безмолвная ночь. Буря стихла. Молча, безвѣтренно и тяжело тащились по небу уставшія тучи. Словно и въ нихъ таился какой-то заговоръ.

Ничего не можетъ сравниться съ жутью ночи, въ которую не раздается ни одного выстрѣла. Люди-враги стоятъ другъ противъ друга, бодрствуютъ и безмолвствуютъ. Тишина растетъ, крѣпнетъ и похожа на таинственную пропасть, наполненную жутью. Нервы, зрѣніе, слухъ напрягаются до болѣзненнаго обостренія. Все время прислушиваешься къ молчанію. Чувствуешь, что тамъ, за этой черной завѣсой ночи сидятъ, притаившись, люди и замышляютъ что-то недоброе. Не дай Богъ пережить на войнѣ ночь, въ которую не стрѣляютъ.

Но, слава Богу, ночь прошла. Около пяти часовъ утра забрезжилъ смутный зимній разсвѣтъ, безъ солнца, безъ свѣта, а такъ, съ какимъ-то разлитымъ въ сѣромъ воздухѣ мерцаньемъ.

Всѣ въ халупѣ дремали одѣтые. Мучительная ночь!

Какой-то заглушенный трескъ. Тищенко выбѣжалъ на маленькій дворъ, окруженный навѣсами, подъ которыми спали вѣстовые при офицерскихъ лошадяхъ. Внизу, въ лощинкѣ, стояли кони, а коноводы, медленно и тяжело просыпаясь, разводили въ защищенныхъ и скрытыхъ отъ непріятельскихъ взоровъ укромныхъ мѣстечкахъ костры, надъ которыми грѣли въ котелкахъ воду. Изрѣдка ржали лошади.

Тищенко глянулъ на небо. Оттуда шелъ трескъ.

— Такъ оно тебѣ и есть: еропланъ.

Вернувшись въ халупу, онъ сталъ будить подполковника и полевого адъютанта:

— Еропланъ, ваше высокоблагородіе!

— Ага,—пробормоталъ начальникъ боевого участка.

— Такъ тошно. Надъ дворомъ, стало-быть. И надъ коноводами. Кружитъ, что ястребъ. И пущаетъ красный дымъ.

— Эге!—проговорилъ подполковникъ.—Сигнализируетъ.

— Не безъ того.

— Ну-ка, проснитесь,—затормошилъ подполковникъ полевого адъютанта.—Сейчасъ начнутъ крыть...

— Ба-банъ... тррахъ...

Надъ самой крышей разорвалась шрапнель. Характерный бѣлый съ краснымъ дымокъ, въ видѣ густого облачка, долго стоялъ на темно-сѣромъ фонѣ зимнихъ тучъ. И не хотѣлъ расходиться. А за первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй. А за нимъ еще нѣсколько разрывовъ. Крыша уцѣлѣла, разрывало шрапнель въ сторону. Оставаться въ халупѣ становилось опаснымъ. Мы бросились къ дверямъ, но, какъ только стали на порогѣ, въ самую середину двора шлепнулась граната и, зашипѣвъ, зарылась на излетѣ въ землю, не разорвавшись.

Женщины плотно сжали губы и съ удивительнымъ равнодушіемъ принялись за обычное занятіе—чистку „барабули". Дѣтишки съ любопытствомъ посматривали на разрывы въ окошко. Никто не произнесъ ни слова—ни ругательства, ни молитвы.

Аэропланъ, какъ хищная птица, кружилъ надъ дворомъ и коноводами. Крыли здорово. Мы стояли на порогѣ и наблюдали этотъ адъ. Больше дѣлать было нечего и податься некуда.

— Вотъ она месть-то,—проговорилъ подполковникъ.—И какъ имъ не жаль только снарядовъ.

— Ты считаешь?—спросилъ начальникъ боевого участка телефониста.

— Такъ тошно. Сто двадцать три снаряда легло.

— Экъ ихъ!—проворчалъ подполковникъ.—Каково освирѣпѣли!

— Очченно разобидѣлись,—подтвердилъ Тищенко.

— А нитка цѣла?—полюбытствовалъ полевой адъютантъ.

— Сейчасъ гудѣли на участокъ. Дѣйствуетъ.

— Ну, давай срочное донесеніе.

Тищенко ушелъ въ халупу, соединился со штабомъ дивизіи и донесъ:

„Съ шестого часа утра противникъ открылъ артиллерійскій огонь по телефонной халупѣ участка. Выпущено болѣе ста двадцати снарядовъ. Загорѣлась сосѣдняя халупа. Двѣ лошади ранены. Потерь людьми нѣтъ".

И вдругъ обстрѣлъ прекратился. Аэропланъ улетѣлъ. Зря стрѣляли въ него изъ винтовокъ. Австрійцы, исполнивъ задачу мщенія, замолчали. Сосѣдняя халупа быстро сгорѣла. Мы обошли дворъ и сосѣднія поля. Все изрыто воронками; всюду валяются стаканы, много неразорвавшихся гранатъ. Раненыхъ лошадей эвакуировали. Мы вернулись къ себѣ въ халупу. Бабы „обѣдали". Мы принялись пить чай. Всѣ молчали; какъ-то не говорилось. Да и о чемъ же говорить?

Война!

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" книга 41.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1917 г.
№ 16
Выданъ 22-го апрѣля 1917 г.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVIII г.
изданія
Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается соч. Сервантеса „Донъ-Кихотъ“, кн. 3.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Контора журнала „Нива“, объявивъ въ 1915 году о продажѣ подписчикамъ „Нивы“ двухъ картинъ-олеографій проф. К. Е. Маковскаго: „Бабушкина сказка“ и „Гаданье“, получила такое большое количество требованій на эти картины, что вторая изъ нихъ „Гаданье“ была быстро распродана. Этотъ успѣхъ далъ Конторѣ журнала „Нива“ увѣренность, что значительная часть подписчиковъ, **не получившая своевременно художественныхъ премій, дававшихся въ прежніе годы въ приложеніе къ журналу „Нива“, нынѣ** пожелала бы **восполнить этотъ пробѣлъ и** выписать отдѣльныя картины и художественныя произведенія изъ богатой коллекціи премій „Нивы“ прежнихъ лѣтъ.

Идя навстрѣчу этому желанію подписчиковъ, Контора журнала „Нива“ рѣшила предоставить право за плату получить слѣдующія художественно исполненныя картины, печатанныя масляными красками и красками съ акварелей и офорты:

I. **Художеств. альбомъ „Нивы“**, въ изящной папкѣ 10 × 8 в.—выпускъ II-ой, 1892 г. Въ выпускѣ 10 акварелей извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ: **И. К. Айвазовскаго** „Лунная ночь на берегу Чернаго моря на Кавказѣ“, **А. Н. Бенуа** „Вечеръ“, **А. П. Боголюбова** „Морской каналъ въ Петербургѣ“, **Д. Н. Дмитріева-Оренбургскаго** „У колодца“, **Н. Зихеля** „Фатьма“, **А. М. Котляревскаго** „Спряталась“, **Н. А. Кошелева** „Изъ дѣтства Петра Великаго“, **Л. Ф. Лагоріо** „Близъ Ай-Петри въ Крыму“, **К. Е. Маковскаго** „Бояринъ“ и **В. И. Навозова** „У яблоковъ“. Цѣна альбома 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

II. **Картина, печатанная масляными красками:** „Бабушкина сказка“, проф. **К. Е. Маковскаго**, 14½ × 18½ в. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

III. **Картины, печатанныя красками съ акварелей:**

1) „Свиданіе въ осажденномъ городѣ“ **М. Зичи.** Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к.

2) „Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники“ и „Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти“, двѣ картины проф. **А. Д. Кившенко**, 14 × 10½ в. Цѣна обѣихъ картинъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

3) „Черкесы въ горахъ“, картина академика **П. Н. Грузинскаго** и „Неро-фіордъ въ Норвегіи“, картина художн. **Расмуссена**, 11½ × 8¾ в. Цѣна обѣихъ картинъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

IV. **Офорты на цинкѣ.** „Дубовая роща Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ“ и „Лѣсная рѣчка“, проф. **И. И. Шишкина**, 11½ × 8¾ в. Цѣна обоихъ офортовъ на цинкѣ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

При совмѣстной выпискѣ двухъ и трехъ картинъ пересылка обойдется въ 75 коп., а четырехъ и болѣе картинъ въ 1 рубль.

2 внутренній 5% съ выигрышами заемъ 1866 г. 102 тиражъ 22-го марта 1917 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
18	14	500	1985	7	500	4363	34	500	6533	49	500	8240	46	500	10416	35	500	12015	27	500	13939	5	500	15996	16	500	17888	7	500
18	37	500	1995	43	500	4441	14	500	6544	23	500	8252	5	500	10451	34	500	12276	32	500	13976	2	500	16004	4	500	17888	36	500
70	31	500	2129	22	500	4454	5	500	6695	37	500	8276	11	500	10523	48	500	12281	33	500	13988	49	500	16036	37	500	18047	45	500
128	35	500	2291	10	500	4470	20	500	6714	14	500	8288	14	500	10620	9	1000	12300	15	500	14140	50	500	16109	18	500	18253	27	5000
293	37	500	2306	15	500	4495	48	500	6714	36	500	8288	44	500	10663	37	500	12319	40	500	14149	6	500	16181	8	500	18256	3	500
303	33	500	2352	33	500	4523	45	500	6786	50	8000	8407	11	1000	10664	31	500	12402	1	500	14194	37	8000	16292	6	500	18258	16	500
323	37	500	2375	18	500	4532	44	500	6915	32	500	8454	27	500	10757	8	500	12431	41	500	14284	12	500	16499	40	500	18332	13	500
400	17	500	2378	31	500	4638	10	500	6925	11	500	8570	35	5000	10785	3	500	12512	43	500	14284	15	500	16511	41	500	18354	21	500
432	16	500	2542	27	1000	5051	1	500	6956	13	500	8603	32	500	10817	8	500	12534	45	500	14476	38	500	16682	18	500	18506	35	500
436	5	500	2614	13	500	5060	41	500	6956	46	500	8739	20	500	10973	38	500	12535	46	500	14553	16	500	17033	45	500	18615	23	500
571	24	1000	2919	5	500	5083	19	500	7105	8	500	8782	24	500	11001	18	500	12727	47	500	14576	40	5000	17060	7	500	18792	36	500
682	16	5000	3026	27	500	5110	45	500	7179	30	500	8790	48	500	11007	30	500	12752	42	500	14784	32	500	17185	50	500	18828	12	500
688	22	500	3044	7	500	5143	34	500	7216	38	500	8831	45	1000	11078	1	500	12817	23	500	14802	37	500	17191	1	500	18828	33	500
715	23	500	3078	40	500	5322	6	500	7375	5	500	8909	14	500	11078	30	500	12819	24	5000	14970	24	1000	17201	23	500	18868	42	500
754	47	500	3101	38	500	5362	2	1000	7395	27	500	8923	19	500	11079	36	500	12932	47	500	15044	33	8000	17234	46	500	18954	50	500
883	30	500	3117	33	500	5470	32	500	7438	41	500	9059	49	500	11203	3	500	13096	48	500	15163	8	500	17296	18	1000	18964	5	500
897	41	500	3154	42	500	5597	36	500	7448	45	1000	9274	49	75000	11240	37	500	13125	41	500	15209	16	500	17305	48	500	18964	41	500
898	13	500	3199	40	500	5643	15	500	7453	23	1000	9289	21	500	11308	11	500	13219	8	500	15212	9	500	17307	9	500	19034	36	500
922	30	500	3221	46	500	5740	24	1000	7520	48	500	9296	41	500	11363	49	500	13233	18	500	15248	27	500	17350	15	500	19083	47	500
937	12	500	3231	33	500	5847	22	500	7626	12	500	9296	47	500	11372	9	1000	13252	36	5000	15269	16	1000	17433	32	500	19163	48	500
969	9	500	3417	33	500	5855	6	5000	7687	26	500	9402	35	25000	11374	39	500	13268	38	500	15384	8	500	17457	43	10000	19225	28	500
969	35	1000	3421	2	500	5864	12	500	7711	9	8000	9427	16	500	11557	33	500	13314	9	1000	15537	25	10000	17494	13	500	19366	36	500
1425	38	500	3464	29	1000	5926	15	500	7773	50	500	9448	13	1000	11600	30	500	13371	25	1000	15560	8	500	17534	44	500	19560	14	500
1551	3	500	3507	30	500	5970	31	500	7801	21	500	9588	42	1000	11604	26	10000	13380	43	500	15624	42	500	17540	9	500	19587	42	500
1602	25	500	3524	33	500	6043	2	500	7809	38	500	9·52	46	200000	11638	12	500	13434	1	500	15699	12	500	17600	18	500	19593	40	500
1622	17	500	3694	14	500	6102	26	500	7838	2	500	10259	11	500	11667	7	500	13441	36	500	15743	4	500	17703	15	500	19643	34	500
1628	8	500	3702	26	500	6205	48	500	7906	19	500	10277	4	500	11806	37	500	13522	13	500	15760	45	500	17704	14	500	19676	9	500
1695	33	500	3886	40	500	6245	22	8000	7920	47	500	10281	36	500	11809	12	500	13533	23	500	15802	37	5000	17707	45	500	19856	47	500
1953	19	500	3908	31	40000	6412	7	500	7956	5	500	10354	17	500	11878	34	500	13729	38	500	15956	3	500	17732	6	500	19857	23	500
1976	35	500	3948	8	500	6506	49	500	8018	9	500	10382	38	500	11989	29	500	13782	28	500	15981	7	1000	17732	24	500	19865	50	500

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія: 24, 92, 105, 148, 204, 237, 264, 460, 519, 542, 560, 624, 642, 644, 684, 715, 853, 969, 994, 1000, 1058, 1195, 1223, 1228, 1239, 1335, 1576, 1829, 1948, 1955, 1972, 2052, 2064, 2096, 2287, 2310, 2350, 2398, 2456, 2598, 2603, 2658, 2665, 2698, 2699, 2719, 2724, 2925, 3136, 3468, 3563, 3657, 3723, 3912, 4042, 4120, 4194, 4280, 4289, 4469, 4502, 4523, 4532, 4645, 4660, 4748, 5003, 5046, 5119, 5162, 5298, 5323, 5329, 5366, 5416, 5510, 5622, 5638, 5645, 5692, 5701, 5731, 5733, 5853, 5860, 5893, 5929, 5935, 5971, 6010, 6109, 6136, 6181, 6182, 6198, 6291, 6346, 6414, 6592, 6601, 6722, 6794, 7024, 7139, 7155, 7195, 7733, 7747, 7775, 7822, 8001, 8031, 8036, 8046, 8351, 8356, 8370, 8443, 8450, 8462, 8572, 8660, 8782, 8859, 8908, 8948, 8951, 9011, 9151, 9337, 9392, 9495, 9502, 9558, 9618, 9673, 9812, 10010, 10021, 10149, 10192, 10522, 10523, 10615, 10839, 10928, 10974, 11059, 11149, 11287, 11328, 11332, 11343, 11379, 11524, 11710, 11728, 11781, 11865, 11913, 11924, 11950, 11958, 11974, 11975, 12015, 12033, 12055, 12118, 12324, 12462, 12487, 12594, 12600, 12626, 12656, 12706, 12811, 12814, 12874, 12908, 12917, 13029, 13047, 13067, 13153, 13221, 13307, 13398, 13493, 13639, 13678, 13698, 13707, 13805, 13879, 14345, 14396, 14433, 14543, 14548, 14556, 14642, 14648, 14652, 14939, 14983, 15034, 15110, 15145, 15265, 15288, 15317, 15563, 15579, 15588, 15639, 15819, 15885, 15991, 16096, 16146, 16179, 16188, 16220, 16275, 16281, 16341, 16514, 16546, 16693, 16703, 16749, 16805, 16961, 17087, 17251, 17260, 17603, 17759, 17950, 17966, 17991, 18013, 18158, 18522, 18644, 18704, 18905, 18948, 19094, 19104, 19122, 19135, 19282, 19301, 19345, 19487, 19729, 19780, 19797, 19878.

Всего 262 серій, составляющихъ 13.100 билетовъ, на сумму 1.899.500 рублей.

Западный фронтъ. Схемы измѣненій линій германскаго фронта во Франціи съ начала войны до послѣдняго апрѣльскаго наступленія нашихъ союзниковъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

(Книги, поступившія въ редакцію для отзыва).

Николай Морозовъ. „Повѣсти моей жизни“. Т. I. Москва. Книгоиздательство „Задруга“. Цѣна 2 р. 50 к.

Книга Н. Морозова въ наши дни представляетъ уже историческій интересъ, но въ ней живые слѣды недавно минувшаго. Старый народоволецъ, „шлиссельбуржецъ“, а теперь свободный гражданинъ свободной страны, Н. Морозовъ прожилъ жизнь богатую неустаннымъ духовнымъ подъемомъ. Отдѣльныя главы изъ „Повѣсти моей жизни“ были въ свое время напечатаны частью въ „Русскомъ Богатствѣ“, частью въ „Голосѣ минувшаго“. Вся книга заключаетъ въ себѣ исторію жизни, начиная съ дѣтства и юности и кончая первыми шагами въ борьбѣ за народную свободу.

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“, можно сказать, читая книгу Н. Морозова. Люди, задавшіеся мыслью работать для народа и во имя его, страдали и терпѣли гоненія. Все это была большей частью молодежь съ горячей и пылкой душой. Она отказалась отъ покоя и довольства, даже отъ личной жизни, и смѣло шла впередъ во имя будущаго. Нельзя сказать, чтобы въ движеніи участвовали лишь экзальтированные люди. Среди нихъ много было вполнѣ уравновѣшенныхъ людей со спокойной и трезвой мыслью. Самъ авторъ пришелъ къ увлеченію народовольчествомъ лишь постепенно и сознательно, несмотря на юный возрастъ: сначала онъ увлекался естественными науками, потомъ въ своихъ кружковыхъ научныхъ занятіяхъ столкнулся съ народовольческой организаціей. Участники ея называли себя радикалами: никакихъ позднѣйшихъ подраздѣленій еще не было тогда. И вотъ небольшая горсточка мужественно выступила на борьбу со старымъ строемъ.

Характерно, что у нашего бывшаго народовольца не было тѣхъ обманчивыхъ мечтаній, которые приписывались почему-то всѣмъ народникамъ. Онъ вѣрилъ въ народъ, но не идеализировалъ его. Онъ зналъ, что долго еще будутъ раздаваться на „цыгарки“ тѣ книжки, которыя призываютъ народъ къ борьбѣ за свободу. Но два-три сознательныхъ человѣка изъ сотни уже давали надежду, что когда-нибудь въ недалекомъ будущемъ эти книги дойдутъ до народа. Не поднимать народъ до себя, а изучать его для того, чтобы вмѣстѣ работать съ нимъ, такова точка зрѣнія Н. Морозова послѣ его первыхъ шаговъ въ народъ. Что онъ не ошибся, это показало настоящее. Книга Н. Морозова важна и нужна, какъ памятникъ славной борьбы, закончившейся побѣдой.

Борисъ Зайцевъ. „Тихія зори“. Разсказы. Изд. 4-е. Т-во „Книгоиздательство писателей въ Москвѣ“.

Разсказы не даромъ выдерживаютъ четвертое изданіе. Въ нихъ особенно сильно сказывается своеобразная прелесть творчества Бориса Зайцева, его любовь къ землѣ, къ жизни, солнцу и свѣту. Каждый небольшой разсказъ этого сборника напоенъ ею. Впечатлѣніе отъ всего сборника получается такое, словно солнечный день царитъ надо всѣмъ, и чувствуется запахъ поля, колосящейся ржи, ароматъ простора. Земля дышитъ у Зайцева, она живая, имѣетъ свою индивидуальность. Такою даетъ чувствовать ее Зайцевъ въ своемъ разсказѣ „Деревня“. „Въ груди крѣпкой и грубо сдѣланной деревенской земли идетъ тоже работа, и эту работу Крымовъ тоже какъ будто чувствуетъ. Вотъ стоятъ живыя, плотныя деревья, по хлюпающей грязи лошадь съ трудомъ везетъ въ гору бочку съ водой изъ пруда, и земля раздается подъ колесами, какъ живая, а рядомъ падаютъ листья съ клена“. Прелестенъ въ своихъ поэтическихъ краскахъ разсказъ „Миѳъ“, гдѣ „деревья поютъ свою пѣсню, и спокойная глубокая ясность просвѣтляетъ мозгъ“, красота природы и красота молодости сливаются здѣсь въ унисонъ, и поэтическій колоритъ разсказа блещетъ красками жизни. Любовью природы и проникновеннымъ пониманіемъ ея, доходящимъ до душевнаго слiянія съ жизнью природы, звучатъ „Тихія зори“ и „Волки“.

Гр. Ал. Н. Толстой. „Невѣрный шагъ“. Разсказы. Т. II. Изд. 2-е. Т-во „Книгоиздательство писателей въ Москвѣ“.

Второй томъ произведеній гр. Ал. Толстого заключаетъ въ себѣ большую повѣсть „Невѣрный шагъ“ (Повѣсть о совѣстливомъ мужикѣ) и рядъ другихъ разсказовъ, говорящихъ о крупномъ художественномъ дарованіи. Въ общемъ творчество Ал. Н. Толстого не можетъ быть понято, если не уловить въ немъ основу всего—иронію. Она царитъ надо всѣмъ въ произведеніяхъ А. Н. Толстого, и жизнь у писателя преломляется въ ней. Съ высоты ироніи освѣщаются писателемъ и широкіе запросы духа Андрея („совѣстливаго мужика“), и бытъ людей,

и сама природа въ ея связи съ человѣкомъ. Стремленія ввысь у слѣпого духовно человѣка реализуются въ смѣшномъ и ничтожномъ, а смѣшная сама по себѣ Анфиса Петровна въ своемъ завершенномъ очеркѣ носитъ какой-то трогательный отпечатокъ необыкновенной душевной чистоты и ясности, поднимающей ее надъ мелочами дня. Такъ все перепутывается у А. Толстого, и сквозь пестрый калейдоскопъ будничныхъ и праздничныхъ дней глядитъ у него лицо жизни, иногда кривляющейся, но всегда неизмѣнной въ своемъ движеніи, всегда загадочной и полной ироніи. Смыслъ гдѣ-то тамъ, за предѣлами ироніи, за гранями пестрой будничной суеты...

Въ такихъ разсказахъ, какъ „Чудаки", „Терентій", „Клякса" А. Толстой очень близокъ къ писателямъ-романтикамъ съ ихъ презрѣніемъ къ будничной реальности. Но отъ романтиковъ А. Толстого отдѣляетъ царящая въ его произведеніяхъ власть бытовыхъ подробностей: онѣ какъ-то захватываютъ писателя и не даютъ перейти изъ сферы быта въ область чисто-идеалистическихъ устремленій. Поднимаясь, какъ художникъ, надъ жизнью, А. Толстой часто не въ силахъ однако отрѣшиться отъ жизни въ моментъ творчества и перейти къ чистому созерцанію, какъ долженъ это сдѣлать истинный художникъ. Онъ самъ иногда оказывается во власти вещей и событій, во власти ихъ отраженно-жизненнаго движенія. Такъ въ „Мести" авторъ не можетъ справиться съ фигурой героя Сивачева. Чувствуется, что бытовыя подробности увлекаютъ автора, и онъ идетъ за ними, подчиняясь ихъ произвольному движенію. Конецъ Сивачева для самого автора является, очевидно, неожиданностью. Во власти всесильной реальной жизни авторъ и въ разсказахъ „Въ лѣсу" и „Лихорадка". Характерно лишь, что въ разсказѣ „Въ лѣсу", благодаря упоительной силѣ красокъ природы, А. Толстой, и не овладѣвая развитіемъ темы, остается истиннымъ художникомъ, а въ „Лихорадкѣ" улетучивается весь ароматъ творчества, благодаря грубой реализаціи быта, и читатель уходитъ съ недоумѣніемъ, зачѣмъ понадобилась автору эта выдумка.

Въ общемъ реалистическіе и импрессіонистскіе тона причудливо переплетаются въ оригинальномъ творчествѣ А. Толстого. Формой писатель играетъ свободно, стилизуя старую литературную школу, но больше всего онъ любитъ сочетанія Гоголя и Достоевскаго, ярко реалистическіе тона писателя-бытовика и полуимпрессіонистскіе, полуреалистическіе — писателя-психолога. Такъ „Терентій Генераловъ" написанъ языкомъ Гоголя, „Туманный день"—языкомъ Достоевскаго. И то и другое выдержано до конца. Соотвѣтствіе не только въ языкѣ, но и въ духѣ и въ формѣ. Это хорошо, какъ безпечная игра таланта, увѣреннаго въ себѣ, но страшно за автора, продолжающаго эту игру до VIII тома своихъ произведеній. Когда же явится свой стиль? Безъ него писатель—человѣкъ безъ лица. А жаль, — А. Н. Толстой—дарованіе весьма яркое въ новѣйшей литературѣ.

Илья Сургучевъ. „Сосѣдка". Разсказы. Т. II. Т-во „Книгоиздательство писателей въ Москвѣ". Цѣна 1 р. 50 к.

И. Сургучевъ—писатель-бытовикъ. Онъ любитъ бытъ и описываетъ его съ любовью. Каждая подробность, каждый шагъ героя отмѣчаются писателемъ, какъ самодовлѣющіе. Онъ не только переноситъ ихъ изъ жизни на полотно, но и самъ творитъ жизнь быта въ своихъ произведеніяхъ. Людской калейдоскопъ захватываетъ писателя, но онъ остается всегда на высотѣ своего творчества и управляетъ свободно перевоплощеніемъ того, что называется жизнью, въ литературную форму. У И. Сургучева есть уже свой стиль и своя манера письма, хотя во второмъ томѣ и встрѣчается осколокъ съ чеховскаго „Ваньки". Такова „Ванькина молитва". Напоминаетъ чеховскую манеру письма и другой разсказъ И. Сургучева „Родители", но здѣсь уже къ чеховскому умному юмору примѣшивается и то нѣсколько мягкое и сентиментальное, что характерно для писателей старой до-чеховской поры.

Гвоздь этого тома—разсказъ „Сосѣдка". Каменныя стѣны столицы, за которыми живутъ, думаютъ и чувствуютъ люди-одиночки, не понимая и не зная другъ друга. Всѣ рвутся изъ обыденщины и жаждутъ личнаго счастья, и у всѣхъ жизнь беретъ силы и время, не считаясь съ ихъ одинокимъ „я". Вотъ студентъ-одиночка, по ночамъ пишущій стихи, мечтающій о поэзіи, рядомъ Акимъ Исакычъ, днемъ корректирующій бланки частныхъ ломбардовъ и объявленія, а по ночамъ играющій на цитрѣ серенады Брага и Шуберта. А съ другой стороны поселяется молодая пріѣзжая дѣвушка-провинціалка, на самомъ дѣлѣ членъ революціонной организаціи. Студентъ знакомится съ сосѣдкой, чувствуетъ въ ней какую-то загадку, разгадать ее пытается напрасно. А дѣвушка, въ жаждѣ личнаго счастья хотя бы на мигъ, отвѣтила взаимностью юношѣ, и промелькнулъ рядъ счастливыхъ дней, пока Маруся не исчезла и не оказалась арестованной за покушеніе на жизнь генерала. Такъ, за каменной стѣной скрывается человѣческая жизнь, за человѣческимъ лицомъ—его загадка, которую сплошь и рядомъ не разгадать и самымъ близкимъ людямъ.

Многое въ этихъ разсказахъ дается прямо почувствовать; авторъ не накладываетъ мазковъ, осторожно обходитъ тонкія душевныя движенія, не вырисовывая, но давая ощущать ихъ теплоту и нѣжность. Вообще къ особенностямъ писательской манеры И. Сургучева надо отнести умѣніе дать чувствовать читателю сквозь реалистическія формы быта психологію не только героевъ, но и самой среды, ихъ окружающей.

То, вокругъ чего носятся творческіе образы И. Сургучева, во имя разгадки чего работаетъ писатель, открывается въ одной маленькой репликѣ героя разсказа „Въ поѣздѣ": „И я впервые особенно наглядно ощутилъ ту бѣду человѣчества, что всегда, во всѣ времена и вѣка, есть и будетъ, вѣроятно, такая стѣна, въ которую оно, человѣчество, бьется головой, бьется до боли, до потери сознанія. Среди любой культуры есть эта стѣна и стоитъ всегда гордая, непреоборимая. Станетъ мысль человѣческая тоньше, просверлитъ эту толщь, вырвется на волю, но глядишь: какъ голова у сказочной змѣи, растетъ новая стѣна, рожденная уже утончившейся мыслью, окрашенная другой краской, спаянная другимъ цементомъ—и снова твердыня на многія сотни лѣтъ"... И бытъ и люди у И. Сургучева вращаются вокругъ этой загадки. За ихъ реальнымъ повседневнымъ обликомъ виднѣется глубина извѣчнаго, вокругъ котораго скользятъ они, не замѣчая его, но неся въ себѣ его душу. Таковы разсказы И. Сургучева „Преддверіе", Слѣдствіе", „Первый часъ", „Въ послѣдній разъ". Вездѣ загадка человѣческаго одиночества и жизни... Разсказъ „Въ послѣдній разъ" прекрасенъ въ своихъ элегическихъ тонахъ, нѣжныхъ и ласкающихъ душу.

Скиталецъ. „За тюремной стѣной". Изданіе „Жизнь и Знаніе". Петроградъ. 1917. Цѣна 1 р. 75 к.

Книга Скитальца, полная любви къ народу, нужна какъ живая иллюстрація погибавшихъ еще недавно народныхъ силъ. Тюрьма съ ея то разухабистыми, то заунывными пѣснями, съ ея отверженностью и неволей предстаетъ въ разсказахъ „За тюремной стѣной". Старый строй рождалъ преступниковъ и по волѣ и по неволѣ. Понятія чести, гуманности, долга и морали могутъ жить лишь при признаніи ихъ абсолютной цѣнности; какъ только становятся они относительными, такъ сразу исчезаетъ ихъ смыслъ и значеніе. А въ старомъ строѣ они примѣнялись лишь къ слабѣйшему, и отъ обязанностей передъ ними освобождался сильнѣйшій.

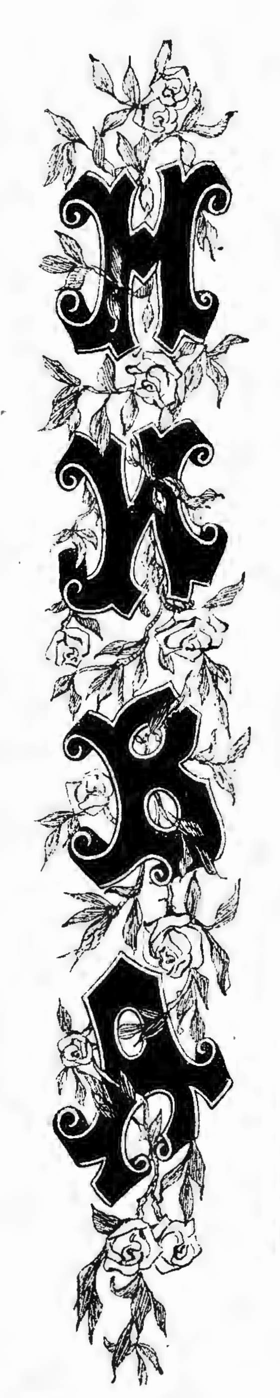
Силачъ, „за тюремной стѣной" разбивающій окна у смотрителя тюрьмы и рѣшительно не понимающій, за что его посадили,—явленіе обычное въ странѣ, гдѣ право часто замѣнялось самовластіемъ. Красочно и живо набросана эта картина Скитальцемъ. Деревня съ ея поэзіей, чарами природы, свободой и ширью предстаетъ въ другихъ разсказахъ этого сборника. На фонѣ ея развертывается крестьянская жизнь, въ которой борются темныя и свѣтлыя силы. Особенно хорошъ разсказъ „Въ деревнѣ", гдѣ борьба эта принимаетъ жгучій характеръ. Сѣятели добраго, разумнаго, вѣчнаго страдаютъ отъ грубаго непониманія еще косной въ большинствѣ массы народной, гибнутъ подъ ударами ея темныхъ силъ, гибнутъ съ душевной болью и надломомъ. „Любили и побили... любили и побили!"—говоритъ докторъ, другъ крестьянъ, избившихъ его послѣ чтенія манифеста 17-го октября по подстрекательству одной изъ темныхъ силъ. Не повѣрили доктору, какъ представителю интеллигенціи, „господъ", подозрѣвали, что онъ обманулъ народъ, скрылъ широкія царскія обѣщанія, которыя мерещились русскому крестьянству во весь длинный періодъ царской власти. „У меня вотъ въ душѣ они погромъ сдѣлали... Усталъ я, Кузьмичъ!"—говоритъ докторъ, пережившій все это. Но душевная сила, сломленная въ докторѣ, расцвѣла въ Челякѣ, и если придетъ новый моментъ борьбы, то выступитъ Челякъ. „И ужъ онъ-то въ послѣдней-то схваткѣ непремѣнно побѣдитъ". Слова автора оправдались въ жизни... Челякъ и его товарищи по духу одержали блестящую побѣду.

Рюрикъ Ивневъ. „Несчастный ангелъ". Романъ. Издательство на Песочной. Петроградъ. 1917. Цѣна 2 рубля.

Романъ написанъ въ футуристическомъ стилѣ: здѣсь и ариѳметическія выкладки, и игра словъ, забавляющихъ, очевидно, автора, и странность положеній. При всемъ этомъ есть и отголоски злобы недавняго дня. Героиня посѣщаетъ старца, который пишетъ посѣтителямъ по ихъ просьбѣ записки къ министрамъ. Даже нѣмецкій герцогъ, правда, въ очень туманномъ видѣ, появляется на сценѣ. Героиня одна изъ „ищущихъ"; ея исканія ничѣмъ такъ и не заканчиваются. Занимательность исканій, порою тонкіе художественные штрихи теряютъ свою цѣнность въ упорномъ стремленіи къ оригинальничанію.

Агафоновъ, В. Н. Вулканы. Пгр. 1916. Ц. 75 к.
Бобровъ, С. Алмазные лѣса. М. 1917. Ц. 1 р.
Богдановъ, Е. А. проф. **Кормленіе лошадей суррогатами овса и сѣна.** М. 1917. Ц. 1 р. 25 к.
Бунинъ, Ив. Чаша жизни. Изд. 2-е. М. 1916. Ц. 1 р. 60 к.
Великая Россія и дружественныя страны. № 1. Журн. двухнедѣльный. М. 1917. Подп. Ц. 8 руб.
Воротынкинъ, Ѳ. Элементы чистаго разума. М. 1917. Ц. 75 к.
Гордонъ, Д. М. врачъ. **Интеллигенція.** Ташкентъ.
Гребенниковъ, С. И. Фата-моргана. Симферополь. 1917. Ц. 20 к.
Емельяновъ, Н. Б. Реформа въ бюрократическомъ строѣ Государственной Думы. Пгр. 1917. Ц. 50 к.
Зайцевъ, Б. Дальній край. Изд. 2-е. М. 1917. Ц. 2 р.
Кроссъ, В. Анна Ломбардъ. М. 1917. Ц. 1 р. 50 к.
Лидинъ, Вл. Полая вода. М. 1917. Ц. 1 р. 75 к.
Московскій альманахъ. М. 1917. Ц. 2 р. 25 к.
О. Р. Эмоціальность и творчество. Пгр. 1917. Ц. 60 к.
Равичъ, М. О. Уголовная отвѣтственность за уклоненіе отъ воинской повинности. Пгр. 1917. Ц. 2 р.
Ремизовъ, А. Среди мурья. М. 1917. Ц. 2 р.
Серафимовичъ, А. Лихорадка. М. 1917. Ц. 1 р. 65 к.
Славинъ, И. Б. Новый квартирный законъ. Пгр. 1917. Ц. 1 р.
„Слово", сборникъ 7-й. М. 1917. Ц. 2 р. 25 к.
Соболь, А. Пыль. Изд. 2-е. М. 1917. Ц. 2 р.
Спасскій, О. Какъ снѣгъ. М. 1917. Ц. 1 р.
Стафѣевъ, Г. Былина о зеленѣ винѣ и великомъ царѣ Ерофеичѣ. Пгр. 1917. Ц. Пять гривнъ.
Треневъ, Н. Мокрая балка. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
Чролли. Сынъ Фауста. Пгр. 1917. Ц. 70 к.
Чулковъ, Г. Метель. М. 1917. Ц. 2 р.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22
Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.



№ 16
22 Апрѣля
1917 г

Модель памятника Минину и Пожарскому въ Нижнемъ-Новгородѣ. *В. Симоновъ.*
Удостоена 1-й преміи имени А. И. Куинджи.

„Захотимъ помочь московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать"...

Призывъ Минина къ народу въ 1611 г.

„Къ вамъ, граждане великой свободной Россіи, къ тѣмъ изъ васъ, кому дорого будущее нашей Родины, обращаемъ мы нашъ горячій призывъ! Не жертвы требуетъ отъ насъ Родина, а исполненія долга. Одолжимъ деньги государству, помѣстивъ ихъ въ новый заемъ, и спасемъ этимъ отъ гибели нашу свободу и достояніе".

Призывъ Временнаго Правительства къ „Займу Свободы" въ 1917 году.

Дьякъ, читающій грамоту.

Патріархъ Гермогенъ.

Воевода Алябьевъ.

Этюды для отдѣльныхъ фигуръ на постаментѣ памятника Минину и Пожарскому въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Первенцы свободы.

Исторія возстанія 14-го декабря 1825 г.

Д. С. Мережковскаго

Посвящается продолжателю дѣла декабристовъ—А. Ф. Керенскому.

I.

Побѣдная Русская Революція—дѣло всего народа, всей Россіи. Присоединеніе арміи къ возставшимъ рабочимъ было столь молніеносно, что и присоединеніемъ его нельзя назвать: встали всѣ вмѣстѣ и всѣ вмѣстѣ побѣдили. Создалась исторически новая, никогда ранѣе не бывшая страна—Свободная Россія.

Но не надо думать, что революція началась въ наши февральскіе дни и кончилась въ мартовскіе. Она не кончилась,—много, много еще впереди!—а началась, эта самая, не теперь,—началась почти сто лѣтъ тому назадъ, въ 1825 году.

Колыбель ея — русская армія. Офицеры всѣхъ лучшихъ полковъ — вотъ „первенцы свободы", зачинатели и первыя жертвы великой революціи, первую побѣду которой видѣли наши февральскіе дни. Создатели и участники русской борьбы за свободу, офицеры и солдаты полковъ 14-го декабря, — вы участники и первой побѣды; вамъ, пролившимъ свою кровь за правое дѣло сто лѣтъ тому назадъ, первая память, первый поклонъ до земли.

Россія знавала смутныя времена, перевороты, потрясенія. Но именно русскіе офицеры, создавшіе возстаніе 14-го декабря (и прозванные декабристами), были начинателями *революціи* въ Россіи, были первыми русскими революціонерами. Вотъ что говоритъ А. Герценъ:

„Вліяніе событія 14-го декабря было огромно. Пушки на Исаакіевской площади разбудили цѣлыя поколѣнія. До тѣхъ поръ не вѣрили въ возможность политическаго возстанія, цѣлью котораго было бы нападеніе съ оружіемъ въ рукахъ на чудовище императорскаго царизма на улицахъ самого Петербурга.

„Ни для кого, конечно, не были тайной убійства во дворцѣ какого-нибудь Петра III или Павла, съ цѣлью замѣстить ихъ другими, подобными имъ, деспотами. Но между этого рода убійствами въ застѣнкѣ и громкимъ протестомъ противъ деспотизма на улицѣ, и притомъ запечатлѣннымъ кровью и страданіемъ героевъ, нѣтъ ничего общаго. Впрочемъ, они и не слишкомъ-то разсчитывали на успѣхъ; но зато они понимали все великое значеніе этого протеста. 13-го декабря совсѣмъ еще молодой человѣкъ, поэтъ Одоевскій, обнимая своихъ друзей, говорилъ съ энтузіазмомъ: „Мы идемъ на смерть... но на какую славную смерть!"

„Когда Рылѣевъ (одинъ изъ повѣшенныхъ Николаемъ I) былъ приведенъ въ судъ, онъ заявилъ: „Я могъ все остановить, но я, наоборотъ, лишь побуждалъ дѣйствовать. Я—главный виновникъ событій 14-го декабря. Если кто-нибудь заслуживаетъ смерть за этотъ день, то, конечно, я". Этотъ геройскій отвѣтъ третируется въ донесеніи, какъ простое *признаніе въ виновности*".

Чтобы понять, откуда и какъ зародилась наша революція, почему первыми революціонерами были офицеры русской арміи, и какія надежды могли они имѣть на успѣхъ, — надо вспомнить тогдашнее время, всѣ тогдашнія русскія условія. Вспомнить и представить себѣ Россію, какою была она сто лѣтъ тому назадъ.

Въ общихъ чертахъ, если мы только сохранимъ историческую перспективу, русскія условія начала прошлаго вѣка очень походили на недавнія условія нашей жизни. То же самодержавіе, самовластіе, произволъ, гнетъ, — и тьма, и глухое недовольство. Но при этомъ еще народъ безмолвствовалъ въ крѣпостномъ рабствѣ, а солдатская служба была тѣмъ же, если не худшимъ, рабствомъ. Она длилась 25 лѣтъ, съ тяжестью неописуемой, съ такими жестокими „законными" тѣлесными наказаніями, что мы теперь не понимаемъ, какъ люди ихъ выдерживали. Конечно, послѣ 2.000 палочныхъ ударовъ (были и такіе приговоры) никто не оставался въ живыхъ; послѣдніе 500 ударовъ наносили уже мертвому тѣлу, но все-таки наносили: сократить число ударовъ было нельзя—„нарушалась дисциплина". Особенной жестокостью и непреклонностью отличались начальники и командиры изъ нѣмцевъ, а ихъ-то особенно жаловалъ Александръ I. Послѣ совмѣстнаго съ германцами похода на Парижъ, Александръ, плѣнившись выправкой и машинной стройностью нѣмецкихъ войскъ, задумалъ и свои полки довести до такой же гимнастической стройности, даже перещеголять, если можно, нѣмцевъ. Поэтому онъ весьма дорожилъ генералами и командирами съ германской выучкой, нисколько не мѣшая ихъ смертоубійственнымъ пріемамъ. Въ 1820 году произошла странная исторія въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ съ наилучшимъ солдатскимъ составомъ,—въ Семеновскомъ. Эту исторію нельзя назвать бунтомъ,—какой же бунтъ, если весь полкъ, безъ единаго акта насилія и громкаго слова, заявляетъ свой протестъ и затѣмъ въ полномъ составѣ, въ стройномъ порядкѣ, самъ направляется въ Петропавловскую крѣпость? Но протестъ былъ заявленъ, ибо командованіе знаменитаго Шварца довело полкъ до послѣднихъ предѣловъ: палки, розги, плевки въ лицо, сѣченье даже Георгіевскихъ кавалеровъ — вотъ „дисциплина" Шварца, котораго царь называлъ „энергичнымъ".

Молодое русское офицерство въ тѣхъ же гвардейскихъ полкахъ были люди совсѣмъ другіе, новаго поколѣнія. Большинство происходило изъ лучшихъ дворянскихъ и княжескихъ родовъ,—но въ то время въ Россіи только этотъ высшій слой общества имѣлъ понятіе о просвѣщеніи. Ниже царила глухая тьма и самое дикое невѣжество, всячески поддерживаемое самодержавнымъ строемъ. Въ высшихъ же кругахъ, особенно при началѣ царствованія Александра I, просвѣщеніе стало входить въ моду. Но главный толчокъ былъ данъ послѣ войны 1812 года. Походъ на Парижъ, вслѣдъ отступившей арміи Наполеона, пребываніе въ Европѣ, знакомство съ нею, свѣжій воздухъ свободы—ошеломили и переродили цвѣтъ тогдашней русской молодежи, офицерство. У нихъ точно повязка спала съ глазъ. Александръ I велъ себя во Франціи большимъ либераломъ, и это поддерживало въ русскихъ „побѣдителяхъ" самыя смѣлыя мечтанія. Вѣдь на возвратномъ пути, въ Польшѣ, царь даже говорилъ рѣчь и обѣщалъ полякамъ конституцію.

На самомъ дѣлѣ, усталый царь только стремился скорѣе „домой": французы съ ихъ безпокойными свободами ему надоѣли, его влекло къ задумчивымъ домашнимъ занятіямъ мистикой (роковая слабость Романовыхъ!), боязливо-суевѣрная натура его тянулась къ архимандриту Фотію, къ г-жѣ Крюденеръ—все равно, къ кому. А для внѣшняго государственнаго спокойствія ему нуженъ былъ Аракчеевъ,—

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!

(Рылѣевъ).

На этого „вѣрнаго" Аракчеева, знаменитаго своей жестокостью, царь и оперся, вернувшись домой. Сдалъ свои полки нѣмецкимъ командирамъ, спрятался за Аракчеева, какъ за каменную стѣну, и безотвѣтственно, среди спокойной (какъ онъ думалъ) Россіи, ушелъ въ личныя занятія. Впрочемъ, къ самодержавному своему помазанничеству онъ относился все такъ же, съ упрямымъ суевѣріемъ, и твердо о немъ помнилъ. Даже чѣмъ дальше, тѣмъ тверже.

Но русская образованная, честная молодежь вернулась изъ Европы съ новыми, праведными, порывами къ свободѣ, съ новой, осмысленной, любовью къ родинѣ. И, главное, съ открытыми глазами на самодержавіе. Что же увидѣли здѣсь открытые глаза?

...„Былъ лучъ надежды, что государь дастъ конституцію,—пишетъ одинъ изъ декабристовъ, Александръ Бестужевъ, штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка.—Но съ 17-го года все перемѣнилось. Люди, видѣвшіе худое, желавшіе лучшаго, отъ множества шпіоновъ принуждены стали разговаривать скрытно, вотъ начало Тайныхъ Обществъ. Притѣсненіе начальствомъ заслуженныхъ офицеровъ разгорячало умы. Тогда-то стали говорить военные: „Для того ли мы освободили Европу, чтобы наложить ея цѣпи на себя? И купили кровью первенство между народами, чтобы насъ унижали дома?.." Солдаты роптали на истому ученья, офицеры на непомѣрную строгость, матросы на черную работу, удвоенную по злоупотребленію. Люди съ дарованіями жаловались, что имъ заграждаютъ дорогу, ученые на то, что имъ не даютъ учить, молодежь на препятствія въ ученіи. Словомъ, во всѣхъ углахъ виднѣлись недовольныя лица; на улицахъ пожимали плечами, вездѣ шептались, всѣ говорили: „къ чему это приведетъ?" Всѣ элементы были въ броженіи. Одно лишь правительство беззаботно дремало надъ вулканомъ, одни судебныя мѣста блаженствовали... Кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ—тотъ кралъ".

Какъ похожъ этотъ 17-й годъ прошлаго вѣка на началѣ нашего 17-го года! Въ исторіи нѣтъ повтореній, но есть странныя, роковыя сближенія. Черезъ сто лѣтъ мелькнуло прежнее; не то,—а похожее, отраженное и преломленное въ зеркалѣ времени.

Другой декабристъ говоритъ еще опредѣленнѣе:

„Царствованіе Александра I было для Россіи пагубно, подъ конецъ же тягостно до изнеможенія..."

Прозрѣвшіе русскіе люди, съ чистыми и честными сердцами,

не могли остаться бездѣйственными. Впервые страданіе за родину, за рабство своего народа, обожгло души. Они были на войнѣ, видѣли смерть въ глаза и отвыкли ея бояться. Знали, впрочемъ, на что идутъ. Но не могли иначе. Они сдѣлались заговорщиками. Рѣшили начать, при помощи арміи, возстаніе и свергнуть самодержавіе.

„Итакъ, съ Богомъ! Судьба наша рѣшена. Но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется.

„Принесемъ собою жертву для будущей свободы отечества!“

II.

Гвардейцы—братья Муравьевы, князь Трубецкой и Муравьевы-Апостолы положили первое основаніе Тайнаго Общества. Къ нимъ очень быстро стали присоединяться новые члены,—настроеніе носилось въ воздухѣ.

Еще не было устава, еще цѣли и первоположенія не были твердо опредѣлены, а „Союзъ Благоденствія“ (какъ вначалѣ назвало себя Тайное Общество) неудержимо разрастался. Къ нему потянулись всѣ болѣе сознательные элементы тогдашней Россіи. Ихъ было мало внѣ чисто-военной, вельможной среды. Но и малое все-таки влеклось къ этому центру, чуя въ немъ единственную свѣтлую точку, единственный просвѣтъ въ русскомъ застѣнкѣ.

Однако, самое многолюдство, разнообразіе членовъ и разная степень ихъ сознательности скоро начали вредить Союзу и стѣснять его учредителей. Имъ нужна была дѣйственность, крѣпкая линія и крѣпкая, заговорщицкая, сплоченность.

Полковникъ Павелъ Пестель, примкнувшій въ это время къ Союзу, сразу сблизился съ людьми, составлявшими его ядро, и понялъ, что дѣло надо повернуть круто.

Пестель—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени. Молодой, начитанный, съ особенно твердой линіей ума, онъ былъ природный революціонеръ. Въ не порывной, а ровной, прямой волѣ его чувствовалась сталь.

Страхъ передъ опасностями, передъ почти вѣрной смертью былъ ему органически чуждъ. Онъ думалъ только о дѣлѣ и зналъ, чего хотѣлъ.

„Первенцы свободы“ *Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ (казненъ).*

Вмѣстѣ съ Пестелемъ первые учредители Союза и наиболѣе близкіе члены образовали тѣсный кругъ внутри общаго круга, тайное революціонное общество внутри широкаго и разнообразнаго Союза Благоденствія.

Но время шло. Съ каждымъ годомъ, если не мѣсяцемъ, Россія крѣпче зажималась въ клещи, политика Александра I становилась реакціоннѣе, аракчеевщина свирѣпѣе. Соотвѣтственно крѣпла и обострялась революціонность Тайнаго Общества. Мысль о необходимости полнаго устраненія царя вставала все рѣзче. Пестель, по своей прямолинейности, не останавливался тутъ ни передъ чѣмъ. Въ его планъ возстанія входила даже возможность устраненія всѣхъ членовъ императорской фамиліи—всѣхъ Романовыхъ.

Послѣ раскассированія Семеновскаго полка (исторія 1820 года) многіе офицеры, члены Тайнаго Общества, попали на югъ, въ Малороссію, въ Тульчинъ. Туда переведенъ былъ и Пестель. Общество силою вещей распалось на два: Сѣверное и Южное.

А Союзъ Благоденствія, ради удаленія всѣхъ ненадежныхъ и несознательныхъ, рѣшено было на съѣздѣ въ 1821 году объявить закрытымъ.

Отъ этого времени начинается опредѣленная революціонная дѣятельность двухъ сообществъ: на сѣверѣ—въ Петербургѣ, на югѣ—въ Тульчинѣ. При тѣсной связи, при постоянномъ общеніи, въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ Югъ и Сѣверъ однако разнились.

Сѣверное было умѣреннѣе. Когда Южное окончательно остановилось на республиканской идеѣ, Сѣверное еще колебалось, еще звучали тамъ голоса въ пользу конституціонной монархіи. Но необходимость возстанія, революціи, была признана обоими Обществами. Вопросъ ставился лишь о времени.

Неудивительно, что Южное Общество было настроено крайне революціонно: его велъ Пестель. Кромѣ того, на югѣ члены Тайнаго Общества открыли самостоятельно сложившееся Общество Славянъ, а затѣмъ Польское Общество. Послѣ многихъ переговоровъ, выясненія общности цѣлей, „Славяне“ торжественно присоединились къ Южанамъ. Въ Славянскомъ Обществѣ составъ офицерства отличался большей демократичностью.

Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, ближайшій сподвижникъ Пестеля, не меньшій революціонеръ, чѣмъ онъ, былъ, какъ человѣкъ, Пестелю противоположенъ. Весь порывный, глубоко вѣрующій, онъ свѣчой горѣлъ передъ свободой. Своихъ солдатъ онъ любилъ и вѣрилъ въ нихъ. Солдаты платили ему тѣмъ же и вѣру Муравьева полностью оправдали. Ихъ вѣчный отвѣтъ Муравьеву, что бы онъ ни говорилъ, куда бы ни звалъ: „рады стараться съ вашимъ благородіемъ до послѣдней капли крови!“—былъ святой правдой. На взаимной любви и вѣрѣ, пусть иногда слѣпой, строились отношенія петербургскихъ офицеровъ съ солдатами. Слишкомъ много порывнаго было у Муравьева: ему въ голову не приходило разъяснять что-нибудь солдатамъ исподволь, заранѣе. „Все сразу поймутъ въ нужную минуту! Правда озаряетъ, какъ солнце“,—думалъ онъ.

Члены Славянскаго Общества не меньше вѣрили, и энтузіазма у нихъ было не меньше, чѣмъ у Муравьевцевъ: но фактически, по условіямъ долгой службы въ провинціи и принадлежности къ другой средѣ, они стояли ближе къ солдатамъ. Не было, вѣроятно, того оттѣнка влюбленной преданности въ отношеніяхъ, но зато было больше товарищества и разсудительности. Тамъ лучше была поставлена агитаціонная работа. Среди солдатъ велась систематическая пропаганда.

Сколько именно лицъ принадлежало къ Тайнымъ Обществамъ 20-хъ годовъ—мы не знаемъ. Молва исчисляла ихъ до пяти тысячъ. Извѣстны 121 осужденныхъ офицеровъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, самыхъ замѣчательныхъ. Герои они всѣ, но были между ними и героисвятые.

Обширное Южное Общество, весьма планомѣрно устроенное Пестелемъ, Бестужевымъ-Рюминымъ, Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, Юшневскимъ и нѣкоторыми другими, вело свою рѣшительную линію. И связь его съ Сѣвернымъ стала еще тѣснѣе, когда къ Сѣверному примкнулъ человѣкъ не менѣе сильный, чѣмъ Пестель,—Кондратій Рылѣевъ.

Отставной артиллерійскій поручикъ, извѣстный талантливый поэтъ, пріятель Пушкина, другъ Трубецкого и братьевъ Бестужевыхъ (изъ нихъ Александръ—писатель Марлинскій), Рылѣевъ былъ человѣкъ обаятельно-мягкій, безъ Пестелевской сухости, и въ то же время твердый, какъ желѣзо. Онъ нѣжно любилъ свою мать, молодую жену и единственную маленькую дочку Настеньку. Но дѣло свободы, дѣло революціи любилъ совершенно особенной, ни передъ чѣмъ неотступной любовью. Можетъ-быть, яснѣе другихъ видѣлъ онъ, что гибель, позорная смерть, неизбѣжна. Онъ часто говаривалъ: „Предвижу, что не будетъ успѣха; но потрясеніе необходимо. Тактика революціи заключается въ одномъ словѣ: „дерзай!“, и ежели это будетъ несчастливо—мы своей неудачей научимъ другихъ“.

Въ стихотвореніяхъ онъ писалъ объ одномъ, только объ одномъ:

. . . . . моя отчизна страждетъ,
Душа, въ волненьи тяжкихъ думъ,
Теперь одной свободы жаждетъ...

Бестужевъ разсказываетъ, что какъ-то больной братъ его, Михаилъ, жилъ у Рылѣева. Сидѣлъ вечеромъ въ своей комнатѣ, а Рылѣевъ въ кабинетѣ оканчивалъ поэму. Дописавъ, онъ принесъ стихи брату и прочелъ:

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Я жребій свой благословляю!

Пророческій духъ отрывка невольно поразилъ Михаила Бестужева. „Знаешь ли,—сказалъ онъ,—какое предсказаніе написалъ ты самому себѣ и намъ съ тобою?..“ — „Неужели ты думаешь, что я сомнѣвался хоть минуту въ своемъ назначеніи? — сказалъ Рылѣевъ. — Вѣрь мнѣ, каждый день убѣждаетъ меня въ необходимости моихъ дѣйствій, въ будущей гибели, которою мы должны купить нашу первую попытку свободы для Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимости примѣра для пробужденія спящихъ“.

Дѣтская довѣрчивость къ людямъ, нѣжность чудесно соединялись въ Рылѣевѣ съ рѣшительностью и желѣзомъ воли. Наканунѣ возстанія онъ долго, терпѣливо говорилъ съ матерью, открылъ ей все, простился навсегда и просилъ ея благословенія. Мужественно выдержалъ ея слезы, мольбы, ушелъ, не измѣнивъ себѣ ни на секунду. Утромъ, въ день 14-го декабря, былъ задумчивъ. Сказалъ Бестужеву, пришедшему за нимъ: „можетъ-быть, мечты наши сбудутся; но нѣтъ, вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе, что мы погибнемъ“. Бестужевъ былъ и свидѣтелемъ тяжелой послѣдней сцены, когда Рылѣевъ, чтобы уйти, буквально вырвался изъ рукъ обезпамятѣвшей жены и дочери.

Ему было только 26 лѣтъ.

Кромѣ Рылѣева, братьевъ Бестужевыхъ, кн. Евгенія Оболенскаго,—серьезное мѣсто въ Сѣверномъ Обществѣ занималъ князь Сергѣй Трубецкой, полковникъ Преображенскаго полка. Но онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, кто долѣе колебался передъ рѣшительнымъ направленіемъ Южанъ: онъ склонялся въ сторону осторожныхъ и обдуманныхъ дѣйствій; его влекло къ формѣ конституціонной монархіи больше, чѣмъ къ идеѣ народовластія.

„Первенцы свободы“.
Павелъ Ивановичъ Пестель (казненъ).

Подъ давленіемъ жизни, подъ вліяніемъ Рылѣева, и благодаря связи Сѣвернаго Общества съ дѣйственно-революціонными Южанами, Трубецкой мало-по-малу сдался. Общее соглашеніе было достигнуто. Возстаніе предполагалось начать въ 1826 году.

III.

Каковы же, опредѣленно, были задачи декабристовъ? Чего хотѣли они достичь возстаніемъ, и былъ ли у нихъ планъ самого возстанія?

У Пестеля, Рылѣева, Трубецкого и Муравьева имѣлось много болѣе или менѣе разработанныхъ проектовъ будущаго Россійскаго свободнаго устройства, какъ оно имъ рисовалось. „Русская Правда“ Пестеля, — большой долголѣтній трудъ, — зарыта была въ землю при началѣ арестовъ и потомъ найдена сыщиками. Если мы откроемъ эти проекты, мы точно опять взглянемъ въ далекое историческое зеркало. Желанія декабристовъ—наши достиженія. Ихъ кровь — за нашу сегодняшнюю побѣду. Не даромъ —

мы ихъ не забыли...
Мы долгій рядъ безумныхъ лѣтъ
Несли, лелѣяли, хранили
Ихъ ослѣпительный завѣтъ...

Вотъ изъ бумагъ кн. Трубецкого:

1) Русскій народъ, свободный и независимый, не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2) Источникъ верховной власти есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя.

3) Правленіе Россіи есть *уставное* и *союзное*.

Необходимо:

1) Уничтоженіе бывшаго правленія.

2) Учрежденіе Временнаго Правленія до установленія постояннаго выборными.

3) Свободное тисненіе, а потому уничтоженіе цензуры.

4) Уравненіе всѣхъ сословій.

5) Уничтоженіе постоянной арміи и т. д.

Рылѣевъ: „Мы въ правѣ только разрушить то правленіе, которое почитаемъ неудобнымъ для отечества, а потомъ тотъ Государственный уставъ, который будетъ одобренъ большинствомъ членовъ обоихъ Обществъ, представить на разсмотрѣніе Великаго Собора (Учредительнаго Собранія), какъ проектъ. Насильное же введеніе онаго я почиталъ нарушеніемъ правъ народа. Съ симъ мнѣніемъ всѣ были согласны“. И далѣе, по Рылѣеву: „Положено было захватить царскую фамилію и держать оную до съѣзда Великаго Собора... Трубецкой поручалъ мнѣ написать манифестъ, что Государь Императоръ и Цесаревичъ „отказались отъ престола“, и что нынѣ Сенатъ „почелъ необходимымъ созвать на Великій Соборъ народныхъ представителей изъ всѣхъ сословій, которые должны будутъ рѣшить судьбу государства“. Къ сему слѣдовало присовокупить увѣщаніе, чтобы народъ остался въ покоѣ, что имущества, государственныя и частныя, остаются неприкосновенными, и что для сохраненія общественнаго устройства Сенатъ передалъ исполнительную власть Временному Правленію...“

Мы знаемъ, что, какъ Южное, такъ и Сѣверное Общество состояли большею частью изъ республиканцевъ. Они не сомнѣвались, что „Великій Соборъ“ утвердитъ именно республику. И поэтому Пестель прибавляетъ: „когда избранъ будетъ образъ республиканскаго правленія, императорскую фамилію хотѣли посадить, всю безъ изъятія, на корабли и отправить въ чужіе края...“

Декабристы знали, что самое понятіе самодержавія, царя, при всей смутности — еще крѣпко въ народѣ, да и въ арміи, которая вся была тотъ же народъ. Такъ же крѣпко и смутно, какъ понятіе православія, всѣмъ своимъ существомъ поддерживавшее самодержавіе. И проекты манифестовъ въ большинствѣ направлены къ разрушенію идеи самодержавія. Пламенно-религіозный С. Муравьевъ-Апостолъ занимаетъ тутъ особую позицію. Онъ понималъ, что православіе дѣйствительно слито, навѣки спаяно съ самодержавіемъ. Но вѣрилъ и видѣлъ ясно, что *христіанство* не только съ нимъ не слито, а глубоко и дѣйственно отрицаетъ самодержавіе, утверждая свободу.

Вотъ одинъ изъ проектовъ перваго послѣреволюціоннаго манифеста (воззванія къ народу), составленный С. Муравьевымъ-Апостоломъ:

...„Богъ умилосердился надъ Россіей... Христосъ рекъ: „не будьте рабами человѣковъ, вы искуплены кровью Моею“. Міръ не внялъ святому повелѣнью и палъ въ бездну бѣдствій. Но страданья наши тронули Всевышняго. Нынѣ Онъ посылаетъ намъ свободу и спасеніе. Братья! Раскаемся въ долгомъ раболѣпствѣ нашемъ и поклянемся: да будетъ намъ единъ царь на небеси и на земли—Іисусъ Христосъ.

„Всѣ бѣдствія русскаго народа проистекали отъ самовластнаго правленія. Оно рушилось... Богъ ознаменовываетъ волю Свою, дабы мы сбросили съ себя узы рабства, противныя закону христіанскому. Отнынѣ Россія свободна... Но не покусимся ни на какія злодѣянія и безъ распрей междоусобныхъ установимъ правленіе народное... Россійское воинство грядетъ возстановить правленіе народное, основанное на святомъ законѣ... Итакъ, да пребудетъ народъ въ мирѣ и спокойствіи, и да умоляетъ Всевышняго о скорѣйшемъ свершеніи святого дѣла нашего...“

Вотъ манифестъ, который могла бы и должна бы обнародовать въ наши дни, въ 1917 году, воистину христіанская церковь. Увы, ничего похожаго на это не сказала церковь православная. Слишкомъ долго поддерживала она абсолютизмъ, слишкомъ близко жила она къ царямъ и только имъ угождала. Извѣстны іерархи, прямо писавшіе самодержцу: „ты нашъ Христосъ...“

Другой манифестъ Муравьева составленъ уже въ видѣ новаго катихизиса и заключалъ въ себѣ не только отрицаніе самодержавія, но былъ прямымъ призывомъ къ возстанію, къ революціи, во имя христіанскихъ основъ бытія.

Мы къ этому катихизису еще вернемся.

Что касается самого возстанія, то его думали начать на югѣ, во время царскаго смотра. Сѣверъ долженъ былъ выступить со своей стороны почти одновременно, въ условленный и заранѣе опредѣленный срокъ.

„Имѣя 3-й корпусъ за себя,—пишетъ Пестель,—полагали итти съ онымъ на Москву, гдѣ 2-й и 1-й корпуса къ намъ пристанутъ, и тогда Сенатъ заставитъ провозгласить предложенную конституцію и соединить Великій Соборъ“.

Въ 1824 году Пестель пріѣзжалъ въ Петербургъ, чтобы связать оба Общества однимъ управленіемъ и приготовиться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ 1826 году.

Но жизнь перепутала всѣ карты.

„Одна за другой посыпались новости,—пишетъ Герценъ.—Умеръ Александръ I (ноябрь 1825 года, въ Таганрогѣ), Южное Общество предано, Константинъ отказывается отъ короны, Николай ея не принимаетъ... Въ высшихъ сферахъ наступило полное замѣшательство. Войско, сановники и даже члены царской фамиліи колебались, не зная, на чью сторону пристать. Заговорщики не могли не воспользоваться этой сумятицей отреченій, этой тревогой, брошенной въ совѣсть каждаго присягающаго, этимъ междуцарствіемъ съ двумя императорами!

„Первенцы свободы“.
Петръ Григорьевичъ Каховскій (казненъ).

„Не одни бѣдные солдаты потеряли голову. Московскій генералъ-губернаторъ ведетъ сенаторовъ присягать Константину Павловичу, по запискѣ Милорадовича, а московскій митрополитъ не хочетъ присягать, говоритъ, что все это вздоръ, что у него есть въ Успенскомъ соборѣ—свой секретъ“.

Въ Успенскомъ соборѣ давно лежало формальное отреченіе Константина и царское признаніе наслѣдникомъ Николая.

Трудно на первый взглядъ понять поведеніе императора Александра.

Онъ зналъ, что Константинъ пуще огня боится отцовскаго (Павловскаго) престола и ни за что не будетъ царствовать; Александръ уже назначилъ Николая, онъ все это оформилъ — и, однако, спряталъ „секретъ“ въ Успенскомъ соборѣ. У него было, очевидно, ко всему этому отношеніе, какъ къ „дѣлу семейному“, къ Россіи—какъ къ своей вотчинѣ. Оповѣщаютъ ли крѣпостныхъ о будущихъ распорядкахъ по вотчинѣ?

Александру I Николай нравился, какъ самодержецъ, больше, нежели курносый, старый и пугливый Константинъ.

Николай былъ высокъ ростомъ, обладалъ военной выправкой нѣмецкаго образца, вообще имѣлъ видъ „настоящаго прусскаго юнкера“.

Что этотъ статный „юнкеръ“, не помышлявшій о престолѣ, до зрѣлыхъ лѣтъ никакимъ дѣломъ не занимался, ничего не читалъ и (по собственному признанію) только днями околачивался въ царскихъ переднихъ, въ компаніи офицеровъ,—это Александра не заботило. Ничего, справится. Зато у него уже налицо была и жена, нѣмецкая принцесса, и тоже подходящей наружности, да, кстати, и сынъ-наслѣдникъ. Все устраивалось.

Александръ I былъ человѣкъ упрямый, сентиментальный и суевѣрный. Онъ царствовалъ, не помышляя о скорой смерти, однако любилъ говорить о ней и даже о томъ, что ему хочется еще при жизни отречься отъ престола, уйти „въ тихое уединеніе“. Надъ этой мыслью онъ умилялся, но, конечно, никуда бы не ушелъ.

Самое любопытное, что онъ отлично зналъ о существованіи Тайнаго Общества, о заговорѣ противъ него, — вплоть до нѣкоторыхъ именъ заговорщиковъ. И зналъ давно.

Унтеръ-офицеръ 3-го Бугскаго уланскаго полка, Шервудъ, явился въ одинъ прекрасный день къ Аракчееву и донесъ ему о Южномъ Обществѣ, все по порядку. Повторилъ доносъ самому государю.

Шервуду приказано было содержать все втайнѣ, и даны отъ Александра и Аракчеева полномочія возвратиться назадъ, входить въ самыя близкія сношенія съ заговорщиками, вызывать сочувствіемъ ихъ довѣріе и о вывѣданномъ правильно доносить.

Такимъ образомъ царь сдѣлалъ изъ доносчика провокатора, въ настоящемъ смыслѣ этого слова,—можетъ-быть, перваго русскаго провокатора.

Царь зналъ все. И, несмотря на уговоры Аракчеева, хранилъ доносы, имена, въ глубочайшей тайнѣ. Не дѣлалъ и никому не позволялъ сдѣлать шага къ аресту заговорщиковъ. Почему онъ медлилъ? Мужественно выжидалъ? Нѣтъ. Именно мужества-то въ немъ и не было. Онъ медлилъ и колебался отъ суевѣрнаго страха.

Кошмаръ, преслѣдовавшій его всю жизнь, — дворцовое убійство Павла I, отца, — и тутъ стоялъ у него въ глазахъ. Вѣдь Павелъ тоже зналъ о заговорѣ противъ него. Молчалъ. И ничего не было, пока молчалъ. А только-что рѣшился, вызвалъ Аракчеева, велѣлъ арестовать заговорщиковъ,—какъ тутъ все и случилось.

Александръ трепеталъ, дѣлая сближенія, боясь скверной примѣты. Лучше подождать. Пока ждешь—не случится.

Примѣта, кстати сказать, сбылась.

Ничего не случилось. Александръ умеръ неожиданно, но своей смертью, и умеръ, какъ жилъ—самодержцемъ.

Но тотчасъ послѣ смерти царя, начальникъ Главнаго Штаба Дибичъ, въ Таганрогѣ, найдя въ бумагахъ Александра указанія на заговоръ, счелъ своей обязанностью дать дѣлу немедленный ходъ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ было еще спокойно. Ходили только смутные слухи о нездоровьѣ государя; и вдругъ полученная вѣсть о его смерти (черезъ 8 дней послѣ событія) поразила всѣхъ неожиданностью. Тутъ-то и началось „смятеніе умовъ“, колебанія насчетъ присяги, поиски настоящаго наслѣдника. Константинъ жилъ въ Варшавѣ. Къ нему поскакали курьеры. Возвращались съ отказомъ и опять скакали обратно.

Надо помнить, что для всѣхъ этихъ путешествій, по сквернымъ осеннимъ дорогамъ, на перекладныхъ, требовались дни. И дни шли. Междуцарствіе длилось.

Члены Тайнаго Сѣвернаго Общества почувствовали, что не могутъ оставаться въ бездѣйствіи. Какъ же они дѣйствовали?

Окончаніе слѣдуетъ

Въ дни революціи. *Полицейскій участокъ въ огнѣ.* *А. Максимовъ.*

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть **Ренэ Бенжамэна.**

Авторизованный переводъ съ французскаго **М. П. Благовѣщенской.**

(Продолженіе).

На слѣдующее утро шелъ дождь.

Дороги размыло, липкая грязь приставала къ колесамъ и разлеталась во всѣ стороны. По дорогамъ тянулись безконечные обозы, и солдатамъ приходилось итти по краямъ, а иногда спрыгивать въ канавы.

Бумъ!.. Бумъ!—Грохотъ пушекъ слышался все яснѣе, выстрѣлы раздавались все чаще. Пинселу шелъ молча. Гаспаръ объявилъ громогласно:

— Наконецъ-то мы ихъ увидимъ! Надо спросить у капитана.

Онъ возвратился, смѣясь. Капитанъ отвѣтилъ ему:

— Сегодня каждый можетъ съѣсть по коробкѣ мясныхъ консервовъ.

— Это замѣчательный типъ,—сказалъ Бюреттъ.—Когда на насъ будутъ сыпаться пули, у него хватитъ духу спросить: „У всѣхъ ли есть щетки для чистки сапогъ?"

— Какъ бы то ни было,—замѣтилъ Моро,—но намъ не очень-то часто даютъ отдыхъ.

— Да, а насчетъ революціи въ Германіи тоже пока ничего достовѣрнаго неизвѣстно,—произнесъ со вздохомъ сержантъ Фоссъ, мрачный и заморенный ходьбой.

Грязь становилась все болѣе и болѣе непроходимой. Здѣсь мѣстность была болѣе холмиста, съ крутыми спусками и подъемами, на которыхъ ремни особенно больно натирали плечи, и сильно напрягались мускулы ногъ.

— Нѣтъ, это мнѣ совсѣмъ больше не нравится,—сказалъ Гаспаръ.—Стоитъ только мнѣ повернуть спину Эйфелевой башнѣ, какъ меня начинаетъ глодать тоска.

— Приходится поворачивать спину также и женѣ,—подхватилъ Бюреттъ.

— У меня волосы на головѣ становятся дыбомъ,—сказалъ Моро.

— Выкопай свеклу,—посовѣтовалъ Гаспаръ,—и заройся въ ямку.

Раздался рѣзкій свистокъ. Внезапная остановка. Толкая другъ друга, солдаты спустились въ канаву и сложили ружья въ пирамиды.

— Не толпитесь, располагайтесь вдоль дороги,—кричалъ сержантъ.

Подъ мелкимъ, пронизывающимъ дождемъ солдаты курили, распространяя кругомъ запахъ кожи и мокрой шерсти.

Остановка была настолько короткая, что они едва успѣли напиться изъ фляжекъ и посчитаться другъ съ другомъ. „Конечно, у тебя никогда ничего нѣтъ... Тебѣ приходится вѣчно все давать".—И колонна снова выстроилась и зашагала по грязной дорогѣ.

Капитанъ Пюшъ шелъ пѣшкомъ, рядомъ со своей ротой. На ходу онъ давалъ практическіе совѣты относительно того, какъ лучше вскрывать коробки съ консервами: „Вскрывайте лучше по одной на двоихъ, потому что это скоро портится".

— Куда мы идемъ?—спрашивали солдаты.

— Мы приближаемся къ главнымъ силамъ, отвѣтилъ капитанъ.—Мы—резервъ дѣйствующей.

— Такъ, значитъ, мы будемъ сегодня драться?—спросилъ Ромарэнъ, весь сіяя.

— Не знаю,—отвѣтилъ капитанъ Пюшъ.—Во всякомъ случаѣ, я повторяю: каждому полагается по коробкѣ консервовъ.

Да, каждый имѣлъ право на это, но не было времени, чтобы воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ, какъ слѣдуетъ. При первой же остановкѣ Гаспару удалось вскрыть одну коробку, но тутъ раздался рѣзкій свистокъ, и пришлось снова маршировать и ѣсть на ходу, а отъ этого перехватывало дыханіе.

Подъ вечеръ дождь совсѣмъ пересталъ итти, и небо прояснѣло. Показалось даже солнце, которое закатывалось за отдаленные холмы на горизонтѣ, покрывая небо багровымъ заревомъ и придавая всей мѣстности, залитой водой, мрачный и кровавый колоритъ, колоритъ войны. Вотъ уже десять часовъ подъ рядъ солдаты шагали, не переставая, и Моро началъ прихрамывать. Наступила ночь, а солдаты продолжали итти тѣмъ же скорымъ маршемъ. Всѣ съѣли на ходу свой раціонъ и шли молча, вытянувъ шею, опустивъ голову и поддергивая вверхъ мѣшокъ черезъ каждые сто метровъ.

Луны нигдѣ не было видно. Бо̀льшая часть солдатъ шла съ закрытыми глазами, время отъ времени клюкая носомъ въ затылокъ идущаго впереди.

Около полуночи — послѣ пятнадцати часовъ марша — даже Гаспаръ, у котораго пересохло въ горлѣ, и ноги котораго ныли и болѣли, почувствовалъ непреодолимую усталость. И вотъ онъ началъ ворчать:

— Почему намъ ничего не говорятъ о томъ, что собираются дѣлать? Почему съ нами обращаются, какъ съ телятами какими-то? Я ихъ предупреждаю: я плюну на все!

Ихъ—это означало генеральный штабъ, генералы, Франція. И онъ прибавилъ:

— И на кой чортъ мы шлепаемъ по грязи безъ конца? Когда я хочу схватить кого-нибудь за шиворотъ, я жду его за угломъ на улицѣ, а не сучу ногами всю ночь напролетъ.

Вокругъ него раздались сочувствующіе голоса, въ которыхъ звучала чуть ли не ненависть. Солдаты окончательно обезсилѣли. Но капитанъ Пюшъ, слышавшій это, зашелъ въ ряды и спросилъ:

— Гаспаръ и ты, Моро, я готовъ пари держать, что вы устали меньше другихъ.

— О, что касается этого... право... это возможно,— отвѣтилъ Гаспаръ.

И онъ выпрямился немного.

— Такъ вотъ, вы отправитесь съ фурьеромъ впередъ и приготовите намъ хорошую горячую похлебку въ десяти километрахъ отсюда. А полкъ пойдетъ немного медленнѣе.

— Похлебку?.. О, идетъ... великолѣпно, идетъ!

Толкая Моро за плечо, онъ уже вышелъ изъ рядовъ, чтобы перегнать колонну.

— А если найдутся устрицы, такъ ихъ брать?

— Бери, бери! Средства у насъ есть — рота заплатитъ.

Устрицъ Гаспаръ не нашелъ, но на разсвѣтѣ ему удалось поймать около одной фермы заблудившуюся утку. Онъ несъ ее цѣлый часъ, ласкалъ и разговаривалъ съ ней, а на полѣ, гдѣ имъ приказано было остановиться, онъ свернулъ уткѣ шею, ощипалъ ее и выпотрошилъ.

Онъ набралъ хворосту, накопалъ картошки, разыскалъ кое-какихъ овощей и наконецъ разложилъ костеръ въ уголку, закрытомъ отъ вѣтра. Благодаря Гаспару, когда рота пришла, Голодъ усѣлся за столъ, а Усталость улеглась.

О, на этотъ разъ никто не замѣчалъ, что картошка слишкомъ водяниста! Правда, аромата въ картошкѣ не осталось никакого, но вода, въ которой она плавала, была горячая, и въ ней попадались кусочки мяса. Это было настоящее пиршество для всѣхъ этихъ изголодавшихся людей.

Гаспаръ сіялъ, глядя, какъ уписывали за обѣ щеки его товарищи.

Увы, удовольствіе это длилось недолго. Едва солдаты успѣли насытиться, — нѣкоторые изъ нихъ сейчасъ же задремали, уткнувшись носомъ въ землю,— какъ пришелъ приказъ трогаться дальше.

Тутъ всѣ бросились къ котлу, въ которомъ Гаспаръ приготовилъ кофе, и протягивали манерки, толкая другъ друга.

— Наливайте себѣ сами! — крикнулъ Гаспаръ.

И онъ сталъ застегивать ремни своего мѣшка.

Когда онъ снарядился и въ свою очередь подошелъ къ котлу, то нашелъ его перевернутымъ,—все было выпито до послѣдней капли.

— Ахъ, свиньи! Они все выпили!

И вдругъ его охватила такая ярость, что онъ не помнилъ себя. „Какъ, они все выдули и ничего не оставили ему... а онъ-то старался, варилъ, кипятилъ и ни разу не присѣлъ даже!“ Моро пытался его успокоить, наконецъ вмѣшался даже лейтенантъ, но все было напрасно. Гаспаръ объявилъ, что не хочетъ сражаться, что предпочитаетъ сдѣлаться бошемъ.

Двинулись въ путь. Гаспаръ еле волочилъ ноги, и время отъ времени у него возобновлялись припадки бѣшенства.

Было жарко, душно. Въ воздухѣ не было никакого движенія, все точно застыло. Вдругъ, совершенно неожиданно, загрохотала пушка, выстрѣлы раздавались одинъ за другимъ. Солдаты были въ изнеможеніи, но все-таки сердца ихъ сжались. На этотъ разъ это было дѣйствительно сраженіе, и имъ предстояло принять въ немъ участіе.

Они прошли черезъ ржаное поле, потомъ миновали лѣсъ, прошли по окраинѣ деревни, казавшейся вымершей и пустой. И тутъ они увидѣли, свернувъ въ сторону, дорогу, которая поднималась прямой линіей на острый гребень. Что-то полкъ увидитъ, когда взойдетъ на этотъ гребень?

Великій Боже!.. Сердца солдатъ сжались и почти перестали биться, и эта толпа измученныхъ людей испустила крикъ ужаса и отчаянія, — полкъ въ первый разъ увидѣлъ воочію страшный призракъ войны: весь горизонтъ былъ объятъ пламенемъ!

Тамъ германцы! Линія пламени—это они. Они жгли деревни.

Немного спустя, солдатамъ, не спускавшимъ глазъ съ ужаснаго зрѣлища, начали попадаться навстрѣчу безконечныя вереницы несчастныхъ бѣженцевъ, животныхъ и людей: женщинъ, дѣтей, стариковъ, скученныхъ въ разбитыхъ телѣгахъ и хлещущихъ изо всѣхъ силъ старыхъ клячъ, отъ которыхъ отказалась армія. Въ минуты паники, когда они бросали насиженныя мѣста, гдѣ все кажется дорогимъ, они побросали какъ попало свой скарбъ на телѣги. Изъ груды узловъ и всякаго хлама выглядывали ихъ лица, выражавшія смертельный ужасъ.

Дорога сдѣлалась уже. Полкъ остановился, чтобы пропустить это людское стадо, стонущее и обезумѣвшее. Калѣки, беременныя женщины, собаки, телята, которыхъ тащили, и которые упирались и жалобно мычали,—все это тянулось по дорогѣ безконечной вереницей.

Одна женщина, съ упавшими на глаза волосами, горько ры-

Митингъ на кухнѣ. *П. Бучкинъ.*

дала. Въ суматохѣ она потеряла одного изъ своихъ троихъ дѣтей, а двое, держась за ея юбку, горько плакали. Гаспаръ спросилъ старшаго:

— Почему ты плачешь, мальчикъ?

— Клементина потерялась...

— Это твоя сестричка? Ничего, тебѣ принесутъ обратно твою сестричку! Вѣдь ты видишь, что мы туда идемъ, и мы ее разыщемъ!.. Ну, а кромѣ того, вѣдь съ той стороны подходятъ русскіе...

Онъ произнесъ слово „русскіе" такъ горячо, съ такой твердой вѣрой, что ребенокъ перестаъ плакать. Правда, говоря это, Гаспаръ вынулъ изъ своего мѣшка то, что было у него самаго драгоцѣннаго: остатки шоколаду и круглую коробочку.

— Вотъ, возьми это,— сказалъ онъ.—Это паштетъ съ улицы de la Gaîté. Мнѣ дала его старуха, она сказала: „Ты его съѣшь только въ томъ случаѣ, если будешь раненъ". Ну, такъ перестань же ревѣть, не то смотри!

И онъ погрозилъ ребенку пальцемъ, и его широкая рука имѣла при этомъ видъ необыкновенно покровительственный.

Но надо было бѣжать, догонять товарищей. Онъ прибавилъ на прощанье:

— До свиданія, мальчуганъ, мы еще увидимся... я принесу тебѣ германскую каску!

Онъ побѣжалъ вдоль вереницы бѣгущихъ людей, выкрикивая время отъ времени:

— Ничего, старики! Мы за васъ отомстимъ! Не даромъ мы молодцы изъ Пантрюша!

И онъ судорожно сжималъ прикладъ ружья.

Солдаты шли, шли безъ конца. Всѣ забыли объ усталости, до такой степени ихъ возбудилъ ужасный видъ бѣженцевъ. Конечно, языки не были у всѣхъ такъ хорошо подвѣшены, какъ у Гаспара. Почти всѣ молчали. Но глаза ихъ съ ужасомъ смотрѣли на все то новое и трагическое, что имъ приходилось теперь видѣть!

Передъ одной группой домовъ, которые возвышались надъ равниной, и откуда открывался широкій видъ на пылавшія вдали деревни, стояли три женщины, одна старая и двѣ молодыя, должно-быть, дочери старой. Руки ихъ были судорожно сжаты, губы дрожали, и онѣ плакали, глядя на линію огня. Онѣ стояли неподвижно, безъ жестовъ, и только бормотали просто и коротко, но такимъ голосомъ, который проникалъ въ самую душу:

— Теперь наша очередь... Завтра дойдетъ очередь до насъ... Наша очередь!

И онѣ прислонялись спинами къ своему дому, къ этимъ старымъ стѣнамъ, представлявшимъ собою все ихъ достояніе, уже обреченное на гибель, потому что „варвары" надвигались.

Да, варвары. Но почему же полкъ не осмѣливался, какъ это сдѣлалъ бы Гаспаръ, итти прямо на нихъ? Вѣдь ихъ видно было уже тамъ, вдали. Они были на разстояніи нѣсколькихъ километровъ. А между тѣмъ полкъ шелъ совсѣмъ не въ томъ направленіи. Почему?

Моро пришла въ голову блестящая идея:

— Должно-быть, ихъ хотятъ атаковать съ фланга.

— Съ фланга... Тебя самого надо взять съ фланга!—замѣтилъ Гаспаръ возмущенно.—Развѣ такъ нападаютъ?

Онъ любилъ дѣйствовать прямо и открыто. Но на этотъ разъ онъ снова нашелъ утѣшеніе въ русскихъ.

— Надо дождаться тѣхъ, другихъ, оттуда.

— Кого?

— Да казаковъ! А мы, мы будемъ изводить ихъ и дразнить, пока не придутъ казаки... А вѣдь, ты знаешь, казаки налетаютъ, какъ ураганъ, я это видѣлъ въ кинематографѣ... И вотъ мы будемъ тянуть, пока на нихъ не обрушатся казаки съ другой стороны.

— Я ничего не понимаю,—сказалъ Бюреттъ,—потому что русскіе вотъ уже три недѣли, какъ двигаются у себя впередъ... Какимъ же образомъ они очутятся у насъ? До насъ ли имъ теперь?

— Тутъ нечего понимать,—сказалъ Гаспаръ.—Если будешь думать надъ этимъ фокусомъ, то съ ума сойдешь.

И они все шагали, шагали безъ конца. Почти всѣ прихрамывали. Строя больше никакого не было, шли толпой.

Теперь, когда дорога освободилась и солдаты могли разговаривать только другъ съ другомъ, они снова почувствовали смертельную усталость. Солнце взошло и палило затылки и спины солдатъ.

— Разстегнуть шинели!—приказалъ полковникъ.

Пинселу заворчалъ:

— Шинели или не шинели, разстегнуть или застегнуть, а я сваливаюсь въ канаву, и вы можете продолжать ваше путешествіе безъ меня.

— Ты, братъ, ловко хочешь устроиться,—замѣтилъ Гаспаръ.—Ты, навѣрное, ожидаешь, что тебѣ преподнесутъ готоваго, убитаго боша, а тебѣ останется только поджарить его!

— Во всякомъ случаѣ, я зажарилъ бы его лучше тебя... Если я теперь ковыляю, такъ это потому, что я ничего не жралъ. Съ тобой приходится жрать одну только жижицу... прямо съ души претъ!

Гаспаръ вспыхнулъ:

— Что ты говоришь?

— Я говорю, что, если ты не слыхалъ, такъ можешь телефонировать мнѣ.

Критическій моментъ,—всѣ это почувствовали. Приходилось выбирать между истиной... и похлебкой, какая бы она ни была жидкая! Никто не колебался. Голосовъ двадцать злобно крикнули недовольному:

— Однако, послушай, ты свинья послѣ этого! Ужъ не хочешь ли ты, чтобы тебѣ подавали бекасовъ или лососину? На что это похоже? Этакая свинья!

Гаспаръ преисполнился чувствомъ гордости. Онъ—кашеваръ, самый важный послѣ ротнаго человѣкъ. Онъ сознавалъ, что всѣ дорожатъ имъ, льстятъ ему, потому что спорить съ нимъ—это то же самое, что голодать.

Бюреттъ, побагровѣвшій отъ жары, глубоко вздохнулъ:

— Господи, говорятъ о горячей похлебкѣ! А я теперь могу думать только о мороженомъ! Ахъ!... очутиться бы теперь въ кафе и крикнуть: „Порцію мороженаго!"

Ноги вздымали цѣлыя тучи пыли, и солдаты стали сѣрыми, даже волосы и усы посѣдѣли у всѣхъ.

Нѣкоторые стали отставать, садились на краю дороги, обмахивались платками, растягивались. Позади колонны, между послѣднимъ рядомъ и лошадью доктора, тащилось человѣкъ пятьдесятъ, едва волоча ноги, хромая, перекладывая мѣшокъ изъ одной руки въ другую, помогая другъ другу. Капитанъ Пюшъ съ болью въ сердцѣ насчиталъ десять человѣкъ отставшихъ изъ своей роты. Онъ только-что узналъ отъ полкового командира, что имъ осталось пройти еще шесть километровъ до деревни, достаточно отдаленной отъ германцевъ, гдѣ они могли бы остановиться на ночевку. Надо было какъ-нибудь поддержать въ солдатахъ силы для этого послѣдняго перехода. Принять участіе въ сраженіи они должны были только на слѣдующій день, а потому солдатамъ можно было пообѣщать отдыхъ. Но... они шли уже въ продолженіе тридцати часовъ, и трудно заставить понять войско, которому не грозитъ непосредственной опасности, что оно должно пересилить свою усталость и проявить нѣкоторую энергію. Необходимо было какое-нибудь средство, которое оказалось бы дѣйствительнѣе всякихъ доводовъ и убѣжденій. Капитану Пюшу повезло, и, благодаря счастливой случайности, это средство представилось ему въ видѣ бочки вина. Одинъ изъ бѣженцевъ-крестьянъ среди другого скарба, наваленнаго на возу, везъ бочку вина. Капитанъ Пюшъ воспользовался этимъ.

Онъ остановилъ свою роту, пропустилъ впередъ другія роты и спросилъ крестьянина:

— Что стоить ваша бочка?

— Бочка? Да, право, не знаю... Это зависитъ... А для чего вамъ вино?.. Это хорошее вино, собственное... И везу я его вовсе не для того, чтобы продавать... Сколько же вы хотите дать за него?

Пюшъ отвѣтилъ:

— Не торгуйтесь... вѣдь это для солдатъ.

— О, для солдатъ... я ихъ знаю! Мы только и видимъ, что солдатъ... Бочка въ сто двадцать литровъ... Ну, я съ васъ возьму семьдесятъ франковъ.

— Вотъ, берите,—сказалъ капитанъ.

И онъ позвалъ:

— Гаспаръ!

Гаспаръ подбѣжалъ къ нему.

— Эта бочка для васъ, — сказалъ капитанъ Пюшъ. — Намъ надо пройти сегодня еще шесть километровъ. Надѣюсь, что никто не отстанетъ.

— О... кромѣ шутокъ, капитанъ! Надо быть послѣднимъ мерзавцемъ, чтобы отстать послѣ такого угощенія.

— Ну, такъ раздавайте.

У Гаспара глаза сдѣлались круглыми. Онъ обхватилъ бочку обѣими руками, точно хотѣлъ ее расцѣловать, и повернулъ на телѣгѣ. Потомъ онъ велѣлъ расправить брезентовыя ведерки, и солдаты стали подходить къ боченку по очереди. Они прошли два раза, каждый получилъ по двѣ порціи.

Вино было великолѣпное. Оно было слегка тепловатое, снятое со склоновъ Франціи, уже занятыхъ врагомъ. Это вино разлилось живительной струей по жиламъ изнемогавшихъ, разбитыхъ отъ усталости солдатъ. Мускулы ихъ снова пріобрѣли упругость, а мысли стали бодрѣе и веселѣе, языки развязались, сердца забились быстрѣе.

Эти двѣсти пятьдесятъ солдатъ, осушивъ бочку вина, пріобрѣли молодцеватый и побѣдоносный видъ. Куда дѣвалась усталость? Они шли бодро и не хромали больше, глаза у нихъ сверкали, лица сіяли улыбкой. И они чуть не со слезами на глазахъ, взоромъ, полнымъ благодарности, смотрѣли на своего начальника, такого скромнаго и спокойнаго, которому пришла въ голову эта отеческая мысль.

Вино переродило эту толпу измученныхъ, доведенныхъ до отчаянія людей и превратило ихъ въ отрядъ веселыхъ и жизнерадостныхъ солдатъ, марширующихъ подъ пѣніе.

Разумѣется, Гаспаръ тотчасъ же затянулъ:

Маркитантка, трамъ-тамъ-тамъ,
Вся въ родинкахъ—здѣсь и тамъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ю. Стекловъ. Б. Богдановъ. М. Скобелевъ. Г. Плехановъ. Н. Чхеидзе. И. Церетелли.

Всероссійскій съѣздъ представителей Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Разсказы о великихъ дняхъ.

Гость.

Юрія Волина.

Съ нами сидитъ пожилой человѣкъ, благообразный, съ высокимъ лбомъ и умнымъ взглядомъ внимательныхъ карихъ глазъ, хорошо одѣтый, обходительный, все время мягко и пріятно улыбающійся.

Человѣкъ, пользующійся уваженіемъ и заслужившій уваженіе.

Къ нему особенно внимательны не только хозяева, но и гости.

Никто не начинаетъ разговора. Это право на сегодня отдано ему одному. И только то, о чемъ онъ хочетъ говорить, дѣлается предметомъ общей бесѣды.

А онъ, этотъ симпатичный человѣкъ съ лицомъ профессора, только спрашиваетъ.

Удивительные по наивности вопросы задаетъ онъ обществу, состоящему изъ людей мысли и искусства, не любящихъ общихъ разговоровъ, обыкновенно избѣгающихъ даже „злободневныхъ" темъ, сыплющихъ парадоксы, живущихъ мечтами о далекомъ будущемъ!

— Объясните мнѣ, пожалуйста, почему всѣ говорятъ Петроградъ, а не Санктъ-Петербургъ?

— Отчего Дума называется „четвертой"?

— А вы не знаете, когда идетъ поѣздъ въ Вильну? Я хочу поѣхать въ Вильну. Вѣдь это мой родной городъ.

Смѣшные, нелѣпые вопросы!

Даже не дѣтскіе. Десятилѣтній мальчикъ не сталъ бы задавать такихъ вопросовъ!

Но мы не смѣялись надъ этими смѣшными вопросами сѣдого господина, похожаго на профессора.

Мы терпѣливо выслушивали ихъ и охотно отвѣчали ему. Перебивая другъ друга, старались толково и понятно объяснить ему и о Петроградѣ, и о японской войнѣ, и о Думѣ, и о томъ, что его родной городъ Вильна занятъ нѣмцами.

А вопросы сыпались одинъ за другимъ.

Мягко и немного растерянно улыбаясь, странный человѣкъ оправдывался:

— Вы меня простите великодушно. Вамъ, вѣроятно, скучно говорить о вещахъ, давно вамъ извѣстныхъ. Но я вѣдь ничего не знаю... Ничего не знаю... До ужаса ничего не знаю!..

И послѣ короткой паузы совсѣмъ смущенно продолжаетъ:

— Я взялъ сегодня газету... Впервые... Я пробовалъ читать. Непонятно. Ну, точно неграмотный я! Точно не русская газета!.. И слова все такія, которыхъ я никогда не слыхалъ... Вотъ, напримѣръ, о войнѣ. „Дирижабли", „противогазы", что это?.. Ничего не понимаю! А имена? Вѣдь для меня всѣ эти имена пустыя, безъ значенія. Или, вотъ такія слова: „октябристы", „кадеты", „большевики", „меньшевики"... Я ничего, ничего не понимаю!.. Я думалъ вчера: вотъ я возьму газету, и новые міры откроются передо мною. Но я ничего не узналъ изъ газеты, ничего не понялъ, какъ слѣпой, блуждалъ въ лабиринтѣ незнакомыхъ словъ и именъ... И такимъ безпомощнымъ, такимъ жалкимъ чувствовалъ себя!.. И смѣялся надъ собой!

— Возьмите меня въ лектриссы! — предложила молодая писательница. — Я буду вамъ ежедневно читать газеты и комментировать!

— Нѣтъ! — твердо отвѣтилъ гость.

— Но почему? — немного смущенно спросила писательница.

— Потому что это слишкомъ тяжелая и нудная задача возиться со мной.

— Я была учительницей и привыкла объяснять долго, терпѣливо, если надо, многократно! — настаивала молодая женщина. — Вамъ же, я думаю, совсѣмъ недолго пополнить ваши знанія. Черезъ нѣсколько дней вы будете разбираться во всемъ такъ же, какъ мы.

— Нѣтъ, сударыня, это не такъ. Человѣкъ, упавшій съ луны на землю, самое надоѣдливое и непріятное существо. Сейчасъ я представляю для васъ всѣхъ интересъ. Скажемъ, музейный интересъ. Революція вамъ всѣмъ дорога, а я, въ нѣкоторомъ родѣ, видный экспонатъ въ музеѣ революціи... Даже мои глупые вопросы васъ пока еще не раздражаютъ. Но нѣсколько дней общенія со мной, и вы почувствуете тяготу. Человѣкъ, не бывшій съ вами вчера... и не только съ вами, вообще не бывшій, внезапно появившійся изъ какой-то пустой неизвѣстности... это тягостно, сударыня. Я хорошо понимаю это.

— Совсѣмъ нѣтъ! — сталъ кто-то возражать.

Но странный гость не далъ ему говорить. Онъ самъ еще не высказался.

— Вы здѣсь всѣ люди науки, искусства. Я не понимаю, какъ могу я даже временно, даже случайно быть въ вашей средѣ. Я, знающій послѣднюю литературную новинку, вышедшую ровно двадцать пять лѣтъ тому назадъ, и видѣвшій послѣднюю пьесу четверть вѣка назадъ? Считающій послѣдними писателями, художниками, артистами тѣхъ, которые вами давно забыты! И не знающій даже именъ властителей думъ нынѣшнихъ! Не знающій названія вашихъ любимыхъ книгъ, картинъ, пьесъ! Ни вопросовъ, которые занимаютъ васъ, ни того, что сдѣлалъ въ области науки и искусства каждый изъ васъ... Вѣдь я же чужой среди васъ! Ну да, я самъ считалъ себя человѣкомъ искусства. Я писалъ, даже всѣ эти годы писалъ. Но если пріѣдетъ къ вамъ, скажемъ, краснокожій поэтъ, — можетъ-быть, и у нихъ есть поэты? — что общаго между нимъ и вами? О чемъ вы будете говорить? На какомъ фундаментѣ можетъ быть построено ваше общеніе?.. То же я... Ну, да... Заслуги стараго народовольца... Дивное освобожденіе, связанное съ днемъ рожденія свободы... Вотъ то, что вызываетъ въ васъ интересъ ко мнѣ. Но послѣ всего этого остается еще личность, не только экземпляръ изъ музея революціи, но человѣкъ, пришедшій изъ прошлаго, чтобы жить въ настоящемъ! Вотъ этотъ-то человѣкъ рѣшительно не представляетъ для васъ никакого интереса! Смѣшной обломокъ прошлаго, наводящій жуть своей отсталостью, вотъ и все!.. Вы сегодня такъ мило внимательны ко мнѣ, что я считаю своимъ долгомъ предупредить васъ: я скучный, нелѣпый человѣкъ, и мое присутствіе будетъ тяготить васъ. Вѣдь вы еще не знаете всей глубины моего невѣжества! Слѣдовательно, и всей назойливости моего любопытства!.. Право же, лучше намъ держаться подальше другъ отъ друга! Сегодня вы меня уважаете за прошлое. Завтра вы будете меня жалѣть. Это будетъ естественно. Развѣ я не жалокъ въ своей отсталости?.. Я буду завидовать, а вы будете жалѣть... Это естественно. Но я этого не хочу. Мнѣ это причинитъ боль. И я лучше сдѣлаю, если уйду отъ общества, и гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, втихомолку, подготовлюсь... Постараюсь нагнать васъ, если это возможно!

На этотъ разъ никто не сдѣлалъ попытки возразить ему.

Каждый изъ насъ думалъ о томъ, что онъ сказалъ. И, вдумываясь въ его слова, мы начали ощущать странную неловкость. Что же это? Среди насъ русскій интеллигентъ съ такимъ пріятнымъ и умнымъ лицомъ. Но онъ не знаетъ „Воскресенія" Толстого. Онъ не знаетъ Чехова! Никакого содержанія нѣтъ для него въ именахъ Горькаго, Шаляпина, Бальмонта, Станиславскаго!.. Становилось тягостно. Зарождалась жалость къ нему, — то, чего онъ такъ боялся.

Молчаніе прервала хозяйка:

— Разскажите же намъ о себѣ, дорогой гость нашъ! О томъ, что вы пережили за эти двадцать пять лѣтъ.

Странный человѣкъ печально улыбнулся.

— Разсказать могу. Это недолго. Но это и неинтересно. Даже о себѣ нѣтъ у меня новаго для васъ!

Разсказъ его дѣйствительно былъ недологъ и не новъ.

Ему было 23 года, когда его арестовали и посадили въ крѣпость. Теперь ему 48 лѣтъ. А въ промежуткѣ между арестомъ и освобожденіемъ ничего не было. Ни одного событія, ни одного происшествія. Вотъ и вся фабула его повѣсти: посадили его, и онъ сидѣлъ; выпустили, и онъ вышелъ!.. Для повѣсти, дѣйствіе которой растянуто на двадцать пять лѣтъ, слишкомъ мало, обидно мало!

Внутреннее содержаніе? Психологія? Настроенія?

И о нихъ разсказывать недолго.

Ну, вотъ. Онъ вошелъ въ камеру юношей, влюбленнымъ женихомъ, бодрымъ, порывистымъ, неисточимо жизнерадостнымъ.

Если бы онъ не зналъ, что дверь заперлась навсегда, онъ, должно-быть, мучился бы, считалъ бы часы и минуты, бился бы головой о каменную стѣну, зубами рвалъ бы желѣзную рѣшетку оконца.

Но передъ нимъ было огромное, до ужаса опредѣленное и законченное, какъ желѣзное кольцо, замкнутое:

— Никогда!

Никогда не откроется эта дверь.

И вошелъ онъ сюда:

— Навсегда!

Это можетъ показаться дикимъ и невѣроятнымъ, но онъ утверждаетъ, что въ этой закругленной безнадежности было облегченіе, можетъ-быть, спасеніе. Терзанія, даже самыя страшныя, все же держатся на надеждѣ, на обломкахъ надежды, на соломинкѣ надежды. А тамъ, гдѣ нѣтъ и соломинки, гдѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ смотритъ сѣрый глазъ безнадежности, тамъ замираютъ терзанія, и на смѣну имъ приходитъ тупое равнодушіе.

Навсегда!

Значитъ, кончено все. Значитъ, и думать ни о чемъ не надо, и тосковать не о чемъ, и мечтать не о чемъ... Вѣдь навсегда!

И то, что ни одно извѣстіе извнѣ не доходило до него, тоже дѣйствовало на него успокаивающе. Все кончилось для него. Міръ застылъ на той точкѣ, на которой стоялъ въ день его

ареста. Для него несмѣняемыми, безсмертными до его смерти, остались правители, учителя, корифеи искусства, вожди партій. И не было для него ни одного событія этихъ двадцати пяти лѣтъ.

Какъ жилъ онъ?

Любилъ спать. Это самое главное, самое яркое, что онъ можетъ сказать о жизни узника. Явь была неподвижна, и, можетъ-быть, потому было много движенія въ сновидѣніяхъ. Сонъ переносилъ его въ родной городъ, оживлялъ умершее для него, возвращалъ ему живую впечатлительность, бодрую дѣятельность. Онъ жилъ только во снѣ. День былъ только подготовкой къ ночи, отдыхомъ отъ дѣйственныхъ, волнующихъ и пріятно утомляющихъ сновидѣній.

Надо было, однако, заполнять и дни. Онъ мастерилъ какія-то корзинки и бонбоньерки. Занимался математикой и писалъ книгу, большую и, должно-быть, никому не нужную книгу... Потому что

— Какой Канаровъ?—спросилъ гость.

— Докторъ Канаровъ. Онъ васъ зналъ въ молодости, и вы должны его помнить.

Гость возбужденно спросилъ:

— Какъ его зовутъ?.. Миша?.. Михаилъ Макаровичъ?

— Да.

— Гдѣ же онъ? Господи! Гдѣ онъ? Когда я его увижу, когда я услышу его голосъ, тогда я повѣрю, что это не сонъ, что я въ самомъ дѣлѣ наново вошелъ въ жизнь!

— Онъ говорилъ, что придетъ. Но онъ очень занятъ. Могли его задержать какія-нибудь непредвидѣнныя обстоятельства.

— Можно позвонить ему по телефону!—догадался кто-то.

— Да, въ самомъ дѣлѣ!—обрадовалась хозяйка.—Вы можете сами поговорить съ нимъ по телефону!

Странный гость смущенно улыбнулся и растерянно оглянулся.

А жизнь такъ прекрасна! XXV выставка Общества Петроградскихъ художниковъ. *М. Игнатьевъ.*

не можетъ человѣкъ съ застывшей душой написать книгу, нужную людямъ!

Томительно долго тянулись дни, но стремительно быстро проносились годы.

Онъ не считалъ ни дней ни лѣтъ.

Съ перваго дня рѣшилъ: не знать!

Зачѣмъ? Вѣдь дни и годы ни къ чему не приближали его!

Наяву никогда не мечталъ онъ о свободѣ. Въ годы мрачной безнадежности былъ онъ изъятъ изъ жизни и не унесъ съ собой вѣры въ возможность близкой побѣды.

Въ сновидѣніяхъ представлялось иногда дивное, сказочно-неожиданное освобожденіе: двери камеры внезапно раскрываются: съ криками восторга, съ пѣснями свободы стоятъ въ мрачномъ коридорѣ люди съ воли, побѣдители-революціонеры: онъ выходитъ: его цѣлуютъ, радостно привѣтствуютъ, выводятъ на улицу...

Когда это дѣйствительно случилось,—почти такъ, какъ представлялось ему во снѣ,—ему показалось, что это продолженіе сна. И долго, долго не могъ онъ очнуться. И еще теперь онъ иногда ловитъ себя на мысли, что онъ спитъ, что пора проснуться, что сейчасъ откроется дверь, и въ камеру принесутъ утренній кипятокъ...

Таковъ его разсказъ.

Гость кончилъ. Снова наступило молчаніе.

— А Канаровъ такъ и не пришелъ! сказала хозяйка, ни къ кому опредѣленно не обращаясь.

— Но я не умѣю говорить по телефону..

— Да что тамъ умѣть!—вырвалось у хозяйки.

Кто-то разсмѣялся. За нимъ разсмѣялись всѣ. И гость тоже.

— Вамъ смѣшно, конечно...—смущенно оправдывался онъ.—Я не знаю, былъ ли тогда телефонъ... Я думаю, что былъ, иначе я не зналъ бы значенія этого слова... Но у насъ въ провинціи его еще не было... По крайней мѣрѣ, мнѣ никогда не доводилось говорить по телефону...

— Идемте, мы васъ научимъ!—весело сказала писательница.

Веселой шумной толпой всѣ вошли въ кабинетъ.

Хозяйка продѣлала всю процедуру вызова и соединенія и шопотомъ сказала:

— Берите трубку. Канаровъ у телефона.

Дрожащими руками взялъ странный гость телефонную трубку, будто то не былъ неодушевленный предметъ, а живое нѣжное существо.

Все лицо его задергалось, и слезы выступили на глазахъ, когда онъ услышалъ голосъ стараго друга.

Самъ онъ почти ничего не говорилъ.

Нѣсколько разъ начиналъ:

— Миша, это я... это я...

И прерывалъ отъ волненія... отъ неумѣнія говорить въ трубку телефона.

И слушалъ недолго. Въ изнеможеніи опустилъ руку съ трубкой и, задыхаясь, сказалъ:

Симфонія. *І. Крачковскій.*
Съ посмертной выставки въ Академіи Художествъ.

— Не могу!.. Не могу больше!..

Отдохнувъ минуту, попросилъ:

— Скажите ему, пожалуйста, что я пріѣду къ нему завтра...

Потомъ онъ долго, съ волненіемъ и восторгомъ, говорилъ о телефонѣ. Ни о чемъ другомъ не хотѣлъ говорить.

— Вѣдь это сказка!.. Вѣдь это невѣроятно!.. Чудо!.. Я сижу здѣсь, въ противоположномъ отъ Канарова концѣ города... Беру трубку и слышу его голосъ... Нѣтъ, я не понимаю, неужели вы продѣлываете это каждый день, десять разъ въ день, и не удивляетесь? Не восхищаетесь?.. Это такъ волшебно, что я не могу объять этого, хоть и знаю, понимаю теоретически, что да какъ, да почему!.. И въ каждомъ домѣ у васъ на стѣнѣ или на столѣ обрѣтается чудо! И вы не удивляетесь!..

Ему со смѣхомъ отвѣчала молодая писательница:

— Вотъ видите, вы говорили, что вы все время будете намъ завидовать, а мы васъ будетъ жалѣть... А выходитъ наоборотъ!

— Почему наоборотъ?—спросилъ гость.

— Мы вамъ должны завидовать... Сколько дивныхъ очарованій ждетъ васъ, пришедшаго изъ какой-то тьмы, изъ неизвѣстности, почти изъ небытія въ міръ, который за эти четверть вѣка совсѣмъ не стоялъ на одномъ мѣстѣ!. Каждый день несетъ вамъ новую сказку, новые восторги!.. Мы принимали это постепенно, по крупицамъ, и потому не испытали ни очарованія ни удивленія... Я маленькой дѣвочкой уже звонила подругамъ по телефону и привыкла относиться къ телефону, какъ къ самой обыкновенной домашней вещи, а не какъ къ чуду!.. А васъ ждетъ еще кинематографъ, васъ ждетъ аэропланъ, тысячи маленькихъ чудесъ, намъ незамѣтныхъ...

— А это, а это! — съ возбужденіемъ продолжала молодая женщина послѣ короткой паузы. — Чеховъ! Левитанъ! Шаляпинъ! Все наше нынѣшнее искусство!.. О, я дорого дала бы, чтобы впервые читать Чехова или слушать Шаляпина!.. Впервые! Со всей свѣжестью непосредственнаго восторга!.. Для насъ это недостижимо! Для васъ это неминуемо. Это ваше завтра, ваши будни!.. Можно ли не завидовать вамъ?

— Въ этомъ есть доля правды, — задумчиво сказалъ гость.

— О, я умерла бы отъ зависти къ вамъ,—сказала писательница. — просто умерла бы отъ зависти, если бы не сложилось такъ, что и насъ, грѣшныхъ, ждетъ много неожиданныхъ чудесъ и очарованій!

Рядовой Николаевъ.
(Сильна, какъ смерть).

Повѣсть **П. Н. Краснова.**

(Продолженіе).

XII.

Ночью по очереди люди спускались внизъ къ рѣкѣ, въ камыши. Тамъ былъ полухолодный обѣдъ, мясная порція, хлѣбъ. Кое-кто ухитрялся разогрѣть себѣ чаю. Карпенко, у котораго нашлась и кружка и чай и сахаръ, угостилъ имъ Николаева, а самъ пилъ изъ котелка, безпрестанно обжигаясь. Чай былъ мутный и сальный. Изъ этого котелка только-что ѣли щи, и жирный осадокъ остался въ немъ. Чай припахивалъ дымомъ и походилъ на что угодно, но только не на чай. Однако и онъ и мясо и хлѣбъ подкрѣпили, а главное, согрѣли Николаева.

Противникъ непрестанно освѣщалъ мѣстность ракетами. Часто среди бѣлыхъ ракетъ вспыхивали красныя. Это „онъ“ просилъ помощи, требовалъ резервы.

Передъ полуночью роту собрали, Яковлевъ объяснилъ, что ночью они займутъ исходное положеніе для атаки, а съ разсвѣтомъ начнется артиллерійская подготовка, атака же начнется ровно въ 7 часовъ. Первый и второй взводъ разсыпались въ цѣпь и, согнувшись, держа ружья наперевѣсъ, пошли впередъ. Они прошли мимо своихъ ямокъ, гдѣ лежали днемъ, поднялись на уступъ берега, туда, откуда Яковлевъ высматривалъ противника, и тамъ стали окапываться. Противникъ часто пускалъ ракеты. До него было совсѣмъ близко. Не больше двухсотъ шаговъ. При лунѣ и при свѣтѣ ракетъ было видно, какъ онъ швырялъ землю, углубляя окопы. Два раза изъ окоповъ выходили люди ставить проволочныя рогатки, но наши открывали по нимъ огонь, и они уходили.

Въ ротѣ никто не спалъ. Окопались тщательно. Песчаный грунтъ позволилъ уйти глубоко въ землю, воды не было, и каждый стрѣлокъ теперь имѣлъ для себя глубокую нору. Ночь шла на убыль, и каждый зналъ, что съ разсвѣтомъ будетъ атака и, можетъ-быть, смерть... И многіе думали, что это послѣдняя ночь ихъ на землѣ.

Сзади стучали топоры. По горло въ водѣ, въ однѣхъ рубахахъ работали казаки и саперы. Нѣсколько разъ противникъ открывалъ по нимъ стрѣльбу изъ своихъ орудій. Бѣлыми огнями вспыхивали въ воздухѣ шрапнели, свистали пули и будили сонныя воды рѣки: ухалъ бомбометъ, трещали пулеметы. А на мосту шла непрерывная работа, настилали доски, жерди, устраивали

Весна въ Крыму. *І. Крачковскій*
Съ посмертной выставки въ Академіи Художествъ.

переправу. Черноусый красивый подъесаулъ съ глазами навыкатѣ, не снимая съ головы черной папахи, въ одной рубахѣ бродилъ между рабочими, спускался въ воду, снова вылѣзалъ на берегъ и смотрѣлъ, какъ крѣпили толстой телеграфной проволокой доски и жерди на переводинахъ.

И чуть брызнуло золотыми лучами солнце и ярко освѣтило окопы противника, ясно стали видны амбразуры его бойницъ, кое-гдѣ наваленныя передъ ними въ безпорядкѣ рогатки, окутанныя проволокой, колья начатаго проволочнаго загражденія, а въ бойницахъ видны были лица. Было такъ близко, что на лицахъ можно было различить глаза.

Наша артиллерія развила страшный огонь. Гранаты съ грохотомъ рвались передъ окопами, разметывали рогатки, разбивали бруствера. Столбы песку и дыма, бревна и доски летѣли вверхъ Чудилось, что вмѣстѣ съ досками летѣли и обрывки человѣческихъ тѣлъ, руки и ноги.

Тихо было у противника. Засыпанные землею окопы его приняли безформенный видъ. Люди исчезли, и вся земля почернѣла отъ сотенъ ямъ, пробитыхъ взрывами.

И внезапно стихла стрѣльба.

И сейчасъ же затрещали пулеметы и ружья у противника, и передъ самою цѣпью стали лопаться шрапнели. Шагахъ въ пятидесяти отъ нашихъ окоповъ на землѣ то и дѣло поднимались дымки отъ падающихъ пуль. Когда рвалась шрапнель, то сразу, какъ бы отъ брошеннаго гигантской горстью гороха, вспыхивала земля стойками пыли. Трещали пулеметы, и земля курилась отъ тысячъ падающихъ пуль.

И ясно было каждому, что черезъ эту стѣнку несущихся пуль невозможно пройти ни одному живому существу. Трескъ ружей сливался съ пулеметами и то заглушалъ ихъ, то пулеметы преобладали. Все притаилось въ ямкахъ, скорчилось, подобрало ноги, все замерло, и, куда ни взглядывалъ Николаевъ, онъ вездѣ видѣлъ только смертельно блѣдныя лица и страшные воспаленные глаза. Никто не стрѣлялъ. Подавленные бѣшенымъ огнемъ противника, лежали эм-цы въ землѣ и боялись высунуть голову навстрѣчу этому граду пуль.

Наша артиллерія молчала. Лихорадочно воспаленными глазами смотрѣлъ Яковлевъ на часы, и вотъ стрѣлка коснулась семи. Онъ приложилъ губы къ свистку и свистнулъ...

— Въ атаку!—не своимъ голосомъ крикнулъ онъ, но остался лежать въ своей ямкѣ.

— Въ атаку!.. Въ атаку!..—повторили хриплые страшные голоса, но люди лежали, не шевелясь, и еще глубже старались уйти въ свои земляныя норки.

— Въ атаку! Въ атаку!—неслось изъ сосѣднихъ ротъ и стономъ передавалось по всей длинной линіи стрѣлковой цѣпи.

Люди точно обезумѣли и не понимали значенія этого слова. Они кричали: „въ атаку!", но не шли впередъ потому, что имъ казалось невозможнымъ итти, что впереди была только вѣрная смерть, не побѣда, но смерть...

Яковлевъ оглянулся кругомъ. Лежитъ его молодчина унтеръ-офицеръ Сорока. Глаза безумные, лицо бѣлое, руки сжали ружье, и кричитъ не своимъ голосомъ: „Въ атаку!"

Дальше Карпенко. Еще дальше милый юноша. Ихъ глаза встрѣтились. Какой-то токъ прошелъ между ними, вспыхнуло худенькое милое личико, почернѣло, и вдругъ Николаевъ оперся тоненькими ручонками о края ямы, въ которой онъ лежалъ, ловкимъ прыжкомъ выпрыгнулъ изъ нея и быстро-быстро побѣжалъ впередъ.

Академикъ I. Е. Крачковскій (†).
Портретъ работы *Н. Беккера.*

Звонкое дѣвичье „ура" вырвалось изъ его груди. Прошла секунда. И Яковлеву и всей ротѣ, слѣдившей за нимъ, показалось, что это прошла не секунда, а цѣлая вѣчность. Казалось, такъ долго-долго комочкомъ бѣжала эта маленькая фигурка въ защитной рубахѣ, бѣжала черезъ эти дымки отъ пуль и шрапнелей, и чудеснымъ казалось, что она не падала. И только она перебѣжала черезъ эту страшную полосу дождемъ падавшихъ пуль и шрапнелей, какъ обаяніе этой полосы исчезло. Каждому ясно стало, что эту полосу можно пройти, что тамъ за нею не смерть, а побѣда...

Но еще раньше, чѣмъ это проникло въ сознаніе солдатъ, ихъ ротный командиръ уже бѣжалъ за Николаевымъ. И если бы его въ эту минуту спросили, зачѣмъ онъ бросился впередъ,—чтобы поднять за собою роту, или чтобы догнать и остановить Николаева и вернуть его назадъ въ эти безопасныя ямки,—онъ затруднился бы отвѣтить, но было нѣсколько моментовъ, какъ впереди цѣпи навстрѣчу пулямъ бѣжалъ мальчикъ-доброволецъ, а за нимъ худощавый капитанъ...

И вся рота встала. И за нею встала четвертая, за нею поднялся весь Эм-скій полкъ, и все кинулось впередъ со страшнымъ громовымъ „ура!"

Ялта. Набережная. *I. Крачковскій.*
Съ посмертной выставки въ Академіи Художествъ.

Нѣсколько человѣкъ упало на этой страшной полосѣ пуль, но только нѣсколько.

Стрѣльба противника стала безпорядочной. Послышались крики, брань, отдѣльные выстрѣлы, стоны, вопли, и наступила въ его окопахъ тишина.

И только могучее ликующее „ура", „ура", людей, вдохновленныхъ божественнымъ порывомъ, несомыхъ ангелами, побѣдно гремѣло.

Николаева давно обогнали солдаты, и онъ старался теперь только не отстать отъ другихъ.

Противникъ бѣжалъ, бросая ружья, противникъ сдавался и стоялъ, поднявъ бѣлыя руки съ растопыренными пальцами и разставивъ ноги... Иные падали на колѣни и молили о пощадѣ.

Надъ головами рвались шрапнели, не щадя ни своихъ ни чужихъ, но и онѣ стихали...

Резервныя роты перекатывались черезъ третью, увлекая людей за собою, и части перемѣшивались. Большое клеверное поле, господскій садъ, аллея липъ — все было покрыто бѣгущими взапуски людьми. И солдаты чувствовали, что имъ не догнать нѣмцевъ, что они уходятъ, и вотъ кто-то крикнулъ задыхающимся голосомъ:

Георгіевскій кавалеръ за гражданскія заслуги. *Старшій унтеръ-офицеръ Волынскаго полка Тимоѳей Ивановичъ Кирпичниковъ, первый поднявшій знамя возстанія среди солдатъ, награжденный генераломъ Корниловымъ Георгіевскимъ крестомъ и нынѣ произведенный въ подпрапорщики. Т. И. Кирпичниковъ—крестьянинъ Пензенской губ., Саранскаго уѣзда, учился въ народной школѣ; былъ на фронтѣ, раненъ; родился въ 1892 г.*

— Кавалерія, впередъ!

И этотъ крикъ подхватили всѣ. Всѣ остановились, формировали взводы и кричали, кричали:

— Кавалерія, впередъ!

И казалось, что она медлитъ, эта кавалерія, что она не идетъ, что она прозѣвала, что она опоздаетъ.

— Кавалерія впередъ! Кавалерія впередъ!..

А она шла уже, эта кавалерія!

Нагнувъ блестящія острыя пики, въ колоннѣ по три, галопомъ, шли донцы по узкой гати, по мостамъ и разсыпались широкими цѣпями. Надъ ними рѣяли аэропланы, и по сторонамъ колонны, съ глухимъ грохотомъ, бросая къ небу столбы чернаго дыма, рвались гранаты воздушныхъ пиратовъ, и падали люди и лошади; ихъ обходили и грознымъ потокомъ неслись казаки.

— Ура! Казачки! — кричала имъ пѣхота и махала шапками, а сотня за сотней скакали черезъ поля, канавы и снова по полямъ. Они настигали бѣгущихъ, и страшныя пики кололи людей насквозь, и черепа трещали отъ жестокихъ ударовъ шашекъ. Поле покрывалось убитыми, толпы плѣнныхъ густѣли.

Полки резерва пѣхоты шли впередъ по мосту, проходили за господскій домъ, входили въ лѣсъ и цѣпь за цѣпью шли, занимая вражескую территорію.

Врагъ бѣжалъ въ безпорядкѣ.

Передавались ликующія вѣсти о захваченныхъ пушкахъ, пулеметахъ, о тысячахъ плѣнныхъ.

Но веселѣе и торжественнѣе этихъ вѣстей была тишина. Тишина кругомъ. Ни пушечной стрѣльбы, ни ружейной трескотни, ни пулеметовъ, ни аэроплановъ...

Эм-скій полкъ собирался въ колонну, и надъ нимъ въ голубой безоблачной выси рѣяли жаворонки и пѣли, пѣли свои весеннія пѣсни, пѣсни любви.

Послѣ этой атаки Эм-скій полкъ продвинулся впередъ и расположился въ австрійскомъ городкѣ. Городокъ былъ устроенъ очаровательно. Высокій строевой сосновый и мѣшаный лѣсъ изъ ясеней и громадныхъ дубовъ разступался во всѣ стороны, образуя большую поляну въ нѣсколько верстъ шириною и длиною. Часть этой поляны была занята озеромъ съ чуднымъ песчанымъ дномъ. Вдоль опушки австрійцы, зимовавшіе здѣсь, построили множество бараковъ для солдатъ и отдѣльныхъ кокетливыхъ дачекъ, убранныхъ березовыми стволами, въ одну и двѣ комнаты для офицеровъ. Всюду по лѣсу были проложены улицы, устроены тротуары, поставлены фонари. Вывѣски говорили, что здѣсь была Wilhelms-rivy, передъ гатью изъ березовыхъ стволовъ была устроена красивая арка, и на ней сдѣлана надпись: Franz-Ioseph-brücke. Домики офицеровъ утопали въ цвѣтахъ. Маргаритки, петуніи, флоксы, левкои, Христовы глазки, ромашки, — все это, уже зацвѣтающее пестрыми коврами, пробивалось изъ клумбъ, свисало гирляндами зелени изъ деревянныхъ ящиковъ, поставленныхъ на кокетливо отдѣланныхъ крылечкахъ. За солдатскими бараками были раздѣланы огороды, и тамъ была разсада картофеля, капусты, свеклы, бураковъ. По стѣнамъ ползли настурціи, уже алѣвшія алыми цвѣтами, ихъ обгоняли турецкіе бобы и красивыя нѣжныя лобеліи.

Все цвѣло и благоухало среди погрома войны. А погромъ сказывался всюду. Всѣ комнаты были перевернуты, во многихъ домикахъ были выбиты совершенно стекла, на полу валялись тряпки, склянки, бумаги, остатки офицерскаго скарба австрійцевъ. Много было бутылокъ отъ рома, вина, еще больше отъ минеральныхъ водъ. Въ одной хаткѣ нашли трупъ убитой, нарядно одѣтой, красивой молодой женщины и рядомъ трупъ молодого венгерскаго гусара съ револьверомъ въ застывшей холодной рукѣ. Ихъ смерть унесла тайну ихъ романа...

Австрійцы не ожидали столь быстраго наступленія русскихъ, и богатая военная добыча досталась нашимъ войскамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Политическое обозрѣніе.

Освобожденная Россія.

Отсрочивъ рѣшеніе вопроса о формѣ государственнаго устройства Россіи до момента созыва Учредительнаго Собранія, Временное Правительство обязалось немедленно же принять рядъ мѣръ къ освобожденію страны отъ цѣпей безправія и произвола, которыми сковалъ ее старый режимъ. Въ воззваніи къ гражданамъ отъ 6-го марта говорилось по этому поводу: „Сознавая всю тяжесть гнетущаго страну безправія, стѣсняющаго свободный творческій порывъ народа въ годину тяжкихъ народныхъ потрясеній, Временное Правительство сочтетъ необходимымъ немедленно, еще до созыва Учредительнаго Собранія, обезпечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство, дабы предоставить всѣмъ гражданамъ свободно проявлять свои духовныя силы въ сознательной работѣ на благо родины“. Такъ намѣчались сами собой двоякаго рода задачи ближайшей дѣятельности Правительства: задача отрицательная — исправить и загладить зло, причиненное старой властью, и задача положительная — создать первоосновы новаго свободнаго порядка.

Среди мѣръ, направленныхъ къ ликвидаціи печальнаго наслѣдія прошлаго, Правительство прежде всего провело общую политическую амнистію. Амнистія была объявлена 6-го марта „во исполненіе властныхъ требованій народной совѣсти, во имя исторической справедливости и въ ознаменованіе окончательнаго торжества новаго порядка, основаннаго на правѣ и свободѣ“. Построенная на чрезвычайно широкихъ началахъ, она принесла съ собою освобожденіе отъ отвѣтственности и наказанія всѣмъ привлеченнымъ къ суду или осужденнымъ по дѣламъ политическаго и религіознаго характера, не исключая дѣлъ о террористическихъ покушеніяхъ, военныхъ возстаніяхъ и аграрныхъ преступленіяхъ. Политическая амнистія, какъ актъ исторической справедливости, была затѣмъ дополнена актомъ мудраго милосердія—постановленіемъ Временнаго Правительства объ облегченіи участи гражданъ, впавшихъ въ уголовныя преступленія. Постановленіе это было опубликовано 18-го марта. Правительство мотивировало его изданіе соображеніями государственной пользы. Отечество нуждается въ напряженіи всѣхъ творческихъ силъ народа. Слагая или облегчая наказанія лицамъ, совершившимъ преступленія общаго характера, Правительство открываетъ и для нихъ пути къ обновленной свѣтлой жизни.

Но старый порядокъ былъ жестокъ и несправедливъ не только по отношенію къ гражданамъ, преступавшимъ его законы. У старой Россіи было много пасынковъ, которые никакихъ законовъ не нарушали, никакихъ проступковъ не совершали, и единственная вина которыхъ состояла въ томъ, что они по національности или по вѣрѣ отличались отъ „коренного“ населенія. Старая Россія на ряду съ полноправными гражданами знала еще такъ называемыхъ инородцевъ и иновѣрцевъ, которыхъ она ограничивала въ правахъ жительства, отправленія богослуженія, полученія образованія, выбора занятій, поступленія на государственную и общественную службу. Въ свободной Россіи, конечно, не можетъ быть мѣста такимъ перегородкамъ между отдѣльными группами населенія. Всѣ граждане свободной Россіи являются для нея родными, одинаково ей дорогими дѣтьми. Неся по отношенію къ общему отечеству одинаковыя обязанности, они должны всѣ одинаково пользоваться равными правами. Съ этой точки зрѣнія актъ 21-го марта объ отмѣнѣ національныхъ и вѣроисповѣдныхъ ограниченій былъ тоже дѣломъ исторической справедливости и народной совѣсти.

Наконецъ, обдѣляя и угнетая отдѣльныхъ гражданъ Россіи, старый порядокъ поддерживался режимомъ безправія и произвола на цѣлыхъ обширныхъ пространствахъ государственной территоріи. Историческое развитіе Русскаго государства шло такимъ образомъ, что основное его ядро постепенно со всѣхъ сторонъ обрастало „окраинами“. Среди нихъ однѣ совершенно сливались съ „коренной“ Россіей, подчиняясь ея культурѣ и усваивая ея бытъ и нравы. Другія, напротивъ, сохраняли свою обособленность и требовали извѣстной степени культурной, національной, экономической, а иногда и политической самостоятельности. Таковы были по преимуществу западная окраина и, въ особенности, Финляндія и Польша. Политика старой власти по отношенію къ Финляндіи и Польшѣ была неровной, колеблющейся. Въ краткія эпохи либерализма она предоставляла этимъ окраинамъ права свободы и самоуправленія, въ которыхъ отказывала коренной Россіи. Въ долгіе годы реакціи она отбирала обратно всѣ свои уступки, нарушала самыя торжественныя обѣщанія и клятвы и стремилась къ насильственной руссификаціи. Свободная Россія не могла пройти равнодушно и мимо этихъ „историческихъ несправедливостей“. Завоеваніе свободы обязывало ее найти сред-

ства къ установленію новыхъ отношеній съ окраинами, покоящихся на обоюдномъ уваженіи и довѣріи.

Всего проще это было сдѣлать для Финляндіи. У Великаго Княжества Финляндскаго есть свой, самобытный, хорошо налаженный политическій механизмъ. Руссификаторская политика загрязнила его и нарушила его правильный ходъ. Такимъ образомъ здѣсь достаточно было возстановить нарушенное право, очистивъ Финляндскую конституцію отъ русскихъ наносныхъ элементовъ, и въ дальнѣйшемъ наладить сотрудничество Финляндской власти съ властью Имперской. Это и было достигнуто манифестомъ объ утвержденіи конституціи Великаго Княжества Финляндскаго и о примѣненіи ея въ полномъ объемѣ, обнародованнымъ 8-го марта. Этимъ манифестомъ Временное Правительство отмѣнило анти-конституціонныя распоряженія старой власти и „вновь утвердило и удостовѣрило религію; основные законы, права и преимущества, которыми граждане Великаго Княжества Финляндскаго, отъ мала до велика, по конституціи этой страны пользуются". Одновременно были смѣщены старые чиновники, и въ Финляндіи образовалось свое правительство, составленное по соглашенію партій сейма. Надо надѣяться, — и тому уже имѣются признаки,—что освобожденная Финляндія будетъ жить въ самомъ тѣсномъ единеніи съ вернувшей ей ея историческія права демократической Россіей.

Георгіевскій крестъ 4-й ст. подъ № 423492 необычайное воинское отличіе, которого удостоенъ произведенный въ подпрапорщики старшій унтеръ-офицеръ Волынскаго полка Тимофей Ивановичъ Кирпичниковъ, первый поднявшій оружіе противъ стараго строя.

Значительно сложнѣе обстоитъ дѣло съ Польшей. Губерніи русской Польши находятся въ фактическомъ обладаніи врага. То, что можно было дать Финляндіи немедленно, Польшѣ можно было только обѣщать въ будущемъ, по окончаніи войны. Временное Правительство дало такое обѣщаніе въ воззваніи къ полякамъ отъ 16-го марта, въ которомъ предуказало путь возсозданія независимаго Польскаго государства. Независимость Польши мыслится Россіей въ связи съ объединеніемъ трехъ ея частей. Когда, по заключеніи побѣдоноснаго мира, возсоединятся русскіе, германскіе и австрійскіе поляки, польское Учредительное Собраніе, избранное всеобщимъ голосованіемъ, установитъ государственный строй Польши. Со своей стороны русское Учредительное Собраніе будетъ призвано дать свое согласіе на уступку польскихъ областей Россіи будущему Польскому государству и скрѣпить новый братскій союзъ двухъ славянскихъ народовъ.

Всѣми этими актами Временное Правительство въ общемъ выполнило свою первую, отрицательную или разрушительную, задачу. Теперь передъ нимъ стоитъ положительная задача созиданія и творчества. Россія живетъ на развалинахъ стараго государственнаго и административнаго порядка, въ значительной степени „явочнымъ порядкомъ" и „захватнымъ правомъ". Старые органы власти на мѣстахъ уничтожены, на ихъ мѣсто на-спѣхъ инниціатива населенія создаетъ новые. Очень многіе старые законы фактически не примѣняются. Вмѣсто нихъ поведеніе гражданъ регулируется врожденнымъ чувствомъ права, политическимъ чутьемъ и тактомъ. Необходимо упорядочить эту разбушевавшуюся народную стихію и ввести ее въ рамки новаго свободнаго строя. Необходимо дать странѣ обѣщанныя ей „твердыя нормы" права и равенства.

Проф. К. Соколовъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Стратегія Гинденбурга.—Стоходъ.—Месопотамія и Египетъ.

Начало минувшаго года ознаменовалось активнымъ выступленіемъ державъ Согласія въ трущобахъ дикой Арменіи, гдѣ среди глубокой зимы наша кавказская, безпримѣрная по своей доблести, армія взяла турецкую крѣпость Эрзерумъ. Активность державъ Центральнаго Союза выразилась въ историческомъ ударѣ германскихъ армій подъ командою наслѣдника Прусскаго престола противъ французской крѣпости Верденъ, расположенной въ центрѣ армій нашихъ союзниковъ, прикрывающихъ собою столицу Франціи и богатѣйшія ея южныя провинціи.

Такъ протекали первые пять-шесть мѣсяцевъ минувшаго года, пока не подоспѣли знаменитые майскіе дни, во время которыхъ русскій народный герой генералъ Брусиловъ наказалъ австрійскую армію, намѣревавшуюся напасть на сѣверо-западныя границы Италіи. Вслѣдъ затѣмъ перешли въ наступленіе наши союзники во Франціи, на берегахъ Соммы, и наши кавказскія войска къ концу лѣта довершили блестящій рядъ дальнѣйшихъ своихъ побѣдъ занятіемъ всей турецкой Арменіи съ городами Трапезундомъ и Эрзинджаномъ.

Конецъ минувшаго года ознаменовался румынскимъ походомъ фельдмаршала Макензена, который подошелъ со своими арміями къ низовьямъ рѣки Дуная и лѣваго его притока Серета.

Такимъ образомъ, 1916 годъ протекалъ подъ знакомъ взаимно активныхъ столкновеній на различныхъ фронтахъ армій Согласія и Союза, при чемъ максимальные результаты побѣдъ достались русской арміи на Волыни, въ Галиціи и Буковинѣ, а также и на далекомъ кавказско-турецкомъ фронтѣ. Наши союзники отбили многомѣсячный штурмъ Вердена и отбросили австрійцевъ за итальянскія государственныя границы. Максимумъ успѣха нѣмецкаго оружія обозначился въ направленіи одной только Румыніи, оказавшейся совершенно неподготовленной къ открытію широкихъ военныхъ дѣйствій при современной великой войнѣ.

Слѣдовательно, по ходу военныхъ дѣйствій въ теченіе всего 1916 года, уже обрисовывались признаки рѣшительнаго превосходства армій Согласія надъ Союзомъ Германіи, Австро-Венгріи, Турціи и Болгаріи, которые еще въ большей мѣрѣ должны были принести свои плоды въ послѣдующемъ 1917 году.

Дѣйствительность не заставила себя долго ждать. Теперь уже не отбиваются отъ германскихъ полчищъ, но сами переходятъ въ рѣшительное наступленіе наши союзники, англичане и французы, на западномъ европейскомъ фронтѣ, а на далекихъ театрахъ Малой Азіи первые изъ нихъ ведутъ широкую завоевательную, вполнѣ успѣшно развивающуюся кампанію въ Египтѣ и Месопотаміи. Весьма существенную помощь на послѣднемъ театрѣ военныхъ дѣйствій наступающей долиною рѣки Тигра англійской арміи оказываютъ наши войска со стороны персидскаго фронта.

Безмолвенъ и до сихъ поръ еще не сказалъ своего рѣшительнаго слова нашъ 1.500-верстный главный русскій фронтъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями. Положеніе его, въ силу исключительности переживаемаго момента внутри страны, представляется пока еще таинственнымъ и загадочнымъ. Во всякомъ случаѣ, взаимная связь въ дѣйствіяхъ на различныхъ фронтахъ пріобрѣтаетъ въ настоящій моментъ чрезвычайно животрепещущій характеръ, и, если наступаютъ сейчасъ на западѣ Европы одни только наши союзники, то это не значитъ еще, что они остаются въ относительномъ одиночествѣ. Русская армія, освободившаяся отъ прежнихъ оковъ, быстро перестраиваетъ укладъ своихъ внутреннихъ понятій и готовится въ каждую данную минуту оказать самую рѣшительную поддержку своимъ союзникамъ.

Широкое наступленіе англо-французовъ на фронтѣ около 250 верстъ по линіи Лансъ—Аррасъ—Суассонъ—Реймсъ—Оберивъ, направленное во флангъ выпуклому расположенію центра германскихъ армій во Франціи, серьезно встревожило императора Вильгельма и отвлекло его вниманіе сюда въ весьма критическій для русской арміи моментъ.

Фельдмаршалъ Гинденбургъ по ходу военныхъ дѣйствій предвидѣлъ еще въ минувшемъ году, особенно во время боевъ на рѣкѣ Соммѣ, неминуемость наступленія нашихъ союзниковъ на томъ же участкѣ. Учитывая колоссальную матеріальную мощь англійской и французской армій, онъ рѣшилъ заблаговременно очистить сильно выдвинутыя германскія позиціи на сѣверо-востокъ отъ Парижа и отойти назадъ, на такъ называемую „Гинденбургову линію обороны".

Не отрицая извѣстнаго искусства германскаго полководца въ принятомъ имъ рѣшеніи, тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить, что расчеты нѣмецкой стратегіи оказались не совсѣмъ точными. Отходя назадъ на фронтѣ около 120 верстъ, между Аррасомъ и Реймсомъ, германцы уничтожали на своемъ пути все то, что могло пригодиться для боевыхъ цѣлей нашихъ союзниковъ, въ надеждѣ, что это разрушитъ подготовленный ими большой планъ наступленія. Дѣйствительно, на этомъ широкомъ фронтѣ наступленіе англо-французовъ было какъ бы „сорвано", и они ограничились здѣсь лишь неуклоннымъ преслѣдованіемъ отходившихъ на сѣверо-востокъ германскихъ армій.

Въ то же время наши союзники, успѣвшіе разобраться въ истинномъ смыслѣ германскаго маневра, рѣшили не оставаться пассивными и развернули фронтъ своего наступленія вправо и влѣво отъ вышеназваннаго опустошеннаго германцами простран-

ства. Французскія войска атаковали нѣмецкія позиціи на 100 верстъ къ востоку отъ Суассона по линіи Куртекона, Краона, Реймса и Оберива. Одновременно съ этимъ англичане развернули свои активныя дѣйствія на 30 верстъ къ сѣверу отъ Арраса до города Ланса.

Такимъ образомъ, къ мертвой линіи фронта между Аррасомъ и Суассономъ прибавились активныя крылья, изъ которыхъ правое превышало лѣвое по крайней мѣрѣ въ три раза.

Достаточно было опредѣлиться послѣднему контръ-маневру французскаго главнокомандующаго генерала Нивеля и англійскаго — генерала Дугласа Хэга, какъ въ германской главной квартирѣ, въ свою очередь, обнаружилось сильное замѣшательство. Нѣмецкіе резервы, такъ спокойно передъ этимъ отходившіе съ добровольно очищаемыхъ Гинденбургомъ передовыхъ позицій, заметались изъ стороны въ сторону и стали перебрасываться для поддержки атакованнаго французами реймскаго фронта и англичанами—фронта Арраса. Это обстоятельство еще въ большей степени приковываетъ вниманіе нѣмцевъ къ западно-европейскому фронту и вполнѣ опредѣленно помогаетъ русской арміи въ реорганизаціонной ея работѣ.

Наступленіе нашихъ союзниковъ неизмѣнно развивается и полно обширнаго интереса. Мы еще будемъ имѣть случай въ ближайшемъ времени снова вернуться къ нему для того, чтобы произвести болѣе подробное изслѣдованіе, а пока сдѣлаемъ общій обзоръ не менѣе интересныхъ за ближайшіе къ намъ дни операцій на другихъ боевыхъ фронтахъ. Изъ числа послѣднихъ является Стоходъ и наступленіе въ Месопотаміи и Египтѣ.

Какъ отмѣчено было выше, съ самаго начала этого года на позиціяхъ главнаго русскаго фронта было, въ общемъ, совершенно тихо. Обыкновенная развѣдывательная дѣятельность сторонъ изрѣдка нарушалась небольшими столкновеніями сторожевыхъ частей. Вихрь русской революціи, захватившій весь народъ, не оставилъ безъ своего вниманія и нашу великую армію, стоящую лицомъ къ лицу передъ грознымъ врагомъ. Три недѣли спустя послѣ историческаго переворота, въ 50 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Ковеля, среди Пинскихъ болотъ, на рѣкѣ Стоходѣ, въ раіонѣ деревни Рудки-Черевищенской, на наши позиціи тяжелымъ ударомъ обрушился незамѣтно подготовившійся къ этому противникъ. Отравляя газами наши войска, противъ которыхъ было выпущено до 60 тысячъ баллоновъ ядовитаго состава, австро-германцы подожгли огнемъ своей артиллеріи въ тылу нашего корпуса всѣ мосты черезъ разлившуюся рѣку Стоходъ. Въ тяжелой обстановкѣ дрались наши отрѣзанныя на лѣвомъ берегу три дивизіи, стараясь отбиться отъ прорвавшихся въ тылъ коварныхъ австро-германцевъ. Изъ строя выбыло до 25 тысячъ нашихъ бойцовъ. Съ трудомъ мы отошли на правый берегъ Стохода, гдѣ и заняли позиціи подъ прикрытіемъ своей артиллеріи, не позволившей австро-германцамъ форсировать за нашей пѣхотой рѣку. Потери мы понесли тяжелыя, но, въ общемъ, въ стратегическомъ отношеніи положеніе наше подъ Ковелемъ осталось неизмѣнно твердымъ.

Эта грустная неудача принята нашей арміей безъ тревоги и съ увѣренностью, что подобные случаи на будущее время не повторятся. За нашъ Стоходъ—во Франціи союзники отплатили противнику уже сторицею.

На третьемъ году войны въ Месопотаміи, пользуясь ранней весной, англійская армія перешла въ наступленіе, съ цѣлью захвата въ первую очередь неприступной Кутъ-Эль-Амарской позиціи турокъ и Багдада, съ тѣмъ, чтобы послѣ этого продолжать наступленіе къ сѣверу на Моссулъ. Опытъ двухъ лѣтъ использованъ былъ нашими союзниками блестящимъ образомъ. Тылъ былъ подготовленъ настолько прочно, что далъ возможность англійскому командующему арміей генералу Моду успѣшно развивать глубокую наступательную операцію. Согласовавъ дѣйствія съ войсками генерала Баратова, въ первыхъ числахъ февраля генералъ Модъ атаковалъ Кутъ-Эль-Амару, гдѣ въ апрѣлѣ 1916 года былъ плѣненъ 10-тысячный англійскій отрядъ генерала Тоусенда. Въ серединѣ февраля пала эта позиція, послѣ чего открылся доступъ и къ завѣтному Багдаду.

Разразившаяся въ Россіи революція заслонила отъ вниманія всего міра крупнѣйшую побѣду англичанъ въ Месопотаміи, къ которой они готовились съ такимъ колоссальнымъ вниманіемъ и напряженіемъ своихъ силъ. 26-го февраля разбитые турки покинули Багдадъ, и, наканунѣ русскаго переворота, командующій англійской арміей вступилъ въ столицу Месопотаміи. Не задерживаясь подъ Багдадомъ, англичане продолжали свое наступленіе въ то время, какъ колонна генерала Баратова, гоня передъ собою бѣгущихъ изъ Персіи турокъ, подходила съ востока къ Месопотамскимъ равнинамъ. 20-го марта у мѣстечка Кизилъ-Рабадъ произошло фактическое и исторически незабываемое соединеніе боевыхъ фланговъ союзныхъ армій, которыя совершили передъ этимъ походъ болѣе 1.000 верстъ каждая.

Въ первыхъ числахъ апрѣля англичане нанесли туркамъ еще два сильныхъ удара къ сѣверу отъ Багдада и къ 10 апрѣля заняли, на пути въ Моссулъ, городъ Самарру.

Не менѣе значительные успѣхи обозначились за послѣдніе два-три мѣсяца у англичанъ и на Синайскомъ полуостровѣ, гдѣ они, защищая Суэцкій каналъ, отбросили турокъ на 200 верстъ къ востоку въ раіонъ мѣстечка Газе, подойдя такимъ образомъ къ священному Іерусалиму на разстояніе трехъ-четырехъ переходовъ.

Голь на выдумки хитра.

Почти совершенно отрѣзанныя отъ внѣшняго міра, враждебныя намъ государства терпятъ сильный недостатокъ въ продуктахъ, которые доставлялись имъ изъ другихъ странъ. Всего сильнѣе чувствуется отсутствіе хлопка, вызвавшее чуть не полное прекращеніе текстильнаго производства.

Чтобы помочь этому горю, нѣмецкіе ученые стали пропагандировать замѣну хлопка крапивой, которая, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ странахъ (напр., у насъ на Камчаткѣ) до сихъ поръ употребляется для выдѣлки волокна, схожаго по качеству съ конопляной пенькой. Въ роли наиболѣе горячаго пропагандиста крапивы выступилъ извѣстный ботаникъ, профессоръ Вѣнскаго университета О. Рихтеръ, демонстрировавшій на своихъ лекціяхъ разныя издѣлія, связанныя изъ крапивной пряжи. Австрійское правительство поспѣшило осуществить предложенія Рихтера въ самомъ широкомъ масштабѣ.

Весною нынѣшняго года будутъ засѣяны крапивой всѣ пустыри, непригодные для культуры другихъ растеній, и берега водоемовъ, гдѣ крапива развивается особенно успѣшно. Кромѣ того, въ періодъ созрѣванія сѣмянъ будетъ приступлено повсемѣстно къ ихъ сбору, чтобы въ послѣдующіе годы ввести культуру крапивы во всѣхъ хозяйствахъ. На это мѣропріятіе австрійское правительство возлагаетъ большія надежды, разсчитывая при помощи крапивы возстановить дѣятельность пріостановленныхъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ.

Въ то время, какъ вѣнскій ботаникъ видитъ въ крапивѣ спасеніе отъ „мануфактурнаго голода“, членъ прусской академіи наукъ, тоже извѣстный ботаникъ проф. Габерландъ нашелъ средство къ предотвращенію „пищевого голода“. Въ своемъ недавнемъ докладѣ академіи наукъ онъ, какъ спеціалистъ по анатоміи растеній, указываетъ, что взамѣнъ картофеля, хлѣба, маселъ и другихъ продуктовъ, недостатокъ которыхъ въ Германіи ведетъ населеніе къ истощенію, можетъ быть употребляема въ пищу перетертая древесина нѣкоторыхъ породъ деревьевъ, богатыхъ содержаніемъ крахмала, сахара и жировыхъ веществъ. Такъ, по его мнѣнію, замѣнять масло и вообще жиры могутъ береза и липа, крахмалистыя вещества—дубъ, кленъ, букъ и тополь. По изслѣдованію проф. Габерланда, названныя деревья особенно богаты питательными веществами въ зимніе мѣсяцы, когда и слѣдуетъ приступать къ приготовленію изъ нихъ питательной муки. Нѣтъ нужды,—замѣчаетъ докладчикъ,—что въ такой мукѣ около 75% будетъ падать на неусвояемыя желудкомъ вещества, зато 25% безусловно пойдутъ на питаніе организма, что послужитъ подспорьемъ къ тѣмъ продуктамъ, какіе получаетъ населеніе по карточкамъ. Затрудняетъ профессора лишь способъ перемола сухой древесины, такъ какъ жернова обычныхъ мельницъ не въ состояніи растирать отдѣльныя клѣтки, содержащія питательныя вещества, твердая же оболочка клѣтокъ желудкомъ человѣка не переваривается. Поэтому онъ рекомендуетъ техникамъ оборудовать особыя мельницы, и какъ только это будетъ сдѣлано, продовольственный кризисъ разрѣшится самъ собой.

Однако, пока оборудуютъ новыя мельницы, г. Габерландъ совѣтуетъ тотчасъ приступить къ перемолу древесины, главнымъ образомъ молодыхъ побѣговъ, для кормленія такою мукою скота. Указывая, что многія растеніядныя животныя (напр., слоны) чуть ли не исключительно питаются вѣтками растеній, онъ находитъ возможнымъ замѣнить общепринятыя кормовыя травы перемолотой древесной массой, тѣмъ болѣе, что домашнія животныя, какъ это показали изслѣдованія, прекрасно переваривают целлюлозныя оболочки клѣтокъ.

П. В.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается соч. Сервантеса „Донъ-Кихотъ“ книга 3.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ОТЪ СБОРА СЪ ДОХОДОВЪ ОТЪ ДЕНЕЖНЫХЪ КАПИТАЛОВЪ

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.

Выпускаемый на основании Постановленія Временнаго Правительства отъ 27 марта 1917 года.

Облигаци займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаци сего займа выпускаются на 55 лѣтъ и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсии или выкупа.

Облигаци сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаци займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься съ 6 апрѣля по 1 іюня с. г. включительно:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ.
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ Банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 19 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаци новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по $5\frac{3}{4}$% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.

НА ГИТАРѢ

въ нѣск. дней, безъ знанія нотъ, каждый можетъ легко научиться играть аріи, романсы, танцы и пьесы. Полн. заочный курсъ съ безпл. прилож. альбома модн. пьесъ за три руб. Москва, ред. журн. „Соколъ“, Печатниковъ пер., 18/2. (12) 4846

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю заочно каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 десятик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Проф. Каллиграфіи Адольфъ Коссодо. Дерибасовская, д. № 19.

ОДЕССК. СРЕДН. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННО-ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ,

Учр. И. И. Хойна

Съ правами казенн. средн. учебн. завед. ОДЕССА, Троицкая, 25. Пріемъ производ. въ подготовит. и первый классъ.

Проспекты высыл. за 5 2-коп. марокъ.

Тамъ же ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ. 4586

●● Съ прибылями 2,000—8,000 рублей ●●

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ДОХОДНЫХЪ ДѢЛЪ.

Книга завѣтныхъ стремленій человѣка: создать себѣ жизнь по душѣ, устроиться своимъ доходнымъ дѣломъ, имѣть обезпеченіе... Изд. „Энциклоп.“ въ 2-хъ книг., 12-ти частяхъ. Указываетъ многія дѣла на 1—8.000 руб. дохода, любое изъ которыхъ можно начать съ грошей. А чтобы получить вѣрную прибыль — даны подробныя наставленія веденія и дешеваго устройства (съ 100 руб.) каждаго дѣла. Есть легкія сезонн. дѣла, что за 3 м-ца работы даютъ вѣрнаго 1—3 тыс. дохода. Цѣна 2-мъ книг. „Энциклоп.“ 3 р. 95 к. съ перес. Масса благодарностей! Книжн. скл. „Новая Жизнь и Наука“, Москва, Средн. Переславская, 3-31.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 р. 25 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. большь форм. 364 стр. убористь шрифт. Цѣна съ пер. 2 р. 50 к. на лучшей бумагѣ 3 р.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран. Цѣна 3 р. 50 к. (15) 4469

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.

При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.

РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА.

АРТЕРІОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.

ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Русское Агентство фирмы ШАТЕЛЕНЪ въ Парижѣ. Москва, Петровскій пассажъ, № 38, отд. 5.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ, предупреждаетъ его повтореніе.

4569 4-2

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ.

Самая полная книга. Каждый можетъ легко научиться. (9) Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколъ“, Печатниковъ пер., 18/2.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. АТТЕСТАТЪ. Льготныя условія подписки и пробная лекція БЕЗПЛАТНО. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—55.

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

МОТОЦИКЛЕТЫ 7 и 3½ силъ продаются. Адресъ: ст. Сигнаевка, Ю.-З. ж. д. А. К. Краснюкъ.

ПИСАТЬ (10)

красиво и скоро будете, выписавъ „Механическую пропись“. Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколъ“, Печатниковъ п., 18/2.

Къ вопросу о формѣ правленія:

К. Н. СОКОЛОВЪ,

приватъ-доцентъ ПГР. университета.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМЪ.

Опытъ правовой теоріи парламентарнаго строя.

Академіей Наукъ удостоено малой преміи имени М. Н. Ахматова.

ПГР., 1912. Стр. VIII + 432.

Цѣна 3 рубля.

Складъ изданія при юрид. кн. складѣ „ПРАВО“.

Петроградъ, Литейный, 28. Тел. 41-61.

4579 2-1

БУДУЩЕЕ

каждаго человѣка мгновенно и безошибочно раскрываютъ магическія карты. Полная колода съ наставленіемъ 1 р. 50 к. Москва, ред. журн. „Соколъ“, Печатниковъ пер., 18/2.

1) **10 первыхъ №№** „Извѣстій“ и „Извѣстій Петрогр. Сов. Раб. и Солд. Депут.“, выходившихъ въ первые дни Великой Росс. Revол. въ 10 изящныхъ открыткахъ. 2 р. 50 к. съ перес.

2) **Тайны Царскосел. Дворца.** Съ 2 открытками: „Темныя Силы“ и „Казнь Распутина“. 70 к. съ перес.

3) **Пачка Революц. почт. бумаги и конверт.** съ эмблем. „Свободы“. 1 р. 30 к. съ перес.

Все вмѣстѣ 3 р. 50 к. съ перес. 4578

Петроградъ, Лиговка, 21А, кв. 7.—Н.

РАБОТАЕТЪ ПОКА ВЫ СПИТЕ

ТРЕБУЙТЕ СЕГОДНЯ ОТКРЫТКОЙ БРОШЮРУ БЕЗПЛАТНО

ПРИМИТЕ на ночь передъ сномъ 2 таблетки Cooринъ-Статъ и КАЖДОЕ УТРО ВАШЪ ЖЕЛУДОКЪ будетъ освобождаться легко, нормально и пріятно.

ПРОТИВЪ ЗАСТАРѢЛЫХЪ ЗАПОРОВЪ, ГЕМОРОЯ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, при вялости кишекъ, катаррѣ, атоніи, НАДЕЖНО И БЫСТРО ДѢЙСТВУЕТЪ

КООРИНЪ

COORINE ОЗДОРОВЛЯЕТЪ ЖЕЛУДОКЪ и пріучаетъ его къ аккуратному ежедневному дѣйствію.

Прекращаетъ тошноту, изжогу и пученіе живота газами.

КООРИНЪ АБСОЛЮТНО БЕЗВРЕДЕНЪ.

Въ ближайшей аптекѣ, аптекарскомъ магазинѣ или складѣ Вы получите пробную коробку, но только требуйте настоящій Cooринъ-Статъ. Гл. складъ Cooринъ: Москва, Мясницкая, Милютинск. пер., 3. Отд. 4.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, преждеврем. безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

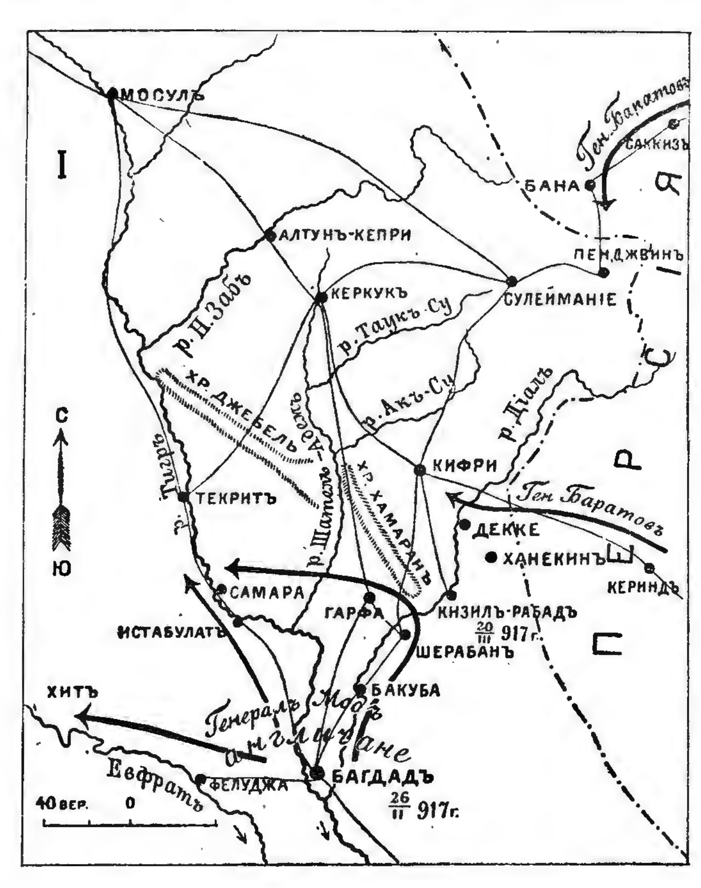
Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

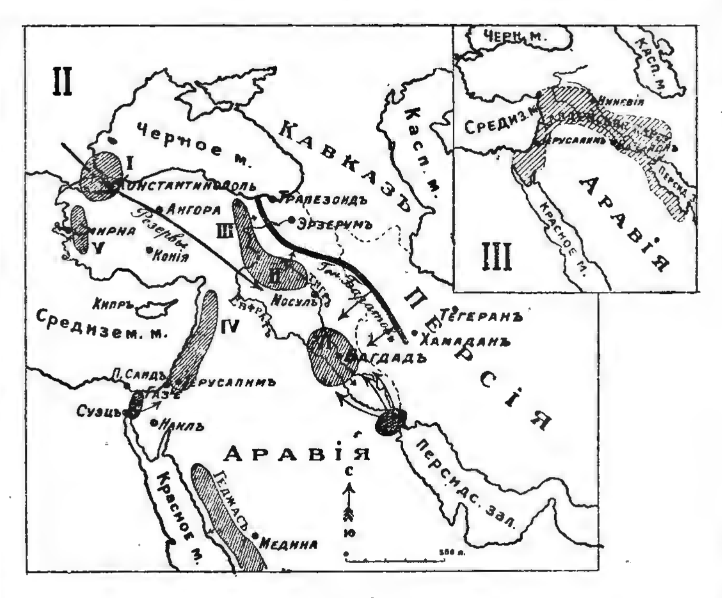
Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.

4461 13-5





Карты театра военныхъ дѣйствій въ Азіи.

I. Операціи русскихъ и англійскихъ войскъ въ Месопотаміи.

II. Группировка шести турецкихъ армій въ Малой Азіи.

III. Область былого Халдейскаго Царства, окружаемая русскими и англійскими войсками.

Возвращенные къ жизни.

Всероссійскій Союзъ городовъ (петроградскій комитетъ) основалъ особый отдѣлъ (девятый), посвященный организаціи ремесленнаго труда въ лазаретахъ для находящихся тамъ раненыхъ.

Задача этой организаціи такова: съ одной стороны облегчить раненымъ воинамъ борьбу за существованіе путемъ обученія ихъ различнымъ ремесламъ, могущимъ въ будущемъ доставить имъ кусокъ хлѣба, съ другой стороны—заполнить вынужденный досугъ раненыхъ, вредно отражающійся на ихъ духовномъ состояніи и на ходѣ лѣченія. А кромѣ того, предоставить имъ нѣкоторый, хотя бы и небольшой, заработокъ во время пребыванія въ лазаретѣ.

Задача эта въ настоящее время достигла широкаго осуществленія. Въ лазаретахъ введено уже обученіе слѣдующимъ ремесламъ: сапожному, корзиночному, фуражечному, столярному, художественно-столярному, портняжному, переплетному, ковровому, шорному, ткацкому, вывѣсочно-плакатному и слесарному. Кромѣ того, для больныхъ и тяжко раненыхъ введены въ палатахъ (отдѣльно отъ специально-оборудованныхъ мастерскихъ) плетеніе изъ нитокъ и веревокъ, выпиливаніе, выжиганіе, металлопластика и ремесла—картонажное и игрушечное.

Обученіе всѣмъ этимъ ремесламъ и занятіямъ производится въ 25-ти наиболѣе крупныхъ городскихъ лазаретахъ. Уже свыше 4.000 человѣкъ прошло черезъ мастерскія, устроенныя девятымъ отдѣломъ. Многіе изъ нихъ настолько успѣшно изучили свое ремесло, что смогли выдержать экзаменъ при Ремесленной Управѣ на званіе подмастерья цехового мастера. Нѣкоторые изъ нихъ остались при лазаретныхъ мастерскихъ въ качествѣ инструкторовъ.

Поразительно то рвеніе, съ какимъ раненые принимаются въ лазаретныхъ мастерскихъ за работу. Иные изъ нихъ еле бродятъ, съ трудомъ дотаскиваются съ постели до мастерской, терпятъ тяжкія боли отъ ранъ—и все-таки идутъ туда, чтобы хоть немного поработать и поучиться. Такъ привлекателенъ и прямо-таки, какъ воздухъ, необходимъ для нихъ, привыкшихъ къ физическому труду, этотъ разумный трудъ, возвращающій ихъ къ жизни.

Въ послѣднее время мастерскія значительно расширились и уже имѣютъ возможность исполнять сравнительно крупные заказы:

Возвращенные къ жизни. Курсы десятниковъ земельныхъ улучшеній для воиновъ-калѣкъ. На практическихъ работахъ.

Рабочій куетъ побѣду солдату.
Во время боя при Соммѣ, изъ французскихъ 75-миллиметровыхъ орудій было выпущено около 1.000.000 снарядовъ, что, при вѣсѣ каждаго изъ нихъ въ 18 англійскихъ фунтовъ, равняется 10.000 тоннъ металла. Если считать, что на выдѣлку каждаго снаряда требуется пять часовъ времени, получимъ 5.000.000 рабочихъ часовъ, или необходимость работы 625.000 человѣкъ въ продолженіе одного восьмичасового рабочаго дня. Предполагается, что въ этомъ бою принимало участіе 600.000 солдатъ; слѣдовательно, для изготовленія потребнаго для нихъ количества снарядовъ должно было работать цѣлый день на 25.000 человѣкъ болѣе, чѣмъ сражалось на фронтѣ людей.

такъ, нѣкоторые лазареты работаютъ на интендантство (фуражки), на Комитетъ для помощи бѣженцамъ (обувь). Переплетныя мастерскія обслуживаютъ комитетъ Союза городовъ и его учрежденія.

Яркимъ отраженіемъ дѣятельности девятаго отдѣла явилась выставка-базаръ, устроенная въ началѣ января въ залѣ Городской Думы. Предметы, изготовленные ранеными, охотно раскупались публикой, и отъ продажи издѣлій было выручено свыше 12.000 рублей.

Мастерскими девятаго отдѣла и обученіемъ раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ завѣдуетъ инженеръ Н. Д. Пораковъ. Не ограничиваясь этой дѣятельностью, Н. Д. Пораковъ организовалъ еще одно учрежденіе,—для того, чтобы возвращать къ гражданской самостоятельной жизни раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ.

Годъ тому назадъ имъ были открыты Курсы десятниковъ земельныхъ улучшеній для воиновъ-калѣкъ. Въ текущемъ году состоялся первый выпускъ обучавшихся на этихъ Курсахъ.

Цѣлью Курсовъ является подготовка низшаго техническаго персонала для наблюденія за производствомъ работъ по постройкѣ гидротехническихъ сооруженій; иначе говоря, для работъ по улучшенію земли. Дѣятельность, какъ нельзя болѣе подходящая и благородная для того, кто шелъ на войну умирать за родную землю.

На Курсахъ преподаются слѣдующіе предметы: русскій языкъ, математика, физика, географія, строительное дѣло, буровое дѣло, землемѣріе, гигіена, черченіе, рисованіе, плотнично-модельное дѣло, меліоративное дѣло, гидротехническія работы, осушеніе, орошеніе, колодцы, увлажнительныя работы и укрѣпленіе песковъ и овраговъ. Уже изъ одного этого перечня видно, какъ широко и разносторонне поставлено обученіе на Курсахъ и съ какой полнотой охвачена будущая дѣятельность калѣкъ-воиновъ, которымъ выпала участь „вернуться къ жизни“ для того, чтобы улучшать и культивировать родную землю.

Продолжительность курса—одинъ годъ, причемъ за этотъ срокъ проходятся и теоретическія и практическія работы. На Курсы принимаются увѣчные воины не моложе 18 лѣтъ, совершенно уволенные отъ военной службы. Въ отношеніи инвалидности для нихъ ставятся извѣстныя условія: одна рука должна быть нормальная, а на другой долженъ быть сохраненъ хотя бы локоть. Одна нога должна быть безусловно невредима.

При такихъ условіяхъ искалѣченные люди успѣшно возвращаются къ живой, интересной и полезной дѣятельности. Недолгій годичный курсъ, не отнимающій у нихъ ни слишкомъ много времени, ни особыхъ затратъ (къ тому же, во время 9 мѣсяцевъ увѣчные курсисты получаютъ пособіе въ 40 р. въ мѣсяцъ) даетъ имъ возможность быстро вступить снова въ ряды производительныхъ рабочихъ силъ въ странѣ.

Въ первый годъ окончило курсъ 66 человѣкъ, и всѣ они устроены на мѣста съ хорошимъ жалованьемъ (до 150 р. въ мѣсяцъ).

Такимъ образомъ доброе дѣло уже начало приносить добрые плоды.

Возвращенные къ жизни. Курсы десятниковъ земельныхъ улучшеній для воиновъ-калѣкъ. Занятія въ классѣ. Слѣва у доски—безрукій солдатъ.

Для кого заемъ свободы?
Солдаты, рабочіе и крестьяне! „Заемъ свободы“ дѣлается больше всего для васъ! Онъ пойдетъ на проведеніе соціальныхъ реформъ и оплату военныхъ расходовъ. Главная часть военныхъ расходовъ состоитъ: 1) въ уплатѣ жалованья арміи, 2) въ оплатѣ поставляемаго для арміи крестьянами хлѣба и 3) въ оплатѣ труда рабочихъ, затрачиваемаго на изготовленіе необходимыхъ для обороны предметовъ. Такимъ образомъ вырученныя по займу суммы должны почти цѣликомъ пойти въ распоряженіе солдатъ, рабочихъ и крестьянъ-земледѣльцевъ. Если вся Россія не поддержитъ „займа свободы“, то нечѣмъ будетъ платить ни жалованья арміи ни рабочимъ за ихъ трудъ и не на что будетъ купить хлѣба для прокормленія арміи и рабочихъ.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22 Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

№ 17. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 29 апрѣля 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

Первенцы свободы.

Исторія возстанія 14-го декабря 1825 г.

Д. С. Мережковскаго.

Посвящается продолжателю дѣла декабристовъ—А. Ф. Керенскому.

IV.

„Попытка 14-го декабря вовсе не была такъ безумна, какъ ее представляютъ,—говоритъ Герценъ.—Она не удалась—вотъ все, что можно сказать, но успѣхъ не былъ безусловно невозможенъ. Что было бы, если бъ заговорщики вывели солдатъ не утромъ 14-го, а въ полночь, и обложили бы Зимній дворецъ, гдѣ ничего не было готово? Что было бы, если бъ, не строясь въ каре, они утромъ всѣми силами напали на дворцовый караулъ, еще шаткій и неувѣренный тогда?“

Попытка могла удаться, но, надо сказать правду, и удача была бы случайной. События застигли Сѣверное Общество врасплохъ. Главари не успѣли выработать плана. Каждодневныя совѣщанія у Рылѣева, торопливыя, возбужденныя, со зловѣщими (и вѣрными) слухами, что заговоръ почти открытъ, что все равно, будетъ попытка или нѣтъ, гибель неминуема, — эти совѣщанія не могли привести къ планомѣрности. Войска были не готовы; то-есть, готовыя итти куда угодно за своими любимыми начальниками, они не были достаточно сознательны, цѣли возстанія представляли себѣ смутно. Многія части возмущались лишь второй присягой тотчасъ послѣ первой: „каждый день присягай, то одному, то другому, а тамъ, пожалуй, третьему“.

Во всякомъ случаѣ, полки, состоявшіе подъ командой заговорщиковъ, должны были начать съ отказа присягнуть Николаю; на это они были готовы и это исполнили.

Но въ дальнѣйшемъ сказалось отсутствіе плана, твердаго и яснаго сговора. Или двоеніе плана. Въ собраніяхъ 12-го и 13-го декабря Трубецкой предлагалъ съ однимъ полкомъ начать обходъ казармъ и уже соединенно итти къ Сенату. Рылѣевъ настаивалъ, чтобы полки шли прямо на Сенатскую площадь. Тамъ, послѣ возможнаго присоединенія другихъ гвардейскихъ полковъ, слѣдовало арестовать государя и предъявить Сенату для подписи манифестъ о переворотѣ.

Трубецкой какъ будто уступилъ. Какъ будто принятъ былъ планъ Рылѣева. По крайней мѣрѣ, обхода казармъ не совершалось. Кто могъ, успѣлъ, понялъ—повелъ своихъ солдатъ прямо на площадь. Повели нѣкоторые, даже не принадлежавшіе ранѣе къ Обществу, а какъ-то вдругъ воспламенившіеся наканунѣ, въ суетѣ, случайно встрѣченные. Напротивъ, многіе изъ видныхъ заговорщиковъ совершенно спутались, потеряли голову, пришли на площадь не во-время, а Трубецкой такъ растерялся, что вовсе не пришелъ. Его напрасно вездѣ искали, и по многимъ причинамъ отсутствіе его въ нужный моментъ сыграло роковую роль.

„Первенцы свободы“. *Виньетка къ „Полярной Звѣздѣ“ 1861 г., изданной А. И. Герценомъ, съ портретами-медальонами пяти казненныхъ декабристовъ.*

Утро 14-го декабря было холодное, не ясное, вѣтреное. Морозъ не сильный, но непріятный, пронизывающій. На Сенатскую площадь (вызванные для новой присяги Николаю) съ ранняго часа начали собираться полки. Изъ войскъ революціонныхъ первымъ пришелъ Московскій полкъ. Онъ сталъ передъ Зимнимъ дворцомъ. Было около 10 часовъ. Московскій полкъ первый отказался присягнуть. „Бунтъ“ сталъ явнымъ. Подъѣхалъ съ увѣщаніями графъ Милорадовичъ. Каховскій, членъ Сѣвернаго Общества, выстрѣлилъ неожиданно, безъ уговора съ другими. Милорадовичъ упалъ съ лошади. Замѣшательство усиливалось. Въ это время подошли къ Московскому полку Гвардейскій экипажъ съ Николаемъ Бестужевымъ и лейбъ-гренадеры подъ командой поручиковъ Панова и Сутгофа.

Противъ нихъ, со стороны Зимняго дворца, стояли войска правительственныя. Самъ Николай находился среди нихъ, вѣрнѣе, за ними, окруженный генералами. На его видной фигурѣ прусскаго юнкера страхъ отражался только блѣдностью лица, противорѣчивостью приказаній и мгновенными остолбенѣніями. Но не бояться ему было нельзя: онъ зналъ, что и стоявшая передъ нимъ гвардія, — преображенцы, измайловцы и семеновцы, — далеко не вѣрна. Все время отъ нихъ передавались въ возставшія войска одобренія, совѣты: „подождите только до ночи... держитесь...“

Густѣвшая толпа народа все плотнѣе примыкала къ мятежному войску. Народу было тысячъ около 20—30. Без-

молвный, мало понимающій, что творится, онъ однако всѣмъ неяснымъ чувствомъ своимъ былъ на сторонѣ возставшихъ солдатъ. Онъ вѣдь и стоялъ на этой сторонѣ — противъ Зимняго дворца, напротивъ волнующихся генераловъ и неожиданнаго, непривычнаго еще царя (можетъ, незаконнаго?).

Но время шло; Трубецкого не было; люди ждали; командованія никто не рѣшался принять на себя. Да и какъ сговариваться сызнова въ такихъ условіяхъ? Рылѣевъ могъ бы рѣшиться, но онъ, какъ отставной, былъ въ штатскомъ. Рылѣевъ, уже когда пришелъ Гвардейскій экипажъ, зналъ, что все потеряно. „Онъ привѣтствовалъ меня первымъ цѣлованіемъ свободы,—говоритъ Ник. Бестужевъ,—отвелъ меня въ сторону и сказалъ: „Предсказаніе сбывается; послѣднія минуты наши близки, но это минуты нашей свободы: мы дышали ею, и я охотно отдаю за нихъ жизнь свою!"

Между тѣмъ генералы волновались, подталкивая остолбенѣвшаго Николая; но Николай боялся,—ждалъ; Зимній дворецъ весьма плохо защищенъ, царь это зналъ; не даромъ велѣлъ онъ на всякій случай приготовить дорожныя кареты для себя и своей семьи. „Ваше Величество, тутъ нужно картечь!"—твердилъ генералъ Толь.

Государь отдалъ приказаніе конно-гвардейцамъ атаковать мятежниковъ. Пять атакъ (вѣроятно, не очень усердныхъ) были отражены. Снова начались увѣщанія, оставшіяся безплодными: старый митрополитъ и великій князь Михаилъ Павловичъ—оба были прогнаны.

Наконецъ привезли артиллерію.

Если бы возставшія войска имѣли нужное командованіе, могли не стоять, а двигаться, итти впередъ, нападать—Богъ знаетъ, какъ повернулось бы дѣло. Правда, ихъ было почти вдесятеро меньше, чѣмъ правительственныхъ, но не забудемъ, что и правительственные были тѣ же солдаты, тѣ же гвардейцы, сами колеблющіеся и недовольные, еще вовсе не вѣрные неизвѣстному, сегодняшнему, царю (можетъ-быть, и незаконному). Въ такихъ случаяхъ одно мгновенье рѣшаетъ дѣло.

Но мгновенье было пропущено. Возставшая сторона заняла пассивную, чисто-оборонческую, позицію,—стойкую, крѣпкую даже до смерти,—вѣдь они не сдались, не отступили ни на полшага даже передъ черными жерлами пушекъ, и на послѣднія увѣщанія генерала Сухозанета отвѣчали презрительнымъ: „пришлите кого-нибудь получше!", но—идущій всегда побѣждаетъ стоящаго; а „оттуда" рѣшились итти.

Рѣшились не скоро, будто пробуя, что выйдетъ, крадучись. Николай скомандовалъ артиллеріи: „первая!" — и тотчасъ же: „отставь". И опять: „первая!" и опять: „отставь". Снова, въ третій разъ: „первая!"— и молчаніе. Выстрѣла не было. Офицеръ, повторившій приказъ царя, бросился къ фейерверкеру. Это онъ медлилъ.

— Ваше благородіе... Вѣдь *свои*...

Офицеръ самъ кинулся къ орудію... Первый выстрѣлъ былъ все-таки вверхъ. Второй въ революціонныя войска и въ народъ, густо ихъ окружавшій.

— Уходите, уходите! — кричали народу солдаты и офицеры.— Мы не хотимъ, чтобы изъ-за насъ васъ перебили!

Сами они тутъ же падали, рядами, и умирали, а оставшіеся на ногахъ еще крѣпились, еще стояли подъ проливнымъ дождемъ картечи.

Стремясь спасти оставшихся людей, вожди возстанія повели ихъ къ Невѣ; была еще возможность перейти на ту сторону, къ Петропавловской крѣпости. Но хрупкій ледъ сталъ проламываться подъ тяжестью людей. Кое-кто все-таки перешелъ, но къ Академіи Наукъ. Было уже темно. Отъ Зимняго дворца во всѣ стороны, вдоль всѣхъ улицъ, бушевалъ теперь огонь. Кучи тѣлъ валялись на площади, кучи въ водѣ, на рыхломъ льду рѣки, раненые и убитые вмѣстѣ. Въ первый разъ святая кровь стоявшихъ за дѣло свободы пролилась на прибрежный гранитъ Невы.

День 14-го декабря кончился. Но съ нимъ еще далеко не все кончилось для декабристовъ.

V.

Возстаніе на югѣ началось позже, въ самомъ концѣ декабря, когда о днѣ 14-го уже было извѣстно. Подробностей не знали, знали только о неудачѣ.

Но и передъ Южнымъ Обществомъ выбора не было: если не сдѣлать попытку — все равно гибель. Общество открыто, предано. Въ ночь на 14-е декабря былъ арестованъ Пестель. Его имя первымъ стояло въ спискахъ Дибича, и Дибичъ послалъ за нимъ Чернышева. Пестель былъ арестованъ въ Тульчинѣ, пріѣхавъ туда изъ Василькова по вызову командира. Высшее начальство южнаго округа почти обо всемъ знало ранѣе, большинство даже сочувствовало,—но подъ шумокъ, наполовину, и вело себя двойственно. Ни Сергѣя Муравьева-Апостола, ни его брата Матвѣя, ни Бестужева-Рюмина въ то время не было въ Тульчинѣ. Чернышевъ, кажется, имѣлъ приказаніе арестовать только Пестеля. Но тотчасъ же стало извѣстно, что подполковникъ Гебель разыскиваетъ братьевъ Муравьевыхъ и Бестужева-Рюмина.

„Славяне" заволновались. Было рѣшено отбить Муравьева и Бестужева, въ случаѣ ихъ ареста, и немедленно начать возстаніе. Офицеры Черниговскаго полка Сухановъ, Кузьминъ, Соловьевъ и другіе такъ и сдѣлали.

Въ Трилѣсахъ, гдѣ Гебель арестовалъ братьевъ Муравьевыхъ, произошла стычка, Гебель былъ тяжело раненъ, Муравьевы освобождены и увезены въ деревню Ковалевку, гдѣ квартировала 2-я гренадерская рота.

Туда же пріѣхалъ Бестужевъ - Рюминъ. На утро вернулся Кузьминъ со своею ротою. Рѣшено было стянуть сюда всѣ вѣрныя возстанію войска и итти сначала на Васильковъ, затѣмъ въ Кіевъ.

Декабристъ Горбачевскій въ своихъ запискахъ даетъ намъ самую подробную картину этого революціоннаго похода.

Офицеровъ было 17 или 18 человѣкъ. Войска—около тысячи. Преданность и вѣрность солдатъ „достойны всякаго замѣчанія",—говорилъ Горбачевскій. Черниговскій полкъ, гдѣ офицеры („Славяне") по-товарищески относились къ солдатамъ и усердно ихъ готовили, былъ самый сознательный. Но и менѣе сознательные люди горѣли той же вѣрностью, тѣмъ же одушевленіемъ: любовь къ вождямъ, къ офицерамъ, соединяла всѣхъ въ одно.

Странный, жертвенный походъ! Могъ ли онъ удаться? Какъ петербургское возстаніе 14-го декабря — и да, и нѣтъ. Какъ въ Петербургѣ, всѣ ближайшія войска, не примкнувшія еще, были въ состояніи неясномъ, колеблющемся. Могли примкнуть, могли и не примкнуть. Командиры ихъ, если и не всѣ принадлежали къ Обществу, то знали о немъ, сочувствовали ему. Духъ въ войскахъ, уже выступившихъ, былъ такъ высокъ, такъ плѣнителенъ, что младшій братъ Сергѣя Муравьева, Ипполитъ (подпоручикъ свиты Е. В.), случайно пріѣхавшій изъ Петербурга съ грустными вѣстями 14-го декабря, все забылъ, мгновенно примкнулъ къ походу, поклявшись или побѣдить или умереть.

Волна свободы захватила людей. Васильковъ былъ взятъ. Мѣстныя власти обезоружены. Сергѣй Муравьевъ, который руководилъ походомъ, на городской площади объяснилъ созваннымъ почетнымъ гражданамъ цѣль возстанія, просилъ быть спокойными и не предаваться страху, потому что имъ ничего не угрожало.

„Ласковое и благородное обращеніе Муравьева не осталось безъ дѣйствія,—говоритъ Горбачевскій.—Успокоенные жители доставили припасы, размѣстили солдатъ. Городъ былъ окруженъ военной цѣпью".

Рано поутру, передъ новымъ выступленіемъ, С. Муравьевъ велѣлъ послать за священникомъ. Вручилъ ему свой „Катихизисъ Свободы", просилъ, послѣ молитвы, прочитать его войскамъ, благословить ихъ на святое дѣло.

Священникъ о. Даніилъ, человѣкъ молодой, понялъ Муравьева. Они вмѣстѣ вышли на площадь. „Собравшіяся роты были построены въ густую колонну,—пишетъ Горбачевскій.—Подошедъ къ ней, Муравьевъ привѣтствовалъ солдатъ дружелюбно и потомъ въ короткихъ словахъ изложилъ имъ цѣль возстанія и представилъ, сколь благородно пожертвовать жизнью за свободу. Восторгъ былъ всеобщій: офицеры и солдаты изъявили готовность слѣдовать за нимъ всюду. Тогда Муравьевъ, обратясь къ священнику, просилъ его прочесть „Катихизисъ", который состоялъ изъ чистыхъ республиканскихъ правилъ, вытекающихъ изъ вѣры въ Христа.

„Священникъ читалъ громкимъ голосомъ правила и обязанности свободныхъ гражданъ. „Наше дѣло,—сказалъ Муравьевъ по окончаніи,—такъ велико и благородно, что не можетъ быть запятнано никакимъ принужденіемъ; и потому кто изъ васъ, гг. офицеры и солдаты, чувствуетъ себя неспособнымъ къ такому предпріятію, тотъ пускай немедленно оставитъ ряды..." Громкія восклицанія заглушили послѣднія слова. Никто не оставилъ рядовъ, и каждый ожидалъ съ нетерпѣніемъ минуты летѣть за славою или смертью".

Это было 31-го декабря, въ послѣдній день 1825 года. Походъ, начавшійся такъ блистательно, продолжался. Волна свободы, захватившая людей, несла ихъ впередъ. Куда, къ побѣдѣ? Нѣтъ, къ смерти. Это вѣдь была первая волна. Нужны были жертвы. Многими, многими жертвами искупается свобода...

Сергѣй Муравьевъ, измученный, полубольной, возбужденный, велъ войска впередъ, но, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе теряя планъ, безпрестанно мѣняя его. Почему онъ перемѣнилъ направленіе и пошелъ вмѣсто Житоміра на Бѣлую Церковь? Онъ дѣлалъ ошибки, не принималъ на остановкахъ никакихъ предосторожностей, выбиралъ незащищенныя степныя дороги. Точно не самъ шелъ, точно не самъ велъ,—а по указанію какого-то рока. Обреченный велъ обреченныхъ. Все время ждалъ другихъ войскъ, помощи, но помощь не приходила. 3-го января, въ степи, недалеко отъ Бѣлой Церкви, ему встрѣтились конные гусары подъ командой генерала Гейсмара.

Вѣрныя правительственныя войска? Нѣтъ, колеблющіяся, почти Муравьевскія—но почти. Опять и тутъ одинъ какой-то моментъ рѣшалъ дѣло. И онъ рѣшилъ его не въ пользу революціонныхъ полковъ.

У гусаръ были орудія. „Первый картечный выстрѣлъ ранилъ и убилъ многихъ. Новый ранилъ Муравьева въ голову; упали поручикъ Щепила и нѣсколько солдатъ. Муравьевъ стоялъ, какъ оглушенный; кровь текла по его лицу. Дѣйствіе картечи было убійственно. Люди падали и умирали рядами".

Горбачевскій не говоритъ намъ, сколько времени продолжалось сраженіе. Но, по всей вѣроятности, очень недолго. Въ огнѣ картечи гусары налетѣли и окружили оставшихся въ живыхъ.

Почти всѣ офицеры были ранены, нѣкоторые убиты наповалъ; Ипполитъ Муравьевъ, вѣрный клятвѣ побѣдить или умереть, застрѣлился самъ, Кузьминъ тоже.

Окровавленный С. Муравьевъ, братъ его Матвѣй, Соловьевъ, Быстрицкій и Бестужевъ-Рюминъ были взяты и увезены подъ сильнымъ конвоемъ.

Такъ молніеносно и страшно окончился первый военный походъ.

Члены Тайныхъ Обществъ въ Кіевѣ и въ другихъ южныхъ городахъ въ это же время были арестованы. Арестовывали правыхъ и виноватыхъ. Многихъ отправили въ Могилевъ, Бестужева-Рюмина, Сергѣя Муравьева съ братомъ Матвѣемъ и другими—въ Петербургъ.

Готовился судъ, „неправедный и немилосердный", — мщеніе „прусскаго юнкера", самодержца Николая I.

А для непопавшихъ на этотъ петербургскій страшный судъ былъ и другой, не менѣе страшный. Участь молодого священника, прочитавшаго войскамъ христіанскій „Катихизисъ", безпримѣрна. Его сослали и забыли, буквально забыли о немъ на тридцать слишкомъ лѣтъ! Солдаты революціоннаго Черниговскаго полка (раскассированнаго) были прогнаны сквозь строй. По словамъ Горбачевскаго, приговоръ исполнялся съ такой жестокостью, что отъ несчастныхъ летѣли кругомъ клочки окровавленнаго мяса.

Но вернемся къ суду петербургскому.

„Первенцы свободы".
Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой.

VI.

День 14-го декабря 1825 года—не только первый день Великой Русской Революціи: онъ въ то же время начало великаго пути страданія, который приняли всѣ лучшіе люди Россіи, всѣ борцы за ея свободу. Нѣтъ такихъ словъ, которыми бы эти страданія, эта смертная крестная мука могла быть разсказана. Великій долгъ лежитъ на счастливыхъ, доживщихъ до побѣдныхъ дней русской революціи. Они должны вѣчно помнить, что Свобода не только ихъ руками завоевана, но принята также изъ жертвенныхъ рукъ погибшихъ поколѣній, изъ рукъ всѣхъ задушенныхъ, разстрѣлянныхъ, задавленныхъ, закованныхъ, утопленныхъ, умученныхъ, зарытыхъ въ землю и въ снѣга, всѣхъ униженныхъ, ошельмованныхъ, съ ума сошедшихъ въ мукѣ и погибшихъ въ послѣднемъ позорѣ, всѣхъ, кто, начиная съ 1825 года и до сегодняшняго дня, вставалъ за Правду и Волю. Наша юная свобода принадлежитъ имъ и намъ равно. Высокій духъ мучениковъ живетъ въ ней. Малѣйшая измѣна ему была бы измѣной правдѣ, волѣ и землѣ.

Уже съ вечера 14-го начались аресты. (Не забудемъ, что и первый арестъ на югѣ, Пестеля, произошелъ 14-го декабря). Едва отгремѣли пушки, разстрѣливавшія Петербургъ (ядра залетали далеко за Неву), какъ полицейскіе уже хватали, арестовывали и всѣхъ везли во дворецъ, прямо къ Николаю. Цѣлую ночь онъ сидѣлъ и жадно принималъ, встрѣчалъ схваченныхъ мятежниковъ. „Изъ дворца сдѣлали съѣзжую", — какъ опредѣлилъ одинъ очевидецъ.

Надо сказать, что Николай I былъ существомъ совершенно исключительнымъ. Существомъ,—потому что человѣкомъ назвать его врядъ ли можно. Чѣмъ болѣе слѣдишь за нимъ, за его жизнью вездѣ, при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе удивляешься. Нельзя уловить въ немъ ни одной человѣческой черты. Объ его отношеніи къ Россіи не стоитъ говорить, оно достатоточно опредѣляется его девизомъ: „пусть погибнетъ Россія, лишь бы сохранилась неограниченная власть!" Но даже въ самыхъ простыхъ положеніяхъ, въ кругу собственной семьи, съ матерью, съ дѣтьми,—онъ какъ будто вовсе *не человѣкъ*. Его нельзя сравнивать ни съ грубымъ и глубокимъ, посвоему, Іоанномъ Грознымъ, ни съ озлобленнымъ, помѣшаннымъ Павломъ I. Проклятое мѣсто,—самодержавный престолъ,—вообще имѣетъ свойство сводить людей съ ума, звѣрить ихъ. Но и безумный и озвѣрѣвшій царь все-таки остается безумнымъ *человѣкомъ*. Николай же только имѣлъ видъ человѣка. Притворялся человѣкомъ. Точно хитро устроенный автоматъ, а внутри сидитъ и управляетъ дьяволъ. Николай не скупился на самыя возвышенныя слова: Провидѣніе, Богъ, Промыслъ, святость не сходили у него съ языка; скрытый въ немъ дьяволъ любилъ это, потому что сказанныя Николаемъ слова звучали особенно богохульно.

„Первенцы свободы". *Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій.*

Всѣ душащія, давящія, крушащія движенія и дѣйствія этого Автомата I—были деревянныя, машинныя, не настоящія, какъ бываетъ, когда мертвое притворяется живымъ.

Хозяинъ, управлявшій своимъ автоматомъ, не могъ диктовать ему положительныхъ человѣческихъ дѣйствій. Николай былъ похожъ на человѣка, но на человѣка-звѣря, труса, предателя, лгуна и мстителя; мѣсто же, которое онъ занималъ, давало всѣмъ его поступкамъ такую силу и широту, что въ моряхъ лжи, звѣрства и предательства гибли не десятки, а тысячи людей.

„Въ эту ночь (съ 14-го на 15-е декабря) и въ послѣдующее время Николай Павловичъ выказалъ,—по словамъ одного историка,—что онъ обладаетъ недюжинными способностями тюремщика. Онъ былъ для декабристовъ не только первымъ слѣдователемъ, но предусмотрительнымъ тюремщикомъ-виртуозомъ". Собственноручными записками коменданту Петропавловской крѣпости Сукину онъ указывалъ, какъ, кого, въ какихъ „желѣзахъ" держать, кого когда къ нему присылать для допроса.

Допросы эти неслыханны. Длительный, обдуманный процессъ физической пытки въ крѣпости смѣнялся процессомъ пытки ду-

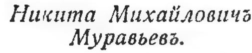
„Первенцы свободы". *Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій.*

ховной на допросахъ. Царь издѣвался, кричалъ, ругался неприличными словами передъ однимъ арестованнымъ, другого обнималъ (наединѣ), ободрялъ, обѣщалъ милосердіе и прощеніе, если покается и все, въ мелочахъ, разскажетъ про другихъ. Одному, до истерики доведенному, утиралъ глаза своимъ платкомъ и даже подарилъ этотъ платокъ на память. Но мгновенно мѣнялъ тактику, если она не давала результатовъ, тутъ же кричалъ, грозилъ и оскорблялъ обласканнаго.

Неутомимъ былъ, допрашивая. Когда поручалъ допросъ генераламъ, слушалъ, спрятавшись за ширмы. Требованіемъ письменныхъ показаній прямо душили арестованныхъ. Все написанное направлялось въ руки царю.

Съ отрекшимся братомъ Константиномъ онъ въ эти ночи, дни и недѣли обмѣнивался „душевными“ письмами. Николай расписывалъ, какъ онъ страдаетъ, что грозило Россіи и трону, и какъ Богъ его спасъ. Для возставшихъ,— для его плѣнниковъ, — у него, да и у брата, нѣтъ другого названья, кромѣ „каналій“ и „сволочи“. Во всенародномъ манифестѣ о „подавленіи мятежа“ и о назначеніи торжественнаго благодарственнаго молебствія на Сенатской площади („ради очищенія сего мѣста“) декабристы именуются еще „горстью извергов ъ“.

„Первенцы свободы“. *Никита Михайловичъ Муравьевъ.*



Была „Высочайше“ назначена слѣдственная комиссія и Верховный Уголовный Судъ. Въ судъ этотъ, кромѣ „избранныхъ“ генераловъ и своего брата Михаила, Николай посадилъ еще нѣсколькихъ высшихъ іерарховъ изъ Синода.

Слѣдствіе, допросы и судъ продолжались, при самомъ жадномъ участіи Николая, до іюля мѣсяца 1826 года. Не всѣ ихъ выдержали до конца. Декабристъ Булатовъ, послѣ одного личнаго допроса, разбилъ себѣ голову о стѣну въ равелинѣ. „Отъ раскаянія“,—донесли вѣрные слуги царя. Дожившихъ до приговора „преступниковъ“ было 121 человѣкъ. Все офицеры. (Какъ было поступлено съ солдатами—мы знаемъ). Судьи вѣдали, чего отъ нихъ хочетъ государь. Сдѣлали осужденнымъ подробнѣйшую опись по реестрамъ и приговоръ постановили съ тѣмъ расчетомъ, чтобы государю было гдѣ, не умѣряя своихъ желаній, проявить „монаршую милость“ и „милосердіе“.

Приговоръ былъ такой: Пестеля, Рылѣева, Сергѣя Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховскаго—*четвертовать*. Преступниковъ второго разряда—*обезглавить*. Остальныхъ, ошельмовавъ и проведя подъ висѣлицей, сослать на вѣчныя времена въ каторгу. „Смиренные“ члены Святѣйшаго Синода заявили письменно: „согласуемся, что преступники достойны жесточайшей казни, а слѣдовательно, какая будетъ сентенція,—отъ оной не отрицаемся, но, поелику мы духовнаго чина, то къ подписанію сентенціи приступить не можемъ“.

Эту увертливость и лицемѣріе перещеголялъ Николай. Подробнѣйшимъ образомъ разобралъ приговоръ, разряды, каждымъ „преступникомъ“ занялся внимательно, приговореннымъ къ обезглавленію замѣнилъ казнь вѣчной каторгой и соотвѣтственно, чуть-чуть, „смягчилъ“ наказаніе нѣкоторымъ, „согласуясь съ чувствами милосердія“. О первыхъ же пятерыхъ, которыхъ судъ съ готовностью предлагалъ четвертовать, сказалъ въ концѣ указа: ихъ „*предаю* рѣшенію Верховнаго Суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ Судѣ состоится“.

Судьи разсудили мудро. Съ одной стороны, надо было принять во вниманіе „монаршее милосердіе“ и то, что монархъ „обезглавленія“ не утвердилъ (казнь была отмѣнена въ Россіи еще при Елизаветѣ). Съ другой стороны судьи не сомнѣвались, что царь жаждетъ достойнаго возданія „злодѣямъ“. А тутъ еще извѣстно было, что онъ оговорился: „только безъ пролитія крови“.

Суду какъ бы подсказывалось рѣшеніе: казнь безъ крови, но съ позоромъ: повѣшеніе.

Этимъ все достигалось. Даже то, что нѣкоторымъ изъ приговоренныхъ, Рылѣеву, напримѣръ, Николай на личныхъ допросахъ неоднократно давалъ „честное слово“, что жизни его не лишитъ. Рылѣевъ до послѣдняго дня вѣрилъ „честному слову“ царя. Не оттого, что особенно держался за жизнь, боялся смерти или что-нибудь продалъ Николаю за это слово. Но просто оттого, что органически не понималъ ни лжи, ни измѣны, ни самого Николая, этой страшной машины-автомата, управляемаго дьяволомъ.

Да вѣдь слово и *не было* нарушено! Царь только *предалъ* декабристовъ на повѣшеніе, не самъ „лишилъ жизни“.

Въ ночь на 13-е іюля 1826 года на пустырѣ кронверкскаго вала въ Петропавловской крѣпости были построены два эшафота, одинъ для шельмованія, другой для вѣшанія, съ опускающимся поломъ. Висѣлицу строили долго, неумѣло, „по неопытности палачей“. Пока строили, дѣлали пробы, пока „самъ Беркопфъ *)“ училъ дѣйствовать непривычныхъ палачей, сдѣлавъ образцовыя петли и намазавъ ихъ саломъ, дабы онѣ плотнѣе стягивались“, уже взошло лѣтнее солнце.

Толпу осужденныхъ вывели изъ казематовъ. Приговоренные къ смерти шли отдѣльно, въ тяжкихъ кандалахъ. Пока тянулась долгая процедура „шельмованія“ и проведенія подъ висѣлицей 96 каторжныхъ, обреченные петлѣ сидѣли передъ эшафотомъ на травѣ.

Протоіерей Казанскаго собора Мысловскій, человѣкъ весьма мягкосердечный, былъ очень разстроенъ, провожая „преступниковъ“ на казнь. Плакалъ, говорилъ, что „надо молиться, чтобы Господь смягчилъ сердце царя...“ А впрочемъ, зналъ, что молиться уже поздно: Николая и въ Петербургѣ не было.

Наконецъ каторжниковъ увели, настал ъ чередъ осужденныхъ. Вотъ разсказъ простого человѣка, полицейскаго по наряду, о томъ, что было дальше:

„ ... Мы могли хорошо видѣть ихъ лица. Они были совершенно спокойны, только серьезны, точно какъ обдумывали важное дѣло... Приготовлялись вѣдь къ смерти. Взглянули они послѣдній разъ на небо, да такъ взглянули, что у насъ вся внутренность перевернулась... Ты, вотъ, не поймешь этого, что это такое было, а я разсказать не могу... Ну, какъ я разскажу?.. Мѣшки имъ не понравились. Рылѣевъ сказалъ, когда ему стали надѣвать мѣшокъ на голову: „Господи! Къ чему это?..“ Когда все было готово, на шеи преступниковъ надѣли петли, и помостъ, на которомъ они стояли, опустился изъ-подъ ихъ ногъ. Такъ это было ужъ устроено. Они повисли, и забились, заметались. Тутъ трое среднихъ и сорвались.

„Первенцы свободы“. *Александръ Михайловичъ Муравьевъ.*

*) Начальникъ кронверка въ Петропавловской крѣпости.

Веревки лопнули... Только на краяхъ остались висѣть Пестель и Каховскій.

„Ну, какъ они упали, такъ разбились въ кровь. Вѣдь упали-то съ размаха.

„Кутузовъ сперва прислалъ адъютанта, а потомъ самъ лѣзетъ, кричитъ, ругается: „что̀ это такое?“

„У Рылѣева мѣшокъ упалъ и видна была окровавленная бровь и кровь за правымъ ухомъ. Онъ сидѣлъ, скорчившись, потому что провалился внутрь эшафота. Сказалъ: „Какое несчастье!“

„— Вѣшать его, вѣшать скорѣе!“—кричитъ Кутузовъ. И, Боже ты мой, сталъ тутъ кричать и ругаться. Подняли опять помостъ и опять накинули петли. Въ это время, когда помостъ былъ поднятъ, Пестель и Каховскій достали до него ногами. Пестель былъ еще живъ и, кажется, началъ немного отдыхать. Тутъ нѣкоторые стонали, должно-быть, отъ ушиба и боли. *Ихъ повѣсили опять*. А, говорятъ, вѣшать въ другой разъ не слѣдовало. Это тоже Кутузова вина.

„За рвомъ народъ зашумѣлъ что-то. Кутузовъ на нихъ закричалъ, а музыка еще громче стала играть. Музыка была Павловскаго полка, играла простые марши и разныя штуки.

„Гдѣ они похоронены, неизвѣстно. Говорятъ, что тѣла съ гирями спустили въ море на островѣ Голодай“.

Такъ свершилось. Николаю не удалось стряхнуть съ себя ни одной капли крови: кровь Рылѣева пролилась.

Разбитые, расшибленные, дважды повѣшенные, съ геройскимъ мужествомъ встрѣчавшіе смерть, эти первомученики свободы должны были еще и послѣ смерти перенести одинъ плевокъ: „Войско держало себя съ достоинствомъ, а злодѣи держали себя такъ же подло, какъ и вначалѣ“,—пишетъ Дибичъ Николаю въ донесеніи о казни. На что Николай отвѣчаетъ: „Благодарю Бога: что все окончилось благополучно“... и прибавляетъ съ ироніей:— „я былъ увѣренъ, что герои 14-го декабря не выкажутъ въ этомъ случаѣ болѣе храбрости, чѣмъ нужно“.

Николаю I и самоличное, повторное, вѣшанье героевъ не помѣшало бы остаться при своемъ мнѣніи и не измѣнило бы его. Другое дѣло живые, настоящіе живые люди. Вотъ что̀ разсказывалъ одинъ изъ нихъ:

„Зрѣлище это на близко-присутствующихъ имѣло сильное вліяніе: архитекторъ Герней умеръ черезъ мѣсяцъ, Постниковъ страдалъ болѣе года и умеръ; онъ всегда говорилъ, что это было причиной его болѣзни. А я...—онъ заплакалъ и прибавилъ: — Много времени прошло съ тѣхъ поръ, но ни разу не могу вспомнить безъ слезъ объ этихъ несчастныхъ“.

Были ли они несчастнѣе своихъ друзей, только ошельмованныхъ и потомъ „помилованныхъ“ каторжниковъ? Вѣдь и два раза повѣшенные скорѣе окончили смертную муку, чѣмъ тѣ, для которыхъ эта мука длилась многія десятилѣтія. Въ тяжелыхъ кандалахъ, въ казематахъ безъ оконъ, въ гробу тогдашней Сибири искупала свою вину передъ самодержцемъ эта „горсть извергов“, эта сотня первыхъ героевъ народныхъ. Широкую дорогу проторили они въ каторгу. И потекли туда съ тѣхъ поръ рѣкой лучшіе люди Россіи, поколѣніе за поколѣніемъ, сыновья и внуки первенцевъ свободы,—офицеровъ русской арміи. Пусть же не забываетъ сегодняшняя побѣдная армія, сегодняшній свободный народъ святыхъ начинателей Великой Русской Революціи. Кровь погибшихъ за правду и волю нашей земли — кровь красныхъ знаменъ, широко развѣвающихся сегодня въ Россіи. Ихъ несутъ сильныя руки побѣдителей. Но всѣ, стоявшіе за правое дѣло революціи, нынѣ побѣдители. Слава первымъ, слава послѣднимъ, слава побѣдителямъ!

„Первенцы свободы“. *Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ.*

Весна

Сладко выйти въ весеннее поле.
Ясно свѣтитъ заря. Тишина.
Вѣетъ вѣтромъ, прохладой и волей,
И далекая пѣсня слышна.

Вновь весна. И осыпался иней,
Раскрывается трепетный листъ.
Вечеръ русскій, торжественно-синій,
Какъ ты благостенъ, нѣженъ и чистъ!

Вотъ оглянешься, такъ и повѣришь,
Что напрасны тревога и грусть...
Никакой тебя мѣрой не смѣришь,
О, Великая Красная Русь!

Мать-отчизна! Ты долго томилась,
Возставая на черное зло,
Сколько гордыхъ съ неправдою билось,
Сколько смѣлыхъ въ бою полегло!

Говорили они, умирая:
„Крѣпко знамя держите, друзья!
Въ немъ величье родимаго края,
Въ немъ, Россія, свобода твоя!“

И въ несчетныхъ мучительныхъ жертвахъ
Наконецъ мы ее обрѣли.
Наконецъ-то воскресла изъ мертвыхъ
Воля древняя русской земли!

Расцвѣтайте же, красныя зори,
Наша гордость, и слава, и честь!
Отъ Невы до Каспійскаго моря
Разносись, вдохновенная вѣсть!

Но сплотимся, друзья, наготовѣ,
Не забудемъ въ торжественный часъ
О войнѣ и о пролитой крови,—
Крови смѣлыхъ, погибшихъ за насъ.

Мы покончили съ черной тоскою,
Такъ воспрянемъ, чудесно-сильны,
И подымемъ побѣдной рукою
Ярко-алое знамя Весны!

Георгій Ивановъ.

Политическое обозрѣніе.

Революція и война.

Смѣна формъ государственнаго устройства не затрагиваетъ существованія государства, какъ самостоятельнаго человѣческаго союза, имѣющаго свои длительные интересы и свои „вѣчныя“ цѣли. Въ Россіи умерла монархія, въ Россіи фактически устанавливается народоправство, но продолжаетъ жить на благо своихъ гражданъ сама Россія, существованіе которой не было роковымъ образомъ связано съ существованіемъ династіи Романовыхъ.

Вотъ почему, несмотря на государственный переворотъ, свободная Россія унаслѣдовала отъ стараго порядка опредѣленное мѣсто въ великой семьѣ независимыхъ націй. Сохраненіе этого мѣста естественно предполагаетъ перенесеніе на новое правительство извѣстной совокупности международныхъ правъ и обязанностей, пріобрѣтенныхъ или принятыхъ на себя отъ имени Россіи прежнимъ правительствомъ. Отказъ отъ энергическаго отстаиванія этихъ правъ или отъ честнаго исполненія этихъ обязанностей былъ бы равносиленъ выходу Россіи изъ международнаго общенія и угрожалъ бы ей величайшими политическими и экономическими осложненіями.

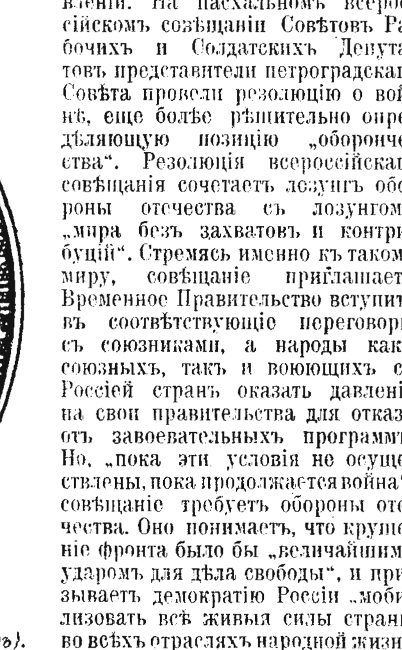
Въ сознаніи своей отвѣтственности за международное положеніе Россіи, Временное Правительство не замедлило ясно и точно опредѣлить свое отношеніе къ важнѣйшему изъ вопросовъ внѣшней политики — къ войнѣ. Въ своемъ воззваніи къ гражданамъ Россійскаго государства отъ 6-го марта оно выразило увѣренность, что „духъ высокаго патріотизма, проявившійся въ борьбѣ народа со старою властью, окрылитъ и доблестныхъ солдатъ нашихъ на полѣ брани“. Оно обѣщало „приложить всѣ силы къ обезпеченію нашей арміи всѣмъ необходимымъ для того, чтобы довести войну до побѣднаго конца“. Оно обязалось „свято хранить связывающіе насъ съ другими державами союзы и неуклонно исполнить заключенныя союзниками соглашенія“. Два основныхъ начала внѣшней политики Временнаго Правительства вытекали изъ этого воззванія: — рѣшимость бороться до конца и вѣрность заключеннымъ Россіей союзнымъ договорамъ. Отъ этихъ началъ Временное Правительство не уклонилось и тогда, когда оно въ новомъ обращеніи къ гражданамъ отъ 27-го марта сочло нужнымъ „прямо и открыто сказать народу всю правду“ о военномъ положеніи. Предоставляя „волѣ народа“ окончательно разрѣшить всѣ вопросы, связанные съ войной, и подтверждая, что русскій народъ стремится не къ „насильственному захвату чужихъ территорій, а къ прочному миру на основѣ самоопредѣленія народовъ“, Временное Правительство здѣсь выдвигаетъ тѣ же двѣ главныя задачи своей внѣшней политики: „оборону во что бы то ни стало, чтобы родина не вышла изъ великой борьбы униженной и подорванной въ жизненныхъ своихъ силахъ“, и „полное соблюденіе обязательствъ, принятыхъ въ отношеніи нашихъ союзниковъ“.

Новая государственная печать. *(Подлинный размѣръ).*

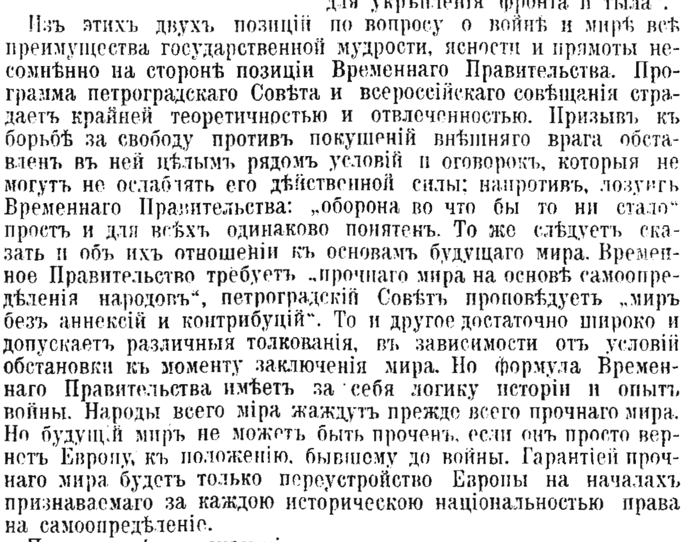
Но послѣ революціи голосъ Временнаго Правительства былъ уже не единственнымъ голосомъ, раздававшимся въ Россіи при обсужденіи вопросовъ войны и мира. Неограниченная свобода устнаго и печатнаго слова открыла возможность публичной пропаганды и такихъ взглядовъ на войну, которые при старомъ порядкѣ подавлялись воздѣйствіемъ цензуры. Среди этихъ направленій общественно-политической мысли крупнѣйшими были такъ называемыя „пораженчество“ и „оборончество“. Съ момента побѣды революціи „пораженчество“ естественно должно было исчезнуть изъ программъ революціонныхъ партій. „Желать пораженія“ свободной Россіи могли бы только скрывшіеся въ подполье приверженцы свергнутаго строя, зато точка зрѣнія „обороны“, ограничивающая задачи войны исключительно борьбой за освобожденіе территорій, захваченныхъ непріятелемъ, пріобрѣла во многихъ кругахъ населенія очень широкую популярность. Въ частности, идею „оборончества“ прочно усвоила наиболѣе вліятельная изъ выдвинутыхъ революціей общественныхъ организацій, именно петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Петроградскій Совѣтъ сталъ на почву „оборончества“ уже въ знаменитомъ своемъ воззваніи къ народамъ всего міра, проникнутомъ очень возвышеннымъ идеализмомъ. Совѣтъ заявлялъ въ немъ, что „настала пора народамъ взять въ свои руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ“. Обращаясь въ частности къ пролетаріямъ австро-германской коалиціи, онъ приглашалъ ихъ „свергнуть съ себя иго самодержавнаго порядка“ и „отказаться служить орудіемъ захватовъ и насилія въ рукахъ королей, помѣщиковъ и банкировъ“. Но въ то же время онъ твердо провозглашалъ, что „русская революція не позволитъ раздавить себя внѣшней военной силой“, и что революціонная Россія будетъ „стойко защищать собственную свободу отъ всякихъ реакціонныхъ посягательствъ какъ изнутри, такъ и извнѣ“.

Призывъ петроградскаго Совѣта не былъ до сихъ поръ услышанъ народами всего міра. Однако дѣятели его не разочаровались въ своихъ идеалистическихъ стремленіяхъ и продолжали,



на собственный страхъ и рискъ, работу въ намѣченномъ направленіи. На пасхальномъ всероссійскомъ совѣщаніи Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ представители петроградскаго Совѣта провели резолюцію о войнѣ, еще болѣе рѣшительно опредѣляющую позицію „оборончества“. Резолюція всероссійскаго совѣщанія сочетаетъ лозунгъ обороны отечества съ лозунгомъ „мира безъ захватовъ и контрибуцій“. Стремясь именно къ такому миру, совѣщаніе приглашаетъ Временное Правительство вступить въ соотвѣтствующіе переговоры съ союзниками, а народы какъ союзныхъ, такъ и воюющихъ съ Россіей странъ оказать давленіе на свои правительства для отказа отъ завоевательныхъ программъ. Но, „пока эти условія не осуществлены, пока продолжается война“, совѣщаніе требуетъ обороны отечества. Оно понимаетъ, что крушеніе фронта было бы „величайшимъ ударомъ для дѣла свободы“, и призываетъ демократію Россіи „мобилизовать всѣ живыя силы страны во всѣхъ отрасляхъ народной жизни для укрѣпленія фронта и тыла“.



Изъ этихъ двухъ позицій по вопросу о войнѣ и мирѣ всѣ преимущества государственной мудрости, ясности и прямоты несомнѣнно на сторонѣ позиціи Временнаго Правительства. Программа петроградскаго Совѣта и всероссійскаго совѣщанія страдаетъ крайней теоретичностью и отвлеченностью. Призывъ къ борьбѣ за свободу противъ покушеній внѣшняго врага обставленъ въ ней цѣлымъ рядомъ условій и оговорокъ, которыя не могутъ не ослаблять его дѣйственной силы; напротивъ, лозунгъ Временнаго Правительства: „оборона во что бы то ни стало“ простъ и для всѣхъ одинаково понятенъ. То же слѣдуетъ сказать и объ ихъ отношеніи къ основамъ будущаго мира. Временное Правительство требуетъ „прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ“, петроградскій Совѣтъ проповѣдуетъ „миръ безъ аннексій и контрибуцій“. То и другое достаточно широко и допускаетъ различныя толкованія, въ зависимости отъ условій обстановки къ моменту заключенія мира. Но формула Временнаго Правительства имѣетъ за себя логику исторіи и опытъ войны. Народы всего міра жаждутъ прежде всего прочнаго мира. Но будущій миръ не можетъ быть проченъ, если онъ просто вернетъ Европу къ положенію, бывшему до войны. Гарантіей прочнаго мира будетъ только переустройство Европы на началахъ признаваемаго за каждою историческою національностью права на самоопредѣленіе.

Поэтому всѣ понимающіе, что огромныя жертвы, понесенныя въ эту войну человѣчествомъ, не должны пройти безплодными, а всѣ причиненныя ею раны не должны остаться незалѣченными, дружно сплотятся вокругъ благородной и благоразумной военной программы Временнаго Правительства.

Проф. К. Соколовъ.

Туманъ.

Набросокъ **Сельмы Лагерлефъ.**

Переводъ со шведскаго Анны Ганзенъ.

Однажды утромъ, осенью 1914 года, перваго года великой войны, довольно густой туманъ окуталъ мирное и почти незатронутое міровыми событіями, мѣстечко, гдѣ проживалъ Миролюбецъ. Туманъ былъ, впрочемъ, не настолько густъ, чтобы онъ не могъ видѣть весь свой садъ и всѣ постройки; но дальше его взоръ проникнуть уже не могъ. Онъ не видѣлъ ни полей, ни холмовъ, ни лѣса. Вся обычная рамка его владѣній исчезла. Онъ могъ вообразить себя на островкѣ, заброшенномъ въ безпредѣльномъ океанѣ.

Глаза его, непривычные къ такому суженному кругозору, испытывали какое-то тягостное давленіе. Его угнетала эта невозможность свободно озираться во всѣ стороны, и онъ совершалъ свою обычную утреннюю прогулку по саду въ такомъ тревожномъ и подавленномъ настроеніи, какъ будто ему грозила бѣда.

Онъ невольно сдвигалъ брови, щурился и напрягалъ зрѣніе, чтобы пронизать взоромъ толщу тумана. Ничто не помогало, приходилось довольствоваться созерцаніемъ ближайшихъ предметовъ. И сначала онъ нехотя попытался разсѣяться, разглядывая красноватые листья клена, которымъ влажность воздуха придавала отблескъ старой котельной мѣди. Вслѣдъ затѣмъ вниманіе его привлекла обрызганная росой паутина, раскинувшаяся надъ грядкой съ увядшей зеленью земляники. Ему невольно пришло въ голову, что эта паутина—кокетливая вуаль осени, и онъ задумался о томъ, не она ли нѣкогда научила старѣющихъ красавицъ прикрывать свою вянущую прелесть вуалями, усѣянными жемчугомъ.

Эта мысль позабавила его; его дурное настроеніе разсѣялось, и онъ сталъ осматриваться вокругъ съ новымъ интересомъ. Прямо передъ собою онъ увидѣлъ старую яблоню, отягченную плодами, и съ удивленіемъ замѣтилъ, что дерево представляло сейчасъ очень красивое зрѣлище. Прежде оно, напротивъ, всякій разъ, какъ онъ проходилъ мимо, сердило его своимъ безобразіемъ. Оно было низенькое, широкое, съ грубо растопыренными отъ самаго ствола толстыми вѣтвями. Теперь эти вѣтви причудливо изгибались подъ тяжестью плодовъ, выказывая свою крѣпость и гибкость. И онъ понялъ, что ихъ грубая весенняя и лѣтняя неуклюжесть была необходима, чтобы выдержать тяжесть осенняго плодородія.

И онъ вдругъ совершенно примирился съ туманомъ: сузивъ кругозоръ, этотъ туманъ заставилъ его обратить вниманіе на мелочи, которыми онъ прежде пренебрегалъ и упускалъ случай любоваться. „Да,—подумалъ онъ,—чтобы лучше видѣть и понимать, что видишь, необходимо присматриваться къ ближайшимъ предметамъ".

Сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ еще больше убѣдился въ правильности такого вывода, такъ какъ тутъ же разглядѣлъ нѣсколько спѣлыхъ зеленыхъ сливъ, послѣднихъ въ этомъ году, которымъ до этой минуты удавалось укрыться отъ ищущихъ взглядовъ. Теперь туманъ какъ будто обострилъ его зрѣніе. Онъ тотчасъ же сорвалъ блестящіе аппетитные плоды, и въ ту же минуту слуха его впервые за это утро коснулся звукъ изъ внѣшняго міра. Изъ тумана доносился громкій и рѣзкій голосъ:

— Господи Боже, смилуйся и помоги воюющимъ! Да! Да! Смилуйся надъ воюющими!

Онъ остановился и прислушался. Голосъ явственно выходилъ изъ тумана, но никого не было видно.

— Господи Боже, смилуйся и помоги воюющимъ. Да! Да! Смилуйся надъ воюющими, тяжко имъ! Кровь течетъ въ канавы ручьями. Да, да, Господи!

Миролюбецъ, погруженный въ мирное и пріятное раздумье, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Опять война! Нельзя забыть о ней ни на минуту! Сколько ни приковывай вниманіе къ чему-нибудь другому, сама природа какъ будто обрѣтаетъ голосъ, чтобы напомнить тебѣ объ ужасахъ и бѣдствіяхъ людскихъ.

Снова раздалось изъ тумана:

— Кровь ручьями течетъ въ канавы. Трупы лежатъ на поляхъ, словно стога сѣна. Господи Боже, помоги воюющимъ!

Конечно, это та юродивая, которая вѣчно бродитъ тутъ по сосѣдству, то молясь, то распѣвая. Теперь она вздумала просить Бога за воюющія державы! Должно-быть, она проходитъ сейчасъ по дорогѣ у лѣсной опушки, невидимой изъ-за тумана. Ея мольбы были трогательны, но нельзя было не улыбнуться надъ этой юродивой, надѣющейся остановить міровую войну своими молитвами.

— Помоги воюющимъ помириться!—восклицала юродивая.— Кровь течетъ въ канавы ручьями!..

Онъ стоялъ и слушалъ, пока ея голосъ не замеръ въ отдаленіи. Тогда онъ вздохнулъ и продолжалъ свою прогулку.

Онъ съ ужасомъ думалъ объ этой войнѣ, въ которой принимало участіе чуть ли не все человѣчество, и которая угрожала перевернуть весь міръ. Ужъ лучше бы разразилось землетрясеніе или потопъ! Бѣдствія отъ этого не уменьшились бы, но не было бы этого тяжкаго сознанія, что бѣдствія вызваны и причинены самими людьми.

Онъ не могъ отдѣлаться отъ смутнаго чувства, что надо бы сдѣлать что-нибудь, что нельзя оставаться безучастнымъ.

Гуляя, онъ зашелъ въ самый дальній конецъ сада, и, когда повернулся, чтобы итти назадъ, передъ нимъ открылась необыкновенно привлекательная, улыбающаяся картина.

На нужды Родины. *Груда Георгіевскихъ крестовъ и медалей и пачки денегъ, посылаемыхъ въ Финансовую Комиссію Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ въ Государственной Думѣ воинскими частями съ фронта.*

Н. Р. Шаговъ.

Г. И. Петровскій.

Ф. Н. Самойловъ.

М. К. Мурановъ.

А. Е. Бадаевъ.

Борцы за свободу. Члены Государственной Думы нынѣшняго 4-го созыва, соціалъ-демократы, сосланные въ Сибирь и нынѣ возвращенные въ ряды дѣятелей революціоннаго движенія.

Отлогій подъемъ вёлъ къ жилому дому, и Миролюбецъ прямо передъ собой увидѣлъ свою усадьбу съ краснымъ домикомъ, въ рамкѣ осенне-пестраго лиственнаго убора деревьевъ. Самая картина была, въ сущности, такою же, какъ всегда, но теперь производила совсѣмъ иное впечатлѣніе потому, что была какъ бы выхвачена туманомъ изъ остального пейзажа.

Миролюбецъ въ первый разъ замѣтилъ, какъ красиво этотъ красный домикъ на верху холма сливался съ зелеными и желтыми шапками вокругъ, съ низкими пристройками, съ раскидистыми кустами и вѣнкомъ изъ молоденькихъ плодовыхъ деревъ, окружающихъ подножіе холма. Никогда еще всѣ эти детали не сливались такъ гармонически въ одно цѣлое, какъ сегодня, когда туманъ обрамилъ картину и заполнилъ всѣ пустоты. Ничего нельзя было убавить въ ней, все такъ и должно было оставаться, все было на своемъ мѣстѣ. Плотно охваченный туманомъ и зеленью, домъ его казался привлекательнѣе, чѣмъ когда-либо. Отъ него вѣяло уютомъ и безопасностью. На душѣ становилось тепло и свѣтло отъ одного созерцанія.

И вдругъ Миролюбцемъ овладѣла странная мысль. Онъ почувствовалъ себя какъ-то объединеннымъ со своею старою усадьбою. Ему представилось, что онъ и усадьба живутъ своею особою безмятежною жизнью, огражденные стѣнами тумана, укрытые отъ всего міра. Туманъ этотъ такъ и будетъ стоять на стражѣ около нихъ день за днемъ, такой густой и непроницаемый, что даже проѣзжающіе мимо, по опушкѣ лѣса, не будутъ знать о близости усадьбы.

Почтальонъ съ черной сумкой, сбитый съ толку туманомъ, не найдетъ къ нимъ дороги: никакіе гости, никто чужой не сыщетъ въѣзда въ аллею, ведущую къ жилому дому, никто изъ внѣшняго міра не проникнетъ въ усадьбу, и ничто изъ усадьбы не сумѣетъ пробраться въ міръ.

Осень будетъ медленно смѣняться зимою, весна—лѣтомъ. Выпадетъ и стаетъ снѣгъ, поля уберутся зеленью, потомъ зелень увянетъ и пропадетъ. Холодъ и жара будутъ смѣняться въ усадьбѣ, но густой туманъ останется неизмѣннымъ.

Онъ и усадьба будутъ жить сказочной жизнью. За посѣвомъ придетъ жатва, за варкой пива начнутъ печь хлѣбы; все будетъ итти своей медленной чередой. Подоятъ коровъ, выстригутъ овецъ, снимутъ съ ткацкихъ станковъ гладкій холстъ... Придется жить одними трудами рукъ своихъ. Ничего не будетъ дано имъ извнѣ, и ничто не уйдетъ отъ нихъ. Горе будетъ у нихъ только свое, и вся надежда ихъ будетъ только на самихъ себя. Они будутъ жить на островкѣ среди мірового океана, куда не найдетъ пути ни одно судно.

Больше всего прельщало Миролюбца во всемъ этомъ то, что онъ такимъ образомъ избавится отъ ужасныхъ впечатлѣній войны. И онъ простеръ къ туману руки со словами:

— Не расходись, туманъ, оставайся! Наступили ужасныя времена. Помоги мнѣ уйти отъ ихъ переживанія. Стой на стражѣ около моей усадьбы! Дай мнѣ жить здѣсь, въ старомъ домѣ моихъ отцовъ, не зная о кровавыхъ ужасахъ насилія, которые творятся гдѣ-то тамъ. Помоги мнѣ и моимъ людямъ спокойно заниматься тутъ своимъ дѣломъ, не смущаясь слухами о бѣдствіяхъ чужихъ людей! Пусть къ намъ иногда залетаютъ птицы, но мы не станемъ допытываться, не принесли ли онѣ подъ крылами какихъ-нибудь вѣстей. Пусть раздаются иногда по утрамъ громкія мольбы юродивой, проходящей мимо. Мы не станемъ вслушиваться, не о воюющихъ ли она все еще молится. Когда же со временемъ все это кончится, люди перестанутъ воевать и губить другъ друга,—развѣйся, туманъ, исчезни! И мы, ничего не знавшіе о происходившихъ ужасахъ, съ восторгомъ вернемся въ міръ, чтобы наслаждаться вѣчнымъ праздникомъ жизни. Наше сознаніе не будетъ отравлено воспоминаніями о насиліяхъ и кровопролитіяхъ. Наши сердца не станутъ безнадежными, наслушавшись про бѣдствія, которыхъ мы не въ силахъ были предотвратить. Мы снова вернемся въ міръ съ вѣрою, что люди кротки душою и любятъ мирное творчество жизни. Мы уподобимся семи блаженнымъ спящимъ отрокамъ, спасеннымъ въ эпоху насилій, чтобы узрѣть вновь мирныя и счастливыя времена, убѣдиться въ томъ, что земля даритъ своимъ бѣднымъ дѣтямъ не однѣ бѣды и страданія!

Проговоривъ эти слова, Миролюбецъ услыхалъ два разнородныхъ звука. Вѣтеръ какъ-то по-змѣиному прошелестѣлъ сквозь туманъ, а издали долетѣлъ слабый отзвукъ мольбы бѣдной юродивой: „Помоги, Господи, воюющимъ!“ Это звучало почти предостереженіемъ, но Миролюбецъ не внялъ ему.

— Дай мнѣ бродить по моей усадьбѣ, туманъ,—воскликнулъ онъ,—и открывать все новыя маленькія прелести! Учи меня всматриваться въ ближайшее! Дай мнѣ работать въ той области, которую я считаю своею, заниматься дѣломъ, которое мнѣ по силамъ. Не дай мнѣ, какъ безумному, метаться по свѣту, пытаясь устранить зло, надъ которымъ я не имѣю власти!

Когда онъ проговорилъ это, въ туманѣ снова послышался шелестъ, и въ немъ почудились слова: „Пусть будетъ по-твоему!“

Но, конечно, это былъ просто обманъ чувствъ. Почти въ ту же минуту подулъ свѣжій вѣтеръ и разорвалъ туманъ въ клочья, расползшіеся во всѣ стороны. Все пріобрѣло свой обычный видъ, и Миролюбецъ разсмѣялся надъ тѣми фантазіями, которыя навѣялъ на него туманъ, и которыя никогда не станутъ дѣйствительностью. Но высказывать такія желанія, какія высказывалъ онъ, опасно. Силы природы иногда злорадно исполняютъ наши нелѣпыя прихоти.

Съ этого дня Миролюбецъ замѣтилъ, что вѣсти о войнѣ, хотя и становились все болѣе зловѣщими, перестали волновать его, какъ было прежде. Все совершавшееся казалось ему чуждымъ, далекимъ и не касающимся его. Онъ дѣлалъ свое обычное дѣло, не тревожась за участь міра.

Не понимая, что это туманъ, внявъ его мольбѣ, притупилъ его сознаніе и чувства, онъ думалъ, что окрѣпъ, обрѣлъ равновѣсіе и твердость духа. И восхвалялъ свою мудрость и осторожность. Всякое желаніе найти средство остановить кровавый потопъ войны, въ которомъ захлебывался міръ, тонуло въ туманѣ, окутавшемъ незамѣтно для него его душу. Всякая охота дѣйствовать переходила въ апатію, но сознаніе его было такъ отуманено, что онъ хвалилъ себя за благоразумное умѣніе держаться смирно, не изводить себя безнадежными стремленіями.

Онъ видѣлъ, что другіе, не сильнѣе его, выступали со своимъ словомъ, но не замѣчалъ, чтобы они достигали этимъ чего-нибудь. И сравнивалъ ихъ съ женщиной, возгласы и мольбы которой слышалъ въ то туманное осеннее утро. Онъ полагалъ, что и они не совсѣмъ въ своемъ умѣ, если берутся за то, на что у нихъ нѣтъ ни силы ни права.

Но въ самой глубинѣ души онъ все-таки чувствовалъ, что слѣдитъ за ихъ дѣйствіями съ возрастающимъ страхомъ. Въ прекрасныя звѣздныя ночи туманъ терялъ свою отупляющую силу, и онъ съ отчаяніемъ думалъ о томъ часѣ, когда долженъ будетъ покинуть все земное, чтобы предстать передъ своимъ Судіей. Онъ зналъ, что въ тотъ часъ рядомъ съ нимъ у престола Господня станетъ и та женщина, съ воплями бродившая по дорогѣ. И строго молвитъ ему Господь:

— Я повелѣлъ бурѣ разразиться надъ землей въ твое время. Какъ же закралась въ твою душу мысль, что твой долгъ спрятаться отъ бури?

Миролюбецъ, чтобы оправдать себя, скажетъ:

— Ты хотѣлъ отъ меня того, что выше силъ человѣческихъ. Я молчалъ потому, что не видѣлъ выхода. Мнѣ не дано было утишить посланную Тобой бурю. Я боялся, что скорѣе принесу вредъ, чѣмъ пользу.

Но Высшій Судія молвитъ опять:

— Знаю, что не одарилъ тебя разумомъ, способнымъ укротить бурю. Но Я далъ тебѣ достаточно силъ, чтобы ты проявилъ состраданіе и милосердіе.

Тогда Миролюбецъ укажетъ на женщину, стоящую рядомъ съ нимъ у престола Господня:

— Вотъ эта женщина вопіяла безъ умолку, а чему это помогло?

— Сердецъ владыкъ земныхъ вопли ея не тронули,—скажетъ тогда Владыка земли и неба,—но лоно Мое для нея открыто, ей уготованъ путь къ славѣ Моей!

И тогда пойметъ Миролюбецъ, что для него нѣтъ никакой надежды, и въ отчаяніи своемъ падетъ отъ престола Господня въ бездну, туда, гдѣ царятъ вѣчный холодъ, мракъ, безмолвіе, оцѣпенѣніе и отупляющій душу туманъ.

Рядовой Николаевъ.

(Сильна, какъ смерть).

Повѣсть **П. Н. Краснова.**

(Продолженіе).

XIII.

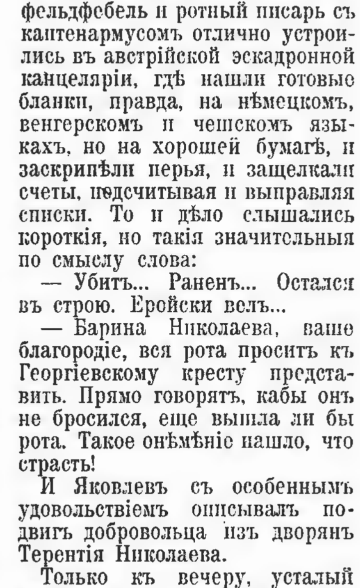
Капитанъ Яковлевъ съ добровольцемъ Николаевымъ заняли крошечную хатку, сдѣланную изъ бѣлыхъ березовыхъ стволовъ, съ крылечкомъ и садикомъ. Когда они вошли въ нее, она вся была завалена бумагами, бутылками, рванымъ бѣльемъ, тряпками, опрокинутыми стульями, поломанными столами; въ шкапу была взломана дверь, и все было перерыто.

— Ну, милый юноша, устраивайтесь здѣсь съ Селимомъ, а я пойду въ роту, — сказалъ Николаевъ. — Villa Paldoni — итальянецъ какой-то! — отнынѣ будетъ Villa Яковлева.

И, впустивъ Николаева въ дверь, Яковлевъ ушелъ [сначала въ роту, потомъ въ штабъ полка. Дѣла было по-горло. Пришло пополненіе. Надо было подсчитать свои потери, установить численность роты, принять и влить пополненіе въ роту, послать обозъ за погонами съ нумеромъ, вновь мобилизовать портныхъ, сапожниковъ и шапочниковъ, чтобы сначала внѣшне придать пополненію физіономію лихой лейбъ-третьей, а потомъ начать шлифовать ее и внутренно.

Борисъ Викторовичъ Савинковъ, *извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ „В. Ропшинъ", авторъ романовъ „Конь блѣдный" и „То, чего не было" и цѣлаго ряда талантливыхъ разсказовъ съ французскаго фронта, помѣщаемыхъ въ „Нивѣ" съ начала войны.*

Канцелярія требовала наградные листы на отличившихся, свѣдѣнія о винтовкахъ, патронахъ, шанцевомъ инструментѣ, и, какъ всегда, за потоками крови, пролитой въ честномъ бою, слѣдовали



еще бо́льшіе потоки бумагъ, вѣдомостей и отчетовъ. На счастье фельдфебель и ротный писарь съ каптенармусомъ отлично устроились въ австрійской эскадронной канцеляріи, гдѣ нашли готовые бланки, правда, на нѣмецкомъ, венгерскомъ и чешскомъ языкахъ, но на хорошей бумагѣ, и заскрипѣли перья, и защелкали счеты, подсчитывая и выправляя списки. То и дѣло слышались короткія, но такія значительныя по смыслу слова:

— Убитъ... Раненъ... Остался въ строю. Еройски велъ...

— Барина Николаева, ваше благородіе, вся рота проситъ къ Георгіевскому кресту представить. Прямо говорятъ, кабы онъ не бросился, еще вышла ли бы рота. Такое онѣмѣніе нашло, что страсть!

И Яковлевъ съ особеннымъ удовольствіемъ описывалъ подвигъ добровольца изъ дворянъ Терентія Николаева.

Только къ вечеру, усталый отъ бумажнаго водоворота, но въ сознаніи, что все исполнено, вернулся въ свою Villa Paldoni Яковлевъ и не узналъ ея.

Керосиновая лампа, добыча отъ австрійцевъ, яркимъ свѣтомъ заливала всю маленькую комнатку съ низкимъ деревяннымъ потолкомъ. На окнахъ висѣли

Левъ Григорьевичъ Дейчъ.

плотныя темно-синія занавѣски. Большая широкая кровать изъ березовыхъ стволовъ, не безъ кокетства отдѣланная искуснымъ столяромъ-венгерцемъ, съ мягкимъ матрацомъ, отдѣленная ширмой, была постлана для Яковлева. Въ углу стояла походная койка. Полы были вымыты, у кэекъ положены дорожки, на письменномъ столѣ въ порядкѣ лежали нумера нѣмецкаго иллюстрированнаго журнала „Die Woche", на другомъ столѣ кипѣлъ чайникъ не нашего, заграничнаго, фасона,

Викторъ Михайловичъ Черновъ.

Борцы за свободу. Вожди революціоннаго движенія, нынѣ возвратившіеся съ чужбины послѣ долголѣтняго изгнанія.

стояли стаканы, блюдца, ложки, и лежала цѣлая стопка вкусныхъ австрійскихъ галетъ. По стѣнамъ въ рамкахъ изъ вѣтокъ березы, правда, безъ стеколъ, висѣли фотографіи венгерскихъ гусаръ, иллюстраціи изъ какого-то журнала и, видимо, художественные опыты прежняго владѣльца этого барака,—какая-то рыжеволосая дама въ лиловато-сѣромъ капотѣ была изображена масляными красками полулежащей на диванѣ. На нее лѣзла мохнатая собачонка. Былъ ли это этюдъ съ натуры, или картина, писанная по воспоминаніямъ мирнаго времени, кто знаетъ?

— Откуда все это!—воскликнулъ, улыбаясь счастливой улыбкой, Яковлевъ.—Вотъ комфортъ-то! Давно такого не видали. Спасибо венгерцамъ.

— Этотъ графъ Пальдони...—началъ Николаевъ.

— Почему графъ?..

— Я нашелъ его письма. Масса открытокъ. Есть прехорошенькія. Есть и смѣшныя съ изображеніемъ казаковъ. Онѣ адресованы графу Пальдони... Да, такъ этотъ графъ Пальдони большой былъ сибаритъ. Тутъ есть и ванна. Она согрѣта для вашего благородія.

Яковлевъ взглянулъ на чисто вымытое свѣжее личико Николаева и понялъ, что онъ уже вымылся.

— А это откуда? Этотъ чайникъ, стаканы?

— Это Селимъ разстарался.

— Адъютантъ Реньевъ, ваше благородіе, дали. Тамъ они въ его собраніи стали. Посуды страсть. Я выпросилъ для тебя, ваше благородіе,—сказалъ, улыбаясь, Селимъ, видимо счастливый видѣть такое великолѣпіе у капитана.—Теперь, ваше благородіе, вези свою барыню сюда. Хорошая дача... Совсѣмъ хорошая. Цвѣтовъ много-много есть...

И при напоминаніи о барынѣ Яковлевъ сконфузился, почувствовавъ на себѣ быстрый, пытливый взглядъ Николаева.

— Ну, давайте, милый юноша, чай пить. Ступай, Селимъ. Спасибо за хлопоты.

— Радъ стараться, ваше благородіе,—отвѣчалъ Селимъ и ушелъ, недоумѣвая, почему напоминаніе о барынѣ такъ омрачило капитана, и почему онъ не оставилъ его поболтать. А ему такъ хотѣлось разсказать про плѣнныхъ, съ которыми Селимъ, оставаясь въ тылу, такъ хорошо бесѣдовалъ. Онъ—то по-русски, то по-татарски, они—то по-нѣмецки, то по-венгерски. И отлично Селимъ все понялъ. Какъ и почему бѣжали нѣмцы и почему сдались. Еще видѣлъ Селимъ, какъ хоронили убитыхъ нѣмцевъ. Страсть ихъ сколько было. Нѣсколько тысячъ. Такъ ему говорили. Но только Селимъ думаетъ, что больше. Нѣсколько милліоновъ навѣрно. Онъ и домой такъ напишетъ, что нѣсколько милліоновъ. Селимъ и Мандельтортъ все знаютъ. Они много видали. Мандельторта въ началѣ боя оглушило бомбой, и онъ ушелъ на перевязочный пунктъ, а потомъ роты не могъ найти, голова болѣла. Да, а капитанъ разсердились и сказали: „ступай, Селимъ!“ Ну, что жъ! Можетъ, капитанъ и устали.

А въ хаткѣ тѣмъ временемъ пили чай. Вкусный, чистый, на хорошей водѣ изъ озера. Смотрѣли картинки въ „Die Woche“, и шелъ разговоръ, такой пустой, незначительный.

Яковлевъ видѣлъ, что Николаевъ успѣлъ тщательно отмыть и отчистить руки и ногти, что онъ весь былъ чистый, что отъ него пахло дѣвичьимъ тѣломъ, давно не видавшимъ ни холи ни духовъ и вотъ только-что вымытымъ въ свѣжей водѣ. И этотъ запахъ раздражалъ его, будя въ немъ чувства, уже разъ пережитыя и такъ тщательно прогнанныя.

Онъ старался возстановить въ памяти милую тонкую фигурку юноши-героя, одиноко бѣгущую навстрѣчу пулямъ, а ему упрямо лѣзло въ глаза все то женское, чего онъ старался не замѣчать.

— Ну, милый юноша, пожалуй, и вы и я устали. Давайте, я воспользуюсь графской ванной, да и спать. Только въ вашей разстановкѣ мнѣ не нравится одно, и это я приказываю исполнить... Ложитесь-ка вы на графское ложе, а я на походную койку.

И, какъ ни протестовалъ противъ этого Николаевъ, Яковлевъ настоялъ на своемъ.

Въ ваннѣ Селимъ излился въ своихъ разсказахъ, тщательно отмывая капитана. А когда капитанъ вернулся, за ширмой было слышно тихое и ровное дыханіе крѣпко уснувшаго Николаева. Яковлевъ быстро раздѣлся, кинулся подъ одѣяло и, чего самъ не ожидалъ, уснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Но проснулся очень рано. Было едва пять часовъ. На томъ берегу озера казачья труба сипло играла утреннюю зорю, будя людей на уборку лошадей.

И, проснувшись, Яковлевъ почувствовалъ, что онъ уже не заснетъ больше, что онъ отдохнулъ, что онъ полонъ силы и желаній, что тутъ рядомъ за ширмой спитъ прелестная дѣвушка, которую онъ любитъ, и которая къ нему видимо тоже отлично относится.

Онъ одѣлся и вышелъ на дворъ. Утро было чудное, теплое, удивительное. Въ пѣхотномъ лагерѣ всѣ спали крѣпкимъ сномъ. Яковлевъ нарвалъ охапку цвѣтовъ и съ ними вошелъ въ комнату. Остановился у своей постели, хотѣлъ лечь. Не могъ. Принуждалъ себя, и все стоялъ. Свѣжее утро освѣжило лицо, и оно горѣло. Юношескимъ блескомъ сверкали глаза.

— Что вы, ваше благородіе, не спите?

Николаевъ спросилъ это тихо, спросонья, машинально.

„Зачѣмъ онъ это спросилъ? Это судьба. Такъ надо. Такъ Богу угодно...“

Тихо, ступая мягко на носкахъ, подкрался Яковлевъ къ Николаеву и зашелъ съ цвѣтами за ширмы.

— Ахъ!—Николаевъ потянулъ одѣяло до подбородка.

Яковлевъ бросилъ цвѣты на него, схватилъ маленькую ручку и началъ осыпать ее поцѣлуями, и ладонь и поверхъ ладони, нѣжилъ ее своими горячими губами, щекоталъ пушистыми усами, еще хранящими сырость утренней росы..

— Что вы, что вы!.. Владиміръ Петровичъ... Что съ вами?—говоритъ Николаевъ.

Смотритъ Яковлевъ въ ея синіе глазки и читаетъ въ нихъ и укоръ, и стыдъ, и ужасъ...

И любовь...

И наклоняется надъ ними и цѣлуетъ ихъ, открытые и закрытые, и цѣлуетъ горячую отъ сна, загорѣлую, исхудалую щечку.

— Милая Татьяна Николаевна,—смущенно бормочетъ онъ.—Да развѣ вы не видите, что со мною? Еще тогда, въ Долговомъ, я понялъ, что нѣтъ уже: для меня суроваго солдата-мальчика Николаева, а есть дѣвушка, которую я люблю... Я боролся. Этотъ вашъ подвигъ третьяго-дня, все, что я... что мы пережили эти дни. Сладость побѣды... Судите меня, Татьяна Николаевна, но не гоните! Эти четыре мѣсяца совмѣстной жизни, да какой! Въ бояхъ и походахъ. Вы — все для меня. Все... Но не гоните меня.

Онъ стоитъ на колѣняхъ у постели. Слезы бѣгутъ по его мятежному лицу. Вѣдь это онъ ползъ тогда за рѣкою, въ грязной рубахѣ и шароварахъ, ползъ такой красивый, ползъ—герой... Это онъ третьяго-дня бѣжалъ впереди всѣхъ на окопы и обо-

Слѣпые указываютъ зрячимъ путь къ свободѣ.

Манифестація инвалидовъ въ Петроградѣ, 16-го апрѣля с. г. Ослѣпшіе воины.

гналъ ее. Это у него на груди она плакала потомъ, не въ силахъ будучи совладать съ собою...

— Боже! Боже!—шепчетъ она, и не пойметъ Яковлевъ, мольба это или благодарность...

Онъ молчитъ, онъ не трогаетъ ея больше. Не ищетъ жадными устами лобызать ея тѣло. Онъ ждетъ.

А мысли бѣшенымъ вихремъ несутся въ курчавой головкѣ милаго ангела.

Любовь... Онъ любитъ ее такъ же, какъ она... Отецъ, благословляя на подвигъ ратный, говорилъ:—„только, смотри, не влюбись... Помни, что мужчина и женщина, это огонь и сѣно... Опасно жить

лѣсъ! Какъ сладко поютъ свои коротенькія пѣсни птички въ густой зелени раскидистаго дуба!

Легко идется по лѣсной дорогѣ, и въ тактъ ровной и бодрой походкѣ укладываются вихремъ летящія мысли...

XIV.

— Намъ надо объясниться, Владиміръ Петровичъ, —говоритъ вечеромъ за чаемъ Николаевъ.

И Яковлевъ чувствуетъ, что это говоритъ не рядовой Николаевъ, а Татьяна Николаевна.

Манифестація инвалидовъ въ Петроградѣ, 16-го апрѣля с. г. *Засѣданіе инвалидовъ въ Государственной Думѣ.*

Послѣ отвѣтныхъ рѣчей на привѣтственную рѣчь М. И. Скобелева, инвалиды, на ряду съ другими постановленіями, рѣшительно потребовали удаленія изъ Петрограда на фронтъ всѣхъ свободныхъ силъ, заявивъ, что они берутъ на себя выполненіе всѣхъ обязанностей по охранѣ Петрограда и по несенію службы въ различныхъ учрежденіяхъ.

вмѣстѣ“. А она... Полюбила, да какъ!.. Но вѣдь тогда прощай, рядовой Терентій Николаевъ и эта жизнь солдата, и эти подвиги, и эта сладость и счастіе побѣды, и это обаяніе совершеннаго подвига. Что же дѣлать? Какъ быть? Онъ плачетъ, какъ ребенокъ... Онъ молитъ. О чемъ?

Краска заливаетъ лицо... Нѣтъ... Нѣтъ...

— Оставьте меня. Я прошу васъ. Умоляю... оставьте...

— Вы просите?

— Да, прошу...

Онъ встаетъ. Отходитъ. Какой печальный, убитый видъ! Плечи подняты, голова опущена. Сколько муки во взорѣ...

Проворными руками одѣвается Николаевъ. Натянулъ сапоги, рубаху, накинулъ фуражку и шмыгнулъ за дверь.

Какъ прекрасно тихое утро! Г..ъ полонъ очарованья густой

— Я люблю васъ... И побѣдить своей любви къ вамъ не могу...—отчетливо выговариваетъ Яковлевъ.

Долго не отвѣчаетъ Татьяна Николаевна. Видъ у нея такой жалкій, убитый. Точно подстрѣленная птичка, точно роза, поникшая на обломанномъ стебелькѣ.

Наконецъ собралась съ духомъ.

— Владиміръ Петровичъ, вы обо мнѣ все знаете. Я исповѣдалась передъ вами, я вамъ откровенно разсказала всю мою жизнь въ первый день нашего знакомства... Вы знаете меня насквозь, со всѣми моими недостатками и достоинствами. Вы знаете не только рядового Николаева, но вы знаете, и знаете отлично, и дѣвушку Татьяну Николаевну... Я знаю только моего ротнаго командира капитана Яковлева... и его я горячо люблю... Его я уважаю. На него молюсь, какъ молится на васъ вся ваша рота.

Манифестація инвалидовъ въ Петроградѣ, 16-го апрѣля с. г.

— Вы правы,—тихо отвѣчаетъ Яковлевъ,—я никогда не говорилъ вамъ о себѣ. И любить я васъ не смѣю.

Ближе пододвинулась милая головка. Лампа бросаетъ теплые тона на лобъ, на щеки, на губы. Перламутромъ сверкаютъ изъ-за нихъ милые зубки.

— Развѣ можно запретить сердцу любить?—едва произноситъ Татьяна Николаевна.

— Вы меня любите?—со страстью, вдругъ вспыхнувшею могучимъ огнемъ, вскрикиваетъ Яковлевъ.

— Да...

Милая головка упала на грудь. А грудь порывисто дышитъ, и теперь такъ отчетливо ясно видно, что это не мальчикъ, не кадетъ, а что это молодая, пышно расцвѣтающая на вольномъ воздухѣ дѣвушка.

— Да, я васъ люблю,—покорно, точно черезъ силу говоритъ Татьяна Николаевна. И еще ниже опущена хорошенькая головка.

— Ну такъ знайте,—однимъ духомъ выпаливаетъ фразу за фразой Яковлевъ,—знайте: я бѣдный армейскій пѣхотный капитанъ. Кромѣ жалованья у меня ничего нѣтъ.

— А слава... А честное имя! А сознаніе исполненнаго долга!—твердо выговариваетъ маленькая дѣвушка.

— Вы это цѣните?

— Больше всего...

— Притомъ... я женатъ. У меня дочь шести лѣтъ, которую я очень люблю.

— А жену?

— Нѣтъ. И никогда не любилъ. Ошибка молодости. И она меня не любитъ и не любила. И вотъ, милая Татьяна Николаевна, я не задумаюсь добиться послѣ войны развода, лишь бы вы согласились быть моею. Потому что я васъ такъ узналъ и такъ полюбилъ, что жить теперь безъ васъ, не слыша вашего милаго голоса, не чувствуя васъ подлѣ, я не могу. Мы пара, Татьяна Николаевна. Мы вдвоемъ и въ сѣрой и трудной жизни армейскаго пѣхотнаго офицера найдемъ столько радостей и удовлетворенія, что будемъ счастливы, будемъ такъ счастливы, какъ могутъ быть счастливы только боги на землѣ. Черезъ всю свою жизнь мы пронесемъ воспоминаніе о сверхъестественныхъ переживаніяхъ войны и побѣды, и въ трудныя минуты память подскажетъ намъ и газовую атаку, и эту переправу, и штурмъ германской укрѣпленной позиціи, и, склонившись сѣдыми головами другъ къ другу, мы скажемъ: „если мы пережили все это, какими мелочами жизни должны казаться намъ всѣ остальныя житейскія невзгоды...“

— Правда... Мой милый, соколъ мой ненаглядный, правда!

— Какое можетъ быть тутъ „но“...

— Но я вижу, что мнѣ нужно уйти отъ васъ, уйти въ другой полкъ.

— Почему?

— Потому что я васъ тоже люблю...

— Татьяна Николаевна... Какъ вамъ не стыдно. Вы мнѣ не вѣрите? Честному слову офицера.

— Не вѣрю,—тихо сказала Татьяна Николаевна и, какъ бы обороняясь отъ него маленькой ручкой, добавила:—не обижайтесь, ради Бога, не обижайтесь на меня... Я и себѣ не вѣрю...

— Нѣтъ, нѣтъ, Татьяна Николаевна. Я не отпущу васъ ни за что.

— Пустите меня въ роту.

— Нѣтъ. Зачѣмъ? Зачѣмъ? И если суждено свершиться, пусть свершится! Пусть свершится. Вѣдь, можетъ-быть, насъ уже караулитъ смерть. Можетъ-быть, это послѣдніе дни, послѣдніе часы нашего счастья, и такого великаго счастья. Неужели не все равно?.. Неужели наша любовь не выше этого? Ее благословилъ самъ Богъ. И смерть вѣнчаетъ ее. Будемъ живы—мы закрѣпимъ нашъ союзъ и передъ людьми. А теперь только передъ Богомъ... Молю васъ...

— Нѣтъ, Владиміръ Петровичъ... Я очень прошу... Вы вѣрите, я васъ сильно люблю. Но я такъ привыкла и такъ дорожу быть рядовымъ Николаевымъ, что мнѣ и странно и страшно стать снова дѣвушкой, стать женщиной... Дайте привыкнуть къ этой мысли.

— Она тяготитъ васъ?

— О, напротивъ. Она счастьемъ заливаетъ мое сердце. Но все мое мужское, солдатское „я“ противится этому.

— Хорошо! Подождемъ. Но пусть ничего не перемѣнится..

— Хорошо, мой милый... Но только пожалѣйте меня. Помогите мнѣ, слабой. Вѣдь вы такой сильный.

Яковлевъ поднесъ маленькую ручку къ губамъ, горячо поцѣловалъ и своимъ звучнымъ баритономъ пропѣлъ: „la mia sposa sara la mia bandiera“. Я рыцарь вашъ... А теперь до свиданья! Спать я иду на копну сѣна.

— О, бѣдный...

Маленькія ручки обвились вокругъ его шеи, и горячій, но чистый поцѣлуй въ губы вознаградилъ его за его рѣшеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Манифестація инвалидовъ въ Петроградѣ, 16-го апрѣля с. г.

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть Ренэ Бенжамэна.

Авторизованный переводъ съ французскаго М. П. Благовѣщенской.

(Продолженіе).

Первые два километра солдаты прошли незамѣтно, смѣясь и балагуря.

На третьемъ километрѣ бѣдовый Гаспаръ вдругъ перемѣнилъ тонъ. Онъ разнѣжился:

Я въ лѣсочкѣ повстрѣчалъ
Трехъ дѣвицъ. Всѣ три прекрасны.
Выбирать было напрасно:
Всѣмъ тремъ сердце я отдалъ...

Бюрретъ окончательно разошелся и развеселился. Онъ говорилъ съ широкой улыбкой:

— О, любовь!.. Любовь!.. Зачѣмъ воевать... когда можно любить!

Оставалось два добрыхъ километра. Гаспаръ не унывалъ и внутренно рѣшилъ проглотить и эти два километра. въ доказательство того, что французское вино — благодѣяніе боговъ.

Онъ снялъ галстукъ, засучилъ рукава, поднялъ на штыкѣ свое кепи и, весь бѣлый отъ пыли, слипшейся отъ пота, съ пылающими щеками, сверкающими глазами, заоралъ во все горло:

Когда женщины прекрасны
И зовутъ къ порывамъ страстнымъ,
Это значитъ, что весна,
Жизни радости полна,
Пробуждаетъ ото сна...

Бумъ!.. Бумъ!.. Издали снова начали доноситься раскаты пушечныхъ выстрѣловъ.

Вино презирало сраженіе. Подъ вліяніемъ вина солдаты спрашивали себя, зачѣмъ раздражаться, зачѣмъ волноваться. Они остановились въ эвакуированной деревнѣ, вымершей и молчаливой. Но солдаты не замѣчали, сколько драматизма въ этихъ жалкихъ покинутыхъ жилищахъ, носящихъ на себѣ печать ужаса, безъ дыма, съ раскрытыми настежь дверьми, въ которыхъ все говорило о внезапномъ бѣгствѣ, о паникѣ. Даже телѣги, валявшiяся на дорогѣ вверхъ дномъ, говорили объ отчаяніи. Солдаты, шагавшіе въ теченіе тридцати часовъ безъ отдыха, снова почувствовали усталость, да и вино подѣйствовало на нихъ, — съ обезсиленными тѣлами. съ туманомъ въ головѣ, они растянулись вповалку, какъ попало, въ сараяхъ, наполненныхъ сѣномъ и соломой.

Однако Гаспаръ былъ слишкомъ возбужденъ для того, чтобы спать. У него по ногамъ точно мурашки бѣгали, и онъ съ трудомъ удерживался отъ того, чтобы не встать. Наконецъ, потерявъ всякую надежду на сонъ, онъ всталъ и вышелъ подышать чистымъ воздухомъ. Мысли вереницей проносились въ его головѣ, онъ думалъ о смерти, о своемъ домѣ, о мальчикѣ...

Въ дни революціи. Единеніе рабочихъ съ солдатами. *П. Бучкинъ.*

Вдругъ онъ насторожился. Что это за странные звуки? Въ ночной тишинѣ раздалось мычаніе, протяжное и жалобное. Неужели же остался скотъ въ этихъ дворахъ, въ которыхъ не было больше ни души?

И вдругъ ему пришла въ голову мысль:

„Бѣженцы оставили скотъ... и теперь онъ дохнетъ съ голоду".

Онъ не задумывался и не колебался ни минуты. Онъ рѣшилъ тотчасъ же посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Одинъ, въ полутьмѣ, онъ переходилъ отъ лачуги къ лачугѣ, чтобы узнать, „чего они мычатъ".

И въ эти минуты онъ былъ поистинѣ прекрасенъ, этотъ человѣкъ народа изъ предмѣстья Парижа!

Онъ ощупью входилъ въ хлѣва и по теплому дыханію сейчасъ же узнавалъ, гдѣ стоитъ скотъ. Потомъ онъ зажигалъ кусочекъ трута, при слабомъ свѣтѣ котораго могъ видѣть только большіе, черные, умоляющіе глаза и мягкія морды, съ жадностью тянувшіяся къ нему. Онъ спѣшилъ успокоить ихъ. „Ну, вотъ... не ревите... васъ накормятъ". Говоря такъ, онъ зажигалъ огарокъ, который гдѣ-то досталъ, и который жегъ ему пальцы. ставилъ его на балку и, шагая по навозу, ругаясь, отталкивая ведра, попадавшія ему подъ ноги, старался „наскрести жратвы" для скота. Если въ одномъ мѣстѣ не было корма, онъ шелъ въ сосѣдній дворъ и приносилъ оттуда. Добродушно ворча. онъ задавалъ корму телятамъ и говорилъ: „Этакія свиньи... они готовы откусить мнѣ лапы". А свиньямъ онъ кричалъ, наполняя отрубями ихъ корыта: „Ишь, коровы... до чего онѣ прожорливы!"

Онъ наполнилъ ясли, перевернулъ подстилки и заготовилъ всякаго корму, приговаривая: „Вотъ это... погодите... это на завтра".

И въ хлѣвахъ, въ которыхъ онъ побывалъ, становилось мало-по-малу тихо...

Эту ночь Гаспаръ спалъ не болѣе часа. но онъ былъ доволенъ и не чувствовалъ усталости.

На разсвѣтѣ, когда былъ отданъ приказъ къ выступленію, когда надо было снова начинать шагать, шагать безъ конца,—сколько шаговъ предстояло еще сдѣлать, какія муки предстояли впереди!—когда солдаты уже приготовились въ путь, Гаспаръ предложилъ своимъ „однокашникамъ" молока. которое онъ надоилъ ночью. Однако однокашники со смѣхомъ отказались отъ его угощенія. „Стаканчикъ бѣлаго, да, если хочешь", — и его стали дразнить, называя „старой кормилицей". Тогда Гаспаръ со злости опрокинулъ ногой ведро. Но въ глубинѣ души онъ продолжалъ оставаться довольнымъ и наградилъ своихъ товарищей полнымъ презрѣніемъ.

На румынскомъ фронтѣ.
Артиллерійскій наблюдательный пунктъ.
Рис. нашего военнаго корресп. *А. С. Семенова.*

— Намъ предстоитъ охранять подходы къ рощицѣ, — сказалъ капитанъ. — Тамъ бродятъ германскіе патрули. Надо держать ухо востро.

— Для меня это дѣло привычное, — проговорилъ Гаспаръ. — Въ Центральномъ рынкѣ тоже приходится держать ухо востро.

Такъ какъ онъ почти самъ предложилъ свои услуги, когда рота подошла къ опушкѣ лѣса, то онъ и былъ назначенъ въ первый караулъ вмѣстѣ съ Бюреттомъ.

Они отправились, веселые и радостные, молодецки щелкая замками ружей. Пинселу со страхомъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и сказалъ:

— Чего добраго, они еще влопаются...

Гаспаръ и Бюреттъ усѣлись за деревьями, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги, выходившей изъ лѣса и перерѣзавшей равнину посрединѣ.

— Перваго, кого я увижу, — сказалъ Гаспаръ, — я положу на мѣстѣ... а потомъ ужъ буду допрашивать.

— Тамъ посмотримъ, — замѣтилъ Бюреттъ. — Надо быть поосторожнѣе.

— Тише... слушай... мнѣ показалось... Что касается меня, то я маху не дамъ... Въ Шалонѣ, ты знаешь, я бывалъ на стрѣльбищѣ... такъ я тамъ навострился стрѣлять въ цѣль... Молчи... давай слушать...

— Да вѣдь это ты говоришь все время.

— Да замолчи же наконецъ... Чтобъ тебѣ!.. Кто-то идетъ...

— Кроликъ.

— Приближается.

— Два кролика.

— Болванъ. Сколько у тебя пуль?

— Девяносто.

— Что за идіотъ! Тебя спрашиваютъ, сколько въ твоемъ ружьѣ патроновъ?

— Восемь.

— Восемь да восемь — шестнадцать. Здорово. Первому же мы влѣпимъ шестнадцать пуль... Тише... Это, должно-быть, кавалеристъ... Дуракъ, я прицѣлюсь первый!

— Не будь идіотомъ.

— Чортъ... Вотъ такъ штука!

— Что такое?

— Женщина...

— Правда?.. Окрикни ее.

— Не двигайся... Ты видишь ее? Она хорошенькая?

— Къ счастью, я это не для васъ надоилъ, собачьи морды!

— Не для насъ?

— Сталъ бы я для васъ стараться...

Дома, отъ которыхъ удалялся полкъ, тѣснились на холмѣ, словно куры на насѣстѣ. Казалось, будто на этотъ разъ колонна, извивавшаяся вдоль ржаного поля, идетъ прямо на непріятеля. Деревушка точно провожала взглядомъ удалявшійся полкъ, она грѣлась на солнышкѣ и не мычала.

III.

Полкъ проходилъ по мѣстности, представлявшей собой сплошные поля и луга, — нигдѣ ни одного деревца — только поля ржи и овса, съ каменными крестами на углахъ. Это самый богатый край въ Лотарингіи, съ самымъ набожнымъ населеніемъ, край совершенно русый, почти рыжій, нѣсколько грубоватый подъ лучами солнца, съ горизонтомъ такимъ прямолинейнымъ и съ колоритомъ такимъ однообразнымъ, что даже въ яркомъ утреннемъ освѣщеніи онъ навѣваетъ безотчетную грусть.

Къ солдатамъ привязалась черная сука съ пустыми отвисшими сосками, смотрѣвшая на нихъ заискивающимъ и голоднымъ взглядомъ. Пушечная пальба раздавалась безостановочно, у собаки и у людей глаза были полны тревоги.

Черезъ часъ — привалъ, ѣда всухомятку, наскоро... Только 24-й ротѣ приказано было итти впередъ и остановиться на передовыхъ постахъ на разстояніи двухъ километровъ.

— Этого надо было ожидать, — сказалъ Моро, — всегда молодецкая 24-я!

Гаспаръ старался мужественно встрѣтить эту новую непріятность и затянулъ одну изъ своихъ веселыхъ пѣсенокъ. Однако капитанъ Пюшъ, кобыла котораго все еще продолжала гарцовать, приказалъ солдатамъ соблюдать полную тишину, такъ какъ имъ было дано знать о близкомъ сосѣдствѣ германскихъ улановъ. Приказаніе свое онъ отдалъ такъ же спокойно и невозмутимо, какъ онъ говорилъ своей кобылѣ: „Полно... успокойся... тише, Кокоттъ!" Затѣмъ онъ добавилъ тѣмъ же тономъ, что „захвачены уже плѣнные, которые находятся въ состояніи полнаго изнеможенія, такъ какъ имъ совсѣмъ нечего ѣсть".

— А кромѣ того, — закончилъ онъ, — ихъ снаряды не разрываются... Тише... тише, Кокоттъ!

— Ну, и будетъ потѣха, — замѣтилъ Гаспаръ.

— Да еще какая.

— Да... а вдругъ это нѣмка!

— Болванъ... Эй, мамзель!

— Что за очаровательная особа! Дитя, чистое и невинное...

— Куда вы идете, мадемуазель?

Оба вышли изъ засады на дорогу. Въ глазахъ ихъ было написано живое любопытство, и видъ у нихъ сразу сдѣлался галантный. Передъ ними стояла молоденькая женщина, можетъ-быть, молодая дѣвушка, съ милымъ и невиннымъ личикомъ. Она была очень удивлена этой неожиданной встрѣчей и воскликнула:

— А, военные!.. Господа, сдѣлайте мнѣ одолженіе...

Оба отвѣтили въ голосъ:

— Къ вашимъ услугамъ, мадемуазель. Мы здѣсь для этого.

У нея точно невольно вырвалось: „Ахъ!", и она съ улыбкой схватилась за сердце.

— Совсѣмъ задыхаюсь... быстро бѣжала...

Бюреттъ и Гаспаръ смотрѣли съ нѣжностью и въ то же время почти дерзко на эту дѣвическую грудь, — они были даже растроганы, видя, какъ она трепещетъ, потому что ничто не волнуетъ такъ мужчину, какъ грудь слегка взволнованной женщины. Кажется, какъ будто та ласка, которой всегда жаждетъ мужчина, вотъ тутъ, что она уже обѣщана, что ее уже предлагаютъ... И ему кажется, что женщина отдается ему уже только тѣмъ, что дышитъ передъ нимъ... Къ тому же у этой молодой женщины глаза были слишкомъ ясные и говорящіе, губы слишкомъ свѣжія, волосы слишкомъ бѣлокурые для того, чтобы можно было сейчасъ же не предположить, что она не остается безчувственной къ словамъ любви. Да и сердце у нея должно было быть горячее и податливое — это уже видно было по тому, какъ оно билось и трепетало у нея въ груди.

Бюреттъ принялъ молодцеватый видъ и покручивалъ усы. Гаспаръ, менѣе смущенный, вытянулъ шею и пожиралъ молодую женщину глазами.

— Откуда вы идете, мадемуазель? — спросилъ Бюреттъ.

— А главное, куда вы идете? — поправилъ Гаспаръ. — Остались бы съ нами, вы помогли бы намъ ѣду сготовить. А кромѣ того... мы поболтали бы... Ей-Богу! Какое счастье, что я не женатъ!

Она засмѣялась, опустивъ глаза. Она была очень мило одѣта, на ней было легкое свѣтлое платье, открывавшее руки и шею,

молодую и нѣжную, а руки очаровательныя, съ нѣжной розовой кожей, какая бываетъ только у блондинокъ въ солнечные дни.

Гаспаръ прислонилъ ружье къ дереву, чтобы освободить руки.

Она сказала, продолжая мило улыбаться:

— Я тамъ жила съ матерью... она не боится, она увѣряетъ, что достаточно знаетъ ихъ, потому что имѣла съ ними дѣло въ семидесятыхъ годахъ. А я ей сказала: „Нѣтъ, спасибо, только я не останусь!" Ну, моей матери хорошо, она живетъ у мэра. Никто не посмѣетъ обидѣть ее. А кромѣ того... она уже старая...

И она снова потупила глаза.

— Да, конечно... тогда какъ вы...—замѣтилъ Бюреттъ,—они могли бы быть съ вами... слишкомъ любезны...

— Да развѣ объ этомъ можетъ быть какой-нибудь разговоръ!— перебилъ его Гаспаръ.—Что за болванъ! Чтобы такая прелестная молоденькая дѣвушка досталась бошамъ! Нѣтъ, ты съ ума спятилъ!

— Я тутъ ни при чемъ, а они...

— Они? Пусть только попробуютъ дотронуться! Чорта съ два! Я готовъ лучше угостить устрицами кошку моей привратницы!

Молодая женщина переводила свой взглядъ съ одного на другого, нѣсколько ободренная и заинтересованная этимъ страннымъ діалогомъ. Она снова заговорила:

— Дѣло въ томъ, господа... что мнѣ хочется добраться до Вердена... Кажется, въ ту сторону надо итти?.. Ну, желаю вамъ всего хорошаго... и успѣха, когда будете сражаться.

— Но... но,—сказалъ Гаспаръ,—неужели же вы уйдете отъ насъ, даже не поцѣловавъ насъ!

— Право... я очень тороплюсь...

— Господи, да долго ли поцѣловать!

— Вотъ видите ли, мнѣ необходимо быть тамъ до наступленія сумерекъ... главное, изъ-за сторожевыхъ постовъ. Вѣдь у меня пароль только на этотъ день... Вотъ у васъ такія добрыя лица, что я даже ничего и не сказала. Но какъ только я увижу какія-нибудь физіономіи, не внушающія довѣрія, я сейчасъ же крикну: „Тюреннъ!"

Оба крикнули заразъ:

— Тюреннъ? Да вѣдь сегодня вовсе не Тюреннъ.

Она наморщила лобъ:

— Да какъ же... не Тюреннъ?

— Сегодня—Марсо.

— Марсо?..

И она посмотрѣла имъ прямо въ глаза. Не обманываютъ ли они ее? Тогда Гаспаръ схватилъ ее въ свои объятія и, неловко поцѣловавъ ее въ щеку, повторилъ:

— Да говорятъ же вамъ, Марсо!

— А я въ другую щеку!—сказалъ Бюреттъ.

И онъ обнялъ ее за талію, при чемъ его нескромная рука скользнула вверхъ и мгновеніе покоилась на груди, круглой и соблазнительной.

Она вывернулась отъ нихъ со смѣхомъ и, бросивъ имъ: „до свиданія!", быстро ушла.

Они стояли и съ глупымъ, растеряннымъ видомъ смотрѣли другъ на друга. Руки у нихъ остались распростертыми, глаза блестѣли, и они повторяли:

— А... Что за прелесть!..

— Что и говорить... конечно, прелесть!

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ... она очаровательна!

Ихъ пришли смѣнить. Они все еще не могли успокоиться. Они говорили смѣнявшимъ ихъ солдатамъ:

— Не зѣвайте, ребята: тутъ проходятъ прелестныя молоденькія женщины, сногсшибательныя!.. А главное, сложеніе... Бюстъ... груди маленькія, но кругленькія—просто заглядѣнье!

Они возвратились къ ротѣ, счастливые и въ то же время огорченные.

Тамъ дѣлать было нечего. Солдаты лежали вповалку въ канавахъ и храпѣли. Гаспаръ и Бюреттъ тоже легли и сейчасъ же заснули. Они спали крѣпкимъ сномъ, когда ихъ вдругъ разбудилъ сержантъ, тряся за плечи:

— Эй, вы!.. Васъ требуетъ капитанъ!

— Капитанъ? Что ему еще понадобилось?

— Да тутъ произошла какая-то исторія со шпіонами... поймали какую-то женщину. А вы не видали какой-нибудь женщины?.. Говорятъ, хорошенькая... Она спрятала у себя на груди двухъ почтовыхъ голубей. И ничего не было замѣтно. Говорятъ, что можно было только подумать, что у нея хорошенькій, кругленькій бюстъ.

Сержантъ былъ видимо взволнованъ. Это первое приключеніе на войнѣ давало пищу его воображенію. Бюреттъ и Гаспаръ протирали глаза и слушали его съ растеряннымъ и недоумѣвающимъ видомъ. Гаспаръ пробормоталъ:

— Но... какая она была на видъ?

— Я ничего не знаю... Я ея не видалъ. А вы видѣли ее?

Наконецъ Гаспаръ и Бюреттъ очухались и поднялись. Гаспаръ засунулъ руки въ карманы и сказалъ самымъ спокойнымъ тономъ:

— Что за чепуха!.. Чего вы тутъ сумасшествуете?

— Какое тутъ сумасшествіе!—возразилъ сержантъ.—Она знала даже пароль „Марсо". Это прямо ужасно!.. А когда ее задержали, она разстегнула лифъ, и, чортъ возьми, оттуда вылетѣли два голубя!

Оба повторили машинально: „Вылетѣли?.."—и глаза у нихъ стали круглыми.

— Нѣтъ, вы меня бѣсите!—крикнулъ сержантъ.—Вы точно дураки, не понимаете, когда вамъ говорятъ яснѣе яснаго. Чортъ съ вами! Скажу капитану, что оба вы идіоты!

И онъ ушелъ. Бюреттъ и Гаспаръ снова улеглись въ канавѣ и, оставшись носомъ къ носу другъ съ другомъ, заговорили вполголоса:

— Знаешь... вѣдь это дѣйствительно ужасно,—сказалъ Бюреттъ.

Гаспаръ, которому стало въ одно и то же время страшно и противно, отвѣтилъ тѣмъ же тономъ:

— Право, отъ этого можетъ все нутро перевернуться... У меня такая гадость на душѣ, точно меня въ лепешку раскатали... А нашъ-то дуракъ и не замѣтилъ даже, какія у насъ были рожи!.. Ахъ, что за мерзость жизнь, товарищъ! На что только не натыкаешься!.. Война...

Лицо его выражало величайшее отвращеніе, и онъ со злобой прибавилъ:

— А та-то!.. И такая хорошенькая, такая миленькая... и вдругъ устраиваетъ такую мерзость!.. Нѣтъ, ты подумай только!.. Голуби!.. И эта подлая, пожалуй, оказалась въ концѣ концовъ плоскогрудой, какъ голодный клопъ!..

Однако существуетъ Богъ,—Богъ солдатъ, который оберегалъ и Гаспара. Какъ бы то ни было, но день прошелъ благополучно, и капитанъ не требовалъ отъ него никакихъ объясненій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Концентрическое наступленіе нашихъ и англійскихъ войскъ въ Малой Азіи.

Русская революція и выступленіе Соединенныхъ Штатовъ Америки со многими другими республиками Новаго Свѣта приковали къ себѣ настолько сильно общественное вниманіе, что сдѣлали почти совершенно незамѣченными крупнѣйшія военныя событія, которыя произошли въ концѣ февраля и въ теченіе марта мѣсяца въ южныхъ предѣлахъ Малоазіатскаго полуострова.

Болѣе двухъ лѣтъ ведется нашими союзниками-англичанами упорнѣйшая борьба въ Сиріи и Месопотаміи съ цѣлью прикрытія своихъ водныхъ сообщеній съ далекой Индіей черезъ Персидскій заливъ и Красное море. Прикрывая съ одной стороны Суэцкій каналъ и ведя борьбу за обладаніе головнымъ участкомъ великаго Багдадскаго пути на сѣверномъ берегу Персидскаго залива, наши союзники намѣтили активный способъ дѣйствій съ цѣлью вторженія въ Сирію и Месопотамію.

Сравнительно безрезультатна была борьба въ первые періоды войны для англичанъ, которые стремились пока къ закрѣпленію занятыхъ ими позицій у самаго берега Суэцкаго канала и на низовьяхъ рѣки Тигра. Четвертая и шестая турецкія арміи, на которыя была возложена задача противодѣйствовать вторженію англичанъ въ Сирію и Месопотамію, упорно отстаивали важнѣйшіе центры бывшаго нѣкогда Халдейскаго царства (въ VI вѣкѣ до Р. Хр.), простиравшагося отъ береговъ Персидскаго залива до Средиземнаго моря, сѣвернѣе Аравійской пустыни.

На второмъ году войны англійская армія, базирующаяся на Персидскій заливъ, двинулась вверхъ по теченію рѣки Тигра, съ цѣлью очищенія отъ турокъ южной Месопотаміи. Авангардъ, подъ командою генерала Тоусенда, въ началѣ апрѣля мѣсяца 1916 года достигъ города Кутъ-Эль-Амары, находящагося южнѣе Багдада, недалеко отъ сліянія Тигра и Евфрата съ рѣкою Діялъ. Одновременно съ этимъ, со стороны Персіи, черезъ Энзели, Казвинъ, Хамаданъ и Ханекинъ, спѣшили наши части генерала Баратова для того, чтобы содѣйствовать общему успѣху союзниковъ.

Исключительно неблагопріятныя климатическія условія наложили отпечатокъ на дальнѣйшее развитіе соединенной русско-англійской Месопотамской операціи. Вслѣдствіе наступленія тропической лѣтней жары, активность наступавшихъ колоннъ сильно пострадала. Отрѣзанный отъ своихъ главныхъ силъ десятитысячный отрядъ генерала Тоусенда, блокированный турками, сдался, не дождавшись выручки со стороны Персидскаго залива и Хамаданскаго раіона. Опытъ этой операціи показалъ недочеты ея организаціи и былъ серьезно учтенъ въ наступленіи, которое

предприняли тотъ же генералъ Баратовъ и англійскій генералъ Модъ въ началѣ этого года по старымъ направленіямъ.

Начало новой операціи пріурочено было къ первымъ числамъ февраля мѣсяца съ тѣмъ, чтобы, до наступленія жаркаго времени, успѣть пройти наиболѣе тяжелый въ этомъ отношеніи Багдадскій районъ. 17-го февраля палъ Кутъ-Эль-Амара, и англичане энергично двинулись въ Багдаду въ то время, какъ генералъ Баратовъ тѣснилъ быстро отходившія отъ Хамадана турецкія части. 26-го февраля англичане заняли Багдадъ и преслѣдовали турокъ по тремъ направленіямъ: на Ханекинъ, Самарру и Хитъ, долинами расходящихся отъ Багдада вѣеромъ трехъ рѣкъ. Наши войска, занявъ промежуточный между Хамаданомъ и Месопотамской границей Керманшахъ, уже выходили двумя колоннами противъ лѣваго фланга и тыла шестой турецкой арміи Халила-паши черезъ Ханекинъ и Бана.

20-го марта произошло величайшее историческое событіе: на берегахъ рѣки Діяла, у деревушки Кизилъ-Рабадъ, соединили свои фланги войска генераловъ Мода и Баратова. Образовался непрерывный фронтъ, охватившій армію Халила-паши полукольцомъ съ трехъ сторонъ.

Начавшееся еще въ началѣ января мѣсяца согласованное наступленіе нашихъ и англійскихъ войскъ въ Месопотаміи привело къ изгнанію турокъ изъ Персіи и къ овладѣнію англичанами 26-го февраля Багдадомъ. Наши войска подошли къ Месопотамской границѣ Персіи по двумъ направленіямъ: черезъ Керигдъ, Серпуль, Касриширинъ и черезъ Сакизъ, Бана и Бениваджъ. Разстояніе между двумя колоннами генерала Баратова въ общемъ превышало 130 верстъ.

По занятіи Багдада, съ цѣлью выдвиженія навстрѣчу лѣвой колоннѣ генерала Баратова и въ то же время преслѣдуя подходившую въ сѣверо-восточномъ направленіи черезъ Бакубу, Шерабанъ, Кизилъ-Рабадъ и Ханекинъ оторвавшуюся турецкую колонну войскъ, англичане выслали сюда значительный свой отрядъ, составившій впослѣдствіи право-фланговую ихъ колонну. Остальныя части англійскихъ войскъ, наступавшія подъ общей командой генерала Мода, раздѣлились на двѣ колонны, избравшія для своего наступленія направленіе вдоль рѣкъ Тигра и Евфрата.

Такимъ образомъ, дѣйствовавшія въ южно-Месопотамской части театра войска шестой турецкой арміи Халила-паши съ первыхъ же шаговъ успѣха нашихъ союзниковъ разорвались на три части и потеряли между собою всякую связь. Наименѣе скудныя свѣдѣнія имѣются у насъ о томъ, какая роль выпала на долю лѣво-фланговой англійской колонны, двинувшейся по Евфрату въ направленіи черезъ Фелуджу и Хитъ. Что касается средней колонны, взявшей направленіе къ сѣверу отъ Багдада, то мы знали, что продвиженіе ея встрѣчало серьезное сопротивленіе со стороны турокъ, имѣвшихъ здѣсь главныя свои силы. Кромѣ того, успѣхъ этой колонны находился въ исключительной зависимости отъ тѣхъ результатовъ, которые могли быть достигнуты войсками генерала Мода, наступавшими черезъ Бакубу, Шерабанъ и далѣе на Гарфу, такъ какъ чрезмѣрное выдвиженіе одной средней колонны впередъ могло поставить ее въ опасное и изолированное положеніе. Это обстоятельство подчеркивалось еще тѣмъ, что русскія войска, которымъ предстояло пройти до Месопотамской границы значительно большее разстояніе, чѣмъ англичанамъ до Багдада, находились въ этотъ моментъ сравнительно еще далеко, и турки, отходившіе на Шерабанъ, могли перейти въ контръ-наступленіе, воспользовавшись хотя бы для этого весьма удобными позиціями на хребтѣ Хамаринъ.

Дѣйствительность подтвердила имѣвшіяся на этотъ счетъ соображенія главной англійской квартиры въ Месопотаміи, такъ какъ турки на Багдадъ-Ханекинскомъ направленіи вели чрезвычайно упорную борьбу, отстаивая каждый шагъ своихъ позицій на изгибахъ рѣки Діяла въ районѣ Бакубы, Шерабана и даже Кизилъ-Рабада.

Лишь только послѣ момента соединенія у Кизилъ-Рабада англійскихъ и нашихъ войскъ, которое произошло 20-го марта, ликвидирована была отмѣченная угроза правому флангу англійской арміи, послѣ чего представилось возможнымъ генералу Моду развить свое наступленіе противъ главныхъ силъ Халила-паши, дѣйствовавшихъ въ направленіи по обоимъ берегамъ средняго теченія рѣки Тигра.

Отбивъ разновременныя попытки турокъ, отошедшихъ отъ рѣки Діяла на Кифри, помѣшать соединенію англо-русскихъ войскъ у Кизилъ-Рабада, англичане повернули правую свою колонну на сѣверо-западъ черезъ Гарфу на Самарру. Русскія войска въ это время уже утвердились въ районѣ Касриширина и Ханекина и начали переправу черезъ Діялъ у селенія Декке на Кифринскомъ направленіи. Крайняя сѣверная колонна генерала Баратова, наступавшая по Курдистанскимъ горамъ, подошла къ Месопотамской границѣ южнѣе Бана и завязала бой съ турецкимъ заслономъ, прикрывающимъ восточные пути на Моссулъ черезъ Сулейманіе, Керкукъ и Алтунъ-Кепри, а также и ближайшіе тыловые пути арміи Халила-паши, отходящіе со стороны Бана на Кифри.

Центръ тяжести боевыхъ дѣйствій 5-го апрѣля пришелся на правую и среднюю англійскія колонны, которыя атаковали восьмой турецкій корпусъ арміи Халила-паши, имѣвшій свои позиціи по рѣкѣ Шатъ-Эль-Адему и по Тигру до Истабулата съ двухъ фланговъ. Гарфская колонна англичанъ форсировала Шатъ-Эль-Адемъ къ востоку отъ Самарры и прорвалась къ расположенію восьмого турецкаго корпуса, въ то время, какъ средняя колонна англичанъ заняла Истабулатъ. Неожиданность удара нашихъ союзниковъ произвела серьезное впечатлѣніе на турокъ, защищавшихъ важную позицію въ районѣ Самарры. Англійское официальное сообщеніе констатируетъ фактъ полнаго разгрома названной части турокъ, изъ числа коей въ руки нашихъ союзниковъ попало значительное количество плѣнныхъ.

Результаты наступленія русскихъ колоннъ пока еще не опредѣлились, но значеніе ихъ удара можетъ быть чрезвычайно велико. Что касается турокъ, потерпѣвшихъ разгромъ у Самарры, то имъ придется поспѣшно отступать на Текритъ, съ тѣмъ, чтобы организовать свою оборону на линіи рѣки Нижней Забъ, куда должны будутъ отойти и остальныя части Халила-паши, оперирующія въ районѣ юго-восточнѣе Кифри и сѣверо-восточнѣе Сулейманіе. Резервы, подошедшіе къ Моссулу, въ числѣ коихъ есть и германскія части, могутъ оказать туркамъ поддержку на послѣдней оборонительной линіи.

Въ такомъ положеніи находится сейчасъ потрепанная армія Халила-паши, силы которой насчитываютъ не болѣе 6—7 дивизій.

Не менѣе успѣшно развивается наступленіе англичанъ и со стороны Портъ-Саида и Суэцкаго канала, гдѣ турки, покинувъ Синайскій полуостровъ, оказались отброшенными за линію Газе — Наклъ и принужденными прикрывать съ одной стороны пути къ Іерусалиму и съ другой — Геджасъ съ Меккой и Мединой.

Прочно овладѣвъ Багдадомъ и райономъ Самарры, гдѣ покоятся развалины древняго Вавилона, и угрожая Моссулу (прежняя Ниневія), наши доблестные союзники-англичане угрожаютъ столицѣ древняго Іудейскаго царства Іерусалиму, отъ которой находятся они сейчасъ на разстояніи двухъ-трехъ переходовъ.

Прилагаемыя схемы наглядно обрисовываютъ тяжелое положеніе, въ которомъ находятся сейчасъ всѣ силы шестой турецкой арміи, значительная часть которыхъ, сдерживавшая главный напоръ англичанъ, понесла у Самарры столь тяжкій уронъ.

Сочетая это успѣшное концентрическое наступленіе англичанъ съ операціями на Синайскомъ полуостровѣ со стороны Суэцкаго канала, гдѣ они на путяхъ къ Іерусалиму подошли уже къ порту Средиземнаго моря Газе, мы видимъ, что прилегающія къ западу и востоку отъ великой Аравійской пустыни южно-малоазіатскія владѣнія Турціи, составлявшія нѣкогда одно цѣлое Халдейское царство, скоро попадутъ въ руки нашихъ энергичныхъ и настойчивыхъ союзниковъ. Это обстоятельство вызываетъ большую тревогу въ рядахъ какъ турецкой, такъ и германской главныхъ квартиръ, которыя шлютъ въ Месопотамію серьезныя подкрѣпленія и даже намѣтили назначить главнокомандующимъ войсками всей Малой Азіи самого фельдмаршала Макензена.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" книга 42.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1917 г. № 18

XLVIII г. изданія

Выданъ 6-го мая 1917 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагаются „Полн. собр. соч. М. Горькаго“ кн. 4 и „Для дѣтей“ № 5.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

МАШИНКИ для стрижки волосъ, необх. въ кажд. семьѣ. Цѣна 8 р.— Запасн. пруж. къ нимъ 25 к. шт.—Англ. бритвы 6 р. шт. К° ЭКСЦЕЛЬЗIОРЪ, Москва, ящ. 251/90.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Не требуется знанiй. Доступно всѣмъ. Для многихъ хорошiй заработокъ.

Популярныя руководства, заслужившiя массу благодарностей:

1) Устр. домашн. электр. освѣщ. безъ машинъ—85 к. 2) Изгот. аккумуляторовъ—70 к. 3) Изгот. сухихъ батареекъ—50 к. 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализацiи—85 к. 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата—70 к. 6) Гальванопластика, никкелир., волоч. и пр.—1 р. 65 к. 7) Устр. динамо-маш. и электро-мотор. до 500 уаттъ—2 р. 8) Устр. вольтметр., амперометр., реостат. и пр.—1 р. 15 к. Пересылка до 1 р.—15 к., до 2 р.—20 к., до 3 р.—25 к. и т. д. За налож. плат. прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ числа книгъ.

Всѣ 8 руковод. высыл. за 8 р. 85 к.; съ налож. плат.—9 руб.

Проспекты и отзывы высылаются **безплатно.**

4578 Адр.: Техн. М. А. БОГОЛѢПОВУ, Москва, Бол. Козихинскiй пер., д. 4—65. 2-

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФIЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткiй срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 р. 25 к.

ПРАВОПИСАНIЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. уборист. шрифт. Цѣна съ пер. 2 р. 50 к. на лучшей бумагѣ 3 р.

СТЕНОГРАФIЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученiя. 338 стран. Цѣна 3 р. 50 к. (16) 4469

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какiя мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль. При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНIЯ"—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

НОВАЯ НАРОДНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДIЯ.

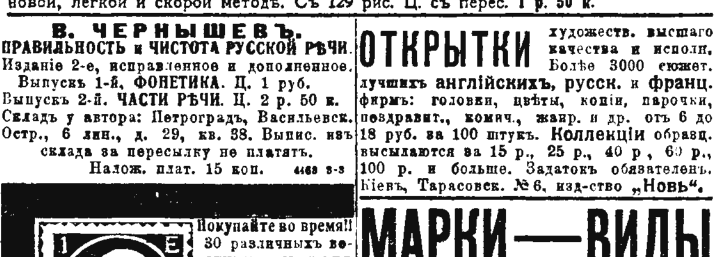
(Съ иллюстрацiями въ текстѣ).

Измѣненiе существовавшаго у насъ до сихъ поръ самодержавнаго строя вызоветъ расцвѣтъ свободной русской литературы. Русскiй читатель сумѣетъ ознакомиться съ новыми сокровищами русской свободной мысли. Появятся новыя слова, новыя имена, новыя названiя, которыя до сихъ поръ можно было произносить съ опаской. Читателю, кто бы онъ ни былъ: священникъ, офицеръ, солдатъ, рабочiй, ремесленникъ, приказчикъ и т. д. нужно сейчасъ такое руководство, гдѣ онъ могъ бы почерпнуть всѣ свѣдѣнiя, до сихъ поръ не имѣвшiя возможности получить доступъ вслѣдствiе гнета полицейской и бюрократической цензуры. Новая энциклопедiя будетъ состоять изъ 40 выпусковъ. Каждый выпускъ составитъ самостоятельное цѣлое. Въ энциклопедiю войдутъ бiографiи всѣхъ борцовъ за свободу, программы всѣхъ партiй, обзоръ революцiоннаго движенiя во всѣхъ странахъ, избирательныя системы, свѣдѣнiя изъ политической экономiи, рабочее законодательство и т. д. Кромѣ того, въ энциклопедiю войдутъ бiографiи всѣхъ слугъ реакцiи и тирановъ, ибо народъ долженъ знать не только своихъ друзей, но и враговъ. Сюда войдутъ и бiографiи разныхъ „старцевъ" типа Распутина, клевретовъ, придворныхъ „шептуновъ" и др. Въ энциклопедiю войдетъ также рядъ произведенiй Л. Н. Толстого о войнѣ, о царизмѣ и др., бывшихъ до сихъ поръ подъ запретомъ. Всѣ 40 выпусковъ составятъ большой томъ, чрезвычайно интересный для чтенiя, а для лицъ, желающихъ работать теперь на общественной почвѣ, въ особенности для духовенства, народныхъ учителей, кооператоровъ, участниковъ разныхъ организацiй энциклопедiя составитъ полезное руководство для пропаганды здоровыхъ идей о новомъ строѣ свободной Россiи. Изложена энциклопедiя просто, ясно, доступно всѣмъ и каждому. Обложка каждаго выпуска будетъ украшена иллюстрацiями и снимками. Къ составленiю энциклопедiи привлечены лучшiя литературныя силы. Подписная цѣна: 8 руб. за всѣ 40 выпусковъ. Первые выпуски вышли.

Треб. адр.: Москва, Б. Гнѣздниковскiй пер., 10, издательству Д. М. КУМАНОВА.

Изданiя Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Шульговская, А. РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНIЮ простой и изящной дамской, мужской и дѣтской ОБУВИ по новой, легкой и скорой методѣ. Съ 129 рис. Ц. съ перес. 1 р. 50 к.



В. ЧЕРНЫШЕВЪ.
ПРАВИЛЬНОСТЬ и ЧИСТОТА РУССКОЙ РѢЧИ.
Изданiе 2-е, исправленное и дополненное.
Выпускъ 1-й, ФОНЕТИКА. Ц. 1 руб.
Выпускъ 2-й. ЧАСТИ РѢЧИ. Ц. 2 р. 50 к.
Складъ у автора: Петроградъ, Васильевск. Остр., 6 лин., д. 29, кв. 38. Выпис. изъ склада за пересылку не платятъ.
Налож. плат. 15 коп. 4468 3-3

ОТКРЫТКИ художеств. высшаго качества и исполн. Болѣе 3000 сюжет. лучшихъ англiйскихъ, русск. и франц. фирмъ: головки, цвѣты, копiи, парочки, поздравит., комич., жанр. и др. отъ 6 до 18 руб. за 100 штукъ. **Коллекцiи** образц. высылаются за 15 р., 25 р., 40 р., 60 р., 100 р. и больше. Задатокъ обязателенъ. Кiевъ, Тарасовск. № 6, изд-ство „Новь".

Покупайте во время!! 30 различныхъ военныхъ марокъ всѣхъ странъ 1 р., 50 марокъ — 3 р., 100 марокъ —15 р. безъ пересылки. Уплата новыми почт. марками. Покупка и продажа всѣхъ марокъ. Каталогъ безплатно. Биржа марокъ В. Вальтеръ (V. Walter), Копенгагенъ. Письма въ Копенгагенъ оплачиваются 10 к. маркой.

МАРКИ—ВИДЫ ВСѢХЪ СТРАНЪ.

4577

Подробности въ Россiйскомъ журналѣ коллекцiонеровъ и корреспондентовъ (Москва, почт. ящ. 1321). Требуйте апрѣльскiй нумеръ, приславъ 80 коп. деньгами, или проспектъ за 4 коп.

Только-что вышла изъ печати сильно нашумѣвшая въ Англiи книга

БЕЗБОЛѢЗНЕННЫЕ РОДЫ

Ганны Рацонъ. Книга представляетъ выдающiйся интересъ какъ для врачей, акушерокъ, фельдшеровъ, равно и для всѣхъ женщинъ-матерей. Книга подробно освѣщаетъ новый, научный, вѣрный, и клинически испытанный методъ безболѣзненныхъ родовъ. Ц. 3. р. 50 к. съ перес. Адр: Москва, Гнѣздниковскiй, 10, изд-ству Д. М. Куманова. Нал. пл. не выс.

БУХГАЛТЕРIЯ и КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНIЕ

заочные курсы по самой обширной программѣ:

СЧЕТОВОДСТВО (Двойная Итальянск. Бухгалтерiя—общiй курсъ и спецiальныя отрасли) Коммерч. Ариѳметика, Коммерч. Географiя, Торг. Право, Коммерч. Корреспонденцiя, Товаровѣдѣнiе.

СТЕНОГРАФIЯ по новѣйш. звуковому методу. Гарантiя успѣха. Цѣнныя безплатныя прилож. Аттестатъ. Разсрочка платы. Проспекты—безплатно.

4574 ПЕТРОГРАДЪ, Редакцiя „КОММЕРЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДIИ"—6. 5-1

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.

РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА. АРТЕРIОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.

ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Русское Агентство фирмы ШАТЕЛЕНЪ въ Парижѣ. Москва, Петровскiй пассажъ, № 38, отд. 5.

Подагра вызывается скопленiемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическiй припадокъ, предупреждаетъ его повторенiе.

4669 4-8

(Напечат. въ Правит. Вѣстн. 1915 г. № 226).

ВЫТЯЖКА изъ СѢМЕННЫХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРIИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастенiи, истерiи, невральгiи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровiи, артерiосклер., туберкулезѣ, дiабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсилiи, хроническомъ разстройствѣ питанiя и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, луэсѣ, послѣ родовъ, операцiй, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ сѣменная вытяжка лабораторiи Д. Калениченко для наблюденiй высылается безплатно.

Обширная литература по требованiю безплатно.

Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ **3 р. 50 к.** пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—безплатно. 2%-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. Адресъ: Органотерапевтич. лабораторiя Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскiй пер. соб. д. кв. 8. Телегр. адр.: Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНIЕ

Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцiй и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленнымъ сперминомъ.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 десятикоп. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условiя. Одесса. Професс. каллиграф. Адольфъ КОССОДО, Дерибасовская, д. № 19.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля", новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленiе и, при систематическомъ лѣченiи, совершенно устраняетъ зудъ, жженiе и всѣ явленiя геморроя. Имѣются всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья
ПЕТРОГРАДЪ

4467

Новѣйшія моды.

№ 1. Блузка изъ шелковаго сукна.

№ 1. Блузка изъ шелковаго сукна. Спинка зашита посрединѣ группой складочекъ; такія же двѣ группы по бокамъ передковъ, середина которыхъ остается гладкой и застегивается на три пуговицы. Отдѣлка въ видѣ прямой вставки-этоля съ длинными наплечниками сдѣлана изъ того же сукна, богато вышитаго гладью въ тонъ матеріи; такія же вышитыя манжеты и отогнутые концы бархатнаго воротника, соединяющагося сзади подъ бантомъ изъ такого же бархата. Прямые рукава зашиты по локтевой линіи группой складочекъ.

№ 2. Блузка изъ крепдешина молочно-бѣлаго цвѣта отдѣлана ажурной строчкой, вышивкой и золотымъ шнурочкомъ; ажуръ обрисовываетъ пройму Регланъ, эполеты, отложные кончики воротника и манжеты съ отогнутыми кончиками, украшенными вышитымъ мотивомъ. Воротъ окруженъ вышитыми мотивами въ видѣ зубцовъ; верхняя половина передковъ разрѣзана и перешнурована золотымъ шнурочкомъ,—въ концѣ разрѣза два вышитыхъ мотива въ видѣ полувѣночка; нижняя половина зубца прострочена ажуромъ.

№ 3. Костюмъ для гулянья. Платье изъ саржи или тонкаго сукна. Юбка въ три полотнища заглажена круглыми складками, которыя слегка собраны въ таліи; подолъ обшитъ мѣховой полоской; на правомъ боку, посрединѣ боковой складки, шелковый плетеный галунъ обрисовываетъ какъ бы длинную петлю. Гладкій лифъ съ застежкой на боковомъ швѣ; на цѣльномъ передкѣ вышитый суташемъ мотивъ; верхній вырѣзной край, обрисованный вмѣстѣ съ проймой двойнымъ рядомъ галуна, пришитъ къ кокеткѣ изъ тафты или атласа тономъ темнѣе матеріи платья; рукава изъ одной матеріи съ кокеткой собраны къ высокой суконной манжетѣ, обшитой у кисти мѣхомъ; стоячій воротникъ изъ матеріи кокетки также опушенъ мѣхомъ.

№ 4. Домашнее платье—изъ шерстяного крепа или тонкой саржи. Юбка годе; передки лифа имѣютъ видъ срѣзанныхъ внизу полочекъ, открывающихъ сборчатую, свободную въ воротѣ шемизетку изъ нинона или маркизета; края передковъ украшены двумя рядами пуговицъ съ суташевыми петлями; рукава собраны къ манжетѣ, также отдѣланной пуговицами; отъ полокъ воротъ гарнированъ стоячимъ отступающимъ отъ шеи воротникомъ изъ тафты; такой же драпированный кушакъ.

№ 5. Нарядное платье. Этотъ туалетъ представляетъ красивое сочетаніе крепдешина съ нинономъ и кружевомъ; тюникъ годе изъ тонкаго нинона, вырѣзанный спереди и сзади косынкой и обшитый мѣхомъ, покрываетъ юбку изъ крепдешина, инкрустованную широкой кружевной прошивкой. Такая же комбинація повторяется на лифѣ, покрытомъ нинономъ, широко открывающемъ какъ спереди, такъ и сзади нижній корсажъ изъ крепдешина, инкрустованнаго кружевомъ; часть лифа изъ нинона отдѣлана мѣхомъ; воротъ свободный.

№ 6. Шугай. Съ 3-мя выкройками въ уменьшенныхъ чертежахъ, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ:

Фиг. 1. Передъ.
„ 2. Половина спинки.
„ 3. Рукавъ.

Въ нашемъ обществѣ за послѣднее время обнаружилось сильное теченіе въ пользу народныхъ формъ въ модахъ. Особеннымъ успѣхомъ пользуется именно *шугай*. И дѣйствительно, эта верхняя одежда, родъ кофты, очень красива и, при умѣньи ее носить, когда одна сторона надѣта въ рукавъ, а другая немного спущена съ плечъ,—очень кокетлива.

№ 3. Костюмъ для гулянья. № 4. Домашнее платье. № 5. Нарядное платье.

Дѣлаютъ шугаи изъ различныхъ матерій, начиная отъ парчи и кончая ситцемъ. Чрезвычайно эффектны, напримѣръ, шугаи изъ бѣлаго или кремоваго атласа съ разбросанными яркими букетами, затканными бархатомъ; такой же рисунокъ букетами, крупными или мелкими, красивъ по золотисто-желтому и вообще свѣтлому фону. Опушь большею частію дѣлается изъ темнаго мѣха, — это рѣзче выдѣляетъ шугай отъ остального платья. Мы видѣли также прелестныя модели шугаевъ изъ гладкаго бархата — голубого, розоваго, абрикосоваго съ собольей опушью. Рукава въ шугаяхъ всегда длинные, или прямые у кисти или слегка закругленные въ видѣ митени; иногда ихъ суживаютъ къ кисти, закладывая по локтевой линіи внутренней складкой, которая скрѣпляется тремя-четырьмя пуговицами-бульками съ шнурочными петлями. Кромѣ мѣховой опуши, никакой другой отдѣлки не дѣлается.

№ 2. Блузка изъ крепдешина.

Можно надѣяться, что вслѣдъ за шугаемъ войдутъ въ моду и другія формы народной одежды. Въ магазинахъ кустарныхъ издѣлій уже давно появились *шушуны* изъ бѣлаго, суроваго или цвѣтного холста съ богатыми отдѣлками русскимъ кружевомъ или вышивкой, преимущественно вырѣзной, въ родѣ вышивки Ришелье. Хороши также безрукавки съ широко вырѣзанной проймой.

Мы думаемъ, что вкусъ къ русской одеждѣ будетъ все болѣе и болѣе развиваться, и она скоро займетъ видное мѣсто въ модахъ. У насъ нѣтъ недостатка въ художникахъ, а главное въ художницахъ, которыя могли бы сочинять модели русскихъ костюмовъ, можетъ быть, немного стилизуя ихъ, не нарушая однако основного типа. Такія попытки уже дѣлались, какъ это показала выставка костюмовъ въ русскомъ стилѣ, бывшая годъ или два тому назадъ.

Мы, съ своей стороны, надѣемся не ограничиться одной моделью шугая, помѣщенной въ настоящемъ нумерѣ, но будемъ слѣдить за всѣми выдающимися новостями въ области русскаго костюма и помѣщать образцы его въ нашихъ „Новѣйшихъ модахъ“.

№№ 7—11. Шляпы. Костюмы для гулянья. Визитный туалетъ.

№ 7. Шляпа, вышитая суташемъ. Головка и большія поля обтянуты вгладь бѣлой тафтой, вышитой тонкимъ золотымъ или бѣлымъ суташемъ. Низъ полей, которыя съ лѣваго бока высоко подняты, подбитъ чернымъ бархатомъ.

№ 8. Шляпа съ мягкой головкой. Середина головки изъ мягкаго шелка стянута басоннымъ мотивомъ со спущенной на лѣвомъ боку кистью; высокій околышъ обтянутъ вгладь лентой фантази и окаймленъ къ лицу узенькимъ чернымъ бархатнымъ кантикомъ.

№ 9. Костюмъ для гулянья. Юбка и жакетъ изъ габардина, дюветина или бархатистаго сукна; длинный брокаровый жилетъ, слегка расходящійся внизу и скошенный у ворота, открывая шемизетку изъ бѣлой тафты съ прямымъ стоячимъ воротникомъ. На жакетѣ мѣховой воротникъ и мѣховая отдѣлка на обшлагахъ, украшенныхъ кромѣ того пуговицами, такъ же, какъ и наружные карманы.

№ 10. Костюмъ для гулянья. Платье изъ саржи, кашемира или тонкаго сукна имѣетъ видъ манто съ юбкой годе, пришитой къ короткому гладкому лифу съ мягкими отворотами изъ той же матеріи и съ отложнымъ воротникомъ, оторочённымъ мѣхомъ; рукава отдѣланы у плечъ широкимъ,

вышитымъ цвѣтными шелками галуномъ, а у кисти мѣховой опушью. На бокахъ юбки такіе же цвѣтные вышитые мотивы. Передъ открытъ на длинномъ лифѣ формы жерсей, подчеркнутомъ у свободнаго ворота вышивкой, которая повторяется на подолѣ сборчатаго передника.

№ 11. Визитный туалетъ. Платье изъ тафты или мягкаго шелка. Короткій, широкій передникъ и юбка, начиная отъ боковыхъ полотнищъ, отдѣланы роскошнымъ вышитымъ гладью бордюромъ и мѣховой полоской; такая же вышивка на передней вставкѣ корсажа и на рукавахъ, покрытыхъ нинономъ въ тонъ матеріи; высокій воротникъ съ отогнутыми концами обшитъ мѣхомъ.

Полезные совѣты.

Домашнія средства противъ моли. Почти полное отсутствіе въ продажѣ нафталина, или чрезмѣрно высокія цѣны на него, заставятъ многихъ задуматься, какъ сохранить шерстяныя и мѣховыя вещи отъ моли. Самымъ простымъ средствомъ для этого служитъ скипидаръ, которымъ обильно смачиваютъ листы газетной бумаги и перекладываютъ ими подлежащія сбереженію отъ моли вещи. Такъ какъ скипидаръ не оставляетъ послѣ себя никакихъ пятенъ, то имъ можно даже слегка опрыскивать мѣха и матеріи. Вслѣдствіе того, что скипидаръ довольно скоро испаряется, слѣдуетъ отъ времени до времени повторять операцію. Можно также ставить въ шкапы незакупоренныя бутылки со скипидаромъ, чѣмъ достигается двойная цѣль—испаренія скипидара будутъ уничтожать засѣвшихъ гдѣ-нибудь въ щеляхъ насѣкомыхъ, а съ другой стороны не допустятъ летающую кругомъ моль садиться и класть яйца.

Другое очень дѣйствительное средство, употребляемое для сохраненія шкурокъ чучельниками—желѣзный купоросъ, извѣстный въ продажѣ подъ названіемъ зеленаго купороса, употребляемаго въ видѣ мелкаго порошка. Для сбереженія этимъ средствомъ мѣха, надо стараться, чтобы порошокъ ложился на мездру, для чего при посыпкѣ всего лучше гладить мѣхъ противъ шерсти.

Купоросъ надо выбирать самый сухой; если же онъ сыроватъ, то необходимо хорошенько его просушить и потомъ истолочь какъ можно мельче.

Для тѣхъ, кто не выноситъ запаха скипидара, можно рекомендовать духи пачули, которые также предохраняютъ вещи отъ моли и, кромѣ того, оставляютъ въ нихъ пріятный запахъ.

Вода, какъ пищевое вещество. Вода представляетъ главную составную часть не только нашего, но также и животнаго и растительнаго организмовъ. Вода растворяетъ пищу, придаетъ тканямъ гибкость, уравновѣшиваетъ температуру тѣла и регулируетъ химическіе процессы питанія и обмѣна веществъ. Лишеніе воды гораздо опаснѣе для организма, чѣмъ лишеніе пищи, и вредныя послѣдствія отъ лишенія воды наступаютъ скорѣе. Замѣчено, что недостатокъ пищи переносится легче, если въ организмъ вводится достаточное количество воды. При болѣзняхъ, проходящихъ съ повышенной температурой, напримѣръ, при лихорадкѣ, предписывается обильное употребленіе воды. При повышенной наружной температурѣ лѣтомъ недостатокъ воды, не говоря уже о томительномъ чувствѣ жажды и сухости слизистой оболочки рта, можетъ привести къ опаснымъ послѣдствіямъ.

№ 6. Шугай. Съ 3-мя выкройками въ уменьшенныхъ чертежахъ, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ.

Фиг. 1. Фиг. 2. Фиг. 3.

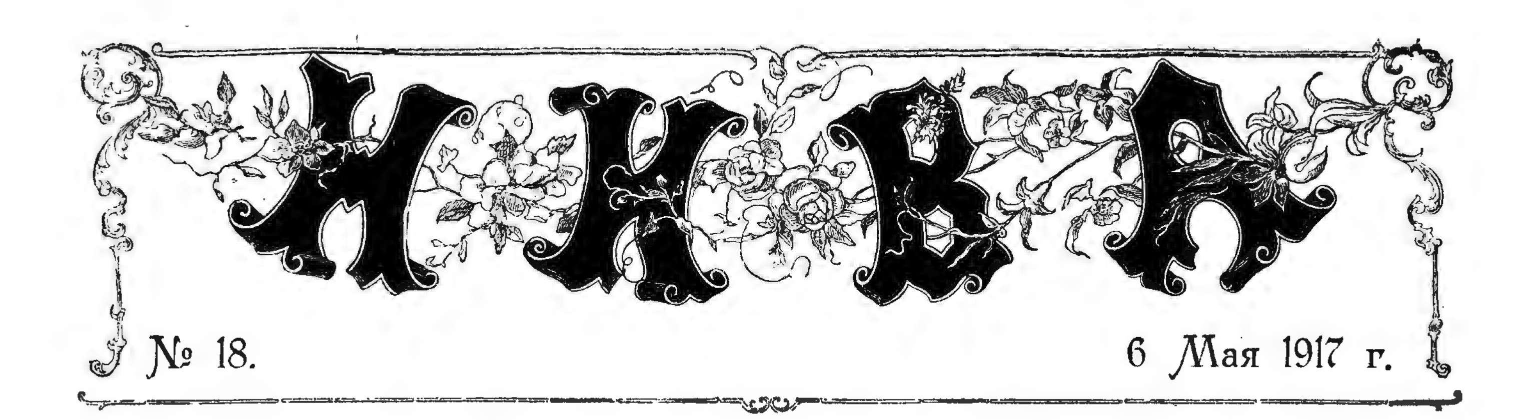
Однако слѣдуетъ остерегаться слишкомъ обильнаго питья воды, такъ какъ усиленное питье затрудняетъ переваривание твердыхъ питательныхъ веществъ, и органы разбухаютъ отъ слишкомъ большого излишка воды. Въ особенности надо принять во вниманіе почки, сердце и кровеносные сосуды, преимущественная функція которыхъ—удаленіе воды изъ организма, и въ которыхъ отъ усиленной работы могутъ развиваться болѣзненныя измѣненія.

Какія требованія слѣдуетъ предъявлять къ хорошей питьевой водѣ? Вода должна быть совершенно чистой, безцвѣтной, прозрачной, какъ хрусталь, и оставаться въ такомъ видѣ при довольно долгомъ стояніи на воздухѣ. Она должна „играть", т.-е. содержать атмосферный воздухъ и углекислоту, что можно узнать по пузырькамъ, появляющимся на стѣнкахъ сосуда при стояніи воды. Вода должна быть безъ всякаго запаха, свѣтлая, безъ какого-либо посторонняго вкуса, лѣтомъ нѣсколько прохладнѣе, зимою теплѣе атмосфернаго воздуха. Теплота свѣжей колодезной воды бываетъ 6—10° Р, но такой градусъ тепла слишкомъ низокъ для людей со слабымъ желудкомъ; поэтому, для регулированія температуры воды для питья, ее слѣдуетъ держать лѣтомъ въ холодномъ, а зимою въ болѣе тепломъ помѣщеніи. Въ большихъ городахъ, гдѣ имѣются водопроводы, вода для питья бываетъ обыкновенно рѣчною, и хотя она и проходитъ черезъ фильтръ, но все-таки часто не имѣетъ тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ ключевую воду такимъ пріятнымъ, освѣжающимъ напиткомъ.

Если вода мутна и имѣетъ какой-либо запахъ и вкусъ, то это служитъ признакомъ, что она идетъ изъ такихъ почвенныхъ слоевъ, въ которыхъ встрѣчается большое количество гніющихъ веществъ, и что сама она можетъ быть испорчена различными продуктами гніенія. Къ такимъ веществамъ принадлежатъ гнилостные зародыши и низшіе грибки; нахожденіе такихъ тѣлецъ въ питьевой водѣ очень опасно для человѣка, такъ какъ они переносятъ на него гніеніе и разложеніе, которыми могутъ вызвать различныя болѣзни.

Какъ изслѣдуется питьевая вода? Вредную воду прежде всего можно узнать по ея желтоватому цвѣту, также по легкому осѣданію хлопьевъ, а еще болѣе по образовавшемуся въ бутылкѣ, подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта, отстою изъ зеленоватыхъ частицъ порослей. Кромѣ того, всякій малѣйшій затхлый, гнилостный запахъ или вкусъ дѣлаютъ воду негодной къ употребленію. Какъ въ рѣчной, такъ и въ колодезной водѣ иногда находятся вредныя вещества органическихъ составныхъ частей или даже непосредственныхъ возбудителей болѣзней. Чтобы убѣдиться въ чистотѣ воды, надо сдѣлать слѣдующую пробу: въ аптечный пузырекъ наливаютъ немного сомнительной воды, кладутъ кусочекъ неподсиненнаго сахара, плотно закупориваютъ пузырекъ, чтобы туда не попалъ воздухъ, и даютъ спокойно постоять нѣсколько дней въ свѣтломъ мѣстѣ. Чѣмъ прозрачнѣе останется вода, тѣмъ она чище. Если же появится мутная молочная окраска, то такую воду слѣдуетъ употреблять осторожно, и каждый разъ передъ употребленіемъ очищать ее тѣмъ или инымъ способомъ.

№№ 7—11. Шляпы. Костюмы для гулянья. Визитный туалетъ.



№ 18. 6 Мая 1917 г.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ

Дайте солдатамъ возможность отстоять Свободу и …

А. Максимовъ

1-го мая (18-го апрѣля стараго стиля) въ Петроградѣ. *На Маріинской площади.*

Разсказы о великихъ дняхъ.

Подарокъ сыну.

Юрія Волина.

— Куда ты идешь?—спросила Зыбикова жена.

— Такъ, пройтись, посмотрѣть, что въ городѣ дѣлается.

— Сидѣлъ бы лучше дома! Опять стрѣлять будутъ, вчера стрѣляли. Да и какъ ты доберешься? Трамваевъ нѣтъ, извозчиковъ тоже нѣтъ.

— Не сумѣю пробраться, такъ вернусь.

— А я буду безпокоиться, Алеша!.. Право, сидѣлъ бы лучше дома!

— Пустяки! И безпокоиться тебѣ нечего!

Чувствуя однако, что этихъ словъ мало, Зыбиковъ ближе подошелъ къ ней и таинственнымъ шопотомъ сказалъ:

— Ты забываешь, что завтра 27-е февраля, день рожденія Кости.

— Ну, да! Я забываю, а ты помнишь!—еще больше обидѣлась молодая женщина.—Я еще недѣлю тому назадъ напоминала тебѣ, что надо купить подарокъ!.. А ты запустилъ до послѣдняго дня... Бѣдный мальчикъ!.. Онъ все спрашиваетъ меня, не знаю ли я, какой подарокъ ему готовитъ папочка...

— Ну вотъ, Аня, я затѣмъ и иду.

— Гдѣ же ты достанешь сегодня?—примиренно сказала Зыбикова.—Не думаю, чтобы ты что-нибудь нашелъ... Во-первыхъ, воскресенье, во-вторыхъ, забастовка... Напрасно только пойдешь!

— Достану!—увѣренно отозвался Зыбиковъ.—Есть магазины, при которыхъ квартиры хозяевъ. Я съ чернаго хода проберусь. Ужъ если я взялся, то достану! Безъ подарка не вернусь, можешь быть спокойна...

— А къ обѣду поспѣешь?

— Что ты, Аня, Богъ съ тобой! Теперь еще и двѣнадцати нѣтъ! Трижды можно поспѣть!

— Ну, иди съ Богомъ! Только, если будутъ стрѣлять, не лѣзь подъ выстрѣлы. Не зачѣмъ тебѣ съ толпой итти. Держись въ сторонѣ... И поскорѣе приходи!

— До свиданья, Аня!

Зыбиковъ вернулся домой совсѣмъ не такъ скоро, какъ разсчитывалъ. Не къ обѣду и даже не къ ночи, а только къ вечеру слѣдующаго дня.

Случилось такъ не по его винѣ.

Впрочемъ, если бы Зыбиковъ не былъ молодъ душой, если бы онъ былъ только добрымъ семьяниномъ, онъ свернулъ бы съ шумныхъ улицъ, на которыхъ творилась Исторія, въ переулочки и потихонечку-полегонечку добрелъ бы до своего дома и запрятался бы отъ урагана возстанія въ тепломъ уютѣ любимой семьи.

Онъ самъ призналъ это.

Такъ и сказалъ женѣ:

— Пожалуй, Аня, могъ бы пробраться... Не хотѣлъ.

И не раскаивался.

Было такъ.

Съ Петроградской стороны, гдѣ жили Зыбиковы, до самаго Невскаго тянулась пестрая лента праздничной публики.

Ярко свѣтило солнце. Смѣялось, ласкало, возбуждало. За всю зиму не было еще такого веселаго солнечнаго дня... Снѣгъ и солнце.

Было такъ весело, такъ празднично, что все казалось шуткой, игрой. И когда, дойдя до моста, Зыбиковъ увидѣлъ солдатскіе и полицейскіе патрули, не пропускающіе черезъ мостъ, то и это показалось ему веселой шуткой, и вслѣдъ за другими прохожими онъ пошелъ по льду, по хорошо утоптанной съ утра дорожкѣ, поодаль отъ моста.

Такъ дошелъ онъ до Невскаго.

Величественное зрѣлище представлялъ Невскій проспектъ. Отъ Знаменья и до Адмиралтейства разлилась широкая рѣка людская, волнующаяся и пестрящая яркими отблесками солнца, звонкая, смѣшливая, чего-то требующая, о чемъ-то поющая... Весенній потокъ, разбившій ледяныя оковы, вышедшій изъ береговъ, весело и побѣдно разливающійся во всѣ стороны!

Въ субботу, 25-го февраля, тоже было солнечно и людно, тоже проходили манифестаціи со знаменами и революціонными пѣснями; и между толпами демонстрантовъ, раздѣляя ихъ, отрѣзывая одну улицу отъ другой, стояли отряды конныхъ казаковъ; и такъ же, какъ сегодня, откуда-то доносились возгласы,

откуда-то долетали звуки выстрѣловъ, и гуляющая на широкихъ тротуарахъ нарядная публика чувствовала себя какъ бы очутившейся на тронувшейся огромной льдинѣ: куда занесетъ?.. Не разобьетъ ли нагоняющая льдина?.. А впрочемъ, стòитъ ли думать о томъ, что̀ будетъ?.. Такъ новы и необычны ощущенія! Такъ опьяняюще-остро волненіе! Такъ радостно-жутко на льдинѣ, преодолѣвшей свою неподвижность, устремившейся впередъ, словно подгоняемой яркими лучами солнца!

Вчера Зыбиковъ тоже былъ на Невскомъ, бродилъ нѣсколько часовъ, смѣшиваясь то съ толпой демонстрантовъ, пришедшихъ съ рабочихъ окраинъ въ городъ съ требованіемъ хлѣба и свободы, то съ толпой зрителей, залившихъ тротуары и бездѣйственно участвовавшихъ въ грозномъ дѣлѣ народномъ. Онъ жадно впитывалъ вчера впечатлѣнія, видѣлъ и слышалъ не только видимое и слышное, но и ощущаемое, не сознаніемъ, а чувствомъ предвидимое и предвкушаемое.

И когда, вернувшись домой къ обѣду, онъ разсказывалъ женѣ о казакахъ съ лицами добродушно-лукавыми, словно подбадривающими, о казакахъ-„усмирителяхъ“, къ которымъ довѣрчиво близко подходитъ толпа, чующая въ нихъ друзей; о веселой солнечной улицѣ; объ ощущеніи весенняго потока и таинственной, ни на чемъ другомъ, какъ только на предчувствіи выросшей увѣренности въ чудеснѣйшихъ неожиданностяхъ завтрашняго дня,—Аня съ волненіемъ слушала его. Аня... вся „домашняя“, чужая улицѣ, вся въ семейныхъ и хозяйственныхъ заботахъ, не читающая газетъ и только урывками за обѣдомъ узнающая отъ мужа о важныхъ политическихъ событіяхъ,—даже Аня взволновалась!.. Радостнымъ возбужденіемъ зажглись ея глаза. Упустила даже случай забезпокоиться о немъ, о Костѣ, и захотѣла въ городъ; конечно, не пошла, но одно ея желаніе пойти на улицу, къ толпѣ, было событіемъ!

Такъ было вчера.

Сегодня Зыбиковъ уже не могъ не пойти въ городъ. Подарокъ для Кости онъ придумалъ, только какъ поводъ для Ани, уже угасшей, уже обыкновенной, ушедшей въ домъ и въ неустанное безпокойство о мужѣ и сынѣ... Конечно, Зыбиковъ не вѣрилъ въ возможность достать игрушку для Кости. До того ли теперь? И самому ему это казалось не столь важнымъ.

Онъ пошелъ въ городъ потому, что не могъ не пойти. Вѣдь онъ испыталъ уже это удивительное ощущеніе несущагося на весенней льдинѣ. И его тянуло вновь къ этой сладкой жути, къ сплетеніямъ страха съ радостью, энтузіазма съ ненавистью, своего съ общимъ.

Но сегодня было что-то новое.

Больше солнца было и больше людей. И больше пѣсенъ, знаменъ, боевыхъ возгласовъ. И не было вчерашнихъ казаковъ. Небольшіе — совсѣмъ небольшіе, въ 8—10 человѣкъ, солдатскіе патрули стояли на углахъ улицъ. И казалось, ушелъ сѣрый хозяинъ улицы, скрылся, отдалъ улицу праздничному народу съ его пѣснями... Но почему-то не было увѣренности. Меньше, чѣмъ вчера, когда лихимъ галопомъ проносились по Невскому казаки. И росла въ душѣ тревога.

Одинъ только разъ спросилъ кого-то Зыбиковъ:

— Можно ли какъ-нибудь пробраться на Петроградскую сторону?

Ему отвѣтили категорически:

— И не думайте! Нѣтъ никакой возможности!

Получивъ такой отвѣтъ, Зыбиковъ почувствовалъ нѣкоторое удовлетвореніе. До того время отъ времени ущемляло совѣсть воспоминаніе о женѣ, съ тревогой ожидающей его.

Прохода нѣтъ. Значитъ, отвѣтственность съ него снимается. Онъ такъ и объяснитъ Анѣ, когда вернется. А теперь онъ свободенъ. Теперь ни къ чему думы о семьѣ. Теперь онъ человѣкъ улицы, весь принадлежащій улицѣ.

Могъ ли представить самъ Зыбиковъ или кто-нибудь изъ его сослуживцевъ, друзей, подчиненныхъ, его, Алексѣя Семеновича Зыбикова, въ роли повстанца, произносящаго зажигательныя боевыя рѣчи на рабочихъ митингахъ, громящаго оружейный складъ, разрушающаго тюрьму?

По роду своей службы Зыбиковъ не имѣлъ никогда случая высказать свои политическія убѣжденія. Сослуживцамъ и подчиненнымъ казалось, что его занимаетъ только вопросъ о переселенцахъ въ Сибири. Ничего больше. Зато это свое дѣло онъ зналъ хорошо, по службѣ подвигался быстро, былъ требователенъ къ себѣ и къ младшимъ служащимъ, былъ извѣстенъ, какъ прекрасный семьянинъ и какъ замѣчательный винтёръ... Хорошъ „революціонеръ“, митинговый ораторъ, вооруженный повстанецъ?.. Даже шутники не придумали бы такой комбинаціи!

Но такъ было.

Столоначальникъ Алексѣй Зыбиковъ выступалъ на митингахъ забастовщиковъ, громилъ складъ оружія, разбивалъ желѣзныя ворота тюрьмы.

Такъ было.

Когда черезъ недѣлю вновь пришелъ Зыбиковъ въ свое управленіе и занялъ свое обычное мѣсто и взялъ въ руки очередной докладъ провинціальнаго инспектора,—онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ работы остановился, оглянулся долгимъ удивленнымъ взглядомъ и произнесъ громко, убѣдительно, словно опровергая чьи-то сомнѣнія:

— Но такъ было!

Началось это въ воскресенье вечеромъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ Зыбиковъ вмѣстѣ съ другими бѣжалъ съ Невскаго.

До вечера бродилъ онъ по боковымъ улицамъ, прислушивался къ разговорамъ и жилъ настроеніями улицы, то зажигаясь возбужденіемъ и любопытствомъ, то замирая въ тревогѣ.

Вечеромъ, изголодавшійся, онъ попалъ въ рабочую чайную. Очень давно, еще въ студенческіе годы, одинъ только разъ былъ онъ въ такой чайной, пропитанной дымомъ махорки и запахомъ кислыхъ щей. Можетъ-быть, поэтому, попавъ сюда, онъ почувствовалъ себя опять юношей и далъ волю настроенію, накоплявшемуся въ душѣ въ теченіе кошмарнаго дня.

Шла общая бесѣда о событіяхъ дня. Рабочіе и нѣсколько солдатъ, сидѣвшіе въ чайной, высказывали возмущеніе по поводу

1-го мая (18-го апрѣля стараго стиля) въ Петроградѣ. *На Дворцовой площади, у Эрмитажа.*

разстрѣла безоружной толпы. И всѣ говорили о томъ, что „еще не кончено", что это начало, что завтра не то еще будетъ.

— Но завтра не пойдемъ, какъ стадо барановъ, на убой! Кончено! Довольно мирныхъ демонстрацій! Они глухи къ словамъ! Они понимаютъ только силу! Къ оружію, товарищи!

Это говорилъ Зыбиковъ.

Такъ неожиданно это было для него самого, что показалось, что говоритъ другой.

А рабочимъ почему-то не показалось ни невѣроятнымъ ни даже особенно удивительнымъ, что солидный на видъ господинъ въ форменной фуражкѣ и въ хорошемъ пальто называетъ ихъ „товарищами" и зоветъ къ оружію. Молодой энтузіазмъ горѣлъ въ глазахъ Зыбикова, и горячо и искренно звучали его слова.

— Правильно, товарищъ!—кричали ему со всѣхъ сторонъ.

Такъ и закружило его.

Черезъ полчаса онъ шелъ уже по улицѣ во главѣ группы рабочихъ. Въ полночь на совершенно темной площади—фонари не горѣли въ ту ночь—поднимаясь высоко надъ тысячной толпой, Зыбиковъ говорилъ пламенную рѣчь о томъ, что пришелъ послѣдній часъ,—теперь или никогда!—что надо вооружаться, надо сдѣлать натискъ, дружный, смѣлый, послѣдній... Побѣда или смерть!

На разсвѣтѣ Зыбиковъ въ какомъ-то волшебномъ туманѣ обнаружилъ себя среди огромной толпы, громящей арсеналъ. Въ его рукѣ была солдатская винтовка, и былъ онъ въ первыхъ рядахъ толпы. Но не болѣе минуты продолжалось удивленное раздумье прежняго, всегдашняго Зыбикова. Новый Зыбиковъ уже кричалъ что-то, звалъ толпу на новое дѣло.

Граждане великой страны, не только въ ничего не знавшихъ городахъ и деревняхъ провинціи, но и въ домахъ Петрограда вставали въ то утро въ полномъ убѣжденіи, что все обстоитъ постарому. А Зыбиковъ уже зналъ, что умерло старое, сломлено и уничтожено. А Зыбиковъ уже жилъ въ новомъ, видѣлъ первую улыбку свободы, былъ очарованъ, былъ полонъ увѣренности, ступалъ твердымъ шагомъ побѣдителя.

Только къ вечеру того дня, понедѣльника 27-го февраля, жители центральныхъ улицъ Петрограда, пройдя черезъ сѣрую жуть цѣлаго дня кровавыхъ кошмаровъ, увидѣли лицо свободы, узнали о возставшихъ войскахъ, о Временномъ Правительствѣ, о побѣдѣ революціи.

А Зыбиковъ къ тому времени уже успѣлъ упиться побѣдой, пропитаться ея опьяняющимъ ароматомъ.

Зыбиковъ медленно и спокойно шелъ домой.

Проносились автомобили и грузовики, украшенные красными флагами, и разбрасывали листки, возвѣщавшіе о побѣдѣ.

Ярко горѣли зданія полицейскихъ участковъ.

Возбужденными группами толпились на улицахъ очарованные и изумленные граждане.

Гдѣ-то пѣли. Гдѣ-то стрѣляли. Тамъ за кѣмъ-то гнались. Рядомъ тѣснымъ кольцомъ окружили оратора.

Не чувствуя усталости, не ощущая голода, сдѣлавшись странно легкимъ, словно плывущимъ, проходилъ Зыбиковъ по улицамъ, ведущимъ къ его дому.

И старыя, такъ много разъ пройденныя, улицы казались новыми, за каждымъ поворотомъ таящими новыя чарующія откровенія, захватывающе интересными, словно по сказочному городу проходилъ онъ.

И совсѣмъ короткимъ показался ему путь, представлявшійся всегда безконечнымъ. Послѣ безпрерывнаго напряженія въ теченіе сутокъ—безъ сна и безъ ѣды—легко и весело прошелъ онъ разстояніе, которое даже на извозчикѣ всегда утомляло и раздражало его... Крылья побѣды и радости сдѣлали легкимъ и веселымъ его путь.

Аня встрѣтила его въ передней и безъ словъ прижалась къ нему, опустила голову на грудь.

Она готова была разрыдаться. Чего-чего не передумала она за эти сутки! Уже потеряла надежду увидѣть его, застыла, окаменѣла отъ отчаянія.

Но она не заплакала. Она встрѣтилась съ радостнымъ, по-новому блестящимъ взглядомъ мужа и тихо, любовно-смиренно стала помогать ему раздѣваться.

Потомъ прибѣжалъ Костя.

— Папочка! — радостно закричалъ онъ. — Я говорилъ, что папочка непремѣнно придетъ сегодня! И непремѣнно принесетъ мнѣ подарокъ!.. Принесъ, папочка?

— Принесъ, Котикъ! Принесъ, сыночекъ!—бодро отвѣтилъ Зыбиковъ, цѣлуя мальчика.

Костя съ любопытствомъ посмотрѣлъ на руки отца, но въ рукахъ Зыбикова не было пакета или свертка.

Мальчикъ осторожно окинулъ взглядомъ карманы, но и карманы папины не оттопыривались.

Мальчикъ съ трудомъ сдержалъ свое любопытство и терпѣливо выждалъ, пока папа умылся, переодѣлся и вышелъ къ столу.

Дальше ждать было невмоготу. Костя тихонько подобрался къ отцу, прижался къ его колѣнямъ и съ робкимъ лукавствомъ полушопотомъ напомнилъ:

— А подарокъ?

Зыбиковъ посадилъ мальчика на колѣни, повернулъ его личико къ своему лицу и, глядя прямо въ его синіе глазки, съ радостнымъ возбужденіемъ заговорилъ:

— О, прекрасный подарокъ, Костя! Ты и не ждалъ такого подарка! Да и я не думалъ, что когда-нибудь принесу тебѣ такой подарокъ!.. Это самый дорогой, самый удивительный подарокъ, какой только можетъ быть, Котикъ! Ни я, ни мама, ни дѣдушка, никто, никто такого подарка не получалъ, когда были маленькіе!

— Гдѣ же онъ, папа? — дрогнувшимъ отъ волненія и нетерпѣнія голосомъ спросилъ мальчикъ.

— Этотъ подарокъ—такой большой, что заполнилъ весь домъ, и всю улицу, и весь городъ... А имя ему — Свобода... Ты не понимаешь, мой маленькій сыночекъ?.. И не легко тебѣ понять это теперь. Но ты потомъ поймешь, Котикъ! И всю жизнь будешь ты помнить сегодняшній день... Послушай, Котикъ. Десятки тысячъ людей, сотни тысячъ добивались для тебя свободы... Ну да, для тебя! И для другихъ дѣтей! Потому что, не будь заботы о васъ, о тебѣ, для чего шли бы люди отдавать жизнь за то, чего не увидятъ они сами!.. Сотни тысячъ людей смотрѣли въ глаза смерти, вырывая у врага этотъ драгоцѣнный подарокъ для тебя!.. Ты еще не сознаешь, что ты получилъ сегодня... Твою душу не будутъ коверкать въ школѣ, не будутъ дрессировать тебя, какъ щенка!.. Потомъ, когда ты войдешь въ жизнь, всѣ дороги будутъ открыты передъ тобой. Не оглядываясь, не прячась, будешь ты говорить то, что думаешь. Никто не будетъ залѣзать тебѣ въ душу, провѣрять твоихъ думъ. И не будетъ сжатаго кулака надъ твоей головой... Счастливецъ ты, Костя!..

Рядовой Николаевъ.

(Сильна, какъ смерть)

Повѣсть П. Н. Краснова.

(Продолженіе).

XV.

У казаковъ былъ праздникъ. На праздникъ этотъ были приглашены и многіе офицеры Эм-скаго полка съ командиромъ полка. Былъ приглашенъ и Яковлевъ.

Казаки хотѣли доказать, что, если они пожелаютъ, то могутъ убрать свой бивуакъ еще красивѣе, чѣмъ убирали у себя венгерскіе гусары. И дѣйствительно, прекрасный зеленый навѣсъ, громадные столы, уставленные яствами и питіями, эстрада для музыкантовъ въ пескѣ, выложенная разноцвѣтными мхами съ вензелями, эмблемами, гирляндами—все это обратило глухой лѣсъ въ отличный паркъ. Играли трубачи, пѣли пѣсенники. Послѣ молебна и парада былъ конный праздникъ. Казаки скакали и рубили, восхищая всѣхъ бравой посадкой и своимъ молодечествомъ. Потомъ былъ обѣдъ, за которымъ послѣ офиціальныхъ тостовъ въ дѣла правленія вступилъ ловкій есаулъ съ рыжеватыми длинными усами, „тулумбашъ", умѣвшій каждому гостю сказать что-либо пріятное и въ то же время правдивое. „Аллаверды" и „Якши іолъ" то и дѣло звучало, и кружки, полныя янтарнаго кахетинскаго вина, высоко поднимались въ рукахъ молодежи.

Порою на какомъ-либо краю стола вспыхивала старинная пѣсня:

Съ временъ давнымъ-давно забытыхъ,
Съ преданій Иверской земли...—

начиналъ кто-либо, голоса приставали, мощно и великолѣпно звучала пѣсня, потомъ затихала, обрывалась, казалась конченной и снова поднималась на другомъ концѣ: „неугомонно ходитъ чаша",—продолжалъ чей-либо одинокій голосъ, и снова разрослась и снова гремитъ басами, звучитъ всѣмъ хоромъ:

Несется голосъ тулумбаша:
Аллаверды, аллаверды...

Смолкали тосты тулумбаша, и гости и хозяева напоминали ему его обязанности:

Нули, нули, что заснули?
Заснулъ наша
Тулумбаша...—

раздавалась нудная пѣсня.

На выручку ему приходилъ священникъ Эм-скаго полка. Невысокій, коренастый, съ лицомъ безъ бороды и усовъ, съ недлинными золотисто-русыми вьющимися кудрями, живой и подвижный, съ маленькими, огнемъ кипящими, глазами, съ великолѣпной мимикой лица, онъ явился душой общества.

1-го мая (18-го апрѣля стараго стиля) въ Петроградѣ.

На Марсовомъ полѣ.

Уже тогда, когда послѣ молебна, съ крестомъ на георгіевской лентѣ на шеѣ, съ крестомъ въ рукахъ онъ обратился къ казакамъ со словомъ, всѣ обратили вниманіе на его живую образную рѣчь, на умѣнье вдохновить и зажечь сердца любовью къ Родинѣ.

Здѣсь, за столомъ, подогрѣтый виномъ и сердечнымъ товариществомъ хозяевъ, онъ разошелся во-всю. То и дѣло звучалъ его пріятный, льющійся въ сердце теноръ.

— Дорогія мои,— унирая на „я", возглашалъ онъ.— я поднимаю, дорогія мои, сію маленькую лампадочку, сію душечку - каплюшечку за здравіе не только нашихъ женъ, которыя насъ любятъ и ожидаютъ терпѣливо нашей побѣды, но и за тѣхъ,— и онъ неуловимо лукавымъ жестомъ подмигнулъ въ сторону молодежи, — за тѣхъ, кто насъ любитъ, и кого мы, дорогія мои, любимъ тоже, пусть идетъ эта лампадочка отъ устъ къ сердцу, и пусть согрѣетъ она сердца и скажетъ тѣмъ душечкамъ, крошечкамъ, пышечкамъ, что мы любимъ ихъ, что мы помнимъ ихъ, что мы думаемъ о нихъ...

И священникъ опять подмигнулъ, и Яковлеву показалось, что это подмигиваніе относилось именно къ нему, къ Яковлеву.

И мучительная краска покрыла его лицо.

Но кругомъ шло веселье, никто на него не обращалъ вниманія.

Снарядили самаго молодого прапорщика съ тарелкой, на которой поставили серебряную „командирскую" чарку къ командиру корпуса, и онъ остановился противъ стараго сѣдого генерала, полнаго, тучнаго, съ большими сѣдыми усами, съ подъусниками, все время недовольно отдувавшагося.

За столомъ запѣли:

Просимъ младшаго корнета
Поднести бокалъ вина.
Хороша традицья эта...
Пей до дна, пей до дна...

И голоса повелительно зачастили: „пей до дна, пей до дна, пей до дна!"... и бубнили до тѣхъ поръ, пока корпусный не опорожнилъ чарки.

1-го мая (18-го апрѣля стараго стиля) въ Петроградѣ. *На Дворцовой площади.*

1-го мая (18-го апрѣля стараго стиля) въ Петроградѣ. *На Исаакіевской площади. Рабочій держитъ рѣчь съ грузовика.*

1-го мая (18-го апрѣля стараго стиля) въ Петроградѣ. *Митингъ на Марсовомъ полѣ.*

Танцовали лезгинку и цыганскіе танцы. Танцовали урядники и казаки, танцовали и офицеры.

Тулумбашъ надѣлъ спеціально для танцевъ мягкіе чувяки и пошелъ въ нихъ, какъ балерина, на однихъ носкахъ, вызывая общее одобреніе. Партнеромъ къ нему вышелъ юный прапорщикъ, стройный и красивый, какъ дѣвушка. Большіе миндалевидные глаза его горѣли огнями. Онъ нахваталъ кинжаловъ, вложилъ въ ротъ два, стоймя между ними поставилъ третій и еще два держалъ въ рукахъ, все время плавно и граціозно выдѣлывая па лезгинки и порхая по кругу пѣсенниковъ.

Только горы Кавказа, только его пропасти, его задумчивые лѣса, его стремительные потоки, его яркое, вѣчное, теплое солнце могли выработать такую удивительную ловкость и гибкость стана и рукъ.

На нихъ любовались всѣ.

Неподалеку толпились солдаты Эм-скаго полка и среди нихъ незамѣтный, затертый ими, Николаевъ.

Музыка трубачей, игравшихъ обрывки оперъ и оперетокъ, давно знакомые вальсы и марши, пѣсни казаковъ, ихъ танцы на лугу его раздражали. Кругомъ стоялъ высокій лѣсъ тѣнистыхъ сосенъ, надъ самой палаткой могуче зеленѣлъ дубъ-великанъ, шло веселье... а всего недѣлю тому назадъ Николаевъ видѣлъ рядъ простыхъ и мелкихъ деревянныхъ гробовъ, и въ нихъ лежали люди въ черкескахъ, кто съ бѣлымъ, чистымъ лицомъ, кто почернѣвшій отъ запекшейся крови... Еще вѣнки изъ голубыхъ васильковъ не вполнѣ завяли на ихъ крестахъ, которые виднѣются на окраинѣ лѣса, сквозь сосны и молодую зелень ясеней.

И, можетъ-быть, души ихъ слышатъ и это пѣніе и музыку трубачей и крики товарищей... День тихій, ясный, солнечный. Возможны налеты непріятельскихъ аэроплановъ. Можетъ-быть, вотъ сейчасъ зашуршитъ пропеллеръ въ небесной вышинѣ, и вся эта толпа пирующихъ людей разбѣжится по блиндажамъ.

1-го мая (18-го апрѣля стараго стиля) въ Петроградѣ. *На Невскомъ проспектѣ. Шествіе гражданъ-инородцевъ, населяющихъ Россію.*

Да разбѣжится ли? Такое безпечное, не думающее о завтрашнемъ днѣ веселье разлито на всѣхъ лицахъ, что, кажется, никакими бомбами ихъ не разгонишь.

Николаевъ оглянулся кругомъ. Мирно жевали сѣно на коновязяхъ, прикрытыхъ сверху сосновыми вѣтками, лошади, кругомъ подъ навѣсами изъ вѣтвей, подъ палатками, были устроены логовища для людей: блиндажей не было замѣтно нигдѣ.

— А гдѣ у васъ блиндажи?—спросилъ онъ молодцеватаго казака, стоявшаго подлѣ него, все круглое лицо котораго расплывалось въ блаженную улыбку удовольствія.

— Блиндажи-то?—переспросилъ казакъ.—А на позиціи.

— А здѣсь ихъ нѣтъ?

— А для чаво они здѣсь?

— А если аэропланы налетятъ.

— Эхъ, паря,—засмѣялся казакъ,—отъ смерти развѣ убѣжишь!—и, увидавъ, какъ одинъ казакъ откололъ отчаянно-смѣлое колѣно лезгинки, онъ восторженно засмѣялся, а потомъ покровительственно обратился къ Николаеву: — Отъ смерти, землякъ, не убѣжишь. Все одно настигнетъ!

И сказано это было съ такою глубокою вѣрою убѣжденнаго фаталиста, что Николаевъ даже позавидовалъ этой вѣрѣ.

1-го мая (18-го апрѣля стараго стиля) въ Петроградѣ.

Манифестація бѣжавшихъ изъ плѣна, призывающихъ къ продолженію войны до побѣды.

У казаковъ шло шумное веселье, а между тѣмъ и они и солдаты знали, что что-то готовится, что-то будетъ, или завтра или послѣзавтра. Что-то крупное, грандіозное... Кровавое... Какъ и всегда, никто объ этомъ не говорилъ, но всѣ знали—и солдаты первые. Донскіе казаки ушли еще вчера, сосѣдняя пѣхотная дивизія, бывшая на отдыхѣ по сосѣдству, ночью исчезла неизвѣстно куда, и на ея мѣстѣ остались только пепелища костровъ да узкія щели блиндажей, куда прятались люди отъ налета аэроплановъ.

Но то, что завтра будетъ витать надъ людьми снова смерть нимало не смущало казаковъ...

Лишь подъ вечеръ гости начали расходиться, ушли трубачи и пѣсенники, и солдаты побрели по своимъ бивуакамъ.

Яковлевъ не заставилъ себя долго ждать. Онъ пришелъ оживленный и возбужденный. Онъ много слышалъ лестнаго о своей работѣ отъ казаковъ, и эта оцѣнка товарищей ему была дороже всего.

Онъ разсказывалъ весело про праздникъ и, говоря о томъ, что ему передавали казаки, онъ опять цитировалъ Шекспира:—„Признать заслуги, значитъ, наградитъ“... Но кромѣ того начальникъ штаба корпуса весьма недвусмысленно ему намекнулъ на то, что онъ представленъ къ ордену св. Георгія 4-й степени, и что орденъ этотъ долженъ ему пройти.

Все это подняло ему нервы. Красивый и живой, какимъ его давно не видалъ Николаевъ, Яковлевъ влюбленными глазами шарилъ по милому юношѣ и улыбался счастливой улыбкой.

И вдругъ сдѣлался совершенно серьезнымъ.

— Слушайте, милый юноша,—сказалъ онъ.—Но прежде садитесь.

Они сѣли на балкончикѣ среди цвѣтовъ. Кругомъ кипѣла жизнь пѣхотнаго лагеря, но она неслась мимо нихъ, не раздражая и не затрагивая ихъ. Послѣ того объясненія между ними установились особенныя, дружескія отношенія, любовно нѣжныя внутри, во взглядахъ, въ интонаціи голоса, шутливо товарищескія наружно. Николаевъ писалъ вѣдомости, рапорты, представленія—этимъ объяснялось его пребываніе въ баракѣ ротнаго командира; Николаевъ готовился подъ руководствомъ Яковлева въ школу прапорщиковъ. Эти отношенія были чистыя. Но натянутость и ненормальность ихъ приходилось скрывать шутками. И эту недѣлю они никогда не говорили другъ съ другомъ серьезно... И вотъ опять что-то серьезное.

— Я вамъ скажу совершенно по секрету. Скажу, какъ своему лучшему другу, скажу, какъ своей невѣстѣ. Я увѣренъ, что вы никому объ этомъ не передадите.

— Что завтра или послѣзавтра будетъ наше наступленіе?—глядя своими широко раскрытыми глазами прямо въ глаза Яковлеву, сказалъ Николаевъ. И бѣсенокъ шалости игралъ въ его глазахъ.

— Откуда вы это знаете?

— Какъ откуда, ваше благородіе, всѣ объ этомъ говорятъ. Всѣ солдаты и казаки. Спросите вашего Селима, онъ уже заказалъ въ собраніи котлеты для васъ: „барину на позицію носить“..

— Да, правда.

— Ваше благородіе... Милый Владиміръ Петровичъ, неужели вы, живя столько лѣтъ съ солдатами, не подмѣтили, что они особенно чутки ко всему этому. Я скажу вамъ болѣе. Это наступленіе не увѣнчается на нашемъ фронтѣ тѣмъ успѣхомъ, котораго мы ожидаемъ.

— Вы говорите за меня. Какимъ образомъ вы все это предугадали?

— Помните, Владиміръ Петровичъ, вы мнѣ разсказывали какъ-то про коллективную душу толпы, войска, народа. Это правда. А вѣдь я—маленькая, малюсенькая частичка этой души, и мнѣ открыто то, что знаетъ эта коллективная душа никому непонятнымъ, никѣмъ еще неизслѣдованнымъ нутромъ своимъ...

— Слушайте, Татьяна Николаевна, я приподниму передъ вами немного завѣсу. Недѣлю тому назадъ мы прорвали расположеніе противника, мы прогнали его на тридцать верстъ и остановились передъ слѣдующей сильно укрѣпленной линіей. Стрѣлки сидятъ въ трехстахъ шагахъ отъ проволочныхъ загражденій. У противника восемь рядовъ кольевъ и двѣ линіи такихъ загражденій. У него масса пулеметовъ и много тяжелыхъ батарей. Послѣзавтра мы должны взять его позицію. Стрѣлки, утомленные сидѣніемъ въ такой близости отъ непріятеля, останутся въ окопахъ. Штурмъ возложенъ на нашу дивизію...

— Возьмемъ,—тихо, но увѣренно сказалъ Николаевъ.

— Я увѣренъ, что возьмемъ. Но, милая Татьяна Николаевна, возьмемъ большою кровью, потому что атаковать придется въ лобъ, безъ всякаго фланкирующаго огня.

— Что дѣлать!—со вздохомъ сказалъ Николаевъ.

— Милая, славная моя Татьяна Николаевна. Спасибо вамъ... Но... у меня... Я третій годъ на войнѣ, былъ въ сорока дѣлахъ,

Да здравствуетъ свободная Россія!

Рѣчь полкового священника Бицуля на митингѣ въ Карпатахъ. Трибуной служитъ зарядный ящикъ.

почувствовалъ теперь, что онъ держитъ въ объятіяхъ женщину, и затрепеталъ. Горячими устами ловилъ ея щеки, ея губы; все позабылъ, весь отдался опьяняющей страсти... сталъ звѣремъ...

Ему показалось, что она не дышитъ. Испугался. Прислушался. Нѣтъ... Дышитъ ровно, спокойно. Нагнулся къ губамъ. Поцѣловалъ. Она отвѣтила на поцѣлуй.

— Прости!..

— Простила... — чуть слышный лепетъ. Лепетъ ребенка.

XVI.

На слѣдующую ночь Эм-скій полкъ выступилъ на позицію стрѣлковъ. Передъ разсвѣтомъ вошли въ разрушенную, почти цѣликомъ выгорѣвшую деревню, заваленную гніющими трупами лошадей, слѣдами казачьей атаки недѣлю тому назадъ. Раздутые, страшные, мѣстами уже лопнувшіе, лежали они по полямъ и за домами, распространяя удушливое зловоніе. „Почему ихъ не убираютъ?“ — подумалъ Николаевъ, и, какъ бы въ отвѣтъ, раздалось все усиливающееся, страшное, быстро приближающееся шипѣніе, ближе и ближе, и чернымъ дымомъ вспыхнула и разорвалась съ оглушительнымъ грохотомъ тяжелая граната. Въ темнотѣ сверкнулъ огонь взрыва, и, раскаленные, полетѣли, потухая въ воздухѣ, осколки... За ней другая, третья. Огненнымъ шарикомъ разорвалась шрапнель и брызнула краснымъ горохомъ.

Непріятель почуялъ движеніе по деревнѣ и началъ ее обстрѣливать.

Рота вошла въ глубокій ходъ сообщенія, а по нему проникла въ отлично отдѣланные, прикрытые блиндажами, окопы. Здѣсь копошились стрѣлки. Атака должна была начаться передъ вечеромъ, а съ утра должна была итти артиллерійская подготовка. Въ моментъ атаки стрѣлки должны были высадить на рукахъ эм-цевъ изъ глубокаго окопа, а затѣмъ эм-цамъ надлежало бѣжать черезъ проходы въ проволокахъ, бѣжать на штыкъ.

Эм-цевъ помѣстили по блиндажамъ, и они заснули послѣ ночи въ походѣ, въ ожиданіи вечерняго и ночного боя.

Яковлевъ вошелъ въ маленькій и тѣсный блиндажъ командира стрѣлковой роты. Обмѣнялись ничего не значащими пустыми фразами. Ротный потѣснился и далъ мѣсто прилечь Яковлеву.

но никогда, никогда еще у меня не было такого чувства, какъ теперь. Не то предчувствіе, не то... не знаю что. Тоска какая-то. Неопредѣленная, мучительная. Гоню ее напускною веселостью, давлю мыслями о счастьѣ знать, что я люблю и любимъ, а вотъ почему-то страшно.

Яковлевъ замолчалъ. Молчалъ и Николаевъ. Ночь тихо спускалась на землю. Изъ казачьяго лагеря неслись величественные звуки молитвы, тамъ уже шла перекличка.

Пѣхотный горнъ проигралъ повѣстку.

Николаевъ надѣлъ шинель и пошелъ въ роту. Обыкновенно эти дни онъ долго оставался послѣ нея среди солдатъ, писалъ имъ письма, бесѣдовалъ съ ними, читалъ газеты, толковалъ непонятное.

Теперь онъ вернулся сейчасъ же, какъ только фельдфебель распустилъ роту. Яковлевъ принялъ докладъ фельдфебеля, вошелъ въ свою маленькую хижину. Николаевъ его дожидался.

— Пожалуйте сюда, милый Владиміръ Петровичъ.

Они сѣли рядомъ, тѣсно, близко-близко другъ къ другу.

Селимъ, и правда, ушелъ хлопотать о котлетахъ для своего ротнаго. Огней не зажигали.

— И не стыдно вамъ, Владиміръ Петровичъ, предчувствіями томиться... Ахъ, вы! Мужчина!.. Солдатъ... Капитанъ... Георгіевскій кавалеръ! Ну-съ! Извольте скинуть съ себя эту меланхолію. Извольте все позабыть. Неужели не счастливы вы?.. А что будетъ завтра... кто знаетъ? Мнѣ сегодня одинъ казакъ сказалъ: „Отъ смерти развѣ убѣжишь? Она вездѣ настигнетъ“. И такъ просто, съ такою глубокою вѣрою сказалъ... Бросьте худыя мысли. Давайте я васъ поцѣлую, и забудьте все.

Она взяла обѣими руками его за обѣ щеки и поцѣловала въ лобъ. Этотъ поцѣлуй былъ чистымъ, но онъ зажегъ всѣ его сокровенные помыслы, и пламя бурной страсти, такъ долго сдерживаемой, охватило его.

Сильными руками прижалъ онъ ее къ себѣ. Всѣмъ тѣломъ

Братская могила жертвъ революціи въ Царскомъ Селѣ, въ Александровскомъ паркѣ.

Къ братской могилѣ 1-го мая было паломничество войскъ и народа.

— Устали съ дороги. Вамъ выспаться надо,— сказалъ онъ.

Яковлевъ подстелилъ подъ голову шинель и легъ на спину.

Безпорядочныя мысли вихремъ бѣжали въ его головѣ. То счастье пережитаго захватывало всего и тепломъ заливало сердце, заставляя его сильно биться, то совершенно неожиданно вставали воспоминанія далекой юности. И почему-то вспомнилась большая и красивая гимназическая церковь, вдохновенный священникъ ея, отецъ Ксенофонтъ Виноградовъ. Идетъ Крестопоклонная недѣля. Священникъ на амвонѣ проникновеннымъ голосомъ читаетъ акаѳистъ Христу.—„Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою навѣки!" — страстнымъ призывомъ заканчиваетъ онъ каждую пѣсню... Почему это вспомнилось теперь, въ темномъ и душномъ блиндажѣ, глубоко подъ землею? Блѣдное утро глядитъ, заливая окна матовымъ свѣтомъ. Гулъ идетъ по землѣ. Это наша артиллерія заговорила. Непріятель отвѣчаетъ частыми ударами. Иногда въ блиндажѣ слышно, какъ летитъ, все приближаясь, граната тяжелой пушки, кажется, что ударитъ въ самый блиндажъ, потомъ страшный грохотъ подлѣ, песокъ и земля валятся съ бревенчатаго потолка. Нервно ворочается стрѣлковый капитанъ и шепчетъ:

— Все шестидюймовыми, чортъ его подери совсѣмъ, все шестидюймовыми, и спать не даетъ...

А при каждомъ ударѣ въ головѣ у Яковлева звенитъ голосъ красиваго чернобородаго священника, и слышитъ онъ проникновенныя слова:

— „Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою навѣки!"

„Почему? Почему?" — сверлитъ мысль, и опять страшны ударъ, и опять тотъ же стихъ, та же болѣзненно страстная мольба:

— „Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою навѣки!"

Стрѣлокъ не выдерживаетъ и, распахнувъ дверь, выходитъ въ траншею. Мутный свѣтъ, заслоненный землею, врывается въ блиндажъ. Стрѣлокъ поворачивается и видитъ открытые глаза Яковлева.

— Не спите? Смотрите, какъ садитъ, какъ садитъ. Это „его" окопы. Передовой его окопъ. Хорошо, солидно построенъ, даже съ комфортомъ. Мы его перекопали. Заняли его казаки. И, знаете, на радостяхъ забралась цѣлая компанія офицеровъ въ блиндажъ, двери настежь,—а дверь тогда не была прикрыта траншеей, какъ теперь,—и чай пить... Нечего сказать, хорошо! Ну, онъ сейчасъ же тяжелымъ. А офицерскія землянки у него всѣ отлично пристрѣляны. Перелетъ. Ну, кто поумнѣе и говоритъ: „перелетъ, недолетъ, а тамъ и въ двери". Ушли. Четверо остались. И, знаете, вторая граната прямо въ двери. Да... Одному полголовы какъ слизнуло. Троихъ просто убило... И вотъ, знаете, и понимаешь, что надо порознь сидѣть, а тянетъ вмѣстѣ.

Яковлевъ ничего не отвѣтилъ. Онъ лежалъ съ открытыми глазами и, казалось, отсутствовалъ изъ этого міра.

Стрѣлокъ подождалъ-подождалъ, не скажетъ ли Яковлевъ что, и, не дождавшись отвѣта, пошелъ по траншеѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть Ренэ Бенжамэна.

Авторизованный переводъ съ французскаго **М. П. Благовѣщенской.**

(Продолженіе).

Вечеромъ появилась новая забота — канонада приблизилась настолько, что становилась нестерпимой.

На передовыя позиціи пришелъ наконецъ весь полкъ. Говорили о новомъ быстромъ переходѣ. Съ непріятелемъ завязался бой, и генералъ требовалъ свѣжихъ силъ. И опять воображеніе солдатъ заработало, они уже представляли себѣ сраженіе со всѣми опасностями, съ сумятицей, ранеными и мертвыми.

Вдругъ, когда они торопливо глотали отвратительную похлебку, приготовленную Гаспаромъ, имъ представилось невиданное зрѣлище: на дорогѣ появилась кучка кавалеристовъ, только-что выскочившихъ изъ схватки съ уланами. Ихъ было всего двѣсти человѣкъ, а они разбили непріятельскій отрядъ въ тысячу съ лишкомъ человѣкъ. Изъ этихъ двухсотъ осталось тридцать человѣкъ, не болѣе, но какой видъ имѣли эти тридцать! Лошади ихъ были въ мылѣ, въ пыли и грязи, смѣшанной съ кровью, ноздри ихъ раздувались и были ярко красныя, уши торчали вверхъ, а хвосты развѣвались; красиво выгибаясь, онѣ рыли землю копытами и громко ржали. Солдаты были безъ кепи, со сверкающими глазами, они кричали, ругались, свистѣли, смѣялись и показывали трехъ высокихъ лошадей, которыхъ вели на поводу въ галопъ. Пѣхотинцы закричали:

— Это лошади германскихъ улановъ! Посмотрите, вѣдь это лошади улановъ!

— Можете быть спокойны,—отвѣчали кавалеристы.—Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Пѣхотинцы смотрѣли на нихъ, вытаращивъ глаза и раскрывъ рты. Наступило молчаніе. И вдругъ Гаспаръ крикнулъ:

— Тьфу... Что за поганыя хари у ихъ лошадей!

До чего онъ былъ правъ! И не только потому, что лошади были безъ сѣделъ и безъ сбруи. Нѣтъ, но онѣ не смотрѣли ни вправо ни влѣво... въ нихъ было что-то подлое... онѣ ни слова не понимали по-французски—настоящія тевтонскія лошади, лошади бошей—отвратительныя, ненавистныя!

А между тѣмъ это былъ только авангардъ Войны, первые вѣстники, которыхъ она посылала, чтобы предупредить: „Будьте наготовѣ. Я здѣсь". Вскорѣ полкъ долженъ былъ встрѣтиться съ ней лицомъ къ лицу,—и, полная трагизма, обагренная кровью, она спѣшила къ нему навстрѣчу.

Да и вечеръ былъ бурный, полный угрозы, нервирующій. Солнце садилось въ какой-то зловѣщій бурый туманъ. Воздухъ былъ спертый и точно забивалъ горло, вмѣсто того, чтобы прочищать его и наполнять грудь бодрящей струей. Этотъ вечеръ давилъ и вселялъ въ души злыя предчувствія. Солдаты не разговаривали, они угрюмо молчали, чутко прислушиваясь, съ тревогой въ сердцѣ. Около одиннадцати часовъ, въ полномъ мракѣ, котораго не разсѣивалъ лунный свѣтъ, а лишь время отъ времени прорѣзали зловѣщія змѣйки молній, придававшія лицамъ солдатъ мертвенную блѣдность, полкъ выступилъ, и солдаты зашагали тихо и осторожно.

Происходило ли это вслѣдствіе сознанія приближающейся опасности? Или это сказывалось возбужденіе и напряженіе нервовъ? Подбитые гвоздями башмаки солдатъ отбивали рѣзкую дробь, и вся эта толпа, состоящая изъ нелѣпыхъ силуэтовъ съ тонкими ружьями и раздутыми мѣшками, быстро двигалась впередъ, шагала подъ смѣшанный шумъ бряцанія оружія, тяжелое дыханіе утомленныхъ людей и ржаніе лошадей.

Вдругъ — совершенно неожиданно—на горизонтѣ появилось багровое пламя. Послышались голоса: „Эти свиньи снова принялись жечь!" Минутъ пять спустя, полкъ встрѣтился съ другимъ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ съ передовыхъ позицій. Онъ столкнулся съ нимъ носомъ къ носу, не видя и не слыша ничего за минуту передъ тѣмъ. И въ какомъ состояніи былъ этотъ отрядъ! О, на этотъ разъ война дала себя почувствовать уже не издалека. Она стояла тутъ, съ ней соприкасались, и она наводила еще болѣе ужаса темной ночью, которая сгущаетъ краски въ драмѣ и въ нищетѣ. Ибо то, съ чѣмъ повстрѣчался полкъ, не было уже болѣе арміей, но лишь кучкой измученныхъ людей, раненыхъ, едва волочившихъ ноги, хромающихъ, съ окровавленными повязками на рукахъ и на головахъ. Нѣкоторые были свалены въ телѣги, колеса скрипѣли, а лошади ржали. Другіе шли отдѣльными кучками, точно прижавшись другъ къ другу и поддерживая одинъ другого. Эти несчастные врѣзались въ свѣжій полкъ, который спѣшилъ замѣнить ихъ. Изъ стиснутыхъ ртовъ раненыхъ вырывалось со стономъ:

— Далеко еще?.. Нѣтъ ли гдѣ-нибудь поселка?..

Гаспаръ отвѣтилъ:

— Скоро, скоро. Крѣпитесь... недалеко.

И онъ въ свою очередь задавалъ встрѣчнымъ вопросы, короткіе и обрывистые:

— Откуда вы идете?.. Изъ какихъ мѣстъ вы сами?.. Кто васъ такъ отдѣлалъ?..

Призраки въ ночномъ сумракѣ кричали въ отвѣтъ:

— Отъ насъ и половины не осталось... Отомстите за насъ. Мы свое приняли...

Моро проговорилъ съ отчаяніемъ:

— Значитъ, насъ поколотили? Намъ крышка...

— Идіотъ!—крикнулъ Гаспаръ.—Ты не слыхалъ развѣ, что сказалъ капитанъ? Вѣдь ихъ снаряды не разрываются

— Неужто? Давай, спросимъ ихъ.

И онъ крикнулъ въ свою очередь:

— Эй, ребята, ихъ снаряды разрываются?

Никто не отвѣтилъ ему больше. Слышны были только стоны и все одинъ и тотъ же вопросъ:

— Скоро ли поселокъ... скоро ли мы придемъ куда-нибудь?

Ромарэнъ, восторженный молодой парикмахеръ, говорилъ съ сіяющими глазами и ускоряя шаги: „Ничего, мы имъ зададимъ... Мы имъ зададимъ". А капитанъ Пюшъ, кобыла котораго снова начала нервничать среди этой толпы, кричащей на разные голоса, повторялъ только время отъ времени своимъ обычнымъ спокойнымъ голосомъ: „Полно... тише, тише, Кокоттъ"...

Было одно обстоятельство, которое начало мало-по-малу угнетающимъ образомъ дѣйствовать на солдатъ, а именно то, что этимъ раненымъ, этимъ остаткамъ разбитаго и разсѣяннаго войска, которое отступало въ безпорядкѣ, казалось, не было конца. Вслѣдъ за первыми партіями, наводящими ужасъ, слѣ-

довали другія, еще и еще, и въ концѣ концовъ стало казаться, что со всѣхъ полей и проселочныхъ дорогъ на большую дорогу сливаются потоки искалѣченныхъ и измученныхъ людей. Солдатъ охватило уныніе отъ этой картины, сердца ихъ застыли и замерли. Они начали задыхаться подъ тяжестью своего снаряженія, они едва передвигали ноги, отяжелѣвшія и разбитыя. Нѣтъ больше надежды на остановку или на отдыхъ, нѣтъ никакой пищи, кромѣ куска почернѣвшаго хлѣба въ мѣшкѣ! Во мракѣ время отъ времени раздавался шопотъ, что „это все-таки безобразіе морить голодомъ солдатъ“. Сержантъ, который отъ усталости сдѣлался еще болѣе раздражительнымъ, отвѣчалъ на это:

— Еще безобразнѣе такъ говорить.

Недовольные дошли до того, что обрушились даже на Гаспара, и тутъ имъ подпѣвалъ Пипселу. Въ темнотѣ, отъ одного къ другому передавалось шопотомъ, что „эта скотина хочетъ уморить ихъ голодомъ, что онъ больше ничего не даетъ имъ“. Шопотъ становился все громче, все настоятельнѣе. Можно было уже ясно разслышать слова: „Да и кормилъ-то онъ насъ какими-то помоями... Хуже, чѣмъ въ послѣдней обжоркѣ“. И на это никто ничего не возразилъ. Раздался еще голосъ: „Тутъ подохнешь съ голоду... ноги отказываются итти... Брюхо набито одной водой, точно пожарная кишка“. Молчаніе. Въ темнотѣ слышно было, какъ кто-то усиленно жуетъ.

— Кто тамъ жретъ?

— Это я, Курбскавъ. Дожевываю свою корку. Не очень-то она вкусна...

Гаспаръ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. На всѣ эти намеки онъ и бровью не двинулъ. Но на сердцѣ у него накипало горькое чувство. Онъ понималъ, что послѣ этого ночного выпада солдатъ противъ ихъ кашевара, у него уже не хватитъ духа съ наступленіемъ утра начинать кипятить воду и чистить лукъ. Половина его могущества вдругъ сразу исчезла.

Онъ былъ слишкомъ утомленъ, а можетъ-быть, слишкомъ гордъ для того, чтобы проявить свое разочарованіе передъ всѣми. Но Бюреттъ—это другое дѣло, по отношенію къ Бюретту онъ чувствовалъ какую-то собачью привязанность. Бюреттъ—это его однокашникъ, онъ „умѣетъ говорить, потому что онъ образованный человѣкъ, и не задираетъ носа“. Когда Гаспаръ думалъ о своей привязанности къ Бюретту, онъ сравнивалъ его съ остальными товарищами своего уровня, даже съ Моро, и характеризовалъ ихъ такъ: „Ну, всѣ они въ сравненіи съ Бюреттомъ— пометъ козлиный!“ А потому онъ не стыдился откровенно признаться Бюретту въ томъ, что онъ обиженъ. Тихо, съ величайшимъ презрѣніемъ въ голосѣ, онъ сказалъ:

— Всѣ они—прохвосты!.. А я-то расшибался въ лепешку ради нихъ! Настоящіе скоты! До вчерашняго дня, чтобы только пожрать чего-нибудь, они готовы были распомадить меня всего и готовы были на рукахъ носить. А теперь, когда они видятъ, что я для нихъ ничего не могу сдѣлать, они плюютъ на меня! Говорю тебѣ... прохвосты и больше ничего! Ну, да мы еще посмотримъ... вѣдь только я одинъ и заботился объ ихъ жратвѣ... и ихъ подлость не набьетъ имъ кишки... А, собираются въ походъ — и отлично! Будемъ драться — это мнѣ по душѣ! Укокошатъ половину—и великолѣпно!

Бюреттъ старался обратить все въ шутку:

— Знаешь, ты будешь готовить для нась обоихъ. Я тебя беру въ свои повара... смотри же, не ударь лицомъ въ грязь! Вотъ, напримѣръ, сегодня я заказываю воль-о-ванъ съ хорошимъ бордо.

— Великолѣпно! Не безпокойся, все будетъ исполнено!

— Эхъ, хорошо было бы выпить рюмочку вина, которое полируетъ кровь!

— Чего же лучше, если бы можно было теперь разгуливать, заложивъ руки въ карманы, съ винтовкой на плечахъ, какъ на охотѣ... Но тутъ, въ этой свалкѣ... на что это похоже?.. Во что мы превратились?.. Въ какихъ-то скотовъ безсловесныхъ... въ пушечное мясо!.. И подумать только, что какихъ-нибудь три мѣсяца тому назадъ мы же выбирали депутатовъ!

Забрезжилъ свѣтъ. На горизонтѣ появилась сѣроватая полоска. Солдаты могли уже различать лица другъ друга, лица изнуренныя и сѣрыя. Но вотъ стало уже совсѣмъ почти свѣтло, и тутъ солдаты открыли, что не одинъ только ихъ полкъ двигается впередъ. Со всѣхъ сторонъ, по полямъ, по параллельнымъ дорогамъ, о наличности которыхъ говорили ровные ряды деревьевъ, двигались другія войска. Колонны ихъ издали казались очень узкими и короткими, но становились все длиннѣе и шире по мѣрѣ того, какъ приближались. На перекресткахъ эти колонны сливались въ общую массу въ столбахъ пыли.

Съ восходомъ солнца исчезли раненые, они не встрѣчались больше. Восходящее солнце свѣтило солдатамъ прямо въ глаза. Войска направлялись на востокъ, навстрѣчу солнцу, и казалось, что ночь оставалась позади, бѣжала въ обратную сторону, толкая впередъ ужасные отряды несчастныхъ, встрѣченныхъ вчера на пути. Съ восходомъ солнца солдаты почувствовали новый приливъ бодрости, они вздохнули свободнѣе. У нихъ явилось даже гордое сознаніе, что они представляютъ собою свѣжее, сильное войско. Они шли навстрѣчу своей судьбѣ и были увѣрены, что идутъ къ побѣдѣ.

Однако даже наиболѣе мужественные изъ нихъ подверглись тотчасъ же тяжелому испытанію: полкъ вышелъ на обширное

На фронтѣ. *Начальникъ дивизіи генералъ Поповъ знакомитъ одинъ изъ полковъ со значеніемъ происходящихъ политическихъ событій.*

поле, смятое и взрытое, ограниченное съ двухъ сторонъ лѣсомъ. На этомъ полѣ три дня тому назадъ французскій отрядъ былъ застигнутъ врасплохъ непріятелемъ и былъ уничтоженъ до послѣдняго человѣка отрядомъ германскихъ уланъ. Французы пытались защищаться, оградиться, и видны были еще слѣды отчаянной борьбы. Повсюду темнѣли глубокіе слѣды человѣческихъ ногъ, упорно стоявшихъ на мѣстѣ во время отчаянной борьбы, тутъ и тамъ на землѣ остались отпечатки локтей и рукъ, рукъ съ растопыренными пальцами, которые судорожно хватаются за землю. Это поле съ развороченной землей, съ отпечатками человѣческихъ тѣлъ, производило потрясающее впечатлѣніе и краснорѣчиво говорило о предсмертныхъ минутахъ двухсотъ человѣкъ, превращенныхъ въ трупы, этихъ первыхъ двухсотъ человѣкъ, отчаянно отстаивавшихъ своей грудью французскую землю.

Подъ щедрыми лучами восходящаго солнца полкъ вдругъ во всей полнотѣ осозналъ великую драму войны. По колоннамъ этихъ двухъ тысячъ человѣкъ точно прошла электрическая искра, и они безъ команды свернули въ сторону, преисполненные чувства благоговѣнія и въ то же время подавленные этой громадной братской могилой, которую не должна была попирать ни одна нога человѣческая.

Пушечные выстрѣлы раздавались совсѣмъ вблизи—небо и земля сотрясались.

На опушкѣ лѣса, который былъ пройденъ подъ удручающимъ впечатлѣніемъ поля, усѣяннаго трупами, пѣхотинцы очутились носомъ къ носу съ батареей, на которой были установлены 75-миллиметровыя орудія. Артиллеристы еще не открывали огня, они ждали, приноравливались. Гаспаръ сказалъ:

— На этотъ разъ сраженіе отъ насъ не уйдетъ.

Капитанъ Пюшъ, разсматривавшій планъ, отвѣтилъ спокойно:

— Да, на этотъ разъ оно не уйдетъ.

Однако полкъ пошелъ дальше. Впрочемъ, пришлось уйти впередъ всего на какихъ-нибудь нѣсколько сотъ метровъ, чтобы не мѣшать артиллеристамъ. Тутъ солдаты размѣстились позади группы громадныхъ стоговъ, напоминавшихъ башни.

— Ну,—сказалъ капитанъ Пюшъ,—теперь намъ остается только ждать... и смотрѣть.

Онъ улыбался. Его маленькіе круглые глаза съ простодушнымъ взглядомъ свѣтились любопытствомъ. Съ помощью двухъ солдатъ онъ взобрался на стогъ, не наложенный доверху, и тамъ усѣлся по-турецки, развернулъ планъ, положилъ возлѣ себя бинокль и испустилъ глубокій вздохъ облегченія, какъ человѣкъ, который увидѣлъ наконецъ то, о чемъ такъ страстно мечталъ уже нѣсколько лѣтъ. Съ высоты своего наблюдательнаго пункта онъ распредѣлилъ по мѣстамъ солдатъ, позволилъ имъ снять мѣшки, приказалъ варить похлебку.

Взоры всѣхъ устремились на Курбекава, того самаго, который такъ демонстративно жевалъ корку хлѣба. Гаспаръ отвернулся, безпечно посвистывая.

Курбекавъ—маленькій каменщикъ изъ Версаля, молчаливый, но добросовѣстный и внимательный человѣкъ, съ первой же минуты понялъ, насколько слабъ въ кулинарномъ искусствѣ Гаспаръ. Въ глубинѣ души онъ завидовалъ Гаспару и втайнѣ жаждалъ удостоиться этого отличія. Въ минуты откровенности онъ какъ-то говорилъ нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей:

— Я сумѣлъ бы приготовить даже великолѣпное жаркое. Потому что я... когда мнѣ даютъ кусокъ мяса, я обращаюсь съ нимъ осторожно, а не порчу его...

На этотъ разъ въ его распоряженіи было только одно мясо, не было даже картофеля. Онъ все-таки началъ готовить похлебку, опустивъ въ котелъ все, что у него было въ мѣшкѣ: нѣсколько морковокъ, рѣпокъ, три луковицы, къ которымъ прилѣпился растаявшій шоколадъ. Одинъ изъ солдатъ, выворотивъ карманъ, нашелъ въ немъ двѣ раздавленныя картошки, которыя тоже пошли въ котелъ. Наконецъ Курбекавъ вышелъ изъ затрудненія, накрошивъ въ похлебку съ мясомъ два или три фунта хлѣба.

— Я вамъ состряпаю такую хлѣбную похлебку на мясѣ, что вы пальчики оближете и языки проглотите!

И всѣ уже заранѣе, подъ самымъ носомъ у Гаспара, который притворялся, будто спитъ, стали осыпать новаго кашевара похвалами:

— Да, вотъ это называется стряпать! Только глядя на это, чувствуешь, какъ у тебя слюнки текутъ!

Самый льстивый изъ этихъ льстецовъ предложилъ даже:

— Надо дать попробовать капитану...

Кто-то крикнулъ объ этомъ капитану. Тотъ отвѣтилъ со своего стога:

— Я уже вижу издали, что у васъ тамъ готовится настоящій пиръ! Но берегитесь, какъ бы боши не открыли вашихъ приготовленій въ свои подзорныя трубы.

Всѣ засмѣялись. Маленькій поваръ поднялъ голову, онъ даже поблѣднѣлъ отъ гордости. Никто еще не испытывалъ страха, хотя уже слышенъ былъ свистъ снарядовъ. Капитанъ Пюшъ хорошо видѣлъ ихъ со своего наблюдательнаго пункта, но онъ былъ такъ же мало удивленъ этимъ, какъ и всѣмъ остальнымъ, и онъ казался очень смѣшнымъ на верхушкѣ стога со своимъ круглымъ и спокойнымъ лицомъ, съ плоскимъ носомъ, не проявлявшимъ никакого любопытства, маленькими глазами, не выражавшими восторга, правильнымъ ртомъ, изъ котораго никогда не долженъ былъ вырваться крикъ отчаянія.

Онъ замѣтилъ вдали на разстояніи одного километра бѣлыя облачка отъ германскихъ снарядовъ, и его душу наполнило сознаніе важности

На французскомъ фронтѣ. Часовой. *Владиміръ Бечичъ.*

момента,—не той важности, которую чувствуетъ человѣкъ, отдающійся неизбѣжному року, но важности момента, который сознаетъ честный начальникъ, рѣшившій добросовѣстно исполнить свой долгъ. Онъ сказалъ какъ можно спокойнѣе, чтобы ни въ комъ не возбудить страха:

— Если хотите поѣсть, прежде чѣмъ начнется бой, то поторапливайтесь.

Съ минуты на минуту можно было ожидать команды. Непріятель развертывалъ свой фронтъ, и Пюшъ видѣлъ въ бинокль, какъ французскія войска наступали уже подъ огнемъ.

Онъ долженъ былъ ждать со своей ротой, пока потребуютъ подкрѣпленія.

Съ мѣшкомъ на спинѣ, зажавъ ружье между ногами, солдаты сидѣли позади стоговъ вдоль откоса дороги, а по другую сторону дороги, точно передъ зрителями, маленькій каменщикъ варилъ похлебку, мѣшая ее зеленымъ прутомъ.

Онъ былъ трогателенъ въ своемъ стараніи угодить товарищамъ и приготовить вкусную похлебку, на которую его однокашники уже смотрѣли съ жадностью. Вѣдь эти солдаты, которымъ предстояло вступить въ бой, не думали: „Не придется ли умереть?..“ Они говорили себѣ: „Успѣемъ мы поѣсть или нѣтъ?“ Они кричали маленькому каменщику: „Ну, идетъ дѣло на ладъ?“ — А онъ отвѣчалъ имъ: „Идетъ! Скоро будетъ готово! Уже начинаетъ густѣть!“

Въ качествѣ каменщика онъ любилъ, чтобы все было густо, содержательно, крѣпко. Онъ былъ восхитителенъ въ своемъ стараніи.

Но, пока имъ восхищались, — со всей силой людского эгоизма,—случилось такъ, что эта кучка французовъ, не успѣвъ даже объ этомъ подумать, получила боевое крещеніе самымъ неожиданнымъ и жестокимъ образомъ. Гаспаръ проснулся. Онъ проворчалъ недовольно: „Скоро, что ли, заставятъ плясать бошей?“ И вдругъ воздухъ прорѣзалъ рѣзкій свистъ, тотъ самый свистъ, который останется въ памяти нѣсколькихъ поколѣній: это пронесся снарядъ, первый. Потомъ снарядъ упалъ, раздался взрывъ, пламя... и маленькій кашеваръ исчезъ.

Вся рота оцѣпенѣла отъ ужаса и неожиданности. Нѣкоторые успѣли броситься плашмя на землю и такъ и лежали съ наваленными на спинахъ мѣшками, уткнувшись лицомъ въ траву. Потомъ они приподняли головы и смотрѣли недоумѣвающими глазами на дымъ отъ снаряда, разсѣивавшійся понемногу. Кашевара передъ котломъ больше не было, но кругомъ валялись куски человѣческаго мяса... Это было такъ ужасно, что Гаспаръ задрожалъ.

Но потомъ... такъ какъ вслѣдъ за этимъ снарядомъ не послѣдовали другіе, такъ какъ снова наступила тишина (слышно было только пѣніе дрозда), а главное, такъ какъ голодъ давалъ себя все такъ же сильно чувствовать, и похлебка какимъ-то чудомъ продолжала дымиться, — капитанъ измѣнившимся голосомъ приказалъ отнести котелъ на сто метровъ назадъ.

Врагъ подъ землей. *Французскіе саперы по звукамъ особо-чувствительнаго прибора узнаютъ о приближеніи вражескаго подкопа.*

Въ котлѣ нашли три осколка снаряда и пуговицу, которую солдаты показывали другъ другу, покачивая головами. И вдругъ Гаспаръ, у котораго глаза были наполнены слезами, вытащилъ ложкой изъ похлебки черный шнурочекъ съ жестянкой. На жестянкѣ было написано: „Курбекавъ, 1905“. Бѣдняга, онъ такъ гордился своей стряпней, и, умирая, онъ подписался подъ своей первой и послѣдней похлебкой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Политическое обозрѣніе.

Памяти Первой Думы.

27-го апрѣля исполнилось одиннадцать лѣтъ со дня открытія занятій перваго русскаго народнаго представительства—Гос. Думы перваго созыва. Изъ года въ годъ этотъ памятный день праздновала только тѣсная семья перводумцевъ и ихъ ближайшихъ политическихъ единомышленниковъ. Одиннадцатая годовщина Первой Думы получила, напротивъ, характеръ настоящаго государственнаго торжества. Печать посвятила Первой Думѣ прочувствованныя статьи. М. В. Родзянко собралъ членовъ Думы всѣхъ четырехъ созывовъ на соединенное засѣданіе, на которомъ присутствовали министры Временнаго Правительства и представители петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. На многочисленныхъ митингахъ ораторы выясняли гражданамъ историческое значеніе Первой Думы.

Одиннадцать лѣтъ—это не юбилейный срокъ. Одиннадцатилѣтнихъ юбилеевъ не справляютъ. Если же въ 1917 году событіе, относящееся къ 1906 году, было ознаменовано юбилейнымъ празднествомъ, то на это, очевидно, была особая причина. Причина эта несомнѣнно заключается въ роли, выпавшей Гос. Думѣ въ дни февральской революціи. Въ 1906 году Первая Дума явилась формальнымъ завершеніемъ, увѣнчаніемъ начальнаго періода русскаго освободительнаго движенія. Въ 1917 году вокругъ Четвертой Думы, какъ нѣкоего символическаго центра, сорганизовалась побѣдоносная русская революція. Сопоставленіе Первой Думы и Четвертой Думы, благодаря этому, тоже получило глубокій символическій смыслъ.

Однако день памяти Первой Думы былъ использованъ русскимъ обществомъ не только для взаимныхъ привѣтствій и любезностей. Перводумскій юбилей послужилъ удобнымъ и благодарнымъ поводомъ для многихъ поучительныхъ, частью радостныхъ, частью скорбныхъ размышленій. Русское общество постаралось окинуть мысленнымъ взоромъ путь, пройденный Россіей отъ 27-го апрѣля 1906 года, и отвѣтить на вопросъ, вѣренъ ли былъ этотъ путь.

Съ полнымъ удовлетвореніемъ можно теперь сказать, что отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть положительнымъ. Первая Дума оставила намъ законченное выраженіе своей политической программы въ знаменитомъ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь. Она требовала, во имя политическаго и соціальнаго освобожденія Россіи, полной политической амнистіи, отмѣны смертной казни, всеобщаго избирательнаго права, реформы мѣстнаго самоуправленія на демократическихъ основаніяхъ, гражданскаго равенства и гражданскихъ свободъ, укрѣпленія въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права, наконецъ надѣленія землей трудового крестьянства путемъ использованія казенныхъ, удѣльныхъ и церковныхъ земель и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ. Достаточно сопоставить эту программу Первой Думы съ программой Временнаго Правительства революціонной Россіи. Оказывается, за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, вызванныхъ измѣненіями общей политической обстановки, программа Временнаго Правительства почти дословно воспроизводитъ программу Первой Думы. Тотъ планъ преобразованія Россіи въ духѣ свободы и права, который Первая Дума намѣчала въ рамкахъ конституціонной и парламентарной монархіи, осуществляется теперь, послѣ банкротства монархической идеи, въ рамкахъ народовластія. Значитъ, Первая Дума правильно распознала и вѣрно выразила требованія и чаянія всенароднаго сознанія.

Убѣжденіе въ жизненности и плодотворности политическихъ идей, завѣщанныхъ намъ Первой Думой, сообщаетъ нашимъ воспоминаніямъ о ней оттѣнокъ законной и свѣтлой гордости. Но къ этому радостному чувству примѣшивается другое, грустное чувство недоумѣнія и обиды. Въ самомъ дѣлѣ, если программа Первой Думы была жизненна и единственно спасительна для Россіи, то почему она не была тогда же, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, положена въ основу практической государственной дѣятельности? Вѣдь всѣмъ намъ теперь ясно, что, если бъ это было сдѣлано, за эти одиннадцать лѣтъ Россія, безъ ненужныхъ потрясеній и излишней траты національныхъ силъ, достигла бы огромной высоты матеріальнаго благополучія, государственнаго величія и международной славы. Почему же вмѣсто этого Первая Дума была опрокинута, ея отвѣтный адресъ изорванъ, какъ „клочокъ бумаги", и втоптанъ въ грязь, и только послѣ одиннадцати лѣтъ разочарованій и борьбы ея программа опять вернулась къ намъ на красныхъ знаменахъ революціи?

Конечно, всякій отвѣтитъ прежде всего, что виноваты въ этомъ слѣпое, безумное упорство Николая II, сопротивленіе затронутыхъ въ своихъ имущественныхъ интересахъ высшихъ классовъ, политическое самодурство Столыпина и т. д. и т. д. Конечно, все это такъ. Но, если мы хотимъ дѣйствительно уяснить себѣ, почему Первая Дума была сначала великой побѣдой, а потомъ великимъ пораженіемъ русскаго освободительнаго движенія, то мы не должны только винить другихъ. Извѣстную долю вины и отвѣтственности мы, все русское общество, должны принять на себя. Да, мы выдвинули Первую Думу, какъ нашъ передовой постъ въ борьбѣ за обновленіе Россіи, но въ рѣшительную минуту оставили ее безъ единодушной поддержки общественнаго мнѣнія. Тогда, въ 1906 году, русское общество скоро, слишкомъ скоро, позволило себѣ роскошь разъединенія и внутренней междоусобицы. Оно не сумѣло отличить важное отъ второстепеннаго, длительное отъ преходящаго и отложить споры о мелкомъ и условномъ до осуществленія главнаго и насущнаго. Иные отошли отъ Думы вправо, находя ея требованія „революціонными", другіе отошли отъ нея влѣво, потому что признали ее „недостаточно радикальной". Такъ общество само разбило свои силы, и реакція взяла молодую русскую свободу буквально „голыми руками". Понадобились годы, долгіе годы, чтобы, по миновании обычно слѣдующей за политическимъ подъемомъ политической апатіи, общество сознало свои ошибки. Политическія идеи Первой Думы постепенно проникли въ широкіе круги населенія, на нихъ сосредоточилось общественное вниманіе, и къ днямъ февральской революціи перводумскіе лозунги пользовались уже всенародной поддержкой.

Дѣятельность Первой Думы окончилась неудачей, благодаря общественному расколу и партійному разброду. Февральская революція оказалась побѣдоносной, благодаря тому, что вокругъ выдвинутыхъ ею политическихъ идей объединились всѣ классы населенія и всѣ партіи. Вотъ основной политическій урокъ, который намъ надлежитъ извлечь изъ юбилейныхъ воспоминаній 27-го апрѣля. Намъ нужно помнить, что въ единеніи сила, что безъ сплоченія всего народа на общей политической программѣ нельзя отстоять только-что завоеванную свободу, и что такое сплоченіе осуществимо не на какихъ-либо крайнихъ „боковыхъ" линіяхъ, а единственно на средней, равнодѣйствующей линіи общественнаго настроенія. Такую равнодѣйствующую революціонная Россія нашла въ февралѣ и мартѣ. Этимъ революція доказала свою государственную мудрость и обезпечила себѣ побѣду.

Два мѣсяца прошло со времени революціи. День празднованія свѣтлой памяти Первой Думы далъ намъ поводъ провѣрить нашъ путь и за этотъ краткій промежутокъ времени подвести нѣкоторые итоги и подсчитать свои силы. И нужно имѣть мужество сказать самимъ себѣ, что далеко не все въ теченіе послѣреволюціоннаго періода обстоитъ у насъ благополучно. Опять намъ угрожаетъ опасность повторить старыя ошибки политическаго расчета и чутья. Быстрота и легкость побѣды вскружила многія головы. Обманутое отсутствіемъ видимыхъ угрозъ дѣлу свободы, русское общество опять впадаетъ въ роскошь разъединенія и распыленія силъ. Опять утрачивается способность отличать главное отъ второстепеннаго, откладывать несущественное и направлять всѣ усилія на достиженіе насущнаго. Въ 1906 году Россія осталась безоружной передъ лицомъ реакціи. Въ 1917 году ей угрожаетъ опасность безоружной встрѣтиться лицомъ къ лицу съ анархіей.

Надо звать русское общество къ здравому смыслу, спокойствію и выдержкѣ. Надо помнить объ опытѣ Первой Думы.

Проф. К. Соколовъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Наступленіе французовъ къ Лаону.

Битва на Соммѣ дала возможность союзникамъ захватить въ первый разъ съ начала войны иниціативу въ свои руки. Но для достиженія этой цѣли необходимо было перейти въ наступленіе съ самаго начала года. Французы и англичане стали къ этому дѣятельно готовиться съ самаго конца 1916 года.

Нѣмцы чуяли опасность, но они не могли атаковать первыми и должны были перейти къ оборонѣ во избѣжаніе окончательнаго пораженія. Для этого у нихъ было только два способа дѣйствія, къ которымъ они и прибѣгли:

1. Отступить добровольно, предоставивъ въ распоряженіе союзниковъ пространство земли, неприготовленное для атаки, и завлечь ихъ на позиціи, гдѣ оборона была бы затруднительнѣе.

2. Увеличить число своихъ резервовъ, во-первыхъ, сокративъ фронтъ, что освободило бы 8 дивизій, и перебросить на французскій фронтъ новыя части, отозванныя съ русскаго фронта, или послѣдніе резервы изъ Германіи.

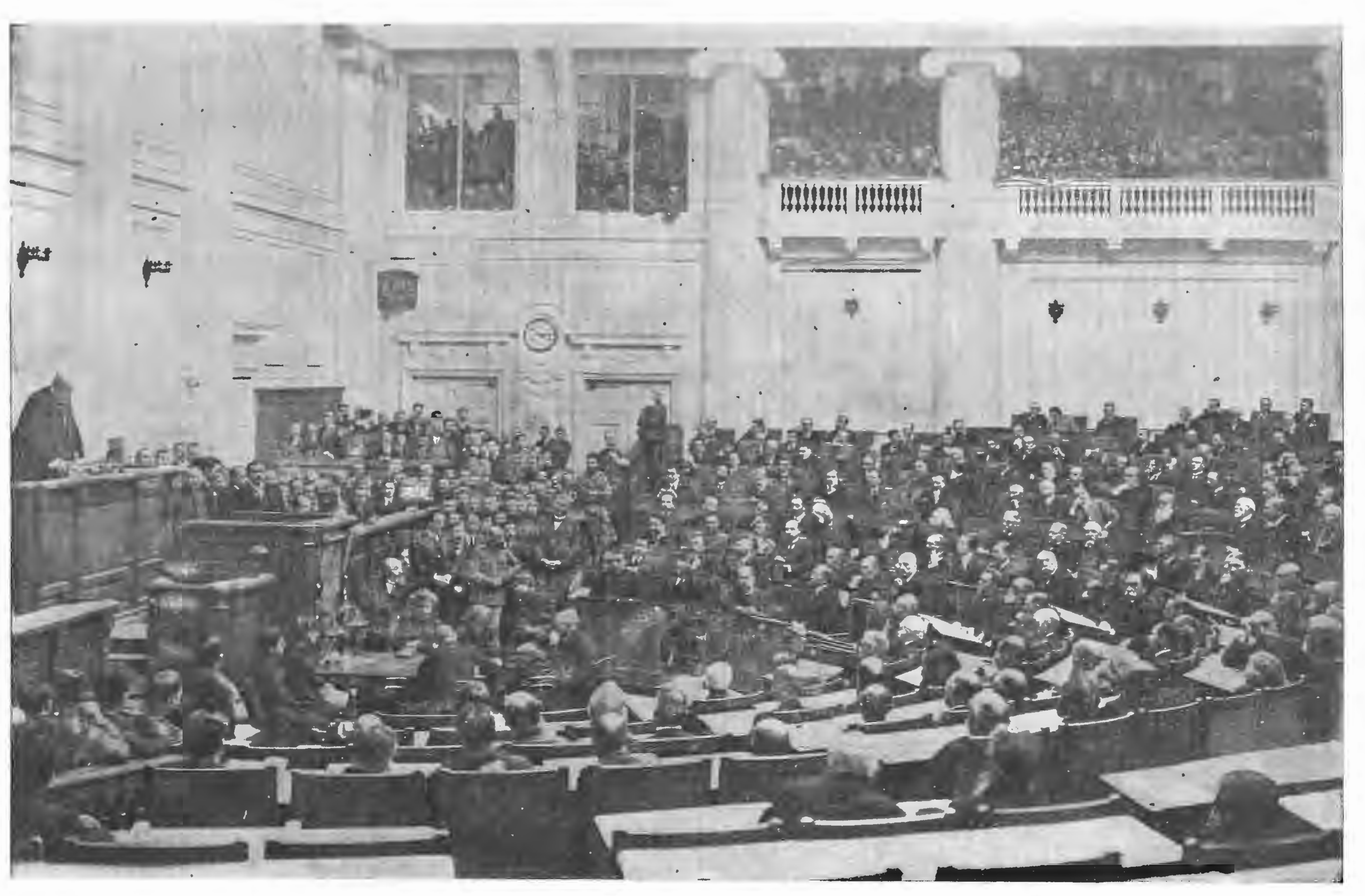
Въ февралѣ мѣсяцѣ настоящаго года на французскій фронтъ въ 650 верстъ приходилось около 135 германскихъ дивизій (каждая дивизія состоитъ изъ 12—15.000 человѣкъ).

Ко 2 апрѣля, до наступленія союзниковъ, было всего 146 дивизій, изъ коихъ 104 были на линіи, а 42 въ стратегическомъ резервѣ. Увеличивъ силу обороны, усиливъ свою артиллерію и воздушный флотъ, Гинденбургъ рѣшилъ, что всѣ расчеты союзниковъ потерпятъ неудачу. Но онъ ошибся, такъ какъ упустилъ изъ вида высокія качества командного состава и доблесть союзныхъ войскъ.

Союзники предвидѣли германскую военную хитрость и рѣшили атаковать слабые пункты новаго германскаго фронта на томъ мѣстѣ, гдѣ новая линія Аррасъ—Сенъ-Кантенъ—Ля-Феръ—Куси соединяется съ прежней линіей, т.-е. съ одной стороны Аррасъ и Лансъ, съ другой—между Суассономъ и Шампанью.

Наступленіе между Аррасомъ и Лансомъ. Результаты его общеизвѣстны: противникъ отброшенъ съ высотъ, командующихъ надъ долиной Фландріи, оттѣсненъ отъ неприступныхъ скалъ Вими, которыя выдержали столько безрезультатныхъ атакъ въ 1915 году, знаменитый новый фронтъ Гинденбурга въ 20 верстъ ширины и въ 10—глубины прорванъ, англичанами взято 17.000 плѣнныхъ и 230 орудій большого калибра. Не надо забывать, что, овладѣвъ Ліевеномъ и Лансомъ, англійскія войска вернули Франціи часть ея богатѣйшаго горнопромышленнаго района, который такъ долго находился въ непріятельскихъ рукахъ. Вотъ причина, почему нѣмцы такъ яростно защищали каждую пядь земли.

Наступленіе между Суассономъ и Шампанью. Французы повели его совмѣстно съ русскими частями, чтобы показать противнику солидарность обѣихъ союзныхъ армій. Задача была нелегкая: приходилось атаковать позиціи, расположенныя на высотахъ къ сѣверу отъ Эна и къ востоку отъ Реймса и доминирующія ходы сообщенія французовъ на цѣлую сотню шаговъ. За передней сильной позиціей нѣмцевъ была вторая, еще болѣе сильная позиція, и третья верстъ на 20 позади. На протяженіи 40 верстъ, гдѣ ожидалась атака, нѣмцы сосредоточили 17 дивизій (350.000 человѣкъ), изъ которыхъ 8 дивизій были взяты изъ резерва. Однако, это не могло остановить французовъ. Послѣ семидневной артиллерійской подготовки и сметающаго ураганнаго огня (нѣмцы увѣряютъ, что подобный ураганный огонь еще не имѣлъ примѣра въ исторіи этой войны, и этимъ объясняютъ свою неудачу), который удалось развить, только благодаря неустанной работѣ французскихъ рабочихъ на заводахъ, изготовляющихъ боевые припасы и снаряды, послѣ пораженія нѣмцевъ въ воздухѣ,—французы ринулись въ атаку. Она была неудержима. Въ пять дней вся первая линія германскихъ позицій была захвачена на протяженіи 40 верстъ. Возбужденныя успѣхомъ французскія войска и русскій отрядъ быстро достигли первой германской позиціи и овладѣли ею. Около 20.000 плѣнныхъ, болѣе 100 ору-



Первый юбилей русской свободы. *Свѣтлой памяти Первой Государственной Думы.—Торжественное засѣданіе въ Таврическомъ дворцѣ 27-го апрѣля, въ день открытія засѣданій Первой Государственной Думы въ 1906 году. Рѣчь предсѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко. На засѣданіи присутствовали члены Государственной Думы всѣхъ четырехъ созывовъ. Въ первомъ ряду на мѣстахъ депутатовъ — министры Временнаго Правительства.* По фот. І. Опупа.

дій и несчетное число пулеметовъ свидѣтельствуютъ о блестящей побѣдѣ союзныхъ войскъ. Нѣмцы тщетно старались возстановить свое положеніе. Они перебросили на подмогу еще 8 дивизій изъ стратегическаго резерва, но были повсюду отброшены, и французы удержали за собою все отвоеванное пространство. Въ итогѣ, въ теченіе пятнадцати дней, англо-французскія войска нанесли два тяжелыхъ удара германской арміи, разбили всѣ преграды новой линіи сопротивленія у Арраса и у Реймса и захватили болѣе 35.000 плѣнныхъ и болѣе 330 орудій.

Принимая во вниманіе среднее число убыли, можно, не преувеличивая, сказать, что за эти пятнадцать дней нѣмцы потеряли отъ 120 до 150.000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными, что равняется, примѣрно, десяти дивизіямъ.

Таковъ общій ходъ и итогъ предыдущихъ боевыхъ дѣйствій французской арміи.

Въ настоящее время главный интересъ боевъ сосредоточился на южныхъ подступахъ къ Лаону на участкѣ между Суассономъ и Краономъ. Названный пунктъ прикрывается съ запада высотами Сенъ-Гобенъ, а съ юга возвышенностью Шменъ-де-Дамъ и поперечнымъ теченіемъ рѣки Алетъ. (См. карту).

Изъ прилагаемой карты усматривается, что здѣсь образовалось три очага борьбы (Воксайонъ—Лафо, Жуи—Брей и Серни—Шевре), гдѣ французы съ двадцатыхъ чиселъ апрѣля уже значительно надорвали оборону германцевъ.

Даже бѣглое ознакомленіе съ послѣдними официальными сообщеніями французской и германской главныхъ квартиръ даетъ наглядное представленіе о характерѣ, размѣрахъ и упорствѣ происходящихъ въ этихъ раіонахъ столкновеній.

Нѣмцы въ бюллетенѣ отъ 23-го апрѣля (стараго стиля) пишутъ: „на фронтѣ армій кронпринца, послѣ первой попытки прорыва французовъ 3-го апрѣля на Энѣ, противникъ подготовилъ новое наступленіе, которымъ онъ надѣялся достигнуть широкихъ задачъ. Истомленныя боемъ дивизіи были замѣнены свѣжими, и введены новые резервы. Артиллерійскій и минометный огонь усиливался со дня на день и достигъ наконецъ для всѣхъ калибровъ небывалой до сихъ поръ силы. Атаки 23-го апрѣля сѣвернѣе Реймса и въ Шампани были лишь предвѣстниками новой попытки прорыва. Начавшаяся 22-го апрѣля утромъ тяжелая борьба по фронту въ 35 верстъ между Алетъ и Краономъ продолжалась до поздней ночи. Гигантскій натискъ, въ общемъ, пока стоитъ. На нѣкоторыхъ мѣстахъ бой за обладаніе нашими (нѣмецкими) передовыми окопами еще продолжается. Мы еще находимся пока на сѣверномъ склонѣ Шменъ-де-Дамъ. Такъ же, какъ и 23-го и 24-го апрѣля, съ особымъ ожесточеніемъ французы штурмовали Зимнюю гору, на которой наши позиціи были совершенно разрушены сосредоточеннымъ огнемъ крупнѣйшихъ калибровъ. Высота, съ лежащей у ея склона деревней Шевре, осталась въ рукахъ противника“.

По французскимъ источникамъ тѣ же дѣйствія обрисовываются еще болѣе ярко. Нынѣшняя фаза боевъ на французскомъ фронтѣ отличается чрезвычайною ожесточенностью.

Германцы безостановочно предпринимаютъ упорныя контръ-атаки и съ безумной расточительностью расходуютъ громадное количество снарядовъ и посылаютъ тысячи людей на явную гибель. Они защищаютъ каждую пядь земли, не останавливаясь ни передъ какими жертвами. Получается впечатлѣніе, что высшее командованіе германской арміи опасается, что паденіе тѣхъ или другихъ участковъ повлечетъ за собою крушеніе всей мощной германской оборонительной линіи на западномъ фронтѣ.

Германцами были предприняты контръ-атаки противъ плато Вайльи, вдоль знаменитой возвышенности Шменъ-де-Дамъ, считавшееся до сихъ поръ неприступнымъ и нынѣ на пространствѣ 20 верстъ превратившееся во фронтъ наступательной операціи.

Непріятель употребляетъ отчаянныя, остающіяся однако безрезультатными, усилія, чтобы отвоевать обратно эти позиціи и выпрямить выступъ линіи Гинденбурга, прорванной между Лафо и Воксайономъ. Эта ожесточенность германскихъ контръ-атакъ объясняется стратегическимъ значеніемъ этихъ участковъ,—если французамъ удастся утвердиться къ сѣверу отъ Лафо, то для германскаго расположенія въ Пинонѣ, на плоскогорьѣ Сенъ-Гобенъ и въ лѣсу Курси создается чрезвычайно серьезная угроза полнаго окруженія.

Топографическія условія мѣстности даютъ германцамъ возможность оказывать французскимъ войскамъ упорное сопротивленіе. Такія же условія приходится констатировать и къ сѣверу отъ Шменъ-де-Дамъ.

23-го апрѣля французы продвинулись къ востоку отъ Воксайона и завладѣли рядомъ позицій къ сѣверу отъ дороги Суассонъ—Лаонъ, несмотря на упорное сопротивленіе непріятеля у знаменитой траншеи „Зигфридъ“. Одинъ изъ французскихъ корпусовъ завладѣлъ этой траншеей, расположенной въ раіонѣ Брей, на полпути между Суассономъ и Лаономъ, на пространствѣ четырехъ верстъ.

Непріятельскіе батальоны, вышедшіе изъ прикрытія въ лѣсу Филэнъ, цѣликомъ уничтожены. Существуетъ основаніе надѣяться, что германцамъ теперь не подъ силу будетъ помѣшать французамъ достигнуть окрестностей рѣки Алетъ и канала, параллельнаго ей, между Уазой и Эномъ.

Въ итогѣ боевъ послѣднихъ дней къ французамъ перешла большая часть плоскогорья Шменъ-де-Дамъ. Германскія официальныя сообщенія скрываютъ этотъ печальный фактъ, равно какъ и потерю Краона, и перечисляютъ лишь занятыя ими позиціи къ сѣверу отъ обоихъ участковъ.

Въ этихъ бояхъ французы увеличили число взятыхъ плѣнныхъ, которое превышаетъ въ настоящее время 6.200 человѣкъ. Общее число плѣнныхъ, взятыхъ одними только французами въ сраженіи, начавшемся съ 3-го апрѣля, достигаетъ теперь 29.000 человѣкъ.

Содержаніе. **ТЕКСТЪ:** Разсказы о великихъ дняхъ. Подарокъ сыну. Юрія Волина.—Рядовой Николаевъ. Повѣсть П. Н. Краснова. (Продолженіе).—Гаспаръ. Повѣсть Ренэ Бенжамэна. (Продолженіе).—Политическое обозрѣніе. Проф. К. Соколова.—Дневникъ военныхъ дѣйствій. Г. Клерже.—Объявленія.—Новѣйшія моды.

РИСУНКИ: Заемъ свободы. А. Максимова.—1-го мая (18-го апрѣля стараго стиля) въ Петроградѣ (8 рис.).—Да здравствуетъ свободная Россія!—Братская могила жертвъ революціи въ Царскомъ Селѣ, въ Александровскомъ паркѣ.—На фронтѣ.—На французскомъ фронтѣ. Часовой.—Врагъ подъ землей.—Первый юбилей русской свободы.—Карта къ дневнику военныхъ дѣйствій. Г. Клерже.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго“ книга 4 и ежемѣс. иллюстрир. приложеніе ДЛЯ ДѢТЕЙ № 5.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.

Выпускаемый на основаніи Постановленія Временнаго Правительства отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

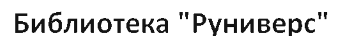
Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься съ 6 апрѣля по 1 іюня с. г. включительно:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ Банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по 5¾% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.



Отъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

ТОВАРИЩИ и ГРАЖДАНЕ.

Съ каждымъ днемъ расширяется дѣятельность Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. На ряду съ оказаніемъ помощи жертвамъ революціи широко развивается организаціонная работа.

По всей Россіи и на фронтѣ, въ самыхъ глухихъ углахъ страны, члены Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и его уполномоченные разъясняютъ народнымъ массамъ значеніе происходящихъ событій, поднимаютъ ихъ революціонное сознаніе, участвуютъ въ созданіи органовъ новой власти на мѣстахъ.

Издаются и широко распространяются органы Совѣта, его воззванія и его разъясненія; разрабатываются новыя начала организаціи солдатъ и улучшенія ихъ быта; освѣщаются вопросы профессіональнаго движенія; устраиваются примирительныя камеры, нормируются условія труда рабочихъ и служащихъ; посылаются гонцы за хлѣбомъ въ деревню.

Иногородній отдѣлъ связываетъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ съ органами демократіи всей Россіи. Отдѣлъ международныхъ сношеній объединяетъ его съ демократіей всѣхъ странъ.

Товарищи и Граждане. Только организація всѣхъ народныхъ силъ сдѣлаетъ завоеванія революціи прочными

Для огромной и разносторонней созидательной работы, которую выполняетъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, нужны значительныя денежныя средства. Эти средства должны быть добыты народомъ. **Жертвуйте, собирайте и отчисляйте средства въ распоряженіе Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.**

Всѣ пожертвованія просятъ направлять въ Финансовый Отдѣлъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ (Таврическій Дворецъ, комн. 35).

Деньги можно вносить также на текущіе счета Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ: 1) Азовско-Донскому Коммерческому Банку—Морская, 5. 2) Сибирскій Банкъ—Невскій 44. 3) Народный Банкъ—Невскій, 46. 4) Русскій Торгово-Промышленный Банкъ, Правленіе—Морская, 15. Отдѣленія его: а) Каменноостровскій, 32а—69, б) Пгр. сторона, Большой пр. 44, в) Садовая ул. 42—57, г) Литейный пр. 43.

БИБЛІОГРАФІЯ.

(Книги, поступившія въ редакцію для отзыва).

Первые два мѣсяца свободы обогатили нашъ книжный рынокъ значительнымъ количествомъ спеціальныхъ книгъ и брошюръ, разобраться въ которыхъ читателю, въ особенности провинціальному, очень трудно. Желая помочь въ этомъ широкому кругу нашихъ читателей, интересующихся вопросами новаго государственнаго устройства, задачами соціалистическихъ партій, идеей и организаціей Учредительнаго Собранія, республиканскимъ строемъ и парламентарной политической жизнью Запада и т. д., мы будемъ періодически въ этомъ отдѣлѣ сообщать объ изданіяхъ этого рода, заслуживающихъ вниманія, при чемъ будемъ имѣть въ виду двоякій уровень читателей: людей менѣе и людей болѣе подготовленныхъ къ ознакомленію съ вопросами государственной и соціально-экономической политики.

По вопросу объ Учредительномъ Собраніи къ первой группѣ относятся:

Е. К. Брешко-Брешковская. „Что дѣлать въ Учредительномъ Собраніи“. Москва. Изд. „Земля и Воля“. Ц. 6 к.

В. В. Водовозовъ. „Что такое Учредительное Собраніе“. Петроградъ. Изд. „Единеніе“. Ц. 15 к.

В. В. Водовозовъ. „Кто будетъ выбирать въ Учредительное Собраніе“. Петроградъ. Изд. „Единеніе“. Ц. 15 к.

В. В. Водовозовъ. „Какъ будутъ произведены выборы въ Учредительное Собраніе“. Петроградъ. Изд. „Новая Россія“. Ц. 25 к.

И. Коганъ. „Что такое Учредительное Собраніе и что оно должно дать народу“. Москва. Изд. Трауцкаго. Ц. 12 к.

В. Сережниковъ. „Что такое Учредительное Собраніе“. Москва. Изд. „Дѣло“. Ц. 20 к.

Ко второй группѣ относятся:

В. Алексѣевъ. „Зачѣмъ и какъ выбирать въ Учредительное Собраніе“. Москва. Изд. „Универсальная Библіотека“ Ц. 20 к.

В. М. Устиновъ. „Учредительное Собраніе“. Москва. Изд. „Народный Учитель“. Ц. 20 к.

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. „Учредительное Собраніе“. Изд. партіи Народной Свободы. Петроградъ. Ц. 20 к.

По другимъ изъ упомянутыхъ нами вопросамъ заслуживаютъ вниманія читателей:

I. Я. „Основы избирательнаго права“. „Петроградское Книгоиздательство“. Ц. 20 к.

Огородниковъ. „Какъ выбирать народныхъ представителей“. Казань. Изд. Маркелова и Шарапова. Ц. 20 к.

„Что такое избирательное право“. Петроградъ. „Сѣверное Издательство“. Ц. 35 к.

Е. А. Звегинцевъ. „Всеобщее избирательное право“. Москва. Изд. „Народный Учитель“. Ц. 20 к.

Ив. Алексѣевъ. „Что такое всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право“. Москва. Изд. „Дѣло“. Ц. 15 к.

П. Сурминъ. „Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право“. Москва. Изд. Маковскаго. Ц. 20 к.

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. „Республика“. Изд. партіи „Народной Свободы“. Петроградъ. Ц. 20 к.

Г. В. Плехановъ. „Двѣ линіи революціи“. „Библіотека гражданина“. Книгоиздательство „Огни“. Петроградъ. Ц. 20 к.

Г. В. Плехановъ. „Соціализмъ и политическая борьба“ „Библіотека гражданина“. Книгоиздательство „Огни“. Петроградъ. Ц. 20 к.

В. В. Водовозовъ. „Право личности“. „Библіотека гражданина“. Книгоиздательство „Огни“. Петроградъ. Ц. 20 к.

А. Зайцевъ. „Различныя формы правленія и Учредительное Собраніе 1917 года“. 3-е изд. Н. А. Мишель. Петроградъ. Ц. 25 к.

Н. Лосскій. „Чего хочетъ Партія Народной Свободы“ (Конституц.-Демократ.). Изд. Партіи Народ. Свободы. Петроградъ. Ц. 15 к.

Ольговичъ. „Монархія или республика“. Изд. „Соціалистъ“. Петроградъ.

О. Волькенштейнъ. „Какъ англичане избираютъ народныхъ представителей“. Изд. „Книга“. Петроградъ.

Б. Зайцевъ. „Дальній край“. Романъ. Изданіе 2-е. Т-во „Книгоиздательство писателей въ Москвѣ“. 1917. Цѣна 2 рубля.

Нѣжные тона творчества Б. Зайцева какъ нельзя болѣе подходятъ къ тому міру, который изображенъ въ романѣ. Студенческая молодежь съ ея порываніями вдаль, съ ея кипучей идейной жизнью и свѣтлой романтикой, очевидно, хорошо знакома автору. Личная жизнь вплетается въ общественное, идейное строительство, но никогда не мѣшаетъ ему. Степанъ и Клавдія, Петя и Елисавета никогда не пойдутъ на компромиссы и скорѣе откажутся отъ личнаго счастья, какъ потомъ отказался Степанъ, чѣмъ войдутъ въ обыденщину. Такая же свѣтлая душа и у юноши Алеши, брата Лизаветы. Только Женю и Лизавету вынесла жизнь невредимыми, остальные растерялись на пути: погибъ въ ссылкѣ за братьевъ Степанъ, умерла на голодѣ Клавдія, „случайно“ подстрѣлилъ себя Алеша за границей...

Кружками молодежи подготовлялась Великая Русская Революція, много погибло по пути свѣтлыхъ и чистыхъ, и такіе памятники, какъ „Дальній край“ Б. Зайцева съ захватывающими поэтическими страницами, и цѣнны и необходимы, чтобы запечатлѣть ихъ живые образы на память и поученіе новымъ строителямъ жизни.

К. Треневъ. Разсказы. Т-во „Книгоиздательство писателей въ Москвѣ“. Цѣна 1 руб. 50 коп.

К. Треневъ—писатель-бытовикъ. Въ сборникѣ „Мокрая балка“ передъ нами жизнь провинціи до революціи, ея интересы и заботы, будни и праздники. Въ разсказѣ „Мокрая балка“ крестьянская жизнь съ ея заботами, міровоззрѣніемъ, психическимъ и жизненнымъ укладомъ находитъ свое правдивое отраженіе. Мы видимъ здѣсь и крестьянство, крѣпкое своею связью съ землей и дорожащее ею, видимъ и бабу Палочку, разсказывающую о печерскихъ святыхъ, встрѣчаемъ и тѣ мягкія, женственныя натуры, которымъ не ужиться въ средѣ труда и тяжелой жизненной борьбы, какъ Тихонъ, уходящій на богомолье, и души, жаждущія поэзіи и красоты, гибнущія въ заколдованномъ узкомъ кругу, какъ Ганна, и поэтъ въ душѣ, маляръ-Чекалка. Въ разсказѣ „По тихой водѣ“ въ разговорахъ пассажировъ, плывущихъ на пароходѣ, раскрывается цѣлый міръ интересовъ, маленькихъ и незначительныхъ въ общемъ, но заполняющихъ собою жизнь обывателя.

Типы провинціи К. Треневъ знаетъ хорошо и изображаетъ ихъ безъ всякой утрировки и прикрасъ. Галлерея портретовъ у К. Тренева разнообразна и полна.

Вл. Лидинъ. „Полая вода“. Книгоиздательство „Сѣверные дни“. Москва. 1917. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Произведенія В. Лидина овѣяны поэтической грустью. Трагедія маленькой жизни съ ея обособленнымъміркомъ — излюбленная тема В. Лидина. „Эдмондъ Шатлэнъ“—лучшій изъ разсказовъ сборника. Сумасшедшая Вѣра Петровна, вѣчно раскладывающая пасьянсъ и ожидающая давно погибшаго жениха, вѣрный камердинеръ, замѣняющій и повара,—Павелъ Васильевичъ, онъ же Эдмондъ, русскій баринъ Игорь Петровичъ, прожигающій жизнь за границей и растрачивающій средства сумасшедшей сестры,—эти фигуры, какъ изваянныя, стоятъ передъ читателемъ. Замѣчательная цѣльность въ обрисовкѣ характеровъ съ ихъ типической стороны и въ то же время чуткость глубоко проникающей интуиціи—отличительныя черты В. Лидина, какъ писателя.

Изъ другихъ разсказовъ этого сборника художественная сила таланта В. Лидина сказалась въ разсказахъ „Болотная трава“ и

„Часъ“. Въ „Болотной травѣ“ съ особенной силой проявился художественный тактъ писателя: онъ нигдѣ не утрирует: правда жизни, бытовой и душевной, предстаетъ подъ его перомъ такой, какъ она есть, но грубые контуры дѣйствительности смягчаются поэзіей творчества.

С. Караскевичъ. „Кипарисный царь“. Петроградъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Разсказы С. Караскевичъ правдивы и живы. Въ нихъ проглядываетъ и наблюдательность автора и знаніе быта, его условій и его психологіи. Сюжеты главнымъ образомъ украинскіе, обвѣянные прелестью природы Малороссіи. Сборникъ открывается легендою о „Кипарисномъ царѣ“, который „знаетъ, что можно и чего не можно“. Но объ этомъ знаетъ только онъ одинъ. Жизнь вертится вокругъ и около этого вопроса и рѣшаетъ его часто случайно. Но въ самыхъ рѣшеніяхъ этихъ есть извѣстная опредѣленность и настойчивость, вносимая сюда сильными натурами. Закаленные въ борьбѣ и страданіи люди у С. Караскевичъ выходятъ крѣпкими душой. Страданіе не надламываетъ ихъ, а какъ будто укрѣпляетъ еще больше для борьбы съ жизнью. Таковъ Тымка въ разсказѣ „Ивга и ея дѣти“. Такую же цѣльную натуру представляетъ и Габро-свинарь и хозяйственный Зотъ и Охрименко въ разсказѣ „Не по-людски“. Эти цѣльныя фигуры взяты писательницей изъ малороссійскаго быта, имѣющаго свои особенности какъ въ психологіи, такъ и въ укладѣ. Такія книги сейчасъ интересны и необходимы.

Андрей Соболь. „Пыль“. Романъ. Изд. 2-е. Книгоиздательство „Сѣверные дни“. Москва. 1917. Цѣна 2 рубля.

Встрѣчаются произведенія, о которыхъ можно сказать, что они написаны „кровью сердца“. Къ такимъ можно отнести и романъ Андрея Соболя. Трагедія еврейства, оторваннаго отъ всего, чужого среди своихъ, передается въ рядѣ глубокихъ психологическихъ перипетій, которыя переживаютъ герои „Пыли“. Вмѣстѣ съ этимъ въ романѣ раскрывается уголокъ жизни русской эмиграціи. Евреи и русскіе работаютъ заодно за границей, одинаково мечтаютъ о далекой родинѣ, но, возвратясь туда, гдѣ все родное, не находятъ родины: родное, — и чужое, свои, — и эти свои чужіе. Два еврея идутъ на террористическій актъ, но съ ужасомъ въ душѣ, едва не отступая въ послѣдній мигъ: ихъ страшитъ могущій произойти погромъ. Погрома нѣтъ, но „страшно жить“ предъ такими возможностями. Русскій революціонеръ Акимъ кончаетъ самоубійствомъ послѣ исповѣди товарища еврея, потому что онъ не хочетъ быть чужимъ для тѣхъ, съ кѣмъ работалъ заодно долгіе годы, съ душой кого слился.

Переѣзжая границу при возвращеніи въ Россію, герой романа Александръ (еврей) съ радостью прислушивался къ колокольному звону, смотрѣлъ на родныя березы и ели. Теперь въ Россіи онъ ненавидитъ этотъ звонъ: „Онъ лгалъ мнѣ, когда я, переѣхавъ границу, услышалъ его послѣ долгой разлуки. Онъ лжетъ и теперь, какъ лгутъ поля за огородомъ, ели на берегу рѣки, снѣга въ оврагахъ. Все это чуждое, не мое. У меня нѣтъ ничего своего. Какъ пыль, лежу на землѣ до новаго вѣтра, пока онъ не придетъ и не сдуетъ меня. Онъ не спроситъ, хочу или не хочу. Пыль не спрашиваютъ—ее гонятъ“.

Георгій Чулковъ. „Метель“. Романъ. Книгоиздательство „Сѣверные дни“. Москва. 1917. Цѣна 2 рубля.

Романъ Г. Чулкова обвѣянъ мистикой, съ нѣсколько запутанной интригой. Братъ и сестра, не знающіе о своемъ родствѣ, въ роли жениха и невѣсты,—тема не новая въ литературѣ. Фигура старика князя, бонвивана, прожегшаго жизнь и подъ конецъ испытывающаго нѣкоторое угрызеніе совѣсти, — все это въ рукахъ менѣе талантливаго автора создало бы одинъ изъ тѣхъ романовъ, которымъ имя легіонъ и которые, прочитавъ, сейчасъ же забываютъ. Но подъ перомъ Г. Чулкова шаблонная тема превратилась въ произведеніе, озаренное святымъ огнемъ творческаго вдохновенія. Фигура Паучинскаго, чиновника-ростовщика, какими-то невѣдомыми путями забирающагося въ салоны и умѣющаго властвовать и тамъ, если не деньгами, то шпіонажемъ и другими услугами, фигура англичанина, корректнаго человѣка, друга княгини, съ его врожденнымъ пониманіемъ чести и права,—строго выдержаны авторомъ. Остальные же персонажи, по ироніи судьбы играющіе главную роль въ романѣ Г. Чулкова, — князь, княгиня, молодой князь, его сестра-невѣста Танечка,—блѣдны, надуманны, а развязка говоритъ о томъ, что авторъ мало считается съ требованіями художественной правды.

И. Бунинъ. „Чаша жизни“. Разсказы 1913-14 г. Изд. 2-е. Т-во „Книгоиздательство писателей въ Москвѣ.“ 1917. Цѣна. 1 руб. 60 коп.

Поэтъ-художникъ И. Бунинъ вноситъ поэзію и въ изображеніе быта, смягчая грубо-реалистическіе контуры дѣйствительности творческимъ проникновеніемъ въ глубины жизни. Сборникъ названъ по заглавію перваго разсказа. „Чаша жизни“ даетъ уголокъ провинціальной жизни съ ея скромными радостями и горестями, съ ея оригинальными типами вродѣ силача Горизонтова, завѣщающаго свой скелетъ въ анатомическій музей. Идиллія переплетается въ разсказѣ съ прозой будней, съ грустью о безвозвратно уходящемъ, непонятомъ и не оцѣненномъ. Плачетъ Александра Васильевна объ ушедшей молодости, до конца соперничаютъ о. Киръ и Селиковъ—мужъ Александры Васильевны—и не замѣчаютъ, какъ проходитъ вся жизнь безцѣльно и ненужно, не давъ ни радости, ни счастья, ни удовлетворенія. Грустные осенніе тона, свойственные музѣ И. Бунина, витаютъ и надъ разсказами сборника.

Не чужды писателю и жуть одиночества и заброшенность въ широкомъ Божьемъ мірѣ. Это сказалось почти во всѣхъ произведеніяхъ И. Бунина. Герои разсказовъ „При дорогѣ“, „Весенній вечеръ“, „Святочный разсказъ“, „Надъ городомъ“, „Братья“ всѣ несутъ свою „чашу жизни“, и полна она до краевъ ихъ личными радостями и горестями, тѣмъ страданіемъ, которое такъ велико для нихъ и такъ ничтожно въ великой міровой гармоніи. Эта перспектива всегда выдерживается Бунинымъ и оттого его творчеству, несмотря на грустные тона, такъ свойственны примиряющіе аккорды. Трагедія Параши („При дорогѣ“) смягчается поэзіей степи, на фонѣ которой развертывается эта маленькая жизнь, трагедія рикши („Братья“), обвѣянная экзотической поэзіей, теряетъ жгучесть человѣческихъ страданій. Въ Гоголевскихъ тонахъ написанъ „Святочный разсказъ“ И. Бунина, но печать индивидуальнаго лежитъ и на жалкой комической личности Фичуна, теряется въ широкой перспективѣ, которую интуитивно даетъ чувствовать авторъ въ этомъ разсказѣ. И здѣсь чувствуется индивидуальность писателя. Сборникъ заканчивается стихотвореніями, въ которыхъ форма и содержаніе сливаются въ одну гармонію и даютъ то настроеніе, которымъ поэтъ управляетъ, какъ магъ, знающій силу своихъ чаръ.

В. П. Кранихфельдъ. „Въ мірѣ идей и образовъ“ (Этюды и портреты) Т. III. Петроградъ. 1917. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Книга В. Кранихфельда заключаетъ въ себѣ рядъ критическихъ статей, въ свое время печатавшихся въ журналѣ. Опредѣленныя убѣжденія, свойственныя марксизму, проходятъ красною нитью во всѣхъ статьяхъ В. Кранихфельда и накладываютъ свой отпечатокъ на его эстетическую оцѣнку. Добросовѣстность критика, любящаго литературу и именно ту часть ея, въ которой особенно горячо бьется общественная струна, придаетъ цѣнность труду В. Кранихфельда: критикъ открываетъ одну изъ страницъ великой исторіи русскаго самосознанія.

А. Ремизовъ. „Среди мурья“. Книгоиздательство „Сѣверные дни“. 1917. Цѣна 2 рубля.

Манера писателя и его любимыя темы хорошо знакомы читающей публикѣ. Строго, почти аскетически, отъединившись отъ широкаго міра бушующей жизни, А. Ремизовъ весь ушелъ въ свой маленькій уголокъ звѣрей, звѣрюшекъ, полуфантастическихъ, полуреальныхъ существъ. Такими же чудесными, полуфантастическими, полуреалистическими разсказами наполненъ и сборникъ „Среди мурья“. Маленькія незамѣтныя жизни, будни сѣренькія, но какъ-то по особому милыя, то сказки, то разсказы съ натуры— все это придаетъ сборнику разнообразіе. Чувствуется здѣсь что-то интимное, милое, близкое. Любовь ко всему живому, къ каждому біенію жизни, къ каждому порыву ея чувствуется у А. Ремизова. Особенно любитъ писатель дѣтей и звѣрей — этотъ живой инстинктъ міра. Въ бурномъ водоворотѣ жизни книга А. Ремизова цѣнна, вызывая вниманіе къ затерявшейся маленькой единицѣ,— ея инстинкту жизни.

А. Серафимовичъ. „Лихорадка“ Разсказы. Т-во „Книгоиздательство писателей въ Москвѣ“. 1917. Цѣна 1 руб. 65 коп.

Живыя картины бѣдноты и обездоленности матеріальной и духовной даетъ А. Серафимовичъ въ своей книгѣ. Люди работаютъ, страдаютъ и мучаются, стремятся къ какой-то цѣли: одинъ— помочь семьѣ („Лихорадка“), другой—зажить своимъ домкомъ („Въ пути“), и въ результатѣ одинъ умираетъ отъ измучившей его лихорадки на пути къ своей деревнѣ, гдѣ вся семья частью вымерла, частью разбрелась; другой, потерявъ терпѣніе, пытается убить и ограбить, и самъ падаетъ подъ выстрѣломъ. Грустными, безнадежными тонами обрисовывается жизнь подъ перомъ А. Серафимовича. Печетъ солнце, и подъ его палящимъ зноемъ мозгъ упорно работаетъ надъ однимъ. „Двѣсти пятьдесятъ цѣлковыхъ. Да это я хозяиномъ бы сталъ“,—разсуждаетъ Онисимъ, пораженный суммой, которую уплатилъ его попутчикъ за велосипедъ, и дальше: „Што, баринъ, кажный день, небось, мясо жрешь?“ — спрашиваетъ онъ послѣ долгаго молчанія. И вы видите, какъ туго, но упорно выплетается знакомая нить въ размышленіи... и затѣмъ дубовый колъ, взлетающій надъ головой спутника: „помертвѣлое отъ злобы и отчаянія, съ судорожно искривленными бровями лицо, и человѣческіе, полные муки и ужаса, глаза“. Это одинъ изъ уголковъ недавняго прошлаго, но такой значительный и и важный... Въ разсказахъ „Заяцъ“ и въ „Въ пути“ даются картины приниженности и забитости человѣческой личности, благодаря тупой жестокости вершителей, которая не знаетъ предѣла, будетъ ли это толпа или одинъ человѣкъ.

Къ художественнымъ достоинствамъ разсказовъ А. Серафимовича надо отнести цѣльность впечатлѣнія. Даваемыя имъ изображенія: природа, люди, бытъ — все сливается въ одинъ тонъ и усиливаетъ его.

Брихничевъ, У. Литургія цѣлому. М. 1917. Ц. 50 к.

Вальковскій, В. В. 1) Борцамъ за свободу. Пгр. 1917. Ц. 70 к. **2) Недопѣтый аккордъ.** Ц. 60 к.

Зола, Э. Плодовитость. Ч I и II. Пгр. 1917. Ц. по 2 руб. за часть.

Зуда. Гримасы стараго режима. Самара. 1917. Ц. 60 к.

Оксеновъ, И. Зажженная свѣча. Пгр. 1917. Ц. 75 к.

Стажъ, Д. Инженеръ Х. А. Федоровъ. Иркутскъ. 1917. Ц. 20 к.

Стригуновскій, С. Обзоръ русскихъ книгъ по воздухоплаванію. Воронежъ. 1917. Ц. 50 к.

Якимовъ, А. Н. Н. А. Некрасовъ какъ крупнѣйшій представитель русской сатиры. Мензелинскъ. Ц. 35 к.

При этомъ № разсылается для всѣхъ гг. иногороднихъ подписчиковъ изданная Всероссійскимъ Комитетомъ общественнаго содѣйствія государственнымъ займамъ брошюра М. И. БОГОЛѢПОВА „Заемъ свободы и интересы Свободной Россіи“.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 19. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 13 мая 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Америка—Германіи

„Мы объявляемъ войну Германіи,—врагу свободы,—и посвятимъ всѣ силы націи борьбѣ съ нимъ, чтобы прекратить его стремленія къ міровому владычеству".

(Изъ манифеста президента Вильсона).

Звѣздное знамя въ Союзѣ Согласія. *Власти Нью-Іорка. Губернаторъ Витманъ привѣтствуетъ войска.*

Рядовой Николаевъ.

(Сильна, какъ смерть).

Повѣсть **П. Н. Краснова.**

(Окончаніе).

Стрѣлки и эм-цы лежали, кто на днѣ траншей, кто въ небольшихъ, какъ ниши, углубленіяхъ, „лисьихъ норахъ". Одни спали, другіе тихо переговаривались. Въ чистомъ небѣ рѣяли аэропланы, высматривая расположеніе нашихъ батарей. Иногда они снижались къ самымъ траншеямъ, и сухая дробь пулемета слышалась въ небѣ. Пули часто свистали надъ окопами, но не попадали.

Солдаты вздыхали: „Съ пулемета бьетъ"... „Что ястребъ надъ цыплятами".

День шелъ, и съ нимъ шла непрерывная орудійная стрѣльба съ обѣихъ сторонъ. Почти каждыя пять минутъ надъ траншеями съ нашей стороны съ таинственнымъ шорохомъ проносился тяжелый снарядъ и исчезалъ гдѣ-то далеко, точно небесное тѣло, полный роковой тайны. Вся деревня кипѣла, какъ въ огнѣ, дымами шрапнелей, тяжелыми черными взрывами шестидюймовыхъ гранатъ. Остатки домовъ съ трескомъ обваливались, появлялись новыя и новыя ямы, и было очевидно, что ничего живого быть не могло на покатой улицѣ между обугленныхъ деревьевъ, обгорѣлыхъ трубъ, кирпичей, остатковъ садовъ и огородовъ. Зеленыя поля травы, картофельные огороды были изрыты частыми черными воронками. И, глядя изъ траншей, не вѣрилось, что вдоль этой деревни, въ глубокихъ канавахъ, сидѣло теперь два полка. Никто не выходилъ наружу.

И вдругъ на улицѣ показалась человѣческая фигура. Она бодро шла неторопливымъ шагомъ по дорогѣ, тщательно обходя лошадиные трупы и воронки отъ снарядовъ. Иногда взрывъ гранаты густымъ столбомъ дыма, осколковъ и щепокъ закрывалъ этого человѣка, но, когда дымъ разсѣивался, видно было, что человѣкъ этотъ продолжаетъ такъ же спокойно итти тѣмъ же неторопливымъ шагомъ, не обращая никакого вниманія на снаряды.

Въ траншеяхъ заинтересовались этой фигурой. Изъ земли, поднимаясь на носки, стали выглядывать солдаты.

— Идетъ... Ухъ, близко... И не ляжетъ... Чортъ, прямо чортъ... И не боится... Я бы побѣгъ... Не задѣпило?.. Нѣтъ, идетъ... И не оглянется... Ужъ не мерещится ли?.. Безъ ружья... Съ котелками... Ровно денщикъ. Денщикъ и есть... Онъ не понимаетъ, что это обозначаетъ... Думаетъ, такъ... Хлопушка только... Ахъ, отчаянный... Ну, какъ такому Егорія не дать?.. А вѣдь денщикъ... Вотъ тѣ и нестроевые... Не понимаетъ, потому... Когда пойметь, такъ уже поздно будетъ... Братцы, да вѣдь это Маметкуловъ. Селимъ Маметкуловъ... Онъ самый и есть... Командирскій денщикъ... Обѣдъ несетъ... Ахъ, дурья голова... Ну хотя бы по ходу сообщенія шелъ... Зачѣмъ? Такъ ему способнѣе, не расплескаетъ...

И дѣйствительно, это былъ Селимъ. И шелъ онъ прямо по улицѣ, не обращая никакого вниманія на снаряды. Они сами по себѣ, онъ самъ по себѣ...

Два раза онъ останавливался у траншей и спрашивалъ, гдѣ третья рота, его звали внизъ подъ землю, онъ только отмахивался. Спустился онъ только противъ блиндажа, гдѣ сидѣлъ Яковлевъ, и совершенно неожиданно появился противъ своего капитана.

— Ты, Селимъ?.. Откуда ты взялся?

— Обѣдъ принесла... Коклеты. Хлѣбъ. Чай грѣть будемъ.

И Селимъ неторопливо сталъ разворачивать свою ношу.

— Она стрѣляетъ. Ухъ, боялся, въ котелокъ попадетъ. Ладонью закрывала, чтобы не попала. А визжитъ какъ! Ж-жи, ж-жи... Она думала, Маметкуловъ испугается. Ничего... Ваше благородіе, съ обоза солдатъ пріѣхала. Письмо тебѣ привезла.

И Селимъ досталъ изъ-за пазухи бережно завернутое въ обрывокъ газеты письмо.

Письмо было отъ Натальи Павловны. Письмо короткое, безсодержательное. Благодарила за присланныя деньги, жаловалась на дороговизну. Половина письма заключала въ себѣ восклицанія: „ты пойми! Ботинки, которыя стоили три съ полтиной, теперь девятнадцать, кухонное масло — рубль восемь гривенъ, курица, обыкновенная курица, четыре рубля! Иванъ Павловичъ хорошія дѣла дѣлаетъ. Лѣтомъ думаетъ дачу на Волгѣ строить"...

Иванъ Павловичъ — это былъ сынъ дяди, у котораго жила Наталья Павловна въ Нижнемъ. „Братецъ", какъ почтительно о немъ всегда говорилось въ семьѣ.

„Алюся, — заканчивала письмо Наталья Павловна, — очень выросла. Умная дѣвочка. Пишетъ отлично. У Ивана Павловича есть красивый котъ сибирской породы. Алюся, узнавши, что онъ не имѣетъ постели, подарила ему куклину постель. „Топикъ" въ ней великолѣпенъ. И послала ему письмо. Посмотри, какъ пишетъ твоя дочка"...

Въ конвертѣ лежалъ листокъ хорошей англійской бумаги; сама Наталья Павловна писала на простой почтовой. Наверху была гравюра, изображающая трехъ сердитыхъ англійскихъ бульдоговъ. Дальше карандашомъ были ровно налинованы широкія строчки, и по нимъ тонкимъ, но увѣреннымъ дѣтскимъ почеркомъ было написано:

„Милый Топи! посылаю тебѣ кроватку, а то я узнала, что ты спишь въ старой шляпѣ, такъ что хвостъ не помѣщается. Не испугайся, пожалуйста, собакъ. Они не тронутъ. Твоя Аля Я."

Милая, милая Аля! Эти широкія строчки дѣтскаго почерка, эта бумага съ бульдогами такъ много-много сказали вдругъ Яковлеву. Больше, чѣмъ все посланіе Натальи Павловны. Какъ живая, стала передъ нимъ его милая дѣвочка такою, какою онъ видѣлъ ее два года тому назадъ. Густые золотисто-русые волосы зачесаны назадъ, спереди пущена во весь лобъ маленькая чолка нѣжныхъ-нѣжныхъ, совсѣмъ золотыхъ волосиковъ. Гребенка съ брильянтиками изъ стеколъ держитъ волосы на темени, а за нею шелковый голубой бантъ. На Алюсѣ матросская рубашка съ отложнымъ синимъ воротничкомъ съ тремя бѣлыми тесемочками, шарфикъ съ бабушкинымъ медальономъ спускается къ ней на грудь. Короткая юбочка до колѣнъ, голыя ножки...

Какъ хорошо охватила она тогда своими загорѣлыми ручонками его шею и воскликнула: „папочка, не уѣзжай! Не уѣзжай!"... А потомъ: „бей нѣмцевъ. Они противные!"...

На минуту кольнуло, что письмо не къ нему, къ ея отцу, который такъ былъ бы радъ отъ нея услышать ласковое, милое слово, а къ какому-то „Топи", сибирскому коту. Заревновалъ къ коту. Самому стало смѣшно, что думаетъ объ этомъ. Чему дѣвочку научили, то и дѣлаетъ. Вспомнилъ „братца". Его видѣлъ только разъ на свадьбѣ. „Братецъ" мечталъ о другой свадьбѣ. Онъ тогда только начиналъ карьеру, поступивъ конторщикомъ въ богатый домъ, въ Нижній. Нехорошо относились къ нему въ жениной роднѣ.

Опять стала Алюся. Густыя бровки приподняты дугою, глаза большіе, каріе, темные, вдумчивые. „Его" глаза. Въ концѣ широкихъ, красиво очерченныхъ губокъ маленькія ямочки. Какъ любовался онъ всегда этимъ чистымъ дѣтскимъ ротикомъ, такъ не похожимъ на толстый „бантикъ" его „бутона".

Совсѣмъ ушелъ въ свои мысли. Сталъ думать о разводѣ, о томъ, что Наталья Павловна навѣрно станетъ ставить препятствія и не отдастъ Алюси. Болѣзненно сжалось сердце. Маленькая дѣвочка съ красивыми карими глазами заслонила на минуту образъ милаго юноши. Гдѣ-то онъ? Онъ тутъ. Яковлевъ знаетъ, что онъ въ своемъ взводѣ. Замѣтилъ, что избѣгаетъ встрѣчи съ нимъ. Стыдится. Милая, милая Таня, ненаглядная горлинка моя! Нарочно не безпокоилъ ея. И теперь не позову ее обѣдать, а пошлю съ Селимомъ.

XVII.

Близко ударила граната. Еще, еще, засыпала землею траншею. Побѣжали откапывать людей. Кого-то контузило. Изъ стрѣлковъ. Знакомое лицо. Ахъ, да это капитанъ, командиръ роты. Внесли въ блиндажъ. Почти не дышитъ. Докторъ пришелъ. Не поздоровался. Смотритъ, трогаетъ пульсъ.

— Ничего. Живъ будетъ. Какъ же его такъ?

— Всего засыпало. Бревномъ придавило...

— Да... Надо покой. Ночью отправимъ. Тутъ положите.

Странно... Будто его, Яковлева, это и не касается. Совсѣмъ ушелъ въ свои мысли, воспоминанія. Впереди разводъ, свадьба... Какъ все это далеко еще. Да и будетъ ли еще когда-либо?.. Почему не будетъ?

„Почему? Почему?..

„Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою навѣки!"

„Хорошая молитва. Такая глубокая. И весь акаѳистъ красивый.

„Соедини мя съ Тобою навѣки!"

„Но вѣдь это смерть!.. Смерть!.. — Ужаснулся... — Нѣтъ, нѣтъ, не хочу. Жизнь такъ хороша. Впереди Георгіевскій крестъ, чинъ подполковника, милая Таня, прелестная, умная, образованная, впереди новая жизнь... Нѣтъ, нѣтъ... не надо смерти!.. Господи! Даруй мнѣ это счастье"...

Нью-Іоркъ, расцвѣченный флагами въ день полученія извѣстія о революціи въ Россіи.

Стало стыдно. „Не благодарилъ Бога за все дарованное. Раньше молился только о побѣдѣ, о славѣ, теперь прошу жизни". Совѣсть заворошилась. Стало страшно. а вдругъ Богъ накажетъ. Сталъ успокаивать себя. „Нѣтъ. Богъ добрый, милосердный, милостивый. Онъ не допуститъ до бѣды. Сколько разъ спасалъ, спасетъ и еще".

„Лѣпя, лѣпя да и облѣнишься"... Откуда это? Кажется, изъ Толстого"...

Ураганъ мыслей, о чемъ угодно, но только не о штурмѣ... Что тамъ думать! Впередъ и „ура!.."

Вошелъ командиръ второй роты. Поздоровались.

— Пора и начинать. Пять часовъ уже. Тяжелая замолкла.

— Пора? — спросилъ Яковлевъ, и самъ не понималъ, о чемъ говоритъ.

— Ну да. Павелъ Николаевичъ говорилъ, въ пять.

— Въ семнадцать,—поправилъ его Яковлевъ.

— Ахъ, все равно. Я по-старому.

— Ну такъ. ежели пора, чего же не начинаютъ?

— Во второмъ батальонѣ проходы не пробиты.

— А у насъ?

— Какъ будто четыре чистыхъ.

— Я еще не смотрѣлъ.

— Чего смотрѣть? Увидимъ и такъ. Люди какъ?

— Ничего.

— Гранаты роздали?

— Роздали.

— Говорятъ, въ семь.

— Въ семь, такъ въ семь...

— Такъ-то оно такъ, а только въ восемь темно уже. Окопаться не успѣемъ. Стрѣлкамъ впередъ въ темнотѣ итти лѣсомъ не сладко.

Этотъ разговоръ вывелъ Яковлева изъ раздумья, отвлекъ отъ мыслей. Приказалъ будить роту. Обошелъ людей. Повѣрилъ гранаты.

— Ну что, милый юноша?

— Ничего, ваше благородіе.

— Не боитесь?

— Русскому солдату стыдно бояться, ваше благородіе!

Кругомъ солдаты. Такъ много надо сказать другъ другу, ну хотя благословить другъ друга, хотя перекрестить, поцѣловать... Ничего не подѣлаешь. Вѣдь это не Таня. Не та обольстительная дѣвушка, не та прелесть, не ангелъ, спустившійся съ неба, а рядовой Терентій Николаевъ.

— Спасибо. Спасибо, Николаевъ.

— Радъ стараться, ваше благородіе.

Идетъ дальше. А въ головѣ опять сумбуръ, опять эти мысли.

„Комедія! Зачѣмъ комедія? Стыдно. Таня, а не „милый юноша". Володя! Она его такъ вчера назвала. Вчера утромъ. Только вчера. Тамъ, въ долинѣ, гдѣ цвѣли лобеліи...

Все исправно. Люди молодцами.

— Возьмемъ, братцы, возьмемъ?!

— Надо взять, ваше благородіе. На то мы пѣхота!

Гордый отвѣтъ. И слово такое хорошее. Пѣхота! Пѣхота нынче— все... И на всѣхъ фронтахъ. Французская пѣхота, англійская пѣхота... Русская пѣхота. Нѣтъ. Русская пѣхота лучше всего. Что-то Мракобѣсовъ? Гдѣ-то срамитъ своимъ гнуснымъ видомъ, печальными рѣчами, резиновыми калошами, неформенной одеждой великую русскую пѣхоту?.. Въ какомъ лазаретѣ поетъ Лазаря передъ сестрами и врачами?..

Семь часовъ. Часъ атаки. Артиллерія смолкла. Чего же ждутъ? Полная тишина. и противникъ будто рѣже стрѣляетъ.

А что, если у него вышли снаряды? Безъ выстрѣла, безъ потерь. Вѣдь бывало. Вѣдь можетъ быть!

— Высаживай! — это кричитъ батальонный стрѣлковъ.

— Въ атаку! — вторитъ сочнымъ басомъ Кронидъ Кронидовичъ.

Стрѣлки помогаютъ солдатамъ вылѣзти изъ глубокой траншеи. Крестятся, кругомъ блѣдныя лица, большіе обезумѣвшіе глаза. Ничего не видятъ, ничего не слышатъ.

— Ура!—Кажется, это онъ, самъ онъ, Яковлевъ. закричалъ и побѣжалъ... Вотъ наши рогатки. Какой страшный огонь. Еще. еще. все впереди. Это ихъ заградительный огонь. А пули, а пулеметы... Что же это артиллерія ихъ не уничтожила!

— Не ложиться!..
— Я убитъ, — слышенъ твердый голосъ
Убитъ... Что это значитъ?..
— Ура!..
„Какъ далеко! Голоса нѣтъ кричать. Я задыхаюсь“.
— Не добѣжишь, ваше благородіе...
— Ура! Впередъ...
Вотъ ихъ колья. Ямы, обрывки проволокъ, все разметано... „Что это, проволока!? Какъ сильно ударило по ногамъ. Я раненъ. Я падаю. Какъ быстро-быстро наступаютъ сумерки!“. . . . . .

. . . .

— Братцы! Проволока!..
— У кого ножницы, рѣжь...
— Командира убило.
— Ложись, окапывайся!
— Впередъ!..
— Ребятки, поддай маленько!..
— Вторая отходитъ.
— Нѣмцы вылѣзли.
— Братцы, четвертая отходитъ...
— Ползи назадъ...
— Раненыхъ вынести!
— Вынесешь, чортъ!..
— Братцы, не покидайте...
— Возьми хоть винтовку, дьяволъ . . . .

. . . .

Атака захлестнулась.
Эм-цы, понеся большія потери, отошли „въ исходное положеніе“...

XVIII.

Ночь. Какая темная. Какая внезапная, какая мучительная. Та же траншея. Но теперь она полна стоновъ, полна мучительныхъ шороховъ.

Точно, кромѣ людей, еще кто-то ходитъ здѣсь и властно разбираетъ человѣческія мысли и садитъ въ нихъ то, чего раньше у нихъ никогда не бывало.

Садитъ ужасъ...

— Сорока, вы видали точно, что командира убили?
— Убили.
— Вы это знаете навѣрное?
— Кто же можетъ навѣрное знать? Упалъ на проволокѣ и не всталъ больше.
— А вы пробовали его поднять?
— Нѣтъ, я былъ въ сторонѣ. Проволоку рѣзалъ,—мрачно говоритъ Сорока.
— Уби-или командира! Эхъ, паршивые скоты нѣ-ѣмцы. Язви ихъ мухи,—причитаетъ Селимъ.
— А можетъ-быть, раненъ?—спрашиваетъ Николаевъ.—Тяжело, мучительно раненъ и оставленъ нами...
— Убитъ,—еще мрачнѣе говоритъ Сорока.
— Все одно,—вдругъ рѣшительно заявляетъ Карпенко,—убитъ, раненъ... Все одно, вынесть надо, обязанность наша. По хрестьянству надо. Какъ мы его рота! Отецъ-командиръ. Оставить нельзя. Идемъ!
— И я иду...—говоритъ спокойно Селимъ.
— Идемте! — говоритъ и Сорока. — Возьмемъ только носилки.
— Куда вы? — спрашиваютъ стрѣлки.
— За командиромъ.
— А-а! Ладно. Хорошо. Часовыхъ предупредите.

Темная ночь. Была бы темная совсѣмъ, да встревоженные нѣмцы атаки боятся. Нервничаютъ. Ракеты бороздятъ небо. Приходится часто ложиться. Путь безконеченъ. По всему пути лежатъ убитые. Бѣлые, четкіе, при свѣтѣ ракетъ будто моргающіе навѣки закрытыми глазами. Ложиться приходится среди нихъ. Жутко. Страшно. Земля здѣсь полна шороховъ ужаса.

Кромѣ мертвыхъ никого нѣтъ здѣсь... Нѣтъ. Не должно быть.

— А-а-а!.. — мучительный стонъ. Какой тяжкій. Николаевъ невольно бросается въ ту сторону.
— Не туда, баринъ. Прямо надо. Второй проходъ.

Опять ракеты, опять надо лежать и ждать, когда погаснетъ порхающій мертвый свѣтъ. Еще и еще. Ихъ такъ много! Вся ночь пройдетъ, пока дойдутъ они до него.

Стемнѣло. Еще нѣсколько шаговъ. Опять ракета.

Вотъ и проволока. Какъ много убитыхъ! Вотъ съ ножницами на ружьѣ, на колѣняхъ, весь бѣлый, страшный Мандельтортъ... Ракета. Легли подъ нимъ... Бѣлое лицо нагнулось, руки, какъ восковыя, уперты въ землю, весь животъ залитъ кровью. Страшно.

Погасла ракета. Ползутъ. Притихли снова.

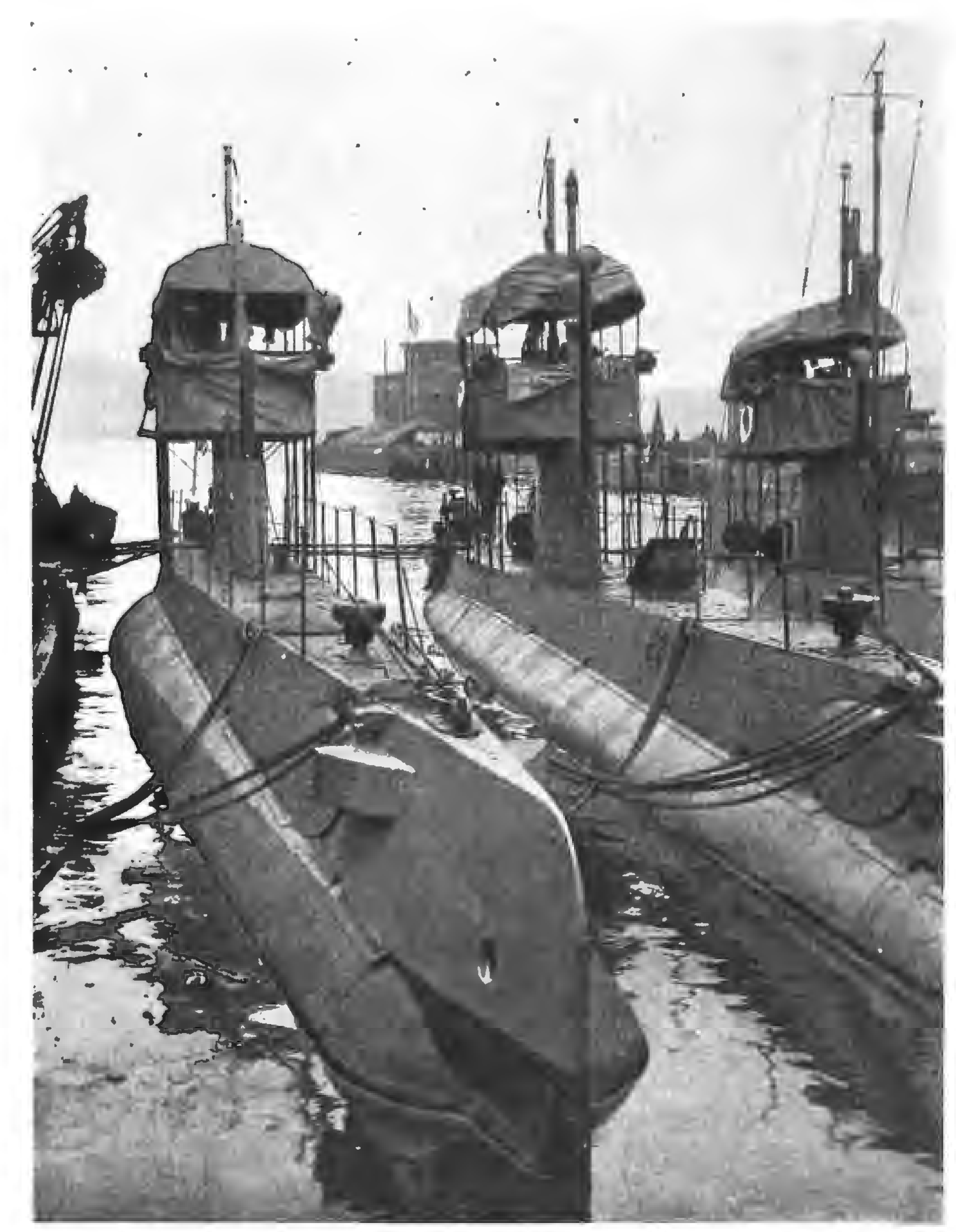
Слышенъ разговоръ у нѣмцевъ. Кто-то раздраженно-злобно сказалъ: „nein, später, später!..“ Что-то роютъ. Слышно, какъ шуршитъ земля.

— Вотъ.

Въ лужѣ крови милая статная фигура. Глаза открыты. Глаза видятъ.

Онъ живъ...

— Таня!..—тихо, какъ въ бреду.
— На носилки! За ноги бери, Селимъ.
— Они перебиты, болтаются.
— Тише, хватай выше.



Вооруженныя силы Америки. *Подводныя лодки.*

Мучительный стонъ.
— Не останавливаться,—говоритъ Николаевъ,—не ложиться. Растревожимъ раненаго.
Ракета... Идутъ...
Свистнула пуля. Другая, третья... Пулеметъ трещитъ близко-близко.
Упалъ Сорока. Не двигается. Руки холодѣютъ.
— Царство небесное! — говоритъ Карпенко.
Несутъ втроемъ. Селимъ и Николаевъ въ головахъ, Карпенко въ ногахъ.
Ухнулъ бомбометъ. Шурша, перелетѣла бомба. Разорвалась впереди. Еще ухнулъ. Сзади. Осколки свистятъ. Нѣтъ, не долетѣли... Скорѣе!.. Скорѣе!.. Не идутъ... летятъ...
— Стой! Кто идетъ?.. — спрашиваютъ откуда-то съ земли.
— Свои, свои...—дрожащимъ голосомъ отвѣчаетъ Карпенко.
Еще тридцать шаговъ, еще десять... Траншея.
— Осторожнѣе. Пособите намъ, братцы!
— Что тамъ?
— Командира принесли.
— Живъ?
— Былъ живъ. Стоналъ.
— Доктора скорѣе... Пошлите за врачомъ!
Долго нѣтъ врача. Солдаты тѣснятся въ траншеѣ надъ носилками.
— Ну, что, живъ?
— Живъ. Слабъ очень. Надо на перевязочный. Санитаровъ.
Санитары мѣрно идутъ по ходамъ сообщенія, за ними Селимъ и Николаевъ. Селимъ по праву денщика, Николаевъ такъ. Никто его не останавливаетъ...
Миновали деревню, спустились къ рѣкѣ. Здѣсь безопасно.
Санитары сѣли покурить...
— Таня!.. Таня!..—Это въ бреду.—Пить!..
— Сейчасъ, мой милый...
Теперь не зачѣмъ скрываться, даже и передъ Селимомъ.
Рядовой Николаевъ свою службу кончилъ. Завтра начинается служба сестры Татьяны. Это долгъ... долгъ русской женщины!..

Вооруженныя силы Америки. *Истребители „Биль" („Beale" 40) и „Даунсъ" („Downes" 45).*

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть **Ренэ Бенжамэна.**

Авторизованный переводъ съ французскаго **М. П. Благовѣщенской.**

(Продолженіе).

Капитанъ Пюшъ спустился со стога. Онъ шелъ къ солдатамъ небрежной поступью, словно прогуливался, слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону. Гаспаръ, на сердцѣ у котораго накипѣла злоба, сказалъ ему угрюмо:
— Капитанъ, зачѣмъ намъ сказали, что ихъ паршивые снаряды не разрываются... Зачѣмъ намъ это сказали?
— Гаспаръ,—отвѣтилъ капитанъ,—теперь не время допытываться, почему и зачѣмъ...—Снова раздался свистъ снаряда, который со страшной силой разорвался въ разстояніи пятидесяти метровъ.
— Намъ даже некогда поѣсть...—закончилъ капитанъ.—Опрокиньте котелъ!
— Опрокинуть кот...
— Да, опрокиньте!
Пюшъ отдалъ свое приказаніе очень серьезно, видно было, что рѣшеніе его было непоколебимо. Гаспаръ съ минуту колебался, но потомъ опрокинулъ котелъ. Но онъ вытащилъ горячій кусокъ мяса и спряталъ его въ свой мѣшокъ.
— Въ ружье, ребята!—скомандовалъ капитанъ Пюшъ.—По четверо въ рядъ.
Солдаты исполнили команду. Глубокая тишина. Капитанъ продолжалъ оставаться невозмутимымъ. Ногтемъ указательнаго пальца онъ старался отскоблить какое-то пятно на своемъ рукавѣ.
— По четверо,—повторилъ онъ.—Равняйся!
Пинселу проворчалъ:
— Тутъ насъ всѣхъ убьютъ... Съ какой стати мы здѣсь стоимъ?
Гаспаръ отвѣтилъ ему съ презрѣніемъ:
— Ну, ну, не реви! Тебя отведутъ къ матери!
— Чище подравнивайся!—скомандовалъ капитанъ Пюшъ.
Даже самыхъ храбрыхъ охватила легкая дрожь, и въ то же время въ нихъ говорило подавленное возмущеніе. Господи, и въ такую-то минуту (еще одинъ снарядъ со страшнымъ грохотомъ разорвался на разстояніи какихъ-нибудь двадцати пяти метровъ)... и въ такую-то минуту обращать вниманіе на всякіе пустяки!
— Смирно!... Вольно!.. Смирно!.. -Солдаты исполняли команду, возмущенные и негодующіе.
Ровнымъ и спокойнымъ голосомъ Пюшъ продолжалъ:
—На пле-чо!.. Прямо!
И онъ скомандовалъ это три раза подъ рядъ.

Даже Гаспаръ ничего не понималъ. Ему стало противно. А Бюреттъ, которымъ овладѣлъ какой-то священный ужасъ, поднялъ голову и устремилъ взглядъ въ голубое небо, и оно казалось ему болѣе безпредѣльнымъ, чѣмъ когда-либо. Сердце его билось учащенно, и онъ не чувствовалъ своего тѣла. Онъ сознавалъ только, что начинаетъ погружаться въ какой-то дикій кошмаръ. Онъ слышалъ свистъ снарядовъ и спрашивалъ себя: „Умру я? Да? Нѣтъ?“ Когда раздалась команда, онъ опустилъ голову. Капитанъ крикнулъ:

— На кра-улъ!

Онъ исполнялъ команду машинально, короткими, обрывистыми движеніями. И вдругъ среди мертвой тишины, когда солдаты застыли въ неподвижныхъ позахъ, въ промежуткѣ между взрывами двухъ снарядовъ, раздалось жужжаніе пролетавшаго шмеля.

— Смирно!—сказалъ Пюшъ.—Сейчасъ мы выступаемъ. Намъ придется пройти полтора километра подъ огнемъ...

Грохотъ разорвавшагося снаряда заглушилъ окончаніе фразы. Потомъ онъ продолжалъ:

— Впрочемъ, огонь не сильный... Къ тому же мы на войнѣ... а потому удивляться нечему. По четверо и по взводно!..

Онъ вынулъ свистокъ, сдѣлалъ знакъ рукой, который означалъ: „впередъ!“, и, не спуская глазъ съ плана, пошелъ во главѣ своей роты и тотчасъ же повелъ ее въ открытое поле.

Моро пробурчалъ:

— Ну и попали мы въ передѣлку...

Гаспаръ подхватилъ:

— Нельзя даже трубку набить!

Моро продолжалъ:

— И куда къ чорту дѣвалась наша артиллерія? Она плюетъ на насъ...

— Такъ и мы наплюемъ на нее!—сказалъ Гаспаръ.

Капитанъ свистнулъ и быстро опустилъ руку: солдаты бросились плашмя на землю. Надъ ними пролетѣлъ съ рѣзкимъ свистомъ снарядъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ взлетѣли въ воздухъ куски земли.

— Плохой прицѣлъ,—сказалъ Гаспаръ,—слишкомъ влѣво.

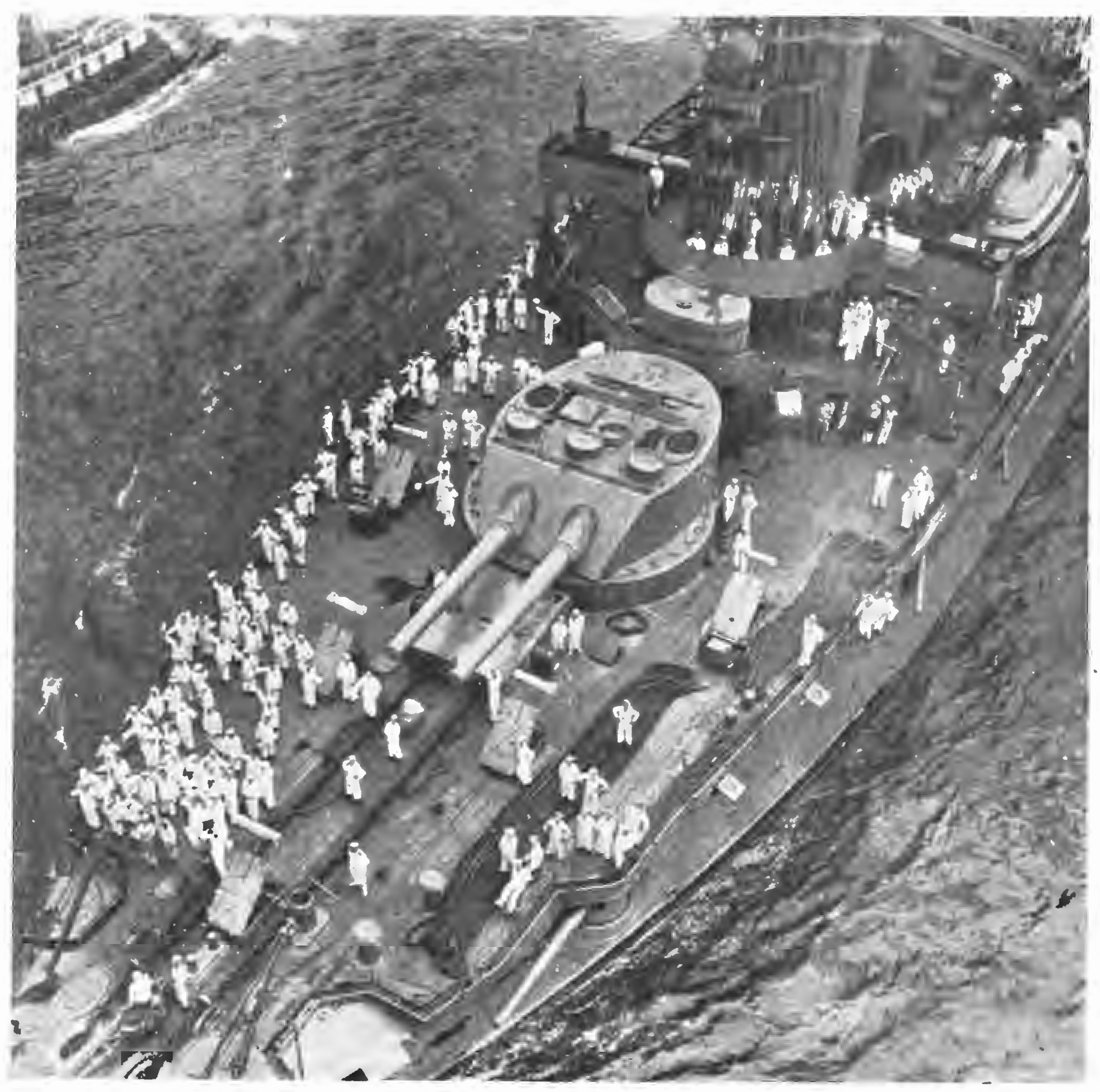
Онъ посмѣивался. И остальные солдаты, у которыхъ эта первая встрѣча съ огнемъ вызвала ужасную испарину, засмѣялись нервно и отрывисто. Они потѣли такъ сильно, что потъ скатывался крупными каплями на глаза, и они видѣли все въ туманѣ. Лежа на землѣ, плечо къ плечу, они переглядывались и говорили:

— И жарко же... Эхъ, что за жизнь!

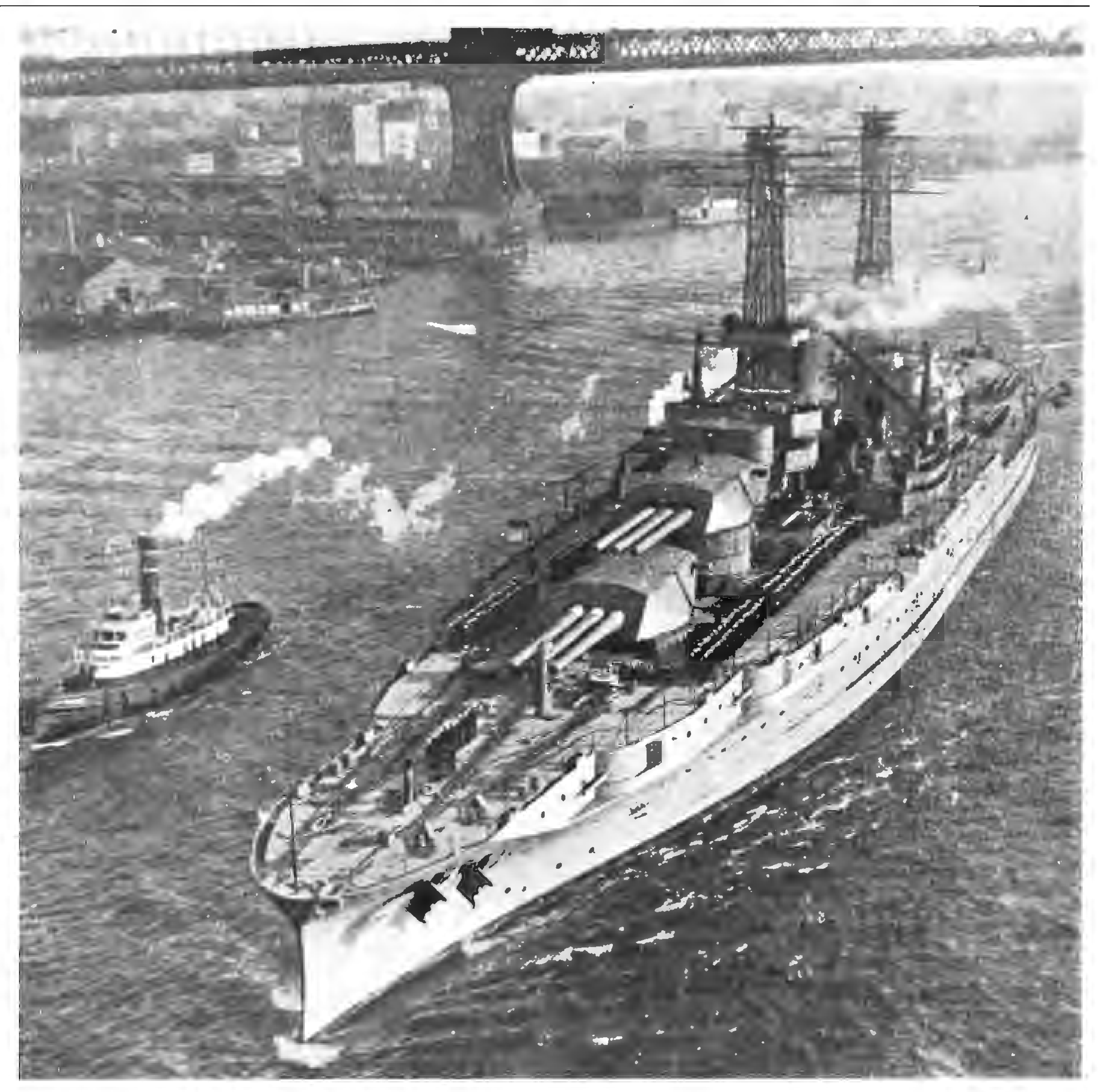
Но у парижанъ это волненіе не парализовало мысли. Ихъ мозгъ работалъ при грохотѣ взрывовъ совершенно такъ же, какъ въ сутолокѣ парижскихъ улицъ. Гаспаръ замѣтилъ:

— Здорово! Совсѣмъ, какъ на ярмаркѣ въ Тронѣ!

Солдаты ложились, поднимались и снова ложились по знаку капитана, который все время стоялъ, держа въ рукахъ планъ и бинокль, и поддерживалъ свою роту, оберегалъ ее, не торопясь, безъ всякаго волненія, безъ трагизма, но онъ былъ великолѣ-



Вооруженныя силы Америки. *Одинъ изъ гигантовъ-дредноутовъ, передъ отправленіемъ въ океанъ, навстрѣчу міровому врагу. Команду броненосца составляетъ цвѣтъ американскаго богатства—900 сыновей милліонеровъ, записавшихся добровольцами во флотъ и исполняющихъ всю черную работу заправскихъ матросовъ.*



Вооруженныя силы Америки. *Сильнѣйшій въ мірѣ дредноутъ—„Аризона", спущенный на воду въ минувшемъ октябрѣ. 31.400 тоннъ водоизмѣщенія, скорость—21 узелъ.*

щенъ въ своемъ спокойствіи, становясь лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, которая превращалась въ нѣчто страшное. Снаряды сыпались все чаще, огонь, видимо, сосредоточивался на этой кучкѣ людей. Гаспаръ старался подбодрять товарищей и говорилъ:

— Здорово!.. Ловко!.. Ахъ, паршивцы!.. Мерзавцы! Только и дѣлали, что готовились къ этому цѣлыхъ сорокъ лѣтъ! Есть ли чему удивляться, что они такъ палятъ!

Съ нимъ соглашались, нѣкоторые смѣялись. И сознаніе, что эти выстрѣлы не причинили еще никому вреда, вдругъ ободрило солдатъ.

Но самое странное было то, — объ этомъ никто еще не думалъ,—что нѣмцевъ нигдѣ не было видно. Впрочемъ, видѣли ли нѣмцы французовъ? Это не было сраженіе въ рукопашную, когда непріятельскія войска смѣшиваются. Это было грандіозное сраженіе между войсками, разсѣянными на площади въ нѣсколько квадратныхъ километровъ. Непріятель осыпалъ снарядами холмы и лѣса.

Но человѣкъ удивительно примѣняется къ обстоятельствамъ. Онъ привыкаетъ къ самымъ невѣроятнымъ положеніямъ, которыя вначалѣ сбиваютъ его съ толку, а потомъ становятся для него чѣмъ-то обычнымъ. И подъ этимъ огнемъ, который, къ счастью, еще никого не выбилъ изъ строя, Гаспаръ произнесъ философскую сентенцію:

— Въ этомъ ремеслѣ нечего стараться что-нибудь понять!

Онъ находилъ, что гораздо естественнѣе стараться найти что-нибудь поѣсть, и онъ съ ужасомъ вспоминалъ, что пришлось опрокинуть котелъ съ похлебкой. А теперь нѣтъ ни крошки съѣстного. Со вчерашняго дня у нихъ во рту не было ни маковой росинки, а они шли всю ночь. У солдатъ подводило животы отъ голода, ноги ихъ заплетались, и между лопатками выступалъ въ изобиліи потъ. И вотъ черезъ четверть часа, когда оказалось, что никто не умеръ и никто не раненъ, а снаряды начали падать рѣже и солдаты привыкли нѣсколько къ новому положенію и успокоились, а главное, все больше и больше страдали отъ голода,—они перестали обращать вниманіе на огонь и думали только о томъ, какъ бы что-нибудь проглотить, все равно что—лишь бы проглотить что-нибудь такое, что подкрѣпило бы ихъ немного и успокоило бы сосущую боль подъ ложечкой. Тутъ и тамъ стали слышаться голоса:

— Гаспаръ.. покажи хоть издали кусокъ мяса. Ей-Богу, вѣдь такъ и подохнуть недолго.

Гаспаръ отвѣчалъ гнѣвно:

— Да оно и не нарѣзано даже... Убирайтесь къ чорту!.. Мы сожремъ его вечеромъ.

Что же, онъ былъ правъ. На это нечего было возразить... И кромѣ того, какъ разъ въ это время солдатамъ привалило счастье... такъ они думали, по крайней мѣрѣ.

Пройдя поле, засѣянное свеклой, они вошли въ рожь, великолѣпнѣйшую рожь, которая доходила имъ до плечъ. Эта прекрасная рожь росла на самой границѣ, точно для того, чтобы возбуждать зависть въ сосѣднихъ нѣмцахъ. И среди этой богатой нивы съ высокой рожью, стоявшей невредимо, гордо поднявъ колосья, падали снаряды какъ-то нелѣпо и глупо. Въ столбахъ

пыли и дыма, поднятыхъ взрывомъ, мелькали оторванные колосья, словно золото.

Ежеминутно капитанъ подавалъ свисткомъ знакъ, чтобы солдаты наклоняли головы, сгибали спины, ложились, прятались.

Но нѣтъ, довольно! Что за ерунда! Теперь они будутъ ѣсть. Да, да! И солдаты полными охапками забирали колосья, будто обнимали любимое существо. Они набивали рты, не давая себѣ времени даже выбрать зерна изъ колючей оболочки. Но жевать сырую рожь въ знойный день, когда фляжка пуста,—вотъ новая пытка. Они только разбередили муки голода. И къ этому прибавилась еще жгучая жажда, которая бросала ихъ въ жаръ, туманила голову.

Но вотъ роскошное хлѣбное поле кончилось, и, сдѣлавъ послѣдній прыжокъ, солдаты вдругъ очутились передъ равниной и деревней. Необозримая равнина и пылающая деревня,—полная картина сраженія, съ массой пѣхоты, грохотомъ орудій, трескомъ разрывающихся снарядовъ, и на нѣкоторомъ отдаленіи линія непріятеля въ огнѣ, вспыхивавшемъ въ лѣсу, точно молнія. На минуту въ души солдатъ снова вселился ужасъ передъ войной.

И вдругъ изъ-подъ небольшого пригорка выскочилъ кроликъ и быстро побѣжалъ, прыгая то вправо, то влѣво. Всѣ глаза съ любопытствомъ устремились на него, рты раскрылись, въ рядахъ произошло движеніе. Казалось, война превратится въ охоту, солдаты готовы уже были броситься за кроликомъ. Но кроликъ сдѣлалъ скачокъ въ сторону, и его бѣлая спинка исчезла въ кустарникѣ. Гаспаръ вытеръ пальцемъ потъ со лба и сказалъ Бюретту страдальческимъ голосомъ:

— Кроликъ!.. Ахъ, голубчикъ!.. Кроликъ... да еще въ соусѣ!

Бюреттъ отвѣтилъ:

— У меня есть еще остатки сахару... Хочешь?

— Что же, ничего... Но только сахаръ насъ окончательно погубитъ. Ни единой капли воды!.. Да, хорошая штука война!

— Посмотри!—сказалъ Бюреттъ.—Вонъ передъ нами...

Онъ указалъ на пылавшую деревню. Она представляла собою гигантскій костеръ, пламя котораго поднималось выше колокольни. А въ равнинѣ, словно морской приливъ, бушевали германскіе снаряды, все надвигаясь, сметая, уничтожая все, покрывая каждый уголокъ земли, тогда какъ стрѣлки цѣлыми полками шли навстрѣчу этому ураганному огню. Колонны двигались скачками, легкія и гибкія, то припадая къ землѣ, то снова поднимаясь, и онѣ оживляли этотъ уголокъ цвѣтущаго края, а красныя панталоны солдатъ ложились красочными пятнами на пейзажъ, озаренный яркими лучами солнца, и придавали картинѣ какой-то адскій колоритъ.

И что за погожій день стоялъ! Ясный и улыбающійся!

Теперь, благодаря яркому освѣщенію, можно было различить сражающихся. Грандіозное сраженіе было все тутъ на виду, и то, что происходило, было еще ужаснѣе подъ голубымъ яснымъ небомъ, подъ щедрыми солнечными лучами, сыплющими на землю радость. Казалось, будто лотарингская земля хотѣла показаться во всей своей красѣ, чтобы вдохновить войска: „Развѣ я не прекрасна? О, спасите меня!“ Этотъ день былъ полонъ такой неизъяснимой прелести, въ немъ чувствовалось столько безконечной мощи, что казалось, будто Богъ присутствуетъ тутъ, совсѣмъ близко, будто духъ Его витаетъ надъ этимъ прекраснымъ ландшафтомъ.

Бюреттъ былъ растроганъ. Онъ взялъ Гаспара за плечо и сказалъ:

— Гаспаръ, не будемъ разставаться больше... Будемъ держаться вмѣстѣ... во что бы то ни стало!

Гаспаръ отвѣтилъ:

— Идетъ, товарищъ... Только вотъ бѣда, горячее мясо жжетъ мнѣ задъ.

— Гаспаръ, теперь не время шутить.

— О! Да вѣдь мы изъ Пантрюша, а не изъ Пэнъ-ла-Гареннъ.

— Гаспаръ, теперь три часа... Черезъ четверть часа, быть-можетъ, насъ уже не будетъ больше въ живыхъ.

— Ну, по моимъ часамъ это будетъ, значитъ, черезъ двадцать минутъ... потому что мои часы отстаютъ.

Онъ тоже былъ взволнованъ, но онъ ни за что не хотѣлъ выдавать своихъ чувствъ, такъ какъ считалъ это недостойнымъ мужчины.

Огонь становился все интенсивнѣе. Цѣлыя группы людей исчезали въ облакахъ дыма. Въ воздухѣ то и дѣло взлетали глыбы земли и камни. Кто-то крикнулъ — снарядъ попалъ въ кого-то. Потомъ упало еще двое... еще десять человѣкъ... множество солдатъ полетѣло кубаремъ. Нѣкоторые, смертельно раненые въ голову или въ сердце, бѣжали еще впередъ и затѣмъ тяжело падали ничкомъ, точно ихъ хватала за шиворотъ сама смерть и швыряла на землю.

Гаспаръ, не вѣрившій своимъ глазамъ, закричалъ:

— Чортъ возьми, ужъ не принимаютъ ли они насъ за кегли?

Ряды были сломлены, рота пришла въ замѣшательство. Несмотря на свое неизмѣнное спокойствіе, капитанъ не могъ заставить себя слышать въ этой сумятицѣ, граничащей съ паникой. Гаспаръ съ минуту колебался. Двигаться впередъ? Помогать однокашникамъ?.. И вдругъ онъ крикнулъ: „Бюреттъ, сюда!“ и бросился къ одному несчастному парню, который звалъ его и кричалъ, что было мочи:

Вооруженныя силы Америки. Дредноутъ „Пенсильванія“. *Исполины моря.*

— Гаспаръ... Гаспаръ! Ты такой ловкій... спаси меня... О, какія муки, Гаспаръ!

Гаспаръ подбѣжалъ къ нему и разстегнулъ ему куртку:

— Куда тебѣ попало?

— Не знаю... Въ ногу... Да, да, въ ногу.

— Такъ чего же ты?.. Нога — это пустяки... Тебѣ ее починятъ.

— Нѣтъ ли у тебя воды, Гаспаръ?

— Ну, бѣдняга... моя фляжка такъ же суха, какъ грудь моей тещи.

Говоря это, Гаспаръ рылся въ своемъ мѣшкѣ. Онъ вытащилъ изъ него кусокъ горячаго мяса и положилъ его на раненаго.

— Вотъ смотри на него съ минуту и не трогай... Бюреттъ, дай сахару! Видишь, у Бюретта есть сахаръ... Это хорошій однокашникъ... Да не реви же... Вѣдь ты знаешь, что у этихъ свиней хорошіе бинокли... такъ они еще увидятъ, что ты ревешь...

И „они", должно-быть, дѣйствительно увидѣли раненаго, потому что не успѣли Гаспаръ и Бюреттъ отойти отъ него, какъ новымъ снарядомъ его разорвало пополамъ... Это было ужасно. Но Гаспаръ и Бюреттъ не видѣли этого. Гаспаръ смотрѣлъ передъ собой и громко ругался: „Чортъ бы побралъ нашу артиллерію... она точно забыла о насъ и не поддерживаетъ насъ". Въ головѣ у него былъ полный сумбуръ... Конечно, онъ ничего не понималъ въ этомъ ужасномъ сраженіи. Непріятеля нигдѣ не было видно, а его полкъ таялъ подъ адскимъ огнемъ. Для чего все это? Чего имъ надо здѣсь? И, чтобы показать свое презрѣніе къ тому, что происходило вокругъ него, онъ балагурилъ и острилъ.

Продолжая итти рядомъ съ Бюреттомъ, онъ нагналъ Моро:

— Ты слышишь этихъ болвановъ съ ихъ паршивыми кофейными мельницами?

И дѣйствительно, пулеметы, неизвѣстно гдѣ скрытые, сыпали такимъ градомъ пуль, что казалось, будто воздухъ отъ нихъ сгустился, и невидимая смерть жужжала въ ушахъ обезумѣвшихъ солдатъ, задыхающихся, безполезныхъ въ этомъ неравномъ бою противъ прусской артиллеріи. Гаспаръ понялъ это. Онъ остановился позади одного стога (мѣшокъ съ горячимъ мясомъ продолжалъ жечь ему бокъ) и сказалъ Бюретту:

— Это настоящая бойня.

И онъ сѣлъ на землю, подавленный, и безпомощно опустилъ руки. Вдругъ онъ почувствовалъ прикосновеніе чего-то теплаго къ своей рукѣ.

— Это еще что?..

Его руку лизала сука, та самая черная сука съ пустыми отвислыми сосками, которая слѣдовала за полкомъ, и которую Гаспаръ подкармливалъ. Она отстала, и вотъ теперь вдругъ опять появилась въ самый разгаръ сраженія.

— Это ты, моя красавица! Откуда ты?

Онъ крѣпко расцѣловалъ собаку и точно вновь обрѣлъ мужество, уступая дѣтскому, но трогательному желанію показать себя бравымъ передъ собакой. Она такъ нѣжно лизала его... Онъ прижалъ ее къ себѣ и сказалъ:

— Ты пришла сражаться? Тебѣ хочется отвѣдать мяса бошей? Ладно, тебѣ его преподнесутъ.. потому что, ты сама видишь, уже кое-что сдѣлано... Во всякомъ случаѣ мы пришли... вотъ спроси хоть Бюретта, Бюреттъ хорошій однокашникъ... Да, и мы отберемъ у нихъ изъ-подъ носа эту деревню, вотъ эту самую... Скоро мы тамъ будемъ... Э, Бюреттъ, вставай, надо итти!

Онъ оперся на руки, чтобы встать, и попалъ пальцами въ лужу крови:

— О!.. Ну, не ужасно ли это?..

Собака залаяла, и онъ не окончилъ фразы, такъ какъ раздался сухой выстрѣлъ совсѣмъ поблизости. Онъ подпрыгнулъ и посмотрѣлъ на Бюретта, тотъ тоже смотрѣлъ на него. И вдругъ Бюреттъ крикнулъ:

— Да вѣдь... да вѣдь это наши, Гаспаръ. Теперь начали палить наши!

Вооруженныя силы Америки. *Крѣпостныя орудія въ моментъ стрѣльбы. (Виденъ полетъ снаряда).*

Гаспаръ повторялъ со сверкающими отъ радости глазами:

— Неужели... Господи... Да неужто это наши артиллеристы?

— Вѣрно, вѣрно! Слышишь?

Позади нихъ раздался грохотъ орудія, рѣзкій, короткій и опредѣленный, какъ холодная месть... Гаспаръ быстро забормоталъ отъ радостнаго волненія:

— Это 75-миллиметровыя! Голубчикъ!.. Нѣтъ, ты подумай, милый мой! Господи... Господи!

Онъ галопомъ поскакалъ впередъ, но горячее мясо продолжало невыносимо жечь ему бокъ. Моро посовѣтовалъ:

— Да брось ты его къ чорту!

Гаспаръ возмутился:

— Этакій-то великолѣпный кусокъ мяса!.. Да вѣдь это настоящій деликатессъ!.. Нѣтъ, спасибо! Скорѣй я женюсь на чортовой бабушкѣ!

И онъ сталъ дѣлать въ овсѣ прыжки чуть ли не въ сто метровъ, заставляя и другихъ слѣдовать за собой.

Увы! Произошло вдругъ нѣчто такое, чего никогда нельзя выяснить въ сраженіи, когда одновременно дѣйствуетъ множество разнородныхъ силъ, и когда каждый изъ сражающихся видитъ только свою небольшую группу. Внезапная остановка, потомъ движеніе назадъ... смятеніе, паника... и наиболѣе отважные теряются, приходятъ въ замѣшательство, и ихъ увлекаетъ, уноситъ словно бурнымъ потокомъ... Это—бѣгство! Какъ оно начинается? Какая причина вызываетъ его? Передъ какой новой опасностью приходятъ люди въ такое замѣшательство? Развѣ кто-нибудь знаетъ это? Видишь безумно расширенные глаза — это наводитъ ужасъ; слышишь дикіе крики—и кричишь; видишь, какъ всѣ бѣгутъ куда-то — и бѣжишь. Но... когда сознаешь, что ты „париго" *) съ улицы de la Gaîté, то быстро приходишь въ себя. Здравый смыслъ беретъ верхъ надъ безот-

*) Парижанинъ.

четнымъ, паническимъ ужасомъ. Вотъ почему въ потокѣ паническаго бѣгства Гаспаръ вдругъ остановился и закричалъ громовымъ голосомъ:

— Куда они бѣгутъ?.. Угорѣли вы, что ли?.. Точно стадо скотовъ!.. Да что съ ними?..

Оглушительнымъ взрывомъ снаряда его швырнуло на землю. Онъ исчезъ въ черномъ облакѣ. У Бюретта сжалось сердце. Онъ крикнулъ:

— Гаспаръ!.. Гаспаръ!..

Послышался голосъ:

— Я здѣсь, товарищъ... На этотъ разъ все благополучно!

И онъ вскочилъ и началъ снова останавливать бѣгущихъ, натравливая на нихъ черную суку, которая отчаянно выла:

— Хватай, хватай ихъ за ноги!.. Да не бойся! Это не люди, это мокрыя курицы!.. Генералъ!.. Да гдѣ же генералъ?.. Эй, генералъ, слѣдуетъ всѣхъ ихъ наградить медалями съ изображеніемъ зайца!

Но не было больше ни офицеровъ ни сержантовъ.

— Впередъ!.. Впередъ!—кричалъ въ наступленіи Гаспаръ. — Развѣ такъ возвращаются домой?.. Вѣдь мы не кончили еще!.. Я не убилъ еще ни одного боша!

Наконецъ въ общей сумятицѣ къ нему присоединились человѣкъ пятьдесятъ и бросились впередъ.

— Развѣ вы не слышите 75-миллиметровыя?.. Слышите, какъ наши палятъ. Говорятъ вамъ, что мы всѣхъ ихъ перестрѣляемъ, какъ зайцевъ!..

Къ несчастью, въ нихъ самихъ стрѣляли не хуже... Снаряды то и дѣло падали справа, слѣва, впереди... Уцѣлѣвшіе выбрались наконецъ на дорогу, но снаряды преслѣдовали ихъ и тамъ. Снаряды и пули осыпали ихъ — мѣшки ихъ были разодраны, манерки пробиты осколками снарядовъ. Весь воздухъ былъ въ огнѣ, земля сотрясалась и разверзалась подъ ихъ ногами. Наконецъ дошла очередь и до Гаспара и Бюретта: ихъ ранило однимъ и тѣмъ же снарядомъ.

Бюреттъ, вмѣсто того, чтобы упасть, выпрямился. Онъ крикнулъ: „Туше!“, какъ во время фехтованія, а Гаспаръ отвѣтилъ ему голосомъ, полнымъ злобы:

— И я также! Свиньи паршивыя!

Отъ боли онъ смертельно поблѣднѣлъ и какъ-то вдругъ осунулся. Онъ терялъ сознаніе, но силой воли заставилъ себя встать и прибавилъ:

— Да, мнѣ попало... да, но это можно заплатать...

Онъ придерживалъ рукой ягодицу. Онъ раненъ въ ягодицу! Это приводило его въ отчаяніе. Въ задъ!.. Онъ даже отплюнулся, такъ ему было досадно и противно. И когда на нихъ посыпался новый градъ пуль и снарядовъ и Бюреттъ крикнулъ: „Ложись на брюхо!.. Гаспаръ, бросайся на брюхо!“, онъ отвѣтилъ съ негодованіемъ: „Оставь меня въ покоѣ! Пусть меня теперь разорветъ спереди... Вотъ, нате!“

Но на этотъ разъ его не ранило. Они пошли дальше. Онъ шелъ съ трудомъ. Раздался снова свистъ снаряда, и онъ приникъ къ землѣ. Когда онъ приподнялся и сталъ искать глазами Бюретта, онъ нигдѣ не увидалъ его. Но овесъ былъ высокій, Бюреттъ могъ скрываться гдѣ-нибудь въ овсѣ. Онъ крикнулъ:

— Эй, товарищъ!.. Бюреттъ, гдѣ ты?

Молчаніе. Гаспаръ поднялъ голову, потомъ сталъ на колѣни и наконецъ поднялся.

— Бюреттъ!.. Послушай, куда же ты дѣвался... а еще соратникъ!

Едва онъ это произнесъ, какъ пуля пробила верхъ его кепи, и его голову точно встряхнуло. Онъ сказалъ со злобой:

— У, негодная!.. Счастье, что мать родила меня такимъ, а не на вершокъ выше!

И онъ пошелъ назадъ разыскивать Бюретта. Онъ прошелъ не болѣе пятнадцати метровъ и увидалъ его. Бюреттъ стоялъ на колѣняхъ неподвижно, вытянувшись, съ раскрытымъ ртомъ и остановившимся взглядомъ. Гаспаръ ударилъ его по плечу. Бюреттъ повалился на землю.

Братство. *Жанъ Друа.*

— Господи помилуй!—воскликнулъ Гаспаръ.

Жужжаніе пуль, назойливое и предательское, оглушало его. Онъ наклонился надъ товарищемъ.

— Послушай, голубчикъ, что это на тебя нашло?—спросилъ онъ съ короткимъ, нервнымъ смѣхомъ.

— А!.. А!—вырвалось только у Бюретта.

— Тебя второй разъ ранило? Куда?

— А!..—простоналъ опять Бюреттъ.—Сюда...

Онъ показалъ на животъ и растянулся на землѣ, какъ человѣкъ, котораго покидаютъ послѣднія силы.

— Мерзавцы!—крикнулъ Гаспаръ.

Онъ разстегнулъ Бюретту куртку, потомъ рубашку и сказалъ тономъ, который онъ старался сдѣлать небрежнымъ и шутливымъ:

— Да ничего особеннаго, дружище! Право, пустяки... крошечная дырочка—и больше ничего.

— Мнѣ... конецъ,—пробормоталъ Бюреттъ.

— Да не будь же дуракомъ... Вотъ лягъ сюда... Ты меня хорошо знаешь... Я—Гаспаръ, я тебя не покину... Мы какъ-нибудь устроимся... Слава Богу, кажется, мы однокашники, и хорошіе однокашники.

— Конецъ...

— Полно, не говори вздора!

На нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ опять упалъ снарядъ. Гаспаръ сказалъ:

— Хуже всего то, что эти свиньи не перестаютъ стрѣлять! Дружище, ты можешь итти?

— О, нѣтъ!.. Нѣтъ, нѣтъ!

— А если я тебя буду поддерживать?
— Лучше умереть... здѣсь... О!.. О!.. Послушай... Ты скажешь моей женѣ...
— Чего ты разсказываешь!.. Жаль, что ты не видишь себя! У тебя рожа такая, что ты проживешь еще сто лѣтъ!.. Есть о чемъ разговаривать!.. Да, тебѣ попалъ кусочекъ свинца въ животъ, ну такъ что жъ изъ этого? Долго ли его вынуть?
Опять снарядъ. Гаспаръ бросился на землю, но такъ, что прикрылъ собою Бюретта.
— Мнѣ совсѣмъ неинтересно, чтобы въ тебя еще разъ попало!.. Такъ послушай же: надо убираться отсюда, ничего не подѣлаешь. Въ деревнѣ намъ все равно уже не бывать. Намъ надо убираться. Обними меня за шею обѣими руками...
— Нѣтъ!.. О, нѣтъ! Гаспаръ... не трогай меня... Мнѣ больно... ужасно больно!.. Лучше... лучше слушай меня.
— Ну, опять разговоры! Вѣчные разговоры! Не даромъ ты бакалавръ. Всѣ эти бакалавры на одинъ ладъ... Ладно, тебя не спрашиваютъ, нравится тебѣ это или нѣтъ... Я тебя беру...
— Нѣтъ!.. Нѣтъ!
— Беру, беру!.. Хватайся за меня... крѣпче... Гопъ-ля! Маршъ!
Онъ не думалъ больше о своей ранѣ. Онъ бросилъ ружье и ранецъ и оставилъ только мѣшокъ, въ которомъ хранился кусокъ мяса. Онъ взялъ своего „однокашника" на плечи, какъ берутъ ребенка, и пошелъ назадъ по тому самому пути, который онъ только-что продѣлалъ скачками подъ ужаснымъ огнемъ непріятеля.
Но и теперь огонь былъ такой же интенсивный. Повидимому, боши не имѣли ни малѣйшаго намѣренія прекращать его. Гаспаръ, едва переводя дыханіе, прошелъ со своей ношей черезъ длинное поле, надъ которымъ пули отъ пулеметовъ жужжали, словно шмели, свистѣли, пѣли, назойливыя и невидимыя. Но вотъ потому-то солдаты болѣе ненавидятъ эти предательскія пули, чѣмъ громоздкіе снаряды, грубые и страшные, но не такіе предательскіе, и которые даютъ возможность передохнуть въ промежуткѣ между двумя выстрѣлами. Тогда какъ эти маленькія пульки безостановочно жужжатъ въ воздухѣ, проносятся мимо лица, носятся повсюду и поютъ въ воздухѣ, который какъ будто тоже израненъ ими.
— Мерзавцы! Гадины!—бормоталъ Гаспаръ.
Каждый нервъ его дрожалъ подъ этимъ предательскимъ градомъ. Два или три раза онъ тихо опускалъ на землю Бюретта, съ искаженнымъ лицомъ хватался за свою рану и глубоко дышалъ. Потомъ онъ ловко и быстро бралъ снова товарища на плечи и говорилъ:
— Ничего, дружище, мы двигаемся впередъ... будь спокоенъ. Скоро мы доберемся до поселка, тамъ тебя вылѣчатъ.
Но непріятельскій огонь хваталъ все дальше и дальше. Должно-быть, съ лѣсистаго холма, господствовавшаго надъ всей долиной, германцы открыли этихъ раненыхъ, которые, какъ Гаспаръ, плелись за французскими линіями, едва волоча ноги, поодиночкѣ, по-двое, стонущіе, растерзанные, старающіеся итти какъ можно скорѣе, придерживающіе свои раны, до перваго перевязочнаго пункта, который они издали искали затуманеннымъ взоромъ. Непріятель принялъ жестокое рѣшеніе прикончить ихъ. И вотъ посыпался новый градъ снарядовъ, болѣе ужасный, потому что всѣ эти израненные люди не могли больше быстро ложиться и прятать головы, да и энергія ихъ изсякла. А потому многіе были ранены во второй разъ, нѣкоторые три раза. Но они все шли впередъ, издавая громкіе стоны, обезумѣвшіе, истекающіе кровью,—это были жалкіе остатки человѣческаго мяса, на которые обрушились германскія пушки.
Гаспаръ не чувствовалъ страха. Онъ былъ простъ и великолѣпенъ. Онъ шагалъ все впередъ, обливаясь потомъ и задыхаясь, и только приговаривалъ:
— Тѣмъ хуже!.. Мнѣ на нихъ наплевать! Авось, какъ-нибудь выберемся изъ этого!.. Придется подыхать вмѣстѣ, такъ и подохнемъ вмѣстѣ!
— Да... да,—шепталъ Бюреттъ,—только... только не встряхивай меня...
— Дѣло въ томъ, что ты не тяжелый, скотина!
При этихъ словахъ Бюреттъ, у котораго на глазахъ выступали слезы отъ невыносимыхъ страданій, вдругъ раскрылъ глаза и сказалъ:
— Гас... Гаспаръ, ты лучшій изъ друзей, какіе у меня когда-либо были!
Гаспаръ, задыхавшійся подъ своей ношей, ничего не отвѣтилъ. Оба были глубоко растроганы.
Справа, слѣва, по мѣрѣ того, какъ они двигались впередъ по полю битвы, усѣянному людьми, раздавались голоса:
— Эй, послушай!.. Эй, голубчикъ!.. Эй, другъ! Дай напиться!.. Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь попить!.. Дай хоть капельку воды!
Всѣ терпѣли однѣ и тѣ же муки, всѣ просили пить. Нѣкоторые произносили также имя женщины, едва слышно, съ рыданіями. Въ агоніи они высказывали свои послѣднія мысли: „Жанна!.. Жанна!.. Мари!.. Моя бѣдная жена!.. Мама!.. Пить!.. Эй, долговязый, дай попить!"
Гаспаръ былъ блѣденъ, какъ полотно, несмотря на то, что ему было очень жарко. Онъ смотрѣлъ прямо передъ собой, чтобы не видѣть этихъ умоляющихъ глазъ, и шелъ напрямикъ, сворачивая только, чтобы не наступать на мертвыя тѣла. Одни валялись на спинѣ, съ померкшимъ взглядомъ, утремленнымъ въ небо. Другіе лежали ничкомъ, уткнувшись лицомъ въ землю, точно цѣловали ее, умирая.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Ф. Керенскій.

Очеркъ **В. В. Кирьякова.**

...„Его, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ" *).

Кому неизвѣстно теперь имя Александра Федоровича Керенскаго—перваго гражданина свободной Россіи, перваго народнаго трибуна-соціалиста, перваго народнаго министра юстиціи, министра правды и справедливости?
Изо дня въ день пишутъ теперь объ А. Ф. Керенскомъ въ газетахъ и журналахъ всего міра: десятки привѣтственныхъ телеграммъ летятъ къ нему со всѣхъ концовъ Россіи и Европы; сотни депутацій отъ русскихъ и иностранцевъ привѣтствуютъ въ его лицѣ революціонный русскій народъ, создавшій „улыбающуюся", справедливую, благородную революцію; тысячи людей несутъ къ нему и радость своихъ нынѣшнихъ свободныхъ настроеній и неизжитую еще печаль былой своей рабской жизни.
Словомъ, нѣтъ теперь популярнѣе человѣка, нѣтъ извѣстнѣе имени Александра Федоровича Керенскаго. Оно стало и у насъ и за границей какъ бы благороднымъ символомъ благородной Великой Русской Революціи.
Почему же такъ? Почему всѣ сердца тянутся именно къ Керенскому? Почему все вниманіе приковано именно къ его словамъ и дѣйствіямъ? Почему пылкое сердце Великой Русской Революціи именно его сдѣлало своей первой, никогда не забываемой любовью?
Объ этомъ я и хочу сейчасъ разсказать.

I.

Дѣтство Керенскаго и „первыхъ дней" уроки.

Недавно я слышалъ такой разговоръ въ трамваѣ.
— Чѣмъ вы объясняете такую горячую любовь Россіи къ А. Ф. Керенскому?
Собесѣдникъ, не задумываясь, отвѣтилъ:
— Взаимностью: Россія полюбила того, кто уже давно пылко полюбилъ Россію, полюбилъ почтительной, сыновней, дѣйственной любовью.
И это—правда.
А. Ф. Керенскій горячо любитъ Россію. И давно любитъ.
За что же и какъ полюбилъ А. Ф. Керенскій свою мать-Россію?
Полюбилъ онъ ее пылкой сыновней любовью прежде всего за тѣ страданія, которымъ цѣлые вѣка подвергали нашу мать-Россію ея наслѣдственные мучители самодержавные цари и ихъ сторожевые псы-опричники. Полюбилъ горячей братской любовью весь трудовой народъ Россіи за тотъ стонъ, который вѣками раздавался не только „надъ Великой русской рѣкой", а и надъ всей многострадальной Великой Русской Землей.
Эту „пѣсню, подобную стону", Александръ Федоровичъ услыхалъ впервые именно надъ великою русской рѣкой—въ своей колыбели.
Онъ родился на Волгѣ, въ г. Симбирскѣ, въ памятный для Россіи 1881 годъ. Отецъ его, Федоръ Михайловичъ, былъ директоромъ Симбирской гимназіи.
Первый вздохъ А. Ф. Керенскаго (онъ родился 22-го апрѣля) почти совпалъ съ послѣднимъ вздохомъ великихъ борцовъ за свободу Россіи — народовольцевъ Софіи Перовской, Андрея Желябова, Тимофея Михайлова, Кибальчича и Рысакова, задушенныхъ по приказанію Александра III на Семеновской площади.
Первыя его дѣтскія движенія, первый его дѣтскій лепетъ почти совпали съ послѣднимъ движеніемъ, съ послѣднимъ лепетомъ испуганной Россіи.
Послѣ казни народовольцами Александра II, обагрившаго свои руки въ крови десятковъ революціонеровъ, Россія вздохнула-было посвободнѣе, но скоро опять была крѣпко скрючена по рукамъ и по ногамъ, опять ее казнили „посредствомъ удушенія и урѣзанія языка", какъ говорили въ старину.
Первыя дѣтскія воспоминанія А. Ф. Керенскаго,—тогда шестилѣтняго ребенка,—это, по его словамъ, смутныя воспоминанія о тихомъ ужасѣ, охватившемъ Симбирскъ, когда тамъ узнали о казни сына мѣстнаго директора народныхъ училищъ, студента Александра Ильича Ульянова (родного брата нашего „пломбированнаго" Н. Ленина) за участіе его въ попыткѣ послѣднихъ наро-

*) Съ такимъ эпиграфомъ вышелъ журналъ „Республика", первый нумеръ котораго былъ посвященъ А. Ф. Керенскому. Прим. авт.

довольцевъ казнить (1-го марта 1887 года) царя Александра III, тогда уже окончательно придавившаго слоновой тяжестью своего самодержавія несчастную Россію.

Наконецъ первыя школьныя воспоминанія Александра Федоровича—это воспоминанія о своихъ первыхъ товарищахъ, товарищахъ дѣтскихъ игръ, о дѣтяхъ трудового народа, оставленныхъ царемъ Александромъ III за порогомъ гимназіи.

— Мужики, а туда же лѣзутъ учиться въ гимназіи,—сказалъ царь въ 1887 году, когда ему доложили, что одинъ изъ политическихъ былъ репетиторомъ крестьянскаго сына, учившагося въ гимназіи.

И царскій холопъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, вѣрнѣе, народнаго затемненія, графъ Деляновъ запретилъ принимать въ гимназіи крестьянскихъ и мѣщанскихъ дѣтей,—„кухаркиныхъ дѣтей".

Вотъ какіе „первыхъ дней" уроки далъ „батюшка-царь" своему маленькому „подданному" А. Ф. Керенскому.

Совсѣмъ другіе уроки давала ему матушка-Волга.

Волга несла ребенку не только „пѣсни, подобныя стону", но вольныя пѣсни о любимомъ народномъ героѣ Стенькѣ Разинѣ, знаменитый утесъ котораго находится какъ разъ около Симбирска.

Кто знаетъ, не запали ли въ формировавшуюся еще тогда дѣтскую душу будущаго перваго гражданина свободной Россіи слова народной пѣсни:

Если есть на Руси хоть одинъ человѣкъ,
Кто съ неправдой людскою не знался,
Мужика не давилъ,
Кто свободу, какъ мать дорогую, любилъ
И во имя ея подвизался,—
Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ,
Чуткимъ ухомъ къ нему пусть приляжетъ,
И утесъ-великанъ все, что думалъ Степанъ,
Смѣльчаку все тому перескажетъ.

II.

Гимназическіе годы Керенскаго.

Въ 1889 году отецъ А. Ф. Керенскаго былъ переведенъ изъ Симбирска въ Ташкентъ. Вмѣстѣ съ нимъ переѣхалъ туда и „Саша Керенскій",—какъ звали его товарищи по Ташкентской гимназіи. Эта ласкательная кличка школяровъ говоритъ лучше всякихъ длинныхъ описаній о томъ, какъ любили и цѣнили А. Ф. его гимназическіе сотоварищи. И въ дѣтскихъ шалостяхъ и проказахъ, и въ „военныхъ дѣйствіяхъ" противъ нелюбимыхъ или смѣшныхъ учителей, въ родѣ „француза Эмиль Ивановича", и въ совмѣстномъ чтеніи въ кружкахъ саморазвитія—вездѣ, во всемъ и всегда онъ былъ для своихъ сверстниковъ—„Сашей Керенскимъ".

Ташкентъ — ворота Сибири. Стоны политическихъ борцовъ за свободу Россіи, томившихся въ то время на каторгѣ или въ ссылкѣ, были тамъ ближе, слышнѣе.

Чуткое къ страданіямъ людей ухо Саши Керенскаго съ болью воспринимало всѣ разсказы о невыносимомъ положеніи друзей народа, терзаемыхъ маленькими царьками-тюремщиками сибирскихъ „гиблыхъ мѣстъ". Кара, Акатуй говорили тамъ о себѣ болѣе свободными языками, чѣмъ въ срединной Россіи. То, что разсказалъ намъ потомъ въ своей извѣстной книгѣ Кеннанъ, еще раньше написалось „кровью сердца и сокомъ нервовъ" на впечатлительной душѣ А. Ф., отпечаталось въ его молодомъ мозгу.

Изъ всего прочитаннаго, слышаннаго и видѣннаго живое воображеніе Саши Керенскаго творчески возсоздало всю вѣковую картину подневольной жизни всего русскаго народа—трудового, терпѣливаго, незлобиваго, всевыносящаго, всепрощающаго, многострадальнаго русскаго народа.

И онъ полюбилъ его—этотъ трудовой русскій народъ — всѣмъ пыломъ первой, молодой, юношеской любви, проникся глубокимъ уваженіемъ къ первымъ борцамъ за свободу и счастье народа.

Едва ли можно сомнѣваться, что первые герои, которымъ захотѣлъ подражать Саша Керенскій, были борцы героической „Народной Воли".

Семья отца А. Ф. Керенскаго была близка съ семьей генерала В. Барановскаго, тоже тогда находившагося на службѣ въ Ташкентѣ. Въ этой семьѣ часто и проводилъ свое свободное время Саша Керенскій.

III.

Студенческіе годы А. Ф. Керенскаго.

Въ 1899 году А. Ф. окончилъ Ташкентскую гимназію и поступилъ въ Петербургскій университетъ, на юридическій факультетъ.

1899—1900 годы были переломными въ жизни нашей родины. Вторая голодовка, охватившая восточную часть Россіи, революціонизировала русскую интеллигенцію и поставила передъ нею вопросъ объ эволюціи и революціи.

Послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка протекло подъ знакомъ культурно-просвѣтительной работы для народа. Народныя книжки, народныя газеты, народныя чтенія, народные театры, даже народныя оперы—вотъ линіи, по которой шла тогда работа *легальной* русской интеллигенціи, особенно русской молодежи.

Политическая нелегальная работа протекала по такимъ путямъ: „Группа Освобожденія Труда" Г. В. Плеханова, Аксельрода и Вѣры Засуличъ; организація, при содѣйствіи Н. Ленина, россійской соціалъ-демократической партіи; организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ, при горячемъ и дѣятельномъ участіи Гершуни и „Бабушки русской революціи" Е. К. Брешко-Брешковской.

Оба эти нелегальныя политическія теченія пробились и на ледяную поверхность русской легальной общественной жизни, въ видѣ легальнаго литературнаго марксизма Петра Струве, Богучарскаго-Яковлева и др. („Новое Слово" и „Начало"), и легальнаго народничества Н. К. Михайловскаго, В. Г. Короленки, В. В. (Воронцова) и др. („Русское Богатство").

Легальная литературная борьба двухъ основныхъ политическихъ и соціалистическихъ теченій, будируя молодежь, также разбивала ихъ на два политическихъ лагеря.

И въ то время, какъ русскіе либералы, съ многочисленными своими органами печати, еще утверждались на культурно-просвѣтительной программѣ, лишь „безсмысленно мечтая" о конституціи,—соціалистическая молодежь уже прокладывала новые пути въ гущу народной жизни, въ рабочую и крестьянскую среду.

Рабочіе кружки,—сначала „экономистовъ", а потомъ и „политиковъ"; крестьянскіе кружки, — сначала „соціально-просвѣтительные", а потомъ „политически - революціонные"; кружки „народоправцевъ" среди революціонно настроенной интеллигенціи,—вотъ первые протоки и ручьи нелегальной революціонной работы въ Россіи въ концѣ прошлаго вѣка.

Среди этихъ политическихъ теченій общественной и народной мысли и складывались политическія убѣжденія будущаго „перваго гражданина свободной Россіи"—А. Ф. Керенскаго.

Любовь къ народу, обездоленному трудовому русскому народу, все росла и ширилась въ честной груди Керенскаго. Любовь эта и толкнула его къ партіи наиболѣе близкой къ народу, къ крестьянству и рабочимъ, къ партіи, написавшей на своемъ знамени: „Земля и воля всему трудовому народу. Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое", — къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Къ 1904 году, — къ году окончанія А. Ф. Керенскимъ юридическаго факультета Петербургскаго университета, — партія соціалистовъ-революціонеровъ уже окончательно сложилась и уже выдѣлила изъ своей среды политическихъ героевъ-мучениковъ Карповича, Балмашова, Егора Сазонова и др. Герои возложили на свои плечи тяжелую ношу освобожденія родины отъ царскихъ опричниковъ, тирановъ народа, министра Боголѣпова, Сипягина, Плеве.

IV.

А. Ф. Керенскій въ революціи 1905—1906 гг.

Все свободное отъ студенческихъ занятій и общественной дѣятельности время А. Ф. Керенскій проводилъ въ семьѣ Л. Барановскаго—брата ташкентскаго генерала Барановскаго. На дочери Л. Барановскаго, Ольгѣ Львовнѣ, А. Ф. и женился въ 1904 году.

По окончаніи университета А. Ф. цѣликомъ ушелъ въ общественную и политическую работу.

Къ этому времени партія соціалистовъ-революціонеровъ имѣла въ Петербургѣ уже прочныя организаціи. Къ одной изъ этихъ организацій и примкнулъ А. Ф., вскорѣ поплатившись за это арестомъ и тюрьмой.

А событія между тѣмъ развивались. Послѣ казни соціалистами-революціонерами В. К. Плеве (25-го іюля 1904 г.) и великаго князя Сергѣя Александровича (5-го февраля 1905 г.) правительство пошло на уступки. Появился манифестъ 18-го февраля 1905 г. о привлеченіи къ государственному управленію „людей, облеченныхъ довѣріемъ народа". 6-го августа было опубликовано объ учрежденіи законосовѣщательной, такъ называемой „Булыгинской" Думы, не удовлетворившей ни одного изъ классовъ населенія. Революціонный порывъ перешелъ въ революціонный взрывъ и закончился 17-мъ октября и „дарованіемъ" конституціи—свободъ и законодательной Думы.

27 апрѣля 1906 г. и собралась первая Государственная Дума, эта Дума „народнаго гнѣва". Народъ встрѣтился наконецъ съ правительствомъ и высказалъ ему прямо и открыто свои думы о землѣ и волѣ.

Въ отвѣтъ на это царь и его правительство разогнали первую Государственную Думу.

Созывъ второй Государственной Думы былъ назначенъ на февраль 1907 года.

Всѣ политическія партіи, вполнѣ уже сложившіяся къ этому времени, спѣшно стали готовиться ко второй Думѣ.

А. Ф. также принялъ дѣятельное участіе въ подготовкѣ къ выборамъ во вторую Государственную Думу. Въ это время партія соціалистовъ-революціонеровъ уже отказалась отъ мысли „бойкотировать" Думу и высказалась за „вхожденіе" въ нее.

Въ Петербургѣ образовался кружокъ „Земли и Воли", также занявшійся дѣломъ подготовки выборовъ эсъ-эровъ во вторую Государственную Думу.

Въ этой-то организации А. Ф. и проявилъ себя горячимъ и дѣятельнымъ членомъ. Какъ сейчасъ помню его молодую, тонкую фигуру — живую, подвижную, всегда горѣвшую внутреннимъ огнемъ. Про него тогда говорили: „весь впередъ и съ открытой грудью“. Его бурныя рѣчи всегда горѣли огнемъ чувства; его характеристики текущаго политическаго момента всегда удивляли своею мѣткостью и чуткостью; его тактическія предложенія всегда носили на себѣ отпечатокъ государственной мудрости.

V.

А. Ф. Керенскій во время реакціи.

Сгорѣла и вторая Государственная Дума на огнѣ реакціи и провокаціи. Многіе изъ партій соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ пошли въ тюрьмы, на поселеніе, на каторгу, на висѣлицу.

3-го іюня 1907 года былъ опубликованъ новый избирательный законъ, создавшій третью, „господскую“, Государственную Думу.

Реакція свирѣпствовала. Чиновничество мстило народу и его друзьямъ за свое недавнее пораженіе. И мстило жестоко. Суды были завалены политическими дѣлами; тюрьмы были забиты арестованными; на поселеніе и на каторгу тащились длинные поѣзда; палачи не успѣвали вѣшать.

А. Ф. сталъ на защиту своихъ друзей по партіи. Приписавшись къ одному изъ извѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ для прохожденія стажа и занявшись-было чисто-юридической работой,— которая пошла у него такъ успѣшно, что обѣщала впослѣдствіи очень видное мѣсто въ адвокатурѣ,— онъ не выдерживаетъ и бросается въ защиту политическихъ, безъ различія партій, но чаще всего эсъ-эровъ.

Изъ большихъ политическихъ процессовъ времени реакціи А. Ф. блестяще выступалъ въ процессѣ „Дашнакцутюновъ“ (близкая къ партіи эсъ-эровъ соціалистическая армянская партія), въ процессѣ, какъ извѣстно, сфабрикованномъ царскими слѣдователями и судьями на основаніи ложныхъ документовъ.

Когда въ 1913 году начался пресловутый процессъ Бейлиса, А. Ф. Керенскій предложилъ адвокатурѣ высказаться по этому дѣлу, и за вынесенную резолюцію протеста былъ приговоренъ правительствомъ къ мѣсяцу тюрьмы.

Однако правительству не удалось на этотъ разъ запрятать А. Ф. въ тюрьму, такъ какъ онъ въ это время былъ уже членомъ четвертой Государственной Думы.

Разстрѣлъ рабочихъ на Ленскихъ золотыхъ пріискахъ Ленскаго Товарищества вызвалъ въ душѣ А. Ф. такую боль, что онъ рѣшилъ самъ поѣхать на Лену и разслѣдовать все дѣло. Результатъ своихъ разслѣдованій онъ не только изложилъ въ Государственной Думѣ, но и издалъ отдѣльной брошюрой „Правду о Ленѣ“, которая, конечно, была тотчасъ же конфискована правительствомъ.

Макаровское „такъ было, такъ будетъ“ относилось не только къ ленскимъ событіямъ и не только къ „правдѣ о Ленѣ“, но ко всякой правдѣ о царскихъ палачахъ, большихъ и маленькихъ.

VI.

А. Ф. Керенскій—депутатъ.

Ко времени выборовъ въ четвертую Государственную Думу, къ трехсотлѣтію Дома Романовыхъ, соціалистическія политическія партіи почти совсѣмъ сошли со сцены. Члены ихъ были „распылены“: кто томился въ каторгѣ, въ тюрьмахъ и на поселеніи; кто бѣжалъ за границу; кто забился въ свои житейскія мурьи и ушелъ въ будничную работу.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ, какъ самая страшная для правительства, подверглась наибольшему разгрому. Правительство постаралось воткнуть ножъ въ самое ея сердце. То, чего не могли сдѣлать царскіе палачи, додѣлали царскіе шпіоны— Азефы и азефчики.

Итти въ четвертую Государственную Думу подъ флагомъ соціалистовъ-революціонеровъ было, конечно, невозможно. Приходилось законспирироваться, окраситься снаружи въ защитный цвѣтъ.

Этимъ защитнымъ цвѣтомъ и стало названіе „трудовики“, „Трудовая Группа“. Трудовая Группа сыграла роль защитнаго цвѣта и въ первой Государственной Думѣ для тѣхъ соціалистовъ-революціонеровъ, которые не пожелали подчиниться партійной дисциплинѣ въ вопросѣ о „бойкотѣ“ первой Государственной Думы („бойкотъ“ первой Государственной Думы былъ объявленъ партіей соціалистовъ-революціонеровъ потому, что партія считала необходимымъ не созывъ Думы, а созывъ Учредительнаго Собранія). Теперь Трудовая Группа должна была сыграть роль защитнаго цвѣта уже не для отступниковъ отъ партійной дисциплины, а для тѣхъ легальныхъ членовъ партіи, которые рѣшили послужить рупоромъ народной воли въ четвертой Государственной Думѣ.

Однако эта необходимая военная хитрость была разгадана царскимъ правительствомъ, и, кромѣ А. Ф. Керенскаго, ни одинъ эсъ-эръ не прошелъ въ Государственную Думу.

Керенскій „проскочилъ“ въ четвертую Думу отъ маленькаго городка Саратовской губерніи Вольска, отъ 2-го съѣзда городскихъ избирателей. „Разъяснить“ А. Ф. Керенскаго правительству не удалось, такъ какъ съ формальной стороны его выборъ былъ обставленъ строго-законно.

Тогда царское правительство рѣшило бороться съ другомъ народа, а слѣдовательно, со своимъ заклятымъ врагомъ обычными своими средствами—шпіонажемъ. За время пятилѣтней дѣятельности А. Ф. въ качествѣ народнаго избранника, члена четвертой Государственной Думы, „дѣло“ о немъ въ Департаментѣ полиціи разбухло невѣроятно. И чего только нѣтъ въ этомъ дѣлѣ! Каждый шагъ А. Ф. Керенскаго былъ извѣстенъ Департаменту полиціи: когда и куда поѣхалъ или пошелъ, сколько времени пробылъ, съ кѣмъ вышелъ, о чемъ говорилъ, что сдѣлалъ, и т. д. и т. д. Должно-быть, за живость характера и быстрыя движенія А. Ф. Керенскій получилъ отъ Департамента полиціи характерную кличку „Быстрый“. Думали ли шпіоны и охранники, придумывая эту кличку для А. Ф. Керенскаго, что эта „быстрота“ ихъ кліента „Быстраго“ сыграетъ такую роковую для нихъ роль и въ февральскіе дни нашей Великой Русской Революціи?

Но, какъ бы тамъ ни было, слѣжка за А. Ф. Керенскимъ была поставлена образцово. Матеріалъ объ его дѣятельности имѣется богатѣйшій. Департаментъ полиціи проникъ со своимъ шпіонажемъ почти въ самую семью А. Ф. А. Ф. Керенскій ввелъ въ свою семью одного хорошо рекомендованнаго ему юношу, нѣкоего Митю Алимова, съ которымъ онъ, — по словамъ самого Александра Федоровича, — „очень нянчился“, т.-е. ласкалъ, развивалъ, помогалъ всѣмъ, чѣмъ могъ, довелъ до петроградскаго Психо-Неврологическаго института. И вотъ этого-то Митю Алимова охранка и избрала своимъ поганымъ орудіемъ. Неизвѣстно пока, какъ попался несчастный юноша въ лапы охранки; извѣстно только, что онъ продавалъ Александра Федоровича всего за 20 сребренниковъ въ мѣсяцъ.

А. Ф. Керенскій.

Когда А. Ф. узналъ объ этомъ, его печали не было конца.

—Если бы вы знали, какъ мнѣ жаль Митю, — говорилъ мнѣ Александръ Федоровичъ. — Вѣдь это не онъ виноватъ. Онъ молодъ, неопытенъ. Это виноваты тѣ, кто погубилъ его. Виноватъ весь этотъ проклятый старый прогнившій строй.

И вотъ, когда этотъ Митя Алимовъ, арестованный саратовскимъ Общественнымъ Комитетомъ, какъ провокаторъ, недавно прислалъ на имя А. Ф. Керенскаго, уже какъ министра юстиціи, телеграмму: „Разстрѣляйте, раскаялся“, Александръ Федоровичъ немедленно же отвѣтилъ саратовскому Комитету срочной телеграммой такого содержанія: „Если можно, освободите Алимова. Онъ въ своей совѣсти найдетъ свой судъ“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Министръ юстиціи П. Н. Переверзевъ.

Министръ продовольствія А. В. Пѣшехоновъ.

Министръ труда М. И. Скобелевъ.

Преобразованное Временное Правительство.

Декларація.

Преобразованное и усиленное новыми представителями революціонной демократіи, Временное Правительство заявляетъ, что оно будетъ съ полной рѣшительностью проводить въ жизнь идеи свободы, равенства и братства, подъ знаменемъ которыхъ создалась великая Россійская революція. Временное Правительство объединено въ особенности нижеслѣдующими основными чертами предстоящей ему дѣятельности:

1) Во внѣшней своей политикѣ, отвергая въ согласіи со всѣмъ народомъ всякую мысль о сепаратномъ мирѣ, Временное Правительство открыто ставитъ своею цѣлью скорѣйшее достиженіе всеобщаго мира, не имѣющаго своей задачей ни господства надъ другими народами, ни отнятія у нихъ національнаго достоянія, ни насильственнаго захвата чужихъ территорій,—мира безъ аннексій и контрибуцій, на началахъ самоопредѣленія народовъ. Въ твердой увѣренности, что съ паденіемъ въ Россіи царскаго режима и утвержденіемъ демократическихъ началъ во внутренней и внѣшней политикѣ для союзныхъ демократій создался драгоцѣнный новый факторъ стремленій къ прочному миру и братства народовъ, Временное Правительство предприметъ подготовительные шаги къ соглашенію съ союзниками на основѣ деклараціи Временнаго Правительства 27-го марта.

2) Въ убѣжденіи, что пораженіе Россіи и ея союзниковъ не только явилось бы источникомъ величайшихъ бѣдствій для народовъ, но и отодвинуло бы и сдѣлало невозможнымъ заключеніе всеобщаго мира на указанной выше основѣ, Временное Правительство твердо вѣритъ, что революціонная армія Россіи не допуститъ, чтобы германскія войска разгромили нашихъ союзниковъ на западѣ и обрушились всей силой своего оружія на насъ. Укрѣпленіе началъ демократизаціи арміи, организація и укрѣпленіе боевой силы ея какъ въ оборонительныхъ, такъ и въ наступательныхъ дѣйствіяхъ будутъ являться важнѣйшей задачей Временнаго Правительства.

3) Временное Правительство будетъ неуклонно и рѣшительно бороться съ хозяйственной разрухой страны дальнѣйшимъ планомѣрнымъ проведеніемъ государственнаго и общественнаго контроля надъ производствомъ, транспортомъ, обмѣномъ и распредѣленіемъ продуктовъ, а въ необходимыхъ случаяхъ прибѣгнетъ къ организаціи производства.

4) Мѣропріятія по всесторонней защитѣ труда получатъ дальнѣйшее энергичное развитіе.

5) Предоставляя Учредительному Собранію рѣшить вопросъ о переходѣ земли въ руки трудящихся, Временное Правительство приметъ всѣ необходимыя мѣры, чтобы обезпечить наибольшее производство хлѣба для нуждающейся въ немъ страны и чтобы регулировать землепользованіе въ интересахъ народнаго хозяйства.

6) Стремясь къ послѣдовательному переустройству финансовой системы на демократическихъ началахъ, Временное Правительство обратитъ особое вниманіе на усиленіе прямого обложенія имущихъ классовъ (наслѣдственный налогъ), обложеніе военной сверхъ-прибыли, поимущественный налогъ, и т. п.

7) Работы по введенію и укрѣпленію демократическихъ органовъ самоуправленія будутъ продолжены со всей возможной настойчивостью и спѣшностью.

8) Равнымъ образомъ Временное Правительство приложитъ всѣ усилія къ скорѣйшему созыву Учредительнаго Собранія въ Петроградѣ.

9) Ставя своею цѣлью рѣшительное проведеніе въ жизнь вышеуказанной программы, Временное Правительство категорически заявляетъ, что его плодотворная работа возможна лишь при условіи полнаго и безусловнаго къ нему довѣрія всего револю-

Министръ земледѣлія В. М. Черновъ.

Министръ государственнаго призрѣнія кн. Д. И. Шаховской.

Министръ почтъ и телеграфовъ И. Г. Церетелли.

Министры, вошедшіе въ составъ новаго министерства. По фот. Штейнберга и Ольшанскаго.

ціоннаго народа и возможности осуществлять на дѣлѣ всю полноту власти, столь необходимой для закрѣпленія завоеваній революціи и дальнѣйшаго ея развитія.

Обращаясь ко всѣмъ гражданамъ съ рѣшительнымъ и настойчивымъ призывомъ къ сохраненію единства власти, осуществляемой Временнымъ Правительствомъ, послѣднее заявляетъ, что для спасенія Родины оно приметъ самыя энергичныя мѣры противъ всякихъ контръ-революціонныхъ попытокъ, какъ и противъ анархическихъ неправомѣрныхъ и насильственныхъ дѣйствій, дезорганизующихъ страну и создающихъ почву для контръ-революціи. Временное Правительство вѣритъ, что на этомъ пути оно встрѣтитъ рѣшительную поддержку всѣхъ, кому дорога свобода Россіи.

Министръ-предсѣдатель и министръ внутреннихъ дѣлъ князь **Г. Е. Львовъ**.
Военный и морской министръ— **А. Ф. Керенскій**.
Министръ юстиціи— **П. Н. Переверзевъ**.
Министръ иностранныхъ дѣлъ—**М. И. Терещенко**.
Министръ путей сообщенія—**Н. В. Некрасовъ**.
Министръ торговли и промышленности—**А. И. Коноваловъ**.
Министръ народнаго просвѣщенія—**А. А. Мануиловъ**.
Министръ финансовъ—**А. И. Шингаревъ**.
Министръ земледѣлія—**В. М. Черновъ**.
Министръ почтъ и телеграфовъ—**И. Г. Церетелли**.
Министръ труда—**М. И. Скобелевъ**.
Министръ продовольствія—**А. В. Пѣшехоновъ**.
Министръ государственнаго призрѣнія—князь **Д. И. Шаховской**.
Оберъ-прокуроръ св. синода—**В. Н. Львовъ**.
Государственный контролеръ—**И. В. Годневъ**.

Всероссійскій Съѣздъ Крестьянскихъ Депутатовъ въ Петроградѣ, въ Народномъ Домѣ. *Депутаты петроградскаго гарнизона привѣтствуютъ членовъ Съѣзда. Въ средней ложѣ слѣва Е. К. Брешко-Брешковская и В. Н. Фигнеръ, избранныя почетными предсѣдателемъ и товарищемъ предсѣдателя Съѣзда, предсѣдатель Съѣзда Н. А. Авксентьевъ и новый министръ земледѣлія В. М. Черновъ.*

Политическое обозрѣніе.

Борьба за единовластіе.

Въ исторіи революціонныхъ дней нетрудно найти корни того явленія, которое въ дальнѣйшемъ получило названіе „двоевластія“.

28-го февраля петроградскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ выпустилъ воззваніе, въ которомъ приглашалъ народъ создать собственную властную организацію. Для этого Совѣтъ со своей стороны назначилъ въ районы Петрограда особыхъ комиссаровъ и проектировалъ образованіе районныхъ комитетовъ для завѣдыванія всѣми мѣстными дѣлами. Однако задуманная петроградскимъ Совѣтомъ „властная организація“ не получила большого развитія. Совѣтъ вскорѣ договорился съ Временнымъ Комитетомъ Гос. Думы о назначеніи Временнаго Правительства, къ которому, по крайней мѣрѣ на словахъ, и отошли всѣ права и обязанности власти. Себѣ Совѣтъ оставилъ роль надзирающаго и контролирующаго демократическаго органа. Но не всѣ слѣды Совѣтской „власти“ исчезли послѣ заключенія соглашенія между Совѣтомъ и Думой. Зародыши раздвоенія и разложенія сохранились. Въ столицѣ обозначилось два теченія. Однѣ группы населенія, однѣ организаціи, выражаясь языкомъ стараго русскаго права, „тянули“ къ Временному Правительству, другія къ Совѣту. Когда Совѣтъ включилъ въ свой составъ Солдатскихъ Депутатовъ, то же раздвоеніе авторитета и власти стало наблюдаться и въ арміи. Раздвоеніе перекинулось и за предѣлы Петрограда. По мѣрѣ того какъ въ провинціи возникали мѣстные Совѣты Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, недугъ разложенія власти постепенно охватывалъ всю страну.

Въ первое время, среди общаго воодушевленія и восторга, вызваннаго побѣдоноснымъ исходомъ революціи, на печальныя проявленія двоевластія обращали сравнительно мало вниманія. Но дни празднествъ и ликованій миновали. Населеніе вернулось къ своимъ будничнымъ занятіямъ, и въ ходѣ государственной жизни начали ясно сказываться пагубныя послѣдствія отсутствія единаго центра, властно направляющаго работу правительственнаго механизма. Обнаружилось, что многія распоряженія Центральнаго Правительства доходятъ лишь до слуха, но не до сознанія гражданъ. Оказалось, что отдѣльныя, выдвинутыя революціей, организаціи не пожелали согласовать свое положеніе и свою дѣятельность съ организаціонной работой Временнаго Правительства. Стало ясно, что выбитая изъ привычнаго русла народная стихія не укладывается въ рамки новаго строя и продолжаетъ дѣйствовать „захватнымъ“ и „явочнымъ“ порядкомъ. Двоевластіе развилось въ многовластіе, многовластіе же было равносильно безвластію или анархіи.

Серьезность положенія усиливалась еще тѣмъ, что между Временнымъ Правительствомъ и петроградскимъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ не было уже больше прежняго согласія въ пониманіи ихъ взаимоотношеній.

Первоначальная схема этихъ взаимоотношеній была такова.

Власть, единая и безраздѣльная—это Правительство. Всѣ приказы и распоряженія исходятъ отъ него, и только отъ него. Совѣтъ контролируетъ дѣятельность Правительства, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы оно не уклонялось отъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ, и, поскольку оно эти обязательства выполняетъ, поддерживаетъ его всей силой своего революціоннаго авторитета. На практикѣ петроградскій Совѣтъ не удовольствовался отведенными ему контрольными полномочіями. Въ лицѣ своего Исполнительнаго Комитета, онъ заявилъ притязаніе на право, въ случаяхъ важныхъ и не терпящихъ промедленія, непосредственно вмѣшиваться въ область чисто-правительственной компетенціи.

Одинъ изъ такихъ случаевъ представился въ связи съ событіями 20—21-го апрѣля, когда на улицахъ столицы произошли шумныя народныя манифестаціи, ознаменовавшіяся нѣсколькими кровавыми столкновеніями. Исполнительный Комитетъ петроградскаго Совѣта выпустилъ воззваніе, въ которомъ, обращаясь къ войскамъ, между прочимъ, говорилъ: „Товарищи-солдаты, безъ зова Исполнительнаго Комитета въ эти тревожные дни не выходите съ оружіемъ въ рукахъ. Только Исполнительному Комитету принадлежитъ право располагать вами. Каждое распоряженіе о выходѣ воинской части на улицу (кромѣ обычныхъ нарядовъ) должно быть отдано на бланкѣ Исполнительнаго Комитета". Это уже было не актомъ контроля. Это было прямое вторженіе въ область командной власти. Исполнительный Комитетъ фактически присваивалъ себѣ право распоряженія вооруженными силами столичнаго гарнизона, принадлежащее единственно главнокомандующему войсками петроградскаго военнаго округа. Ближайшіе дни показали, что эти притязанія Исполнительнаго Комитета имѣли свое реальное основаніе. Ссылаясь на распоряженія Исполнительнаго Комитета, одна изъ ротъ запаснаго батальона Финляндскаго полка отказалась исполнить приказъ главнокомандующаго генерала Корнилова и „выйти на улицу" для смотра.

Вопросъ о двоевластіи былъ такимъ образомъ поставленъ открыто и рѣзко, и притомъ въ такой области, гдѣ всякое колебаніе авторитета единой власти является особенно гибельнымъ. Весь строй арміи основанъ на дисциплинѣ. Безъ дисциплины армія дѣлается просто неорганизованной толпой вооруженныхъ людей. Дисциплина же немыслима безъ признанной власти и безпрекословнаго подчиненія. Революція разрушила дисциплину стараго порядка, дисциплину насилія и кулака. Но она должна была поставить на мѣсто старой новую дисциплину, дисциплину гражданскаго сознанія. Двоевластіе же въ корнѣ подрывало всякую дисциплину вообще и угрожало разложеніемъ главной силы революціи — революціонной арміи. Недостатка въ тревожныхъ признакахъ разложенія арміи не было. Генералъ Корниловъ, убѣдившись, что командная власть вырвана изъ его рукъ, вышелъ въ отставку. Въ Москвѣ по той же причинѣ ушелъ другой популярный военачальникъ революціи, полковникъ Грузиновъ. Съ фронта поступали свѣдѣнія, что и тамъ, въ окопахъ, лицомъ къ лицу со сплоченной поистинѣ желѣзной дисциплиной арміей врага, идетъ тотъ же самый болѣзненный процессъ. Наконецъ ушелъ въ отставку военный и морской министръ А. И. Гучковъ. Въ своихъ объясненіяхъ передъ разными инстанціями онъ откровенно указалъ на болѣзнь, подтачивающую силы революціонной Россіи: „у насъ есть Правительство, несущее отвѣтственность за власть и не имѣющее самой власти, и организаціи, подобныя петроградскому Совѣту, которыя фактически осуществляютъ власть и не несутъ никакой отвѣтственности".

Н. А. Авксентьевъ, *единогласно избранный предсѣдателемъ Всероссійскаго Съѣзда Крестьянскихъ Депутатовъ—выдающійся дѣятель освободительнаго движенія, недавно вернувшійся изъ-за границы послѣ долголѣтняго изгнанія; принадлежитъ къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.*

Какъ сдѣлать, чтобы побороть двоевластіе и соединить власть съ отвѣтственностью въ одномъ дѣйствительно полновластномъ органѣ—вотъ задача, передъ которой очутилось послѣ апрѣльскихъ событій Временное Правительство. Нельзя сказать, чтобы и до этого оно вовсе не обнаруживало признаковъ пониманія положенія и своей неудовлетворенности имъ. Нѣсколько разъ уже оно видѣло себя вынужденнымъ обращаться къ содѣйствію петроградскаго Совѣта, чтобы доводить свои распоряженія до сознанія учрежденій и лицъ, „тянувшихъ" къ Совѣту. Нѣсколько разъ оно выпускало воззванія къ населенію, неизмѣнно благородныя и краснорѣчивыя, но пораженныя все однимъ и тѣмъ же роковымъ для всякой власти недостаткомъ—внутреннимъ безсиліемъ. 26-го апрѣля оно выпустило еще одно воззваніе, не уступавшее предыдущимъ ни въ обстоятельности ни въ литературности. Но, въ отличіе отъ предыдущихъ, въ этомъ воззваніи было и реальное политическое содержаніе. Временное Правительство возвѣщало въ немъ свое намѣреніе „расширить свой составъ путемъ привлеченія къ отвѣтственной государственной работѣ представителей тѣхъ активныхъ творческихъ силъ страны, которыя доселѣ не принимали прямого и непосредственнаго участія въ управленіи государствомъ".

Результатомъ десятидневныхъ усилій въ этомъ направленіи и явилось образованіе такъ называемаго „коалиціоннаго" Правительства.

Проф. К. Соколовъ.

Организаціонный комитетъ Всероссійскаго Съѣзда Крестьянскихъ Депутатовъ. *1. И. А. Рубановичъ, 2. Вѣра Фигнеръ, 3. В. И. Дзюбинскій, 4. А. Е. Тесля, 5. Н. В. Чайковскій, 6. К. И. Цыпленковъ, 7. Ф. М. Онипко, 8. В. М. Черновъ и 9. И. И. Бунаковъ.* По фот. Штейнберга.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" книга 43.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.

Выпускаемый на основаніи Постановленія Временнаго Правительства

отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ:

въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
въ Городскихъ общественныхъ Банкахъ,
въ Обществахъ взаимнаго кредита,
въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по $5^3/_4$% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

ПРИ ПОКУПКѢ НАСТОЯЩАГО

„КРЕМА МЕТАМОРФОЗА“

ОТЪ ВЕСНУШЕКЪ и ЗАГАРА

во избѣжаніе поддѣлокъ просимъ обращать вниманіе

НА УПАКОВКУ, **ЭТИКЕТЪ**

и

ФИРМУ

Товарищество парфюмерной фабрики

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

МОСКВА. ПРОДАЖА ВСЮДУ.

ЖЕТОНЫ въ знакъ свободы Россіи, бронзовые золоченые выс. нал. плат. не менѣе 100 шт. за 50 р. при задаткѣ 20%. Образецъ выс. по пол. 1 р. Треб. заблаговр. Пгр., Коломенская ул., 22. Е. П. Киселеву.

ПАМЯТЬ у лицъ всяк. возраста укрѣпляетъ **ЛИЧНО и ЗАОЧНО** профессоръ мнемоники, Чл. Парижской Акад. С. Файнштейнъ. **ОДЕССА**, Мнемон. Институтъ, Ришельевск., 54/28.— Свою систему, пользующ. **ВСЕМІРНОЙ ИЗВѢСТНОСТЬЮ** и трижды премир. Париж. Акад, препод. въ Россіи уже **БОЛѢЕ 30 ЛѢТЪ** съ **БОЛЬШИМЪ УСПѢХОМЪ**, о чемъ свидѣтельств. **ЛЕСТНЫЕ ОТЗЫВЫ** русск. и иностр. газ. и **ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧЪ БЛАГОДАРНОСТЕЙ** г.г. **ВРАЧЕЙ, ВОЕНН., ЮРИСТ, СВЯЩ., ПЕДАГ., СТУДЕНТ.** и мн. др. лицъ, ок. у меня **ПОЛНЫЙ** курсъ **УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ.** (См. №№ Нивы, Бирж. Вѣд. и др. газ. пр. л.). — Проспекты высыл. за 10 к. марку.

ВОЗЗВАНІЕ. Добрые люди! Во дни общей радости, помогите бѣднымъ людямъ Ручьевскаго прихода Крестецкаго у. Новг. губ. достроить свой храмъ, начатый 14 л. тому назадъ. Въ настоящіе дни радость ихъ омрачается скорбью, въ виду недостатка средствъ окончить свое св. неотложное дѣло.

Адресъ: почт. отд. Зорька пред. ц-пр. П-ва Свящ. Граничнову.

ОТКРЫТКИ художеств. высшаго качества и исполн. Болѣе 3000 сюжет. лучшихъ **англійскихъ, русск.** и **франц.** фирмъ: головки, цвѣты, копіи, парочки, поздравит., комич., жанр. и др. отъ 6 до 18 руб. за 100 штукъ. **Коллекціи** образц. высылаются за 15 р., 25 р., 40 р., 60 р., 100 р. и больше. Задатокъ обязателенъ. Кіевъ, Тарасовск. № 6, изд-ство **„Новь“.**

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

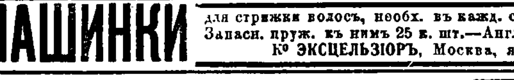
ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья

ПЕТРОГРАДЪ

4480



ВЕСНУШКИ удаляю

Беввр. средство высылаю. Полный курсъ лѣченія 4 руб. **А. ВЕЙДЕМАНЪ.** Петроградъ, Мучной пер. 3, кв. 60.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, онтардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 3 р.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. убористѣ шрифт. Цѣна съ пер. 3 р. 50 к.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран. Цѣна 4 р. 50 к. (1) 4605

При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

Адр.: Книгоизд. **„КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“**—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

Только-что вышла изъ печати сильно нашумѣвшая въ Англіи книга

БЕЗБОЛѢЗНЕННЫЕ РОДЫ

Ганны Рапонъ. Книга представляетъ выдающійся интересъ какъ для врачей, акушерокъ, фельдшеровъ, равно и для всѣхъ женщинъ-матерей. Книга подробно освѣщаетъ новый, научный, вѣрный, и клиническій испытанный методъ безболѣзненныхъ родовъ. Ц. 3. р. 50 к. съ перес. Адр: Москва, Гнѣздниковскій, 10, изд-ству Д. М. Куманова. Нал. пл. не выс.

БУХГАЛТЕРІЯ и КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

заочные курсы

по самой обширной программѣ:

СЧЕТОВОДСТВО (Двойная Итальянск. Бухгалтерія—общій курсъ и спеціальныя отрасли) Коммерч. Ариеметика, Коммерч. Географія, Торг. Право, Коммерч. Корреспонденція, Товаровѣдѣніе.

СТЕНОГРАФІЯ по новѣйш. звуковому методу. Гарантія успѣха. Цѣнныя безплатныя прилож. Аттестатъ. Разсрочка платы. Проспекты—безплатно.

1570 ПЕТРОГРАДЪ, Редакція **„КОММЕРЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДІИ“—6.** 5-2

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, преждеврем. безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

4191 13-6 Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. ПЕТРОГРАДЪ.

Юная Францiя на войнѣ.

Францiя гордится и никогда не забудетъ того энтузiазма, съ какимъ откликнулись юные сыны ея на призывъ—стать на защиту родины противъ обрушившагося на нее коварнаго и безпощаднаго врага. Съ улыбкой на устахъ, съ букетомъ, засунутымъ въ дуло ружья, пошла молодежь—и призванные и добровольцы — на войну, какъ на праздникъ. На зовъ родины откликнулись всѣ, безъ различiя сословiй и положенiй. Не ослабѣла эта отзывчивость и тогда, когда дошла очередь до тѣхъ, которые успѣли узнать, что ихъ ждутъ тамъ подвиги, не „праздникъ битвы", а тяжелое сидѣнье въ окопахъ, „кротовья" позицiонная война, жизнь, полная лишенiй, безъ ореола романтической славы.

Эта жизнь въ окопахъ равняетъ всѣ сословiя и ранги, молодежь изъ самыхъ различныхъ классовъ общества братается тамъ другъ съ другомъ, дѣля лишенiя и опасности, встрѣчая лицомъ къ лицу смерть, горя одной общей надеждой, мужественно преслѣдуя одну общую великую цѣль. Никто не прячется за другихъ, и никто не считаетъ себя достойнымъ лучшей участи. Рядомъ съ мелкими приказчиками и героями Монмартра слагаютъ свои головы сыновья генераловъ, министровъ и блестящей аристократiи. Уже пали сыновья Вивiани, Барту, Ксавье, Кастельно,

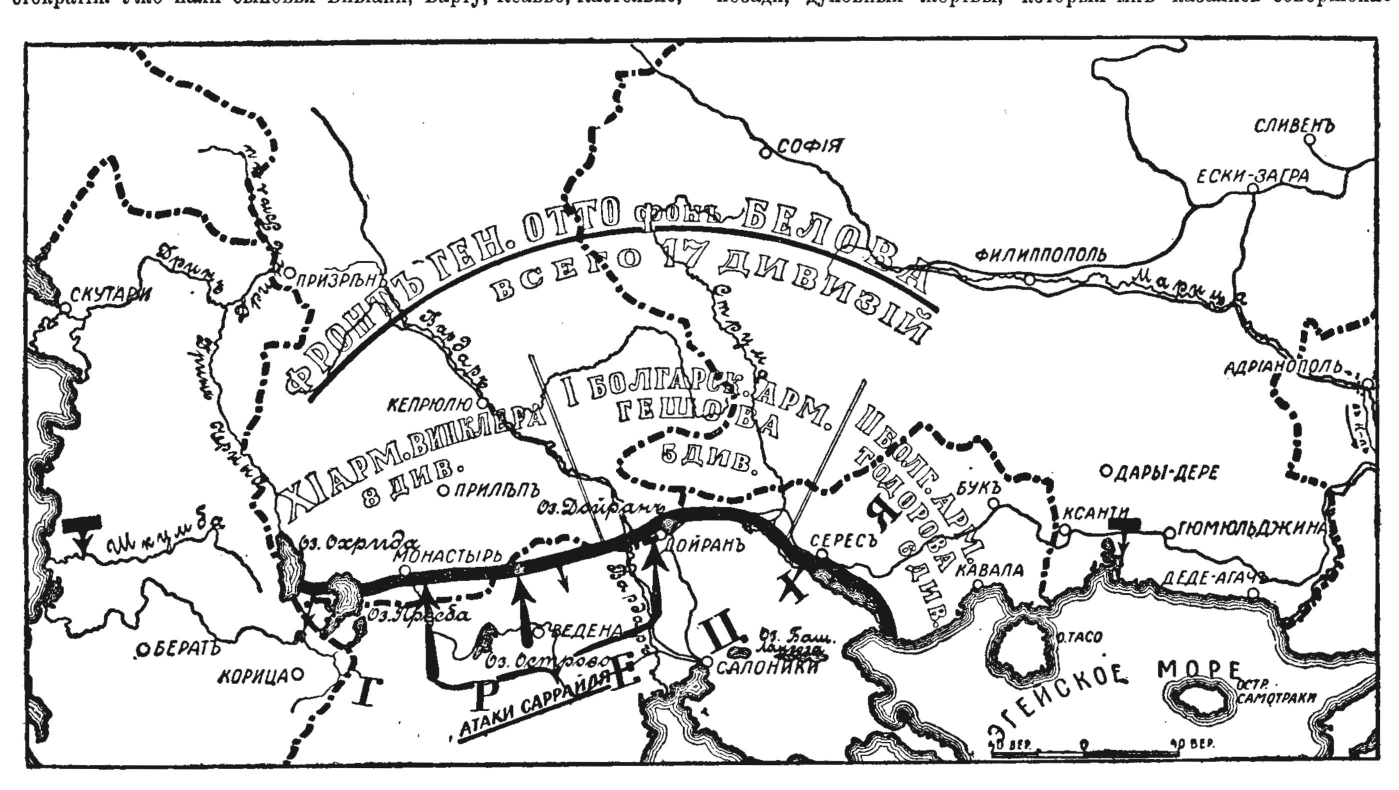
меня вѣрить въ жизнь и въ нашего Творца и Спасителя. Благодарю и за то, что я при отъѣздѣ могъ успокаивать себя сознанiемъ, что вы оба не слишкомъ страдаете, такъ какъ знаете, Кто хранитъ насъ. Цѣлую васъ отъ всего моего любящаго сердца".

А затѣмъ, уже находясь въ окопахъ, онъ заканчиваетъ свое письмо отцу такъ: „Вы съ мамой представить себѣ не можете, до какой степени близко чувствую я васъ около себя, и какъ это чувство прекрасно!"

Про товарищей своихъ, солдатъ, онъ пишетъ: „Какiя богатства таятся въ глубинѣ ихъ душъ! Надо только умѣть добраться до нихъ, проникнуть поглубже".

Далѣе онъ печалится о томъ, что не можетъ сдѣлать имъ столько добра, сколько хотѣлъ бы, не можетъ потому, что чувствуетъ себя слишкомъ ученымъ для нихъ, а вѣру свою слишкомъ сухой, догматически-мудреной, сложной.

Для него лично солдатская жизнь, впрочемъ, упростила многое. „Вещи получили свою истинную цѣнность, свое полное значенiе. Трудности, раньше казавшiяся мнѣ непреодолимыми, теперь позади; духовныя жертвы, которыя мнѣ казались совершенно



Карта Македоно-Салоникскаго фронта.

Д'Амада, Маржулэ, князья: Д'Аранбергъ, де-Гарини, графы: де-Барраль, де-Болу, де-Фонтеро, герцогъ де-Роганъ, принцъ Луи Мюратъ, правнукъ сподвижника Наполеона, и многiе, многiе отпрыски знатнѣйшихъ родовъ.

Принцу Мюрату не было еще 18 лѣтъ, когда началась война, поэтому онъ могъ попасть въ ряды армiи лишь добровольцемъ-рядовымъ, и скоро сталъ такимъ же всеобщимъ любимцемъ въ окопахъ, какимъ былъ въ великосвѣтскихъ гостиныхъ. Дѣтски-веселый и беззавѣтно храбрый, онъ имѣлъ счастье пасть въ пылу битвы отъ „идеальной" раны:—пронзенный пулей въ сердце.

И рядомъ съ этимъ юношей-рыцаремъ, правнукомъ героя Наполеоновскихъ войнъ, — юноша-богословъ, принадлежавшiй совсѣмъ къ иному классу общества, Альфредъ Казалисъ, сынъ французскаго миссiонера въ Африкѣ. И онъ вступилъ въ армiю добровольцемъ и всего черезъ полгода былъ убитъ въ первой же атакѣ. О томъ, какая дѣтски-чистая, религiозная и благородная душа жила въ этомъ юношѣ, говорятъ его письма, которыя онъ адресовалъ за полгода своей воинской жизни своимъ роднымъ. Письма эти, изданныя въ видѣ маленькаго сборника, могутъ послужить лучшимъ памятникомъ юношѣ-христiанину, положившему животъ за други своя.

Отправляясь на фронтъ, онъ писалъ: „Я ѣду съ радостью и надеждою; на душѣ миръ. Тебя, отецъ, и тебя, дорогая мама, благодарю за всю вашу заботу и любовь, за то, что вы научили

не по силамъ, теперь приносятся сами собою, естественно, не причиняя страданiй. У меня явились новыя силы и глубокая жажда дѣятельности. Но прежде всего я обрѣлъ душевный миръ".

Въ другомъ письмѣ его говорится: „Я даже не въ правѣ былъ остаться тѣмъ же, какимъ былъ прежде. Вѣдь тогда въ чемъ же выразилось бы благотворное влiянiе войны для меня? И развѣ мы всѣ не вѣримъ въ то, что она должна обновить человѣчество?"

Не будь у него этой вѣры въ обновленiе человѣчества и въ возрожденiе своего отечества, онъ бы и не могъ сражаться.

„Я часто думаю о Францiи будущаго, о той Францiи, которая возродится послѣ этой очистительной войны. Я бы не могъ сражаться, не имѣя надежды на возрожденiе такой Францiи, за которую стоитъ убивать и быть убитымъ. Я не перестаю думать объ этой Францiи будущаго, о юной Францiи, которая ждетъ часа своего возрожденiя".

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ анализируетъ собственное возрожденiе: „Мнѣ кажется, я уже не могу больше плыть по теченiю въ духовномъ смыслѣ. Я свыкся съ мыслью о смерти, и она меня больше не пугаетъ. Если мнѣ суждено быть отозваннымъ отъ жизни, я готовъ. Я умру безъ жалобъ, потому что знаю, что дѣло мое сдѣлаютъ другiе еще лучше, чѣмъ могъ бы сдѣлать я, и потому еще, что я увѣренъ, что Господь признаетъ во мнѣ одного изъ Своихъ слугъ".

НОВАЯ НАРОДНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.

(Съ иллюстраціями въ текстѣ).

Измѣненіе существовавшаго у насъ до сихъ поръ самодержавнаго строя вызоветъ расцвѣтъ свободной русской литературы. Русскій читатель сумѣетъ ознакомиться съ новыми сокровищами русской свободной мысли. Появятся новыя слова, новыя имена, новыя названія, которыя до сихъ поръ можно было произносить съ опаской. Читателю, кто бы онъ ни былъ: священникъ, офицеръ, солдатъ, рабочій, ремесленникъ, приказчикъ и т. д. нужно сейчасъ такое руководство, гдѣ онъ могъ бы почерпнуть всѣ свѣдѣнія, до сихъ поръ не имѣвшія возможности получить доступъ вслѣдствіе гнета полицейской и бюрократической цензуры. Новая энциклопедія будетъ состоять изъ 40 выпусковъ. Каждый выпускъ составитъ самостоятельное цѣлое. Въ энциклопедію войдутъ біографіи всѣхъ борцовъ за свободу, программы всѣхъ партій, обзоръ революціоннаго движенія во всѣхъ странахъ, избирательныя системы, свѣдѣнія изъ политической экономіи, рабочее законодательство и т. д. Кромѣ того, въ энциклопедію войдутъ біографіи всѣхъ слугъ реакціи и тирановъ, ибо народъ долженъ знать не только своихъ друзей, но и враговъ. Сюда войдутъ и біографіи разныхъ „старцевъ" типа Распутина, клевретовъ, придворныхъ „шептуновъ" и др. Въ энциклопедію войдетъ также рядъ произведеній Л. Н. Толстого о войнѣ, о царизмѣ и др., бывшихъ до сихъ поръ подъ запретомъ. Всѣ 40 выпусковъ составятъ большой томъ, чрезвычайно интересный для чтенія, а для лицъ, желающихъ работать теперь на общественной почвѣ, въ особенности для духовенства, народныхъ учителей, кооператоровъ, участниковъ разныхъ организацій энциклопедія составитъ полезное руководство для пропаганды здоровыхъ идей о новомъ строѣ свободной Россіи. Изложена энциклопедія просто, ясно, доступно всѣмъ и каждому. Обложка каждаго выпуска будетъ украшена иллюстраціями и снимками. Къ составленію энциклопедіи привлечены лучшія литературныя силы. Подписная цѣна: 8 руб. за всѣ 40 выпусковъ. Первые выпуски вышли.

Треб. адр.: Москва, Б. Гнѣздниковскій пер., 10, издательству Д. М. КУМАНОВА.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ.
РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ ОБУВИ
ПРОСТОЙ и ИЗЯЩНОЙ ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ и ДѢТСКОЙ ПО НОВОЙ ЛЕГКОЙ и СКОРОЙ МЕТОДѢ.
4-е изданіе.
Отд. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ библіот. ремесл. учебн. заведеній; Учебн. Отд. Мин. Торг. и Пр. допущено въ библіот. низшихъ учебн. заведеній.
Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

РУКОВОДСТВО КЪ РАЗВЕДЕНІЮ ШАМПИНЬОНОВЪ,
составл. по новѣйшимъ научнымъ и практическимъ даннымъ Г. Ределинъ. Съ 25-ю рис. 102 стр. въ 16 д. листа.
Цѣна 50 к., съ перес. 60 к.

ШКОЛА ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО РИСОВАНІЯ
для дѣтей отъ 8 до 12-лѣтняго возраста, въ штриховкѣ двумя цвѣтными карандашами.
Въ 2-хъ выпускахъ.
Составилъ Г. А. СЕРГѢЕВЪ, преподаватель и содержатель приготовительныхъ учебныхъ заведеній въ Петроградѣ.

Руководство для газетныхъ **КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ** Постоянн. крупн. побочн. заработокъ
4365 Цѣна 1 руб. Москва, изд—ство „ЛУЧЪ", Печатниковъ пер., 18/2. (11)

Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.
Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться промышленностью, долженъ выписать книгу: **„Я самъ-хозяинъ"**, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый. Цѣна 3 р. 50 к. МОСКВА,
4363 изд—ство. „ЛУЧЪ", Печатниковъ пер., 18/2. (14)

НУЖНЫ ПРЕДСТАВИТЕЛИ
на жалов. и проценты въ кажд. городѣ, селѣ, станціи и т. д. для возможн. закупокъ всяк. мѣстн. продукт. продов., фуража и проч. овощн., бакал., гастр. и др. товар. для нуждающ. мѣстностей и для продажи всего, что нужно кажд. мѣстн. насел. представит. Предл. адр.: Москва, Т/Д „Н. Е. КУДРЯВЦЕВЪ и К°", Гавриковъ пер. (уг. Нѣмецк. рынка), д. Калинина, тел. 3-20-85. Телегр. адр.
4594 Аккуратъ Москва. 2-2

УГРИ,
прыщи и жировое выдѣленіе уничтож. быстро и безслѣдно моимъ домашнимъ средств. Большой флак. съ наставл., хватающ. обычно на все время, высылаю немедленно только по полученіи стоимости или 1/2 ч. задатка. Цѣна флакона съ пересыл. и упаков. 4 руб. Предлож. моему прошу вѣрить, оно искренно и честно. Москва, Долгоруковская ул. № 11 (одиннадцать) кв. 9. Марія Егоровна Чурбанова

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ
получается отъ вязанія
ЧУЛОКЪ и НОСКОВЪ,
какъ и друг. вязаныхъ издѣлій на нашей автоматическ. кругловязальной машинѣ „ВИКТОРІЯ".
ОНА ВЯЖЕТЪ ВСЕ. Въ минуту больше 10.000 петель,
Въ 15 минутъ одинъ чулокъ.

Легкая и простая работа для мужчинъ, женщинъ и дѣтей.
Предварительныхъ знаній не требуется.
Спросъ на чулочный товаръ всегда большой, какъ лѣтомъ, такъ и зимой.
Наша маш. „ВИКТОРІЯ" стоитъ теперь 250 р., со всѣми принадлежностями и полнымъ самоучителемъ, при помощи котораго всякій легко можетъ научиться работать,- при этомъ машина самая лучшая и дешевая на свѣтѣ.
Болѣе 500 благодарственныхъ писемъ.
Постоянный складъ разной пряжи, иголокъ и запасныхъ частей.
Требуйте нашъ иллюстрированный проспектъ (на отвѣтъ 30 к. марками).
ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ **ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°.**
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 40/42-11 в.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА
РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.
РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА. АРТЕРІОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.
ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Русское Агентство фирмы ШАТЕЛЕНЪ въ Парижѣ. Москва, Петровскій пассажъ, № 38, отд. 5.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ, предупреждаетъ его повтореніе.

4569 4-5

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СѢМЕННЫХЪ ЖЕЛЕЗЪ
ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невральгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, діабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, луэсѣ, послѣ родовъ, операцій, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ сѣменная вытяжка лабораторіи Д. Каленичепко для наблюденій высылается безплатно.
Обширная литература по требованію безплатно.
Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ **3 р. 50 к.** пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—безплатно. 2%-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. ❋ Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 8. Телегр. адр.: Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленнымъ сперминомъ.

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ
Для торговц. и люб. обмѣна случайно партія гашен. иностр. почт. марокъ. Обращ. письм. съ прил. на отв. марку: Петроградъ, Офицерская, 30. Сѣверная Звѣзда.

УНИВЕРС. СЧЕТЧИК
множитъ и дѣлитъ цѣлыя и дробн. числа автоматич. съ быстр. чтенія глаза, вычисл. разн. мѣры, проценты, жалованіе, сложныя числовыя отношенія, и т. п.

ПРЕИМУЩЕСТВО Универ. Счетчика надъ всѣми другими автомат. вычислителями въ томъ, что каждый поворотъ циферблата даетъ сразу **НЕПРЕРЫВНЫЙ** рядъ отвѣтовъ на вопросы умноженія и дѣленія.
ЦѢНА Универс. Счетчика съ вращающ. циферблатомъ и пластинкой изъ целлулоида на шарн. въ **НАСТОЛЬНОМЪ** (11¾ вер. въ окруж.) или **КАРМАН.** разм. въ прочн. удобн. папкѣ 3x4 верш.—3 руб. Перес. 25 к. Наставленіе. прилагает. безплатно.
Москва. Варсонофьевскій пер., 11. Отд Н.
Изда-ство инженер. А. Н. КАНА.

№ 20. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 20 мая 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ" 1917 г.

Привѣтъ Свободы Новаго Свѣта.

„Американскіе Штаты съ особенною радостью привѣтствуютъ торжество въ Россіи идей свободы и равенства, являющихся уже въ теченіе 150 лѣтъ основой жизненнаго развитія Америки". (Изъ рѣчи сэра Франсиса, американскаго посла въ Россіи).

Звѣзды Новаго Свѣта на союзномъ знамени Согласія.
Статуя Свободы у входа въ гавань Нью-Іорка.

Доброволецъ Ивановъ.

Разсказъ **В. Ропшина.**

Первый разъ я встрѣтилъ его въ Шампани. Былъ мартовскій вечеръ. Еще черныя, но уже влажныя, уже изборожденныя плугомъ поля затянулись фіолетовой мглой, и въ кустахъ, у дороги, сгустились тѣни. Я заблудился. Я не зналъ, куда повернуть,—налѣво, гдѣ въ сумеркахъ тонула церковная колокольня, или направо, гдѣ однообразно и скучно ворчали пушки. Въ поляхъ легко заблудиться. Въ поляхъ всѣ дороги похожи одна на другую, и на всѣхъ дорогахъ впереди—нѣмцы.

Навстрѣчу мнѣ шелъ солдатъ. Обыкновенный, французскій, маленькій и сгорбленный пѣхотинецъ. На головѣ голубоватаго цвѣта каска, на плечахъ—изношенная, тоже голубоватаго цвѣта, шинель, за плечами — тяжелый ранецъ, и у пояса — грузные, наполненные солдатскимъ добромъ, мѣшки. Я окликнулъ его:

— Эй, послушайте, гдѣ дорога въ Сенъ-Жюстъ?

Онъ отвѣтилъ. Я уловилъ иностранный акцентъ, — не французскій, пѣвучій и медлительный, говоръ.

Я спросилъ наудачу:

— Вы русскій?

Онъ улыбнулся.

— Да, русскій.

— Вы, навѣрное, эмигрантъ?

— Да, конечно. Доброволецъ и эмигрантъ.

— Ваша фамилія?

— Ивановъ.

„Ивановъ" не говоритъ ничего. Мало ли Ивановыхъ ходитъ по бѣлу-свѣту? Я не настаивалъ. Какъ знать, его ли это фамилія? Можетъ-быть, идя добровольцемъ, онъ предъявилъ не свой паспортъ, а тотъ, по которому жилъ за границей. Въ эмиграціи паспортъ—пустая бумажка.

— Почему вы пошли на войну?

— Почему?.. А если нѣмцы придутъ въ Парижъ?

— Они въ Парижъ не придутъ.

— Все равно, въ Петроградъ... Я защищаю Россію.

— Въ Шампани?

— Да, во Франціи... Не только Россію... Я защищаю республику.

— Республику президента Пуанкарэ?

— Да, республику президента Пуанкарэ... А по-вашему лучше императоръ Вильгельмъ?

— Но вѣдь вы, значитъ, защищаете и Николая II?

Онъ опять улыбнулся.

— Я въ это не вѣрю. Въ Россіи будетъ свобода. Николай II—не Россія. Если бы я могъ, я былъ бы на русскомъ фронтѣ. Я не могу... Поэтому я — на французскомъ.

— Значитъ, вы не противъ войны?

— Развѣ мы объявили войну? Развѣ мы хотѣли ее? Но разъ она есть, что же намъ дѣлать? Подчиниться Вильгельму II?

Я ничего не сказалъ. Я вспомнилъ Россію, вспомнилъ, что непріятель у насъ, на нашей землѣ, и что онъ грозитъ Петрограду, и молча крѣпко пожалъ ему руку. Доброволецъ и эмигрантъ Ивановъ... Изгнанный изъ Россіи ея вѣрный и честный слуга.

Мы попрощались. Онъ указалъ мнѣ дорогу въ Сенъ-Жюстъ, а самъ растаялъ въ вечернемъ туманѣ, — затерялся среди необозримыхъ полей Шампани.

Черезъ годъ я былъ въ Артуа.

Та же равнина, тотъ же грохотъ орудій, тотъ же весенній фіолетовый вечеръ и тотъ же туманъ на поляхъ. Но на дорогѣ я былъ не одинъ. Нескончаемой вереницей, гуськомъ, медленно, одинъ за другимъ, навстрѣчу мнѣ тянулись раненые солдаты. Изъ окоповъ. Съ поля сраженія. Всѣ такіе же, какъ и доброволецъ Ивановъ, маленькіе, въ каскахъ и голубоватыхъ шинеляхъ, но съ повязками, то опираясь на палки, то поддерживая братски другъ друга. Ихъ было много, и я не вглядывался въ ихъ лица, какъ не вглядываешься въ прохожихъ на парижскихъ бульварахъ.

На войнѣ нѣтъ мѣста дешевому состраданію. На войнѣ сострадать—сражаться.

Я шелъ и старался не думать. Не только не думать, — я старался не слышать. Все поле стонало. Стонали раненые, и мнѣ казалось, что это стонетъ земля, что это стонетъ вечернее небо, что это стонетъ весенній воздухъ, и что никогда и нигдѣ не будетъ молчанія. И тогда я услышалъ свою фамилію. Я вздрогнулъ. Я обернулся. Я увидѣлъ носилки, двухъ санитаровъ и на носилкахъ чье-то недвижимое тѣло и два горящихъ, два пронзающихъ глаза.

— Доброволецъ Ивановъ!

— Да... Я раненъ. Подойдите сюда...

Онъ взялъ мою руку и заговорилъ быстро, задыхаясь и глотая слова:

— Я радъ, что васъ вижу: вы — русскій... Я раненъ въ животъ и знаю, что я умру. Я не жалѣю... За Францію, за республику, за Россію!.. За свободу!.. Вы понимаете, за свободу!.. Помните? „Красуйся, градъ Петровъ, и стой неколебимо, какъ Россія!.."

Я снялъ шляпу. Я поклонился. Я поклонился низко, ему—Иванову, безыменному человѣку. И я уже не могъ заставить себя не думать... А теперь здѣсь, въ Петроградѣ, въ свободной Россіи, я хожу по роднымъ, забытымъ мною площадямъ и думаю о добровольцѣ Ивановѣ и повторяю пушкинскія слова:

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!..

И я спрашиваю себя: что сказалъ бы убитый въ Артуа за Россію доброволецъ Ивановъ?

А. Ф. Керенскій.

Очеркъ **В. В. Кирьякова.**

(Окончаніе) *).

VII.

А. Ф. Керенскій—лидеръ Трудовой Группы.

Образованіе въ четвертой Государств. Думѣ фракціи Трудовой Группы выдвинуло А. Ф. Керенскаго на роль лидера этой фракціи.

Я не буду останавливаться на пятилѣтней думской дѣятельности А. Ф. въ качествѣ вождя фракціи Трудовой Группы, такъ какъ это завело бы меня очень далеко. Скажу только, что не было ни одного вопроса, касающагося правъ народа на землю и волю, который бы остался не освѣщеннымъ А. Ф. съ думской трибуны. Страстныя, убѣжденныя рѣчи друга народа,—къ сожалѣнію, доходившія до народа лишь въ видѣ отрывковъ или просто сплошныхъ бѣлыхъ мѣстъ,—заставляли иногда задумываться даже явныхъ враговъ народа, въ родѣ Маркова II и Замысловскаго.

Искренность А. Ф. Керенскаго и глубина его убѣжденій признавались даже его политическими врагами.

Прочитайте или хотя бы перелистайте только книжку „Дѣятельность фракціи Трудовой Группы въ четвертой Государственной Думѣ", запрещенную и изъятую изъ обращенія царскимъ правительствомъ,—и вы увидите, какъ стойко, убѣжденно, искренно и страстно боролся А. Ф. за права всего трудового народа, особенно крестьянства.

Но борьба эта велась А. Ф. и за стѣнами Таврическаго дворца. Около думской фракціи Трудовой Группы собралось немало друзей народа не изъ членовъ Государственной Думы. На организацію и работу въ этой Трудовой Группѣ, въ которую члены думской фракціи входили, какъ часть въ цѣлое, А. Ф. отдавалъ все свое время, не занятое думской работой.

Центръ тяжести своей работы въ Трудовой Группѣ А. Ф. перенесъ на объединеніе всѣхъ народниковъ, на сплоченіе ихъ, на пробужденіе ихъ къ активной политической работѣ.

Въ іюлѣ 1915 года, по иниціативѣ А. Ф., было созвано въ Петроградѣ, въ его квартирѣ, совѣщаніе представителей всѣхъ тогдашнихъ народническихъ теченій,—трудовиковъ, народныхъ соціалистовъ, старыхъ и молодыхъ соціалистовъ-революціонеровъ,—для выработки общей *тактической* платформы для активной политической борьбы со старымъ строемъ.

На этомъ совѣщаніи А. Ф. выступилъ съ яркими рѣчами о неотложной необходимости тактическаго единенія всѣхъ народническихъ теченій, о возрожденіи партіи соціалистовъ-революціонеровъ, о переработкѣ программы партіи въ связи съ политическимъ и экономическимъ положеніемъ Россіи.

VIII.

А. Ф. Керенскій, какъ лекторъ и писатель.

Тѣсно связанный съ Петербургомъ, А. Ф. однако не ограничивалъ своей дѣятельности только столицей. Всѣ думскія каникулы онъ обычно проводилъ въ объѣздѣ провинціи. Москва, Саратовъ, Самара, Казань, Харьковъ, Вольскъ, Ташкентъ, Лена, Самаркандъ, и т. д. и т. д.—гдѣ только не бывалъ „Быстрый", задавая работу охранкѣ, Департаменту полиціи и шпіонамъ.

И всюду, гдѣ онъ бывалъ, тлѣвшіе угольки партійной политической работы если не вспыхивали сразу яркимъ пламенемъ, то все же разгорались и согрѣвали сердца и умы „осѣвшихъ" работниковъ, пробуждали въ нихъ общественную, партійную совѣсть, снова придвигали ихъ къ народу, къ работѣ на его счастье.

Помню октябрь 1915 года въ Самарѣ. Получили отъ А. Ф. теле-

*) Одновременно съ помѣщеніемъ въ „Нивѣ"—очеркъ жизни и дѣятельности А. Ф. Керенскаго выпущенъ отдѣльной брошюрой (въ изданіи „Народной Власти"). Въ брошюрѣ этой обрисована В. В. Кирьяковымъ дѣятельность А. Ф. Керенскаго не только въ дореволюціонное время, какъ борца за свободу, но и въ свѣтлые дни революціи, какъ генія русской свободы. *Ред.*

грамму: „Буду 29-го, устраивайте лекцію. Тема—военная сессія Государственной Думы“.

Просвѣтлѣли. Зашевелились. Наладили съ „отвѣтственнымъ“. Получили разрѣшеніе. Старый товарищъ Іосифъ Абрамовичъ Цадиковъ оборудовалъ хозяйственную часть лекціи.

Пріѣхалъ „Быстрый“. Облеталъ всѣхъ. Шутками, разсказами о Петроградѣ пробудилъ, спрыснулъ живой водой.

На другой день лекція.

Театръ „Олимпъ“ биткомъ былъ набитъ народомъ—рабочими, крестьянами, интеллигенціей.

Горячая, страстная рѣчь лилась, какъ потокъ, въ теченіе двухъ часовъ. Положеніе страны стало яснымъ,—яснымъ до боли, до тоски.

— Ахъ, какъ хорошо провелъ я сегодня день,—говорилъ Цадиковъ, возвратившись съ лекціи и ложась въ постель.

И черезъ часъ умеръ отъ разрыва сердца.

Помню, какое это сильное впечатлѣніе произвело тогда на А. Ф. Онъ какъ-то стихъ, углубилась мучительная складка между

— На этотъ разъ это, выходитъ, къ счастью.

Лекція началась торжественно.

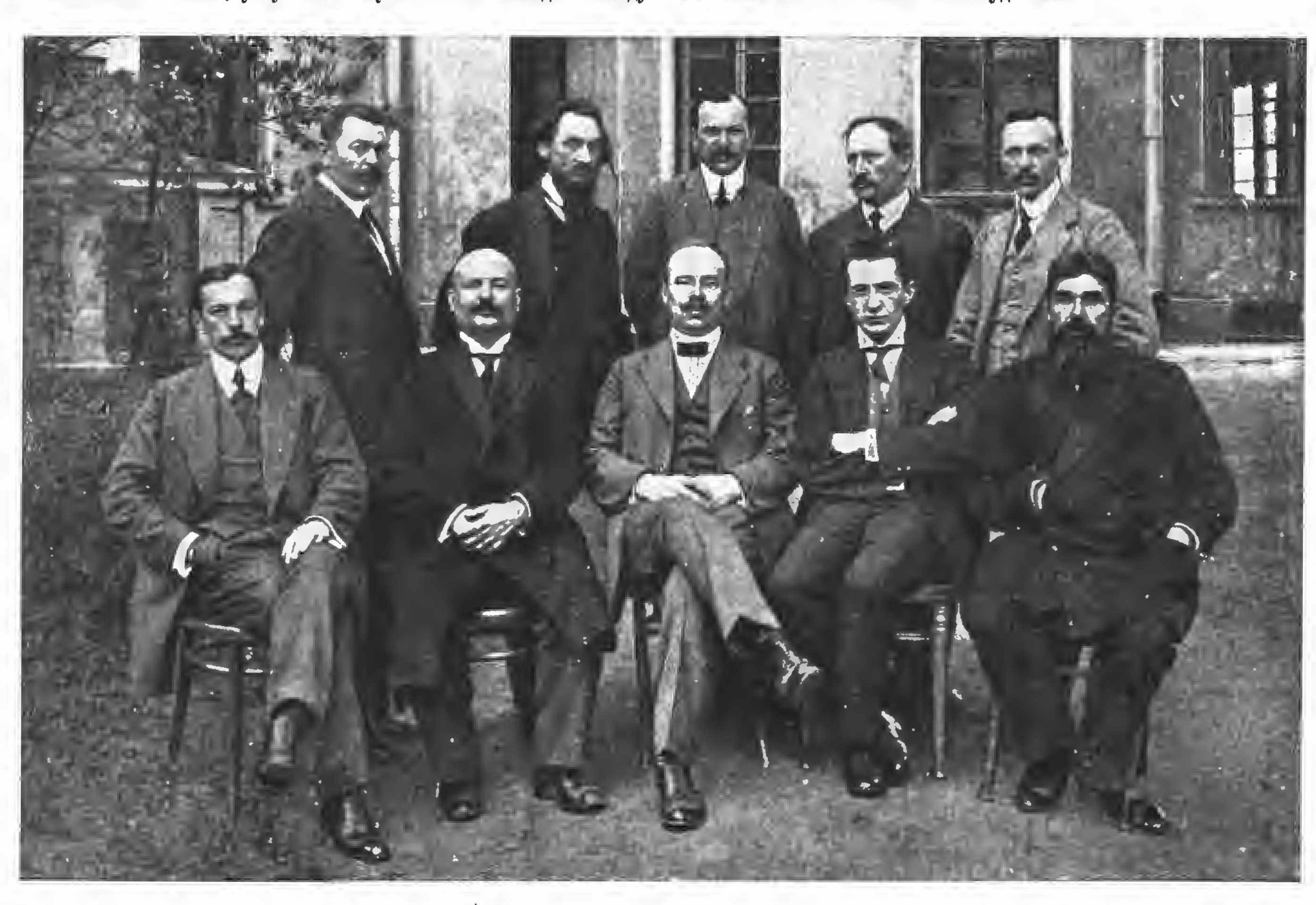
„— Прежде чѣмъ начать свою лекцію,—сказалъ А. Ф.,—я долженъ отдать долгъ почившимъ борцамъ за свободу народа. За то время, что я у васъ не былъ, скончались двое моихъ товарищей: одинъ—мой другъ и товарищъ по партіи соціалистовъ-революціонеровъ—Іосифъ Абрамовичъ Цадиковъ, такъ много сдѣлавшій для народа, а другой—товарищъ по Государственной Думѣ—Николай Александровичъ Гладышъ, принадлежавшій хотя и къ другой партіи,—къ партіи конституціоналистовъ-демократовъ,—но бывшій всегда горячимъ защитникомъ народныхъ интересовъ и рыцаремъ въ думской борьбѣ партій.

Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, встали почтить память ушедшихъ въ могилу борцовъ за народное счастье.

Лекція была прекрасна, но А. Ф. остался недоволенъ собой.

Въ перерывъ вхожу къ нему на авансцену.

— Что? Скверно? А? Не лучше ли прекратить? Сказать, что внезапно заболѣлъ или что-нибудь такое. А?



Трудовая Группа въ четвертой Государственной Думѣ.
Стоятъ: *кн. В. Л. Гелovани (†), А. С. Сухановъ, М. С. Рысевъ, Ф. О. Кейнисъ, А. И. Рыслевъ.*
Сидятъ: *Н. О. Янушкевичъ, Д. Д. Старлочановъ, В. М. Вершининъ, А. Ф. Керенскій, В. И. Дзюбинскій.*

бровей—словно онъ считалъ себя виновнымъ въ смерти нашего товарища.

А вѣдь онъ далъ ему послѣднюю радость въ жизни—предсмертную радость встрепенувшейся къ идейнымъ высотамъ души.

И другой октябрь помню, въ той же Самарѣ—октябрь прошлаго 1916 года.

Опять телеграмма отъ А. Ф. и опять такого же содержанія.

И опять мы просвѣтлѣли и зашевелились. И опять удалось устроиться съ лекціей.

Пріѣзжаетъ.

Первый вопросъ, который онъ задаетъ мнѣ еще въ передней, не раздѣваясь:

— Не разрѣшили, конечно? Могу уѣзжать? И хорошо. Очень спѣшу въ Питеръ. Едва смогъ пріостановить высылку Мясоѣдова, Чумаевскаго, Бергмана и Романенко—нашихъ саратовскихъ товарищей-адвокатовъ. Надо скорѣе побывать у министра, а то губернаторъ не раздумалъ бы и не выслалъ бы.

— Нѣтъ,—говорю,—придется остаться. Лекція разрѣшена, и всѣ билеты уже проданы.

Расхохотался—громко, раскатисто, заразительно, какъ онъ умѣетъ смѣяться.

— Какъ такъ? Да вѣдь въ Саратовѣ-то мнѣ губернаторъ запретилъ читать лекцію на эту тему?

— У насъ другой штатъ, а штаты вѣдь у насъ разъединенные, а не соединенные,—пошутилъ я.

— Да будетъ,—говорю,—А. Ф., не напрашивайтесь на комплименты. Аудиторія ловитъ каждое ваше слово... Развѣ вы не чувствуете внутренней связи со своей аудиторіей?

— Нѣтъ, не то. Выходитъ, будто я всю вину на блокъ валю. А вѣдь это не вѣрно. Это не такъ. А мы-то сами хороши? Мы-то сами все дѣлаемъ, что нужно?

— Не знаю,—говорю,—откуда у васъ это сомнѣніе. Все, что вы говорили о блокѣ, напротивъ, было настолько объективно, что, по-моему, вы даже недостаточно выявили передъ аудиторіей вялость и неувѣренность въ себѣ блока.

Вторая часть лекціи была произнесена А. Ф. съ такимъ подъемомъ, что аудиторія положительно задрожала отъ грома рукоплесканій.

Особенно хороши были заключительныя, почти пророческія слова лекціи.

Я ихъ отлично помню.

— ...„Но на смѣну всему этому старому порядку,—сказалъ А. Ф., вѣрнѣе, безпорядку, скоро придетъ новый порядокъ... Его принесетъ къ намъ демократія, единственный хозяинъ жизни. И демократія уже идетъ... Я уже отчетливо слышу шаги народа... Готовьтесь встрѣтить его... Приготовьтесь итти съ нимъ нога въ ногу, рука объ руку...“

Выйдя изъ „Олимпа“, присутствовавшіе на лекціи не разошлись, а остались ожидать выхода А. Ф. Молодежь сговорилась устроить ему овацію, но онъ незамѣтно вышелъ изъ помѣщенія. Громадная толпа, запрудившая собою двѣ улицы, не расходилась

В. И. Дзюбинскій. А. Ф. Керенскій.

Въ Таврическомъ саду. На отдыхѣ послѣ засѣданія Гос. Думы.

въ полчаса. Встревоженная полиція выслала къ театру усиленные наряды конныхъ стражниковъ, но они не понадобились: узнавъ, что А. Ф. ушелъ уже изъ „Олимпа", толпа мирно разошлась по домамъ.

Если добавить къ этому, что весь большой сборъ съ лекціи А. Ф. отдалъ на изданіе въ Самарѣ народнической газеты „Вѣсти", закрытой потомъ администраціей на пятомъ нумерѣ, и на помощь ссыльнымъ политическимъ, то едва ли нужно говорить, что лекторство А. Ф. являлось однимъ изъ лишнихъ способовъ служить великому дѣлу освобожденія народа отъ вѣкового политическаго и соціальнаго гнета.

Такая кипучая дѣятельность А. Ф. не позволяла ему, конечно, прилежно заниматься литературой.

Однако и въ литературѣ онъ успѣлъ заявить себя яркими статьями на политическія темы.

Такъ, напримѣръ, въ 1905-1906 году онъ работалъ въ журналѣ „Буревѣстникъ". Мнѣ особенно запомнилась одна изъ его тогдашнихъ статей объ Учредительномъ Собраніи, въ которой онъ проводилъ ту мысль, что выборы въ Учредительное Собраніе должны быть произведены и среди войскъ, находившихся тогда еще въ Сибири на войнѣ съ Японіей. Книга А. Ф. „Правда о Ленѣ" является сплошнымъ крикомъ наболѣвшаго сердца о положеніи рабочихъ. Въ послѣдніе годы статьи А. Ф. по политическимъ вопросамъ появлялись въ народническихъ журналахъ „Завѣты" и „Сѣверныя Записки".

IX.

А. Ф. Керенскій наканунѣ революціи.

Особенность психики А. Ф. Керенскаго—первичная чуткость къ политическимъ событіямъ, доходящая часто до предвидѣнія ихъ. Это то, что называется интуиціей, подсознательнымъ угадываніемъ событій, то, что принято иногда называть „шестымъ чувствомъ".

Въ обычномъ жизненномъ обиходѣ эта способность у людей называется способностью „предчувствовать" — предчувствовать надвигающуюся опасность, несчастіе, радость и т. д. Чувство это даетъ физическія и психическія ощущенія, нѣсколько похожія на ощущенія первыхъ людей передъ надвигающейся, еще далекой, грозой.

Эти, такъ сказать, предъощущенія надвигавшейся политической революціонной грозы сказывались у А. Ф. Керенскаго и въ его думскихъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ еще за два съ лишкомъ мѣсяца до революціи.

Такъ, въ засѣданіи Государственной Думы еще 16-го декабря 1916 года А. Ф. Керенскій говорилъ:

— „Господа, теперь вы сами видите, что всѣ слова, которыя можно сказать о власти, которыми можно заклеймить власть, преступную передъ государствомъ, всѣ сказаны. Мы слышали здѣсь изъ устъ не лѣвыхъ людей, не русскихъ либераловъ, а изъ устъ октябристовъ и консерваторовъ заявленіе, что „власть губитъ страну", что „она является предательской", что „дальнѣйшее ея существованіе грозитъ крахомъ государству". Но какіе же выводы сдѣланы изъ этихъ словъ?.. Если сегодня представитель лѣвыхъ октябристовъ С. И. Шидловскій говорилъ намъ: „я не революціонеръ, я отрицаю революціонный методъ",—то вѣдь, господа, Шидловскій сегодня уподобился тому герою Мольера, который съ недоумѣніемъ и удивленіемъ въ одинъ прекрасный день узналъ, что онъ-то „говоритъ прозой". *Вѣдь процессъ, въ которомъ участвуетъ С. И. Шидловскій, это и есть революціонный...* Вы, гг., до сихъ поръ подъ словомъ „революція" понимаете какія-то дѣйствія антигосударственныя, разрушающія государство, когда вся міровая исторія говоритъ, что революція была методомъ и единственнымъ средствомъ спасенія государствъ. Это есть напряженнѣйшій моментъ борьбы съ правительствомъ, губящимъ страну. Революціонный процессъ — объективный процессъ. И я вамъ напомню, что въ 1789 году во Франціи былъ графъ Мирабо, который не подозрѣвалъ очень долгое время, что онъ является однимъ изъ величайшихъ дѣятелей революціи и антидинастической (рѣчь прерывается предсѣдателемъ Думы)... Я хочу сказать, гг., что идетъ вопросъ не о словахъ, а вопросъ о дѣйствіяхъ и о методахъ борьбы. И разъ навсегда догадайтесь, гг. герои изъ Мольера, что вы участвуете въ такомъ процессѣ исторіи Россіи, который называется процессомъ революціоннымъ"...

И, чувствуя приближающуюся революцію, чувствуя себя самого уже въ „революціонномъ процессѣ", А. Ф. Керенскій усердно проясняетъ революціонное сознаніе Думы, вталкиваетъ ее въ „революціонный процессъ".

— „Вѣдь власть сидитъ на концѣ солдатскаго штыка, — говоритъ онъ далѣе. — И когда въ такіе моменты говорятъ: „мы боремся „законнымъ способомъ", мы боремся „на основаніи статей закона", — то я спрашиваю совершенно искренно и безъ всякой полемики: не чувствуете ли вы сами, что у васъ *нѣтъ оружія въ рукахъ*, потому что эти законные способы, эти законы, другой стороной, борющейся съ вами, не признаются?.. Дѣйствуя „законнымъ путемъ", вы подобны Донъ-Кихоту, который борется съ мельницами. Вамъ предоставляютъ этотъ законный методъ; *онъ никому не мѣшаетъ*... Если власть пользуется законнымъ аппаратомъ государственнаго управленія только для того, чтобы насиловать страну, чтобы вести ее къ гибели, обязанность гражданъ—этому закону не подчиняться"...

Однако Дума еще не осознала революціоннаго процесса; она еще упирается. Предсѣдатель прерываетъ А. Ф. Въ залѣ поднимается невообразимый шумъ. Протестующаго Керенскаго грозятъ удалить съ каѳедры силой. Объявляется перерывъ.

Вскорѣ были прерваны правительствомъ и занятія Государственной Думы до 14-го февраля 1917 года.

За этотъ промежутокъ времени А. Ф. Керенскій уже окончательно вошелъ своей психикой въ „революціонный процессъ". На другой день послѣ открытія Думы, 15-го февраля 1917 года, онъ выступаетъ со своей первой исторической, уже явно революціонной рѣчью.

— „Я согласенъ съ тезисомъ предыдущаго оратора, члена Государственной Думы Милюкова, — начинаетъ эту свою рѣчь А. Ф. Керенскій, — что мы вступаемъ въ критическій періодъ трехлѣтнихъ боевъ. Но позвольте мнѣ не быть такимъ оптимистомъ и показать вамъ, что то напряженіе и та обязанность, которая должна лечь на весь народъ, а также и на васъ, можетъ-быть гораздо болѣе серьезна. *Кризисъ, гг., въ который мы вступаемъ, а, можетъ-быть, уже вступили, этотъ кризисъ переживается не только Россіей.* Нѣтъ, вся Европа захлебывается въ крови, которая проливается щедро, огромной рѣкой, уже третій годъ... Можете ли вы, гг., держа въ рукахъ судьбы своей страны и отвѣчая за эту кровь, можете ли вы сказать, что вы сдѣлали все, что вы напрягли не только энтузіазмъ и паѳосъ словъ съ этой каѳедры, но что вы проявили также *и все напряженіе политическаго дѣйствія, политической воли.* Сумѣли ли вы, сознавая вашу отвѣтственность, взять на себя личный рискъ въ борьбѣ съ той старой системой, которая губитъ страну? (Милюковъ съ мѣста: „Мы сдѣлали больше, чѣмъ вы").—Я, гг., говорю не для того, чтобы вступать въ пренія и въ полемику. Я признаю также открыто,—потому что моментъ слишкомъ отвѣтственный, и мы должны говорить только правду,—я признаю, гг., что и мы, представители демократіи, не всегда могли выполнить нашъ долгъ до конца, но мы всегда были на высотѣ пониманія

нашихъ историческихъ задачъ, которыя стояли передъ нами. Я не хочу вступать въ споры и въ партійную борьбу. *Я хочу, г., чтобы эта наша сессія и эти дни прошли при полномъ сознаніи величайшихъ страданій и величайшей отвѣтственности, которая скоро падетъ на насъ на всѣхъ, безъ различія нашихъ политическихъ убѣжденій. Я бы хотѣлъ, чтобы въ этотъ послѣдній моментъ передъ великими событіями лѣта* мы до конца посмотрѣли бы на свое ближайшее будущее и въ послѣдній разъ спросили себя, можемъ ли мы дѣйствительно что-нибудь сдѣлать, чтобы не въ Константинополь прійти, чтобы не дѣлить Европу по картѣ, проектируемой досужимъ мечтателемъ, а чтобы спасти народное достояніе, наслѣдіе прошлаго, которое попало въ наши руки?.. Если вы забудете, что сидите въ этихъ стѣнахъ Таврическаго дворца, куда чрезвычайно плохо доходятъ подлинные звуки жизни, куда боль и страданіе народа достигаютъ въ отраженномъ и изломанномъ свѣтѣ; если вы вспомните подлинную жизнь; если вы посмотрите на то, что окружало васъ двѣ недѣли тому назадъ, когда вы еще хотѣли ѣхать сюда,—вы поймете, господа, что *страна находится уже въ хаосѣ,* что мы переживаемъ небывалую въ историческія времена въ жизни нашей родины смуту, передъ которой время 1613 года кажется дѣтскими сказками... Передъ вами, гг., та самая картина, которую переживала Франція во время великой революціи. Гг., этотъ хаосъ налицо передъ вами, и я спрашиваю васъ, есть ли у васъ сознаніе и чувство политической отвѣтственности въ этотъ историческій моментъ подчинить свои личные и классовые соціальные интересы единству, единымъ интересамъ государства. *Я вамъ скажу,—этою сознанія у васъ еще нѣтъ.*

„Но посмотрите, гг., на этотъ хаосъ, посмотрите, что дѣлала власть. Намъ говорятъ: „правительство виновато“, правительственные люди, которые, какъ „тѣни“, приходятъ и уходятъ съ этихъ мѣстъ (указываетъ на правительственныя скамьи). Но поставили ли вы себѣ вопросъ, наконецъ, во всю ширь и во всю глубину, *кто же тѣ, кто* приводитъ сюда эти „тѣни“? Развѣ отвѣчаютъ эти маріонетки, которыя приходятъ сюда для того, чтобы уйти? Гдѣ же эта реальная власть, гдѣ эти люди, фактически ведущіе насъ къ гибели?.. Вы нашли ихъ, вы сказали отсюда открыто и прямо: „не въ васъ, маленькіе людишки, которые свои личные интересы даже въ такой историческій моментъ жизни предпочитаютъ интересамъ государства, не въ васъ дѣло, а въ вашихъ хозяевахъ. *Хозяина нужно найти, гдѣ онъ,—тотъ, который приводитъ сюда этихъ людей?..* И если вы вспомните исторію власти за эти три года, вы вспомните, гг., какъ много здѣсь говорилось о „темныхъ силахъ“, и какъ эти разговоры о темныхъ силахъ создали союзъ юныхъ наивныхъ мечтателей съ политическими авантюристами — и этой „темной силы“, этого Распутина не стало. Что же, мы вступили въ новую эпоху русской жизни? Нѣтъ, она цѣликомъ осталась. Сюда они прислали новыхъ Распутиныхъ, и они будутъ имѣть ихъ безконечное количество: Распутина смѣнитъ Протопоповъ, Протопопова—Риттихъ. Но вы-то, когда вы говорили о „темныхъ силахъ“, вы не вводили въ заблужденіе, вы не вели народъ окольными путями, вы не отводили отвѣтственности тѣхъ, кто долженъ былъ отвѣтить за этихъ безсильныхъ, ничтожныхъ людей, которые были послушной игрушкой и погибли, платя своей кровью за чужіе грѣхи... *Я, г., свободно могу говорить по этому вопросу, потому что вы знаете, что я по своимъ политическимъ и личнымъ убѣжденіямъ раздѣляю мнѣніе партіи, которая на своемъ знамени ставила открыто возможность террора, возможность вооруженной борьбы съ отдѣльными представителями власти, принадлежу къ партіи, которая открыто признавала необходимость тираноубійствъ. Мы были послѣдователями тѣхъ людей*“...

На этомъ мѣстѣ рѣчь А. Ф. Керенскаго была прервана предсѣдателемъ Думы, который сказалъ:

— Членъ Думы Керенскій, я прошу изложеніемъ программы вашей партіи не давать основанія утверждать, что въ Государственной Думѣ можетъ раздаваться приглашеніе къ чему-либо подобному тому, о чемъ вы говорите.

Керенскій на это отвѣчалъ:

— Я говорю о томъ, что дѣлалъ въ классическія времена гражданинъ Брутъ; вмѣстѣ съ этимъ отрицаю вотъ эти способы затемненія человѣческаго сознанія и направленія негодованія народа по адресу ничтожныхъ и мало въ чемъ виновныхъ людей.

Договорены были А. Ф. Керенскимъ и „послѣднія слова“:

— „Какъ можно прикрывать свое бездѣйствіе исполненіемъ закона,—гнѣвно воскликнулъ онъ по адресу всей Думы,—когда ваши враги не прикрываются закономъ, а, открыто насмѣхаясь надъ всей страной, издѣваясь надъ вами, каждый день нарушаютъ законъ! Съ нарушителями закона есть только одинъ путь—путь физическаго ихъ устраненія... Подумайте, гг., подумайте, и не придете ли вы со мною къ одному выводу, что иногда гангренознаго больного, который умретъ черезъ двѣ недѣли, нужно, какъ меня недавно, вылѣчить хирургическимъ лѣченіемъ немедленно, и тогда онъ воскреснетъ съ новыми силами къ новой жизни“.

А. Ф. Керенскій. Помощникъ главнокомандующаго войсками петроградскаго округа поручикъ А. И. Козьминъ.

Военный и морской министръ А. Ф. Керенскій производитъ смотръ гвардіи Литовскому полку. *Передъ поѣздкой на фронтъ А. Ф. Керенскій произвелъ смотры войсковымъ частямъ въ Петроградѣ. Полки восторженно встрѣчали А. Ф. Керенскаго и сопровождавшаго его поручика А. И. Козьмина, извѣстнаго революціоннаго дѣятеля, избраннаго въ 1905 г. президентомъ красноярской республики.*

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть Ренэ Бенжамэна.

Авторизованный переводъ съ французскаго М. П. Благовѣщенской.

(Продолженіе).

Солнце садилось во всемъ великолѣпіи со стороны Франціи и щедро озаряло ее послѣдними лучами. А противъ этого неба, объятаго пламенемъ заката, съ косматыми, рваными облаками, трагически прекрасными и производившими впечатлѣніе какой-то кровавой кавалькады,—тамъ германцы, празднуя свою побѣду, покрывали небо багровымъ заревомъ, сжигая деревни и лѣса. Безцѣльная жестокость, которая должна была разсѣяться послѣ этой ужасной ночи въ сіяніи восхода!

Но ночь... надо было прожить эту ночь, а многимъ надо было умереть до наступленія слѣдующаго дня! Гаспаръ, руки котораго цѣпенѣли подъ тяжестью тѣла его друга, казался олицетвореніемъ Человѣка подъ бременемъ Несчастья.

ряхъ сарая и дѣлали перевязки, что-то рѣзали, накладывали бинты. Время отъ времени у нихъ вырывались восклицанія:

— Это ужасно!.. Кошмаръ какой-то!.. Если будетъ такъ продолжаться, то черезъ два дня не останется ни одного человѣка!..

— Да, похоже на то!—замѣтилъ Гаспаръ.

— Съ вами не разговариваютъ! Молчите!—прикрикнули на него врачи.

Гаспаръ возмутился:

— Мнѣ молчать? А съ какой стати я буду молчать?.. Развѣ я не раненъ? Нѣтъ, я имѣю право говорить!.. Да и говорю-то я не ради себя, а ради Бюретта, моего однокашника... самаго на-

Новый Свѣтъ вооружается противъ всесвѣтнаго врага. *Служащіе отеля „Балтиморъ" обучаются на крышѣ дома маршировкѣ и строю подъ командой майора Стаффорда Кробетта.*

Послѣ невѣроятныхъ усилій, исходя кровью, такъ какъ отъ напряженія его рана раскрылась еще больше, онъ добрался наконецъ до перевязочнаго пункта. Но онъ не думалъ о себѣ, онъ весь сосредоточился только на одной мысли: у него на рукахъ его „однокашникъ", онъ спасаетъ своего „однокашника".

Онъ осторожно опустилъ Бюретта у изгороди фермы и пошелъ разыскивать врача. Въ сумеркахъ, спускавшихся на деревню, около тысячи человѣкъ на трехъ скрещивающихся дорогахъ и на трехъ улицахъ кричали, стонали, пробирались впередъ, помогая другъ другу. Раненые, санитары и бѣженцы, а также свѣжая рота, направлявшаяся на фронтъ, только-что пополненная и едва приведенная въ порядокъ,—все смѣшалось въ общую безпорядочную массу. Въ темнотѣ видно было, какъ широко раскрыты глаза солдатъ, спѣшившихъ на позиціи: они ускоряли шаги, точно хотѣли поскорѣе пройти черезъ этотъ адъ.

Первымъ дѣломъ Гаспаръ рѣшилъ во что бы то ни стало пройти къ колодцу, вокругъ котораго уже толпилось около сотни солдатъ. Это было очень нелегко, но въ Гаспарѣ было что-то властное, голосъ у него былъ зычный, а кромѣ того, въ немъ было много энергіи. Въ концѣ концовъ ему удалось-таки сунуть голову и плечи подъ струю воды. Послѣ этого, освѣженный, фыркая и отдуваясь, онъ сталъ громко кричать, снуя изъ одного угла въ другой:

— Доктора!.. Гдѣ тутъ докторъ?

Онъ нашелъ трехъ докторовъ, они стояли въ открытыхъ две-

стоящаго однокашника, у котораго пуля въ животѣ. Мнѣ нуженъ фургонъ!

— Фургонъ! Пойдите, разыщите санитаровъ и проваливайте!

Онъ ушелъ, негодующій и злой. И когда онъ наконецъ нашелъ санитаровъ, онъ излилъ на нихъ всю свою злобу. Одного онъ схватилъ за плечо и не выпускалъ больше. А когда другой сказалъ, что у него нѣтъ носилокъ, и что онъ ничего не можетъ сдѣлать, Гаспаръ схватилъ его за шиворотъ и потрясъ изо всѣхъ силъ.

— Для какого чорта тебѣ нацѣпили крестъ на рукавъ? Ужъ не для того ли, чтобы ты задиралъ носъ?.. Болванъ!

Отойдя отъ санитаровъ, онъ чуть не наткнулся на двѣ ноги, лежавшія поперекъ дороги. Онъ выругался: „Что за чортъ!" И вдругъ онъ услыхалъ, что его зовутъ: „Эй!.. эй!" Онъ обернулся. Капитанъ Пюшъ! Почти неузнаваемый: его лицо представляло сплошную окровавленную массу.

— И вы также!—воскликнулъ Гаспаръ.—Боже, что за несчастье!.. Да еще въ голову!.. Вы очень страдаете?..

— Пустяки,—невнятно пробормоталъ Пюшъ глухимъ голосомъ, такъ какъ носъ и ротъ у него были въ повязкѣ.—Она... ..ошла сюда и ....ышла отсюда.

Онъ не могъ закрывать рта и не могъ произносить всѣхъ буквъ. Но въ рукахъ онъ держалъ клочокъ бумажки и карандашъ, и такъ какъ въ эту минуту къ нему подошелъ его ординарецъ съ фонаремъ въ рукахъ, онъ произнесъ съ трудомъ:

Наборъ войскъ въ Америкѣ.

Женщины самыхъ видныхъ круговъ американскаго общества, жены и дочери членовъ парламента, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей вербуютъ добровольцевъ на войну противъ мірового врага.

— Я ...одвелъ счетъ ...осемьсотъ тридцать ...франковъ.
Сказавъ это, онъ запрокинулъ голову, чтобы не глотать кровь
Гаспаръ не зналъ, что сказать, и замѣтилъ только:
— Капитанъ... Бюреттъ также... у него пуля въ животѣ.

— ...юреттъ? ...ѣдный ...юреттъ, — проговорилъ Пюшъ.—Умеръ?
— Ему очень плохо!
— Умереть... за родину,—проговорилъ спокойно Пюшъ,—что ..ожетъ быть ...учше такой смерти?..

Женскія войска въ Америкѣ.

Обученіе воинскому дѣлу. Отрядъ подъ командой капитана—лэди Этель-Мэй Ширсъ въ Нью-Іоркѣ.

Капитанъ былъ совершенно спокоенъ, хотя и раненый, исходящій кровью, съ развороченнымъ лицомъ, и, прежде чѣмъ дать себя эвакуировать, онъ заботился о томъ, чтобы привести въ порядокъ всѣ дѣла. Онъ дѣлалъ это безъ жестовъ, безъ фразъ, онъ только подсчитывалъ расходы своей роты. Онъ сказалъ:

— ...артофель... не надо, ...обы ее ...ыли... безъ ...роса...

— Будьте спокойны, капитанъ, — отвѣтилъ ординарецъ.—Все будетъ сдѣлано... Но вѣдь вы истекаете кровью!

Бумажка, которую держалъ въ рукахъ Пюшъ, была вся въ крови.

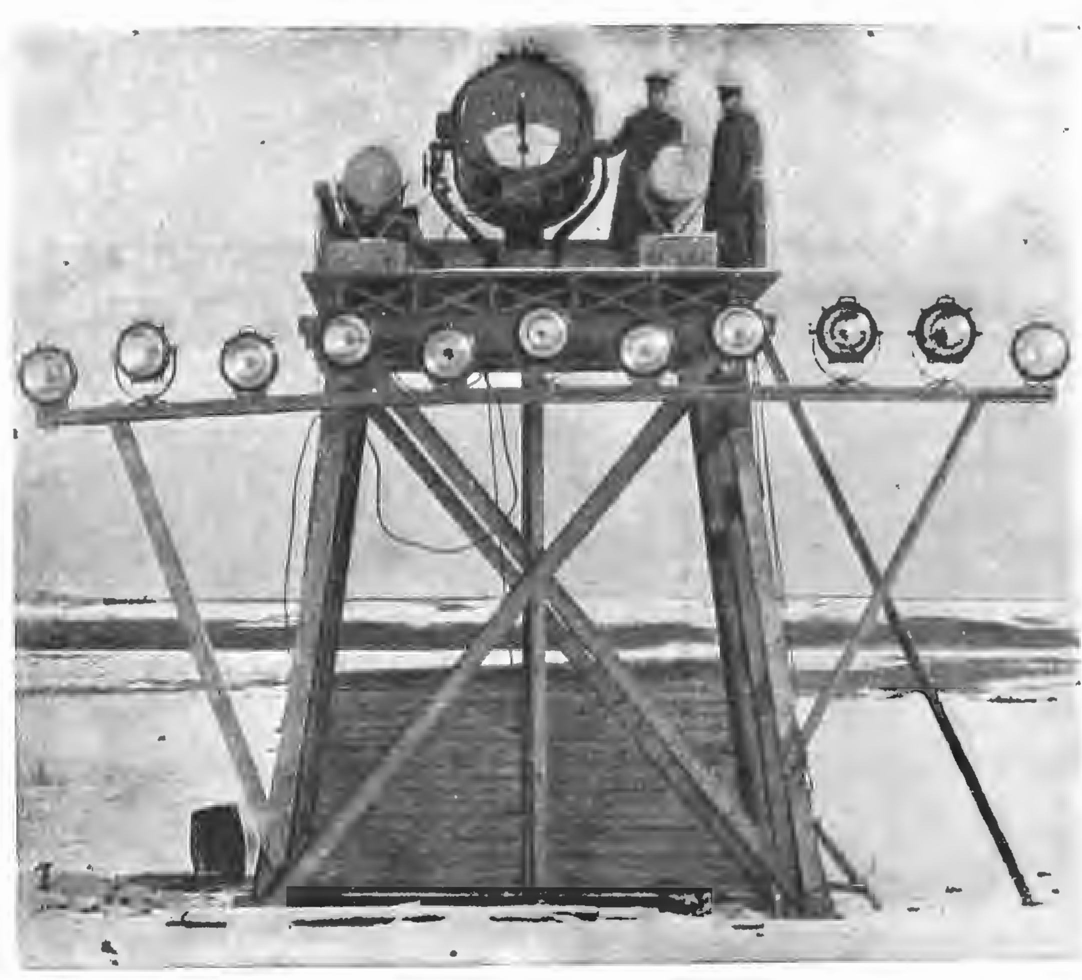
— Ничего ...устяки ...ройдетъ... До свиданія, ...аспаръ... всего ...орошаго!

Гаспаръ пожалъ ему руку. Онъ былъ въ смущеніи, не зналъ, что сказать, и пробормоталъ нѣсколько безсвязныхъ словъ. Потомъ онъ отошелъ въ сторону.

Онъ слыхалъ еще, какъ Пюшъ сказалъ:

— Въ... оемъ... огребцѣ... есть... околадъ... озьмите и дайте... олдатамъ.

Послѣ этого онъ протянулъ свой бинокль и планъ, стараясь держать голову вверхъ, чтобы кровь не капала на бумаги и на платье.



Военная техника Америки. *Сильнѣйшій въ мірѣ прожекторъ силою въ 500 милліоновъ свѣчей.*

Милиціонеръ заокеанской республики. *Охрана моста въ Нью-Іоркѣ отъ германскихъ шпіоновъ-взрывателей.*

Гаспаръ ушелъ, повторяя про себя: „Это... это герой!“

Онъ прибѣжалъ къ Бюретту.

Бюреттъ все время стоналъ. Докторъ только-что осмотрѣлъ его рану. Гаспаръ нагналъ его, встревоженный и взволнованный.

— Который? — спросилъ докторъ.—Вотъ этотъ бѣдняга? Пропащее дѣло.

— Неужели нѣтъ надежды? — спросилъ Гаспаръ.—Ахъ, эта война!..

Онъ вернулся къ Бюретту. Склонясь надъ нимъ, онъ сказалъ:

— Не безпокойся, старина! Повидимому, это пустяки.

— Умираю, Гаспаръ... умираю...

— Вздоръ!.. Охота тебѣ нести вздоръ!

— Послушай, Гаспаръ... Я исполнилъ свой долгъ... О, какія муки!.. А!.. Боже мой!.. Скажи моей женѣ...

— Брось... не болтай зря... Тебѣ трудно...

— Ты ей скажешь... что я умеръ... думая о ней.

— Ты скажешь ей это самъ... то-есть... не бойся, ты ее еще увидишь.

У Бюретта руки уже холодѣли, да и отъ дыханія его вѣяло холодомъ.

Докторъ вернулся въ сопровожденіи двухъ санитаровъ.

— Поднимите его, только потише, и отнесите въ перевязочную.

— Да... О!.. О!.. Тише! — просилъ Бюреттъ. — Гас... Гаспаръ... лучше ты... положи меня на носилки.

— Хорошо, дружище.

Онъ подхватилъ его нѣжно, щадя его истерзанное тѣло. И вдругъ судорога на лицѣ Бюретта сгладилась, и въ то время, какъ Гаспаръ осторожно приподнялъ его, чтобы положить на носилки, онъ поцѣловалъ его въ бороду и проговорилъ:

— Ты... ты лучшій изъ всѣхъ друзей, какіе только у меня были...

Гаспаръ едва сдерживалъ себя. Бюретта подняли и понесли. Гаспаръ послѣдовалъ за нимъ.

— А васъ,—сказалъ докторъ,—эвакуируютъ дальше.

Гаспаръ пришелъ въ отчаяніе.

— Такъ значитъ... мнѣ придется покинуть моего однокашника!

— Ничего не подѣлаешь, мой другъ,—отвѣтилъ докторъ.

— Такъ по крайней мѣрѣ дайте мнѣ съ нимъ попрощаться... Бюреттъ!.. Старина!.. Мы еще увидимся въ Монпарнасѣ — не бойся.

Онъ только успѣлъ пожать товарищу руку и въ слѣдующее мгновеніе остался одинъ, совсѣмъ одинъ, хотя и среди людской толпы.

Нѣтъ больше однокашника!.. Гаспаръ опустился на землю и вдругъ закричалъ. Рана! Господи, да вѣдь она еще не перевязана!

Помощникъ врача раздѣлъ его, положилъ на бокъ и кое-какъ перевязалъ его при блѣдномъ свѣтѣ луны, которая только-что взошла надъ домами.

— И вы тоже здорово ранены,—сказалъ ему докторъ.—Выхваченъ большой кусокъ мяса.

— И чортъ съ нимъ! — крикнулъ Гаспаръ въ ярости. — Къ чорту его!..

И вдругъ онъ повернулся совсѣмъ на животъ, уткнулся носомъ въ землю и разрыдался, подложивъ подъ голову руку.

„Война! Какой ужасъ! Выходишь изъ повседневной жизни и вдругъ попадаешь въ адъ, гдѣ соединяются всѣ стихіи, точно нарочно для того, чтобы тебя разрывать, мучить, подвергать самымъ ужаснымъ пыткамъ! Ты находишься въ обществѣ товарищей—они падаютъ. Ты любишь ихъ—они умираютъ... „Помоги!.. Дай пить!..“ А тамъ—женщины, тамъ дѣти!.. И Бюреттъ!..“ Каждая новая мысль, проносившаяся въ головѣ Гаспара, душила его, сжимала его сердце до боли. И онъ плакалъ, плакалъ горючими слезами.

Но когда его кончили перевязывать, онъ немного успокоился. Онъ повернулся съ помощью доктора и легъ на здоровый бокъ.

Когда отъ него отошелъ докторъ, онъ вытеръ себѣ глаза, откашлялся и вдругъ почувствовалъ громадное облегченіе.

Нервы его стали успокаиваться, и мало-по-малу мысли, взбудораженныя и разлетѣвшіяся, точно подъ напоромъ страшнаго урагана, начали возвращаться къ нему и приходить въ порядокъ. И онъ недоумѣвалъ... Его рота! Его полкъ! Что съ ними сталось? А его однокашники? Моро? Другіе?.. Онъ спасся изъ этого ада вмѣстѣ съ Бюреттомъ... Бюреттъ умеръ у него на рукахъ... Его отняли у него... Онъ остался одинъ. Теперь онъ находится среди незнакомыхъ людей, раненыхъ, какъ и онъ, но не съ тѣми нумерами на шеѣ, какой былъ у него...

Была ночь, луна мягко свѣтила, придавая всему сказочный колоритъ, а Гаспару казалось, что у него полна голова, полны глаза ослѣпительнаго свѣта, который мучилъ его весь этотъ кошмарный день, только-что пережитый имъ. Въ головѣ у него остался какой-то хаосъ ужасныхъ образовъ и адскаго грохота. Въ ушахъ его раздавался неумолчный шумъ, глаза горѣли, все тѣло ныло и болѣло. Онъ проводилъ обшлагомъ рукава по лбу и повторялъ громко:

— Это ужасно... о, это ужасно!.. Какая гадость!

Потомъ онъ началъ наводить справки у своихъ товарищей по несчастью. Оказалось, что всѣ были изъ различныхъ полковъ. Такъ, значитъ, это сраженіе, въ которомъ 24-я рота подъ командой капитана Пюша приняла участіе съ такимъ благороднымъ мужествомъ, значитъ, это сраженіе было грандіознымъ боемъ, во время котораго пострадало множество людей, умирало, спасалось среди хлѣбовъ, за деревьями, въ канавахъ, за заборами... И всѣ эти несчастные скрывались другъ отъ друга, и каждый полкъ, каждая рота думали, что они одни приносятъ себя въ жертву...

Гаспаръ спросилъ:

— Какъ это мѣсто называется?

Одинъ сержантъ отвѣтилъ ему:

— Говорятъ, что это Ж...

— Ж...?—спросилъ Гаспаръ.—Не знаю такого мѣста.

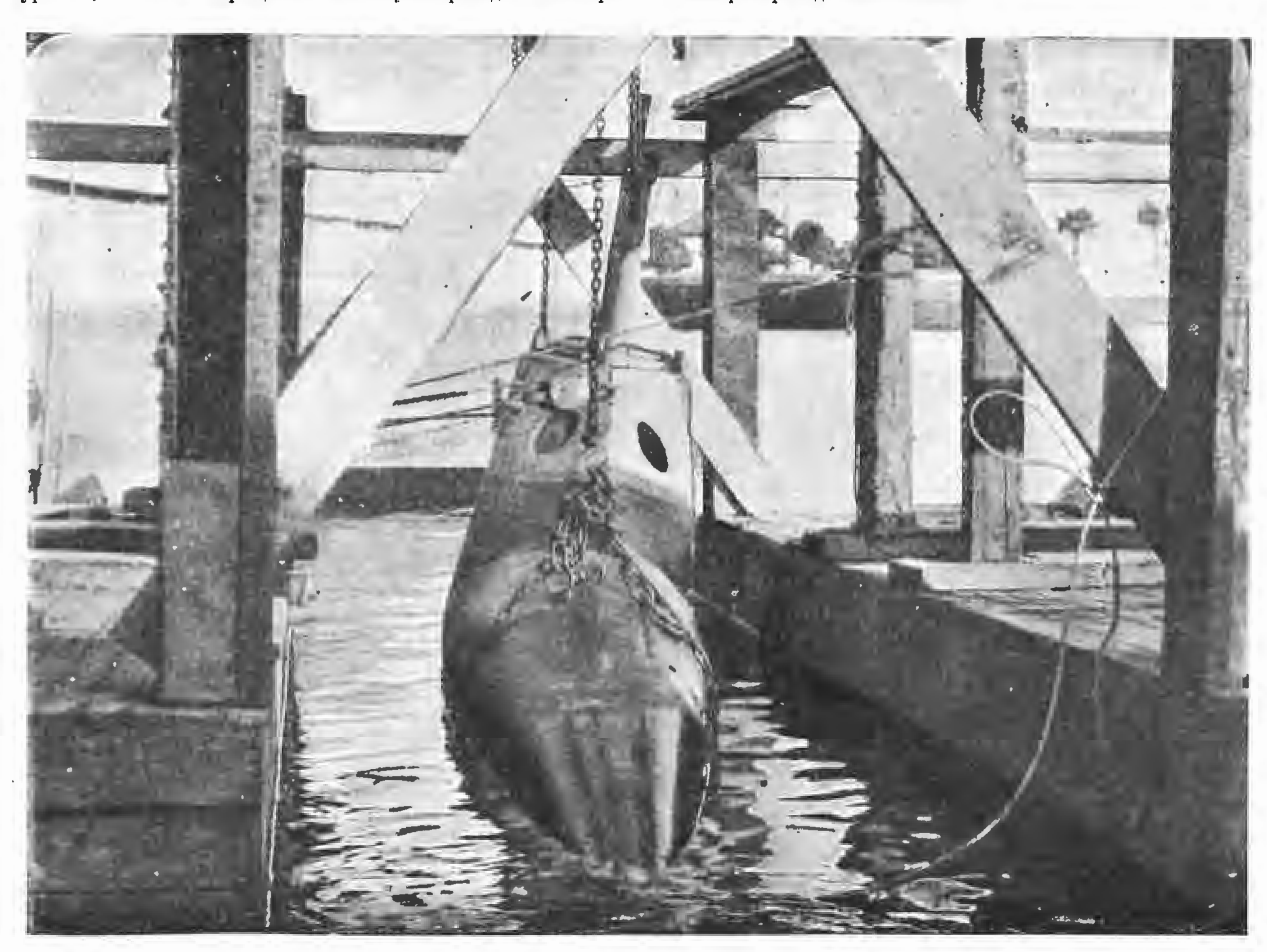
Онъ былъ недоволенъ. Ему хотѣлось услышать какое-нибудь громкое названіе мѣстности, гдѣ происходило историческое сраженіе, это успокоило бы его. Но Ж...—никто не зналъ этой мѣстности. Раненъ въ сраженіи подъ Ж...—стоитъ ли даже говорить объ этомъ?.. Хотя, по правдѣ сказать, онъ хорошо отдѣлался. Сколько осталось на мѣстѣ! Онъ самъ видѣлъ, какъ люди падали мертвыми... Но больше всего Гаспаръ жалѣлъ, что такъ и не видѣлъ бошей. Онъ спросилъ:

— Послушайте, вы тамъ! Видѣли вы бошей?

Одинъ изъ раненыхъ отвѣтилъ:

— Наплевать мнѣ на нихъ! На кой чортъ мнѣ ихъ видѣть!

Гаспаръ приподнялся на локтѣ:



Вооруженныя силы Америки. *Послѣднее слово подводнаго дѣла. Подводная лодка новой системы.*

Вооруженныя силы Америки. *Склады снарядовъ на заводѣ.*

— Болванъ! Мнѣ не зачѣмъ спрашивать тебя, изъ Парижа ли ты... Ты, должно-быть, изъ Кимпе-Корентина... На кой чортъ ему ихъ видѣть!.. Ідіотъ! Развѣ тебя спрашиваютъ, хотѣлъ ты ихъ видѣть или не хотѣлъ? Чего ты ко мнѣ привязался?

— Я къ тебѣ не привязывался! Я только говорю, что думаю.

— Въ такомъ случаѣ ты думаешь, какъ мои штаны, понимаешь? Онъ не хочетъ ихъ видѣть! А я развѣ хочу? Дѣло только въ томъ, что я не представлялъ себѣ войну такой. Да и другіе думали, какъ я... Когда я дерусь, я стою весь тутъ, я не прячусь! А боши — паршивцы! Они осыпаютъ тебя издали своими погаными снарядами и пулями, а сами и носа не показываютъ! Мы... мы хотѣли честно драться и только и ждали, чтобы вступить съ ними въ рукопашную!..

Во мракѣ раздался голосъ, нѣсколько аффектированный:

— Увы! Условія современной войны въ настоящее время совершенно иныя.

— Иныя условія или не иныя, современныя, несовременныя, — возразилъ Гаспаръ, — я не умѣю такъ красно говорить... я только знаю то, что знаю. Такъ вотъ, если бы я раньше зналъ, какъ все будетъ, то я не поступилъ бы въ пѣхоту.

— Куда вы изволили бы поступить? — раздался опять голосъ изъ мрака.

— Куда я изволилъ бы поступить? А въ воздухоплаватели! Я написалъ бы прошеніе, чтобы меня приняли въ воздухоплавательный паркъ... Тамъ мнѣ, во всякомъ случаѣ, понравилось бы, потому что я могъ бы хоть плевать сверху на этихъ мерзавцевъ!

Къ нимъ подошелъ врачъ. Онъ спросилъ:

— Много ли васъ тутъ такихъ, которые не могутъ итти?

Онъ подсчиталъ. Потомъ крикнулъ:

— Подать сюда телѣгу!

— Великолѣпно! — пробормоталъ Гаспаръ. — Насъ повезутъ на казенный счетъ.

Его жизнерадостное настроеніе вдругъ вернулось къ нему. Но онъ былъ очень разочарованъ, когда увидалъ экипажъ, въ которомъ они должны были ѣхать: три доски, положенныя на двѣ оси со скверными колесами, на доскахъ слой соломы въ три сантиметра, и солома старая и вся искрошенная. На этихъ доскахъ могли бы помѣститься два человѣка, а на нихъ навалили полдюжины.

Гаспаръ присталъ къ возницѣ, старому лотарингцу, который поминутно харкалъ и время отъ времени клюкалъ носомъ:

— Хороша карета, нечего сказать!

Крестьянинъ не разслышалъ его словъ, онъ былъ тугъ на ухо. Онъ спросилъ:

— Много убитыхъ?

Гаспаръ отвѣтилъ:

— Послушай, это не похоронная процессія. Двигайся, что ли!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вооруженныя силы Америки. *Гигантское крѣпостное орудіе.*

Политическое обозрѣніе.

Обновленное Правительство.

Когда въ примѣненіи къ Временному Правительству обновленнаго состава говорятъ о „коалиціонномъ министерствѣ", то допускаютъ нѣсколько существенныхъ ошибокъ терминологіи. Въ практикѣ западно-европейскихъ странъ съ парламентарнымъ управленіемъ различаютъ министерства партійныя, опирающіяся на однородное партійное большинство, и министерства „коалиціонныя", опирающіяся на „коалицію" нѣсколькихъ партій. Коалиціонныя министерства назначаются либо тогда, когда ни одна партія не располагаетъ въ парламентѣ абсолютнымъ большинствомъ, либо въ особенно трудныя минуты національной жизни, когда является желательнымъ привлечь къ государственной работѣ представителей нѣсколькихъ или всѣхъ партій. Между тѣмъ Временное Правительство вообще не есть „министерство" въ техническомъ смыслѣ слова. До Учредительнаго Собранія оно есть единственный носитель верховной власти Россійскаго государства, и часто приводимыя шутливыя слова о „двѣнадцати самодержцахъ", поставленныхъ революціей на мѣсто одного, выражаютъ безспорную юридическую истину. Ошибочно также думать будто Временное Правительство только послѣ своего „обновленія" стало „коалиціоннымъ". Въ дѣйствительности, оно съ самаго начала насчитывало въ своихъ рядахъ представителей разныхъ партій, отъ трудовой группы до группы центра, и слѣдовательно носило коалиціонный характеръ. 5-го мая соотношеніе частей правительственной коалиціи измѣнилось. Правительство „расширилось" влѣво. Одна коалиція смѣнилась другой.

Особенности положенія Временнаго Правительства, какъ носителя верховной власти, сказались наглядно въ самомъ порядкѣ его преобразованія. Какъ всѣмъ памятно, послѣ революціи Временное Правительство было назначено Исполнительнымъ Комитетомъ Гос. Думы, который установилъ списокъ министровъ и программу Правительства по соглашенію съ петроградскимъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Нѣкоторые полагали, что и преобразованіе Правительства должно было бы быть проведено въ такомъ же самомъ порядкѣ. Но само Временное Правительство стало на другую точку зрѣнія. Оно признало, что, въ качествѣ органа верховной власти, оно ни въ цѣломъ ни въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ членовъ не можетъ подчиняться чьимъ-либо распоряженіямъ. Поэтому оно само себя преобразовало. Само Временное Правительство черезъ Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ вступило въ переговоры съ представителями соціалистическихъ партій. Оно само освободило отъ должностей двухъ своихъ сочле-

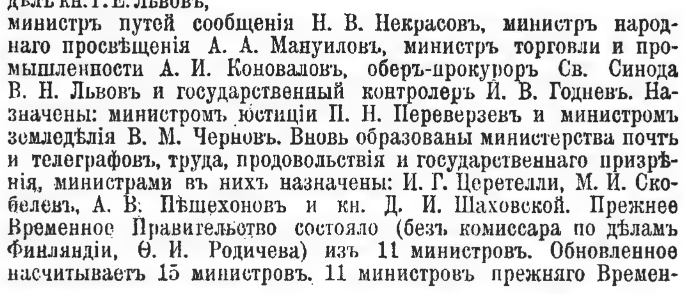
На стражѣ порядка. Милиціонеръ. *И. Владиміровъ.*
Выставка „Товарищества художниковъ".

Въ дни революціи. Отрядъ развѣдчиковъ. Выставка „Товарищества художниковъ". *И. Владиміровъ*

Въ дни революціи. За свободу. Выставка „Товарищества художниковъ". *И. Владиміровъ.*

новъ и само объявило во всеобщее свѣдѣніе свой новый составъ. Комитетъ Гос. Думы былъ лишь оповѣщенъ обо всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ Временнаго Правительства, и, конечно, онъ не преминулъ ихъ одобрить.

Личныя перемѣны въ составѣ Временнаго Правительства выразились въ слѣдующемъ. Ушли въ отставку министры: иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милюковъ и военно-морской — А. И. Гучковъ. Министръ юстиціи А. Ф. Керенскій сталъ военнымъ и морскимъ министромъ, министръ финансовъ М. И. Терещенко — министромъ иностранныхъ дѣлъ, министръ земледѣлія А. И. Шингаревъ — министромъ финансовъ. Остались на своихъ постахъ: министръ-предсѣдатель и министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Г. Е. Львовъ,



министръ путей сообщенія Н. В. Некрасовъ, министръ народнаго просвѣщенія А. А. Мануиловъ, министръ торговли и промышленности А. И. Коноваловъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода В. Н. Львовъ и государственный контролеръ И. В. Годневъ. Назначены: министромъ юстиціи П. Н. Переверзевъ и министромъ земледѣлія В. М. Черновъ. Вновь образованы министерства почтъ и телеграфовъ, труда, продовольствія и государственнаго призрѣнія, министрами въ нихъ назначены: И. Г. Церетелли, М. И. Скобелевъ, А. В. Пѣшехоновъ и кн. Д. И. Шаховской. Прежнее Временное Правительство состояло (безъ комиссара по дѣламъ Финляндіи, Ѳ. И. Родичева) изъ 11 министровъ. Обновленное насчитываетъ 15 министровъ. 11 министровъ прежняго Временнаго Правительства были ставленниками революціи, при чемъ одинъ изъ нихъ офиціально называлъ себя заложникомъ демократіи въ буржуазномъ станѣ. Съ обновленіемъ Правительства его демократическое крыло значительно усилилось. Примѣнительно къ обычному теперь газетному и митинговому языку можно сказать, что обновленное Правительство состоитъ изъ 9 представителей „буржуазіи" и 6 представителей „демократіи" или „соціализма". Среди министровъ-соціалистовъ двое (М. И. Скобелевъ и И. Г. Церетелли) — соціалъ-демократы, четверо (А. Ф. Керенскій, П. Н. Переверзевъ, В. М. Черновъ и А. В. Пѣшехоновъ) представляютъ различныя теченія „народническаго" соціализма. Обновленное Правительство есть такимъ образомъ либерально-соціалистическая коалиція съ ярко выраженнымъ демократическимъ характеромъ.

Перемѣны въ составѣ Правительства не могли не отразиться такъ или иначе и на его программѣ. Одновременно съ опубликованіемъ списка министровъ обновленное Правительство обнародовало и свою программную декларацію. Въ ней нельзя, конечно, видѣть отказа Правительства отъ тѣхъ обязательствъ, которыя оно приняло на себя при первоначальномъ своемъ образованіи. Всѣ эти обязательства несомнѣнно сохраняютъ полную свою силу, а нѣкоторыя изъ нихъ еще разъ повторены въ нарочито подчеркнутомъ видѣ. Выдвинуто на первый планъ то, что по тѣмъ или инымъ соображеніямъ особенно цѣнно для новыхъ элементовъ Правительства, наоборотъ, слегка затушевано и смягчено то, что вызывало слѣва тѣ или иныя возраженія. Такъ,

Въ дни революціи. Раненый герой. Выставка „Товарищества художниковъ". *И. Владиміровъ.*

Правительство прежняго состава сильно страдало отъ отсутствія „полнаго и безусловнаго довѣрія“, въ которомъ отказывали ему различныя революціонныя организаціи. Оно на собственномъ опытѣ познало также всѣ печальныя послѣдствія многовластія, роковымъ образомъ влекущаго за собой анархію. Взаимное недовѣріе побѣдителей надъ старымъ порядкомъ и разложеніе власти,— вотъ каковы были корни правительственнаго кризиса. Установить режимъ довѣрія и собрать воедино власть, — вотъ каковы были задачи

Изъ моего окна. Выставка „Товарищества художниковъ“. *Ю. Ю. Клеверъ.*

Созданіе либерально-соціалистическаго Правительства представляетъ собою въ русскихъ условіяхъ очень трудный и отвѣтственный политическій опытъ. Онъ можетъ удаться, и тогда обновленное Правительство спасетъ Россію. Онъ можетъ кончиться неудачей, и тогда дѣло революціи подвергнется величайшей опасности. Но онъ удастся только въ томъ случаѣ, если Правительство разрѣшитъ эти двѣ основныхъ задачи,—если оно, создавъ единую власть, завоюетъ для нея общее довѣріе.

очень скромно формулированы „цѣли войны“, для характеристики которыхъ впервые использованъ терминъ „миръ безъ аннексій и контрибуцій“. Напротивъ, подчеркнута необходимость энергичнаго развитія мѣропріятій по всесторонней защитѣ труда, обѣщаны возможная настойчивость и спѣшность работъ по введенію и укрѣпленію демократическихъ органовъ самоуправленія и всѣ усилія къ скорѣйшему созыву Учредительнаго Собранія въ Петроградѣ.

Но не въ этихъ пунктахъ новой правительственной программы центръ ея тяжести. Этотъ центръ тяжести несомнѣнно въ послѣднихъ общихъ заявленіяхъ декларацiи, въ которыхъ говорится о необходимости „полнаго и безусловнаго довѣрія“ революціоннаго народа къ Правительству и о „сохраненіи единства власти“.

Ничего не преувеличивая и не преуменьшая, слѣдуетъ сказать, что положеніе обновленнаго Правительства остается очень сложнымъ. Оно является результатомъ компромисса между нѣсколькими общественными и политическими группами, движимыми не только центростремительными, но и центробѣжными силами. Съ разныхъ сторонъ ему обѣщаютъ довѣріе. Но это довѣріе не „полное“ и ужъ во всякомъ случаѣ не „безусловное“, потому что всѣ связываютъ его съ безчисленнымъ количествомъ оговорокъ и условій. Съ образованіемъ обновленнаго Правительства борьба за власть въ Россіи не прекращается, она будетъ продолжаться внутри самого Правительства, между составляющими его элементами, и внѣ его, между поддерживающими ихъ группами.

Проф. К. Соколовъ.

Армія свободы. Выставка „Товарищества художниковъ“. *И. Владиміровъ.*

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

I. Оживленіе боевой обстановки во Франціи передалось въ Италію.

Громовые раскаты боевыхъ ударовъ на французскихъ поляхъ сраженія, какъ это ни странно, не нашли себѣ пока еще отраженія на русско-румынскихъ позиціяхъ, гдѣ для активнаго нашего выступленія противъ Германіи сложилась чрезвычайно благопріятная боевая обстановка.

Зато живо откликнулись на зовъ генераловъ Петэна и Хэга, главнокомандующихъ французскими и англійскими арміями во Франціи, итальянскія войска, атаковавшія австрійцевъ на берегахъ рѣки Изонцо, что въ свою очередь вызвало демонстративное наступленіе послѣднихъ на западномъ итальянскомъ театрѣ со стороны Тріента въ Трентино.

Карта австро-итальянскаго фронта.

Въ то время, какъ британскія войска завершили занятіе значительныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ на западѣ и такимъ образомъ прорвали важную германскую оборонительную линію Гинденбурга, операціи итальянскихъ войскъ на Изонцо также сопровождались постояннымъ успѣхомъ. Итальянцы въ теченіе нѣсколькихъ дней взяли около 7.000 плѣнныхъ и захватили важныя горныя высоты, несмотря на контръ-атаки и бомбардировку непріятеля. Въ операціяхъ принимаетъ участіе значительное количество британскихъ тяжелыхъ орудій, обслуживаемыхъ британскими артиллеристами. Воспользовавшись затишьемъ на галиційскомъ фронтѣ, австрійцы взяли оттуда нѣсколько батарей артиллеріи и нѣсколько дивизій, разсчитывая удержать итальянское наступленіе. Австрійцы слѣдуютъ германской тактикѣ на франко-британскомъ фронтѣ и такъ же, какъ и нѣмцы, жертвуютъ большими массами людей, не нанося соотвѣтствующихъ потерь итальянцамъ.

Копенгагенскія источники сообщаютъ о крупныхъ передвиженіяхъ австрійскихъ войскъ, спѣшащихъ даже изъ Трентино къ мѣсту итальянскаго наступленія. Усилены гарнизоны Люблянъ и Тріеста. Гражданскому населенію отданъ приказъ быть готовыми къ эвакуаціи.

Итальянская бомбардировка на рѣкѣ Изонцо продолжается безпрерывно нѣсколько дней. Подъ дѣйствіемъ орудій и крупнаго и средняго калибровъ окрестности совершенно измѣнили свой первобытный видъ. Артиллерія работаетъ планомѣрно, не оставляя нетронутымъ ни одного пункта австрійскихъ линій. За первые два дня бомбардировки разрушена вся первая система австрійскихъ траншей. Австрійцы отвѣчаютъ столь же сильной бомбардировкой. Они располагаютъ по всему фронту рѣки Изонцо весьма значительнымъ количествомъ артиллеріи всѣхъ калибровъ. На одномъ только плоскогорьѣ Карсо обнаружено около 1.000 орудій. Въ участкѣ, центромъ котораго является Плаве, сѣвернѣе Горицы, обнаружено присутствіе по меньшей мѣрѣ 400 батарей, помимо громаднаго количества пулеметовъ. Австрійское командованіе, подобно недавно примѣненной германцами на англо-французскомъ фронтѣ тактикѣ, установило пулеметы на глубинѣ 300—400 шаговъ отъ передовой линіи окоповъ.

Вновь назначенный главнокомандующимъ войсками Петроградскаго военнаго округа генералъ-маіоръ Петръ Александровичъ Половцевъ.

Въ общемъ, видимо, наступленіе генерала Кадорны на берегахъ рѣки Изонцо серьезно встревожило германское верховное командованіе, которое рѣшило, по слухамъ, даже передать руководство операціями австрійскихъ войскъ на итальянскомъ фронтѣ въ руки германскаго фельдмаршала Фалькенгайна. Главнокомандующій австрійскими арміями, дѣйствующими противъ Италіи, генералъ Конрадъ фонъ-Генцендорфъ, въ моментъ начала наступленія нашихъ союзниковъ находился въ Вѣнѣ на одномъ изъ засѣданій съ австрійскимъ императоромъ и, узнавъ о неожиданномъ ударѣ итальянцевъ, немедленно отправился въ свою ставку въ городѣ Любляны на рѣкѣ Савѣ. Теперь, повидимому, ударъ итальянцевъ обѣщаетъ принять настолько серьезный масштабъ, что германская главная квартира не надѣется, что австрійцамъ удастся вообще удержаться на занимаемыхъ ими позиціяхъ на лѣвомъ берегу рѣки Изонцо.

Новѣйшія телеграммы изъ Рима подтверждаютъ, что, начиная съ первыхъ чиселъ мая мѣсяца на рѣку Изонцо дѣйствительно подвозились многочисленныя австрійскія и даже германскія подкрѣпленія, которыя брались для этого съ русско-румынскаго фронта. Поѣзда, прибывающіе съ востока, наполнены войсками и отправляются черезъ Быстрицу и Грахово на итальянскій фронтъ, въ раіонъ Горицы и на линію между Плаве и Салькано, къ сѣверу и къ югу отъ послѣдней. Перевозкой и переброской войскъ въ ближайшемъ тылу австрійскихъ армій генераловъ Скоти и Бороевича на фронтѣ Изонцо занято было въ это время громадное количество грузовыхъ автомобилей.

Всѣ усилія австро-германскихъ войскъ направлены въ настоящее время къ центру лѣвофланговой пятой арміи генерала Бороевича между Тольмино и Горицей, гдѣ до сего времени было сосредоточено и безъ того немалое количество австрійской артиллеріи и пулеметовъ.

Здѣсь, повидимому, больше всего опасаются австрійцы прорыва своего фронта, послѣ чего можетъ открыться дорога для вторженія итальянцевъ на Идрію и Любляны (Лайбахъ) въ обходъ Тріестскаго залива съ сѣверной стороны. Послѣдній, несмотря на непосредственное прикрытіе высотами Карсо, окажется такимъ образомъ отрѣзаннымъ отъ остальной австрійской территоріи.

Чтобы отвлечь вниманіе генерала Кадорны отъ восточнаго изонцскаго фронта на западъ, генералъ Генцендорфъ приказалъ арміи генерала Рора перейти въ наступленіе въ раіонѣ Трентино, къ западу и къ востоку отъ озера Гарда, по долинамъ Ледро, Лагорина, Астико и Сугана. Дѣятельность австрійской артиллеріи, начавшаяся здѣсь съ 6-го мая, усилилась на слѣдующій день и достигла наивысшаго напряженія особенно между долинами Адидже и Терраньола. Мѣстныя атаки были уже отражены въ ночь на 6-е мая у Кецен, въ долинѣ Ледро, и у Ріо-Фредо, въ долинѣ Астико. Австрійцы возобновили попытку диверсіи (у Камно-Арея, въ долинѣ Даоне), къ западу отъ озера Лоппи (Ріо-Камерасъ на Адидже), и у горнаго потока Мазо, въ долинѣ Сугана, но не имѣли успѣха.

Поздно вечеромъ непріятель густыми колоннами атаковалъ итальянскія позиціи на горѣ Пазубіо къ западу отъ Монте-Денте. Послѣ упорнаго рукопашнаго боя австрійцы были отброшены на всей линіи атаки и понесли большія потери.

Такимъ образомъ атаки австрійскаго генерала Рора въ Трентино носятъ демонстративный характеръ и происходятъ сейчасъ на тѣхъ же направленіяхъ, гдѣ въ апрѣлѣ и маѣ минувшаго года производила попытку вторгнуться въ предѣлы сѣверо-западной Италіи часть арміи командовавшаго тогда австрійскими войсками на этомъ участкѣ фронта генерала Данкля.

Удѣляя замѣтное вниманіе оживленнымъ боевымъ операціямъ на восточномъ и западномъ фронтахъ Изонцо и Трентино итальянскаго театра военныхъ дѣйствій, союзная печать вспоминаетъ блестящіе опыты общей согласованности плановъ въ минувшемъ году:

„Россія можетъ ускорить достиженіе нами окончательной побѣдоносной развязки на западномъ фронтѣ, если она отвлечетъ съ этого фронта часть германскихъ силъ. Въ прошломъ году наступленіе генерала Брусилова освободило итальянцевъ отъ мощнаго натиска непріятельскихъ армій нынѣ же итальянцы первыми начали наступательную операцію на восточномъ фронтѣ. Если Россія послѣдуетъ ихъ примѣру, то мы гораздо ближе придвинемся къ побѣдѣ, чѣмъ это многіе полагаютъ“.

Перебѣжчики и немногочисленные сейчасъ плѣнные единогласно показываютъ, что имъ даны приказы и указанія стараться всѣми силами продолжать брататься съ русскими солдатами. Каждое утро около нашихъ окоповъ солдаты находятъ цѣлыя связки прокламацій, печатныхъ, литографированныхъ и писанныхъ.

Высшій германскій штабъ окончательно, видимо, пришелъ къ заключенію, что русскія арміи совершенно разложились и наступать абсолютно не въ состояніи. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ нашихъ союзниковъ, до сего времени на англо-французскій фронтъ уже переброшено съ русскаго фронта болѣе 15 полевыхъ германскихъ дивизій. Перевозка войскъ продолжается также и въ Италію. Были дни, когда черезъ меридіанъ Берлина проходило съ востока на западъ около ста поѣздовъ въ сутки. Перевозится не только пѣхота съ легкой артиллеріей, но и артиллерія крупныхъ калибровъ.

„Новое русское правительство формулируетъ свои военныя цѣли нѣсколько иначе, чѣмъ его западныя союзницы,—говорятъ англійскія газеты.—Однако эти различія лишены существеннаго значенія. Декларація русскаго правительства въ пользу мира безъ аннексій и контрибуцій на первое мѣсто выдвигаетъ принципъ свободнаго самоопредѣленія народовъ и обязываетъ Россію сражаться за свободу Бельгіи и Польши. Достиженіе этихъ цѣлей будетъ равносильно рѣшительному разгрому Германіи. Что же касается расхожденія между союзниками во взглядахъ на желательный характеръ будущаго мира, то оно на досугѣ можетъ явиться предметомъ спокойнаго обсужденія.

„Такимъ образомъ общая обстановка въ настоящій періодъ войны такова, что она требуетъ напряженія со стороны Россіи лишь самаго незначительнаго усилія для того, чтобы общій нашъ врагъ, надрывающійся въ послѣднемъ волевомъ напряженіи, не одержалъ бы верха надъ всѣми державами Согласія“.

Верховный Главнокомандующій генералъ-отъ-кавалеріи А. А. Брусиловъ.

II. На македоно-салоникскомъ фронтѣ.

Удивительно скромную роль игралъ македоно-салоникскій театръ военныхъ дѣйствій въ настоящей войнѣ. Въ сущности говоря, этотъ фронтъ обѣщалъ быть въ свое время чрезвычайно интереснымъ, такъ какъ онъ занялъ фланговое положеніе по отношенію къ путямъ сообщенія Европы съ Малой Азіей. Выросталъ этотъ фронтъ въ тотъ періодъ войны, когда надъ Турціей висѣла угроза отрѣзанія ея отъ своихъ союзниковъ, и потому онъ привлекъ на себя сразу большое вниманіе германской главной квартиры и болгаръ, рѣшившихъ бросить на югъ Балканъ отъ 200 до 250 тысячъ штыковъ. Казалось бы, борьба между арміей генерала Саррайля и противникомъ должна была бы протекать до той мѣры, пока не рѣшена была одна изъ двухъ задачъ: или сверженіе Саррайля въ воды Эгейскаго моря, или же выходъ послѣдняго на сообщенія между Софіей и Адріанополемъ. Ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ практика не дала реальныхъ результатовъ, что, повидимому, кроется въ одинаковыхъ шансахъ обѣихъ сторонъ на успѣшное выполненіе поставленныхъ себѣ задачъ. Такимъ образомъ работа сторонъ уже въ теченіе болѣе чѣмъ полутора лѣтъ свелась къ пассивному наблюденію другъ за другомъ и попутной борьбѣ за поддержаніе того или иного политическаго курса въ занявшей оригинальное положеніе маленькой Греціи.

Если бы на минуту предположить, что, при данной обстановкѣ фронтовъ и расположеніи салоникской арміи генерала Саррайля, Греція, какъ таковая, съ ея двойною игрою, не существовала, можно было бы съ увѣренностью сказать, что характеръ военныхъ дѣйствій на югѣ Балканъ не носилъ бы такого пассивнаго вида и принесъ бы болѣе скорые и рѣшительные для союзниковъ результаты. Общій смыслъ послѣднихъ свелся бы къ тому, что Болгарія не имѣла бы полной свободы оказать поддержку нѣмцамъ какъ въ сербскомъ, такъ и въ румынскомъ походахъ. Правда, можетъ-быть, генералу Саррайлю не такъ легко удалось бы высадиться въ Салоникскомъ порту, какъ это было въ 1915 году, но зато можно было бы быть увѣреннымъ, что для противодѣйствія его десанту на всемъ побережьѣ Эгейскаго моря пришлось бы двинуть большую часть болгарскихъ силъ, участвовавшихъ въ осеннемъ походѣ противъ сербовъ и прикрывавшихъ обширную румынскую границу.

Съ момента появленія передовыхъ отрядовъ генерала Саррайля въ Салоникахъ греческое правительство не выказывало явнаго противодѣйствія нашимъ союзникамъ, но тѣмъ не менѣе двойственностью своего поведенія оно создало въ тылу македонской

арміи такой грузъ, который совершенно парализовалъ активность десантной арміи.

Въ настоящій моментъ Турція снова переживаетъ критическій періодъ военнаго положенія въ южной части мало-азіатскаго театра военныхъ дѣйствій, для чего потребовалась поддержка даже германскими резервами, посылаемыми изъ Европы черезъ Бѣлградъ, Софію, Константинополь. Уже извѣстно, что къ Моссулу переброшена одна свободная германская дивизія и нѣсколько турецкихъ дивизій изъ Румыніи. Стало-быть, пути сообщенія Европы съ Малой Азіей пріобрѣли сейчасъ такое же острое значеніе, какъ это было полтора года тому назадъ.

Опасаясь, что генералъ Саррайль учтетъ это обстоятельство и попытается перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, берлинскіе правящіе круги, чтобы помочь туркамъ спасти Месопотамію, рѣшили снова поднять греческую интригу въ тылу македонской арміи. Однако эта новая вспышка нѣмецкой интриги все же не могла заставить генерала Саррайля отказаться отъ попытки произвести нажимъ на арміи противника.

Противъ союзныхъ армій генерала Саррайля на македоно-салоникскомъ фронтѣ противникъ имѣетъ три арміи, общей численностью около 17 болгаро-германо-турецкихъ дивизій, находящихся подъ общей командой германскаго главнокомандующаго генерала-отъ-инфантеріи Отто фонъ-Белова. Арміями командуютъ два болгарскихъ генерала, Гешовъ и Тодоровъ, и германскій генералъ Винклеръ. На фронтѣ арміи послѣдняго разыгрывались главнымъ образомъ недавнія активныя дѣйствія, которыя имѣютъ свое начало еще съ первыхъ чиселъ минувшаго апрѣля мѣсяца.

10-го апрѣля англійская артиллерія открыла ураганный огонь на фронтѣ Вардаръ—озеро Дойранъ. Въ ночь на слѣдующій день англійская пѣхота пошла въ атаку и овладѣла непріятельскими траншеями на протяженіи приблизительно 1.500 метровъ. Судя по германскому офиціальному сообщенію, англичане вели здѣсь наступленіе большими силами и на узкомъ фронтѣ.

Германо-болгарскія войска армій генерала Отто фонъ-Белова встрѣтили наступленіе союзниковъ сильнымъ пулеметнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, но, перейдя въ контръ-атаку, потерпѣли неудачу. Во время этой атаки непріятелю удалось сначала проникнуть въ англійскія траншеи, но затѣмъ онъ былъ быстро оттуда выбитъ, послѣ чего операція какъ будто затихла, и на всемъ фронтѣ происходила лишь артиллерійская перестрѣлка, особенно интенсивная на участкѣ Дойранъ—Монастырь.

15-го и 16-го апрѣля германо-болгарскія войска снова пытались перейти въ контръ-атаку, но опять-таки были отбиты англо-французскими войсками. 23-го апрѣля въ раіонѣ Лупицы была произведена атака французскими войсками, при чемъ была занята передовая линія непріятельскихъ траншей на протяженіи 5 верстъ. Болгары произвели контръ-атаку. Въ этотъ день на всемъ протяженіи фронта велась интенсивная артиллерійская перестрѣлка; между Охридой и озеромъ Пресба союзники атаковали австрійцевъ и турокъ, а въ излучинѣ рѣки Црны, послѣ двухдневной сильной артиллерійской подготовки, союзныя французско-русско-итальянскія войска атаковали на фронтѣ протяженіемъ въ 8 верстъ германо-болгаръ. Ясно было, что завязывается сраженіе на широкомъ фронтѣ.

Послѣ нѣсколькихъ дней предварительной артиллерійской подготовки, въ ночь съ 25-го на 26-е апрѣля, генералъ Саррайль произвелъ новый ударъ по болгарскимъ позиціямъ. Боевыя дѣйствія разыгрались почти на всемъ фронтѣ одиннадцатой арміи, находящейся подъ командой германскаго генерала Винклера, и отчасти на фронтѣ правофланговой группы первой болгарской арміи генерала Гешова.

Раіономъ боевыхъ дѣйствій послужили важнѣйшія операціонныя направленія, ведущія отъ Дойранскаго раіона долиною рѣки Вардара на Скопліе, а также изъ раіона Монастыря и озера Пресба къ тому же пункту.

Оперируя въ весьма пересѣченной мѣстности, въ раіонѣ къ западу отъ рѣки Вардаръ, союзныя войска блестящимъ штурмомъ завладѣли хребтомъ Скра-Ди-Легенъ, тянущимся къ югу отъ Гумы, и удержались тамъ, несмотря на самыя ожесточенныя и отчаянныя атаки болгаръ. Къ сѣверу отъ Пожара (въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ Ведены, между хребтомъ Каймакчаланъ и мѣстечкомъ Суботеко, расположеннымъ на рѣкѣ Могленицѣ) сербскія войска, атаковавшія центральный, между Монастыремъ и Дойраномъ, участокъ болгарскихъ позицій, овладѣли двумя непріятельскими укрѣпленіями.

Въ Монастырскомъ раіонѣ, въ излучинѣ рѣки Черной, завязались также сильные артиллерійскіе бои, которые, хотя и не дали вполнѣ опредѣленныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе обнаружили серьезную тенденцію нашихъ союзниковъ сбить изъ этого раіона болгаро-германскія войска.

Съ цѣлью отвлечь вниманіе генерала Саррайля отъ Монастырскаго раіона и озера Пресба, болгары отвѣтили довольно настойчивыми контръ-атаками къ юго-западу отъ озера Дойранъ, гдѣ они захватили даже нѣкоторыя высоты. Однако эти атаки были быстро ликвидированы, болгары отброшены назадъ, и слѣдовавшія затѣмъ повторныя контръ-атаки отбивались въ самомъ началѣ.

Офиціальныя сообщенія германской главной квартиры удѣляли довольно серьезное вниманіе за эти дни боевымъ дѣйствіямъ на Вардарѣ, Могленицѣ и Черной, отмѣчая при этомъ весьма большую ожесточенность и крайнее упорство со стороны нашихъ союзниковъ. Отъ десяти до двѣнадцати болгаро-германскихъ дивизій, въ составѣ около 150 тысячъ человѣкъ, съ трудомъ справлялись съ атакующими войсками генерала Саррайля на фронтѣ между Дойраномъ и Пресбою.

Проявленная генераломъ Саррайлемъ иниціатива дѣйствій представляется чрезвычайно цѣнною. Въ константинопольскомъ гарнизонѣ отмѣчается глухое движеніе, направленное противъ нѣмецкаго высшаго командованія, обвиняемаго въ послѣднихъ неудачахъ турокъ въ Месопотаміи. Чѣмъ энергичнѣе будетъ дѣйствовать Саррайль, тѣмъ скорѣе скажутся результаты его иниціативы.

Краткій очеркъ боевыхъ дѣйствій на македонскомъ фронтѣ за апрѣль указываетъ намъ, что армія Саррайля по мѣрѣ силъ старается содѣйствовать успѣху на прочихъ театрахъ войны. Она перешла въ наступленіе какъ разъ въ тотъ моментъ, когда англо-французскія войска на западномъ фронтѣ завязали большое сраженіе съ германцами, что, при согласованіи удара и съ нашего участка румынскаго фронта, сулило бы еще большія перспективы.

* * *

Сжигаемый пламенной страстью,
Мечтатель, творецъ и тиранъ,
Играя безмѣрною властью,
Царилъ на Руси Іоаннъ.
Онъ крѣпкимъ слился поцѣлуемъ
Съ тобой, проливающей кровь,
Тобой онъ былъ пьяно волнуемъ,
О, жизнь! о, безумство-любовь!
Онъ смертныхъ покоевъ не вѣдалъ,
Онъ зналъ только прелести мукъ

И жертвамъ терзаемымъ не далъ
Отрады покойныхъ разлукъ.
Чтобъ мертвыхъ тревожить, синодикъ
Кровавая память вела,
Стремя его вѣчно къ свободѣ,
Къ азійской несдержности зла.
А просто,—онъ былъ неврастеникъ,
Одинъ изъ душевныхъ больныхъ.
Въ безпутной глуши деревенекъ
Таится не мало такихъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій С. Я. Надсона“ книга 4.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.

Выпускаемый на основаніи Постановленія Временнаго Правительства отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ:

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ Банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по $5\frac{3}{4}$% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Стремясь ускорить печатаніе и разсылку „Нивы“ съ Приложеніями, замедленныя переживаемымъ страной кризисомъ, политическимъ и экономическимъ: сокращеніемъ часовъ рабочаго труда, уменьшеніемъ числа рабочихъ рукъ, трудностью и задержкою полученія матеріаловъ печатанія, мы принимаемъ всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы постепенно журналъ сталъ выходить въ установленный срокъ.

Для ускоренія разсылки „Нивы“ №№ 21 и 22, въ полномъ составѣ каждый, соединены въ одну обложку; равнымъ образомъ, въ цѣляхъ выигрыша времени на брошюровку, соединены въ одну обложку и Приложенія къ этимъ нумерамъ: 44 и 45 книги „Полнаго Собранія Сочиненій Мамина-Сибиряка“ (томъ X—листы 12—20).

ЛѢЧЕБНИЦА для страдающихъ **ЗАИКАНІЕМЪ.**
И. И. ГИМИЛЛЕРЪ
МОСКВА, Н. Басманная 14.
При лѣчебницѣ ПАНСІОНЪ.—Лѣчебница функціонируетъ круглый годъ.

МАШИНКИ для стрижки волосъ, необх. въ кажд. семьѣ. Цѣна 8 р.— Запасн. пруж. къ нимъ 25 к. шт.—Англ. бритвы 6 р. шт. К° ЭКСЦЕЛЬЗІОРЪ, Москва, ящ. 251/90.

СТРАДАЮЩИМЪ ревматич. мучительн. бол. по получ. 60 к. мы выс. немедл. совѣтъ — дивн. средство ПГР., Коломенская ул., 22, Е. Киселеву.

ДЕШЕВАЯ ОБУВЬ. Сандаліи на гибк. дерев. подошвахъ. Ц. съ перес. 4 р. 80 к. пара. П. Грюнталь, Ростовъ на/Д., Пушкинская, 97.

ВЕСНУШКИ удаляю
Безвр. средство высылаю. Полный курсъ лѣченія 4 руб. **А. ВЕЙДЕМАНЪ.** Петроградъ, Мучной пер., 3, кв. 60.

ПИСАТЬ (12)
красиво и скоро будете, выписавъ **„Механическую пропись“.** Цѣна 1 р. **Москва,** ред. журн. **„Соколъ“,** Печатниковъ п., 18/2.

НА ГИТАРѢ
въ нѣск. дней, безъ знанія нотъ, каждый можетъ легко научиться играть аріи, романсы, танцы и пьесы. Полн. заочный курсъ съ безпл. прилож. альбома модн. пьесъ за **три** руб. **Москва,** ред. журн. **„Соколъ“,**
1846 Печатниковъ пер., 18/2. (14)

ОТКРЫТКИ художеств. высшаго качества и исполн. Болѣе 3000 сюжет. лучшихъ **англійскихъ, русск. и франц.** фирмъ: головки, цвѣты, копіи, парочки, поздравит., комич., жанр. и др. отъ 6 до 18 руб. за 100 штукъ. **Коллекціи** образц. высылаются за 15 р., 25 р., 40 р., 60 р., 100 р. и больше. Задатокъ обязателенъ. Кіевъ, Тарасовск. № 6, изд-ство **„Новь“.**

БУДУЩЕЕ
каждаго человѣка мгновенно и безошибочно раскрываютъ магическія карты. Полная колода съ наставленіемъ 1 р. 50 к.
Москва, ред. журн. „Соколъ“, Печатниковъ пер., 18/2.

Усы у дамъ
и лишній волосъ на рукахъ и на лицѣ уничтожаетъ безъ боли
„L'ANTIDUVET“
1 банка 2 р. 50 к. На скл. въ **Русскомъ Общ. торг. апт. тов. Петроградъ,** Казанская, 12. **Харьковъ и Екатеринбургъ.** Въ пров. высылаетъ наложеннымъ платеж. **В. Эккертъ, Петроградъ,** почт. ящ. 408. Рижскій пр., 7. 4610

КАПИЛЯРЪ
единственное добросовѣстное средство для волосъ головы. Необходимо каждому, какъ лучшій способъ укрѣпленія волосъ и ухода за ними.

КАПИЛЯРЪ
радикально уничтожаетъ перхоть, возстанавливаетъ правильный ростъ волосъ, прекращаетъ выпаденіе, придаетъ волосамъ правильный ихъ цвѣтъ, лысымъ помогаетъ вернуть къ жизни замирающія волосяныя луковицы и т. д.

КАПИЛЯРЪ
цѣна флакона 5 р. безъ перес. Складъ „КАПИЛЯРЪ“ и „ЗЕФИРОНЪ“, Москва, Пятницкая ул., д. 37, кв. 22. Высылается по получ. 3 р. задатка.

ИЗУЧАЙТЕ ЯЗЫКИ!

ЭТО ПОЛЕЗНО, ДАЕТЪ ВѢРНЫЙ КУСОКЪ ХЛѢБА, А ИЗУЧИТЬ ОЧЕНЬ ЛЕГКО. Самоучители итальянскаго и польскаго языковъ—2 р. 25 к. каждый, нѣмецк., франц., англ. и латинскій по 1 р. 75 к. кажд., финскій, шведск., татарск., персидск., турецк., норвежск., сербск., чешск. и испанскій по 1 р. 45 к. каждый. Адр: Москва, Б. Гнѣздниковскій, 10, изд-ству Д. М. Буманова. Нал. пл. не выс.

„Ужасъ овладѣваетъ мною при видѣ нечестивыхъ, оставляющихъ законъ Твой... Дай мнѣ уразумѣть путь повелѣній Твоихъ...“ (Пс. 118). Кто эти святыя слова можетъ произнести, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управлять своимъ вниманіемъ, а слѣдовательно, слушать ли ему въ академіи лекціи профессора или дома внимательно читать ихъ въ нашихъ изданіяхъ „Семейнаго Университета“ — все равно. Онъ также можетъ достигнуть **блестящихъ** результатовъ. Теперь, при всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію и **равноправію** женщинъ, нужно поспѣшить заняться **саморазвитіемъ,** вамъ, юныя, чтобы скорѣе замѣстить выбывшихъ изъ строя кормильцевъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей! 4834 8-5

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ“

существуетъ съ 1898 года.

Всѣ лекціи составлены извѣстными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоенія каждымъ соотвѣтственно программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведенія. Каждое изъ 6 изданій, ясно и компактно отпечатанное на прекрасной бумагѣ, съ массой цвѣтныхъ и черныхъ рисунковъ, составляетъ **вполнѣ законченное цѣлое,** а по богатству текста замѣняетъ собою цѣнную научную библіотеку и какъ бы создаетъ въ семьѣ „Университетъ“. Цѣна за каждое изданіе въ 3 тома, безъ пересылки: „Отдѣлъ Біологическихъ наукъ“ 20 р., факультеты: Историко-филологическій (основной) **18 р.,** Медицинскій 17 р., Юридическій 16 р., Біологическій 14 р. и Богословскій 12 р. Выписывающіе чрезъ издателя **Ф. С. Комарскаго, Петроградъ, Пушкинская, 10,** за пересылку въ Европ. Россіи не платятъ. Выписывающіе, чрезъ издателя, одновременно 5 факультетовъ—платятъ 70 р., а—„Отдѣлъ Біол. наукъ и 4 факульт.— 75 р. безъ перес. Возвратившимся съ поля брани нашимъ защитникамъ и лицамъ послужившимъ имъ, а также учащимъ и учащимся временныя льготы. Каталогъ съ образцами лекцій и отзывами печати высылается издателемъ безплатно. Продажа изданій во всѣхъ книготорговляхъ.

ОТЪ ПЕТРОГРАДСКАГО
СОВѢТА РАБОЧИХЪ и СОЛДАТСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ

Товарищи и граждане!

Съ каждымъ днемъ расширяется дѣятельность Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. На ряду съ оказаніемъ помощи жертвамъ революціи, широко развивается организаціонная работа.

По всей Россіи и на фронтѣ, въ самыхъ глухихъ углахъ страны, члены Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и его уполномоченные разъясняютъ народнымъ массамъ значеніе происходящихъ событій, поднимаютъ ихъ революціонное сознаніе, участвуютъ въ созданіи органовъ новой власти на мѣстахъ.

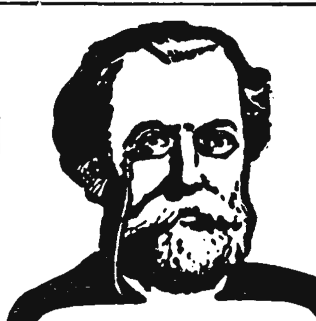
Издаются и широко распространяются органы Совѣта, его воззванія и разъясненія; разрабатываются новыя начала организаціи солдатъ и улучшеніе ихъ быта; освѣщаются вопросы профессіональнаго движенія; устраиваются примирительныя камеры, нормируются условія труда рабочихъ и служащихъ, разсылаются гонцы за хлѣбомъ въ деревню.

Иногородній Отдѣлъ связываетъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ съ органами демократіи всей Россіи. Отдѣлъ международныхъ сношеній объединяетъ его съ демократіей всѣхъ странъ.

Товарищи и граждане! Только организація всѣхъ народныхъ силъ сдѣлаетъ завоеванія революціи прочными.

Для огромной и разносторонней созидательной работы, которую выполняетъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, нужны значительныя денежныя средства. Эти деньги должны быть даны народомъ. Жертвуйте, собирайте и отчисляйте средства въ распоряженіе Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Всѣ пожертвованія просятъ направлять въ Финансовый Отдѣлъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, Петроградъ, Таврическій Дворецъ, комн. № 35.



КООРИНЪ-СТАТЪ ОЗДОРОВЛЯЕТЪ
ЖЕЛУДОКЪ
и пріучаетъ его къ аккуратному ежедневному дѣйствію.

Читайте, что пишутъ о Cooринѣ:

Д-ръ Н. С. Желоховцевъ, дѣйств. арм., 111-й пѣх. Донск. полкъ. Испытавъ Cooринъ-Статъ, убѣдился вполнѣ въ надежномъ дѣйствіи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда другія средства перестали помогать.

Д-ръ М. Бѣлопольскій, Одесса. Я назначалъ Cooринъ-Статъ при катарѣ, атоніи, геморроѣ, тошнотѣ, изжогѣ и пученіи газами. Результаты были всегда прекрасные.

Д-ръ И. М. Д-нъ . . . Установился нормальный стулъ и прекратились головныя боли и геморроидальныя страд. Настроеніе быстро улучшилось. Появилась энергія, цвѣтущій, бодрый видъ.

Н. Ф. Зиминъ, Москва, Басманная, 3. Я сильно страдалъ запорами и купилъ въ аптекѣ Cooринъ-Статъ. Ровно черезъ два дня мой желудокъ сталъ работать нормально, доставляя мнѣ облегченіе и пріятное чувство.

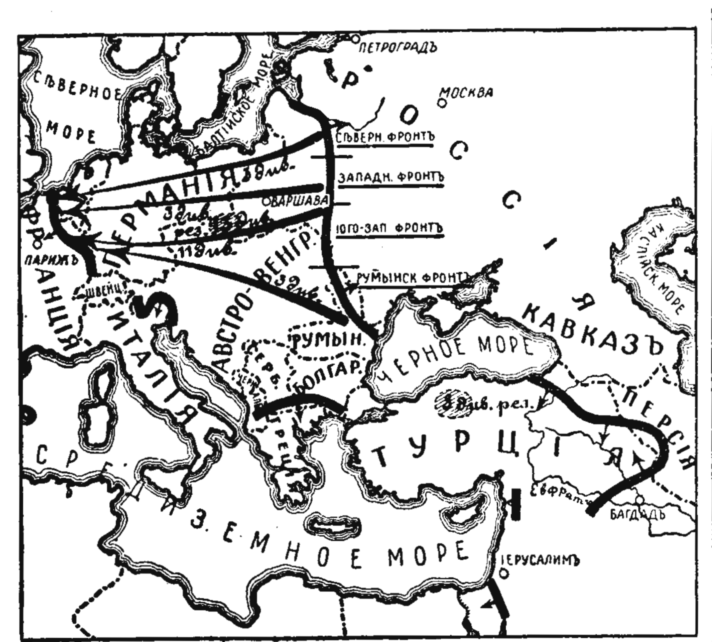
ВЪ БЛИЖАЙШЕЙ аптекѣ, аптекарскомъ магазинѣ или складѣ Вы получите пробную коробку Cooринъ-Статъ. Примите первую таблетку сегодня же на ночь и Вы скоро забудете, что когда-либо страдали желудкомъ или слабыми, расшатанными нервами.

ВЫ ИЗБАВИТЕСЬ
разъ навсегда отъ запоровъ, катара, геморроя, вялости кишекъ, отъ головныхъ болей, тошноты, изжоги и пученія живота газами.

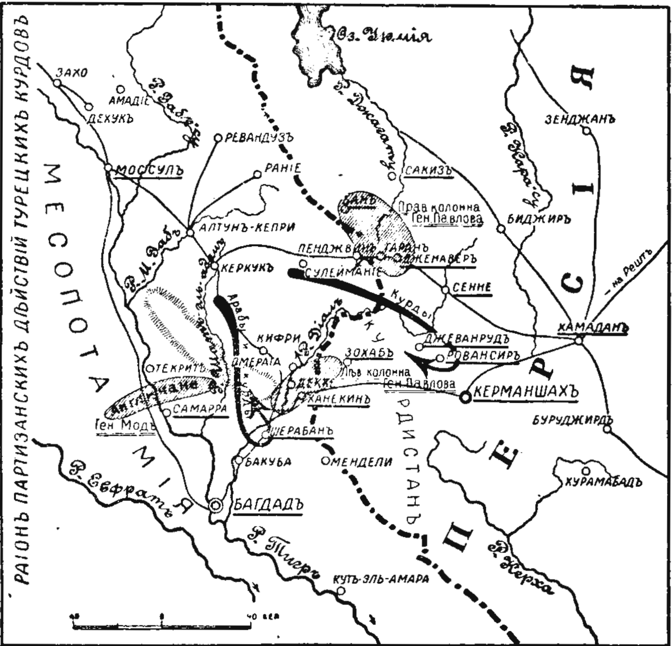
Ваша нервная система окрѣпнетъ, Вы почувствуете въ себѣ новую силу и притокъ энергіи.

ДАРОМЪ
я вышлю вамъ немедленно очень цѣнную брошюру, результатъ большого труда. Не откладывайте. Требуйте сегодня, пока есть запасъ. Денегъ не надо, сообщите только Вашъ адресъ, хотя бы открыткой, въ к-ру Cooринъ Статъ, Петроградъ, Николаевск., 16. Отд. Г.

Cooринъ абсолютно безвреденъ. Требуйте только настоящій Cooринъ-Статъ.



Карта мірового театра военныхъ дѣйствій съ обозначеніемъ германскаго фронта, усиляемаго на Западѣ противъ нашихъ союзниковъ за счетъ ослабленія арміи на нашемъ фронтѣ.
(Къ „Дневнику военныхъ дѣйствій“ въ № 21 „Нивы“).



Карта театра военныхъ дѣйствій въ Месопотаміи и Персіи. Раіонъ партизанскихъ дѣйствій турецкихъ курдовъ.
(Къ „Дневнику военныхъ дѣйствій“ въ № 22 „Нивы“).

Новѣйшія моды.

№№ 1—2. Платья для молодыхъ дѣвицъ отъ 15—17 лѣтъ.

№ 1. Платье изъ полотна или фуляра. Юбка годе собрана въ таліи; лифъ съ низко скошеннымъ воротомъ въ таліи собранъ и перетянутъ двумя узкими полосками той же матеріи, которыя подражаютъ кушаку и застегиваются въ видѣ паттъ пуговками. Прямой рукавъ на обшивкѣ вшитъ въ очень широкую пройму; воротникъ и манжеты изъ бѣлаго полотна или батиста выметаны фестонами.

№ 2. Платье изъ бордюрнаго батиста. Сборчатая юбка съ бордюромъ; сборчатый лифъ съ низкимъ круглымъ вырѣзомъ въ воротѣ, окруженнымъ вышитой по тому же батисту полоской; короткіе рукава состоятъ изъ двухъ волановъ, законченныхъ такой же вышитой полоской. Кушакъ съ бретелями, которыя соединяются на плечахъ бантиками изъ лентъ въ цвѣтъ бордюра.

№№ 1 — 2. Платья для молодыхъ дѣвицъ отъ 15—17 лѣтъ.

№№ 3—4. Домашнія блузки.

№ 3. Блузка изъ батиста; къ правому передку прикроена посерединѣ широкая прямая патта, которая пересѣкаетъ жабо изъ сплисованнаго тюля, замѣняющее вставку, и пристегивается четырьмя пуговицами къ лѣвому передку; отложной воротникъ и манжеты подрублены сквозной строчкой, которая идетъ также вокругъ широкой проймы.

№ 4. Блузка изъ вышитаго и гладкаго батиста. Къ краямъ передковъ пристрочены прямыя полоски гладкаго батиста, которыя по линіи застежки пересѣкаются зубчатымъ батистовымъ бортикомъ, повторяющимся на большомъ отложномъ воротникѣ и манжетахъ также изъ гладкаго батиста; по сторонамъ гладкихъ среднихъ полосъ идутъ два ряда ажурной строчки, обрисовывающей также пройму. Рукава полудлинные.

№№ 5—8. Домашніе дамскіе костюмы и костюмъ тальеръ.

№ 5. Домашнее платье изъ кашемира или саржи. Передникъ юбки образуетъ широкую двойную круглую складку,—отъ боковъ заложены широкія плоскія складки, которыя отъ таліи до половины длины прострочены по краю; остающаяся свободной нижняя половина крѣпко наглаживается утюгомъ. Передъ лифа составляетъ какъ бы продолженіе передника, но верхняя часть складки разрѣзана для застежки на три обтяжныя пуговицы и прерывается прямой линіей на вышитой суташемъ вставкѣ, скошенной въ воротѣ; такая же вышивка на очень высокой узкой манжетѣ и на кушакѣ, гдѣ она представляетъ родъ пряжки; узкій кушакъ изъ той же матеріи прикрѣпленъ у вышивки двумя пуговицами. Высокій воротникъ съ отогнутыми концами. Вышивку можно замѣнить узорчатой тафтой.

№ 6. Домашнее платье изъ гладкой шерстяной матеріи. Передъ юбки заложенъ широкой круглой складкой; остальная часть юбки, сант. на 25 отступя отъ подола, украшена двумя рядами суташа съ двойнымъ рядомъ длинныхъ стежковъ шелкомъ кордоне. Эта отдѣлка останавливается подъ сгибомъ передней складки. Такая же отдѣлка на воротникѣ, на высокихъ манжетахъ-митеняхъ и по краямъ передковъ лифа. Перекрещенный жилетъ изъ шелка въ тонъ матеріи у ворота открываетъ маленькую, вышитую суташемъ вставку, а у таліи пересѣкается прямой вышитой полоской. Кушакъ изъ такого же шелка, какъ жилетъ.

№№ 3—4. Домашнія блузки.

№ 7. Нарядное платье изъ нинона и тафты. Юбка изъ черной тафты покрыта одинаковой длины туникомъ изъ нинона, края котораго, открывающіе передникъ, падаютъ складками кокиле, окаймленными чернымъ стеклярусомъ; такая же отдѣлка обрисовываетъ сборчатые передки корсажа, открытые на прямой тафтяной вставкѣ, подчеркнутой по верхнему краю и внизу бордюромъ, вышитымъ чернымъ стеклярусомъ и жетовыми цехинами. Верхняя часть прикроеннаго рукава лежитъ на тафтяной подкладкѣ, а дополняющій его воланъ съ стеклярусной отдѣлкой, законченной на удлиненномъ концѣ маленькими стеклярусными кистями, остается прозрачнымъ. Воротъ свободный, кушакъ изъ тафты.

№ 8. Костюмъ тальеръ. Съ 11-ю выкройками въ уменьшенныхъ чертежахъ съ указаніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ.

Фиг. 1. Передъ жакета.
„ 2. Бочокъ къ передку.
„ 3. Бочокъ къ спинкѣ.
„ 4. Половина спинки.
„ 5. Верхняя половина рукава.
„ 6. Нижняя половина рукава.
„ 7. Половина воротника.
„ 8. Половина задней патты.
„ 9. Передняя складка къ юбкѣ.
„ 10. Бокъ юбки.
„ 11. Задняя складка.

Юбка и жакетъ изъ габардина, саржи или сукна. Наша выкройка даетъ половину юбки, образующей какъ спереди, такъ и сзади, по двѣ круглыхъ складки, которыя кроятся отдѣльно отъ боковой части, — шовъ незамѣтно скрывается подъ складкой. Середина спинки жакета также закладывается складками, соотвѣтствующими складкамъ юбки. Эти складки скрѣплены паттой и украшены суташевой вышивкой, повторяющейся на рукавахъ и на переднихъ отворотахъ. Воротникъ изъ шелка въ тонъ матеріи.

№№ 5—8. Домашніе дамскіе костюмы и костюмъ тальеръ. Съ приложеніемъ къ послѣднему 11-ти выкроекъ въ уменьшенныхъ чертежахъ съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 21. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Вышелъ 27 мая 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—**14 р.**, на 1/2 года—**7 р.**, на 1/4 года—**3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

„Дождикъ мѣшаетъ“.

(На английскомъ фронтѣ).

Очеркъ **Николая Роминскаго.**

Когда мы читаемъ въ телеграммахъ съ фронта нашихъ союзниковъ—англичанъ и французовъ, что постоянные дожди мѣшаютъ боевымъ дѣйствіямъ, мы скептически улыбаемся и говоримъ съ легкимъ раздраженіемъ:

— Ишь! Сибариты! Дождикъ мѣшаетъ!

И строго прибавляемъ:

— Мы вотъ въ двадцатиградусный морозъ взяли подъ Ригой тридцать три нѣмецкихъ пушки!.. А имъ дождикъ помѣшалъ!..

Я постараюсь объяснить, что значитъ „дождикъ“, идущій въ продолженіе многихъ дней на сѣверѣ Франціи, гдѣ ведетъ боевыя дѣйствія англійская армія.

Однажды вечеромъ, минувшей зимой, въ одномъ изъ англійскихъ полковъ было получено приказаніе: если есть хоть какаянибудь возможность, то послать развѣдчиковъ въ траншеи германцевъ, лежащія тамъ-то и тамъ-то. Посовѣтоваться съ офи-

Напутствіе. XLV Передвижная выставка. *К. В. Лебедевъ (†).*

церомъ-развѣдчикомъ, и если онъ находитъ это абсолютно невозможнымъ, немедленно отвѣтить. Есть предположенiе, что эти траншеи покинуты германцами.

Прежде чѣмъ перейти къ самой развѣдкѣ,—такъ какъ она все-таки была произведена,—я скажу нѣсколько словъ о состоянiи того пространства, находящагося между траншеями англичанъ и германцевъ, которое развѣдчикамъ слѣдовало пересѣчь два раза,—идя туда и возвращаясь обратно.

Почва въ этомъ мѣстѣ, какъ почти вездѣ на сѣверѣ Францiи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь идутъ бои, глинистая. Каждая воронка, сдѣланная тяжелымъ или легкимъ снарядомъ, сейчасъ заливается во время постоянныхъ осеннихъ и зимнихъ дождей жидкой грязью. Эта грязь постепенно взбалтывается до дна новыми снарядами. Попасть въ такую воронку живому существу значитъ почти навѣрно быть засосаннымъ.

Осенью, когда это не было еще извѣстно такъ твердо, какъ теперь, то здѣсь, то тамъ постоянно находились смѣльчаки, пытавшiеся дѣлать развѣдку у германскихъ окоповъ. Часто эти смѣльчаки застревали въ глинѣ, и утромъ нѣмцы по нимъ стрѣляли, точно по неподвижной мишени. На десять ушедшихъ почти всегда двое или трое кончали свою жизнь подъ нѣмецкими пулями, увязнувъ въ глинѣ, и въ той же ротѣ, о развѣдкѣ которой я сейчасъ буду говорить, мѣсяцъ назадъ погибло на глазахъ своихъ товарищей двое изъ смѣльчаковъ. Ихъ отправилось трое, но одинъ изъ нихъ, отойдя шаговъ около пятидесяти, вернулся назадъ, при чемъ ему помогла проволока, выброшенная товарищами. Молодой же Смитъ, начальникъ партiи, надѣясь на свой высокiй ростъ, незаурядную силу и званiе чемпiона гимнастики родного города и полка, рѣшилъ во что бы то ни стало добраться до германскихъ окоповъ. Увлеченный примѣромъ начальника, развѣдчикъ Джемсъ не вернулся назадъ, какъ приказывалъ Смитъ, а пожелалъ пойти вмѣстѣ съ нимъ. Онъ не добрался до окоповъ германцевъ и погибъ въ ста шагахъ отъ своей линiи.

Много народу гибнетъ на войнѣ, но смерть этихъ двухъ была ужасна.

Эта развѣдка, какъ и та, о которой я буду говорить дальше, должна была опредѣлить, занимаютъ ли нѣмцы тѣ траншеи, надъ которыми въ теченiе нѣсколькихъ дней работала англiйская артиллерiя.

Всѣ три развѣдчика вызвались охотниками. Ночью, во время осенняго дождя, безпрерывно моросившаго въ продолженiе нѣсколькихъ дней, они вылѣзли изъ окопа и направились по прямой линiи впередъ. Выбирать было нечего, такъ какъ жидкая грязь занимала все пространство, и только края воронокъ кое-гдѣ торчали изъ желтой гущи круглыми грязными валиками. Ночь была совершенно темна, и трое смѣльчаковъ сейчасъ же исчезли во тьмѣ. За постоянно набѣгавшими порывами вѣтра невозможно было слышать ихъ движенiя, и, послѣ первыхъ тяжелыхъ хлюпанiй по болоту, звуки ихъ шаговъ затихли. И тогда же у оставшихся явилось тяжелое ощущенiе отвѣтственности: слѣдовало ихъ удержать! Нельзя было посылать людей на почти вѣрную смерть!

Прошло три часа. Мучительныхъ три часа для командира роты, который считалъ себя убiйцей этихъ людей, для блага родины пошедшихъ на вѣрную смерть. Разумѣется, было чрезвычайно важно знать, заняты ли окопы германцами, но было уже столько примѣровъ гибели людей въ грязи, что ему, на отвѣтственности котораго лежали жизни двухъ съ половиной сотенъ людей, слѣдовало подумать, прежде чѣмъ отпустить на явно невыполнимое дѣло.

Виноватъ былъ Смитъ. Онъ съ такой увѣренностью говорилъ о томъ, что при его высокомъ ростѣ, силѣ и ловкости немыслимо увязнуть въ грязи... Онъ увлекъ и двухъ другихъ, онъ оглушилъ потокомъ словъ и его, командира роты.

Но это было единственное утѣшенiе.

Всѣ уже давно спали, и даже часовой иногда вздрагивалъ, видимо борясь со сномъ, и только командиръ роты сидѣлъ безъ движенiя, прислушиваясь ко всякому шуму. Три длинныхъ часа прошло, и, когда уже начало свѣтать, когда небо чуть-чуть отдѣлилось отъ линiи окопа, раздался голосъ одного изъ пошедшихъ на развѣдку:

— Эй! Бросьте веревку! Я самъ, кажется, отсюда не выберусь!

Нѣмцы были далѣе трехсотъ шаговъ, быть-можетъ, даже теперь въ пятистахъ, если они бросили свой передовой окопъ, поэтому разговаривать можно было безпрепятственно, но освѣтить увязшаго было нельзя, такъ какъ свѣтъ непремѣнно привлекъ бы вниманiе противника.

— Вы далеко?

— А я почемъ знаю? Судя по тому, какъ я слышу вашъ голосъ, вѣроятно, близко.

— А отъ проволочныхъ загражденiй вы далеко?

— Вѣроятно, близко, но разглядѣть ничего не могу.

Свѣтъ между тѣмъ увеличивался, и увязшiй увидѣлъ, что онъ находится въ двадцати шагахъ отъ проволочныхъ загражденiй. Два человѣка полѣзли къ нему, чтобы помочь выбраться изъ засосавшей его глины. За неимѣнiемъ веревки они взяли длинную проволоку. Стало настолько свѣтло, что можно было разсмотрѣть юношу,—ему было только восемнадцать лѣтъ! Въ первый моментъ товарищи испугались:—надъ глиной поднимались только плечи и голова. Но потомъ оказалось, что онъ лежалъ. Обезсилѣвъ въ борьбѣ, онъ упалъ и не имѣлъ больше силы подняться. Нѣсколько разъ ему бросали проволоку, она иногда падала совсѣмъ близко, но онъ, видимо уставъ въ борьбѣ до почти полной потери силъ, въ отчаянiи дѣлалъ нѣсколько энергичныхъ движенiй, затѣмъ эти движенiя слабѣли, и онъ опять устало ложился, и надъ жидкой глиной поднимались только плечи и сплошь забрызганная грязью, безъ шапки, голова.

Тогда одинъ изъ солдатъ двинулся по грязи къ нему. Онъ ежесекундно увязалъ, и видно было, съ какимъ трудомъ, помогая себѣ руками и ногами, онъ выбирался на болѣе твердое мѣсто. Иногда онъ падалъ на колѣни, а одинъ разъ, попавъ въ болѣе глубокую воронку, опустился до пояса. Къ счастью, въ этой воронкѣ была совершенно жидкая глина, и онъ безъ труда выбрался изъ нея. Шагахъ въ семи онъ остановился и вновь бросилъ проволоку. Въ этотъ разъ она прямо попала на юношу. Тогда тотъ оживился, силы вернулись къ нему, онъ намоталъ проволоку на руку и, отчаянно работая всѣмъ корпусомъ, ногами и руками, началъ двигаться къ своему окопу.

За это время стало такъ свѣтло, что нѣмцы разглядѣли какое-то движенiе у англичанъ и открыли оживленный огонь. Но они еще видѣли не ясно, и пули пулемета ложились въ сторонѣ.

Юноша, вернувшись въ окопъ и узнавъ, что Смита и Джемса еще не было, былъ крайне обезкураженъ. Онъ, опустивъ глаза, нѣсколько разъ смущенно повторилъ:

— Они пошли дальше, я вернулся...

Когда разсвѣло совсѣмъ, увидѣли и этихъ другихъ: Джемсъ былъ по поясъ въ грязи шагахъ во ста отъ окопа. Онъ, очевидно, уже совершенно обезсилѣлъ. Нѣмцы также разглядѣли его и открыли по немъ пальбу изъ винтовокъ и пулеметовъ. На глазахъ у всѣхъ онъ сначала двигался,—то поднималъ руки кверху, то опускалъ ихъ въ жидкую грязь. Лица его не было видно, оно было обращено къ непрiятелю. Потомъ онъ затихъ и склонился вбокъ. Онъ не упалъ и все время отъ пояса поднимался надъ окружающей его грязью. Вѣроятно, она была настолько густа, что держала его, потому что онъ цѣлую недѣлю оставался, склонившись набокъ, съ опущенной на грудь головой, съ каждымъ днемъ погружаясь все ниже и ниже, пока совершенно не исчезъ въ засосавшей его грязи.

Смитъ не даромъ надѣялся на свой ростъ, ловкость и силу. Онъ, когда уже насталъ день, со страшной энергiей двигался къ своимъ линiямъ. Когда германцы открыли огонь, онъ былъ не далѣе пятидесяти шаговъ, и, когда затрещалъ ихъ пулеметъ, онъ крикнулъ:

На англiйскомъ фронтѣ. *Въ затопленномъ окопѣ.*

— Плохо! А я такъ надѣялся добраться! Доложите ротному, что германскій окопъ пустъ. Я тамъ былъ и я говорю навѣрно. Ни души!

Пули свистѣли вокругъ него, но онъ медленно, постоянно падая и увязая, двигался къ своему окопу.

Погибъ онъ не отъ германской пули: продвигаясь впередъ, онъ вдругъ попалъ въ огромную воронку, сдѣланную однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ снарядовъ. Тамъ было такъ глубоко, что, несмотря на свой высокій ростъ, онъ сразу исчезъ, окунувшись съ головою. Это было въ тридцати шагахъ. Два раза онъ появлялся на поверхности, разбрасывая руками совершенно жидкую глину. Онъ пытался плыть, но грязь парализовала его движенія. Ни одного крика. Несмотря на сильный огонь, открытый нѣмцами, всѣ солдаты бросились къ вершинѣ окопа.

Онъ показался въ послѣдній разъ, взмахнулъ руками съ такой силой, что нѣкоторые брызги долетѣли до окопа, и скрылся. На этотъ разъ окончательно. Нѣкоторое время жидкая грязь надъ его головой волновалась, указывая на скрытую борьбу, и наконецъ все затихло. Люди пробирались къ нему, лавируя между кольевъ проволочныхъ загражденій, но было уже поздно,—лужа больше не шевелилась...

Это было мѣсяцъ назадъ. Теперь, послѣ оживленной артиллерійской перестрѣлки въ теченіе нѣсколькихъ дней, опять важно было выяснить, какіе окопы очищены непріятелемъ. Предстояло сдѣлать новую развѣдку, и это о ней было сдѣлано распоряженіе больше въ смыслѣ сильнаго желанія, чѣмъ категорическаго приказанія. Командиру полка было предложено посовѣтоваться съ офицеромъ-развѣдчикомъ и возможность исполненія этого дѣла предоставить всецѣло на его усмотрѣніе. Ни на полкъ ни на офицера въ случаѣ отказа не пало бы ни малѣйшей тѣни. Офицеру стоило сказать одно слово, и командиръ полка донесъ бы о полной невозможности исполнить порученіе.

Офицеръ рѣшилъ попытаться. При вызовѣ охотниковъ онъ выбралъ двухъ: фельдфебеля и стрѣлка рядового развѣдчика. Ночь была тихая, но, по ихъ образному выраженію,—темна, какъ сажа. Наученный опытомъ многихъ предыдущихъ развѣдокъ офицеръ рѣшилъ сдѣлать кругъ и сначала пойти по берегу канала. Русло этого канала было приподнято надъ окружающей мѣстностью, наподобіе огромной полутрубы, положенной прямо на землѣ. По берегу канала шла тропинка, и путешествіе по ней было сопряжено лишь съ одною непріятностью,—возможностью встрѣчи съ германскими развѣдчиками, такъ какъ эта тропинка была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было пройти.

Справа шелъ каналъ, наполненный водой до самаго края. У врага полная тишина,—ни звука, ни выстрѣла, ни ракеты. Казалось, все вымерло, такъ какъ полная тишина была и со стороны англійскихъ траншей. Кое-гдѣ вода канала съ легкимъ журчаніемъ переливалась изъ переполненнаго русла въ море жидкой грязи, находившейся слѣва отъ развѣдчиковъ. Берега канала были утрамбованы, и здѣсь было сухо, но все-таки, пройдя извѣстное разстояніе, офицеръ остановился: хотя германцевъ они не встрѣтили, но дальше итти было опасно, а главное, они, идя дальше, уже отходили отъ своей цѣли въ сторону. Предстояло свернуть влѣво и двинуться напрямикъ. Офицеръ легъ на животъ, лицомъ къ каналу, и осторожно началъ на рукахъ и колѣняхъ спускаться внизъ, въ жидкую глину.

Въ этотъ моментъ ясно, какъ живые, стали у него передъ глазами Джемсъ, со своей опущенной на грудь головой, по поясъ торчащій изъ грязи, и Смитъ, отчаянно борющійся съ засасывающею его стихіей. И затѣмъ, какъ въ кинематографѣ,—колышущаяся лужа, круги и, наконецъ, полная тишина...

Вотъ ноги офицера начали опускаться въ грязь. Онъ самъ такъ передалъ это ощущеніе:

— Мнѣ казалось, что грязь впитывается въ меня своими клейкими пальцами, точно ощупываетъ каждый квадратный сантиметръ моего тѣла, а когда я пробовалъ двигаться впередъ, точно тысячи ледяныхъ клещей впивались въ мое тѣло и тащили его обратно.

Большой опытъ, пріобрѣтенный ими въ прежнихъ развѣдкахъ, помогалъ имъ. Гордость, чувство долга, сильно развитое въ англичанахъ, невозможность постыдно, ничего не узнавъ, возвратиться домой, двигали ихъ дальше. Вершокъ за вершкомъ, на колѣняхъ, на рукахъ, упираясь въ холодную ледяную грязь, отъ которой коченѣли пальцы, они двигались впередъ. Молодыя гибкія тѣла, привыкшія съ дѣтства къ гимнастикѣ и спорту, выручали ихъ. Молодость, сила физическая и сила моральная давали возможность выполнить порученіе, которое, въ сущности, было совершенно невыполнимо.

Наконецъ показались проволочныя загражденія непріятельскихъ траншей. Они были у цѣли. Тамъ все было тихо. Притаился врагъ и сейчасъ встрѣтитъ адскимъ огнемъ, или траншеи уже пусты?

На англійскомъ фронтѣ. *Подъ прикрытіемъ нѣмецкой ванны.*

Здѣсь итти было легче, такъ какъ можно было держаться за колья проволочныхъ загражденій, но сердце усиленно колотилось, ожидая всякій моментъ выстрѣла. Каждый изъ нихъ лѣвой рукой держался за колья, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ вязкой глины, а въ правой была наготовѣ ручная граната: свою жизнь они не хотѣли отдать даромъ.

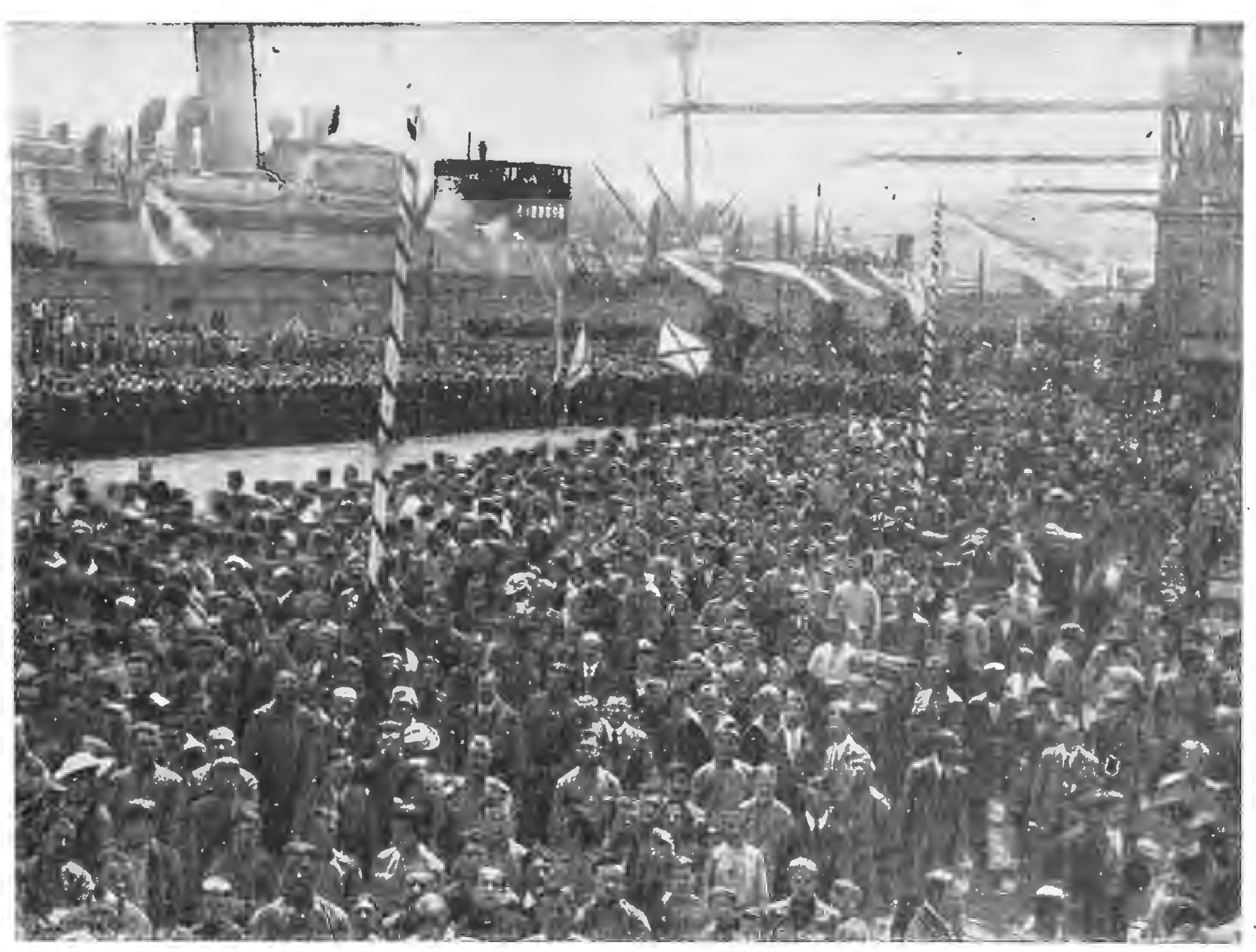
Въ окопѣ все было тихо. Добравшись до парапета, заглянули внутрь: ни движенія ни звука. Очевидно, окопъ былъ оставленъ врагомъ. Но для того, чтобы послать донесеніе, этого было мало,—надо было убѣдиться, что окопъ пустъ. Тогда офицеръ, оставивъ развѣдчика у парапета и давъ ему мѣшокъ съ бомбами, которые они все время тащили на себѣ, спустился съ фельдфебелемъ внизъ. Съ ручной гранатой въ правой рукѣ и съ револьверомъ въ лѣвой они двинулись въ противоположныя стороны.

Разсвѣта еще не было, но облака разошлись, и стало значительно свѣтлѣе. Германскій окопъ, почти разрушенный англійской артиллеріей, былъ весь въ ямахъ, залитыхъ жидкой грязью. Ноги проваливались и скользили. Больше всего стѣсняла ручная граната, такъ какъ при невольныхъ паденіяхъ приходилось держать руку кверху, чтобы самому не взлетѣть на воздухъ, что было вдвойнѣ глупо: развѣдка теряла смыслъ, такъ какъ некому было доложить объ ея результатѣ, и, наконецъ, своя жизнь все-таки настолько дорога, что ее было обидно терять безъ толку. На каждомъ шагу зіяли черныя дыры разныхъ убѣжищъ, и казалось ясно, опредѣленно, что тамъ притаился человѣкъ. Можно было замѣтить выступавшія изъ темноты части его тѣла, руку, плечо, голову или ногу. Тогда офицеръ подходилъ еще ближе и тыкалъ въ это мѣсто револьверомъ, пока не убѣждался, что видѣнное—просто галлюцинація слишкомъ напряженнаго зрѣнія, старающагося проникнуть сквозь тьму.

Одинъ разъ, осторожно подвигаясь въ такую темную нишу, гдѣ онъ въ этотъ разъ навѣрно видѣлъ двухъ людей, притаившихся въ углу, офицеръ поскользнулся и упалъ прямо на ручную гранату. Нѣкоторое время онъ лежалъ безъ движенія, ожидая взрыва. Но граната лежала совершенно невинно, страшно нажимая ему ребро. Онъ осторожно поднялся, задомъ выпятился изъ ниши и, оставивъ гранату лежать на землѣ, пошелъ по окопу дальше.

Но теперь ему казалось, что вездѣ разбросаны ручныя гранаты, и, скользя и падая, у него всякій разъ вздрагивало сердце: „неужели это послѣдній моментъ моей жизни?“

(Окончаніе слѣдуетъ).



Свѣтлой памяти лейтенанта П. П. Шмидта. *Одесса. Въ ожиданіи прибытія тѣла лейтенанта П. П. Шмидта на пристани порта.* По фот. П. Редера.

Съ войны. Пережитое.

Теноръ.

Разсказъ **Бориса Курскаго.**

— Да вставайте же вы, дядя!.. Ужъ, слава тебѣ Господи, пора выспаться-то... Ну и здоровы же вы спать...

Я прекрасно слышу, что меня будятъ, великолѣпно сознаю, что дѣйствительно я выспался предостаточно, но мнѣ такъ тепло, такъ хорошо на этой мягкой постели, въ теплой комнатѣ чьего-то уютнаго барскаго дома, что я притворяюсь спящимъ и только поворачиваюсь на другой бокъ, чѣмъ окончательно привожу въ ужасъ добрѣйшаго своего ротнаго, Павла Васильевича.

Въ барскомъ домѣ, на пружинной кровати, я очутился послѣ перехода въ сорокъ съ большимъ хвостикомъ верстъ.

Правда, я знаю, что въ этомъ городкѣ мы простоимъ не меньше трехъ-четырехъ дней, что изъ этой квартиры, услужливо предоставленной намъ какимъ-то бѣжавшимъ Heinrich'омъ Letz'емъ, какъ гласитъ мѣдная доска на дверяхъ, насъ никто не выгонитъ, и слѣдовательно я отдохнуть успѣю, но все же мнѣ адски досадно, что Павелъ Васильевичъ пристаетъ ко мнѣ и мѣшаетъ спать. Наконецъ я не выдерживаю и очень дружелюбно и просительно изрекаю:

— Павелъ Васильевичъ! Милый! Подите, пожалуйста, къ чорту!.. А то и дальше! Пожалуйста!..

Но это нисколько не уменьшаетъ рвенія Павла Васильевича, и черезъ пять минутъ я уже стою у умывальника въ великолѣпной ванной комнатѣ, съ наслажденіемъ лью себѣ на голову холодную воду и думаю:

„Здорово!.. Война и... ванная комната... Вѣдь это прямо оригинально!"

— Умылись?.. Тогда жарьте въ столовую!..—приглашаетъ меня уже окончательно вошедшій въ роль добраго хозяина Павелъ Васильевичъ.

Въ столовой — сюрпризъ. Пока я спалъ, Павелъ Васильевичъ уже пошатался по городу, купилъ кофе и масла, и теперь на столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, стоитъ солдатскій котелокъ, изъ котораго поднимается ароматичный, густой и вкусный паръ. Положительно, я попалъ въ рай. Мягкая постель, столъ, покрытый скатертью, стулъ, а не барабанъ, и... кофе съ масломъ. Все это такія прелести, оцѣнить которыя сможетъ только тотъ, кто провелъ предварительно полтора мѣсяца въ походѣ, кто спалъ все это время на голой землѣ, изрѣдка чуть прикрытой гнилой соломой, кто успѣлъ даже забыть о томъ, что гдѣ-то бываютъ спеціальныя комнаты для ѣды, а въ нихъ столы и стулья...

— А знаете, что я вамъ скажу?.. — спрашиваетъ Павелъ Васильевичъ, съ удовольствіемъ, какъ и подобаетъ „хозяину", поглядывающій, какъ я поглощаю содержимое котелка.

Я, понятно, не знаю и дѣлаю вопрошающіе глаза.

— Сегодня у капитана Терехова „суарэ", и будетъ пѣть прапорщикъ Величко!—Онъ останавливается и ждетъ, какъ я буду реагировать, но такъ какъ я продолжаю обжигаться горячимъ кофе и молчу, то сейчасъ же и заканчиваетъ:—Мы получили спеціальное приглашеніе... Вотъ! Офиціально, дядя!..

Читаю протянутый листокъ, вырванный изъ полевой книжки, гдѣ чернымъ по бѣлому насъ приглашаетъ въ гости на чашку чая капитанъ Н—го полка Тереховъ съ сожителями—прапорщиками Максимовымъ и Кротовымъ, обѣщая, помимо чая, возможность наслаждаться музыкой и пѣніемъ, „ибо у насъ въ квартирѣ оказалось піанино, и обѣщали прійти капельмейстеръ Крачмеръ, а главное, прапорщикъ Величко"...

Я уже утолилъ и жажду и голодъ, и теперь, къ величайшему удовольствію Павла Васильевича, спокойно говорю:

— Идемъ... Отчего же не сходить!..

Въ душѣ я радъ, и даже очень радъ, что услышу музыку и пѣніе, но мнѣ хочется своимъ спокойствіемъ и равнодушіемъ позлить своего ротнаго, который своей по временамъ излишней суетливостью меня очень раздражаетъ. Попадаю въ цѣль.

— Вотъ еще чортъ-то!—ругается Павелъ Васильевичъ.—Ничѣмъ его не проймешь!.. А еще человѣкъ „интеллигентный"...

Въ послѣднее слово онъ вкладываетъ такую массу презрѣнія, что я не выдерживаю и начинаю хохотать...

Прапорщикъ Величко давно меня интересовалъ. Самъ по себѣ онъ обыденный, рядовой офицеръ, даже офицеръ не типа прапорщиковъ, а типа специфически армейскаго. Въ бою держится ровно: не лѣзетъ впередъ, но и не прячется. И онъ къ солдатамъ и они къ нему относятся какъ-то равнодушно: не чувствуется никакой между ними близости. Но про его голосъ, великолѣпный лирическій теноръ, въ полку разсказываютъ цѣлыя легенды. Говорятъ, что изъ-за этого голоса у него былъ когда-то какой-то романъ въ „свѣтѣ“, что романъ кончился дуэлью, неудачной для его соперника, что послѣ дуэли ему было предложено покинуть столицу, и пришлось поступить чуть ли не въ акцизъ контролеромъ и т. д. Я не знаю, гдѣ здѣсь правда и гдѣ фантазія, но знаю, что по образованію Величко—юристъ, а соціальное его положеніе до войны—земскій начальникъ одного изъ глухихъ уѣздовъ К—ой губерніи.

Однажды въ разговорѣ я спросилъ Величко:

— А правда, что у васъ голосъ чуть-чуть не соловьиный?

Онъ улыбнулся и отвѣтилъ безъ всякаго ломанія:

— Да, я пою хорошо.

И перевелъ разговоръ на другія темы.

Когда мы пришли въ квартиру капитана, тамъ уже стоялъ дымъ коромысломъ.

Народу было много. Всѣ курили, громко разговаривали, спорили. На столѣ въ столовой стоялъ самоваръ—собственность капитана, съ которой онъ не разлучался никогда... Я смотрѣлъ, и казалось, что и войны-то никакой нѣтъ, что все это плодъ больной фантазіи, а на самомъ-то дѣлѣ мы стоимъ на квартирахъ въ какомъ-то уѣздномъ россійскомъ городкѣ, гдѣ все и вся живетъ спокойной, патріархальной жизнью. Но, вглядѣвшись повнимательнѣй, я замѣтилъ, что нѣтъ, это не такъ. Не было двухъ вещей, обязательныхъ въ обиходѣ уѣздной жизни: вина и картъ. А кромѣ того, не было... женщинъ. И это чувствовалось. Было шумно, даже весело, но отсутствовала какая-то неуловимая, но всѣми чувствуемая интимность, которую вноситъ въ компанію присутствіе женщины, хотя бы даже мало интересной, неумной и неразвитой.

— Ну-съ, милые гости, позвольте просить васъ въ гостиную!— торжественно произнесъ „хозяинъ“, показывая на дверь съ темно-красными портьерами.

„Гости“ охотно приняли приглашеніе и задвигали стульями.

Гостиная была прехорошенькая. Маленькая, тѣсноватая для нашей компаніи, но уютная. Видно было, что невѣдомая намъ хозяйка этой квартирки вложила много любви и старанія въ дѣло украшенія своей „парадной“ комнаты. Всюду на стѣнахъ висѣли изящныя, выжженныя какой-то неопытной, но старательной рукой полочки съ вазочками, въ углу на низенькой табуреткѣ стояла большая развѣсистая пальма, подъ которой уютно пріютился маленькій зеленый диванчикъ, а передъ нимъ черный круглый столикъ съ альбомами... Ну, совсѣмъ, какъ у насъ... Двѣ-три картины, репродукціи, очевидно, хорошихъ мастеровъ, и піанино съ нѣсколькими кипами нотъ на немъ, все это какъ-то ласкало взглядъ, уже отвыкшій отъ подобной обстановки.

— Ну, Вячеславъ Вячеславовичъ!.. Занимайте позицію!..—обратился Тереховъ къ нашему полковому капельмейстеру, добродушнѣйшему чеху, очень давно покинувшему Австрію и все мечтавшему, что мы скоро дойдемъ до Праги, гдѣ онъ познакомитъ всѣхъ насъ „съ самымъ лучшимъ обществомъ“, изъ коего онъ якобы происходитъ.

— Сажусь, капитанъ!.. Вамъ что, господа, веселое или сердцесжимательное?.. Эхъ, давно я не видалъ этой штуковины!..

Онъ любовно проводитъ руками по клавишамъ.

Играетъ Вячеславъ Вячеславовичъ дѣйствительно недурно, но сейчасъ мы всѣ ждемъ съ нетерпѣніемъ „выступленія“ Величко и слушаемъ не особенно внимательно.

Когда раздались звуки сентиментальныхъ и грустныхъ „Пѣсенъ безъ словъ“, стало какъ-то тихо... Замѣтьте, господа, самый сентиментальный народъ—военные...

Наконецъ къ піанино подошелъ Величко. Онъ долго что-то говорилъ вполголоса съ музыкантомъ, а затѣмъ, очевидно, сговорившись, отодвинулся слегка назадъ, откинулъ голову и не спѣлъ, а спросилъ почти шопотомъ:

Вы просите пѣсенъ?..

Слегка пріостановился, будто задумался и, чуть-чуть форсируя звукъ, отвѣтилъ:

Ихъ нѣтъ у меня...

Свѣтлой памяти лейтенанта П. П. Шмидта. *Одесса. На борту крейсера „Принцесса Марія“—украшенные вѣнками четыре гроба съ останками казненныхъ въ 1905 г. на островѣ Березани лейтенанта П. П. Шмидта и трехъ матросовъ. Кругомъ—делегаты матросовъ изъ Севастополя.* По фот. И. Редера.

„Прапорщикъ юный“. *Юрій Рѣпинъ.*

Голосъ его сталъ грустнымъ-грустнымъ, и стало очевидно, стало понятно, что дѣйствительно ему грустно отказывать намъ, что онъ понимаетъ насъ, изголодавшихся по человѣческой жизни интеллигентныхъ людей, забывшихъ въ эти минуты и кровь и стоны и жаждущихъ чего-то ласковаго, чего-то трогательнаго и нѣжнаго, что̀ успокоило бы и убаюкало мысли о смерти, мысли о близкомъ концѣ... И, все же, понимая насъ, онъ поетъ:

Такъ скучно, такъ грустно живется,
Такъ медленно сердце усталое бьется,
Что...

Вячеславъ Вячеславовичъ посмотрѣлъ на пѣвца и рѣзко ударилъ по клавишамъ и нажалъ педаль... Получился какой-то стонъ, и во время этого стона пѣвецъ все думалъ, какой же выходъ изъ этого положенія...

И мы думали: развѣ, и правда, не скучно, не грустно?.. Развѣ легко все, что̀ мы дѣлаемъ?..

Война... Знаете ли вы, что̀ такое война?.. Развѣ это можно понять, развѣ это можно описать или разсказать?..

И вотъ мы хотимъ, мы жаждемъ пѣсенъ, жаждемъ потому, что наша душа устала, что мы—люди, несущіе смерть, часто жестокіе, но... люди.

Что̀ же дѣлать?..

А кристально-чистый теноръ уже рѣшилъ и вновь отвѣтилъ:

Съ пѣснями кончить пора...

Значитъ, уже все кончено, все потеряно навсегда?

Новыя пѣсни совсѣмъ не пою...

И не надо ихъ, этихъ новыхъ пѣсенъ... Къ чему онѣ?.. Ты спой намъ лучше старыя пѣсни, тѣ, которыя напомнятъ намъ нашу юность, наши надежды, наши мечты...

А старыя пѣть избѣгаю...

Но почему?.. Неужели же такъ никакой связи съ этимъ старымъ прошлымъ у насъ и у тебя нѣтъ?.. Нѣтъ,—отвѣчаетъ, заливается теноръ,—есть эта связь, но пропасть, созданная войной, созданная кровью, эта пропасть все же не можетъ не чувствоваться, ибо все же не можетъ не чувствоваться, что все прошлое, все свѣтлое осталось тамъ за ней, и какъ теперь пѣть эти пѣсни прошлаго, если

Терзаютъ онѣ мою душу больную,
И съ ними...

Пѣвецъ вздохнулъ... и мы всѣ вздохнули...

Ахъ!.. съ ними сильнѣй я страдаю...

Пауза... Всѣ сидятъ и какъ будто даже не дышатъ... А теноръ еще разъ проситъ прощенія у насъ, что ожиданіе наше обмануто...

Вы просите пѣсенъ?.. Ихъ нѣтъ у меня...

Крышка піанино захлопнулась. Кончено.

Больше прапорщикъ ничего не пѣлъ. Мы даже и не просили его: чувствовалось, что эти просьбы будутъ какимъ-то грубѣйшимъ непониманіемъ души человѣческой.

Вскорѣ мы разошлись по квартирамъ.

На другой день, блуждая по городу, я встрѣтилъ прапорщика Величко. Поздоровался и спросилъ:

— Куда вы? Или такъ же, какъ и я, безъ цѣли и дороги?

— Да... Я, знаете, всегда хожу безъ цѣли и дороги.

— Не завидую вамъ, прапорщикъ!.. Вѣдь это, должно-быть, очень скучно?

— Не весело... Впрочемъ, веселье — понятіе относительное... Я не думаю, чтобы вообще мнѣ могло быть весело. Знаете, сколько я ни живу на бѣломъ свѣтѣ, я ни разу не испытывалъ удовлетворенія, хотя бы минутнаго, тѣмъ, что̀ есть... Я не Печоринъ, о, совсѣмъ нѣтъ! Но просто мнѣ какъ-то всегда не по себѣ. Помните, у Андерсена есть сказка: „Что̀ ни сдѣлаетъ старикъ—все хорошо“? Во мнѣ живетъ антиподъ старика изъ этой сказки, и я всегда убѣжденъ, что все, что̀ я ни сдѣлаю,—плохо... И почему это, самъ не знаю... Все плохо...

— Кромѣ?.. перебилъ я его, вспомнивъ его отвѣтъ относительно голоса.

— Кромѣ голоса... Голосъ у меня дѣйствительно хорошъ, но, представьте себѣ, изъ-за него-то мнѣ такъ и мерзко временами все окружающее... Когда я пою, я никакъ не могу отдѣлаться отъ мысли, что я на десять головъ выше моихъ слушателей, и... начинаю ихъ презирать, а разъ началъ, такъ ужъ и продолжаю. И поэтому я всячески избѣгаю пѣть... Вы, понятно,—къ чему отрицать?—слышали мою исторію... Ну вотъ и въ ней было почти то же самое... Г-жу А. я любилъ давно, любилъ крѣпко, горячо и всегда смотрѣлъ на нее, какъ на нѣчто совершенно недосягаемое... Но вотъ однажды пришлось мнѣ въ одномъ домѣ пѣть... Была тамъ и г-жа А. Ну, пропѣлъ я что-такое трогательное и, по совѣсти сказать, хорошо пропѣлъ. А потомъ взглянулъ на г-жу А. и сразу понялъ, что ключъ къ ея сердцу въ моихъ рукахъ, вѣрнѣе, въ моемъ (онъ грустно улыбнулся) горлѣ. Удивительно просто, пошло и обыкновенно!.. И, чортъ его знаетъ, куда дѣлось это самое чувство преклоненія передъ ней!.. Любовницей моей она все же нѣсколько дней спустя стала, это вѣрно, но любви-то прежней и въ поминѣ не было... Началъ я ее мучить, мерзко и подло мучить, а потомъ даже и третировать... Ну, нашелся заступникъ... Дуэль и крушеніе карьеры... Вообще пакость.

— Отчего вы, прапорщикъ, не поступите на сцену?

— Не могу. Пробовалъ, но не могу. Одинъ разъ выступилъ я-было въ любительскомъ спектаклѣ. Ставили мы „Травіату“, и, судя по репетиціямъ, прошла бы она у насъ недурно. Но... въ день спектакля, послѣ утренней генеральной репетиціи, я во всеуслышаніе заявилъ, что не могу выступать, ибо моя партнерша визжитъ, какъ драная кошка... Ей-Богу, такъ и сказалъ. Ну, съ ней истерика, скандалъ, и меня „сослали“ въ самый отдаленный уѣздъ... И, главное, голосъ у нея для любительницы прямо прелестный. Чортъ знаетъ, съ чего я ее обидѣлъ? Но, въ общемъ, вышло довольно хорошо, что меня „сослали“... Въ томъ уѣздѣ, гдѣ я теперь служу, нѣтъ совсѣмъ интеллигенціи, и у меня никто не бываетъ... Это очень хорошо... Я, знаете, не люблю людей, и съ ними мнѣ еще скучнѣй... Зато лѣсъ у насъ хорошій... Огромный лѣсъ, густой, какъ у насъ говорятъ, „медвѣжій“, я все свободное время по лѣсу шляюсь... Тоже безъ цѣли и дороги. Иду и пою... И когда я вижу, что отъ моего пѣнья не затихаетъ вѣтеръ, что такъ же равнодушно киваютъ своими вѣтвями темно-зеленые дубы, что такъ же темна и непроницаема лѣсная даль,—мнѣ дѣлается легче... Я начинаю чувствовать, что все, какъ говоритъ древній мудрецъ, „суета суетъ и томленіе духа!..“

— Да... странный вы человѣкъ!.. А голосъ у васъ, въ самомъ дѣлѣ, очень-очень хорошій, и пѣть вы умѣете...—началъ я,—но...

— Всѣхъ благъ!..—сухо прервалъ меня прапорщикъ и зашелъ въ какую-то лавчонку.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этой встрѣчи мнѣ пришлось еще разъ услышать, какъ поетъ прапорщикъ Величко.

Намъ пришлось предпринять обходное движеніе, т.-е., иначе говоря, дѣлать по 60 верстъ въ сутки.

Черезъ два дня мы, что̀ называется, обезножили.

Чувствовалось, что шагъ за шагомъ мы идемъ все тише и тише, медленнѣе и медленнѣе, и вотъ-вотъ станемъ.

Офицеры буквально изнемогли, погоняя солдатъ, но ничто не помогало: силъ двигаться не было.

Въ этотъ почти критическій моментъ, когда казалось, что всѣ труды и усилія наши за двое сутокъ пропадутъ даромъ, вдругъ въ первомъ батальонѣ послышалась команда:

— Пѣсенники, впередъ!

Я не повѣрилъ своимъ ушамъ: ужъ какія тутъ пѣсни, когда люди падаютъ отъ утомленія и лазаретныя линейки отказываются даже подбирать отставшихъ, до того ихъ много.

И тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько минутъ кристально-чистый теноръ, полный мощи и лихости, какой-то безшабашной лихости, покрывая топотъ нѣсколькихъ тысячъ ногъ, запѣлъ:

Э-эхъ, ты, горка, не гордись:
Насъ не напугаешь...
Эхъ, ты, милка, не бранись:
Меня не перелаешь!..

И эта безшабашность захватила всѣхъ, какъ-то странно подняла духъ, и когда запѣвала остановился, пѣсенники, а за ними и весь полкъ, такъ грянули:

Сашенька, Машенька,
Полѣнька, Наташенька,
Веревью-ушки, веревью!..—

что трудно было и подумать о томъ упадкѣ силъ, который господствовалъ всего десять минутъ тому назадъ.

А теперь ужъ опять теноръ заливается соловьемъ:

Сколько горокъ ни встрѣчали,
Всѣ легко мы перешли...
Сколько бабъ мы ни искали,
Лучше русской не нашли...

И опять грянулъ тысячный хоръ... Кто-то свищетъ, кто-то гикаетъ... И пошла чесать... да какъ!..

Еще верстъ пятнадцать мы въ тотъ день отмахали, и задача была выполнена: обходъ удался.

— А здорово умѣетъ прапорщикъ пѣть,—сказалъ Павелъ Васильевичъ, когда мы поздно ночью укладывались спать.

— Развѣ это онъ?—спросилъ я, хотя отлично зналъ, что это онъ.

— Какъ же! И представьте себѣ... его командиръ благодаритъ и хвалитъ, а онъ въ отвѣтъ: „Разрѣшите пойти отдохнуть, г. полковникъ!"... Чудакъ онъ большой... А теноръ здоровый... Ему бы въ оперѣ пѣть, да что-то не хочетъ... Гордъ, слышь, очень...

Но я уже не слушалъ Павла Васильевича... Хотѣлось спать до безумія.

На утро двинулись дальше.

Моросилъ дождикъ. Было противно и мерзко.

Около четвертой роты, согнувшись и кутаясь въ шинель, шелъ, смѣшно подпрыгивая съ ноги на ногу, чтобы попасть въ тактъ, прапорщикъ Величко.

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть **Ренэ Бенжамэна.**

Авторизованный переводъ съ французскаго **М. П. Благовѣщенской.**

(Продолженіе).

IV.

Странное это было путешествіе! Тихая лунная ночь... Три часа тряски въ телѣгѣ, двигавшейся черепашьимъ шагомъ. Невыносимый скрипъ колесъ, стонущіе солдаты, шесть жалкихъ головъ, безпомощно подпрыгивающихъ на жесткихъ доскахъ, скатываясь то вправо, то влѣво, искаженныя отъ страданій лица... Эти лица, покрытыя смертельной блѣдностью, производили и жалкое и комическое впечатлѣніе, такъ какъ кепи у однихъ съѣхали на бокъ, у другихъ на носъ, и солдаты походили на какихъ-то фантошей.

Наконецъ телѣга остановилась въ небольшой деревнѣ передъ церковью. Кто-то скомандовалъ:

— Выходите! Выходите всѣ! Идите сюда... Въ поѣздъ сядете только утромъ.

Входя на паперть церкви, Гаспаръ замѣтилъ:

— Такъ и есть! Это похороны!

Церковь была уже наполнена ранеными, они лежали вездѣ, на каменныхъ плитахъ, на скамьяхъ. И тутъ тоже свѣтила луна... да, она свѣтила безпрепятственно, потому что наканунѣ крышу снесло снарядомъ. Теперь крышу замѣняло небо, ясное к звѣздное.

Однако въ церкви были все-таки уголки, куда не заглядывала луна, и гдѣ мракъ казался особенно непроницаемымъ. Изъ угловъ раздавались стоны. Яркій лунный свѣтъ долженъ былъ казаться невыносимымъ для этихъ несчастныхъ. Они бѣжали отъ этого серебристаго свѣта и притаились въ темныхъ углахъ. Кюрэ, въ сопровожденіи старухи, ходилъ по церкви со свѣчой въ рукахъ. Время отъ времени онъ останавливался, ставилъ свѣчу на полъ и раздавалъ раненымъ куски сахару, а старуха, державшая въ рукахъ жбанъ, наливала во фляжки окрашенную виномъ воду, и руки у нея при этомъ дрожали.

Гаспаръ стоялъ, прислонясь къ колоннѣ, и ѣлъ сахаръ. Потомъ онъ опустился на четвереньки, боясь наступить ногами на раненыхъ, и сталъ пробираться къ алтарю, на который падали лучи мѣсяца, покрывая бѣлесоватыми пятнами бѣлыя вазы и зеленыя растенія.

На алтарь склонилось большое Распятіе, вырѣзанное изъ дерева и раскрашенное, трогательное по своей наивности. Должно-быть, Распятіе висѣло надъ алтаремъ. При паденіи у Христа обломалось плечо, но рука осталась прикрѣпленной къ кресту и безпомощно свѣшивалась внизъ. Тутъ же возлѣ Христа, на охапкѣ соломы, лежалъ раненый: онъ тяжело и порывисто дышалъ, держась рукой за сердце. Гаспаръ подползъ къ нему.

— Куда тебѣ попало, товарищъ?

Тотъ отвѣтилъ глухимъ голосомъ, ударяя себя по груди:

— Въ легкое...

— Пуля?

— Да.

— Господи, до чего мы дожили!.. Ты изъ Пантрюша?

— Да.

— Что за несчастіе!... Скажи, старина... ты не можешь слегка подвинуться?

— Не могу...

— Э, да что я?.. Развѣ я не товарищъ?. Подожди немного... Я все устрою.

Приподнявшись и опираясь на одно колѣно, Гаспаръ обхватилъ Распятіе обѣими руками и, напрягая всѣ свои силы, поднялъ его и осторожно положилъ рядомъ съ раненымъ, чтобы очистить себѣ мѣсто по другую сторону.

Онъ растянулся по другую сторону Распятія. Теперь луна ярко освѣщала ихъ обоихъ и Распятіе между ними, и они напоминали собою двухъ евангельскихъ разбойниковъ на Голгоѳѣ. И вотъ они стали переговариваться черезъ Распятіе.

Гаспаръ спросилъ:

— Онъ тебѣ далъ сахару?

— Сахару?

Автопортретъ. *М. Зайцевъ.*

Изъ недавняго прошлаго. На сѣнокосѣ.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1917 года.

— Да. Вѣдь кюрэ раздавалъ сахаръ.
— Вотъ какъ?.. О, кюрэ!..
— Да, кюрэ... Почему ты удивляешься? Знаешь, кюрэ такіе же люди, какъ и всякіе другіе. Что ни говори... Добрые люди бываютъ повсюду.
— Да я ничего и не говорю.
— Нѣтъ, но ты какъ будто удивился... что кюрэ...
Онъ замолчалъ, не найдя, что сказать. Немного спустя онъ опять спросилъ:
— А вина тебѣ давали?
— Нѣтъ.
— Жаль, у тебя, должно-быть, въ горлѣ пересохло!
— Я задыхаюсь...
— Задыхаешься... Жаль! Тебѣ было бы легче...

Въ стѣнахъ церкви раздавались неумолчные стоны, гораздо болѣе волнующіе и искренніе, чѣмъ самыя горячія слова молитвы, какія только придумывалъ человѣкъ. Это былъ непроизвольный и непосредственный вопль Земли, возносящійся къ Богу. Это было Страданіе, распростертое подъ Небомъ на каменныхъ плитахъ между стѣнами, которыя никогда не слыхали болѣе страстной мольбы о помощи, исходящей отъ множества истерзанныхъ человѣческихъ тѣлъ... Эта скромная и непритязательная деревенская церковь, представлявшая собою первый привалъ для солдатъ, истекающихъ кровью и только-что покинувшихъ поля битвы, представляла потрясающую картину. Казалось, точно все кругомъ было проникнуто нѣмымъ молящимъ вопросомъ: „Зачѣмъ эти страданія? Эти раны? Эта агонія?..“ Растерзанныя тѣла стонали и кричали на соломѣ, а камни въ церкви, давшіе имъ пріютъ, какъ будто отвѣчали: „Мы, мы знали это... и мы васъ ждали“.

Луна зашла. Зарождался день.
— Пусть встанутъ тѣ, кто можетъ ходить, — сказалъ вошедшій докторъ.
— Я не могу,—проворчалъ Гаспаръ.
И, говоря это, онъ всталъ.

У церковныхъ дверей стояло нѣсколько санитаровъ, кюрэ, все еще не разстававшійся со своей свѣчой, старуха со жбаномъ, и тутъ же толпились крестьяне, пріѣхавшіе съ телѣгами. Крестьяне суетились, старались подвести ближе къ паперти свои телѣги, но производили только путаницу. Колеса одной телѣги задѣвали за колеса другой. Слышалась ругань, лошади ржали. Въ сѣромъ, уныломъ освѣщеніи зарождающагося утра происходила такая свалка, что самые мужественные люди могли бы прійти въ отчаяніе.

Однако нѣтъ ничего на свѣтѣ такого, что въ концѣ концовъ не распутывалось бы. Хорошо ли, дурно ли, но все приходитъ къ тому или иному концу. Нерѣдко случается, что раненые умираютъ по дорогѣ. Они испускаютъ вздохъ среди хаоса подводъ, и когда наконецъ телѣги останавливаются передъ желѣзнодорожной станціей, гдѣ уже дымится спасительный поѣздъ, готовый увезти ихъ въ отдаленныя тихія мѣста, докторъ говоритъ: „Этотъ... готовъ... оставьте его“.

Поѣздъ раненыхъ, въ который попалъ Гаспаръ, былъ совсѣмъ такой же, какой привезъ его три недѣли тому назадъ въ этотъ трагическій край. Гаспаръ даже пожалѣлъ, что съ нимъ не было ни одного изъ старыхъ „однокашниковъ“, съ которымъ онъ могъ бы подѣлиться своимъ наблюденіемъ. Казалось, будто послѣ сраженія, въ которомъ онъ принималъ участіе, онъ попалъ въ другой міръ. Повсюду онъ видѣлъ только чужія лица. Онъ не могъ удержаться и, оставшись одинъ, сказалъ громко: „Э, да этотъ вагонъ я узнаю!“ Да, это былъ тотъ самый поѣздъ, который вызывалъ такой восторгъ! Какъ все это было уже далеко! На вагонахъ уцѣлѣли еще цвѣты и гирлянды, но все было оборванное, увядшее и жалкое... Это былъ обратный поѣздъ, поѣздъ страданій и стоновъ.

Ничего, благодаря Гаспару,—этотъ добрый малый повсюду вносилъ жизнь, — а также двумъ парижанамъ, попавшимъ въ его вагонъ, одинъ изъ нихъ метельщикъ, а другой разсыльный при магазинѣ,—благодаря этимъ троимъ, поѣздъ Гаспара съ партіей раненыхъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ шумныхъ, какіе когда-либо видѣла Франція во время этой войны.

А мало ли видѣла она ихъ, — длинныхъ и медленно ползущихъ! Но этотъ былъ безконечной длины (локомотивъ стоялъ впереди станціи, а послѣдній вагонъ далеко позади станціи), и онъ шелъ не менѣе пяти дней, — всю первую недѣлю сентября мѣсяца, недѣлю отступленій и ужаса, — изъ Лотарингіи, пылавшей и залитой кровью, въ мирный

уголокъ Анжу, гдѣ спокойно дозрѣвалъ на солнцѣ виноградъ.

Поѣздъ прошелъ черезъ утопающія въ яркой зелени Аргонны, которыхъ еще не успѣла коснуться война. Гаспаръ говорилъ насмѣшливо:

— До свиданія! До свиданія!.. Нѣтъ, здѣсь я не куплю себѣ зàмка и земель для охоты на кроликовъ!

Проѣхали мимо Реймса. Тамъ соборъ доживалъ свои послѣдніе дни, проживъ столѣтія... И никто изъ раненыхъ не посмотрѣлъ на него такъ, какъ слѣдовало бы посмотрѣть... Обогнули Парижъ. Потомъ поѣздъ вошелъ въ прекрасную Турэнь, гдѣ, казалось, вдоль пути выстроились всѣ зàмки Франціи, чтобы привѣтствовать первыя жертвы непріятеля. Метельщикъ былъ растроганъ. Онъ произнесъ со вздохомъ:

— Да, въ средніе вѣка знали толкъ въ постройкахъ!

Нѣчто душу раздирающее было въ томъ, что передъ глазами раненыхъ мелькали, одна за другой, эти провинціи, ради которыхъ только-что разразился страшный кошмаръ. И можно было подумать, что поѣздъ нарочно двигается такъ медленно, чтобы всѣ солдаты, до послѣдняго простака, имѣли время понять и сказать себѣ: „Боже, какъ обширна наша родина! И какъ разнообразна! И какъ прекрасна!“

Гаспаръ только ворчалъ:

— Чертовски не везетъ!.. Наконецъ-то мнѣ довелось путешествовать даромъ, и я могъ бы любоваться видами, а у меня весь задъ расквашенъ!

Онъ не нашелъ себѣ мѣста въ скотскихъ вагонахъ и забрался въ тѣсное купэ третьяго класса и улегся наверху въ сѣткѣ. Тамъ онъ устроился кое-какъ и все время ворчалъ, что „республика ему опротивѣла, и что она его окончательно убьетъ!“ Онъ лежалъ на животѣ, рана болѣла и горѣла, и онъ то и дѣло кривилъ лицо въ гримасу. Но стоило только поѣзду остановиться, какъ онъ спускался со своего поднебесья и падалъ на плечи товарищамъ. Затѣмъ онъ выскальзывалъ въ дверь и спрыгивалъ на полотно. Это замѣчалъ метельщикъ и въ одинъ прыжокъ догонялъ его. За ними слѣдовалъ разсыльный, а потомъ и всѣ остальные... за исключеніемъ тяжело раненыхъ, которые оставались на своихъ соломенныхъ подстилкахъ. И, право, можно было сказать, что изъ поѣзда выходитъ въ высшей степени странная компанія,—компанія въ одно и то же время наводящая ужасъ, фантастическая и забавная. Вѣдь солдатъ, какъ и нищій, всегда полонъ любопытства и смутной надежды, которыя дѣлаютъ его страданія какими-то поверхностными и комичными. Человѣкъ, страдающій отъ голода, жажды и больной, превращается въ ребенка. Его никакъ не удержать: онъ выскальзываетъ изъ вашихъ рукъ. Поѣздъ раненыхъ! Да вѣдь надо имѣть глаза и на затылкѣ, чтобы сопровождать такой поѣздъ, усмотрѣть за всѣми ранеными, быть увѣреннымъ въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не ускользнулъ. А между тѣмъ солдатъ ускользаетъ, какъ никто иной. Вы заставляете его войти въ вагонъ,— онъ изъ него выходитъ. Вы снова усаживаете его въ вагонъ, запираете дверь,— его голова появляется въ окнѣ. И ротъ его вопрошаетъ, носъ вынюхиваетъ, глаза ищутъ. Едва вы успѣли повернуться къ нему спиной, какъ изъ окна вылѣзаетъ все его туловище. Вы удаляетесь, — онъ уже выскочилъ изъ окна. Вы возвращаетесь,—онъ говоритъ: „Я не виноватъ... я вывалился...“

Врачъ, сопровождавшій поѣздъ Гаспара, былъ истинный философъ, — онъ покорился обстоятельствамъ и спокойно

Изъ давняго прошлаго. Эпоха Петра I. Свадьба шута Тургенева. Свадебный кортежъ, выѣзжающій на свиньяхъ. Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1917 года. *Г. Горѣловъ.*

попыхивалъ своей трубкой. И такимъ образомъ хромые, припрыгивающіе, припадающіе на одну ногу, ползающіе, съ перевязанными руками, съ обмотанными тряпками головами, съ искривленными плечами, вывернутыми шеями, съ окровавленными ртами,— всѣ эти разновидности воплощенія ужасовъ войны выбирались изъ поѣзда, смѣшивались въ одну общую кучу и, кое-какъ помогая другъ другу, ругаясь или вздыхая, располагались вдоль откоса пути.

Хоть пять, хоть десять минутъ,—сколько требуется для освобожденія пути. Въ вагонахъ солдаты были такъ скучены, имъ было такъ неудобно, что земля казалась имъ мягкой, а воздухъ божественнымъ. Гаспаръ, „изъ-за этой стервы-шрапнели", долженъ былъ и тутъ лежать на животѣ. Но когда на откосѣ была трава, онъ говорилъ какъ бы въ утѣшеніе себѣ и перебирая траву руками:

— Это напоминаетъ мнѣ воскресный день въ Мёдонѣ... Ахъ, голубчики, вотъ-то весело бывало!.. Барахтаешься въ травѣ... щекочешь другъ друга... шалишь... А потомъ завалишься спать!.. Да, весело бывало!

— О,—замѣтилъ метельщикъ,—что касается сна, то намъ жаловаться не приходится. Вотъ уже два дня, какъ мы только и дѣлаемъ, что спимъ. У меня даже грудь вздулась. А какая польза въ этомъ? Все равно я не кормилица!

— Да, ты правъ,—согласился разсыльный.—Мнѣ тоже кажется, будто меня раздуло.

Этотъ несчастный былъ нашпигованъ осколками шрапнели въ руку и въ ногу, а потому онъ лежалъ на спинѣ и любовался небомъ.

— Вотъ старыя ханжи увѣряютъ, будто существуетъ какой-то рай. Ну, а я предпочитаю любоваться этимъ раемъ и не вѣрить въ него. Когда въ меня попала шрапнель, я подумалъ: „Все кончено,—и отлично. Тамъ ничего не будетъ, да и не надо".

И онъ растянулся на травѣ съ чувствомъ нѣги. Вдругъ раздался рѣзкій свистъ локомотива. Все вдоль насыпи зашевелилось. Всѣ эти изуродованные люди начали взгромождаться въ поѣздъ, набивались въ вагоны, которые были имъ ненавистны, но въ то же время сулили имъ спасеніе. Въ вагонахъ было тѣсно, душно, невыносимо трясло наболѣвшее тѣло, но стѣны вагоновъ точно говорили раненымъ: „Потерпите, вѣдь мы веземъ васъ къ кроватямъ".

Кровати! Монахини! Что за дивная мечта! Гаспаръ крикнулъ со своей сѣтки товарищу, кое-какъ пріютившемуся въ углу:

— Эй, старина, придвинься къ двери!

— Зачѣмъ?

— Да залѣзь сперва туда!

— Ну?

— Что ты видишь?

— Ничего.

— Ну, конечно, потому что ты дубина!

Когда раздалось ворчаніе товарища, онъ прибавилъ:

— Точно ты не знаешь, что я ожидаю своего поѣзда со спальными вагонами, который послалъ мнѣ навстрѣчу Пуанкарэ.

И дѣйствительно, навстрѣчу раненымъ долженъ былъ быть посланъ другой поѣздъ.

На третій день около полуночи при феерическомъ освѣщеніи луны, когда поѣздъ только-что миновалъ Рамбулье, онъ нагналъ другой поѣздъ, остановившійся посреди пути и точно заблудившійся среди пустынныхъ полей. Изъ поѣзда раздавались какіе-то дикіе крики. Гаспаръ сейчасъ же почуялъ нѣчто интересное.

— Это что такое? Ужъ не дикарей ли везутъ?

И онъ соскочилъ съ сѣтки внизъ.

Онъ побрелъ вдоль пути. Остальные раненые послѣдовали его примѣру.

Пошли впередъ къ локомотиву. Тамъ кочегаръ имъ сказалъ:

— Это поѣздъ сумасшедшихъ.

— Нѣтъ... правда?

— Да, это эвакуируютъ сумасшедшихъ... изъ Вилль-Эврара.

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ, чтобы боши не прикончили ихъ, если нагрянутъ туда... А теперь оказывается, что нѣкоторые изъ сумасшедшихъ сбѣжали.

— Куда?—спросилъ, оживляясь, Гаспаръ.

— Да никуда... Они разбрелись здѣсь по полямъ... Вотъ сторожа ихъ и разыскиваютъ.

Локомотивъ далъ сигналъ. Гаспаръ снова очутился въ своемъ вагонѣ, и поѣздъ тронулся.

Прогулка въ лунную ночь разбередила его рану, и ночью у него начались сильныя боли. Отъ тряски его страданія усилились, и онъ началъ стонать, какъ и всѣ остальные. Да, ночью поѣздъ раненыхъ—это одинъ сплошной вопль, потому что мракъ душитъ и увеличиваетъ страданія. Ранеными овладѣваетъ отчаяніе, они чувствуютъ полное изнеможеніе, часы ползутъ съ убійственной медлительностью. Что дѣлать со своими руками, ногами? Тѣло превращается въ какую-то тряпку и безвольно напираетъ на сосѣда. Но сосѣдъ вздыхаетъ, освобождается изъ-подъ тяжести и, тоже обезсиленный, наваливается въ свою очередь на другого. Кажется, будто всѣ эти несчастные передаютъ другъ другу бремя своихъ страданій... пока не забрезжитъ свѣтъ... О!—наконецъ-то зарождается день! Ясный, великолѣпный день, онъ сдѣлаетъ воздухъ легкимъ уже только тѣмъ, что разсѣетъ мракъ. А если еще утро занимается въ Турэни, по которой проносится поѣздъ, когда солнце только-что начинаетъ вставать!.. Турэнь! Въ сентябрѣ! Когда видишь этотъ край, только-что выйдя изъ сраженія, покрытый пылью и кровью, послѣ всѣхъ мукъ, перенесенныхъ во время боя! Турэнь со своими садами, съ молодыми парнями, работающими среди зелени, молодыми дѣвушками и изобиліемъ плодовъ!

Было мягкое утро, утопавшее въ золотыхъ лучахъ солнца. На телеграфныхъ проволокахъ безконечной вереницей рядышкомъ сидѣли ласточки, совершавшія свой утренній туалетъ. Вдали виднѣлась желтая Луара съ зàмками на берегахъ. Каждый самый маленькій дворикъ былъ полонъ цвѣтовъ, цвѣты пестрѣли повсюду вдоль пути. Поѣздъ останавливался вездѣ, точно для того, чтобы дать солдатамъ полюбоваться этой красотой. Онъ останавливался на всѣхъ станціяхъ и полустанкахъ, а иногда даже передъ шлагбаумами. И тогда сейчасъ же со всѣхъ сторонъ къ поѣзду спѣшили женщины.

И что за очаровательныя деревушки, какіе веселые маленькіе городки! Какая ясная и жизнерадостная страна! Сколько неизъяснимой прелести въ вашихъ женщинахъ и молодыхъ дѣвушкахъ! Сколько граціи, сколько очарованія въ глазахъ, выглядывающихъ изъ-подъ широкихъ соломенныхъ шляпъ! Онѣ сбѣгаются со всѣхъ сторонъ въ свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ съ охапками фруктовъ и цвѣтовъ! И растроганный раненый беретъ плоды и пожимаетъ руки, онъ бормочетъ что-то, радостный и улыбающійся, онъ забылъ свои страданія.

Одна несла виноградъ, который только-что собрала, сорвавъ вмѣстѣ съ ягодами и цвѣты, легкіе и хрупкіе, какъ крыло бабочки, тонущіе въ большихъ рукахъ солдатъ. Другая протягивала раненымъ персики, пушистые и золотистые, ласкавшіе руку, которая подносила ее ко рту. Третья протягивала груши, тяжелыя и гладкія,—она прибѣжала къ поѣзду, рука у нея была теплая, и груша благоухала. И такъ всѣ,—онѣ стекались съ турэньскихъ виноградниковъ, эти женщины Франціи, живущія въ прекрасныхъ садахъ, закрытыхъ, скрывающихся за стѣнами домовъ, богатыхъ и благоухающихъ, составляющихъ радость ихъ владѣльцевъ, и въ садахъ открытыхъ, какъ поля, садахъ, расположенныхъ на холмахъ, на которые бросаютъ тѣнь пробѣгающія облака, или садахъ, грѣющихся на солнцѣ на склонѣ горы.

У Гаспара было слишкомъ мягкое сердце, и онъ, конечно, растрогался. Онъ какъ-то смутно сознавалъ, что они вошли въ благословенный край. Онъ воскликнулъ:

— Ахъ, что за прелестныя маленькія женщины! Какія шикарныя маленькія женщины! Ей-Богу, стòитъ получить рану, чтобы только увидать все это! О, какія милашки!

И въ восторгѣ онъ превзошелъ самого себя. Придерживая больное мѣсто, онъ переходилъ отъ одной къ другой, принималъ дары, набивалъ карманы и съ полной охапкой въ рукахъ относилъ все въ вагонъ. Тамъ онъ спрашивалъ тяжело раненыхъ:

— Кто желаетъ? Груши изъ садовъ кюрэ? Винныя ягоды изъ Аравіи? Мускатный виноградъ... Тутъ всего есть, товарищъ, не стѣсняйся, бери, сколько хочешь!

Онъ жевалъ самъ вперемѣшку груши, персики, черный виноградъ, бѣлый виноградъ и съ набитымъ ртомъ приносилъ въ вагонъ новую партію фруктовъ, чтобы тѣ, кто томились въ лихорадкѣ, могли освѣжиться вволю.

— Нѣтъ, ты понюхай это, прежде чѣмъ ѣсть! Это не фрукты—это цвѣты!

И онъ снова уходилъ, забывъ про свою рану, вскрикивалъ отъ боли, потомъ тотчасъ же улыбался дамамъ и говорилъ:

— Мерси!.. Еще!.. Да здравствуетъ Франція и Паитрюшъ!.. Нѣтъ, это прямо сногсшибательно... сногсшибательно!

Кажется, во всю свою жизнь онъ не удостаивался такого вниманія и не былъ такъ счастливъ. Онъ не помнилъ себя отъ радости. Даровое угощеніе, щедрое и роскошное... изъ рукъ женщинъ! Онъ забылъ про свои страданія, глаза его сіяли, и онъ бралъ, бралъ... но онъ также и давалъ, давалъ всѣмъ. Онъ приговаривалъ:

— Вотъ это настоящій соціализмъ... это синдикализмъ!.. Это называется—работать!

Онъ былъ такъ хорошъ, что одна полная дама, состоявшая при Красномъ Крестѣ, съ добрымъ и живымъ выраженіемъ лица, подошла къ нему и сказала:

— Вы добрый малый... Какъ васъ зовутъ?

Онъ окинулъ ее взглядомъ. Потомъ отвѣтилъ нетвердымъ голосомъ, въ которомъ слышалось удивленіе, но также и нѣкоторая гордость, вполнѣ, впрочемъ, обоснованная.

— Я... я Гаспаръ... съ улицы de la Gaîté.

Увы, его блаженное состояніе, его гордость продолжались недолго. Онъ думалъ, что находится въ обѣтованной землѣ, и надѣялся тутъ остаться. Но наступила ночь, въ четвертый разъ въ этомъ ужасномъ поѣздѣ, и онъ двинулся дальше, все впередъ, а куда, одному Богу извѣстно!.. Что думать, на что надѣяться, разъ въ каждомъ городѣ этимъ несчастнымъ говорили: „Въ слѣдующемъ васъ положатъ".

Лечь въ постель!..

Въ Турѣ было оскорблено самолюбіе Гаспара... самолюбіе національное. Поѣздъ стоялъ въ теченіе двухъ часовъ передъ депо локомотивовъ, и солдаты, которые, по своему обыкновенію, вышли

изъ вагоновъ, чтобы подышать свѣжимъ ночнымъ воздухомъ, зѣвали, созерцая сигнальные диски и постъ для перевода стрѣлокъ. Одинъ желѣзнодорожный служащій, проходя мимо нихъ, спросилъ:

— А что, видѣли вы бошей?

— Бошей? — проворчалъ Гаспаръ.—Какъ могли мы ихъ видѣть, когда они удрали, словно зайцы!

— Нѣтъ, тамъ... тамъ... тѣхъ бошей?

— Гдѣ тамъ?

— Видите вонъ тотъ освѣщенный поѣздъ передъ вами?

— Что такое? Тамъ боши?

— Ну да, тамъ триста плѣнныхъ.

— Это правда?

— Пойди и посмотри самъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я строго запрещаю переходить путь!—сказалъ тономъ, не терпящимъ возраженій, врачъ, который въ концѣ концовъ утратилъ свое философское спокойствіе. Довольно шляться! Бошей вы могли посмотрѣть тамъ!

А разъ мы ихъ не видали! возразилъ Гаспаръ.

— Ну, такъ вы вернетесь туда. Ни съ мѣста! Каждый разъ, когда я васъ останавливаю, вы говорите, что вамъ надо... Довольно!

Пришлось повиноваться.

Товарищамъ Гаспаръ жаловался:

— Это чортъ знаетъ, что такое! Мы не будемъ даже знать, какія у нихъ хари!

— Пфэ!—сказалъ желѣзнодорожный служащій, — это настоящія свиньи... Бритые, безъ всякаго слѣда волосъ... Право, такъ и хочется сдѣлать барабаны изъ ихъ свиной кожи!

— Ну-у?

Гаспаръ сжималъ кулаки и почесывалъ себѣ голову.

— И подумать, что мы, раненые, жертвы войны, не имѣемъ права посмотрѣть имъ въ ихъ безстыжіе глаза и сказать имъ: „Вы свиньи! Слышите, свиньи! Свиной народъ со свиными головами!.. Стадо свиней!..“

Локомотивъ засвистѣлъ. Приходилось забираться въ вагонъ. Желѣзнодорожный служащій рискнулъ утѣшить раненыхъ:

— На этотъ разъ, кажется, вамъ остался уже маленькій переходъ.

— Какъ бы не такъ! Стара штука!—отвѣтилъ Гаспаръ. - Нечего намъ зубы заговаривать! Иди, исполняй-ка свои обязанности!

Поѣздъ тронулся. Желѣзнодорожный служащій крикнулъ вслѣдъ:

— Вотъ невѣжа! А главное, не съ вами разговариваютъ!

Гаспаръ приподнялся въ сѣткѣ:

— Ты разговариваешь не со мной? И великолѣпно! Надѣюсь, что не со мной...

Онъ безостановочно ворчалъ въ теченіе двухъ часовъ, пока поѣздъ не остановился въ маленькомъ городкѣ въ Анжу,—конечномъ пунктѣ этого томительнаго пути. И когда Гас-

Берегитесь удушливыхъ газовъ! *Сцена во французской деревнѣ въ районѣ германскаго наступленія. По сигналу (въ видѣ плакатовъ) о приближеніи удушливыхъ газовъ все населеніе деревни вплоть до маленькихъ школьниковъ надѣваетъ противогазы.*

паръ окончательно убѣдился въ томъ, что ихъ дѣйствительно не повезутъ дальше, онъ крикнулъ возмущенно:

— Нельзя сказать, чтобы спѣшили насъ привезти куда-нибудь! Еще немного—и я заоралъ бы!

Онъ спустился съ сѣтки и вышелъ изъ вагона, ничего не говоря.

Они пріѣхали въ И... Кажется, нѣтъ болѣе типичнаго для Франціи города.

И въ такомъ-то городѣ высаживаться ночью! Что за святотатство! Ночь была мягкая, ласкающая, хотя нѣсколько туманная, и на дебаркадерѣ маленькой станціи въ Анжу не было иного освѣщенія для этихъ истомленныхъ, хромающихъ и искалѣченныхъ людей, кромѣ звѣздъ, ласково мерцающихъ на высокомъ сводѣ. Люди наталкивались другъ на друга и шли, сбившись въ кучу, неловко шагая, сонные, къ дверямъ станціи, гдѣ ихъ встрѣчали санитары обычнымъ вопросомъ:

— Вы куда ранены?

Гаспаръ не любилъ этого вопроса. Ему хотѣлось бы отвѣтить: — „У меня чуть не вырвали сердца“.—А онъ былъ раненъ въ ягодицу. И на этотъ разъ онъ отвѣтилъ рѣзко:

— Я самъ не знаю больше, куда. Смотрите сами.

Толстый человѣкъ, машинально задавшій ему этотъ вопросъ, былъ совершенно озадаченъ его рѣзкимъ отвѣтомъ. Это былъ торговецъ бумагой, добровольно взявшій на себя обязанности санитара. Онъ былъ обидчивъ и самолюбивъ, и тонъ Гаспара возмутилъ его. Онъ сказалъ:

— Нечего сказать, хороши манеры!.. Если бы было много такихъ солдатъ, какъ вы... Да, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что германцы въ Компьенѣ!.. Теперь я понимаю, что германцы...

— Что такое?.. Что вы понимаете? — воскликнулъ Гаспаръ.—Въ Компьенѣ?.. Какъ въ Компьенѣ?

Онъ позвалъ товарищей какъ бы въ свидѣтели, а они смотрѣли на него, оторопѣвъ и ничего не понимая. Въ теченіе мѣсяца они знали только, что французы овладѣли половиной Эльзаса, что они двигаются впередъ въ Бельгіи, и что русскіе обѣщали быть въ Берлинѣ перваго октября. И вдругъ въ Компьенѣ!.. Какъ въ Компьенѣ?.. Гаспаръ прошепталъ на ухо метельщику:

— Онъ спятилъ!

Но бумаготорговецъ продолжалъ:

— Да, да, Компьенъ! Начинается, какъ и въ семидесятыхъ годахъ. Но пусть пошлютъ насъ, пятидесятилѣтнихъ! Тогда увидятъ! Тогда увидятъ!

Гаспаръ подтолкнулъ метельщика и пошелъ съ нимъ къ повозкѣ. Онъ ворчалъ, влѣзая въ повозку:

— Какъ ни какъ, а противно слушать такую чепуху!.. Господи, до чего болитъ моя рана... Компьенъ!.. Да неужто это правда?.. Вѣдь всего четыре дня тому назадъ мы оставили ихъ въ Лотарингіи съ ихъ паршивыми пушками... Значитъ, они пріѣхали съ нашимъ поѣздомъ?.. Нѣтъ, знаешь, братецъ, если бъ не было тамъ этого, я двинулъ бы его!

На французскомъ фронтѣ. *Братаніе съ населеніемъ. Нарядившись въ германскія каски, французскіе солдаты съ шутками и пѣснями возвращаются на позиціи. Жители угощаютъ своихъ защитниковъ.*

Тотъ, къ кому онъ обращался, былъ до такой степени измученъ отъ усталости, что отвѣтилъ только:

— Брось... это санитаръ... онъ желалъ тебѣ добра.

Гаспаръ возразилъ:

— Къ чорту его!.. Дуракъ! Куда я раненъ? Точно это его касается!

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Компьенъ!.. Болванъ! На что же у насъ тогда 75-миллиметровыя пушки? Я самъ слышалъ, какъ онѣ палили! А развѣ нѣтъ, товарищъ? Вѣдь ты слышалъ, какъ онѣ палили?.. Поганый старикашка... Пусть онъ разсказываетъ это своей старухѣ. Мы лучше знаемъ, взятъ ли Компьенъ! Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Бельгійцы, русскіе, англичане и мы... Это невозможно, чтобы они дошли до Компьеня!

Онъ не переставалъ возмущаться до самаго госпиталя. Онъ не замѣтилъ даже, что они два раза переѣхали Луару, и не почувствовалъ, какъ пріятно было вдругъ очутиться въ тихомъ, мирномъ городкѣ, вдали отъ боевъ.

Но когда повозка остановилась передъ большимъ зданіемъ изъ бѣлаго камня, ярко освѣщеннымъ, когда Гаспаръ увидалъ, что къ повозкѣ подходятъ молодые люди, чтобы помочь раненымъ выйти, а также старикъ-священникъ, сестра милосердія и сидѣлка, ему вдругъ показалось, что сама природа идетъ къ нему навстрѣчу съ распростертыми объятіями. И эта теплая встрѣча сразу укротила его злобу.

Онъ оперся на руку молодого человѣка, протянулъ свою сумку старику и добровольно сообщилъ священнику:

— У меня съ ягодицей плохо.

Сестрѣ онъ сказалъ:

— Здравствуйте, сестрица,—а сидѣлкѣ онъ улыбнулся.

Онъ былъ весь въ грязи, въ пятнахъ, истерзанный, неумытый, съ трехнедѣльной щетиной, съ землистымъ лицомъ и ввалившимися глазами, выглядывавшими изъ-подъ запыленнаго кепи. Но всѣ, кто видѣли его, когда онъ входилъ въ двери лазарета, нашли, что онъ великолѣпенъ, и никогда не забывали его. Его глаза свѣтились благодарностью, а кривой носъ краснорѣчиво говорилъ о томъ, какъ глубоко онъ растроганъ. Губы его двигались отъ волненія, онъ точно искалъ какое-нибудь забавное словцо. И онъ нашелъ его. Подмигнувъ глазомъ, онъ обвелъ взглядомъ роскошный вестибюль, потолокъ и стѣны и сказалъ:

— Великолѣпно! Это напоминаетъ Луврскій музей... А гдѣ же „Джіоконда“?

Это народъ Парижа входилъ въ „осто“.

Раненые говорятъ „осто“, а не госпиталь. Слово „госпиталь“— это для академическихъ словарей. „Осто“ оказалъ Гаспару прекрасный пріемъ.

У самыхъ дверей онъ потерялъ своего метельщика, потому что былъ немножко озадаченъ и отдался во власть встрѣчавшихъ. Его окружили три женщины и старались услужить ему на всѣ лады. Сперва молодая дѣвушка разула его и вымыла

ему ноги, и дѣлала она это очень добросовѣстно и такъ просто и мило, что онъ смотрѣлъ на нее, смущенный и растроганный.

Потомъ молодая женщина надѣла на него чистую рубашку, отъ которой благоухало свѣжей ключевой водой.

Онъ пробормоталъ:

— Спасибо... спасибо... Моя еще годилась...

Наконецъ пожилая дама опорожнила его карманы:

— Что вы хотите оставить при себѣ, мой другъ?—спросила она.—И она показала ему крошки табаку, почернѣвшій кусочекъ сахару и сломанное огниво.

Онъ отвѣтилъ:

— Я оставлю себѣ только моего сынишку.

Всѣ засмѣялись. Но онъ вынулъ изъ своего кепи пожелтѣвшую фотографію, на которой былъ изображенъ полуголый бутузъ, и показалъ его дамамъ.

— Вотъ если бы не было этихъ поросятъ, мы не умѣли бы сражаться такъ хорошо!.. Но вѣдь надо добиться, чтобы этимъ крошкамъ жилось хорошо, надо, чтобы они имѣли возможность работать, а потомъ сходить повеселиться въ кино, и пойти спокойно, а не говорить себѣ все время: „Какъ бы боши не обрушились на насъ“... Да, но теперь они обрушились въ послѣдній разъ, и кончится тѣмъ, что они разобьютъ себѣ свою же собственную рожу! — Онъ добавилъ: — Ну, въ этомъ году свиная кожа будетъ недорога.

И послѣ этого онъ началъ разсказывать самыя невѣроятныя исторіи о сраженіяхъ, въ которыхъ было больше снарядовъ, чѣмъ людей, о поѣздѣ сумасшедшихъ, который они встрѣтили... И... Гаспаръ превратился въ хвастуна и болтуна — однимъ словомъ, въ немъ проявился парижанинъ со своей худшей стороны. Почти уже инвалидъ, онъ только-что вышелъ изъ кроваваго побоища, а онъ готовъ былъ уже болтать до скончанія вѣка! Пожилая дама подошла къ нему и сказала:

— Вы не производите впечатлѣнія больного... Право, не знаю, останется ли на вашу долю кровать...

Гаспаръ сразу умолкъ и остановилъ на ней испуганный взглядъ. Но тутъ вмѣшалась молодая дѣвушка:

— Обопритесь на мою руку, вамъ все-таки дадутъ кровать.

Гаспаръ всталъ и оперся на ея руку... съ благоговѣніемъ. Она была въ формѣ сестры милосердія, вся въ бѣломъ, съ краснымъ крестомъ. Она повела его вдоль бѣлыхъ коридоровъ, и они пришли въ обширную палату, гдѣ тоже все было бѣлое: стѣны, докторъ, сидѣлки, кровати. Одинъ только видъ этой палаты давалъ отдыхъ, трогалъ душу. Казалось, будто жаръ и страданія должны быстро проходить въ этой обстановкѣ, среди этихъ женщинъ въ бѣлой одеждѣ. И какой соблазнительный видъ былъ у кроватей! Онѣ были совсѣмъ новыя, бѣлоснѣжныя, какія рисовались только въ мечтахъ!

Онъ съ наслажденіемъ нырнулъ въ простыни, освѣжавшія и ласкавшія его огрубѣвшую кожу и измученное тѣло. Онъ укрылся до подбородка, слегка шурша щетиной бороды о бѣлое полотно. Медленно, какъ бы разыскивая руками и ногами свѣжіе и мягкіе уголки постели, широкой и удобной, съ бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ, онъ вступилъ въ обладаніе постелью всецѣло и нераздѣльно. Онъ вытянулся, расправился, расположился какъ можно шире и нашелъ наконецъ удобное положеніе для своей раны, тѣло его прониклось полнымъ покоемъ, и, счастливый, сіяющій блаженствомъ, запрокинувъ голову на мягкую подушку, отдался онъ нѣгѣ полнаго отдыха.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Ихъ пятеро“. *Луи Ремекеръ.*

Голландскій художникъ Ремекеръ, пріобрѣвшій міровую извѣстность своими политическими карикатурами и рисунками, бичующими враговъ мира и культуры — Германію и ея союзниковъ, изобразилъ въ лицѣ „бывшихъ людей“ — Вильгельма, Константина Греческаго, отрекшагося нынѣ отъ престола, Фердинанда, Франца-Іосифа и Магомета—плачевное состояніе руководимыхъ ими государствъ, разоренныхъ и опозоренныхъ.

Политическое обозрѣніе.

Къ Учредительному Собранію.

Юридическое Совѣщаніе при Временномъ Правительствѣ намѣтило въ общихъ чертахъ планъ занятія комиссіи, которая будетъ призвана разработать законъ о выборахъ въ Учредительное Собраніе. Такимъ образомъ первый шагъ къ созыву Учредительнаго Собранія сдѣланъ. Временное Правительство приступило къ выполненію важнѣйшаго изъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя при самомъ своемъ образованіи.

Но было бы неправильно думать, что данное Временнымъ Правительствомъ въ его программѣ обѣщаніе созвать Учредительное Собраніе для установленія формы правленія и основныхъ законовъ России связываетъ только его и никого больше. Нѣтъ, отсрочка до Учредительнаго Собранія рѣшенія вопроса о государственномъ устройствѣ России одобрена соглашеніемъ, молчаливо заключеннымъ между всѣми русскими гражданами. Это соглашеніе должно быть честно выполнено всѣми его участниками. Только если это будетъ сдѣлано и мы дождемся установленія формы правленія Учредительнымъ Собраніемъ, новый государственный строй России будетъ дѣйствительно покоиться на демократическомъ началѣ общественнаго признанія.

Идея Учредительнаго Собранія не въ первый разъ встрѣчается въ исторіи политическаго развитія Россіи. Идея эта выдвигалась многими политическими партіями еще въ 1905 году. Но тогда фактическое „соотношеніе силъ“ оказалось для нея неблагопріятнымъ. Волны освободительнаго движенія разбились о твердыни царской власти, которая сохранила большую часть своихъ позицій. 17-го октября между самодержавіемъ и демократіей былъ заключенъ конституціонный компромиссъ, на основѣ созданія Гос. Думы съ рѣшающимъ голосомъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ отъ Учредительнаго Собранія, облеченнаго „всей полнотой власти“, пришлось отказаться, и партіи, которыя держали лозунгъ „Учредительное Собраніе“, стали вкладывать въ него существенно другое содержаніе. Онѣ понимали подъ нимъ Думу, созванную для участія въ составленіи основныхъ законовъ конституціонной монархіи. Политическая дѣйствительность не оправдала даже этихъ умѣренныхъ завоеваній. Народное представительство вовсе не было привлечено къ участію въ осуществленіи учредительной власти, и за четыре дня до открытія сессіи первой Думы новые основные законы были единолично изданы самодержавнымъ царемъ.

Февральская революція опять вернула насъ къ лозунгу Учредительнаго Собранія, обладающаго всей полнотой власти, въ его самомъ чистомъ видѣ.

Французскій солдатъ. *А. Семеновъ.*

Старая организація власти разрушена до основанія. Все то, что на развалинахъ монархіи создано революціоннымъ движеніемъ, носитъ временный, условный характеръ. Наше правительство правильно именуется „временнымъ“. Весь смыслъ его существованія заключается въ томъ, чтобы вѣдать государственныя дѣла до того момента, когда изъ рукъ Учредительнаго Собранія мы получимъ законно-установленное, постоянное правительство. Демократическій строй, въ условіяхъ котораго мы живемъ, анониминъ. Это не монархія, но это и не законно-установленная республика, потому что сдѣлать выборъ между республикой и монархіей и окончательно оформить новый государственный порядокъ можетъ только Учредительное Собраніе. Новый порядокъ будетъ проченъ лишь постольку, поскольку онъ будетъ пользоваться общимъ признаніемъ. Созывъ Учредительнаго Собранія и есть способъ обнаружить намѣренія русскаго народа относительно желательной ему формы государственнаго устройства. Учредительное Собраніе, находящееся въ согласіи съ народнымъ правосознаніемъ, дѣйствительно будетъ „полновластно“. Такое собраніе „можетъ все“.

Учредительное Собраніе „можетъ все“. Естественно поэтому, что, по мѣрѣ того, какъ въ жизни Россіи возникаютъ тѣ или иныя крупные вопросы политическаго или соціальнаго характера, ихъ заносятъ въ списокъ, рекомендуемый вниманію будущаго Учредительнаго Собранія и удлиняющійся съ каждымъ днемъ. Не под-

лежитъ сомнѣнію, что предвыборная борьба партій будетъ вестись именно вокругъ этихъ двухъ главныхъ темъ,—что и какъ должно будетъ рѣшить Учредительное Собраніе. Съ безпартійной точки зрѣнія, по этому поводу можно сказать только слѣдующее. Учредительное Собраніе будетъ полновластно, и отъ него будетъ зависѣть принять или не принять къ своему разсмотрѣнію то или иное дѣло. Изъ предлагаемыхъ ему партійныхъ программъ большинство его само выберетъ то, что сочтетъ нужнымъ. Но ясно одно. Можно, хотя и трудно, представить себѣ, что Учредительное Собраніе не проведетъ земельной реформы и оставитъ ее въ наслѣдство будущимъ органамъ обыкновеннаго законодательства. Можно легко допустить, что оно не закрѣпитъ 8-часового рабочаго дня и также поручитъ вопросы соціальной политики заботамъ будущихъ законодательныхъ установленій. Но нельзя мыслить Учредительное Собраніе, которое не выполнило бы главной своей задачи и уклонилось бы отъ установленія формы правленія и конституціи Россіи. Созданіе мощной организаціи новой власти есть необходимая предпосылка всей дальнѣйшей преобразовательной работы. Безъ такой организаціи нельзя будетъ успѣшно осуществить ни одной изъ тѣхъ грандіозныхъ реформъ, въ которыхъ нуждается Россія.

Практически и судя по бывшимъ историческимъ примѣрамъ, мыслимъ только такой ходъ занятій Учредительнаго Собранія. Когда Учредительное Собраніе будетъ созвано, правительство, которое къ тому времени будетъ у власти, сложитъ свои полномочія. Учредительное Собраніе либо продолжитъ полномочія этого правительства, либо создастъ новую организацію правительственной власти, затѣмъ — если только обстоятельства не потребуютъ отъ него спѣшныхъ мѣропріятій по ликвидаціи войны—оно должно будетъ приступить къ разработкѣ и утвержденію конституціи Россіи. Когда эта работа будетъ закончена, отъ самого Учредительнаго Собранія будетъ зависѣть немедленно ввести въ дѣйствіе новую конституцію и разойтись, или отсрочить введеніе конституціи и заняться другими политическими и соціальными вопросами. Единственнымъ хозяиномъ своей компетенціи и своего времени будетъ само Учредительное Собраніе.

Изъ идеи „полновластія“ Учредительнаго Собранія необходимо вытекаетъ окончательный характеръ его рѣшеній. Какъ бы далеко ни разошлись эти рѣшенія съ нашими личными убѣжденіями, мы всѣ будемъ обязаны безпрекословно подчиниться имъ. Итти противъ воли народа, выраженной Учредительнымъ Собраніемъ, значило бы грѣшить противъ самыхъ первоосновъ демократіи, заранѣе подрывать авторитетъ Учредительнаго Собранія, значило бы готовить анархію и контръ-революцію. Но если такъ, то очевидно, какое огромное значеніе пріобрѣтаетъ правильная подготовка къ Учредительному Собранію. Необходимо правильно подготовить устройство Учредительнаго Собранія, то-есть сдѣлать такъ, чтобы оно могло быть дѣйствительно названо народнымъ представительствомъ. И нужно намъ самимъ, всѣмъ гражданамъ свободной Россіи, подготовиться къ Учредительному Собранію. Намъ нужно быть на высотѣ тѣхъ историческихъ задачъ, которыя стоятъ передъ нами. Намъ нужно уяснить самимъ себѣ и въ общеніи со своими согражданами существо вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію Учредительнаго Собранія. Для этого необходимы, съ одной стороны, распространеніе въ населеніи извѣстной совокупности точныхъ общественно-политическихъ знаній, и съ другой—свободная пропаганда всѣхъ безъ исключенія политическихъ ученій. Необходима самая широкая свобода устнаго и печатнаго слова. Необходимо, чтобы раньше, чѣмъ державный русскій народъ скажетъ свое окончательное слово, всѣ мнѣнія были выслушаны и всѣ интересы были приняты во вниманіе.

Только если эта гигантская работа будетъ исполнена, Учредительное Собраніе оправдаетъ свое назначеніе. Только тогда оно выведетъ Россію на широкій и ровный путь свободнаго и мирнаго демократическаго развитія.

Проф. К. Соколовъ.

Члены всероссійскаго Съѣзда Офицерскихъ Депутатовъ арміи и флота на братскихъ могилахъ жертвъ революціи въ Петроградѣ.

Знамя перваго полка Союза Соціалистовъ народной арміи.

20-го мая Союзомъ Соціалистовъ народной арміи было вручено полковое знамя особому караулу юнкеровъ для сопровожденія его въ 443-й Соснинскій полкъ.

Знамя красное, бархатное, съ парчевой каймой, съ золотыми надписями на обѣихъ сторонахъ. Съ одной стороны написано: «Союзъ Соціалистовъ народной арміи своему первому 443 Соснинскому полку. 1-го мая 1917 года». Съ другой стороны написано: «Въ единеніи сила. Не слушать отбоя. Не будетъ его». Посрединѣ этой стороны лавровый вѣнокъ, внутри котораго переплетены мечъ, молотокъ и серпъ.

Присутствовавшій при врученіи знамени командующій Петроградскимъ военнымъ округомъ генералъ-маіоръ Половцевъ обратился къ караулу юнкеровъ со слѣдующими словами:

— Юнкера караула. Я обращаюсь къ вамъ потому, что на вашу долю выпала великая честь сопровождать отсюда на фронтъ это первое знамя, которое вышло изъ стѣнъ Таврическаго дворца, и которое русскіе соціалисты посылаютъ тому полку, который еще въ старое время понималъ, какой должна быть гражданская свобода, и который уже послѣ революціи показалъ, что строгая дисциплина не противорѣчитъ идеѣ свободы. Я не сомнѣваюсь, что вы съ честью понесете это знамя. Передайте товарищамъ сердечный привѣтъ.

Представитель 443-го полка старшій унтеръ-офицеръ Іофинъ заявилъ:

— Въ нашемъ полку единая дружная семья, которая, какъ одинъ человѣкъ, умретъ за Свободную Россію.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Усилія Гинденбурга на западномъ фронтѣ и у береговъ Ла-Манша.

Въ виду рѣзкаго измѣненія военно-политической обстановки на россійскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, произошла коренная ломка и въ ближайшихъ расчетахъ германской стратегіи, которая рѣшила, повидимому, оставить въ покоѣ революціонную русскую армію и обратиться всѣми своими свободными силами противъ Англіи и Франціи.

Плотность расположенія частей противника на всѣхъ боевыхъ фронтахъ въ серединѣ мая мѣсяца даетъ наглядное представленіе о томъ, насколько англо-французскому фронту въ Европѣ въ данномъ случаѣ принадлежитъ первенствующее значеніе. Части германскихъ войскъ расположены на немъ столь плотно, что на одну дивизію приходится около трехъ верстъ протяженія по фронту, тогда какъ на русско-румынскихъ позиціяхъ эта плотность является въ четыре раза меньшею.

Съ марта по май мѣсяцъ съ русско-румынскаго фронта нѣмцами снято до 20 дивизій, которыя направлены къ центру и правому флангу германскаго расположенія на западѣ. Вмѣсто нихъ, изъ числа разбитыхъ и болѣе пострадавшихъ на французскомъ фронтѣ германскихъ частей, три дивизіи возвращены къ намъ на востокъ, сюда же, на замѣщеніе ушедшихъ во Францію частей, прибыло еще около трехъ дивизій изъ внутреннихъ раіоновъ Германіи. Такимъ образомъ въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ съ русскаго фронта убрано на западъ уже около 15—16 дивизій.

Считая, что эти части достигли своего назначенія, мы можемъ полагать, что на 600-верстномъ франко-бельгійскомъ фронтѣ въ настоящее время находится около 165 германскихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій, тогда какъ на русскомъ фронтѣ на 1.600 верстъ отъ Рижскаго залива и до берега Чернаго моря распредѣлено около 148 германо-австро-болгаро-турецкихъ дивизій. На итальянскомъ фронтѣ на протяженіи около 300 верстъ оперируетъ не болѣе 35 австрійскихъ дивизій, тогда какъ въ Македоніи, противъ генерала Саррайля, на фронтѣ, примѣрно, такого же протяженія, какъ и итальянскій, дѣйствуютъ лишь около 23 соединенныхъ дивизій.

На турецкомъ театрѣ военныхъ дѣйствій около 40 дивизій разбросаны на всѣхъ направленіяхъ. Помимо отмѣченной группировки силъ, наши противники имѣютъ еще двѣ резервныя группы: внутри Германіи, изъ вновь формируемыхъ германскихъ частей, въ количествѣ около 13 дивизій, и въ глубинѣ Малой Азіи, въ Анатоліи, турки поддерживаютъ резервъ въ составѣ около 8 дивизій.

Слѣдующее, послѣ франко-бельгійскаго фронта, положеніе по плотности принадлежитъ итальянскому театру военныхъ дѣйствій, гдѣ на одну австрійскую дивизію приходится около 10 верстъ протяженія по фронту, въ то время какъ на русско-румынскихъ позиціяхъ на одну непріятельскую дивизію приходится уже около 12 верстъ. Такимъ образомъ нашъ фронтъ, въ общемъ, находится на третьемъ мѣстѣ. Послѣ него идетъ македонскій фронтъ, гдѣ на одну дивизію противника приходится около 15 верстъ.

Такимъ образомъ на франко-бельгійскомъ фронтѣ арміи фельдмаршала Гинденбурга расположены въ три раза плотнѣе, чѣмъ на итальянскомъ фронтѣ, въ четыре раза плотнѣе, чѣмъ на русско-румынскомъ фронтѣ, и въ пять разъ плотнѣе, чѣмъ въ Македоніи.

Малоазіатскіе фронты не могутъ быть сравниваемы съ боевыми фронтами въ Европѣ, такъ какъ плотность расположенія на нихъ турецкихъ частей значительно отличается отъ того, что наблюдается въ этомъ отношеніи въ Европѣ.

Интересно отмѣтить, что главная масса ушедшихъ съ нашего фронта германскихъ дивизій взята преимущественно съ участка нашихъ позицій между Пинскомъ и румынской границей, гдѣ стоятъ арміи генерала Брусилова. Зато равномѣрно сняты нѣмецкія войска съ сѣвернаго, западнаго и румынскаго фронтовъ. Съ одного фронта генерала Брусилова снято больше германскихъ дивизій, чѣмъ съ остальныхъ трехъ нашихъ фронтовъ. Какъ бы ни были значительны цифры уведенныхъ съ нашего фронта во Францію нѣмецкихъ подкрѣпленій, все же надо учитывать, что около 30 процентовъ таковыхъ, какъ отмѣчено выше, на нашемъ фронтѣ противникомъ тѣмъ или инымъ способомъ уже возмѣщены. Такимъ образомъ, при желаніи послѣдняго воспользоваться нашею временною слабостью, ему не трудно сейчасъ нанести намъ чувствительный ударъ на одномъ изъ важнѣйшихъ направленій. Увѣренность противника въ побѣдѣ сейчасъ настолько сильно окрѣпла, что онъ снова высоко поднялъ свою голову и опредѣленно возомнилъ, что счастливый исходъ войны ему обезпеченъ.

Сосредоточиваемые на западно-европейскомъ фронтѣ нѣмецкіе резервы направляются главнымъ образомъ къ проливу Ла-Манша, для того, чтобы ударомъ въ этомъ направленіи отдѣлить Великобританскій островъ отъ береговъ Бретани и Па-де-Калэ. Противникъ давно мечталъ объ операціяхъ въ этомъ направленіи, но это ему до сихъ поръ не удавалось, и онъ теперь, пользуясь затишьемъ у насъ, хочетъ попытать снова счастья.

Господство въ проливѣ Ла-Маншъ — вотъ ключъ къ успѣху союзниковъ. Нѣмцы вырабатываютъ планъ, чтобы отрѣзать сообщенія между Франціей и Англіей. Операціи на сушѣ полны событіями, о которыхъ приходятъ ежедневныя донесенія; о подвигахъ британскаго флота печать пока умалчиваетъ. Изрѣдка проскальзываютъ сообщенія, и мы видимъ, какъ высокъ геройскій духъ въ британскомъ морякѣ. О событіи 21-го апрѣля германцы сообщаютъ: „произошло сраженіе между шестью германскими истребителями и двумя британскими истребителями, при чемъ потоплено два нѣмецкихъ корабля, а англійскія суда удалились почти безъ потерь“.

Въ теченіе почти трехъ лѣтъ Ла-Маншъ былъ жизненнымъ нервомъ для политики союзниковъ, и маршалъ Гинденбургъ, принявъ верховную диктатуру, рѣшилъ самыми энергичными мѣрами бороться съ англійскимъ флотомъ, непрерывно подвозящимъ къ берегамъ Франціи людей, снабженіе и снаряды. Съ этой цѣлью въ этомъ году были сосредоточены въ Зеебрюгге въ большомъ количествѣ самыя быстроходныя германскія суда, истребители новѣйшей конструкціи и подводныя лодки. Но англичане, конечно, тоже не спали во время этихъ приготовленій.

Съ быстротою молніи нѣмцы вылетали изъ Зеебрюгге, бомбардировали беззащитные приморскіе города или, пользуясь самымъ вѣрнымъ союзникомъ, — темной ночью,—топили всѣ встрѣчныя суда, не щадя купцовъ и пассажирскихъ пароходовъ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ въ ночь на 21-е апрѣля шесть лучшихъ быстроходныхъ германскихъ истребителей вышли въ море изъ Зеебрюгге подъ командой капитана Готье. Они не собирались вступить въ бой, ночь была темная. Для отвода глазъ они выпустили 100 снарядовъ по Калэ и направились къ берегамъ Великобританіи. Но судьба готовила имъ неожиданное препятствіе.

Два англійскихъ истребителя „Свифтъ“ и „Брокъ“ вступили съ ними въ битву не на жизнь, а на смерть. Нѣмцы пробовали было отстрѣляться и уйти. Но англичане рѣшили ихъ заставить принять бой, несмотря на то, что на каждое англійское судно приходилось по три германскихъ. Произошла общая свалка, длившаяся не болѣе пяти минутъ, и „Свифтъ“ бросился вдогонку уходившему миноносцу и пустилъ мину въ шедшаго за нимъ истребителя. Одновременно „Брокъ“ съ быстротой молніи ринулся на непріятельское судно и протаранилъ его въ самую середину, немного позади послѣдней трубы. Сцѣпившись грудь съ грудью, оба судна бились не на жизнь, а на смерть. Наконецъ „Броку“ удалось освободиться отъ своего погибающаго противника, который медленно пошелъ ко дну.

Въ своихъ донесеніяхъ нѣмцы признаютъ, что перевѣсъ былъ на сторонѣ англичанъ, и что двое изъ ихъ лучшихъ истребителей потоплены. Третье судно, если и достигло порта, то въ видѣ жалкихъ обломковъ, а четвертое сильно повреждено. Британскія суда побѣдоносно возвратились въ портъ, не потерпѣвъ ни малѣйшаго поврежденія и съ небольшою убылью въ людяхъ.

Такія столкновенія повторяются теперь снова, но мы пока еще мало что о нихъ знаемъ, такъ какъ это связано съ извѣстной необходимостью соблюсти военную тайну до тѣхъ поръ, пока крупная операція не закончилась.

Теперь Гинденбургъ готовится къ маневрамъ у береговъ Бельгіи, и флоты обѣихъ сторонъ также зашевелились. Приходится пользоваться лишь отрывочными указаніями голландскихъ рыбаковъ, которые указываютъ на происходящую временами теперь у береговъ Ютландіи морскую канонаду.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 44.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

№ 22. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 3 іюня 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

Бабушка Е. К. Брешко-Брешковская о самой себѣ.

Родилась въ 1844 году. Дѣтство и молодость провела въ Черниговской губ. и на всю жизнь осталась благодарна родителямъ своимъ за доброе и разумное воспитаніе и обученіе. Крѣпостныхъ людей они жалѣли, не обижали; все же рѣзкая разница въ томъ, какъ жили мы, помѣщики, и какъ жили крестьяне въ избахъ своихъ, была такъ поразительна, что дѣтская душа моя страдала сильно отъ противорѣчія дѣйствительности съ ученіемъ Христа. Мать часто читала намъ евангеліе и біографіи великихъ подвижниковъ правды и любви къ человѣчеству.

Во всю свою жизнь я такъ много и неустанно думала о нуждахъ народныхъ, о горѣ народномъ, что всѣ мои страданія и радости только съ народомъ и связаны. И всегда я ставила своимъ долгомъ — послужить народу и сдѣлать такъ, чтобы открылись у народа глаза на его жизнь и нужды.

Моя собственная жизнь вся состояла изъ любви и преданности къ странѣ и народу и страстнаго желанія послужить народу, сколько силъ хватитъ, до самой смерти.

Меня спрашиваютъ: — какъ дошла я до твердой рѣшимости жить только для народа? Я думаю, что эта рѣшимость была во мнѣ всегда, отъ самыхъ маленькихъ лѣтъ, съ самаго начала моего сознанія.

Когда я мысленно оборачиваюсь назадъ, къ своей прошлой жизни, я прежде всего вижу себя маленькой пятилѣтней дѣвчонкой, которая все время страдала и болѣла сердцемъ за кого-нибудь: то за кучера, то за горничную, то за работника, то за угнетаемыхъ крестьянъ (вѣдь тогда было еще въ Россіи крѣпостное право).

Впечатлѣнія народнаго горя такъ крѣпко запали въ мою дѣтскую душу, что потомъ они не покидали меня уже во всю жизнь.

Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда въ 1861 году крестьянъ освободили отъ произвола помѣщиковъ, но такъ плохо надѣлили землей, что рабочему народу пришлось снова идти въ кабалу къ богачамъ. Волненія крестьянъ вызывали страшныя экзекуціи; страданія ихъ проходили на моихъ глазахъ и усиливали мое стремленіе служить народу моему, чѣмъ только могу, ради облегченія его горькой доли. Ни о какихъ революціонныхъ кружкахъ и организаціяхъ въ провинціи тогда не было слышно, но скоро наступила работа земская, и я приложила къ ней свои старанія. Десять лѣтъ работала, то въ школѣ крестьянской, то въ деревнѣ, организовала ссудо-сберегательныя кассы, взаимопомощь, артели и организовала крестьянъ передъ выборами въ судьи, управу. Дѣло налаживалось, довѣріе ко мнѣ крестьянъ помогало моей работѣ, но противъ меня и помощниковъ моихъ ополчились дворяне, донесли министрамъ и всю нашу долголѣтнюю работу, какъ метлой, смели, закрыли школы и кассы, отдали подъ надзоръ всѣхъ

Бабушка русской революціи — Е. К. Брешко-Брешковская. Рис. *Е. С. Зарудная-Кавосъ.*

честныхъ людей въ уѣздѣ нашемъ и губерніи Черниговской, многихъ сослали въ сѣверныя губерніи и стали меня преслѣдовать. Я увидѣла ясно, что правительство Александра II только на словахъ дѣлало реформы, будто хотѣло улучшить жизнь населенія. На самомъ же дѣлѣ правительство зло преслѣдовало всякую попытку помочь рабочему народу выбраться изъ темноты къ свѣту, подойти къ знанію, проявить свои права. Ясно было видно, не только въ нашихъ мѣстахъ, но и по всей Россіи, что правительство боится сознательности народа и старается держать его въ рабскомъ безправіи. Это заставило меня искать другой дороги, другого способа работать на пользу дорогого мнѣ народа, и въ концѣ шестидесятыхъ годовъ я рѣшила отправиться по Россіи искать людей, чтобы съ ними вступить на путь борьбы нелегальной, т.-е. недозволенной царскими законами.

Больше двухъ лѣтъ скиталась я по Россіи, все искала революціонной среды, державшейся очень конспиративно. Но постепенно, переходя отъ одной работы къ другой, прошла я въ организацію довольно обширную, рѣшившую проникнуть въ народъ лично, а не только посредствомъ книгъ и листковъ.

Въ то время разница между моремъ крестьянъ и озеркомъ интеллигенціи была такъ велика, что другъ друга они совсѣмъ не знали. Кромѣ того, недовѣріе крестьянъ ко всему, что носило обликъ „господина", было настолько глубоко, что не было возможности нести въ крестьянскую и рабочую среду идеи свои, оставаясь господиномъ по внѣшности. Надо было преобразиться съ ногъ до головы, надо было казаться настоящимъ простолюдиномъ.

Одѣлась я въ крестьянскую одежду, захватила котомку, палку и пошла бродить. Хотя я и недолго ходила — всего лишь одно лѣто, но мнѣ удалось повидать много деревень, и нигдѣ я не встрѣчала недовѣрія. Крестьяне охотно слушали слова мои и моихъ товарищей. Мы говорили имъ, что земля не должна быть въ рукахъ отдѣльныхъ людей, что ее надо объявить всенародной, принадлежащей всему народу, всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ на ней трудиться. Не должно быть такого порядка, когда землю продаютъ, закладываютъ, покупаютъ, сдаютъ въ аренду, собираютъ въ однѣхъ рукахъ тысячи десятинъ, а рядомъ люди голодаютъ оттого, что имъ негдѣ приложить свои силы. Крестьяне соглашались съ нами и тоже говорили, что земля должна принадлежать только тѣмъ, кто на ней трудится, кто ее обрабатываетъ.

Мы говорили также, что помѣщики угнетаютъ народъ, что они забрали все государство въ свои руки, что чиновничество держитъ руку помѣщиковъ и мѣшаетъ народу жить свободной жизнью. И въ этомъ вопросѣ крестьяне тоже соглашались съ нами.

Объ одномъ только намъ трудно было говорить — это о царѣ. Мы старались объяснить крестьянамъ, что царь заодно съ помѣщиками и чиновниками, что онъ-то какъ разъ и является главнымъ угнетателемъ народа. Но крестьяне не хотѣли этому вѣрить. Они тогда настолько далеки были отъ государственной жизни, ничего не читали (вѣдь безграмотные всѣ были) и ничего не знали, что имъ и въ голову не приходило, сколько зла принесла Россіи царская форма правленія. Крестьяне вѣрили царю, они были убѣждены, что царь,—это добрый хозяинъ всей земли русской, который содержитъ войско для защиты отъ враговъ, а крестьяне должны обрабатывать землю, платить ему подати на содержаніе войска. Они думали, что царь любитъ свой народъ и заботится о немъ, а если порой чиновникъ притѣсняетъ народъ, такъ это оттого, что онъ царя обманулъ. А если царь всю правду узнаетъ, то онъ чиновниковъ прогонитъ и опять будетъ для народа, какъ родной отецъ.

Такъ думали крестьяне о царѣ. Но я все же говорила имъ настоящую правду про царя, объясняла имъ, что царь знаетъ про всѣ угнетенія и самъ руководитъ всѣми угнетателями. Крестьяне говорили, что я ошибаюсь, но все-таки выслушивали меня, и никто изъ нихъ не обидѣлъ меня грубымъ словомъ.

Я ходила по деревнямъ не одна. Три тысячи человѣкъ молодежи пошли въ это же время въ народъ, разсыпавшись по 36 губерніямъ Россіи, и всѣ мы говорили народу объ одномъ и томъ же, всѣ мы старались пробудить народъ къ хорошей свободной жизни. Однако скоро правительство узнало о нашей дѣятельности, и многихъ начали арестовывать, сажать по тюрьмамъ, ссылать въ каторгу и въ Сибирь.

Меня арестовали совершенно случайно въ 1874 г. Я ходила по Кіевской, Подольской, Черниговской и Херсонской губерніямъ и имѣла при себѣ въ котомкѣ подробныя карты этихъ мѣстностей, чтобы знать, куда итти, и лишними разспросами не навлекать на себя подозрѣній. Когда я останавливалась въ деревенскихъ избахъ, никто изъ крестьянъ не заглядывалъ въ мою сумку, и такимъ образомъ никто не могъ догадаться, кто я такая.

Но вотъ однажды, когда я остановилась въ с. Тульчинѣ, Подольской губ., работница того крестьянина, который пріютилъ меня, заглянула въ мою сумку и нашла тамъ карты, по которымъ я узнавала мѣстность.

Для человѣка неграмотнаго всякая печатная бумага представляется рѣдкостью (а въ тѣ времена особенно). Само собой понятно, что работница была поражена своимъ открытіемъ. Въ тотъ же день она ходила на работу къ становому приставу на огородъ и все тамъ разсказала.

Становой всполошился и помчался искать меня.

А я въ это время, ничего не подозрѣвая, шла съ базара, купивъ пару яблокъ, кусокъ сала, хлѣбъ.

Вдругъ скачетъ становой въ коляскѣ, кричитъ:

— Садись въ коляску!

Ну, я ужъ поняла, въ чемъ дѣло,— сажусь, молчу.

Пріѣхали въ избу.

— Гдѣ вещи этой женщины?

А хозяинъ отвѣчаетъ:

— Вещей у нея нѣтъ, а вотъ котомка есть.

— Давай сюда котомку.

Взяли котомку, а тамъ карты лежатъ, прокламаціи. Ну, значитъ, кончено мое дѣло.

Становой неопытный былъ, простоватый, развернулъ прокламаціи, и давай ихъ вслухъ читать при всѣхъ.

А крестьяне, прослушавъ, и говорятъ:

— Вотъ это настоящія слова. Все правда написана. Это та самая правда, которую дворяне отъ насъ спрятали.

Тутъ подъѣхалъ слѣдователь, и начали они вдвоемъ опять эту прокламацію вслухъ читать. А тутъ набралось крестьянъ множество, и подъ окнами стоятъ, слушаютъ. Наизусть мою прокламацію выучили.

Дали знать исправнику. Пріѣхалъ онъ, сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло, и отправили меня въ тюрьму.

Въ то время женщина-пропагандистка была чѣмъ-то неслыханнымъ и невиданнымъ. Изъ страха передъ такимъ явленіемъ, смотритель Брацлавской тюрьмы счелъ нужнымъ сразу же посадить меня въ темный карцеръ и надѣть мнѣ ручные кандалы. Прошелъ мѣсяцъ въ скитаніяхъ по уѣзднымъ тюрьмамъ, когда явились жандармы, выхватили меня изъ рукъ полиціи и потащили сначала въ Кіевское заточеніе, потомъ въ Московское и наконецъ въ Питерское, гдѣ насъ и судили, продержавъ до суда по четыре года въ одиночкахъ. Заточеніе было серьезное. Изъ трехсотъ подсудимыхъ, оставленныхъ для суда, выжило только 193, изъ нихъ 37 женщинъ. За все время показаній я не давала, и меня приговорили къ пяти годамъ заводскихъ работъ. Не страшно было, ничто не страшило, когда вѣрилось въ свою правоту.

Мой здоровый организмъ и уже зрѣлый возрастъ помогли мнѣ выносить долголѣтнія испытанія, въ то время, какъ молодыя, нѣжныя силы быстро заболѣвали, и смерть уносила однихъ за другими, оставляя чувство жестокой обиды и неизгладимой горечи.

Но надо всѣмъ стояла жажда дѣятельности, такъ рано прерванной злобной рукой. Мысль о возвращеніи въ партію, къ революціонной работѣ, жила въ мозгу раскаленнымъ гвоздемъ и побуждала всѣ способности, всю силу изыскивать средства къ побѣгу. Туда, къ борцамъ, къ свѣтлымъ народовольцамъ устремлялись духовныя очи наши.

Я была уже на поселеніи, за Байкаломъ, въ Баргузинѣ, когда съ тремя товарищами-мужчинами двинулась въ гористую тайгу съ ея тысячами препятствій и опасностей. Николай Сергѣевичъ Тютчевъ описалъ вкратцѣ нашъ рискованный побѣгъ, кончившійся поимкой насъ, блуждающихъ по невѣдомымъ пропастямъ и скаламъ. Меня, какъ бывшую каторжанку, присудили къ 4 годамъ каторги и 40 плетямъ, которыхъ однако примѣнить не рѣшились, „чтобы не возбудить противъ администраціи политическихъ ссыльныхъ", какъ было сказано въ бумагѣ военнаго губернатора Забайкалья.

Пришлось отправиться въ 1882 году, послѣ годового тюремнаго заключенія, на вторую каторгу, все на тѣ же Карійскіе пріиски, тогда усѣянные тюрьмами для уголовныхъ и политическихъ. И тѣ и другіе гибли тамъ отъ цынги, тифа, чахотки безъ конца, уголовные же въ большемъ числѣ, такъ какъ съ ними начальство совсѣмъ не считалось и держало ихъ въ самыхъ позорныхъ условіяхъ.

Для меня же вторичный пріѣздъ въ Кару былъ скорѣе праздникомъ. Въ первый пріѣздъ не было женщинъ-каторжанокъ, кромѣ меня, еще не вошло въ моду ссылать въ рудники и женщинъ; теперь же я застала 16—18 подругъ (старыхъ и новыхъ знакомыхъ) и всю вторичную каторгу провела въ обществѣ, лучшемъ въ мірѣ.

Заводскія работы считались 8 мѣсяцевъ за годъ, и срокъ мой пролетѣлъ незамѣтно. Одно было тяжело, это—видѣть, какъ болѣе слабыя здоровьемъ постепенно хирѣли и вѣрными шагами приближались къ могилѣ, въ самомъ расцвѣтѣ жизни своей.

Въ 1885 году я снова на поселеніи въ Забайкальѣ, въ мертвомъ городѣ Селенгинскѣ, гдѣ прожила восемь самыхъ грустныхъ лѣтъ моей жизни. Голая степь, заколоченные домики и неустанная слѣжка полицейская стали моимъ удѣломъ. Мнѣ не давали ни крестьянства ни тѣмъ болѣе паспорта по Сибири. А сердце горѣло страстнымъ желаніемъ бѣжать, возстановить борьбу съ одичалымъ отъ злобы врагомъ и мстить за невинно погибшія лучшія силы, — дочерей и сыновей нашей родины. Искала, старалась, боролась съ препятствіями — все напрасно. Степь Забайкальская, безбрежная степь Монгольская, а на сѣверъ Байкалъ неприступный стояли суровыми союзниками той стражи, которой власти окружали меня. Ни желѣзной дороги ни пароходства не было еще. Вотъ здѣсь, въ Селенгинскѣ мертвомъ, томилась я цѣлыхъ восемь лѣтъ, какъ дикій соколъ въ тѣсной клѣткѣ. Одинокая, вѣчно рвущаяся, выходила я въ степь и громкимъ голосомъ изливала въ пространство тоскующее по свободѣ

Е. К. Брешко-Брешковская въ свѣтлые дни свободы.

сердце бурное. Не было дня, чтобы я не думала о побѣгѣ, я была готова на всякій рискъ и опасность, впивалась въ малѣйшую возможность уйти—напрасно. Никто, рѣшительно никто не брался помочь, всѣ, кому можно было довѣриться, считали побѣгъ заранѣе обреченнымъ на неудачу. Болѣла душа моя; и только мысль о товарищахъ-каторжанахъ, о тѣхъ, что усылались въ пустынную Якутскую область, гдѣ чахли по якутскимъ юртамъ—только мысль о ихъ страданіяхъ, заглушала мои собственныя. Восемь пустыхъ лѣтъ Селенгинской жизни такъ и остались на всю мою жизнь сѣрою пустотой, съѣдавшей горячія чувства моей горячей груди. Я заполняла свое время работой ради денегъ, чтобы послать свой заработокъ въ темныя тюрьмы, въ снѣжныя пустыни, голоднымъ, забытымъ товарищамъ; я читала, училась, чтобы знать, какъ жило и какъ живетъ человѣчество, чтобы судить о томъ, насколько близка и насколько далека возможность увидѣть его преобразовавшимся въ то „разумное существо", съ которымъ жить не опасно, а весело. „Терпи,—говорила я себѣ въ минуты острой скорби,—терпи, выноси до конца, ты своего дождешься".

Въ 1890 году, пробывъ четыре года въ званіи крестьянки, я наконецъ получила паспортъ по всей Сибири и въ тотъ же день выѣхала изъ душившаго меня мѣста, чтобы въ ожиданіи конца срока подвигаться постепенно къ границѣ Россіи.

Здоровье было сильно ослаблено жизнью суровыхъ лишеній, какую я всегда вела въ одиночествѣ. Малокровіе и сильная невралгія замучили меня въ Селенгинскѣ. Но унаслѣдованная сила организма быстро возобновилась, и послѣдніе четыре года моей жизни въ Сибири, переѣзжая изъ города въ городъ, я успѣла много бесѣдовать съ молодежью и взрослыми, успѣла найти союзниковъ въ лицѣ лучшихъ гражданъ Сибири. И когда въ 1896 году, въ сентябрѣ, я вернулась въ Россію, я застала тамъ не мало студентовъ и курсистокъ, съ которыми въ Сибири твердила о теоріи и возрожденіи старыхъ лозунговъ. Они скоро взялись за дѣло освобожденія, и многіе до сей поры остались вѣрны своимъ принципамъ.

И опять въ сентябрѣ въѣхала я въ Россію, въ день, когда это стало возможнымъ. Но тутъ же встрѣтила я другое теченіе, жадно завоевывающее себѣ мѣсто. Марксизмъ быстро охватывалъ умы молодежи, на старыхъ борцовъ смотрѣли, какъ на отжившую силу. Но вѣра въ силу личности, вѣра въ здоровую силу народа, знаніе его нуждъ и цѣлей придавали столь твердую увѣренность моей энергіи, что, ни секунды не колеблясь, я и практически принялась за работу, давно созрѣвшую въ душѣ моей еще на большомъ процессѣ 193-хъ. Въ 1878 г. я заявила судьямъ, что „имѣю честь принадлежать къ соціалистической и революціонной партіи россійской и потому не признаю надъ собою суда царскихъ сенаторовъ". Прошло восемнадцать лѣтъ, и моя принадлежность къ партіи соціализма и революціонности жила во мнѣ такъ же свѣжо и горячо, какъ и въ дни ареста и дни суда. Увѣренность въ томъ, что массы крестьянскія,—эти основы бытія всего государства,—услышатъ голосъ друзей своихъ и не замедлятъ пойти за вожаками своими, увѣренность эта торопила меня начать сплачивать силы, способныя примкнуть къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, какъ съ первыхъ же шаговъ она и была окрещена.

Надо помнить, что въѣхала я изъ Сибири въ Россію совсѣмъ какъ есть одинокая. Даже адресовъ къ старымъ товарищамъ, еще застрявшимъ въ складкахъ мрачной жизни царствованія Александра III, у меня не было. Ни денегъ ни паспорта нелегальнаго, ровно никакихъ конспиративныхъ указаній. И потребовалось не мало времени, осторожности и терпѣнья, прежде чѣмъ мои неустанныя скромныя поѣздки по Россіи дали опредѣленный результатъ ознакомленія съ людьми и возможностями. Готовность крестьянъ присоединиться къ организаціи выяснялась все опредѣленнѣе, и на четвертомъ году работы партія заявила громко о своемъ образованіи, а на пятомъ всѣ отдѣльные комитеты признали единый центръ; и ростъ членовъ и ростъ ихъ работы обратили на себя свирѣпое вниманіе царскаго правительства.

Въ 1903 году партія потерпѣла большой разгромъ. Аресты и обыски лишили ее многихъ видныхъ работниковъ, лишили лучшихъ типографій и складовъ литературы. Необходимо было пополнить все это. Въ это же время дѣятельность партіи выросла и укрѣпилась за границей, благодаря нашимъ талантливымъ и ревностнымъ эмигрантамъ, напрягавшимъ всѣ свои силы на изданіе партійныхъ органовъ („Вѣстникъ Революціи", „Революція Россіи") и книгъ и брошюръ для народа. Вокругъ этихъ славныхъ работниковъ нашей партіи можно было разобраться въ вопросахъ теоріи и практики, чтобы и самимъ принять участіе въ работѣ среди народа и для народа.

Съ цѣлью звать эту молодежь на непосредственное дѣло у себя дома, въ Россіи, я впервые отправилась за границу. Въ маѣ 1903 г. сѣла въ Одессѣ на пароходъ и, въ сопровожденіи опытнаго контрабандиста-интеллигента, черезъ Румынію, Венгрію, Вѣну пріѣхала въ Швейцарію, въ Женеву, гдѣ сгруппировался центръ работниковъ партіи, жившихъ разбросанно въ Парижѣ, Лондонѣ и Швейцаріи. Въ этомъ съѣздѣ вплотную примкнули къ намъ старые борцы семидесятыхъ годовъ: Леонидъ Шишко, Феликсъ Волховской, Егоръ Лазаревъ, Николай Чайковскій.

Молодежь, обильно посѣщавшая всѣ рефераты, лекціи, диспуты, внимательно прислушивалась къ голосу нашихъ ораторовъ. Викторъ Черновъ, главный редакторъ центральныхъ органовъ нашихъ, побѣдоносно выступилъ въ защиту партіи отъ нападеній противниковъ и давалъ поясненія ученія, сложившагося на философскихъ обоснованіяхъ Чернышевскаго, Лаврова, Михайловскаго. На ряду съ этимъ я настойчиво доказывала молодежи, что пора ей взяться за реальную работу, за пропаганду усвоенныхъ ею идей среди крестьянъ и рабочихъ, за организацію всѣхъ силъ, способныхъ и готовыхъ вступить въ борьбу со старымъ режимомъ, готовыхъ отдать свою жизнь за свободу Россіи. И вотъ начался отливъ изъ-за границы на родину молодыхъ людей обоего пола, началась усердная перевозка ими литературы соціалистовъ-революціонеровъ, и книжки „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое" разсыпались щедрой рукой по градамъ и весямъ Россіи. Одни, набравшись знанія и указаній, ѣхали въ глухія мѣста родины, другіе вливались оттуда сотнями въ Швейцарію и Парижъ, чтобы въ свою очередь почерпнуть изъ источника живой воды, и опять уѣзжали въ глубины Россіи и оттуда извѣщали объ успѣхахъ и неудачахъ своихъ.

Съ каждымъ мѣсяцемъ приливъ и отливъ усиливался, можно было смѣло сказать, что юная Россія твердо рѣшилась отдать силы свои толщамъ народа своего.

Эта работа, работа направленія силъ юной Россіи, взяла у меня два года времени. Правда, я успѣла побывать и въ Америкѣ, куда меня усиленно звали друзья свободы. Оттуда выслала не мало денегъ на расходы партіи, главнымъ образомъ на литературу, перевозка которой въ Россію стоила очень дорого. Въ Соединенныхъ Штатахъ пріобрѣла я много друзей вѣрныхъ, преданныхъ на всю жизнь. Они доказали это, осыпая меня своимъ вниманіемъ ко всѣмъ моимъ нуждамъ всѣ годы моей послѣдней ссылки и тюрьмы, и отъ 1907 и до 1917 г. ни на одну недѣлю не переставали заботиться обо мнѣ.

Услышавъ удары открытой борьбы 1905 года, я снова перешла границу, обратно на родину, но на этотъ разъ я ее перебѣжала пѣшкомъ, въ сопровожденіи двухъ контрабандистовъ (интеллигента и крестьянина) и вмѣстѣ съ товарищемъ-другомъ, несшимъ запасъ динамита.

То шла русская революція, звавшая съ собой на бой неравный всю Россію.

Друзья-товарищи, вы сами помните событія пятаго, шестого и седьмого годовъ. Усилія революціонеровъ всѣхъ партій не могли устоять противъ физической силы злого правительства, но эти усилія не только встряхнули застывшую психологію великаго народа, они втянули его проявить свою силу, увидѣть себя побѣдителемъ хотя бы и временно. Уже клонился бой къ концу своему, уже складывали тамъ и здѣсь знамена до слѣдующаго подъема силъ и духа, уже опричники казнили и вѣшали, разстрѣливали и пытали лучшихъ борцовъ,—а мой духъ былъ далекъ отъ смиренія, надеждой вздувалось сердце мое и я съ

головой бросилась въ гущу событій. Послѣ разгона второй Государственной Думы я мнила новый порывъ негодованія со стороны народа. Но, видно, чаша сомнѣній еще не истощилась, и народъ задумчиво смотрѣлъ въ будущее, не рѣшаясь рисковать слабѣющими силами.

Въ дни такого угнетенія съ одной стороны и тщетнаго напряженія силъ съ другой я была арестована въ городѣ Самарѣ въ 1907 г., и опять же въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Мнѣ думалось, что на этотъ разъ палачи не выпустятъ меня живою изъ рукъ своихъ. Думалось такъ, а чувствовалось иначе.

Два года и девять мѣсяцевъ, что продержали меня въ Петропавловской крѣпости, не о смерти думала я, а о томъ времени, когда Россія послѣ неизбѣжной второй революціи, побѣдоносной и торжественной, возьмется за работу строительную и въ нѣсколько лѣтъ преобразитъ нашу обездоленную страну, нашъ еле грамотный народъ въ образцовое государство, могущее служить примѣромъ всѣмъ другимъ народамъ, какъ по культурѣ, такъ и по своему соціальному благоденствію. Я настолько живо себѣ рисовала всѣ событія, ожидающія новѣйшую исторію Россіи, что и сейчасъ, переживая не мечты, а дѣйствительность, я живу, какъ бы продолжая давно знакомое существованіе.

Увѣренность въ возможности увидѣть родину свою свободной, народъ свой растущимъ въ довольствѣ и духовномъ развитіи, придавала мужество, окрыляла силы мои. Я сознавала себя еще способной работать съ народомъ и для народа, и мнѣ было досадно терять время на поселеніи, въ глуши Сибирской тайги. Я снова собралась бѣжать, стремясь присоединить свой опытъ къ работѣ своихъ партійныхъ товарищей, звавшихъ меня къ себѣ. И снова побѣгъ не удался. Всего часа два-три отдѣляли меня отъ цѣли, отъ вѣрнаго пристанища, и было досадно, проскакавъ зимою тысячу верстъ, очутиться въ рукахъ враговъ своихъ.

Опять приходила въ голову мысль, что не простятъ они мнѣ моихъ попытокъ вырваться на волю, попытокъ снова пристать къ дѣлу революціоннаго движенія. И въ то же время столько жизнеспособности ощущалось въ груди, что мысль не останавливалась на пресѣченіи дѣятельности, черная завѣса не заслоняла дальнѣйшаго хода событій творческаго характера. Ни долгое сидѣнье въ тюрьмѣ ни ссылка въ Якутскъ не омрачили духа моего. „Переживу,—говорилъ внутренній голосъ, — все переживу и доживу до свѣтлыхъ дней свободы“.

Изъ Якутска перевели въ Иркутскъ и возстановили здѣсь всѣ преслѣдованія и гоненія, какими наполняли ссылку мою въ Киренскѣ. Здѣсь же я сильно заболѣла и видѣла, какъ врачи заботливо скрывали отъ меня опасность моей болѣзни. А мнѣ было странно, что могли думать о роковомъ исходѣ, когда на душѣ у меня была полная увѣренность въ томъ, что время все приближаетъ меня къ развязкѣ иного свойства, къ торжеству революціи.

Чѣмъ дольше длилась война, чѣмъ ужаснѣе были ея послѣдствія, чѣмъ ярче выявлялась подлость правительства—тѣмъ яснѣе была неизбѣжность прозрѣнія демократій всѣхъ странъ, тѣмъ ближе стояла и наша революція.

Я ждала удара колокола, возвѣщающаго свободу, я дивилась, что ударъ этотъ заставляетъ ждать себя. Когда же въ ноябрѣ прошлаго года взрывы негодованія раздавались одинъ за другимъ, когда гнѣвные возгласы слѣдовали отъ одной группы населенія къ другой, — я уже стояла одной ногой въ сибирской кибиткѣ и только жалѣла о томъ, что санная дорога быстро портится.

Четвертаго марта пришла депеша ко мнѣ въ Минусинскъ, возвѣстившая мнѣ свободу. Въ тотъ же день я была въ дорогѣ къ Ачинску, первому пункту желѣзной дороги. Отъ Ачинска началось мое непрерывное общеніе съ солдатами, крестьянами, рабочими, желѣзнодорожными служащими, учащимися и полчищами дорогихъ мнѣ женщинъ, несущихъ всѣ тяжести внутренней, а теперь и тыловой жизни великаго государства.

Сегодня, 20-го апрѣля 1917 года, мой вагонъ везетъ меня въ Москву и дальше. Когда остановится мое движеніе по великой странѣ — я не знаю. Очень можетъ быть, что пророчество стараго друга-каракозовца оправдается: „суждено тебѣ умереть въ походахъ твоихъ“.

Если и такъ, да будетъ благословенъ мой народъ, давшій мнѣ возможность и силы работать съ нимъ и для него.

20-го апрѣля 1917 г.
Вагонъ Сиб. ж. д.

Е. К. Брешко-Брешковская.

„Дождикъ мѣшаетъ“.

(На англійскомъ фронтѣ).

Очеркъ **Николая Роминскаго**.

(Окончаніе).

Наконецъ онъ дошелъ до конца. Здѣсь траншея расширялась, и нѣсколько ступеней вело внизъ, вѣроятно, въ подземный казематъ. Онъ спустился туда и сразу, съ сильно бьющимся сердцемъ, остановился: здѣсь были люди, онъ ясно слышалъ шумъ, затихшій съ его приходомъ. Что было дѣлать? Выскочить и броситься бѣжать?

Онъ пожалѣлъ, что оставилъ свою гранату,—вотъ когда бы она пригодилась! Онъ стоялъ и, притаивъ дыханіе, прислушивался. Шумъ повторился,—здѣсь безусловно были люди! Но почему же они не освѣщали окопа? Онъ началъ-было пятиться къ выходу, какъ раздался крысиный пискъ. Тогда онъ переложилъ револьверъ въ лѣвую руку, правой вынулъ электрическій фонарикъ и надавилъ кнопку: около десятка крысъ толпились, грызя человѣческую руку. Это было отвратительно! Жирныя крысы смотрѣли на стекло фонарика, не мигая и не двигаясь, точно загипнотизированныя.

Обведя свѣтомъ фонарика стѣны каземата и не видя никого, офицеръ направился къ выходу. Потушивъ фонарикъ, онъ вылѣзъ изъ подземелья и пошелъ назадъ. Скользя и нѣсколько разъ падая, онъ дошелъ наконецъ до мѣста, гдѣ разстался съ товарищами. Фельдфебель уже ждалъ его. Онъ также падалъ много разъ и потерялъ свою гранату.

Становилось настолько свѣтло, что надо было спѣшить, нѣмцы могли замѣтить и открыть огонь. Къ счастью, надъ равниной начиналъ подниматься туманъ, который скрывалъ ихъ отъ глазъ непріятеля.

Развѣдчикъ, оставшійся на парапетѣ съ мѣшкомъ ручныхъ гранатъ, вдругъ засмѣялся. Моментъ былъ настолько серьезный, что офицеръ удивился:

— Вы это чего?

Ему показалось, что тотъ сходитъ съ ума. Но развѣдчикъ слегка сконфузился и, самъ весь облѣпленный грязью, комьями торчащей не только на его одеждѣ, но даже на лицѣ и на шеѣ, все еще съ мѣшкомъ бомбъ за спиной, удерживая смѣхъ, сказалъ:

— Извините, господинъ лейтенантъ, но вы оба больше походите на большіе куски грязи, чѣмъ на людей.

Сонъ. Выставка „Товарищества художниковъ". *Пэмъ.*

Этотъ смѣхъ и замѣчаніе были какъ разъ кстати. Они сразу подняли настроеніе и уменьшили усталость. Они прибавили силъ, а силы были теперь нужны больше, чѣмъ когда-либо; надо было еще пройти пространство отъ этого окопа къ линіямъ англичанъ и пройти какъ можно скорѣе, потому что наступалъ день, и нѣмцы могли ихъ замѣтить гдѣ-нибудь посрединѣ пути.

Офицеръ посмотрѣлъ на своихъ товарищей и также засмѣялся: они дѣйствительно мало походили на цивилизованныхъ людей!

При наступавшемъ свѣтѣ дорога была легче, такъ какъ видны были валы воронокъ, сдѣланныхъ снарядами. Надо было только держаться этихъ валиковъ, ночью же поневолѣ приходилось двигаться наугадъ, ощупывая каждый шагъ ногой, постоянно сбиваясь съ пути и попадая вмѣсто валиковъ въ самую воронку. Это постоянное ощупываніе страшно замедляло движеніе, поэтому теперь, при свѣтѣ, разсчитывали сдѣлать обратный путь въ какіе-нибудь четверть часа.

Пошли гуськомъ, — впереди офицеръ, за нимъ развѣдчикъ и послѣднимъ фельдфебель. Пробирались по гребнямъ воронокъ, стараясь не соскользнуть въ ихъ глубину, наполненную вязкой тиной. Было очень холодно, но движеніе начало согрѣвать ихъ. Двигались быстро и весело, если можно назвать быстротой это постоянное увязаніе и вытаскиваніе ногъ, упираясь для этого другой ногой и обѣими руками. Но сравнительно съ тѣмъ, какъ шли ночью, это была дѣйствительная быстрота. Веселость же происходила отъ удачно исполненнаго порученія и главнымъ образомъ отъ того, что надъ равниной стоялъ довольно густой туманъ, совершенно скрывавшій ихъ отъ нѣмцевъ. Шли по компасу, который безошибочно указывалъ направленіе. Изрѣдка кто-нибудь терялъ равновѣсіе и тяжело шлепался въ воду, но это вызывало лишь смѣхъ, такъ какъ товарищи всегда успѣвали подать руку упавшему.

Но двигались все-таки гораздо медленнѣе, чѣмъ предполагали. Увязая, употребляли иногда послѣднія усилія, и такъ какъ позади было нѣсколько часовъ не меньшихъ усилій, то усталость все болѣе давала себя чувствовать. Иногда эта усталость охватывала все тѣло и какъ бы парализовала его. Но это было временно,—близость цѣли поддерживала ихъ. Надо было итти во что бы то ни стало, и итти безъ остановки.

Такъ добрались до того мѣста, гдѣ встрѣчались ураганный огонь германцевъ и англичанъ. Передъ ними была сплошная рѣка жидкой грязи. Никакихъ гребней, никакихъ кочекъ, ничего, на что бы могла опереться нога. Офицеръ пожалѣлъ, что не направился опять по берегу канала, но сначала дорога казалась такъ легка, и разстояніе такъ сокращалось!

Разсуждать, однако, было уже поздно, — туманъ могъ разойтись, и они оказались бы на виду врага, застрявшими въ болотѣ. Надо было итти. Итти впередъ во что бы то ни стало!

И офицеръ первый двинулся въ жидкую грязь, въ рѣку грязи, другой берегъ которой исчезалъ въ туманѣ. Но его же перваго и затянуло: черезъ нѣсколько секундъ, несмотря на крайнія усилія, онъ уже не могъ двигаться дальше. Фельдфебель и развѣдчикъ были счастливѣе и помогли ему.

Но ему не везло,—едва онъ, съ величайшимъ напряженіемъ своихъ силъ и силъ товарищей, былъ освобожденъ, какъ увязъ вторично, и въ этотъ разъ гораздо опаснѣе, такъ какъ ясно чувствовалъ, какъ подъ его ногами раздвигается дно ямы, и онъ опускается, хотя и медленно, все глубже и глубже.

Вдругъ по его тѣлу, несмотря на холодъ воды, прошелъ потъ, и онъ почувствовалъ во всемъ тѣлѣ страшную усталость. Потъ въ то время, когда онъ по грудь погруженъ въ жидкую, съ остатками снѣга и льда, грязь!

Эта мысль испугала его, и слабость начала увеличиваться съ каждымъ моментомъ. Онъ боялся потерять сознаніе. Не ощущеніе страха прошло и уступило мѣсто полному равнодушію: все равно... все равно...

Эта фраза не была въ его мозгу, но какъ бы стояла передъ нимъ, а въ мозгу какъ бы кто покорно соглашался: все равно! Да, все равно...

Его больше не интересовала ни развѣдка, ни ея результаты, ни даже возможность, къ тому же очень близкая возможность, покончить здѣсь, въ этой грязной лужѣ, свою жизнь. Товарищи по несчастью тащили его изо всѣхъ силъ, а онъ не дѣлалъ ни одного движенія, оставаясь тяжелой инертной массой.

Такъ продолжалось нѣсколько секундъ. Затѣмъ передъ его глазами прошло какъ бы темное облако, и онъ совершенно закрылъ глаза... И вдругъ сознаніе слабости, жажда жизни, пульсирующей въ молодомъ здоровомъ тѣлѣ, и надежда какъ бы сразу нахлынули на него. Онъ опять увидѣлъ фельдфебеля и развѣдчика, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы вытащить его. Минутная слабость прошла и больше не возвращалась. Изъ безпомощнаго погибающаго человѣка онъ сразу сталъ начальникомъ, на которомъ лежитъ отвѣтственность за жизнь подчиненныхъ.

— Всѣ тяжелыя вещи долой! Гранаты, револьверы, — все долой! Теперь дѣло идетъ о важности выполненія порученія и спасенія жизни!

Но онъ и его товарищи бросили только гранаты: жаль было разставаться съ револьверомъ, который служилъ съ начала войны. Къ нему привыкли, онъ былъ уже бездушнымъ другомъ, случайныя же гранаты бросили безъ всякаго сожалѣнія.

Проснулась Русь. *Пэмъ.*
Выставка „Товарищества художниковъ".

Какъ только онъ началъ помогать товарищамъ, стоящимъ по колѣни въ грязи, какъ дѣло пошло,—онъ почувствовалъ, какъ его ноги медленно покидали липкое дно, какъ тѣ невидимыя щупальцы, которыя такъ увѣренно тащили его внизъ, теряютъ свою силу, отрываются, уступаютъ мѣсто другимъ, которыя въ свою очередь цѣпляются за его ноги, тащатъ ихъ изо всѣхъ силъ внизъ, но силъ этихъ у нихъ недостаточно, и ноги медленно, но вѣрно вырываются изъ этихъ щупалецъ болотнаго осьминога.

Онъ движется все быстрѣе. Вотъ грудь показалась изъ жидкой лужи, вотъ поясъ, бедра... Наконецъ онъ двигаетъ ногу впередъ, и она упирается въ почти твердый край воронки. Онъ спасенъ!

Теперь уже ему приходилось помогать товарищамъ, увязшимъ въ глину, вытаскивая его изъ ямы. Онъ, теперь чуть ли не свѣжій, сильный и здоровый, самъ удивляющійся бывшей минуту назадъ слабости, пошелъ, какъ и прежде, впередъ. Онъ снялъ свой поясъ и приказалъ это сдѣлать товарищамъ. Это оказалось какъ разъ кстати, потому что развѣдчикъ неожиданно попалъ въ такую глубокую яму, что исчезъ въ ней съ головой. Поспѣшившій ему на помощь фельдфебель сорвался и погрузился по грудь, все-таки не будучи въ состояніи подать товарищу руку. Здѣсь поясъ и помогъ.

Самъ онъ стоялъ на самомъ валикѣ воронки почти по колѣно въ грязи. Подавъ фельдфебелю руку и отвалившись всѣмъ корпусомъ назадъ, онъ тащилъ ихъ обоихъ. Черезъ нѣсколько времени развѣдчикъ стоялъ уже около фельдфебеля по грудь въ грязи. Когда всѣ нѣсколько отдохнули, началась прежняя исторія: офицеръ уперся обѣими ногами, откинулся всѣмъ корпусомъ назадъ и тащилъ фельдфебеля. Онъ чувствовалъ, какъ его ноги все глубже и крѣпче увязаютъ въ глину, но видѣлъ, какъ фельдфебель медленно подвигается впередъ. Довольно твердая масса, бывшая подъ его ногами, медленно расходилась и охватывала ихъ со всѣхъ сторонъ. Потомъ, уже вдвоемъ съ фельдфебелемъ, они тащили развѣдчика. Онъ въ это время имѣлъ столько силъ и бодрости, что разсмѣшилъ товарищей замѣчаніемъ, сказаннымъ хотя и серьезнымъ тономъ, но съ видимой шуткой въ интонаціи:

— Теперь я съ большимъ вниманіемъ и даже симпатіей буду смотрѣть на мухъ, увязшихъ въ меду.

Вытащивъ своихъ товарищей, онъ самъ оказался настолько крѣпко засосаннымъ въ глину, что тѣмъ двумъ стоило величайшихъ трудовъ вытянуть его изъ липкой густой массы. Они его раскачивали, какъ раскачиваютъ гвоздь, вбитый въ деревянную доску. Качали сначала справа налѣво, потомъ взадъ и впередъ и, наконецъ, старались поворачивать на оси.

Когда онъ наконецъ вытащилъ одну ногу и, опираясь на товарищей, снималъ съ нея почти твердую глину, онъ вдругъ засмѣялся:

— Теперь я спокоенъ! Разъ удалось вылѣзти теперь, мы всѣ благополучно доберемся до нашихъ окоповъ.

Потомъ, озабоченно глядя на начинавшій рѣдѣть туманъ, сказалъ:

— Лишь бы туманъ не прошелъ. Иначе германцы насъ перестрѣляютъ, какъ куропатокъ на болотѣ!

Имъ казалось, что они топчутся на одномъ мѣстѣ, поэтому, когда увидѣли впереди воткнутую въ глину палку, нарочно свернули нѣсколько въ сторону съ дороги, указываемой компасомъ, и, какъ дѣти, радовались, что приближаются къ этой палкѣ: они даже не ожидали, что двигаются съ такой быстротой!

Эта палка потомъ была ихъ путеводителемъ и вдохновителемъ, — какъ они назвали ее, — втыкая ее впереди передняго человѣка, всѣ трое проходили мимо, послѣдній вытаскивалъ, передавалъ товарищу, шедшему впереди, тотъ отдавалъ переднему, и передній опять торжественно втыкалъ ее впереди себя. Каждое такое продвиженіе равнялось, примѣрно, тремъ ярдамъ (девяти футамъ). Подвигаясь впередъ, они считали количество палокъ, помножали на три и высчитывали, сколько оставалось еще пройти до своихъ траншей.

Это маленькое обстоятельство влило въ нихъ новыя силы, вообновило ихъ энергію, начинавшую-было падать, и даже ускорило движеніе, такъ какъ теперь они двигались по болѣе прямой линіи, чѣмъ прежде. Было уже совершенно свѣтло, и, если бы не туманъ, густой пеленой стоявшій вокругъ, они давно были бы перестрѣляны германцами. Они, по ихъ расчетамъ, уже были близко, когда туманъ началъ рѣдѣть: надо было спѣшить во что бы то ни стало, а силы начинали ихъ покидать. Бодрѣе всѣхъ былъ лейтенантъ. Послѣ своего припадка онъ какъ бы отдохнулъ, какъ бы набрался новыхъ силъ и старался влить свою энергію въ подчиненныхъ.

Первымъ остановился фельдфебель. Въ то время, когда они уже миновали самое опасное мѣсто, когда опять края воронокъ то здѣсь, то тамъ торчали изъ воды, онъ, увязши въ глинѣ, вдругъ остановился, тяжело сѣлъ на гребень воронки и, сдѣлавъ нѣсколько медленныхъ вялыхъ усилій подняться, вдругъ равнодушно сказалъ усталымъ голосомъ:

— Идите. Я больше не могу. Я останусь здѣсь...

И послѣ небольшой паузы повторилъ ту фразу, которая и въ минуту слабости лейтенанта стояла въ его головѣ и повторялась имъ нѣсколько разъ:

— Все равно... все равно...

Сказавъ это, онъ поставилъ локти на колѣни, опустилъ измазанное глиной лицо на ладони рукъ, больше похожія на безформенные куски глины, и закрылъ глаза. Лейтенантъ заглянулъ ему въ лицо: передъ нимъ былъ скорѣе трупъ, чѣмъ живой человѣкъ. Что было дѣлать? По мнѣнію лейтенанта, до окоповъ было около семидесяти шаговъ, но какъ влить энергію въ этого человѣка?

Онъ повернулся къ развѣднику и строгимъ начальственнымъ голосомъ приказалъ ему:

— Спѣшите въ окопъ и просите помощи. Я останусь здѣсь. Пусть дадутъ веревку, мы его выволочимъ.

Онъ взглянулъ на развѣдчика, и его сердце сжалось: передъ нимъ было безсмысленное лицо ничего не соображающаго человѣка. Очевидно, развѣдчикъ стоялъ на той же грани, что и фельдфебель. Одинъ еще двигался, другой уже сидѣлъ безъ движенія, но разница между ними была не велика. Оставалась легкая надежда на то, что, отдохнувъ, они двинутся дальше. Вѣдь и у него были минуты полной слабости, и ему казалось, что дальше бороться не стоитъ, что „все равно“ жизнь погибла... А теперь онъ бодръ и свѣжъ настолько, что, кажется, серьезно могъ бы продѣлать еще разъ то, что уже было сдѣлано за эту ночь.

Онъ стоялъ около фельдфебеля, придерживая его за плечо, — вѣроятно, тотъ безъ этой помощи сва-

„На русскомъ фронтѣ“. Въ заносахъ. Карикатура *Пэма.*

Усиленная топка. Машинистъ — Вильгельмъ. Кочегаръ — кронпринцъ, подкидывающій топливо (солдатъ).

Выставка „Товарищества художниковъ“.

лился бы набокъ. Лейтенанту казалось, что развѣдчикъ упадетъ или сядетъ, но тотъ двигался дальше, и только его движенія были какія-то неловкія и несуразныя. Казалось, что онъ или сильно пьянъ или не владѣетъ своимъ умомъ. Но машинально онъ продолжалъ двигаться по прежнему направленію, — падалъ, поднимался, помогая себѣ руками, скользилъ, падалъ на колѣно и всякій разъ все-таки вылѣзалъ изъ вязкой глины и двигался впередъ.

Лейтенантъ нагнулся и заглянулъ фельдфебелю въ лицо. Тотъ сидѣлъ попрежнему съ закрытыми глазами. Что было дѣлать? Стоять въ такой трясинѣ—это значило медленно погружаться въ глину, безъ надежды выбраться изъ нея. Онъ, не отходя отъ товарища, все время вытягивалъ то одну, то другую ногу. И вдругъ ему пришла въ голову мысль: если онъ скажетъ что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее, то это сказанное должно подѣйствовать, какъ электрическая искра, какъ ударъ бича. Онъ нагнулся къ сидящему и, стараясь говорить веселымъ тономъ, сказалъ:

Никола. Выставка „Міръ Искусства" 1917 г. *Н. Рерихъ.*

— Эге! Да мы совсѣмъ близко! Уже видны окопы!

Фельдфебель поднялъ голову и посмотрѣлъ, но его глаза не выражали ничего. Они были такъ же неподвижно-оловянны, какъ и прежде. Онъ вяло спросилъ:

— Что?

— Окопы, говорю, уже видно.

— Гдѣ?

— Да вотъ...

И—о, счастье!—сквозь все рѣдѣющій туманъ дѣйствительно можно было разглядѣть колья проволочныхъ загражденій. Тогда онъ началъ энергично трясти товарища:

— Окопы видны! Слышите? Окопы видны! Мы совсѣмъ близко! Надо спѣшить, а то враги увидятъ. Надо спѣшить, слышите?

Развѣдчикъ былъ уже въ двадцати шагахъ отъ нихъ. Шатаясь, спотыкаясь, падая и поднимаясь, онъ шелъ, повинуясь какому-то инстинкту, прямо къ окопамъ. Фельдфебель поднялся, но его приходилось поддерживать. Только когда онъ самъ разглядѣлъ колья загражденій, силы вернулись къ нему. Зато лейтенантъ началъ чувствовать, что онѣ оставляютъ его, и каждый шагъ впередъ давался ему только огромнымъ усиліемъ воли. Тогда у него мелькала мысль: „неужели погибну, какъ Смитъ? Здѣсь, чуть не въ окопѣ?"

Они шли молча, если, конечно, ихъ движеніе впередъ можно было обозначить словомъ „итти". Они ползли на рукахъ и колѣнахъ, падали совсѣмъ въ грязь, часто лицомъ, съ трудомъ поднимали одно колѣно и не могли выровнять другую ногу настолько, чтобы опереться на нее для дальнѣйшаго движенія.

Спасительный туманъ все еще держался, и германцы не могли видѣть своихъ жертвъ.

Первымъ окончательно упалъ развѣдчикъ: совершенно какъ пьяный, онъ упалъ и больше не пожелалъ подняться. Онъ не потерялъ сознанія, а просто не желалъ двигаться впередъ, приходя въ ярость, когда его тревожили. Лейтенантъ проползъ около него, даже заглянулъ въ лицо, но нисколько не взволновался и не удивился: все равно... все равно... Потомъ онъ подумалъ: „вѣроятно, и у меня такіе же оловянные глаза, какъ у него".

Это была его послѣдняя мысль. Очнулся онъ уже въ окопѣ на сухой соломѣ. Товарищи замѣтили ихъ и бросились на помощь. Одинъ фельдфебель добрался до окопа въ сознаніи и даже смогъ доложить о результатѣ развѣдки, лейтенантъ же и развѣдчикъ были доставлены безъ чувствъ.

Туманъ какъ бы ждалъ ихъ возврата, и солнце разогнало остатки его.

Молодость, сила, здоровье, привычка къ физическимъ упражненіямъ побороли надвигающуюся болѣзнь, но еще черезъ недѣлю ихъ ноги, руки, спина, грудь и бока были какъ бы „насыпаны пескомъ".

Мало-по-малу вернулась и эластичность.

---

* * *

Въ тѣни аллей прохлада,
Нарядны господа,
А за оградой сада
Голодная нужда.
Глядитъ на бойкихъ дѣтокъ
Мальчишка-водоносъ,
Въ одну изъ узкихъ клѣтокъ
Рѣшетки всунувъ носъ.

На жесткіе каменья
Потомъ ему итти,
Томленія терпѣнья
Въ груди своей нести.
Мучительно мнѣ видѣть
Неравенство людей
И горько ненавидѣть
И взрослыхъ и дѣтей.

Ѳедоръ Сологубъ.

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть **Ренэ Бенжамэна**.

Авторизованный перев. съ французскаго **М. П. Благовѣщенской**.

(Продолженіе).

V.

Раненый солдатъ, попадающій въ госпиталь, окунается въ новый міръ.

Онъ только-что сражался и страдалъ среди равныхъ себѣ. И вдругъ онъ отдается полному отдыху на рукахъ заботливыхъ женщинъ. Онъ видитъ другую сторону жизни.

Только-что имъ командовали, а теперь его спрашиваютъ, чего онъ желаетъ. Никто не говоритъ ему больше о смерти—ему обѣщаютъ, что онъ выздоровѣетъ. Онъ не чувствуетъ больше на своихъ плечахъ тяжелой длани военной службы,—его перевязываютъ нѣжныя руки, добровольно и съ радостью посвятившія себя служенію страждущимъ.

И вотъ онъ расмягчается, онъ улыбается, превращается въ ребенка, сердце его преисполнено благодарности, а языкъ его произноситъ только милыя и забавныя слова. И сестры милосердія говорятъ: „Какъ много хорошихъ людей у насъ во Франціи!"

А раненый думаетъ по-дѣтски: „Сколько у насъ хорошихъ женщинъ!" Оказывается, что всѣ онѣ хорошія, даже свѣтскія женщины, о которыхъ онъ до сихъ поръ думалъ, что онѣ ничего не дѣлаютъ, ни на что не способны, потому что слишкомъ богаты... А если среди нихъ и есть бездушныя куклы, то это видно будетъ только въ Судный день,—народъ же не видитъ ихъ.

Кромѣ того, такой человѣкъ, какъ Гаспаръ, съ ясными глазами и честнымъ, прямымъ взоромъ, тотчасъ же привлекаетъ къ своей кровати самыхъ самоотверженныхъ и самыхъ очаровательныхъ женщинъ. Его находятъ забавнымъ и необыкновенно трогательнымъ! Его называютъ „добрымъ малымъ", всѣ изощряются, чтобы доставить ему какое-нибудь удовольствіе. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ о Гаспарѣ заботились три женщины.

Эти три женщины, не имѣвшія ничего общаго ни по наружности, ни по складу ума, ни по характеру, волею судьбы сходились возлѣ однихъ и тѣхъ же больныхъ точно для того, чтобы показать мужчинамъ, что существуетъ, по крайней мѣрѣ, три возможности быть женщиной.

Одна изъ нихъ была Добротой, другая—Очарованіемъ, а третья—Жизнью, жизнью ума, жизнью сердца, жизнью души! Не хотѣлось умирать, увидѣвъ послѣднюю.

Портретъ баронессы Штейнгель. *С. Соринъ.*
Выставка „Міръ Искусства" 1917 г.

У первой лицо было такое скромное и выражало столько утѣшенія, что косынка сестры милосердія, изъ-подъ которой видны были только слегка улыбающіяся губы, добродушный носъ и глаза съ чистымъ взглядомъ, какъ нельзя болѣе подходила къ этому спокойному лицу, дышавшему непоколебимой вѣрой и безграничной самоотверженностью. Ни манеры ея ни черты ея лица не представляли собою ничего особеннаго, бросающагося въ глаза, но ея прекрасная душа озаряла все ея существо лучезарнымъ свѣтомъ. Ея рука, съ точки зрѣнія художника, показалась бы самой обыкновенной, но прикосновеніе ея пальцевъ было необыкновенно нѣжное и говорило только о ласкѣ. Все въ ней было просто, слова, выраженіе лица, манеры,—но вѣдь такая простота присуща прозрачной ключевой водѣ и голубому небу... И эта молодая дѣвушка относилась съ полнымъ довѣріемъ ко всѣмъ раненымъ, самые худшіе изъ нихъ казались ей только сбившимися съ пути. А потому она была ласкова съ самыми грубыми. Казалось, будто одной своей улыбкой она изгоняетъ страданія. Она была всегда невозмутимо спокойна и не знала утомленія. Больные чувствовали себя лучше отъ одного только ея взгляда.

Звали ее Аннъ, мадемуазель Аннъ, и это коротенькое и спокойное имя, напоминающее легкій вздохъ, принимало выраженіе просьбы въ устахъ раненыхъ: „Мамзель Аннъ!.. Мамзель Аннъ!.." Это должно было означать: „Боже, вы такъ добры.. подойдите же!.. О, какая тоска!.. Ахъ, какъ скучно!.. Мамзель Аннъ... разскажите намъ что-нибудь".

— Что-нибудь интересное?—спрашивала она.

— Да, да, очень интересное.

— Подождите... Я прочту вамъ еще разъ письмо вашей матери...

По вечерамъ, прежде чѣмъ уйти, она никогда не забывала пожелать спокойной ночи каждому отдѣльно. Она знала, что больные, какъ и дѣти, спятъ лучше, когда женская рука поправитъ ихъ подушку и одѣяло. Она сбходила всѣхъ и приговаривала, точно это были дѣти:

— Спокойной ночи, бѣдная больная рука... До свиданія, южный человѣкъ... До завтра, бѣдное плечо... Спокойной ночи, Гаспаръ... не будемъ больше шевелиться...

Гаспаръ отвѣчалъ:

— Я заползъ въ свою раковину, я улитка... Это по моей части.

[О]на ласково улыбалась и уходила. Едва за ней затворялась дверь, какъ крестьянинъ, ремесленникъ, юный безусый солдатикъ и почтенный отецъ семейства—всѣ въ одинъ голосъ повторяли за Гаспаромъ:

— Она... она... прямо поразительна!

Потомъ они добавляли съ особенной интонаціей: „Теперь спать!"—точно торопились отдѣлаться отъ ночи, чтобы поскорѣе снова увидать ее.

Вторая изъ этихъ трехъ женщинъ не менѣе первой заслуживала, чтобы ее ждали съ нетерпѣніемъ.

Ряды кроватей... раны, выстроенныя въ рядъ... что можетъ быть непригляднѣе больничной палаты!.. Но стоило только ей появиться, какъ унылая палата превращалась въ веселую комнату. Она сейчасъ же растворяла окна на солнечной сторонѣ, и появлялась она съ охапкой цвѣтовъ въ голыхъ рукахъ съ засученными рукавами. Входя, улыбаясь, она уже вносила уютъ и тепло въ эту холодную казенную залу.

Звали ее мадамъ Арно. Она была замужемъ, и у нея были дѣти. Она часто говорила о своихъ дѣтяхъ, игравшихъ въ саду. И невольно приходила въ голову мысль, что, если ласка женщины украшаетъ дѣтей, то ея дѣти должны были быть на рѣдкость очаровательны.

Про эту женщину нельзя было сказать, что въ ней было все просто. Благородство въ ней было врожденное, но въ ея изящной манерѣ держать себя была нѣкоторая доля дѣланности. Она была аристократическаго происхожденія и прекрасно образована. Ея граціозная фигура такъ и рисовалась въ воображеніи на фонѣ великолѣпнаго парка съ развѣсистыми старыми деревьями, подстриженными газонами, аллеями, посыпанными краснымъ пескомъ, и вазами, наполненными роскошными цвѣтами. Трудно бы[ло] элегантной въ скромномъ бѣломъ костюмѣ сестры милосердія. Однако, если шея красива, а нога изящна, то можно со вкусомъ обуваться и нѣсколько ниже вырѣзать воротъ корсажа. Мадамъ Арно знала цѣну тонкому, низкому воротничку, обхватывающему красивую бѣлую шею, а изъ-подъ ея короткой юбки выглядывали узенькія туфельки и прелестный подъемъ подъ туго натянутымъ тонкимъ чулкомъ.

Когда она проходила мимо, ее не звали, ею только любовались.

Она сама подходила къ больнымъ, и всегда съ какимъ-нибудь милымъ вниманіемъ. Если на столѣ стоялъ пустой стаканъ, она

ставила въ него розу. Горѣвшимъ въ жару она говорила: „Приподнимите голову, я надѣну чистую наволочку на вашу подушку". Больной улыбался отъ счастья, прижимаясь горячей щекой къ свѣжему полотну, и бормоталъ:—„Спасибо... спасибо, мадамъ..."—и онъ добавлялъ, не находя другихъ словъ, хотя этого было слишкомъ мало, чтобы выразить ей свои чувства: „Какъ вы добры!" И дѣйствительно, она дѣлала все такъ охотно и такъ легко. Какъ счастливы были тѣ раненые, за которыми она ухаживала, которыхъ баловала, кормила. Она превращалась въ молодую мать, ловкую и нѣжную. Словно ребенка, она обхватывала рукой своего „человѣчка", неловкаго и смущеннаго, нѣжно поддерживала его и говорила: „Опирайтесь на меня!" Раненый отвѣчалъ: „О, ма'амъ... я не голоденъ". Она возражала: „Нѣтъ, вы голодны... вотъ увидите... вамъ захочется ѣсть". И она настаивала на своемъ, дула на супъ. Раненый отворачивалъ голову. „Нѣтъ, ма'амъ... я не могу..." Тогда она тихонько, не спуская съ него глазъ, подносила къ его рту полную ложку и при этомъ говорила шопотомъ, по-дружески: „Когда человѣкъ чего-нибудь захочетъ, то все сможетъ... особенно, когда онъ французъ..."

Когда уходила мадамъ Арно, то никто ничего не говорилъ, даже Гаспаръ, у котораго языкъ былъ такъ хорошо подвѣшенъ. Всѣ молчали... чтобы думать о ней.

Для того, чтобы заставлять раненыхъ забывать ее, необходимо было все обаяніе мадемуазель Віетъ, третьей изъ этихъ женщинъ. Эта молодая дѣвушка была сама жизнь.

Она была маленькая, но прелестно сложенная, подвижная, легкая, гибкая, съ быстрыми, живыми глазами, веселая, шаловливая, съ мягкимъ отзывчивымъ сердцемъ, чувствительнымъ и любвеобильнымъ. Она приводила въ восторгъ Гаспара. Онъ, человѣкъ изъ предмѣстья Парижа, съ грубымъ голосомъ, обожающій мадемуазель Аннъ и мечтающій о мадамъ Арно, онъ сейчасъ же почувствовалъ, сколько живого остроумія, сколько расы было въ этой истой француженкѣ, маленькой, изящной и живой. Однажды онъ не могъ удержаться и спросилъ ее:

— Вы вѣдь изъ Парижа, не правда ли?

Нѣтъ, оказалось, что она изъ Анжу. Она выросла въ этой степенной провинціи. Она сказала это съ такими ясными глазами и съ такимъ веселымъ смѣхомъ, что Гаспаръ въ первый разъ въ жизни задумался надъ тѣмъ, нѣтъ ли во Франціи уголка еще лучше его большого города.

Въ дѣйствительности, эти два существа, по внѣшности такъ непохожія другъ на друга, были очень близки по духу. То же чистое сердце, то же благородное самолюбіе. Никогда, ни за что не сказалъ бы онъ: „Какъ больно!", когда она, склонясь надъ нимъ, быстро, ловко, едва прикасаясь пальцами, снимала повязку, прилипшую къ ранѣ. А когда во время обѣда она подходила къ его кровати, пряча въ рукѣ заранѣе выбранное яблоко или грушу, она дѣлала видъ, будто беретъ изъ корзины первый попавшійся подъ руку фруктъ. Ей было бы неловко, если бы онъ замѣтилъ ея вниманіе.

Каждый день раненые съ радостнымъ нетерпѣніемъ ожидали двухъ моментовъ: наступленія утра и ея прихода. Когда она являлась, то казалось, будто вся палата наполняется свѣжимъ ароматнымъ воздухомъ. Она, какъ ясное утро, распространяла вокругъ себя бодрость. Глаза ея улыбались, она точно говорила: „Чего вы валяетесь въ кроватяхъ?" И солдатамъ казалось чѣмъ-то нелѣпымъ, что они ранены и должны лежать...

У нея были золотистые волосы, и бѣлокурыя прядки постоянно выбивались изъ-подъ бѣлой косынки и щекотали ей виски. Она небрежнымъ и нетерпѣливымъ движеніемъ откидывала ихъ за уши рукой. Когда она ходила быстрыми, мелкими шагами, то на шеѣ ея все время слегка подпрыгивалъ небольшой медальонъ на золотой цѣпочкѣ. Она была милая, смѣшная, необыкновенно дѣятельная, шаловливая.

На ней лежала обязанность складывать бѣлье въ шкапъ, и она совершенно исчезала въ немъ, потомъ выходила изъ него, дѣятельная, добросовѣстно исполнявшая все, за что бралась. Въ полдень, когда всю палату заливало яркое солнце и она хлопотала съ бѣльемъ, казалось, будто она служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что чистое бѣлье должна убирать только бѣлокурая молодая дѣвушка и никто другой.

Но развѣ она занималась только однимъ бѣльемъ? Чего только она не приводила въ порядокъ, гдѣ только ея не было? Она бѣгала быстро-быстро, дѣлала все на ходу, издали догадывалась обо всемъ, не забывала ничего. Не успѣвалъ раненый подумать: „Она, кажется, забыла объ этомъ..."— она уже угадывала мысль по его глазамъ, подходила къ нему и спрашивала:

— Что я забыла? И сейчасъ же сама вспоминала.

Для своихъ больныхъ она выбирала самыя мягкія простыни и говорила, точно извиняясь: „Можетъ-быть, онѣ немного старенькія..." Въ октябрѣ, какъ только начались первые прохладные дни, она давала раненымъ для умыванія теплую воду и спрашивала: „Она не слишкомъ холодная? Вамъ не непріятно?" Изъ дому она потихоньку приносила для солдатъ фрукты, конфеты, картинки,—у нея были маленькія ручки, но, можетъ-быть, потому-то онѣ и умѣли такъ хорошо прятать маленькіе сюрпризы. Ея выпуклый лобъ говорилъ о лукавствѣ, но всѣ ея маленькія хитрости сводились лишь къ тому, чтобы замаскировать свою доброту. Это была стыдливость сердца, въ ней-то и сказывалась деликатная душа молодой дѣвушки, и Гаспаръ въ порывѣ восхищенія ею говорилъ:

— Эта крошка... это сама прелесть!.. Когда я буду у себя дома, я непремѣнно пошлю ей какой-нибудь сувениръ.

Эти три женщины какъ бы довершали другъ друга. Онѣ представляли собою три формы женственности, слитыя воедино. Тонъ мадемуазель Аннъ, кроткій, спокойный, сердечный, былъ настоящимъ бальзамомъ для тяжело раненыхъ, думающихъ о смерти. Мадамъ Арно, съ пѣвучимъ голосомъ и прелестными круглыми руками, казалось, была создана для тѣхъ, которые надѣялись на выздоровленіе, и ихъ трогала одна только ея внѣшность. Мадемуазель Віетъ, живая, граціозная, подвижная, была свѣтлымъ лучомъ для выздоравливающихъ, которые, глядя на нее, проникались жизнерадостностью.

Первую цѣловали, когда чувствовали приближеніе смерти. При видѣ второй у больныхъ являлось робкое желаніе поцѣловать ей руку. Третья... Гаспаръ мечталъ о томъ, чтобы пойти съ ней гулять.

— —

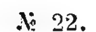
Гаспаръ въ госпиталѣ! Ухаживали за нимъ, или онъ ухаживалъ за больными?

Онъ пролежалъ всего три дня въ постели, а потомъ всталъ. Это раздражало его. Онъ не могъ больше валяться въ постели! Его можно было бы только привязать къ кровати. Онъ заявилъ мадемуазель Аннъ:

— Я здоровъ... Я ничего больше не чувствую... Даю вамъ слово, что все зажило...

И, отчаянно хромая, признаваясь самому себѣ: „Можно подумать, что у меня задъ деревянный",—онъ первымъ дѣломъ произвелъ осмотръ всего зданія, которое онъ уже весело окрестилъ „мастерской починокъ". Онъ побывалъ и въ часовнѣ, и на кухнѣ, и въ подвалахъ... да куда только онъ не сунулъ своего любопытнаго носа? Онъ осмотрѣлъ садъ, аптеку, склады бѣлья, и послѣ этого возвратился въ свою палату, удовлетворенный осмотромъ,

Портретъ дочери художника. *Е. Ернефельдъ.*
Выставка Финляндскихъ художниковъ въ Петроградѣ 1917 г.



За работой. *Юхо Риссаненъ.*
Выставка Финляндскихъ художниковъ въ Петроградѣ 1917 г.

потому что теперь онъ зналъ, куда можно сунуться, чтобы оказать кому-нибудь помощь.

Въ этотъ же вечеръ онъ чистилъ картошку на крыльцѣ вмѣстѣ съ одной изъ сестеръ, которая не могла удерживаться отъ смѣха, слушая его болтовню:

Всякое дѣло для меня — дѣло, а не игра... я люблю работать. Если бы Богъ сотворилъ меня устрицей, то я прямо-таки подохъ бы въ раковинѣ... потому что я люблю дѣятельный образъ жизни... Нѣтъ, кромѣ шутокъ... И я люблю, чтобы работа у меня кипѣла, а то меня одолѣваетъ тоска... Парижъ — вотъ гдѣ жизнь кипитъ, тамъ я чувствую себя, какъ рыба въ водѣ... Нѣтъ, кромѣ шутокъ... это не шутки... А вы, сестра?

На слѣдующій день онъ принялся разогрѣвать воду для ножныхъ ваннъ, потомъ онъ посыпалъ дворъ пескомъ, онъ же вычистилъ всю зелень для обѣда. Потомъ... Да развѣ можно пересчитать все то, что онъ успѣлъ наработать? Онъ подметалъ, готовилъ кушанье, массировалъ, брилъ, и... рана его начала заживать. Да, да! Сидѣлки смѣялись надъ этимъ. И онъ также. Однажды вечеромъ, когда онъ укладывался спать, онъ держался за бокъ. Санитаръ сказалъ ему:

— Ну, какъ дѣла? Поправляешься?

Онъ отвѣтилъ:

— Поправляюсь ли я? Разумѣется! А знаешь, почему я поправляюсь? Докторъ, этотъ старый бонза, объяснилъ мнѣ. Онъ сказалъ: „Вы поправляетесь такъ быстро потому, что не пили"... Вотъ дуракъ!.. Нѣтъ, ты подумай самъ!.. Ей-Богу, я чуть не расхохотался ему въ носъ! Бѣдный старикашка!.. Если бы во Франціи было столько парней, сколько я раздавилъ шкаликовъ, то никто не говорилъ бы, что народонаселеніе у насъ уменьшается... Нѣтъ, вотъ именно алкоголь-то и помогъ заживленію моей раны!

Санитаръ хохоталъ. Это былъ добрый малый и весельчакъ, съ которымъ Гаспаръ сошелся очень быстро. Изъ клерка нотаріуса онъ превратился въ санитара. Какимъ образомъ? Зачѣмъ? Благодаря недоразумѣнію при наборѣ. Но недоразумѣніе это было очень счастливое, потому что этотъ человѣкъ съ розовымъ лицомъ, веселымъ нравомъ, поднимающій съ улыбкой самыхъ тяжелыхъ больныхъ, благотворно дѣйствовалъ на ихъ душу, излѣчивалъ ихъ морально и какъ будто говорилъ: „Посмотрите, какъ хороша жизнь!"

Онъ каждое утро повторялъ: „Черезъ мѣсяцъ все кончится". У него всегда находился какой-нибудь смѣшной анекдотъ изъ войны. Однажды, блѣдный отъ волненія, онъ прибавилъ, разсказывая о смерти одного изъ раненыхъ:

— Бѣдняга! Ужъ не придется мнѣ больше никогда его разсмѣшить...

Судить о живыхъ надо съ тѣми, кто умираетъ, потому что умирающимъ больше всего нужна помощь.

Человѣкъ, видавшій сраженія, проникается презрѣніемъ ко всѣмъ, кто боится огня. Ну, а этотъ клеркъ, какъ-то случайно попавшій въ госпиталь, немножко побаивался огня.

На другой же день послѣ своего появленія въ госпиталѣ Гаспаръ грубо спросилъ его:

— Почему ты не тамъ? Ты ловко устроился! Почему ты не идешь скалить зубы передъ бошами?

— Чего ты суешься не въ свое дѣло? — отвѣтилъ санитаръ.— Я жду... жду, чтобы меня потребовали... Тебя вѣдь призвали?

— Ну, и везетъ нѣкоторымъ! — сказалъ Гаспаръ съ презрительной гримасой.—Я? Я былъ давно уже заказанъ.

Позже онъ лучше узналъ и оцѣнилъ этого писца, который всегда былъ готовъ стать между смертью и ея жертвой, когда приближался послѣдній часъ. Онъ ни на минуту не покидалъ изголовья умирающаго, поддерживалъ его подушку, и въ голосѣ его слышалась материнская нѣжность. Передавали его слова у постели одного умирающаго:

— Все это пустяки, голубчикъ... Пройдетъ... Вотъ уже и лучше.. Вотъ... вотъ конецъ...

Гаспаръ говорилъ, точно вразумляя себя:

— Нотаріусы? Нотаріусы прохвосты... Берутъ пять франковъ за бумажонку въ двѣ строчки... Но этотъ совсѣмъ особенный. Онъ славный парень, съ нимъ и поговорить пріятно.

И мало-по-малу Гаспаръ удостоилъ санитара полнымъ своимъ довѣріемъ, и тотъ постепенно занялъ въ его сердцѣ мѣсто Бюретта. Дѣло въ томъ, что Гаспаръ всегда выбиралъ себѣ въ друзья людей, умѣющихъ говорить и немного думать. А кромѣ того, этотъ клеркъ-санитаръ былъ очень оригинальный человѣкъ. Да и имя-то у него было необыкновенное: Дюдоньонъ. Какъ много говорили эти три слога! Въ нихъ слышались и мягкость, и доброта, и комизмъ, и нѣжность. И вправду, санитаръ вносилъ много оживленія и веселья въ „осто". Съ нимъ случались преуморительныя исторіи.

Однажды утромъ, совершенно неожиданно, по госпиталю разнеслась вѣсть, что туда ѣдетъ инспектирующій генералъ.

— Чортъ возьми! — сказалъ Дюдоньонъ.—Если онъ вздумаетъ проинспектировать меня, то онъ сегодня же вечеромъ запечетъ меня на фронтъ!

— Подожди, — сказалъ Гаспаръ, — не падай духомъ раньше времени!

Сказатель Калевалы. *Ально Сайло.*
Выставка Финляндскихъ художниковъ въ Петроградѣ 1917 г.

Старшій врачъ дѣйствительно вспомнилъ о санитарѣ. Онъ прибѣжалъ и крикнулъ:

— Ложитесь скорѣе!

— Слушаю, докторъ...

— Снимайте платье... залѣзайте подъ одѣяло... закрывайте глаза!

— Хорошо, докторъ...

— Я скажу, что у васъ адскій жаръ.

— Благодарю васъ, докторъ...

Онъ быстро раздѣвается, забирается въ постель и ждетъ.

Ревъ автомобиля на дворѣ... Шаги на крыльцѣ... Генералъ! У санитара глаза на лобъ вылѣзаютъ, точно его пытаютъ. Вдругъ растворяется дверь, и въ палату влетаетъ, словно ее вѣтромъ внесло, мадамъ Арно.

— Онъ улегся! Вставайте сію же минуту! Кто велѣлъ вамъ лечь?

До... докторъ.

— А что, если инспекторъ потребуетъ посмотрѣть ваши раны?

— Мои... Ахъ, мои раны...

— Да вставайте же! Вставайте!

Онъ выскочилъ изъ кровати и забормоталъ, натягивая на себя брюки:

— Такъ какъ же?.. Такъ какъ же?..

Надо васъ спрятать кудa-нибудь.

Гаспаръ былъ тутъ. Онъ сказалъ спокойно:

— Одѣвайся. Я спрячу тебя.

— Гдѣ?

— Въ стѣнномъ шкапу, куда прячутъ метлы.

— Въ шка.... шкапу

Бѣдный санитаръ не зналъ, смѣяться ему или плакать. Какъ бы то ни было, но спорить было некогда. Держа въ рукахъ свои башмаки, онъ послѣдовалъ за Гаспаромъ, который и заперъ его на ключъ въ маленькомъ стѣнномъ шкапикѣ на лѣстницѣ.

А потомъ ужъ мадамъ Арно выпутывалась и спасала положеніе.

Это удивительно, до чего женщины, самыя честныя, умѣютъ прикидываться спокойными, когда дѣло идетъ о спасеніи человѣка, задыхающагося въ шкапу! Что за естественные жесты! Какое невозмутимое лицо! Съ какой холодной дерзостью произносятъ уста ложь! Чтобы понять это, надо было видѣть мадамъ Арно, элегантную и величественную, съ генераломъ, шамкающимъ старичкомъ. Остановясь передъ пустой постелью съ раскрытымъ одѣяломъ, она пояснила ему:

— Господинъ инспекторъ, этотъ раненый ушелъ туда, куда короли ходятъ пѣшкомъ.

— А?.. А! Это его право,— отвѣтилъ генералъ съ улыбкой.—Какая рана?

Она отвѣтила съ невозмутимымъ видомъ:

— Онъ былъ клеркомъ у нотаріуса.

Озадаченный этимъ отвѣтомъ, генералъ подумалъ: „И она... она такъ же туговата на ухо... какъ и я". И онъ прошелъ дальше. Онъ прошелъ даже мимо шкапа въ стѣнѣ, а затѣмъ ушелъ совсѣмъ. У всѣхъ вырвался вздохъ облегченія. Вспомнили сейчасъ же о бѣднягѣ Дюдоньонѣ... Но онъ долженъ былъ расплатиться за то волненіе, которое только-что испытали всѣ изъ-за него. Были созваны всѣ сестры милосердія, чтобы посмотрѣть, какъ онъ будетъ выходить изъ мѣста своего заточенія.

Боже, что это была за физіономія! Онъ жмурилъ глаза. Ему было стыдно. Онъ сейчасъ же набросился на Гаспара, точно злился на него за то, что тотъ такъ хорошо его запряталъ:

Это чортъ знаетъ, что такое! Лучше я пойду сражаться! Я напишу полковому командиру! Я вовсе не камѣрѣнъ разыгрывать какого-то дурака!

Но вслѣдъ за этимъ... ахъ, ужъ таковы люди!..—онъ принялся болтать съ мадамъ Арно и еще разъ нашелъ ее очаровательной. Потомъ онъ просмотрѣлъ газеты. Въ сообщеніи онъ прочелъ, между прочимъ: „Германцы понесли громадныя потери... наши потери чувствительны". Это показалось ему ужаснымъ, наводящимъ на размышленія...

Въ концѣ концовъ онъ принялся ухаживать за ранеными и забылъ все.

Гаспаръ помогалъ ему.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Très moutarde. *В. Штемберъ.*

Выставка „Товарищества художниковъ" 1917 г.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Партизанскія дѣйствія турецкихъ курдовъ и арабовъ.

Въ то время, какъ колонны наступающихъ изъ Персіи нашихъ войскъ подходили къ границѣ Месопотаміи и не утвердились еще во вновь занятыхъ раіонахъ у Бана и Ханекина, курдскіе и арабскіе партизанскіе отряды старались нарушить связь между этими колоннами и не допустить соединенія между нашими и англійскими войсками въ долинѣ нижняго теченія рѣки Діала.

При создавшихся условіяхъ и труднодоступной горной мѣстности, въ наиболѣе изолированное положеніе попала Ханекинская колонна войскъ, которая охватывалась непріятельскими партизанами съ обоихъ фланговъ. Первоначально курды и арабы, руководимые турецкими и нѣмецкими офицерами, набросились на Шерабанскій раіонъ, гдѣ еще не совсѣмъ установилась прочная связь колонны генерала Павлова съ англійской арміей генерала Мода. Нѣкоторое время тому назадъ въ одномъ изъ сообщеній штаба верховнаго главнокомандующаго былъ отмѣченъ эпизодъ нападенія мѣстныхъ курдовъ на сотню нашихъ казаковъ, конвоировавшихъ по дорогѣ изъ Шерабана на Бакубу англійскаго военнаго агента. Этотъ случай доказалъ необходимость болѣе энергичнаго искорененія партизанскихъ шаекъ непріятеля въ сферѣ соприкосновенія русскаго и англійскаго боевыхъ фланговъ. Въ результатѣ принятыхъ мѣръ безопасность сообщенія между Ханекиномъ и Багдадомъ была возстановлена, и получившія извѣстную свободу дѣйствій англійскія войска имѣли вскорѣ вслѣдъ засимъ возможность развить болѣе энергичныя операціи на нижнемъ теченіи рѣки Тигра. Эта свобода дѣйствій привела къ новому ряду успѣховъ англійскаго оружія, завершившихся занятіемъ города Самарры.

Ханекинская группа нашихъ войскъ подошла вплотную къ рѣкѣ Діалѣ.

Однако, какъ англичане не имѣли возможности двинуться изъ раіона Багдада въ направленіи на Самарру, пока не былъ очищенъ Шерабанскій раіонъ отъ курдскихъ и арабскихъ шаекъ, такъ оказалась связанною до нѣкоторой степени въ своихъ послѣдующихъ операціяхъ и наша Керманшахо-Ханекинская группа войскъ, имѣвшая необезпеченнымъ свой правый флангъ отъ тѣхъ же курдовъ и арабовъ, дѣйствовавшихъ въ приграничной долинѣ рѣки Діала и въ раіонѣ Дженаверъ—Сенне.

Къ искорененію указаннаго явленія направлены были усилія нашихъ войскъ въ теченіе первыхъ чиселъ и середины апрѣля мѣсяца. Съ этой цѣлью въ раіонъ Сенне была двинута промежуточная группа нашихъ войскъ, на которую была возложена задача установить связь между Ханекинской и Сакизской нашими колоннами и, кромѣ того, очистить приграничный раіонъ Персіи отъ застрявшихъ въ немъ курдо-турецкихъ шаекъ.

На пути своего продвиженія эта колонна встрѣчала довольно большія затрудненія, такъ какъ продвигалась сравнительно медленно, и лишь только въ двадцатыхъ числахъ апрѣля мѣсяца ей удалось продвинуться къ раіону селенія Дженаверъ, находящагося верстахъ въ 55 къ сѣверо-западу отъ Сенне и на полупути между этимъ послѣднимъ пунктомъ и турецкимъ городомъ

Путь скорби. Бѣженцы. Выставка „Товарищества художниковъ“ 1917 г *И. Саддъ.*

Сулейманіе. При дальнѣйшемъ своемъ продвиженіи колонна эта достигла перевала Гаранъ, имѣющаго около 7.000 футовъ высоты.

Подойдя къ Дженаверу, центральная наша колонна, попутно съ выполненіемъ указанной выше задачи и уклоняясь къ сѣверу, въ значительной мѣрѣ приблизилась къ раіону дѣйствій Сакизской группы нашихъ войскъ, оперирующей между Пенджвиномъ и Баномъ.

Такимъ образомъ подходъ Дженаверской колонны нашего персидскаго отряда войскъ къ Месопотамской границѣ долженъ былъ сыграть роль кульминаціоннаго пункта въ Месопотамской операціи.

Казалось бы, что положеніе наше въ Персіи настолько упрочилось, что можно было бы обратиться къ дальнѣйшему развитію съ англичанами операцій на Моссулъ. Однако въ двадцатыхъ числахъ мая мѣсяца обстановка здѣсь снова измѣнилась. Курды внезапно прорвались на Джеванрудъ и Ровансиръ, угрожая выйти на сообщенія нашей Ханекинской группы войскъ въ направленіи Керманшаха.

Въ двухъ переходахъ къ сѣверо-западу отъ Керманшаха, какъ сообщаетъ штабъ верховнаго главнокомандующаго, въ раіонѣ Ровансира, шайка курдовъ, силою около тысячи человѣкъ, напала на наши части. Боевое столкновеніе приняло ожесточенный характеръ. Такимъ образомъ мы наблюдаемъ исключительное по боевой обстановкѣ положеніе, въ которомъ значительная курдская масса конницы, прорвавшись на 4—5 переходовъ въ глубь нашего расположенія между Дженаверской и Ханекинской нашей колоннами, рѣшительно раздѣлила послѣднія.

Нахожденіе Ровансира неподалеку отъ Керманшаха, на персидской территоріи, въ ста верстахъ отъ Месопотамской границы, показываетъ, насколько глубоко проникли турецкіе курды въ раіонъ дѣйствій нашихъ отрядовъ, оперирующихъ въ Персіи, и насколько осложнилось положеніе колонны нашихъ войскъ, дѣйствующей со стороны Керманшаха на Багдадскомъ направленіи на среднемъ теченіи рѣки Діала.

Энергичное наступленіе главныхъ силъ колонны генерала Павлова на соединеніе съ англійскими войсками развивалось очень успѣшно до марта мѣсяца, когда мы достигли Ханекина и

Водосвятіе въ окопахъ. Выставка „Товарищества художниковъ“ 1917 г. *И. Владиміровъ.*

Шерабана. Вслѣдъ затѣмъ, какъ во всей Месопотаміи, такъ и на Керманшахскомъ направленіи развитіе наступательныхъ операцій пріостановилось, и наши войска принялись, какъ указано выше, за искорененіе курдотурецкихъ шаекъ, дѣйствовавшихъ въ горахъ Курдистана къ сѣверу отъ линіи дороги Керманшахъ — Ханекинъ.

Нѣсколько задержались тогда партизанскіе отряды турокъ къ промежуточномъ Джеванрудскомъ раіонѣ (въ 25 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Ровансира), гдѣ они были выбиты лишь послѣ упорныхъ столкновеній съ нашими войсками и отброшены въ направленіи на Зохабъ (къ юго-западу отъ Джеванруда), и вслѣдствіе этого отошли къ самой Месопотамской границѣ.

Новое рѣзкое измѣненіе въ послѣднемъ направленіи боевой обстановки показываетъ, что прежняя работа по очисткѣ Джеванрудскаго, Зохабскаго и Ровансирскаго горныхъ раіоновъ отъ курдскихъ партизанскихъ шаекъ опять нарушилась, и тылъ нашихъ войскъ подвергся почти внезапнымъ нападеніямъ. Наиболѣе существенное въ этомъ положеніи затрудненіе создалось для нашей месопотамской группы войскъ, отъ коммуникаціонныхъ путей которой курды находятся сейчасъ въ очень близкомъ разстояніи.

Результатъ отмѣченнаго прорыва курдской конницы на пути сообщенія нашихъ войскъ съ Хамаданомъ, Рештомъ и Казвиномъ надо будетъ видѣть въ томъ, что дальнѣйшее развитіе нашихъ активныхъ операцій совмѣстно съ англійской арміей въ долинѣ средняго теченія рѣки Тигра должно будетъ значительно замедлиться. Пока нашимъ войскамъ не удастся снова очистить отъ партизановъ горный раіонъ Курдистана и отбросить противника на сто верстъ на западъ, выполненіе планомѣрной задачи названной операціи на Моссулъ неминуемо получитъ задержку на неопредѣленный срокъ.

Теперь курды выбиты пока только еще изъ Ровансира и отошли на Джеванрудъ, и общее положеніе нашего стратегическаго фронта между Сакизомъ и Ханекиномъ такимъ образомъ нельзя еще считать вполнѣ возстановленнымъ.

Верховный Главнокомандующій генералъ-отъ-кавалеріи А. А. Брусиловъ и его супруга Надежда Владиміровна Брусилова (рожденная Желиховская), посвятившая себя съ начала войны помощи нашимъ раненымъ и больнымъ воинамъ.

Вандервельде.

Доблестный другъ народа — бельгійскій министръ-соціалистъ Вандервельде у братскихъ могилъ жертвъ революціи на Марсовомъ полѣ въ Петроградѣ.

Политическое обозрѣніе.

Единство Россіи.

Россія—государство многоплеменное и многоязычное. Единый въ политическомъ отношеніи народъ Россійской державы состоитъ изъ очень большого числа народностей или національностей, отличающихся другъ отъ друга по признакамъ племенного происхожденія, языка, культуры и вѣры. Господствующее положеніе среди національностей Россіи искони принадлежало русскому племени съ его тремя вѣтвями—великорусской или центральной, малорусской или украинской и бѣлорусской или сѣверо-западной. Однако, въ созданіи и матеріальныхъ богатствъ и духовныхъ сокровищъ, которыми гордится великая Россія, несомнѣнно принимали видное участіе и прочія населяющія россійскую территорію народности. Нѣмцы и латыши, эстонцы и литовцы, армяне и грузины, евреи и различныя племена мусульманской вѣры на протяженіи вѣковъ испытывали на себѣ вліяніе русской культуры и въ свою очередь накладывали свой отпечатокъ на культурный обликъ русской народности. Россійская государственность и россійская культура представляютъ собою плодъ многосложнаго сотрудничества и взаимодѣйствія всѣхъ этихъ элементовъ. Именно въ этомъ состоитъ особая культурно-историческая цѣнность Россіи, какъ цѣлаго, именно поэтому и для господствующаго русскаго племени и для исторически съ нимъ связанныхъ инородческихъ національныхъ группъ сохраненіе единства Россійскаго государства есть дѣло огромной жизненной важности.

Вольга и дружина. *И. Билибинъ.*

Выставка „Міръ Искусства" 1917 г. Пріобрѣтена для Русскаго Музея.

Старый государственный порядокъ понималъ задачу сохраненія единства Россіи чрезвычайно примитивно. Необходимымъ условіемъ этого единства онъ считалъ строгую централизацію государственнаго управленія. Онъ легкомысленно пренебрегалъ законными стремленіями и притязаніями отдѣльныхъ народностей Россіи и думалъ, что ихъ можно заглушить и подавить мѣрами полицейскаго насилія. Ставя себѣ цѣлью въ культурной области руссифицировать или обрусить „инородцевъ", онъ въ области политической примѣнялъ къ нимъ

режимъ безправія и произвола. Конечно, и въ національномъ вопросѣ этотъ режимъ далъ самые безотрадные результаты. Гнетъ полицейскаго самовластія усиливалъ на мѣстахъ не центростремительныя, а центробѣжныя силы; вмѣсто того, чтобы поддерживать и укрѣплять государственное единство, онъ питалъ всевозможные „сепаратизмы". До государственнаго переворота то, что таилось въ глубинахъ государственной жизни, было скрыто отъ глазъ наблюдателя офиціальнымъ парадомъ обязательнаго казеннаго благополучія. Но когда самодержавіе было свергнуто, передъ всѣми открылась жуткая картина національнаго распада и національной борьбы. Для многихъ, очень многихъ русскихъ людей развернувшееся передъ ними зрѣлище было столько же потрясающимъ, сколько и неожиданнымъ.

Русская революція была вызвана стихійнымъ протестомъ народнаго разума противъ порядковъ царскаго самодержавія. Революція только въ томъ случаѣ будетъ „оправдана", если ей удастся вмѣсто стараго государственнаго порядка создать другой, болѣе совершенный. Въ частности, среди вопросовъ государственнаго строительства, оказавшихся не по силамъ самодержавію, революціонной Россіи предстоитъ разрѣшить и національный вопросъ. Революція должна и здѣсь „оправдать" себя. Она должна создать такія формы государственнаго быта, которыя, съ одной стороны, обезпечивали бы сохраненіе Россіи, какъ цѣлаго, а съ другой открывали бы каждой народности Россійскаго государства возможность самаго широкаго развитія и удовлетворенія своихъ національныхъ нуждъ и потребностей. Естественно, что и этотъ вопросъ основного или „конституціоннаго" характера относится къ предметамъ вѣдѣнія будущаго всероссійскаго Учредительнаго Собранія. До Учредительнаго Собранія Россія должна быть доведена въ томъ самомъ составѣ, въ какомъ революція унаслѣдовала ее отъ самодержавія. Никто не въ правѣ „явочнымъ" порядкомъ растаскивать Россію по кусочкамъ. Но на каждомъ сознательномъ гражданинѣ Россіи уже теперь лежитъ обязанность уяснить себѣ свое отношеніе къ вопросу объ единствѣ Россійскаго государства и о положеніи отдѣльныхъ его частей и подготовиться къ тому, чтобы выразить свой взглядъ на этотъ вопросъ на выборахъ въ Учредительное Собраніе.

Не дожидаясь Учредительнаго Собранія, Временное Правительство уже осуществило начало уравненія въ правахъ всѣхъ гражданъ Россіи, независимо отъ ихъ національности и вѣроисповѣданія. Не подлежитъ сомнѣнію, что полное признаніе гражданскаго равенства смягчитъ у насъ національныя противорѣчія и внесетъ извѣстное успокоеніе въ область національныхъ отношеній. Но на этомъ остановиться было бы невозможно, и Учредительное Собраніе силою вещей должно будетъ пойти значительно дальше въ обезпеченіи интересовъ и правъ народностей Россіи. Сравнительно просто при этомъ дѣло будетъ обстоять съ такими группами населенія, которыя, какъ еврейство или разноплеменное мусульманство, не населяютъ сплошныхъ территоріальныхъ пространствъ, и которыя требуютъ лишь національной или культурной автономіи, отлично укладывающейся въ рамки самаго строгаго государственнаго единства. Гораздо сложнѣе и труднѣе урегулировать положеніе національныхъ группъ, которыя болѣе или менѣе сплошной массой населяютъ опредѣленныя территоріи и съ бо́льшимъ или меньшимъ основаніемъ заявляютъ свои „историческія права" на эти территоріи. Таковы украинцы, грузины, латыши, эстонцы, литовцы, бѣлоруссы и т. д. Все это народности, требующія уже не культурной, а территоріальной автономіи. Между тѣмъ широко поставленная территоріальная автономія можетъ колебать государственное единство и въ конечномъ расчетѣ даже вести къ распаденію единаго государства на рядъ самостоятельныхъ государствъ.

Среди русскихъ политическихъ партій есть такія, которыя не страшатся этихъ крайностей мѣстнаго „автономизма" и высказываются въ пользу превращенія Россіи въ федеративную республику, состоящую изъ цѣлаго ряда мелкихъ республикъ, образованныхъ на территоріально-національной основѣ. Идея союзной Россійской республики или соединенныхъ штатовъ Россіи дѣйствительно имѣетъ въ себѣ много привлекательнаго и соблазнительнаго. Какъ идеалъ отдаленнаго будущаго, программа созданія союзной Россійской республики вполнѣ пріемлема. Но она не мо́жетъ быть взята въ качествѣ основы реальной политики настоящаго. Достаточно сравнить, напримѣръ, финляндскую окраину Россіи съ другими, претендующими на національно - территоріальную автономію областями, чтобы убѣдиться въ этомъ. Финляндія — это дѣйствительно законченное политическое цѣлое съ точно обозначенными границами, съ отстоявшеюся мѣстною жизнью, съ опредѣлившеюся культурной физіономіей. Но какъ быть съ Украйной, Латвіей, Бѣлоруссіей? Вѣдь всѣ эти области находятся еще въ состояніи броженія и формированія. Границы ихъ измѣнчивы и условны, въ нихъ самихъ идетъ жестокая внутренняя борьба между различными группами населенія за мѣстное преобладаніе, потому что каждая изъ нихъ есть въ миніатюрѣ то же, что вся Россія въ ги-

Илья Муромецъ и гробъ Святогора. *И. Билибинъ.*
Выставка „Міръ Искусства" 1917 г.

гантскомъ масштабѣ. Возвести ихъ въ рядъ самостоятельныхъ республикъ значило бы отдаться на волю случайностямъ и потрясти основы государственнаго единства Россіи, никого вполнѣ не удовлетворивъ и не умиротворивъ.

Повидимому, Учредительному Собранію придется итти другимъ путемъ и начать не съ конца, а съ начала,—съ первоосновъ мѣстной жизни. Надо будетъ начать съ предоставленія широкой мѣстной самостоятельности не областямъ, не провинціямъ, а еще болѣе мелкимъ единицамъ, напримѣръ, губерніямъ. Такая губернская децентрализація дастъ мѣстной жизни больше простора и свободы, чѣмъ областная автономія, и притомъ безъ всякихъ угрозъ для цѣлости государства. А уже въ дальнѣйшемъ, на почвѣ пышнаго и здороваго расцвѣта мѣстнаго самоуправленія, быть-можетъ, создадутся необходимыя предположенія для перехода Россіи къ федеративному строю. Тогда будетъ ясно видно, изъ какихъ элементовъ и какъ можно будетъ сложить зданіе союзной Россійской республики, единой и въ то же время свободной.

Проф. К. Соколовъ.

Открытіе памятника на могилѣ извѣстнаго русскаго соціолога Максима Максимовича Ковалевскаго на кладбищѣ Александро-Невской Лавры.
У памятника: слѣва—проф. Н. И. Карѣевъ, справа—проф. А. С. Посниковъ; въ группѣ второй слѣва—членъ Госуд. Думы Е. П. Ковалевскій, племянникъ покойнаго.

1-й Всероссійскій Съѣздъ летчиковъ-солдатъ и авіаціонныхъ мотористовъ.
Президіумъ Съѣзда: 1) секретарь Съѣзда — летчикъ Степановъ (Севастополь), 2) товарищъ предсѣдателя — летчикъ Муратовъ, 3) предсѣдатель—летчикъ прапорщикъ Новиковъ, 4) товарищъ предсѣдателя—летчикъ Евстигнѣевъ (Одесса), 5) секретарь—летчикъ Полевой (Одесса), 6) казначей—летчикъ Бабушкинъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" книга 45 и ежемѣс. иллюстрир. прилож. ДЛЯ ДѢТЕЙ № 6.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.

Выпускаемый на основаніи Постановленія Временнаго Правительства отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ:

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ Банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по 5¾% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.

ОДЕССК. СРЕДН. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННО-ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ,

Учр. И. И. Хойна

Съ правами казенн. средн. учебн. завед. ОДЕССА, Троицкая, 25. Открытъ пріемъ въ первый и подготовительный классы.

Проспекты высыл. за 5 2-коп. марокъ.

Тамъ же ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ. 4576

ОТЪ ПЕТРОГРАДСКАГО СОВѢТА РАБОЧИХЪ и СОЛДАТСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ

Товарищи и граждане!

Съ каждымъ днемъ расширяется дѣятельность Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. На ряду съ оказаніемъ помощи жертвамъ революціи, широко развивается организаціонная работа.

По всей Россіи и на фронтѣ, въ самыхъ глухихъ углахъ страны, члены Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и его уполномоченные разъясняютъ народнымъ массамъ значеніе происходящихъ событій, поднимаютъ ихъ революціонное сознаніе, участвуютъ въ созданіи органовъ новой власти на мѣстахъ.

Издаются и широко распространяются органы Совѣта, его воззванія и разъясненія; разрабатываются новыя начала организаціи солдатъ и улучшеніе ихъ быта; освѣщаются вопросы профессіональнаго движенія; устраиваются примирительныя камеры, нормируются условія труда рабочихъ и служащихъ, разсылаются гонцы за хлѣбомъ въ деревню.

Иногородній Отдѣлъ связываетъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ съ органами демократіи всей Россіи. Отдѣлъ международныхъ сношеній объединяетъ его съ демократіей всѣхъ странъ.

Товарищи и граждане! Только организація всѣхъ народныхъ силъ сдѣлаетъ завоеванія революціи прочными.

Для огромной и разносторонней созидательной работы, которую выполняетъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, нужны значительныя денежныя средства. Эти деньги должны быть даны народомъ. Жертвуйте, собирайте и отчисляйте средства въ распоряженіе Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Всѣ пожертвованія просятъ направлять въ Финансовый Отдѣлъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, Петроградъ, Таврическій Дворецъ, комн. № 35.

МАШИНКИ

для стрижки волосъ, необх. въ кажд. семьѣ. Цѣна 8 р — Запасн. пруж. къ нимъ 25 к. шт.—Англ. бритвы 6 р. шт. Т.º ЭКСЦЕЛЬЗІОРЪ. Москва, ящ. 251/90.

БУХГАЛТЕРІЯ и КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

заочные курсы по самой обширной программѣ:

СЧЕТОВОДСТВО (Двойная Итальянск. Бухгалтерія—общій курсъ и спеціальныя отрасли) Коммерч. Ариѳметика, Коммерч. Географія, Торг. Право, Коммерч. Корреспонденція, Товаровѣдѣніе.

СТЕНОГРАФІЯ по новѣйш. звуковому методу. Гарантія успѣха. Цѣнныя безплатныя прилож. Аттестатъ. Разсрочка платы. Проспекты—безплатно.

4574 **ПЕТРОГРАДЪ, Редакція „КОММЕРЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДІИ“—6.** 5-3

Фотографическое Акціонерное Общество

І. СТЕФФЕНЪ и Kº.

Фирма существуетъ съ 1882 года.

Петроградъ, Казанская, 5. Москва, Столешниковъ, 6.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЕ СКЛАДЫ:

ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ АППАРАТОВЪ

И ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ. 2 1

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.

РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА.

АРТЕРІОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.

ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Русское Агентство фирмы **ШАТЕЛЕНЪ** въ Парижѣ. Москва, Петровскій пассажъ, № 38, отд. 5.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ, предупреждаетъ его повтореніе.

4569

ЖЕТОНЫ

въ знакъ свободы Россіи, бронзовые золоченые выс. нал. плат. не менѣе 100 шт. за 50 р. при задаткѣ 20%. Образецъ выс. по пол. 1 р. Треб. заблаговр. Пгр., Коломенская ул., 22. Е. П. Киселеву.

ХУДОБУ,

страшное малокровіе, безсиліе и ужасные недуги наборъ **майскихъ желудочныхъ травъ** удаляетъ навсегда. Тысячи благодарн.: 3 года жена моя А. Чижова, Балаханы, еле двигала ноги и въ мѣсяцъ выздоровѣла и пополнѣла. Гольдштейнъ въ Самарѣ, страдая 27 л., майскія травы дали мнѣ жизнен. энергію, полноту и новыя силы. Пишите: МОСКВА, изобрѣт. П. МЕНЗЕЛИНЦЕВУ, Мясницкая, 50. Ц. 1 короб. 5 р. 75 к., 2 кор. 10 р. 75 к., 3 кор. 15 р. 75 к. 3 1

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья

ПЕТРОГРАДЪ

4481

КООРИНЪ

совершенно устраняетъ запоры, пробная коробка докажетъ Вамъ это.

Ккоринъ-Статъ абсолютно безвреденъ. Прекращаетъ тошноту, изжогу, пученіе газами и головныя боли. Устраняетъ геморой, катаръ и атонію. Улучшаетъ питаніе и укрѣпляетъ нервы. Требуйте въ ближайшей аптекѣ или складѣ, но только настоящій Ккоринъ-Статъ.

ДАРОМЪ мы вышлемъ вамъ очень цѣнную и интересную брошюру.

К-ра Лабораторіи Ккоринъ-Статъ.

Петрогр., Николаевск., 15, отд. Г.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, преждеврем. **безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе** съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за **четыре 7-копѣечныхъ** марки, **только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.**

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.

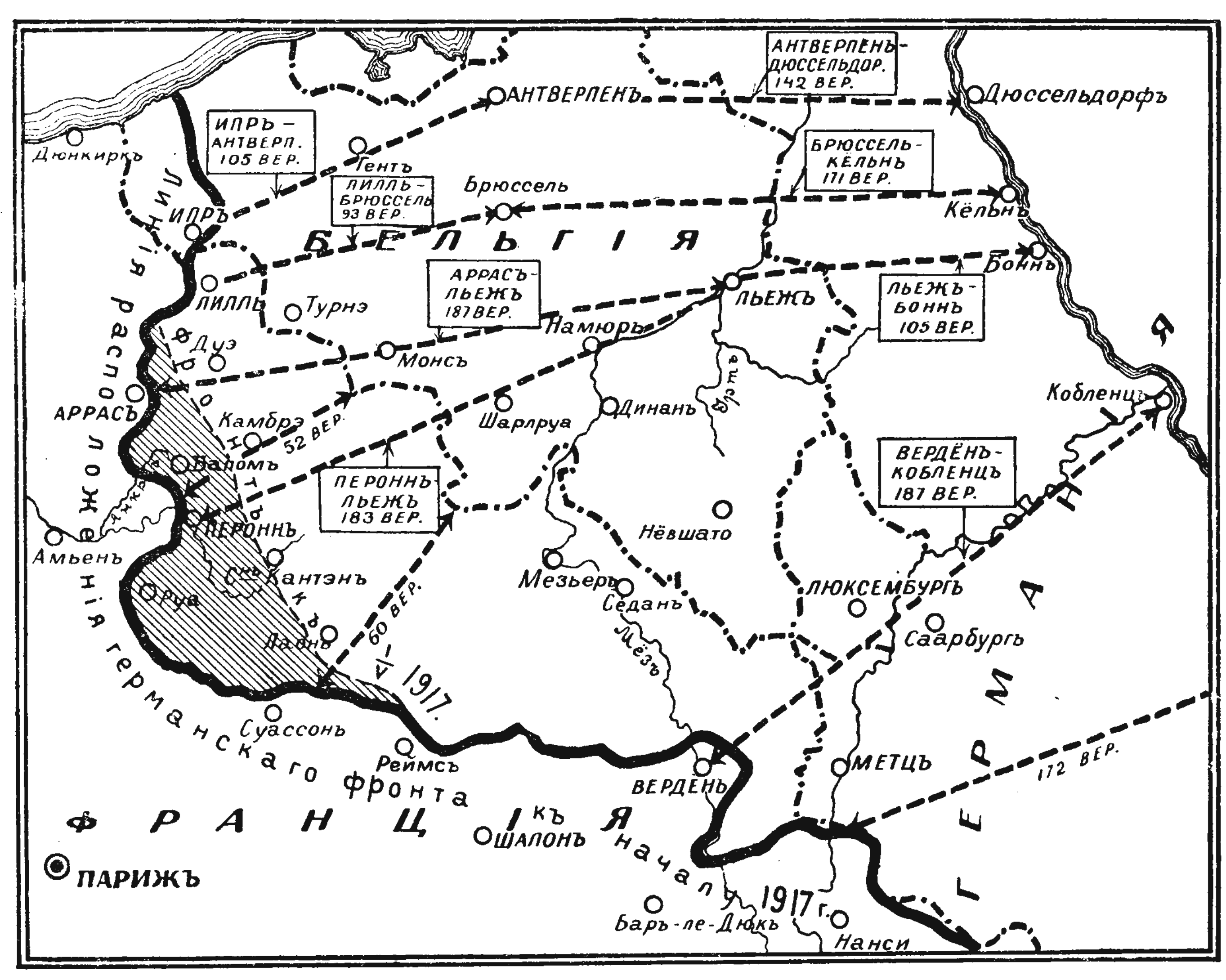


Схема важнѣйшихъ операціонныхъ направленій, по которымъ дѣйствовали до сего времени германскія арміи въ Бельгіи и во Франціи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

(Книги, поступившія въ редакцію для отзыва).

И. Бунинъ. „Храмъ солнца“. Книгоиздательство „Жизнь и знаніе“ Петроградъ. 1917. Цѣна 2 рубля.

Выпущенный книгоиздательствомъ „Жизнь и Знаніе“ сборникъ произведеній И. Бунина для юношества открывается рядомъ стихотвореній, пламенѣющихъ красками и образами Востока, его историческими и религіозными преданіями, пирамидами, статуями и руинами, этими молчаливыми загадками прошлаго и таинственными символами грядущаго. За стихотвореніями идетъ рядъ путевыхъ впечатлѣній въ прозѣ. И вездѣ та же яркость, красочность, подъ которыми чувствуется солнце Востока, видны его типы и бьется такая же яркая и красочная жизнь. Помимо жизненности впечатлѣнія, которое возбуждаетъ интересъ къ странѣ у юнаго читателя, книга затрагиваетъ и художественныя струны его души.

Н. Ф. Олигеръ. „Ночныя тѣни“. Книгоиздательство „Жизнь и знаніе“. Петроградъ. 1917. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Въ сборникѣ разсказовъ Н. Ф. Олигера героями являются слабые и угнетенные. Самый большой изъ разсказовъ „Кожаный чемоданъ“ представляетъ картину изъ жизни недавняго подполья съ его вѣчнымъ рискомъ, жертвами и опасностями. Герой разсказа Хлоповъ—случайный человѣкъ въ кругу нелегальныхъ; онъ прячетъ и берется доставить по назначенію экспропріированныя деньги только изъ-за любви къ Гесѣ—участницѣ экспропріаціи. Хлоповъ—личность, подавленная взятымъ на себя непосильнымъ обязательствомъ. Онъ скользитъ по жизни, не захватывая ее глубоко.

Разсказъ „Ночныя тѣни“ даетъ мрачную картинку дѣтской заброшенности и безпризорности. Подъ ночнымъ покровомъ падаютъ дѣти въ темную пучину разврата, и старая полицейская опека, открывшая пріютъ маленькихъ бродягъ подъ мостомъ, только больше толкаетъ ихъ въ эту пропасть. Психологія маленькаго бродяги Тоськи и образъ вѣрной Жучки переданы авторомъ съ чисто художественною тонкостью. Но особенная душевная чуткость и тонкость художественныхъ штриховъ сказывается у Н. Олигера въ двухъ послѣднихъ разсказахъ сборника: „Искушеніе“ и „Предатель“. Оба разсказа—изъ жизни китайцевъ. Психологическій анализъ, проведенный здѣсь съ особенной тонкостью и чуткостью, говоритъ о художественной способности автора къ перевоплощенію и въ чуждыя по духу національности.

Семенъ Юшкевичъ. „Повѣсть о господинѣ Сонькинѣ“. Книга заключаетъ въ себѣ пьесы С. Юшкевича. Кромѣ пьесы, давшей заглавіе книгѣ, въ ней имѣются еще двѣ: „Мендель Спивакъ“ и „Бѣсъ“. Всѣ онѣ раскрываютъ характерныя черты еврейскаго быта. Глубокій аналитикъ еврейской души, С. Юшкевичъ знаетъ изгибы ея въ радости и горѣ, въ чести и безуміи. Особенно хороша пьеса „Мендель Спивакъ“, гдѣ черты быта маленькой бѣдной еврейской семьи, психологія еврейской женщины выявлены съ чисто художественной тонкостью и чуткостью.

Если въ „Менделѣ Спивакѣ“ и „Бѣсѣ“ съ ихъ трагически-мрачнымъ концомъ сказывается писатель-психологъ, строящій пьесу на психическихъ переживаніяхъ, то въ „Повѣсти о господинѣ Сонькинѣ“ предъ нами типичный бытовикъ, отъ вниманія котораго не исчезаетъ ни одна деталь, писатель-мыслитель съ сильнымъ наклономъ къ пессимистическимъ обобщеніямъ.

Московскій Альманахъ. Московское издательство. 1917.

„Московскій альманахъ“ даетъ пьесы Н. Архипова, Анатолія Каменскаго, К. Тренева, П. Массальскаго. Всѣ пьесы интересны по сюжету, но ни одна изъ нихъ не представляетъ художественнаго цѣлаго. Пьеса А. Каменскаго „Если это возможно“ далеко не лучшее изъ произведеній этого автора. „Папа“ К. Тренева не даетъ и представленія объ одаренномъ писателѣ-беллетристѣ. Видимо, драматическаго элемента въ творчествѣ художника нѣтъ.

Пьеса Н. Архипова „Женщина съ улицы“—вещь несомнѣнно сценичная и смѣлая по замыслу и выполненію, но написана она съ плеча. Ни одно изъ рискованныхъ положеній пьесы не продумано, и это убиваетъ интересъ къ пьесѣ у зрителя съ художественнымъ вкусомъ. Пьеса П. Массальскаго „У позорнаго столба“ задумана интересно, но выполненіе замысла оказалось выше силъ автора.

Я. Вассерманъ. „Цорндорфскіе евреи". Петроградъ. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Романъ Я. Вассермана переведенъ подъ редакціей П. С. Когана и снабженъ его предисловіемъ. Критическая оцѣнка произведеній Я. Вассермана, не учитывающая совершенно мистическаго наклона въ талантѣ писателя, страдаетъ нѣкоторою односторонностью. Переводъ хорошъ, языкъ соотвѣтствуетъ стилю писателя. Самый сюжетъ романа, возбуждающій и электризующій, какъ-то особенно подходитъ къ переживаемымъ нами днямъ.

Угнетенный народъ, живущій вѣчнымъ ожиданіемъ великаго освобожденія и въ этомъ напряженіи духовныхъ силъ нервирующій себя,—это масса, легко воспламеняющаяся, и стóитъ зажечь спичку вблизи, чтобы вспыхнулъ пожаръ. Такимъ было для еврейства появленіе мнимаго пророка Саббатая Цеви. Писатель мало останавливается на фигурѣ пророка, а больше—на движеніи массъ, вдохновленныхъ имъ. Но если Саббатай Цеви все-таки яркая фигура, то Агатонъ, другой избранникъ если не еврейскаго народа, то автора, обрисованъ неясно. За нимъ, какъ за положительнымъ образомъ, стоятъ всѣ грѣхи автора. Фигура Агатона наполовину надумана, и благодаря этому во всемъ романѣ чувствуется какая-то раздвоенность. Освобожденіе личности, проповѣдуемое Агатономъ, какъ-то мало связано съ цѣлымъ романомъ, не пропитываетъ его. Въ этомъ произведеніи—богатыя залежи, которыя не обработаны, но цѣнны, какъ внутренняя сила его, подчиняющая себѣ читателя.

А. Бѣльскій. „Плѣнная мысль". Книгоиздательство „Жизнь и знаніе". Петроградъ. Цѣна 2 рубля.

Красивое названіе далъ сборнику своихъ разсказовъ А. Бѣльскій. Мысль, бьющаяся въ плѣну у жизни въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ,—такова основная идея, которая дѣйствительно проходитъ черезъ всю эту книгу. Наиболѣе удачно задумана, несмотря на устарѣлую форму писемъ, маленькая повѣсть „Плѣнная мысль". Тюрьма, освобожденіе послѣ суда, любовь и женитьба героя, поднадзорная жизнь и университетъ, рядъ компромиссовъ, для того, чтобы спасти положеніе—учиться въ университетѣ и не попасть опять въ тюрьму, и наконецъ стыдъ передъ самимъ собой за эти уступки и опять открытая борьба. Подъ угрозой семейнаго разлада,—все это раскрывается у автора въ своей логической послѣдовательности. Логика вообще въ произведеніяхъ А. Бѣльскаго часто замѣняетъ остроту жизненныхъ наблюденій и опыта. Если это мало чувствуется въ такихъ разсказахъ, какъ „Старики Дыньковы", „Сынъ", „Дитя", гдѣ жизнь, схваченная съ натуры, сама бьетъ черезъ край, то у менѣе удачныхъ и болѣе надуманныхъ, какъ „Приватъ-доцентъ", „Роза" и др., стройная логическая послѣдовательность мысли часто спасаетъ положеніе, развивая то, что не было дано жизненнымъ наблюденіемъ.

№ 23. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 10 іюня 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на ½ года—7 р., на ¼ года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

На перевалѣ.

Разсказъ **Ю. Волина.**

I.

...Я проснулся отъ звука выстрѣла. Кажется, передъ самымъ моимъ окномъ стрѣляютъ. А можетъ-быть, далеко, на другой улицѣ. Разъ, два, три... И опять тишина, будто и не было ничего.

Раньше, не то что давно, въ прошломъ, а всего только недѣлю тому назадъ, меня не разбудилъ бы звукъ выстрѣла. Я сплю очень крѣпко, чудовищно крѣпко, болѣзненно крѣпко. Ариша отказалась меня будить. „Силъ, говоритъ, моихъ не хватаетъ! И пока тутъ съ вами возишься, на кухнѣ молоко сбѣжитъ! Кажный день такъ!..“ Но это не главная причина ея отказа отъ исполненія обязанности, оплачиваемой особымъ жалованьемъ. Она призналась мнѣ: „И боязно, баринъ! Кажный разъ кажется, что померли вы! И къ двери ухомъ прикладаюсь и въ замочную скважину заглядываю... Блѣдный-блѣдный лежите и будто безъ дыханія... Кажный разъ сердце захолонитъ... Померъ баринъ!.. Ужъ вы меня увольте!..“

Изъ недавняго прошлаго. Съ прошеніемъ. XLV Передвижная выставка 1917 г. *Н. Богдановъ-Бѣльскій.*

Такъ спалъ я раньше. Уставалъ отъ сна, вставалъ разбитый, съ тяжелой головой. Только къ вечеру приходилъ въ себя и принимался за работу. Совѣтовался съ профессоромъ. Тотъ опредѣлилъ тяжелую форму неврастеніи, прописалъ гидропатію, гулянiе, гимнастику, еще что-то... Конечно, ничего этого я и не начиналъ.

А вотъ сейчасъ проснулся отъ звука выстрѣла!

Уже нѣсколько дней я сплю чутко, просыпаюсь рано, а главное, легко, весело, не усталый, а, напротивъ, отдохнувшій, бодрый. Я излѣчился. И не временно, — въ виду исключительныхъ дней, — а совсѣмъ. Безъ всякихъ обливаній, душей, прогулокъ и гимнастическихъ упражненій. Излѣчился нервнымъ подъемомъ одной ночи. Потрясеніями и очарованіями, страхами и радостями, приливами экстаза и ударами отчаянья, удивительными переживаніями той ночи излѣчился я.

Мой профессоръ, которому я вчера разсказалъ объ этомъ, сказалъ:

— Въ моей практикѣ такихъ случаевъ не было. Но теоретически я это допускаю. Сильныя переживанія могутъ замѣнить души Шарко...

Изъ недавняго прошлаго. За пенсіей. XLV Передвижная выставка 1917 г. *В. Маковскій.*

Я былъ немного смущенъ этими словами. Я и до сихъ поръ чувствую какое-то смущеніе, легкій стыдъ отъ того, что та ночь излѣчила меня. Я, маленькій человѣкъ, смѣю связывать память о той ночи, о ночи великаго таинства, о ночи Рожденія Свободы, со своими маленькими недугами и со своимъ исцѣленіемъ!.. Это кощунство! Это мѣщански-эгоистично!.. А впрочемъ... Развѣ не для людей пришла свобода?.. Развѣ не въ томъ величіе революціи, что она принесла людямъ счастье?.. И развѣ мое счастье, почерпнутое изъ этого чудеснаго источника, не по праву досталось мнѣ? И я долженъ стыдиться и молчать? А не кричать, чтобы слышали всѣ:

— Вотъ я, исцѣлившійся у источника Свободы!.. Смотрите на меня!.. Къ этому источнику идите, страждущіе!.. Здѣсь почерпнете вы новую бодрость, новыя силы, новую молодость!..

Кстати, о новой молодости.

Это было сегодня днемъ.

Какой день былъ сегодня? Пятый день свободы. Неужели только пятый? Какъ огромны, какъ содержательны дни!

Сегодня впервые отчетливо и увѣренно было сказано слово „республика“. Стало извѣстно объ отреченіи царя и его брата... Россійская демократическая республика... Неужели это правда?.. Неужели можно громко произносить эти удивительныя слова?.. Да! Да!.. Проходятъ полки, цѣлые полки, и на знаменахъ надпись: „Да здравствуетъ Россійская Демократическая Республика!..“

Неузнаваемы люди. Свѣтлые, довѣрчивые, вѣжливые.

И всѣ помолодѣвшіе! Городъ юношей!

Объ этомъ восторженно говорилъ мнѣ случайно оказавшійся рядомъ со мною—удивительно легко завязывается теперь разговоръ между совершенно незнакомыми людьми! — сѣдой человѣкъ съ блестящими, какъ у юноши, глазами.

— Городъ юношей!—взволнованно шепталъ онъ.—Вотъ я, сѣдой и морщинистый... Но я тоже чувствую себя юношей!.. Сѣдина и морщины?.. Но вѣдь и онѣ отъ „стараго режима“! Онѣ въ счетъ не идутъ! Послушайте, я вѣдь тоже начинаю новую жизнь, какъ вотъ этотъ мальчикъ-студентъ съ ружьемъ на плечѣ... Я начинаю новую жизнь... Все старое не въ счетъ!.. И сѣдина и морщины не въ счетъ!.. Я юноша!.. Я такъ хочу! Кто смѣетъ мнѣ запретить?..

Мы оба смѣялись и весело развивали дальше его парадоксъ.

— Первымъ дѣломъ народнаго правительства должна быть амнистія. — въ тонъ ему говорилъ я. — Всѣ ошибки и даже проступки, совершенные при старомъ режимѣ, будутъ прощены, забыты... Сѣдина и морщины, нажитыя въ тусклые годы реакціи, это тоже ошибка и даже грѣхъ... Амнистія такъ амнистія!.. Долой морщины и сѣдину!.. Да здравствуетъ всеобщая молодость!

Это я вспомнилъ по ассоціаціи идей. Эпизодъ, самъ по себѣ не представляющій интереса. Если вспомнить и записать всѣ встрѣчи и разговоры этихъ дней, получится огромная книга. Между тѣмъ я по натурѣ человѣкъ совсѣмъ неразговорчивый и нерасположенный къ новымъ знакомствамъ, особенно на улицѣ... Впрочемъ, такимъ я

Въ отставкѣ. *В. Маковскій.*

XLV Передвижная выставка 1917 г.

Провинція. XLV Передвижная выставка 1917 г. *А. Лаховскій.*

былъ. А каковъ я теперь, я еще не знаю. Я присматриваюсь къ себѣ, изучаю себя, какъ новаго человѣка. И дивлюсь себѣ.

Однако послѣдовательность обязательна и для новаго человѣка; тѣмъ болѣе, что я отнюдь не собираюсь мѣнять профессію и спеціальность. Я математикъ, привать-доцентъ, въ скоромъ времени профессоръ. Пусть жизнь дѣлаетъ самые неожиданные скачки, пусть исторія издѣвается надъ послѣдовательностью, пусть міръ человѣческій вступилъ въ полосу катастрофическихъ внезапностей, фантастическихъ сюрпризовъ,—профессоръ математики, несмотря ни на что, долженъ оставаться послѣдовательнымъ въ своихъ умозаключеніяхъ и въ своемъ повѣствованіи.

Я вспомнилъ старика, называющаго себя юношей по праву революціи—„я такъ хочу!"—для того, чтобы показать, что не я одинъ эгоистично, вѣрнѣе, черезъ себя воспринимаю совершившееся. Мы всѣ счастливы счастьемъ народа, но мы и сами по себѣ, индивидуально, счастливы. И для психолога, пожалуй, самое интересное именно это: индивидуальное счастье, рожденное революціей, тысячи отдѣльныхъ личныхъ счастій, веселыми струйками разбѣгающихся отъ широкаго потока народнаго счастья.

Вотъ я съ моей болѣзнью мертваго сна. Благодаря случайности, я одну ночь — единственную въ моей жизни, въ общемъ аккуратной и умѣренной — провелъ на улицѣ. Эта единственная для меня ночь была единственной и въ исторіи человѣчества. Ночь съ 27-го на 28-е февраля. Я пережилъ всѣ кошмары и всѣ очарованія этой единственной ночи. И унесъ отъ нея жаръ душевный, который уже не погаснетъ, я это знаю!.. Въ этомъ и есть исцѣленіе мое. Холодно и неинтересно было жить, въ этомъ заключалась моя болѣзнь. Стало жгуче интересно жить, проснулись желанія, жадность къ работѣ, мечты о славѣ... да, каюсь, я поймалъ себя вчера на мечтѣ о депутатствѣ, чуть ли не министромъ вообразилъ себя!.. Стало жалко уходить отъ жизни въ сонъ, и радостно стало возвращаться къ бодрствованію.

Вотъ и теперь. Отъ звука выстрѣла я проснулся и уже не хочу засыпать. Всего три часа ночи. Буду лежать и думать.

Пронесся автомобиль по улицѣ, и дрожатъ стѣны нашего дома, стекла, дверцы библіотечнаго шкапа, ножки моей кровати... Удивительное есть въ каменныхъ постройкахъ большихъ городовъ. Будто изъ одного камня выкроены и мостовая и всѣ дома улицы. Каждое движеніе улицы отдается въ домахъ дребезжаніемъ оконъ, гуломъ стѣнъ, ворчаніемъ раскрытаго піанино. И люди въ домахъ большого города—люди улицы. Какъ бы ни прятались они въ своихъ гнѣздахъ, настроенія улицы передаются имъ черезъ камень, желѣзо и стекло домовъ...

Опять стрѣляютъ.

Кто-то тихо подошелъ къ двери моей комнаты, прислушивается. Робко стучится.

— Кто тамъ?

— Вы не спите, Борисъ Сергѣевичъ?

— Нѣтъ, не сплю, Любовь Павловна! — весело отвѣчаю я.

— Мнѣ страшно чего-то, Борисъ Сергѣевичъ!

— Одну минуточку, Любовь Павловна! Я васъ впущу къ себѣ!

Зажигаю свѣтъ и быстро привожу въ порядокъ свой костюмъ, оправляю постель, открываю дверь.

— Ахъ, у васъ свѣтло, Борисъ Сергѣевичъ!.. Ради Бога, погасите!.. А то я не пойду!..

Опять темно. Только отъ окна — я никогда не опускаю на ночь шторъ — идетъ полоса темно-сѣраго тумана. Благодаря ему, видны очертанія креселъ, дивана, стола.

Любовь Павловна идетъ прямо къ дивану. Комочкомъ сжимается въ уголку, подобравъ подъ себя ноги. Я не вижу, какъ садится она, но ясно представляю себѣ. Вѣдь это ея любимый уголокъ и любимая поза.

Я не вижу ея лица, но я вѣдь видѣлъ его минуту передъ тѣмъ, когда я раскрылъ дверь и яркій свѣтъ электричества охватилъ ее всю, маленькую, худенькую, блѣдными ручками прижимающую шаль къ шеѣ. Взлохмаченной и набокъ сдвигающейся шапкой лежали на головѣ ея пышные золотистые волосы, всегда аккуратно и кокетливо причесанные. И еще бо̀льшими были ея огромные, всегда удивленные глаза... Я видѣлъ ее одну минуту. И теперь, въ темнотѣ, продолжалъ видѣть ее.

— Вотъ я и сижу,—сказала она.—Гдѣ вы, Борисъ Сергѣевичъ?.. Можетъ-быть, вы ушли?—и въ голосѣ ея послышался испугъ.

— Я здѣсь, Любовь Павловна!

— Садитесь въ кресло, какъ раньше... какъ всегда!

Осторожно пробираюсь къ креслу, усаживаюсь близко отъ нея.

— Такъ хорошо. Правда, Борисъ Сергѣевичъ? Свѣта не надо. Во-первыхъ, мнѣ стыдно. Я совсѣмъ не одѣта и растрепана, и такая смѣшная... я плакала, Борисъ Сергѣевичъ... Во-вторыхъ, нельзя зажигать свѣтъ... Еще стрѣлять въ ваше окно начнутъ... Ну да, вотъ въ домъ напротивъ стрѣляли сегодня вечеромъ...

— Такъ вѣдь оттуда какой-то мерзавецъ стрѣлялъ въ мили-

Они вѣчно ссорятся. XLV Передвижная выставка 1917 г. *В. Маковскій.*

ціонеровъ! А насъ за что же будутъ разстрѣливать, Любовь Павловна?

— Ахъ, я не знаю! Мнѣ жутко отъ этихъ выстрѣловъ! Всю ночь!.. Можетъ-быть, каждый выстрѣлъ стоилъ кому-нибудь жизни... Какому-нибудь случайному прохожему, или сидящему въ уголку, вотъ какъ я!.. Это ужасно!

Я утѣшаю ее.

— Жертвъ очень мало, Любовь Павловна!.. Въ томъ и все величіе и вся необыкновенная красота революціи, что она прошла почти безъ кровопролитія... Были, конечно, и такія случайныя жертвы, о которыхъ вы говорите, но совсѣмъ немного... А выстрѣлы по ночамъ, должно-быть, дѣлаются такъ, для того, чтобы напомнить, что улицы охраняются милиціей...

Нѣсколько минутъ мы сидимъ молча.

Когда была она у меня въ послѣдній разъ?

Полгода тому назадъ, 3-го сентября. Я хорошо помню тотъ день.

Но ни слова объ этомъ!

Не буду спрашивать ее, хотя и дико и обидно все это. Внезапно ушла отъ меня. Полгода жила рядомъ, въ одной квартирѣ, и избѣгала встрѣчи со мной. Однажды, при случайной встрѣчѣ, кажется, не отвѣтила на поклонъ. И вотъ опять пришла. Ночью. Безъ всякихъ извиненій, объясненій. Пришла, сѣла на свое старое мѣсто. Посадила меня рядомъ.

Пусть такъ. Не буду спрашивать.

Но она сама начинаетъ разговоръ.

— Я три дня плачу, Борисъ Сергѣевичъ.

Она ждетъ моего вопроса, но я молчу.

— Вы знаете, кто онъ былъ?

Я понимаю, о комъ она говоритъ, но притворяюсь не понимающимъ.

— Кто „онъ"? О комъ вы говорите, Любовь Павловна?

— Онъ. Тотъ, къ которому я ушла отъ васъ. Вы знаете, кто онъ?

— Я не интересовался этимъ и не интересуюсь, Любовь Павловна!—дѣланно сухо отвѣчаю я.

Но она не обращаетъ вниманія на мой тонъ. Она беретъ мою руку, прикладываетъ къ своему горячему лбу и дрожащимъ голосомъ говоритъ:

— Послушайте, Борисъ Сергѣевичъ!.. Это такъ ужасно!.. Это вдругъ стало такъ ужасно!.. Послушайте, Борисъ Сергѣевичъ! Онъ былъ полицейскій... Помощникъ пристава...

Я вырываю руку изъ ея ручекъ. Отодвигаюсь.

Стискиваю зубы отъ боли и обиды.

— Вы разсердились, Борисъ Сергѣевичъ?.. Скажите же что-нибудь, Борисъ Сергѣевичъ!

Стараюсь быть спокойнымъ, но злость и обида прорываются въ тембрѣ голоса.

— Я васъ не спрашивалъ, Любовь Павловна. Я не хотѣлъ знать о немъ. Съ меня достаточно было, что я васъ лишился, а кто осчастливленъ вашимъ вниманіемъ... какое мнѣ до этого дѣло?.. Зачѣмъ же вы мнѣ сказали это?.. Чтобы больнѣе сдѣлать мнѣ?.. Чтобы обидѣть меня?.. Меня, интеллигента и мечтателя, вы замѣнили полицейскимъ... Ну что жъ, Любовь Павловна!.. Конечно, было бы менѣе обидно, если бы меня изъ вашего сердца вытѣснилъ прекрасный рыцарь, герой, борецъ за правду... А впрочемъ, полицейскій такъ полицейскій... Мнѣ-то что!..

Она снова поймала мою руку. Держитъ крѣпко, не выпускаетъ.

— Не будьте злымъ, Борисъ Сергѣевичъ!.. Послушайте... Это теперь стало такъ страшно... А раньше... Приставъ развѣ не человѣкъ?.. Вѣдь я же не курсистка, Борисъ Сергѣевичъ!.. Вы же знаете, что я выросла совсѣмъ въ другой средѣ. Мой отецъ былъ земскимъ начальникомъ, и въ домѣ у насъ всегда бывали исправникъ и другіе полицейскіе. И я съ дѣтства привыкла къ нимъ... ну, какъ къ людямъ, какъ къ гостямъ, которые поютъ, разсказываютъ анекдоты, ухаживаютъ, играютъ въ карты... А что они на своей службѣ дѣлаютъ, объ этомъ я не думала... Вѣдь я же любила папу, вѣрила ему... Если онъ дружилъ съ исправникомъ, значитъ, исправникъ достоинъ его дружбы... Что я знаю?.. Мое ли дѣло политика?.. Развѣ не такъ, Борисъ Сергѣевичъ?..

— Вы правы, маленькая Люба! — примиренно говорю я. И сейчасъ же поправляю себя:—То-есть, не правы, нѣтъ! Я хотѣлъ сказать, что вы не виновны, Любовь Павловна!

Она благодарна и за это. Крѣпко жметъ мою руку.

— И вдругъ это стало такъ страшно, такъ страшно!.. Полицейскій!.. Помощникъ пристава!.. Какъ они говорятъ на улицѣ, „фараонъ"... Такъ отвратительно и такъ страшно!..

Нѣсколько минутъ мы молчимъ.

— Что же съ нимъ теперь?—спрашиваю я.

— Не знаю, Борисъ Сергѣевичъ!.. Не знаю!.. И не хочу знать!.. И боюсь знать, Борисъ Сергѣевичъ!.. Страшно даже подумать!.. Можетъ-быть, его давно уже нѣтъ въ живыхъ... вѣдь много ихъ убито, полицейскихъ!.. Можетъ-быть, онъ арестованъ... Или застрѣлился, какъ тотъ приставъ, вы слышали, на Лиговкѣ?.. Онъ спрятался у своей возлюбленной... Я ее знаю... Когда къ ней пришла толпа... подошла къ дому... когда постучались въ дверь, она пріоткрыла дверь и сказала: „сейчасъ васъ впущу"... И въ ту же минуту раздался выстрѣлъ... Приставъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ... Это было вчера, на Лиговкѣ... Я знала ихъ обоихъ, его и ее... Что же, можетъ-быть, и Дима такъ сдѣлалъ...

— Хоть бы не звали его такъ нѣжно!—сухо замѣтилъ я.

— Ахъ, это по привычкѣ, Борисъ Сергѣевичъ!.. Какія тамъ нѣжности? Я его ненавижу!.. Мнѣ стыдно вспомнить о нашей близости... Полицейскій! Это такъ страшно и такъ отвратительно!..

— Но вамъ жалко его?

— Я не знаю, Борисъ Сергѣевичъ!.. Я плачу уже третій день... Отъ жалости, отъ стыда... не знаю!.. Я вѣдь женщина, Борисъ Сергѣевичъ, маленькая и глупенькая, вѣдь вы же меня такъ звали?.. Я умѣю только любить... Я же не виновата, что онъ полицейскій!.. Я думала всегда, что онъ такой добрый, такой нѣжный!.. Онъ со мной былъ таковъ, значитъ, онъ и съ другими такъ... Могла же я это думать?.. И, конечно, Борисъ Сергѣевичъ, мнѣ жалко его!

— А что бы вы сдѣлали, Люба, если бы онъ пришелъ теперь къ вамъ, чтобы вы спрятали его?

Люба не отвѣтила.

Полоса тумана, изъ окна протянувшаяся черезъ всю комнату, стала уже свѣтло-сѣрой. Было видно, какъ Люба еще глубже втянула голову въ плечи, почти все личико запрятала въ платокъ.

— Не находите отвѣта, Любовь Павловна?

— Нѣтъ, я нашла отвѣтъ... Раньше я подумала: конечно, выдала бы его!.. Вѣдь если весь народъ такъ хочетъ, значитъ, такъ нужно!.. А потомъ жалко стало... Просто попросила бы его уйти... Отъ меня уйти... Пусть безъ меня спасается, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ прячется...

— Значитъ, вы не любите его.

— Конечно, не люблю!.. Я его ненавижу, Борисъ Сергѣевичъ!.. А вы говорите о какой-то любви!..

Она недолго послѣ этого пробыла у меня. Успокоилась, почувствовала усталость. Пошла къ себѣ спать.

Бѣдная маленькая Люба.

Большое горе причинила она мнѣ когда-то. Но вѣдь и много радости дала она мнѣ.

Богъ съ ней! Я не сержусь на нее. Жалко ее, запутавшуюся въ этомъ нелѣпомъ романѣ съ полицейскимъ... „Полиція и любовь"... хорошая тема для юмориста... А вѣдь совсѣмъ не смѣшно!.. Вотъ тоже индивидуальное воспріятіе революціи... Только съ братной стороны... „Фараоны", жандармы... А у нихъ, оказывается, есть любимыя и любящія женщины! И дѣти есть у нихъ!

Вспомнилъ эпизодъ изъ богатой серіи впечатлѣній вчерашняго дня.

Въ домашнюю столовую, гдѣ я обѣдаю, пришелъ вчера мальчикъ, служившій тамъ помощникомъ швейцара, веселый, разбитной Петя, любимецъ постоянныхъ посѣтителей, пришелъ и попросилъ у хозяйки расчетъ; уходить хочетъ.

— Чего это ты, Петя?—удивилась хозяйка.

И я тоже вмѣшался:

— Лучше мѣсто нашелъ, что ли? Ты скажи, тебѣ здѣсь жалованья прибавятъ.

— Тятьку убили!—серьезно отвѣтилъ Петя.

— Какъ убили? Когда?

— Тятька городовымъ былъ. На чердакѣ прятался. Вчерась пришли, стащили и убили. А мамка больная лежитъ, и сестренка дома одна. Никакъ мнѣ нельзя теперь изъ дому уходить...

Ну, вотъ. Еще одно индивидуальное преображеніе Общаго.

Для толпы „фараонъ", а для Пети „тятька". И для маленькой сестренки Петиной—„тятька" и, можетъ-быть, нѣжный, любящій тятька!

Для всѣхъ „полицейскій", ненавистный помощникъ пристава, а для милой нѣжной Любочки—„Дима"!

Такова жизнь.

Однако довольно философствовать. Уже утро. Мнѣ предстоитъ сегодня выступленіе на митингѣ, засѣданіе организаціоннаго комитета, и еще университетскія дѣла... Работать, работать! Какъ весело жить въ наши удивительные дни!..

II.

... Я вернулся домой въ полдень. До засѣданія у меня три часа свободныхъ.

Ариша принесла мнѣ завтракъ. Сѣлъ къ столу и разложилъ передъ собой листки, принесенные съ улицы: „Извѣстія комитета журналистовъ", „Извѣстія Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ", разныя воззванія. На ходу я успѣлъ схватить главное содержаніе ихъ. За завтракомъ собирался прочесть внимательно. Много такого, о чемъ надо подумать. И вообще такъ ново это, что я способенъ читать и перечитывать листки, замѣнившіе газеты, десятки разъ, какъ стихи любимаго поэта.

Стукъ въ дверь.

— Войдите!

Входитъ Люба. Кокетливо причесанная, въ изящномъ платьѣ, веселая, оживленная, чѣмъ-то радостно взволнованная. Совсѣмъ не та, которая была у меня сегодня ночью. И не прежняя, до ухода. Еще болѣе задорная, увѣренная въ своей красотѣ, счастливая.

— Я на минуточку, Борисъ Сергѣевичъ! Вы очень заняты? Ну, не сердитесь! Можно мнѣ сѣсть?

— Конечно, можно, Любовь Павловна!.. Что это вы праздничная такая, Люба?

— Правда?—кокетливо смѣется она.—У меня большая радость, Борисъ Сергѣевичъ!

— Разсказывайте.

— Братъ Миша пріѣхалъ ко мнѣ!

— Откуда?

— Ахъ, Боже мой! Какой вы безтолковый! Я же вамъ сто разъ разсказывала, что у меня есть братъ Миша. Прапорщикъ. Былъ раненъ и контуженъ. Въ трехъ бояхъ былъ!

— Ничего вы мнѣ такого не разсказывали, Любовь Павловна.

— Ну, вотъ! Забыли!.. А впрочемъ, можетъ-быть, это я не вамъ разсказывала!.. Все равно!.. Такъ вотъ сегодня утромъ вваливается ко мнѣ Мишукъ!.. Смѣшной-смѣшной!.. Съ обмотанной головой! Только глаза и лобъ видать!.. Я такъ обрадовалась, Борисъ Сергѣевичъ!.. Вы знаете? Я вѣдь шесть лѣтъ его не видала, Мишуку!

Она приподнимаетъ крышку кофейника.

— Да у васъ тутъ масса кофе, Борисъ Сергѣевичъ! А вы и не думаете меня угощать!.. Что жъ, придется мнѣ самой похозяйничать, какъ когда-то. Вы не сердитесь, Борисъ Сергѣевичъ?

— Развѣ можно на васъ сердиться, Люба?

Она и сама знаетъ, что на нее сердиться нельзя. У нея такой дѣтски невинный взглядъ. Причинила мнѣ боль? Измѣнила? Ну, такъ что! Хотѣла и сдѣлала! Такой капризъ пришелъ. Развѣ капризы не украшаютъ ея? Можетъ-быть, за капризы и любятъ ее!

Достала изъ буфета приборъ, налила себѣ кофе, удобно усѣлась на диванѣ. Совсѣмъ какъ у себя!

— Вы не думайте, что я такъ, подурачиться, пришла къ вамъ!—говоритъ она, выпивъ кофе.—У меня къ вамъ дѣло есть.

— Слушаю васъ, Любовь Павловна!

— Дѣло касается Мишука, братца моего. Онъ пріѣхалъ на нѣсколько дней. Ему здѣсь надо въ какую-то комиссію являться, я даже не знаю, въ какую... вѣдь я ничего въ этомъ не понимаю... Ну, вотъ!

— При чемъ же я тутъ, Любовь Павловна?

— Вы и останетесь ни при чемъ! Онъ безъ васъ справится съ этой глупой комиссіей. Я совсѣмъ о другомъ хотѣла васъ просить. Ни въ одной гостиницѣ нѣтъ номера... Миша объѣхалъ всѣ до одной... Смѣшная я! Говорю, объѣхалъ!.. Не объѣхалъ, а обошелъ! На чемъ теперь поѣдешь?.. Нигдѣ ничего. Ну онъ, конечно, ко мнѣ. Куда жъ ему дѣваться?.. Безъ вещей. Все на вокзалѣ оставилъ... Ну, а у меня, вы знаете, милый Борисъ Сергѣевичъ, какая у меня комнатенка!.. Даже ширмы нѣтъ! И диванчикъ ужасный, ему не помѣститься... И вотъ я рѣшила, что онъ можетъ у васъ пробыть эти нѣсколько дней. Вѣдь вы позволите, милый Борисъ Сергѣевичъ? У васъ такая большая комната... И альковъ... И такой великолѣпный диванъ! Онъ вамъ и мѣшать не будетъ. Онъ у меня тихій, Мишукъ, совсѣмъ на меня не похожъ! Хорошо, Борисъ Сергѣевичъ?

— Если вы такъ рѣшили, Любовь Павловна, какъ же я посмѣю возражать? Что жъ! Приводите вашего брата!

— Вотъ и великолѣпно, золотой мой Борисъ Сергѣевичъ!.. Теперь я съ вами разстанусь. Мнѣ въ городъ надо. А Мишу я къ вамъ сейчасъ пришлю. Спасибочко и за кофе и за все! Адью!

Исчезла подъ шуршаніе юбокъ.

Въ сущности, я напрасно согласился пріютить у себя этого прапорщика. У меня масса работы. Какъ-никакъ онъ будетъ мнѣ мѣшать. Къ тому же въ послѣднее время я просыпаюсь по ночамъ, хожу по комнатѣ, думаю, иногда посреди ночи сажусь писать. Теперь я буду связанъ.

Дѣлать нечего. Согласился.

Вѣдь и его положеніе незавидное. Куда ему, дѣйствительно, дѣваться, если всѣ гостиницы переполнены?.. Къ тому же боевой офицеръ, раненый, грѣхъ отказать въ пріютѣ!.. Впрочемъ, чего это я такъ стараюсь оправдаться?.. Откровеннѣе, господинъ математикъ, сторонникъ точности, опредѣленности и законченности!.. Братъ Любы! Люба „рѣшила“! О чемъ же говорить?.. Онъ могъ быть и не раненымъ офицеромъ и не пріѣхавшимъ съ фронта, все равно я примирился бы со всѣми неудобствами... Вѣдь это для Любы!

Онъ явился очень скоро, скорѣе, чѣмъ я предполагалъ. Видно, Люба вбѣжала къ себѣ въ комнату и приказала немедленно от-

Всѣ за работой. XLV Передвижная выставка 1917 г. *В. Маковскій.*

правляться, не давъ себѣ труда объяснить или разсказать подробно. Это на нее похоже. И не потрудилась даже зайти съ нимъ, представить его. Стòитъ ли церемониться съ мужчинами! Она „рѣшила", а дальнѣйшее, то-есть выполненіе ея рѣшенія, это ужъ ихъ дѣло!

Онъ мнѣ не понравился, этотъ Миша.

Вошелъ, на минуту остановился у дверей, потомъ какъ-то неуклюже подошелъ ко мнѣ, протянулъ руку и хрипло проворчалъ:

— Михаилъ Павловичъ Бабичевъ.

И въ пожатіи его упругой руки, и въ походкѣ, и въ тембрѣ его голоса что-то непріятно укололо меня.

Смѣсь наглости и смущенія. Будто человѣкъ настолько смущенъ, что старается вызвать въ себѣ наглость для того, чтобы замаскировать свое смущеніе. Или, напротивъ, человѣкъ настолько нахаленъ, что самъ смущается своего нахальства.

Не люблю я этого. Въ отношеніяхъ людей я больше всего цѣню простоту и ясность.

Бабичеву я не сказалъ того, что подумалъ: что онъ мнѣ непріятенъ своей неестественной манерой обращенія. Вмѣсто того деликатно произнесъ:

— Очень радъ! Разоблачайтесь! Будьте какъ дома!

Голова его обмотана широкой черной повязкой. Не видно овала лица и неизвѣстно, носитъ ли онъ бороду. Непріятно видѣть человѣка, говорить съ нимъ и не быть въ состояніи представить себѣ его лицо.

Но я чувствую, что несправедливъ къ нему.

Нельзя по первому впечатлѣнію судить о человѣкѣ больномъ и пережившемъ три битвы. Какъ могу я, человѣкъ тыла, какъ смѣю я подходить со своими неврастеническими вкусами и настроеніями къ нимъ, къ бывшимъ подъ ураганомъ смерти?

— Вы съ какого фронта, Михаилъ Павловичъ?

— Я былъ на галиційскомъ фронтѣ. Но я уже три мѣсяца съ фронта. Лежалъ въ госпиталѣ. Въ Кіевѣ. Здѣсь являюсь на комиссію. Думаю, что меня совсѣмъ уволятъ. Но теперь, Богъ знаетъ, когда комиссія будетъ? И вообще что теперь будетъ, неизвѣстно!

— Что же вы думаете предпринять?

— Я уже рѣшилъ. Денька черезъ два выяснится положеніе, и я поѣду въ Финляндію, въ санаторію. Мнѣ рекомендовали врачи.

Говорить больше не о чемъ.

— Вы пойдете въ городъ, Михаилъ Павловичъ?

— Нѣтъ. Если вы разрѣшите, я лучше отдохну.

— Сдѣлайте одолженіе! Я ухожу, а вы располагайтесь, какъ дома... Я вернусь только къ вечеру.

...Я возвращался домой, возбужденный и пріятно-усталый. Засѣданіе было чрезвычайно важное и прошло на рѣдкость дѣловито, бодро и стройно. Я имѣлъ право быть довольнымъ собой. Мои выступленія были самыми дѣльными, и почти всѣ резолюціи прошли въ моей редакціи.

Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Китченко, награжденный Георгіевскимъ крестомъ 4 ст. и Георгіевскимъ оружіемъ.

Рисунокъ нашего военнаго корресп. А. Н. Семенова.

Отъ Васильевскаго острова и до Песковъ пришлось итти пѣшкомъ. Почему-то легко ходить по улицамъ Петрограда въ эти дни. Должно-быть, оттого, что улицы полны праздничнаго оживленія, новы и интересны. Толпы народа на перекресткахъ улицъ, хоровыя пѣсни, ловля листковъ, разбрасываемыхъ лихо несущимися автомобилями, отряды солдатъ съ красными знаменами... Цвѣтникъ радостныхъ впечатлѣній. Не чувствуешь усталости; и какъ будто сократились разстоянія.

Вотъ я и дома.

Стучу въ дверь.

— Вы, Борисъ Сергѣевичъ?

Голосъ Любы.

— Я, Любовь Павловна!

Дверь отпирается.

— Я нечаянно заперла дверь, когда вошла, — оправдывается Люба.—Вы знаете, я привыкла свою дверь держать всегда запертой. Вѣдь у насъ такая нелѣпая квартира! Никто не видитъ, кто вошелъ!

Пока я снимаю пальто, Люба все время говоритъ. И тонъ у нея почему-то оправдывающійся. Старается предупредить всевозможные вопросы мои, все разсказать.

— А я тутъ ухаживала за моимъ братцемъ... Вы ничего не имѣете противъ того, что я самовольно забралась къ вамъ?.. Вы же такой добрый, Борисъ Сергѣевичъ!.. Вы золото!.. А онъ, господинъ прапорщикъ Бабичевъ, не заслуживаетъ моего вниманія... Онъ за три года два письма удосужился написать бѣдной, всѣми брошенной сестренкѣ!.. А я ему рану перевязываю!.. И занимаю ихъ благородіе!.. Они изволили выспаться, и имъ скучно, такъ я имъ должна разсказывать о Петроградѣ, о васъ, о всякой всячинѣ... Слава Богу, что вы пришли, Борисъ Сергѣевичъ!.. А то онъ порядкомъ надоѣлъ мнѣ, дорогой братецъ мой!..

И она начинаетъ собираться.

— Посидѣли бы съ нами, Любовь Павловна!—предлагаю я.—Чаю выпьемъ, поговоримъ.

Она весело смѣется.

— Съ вами? Съ вами обоими?

— Что же въ этомъ смѣшного?

Она на минуту затихаетъ, какъ бы ища отвѣта. Находитъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что ничего смѣшного! И ничего веселаго! Одна скучища!.. Развѣ я не знаю, о чемъ вы будете говорить?.. О войнѣ или о революціи... Очень мнѣ интересно!.. Я лучше пойду къ Звягинымъ. У нихъ будетъ одинъ молодой композиторъ. Онъ сочинилъ новый романсъ и обѣщалъ сегодня исполнить...

Ушла.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Красный цвѣтокъ.

На убогой землѣ, на безвольной землѣ
Одинокій расцвѣлъ ярко-красный цвѣтокъ...
Но, родившись въ холодной предутренней мглѣ,
Онъ, безсиленъ и слабъ, не завялъ, не поблекъ.
Лишь туманы холодной своей пеленой
Безпріютный цвѣтокъ обнимали, смѣясь,
Иль снѣжинки безмолвною, дерзкой толпой
Гнули стебель его, въ хороводѣ кружась.
Но цвѣтокъ не упалъ и безропотно ждалъ
Пробужденья природы для новой весны
И украдкою стебель свой вверхъ поднималъ,
Когда снѣгъ обвѣвали холодные сны.

И могучій призывный цвѣтка ароматъ
Потревожилъ природы безрадостный сонъ,
И средь зимняго царства, средь зимнихъ палатъ
Побѣжденнаго холода слышался стонъ.
Оживала земля безъ суровыхъ цѣпей,
Разлилася рѣка, зашепталъ ручеекъ,
И среди безконечныхъ свободныхъ полей
Гордо высился красный могучій цвѣтокъ.
Такъ расцвѣлъ революціи гордый цвѣтокъ,
Такъ погибло могущество зимнихъ палатъ.
И прорвался широкій, свободный потокъ,
И свободы святой разлился ароматъ.

Н. Антокольская.

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть **Ренэ Бенжамэна.**

Авторизованный переводъ съ французскаго **М. П. Благовѣщенской.**

(Продолженіе).

Гаспаръ и санитаръ привязались къ одному молодому сержанту изъ колоніальной пѣхоты, который умиралъ медленной смертью отъ пули, засѣвшей въ спинномъ мозгу.

Это тоже былъ парижанинъ, счетоводъ изъ предмѣстья Сентъ-Антуанъ. И уже только изъ-за одного этого Гаспаръ отдалъ бы ему свою кровь по первой просьбѣ.

Одинъ изъ товарищей молодого сержанта разсказывалъ, что за пять минутъ до того, какъ ему въ спину попала смертоносная пуля, его ранило въ ногу осколкомъ шрапнели. Смѣясь, несмотря на боль, сержантъ крикнулъ: „Какъ разъ на мои любимыя мозоли!“

Въ этомъ умирающемъ Гаспаръ узналъ брата по духу.

Раненый лежалъ неподвижно, дыша тяжело и порывисто, его остановившійся взглядъ, устремленный въ одну точку, производилъ жуткое впечатлѣніе.

Его привезли въ госпиталь ночью, въ два часа, растерзаннаго, исходящаго кровью, совершенно безсильнаго. Мадемуазель Аннъ сказала ему:

— Постарайтесь выпить немного чего-нибудь горячаго. Васъ это успокоитъ.

Онъ отвѣтилъ:

— Дайте мнѣ лучше клочокъ бумаги... Я напишу мамѣ...

И онъ написалъ нѣсколько словъ и только послѣ этого выпилъ горячаго шоколаду, а потомъ заснулъ... на тридцать часовъ, безъ преувеличенія! Рана у него была ужасная, онъ горѣлъ въ жару, но страшное переутомленіе взяло верхъ надъ всѣмъ. И онъ погрузился въ глубокій сонъ. Время отъ времени его слегка расталкивали, дѣлали ему перевязку, давали питье. Онъ раскрывалъ глаза и бормоталъ: „Благодарю васъ... Вы очень добры“. И его голова снова тяжело опускалась на подушку, и онъ продолжалъ прерванный сонъ. Казалось, будто онъ хотѣлъ разомъ нагнать два мѣсяца безсонныхъ ночей. И спалъ онъ неподвижно и глубоко, какъ спятъ только дѣти и солдаты.

Отъ этого сна его пробудила мать.

Его мать... Какъ найти слова, чтобы описать ее? Ее надо было видѣть, когда она прибѣжала, остановилась передъ зданіемъ госпиталя, переступила порогъ, вошла въ контору и сказала:

— Сестра... мой сынъ здѣсь... Пьеръ Фонтэнъ. Я пріѣхала изъ Парижа, чтобы повидать его.

О, сколько смертельной тревоги и въ то же время сколько властности въ голосѣ, властности, присущей всѣмъ матерямъ! Другія женщины болѣе робки, отъ тревоги онѣ приходятъ въ смущеніе. Но мать сейчасъ же спрашиваетъ: „Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Что сдѣлали съ моимъ бѣднымъ сыномъ?“

Румынскій офицеръ-летчикъ. Рис. нашего военнаго корресп. *А. Н. Семенова.*

Этой матери, благодаря случайности, отвѣтилъ Гаспаръ. Онъ былъ въ конторѣ и болталъ съ сестрой. Онъ отвѣтилъ:

— Мадамъ, вамъ нечего тревожиться. Докторъ сказалъ, что дѣло идетъ на ладъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—радостно спросила мать.

И въ глазахъ ея появилось то лучистое выраженіе, какое бываетъ у только-что разрѣшившихся женщинъ, когда имъ въ первый разъ кладутъ на руки новорожденнаго.

Потомъ глаза ея наполнились слезами, и она сказала съ нервнымъ смѣхомъ, въ которомъ еще чувствовалась тревога:

— Куда пройти, чтобы повидать его?.. Сюда?.. Туда?..

Это была простая женщина изъ народа, лѣтъ сорока, скромная, въ черномъ платьѣ, но, должно-быть, она была когда-то необыкновенно красива. И теперь еще, несмотря на сѣдину въ вискахъ, всѣ ея движенія сохранили очарованіе молодости, лобъ былъ чистый, безъ морщинъ, глаза блестѣли; и она была живая, стройная, точно ей было не болѣе тридцати лѣтъ. Какъ долженъ былъ ее любить ея сынъ!

Гаспаръ это сейчасъ же понялъ.

Онъ предложилъ проводить ее. Она быстро шла впередъ, волнуясь отъ нетерпѣнія, и говорила на каждомъ поворотѣ коридора: „Какъ далеко!.. Какіе эти госпитали большіе!“

Наконецъ Гаспаръ растворилъ дверь въ палату и сказалъ: — „Вотъ здѣсь“.

На румынскомъ фронтѣ. *Подвигъ командира батареи подполковника Самосѣева.* Рис. нашего военнаго корресп. *А. Н. Семенова.*

Мальчикъ-румынъ. Рис. нашего военнаго корресп. *А. Н. Семенова.*

Она отвѣтила: — „Я вижу его!“ Среди тридцати кроватей она тотчасъ же увидала кровать своего сына, не колеблясь ни минуты. Не обращая вниманія ни на что и ни на кого, не отрывая глазъ отъ кровати сына, она направилась къ нему невѣрной отъ волненія поступью и на цыпочкахъ, потому что догадалась по его неподвижности, что онъ спитъ. Подойдя къ его кровати, задыхаясь отъ счастья, она приложила руку къ сердцу, какъ бы стараясь удержать его біеніе и говоря ему: „Полно... полно, сердце... успокойся... Ты видишь, онъ живъ!“

Мадемуазель Аннъ подала ей стулъ, но мать не замѣтила этого. Тихо приблизилась она къ изголовью сына. Ея кожаный мѣшокъ упалъ на одѣяло. Она просунула руку подъ подушку и, привлекая его къ себѣ движеніемъ, напоминавшимъ мать, которая укачиваетъ ребенка, она нѣжно поцѣловала его и тихо прошептала: „Мой маленькій... мой крошка...“ Подъ поцѣлуемъ матери больной слегка зашевелился, потомъ открылъ глаза, громадные и изумленные, и губы его задрожали, но онъ не могъ произнести ни слова. Она выпустила его, отодвинулась, раскрыла свои объятія, онъ протянулъ къ ней руки, и нѣсколько мгновеній слышны были только заглушенныя рыданія и тихій смѣхъ.

— Милый... мой Пьеръ... мой Пьерро... Дитя мое... ненаглядное!.. Неужели же это ты!.. Разсказывай... Ты очень страдаешь? Скажи правду... Боже, до чего онъ измѣнился!.. Но какой ты смѣшной! Дорогой мой... Какое счастье... снова увидать тебя!.. Тамъ ужасно, не правда ли? Мы объ этомъ понятія не имѣемъ... Но ты здѣсь! Ты живъ... Ты меня видишь! Какое счастье! Поцѣлуй меня еще разъ... Теперь лежи спокойно, не двигайся больше... Если бы ты зналъ, что я переживала за это время! Я думала, что сойду съ ума!.. Господи, до чего я счастлива!.. Не обращай вниманія на мои слезы, я плачу отъ радости... Родной... О, мой ненаглядный!..

— Мадамъ, — раздался позади нея голосъ, — прошу извинить, мадамъ...

Она встала.

— Я только хотѣлъ, — сказалъ служитель, — поставить на столъ кипятокъ.

Она отодвинулась, потомъ опять сѣла возлѣ кровати и взяла руки сына.

— У тебя борода!.. Какой ты смѣшной съ бородой! У тебя вперемѣшку черные и бѣлокурые волосы... Ты прямо ужасенъ...

Онъ не могъ удержаться отъ улыбки и проговорилъ задыхающимся голосомъ:

— По крайней мѣрѣ... сидѣлкамъ не грозитъ опасность...

Она продолжала:

— Да видѣлъ ли ты себя? Ты весь обросъ... Милый!

И она снова начала покрывать его поцѣлуями.

Онъ былъ болѣе сдержанъ. Страданія сковывали его руки, нѣжно протянутыя къ ней. Онъ спросилъ прерывающимся голосомъ:

— Когда получила ты мое письмо?.. Какимъ образомъ ты уже здѣсь?

Вытирая глаза, она засмѣялась:

— Ужъ не хотѣлъ ли ты, чтобы я дожидалась до скончанія вѣка? Большой мальчикъ! Ты и представить себѣ не можешь, что я пережила! Ты сражался, — время шло незамѣтно... а я была одна дома, одна съ ужасными мыслями!.. Какая мука — думать!.. О, эти ночи, эти безсонныя ночи!.. Увѣряю тебя, что я спала не больше, чѣмъ ты тамъ!

Онъ въ долгомъ пожатіи держалъ ея руку. Потомъ онъ сказалъ вдругъ:

— А папа?

— Твой отецъ? Я думаю, что съ нимъ все обстоитъ благополучно. Я тебѣ писала... онъ все на Маасѣ.

Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы она поняла, чего онъ хочетъ:

— Не получила ли ты отъ него... письма... недавно?

— Да, совсѣмъ недавно.

И она вдругъ покраснѣла, ярко вспыхнула вся. И быстро заговорила.

— Но разскажи же мнѣ, что съ тобой? Раненъ въ спину?.. Пуля вышла?

Онъ отвѣтилъ печально:

— Пустяки... Только... это длинная исторія.

— Длинная? Что же, тѣмъ лучше! Значитъ, можно надѣяться, что ты не уѣдешь черезъ двѣ недѣли. Ты имѣешь право передохнуть. Разскажи мнѣ что-нибудь о сраженіи.

Онъ провелъ рукой по лбу:

— О которомъ?

— О послѣднемъ.

— Это было наименѣе забавное...

— Забавное... Что за странныя слова!.. Значитъ, было ужасно? Скажи же мнѣ все откровенно... Вѣдь я твоя мать. Другіе не слышатъ.

— Нѣтъ... особенно ужаснаго ничего не было... Привыкаешь ко всему.

— Я такъ и знала!.. Ты велъ себя, какъ настоящій герой!.. Да, да, я въ этомъ увѣрена. Я это чувствую. О, я горжусь моимъ мальчикомъ!

— Мама... насъ слышатъ.

— Развѣ я сказала что-нибудь нехорошее?

— Разскажи мнѣ лучше о папѣ.

— О твоемъ отцѣ? Опять! Я же тебѣ объяснила... говорила...

Онъ почти пересталъ дышать:

— Ты скрываешь отъ меня что-то... Что съ нимъ... случилось?

Она не сводила съ него взгляда и прерывисто дышала. Ихъ глаза точно спрашивали другъ друга. Наконецъ она произнесла:

— Твой отецъ раненъ, какъ и ты... Ну, вотъ!.. Легко раненъ.

— Раненъ? Чѣмъ?.. Куда?

— Какъ и ты, говорю я тебѣ, какъ и ты... Я получила отъ него письмо въ одно время съ твоимъ.

— Въ одно время?

Румынъ. Рис. нашего военнаго корресп. *А. Н. Семенова.*

— Наканунѣ.
— И ты видѣла отца?
— Нѣтъ...
— Но какъ же...

Она придвинулась къ нему поближе и устремила на него пристальный взглядъ:

— Послушай... голубчикъ... ты долженъ понять меня. Я была уже готова, уложила, что нужно. Надо было бы подождать только часъ того поѣзда, съ которымъ я хотѣла ѣхать къ нему... И вдругъ мнѣ принесли твою записочку... нѣсколько словъ отъ тебя, моего милаго мальчика... а вѣдь твоя жизнь — это моя жизнь!.. Да нѣтъ, ты подумай только, что было бы со мной, если бы тебя убили?..

— Ну, дальше?..

— Дальше?.. Не могла же я быть повсюду сразу! Конечно, я не могла уже больше ѣхать къ отцу. Я дала знать его матери. Она еще въ силахъ... она уѣхала въ тотъ же вечеръ.

— Бѣдная старушка!..

— Ну, знаешь... она точно помолодѣла, когда узнала, что скоро увидитъ и поцѣлуетъ своего сына.

Онъ былъ подавленъ. Онъ молча смотрѣлъ на одѣяло. Потомъ спросилъ:

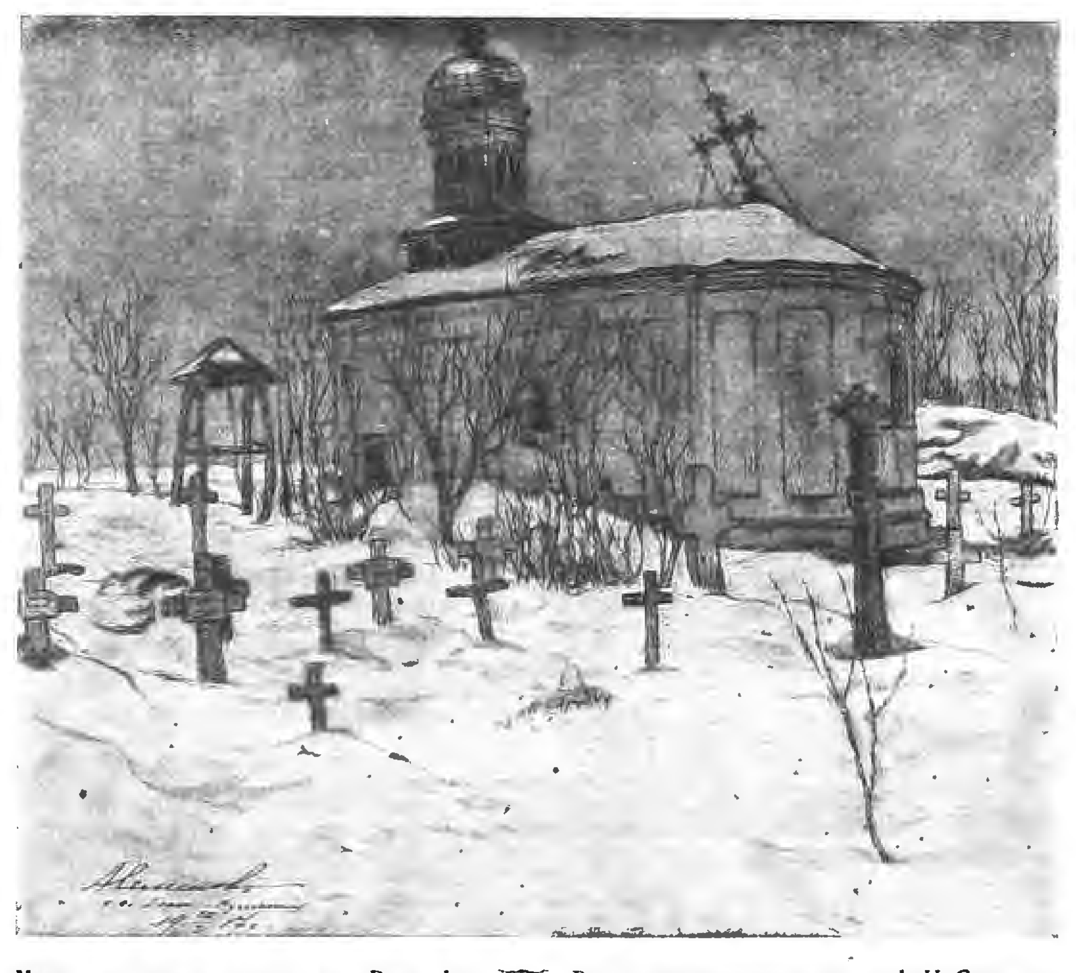
— Знаешь ты, по крайней мѣрѣ... какая у него рана?

— Нѣтъ... не знаю.

Онъ произнесъ глухимъ голосомъ:

— Это... это ужасно...

Она перебила его рѣзко, почти грубо:



Могилы русскихъ героевъ въ Румыніи. Рис. нашего военнаго корресп. *А. Н. Семенова.*

— А развѣ я знала, какая у тебя рана? Правда, ты мнѣ написалъ, но развѣ я могла быть увѣрена въ томъ, что ты не лжешь?.. Ахъ, да что тамъ... я вся изстрадалась!.. У меня болѣло все—сердце, тѣло... Вѣдь это я родила тебя, я сдѣлала изъ тебя человѣка... И ты мой... мой... Поцѣлуй же меня... еще... нѣтъ, крѣпче... Три мѣсяца ты не цѣловалъ меня!

— Мадамъ... прошу извинить, мадамъ...—Опять подошелъ служитель.—Я долженъ взять кипятокъ.

Прошли три дня, мать должна была уѣхать. Ей хотѣлось хоть что-нибудь узнать о мужѣ, да и свою маленькую дочь она бросила на попеченіе сосѣдки. Кромѣ того, жить въ гостиницѣ было очень дорого. Она уѣхала въ Парижъ. Когда она покидала сына, она посмотрѣла на него такимъ взглядомъ, отъ котораго переворачивалась вся душа. Она поняла, что онъ раненъ очень серьезно.

На лѣстницѣ она встрѣтила Дюдоньона и сказала ему объ этомъ, горько рыдая. Но тотъ, проникнутый глубокимъ состраданіемъ, отвѣтилъ уклончиво:

— Не тревожьтесь, мадамъ... Я увѣренъ, что онъ отдѣлается благополучно... Увѣряю васъ, мадамъ...

Она не слушала его. Она прислонилась къ стѣнѣ, безпомощно свѣсивъ руки, жалкая, и прерывающимся отъ рыданій голосомъ она заговорила:

— Поймите, monsieur, мы дали ему такое хорошее воспитаніе... Это ужасно... такъ убивать... молодыхъ людей, образованныхъ и хорошо воспитанныхъ... Что же, мы простые ремесленники, но зато онъ... онъ служилъ въ бюро, monsieur. И онъ всѣмъ интересовался... О, Боже!.. Боже, какъ я несчастна!.. Вѣдь онъ читалъ книги, monsieur, такія книги, что одно только заглавіе ихъ внушало мнѣ уваженіе къ моему мальчику...

Бѣдная!.. Она пріѣхала опять черезъ недѣлю. За это время сынъ ея страшно измѣнился. Вся нижняя часть его тѣла была парализована, и параличъ распространялся все выше. Это было ужасно, животъ его омертвѣлъ, и кожа на немъ натянулась, легкія отказывались служить, и онъ задыхался, его хрипъ—это была уже агонія.

На этотъ разъ больной едва былъ въ силахъ отвѣчать матери. Глаза его блуждали. Онъ сдѣлалъ только легкій знакъ головой, чтобы дать ей понять, что радуется, что отецъ его внѣ опасности. Два долгихъ дня она не отходила отъ его постели и не спускала съ него глазъ. Потомъ она опять уѣхала съ истерзаннымъ сердцемъ, блѣдная, похудѣвшая. Она оставила ему два апельсина, до которыхъ онъ не дотронулся.

Дюдоньонъ, у котораго надрывалось сердце отъ состраданія, опять проводилъ ее до выходной двери.

Въ это время Гаспаръ, весь запыхавшись, прибѣжалъ къ сыну:

— Товарищъ... Какъ ты себя чувствуешь, голубчикъ?.. Я взбѣжалъ по лѣстницѣ, чтобы тебѣ только сказать... я слышалъ, какъ докторъ говорилъ на лѣстницѣ... онъ говоритъ, что ты отдѣлаешься благополучно... что у тебя пустяки, потребуется только время... Не бойся, милый мой, ты еще увидишь твое предмѣстье Сентъ-Антуанъ.

— Ты... ты думаешь?—пробормоталъ сержантъ.

— Да говорятъ же тебѣ, что это сказалъ самъ докторъ! Успокойся, братъ, ты еще увидишь и Бастилію, и автобусы, и таксомоторы!.. Такъ не унывай же, милый! Развѣ парижане такъ легко умираютъ?..

— Что же... Можетъ быть... Но я такъ страдаю по ночамъ!—пробормоталъ сержантъ.

— По ночамъ?.. Подожди, я поговорю съ сестрой.

И онъ пошелъ говорить съ сестрой. Но чѣмъ она могла тутъ помочь? Она и безъ того все свое вниманіе удѣляла этому умирающему. Ея бѣлая косынка въ теченіе восьми часовъ ея дежурства сто разъ склонялась надъ его кроватью. Но развѣ можно бороться со смертью? И смерть понемногу отвоевывала себѣ молодого сержанта, все крѣпче и крѣпче сжимая его въ своихъ объятіяхъ.

Однажды вечеромъ всѣ окружающіе убѣдились въ томъ, что конецъ близокъ. Мать умирающаго была въ Парижѣ. Госпитальный докторъ сказалъ, что пора позвать исповѣдника.

У кровати умирающаго поставили ширму, какъ это всегда дѣлается въ госпиталяхъ, чтобы скрыть отъ другихъ то, что происходитъ у его изголовья. Но на бѣлой стѣнѣ вырисовывались черныя тѣни, громадныя и уродливыя,—казалось, что происходитъ какая-то мрачная сцена въ странѣ тѣней. У Гаспара и у Дюдоньона подступали къ горлу рыданія.

Молодой сержантъ былъ въ агоніи. Онъ умиралъ въ полномъ сознаніи и цѣплялся за послѣднюю надежду, какъ это часто бываетъ съ умирающими ночью,—онъ рѣшилъ, что, если доживетъ до утра, то, можетъ-быть, еще выздоровѣетъ. Но утро... утро было еще такъ далеко!.. Ежеминутно, въ смертельной тоскѣ, онъ спрашивалъ, который часъ. Сестра терпѣливо и спокойно отвѣчала ему каждый разъ. Около полуночи, когда онъ сталъ задыхаться, онъ спросилъ:

— Скоро будетъ четыре часа?..

Сестра отвѣтила по счастливому наитію:

— Да, голубчикъ... Еще немножко терпѣнія—и все пройдетъ...

Но вдругъ умирающаго охватило отчаяніе. Онъ сталъ метаться, плакать и стонать:

— Тутъ есть пѣтухъ... пѣтухъ, который поетъ въ четыре часа...

Но пѣтуха не было слышно.

Гаспаръ не могъ спать. Онъ услыхалъ послѣднія слова умирающаго. Онъ сѣлъ въ постели, отбросилъ одѣяло, быстро надѣлъ брюки и потихоньку, на четвереинькахъ, выскользнулъ изъ палаты.

И вдругъ... вдругъ черезъ нѣсколько минутъ раздалось пѣніе пѣтуха!

Пѣтухъ пѣлъ немного странно, какъ-то хрипло, слишкомъ по-человѣчески. Но сержантъ не замѣтилъ этого, онъ сталъ прислушиваться и сказалъ:

— Сестра... Сестра, вы слышите?

— Да вѣдь я же говорила вамъ,—отвѣтила сестра,—теперь четыре часа.

Онъ повѣрилъ ей... сейчасъ начнетъ свѣтать, утро недалеко. И онъ умеръ успокоенный, чуть не съ улыбкой на губахъ.

Дюдоньонъ хотѣлъ расцѣловать Гаспара. Но тотъ не позволилъ этого и крикнулъ въ ярости:

— Такъ и есть! Моя рана раскрылась!

— Твоя рана?

— Да, моя паршивая рана раскрылась!

Онъ говорилъ правду... Усиліе, которое онъ дѣлалъ, подражая пѣтуху, а также волненіе вызвало осложненіе.

Онъ долженъ былъ снова улечься въ постель, и теперь ему самому пришлось стонать, потому что у него начался жаръ. На слѣдующій день докторъ пришелъ въ ярость, увидѣвъ его. Онъ пригрозилъ Гаспару всякими карами, если тотъ посмѣетъ встать. Что за несчастье! Гаспаръ не могъ даже присутствовать на похоронахъ товарища! Надо было видѣть отчаяніе Гаспара, уткнувшаго носъ въ подушку и повторявшаго безъ конца:

— И наплевать... и наплевать!

Опять Дюдоньону пришлось говорить съ матерью умершаго. Онъ очень боялся этого свиданія. Онъ зналъ, что она будетъ страшно убиваться. Но ему такъ хотѣлось разсказать ей о томъ, что сдѣлалъ Гаспаръ для ея сына.

Однако это ему не удалось.

Когда мать вмѣсто тяжело больного сына увидала покойника, когда она поняла, что ея дитя умолкло навсегда, лежитъ холодное и неподвижное, она потеряла всякую власть надъ собой. На нее нашелъ припадокъ жгучей ненависти и зависти, когда она увидала розовое, здоровое лицо санитара. Она забыла все, забыла, съ какой самоотверженностью ухаживалъ онъ за ея сыномъ, какъ онъ былъ добръ и внимателенъ къ нему. Въ своемъ безпредѣльномъ горѣ она судила только по тому, что видѣла. Блѣдная, какъ смерть, обливаясь слезами, она крикнула санитару:

— А вы?.. Вы... вы не пойдете подъ огонь?

Смущенный этимъ неожиданнымъ вопросомъ, онъ пробормоталъ:

— Я... я санитаръ...

Изъ дрожащихъ губъ несчастной женщины вырвался крикъ, крикъ матери, которая пришла въ неистовство:

— А! Вотъ какъ!.. Санитаръ!.. А другихъ убиваютъ?.. Почему же моего сына не сдѣлали санитаромъ?..—И, выкрикивая это, она наступала на него:—Отвѣчайте... отвѣчайте, почему?.. Вы, здоровый, молодой, и сидите здѣсь! И вамъ не стыдно? Вамъ не стыдно, когда вы видите, какъ другіе умираютъ! Вы видѣли, какъ страдалъ мой сынъ!.. И вамъ не стыдно, не противно прятаться здѣсь?.. О, если бъ я была мужчиной...

И она погрозила ему рукой, уходя отъ него.

Дюдоньонъ возвратился въ палату въ ужасномъ состояніи. Жалко было смотрѣть на него. На лбу у него выступилъ холодный потъ. Онъ сжималъ кулаки, и глаза его бѣгали.

Подойдя къ кровати Гаспара, онъ сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Старина... эта женщина... неблагодарное животное... потому что, ты самъ знаешь, какъ я ухаживалъ за ея сыномъ... Я ухаживалъ за нимъ, какъ за братомъ, не спалъ по ночамъ, былъ при немъ до послѣдней минуты... чтобы успокаивать его и увѣрять, что онъ не умираетъ. Но... пусть она неблагодарна... она все-таки права... Да, да... Я не долженъ былъ поступать въ санитары! Я напишу полковому командиру! Довольно этого! Я хочу сражаться, жертвовать жизнью! Я не таковъ, чтобы для меня даромъ проходили такія сцены!

Мало-по-малу къ его лицу снова прилила кровь. Гаспаръ ничего не отвѣчалъ ему. Санитаръ продолжалъ:

— Наплевать мнѣ на то, что меня здѣсь хорошо кормятъ, что у меня есть уголъ...

Онъ всталъ.

Одинъ изъ раненыхъ позвалъ.

— Санитаръ!

Онъ отвѣтилъ рѣзко:

— Я не санитаръ больше!

Не встрѣтился ли онъ потомъ съ очаровательной мадамъ Арно? Или, быть-можетъ, онъ разсѣялся, читая газету? Или же онъ просто воспользовался своей способностью забывать все, этой способностью, благодаря которой жизнь его проходила такъ беззаботно? Какъ бы то ни было, но вечеромъ этого же дня мадемуазель Віетъ, очень любившая его, нашла его снова розовымъ, улыбающимся, у изголовья тяжело раненаго, который задыхался и метался.

Дюдоньонъ протягивалъ ему какое-то питье. Раненый спросилъ:

— А вы... вы тоже были тамъ... на фронтѣ?..

Санитаръ отвѣтилъ безъ малѣйшаго смущенія:

— А что, развѣ у меня на лицѣ написано, что я тамъ не былъ?

— О,—возразилъ раненый,—я вовсе не то хотѣлъ сказать...

— Такъ глотай это лѣкарство,—прервалъ Дюдоньонъ разговоръ.—Ты заснешь спокойно и не будешь больше думать ни о чемъ,—а это главное.

Мадемуазель Віетъ разсказала объ этомъ Гаспару. Оба они посмѣялись надъ этимъ. Вообще они были хорошими друзьями. Гаспаръ любилъ болтать съ молодой дѣвушкой. Онъ разсказалъ ей, чѣмъ занимался до войны, какъ жилъ въ Парижѣ, разсказалъ о сраженіяхъ, въ которыхъ принималъ участіе, о смерти Бюретта, о геройскомъ поведеніи капитана Пюша. А она приносила ему газеты и журналы, передавала то, что говорилъ о германцахъ ея отецъ, разсказывала о побѣдѣ на Марнѣ, о разрушеніи Реймскаго собора. Гаспаръ, не забывавшій, что отецъ ея настоящій господинъ, слушалъ ее почтительно и думалъ про себя: „Для молодой дѣвушки изъ аристократіи она держитъ себя просто и не задираетъ носа“.

Однажды вечеромъ онъ разсказалъ мадемуазель Віетъ о своей „старухѣ“,—о своей женѣ. Конечно, онъ не сказалъ ей, что женатъ не по-настоящему,—объ этомъ не подобаетъ говорить съ молодыми дѣвушками. Но вотъ уже два мѣсяца, какъ онъ не видалъ своей Мари, и онъ сказалъ какъ-то:

— По правдѣ сказать, я и не ожидалъ, что она пріѣдетъ сюда. Вѣдь у меня нѣтъ ничего серьезнаго... Стоитъ ли изъ-за этого тратить деньги? А все-таки... если бы она пріѣхала, не предупредивъ меня, я не пожалѣлъ бы этихъ денегъ!

Мадемуазель Віетъ слушала его, сидя у его изголовья на подоконникѣ. Окно выходило въ садъ, настоящій садъ Франціи съ лѣстницей среди сливовыхъ деревьевъ. Дальше былъ огородъ съ маленькимъ круглымъ бассейномъ посрединѣ. Былъ теплый осенній вечеръ, заходящее солнце золотило пожелтѣвшую листву. Въ этомъ золотомъ освѣщеніи мадемуазель Віетъ казалась еще болѣе бѣлокурой. Въ открытое окно въ палату вливался мягкій воздухъ. Нѣкоторые больные уже спали. Изъ сада доносилось тихое бормотаніе монахини, которая произносила молитвы, прогуливаясь по дорожкамъ и перебирая четки.

Мадемуазель Віетъ задумалась. Гаспаръ вздохнулъ. Она протянула ему руку.

— До свиданія... Спокойной ночи.

Онъ отвѣтилъ:

— Да, да, спокойной ночи... Желаю и вамъ спокойной ночи, мадемуазель!

Когда она ушла, на сердцѣ у него стало еще тяжелѣе при мысли о томъ, что ему такъ и не удалось повидать свою жену. Нѣсколько минутъ спустя, въ палату вошла сестра, дежурившая по ночамъ.

Это была монахиня, сестра Бенигнъ. Каждый вечеръ она являлась въ палату, и одно только ея появленіе дѣйствовало успокаивающимъ образомъ на больныхъ, со страхомъ ожидавшихъ безконечной ночи, когда ихъ одолѣвали кошмары, усиливался жаръ, когда страданія чувствовались острѣе и мучило удушье.

Она тихо отворяла дверь и говорила своимъ тоненькимъ голоскомъ, входя въ палату: „Здравствуйте!“ И всѣ солдаты, даже лежащіе спиной къ двери, отвѣчали хоромъ: „Здравствуйте, сестра!“ И вотъ, вмѣсто трехъ женщинъ, которыя весь день старались угодить имъ, тридцать человѣкъ раненыхъ оставались на попеченіи одной сестры, маленькой, худенькой, съ узкими плечами и узенькимъ личикомъ. Но солдаты улыбались отъ радости, глядя на эту воздушную фигурку, потому что хорошо знали, что ночью они не останутся безъ вѣрной помощи.

Ночь! Какъ ужасна ночь въ госпиталѣ!.. Солдатъ, недавно еще сражавшійся, обезсиленный, страдающій, напоминаетъ большое дитя, послушное и несчастное. Ему мало того, что его перевязали. Едва надвигается тьма, какъ его нужно успокаивать и утѣшать, если даже онъ не проситъ объ этомъ. Онъ не боялся итти въ огонь, страхъ явился потомъ, когда онъ уже вышелъ изъ огня. Первая ночь, проведенная въ госпиталѣ среди тридцати больныхъ, лежащихъ въ одной палатѣ, производитъ на непривычнаго человѣка неизгладимое впечатлѣніе чего-то фантастическаго и кошмарнаго. Раненые, испытавшіе ужасы различныхъ сраженій, сражаются тутъ всѣ вмѣстѣ, во снѣ, и пугаютъ другъ друга. Одни мечутся въ постеляхъ, другіе испускаютъ страшные крики, нѣкоторые командуютъ громко и властно, многіе стонутъ. И сестрѣ, этой маленькой, тщедушной сестрѣ Бенигнъ, приходилось защищать больныхъ отъ самихъ себя въ сраженіи съ призраками. Однако она всегда оставалась спокойной, мужественной, и доброта и терпѣніе никогда не измѣняли ей.

Она подходила къ кровати больного и говорила: „Послушай, милый, что ты болтаешь? Успокойся, успокойся!“ Говоря это, она прикладывала руку ко лбу больного, поправляла подушку, и больной успокаивался. А она шла къ слѣдующему. Она ходила неслышными шагами, и мало-по-малу, склоняясь то надъ однимъ, то надъ другимъ, она всѣхъ успокаивала, сраженіе прекращалось, все умолкало. Раздавалось еще нѣсколько вздоховъ, потомъ кто-нибудь начиналъ храпѣть, и наконецъ всѣ погружались въ благодѣтельный сонъ. Благодаря ей, прекращалось это мучительное витаніе въ пространствѣ, и проходилъ смертельный страхъ, навѣваемый страшными видѣніями.

Довольная и успокоенная, сестра садилась на нѣсколько минутъ въ жесткое, неудобное кресло у стола, на которомъ горѣла лампа подъ темнымъ абажуромъ. Она брала четки, но едва ея пальцы начинали перебирать ихъ, какъ раздавался жалобный голосъ: „Сестра!..“ Она снова вставала, и слышно было, какъ четки падали вдоль ея платья...

На этотъ разъ ее позвалъ Гаспаръ... главнымъ образомъ потому, что онъ очень любилъ ее. Онъ любилъ ее не менѣе, чѣмъ мадемуазель Віетъ, мадамъ Арно, мадемуазель Аннъ и своего друга Дюдоньона. Вообще, надо сказать, сердце Гаспара стало необыкновенно нѣжнымъ и воспріимчивымъ. Онъ любилъ всѣхъ въ госпиталѣ.

Сестра подошла къ нему и спросила:

— Что̀ съ вами?

— Мнѣ хочется попить чего-нибудь. Нѣтъ ли у васъ воды съ апельсиннымъ сокомъ?

— Нѣтъ.

— Но, можетъ-быть, есть лимонадъ?

— А вы обѣщаете потомъ уснуть?

— Клянусь головой моего мальчика.

Она отошла отъ него, прибавила огня въ лампѣ и начала готовить въ стаканѣ лимонадъ. Слыша это, Гаспаръ лизалъ свои сухія губы и ждалъ съ нетерпѣніемъ. Въ ту минуту, когда сестра направилась къ нему со стаканомъ, кто-то изъ больныхъ позвалъ: „Сестра!“ Она остановилась.

— Что̀ вамъ надо?

— Я хотѣлъ бы... чтобы вы перевернули подушку.

Она поставила стаканъ на столъ. Гаспаръ ворчалъ нетерпѣливо вполголоса:

— Этому конца не будетъ... Чтобъ ее... эту сестру!.. Чего она тамъ застряла?.. Ея не дождаться...

Она услыхала. Она слегка улыбнулась и наконецъ подошла къ нему. „Вотъ вы и дождались!“ Гаспаръ смутился и пробормоталъ: „Благодарю васъ... ахъ, очень вамъ благодаренъ!“ Онъ обѣими руками взялъ стаканъ и выпилъ все. Она сказала: „Не надо такъ быстро, пейте понемножку“. Послѣ этого она вернулась къ своему креслу и взяла въ руки четки, но едва произнесла она первую молитву, какъ ее снова позвалъ кто-то. Казалось, будто къ каждой ея молитвѣ прибавлялось новое доказательство ея самоотверженности.

Надо было слѣдить за ней, изучать ее, видѣть вблизи ея бѣлую косынку, чтобы понять, на что способно было сердце этой женщины съ такимъ хрупкимъ тѣломъ въ теченіе безконечныхъ девяти часовъ ночи, когда она должна была утѣшать этихъ несчастныхъ, одолѣваемыхъ кошмарами войны.

Ея ясные глаза внушали довѣріе. Когда она убѣжденно говорила: „Это пройдетъ“, боли дѣлались менѣе чувствительными. И нельзя было не удивляться той легкости, съ которой она переходила отъ одного къ другому, никому не отказывая ни въ чемъ и ежеминутно повторяя: „Вотъ я... я здѣсь“. И, право, она не ходила, а скользила по палатѣ. Видно было, что она проходитъ, но шаговъ ея не было слышно.

Гаспаръ, который съ нѣкоторыхъ поръ сталъ очень снисходительно относиться къ кюрэ, теперь готовъ былъ бы дать изрубить себя за монахиню. Онъ говорилъ товарищамъ:

— Эти женщины только и думаютъ о томъ, чтобы сдѣлать кому-нибудь добро. И онѣ вовсе не надоѣдаютъ болтовней о Богѣ. Это неправда все то, что̀ о нихъ говорятъ... Онѣ даютъ пить, когда попросишь... Нѣтъ, это настоящія женщины... такими должны были бы быть всѣ женщины.

— Э...—сказалъ насмѣшливо Дюдоньонъ,—да ты становишься клерикаломъ.

— Не знаю, чѣмъ я становлюсь,—отвѣтилъ Гаспаръ, — но я вовсе не хочу, чтобы депутаты набивали мнѣ голову всякой чепухой и дѣлали изъ меня дурака!

Когда онъ окончательно поправился, — послѣ долгихъ восьми недѣль леженья и перевязокъ,— онъ позвалъ въ послѣднюю ночь сестру Бенигнъ и попросилъ ее принести на его столикъ лампу. Онъ усѣлся на кровати, веселый и оживленный, и вытащилъ изъ-подъ подушки смятый конвертъ. Изъ конверта онъ вынулъ двѣ одинаковыя фотографіи и показалъ ихъ сестрѣ.

Благодарственная молитва. Эскизъ рядового-самоучки *Д. Токарева.*

Она сказала:

— Это, должно-быть, ваша жена и вашъ сынъ?

Онъ отвѣтилъ съ гордымъ видомъ „Да“,—и кивнулъ головой. Онъ посмотрѣлъ на нее, ожидая, что̀ она скажетъ! Она придвинула лампу, долго разсматривала фотографіи и наконецъ прошептала:

— Но вѣдь она премиленькая, ваша жена... и вашъ малютка похожъ на нее! Счастливый! Почему вы мнѣ до сихъ поръ не показывали это? Вотъ уже шестьдесятъ ночей, какъ я за вами ухаживаю. Что̀ же, развѣ я до сихъ поръ еще для васъ чужая?

И съ этими словами она вложила обѣ фотографіи въ конвертъ. Тутъ Гаспаръ остановилъ ее движеніемъ руки: онъ взялъ конвертъ изъ ея рукъ и протянулъ его ей. Неужели онъ отдаетъ обѣ фотографіи ей? „Да!“ Она прошептала: „Какъ... какъ это мило!..“ Это было прощаніе Гаспара, онъ дарилъ ей сувениръ и благодарилъ ее. Сестра Бенигнъ взяла лампу и пошла къ своему столу. Она подумала: „Господь Всеблагій, и Онъ сотворилъ человѣка по Своему подобію“.

На слѣдующій день, побывавъ всюду, начиная съ кухни и кончая садомъ, Гаспаръ пришелъ прощаться съ тремя женщинами, которыя ухаживали за нимъ, баловали его, вылѣчили. Онъ держалъ кепи въ рукѣ, растроганный до глубины души. Еще разъ ему приходилось разставаться съ друзьями и съ мѣстомъ, въ которомъ онъ обжился. Война снова подхватывала его въ своемъ вихрѣ. Онъ отправился въ городъ А..., въ казармы своего полка. А онъ-то думалъ, что никогда уже больше туда не вернется. Что̀ за жизнь! Только-что успѣлъ сродниться съ людьми, какъ приходится разставаться съ ними... и опять начинается что-нибудь новое, а вѣдь нѣжное сердце такъ скоро привязывается.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Политическое обозрѣніе.

Анархія.

Такія крупныя общественныя явленія, какъ революція или контръ-революція, не совершаются внезапно. Имъ обязательно предшествуетъ болѣе или менѣе продолжительный „инкубаціонный“ періодъ, и всякій переворотъ въ государственныхъ учрежденіяхъ наступаетъ, какъ результатъ предшествующаго ему переворота въ сознаніи гражданъ. Этотъ подготовительный общественный процессъ развивается медленно и постепенно, и широкіе круги населенія обыкновенно узнаютъ о немъ только тогда, когда онъ находитъ свое внѣшнее выраженіе въ опредѣленныхъ, для всѣхъ очевидныхъ, фактахъ.

Въ Петроградѣ были люди, которые еще 25-го февраля „не знали“ о томъ, что революція въ полномъ ходу. Еще въ воскресенье 26-го февраля въ столицѣ играли нѣкоторые театры, были открыты многіе кинематографы, и благодушные обыватели успокаивали себя и другихъ словами: „ничего, образуется“. Даже 27-го февраля, въ понедѣльникъ, когда къ народному движенію примкнула армія, неисправимые скептики „не вѣрили“ въ революцію. Они повѣрили только послѣ того, какъ были поставлены передъ совершившимся фактомъ государственнаго переворота, связаннаго съ перемѣной учрежденій и лицъ. Такъ же „незамѣтно“, какъ къ намъ пришла революція, подкралась къ намъ и анархія. Уже въ серединѣ марта, въ медовый мѣсяцъ революціи, среди общаго воодушевленія и восторга наиболѣе трезвые и проницательные наблюдатели указывали на грозный призракъ надвигающейся, благодаря распаду власти, анархіи. Неисправимые оптимисты „не повѣрили“ и въ анархію. Они повѣрили только тогда, когда дѣйствительность столкнула ихъ съ цѣлымъ рядомъ анархическихъ явленій въ жизни государства.

Вотъ каковы эти „факты анархіи“, обступающіе насъ со всѣхъ сторонъ, ежедневно кричащіе намъ о себѣ съ газетныхъ столбцовъ.

Ежедневно каждый изъ насъ читаетъ множество сообщеній о случаяхъ самосуда и самоуправства, все чаще и чаще повторяющихся въ различныхъ углахъ Россіи. Въ такомъ-то городѣ „толпа“ поймала воровъ или грабителей и учинила надъ ними самосудъ, избила, разстрѣляла, повѣсила, уморила ихъ голодомъ.

Тамъ-то „толпа“ захватила запасы продовольственныхъ продуктовъ, скрытые мѣстными торговцами, и тутъ же распродала или „распредѣлила“ ихъ. „Толпа“ фактически стала у насъ органомъ государственной власти. Она замѣняетъ отсутствующую милицію и занимается „предупрежденіемъ и пресѣченіемъ преступленій“, она производитъ обыски, арестовываетъ, караулитъ. „Толпа“ узурпируетъ права бездѣйствующаго или проявляющаго чрезмѣрную слабость суда. Она производитъ слѣдствія, выслушиваетъ свидѣтельскія показанія, выноситъ приговоры и слѣдитъ за приведеніемъ ихъ въ исполненіе. Вмѣсто организованнаго закономѣрнаго дѣйствія государства начинается безформенное самочинное дѣйствіе случайныхъ элементовъ населенія. Одинъ изъ членовъ Временнаго Правительства сказалъ: „это проявленія народовластія въ его примитивной формѣ“. Конечно, это не такъ. Это проявленія самопомощи со стороны народа, лишеннаго руководства правильной государственной власти.

Парадъ Петроградскимъ скаутамъ. *Гёрль-скауты (дѣвочки) строятъ шалаши изъ соломы.*

Есть и другіе симптомы анархіи. На ряду съ „толпой“ осуществленіе отдѣльныхъ задачъ государственной власти захватнымъ порядкомъ берутъ на себя и разные порожденные революціей коллегіальные органы, всевозможные комитеты и совѣты. Совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ устанавливаютъ предварительную цензуру, конфискуютъ газеты и журналы, ограничиваютъ или вовсе упраздняютъ свободу собраній. Общественные, полковые, батальонные и ротные комитеты смѣщаютъ и назначаютъ должностныхъ лицъ, распоряжаются казенными суммами, реквизируютъ помѣщенія и товары. Иногда дѣло доходитъ до того, что мѣстные органы, никѣмъ на то не уполномоченные, порываютъ всякую связь съ центромъ, отказываются признавать Временное Правительство. Возникаютъ самозванные „диктаторы“, цѣлыя селенія и области „отлагаются“ отъ Россіи и провозглашаютъ свою независимость. На территоріи единаго Россійскаго государства образуются маленькія „республики“. Наиболѣе широкую и печальную извѣстность среди нихъ пріобрѣла Кронштадтская республика. Но кромѣ нея существовали и частью существуютъ до сихъ поръ республики: Шлиссельбургская, Царицынская, Ревельская, Херсонская, Переяславская, Кирсановская. Самой молодой „республикой“ является Святогорская, возникшая въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи подъ властью начальника милиціи подпоручика Шилова.

Въ отдѣльности всѣ эти факты могутъ производить впечатлѣніе невинныхъ и даже забавныхъ анекдотовъ. Въ цѣломъ они даютъ жуткую картину разложенія государственнаго порядка. Временное Правительство утрачиваетъ почву подъ ногами. Организація власти оказывается формой, изъ которой вынуто всякое реальное содержаніе. Въ нормальныхъ условіяхъ государственной жизни работа правительственнаго механизма напоминаетъ работу механизма рояля. Въ центрѣ ударяютъ по клавишѣ. На мѣстѣ выскакиваетъ молоточекъ и, ударяя по струнамъ, вызываетъ звукъ. При преподаваніи фортепіанной игры пользуются иногда такъ называемой „нѣмой клавіатурой“. У нея есть клавиши, и только нѣтъ ни молоточковъ ни струнъ. На такой нѣмой клавіатурѣ играетъ наше Временное Правительство. Оно ударяетъ по клавишамъ, т.-е. пишетъ воззванія и приказы. Но звуковъ получается все меньше и меньше.

Петроградскіе скауты на парадѣ. *Бой-скауты у знамени св. Георгія, ихъ покровителя.*

Ни отъ кого не можетъ укрыться опасность такого положенія вещей. У каждаго гражданина имѣется глубокое и совершенно справедливое убѣжденіе, что государство есть не самоцѣль, а средство, что не онъ существуетъ для государства, а государство для него. Убѣждаясь, что государство не можетъ или не хочетъ удовлетворять его законныхъ нуждъ и желаній, онъ начинаетъ испытывать естественное чувство утомленія и разочарованія. Онъ сопоставляетъ новое со старымъ, и, если сравненіе оказывается не къ выгодѣ новаго, онъ задумывается надъ тѣмъ, стоило ли волноваться, бороться, рисковать ради замѣны одного неудовлетворительнаго государственнаго порядка другимъ, не представляющимъ никакихъ преимуществъ. А отсюда уже одинъ шагъ до равнодушія къ новому строю и до внутренняго отчужденія отъ него.

Иные относятся свысока къ этимъ тревогамъ и сомнѣніямъ смущеннаго обывателя. Они презрительно говорятъ о „рабской психологіи“, о „жаждѣ палки“ и о „тоскѣ по городо-

вомъ". Но разсуждающіе такъ очень ошибаются. Государство, какъ массовое народное явленіе, не можетъ держаться героями и философами, профессорами и политическими вождями. Оно опирается на массу сѣрыхъ рядовыхъ обывателей, оно живетъ въ нихъ, для нихъ и черезъ нихъ. Массовое недовольство обывателей государственнымъ порядкомъ неизбѣжно колеблетъ его прочность. Изъ недовольства гнетомъ и произволомъ стараго строя родилась революція. Усталость отъ безсилія и безвластія новаго государственнаго порядка можетъ легко стать источникомъ общественной реакціи и контръ-революціи. Царское самодержавіе впадало точь въ точь въ такую же ошибку, когда, вмѣсто того, чтобы бояться „революціи", оно боялось и преслѣдовало „революціонеровъ". На нашихъ глазахъ и въ этомъ пунктѣ исторія повторяется. Лѣвыя партіи ищутъ „контръ-революціонеровъ" и не замѣчаютъ роста общественныхъ настроеній, несущихъ въ себѣ революцію противъ революціи, или контръ-революцію. Революціонеры безъ революціоннаго настроенія общества были бы смѣшны. Контръ-революціонеры могутъ стать опасны только при условіи наличности контръ-революціоннаго настроенія общества.

Діагнозъ болѣзни предопредѣляетъ назначеніе лѣкарства. Надо неустанно взывать къ Правительству свободной Россіи: „ради нашей родины, ради нашей молодой и еще неокрѣпшей свободы, поменьше великолѣпнаго безразличія, побольше дѣлового вниманія къ скромнымъ потребностямъ обывателя. Вы хотите, чтобы мы не тосковали по городовомъ? Такъ дайте же намъ честнаго, толковаго милиціонера не изъ сутенеровъ и каторжниковъ, а, скажемъ, изъ раненыхъ солдатъ! Вы хотите, чтобы мы не прибѣгали къ самосуду? Такъ верните же жизнь и энергію независимому, свободному русскому суду! Управляйте, властвуйте и, ради Бога, не подражайте Плеве и Протопопову, не ищите среди насъ контръ-революціонеровъ, боритесь съ анархіей, какъ съ матерью реакціи!"

Проф. К. Соколовъ.

На румынскій фронтъ.

Путевыя замѣтки делегата отъ рабочихъ типографіи Т-ва А. Ф. Марксъ — „Нива"

В. Пуздранкова.

Не многимъ извѣстно, какая работа была исполнена делегатами отъ рабочихъ, широко откликнувшихся на призывъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Петрограда—произвести сборъ на подарки солдатамъ на фронтѣ и самимъ отвезти ихъ на всѣ четыре фронта и передать первый братскій подарокъ свободнаго рабочаго свободному солдату.

Столичные фабрики и заводы, а также и мелкія предпріятія произвели сборъ:—отдали свой однодневный заработокъ и препроводили деньги черезъ профессіональныя организаціи въ агитаціонный отдѣлъ при Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Совѣтъ, при содѣйствіи Союза Городовъ, произвелъ огромную работу по пріобрѣтенію подарковъ на сумму 1.080.000 рублей. Закупку подарковъ на этотъ рабочій милліонъ Союзъ производилъ въ разныхъ городахъ.

И вотъ, когда подарки были пріобрѣтены и доставлены въ Петроградъ, агитаціонная комиссія обратилась къ делегатамъ, ѣдущимъ съ подарками, съ просьбою помочь въ дѣлѣ доставки ихъ въ Зимній дворецъ, а затѣмъ въ упаковкѣ и погрузкѣ, послѣ распредѣленія по равному количеству на всѣ фронты, въ вагоны желѣзной дороги. Делегатами, при помощи товарищей-рабочихъ, все это было перенесено и доставлено на заводскихъ автомобиляхъ.

Делегаты петроградскихъ рабочихъ, прибывшихъ съ подарками на румынскій фронтъ, вмѣстѣ съ командиромъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ.

Стоятъ: Пуздранковъ—отъ тип. „Нивы" (Т-ва А. Ф. Марксъ), Крѣпакъ—отъ Госуд. тип., Григорьевъ—отъ Опт.-Мех. произв.
Сидятъ: Нѣшинъ—отъ завода Санъ-Галли, Васильевъ—отъ завода Айвазъ, полковой командиръ полковникъ Дорофѣевъ, Хорьковъ—отъ союза золото-серебр., Жуковъ—отъ завода Эриксонъ.

Рабочіе нашей типографіи Т-ва А. Ф. Марксъ — „Нива" своими силами и средствами закупили вещи, которыя, по ихъ мнѣнію, наиболѣе необходимы братьямъ-солдатамъ въ окопахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было куплено много книгъ для разъясненія солдатамъ политическихъ вопросовъ, которые въ настоящее время волнуютъ умы всѣхъ насъ, находящихся въ тылу, а еще болѣе тѣхъ, которые уже три года оторваны отъ родины.

Рабочіе, послѣ торжественной манифестаціи пролетаріата въ день 1-го мая, собрались въ помѣщеніи нашей типографіи и, заготовивъ 3.200 пакетиковъ съ надписью: „Солдату въ окопы—рабочіе Нива—Марксъ", уложили все это въ девять ящиковъ и съ закупленными 100.000 папиросъ доставили въ Зимній дворецъ для отправки на румынскій фронтъ.

До отъѣзда въ Таврическомъ дворцѣ было созвано нѣсколько собраній для обсужденія и выбора комиссій, съ цѣлью выясненія того, какое число делегатовъ можетъ быть послано, и какія газеты и въ какомъ количествѣ должны быть допущены въ армію, чтобы не получился агитаціонный характеръ со стороны какой-либо одной партіи.

2-го мая въ 12 час. дня делегаты были созваны въ Таврическій дворецъ, въ числѣ 40 человѣкъ, которые были снабжены соотвѣтствующими документами. Каждому вручена была памятка отъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, въ которой вкратцѣ изложено было все, что могло бы интересовать солдата и что могло бы послужить намъ, рабочимъ, для разъясненія этихъ вопросовъ. Затѣмъ были даны послѣдніе приказы по военному вѣдомству для ознакомленія съ ними.

Въ 6 часовъ вечера всѣ делегаты отъ рабочихъ собрались на Царскосельскомъ вокзалѣ и вмѣстѣ съ пятью присланными отвѣтственными ораторами отъ Исполнительнаго Комитета С. Р. и С. Д. отправились въ путь.

Намъ былъ предоставленъ особый вагонъ въ 36 мѣстъ на 46 человѣкъ, но непривычка къ комфорту быстро примирила насъ съ этимъ обстоятельствомъ, и мы, размѣстившись по купе, начали знакомиться другъ съ другомъ. Конечно, были тутъ и знакомые другъ съ другомъ по организаціямъ, были и встрѣчи послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки,—одни были въ Петроградѣ, а другіе были далеко-далеко и только-что вернулись, освобожденные революціей. Разговоры и разспросы длились всю дорогу.

Въ пути на станціяхъ толпа съ любопытствомъ разсматривала нашъ вагонъ съ наклееннымъ на немъ плакатомъ: „Вагонъ делегатовъ рабочихъ съ подарками на румынскій фронтъ изъ Петрограда". Особенное вниманіе народа, повидимому, привлекало наше красное знамя, на которомъ было начертано: „Только Демократическая Республика дастъ народу землю и волю и рабочимъ 8-часовой рабочій день".

До Кіева путешествіе было однообразно и представляло мало интереснаго. За Кіевомъ, на Раздѣльной, нашъ вагонъ былъ прицѣпленъ къ поѣзду со штабомъ новоназначеннаго командующаго румынскимъ фронтомъ генерала Щербачева. Поѣздъ въ составѣ трехъ вагоновъ двинулся по Бессарабіи, направляясь въ Румынію.

Въ Бендерахъ ген. Щербачевымъ былъ принятъ рапортъ отъ выстроеннаго почетнаго караула. Генералъ запросто бесѣдовалъ съ солдатами, призывалъ ихъ защищать свободную Россію, говорилъ о новомъ правительствѣ и провозгласилъ „ура" въ честь новаго военнаго и морского министра Керенскаго. Громкое долго несмолкаемое „ура" огласило воздухъ. Въ Кишиневѣ повторилось то же самое, но тутъ командующій, обратившись къ выстроенному на вокзалѣ почетному караулу, сказалъ: „Граждане-солдаты, вчера на станцію Кишиневъ съ германскаго аэроплана были сброшены четыре бомбы. Было убито два солдата, нѣсколько дѣтей, и нѣсколько солдатъ и жителей Кишинева ранено, при чемъ было повреждено полотно желѣзной дороги. Скажите, граждане-солдаты, какъ назвать это? Тамъ, въ окопахъ, они предлагаютъ вамъ брататься съ ними, а здѣсь, въ тылу, наносятъ вредъ жителямъ беззащитнаго города и стараются прервать подвозъ провіанта, снарядовъ и патроновъ для арміи". Провозгласивъ „ура" за русскую свободную армію и затѣмъ въ честь военнаго министра Керенскаго и за великую свободную Россію, командующій, подхваченный на руки восторженно привѣтствовавшими его солдатами, былъ донесенъ до вагона.

Воспользовавшись большимъ скопленіемъ солдатъ и гражданъ-горожанъ, мы устроили на вокзалѣ у вагона митингъ, на которомъ выступило два оратора отъ Исполнительнаго Комитета. Рѣчи ораторовъ были покрыты громовымъ „ура", и поѣздъ подъ пѣніе „Краснаго Знамени" и крики „ура" медленно отошелъ дальше.

Спустя часа два явившіеся адъютанты командующаго попросили насъ прислать къ нему побесѣдовать нѣсколько человѣкъ изъ делегаціи. Бесѣда продолжалась около трехъ часовъ и оставила хорошее впечатлѣніе. Командующій просилъ делегатовъ, по возможности, объѣхать всѣ полки передовыхъ позицій съ цѣлью объясненія происшедшихъ въ тылу событій, потому что мы—свидѣтели революціи и ея участники, и намъ они больше повѣрятъ. По окончаніи бесѣды командующій, пожелавъ намъ скорѣе добраться до цѣли нашего пути, просилъ помочь ему въ дѣлѣ возстановленія пошатнувшейся дисциплины, такъ какъ отъ этого зависитъ скорѣйшее окончаніе войны.

Въ Яссы прибыли мы въ 5 часовъ утра 8-го мая, и первое, что увидѣли изъ окна вагона, это громадный столбъ густого чернаго дыма въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ вагона, стоящаго у платформы; то горѣлъ нефтяной колодецъ, находящійся на путяхъ дороги у вокзала. Мы, пріѣхавшіе и только-что вставшіе, не умывшись, въ числѣ человѣкъ 40, побѣжали къ мѣсту пожара и увидѣли человѣкъ до 300 румынскихъ солдатъ съ лопатами въ рукахъ, окапывающихъ на порядочномъ разстояніи горѣвшее мѣсто землянымъ валомъ. Выхвативъ изъ рукъ солдатъ лопаты и положивъ на рельсы доски, чтобы не замочить въ растекшейся нефти сапогъ и не поджечь ихъ, рабочіе въ 10 минутъ засыпали горѣвшую нефть землей, предупредивъ пожаръ товарной станціи и стоявшихъ около нея вагоновъ съ пассажирами. Когда пожаръ былъ прекращенъ, какая-то дама, вынимая изъ ридикюля 100-франковый билетъ, попросила одного изъ рабочихъ передать его потушившимъ пожаръ, но тотъ объяснилъ, что они денегъ не возьмутъ, и что это ихъ обидитъ, такъ какъ это рабочіе делегаты изъ Петрограда.

По распоряженію коменданта станціи Яссы, нашъ вагонъ былъ поставленъ у станціи на запасный путь, и было обѣщано, что до возвращенія нашего съ фронта онъ занятъ не будетъ и будетъ предоставленъ намъ для возвращенія въ Россію. Городъ Яссы довольно большой. У самой станціи на площади „Головной питательный пунктъ В. М. Пуришкевича", кормящій обѣдами и поящій чаемъ солдатъ безплатно и за недорогую плату офицеровъ и штатскихъ, что является истиннымъ благодѣяніемъ въ этой голодной странѣ, гдѣ и въ главномъ ресторанѣ „Траянъ" вы ничего, кромѣ селедки съ картофелемъ и лукомъ, называемыми салатомъ, и кукурузной каши съ сыромъ-брынзой и масломъ, называемой „мамалыга", получить нельзя ни за какія деньги. Если бы не стояли тамъ русскія войска, румыны перемерли бы съ голода. Русское интендантство кормитъ и поддерживаетъ и румынъ. Смертность въ Румыніи, говорятъ, очень велика. Мы и сами видѣли, какъ по утрамъ и днемъ везутъ и несутъ покойниковъ.

Вообще въ Румыніи свирѣпствуютъ тифъ, холера и дизентерія. Хоронятъ голыми и даже, большею частью, безъ гробовъ, на небольшой глубинѣ. Солдатъ хоронятъ безъ всякихъ воинскихъ почестей, и румыны справедливо завидуютъ тому, что русскаго солдата хоронятъ съ музыкой и взводомъ провожающихъ товарищей, въ гробу и даже одѣтымъ.

Особенно красивъ верхній городъ Яссы. Красивыя стильныя постройки, кругомъ зелень, цвѣтущія деревья, какъ, напримѣръ, бѣлая акація, бѣлый и красный каштанъ, сады-цвѣтники. Порядокъ образцовый. На улицахъ, по тротуарамъ, пестрая толпа румынъ и румынокъ въ національныхъ костюмахъ, по мостовой быстро мчащіеся автомобили, преимущественно съ военными, и безконечно тянущіяся арбы, запряженныя парой воловъ, которыхъ погоняетъ хворостиной или румынскій солдатъ или крестьянинъ-румынъ. Мостовыя покрыты асфальтомъ; онѣ ежедневно чистятся спеціальными машинами, запряженными парой воловъ.

Первымъ долгомъ мы посѣтили Исполнительный Комитетъ Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ, находящійся въ бывшемъ помѣщеніи виноторговли Смирнова; тамъ же находится и редакція „Вѣстника Румынскаго Фронта". Посѣтили типографію штаба, гдѣ были встрѣчены товарищами-солдатами, которые разспрашивали обо всемъ, что творилось въ Петроградѣ въ дни революціи.

Пробывъ сутки въ Яссахъ, мы узнали, что пять вагоновъ съ подарками находятся на ст. Соколы, въ пяти верстахъ отъ станціи Яссы, и что подарки нужно перегрузить изъ вагоновъ русской колеи въ вагоны румынской колеи. Безуспѣшно прохлопотавъ о предоставленіи намъ перевозочныхъ средствъ, мы, въ числѣ 40 человѣкъ, отправились въ Соколы пѣшкомъ, черезъ нижній городъ и его пригородъ.

Нижній городъ ничего особеннаго собою не представляетъ. Небольшіе одно- и двухъэтажные дома, бѣдненькія лавчонки кустаря-ремесленника да безчисленное множество грязненькихъ парикмахерскихъ. Къ окраинѣ городъ уже крайне грязенъ, на улицахъ въ сторонкѣ отъ мостовой свалки мусора, а выйдя за городъ изъ первой улицы въ поле, мы наткнулись на нѣсколько труповъ павшихъ лошадей, распространявшихъ зловоніе, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Трупы павшихъ воловъ и лошадей заполняли даже небольшую рѣчонку, такъ что намъ, переходя черезъ нее, пришлось заткнуть носъ и задержать дыханіе. Это безобразіе заставляетъ не удивляться тому, что въ Яссахъ свирѣпствуютъ инфекціонныя заболѣванія. Да и въ довершеніе всего по этому полю смерти животныхъ мирно роется нѣсколько десятковъ свиней со своими поросятами.

Одолѣвъ трудности пути, мы черезъ полтора часа благополучно перегрузили подарки и, оставивъ дежурить у вагоновъ товарищей, отправились обратно въ Яссы полотномъ желѣзной дороги.

Вечеромъ въ Соколахъ былъ устроенъ мѣстными воинскими комитетами большой митингъ на полѣ для воинскихъ частей, находящихся въ окрестностяхъ Яссъ.

Оригинальную картину представляло собою поле. Въ шесть часовъ вечера со всѣхъ сторонъ двигались стройныя воинскія колонны съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и съ красными знаменами. Дойдя до выстроенной среди поля высокой трибуны и установивъ на ней свои красныя знамена, онѣ ждали подхода другихъ воинскихъ частей.

Въ семь часовъ начался митингъ, который прошелъ съ успѣхомъ, превзошедшимъ наши ожиданія. Ораторы высказывались противъ братанія съ нѣмцами, указывая всю пагубность такихъ братаній съ нашей стороны и объясняя безсовѣстный обманъ со стороны нѣмцевъ которые, перекинувъ всѣ свои силы на англо-французскій фронтъ, начали братаніе, чтобы русскіе не наступали, разбивъ англичанъ и французовъ, обрушатся всею тяжестью на русскія войска. Рѣчи ораторовъ прерывались возгласами „правильно" и громкимъ „ура".

Митингъ закончился поздною ночью, и насъ товарищи-солдаты на автомобилѣ-грузовикѣ доставили къ нашему „дому на колесахъ". На слѣдующій день отправившись въ Соколы, мы съ трудомъ протолкнули вагоны съ подарками въ Яссы и, перенеся свои вещи въ эти вагоны, расположились на ящикахъ и кипахъ, подъ самою крышею товарныхъ вагоновъ.

Ночью мы кружнымъ путемъ отправились по желѣзной дорогѣ въ городъ Романъ. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ Яссъ, мы ночью проснулись отъ выстрѣловъ, которые раздались гдѣ-то поблизости. Оказалось, что поѣздъ нашъ остановился гдѣ-то среди поля, и какая-то банда начала отодвигать дверь товарнаго вагона, въ которомъ находился староста нашей делегаціи, товарищъ Преображенскій, который, откликнувъ: „кто лѣзетъ?", произвелъ два выстрѣла въ воздухъ, разбудившіе насъ. Мы открыли огонь изъ револьверовъ изъ всѣхъ вагоновъ, и человѣкъ 15 румынъ бросились бѣжать во всѣ стороны. Не будь въ вагонахъ охраны, нашей арміей были бы получены пустые вагоны, какъ это, говорятъ, бывало въ дни самодержавія.

Всю остальную дорогу до Романъ мы проѣхали спокойно. Пріѣхали рано утромъ. Напившись чаю на питательномъ пунктѣ, мы пошли осматривать городъ.

Расположенный на горѣ городокъ Романъ очень красивъ; небольшія стильныя, одноэтажныя, каменныя постройки картинно вырисовываются на фонѣ цвѣтущихъ деревьевъ; красивыя, прямыя, широкія улицы, обсаженныя по краямъ тротуара цвѣтущимъ каштаномъ. Роскошный паркъ, почти у самаго вокзала; въ паркѣ площадка для игры въ лаунъ-теннисъ, два фонтана, масса скамеекъ для отдыха гуляющихъ. Много свободно разгуливающихъ русскихъ солдатъ: нѣкоторые, заслышавъ нашъ разговоръ, догоняли насъ и спѣшили узнать, не изъ Россіи ли мы, когда мы пріѣхали, и всю дорогу толпой провожали насъ, разспрашивая обо всемъ.

Вечеромъ въ городскомъ паркѣ состоялся 12.000-й митингъ; на митингъ явился и оркестръ одного изъ находящихся въ Романѣ полковъ. Во время доклада о петроградскихъ событіяхъ, когда ораторъ въ краткихъ словахъ нарисовалъ картину похоронъ 23-го марта, приглашая почтить память погибшихъ, оркестръ исполнилъ похоронный маршъ, во время котораго всѣ присутствующіе опустились на колѣни. Послѣ рѣчи каждаго оратора оркестръ исполнялъ марсельезу. Ораторовъ послѣ митинга качали

на рукахъ и затѣмъ проводили съ оркестромъ музыки до вокзала. Поздно ночью, послѣ ужина, предложеннаго солдатами, мы вернулись къ своимъ вагонамъ, къ которымъ былъ приставленъ караулъ отъ воинскихъ частей, который по нашемъ возвращеніи былъ отпущенъ, и мы ночью отправились въ дальнѣйшій путь.

Въ Аджудѣ мы пробыли недолго; устроили митингъ въ раіонѣ штаба и сдѣлали нѣсколько докладовъ въ отдѣльныхъ войсковыхъ частяхъ. Члены делегаціи, принадлежащіе къ типографскому дѣлу, конечно, первымъ долгомъ старались посѣтить типографіи, которыя имѣются при каждомъ штабѣ. При нашемъ появленіи товарищи типографы-солдаты оказывали намъ такой пріемъ, которому позавидовалъ бы любой владѣтельный князь. Насъ, типографовъ, было трое: отъ Государственной типографіи наборщикъ товарищъ Крѣпакъ, бывшій секретарь Союза Рабочихъ Печатнаго Дѣла товарищъ Шарекъ и делегатъ отъ рабочихъ типографіи Т-ва А. Ф. Марксъ—„Нива"—пишущій эти строки.

Проводы, конечно, были вездѣ сердечные.

Въ Барладъ мы прибыли около 12 часовъ дня 12-го мая и подачи лошадей, мы направились въ двухъ линейкахъ на сахарный заводъ, гдѣ въ это время происходилъ митингъ, устроенный пріѣхавшими съ подарками рабочими отъ союза кожевниковъ, которые не пожелали ѣхать организованно и проводить платформу Совѣта Р. и С. Депутатовъ.

Мѣсто, гдѣ устроенъ былъ митингъ, представляетъ собою огромный водоемъ, стѣны котораго, выложенныя камнемъ и сцементированныя, высотою до двухъ саженъ; среди водоема трибуна, убранная цвѣтами и зеленью. По краямъ водоема сидѣли неподвижно, внимательно слушая, нѣсколько сотъ солдатъ.

Мы спустились по отлогимъ краямъ съ одной стороны водоема, держась за желѣзныя перила, и сѣли на скамейку у трибуны, ожидая, когда кончитъ рѣчь ораторъ-кожевникъ. По прибытіи нашемъ кожевники удалились.

Выступившій отвѣтственный ораторъ Исполнительнаго Комитета Совѣта Р. и С. Деп. тов. Васильевъ сдѣлалъ докладъ о петроградскихъ событіяхъ и, коснувшись той организованности и той дисциплины, которыми всегда отличался въ своихъ вы-

На румынскомъ фронтѣ. *Группа делегатовъ петроградскихъ рабочихъ, прибывшихъ съ подарками на фронтъ, среди солдатъ и офицеровъ N—скаго пѣхотнаго полка*

на автомобилѣ, поданномъ заранѣе къ вокзалу, отправились въ штабъ арміи, гдѣ былъ устроенъ митингъ. Посѣтили Армейскій Комитетъ, гдѣ намъ было предложено отобѣдать. Встрѣчали тепло, радостно. Встрѣтились съ группой безпартійныхъ ораторовъ-студентовъ гор. Одессы, которые, устраивая митинги, разъясняли солдатамъ сложные вопросы текущаго момента.

Въ Армейскомъ Комитетѣ намъ посовѣтовали поручить ему, подъ нашимъ контролемъ, конечно, распредѣленіе подарковъ по полкамъ и батареямъ, на что мы и согласились, потому что въ Армейскій Комитетъ входятъ представители всѣхъ воинскихъ частей, и мы не могли бы правильно безъ ихъ помощи распредѣлить подарки.

Въ Барладѣ мы простояли болѣе двухъ сутокъ и пользовались особеннымъ гостепріимствомъ и вниманіемъ со стороны солдатъ, офицеровъ и сестеръ милосердія, которые наперебой приглашали зайти выпить чаю или закусить и разсказать о томъ, что происходитъ въ тылу.

15-го мая утромъ мы пріѣхали въ м. Маришести, гдѣ уже на вокзалѣ солдаты, предупрежденные изъ Армейскаго Комитета о нашемъ отъѣздѣ изъ Берлада, просили спѣшно прибыть въ стоящій на сахарномъ заводѣ N—скій пѣхотный полкъ, въ которомъ не все благополучно. Зашли къ корпусному коменданту для предъявленія своихъ документовъ и прося помѣстить на храненіе наши вещи. Комендантъ любезно предоставилъ намъ свою канцелярію для храненія вещей и направилъ насъ въ штабъ корпуса, гдѣ намъ укажутъ расположеніе воинскихъ частей и будутъ предоставлены нужныя перевозочныя средства. Въ штабѣ приняли насъ сухо, но, провѣривъ документы, повидимому, успокоились и просили сказать, о чемъ мы будемъ говорить съ солдатами. Мы, конечно, отъ экзамена отказались и заявили имъ, что на нашихъ митингахъ можетъ присутствовать каждый, и несогласный съ нами можетъ выступить противъ насъ или задавать намъ вопросы.

Наскоро закусивъ и выпивъ по стакану чаю, въ ожиданіи

ступленіяхъ рабочій классъ Петрограда и другихъ городовъ, сказалъ, что выступленіе рабочихъ увѣнчалось успѣхомъ, самодержавіе свергнуто, и уже самъ народъ въ Учредительномъ Собраніи рѣшитъ, какой строй ввести въ Россіи. Не будь дисциплины, не было бы и побѣды. Большинству подчиняется меньшинство. Говорилъ онъ также, что не простымъ втыканіемъ штыковъ въ землю русскій воинъ добьется мира и не братаніемъ, которое предлагаетъ германскій генеральный штабъ, перебрасывая свои полки на франко-англійскій фронтъ, чтобы, разбивъ англичанъ и французовъ, броситься на насъ и, разбивъ, заставить подписать далеко не почетный миръ. „Товарищи,—говорилъ онъ,—когда вамъ нѣмцы будутъ предлагать братаніе, пошлите ихъ брататься съ нѣмецкими рабочими на улицы Берлина, пусть они братаются такъ, какъ русскіе солдаты братались въ февральскіе дни на улицахъ Петрограда. Сдѣлайте то, что сдѣлали мы, сбросьте съ трона Вильгельма, какъ мы сбросили своего Николая, и тогда приходите брататься съ нами, а до тѣхъ поръ мы съ вами брататься не будемъ. Простымъ сидѣніемъ въ окопахъ вы отодвигаете окончаніе войны, а также подвергаете опасности завоеванныя свободы".

Говорилъ онъ также и объ Учредительномъ Собраніи и по земельному вопросу, говорилъ простымъ русскимъ языкомъ, понятнымъ солдату. Рѣчь его, продолжавшаяся $1\frac{1}{2}$ часа, часто прерывалась возгласами одобренія и криками „ура". Послѣ выступленія еще нѣсколькихъ ораторовъ оркестръ полка исполнилъ троекратно марсельезу, ораторовъ качали, а офицерство съ чувствомъ особеннаго удовлетворенія пожимало ораторамъ руку. Это было первое выступленіе передъ полкомъ, который занималъ передовыя позиціи, и который черезъ день долженъ будетъ опять итти въ окопы. Послѣ митинга намъ было предложено сняться, при чемъ были сняты двѣ помѣщаемыя здѣсь группы: одна—делегація съ командиромъ полка полковникомъ Дорофѣевымъ и другая—делегація рабочихъ съ офицерами и солдатами.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Ипръ-Лилльская операція англичанъ.

Прилагаемая при семъ схема даетъ представленіе о линіи боевого фронта германскихъ армій во Франціи къ началу настоящаго года, еще до послѣдняго большого наступленія англо-французовъ въ центрѣ между Аррасомъ и Реймсомъ.

Какъ видно изъ чертежа, фронтъ противника на 52—60 верстъ отъ бельгійской границы вдавался почти клиномъ въ глубь на французскую территорію, имѣя наиболѣе выдвинутую точку свою между городами Амьеномъ и Руа.

Въ теченіе февраля, марта и апрѣля мѣсяцевъ наши союзники, дѣйствовавшіе при своемъ наступленіи на операціонныхъ направленіяхъ: Монсъ—Льежъ, Перронъ—Шарлеруа—Намюръ—Льежъ и Лаонъ—Мезьеръ—Невшато, сравняли этотъ выступъ, выдвинувшись на 30—35 верстъ впередъ къ линіи Аррасъ—Бапомъ—Сенъ-Кантенъ—Лаонъ—Реймсъ. На этомъ общее развитіе крупныхъ боевыхъ дѣйствій пока закончилось.

Первая половина мая мѣсяца прошла спокойно, но въ двадцатыхъ числахъ обнаружилась новая Ипръ-Лилльская операція, гдѣ обѣ стороны столкнулись въ раіонѣ пересѣченія боевого фронта съ бельгійской границей на важнѣйшихъ сѣверныхъ операціонныхъ направленіяхъ, выводящихъ съ одной стороны нѣмцевъ къ побережью Сѣвернаго моря въ направленіи на Дюнкеркъ, съ другой стороны выводящихъ англичанъ на Антверпенъ—Дюссельдорфъ и Брюссель—Кёльнъ.

Такимъ образомъ центръ тяжести военныхъ дѣйствій перекинулся въ самую сѣверную часть Франціи и даже на бельгійскую территорію, гдѣ уже въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ не наблюдалось никакого серьезнаго боевого оживленія.

Взрывъ цѣлаго ряда подземныхъ фугасовъ, начиненныхъ невиданнымъ до сего времени количествомъ (около милліона фунтовъ) взрывчатаго вещества, произведенный нашими союзниками между Ипромъ и Лиллемъ, послужилъ сигналомъ начавшагося новаго наступленія англійской арміи.

Вслѣдъ за этимъ англичане атаковали позиціи кронпринца Баварскаго въ долинѣ рѣки Лисъ у Варнетона и также въ раіонѣ деревень Витшаетъ и Мессинъ на фронтѣ около десяти верстъ. Наиболѣе ожесточенная борьба протекла на участкѣ между послѣдними названными деревнями, гдѣ германцы имѣли сильный выступъ своихъ позицій на промежуточномъ хребтѣ, укрѣпленномъ ими съ мая 1915 года.

Послѣдній ударъ нашихъ союзниковъ пришелся на стыкѣ двухъ германскихъ армій, дѣйствующихъ своими флангами въ раіонѣ, лежащемъ въ 30 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Лилля. Этотъ новый участокъ наступленія англійскихъ войскъ выдвинулся значительно къ сѣверу отъ береговъ рѣки Анкра, Арраса и Бапома, гдѣ только два мѣсяца тому назадъ происходили столь ожесточенныя военныя дѣйствія. Вслѣдствіе этого фронтъ Гинденбурга подвергся нажиму нашихъ союзниковъ теперь уже на протяженіи болѣе чѣмъ 180—200 верстъ.

Какъ только обнаружился ударъ нашихъ союзниковъ, сосредоточенный въ раіонѣ Куртрэ, Менина и Рубэ, германскіе резервы брошены были немедленно впередъ для защиты нѣмецкихъ позицій, расположенныхъ на западномъ берегу Ипрскаго канала. Однако борьба сторонъ выражалась здѣсь не столько въ столкновеніи живой силы противниковъ, сколько въ техническомъ оборудованіи того обширнаго матеріала, который былъ здѣсь сосредоточенъ.

Нѣкоторое время передъ этимъ имѣлись указанія на подготовку германскимъ высшимъ командованіемъ операціи въ направленіи сѣвернаго французскаго побережья. Съ этой цѣлью и происходила замѣтная перегруппировка германскихъ резервовъ въ тылу четвертой и шестой ихъ армій, составляющихъ правое сѣверное крыло Гинденбургова фронта въ Западной Европѣ. Солидны ли германскія силы, подтянутыя къ Лилльскому и Ипрскому раіонамъ, и въ какую форму вылилась эта перегруппировка, остается пока еще невыясненнымъ.

Но, видимо, наши союзники имѣютъ основаніе принять со своей стороны рядъ предупредительныхъ мѣръ и заранѣе обезоружить наступательные замыслы германской стратегіи.

Этотъ ударъ по Ипрскимъ позиціямъ германцевъ есть не что иное, какъ активный маневръ англичанъ, подсказанный оборонительными соображеніями послѣднихъ. Стоять на мѣстѣ и ожидать, пока германцы сами не произведутъ нападенія на англійскія позиціи, съ цѣлью прорыва къ Ля-Маншу, наши союзники считаютъ для себя несоотвѣтственнымъ. Свое намѣреніе въ достиженіи намѣченной цѣли они проводятъ съ методическимъ упорствомъ.

Интересно прослѣдить нѣкоторыя подробности подготовки нашими союзниками этой майской операціи противъ германскихъ позицій въ раіонѣ Ипрскаго выступа и гребня у деревни Мессинъ. Изгнаніе германскихъ войскъ съ этого участка позицій должно окончательно уничтожить надежды послѣднихъ произвести прорывъ въ направленіи пролива Па-де-Кале. Несмотря на очень небольшой участокъ занятыхъ союзниками новыхъ нѣмецкихъ позицій, не превышающій собою 10—12 верстъ, англійское общественное мнѣніе придаетъ этому факту, въ виду вышеуказанныхъ обстоятельствъ, весьма серьезное значеніе и находитъ, что, на ряду съ недавнимъ успѣхомъ англичанъ между Аррасомъ и Лансомъ, въ раіонѣ сильныхъ позицій мѣстечка Вими, удача на Мессинскомъ гребнѣ окрыляетъ надежды въ цѣляхъ продвиженія союзниковъ въ направленіи на Куртрэ, Рубэ и Дуэ.

Подводя итоги пятидневныхъ боевъ на этомъ новомъ своемъ участкѣ активныхъ дѣйствій, англичане не склонны преуменьшать значенія тѣхъ трудностей, которыя приходилось преодолѣвать ихъ войскамъ при атакѣ укрѣпленныхъ въ теченіе почти трехъ лѣтъ германскихъ позицій. Для всесторонняго изученія условій боя на нынѣ атакованномъ участкѣ нѣмецкаго фронта англичане произвели колоссальную подготовительную работу.

Большое вниманіе удѣлило англійское верховное командованіе вопросу подготовки наступленія артиллерійскимъ огнемъ. Распланировка многочисленныхъ линій тяжелыхъ и легкихъ батарей представляла собою чрезвычайно оригинальную картину, гдѣ преслѣдовалась главнымъ образомъ цѣль открытія огня цѣлыми линіями въ послѣдовательномъ порядкѣ. Въ то время, какъ одна изъ артиллерійскихъ линій громитъ нѣмецкія позиціи и наноситъ на нихъ серьезныя разрушенія, другая линія батарей, расположенная въ нѣсколько иномъ разстояніи отъ германскихъ послѣдующихъ оборонительныхъ укрѣпленій, временно молчитъ и выжидаетъ своей очереди. Когда дѣйствовавшая часть батарей союзниковъ исполнила свою задачу и заставила германцевъ отойти назадъ, начинаетъ говорить вторая линія многочисленныхъ орудій, обстрѣливающая тотъ новый фронтъ, на который въ этомъ случаѣ отошли отброшенныя германскія части.

Подобная система распредѣленія огня двух- и трехрядныхъ тяжелыхъ и легкихъ батарей даетъ громадныя преимущества нашимъ союзникамъ, которымъ удается производить сильнѣйшее потрясеніе на фронтѣ противника на глубинѣ по меньшей мѣрѣ двухъ укрѣпленныхъ линій. Но вмѣстѣ съ этимъ англійскія батареи пользуются еще особой силы разрывными снарядами, которые производятъ въ укрѣпленіяхъ противника сильнѣйшія разрушенія.

Имѣя налицо успѣхъ англичанъ, достигнутый ими на гребнѣ Мессинъ, мы составляемъ себѣ ясное представленіе о томъ, какъ упорны наши союзники въ достиженіи намѣченной цѣли, и какъ сказывается подобное упорство на ходѣ военныхъ дѣйствій.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается соч. Сервантеса „Донъ-Кихотъ“ книга 4

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.

Выпускаемый на основаніи Постановленія Временнаго Правительства отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ:

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ Банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по 5¾% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

„ЗДОРОВЬЕ—СИЛА“.

НОВАЯ СИСТЕМА.

Психо-физіологическія движенія.

Составилъ

А. К. АНОХИНЪ (Б. Россъ).

Седьмое дополненное изданіе съ 15 иллюстраціями—снимками съ натуры—и съ приложеніемъ таблицы упражненій.

Эта изумительно простая, доступная всѣмъ и всюду — богатымъ и бѣднымъ, сильнымъ и слабымъ, въ городѣ и деревнѣ—система физическихъ упражненій основана на новыхъ принципахъ движеній—психологіи и физіологіи двигательнаго аппарата.

По этой новой системѣ, наращивая мускулы, наращиваютъ здоровье и улучшаютъ общее самочувствіе. Чтобы достигнуть этого, нужно продѣлывать ежедневно нѣсколько минутъ указываемыя авторомъ упражненія, совмѣстимыя со всякимъ родомъ занятій, и черезъ 12 недѣль вся мускулатура тѣла равномѣрно разовьется, появятся правильное кровообращеніе, ровное дыханіе, нормальная работа сердца, обновится весь организмъ.

Цѣна 75 коп., съ пересылкой 90 коп.

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ.

РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ **ОБУВИ**

ПРОСТОЙ и ИЗЯЩНОЙ

ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ и ДѢТСКОЙ

ПО НОВОЙ, ЛЕГКОЙ и СКОРОЙ МЕТОДѢ.

5-е изданіе.

Просто, доступно для всѣхъ изложенное, поясняющее указанія чертежами и рисунками, не требующее никакого предварительнаго умѣнья и никакихъ особыхъ затратъ, руководство это, при настоящей дороговизнѣ жизни, должно быть радостно встрѣчено русской семьей. Отнынѣ дюжина дѣтскихъ сапогъ и ботинокъ для хозяйки дома и рабочій сапогъ для отца семьи могутъ быть изготовлены легко и несравненно дешевле дома.

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

Руководство для газетныхъ **КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ** Постоянн. крупн. побочн. заработокъ. 4365 Цѣна 1 руб. Москва, изд—ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2. (12)

ЛѢЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЛЕРЪ *МОСКВА, Н. Басманная 14.* ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ **ЗАИКАНІЕМЪ.**

При лѣчебницѣ ПАНСІОНЪ.—Лѣчебница функціонируетъ круглый годъ.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скоропис. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 3 р.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. убористн. шрифт. Цѣна съ пер. 3 р. 50 к.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран. Цѣна (4) 4 р. 50 к. 4605

При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

МАРКИ гашен. разн. русск. и иностр. покупаю дороже всѣх. Закупн. лист и кр. пр.-кур. выс. за 10-к. мар. А. М. Малахов. Архангельск.

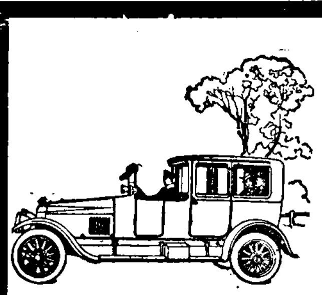
СТРАДАЮщимъ ревматич. мучительн. бол. по получ. 60 к. вышлю немедл. совѣтъ — дивн. средство ПГР., Коломенская ул., 22, Е. Киселевъ.

КРАСОТУ ВАШЕГО ЛИЦА

сохраняйте и возстановляйте пластическимъ массажемъ, изучить Вы можете **ЗАОЧНО**, посредствомъ лекцій. Проспекты и подробныя свѣдѣнія высылаются за десятикопеечную марку. Москва, Петровскій бульваръ, № 9, Маріи Николаевнѣ ДУРАСОВИЧЪ. (1)

УГРИ,

прыщи и жировое выдѣленіе уничтож. быстро и безслѣдно моимъ домашнимъ средств. Большой флак. съ настав., хватающ. обычно на все время, высылаю немедленно только по полученіи стоимости или 1/2 ч. задатка. Цѣна флакона съ пересыл. и упаков. 4 руб. Предлож. моему прошу вѣрить, оно искренно и честно. Москва, Долгоруковская ул. № 11 (одиннадцать) кв. 9 Марія Егоровна Чурбанова



АВТОМОБИЛИСТОВЪ ПРИГЛАШАЮТЪ ПОТРЕБОВАТЬ НАШЪ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЪ 60 СТРАН. СЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ ТИПОВЪ ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНЫХЪ АНГЛІЙСКИХЪ АВТОМОБИЛЕЙ ВОКСХОЛЪ И ВИДОВЪ — КАКЪ ИХЪ СТРОЯТЪ.

ВОКСХОЛЪ

Петроградъ. Невскій, 21.

Уже!.. подѣйствовало!..

КООРИН

РАБОТАЕТЪ ПОКА ВЫ СПИТЕ.

Примите на ночь передъ сномъ таблетку Ккооринъ-Статъ, и каждое утро вашъ

ЖЕЛУДОК

будетъ освобождаться легко, нормально и пріятно. Ккооринъ-Статъ оздоровляетъ желудокъ и пріучаетъ кишечникъ къ аккуратному ежедневному дѣйствію.

ВЪ БЛИЖАЙШЕЙ аптекѣ, аптекарскомъ магазинѣ или складѣ Вы получите пробную коробку Ккооринъ-Статъ. Примите первую таблетку сегодня же на ночь и Вы скоро забудете, что когда-либо страдали желудкомъ или слабыми, расшатанными нервами.

ВЫ ИЗБАВИТЕСЬ

разъ навсегда отъ запоровъ, катара, гемороя, вялости кишекъ, отъ головныхъ болей, тошноты, изжоги и пученія живота газами.

Ваша нервная система окрѣпнетъ, Вы почувствуете въ себѣ новую силу и притокъ энергіи.

Читайте, что пишутъ о Ккооринѣ-Статъ паціенты и врачи.

Хроническіе запоры.

Моя жена 2 года страдала запорами, здоровье ея совершенно разстроилось, появились малокровіе, круженіе головы, нервность, настала безотрадная жизнь. Пища не укрѣпляла ее, а вызывала только тошноту, изжогу и пученіе живота. Получивъ Вашу брошюру, я рѣшилъ выписать Ккооринъ-Статъ для испытанія. Послѣ перваго же пріема она имѣла на утро пріятный нормальный стулъ безъ всякаго напряженія и боли. День за днемъ ея здоровье возстанавливается, желудокъ работаетъ прекрасно, регулярно опорожняется каждое утро, аппетитъ прекрасный.

Съ почтеніемъ къ Вамъ Н. И. Смирновъ, Вологда.

Съ своей стороны не могу умолчать о той колоссальной пользѣ, которую приноситъ Ккооринъ-Статъ. Чувствую, что каждый день вливаетъ въ мой организмъ струю здоровья. Настроеніе жизнерадостное, воскресаю, какъ по волшебному мановенію.

Простите мое восторженное настроеніе, оно очень понятно. Я была совершенно безъ надежды на какое-либо улучшеніе здоровья и вдругъ черезъ нѣсколько дней обрѣсти его! Это вѣдь чудо!

Считаю своимъ долгомъ сообщить о Ккооринѣ-Статъ тѣмъ страдальцамъ, которые къ своему несчастью еще не знаютъ о немъ.

Ваша благодарная Пелагея А. Смирнова 19 марта 1917 г.

Геморой, катаръ желудка и кишекъ.

... Веду городской сидячій образъ жизни и результаты налицо: ужаснѣйшій геморой, катаръ желудка и кишекъ и постоянные запоры. Принимаю Ккооринъ-Статъ вторую недѣлю и чувствую, что ожилъ. Геморой меня не безпокоитъ, каждое утро имѣю нормальный стулъ.

Н. Е. Приваловъ, 21 марта 1917 г. Кіевъ.

Д-ръ Н. С. Желоховцевъ. Дѣйств. армія 111-й пѣх. Донск. полкъ.

Особенно хорошее дѣйствіе оказываетъ Ккооринъ-Статъ при катаральномъ состояніи пищеварительнаго тракта, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда другія слабительныя перестали радикально дѣйствовать.

Кромѣ вѣрности дѣйствія, обратили на себя вниманіе нѣжность и безболѣзненность, что является вторымъ положительнымъ качествомъ Ккоорина.

Тоже 17/IV 1917 г. Все мною написанное о Ккооринѣ подтверждаю и рекомендую его какъ лучшее слабительное, поистинѣ оздоровляющее желудокъ. Д-ръ Н. С. Желоховцевъ.

Д-ръ М. Бѣлопольскій. Одесса. Я назначалъ Ккооринъ Статъ при катарѣ, атоніи, гемороѣ, тошнотѣ, изжогѣ и пученіи газами. Результаты были всегда прекрасные.

Д-ръ И. М. Д-нъ... Установился нормальный стулъ и прекратились головн. боли и гемороид. страд. Настроеніе быстро улучшилось. Появилась энергія, цвѣтущій бодрый видъ.

Ккооринъ абсолютно безвреденъ. Требуйте только настоящій Ккооринъ-Статъ во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ магазинахъ и складахъ.

ДАРОМЪ мы немедленно вышлемъ вамъ очень цѣнную и интересную брошюру. Сообщите намъ только вашъ адресъ, хотя бы открыткой.

Въ Главную Лабератор. Ккооринъ-Статъ, Петроградъ, Николаевская, 16, отд. 4.

ШАХМАТЫ

под редакціей Евг. А. Зноско-Боровскаго.

Письма адресуются въ редакцію журнала „Нива“ (по шахматному отдѣлу).

Этюдъ № 6. К. А. Л. Куббель (Петроградъ).

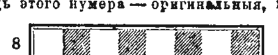
Задача № 21. А. И. Куббель (Петроградъ).

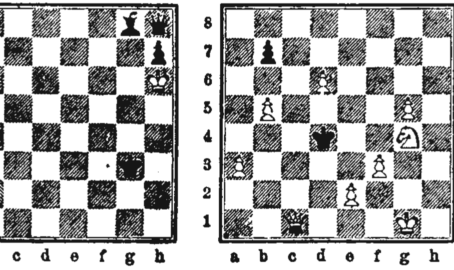
Задача № 22. Б. П. Палецкій (Херсонъ).

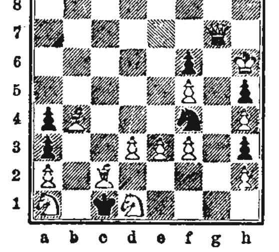
Задача № 23. Б. Г. Менцель (д. армія).

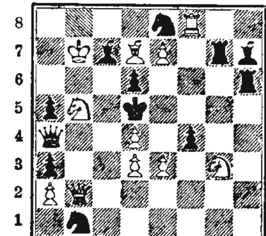
Задача № 24. М. Орѣховъ (Петроградъ).

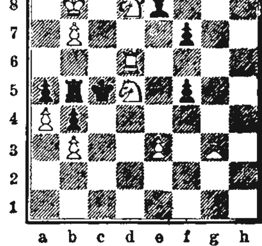
Всѣ задачи и этюдъ этого нумера — оригинальныя, печатаются впервые.











Этюдъ № 6. Бѣлые: Кр h6, Л b4, С a5. Черные: Кр g3, Ф h8, С g8, П h7.

Ничья.

Задача № 21. Бѣлые: Кр g1, Ф c1, К g4, П a3, b5, d6, e2, f3, g5. Черные: Кр d4, П b7.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 22. Бѣлые: Кр h6, Ф g7, С b4, c2, К a1, d1, П a2, d3, e3, f3, f5, h2, h4. Черные: Кр c1, К f4, П a3, a4, f6, h3, h5.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 23. Бѣлые: Кр b7, Ф b2, Л f8, С d7, К b5, g3, П a2, d3, d4, e3, e7. Черные: Кр d5, Ф a4, Л g7, h6, С c7, h7, К b1, e8, П a3, a5, d6, f4.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 24. Бѣлые: Кр b8, Л d6, С g3, К d5, d8, П a4, b3, b7, e3. Черные: Кр c5, Л b5, С e8, П a5, b4, f7, f5.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 25. А. И. Куличихинъ (Моршанскъ). ♔ d6 ♕ d1 ♘ e2, e3 ♚ f3 ♛ h1 ♜ g1 ♝ f1 ♟ f2, g3, g4, h2.—Матъ въ 2 хода.

ИЗВѢСТІЯ.

Всероссійское шахматное общество только-что выпустило, въ видѣ прибавленія къ № 17-18 „Шахм. Вѣстн.“, второй № своихъ „Извѣстій“, разсылаемыхъ, какъ и первый, вышедшій въ 1914 г., безплатно всѣмъ желающимъ. Дѣятельность нашего шахматнаго союза поневолѣ была послѣдніе три года весьма ограниченной, почти что вовсе отсутствовала, и она возобновляется выпускомъ новаго нумера его періодическаго изданія, объявляющаго для членовъ союза рядъ турнировъ по перепискѣ и конкурсъ составленія 3-ходовыхъ задачъ. Хотя новый № „Извѣстій“ выпущенъ былъ до великаго переворота, свершившагося въ Россіи, надо ли говорить, какъ удачно нынѣшнее время для возобновленія дѣятельности союза, которому раскрываются горизонты необъятные. Не говоря объ этической необходимости для всякаго русскаго шахматиста состоять членомъ союза, послѣдній предоставляетъ своимъ членамъ еще такія льготы, какъ 25% скидки на всѣ книги, изданныя Петроградскимъ шахм. собраніемъ. Между тѣмъ, годовой членскій взносъ составляетъ всего 2 р. За всѣми справками по дѣламъ союза слѣдуетъ обращаться къ Б. Е. Малютину (Петроградъ, Клинскій пр., 9) или къ Ю. О. Сосницкому (Петроградъ, Эртелевъ пер., 2), прилагая марку на отвѣтъ. Къ свѣдѣнію укажемъ, что въ союзѣ въ настоящее время болѣе 800 членовъ, наличность его кассы превышаетъ 1.100 р.

№ 6. Защита 2-мя конями.

Изъ матча 1916 г.

Таррашъ. — Ласкеръ.

1. e2 — e4 e7 — e5
2. К g1 — f3 К b8 — c6
3. С f1 — c4 К g8 — f6
4. К b1 — c3 . . .

Этотъ ходъ не вполнѣ удовлетворителенъ.

4. . . . К f6 : e4
5. К c3 : e4 . . .

Извѣстно, что 5. С c4 : f7 +, Кр e8 : f7; 6. К c3 : e4, d7 — d5; 7. К e4 — g5 +, Кр f7 — g8 даетъ чернымъ отличную игру.

5. . . . d7 — d5
6. С c4 — d3 . . .

Ходъ Харузека. Въ старину играли 6. С c4 — b5, d5 : e4; 7. К f3 : e5, Ф d8 — g5 или 6. С c4 : d5, Ф d8 : d5; 7. К e4—c3, Ф d5 — d8.

6. . . . d5 : e4

Въ партіи 1903 г. Зейботъ сыгралъ здѣсь противъ Зноско-Боровскаго f7 — f5 и послѣ 7. К e4—g5 (еще лучше 7. К c3). e5 — e4; 8. С d3 — b5, e4 : f3; 9. К g5 : f3, С f8—d6; 10. d2—d4, 0—0; 11. 0—0 получилъ худшую игру.

7. С d3 : e4 С f8 — d6
8. d2 — d4 . . .

Ходъ, встрѣчающійся еще у Стейница и возобновленный Харузекомъ.

8. . . . e5 : d4
9. К f3 : d4 0 — 0

Ходъ Ласкера. Анализы до сихъ поръ знали только размѣнъ коней (К : d4; 10. Ф : d4, 0 — 0; 11. С e3). Жертву пѣшки, конечно, принять нельзя: 10. К d4 : c6 (10. С : c6, bc; 11. К: c 6, Ф e8+), b7 : c6; 11. С e4 : c6, С c8 — a6 и если 12. С c6 : a8, то Ф d8 : a8 съ сильнѣйшей атакой.

10. С c1 — e3 . . .

Все-таки 10. С e4 : c6, b7 : c6; 11. 0 — 0 было лучше.

10. . . . Ф d8 — h4
11. С e4 : c6 b7 : c6

Получилось отдаленное сходство съ варіантомъ Ріо де-Жанейро въ Испанской партіи.

12. g2 — g3 . . .

Очень плохо. Впрочемъ, могутъ ли бѣлые добиться рокировки? Если 12. Ф d1 — d2, то С c8 — g4; 13. К d4 — e2, Л a8 — d8.

12. . . . Ф h4 — h3
13. Ф d1 — e2 e6 — c5

Очень хорошо. Черные выводятъ изъ игры бѣлаго коня.

14. К d4 — b3 С c8 — g4
15. Ф e2 — f1 . . .

На 15. f2 — f3 послѣдуетъ, конечно, С d6 : g3 +.

15. . . . Ф h3 — h5
16. К b3 — d2 Л f8 — e8

Препятствуя ходу f2 — f3.

17. Л h1 — g1 Л a8 — b8
18. К d2 — c4 С d6 — e5
19. h2 — h3 С g4 : h3
20. Ф f1 — e2 . . .

Если 20. Л g1 — h1, то С h3 : f1; 21. Л h1 : h5, С f1 : c4.

20. . . . С h3 — g4
21. Ф e2 — d3 Л b8 — d8
22. К c4 : e5 . . .

Если 22. Ф d3 — b3, то С g4 — d1, а если 22. Ф d3 — f1, то С e5 — d4. Послѣднее было все же нѣсколько лучше хода въ текстѣ.

22. . . . Л d8 : d3
23. К e5 : d3 Л e8 : e3+

Бѣлые сдались, въ виду угрозы Ф h5 — h2.

ШАШКИ

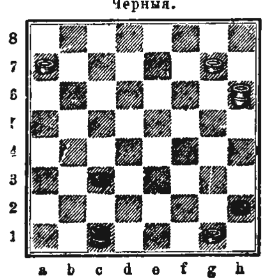
под редакціей В. И. Шошина.

Задача № 13. Я. Г. Тихонова (пос. Реутово). Черныя. Бѣлыя. Запереть простую.

Задача № 14. Р. В. Серапіонова (въ Москвѣ). Черныя. Бѣлыя. Запереть дамку и 2 прост.

Этюдъ № 9. С. и Б. Левманыхъ (въ Витебскѣ). Черныя. Бѣлыя. Выигрышъ.

Этюдъ № 10. Н. А. Кукуева (въ Москвѣ). Черныя.



Бѣлыя. Выигрышъ.

Этюдъ № 11. А. Ф. Врагова (въ Пензѣ). Черныя.

Бѣлыя. Выигрышъ.

ПАРТІЯ № 6.

Играна по перепискѣ въ 1811 г.

В. Г. Филипповъ. (Петербургъ). Бѣлыя. — Кн. Б. Б. Щетининъ. (Москва). Черныя.

1. c3 — d4 d6 — c5
2. d2 — c3 f6 — g5
3. c3 — b4 g7 — f6
4. b4 : d6 e7 : c5
5. b2 — c3 g5 — h4
6. g3 — f4 f8 — g7
7. e1 — b2 f6 — g5
8. f4 — e5

Если 8. c3 — b4, то h4 — g3 и, какъ бы бѣлыя ни взяли, черныя выигрываютъ шашку.

8. . . . g7 — f6
9. e5 : g7 h8 : f6
10. c3 — b4 c7 — d6
11. b4 — a5 d6 — e5
12. a5 : c7 d8 : b6
13. h2 — g3 e5 : c3
14. b2 : d4 f6 — e5

Единственный ходъ. Если 14. . . . b6 — a5, то 15. d4 : b6, a5 : c7 (если 15. . . . a7 : c5, то 16. a1—b2, b8—a7; 17. b2—c3, a7 — b6; 18. g3 — f4 и выигр.); 16. a3—b4, c7—d6 (если 16. . . . c7 — b6, то 17. b4 — a5, b6 — c5 или b8—c7; 18. a1 - b2 и выигр.: если же 16. . . . a7 — b6, то также 17. b4 — a5 и т. д.); 17. b4—a5, b8—c7 (если 17. . . . d6 — e5 или c5, то 18. a1 — b2, b8 — c7: 19 b2 — c3 и т. д.); 18. a1—b2, d6—e5 (если 18. . . . a7 — b6, то 19. b2 — a3. d6 — e5 20. a3 — b4 и т. д.); 19. b2 — c3, a7 — b6 или c7 — d6; 20. c3 — b4. c7 — d6; 21. a5 : c7, d6 : b8. 22. b4—c5 и выигрываютъ. Если 14. . . . b8—c7, то 15. g3—f4 и если c7 — d6, то 16. d4 — e5; f6 : d4; 17. a3 — b4, c5 : a3; 18. e3 : e7 и выигрываютъ.

15. d4 : f6 g5 : e7
16. a1 — b2 b8 — c7
17. g3 — f4 c7 — d6
18. e1 — d2 b6 — a5
19. b2 — c3 c5 — b4
20. a3 : c5 d6 : b4
21. e3 — d4 a7 — b6

Если 21. . . . b4 — a3, то 22. d4 — c5, e7 — f6; 23. f2 — e3 и если f6 — g5, то 24. g1 — f2 и выигр. Если же 21. . . . e7—f6, то 22. d2—e3, b4 : d2; 23. e3 : c1 и если a7 — b6 или a5 — b4, то 24. d4 — e5, f6 : d4; 25. f2 — g3 и выигр., а если 23. . . . f6—g5, то 24. d4—c5, g5 : e3; 25. f2 : d4 и выигрываютъ.

22. d2 — e3 b4 : d2
23. e3 : c1 a5 — b4
24. f2 — e3 b4 — a3

Если 24. . . . e7 — f6, то 25. g1 — f2, f6 — g5; 26. f4 — e5, затѣмъ 27. f2 — g3 и выигр.

25. g1 — f2 b6 — a5
26. d4 — c5 a5 — b4

Если 26. . . . e7 — f6, то 27. e3 — d4 и выигр.

27. c5 — b6 b4 — c3
28. b6 — a7 c3 — b2
29. e3 — d4 b2 — a1
30. d4 — c5 a1 — c3
31. a7 — b8 c3 — a1

Ошибочный ходъ, погубившій партію. Слѣдовало играть 31. . . . c3 — a5 и черныя достигали ничьей.

32. b8 — c7 a1 — h8
33. c7 — a5 e7 — f6

Если 33. . . . h8 — a1, то 34. a5—e1, a1—h8; 35. f2—g3, h4 : f2; 36. e1 : d8 и бѣлыя проведя простую c5 въ дамки, выигрываютъ.

34. c5 — b6 f6 — g5

Если 34. . . . f6—e5; 35. f4 : d6, h8 — d4, то 36. b6 — a7, d4 : g1; 37. a7 — b8; если g1 — d4 или h4 — g3, то 38. d6 — e7 и выигрываютъ.

35. f2 — e3 h8 — g7
36. b6 — c7 g7 — a1
37. c7 — b8 a1 — h8
38. b8 — a7 h8 — a1
39. a5 — e1 a1 — h8
40. a7 — c5 h8 — g7

Если 40. . . . h8 — d4, то 41. c5 — a7, d4 : d1; 42. f4 — e5 и выигр.

41. e1 — f2 g7 — a1

Если 41. . . . g7 — d4, то 42. c5 — b4. a3 : c5; 43. f2 — g1, d4 : f2; 44. g1 : a7, g5 : e3; 45. a7 : f2 и выигрываютъ.

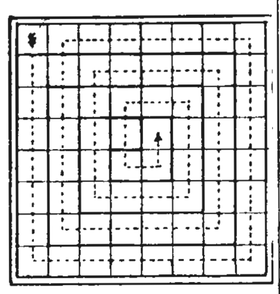
42. f2 — g1 a1 — h8
43. c5 — b6 h8 — g7
44. b6 — a5 g7 — a1
45. a5 — e1 Сдались.

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ И РЕБУСЫ

подъ редакціей Н. В. Панкова.

Задача буквъ № 16.

С. В. Мордвинова (въ Чугуевѣ).



Въ клѣткахъ шахматной доски предлагается разставить буквы 15 а, 1 б, 1 в, 1 г, 2 д, 1 и, 3 к, 5 л, 3 м, 2 н, 8 о, 2 п, 5 р, 5 с, 4 т, 2 у, 3 ъ и 1 ы въ такомъ порядкѣ, чтобы I) при чтеніи этихъ буквъ по направленію спирали получились слова, имѣющія слѣдующія значенія: 1) названіе острова, 2) названіе водяного животнаго, 3) названіе питательнаго плода, 4) инструмента, 5) письменное обозначеніе звука, 6) названіе города Архангельской губерніи, 7) государства въ древней Греціи, 8) губернскаго города, 9) морского животнаго, 10) части лица, 11) названіе рыбы, 12) дерева и 13) инструмента, II) при чтеніи же буквъ въ направленіи пунктирной ломаной линіи (см. чертежъ) получились новыя слова, означающія: 1) пищевой продуктъ, 2) римскаго государственнаго дѣятеля, 3) рѣку въ Россіи, 4) столицу древняго царства, 5) притокъ р. Одера, 6) названіе вѣтра, 7) родъ судна; 8) героя индійскаго эпоса, 9) областного правителя въ древней Персія, 10) видъ литературнаго произведенія, 11) названіе инструмента, 12) мужское имя и 13) названіе игры.

Показать, какъ слѣдуетъ разставить буквы, и перечислить всѣ составляющіяся изъ нихъ слова.

Геометрическая задача № 17.

Предлагается провести черезъ данную точку къ данной прямой параллельную линію, пользуясь для этого исключительно линейкой съ параллельными сторонами.

Указать самый простой способъ рѣшенія этой задачи и объяснить.

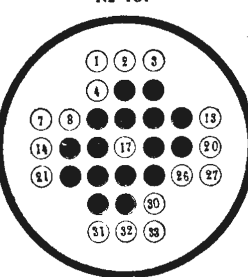
Геометрическая задача № 18.

А. А. Вейгертъ.

Прислуга, доставая изъ буфета для гостей стаканчики, уставляла ихъ на подносъ, при чемъ, для сбереженія мѣста, помѣщала ихъ попарно одинъ въ другой. Стаканчики эти были двухъ сортовъ: одни цилиндрическіе, а другіе коническіе (формы усѣченнаго конуса); высота, толщина стѣнокъ у нихъ были одинаковы, равно одинаковъ былъ и наружный діаметръ первыхъ со среднимъ наружнымъ діаметромъ вторыхъ.

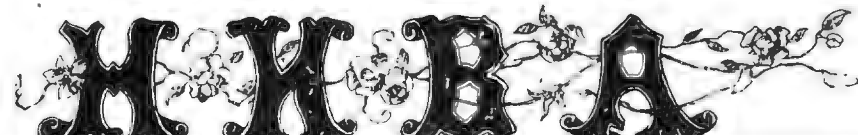
Читателямъ предлагается объяснить, въ какомъ случаѣ высота поставленныхъ такимъ образомъ стаканчиковъ была больше, тогда ли, когда цилиндрическій былъ вставленъ въ коническій, или наоборотъ?

Задача игры „Пустынникъ“ № 19.



Изъ данныхъ 16 шариковъ, отмѣченныхъ на рисункѣ черными кружками, предлагается снять по правиламъ игры 15 такъ, чтобы послѣдній шарикъ остался въ средней лункѣ (№ 17). Во сколько ходовъ (пріемовъ), самое меньшее, и какъ можно рѣшить эту задачу?

Примѣчаніе. Для читателей, незнакомыхъ съ игрой „Пустынникъ“, помѣщаемъ здѣсь рѣшеніе предложенной задачи въ 10 ходовъ, съ объясненіемъ каждаго хода. **1-ый ходъ:** шарикъ изъ лунки № 5 перемѣщается въ пустую лунку № 17 черезъ шарикъ № 10, который и снимается прочь съ доски; **2-ой ходъ:** шарикъ № 22 перемѣщается въ пустыя лунки сначала подъ № 8, а затѣмъ подъ № 10, шарики же №№ 15 и 9, черезъ которые сдѣланъ ходъ, снимаются прочь; **3-ій ходъ:** шарикъ № 24 перемѣщается въ лунку № 26, шарикъ же № 25 снимается съ доски; **4-ый ходъ:** шарикъ № 18 переходитъ въ лунку № 20, а № 19 снимается; **5-ый ходъ:** шарикъ № 11 перемѣщается въ пустыя лунки сначала подъ № 13, а затѣмъ въ №№ 27 и 25, шарики же №№ 12, 20 и 26 за одинъ пріемъ снимаются прочь; **6-ой ходъ:** съ № 23 на №№ 9 и 11 (снимаются №№ 16 и 10); **7-ой ходъ:** съ № 6 на № 18 (№ 11 снимается); **8-ой ходъ:** съ № 17 на № 19 (№ 18 снимается); **9-ый ходъ:** съ № 28 на №№ 30 и 18 (снимаются №№ 29 и 25) и **10-ый ходъ:** съ № 19 на № 17 (№ 18 снимается). Однако такое число ходовъ (10) для данной задачи не минимальное; того же результата можно достигнуть при меньшемъ числѣ ходовъ, если играть съ расчетомъ, стараясь при всякомъ удобномъ случаѣ снимать за одинъ пріемъ возможно большее число шариковъ.



№ 24.

17 Іюня 1917 г.

ГРАЖДАНЕ

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЗАЕМЪ СВОБОДЫ!

* * *

Догорало возстанье,
Мы враговъ одолѣть не могли,—
И меня на страданье,
На мучительный стыдъ повели.

Осудили, убили
Побѣдители плѣнныхъ бойцовъ,
А меня обнажили
Безпощадныя руки враговъ.

Я лежала нагая,
И нагайками били меня,
За возстанье отмщая,
За свободныя рѣчи казня.

Издѣвался, ругался
Кровожадный опричникъ и злой,
И, смѣясь, забавлялся
Беззащитной моей наготой.

Но безмѣрность мученья
И позора мучительный гнетъ
Неизбѣжности мщенья
Не убьетъ и въ крови не зальетъ.

Дни безумія злого
Сосчиталъ ужъ стремительный Рокъ,
И возстанья иного
Пламенѣющій день недалекъ.

27-го іюня 1916 г.

Ѳедоръ Сологубъ.

На перевалѣ.

Разсказъ **Ю. Волина.**

(Окончаніе).

Намъ подали чай. Мы сидимъ вдвоемъ съ Михаиломъ Павловичемъ. У него есть одно большое достоинство: онъ умѣетъ молчать и быть незамѣтнымъ. Я почти забылъ объ его присутствіи. Ушелъ въ свои думы. Онъ перелистываетъ какую-то книгу... Въ сущности, онъ нисколько мнѣ не мѣшаетъ. Я хорошо сдѣлалъ, что пріютилъ его. Пусть поживетъ нѣсколько дней. И Любѣ пріятно.

На итальянскомъ фронтѣ. *Наблюдательный постъ въ Альпахъ.*
По фот. Габерелля въ Тальвиллѣ (Швейцарія).

Какой-то шумъ въ коридорѣ. У насъ этого никогда не бываетъ. У насъ „комнаты отъ домовладѣльца", цѣлый этажъ, населенный одинокими, большей частью пожилыми людьми. Нѣтъ дѣтей. Никогда не бываетъ пирушекъ. Всѣ живутъ тихо и замкнуто, даже незнакомы другъ съ другомъ. И хозяйки нѣтъ, такъ что ссоръ и недоразумѣній не бываетъ.

Странный шумъ. Чужіе голоса. Лязгъ ружей.

Выглядываю.

Въ концѣ коридора стоитъ группа милиціонеровъ и солдатъ.

Старичокъ, таможенный чиновникъ, живущій рядомъ со мной, стоя въ дверяхъ своей комнаты, объясняетъ мнѣ:

— Пришли милиціонеры, разыскиваютъ какого-то помощника пристава Сахаренко... У насъ, кажется, полицейскихъ нѣтъ. Я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ!

Мнѣ сразу приходитъ въ голову мысль, что это его ищутъ, любимаго „Диму"... Бѣдная Люба!.. Какъ это должно ее взволновать!.. Хорошо, что ея нѣтъ дома.

Вхожу въ комнату и запираю дверь.

Прапорщикъ лежитъ на диванѣ, прикрылъ лицо газетой.

Слышно, какъ движутся по коридору милиціонеры. Одна за другой отворяются двери. Должно-быть, обходятъ всѣ комнаты.

Вотъ и къ моей комнатѣ подошли. Стучатъ въ дверь.

— Кто тамъ?—спрашиваю я, не отворяя дверей.

— Милиція. Будьте любезны открыть дверь!—отзывается властный голосъ.

— А въ чемъ дѣло?

На это мнѣ отвѣчаютъ вторично, болѣе рѣшительно:

— Откройте!

Я отворяю дверь, но не впускаю ихъ въ комнату, а самъ выхожу въ коридоръ.

— Въ чемъ дѣло, господа?—говорю я.—Вы ко мнѣ?

— Борисъ Сергѣевичъ!.. Здравствуйте, Борисъ Сергѣевичъ!—вдругъ обрадованно произнесъ одинъ изъ милиціонеровъ.

Этотъ милиціонеръ—студентъ-математикъ Воронцовъ, мой слушатель.

Я пожимаю ему руку и говорю:

— Здравствуйте, товарищъ Воронцовъ. Объясните, пожалуйста, чему обязанъ я вашимъ посѣщеніемъ?

— Видите, Борисъ Сергѣевичъ, намъ сообщили, что здѣсь скрывается полицейскій, помощникъ пристава Сахаренко, одинъ изъ тѣхъ, которые разстрѣливали народъ изъ пулеметовъ.

— Очень хорошо. Но при чемъ тутъ я? Не думаете же вы, коллега, что я укрываю у себя этого полицейскаго?

— Что вы, Борисъ Сергѣевичъ!—смѣется милиціонеръ.—Мы же не знали, кто здѣсь живетъ! Рѣшили просто обойти всѣ комнаты. Вы можете быть спокойны, Борисъ Сергѣевичъ! Намъ достаточно было убѣдиться, что въ этой комнатѣ живете вы. И мы можемъ итти дальше. До свиданія, Борисъ Сергѣевичъ, извините за безпокойство!

— До свиданія, товарищъ! И меня тоже извините! Если угодно завернуть ко мнѣ, милости просимъ. Я протестовалъ изъ принципа.

Милиціонеры уходятъ. Нашъ коридоръ безконеченъ. Они долго еще будутъ здѣсь, если рѣшили обойти всѣ

На итальянскомъ фронтѣ. *Сторожевой патруль въ Альпахъ на высотѣ 3.400 метровъ (болѣе 3-хъ верстъ).*
По фот. Габерелля въ Тальвиллѣ (Швейцарія).

наетъ прапорщикъ Бабичевъ, шумно усаживаясь въ кресло. — Скажу я вамъ, ми-ли-ці-я!.. Какіе-то мальчики!.. И чѣмъ они лучше полиціи, скажите на милость?.. Врываются въ частную квартиру, шумятъ, галдятъ!.. Ищутъ кого-то?.. Пусть поставятъ стражу при входѣ, а такъ вѣдь нельзя!.. Они же говорятъ о свободѣ, о неприкосновенности личности и жилища, а дѣлаютъ какъ разъ наоборотъ!.. Возмутительно!

— Ничего возмутительнаго тутъ нѣтъ, Михаилъ Павловичъ!—мягко возражаю я.— Вѣдь революція еще не закончилась. Нормальныя условія жизни еще не могутъ быть установлены. Сидятъ еще кое-гдѣ въ засадѣ озлобленные приверженцы стараго строя. Они, конечно, не вернутъ стараго. Свобода непобѣдима. Но они могутъ принести много вреда. Они нападаютъ сзади. Предательски. И они, если оставить ихъ на свободѣ, примутся мутить народъ, сѣять рознь, организовывать банды громилъ... Ихъ необходимо изъять!.. И милиція... Вѣдь милиція — это не какая-нибудь административная власть, вѣдь это самъ народъ... Милиція можетъ, если это нужно, не считаясь ни съ чѣмъ, войти въ домъ, сдѣлать обыскъ... Причинить нѣкоторую тревогу и неудобство... Маленькую тревогу и маленькое неудобство за великое счастье свободы... Право же, грѣхъ жаловаться и раздражаться, Михаилъ Павловичъ!

Онъ ничего не отвѣчаетъ. Призналъ мои доводы правильными или просто не хочетъ спорить? Не разобрать по выраженію его лица,—маленькой части лица, не запрятанной въ повязку.

На этомъ и кончается нашъ сегодняшній разговоръ. Я беру книгу и ухожу за ширму.

комнаты. Этого злополучнаго Сахаренко они, конечно, не найдутъ. Онъ могъ быть только у Любы, но у нея его нѣтъ. Она и сама не знаетъ, гдѣ онъ. Такъ говорила она вчера.

Я простоялъ нѣсколько минутъ въ коридорѣ и вернулся къ себѣ въ комнату.

Михаилъ Павловичъ уже не лежитъ, а стоитъ въ углу, недалеко отъ двери. Видно, ходилъ по комнатѣ. Нервничаетъ, кашляетъ, сжимаетъ руками голову.

— Что тамъ за шумъ, Борисъ Сергѣевичъ?

— Да вотъ полицейскаго ищутъ...

— Какъ же это? По чужимъ квартирамъ?

— Были сообщенія, что онъ скрывается здѣсь. Рѣчь идетъ о нѣкоемъ помощникѣ пристава Сахаренко. Любовь Павловна вамъ ничего о немъ не разсказывала?

— Люба?.. А что она могла мнѣ разсказать объ этомъ полицейскомъ?

— Къ сожалѣнію, ваша сестра имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ этой непріятной исторіи. Помощникъ пристава, котораго ищутъ, ея близкій знакомый. Не знаю, бывалъ ли онъ у нея, но они встрѣчались часто.

Онъ недовольно подергиваетъ плечами.

— Люба!.. Она всегда впутается въ какую-нибудь непріятную исторію! Легкомысленная дѣвчонка!..

Въ коридорѣ опять шумъ. Мы умолкаемъ, прислушиваясь. Это милиціонеры закончили обходъ комнатъ. Вотъ прошли они мимо насъ, и почему-то слишкомъ звонко и часто лязгаютъ ихъ ружья: видно, не привыкли еще къ оружію и часто цѣпляются о стѣны.

Вотъ закрылась за ними наружная дверь.

— Однако, скажу я вамъ!— хрипло и раздраженно начи-

На Альпійскихъ высотахъ. *Солдаты очищаютъ горныя укрѣпленія и военныя дороги отъ снѣга. Собравъ снѣгъ въ огромные массивы, они скатываютъ ихъ внизъ.*
По фот. Габерелля въ Тальвиллѣ (Швейцарія).

III.

...Сегодня вышли газеты. Еще день-два, и начнутъ работать заводы, пойдетъ трамвай, на службу потянутся чиновники, дѣти—въ школу, всякъ на свое мѣсто.

Но не придутъ будни. Настанетъ великій праздникъ труда. Страна долго не будетъ знать буденъ, потому что творческій трудъ превращаетъ будни въ праздникъ, потому что новъ и удивителенъ будетъ каждый день, и съ надеждой и съ предвкушеніемъ будемъ мы ожидать каждое „завтра".

Сегодня въ разговорѣ съ друзьями вырвалась у меня странная фраза:

— Курсъ дня поднялся.

Я сейчасъ же разсмѣялся и объяснилъ, откуда пришла ко мнѣ эта фраза. Я въ послѣднее время много занимался биржей. По заказу одного издательства я пишу книгу о биржѣ и биржевыхъ операціяхъ; хоть я и математикъ по спеціальности, но давно уже интересуюсь финансовыми и экономическими вопросами. Ну, вотъ, въѣлась въ мысль биржевая терминологія; отсюда и это смѣшное выраженіе: „курсъ дня".

А теперь, возвращаясь домой съ митинга, я думаю, что это выраженіе вовсе не такое смѣшное и нелѣпое.

Время, если хотите, эпоха представляется мнѣ размѣнной кассой, въ которой мы размѣниваемъ наши годы на мѣсяцы, недѣли и дни.

И каждая эпоха устанавливаетъ свой „курсъ", свою „котировку". Совсѣмъ недавно получали мы за свой годъ опредѣленное количество дней тусклыхъ, однообразныхъ, томительныхъ и въ то же время незамѣтно уплывающихъ въ море минувшаго. Теперь поднялся „курсъ дня". Сдѣлалъ огромный скачокъ вверхъ. Теперь мы получаемъ дни полновѣсные, содержательные, незабвенные, напряженные.

Удвоилась въ эти дни моя работоспособность. Я сплю не больше пяти часовъ въ сутки и весь день занятъ. Въ студенческіе годы я принадлежалъ къ партіи, игралъ даже нѣкоторую роль въ организаціи. Потомъ отсталъ. Убѣжденій своихъ не измѣнилъ, просто отъ работы отсталъ, ушелъ въ свою математику. Теперь меня вспомнили, вовлекли опять въ организацію, двинули въ разные комитеты, комиссіи, делегаціи. Дни мои заполнены до краевъ. Чтобы не терять времени на обѣдъ, мы назначаемъ засѣданіе въ кабинетѣ ресторана, а то въ рабочей чайной, въ зависимости отъ того, какая комиссія или какой комитетъ засѣдаетъ. Удивительнѣе всего, что всѣ мои многочисленныя дѣла вмѣщаются въ рамки дня. Плотно примыкая одно къ другому, введенныя въ стройную систему, они — мои дѣла — прекрасно упаковываются въ ящикъ четырнадцатичасового дня, не мѣшая одно другому. Еще удивительно, что я совсѣмъ не устаю, нисколько, почти забылъ ощущеніе усталости.

Вотъ сейчасъ. Изъ дому я вышелъ сегодня въ семь часовъ утра. Возвращаюсь въ десять вечера. Иду пѣшкомъ съ Выборгской стороны. А ноги шагаютъ бодро. Мысль ясна. Настроеніе прекрасное. Хочется пѣть, и въ голову приходятъ новыя слова, мелодичныя и звонкія... того и гляди, вдругъ начну сочинять стихи!

Что у меня дома?

Этотъ Михаилъ Павловичъ все еще у меня. Но я его почти не вижу. Я застаю его спящимъ и оставляю спящимъ. Сегодня, когда я уходилъ, онъ что-то говорилъ мнѣ насчетъ своего отъѣзда. Я не разслышалъ, потому что мало этимъ интересуюсь.

...Сегодня онъ не спитъ. Ждетъ меня. И не одинъ, съ нимъ Люба.

Война въ Альпахъ. *Альпійскія войска совершаютъ переходы, скатываясь съ высоты 500—1000 метровъ.*
По фот. Габерелля въ Тальвиллѣ (Швейцарія).

Едва поздоровался, Люба приступаетъ къ дѣлу.

— Я ужасно боялась, милый Борисъ Сергѣевичъ, что вы придете еще позже, чѣмъ всегда! Вѣдь до поѣзда осталось всего два часа!

— До какого поѣзда?

— Ну, такъ и есть, онъ забылъ! Миша уѣзжаетъ въ Гельсингфорсъ!

— Я и не зналъ, что Михаилъ Павловичъ сегодня ѣдетъ... Впрочемъ, вы мнѣ дѣйствительно сказали объ этомъ сегодня утромъ. Простите, я сталъ разсѣяннымъ... Ну что жъ, позвольте пожелать вамъ всего хорошаго, Михаилъ Павловичъ! А главное, скораго выздоровленія!

Люба подходитъ близко ко мнѣ, кладетъ ручку мнѣ на плечо, смотритъ лукаво-вкрадчиво.

— Этого мало, милый, золотой, брильянтовый Борисъ Сергѣевичъ!

— Чего мало?

— Вашихъ пожеланій. Отъ васъ требуется...

— Ну, говорите ужъ!

Я знаю заранѣе, что сдѣлаю все, о чемъ бы она ни попросила. Особенно сейчасъ, когда я бодръ и веселъ послѣ большого содержательнаго дня, послѣ выполненной работы.

— Большая, большущая просьба! — предупреждаетъ Люба.

— Да ужъ что съ вами сдѣлаешь, съ такой приставалкой!

— Ну вотъ, вы смѣетесь, значитъ, вы добрый!.. Вы всегда добрый, вы всегда золотой, Борисъ Сергѣевичъ!.. Говорить?

— Валяйте!

— Надо Мишу проводить.

— На вокзалъ?

— На вокзалъ, на вокзалъ, золотой, брильянтовый Борисъ Сергѣевичъ!.. Вѣдь онъ ничего не знаетъ... Вѣдь онъ въ первый разъ въ Петроградѣ!.. Будь это днемъ, я бы сама его проводила, взяла бы ему билетъ, усадила въ

Въ Альпахъ. По фот. Габерелля въ Тальвиллѣ (Швейцарія).

поѣздъ бѣднаго моего инвалидика!.. Но какъ же я пойду ночью?.. Вѣдь правда, Борисъ Сергѣевичъ?..

— Да ладно ужъ! Сидите дома, Любовь Павловна! Такъ и быть. Еще пять верстъ пѣшкомъ... Мнѣ это теперь ни почемъ!.. Я могъ бы теперь взять призъ на состязаніи пѣшеходовъ!..

Стараюсь отнестись къ нежданной комиссіи весело. Вѣдь, все равно, не отдѣлаться! Лучше дѣлать видъ, что мнѣ это даже пріятно!

Надо сказать, что нашъ „инвалидикъ" маршируетъ не хуже меня.

Мы идемъ молча, быстро, дѣловито.

Проходимъ мимо развалинъ полицейской части. Двухъэтажный домъ мрачно смотритъ пустыми черными окнами. Съ обѣихъ сторонъ дома чистенькіе, совсѣмъ не затронутые огнемъ.

— Огонь революціи зналъ свое дѣло!—говорю я.—Посмотрите, какъ начисто выжженъ этотъ домъ, а стоящіе рядомъ не тронуты.

— Это полицейская часть?—спрашиваетъ прапорщикъ.

— Да.

— Здорово! — неопредѣленно произноситъ онъ хриплымъ голосомъ. Въ одобреніе или въ порицаніе—не разобрать.

— Мнѣ, конечно, не по душѣ всѣ эксцессы революціонныхъ дней, — говорю я. — Но разрушеніе политическихъ тюремъ и полицейскихъ участковъ, признаюсь, нисколько не огорчило меня. Народу нужно было ощутить переходъ къ новому. Нуженъ былъ конкретный символъ побѣды надъ старымъ. А старый режимъ въ народномъ быту олицетворялся старой полиціей. Народъ имѣлъ всѣ основанія ненавидѣть полицію огненной ненавистью...И, признаюсь, даже мнѣ, даже мнѣ было весело смотрѣть на горящія зданія полицейскихъ застѣнковъ!

Онъ ничего не отвѣчаетъ.

Вотъ мы и на Финляндскомъ вокзалѣ. Удивительно быстро пришли. До поѣзда еще цѣлый часъ. Но вѣдь я могу усадить его раньше и не выжидать отхода поѣзда.

На вокзалѣ большое оживленіе. Въ залѣ I-го класса происходитъ митингъ. Теперь пользуются каждымъ помѣщеніемъ и каждымъ часомъ и каждымъ случайнымъ стеченіемъ публики для устройства митинговъ.

Я не прочь послушать. Въ послѣдніе дни мнѣ вѣдь не удается быть просто слушателемъ, человѣкомъ толпы.

Михаилъ Павловичъ не хочетъ итти туда.

— Эта контузія!—говоритъ онъ, указывая на голову.—Я совершенно не выношу многолюдныхъ собраній. И я усталъ. Поскорѣе бы сѣсть въ вагонъ!

Я уступаю ему. Онъ остается на улицѣ, у входа въ вокзалъ. Я отправляюсь за билетомъ.

У билетной кассы стоитъ милиціонеръ и военный караулъ. Въ каждаго подходящаго къ кассѣ всматриваются тщательно. Я слышалъ, что здѣсь установленъ особый надзоръ за выѣзжающими. Уже задержали нѣсколькихъ разыскиваемыхъ новымъ правительствомъ опасныхъ слугъ стараго режима, намѣревавшихся черезъ Финляндію бѣжать отъ суда.

Мое лицо, очевидно, не внушило никакихъ подозрѣній... Еще бы!.. Я совсѣмъ не похожъ ни на сановника ни на полицейскаго. У меня самый профессорскій видъ: растрепанная шевелюра, пенснэ, жиденькая бороденка. Знакомый актеръ какъ-то пришелъ ко мнѣ со спеціальной цѣлью „присмотрѣться", такъ какъ ему предстояла роль профессора.

Мнѣ безпрепятственно выдали билетъ.

— Поѣздъ уже поданъ?—спрашиваю я.

— Поданъ, можно садиться.

Нахожу моего прапорщика, вручаю ему билетъ, иду съ нимъ на перронъ.

При проходѣ черезъ рогатку, гдѣ провѣряются билеты, происходитъ совершенно неожиданно что-то ужасное, кошмарное, чего я во всѣхъ деталяхъ и возстановить не могу... такимъ ошеломляющимъ вихремъ пронеслось это передо мною, надо мною.

Я слышу чей-то громкій окликъ:

— Стой! Полицейскій! Помощникъ пристава Сахаренко!

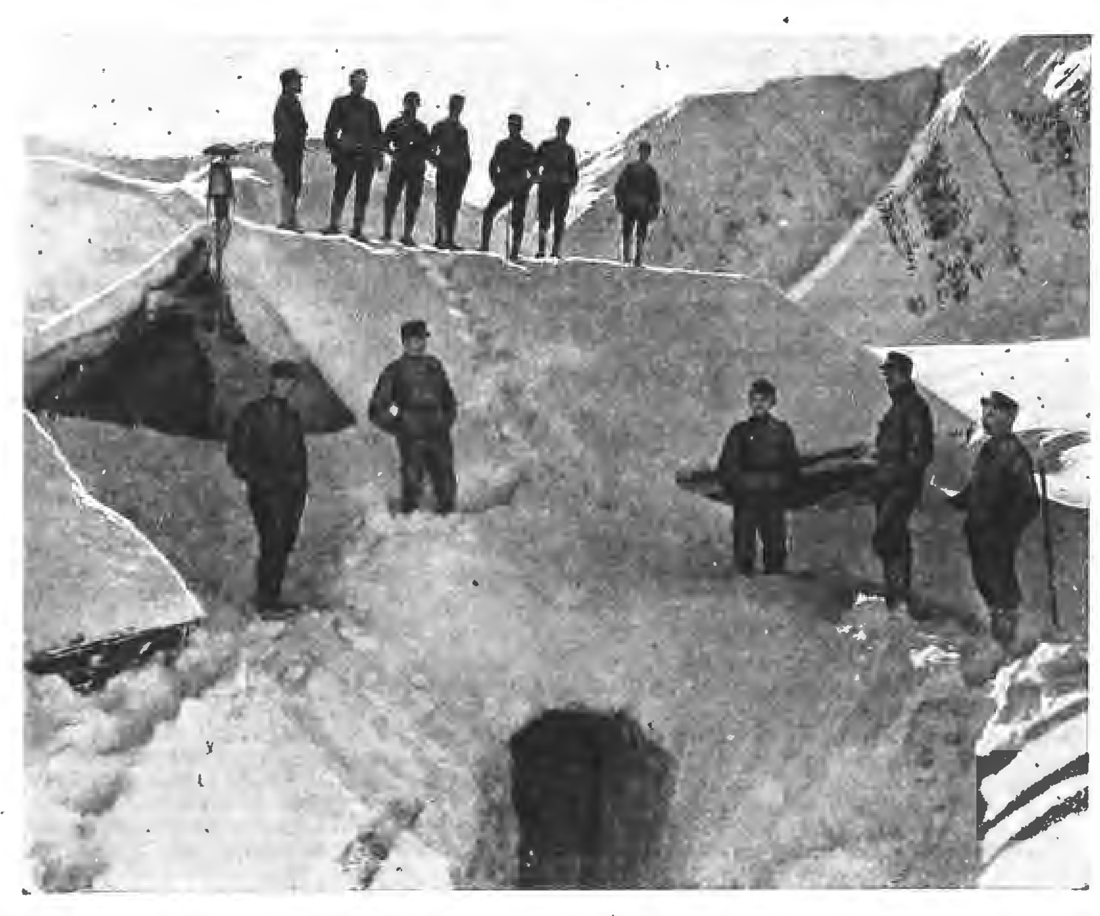
Къ прапорщику, идущему рядомъ со мной и все время держащему меня подъ локоть, протягивается чья-то рука, и черная повязка слетаетъ въ сторону. Мелькнуло пепельно-сѣрое лицо съ побѣлѣвшими губами, подстриженные усы, выдвинувшійся впередъ подбородокъ.

— Фараонъ! Фараона поймали!—кричатъ сзади.

Къ намъ бѣгутъ. Я чувствую, что насъ окружила огромная толпа.

— Товарищи!—звонко кричитъ милиціонеръ.—Безъ насилія! Арестованный будетъ доставленъ въ Думу. Пожалуйста, не тѣснитесь, товарищи! Дайте проходъ!

А онъ все еще держитъ рукавъ моего пальто.



На снѣжныхъ вершинахъ Альпъ. *Съ ноября по іюнь солдатскіе бараки завалены снѣгомъ. Въ этихъ снѣжныхъ сугробахъ, достигающихъ 4—6 метровъ высоты, солдаты прокладываютъ траншеи для сообщенія.*
По фот. Габерелля въ Тальвиллѣ (Швейцарія).

— Двое!—кричатъ въ толпѣ.—Двухъ поймали!.. Два фараона!..

„Что же это?.. Значитъ, и я?.. Меня принимаютъ за полицейскаго?.."

— Прошу слѣдовать за мной!—властно приказываетъ милиціонеръ.

— И я?..—дрогнувшимъ голосомъ спрашиваю я.

— А вы кто такой?

— Но я вѣдь не полицейскій!..—отвѣчаю я.

— Это все разслѣдуется. Товарищи, пропустите!

Насъ—меня и его!—окружили вооруженные солдаты.

Кровь бросилась мнѣ въ голову. Какой ужасъ! Какой позоръ! Но я стиснулъ зубы и молча иду... иду рядомъ съ нимъ, бѣглымъ полицейскимъ!.. Иду, сопровождаемый свистомъ и злобнымъ хохотомъ толпы!..

Въ комнатѣ при вокзалѣ я нѣсколько успокаиваюсь, прихожу въ себя.

Къ намъ выходитъ молодой человѣкъ, которому милиціонеръ докладываетъ о нашемъ арестѣ. Этотъ молодой человѣкъ, вѣроятно, комиссаръ или спеціально назначенный представитель власти. Во всякомъ случаѣ, онъ здѣсь лицо начальственное. Это видно по всему. Онъ очень блѣденъ. Видно, переутомленъ. Но очень внимателенъ и корректенъ.

Онъ обращается къ „прапорщику".

— Въ васъ узнали помощника пристава Сахаренко. Что вы имѣете сказать по этому поводу?

Хриплымъ, какимъ-то чужимъ голосомъ „прапорщикъ" отвѣчаетъ:

— Узнали. Что жъ тутъ говорить?

— Хорошо. Вы арестованы. Вы будете доставлены въ Думу, и съ вами будетъ поступлено по закону.

Наконецъ онъ обратилъ вниманіе на меня. Окинулъ меня испытующимъ взглядомъ, отъ котораго мнѣ стало неловко.

— Послушайте, гражданинъ!—нервно заговорилъ я.—Пожалуйста, выясните это недоразумѣніе. Я этого господина пріютилъ у себя, принимая его за боевого офицера, пріѣхавшаго съ фронта. Я провожалъ его на вокзалъ, но вѣдь такая ошибка со всякимъ можетъ случиться.

— А кто вы?

— Я приватъ-доцентъ Борисъ Сергѣевичъ Субботинъ.

— У васъ есть какой-нибудь документъ?

— Пожалуйста. Вотъ мои бумаги.

Онъ внимательно разсматриваетъ мои бумаги.

— Хорошо. А чѣмъ вы можете доказать, что вы дѣйствовали, не зная, кому вы помогаете?.. Вѣдь ваши политическія убѣжденія намъ неизвѣстны!

— Мои политическія убѣжденія вполнѣ опредѣляются моей дѣятельностью,—отвѣчаю я.—Мое имя небезызвѣстно въ партійныхъ кругахъ.

— Кто бы могъ удостовѣрить это?

— Кто?..—Я называю первое пришедшее въ голову имя. Имя министра. Новаго министра. Самаго популярнаго и любимаго.

— Посидите минутку!—вѣжливо предлагаетъ комиссаръ.

Самъ выходитъ. Должно-быть, справиться по телефону.

Возвращается довольно скоро.

Подаетъ мнѣ руку:

— Это очевидное недоразумѣніе. Вы свободны. Оставьте только вашъ адресъ. Могутъ понадобиться ваши показанія.

Я иду домой разбитый, подавленный.

У вокзала вижу Любу. А можетъ-быть, это не она? Показалась и исчезла. Нѣтъ, не она...

Какъ добрелъ я домой, не могу вспомнить. Ни о чемъ не думалъ, только чувствовалъ жаръ на лицѣ. Механически передвигалъ ноги, сталкивался со встрѣчными, извинялся. Ощущалъ только одно: стыдъ и боязнь. Чего, собственно, я боялся?.. Думать!.. Я боялся своей мысли.

Пробрался въ свою комнату и сразу свалился. Такъ, не раздѣваясь и не зажигая огня, и заснулъ я на диванѣ.

...Проснулся среди ночи, чувствуя, что кто-то трогаетъ мою руку.

Въ полутьмѣ сразу увидѣлъ Любу, сидящую на полу возлѣ дивана и прижимающую къ своимъ губамъ мою руку.

Попробовалъ отнять руку. Она крѣпко зажала ее въ своихъ ручкахъ, заговорила:

— Простите меня, змѣю!.. Простите меня, гадину!.. Что я съ вами сдѣлала?.. Съ вами, такимъ великодушнымъ, такимъ благороднымъ!.. Господи, что же это?.. Не прощайте меня!.. Бейте меня!.. Прогоните меня!.. Я змѣя, я гадина!..

Я пересталъ вырывать руку. Напротивъ, нѣжно положилъ ее ей на голову.

Она заплакала.

— Вы необыкновенный!.. Вы удивительный!.. А я змѣя!.. Нѣтъ, я женщина... Я только женщина... Вѣдь я любила его!.. Но какъ я могла обмануть васъ, васъ!

Я спокойно отвѣчаю ей:

— Вы меня не обманули, Люба. Я зналъ, кто онъ. Я съ первой минуты зналъ это. Вы виновны не болѣе меня, Люба!

...Правду ли я сказалъ ей? Дѣйствительно ли зналъ я, что прапорщикъ Бабичевъ—скрывающійся полицейскій?

Не знаю. И боюсь думать объ этомъ.

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть **Ренэ Бенжамэна.**

Авторизованный переводъ съ французскаго **М. П. Благовѣщенской.**

(Продолженіе).

VI.

Покидая А... со своимъ полкомъ, Гаспаръ не думалъ, что ему придется возвратиться туда ранѣе окончанія войны и заключенія мира. И теперь у него сердце разрывалось на части при мысли о томъ, что онъ долженъ вернуться въ свои казармы въ самый разгаръ войны. Потому что первые три мѣсяца были лишь прологомъ — прологомъ съ грохотомъ пушекъ, отступленіемъ и затѣмъ побѣдой. Да, по мнѣнію англичанъ, это и было лишь началомъ, и люди спокойные и флегматичные говорили:

— Черезъ шесть мѣсяцевъ, когда...

— Шесть мѣсяцевъ!—въ отчаяніи восклицалъ Гаспаръ.—Если бы хоть этому можно было вѣрить...

Да, лицо у него было вытянутое, когда онъ вошелъ въ свои казармы! Казармы! Уже одно только это слово кажется противнымъ и жалкимъ! Увы, по существу же это нѣчто гораздо болѣе отвратительное. Изъ всѣхъ ужасовъ, порождаемыхъ войною, казармы, т.-е. казарменная жизнь въ такое время, когда идутъ бои, эта гримаса мира въ то время, когда другихъ убиваютъ, нелѣпыя столкновенія съ собакой-подпрапорщикомъ, когда непріятель выпустилъ свои когти, — казармы съ ихъ безцѣльной работой, съ ихъ унтеръ-офицерами, караулами и докторомъ, казармы для человѣка самолюбиваго и съ чуткой совѣстью являются однимъ изъ самыхъ тяжкихъ и непосильныхъ испытаній, ибо въ казарменной жизни глупость процвѣтаетъ, какъ жаба въ болотѣ. И армія, обладающая такими высокими качествами подъ огнемъ, представляетъ собою на казарменномъ дворѣ лишь общественное учрежденіе, въ которомъ болѣе, чѣмъ гдѣнибудь, сосредоточиваются горечь и раздраженіе.

Не знаешь, что и говорить о злополучномъ положеніи вещей въ наше время. Служеніе военному ремеслу вѣчно, какъ и величіе этого дѣла, и подпрапорщикъ Дюпуйя, одна только внѣшность котораго вызывала въ Гаспарѣ непреодолимое отвращеніе, являлся типомъ грубой скотины, такимъ же старымъ, какъ міръ. Предки его заставляли страдать солдатъ греческихъ, еврейскихъ, римскихъ. Но вѣдь Гаспаръ мало зналъ исторію человѣчества, а потому онъ только ворчалъ:

— Что за корова! Настоящая корова, какихъ еще свѣтъ не видалъ!

Однако Дюпуйя заслуживалъ совершенно другого эпитета.

Это былъ замѣчательный типъ. Одержимый маніей такъ или иначе гадить другимъ, онъ проявлялъ въ этомъ направленіи удивительную изобрѣтательность. Остроносый, остроглазый, съ тощимъ туловищемъ на тоненькихъ нервныхъ ножкахъ, онъ напоминалъ собою пѣтуха, готоваго вступить въ бой. Онъ повсюду преслѣдовалъ солдатъ, накидывался на нихъ и трепалъ такъ, что перья летѣли во всѣ стороны. И не было никакой возможности укрыться отъ него, безполезно было даже пытаться спрятаться, онъ рыскалъ повсюду. Онъ былъ вездѣсущъ: чуть ли не одновременно онъ появлялся на дворѣ, въ казармахъ, въ верхнемъ этажѣ, въ нижнемъ, вдругъ выныривалъ изъ какого-нибудь темнаго угла на дворѣ, стоялъ, притаившись гдѣ-нибудь за стѣной, за деревомъ, потомъ неожиданно появлялся въ лазаретѣ, на кухнѣ. И вѣчно между его отвратительными губами торчала толстая сигара, которую онъ смачно сосалъ. Его кепи всегда было грозно надвинуто на лобъ, затылокъ его краснорѣчиво говорилъ о томъ, что это человѣкъ тупой и бездарный, на воротникъ его неровной бахромкой падали грязные волосы, правая пола его куртки была всегда задрана вверхъ, такъ какъ онъ не вынималъ руки изъ кармана брюкъ, и открывала плоскій задъ бездушнаго человѣка, задъ неспокойный, нервирующій, который несомнѣнно прятался отъ пинка мести. Чувствовалось, что также и его физіономія, покрытая прыщами и точно напрашивающаяся на оплеуху, умѣла хорошо уклоняться отъ нихъ. Онъ приводилъ людей въ изступленіе, потомъ обезоруживалъ, въ одно и то же время наглый и раболѣпный. Онъ напоминалъ скверную овчарку, которая всегда старается укусить хромую корову и ловко избѣгаетъ роговъ. Передъ офицерами онъ низкопоклонничалъ и пресмыкался, и его рабски согнутая спина точно говорила: „Будь спокоенъ, я неуклонно исполняю свой долгъ“.

Ему и въ голову не приходило, что его долгъ—итти сражаться, какъ это дѣлали другіе: онъ считалъ, что его долгъ—ловить, вербовать, исполнять обязанности полицейскаго въ казармахъ, быть жандармомъ-пѣхотинцемъ. Онъ не давалъ солдатамъ ни отдыха ни срока. Къ больнымъ онъ приставалъ каждыя четверть часа съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ: „Что же, вамъ лучше?“—спѣша занести ихъ въ списокъ отправляемыхъ на фронтъ.

Но самъ онъ крѣпко сидѣлъ на мѣстѣ.

Онъ оставался, чтобы составить слѣдующій списокъ.

И Богъ наградилъ его грубымъ, зычнымъ голосомъ: казалось, будто языкъ его, готовый каждую минуту навредить кому-нибудь, съ какой-то необыкновенной легкостью двигался у него во рту. Онъ выкрикивалъ:

— Вы годитесь на фронтъ!

Солдатъ, застигнутый врасплохъ, разражался хохотомъ, въ которомъ изливались вся его горечь и возмущеніе.

— Смѣйтесь,—продолжалъ Дюпуйя,—но вы у меня на примѣтѣ, и я не забуду занести васъ въ списокъ.

Какъ онъ торжествовалъ, когда могъ донести капитану:

— Тридцать человѣкъ готовы для слѣдующей отправки!

А если капитанъ ему отвѣчалъ: „Мнѣ нужно тридцать два

человѣка",—онъ немедленно же отправлялся на охоту. Прибѣгалъ въ канцелярію, рылся въ спискахъ, потомъ бѣгалъ по казармамъ и былъ счастливъ, когда ему удавалось напасть на играющихъ въ карты. Онъ оралъ:

— Встать всѣмъ, подлежащимъ отправленію на фронтъ!

Съ руганью и проклятіями изъ двѣнадцати человѣкъ поднималось двое. Онъ хваталъ за шиворотъ остальныхъ и кричалъ:

— За мной! Посмотримъ, что скажетъ докторъ!

И онъ самъ бѣжалъ къ доктору, не давалъ произнести ни слова больнымъ и говорилъ:

— Они плюютъ на все! Они только и дѣлаютъ, что дуются въ карты!

И докторъ, настроенный имъ, отвѣчалъ:

— Вотъ канальи! Годны на фронтъ!

И едва успѣвали отправить этихъ на фронтъ, какъ Дюпуйя съ той же яростью набрасывался на другихъ. Въ казармахъ то и дѣло раздавался его зычный голосъ. Онъ являлся какимъ-то распорядителемъ судебъ солдатъ, какимъ-то шутовскимъ секретаремъ самого Рока.

Однако такъ это было, пока не появился Гаспаръ. Съ появленіемъ Гаспара Дюпуйя увидѣлъ оборотную сторону медали человѣчества: сопротивленіе и афронтъ. Гаспаръ приводилъ его въ ярость.

Все дѣло было въ томъ, что надо было умѣть подступиться къ Гаспару. Когда Гаспаръ явился въ казармы, онъ говорилъ самому себѣ: „Я совершенно здоровъ. Черезъ недѣлю я буду на фронтѣ". Но грубый тонъ, обличительный и самоувѣренный, съ которымъ Дюпуйя объявилъ ему: „Вы годитесь на фронтъ!"— показался ему такимъ оскорбительнымъ, что онъ ощетинился:

— Ладно!.. Посмотримъ, что скажетъ докторъ.

Въ казармахъ онъ вскорѣ нашелъ Моро, который тоже былъ раненъ, потомъ выздоровѣлъ, и теперь цѣлые дни валялся и дулся въ карты. Гаспаръ страшно обрадовался, снова встрѣтясь со своимъ „однокашникомъ", съ которымъ онъ вмѣстѣ сражался. Онъ спросилъ у него, намекая на подпрапорщика:

— Что это за паршивецъ?

— Не обращай на него вниманія,—отвѣтилъ Моро.—Ему ужъ ни въ какомъ случаѣ не удастся заставить меня снова увидаться съ бошами.

— Какъ такъ?

— Я нашелъ лазейку.

— Какъ лазейку?

— Я записанъ техникомъ

— Техникомъ?

— Да, голубчикъ. Теперь я буду готовить угощеніе для бошей, вмѣсто того, чтобы принимать отъ нихъ угощеніе.

— А, это ловко!.. Это дѣйствительно хорошая лазейка!

Гаспаръ былъ очень доволенъ. Но онъ проговорилъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ:

— Бѣда только, что я-то въ техникѣ ни бельмеса не понимаю. Техника и улитки!..

— Наплевать! Тебѣ остается только сказаться слабосильнымъ.

— Слабосильнымъ... Это еще что такое?

— Спроси вонъ того долговязаго, въ очкахъ.

— Того долговязаго и тощаго?

— Да. Онъ слабосильный.

— Эй, братецъ... иди-ка сюда!

Гаспаръ валялся на соломѣ. Самъ онъ не тронулся съ мѣста Долговязый подошелъ на его зовъ.

— Что такое болтаетъ Моро? Онъ говоритъ, что ты слабосильный.

— Совершенно вѣрно.

— А что это означаетъ?

— Что я неспособенъ нести военную службу.

— И потомъ ты знаешь,—перебилъ Моро,—товарищъ все это великолѣпно понимаетъ. Вѣдь онъ профессоръ, онъ преподаетъ въ Пантрюшѣ. Онъ не дуракъ и въ лужу не сядетъ. Разъ онъ слабосильный, значитъ, хорошо быть слабосильнымъ.

— Мнѣ кажется, что вы ошибаетесь относительно меня,— кротко замѣтилъ преподаватель. — Мое слабосиліе не является результатомъ какого-нибудь расчета съ моей стороны. Я дѣйствительно неспособенъ къ несенію военной службы... Я страдаю ужаснѣйшимъ гастритомъ.

— Гастритъ? Что это такое гастритъ?—спросилъ Гаспаръ.

— Это... очень болѣзненно.

— А гдѣ болитъ-то?

— Боль въ кишкахъ.

— Это колики, что ли?

— И да и нѣтъ.

— А какъ... какъ распознаетъ это докторъ?

— А вы страдаете этой болѣзнью? — спросилъ преподаватель

— Право, не знаю... Все можетъ быть.

— Онъ побывалъ уже тамъ, понимаешь ли, — пояснилъ Моро.—Онъ уже получилъ свое... а потому ему не очень-то хочется во второй разъ испробовать этого.

Гаспаръ молчалъ. Онъ вертѣлъ въ рукахъ соломинку.

— Такъ что же, — предложилъ преподаватель, — пусть онъ возьметъ на себя мой гастритъ, а я пойду вмѣсто него на фронтъ.

Въ Альпахъ. *Сторожевой постъ.*
По фот. Габерелля въ Тальвилѣ (Швейцарія).

— О, - отвѣтилъ Моро, — напрасно ты фанфаронишь! Смотри, чтобы тебѣ не пришлось раскаяться: когда ты увидишь, что тамъ творится, такъ, пожалуй, пожалѣешь о своихъ туфляхъ и о своей хозяйкѣ.

— У меня нѣтъ хозяйки.

— Такъ ты не женатъ? Ты холостякъ?

— Конечно, холостякъ!

— Ну, голубчикъ, была бы моя воля, такъ я заставилъ бы тебя платить здоровый налогъ!

— Дѣло въ томъ, — заговорилъ наконецъ Гаспаръ, — что у меня... что я до сихъ поръ еще чувствую иногда свою ягодицу.

— Ты ее чувствуешь? — обрадовался Моро. — Такъ бѣги же скорѣй къ доктору и заяви ему объ этомъ!

Гаспаръ подумалъ съ минуту, потомъ отвѣтилъ:

— И пойду... а свинья-подпрапорщикъ останется съ носомъ!

Вотъ была истинная побудительная причина, вдохновлявшая Гаспара: настоять на своемъ. Онъ обладалъ болѣзненнымъ самолюбіемъ и ради него забывалъ и войну и бошей. Теперь онъ былъ весь поглощенъ борьбой съ Дюпуйя.

И въ этомъ отношеніи ему повезло, его первая же попытка увѣнчалась успѣхомъ.

Въ немъ было столько увѣренности, что онъ привелъ доктора въ смущеніе, и тотъ сказалъ:

— Ну, что же... такъ идите и приходите черезъ нѣсколько времени.

Очень скоро послѣ этого Гаспаръ снова явился къ доктору съ жалобой на новыя осложненія. Докторъ отвѣтилъ:

— Ничего не подѣлаешь... отдыхайте.

Онъ отдохнулъ. Потомъ опять явился къ доктору. Наконецъ тотъ пришелъ къ заключенію:

— Это такъ... Я признаю васъ... слабосильнымъ...

О! Подойти къ Дюпуйя, языкъ котораго уже готовился произнести: „Вы годны“, — и заявить ему, смакуя каждое слово и нагло глядя ему въ глаза:

— Я слабосильный!

Это доставило удовольствіе Гаспару на цѣлыхъ три дня.

Но не болѣе чѣмъ на три дня... потому что жизнь въ казармахъ, жизнь слизняковъ, превратилась сейчасъ же въ нѣчто невыносимое для этого дѣятельнаго и полнаго жизни человѣка.

Набивать трубки, зѣвать, дуться въ карты, — развѣ Гаспаръ могъ примириться съ такой жизнью? Бросивъ Моро, который примирялся съ этимъ прозябаніемъ, онъ сказалъ преподавателю:

— А тебѣ нравится это стоячее болото? Я хотѣлъ добиться своего и добился... но это меня раздражаетъ и долго это продолжаться не можетъ.

— Браво!—отвѣтилъ преподаватель.

— До войны,—продолжалъ Гаспаръ,—я въ два часа былъ уже на ногахъ. Въ три часа я сидѣлъ на рынкѣ, и я зарабатывалъ свой хлѣбъ, я кормилъ своего мальчика. Но здѣсь, чортъ возьми!.. Разъ я слабосильный, такъ пусть меня отправятъ во-свояси!

— Да и я предпочелъ бы это,—замѣтилъ преподаватель.

И это первое сходство ихъ образа мыслей расположило ихъ къ дальнѣйшему дружескому общенію.

Преподаватель былъ человѣкъ кроткій, скромный, благоразумный—истый буржуа. Гаспаръ же былъ человѣкъ народа, рѣшительный и дѣйствующій подъ первымъ впечатлѣніемъ, немного хвастливый, иногда грубый. И эти двое почувствовали тотчасъ же симпатію другъ къ другу, потому что имъ не было скучно вмѣстѣ.

Гаспаръ, сознававшій, что самъ онъ стоитъ на низшей соціальной ступени, первымъ дѣломъ разсказалъ преподавателю о своей дружбѣ съ Бюреттомъ, а потомъ съ Дюдоньономъ,—это было какъ бы свидѣтельствомъ того, чего онъ самъ стоитъ. Онъ самъ откровенно признавался, что, когда учился въ школѣ, то только и умѣлъ вытирать доску.

— Учитель только надоѣдалъ мнѣ. Мой отецъ злился, видя, что я ничего не дѣлаю. А потому черезъ два года, когда мнѣ минуло девять лѣтъ, онъ взялъ меня изъ школы. Онъ сказалъ: „Ты умѣешь читать и писать? Ну и отлично! Все остальное—вздоръ! Науки—это баловство для сынковъ сенаторовъ!“ И вотъ я и остался такимъ... Ты знаешь, на бумагѣ я не могъ бы тебѣ сдѣлать самаго простого дѣленія, я натворилъ бы такого, что и не разобраться бы! Но въ головѣ—все, что касается моихъ улитокъ и что касается моего дѣла вообще... никогда, милый мой, я не сдѣлаю и самой маленькой ошибочки!.. Ну, а что до умѣнья говорить... понимаешь ли, что до разныхъ такихъ словъ, такъ для этого мнѣ вовсе не нуженъ былъ учитель... Я накупилъ себѣ книгъ. Подъ моей кроватью—цѣлая библіотека. Чего только у меня нѣтъ: и Викторъ Гюго, и Александръ Дюма, и „Сирано“—великолѣпнѣйшая штука, которую написалъ Ростанъ! „Сирано“... Господи, да я смотрѣлъ его шесть разъ въ театрѣ! Ну, и нравится же онъ мнѣ!.. Помнишь, когда онъ говоритъ насчетъ своего носа... а потомъ, когда онъ говоритъ комплименты Роксаннѣ, а та думаетъ, что это другой, и цѣлуетъ его прямо въ губы, словно голубка... А подъ конецъ, передъ тѣмъ, какъ подохнуть, онъ кричитъ... вотъ это такъ стихи:

...Que j'pactise
Jamais, non, jamais! Ah! te v'là la sottise!
J'sais qu'à la fin vous m'ficherez à bas;
N'importe! J'me bats! J'me bats! J'me bats.

— Надо было слышать, какъ это выкрикивалъ Коклэнъ! Чего тамъ, мурашки по кожѣ пробѣгали!

— Я вижу,—замѣтилъ преподаватель,—что ты любишь литературу.

— Я люблю все, что хорошо!—отвѣтилъ Гаспаръ восторженно.—И граммофонъ также, о, до чего я люблю граммофонъ!.. Ну, а что касается чтенія, такъ „Отверженныхъ“ я прочелъ семь разъ. Ты понимаешь, въ концѣ концовъ я уже чуть не наизусть выучилъ все, а все-таки мнѣ каждый разъ интересно посмотрѣть, какъ все это говорится дальше... Такой молодчина, какъ Викторъ Гюго, вполнѣ заслуживаетъ быть богатымъ. Ей-Богу, я готовъ былъ бы подарить такому все, что у меня есть! Потому что... это приводитъ меня въ восторгъ... вотъ такіе люди, которые придумываютъ такія штуки!

Съ минуту онъ молчалъ. Преподаватель о чемъ-то задумался. Немного спустя Гаспаръ продолжалъ:

— Ну, а вотъ такіе люди, какъ этотъ подпрапорщикъ... Ей-Богу, если бы онъ подыхалъ съ голоду у меня на глазахъ, а у меня была бы кость, такъ я не далъ бы ему!

— Это ты только хвастаешь,—сказалъ тихо преподаватель.

Гаспаръ ничего не отвѣтилъ на это.

Хорошія манеры, кротость, тактичность и вкусы этого универсанта внушали Гаспару уваженіе и располагали его къ откровенности. Онъ говорилъ ему „ты“, но никогда не называлъ его просто по имени, а всегда говорилъ: „господинъ Муссъ“. И онъ любилъ слушать, когда тотъ говорилъ. Онъ пояснялъ: „Когда слушаешь такихъ людей, какъ ты, то научаешься говорить, перестаешь походить на чурбанъ“.

Но не грозило ли ему дѣйствительно превратиться въ чурбанъ среди четырехъ стѣнъ казармъ?

Жизнь этихъ двоихъ „слабосильныхъ“ представляла собою нѣчто мрачное и вмѣстѣ съ тѣмъ комичное.

Дѣлать абсолютно нечего, потому что они занесены въ списокъ „слабосильныхъ“. Остается только считать минуты. Адъюнктъ Муссъ носилъ на рукѣ часы, по которымъ онъ и считалъ минуты.

Высокій, тощій, съ длинной шеей, на которой какъ-то высоко сидѣла голова съ кепи, надѣтой прямо, онъ всюду бросался въ глаза, и каждый, входившій на казарменный дворъ, сразу замѣчалъ его тощій силуэтъ. Онъ зѣвалъ, бродилъ вдоль стѣнъ, а за нимъ таскался Гаспаръ, тоже зѣвающій каждую минуту, но съ опущенной головой, съ внимательнымъ выраженіемъ на лицѣ, какое бываетъ у простыхъ людей, которые дѣлаютъ маленькія находки на землѣ: то пуговицу, то окурокъ сигары, то монету въ два су.

Наступила зима. Въ казармахъ зима наступаетъ раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Каштановыя деревья, съ оголенными и торчащими во всѣ стороны вѣтвями, казались жалкими и въ то же время безобразными. Изъ трехъ дней въ теченіе двухъ дней шелъ дождь. Рѣзкій вѣтеръ прибивалъ къ землѣ черный дымъ, валившій изъ кухонной трубы.

— Какая тоска! Какая смертельная тоска!—повторялъ Муссъ.

— Нѣтъ, такъ я больше не могу!—говорилъ Гаспаръ.

И они попросили разрѣшенія поговорить съ лейтенантомъ.

Лейтенантъ почесалъ себѣ бороду и отвѣтилъ:

— Вы слабосильные! Я не имѣю права дать вамъ какую-нибудь работу. Таковъ уставъ.

— Такъ что же намъ дѣлать?

— Ждите!

— Отъ этого можно съ ума сойти!—воскликнулъ Муссъ.

Дойдя до полнаго отчаянія, онъ пошелъ къ фельдфебелю. Онъ показалъ ему свой билетъ: „Адъюнктъ: умѣетъ читать и писать“.

— Послушайте, не могу ли я хоть чѣмъ-нибудь быть вамъ полезенъ? Нельзя ли мнѣ переписывать бумаги?

У него былъ такой несчастный видъ, фельдфебель сжалился надъ нимъ и отвѣтилъ:

— Ужъ если вамъ этого такъ хочется, то... дѣлайте, какъ хотите...

Муссъ былъ готовъ расцѣловать его! Онъ принялся за работу яростно, съ жадностью, точно голодный, который садится за столъ. Онъ старательно выводилъ прописныя буквы... чуть ли не со сладострастіемъ.

Въ это время Гаспару удалось-таки забраться въ цейхгаузъ, въ тотъ самый цейхгаузъ, который ему былъ такъ хорошо знакомъ. Теперь тамъ хозяйничалъ какой-то близорукій солдатъ. Онъ былъ почти слѣпой и на разстояніи двухъ метровъ не могъ отличить котелка отъ кепи. Гаспаръ сейчасъ же принялъ покровительственный видъ и напустилъ на себя важность. Онъ началъ съ того, что принесъ подъ мышкой литръ бѣлаго вина и заявилъ:

— Ну вотъ. Я первый одѣлъ нашу роту. Такъ лейтенантъ сказалъ, что я могу помочь тебѣ... но сперва мы выпьемъ стаканчикъ... для перваго знакомства.

Прошло ровно двадцать четыре часа съ тѣхъ поръ, какъ Гаспаръ грѣлся въ цейхгаузѣ, а Муссъ скрипѣлъ перомъ въ канцеляріи, какъ вдругъ, словно громъ грянулъ, по казармамъ разнеслась вѣсть:

— Генералъ!

Фельдфебель набросился на адъюнкта—слабосильнаго:

— Удирайте! Если васъ здѣсь накроютъ!.. Спрячьтесь въ конюшнѣ!.. Только бы онъ васъ не увидалъ! Онъ терпѣть не можетъ слабосильныхъ!

Муссъ выскочилъ изъ канцеляріи. Дождь... вѣтеръ... Онъ побѣжалъ въ цейхгаузъ. Гаспаръ стоялъ въ дверяхъ и препирался съ кѣмъ-то:

— Ладно, ладно... Я уйду, но отдай мнѣ мой литръ!

— Потомъ получишь... Бѣги же!.. Генералъ!..

— Да говорятъ тебѣ, я хочу взять свой литръ!

Онъ добился своего. И тогда оба бѣглеца поднялись къ себѣ въ казарму. Тутъ капралъ протянулъ имъ двѣ метлы:

— Генералъ, генералъ идетъ! Подметите солому!

Не говоря ни слова, они повернули спины и снова побѣжали на дворъ. Тутъ они столкнулись носомъ къ носу съ сержантомъ:

— Подбирайте камни, которые валяются на дворѣ! Вотъ генералъ!

Они бросились бѣжать со всѣхъ ногъ и наконецъ скрылись въ сарай и залѣзли подъ телѣгу, гдѣ и переждали, пока все успокоилось.

На слѣдующій день, такъ какъ никто съ нихъ ничего не требовалъ, они опять почувствовали непреодолимую потребность что-нибудь дѣлать.

Гаспаръ сказалъ:

— Господинъ Муссъ, вѣдь у тебя нѣтъ нашивокъ. Чего ты тамъ скрипишь перомъ въ канцеляріи? Пойдемъ-ка лучше со мной въ цейхгаузъ

— Ты думаешь, мнѣ можно?—спросилъ Муссъ.

— Конечно, только для этого тебѣ придется зайти въ лавочку и купить три литра бѣлаго.

Благодаря этимъ тремъ литрамъ, Муссу дѣйствительно удалось присосѣдиться къ Гаспару въ цейхгаузѣ. Завѣдующій цейхгаузомъ заперъ дверь на ключъ, и бѣдный адъюнктъ, неспособный къ военной службѣ, необыкновенно пріятно провелъ этотъ день, складывая брюки. Онъ весь расцвѣлъ. Онъ складывалъ, раскладывалъ, снова складывалъ... и время шло незамѣтно. Оно дѣйствительно уходило... пока не появился лейтенантъ.

Запертая дверь? Какимъ образомъ? Зачѣмъ? Онъ пришелъ въ ярость.

— Вы здѣсь!.. Слабосильные!.. Сколько разъ вамъ надо говорить... Убирайтесь вонъ!

Муссъ поблѣднѣлъ.

— Что же намъ дѣлать, господинъ лейтенантъ?

— Опять!.. От-ды-хай-те!!

Куда итти?

Они бродили, уныло слѣдуя другъ за другомъ, по коридорамъ казармъ, какъ вдругъ раздался зычный голосъ:

— Эй, господа праздношатающіеся, пойдите-ка почистите умывальники!

Но тутъ раздался другой голосъ:

— Умывальники подождутъ! Сперва яблоки! Идите, чистите яблоки!

Гаспаръ и Муссъ воспользовались этими противорѣчивыми приказаніями и поспѣшили скрыться. И опять они очутились на дворѣ. Дворъ былъ грязный, скользкій, залитый жирнымъ супомъ, потому что солдаты по большей части ѣли тутъ же, на дворѣ, чтобы ихъ порція не успѣла остыть. На этомъ тоскливомъ дворѣ они ходили съ опаской, скрываясь за деревьями, чтобы не попасться на глаза Дюпуйя или какому-нибудь сержанту. Они съ тоской посматривали на строенія и службы и точно спрашивали: „Гдѣ скрыться? Въ казармѣ? Тамъ рыщетъ Дюпуйя. Въ лавочкѣ? Заперта. Въ банѣ? Баня не топлена. Въ кухнѣ? Оттуда выгонятъ. Въ лазаретѣ? Тамъ сейчасъ же сдѣлаютъ какую-нибудь прививку. У ламповщика?..

Этюдъ. *П. Жилинъ.*

— Гаспаръ, не пойти ли намъ къ ламповщику?..

Это адъюнкту пришла въ голову мысль о новомъ прибѣжищѣ. Оба отправились туда. Тамъ они увидѣли странное существо, отъ котораго невыносимо разило, и который заражалъ воздухъ вокругъ себя запахомъ керосина и какихъ-то маслъ. Но ламповщикъ оказался очень добродушнымъ и сказалъ со смѣхомъ:

— Вамъ слѣдуетъ только освѣжить мнѣ немного глотку, и вы можете себя чувствовать здѣсь, какъ дома. Сюда никто не заглядываетъ, здѣсь такъ воняетъ, что никому и въ голову не приходитъ совать сюда свой носъ. Здѣсь можно жить да наслаждаться, никто не мѣшаетъ!

— Но вѣдь мы слабосильные... Ты думаешь, что намъ можно...

— Успокойся. Ты дай мнѣ только четырнадцать су, и я сбѣгаю за литромъ.

— Ахъ, я совсѣмъ забылъ,—сказалъ Муссъ очень просто.

Ламповщикъ взялъ деньги, убѣжалъ, и вскорѣ вернулся съ виномъ. Онъ пилъ вдвоемъ съ Гаспаромъ, адъюнктъ ничего не пилъ изъ-за своей болѣзни. Но онъ незамѣтно провелъ время и былъ счастливъ.

Прошло всего два дня, и разразилась катастрофа. Старшій подпрапорщикъ почуялъ, что отъ „этого Мусса“ и отъ „этого Гаспара“ распространяется ужасная вонь.

— Что это такое? Скажите, чѣмъ вы занимаетесь?.. Ужъ не проводите ли вы время у ламповщика?

— Да, но...—отвѣтилъ адъюнктъ,—но это насъ занимаетъ.

— Это васъ?.. Чортъ бы васъ побралъ! На кой же дьяволъ васъ объявили слабосильными? Нѣтъ, эта парочка—настоящая язва! Вы ни на что не годитесь и являетесь бременемъ для полка: приходится думать только о васъ однихъ! Изволь цѣлый день думать только о томъ, чтобы васъ занять! Теперь не мирное время, теперь война, чортъ возьми! Никому не живется сладко! Всѣ съ тоски помираютъ.

— Но никто такъ, какъ мы.

Подпрапорщикъ готовъ былъ лопнуть отъ злости. Въ ярости онъ прошипѣлъ то, что думалъ генералъ:

— Паршивые слабосильные!

Между тѣмъ, по волѣ Провидѣнія, на нихъ свалилось своего рода счастье. Солдатъ, на обязанности котораго лежало привозить въ казармы въ ручной тележкѣ овощи и мясо, заболѣлъ. Моментально Гаспаръ и адъюнктъ предложили свою помощь, и капралъ, завѣдывавшій кухней, согласился воспользоваться ихъ услугами.

И вотъ оба друга, одинъ, несмотря на свою больную ягодицу, а другой—на свой гастритъ, все утро таскали взадъ и впередъ тележки съ поклажей. Муссъ, впряженный въ ручную тележку, представлялъ собою въ высшей степени комичное зрѣлище. Слишкомъ худой для широко разставленныхъ оглобель, онъ не находилъ точки опоры и съ большимъ трудомъ тащилъ тележку. Потъ лился съ него градомъ, пенснэ свалилось съ носа, онъ остановился, чтобы надѣть его, и тогда Гаспаръ, подталкивавшій тележку сзади, крикнулъ:

— Мнѣ больно смотрѣть на тебя... Давай, я стану въ оглобли! А то ты похожъ на кролика, который собирается тащить трамвай.

Но Муссъ упорствовалъ. Ему хотѣлось умориться, чтобы хорошенько убить время. Мясникъ ухмылялся, глядя, съ какими предосторожностями онъ бралъ въ руки окровавленныя легкія; а колбасница съ презрительной гримасой смотрѣла, когда онъ, выбиваясь изъ силъ, укладывалъ на тележку сосиски. Онъ видѣлъ, что они презираютъ его, но внутренно утѣшалъ себя, говоря: „Черезъ недѣльку или двѣ я попривыкну и стану половчѣе...“

Бѣдняга, онъ забывалъ, что радости земныя скоропроходящи. Черезъ недѣлю... больной солдатъ поправился, и дуэтъ Гаспаръ-Муссъ снова забродилъ вдоль стѣнъ казарменнаго двора.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Подписка принимается въ почтовыхъ отдѣленіяхъ и въ конторѣ газеты. Подписка на сроки принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. — Объявленія по соглашенію. — Цѣна отдѣльнаго номера 10 пфени. — Пробные №№ безплатно.

Второй годъ изданія.

Подписная цѣна на 1 мѣсяцъ: При подпискѣ въ конторѣ газеты — 1 марка или 1,25 кр. съ пересылкой. За пересылку въ нейтральныя страны — особая плата. При подпискѣ въ почтовыхъ учрежденіяхъ Германіи 80 пф. (заграницей соотвѣтственной монетой); за пересылку почтовыя учрежденія взимаютъ особую плату. Для военноплѣнныхъ, по соглашенію съ военными властями, 70 пфениговъ (35 коп.) съ пересылкой.

№ 149 | Пятница 11-го мая (28-го апрѣля) 1917 года. | № 149

СОДЕРЖАНІЕ:

Передовая статья. — Обзоръ военныхъ дѣйствій. — Русская жизнь. — Всемірное обозрѣніе. — Печать. — Романовы и Гогенцоллерны. — Письмо Толстого Николаю II. — Царскосельскіе плѣнники. — Хвостовъ, Распутинъ и Андрониковъ. — Маленькій фельетонъ. — Почтовый ящикъ.

гать еще не внесенъ въ списки, то онъ имѣетъ право требовать своего внесенія Каждому германцу должно быть разрѣшено образовать со своими знакомыми союзъ, на которомъ онъ можетъ ждать всѣ вопросы относи... ровъ и всѣхъ ... такъ далѣе ...

горячихъ боевъ, продолжавшихся весь день, деревни Оппи, Ро... твердо остались въ ...

эскадры броневиковъ. Поутру бой раз...

нижнихъ чиновъ 6-го числа ... измѣнилось

Заголовокъ газеты „Русскій Вѣстникъ“, издаваемой въ Берлинѣ германскимъ генеральнымъ штабомъ на русскомъ языкѣ для распространенія среди нашихъ военноплѣнныхъ въ Германіи и среди нашихъ солдатъ на фронтѣ.

На румынскій фронтъ.

Путевыя замѣтки делегата отъ рабочихъ типографіи Т-ва А. Ф. Марксъ — „Нива“

В. Пуздранкова.

(Окончаніе).

Послѣ обѣда съ ближайшей батареи было прислано семь лошадей въ сопровожденіи двухъ верховыхъ солдатъ, и мы, осмотрѣвъ казармы и побесѣдовавъ съ солдатами, отправились верхомъ на лошадяхъ на батарею, для устройства митинга.

На батареѣ насъ встрѣтили радушно, повели показывать расположеніе непріятеля и показывали при помощи биноклей мѣста, которыя при насъ обстрѣливались непріятелемъ. Когда подошли солдаты съ ближайшихъ батарей, начался митингъ.

Говорило нѣсколько ораторовъ. Рѣчи то и дѣло прерывались возгласами одобренія и громкимъ „ура“, и нѣмцамъ пришлось въ тотъ вечеръ недоумѣвать, что такое творится у русскихъ, почему такъ часто раскатами несется громкое русское „ура“. Послѣ митинга насъ угощали солдатики вкусными щами и чаемъ.

Показали намъ, какія газеты получаютъ они отъ нѣмцевъ: это „Русскій Вѣстникъ“ и „Недѣля“, которыя сбрасываются съ аэроплана въ батареи, а для пѣхоты опускаются въ особый почтовый ящикъ, висящій на деревѣ между передовыми окопами. Къ этому ящику по очереди и ходили за газетами и корреспонденціей то нѣмецъ, то русскій, и стрѣльба по почтальонамъ не велась. Я попросилъ на память двѣ газеты, которыя здѣсь и воспроизводятся.

Осѣдлавъ намъ болѣе спокойныхъ лошадей, проводили до главной нашей квартиры при канцеляріи корпуснаго коменданта. 16-го мая, рано утромъ, мы отправились въ штабъ, чтобы сообщить о нашемъ желаніи поднести первому встрѣтившему насъ полку знамя, изображающее слѣдующее: сверху надпись серебромъ: „Да здравствуетъ Интернаціоналъ“ и картина: солдатъ, рабочій и женщина, разрывающіе цѣпи, окружающія земной шаръ; рядомъ крестьянинъ, зарывающій лопатой въ землю корону. Съ этимъ знаменемъ рабочіе Т-ва оптико-механическаго производства въ Петроградѣ манифестировали 1-го мая.

Въ 12 часовъ дня на томъ же сахарномъ заводѣ, на полѣ, былъ выстроенъ полкъ въ полномъ порядкѣ. При приближеніи нашемъ оркестромъ была исполнена „встрѣча“, раздалась команда „смирно“, и мы торжественно внесли знамя и поставили среди правильнаго четырехугольника, образованнаго стоящими ротами полка.

Командиръ привѣтствовалъ насъ отъ имени полка и благодарилъ за вниманіе и честь, оказанную солдатамъ славнаго и стойкаго въ бояхъ съ непріятелемъ полка. Товарищъ-делегатъ Григорьевъ, передавая знамя своего завода, указывая на лозунги, начертанные на другой сторонѣ знамени, которые говорили: „Солдату гражданскія права“, „Рабочему 8-часовой рабочій день“, „Женщинѣ—равноправіе“ и „Крестьянину землю и волю“, призывалъ ихъ отстаивать свободную Россію отъ вторженія внѣшняго врага, такъ какъ только тогда будутъ осуществлены и пройдутъ въ жизнь эти лозунги. Послѣ перваго оратора выступалъ еще тов. отъ Исполнительнаго Комитета Сов. Р. и С. Д., который призывалъ солдатъ и офицеровъ къ единенію и организаціи, основанныхъ на взаимномъ довѣріи и уваженіи другъ къ другу, увѣряя, что только единеніемъ и организаціей можетъ быть достигнутъ скорѣйшій миръ. При провозглашеніи вѣчной памяти погибшимъ борцамъ за свободу полкъ обнажилъ головы, и оркестромъ былъ исполненъ похоронный маршъ.

Послѣ врученія знамени унтеръ-офицеру и по обнесеніи его подъ звуки марсельезы по рядамъ выстроившагося полка, подъ звуки параднаго марша, полкъ стройными рядами, въ предшествіи краснаго знамени, прошелъ передъ командиромъ и нами,—группой стоящихъ делегатовъ, направляясь въ казармы, чтобы вечеромъ итти въ передовые окопы.

Картина торжественная, незабываемая. Здѣсь демонстрировалось единеніе солдатъ и рабочихъ почти что на самыхъ передовыхъ линіяхъ.

Съ парада мы отправились на митингъ къ пѣх. N—скому полку, только-что вернувшемуся съ позицій и теперь стоявшему на лѣсопильномъ заводѣ. Подъ-

Русскій Вѣстникъ

Романовы и Гогенцоллерны.

Романовы сами накликали на себя судьбу, постигшую ихъ нынѣ. Они всегда правили при помощи насильственныхъ мѣръ. И насильно они въ концѣ концовъ должны были быть удалены. Въ противоположность этому Гогенцоллерны правили всегда въ полномъ согласіи съ народомъ. Величайшій прусскій король, Фридрихъ II, сказалъ, что онъ первый слуга своего государства. Въ Берлинѣ добровольно были дарованы народу права. И никогда правительство не отдавало здѣсь приказанія стрѣлять по народу, какъ это бывало въ Петроградѣ, когда народъ требовалъ своихъ законныхъ правъ. Наоборотъ, именно германскій императоръ, 10 лѣтъ тому назадъ, когда Россіи угрожала революція, настоятельно совѣтовалъ нынѣ низверженному царю ввести въ Россіи конституціонныя реформы. Въ Германіи также никогда не существовало чего-то въ родѣ Сибири, куда ссылались за свои убѣжденія политическіе противники правительства. Въ Германіи не было ни каторги, ни нагайки. Что касается германскаго императорскаго дома, то онъ пользуется безупречной репутаціей. Между Романовыми съ одной и Гогенцоллернами и Габсбургами съ другой стороны существуетъ во всемъ разница, включая и семейную жизнь обѣихъ династій. У Романовыхъ всегда происходили дворцовыя революціи и убійства родственниковъ. То убивался царь, то царевичъ, своими же родными. Исторія Гогенцоллерновъ, какъ и Габсбурговъ въ противоположность этому, не знаетъ подобныхъ преступленій. Русскіе врядъ ли смогутъ себѣ это представить, послѣ столѣтнихъ кровавыхъ переживаній, которыя они испытали во времена царизма. И тѣмъ не менѣе это дѣйствительно такъ. Германцы-же чувствуютъ разницу. Они знаютъ, почему они такъ привержены Гогенцоллернамъ и Габсбургамъ, въ то время, какъ русскіе должны были разстаться съ Романовыми. Вотъ въ чемъ кроется главная и послѣдняя причина, почему германскій народъ питаетъ это неограниченное довѣріе къ своему императорскому дому и почему въ германской имперіи никогда не было революціи и никогда дѣло не дойдетъ до этого.

Статья изъ № 149 нѣмецкой газеты „Русскій Вѣстникъ“,— заголовокъ которой приведенъ выше,— характерная беззастѣнчивыми похвалами по адресу Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ. Всякій, кто знакомъ мало-мальски съ исторіей Габсбургскаго двора за послѣднее столѣтіе, оцѣнитъ, какъ извращается истина нашими врагами, ведущими разрушительную пропаганду среди нашихъ военноплѣнныхъ и солдатъ на фронтѣ.

Редакція и администрація (Redaktion u. Administration) Wien I., Georg Cochplatz 3.

Издатель и редакторъ Herausgeber und Schriftleiter k. u. k. Hauptmann Hugo Nagele.

НЕДѢЛЯ

Условія подписки: На 1 мѣсяцъ . . К. 1.— (въ Германіи . . 80 пф.) на 3 мѣсяца . . К. 3.— (въ Германіи . . М. 2.40) Цѣна отд. № 20 гел. (15 пф.) Подписка на срокъ принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Деньги должны высылаться впередъ. Объявленія по соглашенію. Телефонъ: 11.000. Конто почт. сбер. кассы 155.814.

Bezugsbedingungen: Monatlich K 1.— (in Deutschland 80 Pf.), für 3 Monate K 3.— (in Deutschland M 2.40). Einzelnummer 20 Heller (15 Pf.).
Zu bestellen nur am 1. jeden Monats. Geldbeträge sind vorauszuschicken. Ankündigungen nach Übereinkommen. Postsparkassenkonto 155.814. Telephon 11.000.

№ 47 — 30 апрѣля (13 мая) 1917. Выходитъ по четвергамъ и воскресеньямъ. (Erscheint jeden Donnerstag und Sonntag.) № 47. — 13. Mai (30. April) 1917.

Заголовокъ газеты „Недѣля“, издаваемой въ Вѣнѣ австріискимъ генеральнымъ штабомъ на русскомъ языкѣ для нашихъ военноплѣнныхъ и нашихъ солдатъ на фронтѣ.

ѣзжая къ заводу, мы издали увидѣли большую группу солдатъ, показывающихъ въ нашу сторону. То солдаты, предупрежденные изъ штаба по телефону, вышли встрѣчать насъ. Обмѣнявшись привѣтствіями, мы прошли на устроенную среди площадки изъ досокъ сцену съ декораціей, изображающей малороссійскій хуторъ, гдѣ и открыли митингъ. Митингъ прошелъ очень гладко. Вопросовъ задавалось много, и наши отвѣты ихъ, повидимому, удовлетворяли. Послѣ митинга насъ качали и просили передать по пріѣздѣ товарищамъ-рабочимъ ихъ сердечный привѣтъ и искреннюю благодарность за то, что, посылая подарки, они послали своихъ представителей подѣлиться свѣдѣніями о тѣхъ настроеніяхъ и тѣхъ надеждахъ, которыя существуютъ въ Петроградѣ и которыя такъ волнуютъ ихъ, отрѣзанныхъ отъ родины тысячами верстъ. Накормивъ обѣдомъ, намъ подали линейку и санитарный фургонъ, и мы поѣхали въ штурмовыя роты, которыя находились на разстояніи болѣе десятка верстъ за рѣкою Серетъ.

Когда мы пріѣхали, уже наступили сумерки; не желая однако откладывать митинга, мы рѣшили, что можно устроить его и при свѣтѣ мѣсяца; да къ тому же, получивъ увѣдомленіе по телефону съ лѣсопильнаго завода о томъ, что мы выѣхали къ нимъ, нѣкоторыя воинскія части съ пѣніемъ и знаменами направлялись уже въ районъ штурмовыхъ ротъ.

На полянкѣ, окруженной деревьями, расположились кругомъ стола, который замѣнялъ собою трибуну, лежа и сидя, первые ряды и далѣе, плотною стѣною, нѣсколько сотъ человѣкъ гражданъ-солдатъ, со вниманіемъ слушавшихъ докладъ товарища Васильева, котораго даже мы, слышавшіе по нѣскольку разъ въ день, слушали съ большимъ интересомъ: — такъ вдохновенно говорилъ онъ.

Горячій ораторъ, простой чисто-русской образностью языка онъ увлекалъ толпу, и она порою невольно прерывала его взрывами одобренія.

Митингъ прошелъ блестяще. Командиръ штурмовыхъ ротъ крѣпко пожималъ руку, обходя делегатовъ, а солдаты, окруживъ насъ, каждаго въ отдѣльности, засыпали разными вопросами, которые болѣе всего ихъ волнуютъ. Кое-какъ освободившись съ помощью нѣкоторыхъ солдатъ, которые указали на позднее время своимъ товарищамъ, мы, поужинавъ консервами, предложенными офицерами, разбрелись по халупамъ и, пробесѣдовавъ до 3 часовъ ночи, заснули, какъ убитые.

Проснувшись въ 7 час. утра 17-го мая, послѣ угощенія насъ солдатами чаемъ и селедочкой съ лукомъ, мы, распростившись съ радушно встрѣтившими насъ хозяевами, рѣшили идти пѣшкомъ до батарей N—ской бригады. По пути мы видѣли, какъ въ нѣсколько минутъ былъ скрытъ отъ показавшихся аэроплановъ противника змѣйковый аэростатъ, и какъ русскія батареи стали посылать свой „привѣтъ“ братающемуся врагу.

При этомъ обстрѣлѣ произошелъ очень интересный эпизодъ. Въ нашемъ „отрядѣ“ изъ восьми делегатовъ находилось два большевика, и вотъ одинъ изъ нихъ, глядя на обстрѣлъ нашими „летучаго германца“, высказалъ пожеланіе, чтобы артиллерія подстрѣлила его. Слышавшій эти слова другой большевикъ, глядя на него, съ удивленіемъ сказалъ: „Какъ, вѣдь ты же противъ войны?“, на что тотъ отвѣтилъ: „Противъ-то противъ, но все-таки хорошо, если подстрѣлили бы“.

Такъ дѣйствительность:—встрѣча на фронтѣ съ врагомъ на передовыхъ позиціяхъ—заставила его измѣнить теоретическую позицію большевизма.

Когда мы дошли до первой деревушки, занятой нашими войсками, увидѣвшіе насъ солдаты, узнавъ въ насъ вчерашнихъ гостей-делегатовъ, устроившихъ митингъ въ штурмовыхъ ротахъ, на которомъ присутствовали и они, рѣшили насъ не пускать пѣшкомъ, а предложили запрячь лошадей, а подошедшіе офицеры предложили зайти закусить и выпить чаю. Поданныя лошади, запряженныя въ телѣгу, наполненную сѣномъ и покрытую румынскими цвѣтными коврами, уже ожидали насъ, и мы, провожаемые сердечными пожеланіями офицеровъ и солдатъ, быстро покатили по направленію къ круто спускающемуся склону холма, который ведетъ къ длинному желѣзнодорожному мосту черезъ рѣку Серетъ. Жара стояла невыносимая. За все время, отъ Яссъ, не было ни одного дождливаго дня.

Пріѣхавъ въ N дивизіи N—скій полкъ тяжелой батареи, мы, спустившись подъ мостъ высохшей рѣки, были встрѣчены солдатами, поджидавшими насъ, которые проводили насъ до мѣста стоянки, гдѣ, разложивъ для насъ ковры, предложили отдохнуть, чтобы въ это время созвать по телефону ближайшія части. Явившійся командный составъ батареи встрѣтилъ насъ очень радушно, просилъ насъ сняться группой, и мы, расположившись на холмѣ подъ деревомъ, были сфотографированы со всѣмъ составомъ батареи. Митингъ прошелъ очень хорошо, даже торжественно, такъ какъ выступали и солдаты и офицеры, которые не находили словъ благодарности по адресу рабочихъ Петрограда, не забывшихъ своихъ братьевъ въ окопахъ и приславшихъ своихъ представителей

НЕДѢЛЯ

...тѣшеніе на поѣздку также и отъ ан...йскаго консула. Русскій совѣтъ рабо...ихъ и солдатскихъ депутатовъ отправилъ англійскому правительству энергичный протестъ по поводу задержанія русскихъ соціалистовъ въ Галифаксѣ.

Отдача въ залогъ русскихъ областей Англіи?

По сообщеніямъ скандинавской печати, различныя русскія области должны быть отданы временнымъ правительствомъ въ залогъ Англіи за новый заемъ.

Англійскіе моряки въ Петроградѣ.

По сообщенію изъ Петрограда, газета «Правда» пишетъ, что совѣтъ рабочихъ и солдатъ потребовалъ немедленнаго удаленія англійскихъ моряковъ, занявшихъ по настоянію посла Бюкенена британское посольство и обнаружившихъ явно вызывающее поведеніе. Между англійскими моряками и рабочими въ послѣдніе дни дѣло доходило до столкновеній, во время которыхъ былъ убитъ одинъ русскій рабочій. Послѣ этого, толпа хотѣла разгромить зданіе посольства.

...ство англійскихъ морскихъ офице...ъ въ Кронштадтѣ.

Голодъ въ Англіи.

Гаага, 7-го мая. Для облегченія уже страшно поколебленнаго вслѣдствіе борьбы подводными лодками продовольствованія англійскаго населенія, въ палатѣ общинъ внесено на дняхъ предложеніе, на основаніи котораго всѣ три милліона, находящихся въ Англіи собакъ должны быть убиты съ цѣлью, доставить въ распоряженіе бѣднаго населенія по самымъ низкимъ цѣнамъ добытыя такимъ образомъ мясо и сало. Вслѣдствіе убоя собакъ сберегаются и большіе запасы пшеницы и ржи, которые донынѣ употребляли на изготовленіе сухарей для собакъ.

Моральная побѣда Германіи

Амстердамъ, 8-го мая. Для увеличенія запасовъ овса, лондонскій военный кабинетъ распорядился: прекратить устройство всякихъ бѣговъ и скачекъ. Лордъ Розебери выступалъ въ защиту типичнаго англійскаго спорта и заявилъ, что прекращеніе его явится несомнѣнно моральной побѣдой Германіи. Но такъ какъ всѣ попытки, получить необходимые запасы овса изъ Россіи или по крайней мѣрѣ изъ Южной Америки окончились неудачей, Англія съ тяжелымъ сердцемъ сочла себя вынужденной провести такое заслуживающее сожалѣнія ограниченіе, какимъ является отказъ отъ устройства бѣговъ и скачекъ.

...риготовленія М...

Отрывокъ съ нѣсколькими замѣтками изъ № 47 австрійской газеты „Недѣля“. Помѣщаемъ фотографическій снимокъ статей, представляющихъ лживыя свѣдѣнія о томъ, что творится въ Россіи. Характерна ссылка австрійской подметной газеты на газету „Правда“.

со словомъ привѣтствія, разъясненія и ободренія на пользу свободной, дорогой родины. „Шлите снаряды, — говорили они,—и мы расчистимъ дорогу пѣхотѣ, мы освободимъ нашу землю отъ непріятеля. Намъ не надо чужого, но свое вернемъ“.

Пообѣдавъ на батареѣ и побесѣдовавъ съ офицерами и солдатами, мы, сѣвъ въ поданную намъ повозку, отправились въ штабъ корпуса для устройства митинга на сахарномъ заводѣ, куда долженъ былъ прибыть изъ окоповъ В—скій пѣхотный полкъ.

Пріѣхавъ туда, мы спустились въ водоемъ къ трибунѣ и, усѣвшись на скамеечкѣ въ ожиданіи слушателей, принялись за веденіе дневниковъ, но не прошло и получаса, какъ водоемъ заполнился, и пришлось открыть митингъ.

Митингъ прошелъ хорошо и даже обратился въ своего рода торжество. Оркестръ игралъ марсельезу, гремѣло „ура“. Послѣ митинга солдаты и офицеры благодарили насъ за посѣщеніе, братски расцѣловались съ нами и просили, чтобы товарищи-рабочіе не забывали ихъ и отъ времени до времени посылали товарищей, хотя бы и не съ подарками, но подѣлиться тѣми новостями, которыя у насъ произошли въ тылу, и прислали бы имъ, хотя понемногу, для ротныхъ комитетовъ новѣйшихъ брошюрокъ, въ которыхъ такъ нуждаются тамъ въ окопахъ.

Почти среди митинга пришедшій офицеръ изъ штаба полка сообщилъ, что съ лѣсопильнаго завода просятъ по телефону делегатовъ пріѣхать выяснить недоразумѣніе, случившееся въ стоящемъ тамъ полку. Отрядили насъ троихъ, и мы въ коляскѣ командира быстро покатили по гладко укатанному шоссе, то и дѣло обгоняя воинскіе обозы и воинскія части, которые, при видѣ насъ, привѣтствовали,—одни, какъ уже знакомые съ нами по митингамъ, другіе, слышавшіе о присылкѣ рабочими своихъ делегатовъ; лица ихъ расцвѣтали улыбкой при нашемъ привѣтствіи.

Понтонеръ-румынъ. *А. Семеновъ.*

Пріѣхавъ на лѣсопильный заводъ, мы застали слѣдующую картину: на сценѣ, окруженный солдатами, стоялъ студентъ университета, съ которымъ мы встрѣчались въ штабѣ корпуса. Онъ показывалъ какую-то бумажку солдатамъ. Мы, пройдя на сцену, подошли къ студенту и спросили, въ чемъ дѣло. Онъ объяснилъ, что его оскорбили, сказавъ, что онъ переодѣлся студентомъ, а вовсе не студентъ, и хотятъ арестовать, а посему онъ проситъ провѣрить его документы и убѣдить солдатъ, что онъ дѣйствительно студентъ и посланъ отъ Временнаго Комитета Государственной Думы въ качествѣ оратора. Намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ взять на себя роль контролеровъ, иначе бы студенту пришлось плохо, такъ какъ задніе ряды солдатъ, собравшихся въ количествѣ почти двухъ тысячъ человѣкъ, были настроены къ нему крайне враждебно. Мы спросили его, что вызвало по отношенію къ нему такое недовольство, и онъ при насъ повторилъ то, что онъ говорилъ. Онъ прямо, съ мѣста въ карьеръ, началъ чуть ли не приказывать итти въ наступленіе, на что послышались недовольные вопросы: „а ты пойдешь?“; поднялся опять невообразимый шумъ: „буржуй“, „переодѣтый офицеръ“ — то и дѣло слышалось въ толпѣ. Мы попросили всѣхъ успокоиться и выслушать насъ. Выступившій рабочій отъ союза золото-серебренниковъ тов. Хорьковъ постепенно, начиная съ призыва къ организаціи, къ тѣсному сближенію съ офицерами, къ взаимной помощи другъ другу въ разъясненіи сложныхъ вопросовъ политическаго момента, подошелъ къ вопросу, что нужно сдѣлать для того, чтобы скорѣе окончить настоящую кровопролитнѣйшую войну, говорилъ и о наступленіи, если это понадобится по стратегическимъ соображеніямъ главнокомандующаго, но только не для завоеваній, а для того, чтобы заставить нѣмцевъ свергнуть Вильгельма, и тогда миръ не заставитъ себя долго ждать. Послѣ его рѣчи раздались возгласы одобренія, а присутствовавшій тутъ же командиръ полка расцѣловалъ тов. Хорькова. Въ это время подъѣхали остальные товарищи, кончившіе митингъ на сахарномъ заводѣ, которые также выступили и здѣсь; митингъ закончился подъ гулъ одобреній по адресу делегатовъ-рабочихъ, языкъ которыхъ оказался болѣе понятнымъ солдату—крестьянину въ шинели.

Послѣ ужина мы, усѣвшись въ двѣ линейки, поѣхали въ штабъ корпуса по дорогѣ, освѣщенной свѣтомъ мѣсяца, наблюдая взвивающіяся въ воздухѣ свѣтящіяся ракеты, которыя по временамъ поднимались въ разныхъ мѣстахъ. Ночь провели мы опять въ штабѣ корпуса.

18-го мая мы отправились въ дивизію въ П-ни, гдѣ насъ встрѣтили очень тепло и предупредили, что присланныя пополненія, состоящія изъ городовыхъ, стражниковъ и жандармовъ, ведутъ агитацію за прекращеніе войны и неподчиненіе командному составу.

Митингъ былъ устроенъ въ рощѣ. Послѣ выступленія нѣсколькихъ товарищей выступило двое бывшихъ стражниковъ, которые заявили, что, выслушавъ насъ, они, отъ лица всѣхъ находящихся въ полку полицейскихъ, заявляютъ, что они также будутъ защищать свободную Россію и постараются своею службою родинѣ смыть позорное пятно своей прежней службы въ полиціи. Послѣ митинга полковые врачи увели насъ къ себѣ обѣдать, а такъ какъ утомившійся и осипшій отъ 3—4 ежедневныхъ выступленій тов. Васильевъ рѣшилъ, по совѣту врачей, отложить отъѣздъ до другого дня, то мы,

Румынія. Г. Барладъ (площадь). Рис. нашего военнаго корресп. *А. Семенова.*

въ сопровожденіи офицеровъ, солдатъ и врачей, отправились гулять на рѣку Серетъ, гдѣ намъ офицеры показали взрывы ручныхъ бомбъ въ видѣ фонтановъ, высоко поднимавшихся въ воздухъ. Теченіе рѣки Серетъ настолько быстро, что плыть противъ него совершенно невозможно.

Побесѣдовавъ съ солдатами и посмотрѣвъ на ихъ веселье, мы, переночевавъ въ палаткѣ врачей, разбуженные стрѣльбой по аэропланамъ, наскоро напившись чаю, отправились для устройства митинга къ слѣдующему, значившемуся у насъ въ очереди, полку.

Нашъ военный корреспондентъ А. Н. Семеновъ за работой въ деревнѣ С. на румынскомъ фронтѣ, у передовыхъ окоповъ.

Пріѣхавъ туда, мы застали у церкви весь полкъ, который полнымъ составомъ собрался судить неправильныя, по ихъ мнѣнію, дѣйствія офицера. Выслушавъ нѣсколько выступившихъ обвинителей-солдатъ, мы напомнили имъ, что возвращаться къ временамъ самодержавнаго произвола не слѣдуетъ, что у нихъ происходитъ не судъ, а самосудъ, что никто безъ суда и слѣдствія арестованъ быть не можетъ въ свободной Россіи, что нужно назначить слѣдственную комиссію и передать дѣло на разсмотрѣніе Армейскаго Комитета. Общимъ собраніемъ постановлено было освободить изъ-подъ ареста офицера, назначивъ слѣдствіе.

Устроенный митингъ прошелъ хорошо, но наше вмѣшательство, конечно, оставило среди сторонниковъ насилія недовольство. Побесѣдовавъ съ солдатами, мы отправились въ штабъ корпуса, гдѣ были приглашены командиромъ корпуса, который, слышавъ объ устраиваемыхъ нами митингахъ, желалъ побесѣдовать съ нами. Отпустилъ онъ насъ съ пожеланіемъ, чтобы Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ посылалъ своихъ представителей въ армію, такъ какъ только тогда возможно сохранить отъ развала цѣлость и мощь арміи и ускорить приближеніе желаннаго мира.

Затѣмъ, получивъ отъ штаба автомобиль-грузовикъ, мы поѣхали въ 3—цкій полкъ, гдѣ вечеромъ устроили очень удачный митингъ, но уже раздѣлившись на два отряда, для болѣе продуктивной работы; послѣ митинга насъ помѣстили въ только-что устроенномъ шалашѣ, крытомъ палатками, гдѣ мы переночевали и проснулись отъ треска пулеметовъ по аэропланамъ.

Утромъ мы поѣхали въ штабъ N дивизіи, черезъ городъ Панчіу, который сильно пострадалъ отъ обстрѣла германской тяжелой артиллеріи, и это въ то время, когда врагъ въ передовыхъ линіяхъ предлагалъ братаніе нашимъ войскамъ. Въ штабѣ, встрѣтивъ своихъ товарищей, мы, распредѣливъ между отрядами полки и батареи, которые нужно еще посѣтить, разъѣхались въ разныя стороны.

Пріѣхавъ въ Круча-ди-Сусъ, мы отправились въ находящіяся поблизости войсковыя части и попали неожиданно на собраніе полкового комитета, гдѣ были встрѣчены, какъ почетные гости. Накормленные обѣдомъ, мы сдѣлали докладъ комитету и затѣмъ отправились на передовыя линіи для устройства митинга въ резервѣ назначенному итти въ окопы полку. Митингъ прошелъ хорошо, насъ качали и, навѣрно, и въ этотъ разъ раздававшіеся раскаты „ура“ заставили нѣмцевъ недоумѣвать, чему русскіе радуются, и что такое творится у нихъ. Послѣ митинга намъ задавали много вопросовъ и указывали, что въ арміи слабосильный элементъ является прямо-таки

Врачъ-румынъ. *А. Семеновъ.*

бременемъ и своей безполезностью и малодушіемъ только вноситъ смущеніе въ ряды войскъ и принуждаетъ кормить лишніе рты. Это они говорили о тѣхъ, которые были присланы самодержавнымъ правительствомъ безъ всякаго освидѣтельствованія, и просили обратить на это вниманіе Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Послѣ митинга насъ просили передать рабочимъ Петрограда благодарность за присланные подарки и просили по возможности присылать товарищей-рабочихъ и литературу. Говорили, что до сихъ поръ такихъ подарковъ они не получали, что имъ раньше, при самодержавномъ режимѣ, присылали, какъ дѣтямъ, 20-копеечныя гармоніи, а теперь присланы дорогія гармоніи, балалайки, бритвы, машинки для стрижки головы, перочинные ножи, ножницы, блокноты, записныя книжки съ карандашами, иголки и нитки, бѣлье въ комплектахъ и проч., кромѣ того много было, какъ указано въ началѣ этихъ замѣтокъ, привезено соціалистической литературы и по нѣскольку сотъ тысячъ разныхъ газетъ, освѣщающихъ главнѣйшія событія русской революціи.

Поданныя двѣ пары лошадокъ, запряженныхъ въ двѣ повозки, быстро миновавъ равнину и переѣхавъ мелкое озерко въ бродъ, начали обратно подниматься на высокую гору, съ которой открывался чудный видъ на долину, расположенную внизу, гдѣ длинный мостъ, устроенный черезъ высохшую весною и лѣтомъ рѣку, казался какой-то мелкой изгородью. По краямъ дороги тянулись изгородью безконечные кусты цвѣтущаго шиповника и айвы, прерываемые порою виноградниками на разстояніи одной-двухъ верстъ. Красивые румынскіе домики то и дѣло выдѣлялись на темномъ фонѣ зелени, но большею частью видны были результаты войны, слѣды разрушенія. Пріѣхавъ обратно къ мѣсту отправленія, мы, побесѣдовавъ съ солдатами и представителями полкового комитета, получили приглашеніе пожаловать на батарейный праздникъ въ день Св. Троицы въ 11 часовъ дня.

Всего было нашимъ отрядомъ устроено до 20 митинговъ въ разныхъ войсковыхъ частяхъ, при чемъ во многихъ случаяхъ ближайшія части были соединены, и выступленіе наше облегчалось меньшею затратою времени и передвиженія.

Сдѣлано также нѣсколько митинговъ тыловымъ частямъ, какъ, напримѣръ, штабнымъ, обознымъ и другимъ. Отряды посѣтили лазареты, тифозный баракъ и побывали всюду, куда только просили насъ прибыть, такъ какъ всѣмъ частямъ войскъ корпуса было извѣстно о нахожденіи здѣсь делегаціи отъ рабочихъ Петрограда.

21-го мая, посѣтивъ батарейный праздникъ, мы отправились въ передовыя линіи, въ окопы.

Пріѣхавъ къ мѣсту, откуда нужно пробираться уже пѣшкомъ, мы, побесѣдовавъ съ командиромъ стоящаго въ окопахъ полка, сопровождаемые личнымъ адъютантомъ командира, стали взбираться на довольно крутую гору, чтобы не терять времени на обходъ дорогами. Поднявшись на гору, мы, скрытые отъ наблюденія нѣмцевъ придорожными кустарниками, начали быстро приближаться къ цѣли нашего путешествія. Пройдя нѣсколько линій окоповъ ходами сообщеній, мы, мѣстами перескакивая мелкіе окопы, достигли окоповъ передовой линіи, гдѣ на раз-

стоянiи $1^1/_2$—1 версты находились окопы противника, видимые даже невооруженнымъ глазомъ. Осмотрѣвъ землянки солдатъ, украшенныя, ради праздника, зеленью и кустами бѣлой акацiи, мы прошли по окопамъ первой линiи, осматривая укрѣпленiя окопа, лисьи норы и тѣ орудiя обороны, которымъ надлежитъ быть въ окопахъ первой линiи.

Переходя изъ окопа въ окопъ по искусно сдѣланной въ грунтѣ лѣстницѣ, сопровождающiе насъ предупредили, чтобы мы сняли шляпы и фуражки, представляющiя хорошую цѣль для нѣмецкаго стрѣлка, такъ какъ наша голова возвышается въ этомъ мѣстѣ надъ окопомъ. Но въ этотъ день перестрѣлки не было, и мы стали изъ передовыхъ линiй пробираться въ окопы второй линiи, но пришедшiй телефонистъ сообщилъ, что изъ штаба корпуса прислана телефонограмма, приглашающая насъ явиться, такъ какъ поѣздъ въ Яссы идетъ въ три часа ночи. Жалѣя, что не пришлось намъ обойти всѣ окопы, но утѣшенные тѣмъ, что солдаты этого полка были наканунѣ на нашемъ митингѣ, видѣли и слышали насъ, мы направились въ обратный путь.

Поздно вечеромъ мы выѣхали въ Маришести, гдѣ встрѣтились съ товарищами и, собравъ свои вещи, въ три часа ночи двинулись въ обратный путь.

Въ заключенiе долженъ добавить, что пять вагоновъ съ подарками, отправленныхъ на румынскiй фронтъ, на сумму 253 тысячи руб., что составитъ стоимость каждаго вагона въ 50 съ лишкомъ тысячъ, доставлены на мѣста въ полномъ порядкѣ и распредѣлялись Армейскими Комитетами. Теперь въ типографiи Т-ва А. Ф. Марксъ получается масса писемъ съ фронта отъ братьевъ-солдатъ, благодарящихъ рабочихъ Петрограда за подарки и въ особенности за книги.

Очень было бы желательно, если бы рабочiе и граждане Петрограда и другихъ городовъ откликнулись на просьбу армейскихъ, полковыхъ, дивизiонныхъ и ротныхъ комитетовъ присылать имъ хотя по одному экземпляру новѣйшей литературы. Въ ней нуждается не только солдатъ, но и офицеръ, и каждый, пославъ брошюру въ окопы, даетъ возможность офицерамъ, посредствомъ чтенiя солдатамъ брошюръ и разъясненiя имъ ихъ, тѣснѣе сблизиться между собою; въ средѣ офицеровъ есть желанiе помочь меньшому своему брату чтенiемъ и бесѣдами, но нѣтъ ни книгъ ни брошюръ.

Солдатъ не такъ охотно беретъ газету, какъ хотя бы тоненькую брошюру и, получивъ ее, радуется, какъ ребенокъ. Сильна въ русскомъ человѣкѣ жажда знанiя. Помогите же, граждане, книгой, она имъ въ настоящее время дороже хлѣба! Организуйте сборъ книгъ и денегъ на книги и высылайте книги въ армейскiе комитеты дѣйствующей армiи для распредѣленiя по полковымъ библiотекамъ.

Военный и морской министръ А. Ф. Керенскiй на смотру Царскосельскому гарнизону 6-го iюня с. г.
По фот. Васильева.

Политическое обозрѣнiе.

Пересмотръ договоровъ.

Французскiй министръ снабженiй Альберъ Тома 31-го мая, наканунѣ своего отъѣзда изъ Петрограда, посѣтилъ Временное Правительство. Министръ иностранныхъ дѣлъ М. И. Терещенко вручилъ ему при этомъ ноту относительно пересмотра соглашенiй, касающихся конечныхъ задачъ войны. Временное Правительство предлагаетъ созвать для этой цѣли конференцiю представителей союзныхъ державъ. Обсужденiю конференцiи не должно подлежать лишь соглашенiе, подписанное въ Лондонѣ 5-го сентября новаго стиля 1914 г. и исключающее возможность заключенiя одной изъ союзныхъ державъ сепаратнаго мира.

Вопросъ о пересмотрѣ договоровъ, связывающихъ Россiю съ прочими союзными державами, имѣетъ довольно длинную исторiю. Требованiе такого пересмотра было предъявлено Временному Правительству лѣвыми партiями вскорѣ же послѣ его образованiя. Крайнiя соцiалистическiя группы, большевики и меньшевики-интернацiоналисты шли, собственно говоря, еще дальше. Они добивались немедленнаго опубликованiя всѣхъ существующихъ договоровъ, которое, очевидно, было бы равносильно ихъ расторженiю. Болѣе умѣренные соцiалисты, руководящiе дѣятельностью петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, были благоразумнѣе. Хорошо понимая, какими неисчислимыми бѣдствiями угрожалъ бы Россiи разрывъ съ Англiей и Францiей, они звали Временное Правительство на тотъ путь, на который оно и вступило 31-го мая. Они разсуждали слѣдующимъ образомъ. Русское правительство, подъ давленiемъ „революцiонной демократiи", отказалось отъ захватныхъ цѣлей. Пусть теперь союзныя правительства сдѣлаютъ то же самое. Когда это будетъ сдѣлано, Германiя будетъ приперта къ стѣнѣ. Либо она тоже откажется отъ всякихъ захватовъ, и тогда сразу создастся почва для скораго заключенiя общаго мира, либо она будетъ упорствовать въ своемъ „имперiализмѣ", и тогда противъ нея грозно возстанетъ вся международная демократiя. Временное Правительство перваго состава не усвоило этой точки зрѣнiя „революцiонной демократiи". Поэтому противъ него и, въ частности, противъ министра иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милюкова было организовано „народное движенiе" на улицахъ столицы, приведшее къ извѣстнымъ событiямъ 20—21-го апрѣля. Новое коалицiонное Правительство подчинилось волѣ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Открыто поставивъ своею цѣлью „скорѣйшее заключенiе всеобщаго мира", оно обѣщало предпринять совмѣстно съ союзниками „подготовительные шаги" къ пересмотру существующихъ договоровъ.

Группа державъ, борющихся съ Германiей, создалась не сразу, а постепенно. Въ процессѣ ея возникновенiя и развитiя между ея участниками неоднократно заключались соглашенiя, опредѣляющiя ихъ взаимоотношенiя, ихъ права и обязанности. Такимъ образомъ сама по себѣ идея пересмотра этихъ соглашенiй не представляетъ ничего трагическаго. Все дѣло въ томъ, тактично ли и цѣлесообразно ли возбужденiе вопроса о пересмотрѣ именно въ настоящiй моментъ и именно со стороны Россiи. По самому существу вещей задачи мiровой войны могутъ быть раздѣлены на двѣ категорiи. Къ первой относятся задачи, такъ сказать, общечеловѣческаго характера. Задачи второй категорiи имѣютъ характеръ эгоистическо-нацiональный. Державы анти-германской коалицiи думаютъ, что въ результатѣ побѣды союзнаго оружiя будетъ установленъ прочный миръ и положено начало новой организацiи международнаго общенiя. Постольку онѣ считаютъ, что, борясь съ Германiей, онѣ борются за высшiе идеалы человѣчества. Но въ то же время каждая изъ державъ согласiя ожидаетъ отъ побѣдоноснаго исхода войны удовлетворенiя своихъ

„личныхъ" насущныхъ интересовъ. Такъ Франція добивается возвращенія отторгнутыхъ у нея въ 1871 году провинцій. Италія и Румынія стремятся къ завершенію своего національнаго единства. Россія желаетъ обезпечить себѣ — въ той или иной формѣ — свободу торговыхъ сношеній черезъ проливы. Совершенно естественно, что союзныя соглашенія ставятъ удовлетвореніе національныхъ задачъ отдѣльныхъ державъ Согласія въ зависимость отъ степени ихъ участія въ общемъ дѣлѣ борьбы съ общимъ врагомъ. Въ частности, если Англія и Франція согласились признать право Россіи на пріобрѣтеніе Константинополя и проливовъ, то этимъ онѣ наглядно доказали, какъ высоко онѣ цѣнили наше военное и политическое сотрудничество. Признаніе это было закрѣплено особымъ договоромъ, заключеніе котораго справедливо разсматривалось какъ крупный успѣхъ русской дипломатіи. Поднимая вопросъ о пересмотрѣ союзныхъ соглашеній, наше Временное Правительство само ставило на первую очередь пересмотръ именно этого договора и слѣдовательно роковымъ образомъ натравляло остріе всей „ревизіонной" кампаніи противъ жизненныхъ интересовъ Россіи.

Теперь уже ни для кого не секретъ, что весною этого года союзники намѣревались дружнымъ согласованнымъ наступленіемъ на всѣхъ фронтахъ нанести послѣдній ударъ государствамъ центральной Европы. Были разработаны планы, распредѣлены роли и намѣчены сроки. Въ соотвѣтствіи съ общей схемой наступленія, была установлена и роль Россіи, которая была поэтому снабжена въ изобиліи орудіями и снарядами. Февральская революція спутала расчеты союзныхъ штабовъ. Однако наступленіе было не отмѣнено, а только отложено. Предполагалось, что послѣ спада первой революціонной волны русская армія окажется не только не ослабленной, но даже усиленной, и что планъ послѣдней рѣшительной кампаніи будетъ выполненъ хотя и съ нѣкоторымъ опозданіемъ. Къ несчастью, эти предположенія не оправдались, безотвѣтственная агитація нашихъ „интернаціоналистовъ" совершенно дезорганизовала русскую армію и разрушила единство союзнаго фронта. Фактически Россія „вышла изъ войны". Благодаря водворившемуся на русскомъ фронтѣ затишью, германцы всей своей силой надавили на англо-французскія войска и вскорѣ остановили ихъ побѣдоносное наступленіе. Но наши союзники не впали отъ этого въ отчаяніе. Какъ разъ къ моменту утраты русской арміей ея боеспособности обнаружилось, что для Россіи найдется замѣститель. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты заявили о своемъ рѣшеніи сформировать армію численностью въ десять милліоновъ человѣкъ и открыть союзникамъ въ цѣляхъ успѣшнаго доведенія войны до конца неограниченный денежный кредитъ. Союзники поспѣшили вступить въ самое тѣсное общеніе съ великой заокеанской республикой. Флотъ Соединенныхъ Штатовъ уже прибылъ въ европейскія воды. Особая военная миссія во главѣ съ знаменитымъ маршаломъ Жоффромъ работаетъ надъ созданіемъ и обученіемъ американскихъ полковъ. Американскіе заводы усиленно строятъ для Англіи и Франціи аэропланы. Налаживается регулярное снабженіе союзниковъ американскимъ зерномъ. Словомъ, отчетливо вырисовываются очертанія новой анти-германской коалиціи, и открываются перспективы дальнѣйшаго веденія войны союзниками безъ насъ, а если угодно, и противъ насъ. До революціи Германію плотно охватывало кольцо державъ Согласія. Теперь это кольцо разорвано. Но вмѣсто него выковывается другое еще болѣе обширное и могучее кольцо. Только Россія уже не получаетъ мѣста на ободѣ кольца, въ качествѣ составной его части. Она постепенно перемѣщается внутрь кольца, которое угрожаетъ задавить ее вмѣстѣ съ Германіей.

Военный и морской министръ, въ сопровожденіи главнокомандующаго войсками Петроградскаго округа генералъ-маіора Половцева, производитъ смотръ Царскосельскому гарнизону 6-го іюня с. г. По фот. Гана и К° въ Царскомъ Селѣ.

Несмотря на все это, мы упорствуемъ въ своемъ требованіи пересмотра договоровъ. Раздираемая внутреннею смутой, обезсиленная въ военномъ отношеніи, Россія все-таки претендуетъ на то, чтобы ея союзники, сохранившіе всю свою боевую мощь и весь свой моральный закалъ, „равнялись" по ея политикѣ. Предварительные отвѣты, полученные нами отъ Англіи и Франціи, ясно показываютъ, во что при данныхъ условіяхъ превратится союзная конференція для пересмотра договоровъ. Союзники охотно соглашаются на пересмотръ, но полностью и категорически удерживаютъ свои національныя требованія. Пересмотръ договоровъ оказывается поэтому возможнымъ только за счетъ и въ ущербъ интересамъ и достоинству Россіи.

Проф. К. Соколовъ

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Использованіе противникомъ временнаго бездѣйствія русской арміи.

Послѣднія маневренныя мѣропріятія фельдмаршала Гинденбурга, а также настроеніе нашего противника, о которомъ такъ много теперь вообще упоминается, продолжаютъ служить предметомъ общаго наблюденія. Вскорѣ послѣ мартовской нашей неудачи на берегахъ Стохода военныя дѣйствія на главномъ русскомъ фронтѣ фактически прекратились, при чемъ нѣмецкіе резервы и многія дивизіи, находившіяся на русскихъ и румынскихъ позиціяхъ въ боевой линіи, стали широкимъ потокомъ переливаться на западно-европейскій театръ войны. Получалось впечатлѣніе, что, пользуясь деморализаціей и полнымъ ослабленіемъ русской арміи, противникъ намѣревается въ короткій срокъ нанести нашимъ союзникамъ цѣлый рядъ тяжелыхъ и смѣлыхъ ударовъ. Въ этомъ онъ видѣлъ одну изъ крупныхъ очередныхъ своихъ задачъ въ кампаніи настоящаго года.

Однако практика весеннихъ боевыхъ столкновеній съ достаточной наглядностью показала, что широкой активности на франко-бельгійскомъ фронтѣ германскій генеральный штабъ до настоящаго времени проявить не сумѣлъ и ограничился пока лишь удержаніемъ на широкомъ фронтѣ натиска нашихъ союзниковъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, какъ, вмѣсто оглушительныхъ

ударовъ въ сѣверной Франціи, германскія арміи, стянувшія всю массу своихъ резервовъ между Ля-Маншемъ и рѣкою Энъ, замерли въ нерѣшительности. Скрывается ли за этой временной бездѣятельностью какой-либо широкій наступательный планъ фельдмаршала Гинденбурга, или мы наблюдаемъ просто обыкновенное истощеніе германской арміи, утверждать опредѣленно мы пока еще не имѣемъ достаточныхъ данныхъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя свѣдѣнія, получаемыя изъ различныхъ источниковъ, позволяютъ въ извѣстной степени вынести впечатлѣніе, что истинное настроеніе германскихъ войскъ не такъ ужъ очень высоко, какъ можно было бы вообще думать въ связи съ той пассивностью и бездѣйствіемъ нашихъ войскъ, которыя раскрылись на боевомъ фронтѣ. Если глубже приглядѣться къ причинамъ бездѣятельности фельдмаршала Гинденбурга, можно прійти къ убѣжденію, что она имѣетъ довольно глубокіе корни въ томъ внутреннемъ настроеніи германскихъ войскъ, которое лишь начинаетъ съ нѣкоторой точностью обнаруживаться за эти послѣднія нѣсколько недѣль.

Плѣнные и перебѣжчики, захватываемые въ послѣдніе дни на болѣе важныхъ участкахъ германскихъ позицій нашего фронта, взятые при этомъ въ различное время и на различныхъ точкахъ, единогласно указываютъ на всеобщее утомленіе войной и на отсутствіе необходимѣйшихъ предметовъ продовольствія. Послѣднее граничитъ нерѣдко съ явнымъ голодомъ въ нѣмецкихъ окопахъ. Существенную поддержку противнику, по заявленію тѣхъ же плѣнныхъ и перебѣжчиковъ, въ смыслѣ снабженія ихъ продовольствіемъ, оказываютъ наши солдаты, охотно уступающіе свой хлѣбъ въ обмѣнъ на сигары и табакъ. Легко себѣ представить, какъ чувствительно въ смыслѣ того же голода настроены тѣ же германскіе солдаты на англо-франко-бельгійскомъ фронтѣ, гдѣ они, при наличіи той же бѣдности продовольственныхъ запасовъ, не получаютъ такого широкаго вспомоществованія со стороны нашихъ союзниковъ, какъ это дѣлается у насъ. Голодовка въ германскихъ войскахъ, собранныхъ во Франціи и на бельгійской территоріи въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ на русско-румынскомъ фронтѣ, должна будетъ скоро чувствоваться еще въ болѣе значительной степени, чѣмъ въ Россіи. Заключеніе это тѣмъ болѣе справедливо, что западно-европейскія арміи противника, въ силу особыхъ условій борьбы на узкомъ фронтѣ, расположены значительно глубже, чѣмъ въ Россіи, и потому лишены возможности пользоваться ближайшими къ фронту площадями для обработки и посѣва хлѣбовъ. Весь запасъ продовольствія, которое требуется во Франціи и Бельгіи для германскихъ армій въ очень серьезныхъ размѣрахъ, получается преимущественно подвозомъ изъ Германіи, что, въ свою очередь, лишаетъ арміи Гинденбурга большой подвижности и способности быстраго маневрированія на фронтѣ нашихъ союзниковъ.

Какъ на одинъ изъ яркихъ примѣровъ умѣлаго использованія противникомъ затишья на русскомъ фронтѣ, совпавшаго къ тому же съ разгаромъ лѣтнихъ полевыхъ работъ, надо указать на то, что нѣмцы снимаютъ сейчасъ съ нашихъ позицій войска не только для увоза на западный французскій фронтъ, но и для производства полевыхъ работъ въ тылу.

Въ послѣднемъ, надо полагать, и кроется въ значительной степени разгадка той пассивности германской арміи, которая наблюдается сейчасъ не только на нашемъ фронтѣ, но также и на Западѣ, во Франціи и на бельгійской территоріи.

„Голодъ—врагъ патріотизма",—говорятъ за послѣднее время германскіе солдаты.

Что же касается общей характеристики боевыхъ дѣйствій на обоихъ русскихъ фронтахъ въ Европѣ и въ Азіи, то здѣсь довольно рѣзко бросается въ глаза слѣдующее обстоятельство.

Тамъ, гдѣ со стороны противника не предпринимается серьезныхъ нажимовъ противъ нашихъ позицій, положеніе продолжаетъ оставаться неизмѣннымъ, при чемъ наблюдается это преимущественно на русско-румынскомъ фронтѣ между Балтійскимъ и Черным морями, гдѣ противникъ преслѣдуетъ своей пассивностью опредѣленную программу.

Нельзя однако того же сказать про нашъ боевой фронтъ на кавказско-персидскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, гдѣ курдо-турецкія войска не преслѣдуютъ аналогичныхъ съ германцами цѣлей. Рядъ послѣднихъ сообщеній штаба Верховнаго Главнокомандующаго обрисовываетъ довольно тяжелое положеніе нашихъ войскъ, оперирующихъ на крайнихъ двухъ южныхъ операціонныхъ направленіяхъ въ Персіи. Какъ указывалось нами раньше, довольно многочисленныя, доходящія до 10—12 тысячъ, а иногда и больше, шайки конныхъ курдовъ, вооруженныхъ турецкими винтовками, нападаютъ въ глубокомъ тылу на пути сообщеній нашихъ колоннъ.

Особенно глубокимъ клиномъ врѣзались вновь природные непріятельскіе партизаны за послѣдніе дни на 200 верстъ къ востоку отъ Месопотамо-Персидской границы, въ направленіи Керманшаха, Хамадана и Биджара. Фактически фронтъ расположенія нашихъ войскъ въ Персіи, расположенный на протяженіи около 400 верстъ между Урмійскимъ озеромъ и Хамадано-Багдадскимъ направленіемъ, является сейчасъ разобщеннымъ, и ликвидировать это явленіе, въ силу той же пассивности нашей арміи, видимо, пока еще не удалось.

Такимъ образомъ тамъ, гдѣ противникъ проявляетъ энергію даже только однѣми конными не вполнѣ стройными частями, наше сопротивленіе не оказывается на высотѣ своего прежняго положенія и служитъ причиной задержки развитія общаго успѣха англичанъ въ Месопотаміи.

По слухамъ, въ раіонѣ дѣйствій нашего персидскаго экспедиціоннаго корпуса намѣчены серьезныя перемѣны въ высшемъ командномъ составѣ, на ряду съ которыми поговариваютъ о скоромъ возвращеніи обратно къ своей прежней дѣятельности извѣстнаго кавказскаго полководца генерала Н. Н. Баратова. Надо полагать, что богатѣйшій опытъ и знаніе мѣстнаго театра военныхъ дѣйствій позволятъ названному генералу изыскать способы для того, чтобы въ кратчайшій срокъ изгнать изъ дикихъ трущобъ Курдистана проникшія въ различныхъ направленіяхъ многочисленныя курдскія шайки.

Наши войска, дѣйствующія на Кавказѣ, всегда легко справлялись до сихъ поръ съ этимъ противникомъ. Зная колоссальную впечатлительность послѣдняго при малѣйшемъ проявленіи съ нашей стороны нѣкоторой настойчивости, можно добиться этого легко. Рѣшительность генерала Баратова, помимо того, что она поможетъ изгнать изъ Персіи курдовъ, избавитъ насъ отъ неминуемаго столкновенія въ ближайшее время съ вопросомъ возстанія всѣхъ приграничныхъ курдовъ, расположенныхъ уже даже на самой Персидской территоріи.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „**Ниву**" сего 1917 г., къ 1 іюня слѣдуетъ внести **не менѣе 10 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 8-го іюля — **съ 27-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **50 коп.** и **печатный адресъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается соч. Сервантеса „Донъ-Кихотъ" книга 5.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.

Выпускаемый на основаніи Постановленія Временнаго Правительства отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ Банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по 5¾% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.

ФИРМА
ОСНОВАНА въ 1903,
удостоена ВЫСШИХЪ наградъ
на выставкахъ
въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ,
Флоренціи и проч.
Maison
Fondée en 1903
4 grands prix
Paris, Londre, Bruxelles, Florence

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СѢМЕННЫХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невральгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, діабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, луэсѣ, послѣ родовъ, операцій, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ сѣменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается безплатно.

Обширная литература по требованію безплатно.

Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ **4 руб.** пересылка—40 к., пересылка свыше 2-хъ флакон.—безплатно. 2%-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. ✱ Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 8. Телегр. адр.: **Москва, Калефлюидъ.**

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленнымъ сперминомъ.

БУДУЩЕЕ

каждаго человѣка мгновенно и безошибочно раскрываютъ магическія карты. Полная колода съ наставленіемъ 1 р. 50 к. Москва, ред. журн. „Соколъ“, Печатниковъ пер., 18/2.

АВТОМОБИЛИСТОВЪ ПРИГЛАШАЮТЪ ПОТРЕБОВАТЬ НАШЪ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЪ 60 СТРАН. СЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ ТИПОВЪ ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНЫХЪ АНГЛІЙСКИХЪ АВТОМОБИЛЕЙ ВОКСХОЛЪ И ВИДОВЪ — КАКЪ ИХЪ СТРОЯТЪ.

ВОКСХОЛЪ

Петроградъ. Невскій, 21.

Толкователь вѣщихъ сновъ.

Большой томъ въ красивой многокрасочной обложкѣ. Цѣна 3 р. 75 к., высыл. налож. плат. Адр.: Москва, изд-ство „СОКОЛЪ“, отд. 2.

БУХГАЛТЕРІЯ И КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

заочные курсы по самой обширной программѣ:

СЧЕТОВОДСТВО (Двойная Итальянск. Бухгалтерія—общій курсъ и спеціальныя отрасли) Коммерч. Ариѳметика, Коммерч. Географія, Торг. Право, Коммерч. Корреспонденція, Товаровѣдѣніе.

СТЕНОГРАФІЯ по новѣйш. звуковому методу. Гарантія успѣха. Цѣнныя безплатныя прилож. Аттестатъ. Разсрочка платы. Проспекты—безплатно.

4574 **ПЕТРОГРАДЪ, Редакція „КОММЕРЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДІИ“—6.** 6-4

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду

4480

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья
ПЕТРОГРАДЪ

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.

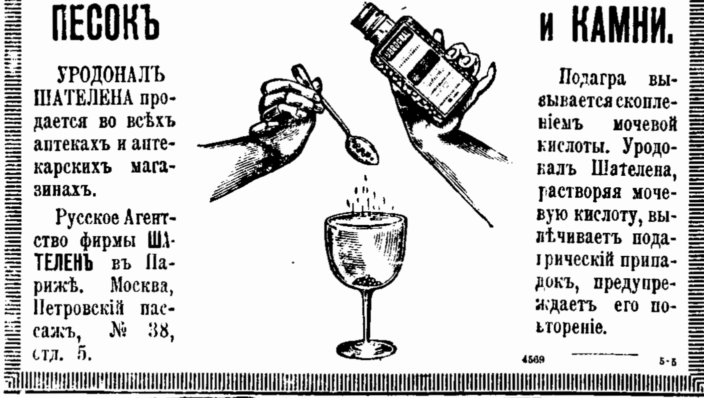
РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА.

АРТЕРІОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.

ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Русское Агентство фирмы ШАТЕЛЕНЪ въ Парижѣ. Москва, Петровскій пассажъ, № 38, отд. 5.



Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ, предупреждаетъ его повтореніе.

4569 5-5

Фотографическое Акціонерное Общество

І. СТЕФФЕНЪ и К°.

1882 S

Фирма существуетъ съ 1882 года.

Петроградъ, Казанская, 5. Москва, Столешниковъ, 6.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЕ СКЛАДЫ:

ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ АППАРАТОВЪ

И ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіеніе и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, прежде всего безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

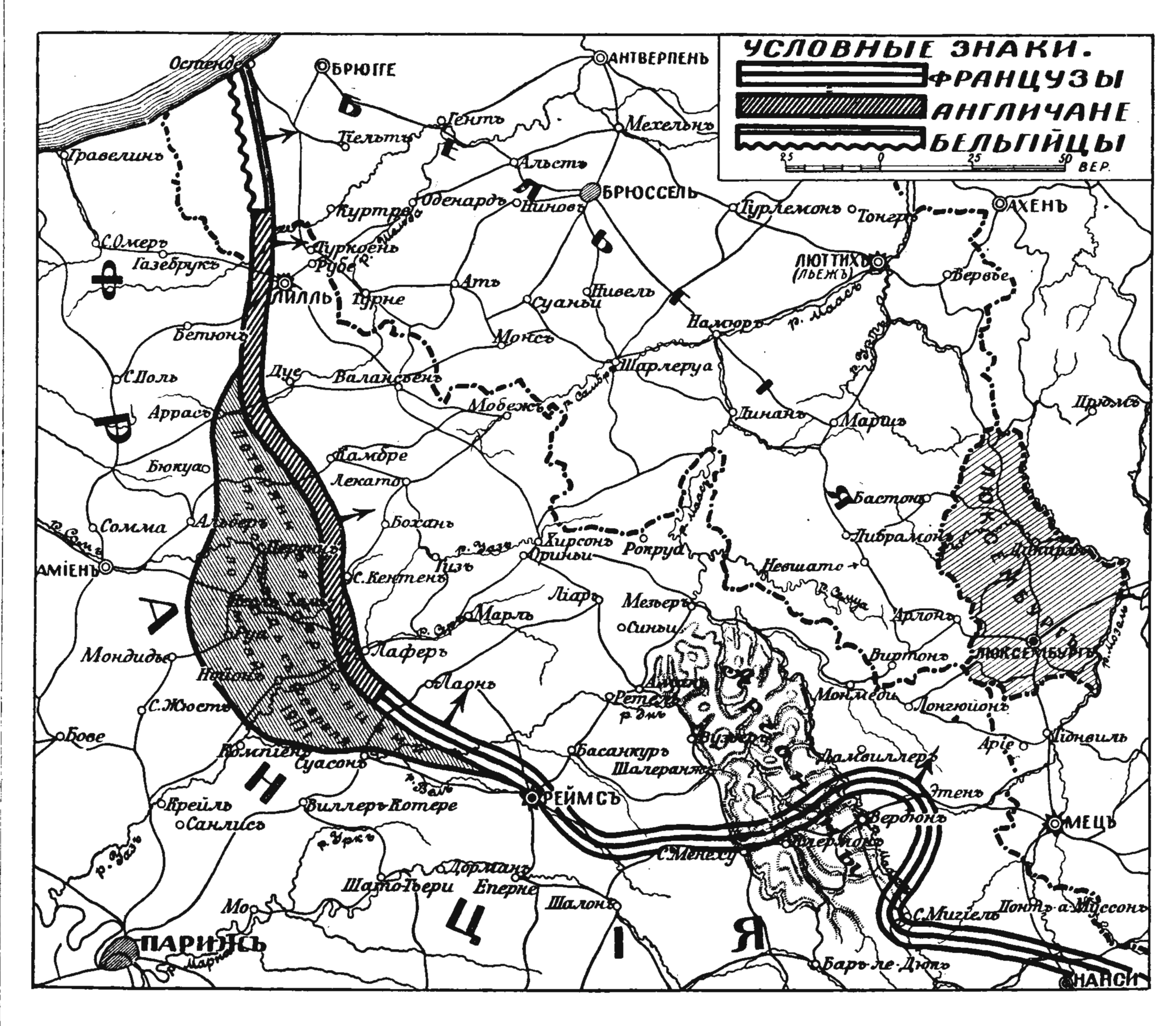
Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

4481 13-7

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья
ПЕТРОГРАДЪ.



Карта раіона весенняго наступленія нашихъ союзниковъ съ обозначеніемъ территоріи, отбитой ими отъ непріятеля въ весеннюю кампанію.

Библіографія.

(Книги, поступившія въ редакцію для отзыва).

Пьеръ Лоти. „Исландскій рыбакъ“. Романъ. Редакція и критико-біографическій очеркъ П. Когана. Петроградъ. Изд. Акц. О-ва изд. и печатн. дѣла „Просвѣщеніе“. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Произведенія Пьера Лоти хорошо знакомы русской читающей публикѣ,—писатель имѣетъ у насъ своихъ поклонниковъ. Экзотичность сюжетовъ, богатство наблюденій и живость темперамента самого автора придаютъ этимъ произведеніямъ особенную занимательность.

„Исландскій рыбакъ“—одно изъ лучшихъ произведеній Пьера Лоти. Знакомство съ бытомъ и психологіей рыбаковъ даетъ писателю много тонкихъ художественныхъ штриховъ въ обрисовкѣ положеній и характеровъ. Правда, на всемъ этомъ лежитъ налетъ романтизма, но онъ такъ непосредственен, что придаетъ всему лишь особую прелесть, свойственную вообще романтизму. Дочь рыбака Годъ, ея женихъ, а потомъ мужъ, силачъ и гордость семьи—Яннъ, бабушка Ивонна не могутъ быть мыслимы внѣ среды, изъ которой они взяты авторомъ. Гибель Сильвестра,—внука бабушки Ивонны, у которой поселилась обѣднѣвшая Годъ, оторваннаго отъ всего родного, въ чужомъ краю при закатѣ заходящаго солнца, — одна изъ прекрасныхъ художественныхъ сценъ повѣсти. А встрѣчи Янна и Годъ, борьба Янна за свою мужскую независимость,—все это полно романтизма, но не теоретическаго, а жизненнаго. Гибель Янна, чистаго моряка, сначала въ шутку, а потомъ и на самомъ дѣлѣ повѣнчавшагося съ моремъ, кажется такой естественной и неизбѣжной, и такъ тонко умѣетъ подготовить къ этому читателя Пьеръ Лоти, что трагизмъ сюжета пріобрѣтаетъ ласкающіе тона и не нарушаетъ общей гармоніи прекраснаго. Даже суровая природа Исландіи подъ его перомъ пріобрѣтаетъ какія-то чары надъ сердцемъ читателя; онъ умѣетъ заставить прислушаться и къ шуму моря въ бурю, залюбоваться и бѣднымъ верескомъ—однимъ изъ обычныхъ цвѣтовъ скудной природы.

Г. Д. Ж. Уэллсъ. „Жена сэра Айзекса Хармана“. Романъ. Изд. „Сѣверные дни“. Москва. Цѣна 2 рубля.

Романъ Уэллса носитъ типичныя англійскія черты; онъ нѣсколько растянутъ, но отъ начала до конца сохраняетъ строгую цѣльность. Нигдѣ авторъ не уклоняется въ сторону отъ сюжета, ни на минуту не забываетъ о главныхъ чертахъ, которыя неизмѣнно на всемъ протяженіи романа занимаютъ первое мѣсто.

Прелестенъ въ романѣ образъ лэди Харманъ. Болѣе женственнаго облика, обрисованнаго съ такою чуткостью и нѣжностью, современная литература не знаетъ. Въ ней чувствуется что-то родственное нашей Лизѣ Калитиной,—только это Лиза въ замужествѣ. Такая же цѣломудренность женщины, какъ и въ Лизѣ-дѣвушкѣ, такая же кристальность и ясность правдивой души, искренность порывовъ. Но лэди Харманъ англичанка и живетъ въ другихъ соціальныхъ условіяхъ, отсюда и особенность ея индивидуальнаго облика. Она живетъ въ странѣ, гдѣ борьба

женщины за право и независимость захватываетъ широкіе слои общества, ея сестра—суффражистка. Лэди Харманъ по натурѣ своей не можетъ примкнуть къ тому, что носитъ хотя бы малѣйшій отпечатокъ насилія, но ее захватываетъ стихійная волна, какъ только пытается она выйти изъ-подъ докучливой опеки мужа.

То, что авторъ сумѣлъ удержать героиню внѣ суффражизма, сохранивъ всю индивидуальность и активность ея натуры, указываетъ на глубокій художественный тактъ, которымъ, конечно, и долженъ обладать всегда такой писатель, какъ Уэллсъ. Лэди Харманъ, оставаясь независимой и свободной послѣ смерти мужа, сохраняетъ обаятельную женственность, несмотря на случайную выходку свою въ суффражистскомъ вкусѣ.

Живымъ и талантливымъ лицомъ является въ романѣ и сэръ Айзексъ Харманъ, этотъ ловкій дѣлецъ внѣ дома и деспотъ въ семейномъ кругу. Замѣчательно тонко выдержаны и всѣ подробности обстановки и семейнаго быта героевъ: каждая деталь въ ней дополняетъ обрисовку характера героевъ и ихъ настроенія; такая полнота и цѣльность художественныхъ штриховъ можетъ быть только у настоящаго художника, писателя „Божьей милостью". Такъ многое неясное въ характерѣ мистера Брумлея дополняется описаніемъ его дома и обстановки. Обликъ лэди Бичъ Мандаринъ, какъ живой, стоитъ передъ читателемъ послѣ двухъ-трехъ штриховъ въ описаніи наружности и костюма.

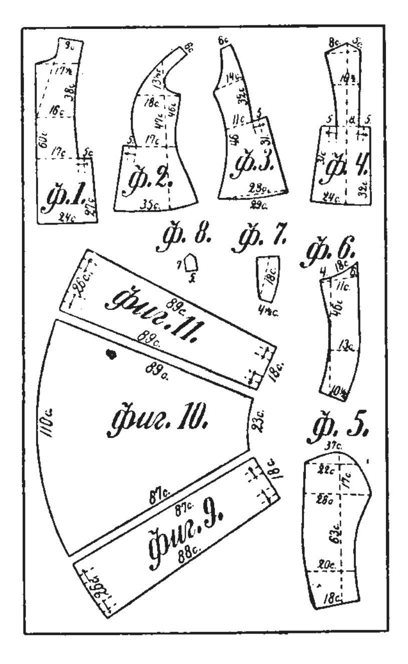
С. Караскевичъ. „Уличный бродяга". Книгоиздательство „Жизнь и Знаніе". Цѣна 1 руб. 25 коп.

„Уличный бродяга" С. Караскевичъ — хорошая книжка для юношества; однихъ она знакомитъ съ жизнью, другимъ даетъ нравственный урокъ. Это исторія жизни одного изъ тѣхъ дѣтей, для которыхъ чуть ли не съ колыбели начинается жизненная борьба. Здѣсь нѣтъ ни вредныхъ преувеличеній ни ненужной слащавости. Правдивость и трезвость изображеній—одно изъ лучшихъ достоинствъ книгъ для юношества.

Шоломъ Ашъ. „Пророки". Изд. Акц. О-ва изд. и печатн. дѣла „Просвѣщеніе". Цѣна 1 руб. 50 коп.

Шоломъ Ашъ—одинъ изъ первоклассныхъ еврейскихъ писателей. Знаніе духа еврейства, его психологіи сказывается во всѣхъ мелочахъ и производитъ порой странное впечатлѣніе на читателя, незнакомаго съ нимъ. Библія съ ея слишкомъ земнымъ языкомъ кажется порою у Шоломъ Аша окарикатуренною. Но кто знаетъ еврейство въ его интимномъ быту, того не поразитъ языкъ и пониманіе пророковъ у Шоломъ Аша. Любовь къ землѣ здѣсь не менѣе сильна, чѣмъ любовь къ небу. Это налагаетъ отпечатокъ и на самое вѣрованіе и на его представленія. „Дочь Іефая" — одно изъ лучшихъ произведеній сборника. Еврейскія понятія смѣшаны съ языческими, и торжествующая плоть здѣсь въ полной гармоніи съ торжествующимъ духомъ. Полный и цѣльный художественный аккордъ взятъ увѣренною рукой художника.

Поправка. Въ „Новѣйшихъ модахъ" (въ №№ 21 и 22) помѣщенъ (за №№ 5—8) костюмъ тальеръ, но по ошибкѣ пропущены выкройки къ нему. Даемъ здѣсь эти 11 выкроекъ (въ уменьшенныхъ чертежахъ) съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ.



Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 25. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА и СЕРВАНТЕСА и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія ДЛЯ ДѢТЕЙ.
Выданъ 24 іюня 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на ½ года—7 р., на ¼ года—3 р. 50 к. Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

Между небомъ и землей.

С. Бѣльскаго.

I.

„Всемірный Эмигрантъ".

Описанныя здѣсь событія произошли черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія великой войны. За страшнымъ напряженіемъ физической и духовной энергіи, которая потребовалась для того, чтобы довести борьбу до конца, во всѣхъ европейскихъ странахъ наступила неизбѣжная реакція. Повсюду чувствовалась усталость, утомленіе и ослабленіе воли, препятствующее немедленно приступить къ возстановленію того, что было разрушено и сметено огнемъ и желѣзомъ. Милліоны людей потеряли вѣру въ будущее и ждали какого-то чуда, которое должно было разомъ вернуть разоренной землѣ тотъ цвѣтущій видъ, который она имѣла до войны. Но чудо не приходило. Небо, какъ и всегда, безучастно сверкало своими безчисленными огнями надъ залитыми кровью опустошенными полями, и всѣ разсказы о таинственныхъ и сверхъестественныхъ событіяхъ, которыя будто бы происходили то въ одномъ, то въ другомъ углу разрушеннаго человѣческаго муравейника, оказывались въ концѣ концовъ нелѣпыми вымыслами, порожденными старыми суевѣріями или невѣжествомъ. Никакіе туманы не скрывали болѣе отъ людей всей глубины той пропасти, которая разверзлась подъ ихъ ногами.

Въ это тяжелое время, по странной случайности, былъ сдѣланъ цѣлый рядъ блестящихъ научныхъ открытій, которыя обѣщали произвести полный переворотъ въ жизни народовъ. Могучій толчокъ, данный техникѣ требованіями безпощадной войны, все еще продолжалъ дѣйствовать, и одновременно съ различными орудіями истребленія со сказочной быстротой возникла новая техника, удесятерявшая производительныя силы человѣка. За этими изобрѣтеніями слѣдило во всѣхъ странахъ лишь ничтожное число людей; огромное большинство не придавало имъ никакого значенія, такъ какъ утратило вѣру въ благодѣтельную силу науки.

Въ глазахъ массы она превратилась въ демона-разрушителя, въ жестокую безпощадную силу, способную въ короткія мгновенья уничтожить безъ слѣда трудъ цѣлыхъ столѣтій. Только этимъ равнодушіемъ массъ къ трудамъ самыхъ счастливыхъ и геніальныхъ изобрѣтателей можно объяснить то обстоятельство, что широкая публика не обратила почти никакого вниманія на новую летательную машину, способную двигаться въ безвоздушномъ пространствѣ.

Теорія этого корабля, осуществлявшаго старую мечту о возможности междупланетныхъ сообщеній, принадлежала русскому инженеру Склярову, но модель аппарата была построена бельгійскимъ механикомъ Шарлемъ Лебреномъ. Закончивъ свои труды, изобрѣтатели остались безъ гроша въ карманѣ и съ ужасомъ увидѣли, что ихъ машина никому не нужна. Куда они ни обращались, имъ всюду отвѣчали, что летательный аппаратъ, который даетъ возможность передвигаться въ міровомъ пространствѣ, если допустить правильность всѣхъ расчетовъ и чертежей, представляетъ самую непрактичную вещь, какая только существовала на свѣтѣ. Несмотря на всю настойчивость бельгійца и краснорѣчіе русскаго инженера, капиталъ презрительно отворачивался отъ междупланетнаго корабля, и въ Россіи, какъ и во Франціи, не находилось ни одного предпринимателя, который согласился бы купить патентъ и основать заводъ для постройки мірового воздушнаго флота.

Съ практической стороны такое дѣло дѣйствительно казалось чистѣйшимъ безуміемъ, такъ какъ не обѣщало никакихъ барышей и вмѣстѣ съ тѣмъ требовало милліонныхъ затратъ.

Въ жаркій день изобрѣтатели сидѣли на покривившемся балконѣ своей дачи въ окрестностяхъ Петрограда и говорили о необходимости достать денегъ, чтобы расплатиться съ долгами.

Въ десяти шагахъ отъ балкона, рядомъ съ повалившимся заборомъ, стоялъ деревянный сарай, съ крышей, заросшей мохомъ, за широкими дверьми котораго скрывалась драгоцѣнная модель чудеснаго механизма.

Высокія чахлыя сосны бросали жидкую тѣнь на песчаныя дорожки, усѣянныя обрывками бумаги, которыми игралъ вѣтеръ.

— Я брошу все это дѣло!—сказалъ Скляровъ.—Не понимаю, что меня еще удерживаетъ въ этой мерзкой чухонской деревушкѣ. Мѣсяцъ тому назадъ я былъ твердо увѣренъ, что мнѣ стоитъ только протянуть руку, чтобы получить милліонъ, а теперь я съ ужасомъ смотрю на свои дырявые сапоги. Вчера, когда мы сидѣли у директора банка, я все время старался прятать ноги подъ столомъ, чтобы капиталъ не увидѣлъ моей обуви и не потерялъ послѣдняго довѣрія къ моимъ блестящимъ идеямъ.

Лебренъ слабо улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

— Что же вы молчите!—воскликнулъ инженеръ, вставая со стула, который немедленно упалъ, такъ какъ у него не хватало одной ножки.—Я вамъ совершенно серьезно говорю, что все это мнѣ до крайности надоѣло, и если ничего не случится въ теченіе трехъ—ну, скажемъ—пяти дней, то я навсегда откажусь отъ жалкой и унизительной роли нищаго изобрѣтателя. Въ тысячу разъ лучше быть поденщикомъ на какомъ-нибудь заводѣ.

У инженера было открытое, ясное и чистое лицо, на которомъ даже въ тѣ минуты, когда Скляровъ сердился или былъ чѣмъ-нибудь взволнованъ, всегда въ глазахъ и въ складкахъ губъ таилась улыбка. Онъ любилъ солнце, яркіе цвѣты, шумъ лѣса и моря; всѣ блестящія идеи, касающіяся самыхъ запутанныхъ вопросовъ математики и механики, рождались у него внезапно, точно радужныя краски въ алмазѣ или въ капляхъ росы, но такъ же внезапно гасли и исчезали. Онъ ничего не изобрѣталъ и не открывалъ, а игралъ сложными формулами и часто самъ удивлялся полученнымъ неожиданнымъ результатамъ. Склярову удавалось какъ будто безъ всякихъ усилій открывать двери въ таинственную лабораторію природы, но у него никогда не хватало терпѣнія и силы воли, чтобы довести дѣло до конца и приняться за неизбѣжную и скучную черновую работу. На службѣ Скляровъ былъ неудачникомъ и однажды потерялъ очень хорошее мѣсто, потому что во время пріѣзда министра отправился представляться начальству, забывъ надѣть галстукъ и застегнуть половину пуговицъ. Такому человѣку, чтобы создать что-нибудь значительное или великое, необходимъ былъ постоянный спутникъ, обладавшій тѣми качествами, которыхъ не хватало этому кандидату въ геніи. И такимъ человѣкомъ для Склярова оказался трудолюбивый и упорный бельгійскій механикъ Лебренъ, котораго война перебросила изъ разрушеннаго Льежа въ Петроградъ.

На изобрѣтеніе летательной машины, способной двигаться за предѣлами атмосферы, Скляровъ затратилъ четыре часа, а Лебренъ цѣлый годъ. Но все-таки идея, лучъ свѣта принадлежали первому,—механикъ изъ Льежа проработалъ много дней и ночей надъ чертежнымъ столомъ и въ мастерскихъ, создалъ тѣло машины, а душа ея была угадана въ одно утро на песчаномъ берегу моря, недалеко отъ той самой дачи, гдѣ теперь стояла готовая модель.

Лебренъ былъ печальный, тусклый и незамѣтный человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Половину жизни онъ провелъ въ угольныхъ копяхъ, гдѣ завѣдывалъ машинами для выкачиванія воды. Лебренъ всегда былъ одѣтъ въ черное или казался одѣтымъ въ черное, и до такой степени ненавидѣлъ шумъ и движеніе, что днемъ закрывалъ и плотно завѣшивалъ окна, работая при электрическомъ свѣтѣ.

— Посмотрите, вѣдь этотъ господинъ идетъ сюда! Какого чорта ему здѣсь надо?—сказалъ Скляровъ, спускаясь съ крыльца.

Заскрипѣла калитка, и въ пыльный садикъ, не торопясь, вошелъ маленькій, плотный человѣкъ съ краснымъ, гладко выбритымъ лицомъ. Одѣтъ онъ былъ въ широкое парусиновое пальто, голову его прикрывала круглая, плоская, соломенная шляпа; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ портфель съ серебряными застежками, а въ правой массивную трость съ костянымъ набалдачникомъ. Но инженеръ въ первое мгновенье не обратилъ вниманія на эти подробности и замѣтилъ лишь широкую, пріятную улыбку незнакомца. Въ сіяніи этой улыбки исчезалъ весь человѣкъ, почтительно, но не безъ достоинства протянувшій Склярову мягкую пухлую руку.

— Я къ вамъ по важному, очень важному дѣлу!—сказалъ посѣтитель такимъ голосомъ, словно боялся, что его могутъ подслушать чахлые кусты запыленной сирени.—Мое имя Вильямъ Клюзъ. Вотъ моя карточка.

Человѣкъ съ краснымъ лицомъ, повидимому, не притронулся ни къ одному изъ своихъ многочисленныхъ кармановъ, но въ рукѣ у него какимъ-то чудомъ мгновенно оказался кусокъ блестящаго картона, на которомъ было напечатано:

Мистеръ Вильямъ Клюзъ
Чикаго и Петроградъ
Агентъ Общества „Всемірный Эмигрантъ".

— Это, кажется, дѣло серьезное,—шепнулъ Скляровъ своему товарищу.

Мистеръ Клюзъ усѣлся къ столу, торжественно открылъ свой портфель, словно оттуда долженъ былъ появиться могущественный духъ изъ „Тысячи и одной ночи" или, по крайней мѣрѣ, все правленіе „Всемірнаго Эмигранта"; сдѣлалъ большую паузу, во время которой стихъ вѣтеръ, шумѣвшій въ соснахъ, а воробьи, чирикавшіе на балконѣ, съ зоркимъ любопытствомъ наблюдали за движеніями мистера Клюза.

— Мы покупаемъ ваше изобрѣтеніе,—сказалъ онъ наконецъ такъ безмятежно, какъ будто бы дѣло шло о покупкѣ простой лодки для катанья по взморью.

— Не можетъ быть...—началъ Скляровъ, но его остановилъ Лебренъ.

— Покупаете, если мы сойдемся въ условіяхъ,—сказалъ французъ.—У насъ есть уже нѣсколько выгодныхъ предложеній, но мы пока выжидаемъ.

Мистеръ Клюзъ краснорѣчивымъ взглядомъ окинулъ убогую обстановку дачи и отвѣтилъ:

— Пусть такъ, и все-таки купимъ мы, а не кто-нибудь другой. Угодно вамъ выслушать наши условія?

— Въ этомъ все дѣло,—отвѣтилъ инженеръ.

Лебренъ молча кивнулъ головой.

— Сначала я долженъ сдѣлать небольшое вступленіе,—началъ мистеръ Клюзъ, поглаживая свой гладкій подбородокъ.—Полагаю однако, что, если мы не сойдемся, то все сказанное мною останется тайной. Компанія „Всемірный Эмигрантъ" давно уже поставила себѣ цѣлью внимательно слѣдить за возникновеніемъ и развитіемъ такихъ общественныхъ, экономическихъ и политическихъ теченій, которыя должны раньше или позже заставить тысячи и милліоны переселенцевъ двигаться то въ одну, то въ другую сторону. Когда въ Австраліи были открыты новыя обширныя площади для пастьбы скота, мы немедленно учли это обстоятельство; когда золотая лихорадка погнала на крайній сѣверъ Америки толпы искателей богатства, мы сейчасъ же организовали правильное и безопасное сообщеніе между Нью-Іоркомъ и Аляской. Въ русскихъ губерніяхъ наши агенты давно съ успѣхомъ работаютъ надъ переселеніемъ въ Аргентину и Бразилію. Притѣсненія, какимъ подвергались евреи, дали намъ много тысячъ эмигрантовъ въ свободныя страны. Къ сожалѣнію, земной шаръ становится тѣснымъ,—то-есть тѣснымъ для нашего Общества. Эмиграція все болѣе и болѣе затрудняется недостаткомъ свободныхъ земель. Намъ необходимо расширить дѣятельность, придать ей грандіозный характеръ, произвести шумъ, чтобы подѣйствовать на биржу, переполненную капиталомъ, но что вы подѣлаете на небольшомъ шарѣ, гдѣ слишкомъ много воды, никуда негоднаго песку и мерзлыхъ болотъ? Но самое главное, что послѣ этой безпощадной войны на землѣ появились милліоны людей, которые желали бы, если бы имѣли возможность, навсегда покинуть нашу разоренную планету. Ваше изобрѣтеніе, съ которымъ вы не знаете, что дѣлать,—мы будемъ говорить откровенно,—изобрѣтеніе это является для насъ чрезвычайно кстати...

— Довольно! Я васъ понимаю!—съ восхищеніемъ воскликнулъ Скляровъ.—Это смѣло и геніально! И повѣрьте, что осуществить вашу мысль будетъ не труднѣе, чѣмъ парусному судну переплыть Атлантическій океанъ. Мы повеземъ на своихъ корабляхъ къ небу, на другія планеты, всѣхъ, кому тяжело оставаться на землѣ! Это великолѣпно.

— Добавьте,—всѣхъ, у кого найдутся деньги, чтобы заплатить за билеты,—добавилъ мистеръ Клюзъ.—Наше Общество не благотворительное: оно дѣйствуетъ на строго коммерческихъ основаніяхъ. Хорошо постановленная реклама и опытные агенты, какіе имѣются у насъ повсюду, обезпечатъ вѣрный исходъ дѣлу. Я, конечно, имѣю въ виду только финансовую его сторону. Остальное насъ не касается. „Всемірный Эмигрантъ" никогда не принимаетъ на себя отвѣтственности за судьбу своихъ переселенцевъ. Дѣло астрономовъ рѣшить вопросъ о возможности колонизаціи различныхъ планетъ, дать необходимыя для насъ указанія...

— Какія же ваши условія?—перебилъ его Лебренъ.

— Къ этому мы сейчасъ перейдемъ. Вы должны будете принять на себя завѣдываніе постройкой перваго междупланетнаго корабля и совершить на немъ первый рейсъ.

— Я отказываюсь,—сказалъ французъ.

— А я согласенъ,—рѣшительно отвѣтилъ Скляровъ.

— Можно узнать причину вашего отказа?—спросилъ агентъ „Всемірнаго Эмигранта".

Лебренъ минуту колебался, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Мнѣ не хотѣлось бы васъ разочаровывать,—сказалъ онъ наконецъ,—но я долженъ заявить, что наша машина потребуетъ еще многихъ усовершенствованій и измѣненій, чтобы она могла служить для тѣхъ фантастическихъ путешествій, о которыхъ вы говорите. Это лишь первый опытъ, и я боюсь, что все дѣло окончится катастрофой или позорной неудачей, если мы попробуемъ осуществить ваше коммерческое предпріятіе.

Прежде чѣмъ возразить французу, мистеръ Клюзъ быстрымъ и ловкимъ движеніемъ досталъ изъ портфеля двѣ толстыхъ пачки кредитныхъ билетовъ и положилъ ихъ рядомъ съ собой.

— Вы меня не совсѣмъ поняли,—сказалъ онъ.—Можетъ-быть, мы,—я и директора „Всемірнаго Эмигранта"—ни на одну минуту

не допускаемъ мысли о возможности перевозить жителей земли на другія планеты. Но въ такую возможность повѣрятъ другіе, а это все, что намъ нужно. Вы увидите, что первый же рейсъ, чѣмъ бы онъ ни окончился, окупитъ всѣ расходы. А шумъ, который поднимется вокругъ этого дѣла... такая реклама сама по себѣ стоитъ огромныхъ денегъ.

— Но вѣдь это обманъ, а можетъ-быть, и преступленіе, — отвѣтилъ Лебренъ.

— Я вижу, мы не поймемъ другъ друга,—съ печальной улыбкой замѣтилъ мистеръ Клюзъ и протянулъ руку, чтобы спрятать деньги.

— Подождите! — рѣшительно сказалъ Скляровъ, безцеремонно удерживая агента американской компаніи за рукавъ.—Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, что думаютъ ваши директора, до всѣхъ ихъ финансовыхъ соображеній или плутней, но я-то самъ увѣренъ, что моя машина, съ нѣкоторыми измѣненіями, о которыхъ я уже думалъ, способна совершить все то, что вы будете обѣщать эмигрантамъ или туристамъ. Вы, Лебренъ, если хотите, можете оставаться на этой унылой проклятой землѣ, а я отправлюсь черезъ міровой океанъ поискать другого берега! Вотъ вамъ, мистеръ Клюзъ, моя рука.

— Прекрасно! Отъ васъ я ничего другого и не ожидалъ. Въ такомъ случаѣ Общество уплачиваетъ вамъ немедленно при подписаніи договора пятьдесятъ тысячъ рублей, сто тысячъ вы получите по окончаніи постройки перваго корабля и кромѣ того пять процентовъ со всей суммы, вырученной за перевозъ груза и пассажировъ.

— Не очень-то щедро.

— Это все, что мы можемъ вамъ сейчасъ предложить. И при томъ еще условіи, если вашъ другъ Лебренъ возьметъ на себя надзоръ за постройкой верфи и самого судна.

— А гдѣ оно будетъ строиться?—спросилъ французъ.

— Мы выбрали для этого страну наиболѣе пострадавшую отъ войны, и притомъ такую, откуда удобнѣе всего вести агитацію. Первые эмигранты отправятся изъ Бельгіи.

— Ваша родина, Лебренъ! Соглашайтесь!—воскликнулъ Скляровъ.

Мистеръ Клюзъ развернулъ исписанный листъ синеватой бумаги и предупредительно протянулъ механику свое вѣчное золотое перо. Бельгіецъ два раза перечиталъ условіе и подписалъ его неровнымъ мелкимъ почеркомъ. Скляровъ, не читая бумаги, написалъ свою фамилію, подчеркнувъ ее широкимъ движеніемъ, размазалъ рукавомъ половину буквъ и, поднявъ перо, воскликнулъ:

— Мистеръ Клюзъ, вы сами не понимаете того, что сейчасъ сдѣлали! Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и никто не захочетъ оставаться на землѣ. Само небо съ его синевой и звѣздами служитъ лучшей рекламой для васъ! Мы уйдемъ съ земли безъ сожалѣнія и только тамъ,—Скляровъ указалъ перомъ на вспѣненное легкими облаками небо,—тамъ начнемъ настоящую жизнь, о которой всѣ напрасно мечтаютъ.

Не размахивайте такъ перомъ,—съ добродушной улыбкой сказалъ мистеръ Клюзъ,—вы забрызгаете чернилами мои бумаги!

II.

Дальше отъ земли!..

Бельгійское мѣстечко Рансомъ расположено въ центрѣ обширной котловины, засыпанной угольной пылью. При малѣйшемъ вѣтрѣ эта черная пыль поднимается, какъ песокъ пустыни, и образуетъ надъ всей мѣстностью мрачную завѣсу, черезъ которую съ трудомъ проникаютъ красные лучи солнца. Даже въ тихую погоду каждая телѣга или автомобиль двигаются по шоссе, окруженные черными облаками: иногда такія облака поднимаются безъ всякой видимой причины и, принимая странныя фантастическія очертанія, отправляются странствовать по равнинѣ, кружатся надъ окрестными полями и такъ же внезапно исчезаютъ, какъ появились. Эти привидѣнія Рансома, какъ называютъ ихъ

„Между небомъ и землей“. Рис. А. Максимова.

Заскрипѣла калитка, и въ пыльный садикъ, не торопясь, вошелъ маленькій, плотный человѣкъ съ краснымъ, гладко выбритымъ лицомъ (стр. 374).

мѣстные жители, давно погубили растительность, и во всей котловинѣ можно насчитать не больше десятка деревьевъ, печально раскидывающихъ свои обугленныя голыя вѣтви надъ грудами камня и шлаковъ. Деревня, населенная рудокопами, имѣла до войны только одну улицу, обставленную тяжелыми низкими домами, сложенными изъ сѣраго песчаника. На одномъ концѣ этой печальной улицы находилась церковь, всегда пустая, съ узкими цвѣтными окнами и двумя рядами статуй, которымъ привидѣнія Рансома придали такой видъ, какъ будто онѣ были сдѣланы изъ цѣльныхъ глыбъ блестящаго каменнаго угля; на другомъ концѣ стоялъ трактиръ дяди Фюжоля, всегда наполненный посѣтителями, которые сидѣли на грязныхъ скамьяхъ за грязными столами, безъ конца пили, шумѣли, спорили, играли въ карты и кости.

Молодой аббатъ Гилуа употреблялъ всѣ усилія, чтобы исправить своихъ заблудшихъ овецъ и обратить ихъ на путь истины. Онъ произносилъ пламенныя проповѣди, которыя слушали церковный сторожъ да двѣ-три старухи, проклиналъ, грозилъ, упрашивалъ, но всѣ его слова казались скучными и никому не нужными. Они никого не трогали и не волновали, какъ будто бы между молодымъ аббатомъ и его паствой находилась стѣна, въ которой время замуровало всѣ отверстія. Главной темой разговоровъ въ Рансомѣ, кромѣ политики и вѣчной борьбы съ капиталомъ, было истощеніе сосѣднихъ каменно-угольныхъ копей. Вся земля подъ окрестными голыми холмами была изрыта на огромную глубину безчисленными галлереями и шахтами, и походила на кусокъ дерева, источенный червями. Аббатъ Гилуа любилъ повторять, что когда-нибудь почва разверзнется подъ ногами нечестивыхъ жителей Рансома, и всѣ они очутятся на днѣ озера. Это мрачное предсказаніе было единственной частью его проповѣдей, которая, по мнѣнію рудокоповъ, заслуживала обсужденія въ залѣ у дяди Фюжоля.

Подземный лабиринтъ занималъ въ общей сложности, со всѣми своими никому неизвѣстными развѣтвленіями, до шестидесяти километровъ. Но по крайней мѣрѣ три четверти этого пространства уже много лѣтъ не давало ни одного куска угля. Рѣдкіе смѣльчаки, проникавшіе въ заброшенныя, наполовину залитыя водою галлереи, разсказывали всякія небылицы объ этомъ царствѣ мрака; тамъ будто бы все еще шла таинственная работа, гдѣ-то зво-

нилъ колоколъ, вспыхивали и блуждали синеватые огни, и странно, что рудокопы, давно утратившіе вѣру въ чудеса на землѣ, охотно вѣрили всѣмъ такимъ разсказамъ. Небо, о которомъ безпрестанно говорилъ аббатъ Гилуа, казалось имъ пустымъ и холоднымъ, но въ глубинѣ земли все еще жили духи, упорно сопротивлявшіеся войнѣ, которую вели противъ нихъ школы, газеты, машины, вся техника и весь общественный прогрессъ. Во время нѣмецкаго нашествія безграничный лабиринтъ Рансома сыгралъ спасительную роль для нѣсколькихъ сотенъ несчастныхъ, мужчинъ и женщинъ, обвиненныхъ въ различныхъ преступленіяхъ. Половина домовъ въ мѣстечкѣ была разрушена; отъ церкви уцѣлѣли только двѣ стѣны, между которыми на грудѣ мусора долго лежало окровавленное тѣло аббата Гилуа, убитаго осколкомъ снаряда. Населеніе почти все исчезло, и только черные призраки Рансома попрежнему плясали на пустынной равнинѣ, надъ грудами камней, подъ которыми лежали трупы людей, разстрѣлянныхъ

отъ земли". „Покупайте акціи „Всемірнаго Эмигранта". И скоро, благодаря телеграфу и газетамъ, на всемъ земномъ шарѣ не оставалось ни одной деревушки, гдѣ бы не слышали о Рансомѣ и фантастической затѣѣ американскихъ милліардеровъ. Вслѣдъ за Левіафаномъ Общество обѣщало построить нѣсколько десятковъ другихъ еще болѣе крупныхъ судовъ, которыя дали бы возможность увозить съ земли каждый мѣсяцъ полмилліона эмигрантовъ.

Въ одно майское утро курьерскій поѣздъ привезъ въ Шарлеруа толпу пассажировъ, направлявшихся въ Рансомъ. Изъ вагона I-го класса, опираясь на руку молодой дѣвушки, вышелъ господинъ лѣтъ пятидесяти и въ нерѣшимости остановился около одного изъ гигантскихъ узорчатыхъ столбовъ, поддерживающихъ стеклянную крышу вокзала.

— Пойдемте, дядя, — нетерпѣливо сказала дѣвушка, — надо поспѣшить занять мѣсто въ автомобилѣ.

„Между небомъ и землей".
Рис. *А. Максимова.*

— Вамъ слѣдуетъ поспѣшить! Дайте ваши вещи я донесу ихъ до автомобиля (стр. 377).

германскими солдатами. Уходя, нѣмцы подожгли огромные запасы угля, сложенные въ видѣ пирамидъ. Огонь распространился въ подземныя галлереи, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ врагъ очистилъ страну, изъ глубокихъ шахтъ все еще валили клубы густого ѣдкаго дыма, который вѣтеръ разносилъ до Монса, Курселя и французской границы. Когда пожаръ наконецъ прекратился, круглая долина напоминала кратеръ потухшаго вулкана или остывшій горнъ гигантской кузницы. Невозможно было повѣрить, чтобы жизнь когда-нибудь вновь воскресла среди этихъ обожженныхъ камней. Но не прошло и года, какъ въ долинѣ закипѣла лихорадочная работа, и тысячи людей по всѣмъ дорогамъ, изъ Курселя, Шарлеруа и Намюра, ежедневно направлялись къ новому Рансому.

На окраинѣ котловины, вдоль желѣзной дороги изъ Кёльна въ Парижъ, возвышались на столбахъ огромные радужные щиты, на которыхъ гигантскія надписи кричали путешественникамъ: „Покидайте землю, спѣшите въ Рансомъ!". „Всемірный Эмигрантъ" предлагаетъ покинуть нашу планету!". „Въ началѣ мая корабль Левіафанъ отправляется на Юпитеръ! Двадцать четыре дня въ пути! Общія и отдѣльныя каюты".

На всѣхъ вокзалахъ агенты компаніи разсовывали милліоны брошюръ и карточекъ съ описаніями междупланетныхъ судовъ и мнѣніями извѣстныхъ и никому невѣдомыхъ ученыхъ, астрономовъ и физиковъ о разселеніи людей въ міровомъ пространствѣ. Плакаты „Всемірнаго Эмигранта" пестрѣли на стѣнахъ домовъ во всѣхъ столицахъ міра, а ночью надъ Парижемъ, Лондономъ и Берлиномъ горѣли въ облакахъ огненныя буквы: „Дальше

Старикъ посмотрѣлъ на нее усталымъ взглядомъ и, поставивъ на истертыя плиты маленькій желтый чемоданъ, отвѣтилъ, медленно выговаривая слова:

— Не знаю, право, стоитъ ли намъ ѣхать въ этотъ... куда мы ѣдемъ, Ида?

— Боже мой, въ Рансомъ, конечно! — съ раздраженіемъ воскликнула дѣвушка, видя, что на нихъ обращаютъ вниманіе, а носильщикъ въ синей блузѣ едва скрываетъ улыбку.

— Да, мы ѣхали въ Рансомъ, — тономъ глубокаго убѣжденія сказалъ старикъ. — Это такъ! Но теперь я раздумалъ...

— Раздумали, когда мы уже почти пріѣхали! — воскликнула дѣвушка по-русски, чтобы ея не поняли окружающіе. — Что же вы хотите дѣлать?

— Поѣдемъ въ Парижъ, я былъ тамъ лѣтъ двадцать назадъ. Тогда еще была жива твоя мать...

— Мы въ Парижъ не поѣдемъ, — перебила его племянница, — я лучше вернусь въ Россію.

— Въ Россію?.. Прекрасно. Богъ съ нимъ съ этимъ Ларсономъ или Карсономъ. — И старикъ съ живостью повернулся къ вагону.

— Мосьё, этотъ поѣздъ идетъ въ Антверпенъ, — предупредительно сказалъ кондукторъ.

— Дядя, на насъ всѣ смотрятъ, — умоляющимъ голосомъ прошептала дѣвушка.

Въ этотъ моментъ какой-то молодой человѣкъ, наблюдавшій издали за этой сценой, подошелъ къ старику и, бросивъ на его спутницу короткій выразительный взглядъ, которымъ какъ бы

хотѣлъ сказать: „Не безпокойтесь, - я все устрою“.—обратился къ нему со словами:

— Вамъ слѣдуетъ поспѣшить! Дайте ваши вещи, я донесу ихъ до автомобиля.

Старикъ на этотъ разъ не возражалъ и покорно пошелъ вслѣдъ за молодымъ путешественникомъ, который, энергично работая локтями, расчищалъ въ толпѣ дорогу для своихъ спутниковъ. Дѣвушка въ дверяхъ успѣла поблагодарить его короткимъ взглядомъ. На ея смугломъ, миловидномъ лицѣ вспыхнулъ яркій румянецъ, пышные черные волосы выбились изъ-подъ скромной соломенной шляпы, украшенной букетиками свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ. Особенную прелесть придавали ей глаза, въ которыхъ было что-то искрящееся и свѣтлое, радостный испугъ пробуждающейся весны. Ея дядя шелъ неровной колеблющейся походкой больного или смертельно уставшаго человѣка. Онъ не замѣчалъ ни окружавшей ихъ толпы пассажировъ, ни огромныхъ коридоровъ вокзала, который до войны считался однимъ изъ самыхъ большихъ въ Европѣ, ни агентовъ „Всемірнаго Эмигранта“, которые, выстроившись въ два ряда, торопливо разсовывали пестрые листки, усѣивавшіе весь полъ.

„Между небомъ и землей“. *Слушатели были подавлены этимъ потокомъ образовъ и картинъ* (стр. 378).
Рис. *А. Максимова.*

Молодой человѣкъ усадилъ ихъ въ первый попавшійся четырехмѣстный автомобиль и хотѣлъ смѣшаться съ толпой. Дѣвушка окинула взглядомъ его высокую фигуру, смѣлое, открытое лицо и почувствовала, что должна чѣмъ-нибудь его отблагодарить.

— Вы развѣ не ѣдете въ Рансомъ?—спросила она.

— Ѣду, то-есть, вѣрнѣе, пойду пѣшкомъ.

— Но у насъ въ автомобилѣ есть еще два мѣста. Я думаю, дядя ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобы вы заняли одно изъ нихъ.

Старикъ сдѣлалъ рукой неопредѣленный жестъ, означавшій не то согласіе, не то отказъ.

Неожиданно появился еще четвертый пассажиръ. Это былъ плечистый крѣпкій нѣмецъ съ загорѣвшимъ обвѣтреннымъ лицомъ и золотистой коротко подстриженной бородой. Въ ту минуту, когда онъ, держа въ рукахъ черный кожаный чемоданъ съ ярко вычищенными мѣдными застежками, остановился на лѣстницѣ, окидывая взглядомъ длинный рядъ автомобилей, кто-то въ толпѣ воскликнулъ:

— Смотрите, это фонъ-Бейлеръ! Тотъ самый негодяй, который потопилъ „Гарматанію“!

Мгновенно всѣ смолкли, и сотни глазъ обратились къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ бывшій капитанъ подводной лодки. Онъ поднялъ руку, какъ будто хотѣлъ закрыть лицо или защититься отъ невидимыхъ ударовъ, и потомъ поспѣшно бросился къ ближайшему автомобилю, къ которомъ сидѣли русскіе путешественники. Дѣвушка быстрымъ испуганнымъ движеніемъ захлопнула передъ нимъ дверцу.

— Вы не имѣете права меня не пускать! Тутъ четыре мѣста, и по правиламъ компаніи я могу занять свободное, — сказалъ фонъ-Бейлеръ, стараясь втиснуть свой чемоданъ подъ ноги шоферу.

Толпа вдругъ разомъ заволновалась.

— Негодяй! Убійца! Смотрите, вотъ убійца пятисотъ женщинъ и дѣтей!—кричали со всѣхъ сторонъ.

— Будь ты проклятъ! — сказала какая-то старуха, одѣтая въ отрепья, и, поднимая мальчика лѣтъ семи, крикнула:—Посмотри на него хорошенько,—это Каинъ!

Фонъ-Бейлеръ, видимо, привыкъ дѣйствовать быстро и рѣшительно. Онъ схватилъ свой чемоданъ, ловко увернулся отъ удара зонтикомъ, который хотѣла нанести ему какая-то дама, сидѣвшая въ коляскѣ, и, проскользнувъ между экипажами, бѣгомъ направился навстрѣчу свободному автомобилю, который показался на другомъ концѣ площади.

Кто-то бросилъ вслѣдъ ему камень, который ударилъ капитана по ногѣ: онъ на мгновенье остановился и что-то крикнулъ, но словъ его никто не разслышалъ, такъ какъ всѣ автомобили разомъ двинулись со своихъ мѣстъ и, поднявъ тучи пыли, направились по широкому шоссе въ Рансомъ.

Общая ненависть къ капитану фонъ-Бейлеру, имени котораго многіе никогда раньше не слышали, разомъ сблизила незнакомыхъ другъ съ другомъ людей. Точно появился призракъ несчастной „Гарматаніи“, погибшей отъ взрыва мины въ Ирландскомъ морѣ, и всѣ спѣшили разсказать какія-нибудь подробности, дѣйствительныя или вымышленныя, объ этомъ судѣ.

Прежде чѣмъ автомобиль миновалъ сожженное разрушенное предмѣстье Шарлеруа, дѣвушка знала, что ея спутникъ, еврей Абрамъ Менгеръ, давно уже мечталъ о возможности той эмиграціи, которую пробовала теперь осуществить въ Рансомѣ компанія американскихъ милліардеровъ.

— Въ этомъ нѣтъ ничего фантастическаго, — съ воодушевленіемъ говорилъ Менгеръ.—Всѣ научныя открытія представляютъ только осуществленную мечту, и нѣтъ мечты ярче и сильнѣе, чѣмъ постоянное стремленіе отъ земли къ небу. Можетъ-быть, тамъ находится та страна обѣтованная, которую тысячу лѣтъ ищетъ мой несчастный народъ,—добавилъ онъ, смотря на дѣвушку печальными темными глазами.

— Я не вѣрю въ сказки Рансома,—рѣшительно отвѣтила Ида, бросивъ взглядъ на дядю, который дремалъ въ углу автомобиля.—

Можетъ-быть потому, что я слишкомъ земная,—добавила она, смѣясь, и поймала концы шелковаго шарфа, взвѣянные надъ ея головой теплымъ вѣтромъ.

— Зачѣмъ же вы пріѣхали сюда.

— Мы все ѣздимъ съ того времени, какъ у дяди убили на войнѣ двухъ сыновей и нѣмцы сожгли его имѣніе. Вы, пожалуйста, не убѣждайте его отправиться въ это ужасное путешествіе,—прибавила она шопотомъ.—Онъ такъ легко поддается чужой волѣ!

— А мнѣ хотѣлось, чтобы вы были на Левіафанѣ!—отвѣтилъ Менгеръ.

— Почему?—спросила дѣвушка.—Тамъ вѣдь холодно и пусто, въ этой бездонной выси.—Она указала на темно-синее небо.—Лучше оставайтесь на землѣ!

Вдали показались строенія Рансома. Акціонерная компанія не пожалѣла денегъ. Огромная гостиница стояла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился когда-то трактиръ Фюжоля. По сторонамъ ея тянулись постройки изъ бетона, желѣза и стекла, предназначенныя для чтенія лекцій и различныхъ собраній. Надъ всѣми этими зданіями господствовала, какъ гора надъ холмами, гигантская верфь, предназначенная для постройки міроваго воздушнаго флота. Въ центрѣ ея, тамъ, гдѣ стояла когда-то церковь, ясно и отчетливо вырисовывался на синевѣ неба сѣрый стальной корпусъ перваго междупланетнаго корабля. Онъ походилъ на гигантскаго ящера, всползшаго на хаотическое нагроможденіе ажурнаго желѣза, камня и бревенъ. Гостиница была переполнена, и новые путешественники съ трудомъ отыскивали себѣ мѣста. Нѣкоторымъ пришлось, впрочемъ, искать пріюта въ залѣ собраній. Среди послѣднихъ находился и Менгеръ. Онъ разстался со своими спутниками въ кругломъ вестибюлѣ, стеклянный куполъ котораго поддерживался двумя рядами колоннъ. Старый помѣщикъ на минуту оживился.

— Заходите къ намъ,—сказалъ онъ Менгеру.—Моя фамилія Кравчинскій. Въ Рансомѣ я останусь столько времени, сколько пожелаетъ Ида. Мнѣ еще ни разу не удавалось ее въ чемъ-нибудь переубѣдить.

Шумная волна эмигрантовъ, влившаяся черезъ одинъ изъ огромныхъ входовъ, разъединила новыхъ знакомыхъ, и они разомъ потеряли другъ друга въ живомъ водоворотѣ, въ которомъ смѣшались люди всѣхъ національностей.

Двѣ небольшія комнаты, отведенныя Кравчинскому и его племянницѣ, находились въ пятомъ этажѣ. Рядомъ съ комнатой Иды, по странной случайности, помѣстился капитанъ фонъ-Бейлеръ. Онъ никуда не показывался изъ своего номера и до вечера расхаживалъ изъ угла въ уголъ, то ускоряя, то замедляя шаги, и время отъ времени повторяя какія-то фразы, похожія на приказанія. Можетъ-быть, онъ представлялъ себѣ, что находится въ тѣсной каютѣ своей подводной лодки U 26, слѣдя въ перископъ за движеніями чернаго корпуса „Гарматаніи", или наблюдая за мѣрнымъ колыханіемъ зеленой бездны, въ которой безслѣдно исчезаютъ люди и обломки корабля. Сосѣдомъ бывшаго помѣщика оказался милліардеръ Вильямъ Стоктонъ. Онъ занималъ четыре большихъ комнаты и все время что-то заказывалъ, на кого-то кричалъ, бранилъ по телефону управляющаго и отдавалъ столько различныхъ приказаній, что казалось, будто за стѣной живетъ цѣлый десятокъ Стоктоновъ, и всѣ они желаютъ перевернуть вверхъ дномъ гостиницу и весь Рансомъ. Изъ комнаты Иды стеклянная дверь вела на маленькій балконъ въ три шага длиной, который, казалось, какимъ-то чудомъ держался на страшной высотѣ и каждую минуту готовъ былъ сорваться и полетѣть въ пропасть. Отворивъ дверь, дѣвушка остановилась на порогѣ и увидѣла далеко внизу опустошенную войной равнину, надъ ней веретенообразный корпусъ воздушнаго корабля и тысячи рабочихъ, похожихъ на муравьевъ, безпорядочно сновавшихъ по блестящей поверхности Левіафана, по безчисленнымъ нитямъ и перекладинамъ, на которыхъ держалась эта сѣрая громада.

— Не правда ли, прекрасный видъ!—неожиданно услышала Ида чей-то грубый, хриплый голосъ.—Но не совѣтую вамъ подходить близко къ рѣшеткѣ,—можетъ закружиться голова, и вы очутитесь на площади скорѣе, чѣмъ бы пожелали!

Дѣвушка съ испугомъ повернула голову и увидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя самодовольную фигуру мистера Стоктона. Онъ сидѣлъ въ креслѣ на своемъ широкомъ балконѣ, за столомъ, на которомъ стояли серебряная ваза съ фруктами и бутылки. Милліардеръ былъ маленькій, коренастый, толстый человѣчекъ, съ добродушнымъ лицомъ, которому онъ напрасно старался придать выраженіе важности и даже торжественности.

— Вы, должно-быть, эмигрантка?—спросилъ американецъ съ той развязной самоувѣренностью, которая свидѣтельствовала, что Стоктонъ, подобно коронованнымъ особамъ, лишь снисходитъ съ высоты своего величія до разговора съ неизвѣстной ему дѣвушкой. Впрочемъ, со стороны Стоктона это было простительно, такъ какъ у него въ бумажникѣ лежали собственноручныя письма двухъ настоящихъ королей съ выраженіемъ благодарности за оказанную имъ золотую помощь.

— Да, хорошее мы дѣльце затѣяли!—усмѣхнувшись, продолжалъ милліардеръ, котораго виски, весеннее утро и красивое личико дѣвушки, стоявшей на узкомъ карнизѣ, располагали къ откровенности.—Я самъ вложилъ сюда десять милліоновъ долларовъ, но акціи „Всемірнаго Эмигранта" поднялись уже на сто процентовъ и все еще идутъ въ гору: а что будетъ послѣ перваго рейса? Вы увидите, что сюда потечетъ золото со всего міра!

— А вы увѣрены, что этотъ рейсъ будетъ сдѣланъ?—спросила сильно заинтересованная Ида.

— Еще бы не увѣренъ, я теперь не принимаю участія въ сомнительныхъ дѣлахъ. Лучшіе инженеры всего свѣта признали, что Левіафанъ можетъ совершить то путешествіе, о которомъ мы кричимъ по всему міру. У насъ уже осталось очень мало свободныхъ мѣстъ. Билеты продаются на второй и даже на третій рейсъ. Впрочемъ, лучшимъ доказательствомъ моей увѣренности въ чистотѣ этого дѣла является то, что я самъ отправляюсь на Левіафанѣ. У васъ есть уже билетъ?

— Нѣтъ!

— Спѣшите купить! Скажите мнѣ одно слово, и я сейчасъ же прикажу оставить вамъ лучшую каюту.

— Благодарю васъ, но я предпочитаю подождать.

— И посмотрѣть, не сломаемъ ли мы себѣ шею?—захохоталъ Стоктонъ.—На этотъ счетъ будьте покойны: противъ катастрофы приняты всѣ мѣры, хотя мы отлично знаемъ, что въ Рансомъ съѣхалось не мало любопытныхъ для того только, чтобы увидѣть небывалое еще крушеніе.

Послѣ завтрака по всѣмъ коридорамъ огромнаго зданія зазвенѣли звонки, и десятки голосовъ выкрикивали о началѣ лекціи или проповѣди знаменитаго агитатора „Всемірнаго Эмигранта" Джэка Витстона на тему: „Послѣднее проклятіе землѣ".

Мгновенно всѣ лѣстницы и лифты оказались запруженными потокомъ любопытныхъ, которые стремились попасть въ залу собраній. Ида и ея дядя опоздали къ началу лекціи, и когда добрались до залы, она была переполнена. Лекторъ, высокій блѣдный господинъ съ нервнымъ лицомъ, находился уже на каѳедрѣ. Каждое его слово отчетливо отдавалось во всѣхъ самыхъ отдаленныхъ углахъ огромнаго зданія, а на экранѣ, занимавшемъ всю стѣну сзади каѳедры, каждое слово его рѣчи появлялось написанное огненными буквами. Джэкъ Витстонъ былъ блестящимъ импровизаторомъ и великолѣпнымъ актеромъ. Онъ не убѣждалъ и не доказывалъ, а показывалъ своимъ слушателямъ то, что самъ видѣлъ и чувствовалъ. Въ его изображеніи земля, дѣйствительно, казалась какимъ-то адомъ. Произволъ, тиранія, деспотизмъ, торжество грубой силы, безпощадное истребленіе милліоновъ людей и цѣлыхъ націй,—все это онъ облекалъ въ яркія картины, которыя способны были привести въ ужасъ и породить отчаяніе у каждаго, хоть на минуту поддавался его гипнотическому вліянію. Витстонъ въ своемъ увлеченіи не щадилъ ничего и никого: отъ него одинаково доставалось и капиталистамъ, и королямъ, и церкви, и парламентамъ, и законамъ.

Невозможно привести ни одной цитаты изъ его рѣчи, и поневолѣ приходится оставить на ея мѣстѣ пробѣлъ, который читатель можетъ заполнить по своимъ соображеніямъ и догадкамъ. Сила Витстона была въ его искренней и чудовищной ненависти ко всему темному и ужасному, что осталось въ прошломъ, и въ его недовѣріи въ будущее. Слушатели были поражены и подавлены этимъ потокомъ образовъ и картинъ. Въ залѣ стояла жуткая тишина, и красныя огненныя буквы сзади оратора вспыхивали на экранѣ, какъ слова на стѣнѣ зданія Балтасара, но теперь они относились ко всей землѣ, ко всему человѣчеству.

— Здѣсь не осталось никакой надежды!—закончилъ ораторъ.—Уйдемъ отсюда! Начнемъ новую, справедливую, великую и свободную жизнь, достойную человѣка.

Онъ давно кончилъ, но всѣ продолжали сидѣть на своихъ мѣстахъ, въ залѣ была мертвая тишина, и потомъ вдругъ разомъ поднялся невообразимый шумъ, точно ворвалась буря и закружила и смѣшала тысячи слушателей! Очарованіе исчезло, и большинству казалось, что ораторъ на ихъ глазахъ разбилъ и осквернилъ что-то прекрасное и дорогое, во что они вѣрили всю жизнь. Другіе во всемъ были согласны съ Витстономъ, и когда на экранѣ появилось изображеніе Левіафана, парящаго въ міровомъ пространствѣ, сотни голосовъ привѣтствовали его радостными, долго несмолкавшими криками.

— Что, каковъ ораторъ?—услышала Ида около себя голосъ Стоктона. Онъ шелъ съ главнымъ инженеромъ Лебреномъ, но, замѣтивъ дѣвушку, на минуту оставилъ своего спутника.—Мы ему все позволяемъ! Золотой человѣкъ для Общества и стоитъ намъ пустяки.

— Ида, возьми два мѣста на Левіафанѣ!—сказалъ Кравчинскій, когда онъ и его племянница вышли изъ залы.

— Но, дядя...

— Купи мѣста, чего бы они ни стоили!—торжественно повторилъ Кравчинскій.—Я здѣсь не желаю оставаться. Мои дѣти умерли, и мы уйдемъ отсюда.

— Они убиты,—со слезами въ голосѣ возразила Ида.—Какъ вы не поймете, что здѣсь говорятъ о жизни, а не о смерти.

— Дѣлай то, что я тебѣ приказываю!

Дѣвушка по опыту знала, что спорить безполезно. Она проводила дядю до гостиницы и, не имѣя силъ оставаться въ своей комнатѣ, за стѣной которой слышались шаги фонъ-Бейлера, отправилась бродить по Рансому. Былъ душный вечеръ. Наступалъ тотъ часъ тишины и покоя, когда алмазный день тонетъ въ глубинѣ ночи и блѣдныя звѣзды кажутся родными и близкими огнями. Смотря на черную землю, засыпанную угольной пылью,

Ида невольно вспомнила свою далекую степь, покрытую теперь мягкой травой: надъ прудомъ дремлютъ высокіе тополи, и надъ пустыннымъ широкимъ шляхомъ горятъ одинокія звѣзды.

„Витстонъ во многомъ правъ,—подумала она,—но еще есть надежда! Есть!..“

Неожиданно на повоторѣ тропинки дѣвушка увидѣла небольшую толпу рудокоповъ. Они стояли среди груды развалинъ и о чемъ-то совѣщались. Одинъ изъ нихъ, старикъ въ мягкой измятой шляпѣ, стоя на колѣняхъ, зажигалъ фонарь, а двое другихъ наклонились надъ отверстіемъ какого-то колодца. Завидѣвъ дѣвушку, они прекратили разговоръ и проводили ее долгими недружелюбными взглядами. Дальше тропинка выходила на открытую равнину, на лѣво, она увидѣла на такомъ же узкомъ балконѣ, какъ и тотъ, на которомъ стояла, фигуру нѣмецкаго капитана. Освѣщенный свѣтомъ, падавшимъ изъ оконъ, фонъ-Бейлеръ стоялъ на самомъ краю черной бездны и, наклонивъ голову, внимательно смотрѣлъ на пустынную площадь, отъ которой его отдѣляло двадцать съ лишнимъ саженъ.

Замѣтивъ дѣвушку, капитанъ выпрямился и неожиданно спросилъ:

Почему вы не пустили меня сегодня въ свой автомобиль?

Ида не знала, что̀ отвѣтить на этотъ вопросъ, и сдѣлала движеніе, чтобы уйти въ комнату.

— Подождите немного,- сказалъ фонъ-Бейлеръ такимъ тономъ,

„Между небомъ и землей“.
Рис. *А. Максимова.*

Завидѣвъ дѣвушку, они прекратили разговоръ и проводили ее долгими недружелюбными взглядами (стр. 379).

которой гдѣ-то мерцали красноватые и зеленые огни. Несмотря на то, что солнце давно зашло, почва не остывала, и черезъ тонкую кожу башмаковъ дѣвушка чувствовала такой жаръ, какъ будто бы шла по раскаленнымъ камнямъ. Тишина ночи нарушалась звономъ и стукомъ молотковъ со стороны верфи, мощнымъ дыханіемъ какой-то машины и рѣдкими ударами, похожими на взрывы, слѣдовавшіе другъ за другомъ съ равными промежутками. Повернувшись, чтобы итти обратно, Ида увидѣла на черномъ фонѣ неба огромное зданіе, построенное изъ ослѣпительнаго свѣта, и не сразу догадалась, что этотъ сказочный дворецъ—та самая гостиница изъ стекла и желѣза, въ которой она жила. Изъ огромныхъ оконъ вырывались снопы электрическаго свѣта, а надъ верхнимъ ярусомъ огней поднималась круглая арка, съ которой трепетное живое пламя всѣхъ цвѣтовъ радуги бросало въ бездну ночи три слова, повторяя ихъ безсчетное число разъ:

„Дальше отъ земли!“ „Дальше отъ земли!“

Поднявшись въ пятый этажъ, дѣвушка съ облегченіемъ вздохнула, когда убѣдилась, что шаги фонъ-Бейлера замолкли, и изъ его комнаты не доносится ни одного звука. Старикъ Кравчинскій отказался отъ ужина и сѣлъ писать письма. Ида потушила въ своей комнатѣ электричество и распахнула дверь на балконъ. На ея счастье Стоктонъ еще не возвращался, но, взглянувъ накакъ будто былъ углубленъ въ разрѣшеніе какой-то задачи.— Ночь протянется еще очень долго,—добавилъ онъ многозначительно.—Для многихъ она никогда не кончится.

У дѣвушки шевельнулось чувство сожалѣнія къ этому человѣку.

— Я знаю, что здѣсь, въ этомъ маленькомъ Рансомѣ, какъ и во всѣхъ углахъ земного шара, меня считаютъ величайшимъ преступникомъ и даже хуже, чѣмъ преступникомъ! Іуда, Каинъ, еще нѣсколько именъ и между ними имя человѣка, потопившаго „Гарматанію“. Вотъ мое мѣсто! Не правда ли? Но вѣдь весь свѣтъ знаетъ, что я исполнялъ свой долгъ.

— Я не желаю говорить съ вами объ этомъ,—холодно возразила дѣвушка.—Мнѣ пора итти.

— Еще одну минуту!—фонъ-Бейлеръ остановилъ ее властнымъ тономъ голоса.—Пусть я виновенъ, но скажите, считаете ли вы меня трусомъ?

— Нѣтъ!—безъ колебанія отвѣтила Ида.

— А между тѣмъ я трусъ! Убиваетъ меня не позоръ и не сознаніе своей вины,—есть люди, и много ихъ, которые искренно считаютъ капитана фонъ-Бейлера героемъ,— а страхъ, отъ котораго я не могу освободиться никакими усиліями воли. Я никогда ничего не боялся, а теперь боюсь!

— Чего?- невольно спросила дѣвушка.

— Съ этимъ нельзя жить,—отвѣтилъ фонъ-Бейлеръ на какую-то

свою мысль и потомъ добавилъ, повышая голосъ: — Я вамъ скажу, что меня угнетаетъ. Произошло это черезъ нѣсколько минутъ послѣ гибели „Гарматаніи". Я выпустилъ въ нее не двѣ мины, какъ писали въ газетахъ, а три, и судно пошло ко дну черезъ десять минутъ послѣ перваго взрыва. Я находился тогда въ боевой рубкѣ и черезъ стекла иллюминатора смотрѣлъ въ воду на два или на три фута ниже поверхности моря. Мимо меня проплывали какіе-то обломки, за которые судорожно хватались пассажиры и матросы „Гарматаніи"; изуродованные взрывомъ трупы быстро исчезали въ зеленой глубинѣ; нѣкоторые изъ нихъ кружились и вращались вокругъ моей лодки. Вдругъ я увидѣлъ такъ близко отъ себя, что могъ бы достать ее рукой, молодую женщину съ ребенкомъ, котораго она прижимала къ груди. На ней было бѣлое длинное платье, и, опускаясь, она точно сходила въ темную глубину. Женщина эта была еще жива, и ея вытянутая бѣлая рука искала какой-нибудь опоры на поверхности зеленой бездны. Черезъ нѣсколько секундъ я увидѣлъ ея широко раскрытые глаза, въ которыхъ былъ ужасъ, жизнь и смерть. Я хотѣлъ отвернуться и не могъ. Она смотрѣла на меня черезъ стекла иллюминатора, опускаясь все глубже и глубже, пока наконецъ не превратилась въ смутное бѣлое пятно, но и тогда я все еще видѣлъ ея глаза. И я вижу ихъ теперь каждый день, каждый часъ. Эта женщина и ея ребенокъ давно лежатъ тамъ, на днѣ Ирландскаго моря. Скользкая холодная тина покрыла ихъ трупы, но ея страшные глаза слѣдятъ за мной, гдѣ бы я ни былъ! Я пріѣхалъ въ Рансомъ, повѣривъ шумной рекламѣ „Всемірнаго Эмигранта", но теперь вижу, что мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Я уйду отъ земли скорѣе и проще!

„Между небомъ и землей".
Рис. А. Максимова.

— ...Вдругъ я увидѣлъ такъ близко отъ себя, что могъ бы достать ее рукой, молодую женщину съ ребенкомъ, котораго она прижимала къ груди (стр. 380).

— Вы больны, — сказала Ида, дрожащей рукой поворачивая ручку двери,—ваши нервы не выдержали того, что вы сдѣлали и видѣли.

— Прощайте! — отвѣтилъ капитанъ, и потомъ Ида какъ во снѣ увидѣла, что фонъ-Бейлеръ однимъ движеніемъ очутился по другую сторону рѣшетки, повисъ на одно мгновенье на вытянутыхъ мускулистыхъ рукахъ надъ ярко освѣщенной глубиной, и съ мучительнымъ восклицаніемъ, въ которомъ чувствовалось напряженіе всѣхъ силъ, разжалъ пальцы и полетѣлъ въ пропасть.

Все закружилось передъ глазами Иды; инстинктивно ища опоры, она сдѣлала два шага назадъ и опустилась на мягкій коверъ у порога своей комнаты.

Когда къ Идѣ вернулось сознаніе, въ комнатѣ фонъ-Бейлера происходило какое-то движеніе, слышались растерянные голоса и громче всѣхъ голосъ Стоктона, который кричалъ:

— Чортъ бы побралъ этого негоднаго капитана! Его смерть можетъ обойтись намъ очень дорого! Такіе случаи, подхваченные газетами, подрываютъ довѣріе къ дѣлу. Акціи „Эмигранта" и безъ того начали сильно колебаться. Въ наше время даже самоубійцы не должны забывать о существованіи биржи.

Закончивъ этимъ афоризмомъ, разсерженный милліардеръ такъ бѣшено хлопнулъ дверью, какъ будто навсегда хотѣлъ закрыть доступъ въ комнату, гдѣ лежалъ изуродованный трупъ фонъ-Бейлера.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Моя Русь.

(Посвящается Максиму Горькому).

Отъ Бѣлаго моря до Краснаго моря,
Плечомъ упершись въ океанъ голубой,
Просторомъ съ пустыней небесною споря,
Привольно раскинулся край мой родной.

Лѣса—заблудиться въ нихъ можно навѣки;
Высокія горы—богаче ихъ нѣтъ;
Широкія степи, глубокія рѣки;
Сокровищъ несмѣтныхъ на тысячи лѣтъ.

Народъ—удивленье: плечистъ и спокоенъ;
Устойчивѣй дуба, напѣвнѣй волны;
Вчера—хлѣбопашецъ, сегодня онъ воинъ,
А завтра онъ схимникъ и другъ тишины.

Полюбитъ ли—турманомъ сердце съ размаху
О бархатъ, о камень!—не все ли равно?
За правду ли встанетъ—съ улыбкой на плаху,
Цѣпомъ размахнется ль—дай шире гумно!

А удаль, а пляски, а тройки лихія,
А пѣсни, берущія душу живьемъ...
Россія моя, тучевая Россія,
Что жъ солнца не видно на небѣ твоемъ?

Что стономъ исходятъ косматыя села,
Крестясь вѣтряками, какъ старцы въ скиту,—
Богатства ль твои превращаются въ золу,
Хоронишь ли съ плачемъ судьбу-сироту?

Что бродитъ подъ окнами Лихо-забота,
Отмѣтиной черною мѣтитъ углы,—
Иль вновь заколочены чудо-ворота
Въ привольныя дали, иль вновь—кандалы?

Иль впрямь твоя радость вся—крестная ноша?
Крестъ срубятъ другіе, тебѣ же—нести...
Иль дюжій Илья и Поповичъ Алеша—
Лишь свѣтлая сказка на темномъ пути?

Мужайся, родная! Кто выстрадалъ много,
Чье сердце отъ скорби великой черно,—
Найдетъ утѣшенье... Есть правда у Бога,
А правда въ страданьи,—какъ въ почвѣ зерно:

Слезами вспоенная, жаркою кровью,
На вѣчную радость, на славу вѣкамъ
Взрастетъ она доброй прекрасною новью...
Ты мать вѣдь мужичья и свѣтъ—мужикамъ!

Алексѣй Липецкій.

Рыбакъ. *В. Зънченко.*
XXV выставка Общества Петроградскихъ Художниковъ 1917 г.

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть Ренэ Бенжамэна.

Авторизованный переводъ съ французскаго **М. П. Благовѣщенской.**

(Продолженіе).

Однажды утромъ блѣдный и возбужденный адъюнктъ явился къ капитану:

— Капитанъ, я уже выздоровѣлъ. Я хотѣлъ бы отправиться на фронтъ.

— Идите къ доктору,—отвѣтилъ капитанъ.

Муссъ бросился къ доктору.

— Господинъ докторъ, я выздоровѣлъ. Я хотѣлъ бы отправиться на фронтъ!

— Подождите, подождите,—отвѣтилъ докторъ,—вѣдь не безъ основанія же я васъ занесъ въ списокъ слабосильныхъ. Выздоровѣть—это еще не все: главное—остаться здоровымъ. Придите ко мнѣ черезъ шесть недѣль и имѣйте немножко терпѣнія.

Онъ ушелъ отъ доктора со слезами на глазахъ. Въ эту минуту вахмистръ подалъ ему письмо. Оно было отъ его невѣстки и начиналось такъ:

„Мой дорогой Гюставъ!

„Луи и я такіе же патріоты, какъ и всѣ другіе, но мы находимъ, что человѣкъ можетъ исполнять свой долгъ повсюду, куда только угодно Господу поставить его. И какъ я молилась!.. Мнѣ кажется, что само Небо, желая сохранить Васъ для насъ и для Вашихъ учениковъ, сдѣлало Васъ слабосильнымъ"...

Муссъ чуть съ ума не сошелъ, прочитавъ это. Онъ бѣгалъ по двору и бормоталъ:

— Боже, до чего глупы женщины! Моя невѣстка... но вѣдь она отнюдь не глупая... моя невѣстка... И все-таки... Господи, до чего она глупа!

Въ этотъ моментъ его нагналъ Гаспаръ. Онъ подмигнулъ ему:

— Послушай, старина... я кое-что обмозговалъ...

— Неужто?

— Когда въ „осто" будутъ покойники...

— Ну?

— Такъ вотъ мы можемъ быть почетной стражей.

— Почетной стражей?.. А!.. Кто тебѣ обѣщалъ это?

— Фурьеръ.

— Да... но часто ли бываютъ похороны?

— Кажется, жаловаться на это не приходится...

Въ среднемъ въ госпиталѣ умирало по одному раненому каждые три дня. И вотъ приблизительно черезъ каждые три дня можно было видѣть Гаспара и Мусса при оружіи, выходящими изъ казармъ мѣрнымъ шагомъ для проводовъ на кладбище покойника. Въ первый разъ они были потрясены рыданіями родственниковъ, церемоніей опусканія гроба въ могилу, рѣчью префекта. толстенькаго человѣчка съ задушеннымъ голосомъ, который съ раздирающей душу интонаціей говорилъ:

— Прощай. солдатикъ!.. Прощай!

— Нѣтъ, это глупо, — говорилъ Гаспаръ, — но я не могу ничего съ собой подѣлать... я реву, какъ теленокъ!

Чтобы утѣшиться — тѣмъ болѣе, что оба были свободны послѣ похоронъ—Гаспаръ пригласилъ адъюнкта въ погребокъ. Черезъ нѣсколько недѣль они хорошо изучили всѣ погребки и рестораны въ А... А между тѣмъ въ А... столько же кафе, сколько и домовъ. Десять штукъ точно подкарауливаютъ поѣзда какъ разъ противъ вокзала, двадцать штукъ собрались вокругъ церкви, чтобы конкурировать съ кюрэ, а на двухъ торговыхъ улицахъ кафе выстроились въ ряды, словно торговки на рынкѣ, соблазняя таинственнымъ видомъ своихъ занавѣсокъ прохожихъ. Однако адъюнктъ, не любившій пить, продолжалъ и въ кафе умирать со скуки — ему было все равно, имѣть ли подъ локтями столикъ погребка или подъ ногами грязный дворъ казармъ.

Онъ, такой добрый, кроткій, началъ озлобляться. Онъ, такой вѣжливый, воспитанный, началъ выражаться грубо. И даже въ воскресенье, когда имъ не надо было торчать въ казармахъ, когда ворота были раскрыты, когда онъ и Гаспаръ могли вздохнуть полной грудью и сказать: „Мы свободны!"—даже въ эти дни, что за тоска одолѣвала ихъ, какое бѣшенство, какое озлобленіе на всѣхъ и на вся!.. Куда итти? Гдѣ приткнуться? Какія мѣста обивать своими башмаками, подкованными гвоздями? О, до чего этотъ нормандскій городокъ былъ мраченъ, пустъ, унылъ въ зимнее воскресенье!..

Впрочемъ... въ этомъ городкѣ есть замокъ: это тюрьма. Есть площадь — по ней гуляетъ леденящій сѣверный вѣтеръ. Есть

У окна. *С. Юнкеръ-Крамская.*
XXV выставка Общества Петроградскихъ Художниковъ 1917 г.

рѣка, но, жалкая и грязная, она точно стыдится себя, огибаетъ городъ и исчезаетъ гдѣ-то дальше.

Городокъ А... — это стоячее болото, въ которомъ нѣтъ даже происшествій, нѣтъ никакого движенія, тамъ не увидишь отраженія неба, если перевѣсишься черезъ перила и будешь смотрѣть на поверхность рѣки, тамъ тротуары горбылемъ, тамъ больше аптекарей, чѣмъ кондитеровъ.

Въ этомъ городѣ нѣтъ ни одного безполезнаго сооруженія: ни фонтановъ, ни старой развалившейся башни, нѣтъ даже ни одного памятника. Слава сопряжена съ рискомъ, Нормандія же благоразумна: въ А... четыре нотаріуса.

Жители А... могутъ показать вамъ колонію для умалишенныхъ, но въ ней нѣтъ ничего особеннаго, въ ней заключены двѣ тысячи маніаковъ, неинтересныхъ, безъ всякой фантазіи. Вообще это средней руки городокъ, который не блещетъ на страницахъ исторіи, а скорѣе изучается по атласу. Названіе этого города заставляетъ больше думать о горечи науки, чѣмъ о славѣ родины. Какъ-то невольно спрашиваешь, сколько жителей насчитываетъ этотъ городъ, потому что надѣешься хоть этимъ объяснить его право на существованіе.

Побывавъ въ А..., никогда ничего не имѣешь разсказать своимъ друзьямъ.

Да въ этомъ городѣ и не стòитъ останавливаться, надо проѣзжать мимо. Не стòитъ осматривать крытый рынокъ съ полотнами, отличающійся только тѣмъ, что онъ квадратный, рынокъ съ зерномъ, отличающійся только тѣмъ, что онъ круглый, почтовую контору, отличающуюся только тѣмъ, что она новая. Все равно не узнаешь ничего другого, какъ только то, что всякому уже извѣстно по справочнику, въ которомъ говорится: „Большая ярмарка. Торговля зерномъ“.

Тутъ есть только одинъ единственный домъ, трогательный по своей скромности: это маленькій и невзрачный домикъ, въ которомъ обучаютъ плетенію кружевъ. Правда, кружевницы не отличаются красотой, но зато кружева не могутъ не возбудить удивленія: это чудо женскаго искусства. Изъ этого домика выходишь, преисполненный изумленія.

Налѣво отъ домика кружевницъ — городъ, направо — вокзалъ. Слѣдуетъ итти направо.

Но развѣ возможно итти на вокзалъ, разъ ты солдатъ, да еще „слабосильный“? И вотъ тебя точитъ тоска, чувствуешь, что ты покрываешься плѣсенью, худѣешь, пропадаешь. И душевная тоска изливается въ діалогахъ, въ которыхъ громко вопіетъ отчаяніе, и которые начинаются безконечнымъ зѣваніемъ. Затѣмъ слѣдуетъ:

— Который часъ?—спрашивалъ Гаспаръ.

— Восемь часовъ десять минутъ, — отвѣчалъ адъюнктъ-слабосильный.

— Господи, и подумать, что во всемъ нашемъ несчастьѣ виноватъ этотъ свинья Вильгельмъ! — продолжалъ Гаспаръ. — А ему хоть бы что, онъ живетъ себѣ спокойно и жретъ омаровъ „по-американски“... А мы, ни въ чемъ неповинные, помираемъ съ тоски, связаны по рукамъ и по ногамъ, точно какіе-то мальчишки!.. Голубчикъ, ахъ, голубчикъ... какое счастье было бы находиться еще въ утробѣ своей матери!..

Адъюнктъ сочувствовалъ ему, тяжко вздыхалъ, зѣвалъ.

— А который теперь часъ?—спрашивалъ опять Гаспаръ.

— Восемь часовъ одиннадцать минутъ,—отвѣчалъ адъюнктъ.

Ужасно было то, что къ недовольству Гаспара примѣшивалась затаенная радость по поводу того, что ему не надо итти на фронтъ. Какъ бы въ свое оправданіе онъ говорилъ адъюнкту, который, повидимому, также не очень-то рвался въ бой и находилъ, что въ нѣкоторомъ родѣ принимаетъ участіе въ осадѣ Трои, но все-таки ругался, брыкался и хотѣлъ уходить на фронтъ,—Гаспаръ говорилъ ему:

— Тебѣ что, ты никого не оставишь. Другое дѣло я, миленькій мой! Если боши прикончатъ меня, то неужели ты думаешь, что депутаты позаботятся о моей семьѣ.

И вотъ, ворча и ругаясь, онъ примирился со своей ужасной участью и терпѣливо ждалъ.

Однако терпѣніе его вдругъ лопнуло.

Такъ это и должно было случиться: Гаспаръ былъ воплощеніемъ импульса. Несмотря на свой подвижной характеръ, на свое душевное благородство, онъ умѣлъ ворчать, упорствовать, погружаться въ спячку... до перваго случая, когда представлялся соблазнъ. И тогда осторожность, не имѣющая ничего общаго съ его натурой, и апатія, эта случайная гостья, вдругъ покидали его при первыхъ біеніяхъ его сердца. Онъ оживлялся, дѣлался словоохотливымъ, дѣятельнымъ и совершенно забывалъ о томъ, что можно бояться за свою шкуру.

На этотъ разъ изъ спячки вывелъ его фурьеръ одной фразой. Онъ сказалъ:

— Тѣ, кто возвращаются на фронтъ, получаютъ отпускъ на три дня.

— На три дня? спросилъ Гаспаръ.—А куда они могутъ уѣхать?

— Куда угодно.

— Въ Парижъ?

— Куда угодно.

— Ей-Богу?

Снова увидать Парижъ! Свою „старуху“, жену, мальчишку, улицу de la Gaité!

При одной только мысли объ этомъ онъ задыхался отъ радости. Онъ бросился разсказать объ этомъ Муссу.

— Но... вѣдь мы слабосильные! — отвѣтилъ тотъ, скрежеща зубами.

— Слабосильные! Вздоръ! Ты ничего не понимаешь! Разъ имъ нужны люди на фронтъ, то они не будутъ очень-то разбираться, что да какъ. На безрыбьѣ и ракъ рыба. Только ужъ не надо больше совать носа къ доктору, надо оборудовать все это черезъ канцелярію.

— Что же, попытайся.

— Выдай только четырнадцать су на литръ бѣлаго.

Неопровержимый аргументъ! Гаспаръ вошелъ въ канцелярію съ литромъ подъ мышкой: всѣ препятствія оказались устранимыми. Старшій писарь, попивая вино, сказалъ съ видомъ превосходства:

— Что же, они этого непремѣнно желаютъ? Такъ стòитъ только перемѣнить списки. Мы ихъ внесемъ въ слѣдующую группу! А если это откроютъ, то мы скажемъ: „Тутъ вышло какое-то непонятное недоразумѣніе“... А славное винцо, такъ и согрѣваетъ нутро.

Адъюнктъ былъ изумленъ. Гаспаръ ликовалъ. Онъ снова сдѣлался подвижнымъ, полнымъ предпріимчивости, онъ былъ весь во власти одной мысли. Онъ говорилъ:

— Пантрюшъ! А потомъ — боши! Что же, это мнѣ нравится, я согласенъ! Я далъ имъ только кусочекъ моей лѣвой ягодицы, остается еще правая,—приберегу ее для нихъ! Но больше они ничего не получатъ! Пантрюшъ? Пантрюша имъ не видать, какъ своихъ ушей! Пантрюшъ не для фонъ-Глюка! Пантрюшъ пригодится мнѣ самому!

Онъ повелъ Мусса въ лавочку. Онъ приглашалъ туда всѣхъ, кто попадался ему навстрѣчу. Тамъ онъ истратилъ все, что у него было въ кошелькѣ, за исключеніемъ той небольшой суммы, которая нужна была, чтобы доѣхать до Парижа. Послѣ этого онъ бродилъ по двору и поддразнивалъ своихъ товарищей:

— А васъ оставятъ въ вашемъ великолѣпномъ замкѣ! И не стыдно вамъ покрываться плѣсенью? Что вы, лапша, что ли, какая-то?

Онъ приставалъ даже къ тѣмъ, которыхъ видѣлъ въ первый разъ:

— Эй, ты, уродъ, тебѣ нравится здѣсь гнить? Да, братецъ, видно, что мы съ тобой сфабрикованы на разныхъ фабрикахъ!.. Провести три дня въ Парижѣ, а потомъ кати себѣ съ визитомъ къ бошамъ. Вотъ это такъ жизнь!

И, говоря это, онъ повернулся къ флигелю, въ которомъ помѣщалось казначейство, и гдѣ среди грудъ бумагъ въ прѣлой атмосферѣ скрипѣло перьями человѣкъ пятьдесятъ. Гаспаръ заговорилъ съ новымъ воодушевленіемъ:

— Ну, на что это похоже! Это укромное мѣстечко биткомъ набито зайцами! И какъ они могутъ такъ жить? Что за идіоты! Право, стòитъ ихъ посмотрѣть! Иди же, полюбуйся ими!

Онъ потащилъ за собой Мусса и остановился съ нимъ передъ стеклянной дверью, которая вела въ канцелярію. И онъ громко заговорилъ, тыкая пальцемъ въ стекло:

— Да ты посмотри только, это прямо жалости достойно!.. А на стѣнѣ еще красуется голубчикъ Жоффръ... И это они-то повѣсили у себя на стѣнѣ портретъ Жоффра!

Въ негодованіи онъ сложилъ руки на груди и крикнулъ голосомъ, полнымъ искренняго недоумѣнія:

— И чего они тутъ торчатъ? Почему не возвращаются туда?

Такъ онъ провелъ долгіе часы ожиданія. Послѣ полудня онъ и адъюнктъ получили отпускные листки. Гаспаръ посмотрѣлъ на свой и сказалъ:

— Три дня!.. Ровно три дня! Господи, точно у нихъ руки отвалились бы и перья испортились бы, если бы они прибавили мнѣ еще одинъ денекъ!

Ужъ такая у него была привычка,—какъ у добрыхъ дворовыхъ собакъ,—ворчать отъ удовольствія.

Въ поѣздѣ его разбирало нетерпѣніе. Въ Версалѣ онъ сталъ у дверей, а въ Монпарнасѣ онъ первый спрыгнулъ на дебаркадеръ.

Потомъ онъ бѣжалъ до самаго своего дома.

Въ полночь онъ былъ на улицѣ de la Gaité. Онъ былъ счастливъ, что не предупредилъ о своемъ пріѣздѣ, и громко позвонилъ. Его мать отворила дверь и крикнула:

— Это ты?.. Господи, да вѣдь это и вправду ты!.. Мари, это онъ!

Мари прибѣжала и тоже крикнула:

— Это онъ!.. Неужто это онъ?.. Это ты?

Онъ обнялъ ихъ обѣихъ сразу, приподнялъ отъ земли и проговорилъ со смѣхомъ:

— А? Вотъ что называется задушить!—А гдѣ же мальчишка? Гдѣ мальчишка?

— Спитъ, конечно.

— Ахъ, этотъ бутузъ.

Онъ пошелъ самъ разбудить его. На глазахъ у него навернулись слезы, когда онъ покрывалъ ребенка поцѣлуями.

Мать спѣшила повсюду зажечь свѣчи. Мари готовила кофе, и обѣ кричали ему, перебивая другъ друга:

— Такъ, значитъ, ты сражался?.. Сколькихъ ты убилъ?.. А когда въ тебя попала граната, что ты почувствовалъ?

Держа на рукахъ мальчика, онъ отвѣтилъ съ напускной важностью:

— Обо всемъ этомъ вамъ будетъ разсказано по порядку.

И вотъ онъ принялся разсказывать о походѣ, о своей жизни въ госпиталѣ и въ казармахъ.

— О, будьте спокойны, мы имъ задали перцу!.. И мы ихъ приперли!.. Нѣтъ, надо видѣть, что у нихъ за хари!.. Это настоящія свиньи!.. Право, стоитъ посмотрѣть на нихъ!.. Ей-Богу, это сбродъ какой-то. И потомъ эти мерзавцы палятъ безъ всякаго предупрежденія! Имъ и въ голову не придетъ посмотрѣть, тутъ ли вы!.. Я съ удовольствіемъ привезъ бы вамъ ихъ свиныя шкуры, да только онѣ слишкомъ твердыя, изъ нихъ ничего не сдѣлаешь. Да и пахнутъ онѣ изнутри...

Болтая такъ, онъ съ любовью обводилъ глазами хорошо знакомые предметы.

— Ахъ, какъ хорошо дома!.. Какое счастье снова увидать свой уголъ. И какъ здѣсь чисто, какъ уютно!

Мари замѣтила съ улыбкой:

— Когда въ домѣ нѣтъ мужчины, то легче держать все въ чистотѣ, это понятно.

Онъ сказалъ матери тономъ глубокой нѣжности:

— А моя бѣдная старушка все коситъ?

Мать отвѣтила весело:

— А у тебя носъ попрежнему смотритъ въ сторону?

— Попрежнему... несмотря на то, что я его подогрѣваю. Когда я курю трубку, я подставляю ее подъ самый носъ. А когда кончикъ разогрѣется, я его выпрямляю. Но потомъ онъ опять сворачивается на сторону. Ничего не подѣлаешь.

Всѣ трое смѣялись. Потомъ онъ снова заговорилъ:

— Ахъ, Пантрюшъ! Ахъ, Панама! Что за счастье снова увидать все это!

Вдругъ онъ всталъ.

— А что лавка? Улитки?

Взявъ свѣчу, онъ спустился въ лавку... Онъ возвратился опечаленный.

— Да, война... Должно-быть, и улитки также мобилизованы...

Онъ съ нѣжностью смотрѣлъ на Мари. Онъ находилъ, что у нея честное лицо искренней и безхитростной женщины. Онъ зналъ, что она никогда не отличалась коммерческими способностями. Онъ поселился съ ней прежде всего потому, что долженъ былъ родиться малютка, отчасти же потому, что она хорошо стирала, кромѣ того, она любила порядокъ и никогда не сердилась. Разъ какъ-то онъ выплеснулъ ей на голову супъ. Она промолчала и только покорно заплакала, и, пристыженный, онъ сказалъ:

— Не вой! Я сварю другой супъ!

Въ эту ночь, когда онъ снова увидалъ родной домъ послѣ долгой разлуки, въ памяти его всплыли воспоминанія, и онъ былъ растроганъ. Онъ весь сіялъ, видя свой домъ въ такомъ порядкѣ. Цѣлуя ребенка, уснувшаго у него на рукахъ, онъ вдругъ проникся горячей благодарностью къ этой хорошей женщинѣ, которая берегла его мальчика, ухаживала за нимъ, кормила его, и онъ заговорилъ:

— Знаете что... Мнѣ пришла въ голову мысль... Вѣдь теперь война... а война наводитъ на мысли... Приходитъ въ голову то, что раньше не приходило... Послушай, Бибишъ (это онъ Мари называлъ Бибишъ), не находишь ли ты, что было бы лучше.. если бы мы поженились?

Она была удивлена. Она проговорила:

— Но... конечно... но...

И съ полной откровенностью своей чистой и простой души онъ продолжалъ:

— Такъ вотъ такъ я и думаю... Но разъ я такъ рѣшилъ... я думаю, лучше не откладывать... а то какъ бы я не передумалъ.

Мать спросила съ тревогой:

— Ужъ не боишься ли ты, что тебя убьютъ?

— Еще чего придумали! Убить Гаспара! Посмотрѣлъ бы я, какъ они меня убьютъ! Нѣтъ... но вотъ что: когда дѣлаютъ большую уборку и все приводятъ въ порядокъ, то... мнѣ кажется, что и свои собственныя дѣлишки надо устроить какъ слѣдуетъ. Вотъ этотъ мальчикъ... онъ ни рыба ни мясо... до войны оно было ничего. А вотъ потомъ, когда перестираютъ все грязное бѣлье, мнѣ будетъ очень непріятно, если онъ останется незаконнымъ.

Тутъ онъ обратился къ мальчугану:

— Не правда ли, мальчишка? Вѣдь ты хочешь быть законнымъ?

Звѣрства австрійцевъ. Рис. *П. Жилина.*

Рядовой гвардіи Павловскаго полка Яковъ Леоненко за побѣгъ изъ плѣна былъ жестоко наказанъ австрійцами. Леоненко и его четырехъ товарищей подвѣшивали къ столбу, заставляя висѣть по 4 часа сряду. Наказаніе столь тяжелое, что наказываемые теряли сознаніе чрезъ нѣсколько минутъ. Ихъ отливали водой и опять подвѣшивали. Въ концѣ концовъ Леоненко и его товарищамъ удалось все-таки бѣжать въ Россію и повѣдать намъ о звѣрствахъ враговъ.

Вѣрно ли поняли его обѣ женщины? Какъ бы то ни было, но онѣ смотрѣли на него добрыми глазами. Его мать, смѣшно причесанная или, вѣрнѣе, растрепанная, съ головой, напоминавшей круглую щетку, повторяла съ растроганнымъ выраженіемъ лица:

— Да, мой мальчикъ... ты правъ, такъ и сдѣлай.

И Гаспаръ ухватился за эту мысль. Трехдневный отпускъ. Дѣлать совсѣмъ нечего. Приняться снова за улитокъ—не хватитъ времени. Онъ рѣшилъ жениться.

На слѣдующій день въ девять часовъ утра онъ побѣжалъ въ мэрію.

Тамъ ему объявили:

— Нѣтъ никакой возможности ранѣе, чѣмъ черезъ пять дней...

Онъ показалъ отпускной билетъ:

— А разъ у меня только три дня!

— А разъ необходимо пять дней.

— На кой же чортъ тогда война?

— Оставьте насъ въ покоѣ!

Внѣ себя отъ гнѣва, онъ принялъ твердое рѣшеніе. По собственному усмотрѣнію онъ продлилъ свой отпускъ до пяти дней. И онъ пошелъ на все! Тюрьма? Плевать! Вѣдь онъ снова отправится сражаться съ бошами.

Весь сіяя, онъ возвратился къ Мари и къ своей „старухѣ“.

— Все устроено. Я былъ въ комендантскомъ управленіи... тамъ былъ генералъ... онъ далъ мнѣ еще два дня.

Мари не могла опомниться отъ удивленія:

— Есть же замѣчательные генералы! До войны нельзя было бы этому повѣрить!

Онъ отвѣтилъ:

— Да, нужна была война... безъ нея мы такъ ничего и не узнали бы! Въ „осто“ я видѣлъ дѣвицъ,—да еще изъ высшаго свѣта,—у которыхъ отцы были съ набитыми карманами,—такъ онѣ за мной убирали все! Да, все убирали! Стоило бы на это посмотрѣть!

Если бы не чиновникъ въ мэріи, котораго онъ нашелъ „отвратительнымъ“, онъ повѣрилъ бы во всеобщее братство.

Всероссійскій Казачій Круговой Съѣздъ, засѣдавшій въ іюнѣ с. г. въ Петроградѣ.

На Съѣздъ собралось свыше 300 делегатовъ отъ 12 Казачьихъ Войскъ Европейской и Азіатской Россіи. Съѣздъ былъ открытъ отъ имени Временнаго Совѣта Союза Казачьихъ Войскъ, членомъ Госуд. Думы А. П. Савватѣевымъ. На снимкѣ изображены участники Совѣта Союза Казачьихъ Войскъ.

Сидятъ, слѣва направо: *членъ Госуд. Думы Е. Д. Логвиновъ (Донъ), секретарь сотникъ П. П. Калмыковъ (Донъ), тов. предс. войск. старшина А. И. Дутовъ (Оренбургъ), предсѣдатель членъ Госуд. Думы А. П. Савватѣевъ (Донъ), тов. предс. В. С. Филатовъ (Донъ), казначей войск. старшина А. Н. Грековъ (Донъ), Г. А. Ткачевъ (Терск. обл.), И. Г. Рябцевъ (куб. пластунъ), К. П. Румбештъ (куб. 3 Уманск.), И. Г. Харламовъ (Донъ).*

Стоятъ: *А. Ѳ. Сердюкъ (Кубань), В. В. Полюдовъ (Сибирь), членъ Гос. Сов. И. И. Лаптевъ (Сибирь), Ѳ. В. Петриченко (Астрах.), дѣлопр. П. К. Мягковъ (Донъ), А. А. Долговъ (Донъ), Е. Я. Глѣбовъ (Сибирь), А. С. Яковлевъ (Донъ), А. П. Гиричевъ (Семирѣч.), Ѳ. Г. Тюменцевъ (Забайк.), В. И. Щербаневъ (Кубань), А. Ѳ. Астраханцевъ (Семирѣч.), Г. А. Вертеповъ (Терск.), Г. Георгіевъ-Сапожниковъ (Амурск.), А. И. Поповъ (Астрахань), И. С. Макридинъ (Красноярск.), И. Е. Соколовъ (Оренбургск.).* По фот. Я. Штейнберга.

Онъ показался въ своемъ кварталѣ, щеголяя своей прострѣленной шинелью и требуя, чтобы всѣ щупали его ягодицу.

— Скажите, вы чувствуете, что одного бифштекса не хватаетъ?

У Крикено, хозяина виннаго погребка, онъ выразилъ большое неудовольствіе по поводу запрещенія абсента:

— Такъ ка̀къ же это?.. Такъ и нельзя больше достать голубенькаго?

— Тише!.. Вали сюда!

И хозяинъ повелъ его въ каморку позади лавочки. Ну, и угостился же Гаспаръ! Никогда еще не пилъ онъ ничего подобнаго! Какъ бы въ благодарность, онъ пустился съ хозяиномъ въ откровенности: „Ты знаешь, вѣдь я узаконяю своего мальчишку...“ Впрочемъ, онъ сообщилъ объ этомъ также и мяснику, зеленщику и привратницѣ своего дома. Ужъ очень онъ этимъ гордился!

Потомъ ему пришла въ голову мысль подарить ко дню своей свадьбы женѣ и „старухѣ“ по новой шляпѣ. А такъ какъ въ карманѣ у него не было ни одного су, а женщины жили только на свой паекъ, улитки же не приносили никакого дохода (мало того, Гаспаръ собирался еще отвезти въ подарокъ улитокъ своему капитану), — онъ принялъ героическое рѣшеніе: продать то, что̀ у него было самаго дорогого... въ двоякомъ смыслѣ этого слова... свои книги... Да, да, книги, которыя были сложены у него подъ кроватью, и про которыя онъ говорилъ Муссу: „Книги... это великолѣпнѣйшая штука... когда въ нихъ все хорошо разсказано!“ И вотъ, ради своего мальчика, онъ вытащилъ ихъ изъ темнаго угла, гдѣ онѣ мирно покоились въ пыли съ начала войны, забралъ ихъ всѣ, всего Дюма, всего Гюго и другихъ. Взваливъ и поэтовъ и прозаиковъ въ общую кучу на телѣжку, онъ покатилъ ее на набережную Grands Augustins. На сердцѣ у него было очень тяжко, но онъ посвистывалъ и повторялъ: „Я хочу его узаконить“...

За пятьдесятъ томовъ онъ выручилъ всего восемь франковъ. Онъ чуть-было не попалъ въ участокъ, такъ онъ ругалъ и поносилъ букиниста.

— Обезьянья рожа!.. Старая піявка!.. Не бойся, тебя уступятъ бошамъ въ обмѣнъ за Эльзасъ-Лотарингію!

Букинистъ былъ дѣйствительно очень безобразенъ. Онъ оставался невозмутимымъ и, не обращая никакого вниманія на ругательства Гаспара, продолжалъ подводить свои счета и приводить въ порядокъ книги. Вдругъ Гаспаръ замѣтилъ среди кучки книгъ маленькій зеленый томикъ съ оглавленіемъ: „Избранные отрывки изъ Эсхила съ примѣчаніями Густава Мусса“. Эту книгу написалъ онъ... его однокашникъ! Какъ-то машинально Гаспаръ положилъ руку на зеленый томикъ.

— Ну, это мнѣ во всякомъ случаѣ пригодится!

Тутъ букинистъ потерялъ спокойствіе, онъ закричалъ. Гаспаръ уже растворилъ дверь, тогда тотъ завылъ. Гаспаръ уже скрылся... а тотъ призывалъ на помощь Господа Бога и полицію.

Гаспаръ, благополучно скрывшійся отъ преслѣдованій, возвратился домой съ зеленой книжечкой.

Онъ раскрывалъ ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Повсюду онъ видѣлъ только греческія буквы, а въ этомъ онъ ничего не смыслилъ. Тогда онъ заглянулъ въ примѣчанія, но и тутъ ничего не понялъ, хотя, повидимому, примѣчанія были написаны по-французски: „Съ этого стиха начинается ямбическая

часть молитвъ на могилѣ", или: „Да будетъ имя Зевса-Защитника чтимо въ городѣ кадмейцевъ".

Гаспаръ захлопнулъ книжку, почесалъ себѣ голову и сказалъ:

— Надо будетъ поговорить съ нимъ объ этомъ...

Восемь франковъ онъ отдалъ обѣимъ женщинамъ, чтобы тѣ купили себѣ новыя шляпки. На пятый день своего отпуска онъ обвѣнчался съ Мари.

Вѣнчался онъ въ мэріи, а также и въ церкви. Его „старуха" добилась отъ него, безъ особыхъ, впрочемъ, усилій, этой уступки своимъ убѣжденіямъ. Правда, въ видѣ убѣдительнаго аргумента она тутъ же привела:

— У меня есть копилка. Я сама заплачу за это.

Но одно только то, что месса могла хоть что-нибудь стоить, пробудило въ Гаспарѣ его старое предубѣжденіе противъ служителей церкви.

Возвратясь домой, онъ сказалъ:

— Я ничего не говорю... и я ничего не хочу сказать... потому что это меня не касается... Но этотъ марабу просто насмѣялся надъ нами... Подумай только, взять за такую ерунду пять франковъ! Что же, онъ легко заработалъ свой день!

— Да не все ли равно... разъ я заплатила,— замѣтила кротко мать.

— Ну да, ну да! Я ничего и не говорю!.. Но ты, моя бѣдная старушка, ужъ слишкомъ благочестива!

— Поговоримъ же о чемъ-нибудь другомъ,— замѣтила Мари.

О чемъ-нибудь другомъ! Да развѣ онъ могъ говорить о томъ, что у него было на душѣ! Время отъ времени онъ съ ужасомъ думалъ: „Вотъ уже сорокъ восемь часовъ, какъ я долженъ былъ бы вернуться изъ отпуска". И, чтобы отвлечься, онъ принимался обсуждать вопросъ относительно ампутированныхъ. Что лучше: лишиться руки или ноги? Вопреки общепринятому мнѣнію, онъ предпочиталъ лишиться руки. Ковылять, волочить свое тѣло, и это всю жизнь!.. Затѣмъ чуть ли не въ десятый разъ онъ разсказывалъ подробно о всѣхъ своихъ переживаніяхъ во время похода и о работѣ трехдюймоваго орудія.

— И здорово оно жаритъ! Стоило посмотрѣть на тѣхъ свиней! И заставили же мы ихъ поплясать!

Болтовня вызывала въ Гаспарѣ жажду, и онъ выпивалъ по стаканчику за здоровье каждаго собесѣдника.

Такимъ образомъ онъ находился въ состояніи полнаго блаженства, когда вмѣстѣ со своей „старухой", женой и „малышомъ", теперь уже законнымъ, потребовалъ билетъ на вокзалѣ въ Монпарнасѣ.

Нужно было заплатить два су, чтобы выйти на перронъ. „Старуха" съ болью въ сердцѣ отказалась отъ этого. Она обняла сына изо всѣхъ силъ, прильнула къ его щекѣ и промолвила голосомъ, который дрожалъ, какъ и ея материнское сердце:

— До свиданія, мой большой мальчикъ!.. До свиданія, мой родной!.. — И она осталась съ ребенкомъ, тогда какъ Мари послѣдовала за Гаспаромъ.

Когда они стояли передъ вагономъ, онъ поцѣловалъ ее долгимъ поцѣлуемъ, съ чувствомъ человѣка, исполнившаго свой долгъ, и подумалъ: „Она моя. Нѣтъ больше сомнѣній. Совсѣмъ моя. Это записано въ мэріи!" Замѣтивъ, что она поблѣднѣла, и что глаза ея полны тревоги, онъ сказалъ ей три слова, въ которыхъ выразилась вся философія парижанъ, а, можетъ-быть, и всей французской расы,—три словечка, которыя означали: „вѣдь мы взрослые люди... впереди надежда... не все потеряно... быть-можетъ, все будетъ выиграно... потому что все въ концѣ концовъ налаживается... земля продолжаетъ спокойно вертѣться... и не можетъ быть, чтобы Богъ... могъ быть злымъ..." Всѣ эти мысли въ хаотическомъ безпорядкѣ толпились въ головѣ Гаспара, когда онъ, прежде чѣмъ войти въ вагонъ, сказалъ женѣ очень нѣжно:

— Бибишъ... не унывай!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бѣженцы. XXV выставка Общества Петроградскихъ Художниковъ 1917 г. *В. Мазуровскій.*

Въ бѣлую ночь.

Въ разсвѣтной полночи надъ ясною столицей
Исакій чуть блеститъ огнемъ своей главы,
Дворцы задумались волшебной вереницей
Надъ гладью чистою затихнувшей Невы.
Неуловимый свѣтъ сиренево-жемчужный
Бѣлѣетъ въ поздній часъ въ аллеяхъ острововъ,
Пестрѣющихъ толпой нарядной и досужной,
Помолодѣвшею на праздникѣ садовъ.
Въ кудрявой зелени кремнистою дорогой
Чредой проносятся влюбленныя четы,
И воздухъ напоенъ сердечною тревогой
Подъ властью новою творящей Красоты.
И сколько чудныхъ лицъ возникло небывалыхъ!
Ихъ будто въ эту ночь закончила весна
И въ свѣтлыхъ образахъ, предъ взорами усталыхъ,
Открыла шествіе въ иныя времена...

Іюль 1887 г.

С. Андреевскій.

Политическое обозрѣніе.

Судьба короля Константина.

30-го мая, по совѣту особаго комиссара державъ-покровительницъ, бывшаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Жоннара, король Константинъ греческій отрекся отъ престола въ пользу своего второго сына Александра. Формальное право Россіи, Англіи и Франціи на такое вмѣшательство во внутреннія дѣла Греціи покоилось на ихъ положеніи въ качествѣ державъ, создавшихъ и гарантировавшихъ независимость греческаго королевства. Фактическимъ же основаніемъ для вмѣшательства послужила политика короля Константина, въ полномъ смыслѣ слова вѣроломная и по отношенію къ союзникамъ и по отношенію къ собственному народу.

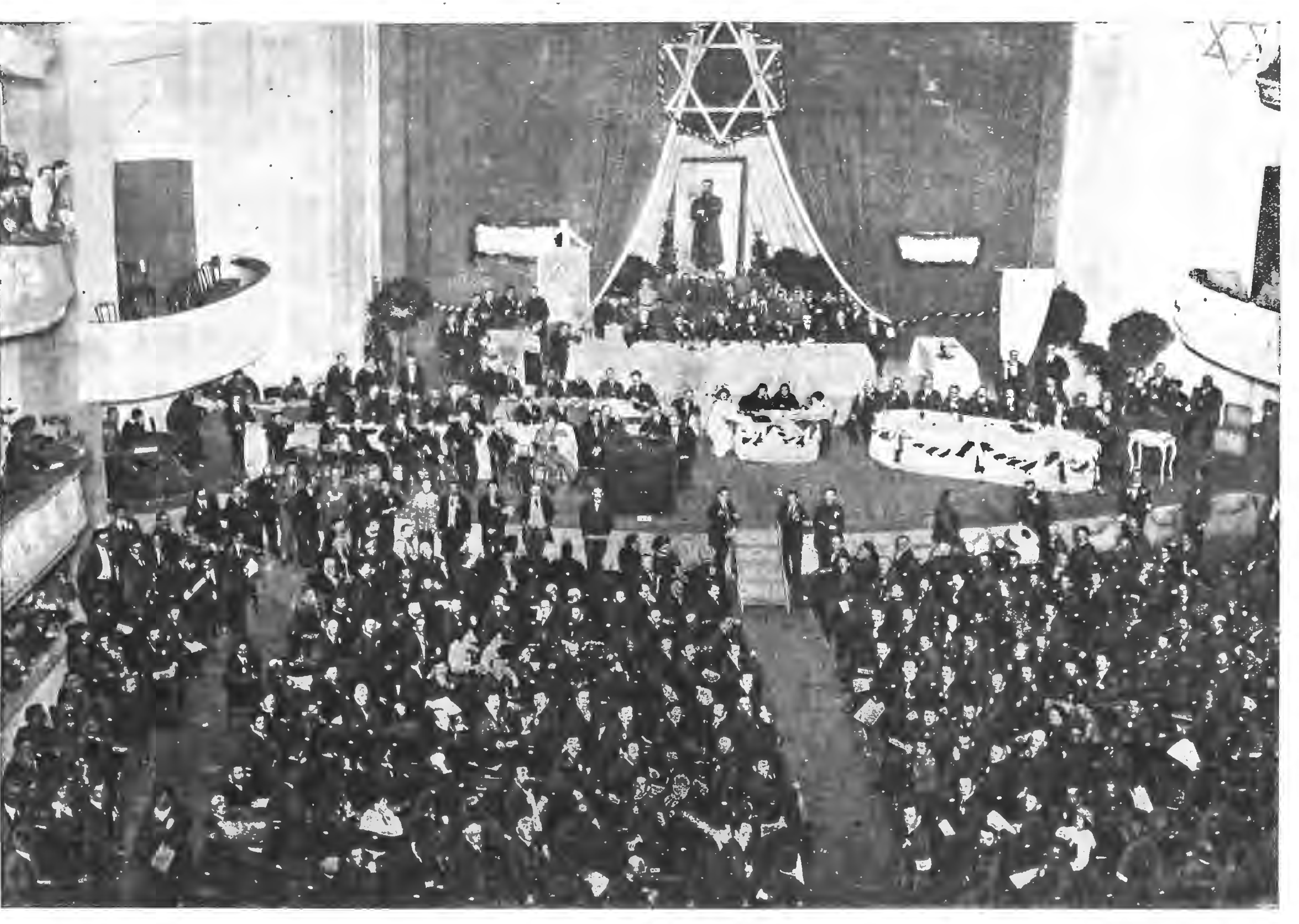
Завѣты національной исторіи, жизненные интересы страны, моральныя обязательства передъ державами Согласія, наконецъ самое ея географическое положеніе — предуказывали Греціи мѣсто на сторонѣ анти-германской коалиціи. Главнымъ „наслѣдственнымъ" врагомъ Греціи является Турція, главный ея конкурентъ на Балканахъ—это Болгарія. Турція и Болгарія находятся въ совершенномъ подчиненіи у Германіи. Уже этого одного было бы достаточно, чтобы прочно связать и въ этой войнѣ судьбы Греціи съ судьбами державъ-покровительницъ. Союзъ съ Германіей обѣщалъ Греціи, въ лучшемъ случаѣ, сохраненіе ея территоріальной неприкосновенности. Присоединеніе къ державамъ Согласія открывало передъ ней широкія перспективы мощнаго національнаго развитія. Но такое направленіе внѣшней политики Греціи не встрѣчало сочувствія въ ея монархѣ. Человѣкъ одновременно честолюбивый и безвольный, мелочный и завистливый, король Константинъ всецѣло подпалъ подъ вліяніе своей жены, королевы Софіи, родной сестры императора Вильгельма. Чрезъ посредство королевы установилось самое тѣсное общеніе между офиціальной Германіей и придворными греческими кругами. Королевскій замокъ въ Аѳинахъ сталъ настоящею цитаделью греческаго германофильства. Но кромѣ этихъ родственныхъ воздѣйствій поведеніе короля Константина несомнѣнно опредѣлялось еще и другого рода мотивами. Свое военное образованіе король Константинъ получилъ въ Берлинѣ. Правда, въ кампанію 1897 года онъ показалъ себя бездарнымъ полководцемъ, но балканскія войны 1912—1913 гг. случайно оказались для него незаслуженно удачными, и онъ серьезно возомнилъ себя великимъ стратегомъ. Императоръ Вильгельмъ очень искусно использовалъ это королевское самомнѣніе въ своихъ интересахъ. Король Константинъ непоколебимо увѣровалъ въ неизбѣжное торжество германскаго оружія и, повидимому, искренно сталъ считать своимъ долгомъ содѣйствовать этому торжеству.

Король Константинъ хотѣлъ ввести Грецію въ фарватеръ германской политики. Но Греція—страна конституціонная. По конституціи, „личная" политика короля въ ней невозможна, а допустима только политика отвѣтственнаго министерства, опирающагося на парламентское большинство. Къ началу войны въ Греціи было у власти министерство Венизелоса, пользовавшееся неограниченнымъ довѣріемъ парламента и населенія. Венизелосъ— одинъ изъ наиболѣе выдающихся политическихъ дѣятелей не только Греціи, но и всей современной Европы. Критскій революціонеръ въ началѣ своей карьеры, Венизелосъ много способствовалъ возсоединенію Крита съ Греціей. Въ 1910 году онъ переселился въ Аѳины и вмѣшался въ самую гущу политической борьбы. Здѣсь онъ сразу выдвинулся на первое мѣсто, и, благодаря его мудрой и осторожной тактикѣ, Греція благополучно вышла изъ тяжелаго внутренняго кризиса. Венизелосъ спасъ Грецію и династію, и заслуги его передъ отечествомъ и королевскимъ домомъ поистинѣ неоцѣнимы. Политическіе успѣхи Греціи въ эпоху балканскихъ войнъ были также въ значительной степени дѣломъ рукъ Венизелоса. Прошлое этого признаннаго вождя греческаго народа обязывало короля Константина относиться къ нему съ уваженіемъ и благодарностью На дѣлѣ король завидовалъ своему министру-президенту и охотно интриговалъ противъ него. А къ этому личному недружелюбію присоединилось затѣмъ и принципіальное несогласіе. Венизелосъ велъ Грецію къ союзу съ державами-покровительницами. Король Константинъ добивался во что бы то ни стало союза съ Германіей. Министръ-президентъ, располагавшій парламентскимъ большинствомъ, былъ помѣхой для личныхъ видовъ короля: король Константинъ рѣшилъ устранить Венизелоса со своего пути и для этого не останавливался ни передъ какими средствами. Дважды онъ, вопреки конституціи, заставлялъ Венизелоса уйти въ отставку. Онъ упорно назначалъ своихъ „личныхъ" министровъ, не считаясь съ парламентомъ. Онъ разгонялъ парламентъ, въ которомъ держалось дружественное Венизелосу большинство, и беззастѣнчиво фальсифицировалъ выборы. Когда король Константинъ добился наконецъ своего и вовсе устранилъ Венизелоса отъ власти, онъ далъ волю своимъ личнымъ вкусамъ и во внѣшней политикѣ. Онъ обманулъ Сербію, отказавшись исполнить заключенный съ нею союзный договоръ. Самъ пригласивъ въ Салоники союзныя войска, онъ создалъ у нихъ въ тылу очагъ провокаціи и предательства. При этомъ онъ все время игралъ на самыхъ низменныхъ инстинктахъ народа. Главной притягательной силой его политики была откровенная и безстыдная спекуляція на трусость.

Результаты, къ которымъ привела политика короля Константина, у всѣхъ на виду. Расчетамъ его на Германію не было суждено полностью оправдаться. Конечно, на сушѣ союзники не могли противопоставить германскому натиску достаточнаго количества войскъ. Но, господствуя на морѣ и имѣя возможность въ любой моментъ пріостановить снабженіе Греціи продовольствіемъ, союзники не позволяли королю Константину заходить въ своемъ германофильствѣ слишкомъ далеко. Внутреннее положеніе въ Греціи все запутывалось и осложнялось. Министерства смѣняли одно другое, всѣ одинаково безличныя и безсильныя. Формально Греція оставалась нейтральной, но фактически часть ея территоріи была занята союзниками. А въ то же время греческій генеральный штабъ находился въ регулярныхъ сношеніяхъ съ германскими войсками и несъ въ ихъ пользу шпіонскую службу. Греція не воевала, но ея города и укрѣпленія переходили въ руки германцевъ, и цѣлыя воинскія части передавались на сторону Германіи. Въ концѣ концовъ Греція распалась надвое, и вмѣсто одной стало двѣ Греціи — аѳинско-константиновская и салоникско-венизеловская. У каждой изъ этихъ Грецій были свое правительство, своя дипломатія, своя армія. Вся новая Греція, включая острова, объединилась вокругъ Венизелоса. Старая Греція, обезсиленная и дезорганизованная, плелась въ хвостѣ у короля Константина. Всемірная исторія, кажется, не знала еще примѣра такого глубокаго политическаго и нравственнаго паденія цѣлой націи, ставшей жертвой слѣпого каприза и прямой недобросовѣстности своихъ правителей.

Исторія короля Константина съ ея позорнымъ и жалкимъ концомъ чрезвычайно показательна и поучительна. Она составитъ лишнюю и весьма интересную главу въ лѣтописи вырожденія и банкротства монархической идеи. Но на греческомъ примѣрѣ могутъ и должны учиться не одни только монархи. Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься и народамъ и демократическимъ правительствамъ. Король Константинъ, какъ настоящій политическій трусъ, думалъ, что ставка на малодушіе обезпечиваетъ ему безпроигрышную игру. Онъ проигралъ и едва не увлекъ вмѣстѣ съ собою въ бездну позора и гибели ввѣренную его попеченіямъ страну. На немъ и на его политикѣ исторія убѣдительно показала всѣмъ и каждому, что въ жизни государства, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, только мужество, прямота и честность являются залогомъ настоящаго успѣха.

Проф. К. Соколовъ.



VII Всероссійскій Сіонистскій Съѣздъ, состоявшійся въ концѣ мая въ Петроградѣ, въ театральной залѣ Музыкальной Драмы. По фот. Я. Штейнберга.

* * *

Шумите, вихри! Бушуйте, грозы!
Будите павшихъ душой въ борьбѣ.
Гоните трусость! Гоните слезы!
Пусть юность вѣритъ опять себѣ!
Вѣнчайте страстью горячей рѣчи.
Кипящій кубокъ я пью за тѣхъ,
Кто бился тамъ, въ кровавой сѣчи,
Кто въ эти годы не зналъ утѣхъ,
Кто не кружился въ безумной пляскѣ,
Не отдавался суетѣ,
Кто угнетеннымъ ввѣрилъ ласки,
Не вѣря мелкой клеветѣ.
Горите жъ, звѣзды! Сіяйте, луны!
Верните міру тепло и свѣтъ.
Звените, пѣсни, звените, струны,
Могучей правдой, гдѣ правды нѣтъ!..

Л. Фофанова.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Весеннее наступленіе союзниковъ въ оцѣнкѣ германской печати.

Въ связи съ сообщеніемъ Гинденбурга императору объ окончаніи весенняго наступленія союзниковъ, въ германской печати начала іюня мѣсяца появились попытки оцѣнить результаты истекшаго періода и заглянуть въ будущее. Газеты отмѣчаютъ чрезвычайныя приготовленія, предпринятыя союзниками. Въ теченіе шести мѣсяцевъ англичане и французы произвели огромную работу, чтобы бросить на вѣсы борьбы небывалое въ исторіи количество людей, матеріала и амуниціи. Всю зиму англичане перебрасывали на континентъ одну дивизію за другой — это были плоды всеобщей воинской повинности. Число орудій на ихъ участкѣ дошло до 4.000. На французскомъ фронтѣ были собраны всѣ силы, которыя только могла дать, какъ нѣмцы выражаются, „несчастная страна" Франція. На итальянскомъ фронтѣ боевая масса пѣхоты дошла до 600—700 тысячъ человѣкъ, при 4.000 орудій, въ значительной части англійскаго происхожденія. Сдѣлать наступленіе всеобщимъ и одновременнымъ державамъ Согласія, говорятъ нѣмецкія газеты, однако не удалось. Благодаря революціи, Россія оказалась безучастной. Приготовленія не вездѣ окончились въ одно время. Въ послѣдовавшихъ бояхъ, принявшихъ для центрально-европейскихъ державъ, по необходимости, оборонительный характеръ, разбились послѣдовательныя волны наступленія англійской, французской, македонской и итальянской армій. Наиболѣе тяжкой неудачей считаютъ нѣмцы наступленіе итальянцевъ въ 10-й битвѣ на Изонцо, гдѣ ихъ потери достигли якобы одной четверти всей наступавшей арміи.

Въ общемъ, первый наступательный порывъ союзниковъ остановился. Что же дальше? Германскія газеты отвѣчаютъ однако совершенно опредѣленно: „нужно ждать новыхъ отчаянныхъ попытокъ нашихъ противниковъ прорвать германскій фронтъ". „Наступленіе разразится въ ближайшемъ времени на всѣхъ фронтахъ, — пишутъ дружно наиболѣе популярные нѣмецкіе органы.—Ожидается самый сильный ударъ со стороны англичанъ, съ двойною цѣлью: Брюссель и Антверпенъ съ одной стороны, базы подводныхъ лодокъ—съ другой".

Что же заставляетъ союзниковъ наступать во что бы то ни стало? Тѣ же источники даютъ слѣдующій отвѣтъ: „Правительства въ союзныхъ странахъ не могутъ признаться въ своемъ окончательномъ пораженіи, это значило бы для нихъ предстать передъ судомъ обманутыхъ ими народовъ. Ради ихъ эгоистическихъ интересовъ народы и дальше будутъ вводиться въ заблужденіе, пожаръ будетъ поддерживаться, пока пламя окончательно не пожретъ ихъ планы. Время для мира не созрѣло. Боевая воля союзныхъ Германіи правительствъ еще жива. Они боятся мира, боятся открыть правду своимъ народамъ, что поставленныя ими цѣли войны недостижимы".

Но если всеобщее наступленіе неизбѣжно, то что заставляетъ враговъ Германіи такъ торопиться? Время обратилось противъ нихъ и работаетъ въ пользу Германіи,—отвѣчаютъ сами же на свои вопросы германцы.

Наступленіе требуетъ тщательной и долгой подготовки, но враги не могутъ ждать. Подводная война требуетъ отъ англичанъ скорой развязки: внутреннее недовольство и упадокъ духа растутъ въ странахъ Согласія. Событія въ Россіи принуждаютъ ихъ также къ быстрымъ дѣйствіямъ. Кромѣ того, нѣмецкой печатью указываются еще и другія причины. Во Франціи и Англіи очень сказывается недостатокъ въ людяхъ. Въ Италіи въ іюнѣ подъ знамена призываются родившіеся въ 1899 г. Очень тяжело-де и финансовое положеніе союзниковъ, особенно Англіи.

Такимъ образомъ, если вѣрить нѣмецкому голосу, можно прійти къ заключенію, что „разваливающіеся" наши союзники наканунѣ катастрофы. Однако, почему же нѣмцы такъ сильно боятся прорыва своего фронта „въ ближайшемъ времени" на Брюссель и Антверпенъ?!..

Предвидѣнное германскими газетами наступленіе дѣйствительно возобновилось. Произошло сраженіе во Фландріи, южнѣе Ипра, гдѣ цѣлью англичанъ служилъ сѣверный флангъ крѣпости Лилль.

Что же заставило союзниковъ перенести всю силу удара на ихъ лѣвое крыло? Весеннія бои у Арраса, на Энѣ и въ западной Шампани мѣтили въ центръ германскаго расположенія. Значитъ ли это, что генералъ Петэнъ, въ противоположность своему предшественнику Нивеллю, любитель фланговыхъ операцій? Или просто стратегическая необходимость заставила отказаться отъ стараго плана центральнаго удара? Во всякомъ случаѣ, думаютъ нѣмцы, битва во Фландріи является началомъ выполненія какого-то единаго широкаго плана, проводимаго новымъ французскимъ главнокомандующимъ генераломъ Петэномъ. Одно ясно, успокаиваютъ себя нѣмецкія газеты, что германскій фронтъ непоколебимъ, „вражескіе народы идутъ къ новому безумію".

Однако они умалчиваютъ при этомъ, какой громадный кусокъ территоріи потеряли германскія арміи во Франціи въ теченіе всего весенняго наступленія нашихъ союзниковъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" книга 46.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф МАРКСЪ,** Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.

Выпускаемый на основаніи Постановленія Временнаго Правительства отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ Банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по $5^3/_4$% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.

Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться промышленностью, долженъ выписать книгу: **„Я самъ-хозяинъ“,** содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый. Цѣна 3 р. 50 к. **МОСКВА,** 4363 **изд—ство. „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.** (15)

Необходимое руководство **ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ обоего пола.**

Какъ слѣдуетъ вести себя, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни. Краткое содержаніе книги: хорошій тонъ. Домашній комфортъ. Гигіена. Одежда. Этикетъ свѣтской жизни. Какъ держать себя за столомъ, на балахъ и вечерахъ. Какъ произносить тосты, рѣчи, привѣтствія. Какъ играть въ фанты и другія игры. Какъ вести переписку. Брачный отдѣлъ: сватовство, приданое, вѣнчаніе, обязанности жениха, невѣсты, шаферовъ, пасаженой матери. Множество другихъ полезныхъ совѣтовъ на всѣ случаи жизни. Цѣна 2 р. 50 к. ТРЕБ. АДР.: МОСКВА, изд-ству „СОКОЛЪ“, отд. 2. (1)

ЧАРОДѢЙСТВО и народные ЗАГОВОРЫ.

Предсказанія человѣческой судьбы на всѣ задуманные вопросы. Толкованіе сновъ. Раскрытіе тайнъ халдейскихъ мудрецовъ, египетскихъ жрецовъ, индійскихъ факировъ. Кабалистика. Хиромантія. Бѣлая и черная магія. Отгадываніе именъ, кто кого любитъ. Талисманы къ продленію жизни и множество другихъ интересныхъ свѣдѣній содержитъ книга **„Чародѣй“**. Высыл. налож. плат. за 3 р. 60 к. Требованія адрес.: Москва, изд-ству **„Соколъ“**, отд. 2.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 3 р.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. убористь. шрифт. Цѣна съ пер. 3 р. 50 к.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран. Цѣна (5) 4 р. 50 к. 4605

При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.

РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА.

АРТЕРІОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.

ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Русское Агентство фирмы ШАТЕЛЕНЪ въ Парижѣ. Москва, Петровскій пассажъ, № 38, отд. 5.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ, предупреждаетъ его повтореніе.

4589 5-5

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, д. 22.

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ.

РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ

ОБУВИ

ПРОСТОЙ и ИЗЯЩНОЙ ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ и ДѢТСКОЙ

ПО НОВОЙ, ЛЕГКОЙ и СКОРОЙ МЕТОДѢ.

5-е изданіе.

Просто, доступно для всѣхъ изложенное, поясняющее указанія **чертежами и рисунками**, не требующее никакого предварительнаго умѣнья и никакихъ особыхъ затратъ, руководство это, при настоящей дороговизнѣ жизни, должно быть радостно встрѣчено русской семьей. Отнынѣ дюжина дѣтскихъ сапогъ и ботинокъ для хозяйки дома и рабочій сапогъ для отца семьи могутъ быть изготовлены легко и несравненно дешевле дома.

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

МАШИНКИ

для стрижки волосъ, необх. въ кажд. семьѣ. Цѣна 8 р.—Запасн. пруж. къ нимъ 25 к. шт.—Англ. бритвы 6 р. шт. Ко ЭКСЦЕЛЬЗІОРЪ, Москва, ящ. 251/90.

Издательство „НОВЬ“ в Петроградѣ (Кавалергардская, 20).

Вышли новыя книги:

Б. Фромметт. Революц. ученье Фурье и кооперат. пропаганда. Ц. 50 к.

П. Піусов. Основы соціализма. (Что хотят и чего добиваются соціалисты). . . . . Ц. 25 к.

Б. Фромметт. Жизнь при соціализмѣ . . . . Ц. 36 к.

Б. Фромметт. Обманы лавочниковъ. Ц. 30 к.

В. Либкнехт. Пауки и мухи . . Цѣна 1 экз. — 8 к., 50 экз. — 3 руб., 100 экз. — 5 р. 75 к.

Выписыв. отъ издательства за перес. не платят. За налож. плат. прибавлять 10 коп. Издат. приним. заказы на всѣ книги, имѣющ. въ продажѣ.

АВТОМОБИЛИСТОВЪ ПРИГЛАШАЮТЪ ПОТРЕБОВАТЬ НАШЪ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЪ 60 СТРАН. СЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ ТИПОВЪ ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНЫХЪ АНГЛІЙСКИХЪ АВТОМОБИЛЕЙ ВОКСХОЛЪ И ВИДОВЪ — КАКЪ ИХЪ СТРОЯТЪ.

ВОКСХОЛЪ

Петроградъ. Невскій, 21.

СТРАДАЮЩИМЪ ревматич. мучительн. бол. по полученіи 60 к. марк. выс. немедл. совѣтъ — дивн. средство ПГР., Коломенская ул., 22, Е. Киселеву.

Собираніе марокъ для коллекцій. Интересн. книга для всѣхъ. 1 р. (можно марками) Нал. пл. не выс. Прейсъ-кур. мар. 15 к. **А. ВОЛКЪ.** Петрогр., Ананіевская, 20.

КРАСОТУ ВАШЕГО ЛИЦА сохраняйте и возстановляйте пластическимъ массажемъ, изучить Вы можете **ЗАОЧНО**, посредствомъ лекцій. Проспекты и подробныя свѣдѣнія высылаются за десятикопеечную марку. Москва. Петровскій бульваръ, № 9, Маріи Николаевнѣ ДУРАСОВИЧЪ. (9)

ГРАЖДАНИНУ НЕОБХОДИМО:

Англійская вѣчная ручка (настоящее золотое перо)

„The Fountan Pen“

съ чернилами, всегда готовое писать, цѣна Руб. **6.50** штука.

Немедленная отправка со склада по почтѣ, наложенн. платежомъ черезъ Англійскую контору. 4-2

Дугласъ Слусъ,

Петроградъ, Лиговская, № 44.

Изучайте заочно **стенографію** изв. упрощ. сист. **Животовскаго**. При своб. сл. необх. всяк. пишущ. Подгот. стеногр. въ Учр. Собр. Проспекты высыл. безпл. Петроградъ, Шувалово, 22.

старческая дряхлость,

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, преждеврем. безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья.

ПЕТРОГРАДЪ.

4470 23-6

Новѣйшія моды.

№ 1. Лѣтнее манто для дѣвочки отъ 3—5 лѣтъ. Это легкое манто предназначается, собственно, для того, чтобы защищать платье отъ песку или пыли во время игръ на воздухѣ. Оно сдѣлано изъ кисеи мелкими цвѣточками; передняя застежка дѣлается на паттѣ изъ бѣлаго линона; на передкахъ два наружныхъ кармашка. Воротъ гарнированъ тройнымъ отложнымъ воротникомъ изъ бѣлаго линона; линоновыя манжеты.

№ 1. Лѣтнее манто для дѣвочки отъ 3—5 лѣтъ.

№ 2. Костюмъ для мальчика отъ 3—5 лѣтъ. Короткія панталоны до колѣнъ и длинная прямая блуза изъ тонкаго бѣлаго или свѣтлосѣраго пике. Блуза надѣвается черезъ голову и, какъ спереди, такъ и сзади, пришита къ кокеткѣ подъ кантикомъ изъ голубого полотна; передній разрѣзъ кокетки перешнурованъ голубымъ шнуркомъ; отложной воротникъ, рукавная обшивочка и нашитые на цѣльномъ передкѣ кармашки оторочены голубымъ кантикомъ. Передъ кокетки вырѣзанъ въ видѣ патты, — задъ прямой.

№ 3. Нарядное платье изъ нинона и тафты. Юбка и лифъ изъ сплиссованнаго черного нинона; подолъ гарнированъ широкимъ бордюромъ изъ черной тафты и кружевной прошивкой, прошитой шелкомъ золотого цвѣта. Глубокій круглый вырѣзъ ворота окруженъ такимъ же кружевнымъ воротникомъ, соединеннымъ двойной тафтяной бареткой, украшенной суташевыми фестончиками; отъ концовъ воротника падаютъ двѣ кисти. Кушакъ изъ тафты соединяется спереди кружевнымъ овальнымъ мотивомъ, представляющимъ какъ бы пряжку.

№ 3. Нарядное платье изъ нинона и тафты.

№№ 4—8. Лѣтнія платья для молодыхъ дѣвицъ.

№ 4. Платье изъ вуаля. Юбка покрыта тремя высокими фестончатыми воланами, отдѣланными тройнымъ рядомъ лентъ, которыми оторочены также и фестоны. Корсажъ-блуза съ прикроеннымъ полудлиннымъ рукавомъ, свободный нижній край котораго вырѣзанъ отороченными ленточкой фестонами. Правый передокъ блузки также вырѣзанъ фестонами, и въ углубленіи каждаго фестона нашито по пуговкѣ; изъ-подъ фестоновъ, выступаетъ сплиссованное жабо изъ бѣлой кисеи; такой же воротникъ. Кушакъ изъ тафты.

№ 5. Платье изъ тафты и кисеи. Юбка годе изъ тафты свѣтло-каштановаго цвѣта желтоватаго оттѣнка; сборчатый тюникъ изъ тонкаго бѣлаго муслина обшитъ на подолѣ мелко сплиссованной рюшью изъ той же кисеи; сборчатый муслиновый корсажъ перерѣзанъ посрединѣ поперечной подшитой съ внутренней стороны кружевной прошивкой и слегка напущенъ внизу на драпированный тафтяной кушакъ; прямой рукавъ „пэйзанъ" стянутъ у кисти воланомъ, скрѣпленнымъ бантомъ изъ тафты. Сверхъ корсажа накинута коротенькая тафтяная кофта-болеро, широко открытыя переднія полочки которой заложены складками кокиле, а отъ плечъ прикроенъ родъ шарфика, который, огибая глубокій передній вырѣзъ ворота, завязывается двумя петлями.

№ 6. Платье изъ эольена и тафты. Юбка изъ тафты отдѣлана вокругъ подола тремя воланами, изъ которыхъ нижній — сборчатый—изъ тафты, верхній плоскій воланъ также изъ тафты, а между ними мелко сплиссованный воланъ изъ эольена. Такой же сборчатый тюникъ останавливается у верхняго волана. Тафтяная блузка-безрукавка съ глубокимъ овальнымъ вырѣзомъ спереди надѣта на блузонъ изъ эольена; передъ ворота свободный,—сзади рюшь изъ мелко сплиссованнаго муслина. Драпированный кушакъ изъ тафты.

№ 7. Платье изъ бѣлаго понже. Сборчатая юбка съ гладкимъ передникомъ, который пришитъ къ верхней части остальной юбки, отдѣланной двумя сборчатыми воланами черезъ промежутокъ въ 10 — 12 сант.; третій воланъ окружаетъ весь подолъ вмѣстѣ съ передникомъ. Сборчатый корсажъ-блузка съ цѣльнымъ передкомъ; глубокій круглый вырѣзъ ворота окруженъ двойнымъ узенькимъ воланомъ изъ матеріи,—сзади высокій, слегка отогнутый воротникъ изъ бѣлаго муслина; прямой рукавъ собранъ у кисти воланомъ, стянутымъ обшивкой изъ той же матеріи. Кушакъ изъ мягкаго шелка.

№ 8. Платье изъ крепдешина. Передъ юбки образуетъ воланъ, пришитый къ высокой гладкой кокеткѣ; остальная часть юбки имѣетъ форму годе, и по боковымъ линіямъ, прилегающимъ къ переднику, украшена, во все протяженіе кокетки, бордюромъ, вышитымъ выпуклой гладью. Такой же вышитый низенькій корсетикъ съ бретелями, перешнурованный спереди, составляетъ отдѣлку корсажа, воротъ котораго спереди низко скошенъ и свободенъ,—сзади полустоячій сплиссованный воланъ изъ матеріи. Полудлинный свободный рукавъ съ узкимъ вышитымъ отворотомъ.

№ 2. Костюмъ для мальчика отъ 3 — 5 лѣтъ.

№№ 9—10. Дамскія ночныя сорочки. Къ № 9 приложена 1 выкройка: Фиг. 1. Половина сорочки.

Вся сорочка № 9 кроится изъ одного куска, безъ шва на плечахъ. Матерія—батистъ или полотно—перегибается по плечевой линіи вдвое (отчего образуется четыре слоя матеріи), и вся сорочка, заложивъ предварительно плечевыя складки, выкраивается сразу, послѣ чего по означенной на выкройкѣ пунктирной линіи дѣлается передній вырѣзъ ворота. Края ворота и рукавовъ выметываются фестончиками; передъ стана и рукавъ украшаются ручной вышивкой гладью или англійскимъ швомъ.

№ 10. Ночная сорочка Регланъ. Въ этой модели, которая дѣлается обязательно изъ батиста, станъ стягивается въ таліи кулисой, образуя какъ бы лификъ, круглый воротъ также стягивается кулисой. Рукава кроятся отдѣльно и составляютъ часть ворота; у локтя они также собраны на кулисѣ.

№№ 4—8. Лѣтнія платья для молодыхъ дѣвицъ.

№№ 11—15. Лѣтнія блузки. Къ № 13 приложены 4 выкройки: отъ Фиг. 2—5.

№ 11. Простая англійская блузка. Передъ заложенъ тремя круглыми складками, которыя вверху, на протяженіи 10—12 сант., скрѣплены по краямъ строчкой; средняя складка, скрывающая внутреннюю застежку, украшена по строчкѣ двумя группами пуговокъ. Спинка гладкая съ плечевой частью, заходящей на передъ; прямой рукавъ съ манжетой, — отвороты къ этой послѣдней и воротникъ изъ бѣлаго тонкаго полотна. Кушакъ изъ той же матеріи застегивается сбоку въ видѣ патты одной большой пуговицей.

№ 12. Блузка Регланъ — надѣвается черезъ голову; передняя прорѣшка застегивается двойной группой пуговицъ на перетяжки изъ жгутиковъ. Матросскій воротникъ; низъ рукавовъ собранъ къ манжетѣ съ свободнымъ отворотикомъ изъ той же матеріи.

№ 13. Нарядная блузка. Съ 4-мя выкройками въ уменьшен-

ныхъ чертежахъ, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ.

фиг. 4.
фиг. 5.
фиг. 1.
фиг. 3.
ф. 2.

Фиг. 2. Передъ блузки.
„ 3. Половина спинки съ прикроеннымъ рукавомъ.
„ 4. Манжета къ рукаву.
„ 5. Половина воротника.

Блузка (послѣдняя фигура въ верхнемъ ряду)—изъ нинона или маркизета; оригинальнаго фасона рукавъ прикроенъ къ спинкѣ, а спереди имѣетъ форму Регланъ; скошенные въ воротѣ, перекрещенные передки, окаймленные тонкой кружевной прошивкой, пришиты сборками къ передней части рукава, образующей какъ бы кокетку; воротникъ и манжеты, въ видѣ паттъ, обшиты узенькимъ тонкимъ кружевомъ и украшены бордюрчикомъ изъ вышитыхъ гладью мушекъ.

№ 14. Блузка изъ шелковаго полотна. Совсѣмъ простая блузка съ свободнымъ скошеннымъ воротомъ и прямой застежкой спереди, обрисованной бортикомъ изъ двойного ряда прямыхъ стежковъ шелкомъ кордоне съ нашитыми черезъ ровные промежутки басонными колечками. Такія колечки легко сдѣлать самимъ, вырѣзавъ форму изъ толстой папки и обмотавъ ее плотной выметкой очень толстымъ шелкомъ кордоне или толстой глянцевитой бумагой, имѣющей совершенно видъ шелка. Воротникъ матросскаго фасона прикрѣпленъ концами не къ вороту, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ него къ передкамъ; бордюръ воротника, такъ же, какъ и манжетъ, заканчивается однимъ колечкомъ.

№ 15. Длинная блузка жакетъ изъ полотна, легкаго шелка, легкой шерстяной или бумажной матеріи и т. п. Баска кроится заодно съ блузкой и собирается въ таліи широкой кулисой, замѣняющей кушакъ. Воротъ, боковая линія застежки и подолъ отдѣланы вышитымъ галуномъ; такая же обшивка рукавовъ съ свободнымъ отворотикомъ, вышитымъ по краю мушками; такія же мушки на отложномъ воротникѣ и полукруглыхъ нашитыхъ на баскѣ кармашкахъ.

№№ 9—10. Дамскія ночныя сорочки. Къ № 9 приложена выкройка въ уменьшенномъ чертежѣ, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ.

№№ 11—15. Лѣтнія блузки. Къ № 13 приложены 4 выкройки: отъ Фиг. 2—5.

Полезные совѣты.

Какъ можно дезинфицировать загрязненную воду? Загрязненную воду дезинфицируютъ, прибавивъ въ нее самое незначительное количество марганцеваго кали, причемъ вода должна быть только слегка имъ окрашена; или же въ 4-хъ штофахъ воды размѣшиваютъ 1 чайную ложку порошка квасцовъ; или же прибавляютъ сначала достаточное количество хлорной воды, а черезъ короткій промежутокъ времени обезвреживаютъ остатокъ хлора, прибавивъ къ водѣ соотвѣтствующее количество антихлора.

Какъ можно сдѣлать испорченную воду годной для питья? Въ хозяйствѣ примѣняютъ обыкновенно кипяченіе, какъ самый простой способъ сдѣлать воду годной для питья. Во время кипѣнія воды ключомъ изъ нея улетучиваются всѣ вредныя частицы и погибаютъ всѣ микроорганизмы. Но такъ какъ отъ кипяченія вода лишается воздуха и газовъ, то отварная вода становится невкусной; это можно до нѣкоторой степени исправить, если въ продолженіе нѣкотораго времени взбалтывать въ закрытомъ сосудѣ воду вмѣстѣ съ воздухомъ или же прибавить въ нее углекислой воды, рому, краснаго вина, кофе или зеленаго чаю. Самое лучшее прибавлять въ воду красное вино (конечно, натуральное, безъ поддѣлки), такъ какъ оно содержитъ въ своей дубильной кислотѣ или taнинѣ такое вещество, которое даже въ сильно разжиженномъ видѣ обладаетъ способностью убивать микроорганизмы.

Какъ узнать не слишкомъ ли жестка вода? Въ чистой, блестящей внутри кастрюлѣ кипятятъ въ продолженіе 5 минутъ одинъ штофъ воды, затѣмъ кастрюлю снимаютъ съ огня и, если черезъ 1/4 часа вода на днѣ замутится настолько, что не станетъ видно блеска посуды, то это значитъ, что въ водѣ много извести, слѣдовательно, она не будетъ хорошей питьевой водой. Въ штофѣ воды количество извести не должно превышать 1½—2 лот. При кипяченіи жесткая вода даетъ много накипи на посудѣ. Испытывать вкусъ и запахъ воды надо при 24—28° Р., такъ какъ при этой температурѣ они обнаруживаются сильнѣе.

Мягкой водой называется такая вода, въ которой находится мало солей и совсѣмъ нѣтъ угольной кислоты и извести.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22 Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ. Измайл. просп., № 29.

№ 26. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 30 іюня 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—**14** р., на 1/2 года—**7** р., на 1/4 года—**3** р. **50** к. Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

№0936655 I серія. №0936655 I серія.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

5% ОБЛИГАЦІЯ

въ СТО РУБЛЕЙ нарицательныхъ.

Къ Вамъ, граждане великой свободной Россіи, къ тѣмъ изъ васъ, кому дорого будущее нашей Родины, обращаемъ мы нашъ горячій призывъ.
Сильный врагъ глубоко вторгся въ наши предѣлы, грозитъ сломить насъ и вернуть страну къ старому, нынѣ мертвому строю.
Только напряженіе всѣхъ нашихъ силъ можетъ дать намъ желанную побѣду.
Нужна затрата многихъ милліардовъ, чтобы спасти страну и завершить строеніе свободной Россіи на началахъ равенства и правды.
Не жертвы требуетъ отъ насъ Родина, а исполненія долга.
Одолжимъ деньги Государству, помѣстивъ ихъ въ новый заемъ, и спасемъ этимъ отъ гибели нашу свободу и достояніе.

Министръ-Предсѣдатель [handwritten signatures]

Петроградъ, 27 марта 1917 года.

Милліоны сотенъ даютъ сотни милліоновъ.

Между небомъ и землей.

Фантастическій разсказъ С. Бѣльскаго.

Съ иллюстраціями А. Ф. Максимова.

(Окончаніе).

III.

Два міра.

Компаніи „Всемірнаго Эмигранта" приходилось три раза подъ разными предлогами откладывать отправленіе Левіафана. Въ газетахъ разныхъ странъ начали появляться статьи о томъ, что прославленное изобрѣтеніе геніальнаго русскаго инженера и его бельгійскаго сотрудника существуетъ только на бумагѣ, далеко не доведено до конца, и что поэтому все предпріятіе американскихъ милліардеровъ представляетъ одну изъ тѣхъ опасныхъ капиталистическихъ авантюръ, которыя въ то время потрясали весь экономическій строй Европы. Правительства и парламенты съ возрастающимъ неудовольствіемъ слѣдили за агитаціей компаніи, которая привлекала пока въ Рансомъ сравнительно ничтожное число эмигрантовъ, но зато была вредна въ томъ отношеніи, что ослабляла энергію и трудоспособность рабочей массы. Милліоны людей охотно и быстро усвоивали аргументы такихъ проповѣдниковъ, какъ Витстонъ, и хотя и не думали о возможности покинуть землю и ничего не ждали отъ неба, но зато и на землѣ видѣли лишь безысходныя страданія, нищету, взаимную вражду, обманъ, лицемѣріе и предательство.

Желѣзный Левіафанъ, который ни за что не хотѣлъ двинуться со стапелей, чтобы направиться къ инымъ мірамъ, сдѣлался эмблемой безсилія человѣчества и его безграничныхъ стремленій. Уродливыя изображенія этого стального чудовища, ползающаго по землѣ со сломанными крыльями, служили постоянной темой для карикатуръ. Директора компаніи щедро сыпали золото, чтобы поддержать падающія акціи. Нѣкоторое время имъ это удавалось, главнымъ образомъ благодаря вліянію и энергіи Стоктона, но затѣмъ обнаружились явные признаки приближенія неминуемаго краха. Тогда все вниманіе и всѣ надежды главныхъ акціонеровъ сосредоточились на Скляровѣ. Его засыпали приказаніями, требованіями, обѣщаніями огромныхъ наградъ и премій, грозили и упрашивали; инженеръ цѣлыя ночи проводилъ за письменнымъ столомъ. Онъ пытался замѣнить вдохновеніе механической работой надъ формулами, но каждый разъ натыкался на непреодолимыя трудности. Онъ самъ, какъ и Лебренъ, отлично понималъ, что для того, чтобы закончить Левіафана, ему необходимъ еще одинъ такой часъ, какой былъ годъ назадъ въ ясное утро на берегу моря. Но часъ этотъ не приходилъ. Вдохновенія не было, и мертвое чудовище изъ желѣза и стали безпомощно повисло между небомъ и землей.

Но чѣмъ хуже шли дѣла компаніи, тѣмъ шумнѣе и веселѣе текла жизнь въ Рансомѣ. Главную часть его новаго населенія составляли не эмигранты, а скучающіе туристы, многіе изъ которыхъ успѣли побывать на всѣхъ поляхъ недавнихъ сраженій и, не найдя тамъ ничего интереснаго, толпами стекались посмотрѣть на отправленіе перваго междупланетнаго корабля. Компанія измѣнила свой первоначальный планъ, по которому Рансомъ долженъ былъ оставаться въ томъ самомъ видѣ, какой придала ему война. Развалины были декорированы растеніями, дороги усыпаны бѣлымъ пескомъ, и мало-по-малу все мѣстечко пріобрѣло шаблонный видъ моднаго курорта. Впечатлѣніе портилъ только неуклюжій остовъ Левіафана, шумъ машинъ и непрерывный стукъ паровыхъ молотовъ. Несравненно непріятнѣе была та жара удушливыхъ дней, которая все время стояла въ Рансомѣ. Компанія тщетно скрывала отъ всѣхъ истинное происхожденіе этого тропическаго климата, и даже не всѣ инженеры знали, что въ старыхъ заброшенныхъ копяхъ продолжаютъ горѣть пласты каменнаго угля. Когда тревожные слухи объ этомъ подземномъ пожарѣ распространились среди рабочихъ и туристовъ, директора „Всемірнаго Эмигранта" поступили очень просто и умно, объявивъ, что будутъ устраивать прогулки для осмотра знаменитыхъ копей стараго Рансома. Для этой цѣли были выбраны, конечно, такія шахты, куда никогда не проникалъ огонь. Галлереи освѣтили электричествомъ, украсили флагами и тропическими растеніями, скрыли два оркестра въ глубинѣ чернаго лабиринта и устроили превосходный ресторанъ на берегу подземнаго озера. Объ этомъ событіи рекламы „Эмигранта" возвѣщали съ обычными преувеличеніями, въ трескучихъ высокопарныхъ фразахъ: „Прогулки въ царствѣ вѣчнаго мрака! Обѣды въ нѣдрахъ земли! Концерты въ царствѣ Плутона!"

— Вы спуститесь въ это царство мрака?—спросилъ, улыбаясь, Менгеръ, встрѣтивъ какъ-то на площади около Левіафана свою недавнюю спутницу изъ Шарлеруа.

— Мнѣ не съ кѣмъ итти,—отвѣтила дѣвушка.—Дядя все время сидитъ за своими бумагами и оживляется только во время лекцій Витстона. А я бы очень хотѣла взглянуть на работу бельгійскихъ рудокоповъ.

— Пойдемте вдвоемъ,—предложилъ Менгеръ.

— Лучше поѣдемъ, я просто изнемогаю отъ этого невыносимаго зноя.

Кучеръ, одѣтый въ красный камзолъ, взмахнулъ длиннымъ бичомъ, и черезъ нѣсколько минутъ быстрой ѣзды они остановились передъ высокимъ бѣлымъ павильономъ, вокругъ котораго стояла густая толпа, ожидавшая очереди, чтобы попасть въ одинъ изъ лифтовъ и спуститься на глубину въ 300 метровъ. Спускъ продолжался шесть минутъ. Когда Ида и ея спутникъ очутились на днѣ шахты, они были глубоко разочарованы. Вмѣсто мрачныхъ сводовъ таинственнаго лабиринта они увидѣли передъ собой длинную залу, стѣны и потолокъ которой были красиво задрапированы желтой матеріей, сотни электрическихъ лампъ освѣщали длинные ряды столиковъ, украшенныхъ букетами живыхъ цвѣтовъ.

— Боже мой, какая бѣдная фантазія у хозяевъ Рансома!—воскликнула Ида.—Они ничего лучшаго не придумали, какъ цѣликомъ перенести сюда одинъ изъ ресторановъ. Пойдемте куда-нибудь дальше. Мнѣ хочется увидѣть неприкрашенное подземное царство.

Углубившись въ извилистую галлерею, они скоро очутились на границѣ освѣщеннаго пространства, передъ низкой аркой съ надписью: „Во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ просятъ не ходить дальше безъ проводника".

— Теперь начнется самое интересное,—сказала Ида.

— А вы не боитесь?

Вмѣсто отвѣта дѣвушка рѣшительно пошла впередъ. Навстрѣчу ей откуда-то изъ невидимаго углубленія вышелъ высокій малый, одѣтый въ новенькій костюмъ бельгійскаго рудокопа, и, держа въ рукахъ шляпу, предложилъ свои услуги, чтобы показать копи.

— Мы знаемъ дорогу не хуже васъ! — отвѣтилъ Менгеръ и былъ очень доволенъ, увидѣвъ по глазамъ Иды и по ея улыбкѣ, что она вполнѣ одобряетъ этотъ легкомысленный отвѣтъ.

Проводникъ пожалъ плечами.

— Увѣряю васъ, что вы заблудитесь съ первыхъ шаговъ! Тамъ 240 галлерей!

Но молодые люди уже не слушали его; взявшись за руки, они, какъ дѣти, со смѣхомъ побѣжали по галлереѣ. На стѣнахъ кое-гдѣ тускло горѣли фонари, освѣщавшіе горбатыя глыбы песчаника, заржавленные рельсы, гнилые столбы.

— Не вернуться ли назадъ? — сказала дѣвушка, останавливаясь на поворотѣ галлереи.

— Вернуться? Но вѣдь мы такъ близко отъ входа, что еще слышна музыка.

Они осторожно двинулись дальше. Менгеръ зажегъ карманный электрическій фонарь и все время держалъ его такъ, что Ида оставалась въ голубоватомъ кругѣ свѣта.

— Какъ давитъ этотъ камень! Я чувствую, что надъ нами стоитъ весь Рансомъ, — сказала дѣвушка. — Нѣтъ, я больше не могу! Здѣсь слишкомъ душно!

Они сдѣлали еще нѣсколько шаговъ, повернули обратно и очутились въ какой-то обширной пещерѣ, гдѣ стояла перевернутая заржавленная вагонетка и слышался захлебывающійся шумъ невидимаго ручья, падавшаго въ бездонную пропасть.

— Мы здѣсь не были! — останавливаясь, съ испугомъ сказала Ида.

Менгеръ поднялъ фонарь надъ головой. На нихъ злобно глянули нависшія каменныя громады, потревоженныя свѣтомъ.

— Пойдемте отсюда! — въ ужасѣ прошептала дѣвушка, таща за руку своего спутника.

— Но куда? Подождите, ради Бога: вѣдь мы можемъ окончательно заблудиться! — Онъ поставилъ фонарь на землю, усѣянную обломками угля, и прислушался.—Слышите? Музыка! Теперь я знаю, куда итти.

Менгеръ рѣшительно направился къ одной изъ черныхъ расщелинъ, и за нимъ покорно, не возражая, шла Ида. Музыка, игравшая вальсы, то удалялась, то приближалась: галлереѣ не было конца, итти становилось все труднѣе, и наконецъ, совершенно обезсиленные, они опустились на камень, загородившій имъ дорогу. Они сидѣли такъ близко другъ отъ друга, что Менгеръ чувствовалъ, какъ дрожитъ рука дѣвушки. Она взглянула на него глазами полными слезъ и прошептала:

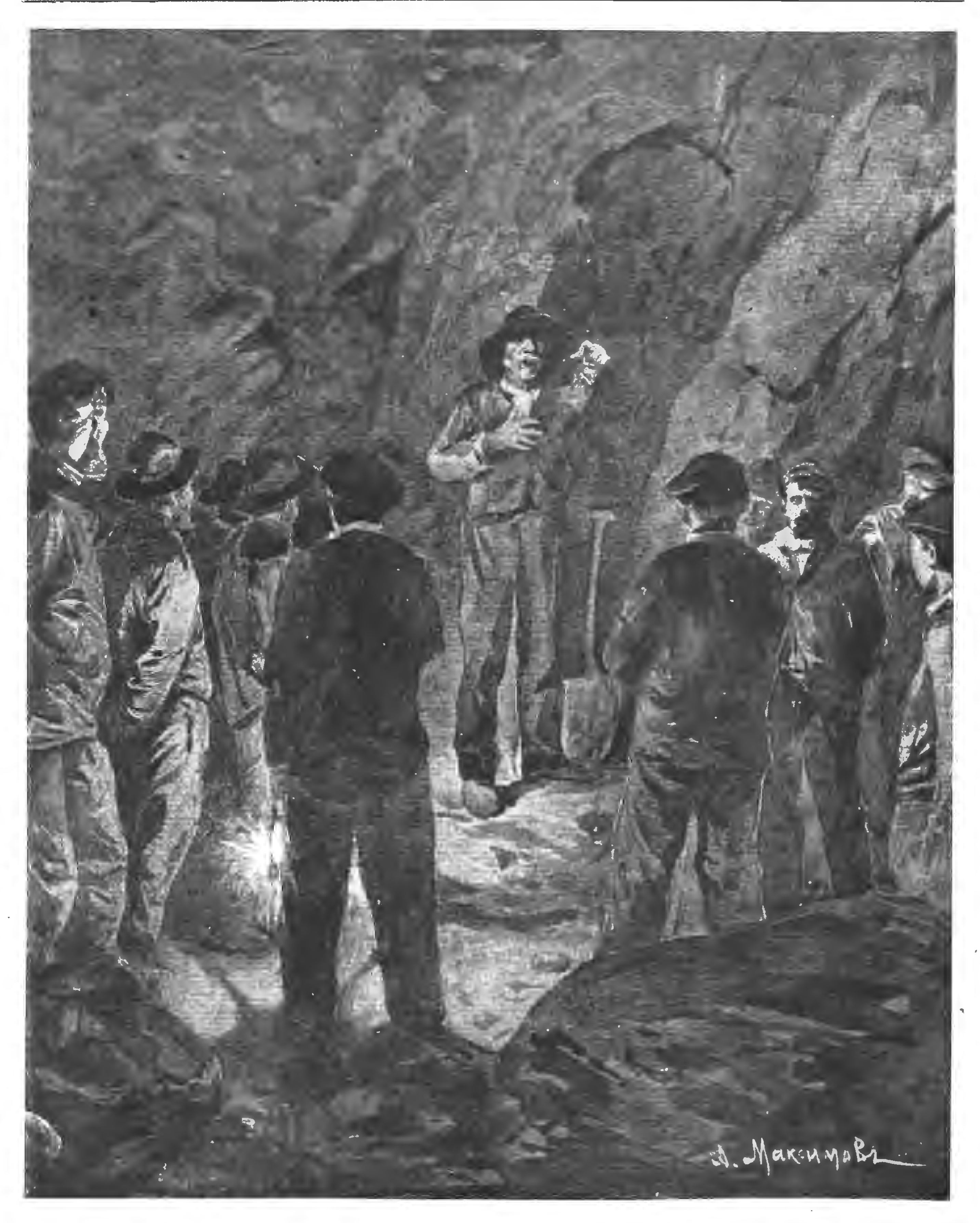
— Неужели мы навсегда останемся здѣсь?

Въ эту минуту Менгеру хотѣлось, чтобы они еще долго ходили вдвоемъ по лабиринту, созданному рудокопами.

— Успокойтесь,—отвѣтилъ онъ.—Если мы не выберемся сами,—насъ найдутъ. Но я хотѣлъ бы, чтобы это случилось не скоро.

— Почему?

— Потому что эти камни держатъ васъ около меня.



„Между небомъ и землей"
Рис. *А. Максимова.*

— Мы пережили страшное время, услышали Ида и Менгеръ. Когда сюда пришли нѣмцы, насъ было двѣсти тридцать человѣкъ... (стр. 392).

— Для этого, можетъ-быть, не нужно цѣлаго подземнаго лабиринта, — отвѣтила Ида, улыбаясь сквозь слезы.—Но все-таки пойдемте!—продолжала она, отнимая свою руку.

Они снова наудачу двинулись впередъ, руководимые тѣмъ инстинктомъ, который заставляетъ всѣхъ заблудившихся бродить до полнаго изнеможенія, иногда безъ всякой надежды на спасеніе.

Неожиданно впереди блеснулъ яркій свѣтъ, послышались громкіе голоса, и молодые люди, скрытые за обломкомъ скалы, увидѣли странную картину, которая навсегда осталась въ ихъ памяти. Среди круглой пещеры стояла кучка рудокоповъ, человѣкъ десять или пятнадцать. Въ этой неподвижной толпѣ были старики и молодые, на всѣхъ лицахъ застыло одно выраженіе которое дѣлало ихъ похожими другъ на друга и въ которомъ было что-то общее съ мрачными и суровыми глыбами камня, нависшими сверху и съ боковъ. Красный свѣтъ фонарей освѣщалъ покрытыя черной пылью лохмотья, лопаты и кирки, отполированныя и истертыя долгой работой. Рудокопы со вниманіемъ

„Между небомъ и землей".
Рис. *А. Максимова.*

— Скажите,—обратилась Ида къ своему спутнику, когда они сѣли за одинъ изъ столиковъ,—возможно ли, чтобы рядомъ съ этимъ міромъ существовалъ тотъ, другой?.. (стр. 392)

который былъ на цѣлую голову выше своихъ товарищей.—Эти дураки поставили свою машину какъ разъ надъ потолкомъ копи Св. Христофора. Тамъ, вы знаете, галлереи давно обвалились, и теперь вся постройка виситъ на тонкомъ слоѣ угля. Должно-быть, самъ чортъ вмѣшался въ это дѣло и держитъ ее до сихъ поръ! Вотъ я и думаю, что, если бы пустить туда огонь и потомъ, когда уголь выгоритъ, заложить пуда два динамита...

— Я ухожу,—сказалъ Шаветъ.—Вы знаете, что я не предатель, но вы еще пожалѣете о томъ, что̀ дѣлаете!..

Онъ повернулся и, сопровождаемый враждебными взглядами, легкой походкой направился по темнымъ галлереямъ съ такой увѣренностью, какъ будто шелъ по ярко освѣщеннымъ улицамъ. Ида, которая едва держалась на ногахъ отъ волненія, и Менгеръ пошли вслѣдъ за рудокопомъ и, къ своему удивленію, черезъ нѣсколько минутъ увидѣли длинную ленту огней въ галлереяхъ, открытыхъ для публики. Среди разноцвѣтныхъ электрическихъ лампъ и разряженной толпы Идѣ показалось, что они вернулись изъ царства призраковъ.

— Скажите,—обратилась она къ своему спутнику, когда они сѣли за одинъ изъ столиковъ,—возможно ли, чтобы рядомъ съ этимъ міромъ существовалъ тотъ, другой, который мы видѣли? И какой изъ нихъ настоящій? Или оба они только миражи? Подуетъ холодный вѣтеръ, и все исчезнетъ.

заговорщиковъ слушали высокаго слѣпого старика, который, стоя на глыбѣ угля, говорилъ рѣзкимъ металлическимъ голосомъ.

— Мы пережили страшное время,—услышали Ида и Менгеръ.—Когда сюда пришли нѣмцы, насъ было двѣсти тридцать человѣкъ, а теперь осталось всего тринадцать! Гдѣ ваши дѣти? Гдѣ жены и матери? Я благодарю Бога, что не вижу теперь Рансома и, расхаживая среди его развалинъ, все еще представляю его себѣ такимъ, какимъ онъ былъ до войны. Ни здѣсь ни тамъ наверху враги не оставили ничего. На что вы можете надѣяться? Я вамъ отвѣчу. Все будущее этого клочка земли заключается въ вашихъ рукахъ и въ вашемъ сердцѣ. Не поддавайтесь малодушію, не слушайте такихъ людей, какъ Витстонъ или нашъ товарищъ Шаветъ, которые предлагаютъ все бросить и бѣжать отсюда.

Старикъ говорилъ съ пріемами очень опытнаго митинговаго оратора. Онъ не волновался, не спѣшилъ и чутко слѣдилъ за настроеніемъ кучки своихъ слушателей, которые поддерживали его одобрительными восклицаніями.

— Я не вѣрю въ сумасшедшія бредни о томъ, будто бы наука неожиданно открыла путь въ другіе міры. Можетъ-быть, это когда-нибудь случится, но насъ не будетъ среди тѣхъ, кто покинетъ землю для неба. Мы дѣти земли и, пока живы, не промѣняемъ ее даже на рай. Опозоренная, оскверненная, она все же для насъ дороже, чѣмъ всѣ сверкающія звѣзды.

— Очень хорошо!—съ едва скрытымъ раздраженіемъ сказалъ одинъ изъ рудокоповъ, котораго Ида видѣла на лекціи Витстона.—Но, право, товарищи, странно слышать такія рѣчи отъ старика Мальяра, лучшаго оратора непримиримыхъ рабочихъ.

— Подожди, Шаветъ! Я молчалъ, пока ты говорилъ.

— Я знаю, куда ты клонишь,—ты хочешь уничтожить Левіафана!

— Да, я его уничтожу!—смѣло отвѣтилъ Мальяръ, и слова его были заглушены энергичными сочувственными возгласами.—Это безкрылое чудовище ненавистно мнѣ, потому что въ немъ заключена идея, разслабляющая волю. Я всю жизнь искалъ земного счастья...

— И что̀ же ты нашелъ?—насмѣшливо спросилъ Шаветъ.—За проклятую работу подъ землей тебѣ платили ровно столько, чтобы ты не умеръ съ голода. Сосчитай, сколько разъ ты видѣлъ солнце, прежде чѣмъ ослѣпъ. Теперь на мѣстѣ твоего дома—обгорѣвшіе камни, сыновья убиты на Маасѣ, и ты не знаешь даже, гдѣ ихъ могилы. Не много тебѣ дала земля, Мальяръ! И помоему ты напрасно вѣчно ссорился съ аббатомъ Гилуа, который тоже совѣтовалъ тебѣ чаще смотрѣть на небо.

Эти горячія слова не произвели на слушателя ни малѣйшаго впечатлѣнія.

Со всѣхъ сторонъ послышались негодующія восклицанія.

— Уходи отсюда! Ступай къ директорамъ „Эмигранта!" Мы обойдемся и безъ тебя! Не вздумай только насъ выдать! Говори, Мальяръ, что̀ надо дѣлать?

— Я знаю, что̀ надо дѣлать!—сказалъ одинъ изъ рудокоповъ,

— По-моему, слѣдовало бы все-таки предупредить главныхъ инженеровъ объ этихъ заговорщикахъ,—задумчиво сказалъ Менгеръ.

— Не смѣйте этого дѣлать!—горячо воскликнула Ида.—Я вамъ запрещаю объ этомъ говорить хоть одно слово! Слышите?

Молодой человѣкъ съ удивленіемъ взглянулъ на раскраснѣвшееся лицо дѣвушки.

— Вы, значитъ, въ заговорѣ съ этимъ Мальяромъ и другими?—улыбаясь, спросилъ онъ.

— Я не хочу выдавать чужихъ тайнъ.

— А Левіафанъ?

— Пусть онъ погибнетъ! Я ничего такъ не желаю. Меня не привлекаетъ ваше холодное пустое небо съ его невѣдомыми мірами. Я вѣрю, какъ и Мальяръ, въ то, что ужасы войны смѣнятся полнымъ и свѣтлымъ счастьемъ для всѣхъ людей. Мы завоюемъ новый міръ не тамъ, а здѣсь. Мы носимъ его въ своемъ сердцѣ,—повторила она слова рудокопа.

— Ну, а если все-таки наукѣ удастся осуществить эту великую мечту? Динамитомъ такой идеи разрушить нельзя: она безсмертна!

— А давно ли кто-то говорилъ, что чувствуетъ себя счастливымъ со мною даже въ этомъ каменномъ склепѣ? Но пусть осуществится эта ваша чудесная идея: пусть въ небѣ гдѣ-нибудь откроется для людей та прекрасная страна, о которой говорятъ агитаторы, приглашенные Стоктономъ. Пусть! И вотъ, если бы я вамъ сказала тогда: выбирайте небо безъ меня или землю со мною, что̀ бы вы отвѣтили?

— Пусть погибнетъ Левіафанъ, я готовъ самъ пойти и помогать этому Мальяру,—отвѣтилъ Менгеръ.

На другой день утромъ, когда Ида подошла къ окну, она увидѣла огромный столбъ густого чернаго дыма, поднимавшагося рядомъ съ верфью. Слухъ о подземномъ пожарѣ уже распространился по всему Рансому. Въ гостиницѣ многіе торопливо укладывали свои вещи, чтобы ѣхать въ Шарлеруа. Управляющіе, лекторы и агенты компаніи и самъ Стоктонъ выбивались изъ силъ, чтобы доказать, что никакой опасности нѣтъ, и что произошла лишь маленькая вспышка подземнаго огня. Но имъ никто уже не вѣрилъ. Къ вечеру работа прекратилась, дымъ окуталъ всю верфь, и Левіафанъ плавалъ въ густыхъ облакахъ, которыя по временамъ совершенно скрывали его корпусъ. Наступила тревожная ночь. Въ Рансомѣ никто не ложился спать, и всѣ чего-то ждали. Въ одной изъ залъ гостиницы до разсвѣта засѣдалъ совѣтъ главныхъ инженеровъ и директоровъ подъ предсѣдательствомъ самого Стоктона. Не было только Склярова. Его нигдѣ не могли найти и начинали думать, что съ инженеромъ случилось какое-нибудь несчастье. Среди общей сумятицы и растерянности одинъ Стоктонъ сохранялъ невозмутимое спокойствіе. Онъ выслушивалъ совѣты своихъ подчиненныхъ и друзей съ видомъ человѣка, обдумывающаго какой-то важный планъ, и никому не давалъ рѣшительныхъ отвѣтовъ, все затягивая и затягивая обсужденіе тѣхъ мѣръ, которыя могли бы еще спасти сооруженіе отъ гибели и остановить развитіе подземнаго пожара. На разсвѣтѣ,

въ залу, гдѣ въ облакахъ табачнаго дыма все еще засѣдало правленіе „Всеміpнаго Эмигранта", ворвался Скляровъ. Его костюмъ былъ въ безпорядкѣ, руки и лицо покрыты слоемъ копоти. Не замѣчая обращенныхъ на него удивленныхъ взглядовъ. онъ подбѣжалъ къ столу и, задыхаясь отъ радостнаго волненія, крикнулъ Стоктону:

— Я нашелъ! И вѣдь это было такъ просто! Какъ мы всѣ раньше не видѣли, что надо сдѣлать, чтобы рѣшить послѣднюю задачу? Не понимаю! Вотъ, смотрите!

И, схвативъ со стола карандашъ, онъ началъ увѣренно и быстро набрасывать широкими штрихами рядъ чертежей и формулъ, въ которыхъ скрывалась та тайна, которую съ нетерпѣніемъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ ждалъ весь міръ, слѣдившій за окончаніемъ постройки Левіафана. Сначала въ залѣ стояла мертвая тишина, потомъ вдругъ всѣ встали со своихъ мѣстъ, окружили инженера, и Скляровъ не успѣлъ кончить своихъ объясненій, такъ какъ его голосъ заглушили шумныя восторженныя восклицанія, возгласы удивленія и восхищенія. Стоктонъ поблѣднѣлъ и разомъ потерялъ все свое хладнокровіе.

— Я боюсь, что мы опоздали!—сказалъ онъ.—Если бы вы сдѣлали это вчера!

Онъ началъ отдавать торопливыя приказанія: въ нѣсколько минутъ поставилъ на ноги всѣхъ рабочихъ и вмѣстѣ съ инженерами послалъ ихъ отвести въ горѣвшую галлерею воду изъ прудовъ и ручьевъ Рансома. Но было уже поздно. Подземные своды, охваченные пламенемъ, начали замѣтно уступать давленію огромной массы желѣза и камня; почва подъ Левіафаномъ колебалась, съ страшнымъ грохотомъ рушились связи и скрѣпы, и корпусъ судна дрожалъ и раскачивался, словно охваченный бурей. Каждое его движеніе сопровождалось криками огромной толпы зрителей, собравшихся на другомъ концѣ Рансома. Никто, не исключая и самыхъ трусливыхъ, собиравшихся недавно бѣжать въ Шарлеруа, не могъ отвести глазъ отъ этого зрѣлища медленной гибели стального чудовища, озареннаго первыми лучами восходившаго солнца. И вдругъ вся эта толпа, среди которой стояли Ида, ея дядя и Менгеръ, замерла отъ ужаса. Къ Левіафану бѣжали четыре человѣка, — Скляровъ, Лебренъ, агитаторъ Витстонъ и Шаветъ.

— Мы еще успѣемъ пустить въ ходъ машину! — крикнулъ Скляровъ,—тамъ цѣлая Ніагара энергіи, — и отведемъ ее въ безопасное мѣсто! Скорѣй!

Всѣ они черезъ нѣсколько минутъ исчезли въ облакахъ дыма и долго спустя,—промежутокъ этотъ показался зрителямъ цѣлой вѣчностью,— появились на розовой отъ лучей солнца поверхности гигантскаго ящера.

— Смотрите, вотъ Мальяръ! — сказала Ида, схвативъ за руку Менгера и глазами указывая на высокую фигуру слѣпого рудокопа. Онъ стоялъ такъ, что солнце било прямо въ его лицо, и съ высоко поднятой головой къ чему-то прислушивался.

— Я знаю, чего онъ ждетъ, — сказалъ Менгеръ.

Въ это мгновенье оглушительный взрывъ потрясъ весь Рансомъ. Волна подземнаго прибоя прокатилась подъ равниной и разбилась подъ верфью. Толпа, бросившаяся бѣжать въ разныя стороны, увидѣла, какъ Левіафанъ рванулся въ высь, куда стремилась его направить воля человѣка, и, наклонившись, тяжело рухнулъ на землю, исчезнувъ среди горы обломковъ и клубовъ дыма

---

* * *

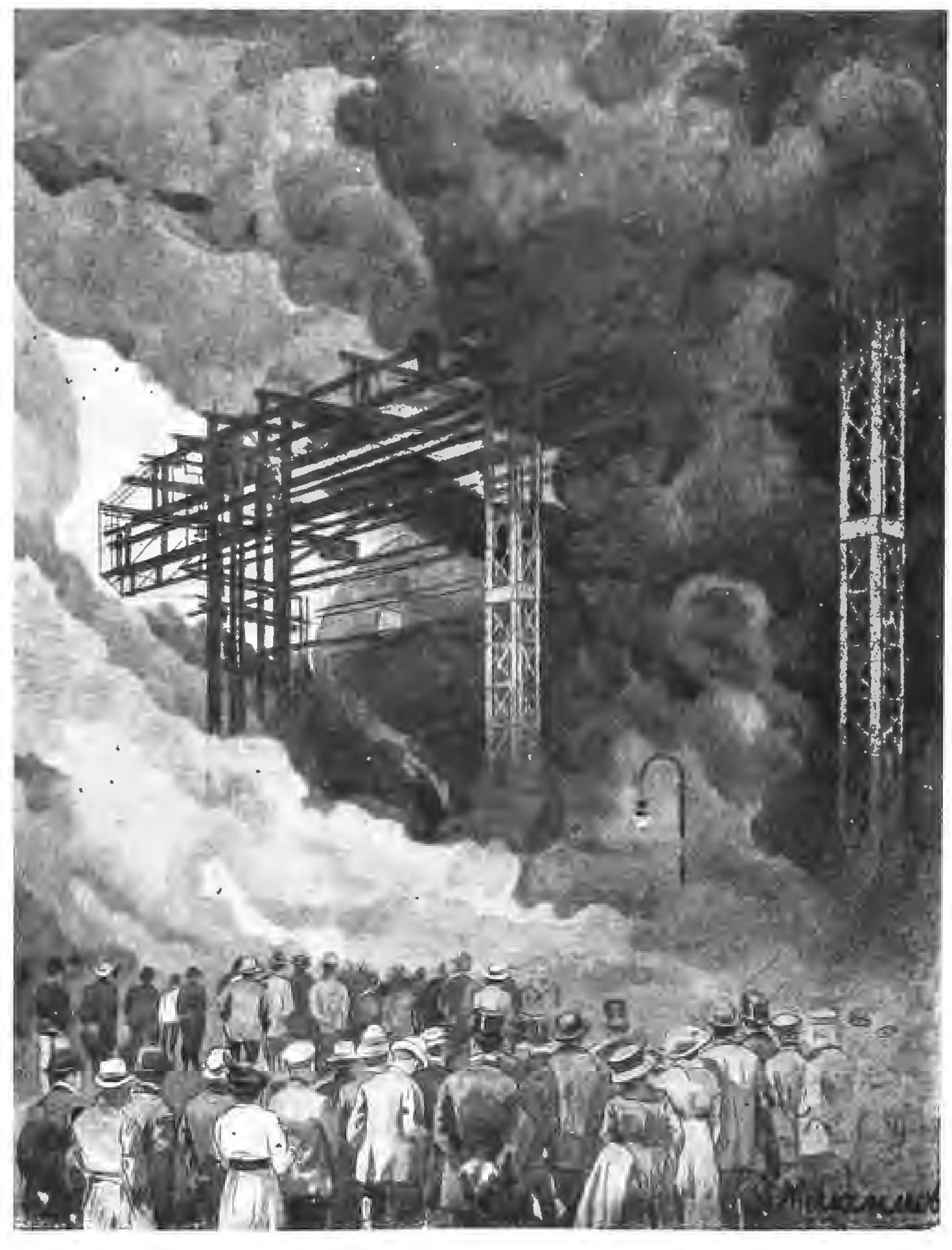
Дерзай, народъ... Ты всталъ — и пали цѣпи,
Ты зашумѣлъ, какъ вешняя рѣка...
Но красоту былыхъ великолѣпій
Да пощадитъ народная рука.

Губить легко... Ударъ — и нѣтъ статуи,
Кинжала взмахъ — померкъ Мадонны ликъ...
Влюбленностью въ гармонію святую,
А не злодѣйствомъ человѣкъ великъ.

Великимъ будь, о, ты, народъ великій!
Взойдя въ дворецъ, дворца достойнымъ будь...
Не разрушай... Прекрасны базилики,
Чья бъ ни дышала роскошью ихъ грудь.

Зови туда всѣхъ, счастьемъ обдѣленныхъ,
На пиръ искусствъ, а не на гнѣвъ и страхъ...
Умѣлъ ты жить въ избушкахъ прокуренныхъ,
Теперь жить пробуй въ царственныхъ дворцахъ!

Алексѣй Липецкій.



„Между небомъ и землей". Рис. А. Максимова.

Подземные своды, охваченные пламенемъ, начали замѣтно уступать давленію огромной массы желѣза и камня... (стр. 393).

Женскій Батальонъ Смерти.

Русская женщина, видя безсиліе словъ призыва къ защитѣ родины на фронтѣ, рѣшила подвигнуть своихъ отцовъ и братьевъ личнымъ примѣромъ.

Въ Петроградѣ образовался Женскій Союзъ помощи родинѣ, организующій активную защиту родины на фронтѣ. Слѣдуя его призыву, нѣсколько сотъ молодыхъ женщинъ образовали первый „Батальонъ Смерти". Есть среди этой мужественной молодежи много интеллигентныхъ, курсистки, сестры милосердія. У восьмерыхъ изъ нихъ грудь украшена Георгіевскимъ отличіемъ. Грудь, украшенная высшимъ отличіемъ за подвигъ милосердія, мужественно открыта теперь врагу.

Ихъ лозунгъ—смерть за свободу и за честь родины. Въ этомъ залогъ ихъ безсмертія.

Георгіевскіе кавалеры Женскаго Батальона Смерти. Рядовыя батальона, во главѣ съ командиромъ Бочкаревой, награжденныя Георгіевскими отличіями за свою прежнюю доблестную дѣятельность для русскаго воинства.

Командующая Женскимъ Батальономъ Смерти — унтеръ-офицеръ Марія Бочкарева, героиня нынѣшней кампаніи, шесть разъ раненая и много разъ награжденная за воинскіе подвиги на полѣ брани. Передъ выступленіемъ Батальона Смерти на фронтъ Марія Бочкарева произведена военнымъ министромъ А. Ф. Керенскимъ въ офицеры.

Ихъ вождь — женщина-воинъ, испытанный боецъ, унтеръ-офицеръ Марія Бочкарева, жена солдата-крестьянина. Шесть разъ раненая въ эту войну и награжденная за выдающіеся боевые подвиги солдатскимъ Георгіевскимъ крестомъ, Марія Бочкарева—заслуженная избранница избранницъ Смерти. Вѣра ихъ въ своего доблестнаго командира—твердая слѣпая: повиновеніе—незыблемое.

Въ этомъ Батальонѣ Смерти воскресъ „легіонъ безсмертныхъ".

Леониды Спарты.

Спартанская простота и дисциплина во всемъ. Встаютъ въ 5 часовъ утра и обучаются на плацу до 9 часовъ вечера. Краткій отдыхъ и простой солдатскій обѣдъ. Двойной рабочій день и семь часовъ сна на голыхъ доскахъ.

Обученіе строю, ружейнымъ пріемамъ и проч. пройдено всѣми четырьмя взводами Женскаго Батальона въ очень краткій срокъ. До выступленія на фронтъ Батальону Смерти произвелъ смотръ Главнокомандующій войсками Петроградскаго округа генералъ-маіоръ Половцевъ.

Женскій Батальонъ Смерти. Обученіе стрѣльбѣ на плацу батальона.

Женскій Батальонъ Смерти, организованный въ Петроградѣ унтеръ-офицеромъ Маріей Бочкаревой и отправившійся на фронтъ 23-го іюня с. г. По фот. Я. Штейнберга

Главнокомандующій войсками Петроградскаго военнаго округа генералъ-маіоръ Половцевъ производитъ смотръ Женскому Батальону Смерти на батальонномъ плацу.

скій полкъ, 1-й и 4-й донскіе казачьи полки, дружина добровольцевъ увѣчныхъ, юнкера Михайловскаго артиллерійскаго училища, запасные гвардейскіе батальоны Преображенскаго и Волынскаго полковъ, гвардейскій и Балтійскій флотскіе экипажи. Всѣ эти воинскія части участвовали затѣмъ вмѣстѣ съ Женскимъ Батальономъ Смерти въ грандіозной военной манифестаціи по всему городу для выраженія сочувствія наступленію нашей арміи на фронтѣ, для призыва страны къ побѣдному движенію на врага.

При освященіи знамя Батальона было прикрыто знаменемъ Союза Георгіевскихъ кавалеровъ. Это былъ символъ благословенія героевъ войны грядущимъ героямъ.

Батальонъ Смерти выступилъ на фронтъ 23-го іюня.

Въ страшный, смутный часъ русская женщина мужественно подняла голову и вышла въ ряды передовыхъ бойцовъ. Пусть это будетъ примѣръ, высокій примѣръ патріотизма, убѣдительный примѣръ гражданственности. Пусть высится золотое съ чернымъ крестомъ знамя Женскаго Батальона Смерти во славу русской женщины, пусть украситъ этотъ подвигъ ея страницы новой русской исторіи.

Русское воинство торжественно проводило Батальонъ Смерти, вручивъ ему знамя побѣды.

На торжество врученія знамени Женскому Батальону Смерти собрались на Исаакіевскую площадь: 9-й запасный кавалерій-

Команда съ обѣдомъ для батальона. Обѣдъ выдавался изъ близъ расположенныхъ казармъ гвардейскаго флотскаго экипажа.

За обѣдомъ въ батальонной столовой.

Подъ сѣнь Георгіевскаго знамени стала и Марія Бочкарева.

Союзъ Георгіевскихъ кавалеровъ передалъ новопроизведенному офицеру командиру Батальона Смерти портупею, шашку и револьверъ.

Марія Бочкарева обнажила шашку, поцѣловала ее и, опустившись на колѣни, земно поклонилась делегатамъ Союза Георгіевскихъ кавалеровъ.

Церковь благословила великій подвигъ доблестныхъ женщинъ. Петроградскій архіепископъ Веніаминъ и Уфимскій епископъ Андрей напутствовали Батальонъ Смерти образомъ Тихвинской Божіей Матери.

Во главѣ делегатокъ многихъ женскихъ организацій, явившихся на торжество женской доблести и патріотизма, была знаменитая поборница женскаго равноправія въ Англіи, миссъ Пэнкхерстъ, недавно прибывшая въ Петроградъ, для ознакомленія съ женскимъ движеніемъ въ революціонной Россіи (см. портр. на стр. 401).

Женскій Батальонъ Смерти, организованный въ Петроградѣ унтеръ-офицеромъ Маріей Бочкаревой и отправившійся на фронтъ 23-го іюня с. г. По фот. Я. Штейнберга.

Запись волонтеровъ въ ударные батальоны въ Петроградѣ.

Выдача волонтерскихъ билетовъ отправляющимся на фронтъ добровольцамъ революціонной арміи.

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть **Ренэ Бенжамэна.**

Авторизованный переводъ съ французскаго **М. П. Благовѣщенской.**

(Продолженіе).

Когда Гаспаръ явился наконецъ въ казармы съ опозданіемъ въ пятьдесятъ три часа, фурьеръ встрѣтилъ его возгласомъ:

— Ну, братъ, хорошая катавасія тебя ждетъ!

Гаспаръ принялъ видъ оскорбленной невинности и отвѣтилъ съ достоинствомъ:

— Во-первыхъ, по какому праву вы „тыкаете" мнѣ? А потомъ, кажется, я съ вами не заговаривалъ... Подпрапорщикъ вы, что ли? Нѣтъ? Ну, такъ чего же вы?..

Но подпрапорщикъ былъ уже тутъ, онъ прибѣжалъ. Вотъ уже двѣ ночи, какъ Дюпуйя не смыкалъ глазъ! Онъ уже заранѣе смаковалъ свой рапортъ по начальству. Онъ зарычалъ:

— Великолѣпно! Хорошую штуку вы выкинули! Вы, подлежащій отсылкѣ на фронтъ! Это пахнетъ военнымъ судомъ и дисциплинарнымъ батальономъ!

Гаспаръ принялъ вызывающую позу:

— Я объяснюсь передъ офицерами.

Вскорѣ появился лейтенантъ.

— А, вотъ онъ, дезертиръ!.. Это еще что такое?

Гаспаръ отвѣтилъ упорно:

— Прошу разрѣшенія поговорить съ капитаномъ.

Капитанъ побывалъ уже на войнѣ. Это былъ другъ Пюша. А потому Гаспаръ не боялся капитана. Однако, когда онъ явился къ нему, то увидалъ, что губы его отнюдь не улыбаются, и въ глазахъ его не проглядываетъ и тѣни снисходительности. Гаспаръ смутился и заговорилъ, запинаясь:

— Капитанъ... во всемъ виновата мэрія. Я говорилъ имъ насчетъ отпуска, а они сказали, что это ничего не значитъ, что пусть мой мальчишка остается незаконнымъ!.. А вотъ это-то и мучило меня. Я не могъ возвратиться сюда, не порѣшивъ съ этимъ дѣломъ... Капитанъ, я не хотѣлъ, чтобы говорили, если бы я подохъ, что Гаспаръ негодяй, разъ его мальчишка остался незаконнымъ... А теперь мой сынъ Гаспаръ, какъ и я... и если тѣ свиньи вздумаютъ черезъ двадцать лѣтъ снова напасть на насъ...

— Это все равно,—сказалъ капитанъ.—Существуютъ правила, и я долженъ посадить тебя.

— Капитанъ,—возразилъ Гаспаръ,—я прошу разрѣшенія немедленно же отправиться на фронтъ, чтобы задать тамъ трепку бошамъ.

— Немедленно?—замѣтилъ капитанъ.—Ужъ не думаешь ли ты, что на фронтъ отправляются каждыя три минуты, какъ трамваи съ Монпарнаса?.. Нѣтъ, не ранѣе, какъ черезъ десять дней.

— Послушайте... капитанъ... Вѣдь это изъ-за моего мальчишки...

— Дѣло не въ одномъ только твоемъ сынѣ,—возразилъ капитанъ.—Тебѣ ставятъ въ вину еще исторію съ жандармомъ... Я получилъ донесеніе. Что ты тамъ надѣлалъ передъ отъѣздомъ отсюда? Вѣдь ты оскорбилъ жандарма?

— Оскорбилъ! — удивился Гаспаръ. — Этакая падаль!.. Вы послушайте только, капитанъ, я разскажу вамъ все по порядку... какъ это произошло. Вдругъ, откуда ни возьмись, позади меня появился этотъ шутъ горох...

— Не забывайся и выбирай приличныя выраженія!

— Да, такъ вотъ... увидя его, я пошелъ скорѣе. Онъ тоже пошелъ скорѣе. А я и говорю себѣ: „Э, да этотъ парень думаетъ, что онъ поймалъ мошенника! Такъ доставимъ ему удовольствіе!" Слава Богу, я былъ чистъ и невиненъ и ничего не зналъ за собой, такъ чего же тамъ... И вотъ я началъ садить, онъ за мной... Наконецъ онъ нагналъ меня и говоритъ: „Почему это вы бѣжите?" А я: „Почему я бѣгу? Да потому, что я тороплюсь". А онъ мнѣ: „Почему же вы такъ торопитесь?" А я ему: „Почему я тороплюсь? Господи, да потому, что я опоздалъ". Тогда онъ мнѣ говоритъ такъ: „Вы заставили меня бѣжать съ самой площади. Вы, должно-быть, просто удираете". „Удираю? — говорю я.—Зачѣмъ мнѣ удирать?" А онъ мнѣ: „Ладно, а есть ли у васъ отпускъ?" А я ему: „Есть ли у меня отпускъ? Надо полагать, что у меня есть отпускъ". Тогда онъ мнѣ: „Почему же вы его не предъявляете, разъ онъ у васъ есть?" „Почему я его не предъявляю"...

— Послушай, милый мой,—прервалъ его капитанъ,—тебѣ мало, что ты вывелъ изъ терпѣнія жандарма, ты хочешь и меня довести до бѣлаго каленія? А несчастнаго жандарма ты дѣйствительно замучилъ! Мало того, пререкаясь съ нимъ, ты сказалъ наконецъ, что предпочитаешь лучше быть бошемъ, чѣмъ жандармомъ!

— Капитанъ, увѣряю васъ...

— Довольно! Сейчасъ же отправляйся подъ арестъ... А потомъ посмотримъ.

Это было сказано твердо и рѣшительно. Гаспаръ едва успѣлъ пожать руку своему другу Муссу, который во-время явился изъ отпуска и былъ въ отчаяніи отъ исторіи съ Гаспаромъ. Гаспара отвели въ карцеръ, и онъ провелъ тамъ ночь. На слѣдующее утро, когда онъ вышелъ оттуда, онъ поразилъ всѣхъ своимъ видомъ. Его товарищи по несчастью, ночевавшіе въ карцерѣ,

разсказывали, что онъ плакалъ до глубокой ночи и все повторялъ:

— Нѣтъ больше правды на землѣ, нѣтъ справедливости! Не хочу, чтобы кто-нибудь изъ мальчиковъ, которые у меня еще родятся, былъ законнымъ! Пусть всѣ будутъ незаконными, разъ въ этой паршивой странѣ... для того, чтобы ребенокъ былъ законнымъ, отецъ долженъ ночевать въ тюрьмѣ!

Капитану стало жалко Гаспара, когда онъ увидалъ его физіономію, и онъ сказалъ:

— Гаспаръ, тебѣ не придется отсидѣть восемь дней... сполна. Требуются двадцать охотниковъ черезъ сорокъ восемь часовъ. Ты согласенъ итти?

— Согласенъ ли я!—крикнулъ Гаспаръ въ восторгѣ.

— Въ такомъ случаѣ, эти два дня ты будешь помогать въ цейхгаузѣ. Ты одѣнешь моихъ рекрутовъ.

— Слушаю! Это... это мнѣ дѣло знакомое.

Но какъ разъ въ этотъ моментъ появился Дюпуйя. Въ рукахъ онъ держалъ донесеніе, глаза его горѣли злорадствомъ. Гаспаръ нахмурилъ брови. Да... дѣло въ томъ, что это донесеніе опять касалось Гаспара. Жалоба полицейскаго управленія.

Капитанъ побагровѣлъ отъ гнѣва.

— На этотъ разъ скандалъ въ Парижѣ! Съ полицейскимъ! Здѣсь ты сцѣпился съ жандармомъ, тамъ оскорбилъ полицейскаго!..

— Ахъ, капитанъ... на этотъ разъ.. мнѣ дѣйствительно не повезло... потому что вышла цѣлая исторія... Вотъ послушайте, капитанъ... Я пріѣхалъ въ Монпарнасъ со старухой, съ мальчикомъ и съ Бибишъ... Бибишъ—это моя жена, я ее называю Бибишъ... Такъ въ дверяхъ вокзала я остановился на минутку, чтобы еще разъ взглянуть на площадь. Вдругъ возлѣ меня вынырнулъ фараонъ...

— Тебѣ уже говорили, чтобы ты выбиралъ выраженія!

— Такъ вотъ... какъ его... ну... онъ говоритъ: „Входите, выходите, но не стойте тутъ“. Тогда... можетъ-быть, я былъ не правъ... я и сознаю, что, можетъ-быть, я былъ не правъ... только я сказалъ: „Ладно! Прибереги-ка лучше свое краснорѣчіе для мирнаго времени! Не пристало тебѣ командовать старымъ солдатомъ!“ Ну, тутъ рожа у него стала такого же цвѣта, какъ мое кепи, и онъ спросилъ у меня мое имя, фамилію, матрикулъ, возрастъ моей матери... Я далъ ему всѣ свѣдѣнія, мнѣ было лестно, что все это его такъ интересуетъ. А потомъ я ему сказалъ: „Вшивый чортъ... Я не спрашиваю у тебя твоего имени, потому что знаю, что имя тебѣ паршивецъ, и не спрашиваю, что ты дѣлаешь, потому что ты никогда ни черта не дѣлалъ...“

— И ты все это сказалъ?

— Такъ и сказалъ!

— И ты, повидимому, съ радостью разсказываешь объ этомъ! Нѣтъ, иди, иди назадъ въ карцеръ! И моментально! Маршъ!

— А... какъ же... одѣвать рекрутовъ?.. — рискнулъ напомнить Гаспаръ.

— Въ карцеръ! Безъ разсужденій!

Во время разговора съ капитаномъ Гаспаръ поспѣлъ забыть о ночевкѣ въ карцерѣ, и къ лицу его прилила кровь. Теперь же онъ снова поблѣднѣлъ. Направляясь въ карцеръ, онъ мелькомъ увидалъ Мусса, который бродилъ, точно душа грѣшника въ чистилищѣ.

Однако и на этотъ разъ Гаспаръ вышелъ изъ карцера уже черезъ двадцать четыре часа, такъ какъ отправка охотниковъ была ускорена.

Капитанъ велѣлъ позвать его къ себѣ:

— Ты отправляешься немедленно. Ты доволенъ?

— Немедленно? Ей-Богу?.. И вы, капитанъ, отправляетесь съ нами?

Крикъ сердца. Капитанъ понялъ его. Онъ крѣпко пожалъ ему руку и пожелалъ удачи. Потомъ онъ прибавилъ:

— Зайди еще ко мнѣ, когда снарядишься въ путь.

Гаспаръ забылъ карцеръ, онъ не помнилъ себя отъ радости.

Но... не успѣлъ онъ уйти изъ канцеляріи, какъ пришло донесеніе отъ коменданта съ жалобой акцизнаго управленія. Солдатъ Гаспаръ обвинялся въ томъ, что, возвращаясь изъ отпуска, намѣревался тайно пронести литръ алкоголя и былъ въ высшей степени дерзокъ съ акцизными чиновниками.

Ну, на этотъ разъ капитанъ не помнилъ себя отъ гнѣва! Онъ крикнулъ:

— Да вѣдь въ нёмъ сидитъ самъ чортъ!—И крупными буквами онъ написалъ на донесеніи: „Отправленъ на фронтъ“. Потомъ онъ воскликнулъ: — Что за дикарь! Отправьте его немедленно. Пусть онъ ни секунды больше не остается въ ротѣ! Онъ кончитъ тѣмъ, что попадетъ подъ судъ!

— Я ему это говорилъ,—замѣтилъ ехидно Дюпуйя.

— И пусть не попадается мнѣ больше на глаза. Я не хочу видѣть его больше! Пусть убирается къ чорту!

Гаспару передали о рѣшеніи капитана. Онъ былъ въ отчаяніи. Онъ только-что успѣлъ снарядиться въ путь, на спинѣ у него былъ набитый ранецъ, сбоку висѣлъ мѣшокъ, на плечѣ ружье— въ такомъ видѣ онъ хотѣлъ пойти попрощаться съ капитаномъ. Онъ подѣлился своимъ горемъ съ Моро, къ которому относился теперь съ нѣкоторымъ презрѣніемъ; но вѣдь при разставаніи многое забывается. Онъ ему сказалъ:

— Послушай, голуб... Капитанъ золъ. Я это понимаю. Я сознаюсь: я натворилъ много чего, надѣлалъ гадостей... но мнѣ

Прибывшая въ Петроградъ делегація Союза Георгіевскихъ кавалеровъ. *Послѣ освященія знамени св. Георгія.*

все-таки... какъ-то тяжко уходить такъ... потому что, въ сущности, это добрый малый, который не празднуетъ труса передъ бошами... Такъ вотъ я хотѣлъ тебѣ сказать, голубчикъ, что передъ самымъ отъѣздомъ я рѣшилъ... подарить ему на память, понимаешь ли... улитокъ, которыхъ я привезъ изъ Пантрюша.. крупныхъ бургундскихъ—это, знаешь ли, такія, что всѣ пальчики себѣ оближешь!.. Вотъ онѣ... возьми... и отдай ихъ ему. Скажи такъ: „Не сердитесь, это гостинецъ со свадьбы Гаспара, который благодаритъ васъ за то, что вы его такъ быстро отправили...“ Ну, вотъ... А потомъ ты мнѣ напишешь,—не правда ли?..—обрадовался ли онъ, и понравились ли ему улитки... Мнѣ было бы очень пріятно, если бы онъ обрадовался... Я, видишь ли, уѣзжаю и радуюсь... И мой однокашникъ, господинъ Муссъ,—о, это настоящій товарищъ!—вотъ посмотри на него, онъ тоже радуется... Чего же тутъ удивительнаго, вѣдь это настоящій праздникъ.

На этотъ разъ онъ покинулъ казармы въ отрядѣ, состоящемъ всего изъ двадцати человѣкъ. Это было уже не то, что въ первый разъ, когда такъ торжественно выступалъ въ походъ весь полкъ. Теперь это было маленькое подкрѣпленіе для одной изъ ротъ на фронтѣ. Но вѣдь съ Гаспаромъ даже и кучка изъ двадцати человѣкъ принимала внушительный видъ.

Онъ шелъ впереди, рядомъ со своимъ третьимъ хорошимъ другомъ. И снова онъ шелъ въ сраженіе ровнымъ шагомъ, молодцевато выпрямивъ станъ. Муссъ, который не умѣлъ придавать себѣ молодцеватаго вида, шелъ рядомъ и прислушивался къ біенію своего сердца. Ему было странно, что этотъ маленькій, невзрачный городокъ, въ которомъ онъ провелъ столько томительныхъ дней, вдругъ превратился для него въ нѣчто значительное, въ нѣчто такое, чего ему было бы чуть ли не жалко не увидать больше никогда.

На вокзалѣ ждалъ комендантъ, чтобы отправить маленькій отрядъ. Значительное лицо и фигура Гаспара приковали къ себѣ его взглядъ, и онъ обратился къ нему:

— А, охотники? И все только бравые, отборные французы!

— Мы,—отвѣтилъ Гаспаръ (и онъ покраснѣлъ отъ чувства гордости),—мы всѣ тутъ товарищи и однокашники, и мы желаемъ только одного—итти на врага! И мы пойдемъ и съ радостью умремъ, если такъ суждено...

— Да здравствуетъ Франція!—крикнулъ комендантъ.

— Да здравствуетъ Франція!—подхватили солдаты.

Солдатъ размѣстили въ двухъ отдѣленіяхъ III-го класса, и комендантъ исчезъ. Складывая свои вещи, Гаспаръ выронилъ изъ кепи маленькую фотографію.

— Ты теряешь свою жену и своего малыша,—сказалъ ему спокойно Муссъ.

Гаспара передернуло отъ этихъ словъ. Онъ отвѣтилъ:

— Я ихъ теряю... но я ихъ снова найду.

— А если ты и не найдешь ихъ больше,—замѣтилъ одинъ изъ солдатъ,—то въ этомъ не будетъ большой бѣды, потому что ты наболталъ коменданту, что радъ будешь, если тебя укокошатъ.

Гаспаръ поднялъ голову. Неужели же ему ставятъ въ укоръ его патріотическій порывъ?.. Ужъ не прихвастнулъ ли онъ немного?.. Что подумалъ господинъ Муссъ, такой образованный и такъ тонко понимающій все... и который ничего не говорилъ?

Какъ бы то ни было, но у него явилась потребность высказать передъ товарищами свои нѣсколько противорѣчивыя чувства: желаніе быть отважнымъ и страхъ передъ возможностью остаться тамъ... И онъ признался честно и откровенно съ присущей ему прямотой:

— Комендантъ, понимаешь ли ты,—старый служака... Ну, а разъ онъ держитъ себя такимъ молодцомъ, то нельзя же оставаться передъ нимъ дубиной... И потомъ... мнѣ кажется, что ему доставляетъ удовольствіе выслушивать такія штуки!

VII.

Послѣ двадцатичасовой тряски въ вагонѣ, тяжелой дремы и внезапныхъ пробужденій Гаспаръ и его товарищи вышли изъ поѣзда въ неприглядной мѣстности, окутанной туманомъ, гдѣ все казалось тусклымъ и сѣрымъ. Было холодно. Моросилъ пронизывающій мелкій дождь. На покрытомъ липкой грязью перронѣ маленькой станціи, которая точно насквозь промокла на дождѣ, стоялъ на часахъ рослый солдатъ территоріальной арміи.

Онъ сказалъ новоприбывшимъ:

— А, вотъ молодцы, которымъ повезло! Вы изъ казармъ?

— А тебѣ какое дѣло?—обрѣзалъ его Гаспаръ.

— Да никакого. Только вамъ лучше было бы оставаться тамъ, гдѣ вы были.

— Дурья голова... Бревно!..—выругался Гаспаръ.

И онъ подошелъ къ часовому вплотную и нагло посмотрѣлъ ему въ глаза:

— Скажи, почему ты такая рѣпа?

— Ладно, ладно,—отвѣтилъ тотъ. Вотъ подожди, самъ увидишь.

— Ну, и увижу, такъ что же изъ этого?—огрызнулся Гаспаръ.

— А то, что этотъ лѣсъ—настоящая бойня. Кто въ него вошелъ, тотъ изъ него уже не выходитъ больше. Тамъ тебя живо обработаютъ.

— Ну, и пусть... пусть... а мнѣ наплевать!—упорствовалъ Гаспаръ.

— Довольно вамъ языки чесать,—остановилъ ихъ сержантъ.— По четверо, и маршъ впередъ!

Рѣзкимъ вѣтромъ дождь задувало въ глаза. Грохотали пушки. Муссъ ничего не говорилъ, у него было такое чувство, точно душа его закоченѣла. Маленькій отрядъ шелъ вдоль опушки небольшого лѣса, окутаннаго туманомъ. Къ ногамъ солдатъ то и дѣло прилипали кучки листьевъ. Вскорѣ они вышли на болѣе широкую дорогу, и тогда изъ тумана точно вынырнули артиллеристы съ лошадьми, зарядными ящиками, повозками и пушками. Длинношерстыя лошади мѣсили грязь, изъ-подъ колесъ разлетались во всѣ стороны брызги. Солдаты въ длинныхъ походныхъ шинеляхъ, свѣшивавшихся на крупы лошадей, были покрыты грязью, и лица ихъ выражали тупую покорность измученныхъ животныхъ. Чтобы покрыть комками грязи пятерыхъ пѣхотинцевъ, совершенно достаточно одной пушки, которая умѣетъ за это взяться. Послѣ того, какъ мимо маленькаго отряда проѣхали двѣ батареи, Гаспаръ и его товарищи приняли такой видъ, будто они только-что вышли изъ болота. Они крикнули артиллеристамъ:

— Эй, вы, болваны... на насѣстахъ!..

Артиллеристы проѣзжали мимо, равнодушные и окаменѣвшіе и точно сросшіеся съ лошадьми и съ лафетами. Ихъ силуэты казались особенно массивными въ этомъ сѣромъ туманѣ, какими-то угловатыми, тяжелыми и мрачными. За ними съ грохотомъ тащились пушки. Какимъ ничтожествомъ представлялась рядомъ съ ними эта небольшая кучка солдатъ, медленно шагавшихъ по грязи и собиравшихся вступить въ бой съ врагомъ, вооружась лишь тоненькими маленькими ружьями? Пѣхотинцы сами это чувствовали.

Съ четверть часа они шли въ полномъ молчаніи. Наконецъ они пришли къ развалинамъ нѣсколькихъ домовъ, но эти развалины все еще назывались деревней. Нѣкоторыя стѣны сохранились цѣликомъ и стояли на своихъ мѣстахъ, образуя нѣчто въ родѣ дворовъ. Повсюду валялись груды камней, мусора, тутъ и тамъ торчали вверхъ почернѣвшія балки, точно руки, поднятыя въ отчаяніи и взывавшія: „Помогите!“ Кому нужна была помощь, зачѣмъ она? Все было кончено. Разрушеніе и смерть. Все было мертво... Впрочемъ, казалось, будто камни тутъ и тамъ шевелились, будто изъ-подъ мусора поднимались какія-то черныя фигуры... будто среди этого разрушенія вставали солдаты.

— Что это такое?—спросилъ одинъ изъ охотниковъ.

— Да это пѣхотинцы,—отвѣтилъ Гаспаръ.

— А что они тамъ дѣлаютъ?—спросилъ Муссъ.

— Они тутъ расквартированы, развѣ вы не понимаете?—пояснилъ сержантъ.—И вы здѣсь будете стоять.

Онъ остановилъ солдатъ передъ одной стѣной, въ которой была ниша отъ окна; сбоку еще висѣла ставня. Онъ сказалъ:

— Вотъ здѣсь... Слѣдуйте за мной...

Они обогнули стѣну и среди большихъ камней увидали нѣчто въ родѣ люка, къ которому была приставлена лѣстница, спускавшаяся подъ землю.

— Спускайтесь по одному, только поосторожнѣе, не портите снаряженія.

Муссъ спросилъ:

— Это входъ въ адъ?

Сержантъ отвѣтилъ:

— Это десятая рота.

Изъ подземелья поднимался смѣшанный запахъ людского пота, табачнаго дыма, ѣды и сырости. Когда солдаты спустились по лѣстницѣ, они очутились въ подвалѣ, куда едва проникалъ свѣтъ черезъ небольшія оконца, уцѣлѣвшія въ фундаментѣ; повсюду виднѣлись темныя фигуры людей,—одни валялись, другіе сидѣли на корточкахъ.

Новоприбывшихъ встрѣтилъ общій крикъ:

— А, новички!

Впрочемъ, скорѣе это былъ не крикъ, а громкое ворчанье. Гаспаръ засопѣлъ носомъ, принюхиваясь къ испорченному воздуху, и сказалъ:

— Ну и духъ здѣсь... Нѣтъ ли тутъ кого-нибудь съ улицы de la Gaîté?

— Эй! Иди сюда, пріятель!

Въ углу изъ темноты вынырнула рослая фигура. Гаспаръ со смѣхомъ пожалъ ему руку. Потомъ онъ постарался разсмотрѣть въ полумракѣ этого человѣка, такъ радушно встрѣтившаго его, и онъ произнесъ съ недовѣріемъ:

— Такъ ты съ улицы de la Gaîté?

Рослый солдатъ, беззубый ротъ котораго совсѣмъ скрывался въ бѣлесоватой щетинѣ, отвѣтилъ, широко ухмыляясь:

— Можешь быть увѣренъ, пріятель, я живу у самаго канала.

— У канала?

— Да, у канала Фернанда.

— У Фернанда?

Гаспаръ положилъ ему руку на плечо:

— Ты потѣшаешься надо мной... Изъ какихъ ты мѣстъ?

— Господи, да я изъ Л...

Гаспаръ передразнилъ его съ раздраженіемъ:

— „Господи, да я изъ Л...“ Колбаса! И это ты называешь улицей de la Gaîté! Настоящая колбаса!.. А еще избиратель!

Муссъ усѣлся въ углу. Гаспаръ растянулся возлѣ него. На землѣ валялась сырая и грязная солома.

Мирная манифестація революціонной демократіи въ Петроградѣ, 18-го іюня с. г. *Шествіе рабочихъ делегацій съ плакатами по Невскому проспекту, по направленію къ Марсову полю.* По фот. К. Булла.

— Это болото какое-то,—проворчалъ Гаспаръ.

— А вы, милостивый государь, вѣроятно, только-что покинули пуховую постель?—раздался изъ мрака голосъ.

— Нечего важничать,—проговорилъ другой голосъ,—и не того еще попробуешь!

— Ну, и наплевать!—отвѣтилъ Гаспаръ.

Онъ умолкъ. Слышны были только отрывистыя слова солдатъ, игравшихъ въ карты: „Тридцать... тридцать два... пассъ... тридцать пять... тридцать восемь... Ишь, скотина!.. Сорокъ... Чортъ съ тобой!.. Что за телятина!“

Въ тишинѣ раздавалось журчанье струйки воды, просачивавшейся у оконца, напоминавшее о томъ, что теперь зима. Муссъ продрогъ до самыхъ костей. Онъ сказалъ тихо и равнодушно:

— Здѣсь подохнешь...

Гаспаръ подхватилъ:

— Бѣдная мама! Если бъ ты видѣла твоего сына...

Немного спустя онъ спросилъ:

— А когда здѣсь жрутъ?

Рослый крестьянинъ съ бѣлесоватой бородой снова поднялъ голову, лицо у него было суровое и въ то же время привѣтливое:

— Мы уже закусывали, братецъ.

Гаспаръ вспылилъ:

— А когда же закусывали? Болванъ! Чего ты лѣзешь, когда тебя не спрашиваютъ? За весь день мнѣ удалось пожевать одинъ сухарь, понимаешь? А какого чорта мнѣ отъ того, что у меня въ брюхѣ какой-то сухарь, да еще въ такую собачью погоду? Правительство забрало меня себѣ, ну и отлично,—но оно должно меня кормить, или я устрою скандалъ!

— Хочешь кусочекъ шоколаду?—спросилъ Муссъ спокойнымъ голосомъ.

— Я хочу, чтобы меня накормило правительство.

Сержантъ, который выходилъ изъ подвала, теперь снова спустился по лѣстницѣ и крикнулъ:

— Эй, вы тамъ! Снаряжайтесь и выходите! Требуется подкрѣпленіе.

— Куда?

— Да туда, чортъ возьми! Готовится атака.

Тутъ со всѣхъ сторонъ раздалось ворчанье, вздохи, ругань и возгласы: „Я нездоровъ... Я тоже... Я не двинусь съ мѣста, я буду поджидать здѣсь „чемоданы".

Но вслѣдъ затѣмъ всѣ, одинъ за другимъ, начали снаряжаться, и, ругая другъ друга, зѣвая, нагруженные и неуклюжіе, они полѣзли вверхъ по лѣстницѣ, которая трещала подъ ихъ тяжелыми сапогами.

— А мы,—замѣтилъ Гаспаръ,—вѣдь мы только-что пришли сюда, намъ не надо итти?

— Вотъ какъ,—отвѣтилъ сержантъ,—вы хотите, чтобы вамъ было сдѣлано исключеніе и чтобы васъ припрятали?

— Не въ томъ дѣло... Мы еще ничего не жрали.

— Ну, чего тамъ! Лѣзьте, и сію же минуту! Мнѣ сдается, что вы труса празднуете.

— Что такое?—крикнулъ Гаспаръ.—Нѣтъ, это чортъ знаетъ, что такое!.. Попробуй-ка повторить... Мнѣ наплевать, что ты сержантъ...

— Такъ чего же вы ворчите тогда?

— Я не ворчу. Я только прошу, чтобы мнѣ дали пожрать!

— А что я вамъ дамъ пожрать-то? Ужъ не хотите ли вы, чтобы я далъ вамъ поглодать свои погоны?

— О, великолѣпно! Нечего разыгрывать изъ себя начальство!

— Какъ вы сказали?.. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Попробуйте-ка повторить... будь вы хоть десять разъ парижанинъ...

Жжжжж!.. Ррангъ!..

Двигаться! Развѣ можно двигаться, когда приходится всѣ силы сосредоточивать на томъ, чтобы вытаскивать ноги изъ липкой грязи? Ноги скользили, руки хватались за стѣнки, но и стѣнки были скользкія, покрытыя жидкой грязью. Ружье валилось съ плеча, его приходилось ловить грязной, мокрой рукой. Черезъ какихъ-нибудь пять минутъ снаряженіе и одежда, однимъ словомъ, всѣ люди съ ногъ до головы были покрыты грязью. И эти пятьдесятъ солдатъ, гуськомъ передвигавшіеся впередъ со страшными усиліями по неровной и узкой траншеѣ, точно вели борьбу съ невидимой силой, которая готова была соединить надъ ихъ головами землю. Локти, ноги, руки, спина, голова — все тѣло у солдатъ было покрыто грязью, точно они мѣсили ее всѣмъ своимъ тѣломъ. Они то утопали въ ней, то вылѣзали на поверхность, кряхтѣли, ругались, снова увязали, словно кроты или дождевые черви, которые копошатся въ могилѣ; они лѣзли, цѣплялись, приходили въ отчаяніе... но зато они были охотниками.

Соединительная траншея кончалась у опушки лѣса, сильно пострадавшаго отъ снарядовъ, съ поломанными деревьями, съ развороченными стволами, съ обрубками деревьевъ. Но онъ все-таки давалъ достаточно защиты, и солдаты вышли изъ траншеи на поверхность.

Едва они вошли въ лѣсъ, какъ повстрѣчались съ ротой, которая только-что вышла изъ передовыхъ траншей.

О, тѣ были еще болѣе покрыты грязью, лица у нихъ были землистыя, глаза широко раскрыты и полны ужаса. И они также были вооружены кольями, точно для того, чтобы имѣть опору въ своемъ ужасномъ положеніи; но они были все еще сильны и тащили на себѣ все снаряженіе, запачканное, забрызганное грязью, точно только-что вырытое изъ сырой земли. Солдаты

Подъ прикрытіемъ крестовъ. XXV выставка Общества Петроградскихъ Художниковъ 1917 г. *В. Мазуровскій.*

— Чортъ возьми!

„Чемоданъ" надъ самой деревней... на разстояніи пятидесяти метровъ. Гаспаръ вдругъ уловилъ знакомые звуки войны, а Муссъ, взбиравшійся по лѣстницѣ, замеръ на мѣстѣ, оглушенный силой взрыва.

Наверху солдаты, повидимому, оставались совершенно равнодушными. Нѣкоторые изъ нихъ набивали трубки.

— Маршъ!—скомандовалъ сержантъ.

Всего было человѣкъ пятьдесятъ солдатъ, у всѣхъ были въ рукахъ колья для проволочныхъ загражденій. Они отправились въ путь по четверо въ рядъ, но двигались очень медленно, такъ какъ ноги ихъ увязали въ липкой грязи.

Бжжж!.. Вввв!.. Бонгъ!.. Ррангъ!

Еще одинъ „чемоданъ". На разстояніи ста метровъ отъ нихъ на дорогѣ образовалась трещина во всю ширину дороги.

— Но... да вѣдь это чортъ знаетъ что такое!—сказалъ Гаспаръ.

Черезъ минуту онъ опять проворчалъ:

— Бѣдная мама, если бы ты видѣла твоего сына!..

Кто-то замѣтилъ:

— Успокойся, скоро мы войдемъ въ траншею.

Они прошли нѣсколько шаговъ по полю, на которомъ нога увязала въ грязи выше щиколотки, и затѣмъ спустились въ узкую галлерею между двумя холмами. Въ этой галлереѣ нога увязала по колѣно. Это была уже не земля, а просто бездонная грязь; кромѣ того траншея была такъ узка, что ружье и мѣшокъ то и дѣло задѣвали за стѣны, тоже покрытыя липкой грязью.

— Ну вотъ, мое ружье закупорено!—сказалъ Гаспаръ.

— Эхъ,—крикнулъ Муссъ,—мое кепи свалилось въ воду.

— Двигаетесь вы, что ли, впередъ, новички?—крикнулъ солдатъ, замыкавшій шествіе.

шли съ поля, усѣяннаго сѣрыми буграми и рядами крестовъ, на которыхъ виднѣлись кепи. Казалось, будто этотъ отрядъ состоялъ изъ мертвецовъ, только-что вставшихъ изъ могилъ, мертвецовъ, наводящихъ страхъ, съ отпечаткомъ чего-то рокового во взглядѣ, съ приставшей къ лицамъ могильной землей.

У Гаспара вырвалось:

— Чортъ возьми!

Измученный Муссъ задыхался и ничего не могъ произнести. Скользкая глинистая почва, въ которой увязали ноги солдатъ, вдругъ круто спустилась къ воронкообразному углубленію, наполненному буроватой водой. Сержантъ скомандовалъ:

— Наполняйте фляжки!

— Это онъ шутитъ?—спросилъ Гаспаръ.

Но остальные, повидимому, были еще больше удивлены его удивленіемъ. Сосѣдъ Гаспара, блѣдный, обросшій щетиной парень, замѣтилъ:

— Быть-можетъ, господинъ баронъ привыкъ пить только фильтрованную воду?

Гаспаръ огрызнулся на него, отшвыривая ногой два комка грязи:

— Заткни глотку!

И онъ погрузилъ свою фляжку въ болото. Муссъ послѣдовалъ его примѣру.

Странное чувство охватило Мусса. У него не было больше желанія зѣвать, какъ въ казармахъ, но сердце его сжимало зловѣщее предчувствіе, ему казалось, что онъ идетъ навстрѣчу вѣрной смерти. Зима, туманъ, мѣстность печальная, покрытая грязью, на всемъ землистый колоритъ, на водѣ, на лицахъ... Грязь, повсюду только грязь... Казалось, будто эта грязь проникаетъ въ самую душу...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Политическое обозрѣніе.

Международная соціалъ-демократія.

Во всѣхъ воюющихъ странахъ съ самаго начала войны пріобрѣли выдающееся значеніе соціалистическія партіи. Война вызвала повсемѣстно крайнее напряженіе національныхъ силъ. Огромныя массы людей были призваны подъ знамена. На ряду съ мобилизацiей арміи пошла мобилизація промышленности, и многія тысячи рабочихъ были привлечены къ работѣ на оборону. При такихъ условіяхъ совершенно естественно, что партіи, опирающіяся на широкіе круги пролетаріата, заняли въ политической жизни видное и вліятельное положеніе.

Современный соціализмъ, и какъ теоретическое ученіе и какъ теченіе практической политики, всегда характеризовался двумя основными чертами: онъ стремился быть интернаціональнымъ или международнымъ, и онъ отрицалъ войну, считая ее исключительно дѣломъ имущихъ классовъ. То и другое глубоко коренилось въ ученіи Карла Маркса о классовой борьбѣ и международной солидарности классовъ.

Въ „Коммунистическомъ манифестѣ“ Марксъ писалъ: „Коммунистовъ обвиняютъ въ томъ, что они хотятъ уничтожить отечество и національность. Но у рабочихъ нѣтъ отечества. У нихъ нельзя взять то, чего у нихъ нѣтъ, національныя различія и противорѣчія между народами все болѣе и болѣе исчезаютъ“. Конечно, съ теченіемъ времени и особенно по мѣрѣ того, какъ отдѣльные представители соціалистическихъ партій пріобщались къ практической государственной дѣятельности, соціализмъ на западѣ началъ уходить отъ этого догмата чистаго интернаціонализма и увѣреннѣе становиться на почву національной дѣйствительности. Но все же интернаціоналистическія стремленія неизмѣнно оставались присущи соціалистическимъ партіямъ, и не даромъ они еще въ преддверіи великой войны видѣли свою спеціальную задачу въ предупрежденіи вооруженныхъ столкновеній и въ упроченіи братства трудящихся всѣхъ странъ. Извѣстно, что въ августѣ 1914 года въ Вѣнѣ долженъ былъ состояться международный соціалистическій конгрессъ съ лозунгомъ: „война войнѣ“, и что наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій между нѣмецкими и французскими соціалистами происходили непосредственные переговоры о способахъ сохраненія мира.

Неудача, постигшая эти миролюбивыя усилія, нанесла тяжелый ударъ такъ называемому соціалистическому интернаціоналу. Интернаціоналъ фактически распался. Въ соціалистическихъ партіяхъ всѣхъ воюющихъ странъ, за исключеніемъ Россіи, возобладали національныя теченія. Соціалисты примкнули къ политикѣ „національнаго единенія“ или „національной обороны“. Во Франціи, въ Англіи, Италіи и Бельгіи эта политика привела къ вступленію соціалистовъ въ составъ „буржуазныхъ“ правительствъ. Въ Германіи дѣло не зашло такъ далеко. Но все же и германскіе соціалъ-демократы вышли изъ роли непримиримой оппозиціи и выразили готовность оказывать правительству въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ патріотическую поддержку. Словомъ, въ первые мѣсяцы войны соціалисты всѣхъ странъ, за исключеніемъ Россіи, показали себя, какъ теперь у насъ говорятъ, „соціалъ-патріотами“.

Однако, когда война затянулась, обнаружилось, что интернаціоналистическія тенденціи не совсѣмъ вымерли въ лагерѣ соціалистовъ. Въ связи съ общей усталостью и рядомъ горькихъ разочарованій, которыя принесла съ собой война, старыя интернаціоналистическія привычки мышленія опять дали себя чувствовать. То тутъ, то тамъ стало обозначаться, кромѣ соціалистическаго большинства, интернаціоналистически настроенное меньшинство. Сравнительно всего сильнѣе сказалось это меньшинство въ Германіи, всего слабѣе оно, повидимому, въ Англіи. Но оно существуетъ и во Франціи и въ Италіи. Когда эти убѣжденные интернаціоналисты въ достаточной степени „осознали“ себя, они поставили себѣ цѣлью возстановить „интернаціоналъ“ и путемъ организованнаго давленія международнаго пролетаріата на „буржуазные“ классы положить конецъ войнѣ. Для этого они развили свою дѣятельность „въ международномъ масштабѣ“ и вошли другъ съ другомъ въ непосредственное соприкосновеніе. Обѣ встрѣчи активныхъ интернаціоналистовъ произошли на территоріи нейтральной Швейцаріи—первая въ Циммервальдѣ, вторая въ Кинталѣ. На этихъ двухъ конференціяхъ и была выработана знаменитая формула мира — миръ безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ. Въ этой формулѣ отразились оба противорѣчивыхъ начала международной политики соціализма. „Безъ аннексій и контрибуцій“— это символъ равнодушія или отвращенія соціализма къ тѣмъ „захватнымъ“ лозунгамъ, съ которыми вступили въ войну „буржуазныя“ правительства. „Самоопредѣленіе народовъ“—это его уступка точкѣ зрѣнія національной государственности. Въ качествѣ посредника между соціалистами воюющихъ странъ и виднаго дѣятеля интернаціонализма тогда же выдвинулся швейцарскій соціалъ-демократъ Робертъ Гриммъ.

Знаменитая поборница женскаго равноправія въ Англіи, мистрисъ Пэнкхерстъ, пріѣхавшая въ Петроградъ для ознакомленія съ женскимъ движеніемъ въ революціонной Россіи. По фот. Я. Штейнберга.

Соціалисты Восточной Европы всегда занимали въ рядахъ международной соціалъ-демократіи особое положеніе. Благодаря тому, что по условіямъ государственнаго порядка они обречены здѣсь на роль постоянной и безотвѣтственной оппозиціи, они дольше всѣхъ прочихъ соціалистическихъ партій сохранили вѣрность первоосновамъ марксизма. Въ области теоріи они сплошь правовѣрные „ортодоксы“, въ практической политикѣ они крайніе радикалы. Соотвѣтственно съ этимъ они и въ международной политикѣ въ большинствѣ завзятые интернаціоналисты. Таковы въ частности наши „большевики“ или „ленинцы“, образующіе лѣвый флангъ россійской соціалъ-демократіи. Но и стоящіе правѣе ихъ и вообще болѣе умѣренные, „меньшевики“, тоже и до войны и во время войны откровенно заявляли себя интернаціоналистами и циммервальдовцами. Только на самомъ правомъ крылѣ партіи небольшая группа „Единство“ опредѣленно и твердо стала на почву національную и государственную. Замѣчательно то, что идейнымъ вождемъ и тактическимъ руководителемъ этой группы русскихъ „соціалъ-патріотовъ“ суждено было стать Г. В. Плеханову, всю жизнь защищавшему завѣты правовѣрнаго марксизма и неутомимо боровшемуся съ „ревизіонистами“ и „оппортунистами“. Кромѣ соціалъ-демократовъ, въ Россіи соціалистическое ученіе исповѣдуется еще „народническими“ партіями, крупнѣйшею изъ которыхъ является партія соціалистовъ-революціонеровъ. Среди соціалистовъ-революціонеровъ тоже намѣтилось два теченія — интернаціоналистическое, родственное „большевикамъ“, и обо-

ронческое, близкое къ „плехановцамъ". До революціи въ русскомъ соціализмѣ различались „пораженцы" и „оборонцы". „Пораженчество" было представлено въ соціалъ-демократіи большевиками и меньшевиками-интернаціоналистами, другая часть меньшевиковъ слѣдовала колеблющейся тактикѣ, ясно выраженное „оборончество" было свойственно „плехановцамъ".

Среди народническихъ партій пораженцами были лѣвые соціалисты-революціонеры, оборонцами—ихъ правые товарищи, неопредѣленными, но съ оттѣнкомъ оборончества—трудовики и народные соціалисты.

Таковы были разнообразныя теченія европейской и русской соціалистической мысли къ моменту февральской революціи. Революція, очевидно, должна была въ корнѣ убить пораженчество. Революціонеръ, очевидно, не могъ бы желать пораженія революціоннаго правительства свободной Россіи. Но, убивъ пораженчество, революція не убила нашего интернаціонализма, напротивъ, онъ расцвѣлъ въ Россіи особенно пышнымъ цвѣтомъ. Революція выдвинула у насъ на первый планъ соціалистическія партіи. Изъ нихъ наиболѣе дѣятельными показали себя группы, настроенныя интернаціоналистически. Робертъ Гриммъ былъ у насъ желаннымъ гостемъ, и мирная формула Циммервальда и Кинталя попала въ программу Временнаго Правительства коалиціоннаго состава.

Проф. К. Соколовъ.

Знамя Женскаго Батальона Смерти, освященное въ торжественной церемоніи 21-го іюня с. г. на Исаакіевской площади въ Петроградѣ. *Знамя—изъ золотой парчи; на ней—черный крестъ и надпись: „1-я женская военная команда смерти Маріи Бочкаревой".* По фот. К. Булла.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Активный прорывъ революціонной русской арміи.

Послѣ весенняго затишья, длившагося около четырехъ мѣсяцевъ, русская революціонная армія перешла къ активнымъ дѣйствіямъ подъ Брзежанами и Зборовомъ, чѣмъ доказала своимъ союзникамъ и врагамъ, что не умерло въ ней сознаніе чувства долга, народной чести и товарищеской выручки.

Германія и Австро-Венгрія были увѣрены въ томъ, что бездѣятельность, которую онѣ внушили нашей арміи, парализуетъ ее на такой промежутокъ времени, сколько потребуется фельдмаршалу Гинденбургу для того, чтобы закончить борьбу на западѣ разгромомъ нашихъ союзниковъ.

Однако двадцатыя числа іюня мѣсяца многое перевернули въ военныхъ расчетахъ германскаго генеральнаго штаба и въ основѣ нарушили послѣдовательное развитіе очередныхъ стратегическихъ ударовъ Гинденбурга.

Забота о слабыхъ своихъ союзникахъ заставляла фельдмаршала Гинденбурга быть постоянно настороже для того, чтобы безъ промедленія вмѣшаться съ германскими резервами въ дѣло тамъ, гдѣ слабѣющія части австрійцевъ легко поддавались разстройству и отступленію съ занимаемыхъ ими позицій. Австро-Венгрія уже не разъ сбивала расчеты германскихъ полководцевъ за все время войны. Неоднократно наблюдались случаи, которые заставляли нѣмецкихъ генераловъ оставлять недоконченную работу на нѣкоторыхъ фронтахъ для того, чтобы торопиться къ раіонамъ, гдѣ происходила въ это время разруха австро-венгерскаго сопротивленія.

Точь въ точь такая же исторія повторилась и въ ближайшіе къ намъ историческіе для русской революціонной арміи іюньскіе дни, когда германцамъ въ четвертый разъ приходится спѣшно перебрасывать изъ Франціи резервы къ намъ на галиційскій фронтъ.

Нѣкоторые полки шести нашихъ корпусовъ, заслужившіе своимъ примѣрнымъ патріотизмомъ высокую честь наименованія „полковъ 18-го іюня", нанесли австрійцамъ, слегка поддержаннымъ довольно слабыми и потрепанными германскими дивизіями, серьезнѣйшій ударъ на фронтѣ около 30 верстъ къ сѣверу и къ югу отъ Брзежанъ, между Тарнопольскимъ и Галичскимъ операціонными направленіями, сходящимися у Львова.

Наши войска прорвали на фронтѣ двухъ армій противника двѣ, а въ иныхъ мѣстахъ три линіи окоповъ, чѣмъ вызвали большую тревогу въ рядахъ австро-германцевъ и даже поспѣшную эвакуацію ими желѣзнодорожной линіи и станціи Брзежаны. Отъ послѣдней наши войска находились на разстояніи около 7—8 верстъ. Теперь, съ занятіемъ деревни Шибалина (восточнѣе Брзежанъ), наши части подошли къ названной станціи, имѣющей весьма важное стратегическое значеніе, на разстояніе около 3—4 верстъ. Во время прошлогодняго нашего наступленія мы задержались на сильной Брзежанской позиціи, почему и не имѣли возможности обойти Галичъ съ сѣвера и пройти черезъ Рогатинъ на южные, львовскіе пути. Теперь мы начали наступленіе снова здѣсь, чтобы, добившись успѣха, двинуть „полки 18-го іюня" въ тылъ главной австро-венгерской и германской армій, прикрывающихъ Львовъ съ восточной стороны.

О размѣрахъ нашего здѣсь удара можно судить по цифрамъ потерь, которыя противникъ понесъ въ первый день настойчиваго и неуклоннаго нашего напора. По нимъ можно видѣть, что, въ общей сложности, одними только плѣнными въ наши руки

Первая вѣсть о наступленіи нашей арміи. *Предсѣдатель Союза Георгіевскихъ кавалеровъ капитанъ Скаржинскій у Казанскаго собора произноситъ рѣчь, посвященную побѣдному движенію нашихъ войскъ, воодушевленныхъ нашимъ вождемъ революціи — А. Ф. Керенскимъ.*

попало, примѣрно, около одного корпуса противника. Каковы же потери убитыми и ранеными, — число коихъ, при указанной штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго мощности нашего артиллерійскаго огня, длившагося нѣсколько дней подъ рядъ, должно быть значительнымъ, — мы еще пока точныхъ свѣдѣній не имѣемъ.

Такимъ образомъ впечатлѣніемъ перваго дня боя самоувѣренности германской главной квартиры былъ нанесенъ тяжелый и весьма трудно поправимый ударъ.

На четвертомъ мѣсяцѣ своей бездѣятельности русская армія какъ бы пробудилась отъ тяжелаго летаргическаго сна и теперь уже серьезно угрожаетъ потрясти всѣ основы прусской военной муштры. Нѣмецкія дивизіи, стянутыя сейчасъ въ Бельгіи и Франціи, успѣли уже втянуться въ новое большое наступленіе противъ нашихъ союзниковъ между Суассономъ и Верденомъ. Австрійцы, въ виду обнаружившейся угрозы итальянскаго наступленія, убрали часть своихъ силъ съ нашего фронта и послали ихъ къ берегамъ рѣки Изонцо и въ Трентино.

Подоспѣвшій нашъ ударъ 18-го іюня послужилъ такимъ образомъ тяжелымъ грузомъ для дальнѣйшаго развитія иниціативы дѣйствій германскаго генеральнаго штаба и поставилъ, въ сущности, весьма большой вопросъ надъ благополучнымъ исходомъ для Германіи настоящей войны.

Возвращаясь снова къ раіону, гдѣ наши части впервые атаковали противника подъ Брзежанами, мы должны отмѣтить, что успѣхъ нашъ продолжалъ развиваться и въ послѣдующіе дни наступленія.

По мѣрѣ того, какъ боевыя столкновенія въ раіонѣ Брзежанъ 19-го іюня, т.-е. на второй день наступленія, стали протекать съ нѣсколько меньшимъ напряженіемъ, гдѣ взято было въ плѣнъ около двухъ съ половиною тысячъ непріятельскихъ солдатъ, напоръ нашихъ армій перекинулся значительно къ сѣверу и распространился на 25 верстъ, до направленія Тарнополь-Львовской желѣзной дороги.

Г. В. Плехановъ. Левъ Дейчъ.

Первая вѣсть о наступленіи нашей арміи. *Маститый вождь соціалъ-демократическаго движенія послѣднихъ 40 лѣтъ, глава соціалистическаго органа „Единство" Г. В. Плехановъ и извѣстный революціонный дѣятель Левъ Дейчъ среди инвалидовъ участвуютъ въ манифестаціи у Маріинскаго дворца, состоявшейся по поводу нашихъ побѣдъ на фронтѣ.*
По фот. Я. Штейнберга.

Доблестными атаками Зарайскаго полка, четвертой финляндской дивизіи и чешско-словацкой бригады австро-германскія позиціи оказались сбитыми на протяженіи двухъ-трехъ линій въ глубину. При этомъ, на ряду съ шестью тысячами плѣнныхъ, въ руки атакующихъ нашихъ частей попало сверхъ ранѣе захваченнаго еще 21 орудіе, 16 пулеметовъ и нѣсколько минометовъ.

Для большей успѣшности удара, первоначальное направленіе для своего наступленія наши войска избрали на фронтѣ расположенія австро-венгерскихъ дивизій, на долю которыхъ и выпали первыя потери отъ оружія революціонной русской арміи. Несмотря на надвигавшуюся опасность и признаки нарождающагося нашего наступленія, австрійская главная квартира все же продолжала постепенно, какъ это указано выше, отправлять свои части на итальянскій фронтъ и возмѣщать послѣднія за счетъ дивизій, потрепанныхъ на берегахъ Изонцо.

Въ нынѣшнемъ году однако австро-венгерская армія не оказалась такою ослабленною въ количественномъ отношеніи, какъ это было весною минувшаго года на нашемъ юго-западномъ фронтѣ, тѣмъ не менѣе серьезныхъ ударовъ нашихъ войскъ она не выдержала, какъ подъ Брзежанами, такъ, на второй день наступленія, и подъ Зборовомъ, на Злочевскомъ направленіи.

Когда противникъ убѣдился, что наступленіе наше приняло не шуточный характеръ, онъ поспѣшилъ выпустить надъ расположеніемъ армій нашего юго-западнаго фронта цѣлую серію аэроплановъ, которые разбрасывали прокламаціи къ солдатамъ, призывающія къ отказу отъ наступленія. Для того, чтобы посѣлить раздоръ между нашими солдатами и офицерами, австро-германскіе штабы указывали въ этихъ прокламаціяхъ на то, что будто бы наступленіе армій генерала Гутора было въ общемъ безсмысленно и предпринято противъ воли Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Провокація австро-германцевъ однако не имѣла никакого успѣха и нисколько не отразилась на энергіи наступленія нашихъ армій. Послѣднія въ теченіе двухъ дней (18-го и 19-го іюня) успѣли выхватить изъ рядовъ противника около 20.000 офицеровъ и солдатъ, 29 орудій, 33 пулемета и нѣсколько минометовъ, прорвавъ при этомъ въ четырехъ-пяти мѣстахъ на участкѣ около 40 верстъ три укрѣпленныхъ линіи расположенія противника.

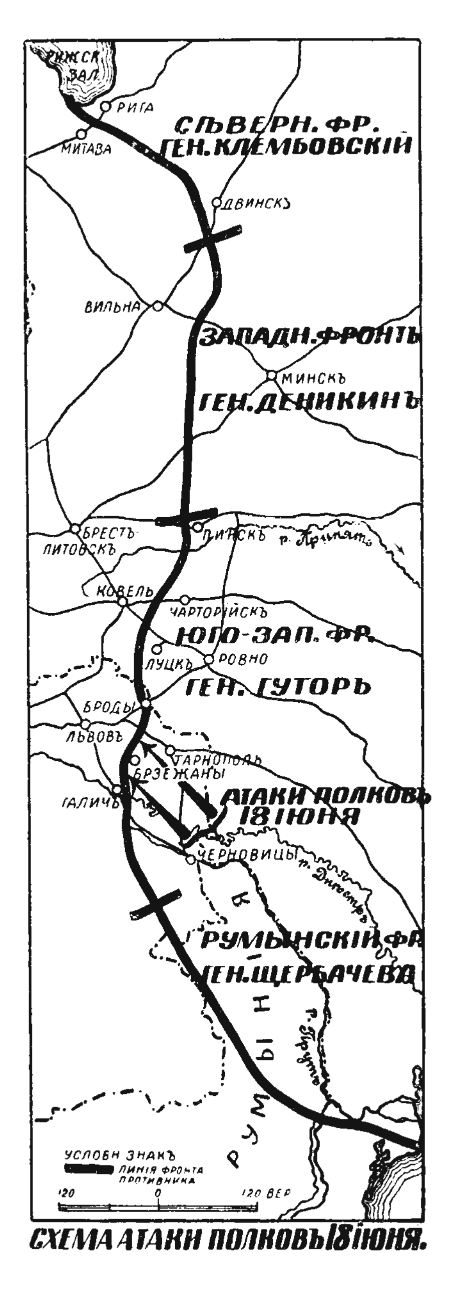


СХЕМА АТАКИ ПОЛКОВЪ 18 ІЮНЯ.

Хотя сейчасъ все вниманіе нашихъ войскъ приковано пока что только къ тарнополь-галичскому фронту, тѣмъ не менѣе прибывающія съ французскаго театра военныхъ дѣйствій и изъ Германіи нѣмецкія дивизіи направляются не только въ эту сторону, но двигаются также и въ сторону Ковеля, а также и къ нѣкоторымъ участкамъ нашего сѣвернаго и западнаго фронтовъ.

Эти обстоятельства являются показателемъ тѣхъ опасеній, которыя установились сейчасъ у противника въ связи съ возрождающимся наступательнымъ духомъ нашей арміи. Желая предупредить дальнѣйшее развитіе непріятныхъ для Германіи выступленій русской арміи, фельдмаршалъ Гинденбургъ концентрируетъ свои усилія на важнѣйшихъ операціонныхъ направленіяхъ, чтобы при первомъ случаѣ самому насъ атаковать.

На галиційскомъ фронтѣ частичныя контръ-атаки австро-германцевъ уже начались 20-го и 21-го іюня, и направлены онѣ на участокъ нашихъ позицій между Брзежанами и Галичемъ на рѣкѣ Нараювкѣ, однако онѣ были отбиты нашимъ энергичнымъ огнемъ.

Въ общемъ, двухдневные наступательные бои нашей арміи показали, что мы можемъ возродиться для дальнѣйшей дружной работы съ нашими союзниками и при технической помощи послѣднихъ сокрушить гнетъ „бронированнаго германскаго кулака", повисшій надъ всей Европой еще со времени послѣдней франко-прусской войны 1870—71 годовъ.

Забвеніе.

Не страшно стыть въ дыханьи смерти,
Прощаться съ бредомъ нашихъ дней,
Не страшенъ адъ, не страшны черти,
Страшнѣй—забывчивость людей...

1889 г.

С. Андреевскій.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается соч. Сервантеса „Донъ-Кихотъ" книга 6

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.